

Миссионерское Обозрение
1904 г. 1 полугодие

№ 1. Январь. Книга 1-я

**Козицкий П. Духовное наследие наступающего
нового года в настроениях нашей современности //
Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 1–16**

Вступая в новое лето благодати Божией, весьма уместно осмотреться вокруг, – оценить то духовное наследие, какое канувшее в лету ближайшее прошлое оставило грядущему времени в той сфере общественной жизни, где людям церкви и поборникам „исконных начал“ предстоит труд и борьба.

Общепризнанный и неоспоримый факт, что наша общественная жизнь в последнее время подверглась чрезвычайным осложнениям и изменениям: выдвинулись на сцену новые явления, новые запросы и новые требования; бытовые и общественные жизненные условия во многом видоизменились в сравнении с условиями доброго старого времени. Патриархальные нравы, обычаи и взаимные отношения – семейные и общественные – отошли в область преданий. Выдвинутый силой обстоятельств целый ряд новых явлений сообщил жизни особый в сравнении с прежним колорит. Не станем перечислять всех этих явлений позднейшего времени, но позволим себе остановить наше внимание на некоторых из них, преимущественно на явлениях культурного характера, внёсших в нашу жизнь новую струю, направивших её течение по новому руслу и сообщивших ей новый уклад, новый характер.

Знания, составлявшие в недавнее сравнительно время принадлежность немногих избранников, благодаря широкой популяризации сделались доступными для всех; школа и печатный станок значительно подвинули вперёд дело народного образования и поставленный на очередь вопрос об общеобязательности обучения, можно надеяться, скоро станет фактом; науки и искусства, как два могучих фактора, внесли чрезвычайное оживление в нашу жизнь и весьма содействовали материальному, умственному и социальному прогрессу нашего общества. Чрезвычайное развитие технических и прикладных знаний отразилось самым благоприятным образом на многих

сторонах нашей общественной жизни. Пар и электричество, как самые яркие выразители успехов и применения на практике точных естественнонаучных знаний, проникли во все почти уголки России; рельсовый путь, соединивший Петербург с Владивостоком, Архангельск с Севастополем, сделал целый переворот в торговле, промышленности и социально-бытовых условиях жизни; технические знания доставили массу удобств и комфорта в житейском быту. Развитие и популяризация искусств – живописи и скульптуры, музыки и поэзии – внесли также не мало изменений в умственный и нравственный строй жизни нашего общества. Наибольшая роль в этом отношении, бесспорно, принадлежала и принадлежит литературе – вообще и изящной – в частности, как могучему проводнику в жизнь всевозможного рода идей и вопросов теоретического и практического характера, волнующих и двигающих человечество.

Благодаря такому положению вещей, в области социально-общественной и политико-экономической выдвинулись совершенно новые, неведомые нашему старому времени явления, в числе которых немаловажную роль играет рабочий и аграрный вопросы. Рабочий вопрос, о котором земледельческая Россия в недавнее время и понятия не имела, вполне созрел, вступил в свои права и громко везде и всюду – заявляет о себе в виде рабочих беспорядков и забастовок и становится предметом особых забот и попечений правительства. Аграрный вопрос – вопрос не сегодняшний; в последние годы он всё более и более заявляет о себе и даёт себя чувствовать в нашем обезземеленном крестьянстве. Крестьянские беспорядки, имевшие место в начале 1902 г. в Полтавской и Харьковской губ., наглядно иллюстрируют нашу мысль. На почве безземелья создалось у нас целое переселенческое движение и доставляет немало забот для правительства, идущего на встречу земельной крестьянской нужде. Кому приходилось бывать на фабриках и заводах, сталкиваться с рабочим классом и слышать все его притязания на увеличение задельной платы¹ и сокращение рабочего дня; кто знаком с крестьянами, живущими исключительно землепашеством и терпящими крайнюю нужду в

земельных наделах, потому жаждущих раздобыть себе землицы, путём ли покупки или переселения в Сибирь или на Амур, – тот ясно видит, что стародавние времена, характеризующиеся словами: „тишь и гладь, да Божья благодать“, стали „преданьем старины глубокой“, и что повсюду теперь на Руси замечается усиленная борьба за насущный кусок хлеба, борьба за существование. Наш серый мужик, побывав на фабриках, на заводах и отхожих промыслах, потолкавшись на железных дорогах, в городах и портах, вкусил сладостей фабрично-заводской жизни, познакомился со всеми прелестями городской и портовой цивилизации, перестал быть серым мужиком, цивилизовался и стал неузнаваем во всех отношениях в сравнении с тем, чем он был раньше. – Наслушавшись всяких толков среди разного рода людей и „нахватавшись“ самых элементарных сведений, вкусивши городской и фабрично-заводской цивилизации, наш простой мужик впал в самообольщение и самомнение: у него явилось желание, – дерзкое и в то же время – детски-наивное, разрешить своими слабыми силами, своим некультурным умом проблемы, стоящие на жизненном пути. Разрешение этих жизненных вопросов, как и следовало ожидать, пошло ненормальным, скользким путём: авторитет церкви, необинуясь скажем – и закона бессознательно, чисто стихийно, можно сказать, ниспровергнут и везде поставлен на место веры скепсис, на место авторитета – жалкий, некультурный разум и эгоистическое „я“. Здесь, в этом именно пункте, и кроется начало своеобразной умственной работы простолюдина в разрешении важных, жизненных проблем, обойти которых никоим образом нельзя было нашему серому мужику. Присматриваясь ближе к этой работе, мы видим, что она разветвляется на два главных течения.

У одних – запросы религиозного духа играют доминирующую роль в жизни и религиозный элемент налагает отпечаток на всю их деятельность; но удовлетворение этих запросов совершается вне церкви и помимо церкви. Лицами, принадлежащими к этой категории, авторитет церкви ниспровергнут, в решении религиозных вопросов разум вышел из послушания вере; связь с церковью, с её верованиями и

установлениями и со всем вообще церковным укладом жизни порвана бесповоротно и дерзко и явилось самодовлеющее и само-обольщённое сектантство – мистическое и рационалистическое, – смотря потому, какой элемент положен в его основу. Таково течение религиозной жизни у той части нашего простого народа, у которой не погасло религиозное чувство и сознание необходимости религиозного союза с Верховным Властителем неба и земли.

У других религиозные потребности сведены почти к нулю и заглушены или исключительно тяжёлыми заботами о хлебе насущном, или страстью к наживе, к обогащению какими бы то ни было путями. Предавшиеся страсти к наживе составляют самый несимпатичный тип кулаков в нашем простом рабочем классе – крестьянстве. Жизнь этих дельцов-кулаков, возвысившихся над общим крестьянским уровнем только благодаря деньгам, обычно, бедна внутренними запросами и характеризуется по преимуществу или крайним религиозным индифферентизмом или практическим неверием, проникшим в эту среду из интеллигентных классов. И это обстоятельство вполне естественно: народ во всём тянется за интеллигенцией. Индифферентизм и неверие среди простого народа прикрываются иногда ханжеством, лицемерием и наружным пустосвятством, а иногда – не прикрываются никак и ничем. Люди этой категории, со своим чрезвычайно скудным умственным багажом, само собой разумеется, никаких жизненных проблем не разрешают, да и не берутся за их разрешение и идут обычным торным жизненным путём, преследуя исключительно свои эгоистические цели и, весьма нередко, ниспровергая на пути всё, что препятствует достижению намеченных ими целей. Этой тропой шествуют обычно люди энергичные, с сильными и устойчивыми характерами, с развитым самолюбием, выработавшие в себе чувство долга к семье, по-своему понимаемого, и руководящиеся принципами эгоизма и честолюбия. Вред, причиняемый их кулачной деятельностью, хотя заметен и чувствителен в народной среде, но сравнительно не в столь больших дозах. Их религиозный индифферентизм и

практическое неверие являются злокачественными язвами на нашем народном организме, но в общем не столь заразительными и не столь зловонными, как другие язвы на том же организме.

Утверждая последнее положение, мы разумеем ту категорию нашего простого народа, которая, в большинстве случаев, не имеет прочных нравственных устоев, крепкой воли, энергии и настойчивости в борьбе за насущный кусок хлеба и нередко не видит впереди никаких светлых надежд на лучшее будущее. Вполне понятно, что на почве этого народного слабоволия и отсутствия прочных нравственных устоев и, подчас даже, светлых надежд – прививаются, растут и созревают, как грибы в лесу, всякие тлетворные язвы, подтачивающие и физически и нравственно наш народный организм. Фабрично-заводская и городская цивилизация с её заманчивыми идеями свободы совести и личности, с её стремлениями к лёгкой наживе и сомнительного качества удовольствиям, преломившись сквозь призму некультурного ума и заглохшей совести нашего простолюдина, сделала своё дело. Поэтому, читатель нисколько не должен удивляться, если перед его взором, как в калейдоскопе, промелькнёт целый ряд явлений нравственного порядка в народной жизни, героями которых являются „рыцари без страха и упрёка“ из альбома г. Максима Горького. Беспробудное пьянство, подтачивающее наш народный организм, способствующее – ужасаюсь сказать – вырождению нации и доводящее наш народ до нищеты и полнейшего разорения, – не есть ли это бич Божий и для семьи, и общества, и для государства? Кто такие босяки – как не горчайшие пьяницы, не признающие никаких законов, ни Божеских, ни человеческих, поклоняющиеся приволью, свободе и кулаку, как олицетворению физической силы, следующие принципам свободной любви и обожающие при этом женскую красоту, воплощённую Горьким в образе пахнувшей морем красавицы – Мальвы? Кто такие хулиганы, как не ножевики², подкальыватели³, шатающиеся по улицам и закоулкам в ночное время городские фабричные рабочие, предающиеся весьма нередко безнаказанно дебошам, грабежам, кражам и даже

убийствам? Что за отвратительное в городах явление – сутенёрство, коты и кошки, о подвигах которых повседневная пресса – от времени до времени – сообщает возмутительнейшие факты ограблений? Не забывают, читатель, что весь босяцкий мир, благодаря художественному перу своего бытописателя, *Гомера дна*, г. Максима Горького, теперь в почёте у нас, бравировать своим положением и претендует на признание его особым классом. Все эти печальные явления нравственного порядка, как злокачественные наросты на организме нашего народа, имеют место по преимуществу в городах, фабричных центрах, заводах, отхожих промыслах, портах, на рыбных ловлях, – и, к сожалению, нужно сказать, начинают просачиваться в деревни и охватывать наше сельское крестьянствующее население. Такова в общем картина нравственного уровня весьма значительной части простого народа!

Что же из себя изображает в нравственном отношении наша большая публика, величающая себя интеллигенцией и взявшая на себя добровольно заботы о просвещении нашего серого мужика, руководство и управление нашим государственным кораблём? Спектральный анализ нравственного и умственного уровня нашей большой публики покажет, что наша интеллигенция стоит в нравственном отношении не только не выше народа, но в некотором смысле даже гораздо ниже его. Религиозные запросы у большинства интеллигенции понижены до минимума и религиозное мирозерцание у многих в большинстве случаев сменилось или научным, или – житейско-практическим. Не редкость теперь встретить и в обществе и литературе – такие заправские суждения: „да кто теперь из интеллигенции верит в Бога, признаёт бессмертие души, загробную жизнь и мздовоздаяние?“ Возьмём мы каких угодно деятелей и какой угодно профессии из городской и сельской интеллигенции, посвящающей свои силы народу вообще – будут ли то интеллигенты-народники, ратующие за деревню и крестьянский труд, или нео-марксисты, защищающие исключительно фабрично-рабочий класс и предсказывающие ему только одному, как стоящему у плодотворной индустрии,

широкую будущность, – или деятелей, примостившихся к общественному и казённому пирогу, – какого они придерживаются мировоззрения и каким следуют нравственным устоям и принципам в своей жизни? Окажется, что большинство из них отвергло и покончило всякие счёты с православным вероучением, как грубым суеверием, отжившим свой век, и выработало своё *credo*, своё мировоззрение. Одни из них, являясь атеистами чистейшей воды, следуют материалистической или механической теории происхождения мира; другие, признавая божество безличным существом, разлитым во всём мире, разделяют пантеистические воззрения; третьи, не отрицая личного бытия Божия, примыкают к категории деистов, признающих божество стоящим вне мировой жизни и предоставившим миру развиваться и жить по раз навсегда установленным законам; четвёртые, наконец, следуют практическому неверию, считая излишним разбираться в каких бы то ни было теориях. Таким образом, у большинства нашей интеллигенции божественный авторитет заменён человеческим, и разуму, вышедшему из послушания вере, предоставлено исключительное и верховное руководство жизнью и деятельностью человеческой. Отвергнув бытие личного Бога, та же публика отвергла, как ненужный хлам, и веру в Бога. Вслед за утратой веры в Бога, поколебались нравственные устои и нравственность по наклонной плоскости с неудержимой силой покатились вниз. Отсюда, как естественный результат неверия, у нас, на Руси, появилось немало уродливых в нравственном отношении учений, из которых отметим только, как новейшие, доморощенное *толстовство* и *ницшеанство*, с шумом ворвавшееся к нам с запада. Ницшеанство, ставшее почти всеобщим достоянием нашей интеллигенции (ведь теперь почти каждый интеллигент в большей или меньшей степени ницшеанец), с его проповедью о сверхчеловеке и восхвалением одной только силы – и то преимущественно физической – для торжества над всем человечеством того же кумира – сверхчеловека, – и толстовство с его пантеистическим учением, с его проповедью о непротивлении злу, с его отрицанием начал государственности и с его опрощением – вызвали целый ряд

новых явлений далеко не „нравственного“ порядка и произвели целую революцию как в общественной жизни, так и в искусстве, являющемся отражением этой самой жизни. Из таковых явлений, обращающих на себя особенное внимание, отметим *босячество* и *декадентство*.

Босячество, вопреки установившемуся взгляду, присуще не только пролетариям, опустившимся *на дно*, подонкам общества, воспетым с неподражаемым искусством г. Максимом Горьким, но и многим нашим современным интеллигентам, отрицающим всякие умственные и нравственные устои, вращающимся в области жалкого шатания мыслей и признающим одно своеволие. Босячество с проповедью абсолютной свободы и от труда и всяких обязательств, возлагаемых на нас религией, обществом и государством, – с восхвалением физической силы и всяких безнравственных подвигов и похождений своих героев, – с отрицанием и презрением всяких нравственных принципов, запросов и потребностей человеческого духа, – и с пренебрежительным отношением к страданиям человеческим – не есть ли гармонический аккорд и пышный плод взаимодействия толстовских и ницшеанских идей, усвоенных нашей интеллигенцией и прививаемых ею нашему простому народу? Все данные, взятые нами в совокупности, говорят за то, что ответ на поставленный нами вопрос должен быть не иной, как – да. В силу этого обстоятельства босячество, как общественно-социальное явление, должно быть рассматриваемо не иначе, как злокачественный нарост на общественном и народном организме, и признаваемо весьма и весьма вредным явлением.

И на декадентство, ценящееся теперь по высокой марке на базаре житейской суеты, должно смотреть не иначе, как на яркое отражение шатания мыслей и как на извращение идей в области искусства и в религиозно-философской сфере. Декадентство, – широкой волной охватившее все роды искусства – архитектуру и скульптуру, живопись и поэзию, а также область религиозно-философской мысли, – с его одурманивающим символизмом, с его стремлением произвести переворот в художественной, чувственно-познавательной и

мыслительной сферах и с его сладострастно-упоительным богоискательством, под каким бы мы углом зрения ни рассматривали его, по требованию здоровой логики, должно быть признано уродливым явлением, заключающим в себе слишком мало смысла и жизненной правды, в нравственном отношении невысокопробным и потому далеко небезразличным. Теперь век декадентства: везде и всюду – и в литературе, и в искусстве, и в предметах домашнего обихода – вам попадаетеся декадентский стиль: даже глаз устаёт от утомительного декадентского однообразия. Декадентство из области изящной литературы, благодаря всеобщему шатанию умов, с логической необходимостью проникло и в религиозно-философскую область. Насколько декадентство своими туманными перспективами заразительно действует на умы не только юного нашего поколения, но и на умы взрослых, вполне сложившихся интеллигентов, можно судить уже по тому факту, что в декадентских рядах можно видеть светских и духовных, учёных и недоученых лиц, повергающихся в благоговение и прах перед вождями декадентства и обольщающихся мистическитуманными его иллюзиями! На этом-то обстоятельстве, имеющем немаловажное значение вообще, прекрасно оттеняющем умственный и нравственный облик адептов декадентства и представляющем немало интереса для нашего миссионерского журнала, позволим себе несколько подольше остановить благосклонное внимание наших читателей.

Яркими выразителями декадентства, проникшего из области искусства в область религиозно-философской мысли, в последние два года служили недавно прекратившие своё существование религиозно-философские собрания и новорождённый орган этих собраний „Новый Путь“. Религиозно-философский кружок смешанного облика, с весьма видными во главе деятелями из литературно-публицистического и духовного мира, задался целью сблизить интеллигенцию с церковью и пробить средостение, отделяющее от церкви нашу интеллигенцию, живущую своей особой жизнью, своими особыми идеалами, отличными от идеалов церкви. Путём для сближения должны были служить обсуждения в собраниях

различных религиозно-философских вопросов, волнующих нашу интеллигенцию. Задача этого кружка, которому в последнее время усвоено название „новопутейцев“, бесспорно весьма почтенная и симпатичная: но средства к осуществлению намеченных им целей оказались далеко небезупречными во многих отношениях. Вождями религиозно-философских собраний явились представители светского общества с декадентским, преимущественно, мировоззрением и они вздумали богословско-философские вопросы освещать и разрешать под излюбленным декадентским углом зрения. И в результате всех этих богословско-философских собеседований получился чистейший образец чистейшей декадентской красоты; получилось только смешение и затемнение традиционных понятий и суждений и вместо примирения, образовалась ещё большая пропасть между церковью и интеллигенцией. По нашему крайнему разумению, иного исхода и быть не могло. С одной стороны, декаденты, не признающие никакого авторитета в разрешении вопросов веры и этики и опирающиеся в данном случае исключительно на свой воспитанный в декадентстве „мистический разум“, а с другой – ортодоксалы, руководящиеся в решении затрагиваемых богословских-философских вопросов авторитетом св. Писания, церковными традициями и разумом, не только не противоборствующим, но находящимся в послушании вере. Из представителей религиозно-философского кружка, составляющих ядро *новопутейства*, назовём только трёх лиц – Мережковского, Розанова и Минского и сделаем краткую характеристику их мировоззрения: пусть читатель самолично убедится, какая пропасть разделяет „богословствующих новопутейцев“ от представителей православного учения и что примирение с церковью, по-видимому, не составляло и не составляет конечной цели новопутейства.

Мережковский и Розанов, как два Аякса, весьма близки в своих мировоззрениях. Они и в своих работах часто соприкасаются между собой и в сущности преследуют одну и ту же цель, но идут несколько иными путями. Мережковский, переводя Софокла и Еврипида, невольно увлёкся красотой

античного мира и языческого культа и натолкнулся на мысль сблизить язычество с христианством. По нему – язычество и христианство, рассматриваемые, как проявления человеческого духа, не только не противоположны по своему характеру, но находятся в генетической между собой связи и взаимно восполняют друг друга. Отсюда у Мережковского языческое трактуется с филологической развязностью не как скверное, поганое, а как общечеловеческое, потому присущее и христианству. Отсюда у него и взгляд на христианство, как на культ Диониса, отсюда – восторженное восхваление им „святого сладострастия и плоти“, отсюда, как логический вывод, и мораль Мережковского, что христианам должно учиться нравственности у языческих писателей, между прочим – почерпать наставления из „Ипполита“ Еврипида. С этим взглядом Мережковского на христианство в тесной связи находится, по мнению Розанова, злободневный вопрос о браке. Розанов, соглашаясь вполне с Мережковским, что языческое равносильно общечеловеческому, эту мерку приложил к брачному вопросу и выступил с целым рядом статей, как бы на подмогу своему приятелю, по тому же модному брачному вопросу, вполне верно рассчитав, что его изделия пера и чернил останутся не незамеченными в нашей большой публике. Действительно, он оригинальностью своих взглядов заставил обратить на себя почти всеобщее внимание. И в самом деле, разве не оригинально, что брак свят сам в себе и не нуждается, не будучи скверной, в освящении его церковью, да и освещается он церковью потому, что свят сам в себе и чист. Брак сам в себе, по Розанову, есть великое священное таинство; акт супружеского общения есть священнодействие, есть жертвоприношение Элогиму; брачное ложе – алтарь, муж и жена – жрецы-тайнотворцы; самый же акт супружеского общения, по нему, должен сопровождаться предварительной и заключительной молитвами. Договориться до подобного абсурда может только декадентствующий рыцарь. В этом случае Розанов превзошёл самого себя, так как дальше идти уже некуда.

Минский философствует несколько иначе, чем Мережковский и Розанов; в своих воззрениях он следует общепротестантскому взгляду на христианство. В одном из своих докладов, сделанном в религиозно-философских собраниях, и напечатанном в 1-й книжке „Нового Пути“, он проводит общепротестантский взгляд на свободу исследования Св. Писания и, приравнивая его к человеческим писаниям, отвергает его боговдохновенность; но, желая хотя чем-нибудь пооригинальничать, он в другом своём докладе отыскивает и усматривает во всём новозаветном учении *принцип нравственного двуединства*. Приписывая себе честь открытия в новозаветном учении „тайны нравственного двуединства“, он говорит, что церковь обладала, но не пользовалась этой тайной, храня её, как золотой слиток, драгоценный и бесполезный (Новый Путь, кн. IV стр. 95). „Эта двойственность, по Минскому, простирается до таких глубин, куда взору страшно проникнуть. Подражая Отцу, мы не можем исполнить того, что заповедано Сыном“ (ibid стр. 74). Усматривая двойственность новозаветной морали, Минский также нашёл двойственность между учением новозаветным и ветхозаветным. Само собой разумеется, что если бы он поискал в православной церкви разъяснение этой „тайны“, то, с уверенностью можно сказать, не нашёл бы двойственности ни в самой евангелии, ни между евангелием и ветхозаветным откровенным учением. На свои богословско-философские изыскания Минский смотрит, как на *мистическое озарение и религиозную мечтательность*, стремящуюся превратить каторгу жизни в божественную мистерию, лёгкую, грустную, и главное, *свободную* (ibid. 95 стр.). Это развязное богословствование г. Минского, не имеющего основательных познаний ни в одной из богословских наук и в суждениях своих опирающегося не на законы общечеловеческого мышления, а на зазорное – декадентское – *я так хочу*, покойный Щедрин назвал бы *благоглупостью*. Удивляясь богословским потугам мысли Минского, мы только можем сказать, что евангельский идеал не по плечу нашему самородку-богослову и что его искания направлены не на уяснение истины, а на внесение смуты в умы легковверных его почитателей.

Из приведённых нами религиозных воззрений главарей „новопутейства“ ясно видно, что действиями их руководит не благая цель сближения интеллигенции с церковью, а более горделивые замыслы – быть реформаторами в религиозной области, „новопутейцами“ в истинном смысле этого слова. Новопутейцы, в начале своей деятельности поставив девизом сближение интеллигенции с церковью путём выяснения недоуменных богословско-философских вопросов на собраниях, в последнее время совершенно переменили фронт: они превратились в сторону, нападающую на православие и привлекающую к своему суду представителей церкви, взяв на себя задачу реформировать, по их словам, „затхлое“ и „окостенелое“ православие. Для этого некоторые из них, придерживаясь чисто протестантских воззрений на религиозные вопросы, с декадентским глубокомыслием проповедовал и а-догматизирование христианской этики, высказывая самые путанные понятия об этом вопросе; – и, не рассуждая о том, нужно ли и возможно ли это а-догматизирование, открыли целый поход против православных догматов. „Реформаторы“, не ограничиваясь этими „мечтаниями“, пошли дальше: они оспаривали законность власти нашего духовенства и необходимость в церкви таинств (а за ними и всей обрядовой стороны). Именно – с этой-то целью и начались жаркие споры и доказательства со стороны „новопутейцев“, что некоторые человеческие действия, получающие освящение в таинствах (брак), святы по самому своему существу и собственно не нуждаются в освящении; отсюда один только шаг к отрицанию таинств с их освящающею благодатью. Что не сближение с православной церковью преследовали „новопутейцы“, а её посрамление и унижение, – это было видно из того, в какое положение были поставлены на религиозно-философских собраниях представители церкви – духовные и недуховные. Большинство „новопутейцев“, не признавая и не придавая никакого значения авторитету церкви и её уставам, открывали „настоящую“ церковь с её иерархическим устройством. Те же новопутейцы, проповедующие свободу мнений и убеждений, в собраниях, при обсуждении тех или других вопросов, оказались

стоящими далеко не на высоте либерализма и терпимости к мнениям своих противников – ортодоксалов. Новопутейцы, погрузившись в своё декадентское самомнение, забыли то основное положение, что истина – многогранна, и что это положение прекрасно характеризуется классическим выражением: *ex contrariis veritas cognoscitur*⁴. Едва ли такими путями можно построить мост для соединения интеллигенции с церковью.

Самые религиозно-философские собрания были открыты не с иной целью, как для сближения с церковью нашей интеллигенции – путём собеседований и обсуждений животрепещущих вопросов религиозно-философской мысли, – при этом учредители собраний приняли на себя обязательство перед духовной властью в том, что прения их не будут выходить за пределы кружка этого общества и предаваться гласности путём печатного станка. Но в таком положении дело оставалось однако недолго. Кружок „новопутейцев“ исхлопотал себе право на издание ежемесячного толстого журнала „Новый Путь“, который каким-то образом сделался и органом религиозно-философских собраний и обещался идти в разрешении вопросов, волнующих общественное религиозное сознание, путём старых учителей – Гоголя и Достоевского. Но, начиная с первой книжки, „Новый Путь“ оказался волком в шкуре ягнёнка и всю свою деятельность направил к беспощадной критике всех заветов и устоев православия. Конечная цель нового органа показать торжество „мистического“ разума над верой, переоценить основы православия и проложить новые пути в области религии, так как путь Христов, по взгляду Мережковского, Розанова и К°, устарел, отжил своё время и нуждается в обновлении. И цель „новопутейцев“ достигнута в одном, – что имя их пронеслось от края до края Русской земли и, как „ласковое чудовище“, заползло даже в Сибирь, – как российских реформаторов в религиозной области. Теперь едва ли может подлежать сомнению, что заветная мечта новопутейцев – не примирение с православием интеллигенции, а насаждение *ново-христианства* по умствованиям Мережковского, Розанова и К°, ничего общего не имеющим с

нашим, так называемым, историческим христианством. Заманчивые мечты „новопутейцев“ привлекают к себе преимущественно нашу молодёжь и имеют широкое распространение в читающих кругах полуобразованной публики, падкой на всякие новинки и не особенно разборчивой в книжном материале. Книжки „Нового Пути“, как и творенья нашего Гомера *дна*, г. Максима Горького, служат новым откровением для молодого поколения: на декадентстве оно воспитывает свои вкусы, вырабатывает своё мировоззрение, религиозно-нравственные принципы и руководственные начала для будущей деятельности на арене жизни. Грустно и больно не столько за „Ново-Путейскую“ клику, сколько за молодое поколение, жизнь и деятельность которого ещё впереди. Если таковы учителя, – то каковы будут ученики?..

Таково в общих чертах духовное настроение огромной части нашего современного общества, считающей себя передовыми людьми и даже двигателями культуры и прогресса, – общества, находящегося в лоне православной церкви, но не в союзе с нею, живущего не по законам и уставам церкви, а исключительно по законам и требованиям природы и разума человеческого. Храни нас, Бог, – распространять это обобщение на всю православную Русь! Мы твёрдо убеждены и верим, что более, чем добрая половина русского народа и общества не вышла из послушания церкви и живёт по заповедям и уставам Господним и православным обычаям. Мы также убеждены, что весьма многие из интеллигенции носят в своём сердце Бога и что они не метрические, а действительные и послушные сыны православной церкви. Мы верим и видим, что милость Господня, воочию всех не отошла ещё от нас. Саровские торжества, сопровождавшиеся необычайным стечением русского глубоко-верующего народа, с православным своим Царём и Царицами во главе, необычайным высокоприподнятым настроением народа во время этих торжеств и целым рядом чудесных исцелений у цельбоносного Серафимова источника и у самой раки преподобного боговидца Серафима, – ясное и неопровержимое доказательство неоскудевающей милости Божией к русскому народу, доказательство, что ещё близ нас

Господь! Но явление к нам этих чрезвычайных милостей Божиих не должно усыплять нас и повергать в лень, беспечность и самомнение. Мы твёрдо должны помнить, что враг рода человеческого не дремлет никогда, и что он подкрадывается к нам неслышно, как ползущая змея, то в виде религиозного индифферентизма и практического неверия, то в виде рационализма и скептицизма, разрушающих веру и нравственность, то в виде всевозможного рода учёных теорий, удаляющих из мира Верховное Существо и отдающих мир в полное распоряжение кичливого человеческого разума. Также мы должны не забывать и того обстоятельства, что борьба с врагом Христова Царства должна продолжаться до конца дней; потому наша миссия должна неослабно действовать против козней вражьих и твёрдо верить, что посеянные ею семена добра и истины напоит и возрастит Бог и что эти семена принесут в своё время добрые плоды – каждое по роду своему.

В брезжащее утро новолетия нам невольно приходят на память слова одной поэтической песни: „Не стыдно ль спать, – пора вставать, малиновки звенят...“ Эти слова отчасти приложимы и ко всем нам, стоящим на страже православия, так или иначе соприкасающимся к делу миссии, но бездействующим или слабо, без должной энергии ратоборствующим с неверием, индифферентизмом и всякими тлетворными учениями. Поэт в приведённых нами словах рисует лучшее время дня – бодрящее утро с резвым щебетаньем птиц и призывает к бодрствованию. О, если бы все защитники веры и церкви были воодушевлены, как этот поэт, лучшими чувствами, – светлыми надеждами и бодрой энергией, сознанием важности и великости св. дела миссии, – тогда и деятельность их была бы в стократ плодотворней и всякие злоухищрения и козни князя века сего и сынов его, воздвигаемых на церковь Христову, были бы бессильны, были бы бесплодны. Тогда, мы верим, был бы близок в жизни нашей церкви тот знаменательный момент, о котором наш Пастыреначальник, Господь и Христос, возвестил, что все Его последователи составят одно стадо и будут иметь одного Пастыря (Ин.10:16).

П. Козицкий

**Базарянинов Н. Основные причины и сущность
нашего сектантства // Миссионерское обозрение.
1904 г. № 1–10. С. 17–40**

(Опыт философско-психологического освещения сектантства).

Вопрос об основных причинах явления есть вместе и вопрос о его сущности. Генетическое определение явления, т. е. определение по производящей причине есть вместе и определение по существу, т. е. наиболее разъясняет суть явления. Когда соединяются два противоположных электричества, происходит молния: определение генетическое, но вместе и существенное. Это логическое правило особенно приложимо к явлениям, где участвует сознательный деятель и где причина совпадает с целью и побуждением. Посему разъяснить коренные причины сектантства, его цели, стремления, – это и значит понять его. А всякое понимание важно не только в чисто теоретическом, научном смысле, но столько же, если не более, и для практической деятельности. Элементарное правило: ни за что не берись, не понимая. Машину не починишь, не понимая её устройства и назначения в ней каждого колеса, каждого винта. Впрочем, правило это – идеальное, не безусловное. Для совершенства практической деятельности несомненно нужно полное понимание дела; но жизнь вынуждает браться и за малопонятное. Не может же медик ждать, пока он и его наука поймут в совершенстве все отправления человеческого организма и суть всех болезней: перед ним мучается живой человек и он обязан при свете своих догадок и полу-знаний попытаться как-нибудь помочь больному. Этим путём накапливается опыт, пересматривая который, мысль потом приходит и к пониманию явления в его причинах и законах: жизнь учит, но общее правило остаётся в силе: прежде чем действовать – пойми, иначе будешь ходить ощупью, рискуешь ошибаться, можешь попасть в положение Крыловской мартышки с чурбаном и, что ещё хуже, убить по медвежьей пустыньника, желая лишь избавить его от назойливой мухи. Ясно,

что это правило тем обязательнее, чем серьезнее и ответственнее дело, глубже и сложнее его сфера. А что сложнее изгибов души человеческой, глубже тайников совести, важнее спасения?..

Итак, практический деятель, призываемый Церковью на борьбу с язвой сектантства, чтобы иметь какие-нибудь шансы на успех в этом труднейшем деле, обязан прежде всего постараться по мере сил *понять сектантство*; ибо если кому, – то именно ему менее всего позволительно блуждать ощупью и шутить делом спасения.

А между тем, *сектантство есть явление столь сложное, сбивчивое*, сотканное из противоречивых элементов; а сект так много!.. Как разобраться? Где тут руководящая нить? В чём специфически сектантский элемент, и где сближающие его с православием уступки жизни? Что общего, существенного в разных сектах? Какие из них последовательнее, жизненнее, чище выражают сектантский принцип? Каким принадлежит будущее?.. А решить всё это нужно, чтобы понять, какие секты и черты в них более опасны для Церкви? Где сердце сектантства, в которое надо направлять свои удары, где его ахиллесова пята, и с какой стороны незаметнее, безобиднее для самолюбия сектанта можно ближе пройти к его сердцу с православной истиной? Какие вопросы противосектантской полемики надо поставить во главу угла? Противосектантская методика у нас почти отсутствует и не потому, чтобы был мал наш полемический опыт, (он есть!), но именно потому, что мы мало работали над принципиальным разъяснением сектантства, общим пониманием его. Общий взгляд на него, общее отношение к нему у нас столь различны. Пересмотрите органы либеральной прессы, прислушайтесь к толкам светской интеллигенции: оказывается, можно даже смотреть на сектантство, как на заслуживающее полного сочувствия прогрессивное явление, симпатичный порыв к свету разумной и свободной добродетели и устроению по началам последней личной и общественной жизни. Но тогда зачем все эти, применяемые к нему ограничения и репрессии? И, конечно, сама миссия тогда совершенно излишня, чтобы не сказать.

более. А сквозь строки таких суждений явственно чувствуется приговор православию, как явлению отсталому, полному суеверий, магии, идолопоклонства, насилия, – исповеданию, могущему, пожалуй, удовлетворять религиозным запросам полужычников, обрядоверов, невежд, рабов, рутинёров и лентяев, но отнюдь не смелых, мыслящих искателей правды жизни.

Итак, речь у нас идёт об основных причинах сектантства. Есть причины второстепенные, мелкие, случайные, объясняющие мелкие черты и частные особенности той или другой секты. Напр., то случайное обстоятельство, что Уклеин в момент формулировки своего учения возился с обращённым им жидовствующим Далматовым, объясняет нам присутствие в молоканстве, даже наиболее „духовного“ (Тамбовского) толка, жидовских обрядовых установлений (неядение свинины и рыбы без чешуи). Но устоим от соблазна гоняться за мелочами, чтобы не потерять леса за деревьями и не проглядеть слона за букашками, мушками, таракашками.

Итак, вопрос о происхождении сектантства в его основных чертах.

В какую же область обратиться за его решением?

Вера человека (правая или неправая – всё равно) есть прежде всего факт внутренний, психологический, а затем уже бытовой, исторический. *Глубочайшие корни сектантства надо искать*, поэтому, не в условиях быта и обстоятельствах истории, а в области религиозно-нравственной психологии. История могла бы (при этом) быть рассмотрена, лишь как условие развития или форма обнаружения этой психологии, этого духа.

Указанная точка зрения на сектантство глубже существующих его делений на интеллигентное и народное, рационалистическое и мистическое, евангелическое и духовное⁵, почему нам и не придётся говорить о каждом из этих родов отдельно. Психология сектантства интеллигентного и народного, увидим, одна и та же; поэтому и исторически-мужичья хлыстовщина, и скопчество имели своими последователями членов лучших московских и петербургских фамилий, а интеллигентная пашковщина и толстовщина на

наших глазах, ещё при жизни ересиархов, прососались в сердце народное. В глубине сект рационалистических и мистических, евангелических и духовных тоже лежат одни и те же начала, лишь более или менее проведённые, с преобладанием рассудка или чувства, с признанием авторитета Евангелия или без него, чем и объясняется то, на первый взгляд, странное явление, что духовная секта (духоборство) рождает евангелическую (молоканство), и почти все рационалистические секты по временам испытывают сильные мистические движения (лжехристы среди молокан 30 годов, мистические эпизоды Кавказо-Американской духоборческой эпопеи, адвентизм и малеванщина в штунде, Павловская вспышка в толстовщине).

Нужно заметить также, что в основе сектантства не столько логики, сколько именно психологии. Всячески обеляя его, наша сектофильская пресса готова смотреть на его ложь, как на естественные заблуждения ума, рассуждающего о высоком и трудном, и – совершенно извинительные ошибки в толковании текстов Библии – книги, не всегда посильной и крепкой голове. Но это далеко от истины. И вот почему. Мысль в душе человека есть явление более поверхностное, чем стремления воли, или во всяком случае первая с её логикой не есть властный господин и управитель последних; в значительной мере, наоборот, – стремления воли определяют направление деятельности ума. Поэтому и ошибки ума, особенно же в вопросах близких к жизни, не столько происходят просто от слабости логики или случайной односторонности данного в опыте материала, сколько имеют своей подкладкой увлечения воли, привычки, страсти, препятствующие уму непредубеждённо смотреть на вещи. Известно, как непримиримо могут спорить люди одного образования, приблизительно даже одного опыта жизни, когда в дело привходит самолюбие или, когда приходится отстаивать свой нрав или свой поступок. Личность по природе ищет гармонии целости, покоя самотожества; всякий внутренний разлад причиняет ей беспокойство, томление, страдание, и она стремится к согласию убеждений и характера, мысли и жизни. И вот ум ведёт за собой настроение и поведение человека, но ещё более направление стремлений

требует себе от мысли оправдания. И при некотором малодушии, слабости характера или силе страстей мысль работает им в угоду, сама того не замечая, идёт на привязи, вполне уверенная, что везёт: трудно гордому попятить высоту смущения и самовольному – силу послушания; так наз. трезвый, практический, погруженный в житейское ум обзывает молитву пустым мечтанием; чревоугоднику трудно доказать важность поста. Не даром говорят: „каждый избирает себе философию по своей склонности“, и даже на создание логичнейших систем имеет влияние характер их создателей. Но если так в философии, где всё же больше чистого разума, больше далёких от жизни отвлечённостей, то тем более так в религии, где больше веры, больше участия сердца, где всё так тесно связано с идеалом, долгом, жизнью. Вопреки рационалистическим теориям, на происхождение язычества и естественную историю религий Библия смотрит не как на прогрессивное восхождение от низшего, материального, сложного к духовному, высшему, единому, а наоборот, – как на регрессивный процесс растления первоначальной чистоты жизни, а вместе и религиозной мысли, осуетившейся (т. е. страстно раскидавшейся по многим ложным целям) и потому изменившей славу нетленного, святого Бога во образ тленного, страстного человека. Но что такое еретичество, как не шаг к тому же язычеству? Спасительная истина одна: кто мечтает стать выше её, тот падает ниже её, становится на тот самый наклонный путь, по которому прошли и ещё идут потерявшие райскую истину язычники. Часто у еретиков от христианства остаются одни жалкие разбитые обломки и, наконец, просто одни слова богословского лексикона с совершенно языческими понятиями под ними. И, подобно язычеству, *сектантство носит в себе семена нравственного растления*, и не в том лишь смысле, что оно это растление порождает, но ещё больше в том, что само от него происходит.

Напрасно поэтому говорят: „Библия плодит секты“; но правда, что сколько в ней текстов, столько может быть и сект. Если бы Библия толковалась искренно, не предубеждённо, а главное смиренно, при свете христианского предания, то, несмотря на множество действительно трудных и мнимо-

противоречивых мест, а равно – и высоту её вопросов, она всё же привела, бы всех в единство содержащейся в ней Христовой веры. Но беда в том, что она стала в руках людей игрушкой их страстей, а её тексты – лоскутами, в которые рядят идолов человеческих. Разве, в самом деле, хлыстовщина добросовестно верит Библии? Но тогда её основатель, „бог-саваоф“, Данила Филиппович не бросил бы все священные книги в Волгу и не объявил бы единственным источником истины, выражаясь его торжественным слогом, „книгу животную, голубиную, самого сударя Духа Свята“, или в переводе на более „подлый“ стиль – собственные его – мужика Данилы – бредни. И хоть потом хлысты измыслили легенду, как Тамбовский „Христос“ Аввакум Копылов достал из Волги брошенные в неё Костромским „саваофом“ книги, но всё же „сударь Дух Святой“ остался у них навсегда не только путеводителем по Библии, но и помимо (и вопреки) неё глаголет в пророках, христах, богородицах. Сказанное о хлыстах относится и к скопцам. Не 19 гл. Ев. Матфея виновата тут своей (действительной или мнимой) неясностью учения о трояком скопчестве; ибо не отсекают же себе скопцы рук и не выкалывают глаз, когда через них соблазняются, тогда как по букве это предписано в 5 и 18 главах того же Ев. Мф., и при том в гораздо более ясной, императивной форме, чем в гл. 19-й. Или нужна для чего-нибудь Библия духоборам, когда их „сын Божий“, Тамбовский Горельский торговец – Побирохин прямо обзывал её „хлопотницей“ (тряпкой из хлопка) и, подобно хлыстовскому „саваофу“, также бредил о „животной книге“, разумея, впрочем, под нею не столько непосредственное озарение Духом, сколько своё, яко бы от Христа идущее, устное предание, внешне выраженное в духоборческих псалмах. „В Писании иное тому, иное – другому пригодно, а мы принимаем, что нам следует“, – говорили духоборы арх. Евгению. Скажут, я подбираю одни духовные секты? Нет, почти тоже приходится сказать и о евангеликах (библеистах): молоканах, штундистах, пашковцах. Не доверяя живому, богодухновенному, церковному сознанию, они обоготворили мёртвую букву Библии, в погоне за духом умудрились превратить книгу жизни в бездушного идола,

который покорно санкционирует им всё, что ни вздумается им от него потребовать. А как только евангелик освобождается от этого языческого библиопоклонства, вернее – когда ему надоест и эта фиктивная зависимость от Библии, тогда он начинает обращаться со своим идолом бесцеремоннее всякого фетиша, бьющего своего болвана, и кроит Библию свободнее всякого тюбингенца. Современная штунда заявляет, что она верит Библии „не по словам и стихам“, а „по духовному озарению“ (Испов. Чаплин. штундистов); а в самое последнее время, вероятно, под толстовским влиянием, штундисты начинают крайне либеральничать на счёт целых отделов и книг Библии. Не говорим уже о самой толстовщине, грубейшим образом выкидывающей из Библии всё, что ей не нравится, играющей стихами и паримиями, главами и книгами, переводящей, перефразирующей и толкующей остальное со свободой, приводящей в ужас сколько-нибудь добросовестного экзегета и приближающейся в распоряжении Библией к уральскому психопату-иеговисту капитану Ильину. Да что и говорить, коли сам родоначальник нового сектантства Лютер, по-видимому так превознёсший Библию перед устным преданием, однако же позволял себе находить в ней много „мякины“ и очень уж упрощённым способом отделялся от противных его взглядам и не поддававшихся перетолкованию свящ. книг: прямо объявлял их небогодуховенными, неканоническими. Поэтому, если все секты, не исключая духоборов и хлыстов, говорят библейским языком, ссылаются на тексты Писаний, если даже хлысту Копылову вздумалось пойти против своего „саваофа“ и с самого дна глубокой Волги достать священные книги, то здесь мы имеем дело отчасти с прямой недобросовестностью (желанием под маской евангелия, в образе ангела света, прельстить слабых и неутверждённых), а больше – с искренним самообманом немощных, не имеющих мужества всецело отбросить прежнюю святыню, хотя от неё осталась одна лишь форма, буква без прежнего смысла и духа жизни: всё же они от нас изыдоша, хоть и не быша наши. Поэтому то так ужасно толкуется у сектантов Библия; поэтому то так трудно убедить сектанта в неправильном понимании им текста,

оправдывающего, по его мнению, его лжеучение; поэтому-то, иногда неумелая, хоть и основательная по существу, полемика может быть, действительно, одной текстомахией, как иногда несправедливо обзывают огульно всё наше противо-сектантское дело.

Да, не Библия, не ошибки ума, не промахи невежественных толковников повинны в образовании сектантства; виноваты предрассудки, страсти человеческие, коварно – малодушно ищущие себе оправдания в святых книгах, „чтобы, если можно, прельстить и избранных“.

Итак, психология (а не логика) сектантства есть психология нравственного развращения, психология греха; секты – это не случайные заблуждения ума, не простые ошибки еле бредущих по Библии, а *глубокие греховные патологические течения нравственно-религиозной жизни*, широкой волной греха и отступления заливающие мир, – проявления той тайны беззакония, которая уже в действии, обнаружение того духа-антихриста, о котором мы слышали, что он придёт, и теперь вот уже есть в мире.

Присмотримся к этому несколько ближе.

О начале греха мы знаем, что Денница не соблюл своего начальства, но оставил своё жилище, и не устоял в истине по гордости: высоко возомнив о себе, он пожелал освободиться от подначалия и послушания Богу, хотел быть независимым устроителем своей жизни и абсолютно-свободным деятелем в мире, а быть может, и владыкой мира, т. е. вытеснить Бога из мира и самому стать богом миру. Склонив на сей путь гордости, лже-свободы и призрачной власти многих из низших бесплотных, он потом толкнул на него и первых людей, которые тоже захотели быть „как боги“, помимо Бога, и стали распоряжаться собой и природой против воли Бога (вкушение запрещённого плода). С тех пор и поныне *существо греха есть та же исконная гордыня, та же выше Бога дмящаяся свобода*, стремление ограниченного, тварного существа самостоятельно вне Божьего (и своего нравственного) закона устроить свою жизнь, обладать миром и, если можно, властвовать над другими, через историю прогресса человеческого красной нитью

проходит горделивое направление, стремление человеческой личности к самовозвышению. Этот прогресс есть прогресс прав личности, – эта точка зрения считается, по крайней мере, самой высокой при изучении истории человечества. Но что такое право личности? Отвечает история, поскольку она есть неустанная борьба личности за своё право: раба против господина, чёрного против белого, смерда и холопа против благородного и пана, сословий, обойдённых против привилегированных, мечта бедного о насильственном отобрании и равном разделе земли и вообще имущества богатых. На красном знамени революции права эти формулированы так: „равенство, братство, свобода“. Братство принцип чисто нравственный, не связанный необходимо с юридическим равенством и свободой, и, конечно, выставлен тут в минуты увлечения; равенство же есть низшая степень, так сказать, преддверие свободы. Итак, свобода – вот заветное слово прогресса, бог истории, перед которым преклоняется человечество; к нему (всецело) сводится гуманность и либеральные „-измы“; свобода – вот искомое историей право личности! Но где же граница этих прав и этой свободы? Сначала борьба за свободу от политического и личного рабства, затем – против сословного неравенства перед законом, против рабства и неравенства экономического, далее – против деспотизма самодержавия и монархии и т. д., и т. д. А вместе слышится проповедь свободы мнения и верования, слова и пропаганды, наконец – полной свободы действия с упразднением всякого насилия, меча, принудительных закона и власти, государственного порядка. Всё это единый процесс развития прав человека, свободы личности, путь торжества гуманности. И можно ли где-нибудь указать существенную границу между этими последовательными ступенями развития одного и того же принципа? Сейчас мечтают добиться свободы совести и слова и близоруко думают на этом остановиться, но можно ли свободу совести и слова существенно разграничить от свободы действия? Пущенная гулять по свету дурная мысль может быть по своим последствиям вреднее дурного дела; клевета может причинить оклеветанному экономическое разорение; обида словом бывает чувствительнее оскорбления

действием, даже может свести в могилу; подстрекательство на преступление есть уже преступное деяние. Религиозное, пусть, даже самое искреннее учение может содержать в себе несомненные семена нравственных безобразий, противоестественных и противозаконных преступлений, даже – прямо выраженное анархическое направление. Первое мы видим в наших хлыстовщине и скопчестве, второе – отчасти в духоборстве и штунде, а особенно в толстовстве. Как отличить тут свободу религиозной проповеди, совращения в сектантство от свободы подстрекательства, подговора на всё дурное, а если пропаганда ведётся нечистыми путями, то – и от свободы застрашивания, подкупа и т. д.? – Но какой же вывод из сказанного? – одобрить ли безобразия рабства или предпочесть им ужасы революции и анархии? Если попрание человеческой личности последовательно ведёт к рабству, а свобода – к анархии, то где же выход из этой дилеммы? Где остановиться, но не на полдороги? Куда идти, но с ясным сознанием конца пути? Единственно правильный путь жизни – как для человека, так и для человечества – это путь согласия с Абсолютным, послушания Богу, путь нравственного развития – любви, уступчивости, терпения, смирения. В одной любви разрешается та безысходная для эгоизма антиномия единицы и целого, личности и общества, в которой на протяжении всей своей истории мучительно бьётся горделивое человечество. Общество даёт личности силу, право, но оно же и властно налагает на неё обязанности: возвышая и освобождая её одной рукой, оно гнетёт и закрепощает её другой. И на началах эгоизма, когда личность принимает узы общественности в расчёте получить выгоды в смысле свободы развития и проявления, – выхода из этой петли нет: личные права покупаются общественными обязанностями, личная свобода – рабством закону. Эгоизм, гордыня, – в какие бы общественные формы они ни завивались, всегда суть начала уродливо индивидуалистические и, как такие, ведут к обратному результату – попранию личности. Иное дело любовь. Это начало организующее, ведущее к высшей личной свободе через подвиг самоотречения. Не ища себе свободы, права, выгоды, она по добровольному нежному

влечению отдаёт личность в послушание другим, и, как свободное подчинение, находящее себе в этом самом удовлетворение, она распутывает гордиев узел свободы и закона, права и обязанности, личности и общества: ища всецело закона и обязанности, она приобретает свободу и право, отдавая личность обществу, она приобретает её от него. Любящий раб не станет добиваться свободы, но любящий господин сам даст её ему. В идеальном союзе любви мыслится полнейшая свобода от какого бы то ни было общественного принуждения или ограничения (поэтому-то свобода так вожделенна и свята и для христианина, как спутник любви), но лишь потому, что любящая личность носит в себе всю нужную полноту нравственного самоограничения, охотного самопожертвования. Полная свобода допустима лишь при полной святости (любви). В Боге и мыслится абсолютная свобода, как нравственная необходимость, как святость, как любовь и самоотречение. Свобода – следствие, спутник святости любви; к ней можно идти, стремясь к святости. Власть может дать обществу столько свободы, сколько в нём нравственного развития. Но грех производит коварную подтасовку в стремлениях человека: отодвигая на задний план добро, затеняя святость, заглушая любовь, он выдвигает свободу, как самостоятельную и высшую цель, обольщает ею, как высшим благом. И человек, не замечая, что его идеал урезан, обокраден, подменён, продолжает считать его святинею и добивается всеми силами свободы, как безусловного права, вне стремления к совершенству любви, а не добившись её, считает себя обойдённым и обиженным; ему хочется стать свободным „как боги“, но вовсе не в зависимости от того, чтобы воспринять в себя Бога – любви. Личность, говорят, есть высшее в мире, сама по себе безусловная ценность, а потому её права должны быть постоянной высшей целью человека. Более экзальтированное и парадоксальное мышление договаривается до сверхчеловека, стоящего выше, по ту сторону добра и зла (тип антихриста). Беллетристика этого направления воспекает героев демонического характера, свободолюбивых борцов или босяков, полных клопочущих страстей, резких проявлений,

высокомерного осуждения и презрения, и издевается над смиренными, кроткими, уступчивыми, как над слабыми, чахлыми, бледными, безжизненными. – Такое извращение Творцом положенных основ жизни, вся эта лживая иллюзия, погоня за призраком, естественно, даёт обратный результат: деспотизм закона меняется на тягчайший деспотизм беззакония, ибо безудержная свобода гордеца и самолюбца есть семя всевозможных насилий; единица возвышается на счёт целого, но за то расстраивается организм, дававший жизнь каждому отдельному члену. И история этой гордыни есть картина Сизифовой работы, титанических усилий, но и колоссальнейших неудач; порыв к величию, по пути бесславия и позора. Падение личного рабства быстро сменилось рабством экономическим. Во имя равенства избивались привилегированные, во имя свободы – правители. Кружки самых крайних борцов за свободу против всякого гнёта и насилия дышат самым нетерпимым фанатизмом, ужаснейшей тиранией и, держась внутри самым грубым деспотизмом, во вне действуют кинжалом, динамитом, револьвером. Французская революция сменилась эпохой террора; равенство, братство, свобода – поддерживались гильотиной; знамя свободы – всегда кровавого цвета: характерно в высшей степени! И наша свежая Павловская история мужиков-толстовцев, ради скорейшего торжества непротивления разгромивших церкви и кольями избивших властей и православных, – эта не какая-нибудь бессмысленная случайность, а типичнейший факт, полный принципиального смысла⁶. На ложном пути суждены лишь благие порывы, свершить же ничего не дано; каждый шаг вперёд есть вместе и шаг назад, сделанное правой рукой тут же разрушается левой. Человечество, сбившееся с Божьего пути, – это ворона на болоте: вытянув из грязи нос, она погрязает хвостом, и, чтобы извлечь хвост, она принуждена снова упереться в грязь носом. А почему? Потому, что потеряна твёрдая точка опоры и условное поставлено на место безусловного. Единственная твёрдая точка опоры, тяга земли – добро, а безусловное – закон Бога; в святыне любви разрешение всей путаницы и всех проблем, а лже-свобода подбита на изнанке враждой, насилием,

страстями. Вопреки философам, личность человеческая не есть что-либо само по себе ценное; она ценна лишь поскольку отрекается от себя в пользу Бога, послушна Ему, добра, и имеет отрицательную ценность, поскольку она зла, т. е. утверждает себя вне и против Бога, уклоняясь от законов бытия и истинной жизни. Право бытия имеет одно добро; в ком окончательно окрепло зло и угасла искра добра в его совести, кто уже вовсе и навсегда перестал внутренне мучиться злом (бесовское состояние), тот не может, не должен вызывать сострадания, заслуживать снисхождения. Личность, как бы сильна она ни была, не должна стоять по ту сторону добра и зла. Преклонение перед силой личности, интенсивностью жизни, независимо от её нравственного качества, направления, – есть язычество, идолопоклонство, изгнание из жизни добра, Бога, и вознесение на Его святой престол самого человека со всем человеческим – грязными страстями и похотями. Свобода – это нечто святое, идеальное, заветное, Божественное, но (при ложной постановке стремлений) – это и горделивый идол на глиняных ногах, золотой снаружи, а внутри полный костей человеческих, с алмазными очами и руками, обагрёнными кровью жертв человеческих. Таким образом, принципиально рассуждая, личности должна быть предоставлена свобода соразмерно её добродетели, и законное насилие должно быть пропорционально существующему злу. Терпимость, попускание может быть лишь временным, условным, выходить из воспитательных целей, т. е. целей добра же, подобно дисциплине естественных последствий в педагогии. Святые выше закона, но для грешных и злодеев власть меч носит, хотя и не без ума, т. е. не без некоторой педагогической рассудительности (этим мы избегаем аутодафе и инквизиции⁷). Добиваются разнузданной свободы – эгоисты, гордецы. С другой стороны, уступают сим притязаниям лишь те из имеющих в руках законный меч власти, у кого потеряно ясное различие добра и зла и твёрдая воля в то, что он на пути истины, у кого сбивчиво нравственное суждение, т. е. помрачена совесть, кто не чувствует почвы истины под ногами. Пресловутая терпимость, если только она не есть разумный педагогический

расчёт и целесообразное попущение, есть несомненно порождение индифферентизма и скептицизма. Если быть к добру и злу постыдно равнодушным, то тогда, конечно, зачем подымать борьбу и из-за чего насиловать человека? Как посягнуть на свободу другого без совершенной уверенности в истине того, во имя чего посягаешь? ведь, он такой же человек, как и я: ну, что коли прав то он, а ошибаюсь я? – вот путы для всякого вмешательства в дела другого; дерзновение же власти пропорционально её убеждённости⁸. Христианство, по существу своему, есть претензия на обладание известной долей абсолютной истины и на участие в абсолютной жизни: оно исключает индифферентизм и скептицизм, а потому и безусловную дряблую терпимость.

Гордость, как стремление человека стать Богом помимо и, след., вместо Бога, в жизни сказывающаяся стремлением человеческой личности стать выше какого бы то ни было стеснения и ограничения, – абсолютно-свободным деятелем в мире, в области умозрения *приводит к теоретическому устранению Бога* и поставлению на Его место человека, т. е. – к антропотейзму. Эта тенденция мысли, проходя различные стадии своего логического и психологического развития и борясь с изначальной идеей единого премирного истинного Бога, разрешилась, наконец, в конце дохристианского мира антропоморфизмом Греко-Римской религии, которая (по крайней мере в этом смысле) составляет последнее слово древнего язычества. Но это было далеко не самое крайнее, не самое последовательное осуществление вышеуказанной горделивой тенденции мысли. Греко-Римские боги, правда, мыслились в образе людей, с человеческими способностями и страстями; но всё же это не были в собственном смысле люди, а лишь воображаемые человекообразные существа высшего порядка, наделённые человеческими свойствами, но в высшей степени, т. е. премудрые, могучие, бессмертные. Это был только антропоморфизм, а не полный антропотейзм, хотя, может быть, в нём и пробивались черты последнего в почитании предков и особенно в Греческом обоготворении героев и Римском – царей. – Языческий фантастический политеизм древности, особенно в

образованной Греции, ко времени возникновения христианства уже падал под ударами логической философской идеи монизма; ту же идею проповедало и христианство. С тех пор для образованного мира немислимо стало язычество, как политеизм. Но основное направление грешной, гордой, естественной религиозно-философской мысли осталось и в новом мире то же, что и в древнем, и процесс разрушения первоначальной чистой веры язычеством в существенном повторился и повторяется в разрушении той же гордой мыслью и чистой истины христианской. Вместо наивного языческого политеизма и антропоморфизма вырос в новой философии намеченный еще древнею – *пантеизм, сокровенно содержащий в себе антропотеизм*: это несомненный шаг вперёд, но по тому же пути гордого самообожания язычества. Пантеизм отрицает трансцендентного миру личного Бога. Принимая направление идеалистическое, он объявляет все вещи и явления мира феноменами, призрачными модусами единственно истинно Сущего, или моментами развития этого Абсолютного от бессознательного к самосознанию и от слепого стремления к разумной воле. Становясь же на путь реалистический и материалистический, он трактует Бога, как душу мира, единую его сущность, основу, силу. Но на том и другом пути он сходится в признании человека за высшего личного деятеля в мире (ибо он есть высшее, реальное или призрачное – всё равно, проявление мировой сущности), т.-е. всякий пантеизм косвенно возводит человека в Бога. Что касается дальнейших выводов из этой ложной концепции, то несомненно, что с точки зрения пантеизма должно быть признано за человеком право абсолютной свободы действия в отношении к вещам и людям (я не говорю о свободе воли – это иное): он – бог, он – высшая в мире личность. Если, по-видимому, он делает дурно, то это он лишь ошибается, то – не грех в смысле сознательного падения, – такого греха для человека-бога нет, абсолютное падать не может, – то просто ошибки неадекватности, незнания того, что в конце концов для него полезно, непонимание законов бытия и жизни, недоразвитость абсолютного сознания в человеке. Процесс

добра в людях должен быть и есть вполне соответствен процессу умственного развития: зло – в невежестве, непонимании своего счастья; а потому и спасение – в просвещении, познании бытия и жизни, природы и человека. Наибольшего почтения в мире заслуживает наиболее умный, сильный, свободный человек (источник антихристианского типа сверхчеловека). Когда Абсолютное достигнет в людях полного своего самосознания или, когда, проще говоря, человечество приблизится постепенным естественным путём культуры и просвещения к полному знанию своих сил, тайн природы, господству над нею и к полному пониманию своего счастья, своих выгод, тогда, в конце прогресса и истории, настанет золотой век; и (хотя личное воскресение преждеотшедших немыслимо, но) нет ничего невозможного, что наука даёт земное бессмертие тем, кто будет жить в то блаженное время. А пока ещё среди людей царит мрак и заблуждение, можно и должно друг другу разъяснять пути жизни, но, конечно, никто не в праве насиловать другого во имя своих убеждений: в нём, как и в тебе, абсолютное, Бог, душа мира, и кто поручится, что прав в своей уверенности ты, а не он? Пантеизм со всеми указанными из него выводами есть преобладающее и в настоящее время естественное религиозно-философское мировоззрение, являющееся не только достоянием мыслителей, как философская доктрина, но и окрашивающее всю вообще научную и публицистическую мысль, в смутных отрывках и выводах усвояемое с ветру и недоучками.

Мы намеренно остановились на раскрытии горделивого направления мирской мысли и жизни, чтобы затем яснее указать, что *и наше сектантство есть исчадие этого же духа мира сего, одно из проявлений той же гордыни человека и его самообожания.*

И прежде всего – в своей умозрительной части оно носит *черты пантеизма*. Правда, оно есть преимущественно отрицательный в отношении к православию процесс, и в нём больше критики православия, чем своего положительного вероучения; при том же, как достояние по преимуществу народной невежественной массы, оно главным образом

вертится около вопросов более практических – о спасении, Церкви, таинствах, особенно же обрядах, оставляя в тени все более отвлечённые догмы. Но если, однако, разобраться в догматических обрывках, туманностях и противоречиях сектантства, то в нём приходится констатировать пантеистическое направление религиозной мысли, приводящее к человеко-обожанию. Трудно навязывать пантеизм евангеликам, хотя, может быть, он смутно пробивается, если не в пашковщине, где простая уверенность в спасении уже равносильна самому спасению, то хоть в отрицании чудесного воскресения тела в духовном молоканстве, ожидании чувственного царства Мессии, царства разума, правды, свободы в молоканстве жидовствующем, и отчасти в штундизме, а равно в признании некоторыми из штундистов Христа простым благодатствованным человеком, научившим мир разуму. Но в сектах, дальше ушедших от православия и христианства, пантеистическое мировоззрение уже совершенно ясно. Так, несомненно пантеистическую подкладку имеют хлыстовщина и скопчество. Хотя они и не раскрывают подробно своего учения о Боге и Его отношении к миру, но самый основной их догмат о перевоплощениях Христа в людях⁹ имеет себе аналогию в несомненно пантеистическом Буддизме и может быть объяснён лишь из начал пантеизма: если Бог есть не больше, как мировая сила, особенно проявляющаяся в людях, то понятно, что воплощения Христа в православном смысле быть не может; Христос Сын Божий в смысле особенного присутствия в нём Божественного начала, которое, конечно, в такой же, если не большей степени, может быть присуще и другим людям, которые и могут быть пророками, христами, саваофами. Могло бы быть ещё, пожалуй, какое-нибудь сомнение на счёт пантеизма хлыстов, если бы они учили лишь о последовательном переселении души исторического Христа из одного человека в другого и о возможности, следовательно, в каждый данный момент быть на земле лишь одному Христу. Но хлысты именно допускают единовременное существование многих Христов, причём возможно даже такое явление, что эти последние будут разногласить, повздорят между собой и станут

доказывать друг другу: – „я бог велик!“ – „а я больше тебя!“ „Он (Христос), поётся в хлыстовских распевцах, пречистой своей плоти подвиг земной кончил, а в других плотях избранных Он ещё кончает, а в иных плотях избранных Он ещё начинает“. Это уже необъяснимо из простой идеи душепереселения, хотя и сама идея-то эта удобнее всего вырастает на почве пантеистической. Не говорим уже, что дуалистический взгляд хлыстов и скопцов на плоть, как безусловно грешное начало, их уродливый аскетизм, отрицание брака, их учение о таинственной смерти в человеке его личности, после чего он начинает-де чувствовать в себе иную чужую силу и волю, – всё это черты пантеизма, сродные индийскому Буддизму. – Яснее, прямее пантеистическое понятие о Боге и Его отношении к миру и человеку раскрыто у духовоборов, у которых можно констатировать пантеизм, не прибегая ни к каким окольным путям и наведениям. Бог, по духовоборам, не имеет отдельного от мира бытия; Он пребывает в людях вообще и избранных – духовоборах – особенно, как сила и память (Бог Отец), разум и слово (Бог Сын) и воля (Бог Дух). Троичность есть вовсе не ипостасная самостоятельность, а лишь различие в проявлениях этого безличного мирового божества. Небеса, где обитает Бог и будут обитать духовоборы, – это добродетели; рай – это они, духовоборы; ад, где обитают злые демоны, – это души грешников. Мир никогда не кончится, а останется в том же виде, как и теперь, только со временем настанет царство одних праведных, т. е. духовоборов; воскресения тел не будет, и люди будут и тогда так же, как и теперь, рождаться и умирать и таким образом вечно менять тела, переселяясь душой из одного – износившегося в другое – юное. Подобное же учение, но без веры в душепереселение, с несколько пессимистическим оттенком и некоторым подобием буддийской нирваны, содержит и догматика Л. Толстого. Бог – это высшее, Божественное свойство мира – Разум. Если надо говорить о Троице, то Отец – это будет жизнь, Сын – разум, Дух Св. – разум жизни, разумение её. Люди – это наиболее ясные проявления этого мирового начала; любовь их между собою – это чувство своего тождества в основе мира и стремление к последней; умирая, человек

возвращается этой, обитавшей в нём, частицей разума к общему, безличному и блаженному, мировому Разуму. Дробление единого Разума на обособленные человеческие личности есть временный и даже нежелательный эгоистический процесс; брак и чадородие греховны, мир естественно уничтожится от бесплодия и чем скорее, тем лучше. – Остаётся ещё разве упомянуть о Сионской вести капитана Ильина, где пантеизм новой мысли невежественно повернул на 2000 лет назад – к антропоморфизму древности, приближаясь вместе к грубому материализму. Боги, по Ильину, – это люди, лишь премудрые, бессмертные, обладающие тайнами природы маги; Егова – тоже человек, ибо Он ел, пил и боролся с Иаковом. Когда придёт на землю Мессия, то водворит на ней тысячелетнее царство всеобщего довольства, богатства, неги и роскоши.

Итак, наше сектантство, по крайней мере в сектах, более удалившихся от православия и сколько-нибудь пускающихся в общие богословские умствования, несомненно отражает на себе пантеистическое влияние язычествующей в христианстве мысли, ведущей человека к самообольщению в своей божественности.

Языческое же гордое стремление человека к превозношению своей личности, воли, свободы, указанное нами в человеческой истории, сказалось и в других пунктах сектантского отступления¹⁰.

Так, оно видно в искажении нашими сектами основного христианского догмата искупительного Боговоплощения, причём здесь влияли отчасти горделивые, самоуверенные человеческие стремления вообще, отчасти же прямо им поддакивающее пантеистическое миросозерцание.

Догмат искупления имеет глубокие нравственные основания. Вера в спасение нас Богочеловеком предполагает смиренное сознание всей глубины нашего падения, всего нравственного ничтожества как отдельного человека, так и всего человечества, совершенной невозможности людям спастись самим, т. е. исправиться собственными естественными усилиями и взаимопомощью: иначе, ведь для чего и

искупление? Греховность наша, по православному учению, не просто в одном нашем невежестве по вопросам спасения, нашей неразвитости в различении добра и зла, неясности нашей совести, а кроме того ещё в глубоком, отчасти наследственном, отчасти самоприобретаемом растлении, ослаблении нравственной воли до бессилия осуществить даже ясно сознаваемый долг. Поэтому и Христово дело отнюдь не сводится к одной проповеди, хотя бы и подкреплённой личным примером, одному возвещению истины любви через учение и жизнь, – истины, запечатлённой в своей жизненности и искренности страданием и смертью; но оно ещё состоит в благодатном таинственном возрождении нашего сердца, нашей воли, чтобы они сильны были любить и осуществлять желаемое добро. Поэтому-то и Искупителем, воссоздающим падшую природу человека, может быть лишь Тот, Кто и творил её, т. е. Лицо Божеское, а учителем чистой нравственности может быть и какой-нибудь великий человек-пророк или философ. Вот это-то учение о Боге во плоти пришедшем и святом кресте Богочеловека, смиряющее ветхого человека с его естественными надорванными силами, и полно безумия и ненависти *в очах гордых*. И покорный слуга уязвлённой гордости – разум, быть может сам того не замечая, перевирает догмат так, чтобы сохранить личности её самообольщённое достоинство. Большую службу служит тут в его руках и пантеизм, как онтологическая подкладка человеко-обожания. Соблюсти же человеку собственное достоинство в учении о спасении можно лишь в ущерб величию и ценности Божественного дела искупления. И вот во всех, или почти во всех, наших сектах, так или иначе, прямо или косвенно проводится мысль, что грех человека не так уж глубок, а естественные силы наши не так уж слабы; что человечество само своими силами может выйти из настоящего тягостного состояния: стоит ему только познать истину, а это не так уж трудно, и к этому идёт история; что Спасителю вовсе не надо быть Богом, а достаточно быть нашим же братом человеком, лишь мудрейшим и искреннейшим. Наиближе к православию в рассматриваемом отношении стоят те секты, которые содержат

чисто лютеранское учение о внешнем оправдании человека единственно по вере в искупительные заслуги Богочеловека и о непосредственном благодатствовании каждого в молитве и чтении слова Божия, т. е. пашковцы и часть штунды. Молокане хоть и признают Христа Сыном Божиим, но Сына Божия считают неравным Отцу по Божескому достоинству, а плоть Христову, – а след., и смерть считают призрачной или, во всяком случае, не обычной человеческой, а такой, какая была у сопровождавшего Товии архангела Рафаила: здесь уже умаляется величие искупления и тем незаметно делается перевес в сторону естественных сил человека. Некоторая часть штундистов считает Христа простым благодатствованным, подобно пророкам, человеком и потому не признаёт никакой таинственной благодати в спасении. Имея хотя смутное, но несомненно пантеистическое представление о Триедином Боге и Его отношении к человеку, хлысты мыслят о Христе, как о человеке, в душу которого, по его святости, нравственно вселился Сын Божий и который был учителем и носителем духа для своего времени. Но совершенно также может снизойти Сын Божий и Дух Его и в каждого хлыста, который и станет Христом, а родившая его (телесно или по духу) будет богородицей. Почти тоже учение мы находим и у скопцов, с той лишь разницей, что, по ним, воплощение Христово бывает вызвано не нравственным достоинством известного человека, а потребностями исторического момента; исторический Христос учил оскотлению, – в этом и всё спасение. Более развитым в своих пантеистических основаниях то же учение мы находим и у духоборов. Мы видели, что, по ним, Божественная Троица не есть Троица ипостасей, имеющих отдельное бытие, а Троица Божественных свойств, разлитых в мире и особо пребывающих в их избранном роде, – свойств – памяти, разума, воли. Исторический Христос есть сын Божий лишь в смысле особого явления в Нём этого Божественного свойства разума, в смысле преимущественной мудрости. Но Христос – не единственный Сын Божий. Горельский Побирохин, напр., – сын Божий совершенно в том же смысле, что и Назаретский Христос. Да и всякий озарённый духом премудрости и разума духобор ниже

Христа и Побирохина лишь в степени, а не по существу: в сердце каждого духобора живёт Христос, т. е. Разум, и страдает за истину. Души пали в до-миром существовании и никакого наследственного прародительского греха нет; посылаемые на землю в тела, переходя из одного в другое, они и научаются Божественному разуму, навывают следовать ему в жизни и, подражая Христу-Назарянину, страдать за него и тем спасаются в роде избранных. Иногда духоборы договариваются до того, что ихние-де „старики знают более, нежели Христос“ (Новицкий, 230 стр.). Тут уже, значит, не только ниспровергается особенное значение Христа, как восстановителя падшей природы нашей, но Ему отказывают даже в значении особенного, исключительного предвестника истины. Дальше духоборов не ушёл Толстой со своими единомышленниками. И у него Сын Божий – это пребывающее в людях и лично несуществующее разумение жизни. С особенной силой оно явилось в сыне Назаретского плотника Иисусе, мудром учителе, непонятом евреями, даже ближайшими Его учениками, и пострадавшем за свои идеи. Грех людей – это их невежество, отсутствие разумения жизни, и спасает нас учение и пример жизни Христа, давая понимание правил жизни и смысла её. Думается, толстовство очень и очень недалеко от того, чтобы вымолвить, что в графе из Ясной Поляны обитает разумение жизни ничуть не меньше, чем в сыне плотника из Назарета, и что Толстой – сын Божий и Искупитель вроде духоборческого Побирохина, скопческого Селиванова, хлыстовских – Данилы Филиппыча и Суслова. Единственно кто, может быть, зашёл дальше Толстого, по крайней мере говорил грубее и прямее, если и не так развито и художественно, это капитан Ильин – основатель „Десного братства“. Боги – суть люди, хотя, впрочем, особо умные и бессмертные; Христос – простой еврей, а спасение в том, что придёт Мессия (человек) и чувственно воцарится на земле; а придёт Он тогда, когда окончится незаметно совершающееся ныне разделение всех людей на десных и ошуйных, т. е. принимающих и непринимających учение Ильина. Тут уже пантеизм перешёл в грубый материализм и антропоморфизм; исторический Христос объявлен без обиняков обыкновеннейшим

человеком; а в учении о спасении совершенно незаметно элемента нравственного исправления и даже научения разуму жизни: придёт Мессия – человек, воцарится над „десными“, как они есть, и будет вечно царствовать, изгнав суды, власти, подати и даже школы и науки, обеспечив всем богатство и комфорт. Много здесь невежества, явно видно влияние жидовства, но за всем тем – это несомненно логический конец нашего сектантства: когда разумение жизни станет всеобщим или, по крайней мере, преобладающим, тогда, безо всякого особого нравственного перерождения, безо всякого чудесного второго пришествия Сына Божия (а, пожалуй, и телесного таинственного воскресения) настанет золотой век конца социально-экономического и культурного прогресса с отсутствием всякого меча и насилия, неравенства и нужды. Точь-в-точь то самое, о чём мечтает наша язычествующая наука и интеллигенция; без мечтателя Христа, без утопий нравственного перерождения – путём науки, культуры, социальных реформ и переворотов история дойдёт до золотого века... Жалкие сектантские мечты, коварный дух антихриста!..

Нечего и говорить, к чему ведёт указанное горделивое и самообольщённое извращение сектами христианских понятий о естественных силах человека и смысле искупления в отношении *учения о благодати и таинствах*: оно ведёт к полному отрицанию того и другого. Если Христос – лишь обожествлённый человек, не многим выше или даже и несколько не выше того, чем может быть и каждый из нас, а некоторые и действительно суть, то может ли Он дать нам какую-то особую Божественную, таинственно перерождающую нас силу? и если нам для правильности жизни и устройства всеобщего благоденствия достаточно лишь уразуметь смысл жизни, познать из учения Христова истину о жизни и вдохновиться Его примером, то и какая ещё нам нужна благодать, кроме этой благодати учения и примера? и какие ещё такие могут быть таинства – „магически“ низводящие благодать священнодействия?... Правда, почти все сектанты твердят о благодати и о дарах духа, и даже о таинствах, но надо осторожно относиться ко всем этим христианским словам, ибо под ними часто и очень часто

содержится далеко не православный и даже не христианский смысл. – Посмотрим для примера, что такое у сектантов крещение, о котором все они учат. По духоборам, оно есть изучение „животной книги“ и страдание за истину по примеру Христа. Молокане-Уклеинцы говорят, что оно должно совершиться в духовной воде через изучение слова Божия. У штундо-баптистов возрождение человека происходит от веры в Евангельскую проповедь, а водное крещение – есть лишь видимый обряд присоединения к верным, обещания быть верным, символ очищения от грехов. В пашковщине оно признаётся, лишь как исповедание желания вступить в стадо Христово. Всё таинства православной Церкви, по хлыстам, суть простые, не перерождающие человека, обряды и если имеют значение, то разве лишь как прообраз их радений (у скопцов – оскпления); если же иногда у них и совершается крещение, то лишь как обряд принятия в секту. – Возьмём ещё пример – таинство св. причащения. Духоборы учат, что через слово, веру, сердечное желание Христос (помни – Разум) духовно вселяется в людей: это и есть причащение; не люди должны вкушать плоти и крови Христа, а в нашей плоти и крови рождается духовный Христос. Молокане-Уклеинцы причащением Христу называют принятие Его учения и исполнение Его заповедей. Совершаемое у штундистов преломление хлеба и вечери любви – имеют лишь смысл воспоминания страданий и смерти Христа и выражения общения верных, причём хлеб и вино не перестают быть хлебом и вином и суть лишь знаки воспоминаемых тела и крови Голгофского Страдальца. Напоминанием (и больше ничем) о совершенном на кресте искуплении является евхаристия и для пашковца. Толстовцы если и упоминают о причащении (Харьковские), то понимают под ним духовное приятие в себя Христа (разумение жизни), словом – верой. Наконец, скопцы и хлысты, если и имеют обряд причащения изюмом, хлебом, квасом, в форме целования голого колена „богородицы“ и в других ужаснейших и безнравственнейших видах, о них же срамно и глаголати, то это лишь кощунственные обряды. Одни Донские молокане, вообще представляющие собой очень близкую к православию фракцию

протеста против крайностей духовного Тамбовского толка, – признают таинство евхаристии почти по православному¹¹. – Вообще надо сказать, что с пантеистической точки зрения не может быть не только воплощения личного Бога или благодати и таинства, но и вообще ничего в собственном смысле чудесного, сверх натурального. Если Божество не выше мира, а лишь имманентная ему основная сила и сущность, то всё в мире естественно, или, если уж хотите, всё сверхъестественно; но разницы между тем и другим не может быть никакой. Поэтому сектантство имеет тенденцию отрицать истинное христианское Боговоплощение и таинства; поэтому оно так склонно верить в чувственное тысячелетнее царство, естественный блаженный конец истории и вообще отрицать чудеса Евангелия, хотя само иногда (напр., хлысты), по-видимому, исповедует сплошное чудо.

Н. Базарянинов

(Окончание следует).

Цветаев Дм., проф. Положение иноверия в России // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 41–55

Историческое обозрение¹².

Православие в русской исторической жизни. – Высочайший манифест от 26 февраля 1903 года о веротерпимости и основная его мысль. – Вероисповедное положение католиков и протестантов в петербургский и московский период, свобода вероисповедания католиков в древней Руси. – Сопоставление свободы иноверия в России и веротерпимости на Западе. – Выводы.

Свет Креста, водружённого в русской земле великим князем Владимиром Святым, с того времени светит в ней непрерывно. Постепенно сливаясь с существом русских людей и постоянно озаряя их высшими, одухотворяющими идеалами, православие является важнейшей творческой силой их быта, их государственности; выделив из мира языческого, оно сроднило их с людьми мира христианского, но вместе с тем и охраняет их в независимости от иноверцев и, охраняя, научает к снисходительному отношению к людям иных вер, иных исповеданий.

Верховный Блуститель православно-русских идеалов ещё в настоящем году с высоты Своего престола объявил: „Мы, с непреклонной решимостью незамедлительно удовлетворить назревшим нуждам государственным, признали за благо: укрепить неуклонное соблюдение властями, с делами веры соприкасающимися, заветов веротерпимости, начертанных в основных законах Империи Российской, которые, благоговейно почитая православную церковь первенствующей и господствующей, предоставляют всем подданным нашим инославных и иноверных исповеданий свободное отправление их веры и богослужений по обрядам оной“.

Многим, особенно на Западе, это Царское слово о веротерпимости показалось новым по своим принципам, как бы порицанием и отрицанием прежнего; иные увидели было в нём даже ступень к уравниванию иноверия с православием, поворот к

„свободе“ отклонять и отклоняться в чуждые верования. Даже в русской печати приходилось читать, что у нас должен быть теперь „выход только один. Для укрепления правды в русской земле надо, прежде всего, очистить от посторонней примеси в самых основных законах чистые заветы веротерпимости, начертанные в них. Желательно было бы заменить в статье 45 выражение „по закону и исповеданию праотцев своих“ словами „по вере и исповеданию совести своей“, или другими, им равнозначными. Все остальные перемены, законодательные и административные, тогда последуют сами“.

Однако в русской же печати разъяснялось, что манифест 26 февраля настоящего года напоминает нам, что вовсе не в этом заключается истинная веротерпимость, заветы которой „начертаны в основных законах Империи Российской“: эти законы предоставляют всем подданным Русского Царя инославных и иноверных исповеданий свободное отправление их веры и богослужений по обрядам оной, по тем же законам „благоговейно почитают православную церковь первенствующей и господствующей“, а следовательно и имеющей присвоенные ей одной права и преимущества перед другими исповеданиями.

Свобода каждого иного исповедания под условием ненарушения прав господствующего православия – вот, действительно, основная идея последнего манифеста, и эта мысль у нас постоянная, а по отношению к западному иноверию она с определённой, не допускающей перетолкований, выражена и уставлена в первые же годы появления у нас католиков и протестантов. Что бы ни говорили по адресу России, как бы ни кичился Запад своей культурой и религиозной свободой, но именно России первой принадлежит честь наиболее удовлетворительного решения вопроса и установки дела об иноверии.

Приведём же ряд соответственных установлений, свидетельств и фактов, постепенно идя в глубь веков.

Основные государственные у нас законы о вере, на которые указывает Государь в Своем манифесте, гласят:

„Первенствующая и господствующая в Российской Империи вера есть христианская православная католическая восточного

исповедания (40 статья). Все не принадлежащие к господствующей церкви подданные Российского государства, природные и в подданство принятые, также иностранцы, состоящие в российской службе, или временно в России пребывающие, пользуются каждый повсеместно свободным отправлением их веры и богослужения по обрядам оной (44 ст.). Свобода веры присвоается не токмо христианам иностранных исповеданий, но и евреям, магометанам и язычникам: да все народы, в России пребывающие, славят Бога Всемоущего разными языками по закону и исповеданию праотцев своих, благословляя царствование Российских Монархов и моля Творца вселенной о умножении благоденствия и укреплении силы Империи“ (45 ст.).

Хорошо известно, какие широкие права католичеству и лютеранству предоставлял император Александр I в присоединённых при нём царстве польском и великом княжестве финляндском. Известно также, как энергично выражалась Екатерина II о свободе всех вер и исповеданий в её царстве, между её подданными, и один из писателей её времени свидетельствовал: „Благодушие императрицы к католикам превзошло всё, что можно ожидать от государыни, не принадлежащей к римско-католической вере... Если же Рим этого не чувствует, то он перед целым светом доказывает свою неблагодарность: римско-католики в Белоруссии столь же свободны в делах веры, как католики в Албануме и Фраскати“. Между тем в той же Белоруссии притеснения православных католиками не прекращались даже и после раздела Польши. „Ныне уведомляемся, – говорится в указе конца XVIII в., – что в некоторых присоединённых от Польши к державе нашей губерниях духовенство и помещики римско-католического исповедания, обращая во зло данную от нас свободу исповедания веры, явным образом притесняют священнослужителей православные греко-российские церкви, и не токмо тайно внушениями, но даже и насильственно отторгают от церкви сей людей, добровольно к ней прилепившихся, обращая их к униатству“.

Великий Пётр в своём Ништадтском трактате обещал, что „жителям уступленных России провинций не будет никакого принуждения в совести; евангелическая вера, церкви и школы будут содержаны, как прежде были под шведским владычеством“, однако под условием, что и „греческая вера впреде свободно и без помешания в оных такожде отправлена быть может“. Призывая западно-европейцев на службу в Россию, он объявлял в своём указе 16 апреля 1702 г., отправленном за границу: „Понеже здесь в столице нашей (Москве) уже введено свободное отправление богослужения всех других, хотя с нашею церковью несогласных сект; того ради и оное сим подтверждается, таким образом, что мы, по дарованной нам от Всевышнего власти, совести человеческой приневоливать не желаем и охотно предоставляем каждому христианину на его ответственность пещись о блаженстве души своей“.

И со времени Петра, за весь петербургский период, свобода инославных исповеданий даже как-то особо подчёркивается у нас. Наиболее наглядной иллюстрацией сего служит то, что в новой русской столице, на главной её улице, Невском проспекте, парадно стоят церкви англиканская, лютеранская и католическая, и на том же проспекте, на всём протяжении его чуть ли не в целых четыре версты, стоит всего одна домовая православная церковь, внешней архитектурой напоминающая римский собор Петра, массивный Казанский собор.

Но и Пётр не вводил тут чего-либо совершенно нового. В своей реформаторской деятельности он не изменял основ русской жизни, его реформа в существенных свойствах предрешалась вековой практикой Московского государства, которая предрешала и предоставление религиозной свободы западноевропейцам. Не даром же свои слова манифеста о свободе веры Пётр начинает указанием на существовавшее уже в Москве.

Олеарий, современник Алексея Михайловича и Михаила Фёдоровича, записал: „Москвитяне терпят всякого рода исповедания и охотно ведут дела с разными народностями... Русские охотно терпят в своей стране лютеран и кальвинистов,

равно как и отправление их богослужения. Католики же или паписты до сих пор ещё мало пользуются их расположением... Вообще же не слышно, чтобы русские насильственно кого обращали в свою веру и, напротив, каждому они предоставляют свободу совести, хотя бы это были их подданные или рабы... Всякого же, добровольно обращающегося в их веру, они охотно принимают“.

В Андрусовском договоре (1666 г.) Алексея Михайловича с польским королём устанавливалось, что жители уступленных от Польши городов „свободно могут иметь употребление веры католической без всякого в отправлении богомолia своего в домах своих затруднения“. По Велиесариевскому договору (25 дек. 1658 г.) жителям шведских областей, оставшихся под русским владычеством, государь обещал „их богомолья не отнимать, но чтоб им иметь свои попы и церковную службу, по их вере и без помешки“.

Та же беспрепятственность вероисповедания была и в XVI веке.

Когда посол королевы Елизаветы к царю Фёдору Ивановичу ходатайствовал (1587 г.) о повольности английским торговым людям жить в России „по своей вере и в своём законе“, то ему было сказано: „государю нашему до их веры и дела нет: многих вер люди живут в государя нашего государстве... и те все живут в своих верах, и от веры их не отводят, кто как хочет, тот так и живёт по своей вере“.

При определении прав жителей завоёвываемых северо-западных областей, царь Иван Васильевич Грозный объявлял (1558 г.) сдавшимся жителям Дерпта: „граждане дерптские остаются при своей религии аугсбургского исповедания без всяких перемен и не будут принуждаемы отступить от неё; церкви их со всеми принадлежностями остаются, как были, равно как и школы их“. В условиях (1570 г.) с ливонским королём Магнусом, женатым на двоюродной племяннице Грозного, сохранение аугсбургского вероисповедания обещано для всей Ливонии.

На свои просьбы о том, чтобы наше правительство заменило в Москве „маистров люторских немецких“

священниками веры римской, которые будут немецкие же (как будто это одно и то же!), и допускало иноземных купцов приезжать с своим духовенством „веры католической“, папский посол Антоний Поссевин получил от Грозного ответ: „римлянам, венецианцам и цесаревой области торговым людям в московское государство приезжать и торговать повольно и попам с ними их веры ездить воля без всякого возбранения, только им учения своего не плодить и костёлов им в государстве не ставить, каждый в своей вере да пребывает... а что Антоний говорит о лютерах, то в Российском государстве всяких вер люди многие живут, и своим обыкновением, и к русским людям не пристають, а хотя бы кто и похотел пристати, и того тому чинить не попускают“.

Этот ответ и политика Грозного послужили, в отношениях к западному иноверию, прототипом политики всех последующих московских государей, а в своём принципе предоставления вероисповедных преимуществ протестантам перед католиками служили прототипом и политики русского правительства и за петербургский период.

С тех пор, как реформация поделила западных людей на два враждебные между собой лагеря и в московском государстве подметили вероисповедную и национальную рознь между западными пришельцами, практический расчёт побудил у нас отдать предпочтение людям германского племени, принадлежавшим к протестантскому вероисповеданию. Католичество было ближе к православию, это признавали в Москве, и в догматическом отношении ставили его выше протестантизма; но зато религиозная даль сокращалась иными условиями. Под возбуждающим действием реформации протестанты оказывались предприимчивее, в Москву являлись в большем числе и умели лучше принаровляться к местным условиям и требованиям. Собираясь из разных мест, главным образом северо-западной Европы, и не имея такого руководителя, как католики папу и иезуитов, они менее католиков вторгались в местную религиозную и политическую жизнь, менее ревновали о вероисповедной пропаганде, и, стоя в стороне от литовско-польского дела, многие из них искреннее

служили в борьбе с католической Польшей, тогда ещё слишком тяжёлой для России. И потому в московском государстве „немцы“-протестанты вскоре весьма превзошли своих соперников и количественно, и в гражданских, и в вероисповедных льготах.

Неприкосновенностью *личного* вероисповедания пользовались в московском государстве одинаково все западные пришлые люди, как католики, так и протестанты: тут каждый пребывал в своей вере без всякого возбранения, без стеснений; в степени же свободы и удобств отправления богослужения льготы и благоприятные условия были на стороне протестантов. За исключением эпохи самозванцев, когда вторгшиеся католики почти хозяйничали в русской земле и на мгновение пооттёрли было протестантов, наше правительство, не стесняя католиков в вере, не позволяло иметь им ни костёла, ни иезуитов, а после междуцарствия некоторое время, главным образом, из-за борьбы с Польшей, не находили возможным допускать сначала и вообще всех лиц этой веры. Католическая община в Москве снова стала заметно заявлять о себе лишь после присоединения Малороссии, и о действительной постройке первого костёла в подмосковной Немецкой слободе могла быть речь лишь к концу XVII века, в 1694–1695 годах. В противоположность этому, пасторов и кирки, хотя и испытывших на себе превратность судьбы, за всё рассматриваемое время дозволялось в московском государстве иметь протестантам почти непрерывно, причём первая московская лютеранская церковь получила своё начало при том же Грозном, который так решительно отказал в том католикам. Первая кирка была выстроена в 1576 году, в подмосковном иноземном предместье, Немецкой слободе. Смутная эпоха смела и Немецкую слободу, и кирку; поселение иноземцев, после этой эпохи, в пределах Москвы повело к построению в ней нескольких кирок. С основанием Ново-иноземской или Ново-немецкой слободы, в первые годы царствования Алексея Михайловича, и выселением в неё всех московских иноземцев, одна за другою переносятся туда прежние кирки или строятся новые, на участках земли, отмежёванных правительством для

пасторов. Получают устойчивость две лютеранских церкви и одна реформатская, с группирующимися около них особыми общинами, приходами, и все эти три церкви к концу XVII века одна за другой перестраиваются в каменные, чему тогда придавали особую важность. Кроме Москвы, протестантские церкви были ещё в Нижнем-Новгороде, Архангельске и на железных заводах близ Тулы. Нижегородская лютеранская церковь получила своё начало в конце царствования Грозного; остальные – во второй половине XVII века. Пасторы при войсках получали казённое жалованье; отправлявшиеся по делам церковным к служилым иноземцам возились иногда на казённых подводах.

Все эти и подобные факты веротерпимости в московский период в России, от Грозного до единодержавия Петра, приобретают особую историческую ценность, если их сопоставить с тем, как в ту пору была обеспечена религиозная жизнь на Западе. На начало данного периода падают там такие события: в Германии немецко-протестантские князья ведут войны против императоров за получение и удержание религиозных и гражданских прав, в Великобритании Генрих VIII воюет за епископальный протестантизм с подданными католиками; одна его дочь, Мария, казнит протестантов, другая дочь, Елизавета, воздвигает гонение против католиков и всех протестантских диссидентов, в Швеции – стокгольмская кровавая баня, во Франции виднеется кровавое зарево Варфоломеевской ночи и т. д., и т. д.: на середину периода падает Тридцатилетняя война с теми же, как и прежде, огульными сожжениями протестантских или католических книг и церквей; наконец, изгнание гугенотов, которых не защитил от сего и нантский эдикт и которые вскоре затем получили (1689 г.) приглашение прибыть в московское государство. При наличии этих событий, из которых многие были известны в Москве, положение иноверия в московском государстве тем ещё более важно, что наши государи, дозволявшие свободу иноверия и выдававшие религиозные привилегии, имели много оснований быть недовольными отношениями к русским церквям со стороны особенно наших западных соседей. За весь этот

период нельзя было, как справедливо жаловался патриарх Иоаким, соорудить на Западе ни одной православной церкви. Царь Грозный указывал датскому королю, что „люди ливонской земли... в Риге церковь нашу во имя Николы Чудотворца, гридню и палаты отдали литовским попам и купцам, в Юрьеве (Дерпте) церковь Николы Чудотворца разорили, конюшню в том месте поставили юрьевцы, а улицами русскими, палатами и погребями юрьевцы сами завладели“. Михаилу Фёдоровичу и его сыну причиняли слишком много забот притеснения в вере, испытываемые русскими людьми в Ливонии и в новгородских областях, отошедших к Швеции по Столбовскому договору; напрасно старались за последних и новгородские владыки: всё православное изводилось, уничтожалось лютеранскими властями и правительством систематически. Накануне своей смерти Алексей Михайлович снаряжал к шведскому королю посольство, между прочим, с жалобой на коронных и городских властей г. Ревеля, которые церковь Николая Чудотворца, издавна утверждённую мирными договорами за государевыми подданными, держат в „неволе“ и не пускают в неё на молитву.

А что делалось пришлым католичеством по отношению к православию в Литве, западной и юго-западной Руси, входивших в состав Речи Посполитой, это уже весьма разъяснено в науке, и для иллюстрации положения православного населения, прежде всего, припомним речь, произнесённую на варшавском сейме 1620 года западнорусским депутатом Лаврентием Древинским (чаšníкой волынской земли и членом виленского братства).

„О, Боже, кому не известно, коль великие притеснения терпит народ русский в отношении своего благочестия. Начну с короны (т. е. юго-западной Руси, присоединённой к польской короне). Уже в больших городах церкви запечатаны, имения церковные расхищены, в монастырях, вместо монахов, содержат скот. Перейдём к великому княжеству литовскому: там то же самое делается в городах, пограничных с московским государством. В Могилёве и Орше церкви также запечатаны, священники разогнаны, в Пинске тоже; Лещинский монастырь обращён в питейный дом. Вследствие сего дети умирают без

крещения; тела покойников вывозятся из городов, как падаль, без церковного обряда; не имея брачного благословения, народ живёт в непотребстве; люди умирают без исповеди и приобщения св. Таин“. „А что делается во Львове? Кто греческого закона и не склоняется к унии, того теснят из города, не принимают ни в купечество, ни в ремесленные цехи. В Вильне для православного покойника запирают городские ворота (в которых невозбранено ездить жидам и татарам), и его должны выносить в такое отверстие, через которое вывозят только нечистоты. Православных монахов хватают, бьют и заключают в оковы. На гражданские уряды не допускают людей достойных и учёных, а наполняют их (католиками и униатами), хотя бы глупцами и невеждами“. „Уже двадцать лет на каждом сеймике и на каждом сейме мы умоляем с горькими слезами, но не можешь добиться, чтобы нам сохранили наши права и вольности“. „Если же и на этом сейме не последует исправления столь тяжких зол, то принуждены будем возопить с пророком: *суди ми, Боже, и рассуди прю мою*“.

Но подобные протесты обыкновенно были голосами, вопиющими в пустыне: тяжкие удары, притеснения всё увеличивались, а православная часть населения уже и к этому времени очень ослабела в своём государственном и общественном положении. Ещё несколько ранее, известный Мелетий Смотрицкий в своём „Приносе“, изданном в 1610 году на польском языке в Вильно, указывал, от лица православной церкви, какие уже и тогда потери она понесла в лице видных её членов, ушедших в католичество: „Где тот бесценный камень, который я между иными перлами, как солнце между звёздами, носила в короне на главе моей? Где дом князей Острожских, сиявший более всех других блеском своей старожитной веры? Где и другие драгоценные камни той же короны: князя Слуцкие, Заславские, Вишневецкие, Збаражские, Сангушки, Чарторыйские, Красинские, Масальские, Горские, Соколинские, Лукомские, Пузыны и прочие, которых перечислять было бы слишком долго? Где и иные мои драгоценности – где древние, знатные, мощные, в целом свете славные своим мужеством и доблестью: Ходкевичи, Глебовичи, Кишки, Сапеги,

Дорогостайские, Войны, Воловичи, Зеновичи, Пацы, Халецкие, Тышкевичи, Корсаки, Хрептовичи, Тризны, Горностаи, Мышки, Гойские, Семашки, Гулевичи, Ярмолинские, Калиновские, Кирдеи, Загоровские, Мелешки, Боговитины, Павловичи, Сосновские, Скумины, Поцеи?”

На глазах современников красноречивого „Плача“ Смотрицкого происходили такие потери. Ещё у большинства этих фамилий современники знали отцов и дедов, которые служили славными представителями и борцами православия, а внуки и дети их были уже чужды ему или даже нередко и врагами его. Знатные и дворянские роды, под влиянием нудящих условий жизни и школьного иезуитского воспитания и обучения, чаще переходили прямо в католичество, примыкая к польским магнатам и шляхте, горожане же во многих местах чаще делались униатами. А с этим вместе всё сильнее и сильнее текли ограничения, стеснения и лишения православных в государственных и общественных правах и всё более и более сгущалось бедственное материальное и нравственное состояние, до которого был доведён народ, обращаемый, часто полу-насильственно и прямо насильственно, в католицизм или унию, или покидаемый в пренебрежении. Свою веру, свои народные особенности Западная Русь могла сохранять только путём борьбы, пассивной и активной, и эта борьба, по справедливому суждению историка С. М. Соловьева, самая видная сторона в её отношениях к польско-литовскому королевству.

В своём поступательном движении к Востоку католичество, со времени реформации усилив свои пропагандистские попытки, учинило через Польшу прямо насильственный натиск на московское государство, в эпоху возникших в нём смут.

Надо, непосредственно вчитавшись в наши летописи и записи, хотя на мгновение перенестись мыслью и чувством в ту пору и посмотреть глазами москвитян-современников на то, как отряды самозванцев и Сигизмунда, приходившие из-за польско-литовского рубежа и нёсшие за собой католичество, частью совместно с казацкой вольницей уничтожали русское имущество и губили людей, как издевались над попадавшимися им

русскими священниками, монахами и монахинями и, по издевательстве, многих и убивали, как кощунствовали над церковными облачениями, сосудами, над иконами, особенно большими, местными, почитаемыми, как „всякое скарედие творяху“ в храмах, в том числе и в московских кремлёвских соборах¹³, посмотреть на то, что огромное большинство в этих отрядах состояло не из поляков, а из западноруссов, которые настолько уже поддались полонизации, что, по почину и под руководством поляков-католиков, производили братоубийственное разрушение московского государственного и церковного строя, посмотреть, наконец, на то, что великие московские послы, просившие Владислава на престол под условием принятия и сохранения православия, были, с нарушением всякого международного и людского права, взяты в плен Сигизмундом, хотевшим сесть на московском троне и поведшим бы за собой католичество с иезуитами, надо – говорю – посмотреть на всё это глазами москвитян-современников, и тогда мы хотя отчасти поймём тот ужас, который охватил лучших московских людей при представлении, что будет с ними и со всеми русскими, с Русью, что станет с православием, если окончательно восторжествует католическая Польша и польский римский католицизм!.. Много условий и причин, что московское государство устояло тогда, – причин бытовых, экономических, социальных и т. п.; много было причин, что московская государственность выдержала тяжкие ей испытания в смутную эпоху; но главное, что, при виде внешних и внутренних опасностей, приподняло русские силы, объединило и воодушевило их, сообщив им непобедимость и творчество, – это *свет Креста*, водружённого в русской земле великим русским князем Владимиром Святым. Греко-восточное православное вероисповедание и самостоятельная русская Церковь, сделавшиеся уже вполне национальными, оказали здесь государственности незаменимую услугу. Народ восстал не столько на защиту национальности, сколько за свою веру, за православие, которое тем самым помогает русским спасти и свою народность, и государственность.

В польско-литовском государстве русские православные люди, вынуждаемые гнетущими обстоятельствами, для противодействия налегавшему католицизму вступали в союзы с местными кальвинистами и лютеранами, объединяли свои интересы с этими диссидентами; что же удивительного, что московские люди после смут, при всём возбуждении против всех западных иноверцев, решительно отдали на некоторое время полное преимущество перед католиками и предоставили протестантству наибольшую сравнительно свободу?! Отношения к католичеству смягчались и положение его поуравнивалось с протестантством по мере того, как западный соперник делался менее опасным, как ослаблялась сила пропагандистских домогательств Рима и как всё с меньшими и меньшими затруднениями и препятствиями шло объединение, возвращение всего наследия Владимира Святого.

Однако и московское правительство, уставив для протестантов большую свободу вероисповедания сравнительно с католиками, в предоставлении таковой религиозной свободы не было, как потом и Пётр I, совершенным здесь новатором. Протестанты получили с избытком почти лишь то, что перед тем имели в Москве католики и что московское правительство нашло в присоединённом Новгороде.

Пока Польша не сделалась непосредственным и усердным исполнительным орудием к религиозно-политическому подчинению московского государства и вообще русской народности, московское правительство не имело причин к особенно строгому отношению к католичеству, и даже Грозный обещал ещё Поссевину, чтобы западные купцы приезжали в Москву с своими священниками веры римской. А в Новгороде, когда он служил важнейшим пунктом северо-восточной торговли ганзейских городов, стояла, до половины XVI века, на торговом Немецком дворе католическая церковь св. Петра, которая, помимо религиозных целей, служила главным складом товаров. В силу значения церкви для торговли, она составляла предмет особой заботливости иноземных купцов, которые сами не только не давали в неё доступа русским, но и подвергали штрафу, кто по неосторожности показал бы им ключ от неё.

Новгород под конец вошёл в состав московского государства, а в раннюю пору он едилил с Киевом. Руси же киевской, до-монгольской, князья стояли в весьма живом, тесном общении с Западом, почти в таком, какое устало у нас со времени Петра Великого. Иные из князей владели несколькими иностранными языками, три дочери Ярослава вышли замуж, одна за короля шведского, другая за французского, третья за венгерского. В Киеве и других больших городах жило немалое количество людей латинской веры: воины, торговцы, ремесленники и т. п., из приезжих иностранцев или оседавших, принимавших подданство. Лица эти пользовались свободой своей веры и богослужения. Под Киевом некоторое время стоял доминиканский монастырь, закрытый лишь, когда его братия начала было порицать православие.

Принятие христианства Владимиром Святым совершилось ещё до разделения церквей. Но и в ту пору папа, представляя на Западе уже большую политическую силу и внедрившись в число светских владык, не считался в Византии доброкачественным православным. Он несколько раз присылал ко Владимиру своих послов, и весь Запад был заинтересован в подчинении России латинству. Однако Владимир, как независимый князь восточной страны, с замечательнейшей государственною чуткостью и проницательностью, принял крещение не от папы, а от греков: христианство греко-восточное он сделал верой и своего народа, для крещения и научения которого он призвал иерархию греческую. После окончательного отделения церквей, происшедшего в 1054 г., папа стал для греков отщепенцем, схизматиком, отлучённым от Вселенской церкви; таким он сделался и для нас, как оставшихся на стороне греков и вместе с ними. Понятны желания и стремления пап привлечь к себе русских князей, русскую церковь. Отсюда начинается у нас особенная потребность оберегания себя от папства, от католичества. Создаётся у нас соответственная литература греков и самих русских. В поучении, приписываемом преподобному Феодосию Печерскому, даётся наставление как

должно блюстися чужой веры, и в обращении в нём к киевскому князю говорится:

„Ты, чадо, непрестанно хвали свою веру и подвизайся в ней добрыми делами. Будь милостив не только к своим христианам, но и к чужим. Когда ты встретишь, что иноверные состязаются с верными и хотят лестью увлечь их от правой веры: помоги своими познаниями правоверным против кривоверных, и ты избавишь овца от уст львовых“.

Замечательно, как в этом обращении инок к князю настойчиво внушается снисхождение к иноверию и прямым орудием борьбы против кривоверия выступают познания. Сама восточная церковь уставила и не перестаёт в своих храмах молиться о соединении церквей.

Между тем, в западной церкви, после отпадения папы от православного востока, всё сильнее и сильнее шло омирщение, материализация католичества и совершенная узурпация власти папой, ведущие к губительным альбигойским войнам, к мрачной инквизиции, к ауто-да-фе, к ужасным казням в Праге, к тому, что все греки, духовные и мирские, искавшие на Западе спасения от бедствий на родине и бежавшие туда, вынуждались там принимать католичество, подчиняться папе: в тот период начались и стали развиваться притеснения православия и искоренения его в западно-русских областях, по мере подчинения их польскому влиянию и господству; на тот период падает уже политика пап, что, убеждаясь в безуспешности склонить русских князей к латинству ласками и переговорами, они стали запрещать католическим государям всякие союзы с русскими князьями и возбуждать западных государей на крестовые походы против русских.

Да, России первой принадлежит честь наиболее удовлетворительного решения вопроса о положении иноверия, о правах иноземцев. Когда на Западе иноземец считался врагом, или, по крайней мере, когда его личность и имущество составляли ещё собственность нового государства, и он не имел права завещания, был лишён свободы не только общественного, но и личного вероисповедания, и т. п., — древняя Русь не знала ничего подобного; в этом отношении не

произошло коренных видоизменений и в московскую пору, а в некоторых частях дело развилось и значительно далее. Неприкосновенность личного вероисповедания католиков и протестантов, под условием ненарушения прав православия, всегда стояла у нас прочно, чужие религиозные формы оставались в покое, не допускалось насилия в делах веры. Отдавая преимущества протестантам перед католиками, москвитяне свою веротерпимость к служилым и жившим у нас иноземцам простёрли до того, что их пасторы, если ими правилась прямая или косвенная служба государству, удостаивались иногда казённых наград и содержания. Такая веротерпимость выходила, разумеется, не столько из теоретических начал, или из юридических оснований свободы личности в делах веры: она обуславливалась свойственным нам гостеприимством, снисходительностью к иноверию православия и, ближе всего, политико-экономическими и культурными потребностями государства, удовлетворявшимися при содействии полезных иноземцев. В предоставлении той или иной льготы на общественное богослужение, в разрешениях постройки той или иной кирки и т. п., большей частью всё шло от фактов, отдельных случаев, нимало не обязательных для правительства на других местах и при других условиях: правительство постоянно сохраняло за собой полную свободу действий. Допускаемое на практике и отчасти, в видах политико-экономических, покровительствуемое, иноверие в смысле государственно-юридическом было в сущности только дозволено. С Петра Великого свобода личного вероисповедания и общественного богослужения иноверцев, одинаково на пространстве всего государства, с ненарушимостью основной системы допущения иноверия в пределах его безвредности для православия, утверждается царским словом, произнесённым во всеуслышание, и укрепляется с течением времени гласными, основными государственными законами.

Много и других вопросов, связанных с положением и жизнью западного иноверия, возникают и просятся на научное раскрытие, выяснение; но задача настоящей речи – обосновать мысль, что свобода иноверия всегда была в России и что

наиболее удовлетворительно она уставлена у нас много ранее, чем в мире католическом или протестантском.

И, оставляя другие вопросы до дальнейших бесед, я ничем не могу лучше заключить теперь свою речь, как напомнить о словах последнего манифеста, от 26 февраля сего года, напомнить о словах Грозного Поссевину и привести завет из далёкой киевской Руси, Феодосия к киевскому князю: „Ты, чадо, непрестанно хвали свою веру и подвизайся в ней добрыми делами. Будь милостив не только к своим христианам, по и к чужим... Когда ты встретишь, что иноверные состязаются с верным и хотят лестью увлечь их от правой веры: помоги своими познаниями правоверным против кривоверных“.

Профессор Университета *Дм. Цветаев*

**Раскол и сектантство по последнему
всеподданнейшему отчёту г. Обер-Прокурора Св.
Синода за 1900 год // Миссионерское обозрение.
1904 г. № 1–10. С. 56–65**

Раскол старообрядчества

В религиозно-нравственной жизни русского раскола старообрядчества в продолжение 1900 г. не произошло существенных изменений. Раскольническая масса вместе с своими руководителями, по характеру своих религиозных представлений и суждений заявляет себя по-прежнему во многих местах фанатизмом и нетерпимостью к православной Церкви.

I. Причины устойчивости раскола

Первой и главной причиной устойчивости раскола, несомненно, служит невежество народа. В подтверждение этого достаточно указать на тот постоянно наблюдаемый факт, что всюду, где правильное просвещение коснулось раскольнической массы, раскол теряет свой острый характер. Кроме того, устойчивости раскола содействуют также некоторые внешние и внутренние условия жизни раскольников. К числу первых должны быть отнесены: 1) значительная удалённость многих деревень с раскольническим населением от приходских церквей и проистекающая отсюда невозможность пастырского на него влияния, 2) многочисленность в некоторых местностях приверженцев раскола, дающая им полную возможность не вступать в общение с православными и воспитывать в своей среде фанатическую ненависть к православной Церкви и 3) внушения расколо-учителей и вожаков раскола, толкующих некоторые дарованные раскольникам льготы в смысле покровительства им со стороны правительственной власти и признания последнею истинности их „старой“ веры и правильности их обрядов. Из внутренних условий жизни раскола, содействующих его живучести и устойчивости, главнейшими являются материальная состоятельность раскольников, раскольническая литература и раскольнические моленные.

Обладание значительными материальными средствами даёт раскольникам возможность выбирать на общественные должности своих же раскольников и при содействии власти держать раскольническую массу в полном повиновении и не допускать до перехода в православие лиц, даже не сочувствующих расколу. Богатства раскольнические являются также причиной сильно развитой у раскольников взаимопомощи, прельщающих и православных. „Поневоле идёшь в раскол“, говорил один старик архангельскому миссионеру, „когда в доме нет ни копейки, в расколе же, по крайней мере, будешь получать подавание“. Строгие старообрядческие предписания ограждают

имения раскольников от перехода в собственность лиц, не принадлежащих к расколу. Вследствие этого, раскольнические имения растут и множатся – то как частные, то как принадлежащие целым обществам.

Получившая в последние годы сильное развитие *раскольническая литература* в значительной также степени содействует укреплению раскола. Встречающиеся ныне почти в каждом раскольническом доме раскольнические сочинения, исполненные ненависти и клеветы на православную Церковь и подвергающие резкой брани и осуждению все её постановления и отношения её к раскольникам, воспитывают в раскольничьей среде фанатизм и нетерпимость к православной Церкви и через то всё более и более удаляют раскольников от истины, усиливая их заблуждения.

Во многих местах у раскольников имеются *моленные*: большинство их отличается благоустройством и убранством. При некоторых моленных устроены даже певческие хоры. В иных местах при моленных учреждены приюты для бедных раскольников (в Вологодской губ.) и школы для обучения раскольничьих детей. Замечено, что раскольники, довольствующиеся домашней молитвой, менее фанатичны, податливее на убеждения и скорее присоединяются к православной Церкви. Наоборот, в местах, где раскольники имеют моленные, раскол отличается особой дерзостью и упорством. Сознывая большое значение моленных, как средства для укрепления раскола, раскольники не щадят средств на открытие их. Число мест совершения раскольничьих богослужений особенно увеличилось со времени последовавшего в 1879 г. решения Уголовного Кассационного Департамента Правительствующего Сената по делу Сорокина о том, что на устройство общественного богомоления в частном доме разрешения не требуется. Насколько повлияло это, сделавшееся известным раскольникам, решение Правительствующего Сената на увеличение числа моленных, можно видеть из нижеследующих цифровых данных, имеющих в отчётах преосвященных. В Вятской епархии разрешённых моленных имеется только 5, а неразрешённых до 60. В

Нижегородской епархии моленных более 212, из них разрешённых только 12. В Херсонской епархии из 30 моленных только 10 устроены с разрешения начальства. В Вологодской епархии моленных насчитывается до 86, из них 11 помещается в отдельных домах, а 75 в жилых избах. В Донской епархии только 20 моленных существует с разрешения гражданской власти, но в действительности их, по заявлению Донского преосвященного, гораздо более. Кроме того, в той же епархии имеются два женских раскольничьих монастыря и один мужской скит. В Екатеринбургской епархии раскольнических молелен и частных домов, в которых раскольники собираются на молитву, насчитывается до 73. В Ярославской епархии моленных 65. В отчётах Ярославского и Вологодского епархиальных преосвященных не сказано, сколько из числа указанных моленных, находящихся в пределах их епархий, существует с разрешения Правительства, но, принимая во внимание незначительное (сравнительно) количество раскольников в этих епархиях (в Ярославской – 9.052 и Вологодской – 7.831), можно, – по сравнению с числом разрешённых моленных в Донской, Вятской и Нижегородской епархиях (в первой – 20, во второй – 5 и в третьей – 12), в которых раскольников проживает более, чем в 10 раз, нежели в Ярославской и Вологодской епархиях, – заключить, что в обеих этих епархиях разрешённых моленных не свыше 10.

II. Три главные раскольнические секты

Раскол старообрядчества разделяется на три следующие главнейшие группы: поповцев, беглопоповцев и беспоповцев.

Самой многочисленной из этих сект и притом наиболее вредной и опасной для православной Церкви – является австрийская секта. Последователи последней объединяются своей лже-иерархией, по внешнему виду такой же, как и иерархия православной Церкви. Во многих губерниях они имеют лже-епископов, которые с находящимися у них в подчинении многочисленными лже-попами и лже-диаконами всемерно стараются поставить в глазах народа австрийскую секту на одинаковую степень с православной церковью и этим внешним сходством привлечь к себе как православных, так и последователей других раскольнических толков. В этих видах они заботятся об увеличении числа раскольнических приходов и моленных, часто совершают поездки по своим епархиям и отправляют в сёлах торжественные служения, привлекающие множество окрестных жителей, в числе их и православных. Последние, видя, что моленные раскольников австрийского согласия по внутреннему своему устройству не отличаются от православных храмов, что в них устроены алтари, престолы, жертвенники с сосудами для совершения богослужения, что лже-попы раскольнические, в полном священническом облачении, совершают в них все богослужения, не исключая литургии, нередко ходят даже в процессиях по улицам в облачениях и с пением, – весьма соблазняются и, по малоразвитости своей будучи не в состоянии за этим внешним сходством с истинной Церковью усмотреть внутреннюю несостоятельность австрийщины, иногда уклоняются в эту секту. Большим соблазном для православных служит и та свобода, с которой раскольнические попы венчают свадьбы. У них не соблюдается никаких предбрачных предосторожностей: сегодня вечером сватовство, а завтра утром венчание в моленной. Совсем не то у православных. Сколько священнику приходится выслушивать укоров из-за предбрачных предосторожностей и

отзывов о покладливости раскольниковских попов. „Не станешь венчать“, говорил один из православных своему приходскому священнику, „пойду к Арсену, – тот живо окрутит“. Ни на узаконенный возраст лет жениха и невесты, ни на родство – у раскольниковских попов также внимания не обращается.

В последние годы среди раскольников, приемлющих австрийское священство, происходит сильное внутреннее движение. Исходным началом этого движения служит недовольство петербургских и провинциальных раскольников австрийского толка московскими раскольниками того же толка, особенно попечителями или выборными из богатого московского купечества, прежде дававшими тон всему поповщинскому расколу. Это недовольство фактически выразилось в упразднении московского „духовного совета“ и в стремлении противопоставить силе московских заправил раскола авторитет „всероссийских соборов“ и „съездов“. Ежегодные соборы и съезды последнего времени, не смотря на существующее их запрещение, внесли необычайное оживление в жизнь последователей австрийского священства и выработали целый ряд мер, клонящихся к тому, чтобы дать обществу приемлющих это священство старообрядцев превосходство над всеми другими раскольниковскими толками (беглопоповщинскими и беспоповщинскими) и сделать его ещё более сильным противником православной Церкви. С этой целью, на бывших в Н. Новгороде всероссийских старообрядческих съездах, обсуждались вопросы о том, чтобы через особо уполномоченных лиц ходатайствовать перед правительством об открытии старообрядческих школ, в частности школ церковного крюкового пения, о признании старообрядческих обществ (братств, приходов, богаделен), о предоставлении права старообрядческим священникам вести метрические записи, о разрешении основать благотворительный (центральный) комитет и об оказании из средств этого комитета помощи беднейшим епископам, а также начётчикам и защитникам их лжеучения; чтобы просить раскольниковских епископов внушить подведомым им священникам заботу об обращении инославных (православных и раскольников других толков) в австрийскую

секту; чтобы избрать и подготовить людей, могущих вести беседы с никонианами и беспоповцами и обеспечить их хорошим содержанием, которое давало бы им возможность ездить по всей России и распространять „древнее“ благочестие. Словом, все постановления соборов и съездов раскольников австрийского толка направлены к укреплению этого толка и к изысканию способов пропаганды австрийской секты.

Раскольнические соборы происходят большей частью в Н. Новгороде. Этот город, благодаря ежегодной Макарьевской ярмарке, является в настоящее время одним из самых главных и опасных очагов раскольнической пропаганды. На всероссийское торжище в Нижнем искони собираются раскольники со всех концов России. Здесь широко и свободно производятся обмен и торговля всевозможными подпольными произведениями печатной и письменной раскольнической литературы, устраиваются прения между защитниками разных упований раскола и православными, и происходят „соборы“ и „съезды“ представителей разных толков раскола. Макарьевская ярмарка всему этому весьма благоприятствует: в массе приезжающей публики и под прикрытием коммерческих целей здесь удобно можно совершать, кому нужно, и не коммерческие дела. Вот почему раскольники австрийского толка местом для съездов и соборов избирают именно Нижний-Новгород: это самый удобный для сего пункт. Исключительным положением названного города, благодаря его ярмарке, объясняется и то обстоятельство, что главный руководитель австрийцев лже-епископ Арсений Швецов, хотя и состоит лже-епископом Уральским, но имеет местопребывание в Нижнем или по близости к нему в дер. Елесине. Сюда же приезжают часто и остаются надолго и главные пропагандисты раскола, которые свободно разъезжают с преступной целью пропаганды по всей Нижегородской епархии.

На указанные действия руководителей раскольнической австрийской секты, свидетельствующие о стремлении их к созданию и упрочению особой, независимой от правительственной власти раскольнической церкви, со своей самочинной иерархией, производящие соблазн и смущение

среди православных и нарушающие законные права и интересы господствующей Церкви, обратило внимание и Министерство Внутренних Дел, особым циркуляром на имя губернаторов, от 30 апреля 1900 г., предписавшее губернским начальствам принять меры к тому, чтобы раскольники и их духовные руководители отнюдь не присваивали себе не предоставленных им по закону прав и не позволяли себе действий, направленных к нарушению правил закона 3 мая 1883 года.

Беглопоповщинская секта, поставленная в зависимость от случаев перехода или бегства священников православной Церкви, испытывает много затруднений в приискании беглых попов. Часто встречаясь с невозможностью достать беглых священников, означенная секта, в лице своих последователей, представляет удобную почву для пропаганды австрийщины, имеющей среди них настолько большой успех, что некоторые преосвященные выражают даже опасение, что вымирающая секта беглопоповцев может быть окончательно поглощена сильной австрийщиной.

В жизни раскольников беглопоповцев Воронежской губернии произошло в 1900 году заслуживающее внимания событие – искание ими „древле-православного архиерея“. Потеряв веру в законность и благодатность беглых попов, раскольники этого толка отправили депутацию в Оренбургскую епархию, с целью отыскать некоего японского архиерея, приехавшего на Русь через китайские земли после усмирения китайцев европейскими войсками. Человека этого, выдающего себя древле-православным архиереем, беглопоповцы нашли, но, добыв его ставленную грамоту, не признали её подлинности и вернулись со стыдом и ещё большим разочарованием в возможности добыть где-либо законное священство помимо православной Церкви.

Характеристической чертой *беспоповщинской* секты служит дробление её на множество разного рода толков или согласий, из числа которых более известны следующие: поморский, федосеевский, филипповский и толк странников.

Вероучение беспоповцев очень несложно: нужно непременно креститься истинным крестом, то есть,

двуперстным сложением, чаще читать молитву Иисусову, в моленной петь и читать по старинным книгам, с лестовкой в руках. Вот и всё их положительное учение. Отрицательное – сложнее. Истинных церквей теперь, по учению беспоповцев, нет, потому что „на месте святе“ стоит мерзость запустения; истинного Причастия не может быть, так как царствует везде антихрист, а „церковное“ (т. е. в православной Церкви) Причастие – это мерзость запустения. Лжеучение о воцарении, в лице духовной и гражданской власти, антихриста – обще всем беспоповщинским толкам.

У беспоповцев много наставников или „отцов“, как они называются у них. „Их можно“, по словам отчёта Вологодского преосвященного, „встретить везде, где живёт порядочное число раскольников“. Но не все беспоповщинские „отче“ имеют равную честь, между ними есть отцы отцов, в распоряжении которых находятся все существующие в данной местности раскольники и которые посвящают новых „отцов“. Некоторые наставники играют в своей среде роль благочинных, наблюдающих за жизнью и исполнением обязанностей других отцов. Беспоповщинские наставники заправляют службами в моленных, крестят, принимают на исповедь, совершают погребение и в то же время усердно занимаются пропагандой раскола. Примеру их подражают и рядовые грамотные раскольники, называемые у них начётчиками. Пропагандистская деятельность расколо-учителей обычно сосредоточивается в деревне или приходе, где они живут, но нередко бывает, что они появляются и в чужих приходах, бродят по целой округе, разнося всюду ложное учение. Боясь противодействия своей пропаганде и наказания, начётчики изобретают разные предлоги для безопасности. „Там“, сообщается в отчёте Вологодского преосвященного, „расколо-учитель явится, как гость, в другом месте под видом покупателя или продавца, иногда назовётся путником, а иногда разыграет и роль юродивого“.

Из всех беспоповщинских толков раскола самым вредным для Церкви и государства является толк *странников* или *бегунов*, отрицающий государственный порядок. Последователи этой секты имеются во многих губерниях: Костромской,

Пермской, Вятской, Новгородской, Олонецкой, Вологодской, Ярославской, Томской и других. В 1900 году особую жизнедеятельность проявили бегуны Сарапульского уезда, Вятской губ. Полицейские власти обнаружили в этом году в селе и приходе Июльском, Сарапульского уезда, и в слободе на Старцевой горе г. Сарапула притоны бегунов. В Сарапульской слободе открыты были в трёх домах бегунские скиты, находящиеся вблизи леса и устроенные с секретными дверями и запорами, с постелями для нескольких человек и с подвальными тайниками. В одном из скитов, в доме, крестьянина Красильникова, в стене, обращённой к лесу, сделано небольшое отверстие, прикрытое висячими обоями, наклеенными на холст. Подвальные тайники устроены или под печами, или под тёмными комнатами, с приспособлениями для сидения и молитв. Обитатели открытых бегунских скитов были крестьяне из разных местностей не только Вятской, но и других губерний. Из данных полицейского дознания и предварительного судебного следствия, а также найденных рукописных сочинений вполне выясняется крайне вредное против-церковное и противогосударственное учение бегунов. „В настоящее время“, по этому учению, „идёт восьмая тысяча, а по писанию назначено только семь тысяч лет. Восьмая тысяча ничего хорошего не принесёт, так как со времени Петра Великого на земле воцарился антихрист. С того времени и все власти происходят от антихриста, так что цари суть лжехристы, священники – лжепророки, а потому надо отречься от мира и странствовать, иначе спастись нельзя, или же принимать странников, которые молятся о наших грехах“. Бегство оправдывается примером Христа и многих святых. Крещение, по учению странников, следует повторять, так как первое крещение, при жизни в мире, теряет силу и значение от грехов. Получение паспортов равносильно подчинению антихристу, а жизнь в обществе – жизни во власти антихриста. Женитьба и выдача в замужество считается грехом. *Красная смерть* признаётся хорошей смертью. Что это за смерть, в рукописях не выяснено, но между местными жителями распространён слух, что бегуны душат своих последователей во время болезни

красной подушкой. Справедливость такого слуха подтверждается случаем из жизни бегунов Каргопольского уезда, Олонецкой губ., на кладбище у которых, находящемся на гумнах крестьян, открытом в 1899 г. властями, вырыты были 20 человеческих трупов, имевших следы насильственной смерти.

Кроме вятских бегунов, в 1900 г. проявили также свою вредную деятельность бегуны Вологодской и Ярославской губерний. В первой много зла причинила православной церкви скрытая пропагандистская деятельность странников среди жителей Удорского края. Странники пропагандисты, во главе с неким Прохором, появились здесь осенью 1899 года из Каргополя (Олонецкой губ.), спасаясь от преследований полиции, обнаружившей около Каргополя упомянутый притон страннической секты. В Ярославской губ., в г. Данилове, на тайном собрании странников-статейников (так называются странники, принявшие статьи одного из распространителей странничества – Никиты Семенова, которыми установлено в секте нечто в роде иерархии) состоялось избрание нового „старейшины всей российской страны“ на место умершего организатора этой секты – Семенова. Выбор пал на старца Ивана Матвеева, бывшего „старейшиной предела“, т. е. заведовавшего делами секты в Ярославской и Вологодской губерниях.

III. Рационализм в некоторой части раскола

В последние годы в русском расколе старообрядчества (правда, ещё в весьма незначительной его части) происходят небывалые явления. Некоторые раскольники, убедившись, что в старопечатных книгах нет оснований для оправдания их упования, а всюду только обличения их заблуждений, мало стали обращаться к этим книгам; они начали прибегать к иным способам защиты, выдвигая из своих рядов апологетов новой формации, которые и в своих писаниях и в беседах с православными миссионерами высказывают суждения, разрушающие самые основные истины христианского вероучения и, таким образом, подрывающие последние связи нашего старообрядчества с вселенской Церковью. Преосвященный Вятский указывает в своём отчёте на одного из выдающихся начётчиков, который отвергает Божественную природу в Иисусе Христе и загробный мир. „Как же Бог невидим“, лжеумствует этот начётчик, „Христос принял нашу плоть. Неужели она невидима? Христос был не Бог, а только хитрый человек, подобный Брюссу. Говорят, что есть ещё и небесное царство и преисподняя. Астрономы же, смотря в телескопы, видят на несколько миллионов вверх, но рая не видали“. Другой молодой раскольник, той же епархии, в беседе с миссионером высказал, что он „вместе с графом Л. Толстым признаёт Христа за гениального учителя“, а также, что ему нравится молоканство за его отрицательное отношение к церковным обрядам. Опасным и разрушительным рационализмом по преимуществу заражаются раскольники беспоповщинских толков. Здесь рационализм произрастает на почве постоянного внутреннего дробления беспоповщины, естественно вызывающего во многих беспоповцах сомнение в истине, исповедуемой беспоповцами „древле-православной веры“. Так, из беспоповщинской даниловщины, Орловского уезда, Вятской епархии, выродились немоляки, не употребляющие внешних молитвенных знаков и отвергающие необходимость таинств; некоторые из них сливают лица Св.

Троицы в одно лицо Иисуса Христа и отвергают воплощение Сына Божия. Среди беспоповцев Самарской епархии, по сообщению преосвященного Самарского, появились такие, которые стали отвергать иконопочитание, слово Божие толкуют духовно, в духовном же смысле объясняют и чудеса Христовы. Подобные же рационалисты (не имеющие святых икон и не носящие на шее крестов) появились, под названием „пустынников“, в Устьсысольском уезде, Вологодской епархии. О начинающемся в старообрядческом расколе указанном новом движении свидетельствуют также прежде небывалые, а ныне нередкие, случаи уклонения раскольников в рационалистические секты. Так, например, большим успехом пользуется среди раскола Донской епархии штунда. В некоторых селениях этой епархии (хутор Пирожковский, стан. Камышовская, хутор Плетнево-Ширяйский) бывшие раскольники сделались ныне первыми и фанатичными пропагандистами штундизма; в той же епархии есть целая громадная штундистская община, большинство членов которой – бывшие последователи раскола.

(Окончание следует).

**Шевалеевский В., свящ. Следует ли крестить
штундистских детей? // Миссионерское обозрение.
1904 г. № 1–10. С. 66–71**

(Из миссионерских запросов).

„Не препятствуйте им приходить ко Мне“ (Мф.19:14).

Общая ненависть штундистов в отношении к православной церкви и её пастырям не мешает им отступать от обычного взгляда на неё, как на «блудный Вавилон», и обращаться к ней за удовлетворением духовных нужд. Почти всегда сектанты, по крайней мере в нашей епархии, обращаются к приходским священникам за совершением погребения умерших, многие из них любят, чтобы, при хождении с молитвой по приходу, священник заходил и в их дома; к приходским же священникам часто обращаются они и за совершением крещения своих младенцев.

Подобные отступления от принципа, являясь доказательством непоследовательности сектантов, всё же служат некоторой связью их с церковью, всегда напоминаящую «блудным сынам» о прежней их жизни в доме отчем.

К сожалению, некоторые случаи обращений сектантов к приходским священникам за совершением духовных треб не предусмотрены действующими церковными постановлениями, и иногда ставят пастыря в затруднение. В данном случае предлагается вопрос: *«Следует ли крестить приносимых православными восприемниками детей штундистов в том случае, если родители-сектанты отказываются дать установленную подписку с обязательством воспитывать крещаемого в православной вере?»*

Со стороны формальной, сектанты, отпадшие от единства церкви, преслушавшие её догматы и установления, делаются ей как бы чужими, как иноверцы, по слову евангелия: «если церкви не послушает, то да будет он тебе, как язычник и мытарь». Потому-то церковная практика в отношении к сектантам во многих случаях допускает то же, что и в отношении к иноверцам: так, непокаянно умерших сектантов принято

погребать, как иноверцев, на особо отведённых кладбищах, или же где-либо в углу – на границе православного кладбища; над ними не совершают чина отпевания, не вносят их в храм, не служат по ним литургий и панихид. При строго формальном взгляде на сектантов, как иноверцев, и рассматриваемый нами вопрос можно бы решить так же, как по смыслу ст. 28 «устава духовных консисторий» он предreshается в отношении крещения детей лиц иноверных. А именно: так как на основании 28 ст. Уст. Дух. Конс. священники могут крестить детей лиц иноверных лишь со взятием подписки от родителей, что сии дети будут воспитываться в православной вере, то предполагая, что сектанты суть те же иноверцы, священник, понятно, не должен крестить приносимых православными восприемниками детей штундистов, если родители не дают установленную подписку.

Вполне верное со стороны формальной, такое решение рассматриваемого вопроса, однако, не согласуется, по нашему мнению, с пастырско-миссионерским взглядом на дело. С точки зрения пастырско-миссионерской, такое решение рассматриваемого вопроса было бы слишком суровым, не согласующимся ни с обще-установившимся взглядом на сектантов, как на заблудших чад церкви, ни с пастырским сознанием священной необходимости и спасительности для всех таинства крещения, – не оправдывается при этом оно и соображениями практическими.

По обще-установившемуся пастырскому взгляду, сектанты далеко не то же, что иноверцы. Те не наши; мы их, так сказать, не знали, и они давно нам чужие. Сектанты же – и особенно отпадшие, недавно – нам близки; они нам родные; «они вышли от нас», были чадами одной матери-церкви – «плоть от плоти» и «кость от костей наших». Для многих из них отчуждение есть дело только временного настроения. Ясно, что, хотя по свойству своих лжеучений сектанты и могут быть приравняемы к иноверцам, но по степени духовного с нами родства, они к нам несравненно ближе, и формальное отношение к ним, как к иноверцам, не должно иметь место во всех случаях, особенно там, где дело касается спасения их неповинных младенцев.

«Блудный сын», отступник от церкви, приносит ко крещению рождённого младенца в свой прежний отчий дом! Да ведь это картина евангельская! Явление это – всё же весьма отрадное, заслуживающее самого нежного, любовного отношения пастыря. Крещение есть дверь в церковь и приведение ко Христу. Если для пастыря это не слова, а предмет живого верующего сознания, то какой же подвергает он себя ответственности, если откажется привести ко Христу новорождённое чадо заблудшего? Когда приносили ко Христу иудейских младенцев, чтобы он прикоснулся к ним, а ученики возбраняли, то Иисус, видев это, «вознегодовал» и сказал: «пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царствие Божие» (Мк.10:14; Мф.19:14). Не нарушит ли поэтому заповедь Христову священник, если откажет заблудившимся сектантам-родителям в крещении их младенца за недачей ими подписки? К нему приносят младенца получить благодатное освящение, омыться, освятиться, оправдаться, а пастырь требует подписку, и за непредставлением таковой решается оставить младенца некрещённым, невозрождённым от воды и Духа, непривитым ко Христу, вне Царства Божия, в царстве сатаны. За что же такое наказание младенцам и где останутся тогда слова Христовы: «не препятствуйте им приходить ко Мне?» Будет ли такой образ действий пастыря соответствовать идеалу любовных отношений к заблудшим, завещанному нам от Христа и апостолов?

Нам скажут, что решительные меры иногда бывают полезны в борьбе с распространяющимся сектантским движением. Вполне справедливо, но только тогда, когда дело касается общежитских, гражданских отношений, или таких случаев церковных отношений, коими не затрагиваются первейшие потребности духовной жизни. Но у нас речь о святом крещении, о первейшем христианском таинстве, обращать которое в средство борьбы для служителя церкви едва ли не преступно. Недостойно поступит пастырь, когда в пылу борьбы с сектантами поддастся чувству раздражения и, забывая, что он призван только врачевать, ухватится за меры полицейского воздействия...

«Любите детей, иереи Божии, и не препятствуйте им приходить ко Христу» – слышится нам вразумляющий голос. Дети неповинны в ожесточении отцов. Они рождены для обетований Божиих; их есть Царствие Божие (Деян.2:39; Мф.19:14); в венце творения – они, как живые жемчужины, блистают чистотой невинности. К ним должно относиться бережно и нежно. И кто не знает, что дети для отступников-родителей бывают часто лучшими миссионерами, что мать-сектантка, любящий отец-отступник, по любви к крещёному малышке, нередко оставляют свои заблуждения?

К сказанному присоединим и несколько практических соображений. Отказ священника родителям-штундистам в крещении их младенца, по несогласию их дать установленную подписку, поведёт только ко вреду и к большим неустройствам приходской жизни. Он только обострит враждебное настроение сектантов, вызовет с их стороны ещё большее озлобление и ожесточение и даст им только лишний повод к глумлению над таинством. Нужно взять во внимание характер и тактику вождей штундистов. Если священник, отказавшись совершить крещение за непредставлением подписки, делает тем подписку как бы обязательным условием для таинства, то вожаки сектантов не замедлят воспользоваться этим, чтобы породить новые смуты среди православных и требование подписки истолковать в том смысле, что-де и сама церковь православная смотрит на крещение, как только на житейский акт, где первое значение отдаётся бумаге. Тогда откроется поле для разных козунственных вопросов сектантов к православным о крещении с подпиской. Хитрые вопрошатели «от писания», наверное, будут тогда спрашивать – а где написано, чтоб при крещении требовалась подписка? Христос и апостолы крестили без подписок; священники поступают не по-апостольски и т. д. Известен совет премудрого – не отвечать безумному по безумию его. Но всё же подобные безумства могут сбить с толку неутверждённую душу. Между тем, пастырь всё должен делать только к миру и назиданию (Рим.14:19).

Настойчивое требование подписки от родителей-сектантов, при крещении их детей, ещё имело бы смысл в том случае, если

бы подписка достигала своих целей – ограждала бы крещаемых детей от воспитания по духу секты со стороны фанатиков-родителей. Но нет и этого. Воспитание – дело частное, домашнее, и никакая подписка не может быть ручательством за действительное выполнение сектантами-родителями своего обязательства. Сектант и с подпиской сумеет воспитать дитя по-сектантски, если не будет доброго стороннего влияния. А подвергнуть его за невыполнение обязательства ответственности – по неопределённости статей закона, едва ли будет возможно. Отсюда, и само требование подписки от родителей сектантов, что они воспитают крещаемого в православной вере, является в сущности делом малополезным – не охраняющим существенно неприкосновенность крещаемого от фанатиков-родителей. Не от подписки зависит всё будущее младенца, а от надёжного поручительства за его воспитание православных восприемников, принёсших его ко крещению, и, главное, от доброго участия к его судьбе самого пастыря.

Исходя из указанных соображений, мы приходим к следующим заключительным положениям по рассматриваемому вопросу о крещении детей штундистов: 1) Так как требование подписки от родителей-сектантов в том, что крещаемого младенца они воспитают в православной вере, является только внешней предупредительной мерой, установленной больше обычаем и практикой, чем прямым смыслом законов и правил о крещении, и так как отказ в крещении детей сектантов, за несогласием родителей дать установленную подписку, нигде прямо не указывается законами, то, в виду спасительной для всех важности таинства крещения, беда почему-либо сектантами-родителями установленной подписки не должна служить препятствием к совершению крещения. 2) В этом случае нравственная ответственность за воспитание крещаемых детей должна падать на православных восприемников, приносящих их ко крещению, коим поэтому пастырь и должен разъяснить всю важность принятого на себя долга, а потом – и главное – и на самого пастыря. 3) Следовательно, сам факт совершения крещения, при отказе родителей-сектантов дать установленную подписку, не свидетельствует о слабости и небрежности

отношений пастыря к отступникам, а наоборот, свидетельствует, буде он делает то осмысленно, о глубоком сознании им пастырского долга в отношении в заблудшим и спасительного значения для всех, не исключая и детей сектантских, таинства крещения. 4) Пастырская снисходительность в этом случае не может быть соблазном для ревнителей православия из прихожан, а служит им только доказательством мудрой осторожности пастыря в деле борьбы с отступниками и его заботливости о том, чтобы в увлечении борьбы не погубить неповинных младенцев. Так, по крайней мере, думается нам. Желалось бы, чтобы по этому вопросу откликнулись и другие миссионеры.

Курский епарх. миссионер священник *В. Шевалеевский*

Из записок и дневников

Апраксин С., врач. Об одной из главных причин неверия // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 72–79

Видевый Мене, виде Отца (Ин.14:8,9).

Глагола ему (Фоме) Иисус: яко видев Мя, веровал еси: блажени не видевший, и веровавшие (Ин. 20:29).

Вл. Соловьев разделяет неверие на недобросовестное и добросовестное. Под первым он понимает неверие тех лиц, рабов страстей и плоти (обжор, блудников, властолюбцев), которые не хотят собственно верить, так как эта вера налагает на них известную узду, которую они налагать на себя не желают; и вот вместо того, чтобы сознаться в своих дурных поступках, они начинают критиковать Евангелие, делаются последователями Ницше, и т. п. Это потомки того Евангельского богача из притчи о Богатом и Лазаре и его братьев, про которых Авраам сказал, что, если бы кто из мёртвых пришёл к ним возвестить, что их за это ожидает, они и тогда не поверили бы, как не поверили Моисею и другим пророкам. Это недобросовестное неверие. Но есть другое, добросовестное неверие, – неверие Фомы, когда человек жаждет веры, но не может веровать по невозможности собственно представить предмет веры и по невозможности познать истину иным путём, не путём *представления*, но путём *понимания*. Причины этого второго неверия различны; часто в основе его лежит недостаточное знание предмета веры, полное незнакомство с Священным Писанием, с Богословием и т. п., но часто, – и это самое главное – известный склад ума, желание во чтобы то ни стало представить данную истину, и неспособность постичь её другим путём, – не путём представления, но путём понимания или, говоря иначе, недостаточное развитие, умозрения, т. е. способности открывать в своей голове и сердце общие положения – аксиомы разума и из них делать логически *более частные* выводы и заключения. Неверие было во все времена, так как причина его лежит в самой природе человека, в его немогущности и окаянстве. С неверием боролся апостол Павел, и

вот он-то ясно указал на эту последнюю – главную причину неверия. В первом послании к Коринфянам он, критикуя тогдашнюю науку, – как «мудрость века сего», доказывая, что ей не суждено открыть истины в её сущности, тайн бытия, – говорит и о причинах неверия: «Душевный человек, говорит он, не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием, и не может разуместь, потому что о сём надобно судить духовно» (1Кор.2:14). Вот в этих-то словах и указывается главная причина второго – добросовестного неверия. Есть два метода мышления, два пути познания истины: дедуктивный или умозрительный и индуктивный или эмпирический; первый путь исходит из общих положений – из аксиом разума; примером таких аксиом могут служить аксиомы математические, существующие, помимо математики, и во всех других областях знания. Из этих аксиом путём силлогизма выводятся более частные заключения, – в результате получается целая сложная наука, как, напр., науки математические. Другой индуктивный путь мышления идёт от частного к общему. Он изучает факт, наблюдает, собирает их и путём обобщения делает более общее заключение. Таким методом мышления строятся науки биологические, естествоведение, медицина и т. п. В вопросах богословия «надобно судить духовно», – говорит апостол Павел, т. е. надобно идти первым путём – путём дедуктивным. Богословская наука основана на дедуктивном методе. Так как богословие составляло главную основу образования прежнего времени, то естественно, что у тогдашнего человека самой школой и самой жизнью вырабатывалась эта способность, с одной стороны, правильно находить в голове и сердце аксиомы разума, а с другой – логически делать из них заключения, или, говоря иначе, развивалось умозрение, способность к абстрактному, отвлечённому мышлению, и то, что трудно поддавалось *представлению*, ясно и прекрасно *понималось*.

Конечно, и в этом методе, вследствие немощности и окаянства природы человеческой, возможны были ошибки, – или за аксиому принималось в сущности неверное положение, или делалось не логичное заключение. Ошибку однако тут открыть легко и не трудно восстановить истину. Этим способом

познаётся сущность предмета или явления, а механизм явления при нём остаётся часто неразгаданным. Так, например, возьмём явления грозы. Изучая его дедуктивным методом, путём умозрения, легко было понять сущность явления – то, что это есть одно из небесных явлений, которым пользуется премудрость Божия для различных целей: иногда с целью создать известные благоприятные метеорологические условия (образование азотистых соединений, столь необходимых для произрастания растений), иногда с целью устранения или наказания человека. Это – сущность явления, – смысл явления, но механизм явления остаётся неразгаданным. Для его разрешения необходимо изучение самого факта и других более простых фактов, каковы элементарные явления и опыты с электричеством, которые через обобщение частных в конце концов выясняют нам и механизм такого сложного явления, как гроза; *но только механизм*. Если вы спросите физика, – в чём сущность электричества, что это такое, откуда оно взялось, то на эти вопросы физик вам не даст ответа; он берёт явление готовым, как факт, и изучает только его механизм, законы распространения этого электричества и т. п. Но, не будучи в состоянии открыть сущности явлений, даже до его ближайших степеней, индуктивная наука, изучающая механизм явлений, может зато удивить вас своими открытиями, можем заставить простую проволоку испускать необыкновенный свет, может воспроизвести, хотя в слабой форме, явление грозы, может создать в комнате маленькую радугу, может показать вам при помощи X-лучей, что делается в вашей запертой шкатулке или комнате, словом – поразит вас целым родом необычайных на первый взгляд явлений. Немощный человеческий ум легко ослепляется всем этим блеском, характеризующим наш прогресс, начинает поклоняться этой индуктивной науке, – думает, что в ней заключается абсолютная истина, что ей суждено открыть все тайны мироздания и создать царство Божие на земле.

Так и случилось. С успехами индуктивной науки, которая ни на йоту не осветила нам сущности явлений и предметов, а только постигла их механизм, ополчились против первого –

дедуктивного метода мышления: «предоставим его метафизикам», – стали рассуждать, – а будем изучать факты и, переходя постепенно от фактов более простых к более сложным, постигнем, наконец, путём представления, т. е. – *не только поймём, но и представим*, – быть может, сделаем доступным нашим внешним чувствам, воспроизведём путём опыта самые сложные явления, самую сущность явлений до тайны мироздания, творения человека, сущности человеческого разума, смысла человеческой жизни и т. п. включительно. И вот изменяется ослеплённым человечеством всё направление и образования, и преподавания; богословие, философия, психология отводятся на задний план, а на первый план выводятся науки индуктивные: физика, естествоведение и т. п. Юноши бросаются на естественный, медицинский и т. п. факультеты; изучают факты, смотрят в микроскоп, режут, препарируют, делают опыты. Словом, всё направление меняется. Но как дедуктивный метод в руках немощного человека оказывался иногда источником ошибок, легко, впрочем, исправляемых, так и индуктивный метод, на первый взгляд кажущийся точным, оказывается ещё более опасным в смысле возможности заблуждения. Сам факт констатировать не совсем то легко: вследствие несовершенства наших чувств, два предмета, на первый взгляд, кажущиеся совершенно одинаковыми, при ближайшем рассмотрении оказываются совершенно различными (недостаток наблюдения), не говоря уже о том, что чувства дают нам только субъективное представление о предмете и о мире, а не абсолютное; предмет представляется таким только по отношению к моим человеческим чувствам, а в действительности, или в представлении другого какого-либо существа, он является иным. Даже среди людей встречаются субъекты с такими чувствами, что почитаемое всеми невозможным для них оказывается возможным; так называемые ясновидящие, например, чувствуют приближение человека за несколько сот сажен и т. п. Профессор судебной медицины Харьковского Университета Беллин описал во «Враче» один подобный случай «ясновидения». Больная определяла присутствие амиль-

нитрита, небольшое количество которого, как потом оказалось, в плотно закупоренном пузырьке находилось в одном из шкафов больницы, и, что всего замечательнее, всегда верно определяла присутствие пользовавшего её врача в пределах больничного двора.

Другой подобный субъект в Америке зарабатывал хорошие деньги тем, что при помощи своего обоняния открывал присутствие нефтяных источников в недрах земли. Даже и такому человеку весь мир должен представляться в ином виде, чем обыкновенному смертному. Там, где обыкновенный человек ничего не видит, не слышит и не ощущает, подобный субъект только с обострёнными внешними чувствами может многое видеть, слышать чарующие звуки, ощущать чудные ароматы и т. п. Как же после этого полагаться на наши несовершенные чувства и надеяться при помощи их одних познать истину! Но не в этом главный источник ошибки. Главная ошибка в обобщении. Здесь со всей силой, как показывает история и наблюдение, выступает немощность природы человека; обобщающая способность человека является равнодействующей множества сил, ничего общего с абсолютной истиной не имеющих; господствующие в данное время воззрения – философские, жизненные и т. п., воспитание, характер образования, собственный склад характера – всё это влияет на обобщение и ведёт к тому, что факты сплошь и рядом обобщаются поспешно, неправильно, с предвзятой идеей, словом – создаётся неверное обобщение, и изучение фактов в конце концов приводит не к истине, а к заблуждению. Притом, – заблуждение это не так легко обнаружить, – тут уже надо пересмотреть все предшествовавшие обобщению наблюдения, которые часто составляют занятие всей жизни данного человека; и вот заблуждение, под видом истины, царит целые года, иногда столетия и, ложась в основу новых заключений и выводов, ещё более запутывает дело, создаёт целую систему заблуждений, неправды вместо истины. Подобными примерами переполнена история индуктивных, опытных наук, как то: естествознание и медицина. Насколько твёрдо стоят до сего времени положения Пифагора, представителя дедуктивной науки, настолько же

далёкими от истины представляются нам теперь обобщения Аристотеля, человека великого ума, но шедшего сравнительно с Пифагором иным путём, индуктивным; да и не только Аристотеля, а даже обобщения натуралистов прошлого века. Таким путём, с одной стороны, атрофируется, не развивается в подрастающем поколении умозрение, способность к отвлечённому мышлению, внимание пригвождается к чувственному факту, что делает человека узким материалистом, неспособным потом уже ничего воспринимать духовного, неспособным «судить духовно», а с другой стороны – создаётся целая атмосфера лжи, признаваемая истиной, совершенно ослепляющая и без того немощного человека.

Человек перестаёт понимать разницу между сущностью и механизмом явлений; становится близоруким, неспособным взглянуть на явление глубже и в конце концов совершенно немощным в разумении таких вопросов, каковы вопросы богословские, о которых надобно судить духовно. Замечательно, что та же точная – индуктивная наука, отрицающая всё сверхчувственное, признающая физические законы неизменными, должна отступить от этого принципа, лишь только она вздумает перейти от изучения механизма к изучению сущности явлений. Так, физика, самая точная из опытных наук, пока изучает механизм света, законы его распространения и пр., остаётся вполне позитивной, но лишь только она задаётся вопросом о том, в чём же заключается сущность света, так тотчас же приходит, во-первых, к убеждению, что опытный метод является здесь уже неприменимым, что надо обратиться к методу дедуктивному, и, во-вторых, обратившись к этому методу, т. е. к теоретической физике, основанной на дедуктивной математике, приходит к тому допущению, что всё мировое пространство наполнено особой материей (световым эфиром), невесомой, т. е. не подчиняющейся такому общему закону, как закон всемирного тяготения, всепроникающей, недоступной ни одному из наших методов физического или химического исследования, – которую мы можем постичь только путём отвлечённого мышления, путём абстракции, т. е. – другими словами – приходит к тому заключению, что в природе

существует не только то, что мы можем воспринять нашими чувствами, или открыть точными химическими и физическими методами, а ещё и иные тела, так сказать, «вещества не вещественные», которых мы не можем представить, но познаём «духовно», путём нашего умозрения. Если сущность таких сравнительно простых явлений, как свет, современная наука не может объяснить без допущения «вещества не вещественного», то что говорить о сущности таких сложных явлений, как явления биологические и т. п.!

Вот в этом то складе ума, в этой неспособности судить духовно, другими словами, – в недостаточном развитии умозрения и заключается одна из главных причин неверия. Напрасно будете говорить такому духовному слепцу «о подлинности Евангелий, о Божественном достоинстве Иисуса Христа» и т. п., – он вас не поймёт, потому что он не может представить себе ничего чудесного, ничего выходящего из того узкого круга, который он видит своими человеческими очами, в чём убеждается своими телесными, немощными чувствами, что он может представить своим немощным разумением. Тут необходимо спуститься глубже, необходимо доказать, что сам метод мышления такого человека слишком односторонен, узок и ненадёжен, что кроме внешних чувств и представления человеческого, есть иные силы души: абстракция, чувство, самоанализ, интуиция и т. п., которыми открывается истина, что многое, что им считается чудесным, только представляется таковым, понимается же как вполне логичное, часто даже прямо необходимое явление. Вот тогда можно надеяться, что поднимется немного завеса с душевных очей, и бывший духовный слепец начнёт различать истинные предметы, подобно Евангельскому слепцу, сначала как бы в тумане, а потом и совсем прозреет, увидит всё воочию и – прежде всего – своё великое прежнее заблуждение. Вспомним, как отнеслись Афиняне к проповеди ап. Павла. Сначала они очень охотно слушали его, но когда он стал говорить о воскресении из мёртвых Иисуса Христа, то перестали его слушать. «Услышав о воскресении из мёртвых, одни насмехались, а другие говорили: об этом послушаем тебя в другое время. И так Павел вышел из

среды их» (Деян.17:32–33). Однако потом слово Божие оказалось сильнее всякого человеческого заблуждения, – Афиняне не только стали слушать, но уверовали и сделались истинными христианами. Не будем же отчаиваться и мы, ибо слишком сильное оружие имеем в руках: – слово Божие, которое воистину есть меч духовный, непобедимый и всесокрушающий. «Слово Божие живо и действенно, и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные» – вот как характеризует силу его ап. Павел в послании к Евреям (Евр.4:12–13). Сила его состоит в том, что оно заключает в себе абсолютную истину, которая написана в сердце каждого человека – христианина или язычника, праведника или грешника, но только не в одинаковой степени всеми сознаётся, так как неодинаково затемнена законом греховным, действующим в теле нашем. Ей тяжело быть под гнётом этого злого начала, и она всегда стремится выйти наружу и воссиять ярким светом. Дикий лопарь или якут, кровожадный горец, философ и простак, честный и развращённый человек – все способны в известное время почувствовать всю правду слова Божия, найти в глубине своей души отклик ему и уверовать в абсолютную истинность учения Христова. Будем же надеяться, что не устоит перед ним и современное интеллигентное неверие, только для вернейшего успеха среди него надо изучить точнее основные причины и слабые места его, его, так сказать, «Ахиллесову пяту» и на неё то главным образом направить наше оружие.

Врач С. Апраксин

Полковник Пашков // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 80–95

В январе 1902 года скончался в Париже полковник Пашков. Это русский Редсток¹⁴. Нашумевший в 70-х годах XIX века своим сектантским учением в Петербурге, он стал известен на весь мир. Как личность в некотором отношении достойная печальной истории минувшего века, она заслуживает того, чтобы сказать о ней несколько слов.

Увлечённый общим потоком любопытства и моды, устремившимся со всех концов России на Гагаринскую набережную в Петербурге, где находился роскошный по своей внутренней обстановке дом полковника Пашкова, и где произносились почти ежедневно религиозные проповеди русским Редстоком, я также поплыл сюда.

Это было ещё в 1878 году, глубокой осенью, когда слава о Пашкове только что начинала разгораться на весь русский болящий пустотой и скукой столичный большой свет, и когда сектантское учение его принимало самый острый характер. Наслышавшись о нём всяких рассказней в Петербургских гостиных, где прежде всего этот вопрос будировался на всех ступенях общественной сутолоки, и где ему отводилось большое место среди всех живых новостей того времени, я пошёл на «Пашковские беседы».

Этим словом тогда назывались проповеди русского Редстока, читанные им публично у себя дома. В обширном зале, в который я вошёл, было много публики. Среди незнакомой мне толпы, я заметил смесь племён, наречий и состояний. Тут были и блестящие гвардейские мундиры, и грязные засаленные чуйки¹⁵, и роскошные дамские туалеты и бедные скромные платица. И всё это стояло в смеси, в общей группе, и ожидало какого-то «пришествия», – чего я не видел никогда.

Эта смесь племён, наречий, здесь в роскошном палаццо, убранном гобеленами и художественными произведениями дорогих мастеров, произвели на меня такое впечатление, какое,

вероятно, не произвёл бы Ноев ковчег, в котором было «всякой твари по паре.»»

Но дом Пашкова был открыт для всех «верующих», сподобленных духа его проповеди, и рослый швейцар, как гетман Мазепа с булавой в руках, живой статуей помещался у дверей богатого вестибюля дома проповедника и молча пропускал идущих «на верх».

– Это убежище «святых», сказал мне какой-то мундир, подошедший ко мне «на верху», – и я его посещаю каждую пятницу, когда здесь собирается наилучшее общество столицы...

– Какое «наилучшее?..» – спросил я словоохотливого собеседника, не перестававшего стоять со мною рядом и забегавшего ко мне в глаза своим испытующим взором, вероятно, для того, чтобы убедиться в том, насколько я «верующий» и с истинным ли чувством призвания влеку сюда свою особу, чтоб вкусить здесь «благодати Духа Святого», как говорил он мне, и «уверовать в истинного Бога»...

– То «лучшее», продолжал мой случайный собеседник, каких здесь было не мало в силу «ассоциации духовной идеи», как говорили все, – которое отдаёт себя «в руци Божии», не спрашивая себя о том, что с ним будет завтра...

– Да разве это можно?..

– Должно!.. Почти грозно произнёс мой собеседник и только такие люди внидут в дом сей с верою и поклонятся Духу его Святому...

Ну, подумал я, после этих грозных слов неизвестного мне собеседника, – как бы не было мне плохо...

– Только верующие внидут «в дом сей», продолжал мой незнакомец, – и если вы не веруете в Духа Святого, то вам здесь делать нечего...

– Я православный... как-то по детски пролепетал я, и вопросительно посмотрел на моего незнакомца.

Тот почти злобно принял взгляд мой и продолжал:

– Если вы из любопытства, то вам не будет удачи в жизни сей...

Вот те на! подумал я, – на пророка попал.

Но тот продолжал:

- Я здесь верующий человек и потому счастлив в мире...
- С чем вас и поздравляю, ответил я.
- И я вам того же желаю... Но только это придёт к вам не иначе, как после снисшествия Святого Духа на вас...
- Да разве Его нет теперь при мне? – невольно вырвалось у меня.
- Нет... Вы недостойны этого...
- Вот-те штука! подумал я, – какой же я грешник...
- Да, вы недостойны! продолжал он, – потому что без веры вошли в дом сен. А кто внидет в жилище сие без веры, тот недостойн снисшествия на него Духа Святого...
- Да с чего вы взяли, наконец, что я без веры вошёл сюда?
- почти резко спросил я.
- С того, что вы являетесь сюда в первый раз.
- Откуда же вы это знаете?
- Оттуда, что я всех здесь бывающих знаю в лицо, потому что каждую «беседу» здесь посещаю. А вас я вижу в первый раз. И все те, которые входят сюда впервые, непременно должны быть неверующими, потому что ещё не вкусили здесь Духа Святого...
- Как это «не вкусили»?..
- Да так... Только через здешнюю проповедь вы можете вкусить веры истинной...
- Постараюсь это сделать...
- Нет поусердствуйте это сделать, а не «постараюсь», внушительно напутствовал меня незнакомец.

Если бы этот диалог передавал мне кто другой, то я не поверил бы в его содержание; но так как это было со мной непосредственно, то волей-неволей приходится в него поверить.

Настолько этот человек, – случайный мой собеседник, – показался мне странным, что я подумал: да не в сумасшедший ли дом я попал? Но, оказалось, потом, тут все «верующие» были таковы... Но во что они, однако, верили, я никак не мог дать себе отчёта, потому что если уже они все православные, то какого ещё Духа Святого они искали в сём «доме святом»,

как они называли палаты полковника Пашкова на Гагаринской набережной...

В зале я стал невольно прислушиваться к разговору всех «гостей» Пашкова, разбросавшихся по группам, кто к кому ближе был своим происхождением, – так как здесь все говорили громко, во всеуслышание, чтобы «перед Богом» не скрывать своих мыслей, как отвечали они друг другу, и посему уже делали достоянием общества все свои сокровенные тайны...

– Тут все равны, говорил один молодой человек, блестящий своим богатым костюмом, только что очевидно сшитым у модного столичного портного по парижскому «фасону», – однако, не роскошно одетой молодой девушке, но примерной красавице с тонкой стройной фигурой, на которую собеседник её нередко искоса поглядывал. – И вы напрасно стесняетесь нас, продолжал он улыбаясь. – Мы здесь все во имя Духа Святого собираемся и потому должны быть близки друг другу...

– Я ничуть не стесняюсь, князь, отвечала молодая девушка, как бы конфузясь слегка, – и это вам так кажется...

– Ну всё-таки... заметно... что вы держите себя особо... Вы напрасно чуждаетесь нас... мы далеко вам не посторонние... Если вы здесь верующая, то и мы тоже... А этого уже вполне достаточно для того, чтобы доверяться нашему братскому чувству...

– Вам бы, родная моя, к нему самому, другу нашему, обратиться, говорила в другой группе какая-то потёртая кофта себе равной, такой же плебейке, – он никому в этом не отказывает, только веруй в него...

– Я бы, родная, всей душой... да как вот... ну, вдруг, он обидится...

– Не такой он есть... мать моя, это сам святой... А ты – «обидится»... Да нечто ему пристало обижаться на нас верующих. Он рад всем помочь во имя Духа Святого. Ты только так скажи ему...

Это всё происходило вокруг меня на очень близком расстоянии, и я мог расслышать и запечатлеть каждое слово говорившего ясно и точно.

Таким образом, подумал я, здесь две группы людей, собравшихся сюда во имя одного Святого Духа, имеют уже две различные цели: первая, очевидно, сводит знакомство, а вторая – ищет подачки. – С какой же целью пришёл я сюда, всё ещё думалось мне. – Ни с верой, ни без веры, ни для знакомства, ни для подачки. Так для чего же?

Но на этот вопрос ответил мне тот же мой собеседник, с которым я уже имел честь обменяться здесь своими мыслями.

– Вы пришли сюда за спасением, сказал он мне, – затем именно, зачем все приходят сюда. Иного значения в нашем приходе в сей дом нет и быть не должно. Мы так много нагрешили в деянии наших отцов за минувшие века, что нам нужно стало «очиститься от всякия скверны»... И вы это здесь получите, если уверуете. А вера тут всё. Без веры же вы не спасётесь. И только вера одна очистит вас от всех прегрешений... Ведь мы все грешники; ведь наши души горят верою в Бога, а мы гоним их в тьму кромешную своими греховными деяниями... Греховными говорю потому, что мы веруем не тому, чему нас поучает учение Божие, а тому, что нам истолковано «соборне»... Не в слове спасение души нашей должно обретаться, а в деле, которое мы обязаны совершить на земле... Вокруг нас так много страждущих и угнетённых... И вот мы должны им помочь и словом, и делом; словом – для того, чтобы уразуметь дело, а делом – для более осязательных доказательств того, к чему мы призваны на земле... к братству и единству... А у нас что? расчленение... Общество делится на классы, точно учебное заведение. Будто бы люди не все равны, точно в них не одинаковая кровь кипит, будто они уже ни от одной матери природы, созданной Богом, точно все мы не равные дети Творца Небесного...

Вот зачем вы пришли сюда; вот что должны вы уразуметь здесь; вот какой верой вам следует проникнуться тут; вот почему мы и призываем нисшествие Духа Святого на нас, чтобы сподобиться Его небесной силы и уйти с ним в вечность добродетели...

– Сказано недурно, подумал я, – что-то будет дальше.

– Вы знакомы с этим господином? – спросил меня кто-то из-за моего плеча, сзади, в то время, когда мой собеседник отошёл от меня прочь.

– Нет, ответил я, повернувшись к заговорившему со мной новому незнакомцу, человеку средних лет, одетому по-штатски и с форменной фуражкой в руках.

– А что? спросил я его в свою очередь, смотря ему прямо в лицо и удивляясь тому, что я пришёл не на маскарад, а между тем ко мне все незамаскированные внешне люди подходят с вопросами также свободно, как и в маскараде замаскированные субъекты. Может быть и здесь все с маской на душе ходят, подумал я, и ещё раз в упор посмотрел на нового незнакомца.

– Да вы говорили с ним очень свободно, ответил тот на мой вопрос...

– И что ж такое? – улыбаясь спросил я.

– Да ведь это наш первый проповедник после полковника...

– Ваш?.. А вы кто такой?..

– Я здешний прихожанин...

– Как «прихожанин»?.. разве здесь храм?..

– А как же... Мы здесь молимся, слушаем проповеди, славословим Бога, поучаемся истине, сподобляемся веры чистой, непорочной, проникнутой Духом Святым, снисшедшим на нас с небеси...

Ну, подумал я, опять на пророка попал... Что за счастье такое... Но это счастье то, как я узнал потом, постигало здесь всех впервые вошедших в этот дом для того, чтобы подготовить их к «вере истинной» и заставить их уверовать в «справедливую проповедь» того, кто здесь главенствует, т. е. полковника Пашкова, который обыкновенно появлялся в зале среди своих гостей только тогда, когда уже все неверующие или вновь появившиеся здесь будут подготовлены к восприятию Духа Святого. И этот человек, из-за плеча заговоривший со мной после ухода от меня первого собеседника, как один из многочисленных воинов здешней армии, во имя спасения души своей тут оперировавший, атаковал меня не без умысла с той же предвзятой целью, что и первый, – чтобы влить в душу мою «ключ чистой веры»... Но я пока ещё не видел источника, откуда

был этот «ключ»... И вот мой новый собеседник вливает в меня «струю святой веры» такими словами: «вы здесь сподобитесь многому хорошему, чего ещё вам, вероятно, не приходилось слышать в мире»...

– В каком «мире»?.. спросил я.

– В том, где живете...

– А здешний мир, разве, вне того состоит?

– Да, здесь мир новый, призванный царить над духом человеческим.

– А разве это можно?

– Что?

– Да царить над тем, что ещё в достаточности не выяснено никем...

– Что «не выяснено»?.. строго спросил меня собеседник.

– Да дух то человеческий...

– Так вы не верите в духа своего?.. А пришли сюда зачем же это?..

– Затем, чтобы узнать, что тут можно вкусить хорошего...

– Для вас тут, как неверующего, ничего хорошего не может быть...

– Во что неверующего?..

– В призвание Божие...

– Да я ещё не вижу его...

– И не увидите... Здесь только видят те, кто верует...

– Да может быть и я уверую... когда увижу...

– Нет... уже будет поздно... Нужно уверовать, входя в дом сей...

– Я не могу слепо верить тому, чего не знаю...

– Здесь все так веруют.

– Очень жаль.

– Жалейте себя вы за то, что так греховны...

Фу, ты, напасть какая! подумал я. – Уж и не в самом ли деле я так грешен, что второй человек мне говорит об этом. Ведь может же быть такое заблуждение, что сам не видишь собственных грехов, а со стороны их замечают... Действительно, со слабой волей здесь можно было уверовать во всё, чего и никогда тут не было, думал я далее. И что-ж в том

удивительного, что многие лица вокруг меня стоявшие, дышали благоговением перед местом сим... Но меня всё ещё точил червь сомнения. – Что, думалось мне, если здесь кощунствуют, говорят не то, что думают и делают всё затем, чтоб породить ересь... Но зачем нам она? Зачем эта ересь, когда уже и так дух человеческий преисполнен всяких сомнений... Зачем ещё повое? К чему оно? – Как не странно мне было думать так «о доме сём» в присутствии «верующего человека», говорившего со мной, но я всё-таки же думал и на лице моём невольно скользила лёгкая улыбка, как отражение внутреннего настроения моего...

– Какой вы достойный человек, должно быть, обратилась ко мне изящная особа женского пола с румяным и сытым лицом, – в то время, когда я опять остался один, – если с вами вели беседу столь почтенные в нашем приходе лица...

– Как хотите, так и судите, сударыня, ответил я учтиво, как требовала от меня светская условность в обращении с дамами и тем более такого «полёта», как эта была...

– Мне было бы очень приятно видеть вас здесь постоянно, как нашего прихожанина, какими мы очень дорожим...

– Для чего это, сударыня?..

– Для истинной веры...

Ну и эта «об истинной вере», подумалось мне. – Точно я совсем неверующий человек... Долго ли при таком напряжении моих чувств было поколебаться в своём скептицизме...

– А вы к нам издалека? продолжала осаждать меня изящная дама.

– То есть, как это?

– Вы провинциал?

– Нет...

– Так петербуржец? Отчего же вас так долго не было у нас?

– То есть, как это «долго»?

– Да почему вы раньше не пожаловали сюда? Ах, как это приятно видеть вас здесь.

– Сударыня, я не имею чести...

– Это всё равно... У нас не принято представлять друг другу. Здесь все равны во имя Святого Духа.

Ну и эта о Святом Духе заговорила, подумал я и посмотрел на неё вопросительно.

– Да вы не стесняйтесь... Я вам не чужая... Если вы верующий, то...

Дама почему-то не закончила своей речи и глубокомысленно обвела меня лорнеткой.

Я полу-skonфуженно молчал и смотрел на неё вопросительным взглядом.

Она ещё раз обвела меня лорнеткой и приветливо улыбнулась...

Я молчал и ждал дальнейших эволюций...

– Но вы как сюда... по собственной инициативе, или по приглашению быть здесь? – спросила меня изящная дама, всё ещё продолжая обозревать мою особу с головы до ног.

– А разве сюда приглашают?

– Как же... Бывает, что иные не знают, что здесь происходят духовные беседы, так...

Дама опять не окончила своей мысли и вновь меня пролорнетировала.

Что это за странная особа, подумал я. Да и дожидаться ли мне здесь чего лучшего, кроме этих праздных разговоров. И зачем только люди все липнут ко мне? Что им нужно от меня? Как субъект, я для них вовсе не интересен. Во-первых, я неверующий в их странные затеи человек, во-вторых, я плохой для них собеседник, потому что не люблю болтать обо всяких пустяках, до «любезности дома сего» включительно, и в-третьих – мне страшно хотелось бы уйти отсюда, потому что все эти прелюдии, в виде трёх незнакомых мне субъектов, чудовищно были мне приторны, не по душе и мало внушительны своим словом убеждения в «святости дома сего»...

– Однако вы должно быть очень недоступный господин, продолжала ещё осаждать меня изящная дама ненужными и совсем даже праздными вопросами, – если так...

– Что «если так»? – переспросил я даму, видя, что она всё что-то не договаривает своей мысли.

– Если так сторонитесь от нас, наконец, сказала она.

– С чего же это вы заключаете?

– Да как же... не подойдёте ни к одной из наших групп и всё держитесь в стороне ото всех... Не хотите ли я вас познакомлю с постоянными нашими друзьями...

– Охотно... невольно сказал я, чувствуя, что невежливо отказываться от любезного предложения дам...

И она меня представила... Но как? Словами – «это наш общий брат» – сказала всем, к которым подвела меня. И никто тут не любопытствовал узнать ни моего имени, ни тем более назвать своё, когда молча раскланивались со мною... Пожатия рук тут также не полагалось. Так что если бы потом меня кто-нибудь спросил из любопытства, с кем я тут разговаривал, то я не мог бы удовлетворить его любознательности. Словом, это был какой-то новый мир, отрешившийся ото всех прежних традиций, ему присущих, и не выработавший никаких новых для себя положений, чтобы посторонние люди, здесь впервые появляющиеся, не чувствовали себя более, чем неловко...

Но я однако был введен в знакомство... Но с кем?.. И какая цель этого знакомства?.. Что она могла дать мне в будущем?.. Путного вообще я в этом ничего не видел...

– Вы как будто тяготитесь нашим обществом? – спросила меня изящная дама, очевидно желавшая вывести меня из неловкого положения, в котором я находился по случаю долгого молчания и нежелания вступать в чуждый мне разговор в обществе, к которому она меня подвела и которое вело речь о каких-то задачах их «кружка» в будущем, в которых я не слышал ни одного ясного намёка на живое дело и видел только сверкающие мимо моего носа «летучие слова», смысла которых нужно было доискиваться в будущих, ещё пока не изданных на этот раз, лексиконах, но никак не в их, хотя живой, но мёртвой для меня речи...

– Ничуть... смело ответил я... Напротив, я с удовольствием прислушиваюсь к тому, что говорят здесь почтенные для меня лица... Это всё так ново, так интересно для меня, что я не могу даже оторваться своим слухом от этих приятных для меня речей...

– Но мне кажется, что вы вовсе не слушаете того, о чём здесь идёт речь, а где-то витаете далеко вашими мыслями. Так,

по крайней мере, мне это кажется потому, что вы ищете вашим взором чего-то занятого на стенах, чтобы успокоить свою мысль...

– Здесь всё так ново для меня, потому я и озираюсь часто вокруг себя... Вот и причина, почему я блуждаю взором по сторонам. Но если же вам угодно будет заключить что-нибудь другое из моего простого любопытства, то я, конечно, препятствовать тому не буду...

– Не хотите, вернее сказать?

– Не могу, потому что это было бы не в законе вещей...

– То есть, не в вашем обычае?

– Нет, именно в том, что я сказал, но не в чём другом?

– О, какой вы строгий!

Зачем этот пустой разговор, подумал я. – К чему такая праздность мысли в доме, где люди собираются лишь для того, чтобы «послушать слово Божие»... И вдруг такая праздность...

– Это мне очень нравится, продолжала осаждать меня изящная дама, очевидно взявшаяся за меня для того, чтобы довести меня, что называется, до зелёного змея нетерпения...

– Очень рад, что мог вам потрафить, спохлился я.

– Что такое?

– Я говорю, что очень рад, что мог вам понравиться, как вы говорите.

– Ха, ха, ха... рассмеялась та и отвернула от меня лицо... Ну это уже совсем не «по дому сему», мелькнуло у меня в голове... Это что-то другое... не приходское... что даже и охарактеризовать словом нельзя.

– Вот это я понимаю, продолжала дама. – Это мне нравится, ещё раз повторила она сказанное ею раньше слово – «нравится»...

– И мне тоже...

– Что вам «тоже»?.. Как будто бы строго переспросила она меня.

– Нравится ваша простота отношений...

– А-а!.. Но я думала что-то другое...

– Ну что же может быть другое?..

– Да всяко бывает... кому нравится простота, кому строгость...

Тут я заметил, что она что-то схитрила и не то сказала, что хотела.

– Но я, говоря вам откровенно, не люблю никакой строгости...

– Это я вижу, подлил я масла в огонь...

– Здешняя простота для меня очаровательна... Я, признаться, тут больше потому и бываю, что здесь так просто...

– А не с религиозным убеждением? – поспешил я спросить разыгравшуюся в своих чувствах даму.

– О, это само собой... Конечно, проповеди я слушаю охотно... Без внимания к здешней общей идее нам оставаться нельзя... Я была бы тогда... неисправимая грешница. Но я далеко не такая... Я глубоко верую в здешнюю идею... Она вдохновляет меня к новому созерцанию жизни... К тому, что поставлено нам в удел самой природой...

– А что именно? – подстрекнул я даму.

– Да, конечно, продолжение рода... Эта идея самого Божества... Иначе бы человечество вымерло, если бы этой идеи не было положено в основы нашей природы...

– Вы, кажется, говорите о любви?

– Ну... это... так понятно...

Тут меня чуть ли не в жар бросило, когда она произнесла эти отрывочные слова. Вот, подумалось мне, куда я попал. Вот здесь чем занимаются... Ну, впрочем, увидим, что тут такое есть, сказал я себе через минуту и в упор посмотрел на изящную даму, всё ещё продолжавшую смаковать на своих устах те слова, которые она только что сказала.

Произнести что-нибудь другое на эту же тему, она, очевидно, не хотела или не могла, а может быть и просто-таки умышленно воздержалась. Но я, признаться, и не интересовался её пустословием, а потому и молчал, чтобы не наводить её на новые мысли. Однако же моё присутствие в «сём доме», как нового лица, её очевидно занимало, и она не оставляла меня ни на минуту своим странным вниманием... Это показалось мне немного шокирующим для «дома сего», как они

его называют, где люди собираются для «божественной идеи»... Впрочем, женщина везде такова... Она всюду вносит свой собственный элемент в дух и направление всякого общества, где появляется, или принимает своё активное или иное какое участие... Всматриваясь в жизнь так, как она есть, всякий из людей найдёт в ней те особенности, о которых я говорю здесь, если только в обществе присутствует женщина, как активно-участвующее в нём звено... Но мои мысли далеко были не тем заняты... Мне чрезвычайно хотелось поскорее увидеть то главное колесо, вокруг которого вращаются здесь все эти элементы, меня окружающие. – Что это за универсальная величина сего мира, думал я, служащая притяжением всех планет, плавающих в здешнем пространстве... Но универсал этот всё ещё не показывался на нашем небосводе. И за какими горизонтами он скрывался здесь, я знать того не мог, потому что был тут странствующей планетой, совершенно случайно появившейся в сём мире... Этим продолжительным отсутствием среди нас, гостей «дома сего», главы «божественной идеи», как дама назвала мне «занятия здешнего кружка», в том числе и её, тяготился не я один. Как заметно было, об этом поговаривали и в группе блуз и чуек, очевидно пришедших сюда не за тем одним, чтобы «продолжать род людской», как говорила мне дама, но и за тем другим, что ещё поддерживает дух человеческий бодрым в сей земной юдоли... И говоря проще, этим людям желательна было бы получить какую-либо подачку от «главы дома сего» за их усердие к общей здесь «божественной идее» и потом уже удалиться куда-нибудь восвояси, где, вероятно, для них было и теплее и светлее, и уютнее, и свободнее, и милее, и пригляднее, чем в этих роскошных палатах, пропитанных холодной мертвечиной, напичканных каким то странным режимом и насыщенных совсем чуждым для них духом... И это чувствовалось и мной, как человеком также не от «мира сего» и пришедшим сюда лишь для того, чтобы узнать какой это «невинной», но в то же время вредной в религиозном отношении «идеей» здесь занимаются праздные и сытые своим достатком люди...

II.

Но вот и «он»... Появление «его» произвело своего рода сенсацию... Очевидно, здесь всё на это было рассчитано... И долгое ожидание «верующих», тут присутствовавших, как утомлённое воображение человека, представлявшего себе мрачное видение среди темной ночи чем-то сияющим, вдруг оживилось, когда «оно» появилось среди этой людской тьмы... Все привстали с своих мест, кто сидел, и сосредоточенно остановили свой взор на вошедшем человеке... Появившийся оказался полковник Пашков. Это был человек средних лет, видный собой и внушающий доверие. Лицо его дышало неясным вдохновением, манера была спокойная, а глаза – пронизывали каждого, кто подходил к нему под «благословение»... Да, он почти что благословлял каждого, кто к нему подходил. Благословлял не обычным крестом владыки, как это мы привыкли видеть пастырское благословение, а словами напутствия на добрые дела... Слова эти были: «благослови вас Господь на добрые дела»... И вместе с тем руки его поднимались так высоко, как бы он и действительно намеревался благословить вас крестом. Но это только так казалось. На самом же деле он никого не благословлял.

При появлении своём в зале, среди гостей его, или верующих в его «святую идею» людей, он некоторым подал руку, с иными «так раскланялся», а некоторых даже удостоил своего «святого слова». Это последнее больше всего касалось тех немногих, которые пришли сюда не столько за тем, чтобы уверовать в «идею дома сего», сколько для того, чтобы получить воздаяние за своё, как бы причастие «вере полковника»... И эти «воздаяния» он оказывал не стеснясь никого... Всё происходило в присутствии всех. Все видели его щедрую руку. Всякий знал, что он совершает «добрые дела». Никто не скажет, что это был человек, не делившийся своим достатком с другим...

Время семидесятых годов XIX века было пуританское. Одним из представителей этого пуританизма, несомненно, был полковник Пашков. Не щадя своего состояния, он рассеивал его повсюду, где только повстречалась для него подходящая почва. Пользовались его добротой не только люди нуждавшиеся в

копейке на кусок насущного хлеба, но и лица, привыкшие каждодневно и фриштикать¹⁶ и обедать у Дюсо или у Бореля... Эти последние больше всего злоупотребляли доверием полковника. На них он издерживал чудовищные суммы денег. По этому поводу в то время даже говорили, что Пашкова нарочно навели на эту стезю добродетели, чтобы раздробить его капиталы... И вот у него появились «беседы», а вместе с тем и рассеивание его капиталов...

Но было ведь в одно время даже и такое мнение, что Пашков просто был жертва своеобразного шантажа. Какого топкого чутья требовалось для того, чтобы подразуметь под «божественной идеей», на устоях которой всё это «дело» было основано, я определить не решаюсь. Однако же факт тот, что не мало людей являлось к нему исключительно для того, чтобы хорошо «подзакусить» и потом «одолжиться» четвертной бумажкой «на дневные нужды», подобно обедам и ужинам в «хороших ресторанах столицы, уже достаточно верно характеризует точное отношение «их к сему дому»...

Вообще же чисто религиозного стремления в людях, посещавших «беседы» Пашкова, я заметил очень мало, так как увлекаться тут «божественными идеями» могли только люди совсем тёмные и ещё разве те, которые не имели для себя никакого берега на реке жизни, к которому бы они могли когда-нибудь и как-нибудь пристать... Но сюда стремились многие, и стремились, говорю я, исключительно для того, чтобы «пожить», как некоторые из них говорили, но никак не для того, чтобы во что-то ещё веровать и чему-то поклоняться. И особенно здесь веровать было не во что уже для тех, кто и без того считался православным человеком и веровал в Бога и пр.

Но они шли сюда. И больше всего это делалось ими из любопытства. С тем же самым намерением и я пришёл в дом Пашкова. Но слушать «беседы» полковника, конечно, никто из нас явно не отказывался. Напротив, уже всякий только затем и приходил сюда, чтобы послушать, что он будет говорить и о чём именно говорить. В этом и был весь интерес «бесед», или всех, собравшихся сюда... В этих «беседах», так сказать, и была вся

«божественная идея», которой, так или иначе, люди искали здесь...

Но вот, наконец, полковник Пашков начал свою «беседу», или «проповедь», как её называли иные для того, чтобы придать ей «божественный смысл» и сделать её более или менее популярной, так как слово «беседа» – мало было убедительно для некоторых, а слово – «проповедь», однако, не укладывалось в представлении «официальных сфер», допуская эти «беседы», ибо проповедовать мог только человек облечённый в «духовный сан», по никак не простой смертный, каким был Пашков. Но все здешние «прихожане», однако, называли эти «официальные беседы» полковника «проповедями», как наиболее для них понятными в своём назначении, чем какие-то «беседы»... И вот взоры и внимание всех, здесь присутствовавших, обратились на заговорившего с своей импровизированной кафедры, находящейся в одном конце залы, Пашкова.

(Продолжение следует).

**Шалкинский С., свящ. Раскольничья секта
«средников» Донской епархии // Миссионерское
обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 96–100**

В хуторах Кобылянской и Есауловской станиц несколько лет тому назад явилась *секта средников*, а по народному названию *сапетников*, о которой кратко говорил ещё приснопамятный миссионер – архимандрит Павел Прусский в своём отчёте о поездке по Донской епархии и писал на страницах «Донских Епархиальных Ведомостей» донской епархиальный миссионер – прот. Н. П. Кутепов. Секта эта принадлежит к числу тайных и вероучение её мало исследовано (говорим это по отношению к донским средникам-сапетникам).

Секта «средников», как известно, получила своё название от того, что последователи её празднуют воскресный день в среду, начиная с среды страстной седмицы. Основанием для такого учения средников служат выражения некоторых старопечатных книг (святцы с житиями, потреби, с номокан., Кирилл. кн. и др.), что Христос Спаситель родился в 5500 лето от сотворения мира. Основываясь на этих выражениях, средники учат, что православная церковь (неизвестно когда) прибавила 8 лет лишних от сотворения мира, и празднует все праздники на 8 лет, вперёд. Например, наступающий 1904 год от Р. Хр. они считают также 1904, но от сотворения мира этот год по их учению будет не 7412, как считаем мы, а 7401, а если взять празднование переходящих праздников за этот год, то в настоящем году пасха придётся в среду. Составление пасхалий, рассуждения о 532-летнем круге, ключевых и вруцелетних буквах составляют любимое занятие средников.

Сапетниками же средников называет простой народ от слова «сапетка» (плетёная корзина), которая в жизни средника играет очень важную роль: без сапетки они не могут получить вечного спасения. Видя *на всём* печать последнего антихриста, сапетники стараются избегать употребления каких бы то ни было, даже самых необходимых в сельско-хозяйственном инвентаре инструментов, так как печать эта красуется на всех

фабричных и заводских производствах: взял ли ты в руки топор, пилу, нож, лопату и проч. – ты уже прикоснулся к печати антихриста, осквернился; прикоснулся ли ты к речной или озёрной воде – опять осквернился: по большим рекам бегают антихристовы кареты, в речках и озёрах купаются антихристовы слуги; отсюда берут они воду заклеимёнными печатью антихриста сосудами; даже колодцы и те причастны антихристовой скверне и печати, так как копаются «запечатлёнными» лопатами... В силу такого учения сапетники своими руками наносят мелких прутьев, плетут из них разной величины корзины, обмазывают их глиной и сушат. Затем набирают в эти корзины исключительно «небесной» (снеговой или дождевой) воды и в этой только воде крестят своих неофитов; эту же воду они употребляют в пищу. Умерших собратий своих хоронят тоже в корзинах.

Жизнь ведут средники очень скромную, постническую, не допуская никаких даже самых невинных развлечений, чем и успевают располагать народ в свою пользу. Признавая в православной Церкви со времён книжного исправления царствование последнего антихриста, они проповедуют, что теперь в Церкви Христовой не должно быть священно-иерархических лиц и полноты церковных таинств; замечено также, что они отвергают браки и совместную супружескую жизнь; никто из жителей не видит, чтобы они совершали, по примеру других беспоповцев, какое-либо богослужение; вместо богослужения они только читают по целым ночам богослужебные и учительные старопечатные книги. У одного сектанта умерли две дочери, но никто не видел, когда и как их похоронили; похоронены они на скотном дворе; только видели, что средники после похорон, собравшись в дом родителей умерших, стояли и, перебирая в руках лестовки, молились, кланялись, приговаривая: «упокой, Господи, души усопших раб своих» (и имена вслух не произносили). У другого средника заболела жена Наталия. Старуха соседка пришла навестить больную. Но оказалось, что Наталия померла и уже похоронена. Поражённая таким известием, старуха перекрестилась и сказала: «дай, Господи, царство небесное рабе твоей Наталии!»

Но ей заметили, что покойная уже не Наталия, а Мария. Следовательно, сектанты совершают крещение только над больными и переменяют им имена. Естественно также допустить, что они ускоряют смерть больных.

Однажды о. Л. Колышкин пригласил на публичную беседу самых главных лжеучителей этой секты, но все они от беседы уклонились, поэтому он сам пошёл в дом к Иосифу Степневу, которого застал пишущим пасхалию от сотворения мира до настоящего года.

О. Леонтий спросил Степнева: какая нужда заставила вас трудиться над этим? Разве вы не верите старопечатным книгам, в которых эта пасхалия напечатана?

Степнев. Старопечатным книгам мы верим, но писать пасхалию у нас есть особая причина...

– Какая же? – спросил о. миссионер.

– Какая? – переспросил Степнев. А вот какая... Вы в какое от Адама лето проповедуете быти Рождество Христово: в 5508 или в 5500?

О. Леонтий. Христианам нет никакой надобности заводить спор о годе подлётного Рождения Христа Спасителя. Дух Святый не благоволил через св. апостолов указать этот год во Священном Писании, и св. отцы не записали его в символе веры. Нам должно знать для получения спасения не год, в который родился Спаситель, а Его божественное учение, исполнять Его св. заповеди; летосчисление нужно не для спасения, а для государства. Государство же взяло летосчисление от частных лиц – летописцев. Но если мы сравним хотя только одних наших московских летописцев, то увидим, что они окажутся несогласными между собой: у одних Рождество Христово указывается в 5509, у других 5508, у третьих в 5506, у некоторых в 5500 и т. д.

Степнев. Нет, христианам необходимо знать точно год рождения Спасителя, истинного Бога, дабы не подпасть под клятву. В потребнике патр. Иосифа напечатано: «проклиная ложное их учение и исповедание, и прелестное от летописцев указание, яко Господь наш Иисус Христос воплотился не в лето

5500, а вы учите, что Господь родился не в этом году, значит, вы находитесь под проклятием!

О. Леонтий. Вы не сказали, на кого в потребнике положена клятва, а в этой недоговорке и кроется ваше заблуждение. В книге сказано: «не в лето 5500, а в лето 3970». Такое летосчисление, действительно, ложное и если считается необходимым для спасения, то подлежит осуждению. Но так как слова эти напечатаны в чине приятия от латин, то к ним и относятся. К нам же относиться они не могут: мы в обязательный догмат год рождения Спасителя не ставим и ни с кем из-за этого года не спорим: ты думаешь, что Спаситель, пострадавший за род человеческий, родился в 5500 году – и пусть будет по-твоему, только будь в единении со св. Церковью и тебе это не повредит в деле спасения; мы учим, что Он родился в 5508 году – не укоряй и нас: год разный, но Спаситель Един. Из-за этого никто, кроме вас, – не спорит. А если вы будете подводить под клятву патр. Иосифа всех, учащих, что Христос Спаситель родился не в 5500 году, то придётся признать проклятым, во-первых, Георгия Кедрина, жившего в XI веке, который в начале своей церковной истории говорит, что по точнейшим исследованиям лето, в которое родился Христос Спаситель, должно считать от сотворения мира 5506. «Полагающие же, говорит он, Рождество Христово в 5500 году, а страдание Христово в 5533, погрешают, не зная точности лет». Во-вторых, этому проклятию подверглись бы и самые любимые у старообрядцев патриархи: александрийский Мелетий и московский Иосиф – первый за то, что в своих посланиях указывал год рождения Спасителя не 5500, а второй – Иосиф – за то, что благословил эти послания напечатать в книге Кирилловой, не исправив лет Рождества Христова. Неужели же, по-вашему, патр. Иосиф проклинал и Мелетия, и самого себя?

Степнев не нашёлся, что ответить на это и только повторял: «надо, надо хорошо знать, когда истинный Бог родился», и, наконец, заявил, что беседовать больше не желает.

На столе, за которым мы сидели, лежала книга: псалтирь со воследованием. Я взял эту книгу, посмотрел выходной лист, и

оказалось, что она напечатана от сотворения мира в лето 7313, а от Р. Хр. 1705. Священник о. Афанасий взял счёты, положил 7313, убавил 1705 и на косточках осталось 5508. Степнев совершенно растерялся, а слушатели, которых было около 20 человек, говорили ему: «твоя же книга да и обличает тебя». На этом беседа и кончилась.

Рассматривая далее лежавшие на столе книги и рукописные брошюры, я нашёл одну тетрадку, в которой безграмотно было написано: «О антихристы. Ратори – пророки и апостолы и святые отцы, а ратные дрова – святые книги, а протопление – друг друга начтёте, а семь лет семь тысяч. Глаголет Иоанн, богослов. Зберут хлеба в магазей по пяти четвертей и на каждую душу приставпики будут с печатю чувственною и аще кто примет хлеба и наложут на него ту печать с подписанием аду сын сатанин. Толкование. Магази церкофь никанова. А пять читвертей – то пять просфир. Да написано о них, свидетельствуют, в чем оне замешаны смертоносным ядом. Приставники попы, а печать щепоть». Далее помещено и такое «сказание»: «Егда восхоте бес женица и взят себе жену неправду. И роди с нею седмь дочерей: сребролюбие, зависть, ненависть, гордость, лихоимство, пьянство и блут. И стали они думать с своею женою за кого бы им дочерей своих отдать замуж. И отдали их: сребролюбие за инока, зависть за купца, ненависть за нищего, гордость за князя, лихоимство за судию, пьянство за святителя, а блут не захотела за муж идти, и так по сие время скитається по всему свету».

Вот такими-то «толкованиями» и «сказаниями» и назидается наш тёмный, малограмотный раскол. Как же ему, считающему всякую нелепую выдумку за Писание, познать своё заблуждение и узреть свет Христовой истины?

Свящ. миссионер *Сергий Шалкинский*

**Из миссионерской полемики // Миссионерское
обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 101–110**

Боголюбов Дим. Беседа с молоканами о водном крещении

I.

Молоканский пресвитер, Захарий Климентович, уклонился от беседы со мной. Он был мужик благочестивый и серьёзный. Он знал, что ему „не оправдать“ от слова Божия молоканских возражений против православной Церкви. И он исчез в город под предлогом болезни.

Молокане уполномочили беседовать со мной Савелия Лукича. Это был сравнительно молодой и хорошо грамотный начётчик. Он мало верил в Библию; но молокане готовы были „кого угодно“ выставить на защиту своей секты.

И вот мы открыли беседу в храме. Народ собрался послушать нас во множестве. Я поставил вопрос о *водном крещении*.

Я сказал: – воля Господа для нас христиан должна служить священным законом (Мф.6:10; Еф.5:17). А Господь заповедал Апостолам: *«идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари. Кто будет веровать и креститься, спасён будет; а кто не будет веровать, осуждён будет»* (Мк.16:15,16; Мф.28:19).

Итак, друзья, называющие себя „духовными христианами“, скажите нам: исполняете ли вы эту волю Божию?

Савелий Лукич без промедления ответил:

„исполняем в точности“.

Я спросил: „совершаете ли вы крещение во имя Господне?

Несколько голосов закричали: „совершаем! совершаем!“

Я опять спросил:

„Что же вы понимаете под Христовым крещением?

Савелий Лукич, утираясь платком, обдумывал своё положение. Мне стал отвечать какой-то дед. Он сказал: „крещением в Евангелии называется учение Христово“.

Я возразил:

„это *выдумка* ваша „от своей головы“. Ев. Матфей от имени Господа говорит: *«идите, научите все народы, крестя их...»*

(Мф.28:19).

Видим отсюда, что крещение отличается от научения. –

Старик сказал: „как же в послании к Евреям написано:... *„не станем снова полагать основание... учению о крещениях“*... (Евр.6:1–2). Стало быть, эти два слова на одну точку приходятся.

Я ответил:

„неправда твоя, дед. Ап. Павел ясно различает учение и крещение. Он не хочет лишь преподавать *учение о крещениях*, но не сливает в одно этих двух слов. – И мы уже видели из Евангелия, что крещение и научение – не одно и то же (Мф.28:19).

Припомни также, что сказано в кн. Деяний: вот диакон Филипп *научил* евнуха. Но этим не всё было сделано для его спасения. Надо было *крестить* евнуха (Деян.8:35–38). Значит, несомненно, в слове Божиим учение и крещение различаются.

Дед не унимался. Он сказал: „Ну, так под крещением *веру* надо разуметь“...

Я ответил: „и так *нельзя* понимать дела. Ап. Павел написал: „*Один Господь, одна вера, одно крещение*“ (Евр.4:5). Опять положена грань между крещением и верой.

На подмогу деду выступил „диакон“ молоканский. Он заметил: „крещением Христовым в слове Божиим называются наши *страдания*, как написано: „*можете ли пить чашу, которую Я буду пить, или креститься крещением, которым Я крещусь?*“ (Мф.20:22).

Я сказал: „правда, Свои страдания Христос назвал крещением. Таким *духовным* крещением был окрещён разбойник благоразумный на кресте (Лк.23:42–43). Это, так называемое, „*огненное крещение*“ (1Пет.4:12). – Но разве этого крещения Господь требовал от всех нас (Мк.16:15,16)? Ведь Он только спрашивал: „можете ли креститься *страданиями*. Апостолы ответили: „*можем*“. И они, действительно; почти все были замучены за имя Христово. Однако в сонме *праведных* учеников Христовых было много людей, которые *крестились* и не были замучены. Таковы: евнух (Деян. 8 гл.), Корнилий (– 10 гл.), христиане из Самарии (Деян. 8 гл.). Значит: *страдания и*

обязательное для нас крещение Христово – не одно и тоже. А если рассуждать по-вашему, – мы все бы должны быть замученными. Но этого даже молокане не делают. Таким образом, они жизнью свидетельствуют против себя. – Каким же родом молокане исполняют заповедь Христову о крещении?..

Савелий Лукич очнулся от оцепенения. Он видел, что начало беседы сложилось дурно для сектантов. И он заговорил, повторяя по частям уже сказанное его братьями:

„Мы веруем, что нас спасает крещение *страданиями* за Сына Божия (Мф.20:21). Плотское же водное крещение нас не пользует (1Пет.3:21). Потому оно нам не нужно (1Кор.1:14). Оно было лишь „до времени исправления“ (Евр.9:10), как ветхозаветный образ. И как жертвы козлов Господь отменил (Евр.10:8–9), – так же должно быть уничтожено ныне водное крещение...

Я возразил:

„Все, что сказали вы, Савелий Лукич, *голословно* и не основано на Библии. Правда, в Евангелии говорится о крещении *страданиями* (Мф.20:21). Но этого крещения всем нам Христос не *вменял* в обязанность. Были даже Апостолы, которые умерли не мученической смертью. Зачем же мы все будем искать страдальческой кончины?

С другой стороны, ложно замечание, будто видимое крещение было ветхозаветным обрядом, – древним прообразом. *Нигде* об этом не написано. Напротив, – для христианского крещения Апостолы указывают *древние прообразы*, как переход Евреев через Чермное¹⁷ море (1Кор.10:2,6). Ветхие прообразы прошли, а образ остался. Этот образ – крещение – нельзя *отождествлять* с древним обрезанием или жертвами. То всё было до своего времени и ныне отменено (Евр.10:9); а о Христовом крещении сказано, что без него спастись нельзя (Мк.16:16). И мы знаем, что без крещения Апостолы никого в Церковь не принимали (ср. Деян.2:41)...

Что же касается попытки сектантов оправдаться от посланий Апостолов Петра и Павла, то эта попытка неудачна. Пётр Апостол не учит, что видимое крещение *излишне*. Он только утверждает, что мы не спасёмся одним погружением в

воде без обещания Богу доброй совести... Но и мы – православные – так веруем. И кроме того, Апостол Пётр *сам* приказал многотысячной толпе верующих креститься в день первой христианской Пятидесятницы (Деян.2:38,41). Ясно, что этот Апостол не утверждает, а *разрушает* молоканские верования.

Тем менее можно указывать на Ап. Павла, при отвержении водного крещения. Если Павел не крестил христиан *лично*, как говорит он в послании к Коринфянам (1Кор.1:14), то не потому, что он считал крещение излишним, а потому, что не имел времени для крещения многочисленных своих учеников. Дело св. Павла состояло в проповеди Евангелия. Крестили же просвещённых его сотрудники (ср. Еф.4:5).

Итак, слова Савелия Лукича не выясняют дела, а лишь затемняют его. Пусть же снова покажут нам сектанты, где *написано*, что крещение видимое будет существовать *временно* и что *ныне* оно отменено?

Савелий Лукич уклончиво улыбался. Народу не нравилось его поведение. Я спросил, выясняя свою мысль: „с какого времени, думаете вы, *видимое* крещение уничтожено?

Савелий Лукич сказал: со „времени исправления“ (Евр.9:10).

– „То-есть... с какого-же?“

– „Со дня сошествия Св. Духа на Апостолов.

Тогда мы открыли книгу Деяний. Я прочёл громко слова Ап. Петра, объявленные им народу *после сошествия Св. Духа*: „покайтесь и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов... Охотно принявшие слово Его крестились“... (Деян.2:38,41 ст.).

Убеждаемся отсюда, что после сошествия Св. Духа Апостолы *видимо* крестили своих учеников. – Почему же молокане отвергают спасительное христианское крещение?

Савелий Лукич молчал. Православные грамотеи требовали, чтобы сектанты *точно* указали, когда и кем видимое крещение было уничтожено?..

Тогда из толпы выдвинулся „диакон“ молоканский... Запальчиво принялся он доказывать, что для спасения

„видимость“ ничего не значит. „Так, – шумел он, – и Ап. Пётр пишет: *„нас ныне... Крещение, не плотской нечистоты омытие, но обещание Богу доброй совести спасает“*... (1Пет.3:21).

Я сказал: „из слов Ап. Петра видно, что в крещении нас спасает Дух Св. через обещание с нашей стороны Богу доброй совести. Но если бы в крещении не было „видимости“, воды, откуда взялось бы „плотское омытие“, о котором пишет Апостол? Ведь не говорит он при этом о явлении хлеба, о ходьбе ногами, что не нужно, а об „омытии“ плоти упоминает. Явно, в крещении всегда была вода...

II.

Савелий Лукич разгорячился. С силой он готов был нападать на меня. Чтобы придать беседе спокойный характер и умирить сектантов, я объявил перерыв. Люди запели Божественные песнопения, а мы отдыхали. Потом Савелий Лукич сказал: „до сих пор мы высказывали вам свои понятия о крещении. Мы утверждали, что разумеет под ним или проповедание слова Божия, или веру, или страдания за Христа. Вы наших слов не вмещаете...

„И не могу вместить, заметил я. По учению Ап. Павла, *„одно крещение“*, а у вас выходит их несколько. Это – не порядок...

„Как не порядок? – ответил Савелий Лукич. Апостол написал: *не станем полагать основание... учению о крещениях“*... (Евр.6:1–2). Стало-быть, крещений много...

Я возразил: „вы оспариваете, Савелий Лукич, не меня, а Павла Апостола. Он учит: *„одна вера..., одно крещение“* (Еф.4:5). Можно ли допустить, чтобы в посл. к Евреям св. Павел противоречил себе? Нет. Это немыслимо (2Кор.1:18). Следовательно, верно, что крещение одно, как написано в послании к Ефесеянам. Если же в посл. к Евреям упомянуто о „крещениях“, так это потому, что над *многими* людьми *много* раз повторяется одно крещение. И выходит, что будто бы крещений много... Всё равно, как у нас: форма паспорта – *одна*, а выдаётся их множество. Поняли?

Савелий Лукич возбуждённо произнёс: „никакого *видимого* крещения, да ещё с водой. Господь не требовал от нас.

Православные придерживаются древнего обычая омовения младенцев.

Я сказал: „жестокое слова произносите вы. Вы восстаёте на Самого Христа. В Ев. Иоанна Он объявил Никодиму: *„если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие“* (Ин.3:5).

Так вот каким образом учил Господь: людям всем без изъятия нужно родиться от воды и Духа, чтобы войти в Царство Божие; а другими словами это и значит: надо всем людям креститься...

Савелий Лукич спокойно возразил мне:

„Ну, насчёт рождения от воды и Духа не торопитесь высказываться. Об этом надо много говорить. Воду мы понимаем духовно. Вода – учение Христово. Чтобы стать христианином, надо уверовать в Слово Божие и принять Духа Святого. Это и значит „родиться от воды и Духа“...

Я ответил: „откуда же видно, что в 3 главе 5 ст. Ев. Иоанна надо разуметь под водой учение Христово?

Савелий Лукич сказал: „в 17 гл. Исхода описано, как Моисей жезлом извёл воду из камня. Припоминая это событие, Ап. Павел учит: *„и все пили одно и то же духовное питье: ибо пили из духовного поелгдующего камня; камень же был Христос“* (1Кор.10:4).

Вот ясно: люди, по Апостолу, пили „духовное питье“; значит, – и, вода была духовная – учение Христово...

Я заявил: „мне, друг, в ваших словах ничего не ясно. Я вижу только одно старание ваше изъять из св. крещения воду. Но это старание противно слову Божию. Посудите сами, какое толкование „воде духовной“ даёт Ев. Иоанн. В 7 гл. своего Евангелия он написал: *„в последний великий день праздника стоял Иисус, и возгласил, говор: кто жаждет, иди ко Мне, и пей. Кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой* (Ис.12:3; Иоил.3:18). *Сие сказал Он о Духе, Которого имели принять верующие в Него“*... (Ин.7:37–39).

Приведённые слова Апостола наилучшим образом разрешают наши сомнения. Из этих слов мы видим, что в

духовном смысле понимаемую воду Евангелисты называют „водой живою“, а не просто *водой*, как у Ин.3:5. Кроме того, под *водой в духовном смысле* Ап. Иоанн понимает *дары Духа Божия*, а не учение Христово, – как хотелось бы сектантам вопреки новозаветному Откровению.

Если же в 3 гл. 5 ст. Евангелия Иоанна подставить духовное значение воды в апостольском смысле, – в словах Христовых произойдёт ненужное повторение. Речь Господа тогда надобно изложить так: „*кто не родится от Духа и Духа*“... Это – искажение Евангелия, а не правильное толкование его.

Савелий Лукич возмутился:

– „Зачем же вы два раза подставляете одно слово в 3 гл. Ев. Иоанна, ст. 5?..

Я сказал: – „то делаю не я, а вы своим ошибочным разумением смысла Свящ. Писания. Ведь Иоанн *духовно* под „водой живою“ понимает дары Духа Св. По вашему указанию мы и придаём *духовный* смысл словам Христовым в беседе с Никодимом. Получается *ненужное повторение*. Вы виноваты в нём, а не я...

Да и то надобно сказать: почему ваше понимание „воды“ нельзя приложить к ст. 23, 3 гл. Иоанна? Там написано: „*Иоанн крестил в Еноне близ Салима, потому что там было много воды; и приходили туда и крестились*“.

Я вас спрошу: в *чувственной* воде крестил Иоанн Предтеча учеников своих?

– В чувственной.

– „Но значит и Христос в 3 гл. 5 ст. Ев. Иоанна говорил о *чувственной* воде. Иначе бы св. Апостол, в одной и той же главе, употребляя два раза слово „вода“, различил их, если бы то нужно было. А как этого различия он не делает и в 23 ст. вы сами разумеете *настоящую* воду, – значит нет оснований для вас подставлять *духовное* значение воды в 5 стихе...

Савелий Лукич сказал: „пророки иногда под водою разумеют учение. Напр., Исаия взывает: „*Жаждающие! идите все к водам*“... (Ис.55:1).

Я ответил:

„не вижу данных, почему и у пр. Исаии под „водами“ нельзя разумеать даров Духа Святого. Мои слова тем основательней, что они подтверждаются благовестием Ев. Иоанна (Ин.7:37–39). Следовательно, указанием на 55 гл. ст. 1 пр. Исаии, вы не устраняете *чувственной* воды из св. крещения...

Савелий Лукич просто закричал: „откуда вы взяли „пригонять“ крещение в 3 главу ст. 5 Ев. Иоанна? Там речь о „рождении свыше“. А „рождение свыше“ и крещение – не одно и то же“.

Я спокойно спросил: „какое же различие между ними?“

Савелий Лукич затруднился указать различие.

Тогда я сказал:

„родиться „свыше“, значит родиться от Духа Святого, – *обновиться* от грешной природы (Ин.3:6). Обновление же наше Духом Святым совершается – во святом крещении. Так пишет Ап. Павел: „мы умерли для греха... Мы погреблись со Христом крещением в смерть“ (Рим.6:2,4). И ещё прибавлю: духовное *возрождение* христиан никогда не происходило без крещения...

Савелий Лукич заметил: „а вот люди в доме Корнилия родились свыше без крещения“.

Я сказал: „в 10 гл. Деяний не говорится, что язычники в доме Корнилия „возродились“ без крещения.

О них написано: „*когда Пётр продолжал речь, Дух Св. сошёл на всех, слушавших слово*“ (Деян.10:44).

Итак, Святой Дух „сошёл“ на людей в доме Корнилия, а не „возродил“ их к новой жизни. Мы знаем, что в древности Дух Св. сходил на царей и пророков еврейских (1Цар.16:6,10; Иер.1:5; Иез.2:2). Также Св. Дух „сошёл“ на слушавших слово Ап. Петра в доме Корнилия. А значит ли, что *тем самым* они уже были *возрождены* к новой благодатной жизни? Конечно, не значит. В противном случае не для чего было этих людей *крестить* (Деян.10:48). Если же они были крещены, – ясно, что через одно получение Духа Св. они не были возрождены.

Как это возможно?

Обстоятельство это разъясняет нам Ап. Павел. Он говорит, что дары Духа Св. различны (1Кор.12:4). Дар „сказания языками“ (сн. Деян.10:46; 1Кор.12:10) сообщался людям и до

крещения. Этот дар посылал Бог даже животным, как ослице Валаамовой (Числ.22:28,30). Но причём тут, особенно в последнем случае, речь о возрождении?..

Пусть же сектанты укажут нам, что христиане *омывались* от грехов и *прилагались* к Церкви, в звании *освящённых* людей, без крещения?..

Никто из сектантов показать нам этого не мог. Слушатели видели, что я говорил правду апостольскую (Ср. Рим.6:4). – Тогда я продолжал свою речь: „что крещение *водное* сопровождается *непрерывно* рождением свыше крещаемых, – а потому эти благодатные действия *совпадают* между собой, – об этом учит Ап. Павел. Он пишет: Христос „спас нас... по Своей милости, банею возрождения и обновления Святым Духом“ (Тит.3:5).

Соображайте сами, дорогие мои слушатели! Евангелист Иоанн говорит о „рождении свыше“ (Ин.3:3); а Павел Ап. это рождение называет „банею возрождения“. Баня без воды чувственной никогда не обходилась. Следовательно, если Апостол сравнивает „возрождение“ с „баней“, – несомненно, и там и здесь он предполагает воду стихийную. А, следовательно, под духовным возрождением необходимо разумеать именно *христианское водное крещение*...

III.

Савелий Лукич не хотел „вместить“ моих доказательств. Он утверждал, что духовное возрождение Господь совершает без воды. Вот у Иакова Ап. сказано: „*восхотев, родил Он нас словом истины, чтобы нам быть некоторым начатком Его созданий*“ (Иак.1:18).

– Заметьте, люди! воскликнул Савелий Лукич. Господь рождает нас духовно „словом истины“, а не водой...

Я возразил: „это так, правду вы сказали, Савелий Лукич. Господь возрождает нас „словом истины“. Но слово-то истинное строго требует от нас водного крещения. У Евангелистов объявлено Господом, что кто не будет креститься, – погибнет (Мф.28:19; Мр.16:16 ср. Деян.8:12). И потому христиане начало своей „спасённой“ во Христе жизни открывали *всегда* святым

крещением (Деян.2:41 ст. и парал). Потому же и для нас *водное* крещение обязательно“...

– Ниоткуда это не видно! завопил не своим голосом Савелий Лукич. Другие молокане его шумно поддержали.

Я ответил: „вам уже показана *прямая* заповедь Господня о крещении (Мк.16:16; Мф.28:19). Было также говорено мной, что без *духовного* возрождения христианам спастись нельзя; а я сейчас *доказал*, что это возрождение и крещение – одно и тоже“...

– Не ясно, не ясно! – шумели молокане.

– Так я поясню вам слова свои ещё. Слушайте. – Из 4 гл. Ев. Иоанна мы знаем, что Апостолы крестили *в воде* ещё при жизни Господа (Ин.4:2 ср. 3, 23). Это же крещение совершали Апостолы над христианами, после сошествия Св. Духа. – Вот доказательства. Прочитайте 8 гл. Деяний. Там рассказывается об обращении ко Христу евнуха. Евнух, послушав проповедь диакона Филиппа, уверовал во Христа. И когда они, „*продолжая путь, приехали к воде, евнух сказал: „вот вода; что препятствует мне креститься?“* Филипп... приказал *остановить колесницу и сошли оба в воду, Филипп и евнух; и крестил его*“ (Деян.8:36–38).

Я не знаю во всём Свящ. Писании более разительного доказательства за *водное* крещение. Только *духовное* ослепление и упорство могут восставать против этого доказательства! – произнёс я с воодушевлением.

Мне ответил диакон молоканский. Он сказал:

„Нет, не упорство удерживает нас идти за евнухом в воду. Мы соображаем вот что: Филипп евнуха „подбивает“ креститься в воде, или – наоборот? Так: *евнух* хотел погрузиться в воде; для него – это был привычный древний обряд омовения. Потому он и хлопотал о нём“...

Я возразил:

„Мне не нужно больших усилий, чтобы опровергнуть ваши соображения. Евнух требовал крещения не потому, что хотел *лишний раз „омыться“* в воде для чистоты плотской. Какое „омыванье“ среди дороги, – когда приходится ещё *продолжать путь*“ (Деян.8:39)? Нет. Евнух скорее, *сейчас же* креститься

хотел потому, очевидно, что от Филиппа узнал о невозможности стать христианином без крещения...

Кроме того, напрасно вы утверждаете, что сила моих рассуждений о водном крещении ослабляется через то, что евнух сам запросил крещения. Евнух не заговорил о еде плотской, об одежде телесной. А о крещении *водном* просил Филиппа. Ясно, что о пище и одежде для тела у них речи не было; о крещении же евнуху благовестил диакон Филипп“.

И потому ваше последнее замечание, Савелий Лукич, мы должны вменить, „как небывшее“...

Он молчал. – Я продолжил свою речь:

„Ещё могу привести вам из кн. Деяний свидетельство о водном крещении не менее *убедительное*. – Вот, посланный Богом, Ап. Пётр приходит в дом Корнилия язычника (Деян.10:20). Здесь людям *благочестивым* (Деян.10:2), но духовно тёмным он благовестует о Христе. Слушатели от этой проповеди „умилились сердцем“ и на них сошёл Дух Св. (Деян.10:44). Тогда Ап. Пётр велит „*креститься водой тем, которые получили Святого Духа*“ (Деян.10:47).

Из этого священного сказания ясно, что всех приходящих в Христову Церковь *Апостолы крестили в воде* и крещение совершалось над людьми не потому, что оно было древним обычаем.

Савелий Лукич возразил:

„Но в 11 гл. Деяний уже не говорится, что Пётр крестил Корнилия водою. Значит, чувственной воды при его крещении не было“...

Я ответил:

„Совсем не значит. В 11 гл. Деяний Ап. Пётр *кратко* рассказывает о событии в доме Корнилия. И потому там не упомянуто о воде. Но о воде при крещении *ясно* написано в 10 гл. Деяний. Зачем же постоянно, в каждом случае, повторять, что Корнилий был крещён водой? Это *само собой* очевидно, как то, что Пётр Ап. пришёл к Корнилию *ногами*, хотя об этом не упомянуто в кн. Деяний“.

Признают сектанты богодухновенность 10 гл. Деяний?..

– Признаём! признаём! – слышалось из толпы.

– Если так, заключил я, принимайте и то, что люди в доме Корнилия были крещены Ап. Петром видимо, *водой*, а не по-молочански – *духовно*...

Моё заключение подтверждается словами Ап. Павла. Он пишет к Ефесянам: *„Христос возлюбил Церковь и предал Себя за неё, чтобы освятить её, очистив баней водной, посредством слова“*... (Еф.5:25). Выражение – *„баней водной“* – наводит на мысль, что при Апостолах духовное „очищение“ христиан сопровождалось погружением их в воду или крещением водным.

– Да, заметил Савелий Лукич, но вы хитро обошли выражение „посредством слова“. А оно показывает, что „баню водную“ надо понимать, как *учение*...

Я возразил: „неправду вы говорите, мой друг. Выражением „посредством слова“ Апостол не устраняет из крещения воды. Он лишь учит, что с крещением слово нераздельно. Это так и есть: проповедь Евангельская, *слово* Божие приводит людей к крещению; само же крещение совершается опять с произношением *слов*: „во имя Отца и Сына и Св. Духа“ (Мф.28:19). Таким образом, православные в своих верованиях идут царским путём: они не выбрасывают воду из крещения, но и сопровождают его произношением *слов*, по заповеди Господа. – Признайте, Савелий Лукич, православные порядки *апостольскими* и примите их для спасительного руководства в жизни...

В ответ на мою речь Савелий Лукич длинно заговорил о духовном служении Богу (Ин.4 гл.). Он утверждал, что Богу-Духу не нужна наша вода. Потому молочане её „не придерживаются“...

Я сказал:

„Конечно, Бог-Дух (Ин.4:24). И Ему не нужна чувственная вода. Но ведь мы о воде при крещении говорим, имея в виду людей. А разве и людям вода не нужна? Нет. Наши души телами обложены. Водой мы жажду в теле утоляем; вода приносит освежение природе нашей. Таким образом, *нам вода нужна*...

Какое же значение имеет она при крещении?

В крещении мы умираем для греховной жизни, – совлекаем с себя все пороки свои (Рим.6:4). В ознаменование этого, мы тела свои погружаем в освящённую воду, – и тем как бы очищаем его от всякой житейской грязи (ср. Числ.31:23).

Итак: подобно тому, как природа наша состоит из души и тела, – и крещение – истинное, христианское, по заповеди Господа – *двухчастное*: в крещении мы телами погружаемся в воду *чувственную*, а душами своими воспринимаем Духа Божия, – Духа, Освятителя и Очистителя нас „от всякой скверны“.

Сектантам необходимо познать эту истину. Её возвещает нам, как мы видели, слово Божие. Зачем же идти против Господа, – зачем в ослеплении прать против рожна?..

Покайтесь же, друзья мои, в своём упорстве! С жаждой духовной придите к Источнику воды живой (Ис.55:1) во св. православную Церковь. Тогда откроются ваши очи, и вы с благоговением погрузитесь в воду крещения, благодаря Бога за своё исцеление во Христе...

С.-Петербургский епархиальный миссионер
Димитрий Боголюбов

**Летопись периодической и светской печати и новые
книги по вопросам веры и миссии церкви //**
Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 111–131

Служитель Церкви Наши „Буревестники“ и глашатаи новых идей С. 111–117

В последнее время появился род писателей, которые, присмотревшись к бульварной публике, уразумев, что ей нравится, чего ей хочется, к чему она стремится, – взялись стряпать подходящие „произведения печати“. А бульварная публика, как известно, падка на всякого рода „забористые новинки“, на всё то, что носит следы сильных ощущений, скандальности, трескучести, грубого ухарства и всякого бьющего по нервам бесчинства. Таким образом и получила право почётного гражданства в наши туманные дни, так называемая „протокольная литература“, т. е., такая литература, которую, как только прочёл, так и беги за городovým.

Легко можно себе представить, какое воспитательное воздействие и какие последствия может иметь эта „литература“ в среде нашего нервного и беспокойного юношества и в среде тёмных, но ищущих выхода из своего теперешнего положения классов населения!

Во главе этих „писателей“ стал пресловутый Максим Горький (он же Пешков), человек от природы талантливый, но скрутивший свою жизнь бесшабашными, разнузданными порывами и метаниями во все стороны, получивший воспитание под роковым давлением исключительных социальных условий быта, под живым и односторонним впечатлением всевозможных падений и безобразий в среде жалких и безвозвратно погибших отбросов общества. Этот человек с тёмным прошлым, отчаявшийся в настоящем и с ужасом смотрящий в будущее, на подобие промотавшегося пропойцы на похмелье, охарактеризовал себя такими словами: Я – *буревестник*. Я гонец наступающих событий, предвестник надвигающейся бури, которая готова в диком бушевании пронестись по русской земле... И мне любя данная борьба, бурное разрушение, вавилонское столпотворение!.. (См. его стихотворение в прозе „Буревестник“). Конечно, такая буря – большая фантазия Горького, и наше православное отечество под сенью церкви

Божией будет спокойно делать своё дело, верно подвигаясь к историческому идеалу, постепенно совершенствуясь и врачуюсь от разъедающих его ран безбожия, язычества и сектантства. Как бы то ни было, но буревестничество весьма характерно для нашего времени, интересного времени!

С красным знаменем в руке, с искажённым от злобы лицом, со всклоченной головой и налившимися кровью глазами, в разорванном безобразном костюме вырвался „Буревестник“ из зловонной трущобы на свет Божий, в честной народ, мирно занимающийся своим делом, и бежит дерзко расталкивая встречных, сопровождаемый десятком жалких людишек, корчащих из себя „босяков“ и „золоторотцев“; бежит эта сумасбродная ватага и вопит благим матом о какой-то надвигающейся на православную Россию невообразимо страшной бури... Прохожие останавливаются, с изумлением смотрят на бегущих безобразных людей, дают им дорогу и решают, что это – одержимые белой горячкой случайно вырвались из лечебницы. Но есть в толпе люди, которые, услышав дикие крики, вдруг и сами исполняются необъяснимой ярости и устремляются во след буревестников, выкрикивая им похвалы и приветствия...

Так представляем мы себе этих новых глашатаев „новой правды“, новых делателей русской истории.

Не лучше представляет их себе и сам родоначальник их граф Лев Толстой. Он в предисловии к недавно вышедшему в России переводному роману немецкого писателя фон-Поленца: „Крестьянин“ пишет следующее: „В наше время невежество образованной толпы дошло уже до того, что все настоящие великие мыслители, поэты, прозаики, как древности, так и XIX века, считаются отсталыми, неудовлетворяющими уже высоким и утончённым требованиям новых людей; на всё это смотрят или с презрением, или с снисходительной улыбкой. Последним словом философии в наше время признаётся безнравственная, грубая, напыщенная болтовня Ницше; бессмысленный, искусственный набор слов, соединённый размером и рифмой разных декадентских стихотворений считается поэзией высшего разбора; на всех театрах даются пьесы, смысл которых никому,

не исключая и автора, неизвестен (напр. „на дне“), и в миллионах экземплярах печатаются и распространяются, под видом художественных произведений, романы, не имеющие в себе ни содержания, ни художественности“. – „Кроме того, благодаря случайности или мастерству рекламы некоторые плохие произведения, подобно *Оболю* или *Raas soap*, получают неоправдываемую своими достоинствами большую известность. Эта же большая известность заставляет всё большее и большее количество людей читать такие книги, и слава ничтожной, часто вредной книги, как снежный ком, всё вырастает и вырастает, и в головах огромного большинства людей, тоже как снежный ком, образуется всё большая и большая путаница понятий и совершенная неспособность понимания достоинств литературных произведений“. (См. стр. IX–XI). Прекрасные слова, и мы их с удовольствием приводим. Они едва ли доставят приятность нашим „буревестникам“. С другой стороны, эти слова показывают, как у болезненного уже старика, бывшего великого русского писателя, ещё и теперь, не смотря на его искусственно напущенный на себя сектантский чад, ярко вспыхивает огонь великой русской мысли, горевший некогда в великой русской душе.

И странное дело: это говорит так беспощадно, так безнадежно о буревестнической современной литературе... и кто-же?.. сам родоначальник буревестничества! Ведь, кто, как не граф Лев Толстой, вот уже пятнадцать слишком лет своими разрушительными писаниями подтачивает, подкапывает великое здание православной России? Кто, как не граф Лев Толстой, неустанно призывает громы, молнии и ураганы на святую Русь, на святую церковь православную? Кто, как не этот „новый пятый евангелист“ (как пятое колесо в телеге) вовлёл целое поколение молодёжи своими пагубными речами в стремление к какому-то всеразрушению, всеопрощению, всеравенству и провозглашению „нового царства“, „новых принципов“, „нового христианства“?.. Лев Толстой очутился теперь в положении той легендарной насадки, которая вылупила уродов-детёнышей, и сама удивляется их безобразию и уродству. Лев Николаевич! Да, ведь, это же ваши дети, ваши питомцы! Ведь это же плоть

от плоти вашей, кость от костей ваших!.. Горький, Чехов, Меньшиков, Розанов и другие – ведь это же ваши детки!.. Они вас зовут папашей, они на вас молятся!.. „Своя своих не познаша“!.. Вдумайтесь хорошенько, посравнивайте ваши последние антихристианские писания с писаниями ваших птенцов, и вы увидите, что это один и тот же „ком снега“, с другой лишь подмочкой. Послушайте-ка, как вежливо объясняется Горький по адресу современного общества: „ах, вы, гады, гады, зачем живёте, как живете? Жульё вы лицемерное, и больше ничего!“ – Ну разве это не ваши слова? не ваши мысли? Или выберите все пасквили на государственные учреждения из вашего, хотя цензурированного (а уж о бесцензурном и говорить нечего) „Воскресения“, да прибавьте сюда ваш „ответ“ Святейшему Синоду, и эту богохульную, противоправительственную и противогосударственную смесь, сравните потом... ну хотя вот с этими перлами горьковского пророчества: „Это тяжёлое грязное здание всё пропитано кровью людей, которых раздавило; оно сотрясается от дряхлости, охвачено предчувствием близкого разрушения и в страхе ждёт только, чтобы с шумом развалиться... Слыхали ли вы что-нибудь об истине, справедливости, о желании видеть всех людей земли гордыми, свободными, красивыми? Если бы у вас было здоровое, цельное чувство любви к жизни! Ведь вы не любите жизни, вы боитесь её, вы тихонько, как вор, отрываете от неё кусочки, кроткие люди, бедные нищие!.. Бедна страна моя людьми сильными, а уж вновь наступило время, когда ей нужен герой... Чёрт бы вас всех побрал! Если бы вы знали, как вы жалки, как вы противны, как ужасно тяжело жить среди вас... Пошли, Господи, побольше бед на ваши головы“!.. Это такая у Горького любовь к родине, любовь к ближним!.. Не всё тут нищестество, тут добрая половина и толстовства. Здесь слова принадлежат Ницше, а мысли Льву Николаевичу! И видите, Лев Николаевич, какой неблагодарный этот ваш птенец-буревестник г. Горький: он даже вас не хочет признать „героем“, а чает какого-то иного!..

Непочтителен к сединам Льва Николаевича и другой его выкормок – г. Меньшиков. Он в № 9337 „Нового Времени“, 3-го

марта, в день попыток молодёжи устроить в столице уличные беспорядки, выпустил свой фельетон: „Из писем к ближним“, и почти весь посвятил его хлесткой проборке старости и возвеличению молодости. Известный поступок престарелого литератора Пастухова, нечаянно ранившего из револьвера крестьянского мальчика, даёт этому фельетонисту „Нового Времени“ повод осудить окончательно преклонный возраст человека. „Старость, пишет г. Меньшиков, сложившаяся таким образом, чтобы быть в состоянии завершиться подобным ужасным происшествием, вовсе не „милость Божия“, как уверял защитник г. Пастухова, г. Карабчевский, а скорее Его немилость“. Г. Пастухов нечаянно ранил мальчика, и получил проклятие в своей старости от г. Меньшикова. Лев же Николаевич Толстой на старости лет написал и обнародовал богохульное и кощунственное до невероятности письмо Святейшему Синоду – какого же проклятия достойна эта старость?!

Впрочем, г. Меньшиков вообще против всякой старости и преклонных лет. Он дальше говорит: „Когда я попадаю в стариковскую обстановку, в общество пожилых и умных людей, мне хочется воспеть старость с её заслугами, тот возраст, которого поэма уже закончена и перешла в легенду... *Напротив*, когда я попадаю в обстановку зарождающейся жизни, в общество детей или *не слишком испорченных* юношей, я всем сердцем стою за молодость“ (Курсив наш). Для большей же силы своих слов г. М. сослался ещё и на слова Гоголя, вырвавшиеся у последнего из уст в такое время, когда он ещё не проник в глубину христианского учения. „Нынешний же пламенный юноша отскочил бы с ужасом, если бы показали ему его же портрет в старости... Грозна, страшна, грядущая впереди старость и ничего не отдаёт назад обратно! Могила милосерднее её, на могиле напишется: „здесь погребён человек“, но ничего не прочитаешь в хладных, бесчувственных чертах бесчеловечной старости“. От этих мрачных антихристианских слов Гоголь потом отрёкся. Поэтому они принадлежат г. Меньшикову, у которого такой взгляд на преклонный возраст к лицу и понятен. Ибо защитнику и провозвестнику языческого *культа плоти* как же иначе

смотреть на старость, когда на теле появляются морщины, мускулы слабеют, члены теряют всю грацию очертаний и движения и проч.? А что там, где-то в Евангелии Господа Иисуса Христа говорится как раз наоборот, о *бодрости* духа при *немощи телесной* и что Церковь православная внушает нам своим непогрешимым учением обратное понятие о старости и о молодости, – до этого какое дело г. Меньшикову? Ведь он птенец той наседки, для которой всё это – одно невежество, суеверие, шарлатанство? Однако же, читатель может спросить нас: зачем же тогда г. Меньшиков заканчивает это своё письмо о старости и молодости цитатой из Евангелия: „Если не будете как дети, не войдёте в Царство Небесное“? – Да Бог же его знает. Может быть, это затем, чтобы дать понять своим „ближним“: не доискивайтесь, мол, последовательности и смысла в моих письмах, как взрослые, а будьте как дети и следуйте за мной, и увидите „Царство Небесное на земле“.

В № 9350 „Нов. Вр.“ другой глашатай нового христианства, В. Розанов, напечатал „Практическое указание с целью успокоить своих читателей на счёт того, что он, Розанов, нисколько не „заразился“ католичеством, хотя он и увлекался созерцанием „звёздочек на потолке“, проведённой на полу римского костёла линии римского меридиана, изображениями „Стрельца“, „Водолея“ и проч. зодиакальных фигур, а также больше всех римских догматов понравившегося ему „догмата“ (!) стрижки папой белого ягнёнка на престоле. Кроме сего, г. Розанов „преспокойно покланялся мощам апостолов. Петра, Матвея (?), Павла, и ничего ни к кому враждебного не чувствовал“. Так что будьте, мол, покойны: я как был, так и остался „свободный христианин, и мне везде просторно“, причём, «думаю, что это вполне отвечает идее „древней церкви“».

Нам, конечно, нет до того никакого дела, что за г. Розановым кто-то с большой тревогой и досадой следит, как бы не заразился католичеством и не перестал быть „свободным христианином“; для нас решительно всё равно – с заразой г. Розанов возвратился из-за Альп в ущерб „свободному христианству“ или без заразы. Мы вот только обеспокоены на

счёт христианской свободы г. Розанова, да на счёт его новых религиозных идей, которые он с такой энергией взялся насаждать в Русской земле.

„Свободу“ г. Розанова мы знаем, – с ней, конечно, не будет нигде тесно проповеднику религии половых ощущений. Эта свобода означает: совершенная эмансипация от всяких догматов церковных, от повиновения церковным каноническим правилам и церковным пастырям, от исполнения всех обрядностей и постановлений Церкви, от признания необходимости для спасения таинств Церкви и проч. Это всё г. Розанов уже давно высказал в своих „религиозных“ фельетонах. Но и в „Практическом указании“ он относительно догматов пишет: „мне кажется, эпоха догматического существования вообще прошла и выступает эпоха скорее художественных воплощений отношения к Богу, эпоха скорее певческая, нежели умственно-конструктивная (догмат)“. Новая идея!.. Православие и католичество со своими догматами отжили свой век. Г. Розанов на столбцах „Нового Времени“ открыл, зарю новых дней, нового христианства – „*певческого!*“ На счёт же отношений своих к иерархам церкви сей провозвестник заявляет в „Практическом указании“, что ему ни до какого разделения церквей нет дела и он не хочет быть „в кулачке“ у иерархов, ни нынешних, ни минувших“.

Своё „Практическое указание“ он заканчивает так: „вообще нужно пожелать, чтобы повседневная печать, очень теперь распространённая, разрешила эти ряды „старообрядцев“, „старо-печатников“ (речь идёт об обыкновенных не эмансипированных православных христианах) господствующего исповедания, показала бы и убедила их (нечего там слушать проповедей церковных, раз есть ежедневные газеты в роде, напр., «Нового Времени»), что собственная притча Спасителя повелевает нам растить „древо“ из горчичного зерна Евангелия (!), что сущность христианства и христианина есть чистое сердце перед Богом и правое дело – в руках, а „печатью старой и новой“ Спаситель не занимался и ею заниматься нам не завещал. Вообще, проницание критических лучей вот в это полуобразованное общество настоятельно нужно. Тогда они

перестанут держать за концы платья людей гораздо более из высоких по положению и просвещённых. И желаемые перемены могут настать скорее, чем мы помирились думать“.

Вот видите, какой богослов г. Розанов и как он глубоко знает „собственные“ притчи Спасителя и сущность христианства, а также, как высоко пишет! Господь Иисус Христос говорит нам: „Если не будете есть плоти Сына Человеческого и пить крови Его, то не будете иметь в себе жизни“ (Ин.17:53), и иерархам церковным и священникам говорит: „Истинно говорю вам: что вы свяжете на земли, то будет связано на небеси“ (Мф.18:18). А г. Розанов учит всё это бросить, как отжившее век, и „растить“ древо“ из горчичного зерна Евангелия, имея в руках „правое“ дело – это, вероятно, сотрудничество в „Новом Времени“ – и не обращая внимания на прочие „собственные“ же притчи и учения Спасителя. Господь говорит: „Блаженны чистые сердцем“ в том, конечно, смысле, что наши сердца должны быть свободны от всяких греховных мыслей и желаний. А г. Розанов понимает эту чистоту в смысле отсутствия сердечных влечений и привязанности к церковно-обрядовой, ритуальной стороне веры. Хороши же будут те „критические лучи“, которые станут испускать в „полуобразованное общество“ критики-богословы, как г. Розанов и ему подобные!

Впрочем, что нам беспокоиться особенно за истину? Истина останется истиной, а наши „буревестники“ да „провозвестники“ пусть поговорят... от этого и ежедневной печати – материал, и бумажным фабрикам – работа. Мы уверены, что в конце концов все они перепутаются, переругаются между собой и отойдут „к прежним своим занятиям“. Благо, каждый из них несёт вздор по-своему. Царство их разделилось на ся и не устоит долго...

**Александр, иером. [Рец. на:]: Свящ. П. С. Тидебеля.
Как я нашёл истинную церковь. С. 118–129**

Истина светлее солнца... Господь Наш Иисус Христос, возвестив людям небесную истину и проникая Своим Божественным всеведением в даль грядущих времён антихриста, сказал: „Не думайте, что Я пришёл принести мир на землю; не мир пришёл Я принести, но меч“ (Мф.10:34).

И Сам подвигоположник христианства запечатлел своё великое служение истине распятием и крестной смертью. Усиленную борьбу с врагами истины пришлось вести и ближайшим продолжателям дела Христова – св. апостолам и их преемникам-пастырям церкви.

Великая миссия охранять Христову истину и, с другой стороны, распространять её среди неведущих света Христова возложена и на родное нам православие. Православная церковь от лет древних и даже до днесь, ревностно и неизменно хранит святоотеческие предания вселенской церкви.

В церкви православной нет места человеческим измышлениям, здесь полное послушание Спасителю, апостолам и святоотеческому преданию. Будучи всецело проникнуто пламенной заботой о чистом сохранении Христовой истины от разных приражений лжи, православие вследствие этого ведёт ревностную борьбу со своими явными врагами и, вообще, с лицами, „скрывающими истину в неправде“.

В нашем российском государстве проповедникам православия постоянно приходится вести духовную войну с многочисленными врагами православия. В Сибири ламаизм и магометанство, на севере и в центре Руси – раскол, на юге – сектантство, в Прибалтийском крае – лютеранство, на Юго-западе – еврейство и католичество, и проч., всё это для православной миссии – „твердыни“, с которыми она борется не плотскими оружиями, не искусственными человеческими средствами, но оружиями духовными, благодатными, *сильными Богом* (2Кор.10:4).

Проповедники и апологеты православия ведут свою борьбу с инославием только духовными оружиями, памятуя слова Премудрого: *Подвизайся за истину до смерти – и Господь Бог поборет за тебя* (Сир.4:32). Слова эти – вековой исторический завет православной проповеди, засвидетельствованный великими подвигами и святостью жизни многих знаменитых православных пастырей и учителей и, с другой стороны, многочисленными небесными знамениями и чудесами, приосеняющими историю православной церкви на всём её тысячелетнем протяжении.

Вера в благодатное содействие Божие – это путеводная звезда для православных миссионеров в их борьбе с инославием и иновением *и десница Господня творит силу*, ибо Сам Господь *поборник за них* (Исх.14:14).

В чудесных знамениях, являемых Самим Богом для свидетельства об истинности православия, могут находить великое ободрение миссионеры и пастыри православной церкви, утверждаясь в надежде, что они подвизаются не яко воздух бияй, – что Сам Господь, творящий чудеса в истории православной церкви, как бы небесным громовым гласом призывает все племена земные к общению с православной церковью... Прославление св. Феодосия Черниговского, преподобного Серафима Саровского, дивный кронштадтский пастырь, и т. д., все эти небесные знамения ясно показывают, что в православной церкви содержатся Божественные силы „яже к животу и благочестию“, что Сам Бог теми или иными знамениями призывает людей в лоно православия.

Многообразно в данном случае промышление Божие. В настоящей заметке мы считаем необходимым внимательно остановиться на психологическом процессе, пережитом бывшим лютеранином г. Тидебель¹⁸, при обращении его к православной церкви. В этом процессе явственно видны действия благодати Божией, направлявшей Тидебеля к истинно-спасительной вере.

Вот какими стезями благодать Божия привела о. Тидебеля от протестантства к православию.

С детства, рассказывает о себе о. Тидебель, я был воспитан исключительно в лютеранско-протестантском духе. Мои

родители и прародители были лютеране, да и все мои близкие родственники в Лифляндии того же вероисповедания.

Во время моего учения в Юрьевской (Дерптской) гимназии, жил я в пансионе подряд в 3-х семействах лютеранских пасторов. В гимназии были моими учителями пастор профессор Х., и пастор У. В Петербурге я учился у пастора Z., у которого и был на конфирмации (причащён в 1-й раз).

Это я привожу для того, чтобы показать, что для меня лично не было недостатка в хороших лютеранских законоучителях. Напротив того, я учился у весьма многих и притом у таких, которые считались в лютеранском мире самыми лучшими. И большинство из них я очень любил и сохранил о них самые лучшие воспоминания“ (3 стр.).

Отсюда легко видеть, что наличные условия и порядок вещей скорее должны были бы сделать из г. Тидебеля ревностного лютеранина, а не православного. Всем известно, как глубоко и сильно действуют на сердце человека первоначальное воспитание и впечатления детства. Эти могучие факторы в большинстве случаев уже наперёд предвещают последующую жизнь и судьбу человека. К счастью, г. Тидебель не был настолько порабощён лютеранскими предрассудками, чтобы остаться глухим к тому небесному голосу, к тому невидимому благодатному свету, который просвещает всякого человека, грядущего в мир. Его сердце, озарённое лучом благодати, на первых порах стало смутно ощущать заблуждения и лютеранства.

Несмотря на то, что мои родители и все родственники, пишет о. Тидебель, были очень верующими христианами, у меня всё-таки года два после окончания курса гимназии, стали появляться сомнения; но сомнения не такого рода, какие я встречал у других лютеран, которые сомневались, потому что вообще не верили и ко всему, что касалось веры, относились индифферентно и скептически; нет, сомнения другого рода. Мне казалось, что лютеранская вероисповедная система содержит *слишком много противоречий и непоследовательностей*.

Первые сомнения такого рода появились у меня, когда я случайно услышал, что в римско-католической церкви до

Лютера и по сие время семь таинств, а со времени Лютера у его последователей только два.

Если истина – в двух таинствах, то каким образом до Лютера в течение пятнадцати веков их было семь? думал я. Значит до Лютера никто не открыл истину в этом отношении?.. Это мне показалось по меньшей мере сомнительным, и я стал читать Св. Писание в надежде найти там указания относительно числа и свойств таинств» (4 стр.)

Из церковной истории мы знаем, что протестантизм явился только как реакция против крайностей папства. Протестантская теология пропитывается озлоблением к католичеству человеческого разума, и ео ipso¹⁹ возникает без систематичности, связности, логичности и последовательности. У католиков было не одно дурное. Между тем, протестантство, под давлением страстного негодования на папство, не всегда могло беспристрастно обсудить ложность или истинность того или иного пункта католического вероучения. Многие хорошее в католичестве оно иногда зачёркивало потому только, что это католическое... Чтобы оправдать и аккредитовать законность такого зачёркивания, оно прибегало к схоластическим же приёмам (каковые царят в католицизме), пользуясь оными, с одной стороны, за отсутствием пригодных логических доказательств, с другой – потому, что западные богословы и вообще-то склонны рассуждать более на схоластический манер.

И протестантские догматические формулы представляют собой не что иное, как свод богословских положений, наудачу взятых из вселенского церковного вероучения, взятых с значительными сокращениями и переделками, лишённых живой внутренней связи и объединённых чисто внешними схоластическими и непрочными нитями.

Отсюда, протестантское вероучение перед совестью искреннего христианина должно казаться искусственным и непрочным сводом разных теологических положений, подчас противоречащих одно другому.

О. Тидебель был гораздо свободнее от лютеранских предрассудков, нежели его родственники. Идеал истинного вселенского вероучения, „здравых словес“, не похожих на сухую

искусственную протестантскую доктрину, уже на первых порах, хотя и смутно, но всё же предносился перед его умственным взором. Протестантское вероучение стало казаться ему малосодержательным, непоследовательным, самопротиворечивым...

„У меня явилось, пишет он, сомнение в истинности лютеранского вероисповедания, и я решил искать эту истину в католицизме, который представлялся мне очень загадочным и интересным, и я составил план ближе его исследовать. Однако обстоятельства жизни на некоторое время помешали осуществить это желание. Находясь затем на военной службе сперва в нижнем звании, потом в Петербурге, и на каждом шагу встречая православных и католиков, я оставался *под глубоким впечатлением*, когда видел, как они знаменуют самих себя и других св. крестом, имеют у себя в квартирах священные иконы или распятия, перед которыми коленопреклонённо молятся, как соблюдают посты, возжигают светильники перед св. иконами, носят на груди кресты, как поют чудесные гимны, напр., *Христос Воскресе...*

Особенно же не удовлетворяло меня лютеранство во дни Великого поста, когда я видел, как православные и католики, говея и постясь, ежедневно по два раза посещали церковь и тем приготавливались к достойной встрече величайшего из праздников Св. Пасхи. Посещать церковь в течение недели ежедневно, да ещё два раза в день, дело неслыханное для протестантов. Мне казалось, что как в православной, так и в католической церквях много таинственной обрядности, которой в лютеранстве нет, и я невольно почувствовал *необходимость этой обрядности*, почувствовал, что *богослужение без внешних обрядов не может вполне удовлетворять человека*, и что протестантизм во всяком случае слишком малое значение придаёт внешности... Постоянно видя в комнатах сослуживцев иконы, я также, будучи ещё лютеранином, купил себе образок Спасителя, который повесил над кроватью и одел на грудь крест. *Я уже не сомневался в их необходимости*. А когда мне приходилось бывать в Прибалтийском крае, то, не видя ни на улицах, ни в домах икон, я чувствовал себя как-то не хорошо.

Мне казалось, что все тамошние жители и я сам менее находимся под покровительством Господа Бога и небесных сил. Я чувствовал, какую большую пользу приносят иконы, напоминая, во-первых, о Боге, о вере в Него, о необходимости молиться, и, во-вторых, давая возможность верующему исповедывать открыто и внешним образом перед народом свою Христову веру и этим по словам Спасителя: „*Всяк убо иже исповест мя перед человеки, исповем его. Аз перед Отцем моим, иже на небесех (Мф.10:32). Всяк иже исповест мя перед человеки, и сын человеческий исповест его перед Ангелы Божиими*“ (Лк.12:8), содействовать своему спасению. Напротив, приезжая обратно в Петербург, при виде иконы Вознесения Господня на Балтийском вокзале, я успокаивался; мне казалось, что Бог мой, изображение Которого теперь перед мной, не покидает меня. Он со мной, и я, невольно, по примеру православных покупал свечу и ставил перед иконой (5–7 стр.).

Замечательная повесть о необходимости внешнего богочитания...

Необходимость религиозных обрядов и символов вызывается характером нашей психофизической природы; мы не можем мыслить и чувствовать что-либо без помощи тех или иных конкретных символов. Следовательно, лютеранство, отрицая иконы, вообще, обрядность в богослужении, eo ipso становится в непримиримое противоречие не только с вселенской церковной историей и догматикой, но и с общечеловеческой психикой.

Эту, если можно так выразиться, противоестественность отрицательного отношения к церковной обрядности в лютеранстве и нашем рационалистическом сектантстве, живо могут чувствовать люди, не ослеплённые ложными мнениями...

О. Тидебель, в бытность его лютеранином взиравший с глубоким чувством на крестное знамение, совершаемое православными христианами, на посещение православными храма Божия в дни св. сорокадесятницы, помещавший икону Спасителя над своей кроватью, скорбевший об отсутствии икон в немецких домах и ставивший свечу перед иконой Вознесения

Господня на Балтийском вокзале в Петербурге, красноречиво подтверждает сказанное.

Кроме того, есть другая, более глубокая причина, в силу которой культ православной церкви производит ощутительное влияние на всех людей (даже не православных), – это благодатные сверхъестественные элементы, участвовавшие в образовании и выработке нашего церковно-богослужебного строя. Православная обрядность, молитвы, песнопения, иконография и т. д., – всё это созидалось не простыми людьми, но облагодатствованными пастырями и учителями церкви, подвижниками и святыми мужами.

„Есть сила благодатная в созвучье слов живых и дышит непонятная святая прелесть в них“. Эта благодатная сила, эта небесная красота, заключённые в наших обрядах и церковных символах, и производят своё действие даже на иноверца, если только его душа не затемнилась окончательно страстями и заблуждением.

Вспомним глубоко восторженное состояние наших предков язычников (послов св. князя Владимира) в Константинопольском храме во время литургии.

Католическое богослужение, в котором есть много нечистых примесей, мирского, суетного, далеко уступает православному по силе воздействия на дух молящегося или даже постороннего наблюдателя.

Справедливость сказанного прекрасно иллюстрируется сопоставлением впечатлений, вынесенных о. Тидебелем от католического и православного богослужения.

„Познакомившись, пишет о. Тидебель, с православной богословской литературой, я решил ознакомиться и с православным богослужением, для чего в продолжение двух с половиной лет посещал православные церкви. Перебывал в большинстве церквей Петербурга и окрестностей. За это время я убедился, насколько православное богослужение своей простотой и в то же время торжественностью и полнотой содержания превосходит католические службы. Не говорю уже о протестантских. С первого же посещения православного богослужения оно произвело на меня неизгладимое

впечатление. Священнослужители совершали службу не на чуждом, классическом, народу языке, а на близком и понятном всякому простолюдину церковно-славянском. Молящиеся стояли без молитвенников, но в них и нужды не было. Все и без того понимали, что возглашается из алтаря и что поётся и читается на клиросе. Здесь ясно бросалась в глаза та связь между совершителем богослужения и молящимися, которой, к сожалению, не достаёт в католической службе. Услышанное мною хоровое пение отличалось в одно время простотой и торжественностью, и отсутствием светского элемента, характер пения был всегда чисто духовный; в нём не было той искусственности, если не сказать, театральности, которая наблюдается иногда в католической церкви, где в большие праздники на хорах вместе действуют орган, скрипка, пение хора и соло красивых оперных актрис, не было и той сентиментальности, которой страдают лютеранские хоралы“ (91 и 92 стр.).

– „Где литургия совершается так правильно, как в православной церкви? В протестантских вероисповеданиях литургии (обедни) нет совсем. В римской же месса совершается далеко не так правильно. И я должен сказать, что если мне и нравилась некогда месса, когда я приходил к ней от лютеранства, то теперь месса кажется мне положительно жидкой сравнительно с красотой и богатством православного служения, совокупность молитв и действий которого во время проскомидии и литургии составляют гораздо более полное глубоко-трогательное и высоко-поэтическое воспоминание сперва пророчеств про Спасителя, потом всей жизни, страданий, смерти и воскресения Его“ (стр. 104–105).

„Только православная церковь в иконописи сохранила древний Византийский стиль, в котором всегда „дух“ преобладает над „телом“. Не то мы видим в римской церкви, где за последнее время иконописцы главным образом обращают внимание на внешность изображаемого святого, стараясь придать его изображению более современный вид. Мадонну, например, они большей частью изображают в виде современной женщины необычайной красоты. До чего доходит старание

католических иконописцев подделываться под вкус разных национальностей, можно видеть из такого факта. В Китае на католических иконах не только святые, но даже Спаситель и Богоматерь изображаются в Китайских одеждах и с косами. Об этом я слышал от одного русского иеромонаха, состоявшего, священником на судне Тихоокеанской эскадры и прожившего в Китае несколько лет“ (112–113 стр.). „А какие чудные, полные глубокого смысла и дышащие сильной верой молитвы в православной церкви! В противоположность католическим молитвам, которые большей частью носят характер напыщенности, и тем более лютеранским сентиментальным хоралам, молитвы православной церкви отличаются сколько глубиной догматического содержания, столько высотой нравственного учения, равно и образностью поэтического изложения. Составлены эти молитвы не лютеранскими реформаторами и мирянами XVI и XVII вв. и не католическими монахами, упражнявшимися в религиозном стихотворстве на латинском языке, а великими отцами и вселенскими учителями церкви, высокообразованными, по своему времени, людьми с поэтическим даром и владевшими всеми богатствами высокоодарённой греческой природы. Многие, прославившиеся глубиной понимания Богооткровенной истины и святостью жизни в древней православной церкви, оставили после себя вклад в священно-богослужебные книги. Не говорю уже о великих столпах древне-вселенской, нераздельной православной церкви – Василии Великом, Иоанне Златоусте и Григории Двоеслове, имена которых присвоены составленным ими литургиям, в богослужебных книгах православной церкви мы находим неиссякаемый источник и догматического поучения и нравственного назидания, которые по возвышенности своей и удобопонятности могут быть приложены ко всем случаям человеческой жизни, могут подавать и утешение в скорбях, могут поддерживать светлую радость, а по художественности своего изложения могут давать действительно эстетическое наслаждение” (119–120 стр.).

О. Тидебель сожалеет, что долгое время не был знаком с православным богослужением.

„Я, пишет он, совершенно не мог простить себе, что я давно не приходил к мысли изучить православную церковь. Но так часто с нами случается. Мы ищем добра вдали и не видим, что оно так близко. Я жил много лет напротив русской православной церкви, и стоило мне только перейти через улицу, чтобы побеседовать с православными пастырями и иметь возможность научиться православному исповеданию” (93 стр.).

Лютеранство не удовлетворяло о. Тидебеля. Он стал изучать католицизм. Мы уже знаем из предшествовавшего, что католическая обрядность много потеряла в его глазах при сопоставлении её с обрядностью православной церкви. Не лучше обстояло дело и с католической. Предоставим слово самому о. Тидебелю.

„Я почувствовал (в лютеранстве) сильную склонность перейти в католичество. Но, к сожалению, при изучении истории церкви, соборов отцов, я нашёл, что в римско-католической церкви всё-таки тоже есть значительные отступления от совершенно правильного учения древней нераздельной церкви первых 10-ти веков. Ложные догматы об исхождении Св. Духа, о непогрешимости папы, о непорочном зачатии св. Девы Марии, о сокровищнице заслуг святых и сверхдолжных делах, неверное учение о чистилище, причащении мирян под одним видом, о всевластии римских пап, которое основывается на Лже-Исидоровских декретах, признанных даже многими папистами подложными”.

„В особенности догмат о непогрешимости римского первосвященника казался мне непреодолимым препятствием к переходу в римский католицизм, так как он противоречит учению древней церкви, которая всегда смотрела на вселенский собор, как на высшую непогрешимую инстанцию в делах веры. К тому же догмат этот введён сравнительно недавно (при предшественнике умершего папы Льва XIII Пие IX). Мне казалось большим заблуждением приписывать отдельной личности божественные качества...

Я пришёл к выводу, что католическая церковь была бы правильной без этих специально-римских отступлений и лжеучений, но где найти такую церковь? – думал я. Я стал

бороться сам с собой. То являлось у меня желание перейти в католицизм, то думал я, – нет, из-за этих лжеучений я, *как человек искренний, всё-таки не могу этого сделать*. Как досадно, думал я тогда, что ни римские, ни лютеранские духовники не чувствуют, что истина *в золотой середине между их крайностями*, но всё-таки значительно ближе должна подходить к римскому католицизму, чем к лютеранству“. „Таким образом, я очутился в пренеприятном положении: с одной стороны, я порвал связь с лютеранством, хотя ещё и неофициально, но в своём сердце, а с другой – не мог решиться перейти в римский католицизм“ (13–15 стр.).

Разочарованный в католичестве, о. Тидебель обратил свои взоры к англиканской церкви.

„Противоречий и непоследовательностей, говорит он, я нашёл в англиканстве не меньше, чем в лютеранстве... Я рассказываю это в надежде, что и другие протестанты, при чтении этих строк, познают, что они не принадлежат к истинной церкви, и что они так же, как и я, узнают истинную церковь и перейдут в неё.

По официальной символической книге этой церкви „Prayer Book“ утверждённой правительством, англиканская церковь признаёт 2 таинства (крещение и причастие). Но в действительности практикуются ещё 4 из других таинств. Они только утратили характер таинств и низведены на степень простых обрядов. И великая непоследовательность выражается в этом. Таинствами эти обряды не признаются, а всё-таки практикуются.

Так, например, таинства священства, по Prayer Book'у, у англикан не имеется, но англиканские епископы, пресвитеры и диаконы ординируются через рукоположение и считают это рукоположение необходимым условием для получения духовного звания.

При англиканской конфирмации епископ полагает руки на головы молодых людей. Брак заключается также священником в церкви. Исповедь и разрешение от грехов священником также сохранились у англикан. Так видно, что следы этих 4 таинств до

некоторой степени сохранились у англикан; только таинство елеосвящения исчезло бесследно.

Многих сбивает то, что в англиканской церкви (опять-таки не во всех направлениях) есть иерархия из епископов, пресвитеров и диаконов; и есть месса, из чего многие заключают, что это древняя католическая церковь. Но их иерархия – не истинная иерархия. У англиканских епископов нет преемства и священства, они только по имени епископы, пресвитеры и диаконы. У них преемство прервано, когда по настоянию Генриха VIII англиканская церковь отделилась от римской. Что в англиканской церкви нет истинной иерархии, можно заключить и из того, что епископы англиканские многократно делали попытки получить от пап римских признание действительности их посвящений, но каждый раз безуспешно. Ещё недавно нынешний²⁰ папа Лев XIII отверг их просьбу. Но если бы папа Лев XIII мог найти хотя некоторое основание признать действительность их посвящений, он, надо полагать, согласился бы признать действительность англиканских посвящений, так как этим он бы подчинил Риму всю церковь Англии. Англиканские епископы, в случае признания их посвящений, готовы были признать первенство римского епископа. Однако римская курия не исполнила их просьбы“ (72, 73 стр.).

Англиканское вероисповедание своей неустойчивостью, непоследовательностью и другими недостатками плохо удовлетворяет и самих англикан. Это доказывается брожением, от лет древних и до дне сего наблюдаемом в англиканстве. В англиканской церкви существует масса разных направлений: „Гайт-чёрч“ (высокая церковь), „Брейд-чёрч“ (широкая церковь), „Ллоу-чёрч“ (низкая церковь), Пресвитерияне, Методисты, Шотландская церковь и др. Все эти направления в некоторых вопросах не согласны между собой, но тем не менее все вместе составляют англиканскую церковь...

Это не соответствует взгляду и практике древней нераздельной церкви, в которой всегда все, не желавшие принять учение истинной церкви в её полном объёме, отлучались вселенскими и поместными соборами от общения с

истинной церковью и существовали отдельно, и отцы церкви не допускали сектантов к таинствам истинной церкви (срвн. *ibid* 71 и 72 стр.). Понятно и англиканство не могло удовлетворить о. Тидебеля...

„Просматривая однажды, пишет он, каталог книжного магазина с целью найти католические книги, которые я хотел себе выписать, я заметил в этом каталоге рядом с словом „Римский Католицизм“ слово „Старокатолицизм“. Что это может быть? – подумал я. То ли, что и римский католицизм, или другой католицизм? Может быть это как раз то, что я ищу? – подумал я, и приобрёл себе подряд порядочное количество книг по старокатоличеству. Прочитал сочинения Бейшлага, Михелиса, Рейнкенса, Ваттериха, Лангена, Мишо и др.

„Я убедился (при чтении вышеупомянутых сочинений), что старокатолики мыслят не вполне по православно-кафолически“, что их католичество слишком свободомыслящее, либеральное и недостаточно строго различает в некоторых вопросах. С одной стороны, они хотят быть католиками, а не протестантами, а, с другой стороны, они обыкновенно стоят заодно с протестантами – против римских католиков. Такие случаи, из которых можно заключить, что старокатолики вообще мыслят более по-протестантски, чем по католически, при чтении *Deutscher Merkur* („Немецкий Меркурий“ главный орган старокатоликов Германии), попадаются довольно часто. Этот журнал постоянно помещает статьи протестантских авторов, как, напр., Гофмана, Бейшлага, Крюгера, Ниппольда и др., в которых делается попытка достигнуть сближения между протестантизмом и католичеством, что уже есть потерянный труд“.

Далее о. Тидебель делает выписку из сочинения старокатолического богослова Фишера, который утверждает, что старокатолическая церковь очень близка к протестантской и что она „не есть исключительно единственная спасающая и старокатолики не гордятся обладать истиной в полной мере“ (стр. 75–88).

По поводу этих слов о. Тидебель пишет.

„Какую печальную аттестацию даёт Фишер своей (старокатолической) церкви: *Что она не обладает в полной*

мере истиной!“

„Истинная церковь непременно должна обладать истиной в полной мере. Если старокатоличество её не содержит в полной мере, то это доказывает, что старокатоличество не есть истинная церковь...

Таким образом, я успел сравнить все западноевропейские вероисповедания и всё-таки не нашёл того, чего искал. Я могу сказать – все вероисповедания Европы, так как кроме исследования упомянутых исповеданий, попутно читал и про реформатов, гернгутеров, армию спасения, анабаптистов и даже мормонов, но, конечно, всегда чувствовал, что всё это печальнейшие заблуждения. Теперь мне стало ясным, что одна из восточных церквей наверно будет тем, что я хотел найти. При чтении старокатолических сочинений, я усмотрел из них, что старокатолики делали попытку воссоединиться с православной восточно-кафолической русской церковью. Это меня чрезвычайно заинтересовало, и я приобрёл большинство, относящихся к этому вопросу, сочинений старокатолических и православных авторов.

Когда я прочитал брошюры протопресвитера И. Л. Янышева, протоиерея А. А. Мальцева, проф. Вл. Керенского, протоиерея Е. К. Смирнова, проф. А. Гусева, в которых эти русские богословы высказываются о старокатоличестве, то на меня сошёл как бы свет, и я начал ясно сознавать, что православно-кафолическая восточная церковь учит правильнее всех других церквей. Как радостно был я поражён ясным, истинным, строго православно-кафолическим пониманием, которое развивают эти русские писатели! Как я обрадовался, увидев, что все они держатся той точки зрения, которую я уже раньше признал за истинную – при сравнении западноевропейских вероисповеданий, не подозревая, что как раз так учит православная церковь“ (88–91 стр.).

О. Тидебель для ознакомления с православным вероучением стал читать символические книги православной церкви, и в нём окончательно созрела решимость сделаться православным христианином. Вот что пишет он об этом:

„Я сознал, что православная церковь – единственная в наше время из всех существующих церквей, которая сохранила до самых наших дней в полном объёме правильное учение старой нераздельной кафолической и апостольской церкви первых XI веков; что эта церковь всегда учила одинаково и всегда имела тот же священный обряд. Её обряд неизменен от глубочайшей древности, от времён первых христиан. Эта церковь в буквальном смысле слова – православная. Эта церковь, действительно, „*столп и утверждение истины*“, как называет св. апостол Павел христианскую церковь. Это она доказала тем, что в течение двух тысячелетий сохранилась неизменной. Эта церковь сегодня учит так, как она учила в момент отделения от неё из-за *filioque* римской церкви и как всегда учила перед этим и будет так учить до скончания века. И это, конечно, один из сильнейших аргументов в пользу того, что это – истинная церковь. Ведь, истинная церковь не могла учить в одно время так, в другое иначе, но всегда должна была иметь неизменное истинное учение в полном объёме. Ведь, Спаситель изрёк, что Его церковь всегда будет „до скончания века“, так что даже „*врата ада не одолеют ея*“ и что она всегда будет пользоваться Его и Св. Духа помощью“ – срвн. Мф.20:28 и Ин.14:16–17,26. Кто в наше время желает иметь древне-вселенскую, нераздельную церковь, тому ничего другого не остаётся, как сделаться православным, потому что все другие вероисповедания содержат какое-либо отступление от учения и устройства древне-вселенской нераздельной церкви“ (Ibid. VII гл.).

Теперь о. Тидебель уже православный священник!

Рассматриваемая книга его весьма важна своим миссионерско-апологетическим содержанием. В психологическом процессе, пережитом о. Тидебелем, благодать Божия как бы в фокусе сконцентрировала яркие лучи небесного света, озаряющие отношение разных инославных исповеданий к православию и освещающие перед западом и всем человечеством непреложное – *ex oriente lux*²¹.

По-видимому, все западные христиане должны бы устремиться к единению с православием. На деле же мы видим

иное... Даже из среды русской интеллигенции находятся суемудрствующие лица, симпатизирующие то католичеству, то лютеранству и т. д. Где причина сего? Прекрасный ответ даётся о. Тидебелем. „Православную церковь можно назвать образцовой церковью, от которой должны учиться все“.

„Как Спаситель когда-то не был признан мудрыми и учёными книжниками, так и в наши дни Его истинная церковь не признаётся учёными и умными западноевропейскими богословами, и высокоталантливыми писателями (граф Толстой и друг.).

Все эти господа примешивают к вопросам веры свои субъективные мнения и взгляды. Все они не постигают того, что в делах веры нельзя ничего взять умом или учёностью, а только верой, смирением и покорностью истинной церкви, голосу которой каждый христианин обязан внимать, согласно словам самого Спасителя *„аще же и церковь преслушает, буди тебе яко язычник и мытарь“*. Ведь сказано в св. Писании многократно: *„Погублю мудрость мудрецов и разум разумных отвергну“* (Ис.29:14)... Так и в наши дни св. догматы истинной церкви кажутся „юродством проповеди“ таким лицам, как гр. Толстой и др., а всем познавшим православную истину, они великая сила и Божия премудрость“ (100 стр.).

Книжку о. Тидебеля весьма полезно будет прочитать многим русским интеллигентам, блуждающим своими мыслями семо и овамо²²...

Особенно же пригоден будет почтенный труд о. Тидебеля для наших миссионеров и вообще ревнителей православия. Несомненно, эта книга может иметь самые разнообразные применения при использовании её в миссионерской практике.

Наконец, всякому православному читателю рассмотренная нами книга доставит не только великое духовное наслаждение, но и утешение, убедительно доказывая истину, что православие есть дело Божие, находящееся под покровом благодати Божией и что *Сам Господь поборает по нас* (Срвн. Исх.14:14).

От души желаем труду о. Тидебеля широкого распространения.

Иеромонах Александр

**П. А. [Рец. на:]: Проф. прот. С. А. Соллертинский.
Проповеди на некоторые праздничные и
воскресные дни. СПб. 1903 г., 143 стр. Цена 1 рубль.
С. 129–131**

В авторе настоящей книжки счастливо объединяются, друг другу помогая, друг друга восполняя, – воодушевлённый оратор, высокообразованный профессор и опытный ревнующий о деле Божиим пастырь.

Опытный „пастырь душ“, конечно, обладает основательным знанием души человеческой, как в её нормальном состоянии, так – особенно – в состоянии падения, греха; но для этого он должен вполне владеть дающим такое познание методом, именно – способностью к тонкому самонаблюдению, к глубокому психологическому анализу. Затем, – истинный пастырь не может быть отшельником, занятым лишь своим духовным миром и совершенно безучастно относящимся к окружающей действительности: он должен быть отзывчивым на события современности, должен освещать их светом христианственности. Наконец, у опытного пастыря есть и правильный, единственно прочный и плодотворный метод для борьбы с „дурной“ современностью, именно – разъяснив пасомым, в чём зло, так воздействовать, через разум, на их волю, чтобы им самим захотелось выступить на подвиг христианского самосовершенствования. Все эти черты мы и наблюдаем в проповедях проф. прот. Соллертинского, рассматривая автора их, как пастыря; укажем для примера на следующие места: глубина психологического анализа, тонкое знание сердца человеческого – стр. 28, 29, 81 и др., особенно слова на 12-ю, 19-ю, 21-ю, 27-ю и 32-ю недели по Пятидесятнице; отзывчивость на современность, ср. стр. 5 – о бурской войне, о современной гордости и двойственности, стр. 25, 40, 86, 119–120 и др. ср. стр. 6, 46, 50 и др. жизненность, практичность – ср. стр. 17, 18, 39, 40, 86, 89 и др.

Как мы сказали выше, – профессор в авторе помогает пастырю-проповеднику: основательное, академическое

изучение текста Св. Писания, продолжительные занятия науками, помогающими самоуглублению и самопознанию (пастырское богословие, педагогика, психология), – дали автору настоящих проповедей возможность глубоко проникать в смысл евангельских повествований и событий (ср. напр., слово в день торжественного входа Господня, стр. 31), умение подойти к самой сущности вопроса, поставить ту тему, которая ближе всего вытекает из евангельского чтения, из смысла воспоминаемого события (ср., напр., слова на день Благовещения – о смирении и на 12-ю неделю). Кроме тонкой культуры ума, широко-развитой наблюдательности, умения пользоваться действительно-научным критическим методом, – кроме всех этих преимуществ, профессорство усвоит нашему автору-проповеднику ещё одну важную и в высшей степени ценную черту – широту взгляда, что с особенной яркостью выразилось в его сочувственном отношении к высшему женскому образованию, раз оно серьёзно и дельно поставлено – ср. стр. 65.

Наконец, автор настоящего сборника – не бесцветный, шаблонный проповедник, говорящий лишь по обязанности, а оратор, всецело отданный делу церковной проповеди, сердечно относящийся к тому, о чём проповедует; а потому в проповедях его вполне естественно искреннее одушевление: напр., с какой тёплотой чувства говорит почтенный проповедник о детях, стр. 6–8; о русской женщине и о высшем женском образовании, стр. 56 и сл.; с какой проникновенностью характеризует он личность и настроение преп. Сергия (два слова, стр. 37–47); как, прямо вдохновенно, витийствует он о высоте христианского смирения, стр. 20 и сл., об истинно-христианской семейственности, стр. 48 и сл.

В заключение укажем на то значение, которое, по нашему мнению, проповеди прот. Соллертинского могут иметь для православного миссионера в его борьбе с современным сектантством, особенно рационалистического направления: ведь современные сектанты часто обвиняют православных в холодности и равнодушии к проведению христианственности в жизнь, обвиняют в заблуждениях и прямо „суевериях“; в своих

возражениях и обвинениях сектанты кажутся сильными потому, что опираются на авторитет св. Писания; – но при этом, взятые из св. Писания тексты они толкуют совершенно произвольно, не умея проникнуть в действительную сущность данного места, понять его в связи со всем строем евангельского мировоззрения. Если образованному сектанту дать прочесть книжку проф. Соллертинского, то он, думается нам – в виду указанных выше достоинств проповедей почтенного автора, – принуждён будет по крайней мере поколебаться в своих неправильных взглядах на православных и в своих приёмах толкования священного текста.

Позволим себе окончить свою заметку выражением искреннего желания видеть в возможно скором времени полный годовой круг поучений высокочтимого проповедника; про данную же книжку скажем без лести, что она может служить истинным украшением библиотеки не только каждого серьёзного и отданного своему делу пастыря-проповедника, но и каждого мирянина, искренно интересующегося успехами православного церковного красноречия.

П. А.

**Хроника // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10.
С. 132–136**

Вердеревская С. Из мира инославия и из жизни заграничного сектантства

Мнения западной печати по вопросу о том: можно ли считать Англиканскую церковь протестантской? – Пропаганда индуистских религий среди христиан. – Девушка и её младенец – сибирские идолы. – Армия спасения в новом году.

Нынешней осенью во многих французских и некоторых английских газетах был поднят вопрос о том: можно ли считать англиканскую церковь протестантской? Авторы различных статей, отвечая на этот вопрос, резко расходятся во мнениях. Один из них категорически заявляет, – что англиканизм ничего общего с протестантизмом не имеет и что члены протестантских церквей: Посредствующей и Нижней равно не могут быть причислены, как к католической, так и к англиканской церкви.

Другой автор, подписывающийся: „Протестант“, не менее категорически опровергает это мнение и утверждает, что англиканская церковь зиждется на строго протестантских началах так же, как и церкви Посредствующая, Нижняя и шотландских Пресвитериан и не допускает, наравне с этими церквями, никакого другого основания кроме Евангелия и Апостольских посланий.

– Если и существуют англикане, допускающие, напр., догмат пресуществления – прибавляет Г. Протестант – то ясно, что их англиканизм не имеет ничего общего с истинным, который исповедуем мы, утверждающиеся на послании ап. Павла к Галатам (Гал.1:8). – Но хотя бы мы, или Ангел с неба благовествовал вам не то Евангелие, что мы благовествуем – да будет анафема.

Защищая так решительно протестантизм англиканской церкви, г. Протестант является однако выразителем далеко не всеобщего мнения. Французская газета *Vérité Française* сообщает, что в Америке англиканская церковь выделила из себя ветвь, почти открыто проповедующую примирение и покорность Риму. Один из пастырей этой группы,

достопочтенный Ллойд уже посылает свою лепту Св. Петру, а другой – пастор Джонс, печатно говорит следующее:

– Протестанты, хвалящиеся своими сектантскими разногласиями, скажу более, англикане, гордящиеся отпадением от св. апостольского престола – хвалятся и гордятся тем, чего бы им следовало стыдиться... – и приходиться к заключению, что англиканская церковь должна воссоединиться с матерью всех церквей.

– Римской церковью, в которой и найдёт снова единство, непреложный авторитет и престол апостола Петра, которому сам Господь сказал: Ты Пётр и на камне сём Я осную Церковь Мою и врата адовы не одолеют её.

– Ясно, что такие протестанты уже не далеки от церкви – замечает французская газета – $\frac{3}{4}$ пути ими уже пройдено.

Если возможны такие различные взгляды на англиканскую церковь, то церковь посредствующая является уже несомненно смешением лютеранства с кальвинизмом лишь со слабыми остатками католичества. Само название её показывает, что она занимает середину между так называемой Высокой, т. е., англиканской церковью и Нижней, к которой принадлежат пресвитериане и пуритане. В свою очередь эти две секты выделили из себя бесчисленное множество других сект: Квакеров, Гернгуттеров, Анабаптистов, Социниан и т. д.

И так христианство разделилось в Англии на две части: на *Епископалов*, обыкновенно называемых Англиканской церковью и на Сепаратистов или Нонконформистов.

* * *

„*New-York Herald*“ посвящает целый фельетон описанию успехов пропаганды индуcских религий среди христианского населения Нью-Йорка.

„Пропаганда индуcских религий в Нью-Йорке усиливается. Два индуcских проповедника приобретают последователей, – они основали общество „Веданта“ и выработали систематический план действий, с целью убедить американцев в превосходстве древней индуcской религии над Евангелием Христа. Они пытаются объяснить духовное начало жизни помощью разума и логики и стараются доказать, что истинная

вера согласна не только с философией и наукой, но и со всем, что есть лучшего в христианском учении.

Общество Веданта и представитель его, Свами Абхедананта, прилагают все усилия к тому, чтобы доказать, что древняя религия с берегов Ганга, ещё так недавно внушавшая отвращение христианским церквям, не только не содержит ничего дурного, но служит, напротив, основанием для самого христианства.

Систематическое преподавание ведётся в течение недели, а по воскресениям говорятся проповеди. Молодой священник Свами Абхедананта читал уже раньше лекции в Англии и в Америке. Это молодой человек поразительной красоты, он держится с большим достоинством и полным самообладанием; когда он говорит в лицее Карнеги, невольно приходит в голову, что ожила статуя какого-нибудь древнего индусского бога и сошла с пьедестала, чтоб говорить с народом.

Автор фельетона присутствовал на одной из лекций Свами и так описывает виденное и слышанное:

„Абхедананта предстал перед слушателями в длинной одежде, ниспадавшей красивыми складками; несколько минут он молчал, как бы погруженный в экстаз, потом прочитал молитву по-индусски, перевал её и приступил к лекции. Он начал с того положения, что вера есть краеугольный камень всех религий, основание всех вероучений. Вера – жизнь, сомнение – смерть.

На вере зиждется учение Христа, Который сказал, что она может двигать горами. Он продолжал говорить, подтверждая сказанное множеством цитат. Видно было, что он основательно знаком с последними выводами науки и с одинаковой свободой основывал свои доказательства на химии, астрономии или истории; он легко и точно приводил выдержки из Спенсера, Макса Мюллера, Эмерсона, Платона и т. д. Притязания теозофов школы Блавоцкой творить чудеса в роде мгновенной передачи мыслей и писем из Тибета в Америку – он назвал шарлатанством. Он смеялся над происшествием с Китаем в истории пророка Ионы, затем обратился к Индии и, выяснив свой взгляд на то, что он называет слепой верой – верой

вопреки разуму и здравому смыслу. – описал состояние индусских сект, погружённых во мрак невежества и суеверия, веривших нелепым басням жрецов, пока не пришёл Будда, чтобы освободить людей от заблуждения и научить их божественной истине.

После этого интересного вступления, лекция превратилась мало-помалу в скучный набор общих мест и перестала занимать слушателей; некоторые из них даже заснули.

Под конец Свами предложил присутствующим возражать ему и вызвался отвечать на вопросы. Многие писали вопросы на кусочках бумаги и подавали лектору, а он отвечал на них быстро и очень остроумно. Это было интереснее всего остального.

При входе в зал леди и джентльмены раздавали брошюры, объясняющие философию Веданты. Поразительно, что американцы так заинтересовались этой отменой всего современного хода цивилизации, тем более поразительно, что из двадцати человек вряд ли один понимал, как следует, то, о чём говорил молодой красавец.

В нескольких шагах от лица Карнеги, где проповедует Свами, другой индус. Баба Барати, просвещает своих учеников. Баба Барати очень учёный и начитанный человек. До начала миссионерской деятельности с целью обращения американцев в индуизм, он провёл двенадцать лет среди святых в лесах Индии.

Автор статьи Нью-Йоркской газеты нашёл его сидящим за столом в длинной одежде, чёрные волосы падали ему на плечи. Он был окружён учениками или, вернее, ученицами, так как женщин было больше, чем мужчин. Его беседа была чрезвычайно интересна. Спрошенный о древнем индийском обычае сожжения вдов. Баба Барати объяснил его значение. Он сказал, что индусские девушки приучались с самого раннего детства смотреть на замужество, как на состояние святости. Мать внушала дочери, что замужество возвысит и вознесёт её, что она должна быть чиста и непорочна, должна все помыслы обратить к Богу, чтобы быть в состоянии служить мужу в высшем духовном-смысле; должна заботиться о его нуждах, о спасении

его души и ежечасно готовить его к небесной жизни, в которую он вступит по смерти. Воспитанная в таких понятиях, индусская девушка сама смотрела на себя как на живую, чистую жертву Богу и твёрдо верила в то, что замужество есть ступень, ведущая к возможному на земле совершенству. В 12 лет девушку выдавали замуж, но года два или три она оставалась ещё в доме родителей, где вела под руководством матери жизнь непорочной весталки, посвящая дни и ночи молитве, в ожидании того дня, когда ей будет разрешено сделаться подругой, опорой и утешением своего супруга и повелителя. По верованиям индусов величайшая заслуга вдовы состоит в том, чтобы по смерти супруга всецело посвятить себя Богу; но, если женщина не обладала достаточной силой духа для того, чтобы отречься от родных и друзей, от мира и всех его радостей, она могла избрать другой путь: присоединиться к мужу на его погребальном костре и добровольно предать себя на сожжение.

Баба Барати утверждал, что никто ни в каком случае не принуждал вдову к этой ужасной жертве. Напротив, друзья и родные старались удержать её от рокового шага, но если, повинаясь внушению свыше, она настаивала на своём намерении вместе с супругом покинуть этот мир, то конечно радовались тому, что она являлась вместилищем божественного духа. Вдова должна была доказать, что она в состоянии вынести испытание, а потому ей предлагалось, в присутствии всех родных, протянуть левую руку и держать мизинец над пламенем лампы. Если она была в состоянии улыбаться и весело разговаривать с присутствующими в то время, как живое тело её корчилось и трескалось на огне, её признавали достойной взойти на костёр и с него, вместе с мужем, подняться на небо. Баба Барати говорил, что индусские вдовы с радостью всходили на костёр потому, что пылавший в их душах божественный пламень делал их нечувствительными к страданиям, причиняемым вещественным огнём.

Английскими законами сожжение вдов безусловно запрещено.

* * *

„The World“ поместила в № от 14-го февраля (нов. стиля) корреспонденцию из Петербурга. В заметке говорится, что в селе „Семеновка“, в Восточной Сибири, на границе Монголии возникла, года три тому назад, безобидная, но в высшей степени странная и интересная секта, тысячами привлекающая последователей.

Ещё недавно на месте Ссменовки была пустыня, по которой лишь время от времени бродили кочевые буддисты. Несколько лет тому назад там поселились в небольшом числе русские ссыльные, отбывшие срок наказания; позднее к ним присоединились немногие семейства татар и киргизов.

Весь этот пришлый народ зажил вместе: образовался посёлок.

Русские пахали землю, строили избы, рыли колодцы и ткали одежду. Народ всё прибывал.

Появился буддист-священник и начал проповедовать о том, что душа возвращается на землю и снова воплощается в телах младенцев. У русских нашёлся Новый Завет, и они принялись читать о Рождестве в Вифлееме; русские и буддисты стали собираться по вечерам и совместно рассуждали на эти темы.

Однажды ночью, в декабре 1901 г. молодая красивая девушка родила мальчика. Тотчас же распространился слух, что снова родился Христос. Весть эта разнеслась с быстротой молнии по всему округу. Русские говорили, что родившийся младенец Христос, буддисты уверяли, что – Будда. Девушка не могла дать никаких объяснений.

Целыми толпами стали стекаться паломники. Девушку одели в дорогую китайскую парчу и, с младенцем на руках, посадили на трон. Русские и буддисты преклонялись перед ней. Мать и ребёнок сияли.

Посёлок процветал; о болезнях и слуху не было, скот размножался, урожаи были прекрасные. Новая вера быстро распространялась. Со всех сторон стекались паломники и приношения; каждый день мать и дитя сидели на троне в сверкающей парче, с коронами на головах; перед ними горели свечи, стены святилища блестели золотом и серебром.

Прошёл год, известие о странном явлении дошло до Петербурга. Такая секта не могла быть терпима. Явилась полиция из ближайших городов и девушке приказано было удалиться с ребёнком из Семеновки.

* * *

Заграничные газеты сообщают о том, что Армия Спасения собирается созвать в новом году будущим летом в Лондоне всемирный конгресс, на котором будут произведены „большие манёвры“. Конгресс продолжится четыре недели, с половины июня до половины июля. В дополнение к главной цели конгресса – заседаниям офицеров и членов армии под председательством генерала Бута – будут устраиваться по крайней мере 4 раза в неделю также и публичные собрания для обращения неверных. Под „большими манёврами“ подразумеваются именно эти собрания, которые будут происходить в заранее нанятых, огромных помещениях в центре города, а также и в пригородных театрах.

На конгресс съедутся со всех концов света 6000 офицеров и 100 тысяч солдат Армии Спасения. Для одних только американских гостей будет зафрахтован особый большой пароход.

Пятого июля Армия Спасения полагает устроить праздник в хрустальном дворце; рассчитывают, что на этот праздник соберётся не менее 100 тысяч народа.

Работая с изумительной энергией в течение 37-ми лет, генерал Бут создал из Армии Спасения могучую организацию, имеющую в настоящее время большое влияние во всех частях света. Летом генералу исполнится 75 лет; в виду преклонного возраста своего главы, члены армии пожелали ещё при жизни его оградить своё дело от всяких случайностей и поставить его раз навсегда на незыблемое основание. Вот цель созыва конгресса.

Забываясь о будущем. Армия Спасения не перестаёт работать не покладая рук и в настоящем и продолжает раскидывать свои сети по всему свету. 12 лет тому назад это общество основало в Индии в Мадрасе убежище для падших женщин. Девиз этого дома: „Прости и забудь“. Двери убежища

широко открыты для всех, желающих вернуться на путь добра, причём не обращается ни малейшего внимания на племенное происхождение, общественное положение или религию кающихся. Всех принимают с одинаковой любовью, всем оказывают поддержку. Газета Madras Weekly Mail находит, что за 12 лет своего существования убежище сделало неисчислимо много добра, спасая женщин от унижения и позора и делая из них полезных членов общества. В настоящее время Армия Спасения занята смелым планом расширить поле действия своих агентов в Соединённых Штатах. Между жителями гористых штатов Кентукки и Теннесси происходят постоянные стычки. С целью помирить этих враждующих людей, армия посылает в оба штата сильные отряды под предводительством опытных офицеров. Полковник Ламб работает в Канаде, подготавливая почву; весной предполагается выслать туда из Англии большое число воинов.

Сам генерал отправился в начале октября в поход в Германию, где собирался пробыть 2 недели.

С. Вердеревская

**Миссионерство, секты и раскол // Миссионерское
обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 137–146**

Лисицын М., свящ. Миссионерство в епархиях в истекшем году

(по епарх. органам печати).

Епархиальные органы печати составляют ценный материал для истории церковной жизни той или другой епархии и в частности для истории миссионерского дела. Обозревая миссионерство истекшего года по этому первоисточнику, нельзя не видеть, что миссионерская деятельность, не смотря на множество неблагоприятных условий, не ослабевала в 1903 г. в своём поступательном движении вперёд.

Почти во всех епархиальных ведомостях можно встретить полные глубокого интереса сведения о публичных беседах с заблудшими, и описание внутреннего состояния расколо-сектантских общин и отношения отпадших к православной церкви и её чадам; нередко помещались сведения об учении расколо-сектантов, проповеди миссионерского характера и статьи руководящего содержания. Встречается немало отрадных сообщений о присоединениях к православию, о миссионерских экскурсиях и т. д. Такое внимание, оказываемое епархиальными органами расколо-сектантству говорит, конечно, не только о положительной стороне дела, т. е., о ревности миссионеров, но и об отрицательной, т. е., что расколо-сектантство всё ещё сохраняет пропагандистский характер, направленный к соращению членов церкви православной; и одним епархиальным миссионерам, разъезжающим по местам, заражённым расколом и сектами, трудно справляться со злом без деятельной помощи местного духовенства и ревнителей православия из приходской среды. Поэтому особенный интерес представляют в епархиальных органах статьи, в которых ставится вопрос об участии приходского духовенства в миссионерстве и выясняется, насколько это участие является совместимым с приходской деятельностью священника.

Такой вопрос затронут в статье („Вятск. еп. вед.“ № 13), принадлежащей Вятскому миссионеру, который в тоже время состоит и приходским священником. В своей личной

деятельности почтенный автор выводит заключение о несовместимости разъездного миссионерствования с приходской деятельностью пастыря. Действительно, такое совместительство часто причиняет много неудобств, а вместе с тем не даёт приходскому священнику возможности должным образом исполнять свои прямые обязанности, очень осложнившиеся в последнее время школьным делом, попечительствами, вне-богослужебными беседами и чтениями, нередко статистикой и т. п. делами, требующими вместе с тем и бумажной отчётности в консистории и др. учреждения. Нужно священнику время и для самообразования, чтобы всегда стоять на страже дома Божия в наше тревожное и полное всякими новыми учениями время. „Скрепя сердце, говорит наш автор, миссионер-священник должен разделить свои дела на более важные и на менее важные“. В массе дела для приходского священника, разъездное миссионерство должно сделаться для пастыря-миссионера делом побочным; ещё прежде, делает историческую справку автор, когда не было обязательной отчётности по миссионерству, когда и само расколо-сектантство не представляло такой деятельной силы, как в настоящее время, совместительство миссионерства и приходской деятельности было более возможным, но в настоящее время оно должно составить специальное занятие особо приставленных к этому делу лиц. Не мало происходит неудобств при удовлетворении религиозных потребностей прихожан, живущих в приходе разъездного миссионера-священника. В его отсутствие товарищи-соседи, по большей части, отказывают чужим прихожанам в совершении треб, считая поездки своего соседа миссионера корыстными. „Ты ездешь, говорят они, и жалованье за это получаешь, а мы здесь за тебя служи“. Понятно, что обвинение в корыстолюбии голословно, но боль обиды от этого не меньше и она влияет на ревность миссионеров к делу Божью. Получает же в действительности такой миссионер-священник 30–40 р. в год разъездных, терпя в тоже время неприятности от своих сотоварищей, от раскольников и сектантов, иногда от прихожан, благочинного, в случае жалоб неудовлетворённых прихожан и т.

п., не говоря уже о том, что такой миссионер должен опускать часто и свои домашние хозяйственные дела. И при всём том, как свидетельствует автор, такой священник-миссионер может уделить в год на собеседования с расколо-сектантами от 40–60 суток, а заражённых сектантством пунктов бывает иной раз от 100–200. Понятно, что деятельность приходского разъездного миссионера-священника не может быть вполне плодотворной ни со стороны пастырской, ни миссионерской.

Соглашаясь с этим выводом, однако нельзя не поставить вопроса, неужели миссионерствование не совместимо с приходской деятельностью. Нам кажется, оно будет вполне совместимой, *если каждый пастырь своего прихода, заражённого расколом, или сектами, будет в нём и миссионером.* Апостол говорил, что „подобает быть среди вас ересям и расколам“, но вместе с тем учил Тимофея и Тита вразумлять и обличать заблуждающихся в их пастве. Если каждый священник будет миссионером своего прихода, путём ли вне богослужебных чтений, хорошего церковного пения, истового отправления богослужения, задушевного отеческого слова вразумления заблудших и т. п., то все выше изложенные сетования миссионера, приходского священника, устранятся сами собою. А что такое миссионерство плодотворно, это не нуждается и в доказательствах.

Радеющий о своей пастве пастырь непременно будет первым и самым важным миссионером в своём приходе и что миссионерство ничуть не будет препятствовать пастырю в исполнении им его многосложных обязанностей. Наоборот, оно будет одним из средств добросовестного отношения к своему пастырскому делу. В одном случае оказалось священником лицо, любящее и знающее пение и употребившее в дело на пользу миссии свой талант. В другом на тоже дело пастырь мог бы употребить вне-богослужебные собеседования, чтение для народа с световыми картинками, частые беседы с заблудшими, посещение их с этой целью в духе любви и мира. Такие способы воздействия на заблудших завещаны пастырю от апостолов и свв. отец и они всегда явятся самыми верными, самыми сильными рычагами для обращения заблудших.

Приходский священник-миссионер подготовит почву для разъездных епархиальных миссионеров, назначаемых из лиц опытных и специально преданных делу миссии. Итак, ещё раз нужно сказать, что совмещение миссионерства с приходской деятельностью желательно видеть у каждого пастыря, у которого в приходе найдутся заблудшие овцы.

Да и как можно быть пастырю равнодушным, когда он видит расхищение овец своего стада! Таже епархиальная печать даёт нам по поводу этого картинки далеко не весёлого характера. Вот что пишет свящ. К. в № 13 „Ворон. еп. Вед.“:

«Однажды приходит ко мне молодая, бойкая женщина. «Батюшка», говорит, «дай записку становому, чтобы он паспорт велел мне выдать: не хочу, не могу с своими жить. Я в город от них ушла, два месяца прожила там, устроилась хорошо. Пришёл туда за мной муж, назад привёл меня. А я жить всё равно не буду; не могу, удушусь лучше». Безобразная отвратительная картина открылась предо мной, пишет о. К. Глава семьи – крестьянин хлыст, мужик лет 45, здоровый, пьяный²³, сладострастный; забитая им его законная жена – измождённая старуха, в своё время несколько раз убегавшая от развратника мужа; старшая невестка – молодая солдатка, в отсутствие мужа вступившая в преступную связь с своим свёкром. Неудовлетворённый одной молодой жертвой, хищный свёкор пускает в ход всевозможные меры, чтобы затянуть в развратные сети другую жертву – младшую невестку, совсем ещё девочку. Он и ласкает её, и угрозами страшит, твердит ей постоянно, что она ему чужая, что между ним и ней никакого родства нет; наконец даже сын, желая заручиться отцовским расположением ругает и бьёт свою жену за то, что она не ласкова с свёкром. Жертва выскользает из развратных рук, её ловят и силой приводят домой. Помню, пишет о. К., целый день уговаривал я беглянку успокоиться, остаться жить с своими (они дали мне слово не трогать её), терпеть, бороться. Помню, как радостно, любовно смотрела она на своего мужа, когда я свёл их у себя. Вот я, по-видимому, убедил её, она готова покориться, согласна идти к мужу, но вдруг... припомнит она что-то, остановится взор её перед какой-то, ей одной известной,

картиной, и она снова твердит: «не хочу, не могу, не пойду»!. Согласилась, наконец; дома живёт теперь, но не покойно на душе у меня, пишет о. К. Спас, или погубил я женщину, не знаю. Хорошо, если беглянка отстояла свои права, но, если жертва, выбившись из сил, сделалась добычей хищника... Боже избавь! водка и женщины – вот его бог», говорила она мне про своего свёкра; «затрясётся, как женщину красивую увидит».

Вчуже и то больно читать эти строки, что же сказать про пастыря своего стада, может ли он быть равнодушным к таким явлениям. А их в наблюдении о. К. было не мало. Другая женщина рассказывала ему, с какой чисто бесовской обольстительной силой один хлыст соблазнял её на преступную с ним связь, как он очаровывал её, так что она даже стала сохнуть и чахнуть при разлуке с ним, когда она твёрдо решила не согрешить, и... выдержала себя. Эти безнравственные явления делают нестерпимой совместную с хлыстами жизнь и для православных односельчан. „Батюшка“, говорили тому же о. К. жители одной деревни его прихода, „надоели нам хлысты, неумоготу становится от них, хоть бы судом вывести их из нашего села“ – и уныло прибавляли: „Вряд суд-то их возьмёт, хлысты говорят, что там, на суде из ихнего брата есть“.

А какую, помимо безнравственности, вносят хлысты путаницу в религиозные понятия простых верующих односельчан, особенно подростков. „Где наш Бог?“, спросила однажды о. К. жившая у него прислугой девочка лет 13; „хлыстовка А. говорила мне, что Бог на земле с хлыстами живёт, с ними ест и пьёт, что на небе нет Бога: там Ему не за что держаться, оттуда Он кверху ногами упадёт“. Какое дикое, грубое представление о Боге выработали хлысты, благодаря идее самообожествления, широко распространённой среди них. Каждый хлыст считает себя Человеко-богом и удивительно, как с ними в унисон поют наши заблуждающиеся интеллигенты, научно и философски старающиеся оправдать тожество идей Богочеловека и Человеко-бога. Заблуждение, очевидно, имеет свою неумолимую, прямолинейную логику, которая заставляет приходить к одним выводам как образованных, так и необразованных сектантов. Идея Человекобога делает хлыстов

грубыми и гордыми, презрительно смотрящими на не хлыстов (как противоположна ей мысль о Богочеловеке!). „Батюшка, хлыст Г. говорит, что все мы православные, как собаки, подохнем, а он Г. и сам свят, и хоть кого, хоть собаку святой сделает“. Горделивое сознание своей святости, а также и чувство безнаказанности, ибо хлысты отлично знают, что в направлении мыслей интеллигентного общества царствуют Ставичи и компания интеллигентов, большинство из которых является на суде защитниками хлыстов, все эти обстоятельства дают возможность хлыстам открыто пропагандировать своё учение, нагло издеваться над православной церковью и её чадами. Интересная статья о. К. будет ещё продолжена и откроет, несомненно, ещё больше то нравственное зло, которое причиняют православной церкви хлысты.

Раскол тоже, как видно, проявляет себя в разных местах нашего отечества довольно ощутительно. Отрадно всё-таки отметить, что кроме, так сказать, присяжных миссионеров, начинают принимать участие в борьбе с расколом *приходские священники* заражённых приходов, а также и светские лица под руководством пастырей, образующие миссионерские кружки. Так в Смоленской епархии, где в некоторых уездах есть раскольники (около 21,261 чел. обоего пола), дело противораскольничьей миссии представляет такую именно картину. „Кроме уездных миссионеров, говорит официальный отчёт за 1902 г. (см. „Смол. еп. вед.“ № 10), в борьбе с расколом принимали участие и те приходские священники, в приходах которых имелись заражённые расколом старообрядства. И наконец, в целях более успешной борьбы с расколом в Сычевском уз. учреждён противораскольнический миссионерский кружок лиц, поставивших себе прямой целью всеми мерами содействовать ослаблению раскола. Кружок этот существует с 1884 г. и насчитывает в своём составе 63 членов“. В указанной епархии раскол несколько возрос (на 134 чел. более прошлого 1901 года) путём естественного рождения, вследствие брачных уз православных с раскольниками и благодаря соращению. Последних случаев, впрочем, очень мало. Всего зарегистрировано 5; чаще бывают случаи соращения % как

известно, при смешанных браках. Большинство раскольников в Смоленской еп. из приемлющих австрийскую иерархию (13,606 ч.), затем беглопоповцев (6,207 ч.) и беспоповцев (1,448 ч.). У австрийских есть свой лже-епископ Иона, рукоположивший до 12 лже-попов; есть скиты и небольшие монашеские общины. Один из лже-попов Димитрий Смирнов славится, как начётчик и раскольниковый апологет, не только в Смоленской, но и в соседних епархиях, куда его приглашают на собеседования с православными миссионерами. Очень характерны некоторые поступки раскольникового лже-архиерея Ионы, сообщаемые отчётом. „Для пополнения своей архиерейской казны он не отказывается служить и заупокойные будничные обеды, за которые берет с крестьян по 8 и более рублей, а саму обедню наименовал „большой обедней“. Ввёл он также „архиерейскую исповедь“, таксированную золотым, – и бедные мужички-раскольники несут к Ионе „золотые“, веруя также в более лёгкую и удобную дорожку к пресветлому раю, как и католики в спасительность индульгенций“. Действительно, как это недалеко и от заблуждений католичества и от „двигаловской“ веры Коновалова! „Главной заботой лже-епископа Ионы, сообщает отчёт, нужно считать стремление объединить раскольников других сект с своей австрийской“. При объединении раскол внешним образом усилится. Но будет ли эта сила нравственной, царством Христовым, когда во главе её стоять противоканонические пастыри и в большинстве случаев такие лица, как Иона!

Раскол поддерживается и литературой, развивающейся среди него год от году, хотя некоторые секты, как, напр., беспоповцы пробавляются ещё „Цветниками“ XVIII в. и в них находят оправдание своего положения. В этих цветниках православная церковь обвиняется беспоповцами (см. Саратов. еп. вед. № 13) в слиянии лиц Св. Троицы (в песни „Свете тихий“ поют: „Поём Отца, Сына“, а „иже“ между ними не ставят), в принятии обливательного крещения, а также отвергается священство православной церкви, как еретическое, и ожидание второго пришествия Христова во плоти. Уличив в мнимых

отступлениях православную церковь, „цветники“ проклинают её, а раскольников увещевают не иметь с ней общения.

Миссионеры церкви православной стараются изобличить нелепые бредни раскольников и сектантов и их вожаков, а также разбирают раскольничьи апологетические сочинения на публичных беседах. Нам приходилось уже высказывать своё частное мнение об этих беседах („О сердечности в миссионерстве“). Несомненно, что дело миссионерское трудное и что одному епархиальному миссионеру не под силу одолеть тьму раскола и сект, когда в течение года он обязан побывать в сотнях пунктов епархии, дать обо всём письменный отчёт начальству и вести, кроме того, не мало разной переписки, не имея ни минуты отдыха и возможности заняться своими личными делами, особенно если он семейный. Миссионер это – апостол. Но апостолы всегда имели сотрудников на местах своей проповеди или из обращённых, или в среде пастырей. Эти лица ближе знали свои общины, входили с нею в непосредственное общение и так как они были, по большей части, людьми достойными, то много помогали распространению апостольской проповеди авторитетом своей личности, непосредственной сердечностью обращения и т. п. средствами. Апостолы, как видно из их посланий (см., напр., Коринф.: „а крестил ли из вас ещё кого, не знаю...“), далеко не всех членов той или другой церкви знали непосредственно. Их дело довершали местные деятели, входившие в непосредственное, сердечное отношение со всеми членами общины. Понятно, что и разъездные епархиальные миссионеры тоже не могут при существующих условиях выполнять дело иначе, чем они его выполняют. Они ведут дело Апостолов, но им нужны в помощь Силуаны, Тимофеи, Онисимы и пр. Эти последние могут стать в близкие, сердечные отношения с членами всей местной общины православной и неправославной. Конечно, первое место здесь должно бы принадлежать пастырям приходским. Миссионеры же, как более искусные в борьбе, помогают им, показывая образцы ведения беседований, прений о вере и т. п. Наша епархиальная печать, действительно, даёт немало образцов ведения бесед и

прений о вере с раскольничьими и сектантскими вожаками. Нельзя не отметить несколько таких собеседований.

В г. Тифлисе о. Д. вёл беседы с молоканами о необходимости христианских храмов и икон. Сам способ ведения беседы, приёмы молоканского возражателя не представляют какого-либо оригинального явления, ещё не отмечавшегося в печати.

Но поведение возражателей, а также отношение к собеседованию православных, бывших здесь, интересно отметить. Когда православный миссионер ответил на все запросы молоканского начётчика и объяснил неправильность толкования молоканами некоторых мест Евангелия и апостольских посланий, то обратился к присутствующим православным с следующими словами: „Православные! вы слышали и видели, что я в течение, кажется, часов двух времени отвечал на многие возражения и запросы Жабина (молоканин), ответил ему и на запрос о поклонении Богу в духе и истине, хотя этот вопрос и не имеет прямого отношения к предмету настоящей беседы, прошу вас, скажите по совести, после этого могу ли я с своей стороны и имею ли право предложить своему собеседнику вопрос, имеющий самое ближайшее и существенное отношение к предмету беседы, и попросить его прочесть и объяснить один маленький стишок из 23 гл. Ев. Матфея, из той самой главы, все обличения которой молокане направляют по адресу православной церкви и церковной иерархии?“ Православные отвечали в несколько голосов: „можете! имеете право! полное право имеете! Жабин! читай и объясняй! ты обязан ответить!“ Жабин, озадаченный таким приёмом своего собеседника и никак не ожидавший, что дело примет такой печальный для него оборот, сильно смутился и пал духом; он чувствовал и сознавал, что голос народа в данном случае для него закон и что он обязан отвечать, а ответить никак нельзя, ибо православный собеседник тотчас же коротко и ясно для всех, при многочисленной публике докажет, что общество молокан не есть истинная, спасающая церковь Христова. Силы изменили Жабину и вот он собрал свои последние усилия и ещё раз заявил, что не будет читать и

объяснять, так как ему не ответили на его запрос о поклонении Богу в духе и истине. Но голос видимо изменял Жабин, тон ого обличал в нём человека, потерявшего под собой твёрдую почву. Тогда о. Д. ещё раз сказал: „православные! прошу вас, поддержите мой запрос, дело очень важное, в две минуты докажу, что общество молокан не есть истинная, спасающая церковь Христова...“ Православные и до того бывшие в напряжённом состоянии, теперь ещё дружнее стали поддерживать запрос о. Д., но Жабин упорствовал и отказывался отвечать. Всем было ясно, что запрос о. Д. в корне подсек Жабина. В виду отказа Жабина отвечать, собеседование было закончено торжественным пением православными „Достойно есть“, а Жабин и его сотоварищи ещё до этого удалились из храма, где происходило собеседование. Жабин после этого уехал даже из Тифлиса и на следующую беседу не явился. А перед отъездом в беседе с хорошо знакомым ему о. мисс. А. Левитским признавался, что никогда ещё ему не чувствовалось на собеседовании тяжело, как этот раз. А один даже из наставников молоканских после 5-й беседы заметил о. Д.: „да, правда, в вероучении молокан есть некоторые недостатки“. Это было сказано при посторонних свидетелях²⁴. Такое сознание, конечно, знаменательно.

Подобного рода беседы ведутся православными и в других местах нашего отечества, заражённых расколом и сектами. Так в Екатеринославской епархии ведена была беседа с сектантами д. Софиевки, Александровского у., на очень современную тему – о почитании св. мощей. Прениям предшествовала речь миссионера, на основании слова Божия, показавшего необходимость и важность почитания останков угодников Божиих²⁵. В с. Петропавловском, Оренбургской еп., местный миссионер о. С. вёл беседу с известным в раскольничьем мире апологетом лже-епископом Онисимом Швецовым. Беседа касалась вопроса о том, может ли церковь быть, хотя бы временно, без трёхчинной иерархии (Еп. вед. № 11). В г. Сызрани, Симбирской епархии, Я. З. вёл беседу по поводу полемических сочинений православных против раскольников. Здесь миссионер и возражатели коснулись некоторых мест из

Пращицы, жезла правления, света духовного, скрижалей и др., а также Деяния соб. 1667 г., где, как говорят раскольники, наложены клятвы на старые обряды и книги (См. № 13 еп. вед.). В Томской епархии, как видно из отчёта, помещённого в еп. вед. (см. № 10), миссионером К. за второе полугодие 1902 г. было произведено 9 публичных бесед и 19 частных. Характерен ответ, данный на собеседовании одним австрийским малограмотным лже-попом Коуракского прихода, на все запросы миссионера: „я рукоположен Нижегородским епископом Иосифом не для того, чтобы с вами беседовать, а для совершения службы и таинств для своих пасомых“. Он оказался даже незнающим, когда и откуда пошла австрийская иерархия.

Между прочим, в „Полоцких еп. вед.“ затронут в мисс. отделе очень важный и интересный вопрос, явившийся у автора статьи под впечатлениями беседы с раскольниками в городской тюрьме, это вопрос о „браках“ федосеевских (см. № 11). Дело в том, что в тюрьмах часто бывают присоединения к православной церкви арестантов, осуждённых в ссылку, если они желают, чтобы за ними могли на казённый счёт следовать их жёны и дети. Так как браки раскольников-федосеевцев у нас и гражданскими властями не признаются действительными, то этому желанию раскольник-арестант может удовлетворить единственно путём присоединения к православной церкви. Понятно, что такие присоединения бывают не по убеждению в истине православия, а потому совершенно неискренни и новые прозелиты представляют, поэтому, мало цены для православной церкви. Автор живо описывает такую драму одной раскольничьей четы, с которой он познакомился здесь в тюрьме. После предварительного оглашения и беседы об истинности православной церкви, миссионер стал расспрашивать раскольников, желавших воссоединения.

«Ну, дядюшка, скажи-ка нам, почему ты вздумал присоединиться к церкви нашей?»

– «Из-за детей... Если я один пойду, то и она и дети здесь погибнут, а если со мной пойдут, то будем жить».

– «Ну, а если бы ты был свободен?»

– «Когда бы я был на воле, то не то что тысячи, давай миллионы, я и то не пошёл бы в вашу церковь», сказал он с особенным жаром.

– «Знаешь, дядюшка, тебя, ведь, батюшка не может присоединить к церкви нашей... Ведь, для этого требуется, чтобы ты искренно сознал свою неправоту и пожелал войти в церковь... Вот мы тебе прочитаем вопросы, с которыми к тебе обратится батюшка, прежде чем тебя миропомазать».. Прочитали мы эти вопросы из чина и снова заметили, что присоединить к Церкви возможно только верующего.

Смутился арестант.

– «Я готов присоединиться, сказал он, я желаю... Наш батюшка говорил, что наша вера правая, а теперь вот вы доказываете, что ваша правая... Вы лучше нас знаете... Я желаю»...

Жена, всё время убаюкивавшая своего ребёнка, также иногда вставляла в наш разговор свои замечания, из которых легко можно было убедиться, что она гораздо фанатичнее своего мужа. Между прочим, она заметила, что каждый свою веру хвалит, что вер 70 – и каждая – истинная, что без своего батюшки она не может защитит своей веры, а батюшка их это может и пр.

– «Ну. а как же жена твоя?» – спросили мы арестанта.

– «А это её дело... Я говорю, что если не хочет погибнуть, то должна перейти в нашу веру и со мной идти»...

– «Что же, я согласна», отвечала бедная и страшно измученная женщина...

– «Ну, а дети»? – спросили мы снова...

– «А детей, сказала резким тоном мать, я не дам мазать. Ну, мы берём на свою душу грех, что изменяем вере, а дети-то невинные не должны страдать»...

– «Как же это, тётушка, заметили мы, вы с мужем будете в церкви, а дети-то вне церкви... Вас помажут св. миром, а дети будут без таинства... Как же ты будешь их воспитывать, в какой вере»...

– «В какой вере я буду, в такой и дети... а миропомазывать их не дам»... Невыносимо тяжело было слышать, замечает

автор статьи, эти изливавшиеся из настрадавшейся, несчастной души вопли. Ясно видно было, что оба раскольника, хотя и изъявляют желание присоединиться к церкви, но это желание их совершенно неискренне; они готовы покориться ужасной необходимости, хотя убеждены, что, переходя в церковь, или точнее, дозволяя совершить над собой миропомазание, они изменяют вере отцов и впадают в тяжкий грех... Когда речь заходила о присоединении детей, нельзя было спокойно смотреть на лицо несчастной матери, которая никак не хотела допустить детей своих «до греха» и готова была защищать их до последней крайности... Лицо каторжника в эти моменты также выражало один ужас и вместе готовность покориться несчастным обстоятельствам, лишь бы не расстаться с своими милыми и дорогими сердцу детишками... А когда этот несчастный отец хватал маленькую ручку своего плачущего ребёнка и нежно со слезами на глазах целовал её, тогда положительно было невозможно удержаться от слёз»...

Положение, действительно, крайне ненормальное, но помочь ему может, главным образом, гражданская власть и закон, который в данном случае, т. о., при следовании раскольничьих федосеевских семей на каторгу, должен признать их такими же, как и других раскольничьих толков, небракоборных. Наша церковь, не делая для себя ценных приобретений, всё-таки творит милость, ибо, рассуждая сухо, юридически, она должна бы отказывать в приёме таким несчастным и тем разрывать их семьи. А кто знает? Пути Божии неисповедимы. Может быть, и сами такие родители и дети их будут прекрасными членами церкви православной...

Свящ. М. Лисицын

**Корреспонденция «Миссионерского Обозрения»,
известия и заметки // Миссионерское обозрение.
1904 г. № 1–10. С. 147–158**

(Процветание сектантства).

В последние годы борьба с сектантством у нас принимает слишком широкие размеры. Сектанты, особенно штундисты, поражаемые в городе, торопятся делать завоевания в посёлках епархии. Епархии же нашей трудно выдерживать сектантский натиск вследствие своей неблагоустроенности: приходы большие, духовенства даже и с неполным образованием недостаёт.

Кроме того, сектантство год от года увеличивается не только от естественного прироста, но ещё и оттого, что каждый год идут к нам из России всё новые сектанты – переселенцы; и будто бы предположено поселить в нашем крае ещё один миллион переселенцев, – сколько, должно быть, прибудет в их числе сектантов?

У нас множатся сектанты путём приписки переселенцев в городские мещане и притом в ту секту, в какую им желательно перейти, для чего они берут из России документы без обозначения вероисповедания. А между тем у нас сектантов и так слишком много, а именно: около 15 тысяч в городе и около 10 тысяч вне города.

В минувшем году умер редактор «Амурской газеты», В. А. Кирхнер. Он старался быть честным сообразно с своими понятиями о честности. Мне приходилось говаривать с ним, между прочим, и о сектантах, и он высказался: «не думайте, что я симпатизирую молоканам, но, с другой стороны, я не могу слишком идти против них. Они здесь сила, а я живу подписчиками». И действительно он балансировал между православными и сектантами с большим однако же наклоном в нашу пользу. Кроме Амурской газеты у нас издаётся ещё «Амурский Край», редактируемый г. Клитчоглу, кто он – трудно сказать, никто не ведаёт: еврей ли, или грек, или же армянин. Кто бы он ни был, но его газета может считаться по симпатиям и «молоканской». По смерти Кирхнера «Амурская Газета» при

новом и. д. редакторе Михайлове, в свою очередь, слишком стала походить на «Амурский Край».

Литературная борьба с сектантством у нас является настоящей, необходимой, но для этого у нас слабы и силы, и средства.

М. Т.

(Раскольничий архиерей «на обозрения» своей епархии).

Не так давно пришлось нам наблюдать поездку раскольничьего лже-епископа Ивана Усова „по обзору епархии“, т. е. своих молелен в Нижегородской и Костромской губерниях.

В раскольничьей деревне Кошелеве прошёл слух, что скоро прибудет к ним «новый епископ». И вот слух оправдался, в назначенное время пара почтовых лошадей примчали лже-архиерея Усова в Кошелево. На облучке рядом с кучером восседал «Владыкин» лакей, рядом – протодиакон, а позади – ящики с ризницей и неизбежный тюк подпольных изданий, так обильно распространяемых Швецовско-Усовской издательской К°.

Облачившись в доме лже-попа в монашеское одеяние, мантию и камилавку, Усов направился в моленную, где служил всенощную, а на другой день обедню в сослужении двух лже-попов.

Облачение Усова происходило среди моленной и за неимением амвона на ящике²⁶. В конце обедни Усов произнёс проповедь, где рекомендовался „истинным пастырем“, которого-де должны слушать, как Христа, и разъяснял, что их австрийское общество – есть „истинное и законное“ ныне христианское общество. После же своей речи лже-владыка раздавал подпольные свои издания и листки, изданные В. Максимовым – „Старец Серафим Саровский и старообрядцы“, с назиданием: „смотрите-де как православная церковь понимает о двуперстии; все крестящиеся им связаны и на том свете и двуперстие православной церкви противно“. В течение всего дня Усов в монашеском одеянии расхаживал по домам раскольников и увещевал их строго стоять в своём уповании.

Затем опять на почтовых, „с свитой“ отбыл в другую раскольничью деревню, Кондратьеву.

Всё это пустяки, пусть бы гг. Швецовы, Усовы тешились сами и утешали своих единоверцев игрой в „архиерея“, но вот

что скверно: где побудут они, мусору много оставляют в форме своих подпольных изданий, чем простосердечных людей весьма соблазняют. Местные ревнители православия говорят: вот ведь – существуют законы и всевозможные циркуляры рассыпались, а раскольничьи верховоды их и знать не хотят. Статьи и старого, и нового уголовного уложения запрещают распространять подпольные издания, а Усов всё-таки распространяет свои сочинения, и, вопреки закона 1883 года, публично расхаживает в монашеском одеянии. И ничего, – раскольникам ныне всё сходит, на всё им стала свобода.

Интересно, как лже-попы отзываются о своих „владыках“. В Кошелеве Усов вздумал разносить своих попов за бесцельность и личные ссоры и вот после его отъезда лже-попы говорят: „тоже вздумал укорять нас, смотри мол и знай, что я архиерей, – ишь какая невидаль, – давно ли в пиджаке ходил, да в венгерской шляпе с пером,, а теперь поди, какая гроза, – „сверчок“, а не архиерей.

Священник *И. Чередников*

Распоряжение Святейшего Синода. С. 148–149

О непринятии к крещению евреев вне черты их осёдлости без свидетельств на право жительства вне этой черты.

Министерство внутренних дел, обратив внимание на то, что нередко евреи прибегают к подаче заявлений о желании обратиться в христианство, только как к средству для приобретения льгот, не предоставленных законом лицам иудейского вероисповедания, без действительного намерения принять крещение, в видах преграждения для таких евреев возможности обхода означенным способом действующих о евреях узаконений, сделало по ведомствам римско-католическому, лютеранскому и евангелическо-реформатскому циркулярное распоряжение, дабы подлежащие духовные начальства требовали от каждого еврея, проживающего вне черты еврейской осёдлости и желающего креститься по одному из указанных обрядов, свидетельство местной полиции о праве его проживать в данной местности, причём евреям, не представившим означенных свидетельств, должно быть объявлено, чтобы они испрашивали дозволение на принятие крещения в местах своей приписки. Сообщая о сём, министр внутренних дел просил г. Синодального Обер-Прокурора уведомить, не признано ли будет возможным сделать такое же распоряжение и в отношении евреев, заявляющих желание принять православие. Обсудив изложенное и не встречая препятствий к распространению порядка, установленного министерством внутренних дел по ведомству иностранных исповеданий, и на евреев, желающих принять православие, Святейший Синод определяет: предписать синодальным конторам, епархиальным преосвященным, духовнику Их Императорских Величеств и протопресвитеру военного и морского духовенства циркулярными указами сделать распоряжение по подведомственному им духовенству, чтобы вне черты еврейской осёдлости евреи не были принимаемы ко св. крещению без предварительного представления свидетельства местной полиции о праве ищущего крещения

жить вне сей черты, причём евреям, не представившим означенных свидетельств, должно быть объявляемо, чтобы они испрашивали дозволение на принятие крещения в местах своей приписки. Апреля 2 дня 1903 г.

Верховской П. Христианское содружество учащейся молодёжи. С. 149–152

В минувшем 1903 году Обществом распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви учреждено христианское содружество учащейся молодёжи.

Открывая содружество, Общество имело в виду пойти на встречу уже ясно определившемуся религиозному течению в русской учащейся молодёжи.

Воспитываемые в интеллигентных семьях иногда в совершенном равнодушии к вере и православной церкви, многие современные молодые люди однако же тяготеют к этому вечно-живому источнику истины, ищут удовлетворения своих религиозно-нравственных запросов, дружеского общения с единомышленниками, но не имеют благоприятных к тому условий ни в своих учебных заведениях, ни в общественной жизни, ни даже в семье. Склонные при этом к самодеятельности и, как светские и развитые люди, отличающиеся своеобразием и некоторой возвышенностью своих духовных запросов, они не удовлетворяются вполне ни проповедью, которая не допускает собеседования, ни какими-нибудь существующими организациями, которые кстати им и не доступны, напр. «Маяк» (на Литейной ул. д. 30). Поэтому настояла потребность открыть в Петербурге такое учреждение для учащейся молодёжи, которое соответствовало бы её запросам.

Ближайший повод к этому подан был самой учащейся молодёжью. Именно, в 1897 году несколькими молодыми людьми было уже организовано маленькое частное братство с указанными целями. Мысль одного студента университета и воспитанника С.-Петербургской семинарии нашла себе поддержку сначала среди товарищей и друзей, а затем у трёх пастырей церкви, из которых один был непосредственным наставником семинаристов, другой же – законоучителем и духовником некоторых гимназистов и студентов. В братстве, которое называлось «Братством ревнителей христианского

самоусовершенствования», было до 12 членов, они периодически сходились на собрания друг у друга для слушания рефератов преимущественно по этическим вопросам. Но, просуществовав до осени 1900 года, по некоторым обстоятельствам Братство должно было закрыться с тем, чтобы когда-либо возродиться вновь, но уже в качестве легально основанного, всем доступного учреждения. Последнее могло состояться только в том случае, если бы какое-либо из существующих просветительных обществ или учреждений приняло студенческий кружок под своё покровительство. Так и поступило общество распространения религиозно-нравственного просвещения. Подобный исход был тем более естествен, что один из священников, духовник и наставник некоторых членов Братства, в котором он принимал самое деятельное участие, состоял в то же время (и теперь состоит) членом совета общества и настоятелем одного из его храмов, а почти все молодые участники Братства были постоянными его посетителями.

Таким образом по ходатайству этого священника-члена совета образована была особая комиссия в составе: членов совета, некоторых специально приглашённых пастырей церкви, профессоров С.-Петербургской духовной академии, а также бывших и настоящих студентов университета, участвовавших прежде в Братстве, которая выработала правила нового учреждения. При этом выяснилось, что в состав членов необходимо допускать не только учащихся, но и прошедших уже курс высших учебных заведений. Этого требует справедливость по отношению к тем, которые кончат курс только-что, сделавшись членами содружества, и к тем, которые недавно кончили. В особенности же признано весьма желательным участие в совместных с молодёжью занятиях пастырей церкви, профессоров и других лиц, которые своими сведениями и жизненным опытом могли бы помочь молодёжи разобраться в сложных вопросах религиозно-нравственного мировоззрения. Однако, самостоятельности молодёжи предположено отвести самое широкое место, как лучшему средству для усвоения выработанных общими силами убеждений. Самостоятельность

должна была выразиться на первый раз в участии в периодических собраниях, на которых они сами или особо приглашённые лица будут предлагать рефераты на свободно выбранные темы богословско-философского характера.

Ближайшее заведывание делами содружества решено было поручить особому распорядителю из числа членов совета общества и комитету из семи лиц под председательством распорядителя, причём четыре члена должны быть из учащих молодых людей. Комитету предоставлено право принимать изъявивших ему письменно о своём желании быть членами христианского содружества, назначать собрания как закрытые, так и публичные, на которых могут присутствовать и посторонние лица, желающие познакомиться с деятельностью этого учреждения.

25 февраля были окончательно утверждены советом общества составленные правила, а 11 апреля, в пятницу Светлой седмицы, Христианское Содружество учащейся молодёжи торжественно открыто в публичном собрании после соборного молебна в храме св. Троицы²⁷.

Однако, вследствие экзаменной страды, Содружество не могло начать своих занятий тотчас по открытии и только осенью, после вторичного молебна 1-го октября, начались периодические собрания Содружества.

В течение первых трёх месяцев (октябрь–декабрь) состоялось шесть собраний, на которых были прочитаны и обсуждены четыре реферата²⁸.

Первые два собрания, 7 и 14 октября, под председательством проф. прот. С. А. Соллертинского были посвящены вопросу «о вере, как основе жизни и знания». Референтом выступил оставленный при университете по кафедре философии, ныне студ. СПб. духовной академии П. П. Аникиев.

На третьем собрании, 4 ноября, под председательством также проф. прот. С. А. Соллертинского слушали реферат студ. юридического факультета СПб. университета М. И. Несмелова на тему: «религиозное мировоззрение первых славянофилов».

Четвёртое собрание, 18 ноября, под председательством прив.-доц. СПб. университета Б. В. Никольского было посвящено реферату кандидата богословия И. К. Латынина на тему: «существенные черты нравственного мировоззрения св. Иоанна Златоуста».

Наконец, на последних двух собраниях, 2 и 16 декабря, под председательством проф. международного права в СПб. университете барона М. А. Таубе, обсуждался реферат студента СПб. духовной академии П. Н. Ивановского о «войне с христианской точки зрения».

В заключение дадим некоторые сведения о составе Содружества.

В настоящее время *письменно* заявили о своём желании в нём участвовать 45 человек, из них: духовных – 6 (в том числе 2 профессора СПб. духовной академии); Светских: профессоров университета – 2, кандидатов богословия – 2, художник – 1; студентов университета: юристов – 13, математиков – 2, филологов – 5, фак. восточн. языков – 1; Горного Института – 1; Военно-Медицинской Академии – 5; СПб. духовной академии – 7 (в том числе 5 окончивших университет по филол., естеств. и юридич. факультетам).

Кроме того, на собраниях Содружества постоянно присутствуют в качестве гостей некоторые духовные и светские лица, профессора университета и студенты, но непременно по рекомендации кого-нибудь из членов и с ведома или по приглашению Комитета Содружества. Так 16-го декабря были преосв. Антоний, еп. Волынский, и преосв. Никанор, еп. Якутский, а также архим. Кирилл, начальник Урмийской миссии и архим. Никон, ред.-изд. «Божией Нивы» и «Троицких Листков», редактор «Мисс. Обозрения» и некоторые другие.

И. Верховской

Послание Святейшего патриарха Антиохийского и всего Востока Мелетия о. протоиерею Иоанну Ильичу Сергиеву. С. 152–153

Ваше высокопреподобие, возлюбленный о Господе сын, досточтимый о. протоиерей, мир вам от Господа и Спасителя нашего!

Примите, дорогой о. Иоанн, наше апостольское благословение и наши горячие добропожелания. Извещённые духовным сыном нашим, настоятелем антиохийского патриаршего в Москве подворья, о. иеромонахом Игнатием, о торжественном богослужении, совершенном вашим высокопреподобием 23 сентября 1903 года в подворском храме, мы были в высокой степени обрадованы этим знаменательным для нас событием, ибо оно явилось неопровержимым доказательством наличности тех братских священных уз и той, завещанной Самим Икупителем нашим, истинной любви, которая существует между двумя сёстрами церквами, русской и антиохийской.

Досточтимый о. протоиерей! Мы глубоко радуемся тому, что единоверная нам Россия имеет такого великого пастыря, как ваше высокопреподобие; своей жизнью и деятельностью вы повторяете собою знаменитых пастырей первохристианской церкви. Недаром весь православный мир и русский народ в особенности гордится вашим высокопреподобием, достойно ценит ваши высокие духовные качества и благоговеет перед вашим высокопарящим духом. Сердечно поздравляем вас, дорогой о. Иоанн, с великой благодатью Божией, вселившейся в вас; сердечно поздравляем и Россию с таким редким, истинно самоотверженным пастырем; поздравляем и себя с тем, что в нашей православной церкви имеются столь достойные ходатаи перед Богом за православный мир, за наше недостоинство и за нашу многострадальную паству.

Слава о ваших лучезарных добродетелях давно проникла в наш антиохийский патриархат, и всякий из наших пасомых читил и благоговел перед вами, но теперь, после того, как вы

соблаговолили почтить нас служением в нашем патриаршем подворье, память о вас ещё сильнее и прочнее укоренится в сердцах всех наших чад. Совершением богослужения в подворском храме, на коем вы помянули наше недостоинство, и посещением квартиры нашего наместника в России, вы соединились с нами духовно и мы с вами, и теперь мы родственно ведаем того, кого раньше неведомо глубоко и сердечно почитали, и любили: наша связь с вами, бывшая дотоле инстинктивным благоговением, сделалась сознательной и более родственной.

Примите, глубокочтимый пастырь, слава и столп православной церкви, искреннейшие выражения сердечной и глубокой признательности нашей и всех наших чад, вместе с покорнейшей просьбой помянуть их и нашу старость в ваших святых молитвах.

С своей стороны и мы молим всемогущего Бога, да утвердит Он св. православную церковь на достигнутой ею высоте, да укрепит любовь, связующую русскую и антиохийскую церкви и их пастырей; да сохранит на многие лета священную Особу Государя Императора, Августейшего Покровителя православия и православных, да сохранит Он святейший правительствующий синод и весь Богоспасаемый русский народ. Его же мы молим сохранить Вашу драгоценную жизнь ещё на многие лета в полном здравии, на благо святой православной церкви и на благословение антиохийскому подворью и его молодому настоятелю. Благодать Божия да окрыляет Вас! Мелетий, патриарх Антиохийский и всего Востока.

Дамаск, 31 октября 1903 г.

Собеседования со старообрядцами. С. 153–155

Учебный Комитет при св. Синоде в своём годовом отчёте отмечает, что приучение воспитанников семинарий к миссионерским беседам с раскольниками постепенно вводится в практику; воспитанники последних двух классов присутствуют на собеседованиях с раскольниками миссионеров и семинарских наставников, нередко и сами принимают то или другое участие в прениях. В отчёте приводятся по этому предмету следующие данные. В Симбирске на первой неделе Великого поста в одной из приходских церквей епархиальным миссионером с участием преподавателя семинарии и окружных миссионеров были устроены 4 беседы со старообрядцами. На этих беседах присутствовали ученики двух старших классов семинарии, с величайшим интересом прислушиваясь и присматриваясь ко всему, что здесь говорилось и что происходило.

В Самарской семинарии, с целью практического ознакомления воспитанников с противораскольнической и противосектантской полемикой, в течение учебного года велись сначала чтения, а потом и беседы с раскольниками и сектантами в здании образцовой школы при семинарии. Чтения и беседы посещались посторонними посетителями; участие в них принимали и сами воспитанники. Беседам была придана диалогическая форма, – так что после изложения положительного учения церкви по избранному вопросу один из воспитанников ставил обычные у раскольников и сектантов возражения, а другой разбирал их. Это делалось в тех случаях, когда не являлось возражателей. С со-вопросниками из раскольников и сектантов вёл беседу преподаватель, причём воспитанники принимали участие в подыскивании подходящих мест из старопечатных книг и Библии и записывали ход беседы. Всех чтений и собеседований в отчётном году было 14.

В Калужской семинарии преподавателем, по воскресным дням, велись в семинарском зале, при участии воспитанников

двух старших классов, – публичные собеседования со старообрядцами.

В Нижегородской семинарии воспитанники старших классов присутствовали на собеседованиях со старообрядцами, которые ведутся по воскресным и праздничным дням в семинарской церкви в осеннее и зимнее время.

В Московской семинарии, при участии учеников старших классов, велись общедоступные публичные беседы со старообрядцами. Беседы эти производились по воскресным дням с 25 ноября по 31 марта включительно, от 4 час. до 7 час. вечера. Всех бесед было в отчётном году 12. О предмете каждой беседы православные и старообрядцы извещались заранее, посредством объявления в местных газетах. Народ, преимущественно простой, посещал беседы охотно, собрания большей частью были многолюдные (от 500 до 1500 чел.).

Ученики VI класса Костромской семинарии вели в семинарском храме, под наблюдением ректора и руководством преподавателя, беседы со старообрядцами. Таких бесед в отчётном году было шесть. Воспитанники же V класса присутствовали на этих беседах в целях опытного усвоения приёмов полемики.

Воспитанники старших классов Казанской семинарии присутствовали на частных беседах преподавателя со старообрядцами в его квартире. 2 декабря 1901 года открыты были и в самой семинарии публичные противо-раскольнические беседы, в которых принимали участие и воспитанники, под руководством и при помощи преподавателя.

Производимы были собеседования с старообрядцами федосеевского толка в г. Риге. Так как при семинарии не имеется поместительного зала, то собеседования происходили в Рижской единоверческой церкви. На собеседованиях присутствовали ученики V и VI классов Рижской семинарии, причём ученики VI класса принимали деятельное участие в ведении бесед и произносили ими составленные и преподавателем рассмотренные беседы. Собеседования привлекали весьма много слушателей, по преимуществу православных, но не мало было и старообрядцев.

Воспитанники V и VI классов Тульской семинарии присутствовали на беседах, которые вёл преподаватель по расколу со старообрядцами и сектантами в одной из церквей г. Тулы.

В г. Екатеринославе было устроено (в марте месяце) собеседование с раскольниками. Беседу вёл преподаватель Екатеринославской духовной семинарии по предмету истории и обличения раскола, при участии воспитанников семинарии VI класса.

Открытые в г. Орле в 1897 году собеседования со старообрядцами – велись и в отчётном году. Всех таких собеседований за истекший учебный год было 13. На каждом из них, с разрешения начальства семинарии, по назначению преподавателя и под его личным наблюдением, присутствовало не менее 15 воспитанников VI класса. Активное участие их в собеседованиях выражалось в том, что одни из них вели запись главных возражений и их опровержений, а другие приискивали и прочитывали вслух нужные места из старопечатных книг; наконец, один или два из них, в начале каждого собеседования, произносили заранее составленные ими под руководством преподавателя речи на темы, служившие предметом собеседований.

В Пензенской семинарии, согласно предложению и настоянию епархиального преосвященного, воспитанники VI класса вели примерные практические беседы против раскола в воскресные и праздничные дни после литургии, по заранее составленной программе на целый год. Таких бесед было 17. На каждую беседу назначалось по 2 воспитанника с православной стороны и по 2 с раскольнической. Предметы бесед объявлялись заранее всем воспитанникам VI класса. Воспитанники с большим интересом готовились к беседам и с большим оживлением вели их.

Присоединение к православию и исповедь австрийского лже-иерея. С. 155–158

Собеседования миссионеров Пермской епархии летом 1903 г. в заводе Лысьвенском, Пермского уезда, с известным защитником австрийского раскола, проживающим в С.-Петербурге, Фёдором Ефимовым Мельниковым, не остались для православной церкви бесследны, а при помощи Божией принесли желанную пользу. Результатом этих собеседований было присоединение к православию проживающего в Нижне-Тагильском заводе австрийского лже-иерея Даниила Семенова Колегова.

Даниил Колегов, управляя обществом австрийских старообрядцев в Тагильском заводе, часто ездил в Лысьвенский завод и сеял здесь плевелы австрийского раскола. Присутствуя на указанных лысьвенских миссионерских собеседованиях, лже-иерей Колегов зорко следил за ходом беседы и чутко прислушивался ко всему, что говорилось на них как со стороны православных миссионеров, так и со стороны расколо-учителя Фёдора Мельникова. Софистические лже-толкования текстов Священного Писания и творений богоносных отцов, к каковым прибегал Фёдор Мельников, защищая ново-возникшую австрийскую лже-иерархию, совершенно убедили Даниила Колегова в неправоте раскола; он решился оставить последний и совсем своим семейством присоединился к православию через таинство миропомазания, как увидит читатель из помещённого здесь письма, которое писал Даниил Колегов православному священнику Лысьвенского завода, о. Михаилу Добротворскому. Вот копия этого письма:

Достоуважаемый о. Михаил.

Желаю известить вас, что по милости Божией я нахожусь теперь при Церкви Христовой. О прошедшем прошу у вас прощения, что я ездил в ваши пределы и насеивал плевелы, т. е. австрийское священство, как говорится во св. Евангелии: «спящим человеком, прииде враг и всея плевелы посреде пшеницы и отъиде» (Мф.13:26). Это же делают Мельников и

Беленков и подобные им. Но я мучился совестью года три и всё не мог решиться перейти в православие: стращало меня то, что я имею большое семейство (6 человек детей), как буду его содержать. Находясь в австрийском обществе, я получал 1200 руб. в год и жил безбедно. Но ныне 8 июня, отслужив последнюю службу в моленной, я встал на амвон, попросил прихожан остановиться ещё на несколько минут в моленной и сказал им: Не могу более с измученной совестью продолжать служить в вашем обществе, потому что оно не церковь Христова, так-как в нём не было 180 лет епископа, а «без епископа церковь слепа» (книга о вере, лист 213). Игнатий Богоносец говорит: «Елицы Христовы суть, сии со епископом суть. Которые не с епископом, тии семя вражие» (3 посл. к филиад.). «Епископ в церкви и церковь в епископе, и кто не с епископом, тот и не в церкви» (Кипр. ч. 1-я. стр. 307). «Церковь Христова без епископа быти не может, и никогда не была» (Захар. Копыст. Част. 2, разд. 8, артик. 3). „Не может церковь без епископа быти” (Марг. в жит. св. Иоанна Злат.). А вот наше то общество 180 лет и было не в церкви; значит, оно не Христово земледелие было, а семя вражие. Христос основал церковь крепче неба (Марг. лист. 193, 519). Врата адовы не одолеют церковь (Матф. зач. 67). Я по всему усмотрел, что в нас одно только упрямство и самолюбие, вера у нас купеческая; всё основано на деньгах как бы не осудиться нам с Симоном волхвом и не уподобиться ленивому рабу. Следуя совести моей, с сегодняшнего дня я больше вам не пастырь и вы мне не овцы: 5 лет я грешил с вами, в том простите, буду каяться той церкви, которая имеет непрерывную власть от Христа Спасителя и вам советую прийти в такое же чувство и раскаяться в своём заблуждении; отвалите камень жестокосердия и тогда Господь Бог поможет вам и уверуете во свет и сыново света будете. После этой речи попросил прихожан принять от меня все книги, церковные вещи и сосуды и распротился с ними, а на второй день совсем переехал к Св.-Троицкой единоверческой церкви. 21 июня присоединился к православной церкви через св. миропомазание: сам, жена моя и 6 детей. Теперь многие приходят ко мне за советом, что делать.

Я всем прежним моим бывшим прихожанам, а наипаче увлечённым мной, советую обратиться к св. церкви, в ней же несть никакого порока, по апостолу: «да представит ю себе славу церковь, не имущу скверны или порока, или нечто от таковых». Что же касается до изменения обрядов в русской церкви, то обрядовые изменения были и в древней церкви, как об этом говорится в 11 прав. Лаодикийского собора. «Бяху в древних нецы и обычаи в церквах обываемии. от них же убо временем они забвени быша, инии же отнюдь престаша: другие же правила отсекоша.

Даниил Семёнов Колегов.»

Как иногда совершается в австрийщине хиротония

23-го апреля минувшего года почти в полночь от ворот Прочно-окопской (ст. Кавказ.) общественной квартиры поспешно удалялась крытая и почти герметически закупоренная кибитка, увозившая с собой дорогого для старообрядцев гостя, лже-епископа Силуана. Поспешный отъезд Силуана был вызван двумя причинами. Во-первых, Силуану грозила опасность со стороны местной полиции, а во-вторых, – и самое главное (так как полиция то в Прочноокопе состоит из старообрядцев, и, конечно, родному человечку всегда порадеет), Силуану были нужны деньги, которые ему не удалось получить в Прочноокопе. Дело в следующем. Избранный Силуаном в Прочноокопского диакона кандидат – некто Яков Вихлянцев был неугоден обществу. Силуан был в большом затруднении: с одной стороны, не хотелось идти наперекор Прочноокопскому обществу, а с другой – жаль было расстаться с мыслью получить изрядный куш за рукоположение. Неизвестно, как долго колебался Силуан, – но совершившийся факт свидетельствует, что восторжествовал именно куш. Призвав кандидата во диакона, Силуан велел ему отправляться в ближайший хутор Царицынский, где и должно было совершиться рукоположение. Там оно действительно и совершилось, но при довольно соблазнительной обстановке. Царицынский поп оказался в нетрезвом, доходившем до полной нравственной и физической невменяемости, состоянии, а посему и службу пришлось править одному Силуану, если, конечно, не считать его

келейника знаменитого Назарки, по прозванию Горбатого. Служба шла поспешно, так как Силуан боялся, что в Прочноокопе враги ставленника могут узнать о происходящем в Царицынском и помешать поставлению; и чин рукоположения, вследствие отсутствия необходимых при этом священнослужителей и церковнослужителей (некому было даже петь и читать), был совершён неправильно. К рукоположению ставленник приготовиться не успел, молитву при рукоположении читал над ним не Силуан, а его келейник, так как у Силуана не оказалось очков, без коих он читать не может, а память, видимо, изменила старику. Прочноокопские старообрядцы, конечно, прекрасно об этом знают, но смиренно примирились с совершившимся фактом, и неправильно рукоположенный дьякон, сам ходивший вокруг престола и певший себе „аксиос“ (т. е. достойный) дьяконствует и по сие время. Вот сущая правда о поставлении Прочноокопского старообрядческого дьякона.

* * *

Крестьянин-миссионер. 22 числа октября, в день праздника Казанской иконы Богоматери, по окончании литургии, когда я уже намеревался идти из храма, как сообщает свящ. П. Амфитеатров в „Курск. Еп. Вед.“, ко мне приблизился неизвестный крестьянин и выразил желание побеседовать со мной.

– О чём же ты желаешь поговорить со мною? – спросил я его.

– Хочу, батюшка, – отвечал он, – поделиться с вами своей радостью: Господь помог мне обратить в православие двух штундистов.

При этих словах он указал мне на двух своих односельчан, которые стояли рядом с ним и тотчас же подтвердили истину слов говорившего об их обращении на путь спасения.

Из дальнейшей беседы я узнал, что крестьянин-миссионер и обращённые им сектанты – муж и жена – проживают недалеко от моего прихода, в слободе Красной, Белгородского уезда, где, по словам моих собеседников, скрывается значительное число тайных штундистов.

– Как же Господь помог тебе обратить на путь истины своих собратьев? – спросил я Георгия Матузенко (так зовут крестьянина-миссионера).

– Этим, батюшка, – отвечал он, – я обязан не столько своему знанию священного Писания, сколько своему усердию. Целые ночи иногда спорил я с штундистами, и Господь, видя моё искреннее желание спасти заблудших, обрадовал меня желанным успехом.

– О чём же спор был у тебя с штундистами? – продолжал я спрашивать его.

В ответ на этот вопрос Матузенко подробно рассказал мне, как он доказывал штундистам значение иконопочитания, важность хождения в храм для молитвы, необходимость соблюдения постов и спасительность таинств. Доказательства, приводившиеся им в защиту указанных истин, хотя и не отличались полнотой и точностью, однако имели несомненную убедительность и очевидные превосходства в сопоставлении с доводами невежественных сектантов.

Высокую духовную радость испытывал я, слушая простую, но глубоко убеждённую речь этого крестьянина. Дай Господи, чтобы из среды нашего народа побольше являлось таких апологетов и миссионеров!

Верим, что желание наше осуществится, когда мы – пастыри – ревностно станем исполнять наши законоучительские обязанности и дадим питомцам церковных школ твёрдые, полные и основательные знания слова Божия.

* * *

Яркий пример фанатизма и жестокости раскольников. Апреля 7 числа сего года в с. Елатмонке, Бугурусланского уезда, Самар. г., в беглопоповской моленной, некий беглый поп по имени Иван, выходец из рязанской епархии, совершал отпевание покойника. В это время пожелал пойти в моленную местный единоверческий священник-миссионер о. Иоанн Бочуров, имея намерение воспользоваться случаем пребывания беглого попа для миссионерских целей. Для безопасности он взял с собой старшину. Раскольники, как сообщают «Самарские Епарх. Вед.», сначала не соглашались впускать священника в

моленную, но потом, убеждённые его словами, впустили, и он стоял там совершенно спокойно до окончания отпевания. А когда по окончании богослужения он пожелал видеть беглого попа, чтобы побеседовать с ним, то раскольники подняли угрожающий крик. Испуганный Бочуров хотя и успел выбежать из моленной невредимым, но в ограде разъярённая толпа схватила его и жестоко избила. С трудом вырвавшись из ограды, Бочуров скрылся у единоверца, а разбушевавшаяся толпа избила старшину, церковного старосту и, разлившись потоком по улице, била встречавшихся православных и даже тех из своих раскольников, кои имели мужество заступаться за избиваемых. Семилетнего сына Бочурова, случайно оказавшегося на улице, хотели бросить в реку, но ребёнок заплакал и возбудил к себе сожаление окружающих, почему он и был спасён.

Антоний Строгий Миссионерские отметки при чтении светской печати // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 159–164

О надзоре за поведением учащейся молодёжи. Свыше наказанное распутство и пастырские проповеди. Как мог интеллигент – монастырский послушник Кривуша сделаться разбойником и человекоубийцей?

Очень приятно отметить на этих страницах, что замечания печати – в том числе и „Миссионерского Обозрения“ – попечителем С.-Петербургского учебного округа приняты к сведению и сделано распоряжение, чтобы охранение учащейся молодёжи от развращающих влияний и гипноза кафешантанных зрелищ не на бумаге одной осталось, но было проведено со всей тщательностью в жизнь и дело. Газеты сообщают следующее:

„По распоряжению начальника С.-Петербургского учебного округа установлен надзор за поведением учеников средних учебных заведений и городских училищ гор. Петербурга на улицах, в театрах, скверах и вообще во всех публичных местах. Для надзора этого город разделён на несколько районов, каждым из которых заведует один из директоров гимназий с несколькими подручными-воспитателями, которые о всяком замеченном ими поступке ученика, нарушающем правила приличия или дисциплины, немедленно доводят до сведения начальника того учебного заведения, в котором обучается ученик“.

Если будут серьёзно и чувствительно наказаны в каждой гимназии несколько учеников, вносящих в среду товарищей дух нравственной тли с улиц и из театров, тогда только сами родители усилят своё воздействие на учащихся своих детей, с самого их малолетства, зная по примеру строго наказанных весельчаков, что окончить курса непослушный и своевольный не будет в состоянии. Только *справедливая* беспристрастная *строгость* может исправить уже ввевшееся в нашу среднюю и высшую школу зло. Страх Божий, конечно, самый сильный

мотив, и его должны учащимся прививать законоучители, уча более примером, чем словом. „Страхом Господним всякий уклоняется от зла“. Но, кроме внушений и слов, страх Божий воспитывается также и страхом человеческим, страх перед Богом зачинается со страха перед человеком. Если не любим человека, которого видим, то как можем любить Бога, Которого не видим и видеть не можем? Как же может человек, – особенно пылкий молодой – убояться страхом Бога, Которого он не видит, а лишь слышал, что Он живёт на небе, когда не боится своих начальников, которых видит? Давно необходимо сознать, что *строгость, если только она справедлива, не есть жестокость*, но есть плод любви и заботы о благе того, кого страхом наказания мы отвращаем от бесчисленных бедствий. Нет ничего хуже отсутствия строгости, руководимой духом правды и справедливости – вред от этого отсутствия не меньше вреда, „происходящего от жестокости, то есть строгости несправедливой, злобной, вовсе не согласованной с волей Господа Бога. Оттого-то в пример всем будущим родам Господь так люто и ужасно наказал первосвященника Илию ветхозаветного за то, что он без строгости воспитал своих, данных ему Богом, детей. Вот почему и в наше время слышим о наказаниях Божиих и несчастиях, какими Бог карает слабохарактерных и излишне мягких и небрежных воспитателей и начальников.

Будем надеяться, что, хотя в сфере воспитания будущей интеллигенции будет применена система справедливой строгости, согласованной с волей и хотениями Господа Вседержителя нашего Творца и Спасителя.

* * *

В одной из прошлогодних наших отметок мы говорили о необходимости охранять молодёжь от разврата и вообще бороться с блудом, как грехом смертным и противообщественным. В настоящий раз отметим описанный в одной газете случай, из коего видно, что когда людьми оставляется распутство без наказания, то наказывает за него Сам Бог. А наказания Божии всегда много страшнее, чем

человеческие, ибо и милость Его – божественна, велика и богата, и кары Его – величественно ужасны.

„В дер. Слобода (Могилевской губ.) на-днях произошёл ужасный случай: крестьянская девушка Р. сблизилась с одним из парней, и, как водится, через несколько месяцев несчастная почувствовала себя беременной. Когда же пришёл роковой день родов, бедная девушка прокралась в дальний закоулок отцовского двора и там родила здорового ребёнка. Но, на беду её, там, где она лежала, проходила огромная свинья. Обнюхивая всё попадавшееся ей на пути, свинья наткнулась на младенца, и, ощутив мягкое и тёплое его тельце, вонзила в него свои зубы. Раздался душу матери разрывающий писк. Девушка с ужасом увидела своё детище под клыками свиньи, но обессиленная страданиями и кровотечением она нервно затрепетала, вскрикнула и упала без сознания... Тем временем свинья почти совершенно съела ребёнка“.

Не видно ли из этого случая, как „страшно впасти в руки Бога жива“, по выражению апостола. Мы знаем из святого Евангелия, что злая сила демонов-человекоубийц не может вселиться даже в свиней без попущения и дозволения Божия. Без сомнения, по пословице – „Бог не выдаст, свинья не съест“. Стало быть, в данном случае Бог выдал, попустил, и свинья съела несчастного младенца, погибшего неповинно без крещения, за грехи родителей своих. Хочется верить, что душа младенца окрестилась в собственной крови, как многие мученики, и страданием своим младенец вошёл в свет Царствия Небесного. Но каково было матери пережить эту полную ужаса минуту! Желательно, чтобы священники Могилевской епархии, особенно же иереи „Слободы“, той самой деревни, где случилось рассказанное несчастье, использовали в своих проповедях назидание, вытекающее из правильного разума смысла подобного несчастья. К сожалению, у нас такие случаи не служат темами или хотя бы иллюстрациями в церковных проповедях. Распутство действует во многих деревнях и сёлах, а уроки самой жизни бывают красноречивее проповедей, но в проповедях надо непременно толковать эти уроки и делать соответственные выводы, благоприятные для

укрепления страха Божия, благочестия и веры. Только тогда и само чтение газет будет сугубо полезным для священников, которые, к слову сказать, увлекаясь чтением светских газет, утрачивают вкус и навык к чтению слова Божия, которое святыми отцами изучалось день и ночь по глаголу псалма первого – „и в законе Его поучился день и ночь“. Святые Отцы умели даже из языческих сочинений извлекать словесное оружие против самого язычества и аргументы в пользу православия. Следует и современным иереям пользоваться так именно светской печатью, имеющейся теперь в доме каждого сельского пастыря.

Другой случай возмездия Божия за блудодеяние едва не совершился в Самаре. Когда оскорбляется святость брака, при совершении которого в умиленных молитвах призывается страшное имя Божие, тогда Бог обличает блудника и в самом храме, как это видим из следующего сообщения:

„В г. Самаре, в одной из церквей, разыгралась ужасная драма. В то время, когда в ней происходило венчание некоего Огурцова с дворянкой Стакановой, в церковь прокралась с ножом в руках, брошенная Огурцовым, юная девушка Колдунова и стала позади жениха. Когда жених на вопрос священника, не обещался ли жениться на другой, дал отрицательный ответ, она бросилась на него и пыталась перерезать ему горло. Однако, рука скользнула не по шее, а по щеке. Венчание священником было тотчас же приостановлено.

Молодые люди, не считающие за грех обмануть девушку, укравшие святыню девственности, пусть помнят, что могут поплатиться жизнью за такое отношение к девичьей чести. „Путь грешных погубит“ – говорится не тщетно в слове Божиим.

* * *

Любопытные для миссионера и пастыря сведения сообщают газеты о прошлом пойманного злодея-разбойника Кривуши Николая. Вот что сообщает „Свет“:

„Кривуша, – этот психопат-злодей, о котором мы уже сообщали, занимает своей странной личностью и публику и печать. „Киевл.“ сообщает небезынтересные черты из прошлого этого нравственного уродя. Вот они: по словам его матери, Н. Я.

Кривуши, сын её Николай, с самого раннего детства, обнаруживал признаки ненормальности умственных способностей; ребёнок отличался удивительным жестокосердием и с удовольствием мучил животных и очень обижал своего маленького брата. Но затем, вдруг он как-то сразу переменялся, сделался очень кротким и по целым ночам молился Богу. Поступив в третью киевскую гимназию, мальчик учился неохотно, и 14-ти лет неожиданно куда-то скрылся, появившись снова в Киеве через полтора года в одежде монастырского послушника, имевшей вид рубища. После того он поступил в духовную семинарию, а через год бросил её и определился послушником в Киево-Печерскую лавру. Затем наступил ряд бесцельных странствований его по городам России.

Один из товарищей Кривуши по духовной семинарии дополняет эту характеристику следующими данными: Кривуша, перешедший в семинарию из гимназии, сразу выделился своей мистической религиозностью. Его комната была похожа на келью отшельника: кровать без матрацев и подушек (Кривуша спал на голых досках), аналой в углу перед массой икон, на аналое человеческий череп и молитвенник. Кривуша часто целыми часами простаивал на молитве. Иногда лицо его как-то замирало, и взор останавливался на иконах. С четками он не расставался. Товарищи Кривуши²⁹ слегка подсмеивались над ним и звали „ходячим часословом“.

Послушник стал не только ослушником, но целым разбойником и человекоубийцей... Для многих это покажется невероятным, но мы не удивляемся, зная свойства падшей природы человеческой претерпевать метаморфозы, доходящие до того, что апостол, творивший чудеса, становится предателем Своего Господа из побуждений самого низменного свойства, из-за гнусного сребролюбия. То, что случилось постепенно с Иудой Искаротом, совершилось и с Кривушей, которого сама фамилия намекает на некоторую кривду и зло. Кривуша из сосуда честного стал сосудом не в честь, из сосуда благодатного стал сосудом для духов нечистых, творивших через него свою проклятую волю. Но замечательно, что Кривуша уже в детстве

проявлял признаки и симптомы будущего разбойничества – он мучил животных и даже с дьявольским удовольствием, а родного брата жестоко обижал. Корень зла уже давал отпрыски в самом детстве будущего разбойника, и последующее благочестие не искоренило этого корня, которому роста помогала, конечно, и неприглядная действительность (некоторых) монастырей. Кривуша скитался по монастырям, но в монастырях не ужился. Очевидно, Кривуша поддавался своеволию, а отсекал своей воли, по заповеди святых отец, не хотел, упорствуя в своей воле и в своих хотениях, а волю и хотения (заповеди) Господа отменяя вспять, по выражению псалмопевца. Неверный в малом стал неверным во многом и важном. Послушник сначала стал ослушником, а затем постепенно разбойником. Мы же, упуская из внимания постепенность падения, удивимся тому, как богомольный юноша стал, придя в зрелый возраст, человекоубийцей, а некоторые найдут в том повод обвинять всякое благочестие, монастырскую жизнь, саму церковь. Бывают недостатки – и крупные – в обиходе жизни современных монастырей, но это не значит, что монастыри не нужны и лишни. Нет, монастыри необходимы, но нужны строгие и справедливые меры к исправлению монастырской жизни, особенно к искоренению бродяжничества послушников и певчих. Стоит об этом крепко подумать, чтобы авторитет монахов поднялся и возрос. Но надо и всем нам, мирянам, научиться из примера Кривуши, как можно, становясь неверным в малом, лучше сказать, в том, что мы называем малым, стать неверным в великом. Надо, следовательно, остерегаться, как бы, начав с малой выпивки, не стать пьяницей, а затем вором или убийцей, начав с раздражительности и самолюбия, не дойти до драки или дуэли.

„Gutta cavat lapidem non vi, sed saepe cadendo“, гласит латинская пословица. Капля нечестия долбит камень веры не силой, а частым падением. Часто повторяемые вспышки гнева приучают к гневливости, портя насквозь характер. Частое упражнение мысли в сферах сладострастия и в парении похотном воспитывает из человека похотника и сладострастника, могущего стать уголовным преступником,

содомлянином. Наоборот, и капля благочестия и словесного чистого молока долбит окаменелое сердце грешника не силой, но частым падением на сердце через слух, ибо вера – от слуха, по выражению величайшего из миссионеров. На значение малых нравственно-духовных величин мало было доселе обращено внимания миссии и пастырей. Борьба с „малым“ злом должна идти рука об руку с насаждением „малого“ добра, на основании слов Господа о малейшем горчичном семени.

Враги церкви и её святых обрядов могут из примера Кривуши завопить о бесполезности обрядов, о том, что ими прикрывается злое сердце. Так, Кривуша жил в кельи отшельнического вида, спал на голых досках, имел в кельи череп для напоминания о смерти, подолгу маливался. И вот всё это не помогло, и Кривуша стал разбойником и душегубом. Но мы не будем легкомысленны и не осудим того, что вовсе неповинно в метаморфозе, превратившей богомольца в чистейшего дьявола, ибо дьявол есть человекоубийца по преимуществу.

Спать на голых досках, иметь в кельи череп для напоминания о том, что и наши черепа превратятся со временем в такие же костяные коробки, долго молиться и уютиться в кельи, украшенной множеством святых икон очень полезно для воспитания в себе духа благочестия, но полезно во всей силе лишь именно тогда, когда мы „уверяем“ дух наш (по выражению Псалмопевца) с Богом, то есть с волей Божией, о коей известно, что „жертва Богу дух сокрушён“. Вот сокрушения-то сердечного, чувства нищеты духовной, смирения искреннего Кривуша в себе и не воспитывал, почему мало-помалу благочестивая обстановка являлась всё большим и большим лицемерием *в отношении к нему*, Кривуше (но не сама по себе), и наконец была отброшена. Маска была снята и из-под неё показалось грубое свирепое лицо разбойника. Овечья шкура сброшена, и из-под неё выскочил волк. Однако виновата ли шкура овечья, когда она покрывает истинную овцу, не будучи напаялена, но связана кровью и плотью с самим телом овцы.

Кривуша молился, но мало заботился о состоянии и благонастроении своего духа и сердца. Весьма и весьма

следует обратить многим внимание на пример Кривуши, чтобы его пример научал не поглощать верблюда, оцезивая комара. Справедливо сказано св. Апостолом, что благочестие на всё полезно, а „телесное упражнение“, которым занимался Кривуша, спя на голых досках, такое упражнение *хотя, и полезно*, но „мало есть полезно“. Любить ближнего как самого себя, а Бога больше всего на свете – вот две заповеди, без точного и усердного исполнения коих спастись никому не удастся. Все подвиги телесные должны быть совершаемы на фоне смирения, долготерпения, неосуждения, бестщеславия и безгневия. А это всё осуществимо только при условии непрестанной Иисусовой молитвы и милосердия ко всем, даже ко врагам.

Антоний Строгий

**Отклики // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10.
С. 165–176**

Из дневника о. Иоанна Кронштадтского – в обличение душепагубного еретичества Льва Толстого. С. 165–167

Вместо предисловия (из письма в Редакцию).

На-днях я получил анонимное письмо от одного толстовца, в коем он бранит меня за то, что я написал слабое опровержение толстовских бредней, что я – пигмей, выступаю против колосса – Толстого и, имея только один талант, хочу бороться на бумаге с имеющим десять талантов (Толстым)... Чтобы не оставаться перед Толстым и его поклонником в долгу и ответить обоим «сильнее», я решился и ещё кое-что напечатать, – ведь правда сильна и – защитить её легко против борющихся с нею, хотя бы и «колоссов» – толстовцы ведь воображают себя колоссами, впрочем, не в обиду будь им сказано, – на глиняных ногах... И то правда, что Толстой – колосс, но в своей сфере, в области литературы романической и драматической, – а в области религиозной он – настоящий пигмей, ничего не смыслящий. И если я и ещё скажу в обличение Толстого и его товарищей, прошу их не прогневаться за голую и резкую правду. Я не хотел более отвечать на безумные глаголы Толстого, но если меня резко вызывают на это, то, по долгу перед Истиной и Церковью, отвечаю, отдавая в печать выдержки из моего дневника, заключающие мои мысли и чувства по поводу душепагубного *Толстовского* еретичества.

I.

Нынешнее время есть время борьбы с грехом, с плотью страстной, миром, во зле лежащим, и диаволом, виновником греха, время обучения всякой добродетели: вниманию себе, трезвению, самоотвержению, бодрствованию, воздержанию, кротости, смирению, незлобию, послушанию, целомудрию, снисхождению к ближним, милосердию; – теперь не время покоиться и предаваться удовольствиям, ибо лукавые, злейшие и хитрые враги наши – не усыпают ни на минуту, и супостат наш – диавол, как рыкающий лев, ищет кого поглотить. Эту истину надо внушать всем христианам всякого звания, чина, пола и

возраста, особенно учащемуся юношеству в разных заведениях. «Бдите и молитесь да не внидите в напасть», говорит Господь Своим ученикам и нам тоже Он говорить. А мы что делаем? Дремлем и спим. «Спящим человеком прииде враг его и вся плевелы посреди пшеницы и отъиде». Вот и Толстой усердно сеет на ниве христианских сердец своё плевельное учение.

* * *

Завет Божий отвергли о себе толстовцы, а также и другие еретики, раскольники, сектанты, все нечестиво живущие христиане. Какой завет Божий? Завет о спасении человеческого рода воплощением, крестом и смертью Сына Божия, завет о крещении всякого человека для спасения; завет о нужде покаяния, причащения Св. Таин, принадлежности к единой Св. Соборной и Апостольской Церкви, завет о совершителях Таинств христианских – пастырях. – Все пьяницы, прелюбодеи, сребролюбцы, нераскаянные отвергают завет Божий о себе и погибают. Слезы у меня исторгли эти мысли!..

* * *

Писатели мира сего, несведующие нимало в вещах Божественных, – придите с доверием и научитесь у нас, духовных учителей: и мы научим вас. Но вы не пойдёте, вы с презрением оттолкнёте нас, вы не можете быть нам преданы, ибо мы преподаём учение «не от мира сего», не от вашей мудрости.

* * *

«К кому идём?» спрашивает себя Пётр с прочими Апостолами. «Ты имеешь глаголы жизни вечной. Се мы оставихом вся и в след Тебе вдохом – что же будет нам?» – Господь обещал им паки-бытие и вечную славу и власть судить все племена Израилевы. Толстовцы! куда же вы идёте с графом Толстым, своим учителем? Есть ли у него слова жизни? Не слова ли безумия, неверия, хуления, проклятия и смерти? Что же вам будет в конце концов? Вечное проклятие и гибель! Толстой в своих дерзких писаниях мечтает поразить христианство и христиан, свести к ничтожеству своим дерзким отрицанием и насмешками – содержимое вот уже почти XX веков св. вселенской церковью христианство, которое

прославлено от Бога вечной неувядаемою славой, которое проявило величайшую жизненность, силу, благотворность. Но он сам себя бьёт смертельно и своих последователей, ибо лишил себя и их света и благодати Божией, примирения с Богом и благоволения Его и подвергает проклятию Божию и себя и их; ибо, по отвержении Спасителя, еретикам этим не остаётся более жертвы за грех, но некое страшное чаяние суда и ревность огня, хотящего поглотить противников. Думают ли об этом разгордевшиеся толстовцы? – «Мне отмщение», – говорит Господь, «Я воздам».

О, Христе Боже, доколе Лев Толстой будет ругаться над Тобою и Церковью Твоей? Доколе будет соблазнять Россию и Европу? Опять он пишет хулы на Церковь и служителей её, опять клеветает на нас всему миру! – Покажи, наконец, Владыко, всему миру адскую злобу его! Буди! Им увлечено в прелесть и пагубу полсвета. – О, предтеча антихриста!

(Продолжение следует).

Светский Б. Мысли христианина на „Новый год“, посвящаемые „ищущей и томящейся духом“ интеллигенции. С. 167–175

Всякий раз, когда бьёт полночь 31 декабря, тысячи сердец переполняются радостным ощущением чего-то светлого и доброго; с поднятыми бокалами и чарками в руках многое множество людей приветствует друг друга одушевлённым возгласом:

– С новым годом, с новым счастьем!..

На пространстве всей России слышится этот радостный возглас. Он служит началом тех мечтаний о «новом счастье», которые высказываются непосредственно после него за обильно сервированным столом. Говорят все; каждый надеется, что его не минует счастье нового года... А утром, после короткого и тяжёлого сна, словно по чьему то мановению – люди начинают отдавать дань обычаю новогодних визитов, и так же, как в полночь, поздравляют друг друга «с новым годом, с новым счастьем».

Я имею в виду массу интеллигенции, которая встречает и проводит новый год под давлением всевозможных светских предрассудков, в стороне от влияния церкви. Во многих случаях личной, семейной и общественной жизни нашего образованного общества установились свои особые приёмы, взгляды и обычаи, общая сумма которых представляет много грустных отклонений от православно-христианского мировоззрения. Одним из ярких примеров такого отклонения и служит своеобразное празднование в нашем обществе нового года. Вдумайтесь, что значат те слова, которые вы теперь всюду слышите? Есть ли в них что-нибудь серьёзное. Ничего подобного! Вместо того, чтобы, говорить: «с новым годом, с новым счастьем», можно было бы произнести что-либо совершенно праздное и нелепое при совершенно одинаковом настроении и неверии в действительность произнесённого. В самом деле, когда люди поздравляют друг друга с новым годом, сами не зная, что он им даст, то не является ли это поздравление пустым звуком, каким-

то попугайски заученным словом, которое повторяют только по традиционному року. Ещё менее имеет смысла поздравление с «новым счастьем».

Сама визитирующая «интеллигенция» хорошо видит, что часто новый год приносит больше ей горя и страданий, чем истекший, но в то же время бессознательно надеется, что в новом году жизнь её сложится как-нибудь иначе, пойдёт по иному руслу и поможет ей легче разобраться в жизненных явлениях и задачах. Это инстинктивное стремление к истине, добру и счастью – при постоянной лжи, зле и страданиях – составляет, как кажется, главный двигательный нерв возбуждённого настроения нашего общества при встрече нового года. Эти то проблески идеального сознания, тёмного и неясного, думается, и заставляют людей образованного общества приветствовать друг друга с новым годом и «новым» счастьем. Жаль только, что это выражение задушевных чаяний каждого человека у «интеллигенции» и непродолжительно и принимает неподобающий облик; несколько дней нового года, вместе с предшествующими рождественскими праздниками, интеллигенция проводит обыкновенно среди суетных и сомнительных развлечений. На Рождество и новый год устраиваются учащённые представления в театрах, многочисленные концерты, маскарады и танцевальные вечера. В это время зрелища усиленно посещаются не только взрослыми, но и детьми: уже с раннего возраста у детей и подростков праздник начинает отождествляться с ничем неделанием, празднословием и весельем. Страсть к удовольствиям и развлечениям охватывает чуть не всех; и вот невольно припоминаются слова архиепископа Никанора (Херсонского): «Можно ли вообразить, что Пречистая Дева Богоматерь увеселяла себя чем-либо мирским? Даже на браке в Кане галилейской, и там Она погружена в материнское попечение о других. О Христе Спасителе осталось предание, частью записанное и в Евангелиях, что часто видели Его плачущим, смеющимся – никогда. Можно ли вообразить резко смеющимися преподобных Феодосия Печерского, Сергия Радонежского или Петра митрополита московского?

Загляните же теперь в театры и другие места развлечения. Какая здесь масса бодрых, весёлых и, по-видимому, счастливых лиц. Здесь все чувствуют себя как бы в своей стихии. И уже никто не думает о том, что даст ему новый год, а тем менее заботится о том, чтобы собственными усилиями проложить себе дорогу к счастью нового года. Тут область веселья и очень часто «флирта». Неизбежным средством для успеха последнего служат – изящный костюм, красивая причёска и т. д. Здесь можно с горькой скорбью сказать с апостолом: «желаю... чтобы жёны в приличном одеянии, *со стыдливостью и целомудрием, украшали себя не плетением волос, ни золотом, ни жемчугом, ни многоценной одеждой, но добрыми делами...*» (1Тим.2:8–9).

Вопрос, в чём счастье, вообще, не достаточно ясен для ликующей в новый год интеллигенции. Большинство её даже и не задумывается над ним. Девиз её: «живи – и жить давай другим!» Такое чисто растительное существование неизбежно приводит человека к ложному сознанию, что самое главное – в удовлетворении чувственных пожеланий, а всё остальное – «пустяки», удел философов, «которым нечего делать» и разных лицемеров. Полагают, что «напрасно человек по предрассудочному понятию о своей свободе вздумал бы остановиться, размыслить о том, куда он идёт и что делает, и принять другое направление, если чувствует себя несчастным. Он должен жить со всеми, а особенно с *передовыми людьми*, общей жизнью по принятым правилам и порядкам; иначе, как *отсталый*, он будет раздавлен следующей за ним толпой, или выброшен из ряда людей, идущих по данному жизнью направлению» (Архиеп. Амвросий). Повседневное будничное малоосмысленное существование привело людей, между прочим, к поклонению «культуре» и «цивилизации», создавшим внешние удобства жизни. Но всё это «созданное» не счастье, а лишь его призрак, мишура жизни.

* * *

Не подлежит, конечно, сомнению, что культуре мы обязаны очень многим; это настолько очевидно, что распространяться по этому поводу было бы излишне. Каждый день приносит нам новые победы цивилизации, при помощи которых легко и удобно

совершается преодоление того, что раньше вызывало тщетные усилия людей. Однако, обратите внимание на сам *характер* нашей цивилизации: она дала нам много; последний век получил название века «пара и электричества», о которых наши предки вероятно и не помышляли. Но неужели эти плоды цивилизации так уж важны и существенны для нас? Если в практическом отношении – да, то в нравственном чрезвычайно часто – нет. Разве они помогли братскому единению народов, искореняли тёмные стороны жизни, способствовали проведению в людскую среду высоких христианских начал? Почти нет. Быстрое передвижение, правда, помогало людям в пространственном отношении сближаться, но часто лишь для того, чтобы при встрече вступить друг с другом в кровопролитное столкновение, совершить жестокую месть и т. п. Люди по-прежнему злы и мстительны и всевозможными усовершенствованиями пользуются для своих личных, не всегда нравственных целей. Нечего уже говорить о том, сколько человеческих жертв принесено нами прогрессу. Вспомните о бесчисленных опытах над живыми людьми, совершающихся в наших клиниках; многие из этих опытов – прямо преступны. В. В. Вересаев (д-р В. В. Смидович) в своих «Записках врача» отмечает, что во врачебной среде самые зверские эксперименты над людьми обыкновенно встречают полное равнодушие. «Гордо подняв голову, – говорит автор, – шествуют эти своеобразные слуги науки, не встречая сколько-нибудь деятельного отпора ни со стороны товарищей-врачей, ни со стороны врачебной печати» (стр. 149–150). Такова наша культура! Сделавшись образованными европейцами, мы стали как будто подражать тому генералу из рассказа И. Ф. Горбунова, который, достигнув высокого положения, решил, что голова ему теперь не нужна. Облёкшись в тогу культурных людей, мы стали думать, что сострадание и любовь к ближним для нас уже излишни.

Новейшая русская беллетристика, а равным образом близкие наблюдения над жизнью – наглядно показывают, что интеллигенция в массе своей живёт повседневными, будничными заботами; когда же встречается с неизбежными

фактами, недоступными ограниченному сознанию человека, принимает их как что-то грозное и страшное, а главное – ненужное и нелепое. В этом отношении ярко отражает жизнь в своих произведениях молодой, но уже известный беллетрист Леонид Ник. Андреев. В рассказе «Большой шлем» «четверо партнёров – трое мужчин и одна дама – до самозабвения предаются карточной игре. Они играют «осень, зиму, весну и лето». Но вот с ними происходит несчастье. Один из играющих, постоянно стремившийся сыграть «большой шлем», но не достигавший этого, неожиданно получает на руки все необходимые для того карты: стоит только взять в прикупе пиковый туз и цель будет достигнута. В то время как он протягивает руку, чтобы взять прикуп, силы его покидают, и он падает мёртвым. Все, конечно, поражены и опечалены. Но один из партнёров, аккуратный старичок Яков Иванович, замечает, что в прикупе действительно был пиковый туз, которого не доставало умершему, и сознание, что последний никогда не узнает об этом, наполнило душу Якова Ивановича недоумением и страхом. Ему показалось, что он до сих пор не понимал, что такое смерть. Но теперь он понял, и то, что он ясно увидел, было до такой степени бессмысленно, ужасно и непоправимо. Никогда не узнает! Если Яков Иванович станет кричать об этом над самым ухом, будет плакать и показывать карты, он не услышит и никогда не узнает, потому что его нет на свете. Ещё одно бы только движение, одна секунда чего-то, что есть жизнь – и он увидел бы туза и узнал, что у него есть большой шлем, а теперь всё кончилось, и он не знает и никогда не узнает.

Нежелание следовать учению Божественного Откровения и в то же время бессилие собственными средствами решить сложные проблемы жизни повергают интеллигента в страх, в недоумение, вселяют в него болезненное недоверие к себе. Доктор Керженцев в рассказе того же Л. Н. Андреева «Мысль», убивший с заранее обдуманым намерением жениха отвергнувшей его любимой девушки и притворившийся невменяемым, вследствие чего попал в дом душевнобольных, говорит: « – А что, если я действительно сумасшедший? Быть может я не притворяюсь, а на самом деле убил потому, что я

действительно сумасшедший». Тот же доктор сознаётся: «самое страшное, что я испытал – это было сознание, что я не знаю себя и никогда не знал».

В лучших случаях, когда человек с добрым сердцем не находит цели и смысла в этой жизни, он обращается к туманной, мистической вере. Соня, в пьесе Ант. П. Чехова «Дядя Ваня», на жалобу Войницкого, что ему тяжело, отвечает: «что же делать, надо жить!.. Мы, дядя Ваня, будем жить. Проживём длинный-длинный ряд дней, долгих вечеров; будем терпеливо сносить испытания, какие пошлёт нам судьба, будем трудиться для других и теперь, и в старости, не зная покоя, а когда наступит наш час, мы покорно умрём и там за гробом мы скажем, что мы страдали, что мы плакали, что нам было горько, и Бог сжалятся над нами, и мы с тобой, дядя, милый дядя, увидим жизнь светлую, прекрасную, изящную, мы обрадуемся и на теперешние наши несчастья оглянемся с умилением, с улыбкой – и отдохнём... Мы услышим ангелов, мы увидим всё небо в алмазах, мы увидим, как все зло земное, все наши страдания потонут в милосердии, которое наполнит собою весь мир, и наша жизнь станет тихой, нежной, сладкой, как ласка...»

* * *

Да, новый год наводит на грустные думы по вопросу о задачах миссии среди интеллигенции. Если бы наше образованное общество пожелало ближе ознакомиться с учениями церкви, с творениями святых отцов и христианских писателей, оно узнало бы из этой сокровищницы религиозной мысли и опыта как истинный смысл нашей жизни, так и смысл новогоднего дня. Оно узнало бы, что новый год действительно нужно праздновать, но совершенно иначе.

Чтобы решить вопрос, как относиться к дню нового года, не нужно забывать, что истинное счастье не заключается в чём-либо вещественном, материальном. Оно – в Боге. «Единственное жизненное и неоценённое сокровище сердца нашего есть Бог», – говорит о. Иоанн Кронштадтский; «оно даётся только тем в неотъемлемую собственность, кто отрёкся мира и всего, что в мире, и от многострастной плоти своей. Применяться же к миру и его преходящим, минутным благам

безрассудно и губительно; ибо они жизни не дают и пристрастие к ним – дело дьявола». – Быть может, светскому человеку слова высокочтимого пастыря покажутся строгими и невыполнимыми для большинства. Но это было бы его ошибкой. Когда нам приходится отказываться от какого-нибудь дурного навыка, чтобы заменить его доброй привычкой, мы тоже склонны обелять себя и выставлять трудность предстоящей задачи. Странно слышать даже, что жизнь в Боге может показаться кому-нибудь тяжелой. Неужели жизнь «по стихиям мира» представляет путь, усыпанный розами, и не заставляет человека часто страдать, терпеть горе и даже тяготиться ею? Боязнь и нежелание отдаться Богу происходят, всего чаще, от неправильного или поверхностного представления всего, что относится к религиозной области. «Цвет митры считают принадлежностью известного сана, – говорит новопоставленный русский архипастырь. – Не могут отличить священнических крестов от всяких других. Духовным лицам пишут по таким адресам: «его высокоблагородию преосвященному архимандриту господину такому-то»... Если из Евангелия многие не знают десятка текстов, то о службах наших уже лучше ничего не говорить. Не понимая смысла того или другого богослужения, его страшно критикуют и перестают даже ходить в церковь... Жизни духовенства не знают. Многие даже наших школ совершенно не знают. Некоторые не имеют никакого представления не только о наших семинариях, но даже и об академиях. Расспрашивая о школе, задают такие вопросы: «употребляют ли теперь в семинариях розги?» Хороши представления о нашей школе... Спрашивают ещё: «всех ли семинаристов и академиков постригают в монахи?» О других легендах, распространяемых светскими людьми о наших школах, нет нужды и говорить»³⁰.

* * *

Всё лучшее, всё высокое, что заложено в душе человека – чувство истины, добра, красоты – всё это в Боге, как высшей истине, высшем добре, высшей красоте.

Вся настоящая наша жизнь является для нас временем подвига для приготовления себя к вечности. Пусть на пути

осуществления нами христианского идеала встречаются препятствия, – они только помогут человеку глубже заглянуть в себя, сознать своё бессилие и искать помощи в божественной благодати, и «сила Божия в немощах совершится». Не видим ли мы, что люди из нашей же среды, обладающие твёрдой волей и решимостью жить для Христа, достигают чудных высот христианской жизни? Для них жизнь – Христос и смерть – приобретение»...

Итак, если с этой именно точки зрения мы станем решать вопрос, как относиться к новогоднему дню, получить ответ будет не трудно. Новый год напоминает нам, что земная жизнь наша движется вперёд и, следовательно, становится ближе её окончание. Надо вникнуть в себя, почувствовать свою греховность и в новом году постараться, при помощи Божией, загладить её делами христианской жизни. Чудные строки по этому поводу находим мы у Блаженного Августина: «Человек недостаточно ценит время – это драгоценное сокровище, дарованное ему свыше для того, чтобы оно ему послужило для достижения вечного блаженства. Раз потеряв время, мы его навсегда утратили, так как возвратить его уже невозможно!.. Все мы знаем это, – и, по большей части, всё-таки злоупотребляем им, не извлекаем из него себе пользы; – но расходуем его напрасно на удовлетворение наших пагубных страстей... Как невозможно купаться дважды в одной же воде потока, так не дано и нам проснуться дважды в те же самые мгновения жизни: протекают воды реки, улетают часы жизни и незаметно для нас заменяют друг друга... Ничего нет постоянного на земле: всё то, что солнце озаряет – не постоянно, как и оно само; всё сокрушается под тяжестью лет... Господь один Всемогуц и неизменяем! Быстрее молнии мчится время и всё более и более приближается к вечности. Но быстрота его не поражает благочестивого христианина, потому что он спокойно смотрит на время, на жизнь и на смерть; без грусти в душе следит он за совершающимися в природе явлениями, от глубины душевной прославляет неисповедимые судьбы Божии и пользуется каждым мгновением жизни, чтобы стяжать себе право войти в царствие Божие». (Из слова о времени и вечности).

Заменяя на новый год зрелища (особенно подозрительной полезности), бесплодные мечты и т. п. «оброцы» новогоднего времяпровождения молитвой, делами милосердия и тихими семейными радостями, мы будем относиться ко дню нового года по-христиански. То, что говорил некогда Златоуст своим слушателям, можно повторить и теперь: «Счастлив для тебя будет год во всём не тогда, когда ты будешь пьянствовать в первый день, но если и в первый и в каждый день будешь делать угодное Богу... Радость бывает не от пьянства, но от духовной молитвы, не от вина, но от назидательного слова. Ничто обыкновенно так не ведёт к спокойствию и радости, как правила любомудрия – презирать настоящее, стремиться к будущему, не считать ничего человеческого постоянным – ни богатства, ни власти, ни почестей, ни покровительства. Если ты научился так мужествовать, то не будет терзать тебя зависть, когда увидишь богатого, и когда впадаёшь в бедность, не унизишься от бедности; и таким образом будешь в состоянии постоянно праздновать. Христианину свойственно праздновать не в известные месяцы, не в первый день месяца, не в воскресные дни, но всю жизнь проводить в приличном ему праздновании. Какое же прилично ему празднование? Об этом послушаем ап. Павла, который говорит: *темже да празднуем, не в квасе ветсе, ни в квасе злобы и лукавства, но в безквасиих чистоты и истины* (1Кор. 5:8). Итак, если у тебя чиста совесть, то ты имеешь постоянный праздник, питаешься добрыми надеждами и утешаясь упованием будущих благ; если же ты не спокоен в душе и виновен во многих грехах, то и при тысячах праздников и торжеств ты будешь чувствовать себя не лучше плачущих. Какая мне польза от светлого дня, когда душа моя помрачена укори́знами совести? Таким образом, если ты хочешь получить пользу и от начала новых месяцев, то поступай так: по окончании года возблагодари Владыку, что Он сохранил тебя до этого предела годов; сокрушись своим сердцем, исчисли время твоей жизни и скажи сам себе: дни бегут и проходят; годы оканчиваются; много пути нашего мы уже совершили, а что сделали доброго? Неужели пойдём отсюда без всего, без всякой добродетели?.. Так любомудрствуй при начале новых месяцев;

это приводит на память при годовых кругообращениях; станем помышлять о будущем дне, чтобы не сказал кто-нибудь о нас того же, что сказал пророк об иудеях: *исчезоша в суете дние их* (Пс.77:33)».

Борис Светский

Серафим Изгоев. Новогодняя памятка православного. С. 175–176

Наступил новый год, четвёртый в новом столетии, которое, чувствуется, чревато событиями важными и знаменательными. «Времена люта», о которых пророчествовал святой апостол Павел, давно себя дали знать, и весь истекший 19-й век, канувший в море вечности, представляет уже собой период «лютых времён».

Предстоящий новый 1904 год полезно нам, православным, представлять в своей душе как новую ступень той лестницы, которой мы все нисходим к узкому ущелью смерти, которым мы все без единого снидем в область «сени смертной»... Доживём ли мы с тобой, брат-читатель, до будущего 1905 года, не говоря уже о 1906, 1907 и дальнейших?

Не долг ли наш будить в себе и своих братьях сознание и чувство приближающейся к нам, как тать, смерти? Господь, правда, поправил смерть Своею смертью и воскресением, но Он же открыл нам вместе с сим и о второй более страшной, вечной смерти, которой можем мы подвергнуться, если будем упрямо и ожесточённо оскверняться похотями и страстями. Нам, православным, не страшна смерть первая, ибо мы совершенно уверены в истине воскресения, в том, что мы воскреснем. Но мы всей душой и сердцем должны бояться смерти второй, которую вечно будут испытывать те, которые услышат ужасный приговор Праведнейшего Судии: «идите от Меня, проклятии, во огонь вечный».

Можно ли молчать об этой опасности, которая для верующего реальна более, чем видимый мир. Ведь видимый мир, при смерти, которой я могу подвергнуться уже сегодня, а не только завтра, исчезает для меня, как «соние восстающего» от сна. Но смерть вечная или жизнь вечная, мука вечная или блаженство вечное – могут уже предназначаться для меня и тебя, дорогой брат-читатель, с момента смерти нашей. Не ясно ли, что новый год нужно бы всегда начинать со тщательного сосредоточенного размышления о приблизившейся к нам всем

ещё на один год минуте развязки, когда тело разлучено будет горьким и недоуменным разлучением от души, и когда уже не будет места покаянию, и лишь единственная надежда останется на молитвы церкви, да и то только для тех православных, которые, живя в страстях, не чужды были добрых дел и сумели оставить по себе добрую память в людях, способных о них помолиться и подвизаться подвигом любви.

Только при памятовании смертного часа, подкрадывающегося к нам подобно татю, все вещи и события мира сего представляются в должном правильном свете, а без такой памяти каждая мелочь представляется чем-то грандиозным. Если мы будем всегда готовы к смерти, мы не предадимся отчаянию, при событиях даже мировой катастрофы. А надо быть совершенно чуждым Духа Божия (Коего мы обязаны быть причастниками), чтобы не чувствовать, что наступившее новолетие чревато событий самых поразительных. Теперь то и необходим весь запас мужества, теперь то и нужна вера горячая, упование, о котором сказано: «праведник уповает, яко лев», теперь то нужно иметь сердце чистое, недоступное для отчаяния. Когда умножился грех, надо запастись великой благодатью, которую всегда готов излить на нас и в сердца наши Спаситель и Бог наш, обещавший быть с нами не только в XX веке, но даже и до скончания века. Аминь.

Серафим Изгоев

**Миссионерские проповеди // Миссионерское
обозрение. 1904 г. № 1–10. (Приложение) С. 1–16**

I. Слово на Рождество Христово 25 декабря 1903 г. Стр. 1–5

О. Иоанна Кронштадтского.

Так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную. (Ин.3:16).

Бездна бездну призывает. (Пс.41:8).

Сегодня церковь наша и многие церкви христианские в мире, исповедующие православную веру, празднуют величайшее в мире событие, от которого ведётся христианское летосчисление, именно – Рождество по плоти безначального Сына Божия, Творца веков и всего мира, видимого и невидимого.

Оно было predetermined в предвечном Совете Божиим и предсказано многими пророками. Рождество Христово есть дело бесконечной благодати и милости, правды и премудрости Божией, которым спасается весь мир, погибающий грехами и неисчетными бедами – спасается через искреннюю веру во Христа, как Сына Божия и Искупителя человеков через крещение и нелицемерное покаяние. *Иже веру имеет и крестится спасен будет; а иже не имеет веры осужден будет.* (Мк.16:16) *Покайтесь, – ибо приблизилось царство небесное.* (Мф.4:17).

Явление в мире Бога во плоти и вся чудная, всеправедная, спасительная жизнь Его на земле с Его учением, бесчисленными, благотворными чудесами, с Его страданиями и смертью всеискупительными были вызваны и предназначены безмерною благодатью, жалостью и снисхождением Трисолнечного Божества к падшему человеку через лезть змия человекоубийцы и, иначе каким-нибудь образом – человеческий род, падший добровольно в глубину греховного растления, спасён быть не мог – как только всепримирительной и всеискупительной добровольной жертвой Сына Божия, воплотившегося и вочеловечившегося, страдавшего, умершего по плоти, воскресшего из мёртвых, восшедшего на небеса и

восседшего одесную *Отца, имеющего* всякую *власть* на небе и на земле. (Деян.1:7).

Внимайте благоговейно, братия и сёстры, слову о неотложной потребности воплощения Сына Божия для спасения рода человеческого. Я уже упомянул о том отчасти в начале слова. Теперь скажу подробнее. Слушайте. Бездна грехов человечества вызывала бездну искупления; ибо люди через грех продали сами себя диаволу и не могли возвратиться к правде, которую попрали; бездна неправд человеческих вызывала бездну оправдания через добровольное исполнение правды Божией Сыном человеческим; бездна нечистоты греха требовала бездны очищения; бездна гордости человеческой – бездны смирения Богочеловека до смерти и смерти крестной; бездна зла – бездны благодати и милосердия; бездна безумия – бездны разума Божия; бездна тьмы греха – бездны света Божия, как сказано: *сидящи во тьме и сени смертной увидели свет великий* (Ис.9:2); бездна заблуждения вызывала бездну покаяния и исправления; бездна тления – бездну нетления; бездна смерти, – в которую вринулось человечество через грех, – вызывала явление бесконечной жизни, которая есть Сын Божий; *возвещаем вам вечную жизнь*, говорит апостол Иоанн, *которая была у Отца и явилась нам* (1Ин.1:2). Бездна нарушения правды Божией требовала бездны удовлетворения ей: *так надобно исполнить нам всякую правду* (Мф.3:15), говорил Господь Предтече, и до йоты исполнил весь закон Божий за нас; безмерность проклятия праведного за бесчисленные грехи – требовала бездны милости и благословения; бесконечность мучений адовых – вызвала искупление от безмерных мук и дарование туне, за веру, вечного блаженства; вечность казни – вечность помилования; бездна расстояния, которую породил грех между Богом и человеком – вызывала бездну снисхождения Божия к верующему и кающемуся человеку, приближения Бога к человеку, исчезавшему в страшном удалении своём от Него, соединения с Богом во Христе и всецелого присвоения Богу, через покаяние и добродетель; бездна греховного суемудрия и безумия вызывала бездну просвещения светом Божиим, бездна

лукавства человеческого – бездну святой простоты Божией, в каковой явился Бог в лице Иисуса Христа, и в подобии которой явились Его апостолы, простецы мира сего, умудрённые Духом Святым, покорившие простотой своей проповеди мудрых и великих людей мира сего, философов, риторов, царей и царства.

Итак, человечество имело крайнюю нужду в воплощении ипостасного зиждительного Слова Божия, Плотиносца-Бога, побившего Богомужно, в двух естествах – Божеском и человеческом неслиянно, нераздельно и неразлучно; имело нужду в житии Его на земле между людьми, как образе жизни нашей. *Я дал вам пример, говорил Он ученикам Своим, по умовению их ног, чтобы и вы поступали так, как Я. (Ин.13:15).* Человечество имело нужду в Его крещении, коим Он показал, узаконил и освятил наше крещение или таинственное возрождение наше в купели крещения; человечество имело крайнюю нужду в Его просветительном, зиждительном, всеисцеляющем, вседержавном, всепокоряющем слове, коим исцелялись всякие болезни, убегала смерть, коему повиновались все стихии; нуждалось в Его кресте, в Его всеискупительных страданиях и смерти, в тайне причащения Тела и Крови Его; – в победе над смертью и адом и в воскресении Его из мёртвых, коим поражена в самую главу и сердце наша всеродная смерть, и которое стало началом воскресения всех умерших, – в Его вознесении на небо, через которое Он восшёл предтечей о нас к Отцу, чтобы ходатайствовать за нас и в ниспослании на землю на церковь земную Духа Святого, Господа Животворящего, Содетеля совершенного Сыном Божиим спасения. Вот сколь дивное, благое, премудрое и праведное смотрение Божие явилось в Рождестве по плоти Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, – какое славное и страшное промысление Божие о спасении рода человеческого! – Вот какой предвечный Совет Божий исполнил Сын Божий, Иисус Христос, бессеменно зачатый и родившийся в Вифлееме, по предречению пророков от безвестной и пречистой Девы Марии и от Духа Святого. И этот то Совет Божий, это явление Бога во плоти нынешние

еретики, во главе с безбожнейшим в мире еретиком Львом Толстым, вместе с древними Ариями и Македониями – отвергают к своей собственной и многих, многих соvrащённых ими единомышленников – гибели. Господь Себе умалил, зрак раба приим, в подобии человечестем быв, и образом обретеса якоже человек: смирил Себе, послушлив быв даже до смерти, смерти же крестныя. (Флп.2:7–8); а гордые еретики возносят медное чело своё до небес и изрыгают хулу на Создателя и Спасителя своего и язык их проходит по земле (Пс.72:9), соблазняя и соvrащая в гибель подобных им.

А мы, братья и сёстры, прославим величие, всемогущество, благодать и премудрость Родившегося от Пречистой Девы в Вифлееме, в обличие нашим еретикам, – прославим словами церковной молитвы (Требник-водосвят. молитва): «Безмерно величие Твое, Господи, и никакой язык ни человеческий, ни ангельский не может изяснить и прославить чудес Твоих. Ибо Ты одним только хотением Своим всё привёл из небытия в бытие. Твоею державой Ты содержишь всю тварь – и Твоим промыслом благоустрояешь мир и носишь его всесильным словом в совершенном и неизменном чине. Ты, составив всю тварь из четырёх стихий, увенчал годовой круг четырьмя преемственными временами (весной, летом, осенью и зимой); Тебя прославляют солнце и луна; Тебе присутствуют звёзды; Тебя слушает свет; Тебя трепещут бездны; Тебе работают источники; Ты простёр небо как шатёр; Ты утвердил землю ни на чём одним Своим повелением; Ты оградил море песком; Ты для дыхания тварей одушевлённых и органических разлил воздух животворный; Ангельские бесчисленные молниезрачные воинства Тебе служат; Архангельские лики Тебе кланяются; многоочитые херувимы и страшные Серафимы, предстоящие Тебе, облетая престол Твой пламенеющий – покрывают лица свои от неприступной славы Твоей. И Ты-то, Бог непостижимый, безначальный, неизглаголаный благоволил прийти на землю, приняв образ раба, быв в подобии человеческом. Ибо не потерпел Ты видеть мучимым Твоё возлюбленное создание от всезлогобого диявола, но Сам пришёл на землю, победил его, разрушил ад всепагубный и спас уверовавшее в Тебя

человечество. Исповедуем благодать, проповедуем громко милость Твою, не таим благодеяния. Ибо Ты, будучи Богом, явился на земле и пожил с людьми. Ты освятил Иорданские струи и сокрушил гнездящиеся в нём главы змиев».

Видите величие Рождённого в Вифлееме Богомладенца Иисуса Христа; слышите, как прославляет Его церковь Духом Святым.

Будем же *служить* Ему все со *страхом*, веруя в Него искренно и исполняя святыя заповеди Его – и *радоваться* Ему с *трепетом* (Пс.2:11).

От души приветствую вас с пресветлым праздником Рождества Христова. Аминь.

II. Слово о старом и новом пути спасения. Стр. 5–7

О. Иоанна Кронштадтского.

Аз есмь путь и истина и живот, и никто же приидет ко Отцу, токмо Мною (Ин.14:6).

Так говорит Господь: «Я путь, истина и жизнь, и, если кто хочет идти к Богу, должен пройти через Меня». Такое глубокое, важное, восхитительное слово, полное Божественного, величия, возвестил Спаситель наш миру. Люди до Христа блуждали по путям, ведущим к заблуждению, к смерти, к проклятию, все сходили во ад, и никто не мог идти на небо. Небо было заключено для людей, и только Господь крестом Своим отверз людям вход на небо. Люди до Христа жили в идолопоклонстве, в мерзостях греховных. Жалкое состояние было рода человеческого до Христа! И вот, Собезначальный Творец неба и земли и самого рода человеческого, по предвечному Совету, благоволил прийти на землю и для того, чтобы люди не забывали Своего Сладчайшего Спасителя, следовали по стопам Его, благоволил на земле основать церковь Свою: Единую, Святую, Соборную, Апостольскую церковь и в ней положил всю благодать, все благодатные средства, через которые мы можем спастись, обрести истину, живот, примириться с Богом через веру, покаяние, причащение Бессмертных и Животворящих Таин Тела и Крови Христовых. Церковь и только церковь, как истинная, Богом данная Учительница, учит нас правому пути. Аз есмь путь! Один только Господь показал нам истинный путь. Какой это путь? Это – вера твёрдая в Господа нашего Иисуса Христа и купно во Св. Троицу, тайну воскресения мёртвых и будущего века. Это – путь Евангелия, распинания нашей многострастной плоти с её страстями и похотями, молитва, пост, чистота, святость, кротость, смирение, милосердие. Этим путём прошёл Сам Начальник и Совершитель нашей веры (Евр.12:2) – Господь наш Иисус Христос. Так, напр., 40 дней постился Он, не вкушая никакой пищи, не пия ни единой капли воды. Я почему говорю об этом пути? А потому, что в нынешнее время появились неучи, недоученные люди, знающие лишь

светскую науку, которые проповедуют другой путь. Можно ли найти другой путь? 6000 лет люди блуждали во мраке и не находили истины, пока Сам Единородный Сын Божий не пришёл в мир засвидетельствовать истину. Он был свидетелем, живым Словом Отца и никто, кроме Его, не мог примирить человека грешника с Богом Святым: люди не знали мира, не знали того, как прийти к Богу.

«Только Господь открыл людям: Кем и для кого всё было сотворено, в Ком нужно почерпать каждый день свою силу и свою жизнь. Умники неумные, вроде Толстого и его последователей, хотят найти другой путь и, сбившись с истинного пути, находят путь заблуждения, отвержения Христа; не хотят веровать в то, что веками установлено, Самим Богом открыто возвещено; отвергают церковь, таинства, руководство священнослужителей и даже выдумали журнал *«Новый путь»*. Этот журнал задался целью искать Бога, как будто Господь не явился людям и не поведал нам истинного пути. Не найдут они больше никакого пути, как только во Христе Иисусе, Господе нашем. Этим путём прошли миллионы людей, чудно спаслись и получили вечную радость на небе. К чему же приводят мои слова? К тому, чтобы держаться того пути, который есть Христос и Его истинная церковь, держаться спасительных таинств. Другие пути все ведут в погибель. Это сатана открывает эти новые пути, и люди бессмысленные, буии³¹, не понимающие, что говорят, губят и себя, и народ, так как свои сатанинские мысли распространяют среди него. Крепко, остро уши держите, знайте единый путь, через который спаслись миллионы людей. Никакие Толстые и их последователи никакого не найдут и не покажут нам другого такого, как наш, верного пути, а сами лишь постыдятся и как дым исчезнут.

III. Поучение о крестном знамении (в обличение сектантов). Стр. 8–11

Свящ. Тимофея Дещенецкого.

„И положу на них“, т. е. верующих во Христа, „знамение“, говорит Господь (Ис.66:19).

Ещё за 700 лет до Рождества Христова ветхозаветный евангелист, пророк Исаия, предсказал, что Господь положит на верующих во Христа (Мессию), знамение. И, действительно, все христиане, за исключением сектантов, знаменают себя крестным знамением. поскольку и у нас в приходе есть такие люди, которые отвергают крестное знамение, называя его вторичным распятием Христа, то в настоящий день побеседуем, братия, о значении крестного знамения, об основаниях для него в Слове Божьем и о той опасности, какой подвергают себя отвергающие крестное знамение.

В крестном знамении кратко выражается сущность христианской веры, надежды и любви. Мы изображаем на себе крестное знамение в знак того, что веруем в Господа Иисуса Христа, распятого ради нашего спасения на кресте. Три первые пальца ровно складываем при крестном знамении для того, что веруем в Троичность Божественных Лиц, равных между Собою по существу; два последних перста пригибаем к ладони, ибо веруем в два неслитных естества в Иисусе Христе, Божеское и человеческое, т. е. веруем в тайну воплощения Христова. Потому-то по крестному знамению истинно-верующие во Христа отличаются, во-первых, от нехристиан: язычников, магометан и евреев и, во-вторых, от разных сектантов.

Кроме веры, мы выражаем крестным знамением и надежду нашу на крестные заслуги Христовы. Одна молитва наша без крестного знамения, по причине нашего недостойнства, может быть не услышана Богом. Молитва же, сопровождаемая крестным знамением, скорее может подвинуть Бога Отца на милосердие к нам. Такая молитва, по истине, будет молитвой к Отцу во Имя Сына, а Господь сказал: «о чём ни попросите Отца во имя Моё, даст вам» (Ин.16:23).

Наконец, в крестном знамении выражается и любовь христианская. Когда мы кладём 3 пальца на чело или лоб, то мы посвящаем Богу свой ум, свои мысли; когда кладём их на грудь, – то посвящаем Богу сердце и волю, т. е. чувствования и желания, когда кладём на плечи, то посвящаем Богу свои силы и действия, ибо в плечах человеческих заключается сила, – руками человек действует. Таким образом в крестном знамении мы выражаем наше намерение и готовность: *«возлюбить Господа Бога своего всем сердцем своим... всем разумением своим и всею крепостью своею»...* (Мк.12:30).

Из церковной истории и житий святых мы научаемся, что истинное употребление крестного знамения сопровождалось чудесами. Евангелист Иоанн Богослов исцелил крестным знамением больного. Еванг. Матфей исцелил им же от слепоты одного князя. Ап. Филипп – расслабленного Аристарха. Первомуч. Фекла, осенив крестным знамением горящие под ней хворост и дрова, пребывала невредима в огне. Св. епископ Юлиан выпил осенённый крестным знамением яд и остался невредим.

Но, спросят некоторые: есть ли основания в слове Божьем для крестного знамения? Есть и очень достаточные. В 66 гл. кн. пророка Исаии говорится, что когда к церкви Христовой обратятся язычники, то *«Господь положит на них знамение»* (Ис.66:19), т. е. то знамение, о котором говорит евангелист Матфей в 24 главе: *«тогда явится знамение Сына Человеческого на небе, и тогда восплачутся все племена земная и увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках небесных с силою и славою великой»....* (Мф.24:30).

По толкованию отцов и учителей церкви, под сим знамением разумеется Крест Христов. Ап. Павел в послании к евреям говорит: *«Иисус... пострадал вне врат. Итак выйдем к Нему за стан, нося Его поругание;»...* Значит, апостол заповедует нам носить на себе поругание Христово, т. е. крест. Мы это и делаем, изображая на себе поругание Христово в виде крестного знамения и нося на себе вещественные кресты, напоминающие нам о Кресте Христовом.

Сектанты говорят, что не употребляют крестного знамения потому, что не желают *«снова распинать в себе Сына Божия и ругаться Ему»*... (Евр.6:6). Но по слову апостола снова распинают в себе Сына Божия те, которые отпадают от веры, и те вообще, которые, считаясь христианами, блуждают во тьме грехов и тем для своего спасения как бы вызывают Сына Божия на вторичное распятие.

Не последовав мудрым словам ап. Иакова: *«не многие делайтесь учителями, зная, что мы подвергнемся большему осуждению, ибо все мы много согрешаем»* (Иак.3:1–2), отвергающие употребление крестного знамения поступают как враги Креста Христова»... (Флп.3:18), о которых ап. Павел говорит со слезами. Мало того, они добровольно принимают на себя один из признаков последователей антихриста. Противник Христа, по примеру истинных последователей Христовых, употребляющих крестное знамение, и на своих последователей положит знамение или печать на правую руку их и на чело. Эта печать будет обозначать или имя антихриста (зверя), или число имени его 666. Св. Отцы церкви говорят, что принявшие печать антихриста не будут иметь возможности изображать на себе крестное знамение, но связана будет их правая рука.

Остерегайтесь же, братия, отвергающих крестное знамение и не слушайте их, а употребляйте крестное знамение, как истинную печать Христову, со всяким благоговением. Твёрдо помните, что употребление крестного знамения заповедано Словом Божиим и ведёт своё начало от апостолов. Помните, что в крестном знамении выражается наша вера в Распятого на Кресте ради нашего спасения, наша надежда на Его крестные заслуги и любовь к пострадавшему за нас на Кресте. Знайте также, что крестное знамение есть действительнейшее средство против злых духов и для низведения на нас благодати Божией: *«о чём ни попросите Отца во имя Моё, даст вам»* (Ин.16:23), сказал Спаситель.

IV. Беседа о молитве (в обличение хлыстов) Стр. 11–16

Свящ. А. Советова.

«*Сице убо молнитеся вы: Отче наш, иже еси на небесех! да святится имя Твое*»!.. (Мф.6:9–10). «Пришедже на место, (Христос) сказал им (Апостолам): *молитесь, чтобы не впасть в искушение. И Сам отошёл от них на вержение камня и, преклонив колена, молился*». (Лк.22:40–44).

Мы излагали, братия, перед вами правила веры православно-христианской о Господе Иисусе Христе, Пресвятой Богородице и св. церкви, теперь будем излагать правила жизни христианской. Первым таким правилом будет правило о молитве.

Что такое молитва и как мы, христиане, должны молиться Богу? – Вероятно каждому из вас приходилось, дорогие братия, когда-нибудь со всем усердием молиться Богу в церкви или дома, – напр., когда вам хотелось чего-либо полезного испросить у Бога, или, когда вы ждали себе какой-либо беды, желали отвратить её и прибегали к Богу за помощью и утешением. Если приходилось, то вы сами знаете, как сладка, утешительна, успокоительна бывает такая молитва для человека! А почему так? Потому, что при беспомощности или в горе и несчастье сердце человека смущается, страшится, смиряется, – оно видит, что люди не могут утешить и помочь ему, оттого и прибегает к Богу. Когда такой скорбящий, грешный человек молится Богу, то он не стыдится открывать Ему всё своё сердце, всю свою душу, – подобно тому, как какой-нибудь несчастный сын или дочь иногда жалуются родному отцу или матери на свои жизненные несчастья и неудачи и просят у них совета и утешения. Молитва тоже ведь есть (Пс.103:34) беседа человека с Богом, только беседа сердечная, задушевная, исполненная благоговения и при том о таких вещах и делах, о которых можно говорить с Богом, ибо Бог всегда желает только спасения души человеческой и подаёт нужное земное только «ищущему прежде всего царствия Божия и правды Его».

(Мф.6:33). Поэтому, если бы кто неразумно стал просить у Бога богатства земного, или славы людской, или чтобы Бог помогал ему в каком-либо худом деле и проч., то такой неразумный молитвенник не только не будет услышан Богом, но и навлечёт снова на себя праведный гнев Божий. Молитва это есть беседа человека умом и сердцем своим с Богом, имеющая целью или прославить Бога, или возблагодарить Его за что-либо, или испросить у Него чего-либо полезного для души.

Как же велик в мире духовном человек, что может беседовать с Самим Богом в молитве и как эта молитва должна быть «чиста и права перед Богом, угодна, приятна Ему. (Пс.140:2)?.. «Да исправится молитва моя, яко кадило перед Тобою, Господи» – поёт св. церковь словами св. псалмопевца. О том же должны непрестанно молить Бога и мы, грешные, и нам в особенности нужна молитва правая, богоугодная.

В чём же состоит «правота» молитвы к Богу, и когда она бывает угодна Ему?

«Бог есть Дух: и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине» (Ин.4:24, русс. пс.). Эти слова Спаситель сказал жене Самарянке, вопросившей Его: где нужно поклоняться Богу и как поклоняться? По отношению к молитве эти слова Спасителя значат вот что: Бог есть дух, т. е. Он не человек – смертный и грешный, как все мы, а вечный, всеблагий, всеведущий, всеправедный, всемогущий, вездесущий, неизменяемый, вседовольный и всеблаженный Дух. Поэтому, кланаясь Богу, всегда помни, что Он вечен, а ты, человек, стал жить на свете только с известного времени, значит – смирайся на молитве перед Богом, как Его творение, и молитвой своей готовь себя к вечной жизни в Боге. Бог всеблаг, всеправеден, неизменяем, вседоволен и всеблажен, а мы, как люди, часто бываем злы, лукавы, немощны душой и телом, бессильны и непостоянны в совершении добрых дел. Поэтому, смиренно проси у Бога на молитве благ земных и небесных, утешения в скорбях и печалях, а в особенности – проси благодати Божией, прощения грехов и духовной радости или спокойствия сердца. Бог всеведущ и всемогущ, – Он знает наше настоящее, прошедшее и будущее – лучше, чем знаем это мы сами; в Его

всесильной власти наша жизнь и смерть, наше здоровье и болезнь, наше богатство и бедность, наше счастье и несчастье; посему на молитве всего себя со всеми своими делами и помышлениями научись предавать в волю Божию, благую, угодную и совершенную. (Рим.12:2). Бог вездесущ, посему на всяком месте – и в поле, и дома, и в храме, и среди людей, и один на один непрестанно возноси хвалы, благодарения и прошения Ему, благому Творцу нашему, Промыслителю и Спасителю и везде равно будешь услышан и помилован. Нужно при молитве утешать сердце своё той мыслью, что мы люди – образ Божий по душе своей – разумной и свободной, а Бог – наш первообраз; поэтому Бог не может не любить нас, если мы любим Его, и не может не услышать нас, если мы всей душой обращаемся к Нему. В Новом Завете нас христиан Господь особенно возлюбил, ибо мы через Госп. И. Христа стали детьми Его, наследниками Его царства, участниками Духа Св. Что мы стали через Ис. Христа дети Божии, – об этом свидетельствует молитва Господня, данная нам Самим Спасителем, начинающаяся словами: «Отче наш, иже еси на небесех!»

Молитва Господня, как изшедшая из уст Начальника нашей веры и Совершителя Иисуса, есть первая новозаветная молитва, как бы мать всех последующих христианских молитвословий. Её то, братия, в особенности нужно знать нам всем, чаще прочитывать её дома и в церкви, вдумываться в глубокий смысл её и других научать ей. Воспроизведём и сейчас смысл молитвы Господней для своей душевной пользы: «Отче наш, иже еси на небесех!» – Так начинается молитва Господня, данная новозаветному человеку, христианину. Он через Христа Спасителя получил право называть Бога Отцом своим (Рим.8:15; Гал.4:6), но в молитве он называет Бога Отцом не своим, а *нашим*, давая тем понять, что молится не за себя одного только, а за всех христиан, как братьев своих во Христе; называя Бога ещё *Отцом небесным*, он тем исповедует своё памятование, что отечество наше настоящее – небо, где Отец наш – Бог.

«Да святится имя Твоё, да приидет царствие Твоё, да будет воля Твоя, яко на небеси, и на земли». О, как драгоценны в

очах Божиих эти слова, когда человек любящим сердцем произносит их в молитве к Нему. Блаженно, счастливо бы было то время, когда бы люди всем сердцем познали, как свят Господь Бог наш, как свято имя Его – великое и чудное, как свято существо Божие, в котором нет и тени порока, которое гнушается даже всяким помыслом несправедливым, как мерзостью (ст. 1, 5); тогда наверно христиане стали бы угождать Богу всем существом, «правда, мир и радость о Дусе Святе» водворились бы в сердцах людей, Сам Бог поселился бы в них духовно и настало бы царство Божие; тогда воля Господня о спасении грешных – благая, угодная и совершенная исполнилась бы в Господе Иисусе Христе на земле так же, как на небе Господь Бог зрит её совершившейся во святых своих.

«Хлеб наш насущный даждь нам днесь, и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим, и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого». Если в первой части молитвы Господней мы являемся ревнителями о славе Господней, о царстве Его и о воле Его, то во второй слышится голос людей немощных духом и телом, бессильных достигнуть спасения без благодати Божией. «Отец наш небесный! подавай нам во время этой земной жизни хлеба телесного, т. е. пищи, одежды и жилища, а в особенности – не лиши нас духовного твоего хлеба, который есть Слово Твоё животворящее, не лиши нас спасительной благодати Св. Духа, в таинствах изливаемой на души наши, в особенности – не лиши нас хлеба – Плоти Твоей пречистой и питья – Крови Твоей во св. причащении. «И остави нам долги наши», т. е. прости нам неправды наши перед Тобой по той мере любви, как и мы прощаем нашим ближним обиды их; не попусти нам, Господи, впасть в хитро расставленные сети искушений от плоти нашей, от злых людей и от диавола, но избавь нас, в особенности, от сего последнего.

Яко Твоё есть царство и сила, и слава во веки. Аминь. В этом славословии напоминает христианам о безначальности Божия существа, Его всемогущей силе и полноте духовных совершенств в Боге или славе Божией. Аминь, т. е. мы веруем, что все слова молитвы Господней есть непреложная истина, как Сам Бог. Вот молитва духа и истины, которой нет и не может

быть подобной у отступников от св. церкви, напр., у сектантов хлыстов. «Какая молитва может быть более духовна», говорит священномученик Киприан карф. «как не та, которая передана нам Христом, ниспославшим нам и Духа Святого? Какое моление может быть более истинным у Отца, как не моление, изшедшее из уст Сына, Который есть Истина. Следовательно, молиться не так, как научил Он, есть не неведение только, но и преступление». (О молитве Господней слово. Творения).

От молитвы Господней, как отрасли от благодатного корня произросли и другие церковные молитвы, и все они носят в себе один благодатный, святой дух и есть, по словам о. Иоанна Кронштадтского, «дыхание Духа Святого, как бы духовный воздух и вместе свет, духовный огонь, духовная пища, и духовное одеяние». (Дневник т. V-й). Вот благодатные, святые слова о молитве церковной усердного молитвенника земли Русской и доброго пастыря Церкви Христовой, которого сам Бог слышит в его молитвах и свидетельствует, что они правы перед Ним и что мы должны учиться молитвенному подвигу у таковых людей.

Тот же пастырь поясняет ещё, что молитва тогда бывает поклонением «в истине», т. е. угодно Богу, когда мы, молясь, представляем Бога жива перед собою и в себе самих, просим просто, с глубокой верой, ничтоже сумняся», просим не для себя одних, но и для всех верных, для всего тела церкви благ духовных и вещественных; когда при этом воспоминаем о бесчисленных опытах благодати и милости Божией – как на других людях (в Св. Писании и житиях святых), так и на нас, и имеем крепкое упование на помощь Божию; когда сердце наше горит во время молитвы желанием благ духовных, любовью к Богу, когда мы беседуем с Богом всем сердцем и никакими посторонними мыслями не отвлекаемся, имея глубокое внимание к словам произносимых молитв, произнося каждое слово сердцем с той силой, какая содержится в каждом из них. «Тогда-то», (дневник) по словам того же о. Иоанна Кронштадтского, слова твои на усердной молитве не возвратятся к тебе, тогда без силы.

№ 2. Январь. Книга 2-я

**Раскол и сектантство по последнему
всеподданнейшему отчёту г. Обер-Прокурора Св.
Синода за 1900 год ³² // Миссионерское обозрение.
1904 г. № 1–10. С. 177–188**

Меры борьбы с расколом.

Таков русский раскол старообрядчества. Много требуется внимания и трудов от православно-церковных деятелей, чтобы пробудить его от религиозного сна и привлечь к церкви православной. Наиболее действительными средствами для достижения этой цели являются следующие:

1) публичные и частные миссионерские собеседования с раскольниками. Опираясь на уважаемые раскольниками старопечатные книги, беседы эти ясно обнаруживают заблуждения последователей „старой“ веры и таким образом колеблют вековые устои раскола и ослабляют его тёмную силу. Кроме достижения прямой своей цели – убеждения раскольников в неправоте их верований, миссионерские собеседования оказывают великую услугу делу миссии и в том ещё отношении, что утверждают православных слушателей в знании истин православной веры, предохраняют их от уклонения в раскол и делают их самих способными давать отпор раскольническим изветам и увещаниям. Мало того, публичные беседы, развивая в православных слушателях любовь к изучению религиозных вопросов и к чтению богословских книг, приготавливают через то из среды крестьян опытных сотрудников миссионеров, которые и сами весьма успешно ведут собеседования с раскольниками.

2) Ещё более действительным средством для ослабления раскола служит открытие посреди раскольнического населения единоверческих приходов. В 1900 году всюду торжественно было отпраздновано столетие со дня учреждения единоверия. Успехи его в начале были слабы. Этому способствовало главным образом неверное понятие об единоверии, как об удобном лишь „мосте для перехода“ или „ступени“ от раскола к православию, – понятие, разделявшееся и церковными

деятелями. Но затем, когда в 1881 г. Святейшим Синодом, а в 1885 г. собором архипастырей в Казани было разъяснено, что единоверие не представляет собой какого-либо особого, отличного от православия, исповедания, а составляет *единую с ним истинную Христову церковь*, отличаясь от него только внешними особенностями обряда в богослужении, дело единоверия оживилось, переходы из раскола в православие на правах единоверия, часто не только единичные, а даже массовые, усилились и во многих местах, даже таких, как области: Уральская, Терская и Кубанская, в недавнее ещё время вовсе бывшие недоступными для миссионерского воздействия, учреждены, по желанию самого населения, единоверческие приходы, и открыты церковные при них школы.

3) Но самым могущественным, верным и надёжным средством для проведения в раскольническую массу православно-христианского просвещения является воздействие путём *церковной школы* на молодое раскольническое поколение, на тех, кому принадлежит будущность, и которые станут со временем отцами и матерями новых поколений. Миссионерское значение церковных школ в селениях, заражённых расколом, не подлежит ныне никакому сомнению. Трёхлетнее пребывание в школе, обучение здесь грамоте в духе церковности, под непосредственным наблюдением и руководством приходских священников, частое посещение храма Божия и деятельное участие в церковном чтении и пении всё это незаметно подрывает в раскольнических детях то средостение, которым раскольники думают оградить себя от влияния православной церкви. Освобождённые с малых лет от влияния раскольнических лжеучителей, привыкшие в школе к дружелюбному отношению к православным, дети-раскольники и в зрелом возрасте становятся чуждыми того фанатизма, которым ныне родители так усердно стараются вооружить своих детей против православия. Такое же доброе настроение бывшие ученики церковных школ передадут и своим детям, – а это верный путь к соединению с православием. Для наилучшего достижения церковными школами, находящимися в районах раскольнического населения, миссионерских задач, при них

заводятся праздничные чтения и беседы, имеющие целью утверждение народа в основных истинах веры, охранение от заблуждений того или другого существующего в данной местности раскольнического толка и ознакомление с истинами православия раскольников, и учреждаются библиотеки, снабжённые потребными для задач миссии книгами апологетического и миссионерского характера. В 1900 г., по распоряжению высокопреосвященного митрополита С.-Петербургского, такими библиотеками снабжены все церковные школы С.-Петербургской епархии в местностях с раскольническим населением, – на средства, выданные от Александро-Невской лавры.

В епархиальных отчётах содержится много фактов, свидетельствующих о благотворном влиянии церковных школ на детей раскольнических, а через них и на отцов их. Так, в одну из церковных школ, существующих в раскольнических селениях в Нижегородской епархии, в 1899–1900 учебном году впервые поступило 9 девочек, тогда как раньше девочки здесь или вовсе не учились, или же ходили к раскольническим начётчицам. О другой Школе, находящейся в той же епархии, в приходе с раскольническим населением (Береговых Новинках), сообщается в отчёте, что раскольники в первое время после её открытия, – 10 лет тому назад, – относились к ней очень враждебно, детей своих в неё не пускали, а отдавали учиться старой деве. Но потом, слыша про школу только хорошее, и видя, какое доброе влияние она оказывает на детей, стали мало-помалу менять о ней своё мнение и отдавать в неё своих детей. Ныне же все дети раскольников школьного возраста посещают означенную школу. При учреждении школы, раскольники сильно тормозили её открытие, теперь же сами, без всякой просьбы со стороны заведующих школой лиц, возбуждают вопрос об устройстве для школы нового более просторного здания. В отчёте преосвященного Полоцкого заявляется, что ныне даже в центрах раскола есть школы, где число учеников-раскольников составляет половину общего числа учащихся. Преосвященный Калужский также свидетельствует, что теперь все существующие в

раскольнических сёлах церковно-приходские школы посещаются и детьми раскольников, тогда как прежде раскольники считали за величайший грех обучать своих детей в православных школах.

Кроме приведённых фактов, о влиянии церковных школ на ослабление раскола и о доверии к ним раскольников весьма ясно говорят и статистические данные о числе обучающихся в этих школах раскольнических детей. Более всего детей раскольников обучалось в 1899–1900 г. в школах Московской епархии, где их числилось 1.130; затем идут школы 12 епархий: Саратовской (974 учащихся раскольнических детей), Полоцкой (947), Литовской (741), Донской (733), Калужской (662), Пермской (626), Черниговской (586), Самарской (565), Нижегородской (562), Вятской (446), Новгородской (396) и Владимирской (360).

В виду высокого незаменимого значения церковных школ в деле борьбы с лжеучением раскола, епархиальные начальства всемерно заботятся об открытии их в местах распространения раскола и возможно лучшей постановке в них дела воспитания и обучения.

Рационалистическое сектантство.

Никогда наша русская православная церковь не имела такого опасного врага, какого она имеет теперь в лице новейшего рационалистического сектантства, в особенности штунды и толстовства. В этом сектантстве есть всё, что только может придумать своевольная мысль и гордое самомнение, – всё, что может породить и воспитать необузданное чувство.

I. Штунда и современный характер её учения.

Штундистское брожение быстро усиливается и растёт на счёт как православия, так и разного рода сект, проникая из мест прежнего своего развития в новые места. В тех епархиях, где ещё не так давно замечались только единичные случаи появления штунды, в настоящее время образовались уже большие и прочно организованные штундистские общины. Такие общины возникли в недавнее время в Черниговской, Орловской, Владимирской и Нижегородской епархиях.

Наиболее вредным и опасным пунктом штунды в *Черниговской* епархии является г. Конотоп. Штундисты этого города, находящиеся в тесной связи с сектантами других местностей России, деятельно ведут пропаганду своего лжеучения не только в самом городе, но и в соседних с городом селениях. Единичные случаи появления штунды замечаются уже и в других уездах епархии, например, в селе Куликове, Черниговского уезда, и в селе Рожновке, Борзенского уезда; в последнем открыта сектантами „чайная“, с целью иметь удобное место для сектантских собраний.

В *Орловской* епархии большая штундистская община существует в деревне Глыбочке, Трубчевского уезда. Относясь к православной церкви с фанатической ненавистью, проявляемой часто в явном неуважении к православным святыням, святотатстве и богохульстве, местные штундисты деятельно распространяют своё лжеучение среди местного населения, причём главным средством для этого служат их молитвенные собрания. На требование полиции прекратить эти собрания, сектанты, не считающие обязательными для себя человеческие законы, отвечают отказом, а в случае принуждения, угрожают кровопролитием. В 1900 году явились и новые пункты штундизма в епархии – деревня Щепетлево, Севского уезда, деревня Георгиевская, Малоархангельского уезда, и на двух больших заводах, Кромского и Брянского уездов.

В *Нижегородской* епархии штунда свила себе прочное гнездо в деревне Горках, Васильского уезда, и отсюда энергично сеет свои заблуждения в среде окрестных православных жителей. В пропагандистской своей деятельности здешние штундисты пользуются материальной поддержкой пашковцев, с которыми они имеют тесное общение.

Во *Владимирской* епархии штундизм возник путём сношений сектантов Меленковского уезда с штундистами Таврической губернии. В Меленковский уезд неоднократно являлись из Таврии проповедники штунды и сеяли здесь семена своего лжеучения. Вследствие их пропаганды, штундизм быстро распространился среди молоканских общин Владимирской епархии. Из общего числа сектантов Владимирской епархии в

1900 году – 1.617 человек – на долю штундистов приходилась большая половина – 895 человек. Одним из главных пропагандистов штунды в последнее время сделался сектантский „пресвитер“ – крестьянин деревни „Большого Приклона“, Меленковского уезда, Горин, в короткое время успевший посредством пропаганды насадить штундовое лжеучение в селе Дмитриевых Горах (Меленковского уезда), где прежде совсем не было штундистов, а оттуда в конце 1900 года перенёсший свою деятельность в соседнюю деревню Толстиково. Здесь жертвами его пропаганды и явились хлысты, издавна существовавшие в этой деревне и устраивавшие хлыстовские „артели“ или собрания. Проповедь Горина среди хлыстов имела такой успех, что даже многие из усердных посетителей хлыстовских собраний открыто перешли в штундизм и стали устраивать в своих домах штундовые собрания. Не довольствуясь успехом, достигнутым в Толстикове, Горин стал распространять сектантство по другим селениям; пропаганда его успела возбудить религиозное брожение даже между православными, которое, однако, благодаря своевременно принятым епархиальным начальством мерам, прекратилось.

Не мало также штунда имеет своих последователей в С.-Петербургской губернии (штундо-пашковщина), Московской, Рязанской, Тамбовской, Смоленской, Донской, Оренбургской, Астраханской, Самарской, Омской, Владивостокской и Благовещенской епархиях. Особенно же широкое распространение она получила в епархиях: Екатеринославской, Харьковской, Киевской, Херсонской и Таврической.

В *Екатеринославской* епархии штундисты имеются в 17 пунктах разных уездов³³.

В *Харьковской* епархии штундистов насчитывается 1.750 человек. Центром штунды здесь является город Харьков, в котором имеют пребывание главные вожаки штунды, и где существует особенный правильно организованный сектантский совет, члены коего (7) ежегодно собираются для обсуждения своих дел; совет этот ведает дела секты во всей епархии. Больше всего штундистов в Харькове находится на окраинах

города, где расположены заводы и фабрики. В Харьков и иные местности Харьковской губернии приезжают из других городов России и даже из заграницы известные пропагандисты, „для утверждения братии“. Один из таких сектантов, приезжавший из Москвы, уверял Харьковских штундистов, что в Москве сектантов будто бы больше, чем православных, что они там свободно устраивают собрания. Другой также приезжий „пан“ на штундистских собраниях строго обличал „попов и панов“, – первых в том, что они „ничего не делают, а только обирают несчастный народ“, а вторых, что они „высасывают соки из мужиков, ни во что ставя их труды“. Один из пропагандистов штунды, проживающий в Купянском уезде, с целью укрепления сектантства, устраивает „библейские вечера“, на которых сектанты научаются полемике с православными, для чего указываются и сводятся подходящие тексты Писания; здесь же устраиваются и спевки, на которых разучиваются сектантские песни.

В Киевской епархии в 1900 году, по официальным данным, всех сектантов числилось 4.388 душ, из них штундистов около $\frac{3}{4}$ общего их числа и штундо-малеванцев около $\frac{1}{4}$. Самым боевым пунктом Киевских штундистов по-прежнему остаётся город Киев, в котором их насчитывается до 300 душ, и где смело и открыто совершаются их собрания. Пропаганда штундизма идёт в Киеве усиленно и успешно. Был случай, что под влиянием одного из интеллигентных вожаків Киевских штундистов, служившего корректором в типографии, совращены были все наборщики этой типографии. Пропаганда штундизма в Киеве силится теперь выйти из прежней своей среды – простого народа, и охватить полуинтеллигентный класс – приказчиков, наборщиков, писарей и т. п.³⁴.

Особенно настойчивой пропагандой отличается штундизм в Германовке. Дерзость Германовских сектантов дошла до того, что, когда сельские власти препятствуют их ночным собраниям, они открыто нападают на полицию с кольями и угрожают ножами. В некоторой части штундистов Киевской губернии замечалось в 1900 году мистическое направление, благодаря воздействию на штунду малеванщины. Даже в самом центре

штундистов названной губернии – городе Киеве – один из малеванских проповедников имел большой успех. Послушать его собиралось множество штундистов, значительную часть коих проповедник соблазнил своими аллегорическими бреднями. Самое же большое волнение хлыстовские идеи малеванцев произвели в Каневском уезде, где прежде совсем не было малеванцев. Ныне же на молитвенных собраниях штундистов происходят здесь часто хлыстовские „радения“ с истерикой, скачками и гнусными деяниями, до свального греха включительно.

В Херсонской епархии в 1900 году штундистов было до 5.000 человек. Здесь они разделяются на три группы: на старо-штундистов, ново-штундистов и штундистов-субботников. Небольшое число старо-штундистов отличается от ново-штундистов одним лишь допущением в своей общине крещения детей, каковое совершают их „пресвитеры“; ново-штундисты же, представляющие огромное большинство, крещение детей совершенно отвергают. Небольшое пока число штундистов-субботников отвергают празднование воскресного дня и почитают субботу. В этом и вся разница в названных толках местного штундизма. Пропаганда штундизма в Херсонской епархии в 1900 году велась так усиленно, как этого не замечалось уже много лет. Ещё в начале года обнаружилась энергичная пропаганда местных вожаков штунды, ездивших по сёлам и хуторам, с целью совращения, и устраивавших во многих местах открытые собрания, на которых произносились самые возмутительные речи против православия. Земские начальники неоднократно высказывали Херсонскому епархиальному миссионеру своё удивление той дерзости и нахальству, с какими держат себя на суде сектанты, привлекаемые к ответственности за пропаганду. Приезжали в Херсонскую епархию, с целью пропаганды, вожаки штунды и других губерний. Так, например, посетил с этой целью места, где проживают штундисты-субботники, „пресвитер“ их, живущий в Евпатории; отсюда же шли большие и частые пожертвования штундистам. Словом, в 1900 году со всех сторон была направлена самая усиленная пропаганда штундизма среди

православного населения и, к несчастью, результаты её велики: в этом году совратилось в штунду по Херсонской епархии 117 человек православных.

В *Таврической* епархии штундизм с каждым годом приобретает всё большее и большее число последователей. В целях пропаганды, здешние штундисты имеют своих состоящих на жалование от общества проповедников, которые свободно разъезжают по епархии. В целях также пропаганды, штундисты открывают в населённых местах лавочки и снимают в аренду мельницы: те и другие являются особенно удобными местами для сектантской пропаганды. Не малым соблазном для немощных в вере православных Таврической епархии (как и в других епархиях) служит и материальная помощь, которую оказывают штундисты переходящим в их секту; известно, например, что в одной колонии выдавалось по семи рублей в месяц вступившим в штунду. Вследствие фанатической пропаганды, штунда появилась в 1900 году в некоторых новых местах Таврической епархии. С особенной силой штундовое движение обнаружилось в деревне Ново-Скелеватовой и в городе Севастополе. Севастополь, по особому его положению, как портовый город, избран, по-видимому, особым местом сектантской пропаганды. Уклонившиеся здесь в штунду – матрос, солдат или портовой рабочий – несут штундовую заразу и в свои родные деревни. Сектанты города Севастополя находятся в самом живом и деятельном общении с столичными сектантами. Сектантская пропаганда ведётся здесь деятельно и настойчиво, приобретая себе всё новых адептов. Закон 4 июля 1894 года о запрещении молитвенных собраний штундистов для сектантов города Севастополя остаётся мёртвой буквой. Собrania их пользуются в городе Севастополе полной свободой. Пение сектантов разносится по всей южной его слободке, смущая православных.

Особенно успешно распространяется штунда в Таврической епархии среди местных молокан. Усиленная пропаганда её среди молокан началась ещё с 1880 года. Следствием этой пропаганды было массовое совращение молокан в штундизм, так что в некоторых местах из молокан образовался даже

штундо-баптистский толк. Движение молокан в штунду продолжается и до настоящего времени. В 1900 г. один из „пресвитеров“ и пропагандистов штундо-баптизма совершил крещение над 70–80 молоканами. За 15–20 лет из молоканства в штундизм совратилось более 3.000 человек. У спех штундистской пропаганды среди молокан объясняется следующими причинами: сходством молоканства со штундой в вероучении, молитвенными собраниями штундистов с их экзальтированными проповедями и молитвами, при участии нередко прекрасных хоров певчих из смешанных мужских и женских голосов, и фанатизмом вожаков штундизма в деле пропаганды. Один из таких пропагандистов говорил: „свою веру мы считаем истинной, поэтому в совести нашей лежит сказать о ней, проповедовать её, поэтому я иногда приходил в молитвенные собрания молокан проповедовать свою веру“. Вообще, страстный, поразительный прозелитизм – это отличительная особенность штундистов, входящая, как одна из заповедей, в кодекс их религиозной жизни. В замечательной энергии в проповедовании штунды заключается сила и успех последней.

Соединённые в одно целое фанатической ненавистью к православной церкви, штундисты не имеют строго и точно выработанной положительной системы своего вероучения. Произвол, лежащий в основе религиозных верований штундистов, даёт полный простор разногласиям и религиозным спорам и приводит их к дроблению на новые секты. В последнее время между последователями штунды замечается не только отрицание внешней стороны православия, но грубо отрицательное отношение и вообще к христианству, а также всё чаще и чаще обнаруживаются случаи проявления чисто атеистических идей. Так, в беседе с миссионером один штундист Херсонской епархии сказал, что „Бога нет“, что „Бог – это вся природа. Сын Божий был – простой человек; пожалуй мудрый пророк“. Другой штундист на вопрос миссионера, почему он оставил православие, ответил: „потому, что никакого Бога нет. Все учёные говорят, что Бога нет, да и я так думаю, ибо – кто Его видел“. К сожалению, такими атеистическими идеями

заражается и молодёжь штундистская, с увлечением читающая всё, что подпольным путём печатается и распространяется врагами христианства вообще и православия в частности.

Описанное религиозное состояние некоторой части современного штундизма является не только результатом отрицательного отношения штундистов к авторитету Божественного Откровения, – оно в значительной степени есть и прямое следствие грубого материалистического направления в жизни сектантов. „В Евангелии“, сообщается в отчёте о состоянии сектантства в Екатеринославской епархии, „современный штундист ищет не правил нравственной жизни, не глаголов жизни вечной, но оправдания своих социальных и общественно-экономических чаяний; он смотрит на Евангелие, как на кодекс правил социальной и общественно-экономической жизни, и потому не дух свой устрояет по Евангелию, а приспособляет евангельские тексты к своим воззрениям, созданным под влиянием условий материальной жизни“. Вследствие того же материалистического направления штундистов, самые излюбленные у них вопросы – вопросы социальные. „Не охотно вступающие в беседы по вопросам веры“, сообщается о современных штундистах в отчёте преосвященного Херсонского, „штундисты готовы с удовольствием, сколько угодно, говорить по вопросам о неравенстве богатств и состояний, о ровном разделе имущества, переделке земли и пр.“. „Что“, говорили из них некоторые миссионеру, „вы про закон нам толкуете, вы денег дайте, а закон мы и сами найдём“. „Что это за церковь“, сказал один из штундистов миссионеру, „православная церковь; вот в первые времена была церковь, так церковь: там всё было общее. А у вас что? Один имеет тысячи десятин, а другой ничего“.

Но недовольство материальным положением у штундистов идёт дальше и ведёт к вопросам, касающимся русского государственного строя. По сообщению отчёта о состоянии сектантства в Екатеринославской епархии, о государственном порядке штундисты рассуждают так: „мы обязаны повиноваться власти, где это не противоречит заповедям „Царя царей“, но так как заповеди Царя царей штундисты толкуют по своему

произволу, то и повиновение властям у них становится также произвольным, доказательством чего может служить тот факт, что в последний набор многие штундисты отказались дать присягу на верность службы. Направляют свою пропаганду штундисты также и против военной службы. Не ограничиваясь одной устной проповедью о незаконности этой службы, вожаки штундистов пишут в этом смысле целые послания к „братьям“, находящимся в полках. В одном таком послании, писанном вожаком штундистов хутора Козинки, Донской епархии, попавшем в руки полиции, даются следующие наставления солдатам-штундистам: „не убивай на войне, – это запрещено словом Божиим: не убей, любите врагов ваших“. „Не нужно повиноваться власти, повелевающей убивать, – такая власть не от Бога, а от диавола, который есть человекоубийца“.

Вообще же, современный штундизм, в виду резко выражающихся в нём социальных и противогосударственных тенденций, представляет собой крайне опасное не только в религиозном, но и в политическом отношении явление, служащее новым доказательством того, что разрыв с православием на почве рационалистического сектантства является разрывом и с русской народностью, и с русским государственным устройством.

II. Толстовство

Атеистические и противогосударственные идеи, наблюдаемые в современном штундизме, проникли в эту секту не без влияния весьма опасного религиозно-социального лжеучения графа Толстого практически применённого к понятиям и жизни простого народа. К глубокому прискорбию, это лжеучение начинает уже становиться достоянием народной массы. Толстовство, как секта, наблюдается в Харьковской, Воронежской, Курской, Полтавской, Киевской, Екатеринославской губерниях и на Кавказе. Как более свежее и богатое умственными силами учение, толстовство начинает подчинять себе все другие сектантские лжеучения, мало-помалу теряющие под влиянием его свою самостоятельность и оригинальность. Не ограничиваясь сектантской средой,

толстовство пролагает себе путь (и не без успеха) и к здоровой части русского народа – в среду православного населения.

Проникновение в народную среду толстовских воззрений сопровождается самыми печальными последствиями. Метафизическую сторону нового лжеучения крестьяне оставили в покое, как непонятную и потому неинтересную для них. Они усвоили только показавшуюся им привлекательной практическую сторону толстовства, – социально-коммунистические чаяния его. Известные преступные деяния закавказских духоборов-постников, выразившиеся в противодействии их правительственным требованиям, – явились прямым результатом усвоения духоборами упомянутой практической стороны толстовства, деятельно распространявшегося среди них агитаторами-толстовцами, прибывшими в край и входившими в непосредственные сношения с сектантами. Религиозная же сторона в народном толстовстве почти отсутствует. В подтверждение сего достаточно указать, например, на штундо-толстовцев Уманского уезда, Киевской епархии. На беседах в селе Кишинцах, ведённых епархиальным миссионером в 1900 году, сектанты свободно и откровенно заявляли об „естественном“ рождении Господа Иисуса Христа, о „недостоверности“ многих мест Евангелия и всего Апостола, и о Льве Николаевиче Толстом, как „старшем брате и учителе жизни“.

Таким образом, религии в толстовстве, как секте, мало; здесь главное – протест против религии, и не во имя какой-либо другой религиозной истины, а по соображениям социально-политическим. Производя истребление в умах и сердцах простого народа самых священных и дорогих чувств веры христианской, лжеучение толстовства грозит православной церкви и государству нарождением в православной России атеизма и нигилизма, т. е. страшного типа людей, без веры в Бога и без любви к своему отечеству.

(Окончание следует).

Берс А. Клятва у народов разных эпох //
Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 189–
200

Уничтожение клятвы не сделает отъявленного негодяя ангелом, а тем только будет отнят у человека, охваченного чадом жизни, лишней способ отрезвления. (Из „Психики верующего“).

Все народы, достигшие известной степени цивилизации, имеют более или менее одни и те же идеи и религиозное чувство. Как у эскимоса, живущего на далёком севере, так и тропического негра те же народные поверья и суеверия, те же духи, то же колдовство; все это не выдумки отдельного человека, а вредная потребность народной психики – потребность мировоззрения.

Все эти этнологические параллели приводят нас к тому заключению, что всё человечество по первоисточнику своего происхождения представляет из себя не пёстрый конгломерат из разных народностей, отличных друг от друга, а один цельный организм, по жилам которого течёт одна и та же кровь; и развитие отдельных частей его совершается своевременно и одинаково по одним и тем же непреложным законам.

То же самое можем сказать и относительно клятвы. В какой бы стадии развития ни находилось общество, всегда и везде мы замечаем в нём духовную потребность человека иметь перед собой нечто такое, что могло бы со стороны следить за его совестью. Видя всюду вокруг себя ложь, притворство, не доверяя людям, а иногда чувствуя и за собой (при более высшем нравственном развитии) распущенность, слабость духа, преобладание над ним житейских благ, способных заставить даже покривить душой, человек, „естеством законное творя“, естественно стремится иметь нравственно сдерживающие средства, способные обуздать его слабости, и вот является у всех народов клятва, особый торжественный способ подтверждения какого-нибудь факта или данного обещания, способ, который мог бы придать слову человека значение

твёрдости, святости и делал бы это слово столь же ненарушимым, как ненарушимо всё остальное, что люди считают святым. Форма же для клятвы вылилась у разных народов весьма последовательно из их религиозного мировоззрения, а не выдумана для специальных целей людьми лукавыми, как это многие стараются доказать. Одни верят в целый сонм богов, другие в единого Бога, для третьих высшая идея заключается в справедливости и т. д., у всех разные объекты веры, по потребности души, её стремление к единению со своим объектом, у всех одна и та же. И клятву можно считать одним из таких моментов единения человека с объектом своей веры, моментом, всецело принадлежащим к числу религиозных актов, ибо человек призывает в *свидетели* правдивости своих слов высшее существо и высказывает, одинаково во всех религиях, готовность потерпеть за ложь наказание, один – на том свете, другой – на этом, третий (напр., клянусь честью) – потерять имя честного человека и т. д.

Наш подход к этому вопросу будет чисто психологический и только на этой почве можно будет философски обобщить идею клятвы с другими моментами религиозного культа и указать её значение, как средства, культивирующего человека в смысле нравственного отрезвления, в смысле напоминовения того, что уже раз было заложено в нём доброго, но что временно подавлено в нём животной жизнью. Лёгкое отношение к такому могучему, нравственно отрезвляющему средству, как клятва, преступно. Клятва, конечно, не сделает из негодяя ангела, это вовсе не её назначение, но она может разбудить спящую совесть, укрепить слабую волю, отрезвить поколебавшегося, а этого уже достаточно, чтоб признать за ней положительное значение в жизни народов и не относиться легко к вопросу об её уничтожении, как это делают и ныне не одни только наши сектанты, но и многие.

В нашем очерке мы сначала разберём клятву исторически, т. е. укажем, в какой форме она проявлялась в разные эпохи у разных народов.

О клятве высказался ещё Пифагор (6 стол. до Р. Х.); он говорит, что вселенная создана Богом в силу клятвы, данной Им

самому себе оживить *ничто*. В Ветхом Завете (Быт.22:16) упоминается о клятве, данной Иеговой Аврааму. Как в политической, так и в обыденной и религиозной жизни далёкой старины всюду встречаем клятву, которая служила как бы цементом, сдерживавшим людей в их отношениях к Богу и между собой. В те времена клятва не сходила с уст у людей, все клялись и весь день клялись Богом, которого призывали в свидетели.

По своему происхождению, по своему характеру, клятва принадлежала к религиозному культу (призыв Бога), но потому месту, которое она занимала в общественной и обыденной жизни народов, она приобрела значение гражданское и таким образом входила в узаконения страны, как необходимое условие при заключении договоров, при осуждении, при оправдании и т. д.

Дикарь, имеющий слабое понятие о божестве, приводит в свидетели то, что ему наиболее дорого: могилу предков, голову своего ребёнка, море, горы, солнце и т. д. Человек более цивилизованный идёт уже далее, и находит себе свидетеля уже в самом создателе всех этих сил природы, данное слово становится уже более твёрдым, более надёжным. Клятва без участия в ней божества не имела никакого значения, ибо, кроме призывания в свидетели, клятва преследовала ещё другую мысль, наиболее импонировавшую на народ, а именно: за нарушение клятвы клятвopреступник высказывал готовность подвергнуть себя гневу Божию и перенести самое ужасное Его наказание; именно эта-то последняя мысль и высказывалась в древних формах клятвы и высказывалась весьма подробно – в клятвах перечислялись все кары божества³⁵. И вот, евреи клялись именем Иеговы, римляне Юпитером, Марсом и друг., ценность клятвы определялась тем божеством, именем которого клялись. Значение клятвы в общественной жизни росло по мере того, как росло и сознание наказуемости свыше за ложь.

По самым древним индусским преданиям, клятва дана откровением божества; она идёт прямо от него, Бог её изобрёл, чтоб помочь людям в их сомнениях. Кто ложно клянётся, того душа должна затеряться на том свете.

В гомерических поэмах говорится, что боги клялись рекой Стикс, которой они боялись за её глубину и скрытый в ней мир. По мифологии, бог, не сдержавший клятвы, наказывался тем, что оставался без дыхания год немым, без пищи, отрешённым от общества богов на девять лет. Агамемнон клялся Зевсу в своей дружбе к Бризеису, он призывал Зевса в свидетели. Таких форм клятвы в Илиаде масса, везде приывают Зевса в свидетели, везде накликают на себя, на случай лжи, всякие несчастья и невзгоды. Философ Платон тоже допускал призывание во свидетели богов, он был только против общепринятого в те времена способа – кончать ради скорости тяжбу не посторонним судом, а самими тяжущимися, которым разрешали для того клясться. Мало того, Платон даже требовал от судьи клятвы перед объявлением решения. Демосфен в одной своей речи говорил, что, если найдётся в его жалобе хоть одно слово неверное, тогда – да пропадёт всё его потомство – (эта была одна из форм клятвы, наиболее импонирующей на суде). Из других источников того времени видно, что все свои обязанности, как гражданина и патриота, грек подтверждал клятвой, даже свой возраст (вероятно за неимением в то время метрических записей). В стране Ликурга (9 в. до Р. Х.) спартанцы прибегали на каждом шагу к клятве, а в случаях уголовных подымали руку над дымом от горящей жертвы. В случае обещания держать слово, грек бросал в море кусок железа, он хотел этим сказать, что покуда не всплывёт железо, до тех пор он будет держать слово; подобных символических приёмов было в Греции масса; все они характерны и образны. Афинянин, достигший двадцатилетнего возраста, должен был клясться отечеству примерно в таких выражениях: „я не обещаю оружие, не побегу постыдно, останусь в религии моих предков“. Ученики клялись именем своих учителей. Сократ клялся дружбой. Везде мы видим одну и ту же идею, везде одно и то же стремление духа, несмотря на разнообразие форм, а именно: привод в свидетели того, что человек считает наиболее дорогим и затем готовность пострадать за ложь.

У римлян мы находим целый культ клятвы, они придавали ей громадное значение, у них клялись и Геркулесом (мужчины),

Юноной (женщины), Марсом (военные), Дианой (девушки). Римские консулы клялись в храме Юпитера и высказывали готовность пожертвовать всем своим семейством в случае неисполнения клятвы. Когда же стали обожествлять императоров, то религиозное значение клятвы пало, и римляне стали клясться императорами; военный клялся своим начальником, которому предоставлял себя в случае нарушения дисциплины. С переменой начальника, приходилось снова присягать другому. Клялись и гладиаторы своим учителям, в гладиаторских школах, в том, что не покинут арену до самой своей смерти. Во время клятвы, римлянин брал камень и бросал его от себя, символизируя тем избиение камнями, которое может совершить над ним Юпитер.

Злейшие враги Рима – галлы клялись единым Богом, которого сравнивали с кругом без начала и конца; не допуская вообще символического изображения Бога, их воины клялись на мече; тот же обычай был и у варваров, завладевших римской территорией. В одном старо-ирландском документе говорится о клятве воина, – он клянётся отбить у неприятеля своих жён и скотину, иначе „да задавит его небо, да разверзнется земля, да зальёт его океан“.

В эпоху после падения римской империи, всюду в германских законах проглядывает требование клятвы. В одном древнейшем французском документе упомянута произнесённая Людовиком-Германиком клятва в верности своему брату Карлу Лысому (842 г.).

Нельзя не упомянуть также о форме клятвы, в древние времена весьма часто употреблявшейся: когда на человека нападали в доме и он убивал злодея без свидетелей, тогда убийца брал три каких-нибудь предмета из дома (как бы свидетелей): кошку, собаку, свинью, быка, или же три соломинки и клялся ими, в верности своего рассказа, как созданиями божества. В XV веке эти три соломинки символизировали идею Троицы.

У евреев клятва была в частом употреблении: и в частной, и в общественной жизни и в судилище они клялись Иеговой; при патриархах обыкновенно поднимали к небу руку, а верность

слова подтверждались тем, что все потомство предоставлялось гневу Иеговы, если слово было ложно. „Исход“ говорит о клятве в такой форме: „не произноси имени Господа Бога Твоего напрасно, ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно“. Значит, тогда клялись именем Бога.

В средние века зачастую церковь вмешивалась в гражданские дела, ей вовсе не подвластные; в то время нотариусы были большей частью из служителей церкви; к самому обыкновенному условию, думая придать ему большую ценность, они придумали делать приписку такого рода: таково было желание, подтверждённое клятвой; а раз упомянут в условии церковный акт, акт совести, то спорные дела поступали уже на суд церкви, тем более, что клятва произносилась или перед алтарём, или на каком-нибудь священном предмете, торжественно, натошак и даже в определённый час, именно в полдень. В XVI веке клялись крестом, евангелием, мощами святых. Не было недостатка, конечно, и в лжесвидетелях, ухитрявшихся клясться перед пустой ракой, из которой были предварительно удалены мощи. Людей злонамеренных, преступников, но не пойманных на деле, заставляли клясться в их невинности; злоупотребление клятвой сделали из неё в те времена акт оскверняющий религию; Людовик XII много способствовал этому своими приказами в роде того, что даже непричастных к делу заставляли клясться в незнании ими дела. Не было такого суда, который обходился бы без клятвы с обеих сторон.

Наибольшее значение приписывал суд клятве в делах вассалов с феодалами, тоже и в случаях нарушения военной дисциплины. Вассал во время клятвы снимал все с себя и клал свою руку в руку феодала. Клялся тоже и феодал в своём хороше к нему отношении и целовал его в губы. Клятва, принесённая рабом господину, считалась необыкновенно сильной, она сковывала человека по рукам и ногам, так как рабы клялись и отдавались хозяевам навсегда с потомством. Король и королева были устранены от присяги; члены же их семейства клялись им в верности.

Можно ли сказать, что все эти установления, имевшие такую страшную силу, поддерживались исключительно только церковью? Напротив, церковь весьма часто скрывала в своих стенах невинно обвинённых (в церковь в старое время гражданские власти не имели права врываться). Если священники и выдавали укрывшихся в церкви, то не иначе, как под условием клятвы, чтоб им сохранили жизнь и не вредили их членам в инквизиционном суде. Под суд инквизиции попадали только люди подневольные, рабы, которым не разрешалось клясться; инквизиция и началась с того, что думали извлекать из рабов правду способом устрашающим.

Во времена средневековых турниров, состоявших под покровительством Бога (таков был взгляд того времени), рыцарь, прежде чем выступить на арену, должен был клясться, подняв правую руку к небу, в том, что он не будет употреблять не допущенные законом приёмы поединка. Входящий в рыцарский орден клялся, между прочим, в своей готовности проливать свою кровь в защиту христианства.

Характера весьма возвышенного была клятва присягающего городского головы. До французской революции, он клялся проклятием своей души; перечисляя в своей клятве свои обязанности, он рисовал тип городского головы, близко подходящий к идеальному типу своеговременного хозяина города. Клятва произносилась у алтаря торжественно; окружённый гласными от города, голова полагал руку на евангелие; клятва произносилась им внятно.

В судебных учреждениях существовала не менее величественная клятва; из слов её мы можем видеть, что именно было в то время самой слабой стороной судей: в клятве особенно упиралось на взятки.

Клялись в те времена и повара и пирожники; в их присяге упоминается о короле, об обязанностях гражданина, и, между прочим, о том, чтоб они не употребляли в дело такую говядину, которая была бы им самим противна. Такие клятвопреступники должны были лишиться своего места в раю. Аптекаря клялись в верности королю, в любви к родителям, и, между прочим, не давать яду и слабительного без приказа врача и не держать

гнилых лекарств. Книгопродавцы клялись каждые два года, обещаясь добропорядочно вести торговлю.

Начиная с французской революции, клятва ещё более теряет свою основную религиозную силу; содержание её уже совсем меняется, и она принимает вовсе нехорошую форму. Она становится учреждением политическим, – власть ею пользуется, дабы укрепить в подданных большее к себе послушание. Национальное собрание 1790 года изобрело форму присяги, по которой и священство должно было присягать и королю, и нации; было не мало столкновений с церковью; её служители возбудили против этого протест, а папа Пий VI (1799 г.) прямо отказался от подобной присяги. Таким образом образовался раскол, власть ссылала не желавших присягать священников в Гвиану. Республиканская власть придумала клятву, в которой высказывалась даже ненависть к королевскому режиму и обещание противиться его возрождению. Клятва упала ещё ниже.

По конституции 1848 года клялись главе государства, при Наполеоне (в 1850 г.) заменили слово *глава* – *императором*; теперь же во французских судах говорят только *клянусь*, причём поднимают к небу правую руку. Этот жест имеет свою историю. В реформацию протестанты во время клятвы, вместо того, чтобы класть руку на католические реликвии, установили акт поднятия вверх правой руки. Нантский эдикт (Генрих IV в пользу протестантов – XVI в.) это за ними укрепил. В суде оказалось неудобство, вследствие разнообразия религии, – одни поднимали руку, другие клали руку на сердце, третьи на мощи и проч. Во время революции 1789 года это неудобство сгладилось, все стали подымать руку. Замечательно, что вместе с падением торжественности клятвы, стал падать вместе с тем и престиж её. Теперь во Франции, с падением религии, пошатнулось и клятвенное учреждение. Хотя во французском суде присяжных председатель и напоминает присяжным об их обязанностях перед Богом и людьми, но в их односложном ответе *клянусь* проглядывает уже стремление перенести центр тяжести клятвы с торжественного призывания Бога в свидетели на себя лично, на свою добросовестность, как гражданина; мы

не сомневаемся в добросовестности людей, желающих подтвердить свои показания, один честью, другой совестью, но этих разнохарактерных присяг допустить, думается, нельзя, – должна быть обязательно одна общая форма *религиозного* характера. Призывать же в свидетели своих слов себя самого есть уже, по своему существу, нонсенс, ибо выходит: я утверждаю то, что я утверждаю.

Известна клятва евреев в 17 стол.: они в синагоге клялись, положа руку на пятикнижие, именно на то место, где было написано, что не должно напрасно клясться; в клятве, имевшей совсем характер молитвы, еврей просил у Бога помощи в его показаниях, просил отворотить его от лжи, предоставляя себя в противном случае проклятию и огню, которым были сожжены Содом и Гоморра.

В настоящее время везде в европейских государствах совершается клятва более или менее одинаково, везде упоминается о Боге, о святости присяги, везде одинаковое поднятие или положение руки, везде упоминается о возмездии за ложь, даже о награде за правду (Испания).

Упомянем об одной из новейших форм присяги, которую произнёс президент Клевелэнд; в ней тоже проглядывают те же две идеи, которые мы встречаем решительно во всех клятвах – воззвание к высшей силе и возмездие за несдержанность клятвы. „Я принимаю перед Богом приглашение нации, и я себя посвящаю благу родины, всецело и с самопожертвованием: я верю в Высшее Существо, которое руководит действием человека и чья милость, и доброта никогда не оставляли народ американский. Я убеждён, что Бог от нас не отвернётся и теперь, если мы будем набожно уповать на Его всесильную помощь“. Те же обе идеи входят в клятвенное обещание современного Швейцарского Суда: выслушав клятву, президент суда сам напоминает клянущемуся о второй части клятвы и говорит: „помните, что Бог вас не помилует в случае нарушения вами клятвы“.

Несмотря на то, что Европа как будто сжилась с этим установлением, всё-таки часто всплывает наружу мнение о том, чтоб исключить из клятвы свидетельство Божие и сделать из

религиозного – гражданский акт. К счастью, большинство не разделяет это мнение; оно видит, что клятва обратится тогда в пустую формальность, если только у ней будет отнят нравственно-религиозный характер. Мы упираем на слово религиозный, ибо человек хороший, но пошатнувшийся, может почувствовать в этот момент присутствие Бога и выйти на дорогу добра и справедливости, которую иначе нельзя назвать, как религиозной, потому что, где добро и справедливость, там и Бог. Какая бы клятва ни была – грубая или мягкая (клятва Клевелэнда), её нельзя иначе назвать, как актом религиозного общения между человеком и Богом; это-то и даёт ей значение.

Какие же основательные доводы для уничтожения клятвы приводят люди, весьма часто, даже большого ума? Что худого, развращающего находят они в этом древнем религиозном учреждении?

Они говорят, что клятва есть только лишний соблазн к профанации религии, есть оскорбление Бога в том отношении, что люди во имя его лгут, делаются изворотливыми, придумывая разные приёмы ухищрения для того, чтоб отвести клятву, сделать её недействительной и не отвечать перед Богом за ложь. Далее они говорят, что клятва запрещена Самим Спасителем в его нагорной проповеди; затем они говорят, что клятва, совершающаяся на Евангелии, где как будто запрещено клясться, есть явление даже преступное. Опровергать со специально богословской стороны всё это не будем: посмотрим на это с другой стороны.

Относительно профанации религии в клятве мы можем сказать, что ложь люди часто проявляют и в молитве, в исповеди и в церкви, молятся притворно, ходят в церковь только для вида; однако-ж никто не сомневается в глубоком значении молитвы, исповеди и церкви. Если допускается молитва к Богу, то нельзя не допустить и клятву, т. е. просьбу к Нему быть свидетелем правдивости слов. Тут видно не оскорбление Бога, а, напротив, чувство уважения к Нему, сознание человеческой греховности, лживости, которых Бог не терпит, сознание, которое надо отнести к числу нравственных проявлений духа.

Для высоко развитой души этот момент, легко возможно, и не столь нужен, как человеку способному зашататься; развитая душа каждый момент чувствует это единение с Богом; всякий её шаг напоминает ей Бога; ей и законы не нужны, ибо она сама поступает по закону. Негодяю всего этого тоже не нужно, для него церковь, молитва, исповедь чужды, он не боится ни закона, ни клятвенного обещания, он соврёт на клятве точно так же, как и без неё. Клятва создана не для того, чтоб сделать из негодяя ангела; она важна для тех, у кого поколебалась совесть, кто ещё боится ответа (перед Богом или совестью), в ком ещё не заглохло хорошее чувство. Понятно, что разные суеверные ухищрения, ради того, чтоб сделать клятву недействительной (например, правую руку поднимают вверх, а левую, условно сложенную, держат в кармане), не могут не возмущать, но всё же человек, ещё не совсем пропавший, всё-таки во время клятвы чувствует некоторым образом торжественный момент, он ещё не совсем погряз в грехе, как тот, кто в это время врёт и не краснеет; он может почувствовать, что совершает грех, он ещё может почувствовать серьёзность своего положения, ещё может почувствовать, что Бог желает, чтоб люди говорили правду, почувствовать, что клятва есть напоминание этой обязанности человека, напоминание, которому психолог не может не придать значение серьёзного момента; выходит ведь нечто подобное тому, как кто-то выразился о водке: водка не хороша, ибо рюмки малы. Подобный подход должен быть чужд психологу, он должен разбирать психологическую подкладку учреждения, а не злоупотребление учреждением; если злоупотребление и возмущает, то из этого никоим образом нельзя вывести, что само учреждение никуда не годится.

Второе основание к нападкам на клятвенное учреждение многие видят в словах нагорной проповеди. Спорить на богословской почве о правильности перевода греческого слова, дающего словам Спасителя смысл запрещения клясться, мы не берёмся. Судя по приёмам своей проповеди, Христос не уничтожал существующие обычаи, но только указывал лучшие для них формы. В Его же время клялись все и весь день, истинное значение клятвы (призывать Бога в свидетели

правдивости слов) было затемнено: клялись небом, Иерусалимом, землёй, разными тварными предметами и проч., всё это не имело ровно никакого клятвенного смысла, как и в настоящее время не имеет смысла клятва ребёнком, женой и проч.; подобные клятвы – низкой пробы и вовсе нежелательны. Всё равно, как Спаситель указывал лучшую идеальную желательную форму сожития людей, советуя забыть злобу и даже подставить обидчику другую щеку, точно также Он указал и идеальную форму абсолютной правдивости человека, советуя ему отвечать только „да“ и „нет“; если же человек прибегает к клятве, то тут же, так сказать, пропадает чистота среди людей и выходит наружу лукавое. В Ветхом Завете истинность речи подтверждалась именем Бога; Спаситель же учит большему – обходиться без этого свидетельства; Он начертывал идеальный порядок жизни людей, но тем не отрицал обычай, сам по себе и религиозный и нравственный. Ведь Он Сам не однажды ссылался на Отца, как на свидетеля истинности Его проповеди.

У евреев был такой обычай – судья произносил клятвенное обещание, а подсудимый отвечал: *ты сказал* – это была форма, заменяющая клятву. Точно также на вопрос первосвященника: Ты ли Христос Сын Божий? Христос отвечал: *Ты сказал*, на что первосвященник отвечал, предварительно разорвав на себе платья (обычай выражать ужас): „Вот вы слышали богохульство“ (т. е. слышали ложную клятву).

Дух всего учения Христа не позволяет допускать, чтобы Он проповедовал уничтожение судов за обиду, уничтожение клятвы; Он этих учреждений не касался; Он отдавал Кесарю кесарево, но в то же время проповедовал духовное обновление людей. Думается, что и нам не следует их касаться, так как совершенствование человека идёт, при помощи благодати Божией, из его нутра, а не извне; если переменится к лучшему нутро, то изменится к лучшему и внешность, но обратное бывает редко. Нравственное возрастание людей идёт вперёд не путём насильственного уничтожения учреждений, а путём подготовки почвы для восприятия лучших форм, путём созревания в обществе более возвышенных идей, и не иначе, как на почве образования и надлежащего воспитания. Поэтому,

мы и будем стремиться к чистосердечному: *да и нет*, но в то же время не будем уничтожать клятву; во-первых, в ней нет ничего нехорошего, когда человек обещает Богу сдержать своё слово, а во-вторых, уничтожением клятвы ничего не достигнешь касательно возрастания нравственной идеи. Со времени Спасителя прошло XIX веков, а много ли найдётся душ, способных чистосердечно исполнить Его завет – говорить всегда правду? Вот как трудно достигается совершенство! А тут думают, что с уничтожением клятвы, т. е. с уничтожением одного из способов напоминания правды, все люди вдруг сделаются правдивыми; скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается.

Трудно понять ход мыслей у людей, желающих уничтожения клятвенного учреждения; неужели, если люди станут произносить вместо слова *клянусь* – *да и нет* или, как это мы видим в кантоне Базель, свидетель вместо клятвы будет пожимать руку председателя суда, неужели вдруг может измениться людская, нравственность? Разве слова: *да и нет* не составляют такой же клятвы, в которой свидетель – совесть, а возмездие за ложь – угрызения совести? Изменяется только форма, но не идея, психика же осталась та же; не форма обуславливает успех, а внутреннее благочестивое настроение.

Истинный подвиг культурного человека – не выставлять свои высокие нравственные качества, а стараться вникнуть в простого человека и помочь ему справиться с самим собой в те моменты, когда его смущает лукавый; истинный подвиг заключается в сохранении для него, ещё нравственно незрелого, такого сильного средства для отрезвления, каким может оказаться клятва, идея которого так тесно связана с идеей загробной жизни, имеющей в свою очередь неоспоримо благое влияние на ход развития этики. Истинный философ никогда не откажется от клятвы, не будет спорить о форме, ибо философия с верой всегда сходятся; поднимают все эти вопросы полуобразование и односторонность взгляда на медаль, забывая, что есть у неё в то же время и другая сторона; а главное, подымает эти вопросы гордыня, мнящая в себе силу и мощь никогда не врать, никогда не кривить душой!

Окончим наш очерк словами Гюго, тонко понимавшего высшие вопросы духа; он так выразился о клятве: „тот, кто клянётся чистосердечно, тот уподобляется алтарю, на который нисходит Бог“.

А. Берс

**Из записок и дневников// Миссионерское обозрение.
1904 г. № 1–10. С. 201–210.**

Говорил полковник Пашков о поклонении «святым угодникам Божиим»... В его непоследовательной и мало красноречивой, а потому, конечно, не совсем убедительной – по крайней мере для людей просвещённых, каким я смел считать самого себя, – речи так и проскальзывал намёк на то, что «угодниками Божиими» могут считаться лишь по своему исключительному положению в жизни именно те люди, – как он например, – которые, не пощадив своего высокого положения и нисшед с него вниз, как богиня Олимпа к троглодитам в пещеру, протянули свои руки помощи к падшим на земле и тем своим благодеянием дали им случай подняться из ничтожества... То есть, «святые отцы наши» не потому святы, что они «канонизованы во святых сих», а потому, что они вели святую жизнь своими деяниями на земле и потому уже удостоены были «святой памяти»... Но это, однако, не давало нам права приравнять их Божеству, и поклоняться их образам наравне с ликом Творца мира...

Такова, в общих чертах, была эта «беседа» Пашкова... Нельзя было сказать, чтобы она представляла совершенную бессмыслицу, как я ожидал от «духовной проповеди» светского человека, но и нельзя было также думать, чтобы она исходила из души, глубоко прочувствовавшей свою идею, доведённую до внимания других, тут присутствовавших. И поэтому проникнуться этой «проповедью» Пашкова я не мог и не допускал того же в других, моего мнения спрашивавших об этом. Не допускал я потому, что это было ведь сказано слишком вольно и неопределённо, и слишком туманно и не обобщённо... Да и вообще видно было, что полковник Пашков не мог подкреплять свои мысли чем-либо более основательным, убедительным для слушателей. И такие «беседы», как то мне казалось, для тёмного люда были совсем мало понятны, потому что они были в высшей степени туманны даже и для просвещённого человека, а в тоже время и слишком проблематичны.

Но мысль, тем не менее, как бы казалась новой и на неё следовало бы обратить относительное внимание... И что такая идея не могла истечь из головы с малыми мозгами, тоже надо было сознаться. Некому только было подтвердить в данном случае ту мысль, что исходила ли эта идея прямо из головы Пашкова, и не была ли она достоянием кого-либо другого, так лишь случайно здесь отразившейся, или намеренно попавшая на язык этого, в то время популярного на Гагаринской набережной, лица. Ответить на все эти вопросы своевременно, конечно, мне никто не мог, и едва ли бы ещё нашёлся такой смельчак, который бы стал вдаваться в такое определение вещей, в котором могло существовать лишь одно понятие или представление о них, по никак уже не ясное более или менее истолкование их в общедоступных словах, какими должны были быть слова комментатора...

Но Пашкова, надо заметить, понимали именно так, как он говорил, т. е. туманно и неясно. И в этом-то тумане потом людям приходилось блуждать в своей жизни очень долго, если уже не навсегда оставаясь «неясными» в своём представлении себе «идей пророка» с Гагаринской набережной и неосвещёнными с точки зрения логики мыслями чистой истины... Вот это-то и казалось многим людям здравой мысли несколько странным... Допуская такие проповеди в частном доме, говорили они, – какими же соображениями руководствовалась подлежащая власть?.. Доискивались также этой мысли и многие другие... Но не находя её вокруг себя ни в ком из людей, они успокаивались на том, что «пусть что будет, то и будет»... и что, мол, «наша хата с краю и я ничего не знаю»... Вот как думали многие из людей мыслящей среды об этом «деле». – если только «беседы» полковника Пашкова можно было назвать этим словом; – вот почему эти «проповеди» и имели своего рода значительный успех среди толпы, – если только всех, здесь собиравшихся, можно было подвести под эту рубрику. Но чтобы отводить «беседам» на Гагаринской набережной какое-либо серьёзное религиозное значение, из людей положительной мысли никто того не допускал. Но зачем же они были допущены к «делу», всякий

спрашивал кого угодно... На что, однако, ответа не последовало никакого. И это, надо было думать, потому, что тут, как видите, были замешаны такие лица, экстерриториальность которых ограждена гражданским законом...

Но вот, наконец, «беседа» кончилась, и полковник Пашков, обтирая лицо своё батистовым платком, ярко сверкавшим его белизной перед блеском освещённого зала, сошёл со своей импровизированной кафедры и смешался с толпой, его окружавшей как бы опять-таки для того, чтобы подойти под его благословение... Но на этот раз он уже удовлетворял любознательность тех, которые предъявляли к нему свои вопросы на предмет пояснения им некоторых положений проповеди, которых они не поняли... Подошёл и я к этой толпе. Тут дама, меня перед тем осаждавшая, представила полковнику, как нового их «прихожанина»... Пашков, вопреки общему обычаю, тут существовавшему, машинально протянул мне руку, и я дождал её. Чтобы поддержать мне с ним какой-либо разговор, как новому лицу в их обществе, которому всё-таки же требовалось обстоятельно ознакомиться с правилами «прихода», в который он попал, я спросил его о цели, преследуемой им в своих задачах...

– Только религиозная, и больше никакая, – ответил он мне мягко, вежливо и учтиво, так, как бы желая этим сказать: да разве вы не слышали, что я говорил?

– Нет... Я не об этом вас спрашиваю, – повторил я свой вопрос, – а о том, что вы в конечном выводе думаете получить от ваших проповедей?

– Только одно – укрепление в вере истинной и в Бога живого вездесущего, – опять, тем же ровным и мягким тоном ответил мне полковник.

– Но разве у нас замечается какая-либо шаткость «в вере истинной?»

– А как же?.. Разве вы не видите, что делается вокруг нас?.. Всюду крамола, везде безверие, отовсюду несутся вести о сектах и т. д.

– Так вы думаете, что своим учением о «вере истинной» отвлечёте людей от их заблуждений?..

– Непременно... То слово истины, которое я поселяю в слушателях моих, должно уже глубоко запасть в их душу неотразимой верой в Бога сущего...

– Ну это очень, однако, богословский вопрос, и я в нём окажусь, пожалуй, не компетентным, – ответил я...

– И я также думаю...

– То есть?..

– Что вы не компетентны...

– А вы?..

– Я изучил его основательно... С той целью, чтобы заняться своими проповедями, я подготовил себя достаточно для этого предмета. И чтоб выйти из него победителем, мне пришлось брать уроки у лучших профессоров богословия, которые потом и направили меня на это святое дело любви к ближнему своему. А так как дело без веры обыкновенно мертво есть, то я и приобщил к нему свою благотворительность, которую и веду теперь неустанною рукою ко благу моих прихожан. И если вы не побрезгаете моим хлебом-солью, то прошу вас посетить мои столовые на Выборгской стороне, в которых я кормлю ежедневно тысячи людей лучшим продуктом, какой только может нам дать северная столица...

Я поблагодарил полковника за его любезное предложение, но оставлять его в покое на этот раз, как он, вероятно, думал, ещё не желал, потому что у меня оставалось тогда не мало вопросов, на которые я хотел получить от него те или другие ответы. И вот я вновь задан Пашкову такой вопрос:

– А известно ли вам, что у нас на Руси храмов, сооружённых в честь угодников Божиих, как, например, Николая Чудотворца, значительно более, чем во имя Спасителя?

– Так что же такое?

– Да то, что ведь ваша идея, сейчас проводимая в проповеди, как бы разрушает все эти храмы тем, что она видит в угодниках Божиих только одни «святые дела», но не видит в них той святости, которой мы поклоняемся здесь?

– Ну я этим вопросом так строго не задавался...

– Так как же иначе?.. Ведь, если брать человека, положим, как он есть, для того, чтобы рассматривать его субъективное

бытие, так необходимо брать в этом случае и общую психофизическую единицу жизни его, а никак не одну из сих двух сторон существа...

– Совершенно верно... Но я не включал в свою программу деятельности предмета, требующего обстоятельного рассмотрения его в другой форме. В какой из двух сторон жизни человека находится больше добрых дел – в святых ли его поступках или в освящённых делах его – я судить не могу, – не потому, конечно, чтобы я не был в силах показать своё alibi, а потому, что я не хочу вдаваться в вопросы чисто канонического характера, что, конечно, вовсе не относится до моих скромных задач... И я уже далеко не так честолобив, как думают некоторые, чтобы, не понимая строго своих задач, отведённых мне правом на мои духовные беседы, вдаваться со своим авторитетом, может быть, даже очень скудным для кого-нибудь, во владения, чисто относящиеся до высшей духовной власти...

– Но вы так поставили свой вопрос в проповеди, что я ничего другого в нём не мог увидеть, как только прямое отрицание святости тех, добрые дела которых были канонизованы веками и властью... и святость которых установлена верой и поклонением здесь...

– Ну это вы напрасно... Я ничего не отрицаю, а только укрепляю...

– Но зачем это?! Разве здание веры требует ремонта?

– А разве нет? Разве вы не знаете, что мы на краю разрушения...

– Какого это?..

– Ну, конечно, сектантство подкапывает основы нашего здания... Конечно, мы должны укреплять его, чтобы оно не рухнуло, нам нужно теперь большие усилия для того употребить...

Это мнение почтенного русского Редстока показалось мне большой натяжкой и я понял, что он ничего другого, кроме сектантства, в своё оправдание представить не может и не в силах, потому что он или не в эрудиции «своего вопроса», хотя он, как говорил, и слушал лекции богословия, – правда у себя дома, но не в академии, – или же ему не удобно было по

некоторым, может быть, и заслуживающим особенного внимания кого-нибудь, обстоятельствам говорить об этом, или просто-таки ему было воспрещено, кем следует, возбуждать эти вопросы в той форме, в какой я возбудил их.... Но мне непременно хотелось узнать от него точного мнения о том, что он говорил на «беседе», т. е. в своей проповеди...

– Как «новый прихожанин», – начал я опять свою речь уже их излюбленными словами, – я хотел бы услышать от вас, как от лица, посвящённого в своё «доброе дело», вполне основательного, более ясного для меня ответа, чем тот, который вы мне дали...

– Вы хотите знать, как я смотрю на святость признанных церковью святых угодников Божиих?

– Да.

– Так же, как и сказал.

– То есть?

– Ну, что их святость постольку достойна поклонения им, поскольку их добрые дела заслуживают того...

– Но это всё-таки неясно для меня... И я хочу знать то именно, достойна ли их добродетель такой памяти, как сооружение в честь их храмов?..

– Этого вопроса я не касаюсь...

– Ну тогда мне придётся остаться в неведении своём...

Это моё замечание Пашков оставил без ответа, и, вероятно, потому, что он, действительно, не мог себе дать ясного отчёта в том, что говорил в проповеди, или же он остерегался совсем отрицать догм веры в святых угодников, видя меня перед собой ещё в первый раз и не зная того, с каким намерением я его об этом допрашивал, так как в то смутное в некотором отношении время 70-х годов, когда юный либерализм выходил на площадь Казанского собора с красными флагами на шестах, всякий общественный деятель, подобно полковнику Пашкову, был обставлен от III-го отделения³⁷, тогда ещё функционировавшего, чуть ли не целой армией сыщиков... Вот почему полковник и не хотел говорить мне всего того, что он думал на предмет своих задач вообще и о святости святых – в особенности... Поняв это, я, конечно, больше уже его не беспокоил своим любопытством...

Но, продолжая оставаться подле него, я услышал, между прочим, его мнение на предмет моего разговора с ним, в его беседе с другими, тут присутствовавшими лицами. И мнение это он выразил так: «Сегодняшняя моя беседа, кажется, не так удобопонятна была для вас»?..

– Напротив, мы истинно признательны вам за неё, – сказал «князь»... И я, с своей стороны, никогда так ясно не смотрел на этот предмет... как теперь...

– Но, однако, она иных не прояснила своим светом истины, – как бы обиженным тоном сказал полковник...

– Так что ж делать?! если тьма веков, поселенная между нами, не может быть сразу рассеяна одним лучом Божественного света... На это, как и на всякое сложное дело, требуется не мало времени и человеческих усилий...

Я не считал нужным принимать слов «князя», сказанных о «тьме», на себя и потому оставался равнодушным слушателем беседы Пашкова с его ближайшими друзьями-прихожанами...

Но вся эта «блестящая компания», с которой русский Редсток вёл свою беседу, вскоре удалась в «отдельный покой сего дома», где, как я узнал потом, для неё уже была готова «вечерняя закуска», как постоянный «после-беседенный трапезный стол»... Сам же Пашков на время ещё остался в том зале, где читалась им проповедь, и занялся «напутствием» тех своих прихожан, которые поджидали его здесь для какой-то «частной аудиенции».

Побыв с минуту ещё в зале, я, по примеру других, здесь бывших «на беседе», как новичков, так же, как и я, не знавших всех «местных обычаев дома сего», требовавших «закуски», стал направляться к выходу. Но изящная дама, весь вечер чичеропствовавшая³⁸ мне, окликнула меня тихим словом – «куда же вы» – и заставила остановиться. Намереваясь с ней проститься и поблагодарить её за любезность, оказанную мне своим вниманием во время вечера в чужом доме, где я без неё многого кое-чего и не достиг бы, я направился к ней навстречу.

– Куда же вы? – повторила она свои вопрос, делая на нём усиленное ударение в знак того, что она удивлена моим поступком.

- Да к выходу, – равнодушно ответил я.
- А закусить?
- То есть, как это закусить? Вы хотите знать, где я буду ужинать?
- Да нет-же! Здесь закуска приготовлена для всех нас.
- Для вас – может быть, но только не для меня; я здесь человек чужой.
- Экий он своенравный! Ему говорят, что для всех, а он – «чужой». – Идёмте-же!
- И она, взяв меня под руку, повела в другие комнаты дома, где была сервирована «закуска», и где все прочие гости уже давно заняли свои места, вероятно, ими раньше обсиженные и, конечно, достаточно облюбованные.
- Где там ещё вы будете закусывать, – сказала мне моя чичероне, идя со мной под ручку, – когда здесь всё готово. Должны же вы рано или поздно познакомиться со всеми нашими обычаями, если хотите оставаться нашим прихожанином. А то уходить! Разве это можно?
- Отчего же пет?
- Потому что у нас непринято. Всякий, кто бывает «на беседах», если он интеллигентный человек, обязан здесь вкусить хлеба-соли. А для тех, кто не может быть приглашён к здешнему столу, отводится другое помещение... На это есть столовые. Они открыты постоянно. Их двери всегда гостеприимно встречают всех, здесь бывающих, которые нуждаются в подкреплении своих сил...
- Так тут степени и градации тоже имеются в виду?
- Ну, конечно! Нельзя же посадить рядом со мной дегтярные сапоги. Я сбегу от запаха. Ведь это было бы наказанием для меня сидеть рядом с дегтярным заводом во время ужина. Если некоторые любят после ужина горчицу есть, так это ещё не доказательство того, что оно обязательно для всех нас.
- Вы, однако, юмористка, – заметил я своей даме, так же свободно, как и она со мной вела речь свою.
- Ну не всё же конфетничать. Надо когда-нибудь и пословословить. И тем более теперь, когда мы, выслушав

«беседу» нашего главы дома сего, уже отпущены от всех грехов.

– Это как-же?

– Да так. «Беседа» очищает нас от грехов, содеянных нами в течение минувших дней. Теперь мы, что называется, налегке.

– Это для меня новость.

– Почаще станете посещать этот дом, так ещё не то узнаете.

– А именно?

– Ну что ж мне забегать вперёд. Говорю – узнаете, коли будете посещать «беседы».

– А теперь этого нельзя?

– Нельзя. Весь интерес пропадёт. Будущий день только тем и хорош, когда он дарит нас загадкой.

– О, да вы философ!

– А что вы думаете? Я не умею мыслить что ли?

– Не могу упрекнуть вас в этом.

– И не старайтесь. Всё будет напрасно. Я безупречна.

– То есть, как это?

– Да так. Меня не касается никакой упрёк, потому что я его не принимаю ни от кого. И всё, что касается этого, далеко обходит меня стороной.

– Не понимаю.

– И понимать нечего. Всё, что есть упречного в мире, безупречно для меня, потому что я выше всех этих упрёков и посему их никогда не принимаю на свой счёт. Вот почему я и говорю, что будет излишним упрекать меня в чём-нибудь.

С последними словами моя чичероне подвела меня к столу и посадила рядом с собой. Разговор перешёл на кулинарное искусство. Религия, поэтому, на время была забыта; оставлены также были и рассуждения на предмет только что законченной полковником Пашковым проповеди. Но вскоре этот разговор вновь возвратился к услугам общества, как только среди него появился русский Редсток.

С. Глебов

(Окончание следует.)

**Миссионерские очерки // Миссионерское обозрение.
1904 г. № 1–10. С. 211–220**

XVII.

Боголюбов Д. Борис безногий. С. 211–214

Заночевали мы однажды с учителем церковно-приходской школы в его квартире, в штундистском селе. Проснулись утром, – холод в комнате нестерпимый. Не хотелось выглядывать из-под одеяла. Кое-как поднялись. Просим сторожа Мартына самовар нам поставить. Мартын храбро взялся за дело. Наложил в самовар углей по самую трубу. Самовар замер...

Долго и бесплодно возился он с ним; дул ему во все дыры, – насилу самовар жалобно запищал. Чай пить мы сели около полдня. Едва успели мы выпить по стакану, – слышался шорох за дверью: стук! стук! стук!

Входит к нам на деревянной ноге человек. Мужики зовут его Борисом «безногим».

– Здорово! говорит он.

– Здравствуй!

– Я вам не помешаю? робко заявляет Борис.

– Нет.

– Вот спросить кой о чём надо. Живу в кругу штундистов...

– Пожалуйста.

Борис, должно быть, понял, что мы «никак не согреемся». Деликатно он помолчал малость, потом завёл свою речь:

– На счёт мощей хочу я перво-наперво потолковать. Больно сектанты нас этим делом «доходят»...

Борис помолчал и прибавил:

– Намедни молоканин Филатей говорит мне: «какие у вас мощи есть, – я не видел. Видел я, как Османа-пашу по городам возили. Лежит он восковой, а смотрит, дышит»...

– Вы чуете, спросил Борис, куда Филатей метил? Он православные мощи приравнял к восковым фигурам. – Я ему и отвечаю:

– Дурь ты этакая! Мощи открываются митрополитами по царскому указу. Неужто, думаешь ты, такие люди станут нас обманывать?

Борис возбуждённо посмотрел на меня.

Я ему подтвердил, что мощи святых открываются после длинных справок, – после явления от них многих чудес, когда власти уверятся, что ошибки тут быть не может...

Борис спросил:

– А что есть о мощах тексты в Новом Завете?

И, помолчав, он же сказал:

– Я привожу – не помню, какое место, – где написано: *«духа не угашайте»*... Там дальше есть словечко...

Я прочитал из Библии: *«Сам Бог мира да освятит вас во всей полноте, и ваш дух, и душа, и тело во всей целости да сохранятся без порока в пришествие Господа Нашего Иисуса Христа»* (1Фес.6:23).

Борис радостно подхватил:

– Во-вот! Апостол желает, чтобы у христиан *во всей целости* сохранились тела до пришествия Христова. Стало быть, тело, *по милости Божией*, может сохраниться от разложения...

Я похвалил проницательность Бориса. Ободрённый, он продолжал:

– А из 1Кор.7:14 подойдёт?

Мы прочитали: *«неверующий муж освящается женою верующей... Иначе дети ваши были бы нечисты, а теперь святы»*.

– Видите, сказал Борис, христиане именуются святыми. Стало быть, тела их могут не истлевать...

Я заметил, что *стороной*, пожалуй, можно и так рассуждать. Вообще же лучше держаться более подходящих к делу доказательств...

Борис поругал штундистов, подивился их тупости, а потом целомудренно произнёс:

– Есть у меня одно сомненьице. Насчёт зверя и образа его по 13 гл. Откровения. Что это там виднеется? Штундисты выставляют это место против икон. Они сказывают: – Апостол пишет Солунянам: *«тайна беззакония уже в действии»*. Какая тайна? По их понятиям выходит – иконы. Пока, дескать, Апостол, удерживавший эту тайну, жил, икон не было; а как умер Апостол, – в церкви завелось «беззаконие» – образа...

– Разведите мне это место пожалуйста. Я сомневаюсь...

Успокоительно я сказал Борису:

– Напрасно, брат, ты волнуешься. Икона зверя не разрушает святые иконы, а утверждает их. Заметь прежде всего: в 2Фес.2:5 говорится об антихристе, – о том злом мучителе, который придёт к концу века и станет мучить христиан. Этот безбожный мучитель ещё не пришёл. Признаков его видимого явления ещё нет. По откровению Иоанна Богослова выходит, что антихрист, когда *чувственно* придёт, *«он сделает то, что всем малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам, положено будет начертание на правую руку их или на чело их, и что никому нельзя будет ни покупать, ни продавать без этого знака (Откр.13:16,17)*. А разве теперь на земле мы видим где-нибудь такие порядки? Разве у вас смотрят на руки или на чело, когда вы покупаете что-нибудь и продаёте?..

Борис с улыбкой сказал:

– Штундисты говорят, что православные и продают, и покупают с печатью на правой руке, то есть, при торговле они крестятся...

Я ответил:

– Пусть так; но ведь из Откровения следует, что антихрист *всем* людям положит печать свою на правую руку; а вот теперь сектанты занимаются торговлей и *не крестятся*. Ясно, что антихрист ещё не пришёл.

С другой стороны, можно ли в крестном знамении видеть печать антихриста?

Крестным знамением мы изображаем свою веру в Распятого Христа. Крестным знамением с молитвой верующие отгоняют от себя дьявола. – Каким же родом это противное себе знамение антихрист примет за печать свою? Это бессмысленно и кощунственно...

Не бойся же, Борис, «глупых басней» сектантских и крестись благоговейно.

Борис перекрестился истово, а я продолжал:

– По Апостолу следует, что «тайна беззакония» уже в действии. Дух антихриста уже проявляется на земле. Каким образом?

Антихрист обнаруживает свою силу *противодействием* Христу. Господь учил нас жить свято, а мы бесчинствуем на радость демонам. Для нашего спасения Господь основал Церковь Святую на земле, а многие люди разоряют её, – это царство Божие.

Кто же разрушает Церковь Христову? Все еретики и сектанты вообще. Они подкапываются под основание Церкви – святейшую веру нашу; они разоряют святопреданные порядки церковные; злословят высшие власти. И потому, Борис, от сектантов бери доказательство, что *«тайна беззакония в действии»*. Сектантов справедливо можно считать сынами этого беззакония...

Борис задумчиво слушал; потом, очнувшись, спросил:

– Что же сказать про икону зверя?

Я ответил:

– Об этой иконе рассуждай без страха так: антихрист будет верующим выдавать себя за бога. Он и подражать во всём будет Богу. Он «чудесами» станет обольщать людей. Икону свою тоже он поставит с хитрым умыслом: Сам Бог приказал некогда людям сделать рукотворенную святыню. Эта святыня будет у христиан, по приказу Господа. Иначе с какой стати антихрист, *из подражания Богу*, стал бы вводить среди людей свою икону?..

И вот тебе мой сказ, Борис: своим кощунством над православными иконами сектанты лучше всего *утверждают* их. Если даже антихристу, для обольщения людей, понадобится своя икона, тем более, значит, у христиан *должны* быть *святые* иконы. Через них они легче и лучше, твёрже будут вспоминать о Боге; через святые иконы они *до подробности* будут представлять, как Господь совершил наше спасение на земле, и путь Господень будут без ошибок отличать от козней антихриста.

Помни это, Борис. Стой и укрепляйся в евангельском учении, как его передаёт тебе св. православная Церковь. Веди добрую христианскую жизнь, оберегай себя от лукавых сетей обольстителей и под покровом Церкви православной спасайся...

Борис прослезился. Мы братски с ним простились.

Д. Боголюбов

С. К. Два дня миссионера среди зырян раскольников. С. 214–220

Был февраль месяц. Я ехал по реке Печоре (летний и зимний путь – летом в лодке, зимой по льду). Была страшная вьюга. Дороги не было видно и кони постоянно сбивались. Ямщик ворчал, зачем я выехал на ночь. С берега разносился неприятный шум леса. Северный холод, вместе с пронзительным ветром, давно уже проник под мою тёплую шубу, и я к концу дороги сильно озяб. Сорок пять вёрст мы ехали двенадцать часов. К кому остановиться? – обратился ко мне ямщик, когда мы подъехали к деревне П... – «Поезжай к Филиппу», ответил я. Я ехал в эту деревню в первый раз, и она мне была незнакома. У Филиппа мне посоветовал остановиться приходский священник. Филипп человек зажиточный, и изба у него большая, сообщил мне батюшка.

Подъехали к дому Филиппа. Послал ямщика в избу спросить хозяев, можно ли у них остановиться. «Заходи, можно, – закричал ямщик, подходя к саням. Обрадовавшись, я быстро выскочил из кибитки и побежал в избу. – «Не ходи, пожалуйста, у нас дети больны», – неожиданно услышал я в тёмных сенях голос какой-то женщины. – Где же мне, тётушка, остановиться? Укажи! В ответ на мой вопрос женщина хлопнула дверью. – Зачем же ты сказал «можно»? – заметил я ямщику. – «С самим хозяином я разговаривал, защищался ямщик, – и он ясно сказал: пусть заходит. Должно быть бабы зашумели», – предположил он.

Поехали по деревне. Погода не унималась. Ветер бил прямо в лицо. Женщина, поившая лошадь, указала нам дом сотского. Вошли в небольшую крестьянскую избу. Хозяина, к сожалению, не было дома. Было раннее утро. Испугавшаяся хозяйка выбежала на улицу, вероятно, спросить ямщика о моей личности. Минуты через три она вернулась и заявила, что у них изба очень мала и тесно. Действительно, чего-чего в этой избе и не было... Я с трудом нашёл себе место присесть. «Вот у Семёна изба просторная и самовар есть», предложила хозяйка.

Дарья! – обратилась она к снохе, «сбегай к нему», – поспешила отделаться старушка от нежданного гостя. В ожидании лучшего я сидел в верхней одежде. – «Семён сам согласен пустить, да жена не соглашается», – закричала в дверях возвратившаяся Дарья. – Как не соглашается? – возмутилась старуха. – Анна! сходи ты, – обратилась она к своей дочери. Побежала эта. Ждал минут десять. – Зовут, поезжайте!

Ну, слава Богу! обрадовался я. Заехали к Семёну. И здесь радушие не было видно. В избе темно. Семён лежал на лавке: кто-то кашлял на печке. На моё приветствие Семён ответил: «и у нас ведь не просторно, изба небольшая, – напрасно жена сотского указала на наш дом; вот доведу я вас лучше до Василиска, там вам будет хорошо». С этими словами Семён встал, зажёл лучину и вышел из избы. Я за ним. – Куда? – удивился ямщик мой. – Да вот к какому-то Василиску повёл, – придётся тебе опять сани ворочать. Подъехали к дому Василиска. Ямщик зашёл вместе с Семёном. Я остался на улице и поддерживал коней. Минут десять шли совещания в доме Василиска. «Не пускают и здесь», с выражением сильной досады в голосе доложил ямщик о результате совещания. – Ну, едем снова к сотскому!..

Приехали к сотскому и с горем пополам приместились у него.

Отдохнув два с половиной часа, я послал десятского оповестить народ, что приехал миссионер, привёз с собой много старых книг и приглашает желающих поговорить о вере. Слушателей пришлось ждать часа полтора. Возвращается десятский и сообщает, что большинство мужиков в лесу. – «Никто больше не придёт», – сказала жена сотского, видимо, тяготясь моим присутствием. В дверях показался мужик. – А вот ещё какого-то «дядю» Бог несёт, – обрадовался я.

– «Ну этот дядя столько же знает из Писания, сколько и мы», – засмеялись мужички. – К чему нам знать Писание? – говорит вошедший, – и без Писания видно, что последнее время настало. Вере начали через десятских учить. Гонение какое-то началось. Неграмотен я, но знаю хорошо, что Апостолы не так прежде учили. Не хотел идти, «да думаю, ослушаешься

оштрафуют. Ныне время такое, всего бойся». – Это верно, – поддержали его мужички, – со всех сторон начинают теснить.

«Братья! – начал я беседу, – напрасно вы испугались, что приехал к вам человек с проповедью о вере. Вам неприятно, что я позвал вас сюда через десятских. Но как же мне быть-то? Св. Апостолы ходили с проповедью без этих толстых книг (указываю на привезённые мной книги), в наше же время для бесед с вами «староверами» эти книги необходимы, на слово вы не поверите. Подумайте теперь, как же со всеми этими книгами я пойду по домам». – «Это верно», сказал кто-то. – А что десятских-то я послал, то и этого вам бояться не следует. Я был бы очень рад, если б кто и другой, не из десятских, оповестил народ. Мне всё равно. Будем беседовать с миром, с любовью. Какое же, братцы, это гонение? Мужички молчали. «Ничего для вас худого не будет, продолжал я свою речь, будьте со мной откровенны, говорите смело всё, что вам не нравится в нашей церкви, на всё это я постараюсь, с Божией помощью, найти ответ вот в этих книгах.

– «Да что нам книги, – начал один мужичок, – мы люди тёмные... Бог знает, какие это книги... Наших книг вы не привезёте». Долго мне пришлось толковать по поводу этого недоверия к привезённым мною книгам. Напрасно я указывал на время издания этих книг, даже на внешность их, на бумагу, – мужички твердили одно: «год-то ведь можно поставить, это для вас не трудно, в типографиях ваших напечатают». На вопрос мой, нет ли у кого в деревне старых книг, с которыми бы они могли сличить привезённые мною книги, с целью удостовериться в полном их сходстве, мужички отвечали: «какие у нас книги? Народ у нас бедный, хлеба купить не можем, да и некому читать-то у нас: народ всё неграмотный». Чтобы хотя несколько расположить слушателей в пользу книг, приготовленных для беседы, я показал в них несколько таких свидетельств, которыми пользуются раскольники (двуперстие, хождение посолонь и друг.). И затем кратко излагаю на понятном для слушателей зырянском языке историю домостроительства нашего спасения и перехожу к полемическим вопросам о Церкви Христовой и таинствах.

Делаю ссылки на старопечатные книги. Но мало внимали моей первой проповеди. Мой приезд, эта беседа, эти книги толстые – всё это нарушало обычное течение жизни этой глухой деревни и народ никак не мог понять, что всё сие значит.

Раскольники слушали меня рассеянno и присутствовали на беседе, как бы отбывая какую-то повинность. Сидевшие ближе ко мне прерывали мою речь самыми разнообразными вопросами, часто не имевшими никакого отношения к предмету моей беседы. «Становой не едет в нашу волость»? – спрашивали меня в такие минуты, когда предмет моей речи требовал особенно напряжённого внимания со стороны моих слушателей. «А чем это поп-то прав?» возмущается один мужичок по поводу употреблённого мной выражения «смертию смерть поправ» (раскольники читают: «смертью на смерть наступи»). Обвиняли мои слушатели православную Церковь за троеперстие, за хождение против солнца, за изменение слов в молитвах, за курение православными и особенно духовенством табаку, за звуковой метод преподавания в школах, за медицину с оспопрививанием, за нарушение православными постов, за пароходы, за пороховые спички, керосин, картофель – за всё, чего в старину жители Печоры не знали. Хотя все эти обвинения высказывались не своевременно (слушатели постоянно прерывали мою речь), но я не оставлял их без внимания и делал по поводу их краткие объяснения. Тяжело начинать проповедь среди этих людей. Но никто как Бог, с Его спасающей благодатью! Может быть, тот самый мужичок, который сегодня с улыбкой на устах слушал мою проповедь, в следующий мой приезд будет слушать с сердечным умилением. Утомлённый нравственно и физически, я окончил беседу.

На предложение моё побеседовать ещё, на другой день, мужички отвечали: «мало пользы с нами беседовать, мы люди неграмотные, ничего не понимаем, – в одно ухо заходит, в другое выходит. Как жили отцы да деды, так и мы будем жить, напрасно беспокоитесь; да и некогда нам, – работать надо, жалованье мы не получаем». С невесёлыми думами оставил я эту деревню.

«На станции огонь, должно быть, кто-то приехал», – сообщил мне возница, когда подъехали мы к земской станции. Действительно, на станции за кипящим самоваром сидел один из уездных чиновников.

«Отдохну душой в беседе с интеллигентом», – обрадовался я встрече в этой тёмной глуши (от уездного города 700 вёрст). «Со мной стаканчик чаю», предложил мне интеллигент. «Благодарю вас, очень приятно».

«Бросьте вы эту работу», – начал «интеллигент», когда я принялся за чай, – «конфузите вы только себя этим переливанием из пустого в порожнее, тратите свои силы на какие-то рассуждения о перстах, как будто не всё равно, кто как верует. Помните «Суратскую кофейню» Толстого? Напрасно вы стесняете раскольников, они живут лучше ваших православных, – ни убийств, ни воровства, ни драк в этом крае не слышно, – очевидно раскольники скромный и честный народ, а вы хотите, что б они жили как православные».

Долго ещё иронизировал интеллигент по поводу миссионерской деятельности среди раскольников. Не имея намерения рассуждать по поводу религиозных воззрений моего собеседника, я перевёл разговор на практическую «земную» почву и с этой стороны попытался выяснить пользу миссионерской деятельности.

«Вы желаете просвещения этого края?» – обратился я к собеседнику. – «Школы, школы разумно поставленные – вот единственный рычаг просвещения, а вы с попами вашими уж ничего не поделаете», с апломбом проговорил собеседник. – И мы не отрицаем значения школы, заметил я, но дело в том, что школы-то здесь пустуют. В деревне около ста домов, а в школе учится только два-три мальчика, да и тех с трудом завербовали. А почему? Потому что раскол не любит просвещения, тьма боится света. Школ прежде не было, да не хуже жили, школы ваши только «мирщить» научат, – толкуют мужички. Живой пример для них местный волостной писарь, обучавшийся в городе и изменивший вере своей матери раскольницы. Если вы действительно хотите распространить здесь грамотность через школу, то нужно прежде расположить население в пользу неё,

необходимо смягчить фанатизм раскольников, к чему по возможности и стремятся миссионеры. Не думайте, что о перстах только и толкуем мы с мужичками. Приходится нам объяснять и то, что не «бес» сидит в паромовых и телеграфных проволоках, что грех пользоваться керосином, что оспопрививание не антихристова печать, что не грех лечиться и т. д. Надеюсь, что вы не будете отрицать значения, по крайней мере, этих бесед. Лечиться, по мнению раскольников, страшный грех, – идти против Бога. Сколько зла бывает от такого отношения населения к медицинской помощи. Вот недавно были здесь три эпидемические болезни. Сколько жертв они унесли, сколько народа переболело. Никаких санитарных мер не признают, оспопрививания боятся, как страшной печати антихриста. «Задушу на ваших глазах своего ребёнка, если вы подойдёте ко мне», кричал раскольник входившим в его избу уряднику и оспопрививателю. Здесь даже намеренно заражают своих детей оспой, признавая эту болезнь за выражение особенной милости Божией и т. п.

Послышался колокольчик.

«Кто-то, кажется, приехал», – прервал мою речь собеседник. Входит новый пассажир. Разговор наш с интеллигентом кончился, и я велел закладывать лошадей.

Путь мой лежал в другую раскольничью деревню Р.. Прибыв в неё в 10 ч. утра следующего дня, я попросил, кого следует, оповестить население о миссионерской беседе.

Десятский ещё не успел обойти всей деревни, как народ уже собрался. Весело поздоровались. «Ну и книг у тебя; столько, кажется, ты ещё не привозил», – удивились мужички. Беседа продолжалась четыре часа. Слушали меня очень внимательно. Мужички помнят многое из прежних моих бесед. Радостно было слышать признание некоторыми из моих слушателей-беспоповцев той истины, что таинства причастия и священства для спасения необходимы. Раньше, – не так давно, они этого не признавали. «Если-б священник молился по-нашему (двуперстно) и ходил бы посолонь во время крещения, то я, пожалуй, стал бы в церковь ходить» – заявил один мужичок. Жди! будут они по-нашему молиться! заворчала какая-

то женщина по поводу этого заявления. «Без причащения-то уж нам не спастись», продолжал мужичок, об этом во всех книгах написано, у нас ведь такие же книги. Какая у нас жизнь? Вот я за четыре десятка прожил, а никому ещё не исповедовался; так с грехами и придётся умирать».

Такая речь беспоповца, – это ли не радость для беседовавшего с ним миссионера?

Дай только, Господи, миссионерам сил и терпения!

С. К

**Из миссионерской полемики // Миссионерское
обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 221–223**

**Буткевич М., прот. Миссионерское увещание
еврейки, пытливо ищущей входа в церковь
Христову**

Дорогая о Господе, Творце и Промыслителе, Ш. Я.!

В виду того, что вскоре имеет совершиться важная перемена в вашей жизни (выход замуж), что мне случайно стало известным, я, как свидетель завета Господа Спасителя моего Иисуса Христа и свв. Его апостолов, в силу моего доброго знакомства с вашим отцом, а отчасти и с вами, позволяю себе письменно обратиться к вам со своим искренним словом. Надеюсь, что оно не смутит вас. Вот это слово. Вам, как развитой девице, получившей хорошее образование, без сделки с совестью, едва ли возможно оставаться еврейкой по религии, так как религия эта отжила свой век и не представляет теперь никакого значения. Задача иудейского вероисповедания окончена. Главная и исключительная цель, составлявшая важность иудейства, исполнилась в лице явившегося Мессии, в чём в точности удостоверяет всякого разумно интересующегося св. истиной священное писание ветхого завета. В подтверждение своих слов, привожу нижеследующие пророчества о Мессии, из священ. книг пророка Моисея, именно: «не отимется скипетр от Иуды, пока не придёт Примиритель» (тоже самое, но по другой редакции, для большей ясности, – не перестанут быть цари и правители над иудеями, пока не придёт Примиритель (Мессия) (Быт.49:10). Слова эти пророчественно произнёс патриарх Иаков (родоначальник 12-ти колен израильских), благословляя перед смертью первенствующим благословением своего сына Иуду, родоначальника народа иудейского. Сейчас вы хорошо знаете, что царства иудейского (еврейского), во главе со своим правителем-царём, нет, и нет весьма давно, вот уже более 2.000 лет (1903 г. от Р. Хр.). Значит, Мессия пришёл, и в Него счастливо веруют христиане. Затем другое место из библии, из книги Второзакония, пророком Моисеем же, по вдохновению Божию, написанной (Втор.18:18,19), говорить нам следующее:

«Я воздвигну им (евреям) пророка из среды братьев их, как тебя (Моисея), и вложу слова Мои в уста Его (Мессии), и Он будет говорить всё, что Я повелю Ему; а кто не будет слушать слов Его (Мессии), с того Я взыщу». Великое пророчество это исполнилось: Бог воздвиг вам давно сего Божественного Пророка – Иисуса Христа, но отцы ваши (т. е. предки ваши) отвергли Его, и за это Бог с вас взыскивает... А вот что ещё вещает другой пророк – Давид в своих псалмах, – что Иисус Христос есть Сын Божий (Пс.2:7,109:3), что по человечеству Он произойдёт из рода Давидова (Пс.88:36–38), что Он будет проповедовать в притчах (Пс.77:2), что будет продан одним из близких к Нему лиц (Пс.40:10), умрёт мученической смертью (Пс. 21), сойдёт во ад (Пс.15:10), что Он воскреснет из мёртвых (Пс.70:20), вознесётся на небо (Пс.69:19) и сядет одесную Бога Отца (Пс.109:1). Потом обратите внимание на пророчество Исаии, которого, кстати сказать, христиане за ясность пророчеств о Христе почитают как евангелиста. Он, между многим, предсказал, что Мессия будет Богочеловек (Ис.7:14,9:6–8–9), что на Нём почиет Дух Божий и Он произойдёт от корене Иесеева, от рода Давида (Ис.11:1–3), что Он родится от Девы (Ис.7:14), что будет Предтеча предшествовать Ему (Ис.40:3), что Он будет проповедовать в пределах Завулона и Нефалима (Ис.9:1,2), что и чудеса будет Он совершать (Ис.35:4–7,26:19) и, в заключение, пострадает за грехи людей (гл. 53-я, в которой весьма наглядно изображены страдания, смерть и погребение Мессии). Далее, пророк Даниил, живший в плену Вавилонском, предсказал о 4-х всемирных царствах и о вечном Царстве Мессии, и в пророчестве о 70-ти седмицах точно и ясно указал и само время явления Христа (именно, спустя 490 лет после возвращения иудеев из плена вавилонского, при царе персидском Кире); кроме того, пророк Даниил предсказал, что с пришествием (Дан.9:24,25,26,27) Мессии положится «конец», – не будет у израильтян ни пророков, ни видений, из коих можно было бы узнать о Христе-Мессии и о том, что совершит Он в мире, так как всё, что надлежало совершить Христу, окончилось с пришествием Его: упразднился ветхий завет, разрушился Иерусалимский храм, прекратились жертвоприношения,

составлявшие главную суть культа иудейской религии, и народ еврейский рассеян, как и предсказал пророк Даниил (Дан.9:24–27). А вот, наконец, предсказания о Мессии пророков малых, из коих одни жили до пленения вавилонского, а другие после него, именно: пророк Михей предрёк, что Христос родится в Вифлееме (Мих.5:2), что буквально и исполнилось; пророк Иоиль предсказал обильнейшее излияние Духа Господня на верующих в Мессию, по пришествии Его на землю (Иоил.2:28,29). Пророк Захария предсказал, что Он (Мессия), как царь праведный и спасающий, войдёт в Иерусалим в кротости и скромности (Зах.9:9); что Его оценят в 30 сребреников (Зах.11:12,13), что за поражением Пастыря разыдутся (рассеются) овцы (Зах.13:7) и что иудеи воззрят на Того, Его же прободали (Зах.12:10). Всё это в точности и исполнилось... Евреи же, извините за откровенное слово, обратились в нравственных слепцов, которые, по пророку, „очи имут и не видят, уши имут и не слышат” – смотрят они в свящ. книги (библии), да надлежащего смысла, какой содержится в таковых, не проразумевают... А всё это происходит, думаем, от того, что бедные евреи, взамен настоящей библии, руководятся нелепыми талмудами. И пока талмудические бредни не бросят они в огонь и всецело не займутся чистым ветхозаветным свящ. писанием (библией), до тех пор нечего и говорить о познании истинной цели, к какой народ иудейский должен, как к одной из главных своих задач, стремиться, чтобы в противном случае не погибнуть на веки.

Если вы с талмудом незнакомы, то я посоветовал бы вам почитать его и вы убедились бы воочию в тех несообразностях, какими наполнен талмуд: напр., «учение талмуда о Боге и Его занятиях, о сотворении мира, о рае, о кабале, о легендарном учении – Мидраше, что евреи весьма любят и зачитываются таковым, об Аврааме, Моисее, Синайском законодательстве, о смерти Моисея и сражении его с диаволом, об отношениях к христианам, и проч. и проч.». Не тут ли причина, что евреи, так называемые, интеллигентные, совершенно оказываются, по отношению к своему вероучению, индифферентными, и весь интерес и сказ их жизни выражается лишь в грубой

чувственности, материальности, которая, без сомнения, уничтожает истинную цель земной жизни... и сводится к образу жизни бессловесных животных. Оправдывают же они себя коснением в еврействе (без религии) тем, что «раз они стоят в положении всеми и отовсюду гонимых», то и неудобно им переходить в христианство, чтобы не показаться меняющими веру из-за выгод. Печальное оправдание! Можно ли с этим мириться мало-мальски здравому смыслу и сколько-нибудь не чуждому идеализма человеку?! Необходимо проникаться *целями* земной, временной, жизни и думать о будущей вечной, загробной, жизни, которая в сущности и есть истинная задача нашего человеческого назначения... А мы о последней крайне мало думаем, к сожалению и к стыду нашему... В заключение – хотел бы сказать, что я был бы весьма рад, если б вы поняли моё искреннее желание быть вам полезным в разрешении столь серьёзного вопроса... Во всяком случае, надеюсь, что вы не останетесь в долгу предо мною, относительно ответа мне на настоящее к вам обращение.

Протоиерей М. Буткевич

**Летопись периодической и светской печати и новые
книги по вопросам веры и миссии церкви //**
Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 224–
231

Гринякин Н. „Не старообрядец“ и не „старовер“, а „раскольник“. С. 224–230

(По поводу заметки «Нов. Вр.» – «Раскольник или старообрядец?»).

„Новое Время“, желая быть „всем вся“, не забывает от времени до времени своими жертвами и курениями и алтарь совершенно „неведомого“ ему. Чем-нибудь другим объяснить появление в такой солидной газете заметки некоего „Н. О-ва“: „Раскольник или старообрядец“ (№ 9985 – 20 дек.) прямо не под силу рядовому читателю петербургского „Figaro“. Долгом считаем присовокупить к сему, что мы слишком далеки от того предположения, чтобы столпы идейного, и всегда себе равного „Нов. Вр.“, помазывая „мёдом по сердцу“ раскольников, преследовали тут какую-нибудь заднюю мысль. Хотя, признаться сказать, лукавый и наводит на такой грех, когда читаешь конец названной заметки: „всякая статья о старообрядчестве в газетах, всякое мнение об изменении их положения, всякий слух, простая корреспонденция из провинции, сообщающая какой-нибудь факт о старообрядчестве, не только читаются, тщательно обсуждаются старообрядцами, но газеты, вырезки из них переходят из рук в руки, а потом складываются на хранение в сундуки или на полки с книгами. Номера газет, трактующие о старообрядчестве, я видел в Петербурге не только у старообрядцев интеллигентных, но у дворников, церковных (!) сторожей, тряпичников“. Но оставим козни лукавого и займёмся содержанием заметки.

„Раскольник или старообрядец, пишет Н. О-в, – вот что нужно бы непременно выяснить всем сочувственно пишущим за последнее время в газетах о нашем старообрядчестве, один из этих терминов принять и строго его держаться, так как это далеко не безразлично“. Тут что-то не совсем удобовразумительно: „все сочувственно пишущие за последнее время в газетах о старообрядчестве“ должны это „выяснить“, или же для них кем-нибудь это должно быть выяснено? Автор,

видимо, имел в виду первое, и потому, как „сочувственно пишущий в газетах о старообрядчестве“, выясняет это и негодует на имя „раскольник“, а, чтобы явить читающей публике до „дворников и тряпичников“ включительно, что он де по затронутому вопросу... не совсем профан – приводит тому основания. Вот они.

„Знакомый *несколько* со старообрядцами севера России по береговой его полосе от Печоры до Норвегии (каково пространство-то?), а также с их представителями в Петербурге, могу удостоверить всех пишущих, что слово раскольник для всякого старообрядца – ругательное, для слуха очень обидное“. „Удостоверение *несколько* знакомого со старообрядцами“ навело нас на одно воспоминание: один учёный муж, знакомый хорошо и со старообрядцами, и всеми исповеданиями, и всякими народами, удостоверял нас, что, когда невегласу, толкующему о том, чего он не понимает, говорят „невежда“ или что-нибудь подобное, так он, представьте себе, считает это слово за ругательное и даже обижается... „Удостоверению“ тому мы поверили. Верим и удостоверению „Н. О-ва“, но в свою очередь можем удостоверить его, что глаголемые старообрядцы достойно и праведно названы и должны называться *раскольниками*, как на то указаны основания и в Деяниях Собора 1666–1667 гг. („Предел“). Если бы Н. О-в был сколько-нибудь прикосновенен к знанию того, о чём он писал с такой авторитетностью, он мог бы воздержаться от утверждения, что название раскольник по отношению к „старообрядцу“ „по существу несправедливое“. Н. О-в пишет, „что в московской до-никоновской Руси еретиками, *раскольниками* (курс. авт.) называли католиков, в догматах, расходящихся с православными москвичами, лютеран... и пр. неправославных“. Интересно бы видеть цитаты по данному предмету. Быть может, у автора имеются какие-либо любопытные на этот счёт сведения. А то нам всё думается, что и в до-никоновской Руси люди, знакомые *несколько* с „писанием“ и канонами, называли католиков и лютеран, в догматах, расходящихся с православной церковью, еретиками, а не раскольниками. И печатные книги до-никоновских времён (напр. „Уложение соборное“ патр.

Филарета, „Книга о вере“ и „Кириллова книга“ при патр. Иосифе и др.) „удостоверяют“, что католичество и лютеранство, расходящиеся с православием в самой вере, назывались тогда „еретичеством“, а не расколом. Духовные писатели до-никоновского времени, как они ни были невежественны, но по данному вопросу всё же больше знали писателей „Нов. Времени“. Им известно было, что, по 1 пр. Василия Великого, „древние нарекли иное ересью, иное расколом... еретиками назвали они совершенно отторгшихся, и в самой вере отчуждившихся; раскольниками – разделившихся в мнениях и некоторых предметах церковных, и о вопросах, допускающих уврачевание“. По смыслу сего канонического правила, „старообрядцы“, отделившиеся от церкви, со всякими на неё похулениями, из-за обрядов, воистину – *раскольники*. Далее в заметке пишется:

После знаменитого московского собора 1666–1667 гг. ярлык – раскольник насильственно (?) приклеен был к побеждённой половине (?) Руси, противнице „никоновских новшеств“, приклеен был крайне несправедливо, ибо наших старообрядцев отнюдь (!) нельзя назвать раскольниками, так как разница между обеими право-верующими половинами Руси была отнюдь не в догматах, а только в обрядах“. Всё это рассуждение не имело бы места в печати, если бы или автор заметки, или помещавшие её на столбцах „Нов. Вр.“ имели правильное представление о сути дела, хоть когда-нибудь видели „Деяния собора 1666–1667 гг.“ и были знакомы с библейскими и каноническими справками, а также и историей по русскому расколу. Что отделившиеся от церковного единения „старообрядцы“, „непокорники“ и „хулители“ церкви названы раскольниками справедливо, видно уже из вышеприведённых слов Василия Великого (ср. и Ев. Мф.18:17), – расходись же они с церковью „в догматах“, они должны бы быть названы *еретиками*. Другие справки считаем пока излишними. Не желаем в данном случае бороться и с новым сведением по истории раскола, что якобы в старообрядчестве была и есть „побеждённая половина Руси“, чтобы не доказывать, на смех братии, что 2 не есть половина 100. Обращаем своё и других внимание на суть дела. Верно ли,

что „старообрядцы“ – правоверующие и что разница их от православных только в обрядах? „Отнюдь“ нет. Василий Великий пишет в том же 1 пр.: „хотя начало отступления произошло через раскол, но отступившие от церкви уже не имели на себе благодати Святого Духа; ибо оскудело преподавание благодати, потому что пресеклось законное преемство... отторженные (из хиротонисанных), соделавшись мирянами, не имели власти ни крестить, ни рукополагать, и не могли подать другим благодать Святого Духа, от которой сами *отпали*“. Так нужно смотреть и на наших раскольников. Правда, дело раскола началось с обряда: с известною „памятью“ Никона 1653 г., о троеперстии и поклонах, ревнители установившегося, благодаря книжникам иосифовского времени, церковного обряда, почуяли „яко зима хочет быти, – сердце озябло и ноги задрожали...“ Но уже первые расколо-учители в каждом из церковно-обрядовых исправлений – „никоновских новшеств“ видели „еретичество“ или его „тонкий дух“ (см. „Челобитные“ раскольничьи – попа Никиты и др., писания Аввакума и др. столпов „древляго благочестия“). Похуляя православную церковь в ересь мнимых и проповедуя в то же время ереси действительные, напр. о трёх равных естествах в Троице – („секи несокоую не бойся“ – Аввакум), о седении Христа по вознесении на особом престоле, *отдельно* от Пресвятой Троицы и т. п., церковные отщепенцы учили о возможности спасения *вне церкви* со всеми её Божественными установлениями – церковной иерархией и церковными таинствами. И нынешние расколо-вожди, похуляя православную церковь „никонианской“, еретической, учат тому же самому; принадлежат ли они к беспоповскому, беглопоповскому или австрийскому согласию, суть дела таже, поскольку, с канонической стороны, беглому попу и „австрийскому“ такая же цена по отношению к совершению таинств, как и беспоповскому старику. Так в одних ли, теперь спрашивается, обрядах разница между православными и раскольниками? Если – да, то тогда между монархистом и анархистом разница только в костюме. И Н. О-ву, утверждающему по существу такую же несуразность, видимо, роковым образом закрыт доступ к здравому,

евангельскому и каноническому разумению дела церковного. Для Н. О-ва, судя по его заметке, безразлично – принять ли таинства от лиц, имеющих на совершение их преемственно от св. апостолов власть и благодать, или же – от беспоповского наставника, беглого попа и австрийского самозванного „священника“, – всё равно, разница, мол, только в обрядах. Смеем „удостоверить“ нововременского богослова, что над его заметкой, хотя и „сочувственной к старообрядчеству“, горько посмеются и сами старообрядцы. Им известно, что без Христопреданного священства нет истинного христианства (Б. Кат. лл. 2 об., 119–122, 358, 360, 395 об.; Кн. о вере лл. 15 об., 51, 59; Беседы ап. 1552 стр., Сим. Сол. гл. 77 и мн. др.), нет и спасительных таинств. В своё оправдание они, хотя и безуспешно, подыскивают разные „угрызенные“ места творений св. отец, „святоподобия“ и всевозможные теории; но никогда не согласятся с тем, что разница между ними и православной церковью „только в обрядах“; в том, что мы считаем обрядом – троеперстие, четвероконечный крест, тройное аллилуия и пр. под., они и до сих пор видят „еретичества“. Кроме того, – пусть разница между православной церковью и расколом только в обрядах и тогда, по церковной идее, *непокоряющиеся* церкви (хотя бы и из-за обрядов) анафематствуются. Четырнадцатьдесятники, продолжавшие праздновать пасху, по преданию – от ап. Иоанна Богослова и др., вместе с евреями, после того, как 1 вс. собор установил для того другое время, „отлучаются от церкви, аще продолжают *любопрительно* восставати противу доброго установления... Аще же кто из предстоятелей церкви... после сего определения дерзнет к развращению людей, и к возмущению церквей, особитися, и со иудеями совершати пасху: такового святыи собор отныне осуждает, быти чуждым церкви, яко соделавшегося не токмо виною греха для самого себя, но и виною расстройства и развращения многих“ (1 пр. Ант. собора). С этой точки зрения очевидно, что разница православных и единоверцев от раскольников – далеко теперь уже не в обрядах. Раскол там, где есть *отделение от церкви и „непокорение“ ей из-за обрядов*; и его нет там, где и при „старых“ обрядах есть повиновение

церкви и страх отделённости от неё. Сам патриарх Никон, в разгар своей обрядо-реформационной работы, позволил протопопу Казанского собора Ивану Неронову – „сугубить аллилуиа...“ и собор 1666–1667 гг. не возбранял „непрекословящим“ творить молитву Иисусову в „старой“ редакции... Где – единение с церковью в вере (единоверцы), хотя бы и при разнообразии, тут нет никакого сходства с расколом: и в древней „единой соборной и апостольской церкви» обряды были и теперь продолжают быть далеко не одинаковыми. Важна „едина вера и един дух“. С этой стороны „слово раскольник в устах „единоверца“ по отношению к старообрядцу беспоповского толка“ вполне понятно и справедливо. И если Н. О-в находит, что „этого то уже никак не может быть“, то находит это исключительно по неведению „писаний“. Тем же только можно объяснить и такое безграмотное место заметки: „До введения у нас единоверия с кличкой *раскольник* ещё можно было мириться кое-как (?), но после 1801 года, когда *старые* (уверенно ли сказал это автор?) обряды, составляющие суть разногласий между нами и старообрядцами, были освящены от временного *поругания* (кем, когда и как, интересно бы узнать, поругаемы были „старые“ обряды – вне их отношения к раздорничеству – *расколу*?) – и поставлены на подобающую степень уважения“. В приведённых словах не кончено предложение, начавшееся с „но после“. Нужно догадываться, что по мысли автора, после 1801 г. с кличкой „раскольник“ – нельзя мириться. Но уже из вышеприведённых справок видно, насколько таковое суждение справедливо. Суть не в обряде – как таковом, а в идее церковного единства. Словом, по каждому выражению заметки виден богослов, едва ли превышающий уровень познаний в расколе „дворников и тряпичников“. Н. О-в, наконец, пишет, что „несправедливый и обидный ярлык (т. е. слово „раскольник») удержался и с тех пор (1667 г.) гуляет по русской земле и на страницах царских законов...“ Автору неизвестно, видимо, что „в царских законах“ от 1783 г. (Екатерины II) до особого указа имп. Николая I слово „раскольник“ было изъято из всех официальных документов... Но мы на этом останавливаться не будем. Нам хотелось бы, в

закключение, отметить, что недосказанные вожделения автора заметки именовать раскольников так, как они себя зовут – „христианами“, „людьми старой веры, староверами, старообрядцами“ противны церковно-историческому пониманию дела. Прежде всего „христианами“ только старообрядцы себя никогда и нигде не зовут, так как они знают, что этим именем прикрываются и католики и протестанты, и штундисты, и молокане, и хлысты, и скопцы и пр. еретические „упования“. Далее, „староверами“ раскольники не могут именоваться, поскольку „старой“ веры у них нет: *старая*, апостольская вера там, где, при правой вере, сохранено церковное устройство – хриstopреданная иерархия, канонически-законное пастырство и священнодействие; таковая вера была и до патриарха Никона и в православной церкви пребывает доднесь. В расколе такой *старой* веры нет, а есть *новая* вера: что можно обойтись и без церкви, и без Христова преемственно-апостольского трёхчинного священства, и таинств, совершаемых этим священством. Нельзя раскольников по справедливости исторической именовать и „старообрядцами“, так как „обряд“ их не *старее* обряда, содержимого православной церковью; раскольники считают *старым* только обряд времени – от Стоглава (1551 г.) до Иосифа патриарха включительно; раннейший же обряд, воспринятый потом и в практику православной церкви, почитают новым. Но это случилось потому лишь, что они, как и, видимо, Н. О-в, не считаются с историей и археологией православно-литургического культа.

Во всяком случае „Новому Времени“ повторять невежество *старых* времён совсем не к лицу. По Божьему и каноническому закону церковь назвала глаголемых старообрядцев „раскольниками“ и „быть по сему“. Раскольники они, „дондеже вразумятся и приидут в правду покаянием“, т. е. с *покорностью* и раскаянием *воссоединятся* со св. церковью, хотя бы и с удержанием „старого“ обряда. И до тех пор они не могут получить от церкви другого названия, „какое хочешь имя дай“ им „Новое Время“.

Н. Гринякин

Л-н С. [Рец. на:]: Свящ. И. Саввинский. Историческая записка об Астраханской епархии за 300 лет её существования. Астрахань 1903 г., стр. 390. С. 230–231

Большие реки составляются из притоков и ручейков, так и исторические реки составляются из отдельных местных исторических исследований. Невозможно писать общую историю, не имея под руками таких частного характера трудов. Поэтому, настоящая историческая записка найдёт себе место среди исторических трудов общего характера. Это её первое значение. Второе – заключается, думается нам, в специальном её содержании. Астраханская епархия и до сих пор ещё инородческая, и расколо-сектантская, и до сих пор в ней – широкое поле для миссионерства. Вот почему, для всякого занимающегося этим делом историческая записка о. Саввинского должна быть интересна. Третье значение её будет узкоспециальным – это именно то, что интересно, конечно, для уроженцев Астраханской епархии.

Во вступлении автор углубляет христианскую историю Астраханского края к первым векам нашей эры. Затем он излагает здесь историю завоевания Астрахани, миссионерство Кирилла и его преемников, заботы правительства о колонизации края и кончает открытием в Астрахани в 1602 г. самостоятельной епархии. Далее в отдельных главах автор описывает перемены, бывшие в Астраханской епархии, являвшейся в истории то с прибавлением Терской области, то ограничиваясь Ставропольской, и наконец обзревает историю епархии в настоящем её виде. В заключение автор делает философский взгляд на историю епархии, указывает на её значение в истории русской церкви и государства. Почтенный период времени, обнимаемый историей Астраханской епархии, важные события, захватывавшие течение её жизни, всё это вместе с добросовестным выполнением труда и хорошим изложением сообщает книге о. Саввинского интерес и крупное значение в ряду подобных трудов. Для миссионеров она также

даёт много исторических освещений. Исторические же очерки всегда бывают полезны и во всяком деле, в области же верований и обычаев в особенности.

С. Л-н

**Л-н С. [Рец. на:]: Иван Летницкий. Миссионерская
духовно-просветительная деятельность
Астраханского Кирилло-Мефодиевского братства в
Астраханской епархии с 1873–1903 г. Астрахань 1903
г., стр. 182. С. 231**

По отношению к предыдущей книге, обнимающей период за 300 лет, настоящая брошюра, рассматривающая период в 30 лет, является ручейком притока большой исторической реки. Здесь естественно встретить больше мелких подробностей и разного несущественного в общей исторической науке материала. Но за то содержанием своим такие книги ближе к нашему времени и дают больше живого и поучительного опыта. Брошюра И. Летницкого делится на 6 глав. В 1-й из них излагается краткая история образования Астраханского Кирилло-Мефодиевского братства; во 2-й – о церковно-школьной деятельности братства; в 3-й – о миссионерской против раскольников и сектантов деятельности братства; в 4-й – о деятельности миссионеров, приходских священников и частных лиц по делу миссии. В особую главу (5-ю) выделена деятельность Кирилло-Мефодиевского общества и братства с 1891 г. В главе 6-й излагаются сведения об епархиальной библиотеке, внебогослужебных чтениях в ней, о книжном складе, редакции епархиальных ведомостей и изданиях братства. Изложена брошюра ясным и живым языком.

С. Л-н

Хроника

**Миссионерство, секты и раскол. // Миссионерское
обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 232–239**

Лисицын М., свящ. Состояние расколо-сектантства в истекшем году

Гнусный притон хлыстовства и религиозного шарлатанства в Кронштадте. Новая страничка для истории хлыстовской секты. „Пророчества и хождение по духу“. Игра в символизм. „Давидово скакание“ и лже-пророческие внушения женщинам. Хлыстовский содомизм. Трапеза и ночлег в свалку. Раскаяние.

Раскол и сектантство высоко ещё держат свою голову там, где царит невежество, которое ловко эксплуатируется вожаками отступничества. В конце истекшего года всплыла наружу со всеми подробностями дела громкая история сектанта-пропагандиста Прохора Скоробогатченкова, посаженного уже в тюрьму. История, впрочем, не представляет чего-либо нового. Скоробогатченков – это знакомый уже миссии тип проходимца сектанта, эксплуатирующего доверившихся ему тёмных людей. Единственно, что можно находить оригинального в этой истории так это эксплуатацию имени о. Иоанна Кронштадтского, которым вожаки сектантства до сих пор, кажется, ещё не пользовались; за исключением разве случая бывшего в 1902 г. Вкратце история Скоробогатченкова состояла в следующем.

В сл. Карповке (обл. Войска Донского) в конце XIX в. был хлыст Фоцев, совративший, между прочим, и Пр. Скоробогатченкова, который, по смерти учителя, скрылся, оставив жену и ребёнка и пропадал 4 года. Наконец, он вернулся на родину, но не домой; узнав об этом, жена с ребёнком на руках поспешила повидаться с ним. Но... с леденящим, горделивым видом Скоробогатченков объявляет жене, что он святой человек и приближенный о. Иоанна Кронштадтского. Жена должна была удалиться. Узнав о высоком положении Скоробогатченкова, жители слоб. Карповки и соседних двинулись к нему на поклон. Ск-в, боясь местного священника, принимал посетителей осторожно, ночью; принимал подаяния, служил молебны даже в домах жителей слободы, раздавал грошовые портреты о. Иоанна, брал за это обильную мзду, которую требовал на имя о. Иоанна, а имена

жертвователей записывал в книгу, чем ещё больше возбуждал к себе доверие. Собрав значительную сумму подаяний, Ск-в решил уехать в Кронштадт и соблазнил поехать с собою мещ. Ив. Землянского и кр. девицу Домну Близгареву, сказав им, „что о. Иоанн зовёт их к себе“. Местный священник, узнав о проделках Ск-ва, обличил его поступки, но Ск-в благополучно уже уехал. Всё, по-видимому, успокоилось. Но в августе 1902 года Ск-в снова явился в Карповке и уже в сопровождении не только названных лиц, но и кр. девицы Новг. г. Екат. Трушনিной, которая, как выяснило следствие, слыла у хлыстов в Кронштадте „скорбящей богородицей“. Началась пропаганда через Д. Близгареву, которая говорила своим подругам в слободе: „теперь я только узнала, что я грешница; в Кронштадте мы живём у „отца“, отец нас и кормит, и поит, мы ничего не знаем, только Богу молимся“. Ск-в внушал в слободе, что один только есть пастырь о. Иоанн, а остальные и их сельский – разбойники и таинства, ими совершаемые, безблагодатны, ибо о. Иоанн „душу свою полагает за овцы своя, т. е., пояснял он, раздаёт всем деньги, а все другие не радят об овцах, а только с них всё берут“. А. Землянский кощунственно называл причастие от священника-грешника „половом“. Началось брожение, и 17 чел. решили ехать в Кронштадт спасаться. Узнала о проделках Ск-ва гражданская власть, и все его последователи были в Кронштадте арестованы, но сам Ск-в и Ек. Трушнина избежали ареста, уехав из Кронштадта.

Интересен рассказ бывших последователей С-ва об их житье-бытье в Кронштадте. Все они, конечно, особенно девушки, раскаялись в своих заблуждениях. „Когда нас привезли в Кронштадт, рассказывала одна из совращённых, Анна Лисицкая девушка 17 л., поселили нас сначала в катухе ³⁹ на дровах, во дворе д. Максимова (Медвеж. ул. уг.), Екатерина же и Домна поехали в Новг. г. к старцу Назарию. Живя в сарае, ели мы свои харчи, привезённые из дома. Так прожили дней семь. По возвращении Ек. и Д., нас водворили в д. Максимова. По временам к нам приезжал Ск-в и учил о божестве о. Иоанна Кронштадтского и заводил такие речи: „не обращайтесь к священнику и никогда не ходите к нему, а то пропадёт ваша

душа... У ваших родителей рога на голове, они чёрные, только вы это не видите, ибо вы ещё грешные, а когда получите благодать, то сами увидите. Их (т. е. родителей) слушать не нужно, и никогда ничего не говорить им, ни священнику, словом никому, а то поселится в вас сатанище. Если же кто будет спрашивать вас о том, как вы живёте в К., говорите, что живём хорошо, кормят, поят, ничего мы не делаем, только Богу молимся“. Ск-в ночевал у нас, но спал с Екат. в отдельной комнате. Сначала это смущало нас, но потом мы решили, что так нужно для спасения. Екат. Т., по приказанию Ск-ва, заставляла нас всех красть свечи в Кр. соборе, ходить по городу побираться. Всё собранное отдавалось Екатерине; кто мало приносил, получал от неё выговор. „Кто побирается, учила Екат., тому Бог награду даст на небе“. По временам приезжала к нам „старшая“ богородица Параскева (немолодая уже). Она присутствовала при чтении акафиста и, когда пели припев – „радуйся Невесто невестная“, Параскева поднимала руки и махала, и когда пели „Иисусе Сыне Божий“, поднимала руки вверх. По окончании молитвы, все кланялись Параскеве в ноги и целовали её ботинки“. Ск-в наезжал и в сл. Карповку, привозил письма родителям девиц, написанные, по их безграмотству, Екатериной, брал деньги и вещи для спасаемых им, но ни Анна, ни другие девушки ничего не получали. А денег было передано для Анны рублей 90 за 4 месяца.

Состояние возвращённых из Кроншт. было угнетённое. Когда местный священник слободы пришёл в дом Анны, она, бледная, подходит под благословение. С трудом удалось убедить рассказать Анну то, что было сейчас изложено. Она боялась нарушить клятву молчания, данную Ск-ву. Но священник выяснил ей, что греха ей в том не будет; тогда Анна разрыдалась, упала в ноги священнику, повторяя: „батюшка, прости меня“. Священник успокоил Анну и после недельного говения причастил её св. Таин, и Анна в церкви перед всеми покаялась и рассказала всё описанное выше. Картина была трогательная, многие прослезились.

Ещё труднее было заставить рассказать о секте Пел. Склярову, другую совращённую, которой тоже было переслано

через Ск-ва около 130 р., но понятно ею не полученных. Все увещания были сначала напрасны, но потом ночью мать Пелагии позвала священника, отслужили молебен, причём священник сказал всем – „молитесь усердней, со слезами за страждущую Пелагию“. Евангелие на молебне священник держал на главе Пелагии. После молебна Пелагия рассказала всё и сообщила, что когда читали евангелие, ей стало легче, а когда ей дали крест и окропили св. водой, то и совсем успокоилась. „Я, говорила она, ещё днём хотела открыться, но что-то непонятное держало мой язык“. Покаялась также и Домна, сообщившая сведения и об Екатерине. Она, оказывается, раньше жила в СПб. прислугой, познакомилась с Ск-вым и уже не расстанется с ним. Привезённым девушкам она внушала, что теперь „нашли мы бога в лице о. Иоанна Кр., нужно только искать богородицу, без неё мы будем сиротами: отец есть, а матери нет“. Ск-в добавлял к этому: „молитесь, скоро откроется вам богородица в Екатерине“. Ск-в совершал причащение, и поднося просфоры с вином к портр. о. Иоанна, говорил: „ты, Господи, в о. Иоанне, ты всё знаешь и видишь, претвори просфору в тело Христово, а вино в кровь Христову“. После исповедовался сам, исповедовал и девиц, причащался и давал ложечкой причастие и всем остальным. Была Домна и у Назария, кр. Новг. г., жившего зимой в Кронштадте без определённых занятий. Сектанты считают его за святого, называют „старичком“, „отцом“, или Иоанном Богословом. Ск-ва же называют его учеником. На пути в Новг. г. Ск-в останавливался в деревнях, служил молебны, акафисты, раздавал воду, вино и просфоры, освящённые будто бы о. Иоанном Кр., на самом же деле только что купленные Домной. Ск-ва угощали, но он иной раз говорил: „нельзя мне есть вашу хлеб-соль; отец духом запрещает у вас есть“ – и выходил вон из избы. Тогда Ек. Т. уговаривала дать Ск-ву выкуп за их грехи, т. е. пожертвовать якобы на обедню о. Иоанну. Выкуп давался и Ск-в объявлял, что „отец духом велел ему есть“. Ек. Т. была предана Ск-ву, хотя он бил её иной раз толстой палкой, а она кричала, „хоть до смерти убей, только не брось меня... помолись за меня“. В свою очередь Ек. Т. была девиц, убеждая, что и они и

он будут через это святыми. Ив. Землянский не обратился из своего заблуждения; хотя Домна убеждала его покаяться, но он чуть не побил её. Зем-ский продал всё своё имущество и деньги отдал Ск-ву. Так он убеждён в его святости. Кроме Зем-ского, тоже сделали крестьяне Евсевий Коржев и Ст. Лихолетов, который имеет старуху-мать 70 л. и пятерых детей. Все они остались бесприютными нищими. Ск-в во время ареста названных лиц в Кронштадте был в Карповке и совращал других. С богатого кр. Полякова он просил 300 р. за спасение, но не успел в этом, а бедную кр-ку Дарью уговорил всё-таки дать для о. Иоанна Кр. 10 р., которые та и дала, заняв их у разных лиц, а затем тайно уехала со С-вым в Кронштадт, где, по жалобе самих крестьян с. Карповки, поданной окружному атаману, Ск-в вместе с Дарией были арестованы и препровождены в Царицын, в январе 1903 г., до судебного разбирательства дела.

Сколько в этой истории проглядывает с одной стороны наивной детской веры, и сколько наглости и обмана со стороны совратителей! Как же, спрашивается, не оберегать „детей“ по своему развитию и вере от волков хищных вроде Ск-ва? Как не миссионерствовать?! А наши „интеллигенты“ требуют для этих лжеучителей „свободы совести“ в смысле даже свободы пропаганды. Что же, для того только, чтобы больше было „волков“ и несчастных „овец“, ими растерзанных?! Но согласно ли это будет с духом евангельской любви, за которую, как за ширмы, так охотно прячутся все защитники „свободы совести“, которая будет не свободой, а произволом сектантов и их вожаков и полезна будет (конечно, в этой жизни) только для этих последних.

Если совратители сектанты не имеют целью эксплуатацию своих жертв, на почве денежной, то посягают на их честь, и семейное счастье и даже рассудок... случаи такие имели место напр., в истории Херсонской малеванщины. (См. „Мисс. Обзор.“ № 18 пр. г. ст. „Секта малеванцев в Херсонской губ.; её вероучение и культ“).

Какое ужасное, беспросветное невежество гнетёт несчастных сектантов, доводя их не только до разврата, но до

сумасшествия и полного рабства сатане! Замечательна эта неумолимая последовательность, которая, как непреложный закон, действует во всех сектантских обществах, – и конец их один и тот же – поглощение несчастных „бездной“ плоти, которую так тщетно стремятся наши „интеллигенты“ соединить с „глубинами“ духа и в этом соединении обрести новое откровение и новые догматы. Замечательно также, при некотором различии деталей в учении разных сектантских обществ, общее сходство сущности их религиозного мышления и крайних его результатов. Один недавно обратившийся из хлыстовства, В-ко, подробно рассказывает о хлыстовских обществах и их радениях, заверяя честным словом солдата верность своего сообщения. Интересно в особенности описание пророчествований и „вечерей любви“.

„После изъявления преданности Богу происходит „пророчествование“. Наставник обращается к ближайшему своему помощнику – пророку с такими словами: „собери свои мысли, братец, и стань посреди „церкви“, отрешись от своих желаний и помышлений, а исполняй то, что скажет тебе „дух“. (Как нужно бы помнить сектантам слова апостола: „не всякому духу верьте, но искушайте духи, аще от Бога суть“. А действует то, как видно ниже, среди сектантов „дух лукавый“). „Пророк“ начинает тогда ходить по „церкви“ и что на ум ему взбредёт, то и делает, а наставник объясняет его действия. Это называется „хождением по духу“. Подойдёт, напр., „пророк“ к входным дверям, покрутит перед ними пальцем в воздухе, или выводит на них какие-нибудь знаки, снова ходит, или подойдёт к какой-нибудь женщине (непременно молодой) завяжет ей платком глаза, поцелует, подведёт к растворенным дверям и толкнёт её вон из комнаты. Далее, подходит к какому-нибудь мужчине, снимает с него сапог, даёт ему в руки пустой подсвечник и тоже выталкивает за дверь, которая после этого затворяется. За дверью начинается раздаваться тихий плач, который становится всё громче и громче. Пение, совершающееся сектантами во время „хождения по духу“, постепенно смолкает. Наконец, за дверью раздаётся душу раздирающий вопль: „о горе, о горе нам!“ (Действительно, могут сказать сыны церкви православной,

горе вам, сектанты!). Собрание издаёт какой-то болезненный стон. В это время наставник, поднимаясь с своего места и принимая величественно-грозный вид, восклицает: „горе тем, которых Бог отвергнет от Себя и изгонит из Своего возлюбленного стада По слепоте своей (символизируется завязыванием глаз платком) мир не познает грехов своих и продолжает ходить в потёмках, хромать туда и сюда (мужчина без сапога) и идти за жрецами левитовой породы (православным духовенством), которые, больше служа мамоне, удерживают мир во тьме, скрывают от него истинный путь спасения, не дают ему прозреть духовно, как не даёт света пустой подсвечник. Но если мир обратится к познанию истины, постигнет веру в „духе“ и „любви“, то и для него откроются двери рая“. При последних словах растворяются двери комнаты и на пороге появляются изгнанные мужчина и женщина, изображающие грешный мир, и земно кланяются собранию. При этом наставник срывает повязку с глаз женщины, надевает сапог мужчине и вставляет в подсвечник зажжённую свечу, говоря: „свет Христов между нами“.

Собрание выражает по этому поводу духовную радость: бьют в ладоши, сладко улыбаются и поздравляют друг друга с „победой“. Все приходят в какое-то радостно-возбуждённое состояние. В это время наставник восклицает: „братия и сёстры! все мы имеем св. Духа, а посему каждый волен поступать так, как ему внушает „дух“. В писании сказано: „духа не угашайте, пророчества не унижайте“ (1Фес.5:19–20). Вслед за этим начинается „сатанинское неистовство“. Вот несколько женщин, сорвавшись с своих мест, кружатся по комнате в разные стороны до полного изнеможения и потери сознания и, падая произносят бессмысленные слова и восклицания. Некоторые из сектантов от избытка духовного восторга заливаются при этом гомерическим хохотом. А вот рослый детина, „ученик пророческий“, сорвавшись с места и подхватив с собой двух, трёх молодых, отхватывает „священный танец“, просто русский трепак, приговаривая: „Царь Давид с ковчегом (sic) скакаше играя, свистяще пояху“ (sic). И это продолжается до полного истощения сил. Но вот по знаку наставника, в комнате

воцаряется тишина и слышится его речь: „братия и сёстры! Всегда радуйтесь („о Господе“ пропускает), всегда веселитесь и будьте преисполнены духовной любви между собой. В писании сказано: „Если мы живём духом, по духу и поступать должны“. Мы дети Божии, а Бог есть дух любви; значит мы должны быть исполнены духовной любви; по писанию, никому не возбраняется иметь спутницей сестру. Потом наставник внушает, что сестры, или „духовницы“ должны служить опорой и „утехой“ своим духовным братьям и подчиняться им без ропота, как и писание, мол, повелевает, говоря: „жёны ваши в церквах да молчат, ибо не позволено им говорить, а быть в подчинении (Гал.5:25 и 1Кор.14:34). Слышите? Быть в *подчинении*. Духовницы, продолжает наставник, должны сопутствовать своим духовным братьям в этой юдоли плача, разделять с ними радости и горе; а если и случится „грех“ по воле плоти, то это ничего не значит, потому что „плотский грех“ происходит от плоти, которая обратится в прах. Нужно только стараться делать так, чтобы не было последствий греха (т. е. рождения детей), как это случилось с Адамом и Евой по изгнании из рая. Строго на строго нужно беречься только „духовного греха“ (т. е. измены хлыстовству), чтобы не умереть духовно для вечного блаженства. Итак, братцы и сестрицы, заключает наставник, писание повелевает нам всегда радоваться. Воскликнем же Богу гласом радования“.

Вслед за этим поднимается рёв невообразимый... Лица горят, глаза блестят, в каждом видно сильнейшее возбуждение и все приходят в какое-то опьянённое дикое состояние. Выражая радость друг перед другом, мужчины смешиваются с женщинами и, нежно улыбаясь, проделывают с ними „безгрешные“ приёмы, т. е. ведут себя так, о чём, по апостолу, „не лезть есть и глаголати“, завершая своё „вольное“ обращение с ними пламенными поцелуями. В то же время и поют весёлые стихи. Но вот женщины отделяются от мужчин и поют отдельным хором:

Летел голубь в небесах,
На воздушных парусах.
За ним следом голубица,

Как за братом духовница.
Она плачет и рыдает,
Всё за дружкой поспешает.
Ты постой – пожди, дружок,
Белоснежный голубочек!
Своих крыл не напрягай,
Меня в пути не оставляй.
Ты указывай мне путь;
Где-б нам вместе отдохнуть...
Как достигнем в светлый рай,
Мне дверей не затворяй.
Я служить тебе готова,
Не лишай меня лишь крова
Ты небесного Отца.
И чертогов тех чудесных,
Тех обителей небесных,
Куда рвутся всех сердца.
В это время и мужчины подхватывают:
Мы попросим голубицу,
Матерь Божию Царицу
Растворить нам те чертоги,
Где мы будем жить, «как боги»
В вечной славе, царстве, власти,
Без печали, без напасти.

Вслед за этим все подходят к той женщине, которая изображает у них богородицу и, повергаясь перед нею, целуют её правую руку и левое колено.

Насытившись духовно, сектанты начинают насыщаться и телесно. На стол ставятся яства (преимущественно сладкие) и начинается трапеза, во время которой царит неподдельное веселье и сердечное умиление. Время близится к полночи. По окончании трапезы, наставник возглашает: „ну, братцы и сестрицы, настаёт время дать покой и телесам; но можно хвалить Бога и лёжа“. Преподав благословение, он удаляется в верхний этаж дома вместе с духовницей-богородицей. Остальные братцы и сестрицы проводят ночь здесь. ещё некоторое время, по уходе наставника, замечается движение по

комнатам, но всё постепенно затихает и через несколько минут весь вертеп погружается во мрак...

В такой момент, говорит В-ко, потемняется рассудок: теряется чувство стыда. Зловещая тьма, разливающаяся по всему вертепу, заволакивает чёрной пеленой телесные и духовные очи. Дьявольски распаляющаяся страсть пожирает всё существо человека, – вследствие чего в „духовные жёны“ попадают в такой момент и самые близкие родственницы. Даю честное и благородное слово русского воина, и убелённого сединами старика, стоящего на краю могилы, что бывали случаи, когда *отцы являлись растлителями своих дочерей*“. Так заключает свою исповедь бывший хлыстовец В-ко. И не смотря на всю бездну разврата, все сектанты убеждены, что они „род избранный“, „сосуды Духа Божия“ и что в райских обителях им будут представлены первые места. И среди хлыстов, как и среди малеванцев, происходят ссоры, сцены ревности, драки и побоища из-за духовных жён, и эти обстоятельства заставляют членов хлыстовской секты призадумываться над своей мнимой святостью и обращаться в лоно православной церкви. Так обратился и В-ко. Во время случившейся драки между главарями секты Скрябиным и Рыбкиным из-за Лукерьи (богородицы) и полицейского допроса, к сектантам пришёл один священник старичок. „Его простые, задушевные слова, растворенные непритворной любовью и искренним сожалением о сектантском заблуждении, не остались без надлежащего действия. И вот, гуляя в праздничный день по базару, В-ко решил зайти в храм Божий, в котором не был около 10 лет. Шла служба. „Не доходя ещё до храма, говорит он, я почувствовал какую-то сладостную теплоту, разлившуюся в моей груди; а какой-то невидимый голос, будто внутри меня, шепчет: спеши скорее“. Был момент херувимской. Взору В-ко представилась умилительная картина. Священник с воздетыми руками молится у престола Божия за грешный мир; молящиеся, преклонив колена, в благоговении тихо повторяют слова молитвы; под сводами храма чуть-чуть дрожат звуки священной песни, тихо и постепенно замирая... Тишина... Безмолвие... „И вдруг, говорит В-ко, помимо моей воли, представилось мне наше блудилище

со всеми его богопротивными и богохульными действиями. Мне стало и стыдно, и страшно, и больно, и вместе с тем радостно за настоящую минуту, – и я, невольно опустившись на колена и упав ниц, зарыдал, как ребёнок“. На следующий же день В-ко обратился к священнику с просьбой о присоединении к св. церкви, что и было совершено, а остаток дней В-ко проводит в служении при храме.

Свящ. М. Лисицын

**Корреспонденция «Миссионерского Обозрения»,
известия и заметки // Миссионерское обозрение.
1904 г. № 1–10. С. 240–252**

Разъяснение Св. Синода по вопросу о присоединении к православной церкви учащихся детей евреев. С. 240

Преосвященный Николай, епископ Таврический, рапортом от 13-го мая сего года за № 262, обращался в св. Синод с ходатайством о преподании указаний относительно присоединения к православию ищущих приёма в учебные заведения еврейских детей, родители коих остаются в иудействе, каковые случаи присоединения к православию еврейских детей в то время, как родители их остаются по прежнему в иудействе, стали особенно часто повторяться с изданием Министерством Народного Просвещения в 1887 году циркуляра о приёме в средние учебные заведения детей евреев лишь в количестве 103 всего числа учеников, подлежащих приёму в начале учебного года. Обсудив сие ходатайство и принимая во внимание, что закон (уст. дух. конс. ст. 81 п. 1) разрешает крещение малолетних евреев по обрядам православной веры, если со стороны их родителей последует согласие на это, изъявленное письменно, Святейший Синод в том обстоятельстве, что родители евреи, письменно изъявившие согласие на крещение их детей, остаются в иудействе, не усматривает оснований к отказу таким детям в присоединении их к православию, причём со стороны законоучителей должны быть принимаемы меры к утверждению означенных детей в знании истин христианской веры и к ограждению их от отпадения в иудейскую веру.

**Христославение и речь высокопреосвященного
Антония, митрополита с.-петербургского,
произнесённая 29-го декабря 1903 г. на славлении
Христа у Их Величеств, в Александровском дворце
Царского Села. С. 240–241**

29 декабря, по всегдашнему обычаю, высокопреосвященный митрополит Антоний, со старшей братией Александро-Невской лавры изволил Христа-славить у Их Величеств. В конце христославения, Владыка произнёс следующую речь:

Ваше Императорское Величество.

Настоящие праздничные дни и наступающий Новый год мы встречаем при особенных обстоятельствах. С одной стороны, мы слышим славословие ангельской песни: „Слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение!“ С другой стороны, в текущей жизни – и в печати, и в обществе – идут толки о возможных международных столкновениях. Предносится страшный призрак войны и как бы слышится отзвук приготавливаемого к битве оружия. У всех тяжесть на сердце. Многие впадают в пессимистический тон и тревожно спрашивают: где же этот мир, о котором ангелы пели и о котором так давно мечтает человечество? А между тем, если мы задумаемся в смысл исторической жизни человечества, то увидим, что, в сущности, перед нами происходит почти то же, что было при самом рождении Христа. Волхвы тогда приносили Ему дары, пастыри поклонялись, ангелы воспевали мир, а Ирод в то же время был в смятении и замышлял злодейское избиение младенцев, и Рахиль готова была плакать о погибших детях своих. Злодейство потом совершилось, но Христос, источник мира, остался Божиим промыслением цел и невредим, укрывшись в Египте. И теперь язычники мнутя и готовы напасть на достояние Божие, на Русь Святую, на православный русский народ. Но всеу мнутяся.

Как в те отдалённые времена, несмотря на замыслы вражий, Христос Отрок возрастал и укреплялся духом и

преуспевал в любви у Бога и людей, так и после, и доньше мир, ангелами воспетый, постепенно растёт и укрепляется в сознании человечества, приобретает всё большее и большее число приверженцев и поборников его.

Во главе сих охранителей мира стоишь Ты, наш православный русский Царь, Помазанник Божий, миролюбие Которого прославляется целым светом. И потому под Твоей державной рукой вся Русь Святая спокойно, радостно и светло воспевает ангельскую песнь о мире, несмотря на неистовые воинские клики язычников.

Проникнутые таковым упованием мира и уверенностью в Божием благоволении, приветствуем Ваше Величество с праздником Рождества Христова, праздником мира и радости, света и Божьего благоволения, и молитвенно желаем, да хранит Господь Вас в здравии и благоденствии на многая лета.

По совершении обряда, по традиционному обычаю, изволили подносить Его Величество вино, а Великая Княжна Татиана Николаевна закуску Высокопреосвященному Архипастырю.

Руководственные резолюции преосвящен. Николая, епископа Таврического. С. 241–242

На одном из рапортов о. ректора семинарии: «Усерднейше прошу вас, о. ректор, обратить внимание на развитие церковных навыков у воспитанников семинарии, – на приучение их к толковому чтению и пению в церкви, к практическому обращению с уставом церковным и богослужебными книгами. В сём случае требуйте от духовника и преподавателя литургии самого деятельного себе сотрудничества, а воспитанников посылайте для чтения и пения, а также исправления треб церковных по приходским храмам в дни воскресные и праздничные, требуя от настоятелей ежемесячных рапортов о том, как исполняли свои дела посылаемые к сему воспитанники».

На протоколе консистории о пополнении книгами одной из библиотек: «Предписать благочинным, чтобы внимательнее осматривали церковные библиотеки и доносили бы мне, имеются ли в них потребные для причта книги по пастырскому служению, а если нет, то почему доселе не приобретены».

На рапорте законоучителя Симферопольского городского училища по вопросу о существующем в городском училище порядке говения учеников: «В духовную консисторию. Сделать предложение от моего имени г. инспектору городского училища, чтобы воспитанники говели под надзором своего законоучителя и у него исповедовались; а те, кому нельзя этого сделать, приносили бы законоучителю свидетельства от приходских священников; равным образом то же самое предложить сделать и наставникам православного исповедания, законоучителю же вменить в обязанность рапортовать мне ежегодно, как, кем и где исполнен сей долг».

На прошении Алуштинского кружка любителей сценического искусства о разрешении им воспользоваться помещением Алуштинской церковно-приходской школы для постановки двух спектаклей: «Я не разделяю взгляда, к сожалению, теперь весьма распространённого, на народный театр, как на средство

для отрезвления народа, а также и на то, что отрезвителями народа должна быть нынешняя интеллигенция. Чтобы отрезвить народ, который часто пьёт с горя, надобно не театр выдвинуть на первый план, а школу, и притом церковную. Надобно поднять экономическое положение народа, – надобно дать ему больницы, хорошие библиотеки, читальни, да и в церкви осмысленное чтение и пение: тогда дело отрезвления будет строиться на прочном фундаменте» («Таврич. Еп. Вед.»).

Крещение китайцев. С. 242–244

Корреспондент „Моск. Вед.“ сообщает, что в конце октября в Фунине, недалеко от Чаньлисяна, были крещены архимандритом Авраамием ещё четыре китайца. Но общее число желающих принять крещение превосходит тысячу, и среди них были избраны лишь наиболее надёжные люди, а к остальным приставлены для подготовки опытные катехизаторы.

Столь тщательно относясь ко крещаемым, православные миссионеры возвышают в глазах китайского народа значение своей церкви, которая не только никому не навязывает своей веры, но принимает только истинно-уверовавших. Сравнивая подобное отношение православных с деятельностью других миссионеров, охотившихся на языческие души, китайцы всё больше и больше отдают предпочтение православию. Они замечают, что оно никогда не забрасывало грязью миссионеров других вероисповеданий, последние же, соперничая друг с другом, выставляя достоинство своей веры, и уверяя, что проповедуемая другими истина – сомнительного качества, обратились в глазах китайцев в коммивояжёров религии.

Должно, однако, заметить, что русским никак нельзя относиться безразлично к миссионерской деятельности, так как православные китайцы являются убеждёнными сторонниками России и более способствуют распространению нашего влияния, чем разные ученики русско-китайских школ, которые, выучившись читать и вращаясь далеко не в лучшем обществе, видят и воспринимают многие отрицательные стороны современной цивилизации.

Между тем как принимающие православие китайцы становятся друзьями русских на месте и увеличивают наше влияние и уважение к нам, китайцы – народ, но не чиновники, – отличаются большей веротерпимостью. Все три государственные религии Китая, не монализировав права преподавать истину, слились, путём обмена предметов поклонения, в один культ. Но теперь внутренний смысл его утратился, остались одни обряды, которые, по небрежности

жрецов, потеряли всякое благолепие; между тем, у китайцев есть стремление к общению с духовным миром, и, даже в глазах неверующих, православное богослужение лучше всего удовлетворяет китайские религиозные стремления. Даже обрядовая внешность им чрезвычайно нравится.

Язычники, видевшие русскую обедню, наивно говорят: „разве может Божество отказать, когда его столько народа совместно просят с такими церемониями: взойдёт, поклонится, скажет несколько слов, опять поклонится и начинает жечь благоухающие волшебные травы, в это время все поют неземные напевы, во время которых и совершается общение с Божеством“.

Сознание, что русские имеют поддержку с Неба, столь сильно в китайском народе, что, несмотря на докладные записки цензоров и вице-королей, несмотря на статьи Шао-Чжи-Бао, Тавен-Бао и различных английских и японских газет, написанные по-китайски, ни Ма-Ю-Кун, ни Юн-Ши-Кай, ни даже Дун-Фу-Сян не решились идти отбирать у русских Мукден, гарнизоны Тун-Чжоу и Хубейку остались на месте, и на занятие Маньжурии китайцы смотрят, как на факт совершившийся по воле свыше. Провидение даёт силу своим избранникам и бороться против него, по мнению китайцев – безрассудство

Зверев А. О смерти старообрядца Ситнова. С. 244

М. Г. г. Редактор!

Считаю необходимым сообщить Вам, что распространённый газетами и некоторыми даже духовными журналами слух о бывшем, будто бы, в деревне Степурине, Богородского уезда, случае с крестьянином старообрядцем Ситновым, который, вследствие упорства своего против постановления крестьянским сходом, в день прославления преп. Серафима Саровского – 19 июля не выходить на работы, тут же на сходе упал и умер и даже тело его спустя час разложилось, не верен.

27 октября с. г., по поручению Московского градского и Гуслицкого миссионера священника о. Христофора Максимова я ездил в названную д. Степурино с целью проверить распространённый слух о старообрядце Ситнове, и вот что узнал от старосты оной деревни Ивана Козьмяна Орешкина и других крестьян.

19 июля с. г., в день открытия мощей преп. Серафима Саровского в деревне Степурине православные крестьяне действительно не работали; в этот же день был там и крестьянский сход, на котором православные обсуждали о делах, касающихся обычного общественного молебствия, – совершающегося у них ежегодно, – и ношения по домам православных чудотворной иконы Божией Матери. Но на этом сходе старообрядцев никого не было. В этот же день, 19 июля в Степурине умер один крестьянин старообрядец, но не Ситнов, а Кирилл Наумов Шашин, и притом, умер не на сходе, а за несколько часов до схода. В Степурине есть один богатый человек по фамилии Ситнов, вследствие чего здесь и других старообрядцев, принадлежащих к одной с ним секте, зовут обыкновенно „Ситновой веры“. Так как умерший старообрядец Шашин принадлежал так же к „Ситновой вере“, то его и звали обыкновенно Ситнов. Вот почему в газетах умершего старообрядца Шашина и назвали Ситновым. Шашин действительно был великий хулитель преп. Серафима, а посему замечательно, что и умер в день его прославления.

Все эти показания староста Иван Козмин Орешкин засвидетельствовал подписью, с приложением своей печати.

Окружный миссионер Николокотловского благочиннического округа, Московского уезда *А. Зверев*

Новая секта. С. 245

„Витебские Губернские Ведомости“ сообщают о появлении новой секты, называющей себя „живущим надеждой и верой во св. евангелие“. У задержанных сектантов найдены чаши, блюдечки, покрывало, вино и пр., причём они объяснили, что, по их верованию, эти предметы должен иметь каждый последователь их учения (предметы эти употребляются при причащении), что таинства должен совершать каждый верующий в их учение, и что они, кроме евангелия, ничего не признают. Последователи нового учения рассказывали, что их братья и сёстры „по духу и вере“, кроме Витебска, находятся ещё в Витебском и Городокском уездах и в Оршанском уезде, Могилёвской губ.

Миссионерские новости. С. 245

– Екатеринославский епархиальный миссионер Иван Георгиевич *Айвазов* перемещён высокопреосвященным Арсением, архиепископом Харьковским, на вакансию Харьковского епархиального миссионера.

Окончив курс Казанской академии, И. Г. Айвазов, отлично рекомендованный со стороны миссионерских своих способностей и любви к этому св. делу бывшим ректором епископом Антонием и проф. Н. И. Ивановским, был определён на должность миссионера в Тамбовскую епархию, а оттуда в Екатеринославскую епархию. В течение 6 лет миссионерства новоназначенный Харьковский миссионер успел заявить себя выдающимся деятелем миссии и миссионерской литературы.

Должность Екатеринославского миссионера ныне вакантна, лица, желающие занять эту должность (только с академическим образованием), обращаются с прошениями к местному епископу. Жалование с разъездными Екатеринославский миссионер получает до 2.200 руб.

– С нового 1904 г. в Москве открыта должность противораскольничьего миссионера с окладом содержания из местных сумм до 3.000 руб. По представлению высокопреосвященного митрополита Московского Владимира, Св. Синод назначил на означенную вакансию преподавателя Московской семинарии, известного противораскольничьего миссионера свящ. о. Иоанна Полянского.

Серебровский К., свящ. К сведению миссионеров. С. 245–246

Часто теперь раскольники смущают старообрядцев, принадлежащих в православной греко-русской Церкви и молящихся двуперстно. Они показывают житие о. Серафима Саровского, где находят такую мысль, будто о. Серафим проклинал двоеперстие и молящихся им почитал связанными в загробной жизни.

Один из опытных миссионеров говорил пишущему эти строки, что когда раскольники ссылаются на это место из жития о. Серафима, то я, говорит, отвечаю так. В житии пишется, что слова о. Серафима переданы одной простой женщиной и там не сказано, что они проверены кем-либо. Вероятно, о. Серафим порицал молившихся двоеперстием не за само сложение перстов, а за то, что эти лица, изменив троеперстие на двоеперстие, в то же время и от церкви отстали, впали в раскол, похулили св. церковь. Простая женщина, как могла понять, так и передала разговор о. Серафима. И конечно в простоте своей она больше всего всем толковала о двуперстии: вот де за что батюшка то бранит! Такое рассуждение миссионера вполне подтверждается самим делом. В Дивеевском монастыре сохраняется келья о. Серафима со всей принадлежавшей ему обстановкой. Келья эта обращена в алтарь. В ней в переднем правом углу висят образа о. Серафима: Спаситель, Божия Мать и Иоанн Креститель. В бытность свою в половине декабря 1903 года в этой келье, я сам рассматривал эти иконы и видел самое правильнейшее двоеперстие: указательный и средний пальцы простёрты, великий со двема последними соединён самыми кончиками, а не так, как, напр., на иконе Тихвинской Б. М., великий положен на сустав безымянного.

Следовательно, о. Серафим не мог порицать двоеперстия, тем паче не мог считать двоеперстников за одно двоеперстие связанными в загробной жизни. Он сам молился на двоеперстие, т. е. на иконы с двоеперстиями, и лотом эти иконы

передал в благословение своему духовному детищу – Дивеевскому монастырю.

Благочинный единоверческих церквей Нижегородской епархии

Священник *Владимир Серебровский*

Арабаджиев И., иером. Болгарский „Православный Миссионер“. С. 246

С нового 1904 г. в Болгарии в г. Сливне будет издаваться духовный журнал под названием **„Православен Миссионер“**, понимающий внутреннюю миссию церкви в том же широком церковно-общественном значении того слова, как наш орган. От души приветствуем нового литературного собрата славянина.

Цена издания за границу 4 лева.

Редактор-издатель иеромонах *Иларион Арабаджиев*

**Отклики // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10.
С. 247–256**

О призраках и спиритизме по учению церкви. С. 247–252

Редакция прислала мне два письма, – на которые просит ответить.

Первое приводим почти целиком. Вот оно.

„В последней книжке первого полугодия за текущий 1903 год встретились мне два диаметрально противоположных взгляда на явления призраков.

В отделе „Печать и книги“ на стр. 1469 в библиографической статье Леоновича, штудирующего сочинение доктора Шилтова „Мысли о Богочеловеке“ есть такое место: „Опровергая визионерную теорию, Шилтов *справедливо* замечает, что эта теория допускает не только кажущиеся явления, но и кажущиеся беседы. Последнее обстоятельство, т. е. призраки могут не только являться и серьёзно беседовать, но ещё и принимать пищу, по нашему мнению, пишет он, – *„граничит с безумием“*.

Видимо, автор Леонович соглашается с г. Шилтовым, что действительно безумием надо считать возможность явления призраков, их бесед и пр., потому что добавляет от себя: „Шилтов *справедливо* замечает и т. д.“.

Далее на стр. 1492-й той же книжки в отделе „Хроника“ приводится удостоверенный факт явления призрака матери одного офицера к священнику, умершей лет 20 тому назад, и беседовавшей с священником, после чего она *просила* последнего отправиться с ней в приготовленной карете для напутствия сына, и скрывшейся, исчезнувшей уже на лестнице в доме, где квартировал, действительно, её сын. Перепечатывая этот случай, редакция добавляет: „Приводим следующий *знаменательный* случай со слов газеты „Свет“. Этот, *поистине знаменательный* и, в особенности, *разительный* в наше время маловерия и безбожия, случай имел место в Париже. *Правдивость его удостоверена многими...*“

Верю и надеюсь, что вы, г. Редактор, поместивши в одной книге вашего журнала эти две вещи, по моему мнению, крайне противоположных взглядов на явления призраков, надеюсь не

оставите без внимания это моё письмо, не бросите в редакторскую корзину, а разрешите моё сомнение и дадите верный, просветительный ответ, как редактор миссионерского журнала, на мой вопрос в одной из ближайших книжек вашего журнала: как же должно и как собственно смотрит сама редакция на этот предмет – явление призраков: согласно ли с библиографом Леоновичем и, стало быть, с докт. Шилтовым, или принимает за истину и действительность приводимый факт явления призраков, их бесед и пр.? Другими словами – граничит ли с безумием вера в явления призраков, их бесед, или они бывают действительно знаменательны, разительны?”

Мы полагаем, что здесь противоречие не так велико, как кажется авторам писем.

По Шилтову граничит с безумием не вера в явления призраков, а мысль, будто призраки могут вкушать пищу.

Мысль, полагаю, понятная и подтверждаемая евангелием. Вкушая пищу Господь Иисус Христос именно и хотел показать, что он имеет плоть и кровь – что он не призрак.

Поэтому, рассказ о призраке, явившемся священнику, не противоречит мысли Шилтова о том, что призрак не может есть и пить. Мысли Шилтова – будто невозможны и беседы призраков, конечно, не примиримы с рассказом газеты „Свет“, а на чьей стороне правда, вопрошающие, может быть, увидят из нижеследующего ответа на второе письмо.

Здесь вопрошающий тоже священник просит высказаться о спиритизме.

Возможно ли сношение с духами и как смотреть на «беседы» с ними спиритов с христианской точки зрения.

Предупреждаем, что нижеследующий ответ – не принадлежит о. Михаилу, который не хочет высказываться по предмету ему мало знакомому и есть почти везде сокращение нескольких брошюр и книг о спиритизме, особенно книг Вержболовича („Спиритизм перед судом науки и христианства“. Изд. 2-е. СПб. 1903, ц. 40 К. и „Мир таинственных явлений“. М. 1902 г. ц. 75 к.). Возможны ли сношения с умершими душами, можно ли так или иначе „прикасаться“ к миру умерших?

Да, конечно, возможно, по учению церкви. Души умерших живы – и взаимоотношение душ постоянно есть и должно быть. Во все времена была присуща человечеству не только глубокая, непоколебимая уверенность в бытии сверхчувственного и потому таинственного мира, но также сознание, или чувство непосредственной связи с этим миром и его постоянного влияния на человеческую жизнь. Эта уверенность прежде всего переходила из рода в род по преданию о первобытном состоянии человечества, а потом подтверждалась и различными другими соображениями. Начиная ещё с глубокой древности, многие загадочные и необычайные явления духовной жизни, как например: необыкновенные сны, состояния ясновидения и предведения, духовидения и явления умерших призраков, двойников, внушали людям уверенность в реальности, связи и взаимообщения двух миров. В качестве ясновидящих выступают даже такие исторические личности, как Сократ, Платон, Эсхил, Гораций, Фукидид, Сенека, Флавий и др. Классическая древность завещала также новому миру вполне разработанное учение, как о мистических способностях души, посредствующих взаимообщению с духовным миром, – так и об условиях этого последнего.

Шопенгауэр и Гартман определённо и решительно высказываются в пользу возможности духоявлений. Но не только философы, это утверждают и многие учёные: Иоллес – друг и сотрудник Дарвина; И. Крукс – знаменитый английский химик; Варлей, английский физик; Морган – английский математик; Баррен – профессор физики при Дублинском университете; Гера – известный американский физик; Фламарион – французский астроном, а из наших профессоров – зоолог Вагнер; химик Бутлеров; математик Остроградский; философ Юркевич, писатель и естествовед Даль и др. Существует масса фактов вполне достоверных, положительно доказывающих таинственную связь миров земного и загробного. У нашего глубокоуважаемого архипастыря пр. Никанора находим следующий рассказ:

Вот факт, говорит он, из записок одного сановника, помещённых в одном из самых распространённых светских

журналов, наиболее положительного научного оттенка. Автобиограф рассказывает о своём отце или деде. Последний был назначен на службу в отдалённую Сибирь, ехал он с женой и со многими детьми, но, не доехавши до места службы, заболел и умер. Скорбь беспомощной семьи была так поразительна, что удручённая горем жена слегла в постель, а дамы города взяли на себя труд быть сиделками при ней день и ночь. В одну ночь слышат, что передняя дверь с крыльца отворяется. Входит умерший в костюме, в котором был в болезни, проходит мимо служанки, которая не спит и смотрит на него, отворяет дверь в следующую комнату и проходит мимо дежурившей дамы, которая приподнимается и всматривается в него. Умерший, с глубоко тоскливым и убитым видом, садится на стул у постели, у ног неславившей жены. Та приподнимается и протягивает к нему руки со словами: что ты, мой друг? Умерший говорит несколько скорбных слов и выходит так же, как вошёл, через открытые двери, которые были замкнуты на ночь. Поднялись посмотреть, и оказалось, что все двери действительно раскрыты. Таких фактов, добавляет пр. Никанор, можно бы насчитать не мало от лиц, достопочтенных и заслуживающих доверия. Факты эти, по убеждению архипастыря, достоверны, действительны, возможны. Вообще, говорит он, умирающие являются часто в минуту или скоро после смерти, но редко спустя долго по смерти.

Можно было бы привести массу примеров явлений из мира таинственного.

Недавно русской периодической печатью сообщён такой случай.

Учительница одной народной школы Астраханского уезда, девушка развитая и не страдающая нервными болезнями, как-то раз вечером (в марте 1901 года) сидела в своей комнате и читала книгу. Вдруг она почувствовала, что она не одна и, подняв глаза, увидела перед собой старого священника, что ему нужно, и как он вошёл в комнату, когда дверь заперта, но таинственный посетитель поднялся с места, и, приблизившись к стене, неожиданно исчез. Впоследствии, когда девушке были доставлены карточки священников, служивших в том же месте,

она узнала, что её гость – священник, умерший несколько месяцев тому назад в Астрахани, но служивший более 20 лет законоучителем в той же школе, где состоит учительницей девушка. Очевидно, интересы школы были слишком дороги достойному пастырю, не мало потрудившемуся на пользу юного поколения, если дух его устремился ещё раз взглянуть на оставленную им дорожную школу⁴⁰.

Существование таинственного мира доказывают и разнообразные так наз. спиритические явления. Правда, среди них есть не мало ложных, но, с другой стороны, нельзя, не насилуя фактов, все их считать обманом. Известны, например, спиритические сеансы американского медиума Г. Слэди, данные в С-Петербурге в 1878 г.

Знаменитый философ и психофизиолог Фехнер по поводу их говорит:⁴¹ «при самом напряжённом внимании я не мог открыть никакого обмана. Это вынудило у меня убеждение такой же силы, с какой я желал бы освободиться от него. Моё признание реальности фактов произошло не из симпатии к спиритизму, а есть должное воздаяние делу и лицам».

Как мы должны относиться к таким явлениям? Что думать о них? Должны ли мы последовать совету спиритов: завести сношения с духами, вызывать умерших, следовать указаниям и предзнаменованиям и проч.? – Нет, хотя и существуют такие явления, но в то же время должно сказать, что нигде в слове Божиим нет указаний на то, чтобы души умерших людей, по своему ли произволу, или по простому желанию живых людей, могли являться к последним и сообщать те, или другие сведения. *Сверх всего того между нами и вами, говорил Авраам богачу, утверждена великая пропасть, так что хотящие перейти отсюда к вам не могут, также и оттуда к нам не переходят*». Лк.16:26.

Потому-то явления ангелов и диаволов всюду утверждаются в слове Божиим, как особые действия Божии, обусловленные высокими нравственными целями. Что же касается душ умерших, то, по учению слова Божия, они находятся в назначенном им месте и не могут ни переходить произвольно в загробном мире, ни являться в здешний мир.

В житиях святых видения умерших представляются как случаи исключительные, происходящие по особому усмотрению Божию в отношении его избранников, и ничего не говорят о естественной возможности таких явлений⁴². Учение отцов церкви вполне подтверждает мысль о невозможности произвольных и естественных явлений душ, умерших живым людям. Св. Иоанн Златоуст говорит: «Невозможно блуждать здесь душе, уже отделившейся от тела». Бог запер для душ умерших двери вечности и никому из них не дозволил являться живым, чтобы диавол не воспользовался позволением к вреду и обману людей. По учению бл. Августина, не свойственно природе душ, отрешённых от тела, общаться с живущими.

Подобные же суждения высказывает и св. Иоанн Дамаскин. Спириты утверждают, что они создают своего рода экспериментальную науку, имеющую благие цели: борьбу с материализмом и доказательство бессмертия души, разрешение самых важных вопросов философии и религии, также вопросов всех отраслей общественного порядка; спириты говорят, что они расширяют сокровищницу человеческого знания и мудрости, указывая новое положительное откровение.

Необходимо, однако, заметить, что религиозная доктрина спиритизма, в сопоставлении с христианской религией, представляет самое тяжкое и опасное заблуждение, более ужасное, чем совершенное неверие! Основные принципы её решительно отвергаются христианством. Предлагаемые ею новые откровения, после уже данного Богом, совершенно не нужны, даже богопротивны, и находят себе должную оценку в словах св. апостола Павла: „аще мы или Ангел с небеси благовестит вам паче, еже благовестихом вам, анафема да будет“. Современные спириты только воскресили забытые на многие века древние способы вызывания мёртвых и сообщили новый характер своей доктрине, преобразовав её применительно к христианским воззрениям. Однако нет ничего общего между этой подделкой и последними. Откровение евангелия и „новое“ откровение – свет и тьма, жизнь и смерть, новые пути нравственной жизни и старые избитые колеи, починенные и прикрашенные. Прежде всего, даже столь

далёкий от истинно-христианских воззрений мыслитель, как Фехнер, удивляется самой возможности сопоставления явлений воскресшего Господа с явлением духов, в виду полной противоположности тех и других, а отмечая непоследовательности спиритской догматики, во многих пунктах её учения доказывает неизмеримые преимущества верования в ясное и возвышенное учение священного писания и возведённые там чудеса перед верой в зашифрованное письмо спиритов и сообщаемые духами откровения.

Верующему христианину, при пользовании ясным светом христианского учения, не представляется ни малейшей надобности в тусклом свете оккультизма. Всё необходимое для блага человека и его спасения уже открыто в слове Божиим. Всякая же самовольная попытка расширить пределы знания о мире загробном является преступным и дерзким стремлением проникнуть в области, не без намерения промысла, сокрытые от нас. Поэтому, спириты поступают далеко не безукоризненно, когда, соблазняясь пустым любопытством, обращаются за откровениями к духам. Они, по слову митр. Филарета, уподобляются татам, пытающимся открыть запоры вечности поддельными ключами. Само занятие спиритизмом при наличности Божественного откровения, есть как бы недоверие к этому высшему источнику знания, есть вероятное нарушение обета верности религии и церкви, даваемого при вступлении в общение с церковью, – есть отрасль волхвования, а вместе и нарушение первых заповедей закона Божия, запрещающих служение иным богам. Мало того, общение с падшими духами – в спиритических сеансах, по слову Игнатия Кавказского, есть прямое отступление от Бога. Вызывание духов христианских святых есть грубое и дерзкое кощунство над христианством.

Но по плодам узнаете их! Занятия спиритизмом, расстраивая нервную систему участников сеанса, изнуряют здоровье, ведут к помешательству и самоубийствам. Ещё в 1852 году американские граждане в особой петиции, подданной правительству, жаловались на то, что занятия спиритизмом расстраивают физическое состояние и оказывают вредное влияние на нравственный характер большей части

американского народа. С тех пор хроника спиритизма насчитывает много трагических случаев, обусловленных психическим расстройством его адептов. В наши дни также нередко приходится слышать о губительных последствиях безрассудного увлечения спиритизмом. Так, несколько месяцев тому назад в С.-Петербурге одна интеллигентная девушка, убеждённая спиритка, – по внушению духов, отрезала себе язык и умерла в страшных мучениях, но с успокоительным сознанием, что она исполнила волю духов. Этим и многими другими фактами сама практика спиритизма громко говорит нам, что поднять таинственную завесу грозит умопомрачение, болезни, смерть.

Общение с вечностью. С. 253–254

В конце года, канувшего в вечность, и в начале нового лета благодати Божией естественно мысль верующего останавливается на вопросе о вечности. Этой темы касается достойное внимания ответное письмо кандидатам Казан. дух. академии, по поводу присылки курсового альбома, преосвященного Антония Волынского. Вспоминая о пережитом в дни своего ректорства, владыка пишет: «Мы отмечаем содержание нашей протёкшей жизни не по распределению её внешних условий, а по тем светлым точкам высших настроений, когда мы через искреннюю духовную беседу и через молитву или через участие в делах бескорыстной любви как бы соприкасаемся с вечностью, с обнажённой истиной бытия, с жизнью Божией, которой осязали руками своими святые Апостолы (1Иоан. 1). И вот, вспоминая такие минуты и часы, и людей им причастных и даже саму их обстановку, мы ни за что не соглашаемся приравнять их ко всем прочим обстоятельствам нашей жизни, канувшим в вечность, но всем сердцем привязываемся и к тем людям и к той обстановке, как бы запечатлев, закристаллизовав в них свои высшие взаимные пережитые настроения, и сохраняя неясную, но твёрдую уверенность в том, что пережитое не должно, не может исчезнуть, а должно где-то снова повториться, и притом не на минуту, а навсегда, потому что в том была истина, а истина престать не может.

Подобное соприкосновение с вечностью особенно отчётливо переживается нами при смертях и погребениях дорогих друзей. И вот почему я люблю смотреть на изображение умерших и думать о них. Для меня они живы и даже более живы, чем многие живые, но осуетившиеся в своих помышлениях. При подобных же чувствах для меня постепенно уничтожается скорбное ощущение разлуки с моими дорогими учениками, и моё общение с ними не представляется делом прошедшим, но продолжающимся.

Итак, говоря о разлуке, напоминая о смерти вам, молодым и здоровым, весело вступающим в жизнь, не хочу вас печалить, но обрадовать удостоверением, что для нашей духовной дружбы смерти нет, и мёртвых нет, и разлуки нет. Хочу уверить вас в том, что, веруя во Христа, любя людей и пребывая в церкви, мы обладаем тайной вечности, мы обладаем тайной глубокого взаимообщения душ, чего не знают люди неверующие, которые томятся своим нравственным одиночеством, тщетно протягивают друг другу руки общения, но никогда не могут установить его между собой. Недавно вышли две книжки, описывающие быт студентов обоих столичных университетов. Тоска нравственного одиночества является у них всеобщим, всеподавляющим настроением, с коим они тщетно борются общением в кутежах и в бессмысленных и им самим непонятных демонстрациях. Напротив, мы, если только сохраняем Бога в сердцах своих, можем не тесно вмещать в них и ближних наших и, таким образом, испытывая высшую и достойнейшую человека радость бытия, смело смотреть в глаза нашему земному исходу. Эта истина и вам знакома, друзья мои, судя по вашему письму. Храните же её, как высший залог разумной деятельности, и в этом примите моё прощальное увещание».

Троеполский, протоиер. За традиционный способ обеспечения духовенства. С. 254–256

Audiat at altera pars.

Много говорилось и писалось в прошлом году на страницах вашего уважаемого журнала и в других органах печати о назначении жалования духовенству от казны, причём всегда порицался прежний способ обеспечения его самими прихожанами. За прежний способ содержания духовенства посредством существующих сборов хлеба и платы за требоисправления почти никто ни словом не обмолвился. Позвольте в новом году побеседовать о старом способе.

Почему Иисус Христос, посылая учеников Своих на проповедь, не велел им брать с собой ничего, но добавил, что вы будете сеять духовное и пожнёте вещественное, ибо слушатели обязаны будут дать вам необходимое к жизни... Пасущему стадо овчее не возбраняется пользоваться от него млеком и руном... Нельзя не обратить также внимания и на то, что великий Русский святитель Филарет Московский всегда высказывался против назначения духовенству жалования, отстаивая прежний способ обеспечения его.

Дело в том, что отношения духовенства к народу совершенно иные, чем отношения чиновников разных ведомств к нему; чиновники служат правительству, а духовенство народу, и занимает оно в отношении к нему положение отца и учителей, почему «дети» и должны были заботиться об обеспечении своих отцов духовных и вероучителей; они и обеспечивали их, возлагая сами на себя налоги за совершение таинств и обрядов, а там ещё добровольно уделяя им долю из своего вещественного богатства: хлеба, овощей, дров, сена, соломы и проч., – чем и не тяготились и духовенство было сыто... И какие взаимные прекрасные отношения духовенства и прихожан поддерживались этим способом обеспечения... Идут члены причта к прихожанам «посбирать ржи, яровинки, шерсти и проч.; входят в дом, приветствуя каждого и каждую до младенцев по имени, и беседуют с ними «чисто по отечески». А в тоже время,

замечая в доме какие-либо непорядки житейские и религиозные, делают внушения и разъяснения... И были близость и общение духовные с прихожанами самые теснейшие...

Теперь же начинается уже не то: отношения духовенства к прихожанам становятся холодными и чисто чиновничьими... Ныне члены причта, иногда проживая в приходе 10–20 лет, не знают по имени не только малолетних детей, но и взрослых... Некоторые даже в дом прихожанина бедняка входят с брезгливостью, и, совершивши требу в доме, спешат бежать домой без оглядок... Дело в том, что духовенство ныне стало «интеллигентнее» (но не образованнее) и от мужика ставит себя далеко, потому и жалованья просят больше, чтобы не было зависимости от прихожан мужиков. А о том, что с этой зависимостью или под нею скрывается духовный союз духовенства с прихожанами, и подумать не хотят. Между тем, не от того ли наш русский народ религиозен, не понимая сущности христианского вероучения, что он всегда жил жизнью духовенства, был близок к нему, благодаря общности житейских интересов?

Такого союза между прихожанами и духовенством при обеспечении последнего жалованьем, нам думается, никогда не будет: между ними будут лишь холодные отношения, чисто формальные.

Протоиерей Троепольский

Приложение // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10. (Приложение) С. 17–28

(как шелуха без зерна), но непременно принесут тебе те самые плоды, какие заключаются в слове, как плод в оболочке; каждое слово, как зёрнышко, принесёт тебе плод духовный, как зрелый колос» (ibid). Мало того, тот же пастырь своим долголетним святым Опытом свидетельствует о плодах молитвы в утешение и одобрение всех, что «она упокоевает душу и тело, и не только душу самого молящегося («Аз упокою вы!»), но часто души преставльшихся праотец и отец и братий наших. Видите», восклицает он, «как важна молитва!» (ibid) Тому же самому учит и православная церковь. «Молитва укрепляет веру и надежду, учит терпению, соблюдению заповедей и особенному испрошению благ духовных, она произращает многие плоды, исчисление коих излишне». (Послан. восточ. патр.).

Видите, братия, как важен подвиг молитвы в жизни христианина! Без него христианин не может приблизиться к Богу, не может достигнуть царства небесного. Но этот подвиг есть и один из труднейших. Как во всяком житейском деле или занятии (напр., в ремесле, искусстве) для успешного исполнения нужно долгое упражнение в нём, так и для совершения угодной Богу молитвы потребно некоторое духовное искусство – побеждать лукавую плоть свою и тонкие ухищрения дьявола, старающегося разрушить истинную молитву. Св. подвижники и молитвенники нашей православной церкви такими словами засвидетельствовали эту трудность молитвенного подвига: «дреманием ленистым одержим есмь, сон греховный тяготит сердце мое...» (из канона Предт. Госп.) А о. Иоанн Кронштадтский так предостерегает всех от ложной, лицемерной молитвы и невнимательной. «Неопытному молитвеннику», говорит он, «легко вдаться в ложную, лицемерную молитву, которая может быть и продолжительна, но бесплодна и в осуждение молящемуся». «Приближаются ко Мне люди сии

усты своими, и устнами чтут Мя, сердце же их далече отстоит от Мене, все же чтут Мя» (Мф.15:8).

Так обличал Господь Иисус Христос лицемерных фарисеев «на долзе» молящихся. Опытные же молитвенники старались «лучше творить молитвы краткие, но с горячей душой». «При молитве держись того правила», говорит о. Иоанн Кронштадтский, «что лучше сказать пять слов от сердца, нежели тьмы слов языком». Но это правило не поощряет нас лениться на молитвы и избегать долгого молитвенного правила. Тот же о. Иоанн Кронштадтский пишет в своём дневнике: «Очень хорошо, разумеется, было бы, если бы могли с должным чувствием сказать на молитве и тьмы словес. Господь не оставляет трудящихся для Него и долго предстоящих Ему, – в ную же меру они меряют, возмеривает «Он, и соответственно обилия истинных слов их молитвы посылает в душу их обилие духовного света, теплоты духовной, мира и радости». С целью научиться молиться Богу горящим духом, подвижники позволяли себе и других научали составлять свои собственные краткие молитвы к Богу, согласные с духом и, смыслом церковных молитв. «Навыкайте молиться своей молитвой», писал затворник епископ Феофан, «свои кровные нужды, паче душевные, а то и внешние мысли изрекать пред Богом, не прибегая к молитвеннику» (Духовная жизнь», епископа Феофана, стр. 123). А о. Иоанн Кронштадтский о том же предмете так рассуждает: «не всё чужими словами беседовать с Богом, не всё быть детьми в вере и надежде, а надо показать и свой ум, отрыгнуть от сердца и своё слово благо, притом же к чужим словам мы как-то привыкаем и хладеем. И как приятен Господу бывает этот наш собственный лепет, исходящий прямо от верующего, любящего и благодатного сердца – пересказать нельзя; надобно только то сказать, что душа при своих словах к Богу трепещет радостью, вся разгорячается, оживляется, блаженствует» (Дневник). Вообще же правило такое для укрепления себя в молитвенном подвиге: «в молитве, как и во всяком деле, необходимо упражнение, иначе сердце иссохнет для молитвы и постепенно теряемый дух молитвы совсем покинет душу» (Ibid).

Местом для молитвы должны служить, как дома наши, где мы можем молиться одни, «затворив двери» (Мф.6:6), так, в особенности, таким местом должен служить храм Божий, как дом молитвы (Мф.21:13), где мы, христиане, собираемся во имя Божие, по св. слову Спасителя: «идеже бо еста два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде их» (Мф.18:20). Храмы Божии посему есть лучшее место для молитвы, где скорее слышит нас Бог и подаёт нам обильные блага. И подвижники церкви православной любили по преимуществу возносить свои молитвы в храме вместе со всеми молящимся. «Люблю я молиться в храме Божиим», пишет о. Иоанн Кронштадтский, – «особенно во св. алтаре, у престола или у жертвенника Божия, ибо чудно я изменяюсь в храме благодатью Божией; в молитве покаяния и умиления спадают с души моей терния, узы страстей и мне становится так легко!.. Церковь – истинно земной рай!..» (Дневник).

Молясь Господу Богу, в Троице славимому, нужно, по учению православной церкви, прибегать с молитвой по Бозе и к святым Его, в особенности – к Пречистой Деве Марии Богородице. «Молись несомненно Святым Божиим человекам», наставляет о. Иоанн Кронштадтский, «прося их ходатайства за себя перед Богом. В Духе Святом они слышат тебя, только ты молись Духом Св. и от души, ибо Дух Св. в нас и во святых людях один и тот же. Святые святы от Духа Св., их освятившего и в них вечно живущего». «Святые молятся за нас», пишет далее он же, «когда мы с посильной верой, упованием и любовью призываем их, ибо они скорые помощники и молитвенники о душах наших, как уверяет нас Богопросвещённая мать наша – св. церковь» (Дневник). В особенности нам, христианам, нужно прибегать с усердной молитвой к Царице Небесной, «как родшей Благосердого и Спаса всех» (тропарь) – Господа Иисуса Христа. «Она», по учению Св. Церкви, «есть бездна благодати и щедрот» (троп. кан. Одигит.) и посему, приступая молиться «Ей, прежде молитвы будь уверен», наставляет о. Иоанн Кронштадтский, «что ты не уйдёшь от Неё, не получивши милости; приступать к

Ней без такой уверенности было бы неразумно и дерзко» (Дневник).

Мы, христиане, обязаны возносить молитвы не каждый только за себя и о своих нуждах, но и о нуждах других и о всей Церкви, ибо мы составляем единое духовное тело, един дух в Господе (Еф.4:4). «А в одном теле», по слову Апостола, «страдает ли один член, страдают с ним все члены» (1Кор.12:23). «Не пропускай случаев молиться за какого-либо человека», пишет о. Иоанн Кронштадтский, «по его ли прошению или по прошению об нём его родственников, друзей, почитателей или знакомых. Господь с благоволением призывает на молитву любви нашей и на дерзновение наше перед ним... Когда видишь в ближнем недостатки и страсти, молись об нём, молись о каждом, даже о враге своём». При молитве нужно помнить всегда одно, что «если молишься с верой, искренно, всем сердцем, нелицемерно, подастся тебе от Господа дар. И наоборот, чем холоднее твоё сердце, чем мало вернее, лицемернее, тем бесполезнее твоя молитва, мало того, – тем она более прогневляет Господа, который есть Дух и ищет Себе поклоняющихся духом и истиной. Поэтому, призываешь ли Господа, Божию Матерь, Ангелов или Святых, призывай всем сердцем; молишься ли о ком из живых и умерших, – молись о них всем сердцем, выговаривая имена их с теплотой сердечной; молишься ли о даровании себе или другому какого-либо блага духовного, молись об этом от всего сердца, желая всем сердцем себе или другому просить блага, имея твёрдое намерение отстать, или желая другим освободиться от грехов, страстей и греховных привычек, и дастся тебе от Господа дар по сердцу твоему» (Дневник).

Теперь нужно сказать о молитве священников, как нарочитых, избранных молитвенников перед Богом за верующих. Молитва их особенно сильна и плодотворна, ибо в них и через них Сам Дух Св. благоволит ходатайствовать за искупленных кровью Христовой, да и сами они пастырством своим носят сан Христов. «Чья молитва особенно сильна?» – спрашивает о. Иоанн Кронштадтский в своих благочестивых размышлениях. И отвечает: «на земле – молитва священников,

как Самим Богом поставленных у самого Его престола для молитвы о себе и о людях, – о наших гресех и о людских невежествах. «Верь», убеждает тот же пастырь, «что молитва и одного друга Божия, особенно свято живущего священника Божия, может творить чудеса в значительной части природы, как молитвы пророков Моисея, Илии и др. «Священники, молящиеся на земле о людях (Дневник, т. V), – знамение и показание Небесной Церкви, молящейся о нас на небе, и Самого ходатая Христа Бога». Как драгоценны, как вожделенны эти слова верующему сердцу пастырей и христиан. Итак, чаще нужно прибегать к пособию молитвы священнической, прося их молиться за себя не только в храме, но и дома.

Молясь Богу, мы, христиане, свою внутреннюю духовную молитву выражаем не только словами, но и благоговейными телодвижениями, выражающими наше внутреннее настроение, – по слову св. Апостола: «прославите Бога в телесех ваших и в душах ваших, яже суть Божия» (1Кор.6:20). Так, мы употребляем при молитве поклоны поясные и земные, крестное знамение, воздеяние рук, возведение очей на небо, биение в перси. Коленопреклонения ведут своё начало от ветхого завета. Праведные Авраам, Лот, Моисей, Аарон, Иисус Навин и весь богоизбранный народ еврейский поклонялся Богу, падая на лице свое (Быт.18:2,19:1; Исх.34:8; Нав.5:14. 18, 7, '39 и др.). В новом завете Сам Господь Иисус Христос Своим примером освятил земные поклоны, когда молился в саду Гефсиманском перед Своими страданиями (Мф.26:30 и др.). Его примеру следовали и св. Апостолы (Деян.20:36, 24, 11) и учили христиан – «прославлять Бога в телесех своих» и «представлять тела своему Богу в жертву живую, святую, богоугодную, для разумного служения» (Рим.12:1). Поклоны наши имеют тот смысл – по уставу Св. Церкви, что мы – прахи перед Богом и глубоко благоговеем перед Его величием. Посему-то и в небесном Иерусалиме святые выражают своё благоговение перед Богом также поклонением на лице свое (Откр.4:10, 5, 8. 14, 7, 11). Крестное знамение, которым мы осеняемся во время молитвы, должно «своей непобедимой, непостижимой и божественной силой» укреплять нас в молитвенном подвиге,

возбуждая в нас веру в крестные заслуги Искупителя и любовь к Нему, ибо, ограждаясь крестным знамением, мы молимся «во имя» Спасителя Иисуса Христа – по Его заповеди (Ин.14:13,14,15:16).

Итак, как хорошо, как душеспасительно молиться Богу часто, непрерывно! Это значило бы непрерывно беседовать с Богом, непрерывно дышать Духом Св., непрерывно учиться вере в Бога, надежде на Него и любви к Нему, и постоянно готовиться к переселению в вечность, без смущения и боязни. «Непрестанно молиться», писал св. Апостол христианам солунским (1Фес.5:17). «Всякой молитвой и прошением молитесь на всякое время духом», писал он же ефесск. христианам (Еф.6:18), т. е. при всяком житейском занятии помните о Боге, Представляйте Его в своём уме близко около себя (Пс.15:18), как бы ходите перед Ним (Быт.5:22,6:9), и тогда вы не допустите в своё сердце грешных мыслей и желаний. Молясь так – без слов, без поклонов, тайно, только в сердце слагая свои прошения, мы можем быть так же скоро услышаны Богом, как, напр., раб Авраамов, который, стоя у колодца, просил Бога в сердце своём указать ему невесту господину его Исааку, и Господь услышал его молитву: «и ещё не перестал он говорить в уме своём, и вот вышла к колодцу Ревекка (Быт.24:15,42–45). Или, когда св. пророк Моисей вёл евреев к Чермному морю и предвидел погоню от Фараона, царя Египтян, трепетал и тайно молился в сердце своём избавить народ от беды, то Господь отвечал ему на его тайную молитву: «что ты вопиешь ко Мне? скажи сынам Израилевым, чтобы они шли» (Исх.14:15). Праведная Анна, мать пророка Самуила, молилась в скорби души своей в скинии о даровании ей чада, молилась тайно, без слов, так что «уста её двигались и не было слышно голоса её» (1Цар.1:13). Из новозаветных святых такой «умной» или сердечной молитвой молилась, напр., преподобная Мария египетская. Когда преподобный Зосима пресвитер просил угодницу Божию помолиться за него и за весь мир, то «она обратилась на восток и, возведши очи горе и воздевши руки, начала молиться тихо, так что слов не было слышно и Зосима ничего не понял, – стоял трепетен, смотря в землю и не говоря

ни слова» (Тамб. еп. в. 1877, № 7. Житие Пр.). Преподобный Виссарион (6 Ин.) пробыл 40 дней и ночей в мысленной молитве. Цель молитвенного подвига нашего в том и состоит, по учению св. подвижников (напр., св. Василия Вел., Нила Сорск.), чтобы «достигнуть наконец непрестанной молитвы или непрестанного умом в сердце Богу предстояния, непрестанного тёплого о Нём памятования или пребывания в Нём вниманием и чувством» (Святоог. настав. о трезв. и молитв. еп. Феофана). Итак, молитва есть важнейшее дело в жизни человека-христианина. Без неё христианин не может совершенствоваться по заповедям Божиим, не может приближаться к святости, потому что когда он редко прибегает к молитве, то впадает в маловерие, делает много злых дел, нерадит о своём спасении и может впасть в глубину зол. Что бывает с каждым отдельным человеком, то может быть и с целым обществом христиан в известном месте. Горе нам, христианам, которые, заражаясь друг от друга, потеряли дух молитвы, питающий веру, потому что они легко могут потерять и саму веру. «Люди впали в безверие оттого», говорит о. Иоанн Кронштадтский, «что потеряли совершенно дух молитвы или вовсе не имели и не имеют его, короче – оттого, что не молятся. Князю века сего простор для действия в сердцах таких людей, – он господин в них» (Дневник).

Если так несчастны христиане, нерадящие о молитвах Богу, то что сказать о сектантах и под. им еретиках, которые никогда не испытали духовной сладости истинной молитвы и потому далеко отстоят от царства небесного?! Эти жалкие духовные слепцы, не видя духовного света в Церкви Христовой, сияющего во всём богослужебном чине её, – в молитвах, прошениях, благодарениях, составленных богоугодными людьми по духу и смыслу слова Божия, – измыслили для себя распевцы или стишки, которые у них заменяют церковные молитвы. Говорят, впрочем, что хлысты на своих собраниях употребляют и церковные песнопения, напр., «Воскресение Христово видевше», «видехом свет истинный» и др., но к несчастию своему они и с этими песнопениями соединяют свой сектантский смысл. Так, в песнопении – «Воскресение

Христово» они прославляют, конечно, не нашего Спасителя, а своих лжехристов, а под «светом истинным» разумеют, конечно, свою хлыстовскую веру. В этом случае хлысты оказываются церковными татями, крадущими у нас духовное богатство, нажитое и переданное нам из древних времён, и во зло употребляющими его; в этом отношении они уподобляются тем ложным пророкам времени св. Иеремии, на которых Господь изрекает Свой грозный суд, относящийся, поэтому, во всей силе и к нашим сектантам-христианам: «се Аз ко пророком, иже крадут слова моя кийждо от искреннего своего» (Иер.23:30).

Но хлысты, как мы сказали употребляют на своих молениях, кроме церковных песнопений, множество своих распевцев, составленных, вероятно, их лжехристами и лжепророками. Эти последние усиливались писать распевцы «складно», т. е. стихами, вероятно – для того, чтобы под такт их удобнее было кружиться и вертеться на собраниях, а может быть и потому, что по стихотворной форме своей они кажутся для простых людей плодом вдохновенного ума. В сущности же, хлыстовские распевцы не представляют по словесному построению своему правильно сложенной стихотворной речи и весьма часто отличаются отсутствием ясного смысла, даже полным бессмыслием. Главное же, чем распевцы не похожи на церковные молитвы, – это то, что в них не упоминается или редко упоминается о Боге, редко выражается прошение, славословие или благодарение Ему, не испрашивается ими прощения грехов человеку. Всё это, вероятно, потому, что хлысты не считают себя грешными людьми, а святыми, и не имеют нужды призывать Бога на молитве, ибо их лжехристы, живые боги, находятся налицо на их собраниях. Поэтому то, как небо от земли, как грязная сажа от чистейшего снега, далеко отстоят хлыстовские распевцы от наших величественных церковных песнопений. Не говоря уже о молитве Господней, которая, как плод Божественного духа Спасителя, корень и основа всех церковных молитв, не может идти ни в какое сравнение с произведениями человеческого ума, все церковные молитвы запечатлены особенным, благодатным духом святости, духовной красоты и величия. Все они написаны людьми святой,

богоугодной жизни, иногда прямо подвижниками, причисленными к лику святых. Так, литургийные молитвы (исключая немногих) написаны св. Василием Великим, И. Златоустом, Григорием Двоесловом. Богослужебные каноны составлены по преимуществу преп. оо. Иосифом песнопевцем, Романом сладкоп., Козьмой маиум. и др. Херувимская песнь на литургии составлена благодетив. греческим царём Юстинианом, «Свете тихий» – св. патр. Софронием Иерусал., гимн «Тебе Бога хвалим» – св. еп. Амвросием медиол.; современные акафисты и службы новоявленным чудотворцам (напр., Тихону Задон., Феодосию Черниг.) составляются под руководством и с благословения Св. Синода. Поэтому-то священные песнопения православной Церкви представляют плод богопросвещённого ума, запечатлены духом крепкой веры и любви к Богу, чувством смирения грешного человека перед величием Божиим, надеждой на милосердие Божие и полнейшей преданностью воле Божией.

Вспомним ли мы церковные ектеньи – эти краткие, но разнообразные, умиловительные прошения о нуждах каждого человека и всего мира, или богослужебные каноны, с их многочисленными тропарями, в которых раскрывается смысл праздника или живописуются подвиги угодников Божиих, вспомним ли стихиры, акафисты, нарочитые молитвословия «на всякую потребу», все они запечатлены духом веры в Господа Иисуса Христа, духом смирения христианина перед величием Божиим. Вспомним ли последование богослужебных молитвословий во время великого поста и особенно в страстную седмицу, – всё оно направлено к тому, чтобы возбудить в человеке глубокое сознание греховности своей, искреннюю жажду исправления по примеру и учению свв. подвижников Церкви: оно указывает на тяжёлые последствия греха в страданиях и смерти за нас Исккупителя, оно возбуждает полное отвращение ко греху и услаждает сознание живым представлением блаженной жизни в Боге. Богослужение же пасхальной недели и всей св. Пятидесятницы имеет целью возбудить в нас духовную радость о воскресшем Спасителе нашем, указать плоды воскресения Его для нас в настоящей и

будущей жизни, возбудить благодарные чувства к Нему и искреннее стремление к восприятию Св. Духа – Утешителя в день св. Цятидесятницы. Из повседневных служб вечерня и утренья своими молитвословиями возбуждают то покаянные, то хвалебные, то благодарные чувства ко Господу. Литургия же, как средоточие, завершение и венец церковных служб, своим обрядовым чином и молитвословиями представляет живое, наглядное и таинственное воспроизведение в сознании нашем всего дела искупления в Госп. И. Христе, а своей таинственной жертвой (тела и крови Хр.) является как умиловительная, благодарная и по преимуществу освящающая нас служба.

Ничего подобного нашим церковным службам и молитвословиям нет и не может быть у хлыстов, как лишённых благодати Божией, как отступников от прав. Церкви. Они, как евангельский блудный сын, удалившись самовольно из отчего дома, из св. Церкви, где все питаются изобильно духовным хлебом и питанием, в стране духовного голода лишённые благодати Божией, рады свой томящийся дух напитать рожцами свиней, т. е. теми бессмысленными духовными распевцами, которые дают им их лжехристы и лжепророки, в роде след.

«Мир вам, братия и сестры!

Вы зачем сюда пришли? (2 раза)

Вы каки(е) труды несли?

Мы трудимся о том,

Сознавать Духа Отцом.

Сознавать Его в лице

И слать ему письмецо.

Письмецо ему вы шлите,

Того времячка вы ждите,

Ждите времячка-часочек,

Растворятся небеса (2 раза),

Спустят огненны веса (2),

Попленятся телеса,

Мир-народ тому дивится,

Правда Божья воцарится!

А мы будем веселиться!»

(Тамб. еп. вед. 1883 г. № 23).

Эта хлыстовская песня, напечатанная со слов бывшего сектанта, ещё одна из лучших песен их, потому что имеет некоторый смысл, именно в ней говорится, по-видимому, о кончине мира. Но сравните её с соответствующей ей по смыслу церковной песнью, и вы увидите всё ничтожество хитроумия человеческого и несравненное духовное величие песни, внушённой Духом Св. «Егда припдеши, Боже, на землю со славою, и трепещут всяческая, река не огненная перед судищем влечет, книги разгибаются и тайная являются: тогда избави мя от огня неугасимого и сподоби мя одесную Тебе стати, Судие праведнейший» (Конд. служб. по вся дни). Здесь, в церковной песне, выражается глубокое смирение человека грешника, трепещущего будущего суда Божия и моление его о помиловании, ибо Господь есть Судия правосуднейший. Ничего подобного, как вы слышали, нет в хлыстовском распевце.

Братия! пожалеем искренно сектантов, как погибающих и подадим им руку помощи, раскрывая при всяком удобном случае всю бедность и лживость духовных распеvцев и выставляя на вид величие и красоту церковных молитвословий и всего церковно-богослужебного чина. А для своей духовной пользы будем помнить, что «более всего должно нам прилежаться к молитве, ибо она есть как бы некий предводитель добродетелей и посредством таинственной святости и духовного действия, и неизреченного расположения вводит прилежного в молитве в единение с Богом», как говорит св. Григорий Нисский (Слово о цели жизни в Боге, Тв. ч. 7-я). А преп. Нил Синайский говорит: «счастлив тот человек, кто умеет отрешиться от земного и переноситься к созерцанию небесного», т. е. молиться. И действительно, святые так любили молитву и так прилежались ей при жизни, что умирали стоя на молитве, напр., св. Димитрий ростов., блаж. старец о. Серафим саров. Так молитва была для них мостом к блаженной вечности.

«И сподоби нас, грешных, Владыко, со дерзновением неосужденно смети празывати Тебе, небесного Бога Отца».

V. Слово на новый 1904 год // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10. (Приложение) С. 29–31

О. Иоанна Кронштадтского.

Мы, по обетованию Божию, ожидаем нового неба и новой земли, на которых обитает правда (2Пет.3:13).

Празднующих новый гражданский год переносу мысленно к новому небу и новой земле, на которых обитает правда. Да, по неложному обещанию Божию, настанет скоро полное обновление неба и земли для обновлённого Испытателем нашим человеческого рода, – *нынешняя земля сгорит, а небеса, как риза, обветшают и, как одежда, совьются, и изменятся, по слову пророка... (Ис.65:17,66:22,13:13; Мф.24:29,35);* И подай Господи. Ибо кому не намозолила глаза повсюдная неправда на земле, неправда и заблуждение в вере, неправда в государствах, в обществах, в сословиях, в разных учреждениях, в городах, селениях, семействах, в школах, и даже – в обителях святых. Давно, много тысячелетий – царствует на земле всякая неправда, в коей обличали людей древние пророки, – и мы молим Отца нашего небесного словами возлюбленного единородного Сына Его, пришедшего очистить неправды наши: *да святится имя Твое, да приидет царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли (Мф.6:9,10).*

Но неверующие при этом возражают мне: о каком новом небе ты говоришь и о какой новой земле? Всё будет старое, во веки не будет нового неба и новой земли, – небо и земля вечны, они ещё в состоянии образования, – прошло много тысячелетий этого самообразования, – и ещё пройдут многие тысячи и люди в бесконечность будут рождаться; один род переходит – другой приходит, а земля будет во веки стоять. – Нет, лживые мудрецы, говорящие от своего чрева, проповедующие свои мечты: слово Божие верно и непреложно, и что оно изрекло, то непременно сбудется, – и сбудется с быстротой неожиданной.

Земля со всеми стихиями сгорит, как сгорает дом, и небо совьётся в одно мгновение, как одежда. Доказательство тому у

нас перед глазами на всех живых организмах растительных и животных. Теперь зима. Вся весенняя и летняя красота растений исчезла – нет её, вся истлела; и наши тела со смертью истлеют в гробах – так подвергнется тлению и разрушению и весь видимый мир. Творцу также легко обратить его в ничтожество, как Он и привёл его легко одним повелением из небытия в бытие, и *солнце померкнет и луна не даст света* своего, и звёзды спадут с неба, – не бойся, впрочем, что упадут на землю, нет, – только спадут по слову Господа; и исчезнут, как ничто; ибо все миры перед Богом как ничто, по слову Писания. – А какое, спросишь, будет новое небо и какая новая земля для новых людей? Не таково, конечно, как настоящее, и не такова земля, как нынешняя, потому что люди новые будут иметь новую, нетленную, духовную, вечную, бессмертную природу; бессмертную, чистую, безгрешную, святую, как свят Господь Бог; очевидно, поэтому, что и новое небо и новая земля будут духовны, нетленны, вечны и несравнимо прекрасны; *есть тело душевное*, говорит Апостол, *и есть тело духовное* (1Кор.15:44), значит, небо и земля будут духовны, нетленны, не подвержены изменению или разрушению в бесконечные века. – Веришь ли ты этому, земной мудрец Лев Толстой, верят ли единомышленники твои? Верите или нет, – но что Творцом безначальным, верным во всех словах Своих, предопределено, – то сбудется, а ваши мечты мечтами и останутся, а неверие и непокорность ваша обратится вам самим в наказание. Заклучу моё слово словами боговдохновенного Апостола Петра. Помните, братия, слова «прежде реченные святыми пророками и заповедь Господа и Спасителя, преданную Апостолами вашими. Прежде всего знайте, что в последние дни явятся наглые ругатели, поступающие по собственным своим похотям и говорящие: где обетование пришествия Его? Ибо с тех пор, как стали умирать отцы, от начала творения всё остаётся так же. Думающие так не знают, что в начале Словом Божиим небеса и земля составлены из воды и водой. Потому тогдашний мир погиб, был потоплен водой; а нынешние небеса и земля, содержимые тем же Словом, сберегаются огню на день суда и погибели нечестивых человеков. Одно то не должно быть

сокрыто от вас, возлюбленные, что у Господа *один день, как тысячи лет и тысячи лет, как один день* (Пс.89:5), (ибо Он выше времени, как Творец времени).

Не медлит Господь исполнением обетования, как некоторые почитают то медлением; но долго терпит нас, не желая, чтобы кто погиб, но, чтобы все пришли к покаянию. Придёт же день Господень, как тать ночью, и тогда небеса с шумом прейдут, стихии же, разгоревшись, разрушатся, земля и все дела на ней сгорят. Если так всё это разрушится, то какими должно быть в святой жизни и благочестии вам, ожидающим и желающим пришествия дня Божия, в который воспламенённые небеса разрушатся и разгоревшиеся стихии растают? Впрочем, мы, по обетованию Его, ожидаем нового неба и новой земли, на которых обитает правда. Итак, возлюбленные, ожидая сего, потщитесь явиться перед ним неосквернёнными (а ныне христиане беззастыдно сквернят себя блудом – холостые и женатые) и непорочными в мире; и долготерпение Господа нашего почитайте спасением, как и возлюбленный брат наш Павел, по данной ему премудрости написал вам, как он говорит об этом во всех посланиях...

Итак, вы, возлюбленные, будучи предварены о сём, берегитесь, чтобы вам не увлечься заблуждением беззаконников и не отпасть от своего утверждения. Но возрастайте в благодати и познании Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа. Ему слава и ныне и в день вечный* (2Пет.3:1–18). Аминь.

**VI. Слово на день Крещения и Богоявления
Господня 6 января 1904 г // Миссионерское
обозрение. 1904 г. № 1–10. (Приложение) С. 32**

О. Иоанна Кронштадтского.

Елицы во Христа креститесь во Христа облекостесь
(Гал.3:27).

Философия Крещения

Церковь совершает ныне воспоминание величайшего, спасительного дела в земной жизни Божественного нашего Икупителя, Господа Иисуса Христа, именно: крещения Его от Иоанна Предтечи в реке Иордане, в тридцатилетнем возрасте. Естественно приходит в голову вопрос: если Христос есть безгрешный и святейший человек и всесовершенный Бог в неслитном, нераздельном и неразлучном соединении естеств Божеского и человеческого в едином Лице, то для чего нужно было Ему крещение в быстрынах Иордана, и нет ли в этом действии Божественного Икупителя внутреннего противоречия. От чего очищаться безгрешному. От чего омываться пречистому? – Но у Бога премудрого и праведного противоречия Себе Самому быть не может; только человек, существо падшее, – непрестанно противоречит себе, допуская часто безмысленные помышления, слова и дела. Призовём на помощь в этом, – по-видимому странном действии Богочеловека, – христианское любомудрие. Для чего Христос Бог пришёл на землю во плоти, приняв всё существо человеческое с его немощами, кроме греха? – Человек есть существо падшее, валяющееся в скверне греха, всё проникнутое этой скверной, до костей и мозгов, до сокровенных помышлений и чувств, и неприметных движений воли: в нём и мысль, и желание, и воображение, и все чувства, и стремления направлены ко греху и проникнуты грехом, хотя бы-

№ 3. Февраль. Книга 1-я

Сенатов В. Сенатское решение о старообрядческих браках и порождаемые им юридические и практические недоумения // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 257–265

До последнего времени лишь те старообрядческие браки признавались законными, которые были записаны, на основании закона 19 апр. 1874 г., в полицейские метрические книги, специально на этот предмет установленные и имеющиеся во всех полицейских учреждениях. При этом само совершение брака, по тому или иному старообрядческому обряду, законом игнорировалось и при том не только по форме, но и по существу: для закона было безразлично, по какому обряду брак совершён, или он был заключён без всякой религиозной формы. Такого мнения, относительно данного закона, держались и сами старообрядцы. Такой же смысл предполагается, и самой формой совершения полицейской метрической записи: при записи обращается внимание исключительно на то, принадлежат ли оба вступающие в брак от рождения к старообрядчеству, добровольно ли желают вступить в брак и не состоят ли они в родстве, при котором совершение брака, по нашим общим узаконениям, воспрещается; это с одной стороны, с другой – для записи брака решительно не требуется какого-либо предварительного действия, – в виде ли венчания по старому, или иному какому-либо обряду, или в виде простого сожития. При записи не возбуждается вопроса о существующих личных отношениях между записывающимися мужем и женой, а лишь об их взаимном и добровольном желании вступить в брак. Такое же, именно, понимание явствует и из общего правительственного взгляда на метрическую запись старообрядческого брака: *существование брака раскольников считается доказанным со дня записи в метрической книге, или со времени первоначального о нём заявления (свод закон. гражд. т. X, ч. 1, ст. 78, по изд. 1887 г.)*. Закон 19 апр. 1874 г. не задаётся вопросом о моменте совершения самого брака, – для него безразлично, был ли этот брак в действительности

совершён ранее полицейской метрической записи, или совпадает с нею, или же последует ей. Закон имел в виду исключительно практические вопросы: правительству было известно, что старообрядцы, несмотря ни на какие препятствия, заключают между собой браки и устраиваются семьями, хотя с этими семьями закон вовсе не считался, – что рождаются дети, признаваемые самими старообрядцами законными, но никаких гражданских прав не имеющие. В устранении этих неурядиц и был издан закон о записи раскольничьих браков, через это старообрядческая семья и дети получали вполне законное существование. Ни дальше, ни глубже этого закон 19 апр. 1874 г. не шёл и ни в какие вопросы о самом существовании старообрядческого брака не вдавался. Закон имел в виду оказать старообрядческой семье и рождённым в ней детям милость, не вдаваясь ни в какие аргументации этой милости.

В настоящее время возникает иное отношение к старообрядческому браку. Правительствующий Сенат год слишком тому назад, осенью 1902 г., вынес весьма замечательное решение, свидетельствующее о желании правительства поставить вопрос о самом существовании старообрядческого брака. *„Сенат, находя, что, по точному смыслу закона 19 апр. 1874 г., записи браков в метрические книги не могут знаменовать собой самого совершения брака, так как старообрядчество, приемлющее священство, бесспорно принадлежит к числу христианских вероисповеданий и признаёт брак церковным таинством, иначе оказалось бы, что у старообрядцев установлен гражданский брак, – определил по делу Снетковой, что брак, совершённый по старообрядческому вероисповеданию и незаписанный в метрические книги, не может быть расторгнут самолично одним из повенчанных, если противная сторона может доказать установленным порядком факт совершения брака“.*

Приведённая сенатская резолюция устанавливает четыре положения:

1) Полицейская метрическая запись старообрядческого брака, имеет только тот смысл, что она свидетельствует о

браке, совершённом где-то в старообрядческой моленной старообрядческим попом или наставником.

2) Принадлежность к христианскому вероисповеданию и признание брака (независимо от формы его совершения) таинством служит основанием для признания брака законным, хотя бы он и был заключён вне церкви, внутри старообрядческого согласия и не был записан в метрическую книгу.

3) Гражданский брак для старообрядцев не установлен.

4) Брак, совершённый по старообрядческому обряду и незаписанный в метрическую книгу, законен и не подлежит самовольному расторжению.

Исходным пунктом этих положений служит та мысль, что полицейская метрическая запись имеет не первенствующее значение в совершении брака, а лишь служебное: она свидетельствует о браке, уже совершившемся и узаконяет его с чисто формальной гражданской стороны. По этому воззрению полицейская метрическая книга приравнивается к церковной записи, а совершение браков в старообрядческой моленной – попом или наставником, – к церковному венчанию.

Новизна этого воззрения заключается в том, что, как уже было сказано, по первоначальному пониманию закона 19 апр. 1874 г. признавалось безразличным само совершение брака, – юридическую силу, имела лишь одна полицейская запись. Законодатель, устанавливая полицейскую запись, только предполагал, что старообрядческий брак совершается, по само совершение, как форма его, так и отсутствие всякой формы, для него не имели значения. Для нового же толкования данного закона само совершение брака уже является фактом, с которым так или иначе приходится считаться. Для него не только само совершение брака не является безразличным, но и форма этого совершения приобретает значение. Приведённая сенатская резолюция имеет дело с браком, венчанным каким-то *NN.*, именующимся старообрядческим священником. Сенат нашёл нужным обратить внимание на то, в каком чине ставит себя лицо, венчавшее данный брак: он венчан старообрядческим священником, – следовательно, с соблюдением какого-то

религиозного обряда. Этому последнему, религиозному обряду, Сенат придаёт особое значение: важно не то, кем брак был венчан, а то, что *было* венчание, обряд. Так как австрийская иерархия и беглые попы не имеют никаких законных прав, то и само это „венчание“ не может быть признано законным и „брак“ – браком. И Сенат, считаясь с таким браком, обращает главное внимание не на то, кем и как именно венчан брак, а на то, что и венчавший и венчавшиеся признают брак церковным таинством. В приведённой сенатской резолюции этому, именно, признанию уделено особое внимание; Сенат нашёл в нём опорный пункт для окончательного решения дела. через это самое, можно думать, для признания старообрядческого брака законным устанавливается одно общее требование, *чтобы этот брак самими брачующимися признавался церковным таинством*: от старообрядца, следовательно, зависит, быть ли его браку законным, или незаконным; если он свой брак признаёт церковным таинством, этот брак вполне законен, если же, неизбежно предполагается, такого признания нет, то и брак не имеет законной силы.

Указанное сейчас требование вытекает из желания устранить ту мысль, что для старообрядцев установлен гражданский брак. Это желание суживает мысль закона 19 апр. 1874 г. Для этого закона были безразличны и сущность старообрядческого брака, и форма его совершения; он вовсе не имел в виду, как признавать старообрядческий брак – церковным, или гражданским, сама эта мысль для него была чужда; этого вопроса закон решительно не касался и отдавал в полную волю старообрядцев, как им относиться к браку. И в этом обнаруживается особая мудрость законодателя. В устроении семьи и в признании законными детей нуждаются все старообрядцы, но далеко не все они, по своим основным учениям, признают брак церковным таинством. Для поповца и беспоповца, приемлющего браки, – беспоповца-брачника, брак есть церковное таинство, а для беспоповца, отвергающего брак, беспоповца-без-брачника, брак является только грехом, он – только сожитие с одной или с одним, продолжающееся более или менее продолжительное время, сожитие, наказуемое

отлучением от церковной (старообрядческой) общины. Закон 19 апр. 1874 г. одинаково милостиво относился ко всем старообрядцам без всяких исключений; он узаконил все семьи и поповщинские, и беспоповщинские и приемлющих брак, и отвергающих оный. Новое же сенатское решение отдаёт преимущество одним перед другими и поставляет под сомнение значительное большинство беспоповских браков; он выдвигает вопрос, можно ли считать законными (а следовательно и вносить в полицейскую метрическую книгу) браки, заключаемые теми старообрядцами, которые не признают брак церковным таинством, а женятся, потому что этого требует сама жизнь, и записываются в полицейскую метрическую книгу, потому что необходимо обеспечить детей, сделать их своими законными наследниками. Вместе с этим указанное сенатское решение предполагает, очевидно, расширить опросные пункты, установленные при записях старообрядческих браков: помимо родственных отношений и желания вступить в брак, не нужно ли ещё осведомляться, а как желающие записаться мужем и женой признают заключаемый между ними брак – церковным таинством, или грехом, венчались ли они у старообрядческого попа или наставника, или сошлись без всякого религиозного обряда.

Положение, что законность старообрядческого брака зависит от признания его самими старообрядцами таинством, сокращает область действительности закона 19 апр. 1874 г. При этом положении, означенный закон оказывается неприменимым к беспоповцам-безбрачникам. Это уже можно видеть из дела, по которому последовала выше приведённая резолюция Сената. В данном деле фигурируют лица, приемлющие священство (австрийское, или беглое; это из резолюции не видно, но это и неважно) и, следовательно, можно предполагать, что означенные в резолюции Снетковы были венчаны старообрядческим „священником“. Благодаря именно этому последнему обстоятельству, Сенат и признал брак Снетковых нерасторжимым, хотя он и не был записан в полицейскую метрическую книгу. Как поступил бы Сенат, если бы Снетковы

принадлежали к беспоповцам? или: а) к беспоповцам-брачникам или б) к беспоповцам-безбрачникам.

В первом случае Сенату пришлось бы исследовать сущность учения о браке беспоповцев-брачников и форму совершения беспоповского брака. Результатом этого исследования оказалось бы, что беспоповцы-брачники признают брак таинством, которое может совершать не только священник, но и мирянин.

Далее раскрылось бы, что беспоповцами-брачниками брак совершается, приблизительно, следующим образом: жених и невеста становятся в моленной перед иконами, наставник допрашивает их, желают ли они вступить в брак, не обещались ли другим, имеют ли родительское благословение; родители жениха и невесты, находящиеся тут же, благословляют „брачующихся“ словами: Бог благословит тебя взять такую-то, – тебя выйти за такого-то; наставник говорит: Бог вас благословит класть начал на супружескую жизнь; молодые кладут семипоклонный начал, после которого, кланяясь в ноги наставнику, говорят: благослови, отче, нас на чистое супружеское житие; наставник благословляет: Бог вас благословит на чистое супружеское житие; молодые и все присутствующие снова кладут семипоклонный начал, затем поют молебен Спасителю, или Божией Матери, или какому-либо святому, смотря по местным обычаям. В некоторых местах поётся особый молебен, нарочно для такой цели составленный известным Павлом Любопытным (умер в 20-х годах прошлого столетия); во время этого молебна наставник обводит молодых вокруг аналая. Данный молебен „брачующиеся“ относят к самому совершению брака, поющие же обычный молебен не считают его частью брачного обряда, а только благодарностью за совершившийся уже брак. – Констатируя подобный брак, Сенат по необходимости окажется вынужденным входить в общую оценку указанной брачной формы. Но можно ли установить для этого один общий несомненный критерий? С протестантской точки зрения указанная форма имеет религиозный церковный характер; с точки же зрения православной церкви она – кощунство; сами старообрядцы

(имеем в виду только беспоповцев-брачников) в её оценке не могут прийти к соглашению: для одних она церковный, вполне законный, обряд, для других только семейный обычай; для последних сущность брака заключается исключительно во взаимном согласии самих „брачующихся“ жить вместе, согласии, не требующем никаких сторонних утверждений. Этот брак, с точки зрения самих старообрядцев, полуцерковный, полугражданский, полу-таинство, полу-грех.

Во втором случае, – при рассмотрении брака беспоповцев-безбрачников, необходимо расследовать сущность бракоборного учения. При этом выяснится, что беспоповцы-безбрачники вовсе не признают брака, что по их основным учениям в настоящее, якобы антихристово, время, брака, как таинства, решительно быть не может. Беспоповцы-безбрачники учат: всем нужно бы проводить чистое девственное житие, но страсти препятствуют этому; можно тайно грешить и грех тем будет легче, простительнее, чем чаще будут сменяться связи, потому что многочисленность связей вызывает покаяние и свидетельствует о несклонности к браку; брак же есть явный грех, позор перед обществом и от тайного греха он отличается продолжительностью связи, её внутренней крепостью и открытостью. Однако, и при таких воззрениях, „безбрачные“ женятся и записываются мужем и женой и, мало этого, начинают своё сожитие семипоклонным началом, родительским благословением и полным свадебным пиром; хотя за это сожитие супруги отлучаются от „церковной“ общины на всю жизнь, родители, давшие благословение, наказываются епитимией – строгим шестинедельным постом. Как применить указанное выше положение к таким бракам? Что они, как не гражданский брак, в полном смысле этого слова?

Не ясно ли, что указанное выше основание, для признания старообрядческих браков законными, по необходимости должно повести за собой сокращение в применении закона 19 апр. 1874 г. к жизни, что, в таком случае, оказываются вне закона все семьи и дети старообрядцев-безбрачников, и под сомнением остаются все семьи беспоповцев – брачников. Это с одной стороны; с другой – это основание, собственно объяснение

закона 19 апр., имеет и другое весьма важное значение; оно неизбежно приводит к признанию административного значения старообрядческих попов и наставников, является первым и весьма серьёзным шагом к дарованию некоторым старообрядческим согласиям полных прав в государстве, наравне с православной Церковью.

Если само совершение старообрядческого брака, обряд, само по себе, помимо полицейской метрической записи, имеет юридическую силу, то кем и чем являются старообрядческие попы и наставники – брачники! Не органы ли они исполнительной власти, законом признанной? Ведь нельзя же измыслить такого компромисса, по которому оказалось бы, что действие имеет юридическую силу, а действующее лицо – ничто. В приведённой резолюции Сенат определил, чтобы был доказан „установленным порядком факт совершения брака“. Брак этот венчан старообрядческим „попом с причтом“, – следовательно, главнейшим свидетелем в данном деле является этот самый старообрядческий „поп с причтом“. В другом случае такое же значение будет иметь беспоповский „наставник с причтом“. Будет, таким образом, установлено, что такие-то повенчаны „таким-то с причтом“ и составлена соответствующая метрическая запись. По какому праву эта запись будет более полной, чем обычная запись в полицейской метрической книге, в которой (записи) о факте совершения старообрядческого брака, его венчании, вовсе не отмечается? Отсюда только один шаг, чтобы и во всех записях старообрядческих браков отмечалось: венчан тогда-то, таким-то старообрядческим „попом с причтом“, или „наставником с причтом“, – иначе, чтобы эти самые записи составлялись на основании свидетельств о повенчании, выдаваемых старообрядческими „попами и наставниками“.

Административное значение старообрядческого „духовенства“ уже определённо предполагается в приведённой сенатской резолюции признанием нерасторжимости брака, венчанного старообрядческим „попом“ и незаписанного. Но старообрядческий „священник“, допустим, повенчал и брак нерасторжим, а старообрядческий „архиерей“ развёл, тут как

быть? Не согласится ли и с этим, после предварительной поверки, справедливо ли решено дело, без всякого отношения к лицу и учреждению, его совершившему? Или ещё: брак таких-то старообрядцев расторгнут окружным судом, соответствующие отметки сделаны, виновная сторона подпала под запрещение вступить в новый брак. Старообрядческие „попы“ и наставники всё это знать не обязаны, а, к тому же, старообрядческий „архиерей“ это же самое дело решит обратно – по-иному, – с отнесением вины к правому по нашему суду и с оправданием виновного. – Старообрядческий „поп“ повенчает виновного (по решению суда), – как считаться с этим фактом? В предупреждение подобных случаев не извещать ли старообрядческую „духовную власть“, – „архиереев“, или совет беспоповских наставников, о расторжении старообрядческих браков, а ещё проще и лучше, – не решать ли подобные дела сообща с ними; в том порядке, какой в настоящее время проектируется для православных? В приведённой резолюции брак Снетковой, фактически расторгнутый, Сенат признал юридически существующим, а вдруг окажется, что этот самый брак уже расторгнут старообрядческим „архиереем“? и старообрядческий „поп“ покажет: венчал Снетковых, но брак расторгнут архиереем?

Как видно, означенная сенатская резолюция возбуждает много весьма важных практических вопросов и ставит острым ребром вопрос о признании за старообрядческими „архиереями, попами, наставниками“ и разными существующими у них „духовными советами“ полных прав духовной власти.

Мы понимаем, что данная сенатская резолюция вынуждена серьёзными обстоятельствами, но ведь все эти обстоятельства могут быть устранены одним небольшим дополнением к закону 19 апр. 1874 г., дополнением параграфа, по которому, в случае, почему-либо, не внесения старообрядческого брака в полицейскую метрическую книгу, муж и жена, каждый отдельно, могли бы ходатайствовать о записи брака на основании свидетельских показаний о его действительном существовании и даже после смерти одного из супругов; чтобы подобные ходатайства могли возбуждать и дети после смерти своих

родителей. Отсутствие в законе 19 апр. 1874 г. такой статьи действительно сказывается в старообрядческой жизни.

Иногда старообрядческие браки записываются через несколько месяцев или даже лет после начала супружеской жизни. За это время тароватый супруг до нитки обирает простоватого, без церемонии выгоняет обобранного и свободно вступает в новый брак; возможна и смерть одного из таких супругов (тароватого), причём живой может остаться между небом и землёй... Нечто подобное, без сомнения, произошло и с Снетковой, по делу которой дано сенатское решение. В устранение этих неустройств предполагаемое дополнение было бы весьма желательным. К тому же оно устранил необходимость в коренном изменении основного смысла закона 19 апр. 1874 г. и сделает невозможными и ненужными те конфликты, на чисто юридической почве, нашего правительства с „старообрядческими духовными властями“, которые являются решительно неизбежными, при новом объяснении закона 19 апр. 1874 г., и которые ускоренным шагом приведут нас к страшному столкновению с этими самыми „старообрядческими духовными властями“ и внесут большую дозу анархии в саму жизнь. Уже по одному только брачному вопросу явится масса властей и поповских и беспоповских, с различными, нередко крайне противоположными, кодексами и жизненными условиями; всё это составит такой сумбур, с которым никакая централизация справиться не будет в силах.

В. Сенатов

**Раскол и сектантство по последнему
всеподданнейшему отчёту г. Обер-Прокурора Св.
Синода за 1900 год ⁴³ // Миссионерское обозрение.
1904 г. № 1–10. С. 257–273**

Мистическое сектантство

I. Хлыстовство

Хлыстовство продолжает расти и умножаться; его руководители всевозможными способами, тайно и явно, пропагандируют своё лжеучение среди православных. Правда, в некоторых местах оно, по-видимому, ослабевает, но зато в других – проявляет такую энергию, в пропаганде своего лжеучения, что является более опасным для православия, чем другие секты. Таким великим злом является хлыстовство, например, в Воронежской епархии, где последователи его носят различные наименования: „хлыстов“, „богомилов“, „стригунов“, „шалопутов“ и пр., и где оно в 1900 году с особенной силой распространялось хлыстом Феодором Луценковым, – пропагандистом возмутительного еретического лжеучения, соединённого с противо-нравственными и гнусными деяниями. К православной церкви и к учреждениям её (таинствам, иерархии и богослужению) хлысты относятся не только отрицательно, но и крайне враждебно, хотя по практическим побуждениям и посещают храмы Божии часто. Православную церковь они называют не иначе, как „Вавилоном“. Источники христианского учения хлысты отвергают. Так, например, один хлыст в беседе с миссионером Херсонской епархии заявил, что Библии ему не нужно: „она мини надоила“, сказал он, а другой назвал слово Божие „тьмой, буквой мертвящей“. Вся догматика хлыстов основана на учении о перевоплощении Христа. Видимым выражением этого учения служат у хлыстов их лжехристы и лже-богородицы. Екатеринославские хлысты (или „шалопуты“, как они здесь называются) на вопрос миссионеров, что побудило их оставить православную церковь, обыкновенно отвечают: „было время, когда мы поклонялись деревянным богам (разумеются св. иконы), теперь наступило другое время: мы познали истину и должны поклоняться „живому богу, сыну божию“, т. е. хлыстовскому лжехристу. Желая совратить православного человека в свою секту, они говорят: „не должны вы, братия, ходить в церковь, а должна в вас церковь войти. Не должны зажигать лампы перед иконами, а должны зажигать

их в сердце своём. То не церковь, что построена из камней, а языческое капище, а каждый из нас составляет церковь, а все вместе церковь апостольскую“.

Большинство хлыстов Херсонской епархии, по сообщению преосвященного Херсонского, имеют следующие религиозные понятия, являющиеся, как результат отрицательного отношения их к источникам христианского вероучения. „Бога нет вовсе, как нет добрых и злых духов, вне тела человеческого, ибо их никто не видел. Человек может быть и богом, и ангелом, и дьяволом, смотря по степени своего нравственного совершенства“. Интересно учение одного хлыста той же Херсонской епархии о происхождении человека. По этому учению, „до Адама и Евы Бог сотворил червяков, которые превратились в людей и жили 120 веков (12.000 лет); когда они вымерли, тогда Бог создал Адама и Еву“. На вопрос миссионера, откуда взято это учение, хлыст ответил: „вы это не поймёте это дело наше, нам только открыто“.

В нравственном отношении хлысты стоят ниже других сектантов: скрытность, лукавство, лицемерие и разврат характеризуют хлыстов всех местностей.

Успех пропаганды дикого и сумасбродного учения хлыстовской секты объясняется главным образом мнимой набожностью и благочестием хлыстов. В Таврической, например, епархии свою пропаганду хлысты начинают обычно призывом к трезвости, воздержанию от мясной пищи, и этим привлекают многих, даже людей благочестивых, но мистически настроенных. А одна из пропагандисток хлыстовства в Орловской епархии, обладающая довольно значительными средствами, для большего успеха пропаганды, прибегла даже к следующему средству. На своём участке земли, находящемся в 4-х верстах от приходского храма, она построила на свои средства церковь; прикрываясь благочестивым намерением открыть при пей монашескую общину, она набрала к себе детей и девушек-сирот и деятельно повела пропаганду хлыстовства. Только случайно были открыты её преступные цели и вовремя была остановлена её пропагандистская деятельность.

Скопчество – вторая мистическая секта – наиболее распространено в Орловской епархии, где оно первоначально и появилось. Число заражённых скопчеством приходов доходит здесь до 49: в них насчитывается скопцов до 216 душ мужеского пола и до 600 – женского. Впрочем, физических скопцов в Орловской епархии мало; всего лишь 45 душ мужеского пола и 40 душ женского пола, да и те подверглись оскотлению много лет тому назад; в своё время они были судимы, но оправданы. Все остальные лица, подозреваемые в принадлежности к секте скопцов, суть только духовные скопцы и скопчихи, последние из девиц и вдовиц, по бедности, физическим недостаткам и другим причинам потерявшие надежду на выход замуж. В 1900 году скопчество заявило о своём существовании в некоторых других епархиях, главным образом в С.-Петербургской и Самарской. О скопцах С.-Петербургской губернии, проживающих в Петергофском и Царскосельском уездах, были судебные процессы, после которых скопческая пропаганда прекратилась. В Самарском окружном суде также производилось в 1900 году дело о скопце Картавцеве. Из этого дела выяснилось, что в Самаре существует прочно организованная скопческая секта, и что в последнее время ветряные мельницы, вблизи Самары, сделались настоящим притоном для этих изуверов, где в большинстве случаев происходит и само оскотление прозелитов скопческого лжеучения. Отличительную черту всех скопцов составляет страшная их скрытность, лишаящая пастырей церкви возможности следить за ними и оказывать на них должное воздействие. Даже на исповеди они с клятвами уверяют священников в непричастности к скопчеству. „Радения“ скопческие обыкновенно происходят по ночам и оберегаются так ревностно, что некоторые скопцы, боясь быть застигнутыми посторонними лицами, летом собираются иногда на „радения“ свои в поле.

II. Секта „иеговистов“

Совершенно особым характером в ряду сект новейшего происхождения заявляет себя секта „иеговистов“, называемая также сектой „Десного братства“ и „Сионской вестью“ и основанная штабс-капитаном Ильиным. По учению этой секты, основываемому на произвольном толковании Апокалипсиса, во всём мире происходит борьба Иеговы с сатаной. На стороне последнего стоит, по мнению сектантов, православная церковь с её таинствами и догматическо-обрядовым учением, а также и вся правительственная власть: самих же себя сектанты именуют „иеговистами“, призванными бороться с „ошуйными“ православными. Борьба эта закончится, по ожиданиям иеговистов, полной победой их над всеми, не принадлежащими к их секте, и наступлением для них здесь же на земле, в Иерусалиме, переустроенном небесными людьми, тысячелетнего царства со всеми чувственными благами, всеобщим равенством и свободой. К участию в этом царстве иеговисты готовят, следуя двум заповедям основателя секты о безграничной взаимопомощи и о распространении всеми мерами его лжеучения. Исполнение сектантами этих заповедей, безусловно обязательное для всех их, происходит под руководством выборного „блюстителя“, в распоряжении которого находится „братская касса“, образуемая из обязательных взносов от каждого вступающего в секту и из добровольных пожертвований и расходуемая на дела взаимопомощи и распространения секты. Пропаганда лжеучения иеговистов ведётся весьма ревностно – и через устную беседу, и путём писанных брошюр. Дерзость и кощунственное отношение иеговистов ко всему православному не останавливаются ни перед чем: свои сектантские рисунки с богохульным текстом, преимущественно изображающие „блудницу“, под которой ими понимается православная церковь, они выставляют на видных местах, даже и на стенах храмов и часовен, изобличённые же в этом, они нимало не смущаются и, не отрицая своей виновности, заявляют, что намерены то же

делать и впредь. В виду вышеизложенного, Святейший Синод, по определению от 19-го июля–9-го августа 1900 года, признал секту иеговистов, стремящуюся к ниспровержению существующего церковного и государственного строя и усиленно распространяющую своё лжеучение в народе, особенно вредной в церковном и государственном отношении. Вскоре после того, как состоялось это синодальное определение, были получены сначала от епархиального начальства, а затем и из Министерства Юстиции сведения о покушении иеговистов Барапчинского завода Пермской губернии, при помощи разрывных снарядов, на местного священника и других ревнителей православия. Дело это, став предметом судебного разбирательства, закончилось ссылкой многих сектантов, по приговору суда, на поселение. С воззрением Святейшего Синода на секту иеговистов, как на вредную в церковном и в государственном отношении, согласилось как Министерство Внутренних Дел, предложившее с своей стороны Пермскому губернатору сделать распоряжение о том, чтобы местная полиция имела самый бдительный надзор за последователями этой секты и оказывала, в случае совершения ими противозаконных деяний, необходимое содействие духовенству, так и Министерство Юстиции, предписавшее прокурору Казанской судебной палаты принять зависящие меры к незамедлительному и тщательному производству могущих возникнуть в округе означенной палаты дел об иеговистах.

III. Меры борьбы с сектантством

Разливающиеся широкой волной в России всевозможные лжеучения, стремящиеся в корне подорвать основы православной церкви и русского государства, требуют от пастырей церкви, чтобы они стояли на страже блага народного, были сильны и способны наставлять в здравом учении и противящихся обличать. И пастыри церкви всемерно стараются об охране своей паствы от сектантской пропаганды и об обращении в православие заблуждающихся. В отчётах епархиальных преосвященных содержится много известий о трудах православного духовенства по религиозно-нравственному просвещению паствы и по вразумлению сектантствующих. Из мероприятий, способствующих пастырям церкви в борьбе с сектантством, следует особенно отметить следующие: усиление церковной проповеди, заведение внебогослужебных чтений и собеседований, введение всеобщего богослужебного пения, учреждение церковно-приходских братств, школ, библиотек миссионерских, кружков и комитетов. Внебогослужебные беседы, будучи вообще весьма полезны для народа, являются, в частности, прекрасным средством противодействия влиянию на население молитвенных собраний сектантов.

Следует, далее, отметить весьма отрадный факт, что многие приходские священники являются ныне весьма деятельными помощниками епархиальным и уездным миссионерам и лично с большим успехом ведут публичные беседы с сектантами, приходя к сознанию не только важности миссионерского служения, но и необходимости его, как прямого пастырского долга. Приходское духовенство, сознавая, что духовные запросы вверенных их попечению духовных чад ныне сильно изменились, что младенчеству вера отцов сменилась испытующей верой детей, пробудившаяся религиозная мысль которых ищет удовлетворения, и что таким настроением в народе пользуется сектантство, – проникается убеждением, что единичные труды в религиозно-просветительном и

миссионерском деле недостаточны, и что лучшее средство в борьбе с отрицательными явлениями жизни – это единодушие среди пастырей, готовность поддержать друг друга, общий совет между священниками о способах воздействия на православный народ и сектантскую среду. Этой цели вполне отвечают устраиваемые в последнее время в епархиях периодические съезды духовенства для обсуждения миссионерских вопросов. Такие съезды устроились в 1900 году в епархиях: С.-Петербургской, Харьковской, Рязанской, Самарской, Пермской и других. Кроме того, в епархиях: Астраханской, Нижегородской, Олонецкой и Вятской состоялись епархиальные съезды духовенства, а в Таврической епархии обсуждением миссионерских вопросов, по предложению преосвященного, занимался очередной епархиальный съезд депутатов духовенства. Ближайшие задачи всех этих съездов заключались во всестороннем обследовании состояния сектантства и раскола в приходах и выработке мер успешной борьбы с ними. Всеми съездами признано было необходимым поднятие в приходском духовенстве знаний по сектоведению и полемике, и сделаны постановления об учреждении епархиальных и окружных миссионерских библиотек и снабжении приходских церковных библиотек необходимыми полемическими изданиями и пособиями. Астраханский съезд, в видах приготовления будущих пастырей к миссионерской деятельности, признал желательным привлечение воспитанников 5 и 6 классов семинарии к участию в публичных беседах с сектантами. Ту же цель имело и распоряжение Вятского преосвященного о допущении на некоторые заседания съездов учеников 6-го класса Вятской семинарии, чтобы познакомить их с условиями приходской миссионерской деятельности, с которыми им, по выходе из школы, придётся считаться в качестве активных деятелей.

Кроме съездов, в некоторых епархиях для успешной борьбы с сектантством учреждены миссионерские комитеты из наиболее опытных и выдающихся представителей духовенства тех местностей, где имеются сектантские пункты. Таковы комитеты Таврической, Екатеринославской и Томской епархий. В

Таврической епархии миссионерские комитеты учреждены во всех благочиннических округах, под председательством благочинных. Они должны следить за состоянием сектантства в округе, вести собеседования с сектантами и т. п. Отчёт о своей деятельности окружные комитеты представляют епархиальному миссионерскому комитету, находящемуся в Симферополе. При Симферопольском комитете открыты: епархиальная миссионерская библиотека и книжный склад, из которого приобретаются книги для миссионерских библиотек при окружных комитетах. Для ограждения православия от сектантской пропаганды (а равно и для оказания материальной помощи беднякам), в приходах *Таврической* епархии устраиваются также братства по уставу, выработанному епархиальным миссионерским комитетом и утверждённому епархиальным начальством. Такие братства открыты в 1900 году в Симферополе, Евпатории и селе Тимошевке. В *Екатеринославской* епархии имеются 32 миссионерских приходских комитета, находящихся в распоряжении епархиального миссионерского комитета. Епархиальный и приходские комитеты заботятся об устройстве собеседований с сектантами, о распространении противо-сектантских сочинений, о постройке в потребных случаях церквей и т. п. Комитеты *Томской* епархии, не смотря на недавнее своё возникновение, успели заявить о себе возрастающею деятельностью. Они организуют публичные беседы, заблаговременно определяя их место и время и назначая участников их из состава своих членов; в видах поднятия уровня миссионерских познаний приходского духовенства, учреждают миссионерские благочиннические и приходские библиотеки, заботятся об издании духовно-нравственных брошюр и листов и распространении их в народе. В целях предупреждения совращений православных в сектантство из-за материальной помощи, получаемой от сектантов, комитеты основывают миссионерские вспомогательные капиталы; так, например, – один из комитетов постановил для образования такого капитала отчислять ежегодно $\frac{1}{2}$ % из братских доходов каждого причта и, по мере увеличения капитала, 50 рублей выделять ежегодно в

запасной капитал, а остальные употреблять на текущие расходы. Говоря о деятельности приходских комитетов и значении их, преосвященный Томский совершенно справедливо заявляет, что разрозненные, стоящие до времени учреждения комитетов одиноко в своей деятельности, труженики-миссионеры – ныне в единении с своими собратьями почерпают энергию, назидаются опытом и знаниями других, и действуют с большей уверенностью и постоянством, чем прежде: самая же главная заслуга комитетов, по свидетельству епископа Макария, состоит в том, что они содействовали укреплению в духовенстве любви к делу миссионерства и сознания высоты и важности этого служения, возбудили в нём желание взять в свои руки дело борьбы с религиозными заблуждениями. В той же Томской епархии весьма успешно трудится в деле борьбы с сектантством местное братство во имя св. Димитрия, митрополита Ростовского. В деятельности его заслуживает особого упоминания следующее мероприятие. В видах точного ознакомления с количественным составом сектантства в епархии, для суждения об его увеличении или ослаблении и о причинах, от которых то и другое происходит, – совет братства обращает особенное внимание на статистику сектантства. С этой целью советом составлены личные посемейные списки сектантов, по особо выработанной форме. На статистику сектантства обращено также большое внимание и в Вятской епархии. В 1900 г. здесь разосланы были через благочинных в приходы, заражённые расколом и сектантством, заготовленные бывшим в 1899 г. в Вятке миссионерским съездом географические сетки, с предписанием составить по ним карты приходов, с показанием сведений: 1) сколько в приходе православных и сектантов (с обозначением толков последних), и сколько лиц, уклонившихся в сектантство из православия; 2) сколько в приходе школ и какого типа (церковноприходские, земские, министерские); 3) сколько в приходе православных церквей и часовен и раскольнических моленных, – разрешённых правительством и не разрешённых. Статистика сектантства, доселе составлявшая самую слабую сторону в его изучении, является необходимым условием успеха миссионерской

деятельности, знакомя миссионеров с количеством и силами противников церкви, и потому нельзя не пожелать, чтобы примеру Томской и Вятской последовали и другие епархии.

Весьма важными в интересах миссионерского дела в епархиях являются мероприятия Святейшего Синода в отношении обеспечения материального быта причтов в приходах, заражённых сектантством. Материальное положение приходского духовенства в таких приходах, поистине, тяжкое, – и потому жалование из сумм государственного казначейства предпочтительно назначается, причтам таких приходов. Кроме того, изыскиваемые епархиальными начальствами местные средства для улучшения материального быта духовенства направляются также большею частью в приходы, заражённые сектантством. Таких местных средств на воспособление духовенству заражённых лжеучениями приходов в одной, например, Екатеринославской губернии расходуется более 2.000 р. Более широкое распространение этой меры в будущем, без сомнения, значительно возвысит успех приходской миссии в её борьбе с сектантством.

**Базарянинов В. Основные причины и сущность
нашего сектантства ⁴⁴ // Миссионерское обозрение.
1904 г. № 1–10. С. 274–296**

(Опыт философско-психологического освещения сектантства).

То же человеческое самомнение, мечта достигнуть спасения единичными свободными усилиями ещё яснее и со столь же пагубными последствиями – сказались в отношении сектантов к православным догматам о Церкви и её предании, уставе, иерархии; ибо в глубине православного учения по сим вопросам лежит та же смиряющая идея личного нравственного ничтожества, бессилия отдельного человека.

Придя на землю спасти погибающих, Христос не ограничился тем, что проповедал каждому имевшему уши слышать истину, призывал каждого к исправлению и обещал Свою помощь всякому, кто станет её искать и прибегать к Нему. Нет. Он ещё сплотил вокруг Себя из верующих в Него общину спасаемых – *Церковь*. В ней Он обещал невидимо пребывать, как глава в теле, поддерживать истинное боговедение и добрую жизнь, так что и врата ада её не одолеют; ей Он ниспослал Духа благодати в избранных, чтобы они потом изливали Его на других верующих и устроили церковную жизнь, т. е. руководили общим спасением. Очевидно, спастись можно не единолично, разрозненно, а лишь церковно, общественно. Водворение в людях на место разъединяющего их греховного самолюбия соединяющей взаимно-любви и притом силой любви к одной центральной личности Богочеловека и веры в Него – имеет необходимым последствием нравственный спор взаимно-любящих, взаимно-поддерживающих, взаимно-руководящих, – союз потом стремящийся перейти в общинную организацию со всеми её атрибутами – руководительной властью, законом – уставом, общественным мнением; иначе говоря, действительно, а не мнимо совершающийся среди людей процесс спасения необходимо должен оформиться, воплотиться в церковь и притом единую, как едина истина, едино добро, един Христос –

единственное историческое, моральное и мистическое основание спасения. Личный грех – выражение более правильное, ибо грех есть начало, раздробляющее единое по природе человечество на обособленные, самодовлеющие, самозамкнутые, взаимо-враждебные личности; но единоличное спасение – это несообразность, противоречие, ибо спасение – в любви, а любовь соединяет, организует воедино. Даже наука, искусство не могут быть чисто индивидуальны: в них есть авторитеты, методы, круг добытых знаний, историческая традиция, и обыкновенно они стремятся оформиться в общество, школу. И если бы кто вздумал в этой области, игнорируя всех и всё, сам единолично сызнова создавать методы, открывать давно открытые америки, то он, конечно, далеко бы не ушёл, а имя ему было бы – безумец. Но наука не обладает безусловной и полной истиной, и ничто не гарантирует ей безошибочность, её истина есть лишь искомый X; и с этой, и только с этой, точки зрения законно её дробление на равноправные, хотя и несогласные, даже взаимовраждебные направления, общества, школы, даже единицы. Но спасение возможно лишь на почве единой вечной истины, единой святой любви, и непогрешимости первой, и неиссякаемости второй обещаны Церкви её Главой, т. е. составляя цель и искомое для каждого члена церкви, для ней всей суть вовсе не искомое, а доразу данное; поэтому, процессу спасения нет законных причин дробиться на существенно несогласные между собой течения, общины, единицы, если же это видимо случается, то эти отпавшие от исторического преемственного единства веры и любви общины или единицы, очевидно, суть уже вне единого истинного процесса спасения, вне единой спасающей истинной церкви, как нарушившие единую веру, единую любовь, общую жизнь.

Таково общее понятие о церкви. *Частнее – о предании, уставе, иерархии.* Хотя Христос Сам невидимо пребывает в Церкви, как её Глава, и ниспослал в неё Св. Духа, наставляющего её на всяку истину и благодатствующего всякого верного, но это не значит, чтобы каждый верующий или и вся церковь могли открывать новые истины. Весь объём, вся

полнота истины нужной для спасения принесены на землю Христом в Его учении и жизни; прибавлять к ней нечего. Догматическое развитие церкви допустимо с православной точки зрения не в католическом смысле изобретения новых догматов, а лишь в смысле углубления богословского разума раз непреложно данных догматов в соотношении со всем запасом научных и философских знаний данного времени. Если апостолы и говорят сравнительно со Христом Евангелий нечто новое, то это лишь значит, что в Евангелии записано о Христе далеко и не всё. Дух истины, почивший на апостолах, лишь помог им вспомнить и понять всё сказанное и сделанное Христом. Так и поныне Дух Св. действует в церкви (в отношении суммы её вероучения) не творчески, а охранительно, не новое что и большее сообщая или прежнее изменяя через озарение избранных, а лишь сохраняя от свойственного людям забвения и искажения чистоту веры Христовой, преемственно передающейся в святыне, любви церкви. Это и есть *церковное предание* в широком смысле слова, как единственный источник христианского боговедения. Многие из Христова устного учения и дел было скоро же после Него записано Его служителями, очевидцами и свидетелями или со слов их; затем, устроив церковь, эти ближайшие ко Христу деятели в посланиях (письмах) по разным поводам подтверждали и разъясняли Христову веру, действуя в любви, согласии и совете между собой. Эти послания, как выражавшие сознание всей Церкви, признаны ею за истинное (хотя и не безусловно полное) выражение преданного ей Христом учения и составили Священное Писание, охраняемое от порчи и перетолкования церковью же и её Духом и являющееся, таким образом, в церкви одним из источников её вероучения, как часть, одна из форм живого, водимого Духом предания. Но наряду с этим канонизованным церковью кодексом предания или лучше вместе с ним, не прерываясь, не оскудевая, хранится Христова и апостольская истина в преемственном живом церковном сознании, выражаясь в церковных вероопределениях, обрядах, чинах, молитвословиях, всем церковном строе; ибо Дух Истины, присущий церкви апостолов, не прекратился с их успением, но

продолжает пребывать и в церкви всех времён до скончания века. Это и есть Священное предание в более тесном смысле, т. е. в отличие от Свящ. Писания; и сила, центр тяжести тут не в Писании, ни в Предании самих по себе, а в этом Духе, делающем общецерковное сознание нерушимым столпом и утверждением истины.

Устав. Связанная воедино общей верой и взаимной любовью, церковь создала некоторые формы общественной жизни в вере и любви, пути общественного спасения. В наиболее существенных, коренных, элементарных чертах они установлены ещё с первых шагов церковной жизни, если не Самим Христом, то во всяком случае апостолами; в остальном же суть плод постепенного вызываемого нуждами времени свободного творчества церкви, т. е. создание лучших её членов, принятое и одобренное затем всей церковью. Это – богослужебный культ, церковный ритуал, куда входят – богослужение, обряды, праздники, посты. Всё это в своей психологической основе есть свободное выражение религиозной жизни лучших сынов церкви, но установленное ею, как для всех обязательное, становится в её руках педагогическим средством, а для каждого её сына и питомца школой благочестия и испытанным путём к совершенству, так сказать, методом спасения.

Иерархия. Во всяком обществе должны быть руководители дела – люди наиболее постигшие (теоретически и практически) общее дело; тем более – в церкви, в важнейшем и труднейшем деле спасения. Разница лишь в том, что здесь они не простые выборные и уполномоченные от общества и не наследственный по плоти класс, фамилия правителей, а духовные наследники Христа и апостолов, носители их духа, преемники в ряде рукоположений благодати, вдохнутой Христом в апостолов, споспешествующей им в трудном деле руководства человеческими совестями и общим спасением.

Так понимаемая церковь есть для отдельной личности великая сплошная школа смирения, признания человеком своей личной слабости и нравственной беспомощности, а путь спасения в церкви есть путь самоотречения. Да иначе и быть не

может: если суть греха в гордыне, самомнении, лже-свободе (а поражать его надо в самое сердце), то и спасение должно (и единственно может) быть содеваемо не иначе, как в атмосфере послушания, условиях, ведущих к смирению. Даже совершенно искренно ища спасения, сам собой без церкви с её уставом, преданием, руководственной властью человек обречён на блуждания, непоправимые ошибки, безысходные падения. Хочешь иметь истину о спасении, – такова мысль православия, бойся полагаться на один свой разум и своё сердце и тем паче – искушать Господа Бога, требуя повторения в тебе раз в истории данного во Христе великого чуда Богооткровения, или данного раз навсегда единой церкви чудесного озарения непогрешимым Духом Истины: быть Богочеловеком ты, грешный и растленный, недостойн – это было бы величайшим кощунством и насилием над тобой; твой осуетившийся разум, как и твоё страстное сердце обманут тебя; личная непогрешимость есть одна иллюзия, а признание за собой особого озарения ведет к самообману. Но дело спасения – не в одной вере; тебе предстоит ещё переродить по ней свою волю. И тут один, сам собой, ты ничего не сделаешь: нужны надёжные руководители и помощники, методы и средства исцеления, ибо ты ведь – ничтожество, и пути твои будут не выше твоего нравственного состояния. Нет, если хочешь действительно, а не мнимо и мечтательно идти ко спасению, оставь гордое суемудрие и веруй во Христа, исповедуемого в церковном предании; старайся, конечно, всеми силами ума и сердца понять Его в Его жизни и учении, читай и изучай Писания, но имей всегда перед глазами веру церкви и с ней смиренно сверяй своё разумение; оставь самоуверенность и самомнение и ищи себе нравственной поддержки и благодатной помощи у священства, на то поставленного; брось свободолюбие и самочиние и учись добродетели путём того подвига, какой указан совершеннейшими и оправдан святостью сонма на нём спасшихся. Иначе твоё спасение будет призрачно: ты можешь найти Христа, только не Того, Который содевает в церкви спасение смиренных; ты, может быть, научишься владеть собой, воспитаешь силу воли, положим, освободишься от видимых

грубых пороков, пожалуй, действительно избежишь грязных страстей, но это далеко, далеко ещё не всё, и смотри, ты непременно, незаметно для самого себя, впадёшь в самообольщение гордости, которая есть самое сердце греха и семя погибели. Чтобы приобрести себя во Христе, отрекись от себя во имя церкви, иди в неё и ей вменяй всё достигнутое тобой.

Вот это-то и больно для самолюбивого человека, и он нейдёт в церковь, а если был в ней – спешит из нея, лжеумствуя о её ненужности, возможности спастись и без её предания, устава, священства. На каждом шагу жизни среди людей, отбившихся от общей церковной жизни, хотя формально ещё и принадлежащих к ней, мы слышим отрицательные суждения об иерархии, обрядах, постах, праздниках, авторитете св. отцов церкви, соборных канонов и вероопределений. Спасение, говорят, есть личное интимное дело каждого; оно – дело свободы, и никому и ничему нет нужды вмешиваться в это святое-святых личного духа; „Ты – царь: живи один“. Эти софизмы диктует уму гордость.

В том же горделивом и самонадеянном духе умствует и наше сектантство. Спасение содевается не общественно, а единолично; церковь – это два и три, собравшиеся во имя Христово, а то и каждый спасающийся верный, как храм живущего в нём Духа Божия, общник спасающему его Христу. Ни в какую общественную сокровищницу религиозной мысли и вероучения за истиной идти не надо; добивайся её своей головой, ищи в своём сердце и верь, что Христос и Дух Истины не оставят тебя в твоих усилиях. К святости иди своим свободным путём, не вверяясь стороннему водительству и чужим уставам, а надеясь на одного Спасителя: ты сам себе священник, царь, пророк. Долой священство – этих книжников и фарисеев, воссевших на Моисеевом седалище, чтобы и самим не входить в царствие Божие, и другим затворять свободный вход в него грудой бремени неудобноносимых и преданий человеческих; долой обряды, чины, праздники, посты – все эти уставы, без нужды затрудняющие и загромождающие свободный путь к духовному совершенству; долой предание, под эгидой

непогрешимости выдающее за непреложную истину старинные вымыслы человеческие; долой церковь, порабощающую дух наш, подрезывающую его свободные воспарения к небу! Вот наиболее чистый и последовательный (с рассматриваемой стороны) тип сектантства, как плода самомнения и свободолюбия личности. К этому, так сказать, идеальному типу горделивого и потому крайне индивидуалистического сектантства более или менее приближаются все наши современные секты, и поскольку оне ниже этого идеала, поскольку они недоразвиты, непоследовательны, противоречивы, полны компромиссов своего мечтательного крайнего неосуществимого принципа с требованиями отрезвляющей жизни и вместе – ближе к православию.

Было бы однако утомительно излагать здесь учение каждой секты по всем указанным вопросам и следить в них (сектах) степень развития индивидуалистического принципа и его, т. сказ., изгибы.

Возьмём, для примера, вопрос об источниках вероучения. Сектантский принцип личного озарения и разумения, проведённый до крайности, ведёт к совершенному отрицанию не только исторического церковного Предания, но и Св. Писания, вообще веры чьему бы то ни было авторитету, кроме своего разума и сердца. Но практически это едва ли осуществимо, ибо должно разбить людей на самостоятельные и несогласные друг с другом единицы, и особенно не под силу всё же привыкшему к вере и послушанию русскому человеку вообще и крестьянину – в частности. Поэтому все секты стоят в этом отношении лишь на полдороге. Относительно последовательнее духовные христиане, особенно хлысты, которые отвергают наше Предание, но и Св. Писанию почти не верят, среди которых каждый может быть пророком, а то и Христом, т. е. носить в себе самостоятельный и даже непогрешимый источник истины. Но рядовой хлыст, лишь мечтающий сделаться пророком и Христом, доколе он ими не сделался, всё же слушается авторитета признанных христов, а христы в общем придерживаются друг друга и традиционного хлыстовского учения до 1-го христа Суслова и самого саваофа

Данилы включительно. Таким образом даже у хлыстов всё же есть некоторый вероучительный авторитет, нечто в роде своего предания (выражающегося в ихних распевцах); хотя ни один Христос или пророк собственно не связан им в безусловное послушание, а говорит согласно традиционному учению секты (ибо-де в нём вещает тот же дух) лишь до тех пор, пока его демону не вздумается внушить ему чего-либо отличного от традиции, – тогда хлыст должен пойти уже не за последней, а за первым. Лжехристос Радаев не обинуясь⁴⁵ верил последнему, когда дух требовал от него даже прямо несогласного не только с Писанием, но и нравственностью. – Подобно хлыстам, духоборы (каждый в отдельности) также мнят себя особо просвещёнными и озарёнными и отвергают наше предание и Св. Писание, иногда договариваясь до того, что ихние старики больше самого Христа знают⁴⁶. Но однако же при этом они учат о своём предании, идущем преемственно в роде избранных от исторического Христа, составляющем (предании) так называемую „живую книгу“, т. е. множество псалмов, и притом не вмещающуюся (книгу) в памяти каждого духобора, а содержащую во всей целости и полноте лишь во всём духоборческом роде. Тут уже не только есть своё предание, но даже и нечто напоминающее православное учение о непогрешимом предании лишь всей церкви; хотя всё это стоит в грубом противоречии с другими высказываемыми более крайними положениями секты. – Переходную ступень (с данной точки зрения) между духовными христианами и библиеистами займёт юродивый капитан Ильин и рядом с ним мнящийся быть мудрым Толстой. Оба они, совершенно отвергая Предание, сверх того и Писанием распоряжаются крайне свободно: первый облюбовал себе один таинственный Апокалипсис, а второй создал своё Евангелие из кое-каких обрезков Нового Завета. – ещё менее выдержан сектантский принцип у евангеликов (библиеистов) – штундистов, молокан, пашковцев. Тут безусловно отвергается Предание, но признаётся (хоть и не без некоторых вольностей, напр., у штундистов) вероучительный авторитет Писания, но предоставляется каждому личная свобода при его толковании в надежде на помощь Божию и

благодать Св. Духа. В Папгшковском „Руководстве к чтению Нового Завета“, распространённом и у штундистов, и молокан, как единственное вспомогательное средство к уразумению Писания, рекомендуется – молитва. „Читай, не торопясь, говорится там (23 стр.), стараясь понять каждое слово. Если какого слова не поймёшь – подумай, что бы оно значило, и внутренне помолись, чтобы Господь вразумил тебя. Если всё-таки не поймёшь, оставь и читай далее: значит, не пришло ещё время понять это слово, после поймёшь“.

Путём подобных недоразвитостей и недомолвок, ценой таких уступок и противоречий секты составили из себя общины с главарями, иногда носящими даже иерархические имена – епископов, пресвитеров и дьяконов, выработали некоторый несложный общественный культ – богослужение, обряды, праздники, псалмопение и пение духовных стихов. Но под этим зыбким, поверхностным слоем житейских отложений у них всюду чувствуется отсутствие твёрдой и глубокой почвы и проглядывает бездна личного произвола. Поэтому так легко человеку переходить из секты в секту; поэтому же секты подвержены вечным пререканиям и дроблениям. И жизнь зачастую жестоко мстит этим несчастным, сбившимся с пути истины: думая освободиться из опеки православной церковности, они подпадают под горший гнёт произвола невежественных вожakov; мня себя священниками и царями – являются положительно рабами всяких психопатов и развратников, иногда воздавая им Божеские почести и поклонение; носители, храмы наставляющего на всяку истину, непогрешимого Духа истины – они часто не смеют сказать на беседе миссионеру и единого свободного слова без того, чтобы не получить жестокого укора и угрозы вожака!

В этой сектантской свободе от смиряющих уз церкви, горделивом стремлении личности к самоволию в вере и самочинию в подвиге спасения кроется *разгадка некоторых уродливых, доходящих до психопатизма черт нашего сектантства.*

Человеку, воспитанному в православной церковной атмосфере сознания личного ничтожества на всём пути

спасения, начиная с познания веры и кончая совершенством добродетелей, в высшей степени дико бывает слышать уверения сектантов: „я – святой, пророк, евангелист, апостол; я – жена мироносица, богородица, я – Христос, Сын Божий, саваоф“! слышать исступлённые бессмысленные их пророчества, рассказы о своих видениях и обещания судить вселенную, узнавать о попытках сектантов воскрешать мёртвых и даже самим возноситься на небо. Разумею, конечно, не тех шарлатанов, которые часто обманывают доверчиво и экзальтированно настроенную сектантскую массу, чтобы пользоваться честью, властью и солидными даровыми доходами, а тех, несомненно, искренних людей, которые иногда платятся за эти бредни и потерей имущества и свободы и даже потерей доверия, и мстят со стороны своей же сектантской братии. С выше указанной нравственно-психологической точки зрения на сектантство – всё это совершенно допустимо, понятно: это – не что иное, как хорошо известное в аскетике *состояние гордого самообольщения, духовной прелести, как следствие самоволия в спасении.*

Подвиг спасения, говорит аскетика, надо совершать непременно при руководстве со вне: посторонний может беспристрастнее, объективнее ставить диагноз нашему нравственному состоянию и назначат лекарственные средства. Если мы станем делать это сами (подобно как тяжело больной стал бы сам лечить себя), то наша самооценка рискует быть слишком субъективной, а при определении средств, путей исправления страсти, вооружаясь на добрую мысль и добрую волю, собьют их с истинного пути, заставят сделать себе уступки, бурей внутренней борьбы лишат человека необходимого такта и равновесия. Не говоря о мелких и частных неудачах, путь самочинного подвига почти неизбежно ведёт настойчиво и серьёзно взявшегося за спасение или к отчаянию в случае более слабой воли при силе и непреклонности страстей, или же – к гордости и самообольщению в случае видимого успеха подвижничества; т. е., либо человек преждевременно опустит руки и, подписав себе приговор гибели, отдаёт себя во власть греха, либо, производя себе

преувеличенную самооценку и вменяя своей личности всякий действительный и воображаемый успех, он преждевременно самообольщённо возомнит себя совершенным и притом обязанным в этом единственно своей силе. Люди, искусившиеся в подвиге, о начинающих подвижниках говорят: „если он слишком лезет на небо, тащи его на землю“, т. е. умеряй его нетерпение, не позволяй идти на высшую ступень, не закрепив за собой твёрдо низшей, не давай ему возомнить о своих силах и достоинстве. Вот почему новопостриженника отдают непременно под руководство опытного старца. История аскетизма знает много несчастных примеров, когда подвижники, особенно одиночки – отшельники, воображали себя святыми, провидцами и чудотворцами, видели лже-видения, всякие огненные колесницы, готовые взять их живыми на небо, пытались изгонять духов или бросались со скал, думая чудесно остаться невредимыми, и были жестоко посрамляемы и даже погибали. Не дальше, как года три–четыре тому назад, в одной из Духовных Академий случился факт, проскользнувший и на страницы печати. Великим постом, предавшись усиленным подвигам поста и бдения, один молодой новопостриженный монах – студент слышал с неба голос: „если хочешь служить мне, отдай мне свои глаза“; и он взял лампадку и прижѣг их, отчего чуть не ослеп⁴⁷. Всем известен выведенный (в „Братьях Карамазовых“) бессмертным нравственным психологом Достоевским, в параллель смиренному прозорливцу Зосиме, старец Ферапонт, великий аскет, но полный гордыни и зависти, мнивший себя чудотворцем и всюду видевший и гонявший бесов.

Психологически путь прелести приблизительно таков. Человеку страстно хочется святости, спасения; к этому сводятся все его помыслы, на это затрачиваются все его усилия, вся жизнь. И он трудится, молится, постится, бдит. Но путь труден и длинен; а ему хочется достигнуть возжеленного состояния поскорее: им овладевает нетерпение, он засматривает в блаженное будущее, минуя скорбное настоящее, и мечтательно видит себя в сонме святых, в раю, на небе, в обществе ангелов, или прозорливцем и чудотворцем на земле; и, при недостатке в

нём действительной святости и нравственной высоты, его, может быть, пленяет в мечтах не столько это воображаемое совершенство, сколько то, что бывает его последствием – дар прозорливости и чудес и, может быть, даже слава святого. Тоже мечтательное нетерпение побуждает его непрестанно копошиться в душе, глядеться в зеркало совести, ежеминутно подводить себе итоги с целью порадоваться новому и новому приросту Совершенства. И вот он, действительно, видит в себе много хорошего, явные успехи подвижничества не яко же прочий человецы, – он мало спит, много постится, много молится, чужд привязанности к суете земной, свободен от сребролюбия, явной вражды на людей и т. д. Не мудрено, если подвижник начинает, незаметно для себя, подвизаться больше и больше уже не ради совершенства, как такового, не ради Бога, а ради себя, т.-е. ради удовольствия сознать себя совершенным, любоваться на себя в зеркале своей совести. При этом, вменяя не кому, как одному себе, свои успехи, он естественно их преувеличивает и свои, так сказать, отрицательные добродетели принимает уже за высшие степени положительного духовного совершенства. И он самочинно налагает на себя один подвиг за другим и, минуя низшие, взваливает на свои мнимо сильные плечи самые большие и тяжёлые (подвиги), а исполнив их, впадает в тем большее и большее самообольщение. И вот, наконец, ему кажется, он достиг уже достаточной высоты, о которой мечтал, на какой-то высоте уже должно бы ощущаться веяние Духа Божия и общение с горним миром: и он начинает трепетно вслушиваться в себя, ловить свои эмоции, так сказать, щупать ежеминутно свой духовный пульс. И очень понятно, если при таком настроении, он чисто телесные нервные ощущения и возбуждения примет за это Божественное наитие, обычные сны – за вещие; а навывав произвольно вызывать указанные эмоции, он уже воображает, что Дух овладел им, и его воля слилась с небесной. Трудно мыслью спуститься глубже в эту бездну самообольщения: мы подошли уже к моменту психопатии. Несомненно, что при этом болезненном нетерпении и мечтательности, при этом чудовищном самомнении, при этом

ипохондрическом самовыслушивании, при страшном напряжении в одном направлении всех духовных сил и непомерном ослаблении неосторожным физическим подвигом сил телесных, уже возможно выступить с пророчествами, пытаться творить чудеса, видеть видения и т. д. Тут уже какое-нибудь случайное обстоятельство и совпадение, уродливо перетолкованное, может дать человеку, как *idee fixe*, уверенность в его апостольском или пророческом достоинстве, или христианской искупительной миссии и Божественном происхождении; а это самовнушение, в свою очередь, заставляет копировать судьбу своих оригиналов. Тут уже можно идти судить вселенную, возноситься на небо, распинаться на стене и т. д., и т. д. Тут уже тёмная область так называемой в психиатрии *paranoïca religiosa*, аналогичная тому состоянию, когда человек возомнит себя испанским королём или китайским императором⁴⁸.

Подобное состояние прелести и надо констатировать в уверенности штундиста в своей безгрешности и сектанта – мистика – в своём пророческом и даже Божественном достоинстве. Было бы, конечно, нелепо утверждать, что в каждом данном случае в душе каждого сектанта имеет место во всей своей крайности и целости вышенамеченный аскетический процесс прелести. Может быть тут штундисту помогает его протестантское понятие о спасении, а хлысту – его пантеистическое мышление; но как бы то ни было, несомненно, что тут есть элемент самообольщения человека, мнящего своей силой без постороннего руководства соделать своё спасение. И при этом, – кто страстнее мечтает о совершенстве, выше восходит в наружном подвиге, тот естественно глубже падает, уродливее самообольщается. Штундист – не ахти какой подвижник, и он доходит лишь до мысли о своей святости: не пью, не курю, не сквернословлю, не ворую, как то делают православные (а положительный нравственный идеал у него неразвит), – вот я и святой. Хлыст – аскет; он изнуряет тело постами, бессонницами, радениями, самоистязаниями, отказывается от брака и даже разврат иногда мыслит николаитски, как умерщвление плоти или убиение в себе

наличностью греха духа гордости, – и он доходит до крайних проявлений прелести. К хлысту приложимо почти всё вышесказанное о прелести; физиологическая экзальтация радений принимается за дары Духа, а потребность нервно-возбуждённой натуры за его (Духа) волю: вот вам и хлыстовская „христова любовь“ и „свальный грех“. Чтобы покончить с рассматриваемым явлением, надо добавить, что самообольщённый в высшей степени силён обольщать других, самоуверенный – возбуждать в себя веру, внушивший себе – внушать другим: этого рода сумасшествие заразительно, и *idée fixe* одного человека гипнотически передаётся другим. Это общее правило особенно вдвойне приложимо к сектантам, где все обольщаются на одной и той же почве и подкладке, и где каждый есть в потенции Христос или богородица. Поэтому-то становится несколько понятным, как в психопата-мужика, самозванного судию живых и мёртвых, сидящего в сумасшедшем доме, несмотря ни на какие увещания и обстоятельства, могут верить сотни и тысячи людей, готовых ради него покинуть имущество, претерпеть голод, тюрьмы, саму смерть; – как на суде бросаются на колени перед разоблачённым и обвинённым лже-христом и молят его: „Помяни мя, Господи, егда приидеши во царствии Твоем“, – или как может целая масса экзальтированных фанатиков одновременно, как один человек, видеть своего далеко сосланного Петрушу – Икупителя в облаках на белом коне и падать перед этим видением на колени⁴⁹.

Итак, самообольщение сект извратило догмат об искуплении и благодати и отвергло церковь, предание (отчасти и Писание), церковную иерархию, церковные уставы, доходя иногда до признания пгундистов святыми и хлыстов богочеловеками (вернее человеко-богами).

С религиозной областью тесно связана область *политическая*, по крайней мере, в своих кардинальных вопросах о власти и отношении к ней: вопрос о нравственном праве власти и меча, обуздывающего злодеев, есть, в некотором смысле, вопрос религиозный, вопрос, так сказать, прикладной религии. И не трудно угадать, что, покончив с

церковью, её мнением, её властью, её законом во имя принципа личной свободы и личной святости, сектанты тем более должны покончить во имя того же принципа и с государством, его законом и властью, как стеснительной для личной произвольной свободы организацией, имеющей практическое основание своей необходимости в греховности человеческой личности, её эгоизме, гордыне. Мы видели, что этими горделивыми, свободолюбивыми тенденциями дышит история и движется её прогресс; абсолютной свободе личности поклоняется человечество, не всегда, впрочем, ясно понимая последние выводы из этого принципа.

Сектантство есть отродье того же духа произвола и разнузданности: в его основании лежит тот же крайне индивидуалистический принцип полной свободы, не стесняемой никем и ничем самостоятельности, жизни по ту сторону добра и зла. Практически неосуществимый во всей своей крайности, вследствие психологического закона симпатии и инстинкта общности (натурального добра) в человеке, этот принцип есть больше принцип отрицания и разрушения, чем утверждения и созидания: шаг за шагом его клиенты подтачивают существующую организацию, никаким успехом не удовлетворяясь, нигде не останавливаясь. Но если приходится, на место разрушенного и подточенного они создают себе совершенное подобие ниспровергнутого. Свободолюбия не удовлетворит ни конституция, ни парламент, ни выборы, ни республика, ни равенство сословия, ни коммуна, ни какой-либо социализм, ни свобода слова и совести: единственный конец — это полная анархия, но и она не может дать удовлетворения, ибо есть тоже, лишь дезорганизованное, взаимостеснение, взаимонасилие. Все секты более или менее клонят в сторону этого принципа, все они стоят на пути к анархии, но не все одинаково сознательно и далеко зашли; и в этом их разница. Впрочем, справедливость требует сказать, что у хлыстов мы не находим политического учения: вероятно, это надо объяснить так, что, при их мистической духовной настроенности, им некогда думать о земном; но, думается, если бы они стали думать и о законах общежития, то непременно

договорились бы до того, что власть есть зло и действие антихриста; и это им тем легче, что у них отвергнута и разрушена самая основная элементарная клеточка общественного организма и первый источник власти – семья. Более положительные скопцы уже мечтают о своём скопческом земном царстве во главе с императором скопцом Петром III Фёдоровичем (Селиванов-тож); но они не раскрывают подробно, в каких именно общественных чертах и формах они мыслят это царство. Капитан Ильин, не чуждый мистицизма или по крайней мере сумасшедшей экзальтации, но всё же человек земли, низведший и богов до человеческого образа, учит по-еврейски о земном 1000 л. царстве Миссии – еговиста и наделяет уже это царство чертами равенства, отсутствия властей, судов и т. д. В этом же роде мечтают и жидовствующие. Яснее раскрывается сектантский принцип свободы в политической области у рационалистов, думающих о небесном, но не забывающих и о земном и часто готовых предпочесть земное небесному. Духоборы, молокане, штундисты представляют собой в этом отношении стадию, наиболее типичную и господствующую для настоящего времени. Они думают, что власть от Бога и должна сдерживать существующее зло силой. Но совершенные, святые – выше закона, они сами себе не позволяют зла; а они – сектанты – и суть именно совершенные: поэтому власть, пожалуй, и нужна в мире, но для них, которые не от мира, она вовсе бесполезна, а, поскольку она в руках не сектантов, т. е. несовершенных – и прямо таки вредна. Когда придёт время и совершится суд над грешниками, в земном царстве святых будут все равны, не будет суда, властей и податей, а земля будет разделена поровну. Впрочем, войну и клятву эти сектанты, по-видимому, отрицают безусловно, т. е. и для царства от мира сего. Наиболее крайне и так, что уж дальше, по-видимому, и идти некуда, развит политический сектантский принцип у Л. Толстого. Тут уже не только отрицается война и клятва, закон и власть для святых, а ниспровергается целиком и безусловно и для настоящего времени и состояния всякий государственный строй, всякая принудительная власть по общему принципу – „не противься злу силою“ – и даже существование в мире власти

признаётся прямой причиной, а не следствием только всех социальных и нравственных зол. И надо добавить, что толстовщина в этом отношении протирает глаза другим более умеренным сектам и, как направление более последовательное, оказывает на них сильное влияние, одним из редких проявлений которого надо считать недавнее анархическое движение среди Закавказских, потом Американских духоборов. Нет нужды говорить о степени прямооты и мужества в проведении сектами в жизнь социальных убеждений. Большой частью они признают практическое применение их несвоевременным, невозможным при незначительной численности своих единомышленников и при силе существующей власти и государства, и обыкновенно даже прямо советуют подчиняться власти, давать присягу и отбывать воинскую повинность, оправдывая такое лицемерие и трусость исповедания своих убеждений всевозможными софизмами. Но сектанство – это тлеющая под пеплом искра сопротивления власти и анархии: и она вспыхивает при каждом подъёме его духа, при каждом усилении его пульса, как то видим и на духоборах, и на Павловских толстовцах, и на штундистах. Что же касается осуществления своих взглядов в границах дозволенного узаконенным общественным строем, то в этом отношении сектантами сделано очень мало. Была попытка в Кавказском молоканстве (в половине настоящего столетия) построить коммунистическую общину (секта общих); но развившееся в ней тунеядство и паразитизм заставили её уступить действительности и на ⁹/₁₀ ограничить коммунальные требования, т. е. в сущности почти отказаться от них. Есть в России и за границей несколько чухлых и бедных, разъедаемых тем же паразитизмом, интеллигентных колоний толстовщины. Известны единичные случаи, когда богачи – пропагаторы толстовщины жертвовали крестьянам некоторую часть своей земли, как то сделал кн. Хилков в Павловках, но нравственное, принципиальное достоинство этих поступков подрывается тем, что они сделаны с явной целью пропаганды. Известны духоборческие социалистические коммуны на Молочных водах, достигшие было даже некоторого экономического благосостояния, но потом пережившие страшный произвол и

тиранию своей династии Капустиных-Калмыковых. Некоторые поповщины на коммунизм были вначале и у штундистов, когда ещё их общины были малочисленны и горели свойственным всякому начинающему, а особенно религиозному, обществу одушевлением; но ныне эти проповедники насильственного отобрания земель и имуществ богатых предпочитают сами богатеть и приобретать земли, кто сколько может, а братьям давать лишь гроши в общественную кружку, да нести денежную повинность на плату своим пресвитерам, помощь пропагандистам и вновь совращённым. Всё это и подобное доказывает вышесказанное, что сектантский принцип больше лишь отрицательного и разрушительного, чем жизнедательного свойства, а их (сектантов) мечты о коммунальной блаженной безгосударственной жизни – одна утопия, разлетающаяся в прах перед наличностью в людях самолюбия, страстей, пороков. Мечтая о журавле в небе, сектанты не в силах удержать и синицы в руках: самообольщённые святы, мнящие себя выше всякого принуждения и кары, они часто доходят даже до необходимости прибегать против своих же сочленов под защиту ими отрицаемой власти; в лице их наиболее крайнего учителя – Толстого мы видели эту, т. ск., практическую сектантскую софистику, сделавший бы честь любому жиду обход собственного учения, когда он оделся в поддёвку и смазные сапоги, стал чинить печи и пасти коров, но всё своё громадное состояние отнюдь не разделил между мужиками, а лишь перевёл на имя верной доброй жены.

Да, надо прежде всего и больше всего стремиться к святости, только, конечно, путём смирения и послушания, не впадая в прелесть, а по мере достижения её будет падать и всякое социальное и экономическое неравенство и всякие стеснения власти и закона, и будет без самопротиворечия, без насилия и крови мирно исподволь воцаряться, вслед за искренним братством, действительное равенство и истинная свобода! Но полноты всего этого чаем, по непреложному обетованию истинного Христа, лишь на новом небе и новой земле, в них же живёт одна святая правда.

Итак, наше сектантство есть явление, действительно, либеральное и прогрессивное, но только отнюдь не в хорошем смысле слова. В корне его лежит изначально свойственное грешному миру гордое стремление страстного человека к абсолютной свободе, безусловной автономии, самообожанию помимо Бога и против Его законов, и в этом отношении оно, как нельзя более, соответствует мирскому направлению мысли и жизни, заветным чаяниям сынов мира сего. Отсюда – пантеистические взгляды по вопросам общего богословия, искажение дела Христова до отрицания Бога во плоти пришедша, отрицание благодати таинств, разрушение догмата о церкви, отречение от церковного предания, а отчасти и св. Писания, ниспровержение церковного обряда, устава, иерархии, а равно – и гражданского порядка; отсюда – самонадеянная свобода в толковании Писания, вера в непосредственное озарение свыше, претензия на святость и непогрешимость, доходящая до совершенной прелести и сумасшедшего возведения себя в Божеское достоинство, чаяние земного золотого века довольства, равенства, свободы.

Не трудно теперь видеть, что за всеми этими дутыми сектантскими фразами и высокими словами о служении Богу в свободе, духе и истине, скрывается в сущности *полуязыческое мирозерцание, принижение религиозно-нравственных понятий*. Вздываясь гордыней до высоты небес и самовольно воздвигая себе фиктивное подобие Божественного престола, самонадеянно требуя своей грешной воле и слабому уму совершенной свободы, сыны мира сего, от них же первые суть сектанты, стоят, как и язычники, на пути погашения и принижения во лжи и страстях и своего религиозного ведения, и своего нравственного идеала; смешивая себя с Богом, они не могут удержаться, чтобы не обоготворить и своих страстей; мнящиеся быти мудри, они объюродеша и изменили или готовы изменить славу нетленного Бога во образ тленного человека; воображая сделать шаг вверх, они отступили вниз, ниспали с неба на землю и, о если бы только не низринутись в преисподнюю! Личного Бога они стремятся обезличить и Сущего в премирных владычественных сферах низвести в утробу

земли, материальные недра природы; Его премудрую всемогущую свободу им хотелось бы связать необходимостью естества и отождествить со своей грешной и развращённой волей; а Его вечное царство мнится им водворить на этой же изнурённой грехом земле, среди этого же рода – суетного и развращённого. Грех – это тьма; спасение – это просто просвещение. Богу тут мешаться собственно не к чему: нужны лишь просвещённые учителя, пророки, какими и были Христос, а за Ним все эти Колесниковы, Побирохины, Сусловы, Селивановы, Толстые и пр. и пр. А что касается нравственной жизни, то в самом деле много ли человеку нужно? Верую во Христа, т. е. признаю Его своим Спасителем, говорит пашковец, а отчасти и штундист, иногда почитаю Библию и порадаюсь о своём совершившемся спасении, – и будет с меня, и за то я признан от милостивого Бога оправданным и святым. А добродетели? – они сами должны родиться во мне; да до них собственно никому и, прежде всего, мне самому нет никакого дела, и нечего мне беспокоиться и заботиться: там, в недрах моего сердца незримо, таинственно безраздельно действует Христос. Вот только бы как-нибудь не потерять выдержки, да не допустить какого-нибудь явного безобразия; а то тогда, пожалуй, братья, хоть и не лучше меня, но сохранившие наружную чистоту и благоповедение, признают, что я не верую во Христа и уж тут мне никаким исповеданием не разубедить их; ну, а, впрочем, мне что? ведь я же верую, значит и спасён, а они пусть судят и отлучают, как хотят. – Оскопись, учит скопец, употреби раз навсегда над собой усилие, убей доразу змею одним ударом, и тогда почивай в блаженном состоянии райской невинности: женская лепость уже не будет привлекать тебя, а ведь в ней или от неё весь грех. Ну, а я, думает оскоплённый с детства, слава Богу, не имею семени греха от дней юности моей, на жену я никогда не смотрел с вожделением: что ещё сотворю, да живот вечный наследую? Весь грех, это – наша плоть, рассуждает хлыст, по не трудно умертвить её и сманить в себя духа; на это есть испытанное средство: радей до упаду, до иступления, да при этом постись и не женись. Если же и при этом хочется любить женщину, то и люби, лишь бы не в браке, – это уже

Христова любовь, тут лишь кажущееся потворство плоти, а в сущности самое радикальное её изнурение. Люби себя самого в ближнем твоём, т. е. люби в нём частицу вечного разума, такую же, какую носишь ты; не женись и не блуди, не воруй и не убивай, не клянись и не судись, не воюй, ну ещё, конечно, не роскошествуй, не кури, не пей, не пренебрегай чёрной работой – вот и весь – поистине – жалкий кодекс морали Толстого: любовь здесь эгоистична, а другие частные заповеди лишь отрицательны, запрещают лишь самые грубые пороки и преступления и направлены не столько внутрь настроения человека, сколько на устроение внешнего счастливого бытия⁵⁰.

Где же во всей этой сектантской морали служение Богу в свободе, духе, истине? Оно нужно лишь для того, чтобы освободить человека от трудного смиренно-послушливого церковного подвига спасения, начинающегося с обряда, внешности и восходящего до высоких степеней истинно свободного и духовного нравственного совершенства.

Итак, ясно, сектантство носит в себе черты принижения, омирщения религиозно-нравственных понятий христианства, возвышая человека на счёт Бога и нашу грешную страстную свободу на счёт послушания воле Божией и руководству церкви, чрезмерно упрощая, лениво облегчая путь спасения, по возможности подчищая, обкрадывая в догматике и нравоведении всё сверхъестественное, небесное и подставляя на его место обыденное, натуральное, земное, в виде чаяния земного царства Христова, учения по социально-политическим вопросам и т. д. Поэтому оно – своё миру, и мир любит его и стоит за его свободу и достоинство. И в этом настоящая *сила сектантства*.

Поэтому же оно *имеет будущее* и есть самый опасный враг церкви. Если сравнивать в этом отношении сектантство со старообрядством, то должна получиться картина значительной противоположности. Старообрядство, появившееся, как протест старых обрядоверов против новых, есть начало ретроградное, явление отсталое и вымирающее. Обрядоверие может держаться лишь невежеством, и за днём рождения народного просвещения на Руси, скоро последует день смерти старообрядства. Оно должно уничтожаться двумя путями: путём

перехода в православие, хотя бы сначала и в форме единоверия, тех его элементов, кои ближе подходят под церковно-каноническое понятие раскола (поповщинские толки), и через слияние с сектантством элементов, уклонившихся до еретичества (толки беспоповщины). Если и может иметь некоторую относительную будущность, то лишь Австрийщина, которая при благоприятных обстоятельствах (государственная свобода) может вырасти в параллельную православной, но расколанную от неё церковь; но и эти параллельные могут потом сойтись на пути историко-канонических работ и соответственных мероприятий⁵¹. Иное дело сектантство. Оно, мы видели, существенно связано с самым либеральным и прогрессивным (хотя и ложным) течением жизни: оно бьётся за ложно понятую свободу личности, права сердца и разума и порывается покончить с традицией, сбросить опеку с личности и на свой страх, своей волей и головой пробивать свои пути спасения, гордо взирая в будущее⁵². И поэтому ему принадлежит будущее. Все те, кто теперь формально принадлежит к церкви, а в сущности стоит совершенно на сектантских принципах (значительная часть интеллигенции), должны явно отступить по мере водворения в государстве духа терпимости, т. е. религиозного индифферентизма. Нельзя предрекать вечности какой-нибудь из существующих сект; но дело не в частностях и названиях, вышеуказанный же дух сектантства, еретичества, отступления будет расти в человечестве вместе с прогрессом свободы, просвещения, культуры. Это не то, чтобы эти последние были причиной сектантства: причина – грех, гордыня, безбожие, развращение; но свобода, наука, культура, вообще развитие человека и человечества есть условие, делающее доброе и злое направление более развитыми, крайними, сознательными, устойчивыми, непримиримыми и неисправимыми. Человечество растёт и зреет подобно отдельному человеку. И вот в последний момент земной истории и совершеннолетия человечества, когда принудительная общественная власть будет сведена до минимума (будет устранено „задерживающее“), когда наука сделает величайшие открытия и культура – поразительнейшие

завоевания, произойдёт полное отступление, явно, свободно, сознательно станет во всей силе то беззаконие, которое теперь тайно, незаметно растёт, как дух мира сего и дух еретичества. По причине беззакония во многих охладееет любовь. Люди будут самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы, родителям непокорны, неблагодарны, нечестивы, недружелюбны, непримирительны, клеветники, невоздержны, жестоки, не любящие добра, предатели, наглы, напыщены, более сластолюбивы, нежели боголюбивы, имеющие вид благочестия, силы же его отрёкшиеся, наглые ругатели, поступающие по своим нечестивым похотям, душевные, не имеющие духа. Хотя Евангелие царствия будет проповедано по всей вселенной, но лишь во свидетельство народом (т. е., чтобы быть им безответным); многие соблазняются и отделятся от единства веры; из-за религиозных разногласий будут предавать друг друга, и вера едва-едва останется на земле; а истинно верующие будут ненавидимы за имя Христово всеми. Как во дни перед потопом ели, пили, женились и выходили замуж до того дня, как вошёл Ной в ковчег, и не думали, пока не пришёл потоп и не истребил всех, так будет и в последние дни: люди будут нагло ругаться: „где же обетование пришествия Его? с тех пор как стали умирать отцы, от начала творения всё остаётся также!“ Тогда восстанут многие лжепророки и лжехристы и дадут великие знамения и чудеса в пустынях и потаённых комнатах. И наконец, откроется человек греха, сын погибели, противящийся и превозносящийся выше всего называемого Богом или святыней и в храме Божиим сядет, как бог, выдавая себя за бога. Он будет обладать сатанинской силой знамений и чудес ложных: будет низводить с неба на землю огонь и устроит так, что портрет (образ зверя) будет говорить и действовать так, чтобы был убиваем всякий, кто ему не поклонится. И многие уверуют в него, как бога, а неверующих в него стеснят так, что им нигде ничего нельзя будет ни купить, ни продать (экономический бойкот). Из этих пророческих вещаний Нового Завета (Мф. 24–25 гл.; 2Петр. 2–3 гл.; Посл. Иуды, 2Сол. 2 гл., Апок. 13 гл. и др.) ясно, что искажение православия и отпадение от него с течением времени возрастет до громадных размеров,

так что православно верующих останется меньшинство, и они окажутся стороной вообще гонимой и бойкотируемой в обыденной экономической жизни. Отпавшее же от Христа и церкви человечество будет занято исключительно земным, будет верить лишь в человека и естественный порядок вещей. Очень вероятно, что истинно-верующие будут рассматриваемы, не только как ретрограды, но и вредные мечтатели, своими утопиями о внутреннем совершенстве, личном Боге и будущей жизни тормозящие устройство на началах исключительно науки и культуры земного человеческого социально-экономического благоденствия. Но „образ благочестия“ ещё останется, Евангелие будет на языке, и многие свои материалистические и антропо-теистические учения будут прикрывать евангельскими словами; будут являться именующие себя пророками и христами, пока, наконец, один из лжехристов, лже-богов, обладающий тайнами природы в наивысшей степени, сверхчеловек, воплощение культурного идеала века сего, не будет признан и чтим многими, как земной Бог, и объявлен владыкой земли и спасителем человечества.

На втором миссионерском съезде (в Москве 1891 г.) предполагали, что со временем господствующей формой русского сектантства будет штундо-баптизм. Милюков (134 стр. 2 т. очерков) склонен отдать будущее не народной, а интеллигентной религиозно-рационалистической доктрине, которая, разрешая вопрос веры, в тоже время не оставляла бы без ответа и социальных интересов общественной и государственной жизни. С точки зрения всего сказанного думается, что ни одна из существующих сект, как не доведшая до конца своих горделивых, безбожных, мирских принципов, не может считаться типом сектантства будущего. Будущее принадлежит наиболее материалистически – пантеистической и социалистической доктрине, которая уже не будет иметь в себе почти ничего собственно религиозного и чисто морального, кроме слов, а будет верить лишь в человека и его будущее социально-экономическое счастье. Боюсь выговорить, но может быть пока наиболее к этому „идеалу“ толстовщина.

В. Базарянинов

Из записок и дневников

Платонов А. Новогодние пожелания и соображения миссионера по вопросу о пастырском учительстве // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 297–304

Духовно-пастырское учительство... какой скажут старый, избитый, неподходящий для новогодней статьи вопрос! Сколько о нём было говорено, писано и переписано в нашей духовной литературе! Ведь всякому теперь известно и понятно, что первая, наиглавнейшая и священная обязанность каждого пастыря – учить паству словесам благочестия. Зачем вновь поднимать давно решённый вопрос?

Соглашаемся, что о духовно-пастырском учительстве наговорено много. Но вместе с тем этот вопрос в последнее время стал запутываться и своеобразно решаться настолько, что в некоторых случаях признаётся возможным зачеркнуть живое слово с церковной кафедры. Это – с одной стороны. С другой, по данному предмету высказывается много теоретических соображений и мало уделяется места указаниям практического характера и в частности совсем упускается миссионерская точка зрения, вследствие чего (отчасти) так туго и подвигается вперёд дело церковного вообще, миссионерско-апологетического проповедования в частности. При этом существует вредная тенденция, усыпляющая пастыре-учительскую бдительность, что будто бы школа-панацея от всех народных церковно-просветительных дефектов и зол. Остановимся сначала на этом мнении.

Вслушиваясь в современные толки о религиозно-просветительной миссии нашей церковно-приходской школы, невольно представляешь себе такую, напр., картину. Увлечённый своей работой учёный, – положим, филолог, – сидя в своём кабинете, решает вопрос об «изначальной истории» облечённого удара в греческом языке. Попробуйте заговорить с ним по поводу его работы: он вам ответит, что если он не решит вопроса, то вся греческая филология затрещит по швам и потеряет не только свою полноту, но чуть ли даже и не

свое имя. Так одностороння бывает кабинетная мысль даже в вопросах теоретических. Но тем большая односторонность отличает эту мысль там, где последняя начинает решать вопросы характера жизненного, практического. Вот это-то кабинетное мышление и создало неправильную оценку значения церковно-приходской школы для церковного просвещения наших народных масс.

Одни говорят: школьное образование – явление громадной важности для простого народа. Оно даст крестьянину всё, что только нужно для русской души, для русского богоносного сердца. Близок уже тот час, когда деревенская Русь будет вполне сознательно исповедовать Христово имя и гарантируется от влияния чуждых сектантских внушений и сектантской пропаганды. Другие идут ещё дальше и рассуждают: на батюшек нападали за их неучительность; нападки были часто справедливы. Но теперь, слава Богу, укоры должны прекратиться: духовенство так или иначе, хотя иногда и *volens-nolens*, принуждено осуществлять свою пастырскую учительную задачу, воспитывая в школе под сенью Церкви подрастающее поколение; священник через школу сделался «настоящим» церковным учителем, а школа, благодаря присутствию в ней священника, – теперь прекрасная и вполне осуществляющая своё назначение церковно-учительная и миссионерская кафедра.

Так говорят и пишут наши кабинетные мыслители и публицисты. Но справедливо ли? Для решения этого вопроса прошу читателя заглянуть в историю русской школы и в деревенскую крестьянскую избу.

Когда говорят, что школа может перевернуть, преобразовать религиозно-моральную жизнь нашего народа, то забывают, что давно, очень давно основаны наши средне-учебные светские заведения, что не менее давно устроены в них кафедры закона Божия, а между тем интеллигенция доселе или не знает часто основных элементов православно-христианского учения, или если и знает, то понимает по-своему. История русского общества и летописи нашей средней школы показали и вполне подтвердили тот факт, что школа делает одно дело, а семья –

другое, иногда разбивая и уничтожая то, что создаёт школа. Эту же точку зрения (конечно, с некоторым ограничением) нужно приложить и к школе церковно-приходской. Против несомненно благотворного значения последней для религиозной мысли и жизни тёмного народа никто не станет спорить, если только иметь хотя бы и самую микроскопическую способность наблюдения. Нельзя, напр., не порадоваться на такое явление. Мальчик окончил курс школы. Но этим не удовлетворился. В свободные часы, даже в летнюю страдную пору, он является к батюшке, учителю, а то и к интеллигенту-попечителю школы и просит у них книжку о Божьем законе, чтобы почитать на досуге. Однако, при всём том, не всегда есть возможность наблюдать идиллическую и глубоко симпатичную картину крестьянской семьи, чинно усевшейся за стол и слушающей чтение школьника – меньшего члена семьи. На полотне художника и под перо публициста напрашивается часто далеко не идиллия... Опять-таки тоже наблюдение живой действительности говорит нам, что тёмная крестьянская среда способна заглушать и действительно порой заглушает (большей частью пассивно, одной своей атмосферой невежества и нужды), заглушает содержание, данное школой своему питомцу. В данном случае особенно важно то, что народный мрак ещё настолько силён, что бороться с ним одной церковно-приходской школе пока далеко не под силу. Здесь нужно нечто другое, удовлетворяющее наличную просветительную нужду гораздо больше и более широко, чем школьные уроки по закону Божию и церковному пению. Но здесь мы уже подошли к церковному пастырскому учительству.

В «Мисс. Обзор.» по поводу рассуждений в чрезвычайном собрании о значении школы и миссии была высказана глубоко содержательная мысль о том, что в религиозном просвещении нуждаются не одни деревенские школьники, и что священник не должен думать, будто его обязанность учить ограничивается только уроками закона Божия в школе. Мысль бесспорно верная. На каждом шагу приходится встречаться с батюшками, которые или жалуются на бремя, взваленное на них школой, или, в лучшем случае, указывают на то, что они «теперь» много

трудятся, преподавая закон Божий и руководя школой, и в силу этого не только отказываются от бесед с расколо-сектантами, но не ведут даже вне-богослужебных религиозно-нравственных чтений⁵³. И вот почему естественно новогодние думы и пожелания миссионера останавливаются на том «едином на потребу», что пора же, наконец, нашему приходскому духовенству сознать, что первый его долг – учить, учить и учить паству не в школе только, но и в храме, и вне храма; что надо ему сознать и необходимость самого основательного ознакомления с словом Божиим, и самую настоятельную нужду в передаче народу истинно-церковного понимания и толкования Библии. Народ наш страшно тёмный. Об этом много и говорить не стоит. И неужели при такой крестьянской темноте нам уповать всецело на школу и ждать, когда она сделает своё дело?

Пусть так; все это верно, ответят нам; но ведь нельзя же отрицать того, что у приходского батюшки вообще много работы: одни требы чего стоят? а школа? а сельское хозяйство, без которого при современных способах обеспечения духовенства невозможно священнику сносно жить? Одним словом, нам могут предъявить требование – показать, как приходский пастырь может наиболее лёгким способом осуществить своё призвание, свою обязанность учить народ словесам благочестия.

Мы готовы дать на это посильный ответ, на основании наблюдений и опытов «искуснейших».

Недавно мне пришлось затронуть вопрос о пастырском учительстве перед высокопреосвященным Алексием, экзархом Грузии. В беседе мы подошли и к вопросу о наиболее лёгком и доступном методе, пользуясь которым священник может в очень небольшой промежуток времени обучить весь приход краткому катехизису и молитвам. Владыка при этом обратил внимание на книжку, изданную по благословию Св. Синода Московской Синодальной типографией в 1887 г. и носящую заглавие: «Начальное учение человеком, хотящим учиться книг Божественного Писания». Книжка эта хороша в том отношении, что на 40 страницах заключает в себе весь материал, необходимый для «начального учения», а именно: утренние и вечерние молитвы; молитвы перед трапезой и после неё;

символ веры; две главные христианские заповеди; десять синайских заповедей; исчисление главных христианских добродетелей, таинств, даров Св. Духа, плодов Св. Духа, блаженств евангельских, «дел милости внешних», «дел милости духовных», смертных грехов и «им противостоящих» добродетелей; сокращённый катехизис; разные изречения Св. Писания и краткое нравоучение. Как видит читатель, здесь в немногом заключается очень многое и многополезное. Вот это то «начальное учение», притом изложенное в своей катехизической части простым и удобопонятным русским языком, священник и может с полным удобством передать своим пасомым так, что последние наизусть будут знать «учение» веры и благочестия. При этом архипастырь рекомендовал поставить так обучение прихожан, в интересах его скорости и наибольшей целесообразности. Священник совершил в церкви богослужение и выходит на амвон, предварительно заявив прихожанам, что он желает в № день после службы побеседовать с ними во храме. Около себя он ставит мальчика-школьника, который уже знает молитвы, заповеди, символ веры, сокращённый катехизис. Обращаясь к народу, священник говорит:

– Кто знает, почему мы называемся христианами?

Большинство молчит. Кое-кто даёт неясные, неопределённые ответы. Священник обращается к мальчику, около него стоящему, и задаёт ему вопрос словами катехизиса:

– Почему ты называешься христианин?

Мальчик словами того же катехизиса отвечает:

– Я называюсь христианином потому, что я верую в Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, и содержу Его святой закон.

Священник просит мальчика сказать ещё раз это определение яснее и более громко. Мальчик повторяет, а вслед за ним и батюшка повторяет слова мальчика в такой приблизительно форме.

– Так вот, добрый слушатель, запомни: если тебя спросит кто-либо, почему ты называешься христианином, то ты должен отвечать: «потому» и т. д.

Затем священник спрашивает, кто может дать ответ на вопрос: «почему»... и т. д. Слушатели, хотя и не все, запомнили формулу. Один, а потом другой, по приглашению священника, дают ответ. Достаточно, если дано 5–10 ответов, хотя и с поправками со стороны священника. Слушатели настолько заинтересуются обучением, что, выйдя из храма, будут уже сами спрашивать друг друга и поправлять неточные ответы.

В один приём можно разучить два, три, четыре вопроса, одну, две, три, но не более, молитвы, смотря по их объёму и трудности выражения и изложения.

Указываем только общие черты метода, могущего принести действительную пользу и необременительного для священника. Разработку деталей, как, напр., порядок изучения отдельных частей, разделение на части «начального учения» предоставляем самим батюшкам, их доброму желанию и умению.

Изложенный метод чисто-школьный, катехизический. Как показал опыт, он весьма практичен, так как даёт возможность в течение одного года сделать обучение всему приходу и приучает прихожан к более исправному и частому посещению церковного богослужения. Наконец, метод вполне обеспечивает священнику надежду на то, что его проповеди будут вполне понятны и весьма действенны для народа, так как они всегда найдут прицепку и почву в точных понятиях слушателей. Хорошо было бы, если бы после обучения священник приступил к поучениям по житиям и прологам святых, приурочивая их к изложенным при обучении понятиям.

В заключение позволим остановить внимание пастырей-читателей ещё на одном соображении и пожелании, осуществление которого весьма способно, по нашему мнению, содействовать успеху церковного учительства и миссии. Всякая деятельность, чтобы быть плодотворной, предполагает не одно только увлечение. Последнее, как эстетическая эмоция, не обеспечивает ещё систематичности работы и прочных результатов деятельности. Для пользы дела порой надо закалять себя, а порой и просто, как говорят, взять себя в ежовые рукавицы, подгонять свою волю сознанием долга,

укреплять себя самоограничением. Тоже самое нужно сказать и о пастырской просветительной деятельности. Когда впервые появилась в Миссионерском Обозрении «миссионерская памятка», а потом в Миссионерском Календаре примерные уставы кружков ревнителей православия, то мне пришло в голову следующее. Хорошо было бы завести по всем приходам такие кружки и дать священникам, как их естественным руководителям, такие правила. Выгода от подобного положения дела такова. Являясь руководителем кружка, священник должен поддерживать и развивать свои знания, свою начитанность, одним словом, пополнять и освежать своё богословское образование, которое, кстати сказать, иногда бывает очень скудным и малосодержательным. Вопросы, которые будут ему ставить участники кружков, заставят батюшку и больше размышлять, и побольше читать. Вместе с тем священнику представляется удобный случай и прекрасный внешний импульс посильнее задуматься и над своим внутренним миром и над своим житием: он, ведь, руководитель кружка, имеющего своей задачей поддерживать веру и благочестие. Уже это одно заставит его воздержаться от несвойственных его сану и положению желаний, увлечений, поступков. Опыт учреждения таких кружков в достаточной мере уже и теперь говорит за их многопользность как для пастырей, так и для пасомых, вообще для развития церковно-приходской жизни. И пока у нас будет восстановлен древнерусский приход со всеми ожидаемыми от него благотворными последствиями, кружки ревнителей православия будут приносить свою посильную пользу церковному делу, являясь в тоже время переходной ступенью к новому приходу на ряду с церковно-приходскими попечительствами.

Помогут кружки приходскому священнику и в деле борьбы с расколо-сектантами. Замечено, что там, где учреждаются «православные кружки», падает расколо-сектантство и прекращается сама собой пропаганда. Факт вполне естественный и понятный. Избитая истина, что с врагами нужно бороться их же оружием. Вспомните, как св. Ефрем Сирин боролся с еретиком Армонием и чем св. Иоанн Златоуст

удерживал паству от увлечения арианством. И если в настоящее время непризванные руководители и просветители общественной совести пользуются в широкой степени религиозными собраниями для того, чтобы совращать слабых в вере, причём остаются почти всегда безнаказанными, то и пастырю православной церкви нужно поскорее браться за устройство внебогослужебных собраний для молитвы и богомыслия. Нет оснований пастырю и бояться этих собраний, как такого дела, которое потребует от него энергии, превышающей его силы. Напротив, – что нам и хочется подчеркнуть в данном случае, – его труд будут разделять другие кружковые члены, которые под наблюдением батюшки будут читать слово Божие, душеполезные книги, сумеют организовать хор, общенародное пение и привлекать на собрания нуждающихся в церковно-религиозном просвещении.

Нам думается, между прочим, что одна из главнейших задач современных миссионеров заключается в том, чтобы привлекать батюшек к миссионерскому делу и помогать им в устройстве кружков ревнителей православия. Задача и благодарная, и многополезная.

Грузинский епархиальный миссионер *Александр Платонов*

Глебов С. Полковник Пашков ⁵⁴ // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 305–321

Покончив свои частные беседы с некоторыми прихожанами в «проповедном зале», Пашков подошёл к нам и благословил общую трапезу. Утомлённость вообще не давала Пашкову пока начать свою речь о чём-либо другом, кроме вновь доставленного «страсбургского пирога». Это смакование шло до тех пор, пока «двигалась холодная закуска». Но вот начали подавать горячие «блюда». Потом «стало разливаться и шампанское». Разгорячённое воображение присутствовавших живо развязало все языки их. Началась опять беседа «о задачах святого дела» Сам «апостол» на первое время ещё молчал; говорили другие. его гости.



– Я полагаю, что нашей идее предстоит огромное будущее, заявил «князь». – Думаю я так об этом потому, что среди наших прихожан всё более и более появляется интеллигентных людей. А это признак симпатии общества к нашему святому делу; признак того, что люди стали интересоваться новой мыслью, вносимой в духовную среду общества нашим почином в добром деле. Я, с своей стороны, глубоко верую в проникновение нашей идеи во все слои человеческого общества. Не только русский народ, наиболее других теперь нуждающийся в духовном обновлении своём, как прокажённый в исцелении его от заразы, но и всё человечество, говорю я, проникнется этой мыслью и станет на стороже очищения себя нашей идеей. От грехов своих люди не найдут другого избавления, кроме нашей святой проповеди. Она очищает человека настолько, что я постоянно чувствую себя совсем обновлённым, когда сподобляюсь вкусить здесь слова от Духа Святого. Лучше этого обновления для меня ничего быть не может. Всякий, кто хочет испытать тоже самое, что испытываю я здесь, должен стремиться сюда всей душой своей, чтобы сподобиться тут веры чистой, непорочной. Как Христос Бог наш через купель иорданскую хотел смыть мир греховный в теле человеческом, так и мы здесь очищаемся духовно, когда приобщаемся духа святого. Только эта вера может быть очистительна для нас, она ведёт людей к миру «блаженных духов». И я стремлюсь туда всем помыслом души моей. Пусть последуют за мной и все здесь присутствующие. Их, как и меня, ничто кроме благодати Господней не ожидает там. А разве от этого мы можем отказываться? Разве путь к истине не для всех нас приятен? Отраднее этого пути в жизни я ничего не нахожу для себя в здешнем мире. Только этот путь к вечному блаженству манит меня к себе, как путеводная звезда в небе. Только в этом стремлении вперёд я и снискиваю для себя покой в душе и отраду на земле. Другого же я ничего не ищу от здешней жизни. Всё, что занимало меня прежде, как увлечение не земной оболочкой, теперь совсем покинуло меня и, надо думать, более не вернётся ко мне. Я так полагаю, что и других моих единомышленников постигнет то же чувство. Сознание быть

выше земной юдоли – это ли ещё не полное блаженство для человека. Я теперь нахожусь именно в этом лучшем для меня положении. Лучшем, говорю, потому, что оно обещает мне вечность вместо случайной жизни на земле. Случайной эту жизнь я называю потому, что её даже Сам Бог не предусмотрел для нас. Если бы это было не так, то мы знали бы свой предел на земле... Но мы его не знаем. И не знаем именно потому, что Господь Бог не предусмотрел его для нас...

– А если бы это было предусмотрено, то не хуже ли было бы оно для нас, философски заметил полковник Пашков. – Не сошли ли бы мы с ума сегодня, если бы знали, что завтра наш предел на земле кончается...? Не есть ли это предусмотрение Божие, что нам не дано знать своего предела?..

– Какая мудрость, какая мудрость!.. шептала мне моя соседка, виновница этой моей минуты жизни среди людей, мир которых дотоле мне вообще мало был знаком по его особенной абстракции и реальности... Какой великий человек он, продолжала сообщать мне изящная дама. – Я от него в восторге. Что ни слово у него – то мудрость. Я многому кое-чему научилась от него. Вот что и влекло меня сюда постоянно. Я обновилась здесь вполне: и душой, и телом...

– И телом даже? – спросил я.

– Да, и телом! язвительно ответила она; заметив мое иронизирование над предметом беседы. – Вы, очевидно, способны только язвить, а не рассуждать здраво, ещё строже заметила она и так усердно хлебнула шампанского, что даже поперхнулась. – Ну, стало быть, дома поминают меня, добавила она, – надо домой ехать. Я уже, кажется, достаточно набеседовалась...

И у неё, действительно, загорал усиленный румянец в лице, должно быть от искрящегося напитка.

– Да, я уверен, продолжал Пашков, – что Господь Бог мудростью Своею предусмотрел наше общее сумасшествие от знания своего предела и потому Он не допустил его до нас. С этим всеобщим нашим сумасшествием умерла бы и идея человеческого творчества на земле. А это, очевидно, нужно было ещё для Господа, и Он вложил в человека душу мудрую,

созидательную и общительную. Вот основание, которое заставляет меня думать, что ваше мнение, князь, не имеет под собой достаточно твёрдой почвы...

– Вполне преклоняюсь перед вашей мудростью, друг мой, заявил князь, – и ещё раз сознаюсь в слабости своего надела, дарованного мне Богом...

– Ни то это сама мудрость говорит устами полковника, ни то в нём на самом деле господствует Дух Святой, ещё раз заявила мне изящная дама.

– Судить не решаюсь для вас, заявил я ей на это.

– «Для вас»!.. А точно ваше суждение для себя принесёт какую-либо пользу для других... Именно только то и полезно, что становится общим достоянием...

– Но я не могу вам сказать своего мнения...

– Это почему-же?

– Потому что оно очень строго для здешнего общества.

– А именно?

– Да я не могу, говорю же вам.

– Ну полноте. Вы видите, нас никто не слушает.

– Это всё равно.

– Так вы не доверяете мне?

– Напротив.

– Ну так отчего же не хотите сказать?

– Оттого, что не желаю разочаровывать...

– В чём?

– В нём... Вы знаете, как неприятно быть разочарованным?

– Да, это правда... Но я всё-таки хотела бы знать... Неведение тоже страшно томительно.

– Но не так, как разочарование.

– Не знаю... Не испытала... Потому и сравнения делать не могу... Так вы не скажете?..

– Нет.

– Почему?

– Жалея вас...

– Ну, как знаете...

– Да я знаю, что я больше принесу вам пользы своим молчанием.

- Но всё-таки хотелось бы...
 - Лучше не просите...
 - Ну вот вы какой... немилостивый.
 - Несговорчивый, хотели вы сказать?
 - Нет... Я сказала то, что думала.
 - Едва-ли.
 - Сомневаетесь?
 - Да.
 - Тем лучше для меня. Я по крайней мере буду знать, что отплатила вам чем-нибудь за ваше недоверие ко мне...
 - Значить, расчёты покончены?
 - Пусть будет так.
- А между тем я имел сказать своей соседке то, что всё то, что говорил полковник Пашков уже давно было сказано Ренаном в его «Истории Христа»...
- Итак, вы думаете, что полковник неправ в том, что сказал? – продолжала дама меня допрашивать.
 - Я уже перестал об этом думать, заявил я.
 - Ну, как хотите... И настойчивый же вы человек.
 - Вы думаете?
 - Даже уверена.
 - Ну и прекрасно. По крайней мере, в вас одной верой будет больше.
 - Этого вы и хотели?
 - Отчего же нет? Всякая вера есть новый уклад души...
 - Ну не такой, какого я ищу.
 - А вы разве ищите чего?
 - Это так понятно... Вся жизнь наша есть одни поиски чего-то... Но чего именно, я и сама не знаю...
 - Вот это то и есть жизнь. Стало быть, я, покладая в вас веру, даю вам жизнь...
 - Но не ту, которой я ищу.
 - А какой же вы ищите?
 - Ещё неизведанной мной.
 - Да, вероятно, её и нет. Ведь всё, что мы переживаем – есть именно та жизнь, которой мы ищем. А другой никакой нет.
 - Ну этим я недовольна. Я жажду жизни новой.

- Напрасно вы будете искать её. Не найдёте.
- Вы думаете?
- Уверен.
- Так, вы, как новое лицо, не вносите в меня новый элемент жизни?
- Нет. Это всё повторение старой.
- Ну вот это то повторение в другом лице я и считаю новой жизнью.
- Немногого же вы хотите.
- Дайте мне ещё что другое и я буду вам признательна.
- Я не творец и создать нового, кроме того, что создано уже до меня, ничего не могу.
- А подумайте.
- И думать не буду, потому что всё обдумано до меня.
- А я рассчитывала на вас...
- Напрасно. Ваш кумир – полковник.
- Только в другом роде.
- В каком же это?
- В духовном.
- А вы ищете?..
- Того, чего не испытала.
- Ну это сказка про Белого Бычка...
- Вся жизнь такова... Вы сами же говорите, что она повторяется... Ну и я хочу повторения в другом лице...
- Уважаемый полковник вполне отвечает вашему идеалу...
- Не совсем.
- Ну ищите другого.
- Я так и делаю.
- И странное же существо эта женщина!
- А что?
- Да она вечно находится в поисках своего идеала и никогда не находит его.
- Ну этого не скажите. Я знаю женщин, которые нашли своё искомое.
- Вы думаете?
- Уверена. Примеры налицо. Их не мало у меня. Только вот мне не удаётся.

- Ну ищите. Желаю вам успеха.
- Я так и делаю, да всё не нахожу. Вы же не хотите мне сказать того, что думаете даже о полковнике.
- Но ведь это не цель вашей жизни?
- По крайней мере удовлетворение своих желаний.
- Но ведь это ничтожное удовлетворение в сравнении с жизнью, которой вы ищите...
- Однако-же... Всё-таки есть нечто... Есть успокоение своих чувств. А теперь и этого нет. Теперь и того вы меня лишаете.
- Вот те на! Так я всему причиной?
- Так как же? Вы не хотите сказать мне того, что думаете о полковнике.
- О вашем кумире?
- Хотя бы и так.
- Ну зачем же я буду разбивать ваших кумиров. Ведь это варварство. Я просил бы вас уволить меня от этого ужасного злодеяния.
- Вы уже на половину его сделали.
- Чем это?
- Поселением во мне сомнения.
- Ну простите меня за это.
- Никогда.
- Хотя бы во имя Святого Духа?
- Ни за что.
- Вы жестокая.
- Это вы заставили меня быть такой. Своим упрямством вы порождаете во мне дух сомнения...
- Отриньте его от себя и тогда будет вам благо на земле.
- А как я могу это сделать, когда во мне нет такой воли.
- О, слабая женщина! И вы ещё ищите новой жизни на земле. Когда не умеете отбрасывать от себя дух сомнения, так как же вы обретёте что-нибудь новое для себя. Это все не укладывается в одном мешке...
- «Мешке»... Фу, какое сравнение! Точно я мешок.
- Простите за выражение, но я никак не думал сравнивать вас... Это случайно случилось... Для образности... И только для того...

– Хороша «образность»... Нечего сказать. Так еще, пожалуй, вы меня сравниваете вот с этой бутылкой...

– С пустой? Никогда. Вы ещё так полны жизнью, чтобы отнимать у вас содержимое...

– Вы ловко можете выходить из своих затруднений, – это я вижу, – но только неловко впадаете в «мешок», в котором сами являетесь содержимым...

– Как, однако, далеко мы зашли в этом разговоре, что даже отстранились от общей беседы, а между тем там идёт речь о том, что нам избрать для жизни как лучшее нечто... заметил я.

– Ну вы не отлынивайте от своей мысли, поставила мне на вид дама, – я вижу, что вы уже хотите уйти от своей ошибки с «мешком». А я, напротив, хочу вас засадить в этот мешок, чтобы вы впредь не ошибались. А то что это такое «мешок»...

– Но не бутылка же по крайней мере?

– Бутылка-то, оказывается, содержательная. Это вы сами подтвердили мне. А вот «мешок-то что такое»?..

– Да... мешок и больше ничего.

– Но ведь это мужской род.

– Да, я не в женщину и произвожу его.

– Так зачем же вы в разговоре со мной допустили его?

– По ошибке. Ведь я сказал вам, что ошибся и извинился за это.

– Нет, этого мне мало.

– Так чего же вы хотите?

– Я хочу пояснений. Зачем вы допустили «мешок»... За что вы обошли бутылку?... Как содержащая, она важнее, а мешок пустой...

– Ну это ведь бесконечное...

– Что «бесконечное»? Упрёк мой вам? Да он будет бесконечен. Пока вы со мной, я не прощу вам этого...

– Так я могу уехать...

– Ну не говорите вздора... Вечер ещё далеко не кончен... Мы успеем разъехаться... А пока поболтаем... Ведь в этом и вся жизнь, что мы себя взвинчиваем... подшпориваем... Если бы не было зацеп в нашей речи, тогда бы и не было повода о чём говорить... Неужели вы думаете, что всё, что я с вами болтала,

так серьёзно, что на нём нужно останавливаться? Вовсе нет. Я говорила только потому, чтобы не сидеть молча и не портить себе аппетит суровостью. А когда говоришь, тогда и кровь циркулирует сильнее и жизнь идёт легче, бьёт ключом... Что вы занятный малый, это я скажу вам прямо. Но что вы отчасти упрямый, это тоже верно.

– Но что лучше из двух?

– Для меня и то и другое ценно.

– То-есть?

– С занятым можно поболтать и с упрямым тоже. Спорить можно и с тем, и с другим.

– Но с каким интереснее?

– Сравнений не делаю. Но скажу, что занятный интереснее, а упрямый – загадочнее.

– Так что и в том, и в другом есть интерес?

– Да.

– О, какой же я интересный двойник!..

Дама рассмеялась, но так тихо, что общество наше не заметило этого...

Набросанная здесь мной картинка – есть одна из многих таких, которые прокурсировали через дом полковника Пашкова на Гагаринской набережной в течение нескольких лет, пока здесь были допущены официально «духовные беседы»...

Я не стану больше вдаваться в частности этого дела, а скажу лишь, что вечер, который я провёл в доме русского Редстока, закончился очень поздно и «князь» после этого вечера взялся провожать ту красавицу-девушку, которую он в начале «беседы», как я говорил выше, убеждал своей ласковой речью быть в их обществе «своей», потому что здесь нет никаких степеней и градаций, а существует лишь абсолютное равенство и братство. Я же был вынужден обстоятельствами, – сложившимися на этот раз так, что мне нельзя было избежать их, чтобы не быть игрушкой судьбы, – проводить свою даму до подъезда дома, где её встретил ливрейный лакей со жгутами через плечо и, подав ей салоп из чернубурой лисицы, усадил её в богатую карету с золотыми гербами, заложённую тысячными караковыми рысаками в английской упряжке и с гайдуком на

козлах, державшим в правой руке длинный бич, не столько для того, чтобы ими понукать лошадей, – так как они и без того шли без удержива, не смотря на то, что были на мундштуках, – а лишь для того, чтобы это было картинно, модно и по аристократически...

– Так смотрите же, будьте здесь, на следующей «беседе», повелительно сказала мне дама из дверцы кареты, когда её закрывал «ливрейный»...

Я только было хотел ответить ей «постараюсь», но не успел и рта открыть, как уже лошади понесли карету вдоль Гагаринской набережной, по направлению к Троицкому мосту, и скрылись от меня в темноте ночной... Я на минуту задумался было над вопросом о том, что это за мистификация здесь такая, что люди, ведя между собой разговор целыми вечерами, не знают даже фамилии своих собеседников... Но потом, вернувшись в швейцарскую дома Пашкова, я спросил: – «кто эта дама»?.. Княгиня N, ответил мне Мазепа с Гагаринской набережной... Ну эта птица не нашего полёта, подумал я и решил, что мне на здешних беседах больше делать нечего и я, конечно, не пошёл сюда. Но на следующей неделе, после этого дня, я получил от княгини N письмо, полное упрёка в том, что я не сдержал своего слова – хотя, в сущности, и не давал его – и не явился на «беседу»... Меня в этом случае поражало больше всего, как она узнала мой адрес... И оказалось, что я оставил в швейцарской дома Пашкова свою визитную карточку, когда входил в него на «беседу»... Самое же письмо княгини N очень любопытно по своему содержанию и я приведу его здесь целиком.

«Вот уж поистине можно сказать, что поверить мужчине на слово, это значит за благовременно обмануть себя, писала мне княгиня N. – А я вам поверила и потому наказала себя. Ну да я с вами рассчитаюсь потом, когда-нибудь, а теперь я прошу вас не оставлять наших бесед и посещать их так же аккуратно, как и я их посещаю. Это для нас поучительно. Тут мы почерпаем новую жизнь. Это источник наших благ. Других течений жизни я пока не ищу для себя. Это было бы равносильно тому, что называется бежать от добра и искать зла. Но я не из таких,

чтобы так дурно думать о благах мира сего. Для меня здесь всё так симпатично, всё благочинно, всё построено на велемудрии⁵⁵ человеческой мысли, на благочестии слова, связанного с делом, что изменять ему, это значит не блюсти истинного смысла жизни, не радеть для блага своего прямого назначения в бытии. И я вам предложила бы следовать моему примеру. Не для того, конечно, я вам это предлагаю, чтобы господствовать над мыслью другого человека, как вы можете подумать на первый раз, но для того, чтоб уразуметь истинный путь жизни. Назначение наше в сей юдоли только в том и состоит, чтобы во имя Духа Святого группировать мысли людей вокруг одной божественной идеи и давать им купное направление в строе общественного бытия. Вот моё главное мнение о наших беседах, к которым я вас приглашаю. Не для того, конечно, я это делаю, чтобы одним атомом укомплектовать наше духовное целое, а для того, чтобы дать этому атому надлежащее место в нашем духовном мире. Вот какова моя задача в этом случае. Вот почему мне вас желательно видеть среди нашего духовного целого. Другого значения я в этом не вижу. Да и было бы странно его усматривать, если его здесь не существует. Не думаю, чтобы и вы подразумевали в этом что-либо другое. Если же это в вас таится, то вы совершаете неискупимый грех. Здесь все люди честных направлений. Они сошлись между собой во имя Божественной идеи. И отводить им другое место на земле, это значит не знать их основных задач.

Так подумайте же обо всём, что я вам сказала и уверуйте в мои слова, и потом, конечно, и приобщитесь нашего духа святого. Я непременно желала бы вас видеть здесь, среди нашего общества так же ревностным сподвижником его идеи, как и многие другие мои коллеги по дому сему»...

Но я, конечно, не внял этому голосу, призывающему меня туда, где творилось что-то противное духу моему, и потому я уже воздержался от сего соблазна... Отстать от тех страстей или привычек, которые входят в обыденную жизнь человека чем-то таким, что является для него естественной потребностью, если ещё не того хуже, говорил мне голос разума, бывает не так-то легко, как просто привыкнуть к ним.

Вот почему я и не хотел привыкать к тому, что смущало дух мой, где есть много такого соблазна, который не гармонирует с порядком моей мысли... И если что занимало меня в этом случае, так это разве ещё одно желание постичь больший смысл пустоты в этой идее... Для таких же ничтожных вещей я думал не следует и отводить уже много места в жизни своей... И я не отводил его. Это было бы противно духу моему...

Что думала потом обо мне изящная дама, я об этом мало заботился. Но на приглашение её к «духу святому» я отнёсся очень равнодушно... Как Моисей стёр в порошок золотого идола израиля, в Аравийской пустыне слитого, и развеял его по ветру «в прахе земном», так и я разметал в душе моей в прах то, что было создано как культ какой-то новой веры на Гагаринской набережной...

Но княгиня N, как я узнал потом, и впредь продолжала служить идее полковника Пашкова, когда его уже не было в Петербурге и когда «дух святой» с Гагаринской набережной навсегда переселился в Париж...

Мир добрый ей в этом стремлении к обобщению всех, жаждущих вкусить её «новой жизни» в одном «духе святом»...

III.

Но я этим ещё не закончил цикл обзрений деятельности полковника Пашкова в Петербурге и вне его. Напротив, эта деятельность была в то время, когда я ознакомлялся с ней, настолько обширна по-своему «пропагандному замыслу» «о духе святом», что её объять в нескольких страницах написанного мною повествования было бы совершенно невозможно. Тем более это уже должно быть так и потому ещё, что личность Пашкова, помимо столичного общества, к нему тяготевшего своим вниманием, стала интересной и для русской печати, и та начала отводить его «делам» очень много места на своих столбцах. Писалось даже и о том, как он, Пашков, «начал делать» какие-то «нововведения» у себя в имениях, привлекать к ним местных крестьян и давать им «особый род духовной окраски в жизни». Строил он также в деревнях сельские школы, открывал для бедных столовые, устраивал разные приюты для детей и стариков и содержал всё это на свой счёт. Духовенство

того времени смотрело на это «дело» неизвестно чьими глазами и, конечно, ничего не видело или не хотело видеть, что тут творилось, для чего это творилось и почему так делалось. Единичные голоса духовенства, восстававшие против «идей» Пашкова, как не соответствующих своим направлением в духовном воспитании народа духу православной церкви, хотя и были, но они скоро заглушались голосами того хора, который пел где-то в унисон с русским Редстоком, и так всё замирало в пустыне невнимания к искре зла в нашем обществе, разгоравшейся всё более и более в пламенный, огромных размеров костёр. И всё это, надо заметить, при полной свободе действий этой стихии, разгоравшейся на нашей степи духовной жизни без всяких преград к её движению со стороны, без того, что называется в этом случае, «пожарного обоза», который бы должен был локализовать этот пожар. Конечно, при таком наступательном движении пашковской стихии вперёд в ней не мало погибло невинных жертв, потому что они решительно были невменяемы в этом случае и положительно не знали, за что их сжигает эта огненная геенна. А геенна эта была очень страшная для тех, кто её не знал, не понимал и никак сознавать не мог, потому что она являлась перед людьми в образе чистого духа, которому уже нужно было поклониться, перед которым требовалось благоговеть, но не сомневаться в нём, не бежать от него, как от мрачного зла, непотребного нечто... Вот чём она была опасна. Вот почему здесь погибло немало невинных жертв. И что больше всего обиднее, в этом случае, так это то, что жертвы эти были юны по возрасту своему и потому летели сюда, как мотыльки на огонь. Старые же ханжи, принимаемые, здесь как члены «своей духовной семьи», имелись лишь в виду как неизбежное зло, без которого, как и без ширм в уборной артиста, нельзя было обойтись. В отвлечение этого внимания общества с Гагаринской набережной, этим ханжам давались денежные подачки, как милостыня, будто бы, исходившая «от духа святого». И всего этого здесь понять не мог лишь тот, кто был юн возрастом, неопытен в жизни и наивен в доверии к людям там, где он не знает цели их бытия и пр. Вот что погубило здесь молодые сердца, искалечило их духовно на всю

жизнь и отнимало у них, таким образом, всё святое, их собственное, врождённое, им одним Богом дарованное, навсегда, на вечные времена. Отнимите же вы своевременно от Пашкова «духа святого», на идее которого он мучил общественное море человеческой жизни, и у него не осталось бы никакого престижа, никакой притягательной силы, чтобы создать себе «большое имя», стать «мировой личностью» и быть с этой стороны известным на весь свет.

Да, он, именно, был таким. Его идеал только к тому и стремился, чтобы стать «мировой знаменитостью». Для этой цели он не жалел никаких своих денежных средств, которых, кстати сказать, у него был огромный избыток, переливавшийся через край его жизни... И этот-то «через край» и потребовал от него «новой жизни», которой он ещё не испытал, и влекло его чувство честолюбия, странного замысла и необъяснимой до сих пор преданности тому, что вовсе не нужно было современному обществу, в чём никто из нас не нуждался и нуждаться никогда не мог, потому что здесь не было ни одной здоровой мысли... И это-то бессмыслие, при какой-то апатии столичной власти, тогда бывшей у кормила, допускалось к «популярному изданию» и распространялось в массе самым усердным образом. Изданий же этих, под видом «проповедей Пашкова», вышло в свет свыше двух сот и при количестве нескольких же миллионов экземпляров. И всё это в течение периода – от 1877 по 1884 год, когда, главным образом, укоренялась «пашковская деятельность» в русских тёмных массах... К этим же тёмным массам ещё не мало примкнуло и лиц большого света и все «они упивались» странной философией «пашковской литературы»... Так тогда и называлась эта литература «пашковской» и её можно было встретить везде, где только было известно имя этого русского Редстока, то есть, и в роскошных палатах, и в убогой хижине, до деревенской избы включительно. Словом, «пашковская литература», как и у всякого православного человека евангелие, была «настольной книгой»... Раздавалась эта «литература» везде бесплатно и в каком угодно количестве экземпляров. По преимуществу же её распространением занимались «пашковские столовые», куда

масса народа стремилась и днём, и ночью на даровые обеды. А столовые эти помещались тогда на Выборгской стороне, в районе рабочего населения, где, главным образом, «пашковская проповедь» имела «разъедающее значение» и поселяла среди людей религиозную смуту, в которой, вероятно по своей беспечности, однако все наши отцы духовные не видели тогда никакого порока и потому, как будто бы, её ещё и поощряли на это пагубное дело...

Посетив в 1878 году «Пашковские столовые» на Выборгской стороне, я заметил здесь страшное движение толпы к какому-то обособлению от церкви. И всё это двигалось не самостоятельно, не под наитием «внутреннего мира» человека, а под тем давлением на него со стороны, которое производилось здесь на толпу наёмными пашковскими проповедниками, с кафедры рассуждавшими о каких-то заблуждениях человечества, из которых, однако, эти проповеди никого не выводили, а лишь только ещё более углубляли в дебри этих заблуждений...

Читались проповеди в столовых Пашкова какими-то мальчиками, студентами, нередко людьми совсем тёмными во всех отношениях, безызвестными и потому мало располагавшими к себе доверием. Но их, однако, слушали. И слушали не потому, что они были дельные проповедники, а потому что они говорили русским, простым языком, без славянских, церковных текстов, а так, как кто говорить мог, на каком языке он изъяснялся вообще. Словом, это был своеобразный народный университет, с кафедр которого говорили не профессора, знающие свой предмет, а люди, умеющие говорить всякий вздор...

И этот то вздор был включён в догму веры, религии и на нём-то построено было целое учение, напечатана целая библиотека разных изданий и пр. Но больше всего здесь обращала на себя внимание свобода слова. Речь каждого проповедника тут никем заблаговременно не одобрялась... А так вот человек «пришёл с ветру», да и начал говорить всякий вздор. Но этот вздор, говорю я, был облечён в религиозную форму и его приходили слушать со всех концов Петербурга. Также не редкость бывало встретить здесь, как и у самого дома

Пашкова, на Гагаринской набережной, кареты с гербами, и лица, прибывшие в них, имели своей целью тут «духовные беседы»... Я бы назвал, с своей стороны, эти «беседы» вредным препровождением времени, чем полезным духовным назиданием, как они вообще назывались. Подстрекать же тогда на эти беседы всех и вся считалось каким-то обязательством для каждого... Что это было: турнир ли особого рода, или мания на всякую новизну, сказать трудно. Но шли сюда «на беседы» все, кто не ленив был на передвижение своё и ещё имел время на то. Популярность Пашкова, таким образом, была всеобщая. О нём говорили везде: и в палатах, и в хижине. И всё это с почётом, достойным его личности. Один, например, поминал его добрым словом за то, что он снабдил его деньгами на домашние нужды, другой благодарил за хорошие и вкусные даровые обеды на Выборгской стороне в его столовых, третий припоминал его хлеб-соль у него на дому после «пятничных бесед», когда избранные «прихожане» шли за общую трапезу «благочестивого человека», во имя «духа святого» расточавшего своё огромное состояние и т. д.

Творческой мысли в проповедях, читаемых в столовых Пашкова, никто из смыслящих людей не находил никакой, но шли сюда лишь для того, чтобы ознакомиться с тем, что тут вообще говорилось, так как об этих «беседах» чуть ли не каждый день писалось во всех столичных газетах, как о чём-то выдающемся, новом и замысловатом. На основании же этой замысловатости, прочитанной в газете, каждый провинциал, временно посетивший Петербург, считал своим долгом побывать в столовых Пашкова и послушать там духовные беседы.

Но каждый из этих слушателей выносил отсюда одно сомнение на предмет неясности смысла этих бесед, то есть, какое значение они имели и для чего, собственно, были допущены здесь.

– Если предположим, что эта столовая должна отвечать назначению монастырской трапезы, в которой, во время обеда монахов, постоянно читается житие святых отцов, говорил мне один провинциал, – то неужели же Пашков всех нас хочет обратить в монахов? И если не эта, то какая же другая цель

здесь имеется в виду? Но я, говоря вам откровенно, добавил он, – не вижу в этом никакой другой цели, кроме какой-то странной моды на что-то миссионерское, на что-то чуждое нашему духу... И нет сомнения, что эта мысль, или сознание моё, скоро проникнет в понятие общества и оно уразумет то, что с этой комедией так или иначе надо будет покончить...

И с ней, действительно, покончили в 1884 году, причём все столовые Пашкова, как притоны вредных рассуждений людей всех категорий, собиравшихся здесь не известно для каких целей, были закрыты, «беседы» его воспрещены, а самому ему было предложено выехать навсегда за границу.

Отъезд этот вызвал в обществе страшную сенсацию. Все те, которые преклонялись перед «новым пророком» из-за денег, даваемых им «на житие» людям, были возмущены каким-то насилием, совершённым над русским Редстоком... Но из этого, однако, ничего не вышло... Всё потом успокоилось, хотя и не скоро; все смирились с фактом приостановки «деятельности Пашкова», правда, не надолго... И ведь «ржа ест железо», как говорит русская пословица, – так и эта окись нашей общественной жизни положила шрамы – и довольно таки глубокие, надо заметить – на стенках русского народного корабля, залечить которые едва ли скоро придётся нашим духовным врачам, потому что они инфекционны и слишком заразительны... А профилактики на этот счёт своевременно людям не было предложено никакой... Вот почему эти пашковские язвы теперь и стали очень опасны для нашего общества вообще, а для народа в особенности, чтобы не сказать уже, что они совсем неизлечимы...

С. Глебов

**Миссионерские очерки // Миссионерское обозрение.
1904 г. № 1–10. С. 322–329**

XVIII.

Боголюбов Д. Что же дальше? С. 322–326

В моей жизни совершилось важное событие: я готовился к женитьбе. Родные мои и друзья с любопытством спрашивали меня: что же будет со мной дальше?

На этот вопрос большей частью я отделялся общими, неопределёнными ответами. Но один раз мне пришлось выдержать целую беседу о своём положении и своих видах на будущее.

Это было в кругу ближайших родственников. Они заботливо давали мне советы, как устроиться по-семейному. Слушая нас, мой приятель спросил:

– Скажите, пожалуйста, служба миссионерская коронная?

– Нет, ответил я.

– Всё же служба обеспечит вас пенсией?

– Ничего не известно, сказал я. Мы живём надеждами на будущее.

– Ну, друг мой, заметил судеец, вы донкихотствуете. У вас нет прав государственной службы, нет даже *частной* пенсии, – на что же вы надеетесь? Вам хорошо было бы «упражняться» в идеализме одному, а теперь вы женитесь. Извольте бросить свою службу и искать тёплого угла...

Все молчали. Мне было жутко. Я как-то растерянно поглядывал кругом. Просто не хотелось вередить⁵⁶ своих ран. Судеец спросил:

– Так как же, друг?

Я, наконец, сказал:

– Так: будем жить, надеясь на милость Божию. Дело наше новое. Оно только организуется. Между тем его связь с общегосударственными учреждениями не подлежит сомнению. В самом деле: наши отечественные законы созидают строй России на твёрдом основании православной церкви. Миссионеры оберегают эту твердыню своими беседами. Они, следовательно, служат своей родине не меньше государственных чиновников. И потому будущность миссионеров, мне кажется, обеспечена самой сущностью вещей.

Верую, что Бог сжалится над нами и покроет нас своим попечением...

Судеец меланхолически заметил:

– На Бога надейтесь, а сами не плошайте...

Я сказал:

– Так. Но что значит «плошать» и «не плошать» в жизни? Не плошает или плошает тот, кто все силы души своей полагает на приобретение материальных удобств жизни? Кто всякие подвиги оценивает рублём и все чаяния свои сводит к обогащению. хотя бы и в ущерб ближним?..

Извините, господа, но такая *своекорыстная* философия кажется мне низменной и недостойной человека. Мы призваны в мир для делания добра, – для усовершенствования совести и воли своей в подвигах любви Христовой. – Так изъясняют цель человеческой жизни даже философы, кроме грубых эгоистов и утилитаристов, хотя и под другими выражениями.

И вот общечеловеческая совесть настойчиво твердит всем людям, что только в благополучии своих ближних мы найдём *личное* счастье, собственное душевное удовлетворение. Поэтому кто руководится *такой* философией, – *плошает* тот, по вашему выражению, или не плошает?..

Судеец был человек положительный. Он не любил «мистики». Махнув рукой, он сказал:

– Вы забрались в философию. Вы рассуждаете так, как велит Евангелие. Помилуйте, – кто же теперь последовательно живёт по Евангелию? Лично для меня евангельские идеалы, – что недоступные вершины Монблана...

Я ответил:

– Слова ваши *горько* слушать. Все мы, точно, мало исполняем в жизни евангельские заповеди. Но следует ли отсюда, что и миссионеры – проповедники Христовой истины – должны малодушествовать и даже не помышлять о Евангельских идеалах? Я верую, что Евангелие для нас – не тоже, что вершины Монблана. Оно есть самое дорогое достояние для нас в жизни...

Судеец завозился на стуле. Успокаивая его, я сказал:

– Да, да. Вы не трудитесь мне рассказывать об автономных моральях. Как бы красивы и содержательны они ни были, – у них конца нет. Ни один философ, помимо религии, не указал ещё разумного смысла жизни вообще. Положим, мне назовут совесть, как такое явление в нашей душе, которое властно заставляет меня жить свято.

Но что такое – сама совесть моя? Почему её голос должен быть моим руководящим законом?

Без веры в Бога – Творца совести – нет опоры для неё. В Боге же совесть людская находит для себя основание и смысл. Потому, как христианин, я признаю Евангелие, высшее откровение любви Божией, самым дорогим достоянием человечества...

Мои родичи – духовные – сочувственно следили за словами моими. Я же с волнением в голосе продолжал:

– О, конечно, я исповедую, что мы слабы, склонны ко всяким падениям. Мы боимся идеализма и цепко держимся земли. Но для своего же благополучия мы обязаны оберегать в себе веру Божию. А по этой вере не должно *порабощаться «немоощным и бедным стихиям мира»* (Кол.2:20–23). Нужно бодро служить истине, – и она освободит нас от рабства грубой материи (Ин.8:32)...

– Так-то так, милый вы человек, да право – жаль вас. Что вы будете делать с семьёй? – грустно произнёс судеец.

Я ответил:

– Дело наше молодое. Мы надеемся трудами своими, своим мужеством обратить на себя внимание начальства и добиться служебных прав.

Один из моих родичей сочувственно спросил:

– Каких же прав вы ждёте?

Я сказал:

– Тех, которые естественно вытекают из служебного нашего положения. Мы не мечтаем о чинах и классах по службе. Но, принимая во внимание трудности нашей службы, – постоянное наше нервное напряжение и скорую, так сказать, *сгораемость* миссионеров, – мы мечтаем о пенсии за 20 лет беспорочной службы в тысячу рублей. Это – верх наших желаний...

Что же касается орденов, – довольно для нас и одного – Анны 3-й ст. по существующему статуту...

– Ордена, конечно, дело стороннее, сказал родич. Но что-то не слышно, мой милый, об улучшении вашей участи.

Я ответил:

– Это правда. Но вследствие того надежда наша не оскудевает. Духовенству вот сколько столетий не давали пенсии. А дали же. Дадут, Бог даст, и нам.

– Когда бы то дал Бог! – произнёс старший из наших родичей и перекрестился.

– Верую, что Бог даст, – твёрдо сказал я. Нам надобно лишь не унывать, «делая добро» (2Фес.3:13). Мы обязаны напряжённо работать, прокладывая себе и другим жизненные пути. Мы должны по-христиански увещать заблудших, – помогать пастырям церкви в борьбе с современными церковными недугами и писать, писать (Еф.5:11,13)...

– О чём же писать? – спросили меня хором.

– Прежде всего о расколо-сектантстве. Сущности его в нашем обществе многие не представляют. Не все догадываются о той *разлагающей* силе, которая таится в недрах его...

Особенно это надобно сказать о сектантстве. Сектантство – крайне сложное явление. Оно обнаруживается в жизни часто не таким, каково есть по существу. Надобно разогнать туман, окутывающий его, – показать людям сектантство таким, каково оно есть по своей природе. А это можно сделать только литературным путём.

Далее. Мы и свой мир православный знаем поверхностно. Не можем определить хорошенько тех жизненных условий, при которых доводится работать миссионерам. И в этой области полезно писать, освещая всё правдивым словом...

Всё общество наше сосредоточенно молчало. По лицам было видно, что родные не радостно думали о моей будущности.

Замолчал и я. Потом, очнувшись, сказал:

– – Так вот, господа, ответ на ваш вопрос: что я намерен делать дальше?.. Я буду терпеливо ждать лучших для себя дней. Пример товарищей, бегущих с миссионерской службы,

меня не пугает. Я лишь жалею их и думаю, что они *по особой* нужде это делают. Я твержу себе слова Господа, сказанные пророку: «*а ты, сын человеческий, говори и не умолкай...*»

Д. Боголюбов

Любознательный. Из жизни австрийского раскола. С. 326–329

(Бесчинства в раскольничьих скитах и их обличитель. – Неправедный сын и правдолюбивый отец).

Один из нынешних заправил австрийского раскола в Сызрани, С. М-ков, унаследовал от своего отца, после некоего его «банкротства» отчее достояние, с условием воздать половину оному своему меньшему брату, по достижении последним совершеннолетия.

Сам глава семейства И. М-ов после удачного устройства детей вздумал покончить с миром, и уходит в раскольнические скиты. Поживши послушником одного Черемшанского скита и почувствовав себя вполне приготовленным к монашеской жизни, он даёт обет быть монахом уже в другом монастыре Нижегородской губ. села Безводного. Проживши в монашеской жизни малое время и увидев безобразие монастыря, новый монах по ревности своей творит горячие обличения своим собратьям, не исключая и своих лже-владык. Видит М-ков, что обличительные меры не укрощают братии, и прибегает к более радикальным мерам. Он просит своего лже-владыку сделать собрание братии, чтобы на нём открыть своё видение. Просьба М-кова исполняется: собираются в одну просторную колю вся братия монастыря, начинает М-ков повествовать им о своём видении, виденном им на том свете и затем приходит в какое-то неистовое состояние: он нападает с кулаками на своего лже-владыку, говоря: «мне приказано тебя удушить и представить на место, где жительствовают древние еретики». Колотит М-ков своего «владыку», где и как попало. Происходить общая свалка отрёкшихся грешного мира. И дело поступает в местную полицию.

М-ков видит, что и последняя его мера греха не уничтожает в «святых отцах». «Емлется⁵⁷ он пути» и прибывает на место первых подвигов своего послушания, в Черемшанские скиты, Саратов. губ., Хвалынского уезда; водворяется тут, как монах, и начинает тоже – искать правду и благочестие! Но, к его

сожалению, здесь он видит её меньше и решил здесь постоять за правое дело. Он подбирает себе партию ревнителей старины, выступает на обличение нетерпимых зол, творящихся в скиту. Но что же? обличение его мало успевает, грехи ещё более умножаются. Он вздумал с своей партией, подействовать на вольность монахов, через верховных вождей раскола. Призываются лже-владыки со своими известными апологетами – Мельниковыми, Сюткиными, Усовыми и Перетрухиными, делают «соборы», на которых стараются «примирить» враждующие между собой партии, и в результате всё же: брань, ругань и драка. И после «примирения» образовались две партии, отнюдь непримиримые. Каждая выбрала себе своего игумена; и стали жить между собой с страшным отвращением одна к другой. Пошли бесчинства и драки между монашествующими. И в дело скита поневоле вмешалась хвалынская полиция, которой пришлось с немалым трудом водворить порядок, тишину и спокойствие в обители древнего благочестия. Некоторых арестовали и заключили в Хвалынскую тюрьму. В последней просидел несколько дней и наш герой «древнего благочестия» И. М-ков.

После погрома Черемшанского скита и отбытия тюремного заключения добровольный страдалец М-ков не находит себе спасения нигде, ни в монастырях, ни в скитах, ни в лже-владыках австрийских и бежит паки к своему старшему сыну, у которого просит спасения не души, а своего грешного тела. Сын даёт ему убогую келью на дворе, в которой и проживал бы по настоящее время подвижник «древнего благочестия». Но тут случилось неожиданное для обоих – отца и сына – обстоятельство. Отец М-ков пришёл к мысли, что старший сын его С-н несправедливо поступил по отношению к младшему, которому он должен был отдать половину унаследованного от отца имения, раз этот достиг совершеннолетия.

И вот отец М-ков решил, во что бы то ни стало, и тут постоять по правде. Он пишет письмо своему младшему сыну в г. Вольск, чтобы тот ехал в г. Сызрань за своим достоянием, унаследованным от отца. Сын рад был несказанно тому, что он избавляется от рабства и служения у разных купцов. Приезжает

в г. Сызрань к отцу и брату, начинают толковать о несчастном наследстве, и до того дотолковались, что пустили в ход брань и ругань, не обошлись при этом и без драки. Как ни бились и ни ругались, всё-таки 100 р. выбилось для младшего брата. Он рад был и этому, думая, что авось со временем папа выбьет и последние деньги; с тем и отправился он восвояси, оставив отца своего обличителем старшего брата.

Не много времени пришлось жить И. М-кову у сына. Последнему тяжело было постоянное напоминание о несправедливости. Сын решил поучить отца греховодника; он начинает уменьшать ему порцию хлеба, а также и других предметов первой необходимости, и даже дрова. Старик не мог вынести подобное испытание от сына, и вздумал отправиться на постоянное жительство к своему лже-владыке Швецову (в Уральск), но беда была в том: чтобы добраться до желаемого места, нужны были на дорогу деньги, а их-то у старика, как отрёкшегося от всего, и не оказалось; кое-как, с грехом пополам, собрав на проезд до Самары, М-ков, рассчитывая на поддержку самарского лже-архиерея, приехал в Самару, является к своему лже-владыке Порфирию, просит у него денег на дорогу к Швецову; лже-владыка был предупреждён и отказывает ему в просьбе, М-ков просит настоятельно и опять получает отказ; тогда раздосадованный старец является уже в третий раз к лже-владыке в рабочий его кабинет (лже-архиерей занимается в досужее время иконописанием), хватает что попало в руки, а главное, собирает разведённые в ложечках и яичных скорлупах краски, кладёт их себе в полу, а остатки размазывает по столу и стенам кабинета, приговаривая: «это дело не архиерея, а обыкновенного маляра». – уходит с набранным в полу и бросает всё это с припевом: «Иди к со-о-о-то-о-о-не на-а-а дно к а-а-ад, вместе с своим хозяином архиереем». После этого М-ков решил вернуться обратно в гор. Сызрань: достал где-то на билет себе денег и пошёл заблаговременно на вокзал.

Сидит он спокойно в вокзале. Вдруг является пристав со станционными жандармами и с цирюльником. Позвольте, говорят, старик ваши волосы остричь! Старик, нисколько не

сопротивляясь, даёт себя подстричь. Подстригли чуть не наголо. После такой операции, берут его в часть, а из неё водворяют в дом умалишённых, и старик остаётся в нём на неведомый для него срок.

Итак, сын М-ков достиг своей цели. – надоедливого обличителя он сумел усмирить и посадить в спокойное место. И это сын творил с ведома своих духовных властей и благословения лже-владыки. Отец сидел в доме умалишённых, а сын в это самое время в Самаре приносил, вместе с благочинным лже-попом Макаром, посильную свою благодарность... за содействие к усмирению своего отца обличителя.

Но вот нагрянула для сына неожиданная беда. Явился благодетель для его отца сызранец-же: едет он в конце ноября 1903 года в Самару, в дом умалишённых, и просит у директора дома разрешение взять к себе на поруки старика М-кова. Просьба сего благодетеля удовлетворяется. Привозит благодетель старика М-кова в свой дом и старик от радости берётся за прежнее своё грозное обличение. письменно и устно, при встречах в молельне, обличает он своего сына, как преступника божиих заповедей и, наконец, предаёт его проклятию и анафеме.

И думает сын М-ков, что делать теперь с таким грозным судьёй, который живёт не у него... Что будет дальше, поживём – увидим.

Любознательный

**Из миссионерской полемики // Миссионерское
обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 330–337**

Грацианский Д. Беседа со штундо-баптистами о почитании св. икон

С целью миссии я посетил слободу ***, где, как я был осведомлён, проживало несколько человек сектантов; ранее они все были молоканами; в последнее же время большая часть их перешла в штундо-баптизм.

В первый приезд – я решил ограничиться частной, домашней беседой с ними, и, может быть, поэтому беседа на этот раз вышла сравнительно спокойной.

По соглашению с сектантами, беседу назначили в 6 часов вечера. Около условленного времени я, в сопровождении местного священника, о. диакона и нескольких человек православных, пожелавших послушать беседу, отправился к сектантам. В чисто убранной комнате собрались, ожидая нас, наши собеседники. Собеседовать со мной взялся штундо-баптист, довольно начитанный, с виду мягкий и вместе достаточно бойкий, типичный в своём роде сектант.

Перед началом беседы батюшка прочёл „Царю Небесный“.

Открыв Библию, я прочёл Ин.15:1–7; Рим.11:16; Еф.2:19–22 и установил ту истину, что для спасения во Христе нужно быть ветвью истинной виноградной лозы – Христа, т. е. принадлежать к Его Церкви: кто отсёкся от лозы, то, хотя бы он и имел в руках Библию, не войдёт в царство Христово (Мф15:13)!

– Чтобы войти в царство Христово, нужно родиться свыше (Ин.3:3–5), – заметил мой собеседник штундо-баптист⁵⁸.

Обратились к св. Писанию: оказалось, что „родиться свыше“ можно только после принятия проповеди от члена истинной Церкви, посланного ею (Рим.10:13–15), после веры, покаяния, крещения (Деяний 8:12–17, 38–39), совершённого уже в церкви, в видимой ограде её.

– Но церквей много, возразил мой собеседник, – вы разъясните нам: какая истинная?

„В ответ собеседнику я указал, на основании слова Божия, главные признаки истинной церкви, т. е. что она есть единая –

вечная (Мф.16:18), союз любви (святая) (Ин.13:35), верная апостольскому учению (Гал.1:8.)

О первых двух признаках сектанты беседовать не пожелали, а остановили своё внимание на третьем признаке Церкви.

По их словам, православная Церковь изменила апостольскому учению через введение у себя иконопочитания.

– Вот, сказали они, у пророка сказано: „не дам славы Моей иному и хвалы Моей истуканам“ (Ис.42:8).

В виду поставленного вопроса приходилось начинать беседу о почитании св. икон, к чему я и приступил с согласия присутствовавших православных и сектантов.

– В книге Исход сказано: „не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху и что на земле внизу, и что в воде ниже земли; не поклоняйся им и не служи им“ (Исх.20:4–5)... Сюда же относятся и многие другие места Писания: Пс.113:11–16; Ис.44:9–20. Послание Иеремии и др. Прочитав указанные цитаты, я спросил сектантов:

– Ваши собратья часто ссылаются на эти места; – вы признаёте ли их?

– Признаём, признаём, – сказали сектанты.

– Хорошо делаете; заповедь о неделании идолов и непоклонении им, прежде всего, нужно признавать: кланяться истуканам вместо единого Бога великий и страшный грех! Когда при св. Владимире была от греков принята в России вера Христова с теми порядками, какие существуют в церковной жизни и ныне, то идолы, изваяния, кумиры повсюду были уничтожены.

– Однако нужно, ведь, признавать всё Писание. Вы веруете этому?

– Веруем, – всё Писание признаём!

– В св. Писании есть заповедь о непоклонении идолам. А есть ли в том же Писании заповедь другая о том, чтобы сделаны были св. изображения? и благочестиво ли поклоняться Богу перед ними? Заповедь о св. иконах дана в Писании ясно и определённно: „и сделай из золота двух херувимов: чеканной работы сделай их на обоих концах крышки“... там Я буду

открываться тебе и говорить с тобой над крышкой, посреди двух херувимов, которые над ковчегом откровения“ (Исх.25:18,22). Иисус Навин и старейшины Израилевы кланялись Богу перед ковчегом Господним (И. Нав.7:6).

Дана заповедь о неделании идолов и непоклонении им, и эту заповедь нужно исполнять. Тот же Бог через того же Моисея дал заповедь и о том, чтобы сделаны были св. изображения. – должно неуклонно принимать и это: всё Писание свято... Однако, вы одну заповедь, видимо, принимаете, а другую – отвергаете. Выходит, что ваши слова, будто вы принимаете всё Писание, ложны и вы в сущности убавляете Писание (Втор.12:32) и учите иному, чем Писание. Ваша община, поэтому, никак не может быть названа истинной Церковью! Мы православные веруем, что слово Божие свято и дано нам для спасения нашего: что оно заповедует не делать, того не делаем, что заповедует сделать, то принимаем. Вы почему же так убавили заповедь Божию о святых изображениях?

Я сел, ожидая ответа.

Штундо-баптист встал, поднял руку и сказал:

Дорогие братья! Миссионер указывает на херувимов. Но постановления Ветхого Завета отменены. Сказано: „отменяет первое, чтобы постановить второе“ (Евр.10:9). Когда пришёл Христос, никакой святыни не осталось в ветхозаветном храме! Мы не евреи, а евангелие принимаем. Вы в Новом Завете укажите повеление от Христа или от Апостолов относительно икон! Пусть миссионер найдёт в Новом Завете заповедь почитать „иконы!“

– Сначала мы побеседуем о Ветхом Завете, а потом перейдём и к Новому!..

Вот на что прошу обратить внимание, слушатели: – странное дело! – когда речь идёт о языческих идолах сектанты признают Ветхий Завет и обычно ссылаются на места ветхозаветных писаний. Естественно, поэтому, и повеления на св. изображения искать именно там, где дано запрещение делать изображения ложных богов; а между тем, когда беседа касается св. изображений, сектанты говорят: „Ветхий Завет

отменён“. Если для вас он не нужен, то не зачем вам вычитывать оттуда одни места, скрадывая другие!

Не хорошо так поступать с Писанием. Дьявол, искушая Христа, ссылаясь на Писание и привёл его по букве верно; Господь что ему сказал? „написано также: не искушай Господа Бога твоего“ (Мф.4:6–7). Повторю: мы, православные, признаём то, что написано об языческих идолах и признаём, что „написано также“ о херувимских изображениях. „Всё Писание богодухновенно“ (2Тим.3:16), „всё, что писано было прежде, написано нам в наставление“ (Рим.15:4). Истинно-верующий должен благоговейно принимать всё, что заповедует св. Писание“...

– И обрезание?

– И обрезание: крещение для нас обрезание Христово“ (Кол.2:11).

– Вы, г. миссионер, не оттягивайте: покажите нам прямо заповедь об иконах в Новом Завете.

– Потерпите. Кончим вперёд о Ветхом Завете. Нужно довести речь по порядку, а то вы же мне можете сказать: „вот миссионер говорил, говорил, а до конца вопроса порядком не довёл“.

Вы признаёте, что идолы и херувимские изображения не одно и то же? что между ними такая же разница, как между тьмой и светом?

„Признаём! В Ветхом Завете было повеление, Сам Бог повелел сделать херувимов...“

„Вы всё-таки плохо понимаете эту разницу. Ведь, вы начали беседу указанием на то, что Бог „не даст славы Своей иному и хвалы Своей истуканам“, как сказал пророк Исаия. Это место относится, действительно, к идолам. То, что должно относить к языческим изображениям, нельзя относить к изображениям и предметам истинным, святым. Тот же, кто относит сказанное в Писании об идольских изображениях (1Кор.8:4,10,19–21; Откр.9:20) к изображениям, заповеданным Самим Богом, произносит невежественную, великую хулу на Бога. Бог не может повелевать делать то, что запретил.

Обратите внимание на то, что написано в слове Божиим: идол филистимский Догон не мог стоять перед ковчегом Господним (1Цар.5:3–4); когда Соломон построил храм с изображениями херувимов (3Цар.6:27), Господь освятил сделанное (3Цар.9:3), когда же он сделал капища идолам, Господь наказал его (3Цар.11:7,11). Взирающие с правой верой на медного змея исцелялись от телесных язв (Числ.21:9. ср. Ин.3:14; Прем.16:7), а когда евреи стали чтить медного змея, как идола, царь Езекия истребил его (4Цар.18:4).

В полном и точном согласии с словом Божиим учит и св. церковь. 7-й Вселенский собор утвердил первохристианский обычай употребления св. икон, как наглядных напоминаний о Боге, предметов святых орудий милости Божией; боготворить же св. иконы собор строго запретил. И хотя у нас ныне часто место, где стоять иконы, называется „божницей“ и икона иногда именуется именем лица, изображённого на ней (Числ.10:35–36), но вы сами это знаете – никто из православных не считает св. иконы за богов. Библия – предмет святой, ибо она напоминает нам о Боге, также и иконы.

И так, у вас против Ветхого Завета два отступления; во 1-х, вы убавили заповедь Божию о св. изображениях, во 2-х, вы мешаете в одно то, что св. Писание различает: места об идолах вы ложно подводите под изображения повеленные Богом.

Перейдём теперь к Новому Завету.

Но здесь священник прочёл молитву: „Спаси, Господи, люди Твоя“ и мы устроили перерыв беседы.

В комнате стало жарко, кое кто вышел в сени.

Я подсел поближе к моему собеседнику-сектанту.

– „Не по-христиански, выходит, голубчик, вы поступаете“, сказал я ему. „В сущности вы превращаете Писание (2Пет.3:16). На вопрос: „откуда произошла ваша вера?“ Собратья ваши обыкновенно говорят: „от Писания“. Вот уж этого признать никак нельзя. Если бы вы слушали голоса Писания, то не отвергали бы того, что там написано. А если отвергаете Писание, то ясно, как оно и есть, ваша вера от людей“.

– Нам, г. миссионер, не жалко денег на икону и лампадку, – боимся, как бы лишнего не допустить, в осуждение себе!..

Скажите: без икон, ведь, можно спастись?”

– Святые подвижники в пустынях молились иногда и не имея икон. И среди нас это бывает: мы, вот, у вас молились без икон. Пророк Даниил, когда был в плену вавилонском, молился Богу, смотря в открытое окно на сторону против Иерусалима (Дан.6:10).

Отчасти об этом вопросе следует рассуждать так же, как и о старообрядческом перстосложении. Вы знаете старообрядцев?

– Видали.

– Ну вот: они не могут спастись не потому собственно, что крестятся двумя перстами (Церковь разрешает им это), а потому, что они из-за обряда отделились от Церкви, не слушают её голоса. Без икон нельзя спастись человеку не потому собственно, что он не будет видеть иконы перед глазами (Церковь повелевает молиться Богу везде и всегда, и перед иконами, и без икон), но потому, что, отвергая иконы, он тем самым отвергает св. Писание и противится Церкви. Господь в лице Апостолов сказал предстоятелям Церкви: „слушающий вас – Меня слушает, а отвергающий вас Меня отвергается; а отвергающий Меня отвергается Пославшего Меня“ (Лк.10:16). Отвергая иконы, вы нарушили повеление Писания и отделились от Церкви и по этому самому для вас спастись нельзя.

– Найдите в Новом Завете повеление на иконы...

Священник прочёл „Отче наш“; слушатели уселись, и беседа началась снова.

– Позвольте мне прочитать? – спросил мой собеседник.

– Можете.

Сектант прочёл 9 и 10 (ст. 1–9) главы посл. ап. Павла к евреям.

– Видите, дорогие старики, что тут сказано: „не открыт путь во святилище, доколе стоит прежняя скиния“ (Евр.9:8) и „отменяет первое, чтобы постановить второе“ (Евр.10:9). Христос сказал: „никто к ветхой одежде не приставляет заплат из небелённой ткани; ибо вновь пришитое отдерёт от старого, и дыра будет ещё хуже. Не вливают также вина молодого в мехи ветхие; а иначе прорываются мехи, и вино вытекает, и мехи пропадают; но вино молодое вливают в новые мехи,

сберегается то и другое“ (Мф.9:16–17). Некоторые, отодравши клочок от ветхой одежды, думают заплатами закрыть свою ветхость. И вино новое нельзя вливать в старые мехи, тогда пропадёт то и другое.

Сектант сел.

– Вы кончили?

– Кончил.

– Вы крещены?

– Крещён.

Значит от себя, по вашему, и ответ давать должны!..

У человека бывает так: что он сказал сегодня, то завтра отменяет. У Бога, „Отца светов, нет изменения и тени перемены“ (Иак.1:17). Что Он заповедал однажды, то свято на вечные времена. Вы, по-видимому, считаете себя постигшими Писание, – скажите тогда: почему в Новом Завете Бог отменил данное в Ветхом и что именно Им отменено?

– Вы приехали, чтоб толковать! вы задали вопрос, вы и толкуйте!

– Тогда прошу слушать. Слово „завет“ означает союз Бога с человеком. „Закон“ Ветхого Завета сам в себе свят и духовен (Рим.3:2. 7, 12). Отменено теперь человеческое оправдание по ветхозаветному закону и прообразы, т. е. действия и предметы, имевшие прообразовательное значение.

Оправдание человека перед Богом в Ветхом Завете состояло в том, что Бог дал человеку заповеди, а человек должен был в точности исполнить их; за нарушение хотя одной из них человек, как нарушитель закона (Иак.2:10), подвергался проклятию (Гал.3:10). После грехопадения Адама, человек по природе был греховен, и потому он не мог исполнить закона, был бессилён для этого: „делами закона не оправдается перед Богом никакая плоть“ (Рим.3:20). И, если бы человек мог оправдаться перед Богом делами закона, ему не было бы нужды во Христе: „если законом оправдание, то Христос напрасно умер“ (Гал.2:21). Зачем же Бог дал закон? Во 1-х, чтобы обуздать грех (Гал.3:19) и, во 2-х, чтобы воспитать в людях смирение, сознание нужды в Искупителе, Избавителе от греха: „закон был детоводителем ко Христу“ (Гал.3:24).

Обряды Ветхого Завета были тенью будущих благ (Евр.10:1): жертвы, скиния, обрезание были прообразами Нового Завета.

Закон Ветхого Завета, как детоводитель ко Христу, а обряды, как тень будущих благ, имели временное значение. Но говоря об отмене Ветхого Завета, св. ап. Павел вместе с тем пишет: „итак, мы уничтожаем закон верой? Никак; но закон утверждаем“ (Рим.3:31).

Точно также нужно судить и об обрядах Ветхого Завета: „тень закона прошла, когда пришла благодать“, но, считая святым предмет, никак нельзя отвергать святость тени. „И потом обращусь“, сказано, „и воссоздам скинию Давидову падшую, и то, что в ней разрушено, воссоздам и исправлю её“ (Деян.15:16).

В послании к Евреям св. апостол Павел говорит, что Ветхий Завет отменён. Так оно и есть. Кровавых жертв нет теперь?“ – обратился я к близ сидящему сектанту.

– Нет.

– Скинии, ковчега, ветхозаветного обрезания тоже нет?

– Нет.

– Итак, ныне мехи новые. Между предметом и его тенью должно быть сходство. Так и есть в действительности, обряды и установления Нового Завета имеют сходство с ветхозаветными: там медный змей на знамени, здесь крест Христов; там скиния, храм, здесь дома молитвы, храмы; там ковчег, здесь престол; там скрижали Моисея, манна, здесь св. евангелие, св. Дары; там изображения херувимов, здесь св. иконы и т. д.

В Новом Завете для вас одинаковую силу имеет повеление и пример? – спросил я своего собеседника.

– Одинаковую.

– Господь Иисус Христос исполнял ли то, чему учит?

– Исполнял.

– Он, ведь, не приставлял к своему учению грубых заплат? Не вливал вина нового в мехи ветхие, и после Своего крещения был учителем Нового Завета? А между тем, святость ветхозаветного храма и его порядка Он утвердил для нас, сказав: „дом Мой домом молитвы наречётся для всех народов“

(Мк.11:17). Св. ап. Павел, приняв крещение, также молился в храме и видел там Господа (Деян.22:17–18). Если вы не считаете для себя святыней то, что утверждено Господом Иисусом Христом и Апостолом, то ясно – вы противники Христова и апостольского учения!

– Прочтите 17 главу Деяний, – сказал сектант.

– Закончим то, к чему пришли. Вы просили показать повеление в Новом Завете: Господь утвердил ветхозаветный храм и то, что в нём, как святыню, для всех народов; св. апостол Павел молился в нём и дал такое повеление, внушённое ему Духом Святым: „подражайте мне, как я Христу“ (1Кор.4:16).

Следуя апостольскому повелению, мы считаем святыней для себя и заповеди Моисея (десятословие), и храм с его устройством. Мы в этом случае подражаем Апостолу, как Он – Христу. Отвергающий заповеди Моисея, отвергает и заповеди евангелия, отвергающий святыни Ветхого Завета – противник Христу.

В Ветхом Завете дана 4-я заповедь о почитании субботнего дня; исполняя её, мы чтим новозаветные праздники. В Ветхом Завете дана заповедь о херувимских изображениях; исполняя её, мы имеем св. иконы.

Правда то, что „оправдание законом“ по ветхому завету отменено и доколе человек хочет оправдаться им, ему не открыт путь во святилище, к оправданию во Христе. Но Христос пришёл не нарушить закон, а исполнить (Мф.5:17) и праведность христианина должна превзойти праведность ветхозаветную (Мф.5:20), а не отвергать её.

Вы упомянули 17 гл. Деяний, разумея, конечно, 29 ст. её, там сказано: „от искусства и вымысла человеческого...“ Но разве Бог, Богоматерь, святые, изображаемые на иконах, вымысел?“

– Бога же вы не видели?!...

– Нам изображает его св. Писание“ (Ис.6:1; Дан.7:9).

– Нужно кланяться Богу в духе и истине“.

– В духе, – понятно! А что такое – в истине? Господь о иудейском богочитании сказал: „мы знаем чему кланяемся, спасение от иудеев“ (Ин.4:22). Когда Иоанн Креститель по

смирению хотел отказаться крестить Господа, то Он сказал ему: „оставь, – нужно исполнить всякую правду“ (истину – [Мф.3:15](#)). Если Сам Господь и Его Апостол уже по крещении и выступлении на новозаветную проповедь считали святыней ветхозаветный храм, следовательно, и священные изображения, бывшие в нём, то идти против церковного установления относительно св. икон значит, по смыслу Писания, идти против Евангелия, против Христа.

Есть в Писании места (напр. [2Фес.2:4](#)), из которых видно, что храмы Божии будут в Церкви до конца века.

В заключение я повторил ход беседы и батюшка прочёл: „Достойно есть“.

Было уже за полночь, когда мы вышли с беседы.

Д. Грацианский

**Летопись периодической и светской печати и новые
книги по вопросам веры и миссии церкви //**
Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 338–
366

**Лисицын М., свящ. Из духовной журналистики
минувшего года. С. 338–357**

Идея Царствия Божия в её значении для христианского мирозерцания. – Поместный собор, как одно из средств усиления власти нашего высшего церковного управления. – Учёное разоблачение исторических и литургических подтасовок гр. Толстого. – Личность, общество и церковь. – Об отношении христиан I и II века к искусству. – Значение для миссии предмета и внешней стороны проповеди и живого слова. – Как светили миру подвижники древней Руси и в чем истинное монашество.

Духовные журналы за 1903 г. изобилуют новыми статьями по вопросам веры и жизни церковной. Все они вызваны голосом современности, а потому представляют много поучительного интереса. Среди них первое место нужно отдать органу Московской Академии („Богосл. Вест.“), наиболее живому и отзывчивому по нуждам церкви, но не менее содержательны по этим вопросам и др. журналы: „Труды Киевск. Дух. Акад.“, „Прав. Собес.“, и др.

Статьи, помещённые в указанных журналах, можно разделить на два отдела. К *первому* относятся статьи критического характера. Они преследуют, главным образом, цели апологетические. Этот отдел может быть подразделён на три группы, которые заключают в себе статьи на следующие темы: а) жизнь церкви православной и отношение к ней неправомыслящих; б) гомилетика, как способ оживления жизни церковной и в) значение истинного аскетизма в жизни церкви и понятие о нём. Ко *второму* отделу нужно отнести статьи положительного характера, преимущественно богословско-философского. Этот отдел может быть подразделён по своим предметам на четыре группы: а) на статьи о предметах экзегетики; б) – истории церковной; в) – на статьи, касающиеся жизни вне церкви и г) – на статьи, касающиеся философии и психологии в отношении предметов веры.

Займёмся пока рассмотрением первого отдела.

Первою тут нужно поставить статью проф. богословия в Киевском университете прот. П. Я. Светлова. – „Идея царства Божия в её значении для христианского мирозерцания”. Автор начинает характерными эпитафиями из Ев. Луки (Лк.9:60), далее известными стихами Надсона – „Христос!.. Где ты, Христос, сияющий лучами бессмертной истины свободы, и любви“?.. и противоположными им стихами В. С. Соловьева – „Он здесь, теперь, – средь суеты случайной“... Начав с таких противоположных положений пр. Светлов обращает взор читателя на жалкое положение европейского человечества. Оно изверилось в разум и культуру, и вот возникают среди него проекты устройства лучшего будущего. Но потеряна уже вера и в эти проекты, и старый вопрос, где спасение миру от зла, встаёт перед человечеством. Автор обращается к истории и видит, что человечество было уже в подобном затруднительном положении, и спасение миру явилось в лице Христа Спасителя. Для спасения нужно было лишь „покаяться, отречься от веры в себя, от своих бессильных кумиров, и уверовать в обновляющую силу Божью, пришедшую в мир“. Способ, которым христианство разрешило мучительные вопросы человечества, заключался не в регламентации жизни, ибо Иисус Христос не был реформатором в обычном смысле слова. Он не давал правил, как делить имущество, уничтожить рабство, или оставить его, Он дал высший принцип: „ищите прежде царствия Божия и правды его, и всё это приложится вам“. Этот принцип оказался обновителем тогдашнего человечества. Прежние убийцы, ища царствия Божия, делались кроткими агнцами. Началось возрождение человечества с семьи, которой христианство дало высокий смысл. Евангелие предоставило права женщинам и детям, бывшим бесправными существами; дало свободу рабам, сначала внутреннюю, а потом и внешнюю, ибо господа-христиане относились к рабам, как к родственникам и отпускали их на свободу.

Благодаря христианству, произведён был ряд улучшений в законодательстве с объявлением христианства государственной религией; культура христианская стала расти медленнее и с большим трудом. Но не смотря и на это, христианство

незаметно делает то, что приписывает себе „прогресс“. Но, говорит автор, „творчески-созидательной деятельности христианства в истории положено только начало, хотя и хорошее. Не всё просолено солью христианской, не всё заквашено им в жизни человечества“.

Наиболее очевидно, конечно, действие христианства в морали, Оно возвестило неизвестное древнему миру смирение, любовь ко врагам; создало для них даже особые термины в греч. языке. Но начало смирения касалось только внутреннего мира души, и этот-то мир и был признан „единственной сферой деятельности христианства“.

„Христианство, говорит автор, объявляют религией исключительно личного спасения и отрицают за него значение общественной силы, ставящей себе целью преобразование не только внутреннего, но и внешнего мира человека, или общественной среды, от которой зависят судьбы личности. Забыто евангельское обетование царства Божия не только внутри душ пребывающего, но и вне их создаваемого – во внешней среде, или внешнем мире, где живёт человек! Забыто Господне обетование нам и требование от нас победы над миром!.. Хотят, чтобы царство Божие было тайно растущим, или в земле скрытым семенем без стебля, цветов и плодов"! Христианство пересоздаёт отдельные личности, „но общественная среда остаётся слегка только затронутой; нет ещё вполне пригодных для христианской личности общественных форм жизни, общественной среды; вино новое оказывается в мехах ветхих; христианству предстоит великая задача довершить преобразование обществ, народов, человечества, создать истинно-христианскую цивилизацию, перевести принесённое им царство Божие из внутреннего мира лиц во внешний мир и преобразованием общества и цивилизации в духе евангельских начал создать царство Божие на земле. В этом смысле царства Божия ещё нет на земле; оно идеал, задача будущего“.

Автор справедливо указывает на факты, что „европейская жизнь построена на систематическом отрицании христианства на деле, официально исповедуемого на

словах. Расширение территориальных границ, увеличение народного богатства и рынков сбыта есть высший идеал народов; сытость есть идеал социализма; деньги – вот движущий нерв современной жизни”.

Сами культурные улучшения современной жизни способствуют только капитализму, и машины, сокращая время труда, не дают всё-таки возможности человеку уделять времени на жизнь духа. Это породило „антагонизм капитала и труда, озлобление нищеты против богатства“. Но причина этого кроется ещё в одностороннем понимании нами христианства. Неверующий капитализм, порождающий бедность и её поощряющий, соглашается с богословами. Крайности сходятся. Богословы объясняют бедность Промыслом Божиим... Материальное первенство считается добром. Говорят, что первенство разнообразит жизнь, бедные есть живая проповедь о тленности земного и что только „разделением общества на богатых и бедных обусловлена возможность труда“. Автор не соглашается с этим. „Конечно, Бог и зло направляет к добру, но Он не творит самого зла“. Нет оснований для оправдания бедности и в Евангелии. „Евангелие не называет чёрного – белым, а белого – чёрным“. Иисус Христос посвятил всю жизнь Свою на служение бедным, голодным и больным.

Ярким доказательством того, что царства Божия ещё нет в общественной жизни, автор видит в отношениях „между государством и церковью, или что тоже христианской религией“.

Существует до 5 типов таких отношений, большей частью смешанных: протестантский, в котором государство поглотило церковь, латинский, в котором совершилось нечто обратное первому, третий господствующий тип – это византийский, тип союза церкви и государства с сохранением самостоятельности каждой стороны нарождается четвёртый тип (во Франции) – тип отделения церкви от государства, существовавший собственно в первые века христианства несколько в ином виде, и, наконец, пятый тип – это тип идеального христианского государства, в котором церковь и государство органически связаны, друг другу не противореча и находясь в полном слиянии. Последний тип есть ещё идеал, к которому должно стремиться. Для наших

читателей, конечно, интереснее всего остановиться на византийском типе, который унаследован от Греции нами и сохраняется по сие время. Этот тип, начавшийся в восточной церкви с Константина Великого и узаконенный Юстинианом, „вытекает из понятия о верховной власти и её широких Божественных полномочиях“. Но „общественного значения“ религия в этом типе не имеет. Её деятельность „ограничивается сферой совести“. Идея союза церкви с государством на практике оказалась неосуществимой в византийском типе, ибо „церковь не избегала искушения достигать своих духовных целей мирскими средствами, а государство своих целей – средствами духовными. Религия нередко приносилась в жертву политики и политика приобретала решающее влияние на дела церковные, даже на вероучение (вспомним хоть Льва Исавра). Вообще церкви приходилось дорого платиться за выгоды своей связи с государством в византийской системе“, замечает автор.

Типу отделения церкви от государства автор не сочувствует, ибо, согласно с В. С. Соловьевым, он верит, что «полное отделение церкви от государства принуждает церковь к одному из двух: или отказаться от всякой деятельной роли и предаться квиэтизму и равнодушию, что противно духу Христову, или, имея ревность к деятельному приготовлению царства Божия, церковь в лице своих властных представителей сама хватается за реальные орудия мирского действия, вмешивается во все земные дела» и т. д. С другой стороны, для государства теряется ценность духовных интересов, в стремлении же за ними государство должно взять на себя духовный авторитет, а это будет уже напоминать „человека беззакония“ последних дней. Автор отдаёт предпочтение пятому типу, типу *органического взаимодействия* государства и церкви, *свободной теократии*, или *христианскому государству*. Его цели и задачи автор рисует таким образом: а) служения царству Божию под руководством церкви, причём „церкви принадлежит безусловный принципиальный авторитет, определяющий направление воли человечества и окончательную цель исторического действия, а государству принадлежит полнота власти для соглашения законных мирских интересов с этой

высшей волей и для приспособления мирских отношений и дел, как средств, или орудий этой окончательной цели“ (В. Соловьев). Вторая задача христианского государства – „согласование всей государственно-общественной жизни с требованием наивозможно-большого влияния церкви на жизнь, или организация всей государственно-общественной жизни на началах Евангелия“. Третья задача христианского государства – „согласование в особенности правовых отношений с духом христианства и с христианским характером народа“.

Затем автор обращается к литературе и в лице наших писателей, трактовавших о церкви Гоголя, Достоевского и Толстого, рассматривает идею царства Божия. Гоголь был консервативен, и в душе его идея царства Божия „не нашла полного себе выражения“, хотя он и желал „царства Божия на земле“. Гоголь ставил его в зависимость „исключительно от морального состояния отдельных лиц“. Но им была высказана важная мысль „о необходимости согласования всего строя нашей жизни с требованием Евангелия“ и эта мысль „явилась добрым семенем“, которое развил Достоевский и др.» Общее представление Достоевского о царстве Божиим хорошо обрисовывается словами Алёши Карамазова: „будет правда на земле и будут все святые, и будут любить друг друга, и не будет богатых и бедных, возвышающихся и униженных, и будут все, как дети Божии, и наступит царство Христово“...

„Общественное значение церкви, говорит прот. Светлов, понято Достоевским шире и глубже Гоголя. Сфера действия церкви указывается Достоевским не во внутреннем только духовном мире человека, но и во внешней общественной среде, неизбежно видоизменяющейся в зависимости от нравов людей и признанной неизменной Гоголем“. Осуществление этой задачи Достоевский, как известно, приписывал России и русскому народу – „богоносцу“, „всечеловеку“. Но Достоевский не затронул общечеловеческих и национальных основ жизни, а также цивилизации. Этого коснулся Толстой и пришёл к отрицанию всех основ жизни и культуры. „Достоевский подвергался упрёку в рационализме, или отождествлении христианской религии с моралью, Толстой открыто отрицает всю

догматическую, или мистическую сторону христианства и является типичным представителем у нас бездогматического христианства“. Мы не будем подробно останавливаться на взглядах Толстого, ибо наш журнал отводит ему много места. Достаточно указать только вместе с автором трактата, что Толстой видит корень зла „в недостаточном воздействии на жизнь христианства“. А это происходит-де оттого, что последнее искажено и подменено другим учением, церковным. Чистое христианство отрицает весь уклад современной жизни (суды, войны и т. д.). „Спасение общества заключается, поэтому, в жизни отдельных лиц, в осуществлении царства Божия *внутри* нас. Это, по Толстому, легко достигнуть, если исполнять только 5 заповедей: „не блуди, не сердись, не присягай, не противься злему и не воюй“. „И без любви в сердце, одним последовательным применением в жизни этих пяти правил мы легко водворим в себе и вне себя царство Божие. Где исполняют 5 заповедей, там тотчас же прекращается военная служба, исчезает войско, а с ним и государственная власть“ и т. д. Автор видит слабость взгляда Толстого в том, что он хочет устроить царство Божие путём чисто внешним, „без предшествующего духовного обновления, при помощи нескольких правил, касающихся не внутренней жизни человека, а лишь внешнего его поведения. Требовать упразднения судов и законодательств раньше, чем исчезла в нас самих злая воля, значит требовать уничтожения аптек и лекарств в самый разгар эпидемии“. Ошибка Толстого заключалась в том, что он приложил к церкви абсолютную мерку и, видя, что первая под вторую не подходит, отверг церковь. На тех же основаниях он отверг науку и всю культуру. Но это, конечно, не логично. Толстой забыл, что и церковь имеет у себя бесконечный идеал: „Будьте совершенны, как Отец ваш небесный“. Заслугу Толстого, как Гоголя и Достоевского автор видит „в проповеди личной морали, как пути общественного спасения“. Историческим обзором, от языческих философов, тоже работавших для церкви Божией, до Бухарева и Аскоченского, автор заканчивает свой трактат. И в конце его всё-таки ставит вопрос, – „Так, что же делать?“

* * *

Ответ на сей вопрос даёт, нам думается, другая статья в том же „Б. В.“ проф. Заозерского – „О средствах усиления власти нашего высшего церковного управления“. Статья эта написана как бы в ответ на статью Л. Тихомирова – „Запросы жизни и наше церковное управление“. Нам кажется, что её можно поставить в органическую связь с трактатом прот. Светлова, ибо то средство оживления церковной жизни, которое предлагается, или восстанавливается проф. Заозерским есть первое условие и при том наилучшее, завещанное нам от времён Апостольских, к установлению царства Божия. Средство это – поместный собор. Нужда в поместном соборе, по мнению проф. Заозерского, является потому, что *„формально власть Св. Синода и власть епархиального начальства у нас поставлены очень сильно, но они не в должной степени сильны нравственным своим влиянием на жизнь“*. Заозерский пишет, что собор вселенский и поместный не есть только собрание пастырей и учителей со всей церкви или поместной, а что это есть „собрание всех лучших сил церкви, т. е. кроме епископов, – собрание клира, мирян, впоследствии – монахов и представителей государственной власти. Собор есть *не коллегия епископов, а всецерковное собрание*. На первом вселенском соборе присутствовали даже не принадлежавшие к церкви „язычники-философы, вступавшие в философско-богословские дебаты с отцами собора“. Проф.-автор рисует на основании подлинных документов и исследований историка проф. Лебедева картины вселенских и поместных соборов с этой именно стороны, – со стороны состава их. На Эльвирском соб. 309 г. было 19 епископов, 26 пресвитеров, диаконов и великое множество народа. На 4-м всел. соб., кроме императора и императрицы, присутствовал весь цвет тогдашней аристократии, все сановники двора. Желавших быть на соборе было так много, что было сделано распоряжение начальнику области „изгонять из г. Никеи (где первоначально предполагался IV всел. собор) и из самых этих областей, как клириков, проживающих там без (надлежащего) приглашения, или без дозволения своих епископов, так и монахов, и мирских, которых

никакая причина не призывает на собор“. О самых же соборах, замечает автор, „можно сказать, что они были моментами, когда *всё византийское государство вмещалось в церкви*“. Автор указывает, что и во всех славянских землях, даже там, где правительство неправославное, этот древний тип соборов поместных сохраняется. В Греции, в Константинополе, кроме патриарха и его Синода, церковные дела ведаёт ещё Смешанный Совет, состоящий из 12 членов (4 архиереев и 8 почтенных мирян), причём как в первом, так и во втором происходит постоянный обмен членов через известный период времени. В применении к жизни русской церкви автор проектирует, чтобы „богословы, учёные, литераторы, публицисты, художники, люди житейской и юридической практики, как и лица высокой духовной опытности из белого духовенства и монашеского старчества“ получили бы „почётное место на соборе, как желательные *советники*. Их мнение, свободно высказанное, должно быть внимательно выслушано и обсуждено, как бы ни казалось оно необычным, странным с принятой, ортодоксальной точки зрения, как бы ни резала слух его необычная „нецерковная“ формулировка. Отцам собора нужно совершенно отрешиться от идеи предосуждения присутствующих, как „благонамеренных“ и „неблагонамеренных“ людей „церковных“ и „либералов“. В решении своих задач (удовлетворить запросам жизни) собору, по мысли автора, „может оказать незаменимую услугу присутствие представителей ортодоксальной науки. С этой силой иерархии, говорит он, не страшно будет выслушать какой угодно „либеральный доклад“, какое угодно „интеллигентное“ заявление. Затем, автор излагает предметы деятельности собора, а также на отрицательные стороны современного консисторского и церк.-приходского управления. В заключении статьи автор пишет: „Пора же нам сознать и самым делом выражать, что мы чада единой церкви и братья не только в те краткие моменты, когда стоим в храме и молимся, когда действительно составляем единообразно настроенное общество, но и по выходе из храма, когда рассыпаемся по своим домам, или по заседаниям в разных нами сочинённых

обществах, совершенно забывая о своём более высшем со-
членстве и братстве, связующими силами которого служит
единство веры, единство духовного рождения, единство
таинственного питания Телом и Кровью Христа: приход,
епархия, вся русская церковь – вот общества, по которым в
качестве неперенных и деятельных членов должны
распределяться *прежде всего* все православно-русские
христиане“. Тогда, указывает он, „обновление“ и „полнота“
церковного организма явились бы сами собой“.

* * *

При отсутствии последних в настоящее время, а также при
неавторитетности в глазах многих церковной власти, и
возможно распространение таких брошюр как Л. Толстого
„Разрушение ада и его восстановление“ (см. „Мисс. Об.“ 1903 г.
№ 19) среди некоторых, членов церкви, буквально смакующих
её яд и совершенно не читающих опровержение её. В виду
такого печального явления заслуживает внимания лекция проф.
церк. истории Московского университета А. Лебедева,
посвящённая разбору этой брошюры с точки зрения церковно-
исторической. Слово авторитетного профессора, да ещё с
кафедры, в аудитории – явление знаменательное в наши дни.
Содержание брошюры Толстого уже известно нашим читателям.
Проф. А. Лебедев основательно указывает ошибку Толстого, что
падение церковной жизни началось будто бы с Апостольского
собора, или с „изобретения церкви“, по выражению одного из
бесов у Толстого. Автор-проф. показывает, что рознь между
христианами была и до собора, и что далеко не всё так было
хорошо, как рисует Л. Толстой в своей брошюре. Таких фактов
рассыпано и в кн. Деяния и посланиях Апостольских очень
много. Указав на них, автор заключает:

„Таким образом, мы показали, что жизнь первенствующих
христиан взятую во всей её совокупности, Толстой рисует в
исключительно светлых чертах; и это было бы делом
похвальным, если бы он имел в виду отметить поучительные
стороны первохристианской эпохи и чужд был тенденций. Но мы
уже говорили и опять повторим, что всё это сделано Толстым
лишь затем, чтобы поведать и убедить читателя, как далеко

последующая церковь будто бы удалилась от этих идеалов, обратив царство благодати в царство сатаны. Вследствие этого, похвалы разбираемого писателя нужно признать дутыми“.

Другой профессор А. Дмитриевский в публичном чтении, обращённом к многочисленной аудитории, разбирает взгляд Толстого на кн. Служебник и церковные обряды, которые он в своём ответе Св. Синоду назвал „колдовством“. Автор с научно-исторической точки зрения освещает литургийный чин и в этом отношении его статья далеко оставляет за собой статью Голубцова („Бог. В.“) „Об особенностях архиерейского служения литургии“, в которой видно больше гаданий, чем фактического материала, и даёт объяснение очень многим сторонам нашего богослужения, литургии в особенности, забытым, или малопонятным. По отношению к вопросу о Толстом статья Дмитриевского имеет то значение, что, как и статья проф. Лебедева, она обнаруживает у гр. Л. Н. преднамеренную ложь и тенденциозное искажение фактов. Так, напр. в романе „Воскресение“, по поводу которого и был читан проф. Дмитриевским настоящий реферат, почтенный автор указывает на следующие намеренные погрешности у Толстого.

„На литургии, по описанию романиста, говорит он, священник читал „внятно место из евангелия Марка“, составляющее 70 зачало, причём с излишней обстоятельностью, не вызываемой самой сущностью дела, передаётся и всё содержание этого зачала. По справке в „сказании главам евангельским утренним, апостолам и евангелиям известно седмицам всего лета“ и в обычном напрестольном евангелии, обнаруживается, что в течение целого церковного года *данное зачало* ни одного раза не положено для чтения на литургии: зачало 70 указано в качестве 3 воскресного утреннего евангелия и также утреннего евангелия в праздник Воскресения. Эту ошибку, однако же, никак не следует относить на долю весьма плохого знакомства нашего писателя с православным богослужением (что и будет мной показано ниже), но она допущена им сознательно и с преднамеренной целью, чтобы иметь лишний повод поиздеваться над Евангелием и над учением православной

церкви о таинствах. Л. Н. Толстой, написавший своё евангелие и выбросивший из него совершенно главы, относящиеся к жизни Господа нашего по воскресении, остановился на 70 зачале из ев. Марка потому, что здесь говорится об установлении в церкви Христовой таинства крещения, необходимого для спасения и получения царства небесного верующими, о вознесении Господнем на небо, о явлении Христа Марии Магдалине, из которой он изгнал семь бесов, и о власти над бесами, данной Христом, при посланничестве апостолов на проповедь, т. е. о том во что наш писатель не верит, и что он недавно в своей новой исповеди, или в ответе своём на постановление Св. Синода от 20–22 февраля 1901 г. публично признал „низменным, грубым, несоответствующим понятию о Боге и христианскому учению „колдовством“. Описание проскомидии у Толстого отличается такой же тенденциозной ложью. „Священник, говорит он, одевшись в особенную странную и очень неудобную парчовую одежду, вырезывал и раскладывал кусочки хлеба на блюде и потом клал их в чашу с вином, произнося при этом различные молитвы“. „Правда, замечает автор, что на проскомидии вынимаются из просфор частицы и полагаются близ Агнца на дискосе, но в чашу эти частицы опускаются не на проскомидии, а уже в конце литургии, по приобщении св. Таин священнослужителей и мирян“.

В литургии оглашенных автор указывает у Толстого подобные же ошибки. Толстой описывает:

„Дьячок, не переставая, сначала читал (часы), а потом пел по перемененно с хором из арестантов (антифоны) разные славянские, сами по себе мало понятные, а ещё менее от быстрого чтения и пения понятные молитвы. Содержание молитв заключалось преимущественно в желании благоденствия Государю Императору и его семейству. Об этом произносились молитвы *много* раз вместе с другими молитвами и отдельно на коленях“.

Автор-проф. справедливо критикует Толстого, ибо непонятных молитв в ектеньях и др. песнопениях литургии оглашенных нет, а моление о Царе воссылается два раза на

ектениях, а третий раз после сугубой ектеньи в молитве, читаемой вовсе не на коленях, как описывает Толстой.

Но лживая тенденциозность Л. Толстого особенно видна из следующего.

„Сущность богослужения, писал он в романе, состояла в том, что предполагалась, что вырезанные священником кусочки и положенные в вино, при известных манипуляциях и молитвах, превращаются в Тело и Кровь Бога. Манипуляции эти состояли в том, что священник равномерно, несмотря на то, что ему мешал надетый на него парчовый мешок, поднимал обе руки кверху и держал их так, потом опускался на колени и целовал стол и то, что было на нём. Самое же главное действие было то, что, когда священник, взяв обеими руками салфетку, равномерно и плавно махал ею над блюдцем и золотой чашей. Предполагалось, что в это самое время из хлеба и вина делается Тело и Кровь, и потому это место богослужения было обставлено особенной торжественностью“.

Автор статьи справедливо разоблачает дальше, что вовсе не эти моменты, соответствующие Херувимской и Символу веры, считаются самыми главными в Церкви за литургией. Дальнейшая цитата из Толстого тоже характерна.

„После этого, писал он, т. е. после „Достойно есть“, считалось, что превращение совершилось и священник, сняв салфетку с блюда, разрезал серединный кусочек на четверо и положил его сначала в вино, а потом в рот. Предполагалось, что он съел кусочек Тела Бога и выпил глоток Его крови“. Автор статьи по этому поводу замечает. *„Удивительная путаница фактов! Перед моментом причащения в действительности никакого разрезывания серединного кусочка на четверо не полагается, а в это время св. Агнец раздробляется на четыре части и часть от него с надписью: „Иисус“, полагается во св. чашу и этой частью не приобщаются ни священник, ни верующие. Священник же приобщается другой частицей с надписью „Христос“ и отдельно Тела Христова и отдельно Крови Его“.*

Справедливо отмечая затем, что, при такой лживости и тенденциозности, роман возбуждает интерес к себе „тяготением

к запретному плоду, без которого нам „и рай не в рай“, автор справедливо отмечает ещё в Толстом намеренную терминологию, по которой иконостас у него называется „перегородкой“; завеса — „занавеской“; царские двери — „средними дверями“; фелонь — „парчовым мешком“; потир — „золочёной чашкой“; дискос — „блюдцем“; большой покров — „салфеткой“; причастный стих — „весёлой песнью“; священнодействия — „манипуляциями“, а также что юмор романа сводится к „весёлому расположению духа, которое приобрёл священник, когда он допил всю находящуюся в чашке Кровь и съел все кусочки Тела Бога, старательно обсосав усы“, и к „поскрипыванию тонкими подошвами опойковых⁵⁹ сапог“. Автор обличает эту тенденциозность, указывая, что в XV гл. того же романа Толстой „обнаруживает знакомство с настоящей литургической терминологией; здесь у него и „золотой иконостас“, и „паникадило“, и клиросы, и священники в светлых серебряных с золотыми крестами ризах, и дьякон, и дьячки в праздничных серебряных и золотых стихарях“ и т. д. Возмущает по справедливости автора, да и не одного его, конечно, что это издевательство исходит от того писателя, „который всегда рядился в тогу защитника невинных и оскорблённых, проповедуя полную свободу совести и горячо принимая под свою защиту даже религиозный бред кавказских и американских духовоборов. Самые задушевные христианские убеждения, основанные на учении Христа и разделяемые миллионами кровных соотечественников и христиан на всём земном шаре, в глазах нашего маститого писателя не имеют ровно никакой цены, и их он позволяет себе самым безжалостным образом топтать в грязь“. Поразительный факт указывается проф. Дмитриевским, что, не смотря на желание Толстого поглумиться над святейшим таинством Евхаристии, „святое святых“ литургии, или канон литургический (во время пения „Милость мира“ до „Тебе поем“ включительно), охранявшийся церковью неизменно на продолжении веков, остался и у Толстого нетронутым (ибо он, как мы видели, останавливается на Символе веры). „Провидение, говорит он, непостижимым для нас образом содействует св. церкви в выполнении указанной

цели. Разительный пример чудесного охранения этой святыни Провидением от легкомысленной профанации передал нам писатель VI в. Иоанн Мосх (литургия, совершённая детьми). Не менее поразительный, а вместе с тем и глубоко поучительный пример, по нашему крайнему разумению, передаст отдалённому потомству наш современный летописец, когда поведёт речь о романе „Воскресение“ Л. Н. Толстого“.

* * *

Наши писатели в духовных журналах, как выразился один из сотрудников „Нового Пути“ (см. янв. 1904 г. „Р.-ф-ская хроника“) „откликаются“. Нам кажется, что религиозные запросы всегда находили себе отклик в духовных журналах, только решение их было не всегда таким, какого желалось бы „новопутейцам“. Но прогресс есть и в богословском мышлении, и журнальные статьи за 1903 г., особенно академических профессоров, служат наглядным этому доказательством. Во вступительной лекции проф. философии Моск. д. ак. А. Введенского отмечаются „Запросы времени“, а также делается приглашение слушателям идти на встречу этим запросам, но идти во всеоружии богословско-философской науки. Проф. Введенский отмечает тот факт, что даже люди причастные к богословскому знанию иной раз заявляют, что будто у богословов они тщетно искали разъяснения того или другого вопроса и обрели их... у Розанова и Мережковского.

„Есть, говорит он, в самом деле, в этом для богословской науки нечто в высшей степени симптоматичное и даже как бы трагичное. С хранителями, казалось бы, бесспорных „истин“ традиционной богословской науки на наших глазах иногда совершается тоже, что, говорят, особенно в старинные времена, нередко случалось с иными, слишком бережными, хранителями бумажных денежных знаков: приносит такой хранитель для размена на звонкую монету ассигнацию, но разменять не может, так как – увы! – появились уже ассигнации нового образца, а для старых прошёл даже и последний срок давности... Отсюда вывод: необходимо православному богослову, если он хочет быть активным и разумным участником в общем движении современной мысли, чутко вслушиваться в запросы времени,

особенно как они отражаются в литературе и глубоко, напряжённо-пристально вдумываться в особенности духовных интересов, которыми живёт современное общество и которым оно хочет идти навстречу“.

* * *

В высшей степени ценной является статья Л. Тихомирова, помещённая в „Бог. Вестн.“ „Личность, общество и церковь“. Статья эта служит как бы продолжением первой его статьи, а отчасти её пояснением, это именно статьи „Запросы жизни и наше церковное управление“, на которую отвечал своей статьёй, выше уже нами переданной, проф. Заозерский. Тут он отчасти сходится с последним на мысли, что необходимо восстановление правильных функций церковной жизни. „Все мы, говорит он, с детства заучили догматические положения о едино-спасающей церкви, но есть разница между догматикой и популярными верованиями“. В ответ на свою первую статью автор получил разнообразные возражения.

„Одни, говорит он, мне возражали, что наши религиозные расстройства зависят не от неправильного строя церкви, а от общей мало-нравственности; другие обвиняют в религиозной расшатанности само духовенство; третьи указывали всю беду в том, что мы Русские отличаемся плохо развитым *пониманием* догматов... При всём различии этих замечаний, говорит автор, они имеют характеристическую общую черту: вся беда сводится к недостаткам *личности* мирянина, или клирика. С православной точки зрения, заключает автор, рассуждение должно бы идти совершенно обратным путём: чем ниже мы пали, чем мы стали развращённое и невежественнее, *тем с большей энергией должны бы мы стараться восстановить правильное действие церкви*, т. е. нашей совместной религиозной жизни, как единственный способ поднять и повысить столь низко павших людей“.

Автор далее иллюстрирует эту свою основную мысль данными из ап. посланий и книг Ерма, „учения 12 апостолов“, Варнавы, Климента римского и др. и спрашивает: „Что такое религиозная жизнь? Обыкновенно отвечают: „общение с Богом“. Но что такое это общение? Каково его содержание? Древний

христианин всё это прекрасно понимал, нынешний в большинстве случаев не понимает. Однако, чем сложнее положение, тем нужнее знать, как среди него устроить свою душу, т. е. знать истинное содержание религиозной жизни, которое христианством ставится в такую тесную связь с общественностью. Что значит жить для общества – всякому кажется понятным. Но что значит жить для церкви? Значит ли это сделаться по малой мере псаломщиком, или чиновником духовного ведомства? Жизнь церковная начинает казаться каким-то специальным уголком человеческой жизни, средой „удовлетворения религиозных потребностей“, подобно тому как есть учреждения для удовлетворения эстетических потребностей и т. д. Это затирание церковной идеи общественною, справедливо заключает автор, составляет тончайший обман современности, так что, без восстановления правды, без выяснения *действительных* соотношений общественности и церковности в мировой жизни, нынешнему человеку почти уже нельзя понять, чем может и должна быть церковь в его религиозной жизни“. Автор ссылается на покойного В. С. Соловьева, который стремился раскрывать вопросы церковности в связи с общественными. Ту же попытку берет на себя и автор и он хочет уяснить „действительное место *религиозной общественности*“. Автор уясняет различие между понятиями общество и церковь. „Общество не есть, говорит он, ни организм, ни церковь, а явление особого порядка“. Сходство между организмом и обществом социологи подмечали в законах *кооперации*, но в обществе есть ещё и подорганические законы, ибо в организмах „происходит кооперация живого *вещества*, а в социологии (в обществах) – кооперация личностей“.

Отличие общества от организма заключается, по словам автора, и в том, что „социальный порядок не производит коллективной особи... В самых рабских обществах есть гордые аристократические слои, которых идеалы личности становятся рано или поздно образчиком для остальной массы народа... Церковь, поэтому, не сливается с социальным строем и является общественностью *над-социальной*. Различие между социально-политической средой и церковной весьма

существенно. Организационное начало в обществе есть человеческая личность, элемент психологический. Организационным элементом церкви является Бог, личность Божественная, элемент духовный. Отсюда прежде всего разница в *целях* строения“.

Цель церкви *мировая*, а у обществ частнее. В церкви все друг в друге нуждаются. „Пока человек остаётся и утверждается в своей ограниченности и отдельности в нём *нет Бога*“ (Соловьев). Церковь, таким образом, даёт то, чего не могут дать никакие социальные законы жизни.

Автор вносит некоторые дополнения и поправки к мыслям проф. Заозерского о соборном начале в церкви. Признавая справедливость их, автор однако делает оговорку, что „христианство не в форме, а в духе. *Собрание даже небольшого числа лиц может выразить чувство, мысль и желание всех*, если только выразит волю Христа, пребывающего в церкви и вся совокупность членов, не бывши физически на соборе, признает решение как бы своё собственное“. Автор выясняет и поставленный раньше вопрос, что значит жить в церкви. „Жизнь церковная, говорит он, есть высшая коллективная, истинно человеческая гармонизируемая и направляемая Самим Богом“. У нас больше распространено мнение, что религиозная жизнь есть отдельная от мира и людей с одним Богом. Автор указывает на ошибочность такого взгляда, ибо пустыnnики жили не вне церкви, а уходили только от социальной среды, как, таковой. Они даже расширяли психологию этого общения и были духом со всем миром, живя вне мира, часто входя в таинственное общение с людьми, жившими от них вдали и с незнакомыми были знакомы. Для людей обыкновенных это – непонятное чудо. Одним словом, автор и исторически, и психологически, и на основании откровения, и писаний святоотеческих показал, что суть церковной жизни – это „вместе спастись“ и статья его заслуживает глубокого внимания.

Упрёки, ставящиеся теперь церкви, что будто бы жизнь религиозная отрешена от общественности, что церковь отрицает искусство и культуру, это можно было видеть из обзора

предшествующих статей, а последней – Тихомирова в особенности, часто имеют для себя как будто бы основания в жизни древней церкви, которая отрицала искусство во II и III веках, а потому, напр., отрицала театр и зрелища и т. д. Эти упрёки...

Текст 353-й страницы неразборчив.

...В церкви, как в сложном обществе, есть члены, представляющие некоторый пережиток. Поэтому, по адресу Светлова посыпались нападки со стороны ревнителей, забывающих, что правило 5–6 вселенского собора о непосещении клириками зрелищ и ристалищ, касались, ведь, зрелищ языческого характера, а ныне и церковные песнопения исполняются на той же эстраде, на которой вчера играли патетическую симфонию Чайковского в коей тромбоны играют даже «Со святыми упокой»! Ввиду этого имеет значение отметить статью того же проф. Светлова «Умилённая непонятливость» («Б. В.») представляющую ответ сотруднику „Православно-русского слова“ прот. О-ву. Прот. Светлов вполне справедливо замечает О-ву, что он говорит о театре, а не о его искажениях и что он вовсе не считает современного театра *вполне* удовлетворяющим „высшему религиозному назначению“. „Но, если мы доживём, говорит автор, пр. Светлов, до „идеального“ театра, о котором будто бы только и говорил Гоголь, то тогда и театр вполне будет отвечать своей цели... При всём том я недоумеваю, спрашивает пр. Светлов, неужели кто-либо даже из солидарных с о. О-вым искренно может считать неудовлетворяющими вполне назначению театра „Жизнь за Царя“, „Фауст“, „Гугеноты“, „Маккавей“, трилогию Толстого А., „Гамлета“, „Короля Лира“ и др. произведения Шекспира, драмы и комедии Ф.-Визина, Грибоедова, Гоголя, Островского и мн. др.?! Должны же быть какие-либо пределы пуританской требовательности, иначе значило бы остаться вообще совсем без театра и успокоиться на „пещных действиях“... Но и пещные действия совершались даже в храме, а из них и возник театр XVII в.; ныне же многие пастыри сомневаются, можно ли освещать здание театра. Нам думается, что если бы теперь был

собран вселенский собор, то он отменил бы правила 5–6-го собора, ибо оно касалось театров совсем другого рода.

* * *

Несколько особняком в этом первом подразделе стоят две статьи, но и они имеют связь с некоторыми современными запросами – это статьи из „Прав. Соб.“ – „Учение св. Кирилла, архиеп. Александр. об Евхаристии“ П. Пономарева и „Символ Апостольский“ А. Преображенского. Вопрос об Евхаристии возбуждён Толстым и не далее, как в последнем его романе „Воскресение“, а вопрос об апостольском Символе примыкает несколько к вопросу о догматах и догматичности христианства, поднятому представителями светской мысли.

* * *

Гомилетика в наше время оживления всех сторон жизни тоже выходит из своего традиционного состояния и получает более живую разработку. Излишне говорить, насколько важна гомилетика в миссионерском деле. Но нужно сознаться вместе с автором статей „Предмет христианской проповеди“, „Внешняя сторона проповеди“, „По живому вопросу о живом слове“, проф. Тареевым (см. „Б. В.“), что проповедь в наших храмах в том виде, в каком она существует, способна чаще отвращать от неё пасомых, нежели привлекать. Находятся всё ещё пастыри, в роде о. Бабуры, которые против живого слова и стоят за чтение проповедей по сборникам и др. печатным руководствам. Но есть и такие, как о. Панормов, который в письмах к проф. Тарееву пишет любопытные строки. „У нас, пишет он, проповедями считаются теперь *литературные* образцы церковного слова... Литературная красота слова искусственного (т. е. записанного) это своего рода обольщения для современных проповедников... тетрадь стала средостением между проповедником и массой.“ Почтенный протоиерей, говорит Тареев, мучающийся над вопросом о проповеди, как живом слове, уже не первый десяток лет своей пастырской жизни и деятельности, *распространение штунды* объясняет отсутствием у нас живого проповеднического слова. „Почивающие на тетрадях, пишет о. Панормов, и сборниках не имеют побуждения умножать своё духовное богатство: эти проповедники св. Писания не читают,

жизни не изучают, у них нет мудрости пастырской: нет в них, ибо она осталась в книгах... *Баттисты прямо в лицо бросают обвинение* нашему духовенству в том, что оно: 1) не знает св. Писания, 2) не убеждено в правоте своей веры: зачем читать по тетрадкам о том, в правоте чего ты убеждён? – говорят они. Недавно, добавляет он, один губернский статист, объехавший наш край, сообщил мне отзыв о проповедниках – чтецах готовых книг: „хлобыщет батюшка“. Да, слово найдено: проповедь по книге не есть проповедь, а „хлобыстика“. Да, добавим от себя, надо подумать об этом нашим пастырям. Полезно поэтому обращаться к деятельности таких проповедников, как, напр., Евгений Берсье, которому посвящена А. Преображенским статья в „Прав. Соб.“, ибо это было действительно церковное эхо, откликавшееся на все вопросы жизни.

* * *

Жизнь выдвинула и вопрос об аскетизме, а также указала на несоответствие, с одной стороны, жизни современного монашества его древним образцам, а также на односторонность современного понимания монашества – вообще. Первому вопросу посвящены две статьи: 1) С. Смирновым – „Как служили миру подвижники древней Руси“ и 2) Н. Каптеревым – „В чём истинное монашество по воззрениям преп. Максима Грека?“

Первая статья носит несколько полемический характер, потому что защитником современного строя монашеской жизни явился известный издатель „Троицких листков“ о. архим. Никон. Последний, основываясь на доводах „иосифлян“ (последователей св. Иосифа Волоколамского), утверждает, что монастырям и монахам нужно иметь имущество, чтобы благотворить. Но г. Смирнов возражает, что если стоять на иосифлянской точке зрения, то и тогда современное монашество непохоже на иосифлян, ибо те стояли за принцип владения имуществами, *чтобы раздавать их*, а нынешние монастыри собирают сокровища и только малую часть их отдают. По принципу иосифлянскому, должна быть не *продажа* крестиков и икон, что делается в наших монастырях, а *раздача их даром*, или за посильное пожертвование.

Поэтому духовная польза от „Троицких листков“ не является ещё благодеянием в смысле древних подвижников, ибо они продаются за деньги дающие большие прибыли. Автор подробно выясняет историческим путём служение древних ... учителей, духовников, благотворителей, миротворцев, печальников, ... „По мнению преп. Максима, монашество должно существовать во всяком христианском обществе и его отсутствие в нём указывает на очень низкий уровень всей религиозно-нравственной истинно-христианской жизни данного общества“. Истинное монашество, по Максиму Греку, должно состоять не в подвигах только личного усовершенствования, но и в публично-общественной деятельности. Монах должен быть знаком по нему и с светскими науками. К сожалению, замечает автор статьи, русские монахи думали, что они „должны раз навсегда и окончательно порвать все связи с миром. Эта грубо-эгоистическая, чуждая учению Христа, теория монашества, признаваемая за правую многими, естественно и необходимо должна была сказаться на нашем монашестве самыми печальными последствиями. Мы не будем подробно касаться содержания этой, как и предыдущей статьи, ибо они мало относятся к задачам нашего журнала, но думаем, что в них высказано много правды, и если Иосифлян-благотворителей упрекали в стяжании, то наши монастыри тем более подлежат этому упреку. В типиконе греч. Пандократорского монастыря (X в.), открытого проф. Дмитриевским, подробнейшим образом описана благотворительная деятельность этого монастыря, больница его со всеми лечебными приспособлениями и пр. Эту деятельность можно читать теперь и представлять нашим монастырям, как идеал.

Свящ. М. Лисицын

Гринякин Н. Дело объяснилось. С. 357–362

(К заметке «Нового Вр.» – «Ещё по поводу термина «раскольник»).

Читателям нашего журнала, может быть, попадалась на глаза моя заметка в 2 № с. г. – „не старообрядец и не старовер, а именно „раскольник“. В заметке я имел в виду показать Н. О-ву, автору „нескольких строк“ в „Нов. Вр.“ – „Раскольник или старообрядец“, что он смотрит на дело *по существу* неправильно, что с богословской и каноническо-исторической точки зрения глаголемые старообрядцы должны представляться и называться не иначе как „раскольниками“. Что же касается *других* точек зрения – гуманности, „грозных туч на политическом горизонте“ и им подобных, то их я не касался и необинуясь заявляю, – что тут „какое хочешь имя дай“ раскольникам. Я рассуждал по существу. В 10015 № „Нов. Вр.“, 21 янв., г. Н. О-в написал „Ещё по поводу термина „раскольник“ и объяснился на чистоту по затронутому им вопросу. Новая заметка Н. О-ва („некоего“ не пишу, а то г. Н. О-в обижается) меня несколько удивила. Угрызнув меня за „всю несдержанность“, г. Н. О-в пишет, что я „обрушился на него со всем своим учёным арсеналом за его заметку в несколько строк... с усердием (на семи страницах!), какого его крохотная заметка совсем и не заслуживает“... Междустрочие понятно. „Сдержанность“ и „несдержанность“ – понятия слишком субъективные, чтобы о них рассуждать. А вот что касается *„крохотной* заметки в *несколько строк* и *„семи страниц“*, то тут не бесполезно для существа дела сказать два–три слова. Мне думается, что в нескольких строках можно, голословно конечно, сказать такую неправду, что на основательное поражение её из „учёного арсенала“ прямо необходимо вывозить хоть „длинный том“. И это понятно. Короткая неправда, особенно „Нов. Вр.“, может приразиться ко многим „малым“. А это не хорошо, – „несдержанно“. Поэтому и ставить восклицательные знаки при „семи страницах“, показывающих, на авторитетных данных, неправду „нескольких строк“, „едва ли уместно“. Моих „семи страниц“ не было бы на

белом свете, если бы г. Н. О-в в своих „нескольких строках“ сказал откровенно, что он в своей заметке – „раскольник или старообрядец“ рассуждает с точки зрения гуманности и „политического горизонта“: тогда его „крохотная заметка“ действительно „совсем бы не заслуживала“ моего „усердия“. Но ведь г. Н. О-в писал: что „название раскольник по отношению к старообрядцам несправедливо по *существу*“..., что „в московской до-никоновской Руси еретиками *раскольниками* называли католиков, в *догматах* расходящихся с православными москвичами... лютеран и пр. *неправославных*“..., что „наших старообрядцев *отнюдь* (!) нельзя назвать раскольниками, так как разница между обеими *правоверующими половинами* Руси – была отнюдь (!) не в догматах, а только в *обрядах*“ и что надо бы именовать раскольников так, как они сами себя именуют – „людьми старой веры, староверами, старообрядцами“. В этих словах проглядывает уже не одна гуманность и политика, а и „учёная“ справка. Отсюда и мои „семь страниц“. Теперь г. О-в пишет: „пусть я не прав... со строго-богословской точки зрения (т. е. по *существу* значит?), но разве то, что я хотел сказать своей заметкой, от этого изменяется?“ Очень: вы, г. О-в, хотели сказать (=доказать), что „название „раскольник“ по отношению ко всем старообрядцам по *существу* не справедливое... и наших старообрядцев *отнюдь* нельзя назвать раскольниками“, а теперь допускаете, что по существу-то (с строго-богословской точки зрения; мы полагаем, что тут-то и есть существо, а не в политике) вы и не правы.

„Пусть учёные богословы, пишет г. Н. О-в, правы юридически, называя наших староверов раскольниками, но разве сам термин от этого становится для них, староверов, менее обидным?“ Да, – надо бы полагать, что „менее“: ибо „старообряды“ из уважаемых и ими „писаний“ могут убедиться, что они праведно называются раскольниками, а не по клевете и злобе. „Правильный с богословской стороны термин „раскольник“, осведомляет нас г. О-в, старообрядцев несомненно обижает, не нужно (?) озлобляет, как, положим, обидят всякого верующего христианина кличка „гяур“ –

„христианская собака“ в устах турка, хотя ведь и турок со своей магометанской точки зрения будет тоже прав“. Воля ваша, г. О-в, а это вы сказали не к делу. Вам хорошо известно, что разница между православными и „старообрядцами“ далеко не такова, как между христианами и магометанами; „старообрядцы“ называются раскольниками на основании „писаний“, признаваемых и *ими* за авторитет; а „гяур“ для христианина только кличка и действительно обидная, – так как несправедливая; а если бы эта кличка и оправдывалась Кораном, в чём однако мы сомневаемся, то ведь Коран для нас – сами знаете – какая книга. В понятии обиды и обижать, думаем, непременно мыслится злобная несправедливость; в противном случае – Христос был бы обидчиком, называя книжников и фарисеев – лицемерами, и порождениями ехидны (23 гл. Мф.), – ап. Павел обижал бы первосвященника Ананию, называя его „стеной подбеленной“ (Деян.23:3), и все наши суды, объявляющие воров и мошенников, были бы учреждениями обидными.

Сравнение „раскольника“ с „незаконнорождённым“ (как обидных терминов) на *паспортах* мы приемлем. Тут фигурирует уже *лицо*, и будет рассуждение о „раскольнике“ не по *существу*, как о религиозном явлении и его наименовании, а о том, справедливо ли заносить на паспорт неповинного потомка грехи его предков и делать тем на всю жизнь безвинного виноватым и заставляя его носить на своём лице чужой позор? Да, – это совершенно *несправедливо*, и, если хотите, *обидно*. И мы тут стояли бы за всю снисходительность. Придумывать паспортное название для раскольников не будем. Да, правду сказать, и сомневаемся, – едва ли можно придумать тут такое наименование, которое не „обижало бы“ „старообрядцев“. Взгляните на дело с чисто-психологической стороны. Как вы ни назовёте раскольников – ну хоть „старообрядцами“, „староверами“ и т. п., всё же и в этих, снисходительных терминах будет мыслиться понятие церковного *отщепенства* и в ушах большинства, т. е. православных, да и самого раскольника они всё же будут звучать чем-то нехорошим, и обласканный в *наименовании* раскольник всё же будет, по

существо своего положения, утесняться, так сказать, и „обижаться“ самой мыслью об отщепенстве. Это и понятно: важно не наименование, а мысль, которая с ним соединяется: нельзя думать, чтобы, напр., вор чувствовал себя лучше, когда его назовут не вором, а хоть бы, к примеру, „философом, тайно посягающим на чужую собственность“. Вот и для „незаконнорождённых“ придумали отметку „внебрачный“, но разве „внебрачным“-то легче от того, что их перерядили из куля в рогожу? Ведь

Текст 360-й страницы неразборчив.

...Что бы сказали о нас если бы мы стали рассуждать с богословско-канонической стороны о „петербургской бирже“ и „съезде мукомолов“. Сколько бы мы доставали материала для писателей тона „Стрекозы“ и „Осколков“!.. А вот другие этак и рассуждают и рассуждения их печатаются в серьёзных газетах и ничего – сходит. – Г. Н. О-в пишет: „теперь, когда ... *грязных туч*, меры снисхождения к старообрядцам необходимы может быть более, чем когда-нибудь. Терпимыми со старообрядцами *заставляет быть прямая выгода*“... Боже мой, сколько в этих словах нехристианского смысла и прямого лицемерия и как низко представляются в них наши законодатели... Нет, г. О-в, снисходительными к старообрядцам, нашим заблудшим братьям заставляет нас быть не „прямая выгода“ („также и языцы творять“), а христианская любовь, не различающая „эллина и иудея“, „варвара и скифа“, „раба и свободного“... По вашим же словам выходит, что, когда грозные тучи сойдут с политического горизонта, так можно потосковать и „о клеймах и о рваных ноздрях“?! Не по-христиански это, – будьте уверены.

Касательно „высокой патристичности старообрядцев“ и ссылки на писания А. С. Супорина как основания для „снисходительности“ к раскольникам рассуждать пока не будем, и мы лично знаем напр. многих военных героев из старообрядцев-казаков Оренбургского и Уральского войска, увешаных „георгиями“. Просим только г. О-ва вспомнить о поведении раскольников Преображенского кладбища в Москве перед Наполеоном I и почитать „Историю Белокриницкого австрийского священства“ Н. Субботина, а также обратить

внимание на то, что раз „старообрядцы“, молокане, магометане и др. проч. живут в России, как верноподданные нашего Царя-Батюшки; и пользуются, и при своих религиозных особенностях всеми благами нашего государственного и общественного устройства, так *патриотичными* они и *обязаны* быть „за совесть“ и сверхдолжного они тут ничего не делают. Да будет, наконец, г. О-ву известно и то, что *православная* Русь не настолько слаба, чтобы из-за „грозных туч“ и „выгод“ заискивающе улыбаться, во чтобы то ни стало, перед всеми разномыслицами и иноверцами, по подобию „убогой нарядной“.

Итак, по существу глаголемые старообрядцы „раскольники“, в житейском же обращении, при беседах и на паспортах, и в печати и пр. под. к ним, как нашим, хотя и заблудшим братьям, по закону Христову (а не по выгоде) должно относиться со всей снисходительностью и кротостью, – „не даст ли им Бог покаяния к познанию истины“ (2Тим.2:25).

Н. Гринякин

**Бронзов А., проф. [Рец. на:]: Проф. А. Л. Катанский:
„Учение о благодати Божией в творениях древних
св. отцов и учителей церкви до бл. Августина.
Историко-догматическое исследование». СПб. 1902
г. Стр. II+330. Цена 2 р. С. 362–365**

Профессор А. Л. Катанский – известный догматист и патролог. Его докторское исследование: *„Догматическое учение о семи церковных таинствах в творениях древнейших отцов и писателей церкви до Оригена включительно“* („историко-догматическое исследование“) (СПб. 1877 г.) сразу обратило на себя внимание учёных богословов и сделало имя автора широко известным. В последнее время почтенный профессор издал другой капитальный же труд, в общем отличающийся теми же особенностями, какими отмечен и докторский, – именно труд, заглавие которого нами помещено в надписании настоящей нашей статьи. Предмет нового исследования А. Л. Катанского и чрезвычайно труден, и не менее того важен. В западной литературе мы находим некоторые попытки подробного его выяснения, но они, по понятным причинам, не могут быть прямо перенесены на православную почву, как именно таковую. В русской же литературе труд А. Л. К-го, можно сказать, пока единственный, так как нельзя же принимать в серьёзный счёт тех немногих отрывочных данных, какие по этому вопросу встречаются в различного рода учебниках.

Почтенный автор „сначала предполагал“ рассматриваемому нами „сочинению – придать характер теоретическо-систематического изложения учения о благодати Божией, сообразно с чем „им“ и предпослано введение, излагающее: *Общее учение о Боге Освятителе*. Предполагалось, „говорит А. Л-ч“, изложить в систематическом порядке весь круг истин, входящих в догматическое учение о благодати Божией. Но предварительно необходимо было выяснить понятие о благодати, указать различные смыслы, которые соединились с этим понятием в различные времена, и для этого представить *краткий* очерк раскрытия этого понятия в древнеотеческий

период, а затем в средние века у западных схоластиков и в последующие времена. Однако, по мере углубления в изучение творений древних отцов оказалось такое обилие материала и возбуждён был добытыми данными такой интерес к предмету, что мы принуждены были совершенно изменить первоначальное своё намерение и придать своему труду характер историческо-догматического исследования, ограничив его, притом, периодом первых четырёх веков до бл. Августина“.

В частности, „во введении“ к настоящему исследованию раскрывается „общее учение о Боге-Освятителе“, затем „догматическое учение о благодати Божией“ и, наконец, „учение св. Писания о благодати Божией“. Введение это само по себе представляет ценное исследование. Интересно познакомиться с предлагаемой здесь „общей характеристикой раскрытия учения о благодати Божией в творениях древнейших отцов и учителей церкви до бл. Августина в сравнении с последующим раскрытием на западе после бл. Августина“. Не менее (а то и более поучительны и довольно подробные авторские рассуждения, уясняющие библейский взгляд на вопрос... и проч.

Далее следуют тринадцать глав или параграфов книги, излагающих учение по данному вопросу в творениях: „мужей апостольских (1), древних христианских апологетов (2), св. Ириней Лионского (3), Тертуллиана (4), св. Киприана Карфагенского (5), Климента Александрийского (6), Оригена (7), св. Кирилла Иерусалимского (8), св. Василия Великого (9), св. Григория Богослова (10), св. Григория Нисского (11), пр. Макария Египетского (12), наконец, св. Иоанна Златоуста (13)“. Раскрытие ведётся строго симметрично. Избегая излишних подробностей, автор в тоже время не оставляет без внимания ни одной сколько-нибудь существенной черты, характерной или для самого понятия, им уясняемого в этой книге, или для того представителя христианской церкви, с которым автор имеет дело в том или ином параграфе своего труда. Особенно подробно раскрыто учение, напр., Оригена, св. Василия Великого, а тем более – преп. Макария Египетского и св. Иоанна Златоуста. Это последнее обстоятельство красноречиво говорит о том высоком чисто научном вкусе, какой несомненно присущ

автору... Наши русские исследователи, раскрывая те или иные воззрения свв. отцов, чаще всего пользуются святоотеческими творениями по русским переводам. Правда, русских переводов уже не мало, и среди них очень много высоких по своим научным качествам, но для чисто-учёного исследования ограничиваться ими ни в каком случае нельзя: всегда необходимо справляться с оригинальным текстом, так как всякий перевод – в сущности комментарий, непременно окрашенный субъективными особенностями переводчиков, и никогда математически точно не отвечает подлиннику, духу его. Вот здесь, между прочим, сказывается весьма осязательно необходимость для богослова знания классических языков, к сожалению, падающего всё более и более, чем и объясняется игнорирование некоторыми исследователями изучения творений, пока ещё не переведённых на русский язык. Наш автор поступает вполне научно, „прилежно изучая *подлинные* тексты отеческих творений“, но не игнорируя и „русских переводов“, как своего рода комментариев-пособий, однако, лишь второстепенных по своему для него значению. Это – одно из очень важных достоинств автора, благотворно отразившееся на его прекрасной книге.

В „заключении“ к последней даётся „свод данных для учения о благодати Божией в рассмотренных“ автором святоотеческих „творениях“. Сам автор „рекомендует читателям начать чтение“ его „книги именно с“ этого „Свода и выработанной древнеотеческой формулы учения о благодати Божией. Внимание читателя будет тогда надлежащим образом возбуждено и привлечено к многочисленным частностям исследования; впечатление эпизодичности изложения (по отдельным отцам) будет значительно ослаблено: отдельные отцы явятся тогда как бы стадиями постепенного раскрытия предмета; чтение книги явится проверкой окончательных выводов автора – в заключении“.

Знакомясь с авторскими особенностями, читатель, исследовавший вопрос и самостоятельно, видит, что одной из них весьма характерной и поучительной является самостоятельность автора в отношении к „иностраным

пособиям, от пользования“ которыми он, по его словам, „намеренно устранился“, опасаясь вредного влияния их на православного богослова „особенно в этом отделе догматического богословия“.

Приступая к раскрытию учения известного христианского писателя, автор не входит в рассмотрение вопроса о подлинности его творений и проч. и прекрасно делает. То рассмотрение требует внимательного и *специального* изучения дела. Поэтому он мог бы совсем устранить из своей книги примеч. на 208 странице, как случайное, не стоящее в связи с принятым у него методом построения всего дела. Вопрос, какого автор мимоходом касается (не задевая ничьих выводов), был в своё время специально мною исследован. Те выводы, к каким я тогда пришёл, считаю отвечающими существу дела; позднейшие мои разыскания, не прекращавшиеся и доселе, только лишний раз убедили меня в правильности моей точки зрения и в совершенной ложности других, что мною снова будет выяснено в одном из последующих моих трудов, уже приготовленных к печати...

Отличающееся серьёзными научными достоинствами исследование проф. А. Л. Катанского, изложенное ясно и отчётливо заслуживает бесспорной похвалы. Надеемся, что высоко-учёный автор подарит русской богословской, науке ещё не мало новых трудов. Ожидая их читатели настоящей книги А. Л-ча решились бы высказать пожелания относительно пояления в печати и *всего* вообще курса Догматического Богословия которое автор с большим успехом читал в СПб Дух. Академии.

Проф. А. Бронзов

Преображенский И. [Рец. на:]: Саровские и поучения прот. Философа Орнатского. С. 365–366

С большим интересом и истинным духовным наслаждением прочитали мы набольшую книжку (в 48 стр.) с вышеозначенным заглавием. Книжка эта заключает в себе семь поучений, произнесённых прот. Орнатским в Сарове в дни светлых саровских торжеств. Вот темы этих поучений: I. *Святой Серафим – идеал жизни во Христе*, – II. *О причащении св. Таин для соединения во Христе со святым Серафимом*, – III. *О любви к Матери-Церкви, породившей любимое чадо – св. Серафима*, – IV. *О поминовении усопших*, – V. *О смирении*, – VI. *О блаженной кончине св. старца Серафима*, – VII. *О значении храма на Руси*.

Красноречиво и одушевлённо описывая, и прославляя жизнь и подвиги новоявленного угодника Божия, выражая глубокое благоговение к великому, дивному подвижнику саровскому, оратор не упускал во всех подходящих случаях воспеть похвалу и св. Матери нашей православной Церкви, ярко выставляя её значение как для внешнего нашего благополучия общественного и политического, так и в особенности для внутренней духовной жизни нашего народа.

Хотя и грустно, но должно сказать, что в современной нашей проповеднической литературе всё реже и реже, всё слабее и тише слышится голос, уясняющий великое значение церкви проникнутый любовью к ней и располагающий к преданности и послушанию ей. Между тем враги церкви всё громче и громче, всё резче и сильнее изрыгают хулы свои на церковь. Не оставили они без поношения и светлое торжество в Сарове и само имя великого подвижника. Грустная, тяжёлая для чувства православного человека слышится в словах Орнатского, высказанных им в 3-м его поучении: „Трудные времена мы переживаем: многие оторвались от церкви и хулят её, ещё больше холодных верующих, которые забыли свою мать и только числятся сынами её (стр. 23).

Замечательно соотношение в судьбах идей православия и нашей национальности. Разливается и укрепляется одна, растёт, пышно расцветает и другая, и, наоборот, в пренебрежении та, и эта разделяет одинаковую участь. Почтенный светский писатель и публицист г. Энгельгардт, горячо ратующий за русскую национальную идею, не особенно давно высказался так: „В области божественных симпатий национальное русское дело явно проиграно и защищается лишь казённым, официальным порядком по обязанностям службы“ (Н. Вр. № 4982).

По нашему глубокому убеждению, поучениям о. Орнатского нельзя не придавать особой и высокой цены за их истинно церковный характер, за ту горячую любовь к церкви, которой проникнуто каждое из них, за ту ясность, силу и убедительность, с которыми выясняется в них значение церкви для духовной жизни русского народа и для внешних судеб его. Каким бы неогренимым благом для нашего народа и в гражданском, политическом отношении, было, если бы пастыри-проповедники сами почаще вспоминали и пасомым своим уясняли непреложную, подтверждаемую всей историей нашей, истину следующих слов преподобн. Серафима: У нас вера православная – церковь, не имеющая никаких пороков. Сих ради добродетелей Россия будет славна и врагам страшна и непреоборима, имущая веру и благочестие в щит и в броню правду. Сих врата ада не одолеют“.

Саровские торжества закончились (21-го июля) освящением храма во имя преподобного Серафима. „Но этот конец торжеств в Сарове, как сказал о. Орнатский, есть начало их по всей Руси“. На другой день (22 ч.) предстояло освящение храма имени Серафима в Дивееве. „Мы веруем, говорил проповедник, что эти храмы на местах бывшей славы преподобного суть только предтечи многого множества храмов в честь его на всём пространстве св. Руси, славной лучшим украшением её – святыми храмами“ (стр. 42). А сколько, добавим мы, сооружено будет икон препод. Серафима, киот и лампад к ним... Во всех этих случаях пастырское поучение должно считаться не только приличным, но необходимым. На подобные случаи лучшего

образца поучений, как „Саровские поучения“ прот. Орнатского, мы указать не можем.

И. Преображенский

**Хроника // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10.
С. 367–372**

Вердеревская С. Из мира инославия и из жизни заграничного сектантства

Папа и македонские болгары. – Толстой – буддист. – Странная секта „естественных людей“. – Эфиопизм среди методистов. – Угроза Африке. – Мусульманская секта Сенуссиев.

Парижская газета „La Croix“ приводит статью из болгарской газеты: „Вечерняя Почта“, как бы указывающую на то, что Ватикан не чужд тому, что происходит в Македонии.

Болгарская газета говорит о том, что множество православных болгар, в особенности из Адрианопольского вилаета, обращаются к папе с прошениями вступить за них против турок. По словам газеты, прошения эти вызваны Ватиканом, который будто бы „сам внушил болгарам такой образ действий через своих явных и тайных агентов“.

Разные личности не щадили усилий, чтобы побудить православных македонских болгар обратиться к авторитету папы. т. к. он на самом деле может оградить их от турецких зверств, болгарский же экзарх бессилён им помочь.

„Вечерняя Почта“ говорит, что эти слухи настойчиво распространялись среди македонских болгар и прибавляет: „воображение народа, болезненно настроенное ежедневными пытками, ухватилось за приманку, как за единственный якорь спасения“.

Болгарская газета не сочувствует католической пропаганде; она относится враждебно к обращению македонских болгар в католицизм и в то же время опасается, что Ватиканская пропаганда будет иметь успех среди людей, потерявших голову от страха, – тем более – прибавляет она, – что болгары всегда были склонны оценивать религию с практической точки зрения.

Кстати не мешает вспомнить по этому поводу о вражде, существующей между православными болгарскими и православными греками; эта вражда ещё недавно выражалась с той и с другой стороны убийствами, которым духовенство обоих исповеданий не оставалось чуждым.

Экзарх и болгарские священники не в силах добиться для своей паствы заступничества католических держав, а потому ничего не будет удивительного в том, что болгарские христиане, преследуемые с одной стороны турками, с другой – греками, обратятся к Ватикану за помощью, которой, кроме него, ни от кого ожидать не могут.

Что же до главы римской церкви, то не подлежит сомнению, что он готов не только принять обращение болгарских и иных схизматиков, но и всячески ему содействовать.

Папство никогда не ... то, что православные христиане Востока рано или поздно обратятся к нему и признают над собой его власть, чтобы добиться его защиты против турок, от которых ...

Любезничая с Петербургом, Ватикан старается убедить восточных христиан в том, что папе легче будет выхлопотать для них покровительство русского Царя, чем их схизматическим иерархам.

далее на этой стр. текст неразборчив

Буддизм спустился с Гималайских гор ещё до расцвета греческого гения. Он покорила Тибет, Бирму, Непал, Сиам, Камбоджу, Аннам, Китай и Японию, не пролив ни единой капли крови; он имеет в Азии 400,000.000 приверженцев.

В Европе он сделал за последние 60 лет поразительные успехи. Будучи ещё малоизвестным, он внушил выдающимся германским философам учение, влияния которого никто не оспаривает. Шопенгауэрская теория воли основана на буддистской философии. Теозофы распространяют во Франции, Англии и Америке буддистские воззрения.

Сумангалла, старый жрец на Цейлоне, приветствовал, драпируясь в свою жёлтую одежду, творения Спенсера, Дарвина и Пастера, как творения буддистские потому, что и они учат мужеству, доброй воле, презрению к земным благам, милосердию. Толстой же является высоко талантливым проповедником этого учения для всех народов молодых, энергичных и властолюбивых.

Но многие из учеников не особенно надеются на то, что в конце концов справедливость воцарится на земле. Это было бы

несправедливостью относительно поколений, которым пришлось страдать. Они смущены больше, чем когда-либо; эволюция, которая может быть и освободит когда-нибудь их праправнуков, разбивает их собственную жизнь до того, что возвращение в „ничто“ их уж больше не пугает.

Все перемены в мире происходят от столкновения личностей. Толстой ненавидит личность, требует самоотречения и проповедует неподвижность. Если, на основании этого учения, духоводы отказываются служить в царской войске и идут в изгнание, – то ведь их немного, всё же остальные русские безропотно повинуются Царю.

* * *

В Бельгийской газете „Etoile Beige“ напечатана статья, озаглавленная „Странная секта“, автор которой говорит, что эту новую секту нельзя назвать ни религиозной, ни философской; политикой или социологией она тоже не занимается. Члены секты называют себя „естественными людьми“ и утверждают, что, живя согласно со своими убеждениями, они открыли наконец истинный философский камень земного существования. Автор статьи находит, что вернее всего назвать секту: *гигиенической*. Последователи этого учения избрали местом жительства южный склон Сен-Готарда, пользующийся прекрасным климатом Италии и назвали своё селение „Горой истины“.

Основатель секты богатый голландец, родившийся в 1853 г., бывший консул и участник многих крупных торговых предприятий. Он называет себя: „Иосиф Саломузон – естественный человек“. Этот новый реформатор рода человеческого устал от утончённой пищи и всяческой роскоши; он испил до дна, до горького осадка, чашу наслаждений мира сего и не нашёл удовлетворения. Он не стал искать его в каком-либо религиозном учении, а обратился к природе и наконец нашёл искомое в простом образе жизни, простом в отношении не только пищи, но и одежды. Около него собралось около 40 последователей. Все они утверждают, что человек должен питаться растительной пищей, а не мясом животных. – Если мы воспитаем наших детей на такой пище – говорят они, – то

добьёмся в скором времени поколения великанов. Стыд заставляет нас носить одежду; как только мы избавимся от него, нагота перестанет нас смущать. – Вот в общих чертах положения секты.

Маленькая колония построила на „Горе истины“ хижины только на случай дурной погоды. Колонисты не признают ни обуви, ни шляп и носят – как мужчины, так и женщины – только рубашку. Летом спят под открытым небом, а зимой ночуют в хижинах. Естественные люди чувствуют крайнее отвращение от мяса, которое считают вредным и довольствуются, даже не вполне сваренными, овощами. Хлеб и соль употребляют в очень ограниченном количестве; то и другое возбуждает жажду – источник лишних потребностей; всякое растение заключает в себе необходимые соки. Спирт не допускается вовсе – это великий, всемирный враг. Глава общины строго следит за исполнением установленных правил, из которых многие несомненно достойны подражания.

Не без страха смотрели местные жители на этих вегетарианцев новой породы и были особенно недовольны их манерой одеваться. Многие намекали даже на то, что под этим культом природы скрываются оскорбительные для нравственности отношения между полами. Может быть это клевета, тем не менее окрестные жители относятся к этим людям с презрением. Как бы то ни было, власти кантона не имели до сих пор повода вмешаться в дела секты и, пока не будет доказано противное, следует допустить, что на „Горе истины“ не происходит ничего противного законам и нравственности.

* * *

Калькутская газета „The Englishman“ сообщает. В южной Африке распространяется, благодаря стараниям С-Американских методистов, ложно-религиозное движение, которое грозит опасностью стране. Движение это, не имеющее ничего общего с древней эфиопской церковью, именуется *эфиопизмом*. Учение это проповедует Христа в искажённом виде, а заповеди в сокращённом; первые шесть предлагаются к исполнению со многими ограничениями, остальные же

признаются хотя и прекрасными, но неисполнимыми. Эфиопизм покровительствует многожёнству и многим другим нежелательным обычаям туземцев. Всем движением руководят богатые негры. В священнослужители посвящаются исключительно чернокожие, так как „в очах Всевышнего господствующая раса не достойна вести ко спасению высшие души чёрных народов; духовные лица из белых годятся только для белых же“. Такое воззрение составляет серьёзное препятствие для распространения среди негров истинно христианских понятий и кроме того в них заключаются и политические угрозы.

* * *

Французский журнал „Revue pittiresque“ сообщает. Мусульманство разделилось, подобно всякой другой религии, на множество различных ветвей. Жители Алжира, и в особенности южного Орана, делятся на последователей различных сект, из которых особенного внимания заслуживает секта Сенуссиев.

Несмотря на то, что учение это возникло позднее других (в 1835 г.) и является в хронологическом порядке последним – оно успело уже приобрести большое влияние в мусульманском мире и, по-видимому, значение его будет всё возрастать.

Основатель секты Шейх Сенусси получил духовное образование в Феце, в Марокко. В 1829 г. он отправился в своё первое путешествие в Мекку. По пути он принял посвящение в различные монашеские ордена потому, что в голове его уже созрел план объединения всех их в один духовный орден. Он мечтал об очищении учения Магомета от искажений, допущенных различными истолкователями Корана. В сущности, это была идея теократического панисламизма, вознесённого над всяким временным владычеством.

Остановившись в Каире, Сенусси занялся было прозелитизмом, но тамошнее духовенство отнеслось к нему с такой ненавистью, что он чуть было не попал в тюрьму и поспешно отправился в дальнейший путь. В Мекке он стал уже проповедовать открыто. Но и там он восстановил против себя власть имущих, интересы которых неизбежно пострадали бы, если бы осуществилась его мечта об объединении всех

мусульманских толков, так как это единение поглотило бы отдельные религиозные корпорации. Но ему удалось привлечь к себе мистиков и недовольных политическим строем; множество их пожелало сделаться его учениками, и ему удалось создать в самой Мекке свою первую общину.

Он уехал, сопровождаемый успехом и добрался до Триполи, где основал многие другие общины. Учение его проникало всё дальше на юг; но в то же время вражда, возбуждённая им против себя в Египте, в Мекке и в Турции следовала за ним по пятам и тоже проникла в Триполи. Сенусси пришлось отступать в глубь страны, и он удалился в оазис Джербуб, на границах Ливийской пустыни, где и основал свою главнейшую твердыню, так сказать „общину – мать“ Сенуссизма. Там он и скончался спустя 4 года, в 1859 г.

В настоящее время Сенуссизм имеет более ста правильно организованных общин и бесчисленное множество приверженцев во всех мусульманских странах.

Сын Сенусси Шейх-эль-Махди долго жил в Джеруде, где по словам очевидца, он воздвиг над прахом отца великолепную гробницу. Джеруд лежит почти в центре его владений. Один путешественник описывает следующим образом столицу Махди:

Это городок, имеющий от шести до семи тыс. жителей. Он обнесён высокой стеной с четырьмя воротами. В центре города возвышается „зауиа“, большое, по словам туземцев, великолепное здание, украшенное разноцветным мрамором, фарфоровыми изразцами, живописью, деревянной и металлической резьбой и цветными стёклами. Около 400 приближённых, родом из различных стран, живут в „зауне“ или прилегающих к ней зданиях. Из них всего человек 15 семейных, остальные ведут строго аскетический образ жизни. Все работы исполняются сотней чёрных невольников. Всё это вооружено с головы до ног. Кроме того, в 20-ти комнатах, стены которых увешаны полным вооружением для 3.000 человек, хранятся пули и порох. Говорят, что там спрятаны и несколько штук пушек, приобретённых в Египте. В городе живут оружейники, снабжённые всеми нужными инструментами для починки и изготовления оружия. Кроме того, в одном только округе Бен –

Гози в Триполи 25.000 всадников и 1.500 пеших солдат ждут в полной боевой готовности приказаний главы секты. По всем дорогам, ведущим в Джеруб, усеянным колодцами и крепостцами, организована целая система передачи приказаний посредством особых курьеров. Наконец в некоторых крепостцах содержатся всегда наготове по 600 верблюдов, на тот случай, если бы Махди, узнав о приближении христиан, пожелал бы удалиться в Судан. –

До сих пор Сенусси держались, по-видимому, вдали от политических событий. Стремясь к осуществлению своих надежд, они не прибегают ни к насилию, ни к революционной пропаганде. Они идут к цели спокойно, сдержанно; это клин, медленно вбиваемый в гнилое здание Оттоманской Империи; это вал, которым обновлённый Ислам желал бы оградиться во имя Аллаха от вредных нововведений европейской цивилизации.

С. Вердеревская

**Миссионерство, секты и раскол // Миссионерское
обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 373–382**

Лисицын М., свящ. Из прошлогодних наблюдений над жизнью расколо-сектантства

Книгоноши-совратители и пропаганда сектантства на жел. дорогах. – Главные усилия главарей расколо-сектантства и фанатизм массы. – Религиозно-нравственные собеседования, как один из верных способов миссионерской приспособляемости. – Епископские и миссионерские посещения очагов раскола. – Знаменательные случаи присоединения. – Влияние на раскол Саровских торжеств. – К характеристике внутренней стороны раскола. – Отношение интеллигенции к миссии и сектантству.

Давно установлено, что в роли совратителей являются очень часто книгоноши Лондонского библейского общества. Таких случаев зарегистрировано в епархиальных летописях истекшего года несколько. Вот два из них очень типичных. Вагон на Николаевской жел. дор. переполненный деревенским людом. Раздаётся на ходу поезда громкий возглас: „священные книги, Евангелие, Библию не угодно ли кому приобрести? – Что-ж, господа, не хотите?“ – продолжает после некоторой паузы тот же голос, вот на „монополь“ так вы готовы последние копейки поистратить, а слова Божия вам, как видно, и даром не нужно!“ – „Милый человек, мы слово Божие завсегда и в церкви слышим“ – вырывается голос из группы крестьян. – „Что, в церкви?! Вот так-так, нашёл где слово Божие... – в церкви, у попов значит? Да разве там читают слово Божие? Там только разные выдумки поповские тарабарят, а слова Божия – Евангелия только чуточку, кусочек для виду, значит, прочитают, да и то на славянском непонятном языке, чтобы вы ничего не понимали; потому что, ежели бы вы слово Божие знали, то не платили бы попам четвертных за венчания, вы бы им рук не лизали, да отцами не называли, потому что всё это в Евангелии Самим Иисусом Христом запрещено. А что это верно, так слушайте, господа, я вам сейчас прочту, что сказано об этом в Евангелии: „А вы не называйтесь учителями, ибо один у вас Учитель – Христос, все же вы братья; и отцом себе не

называйте никого на земле, ибо един у вас Отец, Который на небесах“ (Мф.23:8–9). Видите, господа, Сам Господь сказал, что все мы братья, а вы каких-то попов понаходили, да слушаете их, а они вас, простаков, обирают; а ежели бы слово Божие знали, то этого бы не было. А вот ещё слушайте, что сказано в Евангелии: „Все же дела свои делают с тем, чтобы видели их люди; расширяют хранилища свои и увеличивают воскрилия одежд своих (Мф.23:5). Вот, видите, и насчёт ряс даже поповских сказано... Крестьяне, видимо, поражены и озадачены, а „проповедник“ продолжает и дальше вести речь в том же духе, пока, наконец, не был остановлен вопросом одного из пассажиров, от какого он общества продаёт книги и какого сам вероисповедания. Оказалось, что – британского, вероисповедания же никакого, „просто евангелист“, замечает книгоноша. Но когда тот же пассажир предложил „евангелисту“ на основании Евангелия же показать, что Христос Сам учредил опорочиваемое им священство, которое, по словам самозванного „евангелиста“, будто бы совсем запрещено, то он предпочёл за лучшее поскорее удалиться из вагона, замечая, что „он с удовольствием бы побеседовал, но, к сожалению, ему некогда, *он должен торговать, а не беседовать*. Хорошо было бы, если бы этот „евангелист“ придерживался, конечно, на деле высказанного им правила о торговле. А то сколько он посеет лжи в сердце доброго, но простого и тёмного русского мужичка. Тут есть о чём подумать! Нужно бы поискать средств радикальных против такой пропаганды. Надобно, или давать должности книгоношей в России только православным, или же принять какие-либо другие предупредительные меры против сектантской пропаганды на железных дорогах. Третьеклассники-мужички сами были, видимо, довольны бегством сектанта. „Что же ты, молодчик, удираешь? Не хочешь поговорить с барином-то? Нас тёмных людей морочишь, а как с учёным человеком, так и ходу...“ вот с какими замечаниями провожали крестьяне книгоношу. У нас в вагонах и на вокзалах расклеиваются тысячи объявлений, предупреждающих пассажиров от всяких случайностей в дороге, но все они касаются внешних, телесных

удобств. Как не позаботиться и о душах их и религиозной совести, раз вагоны и вокзалы делаются центром пропаганды!

Важно также и распространение противо-сектантских и противо-раскольнических брошюр в тех же вагонах, вокзалах и т. п. через православных книгонош. Нужда этого сознаётся самими православными книгоношами, которые своими глазами видят, как создаётся книгоношами-сектантами хитрая и тонкая пропаганда. Один из православных книгонош пишет следующее в своих письмах. „Много приходится мне встречаться с разными сектантами, особенно штундистами. Невольно входишь с ними в разговор о религии. О, какие они опасные враги нашей церкви и как умеют они завлекать в свои сети!.. О, как нужно больше книгонош, чтобы распространять побольше книжек для борьбы с сектантами, тут, в южных наших краях. И как жаль, что их мало! Удивляюсь я тому, что, несмотря на борьбу миссионеров со штундой и другими сектантами и трату денег на это, зло не уменьшается, а всё растёт и растёт. И, между тем, этого как будто бы не видят те, кому следует видеть. Скажу следующее: *если кто много распространяет зловредных сект, так это – книгоноши Лондонского библейского общества*. О, как хитро, ловко и почти незаметно умеют они сбивать с истинного пути особенно простодушных из наших православных россиян. Они сейчас видят, с кем им можно говорить прямо, открыто. Книгоношам очень доверяет народ, представляя их людьми всезнающими“. А указанный выше случай на Николаевской железной дороге, как нельзя лучше подтверждает это. Отсюда распространение апологетических миссионерских брошюр является прямо делом *первой* необходимости, как при тушении пожара нужна поливка водой.

Пропаганде сектантства служит и культура. Сектанты печатают на „Ремингтоне“ и „Гектографе“ письма и целые брошюры, направленные против церкви православной и рассылают их далеко в разные стороны нашего отечества. Так, недавно в Ростове и Нахичевани (Обл. В. Донск.) появились брошюры – „Поклонение иконам“ и „Есть ли у Бога мать“, присланные, кажется, из северных центров; по крайней мере,

почтовое клеймо свидетельствовало о трёхдневном путешествии этих брошюр.

* * *

Главные усилия вожаков расколо-сектантства направлены к тому, чтобы создать враждебные отношения к церкви православной, к её пастырям и даже простым мирянам. Это всего больше удаётся, конечно, там, где царит мрак невежества, напр., на крайнем севере, где враждебное отношение отступников к миссионерам, пастырям и т. п. составляет уже как бы установившуюся традицию; или там, где раскол свил себе прочное гнездо, напр., в Саратов. еп., где у раскольников подмечено какое-то органическое отвращение к св. церкви, объяснимое лишь воспитанием и наследственностью. — Не позвать ли, матушка, священника? — предлагает испускающей дух старухе-раскольнице её православная невестка. — Лучше живой лечь в гроб, быть заваленной в навозных кучах, чем осквернить себя общением с вашим попом, отвечает та. Конечно, такой фанатизм проявляется не всеми и в среде раскольников. „Табашники ваши попы“! — кричал один раскольничий наставник, но другой возражал: „не все, дядя... А твой брат Макар не табашник“? — „Он не поп“, возразил наставник. „Пьяницы“, закричал Макар. „А твой брат Михей“? (наставник), спросил возражатель Макара. — „Он не поп“ — возразил Макар. — „Наставник. На той же точке стоит“. — „Щепотники“! — кричал третий, и т. д. Особенно грубое и враждебное отношение приходится встречать миссионерам и духовенству в глухих уголках Архангельской, Вятской и др. епархиях. На предложение миссионеров побеседовать о вере раскольники деревни Г. (Вятской еп.) отвечали: „Нет, нет, не надо! Убирай его! Нечего беседовать с еретиками! Закон не велит беседовать“... Но когда миссионер стал им на это возражать ссылкой на правило соборное, раскольники ещё больше закричали: „Нечего нам беседовать! Мы сами знаем. Вотяков-то лучше учите, а нас учить нечего“!.. В Архангельской епархии миссионеры встречают ещё больше враждебности к себе. Когда летом о. П-ский прибыл в Почезерье, то представитель здешнего раскола — богатый мужик М-в встретил

его крайне недружелюбно. А когда о. П. стал говорить о гибельности пребывания в расколе, он закричал: „Ты меня не учи, я сам тебя поучу. Я старше тебя и слушать тебя не стану. Ты меня послушай“. Когда же вступила в беседу и старуха М-ва, то началась уже прямо брань. „Пошёл вон, слуга антихристов! Тебе нечему нас учить“ – кричала та. „Нам твоё не нужно; поди, поди от нас. Как жили, так и будем жить. Тебе нас не переучить, учи своих. Поди в вашу церковь, там только табак да щепоть... попы табатерки на престоле держат, сама видала“... и т. д. Тяжёл крест миссионерства в таких местах!

* * *

К счастью, не везде миссионеры встречают такой ожесточённый фанатизм. Подростки, вообще молодёжь относится к миссионерам мягче и охотнее вступает в разговор. Допускают грубость преимущественно старухи-раскольницы. Кажется, что в деле миссии не надо бы забывать уроков прошлого. Миссионерская деятельность свв. Леонтия Ростовского, Стефана Пермского была успешна между прочим потому, что они уделяли больше внимания молодому, подрастающему поколению, нежели закоренелому, старому. Прекрасной иллюстрацией к этому может служить опыт одного Витебского еп. миссионера. Он приехал в мест. Шмано, где живут самые рьяные раскольники, называемые „гнусинцами“, или „крепкими христианами“, чуждающиеся не только православных, но и своих другого толка. „Подъезжая к моленной и дому наставника, пишет миссионер, я думал, как и с кем из сельчан деревни начать разговор. К счастью, пришлось увидеть человека, рубящего дрова. „Помогай Бог“! милый хозяин! „А нельзя ли видеть вашего наставника“? – обратился я к нему. – „А на что он тебе“? – „Да так, хочу с ним быть знакомым и разузнать про житье-бытьё ваше... Как хозяйство, посевы у вас? – да нельзя ли водицы испить хоть с колодезного ведёрка“? Слово за слово беседа стала развиваться, заинтересовала слушателя, который вызвался отыскать наставника и любезно поддерживал разговор, так что слушать нас к телеге собралось уже несколько женщин, подростково-ребятишек и взрослых. Не верилось в любезность

разговаривавших, открывавших свои обычаи семейной жизни и раскольничьей общины. Явись начётчик или наставник, можно было бы начать и разговор о вере и церкви, но „никого не оказалось дома“. Молодёжь сообщала миссионеру, что отцы их ведут „иноческий“ образ жизни и разделяются на „мирских“, приемлющих „бессвященнословный брак“ и девственников, что у них есть отдельно от наставника или начётчика клирошане, или хор певцов из подростков юношей и девушек, что развлечений у них общественных никаких не полагается и т. д., и т. д. Интересный разговор был прерван старухой-раскольницей, пославшей своего сына убрать лошадь, которой, конечно, дома не оказалось. Пришлось миссионеру уехать дальше, но уже с новым выводом о филипповцах, что они в лице молодого поколения не так уж фанатичны. При умении вести дело, многое, конечно, можно сделать среди этих заблудших овец стада Христова. Беда только, что у нас не миссионерствуют приходские священники, а они могли бы войти даже в ещё более близкое общение с раскольниками, чем мимолётно заехавший миссионер. А если и бывают миссионеры из „приходских“, то частенько они бывают только „бумажными“, ограничиваясь аккуратными ежемесячными „донесениями“. При добром желании и любовном отношении к заблудшим, фанатизм раскольников растопляется, как мёд от тепла. Другой миссионер той же епархии, напр., стал вести в деревнях религиозно-нравственные чтения, чуждые острополемического характера. И что же? Они сделали большой успех в деле сближения раскольников с православным духовенством и уничтожения фанатизма. Вся деревня всполошилась, когда приехал сюда этот миссионер-священник. Раскольники, давно не выдавшие православного священника, высыпали на улицу от малого до старого. Изба, в которую вошёл о. миссионер, мигом наполнилась. Началось чтение о крестном знамении. Оно понравилось, так что один старик после чтения сказал, обращаясь к женщинам: „смотрите, бабы, всё начинайте и делайте крестом“. Раскольники благодарили миссионера и просили ещё приезжать, говоря, что они никогда не слыхали таких книг и чтений, а женщины, при отъезде о. миссионера,

совали ему в руки ягоды, яйца, усиленно прося принять и не обидеть их отказом. Беседы без полемики весьма полезны для сближения раскольников с миссионерами. А потом на почве установившихся связей гораздо легче уже будет начинать вразумление и обличение их заблуждений. Как бы хорошо ещё при этих чтениях было раздавать народу миссионерские листки и брошюры! Насколько опасно начинать среди фанатично настроенных раскольников собеседования прямо с полемики и обличения, можно видеть из того, что в той же епархии в дер. Жарцах женщины-раскольницы избили некоего единове́рца Г-кова, помогавшего о. миссионеру в беседе.

* * *

Если большое впечатление производит на раскольников посещение их православными священниками, то ещё более силы и значения имеет посещение их православными епископами. В последнее время наши епископы стали чаще и чаще посещать глухие уголки своих епархий, населённых, большей частью, заблуждающимися. Насколько имеют важность эти поездки епископов, видно уже из того, что, где бывают православные епископы, туда стараются, если возможно, прибыть и раскольничьи лже-архиереи, чтобы своим присутствием ослабить впечатление, производимое на раскольников архипастырями православной церкви. За нынешнее лето мы имеем блестящее доказательство справедливости этого положения. Преосвященный В-ский посетил Г-ский у., в котором из 70 т. населения 20 т. раскольников, т. е., одна треть. Во многих сёлах совершены были архиерейские служения, привлекавшие и православных, и старообрядцев. Большое впечатление производили и произнесённые епископом проповеди, ко времени богослужения толпы народа запруживали села: то там, то тут слышался разговор о вере. Православные торжествовали. Епархиальные миссионеры вели с народом, ожидавшим богослужения, беседы. Были обращения раскольников в православие и т. д. Но интереснее всего, чем закончилось это движение. Совершалась в одной деревне закладка единове́рческого храма и вот, на приглашение миссионера помочь единоверцам в пении при

закладке и раскольники откликнулись, пели всенощную, которая была совершена строго по уставу, со всякой точностью. Сильное впечатление производило и то, что епископ полагал на себе двуперстное крестное знамение, творил перед освящением места для престола семипоклонный начал и т. п. Всё это воочию говорило старообрядцам, что тут во главе с епископом стоит часть истинной церкви Божией, готовой принять всех ищущих единения с нею, церкви, не спорящей о незначительных обрядах, а заботящейся о спасении христианских душ.

* * *

Таковые обнаружения истинно Христова духа православной церкви и приводят в конце концов менее упорных из раскольников и сектантов к познанию истины церковной. Прошедший год ознаменовался многими случаями присоединений, из которых некоторые очень характерны, а присоединение раскольницы Дарьи Ермиловой прямо знаменательно. Присоединение кр. Дарьи Ермиловой (Самар. еп.), 60-ти лет, случилось нынче в Сарове при благодатной помощи преп. Серафима Саровского. Дарья прибыла в Саров ещё в начале июля месяца и постоянно ходила к источнику преп. Серафима. При виде исцелений, совершавшихся над больными, она поняла всю ложность учения раскольников, стала горько плакать и в конце концов решилась присоединиться к православной церкви. Прот. г. Москвы о. И. Звездинский, обративший из раскола до 2.000 чел. и бывший тогда в Сарове, стал духовным руководителем кр. Дарьи, и, по истечении нескольких дней, убедившись в искренности её намерений и верований, присоединил 14-го июля к православной церкви. Обращение Дарьи было поражением для раскола, ибо она слыла среди раскольников за опытную начётчицу. Подобные же присоединения к св. церкви начётчиков имели место ещё в Полоцкой епархии, где обратился кр. Конст. Вишняков, который до того времени пользовался среди раскольников большой известностью, как человек начитанный, доброй жизни, хороший чтец и певец, а главное, как „ревностный старообрядец и защитник веры своих предков“. Не менее характерно и знаменательно также присоединение в

Астраханской еп. кр. Николая Гущина, вождя еноховцев, которого последователи его считали за „истинного священника истинно-соборной, апостольской церкви“, а его слова „за слова Божия посланника“, которого Сам Бог поставил на дело служения истинной церкви. С ним присоединились и некоторые из его последователей.

* * *

Передадим здесь один очень характерный случай совращения Ижевскими старообрядцами православного крестьянина С. Чубарова, который был ревностным сыном церкви и с которым приходский священник даже близко был знаком, бывал у него в доме, беседовал с ним на религиозные темы. Но вот Чубаров познакомился с кр. соседней деревни В-вым, беспоповцем, и дело изменилось. Довольно развитой и начитанный В-н успел убедить Чубарова и тот перестал ходить в храм, исповедоваться и причащаться, а при встрече с священником стал вести беседы в беспоповщинском духе. (Кажется, на совращение Чуб-ва влияли и деньги, занятые им у богатого В-на). Но беседа с кр.-миссионером С. Филатовым вразумила С. Чуб-ва. Особенно заинтересовал его первый рассказом, что он сам видел мощи Спиридона Просфорника и его руку, сложенную троеперстно. Вот Чуб-в решил поехать в Киев и Чернигов. Но и тут не обошлось без искушения. Один из раскольников, узнав на пути о поездке Чуб-ва, стал его отговаривать. „Какие там мощи“, говорил он. „Всё это поповские выдумки“. Но, по счастью, какой-то военный, сидевший с Чуб-вым попросил того замолчать. Чуб-в приехал в Киев, где ему и была показана рука преп. Спиридона. „Слёзы радости появились у меня“, говорил потом Чуб-в и уже остальную часть пути в Чернигов и Троице-Сергиеву лавру он совершил убеждённым православным и, возвратившись домой, минувшим великим постом, присоединился к церкви православной, рассказав и своему совратителю о всём виденном.

* * *

Из присоединения раскольницы Дарьи Ермиловой уже можно видеть, что открытие мощей св. Серафима Саровского не прошло бесследно для раскола. О том же свидетельствуют

толки, поднявшиеся среди старообрядцев по поводу прославления преп. Серафима. В некоторых местах, напр., в Московской еп., происходили по этому поводу совещания старообрядческих начётчиков, принимающих австрийскую иерархию. Значение последней теперь как-то сразу рухнуло среди старообрядцев в некоторых местах (дер. Берендиной и Гридина Моск. еп.). „Братцы, говорил один знаменитый начётчик из д. Мисцовой, некто, так называемый, „дядя Харлам“, ведь мы погибаем с этими самозванными пастырями. И ему вторили остальные начётчики. И вот, обуреваемые сомнениями, многие старообрядцы здешнего края отправились в Саров: одни в качестве „соглядатаев“, другие – чтобы присоединиться хоть к общему торжеству русского народа, собравшегося в Саров. При таких светлых моментах церковной жизни, раскольники невольно чувствуют своё сиротство, „будни“ у себя дома и их тянет хоть посмотреть на праздник „церковников“. Тут, вероятно, инстинктивно сказывается влечение заблудившихся детей к своей родной матери-церкви. Тоже происходило и при торжестве 900-летия крещения Руси, когда старообрядцы говорили: „Все собрались в Киеве, даже из славянских земель. Только нас теперь нет на берегах Днепра. Австрийские лже-архиереи и лже-священники, конечно, оказываются бессильными утолить это „томление“ своих чад и грозят только „анафемами“. Так, лже-епископ Даниил грозил отлучением тем, которые отправятся в Саров, но, несмотря на это, его духовные чада всё же говорили: „а всё-таки надо съездить полюбопытствовать“.

Подобные явления лучше всего свидетельствуют о внутреннем состоянии раскола и его разложении. Тоже замечается, собственно, и в сектантстве. Не говоря уже о том, что „представители разных толков (и сект) относятся друг к другу неприязненно“, та же взаимная рознь замечается и среди членов одного толка. При этом, что очень существенно, так это потеря доверия к своим вожакам. В Норове (Полоцк. еп., Невел. у.) один из раскольников даже в присутствии православного миссионера начал поносить своего „духовника“, причём его поддержали и другие, говоря, что наставник „заелся“, – меньше

10 руб. не делает проводов, а если хочешь похоронить покойника „с выносом“ (т. е. с проводами от дома до могилы), то держи в кармане четвертную (25 р.). Помимо сребролюбия наставников раскол по-прежнему одержит тьма и безнравственность. Один из обратившихся – Д. Колегов вспоминает в „Екатеринбургск. еп. вед.“, как он вместе с другими безобразничали с наставниками и „сбрачили замужнюю женщину за другого мужа“. Он же передаёт, как неграмотный у них староста распорядился, чтобы на Благовещение все местные свечи были выставлены празднику, а на Пасху, сказал он, помолимся и с огарками. „Благовещение, доказывал он, больше Пасхи. Однажды Благовещенье было в Пасху, продолжал он доказывать; старики молились Пасхе; служба уже кончилась, а всё не светает. Но как стали молиться Благовещенью, то рассвело и сделалось дальше полдней“. Понятно, что это невежество и заставляет таких смыслящих лиц, как Колегов, уходить из раскола. Праздник Рождества Пр. Богородицы раскольники той местности совсем не праздновали и лишь не особенно давно завели празднование этого дня. На пароходы раскольники смотрят как на бесовскую силу и, несмотря на это, богатые старообрядцы екатеринбургские имеют свои пароходы, но считают необходимым для очищения после проезда на них читать 5-й псалом. Таинство крещения совершается наставниками не только небрежно, но и канонически неправильно. Некий наставник Самойло Булагин крестил без отрицания от сатаны и без восприемников. Молитвы младенцам не давал, а если придут под окно и скажут ему, что родился-де младенец и надо молитву дать, он открывал святцы и, нашедши число, говорил: „назовите Анной“; – вот и вся молитва. Про другого наставника тот же Д. К. рассказывал, что он погружал при крещении с такими словами: „крещаю тебя не я, а Сам Исус Христос“, – „погружаю тебя не я, а Сама Пресв. Богородица“, при третьем – „воспринимаю тебя не я, а Иоанн Креститель“. А другие делают на каждом погружении такой вопрос: „крещаю тебя не в новую, а в самую старую веру до-иосифовскую“. Поддерживается тьма раскола и литературно, тетрадками начётчиков. Недавно появилось, по сообщ. мисс. о.

Троицкого, „Слово от старчества“, в котором есть глава „Газеты из ада“. Написано это слово стихами вроде раешников. Вот, напр., из гл. „Газеты из ада“. „Привели священника озорника-болтушку, плута и мотушку; сатана головою потряс, испустил громкий глас: при церквах все пребывали, а волю мою совершали, табачищем носы набивали; вино и пиво пили, ровно воду в рот свой лили“ и т. д. В гл. „Путевой маршрут на Беловодье“ рассказывается, где найти теперь, в век антихриста, истинную церковь. Оказывается, нужно ехать на Екатеринбург, Томск, Барнаул, Красный Яр, д. Ака, через горы Алата (Алтайские), д. Дамаскую, через 40 дней пути Киженскую землю; а потом через 4 дня в Татарью, „там Восетинское государство; живут в чуде окияна моря, место называемое Беловодье и озером Лов, а на нём 100 островов, а на них горы, а в горах живут о Христе подражатели Христовой церкви, православные христиане... А там не может быть антихрист и не будет“.

Благодаря деятельности миссионеров, беседам их с заблудившимися, миссионерским курсам (достойны внимания миссионерские курсы в Палеостровском монастыре, бывшие прошлым летом), миссионерским школам (миссионерская школа устроена в минувшем году и в Сев. Америке) – дело воссоединения заблудившихся подвигается вперёд быстрее и быстрее. К сожалению, тут часто являются тормозы со стороны своих же православных „интеллигентов“, которые косвенно поддерживают религиозные заблуждения в нашей церкви, снисходительно относясь к пропаганде вредных сект и охотно защищая их на суде, причём не принимается часто в расчёт и свидетельство экспертов-миссионеров. Зачастую штундисты называют себя на суде „евангеликами“ и получают оправдание. В „Вол. Еп. Вед.“ рассказывается вопиющий случай. Некий Ф. проживать в приходе долгое время и был заподозрен в скопчестве. Затем он пропал и оказался в Чернигове, где был предан суду за оскорбление двух сотоварищей. Суд оправдал его и пустил на свободу. Теперь он возвратился в Волынь и усиленно пропагандирует скопчество, приводя в ужас односельчан и причиняя великую скорбь пастырю своего села.

Один почтенный пастырь, там же на Волыни, прослуживший 50 лет церкви Божией, на-днях получил от совращённых прихожан своих мешок с иконами и при этом такой привет: „на тоби твоих богов, а у нас теперь есть други Толстой, та Хилков“. „Кто тут виноват?“ – справедливо спрашивает автор указываемой статьи епархиального органа, „пастырь ли, неусыпно работавший для просвета паствы своей, или те же радетели блага народного, подкупившие (как было в с. Павлове Харьковской губ.) мужика назваться Моисеем и объявить им исход из Египта, предварительно всё разгромив? А перенесёмся мыслью в неприветливую Канаду, где подобно мухам гибнет русский народ, отторгнутый от церкви и пастырей теми же радетелями!.. Где девались попечители и руководители этих несчастных, обещавшие им устроить рай земной? Они, совершив приятное путешествие по океану и высадив на берег жертвы тьмы, сочли за благо для себя возвратиться в свои хоромы и, быть может, забыв о поддёвках и плугах, проводят жизнь в графском и княжеском довольстве“.

Да, надо бы это глубоко и сердечно прочувствовать, и продумать нашим интеллигентам и не ратовать против церкви, а, соединившись с нею, составить действительно твёрдую и благую моральную и интеллектуальную силу.

Свящ. М. Лисицын

**Корреспонденция «Миссионерского Обозрения»,
известия и заметки // Миссионерское обозрение.
1904 г. № 1–10. С. 383–395**

(Раскольниковы беззакония и ложь).

И по божеским, и по человеческим законам гражданская власть в христианском государстве является и должна являться естественной защитницей и покровительницей Христовой церкви. Но в наше время господствования разных вольностей приходится наблюдать иногда такие факты, над которыми невольно приходится задуматься... Идеи о „свободе совести“, возведённые среди Тобольского раскола апологетами раскольничьими – Усовым, Коноваловым и друг., приняты нашими раскольниками с великою радостью и надеждой, что и для них грядут новые времена, когда они будут иметь возможность ненавистных православных попов, говоря их словами, „в щель загнать“. Действительность как бы подтверждает, что эти лучшие времена для них уже наступили. Без опаски раскольники творят публичное оказательство раскола на соблазн православных.

В минувшем году в нашей Тобольской епархии имели место два случая, достойные в этом отношении внимания. Первый – имел место в с. Ермутканском, Якуторовского уезда. Село это полно раскольников: австрийцев, часовенных и поморцев. Минувшей Пасхой местный священник ездил по селу со св. крестом. По другой стороне улицы, „ничтоже сумняся“, ездил австрийский „поп“ с дьячком также *совершенно открыто* с крестом по „своим прихожанам“. На это обращено было внимание власти. Местный становой пристав во исполнение закона 3 мая 1883 г., воспретившего публичное оказательство раскола, отобрав у „попа“ предметы, относившиеся к сему *явному* (на улице) оказательству отступничества, – крест, епитрахиль, церковную утварь и книги. От попа он потребовал кроме того ставленную грамоту за подписом „смирненного Антония, епископа Тобольского“ (крестьянина Афанасия Пахомова). Дело было оформлено и представлено в Тобольское Губернское Управление для зависящих распоряжений. Поп и дьячок, напуганные таким неожиданным оборотом дела,

подстригли свои длинные волосы и переменили костюмы духовенства на пиджаки. Месяца три, четыре спустя, из губернии последовало решение: „становому приставу за неправильные (?) действия строгий выговор без внесения в формулярный список, принимая во внимание, что это первая его ошибка, отобранные вещи, книги и документы всё приказано возвратить владельцам“. Ликованиям австрийцев несть конца. „Поп“, при получении вещей и документов, на радости расписался: „ставленный иерей Тапорков получил“. Между раскольниками распространились ложные толки, что австрийская вера признана Высочайшей властью правой верой наравне с православием и скрывать им её нет нужды. И надо сказать, блюститель порядка, местный становой пристав нам лично говорил, что он в этом именно смысле и понимает решение Тобольского Губернского Управления. „Сделай австрийцы крестный ход или публичные похороны с выносом, я не буду, да и не имею права теперь ввязываться в это дело“, уверял он нас не шутя. Об одном только скорбят австрийские поп и дьячок, что поторопились волосы обрезать...

Другой случай касается практики известного раскольнического начётчика „двигаловской“ веры, слепца А. А. Коновалова, с которым мы имели случай вести не одну беседу. Дело было на беседах в дер. Зырянской (Тюменского уезда) и с. Ермутлинском. В дер. Зырянской 28 мая м. Коновалов в заключение бесед высказался о своей деятельности в том смысле, что её одобряет сам Государь Император. „Я имею“, сказал он во всеуслышание при сотнях слушателей, „от Самого Государя Императора благодарственные письма, в которых он выказывает мне предпочтение перед всеми попами господствующей православной церкви“. На это нами было отвечено ему, что слова его являются ложью и клеветой на Государя. Представитель гражданской власти, бывший на беседе, заявление Коновалова пропустил мимо ушей. Чтобы сдержать подобные бесчинства и наглость Коновалова нами на беседах в с. Ермутлинском, по предложению нашего преосвященнейшего Владыки, были поставлены Коновалову с подпиской следующие условия: не хулить бранными словами

православную церковь, не касаться Священной Особы Государя Императора и не называть миссионера позорными прозвищами. Возражая против этих условий, Коновалов снова повторил в с. Ермутлинском при сотне слушателей прежнюю лож, что имеет от Государя благодарственные письма и утверждал будто бы не один Государь хвалит его за деятельность, „но и Синодальный миссионер о. Крючков публично в газетах называет его „столпом и оплотом России, каковых если бы было более, то Государь мог бы быть покойным за будущность России“. На нашу просьбу подтвердить свои утверждения документами Коновалов отказал: „имею документы, но вам не покажу, так как не желаю“. Коновалов своё взял, вбил в тёмные головы наших раскольников сумбур. С одной стороны, им и хочется верить Коновалову, с другой и не верится. Одни раскольники утверждают, что Коновалова Государь Батюшка посылает отстаивать их старую веру, которой он сочувствует, другие, не потерявшие ещё последнего смысла, возражают первым, что Коновалов „не того, – говорит это не дело“...

М. С. Г.

Руководственная резолюция Ириней, еп. Орловского о проповедничестве. С. 385

В данном Орловской духовной консистории предложении, его преосвященство *призывает* приходских священников Орловской епархии *усилить* в новом году свои проповеднические труды как при богослужении, так и во вне-богослужебное время. В частности, в виду особых нужд и потребностей времени, приходские священники приглашаются на первой недели великого поста – в *Неделю Православия* – в своих приходских церквях произнести проповедь „о том, что только в нашей святой православной Церкви хранится истинное учение Христово и что упорно не покоряющиеся учению, заповедям и уставам её сами себя лишают вечного спасения“. Содержанием же поучений в остальные пять недель великого поста (2–6) должно быть всестороннее, подробное объяснение *пятой заповеди* Закона Божия. Особенное внимание при этом проповедники обратят на выяснение учения христианского и требований Закона Христова, касающихся благоустроения семейной и общественной жизни прихожан. Обстоятельства настоящего времени требуют от приходского священника поучений, уясняющих обязанности мужей к своим жёнам и жён к мужьям, родителей к детям как малолетним, так и возрастным, не исключая и семейных, а равно и обязанности детей школьного возраста и совершеннолетних к родителям. С особой обстоятельностью и тщанием священники должны изложить православное христианское учение о верховной самодержавной власти, о любви к Государю и Отечеству, начальствующим в разных отношениях, пастырям и учителям духовным, начальствующим в училищах и наставникам, благодетелям и старшим возрастом. Знание пастырями своих прихожан и наблюдение над многочисленными и многообразными нарушениями в приходе пятой заповеди подскажет им, на что преимущественно необходимо обратить внимание в уяснение обязанностей, налагаемых сею заповедью.

Празднование юбилея Синодального миссионера протоиерея К. Н. Крюкова. С. 385–392

Как уже сообщалось на страницах „Мисс. Обзор.“, 29 декабря минувшего года исполнилось 25-летие служения в священном сане и должности Синодального миссионера протоиерея Ксенофонта Никифоровича Крюкова, вышедшего, как известно, из раскола и все силы посвятившего на борьбу с ним. Этот день протоиерей Крюков проводил в излюбленном селе Поиме, Пензенской губ. Чембарского уезда, на месте своей родины, где он оставил раскол и присоединился к православной церкви и где он начал впервые свою пастырскую и миссионерскую противораскольническую деятельность. Сельское уединение, зимняя пора и трудности пути не послужили однако препятствием для некоторых почитателей совершить далёкий путь, чтобы лично поздравить юбиляра с знаменательным для него днём; приветствовать его в село Поим прибыли: миссионер Уральской области Мина Корнев, из Костромской епархии священник И. Чередников, представитель от Астраханских единоверцев и некоторые православные и единоверческие священники Пензенской епархии.

Как и следовало ожидать, всё празднование заключалось в чрезвычайно торжественном и продолжительном богослужении, совершённом юбиляром вместе с прибывшими священниками. Сельские жители едва ли когда видели у себя столь многочисленное духовенство, которое в богатых ризах служило всенощную и литургию. Великолепно украшенный храм, созданный трудами о. Ксенофонта, множество богомольцев и стройное единоверческое пение составляли трогательную картину торжества православия над расколом. Прибывшего со стороны зрителя поражало в особенности весьма хорошее пение многочисленного для сельской церкви хора единоверцев, которым некоторые песнопения были исполнены можно сказать образцово; явление это тем примечательнее, что пение в единоверческих церквях даже больших городов не отличается большим благозвучием, так как исполняется в унисон, без

участия детских голосов и без надлежащего руководства. За литургией во время запричастного стиха священник И. Чередников сказал речь, в которой, охарактеризовав личность о. Ксенофонта, указал на его заслуги и труды по раскольнической миссии с момента присоединения из раскола и до настоящего времени; свою речь проповедник закончил словами Премудрого Соломона „похваляемому праведнику возвеселятся людие“. После литургии был отслужен молебен, во время которого священник В. Лебедев прочитал хвалебное слово о. протоиерею Крючкову, составленное из весьма прочувствованных выражений. Вслед за сим по окончании молебна о. И. Чередниковым были прочитаны полученные о. Ксенофонтом письменные приветствия от г. Синодального Обер-Прокурора К. П. Победоносцева и товарища его, тайного советника, В. К. Саблера. Чтение этих писем возбудило всеобщее внимание, чрезвычайно взволновало самого юбиляра, а некоторые из прихожан даже плакали. После этого был прочитан приветственный адрес от духовенства и прихожан священником Поимской единоверческой церкви В. Мокеевым и было поднесено евангелие в драгоценном окладе, тотчас же было прочитан и адрес от Поимских единоверцев. На всех лицах отражалось особое воодушевление, заметно было, что всё читалось и говорилось от искреннего сердца и с увлечением. О. протоиерей на обращённые к нему приветствия ответил краткой речью, в которой от души благодарил присутствующих за вознесённые вместе с ним молитвы ко Господу Богу, за выраженные чувства, за драгоценное подношение, которое он тут же пожертвовал в Поимскую церковь, сказав в то же время, что если ему удалось сделать что-либо полезное для блага церкви, то этим он обязан всецело помощи Бога и содействию других лиц.

Когда о. протоиерей закончил свою речь, выступил миссионер Уральской области священник Мина Коринев и прочитал приветственный адрес от редакции журнала „Миссионерское Обозрение“, после него сказал несколько прочувствованных слов свящ. Чередников и поднёс икону с изображениями Препод. Ксенофонта и Макария Унжимского, а

посреди них – Божией Матери. Затем прочитал адрес представитель от Астраханских единоверцев и поднёс икону Спасителя. На все эти приветствия и поздравления о. Ксенофонт отвечал искренней благодарностью и просил прибывших в с. Поим, по возвращении на родину, передать почтившим его своими воспоминаниями сердечную благодарность. Этим закончилось церковное торжество, продолжавшееся вместе с богослужением более 5 часов. На дому о. протоиереем получено весьма много поздравительных писем, адресов с иконами и телеграмм. Все почти поздравления присланы из тех мест, где за 25-летияю службу побывал о. протоиерей, где потрудился на ниве Божией и где брошенное семя принесло плод свой. Собравшееся единоверческое духовенство не мало толковало о раскольнических заблуждениях, о мерах борьбы с ними, о состоянии раскола в разных местностях и о делах, касающихся единоверия.

ПРИВЕТСТВИЯ ЮБИЛЯРУ ОТ Г. ОБЕР-ПРОКУРОРА СВ. СИНОДА.

Досточтимый о. протоиерей Ксенофонт!

Истекает, милостью Божией, двадцати-пятилетие служения вашего Св. Церкви в должности синодального миссионера. Зная оное близко с первых дней его, ощущаю потребность высказать Вам признательность трудов и заслуги Вашей в порученном Вам великом деле. Знаю, как Вы сами вышли из той тьмы, в которую судьбами Божиими предоставлено Вам вносить свет правды и мира: в том и была надежда наша, что, в том же искушён быв, возможете Вы и искушаемым братьям помощи; и не была сия надежда посрамлена. В течение всего служения Вашего проходили Вы с великим трудом, безбоязненно, леса и болота, и реки по путям, едва проходимые, в гладе и в хладе, неся слова истины от Священных Писаний и от учения Св. Отец людям, во тьме сидящим. Вы являлись к ним не с палицей прещений от гражданских властей, но с мечом духовным, и потому Бог благословлял многократно слово Ваше и Вашу ревность. Вашими трудами насаждено во многих местах единоверие, и многие созданы единоверческие церкви и

водворён мир там, где поселяла прежде злобу невежественная, и не слышавшая благовестия, ревность о неправой вере.

Ныне же, свидетельствуя о сём, от всего сердца желаю, да укрепит Господь силы Ваши на новые подвиги Вашего служения.

Искренно преданный *К. Победоносцев.*

ОТ Г. ТОВАРИЩА ОБЕР-ПРОКУРОРА СВ. СИНОДА.

Высокопочитаемый о. протоиерей Ксенофонт Никифорович!

В день двадцатипятилетнего чествования Ваших миссионерских трудов, посвящённых Святой Церкви, естественно прежде всего возблагодарить Господа Бога за великую милость, Вам явленную призванием Вас к благовестию слова истины уклонившимся от единения церковного братьям нашим. По благодати Божией Вы, под руководством приснопамятного учителя Вашего, Архимандрита Павла, познали неправоту раскола и посвятили себя всецело миссионерским трудам. Не щадя своих сил, Вы, послушный гласу, зовущему Вас, посещали иногда весьма отдалённые области отечества нашего. Следуя советам любимого наставника своего, о. Павла, Вы в беседах с глаголемыми старообрядцами раскрывали подробно учение Православной Церкви. Во всеоружии знания Священного Писания, Творений Святых Отец и книг полемических, Вы мощным словом обличали неправоту раскола. Господь видимо благословлял Ваши труды: многие сотни людей введены Вами в общение с Святой Церковью. Злые враги её претворились в друзей, сыны противления – в сынов света и наследников вечных благ. Благодаря Вашей неустанной ревности сколько сооружено святых храмов в ближних и дальних областях. В храмах этих ныне приносится бескровная жертва, и сотни людей бывают участниками трапезы Господней. Как же Вам не благодарить Господа за все Его милости, явленные людям, сидящим во тьме и сени смертной.

Желая спасти погибших, Вы постоянно забывали думать о себе. Проводя большую часть года в утомительных разъездах, Вы терпели и холод, и голод, и всякие невзгоды, страдали на трясках телегах, томились, плавая на плохих барках, часами

мокли под дождём, в метель изнемогали в пустынных степях, под сугробами снега. Чёрствый хлеб был часто Вашей единственной пищей. А сколько понесли Вы труда, беседуя нередко по десяти и более часов, без отдыха, в душных помещениях, перед тысячным собранием людей, с противниками, всегда готовыми хитрым оборотом мысли смутить собеседника. Вы твёрдо верили в Христа и в правоту Его Святой Церкви и многих научили веровать во Христа и верить Ему.

Как самовидец многих Ваших трудов, с искренней любовью приветствую Вас в знаменательный для Вас день и мысленно переношусь в родной Вам благословенный Поим. Мне живо представляется Ваш, благоукрашенный Вами храм, и как отрадно Вам возносить в нём благодарение Господу с Вашими присными и со многими Вас окружающими духовными детьми, усердно молящимися Вседержителю о здравии и спасении Вашем. К ним мысленно присоединяю и я моё искреннее пожелание Вам долголетнего здравия и многоплодных трудов во славу Божию.

Прошу Ваших молитв.

Ваш искренний *Владимир Саблер*.

Приветствие от редакции журн. „Мисс. Обзор.“.

Редакция «Миссионерского Обозрения» Синодальному миссионеру, протоиерею Ксенофонту Никифоровичу Крючкову – радоваться!

Высокопочтимый о. Протоиерей Ксенофонт Никифорович. 29-го дек. с. г. исполняется 25-летие Вашего миссионерского служения Св. Православной Церкви. И наш миссионерский орган считает своим приятным долгом приветствовать Вас с этим знаменательным в вашей жизни событием. Внимание всей нашей миссионерствующей братии теперь, по поводу Вашего юбилея, невольно останавливается на Вас и Вашем деле. Быв вызваны Благодатью Божией на подвиг благовестия спасительной истины, из поморской юдоли лжи, „подвигом добрым“ подвизались Вы четверть века на поприще святого дела вразумления и спасения заблудших братий. И подвиг Ваш не остался „тощ“; Тысячи обращённых Вами на спасительный

церковный путь из погибельных дебрей отступничества и отечески-заботливо потом охраняемых Вами от новых заблуждений и духовной нужды, более сотни воздвигнутых Вашим миссионерским радением единоверческих церквей с их миссионерствующими причтами и церковными школами, и целые дружины ваших учеников-миссионеров, клириков и простецов – вот памятник Вашего 25-летнего благовестнического подвига.

В истории нашей внутренней миссии Ваша миссионерская деятельность займет не одну страницу. Там же в подробностях будут отмечены и заслуги Вашего труда. Теперь же, пока Ваша благовестническая пропойедь продолжается, пока Вы ещё не „скончали“ своего „течения“ и не сказали последнего „аминь“ к своей проповеди, мы не дерзаем вникать в отдельные её составы, оценивать ее в частях и подводить ей итоги в целом.

В настоящий раз, чтобы оттенить подвижнический характер Вашего 25-летнего миссионерского труда, мы хотели бы остановить своё и других внимание на том, при каких условиях приходится работать нашему миссионеру. Миссионер – это доброволец в великом деле насаждения свято-церковной истины среди стихийного невежества, заслоняемого ископаемыми богословами раскола, среди терний всевозможных заблуждений, больных для Церкви и вредных для государства. „Обувши ноги в готовность благовествовать мир“, взявши „щит веры, шлем спасения и меч духовный, который есть слово Божие“ (Еф.6:15–17), он идёт и посылается в неприятельский лагерь „благовременно и безвременно“. „Вменяя вся уметы быти“, да приобрящет заблудших, он идёт к последним всегда и при всяких неблагоприятных для путешествия обстоятельствах. Для его благовестнической проповеди нет срока и быть не может: упустит миссионер благоприятный момент для вразумления колеблющегося в вере или отпадшего, не отгони он вовремя отступнического волка от церковного стада, для Церкви и Царства Божия пропала душа, которой „не стоит целый мир“. И вот сегодня миссионер прибыл из одной своей поездки, завтра „нудится“ ехать в другую. Неудобства пути и атмосферических перемен он не имеет права

признать: „буран“, холод, дождь, слякоть, пр. под. – ему не должны быть известны. И он тащится на деревенской кляче с своими мешками и сундуками, набитыми старопечатными книгами, из деревни в деревню, из хутора в хутор, по рвам и буеракам, со словом любви, мира и вразумления. В страшную пургу и холод доводится ему отыскивать и дороги в чистом поле, посреди ночной тьмы, и ночлега в убогих лачугах, „вертепах и пропастях земных“; доводится удовлетворяться и ночлегом рядом с четвероногими...

А обстановка бесед?.. Хата битком набита народом. Овчина и дёготь „затыкают душу“. Миссионер, обливаясь потом, ворочает книги и вычитывает из них слово вразумления заблудших. Выступает полуграмотный и фанатичный наставник. Он выкрикивает разные „еретичества никонианства“ и всяческой бранью поносит миссионера. Миссионер, которому оскорбляться из-за человеческого самолюбия тоже не подобает, хочет мирным словом направить своего собеседника с разнопредметной брани на определённое собеседование, благополезное и удобопонятное для слушателей. – „Да ты, нет, не вертись улищать-то⁶⁰ нас, ты покажи-ка нам, о чём тебе говорят, кричит наставник, ты за это деньги получаешь, покажи!“ И вот со скрежетом зубовным вопит он: „проклят ты от св. отец, и слушать-то тебя, проклятого, не след“. Ему вторят десятки фанатичных голосов. И никто ведь не слышит этих словесных ударов в самое сердце миссионера, мало кому ведомы эти муки миссионера! И такое „прение“ с невежеством длится часов 10–12. Весь в поту, измученный, с головной болью миссионер идёт на свою квартиру, часто холодную, сырую, затхлую, где ждёт его чёрствый кусок хлеба и редко чай из нелужёного самовара, и надо опять готовиться к такому же „прению“ или на этом- же хуторе, или ехать со своими мешками на другой.

На „прениях“ с „выписанными“ начётчиками нравственных терзаний для миссионера ещё больше. – В своей продажной болтливости, лукавстве, наглom обмане, в „угрызании писаний“ и подтасовке понятий подобные начётчики (в роде Швецова, Усова, Мельниковых, Перетрухина, Худошина, Черчимцева, Пичугина и др.) рассчитывают на впечатление только. До истины

им нет дела: деньги берут они только за внешний шумливый успех. Внимательный миссионер обличает наглый подлог начётчика; в своей же ответной речи начётчик с вопиющим бесстыдством учиняет другой подлог и т. д. Миссионер терзается заведомой лживостью собеседника, боится за слушателей, а собеседник, сам, несомненно, сознавая всю свою ложь, красноглазлет к „почтенным слушателям, смиренно вопиет к их суду“, бранно язвит миссионера и с адвокатской развязностью ратует за то, во что и сам не верит. И такие прения тянутся иногда по неделям.

Да, избранные только могут выносить эту подвижническую работу, сознавая при этом, что служба их „не от мира сего“. Воистину „слава и честь тем, кто на сём поприще работает, воюет с мрачным невежеством и, скажем словами поэта, „не падал духом, рабски унывая, не бросал щита перед лицом врагов“!

А Вы, Ксенофонт Никифорович, так именно и работали, и работали с знанием своего дела и способов для наилучшего его воздействия на отступников, а главное, и знанием народного духа – „среды“, в которой Вы родились и выросли, с самоотверженной энергией. Вы вышли из народных недр и потому знаете дух, характер и нрав народа. Вы рождены в беспоповщине и возросли, воспитаны в поморском уповании, и Вам известна подноготная, беспоповского жития и учения; посему то Ваша беседа всегда народно-простая, бесхитростная, безораторственная, выражающаяся „не в препретельных⁶¹ человеческие премудрости словесех, но в явлении духа и силы“, и приносит плоды обращений. Отступнические массы понимают Вас, как знаете, и Вы их. Вы говорите с народом языком его понятий, и Ваша проповедь проникает в душу простонародья: и отступники обращаются ко Св. Церкви, а православный народ укрепляется в своей вере. Вы с цельным „неподступным“ характером миссионер-самородок из народа и для народа, Вас ни оценить, ни понять премудрым века сего – интеллигентам. Хотя... по силе того же обстоятельства – оставления Вами раскола и выступления на обличение его – сколько Вам пришлось перенести „бед от сродник“? Сих „бед“ становилось

тем больше, чем более известной становилась Ваша противоступническая проповедь и расширялся район Вашего миссионерствования. С 1889 г. районом Вашего миссионерского внимания и служения делается пространство всей русской Церкви. Как Синодальный миссионер, Вы изъездили со словом миссионерского благовестия великую Русь во всех направлениях: от востока до запада, от севера даже до юга. Знакомы Вам и дебри сибирского раскола и западных краёв; известен Вам раскол и северной столицы, и побережья Чёрного моря и гор Кавказа! О внутренних губерниях уже не говорим. Вы – живая история нашей противораскольничьей миссии за последние десятилетия, хотя, правду сказать, история не всем известная, поскольку она не печаталась. Не можем при этом не помянуть и того, что Вы выступили на поле противораскольнической брани в то время, когда наша противоступническая миссия была ещё в младенческом возрасте: и Вам многое приходилось создавать и оправдывать самостоятельно. Уповаем, Ксенофонт Никифорович, что Ваше имя будет занесено на скрижалях истории нашей противораскольничьей миссии в число первых, после приснопамятного о. Павла Прусского, апостолов нашего противоступнического благовестия. Ещё раз приветствуем Вас с юбилеем! В день Вашего – знаменательного для миссии юбилея, Редакция вкупе со своими сотрудниками и читателями молит Творца веков и времён даровать вам здоровья и многих лет! Да споспешествует Вам Господь Иисус Христос, „не хотяй смерти грешнику, но еже обратится и живу быти“, своими великими и богатыми милостями в нашем дальнейшем миссионерском служении и благостной отечески-участливой попечительности о своих со-труженниках-миссионерах.

Редактор В. Скворцов. Помощники редактора Н. Гриняких, Н. Чукчин. Секретарь Диакон Смолин.

(Окончание следует.)

Нижегородские религиозно-нравственные беседы. С. 392–393

Нынешней зимой в Нижнем-Новгороде есть новость, которая радует жителей и даёт возможность массе населения удовлетворять своим духовным потребностям. Мы говорим о духовно-нравственных беседах, ведущихся теперь в доме, возникшем на архиерейской земле.

В 1901 году епископ Назарий был назначен епископом нижегородским и арзамасским, а в январе 1902 года состоялась закладка громадного трёхэтажного здания с часовней, с целью – религиозно-нравственного просвещения народа в г. Нижнем-Новгороде. Первоначальным денежным фондом для этой постройки послужили 13,000 руб., оставленные по духовному завещанию бывшим нижегородским епископом Владимиром. По составленной смете строительным комитетом, по прекрасному проекту архитектора гражданских инженеров А. К. Никитина, здание это, должно было обойтись гораздо более 50,000 руб. На пополнение столь значительной суммы, 10,000 руб. пожертвованы потомственной почётной гражданкой М. И. Бочкаревой; несколько тысяч отпущено попечительством о народной трезвости, Оранским монастырём и другими жертвователями, и благотворителями. С разрешения преосвященного Назария для постройки этого дома уступлена часть местности на архиерейской усадьбе, на Малой Печерской улице. В нынешнем 1903 г. 23 ноября уже состоялось освящение этого прекрасного здания. Торжество было полное. При этом религиозном празднике присутствовала многочисленная толпа народа. Вечером этого же 23 ноября состоялись чтения: первое было посвящено памяти святителя Митрофания по случаю 200 л. дня его кончины; а второе памяти св. бл. в. к. Александра Невского.

Составленная преосв. Назарием комиссия ведёт ревностно собрания по устройству чтений в этом новом здании. Находятся и светские люди с образованием и талантом, готовые послужить делу просвещения и благочестия. Дом этот отдан в

заведывание братству св. благ. кн. Георгия и будет носить его имя.

Народу на чтения притекает множество. Большой зал всегда полон, в талантливых чтецах нет недостатка.

Епископ Назарий, будучи епископом в Петрозаводске, и там создал такой же дом с читальней и библиотекой. Честь и слава просвещённому попечительному о духовных нуждах паствы архипастырю.

* * *

2 февраля исполняется 30-ти-летие миссионерской деятельности Минского Епархиального миссионера, известного противораскольничьего писателя священника Константина Попова.

* * *

Пятницкий А. **Опровержение.** С. 393–394

Милостивый Государь, г. Редактор!

Не откажите, Милостивый Государь, напечатать в „Миссионерском Обозрении“ нижеследующие строки по поводу тяжких обвинений г. Стаховичем сельского священника.

В № 347 „С.-Петербургских Ведомостей“ помещена статья А. Стаховича (Елецкого уездного предводителя дворянства?) „Невероятный случай насилия в деревне“, в которой он сообщает неверные и тенденциозно изложенные сведения об истязании 16-ти-летней служанки священника Михеева, заподозренной в краже у него 15 рублей, и указывает на самого Михеева, как на „вдохновителя“ крестьян, истязавших заподозренную в воровстве девушку. Обстоятельства этого дела, оглашённые в печати г. Стаховичем и перепечатанные многими либеральными газетами, подали повод к усиленным нареканиям на духовенство. А между тем по имеющимся в Орловском епархиальном управлении официальным сведениям дело это изложено г. Стаховичем не в том виде, как оно было в действительности: 1) прикосновенность священника Михеева к делу об истязании отрицается самими обвиняемыми по делу крестьянами, а также и родственниками потерпевшей – отцом и бабкой; 2) священник Михеев к производившемуся в уголовном суде следствию не был привлечён и не привлекается, а

сообщённое в газете „Русь“ (№ 27) тем же Стаховичем якобы „по достоверным сведениям“ известие, что священник Михеев по распоряжению из Петербурга арестован, прямо вымышлено, как вымышлено и сообщение, что пропавшие у священника 15 рублей, будто бы, были найдены в кровати ребёнка Михеева; 3) преступные действия крестьян, истязавших заподозренную в воровстве девушку, – преувеличены.

Священнику Михееву предоставляется право самому возбудить дело о А. Стаховиче за клевету в печати.

Орловской духовной консистории секретарь *Александр Пятницкий*.

* * *

Р. С. Долгом считаем обратить особое внимание наших читателей на общепольное распоряжение маститого Орловского архипастыря, епископа Иринея, касательно тем и характера проповедей подведомого ему духовенства в течении предстоящей св. четьредесятницы.

Являясь среди современных архипастырей нашей Церкви, после приснопамятного архиепископа Амвросия, самым опытным и мощным, по силе истово-церковного и догматического слова поучения, проповедником, епископ Иринея делает достойный всякого внимания почин руководства пастырей в *жизненном* проповедовании, а вместе и опыт в *упорядочении* относительно тем и характера сельской церковной проповеди, которая, обычно, несётся по волнующемуся житейскому морю, как утлая ладья, без руля и ветрил.

Давно пора! Помоги Бог! Миссия скажет великое спасибо за этот благой почин просвещеннейшему, неутомимому в заботах о духовных нуждах преемственно вверяемых ему паств, Орловскому архипастырю.

Ещё считаем также не лишним обратить внимание читателей на Орловское же *опровержение* печатных напраслин, если не сказать хуже, напраслин, взведённых г. Елецким предводителем дворянства А. Стаховичем на свящ. Михеева по делу истязания девушки-прислуги о. Михеева, заподозренной в воровстве денег у жены этого священника.

Г. уездный предводитель дворянства в своей «инкриминируемой» газетной статье, подхваченной всей печатью, навел в этой скверной истории, продланной сельскими башибузуками, сильные тени на священника.

Когда читаешь эту статью г. А. Стаховича, то так и слышишь, „оцуканье“ не предводителя благородного дворянства, а опытного охотника печатной травли: „а-цу его, – иерея Петра Михеева, „совершавшего литургию, когда мучили девочку“, это он – закулисный вдохновитель... Забрать его первого под арест... Такого получалось впечатление. И нам тогда думалось: либо о. Михеев действительно, *невозможный* пастырь и с этой стороны хорошо известный г. Стаховичу, которого надо и убрать, и пробрать, раз г. предводитель дворянства решился и даже более – *потщился* так *освистать*, печатно *распят* о. Михеева в глазах всей читающей России.

Либо г. Елецкий предводитель дворянства *большой ненавистник* духовенства вообще и рад был выпавшему случаю *подчеркнуть*, каковы-де, у нас в сёлах пастыри-то, полюбуйте, – на что они способны, раз вдохновляют тёмную сельскую власть, подобно, о. Петру Михееву, на издевательство и варварство... Если предположить, что сердце гуманного орловского предводителя г. А. Стаховича (того самого г. Стаховича, который – кажется в Харькове, на сельскохозяйственной выставке в интересах поднятия прибылей от животноводства предлагал отменить посты!) так болезненно поражают тёмные стороны местной церковно-общественной жизни, то, спросим мы г. Стаховича, почему он также печатно не восплакал и ещё об одной скверной истории, совершившейся в Орловской же округе: мы имеем в виду, не мало наделавшую шуму, историю с *расщеплением* школьной иконы учителем N-й земской школы? А ведь об ней тоже всякие дознания и следствия были, и она не менее нам показалась *позорной* историей, чем истязание девочки. Конечно, возмутительно истязать не только заподозренного, но и действительного вора, но возмутительно также и такое грубое кощунство со стороны воспитателя детей народа.

Интересно бы прочитать подробности и этого достойного всякого сожаления Орловского приключения. Воля ваша, а учитель, сельский иконоборец, топором уничтожающий школьную икону – явление достойное внимания даже и предводителя дворянства.

В. Скворцов

**Отклики // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10.
С. 396–403**

Из дневника о. Иоанна Кронштадтского в обличение лжеучения гр. Льва Толстого. С. 396–400

Желаете ли, православные, знать, что я думаю о Льве Толстом? А я вот что думаю и говорю: он объявил войну церкви православной и всему христианству. И как денница и сатана отторгнул своим хребтом третью часть звёзд небесных, т. е. ангелов и сделал их единомышленниками с собой, так наш Лев, сын противления, носящий в себе дух его, своим «рыканием и хвостом» своим отторг тоже едва ли не третью часть русской интеллигенции, особенно из юношества, в след себя, в след своего безбожного учения, своего безверия. – Его безбожные печатные сочинения свидетельствуют о том.

Разве собирают с терновника виноград и с терния смоквы. По плодам их познаете их, говорит Господь. Терновник России и всего христианского мира есть русский граф Толстой, бывший романист, а потом самозванец богослов, нисколько не смыслящий в богословии, нарядившийся в одежду мужика, чтобы вдоволь насмеяться над ним и Россией и удобнее привлечь его и всякого русского или иностранца недалёковидного на свою сторону, к образу своих мыслей и удобнее излить свой еретический яд в души их.

Есть ли какой отец, говорит Господь, в пример, который, когда сын его попросит рыбы, подал бы ему скорпию. – Толстой именно это и делает. Он подносит змею вместо рыбы и своему семейству, и всей России, и христианам всех стран и языков. Он хочет вырвать у всех веру в Спасителя, веру в Троицу, в церковь и во все спасительные истины, в которые веровать научила нас св. церковь, и без которых невозможно жить ни одному здравомыслящему человеку.

Так, по выпущенной Львом Толстым (в Лондоне) в начале ноября 1902 г. безбожной статье, озаглавленной: «Обращение к духовенству», виден истый русский романист, способный писать только романы с метким анализом обыденной людской жизни и страстей человеческих; но в тоже время до мозга костей пропитанный самомнением и гордостью, барской спесью и

ненавистью ко всему, что носит печать веры во Христа и в церковь, с дьявольской злобой к духовенству. Всё сочинение состоит из предвзятых ложных мнений о духовенстве и его деятельности. Толстой хочет разрушить веру во всё святое, жизненное, в то, чем человек живёт, спасается, утешается, укрепляется духом и телом; всё, что носит печать истины непреложной: – веру в Бога Троичного, в сотворение мира, в искупление человечества Сыном Божиим, всё это отвергает, как сказку, подвергает осмеянию и хочет все христианские догматы переиначить по-своему, верить только в свой ум, себе одному приписывает истину и себя только признаёт истинным учителем. Все положения у него ложны, а потому ложны и все заключения.

* * *

Толстой думает, говорит и пишет на почве безбожия и полного отрицания всего святого, всего, что носит в себе печать истины, думает и пишет преднамеренную и злонамеренную ложь, гордость, самомнение, самообожание, презрение к Самому Богу и церкви, – вот его первооснова; другого основания у него нет. перед нами – софист, и несведующих в истинах веры, не испытавших в себе спасительности веры Христовой легко может он отвлечь от веры и ввести в неверие.

В оклеветании церкви Толстой хочет найти себе самооправдание, похвалу, как истого героя правды, – и хочет всех отвлечь от церкви, как сатана отторг от Бога треть ангелов. Прежде чем писать опровержение на это сочинение Толстого, нужно знать (проанализировать) то состояние души Толстого, в котором он пишет свою заведомую ложь, которой он усиливается придать вид истины.

Под живым впечатлением отлучения от церкви он решился забросать её, сколько можно, грязью, и всё священное писание Ветхого и Нового Завета, всё богослужение, все таинства и особенно духовенство всех церквей. Толстой, исказив смысл Евангелия, исказил смысл Ветхого Завета и искажённые события передаёт в насмешливом тоне, подрывая в читающих всякое уважение к святому писанию; над всем, что дорого для христианина, на что он привык смотреть с детства с глубоким

благоговением и любовью, как на Слово Божие, он дерзко насмехается.

Толстой переносит свои поругания на духовенство, на церковь, на св. писание В. и Н. завета и на Самого Господа, и говорит: была ли такая вредная книга в мире, наделавшая столько зла, как книга В. и Н. заветов... Это прямо относится к толстовским сочинениям, не было вреднее их; Ренаны, Бюхнеры, Шопенгауеры, Вольтеры, – ничто в сравнении с безбожным Толстым. Написанное Толстым в «Обращении» – с точки зрения христианской – одно безумие.

* * *

Можно ли говорить с человеком умопомешанным, потерявшим здравый смысл, здравую веру, отрицающим общепризнанную живую и животворную истину, отрицающим, что А есть А, или – дважды два четыре, не признающим Альфы и Омеги, – с человеком, признающим разум человеческий, отуманенный и извращённый грехом, за исходную точку веры и познания? Невозможно. Таков именно и есть граф Лев Толстой, отвергающий откровенное Слово Божие – Библию и Евангелие и свой близорукий извращённый разум, ставящий исходной точкой всех знаний, высшим Библии и Евангелия, Библию и Евангелие считающий за сказку, как и жития святых.

Толстой в области религии показывал всю свою умственную тупость, всё своё пресмыкательство по земле, всю умственную мелочность, не могущую подняться ни мало на высоту религиозного созерцания. «Аще не уверуете, ниже имате разумети», говорит Господь. Толстой, отвергнувший веру в откровение, в Бога, действительно лишился возможности разуместь дела Божией премудрости.

Как мог Лев Толстой написать своё последнее грязное сочинение против истинной, святой, апостольской, спасительной, богопрославленной неисчетными знамениями и чудесами, и доселе прославленной от Него церкви? Да, – мог, но только при совершенной потере христианской совести.

В сочинении Толстого «Обращение к духовенству» – всё ложь и клевета беззаветная, беззастенчивая, наглая, и из основных ложных положений выводятся ложные заключения;

словом, в сочинении Толстого истина извращена, высочайшие догматы, непререкаемые, спасительные, представлены в тоне насмешливом, ироническом; Толстой не верит в истины, открытые Самим Богом и необходимые для спасения всякого человека, а верит только в человеческий разум и в совершенствование человека собственными силами, без благодати Божией.

* * *

Надобно, чтобы всякий, даже не верующий во Христа и Св. Троицу и в таинства христианской веры, обращался с лицами и предметами веры честно, потому что вера есть сердечное, драгоценное сокровище бесчисленного множества людей всякого языка, наций, всякого звания, и состояния, а не по свински, как Лев Толстой, и кто из христиан равнодушно относится к тому, кто хулит Христа, или Св. Троицу, искренно почитаемую избранными людьми всех веков, всяких наций, звания и состояния, – тот недостойн звания человека, а таков именно Толстой и толстовцы, обращающиеся с неоценённым, дражайшим Именем Господа Иисуса Христа, Св. Троицы, Богоматери, и с досточтимыми их изображениями и всех Святых. Скажет кто-нибудь, что печатно ругать человека, которому дана свобода слова и печати и который пишет и печатает, что придёт ему на ум, неприлично и не следует. А я скажу и Толстому, и его клеветам: поносить высочайшие Имена Троицы, Христа, Богородицы и Святых, Св. Чудотворные иконы и мощи и соблазнять народ православный и не православный, – по вашему можно. Да, – какому бы наказанию по закону должен подлежать и богохульный язык Толстого и его рука, пишущая богохульные словеса? По писанию: кто чем согрешает, тот тем и мучится, Толстой же безнаказанно богохульствует, да ещё и чтится, как старец знаменитый, как писатель, как родовитый граф, и Львом Николаевичем зовётся; какой он Лев Николаевич? Он имени христианского не стоит. Потерпел ли бы еврей, искренно верующий в Иегову, того, кто стал бы в слух его относиться недостойно к этому Св. Имени; или магометанин – того, кто в слух его стал бы поносить Магомета, хотя Магомет и не то, чем и кем его почитают? А Толстой невозбранно поносит

христианскую веру и её истинное святое и спасительное учение и её святые и животворящие таинства; – о, злодейство, достойное казни! Иудейские и римские законы казнили богохульников, и евреи кричали Пилату: «по закону нашему Христос должен умереть. Он Себе Сына Божия сотвори» (хотя он и действительно Сын Божий), а Толстой перед всем русским народом и перед всей христианской Европой хулит Христа, Который открылся Сыном Божиим в силе, по духу Святыни, от воскресения из мёртвых; веровался в мире, оправдался в духе, проповедался в мире, вознёсся во славе (Римл. I).

«Устами твоими буду судить тебя, лукавый раб», говорит Господь в Евангелии, и я скажу: отрицаниями твоими отрину тебя, Лев Толстой, и хулы твои обращаю на тебя.

(Продолжение следует).

Феодул. О хлыстовстве. С. 400–403

На стр. 1464-й № 20 Миссион. Об. за 1903 год, помещено письмо священника Самарской губ. Ф. О., который просит разъяснить вопрос «о хлыстовских скаканиях». «Культ плясок сектанты стараются основывать на тексте св. Писания и практике церкви православной, её песнопениях. Прежде всего указывают на пример царя Давида, плясавшего перед ковчегом (2Цар. 6:14–33). Мелхола, осудившая его за это, терпит наказание. Церковь в пасхальных песнопениях похвалит Давида за это и приглашает «весёлыми ногами» идти и хвалить Пасху вечную. Указывается обычно ещё на пример хромого, по исцелении скачущего и хвалящего Бога» (Деян. 3:8).

Думаю, что следующее место из Влад. Соловьева может вести к разъяснению недоуменного вопроса.

Приведя 2Цар. 6:1–3, 13–23, Владимир Сергеевич, замечает: «Не для одной дочери Сауловой, но также и для современной библейской критики Давид, изо всей силы, скачущий и пляшущий перед лицом Ягвэ (Иеговы), представляет соблазнительное зрелище. Эта поверхностная критика, останавливаясь на одной видимости, готова вполне отождествить скакание Давидово с иступлёнными и бесстыдными плясками языческих корибантов⁶². Это значит за сходством во внешних чертах, за общностью видимых форм забывать о специфическом различии в самом религиозном содержании того и другого культа. Такая критика, которая во всём отыскивает и видит *одно и то же*, одну и ту же материальную подкладку, – по необходимости *остаётся бесплодной*». И у Миколи (Мелхолы) дочери Сауловой – не было у неё детей до дня смерти её».

Мы знаем, что на первичных степенях развития все органические формы очень похожи друг на друга, а для поверхностного взгляда и-вовсе не различимы. И если, однако, из одного зародыша выходит крот, а из другого – конь, то мы имеем полное основание заключать о важном и коренном различии происхождения и специфического характера этих двух

зародышей, несмотря на всё их кажущееся сходство. Пускай древняя религия евреев представляет нам разительные черты сходства с теми или другими натуралистическими культами. Но так как мы достоверно знаем, что не из сих последних, а именно только из одного еврейского богочеловеческого богопочитания произошла путём непрерывного развития всемирно-историческая религия человечества, то мы в праве заключить, что и на Низших стадиях своего возрастания религия эта уже отличалась специфически от сходных с ней языческих культов. Скакал и прыгал Давид перед лицом Ягвэ, скакали и прыгали также какие-нибудь жрецы Аписа или Адониса; Давид выражал всецелую преданность своему Божеству, то же самое выражали и они. Но так как их божество было слепой природной силой, то, отдавая себя ему, они *теряли* свою личность и свободу; Давид же через полную преданность своему духовному (хотя и облечённому в природные формы) Богу *приобретал* полноту свободы и нравственного самоопределения. «И сказал Натан царю: *всё, что в сердце твоём, иди делай; ибо Ягвэ с тобою* (2Цар.7:3). Не пропало человеческое начало, отдавшись истинному Богу, не исчезло в Нём, а осталось с Ним; *отдавались истине, оно получило свободу*. Не внешнюю, не чужую волю исполняет служитель истинного Бога: поскольку его сердце предано Богу, он может свободно и самостоятельно действовать по желаниям своего собственного сердца, человеческое начало в нём освобождается и уполномочивается в силу богочеловеческого сочетания. «Грядущий с тобой (Ягвэ иммак) – это слово, сказанное ветхозаветному помазаннику Божию, уже содержит в себе новозаветное имя Христово: «С нами Бог» (Имману-эл). И тут, и там единая истина Богочеловечества, только на разных степенях своего осуществления. Религия Давида отличается от христианства не сущностью, а только формой, с языческими же религиями, напротив, при одинаковости форм, она представляет внутреннюю, существенную противоположность.

Языческие жрецы, в иступлённом оргазме предаваясь своему Божеству, спускались ниже человеческого сознания, возвращались *назад* в область стихийной до-человеческой

жизни природы. Служитель еврейского Бога, отдаваясь в своём вдохновенном изступлении Ему, этому *Грядущему* Богу, поднимался *над* обычным человеческим сознанием, переступал его *вперёд*, предварял грядущие судьбы человечества».

Полагаю, что из этого отрывка не трудно сделать надлежащий вывод, т. е., такой, который отвечал бы на поставленный Самарским батюшкой вопрос. Вот этот вывод:

Пляска хлыстов и скаканье Давида – две вещи разные. Отожествлять их это значит: «за сходством во внешних чертах, за общностью видимых форм забывать о специфическом различии в самом религиозном содержании того и другого культа». Не требуется большой вдумчивости, чтобы заметить существенную разницу в душевных переживаниях Царя-Пророка и хлыстов, переживаниях, внешним выражением которых является скаканье. Для этого достаточно, думаю, сравнить псалмы Давида с песнопениями хлыстов. Тому, кто непосредственно знаком с этим секретом, тем легче почувствовать и понять указанную разницу. С некоторыми ограничениями и пояснениями к хлыстам можно отнести всё то, что Влад. Соловьев говорит о языческих корибантах, о жрецах Адониса. Как тут, так и там потеря личности и свободы, как тут, так и там исступление приводит к тому, что люди спускаются «ниже человеческого сознания, возвращаются *назад* в область стихийной жизни природы». – Этим я и ограничиваюсь в своём отклике на запрос досточтимого иерея. Я хотел только указать исходный и опорный пункт, которого, кажется мне, следует держаться при решении данного вопроса, т. е., при оценке явления в хлыстовстве сходных с теми, которые наблюдаются в области религии Богооткровенной.

Детальное развитие этой мысли и практическое приложение её – дело миссионеров-практиков.

Феодул

**Со скрижалей сердца // Миссионерское обозрение.
1904 г. № 1–10. С. 404–416**

Высочайший манифест о войне с Японией. С. 404–405

БОЖИЕЮ ПОСПЕШЕСТВУЮЩЕЙ МИЛОСТИЮ,
МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,
ИМПЕРАТОР И САМОДЕРЖЕЦ ВСЕРОССИЙСКИЙ.

Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский; Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Польский, Царь Сибирский, Царь Херсонеса Таврического, Царь Грузинский, Государь Псковский, и Великий Князь Смоленский, Литовский, Волынский, Подольский, и Финляндский; Князь Эстляндский, Лифляндский, Курляндский и Семигальский, Самогитский, Белостокский, Корельский, Тверской, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных; Государь и Великий Князь Новгорода низовские земли, Черниговский, Рязанский, Полотский, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский, Витебский, Мстиславский, и всея Северные страны Повелитель; и Государь Иверский, Карталинские и Кабардинские земли и области Армейские; Черкасских и Горских Князей и иных Наследный Государь и Обладатель; Государь Туркестанский; Наследник Норвежский, Герцог Шлезвиг-Голстйнский, Стормарнский, Дитмарсенский и Ольденбургский, и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляем всем Нашим верным подданным:

В заботах о сохранении дорогого сердцу Нашему мира, Нами были приложены все усилия для упрочения спокойствия на Дальнем Востоке. В сих миролюбивых целях Мы изъявили согласие на предложенный Японским Правительством пересмотр существовавших между обеими Империями соглашений по Корейским делам. Возбуждённые по сему предмету переговоры не были однако приведены к окончанию, и Япония, не выждав даже получения последних ответных предложений Правительства Нашего, известила о прекращении переговоров и разрыве дипломатических сношений с Россией.

Не предуведомив о том, что, перерыв таковых сношений знаменует собой открытие военных действий, Японское

Правительство отдало приказ своим миноносцам внезапно атаковать Нашу эскадру, стоявшую на внешнем рейде крепости Порт Артура.

По получении о сём донесения Наместника Нашего на Дальнем Востоке, Мы тотчас же повелели вооружённой силой ответить на вызов Японии.

Объявляя о таковом решении Нашем, Мы с непоколебимой верой в помощь Всевышнего и в твёрдом уповании на единодушную готовность всех верных Наших подданных встать вместе с Нами на защиту Отечества, призываем благословение Божие на доблестные Наши войска армии и флота.

Дан в Санкт Петербурге в двадцать седьмой день января, в лето от Рождества Христова тысяча девятьсот четвёртое, Царствования же Нашего в десятое.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ“.

По поводу войны с японцами С. 405–414

Психология и философия войны, – Отклики печати.

Мы в долгу у вас, дорогие читатели. Издательские заботы доселе лишали нас досуга взяться за новогодние наши «Скрижали сердца», которыми мы обычно начинали новогодний наш обзор состояния миссионерского дела в истекшем году и характеризовали известные нам новогодние настроения и чаяния наших со-работников на миссионерской ниве.

В настоящей беседе мы решили было поделиться с вами мыслями о том, с какими чувствами и чаяниями наша внутренняя миссия вступила в новое лето своего служения Церкви и Отечеству.

И вот в момент работы по данному вопросу, наше сердце, как и всякого верного сына своей дорогой отчизны, поражено, ум подавлен разразившимся, из давно нависших свинцовых туч с дальнего востока, страшным ударом неслыханного вероломства и политического оскорбления России со стороны мнимо цивилизованных азиатов-японцев! Вчера сообщено о разрыве дипломатических отношений, а сегодня – о внезапной атаке наших лучших броненосцев с причинением им повреждений! Без объявления войны начали кровавое и страшное дело хищные азиаты язычники, у которых своя варварская этика, своя разбойничья политика. Можно ли в такой исторический момент думать, говорить, читать, заботиться о чём-либо другом, кроме переживаемых отечеством военных событий? Война великое народное бедствие, попущенное Провидением. Неисповедимы пути Промысла Божия! Куда ведёт он нас, что несёт он Руси святой? Не есть ли эта война с жестокими язычниками – мера Божьего смотрения, воспламеняющая наш, многими забытый под тлетворным влиянием Толстовских мудрований, патриотизм? Ну-ка, Яснополянский проповедник антимилитаризма, космополитизма и эгоистического непротivления злу, что вы чувствуете сейчас со своей философией, когда благородное миролюбие нашего гуманнейшего из монархов Царя-Батюшки так попорно и

оскорблено? По вашей теории, что надлежит делать, когда предательски, вероломно минируют наши броненосцы? Как, по вашей антимилитаристской теории, без оружия выйти из нынешнего положения? Хорошо, тепло и уютно вам празднословить в Ясной Поляне, – пойдите-ка в Порт-Артур и там на месте, – de facto – на собственной шкуре испытайте плоды вашей теории...

Тяжёлый томительный день 27 января, когда все русские люди находились под давлением печальных известий с дальнего востока, когда площадь у Зимнего дворца переполнена была народом, пламеневшим самоотверженным желанием всё принести на алтарь оскорблённого отечества, до жизни своей включительно, – мы закончили посещением прекрасной миссионерской беседы Д. И. Боголюбова в зале религиозно-просветительного общества – и вот там один простец из последователей Толстого, очевидно мучимый в своей душе, спрашивал как быть ему, – началась война, он присягал на верность Царю и Отечеству, теперь уразумел, по Слову Божию, что воевать нельзя, как теперь быть ему?.. И нашёл же минуту для раздумья! А ведь многие так теперь мучатся душой! Вот они плоды Толстовства!

Много подобных вопрошений встретят и пастыри, и миссионеры, и от простецов, и от премудрых века сего, и надо будет давать ответ, который бы был согласен с Словом Божиим, с философией и психологией войны.

На страницах «Мисс. Обзор.» не раз трактовалась война с точки зрения богословской, будут об этом отклики и впредь, а в настоящий раз мы считаем полезным познакомить наших читателей с этой второй стороной жгучего для настоящего момента вопроса о войне. Пользуемся для этого как всегда глубоко интересной и вдумчивой статьёй М. О. Меньшикова, напечатанной в № «Нового Времени» от 25 января. Достоин внимания, г. Меньшиков сам был некогда непротивленцем.

* * *

Тяжёлые, мучительные дни. Будет война или не будет, пишет г. Меньшиков.

Неужели все победы наши только в прошлом? Неужели эпоха подвигов похоронена. Но чувствую, что великие испытания уже не медлят, «сроки близятся». Где-то в складках времени и пространства, может быть в мистических многомерных «измерениях», вне нашего сознания определяется жребий событий. Земной шар окутан электрическими токами, которые так сродни нервным. Может быть назревают над нами и в нас самих напряжения, которых встреча готова разрешиться всплеском энергии, и он неожиданно решит, что делать. Ни война, ни мир, если вдуматься в них *post factum*, не похожи на результат обдуманых размышлений. Всё складывается как-то само-собой, под давлением непредвиденного, непредотвратимого...

Мне кажется, в эпохи, когда долгий мир ломается войной, народ вдруг как бы просыпается от какого-то сна, от самозабвения и начинает чувствовать себя как некое многовековое историческое существо, как нацию, отдельную от других. Мир есть состояние благословенное для тела народного, но для духа наций, для высшей индивидуальности масс мир губителен. Во время мира народы обмещаниваются, духовно мельчают; они растворяются в подражании один другому. Англичане заимствуют у французов, те у англичан и т. д. Устанавливается однообразное, космополитическое общество, где мода, вкусы, законы, права, идеи – всё общее. Продержись мир триста лет – границы между государствами, пожалуй, стёрлись бы. В эпоху вечного мира – эти границы были бы совсем нелепостью. Только война поддерживает раздельность стран. Но это было бы прелестно, – воскликнет читатель, – если бы совсем никаких границ! Наступило бы царство Божие – одна семья. Чего же лучше, если бы все люди сделались похожими друг на друга? Если бы один был как все, все как один?

Я не знаю, хорошо ли это было бы. Иной раз мне кажется, это было бы чудесно, иной раз страх берёт от такого идеала. Если все как один, какой смысл существовать всем, кроме одного? Теперь, когда каждый народ отличается хоть какой-нибудь чертой, единственно ему присущей, есть оправдание

каждому; я прибавляю в мир нечто, чего никто дать не может. Если же все будут как все, мир страшно обеднеет; из бесконечно-богатого, разнообразного музея он превратится в гигантский склад всё одной и той же вещи. Не будет человечества, останется в сущности один человек. Ведь сколько бы ни отливали копий Геркулеса Фарнезского, остаётся в сущности одна статуя.

Что такое Царство Божие – вопрос очень спорный. Может быть это Царство не в будущем, а в настоящем, может быть оно есть мир, существующий как он есть, со всеми красками и тенями, с борьбой и покоем, с вечной любовью и вечным гневом. Может быть сущность христианства – в признании высшей воли, как она есть: «Да будет воля Твоя». Не мне входить в замыслы природы, но раз есть начало, поддерживающее вражду, я хотел бы понять, для чего оно? Для какой цели Небо терпит жгучую злобу, кровь и раздор? Я думаю, что борьба не существовала бы, если бы была только гибельна. Она давно в этом случае испепелила бы мир. Следует допустить, что страшные жертвы войны выкупаются какой-то огромной пользой, хотя бы для нас неясной. В старину эта польза почти сознавалась. В старину думали, что война – прекрасное дело, что умереть за отечество – высший смысл жизни. Умереть на своей постели считалось позорным, одинаково и у греков, и у варягов. Отечество, государство (у римлян) – вот некое высшее существо, питавшееся войной. Войну вели только благородные богатые классы; бедняки не принимались в армию. Войной отстаивали нечто священное, что дороже жизни. Что же именно?

* * *

Мне кажется, то, для чего существует международная злоба, раздор, война есть расовая *индивидуальность*, стремление жизни отстоять богатство форм, всю роскошь творческого замысла. Мир путём всеобщего подражания, проникающего всю природу, – сглаживает все индивидуальности, все отличия, мир все формы претворят в одну. Война разбивает сходства, разъединяет, позволяет творческому процессу искать новых возможностей и работать по

тысяче направлений. Поэтому войны, ведущиеся с незапамятной древности, не вносят ли они в мир то начало, которым поддерживается его разнообразие и богатство? Меч, как резец скульптора, не отчеканивает ли из глыбы человечества характерные черты наций? Так как подражание предписывается и государственным законом, и обычаями каждой страны, то в ней устанавливается рано или поздно общий человеческий тип вроде фиалки или ландыша, совсем особый. Войной он защищается от искажающих его условий и приобретает более прочную обеспеченность. Если данный тип одряхлел – он теряет способность сопротивленья, он вытесняется иными, более энергическими. Война в этом смысле есть великий экзамен расы, проверка её документов на право существования. Победителям война даёт первенство в мире, побеждённых обрекает на гибель. Но если они действительно дряхлые, гнилые, то гибель их не есть ли благо в общей экономии природы? Не есть ли их гибель – благодеяние для них самих? Бывают нации, которым не хочется защищать свою ослабленную индивидуальность, как неизлечимо-больным – свою испорченную жизнь. Такие народы, будучи побеждёнными, быстро ассимилируются. Подобно рептилиям они линяют, сбрасывают кожу и в национальности завоевателей обновляют и тело, и дух свой. Так онемеченные славяне сделались бравыми пруссаками, более немцами, чем сами тевтоны. Наоборот, многие немцы в России более патриоты, чем сами русские. Война вносит в человечество раздор, нищету, злобу, – но может быть эти жёсткие элементы духа необходимы – подобно жёсткой клетчатке – для разграничения национальных клеток, в которых только и возможна жизнь. Некоторые древние народы Богом считали своё национальное «Я»: Ассур было имя бога и имя народа. Основная заповедь: «Я есмь Господь Бог твой» евреями на практике понята так: «Господь Бог твой есть Я, – да не будут тебе иные Боги, кроме твоего Я». Отсюда тот ужасающий народный эгоизм, который проявил древний Израиль. Евреи все народы отгородили «чертой осёдлости», они обрекли их на лютое истребление, которое было не выполнено только за недостатком сил. своё избранничество

евреи понимали, как нечто купленное человеческой кровью. Мессия, которого они до сих пор ждут, должен покорить им все народы. Теперь мечта эта – чистое сумасшествие: евреи уже не любят войны, но в своё время это помешательство на своём «Я» позволило евреям – одним из всех античных сверстников – отстоять на протяжении двух тысяч лет свою расу. Чтобы довести национальную идею до мании, потребовались пятисотлетние войны от Моисея до Давида включительно. Воинственные народы – как правило – долговечнее мирных, так как раса их путём непрерывного сосредоточения на своей личности слагается породистее и крепче.

Все эти рассуждения прошу принять лишь как догадки, не более. Я не проповедую войны, как и её уничтожения. Война до такой степени явление древнее, что похожа на естественный факт органической жизни. Война похожа на пищеварение, на обмен соков внутри тканей человечества. Если это физиологическое отправление, то как вы его станете отвергать? Я не считаю себя разумнее природы. Уклоняясь от войны, как от холеры или чумы, я не смею назвать даже холеру и чуму бессмысленными и совсем-таки ненужными в общем хозяйстве природы. Кто знает, может быть, как молния, зажигающая девственные, полумёртвые леса, освежает их, сжигая сухостой и гниль, – так и великие бедствия человеческие: они играют роль очищающих перунов. Бедствия нужны, чтобы здоровое отделить от больного, слабое от сильного, чтобы высвободить живые клетки от облекающей их слизи мёртвых. В бедствиях отковывается совершенство:

... тяжкий млат.

Дробя стекло, куёт булат.

Нет холеры, нет чумы – общества дряхлые изобретают сами несчастья, не менее страшные: например, пьянство, опий, разврат. Любопытно, что после эпох ужасающего пьянства в Англии, Германии, Швеции следовал не упадок, а подъём их энергии. Цивилизации зацветали всюду после великих войн. Ангел смерти разнообразными стрелами поражает то, что недостойно жизни, и только это поддерживает вечную её свежесть.

Войны были; вероятнее всего, они будут. Но когда окончательно установятся человеческие породы, может быть война будет не нужна, и как всё ненужное исчезнет. Когда типы людей будут так же определённы, как тополь, пальма, роза, незабудка, установится в человеческом обществе то же немое прозябание, полусознательное, неподвижное, как в лесу. Творческий, взволнованный, полный мечты и страсти процесс будет закончен: изменявшиеся и оживавшие под резцом Художника модели человеческого типа будут Им наконец оставлены, как готовые. Создание перейдёт в вечное повторение, и это будет вечный мир.

Вы спросите – неужели ошибаются проповедники мира? Вовсе нет. Проповедники мира уже принадлежат к законченным человеческим породам. Как отдельные ветки дерева, они выдвинулись и созрели раньше других. К сожалению, мне неизвестен ни один искренний проповедник мира: все они воюют, хотя бы на словах. Мир действительный – полное молчание, как в лесу, – ибо когда мы достигнем полного согласия, к чему будет служить обмен мысли и сама мысль? Есть движущиеся растения, – возможно, что все они некогда были животными, т.-е. двигались и говорили, и лишь после бесконечной борьбы отстоялись в окончательные формы, которым пришлось смолкнуть. Истинные друзья мира – отшельники – усваивают себе этот идеал. Древние, законченные народы неподвижны и молчаливы: таковы народы Востока, за исключением, впрочем, евреев. Но не примесь ли европейской крови делает последних болтливыми и полными суеты? Китайцы, арабы, турки, египтяне степенны, они сидят дома. Их мысль перешла если не в молчание, то в стереотип. Воинственность мелких племён – курдов, бедуинов и т. п., как и воинственность англосаксов поддерживается пестротой крови, непрерывным смешением пород между собой, порчей типа. Примесь чужой крови вызывает брожение, которое отдельных людей ведёт к гениальности, отдельные народы – к победам и культурному расцвету. Восстановление расы, как цель достигнутая, возвращает её к покою. Так как всё в природе естественно, то и война естественна; на неё смотреть следует

как на морфологический процесс, разрушительный для слабых и созидательный для сильных.

* * *

Я прочёл в одной русской заграничной газете, что «отечество» есть «ненавистное суеверие», которое «оскотинивает» людей и порабощает слабых сильным. «Всякая низость, жестокость, всякие нечистые дела, всякие лживые обещания прикрываются этим словом, как девизом». И вообще, говорит газета, «пора покончить с этой зловещей комедией!» Легко сказать! Мне кажется, покончить с тем, что создал Бог, не так-то просто. Космополитизм возможен в мечте, в идее. Я допускаю, что есть искренние космополиты, но они люди 50-го века; породы, завершившие свою эволюцию. Для них отечество может быть и комедия, но огромному большинству людей отечество ещё дорого, и даже дороже своей личности. Мы породы молодые, формирующиеся, нам страшно дорог органический идеал наш потому, что он не достигнут. За своё я, за независимость народного духа, за державную власть в черте страны нам ещё хочется воевать, хочется жертвовать жизнью. Отечество едва ли «комедия» – скорее оно трагедия, – так много ужаса, крови благородства и героизма вплетается в его узор. Говорят: война не согласна ни с разумом, ни с совестью. Я спрошу: с чьим разумом? С чьей совестью? Так как все народы воюют с тех пор, как свет стоит, то очевидно война согласна и с совестью, и с разумом человеческого рода. Война не отвечает разуму некоторых великих людей. Это правда. Геродот, Плутарх, Платон, Цицерон, Сенека, Ювенал ещё до христианства осуждали войну. В новейшее время Эразм, Монтэнь, Монтескье, Вольтер, Руссо, Гёте, Ренан, Милль, Толстой высказывают презрение к войне. Она – с *их точки зрения* – заслуживает презрения. Странно было бы представить между людьми такой породы, каковы Сенека и Лев Толстой, физическую борьбу, умерщвление друг друга. Если бы человеческий род состоял из законченных психологических типов, каковы вот эти великие люди, – то стоял бы вечный мир. О войне, может быть, не было бы понятия, как в народе исчезло понятие о людоедстве. Но человечество состоит из самых

разнообразных душ, в огромном большинстве совсем не похожих на Монтэня или Толстого. Даже из великих людей подавляющее большинство было за войну. От Гомера до Баяна Вещего, от того же Плутарха до того же Льва Толстого все поэты воспевают то благородство, какое война обнаруживает в людях вместе с низостью. Бэкон, Гоббс, Гегель, Гумбольдт, Прудон, Достоевский и пр., защищают войну; Кант считает её неизбежной, Ницше возводит в высшую добродетель. Пушкин и Байрон хотели лично участвовать в войне. Привожу первые попавшиеся имена, чтобы показать, что даже среди заведомо великих людей война не противоречит совести и разуму очень многих. Человек столь сильного ума, как гр. де-Местр, договаривался даже до мысли, что «назначение человека заключается в уничтожении себе подобных». По его словам, «война есть исполнение Высшей Воли. Она божественна по существу, так как она мировой закон». Де-Местр думал, что последствия войны недоступны человеческому уму, но таинственный ореол войны, обаяние славы и необъяснимое влечение к ней доказывают её божественность. Вся цивилизация, по мнению де-Местра, есть плод пролития крови. Не менее восторженно относится к войне Прудон: «Война, говорит он, – божественное явление, справедливое, добродетельное, нравственное, святое, особый вид религиозного откровения». Этого восторга перед войной я лично совершенно не понимаю, но, как видите, даже великие люди не сталкивались об этом явлении, столь загадочном и грозном. На днях я читал в «Новом Крае» сцену, как русский отряд ловил хунхузов. Едва хунхуз открыл рот, офицер всадил ему в рот кинжал... Прочёл я это и содрогнулся. Какой – хуже всякого кошмара – ужас: Несколько дней этот кинжал не выходил у меня из головы: вот она, война... Но с другой стороны, когда тут же рядом читаешь о том, что никакие истязания, ни пытки, ни смерть не могли вынудить у сотника Петропавловского и его казаков нескольких слов измены, – опять говоришь себе: вот она, война. Возможен ли в мирное время подобный подвиг? Нет. Война – смесь яркого света и чёрной тьмы. Война – возвращает творение к хаосу, она делает маленькие вибрации нашей жизни

огромными. Война роняет дух человеческий до самых тёмных бездн преступления и поднимает его до совершенного отречения от своей личности. В то время, как мир держит гражданина всё на одной и той же моральной ноте, захватывая лишь ближайшие, – война исчерпывает все октавы, все регистры – и в этом, может быть, обаяние войны. Война есть сгущённая жизнь, это озон, которым дышать так приятно и вместе смертельно. За десятки лет обеспеченной, благополучной жизни во время мира вы не переживёте тех биений сердца, как в один час боя. Часто слышишь фразу: «Хочется сильных ощущений» – это не каприз. Как ребёнку хочется двигаться, – хотя бы скакать на одной ноге, – очень многим людям – даже великим, и целым нациям хочется острых и страстных чувств. Япония не воевала, например, сотни лет – и вот ей хочется пережить смертельную опасность, не какой-нибудь, а сатанический гнев, не обычную вялую, а лихорадочную надежду. Хочется волнений кипучих, доведённых до предела. Кто знает, может-быть эта всенародная встряска столь же необходима для роста души, как движение для роста тела. «Есть упоение в бою и мрачной бездны на краю»... Война есть способ привести все силы человека в наивысшее напряжение. Это напряжение, становясь привычным, закрепляется как рост души. Война до такой степени была потребностью свежих рас, что, когда не с кем было воевать – ходили на охоту, вступали в единоборство со львами и медведями. И до сих пор охота – этот сурогат войны считается благородным развлечением. Война возбуждает национальный эгоизм, разрушая личные. Ощущение этого массового стихийного чувства почти недоступно в мирное время. Ощупью, безотчётно, народы доискиваются условий, чтобы после долгого мира иметь роскошь повоевать. Не материальный выигрыш – он бывает ничтожен, а вот эти немые и тёмные потребности строящейся души, в них вся суть.

Отклики печати. С. 415–416

Итак, свершилось! Рука предателя нанесла удар чести и достоинству России, и грозного возмездия оскорблённого народа ничто уже не в силах остановить!

Пусть будет тяжела борьба. Нам она не страшна. Русский солдат умеет умирать. Где не развевались победоносно знамёна русской армии? И каких бы страшных жертв ни стоила России не ею начатая борьба, но не кончится эта борьба, пока русское оружие не увенчают новые лавры.

Божией поспешествующей милостью, Русский Царь уповает на единодушную готовность всех верных своих подданных встать вместе с ним на защиту отечества.

Горячий отзыв найдёт это упование в сердцах русского народа. С беспредельной готовностью всякий из сынов России отдаст свою жизнь и своё достояние за честь и славу родины.

Грядущее от нас сокрыто. Но, призвав вместе с Царём благословение Божие на доблестные войска армии и флота, русский народ с твёрдой верой будет ждать славного конца возгоревшейся борьбы. (Русь).

Глубоким спокойствием духа, верой в Бога, покорностью велениям Его неисповедимого Промысла, уверенностью в любви народа и тесной с ним связи преисполнен Высочайший манифест.

Миротлюбивый христианский Монарх, Государь наш, приложил все усилия к предотвращению военной борьбы с Японией. Но борьбы этой искала сама Япония. Пуст же и пожнёт она плоды начатого ею столь коварно дела.

Объявление Высочайшего манифеста точно гору сняло с груди каждого. Вчера ещё все знали, что манифест подписан, что Царь во храме своих чертогов коленопреклонённо молит Господа Сил о даровании воинству Российскому одоления над врагом. Но манифеста ещё не читали, Царского гласа ещё не слышали. Ныне раздался глас этот, прочитаны всеми столь ясные и простые слова, обращённые Царём к народу и душевное равновесие восстановлено.

Слово «война» не сказано в манифесте. Повелено «вооружённой силой ответить на вызов Японии». Россия войны не искала, но ответить насильнику она умела всегда.

Задорная Япония даже не предполагает, какую пропасть она изрыла себе своим разбойническим нападением. Русские никогда не были коварны. В них всегда жил богатырский завет Святослава, – говорить врагу «иду на вас» перед нападением.

Тем больнее отзывается в сердцах русских коварство и лукавство противника. Во враге, как и в друге, мы привыкли чтить храбрость, искренность, устойчивость и привыкли презирать обман, действия исподтишка, разбойничество.

Царь, знающий сердце своего народа, не сомневается в его единодушии. Чувства эти уже проявляются в выражениях верноподданнических чувств в готовности теперь же нести материальные жертвы.

Чутко будут прислушиваться русские люди к вестям с Дальнего Востока, но ни смущения, ни трепета они не проявят, как бы ни складывались судьбы войны.

Ныне жребий брошен и будет так, как Богу угодно. Вера поведёт нас к победам, вера же спасёт нас от уныния при неизбежных временных испытаниях и неудачах.

Бодрость духа и крепость любви к отечеству были всегда природными русскими свойствами. (Свет).

Приложение // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10. (Приложение) С. 33–48

вают и помышления чистые, чувства и стремления и дела добрые, не без примеси греха; весь человек вне Богомерзок, противен Ему, как проникнутый злым ядом и тлѣй греха, и без очищения от этой мерзости греха он не может соединиться с Богом, от Которого он получил жизнь по образу и подобию Божией простоты, Божией святости и благодати, и которую утратил. Чтобы очистить человека, и, так сказать, переплавить его, и совершенно омыть от греха, Господь, как мудрый Создатель и Врач, очищает его водой и Духом Святым таинственным образом, Ему одному, как премудрому Врачу, свойственным. Для этого, Он Сам, святѣйший и безгрешный, крестится в воде Иордана, освящает Собой воды для всех веков и родов человеческих, для омовения тела от скверны греха, освящая воды, а душам крещаемых сообщая благодать Духа Святого очищающую, освящающую и возрождающую; для согрешающих же после крещения сообщая благодать прощения грехов в покаянии и благодать освящения и богообщения в причащении Пречистого Тела и Крови Его. Таким образом, без огня и горнил Господь, как искусный Ваятель и Художник, – как бы переплавляет и очищает своё премудрое создание от крайней нечистоты и скверны греха и возводит его к первобытному совершенству и святости под условием повиновения человеку новым заповедям Его, как сказано: заповедь новую даю вам, да любите друг друга, как Я возлюбил вас (Ин.13:34). И это премудрое промысление Божие о возрождении падшего и умерщвлѣнного грехом человека – оправдано всеми чадами Божиими (Мф.11:19), последовавшими в простоте и усердии сердца Божиим повелениям, ибо бесчисленное множество святых, чудным образом возродилось в новую жизнь и наследовало царствие Божие. Плотский, мирской, недуховный человек не может понять этого премудрого промысла Божия и духовно востязуется и по своему высокоумию отвергает благодать крещения, как наш русский

ересиарх – Лев Толстой, и, таким образом, как древние фарисеи и книжники, он и его последователи отвергают мудрый Совет Божий о спасении человека, и в своей гордости, неверии, лукавстве погибают, ибо без крещения и покаяния никто не может видеть Царствия Божия.

Елицы во Христа креститесь, во Христа облекостесь. говорит Апостол. Что значат эти слова? Они означают, что человек, по вере своей или восприемников крещённый во Христа и во имя Св. Троицы, облекается духовно во Христа, т. е., в Его святость и правду, в Его кротость, смирение, самоотвержение, воздержание, терпение, послушание, в Его любовь и милосердие, – вопреки ветхому, некрещённому, невозрождённому от Бога человеку, который внутренне, тайно весь облечён в диавола, в его гордость, лукавство, злобу, самолюбие, самоугодие, любостяжание, зависть, в блуд и всякую нечистоту, противление и неповиновение закону Божию, в неверие, своенравие, леность к благочестию, и в стремление ко всякому нечестию и нечистоте. Вот что значат слова: елицы во Христа креститесь, во Христа облекостесь; т. е., все крещёные во Христа, облеклись, оделись Христом, – т. е., всякой добродетелью, между тем, как некрещённые одеваются невидимо, как одеждой, – всяким грехом, и живут одним духом с диаволом. А отсюда вытекает неременная обязанность для всякого христианина понуждать себя стремиться усердно ко всякой добродетели, и бороться усердно и самоотверженно со всяким грехом, со всякой греховной страстью, греховными навыками, похотями, по слову Божию: *те, которые Христовы, распяли плоть со страстями и похотями* (Гал.5:24).

Нынешний праздник называется ещё Богоявлением Господним, потому что при Крещении Господа Иисуса Христа в Иордане явилось людям безначальное Триипостасное и Трисиятельное Божество – Отец безначальный, возгласивший с небес и наименовавший Крещаемого Сыном возлюбленным; Сын со-безначальный и Творец всех, крестившийся по человечеству в Иордане и со-безначальный Дух Святой, Коим всяка душа живится, очищается и освящается, и утверждается. Таким образом, в крещении Иисуса Христа во Иордане

открылось великое таинство христианского богословия, через которое мы все научились веровать в Троицу безначальную, единосущную, Отца и Сына и Св. Духа – во едином Божестве. Это – самое главное, и спасительное учение нашей веры, и без веры во Св. Троицу никто спастись не может. *Шедше научите вся языки*, заповедал Христос Своим ученикам, *крестяще их во имя Отца и Сына и Св. Духа* (Мф.28:19). *Иже веру имет и крестится, спасен будет, а иже не имет веры, осужден будет.* – Лев Яснополянский со своими последователями не веруют в Св. Троицу по своему высокоумию, противятся слову Божию и не признают его за таковое, – хотят найти в своих потёмках какого то другого, безличного бога, какое-то другое начало всех начал и нашли его в виновнике всех мировых зол – в духе злобы, действующем в сынах противления, и впали в лапы первого богоборца и отметника от Бога – дьявола. Но Бог поругаем не бывает. (Гал.6:7). Аминь.

Протоиерей *Иоанн Сергиев*

VII. Слово преосвященного Стефана, епископа Сумского, на „Новый год“ ⁶³. С. 35–42

Благослови, Господи, венец лета благодати Твоея.

С новым годом приветствую вас, возлюбленные братья и сёстры о Господе! По церковному положению уже с вечернего часа мы вступили в пределы нового лета благодати Божией, и сей венец лета св. мать наша Церковь уже освятила теми вечерними и утренними молитвами своими, которые мы с вами только что вознесли Господу Богу. Но, идя на встречу желанию чад своих освятить для них молитвами и гражданское новолетие, наступающее с сего полночного часа, св. Церковь в лице нас, служителей своих, спешит вознести вместе с вами молитвы свои к Творцу времён и веков (Евр.1:2,11:3). О чём же мы с вами будем возносить моления в сей час вступления своего в двери нового, неизвестного нам лета? Если бы взоры наши проникали во всю таинственную глубину наступившего лета, если бы они видели всё ожидающее нас от сделанного входа в него до будущего выхода, если бы мы видели и грядущее к нам благополучие и наступающие на нас бедствия, болезни, а может быть и саму смерть, то мы видели бы, конечно, о чём нам следует молиться; но теперь мы, для которых грядущие дни и часы покрыты завесой глубокого мрака, не знали бы, *о чём молиться, как должно*, если бы Сам Дух не ходатайствовал за нас *воздыханиями неизреченными* (Рим.8:26). И это ходатайство за нас Св. Духа вы услышите сейчас в молитвах матери нашей Церкви.

Приникнем же вниманием своим к этим молитвам. Св. Церковь прежде всего по заповеди апостольской возносит общие моления свои *за вся человеки: за царя и за вся, иже во власти суть*, за град наш, за всякий град и страну и верую живущих в них. Св. Церковь делает так, *ибо это хорошо и угодно Спасителю нашему Богу* (1Тим.2:2–3). – Затем св. Церковь первым долгом благодарит Господа за те благодеяния, явленные и неявленные, которые все мы *изобильно* получали от щедрой руки Его в прошедшем лете и просить Его Отца

небесного, благодарения эти *в пренебесный свой жертвенник прияти и благоутробна помиловати нас*. И как не благодарить нам Отца нашего, как не припадать к Нему с гласом хвалы и славословия за жизнь, которой мы пользовались в мимошедшем лете, за благодать Его, которую неоскудно получали к своему вечному спасению в Его таинствах, за небесную пищу Тела и Крови Спасителя нашего, которую принимали во исцеление души и тела, за хлеб насущный, который получали от щедрой руки Создателя, за здравие и благополучие, которыми пользовались, за сами болезни и бедствия, которыми вразумлялись, очищались от грехов и избавлялись от наказания вечного. Неблагодарность Богу за благодеяния свойственна лишь людям крайне нечестивым, и св. апостол появление неблагодарных людей относит к числу признаков тяжких времён последних дней (2Тим.3:1–5), к числу признаков того, что *тайна беззакония уже в действии* (2Фес.2:7). Да не будет же, чтобы мы увеличили собой число беззаконных людей и содействовали тайне беззакония: возблагодарим гласом велиим Творца своего и Благодетеля! – Затем св. Церковь просит *простити нам и всем людям своим вся согрешения вольная и невольная, в мимошедшем лете зле нами содеянная; не помянути бесчисленные беззакония и лукавая наши деяния в мимошедшем лете бывшая и не воздати нам по делом нашим, но в милости и щедротах помянути нас*. И опять, как ни просить у Господа прощения согрешений наших: не каяться в грехах, не сокрушаться о них, не молить Господа об изглаждении их есть опять-таки дело людей, совершенно отрёкшихся благочестия, утопающих, по выражению писания, во грехах, без всякого желания освободиться *от сети диавола, который уловил их в свою волю* (2Тим.2:26). Не допустим, братья и сёстры, такого окаменения и ожесточения сердец своих, припадём к престолу милосердия Божия со слезами сокрушения, да отвратит *от нас весь гнев Свой на ны грех ради наших движимый*. – Вместе с тем св. Церковь молится Господу *отгнати от нас все душетленная страсти и растленные обычаи; подати же мир, твёрдую и не лицемерную любовь и добродетельное житие;*

сотворити нас спешних к деланию добрых дел и исполнению всех заповедей. Помышление сердца человеческого, по слову Божию, зло его от юности (Быт.8:21), и из него, по слову Спасителя, исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления (Мф.15:19). Сами по себе мы и помыслить не можем что-либо доброго, но способность наша на это от Бога (2Кор.3:5). Как же нам, удобопреклонным ко злу и косным на всё доброе, не молить Господа сил, да вспомоществует нам Своей всесильной благодатью к очищению нашего сердца от душегубительных страстей, к проведению нового лета благодати Божией в добродетельном житии, в исполнении заповедей Божиих.

Молится затем св. Церковь о том, чтобы *укрепить нас в православной вере*. Св. православная вера наша, которая служит предметом не только благоговейного почитания многих миллионов людей её исповедующих, но и тщательного изучения добросовестных учёных Запада, предметом усердного стремления к ней многих тысяч, так называемых, старокатоликов, англикан и американцев, в последнее время подвергается наглому глумлению и ожесточенным нападениям не только всегдашних врагов своих, которые с изуверством и всякой злобой встретили само появление её в мире, но и многих братьев или, правильнее сказать, лже-братьев, антихристов, как называет их, апостол Иоанн, *которые, – говорит он, вышли от нас, но были наши (1Ин.2:19)*. Эти антихристы, как *лютые волки (Деян.20:29–30)*, стараются растерзать православную веру, разрушить сам оплот, ковчег, веры православной – Церковь Господа и Бога, которую Он приобрёл себе Кровью Своею (Деян.20:28). Среди них есть и учёные, и писатели, и художники. Возглавляемые таким злобным и сатанински ожесточённым врагом Христа Бога, пришедшего во плоти, и Церкви Его святой, как известный всему миру граф Лев Толстой, они напрягают адские усилия, чтобы низложить Христа, низвести его в ряд простых людей, чтобы «в клочья изорвать» основанную Им Церковь. Они со всей свирепостью дракона, древнего змия, называемого диаволом и сатаной (Апок.12:9), действуют против тех, которые *от семени св. Церкви, которые сохраняют*

заповеди Божии и имеют свидетельство Иисуса Христа (Апок. гл. 12). Но верно слово Спасителя нашего: создам Церковь Мою и врата ада не одолеют её (Мф.16:18). Тем не менее вознесём горячие молитвы свои к Спасителю нашему о о еже помянути Церковь святую свою и укрепити, утвердити же, расширити и умирить, и невредимую адовыми вратами, и всеми наветы видимых и невидимых врагов непребориму во веки соблюсти. Не для Церкви это нужно, неодолимой и несокрушимой, по обетованию Спасителя, а для того, чтобы с помощью Божией устоять в ограде ея, не быть обольщёнными хитростью и кознями злых врагов ея, показать перед самым лицом их свою беззаветную преданность и любовь к своей матери Церкви. Ей, вседержавный Владыко, молимся, услыши и помилуй! – Вместе с молитвой о благосостоянии св. Церкви и укреплении веры православной, мы молимся Господу о еже низложить вся ереси и отступства и насадити всюду правоверие и благочестие, и обратити всех отступивших от правые веры к познанию Своея истины и соединити их святей своей православной Церкви. С самого основания Церкви Христовой в ней появлялись лжеучители, сеявшие пагубные ереси и вводившие разделения и расколы (Гал.1:7,3:1,4:17). И сколько было разных ересиархов и ересей, расколо-учителей и разделений: не достало бы нам времени повествовать о них. Но все они навлекли на себя скорую погибель (2Пет.2:1), а Церковь стоит непреложно! И в наши времена восстали лжеучители, которые вводят и поддерживают не только раскол, но и штундизм, баптизм, молоканство, духоборство, толстовство, хлыстовство, скопчество и другие пагубные, душетленные, скверные ереси и лжеучения. Не удивляйтесь сему, верные братья и сёстры, ибо ещё апостол Павел предсказал, что будет время, когда здравого учения принимать не будут, но по своим прихотям будут избирать себе учителей, которые льстили бы слуху, и от истины отвратят слух и обратятся к басням (2Тим.4:3–4). Суд и современным нам лжеучителям готов и погибель их не дремлет (2Пет.2:3). Но, по чувству братской любви, помолимся и за этих отпадших братьев наших, не даст ли им Бог покаяния к познанию истины (2Тим.2:25); а

если не так, то, по крайней мере, да сокрушит их смертоносное жало, направленное к уязвлению неопытных и колеблющихся чад Церкви, дабы ни единого не отторгнули лестию своею от союза веры, от полноты Церкви. – Из всех лжеучений особенный вред принесло Церкви *агарянское нечестие*, т. е. мусульманство, под рабством которого и доселе стонет множество православных христиан, в поругании у которого находится св. София и колыбель христианства – святой Иерусалим. В великой жалости к этим священным местам и к братьям, порабощённым исламом, св. Церковь возносит особое моление *о еже искоренити и угасити все агарянское нечестие и царство их скоро разрушити и правоверным предати*. Ей, милостивый Господи, услыши и помилуй! Далее св. Церковь молится о избавлении нас в грядущее лето от огня, меча и *нашествия иноплеменников*. В настоящее новолетие, когда языческая Япония собирает все враждебные нам силы, дабы ополчиться на нас, особенно благовременно с усердием помолиться, да избавит нас всемогущий Господь от ужасов войны и от пролития крови. Но если бы эти ужасы оказались неизбежны, если бы кровь христианская оказалась необходимою для полития языческой нивы, да взойдёт на ней семя учения Христова, то да венчает Господь благочестивейшего Государя нашего *оружием благоволения, да осеняет над главою Его в день брани, да возвысит Его десницу, да покорит Ему вся варварские языки, брани хотящие*, и да дарует Ему вместе с победой *глубокий и неотъемлемый мир*.

Ещё молится св. Церковь да избавит нас милосердный Господь *от всякие вражды, нестроения и междуусобной брани* и да даст нам *внутренний мир и безмятежие*. В настоящее время, когда столь многие восстали на Господа и на церковь Его святую, столь же многие восстают и на Помазанника Его (Пс.2:2) и вообще на все богоустановленные власти. И как ожидать от тех, которые стараются свергнуть с себя власть Царя небесного, чтобы они остались покорными наместнику Его – царю земному? Вот почему, чем более умножается число предсказанных апостолами наглых ругателей, поступающих по своим похотям, ропотников, ничем недовольных, которые

отвергают начальства и злословят высокие власти (2Пет.3:8; Иуд.1:8), которые с адской настойчивостью стремятся к ниспровержению существующих властей и порядка и даже самого трона.

Здесь опять, как и против религии, соединились многие учёные и мнимо-учёные и даже учащиеся люди, безбожные писатели, подпольная и продажная печать, отступники от христианства и природные исконные враги его, аспиды и василиски. Они всеми средствами, самыми бесчестными и самыми преступными, стараются мятежный дух крамолы влить в тёмные массы рабочих и простого народа. Много они внесли ядовитой заразы в наше отечество, не мало взволновали мятежных страстей. *Но живущий на небесах посмеётся, Господь поругается им (Пс.24).* Мы же, смиренные рабы Господни и верные слуги Царёвы, если не ежедневно, то в наступающий день новолетия с особенным усердием помолимся, да сохранит Господь под кровом Своей благости от всякого злого обстояния благочестивейшего Государя нашего Императора Николая Александровича, да оградит его на всех путях Его святыми Своими ангелы, да ничто же успеет враг на Него и сын беззакония не приложит озлобити Его. Да исполнит Его Господь долготою дней и крепостью сил, дабы помазанник наш, не смущаясь злобой мятежных сынов погибели, вся совершал во славу Божию и во благо народа Своего. Помолимся, да даст Ему Господь наступить на аспида и василиска, попереть льва и дракона (Пс.91:13) и поразить жезлом железным всех возмутителей общественного порядка и сокрушить их, как сосуды горшечника (Пс.2:9). Да сохранит благочестивейшую Супругу Его Государыню Императрицу Александру Феодоровну, Матерь Его Благочестивейшую Государыню Императрицу Марию Феодоровну, Наследника Его Благоверного Великого Князя Михаила Александровича, Его Державное Семейство и весь Царствующий Дом; да умножит дни живота Их в непоколебимом здравии и во всех добродетелях преуспевание Им да дарует, да в тишине Их и мы тихое и безмятежное житие проживём.

Наконец, св. Церковь испрашивает всем и каждому из нас и личных благ – здоровья, долгоденствия, избавления от всякия скорби, беды, гнева и нужды, и наипаче спасения и во всём благопоспешения.

Так св. любвеобильная мать наша Церковь, вдохновляемая Духом Святым, объемлет все наши нужды и о всех них ходатайствует перед престолом Божиим воздыханиями неизреченными. Присоединимся же, братья и сёстры, к этим воздыханиям нашей св. матери и освятим полночный час сей хвалою Богу и, вместо растленного обычая встречать его объядением, пьянством и пляской, встретим его св. молитвами к Богу Спасителю нашему, да благословит Он *венец лета благости Своея*. Услыши нас, Боже, Спасителю наш, упование всех концов земли и сущих в мори далече и милостив, милостив буди, Владыко, о гресех наших и помилуй нас!

IX. Слово в неделю православия. С. 43–47

(О ПОЖЕРТВОВАНИЯХ НА ДЕЛО МИССИИ).

Священник Дмитрий Троицкий.

«Несть Еллин, ни Иудей, ни раб, ни свобод, несть мужеский пол, ни женский, – вси бо едино о Христе Иисусе. Гал.3:28.

Когда Илия пророк, кончая поприще своей земной жизни, возносился на небо, то ученик его Елисей в горести мог только восклицать: «Отче, Отче! Колесница Израилева и конница его!» Этим восклицанием пророк выражал ту мысль, что Илья был лучшей охраной Израильского народа, – заменял для него целое войско, был его колесницей и конницей.

Почему же так высоко ценил Елисей Илию? Потому, что Илия поддерживал чувства благочестия в Израильском народе, охранял его единство веры, единство мысли и духа, единство целей и стремлений в жизни; был строгим блюстителем тех нравственных устоев жизни, которые составляют главную силу каждого народа. После Илии иностранные влияния рекой хлынули во внутреннюю жизнь народа, – расшатали все её основы, и Царство Израильское пало и больше никогда уже не восстанавливалось.

Какой урок здесь всем народам земли и, в частности, нам – русским. Вот отечество наше раскинулось на необъятное пространство по земному шару; все соседние народы с недоумением следят за его необычайным ростом и в то время, как одни взирают на этот рост с упованием и отрадой, – в других он возбуждает страх и злобу; последние заранее заключают между собой союзы, чтобы общими усилиями остановить наше развитие и сломить нашу силу. Но попытки эти приводят обыкновенно только к тому, что после них, Россия каждый раз делается обладательницей новых стран и новых народов. И всё это совершается, как бы, помимо её воли и желания; мы как будто влечёмся какой-то невидимой силой к особым, неведомым ещё нам целям жизни и не знаем, какой будет конец всего этого. А между тем, если внимательно присмотреться ко всем событиям нашей истории, то тайна

развития могущества нашего государства объяснится довольно просто. По всему длинному пути жизни русского народа проходит одно и то же неизменное явление везде, куда бы ни ступила нога русского человека, – он строит свой православный храм, в коем славословит Пресвятую Троицу, с верой и надеждой просит в нём Господа о всех своих нуждах, изливает скорби и со смирением исповедует перед Господом свои грехи. *Русский человек* всегда и везде *помнит Бога*, ходит перед Господом и творит дело Божие. В разбойничьи страны, где царили только произвол и насилие, – он вводит Божию правду, водворяет законность, порядок и мир, – и там, где до тех пор рыскали только шакалы да тигры, начинают спокойно пастись стада домашних животных; где топтала бесплодный песок только нога степных кочевников, там пошёл плуг землевладельца, – и «безводная прежде пустыня превращается, по слову Пророка, в источники вод, – расцветает как нарцисс, радуется и торжествует» (Ис. 35). Где водворяется русское владычество, там буквально исполняется слово Пророка о мирном и кротком царстве Христа: «и раскуются, говорил он, мечи на орала и копия на серпы». Те народы, которые были побеждены мечом, – в конце концов побеждаются Крестом и Евангелием, – становятся с нами один дух, сливаются во едино тело о Христе, – и тут уже пропадает всякое различие между еллином и иудеем, – между русским и башкиром, японцем и бурятом. Вглядитесь в русскую историю, и вы увидите, что где были чудь, мордва, чуваша, – где наводили ужас на мирное население разные дикие половцы и печенеги, – там везде ныне, за немногими лишь исключениями, живут одни только русские православные люди. Откуда же их взялось такое множество, когда 1000 лет тому назад всю Русь составляла сравнительно небольшая горсточка людей, живших по берегам больших юго-западных рек и озёр, да в центре России? Их родила общая наша мать св. православная Церковь! Всякий инородец, принявший крещение, становится в то же время и по душе русским человеком. Многие из современных русских именитых княжеских родов имеют предками своими выходцев из татарской орды.

Замечаете ли теперь, какое громадное значение во внешнем и внутреннем развитии нашего отечества имеет св. православная Церковь. Эта истинная мать нашей земли, её стена, столп и утверждение! Говорить ли теперь о том, как мы должны дорожить этой своей народной святыней, этим небесным покровом и ограждением?! Если мы силой оружия покорили Хиву, Кокан, Ташкент и прочие страны Средней Азии с диким разбойничьим населением, не дававшим покоя нашим границам, то, чтобы обуздать местное население и сделать его мирным, – мы должны строить там уже не крепости и цитадели, не войска содержать и артиллерию, – а прежде всего воздвигать храмы Божии и высылать туда целые армии православных веро-проповедников, и дикие орды азиатов сделаются нашей плотью и кровью, составят едино тело во Христе, будут нашим оплотом и ограждением.

Эти задачи и преследуют разные миссионерские общества. Они проповедуют всюду то Имя, кроме Которого нет иного Имени под небесем, о Нём же подобает спастися, Имя Иисуса Христа-Спасителя Нашего. Сами борясь с разного рода иноверием и язычеством, они приглашают и нас всех принять участие в этой борьбе, особенно – с современными врагами Церкви и Христа – исламом, буддизмом и язычеством. В этой борьбе заключается весь смысл нашей истории, в этом – задача всей нашей государственной жизни; ради этой цели – просвещения сидящих во тьме и сени смертной, – Промысл Божий хранит и крепит наше царство. Русский народ служит именно в руках Провидения орудием распространения Царства Христова на земле. И до тех пор, пока он будет неуклонно идти по этому пути, – будет исполнять это своё мировое назначение, стоять сам твёрдо в вере православной и других ревностно приводить ко Христу, – до тех пор ему нечего бояться. Все его враги, яко дым, исчезнут и растают, яко воск от лица огня, – ибо с нами и в нас будет Бог!..

Братия! среди нас, православных людей, есть добрый обычай – не отказывать никому, особенно бедным людям, когда приглашают кого-нибудь в кумовья и кумушки. А эта обязанность, как известно, сопряжена всегда бывает с

известного рода расходом. Самому бедному куму и куме он обходится в несколько десятков копеек, – богатому стоит рублей. Представьте же теперь, что вас всех пригласили в кумовья и кумушки к тем новокрещённым язычникам и магометанам, которых ежегодно сотнями и тысячами приводят ко Христу наши православные веро-проповедники. Ведь вы не отказались бы купить им по крестик, сшить по рубашке, заплатить за свечи при св. купели. Вы не отказались бы дать им свою лепту и на построение храма Божия, как даёте её каждому сборщику на строение церковное. Сделайте же это теперь, – положите каждый по своему усердию на блюдо, которое обойдёт теперь вас всех в пользу распространения и утверждения православия между язычниками империи, – положите, кто что может, по любви и усердию к Иисусу Христу и меньшей своей братии! Помните, что так некогда трудились и жертвовали и для нас другие православные люди; и мы с вами, или по крайней мере отцы и деды наши, – были также язычниками, неведущими истинного Бога, – но Промыслом Божиим и любовью добрых христиан мы приведены во свет Христовой истины и из сынов тьмы и гнева сделались чадами света и наследниками Царствия Божия. Наш долг платить теперь и другим тем же. Но это и не долг только, а прямая наша польза. Каждый новый крещённый человек – это лишний наш друг, – это все увеличение нашей силы и безопасности. А поэтому, если хотим наслаждаться благами земли, – если желаем видеть добро и расположение к себе от разных новопокорённых иноверных народов, то сами должны принести им наперёд благо духовное, – дать им залог чистой, святой и мирной жизни – веру Христову. «Вся, елика хотите, да творят вам человецы, и вы творите им такожде», сказал Господь Иисус Христос. Аминь.

Х. Слово. С. 47–48

(О ПОСОБИИ МИССИОНЕРСКОМУ ОБЩЕСТВУ).

Священник Дмитрий Троицкий.

„Отче наш, иже еси на небесех, да святится Имя Твое”.
(Мф.6:10).

Вот о чём прежде всего Иисус Христос заповедал нам молиться Отцу Небесному! «Да святится Имя Твое», т. е. да будет ведомо, известно Имя Твоё, Отец Небесный, всем людям, да будет оно у всех народов предметом почитания, благоговения и прославления. Пусть и христиане Тебя всегда помнят и твёрдо веруют в Тебя; пусть и язычники познают, что Ты – Бог единый, вездесущий, всемогущий, всеправедный, всеблагий, премудрый. Да будет Имя Твоё у всех свято и прославлено.

Почему же этого так надобно желать и просить? Потому, – что от этого зависит наша вечная жизнь. «Се же есть живот вечный, да знают Тебе единого, истинного Бога, и Его же послал еси Иисус Христа». (Ин.17:3). В познании Бога заключается мир, тишина и спокойствие всего мира, благоденствие всех народов, счастье и радость всякого человека.

Там, где нет Бога, т. е. где люди не знают, забывают, не помнят Его, – там мрак, ложь, там гордость, злоба, зависть, коварство, всякого рода нестроения, междоусобия и непримиримая ненависть, – а конец всего – гибель – духовная и телесная. Так именно погиб допотопный мир. Так погибли Содом и Гоморра. Так исчезло с лица земли много сильных и славных народов древности.

Откуда же можно познать Бога?

Мир Божий – вот та великая книга, из которой прежде всего можно почерпнуть познание о Боге. «Небеса поведают славу Божию, и о делах рук Его возвещает твердь. День дню предаёт речь, и ночь ночи открывает знание. Нет языка, и нет наречия, которым был бы непонятен голос их. По всей земле проходит звук их, и до пределов вселенной слова их». (Пс.18:2–5). Рассматривая творение Божие, везде можно увидеть

премудрость, всемогущество и благодать Божию (Римл.). Правда же Его, милость и истина открываются опять в Его промыслении о мире, в судах над народами, в управлении жизнью царств и каждого из нас. Но этот способ Богопознания, как показал опыт веков, для многих оказался недостаточным.

Люди, осуетившись помыслами, «славу нетленного Бога изменили в образ, подобный тленному человеку, и птицам, и четвероногим, и пресмыкающимся. Они заменили истину ложью, и поклонялись, и служили твари вместо Творца (Рим.1:23–25). Не мог сообщить людям истинного боговедения и положительный закон, данный Богом на Синае, потому – что греховный человек не мог вместить полноты откровения воли Божией, да и сам закон хранился в тесной семье еврейского народа, который в добавок, окружённый отовсюду язычниками, и сам часто

№ 4. Февраль. Книга 2-я

**Всеподданнейший адрес, представленный
Государю Императору Святейшим Синодом, и
всеподданнейшее письмо Высокопреосвященного
Митрополита Антония по случаю войны с Японией //**
**Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 417–
418**

1) Снова ополчились враги на землю Русскую и на Российское Царство, и настает, по воле Божией, година испытания для народа Твоего и державы Твоей, Всемиловитейший Государь. Памятуя мимошедшие времена и крепкие брани, в коих спасала нас милость Господня из утеснений вражых, Российская церковь верует, великим упованием, что и ныне не оставит нас Господь и укрепит мышцу державы Твоей, и дарует нам победу и избавление. И да укрепляется дух Твой, Всемиловитейший Государь, верой в Господа мира и браней и верностью всех сынов России, с благоговением преклоняющихся перед неисповедимыми судьбами Божиими о России и готовых положить души свои за Веру, Царя и Отечество. Мы же непрестанно всей церковью молимся Царю Царствующих, да явит Он милость Свою Русской земле, да дарует победу над врагом, да ускорит конец брани и да благословит нашу землю вожделенным миром, столь дорогим Тебе, Государю нашему, стяжавшему крепкую любовь за попечение о мире всего мира.

Твои, Всемиловитейший Государь, всеподданнейшие усердные богомольцы:

Антоний, митрополит С.-Петербургский и Ладужский.

Владимир, митрополит Московский и Коломенский.

Флавиан, митрополит Киевский и Галицкий.

Николай, архиепископ Финляндский и Выборгский.

Димитрий, архиепископ Казанский и Свияжский.

Питирим, епископ Тульский и Белевский.

На всеподданнейшем докладе о сём Синодального Обер-Прокурора Государь Император, в 29-й день минувшего января,

Высочайше соизволил Собственноручно начертать: „Благодарю Святейший Синод за молитвы его”.

* * *

2) На всеподданнейшем письме высокопреосвященного Антония, митрополита с.-петербургского, от 28 сего января, с выражением молитвенных благожеланий по случаю открытия военных действий на Дальнем Востоке, Его Императорское Величество Государь Император благоволил начертать следующее:

„Искренно благодарю вас, владыко, и разрешаю напечатать копию письма вашего. Особенно тронут иконой”.

Письмо его высокопреосвященства Государю Императору было следующего содержания:

„Всемилоостивейший Государь. В светлые дни Рождества Христова я приветствовал Ваше Величество с праздником мира, и Божьего к людям благоволения, выражая уверенность в сохранении мира.

Христианскому сердцу свойственно желание мира, нечестивый же язычник не знает такого чувства. И вот вероломный японец дерзнул поднять знамя брани против русского народа. Дрогнула негодованием Русь Святая. Как волны моря, пронеслась по ней весть боевая. Умеет Русь мир хранить, но умеет и врага отразить. Грудью крепко станет она вся, как один человек, за Царя своего, за Церковь свою святую и за Отчизну дорогую. Видела она времена самозванщины и лихолетья, пережила напор шведов и натиск наполеоновских войск. Но Господь был её с-поборником и крепким защитником. Враги рассеялись, как дым. А Русь святая из браней вышла в блеске величия, возросла, расширилась по лицу земли и стала крепкая, сильная, могучая, непобедимая. С нами Бог, разумеете, языцы, и покоряйтесь, яко с нами Бог.

Дерзай, Государь. Кто Бог великий, яко Бог наш. Молитва наша за Тебя усердная, преданность наша Тебе крепкая. Будем молиться неустанно, но сумеем – как нужно будет – и умереть за веру, за Тебя и Отечество. Располагай нами и имуществом нашим. Нужно будет – церкви и монастыри вынесут драгоценные украшения святынь своих на алтарь Отечества.

Поборника имеем Христа Господа и молитвенно воспеваем: дерзайте убо, дерзайте, людие Божии: ибо Той победит враги, яко всемогущ. Аминь.

Тебе, Государь, как державному Вождю всероссийского христоролюбивого победоносного воинства, от Александроневские лавры препровождаю в благословение икону святого витязя Русской Земли, благоверного князя Александра Невского, да с-поборает он Тебе в брани с нечестивым врагом и всему российскому воинству. Икона освящена на раке мощей святого. Благослови Тебя Господь. Храни Тебя Господь. Дорогого нам Царя нашего“.

Вашего Императорского Величества, всеподданнейший слуга и богомолец Антоний, митрополит с.-петербургский.

**Пахарнаев А. В чём заключалось искупление
человеческого рода, совершенное Господом
Иисусом Христом ⁶⁴ // Миссионерское обозрение.
1904 г. № 1–10. С. 419–430**

Первый человек был сотворён Господом Богом с тем, чтобы он познавал своего Творца, любил и прославлял Его, и через то *вечно блаженствовал*⁶⁵.

Беззаботной и радостной могла протекать жизнь первых людей в Эдемском саду в пространстве времён, до бесконечности. Но человек согрешил и сделался уже неспособным пользоваться тихими радостями блаженства райского; а радость, которую он всякий раз ощущал при приближении Бога, заменилась трепетом и чувством вины; и потому – дальнейшее пребывание его в раю сделалось для него самым невозможным... И в наказание согрешивший человек изгнан был из рая. Но, определяя наказания виновным, Господь Бог в тоже время даёт великое обетование ниспослать на землю от семени жены Икупителя, Который поразит главу змея...

После первого грехопадения наступает длинный период дальнейшего нравственного падения человечества, но в тоже время возвещаются пророчества не только о пришествии Мессии, но и многие точные предсказания о разных обстоятельствах Его рождения, земной жизни и страданий (Ис.7:14; 43; Малахия III, I, IV, 5; Зах.9:9; Даниил IX; царь Давид – XXI и мног. друг.), крепнет и неуклонно назревает всеобщее ожидание Икупителя, Который имеет уничтожить власть диавола на земле (см. ев. Лк.4:6; ев. Ин.14:30), научить людей правде Божией, спасти их от вечной смерти и возвратить им утраченное блаженство силой Своего икупительного подвига.

Когда „пришла кончина века“ (– периода приготовления людей к принятию Икупителя), для осуществления искупления воплощается Сын Божий, „с человеки поживе“ и свершает своё Божественное дело. В жизни Спасителя главнейшими событиями в деле искупления являются: 1) нравственное

учение Христа, т. е. проповедь Евангелия Царствия Божия (ев. [Мк.1:14,15](#)), 2) проповедь об Его посланничестве от Отца и Богосыновенстве, 3) страдание и смерть на кресте и 4) воскресение. Все эти элементы служения Христа имеют непосредственное значение в деле нашего спасения: отбросьте из них что-либо одно и искупление не совершилось бы. В самом деле, как было бы искупить грешных, повинных рабством греху людей, прежде преподания им учения об истине (освяти их истиной Твоею, слово Твое есть истина; ев. [Ин.18:17](#)), вечной, неизменной, выражающей собой волю Божию, от Него происходящей, и одинаково обязательной для ангелов и человеков, или – как было бы совершиться искуплению прежде, чем люди узнали, что „Христос Искупитель“ есть путь и истина и жизнь, и „что никто не приходит ко Отцу, как только через Него“ (ев. [Ин.14:6](#)), прежде чем люди научились бы веровать в Него и ведать, что верующий в Него имеет жизнь вечную (ев. [Ин.6:47](#)), и что Он есть ходатай перед Отцом за грехи людей (Посл. [Евр.9:5,12:24](#)), и, если сказано: „кто призовет имя Господне, спасётся“ (пророч. [Иоил.2:32](#)), „то как было бы призывать Того, в Кого не уверовали, как веровать в Того, о ком не слыхали, как слышать без проповедующего“ ([Рим.10:14](#))?.. Итак, если в этих четырёх событиях земной жизни Иисуса Христа заключается наше искупление, то очевидно надлежит прежде всего исследовать, какое именно значение имеет каждое из них в деле искупления, и, может быть, после того выяснится для нас наш основной вопрос.

Проповедь и учение Иисуса Христа

Большая часть человечества, перед пришествием на землю Сына Божия, в высокой степени запуталась и погрязла в разных бесовских сетях. Кто не изучал Священную Историю Ветхого Завета и кто не знает, как быстро после грехопадения первых людей двигалось и преуспевало нравственное падение: уже во втором поколении людей совершился грех братоубийства (Каин и Авель), а через несколько веков после того (приблизительно через восемь поколений) род человеческий оказался до того развращённым, что правосудный Бог истребил всё человечество, за исключением восьми душ, составляющих семью Ноя, потопом. Не лучшим сделалось человечество и после потопа: весь период истории, до самого воплощения Христа Спасителя на земле и, конечно, даже после того, до дней, когда торжество проповеди евангелия Царствия Божия выразилось в широком распространении христианской религии, наполнен ужасными сказаниями: о кровавом почитании идолов, кровопролитных и истребительных войнах, о гнусном разврате, о проявлениях страшных по своим размерам ненависти и мщения, картинах зверской жестокости и проч. Ко времени исполнения пророчеств о пришествии Мессии люди, за исключением одного только еврейского народа и ничтожных по количеству отдельных единиц из прочих народов, потеряли всякое представление о Боге едином, Творце неба и земли, всякое понятие о божественной правде, всякий путь, выражаясь образно, к тому святилищу, где хранилась истина. Мало кто из язычников в те времена мог бы похвалиться не только ведением о более или менее высоких нравственных добродетелях (как, напр., что надлежит быть милосердными, смиренными; любить ближнего и проч.), но и о простейших немногие слышали... Человечество гадко и разнообразно предавалось греху и, за очень незначительными единичными исключениями, стремилось жить только для земных утех и наслаждений плоти; те же, кому таковые были недоступны, переживали в себе крайние степени озлобления, таковы, напр.,

были рабы, которых насчитывались миллионы. Массы рабов крупных землевладельцев издавна были бичом Римской республики и неоднократно против них приходилось посылать войска⁶⁶. Но и во всех прочих отношениях, по свидетельству римских историков, жилось людям не лучше и краше; характеризуя эту эпоху, современный нам писатель Фаррар говорит: „над языческим миром тяготело какое-то непостижимое и страшное бремя; глубокое утомление и пресыщенная похоть делали человеческую жизнь адом“.

Если истина была потеряна, то, с другой стороны, в это то время, перед пришествием на землю Сына Божия, её наиболее жаждали лучшие умы того времени; толпа же искала нового божества, изверившись в своих бездушных истуканах. Тот же Фаррар⁶⁷ говорит: „древний мир, очевидно, изверился в своих, в течение целых столетий почитавшихся богов, и разочаровывался в них всё более и более. Время уверенности разума миновало; наступило время искания и сомнения. Люди искали и требовали новых богов, – богов, которые бы могли делать то, чего напрасно ожидали от старых. Чем из более отдалённой страны привозился известный бог, чем старше, чем таинственнее и чудовищнее был его культ, тем лучше, тем больше было надежды, что авось он окажется истинным. При этом нужно заметить, что более всего приверженцев находили восточные боги... Но это течение (с востока) вместе с тем было и подготовлением к христианству. Миру, желавшему более могущественных и надёжных богов, скоро предстояло услышать проповедь об истинном Боге. С востока ожидали нового Бога, с востока и должна была прийти миру благая весть о едином Боге, Отце Господа нашего Иисуса Христа, Который до сих пор попускал народы ходить путями своими, хотя и не переставал свидетельствовать о Себе благодеяниями, подавая с неба дожди и времена плодоносные (Деян.14:16,17).

Но воссоединение людей с Богом своим неминуемо должно было произойти, ибо они были Его люди, Его творения; всё было предвидено Им от начала мира („ведомы Богу от вечности все дела Его“; Деян.15:18, см. 1Пет.1:18–20) и предопределено совершиться этому *воссоединению* через Сына Его (1Ин.4:9),

восхотевшего прийти в этот мир во плоти для совершения спасения людей („жертвы и приношения Ты не восхотел; Ты открыл мне уши (уготовал мне тело); всесожжения и жертвы за грехи Ты не потребовал. Тогда я сказал: вот иду, в свитке книжном написано о Мне: я желаю исполнить волю Твою, Боже мой, и закон Твой у меня в сердце“; Пс.39:7–9; Евр.10:5–9). Что же предстояло Мессии совершить на земле для спасения людей из той нравственной пропасти, в которую они упали в предшествовавшие века? при тех условиях, в которых Он их застал, в чём должно было заключаться существо Его спасительного подвига с практической, житейской – так сказать – стороны? – Ответ на этот вопрос вытекает сам собой из изложенного выше: надо было: 1) проповедать среди людей имя Божие и что Проповедник послан на землю от живого Бога и есть Сын Божий; 2) научить людей – в чём заключается воля Божия относительно всего того, что именно должно выполнять и чего не делать, чтобы Ему благоугодить, т. е., преподать нравственный закон (сюда относятся поучения, о которых повествуется в г. V–VII ев. Матфея; Лк.7:36–50, 10:25–37; Мк. 8:34–38 и мног. друг.); 3) научить людей быть покорными воле Отца Небесного, как высшей добродетели перед Ним (вспомните молитву Господню), в противоположность Адаму, обнаружившему в раю непокорство воле Божией (нарушение заповеди); 4) подтвердить истину Своего учения примером собственной безгрешной жизни („грешнику же говорит Бог: что ты проповедуешь уставы Мои и берёшь завет Мой в уста твои, а сам ненавидишь наставление Моё и слова Мои бросаешь за себя... Изобличу тебя и представлю перед глаза твои грехи твои“ и искренность, и исполненность его запечатлеть Своей мученической смертью. Он сам сказал: „пришёл час прославиться Сыну человеческому. Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрёт, то останется одно, а если умрёт, то принесёт много плода... Душа Моя теперь возмутилась, и что Мне сказать? Отче, избавь Меня от часа сего! но на сей час Я и пришёл. Отче, прославь имя Твоё!“ Тогда пришёл с неба глас: „и прославил и ещё прославлю“ (Ев. Ин.12:23–28).

И вот, следуя воле Отца Своего Небесного, воплотился на земле Сын Божий, Господь наш Иисус Христос. И какое течение этой земной жизни Он совершил!.. Родился в вертепе, спелёнатый положен был в яслях, до начала проповеди Своей работал, вероятно, с наречённым отцом Своим Иосифом, плотничая (ев. [Мк.6:3](#); [Мф.13:54,55](#)), в период проповедничества – не имел, „где главы приклонить“ (ев. [Лк.9:58](#)), и наконец... оклеветанный, среди всяческих унижений, оскорблений и мучений, был распят и умер на кресте, осуждённый невинно. Кажется, вообще понятно для нашего человеческого ума, что если бы великое учение и проповедь Иисуса Христа не подтвердились бы примерами собственной Его безгрешной жизни и если бы всепрощающая любовь Его к людям не была бы засвидетельствована и проявлена с высоты креста, то многое, многое в Его учении осталось бы безжизненным и не привилось бы к людям; а если бы и привилось, то люди были бы, может быть, в праве исповедовать великие заповеди о покорности воле Божией, любви и всепрощении (а эти заповеди основа христианского закона) только до тех пор, пока не постигли бы исповедников слишком тяжкие испытания и гонения, напр., мучение и смерть... Итак, для торжества учения Христова, для обязательности его во всём, так сказать, пространстве, нужен был во всём же пример Самого Господа и возникала – страшно сказать – прямая необходимость в Его страданиях и смерти...

Какой же плод, уместно здесь спросить, принесла на земле Христова проповедь и нравственное учение? Проповедь Христова образовала церковь верующих, которые, познав Бога, единого православного Владыку неба и земли, Сына Божия и Святого Духа, познали вместе с тем – что нужно для благоугождения Богу и для спасения души. Таким образом, если прежде совсем позабыли и не знали Бога истинного, то теперь сделалось известным, что для человека мало Ему поклоняться и Его чтить, но должно непременно и деятельно искать Его святую волю, т. е. стремиться открыть – в чём есть воля Божия для всякой минуты, всякого случая нашей жизни, и тем более – во всяких затруднениях, горестях и бедах, постигающих нас в

земной жизни („и не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, чтобы вам познавать, что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная“; Римл.12:2); новозаветному человечеству стало известно, что воля Божия заключается в том, чтобы человек „прежде всего искал Царствия Божия и правды Его“ (ев. Маф.6:33), а по отношению ко всему остальному был бы не только беззаботным, но и совершенно к ним равнодушным (ев. Лк.11:3,12:13–20, 22–31; посл. к Флп.4:6), причём отдался бы во всём покорно и безропотно на волю Божию (ев. Лк.11:2,18:1–7,21:35); если прежде человечество разнообразно и гадко грешило, то теперь не только поведано миру – что есть грех перед Богом живым, кроме грубого нарушения Его десяти заповедей, грех внутренний, сокровенный, исходящий от сердца, но и преподаны законы для устроения самых мыслей христианина, которые должно по апостолу наполнять только тем, „что истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только добродетель и похвала“ (посл. к Флп.4:8).

Если же к этому прибавить ещё, что, несмотря на недостойность многих нас, из числа последователей Христова учения, из христиан выделились и выделяются до сих пор и многие св. мученики, которые с такой радостью готовы были следовать за примером Христовым – покорные воле Отца Небесного до самых страданий и смерти, праведники (св. Серафим Саровский, святитель Тихон Задон., и множество других, им же нет числа), которые находили особое наслаждение, иногда самыми исключительными и тяжкими способами, стараться приблизить себя к христианской добродетели и самоотречению, приблизиться к примеру своего Спасителя, и всё во славу Божию, за имя Христово и в прославление Его крестных страданий, то – думается – нельзя иначе определить существо и успех учения Сына Божия и всего, что совершено Им здесь на земле, как только *спасением людей от греха*, ибо тот, кто указывает нам верный и истинный путь к водному источнику в пустыне, тот конечно *спасает* нас от гибели. А что за проповедью и учением Христовыми,

действительно, должно быть признаваемо то значение в деле нашего спасения, которое показано выше в наших тезисах об элементах, из которых слагается искупительный подвиг Христов, доказывається, между прочим, и тем, что Господь, пришедший на землю, „чтобы разрушить дела диавола“ (1Ин.3:8), Сам возвестил: „Аз победих мир“ (ев. Ин.15:33), ещё *раньше*, чем вознесено было Тело Его на крест, и Он благоволил воспринять смерть и воскреснуть. Само собой разумеется, что, решая вопрос о спасении человечества с изложенной точки зрения, мы не допускаем места воззрениям протестантов и сектантов (вроде пашковцев) об оправдании только верой, ибо недаром Спаситель нисходил на землю, недаром показал *пример безгрешной жизни*, недаром научал *искать постоянно волю Божию*, недаром запечатлел своё учение и „истину“ *страданиями Своими и смертью*; а потому и жизнь христианина должна быть деятельною и стойкой в постоянной борьбе со грехом (см. 1Пет.2:20–24; ев. Лк.19:12–22,6:46–49), о чём по другому поводу будет сказано ниже.

Страдания и смерть Иисуса Христа

В своём месте мы отметили, что из хода событий и собственных слов Спасителя (ев. [Ин.12:23–28](#)) вытекала, как то ни страшно повторить, необходимость – в Его страданиях и смерти, той ужасной смерти, на которую Он благоволил Себя обречь („Сего ради – говорил Он – меня Отец любит, что Я отдаю жизнь Мою... никто не отнимает её от Меня; но Я Сам отдаю её. Имею власть отдать её, и власть имею опять принять её. Сию заповедь получил Я от Отца Моего“. Ев. [Ин.10:17–18](#)). При этом должно заметить, что с практической, житейской точки зрения страдания и смерть Его являются как бы вполне естественным последствием Его учения и проповеди, что усматривается из следующих соображений: при том положении вещей, которое Спаситель застал здесь на земле (как о том упомянуто было выше), большинство людей, к которым Он обращался со Своей Святой, величественной и чистой проповедью, не захотели принять таковую и воздвигли на Него гонение; вследствие того, что всё подчиняется здесь на земле естественному ходу вещей, Христу, кроткому и любвеобильному, не желавшему иметь в руках другого оружия, кроме истины, кротости и смирения, очевидно надлежало за Свою проповедь, обличения, и осуждение зла, понести временное поражение в Своей борьбе с тёмными силами мира сего („Первосвященникам же и начальникам храма и старейшинам, собравшимся против Него, сказал Иисус... теперь ваше время и власть тьмы“ Ев. [Лк.22:52,53](#)), понести тем большие страдания, чем выше и чище было Его учение. Так и случилось на самом деле...

Служение и крестный подвиг Сына Божия, Господа нашего Иисуса Христа, совершили наше спасение от греха, освободили нас от проклятия («Христос искупил нас от клятвы закона, сделавшись за нас клятвой; ибо написано: „проклят всяк, висящий на древе“». – Втор.21:23; посл. к [Гал.3:13](#)) и смерти, как последствия греха. Правда, в виду греховности и беззаконий, каковыми наполнена наша жизнь, не лучшей как

будто бы оказывается наша участь и в настоящее время, после искупительной жертвы Спасителя, но мы имеем теперь в вере и в таинствах покаяния, причащения и прочих, великое средство очищения от греха, данное нам по силе крестных заслуг Сына Божия. Но пользуются им те из нас, которые с своей стороны добровольно приемлют участие в страданиях Его, *сообразуйся смерти Его* (Флп.3:10). Как можем мы участвовать в страданиях и смерти Иисуса Христа? вопрошает катехизис Филарета; ответ: „мы участвуем в страданиях и смерти Иисуса Христа посредством живой сердечной *веры*, посредством *таинств*, в которых сокрыта и запечатлена сила спасительных страданий и смерти Иисуса Христа, и, наконец, посредством *распятия плоти своей с её страстями и похотями*“. – „Законом я умер для закона, – говорит апостол, – чтобы жить для Бога. Я со-распялся Христу. И уже не я живу, но живёт во мне Христос. А что ныне живу в плоти, то живу верой в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня“ (Посл. Гал.2:19,20), и далее – „те, которые Христовы, распяли плоть (свою) со страстями и похотями. Если (же) мы живём духом, то по духу и поступать должны“ (там же Гал.5:24,25).

Распятие плоти своей со страстями и похотями – в сущности есть выполнение заповеди Спасителя о самоотвержении и несении креста, по слову Его – „кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой и следуй за Мною“ (ев. Мк.8:34). С практической, житейской стороны (с которой непременно приходится считаться, говоря об искупительном Христовом подвиге) „*несение креста*“ преподано, может быть, в предвидении, что совершенная, взаимная любовь, которая одна только могла бы устранить огорчения и несчастья в жизни людей, не только никогда не поселится среди них, но, напротив, перед кончиной мира во многих и очень многих совсем охладает (ев. Мф.24:12), и, следовательно, примирение людей с мыслью, что надо быть „*нищим духом*“, надо в плаче надеяться на совершенное утешение только в будущей жизни, надо быть гонимым за благочестие („да и все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы“. 2Тим.3:12), надо здесь страдать,

является условием необходимым, чтобы вселить мужество в сердца верующих при борьбе с сим миром, покорность воле Божией, готовность подвергнуться испытаниям и наказаниям, от Него ниспосланным, ибо каждый, неся такой крест, знает теперь, что так нужно, так заповедано тем Божественным Учителем, Который Сам понёс тяжчайший крест, и который может за несение креста дать нетленную награду. Кроме того, несение креста в этой жизни земной, *думается, удовлетворяет правде Божией* (не самостоятельно, как в католической *satisfactio*, но) в том отношении, что если возлюбленный Сын Божий пришёл на землю, чтобы нести тяжёлый крест через всю Свою жизнь и в конце её тяжко пострадать за грехи Адама и его потомства, то неужели же мы, не только причастные ко греху, но и ближайшие виновники искупительных страданий, имеем право, по какой бы то ни было самой снисходительной справедливости, не причаститься страданиям для усвоения страданий Искупителя и наполнять жизнь свою утешами и наслаждениями или проводить её в пиршествах и ликованиях! Это было бы то же, как если бы кто-либо, движимый состраданием к преступникам, подлежавшим тяжкой уголовной каре, принял бы на себя их вину и за неё пострадал, быв предан казни, *под условием* исправления виновных от дурной жизни; а они, освобождённые от суда и наказания, продолжали бы проводить жизнь полную порока и преступлений, плодами каковых пользовались бы наиболее разгульным и широким образом, забыв и думать о своём искупителе и его условии.... Разве не возмутилось бы нравственное чувство каждого, кто узнал бы – в чём заключалось условие искупления и как дурно им воспользовались истинные виновники преступления, и наоборот – разве не прошло бы через сердце наблюдателя примиряющее до некоторой степени и более или менее мягкое чувство, если бы оказалось, что истинно виновные в совершении преступления, за которое пострадал и умер их искупитель, исправились и ведут жизнь нравственную, скромную, полную самоотвержения и добрых дел.... Ибо то угодно Богу, говорит апост. Пётр в 1-м Соборн. послании своём, „если кто, помышляя о Боге, переносит скорби, страдая несправедливо. Ибо что за

похвала, если вы терпите, когда вас бьют за проступки? Но если, делая добро и страдая терпите, это угодно Богу. *Ибо вы к тому призваны:* потому что и Христос пострадал за нас, оставив нам пример, дабы мы шли по следам Его. Он не сделал никакого греха, и не было лести в устах Его (Ис.53:9). Будучи злословим, Он не злословил взаимно, страдая, не угрожал; но предавал то Судии праведному. Он грехи наши Сам вознёс телом Своим на древо, дабы мы избавились от грехов, жили для правды: ранами Его мы исцелились“ (1Пет.2:19–24).

Но есть и другая сторона в вопросе о существовании жертвы Христовой, таинственная (сакраментальная), заключающаяся, во 1-х, в той связи спасительного подвига Сына Божия с возрождением верующих в Него – свыше, от воды и Духа, о которой немало сохранилось в Евангелии Его Собственных указаний, и, во 2-х, в том внутреннем значении, которое имеет Голгофская жертва в отношении к удовлетворению правосудия Божия.... Для выяснения первого положения полезно вспомнить здесь евангельское повествование о беседе Иисуса Христа с Никодимом (ев. Ин.3:3–8). Он сказал ему: истинно, истинно говорю тебе: если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия. Никодим говорит Ему: как может человек родиться, будучи стар? неужели может он в другой раз войти в утробу матери своей и родиться? Иисус отвечал: истинно, истинно говорю тебе: если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие. Рождённое от плоти есть плоть, рождённое от Духа – есть дух“ и проч., а затем необходимо вспомнить и о торжественной проповеди Христа в храме Иерусалимском в последний великий день праздника кущей: „кто жаждет, иди ко Мне и пей. Кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой“ (Ис.3:18)... „Сие сказал Он (прибавляет евангелист) о Духе, Которого имели принять верующие в Него, ибо ещё не было на них Духа Святого, потому что Иисус ещё не был прославлен“ (ев. Ин.7:37–39). Оба приведённых места св. Евангелия прекрасно истолкованы преосвящ. архиеп. Черниговским Филаретом Гумилёвским в его сочинении: „Учение Евангелиста Иоанна о Слове“ (стр. 58 и 59): 1, „Никодим, сказав своё

исповедание, не договорил заключительной мысли своей. По ответу Спасителя, она была такова: прошу Небесного Учителя сказать, что нужно для того, чтобы участвовать в Царствии Божием, о котором проповедует посланник Божий. *Глаголю тебе*, говорит Спаситель, – это уже знак любви к Никодиму; это знак того, что Никодим признаётся способным и достойным принять тайну. „Если кто не родится снова, то не может увидеть Царствия Божия“. Приговор решительный: *„без перерождения нельзя участвовать в благах Царствия Божия“*.... Затем, „Спаситель повторяет Никодиму, что без возрождения нельзя войти в Царствие небесное и указывает на способ, как может совершиться это возрождение. Если кто не родится от воды и Духа, то не может войти в Царствие Божие. Вода возрождающая – вода крещения, как проникаемая силой Божией; Дух возрождающий есть Дух благодати, сила Божия, нисходящая с неба на воду и перерождающая природу человека. „По Своей милости спасе нас банею бытия и обновления Духа Святого“ (Тит.3:5), учит апостол. Вот способ, коим совершается спасительное возрождение. *Рождённое от плоти плоть есть, и рождённое от Духа дух есть*. Спаситель объясняет необходимость того перерождения, о котором говорит Он. То, что рождено природой, останется природой; родившийся от человека является таким же человеком, каков родитель. А какова природа человеческая, ближе всего показывает смерть, тление, гниение, смрад, прах. Такой процесс с телом указывает человеку, что и душа его носит в себе порчу, расстройства, гнилость, которые могут оканчиваться гибелью души. Только Дух Божий может сообщить человеку высшую, жизнь; духовная, истинно живая нетлеющая жизнь зависит от неба, от духа благодати“.

2) „Об обилии благодати, долженствовавшей открыться во время Мессии, предсказывали пророки: Иоиль (Иоил.3:23), Захария (Зах.14:18), Исаия (Ис.12:3,47:1–12,43:20,44:3). Спаситель не говорит точными словами того или другого пророка: Он только указывает на мысль пророков. *Сие же рече о дуси, его же хотяху приимати*, замечает евангелист. Замечание весьма нужное. Обетование Спасителя выражено

языком образным, надобно было передать мысль точным словом. В обетовании не определено ни время открытия вод, ни процесс истечения вод. Евангелист указывает на это время и решает вопрос о связи того чудного явления с историей Иисуса. *Не у бо бе Дух святой, яко Иисус не у бе прославлен.* В древнем славянском переводе читали: *не у бо бе Дух святой дан*; слово *дан* прибавлено было по толкованию Златоуста. Дух Святой ещё не являлся в том обилии даров, в каком явился Он в день пятидесятницы. Почему? потому что Иисус ещё не совершил страданиями Своими примирения правды Божией с виновным человечеством и ещё не был проставлен на небе, чтобы принять дары для оправданного рода человеческого“ (стр. 149).

А. Пахарнаев

(Окончание следует).

Кутепов Н., прот. Разбор хлыстовского учения о пророках и пророчицах // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 431–442

Учение Мистической тайной секты хлыстов во многом напоминает древнее религиозно-философское учение, известное под названием дуализма. По учению хлыстов, тело есть злое начало в человеке, узы, темница для души. Грех прародителей состоял в удовлетворении плотской страсти путём супружеских сношений; он не произвёл никакой существенной перемены и повреждения в духовной природе человека. Весь вред прародительского греха для человека состоит в том, что этим грехом дан людям дурной, соблазнительный, греховный пример. Насколько слабо для человека влияние прародительского греха, настолько же легко человеку и освободиться от него и стать в те отношения к Богу, в каких человек стоял в первое время своего появления на свет. Поэтому, если человек удаляется от брака, мясной пищи и хмельного питья, часто повторяет молитву Иисусову, постоянно держит трезвенное внимание, отвлекает свои мысли от всего чувственного, часто упражняется в молитвенных радениях, состоящих в разного рода круговых хождениях, верчениях и скачках, стремится к умерщвлению своей плоти, то он может достигнуть „таинственной смерти и таинственного воскресения“, или высшей степени нравственного совершенства, состоящего в бесстрастии, удалении своих мыслей от всего чувственного и углублении в самого себя; в святости и внутреннем единении с Богом, Который после этого вселяется в человека (Лев.26:12, 2Кор.6:16), через что последний таинственно воскресает. Первая степень воплощения Божественного Духа в человеке сказывается даром ведения, или пророчества, и человек этот становится *пророком* или *пророчицей*, которых в каждом отдельном хлыстовском корабле, или общине, может быть один, два и даже три. Вторая степень воплощения Божества в человеке обнаруживается высшим, сравнительно с пророчеством, даром ведения и даром чудотворения, и человек

этот становится воплотившимся Сыном Божиим, Христом; он может быть только один в хлыстовском корабле, или один даже на несколько общин. Наконец, третья, самая высшая степень воплощения Божества в человеке, обнаруживается всеми Божескими совершенствами; всемогуществом, всеведением, всеприсутствием и проч., и человек этот называется Богом Саваофом; он может быть только один на всю хлыстовскую секту, на все хлыстовские корабли. своему учению о пророках и пророчицах хлысты указывают основание в следующих местах св. писания. *У пророков написано: и будут все научены Богом (Ин.6:45; Иосии 54:13; Иер.31:33–34). И будет после того, излию от Духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; старшим вашим будут сниться сны, и юноши ваши будут видеть видения. И также на рабов и на рабынь в те дни излию от Духа Моего (Иосии 2:28–29; Деян.2:17–19). Когда вы сходитесь, и у каждого из вас есть псалом, есть поучение, есть язык, есть откровение, есть истолкование: все сие да будет к назиданию... (1Кор.14:26–31).* В этих местах св. писания хлысты видят божественное обетование о непосредственном научении людей от Бога и о продолжении пророческого дара в Церкви Христовой от апостолов во все времена её существования на земле. Носителями этого пророческого дара они считают своих пророков и пророчиц.

Чтобы видеть, можно ли считать хлыстовских пророков и пророчиц за истинных носителей пророческого дара Духа Святого, за истинных пророков и пророчиц, во-первых, сравним нравственные и умственные качества несомненно боговдохновенных библейских пророков с нравственным поведением хлыстовских пророков и пророчиц; во-вторых, сравним общие свойства библейских пророчеств с хлыстовскими пророчествами и покажем, согласно ли содержание хлыстовских пророчеств с духом и учением св. писания и, наконец, в третьих, рассмотрим библейские основания хлыстовского учения о продолжении дара пророческого в церкви Христовой от апостолов и во все времена её существования на земле.

1) Истинные, посылаемые Самим Богом, провозвестники воли Божией, истинные пророки всегда отличались высоконравственной, святой жизнью. Бог, как носитель всех умственных и нравственных совершенств в безграничной степени, естественно, и провозвестниками своих откровений, пророками, избирает людей, отличающихся святостью. Святой Василий Великий говорит, чтобы „вместить в себе Божественное вдохновение и пророчествовать о Божиих тайнах, требуется душа, тщательно очищенная... Посему в душе, которая имеет пророчествовать, свободным её устремлениям должна быть наперёд вложена способность к тому, чтобы всеянное во всех слово, избирающее себе души более гармонические, в которых, по мере их благонастроенности, ни малейшее страстное движение не разногласит с словом, низвело на неё действие Божия Духа... Для приготовления к принятию Духа необходимы не только обуздание страстей, но также и своя мера расположения к вере... Пророчествовали чистые и просветлённые души. Сделавшись как бы зеркалом Божия действия, они показывали в себе ясное, не слитное, не потемнённое плотскими страстями изображение. Дух Святой пребывает во всех, но собственно силу Свою обнаруживает в тех, которые чисты от страстей, и не в тех, у кого душа омрачена греховными нечистотами. Кроме же чистоты надлежит им показывать в себе равенство благоустроенного состояния. Ибо чист не тот, кто неравно ведёт себя в отношении к целомудрию, но тот, кто мудрование плоти подчиняет Духу... Посему, когда душа, посвятив себя всякому подвигу добродетели, сильной любовью к Богу постоянно сохраняет в себе напечатлённое в ней памятование о Боге, и таким образом со-делывает Бога как бы живущим в себе, тогда от сильного стремления и неизреченной любви к Богу, став боговдохновенной, со-делается она достойной пророческого дара“ (Творения Василия Великого, часть вторая, стр. 6–8. Москва. 1891 г.). Истинные пророки, несмотря на свою святость, всегда отличались глубоким смирением и сознанием своего недостойнства. Величайший из пророков Моисей отказывался быть провозвестником воли Божией Фараону по причине своего

косноязычия (Исх.4:10). Исаия отказывался от пророческого служения своей греховностью (Ис.6:6). Иеремия отказывался от пророческого служения своею молодостью (Иерем.1:6). Нередко несколько ветхозаветных пророков одновременно проходили своё пророческое служение, например, Софония, Авдий, Иеремия и Аввакум, будучи современниками, пророчествовали об одних и тех же, имеющих произойти, событиях: об опустошении вавилонянами Иудеи и её окрестностей (Соф.1:1–18; Авд.1:20; Иер.25:1–12,26:1–19,36:5–30,27:28; 52; Авв.1:1–3,9–17,2:2–4), и это не мешало им, как слугам одного и того же истинного Бога, Бога мира и любви, быть в полном согласии и мире между собой; они были чужды всякой мысли о соперничестве между собой, не гордились своими личными достоинствами. Все они со смирением исполняли своё призвание и считали себя только слугами Божиими и исполнителями воли Божией. Исполняя то служение, к которому они были призваны Богом, истинные пророки всегда шли прямым путём, говорили всегда правду, проповедовали с дерзновением, а когда нужно было, свидетельствовали о своём посольстве от Бога знамениями и чудесами, как, например, пророк Илия перед царём Ахавом (3Цар.18:1–10). Как посланники Божии, истинные пророки безбоязненно обличали нечестие, не страшась прещения и гнева сильных мира (Иер.26:1–15) и даже смерти, как, например, пророк Иоанн Предтеча обличал царя Ирода (Мк.6:17–28). Истинными пророками высказывались пророчества при полном и ясном их личном сознании, как свидетельствует об этом ап. Павел, говоря: *духи пророческие послушны пророкам' потому что Бог не есть Бог неустройства, но мира* (1Кор.14:32), и как это ясно видно из примера пророка Ионы, который, не желая пророчествовать ниневитянам о том, чтобы они раскаялись во своих грехах, и, зная, что Бог, по милосердию своему, помилует покаявшихся ниневитян, вздумал даже от исполнения этого повеления Божия бежать в Фарсис (Ион.1:3). Пророк Исаия сознавать своё недостойство (Ис.6:5). Иеремия отказывался от пророческого служения своей молодостью (Иер.1:6). Иезекииль отказывался от пищи, которую повелел ему вкусить Бог

(Иез.4:12–14). Исполняя то служение, к которому истинные пророки посылались Богом, они никогда не присвоили тех прав, кои не были даны им от Бога, например, пророки из мирян не совершали тех священнодействий, для коих поставлялись первосвященники, священники и левиты.

Относительно того состояния духа, в котором бывали истинные пророки при получении ими откровений от Бога, св. Василий Великий пишет: некоторые говорят, что „они (пророки) пророчествовали в исступлении ума, так что человеческий ум затмевался Духом. Но противно обетованию Божия наития боговдохновенного делать изумлённым, так чтобы он, когда исполнится божественных наставлений, выходил из свойственного ему разума, и, когда приносит пользу другим, сам не получал никакой пользы от собственных своих слов. И вообще, сообразно ли сколько-нибудь с разумом, чтобы Дух премудрости делал человека подобным лишённому ума, и Дух ведения уничтожал в нём разумность? Но свет не производит слепоты, а, напротив того, возбуждает данную от природы силу зрения. И Дух не производит в душах омрачения, а, напротив того, возбуждает ум, очищенный от греховных скверн, к созерцанию мысленного. Посему нет невероятного, что лукавая сила, злоумышляющего против человеческой природы, приводит разум в слитность; но нечестиво говорить, что тоже само действие производит присутствие Духа Божия. – При том, если святые мудры, то как им было не постигнуть того, о чём пророчествовали? Ибо сказано: *сердце мудрого делает язык его мудрым, и умножает знание в устах его* (Притч.16:23). Если же на том основании, что *не узнал Исаак*, когда пришёл сын его (Быт.27:23), и что Давид сказал – *в опрометчивости моей* (Пс.115:2), вымышляют во святых затмение ума, то пусть знают, что исступлением называется и удивление; как, например: *подивитесь сему небеса, и содрогнитесь, и ужаснитесь* (Иер.2:12)“ (Творения св. Василия Велик., часть вторая, стр. 10. Издан. третье. Москва, 1891 г.). Говоря об исступлении, бывшем у истинных пророков, св. Епифаний кипрский пишет: бывали пророки в исступлении. „Исступление не означает какого-либо человека, находящегося вне ума и

исступлённого, – отнюдь нет, – а, напротив того, чрезмерно удивляющегося, и размышляющего свыше обычного размышления о том, что бывает видимо и делаемо в обычной мере... Бывали и пророки в исступлении, но не в исступлении рассудка. Ибо и Пётр был в исступлении не в том смысле, что не сохранил последовательности рассуждения, но в том, что, вместо ежедневного порядка, видел иное сравнительно с тем, что видят люди: он увидел спускаемую *плащаницу, по четырём краям привязанную, и в ней вся четвероногая и гады и птицы небесныя*. Смотри же: святой Пётр сохранил последовательность мыслей и не был в исступлении ума; ибо когда услышал: *встав, заколи и яждь*, то не послушался, как сделал бы нездравый умом, но сказал Господу: *никако же Господи (Деян.10:10–14): ибо николиже скверно и нечисто вниде во уста моя (Деян.11:8)*. Истинный Святой Дух глаголал в пророках и открывал им глубины точного боговедения... в исступлении, но не в исступлении ума... Пророками истинно всё изречено в здравом уме и с здравомысленным рассуждением, а не в помешательстве“ (Творения св. Епифания Кипрского, часть 2, стр. 313–314. Москва 1864 г.). У истинных пророков для каждой пророческой речи было особое воздействие Божественной силы, на что и указывают пророки, говоря: *было ко мне слово Господне; была на мне рука Господа (Иез.33:22,40:1); вошёл в меня дух (Иез.2:2)*.

Все хлыстовские пророки отличаются необыкновенною гордостью, грубым сознанием своих мнимых преимуществ перед рядовыми хлыстами, требуя себе почёта от них в форме поклонов, целования руки или колена, ноги и проч. Все хлыстовские пророки соперничают, спорят между собой из-за того, в ком больше обитает Дух Святой (мнимый), кто из них должен считаться старшим и большим пророком. Эти споры нередко доходят до драки, во избежание чего более слабый по физическим силам пророк уходит с того радения, где находится пророк сильнее его физически. Все хлыстовские пророки участвуют во всех тех греховных делах, какие творятся у хлыстов при их радениях, то есть, различных видах прелюбодеяния и блуда, как это видно из показаний о себе

хлыстовского пророка Радаева (Люди Божии – Добротворского). А такие люди, как тяжкие грешники, царствия Божия не наследуют (1Кор.6:9–10).

Хлыстовские пророки и пророчицы высказывают свои пророчества по большей части в бессознательном состоянии, к чему они приходят через различные телодвижения на своих радениях. Мужчины и женщины на этих радениях нередко бывают только в одних рубахах, следовательно, при обстановке, вполне возбуждающей животные страсти и помрачающей рассудок, а если иногда и не при радениях высказываются у хлыстов пророчества, то всё же сознание и личная воля хлыстовского пророка при этом бездействуют, как это видно, например, из следующих слов хлыстовского пророка Радаева: „сила, действующая во мне, водит меня туда и сюда, не даёт ни есть, ни пить“ (Люди Божии – Добротворского, стр. 78). В подобном же положении бывали и древние лже-пророки. Известная в древности Пифия, по свидетельству Оригена, когда изрекала предсказания, лишалась чувств и сознания (Contr. cels. lib. 1, cap. 3–4). Когда на радение, где присутствует пророк или пророчица, является полиция или вообще такие люди, которых хлысты боятся, то пророки и пророчицы хлыстовские или прячутся, или начинают лицемерить, лгать, отказываться от своего пророческого звания, от содержимого ими учения. Да и рядовым хлыстам их пророки и пророчицы внушают лицемерное отношение и ко всем православным, а особенно к православному духовенству. Благодаря такому лицемерию и лживости, хлысты, скрывая от православных содержимую ими ересь, весьма часто успевают обманывать относительно своих религиозных убеждений даже и православное духовенство, которое этих злых врагов православной церкви считает за послушных и усердных чад св. церкви. За такую лживость хлысты, по словам Иисуса Христа, должны быть названы детьми дьявола (Ин.8:44). ещё праведный Товит сказал: *тайну царёву прилично хранить, а о делах Божиих объявлять похвально* (Тов.12:11). И Христос, посылая апостолов, повелел им проповедовать Евангелие всем народам, открыто (Мф.24:14,28:19–20), безбоязненно (Лк.12:11–12). Если же

хлыстовские пророки скрывают своё учение от лиц, не принадлежащих к их секте, то этим самым, по словам Иисуса Христа, они свидетельствуют, что учение, содержащее и проповедуемое ими, злое, душепагубное. *Всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идёт к свету, чтобы не обличить дела его. А поступающий по правде идёт к свету, дабы явны были дела его (Ин.3:20–21).* На радениях пророки и даже пророчицы хлыстовские являются главными заправилами и совершителями хлыстовских молитвенных обрядов, хотя право на совершение общественного богослужения Бог предоставил в своей церкви только известным лицам, теперь получающим это священное право по непрерывному преемству от апостолов через благодатное руковозложение (1Тим.4:14; 2Тим.1:6; 1Тим.3:14–15; Тит.1:5). А женщинам ап. Павел раз навсегда воспретил присваивать себе право учить в молитвенных собраниях и священнодействовать, сказавши: *жёны ваши в церквах да молчат, ибо не позволено им говорить, а быть в подчинении, как и закон говорит (Быт.3:16).* Если же они хотят чему научиться, пусть спрашивают о том дома у мужей своих; ибо неприлично жене говорить в церкви (1Кор.14:34–35). *Учить жене не позволяю (1Тим.2:12).* Прав на проповедь евангельского учения и совершение таинств, предоставленных от Христа только апостолам и продолжателям их служения: епископам и пресвитерам, не дерзали присвоить себе даже и ангелы Божии (Деян.10 гл.), которые по своим духовно-нравственным совершенствам несравненно выше людей. А поместный Гангрский собор, без благословения епископа, воспретил христианам и устроить молитвенные собрания (правила 5 и 6).

Хлысты, желая оправдать допущение ими на радениях, или молитвенных собраниях, до учительства и совершения обрядов женщин, ссылаются на следующие слова ап. Павла: *Все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись. Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского: ибо все одно во Христе Иисусе (Гал.3:27–28).* По поводу этих слов апостола нужно заметить, что в этом послании он между прочим раскрывает мысль, что человек спасается не

исполнением предписаний закона (Моисеева), так как ни один из людей не в состоянии был исполнить всех предписаний закона (Евр.10:1–5), а главным образом верой в искупительные, крестные заслуги Иисуса Христа (Еф.2:8). Евреи думали, что им, как народу, по плоти происшедшему от Авраама, отца верующих (Гал.3:7), народу, которому через Моисея был дан закон, принадлежит преимущественно право на вступление в царство Христово, а язычники, как происшедшие по плоти не от Авраама и не исполнявшие закона Моисея, не имеют права на вступление в царство Христово. Вопреки такой мысли апостол говорит, что независимо ни от происхождения от известного племени, или известного положения в обществе, или даже различия людей по полам, всё одно во Христе Иисусе, все спасаются только верой в крестные, искупительные заслуги Христа. Но делать из слов апостола тот вывод, что в церкви Христовой на земле могут присвоить себе право всенародной проповеди, учительства и совершения в молитвенных собраниях общих религиозных обрядов безразлично не только мужчины, но и женщины, нет никакого основания. Такое мнение прямо противоречит заповеди Иисуса Христа о проповеди и совершении крещения, а равно и других таинств, данной только апостолам-мужчинам (Мф.28:19–20; Мк.16:15; Лк.24:47,22:19–20; Ин.20:22–23), и заповеди апостольской (Рим.10:15; 1Кор.4:1; Евр.5:4; 1Кор.14:34–35; 1Тим.2:13).

2) Истинные пророчества всегда отличались возвышенной целью, которая вполне прилична Богу, Существу высочайшему, открывающему свою волю людям для того, чтобы привести их к спасению. Таковы, например, все ветхозаветные пророчества об Иисусе Христе. Истинные пророчества весьма часто относились к предметам весьма отдалённого будущего, к предметам, которые не могли быть постигнуты на основании обыкновенных, естественных соображений, например, пророчества об Иисусе Христе, обстоятельствах Его жизни на земле, крестной смерти, воскресении, вознесении на небеса, будущего второго пришествия на землю – и по своему изложению отличаются ясностью. Пророчества истинных пророков, по своему содержанию, отнюдь не могут противоречить св. Писанию, так

как то и другое суть откровения одного и того же Божественного Духа. Христос сказал, что Дух Святой будет возвещать людям не новое учение, отличное от Христова, а тоже Христово, уясняя и раскрывая учение Христа. *Он Меня прославит, потому что от Моего возьмёт и, что услышит, возвестит вам* (Ин.15:26,16:13–14). В хлыстовских же пророчествах по большей части раскрывается учение, противное св. Писанию и учению Иисуса Христа, например, возможность многократных воплощений Иисуса Христа на земле, или перевоплощение в людей Христа евангельского, отрицание исторической действительности и видимого чувственными очами совершения Иисусом Христом чудес, описанных в Евангелии⁶⁸, порицание церковного брака и законности детей, рождённых от него, вместо коего хлыстовские пророки и пророчицы восхваляют брак мнимодуховный, заключаемый на хлыстовских радениях, то есть, по суду св. писания, собственно блуд и прелюбодеяние. Хлыстовские пророки и пророчицы отрицают почитание плотских родителей; воспрещают употреблять в пищу мясо и вино; отрицают воскресение мёртвых и всеобщий страшный суд над людьми; вводят и совершают на радениях религиозные обряды, *не согласные с духом св. Писания*.

Порицая церковный брак, называя его диавольскими узами, хлыстовские пророки и пророчицы говорят, что наши прародители Адам и Ева были изгнаны Богом из рая за плотскую супружескую связь. Детей, рождённых от церковного брака, хлысты, по научению их пророков и пророчиц, называют щенятами, котятами, гнезниками. Вместо церковного брака хлыстовские пророки и пророчицы проповедуют о браке духовном, который заключается у них на радениях, когда члену их секты пророком или пророчицей даётся духовная жена, или духовница. И если между этими духовником и духовницей завязываются плотские сношения, то это, по учению хлыстовских пророков и пророчиц, уже не есть плотской грех, скверна, но любовь по духу, Христова любовь. Все люди, состоящие в церковном браке, не могут делать ничего богоугодного и душеспасительного. Поэтому и все священнодействия, совершаемые православным духовенством,

отноудь не спасительны для лиц, приемлющих эти священнодействия, так как православное духовенство живёт в браке. Но такое учение хлыстовских пророков и пророчиц прямо противно св. Писанию. Брак, заключённый с благословения Божия, то есть, в православной церкви не препятствует известным, достойным по вере и нравственной жизни, лицам быть совершителями таинств. Подтверждение этой мысли мы можем видеть на апостолах, избранных Самим Иисусом Христом для своего высокого служения. Первоверховный апостол Пётр состоял в браке, и Иисус Христос однажды, пришедши в его дом, исцелил его тещу от горячки (Мф.8:14). По свидетельству церковного историка Евсевия, у ап. Петра были дети. У одного из семи диаконов – Филиппа было четыре дочери, которых он выдал замуж. По свидетельству св. Климента александрийского, даже ап. Павел имел жену, которую, для большего удобства прохождения своего апостольского служения, не водил за собой (Церковная история Евсевия, кн. 3, гл. 30, стр. 149, изд. 1858 г.⁶⁹).

Отрицание хлыстовскими пророками и пророчицами почитания детьми своих плотских родителей, как рождающих детей от греха (Пс.50:7), тоже противно и духу, и букве св. Писания. Такое учение об отношении к плотским родителям напоминает поступок Хама к отцу своему Нюю (Быт.9:20–27), за что праведный Ной изрёк проклятие потомству Хама. Это учение хлыстов противно пятой заповеди, данной Богом через пророка Моисея всем людям (Исх.20:12). А пророк Исаия от лица Божия так обличает грех непочитания детьми своих родителей: *горе тому, кто говорит отцу: зачем ты произвёл меня на свет, а матери, зачем ты родила меня? Так говорит Господь, Святой Израиля, Создатель его* (Ис.45:10–11).

Хлыстовские пророки и пророчицы своё отрицание употребления в пищу мяса и вина стараются оправдать ссылкой на пророка Даниила и трёх отроков, которые в плену вавилонском питались только растительною пищей, отказавшись от употребления в пищу мяса и вина с царского стола и потом по телу оказались здоровей и в умственном отношении выше своих сверстников-вавилонян, питавшихся со

стола царского мясом и винами (Дан. 1 гл.), – указаниями на благочестивого иудея Елеазара (2Мак.6:18–21), – семь братьев Маккавейских и их мать Соломонию, принявших мученический венец за отказ вкусить свиного мяса (2Мак.7:20–41). Наконец, хлысты в своё оправдание о неядении мяса ссылаются на пример монахов, воздерживающихся от употребления в пищу мяса. Но пророк Даниил и три отрока в Вавилоне, отказались принять пищу с царского стола не потому собственно, что боялись вкусить мясной пищи, а потому, что вавилоняне, как идолопоклонники, не знавшие закона Моисея, употребляли в пищу мясо таких животных, которых, по закону Моисея, нельзя было есть (Лев. 11 гл.). Точно также и благочестивый иудей Елеазар и семь братьев Маккавейских с их матерью отказались вкусить свиного мяса, как запрещённого законом Моисея. Но в том же Богом данном законе евреям через Моисея мясо многих живых существ дозволено было употреблять в пищу (Лев. 11 гл.). Из Библии мы знаем, что отец верующих, патриарх Авраам явившихся к нему трёх странников угощал мясной пищей – телятиной (Быт.18:8). Запрещённой Богом пищи патриарх не предложил бы странникам, и они не вкусили бы её, так как в образе этих странников были Сам Бог и с Ним два ангела. В пустыне Бог посылал евреям перепелов, мясо коих они употребляли в пищу (Числ. 11 гл.). Когда пророк Илия был у потока Хорафа, то, по повелению Божию, вороны приносили ему в пищу хлеб и мясо (3Цар.17:6). Очевидно, что евреям в пустыне и пророку Илии Бог посылал такую пищу, которая Им не была запрещена. Употребление мясной пищи, как дозволенной Богом, мы видим и в притче Иисуса Христа о блудном сыне (Лк.15:11–32) и при совершении ветхозаветной пасхи (Исх.12:1–11), которую вкушал и Иисус Христос с апостолами (Мф.26:17–21; Мк.14:12–18; Лк.22:7–18). В новом завете мы тоже не находим никаких запрещений относительно употребления в пищу мяса. На апостольском соборе относительно пищи было постановлено: *воздерживаться от идоложертвенного и крови, и удавленины* (Деян.15:29). А апостол Павел относительно употребления пищи предоставляет христианам ещё большую свободу, говоря: *всё, что продаётся на торгу, ешьте без*

всякого исследования, для спокойствия совести; ибо Господня земля и что наполняет её (Пс.23:1). Если кто из неверных позовёт вас, и вы захотите пойти: то всё, предлагаемое вам, ешьте без всякого исследования, для спокойствия совести (1Кор.10:25–27). Монашеский устав воспрещает монахам употреблять в пищу мясо и удаляться брака не потому, чтобы в нём то и другое считалось скверной, лишаящей человека душевного спасения, а дабы, при большей свободе от телесных страстей и забот о семейной жизни, человеку иметь возможность всего себя посвящать на служение Богу. Появление нечестивого хлыстовского учения о браке и мясной пище пророческим духом предвидел ап. Павел и предупреждал относительно этого учения христиан в послании к своему ученику Тимофею такими словами: *Дух ясно говорит, что в последние времена отступят некоторые от веры, внимая духам обольстителям и учениям бесовским, через лицемерие лже-словесников, сожжённых в совести своей, запрещающих вступать в брак и употреблять в пищу то, что Бог сотворил, дабы верные и познавшие истину вкушали с благодарением. Ибо всякое творение Божие хорошо, и ничто непередосудительно, если принимается с благодарением, потому что освящается словом Божиим и молитвой* (1Тим.4:1–5). И хлыстовские пророки, и пророчицы, если хулят церковный брак и мясную пищу, которые в своё время церковь Христова освящает своим чадам чтением слова Божия и молитвой, то они являются в этом случае, по ап. Павлу, отступниками от веры и орудиями духов лестьчих, лицемерами, лже-словесниками и людьми сожжёнными совестью. Конечно, всё вышеизложенное из учения ап. Павла о пище отнюдь не говорит против постов, содержимых православной церковью, так как ап. Павел и сам содержал посты (Деян.9:9; 2Кор.6:4–5), и христианам вменяет в обязанность содержать посты (1Кор.7:5). Точно также и умеренное употребление вина не воспрещено св. Писанием. Премудрый Иисус сын Серахов пишет: *вино полезно для жизни человека, если будем пить его умеренно* (Прем.31:31–33). Пророк Исаия предсказывал, что Господь Саваоф устроит для всех народов трапезу из тучных

яств и самых чистых вин (таинство причащения) (Ис.25:6). через пророка Иоиля раскаявшемуся народу Бог обещает послать для насыщения хлеб, вино и елей (Иоил.2:19). Иисус Христос Сам был на браке в Кане Галилейской, где пили вино, и чудесным образом претворил воду в вино, дабы в нём не было недостатка при браке (Ин.2:1–11). Ап. Павел советовал своему ученику Тимофею умеренное употребление вина (1Тим.4:1–5).

Прот. Н. Кутепов
(*Окончание следует*).

**Из записок и дневников // Миссионерское
обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 443–454**

Платонов А. „Дунькино собрание“

(Страничка из современной летописи закавказского сектантства).

– Ты – русский? – спрашиваю как-то раз одного возницу, проезжая по Майдану, этой типичнейшей азиатской части г. Тифлиса с её вполне азиатской жизнью и преобладающим азиатским населением.

– Русский, из Тамбовской губ.

– А из каких будешь: из православных или молокан?⁷⁰

– Из молокан я, – ответил извозчик, – из уклеинских.

– Ну, а скажи, пожалуйста, как ты думаешь на счёт Дунькина упования и бываешь ли ты на знаменитом «Дунькином собрании»?

– Знаменитое!.. ведь, придумали-ж вы: «знамеиитое»... Это Дунька-то знаменитости набралась!..

Извозчик повернул ко мне лицо, иронически хихикнул и потом снова заговорил с жаром и нескрываемой досадой в голосе:

– Откуда-ж это вы взяли, чтобы я пошёл на Дунькино собрание?... с Дунькой то вместе Богу молиться?! да будь и та Дунька, да и всё её собрание трижды проклято, чтоб я стал душу свою поганить... Оно, конечно, у всякого своя охота и своя добрая воля... Ну, а у меня этой охоты нет и не будет. Вот что я вам скажу: Христос говорил, что среди христиан будет разделение и что бывают люди, которые входят в стада на манер волков в овечьей шкуре... Я так думаю, что эта самая Дунька и есть тот лютой волк, который овцой прикидывается. И то сказать: сейчас вот зачали баптисты нас мутить; но только баптисты то не наши. А Дунька из наших вышла и наших же мутит: ну, как же, значит, она не самый лютой волк? Ехидна она! аспид! вот ей, что... Спаси нас, Иисусе! А бабе этой... сто раз анафема! не благовести, чего не следует, не сбивай с толку юных, не заводи раздоры... Вишь, ты, спасительница!.. А вы говорите: знаменитая. Дьявол, коли так, ещё знаменитее.

Я нарочито заговорил с извозчиком-молоканином на счёт уже успевшего прославиться в закавказском сектантском мире «Дунькина собрания», хотя и насчитывающего за собой каких-нибудь полтора года существования. «Постоянные» молокане с кем бы вы из них ни заговорили, и слышать о нём не хотят. Неоднократно мне приходилось убеждаться в том, что достаточно только сделать намёк на это «собрание» в присутствии уклеинца, чтобы услышать из уст последнего самую резкую, насмешливую речь по адресу Дуньки и её почитателей. И это тем более, что «обходительная» и «льстивая» Дунька с каждым днём приобретает всё большую и большую популярность среди молоканской молодёжи, собирающейся под знамя Дунькина протеста против «зазорного» и «греховного» старо-молоканства. – Вообще «Дунькино собрание» имеет уже свою «славу», свою, – хотя и небольшую, – историю, свой, довольно определившийся, религиозно-моральный и бытовой тип, представляет собой новое и характерное по некоторым своим чертам явление в жизни закавказского сектантства. Об этом явлении мы и поведём свою речь.

I.

Г. Тифлис служит одним из значительнейших центров закавказского рационалистического сектантства. И это – не только в смысле количественном. «Столица» Кавказа, где сходятся все нити церковного и государственного управления кавказским краем, является в то же время и столицей кавказского молоканства и особенно штундо-баптизма, направляющей и вдохновляющей жизнь кавказских сектантов указанных групп. Наиболее богатые штундо-баптисты, самые видные и известные молоканские вожаки, а также штундовые «миссионеры» во главе с В. Павловым избрали своим постоянным местопребыванием или главной резиденцией не какой-либо захолустный городок Кавказа, а именно Тифлис. В Тифлисе сектантская жизнь, так сказать, бьёт ключом. Здесь то, на берегах бурно-стремительной Куры, в настоящее время шумят сектантские витии, своими речами и проповедями призывающие «братьев» к «ловле в евангельские сети» отступников от Христа – последователей господствующей

церкви; здесь создаются всевозможные проекты «братьев-миссионеров» о способах этой «ловли» православных и «прочих» сектантов, отсюда во все концы Закавказья от Батума до Баку идёт «вещание» сектантских «пастырей»; здесь же имеют место и получают начало наиболее видные события в жизни закавказских сектантов, как, напр., борьба молоканских партий, которая идёт уже несколько лет с маленькими перерывами и доходит... до «бурных» сцен, иногда оканчивающихся кулачной расправой и «телесным озлоблением». Здесь же естественнее всего было зародиться и пресловутому «Дунькину собранию», этому довольно крупному явлению в сектантском мире, представляющему собой квинтэссенцию сектантского шатания от «правды» к «правде».

Дунькино собрание выродилось из недр молоканства и организовалось во второй половине 1902 года в Лесковской части г. Тифлиса. Название своё оно получило по имени своей основательницы и покровительницы, жены Тифлисского легкового извозчика, Евдокии Парфеновой. Такое наименование, обычно всеми употребляемое, как вполне установившееся и для всех понятное, дано новому молоканскому течению стариками молоканами, которые не иначе, как с презрением, отзываюся о Парфеновой и её последователях. Сами же себя дунькины называют «свободными», потому что на их общие молитвенные собрания могут не только приходить, но и совершенно свободно, беспрепятственно здесь проповедовать, давая самый широкий простор личному произволу в понимании и толковании слова Божия, представители всех христианских исповеданий и национальностей, – а особенно потому, что сами Дунькины чувствуют себя независимыми от своих стариков и их авторитета в понимании Свящ. Писания. Именуют они себя и «чистыми» в противоположность старо-молоканам, которые, по заявлению Дунькиных, допускают в своей жизни вообще и в молитвенных собраниях в частности большую слабость в своём отношении к греху, особенно к греху против седьмой заповеди... – Все перечисленные названия находятся в самой тесной связи

с происхождением и дальнейшей историей «Дунькина собрания».

Возникло это собрание таким образом:

Ещё в 1900 г. в Тифлисском молоканском мире начались споры по поводу «взаимного лобзания» и «исповеди к человеку». Старики отстаивали традиционную молоканскую практику, молодёжь высказывалась против неё. Молодой протестантской партии не нравилось, что старики, в интересах своей «слабости», широко эксплуатировали «святое» лобзание, почему эта партия и решила, во избежание всегда могущих происходить соблазнов, раз навсегда покончить с лобзанием, выбросить его из состава молоканского богослужебного культа. Восстала молодёжь и против «стеснительной» исповеди, «несовместимой с христианской свободой» и совершаемой «слабыми и грешными» стариками. Решено было поэтому покончить и с исповедью, которая и была объявлена во всеуслышание, перед всем молоканским миром, явлением, совершенно неуместным в свободном христианстве. К 1902 г. споры эти, однако, стали затихать. Но, как оказалось в действительности, искра вражды совсем не погасла, недовольство стариками не заглохло, затишье явилось предвестником бури. Молодёжь продолжала смотреть на своих вожakov подозрительно. Нужно было только явиться какой-нибудь смелой и энергичной личности, и искра могла образовать целый пожар. Такой личностью и явилась Дунька. Недовольная с, своей стороны поведением молоканских заправил, энергичная и хитрая, она решила воспользоваться настроением молодёжи: стала зазывать в свою квартиру недовольных, угощать их чаем, трактовать им о христианской чистоте, внушать ещё большую вражду к старикам, ведущим соблазнительную, пьяную и развратную жизнь, принесшим греховные соблазны даже на общие молитвенные собрания, и в то же время требующим, чтобы все их уважали, все им повиновались, все понимали Писание так, как они указывают. Слова Дуньки в конце концов глубоко запали в горячие головы восприимчивой молодёжи, в результате чего последняя решила окончательно и бесповоротно порвать религиозную и

богослужебную связь с старо-молоканами. На помощь Дуньке пришёл её единомышленник П. Лезин, который, по её желанию, открыл для отделившихся особые общие молитвенные собрания сначала в Дунькиной «храмине», а потом в специально для этой цели приспособленном помещении на тех же Песках. Число «дунькиных» на первых порах было немногочисленно, но затем стало постепенно увеличиваться⁷¹, к великой досаде стариков, готовых видеть в Дуньке апокалипсическую блудницу, и часто бесполезно тратящих много слов и времени на увещание молодёжи не ходить на «еретические» собрания. Растут и Дунькины молитвенные собрания, за последнее время принимающие необычайно пёстрый вид по своему составу. Здесь теперь молятся и проповедуют не одни дунькины, а вместе с ними и прыгуны, и штундо-баптисты сектанты и русские, и армянские⁷². Присутствие на Дунькиных молениях штундо-баптистов обращает на себя особенное внимание. На этом факте мы и остановимся на некоторое время.

Штундо-баптисты являются в Дунькино собрание далеко не с той целью, чтобы поучиться от молокан «правому» упованию и благочестию; скорее, наоборот, с тем, чтобы воспользоваться молоканским разделением в интересах своей пропаганды среди отделившихся. Ведь почва так благоприятна для посева... В самом деле дунькины объявили, что толковать Писание на их собраниях может всякий, к какому бы христианскому исповеданию он ни принадлежал, толковать совершенно свободно, так как-де «каждому» христианину «даётся проявление Духа на пользу (1Кор.12:7)». Но такой принцип не мог не привлечь к себе внимания наших русских протестантов, которые поняли, что «дух» отделившихся и «дух» штундовых братьев – один и тот же, почему и решили, что тот «дух» им, штундистам, пойдёт на пользу. Они стали аккуратно являться на богослужение дунькиных и здесь выступать с своей проповедью. Важно и замечательно при этом то обстоятельство, что Дунькино собрание рядовыми штундо-баптистами не посещается: они прекрасно знают, что им тут делать нечего. Являются же сюда вожаки штундо-баптизма и притом наиболее выдающиеся, как воспитанник Гамбургской миссионерской семинарии, знающий

«одиннадцать языков» миссионер В. Павлов, братья И. и Н. Воронины, один местный агент и книгоноша Британского Библейского Общества, по исповеданию реформат, но неизменный друг и «просветитель» тифлисских штундистов. Насколько успешна деятельность штундовых братьев и каковы её плоды среди дунькиных, об этом речь впереди.

II.

Мне пришлось побывать на «Дунькином собрании» в ноябре месяце 1903 г. два раза. И вот мои наблюдения и впечатления, вынесенные оттуда и занесённые мной на страницы моего дневника.

Отправляясь к «дунькиным» в первый раз, я зашёл к моему помощнику Т. С. Харитонову (обращённому из молокан), чтобы он показал мне место собрания сектантов и познакомил меня с главными руководителями собрания.

Стояла тёмная ноябрьская ночь. Чем дальше едем по Пескам, тем улицы становятся всё пустынее и темнее. Скоро уже и цель нашей поездки. Вылезли мы из вагона конки и пошли куда-то вниз, по глухому переулку, по направлению к Куре. Кругом тишина и темь непроглядная. И только там, где-то вдали, ещё ниже нас, мелькают в каком то помещении тусклые огоньки. Подходим к дому, из окон которого выходят лучи бледного света.

– Вот насмотритесь то, А. И.! обратился ко мне мой спутник, – чего только вы не увидите на этом собрании?

В это время из ворот двора, где находилось собрание, вынырнула тощая, изогнутая фигура в пиджаке и с книгами в руках.

– Это ты, Сергей? – окликнул фигуру Т. С.; ты опять книгами торгуешь. Ведь у тебя нет разрешения, а ты всё за своё... А. И., это – агент библейского общества. Торгует без разрешения. Смотри ты, Сергей, – заговорил уже с досадой в голосе мой помощник, – наживёшь ты себе беду... Ты домой уже идёшь? Пойдём-ка на беседу; миссионер вот, А. И., будем с вашими сейчас на счёт веры толковать.

Агент молчал почти всё время, – только в начале что то буркнув в своё оправдание, – и отправился в след за нами на

собрание, из которого он только-что вышел.

По тёмному двору, заставленному экипажами молокан-извозчиков, ушедших на собрание, и затем по тёмной лестнице мы наконец добрались до сектантского сборища. Входим в большую комнату, освещённую большой лампой и наполненную молящимися, сиденья которых расположены вдоль трёх стен. У четвертой передней стены стоит стол, на котором лежит Новый Завет и в роскошном переплёте Библия на русском языке. За столом стоит проповедник Б. и объясняет 1Ин. 1:4–10. В комнате душно; тяжело дышать: так много слушателей, да из подполья несётся, далеко не из приятных, запах птичьего навоза...

Уселись. Вглядываюсь в толпу. Налево от меня – цветущие лица молоканок, направо – испытые и больные физиономии молокан, штундо-баптистов, прыгунов. Одни с любопытством рассматривают нас, вошедших; другие переговаривают между собой, кивая в нашу сторону головами; третьи, мельком взглянув на нас, снова погрузились в слушание проповедника...

А проповедник восклицал:

– Брат, брат! иди к свету, скорее иди! Христос уже здесь, уже в твоём сердце, в тебе самом. Он пришёл за тобой! Иди же, брат, к свету, иди, не медля иди...

Послышались вздохи. Сидевшая в углу одна молоканка заохала и начала всхлипывать. Толпа начинала приходить в возбуждение. Наконец проповедник окончил речь и воскликнул:

– Преклоним же, братья, колена и помолимся.

Но штундо-баптист Воронин в свою очередь заметил:

– Нет, подождите. Сначала пропоём, а потом и станем на колена.

Толпа повиновалась Воронину. Началось пение стихов из «Голоса веры», собрания духовных песен, изданного в Тифлисе Н. Ворониным в 1882 г. и в своё время одобренного цензурой. Однообразное, унылое пение, не позволявшее разбирать часто не только слов, но и слогов, коленопреклонения, импровизированные молитвы, пение псалмов и целых глав из апостольских посланий – всё это, что я увидел и услышал

дальше, не представляет собой ничего особенного. Совершалось обычное штундовое богослужение.

Но вот моление окончилось. Я встал с своей скамьи, подошёл к столу и поздоровался с проповедниками, затем пожелал мира всему собранию и начал, обратившись ко всем, свою речь приблизительно так:

– Вот ваш проповедник объяснял вам, что Бог свет есть, и что христиане должны ходить во свете. Но ходите ли вы, здесь собравшиеся, в свете и истине? По Апостолу, Бог и любовь есть, и христиане должны в любви пребывать, а вы вот разделяетесь между собой и от св. церкви отделились. Можно ли после этого сказать, что вы в любви пребываете? Вы думаете, что среди вас Христос живёт. Но правда ли, что это так?

Затем я стал просить присутствующих получше задуматься над этими вопросами и перешёл, наконец, к вопросу о том, отчего у сектантов идут бесконечные разделения между собой и почему они отделяются от православной церкви. Я указывал и на человеческий грех самолюбия и самомнения, и на дьявола, ищущего человеческой гибели, через разделение людей, говорил и о том произволе в понимании писания, который удаляет человека от церкви – этого столпа истины, и ведёт к ложному пониманию истины Христовой.

– Вот об этом то понимании слова Божия, о том, кому дано право толковать его, и поговорим теперь, сказал я; поговорим по-христиански, без зависти и любопрения, с любовью и желанием прийти к свету истины Христовой.

– Да вы разве с любовью и по любви к нам пришли? – заметил один из штундистов, сидевший против меня и хитро во время моей речи улыбавшийся.

– Не будем об этом говорить, заметил я. Послушайте, что говорит св. Апостол: «кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нём»? (1Кор.2:11), и ещё: сам Апостол замечает о себе, а затем и вообще высказывает: «для меня очень мало значит, как судите обо мне вы, или как судят другие люди; я и сам не сужу о себе. Ибо хотя я ничего не знаю за собой, но тем не оправдываюсь; Судья же мне Господь. Посему не судите никак прежде времени, пока не придет

Господь, Который и осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения» (1Кор.4:3–5).

Штундист не возразил ничего, а один молоканин заметил:

– Зачем вы (обращаясь к штундисту) перебиваете их; они хотят по любви толковать с нами, а вы сейчас задевать человека. Это – неловко.

Беседа затем продолжалась обычным порядком, причём штундисты хотели во что бы то ни стало отстоять свои положения, что: 1) всякий имеет дар толкования, и 2) разница в понимании слова Божия не ведёт к вечной гибели, потому что христиане, как бы ни исповедовали веру Христову, всё же веруют в одного и того же Христа. Во время беседы молокане иногда начинали перебивать речь штундо-баптистов, и наоборот; но толпа в таких случаях энергично требовала, чтобы говорили только миссионер да Воронин. Собеседование окончилось тихо и мирно около полуночи, причём сектанты выразили желание бывать у меня в квартире, спросили мой адрес и просили ещё бывать у них на собрании. Я с своей стороны просил сектантов, не стесняясь, заходить ко мне и обещал бывать у них.

Собрание носило в остальном прежний характер, кроме того только, что коленопреклонений теперь не было. Проповедники толковали 1Тимоф. II гл., затем Лук. III и XIX гл. Проповедников было на этот раз три. Объяснение писания отличалось довольно произвольным характером. На каждом шагу слышалось у всех: «вероятно», «быть может»⁷³. Эти выражения и послужили для меня исходным пунктом для моей новой беседы, в существе же дела представлявшей продолжение предыдущей. Беседовали со мной штундо-баптисты и только изредка вставляли свои замечания молокане. Агент библейского общества, возражавший мне на предыдущей беседе, теперь молчал, потому что ещё тогда от одного молоканина получил замечание:

– Ты не дело говоришь. Лучше замолчи.

Любопытно, что штундисты на этот раз выступили с научным аппаратом, говорили об Оригене, блаж. Августине, о вселенских соборах, о соборе Сардикийском, упрекая и тех и

другие в неправославии; заявили, что они знать не хотят Толстого, который «много ересей наговорил»; толковали о свободе совести, усиливаясь говорить учёным слогом, причём высказали ту мысль, что если бы им позволили, то они такой бы храм выстроили, что православные только позавидовали бы.

– Беда наша только в том, – между прочим сказали штундисты, – что правительство признаёт православие господствующей религией, поддерживает древний византийский порядок...

Беседа окончилась мирно около 11 ч. ночи, если не считать просьбы сектантов, чтобы я не позволял православным... смеяться на их собрании, и нескольких недоброжелательных возгласов сектантов, по адресу выходявших из собрания православных. Дело в том, что во время беседы мы остановились на речи Апостола о дарах духовных. Я, между прочим, сказал:

– По совести ответьте мне: есть ли у вас чудотворцы – целители и пророки?

На это один из сектантов заметил, поднявшись со скамьи и гордо закинув назад голову:

– Я вот пророк.

– А что значит это слово? – спросил я его.

– Что? Пророк тот, кто предсказывает.

– Не вполне точно, заметил я, но пока пусть будет так. Скажите мне, что произойдёт завтра в Тифлисе? Какими событиями ознаменуется день?

Молоканин храбро и с самодовольством ответил:

– Завтра будет день.

Толпа засмеялась. Послышались возгласы:

– Вот так пророк!

– Ловко, братцы, предсказывает.

Посильное изучение «Дунькина собрания» привело меня к следующим выводам.

1) «Дунькино собрание» является своего рода протестантством в молоканстве. Это не что иное, как протест против выдыхающейся и теряющей свою силу традиции старо-молоканства и свивших в молоканстве крепкое гнездо

всевозможных пороков. С этой стороны «Дунькино собрание» – один из ярко выраженных симптомов разложения и вымирания молоканства в закавказском крае, вымирания, весьма заметного не в одном Тифлисе. Мне лично известно, напр., что в Бакинской губ., вследствие бесед книгоноши-миссионера Буланова с молоканами о необходимости водного крещения, молокане переходили в штундо-баптизм; а когда Буланов стал молоканам доказывать, что крещение необходимо не только для взрослых, но и для детей, то одни из перешедших в штунду снова возвращались в молоканство, другие же останавливались на распутье...

2) Но этот симптом таков, что вскрывает явный наклон молоканства в сторону штундо-баптизма. Если ещё в 1902 г. нельзя было установить этого факта с надлежащей определённости, то теперь есть полная к тому возможность и основание. Принцип свободы – произвола в толковании писания в собрании прочно обосновался. Не менее прочно засели здесь и штундистские проповедники. Право каждого выступать с проповедью на практике здесь в последнее время почти не осуществляется. Проповедуют часто подряд несколько собраний одни штундисты. Последние занимают здесь самые почётные места около стола, на котором лежат священные книги, приносимые штундистами. Поются на собраниях штундовые песнопения. Штундисты – и только они – произносят молитвы-импровизации, руководят ходом богослужения, объявляют о дне и часе следующего собрания⁷⁴, вообще имеют явно выраженное желание главенствовать в собраниях. Для сильнейшего же привлечения к себе молокан и для устранения подозрений, хорошо готовятся к проповедям, говорят очень складно и свободно, видимо рассчитывая на успех и, правду сказать, достигая его.

3) «Дунькино собрание» живёт теперь не одной только пылкостью буйной молодёжи, взбунтовавшейся против стариков. Среди «Дунькиных» немало членов 30–40 лет. И растёт «Дунькино собрание» не по дням, а по часам. Усиливающаяся злоба «стариков» только вновь подтверждает,

какие большие лавры пожинает «Дунька», а лучше теперь сказать: штундо-баптизм.

4) Молва о «Дунькином собрании» уже вышла за пределы Тифлиса и заставила о нём говорить молоканскую провинцию.

В силу всего этого, «Дунькину собранию», думается нам, суждено сыграть не незначительную роль в истории закавказского молоканства и штундо-баптизма. Но мнится вместе с тем, что и для закавказской миссии, в виду разложения закавказского молоканства, настает важный и благодарный момент. Тяжело и подумать о том, что молоканские симпатии всё более и более склоняются в сторону штундо-баптизма, этой доктрины, которая теряет, как, напр., в г. Баку, свои религиозные элементы и становится учением сколько социально-политическим, столько и безрелигиозным, безбожным...

Грузинский епархиальный миссионер *А. Платонов*

**Летопись периодической духовной и светской
печати и новые книги по вопросам веры и миссии
церкви // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10.
С. 455–457**

Сит. [Рец. на:]: „По предметам веры и жизни пастырские беседы и чтения“. На память о пастырском служении в г. Самаре. Протоиерея Николая Боголюбского. Москва. 1904. С портретом автора. IV+611 стр. Ц. 1 руб. 50 коп. с пересылкой. С. 455–457

Книга с приведённым заглавием есть произведение „любимца Самары“, и появление её в свет вызвано, как это видно из предисловия, „настойчивым желанием тех достопочтеннейших обывателей г. Самары, которые были непосредственными слушателями“ наставлений автора и которые, нужно дополнить к этому, по собственному почину, при разлуке с дорогим своим пастырем, предложили материальную помощь при издании их.

Весь материал распределён по отделам. Отд. 1-й. Слова, поучения и речи, произнесённые в Казанско-Богородицком соборе г. Самары (их 81). Отд. 2-й. Поучения, произнесённые по назначению епархиального начальства, при архиерейских служениях (их 19). Отд. 3-й. Поучения, произнесённые в церкви Самарской духовной Семинарии (их 15). Отд. 4-й. Слова, произнесённые во дни храмовых праздников в Самарской тюрьме (их 8). Отд. 5-й. Поучения и речи, произнесённые по разным случаям и в разных местах (их 17). Отд. 6-й. Надгробные и поминальные поучения (их 11). Отд. 7-й. Внебогослужебные беседы и публичные чтения (их 12).

Обстоятельства, вызвавшие появление в свет вышеозначенных бесед и чтений, уже показывают на их животворность и действенность. При ценности всего проповеднического материала в отношении жизненности, особенно ценным является 5-й отдел, ценным потому, что проповедь „публицистического“ направления далеко не всякому проповеднику по силам, для неё требуется проповеднику широкое образование, знание современной жизни, ясный ум и твёрдое церковное и государственное мировоззрение, чтобы

верно критиковать и безбоязненно предлагать своё мировоззрение с церковной кафедры, как непререкаемое и руководственное. У автора разбираемой книги, умудрённого опытом, нет недостатка в дерзновении идти вперёд и указывать дорогу. Вот, напри́м., что говорит автор-проповедник по случаю 50-ти-летнего юбилея Н. В. Гоголя, характеризуя его, как писателя и вместе как человека-христианина. „Тонкий наблюдатель-психолог, Гоголь с удивительною прозорливостью умел подмечать среди обычного, всем слишком знакомого, быта неуловимые для всех, но зато и понятные каждому явления жизни с их мельчайшими оттенками и так искусно распознавал язвы греховного, „ветхого“ человека в людях, нас окружающих, в нас самих, во всех и каждом из нас, так глубоко проникал в самые тончайшие изгибы человеческой души, и вот почему в его бессмертных художественных типах, как в зеркале, можно каждому находить себя, те или другие свои недостатки, смешные и уродливые стороны своего внутреннего состояния и внешнего поведения; вот почему сколько ни читай Гоголя, он всегда интересен, всегда вновь хочется читать и перечитывать его. Как истинный, вдохновённый художник-человек, с глубоким отвращением ко злу и искреннейшей любовью к людям – братьям, с желанием для жизни обновления и улучшения, „горьким словом своим смеётся“ Гоголь над проявлениями умственного, нравственного и эстетического убожества человека, над той мелкой суетой и ничтожными интересами, в которых погряз – высшее из земных созданий Божиих – человек. Но в смехе его нет злорадства, а слышится скорбь о том, что человек помрачает в себе идеальную, божественную красоту и сам не замечает этого и потому является таким жалким, слабым, совсем бессильным спасти себя своими силами“.

Или в речи перед открытием XI выставки картин в Самаре автор говорит. – „Все мы обязаны содействовать великому делу просвещения, – кто чем – кто официальной службой, кто живым словом, кто примером своей доброй жизни, кто научным или промышленным трудом, кто служением искусству, – лишь бы лицо, совершающее служение, действовало по совести, просвещённой божественным светом, и стремилось к

прославлению Творца, от Которого всё происходит и Которым всё зиждется и наполняется. Живопись, как и всякое другое искусство, как и вообще труд человеческий, и по существу своему и по форме, может быть очень различен. Жизнь человеческая состоит из уклонений, и труд каждого человека не сам по себе только имеет ценность, а насколько он так или иначе, в большей или меньшей степени состоит в гармонии с общей идеей жизни во Христе, ибо Христос и есть Истинный свет, Он и есть Путь и Истина, и Живот, и. никто не может помимо Его прийти к Богу, к Тому, Кто есть Альфа и Омега всего бытия, Кто есть единственный Первообраз – живой Идеал всех человеческих идеалов. В наше время надобно быть осторожным, чтобы не принять фальшивый, искусственный свет за истинный и самому не впасть и других не ввести в губительное заблуждение“.

Нельзя не пожелать возможно широкого распространения книге живой и интересной, как по затрагиваемым вопросам, так и по освещению их с церковной точки зрения при изложении ясном и живом, нередко образном и властном. Цена книги, принимая во внимание её объём и тщательность издания с отсутствием даже корректурных ошибок, весьма низкая и доступная.

Сит.

С-к. [Рец. на:]: Архимандрит Сергей. Письма из Сарова. СПб. Ц. 30 к. 1903 г., стр. 64. С. 457

По поводу открытия мощей преп. Серафима Саровского появилась, можно сказать, целая литература апологетического, исторического, гомилетического и эпистолярного характера. Предлагаемая вниманию читателя книжка носит последний. При такой форме произведения легко поэтому ожидать обильного выражения мыслей, чувств, мистического проникновения в сущность события. Но в письмах архим. Сергей занимается больше повествованием, личные чувства проскальзывают, но как-то определённо не высказываясь, не облекаясь в выпуклые формы. Вот какую, по большей части, они носят форму выражения. „Чем ближе к Сарову, тем сильнее билось сердце. Затрудняюсь себе дать отчёт, почему, но я сильно в это время волновался“ (стр. 9). Среди множества книжек и описаний Саровских событий книжка Поселянина несомненно написана проникновеннее других. А думается, что если бы в числе паломников были такие таланты литературного слова, как Меньшиков, Розанов, Мережковский и если бы они, конечно, были искренно уверовавшими в святость земли Пр. Серафима, открылись бы тогда Саровские глубины! Но, к сожалению, закрыты ещё очи их. Всё-таки нужно сказать спасибо и о. архим. Сергию за его труд, который из ряда других выделяется теплотой своего религиозного чувства и не ограничивается одним протокольным описанием (к стр. 17, 25, 41) и др. Издана книжка очень чистенько.

С-к

**Хроника, известия и заметки // Миссионерское
обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 458–463**

Празднование юбилея синодального миссионера протоиерея К. Н. Крюкова ⁷⁵

Адреса, поздравительные письма и телеграммы, которыми откликнулись на юбилей протоиерея о. Крюкова разные лица и общества, сочувствующие святому делу нашей противораскольничьей миссии, в один голос свидетельствуют о плодотворной миссионерской деятельности юбиляра в разных епархиях нашей православной церкви. При всём сходстве этих приветствий юбиляру, вполне естественном и понятном по самому существу миссионерского дела о. Крюкова, в каждом из них оттеняется та или другая особенность служения и самого миссионерского облика почтенного о. протоиерея. Характерны с этой последней стороны приветствия эти и по отношению к самим приветствовавшим о. юбиляра. Вот эти письменные и телеграфные приветствия (некоторые полностью и некоторые в выдержках).

* * *

**Ваше Высокопреподобие, Возлюбленный о Христе Брат
о. Протоиерей.**

28-го числа минувшего декабря исполнилось двадцатипятилетие Вашей миссионерской деятельности на пользу Православной церкви. Спешу, хотя и с некоторым опозданием, правда, невольным, выразить Вам приветствия от себя и от Нижегородской миссии. За двадцатипятилетний период Вашего плодотворного, широкого и славного служения св. делу противораскольнической миссии, Вы не обходили своим вниманием Нижегородской епархии. Успехам Нижегородской миссии Вы всегда оказывали содействие братским общением с Нижегородскими миссионерами, приходя им на помощь добрыми советами испытанного борца за правду Божию. Ваши многократные беседы с защитниками раскола, особенно на Нижегородской ярмарке, были для многих местных миссионеров живой школой. Сильное впечатление от Ваших бесед неизгладимо останется в умах и сердцах многочисленных

слушателей, и доброе семя, посеянное ими, приносить добрые плоды.

Призываю Вам Божие благословение и молитвенно желаю Вам, возлюбленный о Господе брат, с прежней нехладной ревностью и плодотворностью преуспевать и на будущее время многие лета на трудном и широком миссионерском поприще во славу Божию и на благо Святой Православной Матери нашей церкви.

С любовью и преданностью честь имею быть Вашего Высокопреподобия покорнейший слуга

Назарий, епископ Нижегородский й Арзамасский.

* * *

Ваше Высокоблагословение, Достопочтенный о. Протоиерей!

Почитаю долгом поздравить с наступающим светлым юбилеем 25-летнего доблестного служения вашего в священном сане. Божия церковь и её история будут всегда помнить ваше победоносное ратоборство со тьмой упорного невежества злополучного раскола. Вашими просвещёнными благочестивыми беседами замирена наша Уральская область, враги и хулители Божией церкви оттуда временно удалились. Вашими хлопотами о пожертвованиях не мало создано храмов Божиих в Уральской области и Оренбургском уезде. Желал бы присутствовать сам и помолиться с другими на вашем светлом торжестве, но за невозможностью сего вследствие отъезда в Екатеринбург посылаю заместителем своё подобие и прошу иметь его на молитвенную память, ибо и я состою в числе искренних почитателей апостольских ваших трудов. Призывая Божие благословение, навсегда пребуду глубокочтущим и преданным вашего высокоблагословения смиренным слугой и богомольцем

Владимир, Епископ Екатеринбургский и Ирбитский.

* * *

Привет Юбиляру, знаменитому раскола искоренителю и ересей обличителю. Здравствуйте многие лета!

Исидор, Епископ Балахнинский. Бывший единоверческий благочинный, смотритель Заиконоспасского училища,

Иеромонах Тарасий.

* * *

Ваше Высокопреподобие, Высокоуважаемый о. протоиерей!

Узнав из письма о. Иоанна Чередникова подробности юбилейного торжества Вашего, сердечно пожелал к моей телеграмме, посланной Вам в своё время, присовокупить ещё несколько самых преискренних пожеланий. Да продлит Господь Вашу жизнь ещё на многие и многие лета и да умудрит, и укрепит Вас во сто крат на пользу Святой Церкви Христовой. С каждым днём всё более и более убеждаюсь в крайней необходимости умножать церкви и школы единоверческие и убеждаю тех, с которыми Господь приводит служить. Это самое могущественное и сильное средство борьбы с расколом. Великое благодарение Вам, что Вы авторитетно руководите этим делом и защищаете его от врагов... Прочно вписывается имя Ваше в Историю Русской Церкви.

Искренно преданный Вам о Христе брат *Епископ Исидор*,

* * *

Приветствую Ваше Высокоблагословение с знаменательным юбилеем Вашей плодотворной миссионерской деятельности; искренно желаю дальнейших успехов на многие годы. Губернатор *Хвостов*.

* * *

„Приветствую Ваше Высокопреподобие юбилейным праздником доблестного Вашего служения миссии святой церкви. Восток, запад, север и юг великой России знают Вас, победоносного борца православия, и Кавказ, Ставропольская епархия видели Вас на Божественной страже веры, слышали Ваше мощное слово; сотни раскольников приведены здесь Вами в церковь и многие храмы воздвигнуты Вашим попечением. Молюсь, да хранит Вас Господь на Славу Свою, на благо церкви, на утешение миссии многая лета“. Ваш искренний почитатель, „рядовой“ христоролюбивого воинства церкви, иерей Симон Никольский, Ставропольский епархиальный миссионер.

* * *

„Господь, давший Вам уста и премудрость четверть века утверждать братию, да сохранит Вас на многие лета“. Священник Е. Зубарев.

* * *

Сердечно поздравляем Вас, многоуважаемый и дорогой наш пастырь, с двадцатипятилетним юбилеем Вашей службы на пользу св. православной церкви. Вспоминая Ваши сердечные отношения к Ранневской Св. Троицкой церкви, выразившиеся в Ваших трудах при устройстве её, Ваше попечение о благолепии её, а также и те беседы, которые Вам пришлось иметь с грубым расколом, мы, прихожане этой церкви, глубоко ценя и уважая Ваше знание, труд, умение, благодаря которым раскол видимо уже начинает терять своё существование, считаем нравственным своим долгом сердечно приветствовать Вас, дорогой пастырь, в этот знаменательный для Вас день с пожеланием Вам всего наилучшего в жизни. Да сохранит Вас Бог на многие лета, для пользы Святой Церкви и на страх врагам Её!

От священника *Фадея, старосты и прихожан*. Ранневский посёлок, Уральской области.

* * *

Священнослужители, съехавшиеся приветствовать юбиляра с разных концов русской земли, поднося ему св. Евангелие, говорили между прочим: „За все Ваши труды и подвиги во славу св. церкви, сердечно приветствуем Вас, высокочтимый о. протоиерей Ксенофонт Никифорович, с настоящим знаменательным днем исполнившегося 25-летия Вашего служения. На память о сём дне, в знак истинной любви и признательности, от имени духовенства и многочисленных почитателей Ваших, ближних и дальних сторон России и прихожан единоверческой церкви села Пойма, просим принять сие св. Евангелие, из которого Вы неизменно всегда проповедовали, и ради которого Вы так много подвизались“.

* * *

От прихожан о. протоиерея, поимских единоверцев, и хора певчих поимской единоверческой церкви сказаны тёплые приветствия, в которых со всей искренностью, простотой и

любовью поимцы благодарят своего „дорогого и незабвенного батюшку“, за его пастырские попечения о них и их святом храме, его благоуукрашении и благолепном богослужении.

Благодаря вашей Евангельской проповеди, говорилось в приветствии от прихожан о. Крюкова, милостивейший о. протоиерей, мы, некогда блуждавшие в душепагубном расколе, познали истинную веру, соделались сынами православной Аристовой церкви, и таким образом изъяты из среды гибели и поставлены вами на путь, ведущий к нескончаемому блаженству. Наше когда-то малое стадо, порождённое вами, теперь, благодаря неутомимым и многотрудным вашим заботам, сделалось многочисленным и сильным.

Могли ли мы, четверть века тому назад, в лице наших немногих предшественников, всего в числе пятидесяти человек, решившихся стать по благу вашему примеру на путь борьбы с многотысячной раскольнической неправдой, могли ли помыслить о толиких благах, что видим у себя теперь. По вашим неусыпным трудам и заботам мы теперь уже не малое стадо, а общество более тысячи душ, общество, обладающее силой и чувствующее уже перевес над той неправдой, которая когда-то казалась нам страшилищем, и мы уже не чувствуем той прежней духовной бедности. Сей храм наш, блистая своим благоуукрашением, созданный вашим промыслом, ясно даёт знать всем о том благом положении, какое приобретено для нас вами. Дорогой наш батюшка! – Стройное и умирительное пение, благолепное служение при богатой церковной утвари и могущественный церковный благовест приводят душу богомольцев в восхищённое настроение. Церковно-приходская школа, Вами основанная, просвещает в родном нам духе наших детей.

Чем мы можем отплатить вам за то доброе, что для нашей духовной жизни вами доставлено; тем разве, что выскажем перед вами наши душевные чувства радости за достижение вами двадцатипятилетнего дня вашего служения и глубочайшую нашу благодарность. А в память сего вашего юбилея, в знак вещественного доказательства своей благодарности, мы с особенной сердечной радостью принимаем участие в сём

подношении вам сего св. Евангелия своей посильной лептой, и вместе с сим каждый из нас от всей души и искреннего сердца возносит и будет возносить Милосердому Господу свою горячую молитву о вашем здравии, да благословить и да хранить Он вас, и своею всеильною благодатью да подкрепить ваши силы духовные и телесные ещё на многие и многие годы во славу св. церкви.“

„Мы чувствуем насущную потребность, говорилось между прочим в приветствии от хора, высказать хотя малую частицу тех радостных впечатлений, которыми наполнены теперь наши сердца. Конечно, мы слишком невелики для того, чтобы простираť свои слова перед вами, на сѣм месте, в такие торжественные минуты, но, поставляя себе в пример евангельскую вдовицу, принесшую свою посильную чистую лепту и заслужившую через то похвалу Спасителя, мы решились также принести то лишь, что имеем. Ваши непрестанные заботы о нас организовали и настоящий наш хор, а доброе и отеческое ваше к нам отношение развило в нас любовь к св. храму и прилежность к тем обязанностям, какие от нас требуются“.

* * *

В адресе от единовѣрцев г. Астрахани, поднесших о. миссионеру икону Спасителя в благодарность за его заботы по устройению там единовѣрія, между прочим, читаем:

„Вы, о. протоиерей, со свойственной вам любовью к просвещению заблудших, обратили на нас своё внимание, прибыли в город Астрахань, прожили в нём целую зиму, ознакомились с состоянием здесь раскола и, чтобы сблизиться с заблуждающимися, вы, по Апостолу, „были немощным, яко немощен,“ – в доме одного раскольника устроили вы в роде молитвенного дома, совершали Богослужение по праздникам и тем „немощные приобретали“, и, таким образом, наглядно доказали необходимость для Астрахани единовѣрческаго храма. Благодаря вашим трудам у нас открыт единовѣрческий приход и определѣн штат священнослужителей.

В настоящее время Господь помог нам построить великолепный каменный храм, и мы имеем утешение возносить

в оном наши молитвы Господу Богу и нередко бываем свидетелями присоединения раскольников к святой церкви“.

* * *

Благочинный единоверческих церквей Кишинёвской епархии, Кишиневский епархиальный миссионер, говоря о деятельности о. протоиерея Крючкова, между прочим пишет:

Не стану, да и не могу, на сей малой хартии исчислять твои благовестнические труды, известные всей России, но наипаче ведомые Единому Богу. Скажу только, что во всю русскую землю изыде вещание твоё о душепагубности раскола, и в концах обширной вашей Империи раздавалось твоё громоносно-поразительное для раскольников слово. Многие даже из среды архипастырей нашей отечественной церкви соблазнялись твоими строго обличительными речами против раскола, считая их грубыми, несовременными, а потому и неуместными. Но ты, действуя согласно священному и святых отец писанию, духом коего вполне проникся, и зная прекрасно среду, в которой вращался и вращаешься, всегда поступал и поступаешь, как благоразумный врач, давая иногда больному и горькие, но полезные для него лекарства. Одно твоё своевременно и умело сказанное обличительное слово заграждало уста велеречивых и злоречивых раскольников. Благодарный тебе – твой ученик Кишинёвский епархиальный противо-раскольнический миссионер, священник Феодосии *Воловой* (и др. подписи).

Получены были о. прот. Крючковым приветственные письма и от других лиц: настоятеля Московского единоверческого монастыря игумена Сергия, миссионеров Костромской епархии, иерея Иосифа Егорова, бывшего послушника архим. о. Павла Прусского, вспомнившего, между прочим, о том, как о. Крючков 1889 г. под руководством о. Павла обучался (3 месяца) в Никольском единоверческом монастыре, в Москве, богословию, для приготовления к всероссийскому противо-раскольничьему миссионерствованию, и друг.

Заканчивая описание юбилейного празднования о. синодального миссионера, от души пожелаем юбиляру многих лет дальнейшего противо-раскольничьего благовествования, ближайшего общения со своими собратьями-миссионерами, и

мощного воздействия к упрочению, оживлению и государственному положению нашего миссионерского института в грядущие лета.

**Освобождение от приёмных экзаменов в
семинарию // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–
10. С. 463**

Св. Синод определил: освободить воспитанников Вологодского духовного училища, наравне с воспитанниками прочих духовных училищ Вологодской епархии, от поверочных испытаний при поступлении в I класс Вологодской духовной семинарии, предоставив правлению Вологодского училища право, при участии депутата от семинарского правления, удостоивать успешно окончивших полный училищный курс воспитанников перевода в I класс названной семинарии.

М. Миссионерские поездки екатеринославских семинаристов // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 464

Мы уже отметили на страницах „Миссионер. Обозрения“ *организацию* поездок екатеринославских семинаристов с миссионерскими целями в заражённые сектантством и расколом пункты Екатеринославской епархии. В настоящее время эти поездки, возникшие по мысли бывшего епархиального миссионера И. Г. Айвазова и преподавателя семинарии М. С. Брунбендера, стали уже совершившимся фактом.

Так, 21-го ноября состоялась *первая* миссионерская поездка двенадцати воспитанников VI-го класса, преподавателя семинарии М. С. Брунбендера и противо-раскольнического миссионера свящ. о. Шалкинского в раскольничье село Каменское, Екатеринослав. у. Там, в заводском храме, в присутствии многочисленных слушателей православных, а также и старообрядцев, и была проведена с 5½ час. до 9¼ час. вечера беседа о перстосложении для крестного знамения. Со стороны раскольников собеседником выступал настоятель Каменской старообрядческой моленной „священно-протоиерей“ Иоанникий Антонов. Закончилась беседа молитвою об обращении заблудших.

На второй день Рождества Христова из г. Екатеринослава выехали в посёлок при Горловских рудниках и заводе для беседы с „духовными“ штундистами: шесть воспитанников шестого класса, преподаватель семинарии М. С. Брунбендер и епархиальный миссионер И. Г. Айвазов. В Горловском храме 27 декабря, в присутствии многочисленных слушателей и состоялась продолжительная беседа с местными штундистами. Беседу вёл епархиальный миссионер, при участии преподавателя семинарии. Вступительную и заключительную речь сказал местный священник о. А. Преображенский. Со стороны штундистов возражали три их представителя. В целях возможно лучшего и наибольшего ознакомления воспитанников с методом бесед и с приёмами сектантской защиты были

исчерпаны в беседе вопросы: о необходимости *водного* крещения, о вкушении Тела и Крови Христовых под видом „плотских“ хлеба и вина и о молитве в *видимом* храме. Закончилась беседа молитвой об обращении заблудших в лоно св. православной Церкви.

Вышеописанные беседы имели своей главной целью ввести в курс миссионерского дела воспитанников семинарии, и цели этой они *вполне достигают*, как в том мы убедились из своих бесед с семинаристами. Сверх того, подобные экскурсии не в одном семинарстве зажгут миссионерский огонёк, сроднят семинаристов с миссионерским делом и в самом духовенстве создадут постепенно наилучшую для успеха миссии атмосферу.

М.

**Двадцатипятилетие литературно-издательской
деятельности о. архимандрита Никона //**
Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 465

2 февраля в обители преподобного Сергия был торжественно отпразднован двадцатипятилетний юбилей духовно-просветительной литературной деятельности о. архимандрита Никона.

После торжественного богослужения все почитатели о. Никона собрались в его кельях для приветствия. Секретарём Лавры была прочитана следующая телеграмма от митрополита Владимира: „Сердечно поздравляю с двадцатипятилетием вашей духовно-просветительной деятельности. Радуюсь, что и Святейший Синод высоко ценит её и шлёт своё благословение на продолжение её. Подвизайтесь с Божией помощью и впредь, как подвизались доселе“. Телеграмма от митрополита Антония приветствовала юбиляра следующими словами: „Приветствую вас с 25-летием вашей благоплодной религиозно-просветительной деятельности по изданию *Троицких Листков*. Благослови и храни вас Господь“.

При чтении адресов, в великолепных папках были поднесены иконы о. наместником Лавры архимандритом Павлом, редакцией, иконописным училищем, Лаврской типографией и депутатами Петербургского Александро-Невского духовно-просветительного Общества. Кроме того, один ценный подарок – серебряный глобус, с видами Сергиевой обители и Троицкими изданиями в миниатюре, а также портретом юбиляра (до 20 ф. весом) – был поднесён редакцией, сотрудниками и почитателями о. Никона.

Ректор Академии, епископ Евдоким, сказал юбиляру тёплую речь. После приветствий, в кельях о. казначея была предложена трапеза, во время которой были читаемы приветственные телеграммы от некоторых русских святителей, ценящих деятельность юбиляра; между ними особой сердечностью отличалась телеграмма архиепископа Казанского Димитрия. Были также телеграммы от редактора и сотрудников *Московских*

Ведомостей, от председателя Учебного Комитета прот. П. Смирнова, от высшего столичного Петербургского и Московского духовенства. Были телеграммы и от известных светских деятелей.

Наша редакция от души приветствует досточтимого юбиляра и желает ему многих лет труда на пользу св. дела книжного народного просвещения.

Миссионерские новости

На должность Омского епархиального противо-сектантского миссионера, вместо оставившего миссионерскую службу свящ. Михаила Орлова, назначен кандидат богословия Казанской Духовной Академии Иван Ливанов с содержанием 1,800 руб. в год и отдельно разъездные.

**Отклики // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10.
С. 466–472**

Гринякин Н. „Сия есть победа наша“

(Миссионерский отклик на войну с Японией).

„Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих”. (Ин.15:13).

„Если кто о своих и особенно о домашних не печётся, тот отрёкся от веры и хуже неверного”. (1Тим.5:8).

„Страха не страшусь, смерти не боюсь, лягу за Царя, за Русь”. („Жизнь за Царя”).

«Два Рима падоша, третий стоит, четвёртому не быть», писали наши старинные богословы, вдумываясь в судьбы православного Московского царства. Рим первый – исторический – пал отступлением веры. Царьград – второй Рим – в агарянском пленении. Святая вера православная нашла свою ограду в «Белокаменной». Идея вечного Рима, как оплота православия, перенесена на Москву – третий Рим. Русский Царь и его люди хранят веру апостольскую, веру отеческую, и церковь православная не переживёт их на земле: четвёртому Риму не быть! Тут наша твердыня и наша вечная сила! Не одолеют нас «врата адовы», яко с нами – neodолённая церковь Христова, «яко с нами Бог!»

О Русскую твердыню, на вере православной утверждённую и святым Крестом осенённую, сокрушились: и тёмные орды Чингисхана и дикие полчища Батыя, и грозные тучи междуцарствия, и двенадцать язык Наполеона и коалиция врагов Севастополя... И не победит нас сила вражая: с нами и в нас Крест святой, победивший ад. «Сим победим» и языки! Вечен наш Рим, и сокрушатся об его стены языцы, «яко с нами Бог»! Больше, чем языческая Япония, видела наша св. Русь; перед большей силой она отстояла своей крепкой грудью христианскую Европу, задавив дикую силу языческой Азии, и теперь ей неведом страх перед языками! Забыв «ты» и «вы», забыв всякие ярлыки отличий, вменив в ничто свои семейные недоразумения, в чём бы они ни состояли, свои «животы» и достояния, дети великой Руси слетятся, как пчёлы кругом своей матки – сольются со своим обожаемым Царём в один колосс; и

одно его движение и – сокрушится в прах дутый идол Японии, как стекло под тяжким млатом, «яко с нами Бог!»

«Кто из вас, говорит Спаситель, желая построить башню, не сядет прежде и не вычислит издержек, имеет ли он что нужно для совершения её, дабы, когда положит основание, и не возможет совершить, все видящие не стали смеяться над ним, говоря: этот человек начал строить и не мог окончить? Или какой царь, идя на войну против другого царя, не сядет и не посоветуется прежде, силен ли он с десятью тысячами противостать идущему на него с двадцатью тысячами? Иначе, пока тот ещё далеко, он пошлёт к нему посольство просить о мире» (Лк.14:28–32).

Языческой Японии не ведомы эти слова Христа-Бога. Голова её вскружена похвалами льстецов, и здравый смысл затемнён шептаниями её иноземных советников, врагов России, и в лукавой дружбе, и в открытой ненависти мнящих лишь о «своём чреве»... Но «разрушит Господь совет» англо-американского «Ахитофела», – и не останутся безнаказанными японские острова, покрывшие себя позором разбойничества! Искушена святая Русь «и очищена седмерицей». «Паки восстанете на нее, языцы, и паки побеждени будете, яко с нами Бог»!

«И сказал Господь Моисею: враждуйте с Мадиянителями и поражайте их, ибо они *враждебно* поступили с вами в *коварстве* своём... отмсти Мадиянителям... И сказал Моисей народу; вооружите из себя людей на войну, чтобы они пошли против Мадиянтян совершить *мщение* Господне»... (Числ.25:16–18,31:1–3). перед нами новые Мадиянтяне, враждебные и коварные, и наше доблестное христоролюбивое воинство, которому не ведом страх, должно совершить и совершит «мщение Господне». Отозвавши без достаточных оснований своего посланника из Петербурга, не пожелав даже выслушать мирного ответа нашего Царя-Батюшки, Царя любви и спокойствия в народах, и не сказав своего последнего слова, Япония, под прикрытием ночи, с разбойничьим лукавством и предательским сигналом огней, начинает кровавое дело... И души наших убиенных воинов, бывших покорными мирной воле

Царя своего и застигнутым в ночи, вопиют теперь перед праведным Судией об отмщении. И совершится «мщение Господне» над враждебными и коварными «Мадиянителями» японских островов, – верим в торжество правды, нам отмщение и посрамлены не будем, «яко с нами Бог»!

«Господь сказал Иисусу (Навину): не бойся и не ужасайся; возьми с собой весь народ, способный к войне, и встав, пойдя к Гаю... Иисус и весь народ способный к войне встал, чтобы пойти к Гаю... Царь Гайский, встав рано, выступил против Израиля на сражение, он и весь народ его... Иисус и весь Израиль будто поражённые ими, побежали в пустыню... Иисус простёр копье... Сидевшие в засаде тотчас встали с места своего... Жители Гая, оглянувшись назад, увидели, что дым от города восходит к небу. И не было для них места, куда бы бежать – ни туда – ни сюда... Израильяне поражали их... И сожёт Иисус Гай и обратил его в вечные развалины...» (Иисуса Навина 8). Такова была воля Божия на языческий народец, поднявший своё оружие на избранных людей. Польщённый отступлением противника, он ринулся в погоню за ним. Но не знал он о великой засаде вождя израилева; и эта засада свершила его судьбу, обратив Гай в пустыню.

Желтолицый азиат разбойнически начал брань с великим русским народом, Богоизбранным хранителем святых заветов православия и носителем идеалов христианской культуры, чающей мира всему миру и раскования мечей на орала. Разбойничье начало войны растравило азиатский языческий инстинкт, и враг продолжает подступать к Российскому знамени. Но не ведома ему великая засада нашего державного Вождя, нашего Иисуса Навина! Засада эта – крест святой, наша святая вера, наши вековые святыни; за них «станем добре». Засада наша – безграничная любовь к своему Царю и Отечеству. Царь – Богопомазанный защитник и покровитель святой веры нашей и наш Верховный вождь; в нём наша душа; в нём живой символ нашей мощи, величия и гордости; мы вращены в него; мы в нём, и он в нас. Святая Русь – мать наша, мы живём и растём только на её персях; и истинные её сыны не переживут поношения и потускнения её блистающей короны; в оскорблённом и

униженном отечестве не в силах жить русский человек. И вот эта троица сил: Святая вера, Царь и Отечество составляли и составляют на лице Русской земли ту стихийную твердыню, которая не знает на земле равнодействующей противной силы. «Прострёт Иисус копье своё», даст знак наш Верховный Вождь, и встанет наша «засада», и погран будет враг, «яко с нами Бог!»

Война зло; никакая философия и психология войны, как будто даже необходимой⁷⁶ для сохранения и развития гения лучшей нации, для очищения мировой нивы от культурных плевел, для стряски, освежения и подъёма духа и т. п., как пустое слово, не успокоит христианского сердца. Не говорим уже об экономической катастрофе воюющей страны, – какой философией утешите вы отца и мать, любимого сына которых сразила на смерть вражья пуля? жену, любящему и любимому мужу которой снесла голову неприятельская сабля? детей, нежный отец и кормилец которых пошёл ко дну морскому вместе с останками военного корабля? Их рыдания, стоны и горести не заглушат деревянные рассуждения философа о мировом смысле войны. Их душа страдает, пытается и неизвестно какую судьбу наследует, а душа дороже сокровищ целого мира! Нет и не может быть в философии успокаивающего нас оправдания этому злу. Миротворцы не даром наречены «сынами Божиими». В Царстве Божием на земле национальный гений может развиваться и в мирном добрососедстве с другими однородными гениями, если не знать гения одного завоевательства, разбоя, кровопролития и человекоубийства, а усматривать и исторгать до последней жатвы мировые плевелы нам не дано: «рабы сказали Ему (домовладыке): хочешь ли, мы пойдём, выберем их (плевелы)? Но он сказал: нет чтобы, выбирая плевелы, вы не выдергали вместе с ними пшеницы; оставьте расти вместе то и другое до жатвы» (Мф.13:24–30). В семье Христовых апостолов развивались *разные* характеры: и Иоанна, Петра и Фомы; и церковь Христова не знает «Эллина и Иудея», и в мире всего мира каждая нация может, по идее царства Божия, *единого* стада Христова, сохранять и развивать свой индивидуальный гений, не проливая «кровь человеку». Плевелы нации могут засохнуть и при мирном росте нивы

Божией, как естественно исчезает слабое перед сильным. Война же дело «человекоубийцы искони». Но *поднявший* брань на Господа был низвергнут с неба. И теперь, если он *воздвигает* брань на святую державу Российскую, мы должны помнить, что и теперь «силён Господь во брани» (Пс.23:8): если *начало* войны есть дело «врага», идущего «посеять плевелы посреди пшеницы», мы не должны «спать» (Мф.13:25); «*прогони* кощунника, – и удалится раздор, и прекратится ссора и брань», говорит Премудрый (Притч.22:10). «Прогнать кощунника», защитите святую веру, дорогое отечество и «друзи своя», хотя бы для этого пришлось положить душу свою (Ин.15:13; 1Тим.5:8): тут только оправдание и благословение нашего бранного оружия; отсюда венец павшим на поле брани и здесь только утешение рыдающим о них. И мы отразим зло, *грядущее* на ниву Домовладыки, «не без ума бо меч носим» (Рим.13:4) и отмстим «делающему злое» восстанием на нас, «яко с нами Бог!»

«Надменный разжигает ссору, а надеющийся на Господа будет благоденствовать» (Притч.28:25). «Иные колесницами, иные конями, а мы именем Господа Бога нашего хвалимся: они поколебались и пали, а мы встали и стоим прямо. Господи, спаси Царя и услышь нас, когда будем взывать к Тебе» (Пс.19:8–10). Надменных супостатов, восстававших на нас, мы привыкли встречать... «Ложен был конь» и колесница языков «во спасение». Они поколебались и пали. «Мы хвалились именем Господа Бога нашего». И Он «расширял шаг наш, и не колебались ноги наши... Он обращал к нам тыл врагов наших, и мы преследовали и настигали их и истребляли ненавидящих нас» (Пс.17:37–41). Имя Господа, которым мы хвалимся в брани – дивно в нашей святой церкви, наших святых и святынях. Наше оружие на языки благословлено преподобным Сергием Радонежским, бодрость воинов наших подкрепит великий витязь земли русской, св. Александр Невский, и князья мученики, предпочтившие смерть в азиатской орде измене святой вере. Минута родит из недр св. Руси и Мининых, и Пожарских, явятся и Гермогены, Дионисии и Авраамии. «Сотники благочестивые и боящиеся Бога» на св. Руси не перевелись. Под сенью креста и

с надеждой на Господа двинется за ними русская рать, и посрамлён будет дерзостный враг, «яко с нами Бог!»

«Жив Господь, и благословен защитник наш! Бог мстящий за нас и покоряющий нам народы! (Пс.17:47,49). Боже, Царя храни, церковь Свою защити и нам помощи! – «на Тебя надеемся и Тобою хвалимся». «Господи сил, с нами буди!»

Н. Гринякин

Знамя. Спаси, Господи, люди Твоя... С. 471–472

В эти сокровенные минуты, когда решается вопрос жизни и судьба нескольких сот тысяч детей Русского народа, нескольких сот тысяч наших защитников, призванных отстаивать величие и мощь России, одна только мысль напрашивается на уста, и не мысль даже, а молитва, та молитва, которую Русский народ в дни великих исторических событий, в годы тяжких испытаний произносит как один человек, с глубокой верой в Бога, по воле Которого росла и крепла Россия в течение тысячи лет.

„Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое“...

Эта молитва вчера точно носилась в воздухе, этой молитвой, пробуждающей всегда воспоминания о всех великих исторических моментах, пережитых Русским народом, пережитых нашими отцами и дедами в прошлом веке, – были вчера полны сердца всех русских людей.

И, как всегда, к полному трогательной кротости и всенародного смирения перед высшим долгом и подвигом молению, которое звучит, в её мотиве, примешивались невольные слёзы...

В них была и покорность воле Провиденья, и та особенная сосредоточенность или самоуглубление, которые свойственны русскому человеку, которые всегда овладевают им накануне решительного шага и самоотречения во имя подвига и Родины.

Русский народ не боится войны. Не с такими врагами, как японцы или китайцы, и не при том могуществе, какого достигла современная Россия, – боролся он и одолевал их. Русский народ победил даже непобедимого Наполеона... Была, значит, в нём и тогда какая-то особенная мощь и сила души, сила народа-героя, народа-воина, который из поколения в поколение привык бороться за свою независимость и могущество, привык проливать свою кровь и умирать за Веру, Царя и Отечество так единодушно, так самоотверженно, как ни один народ в мире...

Ему ли страшиться войны с какими-то японцами или китайцами, да и не с ними только, а и вообще с кем бы то ни было?..

Нет, его надежда, что Господь Милосердный ещё смирится над ним и предотвратит эту чашу испытаний, вырастает из других мотивов, высоких и благородных, из тех чувств, которые волнуют каждого сильного человека, когда его пытаются довести до греха какой-нибудь случайный, ничтожный, но задорный человек, ставший ему поперёк дороги и обречённый, благодаря своему задору, на гибель и смерть...

Перед этой трагедией, перед потоками крови, которые придётся пролить неизбежно, приходит в смущение душа Русского народа, всем своим существом чувствующего и понимающего, что эта война не нужна ни ему, ни тем, кого он вынужден будет уничтожить.

Вот откуда эта надежда, что войны ещё можно избежать, что Господь устранил ещё необходимость проливать кровь врагов...

Вот почему вчера, в эти сокровенные минуты, всех русских людей волновала до слёз молитва, историческая молитва великих моментов в жизни Русского народа, которую мы повторяем теперь с ним:

„Спаси, Господи, люди Твоя“...

Знамя

**Плаксин С. Великий Пост // Миссионерское
обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 472**

(Моск. Вед. № 40).

Ударил колокол, зовущий в Божий храм
Зовущий выплакать земное горе там,
Где светится алтарь несчётными огнями,
И песню клир поёт, и чистый фимиам
Возносит сердца скорбь душистыми струями
К Державным Небесам!

* * *

Созиждь и ты в душе свой храм нерукотворный,
Затеpli в нём добра священные огни,
А дух уныния, дух праздности тлетворный,
Как торгашей Христос, из храма изгони!
И воцарится мир, и в сердце сокрушённом
Прольётся тихий свет прощенья и любви,
И выйдешь ты тогда из храма примирённым
И с Небом, и с людьми!..
Сергий Плаксин.

Скворцов В. Со скрижалей сердца // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 473–478

Православная Россия переживает во время настоящей войны с языческой Японией момент великой исторической важности. Патриотическая волна всколыхнула сердца всех, приподняла силу этого священного чувства на такую высоту, до которой оно доходило, сколько можно судить по летописям того времени, разве лишь в 1812 году, при нашествии «галлов и с ними же два-десяти язык».

Деревня, народ, и с ними же нераздельное приходское духовенство захвачены этой волной едва ли не более городских сословий, – ибо тяжесть войны там, – в деревне, чувствуется со всей своей гнетущей силой, – радости и скорби военного времени запечатлеются там глубже.

К сожалению, осведомлённость деревни о событиях войны слишком неполна и несвоевременна.

Нам пришлось в первых числах февраля посетить родные палестины центральной (Рязанской) губернии, – и что же? Ни в сёлах, ни в городах уездных не было ещё молебствий о даровании победы христолюбивому нашему воинству, а это было 7–9 февраля. Только «тёмные» слухи начинали долетать, печатное же слово ещё не достигло деревенских палестин.

И это в центре России, недалеко от Москвы... Что же сказать о далёких окраинах, о «саратовской глуши»?

Там же, в деревне, ясно видя духовную нужду и жажду сельского нашего читателя, мы поняли необходимость открыть страницы «Мисс. Обозр.» на всё время войны для – «вестей о главнейших событиях из начавшейся русско-японской войны». Многие, если только не большинство, из сельских подписчиков из среды духовенства и народа, с великим трудом приобретают какой-либо *один* только печатный орган, иногда даже в рассрочку подписной платы, – далеко не все имеют одновременно светскую газету и духовный журнал.

А потому ясно, что долг редакций каждого печатного органа, в такие исторические моменты жизни Отечества, давать

необходимые сведения о переживаемых Царём и царством событиях, хотя бы то и не относилось к задачам специального издания. Да для пастырской миссии приходского духовенства важно иметь сведения точные и верные, правильно освещаемые о событиях военного времени, дабы делиться ими с населением, жаждущим вестей с театра войны и из правительственного центра. Сведения эти должны быть предметом пастырского праздничного (после церковного богослужения) слова. Тогда не будет места тёмным и нелепым слухам, и бабьим басням, часто смущающим душу народа. И в момент радости и скорби пастырское слово о событиях военного времени вызовет молитвенный отклик в сердце нашего верующего народа, «а много бо может молитва, любовью споспешествуема».

Военные сообщения «Мисс. Обозрения» будут, по возможности, состояться из сведений наиболее важных для сельского населения и так, чтобы приходское духовенство могло почерпнуть из них содержание и для проповеднического слова, бодрящего народный дух и питающего веру в несокрушимую мощь Руси святой и в её великую историческую миссию на языческом азиатском Востоке. Итак, с *Божьей помощью*, начнём с этой книжки сообщение о главнейших текущих событиях русско-японской войны и об относящихся к ней действиях Высшей власти.

* * *

В деревне, в народе господствует удивительно светлое, спокойное, высоко-христианское мировоззрение на подвиг самоотвержения на войне.

– Говорят, В. М., война с азиатом началась, спрашивал меня в родной деревне мужичок-земляк, – вам в столице-то, чай, всё известно?

– Да, брат, к несчастью началась.

– Зачем к несчастью? Бог даст к счастью.

– А ты, земляк, пошёл бы на войну, спрашиваю я?

– Отчего же не пойти? Да, я и запасной... С *великим* нашим удовольствием пойду. Пусть только Батюшка-Царь кликнет, да велит взять.

– А смерти разве не боишься?

– Чего же смерти-то бояться? Не всё ли равно умирать-то! Двух смертей не бывать, а одной не миновать... Может быть, я завтра, либо через месяц, или через год–другой и *тут*, так дураком, умру, а там на войне, – я, по крайней мере, хоть какую ни на есть службу сослужу Батюшке-Царю и Матушке- России... Убьют, не беда, за то будут во всех православных церквах молиться о грешной душе моей, на брани убиенного раба Божия... Чего бояться смерти, а война дело Божие, святые – и те воевали...

– Ну, а жену, детей не жаль будет оставить, продолжал я искушать простеца-философа, из нашей народной стоической школы.

– Небось, на войну-то теперь идут такие знатные господа-то, – каким не житьё, а одно *блаженство*, а вот ведь и они бросают же всё – и хоромы, и жену, и детей. А нам-то, мужикам, и нечего жалеть-то. Убьют – добрые люди скорее семью-то призрят. А теперь какое наше житьё, – всё равно досыта-то я не прокормлю детей-то... Война нам, мужикам, не страшна, а смерти чего бояться... В. М.! воля Божья, значит, во всём, и, если Бог не попустит, так и пуля не возьмёт.

Вот где родник богатырского духа у нашего русского солдата, подумал я и, по возможности, познакомил земляка с воюющей ныне с нами Японией и японцами.

– Да, ведь, это выходит, В. М., не люди, а какие-то обезьяны лесные. Чего ж войны с ними бояться...

Как же не дать этому нашему богатырю-народу скорые и верные сведения о военных событиях, да мужик их своей мудрой философией отлично объёмлет, да и нас, безвольных сентименталистов, поучит, ободрит...

* * *

А вот другая картинка с натуры из той же области суждений о войне, но уже в среде интеллигентной, в атмосфере столичной.

– Японцы – явно больные люди, их охватила «военная мания» (есть, оказывается, и такого рода инфлюэнца). Японцев надо не избивать, а пожалеть по чувству человеколюбия.

Так рассуждал «непротивленец-интеллигент», показавшийся нам не то чудачком, не то более тяжко заболевшим, чем сами японцы...

– Как же, по вашей теории надо бы России ныне поступать с этими хищниками вероломными, которые разбойнически нападают и на наши броненосцы, и на Порт-Артур? – спрашивают интеллигента.

– Очень просто, – *не сопротивляться*, пусть берут крепость, раз она им нужна, – а если хотят занять Манчжурию, пусть идут и туда. Зачем проливать кровь из-за того, что Божье и принадлежит всем и никому. Уступая, скажите: «японцы, мы вас считаем лучше, чем вы думаете о нас. А вот вам и доказательство нашего миролюбия и человеколюбия, – мы не противимся и не истребляем вас». Поверьте, что тогда скорее японцы поймут и убедятся, что мы, русские, одни только на свете хорошие люди и сделаются нашими друзьями и полюбовно разделят с нами то, что мы отстаиваем теперь кровью.

– Шальной же ты, барин! сказал бы мой рязанский земляк-мужичок. А ведь не мало найдётся таких шальных мыслителей.

* * *

Ниже печатаем мы письмо, призывающее к жертвам на войну, но на предмет *особенный*, – *не вещественный*: на снабжение действующей армии священными предметами, назидательными книгами и достаточным числом *священнослужителей*, которые бы могли возможно чаще приобщать Св. Тайнами воинов перед сражениями, а умирающих раненых и больных своевременно напутствовать на поле брани, в госпиталях же и лазаретах духовно утешали бы и подкрепляли болящих и вообще удовлетворяли бы насущные духовные нужды действующей армии.

Мысль автора – плод глубокой веры и достойна внимания. Как известно, история военная знает много случаев, когда священники во время штурмов с крестом в руке поднимали ослабевавшее мужество сражающихся русских витязей, которые творили чудеса храбрости.

Рассказывают старожилы, какое огромное впечатление производило появление на Севастопольских бастионах архиепископа Иннокентия верхом на лошади, в мантии и с чашей Св. Даров, в сопровождении протодиакона. – Епископ совершал здесь одну лишь литургию верных перед рядами войск, под свист неприятельских пуль, и затем сам же приобщал и военно-начальников, и воинов.

И, конечно, этот христианский подвиг любви к воинству и веры в Бога всемогущего особо вдохновлял воюющих и давал ту нравственную мощь, которую не могли сломить неприятельские полчища в течении 11 месяцев.

Несомненно, много найдётся мужественных, горящих ревностью о славе нашего оружия, среди пастырей церкви, готовых пойти на Дальний Восток. Уже и теперь благой почин делает в этом отношении столичная духовная академия. По словам «Нов. Вр.» высшее духовное начальство отнеслось вполне сочувственно к выраженному несколькими студентами С.-Петербургской духовной академии желанию отправиться в качестве добровольцев в действующую на Дальнем Востоке армию.

* * *

Кроме того, в Моск. Вед., сообщается, что вместе с Иверской Общиной отправлена на войну походная, разборная церковь, сооружённая по инициативе её Императорского Высочества, Великой Княгини Елисаветы Феодоровны.

Кто знает громадные пространства Сибири, ничтожное количество церквей, кое-где разбросанных по ней, а также ту привязанность и любовь к церкви, которую всегда и всюду проявляет русский народ, – тот охотно согласится со мной, что весть о посылаемой церкви не может быть названной иначе, как именно – дорогой!

Этот новый, только-что оснащённый Христов корабль, несомненно, пойдёт всюду за нашей армией. В этой церковке всякий русский воин всегда будет иметь возможность найти и утешение в минуту горести, и радость при всяком успехе.

Там, на Далёком Востоке, среди поля, может быть, в горах или лесу, – где бы временно ни соорудили эту церковь, всюду

будет она окружена тесной толпой русских людей, которым она будет несказанно драгоценнее самых великолепных, но находящихся вдали от них, храмов.

Борьба, и борьба великая на этот раз, между христианами и коварным язычником только-что началась! Не подлежит сомнению, что борьба, эта будет продолжительной, а, следовательно, и великий праздник Воскресения, к которому мы теперь готовимся, наверно застанет наших братьев ещё там, далеко на поле битвы. Пусть же и радостную весть о Воскресении нашей надежды и спасения Христа услышат они из того самого храма, который идёт теперь к ним.

* * *

В 34 № газ. «Свет» напечатано:

«Мы получили от г. Михаила Аркадьева (Сопоцько) письмо со вложением 1 рубля, на дело снабжения на Дальнем Востоке армии и флота священными предметами и посылку в достаточном числе священнослужителей.

Письмо это и деньги мы переслали в редакцию «Миссионерского Обозрения», которое имеет возможность более нас и лучше нас заняться таким истинно-христианским делом».

А вот и письмо г. Сопоцько:

«Посылаю рубль от своей скудости на дело снабжения действующей на Дальнем Востоке армии и флота священными предметами и святыней животворящих Христовых Тайн, дабы раненые и умирающие воины, равно и идущие в бой под пули и ядра пиратов-японцев, были приобщены своевременно. Не откажите в помещении этого письма, ибо я уверен, что многие православные, знающие силу и многоцелебность Святых Таин, переходящую в чудодейственность при наличности достаточной и необходимой Веры, отзовутся на мой призыв пожертвованиями на дело снаряжения достаточного для войска комплекта священников и иеромонахов, на что, конечно, необходимы средства.

Когда всё войско будет спокойно в совести после исповеди и Приобщения, тогда мужество и самоотвержение возрастут до пределов жажды смерти, по слову апостола, говорившего, что

для него смерть «приобретение», и что для него гораздо лучше разрешиться от тела и быть со Христом Богом, Коему слава, честь и поклонение во веки».

Редакция «Мисс. Обозрения», присоединив свою лепту, направила 1 руб. г. Сопоцько в Хозяйств. Управл. при Св. Синоде. Сверх того, жертвует для войсковых частей действующей армии.

и госпиталей 1000 экз. своих изданий.

В. Скворцов

I. Вести о русско-японской войне // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 479–481

Слова Его Величества Государя Императора, произнесённые и начертанные по разным случаям, касающимся русско-японской войны. (Из „Прав. Вестн.“).

I.

При посещении 28-го января морского кадетского корпуса, Его Величество Государь Император изволил обратиться к гардемаринам со следующими словами:

„Вам известно, господа, что третьего дня Нам объявлена война. Дерзкий враг в тёмную ночь осмелился напасть на Нашу твердыню – Наш флот, без всякого вызова с Нашей стороны.

В настоящее время Отечество нуждается в своих военных силах, как флота, так и армии, и Я Сам приехал сюда к вам нарочно, чтобы видеть вас и сказать вам, что Я произвожу вас сегодня в мичманы.

Производя вас теперь на три с половиной месяца ранее срока и без экзамена, Я уверен, что вы приложите всю свою ревность и усердие для пополнения ваших знаний и будете служить, как служили ваши прадеды, деды и отцы, в лице адмиралов: Чичегова, Лазарева, Нахимова, Корнилова и Истомина, на пользу и славу Нашего дорогого Отечества. Я уверен, что вы посвятите все ваши силы Нашему флоту, осенённому флагом с Андреевским крестом. Ура!“

II.

30-го января, Государь Император, соизволив принять всеподданнейший адрес Государственного Совета, обратился к подносящим его со следующими Высокоименными словами:

„В лице вашем, господа, Я сердечно благодарю Государственный Совет за выраженные им чувства.

Также как и вы, Я твёрдо уповаю на то, что Господь поможет нам в наступивших тяжёлых условиях.

Как всегда, Я рассчитываю на вашу испытанную ревностную службу Мне и дорогому Отечеству.

Я надеюсь, что Россия и на этот раз, как было и прежде, выйдет с честью и достоинством из ниспосланного ей серьёзного и тяжёлого испытания и возвратится окрепшей внутренне и внешне к делам мира, столь дорогого Мне и столь необходимого нашей Родине“.

III.

4-го февраля Его Величество Государь Император изволил произвести смотр 3-му батальону 1-го восточносибирского стрелкового Его Величества полка, отправляемому на Дальний Восток. По окончании обхода, Его Императорское Величество, обратившись к батальону, осчастливил его следующими словами:

„Я рад, братцы, что Мне удалось видеть всех вас перед отправлением в поход и напутствовать вас.

Я уверен, что вы с честью поддержите боевую славу ваших старых полков и постоите грудью за вашу Родину.

Помните, что враг ваш храбр, смел и хитёр.

Желаю вам от души благополучия, удачи и победы над врагом.

Я хочу благословить вас, братцы, и в вашем лице весь Мой славный 1-й восточносибирский стрелковый полк иконой святого преподобного Серафима Саровского чудотворца, да будет он молитвенником за вас и сопутствует вам“.

Передавая икону командиру батальона, Государь Император благословил ею подполковника Будоговского, преклонившего перед Его Величеством колени. Затем Его Императорское Величество, обращаясь к батальону, произнёс:

„Господа офицеры, сердечно благодарю вас за добровольный ваш вызов.

Ещё раз от всей души благодарю вас, братцы; да благословит вас Господь“.

IV.

Государь Император, выслушав 10-го февраля верноподданнический адрес, обратился к присутствовавшим со следующими Высокоименными словами:

„Я очень благодарен с.-петербургскому губернскому земству за выраженные чувства.

Меня очень утешают в переживаемое нами трудное время единодушные выражения патриотизма, доходящие до Меня из самых отдалённых местностей России.

Уповая на помощь Божию и глубоко веря в наше правое дело, Я твёрдо убеждён, что войска и флот сделают всё, что подобает доблестному русскому воинству, для поддержания чести и славы России“.

V.

Его Императорское Высочество Московский Генерал-Губернатор Великий Князь Сергей Александрович 29-го января имел счастье получить от Его Величества Государя Императора следующую телеграмму:

„Сердечно благодарю первопрестольную за её молитвы и выраженные чувства в постигшем Отечество Наше тяжёлом испытании. Да ниспошлёт Всевышний всем доблестным Нашим воинам своё благословение и да подаст Он Нам силу и крепость на одоление врагов дорогой Нам России“.

„НИКОЛАЙ“.

Означенная Высочайшая телеграмма последовала в ответ на посланную Его Императорским Высочеством Государю Императору, 28-го января, следующую депешу:

„Богу угодно было посетить миролюбивое сердце Вашего Императорского Величества скорбью военной тревоги. Полудикое государство, ещё не усвоившее себе даже основных приёмов цивилизованных народностей, без объявления войны, разбойнически напало на далёкую окраину Вашей великой Империи. Грозное чувство русского негодования ответит на возмутительный и позорный поступок Японии. Потрясённая до глубины души Москва, собранная вещим голосом кремлёвского колокола для принесения молитв о благословении Всевышним доблестного русского воинства, повергает к стопам Вашего Императорского Величества чувства беспредельной любви и готовности на все жертвы, которыми предки настоящего поколения сковали Ваш могучий Престол, на благоденствие Богом вверенных Вам народов и на страх нарушителям вселенской любви и правды“.

Генерал-Адъютант „СЕРГИЙ“.

II. Высочайшие повеления и правительственные распоряжения // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 482–485

Назначения вице-адмирала Макарова и генерал-адъютанта Куропаткина.

Высочайшим от 9-го февр. приказом по флоту главный командир кронштадтского порта, вице-адмирал Степан Осип. Макаров назначен командующим флотом в Тихом океане.

Вспоминая все прежние боевые отличия и постоянную неутомимую деятельность вице-адмирала Макарова, Генерал-Адмирал В. К. „Алексей“ в приказе выражает ему от Себя и от чинов морского ведомства пожелания успешно исполнить возложенные на него Державным нашим Вождём высокие задачи к чести флота и на славу дорогого Отечества.

* * *

Сохраняя за своим Наместником на Дальнем Востоке вице-адмиралом Е. И. Алексеевым звание и права главнокомандующего морскими и сухопутными силами, двинутыми для борьбы с Японией, Государь Император в то же время признал за благо возложить командование войсками, предназначенными для операций на суше, на генерал-адъютанта Куропаткина, с отчислением его от должности Военного Министра и с присвоением ему прав и звания командующего армией.

В высочайшем рескрипте на имя генерал-адъютанта Куропаткина говорится: «Зная ваши блестящие военные дарования, стратегическую подготовку и выдающуюся боевую опытность, Я признал за благо вверить вам ответственное командование Моей армией, действующей в Маньчжурии против японцев, освободив вас для сего от обязанностей Военного Министра.

Да поможет вам Бог успешно совершить возлагаемый Мною на вас тяжёлый, с самоотвержением принятый вами, подвиг».

Новому командующему пожалованы бриллиантовые знаки ордена святого благоверного великого князя Александра

Невского.

Сподвижник „Белого Генерала“, блестящий участник Среднеазиатских походов и последней Русско-Турецкой войны, энергичный администратор, талантливый военный писатель, человек, хладнокровию и мужеству которого изумлялся и завидовал сам Скобелев, генерал Куропаткин пользуется широкой известностью в России.

Не салюты орудий, говорят „Моск. Вед.“, будут провожать генерала Куропаткина при его отъезде на Дальний Восток; не триумфальные огни будут гореть на всём пути его следования...

Провожать его будут благословения Русского народа, гореть ему будут Русские сердца, полные веры в его опыт, в его хладнокровие и мужество.

* * *

Комитет Государя Наследника.

Государь Император, во всегдашнем своём желании идти навстречу патриотическим и всяким благим стремлениям Русского народа, 6-го февраля Высочайше соизволил повелеть учредить особый Комитет для приёма и направления сумм, жертвуемых на усиление русского военного флота.

Во главе, как Почётный Председатель, поставлен Его Императорское Высочество Государь Наследник, Великий Князь Михаил Александрович.

Председателем и ближайшим руководителем Комитета назначен Великий Князь Александр Михайлович. Основной же задачей комитета, как объявляет Великий Князь Александр Михайлович, является постройка и покупка в возможно краткий срок подводных лодок и других судов, которые окажутся потребны для Военного Флота.

Все, желающие способствовать быстрейшему усилению нашего доблестного Военного Флота, могут отныне обращаться со своими заявлениями и пожертвованиями:

1) *В Петербург, в Управление дел Государя Наследника, или –*

2) *В Петербург, в контору Двора Великого Князя Александра Михайловича, Офицерская, 35.*

* * *

Царская милость.

Снисходя на просьбу одного из воспитанников военного учебного заведения, содержавшегося в тюрьме за распространение противоправительственных изданий, Государь Император позволил искупить ему свою вину службой в действующей армии.

Но чуткое сердце Царя, болящее за отщепенцев Русского народа, глубоко поняло, что это не единичное явление, что то же должны чувствовать и другие люди, отбывающие наказания за политические преступления. И вот в беспредельном милосердии своём Царь открывает и этим людям путь к искуплению их вины. Он Всемиловитейше позволяет им, с согласия министра внутренних дел или же по соглашению его с министром юстиции, поступать рядовыми в действующую армию. С момента этого поступления в армию все последствия назначенной кары прекращаются, и имевший несчастье совершить политическое преступление перестаёт быть отщепенцем, делается полноправным гражданином, которому открыты все пути к лучшему будущему.

Мы глубоко верим, говорят «Моск. Вед.», что много политических ссыльных из самых отдалённых мест откликнутся на Царскую милость, что в ней они найдут своё духовное возрождение. Хорошая это будет минута!

Наша жизнь сложилась так ненормально, так уродливо, что в среде политических ссыльных мы видим не только мужчин, но и женщин. Можно только от души пожелать, чтобы Царская беспредельная милость коснулась и их, чтоб и им было позволено, хотя в скромных должностях сиделок госпиталей, искупить свои вины перед Престолом и Отечеством. Патриотизм охватил теперь всю Россию и среди провинившихся в политическом отношении женщин найдутся, конечно, такие, которые захотят посильно послужить ей.

* * *

О приёме добровольцев.

5-го сего февраля, последовало Высочайшее соизволение, чтобы приём на службу добровольцами производился на следующих основаниях:

1) Приёму подлежат те из заявивших желание, которые имеют не более 40 лет от роду и притом получили какую-нибудь военную подготовку, состоя на действительной военной службе или во время учебных сборов ратников; 2) из принятых добровольцев будут формироваться команды распоряжением штабов военных округов: петербургского, виленского, варшавского, киевского, одесского, московского, казанского и кавказского – при управлениях уездных воинских начальников в местах нахождения штабов округов, и 3) по мере приёма добровольцев они будут отправляться на Дальний Восток.

* * *

О пожертвованиях.

От открытого по воле её Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны склада вещей в пользу больных и раненых воинов на Дальнем Востоке сим доводится до сведения жертвователей, что *весьма нужны: полушубки, фуфайки, тёплые шапки, башлыки, валенки, шоколад, сахар, табак и мыло*, а также весьма желательны: палатки и складные кровати для лазаретов.

Склад открыт ежедневно, кроме праздников, с 1 до 5 часов, и помещается в Зимнем Дворце.

* * *

Об установлении особого сбора пожертвований по всем церквам Российской Империи в пользу раненых и больных воинов на Дальнем Востоке.

Определением Святейшего Синода от 8-го сего февраля, за № 18, постановлено: разрешить членам Российского общества Красного Креста или уполномоченным от него лицам производить за воскресными Богослужениями каждую неделю, на всё время войны России с Японией, особый сбор пожертвований по всем церквам Российской Империи в пользу раненых и больных воинов; там же, где учреждений общества нет и назначение особых уполномоченных встретило бы затруднение, сбор этот производить старостам церквей, и собранные деньги представлять через местные духовные консистории в Хозяйственное Управление при Святейшем Синоде.

* * *

О почтовых отправлениях в действующую армию.

В почтово-телеграфных учреждениях Империи, для отсылки в армию принимаются: а) газеты, пересылаемые по таксе для повременных изданий и б) частные посылки без цены исключительно для чинов армии и состоящих при ней учреждений, весом не более шести фунтов. В полевых же почтовых конторах для пересылки из армии принимаются посылки только с вещами, оставшимися после умерших чинов армии – весом не более одного пуда.

Простые закрытые письма, весом до двух лотов, а равно открытые письма на почтовых бланках, без штемпеля, *пересылаются бесплатно*: из почтово-телеграфных учреждений Империи, если адресованы на имя чинов армии и состоящих при ней учреждений.

Частные посылки, отправляемые в армию, принимаются открытыми, для осмотра вложения, и в них дозволяется пересылать следующие предметы: чай, табачные изделия, медикаменты в сухом виде, оптические, математические и хирургические инструменты, чертёжные и письменные принадлежности, бельё и все предметы одежды, обуви, снаряжения и вооружения. Посылки с предметами вооружения, с мундирной и сюртучной парой, с верхней одеждой, не исключая меховых и непромокаемых вещей, принимаются весом и свыше шести фунтов, но при условии, чтобы в каждой посылке заключалось не более одного из числа поименованных предметов.

III. Из всеподданнейших телеграмм наместника ген.-адъют. Алексеева на имя Его Императорского Величества // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 485–488

„Всеподданнейше доношу Вашему Императорскому Величеству, что около полуночи с 26-го на 27-е января японские миноносцы произвели внезапную минную атаку на эскадру, стоявшую на внешнем рейде крепости Порт-Артур; причём броненосцы „Ретвизан“, „Цесаревич“ и крейсер „Паллада“ получили пробоины.

28 января. Все три повреждённые судна держатся на воде. Котлы и машины исправны. „Цесаревич“ получил пробоину в рулевом отделении. Руль повреждён. На „Ретвизане“ – пробоина в отделении подводных носовых аппаратов. На „Палладе“ – пробоина в середине борта, близ машины. После взрыва к броненосцам немедленно подошли дежурные крейсеры для оказания помощи и, но взирая на тёмную ночь, приняты были меры ввести потерпевшие суда на внутренний рейд

Потери в офицерах нет. Нижних чинов убито 2, потонуло 5, ранено 8. Неприятельские миноносцы своевременно были встречены сильным огнём судов. По окончании атаки были найдены 2 неразорвавшиеся мины.

Сего числа японская эскадра в составе 15 броненосцев и крейсеров начала бомбардировать Порт-Артур. Крепость отвечает. Эскадра снялась с якоря для принятия участия в бою.

Всеподданнейше доношу Вашему Императорскому Величеству, что после бомбардировки, продолжавшейся около часа, японская эскадра прекратила огонь и отошла к югу. Наши потери: во флоте офицеров ранено – 2, нижних чинов убито – 9, ранено – 51. На береговых батареях нижних чинов убито – 1, ранено – 3.

В происшедшем бою броненосец „Полтава“ и крейсеры „Диана“, „Аскольд“ и „Новик“ получили по одной пробоине по ватерлинии. Повреждения, причинённые крепости, незначительны“.

* * *

«Всепоподданнейше доношу Вашему Императорскому Величеству нижеследующую телеграмму начальника отряда крейсеров, (Владивостокской эскадры) капитана 1-го ранга Рейценштейна:

„29 утром уничтожил пароход „Nagouri Mari“, сняв 41 человека. В это время подошёл маленький пароход каботажный. За свежестью шквала с пургой, 11 баллов, людей снять не мог, потому этот пароход не потопил. Погода не позволила идти вдоль берега, почему взял курс на Шестаков, чтобы выдержать шторм в море и подойти к Корейскому берегу. Вследствие бурного состояния моря, мог держаться против зыби только пятью узлами, причём сильно заливало и при 9° мороза крейсер обмёрз, пушки покрылись слоем льда. Выдержал два жестокие шторма в продолжение трёх суток“».

* * *

11 февраля, с 2 часов 45 минут ночи до рассвета неприятель сделал попытку атаковать „Ретвизан“ многими миноносцами и затопить в проходе большие пароходы с горючими материалами. Обнаружив сперва миноносцы и открыв по ним сильный огонь, „Ретвизан“, поддерживаемый батареями, уничтожить близ входа шедшие прямо на него два парохода, из которых первый выскочил на камни под маяком Тигрового полуострова, другой затонул под Золотой горой. Стрельба по миноносцам продолжалась до рассвета, когда на рейде обнаружены всего четыре погибшие парохода и восемь медленно удалявшихся миноносцев, которые направлялись к ожидавшим их в море кораблям. Спасшиеся на шлюпках команды пароходов, частью утонули и, может быть, подобраны неприятельскими миноносцами. Производится обыск берегов; проход в порт чист. Полное расстройство плана неприятеля отношу к молодецкому отпору и убийственному огню „Ретвизана“. Пароход горит ещё теперь. На рейде усмотрены плавающие мины. На горизонте двумя отрядами держится неприятель. Возвращаю посланные в погоню 3 крейсера, дабы предварительно очистить рейд от плавающих мин.

12 февраля. С часу до трёх с половиной часов по полуночи, неприятель снова атаковал, но повсюду отбит.

13 февраля. Днём 11 февраля под Порт-Артуром держались 17 неприятельских боевых кораблей, 12 миноносцев и пароходы, не подходя, однако, под выстрелы. В этот день выходили в море крейсера „Баян“, „Аскольд“, „Новик“. С последним ввернулись в Артур наши миноносцы из Голубиной бухты, причём на „Новик“ повернули два японских крейсера, но остались далеко позади. Вечером крейсера вошли в гавань; ночью, 12 февраля, вышли в море наши миноносцы. Ночью, на рейде, снова появились японские миноносцы, по которым стреляли „Ретвизан“ и батареи.

Батарея № 18 доносит, что потопили один неприятельский миноносец. В 9 часов утра на горизонте виднелась японская эскадра в числе 14 судов. На потопленных, после ночной атаки 11 февраля, неприятельских пароходах найдены карты Порт-Артура, порта Адамса и Жёлтого моря. На одном же из пароходов, который горел, обнаружены проводники и батареи. Проводники обрезаны портовым минёром, пожар потушен.

Эскадра противника из 16 судов подошла по направлению от Дальнего к крепости Порт-Артур около одиннадцати часов утра, 12 февраля, и открыла бомбардировку по находящимся на наружном рейде: „Аскольду“, „Баяну“ и „Новику“ и по крепости. Огонь продолжался полчаса, и тогда наши крейсера ушли в гавань. Противник, постреляв несколько минут по одной из батарей, стал удаляться, но оставаясь в виду крепости вне выстрела.

В это время четыре неприятельских крейсера отделились и пошли в Голубиную бухту, где вскоре и открыли огонь по укрывавшемуся в этой бухте нашему миноносцу и сильно обстреливали берег; после чего комендант направил туда войска. Стрельба по Голубиной бухте продолжалась 20 минут. Высадки не было. Неприятельские крейсера ушли. Для противодействия возможным морским вылазкам неприятеля, приняты соответствующие меры. Потеря наша за этот день – один раненый на батарее.

* * *

Совет Общества распространения рел.-нрав. просвещения постановил пожертвовать на усиление русского флота и нужды Красного Креста: 3,000 руб. из средств Общества, 2,000 руб. из средств Александро-Невского общества трезвости, 50 библиотек из книг духовного и общеназидательного характера, по 25 руб. каждая, для походных лазаретов или войсковых частей на театр военных действий, устроить три духовных концерта силами церковно-народных хоров Общества и три платных чтения, с обращением сборов с концертов и чтений на военные надобности, и предложить оо. наблюдателям во время духовных бесед (более 60) производить сборы в пользу больных и раненых воинов и на построение новых судов.

* * *

Патриотическая манифестация учащейся молодёжи в С.-Петербурге.

(Письмо в редакцию).

Всколыхнулась Русь святая, и как волна под напором бури, поднялось патриотическое чувство русских людей. Чистой, святой волной патриотизма мигом смыло ту душевную пыль, грязь, плесень и всякую другую нечистоту, которая успела прирастись к уму и сердцу молодёжи. Просветлённым умом, очищенным сердцем русская молодёжь сразу поняла, почуяла, что составляет твердыню русского государства, в чём несокрушимый оплот её политического существования и общественного благополучия. Почуяв, поняв это, она не могла не оценить и тех, кто всегда были выдающимися представителями и мощными охранителями веками испытанных устоев русского государства, каковыми устоями, как мы знаем, были, есть, будут и пребудут: *православие, самодержавие и народность*. Положительно, можно удивляться неожиданности того, что произошло. Но, расскажем все по порядку.

Пятница – 30-е число минувшего января – была днём патриотических манифестаций студентов С.-Петербургского университета. К университетской молодёжи примкнуло немало воспитанников других учебных заведений. Образовалась толпа манифестантов не в одну тысячу человек. В газетах подробно

было описано, какой порыв патриотических чувств проявила она перед Зимним и Аничковским дворцами, как громко заявила она о своей преданности Престолу и Отечеству. От Аничковского дворца манифестанты прошли по Невскому проспекту, к Литейной и свернули по последней. Тут, вблизи от Невского, дом, в котором живёт К. П. Победоносцев. Все знают, что преступная рука крамольника из молодых полуинтеллигентов года два назад посягала на жизнь Константина Петровича в самом жилище его: злодей стрелял в окна его квартиры... Но, вот, в „годину испытания“ для Отечества к квартире Константина Петровича приближается огромная масса учащейся молодёжи. Она останавливается перед окнами его квартиры и одушевлёнными кликами „ура“ свидетельствует испытанному государственному мужу чувства своего почтения и признательности. Факт многозначительный, и значение его очевидно до осязательности...

Ив Пр.

№ 5. Март. Книга 1-я

Воронец Е. Возможно ли и какой панихидой молить Бога о спасении усопших христиан не православной церкви? // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 489–499

Иисус сказал: „Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга. По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою“... „Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас“... (Еванг. Ин.13:34–35; Мф.5:44).

„Умоляю вас поступать достойно звания, в которое вы призваны, со всяким смиренномудрием и кротостью, и долготерпением, снисходя друг ко другу любовью, стараясь сохранять единство духа в союзе мира“... „Всё у вас да будет с любовью“... „И так прежде всего прошу совершать молитвы, прошения, моления, благодарения за всех человеков... ибо Бог хочет, чтобы все люди спаслись“... (Послан. Еф.4:1–3; 1Кор.16:14; 1Тим.2:1–4).

I.

В светской печати истекшего года возбуждался вопрос: „Возможна ли молитва об упокоении усопших другого вероисповедания“? Вопрос этот страстно дебатировался после смерти генерала Гурчина в светской и духовной периодической литературе, однако до сих пор он недостаточно и неудовлетворительно выяснен в печати. А, между тем, вопрос этот является *постоянно больным* местом в русской церковно-общественной жизни, где находятся узаконенными массы православных семейств от „смешанных браков, то есть, от супружества православных с иноверцами. Грустные же инциденты, подобные официальному недозволению со стороны Виленского епархиального начальства для корпорации православных военных г. Вильны совершить церковную молитву в православном соборе об усопшем христианине Римской церкви, генерале Гурчине, командовавшем войсками округа, –

придают упомянутому вопросу значение и официально-общественное, „и смущают и *тяжко огорчают*“ весьма многих.

А вот возгорелась война от коварных язычников против христиан... Война, *нисколько не ожидая*, вызывает жертвы жизни, жертвы не только „на брани *убиенных*“, а также ещё не меньшее количество *умерших* от многих болезней и прочих обстоятельств войны. В числе таких умерших будет много христиан неправославной церкви, а боевые товарищи православные семейства этих умерших будут желать и просить, чтобы православные пастыри совершали панихидные моления за их отцов, сынов и братьев... Святой апостол Христов Павел поучает, что „по нужде и закону применение бывает... ибо закон (формальный для людей) ничего не довёл до совершенства“ (Послан. Евр.7:12,19).

Посему в настоящее особенное время „нужды“ в молитвах не только за убиенных на брани, а и за умерших по всяким обстоятельствам войны, особенно благовременно обсудить этот вопрос и выяснить основания заключающиеся в свящ. писании и канонах церкви, дабы не только архипастыри, но и пастыри церкви православной имели нравственную возможность удовлетворять духовные нужды православных родственников умерших неправославных христиан в совершении о них искренних молений к Господу Богу, чтобы „*все спаслись*“.

* * *

По существу учения православной христианской кафолической Восточной церкви *сомнения* в возможности молитвы об усопшем другого христианского исповедания – *не существует*. Но для большинства общества недостаточно, неотчётливо знающего православное христианское вероучение и богослужение, настоящий вопрос служит соблазном и преткновением. По всему этому желательно, хотя кратко и общедоступно, напомнить основы учения и практику церкви православной об этом важном предмете, чтобы действия лиц не навлекали нареканий на саму святую церковь.

В первоисточнике учения православной христианской веры, в Новом Завете Господа нашего Иисуса Христа, решительно заповедано молить Бога за *всех* человеков, кто бы они ни были.

„Молитесь за обижающих вас и гонящих вас“⁷⁷ заповедал Сам Господь своим ученикам; а обижали и гнали их именно *неверующие* в Иисуса Христа. И апостол Христов Павел пишет об этом также: „Прежде всего прошу совершать *молитвы*, прошения, *моления*, благодарения за *всех* человеков, за царей и за всех начальствующих, ибо это хорошо и угодно Спасителю нашему Богу, Который хочет, чтобы *все люди* спаслись и достигли познания истины“⁷⁸. И потому в православной христианской вселенской церкви никакие соборы, ни святые отцы и учителя церкви, ни архипастыри, ни пастыри никогда не запрещали „*молитвы о спасении лиц другого* (неправославного) *христианского* вероисповедания“. И не только не запрещали, а со времён апостольских⁷⁹ *все* архипастыри и пастыри церкви православно-христианской *сами ежедневно и повсеместно* при совершении литургии, в самые возвышенные, святейшие её минуты, после призывания в храм Духа Святого и преосуществления Святых Даров, *молят Бога*: „И помяни, Боже, *всех усопших* в надежде воскресения живота вечного и *упокой их*, идеже присещает свет лица Твоего... ещё приносим Ти словесную сию службу *о вселенной*“...⁸⁰. Помяни, Господи, *всякое* (то есть, без различия вероисповедания) начальство и власть... и *всех*, требующих великого Твоего благоутробия, и *вся люди* Твоя помяни, Господи Боже наш, и на вся излей богатую Твою милость; *всем* подая, яже ко спасению“⁸¹.

Таковы постоянные моления архипастырей и пастырей православных за всех, в том числе и за иноверцев; за православных христиан тут же возносятся ими особые моления. А ещё в первооснове православной литургии, в литургии времён апостолов, называемой литургией апостола Иакова, брата Господня, также многократно возносятся моления за *всех усопших, начиная от праведного Авеля*, сына Адама, до нынешнего дня; Сам, Господи, упокой их там в стране живых, в наслаждении райском, в недрах Авраама, Исаака и Иакова“...⁸².

Таким образом боговдохновенное Священное Писание заповедует, а архипастыри и пастыри церкви православной постоянно *совершают в храмах молитвы о всей вселенной*, о

всех человеках, как живых, так и умерших, к какому бы вероисповеданию они ни принадлежали. Миряне же церкви православной в таких обстоятельствах обязаны последовать примеру своих пастырей и архипастырей, следовательно, не только возможно, а и *должно православным христианам молить Бога о спасении живых и умерших иноверных христиан*. И хотя по вероучению православной церкви миряне наставляются удаляться от житейского общения с живущими неверующими, заблуждающимися и еретиками⁸³, чтобы общение с ними не повредило веры православных христиан, чтобы сами православные не были увлечены в неверие, в заблуждение, в ересь, но вместе с тем усердная молитва перед Богом об еретиках, заблуждающихся и неверующих *остаётся тем более настойчивой обязанностью православных христиан*. Если кто из православных не находит в себе сил и средств для уверения неверующих, для обращения к истинной вере заблуждающихся и еретиков, то *тем более он обязан молить Бога об иномыслящих и заблуждающихся, чтобы Господь Сам благоволил вразумить, просветить и спасти их в настоящей жизни или же в загробной*. „Живём ли или умираем, мы всегда Господни, и умершие, как и живущие, равно для Бога все живы“⁸⁴.

Истинное православное христианство есть вера полнейшей, всеобъемлющей, бессмертной любви. Молитва же о благе живых и умерших людей, не только любящих нас и единомысленных нам, а и ненавидящих нас, обижающих, гонящих нас и иномысленных нам, есть одно из проявлений христианской любви нашей. Такое проявление любви должно быть не только в единоличной частной молитве, а и в молитвах общественных. И действительно, в церкви православной установлены в известные дни общественные панихидные моления во всех храмах „за всех умерших „от Адама даже до днесь“⁸⁵ дабы купно с нами (христианами) и они все стали одесную Бога“... И моления такие не новшества, а, по словам церковного „Синаксария“: „узакониша Божественнейший отцы от священных апостол приемше“... Это, так называемые, *вселенские* панихиды, или всенощные, совершаемые в субботу

мясопустную перед воспоминанием о страшном Суде Божиим, на который предстанут *все* люди; затем, в субботу перед праздником Пятидесятницы, потому что Пятидесятница служит напоминанием о *всеобщем* воскресении мёртвых; ещё во вторник или понедельник Фоминой недели, в напоминание, что Воскресший Христос нисходил в ад умершим и воскресит *всех* умерших людей⁸⁶.

Таковы вкратце *основания и практика* молитв православной христианской кафедральной Восточной церкви о всех усопших людях и другого христианского исповедания.

II.

Православная церковь поёт: „Христос воскрес, разрешив узы Адама первозданного, и адову разрушив крепость, *дерзайте вси мертвии*: умертвися смерть, пленен бысть и ад с нею, и Христос воцарися: той нам дарова нетление плоти, той воздвигает нас и дарует воскресение нам и *славы* оные с веселием *вся* сподобляет...“ Из мертвых восстанием Твоим Христе, не ктому смерть обладает умершими благочестно, темже молимся прилежно: *рабы Твоя упокой во дворех Твоих* и в недрах Авраама *от Адама* даже до днесь, послужившие тебе чисто, отцы и братию нашу, други вкупе и сродники, *всякаго человека*, в житии послужившего верно и к Тебе представившегося, Боже, и сподоби я небесного царствия Твоего“⁸⁷.

В ответ на вторую часть рассматриваемого вопроса: какой панихидой возможно молить Бога о спасении усопших христиан не Восточной церкви? – прежде всего следует уяснить: что именно называется панихидой?

Панихида – слово греческое (происходит от трёх греческих слов: πᾶς – весь, νύξ – ночь и ᾄδω – пою) и означает такие христианские моления, которые в древности воспевались в течение всей ночи. Ещё в первые времена христианства, когда свирепствовали гонения на христиан от иудеев и язычников, вошло в обычай молиться ночью над усопшими и за усопших. В те страшные времена христиане только ночью могли убирать и хоронить тела святых мучеников, часто истерзанные, обезображенные, разбросанные по частям, – ночью же только и

могли они молиться над гробами умерших. Где-нибудь в дальней пещере, в подземном кладбище катакомб, или в самом уединённом и отдалённом доме в городе, верующие зажигали свечи около умерших святых мучеников и сами, горя верой и любовью к Богу, совершали погребальное или *поминальное пение в продолжение всей ночи*. От этого молитвы и псалмопения над усопшими христианами, или в память их, стали называть в христианской церкви „*панихидами*“. И по установленному теперь составу своему панихида подобна части *всенощной*, именно утрени⁸⁸.

Затем, следует ещё заметить, что Богослужение православной христианской церкви имеет две главные составные части: 1) молитвы и 2) таинства. Молитвой выражается стремление человека к Богу. А в таинствах совершается священнотайне нисхождение Бога к человеку... потому что таинства суть богоучреждённые священнодействия, при совершении которых таинственным образом низводится благодать, или невидимая спасительная сила Святого Духа, на человека, приемлющего таинство, для освящения и врачевания душевных и телесных сил его⁸⁹. Поэтому к таинствам приобщаются лишь члены церкви православной⁹⁰ и состав священнодействия таинств неизменен.

Содержанием же не таинственного богослужения, а просто молитвенного, служат или славословия, или прошения, или благодарения Богу. И такие молитвы и песнопения *приспособляются* ко времени – и предмету совершаемого богослужения, следовательно *видоизменяемы*⁹¹.

Из объяснённого понятия о „*панихиде*“ и состава её очевидно, что *панихида принадлежит* ко второму виду церковных служб, к *богослужению, видоизменяемому* приспособительно к лицу, о коем совершается панихидное моление. И действительно, в православном богослужении панихиды составлено несколько её видов, в коих содержание молитв видоизменяется применительно к житейскому положению лица поминаемого. Так, молитвы в вышеупомянутой панихиде „*Вселенской*“ видоизменены сравнительно с молитвами обыкновенной Великой панихиды (Парастаса) только

за православных усопших христиан. Есть ещё особый чин панихиды „о православных воинах и о всех за веру и за отечество убиенных, пострадавших и мужественно подвизавшихся“. Есть панихида так называемая „Царская“, которая совершается по особо изданному генеральному реестру, о лицах царского рода⁹², и ещё есть особенно торжественная панихида „Пасхальная“⁹³.

„Вопрос о молитве за умерших иноверцев (то есть, собственно о панихидных служениях) разрешается в практике русской церкви неодинаково“ – засвидетельствовано в руководстве для священнослужителей. – „Одни, не находя в положительных церковных правилах и в древней церковной практике основания для церковного поминовения умерших иноверцев (будто? – а Евхаристийные молитвы священника при совершении литургий св. Иоанна Златоуста, Василия Великого и Апостола Иакова?) – отказываются совершать панихиды по католикам, армянам и протестантам⁹⁴. Другие же находят возможным молиться за иноисповедных христиан, с одной стороны: а) принимая во внимание то, что древние правила относительно данного вопроса (апост. прав. 10, 45, 65; лаод. 6, 37; Тим. алекс. 9) постановлены были (даже не об этом вопросе: смотр. СПб., 1903 г., № 198) при исключительных условиях, в которых тогда находилась христианская церковь, – когда многие стороны её жизни ещё не выяснились и не определились с надлежащей полнотой, и что б) теперь церковно-исторические обстоятельства значительно изменились; с другой стороны, в) руководясь той широтой христианской любви и веротерпимости, которая всегда свойственна была православной церкви, и наконец, г) пастырски входя в нравственное чувство тех православных христиан, которые, состоя при жизни умерших иноверцев в самых тесных родственных связях или в близких служебных и нравственных отношениях с ними, просят своего духовного отца не отказать им в христианском утешении – помолиться вместе с ними об упокоении души усопшего иноверца – христианина⁹⁵... И эта современная у нас практика также свидетельствует, что священнослужителей, находящихся возможным совершать

панихидные моления в храмах об иноверных христианах, весьма ограниченное меньшинство, а поэтому почти всегда практикуемый отказ в молитвах об иноверных христианах тяжело возмущает общественный религиозный мир весьма большого числа православных христиан, находящихся в близких родственных и нравственных отношениях с умершими иноверными христианами...

Выход необходимый, в особенности в настоящее смутное время, из такого тяжкого практического положения, нежелательного для всех истинных членов церкви православной, представляется такой:

Чтобы не смущать православных ревнителей строгости церковных обрядовых обычаев, по коим эти ревнители полагают, что церковь должна не допускать молений об усопших иноверных христианах в одинаково высоком и дерзновенном духе и форме, с которыми она совершает молитвы об упокоении христиан православных, – с другой стороны, чтобы удовлетворить православных, ревнующих о всеобъемлемости христианской любви и веротерпимости ко всем людям, свойственной существу православного вероучения, а также входя в высоко-нравственные чувства детей православного исповедания к их отцу, или матери, неправославного вероучения, – следует, *вместо существующей раздвоенной, противоречивой практики*, просить правительственно-руководящих архиереев церкви православно-русской разрешить совершение панихидных молений по умершим христианам неправославной церкви, например, таким образом:

1) Или в *сокращённом* виде обыкновенной общей панихиды с *непременным пропуском всего, специально* относящегося именно к православному *правоверию* усопшего; возможно заменить такие песнопения некоторыми молениями вообще об умерших „от Адама даже до днесь“ из Вселенского панихидного церковно-служения мясопустной и Троицкой суббот. Такое сокращение пространных песнопений общей Великой панихиды православных было бы для панихиды об иноверцах *удовлетворительно*, потому что: „Отче наш“, „псалмы Давида“,

„Славословия“, „Аллилуия“, краткие заупокойные ектеньи, многие панихидные наши моления о прощении грехов умершим и прочие неспециальные песнопения⁹⁶ православной панихиды не содержат ничего несвойственного, неприложимого к христианам и иноверным. Каждый же православный христианин должен споспешествовать благу, особенно духовному, иноверцев, – поучает православный архипастырь⁹⁷, – *ибо всякий христианин, какого бы ни был исповедания, покланяется Одному и Тому же Богу Отцу, Которому и мы кланяемся, одному Искупителю, в Которого и мы веруем, и Которого имя он на себе носит, Одному Духу Святому, Которого и мы исповедуем; он приемлет и чтит таинства, исповедует вечную жизнь, которой он ищет в живой вере в Господа Иисуса и Его Евангелие*“. – Также и Всероссийский Правительствующий Святейший Синод выразил такую же уверенность относительно „двух великих разветвлений христианства – латинян и протестантов, – в искренности веры их во Пресвятую и Живоначальную Троицу и часть таинств“⁹⁸.

2) Или же лучше, руководясь наставлением св. апостола Павла, чтобы в церкви совершалось „всё по чину“⁹⁹ – можно просить, чтобы установлен был *особый* „чин“ или состав панихиды для повсеместного однообразного совершения панихидных молений об умерших *христианах* неправославного исповедания. „Един Бог, един и ходатай между Богом и (всеми) человеками, Иисус Христос“¹⁰⁰, Который принёс совершенное удовлетворение за *всех грешников*. И церковь, – поучает ещё другой наш архипастырь догматист, – предстательствует перед Богом за умерших, как и за живых, не собственным именем, а именем Господа Иисуса и силой Его бескровной жертвы, которую не перестаёт приносить о спасении всех живущих и умерших¹⁰¹. Следовательно, вполне законно и возможно к имеющимся многим вышеупомянутым видам панихиды составить „чин“ панихидных молений об умерших христианах неправославного исповедания.

Настоятельная необходимость *положительного* разрешения рассматриваемого вопроса вызывается в особенности массой православных семейств, имеющих отца,

или мать, неправославного христианского вероисповедания. Молитвы, оставшихся в живых близких людей об умершем, считаются весьма важными у христиан и теперешней Римской церкви, и лучшие из них заповедуют своим детям совершать о спасении их заупокойные молитвы; – жестоко и противно истинно христианскому вероучению лишать православных детей возможности исполнять столь высоконравственную их обязанность перед родителями их! Известно также, что христианское разноречие в православном русском государстве нисколько не препятствует обильному занятию даже самых высших государственных должностей всех ведомств, а также быть „попечителями“ православных учебных заведений и благотворительных учреждений. После смерти таких лиц, противно чувству гражданского и духовного долга не совершать заупокойных, молений православным лицам, на пользу коим такие иноверцы отдали свою жизнь. Теперь же, пока церковной властью не разрешён *однообразно и положительно* рассматриваемый вопрос, – обыкновенный отказ большинства православных священнослужителей совершать заупокойные и панихидные моления о прощении грехов и спасении умерших иноверных отца, или матери, массы семейств и благотворителей многих тысяч православных христиан, – смущает душу и разрушает семейные и нравственные отношения множества членов православной церкви. Но, ведь, это, по всем даже кратко выше представленным основаниям и разъяснениям, является уже, как нам кажется, нарушением отдельными лицами основной заповеди Самого Господа нашего Иисуса Христа о любви друг друга учеников Его, христиан, и о молитве их за всех. *Жизненную потребность православных христиан совершать церковные заупокойные молитвы об иноверных родителях и благодетелях необходимо удовлетворять беспрепятственно, чтобы отказом в этом не возбуждать нареканий на саму святую церковь православную.* Церкви православной неизменно попечение о спасении всех. „Сердце наше, – пишет Святейший Правительствующий Синод, – расширено“ (2Кор.6:11) и *всё возможное* готовы мы сделать, чтобы способствовать утверждению на земле вожделенного

единства¹⁰². – Да дарует же Господь Бог православным русским христианам, в особенности сиротам от „смешанных“ браков, беспрепятственную возможность, „со всяким смиренномудрием и кротостью *снисходя друг ко другу любовью*, сохранять единство духа в союзе мира и *совершать* (в православных храмах) *молитвы*, прошения, моления (за родителей их) *за всех человеков*, за царей и за всех начальствующих, чтобы *все люди спаслись*“¹⁰³.

Е. Воронеж

Боголюбов Д. Основные черты миссионерской методики // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 500–504

„Закон положен не для праведника“ (IТим.1:9), говорит св. апостол Павел.

Праведные мужи, которые верой ходят в своей жизни (Евр.11:2, 6), без напоминания закона исполняют заповеди Божии. Они не крадут, не убивают, не прелюбодействуют и даже словом не обижают ближних своих.

Другое дело – люди слабые, немощные, подверженные греху. Они легко забываются. Беспечно идут против требований воли Божией. Таким *немощным* людям крайне нужны *оберегающие* их заповеди законные, – как для мореплавателей необходимы в опасных местах особые знаки и для путников зимой – вехи вдоль дороги...

Подобное же следует сказать о миссионерах. Опытные из них, прослужившие своему делу много лет, не нуждаются в миссионерских методиках. Они хорошо сами знают: с чего и как начать беседу с расколо-сектантами; каким порядком вести её; как обходить всевозможные трудности при раскрытии в беседе того или другого предмета.

Нельзя сказать того же о *большинстве* миссионерствующей братии, – простых приходских священниках. Весьма многие из них нуждаются в методических указаниях для ведения бесед с церковными отщепенцами. Эта нужда особенно ярко проявляется на миссионерских съездах. Здесь, обыкновенно, происходят длинные разговоры миссионерски-методического свойства. В результате получается впечатление, что *основные*, исходные положения миссионерской методики не всей ещё братии известны вполне, как своего рода азбука.

Причина такого обстоятельства кроется в самом свойстве миссионерского служения – особенно среди сектантов, – в его неразработанности и новизне. Науки *противо-сектантской* методики у нас нет. Есть лишь отрывочные советы в этой области. На обязанности самих миссионеров лежит поэтому

забота выработать правила, которые бы годились для всяких бесед с отступниками от православной церкви.

Автор, как сравнительно много уже лет служащий делу отечественной миссии, отчётливо сознаёт свой долг перед *начинающими* собратями. Им он и осмеливается предложить несколько методических советов, подсказанных ему жизнью. Этих советов, разумеется, можно надавать гораздо больше. – Но в настоящем случае, не задаваясь широкими задачами, автор излагает лишь „*основные черты миссионерской методики*“.

Если раскрытие этих „черт“ окажется кому-либо полезным, – автор почтёт себя совершенно удовлетворённым.

§ 1. С какого предмета начинать противо-сектантские беседы?

Этот предмет на собраниях миссионеров нередко полагается во главу рассуждений. Многие думают, что успех миссионерской проповеди зависит *от вопроса*, – с которого начинает беседы миссионер.

Между тем, здесь кроется довольно значительное недоразумение. Дело миссии неуловимо, как сама жизнь. Это дело нельзя вогнать в определённые рамки. Потому миссионер впал бы в непростительную крайность, если бы стал утверждать, что беседы с сектантами *всегда* следует начинать с определённого вопроса. Такому миссионеру скоро же пришлось бы испытать на деле глубокое разочарование.

Поясним сказанное примером. Представьте себе такой случай. Миссионер, *по книжкам* изучивший противо-сектантскую полемику, начал свою проповедь с вопроса о Свящ. Предании. Речь его *по необходимости* обща, лишена „конкретности“. Она не попадает в цель. Сектанты сводят собеседника на вопрос об иконах. Миссионер настаивает на своём. Раздосадованные сектанты уходят с беседы. *Они ничему на беседе не научились...*

Спрашивается: разумно ли поступил миссионер?

Ни в каком случае. Он *озлобил* сектантов, а не приблизил их к дверям церковным. Поэтому в *живой миссионерской действительности* серьёзной речи не может быть о том, с чего всегда начинать противо-сектантские беседы? На этот вопрос лучший ответ даёт сама разнообразная и безграничная жизнь... И не для чего особенно упорствовать, перед лицом жизни, на рутинных соображениях. Помните: „все дороги ведут в Рим“. Хороший миссионер, отправляясь *со всякого* пункта, придёт к выводу, что Православная Церковь – мать наша – „*свята и непорочна*“ (Еф.5:27)...

Однако, *если обстоятельства позволяют*, миссионер в своей первой публичной беседе обязательно должен поговорить

с народом о том, что *преимущественно* волнует людей в данной местности. Потом уже идти дальше, – *по системе*...

Такой миссионерский приём будет отличаться жизненностью. Ведь и доктора, при лечении язв, стараются врачевать прежде всего эти язвы. Потом уже приступают к „общему лечению“...

Итак, вот первое правило для всякого миссионера: он должен быть *живым*, отзывчивым на нужды человеком. Он обязан с самого же начала беседовать о *действительно* *нужном* для известных людей, а потом уже соображаться с своими теориями и умозрениями.

Что же говорят „теории“ касательно распорядка или внешнего плана миссионерских противо-сектантских бесед?

Эти теории нас удостоверяют, что никакого такого *одного* плана нет. В действительности планов противо-сектантских бесед столько же, сколько самих миссионеров. И каждый план в устах его автора имеет свои преимущества, свои достоинства.

Поэтому мы здесь высказываемся о том, что лично нам, на основании нашего десятилетнего опыта, *кажется* наилучшим.

С чего же, по нашему мнению, целесообразнее всего начинать беседы с сектантами, *если обстоятельства благоприятствуют миссионеру?*

Мы думаем, что такие беседы лучше всего начинать с речи *о священном предании*. И это не потому только, что указанный вопрос в христианской догматике – *изначальный*: то само собой. Противо-сектантский миссионер обязан помнить, что, – как бы искусен он ни был, – ему не подтвердить *буквой* Писания многих православно-церковных обрядов. Обязательно, со временем, он должен будет ссылаться на церковное предание, при обосновании своих мыслей. Например: миссионер искусно докажет, из каких библейских данных сложилось православное учение о крестном знамении. Но сектанты непременно будут просить показать им одну заповедь для этого обряда. Тогда миссионер волей-неволей обратится к церковному преданию.

Если же так, – о церковном предании надобно беседовать прежде всего.

Впрочем, мы предвидим возражение. Нам скажут: „всё равно, сектанты доказательствам от Предания не поверят. Так незачем вопроса о Предании раскрывать прежде всего“...

На это возражение мы ответим.

Пусть сектанты повторяют свои излюбленные слова о Предании. Однако хорошей беседой можно достигнуть одного *отрицательного*, но крайне нужного нам вывода. Миссионер докажет, что в *писанном* слове Божиим не всё изложено *ясно, подробно и понятно* для христиан. Следовательно, для устройства их быта *в согласии с Евангелием* потребно предание Вселенской церкви...

И когда после поднимут сектанты, *к примеру*, вопрос, почему об иконах в Новом Завете не сказано подробно? Миссионер твёрдо уже, опираясь на *изначальную* свою беседу, скажет:

– А вы забыли, что в Новом Завете вообще об устройстве христианской жизни написано кратко? Вы забыли, что в Евангелиях и о форме водного крещения сказано прикровенно, а о праздниках, наших богослужениях, христианских песнях просто ничего не написано? Так, по-вашему, нам не нужны праздники, богослужения, песнопения? А если нужны, – значит, нужно церковное предание...

Вот почему, – ещё повторим, – систематические беседы с сектантами (да и раскольниками тоже) лучше всего, как нам кажется, начинать с речи об *источниках христианского вероучения*.

§ 2. Дальнейший ход миссионерских противосектантских собеседований

Наблюдения над учением и жизнью сектантов показывают, что, в сущности, они *извратили* всю христианскую догматику. Вот *основные* пререкаемые догматы христианской веры и надобно подвергать на беседах с сектантами гласному обсуждению.

Эти *пререкаемые* догматы христианской веры можно, например, расположить в таком порядке. Установив правильный взгляд на источники христианского вероучения, естественно поставить вопрос: к чему же клонится всё это вероучение?

Ответ следует сам собой: к наставлению нас тому, как найти людям оправдание и спасение во Христе (Ио.20:31; Рим.15:4,23,24). Оправдание же усвоится нами *во Св. Церкви* через особые благодатные действия или таинства (Гал.3:27). Тут то нужно много бесед посвятить раскрытию здравого понятия о составе церкви, – её свойствах: единстве, святости, вечности и о суде церкви над грешниками. А далее также много следует беседовать о таинствах, доказывая, что в совершении их св. церковь не поступает против Евангельских заповедей... „Причём, в речи о таинствах необходимо крепко установить в головах народа убеждение, что наружная сторона совершения таинств в евангелиях не описана. Это доказывается самими сектантами. Крещение, наприм., они совершают согласно с своими *рассуждениями*, а не библейскими указаниями.

Если миссионеру удастся благополучно побеседовать о церкви и таинствах, – главное дело его совершено. Тогда всем будет очевидно, что *дух* в теле православной церкви *жив*. А могут ли церковь оттолкнуть от Господа её обряды, направленные к прославлению имени Божия?..

В таком *апологетическом* смысле следует вести миссионерские беседы о рукотворенной православной святине и о различных обрядах церковных¹⁰⁴...

Но, если бы сектанты того упорно требовали, можно без боязни за успех дела начать беседы с ними со второй части, –

прямо об обрядах. Только необходимо помнить, что часть эта вся *апологетическая*. Не нужно, вдаваясь в крайность, стараться доказывать, что те христиане, у которых нет икон и храмов, – слуги антихриста. Лучше через все такие беседы провести мысль, что православная церковь, – имея храмы, украшенные иконами и крестами, – через то самое *никак* не исказила духа евангельского...

Д. Боголюбов

(Продолжение будет).

**Пахарнаев А. В чём заключалось искупление
человеческого рода, совершенное Господом
Иисусом Христом ¹⁰⁵ // Миссионерское обозрение.
1904 г. № 1–10. С. 505–511**

Из светских писателей талантливым истолкователем вопроса о возрождении верующих в духовную жизнь, выступил, между прочим, известный физик Генри Друммонд в своём сочинении: „Естественный закон в духовном мире“, и я не могу отказать себе в удовольствии ознакомить несколько читателя с тем оригинальным взглядом названного автора, благодаря которому этот важнейший и трудный богословский вопрос делается более удобным к усвоению. Друммонд говорит, что так же, как теория *биогинезиса*, т. е. теория о возникновении жизни только от жизни уже существующей, одержала в наши дни полную победу в науке и вследствие сего сделалось ясно, что неорганический мир отделён от живого мира (растительного и животного) такими преградами, которые он никогда ещё не переступал и переступить не может, точно также переход от животного к духовному миру герметически замкнут для мира животного, и никакие органические изменения, никакие перемены окружающей среды, никакая умственная работа, никакие нравственные усилия, никакое развитие характера, никакое преуспеяние образованности не в силах ни единую человеческую душу одарить свойствами духовной жизни, – т. е., духовный мир отделён и ограждён от мира, ниже его стоящего, тоже законами биогинезиса. Но что же или кто, по Друммонду, может одарить человеческую природу свойствами духовной жизни? *Единый Христос, как источник духовной жизни*; самопроизвольного же зарождения последней в человеке также невозможно допустить, как нелепо себе представить, что кристалл какой-нибудь минеральной соли может превратиться в растение....

В Св. Писании такому объяснению Друммонда можно найти подтверждение в собственных словах Спасителя: „*Рождённое от плоти есть плоть, а рождённое от Духа есть дух*“ (Ев.

Ин.3:6 и проч.). Но рядом с духовным возрождением стоит и духовное вырождение. Последнее совершенно аналогично законам вырождения в мире растений и животных (в том числе и тела человека); и те и другие имеют наклонность всякий раз, как только отсутствует уход за ними, возвращаться по виду и существу к своим первоначальным типам, которые были свойственны их прародителям в диком состоянии: запущенный сад зарастает и даёт через короткое время вместо роз – шиповник и вместо клубники – мелкую, дикую лесную ягоду; тело же человека, лишённое ухода, вырождается в грубого дикаря, подобного тем полу-животным, полулюдям, которые иногда встречаются на пустынных островах; точно также, если человек будет пренебрегать развитием своего ума, то превратится в идиота или сумасшедшего, примером чему могут служить одиночные заключения, производящие такое влияние на мозг людей, и в некоторых случаях делающих из заключённых идиотов. Словом, во всём и всегда наблюдается – что раз живой организм (растение или умственное) или отдельные органы последнего лишаются особого ухода, в силу которого они достигли известной степени совершенства, они немедленно возвращаются к первоначальному образу, т. е., неизменно к худшему виду.

Тоже наблюдается и в духовном мире человека: если мы будем пренебрегать нашей совестью, то станем людьми с очень ослабленной совестью и порочными, „и если человек не будет развивать свою душу, то она неизбежно замирает (атрофируется), мельчает и гибнет“. Каждый, кто привык сознательно к себе относиться, знает, что такая тайная и безмолвная сила, непреодолимо влекущая человека духовно не вперёд, а назад, действительно существует; мало того – ощущается, что это влечение сильно и глубоко коренится в человеческой природе; в науке веры такое явление объясняется – как влечение, как наклонность ко греху, да и с точки зрения св. писания человек зачинается в беззаконии и рождается во грехе (Пс.50:7; см. также посл. к Рим.7:14–24).

Опыт жизни подтверждает, что если не бороться с влечением ко греху и отдаться потоку жизни, не направляя его,

то человек будет всё больше и больше погружаться в беззаконие и грех и притом совершенно бессознательно, самым естественным образом. В силу этого св. писание говорит, что злые погибнут, точно так же, как, видя человека падающего с высоты пятого яруса, мы с уверенностью говорим, что он погибнет, ещё раньше, чем он действительно упал на землю.

Кто-то определил значение физической жизни в смысле общего итога отпавлений, противодействующих законам уничтожения организма, т. е., смерти, точно также и духовная жизнь может быть определена, как общий итог отпавлений, противодействующих греху. А так как атмосферой души являются испытания, соблазны и искушения мира, то и подобно тому, как жизнь даёт растению власть пользоваться различными стихиями, которые без того сами подчинили бы его своей власти (свет, воздух, тепло), также точно духовная жизнь только может подать душе силу воспользоваться испытаниями и искушениями для своего назидания, для укрепления в вере и проч. духовных процессов, которые без существующей в человеке духовной жизни во Христе могли бы погубить душу. Такой взгляд Друммонда находит себе полное подтверждение в словах Самого Спасителя: „дух животворит; плоть не пользует ни мало“ (ев. Ин.6:63), и в другом случае – „дух бодр, плоть же немощна“ (ев. Мк.14:38). Отсюда следует, что мы всячески должны упражнять способности своей души и быть деятельными в духовной жизни, т. е., не только бороться со грехом, но и делать доброе, по словам Господа Бога, обращённым к Каину (до совершения им преступления) – „если не делаешь доброго, то у дверей грех лежит, он влечёт тебя к себе, но ты господствуй над ним“ (Кн. Быт.4:7).

Но если Христос есть источник духовной жизни, которую христианин может принять только от Него, то естественно „спасение“ через Него от греха и смерти должно быть понимаемо, должно заключаться не только в прощении грехов, но и в более широком смысле, разумея под словом „спасение“ *если не полное освобождение души от склонности ко греху, то во всяком случае – оказание могущественной Божественной помощи в этом направлении всякому, кто*

призовет имя Господне (Иоил.2:32). Проверить это положение через Писание вполне возможно: Посл. к Римл. VI – „грех не должен над вами господствовать, ибо вы не под законом, но под благодатью“ (Рим.6:14; см. там же, Рим.7:12).

„Всякий, делающий грех, есть раб греха, говорил Спаситель; но раб не пребывает в доме вечно; сын пребывает вечно. И так если Сын освободит вас, то истинно свободны будете“ (Ин.8:34–36).

„Вот наступают дни, когда Я заключу с домом Израиля и с домом Иуды Новый Завет, не такой завет, какой Я заключил с отцами их в тот день, когда взял их за руку, чтобы вывести их из земли Египетской; тот завет Мой они нарушили, хотя Я оставался в союзе с ними, говорит Господь. Но вот завет, который Я заключу с домом Израилевым после тех дней, говорит Господь: *вложу закон Мой во внутренность их и на сердцах их напишу его, и буду им Богом, а они будут Моим народом* (прор. Иер.31:31–33; Посл. Евр.10:16,17).

„Ибо если кровь тельцов и козлов и пепел телицы через окропление освящает осквернённых, дабы чисто было тело, то кольми паче кровь Христа, Который Духом Святым принёс Себя, непорочного, Богу, *очистит совесть нашу от мёртвых дел, для служения Богу живому и истинному*“ (Посл. Евр.9:13,14).

Но как же, в силу какого именно процесса получаем мы духовную жизнь от Христа? В этом отношении наблюдается полная аналогия с законом преемственности органической жизни от уже существующей таковой же: первоначально Святой Дух сошёл в день Пятидесятницы на апостолов, и с этого момента началась их духовная жизнедеятельность во Христе; от них же эта жизнедеятельность, через рукоположения, была передана пресвитерам и епископам, а от этих последних передаётся преемственно таковыми же служителями церкви до сего дня. А так как через пресвитеров мы получаем при святом крещении, причащении и прочих таинствах дары Духа Святого, то и имеем совершенное основание веровать и надеяться, что все мы, христиане, обладаем драгоценным благом, обещанным Спасителем, озаряющим нашу плотскую жизнь (как солнце озаряет вселенную, хотя вселенная имеет способность к

физическому существованию и без солнца) – духовную жизнь, жизнь во Христе Иисусе, Спасителе нашем...

Перед самым Своим страданием и смертью Он сказал: кто любит Меня, тот соблюдёт слово Моё: и Отец Мой возлюбит его, и *Мы приидем к нему и обитель у него сотворим*“ (ев. Ин.14:23), и далее – „не о них же (об учениках) только молю, но и о верующих в Меня по слову их, *да будут всё едино*: как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так они да будут в Нас едино, да уверует мир, что Ты послал Меня. И славу, которую Ты дал Мне, Я дал им, да будут едино, как Мы едино: *Я в них, и Ты во Мне*“ (там же Ин.17:20–23), „Я есмь лоза, а вы ветви: *кто пребывает во Мне и Я в нём*, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего“ (там же Ин.15:5)... Неужели же невозможно Св. Духа, „Иже везде сый и вся исполняли“, в особенности веять Своею благодатью там, где Он хочет, будет ли то собрание верующих, церковь Боягия, храм, где находится престол Божий и совершается таинство пресуществления хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы, или отдельный человек, за которого Иисус Христос предал Себя на страдание и смерть? „Дух дышет, где хочет“, сказал Спаситель, беседуя с Никодимом, что в приложении к истине о рождении верующего человека от воды и Духа и пребывания в нем Духа во всю последующую жизнь выражается в уподоблении тому, как, не зная откуда приходит и куда уходит Дух, мы не можем отвергать, что голос Его слышим в себе по временам...

Если преемственно к нам переходит и нам подаётся духовная жизнь, преподанная когда то апостолам Иисуса Христа Духом Святым, то вместе с тем мы получаем внутрь нас и Сына Божия и Бога Отца; не даром св. крещение, через которое мы соединяемся с Богом, совершается, по указанию Самого Спасителя (ев. Мф.28:19), во имя всех трёх лиц Св. Троицы, и от Его дуновения апостолы получили Духа Святого (ев. Ин.20:22), не даром также Он сказал – ядущий Мою плоть и пьющий Мою кровь во мне пребывает *и Я в нём* (там же Ин.6:56).

Что касается сакраментальной стороны истины о принесении Христом искупительной жертвы, в целях

удовлетворения правосудию Божию, то в этом отношении возьмём объяснение, предлагаемое в „Руководстве к изучению Христ. Прав. Догм. Богословия“ Митроп. Макария: „вся тайна нашего искупления смертью Иисуса Христа состоит в том, что Он взамен нас уплатил Своей Кровью долг правде Божией за наши грехи. Этот долг наш перед Богом состоял в том, что мы не исполнили волю Его, которую должны были исполнить, и непослушанием своим (и подсаживавшей его гордостью – прибавим; см. выше) бесконечно оскорбили своего Создателя и вслед за тем осуждены были Им на страдание и смерть... Но Господь Иисус всецело и совершенно исполнил за нас волю Божию в продолжение всей Своей земной жизни и особенно в крестных страданиях и смерти, когда Его самоотвержение, смирение, послушание воле Отца достигли самой высшей степени (Флп.2:8); всецело и совершенно потерпел за нас и все те страдания и смерть, какие мы заслуживали за все наши грехи. Бог не мог остаться Неудовлетворённым такой жертвой за наши грехи; потому что и удовлетворявший был Бог“ (Посл. ап. Павла Евр.5:8–10,9:27,28,10:12,14); и, если за непослушание воле Божией земля и живущие на ней подверглись проклятию (Рим.5:18,19), то за совершеннейшее послушание, проявленное Сыном Божиим, – с людей снято было это проклятие“.

Воскресение Христово

Достойно глубокого внимания, что Господь, всячески умалевший во время земной жизни Своей славу чудес и исцелений, которые в обилии совершал на земле (вспомните воскрешение дочери Иаира; ев. [Мк.5:39](#); ев. [Лк.8:52,53](#)), запрещавший в большей части случаев ученикам разглашать о них (ев. [Мк.5:43](#) и [Лк.8:56](#)), как равно и об особо выдающихся событиях Своего прославления от Отца (ев. [Мк.9:9](#); ев. [Лк.9:36](#)), находил необходимым предпринять целый ряд действий, которые, каждое в отдельности и все в совокупности, должны были засвидетельствовать миру неопровержимым образом о том, что Он действительно плотью воскрес из мёртвых... Сюда относятся: и неоднократное появление Христа после воскресения посреди Своих апостолов и учеников ([1Кор.15:3–7](#); ев. [Лк.24:13–31,33–36](#); ев. [Ин.21:1–14](#) и *мн. др.*), и принятие Им пищи с целью уверить поражённых трепетом учеников, что Он действительно является во плоти, и показывание Им рук, ног и рёбер Своих (ев. [И.20:20](#)), и предложение апостолу Фоме, не верившему в Его воскресение, увидеть и осязать руки Его (носившие очевидно следы от гвоздяных ран) и раны на рёбрах Его. Все эти действия до очевидности исходили из одного побуждения – вселить в людях совершенную, непоколебимую веру, что Его воскресение из мёртвых действительно совершилось после краткого трёхдневного пребывания в мёртвых. Такое громадное, исключительное значение придаёт Сам Господь Преславному воскресению своему из гроба.

По воскресении своём, Христос желал самого широкого распространения известия об этом событии потому, что, во-первых, всегда искал славы пославшего Его Отца (ев. [Ин.7:18,17:1,4,12:28](#)), а воскресение до очевидности совершилось по воле Того, Кому была принесена искупительные жертва Христом, и, во-вторых, потому что если люди были искуплены драгоценною кровью Христа, как непорочного и чистого Агнца, то уверовавшие через него в Бога должны знать, что Бог воскресил Его из мёртвых и дал Ему славу, дабы люди

имели совершенную веру и совершенное упование на Истинного и Всемогущего своего Бога (1Пет.1:19,21). В этом, думается, заключалась первая из первых цель воскресения.

А за сим следует – прощение грехов во имя пострадавшего и воскресшего Христа тем, кто приносит покаяние в своих грехах. Сам Иисус Христос благоволил торжественно возгласить: „так написано и так надлежало пострадать Христу и воскреснуть из мёртвых в третий день. И проповедану быть во имя Его покаянию и прощению грехов во всех народах, начиная с Иерусалима (ев. Лк.24:46,47). В чём же заключались ближайшие результаты воскресения Христова? Они заключаются прежде всего в том, что Сын Божий, как имеющий источник жизни в Самом Себе, воскресит и всех мёртвых для суда и возмездия по делам, которые были совершены ими, когда они находились в живых, что прямо вытекает тоже из собственных слов Спасителя: „ибо как Отец имеет жизнь в Самом Себе, так и Сыну дал иметь жизнь в Самом Себе (т. е. источник жизни)..<, ибо наступает время, в которое все, находящиеся в гробах, услышат глас Сына Божия; и изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло в воскресение осуждения“ (ев. Ин.5:26–29). В остальном да позволено будет сослаться на прекрасное, в высокой степени достойное своего автора, поучение св. Иоанна Златоуста. „Трапеза исполнена, – говорит Златоуст, – насладитесь вси, телец упитанный, никто же да изыдет алчай; вси насладитесь пира веры, вси восприимите богатство благодати. Никто же да рыдает убожества, явися бо общее царство, никто же да плачет прегрешений, прощение бо от гроба воссия, никто же да убоится смерти, свободи бо нас Спасова смерть“... и далее – „Воскресе Христос, и падоша демоны. Воскресе Христос, и радуются ангелы. Воскресе Христос, и жизнь жительствоует. Воскресе Христос, и мертвый не един во гробе. Христос бо воста от мертвых, начаток усопших бысть. Тому слава и держава во веки веков“. Аминь.

А. Пахарнаев

Синайский, свящ. Из истории борьбы и полемики по вопросу об иконопочитании в древнее и настоящее время ¹⁰⁶ // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 512–517

(По поводу отрицательного отношения к иконам со стороны современных сектантов).

Основные положения христианской веры, или догматические непререкаемые истины, в своё время возбуждавшие недоумения и споры со стороны неправомыслящих и еретиков, продолжают и в настоящее время смущать, и сбивать с толку многих из легковверных и неопытных христиан. Древнейшие еретические мнения, отрицавшие в Иисусе Христе то божество, то человечество, то неправо приставлявшие образ сочетания в Нём двух естеств, почти не прекращались во всё продолжение истории христианской церкви, возобновились в последнее время под разными названиями, пропагандируются с особенной настойчивостью и большими успехами ко вреду и соблазну верующих. Центральным пунктом нападения новейших еретиков и сектантов служит *Божество* Спасителя нашего Иисуса Христа. Его считают простым человеком – то историческим и великим, то легендарным. Новейшее еретичество, вооружённое всеми научными средствами нападения на христианство, важно не в одном теоретическом или принципиальном отношении, но и в практическом. Дело в том, что современные неверы и явные враги христианства, отрицая Божественное достоинство Основателя христианской религии, стремятся к разрушению созданной Им церкви, как учреждения, во всех отношениях неудовлетворительного, отжившего будто бы своё время и препятствующего образованию духовной общины на новых – разумных началах. Встречая отпор со стороны защитников христианства на почве научной постановки дела, противники церкви стараются нападать на слабые, по их мнению, её места. Наиболее уязвимую сторону церкви представляет, по-видимому, её сложная обрядность, противоречащая, будто бы, понятию

духовности христианской религии. Здесь особенно возбуждаются и изощряются пристрастные нападки и глумления со стороны врагов существующего церковного устройства; вместо того, чтобы глубже вникнуть и надлежащим образом понять смысл исторического происхождения и значения богослужебной христианской обрядности, они решительно отвергают её, как что-то устарелое, излишнее и бесполезное. Иконы и священные изображения, употребляющиеся в православных церквях, подвергаются сильным упрёкам и обвинениям со стороны современных сектантов, напоминающих собой древних еретиков разных видов и направлений.

В истории борьбы и полемики против иконопочитания необходимо отметить несколько частных моментов, различающихся между собой по времени, месту, лицам и побуждениям к борьбе. Таких моментов усматривается три: первый относится к древнейшему периоду истории церкви, – к тому времени, когда в борьбе с разного рода еретиками раскрывалась и завершалась система христианского вероисповедания, равно как определялись основные начала канонического устройства церкви; это – так называемый период иконоборства, продолжавшийся около 130-ти лет (711–842); к этому же периоду следует отнести иконоборство короля Карла Великого (793–827); второй момент относится ко времени реформации М. Лютера, Цвингли и др. (1523–1546); сюда же нужно присоединить ересь русских жидовствующих, также отвергавших, как известно, почитание икон (1450–1504 г.); третий момент относится к новейшему времени; начало этого периода указать трудно; для России оно должно быть приурочено к царствованию императора Петра Великого, когда появился еретик Дмитрий Тверитинов, восстававший против почитания и употребления икон (1713–1723 г.).

Наша задача состоит не в фактическом изложении обстоятельств, сопровождавших означенные моменты, а в указании характерных особенностей лиц, побуждений и приёмов полемики.

I.

Хотя для употребления при богослужении и почитания икон и священных изображений нет в книгах ветхого и нового завета прямых повелений, однако обычай иконопочитания, возведённый на VII-м вселенском соборе в степень догмата, древний и священный; основывается он главным образом на свящ. предании, которое наравне с свящ. писанием признаётся в православной церкви источником божественного откровения; с другой стороны, – учение об иконопочитании может быть выводимо логическим путём из некоторых мест свящ. Библии; но главным принципиальным основанием для иконопочитания служит догмат о воплощении Иисуса Христа и вочеловечении Его. Если Спаситель наш – Богочеловек, то изображение Его, как человека, посредством живописи или скульптуры в разных моментах земной жизни, от младенчества до возмужалого возраста, от рождения до смерти, воскресения и вознесения, соответственно действительным событиям Еванг. истории, составляет такое простое и естественное установление в церкви, которое, в качестве дополнения и символического изображения духовной сущности христианства, не должно бы возбуждать никаких недоумений и нападений со стороны христиан. Правда, иконопочитания в христианском смысле не было в ветхозаветной иудейской церкви, согласно второй заповеди синайского законодательства, но тогда не было воплощения Мессии; были только единичные, временные Богоявления, редкие и кратковременные – под видами и образами ангелов, людей, грозных или тихих явлений природы, тогда как в Новом Завете „Бог явился во плоти и с человеки поживе“, в качестве человека, во всём нам подобного, кроме греха. Таким образом иконопочитание в христианстве тесно связывается с догматом воплощения Бога-Слова; в вопросе об иконопочитании это важная, существенная сторона дела, которой не придавали надлежащего значения ни противники икон, ни защитники их, позднейшие апологеты, в ущерб разумной постановке вопроса и в противоречие правильным взглядам Отцов VII-го Вселенского Собора на значение иконопочитания в системе вероучения¹⁰⁷.

По определению православной церкви, под иконами разумеются свящ. изображения Бога, явившегося во плоти, Господа нашего Иисуса Христа, Пречистые Его Матери и святых Его. Св. церковь предписывает не боготворить иконы, как ошибочно многие думают, а благоговейно почитать их и молиться перед ними; как изображения священные, они служат для напоминания дел Божиих и святых Его; в этом отношении иконы суть те же книги, написанные, вместо букв, в лицах и обстоятельствах. Такой взгляд на иконы и их значение проводится в актах и постановлениях Св. Отцов VII Вселенского Собора, согласно с древним преданием первенствующей нераздельной церкви. Для более точного и обстоятельного ознакомления с доводами и соображениями святоотческими, вызванными и направленными против древних иконоборцев, считаем нужным привести для примера некоторые наиболее убедительные места из подлинных дел и рассуждений VII собора в г. Никее.

На основании свидетельств Тертуллиана, св. отца Иоанна Дамаскина, церковной истории Евсевия и общего мнения членов VII вселенского собора, должно заключить, что употребление св. икон известно было в христианской церкви с глубокой древности; о том же говорит и множество вещественных памятников, давно известных и вновь открываемых. Так, в катакомбах, пещерах и в развалинах древних храмов находят символические изображения: голубя, рыбы, пастыря, агнца. Символы эти были в употреблении у первенствующих христиан, совершавших свои молитвенные собрания в потаённых местах, по причине преследований со стороны евреев и язычников. Символы эти, понятные для одних христиан, служили вместо икон; но одновременно с ними употреблялись и иконы; – до царя Константина Великого (312 г.) в малом числе и с большой осторожностью, а после, когда христианство признано было религией дозволенной и господствующей, – в большем количестве и разнообразии, – так что ко времени царя Льва Исаврянина, иконопочитание получило характер прочно установившегося обычая как в западной церкви, так и в восточной. В 724 г. император Лев III

сделал первую попытку к ослаблению и ограничению общецерковного обычая. В 730 году последовал более строгий указ – об совершенном изъятии икон из употребления церковного; распоряжение это сопровождалось смутами в народе, доходившими по местам до открытого возмущения; раздражённый Лев прибег к преследованию и наказаниям ослушников. Что побудило царя восстать против иконопочитания, – до сих пор не выяснено надлежащим образом. Одни из учёных ставят иконоборство Льва III, как и его преемников, в связь с обще-реформатской деятельностью византийских императоров в государственных учреждениях и управлениях, не исключая и церковной сферы, как неразрывно связанной с жизнью общественною; другие усматривают в иконоборческой деятельности императоров средство привлечь в христианство арабов-магометан, которые соблазнялись иконопочитанием у христиан, приравнивая его к идолопоклонству; по расчётам Льва, с устранением иконопочитания, арабы, угрожавшие тогда Греции, могли скорее сблизиться с христианами и даже принять их учение; наконец, некоторые из учёных, в объяснение причин иконоборческого движения, указывают на крайне одностороннее, обрядовое направление благочестия христиан того времени, особенно низшей массы населения, наглядно выражавшееся в отношении к иконам. По рассказам современников, почитание икон заходило иногда далеко за пределы дозволенного... Так, многие иконам воздавали большую честь, нежели священному изображению креста, как орудию страданий Иисуса Христа; иконы допускались при крещении детей вместо восприемников; некоторые священники и клирики соскабливали краску с образов, смешивали её с просфорами и вином и раздавали вместо причастия; иные священники предлагали евхаристию иконописным изображениям святых, как бы живым причастникам¹⁰⁸. Все эти различные предположения, указывающие на внутренние причины и побуждения в деле преследования икон и их почитателей, могут быть принимаемы во внимание, но они никак не могут оправдывать образа действий греческих царей, потому что последние вмешивались

в данном случае в чуждую им сферу управления и деятельности; вместо того, чтобы быть покровителями церкви, они являлись врагами её, притесняя и преследуя ни в чём неповинных граждан-христиан; правда, Лев Исаврянин с единомысленными ему императорами могли думать об иконах, что угодно, могли считать их идолами, могли принимать строгие меры против суеверных, вредных нововведений, могли побуждать духовенство глубже вникать в Библию, дабы возвышаться к более чистым религиозным понятиям, но уже не в праве были они являться судьями совести своих подданных и издеваться над святыней, перед которой преклонялись искренно и истинно-верующие. Обманываясь относительно пределов своего могущества, думая, что у всех людей такие же продажные души, как у придворных, мечтая, будто бы царские приказания, угрозы и наказания могут создать дух времени, цари-иконоборцы осмелились предписывать подданным то, как они должны верить...

Замечательно и достойно сожаления то, что царям-иконоборцам удалось склонить на свою сторону против иконопочитания множество духовенства. Так, Константинопольский патриарх Анастасий, сменивший твёрдого в православии и не уступавшего перед угрозами царя п. Германа, объявил себя, если не по убеждению, то по расчёту на милости царские, против иконопочитания к большему соблазну и смущению паствы и христианской церкви. Этого мало, были и другие вольнодумные епископы, не только сочувствовавшие царям-иконоборцам, но и истребившие иконы в своих округах. Сыну и преемнику Льва III, импер. Константину, удалось составить целый собор епископов в числе 338 членов, осудивший иконопочитание, как недостойный христиан, греховный обычай, запретивший его под угрозой тяжких наказаний тем, кто, в качестве ремесленника, будет готовить иконы, и кто будет поклоняться им. Чтобы придать более значения своим определениям, иконоборный собор 754 г. присвоил себе название вселенского.

Но не молчали, а противодействовали всеми возможными мерами иконоборческому движению и истинные почитатели св.

икон, на стороне которых было большинство христиан – как местной (Констант.), так и других церквей. Протест слышался со стороны простого народа и монашества, со стороны учёных защитников, со стороны представителей западной церкви – римских пап и, наконец, со стороны трона в лице царицы Ирины, которая дала окончательное торжество православию через созыв вселенского собора. „Ты думаешь созвать вселенский собор по вопросу об иконопочитании“, писал папа Григорий около 726 г. императору Льву, нам это представляется бесполезным. Ты преследуешь иконы, ругаешься над ними и истребляешь их; оставь это дело и замолчи; тогда мир успокоится и соблазны прекратятся. Если созвать собор, то где христоролюбивый и благочестивый император, долженствующий, по обыкновению, заседать в совете и чествовать тех, которые говорят хорошо, а тех, которые уклоняются от истины, преследовать, – когда ты сам, царь, являешься человеком непостоянным и варваром? В лице Ирины церковь нашла то, что, по словам папы Григория, необходимо было для вселенского собора.

(Продолжение следует).

Свящ. Синайский

**И.И. Ответ раскольникам о соборных правилах,
определивших возраст для посвящения
пресвитеров и диаконов // Миссионерское
обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 518–529**

На беседах с раскольниками, преимущественно беспоповцами, постоянно приходится слышать, что многие священники нашей православной церкви должны быть извергнуты из сана, как незаконно поставленные, вопреки 14 правилу 6-го Вселенского собора.

„Правило святых и Богоносных отец наших, ссылаются наши обвинители, да соблюдается и в сём: дабы во пресвитера прежде тридесяти лет не рукополагати, аще бы и вельми достоин был, но отлагати до уреченных лет... Ибо Господь Иисус Христос в тридесетое лето крестился и начал учить“ (14 пр.). „Аще кто в какую бы то ни было степень поставлен будет прежде определённых лет: да будет извержен“ (15 пр.).

Для уяснения данного вопроса необходимо рассмотреть касающиеся его постановления церкви и те обстоятельства, кои вызывали эти постановления.

Вопрос о летах для поставления священных лиц в церкви поднимался неоднократно.

Первым по сему предмету высказался св. Игнатий Богоносец. В послании к Магнизианам он пишет: „не подобает вам презирати возраст епископский, но по воле Бога Отца всякое почтение воздавати ему: зане ведем, яко и святые пресвитеры не взирают на юность видимую, но на благоразумие в Боге. Ибо не многолетни суть мудри, ни старцы, ведут разум: но дух, иже есть в человецех. Даниил бо оный мудрый, аще и дванадесяти лет сый, но одержимый духом Божиим, всеу седину носящих старцов, клеветников же и желателей чуждыя доброты посрами (Дан.13:46). Самуил же отроча малое, девяностолетнаго Илию обличи, предпочетшаго дети своя паче Бога (1Цар.3:18). Такожде и Иеремия слышит от Бога: не глаголи, яко отрок аз есмь (Иер.1:7). Соломон же и Иосия, ов убо дванадесятилетен (3Цар.3:25) царствовав, страшный оный

и неудоборешительный суд жёнам о детях сотвори: ов же осмолетен начальство восприяв, капища и храмы разруши, и дубравы пожже, бесом бо бяху, а не Богу возложена (4Цар.25:4–7). Тем же не юность удобо-презрительна есть, егда Богу возложена: но произволение злое, аще и престарел кто будет во днех злых. Юн бе Христоносный Тимофей, но слышите, что пишет к нему учитель: никтоже о юности твоей да не радит, но образ буди верным словом и житием (Тим.4:12)¹⁰⁹.

Из этих слов св. Игнатия Богоносца ясно видно, что юный возраст не служил препятствием для получения даже высшего епископского чина. От поставляемого лишь требовалось христианское учительство и возгревание духа Божия, получаемого при посвящении; дух Божий умудрял и совсем юных и, наоборот, отсутствие его и злое произволение не делали достойными даже и старых по возрасту. Такой взгляд на лета посвящаемых держался до Неокесарийского собора. В промежуток этого времени апостольским правилом было указано только¹¹⁰, что обратившегося от язычества не должно скоро поставлять на священную степень „ибо несправедливо ещё неиспытанному быти учителем других“¹¹¹. Толкуя это правило, Зонара пишет: „только что пришедший к вере и удостоенный божественного крещения, не тотчас должен быть хиротонисан во епископа. Ибо прежде должно дать о себе доказательство, что и веру имеет здравую и по образу жизни безукоризнен; а это требует времени, ибо в короткое время невозможно этого узнать. Поставлять же учителем того, кто сам ещё не был испытан, – несправедливо и ненадёжно“.

Хотя это правило и не даёт прямого указания на лета поставляемых, однако и не требует для поставления какого-либо определённого возраста, предписывая лишь испытывать поставляемого, в продолжение некоторого времени, в христианском учительстве, необходимом для руководства других. Допустим, что присоединившийся из язычников имел 20 лет от роду. В пять лет он мог показать и веру здравую, и безукоризненный образ жизни, „пробыв в каждой степени, т. е. в степени чтеца, иподиакона и так далее, хотя в продолжение

одного года и таким образом быть достойным самой высшей чести“¹¹².

Впрочем, были отступления и от этого правила. „Так, говорит Вальсамон, великий светильник Нектарий едва был отделен от стада оглашенных и омыл божественной баней скверну жития, чистый уже облачается чистейшим саном архиерейства и в то же время делается епископом царствующего града и экзархом святого и вселенского второго собора“¹¹³.

Точное указание на лета посвящаемых находится в 11 прав. Неокесарийского собора¹¹⁴. „Во пресвитера, говорит оно, прежде тридесяти лет, аще и по всему достойный человек, да не поставляется, но да оставится в ожидании. Ибо Господь Иисус Христос в тридесатое лето крестился и начал учить“. Побудительным обстоятельством для издания этого правила было то, что некоторые, обращавшиеся из язычества, признавая истинность христианского учения и веруя в Господа Иисуса Христа, отлагали на неопределённое время святое крещение. Во времена гонений, такие люди иногда отрекались от принадлежности к христианству, приносили жертвы идолам, и потом принимали крещение, омывая, таким образом, в крещальной купели грехи, сделанные ими до крещения. Несомненно, что такие люди, – убоявшиеся во время гонений мучительства, не могли быть вполне достойными пастырями, не могли дать пасомым должного примера, не могли сказать им, чтобы они помышляли о небесных благах, презирая все страдания и мучения, не могли, в общем, быть наставниками истинно христианского учения, требующего от последователя полного самоотвержения ради Христа.

В виду указанного греха малодушие, обнаруживавшегося в отлагательстве крещения, свв. Василий Великий и Григорий Богослов писали особые слова, побуждающие верующих, ко святому крещению¹¹⁵. Какое действие производили эти слова, – неизвестно. Но церковь нашла нужным быть более строгой в избрании клира и, зная, что молодой человек более немог, чем уже пришедший в возраст, более подвержен слабостям и увлечениям, 11 прав. Неокес. собора постановляет, чтобы

пресвитер не поставлялся ранее 30 лет. Что действительно церковь, устанавливая возраст для посвящения пресвитеров, имела в виду людей, указанных выше, – это подтверждается и следующим 12 правилом Неокесарийского собора: „Аще кто в болезни просвещён крещением, говорит собор, то не может произведён быть во пресвитера, ибо вера его не от произволения, но от нужды“. Зонара толкует это правило так: кто в здоровом состоянии *откладывал крещение*, а подвергшись болезни и имея в виду опасность для своей «жизни, крестился, тот не должен быть произведён во священство, ибо можно думать, что он отлагал просвещение *по любви к удовольствиям и из плотоугодия и потому, что хотел жить в небрежении и не подчиняться игу Евангелия*, и вера его является произошедшей от необходимости, а не от произволения“.

В период времени от Неокесарийского собора до шестого Вселенского – церковь обуреваема была различными ересями. В это время имели место ереси: арианство, македонианство, монофизитство и монофелитство. Особенно сильны были первая и последняя. Почти целые патриархаты были заражены ими. Необходимо было иметь особую осмотрительность в выборе лиц для клира, необходимо было тщательно узнавать – истинно ли принадлежит человек к православию. И вот церковь, в лице соборов, издаёт вновь правила, предписывающие особенную внимательность к избираемым в священную степень. Так первый Вселенский собор подтверждает опять, чтобы новокрещённого не тотчас же возводить в епископское или пресвитерское достоинство, но сначала получить доказательство, *каков он по вере и каков по жизни*¹¹⁶, а шестой Вселенский собор повторяет целиком постановление Неокесарийского собора о летах пресвитеров и диаконов. Все эти действия церкви клонились, не сомнению, к тому, чтобы избранный в клир, был действительно, не по имени только, но и по делу, наставником и учителем своей паствы. Устанавливая определённый возраст для поступления в клир, собор имел в виду и то, что человек, достигший тридцати лет, обладает уже совершенно сложившимся характером и волей, более устойчив

в своих мнениях и в своих взглядах. А это было в высшей степени важно в то время, когда шла усиленная борьба православия с различными ересями; когда ересями заражены были нередко и греческие императоры, и сами представители церквей – патриархи. Влияние таких высоких лиц было почти неотразимо. Его могла победить только твёрдо установившаяся воля.

Милостью Божией пронеслась гроза ересей. Кончилась и горчайшая из них – иконоборческая. И вот, на седьмом Всел. соборе, между прочим, указано с особой ясностью и то, что требуется от желающих вступить в клир. „Поелику мы, говорят отцы собора, в псалмопении обещаем Богу: во оправданиях Твоих поучуся, не забуду словес Твоих (Пс.118:6): то и всем христианам сие сохранять есть спасительно, наипаче же приемлющим священническое достоинство. Сего ради и определяем: всякому, имеющему возведено быти на Епископскую степень, непременно знати псалтирь, да тако и весь свой клир вразумляет поучатися из оныя. Такожде тщательно испытывати его митрополиту, имеет ли усердие с размышлением, а не мимоходом, читати священныя правила и святое Евангелие, и книгу Божественного Апостола, и все Божественное писание, и поступати по заповедям Божиим и учити порученный ему народ. *Ибо сущность иерархии нашея составляют Богопреданныя словеса, то есть, истинное ведение Божественных писаний*, якоже изрек великий Дионисий. Аще же колеблется и не усердствует тако творити и учити: да не рукополагается. Ибо пророчественно рек Бог: ты умение ототвергл еси, отвергу и Аз тебе, да не жречествуеши мне“ (Ос.4:6¹¹⁷).

В толковании на это правило Зонара говорит: „все верные должны поучаться в оправданиях Бога и не забывать словес Его, а наипаче те, которые приемлют священническое достоинство, т. е. те, которые облечены им, имеют его на себе... Ибо сущность нашей иерархии составляют богопреданные словеса. А сущностью иерархии божественное писание названо потому, что оно есть её“.

Вальсамон то же правило толкует так: „Святые отцы, зная, что по причине ереси иконоборцев, очень многие верующие огрубели, потому что бегали и не имели возможности даже являться на глаза людям, сказали, что и все христиане обязываются читать божественное писание со испытанием, но гораздо более архиереи, которые поставлены затем, чтобы учить порученный им народ, почему и определили не иначе рукополагать кого-либо, как если знает псалтирь и, по испытании тем, кто будет совершать хиротонию его, – какое он имеет расположение к изучению божественного писания, что он чтением священных и божественных правил и прочего занимался прилежно, то есть с испытанием, а не бегло; сверх сего, что и живёт согласно божественным заповедям и учит народ Господень и просто готов к тому, чтобы *учить и отвечать*, что должно о *богопреданных словесах, которые составляют сущность, то есть основание священства*“.

Смысл правила и толкований очень ясен. Сущностью и основанием иерархии поставляются не лета поставляемого, а знание им божественного писания для руководства и научения других.

Сопоставивши это правило с правилами, бывшими прежде, относительно членов клира, мы увидим, что постановления прежних соборов о летах, поставляемых клонились лишь к тому, чтобы в число клира не поступили лица не подготовленные к христианскому учительству или же такие, относительно которых могло быть сомнение в чистоте их веры и принадлежности к христианству.

Имея в виду указанное основание, церковь не отказывала в посвящении в клир и лицам моложе 25 и 30 лет, зная, что и „юность не удобопрезрительна есть, егда Богу возложена будет“. Свидетельство тому мы часто можем встретить в летописях Барония и истории Георгия Кедрина¹¹⁸.

1. „Будущий французский апостол Религий, на епископство Ременское по Геннадии восхищен бысть от народа неволью, егда ни молением, ниже *оскудением лет отрещися*, ниже избежати возможе (*не имеяше бо токмо двадесят два лета*)“¹¹⁹.

2. „Василий (император), пресекая наветы, увенчивает Константина и Льва, сынов своих: а в третье лето своей державы провозглашает и Александра, своего сына, – юнейшего же всех, Стефана¹²⁰ причисляет к церкви Божией“¹²¹.

„Василий с императором Михаилом державствовал едино лето, а един девятнадцать лет. Преемствует ему Лев, из оставшихся сынов его старейший. Лев, соделавшийся обладателем всего... определил первее свергнуть Фотия с престола. На место же его определяет император (Лев) патриархом Стефана Синкелла (в 886 г.), своего брата, рукоположенного от первопрестольного Феофана“¹²².

Этот патриарх Стефан причислен церковью к лику святых. В прологе на 17 мая пишется: Иже во святых отца нашего Стефана, Архиепископа Константина града... „Стефан, Архиепископ Константина града, – сын греческого царя Василия Македонянина и *юн сый* поставлен бысть патриархом Царя града“.

3. Св. Кирилл – просветитель славян – поставлен во пресвитера ранее узаконенных лет. „Константин, пишется в его житии, с 14 лет (родился в 827 г.) воспитывался в Константинополе с сыном императора Феофила – Михаилом. По окончании своего воспитания, Константин тайно удалился и принял иноческое пострижение. Возвращённый из пустыни, он убеждён был принять рукоположение во пресвитера. (Около 850 года. Летопись Еписк. Арсения, лето 846-е). После сего он послан был императором в Багдад, где провёл много дней в споре с мудрецами сарацинскими. Отпущенный Эмиром с честью, св. Кирилл, по возвращении в Царь-град, удалился на гору Олимпийскую к брату Мефодию и с ним продолжал подвизаться в посте и молитве. В 857 году пришли к царю Михаилу послы от Хозар и просили себе наставников. Царь и патриарх Игнатий послали Константина и Мефодия“¹²³.

4. „В месяце Декемврии приводят Трифона монаха и рукополагают в патриарха на некое время, доколе Феофилакт, сын императора Романа, не достигнет *законного возраста*“...¹²⁴ Трифон изводится из церкви... По прошествии же единого года и пяти месяцев (ибо не доставало ещё толикого времени

Феофилакт к совершенству и к рукоположению во Архиерея) рукополагается Феофилакт, сын императоров, в патриарха, в месяце Февруарии второго индиктиона¹²⁵. „Во второенадесять лето самодержавия Константинова, а от сотворения мира в 6464, месяца Февруария 27 дня, 14 индиктиона скончал житие патриарх Феофилакт, патриаршествовал двадесять три лета и двадесять пять дней. На престол патриаршества возшёл он против правил церковных, имевши от рождения своего шестнадцать лет и под пестунами бывший патриархом несколько времени“¹²⁶. В патриаршество Феофилакta получила св. крещение благоверная княгиня Ольга. „Жена ополчившегося некогда морской силой на Римлян Российского князя Игоря, именем Ольга, по смерти мужа своего, пришла в Константинополь, где крестившись и явивши усердие к истинной вере, в дом свой возвратилась“¹²⁷. Крестилась Ольга в 6463 г. от сотв. мира, и от Р. Хр. в 955 году. (В прологе говорится, что Ольга крестилась от патр. Фотия, но это неправильно. Фотий патриаршествовал по 886 г. и после него были патриархами Стефан, Антоний, Николай, Евфимий, Стефан, Трифон-наместник и, затем, Феофилакт с 932 по 956 г.).

Из приведённых примеров видно, что церковь не всегда руководствовалась правилами о летах поставления членов клира и за это отступление от соборных правил никто не отделялся ни от лиц, поставленных вопреки канонам, ни от церкви, как то делают наши старообрядцы.

В десятом веке свет Христова Евангелия проник и в Русскую землю. Вместе с верой от Греков приняты были, конечно, и каноны церковные. Какова была практика Русской церкви относительно лет посвящаемых, с точностью неизвестно, но надо думать, что так же, как и в Греческой церкви обращали внимание не на лета поставляемого, а на его способности к учительству. Вскоре после принятия христианства на Руси, были устроены школы для приготовления в них кандидатов священства из русских людей. С течением времени школы эти мало-помалу прекратили своё существование (Стогл. 25 гл.) и в XV веке в клир приходилось ставить, как свидетельствует

архиепископ новгородский Геннадий, людей совершенно неучёных.

В 1551 году царём Иваном Васильевичем (Грозным) собран собор „еже поутвердити древнего предания истинныя наша христианския веры, дабы утверждена была и непоколебима в роды и роды и на веки невреждена от душегубительных волк“¹²⁸.

На этом соборе было постановлено: „иже есть дьяки, котории хотящий диаконства и священничества, а *грамоте мало умеют и святителем их поставити, ино сопротивно священным правилам*, а не поставити и святые церкви без пения будут и православныя христиан без покаяния учнут умирати и без причастия; и святителем избирати по священным правилом, в попы бы ставити 30 лет, и во дьяконы 25 лет и *грамоте бы умели, чтобы могли церковь Божию держати и детей своих духовных управити могли по священным правилом*. Да и о том их святители истязают с великим запрещением, почему мало умеют грамоте, и они ответы чинят: мы де учимся у своих отцов или у своих мастеров, а инде де нам учиться негде. Колько отцы наши и мастера умеют, потому и нас учат. А отцы их и мастера сами потому же мало умеют *и силы в божественном писании не знают*, да учиться им негде“¹²⁹.

Постановление это было вызвано печальным состоянием тогдашнего духовенства. Во священники и диаконы, по нужде, посвящались люди совершенно необразованные, кое-как заучившие наизусть отправление служб церковных, часто неграмотные, не умевшие читать и писать. Учительства от таких пастырей ожидать было нельзя. „Попы, говорит царь, по своим церквам поют бесчинно в двое, в трое, а миряне в те же поры промеж себя глумление творят и всякие речи говорят праздные, ино обое погубельно и пастыри и овцы вкупе заблудиша и погибоша, а попы и церковные причетники в церкви всегда пьяни и без страха стоят и бранятся и всякие речи неподобные всегда исходят из уст их, и миряне, зря на их бесчиние, гибнут. Тако же творят попы же в церквах бьются и дерутся промеж себя, а в монастырех тако же творят, да попы же мирския

заутреню и вечерню в церкви без риз, во единой патрахили, поют и у престола действуют и в царские двери всегда ходят"¹³⁰. „Архимандрит и игумены нецыи и священники и диаконы в своих обителях, во святых церквах Божественные литургии не служат ни за упокой, ни за здравие недель 5 и шесть, а инде и в полгода, и во святых правилах священническому чину только до осми дней не служити, кроме великия нужи"¹³¹. „Нецы невегласи попы в великий четверг соль под престол кладут и до седьмого четвертка по велице дне тако держат и ту соль дают на врачевание людем и скотом"¹³².

Собор, в числе других мер к искоренению непорядков церковных, указывает и на соблюдение правил о летах для посвящения священников и диаконов. Но, несомненно, одно соблюдение этих правил не могло уничтожить всех нестроений русской церкви, так как главной причиной нарушения церковного благочиния была необразованность тогдашних пастырей, которые не только не могли внушить пастве правильных понятий о вере, но сами часто были заражены недостатками своей паствы. Такого нестроения ранее сего не было в русской церкви потому, „что училища бывали в российском царствии на Москве и в великом Новгороде и по иным градом многие грамоте писати и чести и пети учили, и тогда грамоте гораздых было много, но писцы, и певцы и четцы славны были по всей земли"¹³³.

И вот собор, вслед за определением о летах, тотчас же указывает на главное средство для восстановления церковного благочиния: „в царствующем граде Москве и по всем градом избрати добрых духовных священников и диаконов, имущих в сердцах страх Божий, *могущих и иных пользовати и грамоте чести и пети и писати гораздивы* и у тех священников и диаконов *учинити в домех училища*, чтобы священники и диаконы и все православные христиане в коемждо граде давали своих детей на учение грамоте, книжного письма и церковного пения и чтения наложного и те бы священники, и диаконы, и дьячки избранные учили своих учеников страху Божию и грамоте, и писати, и пети, и чести со всяким духовным наказанием, но и паче же всего учеников бы своих берегли и

хранили во всякой чистоте, чтобы им пришел в возраст достойным быти священническому чину, да учеников бы есте своих и во святых Божиих церквах наказывали и поучали страху Божию и всякому благочинию, псалмопению и чтению и конарханию по церковному чину, и учили бы учеников грамоте довольно и силы бы им писания сказывали,... чтобы ученицы ваши все книги учили¹³⁴.

Таким образом, Стоглавый собор стремился исключительно к тому, чтобы ранним поставлением не принять в клир лиц необразованных и неучительных, так как и лиц с определёнными летами (если допустить, что русская церковь строго держалась правила VI Всел. собора), как видно было, не могли воздействовать на пороки паствы, вследствие своей неспособности к учительству и руководству других по своему незнакомству ни с писанием, ни с соборными и святоотеческими правилами. С течением времени, благодаря принятым собором мерам, благодаря, сравнительно, большей образованности духовенства, господствовавшие в обществе пороки и недостатки церковного благочиния стали мало-помалу уничтожаться. От восточных патриархов и от иноземцев, посещавших Россию, слышатся похвалы благочестию и твёрдому исполнению русскими церковных законоположений. Пастыри церкви стали более учительны, некоторые обладают начитанностью и знанием необходимых, по тогдашнему времени, языков латинского и греческого, – и церковь начинает вручать управление паствой людям, недостигшим узаконенного времени. Примеров этого имеется несколько.

Так Никон (впоследствии патриарх) посвящён был во священника при патр. Филарете¹³⁵ на 20 году. „В страшный 1605 год, когда в Московском государстве началась смута, в мае месяце, в селе Вельдемановке, Княгининского уезда, у крестьянина Мины, родился сын, наречённый Никита (стр. 3). Сыскав в одном приходе причетническое место, Никита определился к оному и вскоре к тому же приходу посвящён во иерея на 20 году от рождения¹³⁶ (в 1625 г.). Известный расколоучитель Аввакум поставлен был также ранее узаконенных лет. „Рукоположен, пишет о себе Аввакум, во

диаконы двадесяти лет с годом и по двулетех в попы поставлен, живой в попех восемь лет, а потом совершён в протопопы православными епископы¹³⁷.

В 1666 году подана челобитная соловецких иноков царю Алексею Михайловичу на Архимандрита Варфоломея. В ней говорится, между прочим следующее: „и сия глаголем, великий Государь, паче же молим Богом снабдимую и благочестивую державу твою, не понося ему, – не буди то; но соболезнаем и сострадаем ему, паче же о святей обители, яко присные тоя чады. Виновное же сице рцем: ученик ево, архимандритов, *диакон Макарий юноша сый, ещё не вяцши пятнадцати лет*, в келье у нево, архимандрита, оба пьяни суть и за кую вину мы убо не можем, паче же не хожем рещи, в мале ножем дерзости не сотворил, аще не бы Божия всесильная десница покрыла, сторож, имянем Давид, его, архимандрита, защитил“¹³⁸.

Итак, хотя правила некоторых соборов и точно определили лета членов клира, однако церковь не всегда руководствовалась ими. Цель же издания этих правил, смотря по времени, была различная. В первые времена христианства (до 300 г.), когда крещение совершалось, преимущественно, над взрослыми людьми, была опасность принять в клире человека, не укрепившегося ещё в христианстве; во времена вселенских соборов, когда церковь обуреваема была ересями, необходимо было наблюдать за тем, чтобы посвящаемый всецело и твёрдо был предан православию. В русской церкви и первая, и вторая причины отсутствовали, но, взамен их, появилась новая – неграмотность и невежество низшего духовенства, породившие всевозможные неблагочиния в церкви и пороки в пастве. В настоящее время ничего подобного уже не существует. Крещение совершается теперь тотчас же по рождении и. крещаемый с младенчества воспитывается и возрастает в православии, а лица, готовящиеся к поступлению в клир, с молодых лет обучаются, кроме других наук, закону Божию, толкованию священного писания, святоотеческих творений, соборных правил и вообще тем предметам, которые необходимы пастырю для правильного руководства его паствы, а кроме того обращается строгое внимание и на жизнь

посвящаемого. „Сего мужа (готовящегося к священству) всяким первее опасным истязанием испытавше и достоверными свидетельствами, наипаче духовного его отца о нём уверившеся, посвятили мы во иерея“, говорится в Ставленной грамоте.

Таким образом, те причины, по коим в прежнее время посвящение в клир откладывалось до определённых лет, теперь не существуют и священники, поставленные в молодых летах, поставлены правильно и законно, согласно соборным постановлениям, требовавшим от пастырей *в сущности лишь христианского учительства и правильного руководства других*. Так поступала древняя церковь, так поступает она и в настоящее время; нужно заметить при сём и то, что не всё, что было прежде, может быть приложимо и теперь, ибо „и у древних были некоторые обычаи, исполняемые в церквах, из которых одни с течением времени изменились, а другие и совершенно прекратились, а некоторые запрещены и правилами“¹³⁹; „и многое (по обрядово-канонической, конечно, части) по нужде или по другим побуждениям происходило (и происходит не по правилу церковному“¹⁴⁰.

Н Н

Из записок и дневников

**Тифлов М., свящ. О переселении сектантов
жидовствующих в Палестину // Миссионерское
обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 530–537**

В № 309 газеты «Свет» за 1903 год напечатано: «в Одессе находится несколько партий переселенцев-крестьян из секты «иудействующих» (Тамбовской и смежных с нею губерний). Крестьяне-иудеи эмигрируют в Палестину, где они основывают собственные земельные хозяйства или нанимаются в батраки к колонистам-евреям. Но, в последнее время, наплыв туда работников сильно сократил спрос на труд, и некоторые из крестьян возвращаются теперь обратно из колоний на родину. В канцелярию одесского городского раввина явилось двое таких крестьян – Моисей Вабобулин и Исай Жетенев с просьбой об оказании им помощи для поездки на родину. В Палестину они выехали, не желая работать на фабриках и заводах по субботним дням. Они долгое время проживали в Иерихоне, перебивали почти во всех колониях и теперь, за отсутствием работы, вынуждены были вернуться в Россию».

По поводу этой корреспонденции и для освещения отмеченного в ней явления, считаем не лишним сказать несколько слов о современных жидовствующих в России и их чаянии. Жидовствующих, т. е. русских по крови и языку крестьян, принявших иудейскую или жидовскую веру, не мало в настоящее время в Астраханской, Саратовской, Тамбовской и Оренбургской губерниях, на всём Кавказе и за Кавказом, в земле войска Донского, в Закаспийской и Акмолинской областях, найдутся они и в средней Сибири. Гор. Царицын с посадом Дубовкой и гор. Балашов с сёлами Дурникиным или Кислым, Свинухой и Большой Грязнухой, являются центрами этой секты в Саратовской губернии, гор. Царёв с сёлами Пришибом и Заплавным – в Царёвском уезде и села Солодники, Светлый Яр и Большие Чапурники – в Чериоярском уезде Астраханской губернии. Отказавшись от христианства, эти сектанты отказались от своей русской национальности, русских обычаев, стараются отделаться и от русского языка. Они

приняли веру современных евреев во всей её полноте и вместе с евреями разделяются на талмудистов, принимающих талмуд, и караимов, отвергающих его. Стыдясь своего русского происхождения, они называют себя пришельцами к евреям, за один народ с последними, обрезаются и обрезают детей, празднуют еврейские праздники, носят тифилим и цициц¹⁴¹, стараются копировать евреев и говорят, если не на еврейском жаргоне, то русский язык коверкают на жидовский лад. Вместе с евреями они ненавидят Христа, христианство и всё христианское. В России они считают себя пленниками, Россию называют Ассуром (слово «Ассур» читают обратно), Вавилоном и Гогом, и всё, что пророки изрекли об этих странах и народах, прилагают к России. Сказанное о Гоге читают по венскому и русско-еврейскому изданию библии: Гог, в земле Могог, князь Роса, Мосохо и Тоболо. Это, по мнению сектантов, значит: князь России, Москвы и Тобольска. Мечта их – дожидаться еврейского Мессии, царя-завоевателя, покорить и разграбить языческие, т. е. христианские царства и переселиться в Палестину. Ошибётся тот, кто вздумает положиться на верность жидовствующих русской державе и русскому знамени!

Стремятся жидовствующие в Палестину не потому, что их принуждают работать на заводах и фабриках по субботам, а потому, что они – жидовствующие. Большинство их, как и из сообщения «Света» видно, народ состоятельный, они покупают земли и заводят собственные хозяйства в Палестине. Недостаточные из них идут в батраки к палестинским евреям, но на фабрики и заводы к христианам не идут. И столько жидовствующих переселяется в Палестину, что в Одессе скапливаются целые партии таких переселенцев; а в Палестине предложение превысило спрос на рабочие руки в еврейских колониях, и некоторые из сектантов, не найдя там достаточного заработка, «вынуждены» возвращаться в Россию. Таковы упомянутые в «Свете» Вабобулин и Жетенев. Эти «пришельцы», возвращаясь в «гоимскую» Россию, в Одессе ищут пособия, для чего идут в канцелярию... городского раввина! Они, видите ли, уже не русские, а жида, и для них одесский городской раввин важнее и градоначальника, и генерал-губернатора. И евреи

таких природных русских охотно принимают не только в свою веру, по и в кагал. В Царицыне, в местной синагоге, такой сектант служил кантором. В с. Солодниках, Черноярского уезда, Астраханской губернии, проживают местные крестьяне, природные русские, главные начётчики у жидовствующих, братья Симеон и Димитрий Димитриевы Грачевы, по-уличному Лашкины. Они приняты в жидовство астраханским духовным¹⁴² раввином, причём Симеон получил имя Шмуля, а Димитрий – Аврума. Тот же раввин и венчал их по еврейскому обряду. Того же уезда, села Киселевки крестьянин, родом малоросс, по фамилии Ратиев, повенчан по еврейскому обряду духовным раввином местечка «Нальчик» Терской области, в чём этот раввин и выдал Ратиеву удостоверение на еврейском языке¹⁴³.

И так, что же это за переселение сектантов в Палестину, о котором говорит «Свет»?

Оно – следствие тяготения сектантов к Палестине и ожидания скорого пришествия еврейского Мессии-завоевателя. Всё, что случается в мире, по мнению сектантов, указывает на близость этого пришествия и так или иначе подготавливает для него почву. Жидовствующие в этом непоколебимо уверены. Прорыт Суэцкий канал, теперь роют канал Панамский и это для того, чтобы удобнее и без лишней потери времени, евреи могли собраться к своему Мессии в Палестину. Проведены железные дороги сквозь Альпы, через Балканы до Солуня и Константинополя, через среднюю Азию и Сибирь, по Азии, Африке и Австралии. Это всё у сектантов имеет одно значение: срывают горы, засыпают долины, прямят и ровняют дорогу для собрания евреев в Палестину. Усиление мореходства, усовершенствование типа морских пассажирских судов и вагонов железных дорог имеют в конце концов всё ту же цель. Все старания техники направлены на то, чтобы евреям с большим комфортом и меньшей потерей времени собраться в Палестину, где в Иосафатовой долине будет Мессия судить все народы. Войны между государствами – на руку евреям. Этими войнами «гоимские» царства ослабляют друг друга, чтобы евреям при Мессии легче было покорить их. Все народы, мечтают жидовствующие, должны будут покориться евреям и

быть рабами у них; а евреи будут владеть домами, которых сами не строили, виноградниками, которых сами не сажали, будут сосать груди царских дочерей, и знаменитейшие из гоев рады бы были дать им дочерей своих в наложницы. Непокорные из народов «на ногах своих истаять», т. е. будут перебиты. Жидовствующие – пришельцы к евреям; пришлец – то же, что и туземец (Лев.19:34), пользуется одними с ним правами (Числ.15:16), одним законом (Исх.12:49), причисляется к тому колену, к которому присоединился, так что и земельный надел получает в этом колене (Иез.48:22–23). Жидовствующие не удовлетворяются этим и говорят, что природные евреи виновны в идолопоклонстве и убийстве пророков; а они, сектанты, чисты от этих грехов и кроме того, добровольно приняли завет, следовательно, вправе рассчитывать на лучшее место в Палестине (Ис.56:1–7)¹⁴⁴. Как же им не стремиться в Палестину, чтобы заблаговременно выбрать лучшее место?

В восьмидесятых годах прошлого века астраханские жидовствующие, особенно жители Царёва, Пришиба и Заплавного, со дня на день ждали Мессию; они на базарах обсуждали это, столпившись кучами, и прямо на земле чертили «плант» Палестины и делили её, посылали в Палестину ходоков высмотреть лучшие места. Нам самим приходилось наблюдать, как женщины сектантские готовились в дорогу, напекали сдобных пышек или, по-местному, кокурок, сушили сухари, чтобы быть наготове, когда придёт фарсийский корабль отвезти их в Палестину. В начале девяностых годов солодниковский крестьянин, вышеупомянутый Димитрий, Аврум тож, Димитриев-Грачев, служил в военной службе писарем где-то в Закавказье. Там он составил послание и торжественную песнь, тайно отписнул их, снабдил виньетками и рассылал своим единоверцам. Села Светлого Яра крестьянин Иван Тимофеев Ходырев получил от своего, служившего в г. Баку в военной службе, сына Филиппа письмо и в нём это воззвание и песнь. Песнь написана двухстишиями и представляет акростих, первая буква каждого первого стиха заглавная, а второй стих начинается строчной буквой. Из заглавных букв выходит «Аврум Грачев». На это указывают перстами снизу и сверху

нарисованные кисти рук. Виньетка представляет голубя, несущего масличную ветвь, колодезь со срубом и журавцем, как это бывает в астраханских степях.

Воззвание

Благословен Бог, собирающий народ свой... Израиля ¹⁴⁵.

Многоуважаемые братья-единоверцы! Просим, нет ли чего нового – Ис.43:19; Иер.31:30–32? Сообщите, по поводу этого не получалось ли в пользу нашего народа? ¹⁴⁶ Ну, мы вам сообщаем, что у нас слышно следующее: В Палестине уже много появилось колоний и преимущественно на тех местах, где когда-то в древле стояли города и селения наших предков (Ам.9:14–15; Ис.44:26). И дело идёт очень успешно, и если со вниманием вникать в наблюдение движущихся по поводу этого дел, то можно почти безошибочно сказать, что всё это делается согласно изречённого глагола Вечносуществующего. В Палестине занимаются земледелием, со скорбью очищают поляну от кустарников и распахивают новину (Иер.4:3). Дожди выпадают своевременно и в достаточном количестве (Иез.34:26; Ос.2:33; Зах.8:12). Опытный инженер устроил конно-железную дорогу до первой колонии от этого, при море стоящего, г. Яффы и наводят мнение, чтобы всюду устроить путесообщение (Ис.58:12,49:11,35:8). Детей в школах обучают на древний еврейский язык. Это для той цели, чтобы поуспешнее офундаментировать образ будущей жизни и говорить чистым языком (Соф.3:3). Есть уже и привителю в среде нашего народа (Иер.30:21) барон Гершон, который неутомимо, при помощи Господа, старается обеспечить жизнь своего народа и установил для них общий торжественный праздник в память сооружения колоний, который совпадает в 10-е число которого только месяца, этого уж я не знаю; но наверное и это, по слову Господа, если, только, я не ошибаюсь (Зах.8:6). В конце всего, посылаем всем вам наше почтение и желаем вам – Ис.12:3. Будьте только тверды и не бойтесь (Ис.43:1–5), и имейте в виду этот факт¹⁴⁷, который нас уверяет для того, чтобы нам иметь полную надежду на нашего Творца (Зах.8:6). Ну, я надеюсь и надеюсь на Господа, Который даёт мне твёрдость и научит язык мой, чтобы дать ответ¹⁴⁸. На обороте сего прилагаю вам Песнь моему народу.

Грачев.

Песнь на свободу нашему народу (акrostих)

Ах, как приятно поёт гортань моя, точно лира!
желаю вам благ будущего мира! Ис.12:3
В голове моей звучит словно струна цимбалы.
ну, жалею, что плодов собрал я очень мало! Ис.3:10.
Речь веду я с вами, а о чём, вы знаете и сами:
что получается с израильскими сынами. Втор.32:29–30.
Утешайте, утешайте, говорит Господь, народ Мой. Ис.40:1
вот, он идёт в покой свой. Иер.31:1.
Много лет его притесняют;
но что для самих будет, они не знают. Иои. 4 глава.
Голос ужаса слышен и голос смятенья,
но в нём будет для него спасенье. Иер.30:5–7
Радость воспойте нашему народу, Ис.54:1.
потому, что вижу пленникам свободу. Ис.61:1.
Аставлял Он их, но только до время; Мих.5:2
а теперь привлекает к Себе и любимое племя. Иер.31:2.
Что за грехи свои получил он вдвое; Ис.40:2.
не было у нас вождя и не было героя.¹⁴⁹
Есть теперь же у нас предварительная награда;
так что в Палестине есть сады из винограда. Ос.2:16.
Вполне можно решить, что дождались надежды
остатки завязанные в поле одежды. Иез.5:3¹⁵⁰.

Воззвание это не осталось без действия. Долго совещались и думали сектанты. Тем временем Димитрий, он же Аврум Димитриев Грачев, он же Лашкин, вернулся в с. Солодники и принял непосредственное участие в делах. Его родной брат Симеон, он же Шмуль Димитриев Грачев, главный «равви» местных жидовствующих, от имени своих единоверцев пишет в Париж устроителю еврейских колоний в Палестине барону Ротшильду письмо, где излагает, что их, жидовствующих, принявших еврейскую веру, столько-то семей, занятие их: земледельцы, пастухи, сапожники, портные, плотники, столяры и проч. Все они желают и просят Ротшильда поселить их в

Палестине. На это письмо Семён Грачев получил из Парижа ответ такого содержания:

Париж. 10 июня 1892.

Милостивый Государь!

Согласно вашего письма к барону Ротшильду, спешу сообщить вам от имени г. Ротшильда, что в настоящее время он не думает и не может поселить колонистов в Палестине. Если же вы в состоянии купить земли в Палестине на свои деньги, постараюсь для вас, чтобы вы имели поддержку со стороны Парижа. Пожалуйста не пишите ваши письма по-русски, а лучше по древне-еврейски или на жаргоне; также не обращайтесь письмом к бар. Ротшильду, а прямо ко мне по нижеследующему адресу.

Ваш доброжелатель *И. Любецкий*, раввин.

Адрес: М-г I. Lubetzki Rabbin, 8 rue des Nonnains d'hyeris.
Paris.

И вот, через доверенного барона Ротшильда, раввина И. Любецкого, получая «поддержку со стороны Парижа», конечно, от Всеобщего Израильского Союза и франкмасонства столь могущественного и в правящих сферах Франции, наши жидовствующие целыми партиями и переселяются в Палестину, где покупают земельные участки и заводят собственные хозяйства, бедняки же нанимаются в батраки к евреям или же, не находя заработка, возвращаются в Россию.

Священник *Михаил Тифлов*

И. Н. Правда о графе Толстом // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 538–548

(Черты к его характеристике).

Пушкин в своём «Моцарт и Сальери» выражал сомнение – совместимы ли «гений и злодейство»?.. Он вспоминал при этом Буонаротти, – и опять брало его раздумье, и он прибавлял:

«Иль это сказка тупой, бессмысленной толпы,

И не был убийцею строитель Ватикана»?..

Будучи сам величайшим гением, добросердечный поэт наш не допускал, даже и в мыслях своих, такого ужасного совместительства. Между тем, стоило бы только поэту перенестись мыслью на один из скалистых островов Атлантического океана, – и он бы убедился, что «гений и злодейство» – вещи совместимые: там лежал (в то время), «зарытый врагами в сыпучий песок», прах одного из несомненных гениев и, в то же время, одного из несомненных «злодеев» конца XVIII и начала XIX века – императора Наполеона, который, будучи в Египте, учинял бесчисленные и совершенно ненужные злодейства над безоружными арабами; который расстрелял, потом, ни в чем неповинного герцога Энгиенского и расстреливал массами русских крестьян, принимая их за «врагов» и поджигателей...

В настоящее время, почти целое столетие отделяет нас от кровавой деятельности этого величайшего гения и «злодея»... Но в то же время, мы присутствуем при ином, столь же необычайном психологическом зрелище, – когда являются вполне «совместимыми» *гений и лицемерие*... Один из величайших писателей нашего времени, признанный за такового всеми цивилизованными народами старого и нового света, является в то же время, – как ни прискорбно это! – и величайшим лицемером. Речь идёт о графе Л. Н. Толстом, давшем столько доказательств этого непохвального чувства, что едва ли следует замалчивать его поступки, недостойные его гения и его славы. Мы позволим себе указать на несколько случаев, особенно характерных.

Обратите внимание на «приёмы» у графа – в Ясной Поляне и в Москве. Если к нему является какой-нибудь «знатный иностранец,» – будь это даже простой пастор, или репортёр какой-нибудь *распространённой* американской или английской газеты, будь это даже мормон, – двери для него открыты, и его встречает «самый радушный приём»... Но – увы! – далеко не всегда такой же приём выпадает на долю соотечественников графа... Стоит вспомнить хоть бы тот странный «приём», который, напр., встретил когда-то в Ясной Поляне несчастный Гаршин: покойный, мучимый уже психическим недугом, долго потом блуждал *около* графской усадьбы, пока добрался наконец до станции Ясенки и до вокзала железной дороги...

Или, напр., такой факт – даже несколько курьёзный и смешной, слышанный нами очень недавно от одной из живых свидетельниц события.

– Взяли мы экипаж в Ясенках и подъезжаем к Ясной Поляне. Кончился лесок и начались, справа и слева, поля... Вдруг ямщик оборачивается с козел к нам и спрашивает: – «А вы, господа, давали графу телеграмму, ай нет, что вы выезжаете?»

Мы отвечаем, что нет, не телеграфировали, находя это совсем лишним.

– Жаль, право жаль, – проговорил ямщик.

– Почему же это «жаль»? – полюбопытствовала я.

– Да ведь тогда бы вас граф-то с *сохой встретил*.

– Как так, с сохой? – спросили мы, не понимая, в чём дело.

– А так вот, очинно просто: он, значит, впряг бы лошадь в соху, выехал бы на поле, – и стал бы вот тут где-нибудь, по близости от дороги, борозду вести – пахать, значит... Он часто так господ встречает...

А вот ещё рассказ, относящийся к разряду Яснополянских курьёзов.

После занятий сапожным ремеслом, кладкой печей и пахоты, пришла в голову графу новая блажь – сделаться пастухом. Это случилось лет семь-восемь тому назад. Приходят к нему весной, «перед Егорием» ¹⁵¹, старики из Ясной Поляны –

условиться на счёт предстоящей пастьбы скота, – а он их и спрашивает:

– А что, мужички, вы уже наняли пастуха, или нет?

– Никак нет, ваше сиятельство, отвечают ему, – ещё не наняли.

– Так знаете ли что, говорит: не нанимайте его; – я сам хочу послужить вам: буду пасти, – и ничего с вас за это не возьму.

Мужики переглянулись между собой, думают: – Что ж, коли пришла ему такая блажь, пускай пасёт; по крайней мере, не надо платить ничего; а даровому коню в зубы не глядят.

– Очинно благодарны, ваше сиятельство, – отвечают: – паси с Богом!..

* * *

«Хорошо. На другой же день, рано утром, и начал наш граф свою новую службу... Вечером, в своё время, пригнал коров... Ничего... На другой день, на третий – тоже: встанет чуть свет, идёт по деревне, в рожок играет, приговаривает:

«Выгоняйте вы скотину

Во широкую долину»...

Только, однако, ненадолго хватило охоты у нашего графа-пастуха коров пасти; стал выгонять стадо поздно, пригонять рано... Бабы воем воют: молока, говорят, на половину убавилось, потому, – скотина не наедается досыта: солнце-то давно взойдёт, а коровы в хлевах стоят, ревут, голодные... Опять тоже и вечером: солнышко ещё не закатилось, а уж он гонит их домой, в деревню...

Мужики собрались на сходку, потолковали между собой, да и решили, – идти к графу, просить его: или пасти как следует, или совсем бросить это неподходящее ему дело.

И вот, на другой день, как только взошло солнышко, старики отправились к графу. Пришли на барский двор, подошли к крыльцу, а им навстречу лакей.

– Что, говорит, вам, старички, нужно?

– Так-и-так, говорят: очинно желаем самого Льва Миколаича повидать.

– Никак, говорить, сейчас невозможно: он кофей кушает... Я, впрочем, ему доложу.

Пошёл – доложил. Граф не заставил мужиков ждать, – вышел в скорости.

– Что, спрашивает, вам нужно, старички?

– Да так-и-так, ваше сиятельство: на-счёт стада пришли... Очинно уж нам обидно... Потому – бабы нас совсем загрызли, велят пастуха нанимать – *настоящего*... Говорят: коровы молоко истеряли – не наедаются до-сыта... Больно поздно выгоняете их, ваше сиятельство, а рано пригоняете...

Но тут произошло нечто необыкновенное: граф снял с головы шляпу, поклонился старикам в землю и проговорил:

– Простите меня, старички, Христа ради! виноват я перед вами: тяжело мне и не под силу это дело... Наймите себе кого другого в пастухи.

– Ничего, Бог простит, Лев Миколаич! – отвечали мужики, – и в тот же день пригласили прежнего пастуха, отставного солдата...

Насколько вышеприведённый рассказ верен, мы не знаем и не ручаемся. Но нам довелось слышать его не раз: слышали мы эту курьёзную историю и в Тульской губернии, почти на месте, так-сказать, самого, события, слышали его и здесь, в Петербурге, от лица интеллигентного и заслуживающего полного доверия.

А вот, напр., ещё один рассказ – из сферы той же неискренности и лицемерия. Но только это не «рассказ», а общеизвестный факт, слышанный нами в то время, когда он произошёл, и очень недавно ещё раз повторенный нам во всех своих прискорбных подробностях, – покойным В. Л. Величко.

История эта произошла, так-сказать, на глазах петербургской пишущей интеллигенции и заключается в следующем.

Написал граф Л. Н. «сочинение» самого занозистого свойства и стал его, по своему обыкновению, кой-кому почитывать. Все, конечно, хвалили и приходили в восторг и умиление... Прочёл своё «сочинение» Л. Н. и г-ну Диллону, известному знатоку России, англичанину, переводчику на английский язык многих замечательных произведений русских авторов. Понравилось «сочинение» и г. Диллону, который и

попросил разрешения перевести его на английский язык. Разрешение было дано. Сделав перевод, Диллон вновь посетил графа Толстого и прочитал ему весь английский текст. Граф одобрил перевод, находя, что он вполне передаёт смысл подлинника и дал своё согласие на напечатание перевода в Англии, в том именно журнале, где Диллон состоял постоянным сотрудником. И вот, появляется «сочинение» графа Толстого в Англии – и производит сенсацию... Попадает оно, затем, на том же английском языке, и в Россию...¹⁵² В известных официальных сферах Петербурга «сочинение» гр. Толстого произвело не только сенсацию, но и в некотором роде тревогу... Явилось совершенно основательное опасение, что это «сочинение», будучи ещё раз переведено – и уже с английского на русский язык, – может смутить слабые умы многих шатких людей... Выражалось даже сомнение – имеются ли в русском подлиннике те резкие хулы и порицания самых священных понятий для русского человека, которые имелись в английском тексте?.. Положение являлось столь серьёзным, что для графа Толстого становилось необходимым дать прямой и честный ответ – действительно ли имеются в его «сочинении» те резкие выходки, которые вошли в английский текст, или же это не более как непозволительная «игра ума» самого переводчика?.. И вдруг, в том английском журнале, где было напечатано «сочинение» графа, появилось, на английском же, конечно, языке, «письмо» одного из близких к нему лиц, где утверждалось самым положительным образом, что все резкие выходки и возмутительные фразы, имеющиеся в английском тексте, присочинены самим переводчиком, г. Диллоном...

Для честного и даровитого литературного труженика, каким был г. Диллон, это обвинение являлось громовым ударом, раздавшимся с ясного и безоблачного неба, – ударом, вдобавок, убивавшим его нравственно и даже материально... Его немедленно пригласили в редакцию для объяснений (он был в это время в Лондоне) и потребовали, чтобы он оправдался... Диллон обещал взять от графа Толстого удостоверение, что его перевод *тождествен* с подлинником, – и напечатать это удостоверение в журнале, и тотчас же телеграфировал, а затем

и написал графу в Москву, где он в то время проживал, прося выслать поскорее желаемое письмо. Ответа, однако, не последовало – ни на телеграмму, ни на письмо... Диллон послал телеграмму ещё раз, с оплаченным уже ответом, но результат был тот же: гробовое молчание... Тогда Диллон, спасая своё доброе имя и литературную репутацию, едет из Лондона в Россию, телеграфирует из Петербурга в Москву, что он едет нарочно к графу и убедительно просит' его принять; приезжает, наконец, в Москву, спешить в Долго-Хамовнический переулок, приезжает, посылает свою карточку, – но... лакей графа объясняет гостю, что *«граф принять его не может»*... Почему, – лакей не объяснил: очень ли занят был его барин, или нездоровилось ему, – неизвестно...

Благородный Диллон, сильно смущённый и озадаченный, уехал, и потом приезжал в дом графини Толстой (дом на имя супруги графа) ещё два раза, – и каждый раз получал тот же лаконический ответ: *«граф принять вас не может»*... После третьего отказа, Диллон приехал прямо в квартиру одного известного литератора, в Москве же, вошёл в его кабинет, упал на диван и горько и неудержимо зарыдал, проговорив сквозь слезы:

– Боже мой! что он со мной наделал!.. я опозорен теперь – я явлюсь лгуном в глазах редакции и всего света!..

Выше рассказанный случай произошёл, как известно, в царствование «тишайшего царя» Александра Александровича. В то же царствование, но только немного раньше, произошёл и ещё один случай... Когда граф сочинил свою «Крейцерову сонату», а цензура печатать её не дозволила, и она начала ходить в публике в литографированных оттисках, которые, конечно, никакого барыша и дохода автору не приносили, то его практическая супруга, графиня С. А., будучи в то время в Петербурге, удостоилась, через свою родственницу, гр. А. А. Т., личного приёма у Государя, который изволил её не только принять, но и благосклонно беседовать с нею, расспрашивая о самом графе и его литературных трудах. Графиня выразила сетование, что «цензура в Москве очень строга», – что, напр., «Крейцерова соната» не допущена даже в полное собрание

сочинений Л. Н... Государь, благодушно выслушав графиню, изволил дать ей своё личное дозволение на напечатание и этой «сонаты». Но как же воспользовалась графиня этой высокой милостью, которая, понятно, стала тотчас известна не только в Петербурге, но и в Москве, и именно тем лицам, от которых зависело снять наложенное на «Крейцерову сонату» veto?.. А вот как. Несколько недель спустя, вышло в свет полное собрание сочинений графа Толстого со включением и «сонаты»; но – в то же самое время, эта соната была отпечатана и выпущена на книжный рынок в количестве нескольких десятков тысяч экземпляров, – на что дозволение даваемо не было...

Противники всяческого житейского притворства и лицемерия, читая огнеустные памфлеты графа о раздаче имущества нищим, громящие роскошь богатых и их равнодушное отношение к беднякам, всегда немножко недоумевали, – почему же врач не исцелится сам: почему граф не раздаст своё миллионное состояние, нажитое его предками¹⁵³, нищим, – оставив себе и своей семье, «на пропитание», хотя бы один лишь тот, весьма, впрочем, значительный, доход, который он получает от издания своих сочинений и гонорара за театральные пьесы?..

Но и тут явилось на помощь лицемерие... Поклонники и поклонницы графа сообщали в газетах, что Толстой давно уже роздал бы всё бедным (как он и раздавал раньше, при посещении ночлежных домов в Москве, на Хитровке, всю мелочь, случавшуюся у него в кошельке), но что этому мешает семья, забравшая всё в руки и ограничившая расточительство своего главы... Какие, подумаешь, противоречия, невыносимые для сердца, и какая путаница понятий, невыносимая для ума!.. Признаётся несомненный *гений* человека – и, в то же время, объявляется его *неправоспособность* распорядиться своим имуществом, словно он душевно больной, не находящийся в здравом уме и твёрдой памяти!..

А жалкая история, проделанная с кавказскими духоборами, переселившимися в Америку!.. Они, как известно, обратились к графу за материальной помощью... Кажется, чего бы проще: приказать своей «конторе» выдать просителям пять, или десять

тысяч (для крупного состояния графа, – это безразлично), или, наконец, предложить любому книжнику новое издание своих сочинений, и деньги тотчас были бы готовы... Но – увы! – происходит нечто довольно странное: Маркс в «Ниве» печатает роман «Воскресение» (с пропуском, конечно, некоторых богохульственных глав, где автор кощунствует над таинством евхаристии и другими обрядами православной церкви), уплачивает автору несколько тысяч, деньги поступают в пользу духовоборов; но тут, вдруг, случается совсем неожиданный инцидент: роман появляется, одновременно, и в нескольких других изданиях... Маркс протестует: «Я, говорит, уплатил графу десять тысяч, рассчитывая, что его роман поднимет подписку «Нивы» и я ворочу затраченную сумму десятицей; и вдруг, роман появляется и в *других* еженедельных изданиях». А хозяева этих изданий отвечают: «Мы перепечатываем роман в силу сделанного графом Л. Н. Толстым в России и за границей объявления, предоставляющего полное право, всем и каждому, перепечатывать и издавать, gratis, всё, что выходит из-под его пера»... Не подействовало, при этом, и увещание самого автора романа, приглашавшего издателей воздержаться от перепечатания романа: – ему ответили:

– Извините! что дарят – то назад не отбирают...

* * *

Всё, что выше написано, сделано не с целью умалять несомненный дар Божий – великий дар! – ниспосланный на графа Л. Толстого; и было бы, просто, грубо и нелепо отрицать его гений... Нет! мы только протестуем против «лицемерия», идущего, в некоторых случаях, рука об руку с гением. Как могут эти вещи совмещаться между собой, – это, конечно, *иной* вопрос, не разрешённый Пушкиным и едва ли разрешимый нашими отечественными психологами и философами позднейшей формации... Настоящую статью мы решили написать вот по какому поводу, глубоко возмущившему нас и давшему нам, так сказать, толчок к этой статье.

На-днях, нам довелось прочесть в газетах о следующем событии. Уральские казаки, отец и сын Л-ины, прочли в газете «Уралец» известие о переписке графа Л. Толстого с одним

индусом, который, между прочим, писал графу: «По нашему мнению, истинное учение Христа не расходится с нашей верой и нашей философией. Истинный христианин есть индус во многих отношениях, а настоящий индус – христианин по существу».

Слова в письме индуса: «истинное учение Христа» и «истинный христианин» были настоящим откровением для Л-ых: они поняли, что «истинное христианство» находится в Индии, что там-то именно и обретается то самое христианство, которое давно уже отыскивается старообрядцами, именуемое ими «сокровенным Беловодским царством»... И вот, Л-ины отправляются сами в Ясную Поляну, чтобы взять «маршрут» у Л. Н., и в конце февраля минувшего года прибыли к цели своего путешествия. Граф был в это время сильно болен и к нему никого не допускали... Далее, находим более интересным привести здесь буквальный рассказ Л-ых, довольно бесхитростный и правдивый и, вдобавок, полный здравого смысла и ясного взгляда на вещи и понимания.

– «Нельзя ли, говорим, будет доложить графу: уральские, дескать, казаки приехали издалека – по важнейшему делу...

Граф тотчас же нас принял, и так душевно, с такой радостью, ровно близких родных после долгой разлуки... Как здоровый, поднялся с постели, схватил меня (говорит старик-отец) за руку и усадил с собой на кровать, стал расспрашивать, а у самого на глазах слёзы (?)...». Личность гр. Толстого произвела на казаков сильное впечатление.

«Таких людей мы с роду не видали, – объясняли они; – больно душевный человек?... Жалко, что нам мало пришлось с ним говорить: супруга графа несколько раз нам говорила: «Вы, казачки, его не утруждайте: ему вредно много говорить – очень слаб».

Затем, старший Л-ин стал объяснять цель своего посещения: он говорил о религиозных нуждах старообрядцев, о неимении истинного священства, о епископе Аркадии, о Беловодском царстве, о бесплодных поисках этого царства и, наконец, о переписке графа с индусом, которая дала им, Л-ым, мысль отправиться к графу. Во время этих объяснений, Л. Н.

обратил внимание на длинные волосы старшего Л-ина (отца) и спросил его:

– А ты, должно быть, там у себя попом?

Тот подтвердил догадку графа.

– «И что же вы думаете, он мне на это сказал? – изумлялся и даже приходил в ужас старик Л-ин, рассказывая сотруднику «Уральца» о своём разговоре с Толстым: – Это, говорит, *теперь лишнее*; этого, говорит, *теперь совсем не надо*»... Это – священников-то не надо!.. «Ведь этакого большого ума человек, а какую несуразную вещь сказал»!..¹⁵⁴.

Вот как относятся простые, тёмные люди к «несуразным» сентенциям яснополянского философа!.. Прирождённый русскому человеку *здравый смысл* спасает его от восприятия «несуразных» плевел, рассеиваемых гр. Л. Толстым. Они рассуждают – и совершенно здраво – таким образом: «Великий он и «большого ума человек», а всё-таки верить ему во многом не приходится»!.. Да, простому русскому человеку не так-то легко напустить туману, как в аристократических гостиных... где «известность и мода нужна», по словам поэта.

А вот, напр., ещё одна чёрточка – из тех же мнений о графе Толстом простых, тёмных людей.

Сотрудник «Нижегор. Листка» беседовал недавно о графе с стариками беспоповщинской секты.

– «Читали ли вы Толстого? – спросил он у хозяина дома.

– Как же! у нас книжки есть... Умный старик!..

– И согласны вы с ним?

Лица седобородых стариков сделались серьёзны, разговор смолк. Все ждали, что скажет хозяин.

– Толстой великий ум, – внушительно заговорил хозяин; только неправ он в одном... Писания великих, древних отцов отвергает... Да! *помыслить страшно*... Он отвергает, – *и это нам претит*... И видим мы заблуждение его и погибель, и жалеем – зачем он не с нами?!...»¹⁵⁵.

Достаточно, полагаем, и этих двух примеров, взятых из первых, прочитанных нами, за последние две недели, газет, чтобы утвердительно сказать, что в наш простой народ никогда не проникнут «несуразности» и «заблуждения» графа Толстого;

а если и проникнут, то всегда будут отринуты – с изумлением и негодованием. «Здравый смысл» русского народа – это самая величайшая его сила. Сорок три года тому назад, когда совершалось освобождение нескольких миллионов крестьян от крепостной зависимости, и враги России – внешние и внутренние – мнили воспользоваться этим историческим событием, чтобы произвести у нас смуту и бунты, – им это, однако, не удалось, и все, кто знал Россию и любил её, были уверены заранее, что это и не удастся: «Полагаемся на здравый смысл русского народа», говорилось в знаменитом манифесте 19-го февраля 1861 года... Граф Л. Толстой, при всём своём обширном уме, отказывается, по-видимому, постигнуть смысл этих великих слов...

И. Н.

Зубарев Е., свящ. Из воспоминаний миссионера //
Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 549–
557

(По поводу пятнадцатилетия по кончине о. протоиерея С. Н. Кашменского).

28 января 1904 года исполнилось 15 лет со дня кончины приснопамятного о. Стефана Никифоровича Кашменского, вятского кафедрального протоиерея и миссионера. Давно ли, кажется, мы, ученики его, рыли для него могилу, оплакивали его утрату, и вот, прошло уже 15 лет после того! После смерти о. Стефана, мы рассеялись по лицу земли русской. Большие с нами произошли перемены; но благодарная память к учителю у всех нас общая, неизменная. Каждый из нас живо помнит своё училище благочестия, его основателя и своего учителя. Кашменское начётчество прежде всего отличается благочестием. Все старые ученики о. Кашменского отличаются убеждённою в деле миссии и простотою образа жизни и потому имеют неотразимое влияние на простой народ. Начётчики школы о. Кашменского сравнительно не скудны и общими познаниями. В школе, кроме начетчества, нами приобретались кое-какие и общеобразовательные знания; все мы знаем от русского правописания до чтения по-гречески, хотя и не все в равных степенях. А при начетчестве по старинным книгам, мы знакомились прежде всего со священным писанием, изучали закон Божий, катехизис, литургику и проч.

Я слишком рано услышал в своей среде (раскольничьей, – дер. Костины, Вят. у.) имя отца протоиерея Стефана Кашменского. В половине 80-х годов прошлого столетия умы вятских беспоповцев сильно были взволнованы апостольскою проповедью о. протоиерея.

Я тогда только стал размышлять о вере. Один из 4-х братьев Петуховых «законников», Василий Федоров, способнее и добросовестнее других и более начитанный, в конце 1884 или начале 1885 года присоединился к св. церкви. А какую силу имели на «собраниях» эти законники! Никто без них не решал

никаких вопросов о вере и старообрядческой жизни. И внезапно «законник» сделался «мирским»! Алексей Федоров Петухов (брат присоединившегося), самый рьяный раскольник (перешедший потом в австрийскую секту), – был на мельнице вместе с своим сыном Иваном. Вдруг прибегает к нему его жена с криком и воплем: «ой, беда случилась! Василий-то перешёл в мирскую веру»! – Вот беда какая, – возразил сын Иван, – я думал – пожар или что такое; я сам перейду в православную веру». Алексей Федоров стоял в это время у ларя и щупал тремя пальцами левой руки¹⁵⁶ горячую муку, сыплющуюся из-под жерновов. Как выхватит он правой рукой из станка «подлегчину»¹⁵⁷, да и ну крестить ею сына, приговаривая: «вот тебе. некощной»¹⁵⁸, православная вера»! Долго ходила по Ивану подлегчина, пока он, наконец, не успел выскочить из мельницы. Зато Иван, окрещённый «подлегчиной», и громил потом раскол несколько лет. Он с семейством своим присоединился к православию в 1899 году, вместе с другими беспоповцами. Младший сын Алексея Фёдорова, Василий Алексеев, тоже присоединился к православию. Иван Алексеев, а особенно его дядя, Василий Здоров – первые двигатели вятских беспоповцев в православие.

В начале 1885 года о. протоиерей Кашменский распорядился устроить беседу в дер. Костины со старообрядцами, послав туда своих лучших учеников. «Законники» – крестьяне этой деревни. Беседа продолжалась подряд несколько дней; на ней были лучшие представители старообрядчества. При входе Василия Фёдорова, старообрядцы перешёптывались: «оборотень идёт»! Но лишь только кто-нибудь из грамотеев вставит своё слово или извержет укоризну на св. церковь, Василий Фёдоров сейчас же его обрежет, необинуясь: «полно тебе, я побольше твоего-то знаю»! – «Кому вы верите и на кого вы уповаете? – говорил он старообрядцам. – Я верю не людям, а Христу Спасу. Вот его непреложные словеса», – и читает, как всегда, на память. Впечатление получалось поразительное. Никогда я этого не забуду! Он на беседе несравненно больше имел влияния на старообрядцев, чем ученики о. протоиерея: но и он был давно уже его тайным

учеником. С этих пор старообрядцы стали усиленно делать «собрания» специально для решения вопросов о вере (ибо иногда делали собрания для решения вопросов о родственных степенях при заключении браков, о перебое невесты одним женихом у другого и т. п.).

Теперь Василий Фёдоров уже покойный. Царство небесное славному борцу за веру православную. Он первый вождь вятских беспоповцев от тьмы к свету. Он не раз мне говаривал о школе «в соборных домах», т. е. о школе о. протоиерея, и я познакомился затем с о. протоиереем и духовно переродился. Это памятно для меня на всю жизнь.

Не могу теперь не вспомнить о нашей школе. К 1 октября 1887 г. мы – все ученики – были в сборе; дня через два–три вошли в свою жизнь. Некоторым, желающим поступить в школу, было отказано, по их малоспособности и по недостатку мест и средств для обучения. Принято было всего 20 человек¹⁵⁹. Один (Кирилов) допущен был в школу на своё иждивение. Я был принят в виде исключения и некоторое время тоже жил на свои средства, хотя мне значительно помогал сам о. протоиерей.

Штатные ученики получали по 6 руб. в месяц и ещё прогоны вперёд и обратно по 3 коп. за версту от Вятки до своего приходского храма. Средства изысканы были самим о. протоиереем¹⁶⁰. О. протоиерей ежедневно являлся к нам в школу на уроки. Ему помогал по преподаванию русского языка, арифметики и пения сын его Михаил Степанович Кашменский; он занимался с нами по вечерам, а иногда и после обеда. Обличение раскола преподавалось по «Руководству» о. протоиерея; но преподавание одним «Руководством» не ограничивалось: сам о. протоиерей был для нас живым руководством. Под его руководством мы вели примерные беседы между собой: один за раскольника, другой за православного; под руками у нас были все необходимые для этого старопечатные книги. О. протоиерей посылал нас на беседы со старообрядцами; причём требовал записки этих бесед и делал на них свои замечания, указывая недостатки. Жилось нам и училось хорошо в школе о. протоиерея. Здание школы деревянное, двухэтажное; стоит оно на крутом берегу р.

Вятки, в церковной ограде кафедрального собора; пожертвовано для школы покойным преосв. Аполлосом. Мы помещались в нижнем этаже школы.

Из верхнего этажа, класса, открывается живописный вид через р. Вятку на луга и леса. Любуясь этим видом, о. протоиерей не раз говаривал слова пророка Давида: *вся премудростию сотворил еси!* Утром, по первому удару колокола в соборе, в 5 часов, мы вставали и шли в собор к утрени, а затем, в 6 часов, спускались вниз – в печерскую церковь, устроенную о. протоиереем, – к ранней литургии, к которой почти ежедневно являлся сам о. протоиерей. Здесь мы читали и пели. В 8 часов пили чай с вятским «ярушником» (булкой из овсяной муки), который составлял почти всю нашу пищу, и отправлялись в класс – наверх, ожидая о. протоиерея. По прибытии его, пели «Царю небесный», подходили под благословение и садились по местам. Начиналось занятие. Дело не ограничивалось ответами одних уроков, а шла живая беседа. Случалось, что о. протоиерей всех переспросит, пока получит надлежащий ответ. Но мы никогда не видели о. протоиерея раздражённым, вышедшим из себя и не в духе, и никогда не слышали от него оскорбительных слов. Ни о каком дисциплинарном взыскании не могло быть и речи, почему и вели себя все с подобающим приличием. Все мы были единомысленны и связаны общей любовью к «о. протоиерею» и, по возможности, между собой. Между нами не было ни пьющих водку, ни курящих табак. Беседы о. протоиерея с нами продолжались не всегда одинаковое время. В бедах он учил нас не отчаиваться; среди злонамеренных крикунов-раскольников во время беседы не унывать, а уповать на Господа, что слова Его, провозвещённые врагам Его, сделают своё дело. То и другое он подтверждал многочисленными примерами из своей жизни и деятельности. После учения мы пели: «Достойно есть» и «Благочестивейшего, Самодержавнейшего» с присовокуплением: «и Благоверного Государя, Великого Князя Сергия Александровича», покровителя нашей школы: подходили под благословение к о. протоиерею и к часу, к двум, а иногда и к трём, сходили вниз, в своё помещение и

принимались за чай с «ярушниками». Некоторые, более хозяйственные, варили себе щи, похлёбку или суп. В 4 часа пополудни шли в собор к вечерне, по усердию. Вечером, в 9 часов, обязательно все собирались в помещение и читали вечерние молитвы, после которых желающие занимались в классе, кому сколько угодно. На каждый день у нас был назначаем дежурный ученик, который убирал помещение и класс, топил печь, ставил самовар и т. п.; причём нанять за себя дежурного стоило 3 коп. и были охотники дежурить за это вознаграждение! Почти у всех оставалось сбережение от ежемесячного шести рублёвого жалования. Нередко посещали нас старообрядцы, а также посещали и мы их. Но частными беседами наша миссия против раскола не ограничивалась. По осени о. протоиерей послал меня и Романа Кормщикова на беседы со старообрядцами, моими родственниками, в Быстрицкий и Бахтинский приходы. В Быстрицком приходе мы беседовали в приходском храме и в некоторых деревнях. Местный причт был очень доволен нашими беседами и даже удивлялся скорости воспринятых нами сведений и их практическому применению к делу. В Бахтинском приходе мы вели беседу в Троицком волостном правлении, при дер. Костины. Здесь против меня выступил, последний раз в своей жизни, дядюшка «постник» Леонтий Евстафьевич Петухов (покойный в начале 1889 г.). Все его возражения сводились к самооправданию, что неужели, мол, Господь за соблюдение Его заповедей, под которыми он разумел свои пощения и многочисленные «каноны», пошлёт его в геенну. Причём у меня врезалось в память его характерное возражение по поводу недоуменных для него вопросов: «мы не учились *в консистории* по десяти лет!» Против необходимости священства и таинств, он не только не возражал, но и болезненно вздыхал о них перед всеми. Но говорил: «где их взять?» Но вот, под вечер, явился на беседу с своей мельницы «законник» Алексей Фёдоров Петухов и старался испортить дело своим криком и лукавством. Но явился несколько позднее и его брат, приснопамятный Василий Фёдоров Петухов, и помог нам изобличить лукавство его брата.

На Рождественские святки осталось нас в школе не более 4–5 человек, а прочие все отправились домой. О. протоиерей и на святках не раз посещал наше помещение, спрашивал о нашем здоровье, не скучаем ли мы и проч. В это время я писал послания своим родным и знакомым. Свои сочинения я представлял на благоусмотрение о. протоиерея, и он делал в них свои поправки¹⁶¹.

Будучи всецело преданы своему делу, мы не заметили, как прошла зима и наступил экзамен. Накануне экзамена, вечером, о. протоиерей долго с нами занимался. На экзамене, кроме ответов по билетам, нами были произведены примерные собеседования православного с раскольникником на разные темы. Причём возражение со стороны раскольника делал и преподаватель духовной семинарии (впоследствии, после смерти о. протоиерея, наш уважаемый учитель) Александр Иванович Одоев. «По окончании испытаний (как говорится в отчёте), о. председатель Совета Братства, кафедральный протоиерей Стефан Н. Кашменский объявил, что из процентов с особого неприкосновенного капитала, назначаемых ежегодно в награду лучшему ученику Вятской Братской школы, денежная награда в настоящем году: *четыренадцать* рублей *двадцать четыре* коп., назначается Ефиму Зубареву». Другим лучшим ученикам после экзамена преосвященным Сергием от Совета Братства были собственноручно выданы в награду: Кириллова книга, два экземпляра Большого Катехизиса, Собрание сочинений о. архим. Павла в двух частях (изд. 1883 г.). А всем вообще о. ректор Вятской духовной семинарии, прот. Н. А. Попов, подарил по экземпляру своей «История Ветхого и Нового Завета».



После экзамена я отправился в Москву и Киев. Цель путешествия была не только паломническая, но и ученически-миссионерская. Я познакомился с приснопамятным о. арх. Павлом, долго гостил у него и после смерти о. протоиерея совсем переехал в Москву. О. Протоиерей Стефан Никифорович Кашменский и матушка Екатерина Петровна (супруга о. протоиерея) снабдили меня нужнейшими на дорогу средствами, словно любящие родители позаботились о своём сыне. «Путешествие в Киев и путевые заметки против, так называемых, старообрядцев» – моя первая статья, исправленная самим приснопамятным учителем о. протоиереем, напечатана была в «Вятских Епархиальных Ведомостях» за 1888 (№№ 19 и 20) и 1889 гг. (№№ 1 и 2).

После моего путешествия в следующий учебный год о. протоиерей был в школе, кажется, всего один раз. Он занемог с 1 октября; хотя 2 октября он сам ещё присоединил к св. церкви моего брата Иакова, а 7 октября, в день ангела преосв. Сергия, участвовал в богослужении в Крестовой церкви. Он ещё не лежал в постели: он приготавливал к печати своё «Подробное руководство». Где этот его труд и что с ним стало. – ничего неизвестно. 7 ноября о. протоиерей командировал меня с одним из сотоварищей моих Н. Чарушниковым – на беседу с раскольниками в Быстрицкий приход, а 13 ноября послал меня с этой целью с его сыном и П. Созонтовым в деревню Костины.

Болезнь о. протоиерея шла к исходу души. Не раз приходил исповедывать его и приобщать св. Таин его ученик, иеромонах

Успенского монастыря, о. Трифон. С учениками школы занимался Михаил Степанович Кашменский, а иногда и я.

28 января я отправился с одним сотоварищем в больницу посетить своего больного друга (ученика же школы). Через час после этого, когда мы возвращались, встретил нас наш соученик Чаругаников, весь в слезах, с известием, что о. протоиерей скончался. В ограде церковной встретил нас старый соборный пономарь с воплем: «отец протопоп-то умер»! Духовенство и мы, ученики, немедленно собрались в дом покойного. Началась панихида. Все присутствовавшие на ней плакали. После панихиды началось чтение Евангелия. Я не выходил из квартиры усопшего всю ночь и читал Евангелие в промежутки между чтениями духовенства и только на второй день известил письмом о. архим. Павла прусского о кончине о. протоиерея. Кто позволил нам, мирянам, читать Евангелие по усопшем о. протоиерее, не знаю; но по выносе тела усопшего в собор, мы, ученики, всю ночь одни читали св. Евангелие, под 31 число января. Могилу для усопшего вырыли мы – ученики о. протоиерея, мы же его и зарыли. Велика была наша скорбь! Но мы уповали оживить в самих себе дело покойного, потому что были уверены, что он дело Господне делал. В этот же день, день скорби и сетования, я встретил свою двоюродную сестру и привёл её в св. церковь. После неё и братья её и сёстры присоединились к св. церкви. Раньше этого присоединились ко св. церкви и мои братья: родной и двоюродные, со всеми их семействами. После их присоединения, другие мои родственники и знакомые отреклись от раскола (в 1899 году) и образовали целый единоверческий приход, хотя и до сих пор ещё нестроенный...

В день погребения о. протоиерея, вечером, после властей, Михаил Степанович Кашменский пригласил нас в дом помянуть усопшего; и мы пропели о. протоиерею вечную память...

Теперь уже минуло пятнадцать лет, как скончался ревнитель противо-раскольнической миссии. Братья миссионеры! помолимся о священно-протоиерее Стефане. Мы знаем, что *плоды разума его верны (Сир.37:26) и имя его живо будет во всех (Сир.37:29).*

Священник *Е. Зубарев*

Базарянинов О сектантской музыке //
Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 558–
559

Сектантство русское довольно уже изучено. Штунда и молоканство, духоборчество, даже скопчество и хлыстовщина достаточно известны, как со стороны своего вероучения и обличения его, так и со стороны своего культа и быта. Но есть одна сторона дела, совершенно заброшенная и игнорируемая – это сектантская религиозная музыка. Может быть среди деятелей миссии и вообще лиц, близко соприкасающихся с сектами, мало людей, музыкально грамотных; а может быть, – и это скорее всего, – на эту сторону дела не обращают внимания, считая её совершенно несущественной и для миссии ненужной. Но музыка выражает душу, глубины сердца. Каждое христианское исповедание имеет свою музыку, со свойственным ей специфическим характером. Православные мотивы и их гармония – это нечто совсем иное, чем мотивы и гармония католических пьес и протестантских хоралов. Музыка каждого исповедания отражает в себе глубины его духа и настроений. Изучение вероучения и обряда секты даёт уму понятие о ней. Но проникнуть в глубины настроения секты, прикоснуться сердцем к тому, чем жива она, почуять источники её силы и немощи можно, лишь освоившись с её богослужебным пением. Но, кроме того, даже и для ума, для изучения секты, запись и сравнение её мотивов дало бы весьма много. Это помогло бы распутаться в трудном вопросе, насколько, напр., штунда или хлыстовщина – явление природно-русское, народное и сколько в ней иностранного влияния. Если штундистское пение – немецкое, – это солидное данное в одну сторону; если оно русское – это данное в другую. Или: предположим, что запись мелодий Тамбовских хлыстов и Ставропольских шалопутов дала полное их согласие и однообразие: значит, это одна и та же секта, одного происхождения, поддерживающая связь, общение и единство на расстоянии тысячи вёрст. И наоборот, если мотивы плясунов Тамбовских и Ставропольских будут

разные, это повлечёт к предположению, что рассматриваемые секты – суть явление споридическое, разъединённое, без прочной связи и единообразия.

Весьма поэтому желательно, чтобы миссионеры, священники, дьяконы, псаломщики, учителя, регенты при всякой возможности записывали сектантские мотивы и путём печати делали их известными миссионерствующей братии, хотя бы, напр., через «Миссионерское Обозрение».

Ниже помещённые штундо-баптистские мотивы записаны мною (при содействии дьякона с. Печин Виноградова) в Ново и Старо-Томникове, Шацкого у., Тамбовской губернии, где штундо-баптизм имеет сплочённые общины, имевшие поддержку от покойного Пашкова, а ныне находящиеся в связи с Таврическими главарями и богачами Мазаевыми. Слова взяты из «Сборника духовных стихотворений для христиан Ев. лютеранского исповедания. 1892 г. Севастополь», по которому выставлены и номера каждой пьесы, кроме Псалма 149, которого в «Сборнике» нет.

Как скучно на сердце.

5 і 3 5 4 2 5 1. і 7 6 6. і 6 5 5. 65 45 6.
 Какъ скуч—но на серд—цѣ по—рой, ког—да я, ког—да я, ког—да я,
 7 6 5 4 5. і 2 і 7 і.
 ког—да я не—ви жу Хри—ста.

Гора Сион.

5 5. 5. 5. 3 4. 5 6.. 5. 5 5. 4 7.. 6.. 5..
 Го—ра Си—онъ, го—ра свя—та—я пре—стоиъ гдѣ Го—спо—да
 4 5 6 5.
 сто—итъ.

Призови Христа.

6 6 6 7 6 5 4 3 4 5 4 3. 6 6 6 7 6 5 4 3 4 5 4 3
 При—зо—ви Хри—ста на по—мощь бѣд—ный грѣ—шный че—ло—вѣкъ
 6 6 6 7 6 5 4 5 6 4 6 5 5..
 Г—и—сусь нашъ у—дѣль; здѣсь на—деж—да, ра—достъ тамъ.

Пойте Господу.

6. 5. 5. 4. 1... 7. 6. 5. 4. 1. і 5 6 7. 6. 5. 4. 3.
 Пой—те Гос—по—ду пѣснь но—ну—ю хва—ла Е—му въ со—бра—ніи
 2. 1... 5. 5 5 1. 7 7 6. 6. 6. 6. 2. 1. 7. 6. 7..
 свя—тыхъ. Да ве—се—лит—ся Из—ра—иль о Соз—да—те—лѣ сво—емъ;
 6. 6 7 6... 1. 6. 5... 6. 5. 4... 4. 6. 7. 5. 4..
 сы—ны Си—о—на да ра—ду—ют—ся о ца—рѣ сво—емъ.

Лейтесь слёзы сокрушения.

⁵ ⁵ ⁵ ⁴ ⁵ ⁴ ⁴ ^{1.2} ³ ⁴ ⁶ ⁶ ⁵ ⁴ ⁵
 Лей—тесть сле—зы со—кру—шенье—я сера—це плачь въ то—скѣ сво—ей.
⁵ ⁵ ⁵ ⁴ ⁵ ⁴ ⁴ ^{1.2} ³ ⁴ ⁶ ⁶ ⁵ ⁴ ⁵
 За ка—кі—я пре—сту—пленъ—я Богъ стра—да—еть какъ зло—дѣй.

Хвалите Господа.

⁵ ⁵ ⁴ ^{7.} ⁶ ⁶ ⁶ ⁷ ⁶ ⁵ ⁴ ^{5.}
 Хва—ли—те Го—спо—да и пой — — — те.

Миссионер *Базарянинов*

**Из миссионерской полемики // Миссионерское
обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 560–562**

Картушин К. Случайная беседа православного с раскольником о мощах святых

При входе в вагон 3-го класса, на половину занятый пассажирами, от шубы на лисьем меху, до простой поддёвки включительно, я услышал разговор. Мужчина лет 50-ти, с длинной, узкой, русой с проседью бородой, говорил:

– Во время благочестия, спасались угодники Господни и являлись их нетленные мощи, сколько их в святцах! как звёзд на небе. А после падения благочестия всё прекратилось. Церковные объявили несколько мощей, но для нас они сомнительны, теперь же сами говорят, что от старца Саровского Серафима остались только кости да волосы, а признают за святого.

Пассажир средних лет, с легко остриженной светло-русой бородкой, возразил: под словом „мощи“ нужно разуметь останки святого человека, в каком бы виде они ни находились! Следовательно, и кости преподобного Серафима суть мощи.

– Нет, господин честной, – святость-то ещё надо доказать нетлением тела; а вы забегаете вперёд, – считаете доказанным то, что ещё требуется доказать.

– А вы читали, что на этот счёт писано и напечатано?

– Читал или нет, это неважно: нынешнее писание нам не закон.

– Я спросил старика: какое писание он считает для себя законом?

– Древние книги, печатанные до патриарха Никона. Подайте их сюда!

– Хорошо, говорю: книгу, именуемую Кирилловой, приемлете ли?

– Как же! там напечатано слово о крестном знамении.

– Вы доселе говорили о мощах, продолжим же этот разговор. На обороте 505 листа уважаемой вами Кирилловой книги вот что написано по нашему предмету: „по совлечении ветхого человека и по смерти тело нетленно богоугодников пребывает... и чудотворяет *кости мёртвые* с верой приходящим

и во имя святого милости от Бога... ищущим“. В лице преподобного Серафима имеется три признака, по коим виден в нём святой человек: он приходил в *боговидение*, т. е., имел дар прозорливости, исцелял молитвой болящих ещё при жизни своей и чудотворят кости его по смерти. Вас смущает то, что тело преподобного не сохранилось нетленным в целом виде?

– А это самое важное, и в прочитанном вами месте нетление тела стоит во-первых.

– Исследуем, препятствует ли отсутствие сего признака признанию во святых старца Серафима? Вы, конечно, согласитесь, что сохранение тела невреждённым во огне не меньшее чудо, чем сохранение его нетленным по смерти. Церковь и доньше прославляет песнопениями *чудо превелие*, – сохранение триех отроков невреждёнными в пещи Вавилонской.

– Да, да, это чудо!

– Можно также считать за признак святости Даниила пророка то, что голодные львы не растерзали Его, когда он был брошен к ним в ров; и христианской девицы Бландины не вредили звери, выпущенные на неё в Лионском цирке идолослужителями.

– Да мало ли было чудес в первые века христианства. Пока стояло благочестие, Бог посылал их.

– Но вот ученики апостолов, – Игнатий Богоносец, епископ Антиохийский, и Поликарп, епископ Смирнский. Первый приводится в Римский колизей и пожирается львами, а второй приводится на костёр в Смирне и пожирается пламенем. Где бы, кажется, потребнее Господу Богу явить своё всемогущество и святость Своих исповедников, как не перед лицом неистовствующей стотысячной толпы язычников? Но Он оставил исповедников подчиниться законам природы. По вашей логике, Игнатий и Поликарп не святые мужи, а самые обыкновенные люди. Так ли?

– Но ведь Игнатий и Поликарп пострадали за Христа. Этого достаточно для их святости.

– Значит, кто живёт и умирает для славы Божией, для признания того святым неразрушимость его тела от огня, зубов

зверей и тления не необходима; он свят по делам своим. Так что ли? говорите!

– Пожалуй, и так.

Христос сказал: „так да просветится свет ваш перед человеки, яко да видят добрая дела ваша и прославят Отца вашего, иже на небесех“. Поэтому подвиги, совершенные для славы Божией, служат доказательством святости подвижников, а таковым был прославляемый Богом и Его св. церковью преподобный Серафим Саровский.

По вашим словам о стоянии и падении благочестия, я заключаю, что вы принадлежите к одному из многих старообрядческих толков и считаю нужным сказать вам, что слова ваши, будто благочестие *некогда* стояло и *когда то* пало, – неверны; благочестие никогда не падёт, иначе не сбылось бы обетование Спасителя: „созижду церковь Мою и врата адовы не одолеют ей“. Теперь вывод. Если вы уверены, что держитесь благочестия, то у вас должно бы продолжаться явление милости Божией в чудесах, и знамениях, и нетлении тел святых, и святцы должны бы пополняться именами из синодика поминального. Но так как ни в одном старообрядческом обществе сего не наблюдается, что бывало, есть и будет в единой святой соборной и апостольской церкви, т. е., прославления святых и занесения имён их в месяцеслов, то это самое лишение ваше и нужно считать наглядным доказательством, что над вами сбываются грозные слова Спасителя: „се оставляется вам дом ваш пуст“.

Миссионер *Калиник Картушин*

**Летопись периодической духовной и светской
печати и новые книги по вопросам веры и миссии
церкви // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10.
С. 563–575**

Лисицын М., свящ. Из духовной журналистики. С. 563–573

Экзегетические статьи: Истолкование слова „Сын Человеческий“, Ин.10:12–13; Иер.31:22. – Превосходство учения о новозаветной любви, сравнительно с ветхозаветным и языческим. – Исторические статьи. – Неповреждённость свидетельства Иосифа Флавия об Иисусе Христе. – К сказанию о сношениях Эдесского князя Авгаря с Иисусом Христом. – К вопросу о единении церквей: Ответ старокатоликам. – Очерки религиозной жизни в Германии. – Школа Ричманского богословия в Лютеранстве. – Ислам и братство св. Гурия.

I.

В ряду статей положительного содержания в истекшем году есть не мало таких, которые важны для миссионера по своему экзегетическому характеру, или по содержанию историческому, философскому или, наконец, таких, которые знакомят нас с состоянием западных вероисповеданий, с состоянием их богословских наук и т. п., что представляет для миссионера не малый интерес в виду связи нашего сектантства с западными лжеучениями.

* * *

По истолкованию св. Писания особенно важна статья епископа Антония (Храповицкого) о „*Сыне человеческом*“ („Бог. В.“). Преосв. Антоний выясняет, что выражение „сын человеческий“ заимствовано из книги прор. Даниила, где встречается оно в описании видения пророком „Ветхого денми“, т. е. Бога Отца и около Него „Сына Человеческого“¹⁶². Иудеи понимали, Кто такой „Сын Человеческий“, они знали, что это всё равно, что Мессия, а поэтому и спрашивали Иисуса Христа: „*Мы слышали от закона, что Христос пребывает во век, как же Ты говоришь, что должно вознесену быть Сыну человеческому*“. Тогда становятся понятными и слова Иисуса Христа: „*Якоже Отец имать живот в Себе; тако даст и Сынови живот имети в Себе и область даст Ему и суд творити, яко Сын человек есть*“. Без правильного понимания термина „Сын

человечь“ речь Иисуса Христа казалась бы необоснованной, почему даёт Ему Отец власть производить суд, а основание „яко Сын человек есть“ представлялось бы малоубедительным. А когда мы знаем цену и значение этого термина, то совершенно преображается для слушателя и сила данного места. Особенный смысл получает тогда и ответ Иисуса Христа Каиафе – *„и вы узрите Сына человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных“*. Вообще, выяснение данного термина, обыкновенное по источнику, из которого он заимствован, проливает много света на изречения Иисуса Христа, в которых встречается разбираемый термин.

Большой интерес представляет также (в „Б. В.“) истолкование М. Тареевым места из Евангелия Ин.10:12–13. Тареев касается русского перевода выражения – „и волк расхищает овец и разгоняет их“. Что волк расхищает овец (т. е. духовных овец, пасомых), переманивает их к себе, это понятно, но следующее выражение („разгоняет“) уже исключало бы первое. Оказывается, по объяснению М. Тареева, это второе сказуемое нужно отнести к подлежащему – „пастырь“ (а не к „волку“). Тогда будет понятно и противоположение в следующем выражении, высказанное союзом „а“ – („а наёмник“). И это понятно; ибо наёмника можно противопоставлять истинному пастырю, а вовсе не волку. В силу сказанного и справок М. Тареева с греческим подлинником – смысл получается такой: „Наёмник, не пастырь, которому овцы не свои, видит приходящего волка и оставляет овец, и волк расхищает их, и он, т. е. пастырь, растеривает овец, потому что он наёмник и нерадит об овцах“. Славянский текст лучше передаёт подлинник, только при сказуемом *распудит* нужно подразумевать подлежащее пастырь, а не волк.

Проф. В. Рыбинский („Тр. К. Д. Ак.“) занимается изъяснением одного из труднейших мест св. Писания, так называемых *cruces interpretum*, т. е., креста для толкователей, это именно из прор. Иер.31:22. В русском переводе это место читается так: „Долго ли тебе скитаться, отпадшая дочь? Ибо Господь сотворит на земле нечто новое: жена спасёт мужа“. В славянском – то же место читается совершенно иначе: – „яко

созда Господь спасение в насаждение ново, в немже спасеннии обыдут человецы“. Разница, как видно, большая, и сами 70 толковников данное место не столько переводили, сколько стремились уяснить его смысл. По русскому переводу выходит, как будто, что здесь говорится о том же, о чём и в словах „семя жены сотрёт главу змея“, или „се дева во чреве приимет и родит Сына“, но такое толкование разделяет только один блаж. Иероним, так что объяснение этого места не имело бы значения предания; далее в еврейском тексте слово „жена“ обозначено не одинаковым термином со словом „дева“ (у пр. Исаии), а это должно было бы быть, если бы речь шла о воплощении и вообще миссианское место не могло бы быть выражено, по мнению автора, так неопределённо и неясно. Поэтому автор склонен видеть в данном месте просто народную поговорку, в которой мужской силе противопоставляется женская слабость. По отношению же к данному месту (XXXI гл.) смысл изречения, по объяснению В. Рыбинского, будет такой. „Пророк, увещая народ возвратиться, даёт обетование, что Господь сотворит нечто новое, – такое, что при настоящих условиях не может быть предполагаемо. Для более рельефного указания на новизну и необычайность имеющего совершиться дела, пророк пользуется ходячим изречением, каким обыкновенно выражали мысль о необычности чего-либо, „жена спасёт мужа“, т. е., слабое существо будет защитой сильного. А новое дело, которое сотворит Господь, будет состоять в том, что отверженный ныне и терпящий наказание, Израиль возвратит опять благоволение Божие“. Принимая во внимание, однако, латинский текст, где слово „спасёт“ передано словом *circumdabit*, т. е. „жена окружит мужа“, а также то, что в Библии отношения между Богом и человеком выражаются образно в виде брака, нам кажется, что и не исключается и другое понимание данного места, а именно, что, после плена, Израиль будет верен Господу, окружит его, как дети окружают любимого отца, любящая жена любимого мужа.

Проф. М. Муретову пришла („Б. В.“) мысль проследить в генетической связи, как выражается учение о любви в „Пире“ Платона, кн. „Песнь Песней“ и у ап. Павла. Статья

«Новозаветная песнь любви сравнительно с „Пиром“ Платона и „Песнь Песней“» и пытается показать превосходство откровенного учения о любви над поэтическим полётом философа Платона, и в свою очередь, превосходство учения о любви новозаветного перед ветхозаветным. Идея ко времени. Часто приходится христианам теперь слышать приглашение пойти и поучиться любви у язычников, или указывается на то, что Новый Завет как будто бы ничего не дал нового человечеству и что в некоторых пунктах Ветхий Завет даже превосходит Новый (Мережковский, Розанов). Предварительно автор указывает на широту христианских принципов в сравнении с мыслями Платона и Екклесиаста. Живой пример этого автор видит в отношении ап. Павла в спорах Коринфян, увлекавшихся то „величественным образом Кифы“, то „даром слова и глубиной теософических созерцаний учёного александрийского иудея Аполлоса“ и т. д. „Апостол, носивший в себе ум Христов, чувства Христовы и любовь Христову, – считает естественными и законными все эти разнообразные проявления религиозности человеческого духа, но под условием единения во Христе“, говорит автор. „Споры об учителях и дарованиях, применительно к нашему времени, – о школах и направлениях – в науке, искусстве и пр. не должны служить к церковным разделениям, партийности, схизме, раскольничеству, сектантству, вероисповедности. Напротив, этого требует универсальность Духа Христова, полёт жизни церкви и стройность её домостроения. Бог не есть Бог нестроения, но мира и „любви“. Также широко и глубоко решает ап. Павел и вопрос о человеческой плоти и духе. Он „приходит к учению о духовном и душевном теле, как создании духа“, приходит к выводу о необходимости „нравственного самоусовершенствования человека по духу и телу во время земной жизни“. Необходимость эта обуславливается тем обстоятельством, что „обессиленный грехом и оплотнявшийся душевным телом дух, равно и расслабленное пороком и плотяной душевностью тело не имеют сил животворить духовные тела совершенного вида, как на плохой почве и из плохого зерна взойдёт и плохое растение, а доброе семя и на

доброй почве произрастит и добрый плод“. Так излагает автор теософские истины ап. Павла. Охарактеризовав затем авторов песней о любви – Платона, как творца идеалистической философии, наилучшей из философий, обаятельной и в наши дни, – Соломона, возлюбленного Давидом наследника его, богатейшего и мудрейшего из всех, и ап. Павла, бедного еврея из иудейского квартала Тарса, бедного и физической организацией, но сильного благодатью Божией, автор переходит к изложению содержания „Пира“, „Песни Песней“ и учения ап. Павла о любви. Для обрисовки автором личности ап. Павла, как новозаветного певца любви, считаем нелишним привести следующую выдержку. „Пред нами, говорит автор, постоянная и напряжённая работа духа и тела, обращающая всю жизнь Апостола народов в непрерывный и тяжёлый подвиг его самоотверженной любви ко Христу и человечеству... Да, это – не изнеженный и обеспеченный афинский аристократ, одетый в хитон изящного реализма чувственных наслаждений души и тела под тонко-прозрачным плащом розового идеализма. Это – и не всевластный повелитель бесчисленных рабов, разочарованный в испытанных уже наслаждениях плоти и почивший в мире. Это – Павел, раб, трудник и мученик Христов, восторженно взывающий: „кто нас отделит от любви Божией?“ Скорбь, или притеснение, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч? Да, я убеждён, что ни смерть, ни жизнь, ни ангелы, ни начальство, ни настоящее, ни силы, ни высота, ни глубина, ни какая тварь другая не сможет нас отделить от любви Божией в Христе Иисусе Господе нашем“. Такая любовь наполняла Певца Новозаветной любви“, замечает М. Муретов. Из характеристики певцов любви можно уже видеть, какова будет самая песнь любви, а также и то, насколько выше песнь новозаветного певца песен прежних певцов. Об этом автор обещает ещё рассказать, и что он расскажет, сообщим в своё время нашим читателям.

* * *

Из статей чисто-исторического характера интересна новая попытка М. Муретова доказать неповреждённость „свидетельства Иосифа Флавия об Иисусе Христе“. Это

свидетельство находится в соч. Флавия „О древностях иудейских“. Отрицательная критика всегда недоверчиво относилась к этому свидетельству и считала его интерполяцией, или вставкой. Критических статей и книг по поводу этого места написано множество. В виду того, что сочинение И. Флавия и в подлиннике, и в переводе представляет библиографическую редкость, и что не все наши пастыри и читатели знакомы, может быть, с данным местом, считаем интересным привести его.

„В это время (управления Пилата Иудеей) является Иисус, мудрый человек, *если только Его должно называть человеком*; ибо Он был совершителем удивительных дел и учителем людей, с удовольствием принимающих истину. Много как иудеев, так и эллинов привлёк Он. *Христос* (т. е. Мессия) *это был*. И хотя Пилат, по жалобе знатных мужей наших, осудил Его на распятие, однако-ж не прекратились прежде (того) полюбившие Его (ученики), *ибо Он явился им на третий день снова живым, как божественные пророки это и тысячи чудес изрекли о Нём*. Ещё и теперь не исчезло поколение христиан, называемых по Его имени“.

Относительно этого, оспариваемого в целом виде отрицательной критикой, места автор склонен утверждать, что оно подлинное и даёт новые к этому данные. В конце своих „Древностей“ И. Флавий говорит, что его книга включает в себе 20 книг и 60,000 стихов. Автор статьи пересчитывает стихи в нынешних изданиях и привёл этот счёт в виде таблицы. Счёт сходится с Флавиевским и что ещё очень важно, так это то, что каждая книга имеет приблизительно одинаковое количество стихов. А этого нельзя было предполагать, если иметь в виду разного рода интерполяции. Автор делал простой арифметический подсчёт, и уверен, что если бы сделать таковой при помощи основательного исследования папирологии и еврейской, и греческой стихометрии того времени, то результаты могли бы получиться даже ещё более удовлетворительные. Что же касается умолчания Иосифа о христианах, то автор объясняет этот факт тем же, чем объясняется умолчание раввинской литературы того времени об ессеях.

„По учению, жизни и влиянию ессеи описываются у Иосифа и Филона весьма сходными с христианством чертами и потому весьма раннее соединение их с христианами является делом совершенно естественным. Таким образом для новозаветных писателей они были уже христианами, и иудейско-раввинская литература не отличает их от назареев и минимов. Напротив, И. Флавий, среди постоянного политиканства и интриг, как видно, мало следивший за движением новой веры, легко мог смешивать христиан с ессеями и считать их одной сектой. Так объясняется молчание Нового Завета и иудейско-раввинской литературы об ессеях и И. Флавия, знающего ессеев, – о христианах“.

Не менее заслуживает внимания в ряду подобных статей статья г. Родникова: *„К сказанию о сношениях Эдесского князя Авгаря со Христом Спасителем“* (Тр. К. Д. Ак.). Автор старается приурочить это сказание на основании предания к определённом моменту в Евангелии. Таким моментом, по его мнению, удобнее всего считать – свидание с Иисусом Христом Эллинов после торжественного входа в Иерусалим. Это предположение находит для себя много оснований. Но прежде всего автор доказывает само существование Авгаря, имя которого было весьма употребительным на протяжении 3½ веков, а также возможность знания им чего-либо об Иисусе Христе. Последнее подтверждается косвенно словами Ев. Матфея, который говорит: „И прошёл о Нём слух по всей Сирии; и приносили к Нему всех немощных“. Приурочивая сношение Авгаря с Иисусом Христом к указанному моменту, автор объясняет прерывистость речи Иисуса Христа в Ев. Ин.12:28–36 и непонятность некоторых выражений в этой речи. Напр., Иисус Христос говорит: „Отче, избавь меня от часа сего“. Желание эллинов видеть Его ещё не даёт повода говорить это, или следующее: „душа Моя смутилась“. Если же, действительно, обратить внимание на содержание письма Авгаря, приводимого Евсевием, то эти выражения и психологическое состояние Иисуса Христа будут понятны. Авгарь, зная злобу иудеев на Христа, предлагал Ему приют у себя. И с этой целью послал к Нему послов (эллины). И вот, говорит автор, „пред духовным

взором Спасителя должна была открываться следующая перспектива. С одной стороны, Ему открывается возможность уйти к своему владетельному почитателю и в полной безопасности проповедовать своё учение любви людям, которые с любовью будут Ему внимать. Там, в Эдессе, ожидают Его с нетерпением и встретят с любовью; там Его будут окружать всеобщее внимание и уважение, там слова Его будут падать на добрую почву... А с другой стороны, оставаясь в Палестине, Он должен будет испытать всю ненависть отовсюду окружавших Его врагов. Здесь Его ожидали унижения и страшные муки крестные. Эти муки уже предносились духовному взору Спасителя и вызвали у Него слова: *„Отче, спаси Меня от часа сего“!*.. Но Божественная любовь одержала верх над немощью человеческой природы. *„Прииде час, говорит теперь Спаситель, да прославится Сын Человеческий... аще зерно пшенично пад на земли не умрет, то едино пребывает: аще же умрет, мног плод сотворит: любяй душу свою погубит ю... и аще Аз вознесен буду от земли вся привлеку к Себе (Ин.12:23–25,32)* Таким образом прибытие эллинов, послов Авгаря, побудило Спасителя произнести ту речь, которую мы читаем в XII гл. еванг. Иоанна. Из этой речи послы Авгаря узнали, что Спаситель не может пойти с ними к их господину, потому что *„пришёл час прославиться Сыну Человеческому“* и исполнить дело, на какое Он пришёл и только тогда, когда это дело будет совершено, когда Он будет *„вознесён от земли“*, тогда Он *„всех привлечёт к Себе“*, всех – и далёкого Осроэнского властителя (Авгаря), так желавшего видеть Христа“. Послы, конечно, выслушав ответ Господа на письмо Авгаря, возвратились в Эдессу и передали его Авгарю. И, действительно, ответное письмо Иисуса Христа, излагаемое Евсевием, весьма близко подходит к евангельской речи Спасителя.

* * *

Журналы минувшего года много посвящали места инославным церквям по вопросу единения с ними, а также уделяли место и не христианским обществам. Так, в „Прав. Соб.“ проф. Гусев даёт отповедь старокатоликам на их ответ

ему по поводу его полемических статей в 1902 г. Мы не станем вдаваться в подробности специальной полемики почтенного профессора, написавшего по этому поводу большую статью под заглавием: „*Старокатолический ответ на наши тезисы по вопросу о Filioque и пресуществлении*“. Приведём только глубоко справедливые с богословско-канонической стороны слова проф. Гусева по поводу термина „разделения“ церквей.

„По учению древней церкви, говорит Гусев, разделения в ней нет, не было и быть не может. И в период „неразделённой“ церкви ереси всегда выделялись в особые религиозные общества, напр., ариан, македониан, евномиан и т. п.; отпадали от церкви многочисленные „сонмища еретиков“, но отпадение их нисколько не мешало церкви Христовой оставаться единой и неразделённой вселенской церковью. В этих случаях происходило не разделение церкви, а *выделение* из неё чуждых её организму элементов, подобно тому, которое совершается постоянно в нашем теле“. Выделением из тела церковного считает проф. Гусев и католичество.

Протестантскому миру посвящает свою статью „*Очерки религиозной жизни в Германии*“ о. Сахаров („Б. В.“). Автор описывает то впечатление, которое было произведено на протестантский мир лекциями Гарнака о „Сущности христианства“, а также Делича „О новейших результатах ассирио-вавилонских раскопок в связи с данными Библии“. В частности, последний своей лекцией, говорит автор, „пробудил в немецком обществе такой живой интерес к означенному вопросу, какого не замечалось в Германии за весь шестидесятилетний период ассирио-вавилонских раскопок. Повсюду, не только в богословских, но и в светских интеллигентных кругах заговорили о религии и культуре Вавилона, о различных Гаммураби, Сеннахиримах, Навуходоносорах и об отношении их к Аврааму, Моисею и ветхозаветным пророкам“. Вся критика, которая поднялась на Делича, свелась к тому, что он не дал нового факта, а существующим дал тенденциозное освещение. Но автор указывает и на положительные стороны соч. Делича. Из него можно почерпнуть некоторые факты, которые прошли бы незамеченными, а теперь сделались известными, напр.,

подтверждение некоторых библейских данных. У прор. Исаии и в кн. Царств упоминается о царе ассирийском Саргоне; теперь найден и дворец этого царя и даже об этом успели забыть (дело было в 1843 г.), но Делич воскресил этот факт. „К сожалению, говорит автор, Делич не остановился на изложении фактической стороны вопроса. Увлёкшись сходными чертами в Библии и в литературе Вавилона, он впал в крайность, выставив слишком смелую гипотезу, что не только культура, но и религия Израиля заимствованы из Вавилона и лишь получили в Палестине своеобразный колорит“. Как Гарнак, так и Делич по своей генеалогии, указывает автор, принадлежат к школе Вельгаузена, который доказывает, что „вера в единого Иегову образовалась у многобожников-евреев только под влиянием пророков и который вообще учит о постепенном развитии религий. Автор приводит целиком известное письмо имп. Вильгельма, опубликованное по поводу лекции Делича „Вавилон и Библия“, а также знакомит нас с той шумихой, которая поднялась против обоих названных учёных. Поучительны здесь для нас приёмы апологетики протестантских богословов. Например, Kirchliche Wochenschrift (1903. 10) нападает на Гарнака за его деистические воззрения и в отрицании им Божества Христа видит его непомерную учёную гордость. „Я так думаю“, „мои исторические исследования привели меня к этому заключению“, – вот основание его воззрений, а то, что миллионы людей верят в Божество Спасителя и живут этой верой, – это для него не имеет ни малейшего интереса“. Шум, наделанный Деличем, затронул даже Прусскую палату господ, в которой по поводу рассмотрения университетского бюджета один член палаты обратился к министру народного просвещения и культа с запросом, не будет ли признано полезным, – прежде чем результаты раскопок становятся известны широкой публике, передавать эти результаты известным ассириологам и богословам для точного установления и разъяснения. Но министр отвечал, что „правительство не находит нужным вмешиваться в борьбу богословских направлений“.

С современным состоянием протестантского богословствования по основным догматическим вопросам

знакомит нас В. Керенский в своём трактате: „Школа ричлианского богословия в лютеранстве“. Мы отметим здесь одну важную особенность богословия этой школы – то, что ричлианцы относятся отрицательно к жертвенно-удовлетворяющему значению смерти Иисуса Христа, несмотря на то, что сам Ричль видит основание для этой мысли в послании ап. Павла к Евр.9:15–21, „где, как говорит автор, смерть Иисуса Христа представляется средством приведения идеальной общины к союзу с Богом“. Автор трактата подробно разбирает указываемое место, а также и другие, ему параллельные (Рим.3:25–26), с точки зрения экзегетической и филологической и, конечно, приходит к иному выводу, чем Ричль и его последователи.

С нехристианскими обществами знакомимся мы из реферата С. Глаголева („Б. В.“) – „Ислам“ и речи проф. Ивановского – „Братство святителя Гурия и характер его деятельности“. Первая статья говорит нам об исламе вообще, вторая – освещает положение нашего русского инородчества, преимущественно мусульманского. С. Глаголев даёт общую характеристику ислама, как религии, принизившей идеалы до наличной действительности. Излагая историю ислама, автор касается религиозного состояния арабского племени до Магомета и стремится проникнуть, так сказать, в психологию религиозного сознания арабов. Характерны некоторые, подмечаемые им, черты.

„Кто видел и знает арабов-атеистов? – спрашивает автор. Их философия в значительной части была мистической и их рационализм никогда не поднимался до отрицания божества. Весьма поучительно, что с слабо развитым политеизмом, с неразвитым идолопоклонством (эстетическую природу араба отталкивало безобразие идола) у арабов был широко развит фетишизм: они почитали камень каабы, источники, священные места. На что указывает это? На то, что араб везде чувствовал божественное. По своему развитию араб первых веков христианской эры стоял много выше грубого африканского фетишиста. Но его чуткая нервная натура воспринимала воздействие окружающей природы, как воздействие божества.

Пустыня была для араба храмом, и в её безмолвии он постоянно слышал голос Бога. Ко времена Магомета во многих уже утвердилась истина, что этот Бог – един Аллах“.

Таким образом, почва для деятельности Магомета была уже подготовлена. Этим объясняется отчасти и успех её. Что касается отношения её к христианству, то, как замечает автор, „Магомет своим учением не удалил, а, наоборот, приблизил арабов к христианству“. Автор, затем, подробно излагает историю Магомета и его деятельности.

Проф. Ивановский в своей речи бросает исторический взгляд на появление братств на Руси и задачи их деятельности. Вспоминает возникновение в 1867 г. Братства св. Гурия и первых деятелей братства – Н. И. Ильминского, крещёного татарина Василия Тимофеева (впоследствии священника), ближайшего его помощника, указывает первоначальные задачи братства – это сделать русскими татар и по вере, и по языку. Кроме обращения инородцев, братство, по замечанию почтенного профессора, имело целью и инородческое образование, а также поддержание обращённых в вере. Цель эта достигалась путём устройства школ. Вообще речь Николая Ивановича представляет любопытный документ очевидца, видевшего начало братства, его рост и всю его историю до настоящего времени.

*Свящ. М. Лисицын
(Продолжение следует).*

Козицкий Н. [Рец. на:]: Основные начала христианского воспитания с изложением способов обучения Закону Божию. Составил В. Д. Харьков in 8-ю. 218 стр., ц. 90 к., с пересылкой 1 р. С. 573–575

Вопрос о правильной постановке религиозно-нравственного воспитания в семье и школе в наше время, когда религиозные начала в жизни и деятельности современного общества отодвигаются на задний план, является одним из животрепещущих вопросов. И это вполне понятно. Воспитание, бесспорно, кладёт отпечаток на всю жизнь человека, и от того или другого характера воспитания складывается нравственный облик целого общества и даже государства. Общемировое и общечеловеческое значение в деле воспитания должно быть отведено религиозно-нравственным христианским началам. Центральное положение в религиозно-нравственном воспитании занимает обучение Закону Божию. В настоящее время педагогическая наука занимается разработкой вопросов об основных началах христианского воспитания и способах обучения Закону Божию. В печати от времени до времени появляются довольно ценные труды в этой области, заслуживающие нашего к себе внимания. К числу таковых трудов относится и труд с вышеуказанным заглавием анонимного автора, скрывшегося под инициалами В. Д.

Рассматриваемый нами труд анонимного автора состоит из четырёх отделов. В первом отделе (1–38 стр.) автор, устанавливая понятия о методике Закона Божия, указывает связь этой методики с сродными ей науками, делает краткий обзор литературы предмета, уясняет сущность и главную цель истинного образования, при этом знакомит с взглядами новейших учёных педагогов на этот предмет. По автору, истинной целью образования человека, вытекающей из самого его предназначения, является восстановление помрачённого образа Божия. Уясняя значение Божественного Откровения в жизни человека, автор довольно подробно трактует о свободе совести и свободе воли; указывает отношение сердца человека

к истине и лжи, к добру и красоте и касается религиозных чувствований в деле воспитания человека. Второй отдел (39–106 стр.) посвящён историческому очерку христианского воспитания и обучения, – раскрытию и росту идеи христианского воспитания и обучения в последовательном порядке на протяжении всей истории христианства – от времён Христа до наших дней. Раскрывая значение христианства в истории воспитания, автор указывает важнейшие эпохи в истории педагогики. В возглавие христианской педагогики он ставит основные начала, преподанные Иисусом Христом, как идеальным Учителем и Воспитателем человечества. Продолжателями дела Христова являются апостолы, потому автор останавливает внимание на апостольской педагогике и её значении в первенствующей христианской общине, затем он касается значения огласительных училищ, александрийской и антиохийской школ с их представителями, – педагогических воззрений восточных и западных отцов и учителей церкви в связи с монашеством. Возрождение классицизма – он оттеняет, как переходную ступень в истории воспитания. Указав влияние реформации на ход воспитания, автор излагает взгляды учёных педагогов на религиозно-нравственное воспитание, начиная от Амоса Коменского и оканчивая Дистервегом. В заключение делает характеристику этого воспитания во все эпохи на Руси, начиная с просвещения в древней России и оканчивая последними успехами начального народного образования.

Третий отдел (107–171 стр.) обнимает общую методику Закона Божия; он в свою очередь распадается на два подотдела. В первом подотделе автор рассматривает средства религиозно-нравственного воспитания и обучения детей вне школы. К числу этих средств относятся влияния семьи, кружка товарищей, общества, церкви, мира и природы. Второй подотдел, касающийся средств религиозно-нравственного воспитания и обучения детей в школе, трактует о взаимных отношениях детей – школьников, школьной дисциплины и воспитания характера в школе, о личности преподавателя Закона Божия, о жизни и примере начальствующих и

воспитывающих. Этот же подраздел посвящён рассмотрению систем христианского обучения.

Четвёртый отдел (172–216 стр.) трактует о частной методике Закона Божия, начиная от способов обучения детей молитвам и оканчивая способами объяснения детям учения о Богослужении.

Как видит читатель, анонимный автор даёт чрезвычайно широкую постановку рассматриваемому им вопросу „об основных началах христианского воспитания и обучения Закону Божию“. Правда, он признаётся, что программу для своего руководства заимствовал у опытного в педагогическом деле протоиерея Т. И. Буткевича, но это обстоятельство нисколько не умаляет значения рассматриваемого нами труда. Цель автора – изложить, на основании известных и более авторитетных педагогических и методических сочинений, твёрдо установившиеся в литературе взгляды и суждения по вопросам христианского воспитания и обучения, и свести их в систему с возможной полнотой – вполне достигнута. Заклучая в себе необходимые сведения – педагогические, исторические, дидактические и методические – по вопросу о правильной постановке религиозно-нравственного воспитания в семье и школе, рассматриваемая нами книга может послужить „не лишним пособием“, – так скромно выражается автор, – для преподающих Закон Божий в начальной школе и занимающихся воспитанием детей в семье. Кроме того, составитель, желая придать своему труду характер учебного руководства (для воспитанниц VIII класса гимназий), книгу свою напечатал двумя шрифтами – крупным и мелким – для отделения более существенного и важного от менее существенного и необходимого.

Книжка эта написана языком простым и удобопонятным; некоторые её отделы (особенно исторический очерк) могут быть прочитаны с удовольствием и не специалистами – педагогами и служить общеобразовательным целям. Польза издания этой книжки, недорогой и опрятной – вне всякого сомнения; распространение её между публикой может быть только приветствуемо нами.

П. Козицкий

**Хроника // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10.
С. 576–578**

Из мира инославия и из жизни заграничного сектантства

О церковной реформе в Черногории. – Деятельность „Нового юдаизма“. – Крайняя партия духобор. – „Франмасонство – еврейская секта“. – Японцы – народ, у которого нет Бога.

Газета „Parlamentair“ сообщает интересные сведения о Черногории. Князь Николай вводит одну реформу за другой по всем отраслям управления княжеством. В ряду этих реформ выдающееся место принадлежит новому закону о Духовном совете и об организации консистории. Вновь утверждённые законы были опубликованы в газете „Глас Черногорца“ 1 января текущего года. В силу 10-го параграфа этого закона в члены Духовного совета избраны: председательствующий – митрополит; члены: 2 архимандрита, 1 игумен, 2 протодиакона и 2 протопресвитера. Одновременно вошёл в силу и закон о консистории, членами которой назначены: председательствующий – митрополит; непременные члены: 3 священника, кроме того двое духовных, как почётные члены и 1 дьякон-секретарь. По предложению митрополита один из непременных членов, священник Илья Иовачевич, был назначен придворным священником. Новый закон, поднимающий значение духовенства и служащий к прославлению св. православной церкви, приветствуется во всём княжестве с особенной радостью. Митрополит Митрофаний Бан обладает всеми нужными качествами, чтобы провести благотворительную реформу в её полном объёме. Хорошие законы только тогда достигают цели, когда приводятся в действие достойными исполнителями, что в данном случае и имеет место.

Оба закона: о Духовном совете и о консистории, дело рук знаменитого знатока канонического права. Тот же „Глас Черногорца“ сообщает: „Эти законы были составлены, по желанию нашего митрополита, преосвященным доктором теологии, Никодимом Милашем, православным епископом Далматским“.

В лице учёного епископа митрополит нашёл наилучшего сотрудника. Меры, клонящиеся к наилучшему управлению делами Черногорской православной церкви, вызовут несомненно сердечную радость во всех славянских народах, принимающих живое участие в судьбах героического княжества, особенно же в дружественной России.

* * *

В английской газете „Daily News“ помещена заслуживающая внимания заметка о возникновении в Америке нового-еврейского религиозного общества. – Европа выбрасывает ежегодно в Америку целые толпы невежественных евреев низшего класса, а также множество лиц высших классов, совершенно равнодушных к синагоге. Первые равнодушны по невежеству, вторые – потому, что всецело поглощены коммерческими интересами. Для борьбы с отсутствием религиозного интереса, в Америке создано, по образцу многих христианских обществ, и еврейское религиозное общество, во главе которого стоят многие из самых талантливых раввинов. Центр деятельности нового общества „Еврейских Стремлений“ находится в Нью-Йорке, ветви же его протянулись далеко в глубь страны; оно уже имеет отделения в Колорадо, Монреале и других городах. Общество устраивает особые богослужения для живущих в еврейских кварталах молодых девушек – по утрам и дневные – для молодых людей, а по вечерам читаются различные лекции. Цель общества „Еврейских Стремлений“ состоит в том, чтобы поддержать в молодом поколении падающий интерес к иудаизму, вызвать более горячее религиозное чувство, создать между евреями более тесное единение и добиться возможно широкого распространения догматов и этики иудейства. Общество надеется создать освобождённый от предрассудков иудаизм и привлечь к нему всеобщее внимание.

* * *

Немецкая газета „Volksblatt“ в статье под заглавием: „новейшая русская секта“ сообщает, что секта эта „Starie духоборы“, усматривающие идеал жизни и спасение души в райской наготе первой человеческой четы до грехопадения. 28

совершенно нагих духоборов направились в Иорктаун, в западной Канаде, с намерением распространять там своё учение, но были арестованы и принуждены хоть сколько-нибудь прикрыться. Это уже не первая фантазия такого рода. Русские сектанты приводят на память древних Адамитов, пытавшихся во II веке в северной Африке восстановить утраченную невинность посредством полной наготы. Позднее, многие из Таборитов в Богемии, проповедавшие общность жён и имуществ, ходили также совершенно обнажёнными. Большая часть их погибла в 1420 году от меча Жишки.

* * *

Французский журнал „Les Etudes Religieuses“ помещает небольшую заметку о вышедшей в Париже в 1902 г. книжке И. Бертрана.

„Плутни, жертвами которых сделались многие католики – говорит автор заметки – обратили внимание публики на тайные происки франкмасонства. Умение обмануть честных людей, это ещё не самый ловкий из манёвров секты. Говорить об этом предмете нелегко; тем не менее, опасность, грозящая со стороны франкмасонства не воображаемая; она может быть даже так велика, что и поверить трудно. К счастью, эту опасность заметили не одни только католики; но и нам нет основания молчать. Секта, торжественно провозглашающая себя освободительницей человечества и орудием бесконечного прогресса, в действительности есть не что иное, как закваска вечного зла, бунт против Бога. И. Бертран приводит в своей книжке документы, по которым можно проследить возникновение франкмасонства до его первоисточника, восходя от тамплиеров к манихейцам, к гностикам, к строителям храма Соломонова, к Каину и, наконец, к падшему ангелу, соблазнившему праматерь Еву. Надо быть признательным всем, старающимся осветить эту тёмную область мировой истории; Бертран делает это тем, что приводит документы и тексты, указывающие на связь франкмасонства с Каббалой и еврейским миром.

* * *

Интересный доклад о религии японцев сделал в Лондоне профессор Мак-Кэб, прекрасно изучивший Японию.

По его словам, в Японии, собственно говоря, три религии: шиндоизм, населяющий всю природу миллионами божеств, буддизм, также вводящий многобожие, и, наконец, конфуцианство, главная японская религия, – религия без Бога, не устанавливающая ни в какой форме отношений человека к божеству.

Вот уже тысяча лет, как все образованные люди в Японии исповедуют религию Конфуция.

Шиндоизм, настоящая туземная религия Японии, представляет собой своеобразную смесь обожествления сил природы с культом предков. Морального воздействия на народ эта религия иметь не могла, тем более, что с течением времени обратилась исключительно в обрядовый культ.

Буддизм – религия возвышенная, проникнутая благородной моралью по своему существу – иссушен был догматистами и погряз в богословских умозрениях. На общественную жизнь Японии он никогда не имел никакого влияния.

Зато конфуцианство всегда было душой японского народа, стимулом, вдохновлявшим все его лучшие стремления.

В японских школах не учат никакому закону Божию. Детям преподаются только основные понятия о нравственности. Перед ребёнком никогда не произносится слово Бог. Дети знают только об обязанностях человека к человеку, внушаемых чисто утилитарной моралью.

Тысячу лет японская интеллигенция вносила в народ семена чисто утилитарной эгоистической культуры.

**Миссионерство, секты и раскол // Миссионерское
обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 579–584**

**Лисицын М., свящ. Отступничество и наше
миссионерство по новогодним известиям епарх.
органов**

Сила нашего миссионерства и слабость вожаков сектантства. – Беседа с субботниками. – Связь сектантства с экономически-социальным строем жизни. – Слабая сторона нашего законодательства в пресечении распространения расколо-сектантства. – „Овцы среди волков“. – Миссионерская роль храмов и школ. – Подготовка апологетов в семинариях путём миссионерских поездок. – Первый почин в этом отношении.

За последнее время борьба с отступничеством делается всё интенсивнее и интенсивнее. Всего лет 10 назад у нас почти не было противо-сектантских миссионеров и не было противо-сектантской литературы. Теперь в этом отношении миссией сделан большой шаг вперёд. Повсюду в епархиальных органах приходится читать о миссионерских беседах с раскольниками и сектантами, о миссионерских поездках и примерных собеседованиях семинаристов и т. п. Если вследствие упорства заблудших вразумление, делаемое нашими миссионерами, не всегда сопровождается обращением отступников, то всё же отрадно и то, что православные видят теперь воочию неправоту отступнического дела и смело выступают на борьбу с ним. Раньше вожаки расколо-сектантства в некоторых местностях считались непобедимыми, так что против них, думали наши простодушные мужички-православные, ничего нельзя было и возразить. Теперь же православные, после миссионерских бесед в тех местностях, убеждаются в противном. Часто посещавшие по неведению раскольничьи собрания, каются в этом на исповеди священнику, а это уже отрадный факт влияния миссионеров на заблуждающихся. Видно, что дело миссии не бесплодно. Всё это должно в новом году наполнить сердца деятелей на ниве церкви Христовой бодростью и энергией на новые подвиги. Силу миссии чувствуют уже и вожаки расколо-сектантства. По поводу одной из бесед один миссионер делает

заметку: „без сомнения и здесь случилось то, что повторяется во многих сектантских общинах. Сектантские главари, избегая сами бесед с миссионером, употребляют все старания к тому, чтобы и слепые их адепты не посещали миссионерских бесед. Опасения главарей вполне понятны. Но чтобы всё-таки отказ от беседы не был до крайности губелен для них, они отряжают на беседу с миссионером двух, трёх говорунов... Последние являются и не столько беседуют, сколько ищут какого-нибудь предлога поскорее уйти с беседы.

При этом миссионерам приходится быть наготове ко всему. Часто случается, что беседа назначается об одном предмете, но или на середине речи вожаки расколо-сектантства прерывают беседу и, чтобы ослабить впечатление доводов миссионера, перескакивают на другой предмет, или заявляют о нежелании беседовать на указанный предмет с самого начала. Так, напр., в беседе, бывшей в с. Вознесенском (Екат. еп.), помощник известного в этом селе главара сектантов-субботников, Романа Юркина, некто П. Третьяков заявил, что он не желает беседовать о признаках истинной церкви Христовой, хотя беседа на эту тему была назначена по просьбе самих же субботников. „Давайте поговорим о субботе“, потребовал он. „Как же так, заявляет миссионер, вчера просили об этом, а сегодня о другом!.. Почему же, когда я предлагал вам побеседовать о субботе, вы сами настояли беседовать о церкви?“ Миссионер, вероятно, вопреки ожиданию сектантов и их вожака Третьякова, согласился беседовать и о субботе. Все эти неожиданные сюрпризы, как объясняет самый ход дела, устраиваются с той целью, конечно, чтобы застигнуть миссионера врасплох, неподготовленным и смутить его неожиданностью требования. Но, заметим ещё раз, наша миссия за последние 10 лет достаточно возросла и окрепла и какими-нибудь неожиданными подвохами сектантам её не побороть.

На этой же беседе, из которой сейчас сделана выдержка, обнаружилась и слабость защиты со стороны апологета субботничества. Миссионер, указав на то, как по учению ветхозаветного закона евреи должны были проводить субботу,

заметил: „вот как проводили субботу евреи по закону Моисея. В субботу отдыхал не только еврей, но и все иноплеменники, которые жили в его доме и весь скот его... А у вас в субботу и сами вы житейские дела делаете, и работники ваши, и скот лишены покоя. И варите, и печёте вы в субботу, и огни зажигаете, и дрова собираете, и продаёте, и покупаете, и всякие ноши носите... Как же вы хвалитесь, что празднуете по заповедям Божиим, данным народу еврейскому через Моисея?“ На это субботник возразил было предположительным вопросом, что, может быть, ничего этого у субботников не делается. Но миссионер оказался осведомлённым и заметил, что у самого собеседника Третьякова он сам видел вчера, что из трубы его хаты шёл дым, а у Юркина на каменоломнях шла работа. Это подтвердили и присутствовавшие на беседе православные. После этого миссионеру уже было нетрудно показать всем присутствовавшим на беседе, что, субботники от нового завета отстали и к ветхому завету не пристали. „Жаль только, заметил миссионер, обращаясь к православным, что, будучи сами слепыми, они и других тащат за собой в яму. Вам же теперь ясно, как глубока и гибельна эта яма“... Понятно, что после такой реплики субботнику Третьякову ничего не оставалось, как уйти с позором. „Да с вами разве сговоришь“, заметил он уходя. На православных, по свидетельству миссионера, беседа произвела ободряющее впечатление. А что особенно отрадно, так это то, что на последовавшей затем беседе с сектантом-воскресником В. Кравцом „многие из православных сами весьма умело раскрывали ложь утверждений В. Кравца“.

Как раскол, так и сектантство одинаково поддерживаются у нас материальной зависимостью отступников от богатеёв-вожачков, стоящих во главе местного раскола, или секты. Таким вожаком явился, напр., в помянутом уже с. Вознесенском Р. Юркин, хозяин большого каменотёсного дела. Обыкновенным убедительным аргументом истинности расколо-сектантства для массы тёмного и бедного православного люда, по большей части, и является социально-экономическое положение вожаков отступничества. „Вот ты православный“, говорят кому-либо приспешники последних, „однако, ты беден, а вот смотри, как

Юркин живёт; он называется у вас неправославным, а ему, видимо, во всех делах помогает Бог. Всего у него вдоволь“. Эти аргументы действуют на бедный, исстрадавшийся в нужде люд. К тому же и Юркин и ему подобные приглашают к себе на работы и дают заработки только единомышленным с собой. Как трудно при этих условиях бедняку устоять от соблазна, особенно когда такой общественный „благодетель“ бывает единственным в округе. Поневоле склонит голову покорно перед ним бедняк-мужичок, как нечем заплатить подати, купить себе самое необходимое, или найти где-либо заработок. Такую же причину не только крепости, но и самого появления сектантства указывал ещё наш писатель О. М. Достоевский, по крайней мере, – в южных губерниях, где у нас немало немцев-колонистов, сыгравших такую же роль как Юркины и К°, и где, с другой стороны, прочнее, чем в других местах живёт сектантство. „Русские поняли, писал Достоевский, что немцы-колонисты живут богаче; пасторы разъяснили, что у немцев порядки лучше, ибо вера лучше. Вот и соединились кучки тёмных русских людей, стали слушать, как толкуют Евангелие (немцы и их пасторы), стали сами толковать, всяк на свой страх, на свою совесть... Бедный – тёмный народ! При этом столько чистосердечия вложено в это дело, столько добрых начинаний; столько желания выдержать хоть муки и при всём том, однако, столько самой беспомощной глупости, столько лицемерия, самолюбия и гордости в новом звании святых“.

Кроме „радетелей“ расколо-сектантства в прямом смысле, в лице разных Юркиных, сектанты иногда имеют своими косвенными покровителями и местную администрацию и не столько, пожалуй, её, сколько канцелярский порядок делопроизводства. Нашим миссионерам приходится выслушивать об этом жалобы даже от самих полицейских властей. „Помилуйте“, говорят последние, „мы в пресмешном, а то, пожалуй, и в обидном находимся положении; входим в собрание штундистов и просим их прекратить оное и разойтись, но нам отвечают: „не мешайте нам читать; ваше дело составить протокол и баста, а удалить нас не имеете права“. Ну, конечно, составишь протокол, один, другой, третий... Пойдут протоколы,

напр., к земскому начальнику; земский сердится, что дел прибавляется и норовит подогнать их к разбору в совокупности... А там пойдёт дело в съезд и т. д. До ответственности за собрания пройдут не один и не два годка... Да ещё вопрос, обвинят ли?.. И выходит, что наши протоколы для сектантов нисколько не страшны. Бывает же и так, что за эти протоколы нашему меньшему брату нагорает... Ну, почешешь себе затылок, да и рукой махнёшь, чтобы, чего доброго, беды себе не нажить... Вот если бы нам дали право не позволять самого *открытия* штундовых собраний, или *закрывать* оные, тогда другое дело. А то – странная вещь: собрание считается незаконным, а закрыть его, или воспрепятствовать его началу не имеешь права; стой себе – да только переписывай участников... Крестьянин же наш разных там тонкостей не понимает: если не можешь закрыть собраний, то, значит, сила на стороне сектантов... Так и наш служебный вес падает в глазах крестьян и для православных от этого соблазн велик, особенно если принять во внимание, как любят сектанты бахвалиться“.

Если жалобы раздаются со стороны „власть имущих“, то каково положение пастыря, не только власти не имущего над сектантами и раскольниками, но даже иной раз и материально зависимого от них Поистине, положение овцы среди „волков хищных“, т. е. вожаков расколо-сектантства и их духовных чад. Священнику в таком приходе, если он даже не пьёт вина и не имеет никаких других порочных наклонностей, всё ставится в вину, каждый его шаг. Один из пастырей Оренбург. края ярко описывает это тяжёлое положение. „Часто“, говорит он, самые обыкновенные явления из житейского обихода дают богатую пищу раскольникам для злословия. Если священник идёт в храм Божий, вычистивши сапоги и взявши в руки пастырскую трость, то раскольники по адресу батюшки сделают следующее напутствие: „вот как отец-то прифрантился. Только бы на бульвар ему идти, а не в храм“. Если матушка позволила себе показаться кому-либо из старообрядцев с непокрытой головой, или без национального головного убора – по-уральски „волосника“, то раскольники, обыкновенно, со свойственной им

грубостью, замечают: „не знай – не то какая девка, не то баба ходит у церковного отца (раскольники никогда не называют священника „батюшкой“ и это, конечно, с целью) – какая-то непокрытка“. Если случится, что дочь священника – подросток выйдет на улицу с коротко остриженными волосами, то раскольники, ухмыляясь, говорят: „с лица – девочка, а с головы острижена, как мальчик“.

Тяжёлое положение... но бывают картинки и хуже, если страдательными лицами являются православные, а особенно жёны в семье раскольника. Здесь прежде всего стараются её отвлечь от церкви. Если старания не увенчиваются успехом, то употребляется „воздействие“, в особенности если жена, крестит детей „в церкви“. Часто приходится в таком случае делать это тайно. Но это, конечно, не помогает, и рано или поздно это ненормальное положение вынуждает жён раскольников отвращаться от церкви.

„Обыкновенно, соращение в раскол происходит по описанию одного из пастырей Уральского края таким образом. Из внутренних православных губерний России приезжает бедный крестьянин на заработки к казакам с малыми детишками. Пристроившись в качестве пахаря или косца, крестьянин живёт здесь 10–15 лет, доволен, что у него с семьёй вдоволь есть хлеба. Подрастают дочери, нужно их замуж выдавать. Подходящих православных женихов нет – кругом раскольники, и крестьянин-отец, без того отвыкший от храма Божия, по долговому пребыванию среди раскольников и чем-либо благодетельствованный ими, отдаёт свою дочь в замужество за казака-раскольника. Выданная молодуха сначала из страха перед родными мужа не посещает храма Божия; потом мало-помалу привыкает ко всему раскольническому и под старость сама превращается в ярую фанатичку. Это можно сказать особенно про те казачьи захолустные посёлки, в которых нет православных храмов. Отсюда достроение храмов и устройство в таких местах приходов, особенно единоверческих, является первой и неотложной необходимостью.

После храма Божия верным пособием в обращении заблуждающихся может служить школа, особенно церковно-

приходского типа. путём только истинно религиозно-школьного просвещения можно пробить ту толщу религиозного невежества, которая царит в нашем расколе. Отрадно то, что сознание необходимости просвещения уже проникает по местам в среду раскольников. Омскому миссионеру пришлось выслушивать просьбы в этом роде в столь глухих местах, что там серьёзно трактовали о том, грех или нет пить чай из самовара. „Кто тебе, бабушка, сказал“, спросил миссионер разговаривавшую с ним старуху, „что грех в самоваре воду кипятить? Разве в писании написано об этом?“ – „Не знаю, дорогие гости, есть ли где об этом написано, а вот наши старики говорили, что в нём (самоваре) бес есть и потому грех из него чай пить“. Понятно, что в такие медвежьи уголки нужно, как можно скорее, побольше света и просвещения – религиозного и школьного.

О миссионерском значении храмов Божиих в местах с раскольничьим населением с достаточной убедительностью свидетельствует отчёт о состоянии раскола и действиях миссии в Олонецкой епархии. В этом крае есть немало единоверческих храмов, из которых многие существуют уже довольно долгое время. В таковых местах даже потерялось различие между единоверцами и православными. Отчёт отмечает, что единоверие увеличивается в этих местах путём одного естественного прироста, что раскольников здесь почти нет, а потому нет и обращений. С другой стороны, как объясняет отчёт, „малое количество обращений к единоверию объясняется тем, что нынешние раскольники считают единоверие и православие за одну церковь, а потому, при сознании своих заблуждений, обращаются прямо в православие, без посредства единоверия. Сами единоверцы сознают своё полное единство в вере с православными“.

Отрадно отметить, как хороший залог преуспевания миссионерского дела, хорошую подготовку к миссионерству, которую начинают давать в некоторых семинариях, будущим деятелям на миссионерской ниве. Добрый почин этому уже положен, напр., в Орле и Екатеринославе. Здесь, под руководством местных преподавателей семинарии по кафедре раскола и епархиального миссионера для воспитанников

семинарии устраются миссионерские беседы поездки для собеседования с отступниками.

Подобное начинание, несомненно, имеет великое значение, как благодаря обстановке, в которой совершается это миссионерское дело, так и тому, что в нём принимают участие молодые, юные силы.

Здесь будущие пастыри и миссионеры видят врагов церкви лицом к лицу и знакомятся практически со всеми ухищрениями и уловками защитников и пропагандистов отступничества.

Тут совершается опытная подготовка пастырей и деятелей миссии, и мы от души приветствуем добрый почин.

Священник *М. Лисицын*

**Корреспонденция «Миссионерского Обозрения»,
известия и заметки // Миссионерское обозрение.
1904 г. № 1–10. С. 585–591**

Брояковский С., свящ. Из Киева. С. 585–589

(К десятилетию существования Киевского религиозно-просветительного общества, – Устройство обществом дома с храмом и залом для чтений. – Пастырские собрания духовенства. – Студенты-проповедники).

В октябре м. г. исполнилось *десятилетие существования Киевского религиозно-просветительного общества.*

Это сравнительно молодое общество сделало уже очень много для достижения тех целей, которые легли в его основание. Мысль об учреждении Киевского религиозно-просветительного общества явилась у небольшого кружка местных священников, сознававших недостаточность одной церковно-проповеднической деятельности и находивших необходимым особое общество из духовных и светских лиц, которое путём внебогослужебных беседований, чтений в разных приютах, мастерских, ночлежных домах, сообщало бы народу здравые, истинно христианские понятия о вере и нравственности. Эта мысль вызвала полное одобрение и святительское благословение приснопамятного владыки, митрополита Иоанникия, и нашла полное сочувствие и поддержку в лице графа А. П. Игнатьева, бывшего Киевского генерал-губернатора. При таком сочувственном отношении высших духовных и светских властей, общество в первый же год своего существования стало на твёрдую почву.

В первый же год существования общества чтения его членов были открыты в ночлежных домах на Подоле и Бессарабке, в амбулатории гр. С. С. Игнатьевой, в паровой мастерской рабочих на Трухановом острове, а также в Киевской Сретенской церкви и в Лукияновской церковно-приходской школе. Умелое ведение чтения, серьёзная их постановка дали весьма благотворные результаты, которые с неподдельной радостью отметил составитель отчёта за первый год существования общества. „Отношения слушателей к чтениям и беседам, писал он, везде было самое отрадное. Не было случая, чтобы кто-либо из них во время чтения нарушил

тишину, позволил себе что-либо неуместное, неприличное, или непочтительно отнёсся к проповеднику. Напротив, многие, подходя под благословение, выражали искреннюю благодарность проповедникам. Утешительнее всего то, что ночлежники, эти обитатели мрачных приютов, пьяные и беспокойные на улице, во время чтения скромны, внимательны и благоговейны. От них проповедникам приходилось слышать благодарности, в роде следующих: „спасибо, батюшка, что не погнушались нами; приходите чаще“.

С течением времени деятельность общества по ведению чтений постепенно расширялась и увеличивалась, так что в 1902 г. всех чтений для народа было более 1,000, а за 10 лет до 6,000; велись они в 1902 г. в 34 пунктах, из коих – 17 храмов Божиих и 17 других, подходящих для того мест. Вели чтения и местные пастыри и многие светские лица – преподаватели дух. семинарии, доктора, военные и др. Чтения оживлялись церковным пением и раздачей листков и брошюр религиозно-нравственного и историко-патриотического содержания. Таких листков и брошюр издано обществом более 200 названий, роздано народу до 2 миллионов экземпляров.

Кроме чтений в церквях, школах, приютах, чайных, железнодорожных мастерских и ночлежных домах, члены общества вели, по желанию и благословию митрополита Иоанникия, миссионерские собеседования со штундистами, с предшествовавшими этим собеседованиям соответственно предмету их чтениями. Чтения велись Киевскими священниками и профессорами дух. академии, а собеседования – местными епархиальными миссионерами. Каждое чтение и собеседование начиналось и заключалось речью преосвященного Сергия, который руководил всем ходом собеседований.

Заботясь о просвещении простого народа, раскрытием истин веры и нравственности, и о вразумлении сектантов, общество обратило своё внимание и на интеллигенцию, для которой предпринимались публичные лекции. В числе лекторов были архим. (ныне еписк.) Платон, многие профессора Киевской академии, местные протоиереи и священники и светские лица. В возможно простой и общедоступной форме изложения оо. и гг.

лекторы перед просвещённой публикой разрешали ряд вопросов, интересующих современное общество, освещая с православно-христианской точки зрения воззрения новейших учёных на предметы веры и нравственности.

Общество постепенно возрастало: в 1894 г. было 65 человек членов, в 1902 г. их было уже 348. Средства общества в 1894 году были – 265 р., в 1902 г. они дошли до 121,251 р. Соответственно средствам производился обществом и расход: в 1894 г. – 121 р., а в 1902 г. уже – 110,000 р.

В течение своей 10-летней деятельности, общество, между прочим, построило храм и школу в одной из отдалёнейших и мало культурных местностей г. Киева – на Юрковице. Успешному достижению целей общества много мешало отсутствие собственного помещения. В течение 10 лет своего существования и для своих торжественных собраний, и для устройства чтений для интеллигенции общество должно было, ютиться в случайных помещениях, то в зале Фундуклеевской женской гимназии, то в реальном училище, то в городской думе. Но, несмотря на всё видимое радушие и сочувствие начальства названных учреждений, любезно предоставлявших свои актовые залы для нужд общества, последнее всегда чувствовало себя стеснённым и не могло надлежащим образом раскинуть свои силы. Поэтому, по мере расширения своей деятельности и увеличения количества своих слушателей, общество пришло к мысли о необходимости иметь свой дом для религиозно-просветительных целей.

С ограниченными средствами (13,000 р.), но с великой верой в милость Божию и добрых жертвователей, общество приступило к постройке своего дома... Много тяжёлых минут пришлось пережить обществу вообще и строительной комиссии в частности, пока постройка дома приведена была к желанному концу. Но замечательное явление! Лишь только касса общества оскудевала, милость Божия его не оставляла. Совершенно неожиданно приходила помощь, то в лице городского управления, ассигновавшего обществу 15,000 р., то в лице бывшего министра финансов С. Ю. Витте, оказавшего обществу

пособие в 30,000 р., то в лице благотворителя, пожелавшего остаться неизвестным, пожертвовавшего 5,000 р.

Благодаря столь щедрой материальной поддержке, явилась возможность обществу устроить собственное здание, служащее украшением „Старого города“ (часть г. Киева). Новое здание сооружено по плану и под наблюдением епархиального архитектора Е. Ф. Ермакова и состоит из двух этажей: нижнего, с вестибюлем и помещениями, отдаваемыми, внаймы и верхнего – в два света, в котором находится самый обширный в городе зал, могущий вместить свыше 2,000 человек, и храм (собственно алтарь, поднятый на три ступеньки от общего уровня залы, отделённый от зала спускным занавесом).

Стоимость нового сооружения Киевского религиозно-просветительного общества простирается до 125,000 р. Со дня торжественного освящения храма и дома общества¹⁶³, в котором, кроме предстоятеля церкви Киевской, высокопреосвященного владыки Флавиана, принимали участие: Сергей, епископ Псковский (ныне архиепископ Ярославский) и Антоний, епископ Волынский и Житомирский и на котором присутствовал Товарищ Обер-Прокурора Св. Синода, сенатор В. К. Саблер, каждый воскресный и праздничный день происходить публичные чтения. Чтения эти, предназначенные главным образом для интеллигентной публики, охотно посещаются, и посетителей нередко набирается до 2,000 человек.

Высокопреосвященнейший Флавиан, для усиления пастырско-просветительной деятельности городского духовенства, для поддержания среди него самого тесного взаимообщения, взаимопомощи и единообразия действий, признал за благо учредить в г. Киеве особые периодические *пастырские собрания*, на которых духовенство могло бы делиться своими мыслями и наблюдениями по вопросам пастырского долга и практики. Главная цель пастырских собраний прекрасно выражена в следующем предложении владыки митрополита, данном Киевской духовной консистории:

„Собрания эти – дело весьма важное. Пастырская практика предъявляет теперь пастырям такие требования, дать ответ на которые не всякий пастырь может, какой бы энергией, силами и

знаниями он ни обладал. Борьба, например, с сектантством не требует ли дружного сотрудничества пастырей? Выработка общих мер для более успешного и благотворного влияния на пасомых не требует ли обсуждения и братского согласия пастырей? Забота о бедных, больных, попечение о духовной и материальной сторонах жизни их – не говорят ли о пользе и необходимости братского обмена мыслями, взглядами и опытом пастырей? Но если где приложима и уместна пастырская взаимопомощь, так это в деле просвещения светом Христовой веры народных масс всех её классов. Вот почему я находил бы нужным и оо. законоучителям светских учебных заведений города Киева иметь собрания для совместного обсуждения и решения вопросов из своей законоучительской практики. Обилие этих вопросов, их сложность и жизненная ценность не подлежат сомнению. Законоучитель не обыкновенный учитель только, а, главным образом, воспитатель в духе христианской веры и благочестия. Законоучительство, поэтому, высокая святая деятельность и труд, требующий не личных только сил, но и общих усилий, несущих этот труд пастырей“.

Насколько, действительно, желательны, благовременны и важны эти собрания, это со всей очевидностью обнаружилось на первом пастырском собрании духовенства г. Киева, состоявшемся, с благословения высокопреосвященнейшего владыки, в Киевском религиозно-просветительном доме 17 декабря минувшего года, под председательством преосвященного Платона, епископа Чигиринского, ректора Киевской духовной академии, в присутствии преосвященного Агапита, епископа Уманского, при участии почти всего городского духовенства. Собрание это, продолжавшееся около 3-х часов, вызвало самый оживлённый и глубоко интересный обмен мнений по такому важному вопросу, как устройство и ведение самим духовенством чтений для народа, отношение духовенства к просветительной деятельности, средоточиями которой являются недавно народившиеся у нас народные дома и чайные попечительства о народной трезвости.

Как желательно, чтоб подобного рода собрания имели место не только в городе, но и в деревне. Там наше пастырство

находится ещё в более беспомощном состоянии и ещё более нуждается в обмене своими мыслями и наблюдениями...

В тех же целях оживления церковно-просветительной деятельности и более жизненного, и практического приготовления будущих пастырей церкви из студентов Киевской духовной академии, по мысли преосвященного ректора академии и с благословения его высокопреосвященства, в церкви Киево-Братского монастыря в воскресные дни совершаются торжественные вечера с чтениями акафиста Спасителю, а после вечера произносятся студентами академии поучения. Для этих торжественных воскресных вечерних служб подготовлен целый ряд поучений, направленных к положительному раскрытию и уяснению истин веры, отвергаемых сектантами-штундистами. Масса народа каждый раз наполняет храм братского монастыря, и все богомольцы с видимым интересом и напряжённым вниманием относятся к проповеди слова Божия.

Да принесёт сеяние слова истины и благочестия обильный плод „во время свое“!

Свящ. Серанион Брояковский

Веди. Из Аккермана. С. 589–591

(Трогательное чествование приходского пастыря¹⁶⁴).

В конце января текущего 1904 года в г. Аккермане состоялось редкое, прекрасное и трогательное торжество: прихожане Аккерманского Вознесенского собора чествовали своего любимого пастыря, отца Александра Григорьевича Гаевского, поднесением образа свят. Александра Невского и адреса. Отец Александр Гаевский всего прослужил лет двенадцать, поэтому чествование его не было и не могло быть юбилейным. Это был незаурядный, шаблонный 25-ти-летний юбилей, чествовали не за выслугу лет, чествовали, наконец, не подчинённые своего начальника, – это был праздник самоотверженного, бескорыстного труженика, оценённого обществом, толпой.

По окончании литургии последовал чин водоосвящения и окропления свят. иконы, затем городской голова, Александр Антонович Беликович, торжественно прочитав адрес, вручил его отцу Александру и поднёс ему икону, произнеся несколько тёплых, задушевных слов. Приняв адрес и свят. икону, о. Александр передал их предстоящим, взошёл на солею и, обратившись к молящимся, в сильном волнении произнёс прекрасную речь. Не предуведомленный заранее, не догадываясь о готовящемся чествовании, о. Александр даже не знал для кого он освящает образ. Поэтому понятно его волнение, рыдания, с которыми он благодарил, говоря, что выраженные обществом чувства служат лучшей наградой за понесённые им труды и за растраченное здоровье. Торжество было так трогательно, что почти все плакали, многие навзрыд. В эту минуту ясно было, какая тесная духовная связь существует между потрясённым неожиданным чествованием пастырем и признательной, растроганной паствой.

Отец Александр Гаевский прослужил, повторяю, лет двенадцать, но всей душой ушёл в своё дело, отдал ему все силы, здоровье, много сделал и много посеял добрых семян.

Доказательством того, что семена дали всходы, служит описанное торжество.

Сейте разумное, доброе, вечное,
Сейте! Спасибо вам скажет сердечное
Русский народ...

„Спасибо“ было сказано. Глубоко прочувствованный адрес гласит, что о. Александр, вступив в свою паству, поражённый крайним запустением Аккерманского соборного храма, призвал жителей города к пожертвованиям, *лично* собирал на храм, привлекал к участию в добром деле не только богатых, но всех без исключения бедняков, радостно встречая их скромную лепту. В результате явились тысячи там, где раньше не было *никаких* материальных средств. На эти тысячи соборный храм был обновлён, расширен, изменён до неузнаваемости. Возле собора воздвигнуто здание церковно-приходской школы, подготовлена часть строительного материала и сумма денег для постройки миссионерской школы, где происходили бы постоянные собеседования с сектантами, которых так много в Аккермане и его окрестностях (молокане, штундисты и друг.). Наконец, храм обнесён прекрасной оградой и приведён в порядок, окружён каменными столбами с крышей, находящийся вблизи церкви колодец, служащий для водоосвящения. Всё было обдуманно, предусмотрено до мельчайших подробностей и тщательно, с любовью выполнено, не смотря на массу препятствий и полное отсутствие материальных средств вначале.

Но ещё больше этого подвига ценят прихожане, по словам адреса, заботы о. Александра о „храме души“, выраженные, между прочим, „трогательными, сердечными проповедями“. Стремясь возвысить духовный, нравственный уровень паствы, о. Александр каждый воскресный день, каждый праздник произносит прекрасные проповеди, стараясь говорить доступно пониманию всех своих слушателей, толкуя им евангелие, выясняя значение и цель жизни. В этом отношении важен пример, его личной, чисто-христианской жизни, „полной самоотверженного труда, лишений, горя и терпения“.

Отдавая массу энергии и сил на непрерывное духовное общение с паствой, на устройство храма, о. Александр всегда горячо интересовался и интересуется всеми проявлениями духовно-христианской деятельности общества, напр.: вопросами миссионерства, вопросами общественной благотворительности – устройством богадельни, приюта для детей и т. п. Всюду он является со своей любящей душой, ясным умом, принося добрый совет и материальную поддержку. Чествование паствой о. Александра Гаевского является особенно радостным фактом по следующим соображениям: несомненно, что этот бескорыстный труженик оценён и награждён своим ведомством, своим начальством; описанное же торжество свидетельствует о высокой оценке паствы, общества. „Глас народа – глас Божий“; а инициатива чествования о. Александра принадлежит почитателю его из простого народа и затем уже на эту мысль единодушно откликнулись лица различного общественного положения и всех сословий (первый подписал адрес предводитель дворянства д. с. с. В. Г. Навроцкий). Такая высокая единодушная оценка представителя духовенства особенно важна у нас на юге России, где много людей других религий, других вероисповеданий, где много, наконец, разных сект. Здесь такие светлые личности, как о. Александр Гаевский, уважаемый не только православными, но и евреями и сектантами, приобретают особенную ценность и значение. Эти истинные пастыри, неутомимо поучающие и укрепляющие общество в добре, служат крепким оплотом православия в борьбе с надвигающимся сектантством.

Веди.

**Миссионерской обозрение // Миссионерское
обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 592–608**

Шаров М., свящ. Из Томской епархии. С. 592–593

(Как вождь раскола Худошин своим единомышленникам затемняет умы).

Саратовской губернии, поморской секты, Терентий Акимов Худошин с своим учеником Артемием Черчимцевым неоднократно посещал Верх-Убинское село Томской губернии; бывать здесь возможно чаще побуждало его как щедрое даяние со стороны раскольников единоголосной с ним секты, так и безопасность, и свобода пропаганды в нашей местности.

В прошлом году пришлось мне участвовать на беседе, ведённой покойным сотрудником Томского братства, Феодором Ситковым, на ярморочной площади с Терентием Худошиным. Беседа была о таинстве причащения. Покойный Ситков, на основании послания апостола Павла к Коринф. зач. 149, раскрыл учение православной церкви, что св. таинство причащения в церкви Христовой приносится пастырями и будет приноситься до второго пришествия Спасителя на землю. В заключение Ситков спросил Худошина, может ли их общество, без приношения таинства причащения, иметь надежду на получение жизни вечной? Худошину осталось только сказать: да или нет, но он, чтобы в глазах своих единомышленников не уронить себя, начинает разглагольствовать о том, что в православных церквях женщины стоят с открытыми головами, без покрывал, отчего уже (по его мнению) в православных церквях не может быть и причащения, а если оно и совершается, то неистинное и неспасительное. Теперь-де можно и без причащения спастись, как говорит книга „Камень Веры“, 2 ч. стр. 142: „что готовиши зубы и чрево; веруй, и ял еси“. Сказав это иронически, Худошин и раскольники так и ожили, и едва ли среди них много найдётся людей с понятием, которые бы пожелали беспристрастно выслушать разъяснение православного миссионера по поводу приведённого их вожаком места!..

* * *

Осенью истекшего 1903 г., в селе Верх-Убиаском, в здании волостного правления, г. мировым судьёй разбиралось дело о погребении скоропостижно умершего. Факт был следующий. В 1900 году, в конце месяца ноября, крестьянин села Бобровского часовенной секты, Иван Климов, приехал в село Верх-Убинское для принятия перекрещивания в поморскую секту; вечером в воскресенье он был здоров, а в понедельник, часов в 10 утра, его уже понесли на кладбище, без осмотра судебно-медицинского. В тот момент не замедлил и слух пронестись, что будто бы Климов умер в проруби речки Ломхи, во время перекрещивания его поморскими самодуровскими наставниками. Об этом было донесено г. Змеиногорскому исправнику и последним передано судье для разбирательства. – и что же? дело разобрали и решили по суду считать наставников и других раскольников – оправданными. На суде наставники показали, что они Климова не перекрещивали, так как лично из православных, когда они перекрещивали, никто не видел. Но если бы они не крестили Климова, то как могли его отпевать в своей моленной?..

Миссионер свящ. *М. Шаров*

С-ий О. Из Саратова. С. 593

(Публичные лекции и подъём религиозных интересов в обществе).

У нас здесь много нового интересного в церковно-общественной жизни. Иеромонах Виктор (Островидов), кандидат Каз. дух. ак. прошлогоднего выпуска, читает свои лекции о Максиме Горьком, очень оригинальные и глубоко содержательные, в которых он устами Горького обличает современную культуру в совершенной пустоте и доказывает, что у всех героев Горького глубокая жажда религиозного оправдания жизни.

Лекции привлекают тысячную толпу слушателей. На первой лекции были губернатор с семьёй, православный и католический епископы, а очень и очень многие не могли достать билетов. На вторую лекцию билеты были расхвачены в течение двух часов. Особенность лекции и отчасти её привлекательность составляет то, что во 2 отделении допущен обмен мнений по поводу высказанного лектором. Здешние красные стараются повернуть Горького, как и всех наших художников-писателей, в свою пользу, но это им плохо удаётся и встречает сильное противодействие со стороны оппонентов другого направления.

Кроме о. Виктора продолжает свои глубоко-содержательные беседы и уважаемый о. Силин; вообще, новый наш преосвященный Гермоген разбудил Саратовскую дремоту жизни и приподнял в светском обществе религиозные интересы. Под его руководством здесь энергично ведутся беседы по церквам, издаются книжки и листки и проч. Подробности прений на лекциях о. Виктора сообщу особо.

О. С-ий

**Ответ г. Обер-Прокурора Св. Синода, К. П.
Победоносцева, на благодарственный адрес
духовенства Американской миссии. С. 594**

На поднесённый от имени духовенства нашей православной миссии в Америке и лично вручённый его преосвященством, преосвященнейшим Тихоном, епископом Алеутским и Северо-Американским, благодарственный адрес г. Обер-Прокурору Святейшего Правительствующего Синода, Константину Петровичу Победоносцеву, – последовал следующий ответ его высокопревосходительства.

Преосвященнейший Владыко,
Милостивый Государь и Архипастырь.

Я имел честь и сердечную радость получить от вашего Преосвященства, подписанный вами и подведомым Вам духовенством православных приходов в Америке, адрес.

Глубоко тронут я выраженными в нём благожелательными чувствами, относимыми ко мне и к долгу моего звания служить великому делу церкви православной. С самого начала деятельности православных архипастырей Америки, не переставал я с сердечной заботой следить за возрастанием церковного дела в отдалённом крае к удовлетворению духовных нужд затерянного в чужой стране единоплеменного и единоверного населения. К сему великому делу приложена была сердечная забота в Бозе почивающего Государя Александра III и ныне благополучно царствующего Николая II, и все его успехи достойно отнести к трудам архипастырей, посвятивших себя многотрудному апостольскому служению, и к соединённым трудам и усилиям приходского духовенства. Им принадлежит первая заслуга в сём деле, и на них утверждаться будут все дальнейшие его успехи, если благословит Господь и благоволит послать новых добрых делателей на новую жатву свою.

Молю Бога, да пошлёт Вашему Преосвященству новые, благодатью укреплённые силы к сему служению и всех

сотрудников ваших да сохранит в бодрости духа и в радости доброго служения.

Испрашивая молитв ваших, с совершенным почтением и преданностью имею честь быть Вашего Преосвященства, Милостивого Государя и Архипастыря, покорнейшим слугою

К. Победоносцев

Совещание представителей духовного ведомства и министерства народного просвещения. С. 594–595

В первой половине минувшего января в С.-Петербурге, под председательством г. Товарища Обер-Прокурора Святейшего Синода т. с. В. К. Саблера, состоялось особое совещание представителей министерства народного просвещения и духовного ведомства для выработки правил, условий и порядка открытия начальных народных училищ ведомства министерства народного просвещения и церковно-приходских школ в тех местностях, где уже находятся такие школы того или другого ведомства, и вообще относительно согласования деятельности обоих ведомств в деле народного обучения. На обсуждение совещания предложены следующие мероприятия: 1) установить ежегодные совещания уездных наблюдателей церковных школ и инспекторов народных училищ для решения вопроса, в каких местностях данного уезда имеют быть открыты или преобразованы школы того и другого ведомства. Такие совещания были бы весьма желательны и полезны для уничтожения розни и неприязненных отношений, какие часто наблюдаются между деятелями разных ведомств на поприще народного образования. 2) Принять за правило, чтобы при учреждении школ данного ведомства не было причиняемо ущерба имуществу и средствам содержания школ другого ведомства, ранее того открытых. В видах согласной деятельности того и другого ведомства – это было бы весьма желательно: бывали случаи, что в селении, в котором существовала церковная школа с собственным зданием, открывалась земская школа и первая по необходимости закрывалась, а школьное здание переносилось в глухую деревню, с напрасной затратой со стороны духовного ведомства и без того скудных средств. 3) Установить согласный и однообразный план действий по вопросам внешкольного образования, как то: учреждению народных чтений, библиотек, книжных складов, вечерних и воскресных чтений, изданий для народного чтения и т. п. 4) Признать желательным, чтобы

директора и инспекторы народных училищ посещали церковные школы, а епархиальные и уездные наблюдатели – школы министерства народного просвещения. 5) Признать желательными съезды епархиальных и уездных наблюдателей и директоров и инспекторов для обсуждения школьных вопросов как по отдельной губернии, так и по более обширным районам. Каждый деятель по народному образованию с нетерпением ожидает результатов совещания.

«Ор. Е. в.»

Боголюбов Д. К вопросу о миссионерском тоне в полемике. С. 595–596

(Открытое письмо М. А. Сопоцько).

Amicus Plato, sed veritas amicissima¹⁶⁵.

Голос совести и служебной этики побуждает меня обратиться к вам, Михаил Аркадьевич, с *открытым письмом*. Из своего „обращения“ я хочу сделать вопрос принципиальный, касающийся миссионерской этики вообще.

Так поступаю я потому, что вы, Михаил Аркадьевич, до известной степени человек общественный и, сотрудничая по временам в нашем органе миссии, не чужой и миссионерам. Так что ваши особенности, люди сторонние могут переносить на православных миссионеров вообще.

Уповаю, что со мной будут согласны многие миссионеры, а потому прошу выслушать меня *sine ira et studio*¹⁶⁶.

Я хочу коснуться ваших *литературных приёмов*, особенно резко выразившихся в составленном вами „Крестном календаре“ за 1903 г.

В этом календаре есть *хорошие места*, мне весьма понравившиеся. Превосходно, что вы заявляете на стр. 99: „я нисколько не сочувствую проповедникам человеконенавистничества, фанатизма и нетерпимости“... *Эти чувства*, конечно, разделяют все миссионеры православной церкви. Иначе и быть не может. Христос, ведь, пострадал за весь мир. Мы все братья между собой, обязаны *жалеть* друг друга...

Не следует нам ослепляться и фанатизмом. Нам всем должно помнить добрый совет: „когда ты видишь, что человек заблуждается – не гневайся на него: пойми, что нельзя нарочно заблуждаться. Никто не может хотеть, чтобы рассудок его затемнился. Значит, кто заблуждается, тот искренно принимает ложь за истину“.

Как это сильно сказано! Миссионеры должны приведённый совет положить законом своих отношений к расколо-сектантам всех наименований. По-видимому, и вы исповедуете этот

закон..., но только в одном месте своего календаря. В других же случаях вы поступаете в разрез с миссионерской этикой, – вы действуете на свой *собственный* лад, о чём, как миссионер, я и хочу заявить вам.

Чтобы не быть голословным, приведу „малое“ доказательство. – На стр. 3 своего календаря вы, Михаил Аркадьевич, пишете: „если сопоставить еретически кощунственное содержание всех *скверных* сочинений графа с *наглым* ответом Св. Синоду..., то решительно убедимся, что поистине никто иной, как диавол, „отец *лжи*“, в графе, и граф в нём...

Согласитесь, Михаил Аркадьевич, что слова ваши „жестоки“. К чему эти эпитеты: „скверный“ и „наглый“ в приложении к сочинениям гр. Л. Толстого? В ваших словах нет премудрости от Бога, которой не свойственна „сварливость“ (Иак.3:14,15).

Жалея честь вашу, дорогой брат – о Христе, я взываю к вам: будьте сдержанными в выражениях... Тогда, конечно, ни одного сочинения Толстого вы не назовёте „взбалмошным“ (стр. 37).

Это же я написал не для того, чтобы *лично* уязвить вас, а для того, чтобы напомнить юной братии, работающей словом или писанием в области миссии, что нам в выражениях надобно быть осмотрительными и никого не нужно *злословить* – тем более людей, которых именуют „великими“ в самом падении и которые являются славой нашей литературы...

Д. Боголюбов

Полезное распоряжение о псаломщиках. С. 597

Принимая во внимание, что многие из прихожан блзняются тем, что псаломщики ходят в церковь в светском одеянии, Екатеринбургская духовная Консистория обязала подписками всех, как состоящих на службе в епархии псаломщиков, так и вновь поступающих на псаломщические должности, при совершении богослужений и треб в церкви, не носить светского одеяния, а быть в платье покроя приличного духовному чину, а именно: в подрясниках при поясах. Суть дела не в „светском“ одеянии, а в *неряшливости*, которую подрясник, несомненно, скрывает от взора молящихся. Давно и везде пора бы так поступить...

**Попов К., свящ. К юбилею миссионера-писателя
свящ. К. А. Попова. С. 597–603**

(Из письма в редакцию).

2 февраля текущего года исполнилось 30 лет, как я состою миссионером-благовестником евангельской истины и защитником св. православной церкви. 30 лет прослужить, и при постоянных разъездах, не легко было. Если считать, что я ездил только по 2,000 вёрст в год, и тогда 60,000 вёрст сделано мною. Это более, чем путешествие вокруг света! Но 2,000 вёрст я беру только как приблизительную цифру, среднюю при обычных миссионерских поездках. А были поездки и большие. Вот, например, выехал я из Саратова на первой неделе Великого поста в Царицынский у., сделав 360 вёрст, на 5-й неделе поста вернулся и получаю снова командировку в другую сторону епархии – в Хвалынский у. еду; проехал 250; на Страстной, в распутицу уже, по лужам воды, спускаюсь в г. Хвалынск; проехав 70 вёрст и тут получаю телеграмму преосвященного: остаться в г. Хвалынске и служить в единоверческой церкви последние дни Страстной и Пасхальную седмицу. Эти 2 поездки и в один Великий пост заняли у меня более 1,000 вёрст¹⁶⁷. А такие экстренные поездки бывали почти каждый год: то преосвященный посылает, то – консистория, то – Братство, а исполнишь их – сам поедешь по своему усмотрению; и в общем – в течение целого года получается уже больше 2,000 вёрст. А при каких условиях совершались все эти разъезды по епархии: летом в тряской деревенской тележке, трясущей тебя до болей в теле; зимой – в санях, и в обоих случаях сидишь скорчившись, кое-как, ибо кругом обложен мешками книг. Путешествие совершалось во всякую погоду: под дождём, снегом, сильными ветрами, в метель и распутицу; приходилось простужаться, плутать, быть застигнутому снежной метелью в дороге и ночевать в поле, под снегом. Выедешь в хорошую, ясную погоду, а потом она сменилась, и ты неожиданно очутился „близ смерти“. И всё это было не раз, не два, а постоянно повторялось и вошло как бы в обычай, Сосчитать все

эти случаи за 30 лет трудно, да и к чему? Помню более разительные только из них. Вот выехал я из с. Вязовки, Саратовского у., поднялась снежная метель, ямщик сбил с дороги, и мы попали в чащу леса, где и ночевали, перевернув сани низом вверх. Из с. Сердобы, Петров, у., той же губернии, я выехал в распутицу перед Пасхой; по дороге попали в „зажорину“ (балка с водой и снегом), лошади засели по брюхо, сани завязли, весь перемочился... Положение было критическое: холодно, ветрено; упряжь порвалась, оглобля обломилась... Пришлось до станции Лапуховка Рязанско-Уральской жел. дороги ехать верхом, а другую лошадь навьючить мешками книг и вести в поводу за собой¹⁶⁸. А путешествие по железным дорогам?! Сколько раз в этих случаях я был „близ смерти“, но Господь спасал меня. Однажды, выехав из Ставрополя на Кавказе, я прибыл на станцию „Невинномысская“ в то время, когда поезд тронулся на моих глазах. Следующего поезда пришлось ждать 6–7 часов. И что же? когда со следующим поездом я выехал, то пришлось видеть страшную картину: крушение того поезда, на который я не успел. В Пензенской епархии, кончив беседу, я собрался на поезд, но явился раскольник, и я заговорился с ним и опоздал на поезд, еду с следующим и застаю крушение пропущенного мной поезда. И это не исключительные только 2 случая, а несколько было их. А сколько раз сидел я в заносах на станции и даже в пути, в вагоне, голодный. Приезжаю раз на станцию „Салтыково“ Рязанско-Уральской жел. дороги и вижу: поезда стоят, занесённые снегом, в маленькой тогда станции народа полно, и приютиться буквально негде было. Пришлось всю ночь проходить и мёрзнуть на воздухе. Есть чем вспомнить и путешествия по великой матушке Волге. Шёл хороший пароход „Вера“, я решил ехать; но приходит женщина и говорит мне: „побеседуй, кормилец, ты с моим братом: колобродит он у меня по-разному секту, а путя, я вижу, не находит“. Остался; а с следующим пароходом еду и вижу: пароход „Вера“ сгорел, остался один железный остов от красивого и богатого парохода, а на берегу лежали груды утопленников, бывших пассажиров „Веры“. Как же после этого не сказать: слава Богу! Слава Ему,

благодаря ему мне и охранявшему меня на всех путях моей жизни!

Миссионеру приходится вести беседы и публичные, и частные. Первые можно сосчитать, ибо они ведутся при особенных условиях, при обстановке более торжественной, а частным беседам трудно и счёт вести, так как ты говоришь везде и всюду и во всякое время. В дороге, на месте, при встречах – всегда беседа, всегда миссия. С течением времени миссионер так привыкает к этим постоянным беседам, что превращается в какого-то постоянно говорящего человека.

Если сосчитать одни только публичные беседы, положив их средним числом по 100 в год, и то за 30 протекших лет их сделано мной 3,000. Публичная беседа ведётся не менее 5 часов времени, сочтите хоть это время, и вы получите 500 часов проповеди в год 15,000 часов за 30 лет. И какой проповеди и при каких условиях? Представьте себе крестьянскую избу, наполненную вплотную людьми, как сельдей в бочке. Воздух до того испорчен, что голова кружится, огонь гаснет; духота такая, что дышать нечем; пот льётся с грязных лиц слушателей, а ты, прижатый столом к божнице в угол, окружённый ворохами толстых и малых книг, припёртый вплотную народом, не можешь встать и выйти освежиться. Спину ломит, голова, точно в угаре, а ты говоришь и слушаешь всё время. 5–6 часов пробыть в напряжённом состоянии, выслушивая „со-вопросников века сего“ и самому отвечать на все их хитросплетения, поверьте, это нелёгкий труд! К тому же, ты говоришь громко, возвышенным голосом, тебя тои-дело перебивают, другие шумят, кричат и мешают выяснить спорный вопрос, и этим ещё более осложняют твоё положение и усиливают тяжесть твоего труда. А насмешки, колкости раскольников, которыми осыпают тебя за всё время идущей беседы?.. – „А, покраснел, видно... Утёрли те нос-то... И не стыдится, робяты, – смотрит. У еретика нешто есть стыд... Да чего он знает то – побасёнки одни“ и пр. и пр. Ты, скрепя сердце, молчишь, терпишь все эти колкости и издевательства над тобой, памятуя, что, „не ведают, яже глаголют“. Кончишь беседу, увяжешь книги и отправляешься дальше, в другое, такое же тёмное гнездо, как и это, и снова те

же вопросы, доказательства и те же колкости и насмешки. Как же после этого не воскликнуть: слава Богу! Слава Богу за то, что Он сподобил меня прослужить 30 лет на пользу св. Христовой Церкви.

Принято разбираться в своей службе и подводить итоги прожитому и сделанному. Естественно и мне поставить в данном случае вопрос: что же сделано мною за эти протёкшие 30 лет службы? На этот вопрос я с спокойной совестью отвечаю: не смотря на все неблагоприятные условия нашей миссии вообще и в частности моей, я неослабно трудился „на селе Господина своего“ и сеял доброе семя прилежно, рачительно, елико я мог и разумел. Никто, кроме Господа Бога, мне не помогал в этом великом служении ниже словом, ниже делом. Контролёров было много, судей также, а помощников в деле миссии я не обретал. 16 лет я сеял доброе семя евангельского учения в Саратовской епархии, на своей „родной стороне“; 5 лет в Ставропольской епархии на Кавказе; 8 лет в Пензенской и теперь рассеваю его в Минской. Проследить весь этот посев, сделанный в 4-х епархиях и в продолжении 30 лет службы, довольно трудно. Я слышу, читаю, мне пишут, и я вижу, что там, где я был и трудился, ныне, при помощи Божией, существуют единоверческие храмы, и при них приходы, составившиеся из тех лиц, которые некогда вели „брань со мною“, были жестокие противники православия и церкви. Это свидетельствует, что брошенное мной семя не оказалось потоптанным, а возросло и принесло достойный плод: бывшие раскольники стали единоверцами. Иные из моих собеседников прямо вошли в ограду св. церкви и прилепились к тому приходу, среди которого они жили. Эти люди остаются в тени и о них узнаётся только случайно, когда они сами открывают себя. Так, наприим., когда я жил в Пензе, ко мне является в одно время мужчина и заявляет, что он из Саратовской епархии. Принял; разговорились, и он высказал мне, что он знает меня по Саратову, ходил на мои беседы и, будучи до этого полу-раскольником, потом утвердился в православии и стал ходить в церковь и защищать правосл. учение. И таких лиц, как он, много. Публичные беседы для колеблющихся православных служат утверждением и

укреплением их веры. Некоторых я сам вывел из раскола и сам лично ввёл их в церковь, присоединив их к телу церкви. Таких лиц, которых я лично сам присоединил к православию, 335 лиц. Немного, конечно, но ведь я и поставлен не крестить, а благовестить, а благовеститель заблудшим путь правды. Моё дело сеять семя слова Божия и производить это сеяние по всей епархии. Я посеял в одном месте и еду совершать то же самое в другом, а посеянную ниву оставляю ведению местного иерея. Я не могу сидеть на одном месте и ожидать плодов сеяния, да это и бесполезно, потому что плоды сеяния обычно являются значительно позже. А явится плод в том или другом приходе, он пожнёт его, как говорит св. Апостол (1Коф.3:6). Так, живя в Пензе, я чаще других посещал село Казачью Пелстьму, Мокшан. у., и местный священник всегда сообщал мне, что после каждой беседы ему приходится присоединять раскольников к православию. Приход сей я застал с 120 душами присоединённых из раскола, и, уезжая в Минск, я оставил в нём до 500 душ. Таким образом, ценить труды миссионера по сделанным им лично присоединениям нельзя и несправедливо: миссионер поставлен благовествовать, а не присоединять; если же и бывают у него присоединения, то это случается в таких случаях, когда сами обращающиеся просят миссионера совершить над ними чин присоединения их к св. церкви. Но тем или иным лицом были совершены присоединения из раскола и сектантства, это не важно, а важно то, что труды моей миссии не оставались бесплодными, что миссионерское служение моё в течение прошедших 30 лет было полезное и многоплодное и за это нужно возблагодарить Господа Бога и сказать: слава Богу за все бывшее!

Служа делу миссии, я ни разу не допустил даже мысли оставить её и воспользоваться иной, более выгодной, службой. На дело миссии я был избран и определён преосвященным Тихоном, епископом Саратовским, который, заметив, что я часто хожу на публичные беседы, ведшиеся при Киновийской церкви в г. Саратове, и нередко заменяю настоящего православного миссионера, предложил мне быть миссионером. Долго не соглашался я на это предложение ныне покойного уже владыки,

признавая себя малосведущим и недостойным этого места, но одно время владыка убедил и поборол во мне эту нерешимость, доказав мне, что я обязан посвятить себя миссионерскому служению. Я послушал архипастыря и стал миссионером. Положили мне за труд 250 руб. в год. Два или 3 года прослужил я на этом окладе, и владыка приказал прибавить ещё 250 руб., и я стал получать 500 руб. Я ездил, вёл беседы, были присоединения из раскола, по примеру нашему стали заводить разъездных миссионеров и в других епархиях, а наш Владыка, видя пользу дела, решил организовать как должно 2 должности в епархии по расколу и сектантству с увеличенным окладом жалованья, квартирой и прогонами. Это было в 1879 году. Тут я женился, так как покойным архипастырем было признано, что семейный миссионер солиднее, чем одинокий. В 1881 году владыка предложил мне быть священником. Тут я стал в затруднение и попросил себе 3 месяца на размышление. Страшило меня принятие священства. Сан этот я любил, признавал его важность и величие и в то же время признавал себя недостойным быть в этом сани. Владыка и тут убедил меня, и я принял рукоположение. через полгода он послал меня в центр раскола – г. Хвалынск, дав мне небольшой приход, Полтора года прожил я здесь; преосвященного Тихона сменил новый владыка Павел, который тотчас переместил меня в Саратов и сделал бесприходным. В 1883 году, по требованию владыки, Совет Братства св. Креста представил ему меня кандидатом в протоиерея в г. Хвалынск. Владыка призвал меня и сказал: „мне жаль отпускать вас, вы нужны мне как миссионер для разъездов по епархии. Откажитесь от чести протоиерейской, послужите ещё...” – „Владыка, говорю ему: от честолюбия меня Бог избавил; меня выбрали в Совете Братства помимо моего заявления, и я готов служить миссии, если это вам угодно“. И я снова стал служить делу миссии. В 1889 г. преосвященного Павла переместили в Астрахань, а меня преосвященный Евгений пригласил в Ставропольскую епархию; отсюда, по переводе преосвященного Евгения в Могилёв, вызвал меня тот же преосвященный Павел к себе уже в Пензу. С последней я расстался, по увольнении преосвященного Павла на покой, и

перешёл в Минск к преосвященному Михаилу. Неизменно служил я делу миссии, никогда не задаваясь целью получить обеспеченный приход. А были приглашения самих прихожан и очень заманчивые. Помимо протоиерейства и настоятельского места в Хвалынском соборе, меня просили к Покровской церкви в г. Саратов, и я отклонил эту просьбу. Просители обратились к владыке, я и тут остался твёрд служить одному делу миссии. На Кавказе были случаи занять богатую станицу, но Господь сохранил меня от сего увлечения. Я всегда и твёрдо помнил одно: охотников на миссионерское дело мало, а в приход кандидаты найдутся. С таким убеждением и решимостью я и служил всё время и прослужил вот уже 30 лет. Слава Богу!..

Одновременно с миссионерствованием стал я пописывать в газеты и журналы. Первые мои статьи – „проба пера“ стали появляться в „Саратовском Листке“ и „Саратов. Епарх. Ведом.“ Жизнь раскола была мне хорошо известна, доступ в эту среду у меня был лёгкий и я, следя за жизнью раскола, извещал о ней читающую публику. Статьи мои скоро заметил „Церковно-Обществ. Вестник“ и пригласил меня в свои сотрудники. С прекращением этого органа я перешёл в „Церковный Вестник“, „Странник“. Помимо этого сотрудничества, я издал десятка 3 разных брошюр по расколу и 2 книги: „Архив раскольников архиеерея Амвросия“ и „Раскол и его путеводители“. Обе эти книги стоили мне дорого и затраченные мной на издание их деньги ко мне не вернулись. Издавая эти книги, я полагал, что духовенство поддержит меня, заинтересуется ими, но, увы, я ошибся в этом и опытом убедился, что расколом у нас мало интересуются. Ту и другую книгу я издал в количестве 1,200 экз. каждую, и стыдно сказать, в среду духовенства пошла ничтожная часть, да и то по настоянию преосвященных, по их приказу. Люди светские больше выписали... Между тем раскольники чутко отнеслись к обеим этим книгам и задумали уничтожить их, иначе говоря: купить и сжечь. Сделано это было через одну торговую фирму так ловко, что, не наведи я справок, книги давно были бы уничтожены. Но я упорно решил провести их в народ¹⁶⁹. Таким образом за эти 30 лет я служил миссии и пером своим. Не ради гонорара писал я и пишу, не ради наживы

я и книги издал, но единственно с той целью, чтобы вывести на свет Божий те дела, которые совершаются в расколе и сектантстве под кровом святости и мнимого благочестия. И слава Богу, что Господь даёт мне силы, в свободное время от прямого труда моего по миссии, работать и на литературном поприще. Думаю, что и этот труд мой не бесполезен, а сообщения мои хоть некоторыми прочтутся с удовольствием.

Мне могут, пожалуй, сказать: для чего я всё это сказал? На это я отвечу словами Спасителя: „аще зле глаголах, свидетельствуй ми о зле; аще ли добр, что мя биеши?“ (Ин.18:23). Я сказал правду. Прослужил я 30 лет на поприще миссионерского делания и к этому труду приглашаю и других. Правда, служба эта; и особенно для светских лиц, неблагоприятная, малообеспеченная, положение миссионера в епархии какое-то бесправное, маловыясненное, без пенсии; но ужели, братия, в нас мало духовного геройства и самоотверженности? Ужели мы любим дело только тогда, когда оно даёт и пенсию, и большое жалованье, а без этого и внимания нашего оно не заслуживает? Я упомянул, что я начал служить с 250 руб. и добился большего. Терпением и трудом всё даётся. Не скрою, меня покорило, болью в сердце отозвалось, когда я увидел бегство миссионеров с академическим образованием. Хотя, правда, и судить их нельзя. Скажу только:

Братия, не прельщайтесь корыстными расчётами жития мира сего и отвергните себя. Пожалейте заблудших. Мы, сильные, обязаны понести немощи немощных. Пусть же ничего не выслужим у „мира сего“, пусть нас не оценят, приравняют нас по пенсии к тем лицам, которые, как говорится, сидя на месте, служили, ну, и Бог с ними! Ужели бросать великое дело из-за этого? И разве не утешение видеть сотни лиц, тобою обращенных?

Минский епархиальный миссионер, священник *Константин Попов*

Р. S. В день юбилея Редакция «Миссионерского Обозрения» сердечно приветствовала этого старейшего из миссионеров и деятельнейшего из своих литературных соратников с

тридцатилетием служения св. делу противораскольничьего миссионерства и просила у Господа многих лет дальнейшего подвига юбиляру.

Почтенный о. миссионер ответил сердечной телеграммой, в которой благодарил за внимание и память о скромном труженике.

Чичкан Ф. Добрый отзыв светской газеты о миссионерских беседах. С. 604

27 сего декабря в храме Горловского посёлка рудников и завода, в присутствии причта, при стечении народа, миссионером И. Г. Айвазовым, командированным епархиальным начальством, велась беседа с сектантами штундистами.

Толкования сектантов – самые нелепые, но сами сектанты до того упорны, что нужно обладать ангельскими добродетелями, чтобы говорить с ними. Невежество и тьма, в которую они опустились, превосходят всякие границы, а упорство их не поддаётся описанию. Кроме того, сектанты стараются уклониться от темы, прерывают нить беседы новыми и новыми несуразными вопросами и, таким образом, стараются как бы затмить истину, показать свою начитанность, которая заключается в знании наизусть нескольких глав Евангелия, и сбить миссионера. Но всё же, как бы не мудрствовали сии лжеучители, истинно-верующие вполне поняли абсурд их толкований и до сумасшествия доходящее их упорство.

Словом, – миссия вполне достигает своей цели и открывает глаза на ту ересь и ложь, которые сектанты проповедуют.

Очень жаль, что подобного рода беседы ведутся, во-первых, редко, а во-вторых – тогда уже, когда ересь распространилась. Желательно было бы, чтобы верующим, вообще, были указаны и разъяснены те места священного писания, которые больше всего по-своему истолковываются всякого рода еретиками, которые, как враги Бога, являются врагами и государства.

„Приднепровский Край“ – 1904 г. 3 января.

Ф-р Чичкан

Чередников И., свящ. Памяти священника о Василия Николаевича Румянцева. С. 604–605

10 января сего года, безвременно сошёл в могилу единоверческий священник пос. Клинцов, Черниговской губ., отец Василий Николаевич Румянцев.

Выйдя из народа¹⁷⁰, почивший в течение двадцати пяти лет служил единоверию в „Стародубье“ и в самом его центре, пос. Клинцах, и в приходе (Вознесенском), где традиции покойного насадителя единоверия в „Стародубье“, протоиерея Верховского, держались и держатся ещё в полной своей неприкосновенности.

Понимая единоверие так, как оно должно быть понимаемо, почивший много внёс в жизнь своего прихода такого, что вело единоверцев к полному миру и согласию с православием. Совместные служения пастырей единоверческих и православных, совместные крестные ходы в Клинцах получили своё начало лишь от о. Василия.

Инициатива поминовения на великом выходе за литургией дорогих имён Высочайших Особ в Клинцах также принадлежала покойному; и много другого сделано им ко благу своего прихода.

Благодаря старанию и ревности усопшего о. Василия Николаевича, приход Воскресенский имеет ныне две церковные школы – одноклассную и двухклассную с 200 учащихся. Не одна сотня душ выведена им из дебрей раскола!

А кому в Клинцах, и вообще в „Стародубье“, не памятны благолепные служения о. Василия? Редкий знаток церковного устава, почивший и исполнял его с особенной ревностью и достойным усердием, так что приходилось даже слышать, как бы поговорку: „служат, как в Вознесенском приходе!“

Душевная простота, ласковость и приветливость снискали о. Василию всеобщую любовь приходского¹⁷¹ и окрестного населения и даже раскольников. Не говоря о прихожанах, массы раскольников и даже евреев наполняли обширный храм и погост церковный, пришедших засвидетельствовать последнюю любовь к почившему. Целый сонм священнослужителей

совершали печальный обряд погребения; прекрасное, надгробное слово, сказанное соседом, православным священником, вызвало у слушателей искренние слёзы. Мир праху твоему, добрый пастырь церкви Христовой! Иерейство твоё да помянет Господь Бог во царствии своём!..

Священник И. Чередников

Скопческий судебный процесс. С. 605

На 15 число сего марта месяца назначено в г. Рязани в Окружном суде слушанием сектантское дело по обвинению 89 лиц, из крестьян Скопинского уезда, Рязанской губернии, в принадлежности к скопчеству и в распространении этой секты. В числе обвиняемых 81 человек (30 мужчин и 51 женщина) оказались оскропленными. Формы оскропления весьма разнообразные и сложные, особенно у женщин, – есть несколько новых видов оскропления, непредусмотренных в науке сектоведения, так, есть женщины, имеющие „тройную печать“ оскропления. У мужчин преобладает большая печать. Свидетелей вызывается более 200 душ.

Настоящий процесс по количеству обвиняемых, по характеру оскропления и по способам распространения этой изуверной секты среди местного населения, представляется, после известного Моршанского процесса Плотицына, одним из замечательнейших в истории скопчества.

Миссионерские новости. С. 605

Волынский епархиальный миссионер, свящ. Василий Левитский, назначен протоиереем собора в Староконстантинове, а на его место миссионером определяется преподаватель Орловской дух. семинарии Н. Ив. Абрамов, окончивший курс Казанской дух. академии в 1902 г., со званием кандидата богословия.

Г. Абрамов заявил себя в миссионерской литературе человеком любящим и знающим миссионерское дело.

Православие в Северной Америке. С. 606

Православие в Северной Америке с каждым годом крепнет и расширяется. Из официальных данных, опубликованных отчасти в „Америк. Прав. Вестнике“, видно, что за 1902 год православных во всей алеутской и северо-американской епархии было 34,500 человек, в том числе 1,463 великороссов; 5,074 галичан, 3,356 угроруссов, до 3,000 буковинцев, 3,580 сербов и др. славян, 815 греков, до 6,000 сиро-арабов, 2,289 креолов, 2,406 алеутов, 2,147 индейцев, до 4,300 эскимосов, остальные 70 человек – эстонцы, мадьяры, американцы и др. Против прошлого года прибавилось 3,306 человек прихожан, отчасти через приращение православных семейств, через эмиграцию и 1,757 чел. через присоединение к православию, главным образом, униатов. Все эти православные принадлежат к 40 приходам, с 52 церквями и 67 часовнями и молитвенными домами. Во всей епархии, под управлением преосв. епископа Тихона, состояло 48 священников (в том числе 4 архимандрита), 2 диакона и 30 псаломщиков. Не сильна наша миссия количеством миссионеров, зато наличные работают усердно и, как видно по успехам миссии, весьма плодотворно. Особенно заметно крепнет и развивается наша миссия на материке Америки. Любопытно сравнить нынешнее количество прихожан и церквей с тем, какое было в 1898 году. Тогда прихожан здесь было несколько более 11 тысяч, теперь их более 22 тысяч, причём число их увеличилось не только через естественный прирост и эмиграцию, но и через обращение из унии более трёх тысяч человек. Приходов в 1898 году было 14, а теперь 24, священников 15, а ныне 30, новых церквей и часовен выстроено 24. В Аляске состояние православной миссии не везде одинаково. Лучше всего обстоит дело на Алеутских островах, где алеуты не поддаются иноверной пропаганде; колоши, населяющие ситхинский округ, поддаются иногда соблазнам пресвитерианской миссии; на севере же Аляски среди эскимосов, в виду отдалённости их поселений и трудности пути к ним, положение православия нельзя признать

вполне удовлетворительным: кроме инославной миссии, главным образом иезуитской, здесь сильно ещё и язычество, неискоренённое и между крещёными эскимосами.

По-видимому, теперь уже ясно определилось, что будущий рост православия в Сев. Америке возможен главным образом через воссоединение униатов с православной матерью-церковью, от какой они были отторгнуты хитростью Рима. Для них в Америке преимущество православных ясно сказывается в том, что последние имеют своего епископа, тогда как они отданы во власть епископов католических – ирландских в Штатах и французских в Канаде. При посещении православным епископом своих церквей, униаты часто приходят посмотреть его; принимают его благословение, вступают в беседу с ним, иногда тут же завязываются и переговоры о присоединении их к православной церкви и о том, на каких условиях оно возможно. Как известно, Св. Синод открыл для Америки два новых епископских викариатств, назначив на эти кафедры опытных в миссии деятелей – арх. Иннокентия Пустынского, как еп. Аляскинского и архим. Рафаила, который будет возведён в сан епископа в Америке.

Христианство в Корее. С. 607–608

В виду военных действий на Корейской территории, история распространения христианства здесь заслуживает внимания. Страна эта одна из тех, которые по своим религиозным взглядам представляют наименее удобную почву для религии христианской. Один образованный молодой кореец попал в Китай вместе с посольством и занялся в Пекине изучением наук. Судьба столкнула молодого, ищущего знания корейца с католическими миссионерами в Пекине, и здесь молодой Сенг – так звали корейца – впервые ознакомился с религией любви и всепрощения – с христианством. Рассказы и уроки миссионеров так подействовали на Сенга, что когда он вернулся в Корею через два года, в 1782 году, то он был уже христианином и явился вдохновенным провозвестником нового учения в Корее.

В дворцовой партии (китайской) он нашёл ещё несколько лиц, которые сочувствовали религии, и молодой Пётр-Сенг условно окрестил их. Китайская партия, думая, что новая религия принесёт с собой и политическое влияние Китайской империи, всеми силами способствовала её возможно быстрому распространению среди населения Сеула. Корейцы целыми семьями переходили в христианство. Подобное движение в народе не могло ускользнуть от зоркого внимания правительства, всегда ревниво охранявшего от каких-либо новшеств – религию и обычаи. И вот христианство с самых первых шагов в Корее встретило также и множество врагов.

Христиане хорошо сознавали, что отсутствие у них всякой правильной организации составляет важный недостаток, поэтому, желая пополнить этот пробел, они решились создать у себя *свою церковную иерархию*, на подобие той, которая, по рассказам бывших в Китае, введена там европейскими миссионерами. Конечно, корейцы не подозревали, что для *церковной иерархии требуется преемство*: в Корее избран был епископ и священники, которые, подробно изучив имевшиеся у них церковные книги, крестили народ и совершали требы. Так возникла корейская иерархия. После двухлетнего её

существования, корейских иерархов взяло сомнение в законности их выборов, почему в 1789 году они, несмотря на строгие правила, запрещающие корейцам всякое сношение с иностранцами, вошли в переговоры по всем этим вопросам с католическим епископом в Пекине. Из ответного письма, доставленного христианам в 1790 г., они узнали, что их церковная иерархия незаконная и что им отнюдь воспрещается совершать требы; единственно, что им разрешалось, это крестить и просвещать язычников словом. Епископ обещал вскоре прислать священнослужителя, что несказанно обрадовало христиан. Вместе с тем епископ поставил христианам на вид, что впредь им следует отказаться от жертвоприношений и вообще не принимать участия в суеверных языческих обрядах.

Когда враги христианства узнали, что христиане-корейцы по смерти своих родителей совершают похороны без соблюдения установленных жертвоприношений, то в стране поднялся ропот против нарушителей обычаев народа и со всех сторон на христиан посыпались доносы. В это время (1791 г.) в Корее царствовал король Тион-Цун, государь мудрый, мягкий, осторожный и покровитель наук. К несчастью, врагам христианства удалось убедить короля в неотложной необходимости казнить последователей вредного учения, *и 8 декабря 1791 г. от руки палача пали головы первых корейских христиан-мучеников.* Враги христианства торжествовали. Повсюду начались преследования христиан, которых беспощадно пытали, в надежде заставить их этим путём отречься от новой религии; многие христиане мужественно переносили муки. Многие, ради избежания гонений, не замедлили отречься от христианства. С 1793 года гонение значительно ослабевает, особенно в столице. В последующие годы в Корее уже насчитывалось, несмотря на большое число вероотступников, более 4.000 христиан. Несчастья лишь убедили их ещё раз в необходимости иметь священника, почему христиане снова обратились с просьбой об этом к миссионерам, проживающим в Пекине. О всех описанных происшествиях пекинские миссионеры узнали только в 1791 г. и тогда же

решено было немедленно отправить к несчастным христианам одного священника. Выбор для исполнения этого трудного поручения пал на молодого священника Якова Пия, который, как китаец, ближе подходил к корейцам и после долгих странствований и разных приключений, отцу Пию удалось прибыть в начале 1795 г. в корейскую столицу. Как ни старались христиане скрыть от язычников присутствие о. Пия в столице, власти всё-таки скоро проведали о том и немедленно распорядились о его задержании. О. Пий, предупреждённый вовремя, успел скрыться. Не так счастливы были двое из его товарищей, которые были задержаны и казнены в тюрьме. Задержано было много христиан, которых обвинили в укрывательстве о. Пия и подвергли страшным пыткам.

Наиболее страшным для христиан был XIX век. С 1801 г. в Корее льются потоки христианской крови; появился указ короля, в котором говорилось, что всякий, кто узнает о христианине, может или сам убить его или донести властям и благодаря этому глубоко бесчеловечному указу, умерщвления и муки христиан начались повсеместно. Несчастные падали или от рук фанатичных буддистов, или погибали в застенках правительственных палачей. Сравнительно спокойнее жилось христианам только в шестидесятых годах, во время первых попыток русских проникнуть в Корею. Дело в том, что когда русские суда подошли к Корее, то тогдашний регент Кореи обратился за советом к католическому епископу Бриэ, как быть с новыми пришельцами. Католик Бриэ, узнав, что эти пришельцы – русские и православные, что среди них находится несколько русских священников, начал уговаривать регента возможно осторожнее отнестись к просьбам русских и ни под каким видом не впускать их в Корею. Совет епископа понравился регенту, и он наотрез отказался не только впустить русских в Корею, но даже вступить в какие-либо переговоры. Благодаря этому обстоятельству, католический епископ начал пользоваться большим влиянием при дворе регента (как „спаситель“ Кореи). В настоящее время в Корее насчитывается около 120.000 христиан, из коих 119.020 – католики, 800 – протестанты и 180 – православные. Из этих цифр очень ясно

видно, насколько католицизм в Корее сильнее других вероисповеданий. Впоследствии в Корее предоставлена христианским миссионерам свобода проповеди евангельского учения. Представителем нашей миссии в Сеуле является почтенный архимандрит Хрисанф, который ныне выехал вместе с посольством из Кореи.

**Отклики // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10.
С. 609–616**

Христианство и война

(Церковно-историческая справка).

В настоящее время война занимает внимание не только политических учреждений, но и отдельных лиц, начиная с государственных деятелей и кончая последним рабочим. Миротворившую Россию заставили заговорить военным языком. Действия Японии, подстрекаемой уже известными в истории своим коварством англичанами, подняли русский дух для вооружённого сопротивления. Предоставляя специалистам разбирать международные отношения, мы постараемся осветить с христианской точки зрения то страшное явление в жизни человечества, которое называется войной. Берём на себя этот труд, имея в виду по возможности разобраться в существующих заблуждениях по этому вопросу.

Всякий из убеждённых христиан с недоумением останавливается над вопросом: позволительна ли война для людей, христиански настроенных? При разрешении этого вопроса, резко выступает такая дилемма: политическая необходимость, требования жизни и, наконец, необходимость прямо человеческая заставляют ответить на это недоумение утвердительно; но поскольку мы – христиане, нас останавливают перед войной нравственные требования любви, гуманности, человеколюбия и т. д. Одни дают перевес в своих убеждениях первому требованию и самоотверженно выступают на защиту своей родины, другие (как, напр., некоторые сектанты) более руководящее значение уделяют второму соображению.

Но всякий, конечно, поймёт, что этот вопрос нельзя предоставить совести каждого; а потому, для пастырей церкви, имеющих дело с лицами разных убеждений, в наше время особенно необходимо разрешение возникающей дилеммы.

I.

Вспомним, что было у нас в России лет 25 тому назад, когда православный русский народ, по воле Царя Освободителя, поднялся на защиту свободы своих восточных единоверных

братьев-славян. Архипастыри и пастыри Церкви в своих речах и проповедях старались возжечь в народе искру любви к своим братьям. Епископ Феофан, бывший в Константинопольской миссии, своим веским словом раскрывает смысл войны и призывает Божие благословение на вооружённую защиту наших братьев. Преосвященный Никанор, епископ Уфимский, даёт наставления воинам, идущим на войну, показывая им, на какое доброе и христианское дело они собираются. Преосвященный Хрисанф, епископ Астраханский и Енотаевский, в своей речи, по прочтении манифеста о вступлении русских войск в пределы Турции, определяет нравственное значение войны. Епископ Павел Кишиневский говорит о войне, как о бескорыстной христианской любви. В том же духе проповедовали и пастыри Церкви, напр., протоиереи Алексей Колоколов, Иванцов-Платонов и другие. Наконец, кто не знает того классического примера, когда преподобные Сергей Радонежский благословил Дмитрия Донского и всё его ополчение на войну с татарами!

Конечно, не разрешают вопроса о войне действия и мысли отдельных личностей, но всё же и эта историческая справка даёт нам понять, куда клонилось христианское убеждение в вопросе о смысле войны.

Для того, чтобы понять христианское учение вообще и христианское воззрение на войну в частности, надо глубоко вникнуть в сам дух того божественного учения, которое принесено на землю Спасителем мира. Христово Евангелие нигде прямо ни запрещает, ни узаконяет войны. Отсюда понятно, что и христианская Церковь в самую раннюю пору своего существования, приблизительно до III века, не определила существенно своего отношения к войне. Ориген, Тертуллиан и почти вся Египетская Церковь считают несовместимым военное звание с христианской жизнью. Впрочем, и до III века некоторые представители христианской Церкви (Климент Александрийский) решают это недоумение в смысле позволительности заниматься делами государственными. С IV же века этот взгляд окончательно утверждается и получает свою силу вследствие постановления

Арльского собора (314 г.), который под страхом отлучения от Церкви запрещает уклонение от военной службы¹⁷².

Так определённо высказалась в IV веке христианская Церковь по вопросу о войне с точки зрения нравственного учения христианства. Однако, это очень многих не удовлетворило. Мыслители, по-своему поняв нравственный христианский закон, разошлись с общецерковным пониманием этого закона и разделились по своим взглядам на смысл и значение войны на отрицающих войну совершенно, так называемых «апостолов мира», и её защитников или «апологетов войны».

Ужасы и бедствия войны, упадок экономического и культурного быта в государстве, понижение нравственного уровня в военное время и пр. уже очень рано стали выдвигать особых людей, «апостолов мира», которые не только заботились о скорейшем прекращении войн, но, главным образом, пытались совершенно уничтожить военную службу. Среди таких проповедников можем указать на известного американца Элиу Бэррита, жившего в первой половине XIX века. Свои воззрения он окончательно выработал, ещё будучи 20-тилетним юношей, когда в кружке единомысленных с ним сверстников на основании Библии беседовал о важности общего примирения. С проповедью своих идей он путешествовал по всей Европе и его инициативе, главным образом, приписывают возникновение конгрессов в Брюсселе (1848 г.), Париже (1849 г.), Франкфурте (1850 г.) и Лондоне (1851 г.). В этом же направлении действовал и его младший современник Ричард Кобден, который также принимал немаловажное значение в поименованных конгрессах мира.

Благодаря художникам, поэтам, романистам, философам и проч. эти воззрения проникали в жизнь и создавали таким образом широкую оппозицию милитаризму, которая вскоре и дала о себе знать.

Всё, что можно сказать апологетам мира в защиту своего взгляда против войны, собрано в одной английской книжке Ионаана Даймонда¹⁷³, вышедшей седьмым изданием в 1880 году. Даймонд является горячим защитником и ревнителем

мира, основательно усвоившим в пользу своего взгляда все воззрения, которые вырабатывались, можно сказать, уже со времени Будды (VI в. до Р. Х.), и занимали умы новых стоиков (Сенека) и некоторых протестантских сектантов (менонитов и квакеров). В своём трактате Даймонд защищает семь нижеследующих тезисов:

I. Война безнравственна в самых своих источниках, так как возникает всегда и существует вследствие причин (привычка, выгода, слава), положительно осуждаемых христианством.

II. Война безнравственна и в своих последствиях и потому не согласна с христианством: она в значительной мере понижает нравственный уровень народов, их общественное и политическое благосостояние.

III. Война стоит в противоречии с общим характером христианства и основными его нравственными началами.

IV. Война запрещается точным и прямым смыслом некоторых нравственных правил, заключающихся в Св. Писании.

V. Христиане первенствующей Церкви веровали, что война запрещена Иисусом Христом, и некоторые из них запечатлели эту свою веру мученической смертью.

VI. В пророчествах Ветхого Завета Бог положительно выразил Свою волю о имеющем последовать окончательном искоренении войны; а это искоренение войны должно быть произведено христианством, действием его начал.

VII. Те, которые, согласно со своими убеждениями в незаконности войны, отказывались от неё, находили себе защиту в Промысле¹⁷⁴.

Такое же воззрение на войну усвоил впоследствии и граф Л. Н. Толстой, раскрывши его сначала в своих художественных произведениях (напр., «Война и Мир»), а затем, в своих, если можно так выразиться, богословских трактатах: «в чём моя вера» и «царство Божие внутри нас». Он не дал в этом случае ничего оригинального; даже в основном тезисе своего мировоззрения «о непротивлении злу», Толстой имеет предшественника хотя бы в упомянутом Ионафане Даймонде. Да и среди русских мыслителей воззрения Л. Н. по этому

вопросу не новость, так как указанные тенденции ещё ранее Толстого появились, напр., у Щеглова, в его военных рассказах.

Однако, антибеллистические воззрения названных мыслителей, покоившиеся в своей постановке, как мы увидим ниже, на неправильном толковании сущности христианской нравственности, ограничились, при своём практическом осуществлении, только собранием нескольких конгрессов, почти ни к чему не приведших, да, пожалуй, изобретением «гуманных пуль».

В противоположность «апостолам мира» появляются мыслители иного рода, «апологеты войны», дошедшие в своих воззрениях также до крайности, до неумеренного восхваления и даже обоготворения военных действий. Война – основной закон всего живущего, вот тезис, на котором строят свои построения апологеты войны. «Война – божественного происхождения», говорит один из них, де-Местр: «это – мировой закон; её окружает таинственный ореол славы и она имеет для нас какое-то невыразимое обаяние. Война божественного происхождения уже в силу того, что она щадит великих полководцев, даже самых отважных, – редкие из них бывают ранены, да и то тогда, когда наступил предел их славе, когда их миссия кончена»¹⁷⁵.

Во главе мыслителей рассматриваемого направления стоит знаменитый немецкий философ Гегель, признающий разумное основание для всего реально существующего. Последователем и продолжателем его взгляда является известный французский публицист Прудон, видный революционный деятель. «Без войны», говорит он, «ничего нельзя объяснить; всё связано с нею; кто постиг войну, тот постиг всю жизнь рода человеческого»¹⁷⁶. Итак, по вопросу о смысле войны образовались два крайних воззрения, из которых одно считает войну безусловным злом, а другое признаёт её явлением не только возможным, но и необходимым.

Христианство отвергло эти крайние воззрения и установило свой новый «средний» взгляд. Правда, христианство, как уже выше было замечено, не решало этого вопроса своей буквой; оно вообще не касалось вопросов политики, права, экономики и

проч. и сделало предметом своего учения лишь то, что относится к так называемым «вечным вопросам», предоставляя решение всего прочего свободе человека. Однако, и по Библии можно проследить идею мира и войны. «Первые правильные понятия о войне», говорит Амвросий, архиеп. Харьковский, «мы находим в книгах Моисеевых, где Бог повелевает врагов истины и правды, неспособных возвыситься до них силой разума, но плодящих на земле зло, уничтожать и покорять силой оружия»¹⁷⁷. Устами пророков Господь Бог, как известно, указывал на имеющее совершиться в отдалённом будущем время полного просвещения людей учением любви и мира, когда «волк будет жить вместе с ягнёнком и барс будет лежать вместе с козлёнком; и телёнок, и молодой лев, и вол будут вместе и малое дитя будет их водить и т. д.» (Ис.11:6).

Но и с явлением христианства, война, как знаем, не уничтожилась; и, как само собой понятно, не христианство узаконило её на дальнейшее время. «Замена римского мира (и мира) христианским», говорит Вл. Соловьев, «не произвела сразу в положении вопроса о войне никакого существенного изменения. Правда, своим безусловным осуждением всякой ненависти и вражды, христианство в принципе, в нравственном корне, упраздняло войну. Но подрезать корни ещё не значит – повалить дерево; да проповедники Евангелия и не хотели повалить это Навуходоносорово дерево, ибо они знали, что его тень ещё нужна земле, пока из малого зерна истинной веры не вырастет ему на смену то «величайшее из растений», под сенью которого могут надёжно укрыться и люди и звери полевые»¹⁷⁸.

Это, пожалуй, так; и в этом, разумеется, смысле 83 правило Святых Апостолов, запрещаая посвящённым принимать участие в воинском деле, т. е., заведовать воинским жалованием, имуществом и наборами войск, мотивирует это евангельским «кесарева кесареви и Божия Богови» (Мф.22:21). Однако, мнение Соловьева, будто христианство нуждается в войне и *до поры до времени* не следует валить «Навуходоносорова дерева», не совсем глубоко проникает в сущность предмета. Кому не известно, что война есть зло? Война – зло, но не столько по тем бедствиям, которые она вносит в человечество,

сколько потому, что она является следствием зла и порока, плодом греха и продуктом человеческих страстей. Греховный эгоизм служит причиной международных раздоров. Известно, что грех произвёл и саму войну (братоубийство Каина). Поэтому христианство, проповедующее возможно полную чистоту и святость, ни на минуту не может желать войны, так как это значило бы желать зла и греха. Война, которую Вл. Соловьев образно назвал «Навуходоносоровым деревом», глубоко укоренилась в понятиях человечестве и потому становится как бы неизбежной и в христианстве.

В самом принципе война есть зло, но не всегда и не всякую войну осуждает христианство и военную службу не считает безнравственной. «Разве лишён спасения воинский чин»? – вопрошает Св. Василий Великий: «Разве нет ни одного сотника благочестивого? Я знаю, один сотник, который/стоя у креста Христова и от чудес познавши Его могущество, не смотря на жестокость иудеев, не убоился их и изрёк истину»¹⁷⁹, так как «не воином быть грех есть, но воинствовать для хищения – беззаконие»¹⁸⁰, поясним словами Амвросия Медиоланского. Поэтому, из обстоятельств войны явствует, с чьей стороны война нравственна и воинское звание – почётно, и смерть на поле брани – славна. Это очень наглядно изобразил Вл. Соловьев: «смысл войны», говорит он, «не исчерпывается её отрицательным определением, как зла и бедствия; в ней есть и нечто положительное, не в том смысле, чтобы она была сама по себе нормальна, а лишь в том, что она бывает реально необходимой при данных условиях. Эта точка зрения на ненормальные явления, вообще, не может быть устранена, и на неё приходится становиться не в противоречии с нравственным началом, а напротив, в силу его прямых требований. Так, например, хотя всякий согласится, что выбрасывать детей из окошка на мостовую есть, само по себе, дело безбожное, бесчеловечное и противоестественное, однако, если во время пожара не представляется другого средства извлечь несчастных младенцев из пылающего дома, то это дело становится не только позволительным, но и обязательным. Очевидно, правило бросать детей из окошка в крайних случаях не есть

самостоятельный принцип наравне с нравственным принципом спасения погибающих; напротив, это последнее нравственное требование остаётся и здесь единственным побуждением действий; никакого отступления от нравственной нормы здесь нет, а есть только прямое её приложение способом, хотя неправильным и опасным, но таким, однако, который, в силу реальной необходимости, доказывается единственно возможным при данных условиях»¹⁸¹. Поэтому весь вопрос сводится к тому: при каких условиях христианство считает войну нравственно позволительной?

В виду того, что основанием как нравственной, так и гражданской жизни каждого народа служит его религия, а для народа христианского его религия – святая Богооткровенная истина, то разве может кто-либо считать войну на защиту веры христовой безнравственной? Правда, все народы убеждены в истинности исповедуемой только *ими* религии, но цену веры «языков» мы знаем и принцип войны «за веру» для нас становится обязательным.

Кроме того, справедливой в нравственном смысле надо признать войну на защиту своей родины, соотечественников, на защиту народа христианского, порабождённого иноверцами, на защиту чести своего государства и т. д.

Обо всём этом коротко говорит Св. Амвросий Медиоланский: «всякий христианин обязан воинствовать и сражаться за честность и добродетель». Филарет, митрополит московский, благословляя в 1854 году войско на войну, внушает ему такие мысли: «если по судьбам Божиим и вам должно будет стать против лица врага, вы будете помышлять, что сражаетесь за благочестивейшего Царя, за любезное отечество, за святую церковь против нехристиан, против гонителей христианства, против утеснителя народа нам единоговерного и частью соплеменного, против оскорбителей святыни, поклоняемых мест Рождества, Страдания и Воскресения Христова»¹⁸².

По существу дела, христианство знает только войну оборонительную от власти, понятий и насилий язычества, неправоверия и неправды. Правда, христианская любовь повелевает терпеть зло, но только до тех пор, пока зло не

препятствует славе Божией. В противном случае это будет неразумным злоупотреблением высокими заветами Господа о терпении. Сам Христос как бы узаконяет самозащиту одним случаем, бывшим в Его жизни. Когда на суде первосвященника Анны, слуга ударил Христа по ланите, то Господь сказал ему: «если я сказал худо, то скажи, что худо, а если хорошо, то за что ты бьёшь Меня?» И никто не дерзнёт в этом поступке Господа видеть противоречие с Его заповедью, – «не противься злему» (Мф.5:39). Наоборот, здесь усматривается высшее и разумнейшее исполнение приведённых слов.

Итак, христианство, хотя и признаёт, что война есть зло, но зло неизбежное и потому борится с ним в предотвращение большего зла, внушая при этом воюющим самые строгие нравственные требования, которые выразил Хомяков в таких стихах:

„Не в пьянстве похвальбы безумной,
Не в пьянстве гордости слепой,
Не в буйстве смеха, песни шумной,
Не с звоном чаши круговой,
Но в силе трезвенной смиренья
И обновлённой чистоты,
На дело грозного служенья
В кровавый бой предстанешь ты!
О, Русь моя! как муж разумный
Сурово совесть допросив,
С душою светлой, многодумной,
Ступай на Божеский призыв!
Так, исцелив болезнь порока
Сознаньем, скорбью и стыдом,
Перед миром станешь ты высоко
В сиянье новом и святом!
Иди! тебя зовут народы,
И, совершив свой бранный пир,
Даруй им дар святой свободы,
Дай мысли жизнь, дай жизни мир!
Иди! светла твоя дорога,
В душе -любовь; в деснице – гром,

Грозна, прекрасна, Ангел Бога
С огнесверкающим огнём“.
И. Ивановский
(Окончание следует).

**Скворцов В. № 1. Особое приложение к жур.
„Миссионерское Обозрение“, кн. № 5 //
Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10.
(Приложение) С. 1–32**

Вести о Русско-японской войне.

I.

Виноградов А., свящ. Смысл церковных молений, возносимых православной Россией по поводу войны с языческой Японией. С. 1–6

(Поучение на молебном пении о даровании победы русскому оружию)

На дальней окраине русского государства вспыхнула война. Дерзкий вызов на эту войну бросила России православной языческая Япония, и Россия, с мужественною верой в помощь Господа Бога, приняла этот вызов. Вся Русь святая, как один человек, отозвалась на воинский клик своего Государя, понимая, что эта война не дело лишь далёкой окраины, но всей неделимой России: – за державные права, за честь и достоинство нашего отечества возникла она! И вот, от края, до края могучей волной всколыхнулась Россия, посылая на Дальний Восток своих верных сынов. – Снарядила она рати воинские – послала сынов своих положить свою жизнь, свои души за братьев их. Снаряжает следом за этими ратями и рати людные: где война, там смерть и разрушение, там кровь, раненые и страдающие; и вот, стремятся к месту сражений толпы строителей, искусных мастеров различных, полезных и необходимых при войне работ, движутся отряды медицинские, санитарные, – отряды братьев и сестёр милосердия: – это идут сыны России принести в жертву отечеству свои знания и силы, свои умения и искусства, своё доброе сердце.

Всем этим сынам отечества требуются для их дела, в далёком краю, материалы: ни воин, ни архитектор, ни врач, ни сёстры милосердия не могут выполнить своего подвига без оружия, без медицинских орудий и лекарств, без припасов различных необходимых вещей. Требуется на войне чем сражаться, чем питаться, во что одеться; чем поправить и восстановить разрушенное, испорченное, искалеченное! И вот не менее ценное дело для отечества делают те сыны и дочери его, что, оставаясь на своих местах, собирают, заготавливают и посылают далёким братьям своим всё то, в чём у них

неотложная нужда. И сии на жертвенник отечества возносят благовонную жертву, свои лепты, своё достояние, свои труды.

Так всякий теперь служит родине, чем находит возможным послужить! Все полны благородного желания победы над врагом, победы возможно легчайшей для нас.

Однако, как примиряется христианская совесть Руси святой с выступлением на бой, с желанием победы? Благословенно ли от Бога это дело? О, конечно! Прислушаемся к тем молитвам, которые возносятся русской церковью к престолу Царя царей в настоящее время, и мы поймём глубину истинно-христианского настроения Руси святой.

«С нами Бог, разумеите языцы, и покоряйтесь: яко с нами Бог». Такие слова ветхозаветного пророка применяет и себе наша церковь, начиная молебное пение во время брани против супостатов. Этим она исповедует перед всеми, необинуясь, что не суетная слава, не желание угнетать других, не задор и рвение ведёт нас на бранное поле. Далёк Господь от руководящихся подобными недобрыми чувствами, но близ боящихся Его. Следовательно, только тогда даёт нам надежду на успех наших молений о войне св. церковь, когда сами мы, выступая на войну, стараемся быть верными Божьей воле, – лишь для защиты правды своей против зла берёмся за оружие.

Такое именно сознание своей правды, сознание готовности не отступить от заветов Божией воли и наполняет русскую душу в настоящее время.

«В заботах о сохранении дорогого сердцу Нашему мира, Нами были приложены все усилия для упрочения спокойствия на Дальнем Востоке», возвестил недавно Государь Всероссийский всем своим верным подданным¹⁸³. «Мы изъявили согласие на предложенный Японским правительством пересмотр существовавших между обеими империями соглашений по Корейским делам. Возбуждённые по сему предмету переговоры не были, однако, приведены к окончанию, и Япония, не выждав даже получения последних ответных предложений Правительства Нашего, известила о прекращении переговоров и разрыв дипломатических сношений с Россией. Не предуведомив о том, что перерыв таковых сношений знаменует

собой открытие военных действий, Японское Правительство отдало приказ своим миноносцам внезапно атаковать Нашу эскадру»¹⁸⁴... Итак, мы испытали все средства примирения и натолкнулись на явное нежелание мира со стороны японцев.

Их вероломное поведение и побудило, да и должно было побудить, миролюбивого Государя нашей великой страны на повеление вооружённой силой ответить на вызов Японии. Итак, мы взялись за оружие не для нападения, но для защиты, – чтобы не дать торжества злу, – в виде наглости и коварства, поставить злу воинскую преграду, которая одна уже осталась в нашем распоряжении. И поистине – веруем мы – с нами в таком случае – Бог правый.

Но, веря, что с нами Бог, русская православная церковь чужда, однако, горделивого сознания своей безгрешной чистоты. Нет. Если ни один человек не бывает чист от греховной скверны, *аще и един день жития его на земли*, то и общество наше чувствует себя грешным перед Богом, – грешным при этом настолько, что признаёт себя достойным по праведному суду Господа Его гнева. Все бедствия, которые неизбежно несёт с собой война, можем мы безошибочно принять, как Божие справедливое по делам нашим воздаяние.

«Грех ради наших и беззаконий попустил еси, Правосуде, врагом нашим озлобити нас», исповедуем мы в молитвах своих при нашествии супостатов¹⁸⁵.

Пусть мы сознаём себя невиновными перед врагом своим, пусть признаём своё дело, защищаемое войной, делом правым; – всё же ни на минуту не должны мы забывать, что и несправедливое нападение на нас врагов может быть для нас самым справедливым, в очах Правосудного Бога, наказанием отечества за грехи её сынов и дочерей. Вместе с этим может оно быть и полезным вразумлением нам в нашей жизни, потому что у Промыслителя Бога всё содействует благу: Он «милосердием щадить людей своих», «напастями же и скорбями обращает их к себе»¹⁸⁶.

Поэтому, обращаясь при нашей войне к сильному и крепкому во бранех Господу Богу за Его великой помощью, призываемся мы прежде всего смиренно молить Его «еже не

помянути грехов и беззаконий наших, но яко благосерду и милостиву быти нам, недостойным рабам своим»¹⁸⁷.

Сознание греховности, смиренное покаяние и предание себя в волю Божию, – вот необходимые настроения души в наших молитвах при войне. И просить мы от Бога можем лишь Его милости к нам недостойным. Вот почему и слышим мы в молитвах церковных такие воззвания: «Вемы, Господи, яко наказуеши нас, яко отец сыны, да скорбьми обрати ны к Тебе; темже в покаянии зовем Ти: остави нам долги наши¹⁸⁸. Согрешихом, Господи, пред тобою, – но вемы, яко несть греха побеждают милосердие твое¹⁸⁹... Не вниди в суд с рабы твоими, Правосуде, зане никтоже постоит пред Тобою; но призирая милостиво на смирение наше, помилуй нас и подаждь нам утешение¹⁹⁰... Милосердия ради твоего, Человеколюбче, отвори от вас праведный гнев твой и помилуй нас¹⁹¹... Преложи праведный гнев твой на милость»¹⁹².

Утвердившись в мысли просить себе от Бога милости, мы в молитвах своих представляем подробнее, в чём желаем видеть эту милость. – «Востани, Господи, в помощь нашу», «посли невидимо десницу твою, рабы твоя заступающую во всех», молится святая церковь. «Поддай силу и крепость» Христоролюбивому Императору, воинству его, которое яви «мужественными и непреоборимыми против всякого врагами супостата», дай им «на врагов победу и одоление». Избавь и освободи нас «от всех бед и нужд» войны и «вражиих наветов и бедственных походов», «сокруши козни» врагов, «низложи дерзость», «посли стрелы твоя и смятение сотвори врагом нашим... Исполни студа и бесчестия лица их, сердце же их страха и ужаса... блесни молниею и разжени я... И ангел Господень да будет погоняя и поражая их... Посли руку твою свыше и покори их, и в руки верному твоему воинству и Императору нашему предаждь¹⁹³.

Так просим мы, чтобы Господь действие обычных, естественных условий и течение обстоятельств направил к нашей победе над врагами нашими. Мы веруем и помним, что и оружие, и силы и способности человеческие, и внимательность, и усердие, не сами по себе, а лишь при Божьем благословении

приобретают полезное значение. Ведь известно, что нет Божьего благословения, – и копьё – ложь во спасение, нет защиты и в бранных доспехах. «Если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его, если Господь не охранит града, напрасно бодрствует страж» (Пс.126:1), говорит пророк Давид, который ещё в юности своей имел случай – при победе над гордым Голиафом – убедиться, что «не мечом и копьём спасает Господь» (1Цар.17:47). Этого-то Божьего благословения и просим мы. Да сообщит оно мощь и крепость нашим силам и оружию, а для врагов да создаст нечаянные им преграды и соделает посрамление.

Такая помощь, как милость Божия к смиренно просящим, возможна. Мы знаем библейские примеры её. Так, по молитвам Моисея, простёршего к Богу руки, Господь укрепил люди Израилевы на Амалика; Он сам ополчил на брань Иисуса Навина и для помощи ему даже «повелел солнцу стати». Вспоминая эти случаи, и мы можем просить и надеяться, чтобы и наши молитвы Господь услышал и, как в древле, так и ныне призрел милостью на покаянное смирение рабов своих¹⁹⁴.

Впрочем, молясь таким образом, мы сами должны ясно сознавать, что как всё у нас должно быть во славу Божию, так и эта война. Поэтому св. церковь внушает нам молиться, чтобы Господь, как премудрый Устроитель жизни всего и всех, направлял и управлял и нашу войну к Своей славе, – *имени Своего ради*, как слышали мы в возгласениях диакона¹⁹⁵.

А если так, если наша победа, которой мы просим над своими врагами, должна быть для славы Божией, – то понятно не злые замыслы, не желание гибели врагов наших должны наполнять и нашу душу, а желание скорейшего и прочного мира. «Брани умири и мир утверди» молимся мы, прося о победе¹⁹⁶. И в самой войне, к которой мы вынуждены неведущими в массе своей Христа язычниками, должны мы проявить любовь ко врагу, заповеданную нам нашим Спасителем.

Мы просим победы, одоления над врагом, просим посрамления его, предать в руки верующих. – Но для чего? Для того, чтобы самих врагов наших привести к познанию нашего Бога, Бога правды, мира и любви. «Посли руку твою свыше,

Господи, и оною коснись сердец врагов наших, да обратятся к тебе Богу мира и любящему создание свое»... слышим мы матерински вразумляющий нас глас церкви православной¹⁹⁷.

Вот, таким образом, смысл церковных молений, возносимых по всему лицу Руси святой во время настоящей войны с Японией. Вот какие мысли и настроения должны возбуждать и возгревать во всех верных сынах отечества эти моления.

Мы грехами двоими заслуживаем гнев Божий, достойны соделались и тех бедствий, которые несёт Руси святой настоящая война. Но – «с нами Бог»! Не забудем мы Его воли, Его заповедей, преданной Им святой веры нашей. Будем молиться, чтобы преложил Господь праведный гнев на милость, и милуя нас – обратил тяжесть бедствий войны на главу виновников её, нас же сохранил и избавил, скорее возвратил нам мир и тишину, которых мы всячески ищем и искали. Будем молиться, да соделает Господь нас, и на врагов наших победителями, – но не из тщеславия, не по гордости, и не для похвальбы своей, а во славу имени Его. Пусть бедами войны приобретём мы новых чад в доме Божием, знающих и чтущих Бога, помогающего нам.

Вот в чём должно полагать победу Руси святой над безбожной Японией!

Священник *Аркадий Виноградов*

Нилус С. Пророчество св. Серафима, Саровского чудотворца, о войне. С. 6

В «Моск. Вед.» С. Нилус в статье под заглавием «Дух Серафимов» сообщает следующее весьма интересное предсказание препод. Серафима, Саровского чудотворца:

«Не то диво, радость моя, что начальники пошли к мельнице, да не дошли, а вот будет диво, так диво, когда от Дивеева-то в Саров крестный ход пойдёт, а народу-то, что колосьев в поле. Вот это будет диво!.. А вскоре после того тяжёлая для России война будет, и Царь пойдёт на войну, и я с ним, и мы Англии кафтан-то, радость моя, и раздерём!»

Сергей Нилус

II.

Патетические и молитвенные пожелания по случаю открытия военных действий на Дальнем востоке. С. 7–12

Всеподданнейшие адреса духовной академии и С.-Петербургской епархии.

Государь Император на всеподданнейшем адресе С.-Петербургской духовной академии, представленном высокопреосвященным Антонием, митрополитом с.-петербургским и ладожским, 30 января изволил Собственноручно начертать:

„Благодарю сердечно петербургскую духовную академию за молитвы и добрые чувства“.

Всеподданнейший адрес академии был составлен в следующих выражениях:

„Всепресветлейший и Всемиловитейший Государь! Вверенная мне с.-петербургская духовная академия, вознесши Вседержителю Богу усердную молитву о даровании святой православной России победы над врагами Креста и христианской культуры, просит меня повергнуть к стопам Вашего Императорского Величества одушевляющие её, вместе со всем русским народом, чувства беспредельной верноподданнической преданности. Вместе с тем корпорация академии, желая принести свою посильную лепту на общенародное дело, постановила, впредь до заключения мира, производить отчисление из своего ежемесячного содержания на нужды военного времени. Счастлив представить Вашему Императорскому Величеству это выражение верноподданнических чувств с.-петербургской духовной академии. Вашего Императорского Величества всеподданнейший слуга и богомолец *Антоний*, митрополит с.-петербургский“.

На всеподданнейшем адресе столичного, городского и сельского духовенства с.-петербургской епархии, с выражением верноподданнических чувств по случаю начавшейся войны, Его

Императорское Величество Государь Император благоволил начертать следующее:

„Искренно благодарю за выраженные чувства“.

Адрес духовенства с.-петербургской епархии Государю Императору был следующего содержания:

„Ваше Императорское Величество. Благочестивейший Государь. Столичное, городское и сельское духовенство с.-петербургской епархии, с сердечным умилением вознося вседневные молитвы Господу Богу „о мире всего мира“, христианскою радостью радовалось мирному течению нашей жизни, направляемой миролюбием Вашего Величества. Теперь мир этот нарушен дерзким вызовом войны со стороны японцев. Вместе со всем русским царелюбивым народом духовенство с.-петербургской епархии молится о даровании победы Вашему Величеству над врагом и повергает к стопам Вашим, Благочестивейший Государь, одушевляющие его чувства безграничной Вам преданности и готовности служить Престолу и Отечеству, по примеру своих предков, верою и правдой и горячей молитвой.

Вашего Императорского Величества всепреданнейшие слуги и богомольцы:

Антоний, митрополит с.-петербургский и ладожский. Следуют подписи епископов и старшего духовенства“.

Настоящий адрес повергнут был к стопам Его Императорского Величества Государя Императора высокопреосвященным митрополитом с.-петербургским Антонием при всеподданнейшем докладе, в коем изъяснено, что Свято-Троицкая Александро-Невская лавра, по случаю начавшихся военных действий, отчислила из своих монастырских средств в пользу Российского общества Красного Креста двадцать тысяч рублей. Монашествующие лавры изъявили желание каждый месяц во все время войны жертвовать в то же общество от 2 до 10 % из получаемого ими денежного содержания, а члены духовного собора лавры – по 10%.

* * *

Настоятели и старосты с.-петербургских столичных и пригородных соборов и церквей единогласно положили: 1) ныне же отчислить в распоряжение общества Красного Креста из находящихся в их заведывании церковных сумм 106.100 рублей и 2) повергнуть к стопам Вашего Императорского Величества чувства беспредельной верноподданнической преданности и беззаветной готовности на всякую жертву на пользу дорогого нашего Отечества. Кроме того, на том же собрании настоятели соборов и церквей выразили от лица всего столичного и пригородного духовенства готовность во все продолжение войны жертвовать по 2% из всего получаемого им содержания, а церковные старосты пожертвовали из собственных средств 1.785 рублей.

Служащие в с.-петербургском епархиальном управлении духовные и светские лица положили обращать – члены консисторий не менее 2%, а светские чины не менее 1% ежемесячно на Красный Крест.

* * *

Всеподданнейшее письмо высокопреосвященного Владимира, митрополита московского, от 4 февраля, на коем Его Императорское Величество Государь Император благоволил Собственноручно начертать:

„Сердечно благодарю митрополита московского за молитвы и за благословение иконою“.

„Ваше Императорское Величество,
Благочестивейший Государь!

„Пятьсот лет тому назад тяжко томила святая Русь под игом татарским. Точно грозные тучи от времени до времени поднимались с Востока дикие орды монголов и всеразрушающей бурей проносились по градам и весям родной земли, но в эти тяжкие години великих испытаний Милосердый Господь посылал ей великих печальников и молитвенников, и в сонме сих угодников Божиих, как светлое солнце среди звёзд небесных, сияет смиренный радонежский игумен, преподобный Сергей, сей воистину игумен всея Руси, возбранный воевода и небесный гражданин Русской земли. Когда, в 1380 году, надвинулась на Русь орда нечестивого Мамаю, и

великодержавный князь Димитрий Иоаннович не мог умиловить этого гордого монгола ни дарами, ни покорностью, тогда благодатный старец благословил московского князя идти против полчищ Мамаевых и, отпуская ему в помощь двух своих витязей, бояр-схимников, изрёк ему чудное пророчество: „Дерзай, княже, победити враги твоя“.

„И свершилось дивное слово Сергиево: впервые, после покорения Руси монголами, Русь стеной повалилась на монголов и сокрушила их силу на поле Куликовом.

Отошёл к Богу из земной жизни великий старец. Но он остался верным сыном родной земли. Проходили столетия; великие беды и скорби обрушивались на Русь православную; дважды Москва была в руках вражьих, но нога вражья не переступала порога её обители. „Неотступна буду от места сего“, рекла ему некогда Царица Небесная, и непреложно было её обетование. Именно тогда-то, когда казалось всё потеряно, неоткуда было ждать земной помощи, – тогда-то восставал на защиту родной земли Сергей, – и все беды исчезали, как дым, и враги бежали со стыдом, и снова Русь сияла во всём величии своего родного православия и Христоподрожательного народного смирения, страшная своим врагам.

Жив он, угодник Божий, жив и ныне в сознании православного русского народа. Сотнями тысяч идут к нему со всех концов православные русские люди, – идут и, как живому, поведают все скорби свои, все заботы свои, повергаясь до праха земного у подножия его раки святой. Мы, недостойные иноки его святой обители, мы – постоянные свидетели этого благодатного общения нашего народа с его небесным печальником, заступником и молитвенником пред Богом.

И в наступившую тяжкую годину испытания, когда потомки древних монголов дерзнули нагло оскорбить Русь православную и разбойнически напасть на её верных сынов, – к нему, Великий Государь, Отец наш, к нему, угоднику Божию, народ твой возводит молитвенный взор, несёт свой молитвенный вздох. И неусыпно, неустанно прольётся, и уже льётся, молитва всенародная у заветной раки нетленных мощей его, и сливаемся духом с этой молитвой и мы, недостойные

послушники великого печальника Русской земли, иноки его обители: да приосенит его благословение Богом венчанную Главу Твою, как некогда благословил он великого князя Дмитрия Иоанновича; да сопутствует своей небесной помощью Христолюбивому воинству Твоему, как сопутствовал в лице схимников-витязей воинству Дмитриеву; да поможет он и Тебе, Великодержавный Царь наш, победить современных монголов, врагов родной нашей земли. И молимся, и будем всем сердцем молить великого нашего пред Богом ходатая, да испросит Он Тебе у Бога разумов духа премудрости и прозрения, чтобы не сокрылись от Царского взора Твоего все козни вражды, чтобы не воспрепятствовали сему расстояния; да не ослабевают духом наши Христолюбивые воины в борьбе за родную землю на её далёких окраинах от непривычных стихийных невзгод, – да будет эта война последней, миротворящей войной, и да придут скорее времена мирные, когда раскуют люди мечи свои на орала и ножи свои на серпы.

В знамение же сей пламенной молитвы и воистину чудодействующей веры смиренных сынов Руси православной, приими, Благочестивейший Государь, сию святую икону преподобного Сергия, освящённую на его нетленных мощах в тот день, когда впервые, близ его священной раки, было возглашено с церковного амвона Твоё скорбное Царское слово, призывающее русский народ на защиту святой веры православной. Царского Престола и родной земли. Вашего Императорского Величества всеподданнейший слуга и богомolec *Владимир*, митрополит московский и коломенский и архимандрит Свято-Троицкой Сергиевой лавры“.

* * *

Адрес христианского содружества. На всеподданнейшем адресе «Христианского содружества учащейся молодёжи», с выражением верноподданнических чувств по случаю войны с Японией, Его Императорское Величество благоволил Собственноручно начертать:

„Искренно благодарю за выраженные чувства“.

Адрес был представлен Его Императорскому Величеству при всеподданнейшем письме высокопреосвященного с.-

петербургского митрополита Антония следующего содержания:

«Ваше Императорское Величество, Всемиловитейший Государь! При с.-петербургском обществе религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви в начале минувшего 1903 года открыто христианское содружество учащейся молодёжи, с целью взаимного воспитания на началах православной христианской веры и нравственности. Сначала открытое в небольшом составе молодых людей, оно постепенно растёт и крепнет. К молодёжи примкнули многие священнослужители столицы, в качестве руководителей, а также и некоторые профессор! высших учебных заведений. Ныне члены сего содружества, воодушевляемые горячим патриотизмом, выражают свои верноподданнические чувства беспредельной преданности вашему величеству в адресе, каковой приемлю смелость представить Вашему Императорскому Величеству на Всемиловитейшее Ваше воззрение. Вашего Императорского Величества всеподданнейший слуга и богомолец *Антоний*, митрополит с.-петербургский».

Адрес «Христианского содружества учащейся молодёжи» был следующего содержания:

«Ваше Императорское Величество, Всемиловитейший Государь! Коварным нападением непричастное ни истинной вере, ни надлежащему просвещению государство возмутило вожделенный мир нашего дорогого Отечества и народов. Во всей необъятной России сердца её верных преисполнились глубоким негодованием и пламенной готовностью на подвиги самоотвержения за Веру, Царя и Родину. Христианское содружество учащейся молодёжи, возникши ради сближения учащихся в высших учебных заведениях С.-Петербурга на почве религиозных запросов, считает своим нравственным долгом горячее служение просветительным задачам и любвеобильным заветам православной церкви, и великодушным предначертаниям Вашего Императорского Величества и Вашего Незабвенного Родителя Царя-Миротворца. И ныне, в тягостную годину для Святой Руси, неизменно несущей светоч истинного просвещения, христианское содружество, в составе пастырей

церкви, профессоров и студентов, возносит горячие мольбы о ниспослании России благословения Божия на усмирение гордых скороспелой, внешней культурой врагов, дабы вновь водворившийся мир земли даровал нашей дорогой родине и всему человечеству возможность беспрепятственно, единодушно и неуклонно стремиться к небесному Свету истины, и повергает к подножию Престола Вашего, Благодетельный Государь, все силы своей жизни, свои – молодость, мужество и старость с пламенной готовностью, по зову Боговенченного Царя, разделить жребий христоролюбивого русского воинства и лечь костями за Христов алтарь, за Государев Престол, за могилы предков, за колыбели детей».

* * *

Братское сочувствие Болгарской церкви по поводу войны с Японией. С. 12–13

На всеподданнейшей докладной записке высокопреосвященного Антония, митрополита с.-петербургского, от 2-го февраля, с представлением Его Императорскому Величеству Государю Императору присланной на имя его высокопреосвященства митрополитом старозагорским (в Болгарии) Мефодием телеграммы, с выражением одушевляющих митрополита Мефодия, подведомое ему духовенство и паству чувств уважения и преданности Русскому Монарху, – Его Императорскому Величеству благоугодно было начертать, 2-го февраля:

„Прошу передать Мою благодарность митрополиту Мефодию“.

Телеграмма митрополита Мефодия следующего содержания:

„Надменность и вероломство и все коварные поползновения Японии уронить всемирный престиж Матушки России вызвали среди православной нашей паствы великое возмущение, в удовлетворение которого сегодня, после Божественной литургии, отслужено со всем клиром всенародное молебствие о испрошении свыше укрепления мышцы храброго русского православного воинства, для сокрушения и победы на супостатов. Всепокорнейше просим повергнуть к стопам Его Императорского Величества, Царя, выражение чувства нашей с паствой глубочайшей преданности. После молебствия множество горожан, собравшихся в нашем доме, изъявили горячее желание немедленно открыть подписку в пользу Красного Креста. *Митрополит Мефодий*“.

Официальный орган болгарского святейшего синода «Црковен Вестник» в последнем своём номере посвящает русско-японской войне обширную передовую статью. Высказывая в самых тёплых выражениях любовь, преданность и симпатии болгарской церкви и народа к России и напоминая, что Болгария, – обязанная всем своим существованием

исключительно великодушию великой славянской державы и не имеющая физической возможности прийти ей на помощь своими войсками, – должна выразить своё сочувствие и благодарность России денежными пожертвованиями для образования болгарских санитарных отрядов. «Црковен Вестник» заканчивает статью следующими словами:

„В борьбе наших освободителей с представителями жёлтой расы, мы, болгары, заинтересованы не только потому, что нам представился случай, хоть отчасти, на деле выказать свою благодарность великой русской нации за её благодеяния, оказанные в деле нашего политического освобождения, но и потому, что Россия – представительница восточно-православной веры, которую исповедует и наш народ, и потому, что начатая борьба – борьба за восторжествование христианства, в лице православной России над язычеством. Успех России во всех отношениях обеспечивает распространение христианства среди язычников; это – неопровержимый факт. Вот почему мы сильно заинтересованы в успехе России на Востоке среди полудиких азиатских народов. Вот почему, независимо от чувства благодарности, которое наш народ питает к великой державе, даровавшей нам, ценой дорогих жертв, политическую свободу, мы должны содействовать, насколько позволят нам наши силы, восторжествованию русского оружия над самонадеянными японцами, которые, подстрекаемые тайными врагами великой славянской державы, позволили себе так коварно напасть на Россию ещё до объявления войны. Наконец, мы не должны забывать, что мы, как и русские и все остальные славянские народы, составляем часть того великого племени, которое в настоящее время разорвано на несколько частей, находящихся отчасти под гнётом окружающих племён. Мы не должны забывать, что этому великому славянскому племени, для выполнения назначенной ему Провидением задачи, необходимо стряхнуть с себя иноземный гнёт и объединиться. Чтобы облегчить разрешение этой задачи, необходимо всем членам славянской семьи проникнуться чувством полнейшей солидарности. Для достижения же этой солидарности прежде всего надо чтобы все славянские народы прониклись чувством

искренней преданности великой русской державе, которой обязана своим политическим освобождением значительная часть этих народов и от которой ждут своей свободы и остальные славянские народы, находящиеся ещё под гнётом иноплеменников“...

О молитве в церковно-приходских школах. С. 13–16

В высшей степени симпатичное указание преподано, по словам Кавказа, –

отцам наблюдателям, заведующим и учащим в церковных школах Грузинского экзархата от окружного училищного совета Грузинского экзархата, с благословения его высокопреосвященства экзарха Грузии.

В этом, распоряжении, между прочим, говорится:

Первая, главная обязанность всех христиан теперь, „это – усердная молитва к Богу. Окружный совет просит отцов заведующих как можно чаще присутствовать теперь на утренних молитвах учащихся в школах. Каждый день, по окончании утренней молитвы, а равно и по окончании всех уроков, учащиеся и учащие коленопреклонённо должны молиться за Царя и Отечество с пением молитвы „Спаси, Господи, люди, Твоя“. Каждый день на утренней молитве должно поминать об упокоении православных воинов, на брани убиенных. За каждой литургией, когда, после прочтения Св. Евангелия и сугубой ектеньи священник будет возглашать молитву за Царя и воинство и затем заупокойную ектенью за убиенных воинов, – дети должны становиться на колена, а учащие должны располагать их к усердной молитве в эти священные минуты. В конце же каждой литургии, при пении „Благочестивейшего Самодержавнейшего“, – дети должны стать на колена, а священник, после пения этой молитвы, должен, в присутствии всего народа, обратиться к детям с приглашением ещё помолиться за Царя и Отечество в виду войны; дети должны при этом пропеть молитву „Спаси, Господи, люди Твоя“, и только после этого лобызают Св. Крест и уходят из храма.

Далее говорится:

Разъясните детям и повторяйте чаще, что все те, которые не могут теперь сами идти на священную войну за Крест, Веру и Родину, должны помогать нашим героям-войнам, особенно раненым, кто чем может. Нужно собирать среди детей денежные пожертвования на военные нужды и на больных и раненых;

важна здесь не сумма пожертвований, – пусть она будет самой ничтожной, – важно приучить детей самым делом участвовать в патриотическом подвиге. В школах, где имеются ремесленные отделения, рукодельные классы, столярные, сапожные мастерские и пр., дети непременно должны готовить что-либо на военные нужды: рубахи, принадлежности белья и одежды, корпию¹⁹⁸ для госпиталей и пр. Всякое пожертвование ценно по нравственному значению. Такие же пожертвования могут нести дети и тех школ, в которых нет профессиональных отделений, пользуясь, конечно, помощью родителей и с их согласия.

От души желаем, чтоб это глубоко-симпатичное распоряжение яшло отклик не только на далёком Кавказе, но и во всех школах внутренних губерний России

* * *

Заявление губернских предводителей дворянства. Государь Император, 15 сего февраля, в ответ на полученное по телеграфу верноподданническое обращение губернских предводителей дворянства, собравшихся в Москве для обсуждения вопроса о помощи пострадавшим от военных действий, удостоил московского губернского предводителя дворянства следующей высокомиловитой телеграммой:

„От души желаю успешного исполнения доброй мысли, собравшей предводителей дворянства в Москве. Искренно благодарю всех за выраженные чувства и вижу в них новое свидетельство всегдашней готовности русского дворянства служить своему Государю, по старине, в общей работе честных сынов России на благо дорогой Родины“. «Николай»

Вышеуказанное, от лица собравшихся в Москве предводителей, верноподданническое сообщение московского губернского предводителя дворянства князя Трубецкого было составлено в следующих выражениях: «Губернские предводители дворянства съехались со всех концов России в Москву для разработки возможности объединения нашей помощи пострадавшим от войны. Первое и самое крепкое единение наше, Государь, в преданности престолу и в самоотверженной любви к родине, и мы счастливы

свидетельствовать о них перед Державным Самодержцем, руководителем и заботником судьбы и достоинства России».

* * *

Всеподданнейший адрес печати. 25 февраля, в 3 часа дня, в Зимнем Дворце, Его Величество Государь Император соизволил принять представителей ежедневной столичной печати, избранных для поднесения всеподданнейшего адреса: издателя газеты «Новое Время» Суворина и редактора газеты «С.-Петербургские Ведомости» Столыпина.

Государь Император, выслушав адрес, изволил обратиться к присутствовавшему со следующими высокомиловитыми словами:

„Благодарю петербургскую печать за выраженные в адресе прекрасные чувства.

Внимательно следя за печатью в последнее время, Я убедился, что она явилась верной истолковательницей современных событий. её одушевление и проникновение народным духом доставили Мне истинное удовольствие.

Надеюсь, что и впредь русская печать окажется достойной своего призвания служить выразительницей чувств и мыслей великой страны и воспользуется своим большим влиянием на общественное настроение, чтобы вносить в него правду, и только правду“.

Всеподданнейший адрес от представителей ежедневной столичной печати составлен в следующих выражениях:

«Ваше Императорское Величество,
Всемиловитейший Государь.

Святой огонь, которым воспламенились и так ярко горят русские сердца, угадывая величие наступивших событий, объединил нас, представителей ежедневной столичной печати, в горячем желании выразить Вам, Государь, одушевляющие нас чувства.

Верная духу Родины, печать гордится выпавшей ей высокой честью быть вестницей и истолковательницей того величественного подъёма несокрушимой духовной силы, которым ответил русский народ на брошенный ему вызов.

Ваше Величество, в этом могучем порыве благороднейших чувств, охватившем Ваших подданных от мала до велика, печать найдёт силы встретить самые бедствия войны мужественною речью, достойной Вашего великого, народа. Печать преисполнена светлой надежды, что за годиною испытаний её ждёт завидная доля летописца нового славного торжества России над её врагами.

Мы верим, Государь, Провидение уготовило Вам славный жребий – вести русскую мощь и доблесть к совершению великого народного дела. Да поможет Вам в этом Бог.

Вашего Императорского Величества верноподданные...» (следуют подписи издателей и редакторов столичных ежедневных газет).

Патриотические заявления со стороны раскольников и иноверцев. С. 16–19

В «Полоцк. Епарх. Вед.» сообщено о патриотической манифестации местных раскольников *старообрядцев* следующие подробности.

6 февраля, в пятницу масленичную, на Смоленском базаре происходили обычные, из года в год повторяющиеся по пятницам на масленой неделе, смотрины невест, привлекающие из Витебского и смежных уездов сотни семейств старообрядцев. В этом году смотрины отличались большим многолюдством, а совершающиеся на Дальнем Востоке грозные события явились поводом для грандиозной патриотической манифестации. Громадная толпа народа, преимущественно старообрядцев, собравшись у здания театра, на фронтоне которого находился убранный флагами транспарант с изображением Государя Императора, вытребовала из театра оркестр военной музыки, который исполнял, многократно повторяемый, народный гимн, сопровождавшийся криками «ура». Затем, с портретом Государя Императора впереди, толпа вместе с оркестром военной музыки двинулась вдоль площади на Смоленскую ул. Оркестр поочерёдно исполнял «Боже, Царя храни» и гимн «Коль Славен», сопровождавшиеся раскатами «ура» всё прибывавшей публики. Со Смоленской ул. толпа, выросшая до грандиозных размеров, перешла на Дворцовую ул. и приблизилась к губернаторскому дому, заполнив весь бульвар. По просьбе манифестантов, на подъезд вышел г. начальник губернии.

Из толпы народа вышел Д. Ф. Мамонов, известный в гор. Витебске и уважаемый всеми *единоверцами*, произнёс следующую речь:

«Ваше превосходительство!

Вся эта масса народа, единоверцы и старообрядцы, по обычаю своих предков, стекавшаяся в виду предстоящей четырёхдесятницы Великого поста протянуть друг другу руку примирения, услышала печальную весть, что вероломный враг, язычник, идолопоклонник – японец дерзнул вызвать нашего

Царя-батюшку на ратное поле брани. Не объявляя войны, подкрался как вор в ночной темноте к нашему грозному флоту и вызвал его неожиданно к бою. В виду этой вести, просим тебя, ваше превосходительство, повергнуть наши беспредельные и преданные чувства Царю-батюшке и возвестить всей вселенной, что мы все, от мала до велика, готовы восстать против врага за батюшку-Царя и Святую Русь и принесём всё своё благосостояние на алтарь жертвы, а жизнь – на защиту родины, как поступали наши предки. И если это тот самый злой японец, который дерзнул поднять руку на священную Особу нашего батюшки-Царя, когда он ещё был юным Цесаревичем, наше мщение не должно угаснуть, и он должен быть стёрт с лица земли за своё святотатство».

Начальник губернии благодарил толпу народную за патриотические чувства и сообщил, что о настоящей манифестации старообрядцев он доведёт до сведения Государя Императора. Ответное слово губернатора было покрыто громовым «ура» и пением народного гимна. В предложенные толпе кружки Красного Креста посыпались сотни разных монет.

Двинские старообрядцы также проявили свой патриотизм. Они сделали отъезжающим на Дальний Восток воинам пожертвования: офицеры получили от старообрядцев по серебряному вызолоченному кубку, несколько корзин вин и разной провизии, а нижние чины – по одному рублю; в общем на сумму в 500 руб.

* * *

Католический Варшавский архиепископ предложил правительству снарядить особый санитарный отряд за счёт добровольных пожертвований его паствы.

* * *

В протестантской столичной кирке. Проповедь пастора Гиллота привлекла 22 февраля в голландскую церковь многочисленных слушателей. Храм был переполнен. Проповедник красноречиво изобразил ужасы войны, выставив в виде противовеса им долг, патриотизм и воодушевление, благодаря которым идеализм в конце концов восторжествует над ужасной реальной действительностью. В пользу русско-

голландского санитарного отряда собрано было после проповеди 1,026 рублей.

* * *

Патриотическая манифестация тифлисских мусульман.

Утром 8 февраля в шиитскую мечеть в Тифлисе собрались мусульмане-шииты и сунниты, во главе с закавказским шейх-уль-исламом Ахундом-Заде и закавказским муфтием Гаибовым. После молебствия о ниспослании победы русскому оружию над японцами и речей шейх-уль-ислама и муфтия громадная толпа при звуках военного оркестра с кликами «ура» и с русскими национальными флагами двинулась по направлению к Эриванской площади.

Благодаря чудной весенней погоде и праздничному дню, улицы были полны народом, который восторженными кликами «ура» встречал манифестантов. Балконы домов по пути следования процессии были полны публикой. Придя на Эриванскую площадь, манифестанты на время остановились. Оркестр заиграл народный гимн. Площадь была полна народом. Звуки оркестра заглушались оглушительным «ура». Затем манифестанты прошли по Дворцовой улице и, подойдя к дворцу главноначальствующего, остановились тут. Оркестр вновь исполнил народный гимн, подхваченный мощными криками «ура»...

На балкон вышел ген.-адъют. кн. Г. С. Голицын с супругой и, прослушав гимн, дал знак рукой. Громадная толпа смолкла, и воцарилась тишина. Князь-главноначальствующий благодарил мусульман и, выразив пожелания победы русскому оружию, как передают тифлисские газеты, произнёс: «Я рад, что мусульмане разделяют те чувства, которые переживают все подданные великой России». Слова эти были подхвачены громовым, долго не смолкавшим «ура», которое сменилось звуками оркестра, заигравшего народный гимн.

Затем манифестанты двинулись дальше по Головинскому проспекту и направились к дому губернатора, а отсюда вновь к дворцу и через Эриванскую площадь направились к квартире шейх-уль-ислама, который сошёл к манифестантам и горячо благодарил их. Затем манифестанты при звуках оркестра

подошли к дому муфтия, который также вышел к толпе и просил народ денно и нощно молить Аллаха о ниспослании победы русскому воинству, после чего манифестанты разошлись по домам.

* * *

Московское магометанское духовенство, руководимое старшим ахунм (мусульманский епископ) Х. Р. Агеевым, стремится поддержать патриотическое настроение в магометанах и выяснить их обязанности по отношению к их великой родине – России. В каждую пятницу, начиная с 6 февраля, и в каждый день магометанского праздника (как, например, 14 февраля, в день Айди-Курбан) в московской мечети, после обычного богослужения, совершаются торжественные молебствия о здравии Великого Падишаха – Государя Императора и возносятся молитвы о ниспослании победы русскому воинству. После молебна сам старший ахун, обращаясь к своей разно-племенной пастве, произносит на русском, персидском, турецком, киргизском языках и различных татарских наречиях проповеди, касаясь войны с Японией. В последней своей речи почтенный ахун сказал следующее:

„Нравственный долг каждого подданного – защищать своё отечество. События последних дней заставляют нас, Русских магометан, встать на защиту нашей великой родины. Мы, Русские магометане, в течение многих лет доказали нашу преданность Царю, и на этот раз, в настоящее тревожное время, тесно сплотимся с нашими соотечественниками-христианами, чтобы наказать коварных врагов-язычников, разбойнически напавших без объявления войны на русский флот. Да никто из вас не смутится, что большинство ваших товарищей по оружию – христиане. Не забывайте того, что общими врагами являются язычники. Сыны одного и того же отечества – братья между собой, в независимости от религиозных убеждений. Не верьте ложным толкам: дружба магометан с христианами не только не воспрещается священным Кораном, но даже в наших святых преданиях имеются указания, когда эта дружба освящалась словами великого пророка Магомета. Так, например, однажды первые

последователи Магомета терпели преследование от язычников, населявших Мекку. В то время Магомет советовал им бежать в страну, именуемую „Ямень“, населённую христианами. Эта страна – теперешняя Абиссиния. При этом Магомет указал своим последователям, что христиане должны считаться близкими к магометанам, так как те и другие верят в одного и того же истинного Бога и почитают божественные книги. Итак, теперь, когда Отечество переживает затруднения, вы, магометане, должны отозваться на его нужды душою, кровью и всем своим имуществом. Наша вера предписывает нам обязанность наказывать хищников и разбойников, хотя бы они и были нашими единоверцами“.

После произнесения речей делается сбор пожертвований на нужды армии и флота, и Красного Креста, который, несмотря на бедность прихода, даёт довольно значительные суммы.

III.

Пожертвования. С. 20

– Высокопреосвященный митрополит Киевский – Флавиан тотчас, по объявлении сбора пожертвований на усиление нашего флота, препроводил в редакцию „Нов. Вр.“ 1.000 р., сверх того внёс 1.000 р. в подписной лист лаврских иноков, собирающих добровольные лепты на Красный Крест.

– Московский греческий монастырь пожертвовал 1.000 руб. в пользу раненых и больных воинов. Греческая колония открыла среди своих членов сбор пожертвований в пользу Красного Креста.

* * *

Письма в редакцию Миссионерского Обозрения о пожертвованиях на священнослужущих в действующей армии, на священные предметы и книги.

I. По неисповедимым путям Промысла Божия, – не смотря на известное всему миру миролюбие нашего обожаемого Монарха, – ныне на Дальнем Востоке проливается русская кровь. Долг каждого истинно-православного русского человека – ныне молиться Господу Богу о даровании победы русскому Оружию – и прийти с посильным пожертвованием на нужды действующей ныне на Дальнем Востоке армии. И мои прихожане, вознеся Господу Богу горячие молитвы о ниспослании русскому оружию победы, собрали между собой посильную лепту и просили меня переслать оную на дело снабжения на Дальнем Востоке армии и флота священными предметами и посылку в достаточном числе священнослужителей, – которые утешали бы болящих, подкрепляли бы слабосильных и упавших духом и напутствовали бы умирающих. Узнав же, что редакцией газеты „Свет“ – выслано в редакцию „Миссионерского Обозрения“ – пожертвование на сей предмет одного истинно русского православного христианина – я осмеливаюсь и посильную лепту моих прихожан в количестве 30 (тридцати) рублей (пересылаемых ныне почтой) присоединить к вышеозначенному пожертвованию и просить употребить оные по назначению. Если

же редакцией на сей предмет пожертвования не принимаются, то посылаемые деньги прошу пожертвовать „Красному Кресту“ – на нужды больных и раненых воинов действующей на Дальнем Востоке русской армии.

Священник станицы Лабинской, Кубанской области, Василий Наседкин.

II. По прочтении в церкви Высочайшего манифеста о войне с Японией, почтенными прихожанами открыт сбор на раненых воинов, имеющий производиться до окончания войны. Часть сего сбора по предложению священника имеет отчисляться на дело снабжения на Дальнем Востоке армии и флота священными предметами и посылку в достаточном числе священнослужителей. С 1 по 9 число сего февраля отчислено 5 руб., которые честь имеем при сём препроводить в надежде, что редакция „Миссионерского Обозрения“ возьмёт на себя инициативу в сём истинно-христианском деле.

Села Вастовки, Ольгопольского уезда, Подольской губернии, священник Никита Громачевский. Прихожане: Зиновий Демчук, Гавриил Безусяк, Иван Ратушняк и Емельян Якимимин.

III. Служащая у меня нянькой, Ирина Иванова, просит меня внести 1 р. на усиление действующей армии священнослужителями, удержав этот рубль из получаемого ею довольно скудного жалованья (3 рубля в месяц). Благоволите принять эту лепту. И. С.

IV.

Высочайшие повеления и правительственные распоряжения. С. 21

– В бюллетене порт-артурской газеты «Новый Край» от 31 января напечатан следующий приказ Наместника Его Императорского Величества на Дальнем Востоке, от 29 января: Государь Император 28 сего января осчастливил меня нижеследующей телеграммой:

„Мобилизация в сибирских губерниях и областях объявлена. Вам предоставляется действовать во всём, как главнокомандующему; душой и сердцем с вами и Моими храбрецами на дальней окраине. Да благословит Господь наши действия “. «НИКОЛАЙ».

«Высокомилостивые слова этой телеграммы и Высочайшее внимание к войскам и флоту, мне вверенным, да преисполнят наши сердца непоколебимой решимостью в предстоящей борьбе жертвовать собой до последней капли крови, чтобы отстоять правое дело, честь и достоинство нашей дорогой Родины. твёрдо уверен, что каждый исполнит свой долг до конца и оправдает доверие нашего Великого Государя. Объявляя о вышеизложенном, я, в силу Высочайшего повеления, вступаю в права главнокомандующего военно-сухопутными и морскими силами Дальнего Востока».

* * *

Именной Высочайший указ правительствующему сенату. С. 21

Признав необходимым пополнить составы флотских экипажей Тихого океана, сверх уже призванных офицерских и нижних чинов запаса флота из районов Наместничества, Сибирского округа, и 5 уездов Казанского военного округа, Мы повелели указом Нашим, 16 февраля данным управляющему морским министерством, сделать ныне же надлежащие по сему распоряжения.

Вместе с сим повелеваем призвать на действительную службу в порта Тихого океана из тех уездов Вятской и Пермской губерний, из коих чин запаса флота ещё не призваны, равно из всей Уфимской губернии офицерских и нижних чинов запаса флота.

На подлинном Собственной Его Императорского Величества рукою написано:

«НИКОЛАЙ».

На нужды армии и флота. С. 22

Центральный склад Российского Общества Красного Креста Имени Государыни Императрицы Марии Феодоровны (Инженерная, 11) в настоящее время имеет надобность приготовить отправку в Харбин и Никольск-Уссурийск большого транспорта белья, обуви, непромокаемых плащей, госпитальных вещей, медикаментов, перевязочного материала, хирургических инструментов, аптечных предметов, пищевых продуктов, кахетинского вина, мадеры, спирта, коньяку, кофе молотого, чая в плитках и пачках, сахара, мясных консервов, а именно: жареной говядины, рагу из говядины, щи с мясом и кашей, горох с мясом, мясо с рисом, зелень сушёная разная, капуста квашеная, борщ, клюквенный экстракт, крупы: манная, перловая, овсяная, гречневая, горох, картофельной муки для киселя, сушёных фруктов для компота, риса, сухарей разных, горчицы, лаврового листа, перца в зёрнах и молотого, соли, уксусной кислоты чистой, масла горчичного или кедрового, прованского, молока сгущённого, консервов лимонного сока, томатов консервированных, макарон, вермишели, картофеля сушёного и т. д. Пожертвования принимаются ежедневно от 11 до 4 час. дня.

* * *

От генерал-майора Флуга.

Желательно для войск края получить: бельё, папиросы, табак, сапога, портянки летние, иголки, нитки, пуговицы, мыло, почтовую бумагу, конверты; в тёплых вещах надобности нет.

* * *

V.

Всеподданнейшие и официальные телеграммы с театра войны. С. 23–32

13 февраля. В дополнение телеграммы от 13 сего февраля, всеподданнейше доношу Вашему Императорскому Величеству о нижеследующем:

В Порт-Артуре 12 февраля, после захода луны, «Ретвизан» отразил несколько раз неприятельские миноносцы, причём считает два уничтоженными.

В море наши миноносцы, с капитаном 1-го ранга Матусевичем и капитаном 2-го ранга, князем Ливеном, встретили и гнались только за миноносцами неприятеля, больших же судов не нашли.

Утром того же 12 февраля были посланы крейсера «Баян», «Диана», «Аскольд» и «Новик» отвлечь японские крейсера от погони за частью возвращавшихся наших миноносцев. Из них один миноносец был отрезан 4 японскими крейсерами и укрылся в Голубиной бухте, где с большого расстояния был обстрелен неприятелем. Убитых и раненых на нём нет.

Японский флот, заметив наши крейсера, приблизился к фортам, которые вместе с судами открыли огонь в 10 ч. 50 м. Отстреливаясь, крейсера вошли в гавань после миноносцев. Неприятельские снаряды преимущественно не долетали. Кроме одного раненого матроса, других потерь нет.

Японский флот блокирует Артур 17 боевыми судами. При нём 8 миноносцев, тогда как вчера, 11 февраля, было 12.

Ген.-адъют. Алексеев.

15 февраля. В Порт-Артуре ночь с 13 на 14 февраля прошла спокойно. Неприятельская эскадра держится вблизи Порт-Артура. Получаются сведения о передвижениях китайских войск западнее реки Ляохэ. По слухам, до 10 тысяч войска генерала Ма находятся в пути между Тунджоо и Чаояном. Усиливается охрана синминтинской железной дороги: на каждой станции её поставлено около 40–50 китайских солдат. Наши конные части вступили в Корею. Корейское население к нам дружелюбно.

Ген.-майор Флуг.

ПОРТ-АРТУР, 15 февраля. Опубликован приказ коменданта генерала Стесселя от 14 февраля: „Славные защитники крепости и укрепленного района и население области, обращаюсь к вам со следующим: по назойливости, с которой неприятель ведёт атаки и бомбардировки против крепости и различных бухт полуострова, заключаю, что он намерен высадиться на полуострове и попытаться захватить крепость, а в случае неудачи, попортить железную дорогу и уйти. Помните, что захват Порт-Артура они считают вопросом национальной чести. Враг ошибётся, как уже во многом ошибся. Войска твёрдо знают, а населению я объявляю, что отступления не будет. Потому, во-первых, крепость должна драться до последнего, так как я, комендант, никогда не отдам приказ об отступлении; а во-вторых, потому, что отступать некуда. Обращая на это внимание более робких, призываю всех к тому, чтобы прониклись твёрдым убеждением необходимости драться до смерти. Человек, который решился на это, страшен. Он дорого продаёт жизнь. Кто же без драки, думая спастись, уйдёт, тот сам себя не спасёт. Идти некуда: с трёх сторон море, с четвёртой – будет неприятель. Драться надо. Тогда противник со срамом уйдёт и будет вечно помнить трёпку от русской доблести, при которой, уверен, каждый русский будет биться, забыв о возможности отступления. Помните: „вечная память убитым, вечная слава живым“.

22 февраля. (**Атака Владивостока**). Вашему Императорскому Величеству всеподданнейше доношу: Комендант Владивостокской крепости телеграфирует, что сего числа, в 8 час. 50 мин. утра, к югу от острова Аскольда показалось 7 кораблей; в 9 час. 45 мин. утра определилось, что это военные суда и держат курс на остров Аскольд. В полдень неприятельская эскадра находилась в половине расстояния между берегом и островом Аскольдом, направляясь на Уссурийский залив вне огня приморских батарей. В час 30 мин. дня неприятельская эскадра открыла огонь. Выяснилось, что в составе её имеются, по-видимому, крейсера первого класса «Изумо» и «Якумо». Названия прочих судов не определены.

23 февраля. В дополнение телеграммы от 22 февраля всеподданнейше доношу Вашему Императорскому Величеству: В час 25 мин. пополудни из 7 неприятельских судов – 5 открыли огонь по фортам Суворова, Линевица, по городу и рейду вдоль долины реки Объяснения. Огонь продолжался до 2 час. 15 мин., после чего японская эскадра стала отходить на юг и в 5 час. 30 мин. скрылась из виду. На батареях и укреплениях потерь нет; в городе ранен 1 матрос, убита женщина. Согласно только-что полученному донесению, неприятельская эскадра сегодня, в 8 час. утра, снова показалась в виду крепости.

Командир владивостокского порта доносит сего числа следующее: Вчерашняя бомбардировка сколько-нибудь серьёзных повреждений порту не нанесла. На огонь неприятеля крепость не отвечала. Сегодня около полудня, неприятель, войдя в Уссурийский залив, подошёл к месту, с которого обстреливал вчера порт, и повернул обратно в море. О вышеизложенном в дополнение телеграмм от 22 и 23 февраля всеподданнейше доношу Вашему Императорскому Величеству.

24 февраля, (Подробности атаки Владивостока). Вашему Императорскому Величеству всеподданнейше доношу подробности дня 22 февраля. Во Владивостоке около 11 часов утра неприятельская эскадра, пройдя траверс острова Аскольда, после нескольких перестроений оставила оба крейсера к северу от острова. Остальные суда направились в строе кильватера по Уссурийскому заливу, параллельно берегу в расстоянии не ближе 15 вёрст. Выйдя на створ горы св. Иосифа и уссурийской батареи, эскадра в том же строе взяла курс на эту батарею, открыв огонь с обоих бортов, по-видимому холостыми выстрелами, для прогрева орудий. В 1 час 35 мин., подойдя на расстояние около 8 вёрст, головной корабль открыл огонь из носовых орудий, а затем вся эскадра направилась вдоль берега, стреляя с левого борта. Во время циркуляции на правом галсе, неприятель огня не открывал. После 3-й циркуляции эскадра в 2 часа 20 мин. прекратила огонь, взяла курс на юг в милях 10 правее острова Аскольда и в 5 час. 30 мин. скрылась с горизонта береговых батарей. Всего неприятелем выпущено от 150 до 200 снарядов. Результаты

попадания ничтожны. В крепостях и сооружениях повреждений нет. В прочих частях города и крепости поражения незначительны. Состояние духа войск гарнизона превосходное. Подготовка батарей к бою совершилась в образцовом порядке.

По донесениям от 23 февраля в 8 час. утра неприятельская эскадра вновь появилась у Владивостока, вошла в Уссурийский залив, прошла вдоль побережья и, не открывая огня, повернула назад, держа курс на мыс Гамова. В 3 ч. 40 мин. дня эскадра находилась на высоте этого мыса и, повернув перед рейдом Паллада, удалилась к югу.

26 февраля. (От заместника). Комендант крепости Порт-Артура доносит: около 12 час. ночи на 26 число в море на горизонте, в лучах света наших прожекторов, замечены корпуса судов, похожих на миноносцы, по которым с батареей был открыт огонь. В 2 часа 40 мин. ночи в море вышли наши миноносцы, которые около 4 час. утра вошли в соприкосновение с неприятелем к западу от маяка Ляотешан. После нескольких выстрелов, неприятель удалился к югу в направлении на Шандун, наши же миноносцы возвратились в Артур. В 6 час. утра вновь были высланы миноносцы, которые через полчаса возвратились. Было получено известие о приближении неприятельской эскадры. В 8 час. утра японцы открыли огонь по нашим крейсерам и по крепости. У неприятеля 14 судов. Вся стрельба ведётся им из-за Ляотешана.

27 февраля. Командующий флотом, вице-адмирал Макаров доносит 26 февраля из Порт-Артура следующее: вышедшие в ночь на 26 февраля 6 миноносцев, из них 4 под общим начальством капитана I ранга Матусевича, встретились с миноносцами неприятеля, за которыми появились крейсера. Произошла жаркая схватка, в которой миноносец «Властный», под командой лейтенанта Карцова, миной Уайтхеда потопил неприятельский миноносец. При возвращении, миноносец «Стерегающий», под командой лейтенанта Сергеева, был подбит, лишился машины и начал тонуть. В 8 часов утра 5 миноносцев возвратились. Когда выяснилось критическое положение «Стерегающего», я перенёс свой флаг на «Новик», и вышел с «Новиком» и «Баяном» на выручку, но у миноносца оказались 5

неприятельских крейсеров и приближалась броненосная эскадра. Спасти не удалось, миноносец утонул; уцелевшая часть экипажа попала в плен. На судах, принимавших участие в ночной атаке, тяжело раненых 1 офицер, легко 3. Убито нижних чинов 2, ранено 18. В 9 часов собралось 14 неприятельских судов, началась бомбардировка Артура тяжёлыми орудиями броненосной эскадры неприятеля с большой дистанции, продолжавшаяся до 1 ч. дня. По счету с батареей неприятель выпустил 154 12-ти дюймовых снаряда. Повреждение судов незначительно, и суда вполне готовы к бою; потери на них: легко ранен один офицер, нижних чинов убито 1, раненых 4. Ночное освещение прожекторами с батареей было весьма умелое и несколько раз отдельными выстрелами батареи отгоняли миноносцы противника. Днём с начала бомбардировки крепостные орудия отвечали на огонь неприятеля. На всех кораблях команды держали себя с замечательным спокойствием и в нижних палубах шли заурядные работы, хотя снаряды падали между судов, засыпая их осколками. Бомбардировку с такого расстояния можно считать безрезультатной. Донесено, что на крейсере «Такасаго» заметили значительные повреждения, которые за дальностью, не менее 50 кабельтовых, не были рассмотрены. Некоторая часть снарядов выпускалась ими с 12 вёрст.

* * *

В дополнение телеграммы от 27 февраля всеподданнейше доношу Вашему Императорскому Величеству, что по донесению из Порт-Артура в бою миноносцев с японскими крейсерами 26 февраля ранены: капитан I ранга Матусевич, мичман Александров и инженер-механик Блинов – легко. Мичман Заев тяжело в голову, с потерей правого глаза.

Комендант Порт-Артура доносит нижеследующие подробности бомбардирования крепости: 26 числа, когда неприятель открыл огонь, ему начали отвечать наши батареи. 6 неприятельских судов из-за Ляотешана открыли перекидной огонь по крепости. Бомбардировка окончилась в 1 час 15 мин. дня. Противником выпущено до 200 снарядов, одна из бомб с батареи № 15 Электрического утёса сильно повредила японский

крейсер. Результаты бомбардировки незначительны. Ранено 6 нижних чинов. В городе убито 3 частных лица и тяжело ранен 1...

По заявлению ген.-лейт. Стесселя господа офицеры и нижние чины береговых батарей отличались примерным мужеством и вели стрельбу в образцовом порядке.

28 февраля. Всеподданнейшее подробное донесение вице-адмирала Старка об атаке броненосца «Ретвизана» японскими миноносцами и брандерами ночью, 11 февраля, и о нападении неприятельских крейсеров на миноносцы «Бесстрашный» и «Внушительный», произведённом 12 февраля.

В 2 ч. 40 м. пополудни, 11 февраля, после довольно продолжительного затишья в военных действиях, вновь раздался первый выстрел с броненосца «Ретвизан», который, неустанно и зорко наблюдая с рейдов, у берегов Тигрового полуострова усмотрел белый неприятельский миноносец. Стрельба с броненосцев, как можно было судить с внутреннего рейда, поддерживаемая береговыми батареями, происходила в течение часа с перерывами, и только в исходе четвёртого часа она обратилась в сплошной убийственный огонь, который, как впоследствии оказалось, был открыт по неприятельским пароходам-брандерам, большим ходом, направлявшимся на броненосец «Ретвизан» и проход в гавань. Огонь был настолько губителен для неприятеля, что через четверть часа после открытия первого парохода можно было даже из бассейна усмотреть его горящим и выскочившим на камень под входным маяком... У второго парохода удачно попавшим снарядом отдался якорь, и он, подобно первому, принуждён был, не достигнув цели, выброситься под Золотой горой. Брандеры сопровождались миноносцами, которых назначение, по-видимому, было снять с пароходов команду, а затем, при удачной постановке к «Ретвизану» брандеров его взорвать. По показанию многих очевидцев, два миноносца, находившиеся в лучах прожекторов, были потоплены. Поэтому, надо полагать, что неприятельским пароходам не всем удалось спастись. После полного отражения, неприятельские миноносцы подходили неоднократно и тем вызвали артиллерийскую

стрельбу с «Ретвизана». С рассветом были обнаружены ещё два парохода, тоже выбросившихся на рифы. Кроме того, на довольно глубоком месте у Тигрового берега в малую воду погрузился корпус большого японского миноносца.

Пароходы, величиной свыше 3.000 тонн, оказались начинёнными и пропитанными керосином, угольной пылью и большим количеством кальция в банках. Это сочетание горючих материалов привело к тому, что объятый пламенем пароход, несмотря на принятые меры, продолжал гореть в течение недели.

Пароходы снабжены были приспособлениями для взрыва и затопления их в желаемом месте, и можно с уверенностью сказать, что это представляло тип наиболее губительных брандеров. По предметам, найденным на пароходах и на берегу, хотя их было немного, можно судить о той поспешности, с которой пароходы оставлялись своими экипажами. На одном найдены платье и кортик морского офицера, очевидно вплавь искавшего своего спасения. Найдена карта с прокладкой курса отряда. На одной из карт сделан схематический набросок того положения, которое должны были принять в проходе брандеры-пароходы с обозначением броненосца «Ретвизана», отмеченного японской подписью, не оставляющей никаких сомнений в их смысле. По всему вероятно, гибель миноносцев и, во всяком случае, неизвестность их местонахождения, а также легко понятный интерес неприятеля, к какому конечному результату привела их атака брандерами, призвали утром на вид броненосца «Ратвизана» и наших фортов японские миноносцы и отряд лёгких крейсеров, которые с осторожностью держались вдали от батарей. Вскоре по выходе на наружный рейд наших крейсеров «Баяна», «Аскольда» и «Новика» неприятельские суда скрылись. Преследование их не представлялось возможным вследствие большого числа плавающих на рейде предметов, заставлявших опасаться присутствия мин.

Утром 12 февраля наши крейсера «Баян», «Аскольд» и «Новик» были посланы в море для разведок, а также для розыска миноносцев «Бесстрашный» и «Внушительный», не вернувшихся и посланных накануне вечером в составе целого

отряда. В 9 час. утра с фортов и застав было сообщено, что два наших миноносца спускаются с севера на западную сторону Квантуна. Одновременно получились сведения и о приближении неприятельского флота в полном его составе, причём число неприятельских миноносцев было 8. Неприятель старался держаться вдали от наших фортов, что мешало ему открыть огонь по нашим крейсерам, которые в ожидании возвращения миноносцев «Бесстрашный» и «Внушительный», держались под защитой береговых батарей и отстреливались от неприятеля.

В 10 час. 50 мин. утра неприятельский флот приблизился настолько, что все форты открыли по нему огонь. В то же время отряд лёгких крейсеров отделился, чтобы отрезать наших миноносцев, подходивших к мысу Ляотешан, с которого семафорами им передавалось о нахождении неприятеля в виду крепости. Миноносец «Бесстрашный» шёл полным ходом, и ему удалось под выстрелами проскочить в рейд. «Внушительный» отстал и затем решил вернуться в Голубиную бухту, где, как оказалось впоследствии, был настигнут неприятельскими крейсерами. Наши крейсера, по возвращении миноносца «Бесстрашный», вошли в гавань. На крейсере «Аскольд» ранен один нижний чин.

Возвращение миноносца «Внушительного» в Голубиную бухту было усмотрено неприятельскими крейсерами, так как, не успев отрезать миноносец «Бесстрашный», они направились к бухте, и все четыре крейсера открыли по миноносцу «Внушительный» частый огонь. Миноносец значительно повреждён разрывом воздушного резервуара минного аппарата. Убитых и раненых на миноносце нет.

От 28-го февраля. Телеграммы ген.-лейт. Жалинского. По сведениям корейских газет, в Чинампо высажено 18,000 японцев, которые идут в Пинь-ян, 500 японцев высадились в Кенчжен в Северной Корее, а ранее прибывшие 2.000 в Шенчжен двигаются вдоль берега также в Кенчжен. Сведения об этих 2,500 человеках опровергаются прибывшими из указанных пунктов корейцами. В Порт-Артуре и Владивостоке спокойно. Японских войск нигде в Манчжурии нет, в Северной Корее

обнаружены лишь небольшие неприятельские разъезды. (Рос. Аг.).

Порт-Артур, 28, февраля. Вечером 25-го было донесено о присутствии неприятельских судов близ Порт-Артура и Талиенвана, почему ночью был послан отряд миноносцев под командой капитана 1-го ранга Матусевича. На рассвете этот отряд встретил неприятельские миноносцы. Завязался отчаянный бой. Миноносец «Властный», под командой лейтенанта Карцева, взорвал миной, попавшей в корму, японский миноносец, который быстро затонул. Наши потери: ранены легко: капитан 1-го ранга Матусевич, мичман Александров и механик Блинов; тяжело: мичман Заев. Нижних чинов убито 2, ранено 12. Утром 26-го, в восьмом часу, японский флот в составе 13 больших судов и 6 миноносцев появился перед Порт-Артуром. Два наших миноносца «Стерегающий» и «Решительный» отстали и вступили в отчаянный бой, длившийся 2 часа. «Стерегающий» был окружён неприятелем и затонул от полученных пробоин. «Решительный» прорвался в Порт-Артур, имея двух раненых. Участь экипажа «Стерегающего» неизвестна. 28-го наша эскадра ходила в море, по неприятель не обнаружен. 28-го спокойно. Хоронили 4 жертвы бомбардировки: г-жу Франк, Сидорского и двух механиков землечерпательного каравана, работавших на «Ретвизане».

29 февраля. В районе без перемен. Во время бомбардировки 26 февраля осколком снаряда легко ранен в щеку полицмейстер Тауц.

Москва, 29 февраля. Сегодня в 8 часу утра прибыл из Петербурга генерал-адъютант Куропаткин с специальным поездом восточной китайской дороги. Несколько ранее приехали чины канцелярии командующего маньчжурской армией и его конвой из осетин, среди которых двое из Конвоя Его Величества. Генерал-адъютант Куропаткин был встречен помощником Августейшего Командующего войсками, временно-командующим гренадерским корпусом, командиром XVII армейского корпуса и другим военным начальством. Поздоровавшись с присутствовавшими, генерал-адъютант Куропаткин отбыл на вокзал ярославской дороги. Народ по пути

приветствовал его кликами «ура». В экстренном поезде генерал-адъютант Куропаткин отбыл в Троицко-Сергиевскую лавру. Возвращение его ожидается во 2 часу. При отходе ярославского поезда, собравшийся на перроне народ кричал «ура», махал шапками и крестил поезд. Генерал, стоя в вагоне, отвечал поклонами.

В 10 час. 30 мин. генерал Куропаткин прибыл в Троицкий посад. На вокзале его встретила депутация от посада и поднесла ценную икону с просфорой. Староста приветствовал речью, генерал благодарил и просил молитв за воинство. По прибытии генерала в Троицкий собор был отслужен напутственный молебен. Отец Никон благословил Куропаткина древним складнем, писанным на гробовой доске преподобного Сергия и сопутствовавшим русским войскам во всех их походах. Здесь же обитель поднесла генералу образ преподобного Сергия. При колокольном звоне генерал-адъютант Куропаткин прошёл в митрополичьи покои, где хоругвеносцы Сергиевской лавры поднесли стяг с изображением Дмитрия Донского, благословляемого преподобным Сергием; на оборотной стороне стяга образ св. Алексея. Ректор Духовной академии поднёс икону Покрова. После чая Куропаткин отправился на вокзал при восторженных кликах. По прибытии в Москву, на вокзале старообрядцы поднесли генералу икону. Среди наполнявшей улицы восторженной толпы возвратился генерал-адъютант Куропаткин с ярославского вокзала и проехал в генерал-губернаторский дом, где собрались высшие военные чины. Здесь от лица войск возложен был на генерала золотой шейный образок с изображением св. Георгия Победоносца. Затем Куропаткин прибыл в благородное собрание, куда съехались столичные власти и представители сословий. После молебна командующему маньчжурской армией поднесли иконы-складни. На речь предводителя дворянства генерал Куропаткин ответил: «Россия переживала испытания много рез более тяжёлые, чем те, которые ныне выпали на её долю, и каждый раз выходила из них победительницей; не умаляя трудностей, предстоящих нам, не уменьшая сил и достоинств врага нашего, мы и ныне можем с полным спокойствием и уверенностью ждать окончательного и

победного исхода борьбы, не нами начатой. Волею Государя Императора уже собралась на Дальний Восток могучая рать и, если её окажется мало, волею Государя двинутся новые дружины. Вот почему какие бы испытания нам ни пришлось перенести, мы все будем неизменно чувствовать твёрдую связь со всей Россией и сердцем России – Москвой. Молитвы Москвы, молитвы Россию поддержат и укрепят нас постоять за русское дело на Дальнем Востоке по долгу и присяге перед Царём и Родиной, не жалея сил и жизни. Да будет же воля Божья! Вам, всем представителям Москвы от лица всей маньчжурской армии кланяюсь до земли; ваши тёплые проводы, ваши молитвы и ваши иконы не к себе отношу, а ко всем войскам и, прибыв на Дальний Восток, доложу Наместнику и передам войскам, как трогательно провожала меня Москва и Россия. С своей стороны, искренно желаю и молю Бога, да пошлёт вам всем успеха в делах ваших, искренно желаю вам всем здоровья и процветания Москве – сердцу России, желаю от всей души здоровья и благоденствия Августейшему Начальнику Москвы и всех московских войск и Его Августейшему Семейству. Окончу речь тем, что несомненно наполняет все ваши сердца, все помыслы – возгласом за нашего Государя: на здоровье и многие лета нашему великому Государю русское «ура»! Раздалось несмолкаемое «ура», гимн был исполнен три раза. При кликах «ура» выходил из зала генерал Куропаткин, перед ним несли стяг, переданный ему московским предводителем дворянства.

* * *

Телеграмма генерал-лейтенанта Жилинского начальнику Главного Штаба, от 29-го февраля. 24 февраля напг разъезд обнаружил на реке Чин-чан-гане четыре неприятельских поста и за ними конный дозор.

У Пакчена японский разъезд в пять человек попал в засаду нашего разъезда, причём рассеялся, потеряв одного человека убитым. По следам разъезда найдено несколько патронов, пироксилиновые шашки и одеяла.

Начальник корейских войск в Ый-чжю согласился сдать оружие и распустить своих солдат, оставив при себе лишь 20 вооружённых.

Население в Маньчжурии спокойно.

В ночь на 27-е февраля неприятельские суда освещали прожекторами бухту Елена и берег против Сеньючена.

По проверенным сведениям, высадок японцев севернее Ген-зана не было и нет.

Настроение жителей по реке Тумень-ула в нашу пользу.

Редактор-издатель *В. Скворцов*

№ 6. Март. Книга 2-я

Потехин С., свящ. Христианство и иудаизм: почему проповедь о Христе не имеет успеха в еврейском народе? ¹⁹⁹ // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 616–627

Киевское св.-Владимирское братство ревнителей православия выделяется из ряда других однородных с ним учреждений своей миссионерской деятельностью среди евреев. Миссия его в данном случае не носит активного характера. Братство не посылает миссионеров в среду еврейства: оно довольствуется скромной задачей – содействовать св. крещению тем из евреев, в душе которых уже созрела решимость сделаться христианами.

Братство, как и вся христианская церковь, как бы остановилась перед еврейским народом с проповедью о Христе, оглашающей всё человечество, даже „до краёв земли“. И совесть христианина не может не тревожиться такой, по-видимому, бездейственностью христианской проповеди, и каждый христианин, кому дорого дело Христово, кто верит во всепобеждающую силу имени Христа, с сокрушением спрашивает: отчего проповедники Христа не идут к евреям, не преклоняют их под благое иго и лёгкое бремя Христово?

Конечно, не от равнодушия к судьбам еврейского народа, конечно, не от вражды, ненависти и презрения, которые так часто, к великому горю всего мира, затемняют взаимные чувства еврейского и христианских народов. Если заповедь Христа – проповедовать „всем языкам“ не позволяет исключить из неё еврейский народ, то особое назначение этого народа, особые судьбы его должны мысленно притягивать к себе лучшие умы и сердца христианской церкви.

Нет, не равнодушие, тем более, не презрение к еврейству закрывают перед еврейским народом уста у христианской проповеди, а причины другого порядка.

Еврей, по давно уже сложившемуся складу своих религиозно-нравственных воззрений, не может *принять и вместить* в себе христианство, как религию личного живого

Бога. Иудаизм, религия еврейского народа, уже давно, оставив Ветхий Завет, стала религией национального своего земного бытия, без порывов к небу, без жажды возрождения. Вот причина, почему еврейство, в противоположность язычеству и, отчасти, магометанству, не смотря на общий с христианством источник Богопознания, не смотря на многовековую свою жизнь среди христиан, не смотря на преклонение своё перед некоторыми христианскими идеями и восприятие многих из них в своё мировоззрение, не может принять и не принимает христианства. Ветхий Завет, данный Богом еврейскому народу, естественно приводит ко Христу, но религия евреев-талмудистов и религия современных евреев-интеллигентов уже давно не то, что можно мыслить под Ветхим Заветом.

Покойный В. С. Соловьев полагал, что еврейство в своей массе, как народ, не принимает христианства потому, что „христианство, с одной стороны, как проповедь всечеловеческого братства, казалось еврею чем-то слишком широким, отвлечённым и нереальным; с другой стороны, оно, насколько связывает дело личного спасения с одной личностью Иисуса, представляется еврею как что-то узкое, произвольное и недостаточное“²⁰⁰. Соловьев полагал, что „доказать евреям, что они ошибаются, можно только фактически, осуществляя на деле христианскую идею, последовательно проводя её в действительную жизнь... Евреи – народ дела, – говорил Соловьев, – покажите им христианское дело, объедините церковь, сочетайте её с государством праведным сочетанием, создайте христианское государство и христианское общество: лучшая часть еврейства войдёт в такую христианскую теократию“²⁰¹.

Кто не пожелал бы, чтобы этот, предлагаемый Соловьевым опыт обращения евреев в христианство, был приведён в исполнение последующей историей христианских народов? Кто не желал бы, чтобы еврейский вопрос – этот кошмар наших дней – был решён, наконец, удовлетворительно? Кто, по крайней мере, не стремился бы к тому, чтобы национальная тяжба евреев с христианскими народами, чтобы эта борьба способности к экономическому порабощению, с одной стороны,

и права на целостность и крепость государственной самобытности, с другой, чтобы эта вековая национальная борьба не переходила в борьбу религиозную: против гоев – с одной стороны и за Христа или во имя Христа – с другой?

Но было бы большой ошибкой согласиться с Соловьевым, что евреи потому только не принимают христианства что не видят его на деле, осуществлённым в жизни народов. Евреи во плоти видели Господа, слышали учение Его, изумлялись чудесам Его и не узнали Его, не приняли Его... Евреи могут видеть и видят всю чудодейственную силу христианства в истории народов, в современной цивилизации, могут легко, путём даже научного изучения истории, узнать, что сделало христианство для современного прогресса и культуры и всё-таки не принимают христианства. Евреи – вся их история – есть история противления живому Богу, есть стремление отвести себя от богочеловеческого процесса истории. Уже давно еврей не ищет и не томится по Боге. Еврей постоянно тяготился любовью Божией – не желал слышать голоса Божия, не желал видеть лица Его. Результатом многовекового чрезвычайного попечения о народе еврейском было лишь то, что еврей полюбил закон Божий, но полюбил форму, а не содержание, полюбил букву, а не дух. Ветхозаветный еврей вошёл во вкус кровавых жертв Богу и с охотой приносил их, но не мог вынести одной мысли о том, к чему его должны были приводить эти жертвы, мысли о жертве крестной, которую принёс Сын Божий: она навсегда осталась для еврея соблазном! Он проникся пророческими вещаниями о Мессии и пропустил предназначенное время явления Христа, не узнал Его, не желал узнать Его!.. За деревьями он не увидел леса. За формами теократической жизни он не увидел Бога. Он дорожил формами. Принять живого Бога в свою веками установившуюся жизнь, не значит ли подвергнуть эту жизнь опасности нарушить форму? Еврейский народ исключил из своей религии всякий личный элемент, всякое личное вмешательство Бога. А этот-то личный элемент и является сущностью богочеловеческой религии христианской. И вот еврейский народ, как нам думается, по

существо своего исторического бытия не может принять христианства.

Припомним, что фарисеи, эти типичные евреи, готовы были бы признать Христа. „Этот человек много чудес творит“, – говорили они. Но... если оставим Его так, то все уверуют в Него, и придут римляне и овладеют и местом нашим и народом (Ин.11:4–48). Вот чего они боялись. Римляне уже владели ими в смысле государственного господства, но римляне не посягали на их религиозно-национальную жизнь. А Христос проповедует жизнь совершенно другого порядка: царство Отца небесного, изливание Духа Святого, исцеление сокрушённых сердцем, свободу от греха, примирение измученного человечества, наступление совершенно новых времён Господних (Лк.4:8). Нет, нет, это гибель установившихся воззрений, это потеря национальной жизни, – и Каиафа говорит: „лучше одному человеку умереть за людей, нежели всему народу погибнуть“ (Ин.11:48–51). Евреи распяли Сына Божия, потому что, по их понятиям, и Сын Божий не должен разрушать того, в чем они видели единственный смысл своей жизни сохранение национального земного бытия. Тот великий Инквизитор, который в легенде Достоевского второй раз распинает Христа, чтобы Он, явившись во второй раз, не изменил налаженного и охраняемого инквизицией пути христианской жизни, в еврейском народе имеет свой неумирающий прототип.

Проповедь о Христе имела массовой успех среди евреев только в самое первое время после Пятидесятницы. Скоро христианство стало „религией языков“. Еврейство замкнулось в себя и стало нападать на христианство то численной своей силой, то своими происками у власти языческой, то своей критикой христианских истин. Еврейство создало первые ереси христианской Церкви. Но во всех этих столкновениях Провидение давало победу христианству. Христианские мученики, умиравшие за Христа от руки евреев, ставили в ряды христиан своих убийц и мучителей. Языческая власть скоро сделалась покровительницей и защитницей христианства. Всякое знакомство с Евангелием, даже ради критики, приводило к сознанию, что иудаизм, как религия, имеет свой смысл только

в христианстве. Талмуд покончил со всем этим, покончил не борьбой с христианством, не победой над ним и не своим поражением. Он отвёл еврейство от понимания христианства, от всякой возможности смотреть на еврейство, как на религию, которая должна ещё иметь своё завершение в новых откровениях. Талмуд сделал христианство для еврея мировоззрением совершенно чуждым, непонятным, как бы другой планеты, как бы других познавательных способностей. Талмуд и есть то „покрывало на сердце“ евреев, которое уже видел в зачатке апостол Павел и которое, говоря его словами, и „доныне остаётся неснятым ими при чтении Ветхого Завета, потому что оно снимается Христом“ (2Кор.3:14,16). И удивительно! Когда евреи, при знакомстве с христианством, остаются на почве одного Ветхого Завета, когда они порывают связь с Талмудом, тогда это „покрывало“ снимается, тогда со всей очевидностью делается ясным, что иудаизм Ветхого Завета имеет своё продолжение, осуществление и завершение в Новом Завете, тогда христианство во всех своих частях делается понятным еврею, как его собственная религия»²⁰².

Но Талмуд в настоящее время уже не включает в себе всего еврейства. Образованные интеллигентные евреи всех стран оторвались и от жизни по Талмуду и от талмудических воззрений. Тем не менее, и в отрешении от Талмуда, еврейство не обнаруживает склонности и способности к восприятию христианства. Оно продолжает быть чуждо и Ветхому и Новому Завету. На место талмудического „покрывала“ интеллигентное еврейство вооружается рационализмом и если талмудист еврей не может вместить в себе христианства, потому что не может в нём видеть ничего, что могло бы быть им принято, как завет веры, то еврей рационалист ничего в нём не может понять, потому что оно не поддаётся его рационалистическому анализу. Выйдя из Талмуда, как из средневекового гетто, на широкую дорогу науки, искусства и общественной жизни, интеллигентный еврей примыкает не к антихристианскому течению религиозной мысли, – о, противление Христу, явное и искреннее, было бы залогом победы Христа, а к тому полному холодному равнодушию ко всем религиозным вопросам течению, которое

создал современный рационализм. Если еврей говорит, что признаёт религию, то смело можно быть уверенным, что его религия – философский деизм, который не отрицает Бога и бытие Его, но полагает, что ни Бог, ни люди не могут и не должны входить во взаимное сношение. Конечно, в сфере таких религиозных воззрений нельзя понять и принять Христианства, этой религии Воплощённого Богочеловека.

Мы ссылаемся при этом на выдающееся произведение, принадлежащее перу еврея Морица Лацаруса, бывшего профессора сперва Бернского, затем Берлинского университета и Высшей Военной школы в Берлине, председателя двух замечательных синодов или съездов еврейских раввинов в Германии и редактора их постановлений... Произведение Лацаруса: „Этика иудаизма“ тем более замечательно, что автор-еврей, столь же искренний и благородный, сколько и учёный, уверяет, что вся его этическая система иудаизма не плод его личного убеждения, а извлечена им во всех своих частностях из духа иудаизма, общего всему еврейскому народу.

Первое, что замечается в иудаизме современной еврейской интеллигенции, это полное пренебрежение догматикой, т. е. тем, что прежде всего ставит вопрос о бытии Бога и Его существе. Иудаизм полагает, что „в библии не содержатся ни метафизические понятия, ни спекулятивные идеи, ни также догматические учения о сущности Божества“ (стр. 47²⁰³) Бог есть только совокупность нравственных свойств. Насколько чуждо интеллигентному еврею представление о Боге, как личном, живом Существе, прекрасно доказывают те образованные евреи, которые, преклоняясь перед силой христианства, с мукой непонимания спрашивают: зачем же ещё Христос Бог с неба?

Эта отчуждаемость евреев от представления о Боге, как живом личном Добре, сказывается и на противоположных воззрениях евреев на мировое зло. Иудаизм с гордостью заявляет, что „в то время, как и поныне есть ещё много людей, рассматривающих сатану, как реальное существо и деятельность его как личную, в среде еврейства высказывались иные изумительно свободные и психологически очень глубокие отрицательные воззрения“ (стр. 144). Ни добро, ни зло не есть

личности, а посему, по воззрениям иудаизма, не должны, не могут входить в жизнь человека.

Да и вообще жизнь человеческая, полагает иудаизм, есть жизнь только настоящего времени. Связь с прошедшим есть историческая только связь времени, а не связь по существу, не связь духовно-органическая. Каждое время за себя и каждому времени своё. Если грехопадение было, то нет никакой греховности рода человеческого, нет тяжёлого первородного наследства, нет нужды в избавлении от него. „Иудаизм решительно ничего не знает об (общем всему роду человеческому) первоначальном горе человеческой души до её жизненных переживаний. Даже для еврейского аскета „разбитое сердце“, „сокрушённая душа“ выступают только в раскаянии по поводу только действительно совершённых им грехов (стр. 149), а не в силу сознания общего своего греховного состояния, того сознания, которое заставляло некогда апостола Павла скорбно взывать: „бедный я человек, кто избавит меня от сего тела смерти“ (Рим.7:24)? – и искать избавления во Иисусе Христе.

Для иудаизма нет прошлого бытия, если его нужно искать за пределами наличной действительности. Нет и будущей жизни, если она по ту сторону земного бытия. Догма потустороннего блаженства его мало занимает: его учесть для здешней жизни нельзя и „один час добродетельной (блаженной) жизни на земле для еврея больше, чем всё блаженство будущей жизни“ (стр. 76).

Итак, христианство, как совокупность небесных истин, чуждо, непонятно для еврея-интеллигента. Эти истины совершенно безразличны для его националистических стремлений и отвергаются его разумом. Но христианство – не мир одних только догматов, но мир и нравственных идей. Задача жизни и по Ветхому и по Новому Заветам одна: священие жизни. Иудаизм еврейской интеллигенции отнял от этой задачи её божественную основу. Не нужно Бога Самого по себе, не нужно Его вмешательства в жизнь, не нужно и для жизни ставить основания и цели в Боге. В предписаниях Талмуда, правда, не видно было Живого Бога, но силен был божественный авторитет закона и от него, подавляющего своим

божественным авторитетом, тесно было живой душе человеческой. Иудаизм нашего времени с охотой отдыхает на кантовском учении об автономной, свободной от божественного авторитета нравственности. Он провозглашает принцип, что „дух человеческий автономен, что он, следовательно, в самом себе должен нести основания закона и быть независимым от законодательства и принуждения, исходящего от другого лица“ (стр. 50)... Закон, этот „детоводитель ко Христу, перестаёт уже выполнять по отношению к современным евреям свою провиденциальную цель. В покорности закону, имевшему божественный, непреложный авторитет, заключалась для еврея возможность обращения ко Христу, если он мог сбросить с себя „покрывало“ Талмуда. Для него выяснялась невозможность освятить свою жизнь и спасти свою душу собственными силами, выяснялась собственная греховность и слабость, недостаточность своих собственных сил. Это соединяло еврейство со всем языческим миром в чаянии Избавителя и Икупителя. Иудаизм современного интеллигентного еврейства снял с закона нерушимую для человека печать божественного авторитета, отменил безусловное и непреложное послушание закону. „Свободное нравственное убеждение, не опирающееся на авторитет или предписание закона, становится уже выше, чем покорность самому авторитету“ (стр. 49). Иудаизм смотрит на свой богооткровенный закон, как на обыкновенный юридический кодекс с правом кассаций и апелляций к современности. „Обращайся к судии и учителю своего времени“, – вот принцип, которым заменяет иудаизм ветхозаветную преданность преданию...

Автономная, без основания в Боге, мораль отвела, безнадежно на возвращение, современное интеллигентное еврейство от призыва ко Христу: покайтесь, приблизилось царство небесное! Еврей – гражданин земли, а не неба. Здесь, на земле, его обетованная земля, и он, исключив из области своих религиозных воззрений всё, что оставил ему Ветхий Завет и что могло привести его к пониманию христианства, этой религии неба, охотно заимствует из него всё, что даёт в христианстве смысл и силы для лучшей жизни на земле. Но и

здесь, заимствуя из христианства полной рукой, насыщаясь и проникаясь светом христианского мировоззрения, он ничуть не приближается к тому положению неверующего апостола Фомы, который, вложив руку свою в гвоздяные язвы Господа, осязав Христа, воскликнул: „Господь мой и Бог мой!“ Нет, современный иудаизм остаётся чуждым Христу и христианской жизни, даже заимствуя из него его спасительные истины.

Современные прогресс и культура созданы жизнью христианских народов, христианские идеи проникают сознание современного человечества, но из всех идей христианства особенную силу имеют идеи социальные или идеи общественной жизни. Христианская проповедь о том, что в христианстве „нет ни иудея, ни язычника, нет раба, ни свободного, нет мужеского пола, ни женского: ибо всё одно во Христе Иисусе“ (Гал.3:28), проповедь эта поразила человечество в его воззрениях на естественно-складывающиеся порядки земной общественной жизни, но еврейство она сокрушает в его самых заветных мечтах. Вся сила религии для еврея должна состоять в том, чтобы поддерживать и укреплять еврейский народ, как таковой, а не сглаживать узко-националистические особенности еврейского народа. Еврей не может понять, что в вопросе о национализме сильно слово Христа: „кто хочет сберечь душу свою, тот потеряет её, а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережёт её“ (Мк.8:35), не может понять, что, отказавшись от своих узких, отдаляющих от Христа, националистических стремлений, еврейский народ во Христе и Евангелии найдёт своё место для царства Божия. Под напором универсальной христианской идеи, господствующей в науке, литературе и жизни, иудаизм должен был выйти из тесного круга упований своего племени и перенести на свою религию национального бытия признаки христианского универсализма или христианского всеединства. И иудаизм как будто соглашается, что его религия дана не исключительно для одного еврейского народа. Он говорит: „откровение дано всенародно, в свободной пустыне, потому что всяк волен принять его“ (стр. 13). Но ведь это опасно для еврейского народа; что, если народы земли примут такой

универсальный иудаизм и в своей массе поглотят еврейское племя?.. Пусть же никто не думает, что иудаизм в самом деле универсален, подобно христианству, и охотно принимает в свою среду, в участие своих надежд и стремлений. Нет, не нужно, – говорит еврей, – переходить неевреям в еврейство, ибо одно из двух: или нееврей живёт в согласии с нравственными (еврейскими) принципами, тогда он не нуждается в еврейской вере, или ему не достаёт чистоты и высоты нравственных (еврейских) помыслов, тогда они не могут быть заменены верой (стр. 85). Какой же после этого смысл придавать своему национальному партикуляризму характер христианского универсализма или всеединства?..

Более подошла к мировоззрению современного иудаизма другая великая идея христианства, идея церкви, как единого богочеловеческого организма. Эту идею, исключив из неё божественный элемент, современный иудаизм переносит на свой народ, не произнося, конечно, чуждое ему слово – церковь.

Теократический, боговластительский строй ветхозаветного еврейства даёт многим богословам основание смотреть на еврейство, как на ветхозаветную церковь. Но еврейство отличается в этом случае такими чертами, которые отнимают от еврейского народа всякое право на присвоение ему понятия церкви. Каждый еврей делается евреем через рождение и обрезание, т. е., совершенно механически, тогда как христианин делается членом церкви и участником её божественной жизни через продолжающийся во всю жизнь самостоятельный подвиг духа – веру и участие в таинствах. Тем не менее иудаизм понял, что и, помимо своего божественного элемента, идея церкви, как единого Тела или организма, осуществляет в жизни то, к чему должна бы стремиться еврейская религия национального бытия, т. е. создаёт единую коллективную личность.

В наше время развития социальных наук, порывающих даже связь с религией, устанавливается христианское воззрение на человечество, как на единую коллективную личность. Но все попытки построить жизнь на этой идее вне связи её с христианской церковью, все эти коммуны, фаланстеры, интернационалки, кооперации и конспирации,

только доказывали, что сама идея человечества, как единой коллективной личности без Христа и не в Церкви – социалистическая химера не более. Еврейский народ, этот социалистический народ по преимуществу, дал в этом случае только кагал со всем ужасом его гнёта и произвола. Идея человечества, как единой коллективной личности, осуществляется только в христианской, единой, святой, соборной и апостольской церкви, т. е. в соединении людей не физическим происхождением и не механическим собиранием, пусть даже и единомышленников, а подчинением человеческой личности благу и лёгкому игу Христа, с свободной волей и совестью, с отвержением эгоизма, с аскетическим обузданием греховных вожделений природы, со смирением помыслов, – для участия в божественной жизни Христа на земле. В такой именно церкви, решается социальная проблема человечества, как единой коллективной личности. Только в церкви Христовой осуществляется „внутреннее свободное и стойкое единство“, достигнуть которого никогда не удаётся иудаизму, основанному на крови и обрезании. Все рассуждения иудаизма о своём народе, как об одной живой личности, в которой жизнь каждого отдельного еврея находит своё полное и высшее удовлетворение, являются только искусственной вариацией на тему св. апостола Павла о церкви, как Телес Христовом...

Переместив идею христианской церкви в понятие о своём народе, иудаизм христианизует и всё содержание своей религиозной жизни. Иудаизм давно уже должен был сознаться, что с потерей своей национальной государственной жизни: земли, Иерусалима, храма, священства и жертв, в его религии остаётся „мерзость запустения“. Только христианство со своими воззрениями на религию, как богопоклонение „в духе и истине“ восполняет его. Не даром верующая по-старому религиозная масса еврейства отвергает сионизм, эту подделку под религиозное и национальное возрождение еврейства. Разве может верующий еврей поместить народ, – предмет религиозной своей веры, – где-нибудь в Уганде, куда влекут его нынешние вожди сионизма, а не в Сионе? В этом случае нужно или оставаться при общеврейских воззрениях на

богопоклонение или переходить к христианским. И современный иудаизм мирится с потерей своей земли, Иерусалима, храма, священства, жертв в чисто-христианском сознании. С потерей обетованной земли, которая объединяла евреев, иудаизм, при удивительном противоречии своим земным стремлениям, мирится с мыслью, что „основа единства народного для евреев уже не здесь на земле, а там, в вышних, что уже не отечество, а Отец на небесах образует единство евреев“ (стр. 14). На потерю Иерусалима иудаизм отвечает: „Уже не в Иерусалиме восседает Бог, но на всяком месте, где полагает память имени Своего, там Он придёт и благословит“ (стр. 14). На разрушение храма и прекращение ветхозаветных священства и жертв иудаизм отвечает: „Куда приходят с мыслью о Боге, где лелеют её, там и святилище... Пусть будет всякий дом храмом, всякое сердце алтарём, всякий человек священником“ (стр. 15)...

У св. апостола Павла есть следующее пророчество о народе еврейском: „Не хочу оставить вас, братия, – писал он к римским христианам, – в неведении о тайне сей, что ожесточение произошло в Израиле отчасти до времени, пока войдёт полное число язычников... И так, весь Израиль спасётся“ (Рим.11:25). В этом пророчестве мы снова стоим перед тайной, на сей раз последней, любви Божией к народу еврейскому. Отвергнув Бога, пришедшего во плоти – Христа Господня, иудаизм всё сделал, чтобы отвести себя от принятия христианства. Но мы в то же время видим, что, отвергая сверхъестественную божественную сторону в христианстве, он неудержимо проникается и насыщается религиозно-нравственными идеями христианской жизни... Быть может, в этом лежит разгадка пророчества св. апостола об обращении Израиля в конце веков, когда уже проповедано будет евангелие всем языком и язычники уже войдут в церковь Христову. Узнав и усвоив христианство в своих религиозно-нравственных воззрениях, еврейский народ должен, наконец, будет узнать и Самого Господа Иисуса Христа, когда Он придёт во второй раз вместе со святыми ангелами Своими, узнать и воскликнуть к Нему со всеми верующими: ей, гряди, Господи! Тогда то, веруем, и свершится спасение всего Израиля...

Священник-миссионер *Савва Потехин*

Боголюбов Д. Основные черты миссионерской методики ²⁰⁴ // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 628–632

§ 3. Внутренние свойства миссионерских собеседований

Хорошее миссионерское собеседование непременно должно сопровождаться определёнными внутренними свойствами или достоинствами.

Всякий миссионер обязан заботиться *прежде всего* о том, чтобы его беседа была *содержательна* и *правдива* по самой сущности своей. Миссионер должен всячески побеждать в себе склонность к лёгким, „дешёвым“ победам. Этих побед в разговорах с малограмотными мужиками достичь не трудно; но пользы для миссии от них не будет. При более обстоятельном размышлении сектанты сообразят, что их „одурачили“, – и тогда последнее будет горше первого...

Вот образчик таких лёгких побед.

Штундисты спрашивают миссионера:

– Где показано в Новом Завете крестить младенцев?

Миссионер с торжеством читает из Пос. к Коринфянам слова ап. Павла: „крестил я также Стефанов дом; а крестили ещё кого, не знаю“ (1Кор.1:16).

Из этих слов миссионер делает заключение:

-- Ап. Павел сам о себе свидетельствует, что он крестил „Стефанов дом“. Смотрите – *весь* дом крестил апостол; а в доме бывают и дети...

Минутное впечатление произведено; сектанты „прижаты к стене“. Но, оправившись, они размышляют:

– Миссионер *ничего* не доказал. Ведь из того, что Павел крестил Стефанов дом, не следует, будто младенцев нужно крестить. Разве мало домов бывает без детей?..

Да и по-другому можно возразить миссионеру. Ап. Павел „крестил Стефанов дом“, т. е. тех людей в доме Стефана, которые веровали. – Значит, правду про этих миссионеров „сказывают“, что они „морочат людей“...

Бывают и такие „события“. Миссионер усиливается доказать почитание Креста Христова. Приводя разные сильные соображения, в порыве ревности он и так говорит. Ап. Павел

пишет: „*выйдем*“ ко Христу „*за стан, нося Его поругание*“ (Евр.13:13.) Крест, – рассуждает миссионер, – был орудием поруганий Христовых. Стало быть, нам нужно носить на себе кресты. Сектанты в замешательстве смолкают. В их головах проносится что-то неясное: „стан“, выйти „за стан“, взяв с собой поругания Христовы...

Потом с силой начинают кричать:

– За какой же стан нам нужно идти за Христом? И как мы крест понесём при этом? Христос нёс его на плечах, а мы почему повесим его на шею? Почему один крест понесём, а гвозди забудем: ведь и гвоздями Христос пригвождён был ко кресту?..

Ряд этих бессвязных вопросов *мучат* миссионера; он потеет, мудрит, а ничего убедительного в его речах нет, – потому что в них нет внутренней правды...

И потому миссионерам необходимо заботливо избегать в речах своих того, что, на людском языке, называется „фокусами“...

Впрочем, сказанного не следует доводить до крайности, – своего рода до „тексто-боязни“. Теперь у нас нарождается особая школа миссионеров. Эти люди, по-видимому, проникнуты лучшими намерениями; но перед слушателями они являются ораторами, – что называется, – с *неопределённым наклоном*. Так, беседуя о св. мощах, они бегают из стороны в сторону и ни о чём прямо не высказываются. – Их спрашивают: Возможны ли *нетленные тела* святых?

Они говорят о костях и о других *останках* святых. – Сектанты строже повторяют вопрос:

– В правосл. церкви иные говорят: „так-то почивает *нетленное тело*“ святого. Какой смысл в этом изречении?

„Новые“ миссионеры оказываются в безвыходном положении. Ни одного текста о нетленных телах святых они не знают. Излюбленных же прежними миссионерами текстов они *боятся* повторять, находя их „бездоказательными“. И получается „суета“, трусость...

Какой же вывод отсюда?

Нам нужно остерегаться всяких крайностей и в сомнении. Отцы наши веровали, что святые тела в иных местах почивают нетленными, – и это истина. Её подтверждает Библия. Правда, относящиеся сюда доказательства *спорны*, но в них есть своя *очевидная* доказательность. За неё нам и нужно держаться, или спускать флаг и признавать себя *пленёнными*, чего с нами да не будет!

Раскрывая перед слушателями известную библейскую истину, миссионер должен быть весьма осторожен в словах. Он *обязан говорить столько, сколько позволяет ему Библия, толкуемая здравым христианским смыслом*. Ни слова больше. И тексты все должны быть у него „на краи языка“. – Горе, если миссионер, утверждая какое-нибудь положение, в доказательство его не найдёт библейского текста!..

Напротив, отличное впечатление на слушателей производит тот миссионер, который чувствует себя *хозяином дела*; легко находит тексты и толкует их вразумительно.

Миссионерские собеседования должны отличаться *внутренней последовательностью*. И это понятно само собой. Уже в обыденных разговорах неприятно бывает слушать человека, который „вертится около да вокруг“. Тем возмутительнее с такими недостатками встречаться на миссионерских беседах. Нужно, чтобы миссионер *ясно и совершенно определённо* ставил вопросы. В противном случае произойдёт *пустое словоговорение* – назойливое и бесполезное, возмущающее понимающих слушателей.

Например, – миссионер неопытный спрашивает сектанта:

– Чего вы перестали ходить в церковь?

– В Христову церковь я хожу...

– Как ходите? Я вас никогда не вижу в рядах молящихся...

– Это по писанию: *„блажен муж, который не ходит в собрания грешников“*...

– Разве мы все грешники? – спросит огорчённый миссионер.

– Все до одного... потому что у вас вера не правая...

– Нет, брат, ты не вертись. Ответь прямо: почему не ходишь в нашу церковь?

Сектант гордо говорит:

- Про какую церковь вы толкуете?
- Про храм наш, где совершаются богослужения.
- Про храм? А покажите, где храм называется церковью?..

И так речь собеседников путается, не имея никакого определённого смысла. Это – крупный недостаток в беседе.

Случаются иные „беды“ на миссионерских беседах. Начали говорить о храмах, – речь противников возбуждённая, гневная. Миссионер не может её умирить. Никак не дойдут до конца.

И вдруг сектанты ловко перебегают к вопросу об иконах. Они кричат:

– Ваши храмы уставлены иконами. Покажите – откуда вы их взяли?

Уже наморившийся миссионер покорно следует за сектантами. Начинается новая беседа прямо *бесконечная*. Разумеется, у такой беседы не будет цели. И потому, *хорошая* миссионерская беседа должна отличаться *единством* предмета и *внутренней последовательностью* в его освещении. А этого возможно достичь тогда, когда и само *слововыражение* миссионера будет сопровождаться *точностью*, определённостью и полной обоснованностью текстами Библии.

В раскрытии своих мыслей опытные миссионеры держатся *строгого плана*. Оттого беседы проходят у них *гладко*. И это достигается *полюбовным* соглашением с сектантами. При бессистемных же беседах простым слушателям затруднительно уловить течение мыслей миссионера. От таких бесед они уносят в головах своих один „туман“, „мороку“, а часто даже и раздражение.

Существенным свойством хорошей миссионерской беседы служит также её *приспособительность* к месту, времени и к слушателям. Миссионерские беседы происходят чаще всего в храме, – нередко – в школах и волостных правлениях. Всегда они открываются и заканчиваются молитвой. Таким образом, миссионерские беседы носят *священно-церковный* характер. Потому же они должны быть проникнуты *священно-библейским* духом. На них не следует допускать *вульгарных, смешных* выражений. Не надобно, уклоняясь в сторону, говорить о „пустяшных вещах“. Пусть предметами миссионерских

собеседований будут *исключительно религиозно-церковные* вопросы, и говорить о них нужно в духе строго-библейском: всё направляя к душевной пользе и спасению слушателей.

С другой стороны, – так как священная Библия написана простым, общенародным языком, – и миссионер обязан говорить *ясно, образно, просто*. В его речи житейские картины должны выступать так же часто, как в притчах Господних.

Не нужно миссионеру впадать в *многословие*. Эта слабость для всех людей служит показателем умственной бедности; тем более она не допустима для миссионера. Это подтверждается опытом.

Как-то мы присутствовали на одной миссионерской беседе. Батюшка говорил длинно, загромождая свою речь текстами и вводными разглагольствиями...

После беседы, уже на улице, нас догнал мастеровой человек и сказал:

– Эх, горе, наша необразованность! Какое-такое слово ухватишь... А батюшка словно нарочно: льёт и льёт...

И потому, всякий миссионер должен взять для себя правилом классическое изречение: „*в немногих словах – многое*“ (Non multum, sed multa).

Сказанное не означает, впрочем, того, что „ради краткости“ миссионер должен оставлять не освещёнными некоторые части беседы. Нет. Ему надлежит всё раскрыть, возвращаясь к иным предметам *много* раз, – только в выражениях *отчётливых*, простых и кратких, – как бывает у хороших учителей на уроках со школьниками. Разумеется, не следует твердить о том, что уже *пóнято* народом, – *чтò* ясно само собой...

В тех же видах „приспособительности“ к умственной среде народной, не следует беседы *загромождать* текстами. Это случается с миссионерами тогда, когда кто-нибудь из них захочет „научно“ раскрыть истину: и поведёт он слушателей по всей Библии, а в головах их не закрепит ни одного текста!

Не так следует миссионерствовать. Для доказательства истины слов своих, православный проповедник может привести два-три самых выразительных текста. Лучше пусть *глубже* протолкует их: пользы для слушателей от того будет больше.

„Приспособительность“ же к народу требует, чтобы миссионеры вели свои беседы *по пунктам*, зорко отделяя один вопрос от другого. В таком случае слушателям трудно будет забыть, о чём шла речь и на каком вопросе она остановилась. А это очень важное обстоятельство. Сектанты часто пользуются народной темнотой. Зная, что в речах собеседника их слушатели многого не поняли, в конце беседы они, обыкновенно, кричат:

– Это мы вам уже доказали, что икон не нужно или – что почитать крест запрещают апостолы!..

Если дело обстоит так, – необходимо от сектантов требовать по пунктам, где то или другое запрещено, или повелено, и эти требования все повторить в конце беседы.

Чтобы такой приём ведения беседы не казался „прижимкой“ для сектантов, миссионер сам обязан во всём подавать им добрый пример. При умственном развитии и предполагаемом богатстве библейских познаний, для него это не будет затруднительно. В то же время, таким приёмом, миссионер оставит в слушателях убеждение – ясное и бесповоротное, – что он не „пустые речи“ держал перед народом, а *„слова истины и здравого смысла“* (Деян.26:25), которые у всех на виду.

При таком направлении дела, сектантам нельзя будет клеветать на свойство миссионерских доказательств. Все слушатели, – народ сам, – окажутся обличителями лжи сектантской...

Д. Боголюбов

(Окончание следует).

Кобрин М. Православно-русская миссия в Холмской Руси // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 633–643

О так называемом униатском упорстве и о средствах борьбы с ним.

Введение

„Упорствующими“ называют в Холмской Руси тех людей, которые не пожелали воссоединиться в 1875 году с православной церковью, но заявили желание остаться греко-униатами. Так как воссоединение бывших греко-униатов Холмской Руси совершилось в 1875 году, то к этому времени обыкновенно относят и возникновение упорства. Но такое представление не верно. В действительности упорство возникло несколько раньше. Возникновение его нужно отнести к 1867 году, когда, согласно предписанию Холмской консистории, поддержанному светской властью, было произведено очищение греко-униатской обрядности от польско-латинских нововведений. С этого именно времени народ во многих местах перестал посещать церковь, стал „упорствовать“. Раз возникнув, упорство продолжало существовать в надежде, что выброшенные из церквей польско-латинские нововведения, как то: скамейки, органы, монстранции и т. п. будут возвращены обратно. Но так как этого не случилось, а, напротив, последовало в 1875 году воссоединение греко-униатов с православной церковью, то упорство по этому поводу увеличилось в своей численности и продолжает существовать и по настоящее время. В настоящее время упорство очень сильно и многочисленно. В Седлецкой губернии есть теперь приходы, где ни один человек не ходит в церковь, кроме священника, учителя, псаломщика, да ещё церковного старосты, который в душе часто такой же упорствующий, как и другие крестьяне, но состоит старостой и ходит в церковь потому, что должность старосты освобождает его от многих повинностей, возложенных на крестьян. В Люблинской губернии упорство не так многочисленно, но и здесь есть приходы, в которых половина, а

то и более, прихожан не ходит в церковь. С течением времени после воссоединения упорство не только не сокращается в своём числе, но, напротив, увеличивается. В 1894 году число упорствующих простиралось до 70,000²⁰⁵. В 1895 году оно достигло до 73,175 человек обоего пола, как это видно из статистических сведений, имеющих в местном епархиальном управлении²⁰⁶. В 1896 году упорство ещё более увеличивается, достигая до 77 тысяч совершенно упорствующих и 7,866 человек обоего пола колеблющихся. А в 1897 году оно достигает до 83 тысяч совершенно упорствующих и 9,214 человек обоего пола колеблющихся, т. е., таких бывших униатов, которые находятся в выжидательном положении, не уклоняясь совершенно от православия и в то же время не считая себя православными²⁰⁷. То же приблизительно число упорствующих оставалось в 1898 г.²⁰⁸. Так как указанное число упорствующих и колеблющихся приходилось в 1897 году на 377,733 души всего воссоединённого от унии населения Люблинской, Седлецкой и отчасти Сувалкской губернии, то очевидно, что упорствует больше четверти всего воссоединённого населения. Приходов, не упорствующих в 1897 году, было только 35, т. е. почти 10% всего числа приходов, состоящих из воссоединённого населения²⁰⁹.

Хотя указанное увеличение числа упорствующих может быть объяснено отчасти естественным приростом населения, вследствие рождений и смешанных браков, но всё-таки нельзя отрицать того, что упорство увеличивается и путём совращения православных²¹⁰. Влияние православно-русской миссионерской деятельности на сокращение упорства весьма незначительно. Православно-русская миссия повлияла несколько на дух упорства. Последнее перестаёт относиться ко всему православно-русскому с той враждой и ненавистью, с какими оно относилось на первых порах. Но то, что сделано православно-русской миссией в борьбе с упорством до сих пор, составляет очень малую долю того, что предстоит ещё сделать. Успех, достигнутый православно-русской миссией в борьбе с упорством, настолько незначительный, что некоторые посторонние лица, большей частью светские, мало знакомые с

церковно-приходской жизнью Холмско-Варшавской епархии, совершенно отрицают его, утверждают, что упорство нисколько не ослабевает, но, напротив, усиливается, и потому обвиняют православно-русских миссионеров в бездеятельности, несоответствии своему назначению. Эти лица утверждают, что православно-русские миссионеры миссией среди упорствующих вовсе не интересуются, а только обирают народ, и потому не только не искореняют упорства, а, напротив, косвенно поддерживают его. Некоторые же утверждают, что православно-русские миссионеры, даже самые лучшие, не могут успешно бороться с упорством, потому что они не годятся в миссионеры, как представители восточной православной церкви. Восточная православная церковь, говорят они, воспитала будто бы только много подвижников, аскетов, способных к созерцательной жизни, но не воспитала миссионеров. Сколько бы православно-русские миссионеры ни трудились, они, как неспособные к миссионерской деятельности, никогда не искоренят упорства, поэтому лучше всего отпустить упорствующих в католичество, к которому они всеми силами стремятся.

Мы не берём на себя специальной задачи защищать православно-русских миссионеров Холмской Руси от возводимых на них обвинений. Просим только обвинителя ответить на следующие вопросы.

Кто, как не духовенство, во время польско-латинского ига с честью нёс очень долго знамя православной веры и русской народности? Кто поддерживал интересы народа, когда дворянство, окатоличившись и ополячившись, отказалось от своего народа? Кто утешал и ободрял народ в тяжёлые периоды его жизни? Кто всегда был душой церковных братств, заботившихся о поддержании в народе сознания русской народности и православной веры, как исконной веры предков? Кто теперь борется с латино-польской пропагандой? Кто уничтожает влияние на народ тех подпольных брошюр, книг и других изданий, которые контрабандой перевозятся к нам из-за границы или же почти свободно печатаются в больших городах и распространяются среди нашего сельского населения? Кто оберегает интересы и честь православия в наших деревнях, где

либеральные недоучки-чиновники, имеющие власть в деревне и непосредственные сношения с народом, часто показывают явно свой индифферентизм в деле религии, считают низким для себя вмешиваться в религиозные дела, поддерживать и защищать православие против явных оскорблений его? Просим ответить, наконец, чьё дело то небольшое, что уже сделано в борьбе с упорством? А утверждающим, будто православно-русские миссионеры неспособны к миссионерской деятельности, как представители восточной православной веры, мы предлагаем ответить на один только вопрос: как же православная вера приобрела столько миллионов последователей, если её представители неспособны к миссионерской деятельности?

Прежде чем высказывать суждение о деятельности православно-русских, современных нам, миссионеров, необходимо принять во внимание, что многое из того, что служит предметом их деятельности, образовалось в течение довольно долгого времени.

Уния делала своё дело почти триста лет и при том пользовалась для своей цели всеми возможными средствами. Как же можно требовать, чтобы в каких-нибудь три десятка лет было искоренено то, что накоплялось в течение трёхсот лет? Нужно также принять во внимание, что народ крепко стоит за свои убеждения, и поэтому много нужно времени, чтобы перевоспитать его, изменить его убеждения. Припомним, как западнорусский народ отстаивал свои убеждения в XVII веке. Сто двадцать лет прошло в кровавой неравной борьбе иезуитов, латинских ксёндзов и польских светских властей с православными убеждениями западнорусского народа, а результат был сравнительно незначительный. Дворянство изменило своей вере и народности, а народ всё упорствовал. В начале уже XVIII века, т. е., после столетней слишком борьбы, латинское духовенство и польское правительство ломали себе ещё голову над тем, как бы уничтожить упорство западнорусского православного народа, составляли для этой цели всевозможные, драконовские по духу проекты. Как же можно требовать, чтобы православно-русские миссионеры Холмского края в короткое время изменили убеждение

упорствующих, потомков народа, заявившего себя такую стойкостью убеждений, – православно-русские миссионеры, которые не только не имеют и не могут иметь в своём распоряжении, как представители православной веры, всех средств борьбы своих противников, но очень часто не пользуются даже и простым сочувствием своему делу в окружающих их посторонних лицах!

Как трудно изменять народные убеждения, об этом свидетельствует существование на Руси раскола. Раскол также своего рода упорство, появившееся по поводу исправления церковно-богослужебных книг и обрядов патриархом Никоном. Двести тридцать лет борется с ним православное русское духовенство, а цели своей – искоренения раскола – достигнуть не может: раскол продолжает существовать. Удивительно ли, что упорствующие Холмского края не ходят в церковь после тридцатилетней деятельности среди них православно-русских миссионеров. Нет, нельзя обвинять православно-русских миссионеров в бездеятельности, неспособности к миссионерскому делу и т. п. – на том основании, что упорство за тридцать лет борьбы с ним очень мало ослабевает и, по видимому, не сокращается в своей численности.

Но отвергая взводимое на православно-русских миссионеров Холмского края обвинение в бездеятельности, в неспособности к миссионерству, мы вовсе не имеем в виду сказать, что эти миссионеры делают всё, что можно делать, и притом делают наилучшим образом, так что иной постановки борьбы с упорством и желать не нужно. Мы утверждаем только то, что незначительный успех в деле борьбы православно-русских миссионеров с упорством нельзя объяснить бездеятельностью их, потому что в действительности многие из них работают и много работают над искоренением упорства. Если же тем не менее результат их трудов незначительный, то причина этого не в недостатке энергии со стороны миссионеров, но в чём-то другом.

Нам кажется, что причиной сравнительного неуспеха борьбы с упорством, кроме кратковременности этой борьбы, служит главным образом отсутствие строго определённой и ясно

сознанной задачи, к которой всегда и везде должны стремиться православно-русские миссионеры в борьбе с упорством, отсутствие ясного представления о тех средствах, которые были бы наиболее верны и пригодны в этой борьбе. Никто ведь не станет спорить, что для того, чтобы деятельность достигла желанного результата, ей необходимо должна предшествовать работа мысли, которая уяснила бы цель и направление деятельности, уяснила бы её задачу и средства наиболее пригодные и верные для достижения этой задачи. Если же задача деятельности не уяснена, как следует, если не обдуманы средства, пригодные и верные для достижения поставленной задачи, то деятельность не может достигнуть никаких положительных результатов, или же достигнет очень немногого и то лишь по прошествии довольно продолжительного времени; и это потому, что деятельность в таком случае отличается случайностью, разбросанностью, часто бесцельностью. Никто не станет спорить, что деятель, не очертивший ясно и точно того круга, за который его деятельность не должна выходить, не установивший того пути, по которому он должен неуклонно следовать, но разбрасывающийся во все стороны, – такой деятель не многого достигнет. На первых порах, когда энергия в нём бьёт ключом, он разбрасывается в стороны, за всё берётся, всё пробует. Не видя плодов в одном роде своей деятельности, он бросает её, берётся за другую; потом по той же причине он бросает и эту деятельность, берётся за третью и т. д. В этом переходе от одного рода деятельности к другой проходят лета энергии и труда, тратятся силы и способности. В конце концов деятель начинает сомневаться в возможности достижения поставленной цели, опускает совсем руки, перестаёт работать. Иногда бывает, что по прошествии долгого времени деятель поймёт, что нужно делать, но тогда уже поздно: жизнь почти прошла, силы потрачены! Не до работы ему теперь!

Наблюдения над борьбой православно-русских миссионеров с упорством в разных местах Холмской Руси приводят к убеждению, что в этой борьбе нет определённой системы и единства, что борьба эта ведётся каждым миссионером по-своему. Православно-русские миссионеры не

имеют, очевидно, определённого и ясного представления о том, в чём должна заключаться суть борьбы с упорством, что должно быть центральным предметом этой борьбы, к чему нужно всегда усиленно стремиться, чего нельзя никогда оставлять. Поэтому они, подобно деятелю, не очертившему точно и ясно того круга, за который его деятельность не должна выходить, не установившему того пути, по которому он должен всегда неуклонно следовать, разбрасываются в стороны, переходят от одной деятельности к другой и ни на одной долго не останавливаются, и потому достигают очень малого, хотя часто трудятся очень усердно и много.

Это отсутствие единства и определённой системы в борьбе с упорством объясняется неуяснёностью вопроса об упорстве и о средствах борьбы с ним, спутанностью понятий о том и о другом. Духовная печать ничего не говорит об упорстве и о средствах борьбы с ним. Мы не знаем ни одной статьи или брошюры, в которой подробно говорилось бы о миссионерской деятельности специально по отношению к упорствующим²¹¹. Обыкновенно говорят и пишут о миссионерской деятельности вообще. Между тем миссионерская деятельность в Холмском крае находится в особых условиях и потому естественно должна отличаться некоторыми особенностями, тем более – по отношению к упорствующим. Не всё то, что полезно в миссионерской деятельности вообще, полезно и в борьбе с упорством. Часто деятельность, достигающая своей цели в приходе православном, не заражённом упорством, оказывается совершенно бесполезной в приходе сплошь упорствующем. Говоря о миссионерской деятельности среди упорствующих нужно, следовательно, иметь в виду особенности упорствующего прихода и сообразно с этими особенностями предлагать меры борьбы. Между тем всё, что можно найти в нашей печати по вопросу об упорстве и о средствах борьбы с ним, не превышает пяти–шести печатных строк, дающих несколько общих суждений. В последнее время на борьбу с упорством обратил внимание архипастырь Холмского края, высокопреосвященнейший Иероним, архиепископ Холмско-Варшавский. В послании к пастырям Холмско-Варшавской

епархии, разосланном скоро по вступлении его в епархию, а также в воззвании к тем же пастырям в день 25-летия воссоединения греко-униатов с православной церковью 11 мая 1900 г. высокопреосвященный Иероним дал несколько принципиальных указаний относительно миссионерской деятельности среди упорствующих. Но эти мудрые, заслуживающие самого высокого внимания, многополезные указания владыки очень кратки и потому нуждаются в подробном объяснении, как они могут быть осуществлены в упорствующем приходе. Из общих принципиальных суждений литературы о борьбе с упорством молодой неопытный православно-русский миссионер не может почерпнуть много нужных ему практических сведений. Не может он почерпнуть таких сведений и из устной беседы об упорстве с окружающими его лицами. Здесь, в устной беседе, он встретит такое разнообразие взглядов, такую массу мнений, часто взаимно друг друга исключаящих, что он не в состоянии разобраться во всех них, понять, какое мнение более правильное, какое менее правильное и какое совсем неправильное, не в состоянии выбрать самое лучшее из них – для того, чтобы всегда следовать ему. Поэтому, он обыкновенно выбирает то мнение, которое ему наиболее нравится, наиболее соответствует его направлению и склонностям. Это особенно заметно на начинающих миссионерах. Из десяти товарищей, поступивших на упорствующие приходы, едва ли найдётся два–три, которые одинаково начали бы свою деятельность, одно и то же считали бы самым важным в борьбе с упорством. Один увлекается пением церковным, считая его важнейшим средством борьбы с упорством, другой – церковным проповедничеством, третий – школьным обучением детей истинам православной веры и т. д. Один является строгим ревнителем всех православных преданий и церковно-обрядовых особенностей, не обращая никакого внимания на те предания и церковно-обрядовые особенности, к которым привыкли, с которыми сжились упорствующие. Другой, убеждая упорствующих принять православную веру, не побуждает их к обязательному принятию всех мелких церковно-обрядовых особенностей православия, но

дозволяет им держаться униатских церковно-обрядовых обычаев, надеясь впоследствии заменить их православными.

Если же не бездеятельность и не неспособность православных русских миссионеров к миссионерской деятельности служит причиной малого успеха в борьбе с упорством, но отсутствие определённой системы и единства в этой борьбе, отсутствие ясного понятия о центральной задаче и средствах этой борьбы, то само собой понятно, как важно, возможно скорее, уяснить её задачу и средства, наиболее верные и пригодные для достижения поставленной задачи, чтобы таким образом объединить, сплотить разрозненную православно-русскую миссионерскую деятельность, привести её в единство и систему. И это тем скорее нужно сделать, что наши противники давно уже уяснили себе задачу и средства своей деятельности по отношению к упорствующим и действуют дружно и успешно. С уяснением задачи и средств борьбы с упорством нужно спешить ещё потому, что с каждым днём борьба эта становится труднее. Всем известно, что поляки и ксёндзы затрачивают теперь большие капиталы на поддержание латино-польской пропаганды среди упорствующих при помощи своих агентов, через распространение газет, книг, брошюр и т. п.; устраивают кружки (*kulka*) для образования народа в польско-латинском духе. Всем известно также, что в Ченстохове, куда собирается народ со всего Привислинского края, где хранится древняя чудотворная икона Божией Матери, украшенная короной последнего польского короля, где, следовательно, теплится луч надежды на восстановление безвозвратно погибшей католической Польши, ксёндзы употребляют всё, что только могут употребить, для возвышения католической религии. Всё это с каждым днём всё более и более затрудняет борьбу с упорством. Но если польско-латинская пропаганда, как основанная на лжи, может быть побеждена, то гораздо труднее будет уничтожить другое явление, с каждым днём всё более затрудняющее борьбу с упорством, грозящее сделать её почти невозможной. Мы разумеем то, что многие упорствующие, не желая принять православия и не имея возможности перейти в католичество, теряют совершенно веру, делаются совсем

безрелигиозными или, правильнее, индифферентными в деле религии. С такими людьми вести борьбу почти невозможно. Нужно, поэтому, начать борьбу как можно скорее, пока индифферентизм не получил широкого распространения среди упорствующих.

Кроме этих, так сказать, угрожающих явлений, есть ещё явления другого рода, которые побуждают скорее начать правильную борьбу с упорством. Всякий, кто внимательно всмотрится в жизнь и взаимные отношения народа Холмского края, не может не заметить, что упорство порождает массу раздоров и несогласий в среде народа, особенно в смешанных приходах, т. е., где есть и православные и упорствующие. У упорствующих на первых порах часто крестили детей и исполняли требы разные проходимцы, нередко жида. Православные, зная это, до сих пор издеваются над упорствующими. Особенно осмеивается православными, так называемый „краковский брак“. Православные не признают этого брака действительным. На повенчанных этим браком они смотрят, как на живущих в незаконной связи, издеваются над ними, дают разные прозвища, говорят колкости и т. п. Не остаются в долгу у православных и упорствующие. Они с своей стороны, обзывают православных разными именами. Из-за этих прозвищ выходят иногда крупные ссоры, порождающие взаимную вражду, ненависть, вносящие в народную жизнь не сближение, а, напротив, разделение, разлад. Но если разлад, появившийся в деревне вообще, есть зло ещё не так большой руки, то он – является гораздо большим злом, когда возникает в отдельной семье. А это бывает нередко, потому что упорствующие часто женятся на православных и православные на упорствующих. Нужно, значит, скорее начать правильную борьбу с упорством, чтобы положить конец тому разладу в народной жизни, причиной которого служит существование упорства, тому разладу, который расстраивает жизнь и взаимные отношения не только целой деревни, но часто даже отдельной семьи.

Но начать правильную борьбу с упорством можно лишь тогда, когда, как мы сказали, будут выяснены задача и средства

этой борьбы, притом – борьбы среди современной обстановки православно-русской миссионерской деятельности в Холмском крае. Обыкновенно, когда говорят о борьбе с упорством, требуют от гражданской власти создания новой обстановки для деятельности, новых законоположений относительно упорствующих. Нужно, говорят, чтобы правительство сделало то-то, постановило то-то, – тогда можно будет успешно действовать. Нам кажется несомненным, что сколько ни удовлетворять предъявляемые требования, всегда будут появляться новые. Нужно, следовательно, указать такую задачу и такие средства борьбы с упорством, которые были бы возможны и полезны при настоящей обстановке православно-русской миссионерской деятельности в Холмском крае, такие средства, пользование которыми не зависело бы от разных взглядов и политических веяний в Холмском крае, не требовало бы ни изменения существующих узаконений, ни установления новых, но было бы возможно всегда и везде.

Указать такую задачу и такие средства мы постараемся в следующих главах своего труда. Теперь мы считаем необходимым заявить, что при решении вопроса об упорстве и о средствах борьбы с ним мы не будем стараться о том, чтобы сказать преимущественно что-нибудь новое, доселе неизвестное. Вместе с указанием средств действительно новых, которые доселе не употребляются, мы постараемся выяснить, какие из теперь употребляющихся средств могут быть полезны, если дать им иную постановку. Решению вопроса о средствах борьбы с упорством мы считаем необходимым предпослать решение вопроса о сущности и причинах упорства, потому что, только уяснив правильно сущность и причины упорства, можно дать правильное решение вопроса о средствах борьбы с ним.

Насколько правильны будут наши суждения, об этом судить не нам: об этом пусть судят другие. Мы, с своей стороны, считаем нужным сказать только, что наши суждения об упорстве и о средствах борьбы с ним основаны не на теоретических соображениях, но на непосредственном знании деревенской жизни Холмского края, на беседах с упорствующими, с приходскими священниками, сельскими учителями и на многих

фактах. Мы очень далеки от мысли считать предлагаемые суждения об упорстве безусловно верными и вполне исчерпывающими вопрос. Мы думаем только, что они наиболее приближаются к истине. Если же наши суждения об упорстве покажутся кому-либо неосновательными, несправедливыми, то мы просим такого показать sine ira et studio эту неправильность, изложить своё мнение, чтобы выяснить важнейший вопрос православно-русской миссионерской деятельности в Холмском крае и через то облегчить православно-русским миссионерам исполнение той задачи, которая на них возложена, указать им, что и как они должны делать, чтобы привлечь упорствующих в лоно православной церкви, чтобы облегчить положение и самих упорствующих, вывести их из того тяжёлого положения, в которое они поставлены, в котором многие из них начинают терять всякую веру.

М. Кобрин

(Продолжение следует).

Кутепов Н., прот. Разбор хлыстовского учения о пророках и пророчицах ²¹² // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 644–658

Хлыстовские пророки и пророчицы учат, что тело умершего человека никогда не воскреснет: оно истлеет – и только. Душа истинного хлыста, после его смерти, становится ангелом, душа же грешного хлыста, «не исполнявшего хлыстовских заповедей, после его смерти, становится дьяволом. Души прочих людей, смотря по своей греховности, переселяются или в человека, или в животного, дабы, путём такого переселения, очиститься от грехов. Под воскресением же из мёртвых, о котором мы читаем в св. писании и символе веры, говорят хлыстовские пророки и пророчицы, нужно разумеать веру в хлыстовское учение, принятие его, вступление в их секту²¹³. Поэтому бывали случаи, что когда новоуверовавший входил в собрание хлыстов, то сектанты, при встрече его, пели „Христос воскрес“. Церковные, то есть, православные, за нами гонятся, преследуют, предают судам и осуждают. Вот это и есть, говорят хлысты, страшный суд. Но такое учение хлыстовских пророков и пророчиц о воскресении совершенно произвольно, не оправдывается ни св. писанием, ни внутренним психологическим опытом, наблюдением человека над самим собой. Если бы душа человека странствовала, переселялась из одного человека в другого, тогда она должна бы была помнить хотя что-либо из своей прежней жизни. Между тем история всего человечества не даёт ни одного опыта к подтверждению учения хлыстовских пророков. Душа человека создана для деятельности, и она должна бы была помнить то, что было прежде сделано, чтобы восполнить недостающее и не заниматься непрерывно одним и тем же, не нести жалкого труда, так как переход души из одного тела в другое, не может уничтожить в памяти представления прежде бывшего. Душа спящего человека во время сна часто видит сама собой и действует в сновидении, а потом вспоминает об этом и иногда по прошествии долгого времени человек наяву рассказывает, что он видел во сне. Таково

свойство души человека, а потому она должна бы была помнить то, что она делала прежде переселения, или прибытия в другое тело. Если то, что в короткое время было видно во сне или представлено в воображении и при том одной только душой, она вспоминает, тем более она должна бы помнить то, чем занималась долгое время и в течение целого периода протёкшей жизни. Что души, по разлучении с телом, сохраняют тот же характер, какой они имели в единении с телом, и помнят дела, которые делали в теле и которые перестали уже делать, по разлучении с телом, это весьма ясно видно из притчи Иисуса Христа о богатом и Лазаре (Лк.16:19–31), покоившемся на лоне Авраама. Здесь Господь говорит, что богатый знал Лазаря после смерти, а также Авраама, и каждый из них находился на своём месте, и богатый просит, чтобы к нему послан был Лазарь, которому он не давал даже крупиц от своего стола. Из ответа Авраама видно, что он знал не только своё собственное состояние, но и состояние богатого, и повелел тем, которые не желают попасть на место мучения, слушать Моисея и пророков. Из этой притчи Иисуса Христа ясно видно, что души, по разлучении с телом и его смертью, продолжают существовать отдельно от тела и не переходят из тела в тело; что они сохраняют образ человека, так что могут быть узнаваемы, помнят о том, что есть в земном мире, заботятся о своих сродниках по плоти, живущих на земле, и ещё до времени страшного суда каждая душа получает по своему достоинству соответствующее жилище на небесах.

При кончине настоящего видимого мира, по свидетельству слова Божия, прежде воскреснут тела умерших людей, потом оставшиеся в живых до второго пришествия Христа на земле вместе с ними восхищены будут на облаках в сретение на воздухе Господу, Который при гласе Архангела и трубы Божией на облаках сойдёт с неба с силой и славой великой (1Фес.4:16–17; Мф.24:29–31). Что вера в проповедь Христа не одно и то же с воскресением, это ясно видно из следующего. Иисус Христос, объясняя, для чего Он послан Отцом на землю, говорит, что верующий в Меня будет воскрешён Мной в последний день (Ин.6:40). Из этих слов Христа ясно видно, что Он веру

человека в Него, как воплотившегося Сына Божия, отличает от воскресения человека. Веровать во Христа человек должен душой, живя на земле в теле, когда он, при посредстве веры, видит как бы сквозь тусклое стекло, гадательно (1Кор.13:12), а воскрешён будет человек по телу Христа уже после разлучения души человека с его телом, когда праведные души будут лицезреть Бога (Откр.4:2–4,7:9–15). При втором Христовом пришествии на землю воскреснут тела умерших людей (1Фес.4:16). Когда Иисус Христос на кресте *испустил дух*, завеса в храме разодралась надвое: земля потряслась; камни расселись; гробы отверзлись, и многие тела усопших святых воскресли, вышли из гробов, вошли во святой град (Иерусалим) и явились многим (Мф.27:50–53). Тело Иисуса Христа висело на кресте и безмолствовало; значит, в это время нельзя было веровать проповеди Христа, а между тем в это именно время многие тела праведников воскресли. Лазарь, брат Марфы и Марии, несомненно веровал во Христа, почему Христос и любил его, а между тем он при вере во Христа умер, и Христос воскресил его из мёртвых (Иоан.11 гл.). Перечисляя ветхозаветных праведников, ап. Павел говорит, что некоторые из них были замучены, не приняв освобождения, дабы получить воскресение (Евр.11:32–35). Эти праведники были замучены за содержимую ими истинную веру, а между тем стремились получить лучшее воскресение, ради чего и отдали себя на мучения. Понятие хлыстов о воскресении противоречит учению ап. Павла о порядке изменения тел из душевных в духовные (1Кор.15:42–52), при втором Христовом пришествии на землю и всеобщем воскресении умерших людей (1Фес.4:14–17). Хлысты говорят, что они уже воскресли и тела их из душевных, следовательно, уже изменились в духовные. А когда будет всеобщее воскресение умерших тел, то люди, умершие до второго Христова пришествия на землю, воскреснут, то есть, получат духовные тела, по слову апостола, прежде, нежели тела людей, доживших на земле до второго Христова пришествия на землю, изменятся из душевных в духовные. Во-вторых, праведники с воскресшими, или изменившимися – духовными телами, по слову апостола, всегда будут с Господом

Иисусом Христом на воздухе, на облаках (1Фес.4:17). А теперь, в настоящее время, этого нет. Утверждающих, что воскресение из мёртвых уже было, ап. Павел прямо называет отступниками от веры и разрушителями её (2Тим 2:18). Иисус Христос сказал, что после воскресения из мёртвых ни женятся, ни замуж выходят (Мф.22:30; Лк.20:34–35). А между тем в секте хлыстов, по их учению и обряду, заключаются браки.

В основание своего учения о воскресении хлысты указывают на слово ап. Павла: *встань, спящий, и воскресни из мёртвых, и освятит тебя Христос* (Еф.5:14). Но этими словами христиане возбуждаются к духовной деятельности и воскресению от мёртвых, то есть, греховных дел. Дух грешника, через свою беспечность к делу спасения и получения вечного блаженства, как бы спит и мёртв. Но когда луч благодати через растворенное любовью слово или добродетельную жизнь пробуждает спящий дух, у него является страх Божий, беспокойство совести, требующей перемены жизни. Грешник начинает веровать слову Христа, примиряется с Богом, просветляется Христом. Тогда для него становится ясным, чему следует быть в его жизни и чего ожидать ему в будущем. Но это пробуждение духа грешника нельзя смешивать и отождествлять с воскресением мёртвых тел человеческих, которое, по слову Писания, ожидает всех людей – праведных и грешных (Ин.5:29; 1Кор.15:22; Евр.6:2).

Да и обряды, совершаемые хлыстовскими пророками и пророчицами, или по их указанию, на радениях, не согласны с духом учения Иисуса Христа и апостолов и с обрядами, упоминаемыми в св. писании Нового Завета. Иисус Христос при молитве преклонял колена (Лк.22:41), падал ниц лицом на землю (Мф.26:39; Мк.14:35), возводил очи к небу (Ин.17:1). Апостол Павел советует христианам при молитве воздевать руки к небу (1Тим.2:8), хвалить крест, (Гал.6:14), приглашает христиан носить на себе поругание Христа (Евр.13:12–13), то есть, крест. На хлыстовских же радениях этих обрядов мы не видим. Хлысты при своих радениях махают руками, скачут на ногах, или прыгают. Хлысты говорят, что они при своих радениях махают руками, исполняя повеление псалма: *восплещите*

руками все народы, воскликните Богу гласом радости (Пс.46:2), а скачут по примеру пророка Давида, воспеваемого в церковной песни: „Богоотец убо Давид перед сенным ковчегом скакаше, играя“ (Пасхальный канон). Но из ветхозаветных обрядов только те можно совершать христианам, которые не отменены или подтверждены примерами в новозаветной церкви (Гал.1:8). Но в новозаветной церкви мы нигде ни у Иисуса Христа, ни у апостолов не видим этого обряда. Лобзание, которое делается у хлыстов при их радениях, отнюдь не похоже на святое лобзание, о котором говорит апостол Павел (1Кор.16:20), и на которое ссылаются хлысты, как на основание их обряда. У первых христиан при богослужении было целование у мужчин с мужчинами и у женщин с женщинами, как это видно из апостольских постановлений (Книг.11:57). Святое лобзание, – апостольское, совершается в православной церкви: в праздник Пасхи, в прощённый день перед Великим постом, и перед исповедью. У хлыстов, как свидетельствует опыт, лобзание бывает любодейное, осуждённое Иисусом Христом (Мф.5:28). А обряд целования обнажённого колена рядовыми хлыстами у пророка или пророчицы не только не имеет никакого основания в св. Писании, но у каждого благовоспитанного человека вызывает чувство омерзения²¹⁴.

Пророчества истинных пророков всегда сбывались, исполнялись в действительности, хотя бы они были высказаны пророками за несколько тысяч лет и в этом свойстве пророчеств усматривается главное основание к признанию истинным и пророка, высказавшего пророчество. Не то мы видим в хлыстовских пророчествах. Они по большей части касаются материального благосостояния хлыстовской общины: погоды, дождя, урожая хлеба, открытия пропажи, гонений от православных и проч.; таких предметов, которые, во-первых, не имеют прямого и непосредственного отношения к делу душевного спасения человека; во-вторых, могут быть предугадываемы на основании естественных в жизни природы примет и соображений²¹⁵. Если же хлыстовские пророчества касаются иногда будущего, которого нельзя знать на основании естественных соображений, то эти предсказания обыкновенно

не исполняются, как, например, предсказание о скорой гибели православной церкви, о скором наступлении страшного суда. А это несбытие пророчеств, по свидетельству св. писания, служит несомненным основанием к признанию пророков, изрекавших их, неистинными пророками. *И если скажешь в сердце твоём: как мы узнаем слово, которое не Господь говорил? Если пророк скажет именем Господа, но слово то не сбудется и не исполнится, то не Господь говорил сие слово, но говорил сие пророк по дерзости своей, – не бойся его (Втор.18:21–22).* Подобное же читаем и у пророка Иеремии: *если какой пророк предсказывал мир, то тогда только он признаваем был за пророка, которого истинно послал Господь, когда сбывалось слово того пророка (Иер.28:9).* Апостол Павел говорит, что когда пророки пророчествуют и войдёт в это собрание кто-либо из неверных, то он, слыша обличения себя в своих тайных делах, суд над собой и, видя обнаружение тайн его сердца, падать ниц, поклонится Богу, сказавши: истинно с вами Бог (1Кор.14:24–25). Примеры, подтверждающие способность пророков постигать сердечные тайны людей, можно видеть на пророке Елисее, который обличил своего слугу Гиезия в тайном мздоимстве с Неемана сириянина (4Цар.5:25–27), – на апостоле Петре, обличившим Ананию и Сапфиру за утайку настоящей цены проданного ими имения (Деян.5:1–10). Понятие о том, что пророки обладают даром прозорливости, могут знать прошедшую жизнь человека, так было распространено во времена Иисуса Христа, что когда Он сказал жене самарянке, что у ней было пять мужей, то самарянка сказала Иисусу Христу: *Господи! вижу, что Ты пророк (Ин.4:19).* Но когда православным, не принадлежащим к секте хлыстов, случалось по чему-либо заходить в собрание хлыстов, где они производили радения, то ничего, подобно описываемому Ап. Павлом в послании к коринфянам о пророческом даре, не случалось, никто из хлыстов не обличал этих православных посетителей их собраний в тайных делах, в коих могли быть виновны эти православные. Желая ослабить сомнение в том, что у хлыстов нет истинного пророческого дара, что отсутствие дара прозорливости не служит доказательством неимения ими

пророческого дара, хлысты, правда, говорят, что и пророчества библейских пророков не все сбывались, что и библейские пророчества иногда не исполнялись, как, например, пророчество Илии об истреблении дома царя Ахава (3Цар.21:21–29), пророчество Исаии о смерти царя Езекии (Ис.38:1–9), пророчество Ионы о разрушении Ниневии (Ион.3 гл.), указывают ещё на пророка Нафана, сначала одоббившего намерение царя Давида устроить во Иерусалиме храм Богу, а потом отвергшего это намерение (2Цар.7:1–13). Но, во-первых, нужно иметь в виду, что некоторые библейские пророчества высказывались условно. *Если захотите, и послушаетесь, то будете вкушать благо земли. Если же отречётесь и будете упорствовать, то меч пожрёт вас: уста Господни говорят (Ис.1:19–20).* Иногда пророки от имени Божия предрекали людям бедствия, но, когда эти люди каялись перед Богом в своих согрешениях, Бог отвращал Свой праведный гнев от них. Пророк Илия от лица Божия предсказал царю израильскому Ахаву за распространение идолопоклонства в израильском народе истребление дома Ахава. Но когда Ахав смирился перед Богом, Бог сказал: *Я не наведу бед в его дом (3Цар.21:29).* Царю иудейскому Езекии Бог, через пророка Исаию, повелел готовиться к смерти, но, когда потом Езекия со слезами стал просить Бога, чтобы был отсрочен час его смерти, Бог продлил жизнь Езекии ещё на пятнадцать лет (Ис.38:5). Город Ниневию Бог определил наказать разрушением, что и предсказал ниневитянам пророк Иона; но когда ниневитяне, во главе с своим царём, начали каяться перед Богом во грехах, наложили строгий пост на всех людей, не исключая и младенцев, и даже на скотов, Бог помиловал Ниневию (Ион.3:10). А что касается намерения царя Давида устроить храм Богу, которое пророк Нафан сначала одобрил, а потом от лица Божия объявил Давиду, чтобы он не начинал постройки храма, что храм Богу устроит сын царя Давида (2Цар.7:13); то первое одобрение было высказано Нафаном лично от него, а не по внушению Божию²¹⁶.

Наконец, ап. Иоанн даёт нам ясное и твёрдое указание, как узнавать духов от Бога ли они и как отличить истинных пророков

от лжепророков, говоря: *Духа Божия (и духа заблуждения) узнавайте так: всякий дух, который исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, есть от Бога. А всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, не есть от Бога, но это дух антихриста (1Ин.4:1–3).* То есть учитель, не исповедующий Иисуса Христа единокровным Сыном Божиим, Который одним словом создал весь видимый мир, истинным Богом, равным по Своим божеским достоинствам и совершенствам с Богом Отцом, от вечности рождённым от Бога Отца и в последние лета воплотившимся от Духа Святого и вочеловечившимся от Девы Марии, сделавшимся единым искупительным Ходатаем между Богом и человеком (1Тим.2:5), – такой учитель не от Бога, не истинный учитель веры. А хлысты то именно и признают Иисуса Христа не Сыном Божиим, единосущным и равным по божеским достоинствам и совершенствам Богу Отцу, Творцом видимого и невидимого мира, единокровно воплотившимся от Духа Святого (Ис.7:14; Мф.1:18–25), и вочеловечившимся от Пречистой Девы Марии, а простым человеком, родившимся естественным порядком от Иосифа и Марии, только лишь облагодатствованным в большей степени, сравнительно с другими праведными людьми. И некоторые из хлыстов доходят до такой бесовской гордости и сатанинского самообольщения, что называют себя христами, сынами Божиими, равными Христу евангельскому. Иисус Христос предвидел появление такого беззакония в человеческом роде и предостерегал своих истинных последователей от веры в подобное учение, говоря: *многие приидут под именем Моим, и будут говорить: я Христос, и многих прельстят. Если кто скажет вам: вот, здесь Христос, или там, – не верьте, ибо восстанут лжехристы и лжепророки, и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных. Вот, Я наперёд сказал вам (Мф.24:5,23–25).* Стало быть ясно, что хлыстовские пророки, проповедующие учение, противное учению Иисуса Христа и не признающие Иисуса Христа за истинного, единокровного Сына Божия, единосущного Богу Отцу, единого воплотившегося Сына Божия, Альфу и Омегу, Начало и

Конец, Первого и Последнего (Откр.1:10–17,2:8,22:13), – получают откровения от духа лестяча, бесовского и суть антихристы, противники единого истинного Христа евангельского.

3) Как должно понимать те места св. Писания, в которых хлысты видят основание своего учения о пророках и пророчицах, или обетование Божие о продолжении в церкви Христовой на земле пророческого дара от апостолов и во все времена её существования на земле. Такие места хлысты находят у пророков Исаии, Иеремии, Иоиля и у Ап. Павла. У пророка Исаии хлысты указывают на следующие слова: *и все сыновья твои будут научены Господом (Ис.54:13)*, – у пророка Иеремии: *вложу закон Мой во внутренность их, и на сердцах их напишу его и буду им Богом, а они будут Моим народом. И уже не будут учить друг друга, брат брата и говорить: „познайте Господа“, ибо все сами будут знать Меня, от малого до большего, говорит Господь (Иер.31:33–34)*. Эти слова пророков не буквально, а по смыслу были сказаны и Иисусом Христом в Его пророческой речи об имеющем быть установлении Им таинства причащения Его тела и Его крови под видом хлеба и вина, когда Он сказал: *у пророков написано: и будут все научены богом. Всякий, слышавший от Отца и научившийся, приходит ко Мне (Ин.6:45)*. Пророческим духом созерцая новозаветные времена, пророки Исаия и Иеремия говорят, что Бог, проливая Свою благодать в сердца людей, будет призывать их к вере проповеди о Христе. Так именно объяснил эти слова Сам Иисус Христос. Совершивши чудо насыщения пятью хлебами и двумя рыбами пяти тысяч человек, Иисус Христос перенёс мысли людей, насыщенных Им, от пищи тленной к пище, ведущей в жизнь вечную, начал говорить об имеющем быть установлении таинства причащения, причём назвал Себя хлебом, сшедшим с небес (Ин.6:35–41). Люди, слушавшие эту проповедь Христа, должны были веровать Его словам, тем более, что Он накануне сих слов совершил великое чудо, а вместо сего они начали роптать на Иисуса Христа, говоря: *не Иисус ли это, сын Иосифов, которого отца и мать мы знаем? Как же говорит Он: Я сошёл с небес? Иисус сказал*

им в ответ: не ропщите между собой. Никто не может прийти ко Мне, если не привлечёт его Отец, пославший Меня; и Я воскрешу Его в последний день. У пророков написано: и будут все научены Богом (Ин.6:42–45). Последними словами Иисус Христос свидетельствует, что только тот уверует проповеди Его, кого привлечёт к вере Сам Бог Отец, проливши свой благодатный луч в сердце человека и согревши это сердце. Это научение от Бога должно понимать только как благодатное воздействие Божие на ум и сердце человека, предрасполагающее к вере слову Писания. Чтобы уверовать проповеди Самого Христа и проповеди других о Христе, для этого необходимо особенное внутреннее воздействие Божественной благодати на человека, как это разъяснил Иисусе Христос и в другом месте, сказавши ап. Петру, исповедавшему Его воплотившимся Сыном Божиим: *блажен ты, Симон, сын Ионин; потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, сущий на небесах (Мф.16:17).* И Ап. Павел написал: *никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым (1Кор.12:3).* Ясно, что в вышеуказанных словах пророков Исаии и Иеремии о пророческом даре нет и речи. Равным образом из слов: *и будут все научены Богом*, отнюдь нельзя выводить той мысли, что с явлением на землю Иисуса Христа уже нет нужды во внешнем церковном учительстве, нет нужды в лицах, которые должны были бы, по поручению церкви Христовой, заниматься делом проповеди веры во Христа, так как люди по вере во Христа будут привлекаться Самим Богом. Такая мысль прямо противоречила бы заповеди Христа, данной апостолам: *идите, научите все народы, крестя их во имя Отца, и Сына, и Святого Духа (Мф.28:19)* и словам ап. Павла: *как веровать в Того, о Ком не слыхали (Рим.10:14).* Таким образом словами: *будут все научены Богом*, Христос указал на благодать предваряющую, или возбуждающую веру проповеди о Его учении. Но эта проповедь о Христе может быть, по словам апостола Павла, предложена только тем лицам, которые имеют посланство от Бога через церковь Христову, согласно порядку, указанному в св. Писании (*Рим.10:15; 1Тим.4:14,5:22; 2Тим.1:6; 1Тит.3:14–15; Тит.1:5*). Если же кто не получил от церкви

Христовой такого посланства, тот и не имеет права проповедовать Христово учение: *как проповедовать, если не будут посланы?* (Рим.10:15). Словом же все будут научены Богом пророки и Иисус Христос указывают на то, что к вере в Его учение будут привлекаться Богом люди не из одного только какого-либо народа, как в ветхом завете только евреи были призваны ко вступлению в завет с Богом и к ним только по преимуществу посылались пророки, а все, то есть, все желающие люди из всех племён и народов (Деян.10:34–35; Гал.3:27–28).

В подтверждение своего учения о непрерывном продолжении пророческого дара в церкви Христовой на земле хлысты ссылаются ещё на слова пророка Иоила: *и будет после того, излию от Духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; старикам вашим будут сниться сны, и юноши ваши будут видеть видения. И также на рабов и на рабынь в те дни излию от Духа Моего. И покажу знамения на небе и на земле: кровь и огонь и столпы дыма. Солнце превратится в тьму и луна – в кровь, прежде нежели наступит день Господень, великий и страшный. И будет, всякий, кто призовет имя Господне, спасётся* (Иоил.2:28–32). В этих словах пророка Иоила говорится о двух великих по своим событиям временах в жизни церкви Христовой на земле:

1) об излиянии благодатных даров Св. Духа на всякую плоть, на рабов и на рабынь в начале, в первое время жизни церкви Христовой; 2) о великих чудесах на небесах и на земле: крови, огне, курении дыма и помрачении солнца перед великим и страшным днём Господним, или днём страшного суда. Упомянув о двух важных временах в жизни церкви Христовой – начале и конце её, пророк Иоиль ничего не говорит о том, что пророческий дар будет продолжаться в церкви Христовой непрерывно от начала её и до конца в той же мере, как это было, в первое время её существования, а говорит только об особом чрезвычайном и обильном излиянии даров Св. Духа в начале, при основании церкви. Что, действительно, при начале жизни церкви Христовой на земле было это особое, чудесное,

обильное излияние благодатных даров Св. Духа на верующих, об этом читаем свидетельства в Деяниях апостольских о сошествии Св. Духа на апостолов и других верующих, бывших в Сионской горнице в день Пятидесятницы (Деян.2 гл.), о пророках, бывших в Антиохии (Деян.13:1), – о пророке Агаве (Деян.21:10–11), – о дочерях одного из семи диаконов Филиппа, пророчествовавших (Деян.21:9) и других. Что именно пророк Иоиль предсказывал об чудесном излиянии благодатных даров Св. Духа в день Пятидесятницы, это подтверждает и ап. Пётр в своей проповеди к народу об этом чудесном событии, приведши буквально вышеуказанные слова пророка Иоиля (Деян.2:17–21). Другую половину пророчества Иоиля о знамениях и чудесах при конце жизни церкви Христовой на земле и конце видимого мира апостол привёл для указания на то, что неверовавшие возведённому пророками Христу останутся безответными в день страшного суда. Со дня Пятидесятницы благодатные дары Св. Духа, обильно излитые на апостолов и через них потом на продолжателей их служения – епископов и пресвитеров в церкви Христовой, через таинства стали изливаться *на всякую плоть*, то есть, на верующих во Христа всех племён, народов, полов, возрастов. Что в указанном выше пророчестве Иоиля не говорится только об одном даре пророчества, а вообще о всех благодатных дарах Св. Духа, это видно из того, что и ап. Пётр указал исполнение этого пророчества в день Пятидесятницы, когда именно дар пророчества не проявился у апостолов, а они проповедовали Христа на разных языках и потом возрождали уверовавших благодатными дарами в таинстве крещения, крестивши в день Пятидесятницы около трёх тысяч человек (Деян.2:41). Нельзя из вышеуказанных слов пророка Иоиля, как это делают еретики рационалисты и хлысты, выводить мысли о бесполезности таинств церкви Христовой, как священнодействий, через которые преподаются верующим благодатные дары, необходимые для спасения человека и в частности бесполезности таинства священства и преемственной и непрерывной от апостолов передачи дара рукоположения, или хиротонии, так как эта мысль противоречит намерениям и действиям Самого Иисуса Христа, учредившего и таинства и

иерархию, как предметы, необходимые для спасения истинно верующих в Него, чад Его церкви на земле.

Третье и особенно твёрдое и ясное основание своему учению о постоянном и непрерывном продолжении в Церкви Христовой пророческого дара хлысты видят в следующих словах Ап. Павла, на которые и особенно часто ссылаются: *ревнуйте о дарах духовных, особенно же о том, чтобы пророчествовать... Когда вы сходитесь, и у каждого из вас есть псалом, есть поучение, есть язык, есть откровение, есть истолкование: всё сие да будет к назиданию. Если кто говорит на незнакомом языке, говорите двое, или много, трое, и то порознь, а один изъясняй. Если же не будет истолкователя, то молчи в церкви, и говори себе и Богу. И пророки пусть говорят двое или трое, а прочие пусть рассуждают. Если же другому из сидячих будет откровение, то первый молчи. Ибо все один за другим можете пророчествовать, чтобы всем поучаться, и всем получать исцеление (1Кор.14:26–31).* Побуждая ревновать о дарах духовных, а по преимуществу о даре пророчества (1Кор.14:1), апостол указывает и цель получения этих даров – обличение, поучение и утешение (1Кор.14:24–25,31). Но здесь лица, получившие дарования Св. Духа, называются пророками главным образом и прежде всего не в смысле провозвестников воспринятых ими новых откровений от Бога, а как провозвестники уже проповеданного Сыном Божиим откровения и сообщённого апостолам. Что для проповеди уже готового откровения Христова нужно иметь, действительно, дар Св. Духа, это видно из заповеди Христа апостолам: не выходить на дело проповеди из Иерусалима до получения ими даров Св. Духа. Апостолы после дня Пятидесятницы проповедовали не новые какие-либо истины, не новое учение, а были только свидетелями учения (Деян.1:8), принесённого на землю Иисусом Христом. Поэтому то и ап. Павел говорит в послании к галатам: *если бы даже мы, или ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам (учение Христа), да будет анафема (Гал.1:8).* А апостолы в своей проповеди поставляли главной задачей предначертать

перед глазами слушателей Иисуса Христа, как бы у них самих распятого (Гал.3:1). Пророки, упоминаемые ап. Павлом в послании к коринфянам (1Кор.14 гл.), были главным образом истолкователями св. Писания, тайн Божиих, учения об искуплении, совершённом Христом. Дар истолкования учения Христа и дар языков были ниспосылаемы Богом первенствующей церкви для того, чтобы верующие, обладая ими, могли беспрепятственнее и легче распространять Христово учение, чего они очевидно не могли бы сделать, если бы не обладали сими дарами. Во всей вселенной было много народов, из коих каждый говорил на своём особом языке. Эти народы не приняли бы такого учителя, который объяснялся бы с ними на непонятном для них языке, называли бы его безумствующим (1Кор.14:23). Дары истолкования учения Христова – пророчества и дар языков были обильны в первенствующей церкви, но нельзя сказать, чтобы они были невозможны в истинной церкви Христовой и в последующее время её жизни. Дух Святой, пребывающий в истинной церкви Христовой, может открыться и теперь в даре пророчества. Но, с другой стороны, эти драгоценные дары Божии не могут быть расточаемы там, где есть достаточно, так сказать, и естественных средств для достижения известной религиозной цели. Эти дары были обильны в первенствующей церкви Христовой на земле, во-первых, потому, что тогда ещё не было Св. Писания, которое теперь имеет церковь. Первая новозаветная книга Св. Писания – Евангелие Матфея – написано было спустя уже восемь лет после вознесения Христа на небо. Многих книг Св. Писания нового завета ещё не было, когда писал об этих дарах ап. Павел; а другие книги Св. Писания нового завета хотя уже и были написаны, но не были распространены между христианами, были только известны какой-либо одной местной церкви. Для грубого, окружённого идолами и погрязшего в чувственных пороках, язычника и для хвастливого и гордого своими мнимыми преимуществами перед другими народами иудея слово крестное казалось безумием и соблазном (1Кор.1:23). В этом случае на помощь немощствующим не замедлила явиться Божественная благодать через многие

чудотворения, пророчества и сказания на разных языках, привлёкших иудеев и язычников к принятию христианства. То обстоятельство, что в настоящее время в православной церкви дар пророчества встречается весьма редко, не свидетельствует, что церковь погрешила, что её одолели врата ада, что она лишилась благодати Св. Духа, как говорят по сему поводу хлысты и подобные им сектанты, враги церкви. В православной церкви дары Св. Духа сообщаются через св. таинства. Если же чрезвычайные дары Св. Духа: дар пророчества и дар языков проявляются редко, то это показывает, что православная церковь не пала ещё так низко, чтобы для пробуждения членов её от неверия нужны были какие-либо особые, чрезвычайные, чудесные средства. Знамения, говорит ап. Павел, *не для верующих, а для неверующих* (1Кор.14:22. Св. Златоуста слова и беседы на разные случаи. Том 2, стр. 197–200, изд. 1865 г. СПб.). Хлыстовское же толкование вышеуказанных слов ап. Павла, что в их общине, согласно этим словам ап. Павла, дар пророчества во всей силе проявляется и в настоящее время, не может быть признано правильным, во-первых, потому, что хлыстовские пророки в своих речах высказывают новое учение, несогласное и даже прямо противное учению Христа; во-вторых, потому, что если бы у них проявлялся истинный дар пророчества от Св. Духа, то, согласно слов ап. Павла, должен был бы вместе проявляться и дар языков. Из слов ап. Павла видно, что в его время получившие дар пророчества вместе могли получать и дар языков, или дар говорения на незнакомом языке (1Кор.14:5), а этого дара у хлыстов нет и по их собственному признанию, как это приходится слышать от них самих, при миссионерских собеседованиях. Из слов апостола: *у каждого из вас есть псалом, есть поучение, есть язык, есть откровение, есть истолкование: всё сие да будет к назиданию* (1Кор.14:26) нельзя выводить и той мысли мнимо-духовных христиан, что каждый верующий во Христа может в церковном собрании учить, священнодействовать и управлять. Такое понимание слов Ап. Павла прямо противно заповеди Христа к апостолам, которым только одним Он дал власть и право общественной проповеди людям Его учения (Мф.24:14,28:19;

Мк.13:10,16:15; Ин.20:21–23) и совершения, таинств крещения (Мф.28:19; Мк.16:16), миропомазания (1Ин.2:20,27; 2Кор.1:21–22), причащения (Лк.22:19–20; 1Кор.11:23–26), покаяния и разрешения грехов (Ин.20:22–23; Деян.19:18), рукоположения (священства) (Деян.6:6,13:3,14:23,20:28; Ефес.4:11–14; 1Тим.4:14,5:22; 2Тим.1:6; Тит.1:5), брака (Мф.19:6; 1Кор.7:39; Еф.5:31–32) и елеосвящения (Мк.6:13; Иак 5:14–15). И ап. Павел, говоря, что апостолы служители Христовы и домостроители тайн Божиих (1Кор.4:1), замечает: *все ли апостолы? все ли пророки? все ли учителя? все ли чудотворцы?* (1Кор.12:29). *Никто сам собой не приемлет (первосвященнической, епископской) чести, но призванный от Бога, как и Аарон. Так и Христос не Сам Себе присвоил славу быть первосвященником; но Тот, Кто сказал Ему: Ты Сын Мой, Я ныне родил Тебя* (Евр.5:4–5). В указанных словах ап. Павел даёт благословение и право только людям, получившим особые благодатные дары Св. Духа, при видимом рукоположении, идущем непрерывно от апостолов через продолжателей их служения, принимать участие в отправлении богослужения. Продолжатели апостольского служения могут давать благословение и мирянам, читать и петь при богослужении.

Миссионер протоиерей Н. Кутепов

Шалкинский С., свящ. Несколько миссионерских слов к «старообрядцам» // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 659–673

по поводу книжки *И. Усова*: „Павел Иванович Мельников (Андрей Печерский. Его жизнь и литературная деятельность“).

В настоящее время в мире раскола австрийского толка пользуются всеобщей известностью апологеты австрийщины – Ф. Мельников и И. Усов. Обе эти фамилии мы видим на обложке названной брошюры, что даёт возможность раскольникам думать и говорить, что эта брошюра составлена их защитником Иваном Усовым о своём брате Мельникове²¹⁷, и среди нас, говорят они, есть *учёные лица*, литераторы, хотя, на самом-то деле, книжка эта написана не Ив. Усовым и не о том Мельникове. Ошибка- ли это наборщика или что-нибудь подобное, но имя автора сей брошюры обозначено на обложке буквой *И.* (Иван, говорят раскольники), тогда как в конце брошюры (на стр. 316) напечатано: «Пав. Усов». Год издания книжки почему-то не проставлен на обложке, дозволение цензуры отсутствует; напечатано только: «Издание поставщика Его Императорского Величества Высочайше утверждённого товарищества М. О. Вольф. С.-Петербург, Гостинный двор, 18. Москва, Кузнецкий мост, 12».

Книжка эта быстро распространилась среди раскольников. После бесед с Перетрухиным, бывших в с. Орехове, Славяно-сербского уезда, в декабре 1899 года, мне православные жители этого села заявили, что Перетрухин читал у себя на квартире какую-то, должно быть, бесцензурную книжку о том, как один православный священник «крестил собаку», что несколько экземпляров этой книжки он оставил у раскольников. Приезжаю в с. Городище, где несколькими днями ранее происходили беседы с Перетрухиным, и здесь узнаю, что та же книжка распространена и в этом селе, есть даже она и в соседней деревне – Ольховатских Двориках. Таким образом, пропагандисты раскола, видя в публичных беседах с православными миссионерами мало пользы, – как об этом

заявил мне мнимый архиепископ раскольниковый, донской урядник Картушин, – находят более полезным для своего дела, разъезжая по России, как бы для собеседований, – распространять в народе свои «подпольные» сочинения, а также разные брошюры, в которых есть хотя малый намёк на недостатки (нравственные) нашего православного духовенства. И они достигают своей цели: книжка, оставленная на память хотя бы от Перетрухина или Усова, а иногда и присланная лично «от отца Иоанна» (лже-архиерея Картушина), каждым раскольниковым ценится очень высоко: он читает и перечитывает её по несколько раз, указанные дарителем страницы заучивает наизусть, читает их своим знакомым раскольникам и православным. У нас в с. Городище есть раскольник, некто Рындин, человек малограмотный, но «презельный²¹⁸ ревнитель раскола». Книжка Усова, конечно, была Перетрухиным подарена и ему. Но дабы Рындин не забыл нужного в книжке места, Перетрухин написал карандашом на обложке: «144». И вот эта сто сорок четвёртая страница теперь известна почти всему селу: читалась она и в пивной, читалась и на базаре, читалась (наизусть) и в сельском правлении (старшина и староста в селе – оба раскольники)...

Мне удалось просмотреть у себя эту книжку (Рындина). Она довольно порастрёпана, но все листики чистенькие, а некоторые даже и не разрезаны, зато IX глава: «Отчего Павел сделался Савлом», а в особенности 144 страница – буквально засалена: видно, что к ней прикасался не один десяток грязных рук. На поле, против той строки, откуда нужно раскольнику начинать чтение, Рындин написал полууставом: зри.

Девятая глава названной брошюры знакомит читателя с «Отчётом о современном состоянии раскола в Нижегородской губернии», составленным Мельниковым по поручению г. Министра внутренних дел в 1854 году, и, главным образом, с той частью отчёта, в которой Мельников, доказывая возможность убедить раскольников в их заблуждении, выставляет на вид неподготовленность тогдашнего православного духовенства к воздействию на раскольников путём убеждения. Описывая состояние духовенства, Мельников

представляет его в слишком мрачном виде и на основании частных ненормальных случаев набрасывает мрачную тень на всё духовное сословие.

«Состояние сельского православного духовенства, – пишет он, – действительно самое жалкое. Народ, которого совесть должна была бы находиться в руках священников, – этот народ не уважает духовенства, преследует его насмешками и укоризнами и тяготится им... Оттого духовенство наше не уважается народом, что слишком отрешено от общества. Получив превратное воспитание, оно не вносит в жизнь народную живого учения духа, а остаётся при одних мёртвых формах внешнего служения, да и теми пренебрегает до кощунства. Оттого духовенство наше не уважается народом, что оно часто представляет непрерывные примеры неуважения к вере; оттого оно не уважается народом, что служение Богу превратило оно в доходное для себя ремесло» (стр. 143 и дал.). Трудно верится, чтобы Мельников говорил *чистую* правду. Из его слов легко прийти к такому выводу, что среди тогдашнего духовенства (хотя бы и сельского) не было даже и нескольких священников, которые бы на свой сан смотрели, как на служение Богу, принимали его по призванию, а не с целью занять доходное место. А разве это правда? Разве он мог лично и близко познакомиться *со всем духовенством* Нижегородской губернии? Конечно, нет. Он слышал об этом от помещиков, от крестьян? Но ведь он же сам говорит, что „в то время дворянская спесь процветала ещё во всей силе и с презрением относилась к «кутейникам» (стр. 74), что «в редком рассказе забавного содержания народ не глумится над попом, попадъёй и поповским батраком», что «во всех народных пословицах, присказках и байках, во всех народных поговорках и присловьях, если только говорится о духовенстве, говорится с насмешкой» (стр. 143). И вот Мельников народные глумления принял за действительные факты и, ничтоже сумняся, записал их в свой отчёт. Можно ли назвать правдоподобным категорическое заявление о том, что *духовенство* (а не некоторые только священники) не вносят в народную жизнь живого учения духа, а остаётся только при одних мёртвых

формах внешнего служения, да и теми пренебрегает до кошунства, представляя беспрерывные примеры неуважения к вере»? Не говорим мы того, что таких священников совершенно нет: очень может быть такие нежелательные и вредные для св. церкви священники иногда и бывают, по чтобы *всё духовенство* (хотя бы Нижегородское) было таковым, этому никто не поверит. При этом не нужно забывать и того, что если и попадаются описанные Мельниковым священники, то остаются они в своём сане только «до уведения» своего епископа, что Мельникову, надо думать, было не безызвестно.

Но фиал ярости, – излитый Мельниковым на православное духовенство, – заключается в дальнейших словах, против которых даже безграмотный Рындин написал внушительное: зри. Вот эти слова: «Может ли народ с уважением смотреть на духовенство, может ли он не уклоняться в раскол, когда *то и дело* слышит он, как один *поп*, исповедуя умирающего, украл у него из-под подушки деньги, как другого народ вытащил из непотребного дома, как третий окрестил собаку, как четвёртого, во время пасхального богослужения, диакон вытащил за волосы из царских дверей? Может ли народ уважать попов, которые не выходят из кабака, пишут кляузные просьбы, дерутся крестом, бранятся скверными словами в алтаре? Может ли народ уважать духовенство, когда *повсюду* в среде его видит «святокупство», небрежность к служению, бесчиние при совершении таинственных обрядов»? (стр. 144). Нет, сказали бы мы Мельникову, таких священников, о которых вы только что сказали, не только народ, но и само духовенство не может уважать и не уважает. Только, необинуясь, скажу, что всё это раскольничьи «байки». Я провёл свои детские и отроческие годы в одном из многолюднейших раскольнических селений и слышался таких диковинных рассказов о духовных лицах, что если бы захотел последовать примеру Мельникова, записать эти «байки», то затмил бы его. Но в том-то и суть, что все эти рассказы слагаются раскольниками с предвзятой целью унижить авторитет православного духовенства, служителя Тому, Которого также называли и ядцей²¹⁹, и винопийцей и другом мытарям и грешникам и даже действующим силой Вельзевула...

Ничего нет удивительного в том, что *мир ненавидит* служителей Христовых, ибо Его *прежде ещё возненавидел* (Ин.15:18). Повторяю – тех священников, которые крадут, прелюбодействуют, кощунственно относятся к совершению св. тайн, дерутся, ругаются где бы то ни было, пьянствуют и пр. – не уважает не только народ, но и само духовенство: замеченный в каком-либо нравственном преступлении священник или диакон и пр. *непременно* подвергается суду и, смотря по степени преступления, получает или извержение из сана, или временное запрещение, или посылаемся в монастырь на исправление и пр. По описанию же Мельникова, представляется такая мрачная картина «состояния духовенства», что так и кажется, будто бы эти пороки совершаются духовенством открыто *повсюду то и дело* и при том совершенно безнаказанно! Но сам же Мельников дальше невольно проговаривается, что всё это слишком преувеличено. «Много ли найдётся сельских священников, которые выгодами своими пожертвовали бы для блага церкви? – спрашивает Мельников и отвечает: «На словах и на бумаге найдётся много, на деле очень мало» (стр. 147). *Мало найдётся сельских священников, которые выгодами своими жертвуют для блага церкви*, мало, но всё-таки найдётся, как же он раньше-то говорил, что *повсюду* видно святокупство? Такое противоречие только и объяснимо широкой поэтической натурой автора Отчёта. Но, да простит ему Господь... Не будем тревожить его костей, а обратим лучше своё слово к глаголемым старообрядцам, которые теперь, если и не молятся за Мельникова. как за еретика-табачника, то во всяком случае очень благодарят его, как соратника в деле укрепления и пропаганды раскола.

Ошибаетесь вы, братия старообрядцы, считая Мельникова своим единомышленником: раскол он никогда церковью Христовой не считал, а смотрел на него, как на «порождение грубости и невежества». «Не надобно забывать, – говорит он, – что раскол, собственно так называемый, т. е., поповщина и беспоповщина, есть порождение грубости и невежества, и что он должен со временем уничтожиться, когда просвещение проникнет в низшие слои народа» (ст. 222). «Повторяю – перед

лицом просвещения расколу не устоять» (226). Относительно руководителей раскола, понимающих своё заблуждение, каковыми большей частью являются раскольнические лже-епископы, миссионеры и проч., Мельников говорит, что они – эти «коноводы раскола... по своим личным расчётам, держат толпу в раскольническом заблуждении для того, чтобы посредством этого иметь на неё (раскольничью массу) влияние и руководить ею по своей воле» (151).

Не одобряет Мельников и «нравственность» вашу: по его описанию она очень низкопробна. Он говорит, что даже мнимые епископы ваши позволяют себе и «святокупство» и подарочки «приятельницам». «Из них (раскольнических лже-епископов) двое находятся под запрещением: Софроний – за святокупство, Пафнутий – за то, что на Кузнецком мосту своей приятельнице бурнус²²⁰ покупал» (260). Но всё это прикрывается фарисейским лицемерием: «Русский раскольник, если он занял почему-либо видное место в кругу сектаторов, отличается ханжеством и лицемерием» (130).

Но это – в миру. Посмотрим, быть может, в скитах нет этого ханжества и лицемерия. Мельников пишет:

«Из долговременного наблюдения я вывел заключение, что всякий скитский раскольник или раскольница на каждом шагу употребляет рассчитанное ханжество и лицемерие в разных видах и формах... Каждый час, каждую минуту скитский раскольник лицемерит, живёт обманом, с малолетства до преклонной старости ходит в личине» (130). Для чего же это делается? Для того, чтобы соблазнять, обманывать простой народ.

«Видя в раскольнических сектах всю благовидную внешность, простой народ чувствует привязанность и к старым обрядам, веря, что только в этих *вертепах лицемерия* и сохранилась святая вера Христова» (134). «Они смиряются и благоговейно молятся на глазах богатых раскольников, чтобы *выманить от них больше денег*. Они помогают бедному крестьянину, чтобы сделать из него дарового работника. Под личиной мнимых добродетелей, в скитах скрываются ненасытная алчность к деньгам, своеволие, праздность,

пьянство и разврат. Корыстолюбие внушило старухам (игуменьям) мысль набирать девочек, учить их грамоте и расколу и, когда они достигнут 16 или 17 лет, отправлять в канонницы на подвиги лицемерия и разврата: за такие подвиги своих воспитанниц они получают от богатых раскольников деньги» (134–5). «С праздностью не разлучены пьянство и разврат, и они в сильной степени господствуют в скитах. В Комарове *одна игуменья пропила обитель...* Степень разврата в скитах видна из именного списка оставшихся в скитах раскольников: в нём то и дело встречаются заимствованные из ревизских сказок слова «незаконнорожденная дочь». Например, в Оленевском ските, при 96 именах, 19 раз упоминается о незаконных рождениях, а о настоятельнице обители Никанориной говорится так: «Она незаконнорожденная дочь умершей игуменьи этой обители, Никаноры, и у неё самой есть две незаконнорожденные дочери, Анна и Харитина, из которых первая уже родила незаконнорожденную дочь, а другая, как слышно, родит в нынешнем году». В Комаровском ските одна романовская мещанка имела *открытый дом разврата*, куда во всякое время могли приходиться обительские девки с своими любовниками. Для всякого греха у скитниц есть своё извинение. Разврат молодых девиц они извиняют так: «Блуд не грех, а только падение, и все святые отцы падали, да угодили Богу покаянием. Не покайся, не спасёшься; не согрешивши, не покаешься. Девице *позволено* согрешать, а то бы ей не в чём было и покаяться, а не покайся, не спасёшься». Лицемерие и ханжество, главнейшие основы скитского быта, не исчезают даже в минуты увлечения в разврат. Так один православный, имевший в скиту любовницу, рассказывал, что, проведя ночь в её светлице, он пил воду из стоявшей подле постели кружки. Захотелось пить и любовнице его, но когда он подал ей недопитую кружку, то она оттолкнула её, сказав: «с ума ты никак сошёл: разве я буду пить из одной посуды с табашником» (136–7).

После таких ярких примеров раскольничьей нравственности, приведённых Мельниковым же, раскольникам

ли бросать камень в православное духовенство? И им ли вынимать сучок из глаза брата своего?

Но, довольно об этом!

Теперь познакомим вас с возникновением австрийской иерархии, как оно описывается Мельниковым. И прежде всего считаем нужным указать следующие его слова: «Бог знает, заимствовался ли Павел (главный деятель по основанию раскольнической митрополии), с умыслом ли он сделал дело, ничем неизвинительное, но, переправляя возвращённый правительством Устав, он внёс в него Богословие, в котором коснулся самых главных догматов христианства и изложил их еретически. Именно он провёл мысль, что до сотворения мира существовал один Бог-Отец, пребывающий в молчании, имея Сына, Слово Божие, только во уме своём. Когда же изрёк: «Да будут вещи», это слово осуществилось во втором лице св. Троицы, выйдя из ума Бога; в то же время Бог-Отец отрыгнул от сердца своего Дух Святой, и сбылось сказанное пророком: «Из чрева прежде денницы родих Тя». Следовательно, второе и третье лица св. Троицы небезначальны (250–1). Этот Устав служит основанием Белокриницкой иерархии: не будь этого Устава, не дано было бы австрийским правительством и разрешения вам иметь особого епископа; а митрополит Амвросий, при переходе в раскол, обязался подчиняться этому уставу, следовательно, принять и это еретическое учение. Если же в основу Белокриницкой иерархии положена ересь, то само собою понятно, какова эта иерархия: *на ереси дело Божие не создается*. Но послушаем, что скажет об этом Мельников.

«Учреждение Белокриницкой митрополии, говорит он, было делом: 1) *поляков*, оставивших наши пределы после революции 1831 года, 2) *австрийских государственных людей, католического и униатского духовенства* (в отмщение за воссоединение униатов) и эрцгерцога Людовика, 3) *русских государственных людей, графа Бенкендорфа* (человек не русский и *лютеранин*) и князя Паскевича, действовавших, вероятно, по непониманию того, что они делали» (239–240). Итак, тот Мельников, которого вы хотели бы считать своим заступником и слова которого о православном духовенстве

читаете «на всяком месте», считает, на основании добытых им данных, учреждение вашей иерархии делом не Божиим, а поляков, католического и униатского духовенства и лютеранина Бенкендорфа. Хороши же у вас союзники и пособники! Что это, действительно, так, – слушайте дальше.

«В 1839 году у нас воссоединены униаты. Униатский митрополит в Австрии, Михаил Левицкий, не без ведома папы римского, подал буковинским (раскольникам) липованам, между которыми уже бродила, занесённая из России, мысль о епископе, совет, чтобы они обратились к австрийскому правительству с просьбой об учреждении раскольничьего митрополита. Он составил им программу действий и обнадёжил в покровительстве сильных лиц. Это была месть за воссоединение униатов» (244). «При тайном содействии католического высшего духовенства, лиц высшего венского круга, даже некоторых дам, валдайский ямщик (Пётр Великодворский – Павел) и крыловский мещанин (Алимпий Зверев или Милорадов) проникли в министерские кабинеты, представлялись эрцгерцогу Райнеру и самому императору Фердинанду» (250). Дамы-католички, помогавшие раскольникам, были графиня Стадион и княгиня Меттерних. Помогали они не потому, чтобы сочувствовали раскольникам, а, по научению иезуитов, желали принести вред православной церкви. Вот как объясняет это Мельников: «Хороший был салон графини Стадион в Вене, блестящий был салон княгини Меттерних. В этих салонах, около 1843 года, с чрезвычайной предупредительностью, как дорогие гости, приняты были мещанин посада Крылова, Олимпий Зверев-Милорадов и валдайский ямщик, Пётр Великодворский (инок Павел). Алимпий, не нуждаясь в вилке и ноже, ел руками, постоянно пьяный человек, который, живя в Белой Кринице, никогда не возвращался домой без синяков и редко без окровавленного лица, имеющий привычку сморкаться выстрелами в сторону, посредством прижимания пальцем противоположной ноздри – подобный человек в салоне княгини Меттерних! Дело объясняется преданностью графини и княгини католической церкви и влиянию на них иезуитов» (242). «И римский двор, как

говорят, мстя за униатов, принимал участие в деле образования раскольнической иерархии... Из письма Аркадия Славского к митрополиту Кириллу Белокриницкому из Константинополя, от 3 октября 1858 года, видно, что раскольники и в то время рассчитывали на папу» (245). Прочитав всё это, должны вы, братия старообрядцы, подумать поусерднее над историей возникновения вашей незаконной иерархии.

Церковь Христова с трёхчинной иерархией и седмию таинствами, как вам хорошо известно, есть *дело Божие*; *Я создам церковь Мою*, обещал Спаситель и, действительно, создал. Церковь Христова наздана на основании апостол и пророк, сущу краеугольну Самому Иисусу Христу, т. е., в основу её легло учение Христа Спасителя, святых апостолов и пророков, а в основу вашей церкви легло еретическое учение инока Павла, изложенное им в Белокриницком Уставе, о том, что Сын Божий и Святой Дух не вечны, не собезначальны Отцу, по сему-то ваша церковь и иерархия её, как доказывает Мельников, есть дело не Божие, а *поляков, папы римского и его духовенства, духовенства униатского и лютеранина Бенкендорфа*. В деле созидания и распространения Христовой церкви св. апостолам помогал Сам Господь: «Богу споспешествующему», писали они, а в деле утверждения и даже открытия вашей иерархии помогали иезуиты и католички Стадион и Меттерних; святые апостолы всегда призывали на помощь себе Господа Бога и у Него искали защиты, а ваши мнимые епископы (Аркадий Славский) – у еретика папы римского и пр. и пр.

Значит, не будь мятежных врагов нашего отечества, поляков, не будь еретиков-католиков и их единомышленников – униат, не будь иезуитов и их поклонниц-католичек Стадион и Меттерних, – не было бы и вашей австрийской церкви, и австрийского священства: оно возникло благодаря стараниям еретиков, – это их плод. Если этот плод хорош, то должны вы признать добрым и древо, принёсшее сей плод, т. е. поляков-мятежных, папу римского, униатского митрополита, иезуитов, лютеран и прочих ваших покровителей, помогавших вам далеко

не по сочувствию к вам, а из простого чувства мести нашей св. православной церкви.

Теперь посудите: много ли говорит в вашу пользу Мельников? – Ни слова. Нравятся вам его слова на 144 странице? Но они могут нравиться только безграмотному Малахию, который не может по своей малоразвитости понять, что истина св. церкви познаётся «не по житию» некоторых её членов, хотя бы и пастырей, а по её учению. Если же будем искать церковь «по житию», то легко можем ошибиться, ибо иногда «у еретиков наблюдается больше воздержания, чем у православных» (кн. о вере л. 216), потому что диавол, дабы соблазнить православных в ересь, повелевает еретикам «пост и девство им законополагати». «Всегда убо в молитвах лукавый ленивы же и нерадивы благочестивые ны и православные делает: противно же безбожнныя и еретичествоущия на скверныя тех молитвы тыя воздвигает» (бл. Симеона Салунск. кн. 2, отв. 79).

Мы должны твёрдо помнить, что православный священник, какую бы он безнравственную жизнь ни проводил, до тех пор, пока не получил извержения, есть священник правильный, законный: благодать Божия действует через него и освящает верующих. «Всеми Бог действует, – говорит св. И. Златоуст, – аще тии были бы и не достойни, за еже спастися людем» (Бесед. на 14 посл. стр. 2552). Для нас «достоинство» священнослужителей должно заключаться не в нравственной его жизни, а в содержании истины: «зол како глаголеши? аще убо веры ради, бегай его и отрицайся... аще же ли жития ради, не испытай», поучает св. Златоуст (там же, стр. 3113).

Поэтому вам, братия-старообрядцы, никогда и не должно было бы говорить о грехах человеческих. Если же вы начинаете говорить об этом, то показываете только свою фарисейскую праведность, заявляете, что вы не таковы, а гораздо лучше. Кроме этого, если вы считаете себя в праве быть в разделении с нашей св. церковью потому, что некоторые священники поступают не так, как бы им должно было поступать, то этим уже свидетельствуете о своём неведении самых начальных истин христианства о *не осуждении своих ближних, паче же*

иерея. Вы и не подозреваете, что уподобляете себя за такое учение еретикам-стригольникам, которые не хотели подчиняться богопоставленным пастырям только потому, что считали их нравственно-недостойными (Макар. Минея. Июнь. Послание Антония царегр.). Вы, вероятно, не знаете, что даже отлучается от общения церковного тот христианин, который не покоряется своему пастырю «греховного ради извета» (13 прав. второперв. соб.), что простец, укоряющий священника («аще негде и истина суть»), «да есть анафема, и да изгнан будет из церкви, отлучен бо есть от св. Троицы, и послан будет во Иудино место» (Номокан. 121 пр.), ибо, осуждая священников за их пороки и отделяясь через эти пороки от св. церкви, «ты не мене (говорит св. И. Златоуст) пренебрегавши, но священство. Аще узриши сего (священства) мя обнажена, тогда пренебрежи. Но донележе на престоле сем седим, донележе председатель имамы, имамы и достоинство и крепость, аще и недостойни есмы (стр. 2068 и дал.). «Аще видиши иерея недостойна, священничество не оболгуй» (Маргар. л. 198). «Познай себе, яко всяко тебе вышши, и попусти праведному судии суд. *Да будет же священник в еже по Бозе догматех не согрешая, о прочих же неси ты судия, или испытатель ему.* Но познавай свою меру и достоинство. Что убо рече не подлежит ли возстязанию и церковным правилом священник; ей, но не тобою той испытается, или истязется, но от Бога, или мпожицею от большого архиерея. Ты же что пастыря востязуеши, овча сый. Что восхищавши фарисейски Божие судилище, и святительский сан, иже тебе несть вручен ни от Бога воверен. темже молю вы, не судите никого же, изряднее же священника Божия» (Никон Чери. сл. 40, л. 302).

Вам нравится отзыв Мельникова о духовенстве православной церкви, и вы с злорадством читаете его всюду. Но, – друзья, друзья мои! – посмотрите на своё духовенство, на свои скиты, не найдёте ли и там чего-нибудь подобного, только в больших размерах... Мало этого. Посмотрите на историю хотя бы русской церкви и там вы увидите те же явления. Пастыри одной и той же церкви, а какая разница в их нравственной жизни! Одни представляют светлый пример, образец христианско-подвижнической жизни, другие погрязают в грехах;

одни исповедуют св. православную веру во всей её небесной чистоте, другие заражены суевериями; одни – воплощённая кротость и смирение, – другие чужды сих добродетелей, а св. церковь через сих «недостойных» пастырей не лишалась святости, никто через сие от неё не отделялся. Прочитайте со вниманием «Стоглав» и вы увидите много такого непривлекательного в жизни духовенства и монашествующих, о чём Мельников даже и не слыхал. Укажем хотя бы следующие факты.

«Попы и церковные причётники в церкви *всегда* (обратите внимание – *всегда*) пьяни и без страха стоят и бранятся, и всякие речи неподобные *всегда* из уст их исходят, *и миряне*, зря на их бесчиние, гибнут, *такоже творят*. Попы же в церквях бьются и дерутся промеж себя, а в монастырях такое же бесчиние творится» (по казанск. изд. 1862 г., гл. 5, вопр. 22 стр. 66). Мельников говорил только о том, что некоторые священники пьянствуют в кабаках и указал один случай драки священнослужителей в алтаре, а Стоглавый собор что говорит? Говорит, что в то время были и такие священники и причётники, которые *всегда* являлись в церковь пьяными, *всегда* произносили в церкви скверные слова, *всегда* в церкви бились и дрались. Миряне, зря на них, то же творили. Не отставали в этом отношении и монастыри. Посудите же, – кто, Мельников или Стоглавый собор – передаёт нам картину «упадка нравственности духовенства» в более мрачных красках? Конечно, Стоглавый собор. Но дополним немного эту картину словами того же собора: «Еже повелевают отцы святии пити по чаши или по две или по три, сего мы ниже слышати хотим, ниже ведаем меру чаш оных, но сицева мера наша есть, егда пьяни будем якоже не познати себе, ниже помнити и множицею даже до облевания и тогда престанем пити» (стр. 231). Неужели же из-за таких бесчинников следует прерывать общение со св. церковью? По старообрядческой логике обязательно следует, а, однако, почему-то и они говорят, что во времена Стоглава, несмотря на пьянственное житие священников, благочестие на Руси процветало. Это показывает только «непостоянство их: поскольку они никогда в словесех не стоят», как и еретики (Вас.

Вел. кп. 3, посл. 241), «идеже бо несть истины, тамо ни твёрдости» (Маргарит л. 486).

Мельников далее указывает (или вернее – упоминает) сказочный, скорее всего, выдуманный раскольниками случай крещения священником собаки... Возмутительный поступок, если только возможно допустить, что он когда-нибудь был. Такой поступок возможен только от человека ненормального и, во всяком случае, в церкви он не допустим. На самом деле, возможно ли, чтобы священник в полном облачении, по уставу церкви крестил... собаку? Этого никто из присутствующих ему не позволил бы, как не позволил бы даже и ввести собаку в церковь. Никто не позволил бы этого кощунства и в частном доме. Очень возможно, что священник, конечно, без облачения, будучи пьян, или помешан, купая или бросив собаку в воду, произнёс священные слова, а народ и распространил эту молву с разными прикрасами, так что получилась легенда о крещении собаки. Что такое предположение вероятно, доказывается тем, что и сам Мельников не говорит, где и при какой обстановке это происходило; тогда как о других случаях он указывает и место, и время, и некоторые подробности (напр. драка диакона с священником). А вот Стоглавый собор передаёт нам неоднократные случаи кощунства священников, невымышленные случаи, а действительные. Например, он рассказывает, что некоторые священники того времени на св. престол, – это святое святых, куда не позволено класть никаких предметов, кроме принадлежностей св. престола, – клали сорочки, в которых иногда рождаются дети, и оставляли их там в продолжение шести недель (гл. 41, стр. 166), тогда как даже и сама «жена родившая», в продолжение сорока дней после родов, не может входить в храм. Не кощунство ли это? Не поругание ли святыни?

А вот другой пример: «Некоторые невегласы²²¹ попы, – говорит Собор, – в великий четверг соль кладут под престол и до седмого четверга по велице дни там держат и ту соль дают во врачевание людям и скотом. Такова бо прелесть еллинская и хула еретическая!» (гл. 41, стр. 190). И всё это было задолго до Никона.

На этом я кончаю в надежде, что беспристрастный старообрядец, ищущий истины, поймёт, что преступления частных лиц, хотя бы и священников, нельзя ставить в вину всей св. церкви, что в числе 12 апостолов Христовых был и Иуда, который крал деньги, – были недостойные священники и в русской церкви, есть и у старообрядцев и будут всегда, что, следовательно, об этом, при исследовании истины, никогда не подобает и глаголати. Поймёт он также, что Мельников православную церковь, – несмотря на некоторых недостойных её священников, – называл православной, заботился он об её интересах, – о ней пёкся, раскол же он называл расколом, – порождением грубого невежества, принадлежащих к нему – лицемерами, ханжами, обманщиками и пр., которые в нравственном отношении гораздо ниже православных священников, о которых говорится на 144 стр. Следовательно, Мельников в пользу раскола в своём отчёте не говорил, а посему напрасно гг. Перетрухины, Усовы и пр. распространяют эту брошюрку «целиком», уж если они задались такими непохвальными средствами укреплять расшатавшийся и готовый пасть раскол, то им выгоднее было бы распространять только одну 144 страницу, гораздо выгоднее... Тогда, по крайней мере, не все бы знали, что у раскольников в скитах существуют дома разврата, что эти скиты иногда пропиваются..., что сама их иерархия-то возникла при помощи врагов России – поляков и врагов св. церкви: папы римского, католиков, униат, лютеран... О, если бы на это обратили своё внимание приемлющие австрийскую иерархию!..

Свящ. миссионер *Сергий Шалкинский*

Булгаков Н. Из миссионерских запросов //
Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 674–
677

Как следует понимать явление Самуила аэндорской волшебнице, – Самуил ли это был святой или бес в образе Самуила?

Василий Гусев.

Одни из толкователей Св. Писания (Тертуллиан, бл. Иероним, св. Ефрем Сирин, Тениус и друг.) полагали, что явление Самуила Саулу было ничем иным, как обманом волшебницы или же явлением злого духа в виде пророка Самуила; что касается предсказания, данного Саулу, то означенные толковники признавали это предсказание ложным или же таким, которое было известно диаволу и волшебнице из прежних пророчеств Самуила и затем передано царю Саулу от имени будто бы явившегося пророка. Другие (напр., бл. Феодорит) считали явившегося просто образом, тенью, призраком или обликом пророка, представленным несчастному царю Саулу силой божественного всемогущества, а пророчество, возвещённое Саулу, приписывали Самому Богу. «Сам Бог всяческих, – пишет бл. Феодорит, – как Ему было угодно, представив образ Самуила, произнёс определение, так как не могла сделать сего волшебница, а Бог и через противников произнёс приговор... Предречение (Самуила) было истинно, потому что было оно божественное, – но произнесено, думаю, не Самуилом» (Твор. св. отцов в русском пер. кн. 4. Москва 1855 г., стр. 366).

Однако оба эти воззрения нельзя назвать основательными. Боговдохновенный писатель 1-й книги Царств определённо говорит, что явившийся Саулу был не злой дух и не призрак или образ Самуила, а действительно сам Самуил (1Цар.28:12,14–16). Предание о том, что явившийся в Аэндоре и пророчествовавший Саулу был именно пророк Самуил, идёт с глубокой древности: оно занесено в греческий перевод 1-й книги Паралипоменон (1Пар.10:13–14) и записано Иисусом, сыном

Сираха (Сир.46:23). Бл. Феодорит, возражая против мнения о явления беса в образе Самуила, говорит; «я, читая книгу Паралипоменон, нашёл, что написавший сию историю сказал так: *и яко вопросы Саул волшебницы, еже вопросити, и отвеча ему Симуил пророк. И не взыска Господа, и уби его*» (там же). В пользу явления Самуила свидетельствует и точнейшее исполнение предсказания пророка на другой день после его произнесения, – потому что ни волшебница, ни диавол не могли знать той печальной участи, которая предстояла Саулу, и заранее предсказать все её подробности. Будущую судьбу каждого человека знает только Всевышний (Евр.4:13; Еккл.8:6–7), и в таинственной книге Господа записаны все дни человеческой жизни прежде ещё его рождения (Пс.138:16). Диавол же хотя бы и знал судьбу Саула и его сыновей, но не открыл бы несчастному царю этой истины, потому что сатана, по самому свойству своей природы, есть лжец и отец лжи (Ин.8:44; срав. 3Цар.22:20–25). Правда, Самуил при жизни своей несколько раз возвещал Саулу, что царство его будет отнято у него и передано Давиду (1Цар.13:13–14,15:26–29), но он никогда не пророчествовал о поражении израиля филистимлянами на горах Гелвуйских, о смерти Саула и его сыновей. Это грозное пророчество могло быть возвещено только самим Самуилом, а не диаволом или волшебницей, не говоря уже о каком-либо призраке или тени: *никогда пророчество не было произносимо по воле человеческой, но изрекали его святые Божии человеки, будучи движимы Духом Святым* (2Пет.1:21). Может встретиться недоумение по поводу слов явившегося Самуила: *завтра ты и сыны твои будете со мною* (ст. 19) в том именно смысле, что нечестивый Саул после своей смерти не мог быть в одном месте с праведным Самуилом. Но выражение – *будете со мною* – имеет общее значение, подобное другому, часто встречающемуся в Библии: *приложился к народу своему, приложился к отцам своим...* (Быт.25:8,35:29,49:29,47:30); оно означает в данном случае: *вы перейдёте в царство мёртвых* и потому может быть безразлично отнесено ко всем людям, живущим на земле и праведно, и грешно (Пс.88:49,48:9–10; Еккл.9:2–3). Все

изложенные соображения показывают, что в видении Самуила не было никакого обмана со стороны волшебницы; в этом же утверждает нас и то обстоятельство, что волшебница, увидя явившегося, громко закричала от испуга и тотчас же узнала Саула. Её непритворный испуг показывает, что видение, представившееся её глазам, не было из числа обыкновенных и совсем не походило на те, которые совершались в силу её заклинаний. Очевидно, явившийся возвестил ей о том, что переодетый мужчина не кто иной, как царь Саул.

Как явилась душа Самуила: по повелению Божию, или же по действию дьявола в силу заклинаний волшебницы? Ориген, Анастасий Антиохийский и друг. думают, что Самуил был вызван волшебницей при помощи дьявола и по попущению Божию, а власть дьявола над душой Самуила объясняют тем, что до сошествия Господа Иисуса Христа во ад (1Пет.3:19) души умерших, не исключая и праведников, находились в аду или «шеоле», где непосредственно властвовал дьявол и держал их в узах. Но против этого мнения должно заметить, что Священное Писание ничего не говорит нам о том, приступала ли аэндорская волшебница к средствам волхвования или нет; из библейского повествования видно, что Самуил *тотчас же* явился, как только Саул заявил волшебнице о своём желании видеть его, причём гадалка, увидев явившегося, «*громко вскрикнула*» (ст. 12). Этот крик волшебницы ясно показывает, что явление Самуила было совершенно неожиданным для неё самой и что во всяком случае оно совершилось не в силу её заклинаний, – так как эти заклинания, сопровождавшиеся различными обрядами, потребовали бы не мало времени. С другой стороны, если бы Самуил был вызван из «шеола» по действию тёмных сил, – то это явление относилось бы не к прославлению, а к унижению пророка, а потому и Иисус, сын Сирахов, не внёс бы повествование об этом событии в свою похвальную речь Самуилу. Притом *души праведных находятся в руках Божиих, и мучение не коснётся их* (Прем.3:1); *праведник, восхищаясь от земли, восхищается от зла и отходит к миру* (Ис.57:1–2); Господь хранит даже кости праведников, дабы ни одна из них не сокрушилась (Пс.33:21).

Вот почему большинство толкователей Священного Писания полагает, что душа Самуила явилась по особому действию божественного всемогущества. Это мнение представляется самым вероятнейшим и против него нельзя привести ни одного, более или менее основательного, возражения; оно вполне согласно и с понятием о Промысле Божиим, по которому Господь Бог «возникающее через удаление от добра зло пресекает или исправляет и обращает к добрым последствиям» (Правосл. Катехиз., стр. 37). Саул, падая всё ниже, дошёл наконец до того, что обратился к волшебнице, чтобы узнать свою будущую судьбу. И вот Господь, по своим особым спасительным целям, повелел умершему Самуилу выйти из «шеола» и возвестить Саулу божественный приговор. Это было последнее благодеяние Божие Саулу; им Всевышний предупреждал ложный ответ злого духа или волшебницы царю и располагал последнего к раскаянию (ср. [Мф.26:50](#)). А для всех остальных людей, которые узнали об этом явлении умершего пророка, это был урок, научающий тому, что истинное пророчество может быть только от Бога, что судьбы Божии непреложны и что нарушение Его заповедей не остаётся без наказания. После этого чудесного явления из загробного мира аэндорская волшебница могла оставить своё преступное занятие и обратиться на путь истины; само собой понятно, что в рассматриваемом случае не может быть никакой речи о зависимости божественного всемогущества от действий волшебницы тем более, что Библия, повторяем, ничего не говорит о том, прибегала ли эта женщина к каким-либо заклинаниям. Между тьмой и светом нет ничего общего ([2Кор.6:14](#)); Божественный Свет сияет во тьме мира, но эта тьма не обнимает его ([Ин.1:5](#)); Господь преодолевает эту тьму и направляет её к торжеству света: «так и через Валаама Он благословил народ, через нечестивого прорицателя предрёк будущее и провозвестил спасение вселенной» (бл. Феодорит, там же).

С.-Петербург. епарх. миссион. *Н. Булгаков*

**Из записок и дневников // Миссионерское
обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 678–700**

Глебов С. Церковность и народность М. Д. Скобелева. С. 678–684

(Страничка из жизни М. Д. Скобелева).

Имя и военные подвиги великого русского полководца, знаменитого генерала российского воинства, Михаила Дмитриевича Скобелева, всему миру хорошо известны. Но у нас мало кто знаком с достославной деятельностью Михаила Дмитриевича на поприще завоевания им имени борца за священные права православной восточной церкви. А, между тем, деятельность эта М. Д. не менее достославна, чем и его военные подвиги. М. Д. вёл в Петербурге большую борьбу с разными прислужниками тьмы и вероотступничества и перенёс в ней не мало слёз и горя.

Это было в 1862 году, когда вся крепостная Русь впервые только увидела «волю». М. Д. Скобелев состоял в то время офицером главного штаба и бывал каждое лето, по своим научным делам, в пределах северного побережья Финского залива, именно в местности нынешней Красной Горки, что в 25 верстах от гор. Ораниенбаума, на Нарвском большом тракте.

Земля эта исстари была русской и называлась, в прежние времена – Новгородского владычества, незаконно – Ингрией. До 1703 г. 90 лет кряду ею владели шведы. Пётр Великий, 200 лет назад, отвоевал её у шведов, и она вновь была заселена русскими людьми, выписанными сюда князем Меншиковым, которому Пётр I подарил всю эту землю во владение, из-под Москвы.

Заселив старую «Ингрию» несколькими небольшими деревнями, в том числе и Малой и Большой Бронными, подмосковные люди чуть не 200 лет кряду оставались без своего православного храма и приписаны были к Ораниенбауму, за целые десятки вёрст расстояния. А разве простой рабочий русский человек, изнурённый постоянным крепостническим трудом, мог всегда ходить в церковь для совершения святой молитвы в ней, хотя бы только по одним воскресным дням, за десятки вёрст от своего местожительства? Конечно, – нет!

А между тем потребность духовной пищи у этих православных людей была неотразимая, и жажда принести свою тёплую молитву в храм Божию за литургией, например, ощущалась у них неуголимая.

И вот, этим-то случаем и воспользовались лютеранские пасторы, кирки которых находились в одной версте расстояния от православных деревень, и привлекли русских переселенцев из-под Москвы в свою паству.

Как это всё совершилось, в какой период времени и при каких именно условиях – неизвестно. – Подмосковные насельники «Ингрии», после падения своего первого барина, князя Меншикова в 1731 году, неоднократно переходили из рук в руки к новым владельцам их, немцам. Но факт тот, что когда этих подмосковных людей впервые посетил, в 1862 году, М. Д. Скобелев, то уже нашёл их в страшном духовном оскудении: веру отцов своих они совсем утратили, хотя и считались православными; на богослужения ходили в лютеранские кирки, все молитвы западной церкви читали на финском наречии, а русский свой родной язык совершенно забыли и усвоили себе разные финские поверья, обычаи и обрядности; при этом они несли свою, далеко непосильную, лепту в пользу доходов пастора и лютеранской кирки. В домах у крестьян все иконы были западной церкви...

Это так растрогало М. Д. Скобелева, что он тотчас же отправился в Петербург, закупил здесь достаточное число икон православной церкви и, освятив их в одном из храмов столицы, отвёз в деревни Малую и Большую Бронную, где он тогда поселился на лето для своих топографических работ. Раздавая эти иконы олютераненным русским крестьянам означенных деревень с наставлением, чтобы они были поставлены в передних углах хат на почётном месте, как то заведено обычаем страны, Михаил Дмитриевич меж тем приказал убрать со стен хат все западные изображения и вынести их вон из домов. И крестьяне беспрекословно подчинились его наставлению и приказанию и сердечно благодарили его за снабжение их православными «Ликами Божиими».

Но этим не закончилось религиозное радение Скобелева для бронненских крестьян, а только начиналось. М. Д. снова едет в Петербург и ходатайствует здесь о разрешении ему соорудить на свои средства храм Божий в деревне Малой Бронной, где он жил два лета кряду. Мысль эта сначала была принята в столице благосклонно и на осуществление её, в задуманном Скобелевым порядке, не представлялось никаких препятствий.

Но вдруг откуда-то поднялся страшный ураган и силой своего налёта разрушил в конец это благое начинание Михаила Дмитриевича, и, мало того, причинил Скобелеву массу огорчений. М. Д. Скобелев был признан в Петербурге неблагонадёжным человеком, занимающимся будто бы несвойственными его общественному положению делами и наносящим своим порочным действием среди прифинских крестьян особый вред западной церкви...

М. Д. был привлекаем многократно в тайные столичные канцелярии, получал там какие-то неуместные выговоры и был поставлен «на неблаговидный путь»... в его непорочной жизни. Тут и причина, которая заставила Скобелева ехать в далёкие Среднеазиатские края для завоевания новых стран, – Ташкента, Хотжента и Андижана...

Посетив не так давно Малую Бронную, где Скобелев жил в начале 60-х годов XIX столетия три лета кряду и оставил по себе самые добрые воспоминания в народе, как христианин, в высшей степени гуманный и добротворящий, мы, между прочим, узнали от местных крестьян то, о чём мы не в силах умолчать.

Нанимая здесь, в Малой Бронной, хату у крестьянина Никиты и платя за неё столько, сколько она не стоила со всем своим скарбом, Скобелев отделал её на свой счёт: постлал в ней новые досчатые полы, покрыл её тёсом и убрал её так, как подобало жить в ней «человеку», как говорил он. – Потом он покрыл Никите соломой все службы его двора, дотоле некрытые, съездил верхом на Сивке хозяина своего дома в казённый лес за жердями, чтобы прикрепить солому на крышах. При этой поездке с Михаилом Дмитриевичем произошёл такой случай, из которого он едва вышел живым. В лес он ездил по

окольному и неизвестному им пути. Нарубив жердей, Скобелев пустился в обратный путь, но, не зная дороги, заехал с лошадью в болото и завяз в нём по уши. Долго он бился тут молча и потом, выбившись из сил, стал кричать о помощи. Его скоро услышали деньщики, бывшие с ним в деревне на топографических работах и пошедшие вместе с крестьянином, у которого они жили в Малой Бронной, разыскивать своего офицера, после долгого ожидания возвращения его в деревню. – Была уже ночь. И только при помощи этих людей, Скобелев был извлечён из вязкой топи и спасён от явной гибели.

– Ну, и Сивка же у тебя! – потом говорил Михаил Дмитриевич крестьянину Никите, – умница, а не конь! Я его влево тяну за повод, а он всё вправо забирает, видя, конечно, для себя, да и для меня тоже опасность в болоте. И если бы не я со своим упорством, то лошадь вышла бы на торную дорогу, и мы ушли бы отсюда невредимы. А я всё её тяну влево, да влево, ну, и затянул в болото...

– Да... он у меня – конь добрый... доморощенный... – ответил Никита... – А только вы, барин, напрасно так сделали... Не послушались коня... Он лучше человека видит свою опасность. Да и место то тут тоже такое... леший, говорят, ходит. А конь видит, куда он его ведёт, и не даёт ему в обман. Но человека леший всегда заведёт, куда ему хочется... Вот вы и попали в болото. Если бы не леший, конь нашёл бы себе дорогу...

– Да леший-то, ведь, это – я! – заявил ему Скобелев. – Если бы не я, то Сивка вышел бы, куда нам нужно... А я всё его тянул да тянул влево. Ну, вот оно и вышло по лешему...

Однажды Скобелев заметил, что все деревенские дети бегают летом по полям и деревне без «нижнего» белья и, узнав, что это всё происходит от общей бедности местных крестьян, тотчас же отправился в Ораниенбаум купил там ситца и нанки²²² на все наличные деньги, бывшие у него на этот раз, привёз всё это в Малую Бронную и роздал родителям детей с тем, чтобы они сейчас же одели их «как следует быть человеку одетым»...

Нередко Скобелев, бывало, вспоминают крестьяне, возвращался из Петербурга, – куда он ездил ежемесячно за получением жалованья в Главный штаб и за провиантом для здешней лагерной жизни, – с целыми возами хлеба для нас и – всякого лакомства для наших детей и всё это раздавал до последней крохи, оставляя лишь кое-что для своих деньщиков, которых он любил и баловал, как малых детей, близких и дорогих ему... Сам же он питался только молоком и яйцами, приобретая их за деньги в той же деревне, которую он кормил и поил на свой счёт, в продолжение трёх лет, пока жил в ней на топографических работах.

Заметив раз, что у одной больной мало-бронской крестьянки, с малыми детьми, не было коровы для прокормления малюток молоком, Скобелев тотчас же отправляется в соседнюю деревню, купил там «бурёнку» с молоком и привёл её бедной женщине; а для медицинской помощи, необходимой больной крестьянке, он отправился в Ораниенбаум и, посоветовавшись там с опытным врачом, привёз больной все нужные лекарства. Женщина скоро выздоровела и прославила Скобелева среди всех местных и окрестных жителей за «святого целителя»...

Так с этим нарицательным именем Михаил Дмитриевич и жил всё время в Малой Бронной. Дети же деревни Бронной называли его «белым дяденькой», потому что он постоянно ходил здесь во всём белом, т. е., в кителе и фуражке.

Прослав «за святого целителя», Скобелев привлёк к себе общее внимание и всех окрестных крестьян русских деревень, и они приходили к нему за врачебной помощью. Он всем им помогал, как мог, советом и деньгами, и во всех случаях так удачно, что люди выздоравливали и приводили к нему на исцеление новых больных...

Всё это, конечно, не нравилось лютеранским пасторам, к которым были прихожанами русские крестьяне, и те, потеряв свою популярность между присвоенными людьми, стали придумывать разные козни против Скобелева; одной из таковых козней был донос на М. Д., как человека опасного для

правительства, ведущего среди крестьян какую-то странную жизнь и т. п...

Отсюда и все «шишки», повалившиеся на Скобелева в Петербурге, вплоть до надзора тайной канцелярии...

Так Скобелев и пострадал тогда за свои добрые дела...

Светлым знаком трёхлетнего пребывания Скобелева в Малой Бронной служит ещё обучение грамоте местных крестьянских детей, в то время поголовно неграмотных. Скобелев приобрёл в Петербурге десятки разных букварей и засадил за них детишек, поручив их внешнему надзору своих деньщиков, выученных им уже грамоте. Некоторые из этих Скобелевских учеников ещё и до сих пор живы в Малой Бронной и вспоминают о своём учителе с благоговением, достойным славного имени Скобелева.

Насколько личность М. Д. Скобелева почиталась всеми крестьянами означенного прифинского района, как «святого целителя», «белого дяденьки» и «доброго барина», показывает ещё следующий факт. Как нам рассказывали в деревне Малой Бронной, когда Михаил Дмитриевич долго не возвращался с своих топографических работ домой, то дети крестьян, сучая без его ласк в течение дня, обыкновенно выходили за деревню, версты так за две, на дорогу и так радостно встречали «белого дяденьку» своим невинным ангельским лепетом приветствия и, окружив его со всех сторон, беседовали с ним, кто как мог. Скобелев в это время, помимо его ласк, расточаемых перед детьми, как мог это делать человек, полный любви к ближнему своему, брал ещё малюток на руки и расспрашивал их об их домашнем житье-бытье. Однажды, беседуя так с одним из мальчиков, Михаил Дмитриевич узнал, что у его отца нет сошников на сохе, и потому он не может пахать свою землю. Скобелев немедленно же отправился в Ораниенбаум, купив там сошники, принёс их в деревню и отдал мужику. Но что в этом случае было особенно замечательного, как это то, что Скобелев редко когда сам передавал свою благостыню бедным крестьянам, а почти всегда это делал через своих деньщиков. Его крайне смущала в этом случае, как человека впечатлительного и добролюбивого, никогда не кичившегося

своим добрым делом перед людьми, когда человек начинает его благодарить за добрый дар униженно, раболепно, почти при этом обезличивая себя. Имея в высшей степени благородное сердце и душу, Скобелев не мог равнодушно переносить эти унижения бедного человека... М. Д. Скобелев настолько был прост в обращении с людьми, стоящими ниже его по своему положению, что даже вместе с своими денщиками пил и ел на топографических работах и спал с ними в одной палатке, когда заночёвывал на берегу моря, вне деревни. Простота Скобелева даже вошла в поговорку между его людьми: «добр, точно Михаил Дмитриевич».

Светлая личность М. Д. должна служить нам добрым примером во всех наших общественных делах на все времена. Для нас, православных русских людей, имеющих «душу живу», должна быть святой добрая память о всех лучших наших предках, подобно М. Д. Скобелеву, и мы должны памятовать о них особенно теперь, когда слово «интеллигент» профанируется... когда всё святое русское подвергается известной частью «интеллигенции» или сомнению, или даже глумлению.

С. Глебов

Феодул. Из переписки верующего интеллигента со студентом. С. 685–694

Дорогой В.!

I.

Я провёл всю неделю в скиту. Я вижу, что иногда очень хорошо пожить в монастыре. Монастырский строй жизни всё-таки гораздо ближе, по-моему, к настоящему – христианскому, чем наш обычный порядок. Мы молились почти по 10 часов в сутки... Моления, особенно ночные, напоминают первые века христианства... Утренняя начинается в 2 часа ночи и кончается в 5. Больше читают, изредка поют; три раза говорят поучение из Ефрема Сирина или Иоанна Златоустого. Воспоминаний при этом бывает так много, что всякий сон пропадает, и потом, возвратившись домой, долго не можешь заснуть. И я знаю, что и всякий монах, даже самый ленивый и праздный, в лучшие свои минуты испытывает то же чувство особенной близости ко временам апостольским и Самому Господу, – и умиляется... Вот это то и даёт возможность существовать нашей общей, единоклубной молитве, вопреки мнению А. М., который не видит в церкви общей молитвы. Ведь все мы стремимся вознестись к одному нашему Богу, но только не у всех нас равные силы, не у всех равное одушевление; однако, хоть в желании нашем – у нас общая молитва.

Богослужение первой недели чрезвычайно трогательное; оно волнует нас всех одинаково и этим снова объединяет. В свободное от службы время я читал исключительно Евангелие: это мне значительно помогало стать в более близкое и живое отношение к Спасителю. Он стал мне ещё понятнее и роднее, так что я яснее, сильнее и серьёзнее почувствовал, насколько я нечист и грешен перед Ним. Это чувство было особенно живо в четверг и в ночь на пятницу (я исповедовался в пятницу утром).

Ещё скажу тебе о посте. Мы постились довольно строго: ели один раз в сутки только суп, а потом, часа через два, пили чай, хотя это уже и вопреки уставу. Такой пост сильно истощает с непривычки, но в то же время начинаешь понимать, как много в

твоей обыкновенной жизни лишних привычек избалованного человека, как-то очищаешься душой, освобождаешься от уз своих мелких слабостей и становишься мужественнее. В скиту говеет очень много купцов из N, и я понимаю, почему они налагают на себя такой строгий подвиг: кто меньше привык себе отказывать в чём-нибудь, тому сильнее хочется в известные минуты стряхнуть с себя эту слабость, стать настоящим человеком.

Много я перемучился в ночь перед исповедью. Я вижу, что совсем неправильно думают, будто достаточно покаяться в душе перед Христом, без посредства священника. Положим, Христос примирится с искренно покаявшимся, но как часто это внутреннее покаяние, без участия священника, совпадает с равнодушием! Искреннее покаяние не боится, а ищет посредника, жаждет передать свой грех в ясных и кратких словах посреднику, сгорая от стыда. Это значит – вынуть занозу из души, очиститься в пламени стыда своего. Но сделать это чрезвычайно трудно: напрасно уверяешь себя, что ты не перед священником, а перед Христом, Который Сам на тебя смотрит, Сам тебя слушает, – всё это через минуту забывается, и опять стыдно и страшно – до холодного пота – обнаружить себя. В эту ночь я спал всего два часа...

И всё-таки мне не удалось высказать всё так, как бы мне хотелось: отчасти потому, что не хватало духу, отчасти потому, что у о. В. ужасно много исповедников, – и мне пришлось в некоторых случаях сказать *вообще*, не входя в подробности. Это меня мучило потом целый день. И вместе с тем было чрезвычайно отрадное чувство облегчения, которое тебе, конечно, известно. Но вот замечательный факт. Неприятное чувство было во мне до поздней ночи. Перед сном я молился о том, чтобы Христос всё-таки простил меня и дал мне знак этого прощения: чтобы я причащался с вполне чистой совестью. Всю эту ночь мне снился какой-то праздник, а утром, в самый момент пробуждения, вдруг так и хлынула в душу радостная волна – вполне ясное ощущение, что я прощён, и полное спокойствие души. И весь этот день, в субботу, мне было необыкновенно хорошо. Да и теперь тоже ощущение внутренней

чистоты не оставляет меня. Я теперь стараюсь держаться правила – каждый вечер отдавать себе отчёт во всех дурных чувствах и делах дня. И, конечно, грешишь.

Я хочу поближе познакомиться со скитскими старцами. В. всегда страшно занят. Мой Г. совсем дитя. Был и у настоятеля, но он тоже не интересен, – сытый и слабый человек; там же я у него познакомился с о. Н. С этим интересно беседовать. Мы с ним долго беседовали на тему, что монастырь должен быть практической школой для академиков, и что монастыри и академии должны вместе хранить в чистоте идеалы и предания православия. Там ещё есть два интересных старца – П. и Д. Первый опытен в духовной жизни; второй – человек весьма начитанный. Я у них ещё не был, но непременно побываю, как только пойду в скит...

Вчера я был у о. А. Говорили о войне. Разговор этот очень расстроил меня, вызвав недоумения, которых не могу пока разрешить. По мнению о. А., церковь молится о победе потому, что лучше, если победу одержит православный царь, чем какой другой. Видишь-ли: общество христианское несовершенно, – война иногда является единственно возможным для него напряжением нравственных сил, – выразить высшим способом своё нравственное настроение оно ещё не в силах, – церковь не перестаёт указывать ему высший идеал «победы *любовью*», но в то же время покровительствует и этой, низшей сравнительно, ступени его нравственного развития... Эти объяснения меня не удовлетворяют и представляются ухищрениями вступающего в компромисс ума. Сердце моё их не приемлет. Впрочем, и решительно отвергать их не могу; может быть тут кроется зерно истины. Ведь что-нибудь да значит, что великие подвижники, ничего «своего» не искавшие, возносили те же молитвы к Богу. Возможно, что я чего-нибудь тут не понимаю, не дорос до правильного взгляда на вещи. Всё это меня ужасно мучило весь вечер вчера, так что я ничего не мог делать, даже писать письма. Как бы то там ни было, это всё-таки не причина разрыва с церковью. В этом отношении И. М. неправ: были времена, когда почти все епископы и священники были ариане, и однако

нельзя было разрывать тогда с церковью, а надо было защищать истину. Так и теперь.

В церкви давно уже не было собора, вследствие этого и распространились в христианском обществе разные взгляды... Собор – это самосознание церкви: только собор и может выразить истину. К сожалению, мы не слышим теперь голоса церкви... Епископы ничего не могут сделать, – государство так глубоко проникло в церковную жизнь, так поработило её, что едва ли дойдёт до епископства человек с высокими понятиями о церкви... Пиши! Господь с тобой!

Твой Н.

II.

Дорогой Н.! Поздравляю тебя с принятием Св. Таин. Я готов согласиться с тем, что иногда полезно освежиться в тихих струях монастырской жизни, как хорошо бывает иногда окунуться в холодной воде для оздоровления телесного организма. К сожалению, теперешний монастырский строй способен скорее повергнуть нас в болезнь и тоску, чем влить в наше сердце новую энергию и лучшие стремления. Не преувеличиваешь ли ты, говоря, что монахи чувствуют общую близость к Богу, когда молятся вместе. Будь так на самом деле, мы должны были бы замечать плоды их усердия и большую любовь в их взаимных отношениях, но именно этого мы и не видим. Едва ли и те купцы, которые говеют в скиту, поступают в данном случае вполне сознательно и разумно. Тут они действуют, я думаю, по тем же побуждениям, по каким ставят рублёвую свечку перед иконой, когда кого-нибудь проведут, обманут... Они *внешним* образом соразмеряют свою вину и уплату за неё известными делами Богу, нисколько не обращая внимания на свою душу и на необходимость её *исправления*, очищения. Наделал всяких пакостей, нагрешил, а затем поговел, пожертвовал несколько рублей на церковь – и спокоен: Бог простит!

Я, впрочем, и вообще не понимаю, как и почему человек, после исповеди и причастия, освобождается от своих пороков и грехов. Никто, конечно, не скажет, что он становится *совершенно* другим существом, раз мы чувствуем и знаем, что,

покаявшись перед священником, всё-таки остаёмся со своими дурными мыслями, желаниями и т. д. Или прощение заключается в перемене отношения к нам со стороны Христа? Но ведь если люди, рассказав духовнику о своих отступлениях от заповедей Спасителя, продолжают совершать их по-прежнему и не улучшаются в своём настроении, то почему Бог будет относиться к ним иначе? *Действительное* покаяние далеко не всегда совпадает с моментом исповеди. Поэтому следует предоставить христианину возможность раскрывать свою душу перед священником всякий раз, как только он почувствует в этом потребность. К определённому времени приурочивать этого нельзя. Исповеди же можно придать такое значение: пусть каждый из нас даёт отчёт перед пастырем в своём поведении и просит у него совета, как ему жить и какими средствами избавляться от грехов. Конечно, при нормальных отношениях пастыря к пасомым, первый всегда должен руководить жизнью своих прихожан, но в такие важные моменты, как воспоминание о посте Самого Спасителя, Его страданиях и воскресении, нам *особенно* следует направлять своё внимание в известную сторону.

И далее, – зачем нам нужен «официальный» посредник при покаянии?

Несомненно, что человек, вступающий на новый путь и ощущающий в своей душе приток новых чувств и мыслей, хочет как бы сбросить с себя тяжесть прежних грехов и желаний и таким образом себя облегчить, но почему непременно он будет обращаться к священнику, а не к одному из своих друзей или вообще близких людей? Здесь всё зависит от обстоятельств: иной духовник поймёт тебя гораздо хуже и даст тебе менее значительные указания, чем, напр., твой брат, отец, сестра. Притом же постороннему лицу, которое меня совершенно не знает, легче рассказать о своих ошибках, заблуждениях, падениях, чем знакомому и близкому тебе человеку, – и потому *сила исповеди перед официальным служителем церкви бывает иногда очень слаба*. «Сгорают от стыда» (как ты выражаешься) едва ли многие; по крайней мере мы знаем, как равнодушно и

спокойно огромное большинство «кающихся» относится к этому делу.

К тому, что я раньше сказал о говении, прибавлю, что придаю ему ещё значение некоторого подкрепления и ободрения немощного духа.

Я крайне рад, что познакомился с М. И., А. М. и окружающими их людьми. Я давно уже чувствовал неудовлетворённость теперешними порядками и строем церкви, – и вдруг встретил единомышленников, которые, как и я, хотят обновления церковных уставов. Сколько веков существует православная церковь, а, между тем, до сих пор пользуется старинными обрядами и не вводит никаких улучшений в свои порядки, хотя в этом ощущается настоятельная необходимость. Зачем же примыкать к нынешней церкви, когда в ней очень много плохого и устарелого и совсем мало хорошего?

«Где двое или трое собраны во имя Моё, там и Я». Сам Спаситель указывает нам путь, каким мы можем исполнять Его волю, если в окружающем нас обществе не находим себе поддержки и сочувствия. Неужели мы не обязаны удовлетворить запросы массы людей, которые рвутся всей душой к новой правде и новой жизни? Ты сам видишь, что у нас ни один пастырь не может не подчиниться влиянию мирских, государственных целей. Что-же? Подлаживаться под общее настроение и служить посторонним целям, или резко порвать с ними и встать на защиту имени Христова? Сомнений быть не может! Нечего колебаться и оправдывать себя тем, что я, может быть, ошибаюсь и не могу понять – по слабости своей веры и разума – всех действий церкви. Всё это – ухищрения вступающего в компромисс ума, а совсем не голос сердца...

Христос с тобой!

Твой В.

III.

Дорогой В.!.. От церкви мне отделяться некуда – это вопрос для меня раз навсегда порешённый. И как бы ни приходил я в недоумение от тех или иных сторон её жизни, я верю, что она же сама и выведет мой ум на прямую дорогу. А главное это то, что нигде, кроме церкви, не найду я в большей полноте

сохранённой христианской истины. Здесь двухтысячелетний опыт, это – лучший из учителей и руководителей. Скажи мне: что мне даст, вместо церковных истин, толстовство или какая бы то ни была другая секта? Там я найду только искажённое произвольными выкройками Евангелие и никакого почти религиозно-православного опыта. Пусть даже они правы в своих нападках на современное состояние церкви, пусть некоторые суждения их подходят к словам Христа, но духа Христова я в них не вижу. Плоды духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание. С людьми этого духа всем легко и отрадно, и они всех утешают и всякой душе дают радость... Таковы и были, не говоря уже о Спасителе и апостолах, наши русские – св. Тихон Задонский, Димитрий Ростовский, Серафим Саровский, еп. Феофан и другие, имевшие и имеющие совершенство духа и другим помогавшие его достигать. А где у толстовцев это совершенство духа? Я вижу у них увлечение мнимой верностью Христу в одном пункте, не соединяемое с полным развитием духа. Тут нет ещё христианства. От всего этого движения я получаю такое впечатление, что люди, признав несколько пунктов или заповедей Евангелия за закон нравственной жизни, фанатически держатся за эти заповеди, забывая, что закон Христов не в букве, а в развитии духа, в очищении и проникновении святостью. При этом я вижу, как они преисполнены ненавистью ко всему тому, что отдаляется от их идеала, и как они бывают несправедливы в своей ненависти. Об этом подробнее я скажу ниже.

Итак, вот в какое общество перейду я из церкви, в общество, с которым единственная связь у меня может быть только в принципе непротивления злему. В самом же главном, – в вопросе о вероучении, о Боге, о Христе, о благодатном освящении человека в таинствах, – во всём этом я останусь одинок и притом попаду в общество, никогда не производившее таких личностей, как, напр., св. Тихон. «По плодам их, узнаете их».

Церковь, по их мнению, забывшая Христа и наклеветавшая на Него, производит, воспитывает святых, а эти, гордые

последователи якобы Христа, только и сильны своими горделивыми упрёками.

Нет, избави меня Бог и спаси от того, чтобы примкнуть к толстовцам или другим сектантам!

Замечательная черта у них, которой они связаны с революционерами: послушай их рассуждения об общественной жизни, – ничего они в ней доброго не видят: там какой-то ад, всеобщий взаимный обман и насилие, и только вот у них – в кучке сектантов – и есть настоящий свет. Послушай Толстого: правительство держит войска, чтобы господствовать над своим народом, – духовенство поддерживает правительство, потому что, утратив веру, желает лишь обманом сохранить своё привилегированное положение, – солдаты – это какие-то бессмысленные и жестокие убийцы, – и всё так. Он и мысли не допускает, что все эти люди могут нести свои обязанности, понимая их в высоком и благородном смысле: может быть не один чиновник, поступая на службу, думает о служении обществу, сознаёт святость своего долга, – также и солдат, и священник. Нет, Толстой всё это с плеча обливает потоками грязи.

Теперь о Даймонде. Он узок ещё более Толстого, оттого он так легко всё и решает. Между тем вопрос надо решать не на логической почве, а на психологической. Не обращая на это внимания, он часто поражает своей наивностью. Говоря о предосудительности мотивов войны, Даймонд совсем не говорит о тех случаях, когда война поднимается не из-за личных страстей, а из сострадания, напр., североамериканская – из-за рабства, русско-турецкая – из-за угнетённых славян, восстание Богдана Хмельницкого – из-за поругания родины. Надо с психологией справиться. Тут было столько самоотвержения, столько любви, сколько, может быть, не имеют в себе многие из защитников непротivления. Логически они, пожалуй, и правы, но психологически – нет. Человечество по формулам не живёт.

Все эти соображения приводят меня к заключению, что толстовцы неправы, что их мораль какая-то бедная, их требования – не требования религиозно-нравственного

просвещения, которое даётся в одной церкви. И поэтому, от церкви я не отделяюсь.

Мы не безусловно защищаем противление, и проч. под. В церковных *идеалах* всего этого нет, но в своих отношениях к *несовершенным* своим членам церковь поддерживает всё, направляющееся к добру. Апостол Павел знал, что Иисус Христос сказал: «не судите», – однако, он не настаивал фанатически на этом и писал Коринфянам только: «зачем вы судитесь у язычников, судитесь лучше у своих, хотя и это плохо, и этого вы бы не должны делать». Так и церковь говорит: вы – братья, ищите полного мира, но если ваше сердце не выносит резни турками болгар, если ваши увещания не действуют, если вы в негодовании берётесь за оружие и силой хотите остановить жестокости, то помощи вам Бог в вашем добром намерении.

Нет, брат, что ни говори, а слишком узко, психологически узко, думают Толстой и Даймонд. Поэтому у них не может быть истины. Что же тебя от церкви отвлекает к ним? Я не понимаю. Ты не можешь простить церкви её покровительства государству, и соглашаешься вступать в общество толстовцев, отрицающих божественность Христа, спасительность его жизни и страданий, словом – отрекаешься от христианства. И заметь, ты потеряешь при этом все те благодатные средства, которыми церковь содействует развитию души человеческой, и все указания её религиозно-нравственного опыта.

Вот возьмём исповедь. Ведь ты полагаешь, что исповедь есть средство сложить с себя бремя грехов другому человеку и получить от него все указания и совет. Такая исповедь ничем не отличалась бы от всякой искренней беседы. Исповедь есть *сердечное раскаяние перед Христом*, исповедание своей вины *перед Ним*, совершаемое в присутствии *поставленного Им* священника, получившего власть от имени Христа простить мне мою вину; присутствие *этого* лица помогает большей серьёзности моей исповеди, – иначе я бы отвык и разучился исповедоваться.

У тебя есть странная фраза: «я не понимаю, как и почему человек, после исповеди и причастия, освобождается от своих пороков и грехов?» Да разве ты этого не испытал? Или, может

быть, ты только удивляешься и не можешь себе объяснять этот факт? После исповеди и особенно после причастия, чувствуешь себя чистым от своих грехов, и ни одной дурной мысли не входит в душу, по крайней мере, эти два дня: полная душевная чистота и полный мир и радость. Это и значит, что Христос простил и посетил, коснулся души достойно причастившегося. Душа свежа, как народившаяся вновь, и чем дольше сохранишь себя от увлечения пустыми или грешными помыслами, тем дольше сохраняется это чувство свежести. Но всё-таки оно довольно скоро теряется: слишком много дурных впечатлений отовсюду! Они-то и грязнят снова душу.

Как бы хорошо было каждую неделю исповедоваться и причащаться, как было в первые века!

Итак, мне кажется, что в исповеди существенное – это *открытие себя Христу* (конечно, с решимостью не грешить впредь), тем более ценное для Него, чем больше побораешь стыд. И Он прощает устами священника и Собственным таинственным прикосновением к душе.

Это – дело духовного опыта, а не рассуждения. Ты устранишь этот момент общения со Христом в исповеди и ещё более тесного плотскою общения в причастии и у тебя получается нечто, не имеющее в себе ничего специфически христианского.

С исповедью и должно совпадать настоящее покаяние. Бывают и в другое время моменты раскаяния, – и в такие моменты хорошо исповедовать свой грех, – но исповедь есть итог за долгий период своих вин перед Господом, и она не может не быть покаянием.

Храни тебя Господь от всякой напасти!

Любящий тебя Н.

Сообщил Феодул

**Гринякин Н. «Когда же люди спали, пришёл враг»...
(Мф.13:24–25). С. 695–700**

(Скорбный листок из миссионерского дневника).

После противо-хлыстовской беседы в 1901 г., в с. Рыбкине Оренбургского у., местный батюшка, о. Н. С-ин, пригласил меня на «отдыхновенный» чай. К чаю приглашены были и местные ревнители православия из прихожан. В числе их был один обратившийся из хлыстовства, – крест. Ив. З-ин. «Чайный» разговор был некоторым продолжением беседы. З-ин оказался человеком, «видавшим виды» и любопытным собеседником.

– Теперь, г. миссионер, – рассказывал он, – скакуны потише всё-таки стали, а раньше-то, лет за 10, что было, – жутко вспомнить; внимания на них никто не обращал, о миссионерских беседах против них и не слышно было; и делали они, что хотели: ходили по домам со своей нечистой проповедью, устраивали всякие радения и творили всякую непотребность. И сколько душ они соблазнили! Я, грешный, тоже побывал в их болоте и имел у них даже за свою книжность почётное звание «Ивана Богослова».

– Ну и как же вам Господь помог вылезти из этого болота? спрашиваю.

– Не допустил Бог до гибели, вразумили добрые люди, сам к тому-ж стал задумываться, ну и отстал от хлыстовства, а уж насмотрелся там всякого безумства. Дошло ведь до того в наших собраниях, что А. К-ков (казак Переволоцкого посёлка) стал уж величать себя «Христом», и некоторые безумцы веровали в него. Я в нём усомнился: ну, и пошла тогда у нас на собрании рукопашная: «Михайло архангел» меня в шею, а я ему в зубы...

– Как же это у вас случилось такое назидание?

– В Девятаевке это было. Назначено было у нас собрание. Ну, собрались. Порадели. Радение хлыстовское уж известно вам какое. А. К-ов прямо тогда неистовствовал, распинался, поднимал как-то грудь, надувался. И вот тут он и нарёк себя «Христом.» Меня это смутило, и мы повздорили... К-ов, видите

ли, стал изображать собой Христа в Кесарии Филипповой и спрашивать нас по порядку, «за кого мы его почитаем». Некоторые ответили ему: «ты Христос». А когда до меня очередь дошла, я сказал: «ты пероволоцкий казак». К-ов тут и разгневался. – Ты, говорит мне, – был раньше Иван Богослов, а теперь ты Фома неверующий. Ну-ка, кивнул он Михайле Щ-ну, – наведи на него, Михайло архангел, свою грозную трубу. Щ-ин подходит ко мне вострубить: подвёл он меня к двери «сионской горницы», да как даст мне в шею... я скондыбной выскочил в другую половину избы. Дверь в «горницу» захлопнули. Вот так труба, думаю. Злость меня взяла. Но решил плюнуть и отправиться домой. Ищу шапку. Шапка, оказалось, была в «горнице». Что тут делать? Без шапки ехать холодно: зимой дело было, и ехать до дома не близко. Приотворяю «горничную» дверь и глазами отыскиваю шапку. «Толцыте и отверзится вам», безумствует К-ов, заметив моё намерение войти в горницу. Вхожу за шапкой. К-ов снова вопрошает меня, «за кого я его почитаю». Захватив шапку и приготовившись на всякий случай дать отпор «трубе архангела», я и говорю: «полно тебе, А., людей-то морочить, кто же ты – казак Пероволоцкого посёлка А. К-ов.» «Христос» снова даёт знак «Михайлу архангелу» на счёт грозной трубы. Я тоже засучил рукава. И не успел ещё «архангел» как следует «вострубить», как я ему дал в зубы. Ну и пошло тут... Вот призовите-ка сюда М. Щ-на, да и спросите его на счёт недостающих зубов-то и всего прочего... На другой день виделся я и беседовал с «Михайлом архангелом». Щуплый мужичонко М. Щ-ин производил впечатление душевнобольного: он восторженно рассказывал о силе своей молитвы, о том, как он в духе «пролетел» 35 вёрст от Рассыпной станицы до Рыбкина, чуть не во мгновение ока и нёс встретившего его у села человека на одной руке и т. п.

* * *

В своих кабинетных занятиях, которым приходилось уделять время отдыха от миссионерской проповеди, доводилось знакомиться с не менее грустными фактами религиозно-психического расстройства «блудных сынов» Церкви.

Один «братец» из дер. Радовки Т. Ч-ов прогнал от себя законную свою жену А. Ч-ву, отказавшуюся перейти в скакунство, оставив её без всяких средств: «муж мой Т. Ч-ов, пишет по этому делу бедная крестьянка²²³, пятый год тому перешедший в разноеверие, т. е. в скакуны, не одну ночь не ночует со мной: то пойдёт к скакунам, то к нему придёт девка и ночует с ним, а мне с ним житья нет, а жила я с ним 10 лет и было всё хорошо, пока он не ходил в скакуны». Насколько хлысты в дер. Радовке не стесняются исповедывать своё гнусное упование, – с прискорбием читаем в рапорте священника с. Адамовки о. Л. К-ва. Известный жителям Радовки и окрестных поселений хлыст Е. Иванов сватает за своего сына А. Ив-ва дочь отставного солдата Ив. К-ва А. К-ву и при свидетелях клянётся в том, что он «ни её, ни своего сына А. И-ва не будет теснить и сговаривать в свою веру скакунскую». Недолго однако хлыст держал свою клятву: чуть не в первый же год по женитьбе А. Ив-ва на А. К-вой, Е. Ив-ов «стал принуждать сына своего и сноху к принятию своей веры скакунской и, видя их несогласие, стал теснить их и обижать». По показанию работника Е. Ив-ва, крестьянина с. Радовки Ф. Б-ва, «когда все скакуны мужики, девки и бабы молодые собирались в дом Е. Ив-ва и по праздникам, и перед праздниками, и в будни, и во главе с Е. Ив-вым пели, кричали, плясали, и руками хлопали и бесновались... (чему очевидцем был Ф. Б-ов), молодые – сын и сноха Е. Ив-ва на это время прогонялись в холодную землянку; у молодых был ребёнок, и вот, благодаря таким изгнаниям в нетопленную землянку, ребёнок захворал, покрылся весь чирьями и сейчас не может поправиться от простуды. И это дело было не один раз в продолжение двух лет. Отец приневоливал сына быть скакуном, т. е. ходить на их собрания. Сын горько плакал, жалея себя и молодую свою жену и долго на это не соглашался. Тогда отец стал применять строгие меры к своему сыну и снохе, а именно: угрожал бить их и отрубить им головы, принёс три хворостины, свил их воедино и этим хотел их бить. Тогда сын испугался и стал ходить на их собрания, а сноха не ходит, почему Е. Ив-ов и сейчас её принуждает и притесняет. А сейчас скакуны

собираются почти ежедневно»²²⁴. Сын Е. Ив-ва А. Ив-ов и жена его А. Ив-ва (сноха хлыста Е. Ив-ва), опрошенные 21 января 1901 г. по поводу показаний Ф. Б-ва на их отца Е. Ив-ва, заявили при свидетелях, что показания работника Ф. Б-ва «чистая правда». А. Ив-ва при сём прибавила: «свёкор, уговаривая меня ходить на собрания, говорил: зачем молитесь на иконы, – ведь это простая доска, как стол; ходи к нам на собрания, у нас плохого нет... На одном собрании свёкор и свекровь мои говорили: когда придёт батюшка ловить нас на собрание, то давайте зарежем его ножом и надсмеёмся над ним; на это согласились остальные скакуны – И. Ч-ов, Т. Ч-ов и, словом, всё собрание дало на это согласие»²²⁵. Таковы подвиги хлыста Е. Ив-ва. Другой радовский хлыст К. И-ин с не меньшей дерзостью, чем и Е. Ив-ов, пропагандирует, что «в целовании креста он совсем не нуждается, потому что тот человек проклят, который целует крест»²²⁶. В станице Рассыпной хлыстовствующие заявляют местному священнику о. И. И-му, что они «лучше умрут, чем оставят свои беседки», что с поступлением в хлыстовщину «они не знают за собой грехов», у них на беседах своё причастие, и благодати более, чем в церковном причастии, а к своим родителям православным относятся они с необыкновенной дерзостью, в глаза говоря пм, что они им родители «только по скотской плоти»²²⁷. В станице Городищенской одна духовная сестричка известного хлыста С. У-цкого, девица М. О-кова, имела от «духовной» любви телесный плод и, разрешившись от бремени в июне 1900 г., бросила, по собственному признанию, родившегося совершенно здоровым младенца в близ находившееся от её дома озеро. При допросе по этому делу, девица Ов-кова созналась в своём преступлении и при сём заявила местным властям: «что вы пристали и расспрашиваете меня одну? – Ведь нас таких, как я, много в Городище, – все девки, носящие белые платки, одинакового со мной поведения и честности»²²⁸. Рыбкиские «сестрички» девицы своих телесных чад духовной любви или спроваживают в другое село²²⁹, или выдают их за детей своих замужних сестёр, и те соглашаются на это, якобы во исполнение слов апост. Павла: «друг друга тяготы носите»²³⁰, а чаще всего

бывает так: «беременная сестричка сидит дома, от всех прячется или уезжает погостить месяцев на пять и, конечно, к своим же и является потом восвояси, как ни в чём не бывала²³¹. В станице Краснохолмской один из хлыстов Т. Д-ков открыто высказывает, «что супружеская жизнь есть грех» Описывать все мерзо-пакости «людей божиих», променявших веру Христову на «учение бесовское» (1Тм.4:1–3), ругающихся над христианской нравственностью и христианской семьёй и публично поносящих служителей Христовых – пастырей Церкви, было бы слишком длинной повестью о том, «о нём же срамно есть глаголати». И сколько простых и невежественных душ захлёбывается в нечистотах хлыстовства! Недугуют ересью «людей божиих» в одном, напр., Оренбургском уезде до 25 поселений. Ею заражены, насколько нам известно достоверно, станицы: Городищенская, Рассыпная, Краснохолмская, Нижне-Озёрная, посёлки: Перовский, Переволоцкий, Дедуровский, Никольский, Капитановский, сёла: Рыбкино, Покровское, Землянское, Дедово, Кулагино, Черепановское, Абрамовское, деревни: Александровка, Девятаевка, Радовка, Козловка и друг. Во всех поименованных поселениях, хотя не в одинаковом количестве, есть «скакуны» со всеми типическими особенностями хлыстовского упования. Чад православной церкви они называют и считают «мирскими», себя «духовными», «чистыми», «святыми» и в некоторых местах «чуть-чуть не богами» (дер. Радовка). На больших беседках у них бывают радения со всеми видами хлыстовского беснования: по свидетельству лиц, которым приходилось быть очевидцами хлыстовских собраний (дер. Радовка), «братцы и сестрички» приходят в исступление: «кто рыдает, кричит, кто ревёт, кто свистит, кто прыгает, кто с пеной у рта бормочет несвязные слова» (в дер. Радовке таким образом пророчествует 15-летняя девочка). На расспросы очевидцев касательно этих неистовств «братцы» отвечают, что они сами не знают, что с ними бывает: «одолевают какая-то тоска, и тогда уже сам не знаешь, что делаешь» (дер. Радовка). «Удостаиваются» якобы хлысты на своих собраниях и небесных видений: «рассыпнинские сектанты с грустью и слезами рассказывали совращаемым ими в хлыстовство Р-ным, что они

на собрании видели, как венцы Р-ных поднялись на небо, откуда было спустились на них»²³². Плотское общение «по духовной любви» братцев и сестриц факт несомненный. Есть у Оренбургских братцев и сестриц и своя организация с пророками и христами. Пророки утверждают прозелитов хлыстовства в их новом звании. Пророков хлысты вводят в дом и изводят из дома под руки и вообще окружают великим религиозным почётом²³³.

То, что нам приходилось наблюдать, слышать и читать (в официальных донесениях церковных пастырей) касательно хлыстовщины в Оренбургской епархии, не новость для миссионеров и некоторых других епархий. И оттуда нам шлют сообщения не более утешительного характера. Хлыстовщина – это религиозная психопатия на половой почве: болящая душа и страсть плоти здесь уживаются под одним знаменем – служения Богу. И тут её демоническая сила: действительное служение велиару и мнимое Богу в хлыстовщине «сретостася и облобызастася».

Н. Гринякин

(Окончание следует).

**Из миссионерской полемики // Миссионерское
обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 701–710**

Айвазов И. Беседа с «адвентистами седьмого – субботного дня», о субботе и воскресном дне

В приходе села Н-евки среди штундистов-воскресников появилось „новшество“: всё громче и громче стали толковать о *субботе*. По рукам заходили многочисленные брошюры и книжки „Международного Трактатного Общества“, как то: „Библейские чтения о настоящей истине“ и др.²³⁴. Повсюду на селе заговорили, что в ближний город приехал и там проживает без всякого дела какой-то немец Иоган Перк²³⁵, который и раздаёт крестьянам сектантские книжки и тайно беседует с главарями штундистских общин. Наконец, один из Н-евских штундистов, богатый подрядчик-каменотёс Роман Муркин, человек бездарный, но крайне честолубивый, из тех, которые любят, чтобы их „ндраву не перечили“, открыто заявил своим „братьям“, что нужно праздновать „субботу“. От слов Роман вскоре перешёл к делу. В интересах субботы он стал усиленно пользоваться своей властью над бедными „наймитами“ из местных и пришлых крестьян, которые тесали у него камни и материально зависели от него. Под „пресвитерством“ этого в своём роде „Глытая абож паука“²³⁶ суббота в Н-евском приходе быстро пошла в ход...

Вслед за *субботой* Роман стал вводить и другие „новшества“: „верьте, говорил он своим „братьям“, что Христос явится очень скоро, не далее, как в нашем поколении, точнее в 1945 году. Накануне Его пришествия все неверующие, т. е., не принадлежащие к нашей общине, будут истребляться шестью Апокалипсическими язвами, а затем окончательно будут уничтожены седьмой язвой. После этого Христос со святыми, т. е., с принадлежащими к нашей вере, которых будет 144,000, вознесётся на планету, но не на небо, где будет царствовать с ними 1000 лет. За это время святые в книгах распишут всем умерщвлённым семью язвами наказания, каждому по его делам. По прошествии 1000 лет снова явится Христос, и мёртвые воскреснут и каждый из них получит назначенное ему

по книге святых наказание и будет нести его вечно, а святые водворятся со Христом в обителях Отца и также на веки“...

Правда, подневольные „братья“ Романа слушали такие речи с улыбочкой: „на планиду, так и на планиду, говорили остряки, только долго сидеть то на этой самой планиде, – шутка сказать: 1000 -лет! Чтобы Роману посбавить немного!.. Та нехай бы он сам и в книгах наказания расписал, а то и работа нам лишняя, да к тому-ж мы и неграмотные“... Но открыто перечить Роману никто из них не решался. А Роман вёл свою линию. Он строго требовал от своих „наймитов“ работы в *воскресные* дни и полного, покоя в *субботы*. Послушных всячески поощрял и награждал, протестантам мстил. Дошло дело до того, что *суббота* стала в приходе злобой дня. Нашлись у Романа и сподвижники, которые в своей ревности постоять за субботу опередили и самого Романа. Нужно было дать всем этим коммерсантам на почве религии энергичный отпор и при том в такой форме, чтобы неправоту их учения услышал весь приход. Лучшим средством для этого являлась публичная беседа с сектантами.

К сожалению, вожаки-субботники всячески избегали даже частных бесед с миссионером. Одни из них выезжали из прихода на всё время пребывания там миссионера, другие ссылались на недосуг, даже в субботу. „Галушки варю“, говорила рьяная субботница Соломония, хотя в субботу варить и не полагалось по Писанию!..

Наконец, мне удалось не только побывать на субботнем собрании сектантов и там беседовать с ними, но и устроить публичную с ними беседу, в присутствии массы православных крестьян.

В предлагаемой беседе исчерпано всё, что говорили в защиту субботы сами сектанты и что говорилось в обслуживающей их подпольной печатной литературе²³⁷.

А) О субботе

1) Как же нам де чтить субботу, говорил мне коренастый субботник, Пётр Пестряков, самый начитанный в Писании из местных сектантов, когда *Сам Бог ещё в раю дал людям заповедь праздновать седьмой день, или день субботний!*

Я попросил Петра найти такую заповедь в Св. Писании. Пётр, открыв Библию, громко и самоуверенно стал читать: „и совершил Бог к седьмому дню дела Свои, которые Он делал, и почил в день седьмый от всех дел Своих, которые делал. И благословил Бог седьмый день – и освятил его; ибо в оный почил от всех дел Своих, которые Бог творил и созидал“ (Быт.2:2–3). Раз Бог благословил и освятил седьмой день, так нам и нужно его праздновать, заключил Пётр и вызывающе посмотрел на меня...

Нет, отвечал я. В Писании не сказано, чтобы Бог в раю повелел первым людям, а с ними и нам праздновать седьмой день и это ты, Пётр, сочинил от себя, что нехорошо, так как своим вымыслом ты ещё извратил и мысль Св. Писания. В прочитанном тобой месте из книги Бытия говорится только о том, что Бог благословил и освятил седьмой день, потому что в этот день почил от всех дел Своих, которые творил и созидал. Как видишь, здесь и речи нет о людях, нет и никакой заповеди людям. Когда бытописатель желает показать, что слова Бога относятся к людям, в частности, к первозданным, то ясно пишет: „и благословил *их* Бог, и сказал *им* Бог“, или ещё: „и заповедал Господь Бог *человеку*“... (Быт.1:28,2:16). Но в прочитанном тобой месте» этого нет. Следовательно, нельзя учить, что „Бог в раю освятил и благословил седьмой день для людей“. Нельзя так учить ещё и потому, что благословение и освящение седьмого дня не только стоит в полной зависимости от покоя, но и заключается в этом покое, без которого оной немыслимо (ср. Исх.20:8–11). Но кто же почил от дел творения и созидания: люди или Бог? Писание ясно говорит, что Бог, так как первые люди не только ничего не творили и не созидали, а и сами были сотворены (Быт.1:26). А если покой относится только

к Богу, то ясно, что „и благословил Бог день седьмый и освятил его только для Себя, т. е., покоем от дел творения Он отличил для Себя день седьмый. Вместе с Богом разделили этот покой и Ты, Кому Бог сказал: „сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему“... (Быт.1:26), посему и для *Них* Бог благословил и освятил день седьмый. Но здесь и ты, Пётр, видишь не людей, которых ещё и не было, а второе и третье Лица Св. Троицы. В этом же нас убеждает и внешняя форма выражений бытописателя. Когда у него идёт речь о первых людях, он прямо называет их, так что ясно видно, кому Бог сказал, или для кого Бог заповедал, благословил, освятил... А когда речь идёт о Лицах Св. Троицы, то он прикровенно указывает их в краткой форме речи, говоря лишь: „и сказал Бог... и благословил Бог и освятил... (Быт.1:26,2:2–3). Таким образом, ясно, что в раю Бог не давал людям заповеди праздновать день седьмый или субботний. Напротив, Он повелел первому человеку возделывать и хранить сад Эдемский, без исключения, во все дни (Быт.2:15) и, если бы Адам пожелал в седьмой день покоиться, то это было бы нарушением повеления Господнего: „возделывать и хранить Эдемский сад“. И после, когда Адам согрешил, то Бог осудил его на добывание себе хлеба в поте лица во все дни жизни его на земле, из которой он взят (Быт.3:17–19,23). Вот почему нигде в Писании не видно, чтобы люди до Моисея (Исх.16 гл.) праздновали субботу, или чтоб до Моисея Бог обличал и грозил людям наказаниями за нарушение субботного покоя. Всё это потому, что до Моисея Бог не давал людям заповеди праздновать субботу.

– А почему же Моисей пишет: „помни день субботний (Исх.20:8)...“, если „*помни*“, то, значит, заповедь о субботе уже была у евреев до Моисея, возразил мне Пестряков.

– Нет, Пётр! Опять ты неправильно истолковал Писание. Моисей словом „*помни*“ указывал сынам Израилевым не на то, что заповедь о субботе была дана им до него, а на то, что *он*, по повелению Бога, уже дал им эту заповедь и что в десятословии она лишь повторяется, напоминает. И действительно, в Писании ясно сказано, что впервые Господь дал израильтянам

заповедь о субботе через Моисея ещё в пустыне Син (Исх.16:23,29–30), так что на горе Синае в десятословии она лишь была повторена.

– Ну, а почему же сам Моисей говорит, что сыны Израилевы должны праздновать субботу, потому что Господь почил в день седьмой? Выходит, как будто евреи праздновали субботу со дня покоя Господня?.. – нерешительно заметил Пестряков.

– Ошибаешься, Пётр! Моисей в десятословии лишь указывает, что данный через него Богом израильтянам день покоя будет напоминать им и покой Господень. Как Господь в седьмой день почил от работы творения, так и израильтяне в седьмой день почивают от работы в Египетском рабстве (Втор.5:15): здесь совпадение лишь в численном порядке дня – „седьмой”; но у Господа покой имеет своё значение, а у израильтян своё. Вот почему израильтяне и стали впервые праздновать субботу лишь по выходе из Египетского рабства (Исх.16:30). Так что теперь и тебе, Пётр, должно быть ясно, что ни в раю, ни после – до Моисея, Бог не давал людям заповеди праздновать субботу.

2) Ну, пусть будет по-вашему, уже без задора проговорил Пестряков. А всё же я буду праздновать субботу, хотя бы потому, что *4-я заповедь десятословия мне это повелевает* (Исх.20:8–10).

– Вот и прекрасно, что от первого своего основания в пользу празднования субботы ты уже отказался. Поэтому я перейду к рассмотрению нового, по счету второго, основания, которым ты защищаешь свою субботу²³⁸.

– Я прежде всего спрошу тебя, Пётр, почему ты ссылаешься на 4-ю заповедь десятословия? Разве ты признаёшь необходимым исполнять 10 заповедей по букве Ветхозаветного Писания? Тогда почему ты не исполняешь с буквальной точностью и других заповедей того же Ветхого Писания?

– Никаких других заповедей в Ветхом Завете я не знаю, с жаром заговорил Пётр, и вы не смешивайте всё в кучу: *заповедями* называется только десятословие, а всё остальное, полученное еврейским народом от своих вождей, называется *законом*. Закон мне не нужен, он отменён Христом и

Апостолами, а заповеди даны людям навсегда. Сам Христос сказал: „кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречётся в Царстве Небесном; а кто сотворит и научит, тот великим наречётся в Царстве Небесном“ (Мф.5:19).

– Глубоко неправ ты, Пётр, в своём толковании Писания, отвечал я. Ни Моисей, ни Христос, ни св. апостолы не делали такого различия между законом и заповедями, разумея иногда под законом совокупность всех заповедей и постановлений, а вообще употребляя слова: „закон“, „заповедь“ и реже: „завет“, „слова Божии“ и др. без различия, одно вместо другого. Об этом ясно свидетельствуют нам книги: Исход (наприм. 16, 24, 31, 34, 35 главы) и Второзаконие (4, 6, 10 гл.) и св. апостол говорит, что преступивший заповедь: „не убий“ – преступник закона (Иак.2:10–11)²³⁹. Точно также и приведённые тобой слова Христа касаются не только десятословия, но и всего „закона и пророков“; посему Христос там же перечисляет не только заповеди десятословия, но и многие другие заповеди, которые „сказаны древним“ (см. Мф.5:17 и 7 гл.). При этом ещё заметь, Пётр, что Христос отнюдь не сохраняет букву древних заповедей, не исключая и десятословия. Так что приведённое тобой основание в пользу исполнения буквы только десятословия опровергается самым Писанием. И ты должен согласиться, что если праздновать субботу по букве 4-й заповеди, то нужно тогда исполнить и весь древний закон, в котором есть заповеди и большие десятословия (Мф.22:37–40), потому что согрешивший даже в одном чем-нибудь из закона, виновен против всего закона (Иак.2:10; Гал.3:10). Следовательно, или соблюдай по букве весь древний закон, или согласись, что соблюдение одной только субботы с твоей стороны есть также беззаконие, потому что подвергает тебя клятве закона (Гал. 3 гл.), который ты соблюдением субботы признаёшь для себя обязательным.

Пётр задумался. Наконец, он вспомнил новый выход из затруднительного положения, подсказанный ему „Библейскими чтениями о настоящей истине“ (№ 20).

– Пусть будет по-вашему, утирая с лица пот и подтягиваясь снова заговорил Пестряков. Пусть Писание не отличает десять заповедей от закона и называет также и десятословие законом. Пусть в законе есть ещё много и других заповедей. Словом, – пусть я буду неправ, строя защиту субботы на различии слов: „заповедь“ и „закон“... Но вот в следующем я обязательно буду прав. Писание нам ясно говорит о *двух законах*. Один – это закон Божий, а другой – Моисеев: „и не дам впредь выступить ноге Израильянина из земли, которую Я дал отцам их, читаем в 4-й книге Царств, если только они будут стараться поступать согласно со всем тем, что Я повелел им, и со всем законом, который заповедал им раб Мой, Моисей“ (4Цар.21:8). Законом Божиим называется тот закон, который дан Самим Господом сынам Израилевым, когда Бог говорил им собственно Своим голосом. Затем, Господь написал этот закон на двух каменных скрижалях Своим перстом и назвал их десятословием. Больше десяти слов, или заповедей, Господь не говорил. Эти заповеди, или две скрижали каменные, по повелению Господа, были положены на хранение в ковчег (см. Исх.20:1,18–21,24:12,31:18,32:16,34:1,28; Втор.4:11–13,5:4,5,22,9:9,10,10:1–5). Когда же израильтяне стали нарушать закон Божий, то Моисей *от себя* дал им законы, в которых указывал, какая казнь полагается за нарушение заповедей Господних и как им очистить себя от греха или преступления против заповедей. Все *свои* постановления Моисей после записал в особую книгу, которую и назвал „Второзаконием“, т. е. вторым законом. Эта книга, по повелению Моисея, должна была лежать одесную ковчега завета и свидетельствовать против Израильтян (Втор.31:24–26). Так что, когда израильтянин сделает преступление против какой-либо заповеди, хранящейся в ковчеге, то книга Второзакония свидетельствует всем об его грехе и указывает, как должен быть смыт грех против заповеди. Нам теперь закон Моисея не нужен: во-первых, потому что им никто не оправдался перед заповедями Божиими и никто при его помощи не достиг совершенства: напротив, израильтяне, не будучи в силах исполнить постановления Моисеева закона, навлекли ещё на себя проклятие этого закона (Галат. 3 гл.); во-

вторых, потому что мы, христиане, уже не под законом, а под благодатью Христовой (Рим.6:14) и Христос не только искупил нас от клятвы Моисеева закона (Гал.3:13), но и освободил нас Своей смертью от самого закона (Рим.7:6). Если мы теперь согрешим против закона Божьего, т. е. десятизакония, то уже будем оправдываться перед ним не законом Моисея, а ходатайством за нас Христа. Вот почему мы не принимаем из Ветхого Завета другого закона, или закона Моисеева, в состав которого входят все заповеди, все постановления и все заветы, кроме десятизакония. Десятизаконие же, как закон Господа, мы приемлем и исполняем с буквальной точностью: во-первых, потому что Бог повелел ещё израильтянам исполнять Его десять слов или заповедей без прибавления и убавления и притом во все дни жизни их на земле (Втор.4:2,10,13); во-вторых, потому что Христос Сам исполнял закон Бога и учил, что ни одна йота или ни одна черта не прейдёт из этого закона, так что желающий войти в жизнь вечную прежде должен соблюсти десять заповедей“ (Мо. 5. 17–18; 19. 17). Также и ап. Иоанн пишет: „ибо это есть любовь к Богу, чтобы мы соблюдали заповеди Его. И заповеди Его не тяжки“ (1Ин.5:3). К тому же исполнению закона Божьего зовёт нас и ап. Иаков. (Иак.2:8–12)²⁴⁰. На этом Пётр прервал свою речь и вызывающе посмотрел на меня...

– Таким образом, ты, Пётр, теперь построил защиту субботы на различии уже двух законов: Божьего и Моисеева, отвечал я. Под Божьим законом ты разумеешь только десятизаконие и утверждаешь, что кроме десяти слов. Бог ничего не говорил и не давал. Всё остальное, что мы находим в Ветхом Писании, дал якобы Моисей от себя и при том тогда, когда израильтяне начали грешить против десятизакония. И вот Божий закон ты принял, потому что так повелевает-де Писание Ветхого и Нового Завета, а Моисеев отринул, опять-таки на основании того же Писания. Разберём же сказанное тобой.

Прежде всего нигде в Писании мы не находим, чтобы Моисей давал израильтянам какой-либо закон от себя, как свой. Если где и говорится: „закон Моисеев“ или „закон, который заповедал Моисей“, то это не значит, что сам Моисей сочинил его, а – что этот закон дан Богом через Моисея. В

доказательство того, что есть у Моисея свой закон, ты приводишь слова Христа: „если в субботу принимает человек обрезание, чтобы не был нарушен закон Моисеев“... (Ин.7:23). Но здесь за буквой Писания ты проглядел смысл его. Выше одним стихом Христос говорит: „Моисей дал вам обрезание“... Значит ли это, что Моисей от себя установил обрезание? Нет, ибо обрезание было дано задолго до Моисея, и Сам Христос сейчас же добавляет: „хотя оно не от Моисея, но от отцов“... Следовательно, закон об обрезании отнюдь не сочинён Моисеем. Но почему же он назван „Моисеевым“? Да потому, почему назван и законом „отцов“. Известно, что обрезание впервые введено отцом Авраамом (Быт.17 гл.). Но Авраам не сам сочинил закон об обрезании, а через него Бог передал людям этот Свой закон или завет (Быт.17:10–13). Посему, когда Спаситель говорит, что закон об обрезании „от отцов“, то это значит, что он дан Богом через отцов. Точно также, когда Христос назвал тот же закон „Моисеевым“, то это значит, что закон об обрезании повторен Богом через Моисея, как и читаем об этом в книге Левит: „и сказал Господь Моисею“... (Лев.12:1–3). Нет также оснований для отличия закона Божьего от Моисеева и в приведённой только выдержке из 4Цар.21:8. Ведь здесь не сказано, что Моисей заповедал израильтянам закон от себя, как свой. Наоборот, Моисей назван рабом Божиим, а раб творит волю не свою, а господина своего. Так что Моисей, если давал закон, то не свой, а Божий. Посему в книге Паралипоменон, где приводится тоже самое место, и сказано: „что Я заповедал им, по всему закону и уставам и повелениям, данным рукою Моисея“ (2Пар.33:8). Моисей был лишь посредником в деле передачи слов Божиих народу, а не законодателем, как о том говорит Сам Бог (Втор.18:15–18). Вот почему и вся книга „Второзакония“ называется Моисеем „заповедями, законами и постановлениями“, которые Сам Бог дал израильтянам во время завета с ними на горе Хориве и в земле Моавитской и во время клятвенного договора с ними (Втор.28:1,58,29:1,12,31:9,19,24–26). Вот почему в этой „книге закона“ (Втор.31:24–26) мы находим и „книгу завета“, написанную Моисеем раньше и в которую он занёс слова завета

на горе Хориве и всё то, что Бог дал через него израильтянам к исполнению после Хоривского завета до самой смерти Моисея (Исх. 24 гл.; Втор.18:15–18,29:1,9,12). Посему-то на „книгу закона“, написанную Моисеем, всегда смотрели, как на собрание того, что Бог заповедал Израилю (Неем.8:1) через Моисея и называли её не только „*книгой закона Моисеева*“, но ещё иначе „*книгой закона Божия*“ (Неем.8:1,8,14,18). Отсюда ясно, что нет никаких оснований к отличению закона Божьего от закона Моисеева. У израильтян был один закон – это „*закон Божий*“ (Неем.8:18) и в состав его входили и десять заповедей и все, что своих книгах. От себя Моисей, как пророк Божий, ничего не говорил. да и права такого не получал, ибо истинный пророк не должен говорить от своего вымысла, а должен передавать „*слова Божии*“ (Втор.18:18).

Теперь скажу в частности. По твоим, Пётр, словам: Бог, кроме десятословия, ничего не говорил и ничего не давал. Ты ссылаешься на книгу Второзакония, где читаем: „слова сии (т. е., десятословие) изрёк Господь ко всему собранию вашему (т. е. собранию израильтян) на горе из среды огня, облака и мрака (и бури) громогласно, и более не говорил, и написал их на двух каменных скрижалях и дал их мне (т. е., Моисею. См. Втор.5:22)“. Но разве здесь сказано, что Бог вовсе ничего и никому кроме десяти слов не говорил? Нет, здесь только сказано, что Бог *громогласно и ко всему собранию израильтян* более десяти слов не говорил. Весь остальной Свой закон Бог дал уже через Моисея и так, что всё собрание израильтян не говорило с Богом и не слышало Его голоса. Об этом ясно говорит нам то же Писание. В книгах: Исход и Второзаконие читаем, что Господь начал давать свой Хоривский завет народу израильскому громогласно, т. е., громко, говоря лицом к лицу со всем собранием израильтян, так что израильтяне слышали голос Божий, хотя и стояли у горы. В то же время и Моисей, как посредник между израильтянами и Богом, пересказывал им слова Господни (Исх.20:1,18,19; Втор.5:4.5.22). Но израильтяне скоро пришли в ужас от виденного и слышанного и настолько прониклись страхом перед славой и величием Бога, что сперва отступили и стали вдаль, а затем обратились к Моисею с

просьбой, говоря: „говори ты с нами, и мы будем слушать, но, чтобы не говорил с нами Бог, дабы нам не умереть... и что скажет тебе Господь, Бог наш, пересказывай нам, и мы будем слушать и исполнять“ (Исх.20:18,19; Втор.5:27). Господь похвалил желание народа, так как увидел, что народ убоялся Его, а это было ручательством за то, что израильтяне будут исполнять Его заповеди (Исх.20:20; Втор.5:28,29). Посему Он и повелевает Моисею: „скажи им“ (т. е. народу): „возвратитесь в шатры свои“, а ты здесь останься со Мною, и Я изреку тебе все заповеди и постановления и законы, которым ты должен научить их, чтобы они так поступали... Это было после того, как Господь изрёк десятословие (Втор.5:30,31). Таким образом, мы видим, что действительно Господь громогласно и ко всему Израилю сказал только десять слов, а затем, по просьбе самого Израиля, стал давать им все остальные заповеди, постановления и законы уже в беседе с одним Моисеем. Следовательно, неправ ты, Пётр, когда утверждаешь, что Бог вообще ничего не говорил и не давал, кроме 10 заповедей. Сам Бог, дав 10 заповедей, опять говорит Моисею: „и Я изреку тебе все заповеди, и постановления, и законы“... Значит, десять заповедей составляют лишь частицу Божьего закона. Важно ещё и то, что Сам Бог не отдавал предпочтения десяти заповедям перед остальным законом, данным через Моисея, и говорил: „о, если бы сердце израильтян было таково, чтобы бояться Меня и соблюдать все заповеди Мои“ (Втор.5:29). Посему Моисей повелевал народу, не уклоняться от всего закона Божьего, а не от одних только десяти заповедей: „ни на-право, ни на-лево“ (Втор.5:32).

Ты, Пётр, ещё сказал, что остальной закон, кроме десятословия, появился тогда, когда израильтяне начали грешить против десяти заповедей, и что он представляет Собой лишь указание казней за преступление против десятословия и средств к очищению от этого преступления. Но так-ли? Израильтяне впервые у горы Синая согрешили тем, что сделали себе „литого тельца“ (Исх.32). Однако, до этого Моисей уже получил от Бога не только 10 заповедей, но и множество других, записанных им с 20–31 главу кн. Исход. И если бы народ не

сделал себе „тельца“, то Моисей и ещё оставался бы на горе для получения множества других постановлений. Преступление израильтян лишь прервало беседу Моисея с Богом и Моисей, по повелению Господа, наказав смертью многих израильтян за содеянный ими грех, снова возвратился на гору, чтобы получить от Бога и остальные заповеди и постановления, отнюдь не вызванные грехом израильтян, так как они и без этого греха были бы даны Моисею (Исх.32–35 главы). И по содержанию своему все законы, данные Богом через Моисея, отнюдь не представляют собой перечень казней за грехи против десяти заповедей и средств к очищению от этих грехов. Достаточно вспомнить, что, например, кровавые жертвы имели значение самостоятельное, независимое от 10 заповедей, и прообразовательное, так как прообразовали Христа. Еврейская скиния также имела своё самостоятельное и прообразовательное значение. Да и множество других законов, заповедей и постановлений „закона Божьего“ отнюдь не находились в зависимости от десятословия, так как и по содержанию своему и по форме представляли собой новые, самостоятельные, а не придаточные или зависящие от существования десяти заповедей, предписания. И Сам Христос на вопрос: „какая наибольшая заповедь в законе?“ указал не на десять заповедей, а на две другие, на которых утверждается весь закон, следовательно, и десятословие (Мф.22:36–40; ср. Втор.6:5; Лев.19:18).

И. Айвазов

(Окончание следует).

**Летопись периодической духовной и светской
печати и новые книги по вопросам веры и миссии
церкви // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10.
С. 711–720**

Значение философии для богословия. – Происхождение человека, его природа и достоинство. – Значение религии в деле воспитания нравственного сознания. – Воскресение Христово и его нравственное значение. – Бессмертие прошедшего.

Из статей философского характера, но имеющих значение для богослова-апологета и миссионера, нужно отметить трактат проф. Линицкого („Тр. К. Д. Ак.“) – *„Значение философии для богословия“*. Особенно имеет интерес для апологетики глава II – о вере в сверхъестественное. „Если бы сущность христианства, говорит автор, заключалась в том, что оно есть исторический факт, то вера ограничивалась бы фактическим содержанием“. Но в том-то и дело, что, если опровергнуть и всю историческую чудесную часть христианства (сказания Евангелия и апостольских книг), то для содержания веры остаётся ещё много. „Необходимо, говорит автор, обратить внимание на то, что не все современники и очевидцы чудесных дел Иисуса Христа уверовали в Него, как Чудотворца и Посланника Божия; другие же, напротив, не видели и уверовали“. С другой стороны, вера в чудесное существовала и у язычников. Всё это приводит автора к заключению, что „для веры во Христа, как Основателя новой религии, *фактические* основания сами по себе недостаточны, а потому требуют восполнения посредством оснований иного рода, именно оснований *умозрительных*“. Для обоснования истин веры нужно, по автору, „установить точное общее понятие о природе, о естественном“, решить общефилософские вопросы, – нужно ли, напр., полагать начало вещественного мира, или предполагать, что бытие вещей безначально.

„Жизнь тоже, как и бытие, не производится природой“, ибо было время (и по науке), когда на земле не было жизни (в газообразный период). „Не менее, как происхождение жизни, говорит автор, загадочно для естественно-научной точки зрения,

т. е. выходить из пределов естественного порядка вещей, *происхождение разума*“. Основание для этого, по автору, заключается в том, что разум сам создаёт, а не есть создание чего-то. Отсюда автор выводит, что „основаниями для веры в сверхъестественное, трансцендентное, служат *бытие, жизнь и разум*“, т. е. понятия чисто философские. В идеальной гармонии они существуют только в Боге (образ св. Троицы).

„Бытие, жизнь, и разум – тождественны в Боге, который посему есть единое существо, но вместе и различное: и *по появлению во времени* как откровение *Бога Отца* – виновника бытия вещей, Творца, *Бога Сына*, который есть *Слово, разум и Духа*, который есть жизнь и источник жизни; равно и *по вечному* пребыванию в единстве Божеского существа – как три ипостаси“.

При такой философской постановке богословских вопросов, всякому действительно становится очевидной важность философии для богословия.

В дополнение к статье проф. Линицкого можно поставить реферат г. Богородского („Пр. С.“) – „Происхождение человека, его природа, достоинство и назначение“. В статье проф. Линицким философски на началах разума обосновывается истина, что жизнь не производится природой». Дарвин хотел вывести разнообразие жизни из самой природы. Г. Богородский опровергает Дарвина психологически, как выше проф. Линицкий показывал невозможность этого философски. Сам Дарвин, по автору, соглашается, что самое важное отличие у человека от животных заключается в совести. Но, чтобы ослабить силу этого различия, Дарвин, дабы подтвердить свою теорию, хочет найти совесть, хотя бы в слабой степени, и у животных. Но, Дарвин, говорит автор, делает заключение „не от известного к неизвестному, а от неизвестного к искомому, к воображаемой психологии животного“. Он умозаключает гадательно. Существование разумных инстинктов у животных ещё более убеждало его в возможности у них и нравственного сознания. Автор отмечает, что сама то удивительность этих инстинктов, красноречиво свидетельствует о механической прирождённости их животным и об отсутствии развития у них этих инстинктов

дальше своего улья пчела своих инстинктов не проявляет. У человека же его разум стремится к познанию решительно всего.

„Инстинкты животных, говорит автор, так удивительны, что если в них предполагать элемент разумности (как это делает Дарвин) то мы должны бы были признать, что ум животных далеко превосходит ум человеческий. Пчёлы, которые строят свои соты по всем правилам математики и физики, Обладают ещё и биологическими познаниями: когда у них умирает матка, они начинают выкармливать обыкновенную личинку особым способом, благодаря которому из обыкновенной рабочей бесполой пчелы развивается плодовитая матка. Верное предугадывание будущего есть высшее проявление ума и знания человеческого. Животное обладает этой способностью в большей степени, говорит автор, чем человек“.

Автор указывает ещё на контролирующую силу человеческого разума, как на отличительное свойство его от животного разума, а также ссылается на авторитет знаменитого Вирхова, который на съезде учёных натуралистов в Мюнхене (1902 г.) открыто объявлял, что наука не имеет никаких положительных данных утверждать происхождение человека от обезьяны.

Но кроме ума и инстинктивной совести у человека есть нравственное сознание, источник которого коренится даже не в человеке, но дан ему извне, от Бога. Это ещё одно отличие человека от животного. И вот, г. Городенский („Б. В.“) посвящает выяснению вопроса о нравственном сознании человека – две статьи: *„Условия воспитания нравственного сознания в человеческих обществах“* и *„Значение религии в деле воспитания нравственного сознания на наших ступенях общественной жизни“*. В первой из названных статей автор решает сначала вопрос об источнике нравственного сознания. „Существует, говорит он, морально-философская теория, которая пытается объяснить совесть человека из его чувствительности к мнению окружающих“ (Смит), по которой источник совести будет заключаться в сочувствии или несочувствии „мотивам известного поведения“, служащее „основанием нашего суждения о достоинстве поступков“. Автор

вполне соглашается с А. Смитом в одной половине его суждений, указывая на то, что „никто ещё с такой наглядностью и простотой не описал отношения, существующего между общественным мнением и совестью“, как Смит, но подмечает и недостаток этой теории в том, что автор её „опустил из внимания фактор, имеющий слишком явное и важное значение в этом деле, именно, религию“, которая даёт мотивы выше и сильнее, чем обычай и авторитет лиц, окружающих (Смит). Раскольники, указывает автор, готовы были помереть за один аз. Автор выясняет, что и обычай, и авторитет тогда только служат условием воспитания нравственного сознания, когда они получили религиозное освящение. Вот почему обычай имеет такую силу в первобытных обществах. Основу нравственного сознания после религии автор указывает в семье, в том почтении к старшим (отцу, деду, главе рода – патриарху), на котором основывалась семья и общество, к начальникам и т. д.

„Религиозное почитание начальников с различными церемониями, выражающими глубокое преклонение перед властью, основывалось, по автору, на духовном авторитете. Это значит, что власть начальника неограниченна только по доверию и уважению подчинённых, т. е. в условном смысле. Когда, по мнению подчинённых, начальник перестаёт удовлетворять этому назначению, то подданные перестают его признавать, или уходят от него“.

Отсюда автор опровергает и другое предположение, что условием воспитания нравственного сознания не могло быть внешнее насилие. „Нравственность есть известный род внутреннего принуждения“. Соблазнительно, конечно, было бы признать укоры совести „наследственным отголоском жестоких внешних наказаний“, бывших ранее в обществах, но автор, на основании уже сказанного о значении внешнего авторитета, а след. и наказаний, приходит к выводу, что весь нравственный процесс „совершается при содействии одного фактора, который углубляет значение его результатов и придаёт им высшую санкцию: этот фактор – религия“.

Вторая статья того же автора служит продолжением первой. Здесь автор исключительно выясняет значение религии для

нравственного сознания. Правда, говорит автор, может быть поставлено возражение, что это значение ограничивается „первоначальным воспитанием нравственного чувства“ и что теперь даже на низших ступенях человеческих обществ „религия не стоит в связи с практическим поведением“. Он показывает, что это утверждали прежние явно тенденциозные этнологи, каковы Тайлор, Вайтц и др. Новейшая этнология говорит о противоположном. Один из них, Гроссе, заявляет, что „религиозные представления пользуются прочным влиянием на жизнь... у всех первобытных народов“. Автор выясняет, что, с одной стороны, и „высшие формы религиозных верований далеко не всюду лишены практического значения“, а с другой, – что, при рассмотрении нравственного влияния первобытной религии, этнологи часто „слишком узко понимают« самую нравственность“. Автор приводит на основании исследований новейшей этнологии множество фактов, показывающих, что у дикарей „религия проникает всю их жизнь и определяет нормы их поведения“, как, напр., у полинезийцев такое значение имеет „табу“ (род еврейского херема) или „мугуль“ и „токой“ у Палаузцев, „кобонгу“ у Австралийцев и т. д. Все эти факты показывают, что дикарь „оберегает обычай, как *религиозную святыню*“. „Только религиозным страхом, говорит автор, можно объяснить ту непоколебимую твёрдость в воздержании от посягательства на чужое имущество, которая неоднократно поражала путешественников, как явление, необычное даже в культурных странах“, и указывает на основании свидетельства ле-Гобьена, что жители Маркизских островов чувствуют ужас перед воровством“, а туземцы при заливе Кастри „имеют к собственности почти *религиозное почтение*“ (Лаперуза). Автор указывает далее, что влияние религии не ограничивается однако этой жизнью, что она и у дикарей „почти всюду сопровождается верой в загробные награды и наказания“ и указывает опять-таки на основании „последнего слова науки“, что жители, напр., Соломоновых островов верят, что „скупцы, убийцы и др. грешники превращаются в отвратительных пресмыкающихся – змей, жаб и т. п.; по верованию жителей о. Апайтиума „добрые идут в рай, где их ожидает обилие явств, а

злые – воры, убийцы, прелюбодеи должны мучиться голодом в аду“; по представлению Парагвайцев, „злых по смерти сжигают в котлах, а добрые охотятся на берегах прекрасной реки, наполненной рыбой“. Эта идея возмездия часто стоит в связи у дикарей с верой в Единое Высшее Существо. Вообще статья Н. Городенского даёт много нового, интересного этнографического материала, подтверждающего взятый им вопрос.

По её справкам, даже у дикарей есть содержание части христианского учения, но чего нет у них – так это идеи воскресения, составляющей существенное содержание христианской догматики. Вопрос о воскресении – теперь жгучий вопрос. Толстой выясняет его по-своему (ром. „Воскресенье“), Мережковский высказывает свои представления о плоти. Всё это дало повод М. Тарееву („Б. В.“) выяснить церковное учение по данному вопросу, что он и делает в статье:

„Воскресение Христова и его нравственное значение“. М. Тареев указывает „на опасность плотяности, угрожающую тем, которые ставят в прямое отношение нашу земную жизнь и жизнь Воскресшего Господа“. Автор указывает, что „ныне светские писатели нам говорят уже о святой плоти, о святом сладострастии, опираясь с той же решительностью на факты Рождества Христова, Его Преображения и Воскресения. В чувственном понимании Воскресения Христова хотят найти опору для примирения чувственного и духовного начал нашей жизни“.

Автор на основании слова Божия выясняет, что и плоть в Писании понимается двояко, что есть тело душевное, а есть тело духовное и что „наша жизнь за гробом не будет иметь материального содержания, а плоть и кровь не переступят за пределы гроба, в котором будет уничтожено чрево“. Иллюстрируя это на примере Воскресшего Господа, автор ссылается на то, что Он не имел, по воскресении своём, определённого вида, так что ученики не узнавали Его; что даже „с точки зрения чувственной очевидности язвы гвоздиные и прободенное ребро никак не доказывали божества Христова. И если неверие Фомы происходило от грубого материализма, то, убедившись осязательно в факте воскресения, он придумал бы

для него какое-нибудь материалистическое объяснение, а не воскликнул бы: „Господь мой и Бог мой!“ Автор разъясняет что „историческую действительность в явлениях Воскресшего ученикам составляла, поэтому, реальность духовного общения с Ним, реальность для них Его духовной, божественной, вечной жизни“. „Он жив“ – вот что говорили ученикам явления Воскресшего.

Хорошим дополнением к статье Тареева служит речь С. Глаголева („Б. В.“) – *„Бессмертие прошедшего“*, в которой он выясняет принцип сохранения явлений и сохранения, так сказать, реального. Статья написана с видимым знакомством последних научных данных по естественным наукам и читается с большим интересом. Вся наука говорит о бессмертии. Химия говорит о неуничтожимости материи, акустика о звуковых волнах, физика о световых отражениях. Каждый звук, каждое произнесённое слово живёт и после того, как они перестали звучать для нашего уха, воспринимающего их только при известных условиях. Звук летит в пространство, колеблет отдалёнейшие сферы и, хотя для наших грубых чувств это и незаметно, но оно есть и должно быть. Каждый жест отражается в воздухе, как в фотографической камер-обскуре и тоже несётся в пространство. Неуничтожимы, следов., и дела. Если бы на Сириусе (звезда) были жители и они обладали бы такими телескопами, что могли бы видеть происходящее на земле, то теперь они увидели бы только ужасы французской революции, так как до Сириуса свет, а след., и отражающиеся в нём изображения доходят в 106 лет. Таким образом, „небеса поведают славу Божию“ и весь мир говорит о бессмертии, неуничтожимости ни слов, ни дел наших, и тем более нас самих и наших чувств и идей, которыми мы жили, или живём.

„Несомненно, говорит автор, что психическое начало, воздействуя на материю, кладёт на неё такой же неизгладимый отпечаток, какой кладёт этот атом на другой атом; вещество отпечатлевает в себе духовные состояния их носителя. Вот почему можно решительно утверждать, что образы, сохраняемые световыми лучами в пространстве, отражают в себе не только внешнюю, но и всю внутреннюю историю

мировой жизни. Положим, вчера, прощаясь с кем-либо, я высказывал ему сердечнейшие пожелания удачи, сознавая в душе, что его неудача доставила бы мне искреннейшее удовольствие. Размышляя теперь о том, как отразился мой вчерашний образ в мировых пространствах, я думаю, что я явлюсь там в светлых небесных пространствах в виде какой-то нравственной гримасы. Вибрации льстивых звуков, отражение личных мускулов, сдвинутых так, чтобы придать лицу умильно благопожелательное выражение и находящиеся в совершенном диссонансе с этим вибрации сердечных биений, регулировавшихся тёмными чувствами недоброжелательства и зависти. Световые лучи отражают кривые сердечных движений, так что можно сказать, что каждое лгущее сердце вечными буквами пишет на вечном небесном покрове: „я лгу, лгу, лгу“. Всё увековечивается на небе“

Вот идея и вывод речи автора, посвящённой в день академического акта почившим деятелям Академии, добро посеянное которыми „цело, живо и вечно“.

Свящ. М. Лисицын

Козицкий П. иер. [Рец. на:]: Венок на могилу Члена Святейшего Синода, Высокопреосвященного Платона, митрополита Киевского и Галицкого. Составил крестьянин М. В. Карасев. С портретом святителя. С.-Петербург, 1903 г. in 8-ю. стр. 420, ц. 2 руб., с пересылкой 2 руб. 20 коп. С. 717–719

2 мая 1903 года исполнилось ровно сто лет со дня рождения митрополита Киевского Платона, известного борца за православие и русскую народность, одного из видных иерархов нашей отечественной церкви прошлого столетия. К сожалению, день этот остался неотмеченным в нашей современной печати: ни один журнал, ни одна газета не откликнулись на своих страницах по поводу столетнего юбилея со дня рождения этого выдающегося архипастыря. Автор, отмечая это равнодушие нашего общества и печати к видному деятелю нашей отечественной церкви прошлого столетия, покойному Киевскому святителю Платону, останавливает своё внимание на имевшем в 1902 г. место, юбилейном чествовании Н. В. Гоголя. Об этом в предисловии к своему труду автор так говорит: „21 февраля 1902 г. общество дружно праздновало 50-летний юбилей со дня смерти Н. В. Гоголя, а между тем, день столетия со дня рождения святителя, по своим заслугам выдающегося из рядов обыкновенных деятелей, был совсем забыт и пройден молчанием! Делая это сопоставление, мы не думаем умалять заслуг, оказанных Гоголем русской литературе, а хотели указать только на исключительное преклонение общества перед заслугами великих людей на поприще той или иной общественной гражданской деятельности и полное равнодушие, и холодность к выдающимся деятелям на ниве духовной. При такой односторонности общественных интересов не знаешь, чему больше удивляться: прогрессу с Цивилизацией, или упадку веры и нравственности среди коренных православных сынов России“ (3 стр.)!

Желая сплести венок на могилу митрополита Платона по случаю столетия со дня его рождения, г. Карасев делает усиленную попытку восполнить этот пробел: он издаёт целую книгу, посвящённую памяти глубоко чтимого им святителя. Его „Венок“, составленный на основании известного печатного материала, разбросанного в нашей духовной, отчасти и светской литературе, составляет отрадное явление в наши „лукавые дни“ равнодушного отношения к деятелям в религиозно-нравственной области. Вполне соглашаясь с автором, что чтение его книжки „может принести большую пользу для ума и сердца юношей и взрослых, так мало знающих своих великих иерархов“, позволим себе несколько подробнее познакомить наших читателей с содержанием рассматриваемого нами юбилейного издания. Автор, по-видимому, старался собрать всё, что имеется в нашей литературе о личности и деятельности митрополита Платона и представить в цельном виде очерк жизни святителя. Не останавливаясь долго на воспитании и обучении святителя (4–10 стр.), он довольно подробно изображает духовно-учебную и церковно-административную деятельность митрополита Платона, касается его деятельности в качестве настоятеля Виленского Св.-Духова монастыря, викария Литовской и Псковской епархий (20–32 стр.) и епархиального архиерея в сане архиепископа на кафедрах Рижской (33–52), Донской (52–64) и Херсонской (64–78 стр.). О Киевском периоде деятельности святителя в сане митрополита, автор почему-то совершенно умалчивает, ограничиваясь только описанием юбилейного торжества 8 сентября 1887 г. по случаю 60-летней деятельности высокопреосвященного владыки (79–181 стр.). По нашему мнению, самый ценный отдел в рассматриваемой нами книге составляют собранные автором слова и речи, сказанные митрополитом Платоном в разных местах его служения и на разные случаи. В XVII главе помещено 20 слов, сказанных святителем во время управления Херсонской епархией (275–375 стр.); в особую (XX) главу выделена часть слов, сказанных им на св. Пасху (382–409 стр.). Нужно заметить, что слова и речи высокопреосвященного Платона отличаются высоким

качеством и заслуживают внимания, как по своему глубокому содержанию, так и по стилистической отделке. Нельзя также не отметить XXI главы, в которой помещены четыре речи самого автора, г. Карасева, произнесённые им при посещении м. Платоном его квартиры. Речи эти проникнуты глубоким уважением и благоговейным почтением автора перед личностью святителя.

Рассмотренная нами книга написана простым и удобопонятным языком, назидательна и полезна. Издана опрятно и по цене сравнительно недорогая (420 стр. с портретом святителя – 2 руб., с пересылкой – 2 руб. 20 коп.). Выписывать можно только непосредственно от автора: С.-Петербург, Вас. Остр., Волховский пер., Д. № 4, кв. 21.

П. Козицкий

Булгаков Н. [Рец. на:]: За веру и против лжеверия. Сборник вероучительных, нравоучительных и апологетических бесед, очерков, рассказов и стихотворений применительно к двенадцатым праздникам, в ограждение чад Церкви Православной от суемудрия раскольников и сектантов. Для семьи, школ и внебогослужебных чтений. Опыт противо-сектантской христоматии. Священ. Серапиона Бряковского. Киев. 1903 г. Стр. 1–180. Ц. 80 коп., с пересылкой 1 руб. С. 719–720

Появление таких противо-сектантских христоматий, как сборник „За веру и против лжеверия“ священника Серапиона Бряковского, вполне отвечает запросам нашего времени. Всем миссионерствующим защитникам православия известно, что пропагандисты нашего расколо-сектантства наводняют Русскую Землю цензурными и нецензурными произведениями печати, в которых в *обольстительной* форме предлагаются простодушным читателям (Рим.16:18) идеи, направленные против православной Церкви и государства. У всех ещё в памяти недобросовестная деятельность „Общества поощрения религиозно-нравственного чтения“, закрытого в 1884 г. по Высочайшему повелению. Штундо-пашковские брошюры этого злонамеренного „Общества“... до сих пор встречаются в руках простого народа, как материал для чтения.

При распространяющейся грамотности и усиливающимся интересе к религиозно-жизненным вопросам, весьма важно идти навстречу духовной алчбе и жажде нашего простого народа и давать ему не гнилой хлеб и не мутную воду сомнительных вероучений, а, наоборот, чистое и здоровое питание из источников православной Церкви. Противо-сектантская христоматия о. Бряковского прекрасно удовлетворяет отмеченной нами цели; в ней в стройном порядке собраны оригинальные произведения (беседы и поучения) самого о.

Брояковского, а затем очерки, рассказы, стихотворения и апологетические статьи других авторов. Весь собранный материал проникнут одной, строго проведённой, идеей: православие – истинная вера, доставляющая вечное счастье и успокоение человеку, – русское же сектантство ложь, приносящая людям только *свары, разногласия и бесчинства* (Гал.5:20–21). Нельзя не отнестись с похвалой к тому, что о. Брояковский статьи своей христоматии расположил применительно к двенадцатым праздникам. Русский человек всю свою жизнь, всё своё рабочее время привык размерять по праздникам церковным. Русская душа отдыхает и радуется в церковный праздник, и благо тому, кого благочестивые родители с детства приучили чтить праздник, с радостным чувством ждать его и услаждаться его освежающей и возвышающей силой. Благословенная цепь праздников из года в год связывает жизнь христианина; поэтому и книга о. Брояковского представляет из себя, можно сказать. „Руководство для поучительного и общедоступного чтения“, которое в тот или иной праздник пастыри могут предлагать своим пасомым или же сами пользоваться для чтения в семье и школе. Желаем этой книге возможно широкого распространения. В заключение пользуемся случаем упомянуть, что о. Брояковским выпущены в свет и другие, полезные для пастырей, издания: *Сборник поучений на все воскресные и праздничные дни*. Цена 1 р. 25 к., с пересылкой 1 р. 50 коп. *Спутник пастыря*. Сборник статей и заметок по вопросам пастырского служения. Вып. 1, цена 80 коп., с перес. 1 руб. – *Очерки и рассказы*. Цена 80 к., с пер. 1 руб. – *Церковно-приходская летопись*. Практическое руководство для пастырей при описании прихода в историческом, статистическом и религиозно-нравственном отношениях. Цена 75 к., с перес. 85 коп. Все означенные издания можно выписывать по следующему адресу: Попелня, Киевской губ. Священнику Серапиону Брояковскому.

Н. Булгаков

**Хроника // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10.
С. 721–729**

Вердеревская С. Из мира инославия и из жизни заграничного сектантства

Секта Епископалов Соединённых Штатов. – Религия японцев. – „Курс Истории Религий“ Лепентра.

Французская газета „Revue Augustinienne“ – католический орган – напечатал в январе коротенькую заметку о том, что протестантская секта Епископалов Соединённых Штатов порешила на общем собрании в Спрингфилде именоваться отныне не Епископальной Церковью, но католической, американской церковью Соединённых Штатов. „Что это, признак ли движения в сторону католицизма или лишь звук пустой?“ – спрашивает „Revue Augustinienne“.

Далее сообщается, что из России получено какое-то весьма утешительное известие, религиозные последствия которого будут неисчислимы, если само известие окажется справедливым.

По просьбе архиепископа Могилёвского, митрополита католической церкви в России, якобы разрешён католическим конгрегациям, в особенности изгнанным из Франции, а также и духовным школам поселиться в некоторых губерниях Империи, в которых уже существует католическая иерархия, а именно: во всей западной России, в Балтийских провинциях, в Польше, в юго-западных губерниях и в некоторых местах Средней Азии.

По поводу *этого* сенсационного известия можем сообщить, что едва ли оно заслуживает доверия, хотя и заслуживает внимания в смысле выражения вожделений католического мира. Но осуществление этих вожделений может принести неисчислимый вред православию, в его культурно-просветительной миссии среди русского католического населения.

* * *

Французская газета „La Dérêche“ сообщает интересные сведения о японской религии. Не смотря на великолепие храмов и торжественную обрядность, буддизм, перенесённый из Китая или Кореи пятнадцать веков тому назад, не может

считаться настоящей, народной религией японцев. Не может считаться ею и Чинтоизм, по своей символической простоте более подходящий к народному характеру; не давая пищи ни чувству, ни воображению, эта древняя религия не может удовлетворить даже японцев – одного из наименее религиозных народов земного шара. Спросите японца – буддист ли он или чинтоисг? Он не сумеет вам ответить; вряд ли даже поймёт, о чём его спрашивают. Принято крестить в храме Чинто и хоронить покойников при посредстве буддистского священника, но это ничего не значит.

Народная масса исповедует серьёзно и искренно только культ предков. На этом культе зиждется и семья, и государство. До сих пор народ всё ещё смотрит на микадо, как на потомка первого, божественного предка, от которого произошла вся раса. Микадо – это воплощение народного достоинства, свидетельство о вечном существовании народа в прошедшем и залог вечности в будущем, это воплощение отечества. В настоящее время священный характер почитания микадо начинает мало-помалу вырождаться в более современный, безличный и, если можно так выразиться, светский патриотизм. Домашний культ предков продержится дальше, также, как и наивное, первобытное обоготворение великих и малых сил природы. Вот несколько картинок, рисующих этот древний культ, живущий до сих пор в сердце старой Японии.

Вот в уголке японской деревни женщина горячо молящаяся, перед кем? Перед толстым уродом, окошенным в ярко-синюю краску; мало показалось одной круглой, как шар, головы и к ней прилепили ещё две головы. Грудь идола представляет целый каскад сосцов, огромный живот раздут, а ноги покоятся на двух мешках риса, вдавившихся под тяжестью тела. Это бог счастья. Можно ли представить себе что-нибудь более наивное и в то же время – более грубое?

За колоннами великолепного храма в Никко прячется лестница, ведущая на чердак, пол которого усеян старыми, ржавыми жестяными сандалиями. Это святилище бога пешеходов. Бог восседает тут же в обществе двух чертенят красного и зелёного. В святилище темно и грязно, на полу

валяются сухие цветы и листья; везде пыль и сор. Но в известные дни сюда стекаются верующие, тёмное святилище приводится в порядок и наполняется богомольцами.

В Токио есть маленький храм, в котором поклоняются сидящим в клетках петухам и курам. Перед клетками стоят крошечные чашечки со щепоткой риса в каждой. Благочестивые японцы приходят, платят невероятно маленькую монетку, бросают рис из одной чашечки священным птицам, становятся перед ними на колени и, пробормотав несколько молитв, уходят с чувством полного удовлетворения.

Деревня Фучими в окрестностях Киото посвящена Инари, т. е. „Богу-Лисице“. Храмы этого странного бога грубо сколочены из выкрашенных в красный цвет брёвен и украшены снаружи множеством фонарей; внутри это настоящие зверинцы, наполненные живыми лисицами и бесчисленным множеством изображений этих животных, сделанных из бронзы и фарфора.



Раньше автор статьи видел в больших городах только великолепные лакированные и золочёные храмы и ему казалось, что царящие в них огромные, задумчивые Будды легко мирятся со всем нравственным и материальным строем современного запада — со всеми стальными заводами,

паровыми бумаго-прядильнями, железными дорогами, курсами философии, социологии и т. д., но когда он познакомился внутри страны с наивным и грубым фетишизмом народной религии, он убедился, что существуют две Японии, отделённые друг от друга пропастью более глубокой, чем та, которая отделяет передовую Японию от Западной Европы.

Помещая здесь изображение идола – „бога войны“, мы должны заметить, что теперь этот кумир самый обожаемый, поглощающий и внимание, и дорогие жертвы язычествующей японской массы.

Но тщетна надежда на мёртвого истукана. Японцы не видят, как страшна воинская брань с народом, вверяющим всё упование своё в руки живого Бога.

* * *

В французской газете „Nouvelles“, в статье „Народный Университет“, сделано сообщение о „Курсе Истории Религий“ Лепентра.

В ноябре и декабре прошлого года г. Лепентр (Lepeintre) прочёл 4 лекции своего курса Истории Религий, начатого им ещё в позапрошлом году изучением семитических религий. В программу нынешнего года вошли арийские религии.

Прежде всего лектор упомянул о расселении арийских народов. Вначале они были рассеяны к востоку от семитических племён, в горах центральной Азии. Большое плоскогорье Памира и горы Гиндукуша были колыбелью арийской расы.

С самого начала арийцы являются менее варварскими, чем семиты. Семья у них покоится на прочных основаниях: жена занимает видное место у домашнего очага, и отец не имеет права жизни и смерти над детьми. Нравственность их выше нравственности семитических рас: у них не было человеческих жертвоприношений, имевших место в большей части семитических культов. В те времена они исповедовали религию Зороастра.

Позднее, в эпоху, ещё не определённую с достаточной точностью, арийцы подвергались нападению народа, пришедшего с запада (из Турции) и должны были отступить перед воинственными хищниками – родоначальниками

современных курдов. При переселении арийцы разделились: одна часть, спустившись с гор Солимана, осела в области реки Инда, другая – заняла Иранское плоскогорье и осталась там поныне; это современные иранцы, сохранившие первоначальную религию Зороастра. Третья ветвь направилась на запад, перешла через Кавказские горы и достигла Европы. Это европейские арийцы. Они населили южную и среднюю Европу, где в то время жили первобытные люди.

Арийцы Индии нашли на берегах Инда страну более плодородную, чем та, которую они покинули. Они спокойно поселились в ней и исповедовали на первых порах весьма несложную религию – *Ведизм*, который не замедлил измениться, усложниться и перейти в *Браманизм*; изменяясь в свою очередь, этот последний превратился в *Индуизм*, который господствует и поныне в большей части Индии. В момент воцарения Индуизма, произошло новое переселение арийцев, и первые насельники были отброшены к берегам Ганга; третье переселение отодвинуло их ещё южнее. Таким образом арийцы завладели всей Индией. Древние индусы удалились на остров Цейлон, а затем и на Зондские острова. Следствием этих постепенных переселений была новая религия *Джанаизм*.

Наконец, произошло ещё одно превращение, которое привело к *Буддизму*, религии, имеющей в настоящее время наибольшее число последователей. И так, арийцы Индии исповедовали последовательно пять религий, которые мы рассмотрим одну за другой.

Ведизм. Этот первый культ арийцев Индии есть первоисточник всех остальных индоевропейских религий. Можно найти доказательства общности происхождения народов Европы и Индии в сходстве языков, имеющих множество общих корней одного и того же значения, и в подобии религий.

Ведизм получил своё наименование от священных книг – Вед. Это древнейший документ наших арийских рас. Священных книг четыре; важнейшая из них Риг-Веда, сборник молитв и песнопений. В этой книге воздаются божеские почести силам природы и в особенности огню, на который все первоначальные религии смотрели, как на божество. Вначале поклонялись

различным проявлениям огня: солнцу, звёздам, молнии, земному огню и т. д. Потом додумались до того, что все эти огни поддерживаются духами и обратили этих духов в богов.

Мало-помалу, по мере того, как культ становился сложнее, создался священный класс жрецов, который пользовался религиозными верованиями народных масс, как средством управлять ими. Три главных божества Ведизма были три различных воплощения огня.

Первый бог – *Агни*. Это бог земного огня, того огня, который был дан им первому человеку. Как этому огню, так и самому Агни приписывались различные, странные свойства, как, напр., способность изгонять злых духов, заключённых в теле животных.

Второй бог был *Индра* – воплощение небесного огня, т. е. солнца. Индра был начальником богов, об нём существует множество любопытных поэтических легенд, как, напр., сказание о сотворении облаков, дождя и молнии.

Люди стремились объяснить явления природы религиозными мифами, пока не имели ещё возможности уяснить их себе научным путём.

Третьим воплощением огня был *Иома*, перебродивший напиток, согревавший сердца людей и дававший богам бессмертие. Этот напиток употреблялся при жертвоприношениях и поглощался жрецами в большом количестве. Это первое проявление алкоголизма у древних арийцев.

Кроме трёх главных, имелось ещё несколько незначительных божеств.

В начале культ был очень прост, потому что касты жрецов ещё не существовало. Отец семьи был священником в своём доме. Он воздвигал земляной алтарь, на котором приносил жертву за себя и своих; утром он возжигал священный огонь и поддерживал его в течение дня тем, что имел лучшего, – очищенным маслом, мясом животных и т. д.; но никогда не приносил человеческой жертвы. Этот огонь был простым проявлением веры и ничего безнравственного в себе не заключал.

Первые арийцы не заботились о будущей жизни. Мысль о бессмертии души возникла не у них. Они были очень просты; жили спокойно и не отравляли себе существования непрерывными заботами о надземном мире. Кроме того, замечательно отсутствие у них фетишизма; ни идолов, ни подобия храма у них не было. Они довольствовались умственным представлением о своих богах и не чувствовали потребности олицетворять их в более или менее грубой форме, – в дереве или камне. Эти черты разумности и человечности ставят арийские культы гораздо выше семитических.

После второго и третьего вторжения арийцев в Индию, племена эти, чрезвычайно свободолюбивые в ведические времена, изменяют коренным образом свой общественный и религиозный строй. С этого времени они делятся на касты; правление становится теократическим и деспотическим и возникает наследственная и тираническая греческая каста. Ведизм изменяется в Браманизм.

Браманизм. Общество разделяется на четыре класса: 1) браминов или жрецов „земных богов“, как они сами себя называют. Они заведуют обрядами культа, сделавшимися весьма сложными. 2) Воинов или кшатриев, которые образуют крепкую, земельную аристократию; они охраняют жрецов и в награду за это разделяют с ними власть. Всякое теократическое правление необходимо должно опираться на военную силу. 3) Купцы или ваиции, на обязанности которых лежит содержание двух первых каст. 4) Ремесленники или кудры, смиренные слуги трёх остальных-классов.

Ведические боги заменяются новыми богами. Из них главные: Брама – творческое начало, Вишну – бог устроитель и Сива или Шива, который, подобно природе, разрушает, чтобы снова производить. Укрепляется вера в бессмертие души, и появляется учение о метампсихозисе, или переселении душ, как о награде или наказании за людские поступки. Чистая душа, осквернённая материей, может очиститься только длинным рядом усилий в течение многих последовательных существований.

Индуизм есть усиление браманизма. Он возник около 3-го или 4-го века до Р. Х. В это время браманизм, которому неоднократно угрожал раскол, должен был видоизмениться; брамины сделали некоторые уступки народному суеверию, приобрели таким образом расположение масс и, воспользовавшись этим, усилили свою власть над ними.

По мере распространения Индуизма, касты становятся более и более замкнутыми. Под четырьмя благородными классами имеются ещё сорок четыре нечистых племени, а ещё ниже их, на самой последней ступени общественной лестницы, стоят несчастные, всеми отвергнутые парии. Один вид парии, уже осквернение; они не имеют право заниматься каким бы то ни было честным ремеслом. „Пусть они владеют только нечистыми животными; пусть одеваются в лохмотья, снятые с мертвецов; пусть бродят „с места на место, вечно гонимые отовсюду!“ Учение о переселении душ становится ужасным. Требуется не менее 24-х миллионов лет безусловной добродетели, чтобы пройти через всю лестницу существ от придорожного камня до Брамь.

А, между тем, невероятно строгие и мелочные законы Ману исключают всякую возможность безусловной добродетели. Душа, медленно поднявшаяся ценой величайших усилий, может каждую минуту пасть из-за какой-нибудь малейшей ошибки и тогда ей приходится начинать опять сначала свой мученический подвиг. А потому многие верующие удаляются, во избежание греха, в пустыню и проводят там жизнь в молчании, посте и бдениях; другие подвергают себя жестокому бичеванию и беспощадному умерщвлению плоти. Христианские отшельники средних веков никогда не могли превзойти индийских факиров аскетическими подвигами.

Эта религия отчаяния, отупения и безумия не замедлила принести печальный плод; она обратила богато одарённых от природы индийских арийцев в народ рабский, бессильный и безвольный, выродившийся. Никогда угнетение народа жреческой кастой не было так полно и так плачевно по последствиям, как в Индии.

Буддизм. Этим именем называют великий раскол, происшедший в среде браманизма в 6-м или 5-м веке до Р. Х. Этот раскол дело пророка Сакия-Муни, названного „Будда“, что значить: мудрый, совершенный.

Сакия-Муни принадлежал к высокой касте кшатриев или воинов, так как был сыном царя Непальского: но у него душа не лежала к людям его касты, напротив, он с ранних лет чувствовал влечение к несчастным обездоленным париям.

После своих четырёх встреч (с дряхлым стариком, бывшим когда-то знаменитым героем, с больным, покрытым отвратительными язвами, спохоровами и с важным, степенным брамином) он понял тщету всех земных благ и в 29 лет удалился в пустыню для размышления. Согласно учению браминов, он подвергал себя там всяким лишениям и ужасным истязаниям, но вскоре убедился, что это безумно. Он восстановил свои силы, покинул пустыню и, будучи 36 лет, успел уже твёрдо установить своё учение. Он проповедовал, собирая вокруг себя париев и всех обездоленных. Будда умер на 79-м году.

Его учение имеет основанием четыре истины: истину страдания, истину причины страдания, истину уничтожения этой причины, истину пути, приводящего к уничтожению причины страдания.

Действительно, страдание царит во всём мире; оно зависит от 12-и причин, из которых главнейшие суть: невежество, чувства, страсти, рождение, существование и т. д. Но страданию можно положить конец прекращением переселения душ и достижением Нирваны, небытия, великого Ничто.

Для этого достаточно упражняться в 8-ми совершенствах (зрения, слова, суждения, действия, жизни, применения, памяти и восторга).

Все совершенства, а стало быть и Нирвана, достигаются исполнением предписаний Будды.

Обязанности, налагаемые буддизмом, не одинаковы для избирающих жизнь совершенную (монахи, аскеты) и для желающих жить в мире. Первые должны подчиняться известным запретам (убийство, кража, прелюбодеяние, ложь, зависть,

употребление одуряющих напитков, а для некоторых сект также и пляска, пение, музыка, благовония, золото, серебро и т. д.) и исполнять некоторые положительные предписания (милостыня, терпение, деятельность; восторг и др.). Особенно настаивает новый учитель на милосердии; нужно любить бедных и помогать им, ибо „плоды одного дерева имеют все одно происхождение“ – говорит Будда.

Рождение не обрекает никого на бесчестие и несчастье. Брамин так же, как и пария, сын женщины; почему же один благороден, а другой низок? Монахи должны жить вне мира, должны выпрашивать себе пропитание и одежду, воздерживаться от женщин и принимать пищу только однажды в день. Миряне могут довольствоваться только соблюдением главных запретов, но за то они обязаны содержать монахов подаянием.

Сущность буддизма заключается в уничтожении каст на основании равенства всех людей и в возможности избежать переселения душ путём добродетели, милосердия и знания.

Кроме того, первобытный буддизм есть не что иное, как атеизм, так как он отвергает творение и творца. Мир вечен; он всегда существовал и всегда будет существовать; но согласно незыблемым законам природы, он проходит через четыре последующих периода: образования, развития, упадка и разрушения; затем, после некоторого отдыха в хаосе, вечная последовательность начинается сначала. Каждый из таких периодов – *Кальпа* продолжается 84,000 лет.

Во всей древности нет религии более человеческой и более стремящейся к равенству, чем буддизм. К сожалению, он очень быстро подвергся порче и искажениям. Изгнанный браминами из Индии после десяти веков упорной борьбы, он распространился в Китае, Индо-Китае, в Сиаме, Тибете и Японии. В настоящее время он насчитывает 500 миллионов последователей, но он глубоко искажён и в нём произошли расколы.

Сакия-Муни всегда заявлял, что он не Бог, а последователи его, усердные не по разуму, сделали его богом, созданся культ с храмами, идолами, молениями, мощами, святыми и с духовенством.

Касты были восстановлены и, понятно, каста жрецов присвоила себе все преимущества. Тем не менее буддистская этика исчезла не совсем; она много содействовала смягчению нравов в странах крайнего Востока, где ещё и доньше с женщинами, детьми, иностранцами, всеми слабыми существами и даже с домашними животными обращаются с добротой. Вероятно, этим и объясняется столь быстрое и полное подчинение Индокитая европейцам.

С. Вердеревская

Миссионерство, секты и раскол // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 730–741

Сектантство в селе Чичме, Бессарабской губ. – Расположенность молокан к принятию православия. – Упорство штундистов; их незаконные собрания и опасная пропаганда через „Народные листки“. – Всеподданнейшее ходатайство штундистов о свободе богомолений.

Миссионерские беседы со старообрядцами в С.-Петербурге. С. 730–737

В селе Чичме жителей насчитывается более двух тысяч душ обоего пола. Почти третью часть жителей составляют сектанты: молокане и штундо-баптисты. Сектантство здесь развилось и пустило глубокие корни во времена ещё румынского владычества. Первоначально появилось здесь только молоканство, а затем уже среди молокан стали возникать „водные“ или штундисты. И раньше, и теперь ещё, Чичма, находящаяся недалеко от Дуная, служит переходным пунктом между таврическими и заграничными сектантами. Здесь не раз побывали разные сектантские знаменитости: персиянин Делакович, известные (по беседам с прсосв. Гурием) Захаровы, некто Павлов и др. Не раз Чичму посещали также немцы и на собраниях произносили свои смешные поучения на ломаном русском языке. Рассказывают, что прежде здешние сектанты были страшно дерзки в отношении к православным. Услышав, напр., звон церковного колокола, они говорили: „Уже заревел бугай (бык) – есть захотел...“ Православным они нередко говорили: „Спаситель принёс нам свободу, а вы добровольно возлагаете на свои выи ярмо: содержите церковь, священника, языческие обряды, ведь, вы только поймите: сегодня свеча, завтра свеча, а там и шуба прочь с плеча...“ Священники тогдашние сектантов боялись и всячески от них сторонились. И одному Богу ведомо, как ещё могла сохраниться здесь в народе православная вера.

Так было вплоть до прибытия в нашу епархию приснопамятного владыки Сергия (впоследствии митрополита Московского); он первый вдохнул живую струю в сонную жизнь нашего духовенства. Только при владыке Сергии у нас духовенство стало интересоваться расколо-сектантством и впервые появились миссионеры. Владыки Сергия не стало, но семя, им брошенное, не заглохло, а возросло и уже приносит некоторый плод.

Теперь уже сектанты икон не называют идолами, церковного колокола – бугаем, священников – жрецами... На-днях у православного крестьянина умер ребёнок. Соседи-молокане явились к священнику и просят позволить им нести хоругви в погребальном шествии. На-днях же одна сектантка приняла православие и была повенчана с православным и при том с благословения её родителей. Но так дело обстоит по отношению к молоканству. Совершенно другое представляет из себя община штундо-баптистов, во главе которой стоит неколеблемая гордыня – „пресвитер“ А. Романенко. До безумия преданный сектантству, он прочно организовал здесь свою общину, к тому же он богат – владеет двумя паровыми мельницами. Беседовали с ним и весьма опытные проповедники, беседовали и менее опытные, но поколебать его не могли. Между прочим, беседовал с ним некогда и известный миссионер-слепец Шашин, по приглашению того же владыки Сергия. На собеседовании Романенко бывает совершенно глух к истине и только и помышляет о том, как бы кого уловить в свою секту. Впрочем, с некоторого времени, он на беседы и вовсе не является и у себя на дому миссионеров не принимает. Недавно епархиальный миссионер с местным священником попробовали зайти к нему на дом, предполагая завести с ним беседу, так Романенко встретил их такими словами: „Чего пришли? Кто вас сюда звал? Убирайтесь вон!..“

Когда в 1894 году полицией было объявлено нашим штундистам известное положение комитета министров о воспрещении общественных молитвенных собраний штунды, то Романенко не пожелал расписаться на объявлении и продолжал устраивать собрания. Это ему легко удавалось между прочим потому, что становой пристав помещается у него на квартире и смотрит на это дело сквозь пальцы. Романенко не только не переставал устраивать в своём доме общественных молитвенных собраний, но даже отделал новое здание для собраний. И вот, в летний вечерний час, штундисты, открыв окна собрания, бывало распевают:

„О, товарищи, смотрите,
С неба дан сигнал;

Новые полки, глядите,
Нам Господь послал.
Вот идут полки чужие. —
Сатана ведет,
Братья падают родные,
Страх уж всех берет.
Знамя выше подымите,
Слушайте трубу,
Смело, дружно все бегите
В Божию войну... и пр.
Или:
„Я знаю здесь церковь живую,
В ней сердцем перед Богом я бдю, ·
И ангельский гимн — аллилуйя
С ней в славу Господню спою...
О! друг, примкни к церкви сей членом!
И Богу, как камень живой,
Отдайся, пусть Он тебя в стены
Положит сей церкви святой.
Воспоём, воспоём,
Все Ему, все Ему, —
Наши песни многих
К Богу привлекут... и т. д.

И пение это разносилось далеко-далеко по селу, достигало до ушей приходского священника, ложилось тяжёлым камнем на его сердце и повергало его в глубокую думу о том, *что тут делать?* Приедет к тебе миссионер, потужит, погорюет вместе с тобой и опять себе уедет, а ты оставайся и думы думай... Иногда, впрочем, полиции удавалось разгонять собрания штунды, но ненадолго. Штундисты вновь беспрепятственно собирались.

Есть сектанты, у которых заметно желание искать истину, с которыми, стало-быть, можно и разумно побеседовать, но есть сектанты и другого рода, которые вовсе не ищут истины, а только и помышляют, как бы нанести вред православной церкви; которые убеждены, что их Сам Господь призвал кого-то

спасать от заблуждений и кому-то новый путь показать, т. е., посеять смуту среди народа... Таковы наши штундисты.

У нас, например, известно, что „пресвитер“ Романенко находился в постоянной переписке с заграничными сектантами, он что-то им писал и что-то от них получал, но на это у нас никто внимания не обращал. Но вот, в минувшем году, здесь случилось нечто очень нехорошее. К священнику приходит довольно грамотный прихожанин и говорит: – „Посмотрите, батюшка, мне из заграницы кем то, прислана какая то странная книжечка“. Священник посмотрел и ужаснулся: то были – Женевские „Народные листки“. Такие же брошюры были потом священником найдены и отобраны ещё у двух прихожан. Это были ужасного содержания брошюры: „О штунде“, „Как попы поработили народ учением Христа“, „Царское поучение“. Священник сейчас же заявил о сём местному почтовому отделению, и приток этой литературы в народе был сразу приостановлен.

Понятно, что здесь действовали штундисты, так как и сами книжечки составлены в очень известном сектантском тоне. Полиция стала чаще разгонять собрания штунды; был даже составлен протокол за неповиновение распоряжениям административной власти и направлен к мировому судье г. Белграда. И вот тут случилось то, что очень часто, к сожалению, теперь бывает: *католик*-пристав, возмущённый противозаконными действиями штундистов, составляет протокол и привлекает сектантов к ответственности, а *православный* мировой судья находит действие полиции неправильным и штундистов оправдывает. Штундисты восторжествовали; хотя, правда, ненадолго. Измаильский исправник В. В. Ш. настаивает не допускать общественных молитвенных собраний штунды. Штундисты злятся, угрожают священнику, употребляют разные меры... В местной газете „Бессарабец“ (№ 315, 1903 г.) появляется корреспонденция, в которой, между прочим, говорится, что чичманские „баптисты“, привлечённые к ответственности, – „за отсутствием признаков „штундизма“, были оправданы мировым судьёй 6 участка. Тем не менее собираться для общественной молитвы местные

власти им не позволяют. Ясно, что преследования этих сектантов основаны на простом недоразумении“.

И вот штундисты, подстрекаемые отовсюду «нашими», в числе 70 душ обоего пола, обратились к Государю Императору с всеподданнейшею телеграммой, в которой, именуя себя „христианами евангелическо-баптистского вероучения, ходатайствуют перед Его Императорским Величеством о повелении начальству не стеснять свободы при богомолении. Ответ на это ходатайство наших штундистов теперь им объявлен.

Бессарабское Губернское Правление, от 19 декабря 1903 года за № 4292, просителям объявило под расписку, что «Государь Император по всеподданнейшему докладу Г. Министром Внутренних дел обстоятельств настоящего дела, в 4-й день сего декабря, Высочайше соизволил на оставление означенной телеграммы без последствий».

Таким образом, разно понимаемый у нас вопрос об общественных молитвенных собраниях штунды, наконец, решён Высочайшей волей в смысле их недозволительности.

Свящ. Вас. Праведный

* * *

26 февраля, 4 и 11 марта с. г., в зале „Общества рел.-нрав. просвещения в духе православной церкви, новым петербургским епархиальным противо-раскольничьим миссионером, Д. И. Боголюбовым, было проведено три беседы со старообрядцами. Это первые шаги Д. И. на поприще противораскольничьей „брани“; до сего времени он имел дело только с сектантами. Беседы были назначены, по печатному объявлению, на темы:

1) „Об источниках православно-христианского вероучения“; 2) „О свойствах Христовой Церкви Символьной – её составе, вечности и neodолённости“ и 3) „О необходимости для спасения принадлежать христианам к Христовой Церкви Символьной“, – и продолжительность каждой ограничивалась двумя часами. Беседы привлекли массу слушателей: громадный зал „Общества“ и хоры были набиты битком (на каждой беседе, на глаз, было не менее 2 тыс. чел.). В первых рядах можно было

видеть немало интеллигентных слушателей: тут были и военные, и чиновники, и студенты. Эстраду зала занимали собеседники, несколько священников, чиновник особых поручений при Обер-Прокуроре Св. Синода В. М. Скворцов, несколько человек студентов местной духовной академии и друг. лица, близко интересующиеся миссионерским делом. Беседы начинались в 8 ч. веч. и кончались в одиннадцатом. Очередное слово собеседников ограничивалось определённым числом минут – 15–20. Предметы бесед, как того и надо было ожидать знакомому с тактикой раскольников апологетов-собеседников, не могли удержаться в той определённости, в какой они были объявлены; а „необходимость для спасения принадлежать христианам к Христовой Церкви Символьной“ совсем снята с программы собеседований, как предмет по существу не пререкаемый старообрядцами, поскольку все они, во всех своих толках, признают означенную „необходимость“ и „уповают“, что общества их и есть именно истинная Церковь Христова – Символьная; а справедливо или нет они в данном случае „уповают“, вопрос этот исчерпывается второй темой „о свойствах Церкви Христовой – её составе“ и пр. И беседы проведены в таком виде.

I.

В своей вступительной речи г. Боголюбов показывает и выясняет, что источниками христианского вероучения должны быть: Священное Писание, Священное Предание (применительно к известному определению его Викентием Лиринским) и согласные с ним творения св. отцов и ставит старообрядцам вопрос – согласны ли они с этим? Со стороны старообрядцев в качестве собеседника выступил начётчик австрийского толка – Хромов и заявляет, что со словами миссионера они вполне согласны. Судя по „объявленной“ теме и речи миссионера – тут бы, казалось, и конец беседе; однако тут беседа только начиналась, но уже неизбежно на другую тему. Хромов говорит: „всё, что сказал миссионер, мы, старообрядцы, принимаем и храним, а его церковь православная-то это нарушила, отвергнувши предания св. отцов“. Вычитывает выдержки о необходимости хранить

Священное Предание (91 пр. Вас. Вел.), о прещении на отвергающих оное и пр. под. и, сославшись на примечание в греч. „Педалионе“ в исследовании Никольского, на Петра Дамаскина, и Тихвинскую икону Божией Матери, по преданию написанной евангелистом Лукой, делает вывод, что двуперстие было древним апостольским преданием, которое якобы отвергнуто Б. Московским Собором 1667 г., и ставит миссионеру вопрос, справедливо ли Московский собор 1667 г., узаконяя троеперстие, назвал оное апостольским преданием?

Д. И. разъясняет, что, по внутреннему своему знаменованию, – Св. Троицы и двух естеств во Христе, троеперстие – апостольского происхождения.

Хромов говорит, что во Святую Троицу и два естества – веровали и многие еретики и всё-таки были еретиками. К тому же по собору. 1667 г. „два перста праздны“ считаются, а не знаменуют двух естеств и повторяет прежние выдержки о двуперстии.

Миссионер делает (на основании известных уже в противораскольн. литературе сведений) разбор приведённых собеседником доказательств древности двуперстия – от Тихвинской иконы Божией Матери и Петра Дамаскина. Говорит об обрядности перстосложения, об изменяемости обряда в церкви и заключает речь вопросом, какие догматические предания нарушила православная церковь?

Хромов не удовлетворяется ответом и просит показать правду собора 1667 г. о троеперстии, как апостольском предании.

В беседу вступил помощник редактора „Миссионерского Обозрения“ Н. М. Гринякин. Он выяснил, что: 1) 91 пр. Вас. Вел., на которое ссылается Хромов и в текстуальном виде, и в примечании „Педалиона“ Никольского – о крестном знамении (а не только о перстах), в Кормчей надписывается: „о церковных обычаях“ (а не догматах), не оставленных до святого отца „письменно“; 2) В. Соборник на л. 340, говоря об иконе Божией Матери, написанной, по преданию, Ев. Лукой, подробно описывает лик Богородицы и ничего не говорит о предвечном Младенце – с двуперстием (якобы), и 3) древность троеперстия

апостольская в „неписаном“ предании подтверждена авторитетом Восточных патриархов: Макария Антиохийского, Паисия Александрийского, Паисия Константинопольского и др. Свою речь г. Гринякин закончил вопросом к Хромову: „вы говорите – наша церковь нарушила предание – о двуперстии; авторитетом тут у вас служит стоглавый собор; будем пока об этом предании и говорить. На 401 л. Кормчей пишется: „собор, не последуяй прежде его бывшим святым собором, не свят есть, но и скверен и отвержен“, скажите, теперь, какому „святому собору“ последовал Стоглав, изрекший: „аще кто не крестит или не воображает на себе знамения крестного, якоже и *Христос, двема персты*, да будет проклят, святии отцы рекоша“ (31 гл.), скажите, повторяю, какому святому собору последовал тут Стоглав, чтобы нам считать его и его постановление святым?“

Из наступательного положение австрийского начётчика становится оборонительным, и при всех его, не идущих к делу разглагольствиях, вопрос, данный ему, остаётся без ответа.

Гринякин говорит затем (применительно к раскольникам) о неспасительности обряда вне церкви и указывает на то, что если исполнение заповедей Господних люди будут пытаться заменить исполнением одних обрядов, то последние являются мерзостью перед Богом: „курение отвратительно для Меня, новомесячий и суббот, праздничных собраний не могу терпеть... новомесячия ваши и праздники ваши ненавидит душа Моя“ – говорит Господь беззаконному, забывшему волю Божию, Израилю, устами пророка (Ис.1:13–15; Иер.14:12 и др.), хотя курения, новомесячия и субботы – были обрядами, установленными Самим Богом.

Д. И., обобщив беседу, делает заключение о чистоте православной церкви от обвинения в нарушении священного предания и её истинности, и спасительности.

II.

Вторая беседа посвящена была – перстосложению для крестного знамения. За своё перстосложение – двуперстное или троеперстное – миссионером и его собеседником приводились основания, уже известные в миссионерской литературе. С

особенной настойчивостью раскольничьим начётчиком цитировались любезные ему мнения Каптерева и Никольского (из Педалиона), порывался он доказывать „и другие ереси“ за православной церковью (оригеновскую из „Жезла Правления“ – о одновременности зачатия и одушевления человека и др.), заводил речь о порицаниях на двуперстие, о соборе на еретика Мартина и др. под., и с особенной уверенностью утверждал, что изменение двуперстия есть ересь.

Д. И. Боголюбов, выходя из основного положения о свящ. Предании (по Викентию Лиринскому), возражал против общецерковности двуперстия, разобрал нарекание на св. Димитрия Ростовского, посадившего якобы на двуперстие демона, и вычитал из догм. Богословия м. Макария о зачатии человека – против „оригеновской“ ереси.

Н. М. Гринякин, выяснив несостоятельность Стоглава, основы двуперстия, с канонической стороны²⁴², показал, что раскольничий собеседник, полагая в изменении *двуперстия* ересь, расходится со своим епископом“ Арс. Швецовым, который в своей книге – „Истинность старообрядчествующей иерархии“ (стр. 10) считает *двуперстие обрядом*, и что „сущный смысл старообрядчества“, по Швецову, содержится в народной борьбе собственно не против никоновских *обрядовых* нововведений... (стр. 191).

Затем Н. М., имея в виду обвинение православной церкви раскольничьим начётчиком в нарушении преданий, вычитал из той же книги Швецова, что, предание нарушено именно в расколе, так как, например, православная церковь держится иерархии старой преемственно-апостольской, а Швецов в своей „Истинности“ не постеснялся назвать свою иерархию „новой“ (стр. 191); по учению Слова Божия, и свв. отец, Церковь Христова всегда руководится Духом Святым, а, по Швецову, раскольничье общество (это якобы церковь-то) до „новой“ иерархии предавалось вождению своих, каждому народу прирождённо свойственных, инстинктов... несознательно... безрассудительно“ (191 стр.).

Миссионер сделал заключение о православии нашей св. церкви и неспасительности раскола.

На третью беседу старообрядцами был вызван из Самары известный апологет австрийщины, К. Перетрухин. Об этой беседе сообщим особо.

NN.

**Корреспонденция «Миссионерского Обозрения»,
известия и заметки С. 738–741**

Речь высокопреосвященного митрополита Антония. С. 738–739

* 24-го февраля, на торжестве празднования в Высочайшем присутствии столетия со дня основания Императорского клинического повивального института и освящения его новых зданий, высокопреосвященный Антоний, митрополит с.-петербургский и ладожский, сказал перед молебствием следующее слово:

«Всем нам, собравшимся здесь на молитву, Господь судил быть участниками светлого торжества столетнего юбилея Императорского клинического повивального института и освящение его новых прекрасных зданий со всеми приспособлениями последнего слова науки. Такой институт по всей справедливости следует считать одним из благодетельнейших человеческих учреждений. Облегчить страдания женщины-родительницы, сохранить для дитяти мать и для матери дитя, содействовать распространению света знания к облегчению страданий рождающих матерей и за стенами института, – таковы его прекрасные и высокогуманные задачи. В рождении младенца для рождающей его матери есть два момента: один скорбный, другой радостный. Рождающая мучится, родившая радуется. «Женщина, когда рождает, – говорить Господь, – терпит скорбь, потому что пришёл час её, но когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мир», и чувство жизни есть высшее чувство радости для человека. Родившийся же младенец есть живое, очевидное свидетельство продолжающейся жизни. Поэтому-то и мать родившая и все её окружающие радуются родившемуся дитяти. Итак, содействуя облегчению страданий рождающей и сохраняя жизнь её и новорождённого, институт содействует утверждению радости в людях. Какая светлая задача. Какое высокое назначение! А чем больше детей на свете, тем лучше, тем жизнь светлее и краше. И не в смысле только государственном, не в смысле сохранения населения Империи это лучше, – нет, это лучшее в высоком

нравственном, христианском назначении. Дети – живые носители света Божьего и Царства Божия на земле. Дети очищают, возвышают и облагораживают жизнь. Без них люди и огрубели бы, одичали и ожесточились. Детями они воспитываются до уразумления Царства Божия ещё здесь на земле, через них просветляются. Посему-то и Христос постоянно говорил окружавшим его, что если они не обратятся и не будут как дети, то не войдут в Царство Небесное. И к детям Он заповедал относиться с нежной бережливостью. «Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих, ибо сказываю вам, что ангелы их на небесах всегда видят лице Отца Моего Небесного». Итак, сохранением жизней матерей и детей, институт призван содействовать утверждению в жизни нашей света и радости. Возблагодарим же Господа за протёкшую его столетнюю плодотворную деятельность и помолимся, да благопоспешит ему Господь своим благословением и своей милостью и в будущей его деятельности с успехом содействовать утверждению радости среди людей сохранением жизни рождающих и рождаемых матерей и детей. Аминь».

Новое многополезное распоряжение Орловского епископа. С. 739–741

В одной из предыдущих кн. нашего журнала, мы отметили и подчеркнули к сведению наших читателей полезное руководственное распоряжение досточтимого Орловского архипастыря касательно проповедничества. В настоящий раз долгом считаем отметить новое, не менее важное распоряжение маститого архипастыря, направленное к практической подготовке кандидатов священства – семинаристов к богослужебному *собеседовательному* проповедничеству. По предложению Преосвященного, в семинарии учреждено совершение торжеств. вечере в семинарском храме, с последующими затем *вне-богослужебными собеседованиями и чтениями*. Первая торжественная вечерня была отслужена ректором семинарии в воскресенье, 25-го, в 4 часа пополудни. На правом клиросе пели ученики 5-го класса, 1-го отделения, под управлением учителя пения, регента Архиерейского хора, О. Яковлева, а на левом клиросе – ученики 6-го класса, 2-го отделения. Пение было весьма стройное и гармоничное; в особенности хорошо были исполнены стихиры на Господи воззвах и Богородичен, Киевского распева. После вечерни в актовом семинарском зале состоялось *вне-богослужебное чтение* на тему „О значении воскресных и праздничных дней“. Чтение это состояло из двух отделений. перед первым отделением всеми собравшимися учениками было пропето „Царю Небесный“ и затем учениками 5-го класса, 1-го отделения – Богородичен на стиховне, 2-го гласа, Киевского распева, по переложению Фатеева. После такого начала преподаватель гомилетики А. Сухозанет в устной беседе познакомил слушателей с взглядом Церкви на праздничные и воскресные дни и выяснил высокое превосходство этого взгляда перед взглядами на названные дни современных политико-экономистов. В перерыве между первым и вторым отделениями чтения хор воспитанников исполнил „На реках Вавилонских“, Знаменного распева. Затем воспитанник 6-го класса 2-го

отделения, М. Лавров, прочитал из статьи проф. Певницкого „О воскресных и праздничных днях“ (в приложении к жур. „Миссионерское Обозрение“ за 1901 г.) изложение и опровержение взгляда некоторых современных публицистов на убыточность праздничных дней для благосостояния русского народа. По окончании чтения – в 5½ час. – всеми воспитанниками было пропето „Достойно есть“.

За вечерней и на чтении присутствовали, по свободному желанию, воспитанники всех классов семинарии в количестве от 200 до 250 чел., а также начальствующие в семинарии лица, преподаватели, помощники инспектора и некоторые посторонние слушатели.

Так было положено начало новому, к сожалению, делу не для одной только Орловской семинарии. Важность этого нововведения несомненна. Заботясь о поддержании и развитии в народе религиозного чувства, и Св. Синод, и местное епархиальное начальство неоднократно призывали всех приходских священников усилить свои проповеднические труды как при богослужении, так и во вне-богослужебное время. С той же целью Св. Синод разослал по всем церквам нотные церковные книги, где заключается, можно сказать, сокровища песенные, обнаружение которых настоятельно необходимо для упорядочения церковного пения. К сожалению, все эти меры далеко не всегда осуществляются на практике. Редко где ведутся вне-богослужебные собеседования (именно *собеседования*, а не чтения), а вне-богослужебные чтения часто носят слишком случайный характер, не отвечающий запросам и нуждам слушателей. Также и разосланные Св. Синодом нотные книги почти всегда остаются без употребления, и в храмах по-прежнему слышится самое разнообразное пение. Такая малая успешность указанных мер объясняется тем, что приходским пастырям, как городским, так особенно сельским, недостаёт ближайшего руководства, при помощи которого они могли бы найти наиболее подходящий материал и метод для *вне-богослужебного учительства* и вполне оценить высокие достоинства синодальных певческих сборников. Поэтому на семинарии, как „колыбели священства“, лежит нравственный

долг не только дать теоретическое богословское образование своим питомцам – будущим пастырям, *но и практически* приучить их к ведению церковного и внецерковного учительства во всех его видах, познакомить их с наиболее подходящими для этой цели книгами, брошюрками и листками, а также и с теми священными песнопениями, которые содержатся в синодальных нотных изданиях. Только при этом условии из семинарии могут выходить пастыри церкви, вполне подготовленные для выполнения предначертаний высшей церковной Власти относительно усиления проповедничества и упорядочения богослужения, в особенности же, пения при богослужении. Если бы везде были учреждены при семинариях торжественные вечера и вне-богослужебные собеседования и чтения, то это было бы наилучшим средством к подъёму пастырского церковного и внецерковного учительства, так как тогда ученики семинарии, ещё на школьной скамье, под руководством преподавателя гомиластики, практически знакомятся и с материалом для внецерковного учительства, и с самым ведением вне-богослужебных чтений, в будущем же и собеседований, а под руководством учителя пения – с лучшими образцами церковного пения.

– ОВ.

Сектантские снадобья. С. 741

Чтобы сделать невозможными супружеские сношения между намеченными жертвами, тайные сектанты (духовные скопцы и хлысты), по-видимому, прибегают иногда к некоторым „снадобьям“. По рассказу одного православного мужичка Пронского уезда, в бытность его в Москве в услужении, он в свободное время похаживал к своей сестре, проживавшей у сектантов. Сектанты принимали его, по-видимому, очень радушно: постоянно попоймали его чайком, да ещё не простым, а с какими-то подливками. Конечно, чаёк для мужичка дело весьма приятное. Но неприятным оказалось то, что ни с того, ни с сего у мужичка стало развиваться половое бессилие. Как ни неопытен был в такого рода делах мужичок, однако он понял, что у него какая-то болезнь, и обратился к врачу. Тот стал допрашивать его, не употреблял ли он чего. Ответ, конечно, получился отрицательный. Врач просил припомнить получше. Припомнил мужичок, и с уверенностью решил, что беда могла произойти только от тех подливок к чаю, которыми угощали его сектанты. Чаи, конечно, были брошены, и мужичек стал поправляться. На окончательное излечение потребовалось около двух лет.

Хлыстовский валепок. С. 741

Для письменных сношений и для разговора между собою у хлыстов имеется *особый язык*. Сущность языка их состоит в том, что буквы каждого слога перестанавливаются в обратном порядке (причём, по малообразованности ли или же просто для удобства произношения) деление на слоги не всегда выдерживается. Так, напр., фразу: *сва т при шё л ко мне за кни го й* по-хлыстовски нужно произнести так: *авст прпешъл окенм аз инкгой*. Другой пример: *завтра будет собрание в селе Чёрных Курганах* По-хлыстовски эту фразу нужно написать так: *азартъв убедът босарине в сел Речыных Рукаганьх*“.

**Отклики // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10.
С. 742–756**

Из дневника о. И. Кронштадтского в обличение лжеучения гр. Толстого ²⁴³. С. 742–746

Толстой извратил весь смысл христианства, всё понял наизнанку, ибо всё можно лукавому уму и сердцу человеческому извращать, называть свет тьмой и тьму светом, сладкое горьким и горькое сладким; прекрасное безобразным – и наоборот, по подобию древних софистов; Толстой отвергает весь Символ Веры, не верит ни в Троицу, ни в воплощение, ни в чудеса Христовы, ни в искупительные страдания Его, ни в воскресение, ни в вознесение на небо, ни во второе пришествие Христово, ни в будущий суд, ни в церковь, ни в крещение, ни в воскресение мёртвых, ни в жизнь будущую. Хочет, чтобы люди не верили Слову Божию, а верили ему, самозванному учителю Толстому, или верили одному человеческому разуму, извращённому, помрачённому, слепому, близорукому. Почему же верить Толстому? Что он за авторитет! Кто знает слепоту человеческого разума: как заблуждались люди до пришествия Христа на землю, какая была тьма неведения истинного Бога, тьма идольская. Какой свет разума воссиял с пришествием Христа на землю? Какой свет в Евангелии!

* * *

Лев Толстой клонил все свои рассуждения богохульные к тому, чтобы убедить, хотя недальновидных и самомнительных людей, что в наших познаниях и исследованиях научных всему голова – наш разум и мера его понимания, и чего он не понимает, хотя бы это был высочайший и непостижимый предмет нашей веры, – Господь Бог, – того он и принимать не должен и в то верить не должен, как неподходящее под мерило разума, и что человек может достигать совершенства без помощи Божией (в Бога он не верит), собственным разумом. Но на себе самом Толстой показал, до чего может дойти такой человек: он своим помрачённым от гордости и самомнения разумом дошёл до нелепых и бессмысленных положений, – до неверия в Бога Личного, Бога в Троице, в сотворение мира из ничего, в сотворение человека по образу и подобию Божию, в

первоначальную испытательную заповедь Творца или вступление Творца в завет с словесной тварью, разумно-свободной, нуждавшейся в завете и соблюдении его, – в вольное падение человека и дерзновенное разрушение завета и своей целости душевной и телесной, своего мира и блаженного состояния; в необходимость искуплений Богочеловека, в обетования и пророчества о Нём в книгах закона Моисеева, в пришествие обещанного Спасителя, Его проповедь и всё искупительное дело. Толстой дошёл до отвержения абсолютных необходимых всеспасительных истин, и погибнет во веки. Это – урок всем, доверяющим слишком своему разуму и не доверяющим свидетельству самой Истины, Самому Иисусу Христу, преподавшему нам истинное учение о Троице, сотворении мира и человека, о падении и искушении, о необходимости покаяния, причащения Св. Таин, о воскресении мёртвых, о суде и вечной муке и царствии небесном.

* * *

Не верит Толстой повреждению, растлению человеческого рода и каждого человека в самом корне (Адама и Евы), во глубине существа, что человек сам по себе без помощи Божией не может успеть ни в какой добродетели, что все усилия его в этом роде без помощи Божией – тщетны, «без Мене, сказано, не можете творить ничесоже», а верит, вопреки истине и всегдашнему общему опыту, что человек сам может достигать совершенства, при помощи современной науки. Опасно, губительно заблуждается Толстой и вводит в заблуждение юношество и вообще не утвердившееся в вере человечество, отводя его от церкви, у которой истинный разум Божий, ибо сказано – «мы ум Христов имам», и навязывая ему свою ложь и называя её истинным учением.

* * *

В сочинении Л. Толстого логическая ложь: ложно основание, ложны и следствия. Ложно предложение, будто вселенский символ веры есть ложный (от Духа Истины происшедший-то), что св. Троица не Троица, что Бог не может быть один в Троице, ложно предложение, что Сын Божий не воплотился и не был Спасителем человеческого рода: не воплощён, не крестился, не

страдал, не умирал, не воскрес, не вознёсся на небо, не придёт судить, что не будет воскресения, второго пришествия; ложно, что нет третьего лица – Духа Святого; что церковь не истинна, а ложна и т. д. – все предложения ложны и все выводы ложны; ложь, что догматы веры преподаются в таком возрасте, в котором дети не понимают ничего, что напрасно учить их будто бы бессмыслице, будто бы сказкам, или будто бы напрасно простой народ учить, ничего не понимающий, или которому некогда этим заниматься; ложно предложение, что Библия – сказка, Евангелие – тоже, ложно предложение, что Бог, страшно и выговорить, сердится (гневаётся праведно – другое дело), что Он несправедлив; ложны и послышки, будто не будет воздаяния, не будет вечной муки грешникам нераскаянным. Ложно и то положение, что церковь и духовенство проповедуют ложь, нелепость. Вот Толстой, действительно, проповедует явную ложь и его слушать нельзя, ему верить, как злонамеренному лжецу, – пагубно. Он – преднамеренный, злонамеренный лжец и то, что он утверждает о предметах веры нашей, всё ложно.

* * *

У Толстого в голове нет ни альфы, ни омеги, ни разумного личного Творца, ни твари, ни греха, ни добродетели, ни падения, ни восстания человеческого, ни Спасителя, ни спасаемых; никакой связи в мире и человеческом роде, ни исторической, ни логической, ни предметной, истинный во всём хаос. Он не признаёт священства, богооткровенного сказания о начале мира и человека и жизни человеческого рода до потопа и после потопа, не верит в сказание о потопе и жизни людей после потопа; не видит цели потопа, не признаёт нравственного закона и «Законодателя и Судии человеческого рода и каждого человека в отдельности; всё он отвергает, всё считает за сказку: связь Ветхого завета с Новым и премудрые, праведные и всеблагие судьбы Божии в человеческом роде, – постепенное приготовление людей к принятию обещанного Мессии-Спасителя через обетования пророчества и прообразования, – пришествие в мир обещанного Спасителя, Его бессеменное рождение от Духа Св. и Девы Марии, словом, отвергает Богочеловечество Христа и все догматы христианской веры. С

таким невером, ослепившим себя добровольно, говорить серьёзно ни о чём святом нельзя.

«Никто же знает Сына, токмо Отец, ни Отца кто знает, токмо Сын и ему же еще волит Сын открыть», – читаем во св. Евангелии. Без откровения Божия падший ум человеческий не может познать таинство Святой Троицы. И Бог верующим в простоте сердца открывает эту тайну, насколько можно открыть это непостижимое естество. Толстому, по его гордости, лукавству и безверию не открыта эта тайна и он не верит ей и глумится над ней. Он, в своей богохульной брошюре, всё дорогое, святое, праведное, утешительное, спасительное, просветительное, – всё, чем живёт, дышит, крепится душа христианская, всё отнимает и сам на место отнятого ничего не даёт, и оставляет душу в хаосе, пустоте, мраке, в состоянии безутешном и беспросветном. Это вольное сумасшествие; у него, Толстого, попрание всех законов мышления, – всякой истины и правды, у него сатанинская, полная бесстыдства, хитросплетённая, насмешливая над всякой святыней ложь.

Толстой в своём Обращении дерзко вызывает на состязание с собой пап, кардиналов, епископов, суперинтендентов, священников, пасторов и всё христианское духовное сословие, и обличает всех их в тенденциозной лжи и обмане; он утверждает, что правда только у него, у Толстого; что у него, только у него, истинный разум, у него только нужно учиться истине, – что вся Библия, всё Евангелие – ложь, что вся церковная история, всё учение церковное, все соборы, все вероопределения, все каноны вселенских и поместных соборов и св. отцов – преднамеренный обман. Милостивые государи и милостивые государыни, мужеской и женский пол рода христианского! Вас всех хочет одурачить Толстой. Но ведь мы в здравом уме, в здравом смысле, вся наша прожитая жизнь, наше сердце уверяют нас, что мы знаем истину, что мы обрели веру истинную и спасаемся ею, утешаемся ею, и чаем жизни будущего века. – Чем же этот самозванец Толстой уверит нас, что будто бы на его стороне истина. Нет, Толстой – полный невежда в отношении религии. Он не знает премудрого плана божественного домостроительного спасения рода

человеческого, не допускает падения первых людей в грех и не верит в растление и омрачение грехом всего рода человеческого, не верует в пестунство Божие над падшим человечеством в продолжении тысячелетий и искупление его воплотившимся Сыном Божиим, и всё то, что отвергает Толстой, именно, религиозное обучение детей и знание ими истории Ветхого и Нового завета, особенно нужно, как для Толстого, так и для всех детей, а он, Толстой, этого-то, необходимого, этой-то азбуки христианской не знает и являет собой религиозного невежду, хотя нельзя не признать его умелым романистом, краснобаем, умеющим слагать красивые по наружности и увлекающие недальновидных словесные сети. С Толстым, как с умопомешанным, у которого *idée fixe*, нельзя говорить; он верит только в себя и в подобных себе людей с предвзятыми, как он, мыслями; у него дьявольская неисправимая гордость, и он умрёт с нею. Ими же веши судьбами, Ты Сам, долготерпеливый Господи, спаси сего, помрачённого!

Христос наша сила! С. 746–748

(Мысли пастыря церкви по поводу войны).

С удивительным единодушием всё русское общество горит желанием постоять за родину.

Как отнесётся духовенство?

Не должно ли оно, и во дни войны, остаться духовенством – не тем духовенством, ко всему безучастным, каким знают его иные, но истинным служителем алтаря Христова, истинным патриотом небесного отечества.

«Неужели в эти страшные дни, пишет г. Меньшиков, против конических пуль и ядер мы выдвинем стихотворцев и псалмопевцев?.. Нужны мины Уайтреда, пулемёты Максима, уголь Кардиф; пироксилин, винтовки. Нужна огромная серьёзность, железное мужество, талант.... Давайте, если вы действительно патриоты, денег, припасов, орудий, знания, ума и таланта».

Почтенный публицист прав. Честь и слава его искренности. Да простит его Господь, если в доброй, искренней горячности он не доскажет чего-нибудь, или невольно кого-нибудь толкнёт и ушибёт.

Но у духовенства должна быть своя духовная точка зрения на войну и на соучастие в ней.

Духовенство должно досказать те слова, которые мирскими людьми или открыто пренебрегаются или забываются или замалчиваются из ложного стыда.

Христос моя сила, Бог и Господь – вот это «забытые» слова.

«Мины, пулемёты, винтовки»... конечно.

Но у нашего врага этого добра не меньше.

«Серьёзность, мужество, талант, деньги, припасы, орудия, знания» – всё это у него есть, но всё это делает его только вероломным и... ничтожным. Он не имеет другого упования, кроме внешней силы, не имеет другой цели, кроме – «борьбы за существование».

Оттого то, не смотря на своих союзников, на свои орудия, на свои знания, он так неразумен, неосторожен и опасен не нам, а самому себе.

Если мы стали такими же негодьями (негодными для истинной жизни), как наш враг, то нечего и говорить о какой-то «великой задаче», нечего и пророчить о какой-то особой роли в истории. Наша роль будет скучным повторением годов.

Игра не стоит свеч, овчинка – выделки.

– Ты идёшь против меня с копьём и мечом, а я иду во имя Господа Бога Израилева, – сказал когда-то первый «псалмопевец» богохульствовавшему Голиафу.

Псалмопевец остался победителем. Россия воюет не с Японией, а с миром.

А по отношению к миру, что такое Россия, как не одинокий Давид?

А мир, по отношению к России, что иное, как не гордый броненосец Голиаф?

«Христос – моя сила» – боголепно воспевала до сих пор честная русская церковь – земля, – и стала тем, что есть. Пока она будет так воспевать, ей Голиаф нестрашен, в какую бы броню он ни был закован.

Он погибнет от собственного меча.

Христос непобедим.

Пусть добрые патриоты пробуждают внешнее мужество, пусть воины сражаются мечом, писатели пером, мы, духовные, должны соучаствовать в войне, как духовные; мы должны *исправлять* недостающее *духом кротости*, силой веры и любви Хряста.

Веры, веры, побольше веры и надежды на Господа Бога. Именно это и должны проповедовать народу служители Христова алтаря в настоящее время. Именно это служит скрытым регулятором русской стихии. Обнажите этот регулятор, обнаружьте его, сделайте его сознательным, исключительным, единственным импульсом жизни и вы сделаете очень много для поражения врага.

Когда я читал своим прихожанам Высочайший Манифест, – народ тревожно волновался. Когда я читал им о патриотических

манифестациях, на всех лицах выражались радость, самодовольство. А когда я напомнил им об ужасах войны, когда прочитал о Высочайшем выходе в дворцовый храм на молитву, о том, как вельможи со слезами на глазах кричали ура возлюбленному Монарху, о том, как у Иверской часовни народ, стоя на коленях в снегу, молился и плакал, – святым, пламенным вздохам не было счёту. Женщины плакали.

Мужчины – казаки, сурово сдвинув брови, смотрели на меня, как на врага, точно упрекая меня, зачем я вхожу в их святое святых, зачем я тревожу глубину их души. Из сердитых очей катились слёзы.

Я был доволен. Этим людям правда дороже жизни, думалось мне.

В высшей степени желательно, чтобы в помощь пастырям в духовных журналах помещались в настоящее время поучения, касающиеся войны, – поучения, проникнутые духом веры и сострадательного человеколюбия.

(Церковно-историческая справка).

II.

Для всех христиан должна быть страшна война! Тут льётся кровь, преждевременно прекращается человеческая жизнь, а может быть, что особенно больно, для многих преждевременно прекращается и жизнь духовная. Если мы обратимся к статье Василия Андреевича Жуковского «Мир и война», написанной в 1798 году, то в ней мы найдём, что поэт самыми тёмными и мрачными красками рисует войну. Читателям представляется здесь картина военных действий: звук оружия, развевающиеся знамёна, блеск стали, а далее... багровая кровь и стоны поражаемых. «Пламя войны всё пожирает» – говорит поэт: «ничто не скроется от ужасного бича брани; там пылает дом беззащитной вдовицы и подавляет её своим падением; там стонет сирота, лишённый родителей. Тщетно слабое дитя простирает невинные руки, дабы испросить себе пощады... Ужас крылом своим покрывает всё поле брани, и все окрестные места трепещут от военных громов.

Поспеши, благодетельный мир, поспеши утушить вражду человеков, – восклицает далее сам поэт, тронутый этой картиной, – осени крылом твоим ратующих братий и излей бальзамический сок твой в сердца, возожжённые пламенем войны»²⁴⁵.

Чьё сердце не содрогнётся при чтении другого, правдивого и, вместе с тем, полного леденящего ужаса, описания Россбахом виденной на поле битвы им в Франко-прусскую войну группы офицеров, убитых в то самое время, когда они сидели и завтракали! У одного из убитых было весёлое улыбающееся лицо, которому недоставало только верхней части черепа, оторванного гранатой. Подле этого смеющегося трупа сидел другой, держа между большим и указательным пальцем правой руки цинковую чашку, которую он поднёс к губам; края чашки только что коснулись губ этого несчастного, как осколком лопнувшей гранаты оторвало у него весь череп и лицо, за

исключением нижней челюсти. Третий, наконец, труп лежал на боку, на своём ранце, и держал ещё в оцепенелой руке, поднесённой к глазам, фотографическую карточку какой-то женщины, быть может своей сестры, или жены...²⁴⁶.

Чувство человеколюбия не мирится с такими сценами. И вот, новые мыслители говорят: «война безусловно преступна. Война – коллективное *убийство*, совершаемое целыми народами».

Однако, не таково в сущности христианское воззрение на войну. «Война всегда бедствие, но этому воззрению, но не всегда – преступление». Христианство почти с юридической точностью различает моменты убийства. «Не убий» – «сказано древним» (6 зап.). Христос же глубже раскрывает, что есть убийство. Не тот только – убийца, кто произведёт фактическое убийство, лишает другого жизни, но и тот, кто, хотя и соблюдает букву закона («не убий»), но нарушил его дух. И посему, первая степень нарушения закона, «не убий» есть *гнев* и при том всеу; вторая степень – *поношение* ближнего (рака), т. е. выражение гнева словами и, наконец, третья – *злое расположение* (уроде), в котором соединяются осуждение, злость и гордость. Это же по существу повторяет и Вл. Соловьев: «при убийстве», говорит он, «зло состоит не в физическом факте лишения жизни, а в нравственной причине этого факта, именно, – в злой воле убивающего»²⁴⁷.

Св. Иоанн Златоуст говорит, что иногда убийство вменяется в правду, именно тогда, когда не станем просто судить о делах, но будем тщательно вникать во время, причину, намерение, в различие лиц и во все другие обстоятельства²⁴⁸. Поэтому христианское законодательство, равно как и юридическое, делит убийство в широком смысле, т. е. умерщвление живого человека, на вольное и невольное, полагая в основу этого различия намерение убивающего. «Если кто», говорит св. Василий Великий, «бросив камень на пса, или на дерево, попадёт в человека, это дело совершенно непроизвольное и не бывшее в намерении действующего, ибо намерение его было отразить зверя, или сбить плод. Невольное также и то, если кто, желая исправить кого-либо, ударить его ремнём, или жезлом

нетяжёлым и тот умрёт, ибо здесь рассматривается намерение, так как он хотел исправить согрешившего, а не умертвить»²⁴⁹.

Что же касается того, преступна ли война, то этот вопрос очень определённо решает св. Афанасий Великий в послании к Аммону монаху следующим образом: «не позволительно убивать, но убивать врагов на брани и законно и похвалы достойно. Тако великих почестей сподобляются доблестные в брани и воздвигаются им столпы, возвещающие превосходные их деяния. Таким образом, одно и то же, смотря по времени и в некоторых обстоятельствах, непозволительно, а в других обстоятельствах и благовременно, – допускается и дозволяется»²⁵⁰. Более строгого взгляда на тот же предмет держится св. Василий Великий; однако, он не отвергает мнения других отцов, а только восполняет их своим добрым советом: «убиение на брани отцы наши не вменяли за убийство, извиняя, как мнится мне, поборников целомудрия и благочестия, но, может быть, добро было бы советовать, чтобы они, как имеющие нечистые руки, три года удержались от приобщения токмо святых тайн»²⁵¹. Такой же строгий взгляд по этому вопросу раскрывает св. Василий Великий и в других своих канонах, когда, например, повелевает отлучать от причастия Св. Тайн тех мирян, которые, при нападении на них разбойников, убивают последних, так как «всяк приемший меч, мечом погибнет» (Мф.26:52).

Вообще же каноны почти все единогласно, если и не причисляют войну к невольным убийствам, то тем более не считают её вольным и для сего совершенно выделяют в особую рубрику: убийства – вольное, невольное и на войне²⁵².

По военным законам, убийство даже противно обычаям войны и признаётся преступным коварное умерщвление лиц, принадлежащих ко враждебному лагерю. По мнению Вл. Соловьева, «на войне у отдельного солдата злого намерения не бывает, особенно при господствующем ныне способе боя из дальнострельных ружей и пушек против невидимого за расстоянием врага. Только с наступлением действительных случаев рукопашной схватки, возникает для отдельного человека вопрос совести. Вообще же война, как столкновение

собираемых органов (войск), не есть дело единичных лиц, пассивно в ней участвующих, и с их стороны возможное убийство есть только случайное»²⁵³.

Само лишение жизни на войне ради высших интересов и не представляется столь тяжёлым, в виду будущей вечной жизни. Да воюющие и не ставят своей целью наносить друг другу возможно больше вреда; они лишь добиваются защитить права и интересы своего отечества. Неужели кто может думать, что народная жажда войны в 1877 году была лишь жаждой крови? Не было ли это, вернее, искренним желанием, «положить душу свою за други своя»? Итак, в вопросе о войне нужно говорить не об убийстве, а скорее о любви и о том, как она выражается. Здесь мы переходим к другому пункту, именно, к вопросу об исполнении воюющими заповеди христианской любви.

Уже давно сложилось убеждение, что с военным званием не мирится будто бы христианская любовь, что на войне нет любви. ещё св. Амвросий Медиоланский, исправляя это заблуждение своих современников, так начал свою проповедь о воюющих: «некоторые из тех, возлюбленные, кои или мечом воинским препоясаны, или к гражданским делам определены находятся, когда тяжкое содевают беззаконие, первое обыкновенно во грехах своих представляют извинение: мы воины. И при том, чтобы не поступать им добродетельно, жалуются, будто они злыми должностями заняты: как бы воинское звание, а не произволение человеческое зла причиной».

Сарацины задали христианскому философу св. Константину (Кириллу) такой вопрос: «если Христос есть Бог ваш, то почему вы не делаете того, что Он повелевает; молиться за врагов, добро творить ненавидящим вас, обращать ланиту бьющим; вы же не так, а совсем противно поступаете: изощряете оружие против враждующих, выходите на брань с ними и умерщвляете их». Святой Кирилл ответил: «если в каком-нибудь законе предлагаются две заповеди и обе даются людям для исполнения, то кто будет истиннейшим законоблюстителем: тот ли, который исполнит одну заповедь, или тот, кто исполнит обе заповеди»? – «Без сомнения тот», отвечали сарацины, «который

исполнит обе заповеди». Тогда философ сказал им: «Христос Бог наш повелел молиться за обижающих нас и благотворить им; но Он же заповедал нам: «больше сея любви никтоже иметь, да кто душу свою положит за други своя» (Ин.15:13). Поэтому мы терпим обиды, причиняемые каждому из нас отдельно, но в обществе защищаем друг друга и полагаем свою жизнь за братьев наших, дабы вы, увлекая их в плен, не пленили вместе с телами души их, увлекая благочестивых к своим злым и богопротивным делам»²⁵⁴.

Для всякого христианского воина в виду этого представляется нравственная задача: будучи добрым воином царя благочестивого, равномерно быть и добрым воином Иисуса Христа. Но что значит быть добрым воином Иисуса Христа? Что значит быть вообще хорошим христианином? Это значит – во всей своей жизни руководящим началом ставить любовь в высшем смысле этого слова, т. е. не естественную любовь, обладая которой, по слову Евангельскому, «и грешники любят любящих их» (Лк.6:32), но любовь христианскую: «любите врагов ваших, благословляйте проклиняющих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Мф.5:44). Эту последнюю любовь исполняет только тот, кто ради ближнего своего жертвует своей *собственностью*, служит своим личным *трудом*, хотя бы то было сопряжено с его собственными опасностями и страданиями, кто мужественно за братьев своих встречает даже неизбежную *смерть* лицом к лицу. Одним словом, христианская любовь проявляется в самоотверженном служении ближнему: и Сам Господь называет высшим делом любви самопожертвование – «да кто душу свою положит за други своя».

Теперь обратимся к войне, и к тому именно её виду, какой дозволяется христианской верой. Что, как не нравственный долг заставляет воинов, уверенных в том, что они идут на верную смерть, самоотверженно совершать свой подвиг? Они сознают, что идут за дело святое и это поднимает их боевой дух. А если так, то идущие на справедливую брань не нарушают Христовой заповеди о любви. Даже более, война для них есть верх любви, так как тут происходит добровольное самопожертвование

воюющих ради блага и счастья ближних и во имя любви Христовой. Если бы в то время, когда наши восточные братья страдали под бременем турецкого ига, русские позабыли об них, или, убоявшись кровопролития, не восстали на защиту угнетённых, то они жестоко погрешили бы против Христовой заповеди о любви; они показали бы, что в них нет этого животворного источника.

Но, может быть, скажут, что заповеданная Христом любовь *всеобъемлюща*, что нельзя ограничить предмет любви только близкими, единоверными и угнетаемыми, что и враги наши, т. е. те, которые, как говорит Василий Великий, «каким бы то ни было образом наносят нам вред», должны быть для нас также предметом любви, – поэтому защищая одних и воюя с другими, не нарушаем ли мы *таким образом* христианскую заповедь о любви? Нет, и с этой точки зрения любовь не нарушается. «Все люди – братья», говорит Соловьев: «но ведь братья то бывают различные. И почему же мне не поинтересоваться, кто из моих братьев Каин и кто Авель? И если на моих глазах брат мой Капп дерёт шкуру с брата Авеля, и я именно *по равнодушию к братьям* дам брату Каину такую затрещину, чтоб ему больше не до озорства было. – вы вдруг меня укоряете, что я про братство забыл. Отлично помню, поэтому и вмешался, а если бы не помнил, то мог бы спокойно мимо пройти»²⁵⁵. Глубокий в мыслях и меткий в выражения наш философ здесь прекрасно раскрывает суть дела. Христианин, понимающий заветы Христа, ни на минуту не должен забывать о всеобщем братстве, а потому и не должен быть равнодушным к каинским поступкам одних по отношению к другим, содействуя по мере своих сил образованию единого мирного стада Христова на земле.

Конечно, предвещение брани поразительно для любви христианской, которая не желала бы пролития и вражеской крови; конечно, лучше было бы, если бы люди смирляли врагов своих «ни очесом», как говорится в 80-м псалме (Пс.80:15). однако, воины, не заглушившие ещё в себе искру любви христианской, «являясь мужественными защитниками прав и интересов своего отечества, сумеют в то же время соблюдать надлежащее уважение к правам и человеческому достоинству

самых врагов своих и на поле битвы, и во вражеской побеждённой стране являться не варварами, не зверями, а истинными людьми и друзьями человечества – что, как известно, не препятствует успехам победы, и не роняет достоинства победителей, а напротив, облегчает успех победы и возвышает достоинство победоносного воинства в глазах самих врагов»²⁵⁶. Итак, военная служба не противоречит нравственным требованиям христианства; а отказываться от военной службы в христианском государстве, как эта проповедают некоторые наши сектанты, значит допускать ещё большее зло, чем сама война.

III.

Для пытливого ума может возникнуть недоумение: каким образом Бог допускает всё сие и только предупреждает: «услышати имате брани и слышания бранем. Зрите, не ужасаетесь, подобает бо всем (сим) быти» (Мф.24:6). Неужели мир и война совершаются как бы без ведома Бога? А если нет, то как объяснить смысл и значение войны при Божественном Промысле? Тут один ответ: человек имеет свободную волю: «предложены ему огонь и вода, и на неже хочет прострет руку свою».

Христианские мыслители, беспокоившиеся вопросами о войне христианских народов, в разных своих теориях обнаруживали стремления к вечному миру. И в настоящее время нас интересует вопрос: как христианство, с своей точки зрения, должно взглянуть на эти стремления к вечному миру. «Вы ищите мира? – ответит св. церковь. – Дай, Бог! И да будут благословенны ваши добрые стремления! Но только помните при этом слова Господа, что и в последние времена «восстанет народ на народ и царство на царство» (Мф.24:7) Действительно, война в разных формах, но будет, конечно, существовать, как нечто роковое и неизбежное, пока живут и действуют в свободном человеке его страсти; но так как «несть человек, иже жив будет и не согрешит», то нечего обманывать себя мечтами и думать достигнуть неосуществимого при этих условиях на земле идеала «вечного мира». Вечный *земной* мир

– Contradictio in adjecto! Не о небесном ли мире и блаженстве говорить надо, если речь вообще заходит о вечном?

Конечно, христианство ценит все те средства, которые ведут к доброму миру: ценит и третейский суд, и дипломатию, и международные союзы, во только в той мере, в какой они проводят главную цель христианства – искоренение вражды. Так как зло войны выражается во вражде между частями человечества, то первая обязанность всех, желающих приблизить человечество к доброму миру, состоит в том, чтобы бороться против лжи, неправды и страстей и «изъять злого от нас самех» (1Кор.5:12–13).

И. Ивановский

Патриотизм и христианство. С. 755–756

Типичные представители современного *тенденциозного гуманизма* настойчиво указывают на полную будто бы несовместимость истинного, жизненного христианства с патриотизмом. Прекрасные мысли по этому вопросу, несомненно, способному до боли тревожить каждое сердце, верующее, жаждущее всецело жить по Божьему слову и в то же время со всей сыновней нежностью любящее родину, высказал харьковский протоиерей, известный мыслитель и духовный писатель, о. Буткевич, в своём напутственном слове при открытии местного отдела русского собрания. «Чувство патриотизма, – сказал достойный пастырь, – не может не благословлять церковь Христова. Спаситель наш не проповедовал вражды ни к Риму, ни к Афинам; но Его чистому сердцу был особенно близок св. Иерусалим. За неделю до крестной смерти, во время торжественного входа в столицу Иудеи, взирая на св. град и предвидя его скорую гибель, подготовленную неразумными передовыми людьми – книжниками и фарисеями, Господь наш И. Христос заплакал о нём и сказал: *о, если бы ты, хотя в сей твой день, узнал, что служит к миру твоему!*.. А как любил Он Свою родную Галилею, её Тивериадское озеро, её высокие горы и прелестные долины, её столичный город – Капернаум, который у евангелистов прямо называется *Его городом*... Православные русские люди! идите во след Спасителя: несомненно, только любовь к отечеству и скорбь об угрожающей ему гибели при неестественном направлении его жизни побудили вас взяться за дело и сплотиться в одну семью; идите же и дальше твёрдо и мужественно по этому заветному пути, хотя он и будет устлан для вас не розами и лаврами, а тернием и волчцами. Скажите, *что служит к миру* дорогого отечества нашего, в чём заключается его спасение. Не падайте духом, не уставайте работать. Правда и слава за вами. Содействуйте всеми силами тому, чтобы выяснить русскому народу его мощь, от Бога данное ему богатство его духа и его страны; укрепляйте в нашем

общественном сознании исконные русские начала; выбросьте с корнем из нашей тучной и обширной нивы всю наносную сорную траву, заставьте нас быть опять русскими; учите нас по-русски жить, по-русски мыслить, по-русски веровать. Св. апостолы были истинными учениками и последователями Христа. Вспомните, как, напр., Ап. Павел любил свой несчастный народ – всегда крайне враждебно относившихся к нему иудеев. *Истину говорю во Христе, не лгу, свидетельствует мне совесть моя в Духе Святом, – пишет он в своём послании к римлянам, – что великая для меня печаль и непрестанное мучение сердцу моему: я желал бы сам быть отлучённым от Христа за братьев моих, родных мне по плоти, то-есть израильтян.* Какая беспредельная истинно-христианская любовь к своим соотечественникам, какое глубокое и чистое чувство патриотизма. Апостол готов пожертвовать даже своим вечным спасением, своим блаженством, если бы того могло потребовать спасение и блаженство его народа. Можно ли представить себе более тяжёлую жертву? Не забывают же этого дивного примера в деле служения родине».

Со скрижалей сердца // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 757–768

Какие требования предъявляются учительской миссии нашего пастырства в нынешнее военное время? – Политическое и идейное значение настоящей войны. – Внутренние враги и их пошлые ухищрения. – Новый подход к сектантству со стороны интеллигентных просветителей и вождения социал-демократии. – Сектантская „нелегальщина“. – Готова ли в недрах сектантства почва для восприятия идей социал-демократии.

Во всех сферах государственной, общественной и личной жизни чувствуется гнетущая рука начавшейся войны; внимание всех и всецело приковано к интересам и заботам военного времени; ни на чём другом не хочется серьёзно останавливаться, сосредоточиваться. А между тем жизнь идёт своим чередом, предъявляя свои неотложные нужды и жгучие запросы, требующие в иных областях даже более напряжённого и бодрого труда и внимания, чем в обычное, мирное время. К таким областям принадлежит, между прочим, и дело миссии наших пастырей и специальных веропроповедников (миссионеров). Война диктует учительской проповеднической деятельности наших пастырей и миссионеров свои темы, налагает свои обязанности, предъявляет особые требования военного времени и положения. Долг каждого пастыря воинствующей церкви православной бодро и деятельно стоять на страже поддержания словом и делом истинно-патриотического настроения в своей пастве, а для этого необходимо и самим ясно понимать и другим уяснять внутренний глубокий смысл и великую культурную христианскую миссию настоящей войны св. Руси с языческой Японией; необходимо останавливать и углублять мысль и чувства общества и народа на идее законности и святости патриотизма, как долга, на неразрывности его с религией, на отношении православия к самодержавию.

Это – одна для всех служителей алтаря общеобязательная задача. Другая, касающаяся исключительных приходов и мест – это охранять мечом Слова Божия незрелую молодёжь и массу народную от тлетворных веяний и влияний со стороны внутренних домашних врагов, которые не дремлют пользоваться тяжёлыми обстоятельствами военного времени, чтобы сеять духовную смуту: одни из этих врагов – либеральные недоумки и политические воры очень склонны и в настоящую страдную пору сеять политическую смуту, другие – главари и верховоды «новейшего» сектантства, до мозга костей пропитанного антимилитарными и космополитическими тенденциями, – ныне, более чем когда либо, напряжённо ведут свою антицерковную религиозно-социалистическую пропаганду.

Побеседуем о первой задаче: прошёл уже «сорокоуст», как началась война, но истинный смысл её далеко не определился ещё даже и в печати, от которой народ и общество должны бы ждать руководства по данному вопросу. Какие печатные недоразумения и ошибки по данному вопросу возможны даже и у нас, в духовной журналистике, – сошлёмся на статью одного почтенного органа (*nomina sunt odiosa*), где автор, задавшись выяснением прекрасной темы: «О чём нам молиться» (во время войны), уснастил свою статейку словами укоризны по адресу Св. Руси, – за то, почему она ограничилась одними тёплыми словами в отношении буров и македонцев, зачем забыла заветы старины, изменила тернистому пути борьбы за поруганную правду, а затем, в конце концов, автор вопрошает так: «не стали ли мы (в настоящей войне) на *неверный* (курсив везде наш) путь? Не голос ли Божией правды, напоминающей об оставленном пути, является нам в этой *обидной* (?) войне *из-за далёкого клочка чужой земли*». «Обратитесь и Я обращаюсь» и проч.

Как сами, читатель, можете усмотреть, какая в этих немногих словах огромная ошибка и непростительная узкость взгляда на событие, которым живёт теперь и мучится отечество. Довольно одного взгляда на Маньчжурию, как на *клочок* земли... А ведь это – не *lapsus lingue*, – а повторение (конечно, невинное или, вернее, наивное) мировоззрения целой партии близоруких

россиян. С заблуждением этим вам, читатель, поскольку вы истинный патриот, нужно считаться, а для этого необходимо знать истинный взгляд людей, политически умудрённых и прозорливых. Вот, как, напр., рассуждает на ту же тему известный русский публицист, – ветеран А. С. Суворин в «Нов. Вр.».

Для России война эта страшно важна. Может быть, она – преждевременна, слишком внезапна, но она большого значения для России, так рассуждает наш испытанный публицист, – Суворин.

Она важна потому, что Россия не может отступить от своих целей. А цели эти несомненно поставлены, произволом ли людей, или историей, которой повинуются люди невольно. Занятый нами берег Великого океана – это конечная цель наших завоеваний. Великий океан с тёплым морем – э то предел наших военных усилий, это конечная и прочная граница нашей Державы. Нужна ли нам Маньчжурия, об этом Россия может сказать только после победоносной войны – не ранее и не иначе. Или мы, действительно, великая держава, не даром стремившаяся в Азию для своих культурных целей, не даром тратившая силы и деньги своего народа, рассчитывая на его развитие и власть русского разума, или всё это было какое-то глубоко-трагическое недоразумение, а во мнении цивилизованного мира – трагико-комический фатум, достойный смеха? Вот перед нами какая роковая задача.

Или мы победим и победим тогда не Японию только, но окончательно победим и все страны, приобретённые нами в течение двух веков, победим предрассудки Европы относительно России, или мы будем побеждены и тогда будем побеждены для всего мира, для Турции, для Кавказа, для наших среднеазиатских владений, для влияний на Балканском полуострове, для всего славянства, которое чует в России страшную и сильную сестру, для всех других врагов, наконец.

Вот как это будет. И я убеждён, говорить Суворин, что так это и будет, а не иначе. Или наше *бытие*, или *ужас унижения*.

Вот как определяется, и это совершенно справедливо, – государственная и политическая сторона вопроса о значении

нынешней войны. Но и эта точка зрения для духовного кругозора – тоже односторонняя.

Не надо упускать из виду и другой идейной стороны данного вопроса, – о *духовном*, христиански-просветительном значении войны православной России с языческой Японией, как о борьбе света Христова с тьмой язычества, – креста – с драконом. Об этой стороне войны В. С. Соловьев – этот во многом ясновидящий философ-богослов, предсказал в известном своём стихотворении, посвящённом императору Вильгельму, по поводу войны с Китаем, – сказав, что «крест и меч перед драконом – одно».

Глубоко верно освещают эту именно сторону начавшейся войны «Москов. Вед.».

«Россия переживает великие исторические минуты, которые, как по внутреннему, так и по внешнему фактическому их значению, походят на *пролог грандиозной мировой эпопеи*.

В начавшейся между нами и Японией вооружённой борьбе на Дальнем восточном рубеже России, отделяющем Русскую землю, – а с ней и весь христианский мир, – от дышащей язычеством Азии – встретились в ратоборстве две мировые *идеи*, – два мирозозерцания, диаметрально противоположные друг другу: *язычество и христианство*.

В настоящем случае история выдвигает разрешение коренных вопросов мировой этики, которыми жило и доселе живёт человечество. *Православная Россия, как носительница идеи христианства, выступает на защиту Креста против язычества*.

Нельзя не усмотреть глубочайшего исторического смысла в том факте, что противником России выдвинулась в этой *мировой, по смыслу*, распре именно Япония, т. е. *единственное* в сонме политических величин государство, которое усвоило всю, так сказать, *технику* современной европейской культуры, оставаясь по вероисповеданию, а, следовательно, и *мирозозерцанию, языческим*.

В лице Японии, поправшей, при первой же встрече один на один с христианским государством, основные начала международного права, выработанные христианскою культурой,

– в лице Японии, сохранившей, под внешней личиной цивилизации, вероломство, коварство и низменность инстинктов хищника-дикаря, нападающего из-за засады на облюбованную жертву, – предстал перед судом международной совести *новый*, ещё невиданный *тип* народа...

Вот какова она – цивилизация *вне* Христа! Вот чего следует ожидать, и, разумеется, опасаться, человечеству от развития внешней цивилизации и знаний, не освященных и не освещённых *нравственными началами*, – их же источник един на потребу человечества: *Христос*.

Несомненно, Японцам, как нации, нельзя отказать ни в предприимчивости, ни в энергии, ни в стремлении к приобретению точных технических познаний. Но посмотрите, – *каков*, в отношении этическом, *результат* такого рода «культуры» для народных масс? Не ясно ли, что и сама наука, – один из благороднейших факторов интеллектуальной жизни человечества, – как и всякого рода технические приобретения человеческого ума – *бессильны* сделать язычника *человеком* в истинном *христианском* значении слова, – и могут лишь дать в руки человека-зверя новые и страшные для остального человечества орудия зла. Какой урок для современной западноевропейской философской мысли, всё более удаляющейся от Христа! Какое предостережение и всему мыслящему человечеству!

Япония, утратившая под влиянием язычества, как народной религии, и под влиянием атеизма её образованных классов, те искры естественного нравственного закона, которые заложены в глубине человеческой совести, – не могла обрести из сферы прикладной и даже чистой науки, поскольку таковая является уже достоянием Японцев, тех нравственных благодетельных зиждительных для бытия человечества начал, которые хранит в лоне своём *христианство*.

И вот перед нами новый тип монгола-кочевника, владеющего усовершенствованным оружием, – новый тип государства, рост и внешняя культурность которого не сообщает, а разобщает его с остальным истинно-культурным христианским миром.

На историческом своём веку России пришлось, при всём врождённом миролюбии её народа, вести не мало войн, и выступать во всеоружии народных сил на борьбу за дорогие священные для неё *идеи*, за высочайшие для него и для всего человечества идеалы: за веру Христову и чистоту монархической власти, враги которых объявляли себя, во все времена, и *личными* недругами России.

В наступивший ныне знаменательный для Русского народа час *идейная* сторона возникшей борьбы принимает особенно возвышенный, эпический характер на Дальнем Востоке – колыбели язычества, куда Россия несла культуру и мир. Враги Креста Христова, предательски подкравшись под покровом ночи, направили удар против мирно стоявшей Русской боевой силы – стражи безопасности и чести России.

Распалённая фанатизмом, Япония явилась в данном случае конкретным выражением мрачной злобы, которую язычество питало во все времена ко Кресту. И никогда ещё, быть может, страницы мировой истории не развёртывались шире перед Русским народом, – народом-подвижником, – открывая перед Россией новые необъятные горизонты величия, славы и могущества, чем в переживаемые нами дни.

Таков идейный, а вместе и исторический смысл начавшей войны.

Теперь несколько слов, читатель, о второй задаче, возлагаемой войной на нашу проповедническую пастырскую миссию, – об охране «сих малых» от внутренних врагов, «волков хищных», не щадящих стада Христова даже и в это священное для каждого гражданина и христианина время военной страды и для правительства, и для народа.

Наши читатели из тихих углов у народного безмятежья недоумевают, как это могут быть теперь внутри обременённого тяжестью войны отечества свои домашние враги? К прискорбию, печальные деятели смуты теперь-то и не дремлют.

В эти дни, говорит новый почтенный патриотический орган «Москва», когда все на Руси соединяются в общей заботе и молитве, без различия степени образования и общественного положения сливаются духом в один исторический народ,

находятся среди нашей интеллигенции, – слава Богу, хоть всё же немногие, – жалкие люди без чести и совести, перед лицом Руси открыто, с бессмысленной дерзостью осмелившиеся высказать пожелания успеха вражескому оружию.

«Где свет, там и тень, – говорит *«Новое Время»*. – При всеобщем приподнятом настроении русского общества, вызванном войной, приходится наблюдать кое-где и саркастические улыбки, приходится выслушивать и иронические замечания. На ряду с манифестантами появились и анти-манифестанты. И не то, чтобы сплошь из «инородцев». Нет, существуют чисто русские по происхождению «интеллигенты», которые боятся военных успехов России и желают победы Японии. Характерно, что, высказывая такие пожелания, эти особы нашего уродливого воспитания не считают себя врагами России, а как бы сверх-патриотами: разгром России, видите ли, обеспечит её дальнейший внутренний прогресс. И истрёпанный классический пример недалеко: после Севастополя у нас было 19 февраля! «Post hoc – ergo propter hoc»²⁵⁷.

Справедливо высказывается по тому же поводу и почтенный редактор *Петербургских Ведомостей* А. Столыпин. «У нас, – говорит он, – не умеют останавливаться на полдороге в прямолинейности мышления: «нам нужен погром, значит, нужно ему способствовать, значит... соберёмте деньги в пользу культурных японцев». Говорят, были «интеллигенты», которые и до таких столпов политического садизма доходили. В этом фанатическом отупении прежде всего поражает полное непонимание жизни, какая-то дикая отвлечённость. Желать погрома – обозначает пожелание, чтобы вместо одного убитого мужика было сто убитых, и чтобы вместо ста искалеченных была бы тысяча. Желать погрома обозначает пожелание, чтобы вместо поправимого ущерба казне произошло такое полное народное разорение, которое нашу деревню окончательно убило бы голодом, но всё это нужно для того, чтобы посмотреть, не выйдет ли какой пользы от этого эксперимента и не наступит ли новый «правопорядок». *Гражданин* сообщает, что около ста студентов и курсисток подписали адрес Микадо с пожеланием победы ему над Россией.

С чем однако мы имеем тут дело, спрашивает «Москва», – с одной ли только общеизвестной пошлостью либеральных недоумков или же с более серьёзным явлением – предварительно разведочными действиями шайки внутренних воров, имеющих определённые цели?

В тоже время пастырям и миссионерам совершенно необходимо знать, что эти наши домашние враги и политические смутьяны врываются с своей антипатриотической преступной пропагандой *и в наш миссионерский приход*, – в среду расколо-сектантства.

Активное воздействие интеллигентного религиозно-политического сепаратизма на наше народное сектантство, как вы знаете, давно замечается. Если не почин, то развитие этой пропаганды принадлежит несомненно толстовству. Свив себе в народной среде лет 15 назад гнездо в Павловке, Харьковской губернии, толстовство, с своей религиозно-социалистической теорией, проложило путь во многие очаги штунды, причём пропаганда ведётся устно и печатно через «сектантскую нелегалыщину».

Деятели печатной проповеди антипатриотических и противогосударственных утопий и религиозного социализма среди сектантства выступили птенцы всё того же гнезда гр. Л. Толстого.

Если не считать штундистскую «Беседу» Проханова, как листок христианского направления, первая фабрикация толстовской сектантской «нелегалыщины» заведена была в Лондоне Чертковым, в форме периодических изданий и листов разных наименований: «Свободное Слово», «Свободная Мысль» и проч. Чертков и К° задались целью собрать сведения о топографическом расселении сектантства и адреса, они же издали «материалы» о состоянии сектантства, – конечно, самого тенденциозного свойства.

Позже, – года два назад, – в Швейцарии толстовцы Бирюков и Буланже – открыли *sui generis* (своего рода) – «миссионерский комитет» – по изданию анархических в религиозной оправе листов и брошюр для русских сектантов и народа.

Комитет этот выпустил и рассеял среди сектантов и православного населения целую серию своих «забористых», уснащённых текстами Св. Писания изданий, о которых упоминается выше в хронике. Пользуясь собранными «издательством Черткова» адресами, листки эти рассылаются в закрытых пакетах, под видом писем сектантам, – служа для последних «новым откровением смысла якобы евангельской истины и христианства». Очевидно, лютературно-пропагаторские лавры Черткова, Бирюкова и К° «не дают спать» и другим закордонным просветителям, – врагам Церкви и Отечества, а главное, что заслуживает особого внимания, наше сектантство признано так называемую социал-демократической партией *удобной и благодарной* почвой для сеяния политических плевел.

С января настоящего года за границей для русских сектантов интеллигентными их просветителями открыто и ещё одно периодическое издание, притом лицами доселе нимало не причастными к религиозным вопросам или сектантскому движению, а подвизавшимися больше в роли политических ратоборцев за интересы социал-демократии, иначе говоря, людьми без веры и Бога, врагами Церкви и Царя. Мы, по попятным побуждениям, не называем здесь ни имён этих новых литераторов, ни их листка. Но познакомить пастырей и миссионеров с новым литературным органом сектантской пропаганды считаем полезным в интересах миссии.

Это новое издание интересно для нашей миссии, прежде всего, как *показатель* того, в каком направлении эмансипируется и инспирируется ныне наше русское свободолюбивое сектантство и даже косный раскол.

Из заявления Редакции листка мы узнаём, что на каком-то втором съезде российской социал-демократической партии относительно сектантов была принята следующая резолюция: «Принимая в соображение, что сектантское движение в России является во многих его проявлениях одним из *демократических течений, направленных против существующего порядка вещей*, – второй съезд обращает внимание всех членов партии

на работу среди сектантства в целях привлечения их к социал-демократии» (23 стр. № 1).

Признание, как видите, чрезвычайно ценное для характеристики направления современного сектантства и даже раскола.

«Съезд поручил центральному комитету социал-демократической рабочей партии, читаем дальше в листке, рассмотреть предложение об издании *особого листка для сектантов*, и комитет признал возможным и *полезным* ныне же начать издание *социал-демократического листка для сектантов*.

Редакция в своём *profession* наметила программу, не оставляющую сомнения, что интеллигентные вожди сектантства решили вести его уже не по толстовскому пути пассивного противления существующему церковному и государственному строю, а по пути *активному*, т. е. по пути прямой анархии и революции. В *передовых* статьях и в других отделах стоят рядом разработка и вопросов «теории и практики социал-демократии и – сектантства», третий, напр., отдел посвящён «движению *среди сектантов* и тут же – «движениям среди рабочих и крестьян»; в 6-м отделе – «что делается в войсках» – обещается подробное изложение сведений о *деятельности сектантов* в войсках и тут же о *социалистической* пропаганде среди войск. В отделе «фельетонов» помещаются исторические очерки различных сект и тут же «*воспоминания революционеров об их деятельности и знакомствах среди сектантов и раскольников...* Рассказы самих сектантов об их жизни и преследованиях и т. д.».

Как видите, читатель, отдел этот будет очень любопытен и для нас. Будем ждать отчётов революционеров о деятельности среди сектантов. Доселе известны были отчёты о действиях только одних миссионеров, а вот, оказывается, – не они одни подвизаются среди сектантов... Весьма любопытно. А вот, что касается рассказов о себе – *самих сектантов*, то мы дешёвую цену этой мистификации и сплошного вранья давно знаем по Чертковским листкам.

Особый отдел в листке посвящён сообщениям *из жизни духовенства*: здесь редакция предполагает помещать сведения о выдающихся событиях из церковной жизни, – «описание (?) открытия мощей, имущественного состояния церквей и монастырей, лавр, доходы святых (?) колодцев, чудотворных икон».

В отделе – *Ценные признания* – листок обещает следить за отчётами обер-прокурора и распоряжениями министров и тут же за нашим «Миссионерским Обозрением». За внимание и мы постараемся ответить тем же.

В качестве *приложения*, листок обещает давать картины, портреты и ноты (образец последних уже дан в № 1 – в виде песни «на красное знамя»). Редакционное *profession* заканчивается минорным аккордом на тему: «*нам нужна денежная помощь*». Ну, уж от сектантов-то не ждите, г. редактор Б – Б-ч, денежной субсидии, сектанты сами слитком приучены только получать и получать... Вот раскольники, к которым листок одновременно обращается наравне с сектантами, те другая статья, – они любят деньгами сорить для общего дела... Но мы об их политической правоспособности лучшего мнения, и вам, господа социал-демократы, едва ли уловить их. Герцен и Бакунин поумнее были вас, а и у них сорвалось. А, впрочем, поживём – услышим. Теперь и в расколе много людей без веры и с прогрессом.

Первый № листка составлен пёстро, крикливо, бездарно, а, главное, *бессовестно* – как и вся подпольная литература, не исключая и пресно-кислой литературы толстовской марки, драпирующей в тогу христианства, мнящей себя «благочестивой», на подобие замоскворецкой ханжи.

Чтобы понять, в какую трясину политического ажиотажа тянут сектантство их интеллигентные друзья и вдохновители, довольно привести из передовой статьи – «К сектантам» хотя бы только несколько строк.

Редактор заигрывает с сектантами на слабой струнке – на тему «о преследованиях и утеснениях». «С самых давних времён, с тех пор, как на Руси водрузилась (?) «православная вера», русское правительство, в тесном союзе с духовенством,

беспрестанно преследовало всех, кто был не согласен с верой русских князей, царей, монахов». Такой избитой, бездарной, фальшивой тирадой начинается передовица листка. Далее вся статья вертится на том, что в России «нет никакой свободы, а только было и есть одно принуждение и угнетение правительством, богатыми и духовенством всех народов, которые живут в России», что «самодержавное правительство завело многочисленную полицию, земских начальников, жандармов, прокуроров и миссионеров»... В конце концов листок приглашает сектантов и раскольников помогать «устроить на земле такой порядок, когда все имущества крупных землевладельцев, фабрики, заводы, шахты, рудники, россыпи и нефтяные фонтаны, магазины и склады купцов, денежные капиталы банкиров-кулаков и ростовщиков, железные дороги, корабли и пароходы разных компаний, – вообще всё, из чего теперь извлекают доход богатые, – будет отобрано и взято из частной собственности отдельных лиц и будет предано в руки всего рабочего народа во всём государстве».

Таким образом, новый листок идёт в сектантский лагерь без маски, с открытым призывом стать на путь анархии. Спрашивается, неужели нынешнее сектантство уже созрело для политической анархии, и «партия» так смело выступает, надеясь на подготовленность для своих преступных целей почвы? Интересно наблюсти, как придутся по сердцу сектантов эти призывы и надежды «партии».

В другой статье «О священных книгах» листок открывает другую цель своей пропагаторской деятельности среди сектантов: «наше дело, пишется там, есть дело освобождения духа человеческого от оков старинных предрассудков и суеверий, от гнёта духовной власти попов с их священными книгами, которые помогают им держать в рабстве рабочий народ».

Вот где надо искать «центральный комитет пресловутого союза борьбы с православием», заявившего о себе перед открытием мощей св. Серафима.

Библию листок трактует, как «изделие человеческих рук», «искушением диавольским», которому отнюдь не надо

доверять; «Библия сковала свободный дух человеческий, поставила высокие преграды на его пути» и проч. Думаем, что пастырям и миссионерам, призванным долгом службы вразумлять бесчинных и томиться о вразумлении врагов, – далеко не лишне быть осведомлёнными об этих зловердных духовных течениях и веяниях нашего времени.

Две статьи листка посвящены Кондрату Малеванному, как родоначальнику «замечательной с точки зрения «партии» секты», проповедующей о скором наступлении на земле «царства небесного», когда все будут равны, и не будет тогда ни врага, ни его жертвы, ни бедного, ни богатого». В отделе «Среди сектантов» находится достойное внимания примечание редакции, где говорится: «чем скорее и чем подробнее мы узнаем о той работе, которую уже производили наши товарищи (?) в сектантской и раскольничьей среде, о тех впечатлениях, которые они вынесли от этих знакомств, – тем нам легче будет делать дальнейшие шаги для приобщения этой подвижной, и уже отчасти организованной крестьянской массы к общероссийскому революционному социал-демократическому движению».

Пока довольно об этом революционном новом подходе к нашему сектантству. Из приведённых выписок вы, читатель, совершенно ясно видите, в какой омут затягивают наше сектантство его интеллигентные вдохновители.

Назад тому около 10 лет, мы печатно высказывали опасение, что всё новейшее сектантство способно представить из себя «горючий материал», удобный для политического поджога, что сектантство – это инструмент, на котором можно сыграть какую угодно политическую арию любому из мастеров сих дел, что либеральный лагерь конституционалистов-социалистов лелеет в сектантстве авангард в народной массе для своих безумных мечтаний, а потому так ненавидит нас, миссионеров.

Вожаков сектантства мы считали уже распропагандированными, но саму сектантскую массу мы никогда не обвиняли собственно в политической неблагонадёжности или причастии к анархизму и социализму, а

лишь утверждали, что сектантство, начав с своеволия религиозного и анархии церковной, представляет собой *почву*, удобную для сеяния политических плевел, которые могут скоро и пышно на ней произрасти.

Это наше мнение в известной части либерального общества и печати очень недружелюбно было принято, чуть ли не как извет на «прекрасное» сектантство. Однако, развитие толстовства в духоборчестве и штундизме вскоре же блестящим образом подтвердило наши предположения. Теперь мы встречаемся с новым откровенным и открытым признанием правильности нашего мнения со стороны самих друзей сектантства – из уст, так сказать, «самой партии», считающей сектантство «подвижной и уже организованной, с точки зрения анархических вождедений, крестьянской массой».

Остаётся, повторяем, открытым один вопрос: насколько эта почва подготовлена? Это выяснит время и наблюдения пастырей-миссионеров, которых мы считали долгом познакомить со всем вышеизложенным, дабы деятели миссии «были в курсе дела» относительно новых веяний в сектантстве. А время для наблюдений теперь очень благоприятное; в виду войны сектанты переживают огромную внутреннюю борьбу – между требованиями долга верноподданства и антимилитарными догматами секты. Для работы и проповеди миссионерской теперь, повторяем, весьма удобный момент. Не упускайте же его, отцы и братья, и поделитесь с нами своими мнениями и наблюдениями по данному вопросу – он слишком важен. А теперь приветствуем вас, дорогие читатели, с наступающим праздником Светлого Христова Воскресения! Будем взаимно от всего сердца молить Воскресшего Христа Живодавца о ниспослании всех неизреченных радостей Его Воскресения и нашей дорогой отчизне, и Батюшке-Царю с Его августейшей семьёй и христоролюбивому воинству и всему православному христианскому миру, и из глубины души воскликнем: *Христос Воскресе!*

**№ 2. Особое приложение к жур. „Миссионерское
Обозрение“, кн. № 6 // Миссионерское обозрение.
1904 г. № 1–10. (Приложение) С. 33–48**

Вести о Русско-японской войне.

I.

Тройский Д., свящ. Как устранить жёлтую опасность. С. 33–39

(Из слова в неделю православия, 15 февраля 1904 г.).

„Покажи ми веру твою от дел твоих“. Иак.2:18.

События на Дальнем Востоке, разразившиеся вдруг грозной бурей и приковавшие к себе внимание всего мира, – отодвинули все интересы нашей обыденной жизни на задний план. Да и иначе и быть не может. Мы получили внезапный удар от маленького человечка, которого до сих пор почти не замечали, – и теперь невольно внимание наше обращено на Восток, – с тревогой и нетерпением мы ожидаем оттуда известий. Все занялись политикой, все стали подсчитывать силы свои и противника, у всех пошли догадки и предположения о возможном исходе кровавой борьбы.

Но, мы не будем заниматься политикой, да здесь и не место для того. Мы веруем в то, что «Всевышний владычествует над царством человеческим и даст его, кому хочет» (Дан.4:14), – что «Господь мертвит и живит, низводит во ад и возводит. Господь убожит и богатит, смиряет и высит; восставляет от земли убога, и от гноища воздвигает нища, посадити его с могущими людей, и престол славы дая в наследие им» (1Цар.2:6–8). И для нас несравненно полезнее будет в настоящее время взглянуть на совершающиеся события с высшей, религиозной точки зрения, уяснить их смысл, при помощи Слова Божия, и показать, насколько возможно, при каких условиях мы можем надеяться на помощь Божию во всех столкновениях наших с различными народами.

Слово Божие говорит нам, что в мире нет ничего случайного, что Господь каждому народу «назначил предопределённые времена и пределы их обитанию, дабы они искали Бога, не ощутят ли Его и не найдут ли? (Деян.17:26,27). И вот в этом-то и заключается вся цель жизни человеческой и весь смысл Божьего мироправления. Господь хочет именно, чтобы все люди познали Его и все спаслись. Он всех зовёт в своё царство вечное; Сын Божий пострадал, как за нас, так и за

всех прочих людей. Разница тут между народами только в том, что не все они приходят в одно время в царство Божие, потому что не все в одну и ту же минуту бывают одинаково восприимчивы к глаголам живота вечного. – Но раз кто призван в царство Божие, вступил в ограду церкви Христовой, – кто омылся, очистился и освятился св. крещением, – тот уже на веки Христов, – он не может, и не должен возвратиться вспять, – а обязан вперёд идти за Христом, слушать Его и во всём подражать Ему. «Вы свет мира, вы соль земли, – вы град, вверху горы стоящий», – говорил Иисус Христос своим ученикам и, с лице их, нам всем Его последователям. – «Тако да продветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела и прославят Отца вашего, иже есть на небесех» (Мф.5:16), вот обязательства, которые налагает на нас вера во Христа! Мы, *христиане*, должны светить и, как маяк, указывать всем, – сидящим во тьме и сени смертной, – *путь ко Христу*, в Коем Одном истинная радость и счастье, должны *непрестанно усовершаться нравственно*, приближаться умом и сердцем к Богу. «Будите совершенны, якоже и Отец ваш небесный совершен есть», – вот цель и задача нашей жизни!

И таким вот только путём Царство Божие и может расти, и расширяться по земле. А ему надлежит покрыть собой всю землю. И те христианские народы, которые содействуют этому росту Царства Божия, которые веруют во Христа и других приводят к Нему, трудятся в проповеди Евангельской язычникам, – те народы благоденствуют, укрепляются и становятся во главе мира. И, напротив, как скоро они отступают от истины, изменяют Христу и снова погружаются в одну чувственную жизнь, служат лишь вожделениям плоти, – так звёзды их тотчас же и закатываются. Господь их сводит со сцены мира или подчиняет другим, выдвигая вперёд более достойных носителей истины.

Обратим теперь свой взор на себя и посмотрим, как мы исполняем это своё христианское назначение. 1 000 лет вот уже скоро исполнится, как мы, милостью Божьей, призваны в царство Христово, – просвещены Его верой святой и эта вера не была в нас «тщетна». Россия выдвинула из своей среды

многочисленный сонм подвижников, которые просияли чистотой жизни. Евангельской любовью и апостольской ревностью и привели ко Христу тысячи язычников и магометан, вошедших в состав нашей Империи. И ради того семени святого Господь расширил, укрепил и возвысил наше царство, с каждым веком отдавая под власть нашего Православного Царя всё новые и новые языческие и магометанские племена и страны. Нам оставалось бы только идти по стопам своих благочестивых предков и также ревностно распространять веру православную среди язычников Империи, делая из них единое с нами тело о Христе; но, к несчастью, мы, кажется, возвращаемся вспять. В нас повеяло новым духом, и мы пошли не во след Христа, а во след своих похотей. Мы вообразили, что настоящее наше положение создано само собой, что им мы обязаны никому и ничему иному, как только своему уму и труду, и что оно не налагает на нас никаких обязательств по отношению к вере и мы, будто, можем, поэтому, жить, как вздумается, не соображаясь ни с волей Божией, и ни с уставами и заповедями Христовой церкви, и что тем более нам нет никакого дела до других; «пусть-де веруют, как знают; к чему нам их стеснять»?..

Но, «судьбы Божии истинны, оправданны вкупе. Глагол Господень пребывает в век» (Пс.118:143; 1Пет.1:25). Что же случилось? Наши общественные и государственные устои начинают подвергаться опасности. Иноземец и иноплеменник везде предваряет нас в нашем же царстве. И что горше всего, сами же русские, отдав свой ум в плен иноземцу, стали, к своему позору, стыдиться всего своего русского и восставать сами же на себя. И русский народ, как будто «разделился на ся». И мы в разных спорах и взаимных дрязгах не заметили, как на границах нашего государства вдруг выросла враждебная нам и грозная рать. Не должны ли мы над всем этим тяжко задуматься?.. Будем же заботиться о том, чтобы ниспосланное нам за наши грехи неверия и охлаждения к св. церкви испытание Господь обратил нам во благо и спасение.

Что же для этого делать?

Но, нужно ли это и выяснять, когда само время наступившего поста даёт нам лучший ответ на то, что должны

делать добрые христиане для того, чтобы заслужить милость у Господа. «Обратитесь ко Мне всем сердцем своим в посте, плаче и рыдании», говорит нам св. церковь от лица Божия. «Вострубите трубою на Сионе, назначьте пост, и объявите торжественное собрание. Соберите народ, пригласите старцев, соберите отроков и грудных младенцев; пусть выйдет жених из чертога своего и невеста из горницы своей. Священники, служители Господни, да плачут в храме Божиим и говорят: пощади, Господи, народ Твой, не предай наследия Твоего на поругание, чтобы не издевались над ним язычники; для чего будут говорить между народами: где Бог их? И тогда возревнует Господь о земле Своей и пощадит народ Свой» (Иол.2:12,18).

Да, это первое дело. Мы должны именно наступивший пост провести в особенно строгом воздержании, покаянии и молитве; ни один из верных сынов св. церкви не должен самовольно ни нарушать поста, ни уклоняться от исполнения главного своего христианского долга, – исповеди и св. Причащения.

Затем, сегодня церковь празднует торжество православия, и в этот день она ежегодно призывает нас всех к содействию успехам распространения православия среди язычников империи и соседних с нами стран. Этот призыв мы особенно близко должны всегда принимать к своему сердцу. «Не купи, говорят, дом, а купи соседа». Что лучше, жить ли с разбойником и отчаянным врагом рядом, или с другом и братом?.. Рядом с нами на востоке и юго-востоке расположены на громаднейшем пространстве языческие и магометанские племена. Они некогда наводняли всю Европу своими грозными полчищами, а Россию целых 250 лет держали в тяжком и унижительном рабстве. Но потом они ушли к себе вглубь Азии и надолго там заснули тяжким сном. А мы в то время росли и укреплялись под сенью Креста Христова. Ныне же монголы снова пробуждаются, и в них снова воскресает прежний воинственный дух.

Что, если они все, как и Япония, обзаведутся усовершенствованными орудиями истребления и со своими многомиллионными армиями обрушатся на Европу и прежде всего на Россию? А об этом азиаты уже и поговаривают, к этому начинают уже и готовиться. Япония, как передовой отряд этих

азиатских воителей, делает теперь лишь первую попытку помериться с нами силами, для того, чтобы, в случае успеха, разрушить в умах азиатов составившееся убеждение в непобедимости Белого Царя и тем поднять на ноги против нас все народы Азии.

Не пора ли и нам проснуться, позаботиться оградить себя от азиатской опасности? Оградить себя от неё мы могли бы, если бы исполняли своё назначение – быть носителями правды Божией и распространять веру Христову на земле.

А заботимся ли мы об этом? Думаем ли об этом даже? В прежнее время купец, промышленник, торговец, выменивая у дикаря Сибири и Амура шкуру зверя, обязательно давал ему с товаром и свою веру, часто, за неимением священника, сам его крестил. Ныне же он думает только о барышах, – а веру свою оставляет у себя дома, вспоминая о ней лишь при случае. Да, мы погрузились исключительно в одни лишь свои материальные интересы и живём только для своей плоти. О Божием же деле, о спасении своей души и спасении других мы великодушно предоставляем печаловаться одному духовенству. Вот, каждый год в этот день, во всех церквях Империи православные христиане приглашаются стать в ряды сотрудников православного миссионерского Общества, для чего нужно внести всего *только 3 руб.* И что же? Многие ли откликаются на этот призыв св. церкви? Не посматривают ли, обыкновенно, при этом большей частью только каждый один на другого, и не спешат ли выйти, по окончании службы, из церкви, придерживая свой карман, находя эту жертву для себя не по силам, а между тем на наряды, на прихоти, на роскошь и удовольствия у большинства находятся не только десятки, но сотни, а у некоторых даже и тысячи рублей. Что же, если мы не даём, взыскания за это никакого не полагается, некому даже будет за это нас и укорить; но за то не должны уж и жаловаться, если войны с варварами будут ежегодно вырывать у нас из кармана не по 3, а по 300 и более рублей... Да, если бы мы вдумались, какое это великое дело – обращения язычников к вере Христовой, – то у нас и каждый нищий, грошами собирая, вносил бы с охотой и любовью ежегодно свой членский взнос в

миссионерское Общество в 3 руб. Вспомните Грецию, что она приобрела в России, с обращением её в свою веру. Вот уже 9-ть веков прошло, а Россия и до сих пор стоит горой за единоверную ей страну, несмотря на то, что государственные их интересы иногда стоят в прямом противоречии между собой. Те же, быть может, братские отношения установились бы у нас и с Японией, если бы мы сумели вовремя поддержать в ней великого апостола нашей церкви, епископа Николая. Но благоприятный момент к тому упущен. И теперь, мы должны, по крайней мере, обратить особенное своё внимание на своих язычников и на соседний с нами многомиллионный Китай, который Япония стремится прибрать к своим рукам для того, чтобы сделать из пего послушное орудие своих честолюбивых и воинственных замыслов. А население Китая составляет ведь чуть не $\frac{1}{4}$ -ю часть всего мира, поэтому вопрос – будет ли Китай языческим или христианским, для нас вопрос, пожалуй, жизни и смерти. Мы должны спешить породнить его с собой как можно скорее, посредством православной веры.

Хотя там в настоящее время над распространением христианской веры и трудится около 3000 протестантских миссионеров и не менее того католических, – но это для нас не утешение. Мы по опыту знаем, чего можно ожидать от протестантов и католиков. Англия христианская страна, и однако же она в союзе с язычниками – японцами против нас – христиан. Поляки братья нам по крови, одного с нами славянского племени, но католическая религия отодвинула их от нас чуть не дальше магометан. Во всех войнах с Турцией немало их становилось под знамя полумесяца и заодно с магометанами сражалось против нас. И теперь, заграничные поляки, не стесняясь, открыто выражают своё сочувствие японцам, желая им победы над нами. Да что далеко за примерами ходить? Известно, как к нам, православным, относятся наши же раскольники и сектанты. В прошлом году в с. Павловке сектанты целой деревней напали на православную церковь, разбили её и произвели большие насилия над православными. Потом, когда наши русские же люди меняют свою православную веру на немецкую штунду, то сразу же

перестают быть и русскими. Они выбрасывают из своих хат портреты нашего царя и ставят вместо них немецкого императора. Духовные узы сильнее голоса крови! Поэтому мы должны желать, чтобы и Китай *принял* именно от нас *православную христианскую веру*.

Между тем в Китае у нас всего, горько сознаться, каких-нибудь 2–3 миссионера на 400 миллионов язычников. Китайцы же, должно сказать, выказывают особенное расположение именно к православию, и спрос на наших миссионеров местами так настойчив, что невольно вспоминаются слова Иисуса Христа, сказанные Им Своим апостолам: «возведите очи ваши, и посмотрите на нивы, как они побелели и поспели к жатве» (Ин.4:35) Да, жатва многа, и жатва богатая, но, к несчастью, делателей мало. – А отчего? Оттого, что средств нет. Англичане, французы, немцы, американцы имеют десятки тысяч миссионеров в различных странах света и тратят на дело миссии много миллионов, собирая их нередко рублями и грошами, среди земледельцев, ремесленников и даже школьников, а у нас миссионеры едва могут считаться и сотнями, на дело миссии едва-едва насобируется в год до 200 тысяч рублей. Отчего это? Оттого, что мы равнодушны к своей св. церкви, а с этим вместе в нас уснуло чувство национального самосознания и гражданской доблести. Но. ужели нас надо будить только пушками?! Пора встать, пора очнуться, пора взяться за дело и за свой собственный разум. События ныне быстро чередуются, жизнь пошла ускоренным ходом, и кто не хочет быть смятым и втоптаным в грязь, тот должен бодро стоять на страже своих духовных и национальных интересов. Дело же миссии, дело обращения язычников к вере во Христа, это для нас, русских, вопрос первой важности. Если мы хотим остаться тем, чем были: великим и сильным народом, то мы должны крепко сплотиться вокруг св. своей православной церкви, которая до сих пор была истинной матерью нашего отечества, и с крестом и Евангелием идти к тем народам, которых Господь отдаёт под высокую руку нашего Царя, и тем «показать веру свою от дел своих»!

Свящ. Дмитрий Тройский

II.

Патриотическое настроение общества и народа. С. 39–41

Что должен чувствовать и чувствует в настоящую войну Российский великан к Японскому пигмею? В настоящую минуту громче всего говорит в нашем народе чувство какого-то брезгливого, почти гадливого, отношения к врагу, равно жалкому и ничтожному, как в физическом, так и в нравственном отношении.

Эти тщедушные, мелкие, невыносимые к холоду и утомлению, жёлтые люди, с обезьяньими ухватками и трусливой увёртливостью ловких акробатов...

Что это за противники для наших доблестных, могучих „чудо-богатырей“?

Что они могут противопоставить русской силе и мощи богатырской, великой ратью идущей под знаменем креста за веру и Царя?..

Народ так именно понимает японца, как врага ничтожного, вероломного, жалкого... врага, с которым почти совестно бороться правильной, серьёзной борьбой.

Такой взгляд на Японию и японцев вполне подтверждается и тем неслыханным „началом“, каким ознаменовалась настоящая война, и теми, достойными всякого порицания, средствами, к каким наш желтолицый враг прибегает в борьбе своей с нами.

Офицеры японской правильной армии, организующие „разбойничьи банды“?!

Заготавливать — как это было дознано на днях — станки и шрифты для фабрикаций наших денежных знаков.

Всюду ползти змеёю и ни в чём ни разу не явить себя смело, гордо подняв голову, в сознании исполняемого перед отчизной долга.

Ежели всё это „войной“ называется, то что же называется разбоем?!

А. П. С.

* * *

„Новое Время напечатало из частного письма юного офицера к матери следующую трогательную выдержку, рисующую патриотическое настроение деревни. „На всех больших станциях и в городах нам устраивают сочувственные манифестации, а где есть войска, там играет музыка. Письмо это пишу со станции Ртищево, где мы стоим 6 часов. Сегодня я дежурный по эшелону; на всех станциях нужно выходить и вот только что ночью подъезжаем мы к одной мелкой станции. Я выхожу и вижу большое скопление крестьян: вся эта толпа подходит ко мне, снимают шапки и говорят, что они привезли из деревень всё, что собрали и хотят сделать подарок солдатам на войну. Картина была неопиcуемая. Вышел вперёд высокий настоящий русский мужик, очевидно староста, и передал мне деньги, собранные в деревнях, – целый мешок медных; потом толпа расступилась, и я увидел целую гору бубликов, хлеба, яиц и пирогов, затем множество больших мешков с холстом, полотенцами, рубахами, ситцем, тёплыми носками и рукавицами. Всё это я велел отнести в вагон, который и завалили до верху. Это было ночью, все солдаты, кроме немногих, спали. Я снял папаху, подошёл к старосте и, от лица всех солдат, расцеловался с ним и поблагодарил; после него я начал переходить из рук в руки, от мужика к бабе и так далее до конца; бабы благословляли! В это время раздался третий звонок, я ещё раз поблагодарил всех и пошёл в вагон. Вдруг сзади подбегает мужик и спрашивает, «ваше благородие, разрешите сыграть «уру!» Я ему говорю: «валяй» и сам первый крикнул. Воздух ночью огласился громким «ура!» Поезд наш тронулся. Это у меня останется в памяти на всю жизнь: мужички собрали последнее и принесли солдатикам“.

* * *

Приводим трогательное письмо, напечатанное в газете «Бессарабец».

М. г., г. редактор!

Во вчерашнем № „Бессарабца“ записано пожертвование – 50 коп. от Фомы Корхового; пожертвование это прислано при следующем письме:

„Прошу принять от меня 50 коп. на гвоздь миноноски „Бессарабец“, данные мне на пропитание добрыми людьми. Да будет эта миноноска крепка, как моя вера в нашу непобедимую армию. Я сам солдат, прослуживший 5 лет в Волынском 53 пехотном полку, и за свою честную службу произведён в фельдфебеля, прослужив ещё год сверхсрочно и только по временной болезни отпущен в запас. По оговору злых людей просидел в тюрьме 10 месяцев до суда и 11 сего февраля меня оправдали, как невинного в антиеврейских беспорядках.

Рвётся моя душа на поле брани, хочу и я постоять своею грудью за нашего Батюшку Православного Царя и за весь Крещёный русский народ. Слезно прошу добрых русских людей и моё хорошее начальство снарядить и отправить меня к нашим братьям-войнам прямо в первые ряды, сразиться с супостатом.

Запасной фельдфебель 53-го пехотного полка, Фома Корховой.

Образ Спасителя со старого „Ретвизана“. С. 41–42

„Московские Ведомости“ получили от генерал-адъютанта М. П. Данилова копию письма, отправленного Марией Васильевной Крузенштерн командующему нашею Тихоокеанской эскадрой вице-адмиралу С. О. Макарову.

Ваше превосходительство,
М. Г. Степан Осипович!

„Приемлю смелость обратиться к нам, как дочь ныне уже покойного генерал-адъютанта, вице-адмирала барона Василия Феодоровича Таубе, бывшего с 1855 по 1861 год в чине капитана 1-го ранга, командиром линейного корабля „Ретвизан“ – предшественника, по имени, славного эскадренного броненосца, столь доблестно отличавшегося в недавнее время.

Зная, насколько дорого экипажу каждого судна нашего боевого флота всё имеющее соотношение с его прошлым, я посылаю при этом письмо образ Спасителя, принадлежавший старому „Ретвизану“ и вручённый ему не человеческой рукой, а по особому предопределенью судьбы – его родным элементом – водой.

В то время, когда старый „Ретвизан“, вскоре после своего спуска на воду, стоял в Неве, отец мой, вместе с другими чинами экипажа, увидел несомый волнами и плывший по направлению к кораблю предмет, который оказался образом спасителя. Святой образ этот сопровождал затем „Ретвизана“ во всех его плаваниях; когда же флот наш облёкся в броню, и старый „Ретвизан“ должен был окончить свою службу Царю и Отечеству, то экипаж его, прощаясь со своим командиром, благословил его этим образом, который затем, после смерти отца, благоговейно хранился у меня.

Ныне, когда потомок старого „Ретвизана“ – доблестный броненосец „Ретвизан“ грудью своей встречает врага, пусть этот святой образ сопутствует ему в боях и будет ему благословением его предка в борьбе его во славу нашего обожаемого Монарха, родины и нашего доблестного флота.

Печтительнейше прошу ваше превосходительство удостоить меня принятием этого образа, для вручения его эскадренному броненосцу „Ретвизану“, чем осчастливите меня и как дочь моряка, и как жену одного из потомков известного нашего мореплавателя – адмирала Крузенштерна.

С чувством искреннего почтения и глубокого уважения имею честь быть вашего превосходительства

Мария Васильевна Крузенштерн, урождённая баронесса Таубе“.

Нынешнее настроение японцев. С. 42

Из полученных сведений оказывается, что восторг, проявленный японцами в первые дни войны, сменился беспокойством. Японцы надеялись, что война будет окончена очень скоро, но теперь, когда после бесполезных попыток занять Порт-Артур вполне выяснилось, что она может затянуться на очень долгое время, – японцы приуныли. Затем, японцы рассчитывали, что поход будет лёгок, но уже первые передвижения на север Кореи показали, что войскам придётся преодолевать большие затруднения. Японцы питают надежду на то, что, в случае их поражения, Англия и Америка придут к ним на помощь.

Отправляющиеся на войну японцы считаются покончившими свои счёты с жизнью – живыми покойниками: перед отъездом они выпивают стакан воды в знак того, что они не рассчитывают на возвращение и принадлежат отныне отечеству. Отправляясь на пожар, японские пожарные делают то же, чем и выражают, что мысли их не будут останавливаться на близких, на семье, но всецело сосредоточатся на борьбе с огнём. Слез при прощании с идущими на войну в Японии вообще не бывает, так как это было бы признаком трусости там, где следует показать себя храбрым.

III.

Всеподданнейшие и официальные телеграммы с театра войны. С. 43–48

Из *Порт-Артура* от 3-го марта телеграфируют, что известия английских и англо-китайск. газет, будто Артур взят японцами, объят пламенем, покидается жителями и тому подобное – чистейший вымысел. Кроме пяти убитых и повреждения нескольких зданий, бомбардировка 26 февр. других последствий не имела.

4-го марта, из Порт-Артура. Вчерашняя ночь и сегодняшний день прошли спокойно. По частным сведениям, в порт-артурском бою, бывшем в ночь на 27 янв., погибло 6 японских миноносцев со всей командой, затонуло два крейсера в виду Чифу и был сильно повреждён броненосец «Миказа» пущенными в него десятью снарядами. Все доки в Японии были заняты починкой повреждённых судов; в настоящее время в доках в Нагасаки и Сасебо находятся броненосец и два крейсера первого класса. В неприятельских госпиталях насчитывается свыше 2,000 человек.

Через Берлин, от 4-го марта. Русский кавалерийский отряд двинулся внезапно вперёд между Ы-джу и Иончиопом. 200 кавалеристов дошли до реки и стали стрелять по японцам, находившимся на противоположном берегу. Японцы на огонь русских не отвечали.

Японский передовой отряд из 200 человек на голову разбит близ Пиньяна русскими, которые напали на него в числе 300 человек.

Русские войска, по сообщению «Рос. Тел. Аг.», укрепились на превосходных позициях в городе Аньшанчжане. Главные наши силы, сосредоточенные у р. Ялу, уже перешли эту реку и оставили во многих местах небольшие отряды для охраны реки.

5-го марта, от наместника из Мукдена. Генерал Мищенко доносит, что, по сведениям из Пиньяна, там находится японская пехота при нескольких орудиях. На корейских подводах передвигаются запасы продовольствия. Неприятельская кавалерия в массах не замечается; видны только одиночные

всадники; конский состав плохой и слабый. Наш разъезд на берегу реки Чион-чион-Гана, в пяти верстах от Анджу. открыл присутствие неприятельской пехоты, встретившей его огнём, причём у нас убита одна лошадь.

7 марта, от ген.-лейт. Жилинского. Войска имеют вид бодрый; больных нет.

По донесениям от пограничной стражи, на линии восточно-китайской дороги всё благополучно. Близ станции Удзими штабс-ротмистр Аксенов, высланный с 70-ю конными, разбил шайку хунхузов в 100 человек.

Подтверждаются сведения, что Анчжу и Пеньян заняты неприятельской пехотой и артиллерией.

По дороге Анчжу – Пеньян происходит усиленное движение войск и грузов.

В Цинампо недавно происходила разгрузка 13 транспортов.

По сведениям, на побережье у Гао-цзяо и против Цзинь-чжоу-фу никаких приготовлений к высадке нет.

Все известия иностранных газет о высадке японцев в различных пунктах побережья лишены основания.

От 9 марта. По донесениям генерала Мищенко. 4 марта разъезды, подойдя близко к Аньчжо, заметили, что на левом берегу Чин-Чан-Гана, против города, возведены неприятельские окопы. В Ионгбене неприятеля ещё не было. По предположению, в Аньчжо находится одна дивизия, в Пеньяне – остальная часть первой армии. Вследствие полученного сведения о прибытии в Иакчен двух неприятельских эскадронов, туда были направлены две наши сотни, с целью воспрепятствовать переходу противника через реку Пакченган. Сотни эти заметили на левом берегу реки три неприятельских эскадрона, которые, с приближением нашего отряда, не приняв боя, начали отходить к Аньчжо. Сила японских эскадронов около 190 коней; лошади разномастные.

В ночь на 6-е число два посыльных нашей летучей почты между Касаном и Ченчжо наткнулись на японский разъезд, были встречены его огнём, но благополучно отошли. По сведениям, 300 человек неприятельской конницы 6-го марта

заняли Ионгбен; в Аньчжоу заготовлен материал для наводки мостов севернее и южнее города.

По донесению генерал-лейтенанта Стесселя, около полуночи на 9-е марта, в свете прожекторов показались неприятельские миноносцы, по которым открыли огонь наши сторожевые суда, а затем некоторые батареи крепости. Огонь продолжался около 20 минут. Тоже повторилось в 4 часа ночи. В 6½ часов утра с юга показались 4 неприятельских судна, а затем и вся эскадра, в составе 11-ти судов и 8-ми миноносцев. Наша эскадра вышла на наружный рейд для встречи неприятеля. В 9 часов неприятельские броненосцы сделали несколько выстрелов по Ляотешаню и, зайдя за этот горный массив, открыли огонь по Артуру. Дальнейших сведений не получено.

По дополнительным сведениям генерал-лейтенанта Стесселя, состав неприятельской эскадры, появившейся перед Порт-Артуром, определён в 6 броненосцев и 12 крейсеров. Около 9 часов утра эскадра эта разделилась: броненосцы и миноносцы стали между Ляотешаном и Голубиной бухтой, а крейсера – в двух группах к югу и юго-востоку от Артура. В 9 часов 20 минут «Ретвизан» открыл перекидной огонь через Ляотешан по неприятельским броненосцам, которые в 9 час. 40 мин. также начали стрельбу по городу. Между тем наша эскадра постепенно выходила на внешний рейд. К 11 часам утра канонада начала стихать; японская эскадра, соединившись, медленно отходила к юго-востоку и в 12 час. 30 мин. дня стала удаляться.

Во время бомбардировки на берегу убито 5 нижних чинов, ранено – 9, контужен – 1.

Командующий флотом доносит сего числа из Порт-Артура следующее:

Сегодня в полночь два неприятельских миноносца подходили на внешний рейд, но были открыты прожекторами с батарей и встречены огнём последних и сторожевых лодок «Бобр» и «Отважный», вследствие чего отступили.

Вторая атака была в 4 часа утра. Участвовало 3 неприятельских миноносца, но были также отбиты.

С утра стали приближаться с разных сторон 3 неприятельских отряда, состоявшие из 6 броненосцев, 6 бронированных крейсеров, 6 крейсеров 2-го и 3-го классов и 8-ми миноносцев.

В 7 час. утра наша эскадра стала выходить с внутреннего рейда. Крейсера выходили первыми, из них «Аскольд» – под моим флагом. Броненосцы выходили за ними.

Неприятельские броненосцы подошли к Ляотешану и сделали 100 выстрелов 12-дюймовыми орудиями по Артуру, а также 108 выстрелов по окрестностям.

Снаряды наши с дистанции 80 кабельтовых ложились очень хорошо и 1 снаряд, около 10 часов, попал в броненосец, после чего последний отошёл.

Потерь в людях на эскадре нет.

По окончании бомбардировки, около 11-ти часов утра, все неприятельские суда соединились, прошли вдоль внешнего рейда и удалились, не атаковав нашей эскадры.

13 марта, от наместника из Мукдена. Генерал Мищенко доносит, что 10 числа в 11 ч. пополудни он выслал две сотни, с целью разведать, какие силы неприятеля перешли через реку Чин-Чан-Ган. Одна из сотен, в полутора верстах от Пак-ченгана, заметила неприятельскую конную заставу, силой 30 человек, которая, с приближением нашей сотни, стала усиливаться, а затем прикрывалась пехотой. Наши казаки спешили два взвода и открыли огонь по заставе, а также – разъезду, показавшемуся в 400 шагах, причём у японцев были, убиты: 1 офицер, 1 нижний чин и лошадь. После нескольких залпов, получив донесение о наступлении неприятельской пехоты, наш разъезд отошёл.

Разведка выяснила, что Пакчен занят неприятелем. На правом берегу Пакченгана находятся две роты и около 3 эскадронов кавалерии, имея посты в 2-х верстах от берега реки. В городе Аньчжоу находятся 3000 японцев. В Цинампо постоянно прибывают японские военные суда и транспорты; войска, высадившиеся в Цинампо, направляются к Пеньяну и далее на Унсан и Канге.

По донесению генерала Смирнова из Порт-Артура 11 марта, наша охотничья команда близ Бицзыво разбила и почти

совершенно уничтожила шайку хунхузов около 50 человек. У нас потерь нет.

13 марта, от вице-адмирала Макарова из Порт-Артура. Всеподданнейше доношу Вашему Императорскому Величеству, что сего числа с броненосцами, крейсерами и миноносцами выходил для осмотра некоторых соседних островов.

14 марта, от наместника из Мукдена. В ночь с 13 на 14 марта после захода луны, японцы сделали попытку заградить выход из гавани, для чего ими были пущены 4 брандера в сопровождении флотилии миноносцев. Около 2 ч. 15 м. ночи сторожевые суда и батареи заметили приближение неприятельских судов, по которым открыли дружный и сильный огонь. Впереди брандеров шли неприятельские миноносцы, а на значительном расстоянии сзади более крупные суда, которые открыли огонь по крепости, поддерживая действия брандеров и миноносцев. Вследствие сильного артиллерийского огня и лихих действий наших миноносцев, брандеры не достигли до входа в гавань: 2 попали на камни под Золотой горой, 1 затонул, пробитый миной нашего миноносца, сзади первых двух, а четвёртый затонул, упёршись носом в ранее затопленный японский пароход у Маячной горы. Проход остался свободным.

На затопленных пароходах найдены скорострельные орудия Гочкиса калибра один дюйм, из которых стреляли по нашим миноносцам. С каждого затопленного судна спущена была шлюпка для спасения команды. Из этих шлюпок спаслась, по видимому, одна.

Около 4 ч. утра неприятельские миноносцы отошли, и канонада прекратилась. Командующий флотом адмирал Макаров тотчас на паровом катере вышел на рейд для осмотра затонувших неприятельских судов. Во время минной атаки неприятельских судов на миноносце «Сильном» была перебита паропроводная труба и привод рулевой машины, почему он выбросился на берег под Золотой горой, откуда его теперь снимают. Убитые и раненые на миноносце есть, но число их ещё теперь неизвестно. Около 5 ч. 25 м. утра к югу от Артура замечены неприятельские миноносцы, по которым батареи открыли огонь. Около 6 ч. утра на горизонте показалась

неприятельская эскадра. В 6 ч. 30 мин. батареи Тигрового полуострова открыли огонь, а наша эскадра начала вытягиваться из гавани. «Баян», «Новик» и «Аскольд» вышли первыми и тоже открыли огонь. Стрельба скоро прекратилась за дальностью расстояния до неприятельской эскадры. В 9 ч. 15 мин. вся наша эскадра вытянулась на рейд. Японская эскадра начала отходить на юго-восток, по-видимому, уклоняясь от боя. Около 10 ч. утра неприятельская эскадра скрылась за горизонтом.

14 марта, от вице-адмирала Макарова из Порт-Артура. Всеподданнейше доношу, что 14 сего марта в 2 ч. ночи неприятель сделал вторую попытку заблокировать вход во внутренний рейд. С этой целью им были направлены ко входу 4 больших коммерческих парохода в сопровождении 6 миноносцев. Неприятельские суда были своевременно открыты прожекторами, подверглись обстреливанию батарей и со сторожевых лодок «Бобр» и «Отважный».

Опасаясь прорыва неприятельских судов, командир сторожевого миноносца «Сильный» лейтенант Криницкий бросился в атаку и миной взорвал нос передовому из них, который повернул вправо, а за ним последовали 2 других парохода, так что все 3 выкинулись правее входа. Четвёртый пароход взял влево и затонул также в стороне от фарватера.

Миноносец «Сильный» вступил в бой с 6 неприятельскими миноносцами; на нём убиты: старший инженер-механик Зверев и 6 нижних чинов. Командир и 12 матросов ранены.

Утром показались японские броненосный и крейсерский отряды; со вверенным мне флотом вышел для встречи неприятеля.

Вторая попытка японцев заградить вход в Порт-Артур, благодаря энергичному отпору морских и сухопутных сил, потерпела такую же неудачу, как и первая.

Вход в порт остался совершенно свободным.

* * *

Всеподданнейше доношу, что неприятель отошёл, а потому я возвратился с флотом в гавань. Миноносец «Сильный», ставший на камни ночью, вследствие повреждения машины

неприятельским снарядам, благодаря энергии команды, снят и благополучно введен в гавань. Командир лейтенант Криницкий, раненый в руку легко, не покидал поста. На брандерах оказались адские машины, проводники которых были перерезаны охотниками, из которых некоторые: лейтенант Кедров 4, Азарьев 3, мичман Пильсудский, посланные мною, вступили на пароход тотчас, когда он остановился, обрезали проводники и потушили пожар, который осветил бы неприятелю вход в гавань. На рейде утром оказалась плавающая мина с адской машиной, мина благополучно вынута, рейд протрачен. Пароходы, послужившие брандерами, по осмотре оказались нестарыми, около 2000 тонн, были вооружены малокалиберной артиллерией, которую ставлю на батареи для усиления огня. Часть пароходов поднимаю для надобностей порта.

№ 7. Апрель

Лаврский В., прот. Явление воскресшего Христа во уверение Своего воскресения // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 769–791

(По поводу статьи проф. Тареева – „о Христовом Воскресении“. – Богослов. Вестник. Май 1903 г.).

Во время оригенистских споров один престарелый инок горько заплакал, когда учёные богословы того времени объяснили ему, в каком он находился заблуждении, держась некоторых человекообразных представлений о Божестве. „Лишили меня Бога моего!“ с неутешным плачем повторял старец, приведённый к духовному разумению о Боге. Не на этого ли старца похожи многие из православных читателей Богословского Вестника, которые, прочитав в майской книжке академического журнала за 1903 г. статью проф. Тареева о Христовом воскресении, со скорбью сердца думают: лишил нас учёный богослов веры в действительность Христова воскресения! Или и в самом деле подрывает веру в воскресение г. Тареев в статье своей, оставляя нам лишь надежду на продолжение личного бытия по смерти, а воскресение, – даже и воскресение Христово, – представляя только кажущимся, мнимым? Ведь есть же в настоящее время и философы, и богословы такие, что говорят о Боге, о бессмертии души, а на самом деле ни личного Бога, ни личного бессмертия, ни даже самой души не признают.

Но есть ли надобность заниматься вопросом, как верует профессор Тареев в воскресение Христово и в наше будущее со Христом воскресение? – О, да! есть надобность, – потому что учёный богослов не свои личные мнения сообщает, а хочет внести исправление в верование Церкви относительно Христова воскресения, называя общераспространённое между православными верование „простонародной метафизикой воскресения“. Его статья есть призыв, обращённый к нам – православным: „испытывайте самих себя, – в вере ли вы; самих себя исследывайте (2Кор.13:5).

По-видимому, проф. Тареев не намерен был входить в исследование собственно о воскресении; „наша проблема не метафизическая, а нравственная“, говорит он (стр. 22). Не само воскресение, а „смысл воскресения Христова и сущность его значения“ (стр. 1) составляют предмет богословского исследования. Однако же, чтобы „существенное значение воскресения Господа Иисуса Христа изложить в отношении к тем взглядам по этому предмету, которые „он – проф. Тареев“ считает или односторонними или ложными“ (стр. 2), ему привелось и против желания войти в суждение о том, что называет он „метафизикой воскресения“, – вдаться в „метафизическое исследование духовного тела“ (стр. 22).

Г. Тареев различает „традиционно-догматическое воззрение на смысл воскресения Христова, воззрение вполне незыблемое и несомненное в догматическом отношении, – в его незыблемой апостольской и общеотеческой основе“ (стр. 2), и – „односторонность в применении этого воззрения к нравственной области у позднейших богословов“ (ibid). „На ряду с этим воззрением, незыблемым в основе, но односторонним в применении к нравственному значению“ Христова воскресения, проф. Тареев констатирует существование и „другого взгляда по этому предмету, уже не одностороннего только, но и прямо ложного“ (стр. 7–9). Указание этой односторонности в применении к нравственности догмата воскресения Христова и ложности другого воззрения относительно этого предмета и составляет содержание исследования проф. Тареева. Заметим мимоходом, что не без намерения он выражается: „воззрение по предмету“, а не воззрение на предмет; этим он хочет, кажется, как бы подчеркнуть, что его занимает не учение о воскресении, а учение о значении и смысле воскресения, так что и односторонность и даже ложь, которые он обличает, относятся не к вере в воскресение, а лежат уже в области выводов из „факта“ (стр. 8 и 18). Но на самом деле едва ли это так. Тареев в своей статье не только указывает „неосновательность плотских выводов из истины воскресения Христова“, по разоблачает ложь в воззрении на сам „факт“ Христова

воскресения, для чего и понадобилось ему сделать „анализ факта по евангельским повествованиям“ (стр. 18).

Он говорит: „В своём зародыше это – грубо-антропоморфный, иудейско-чувственный взгляд на состояние и жизнь Воскресшего. По этому пониманию“, говорит он, „Христос восстал из гроба к продолжению телесно-чувственной жизни, хотя и окружённый сиянием божественной славы: врата ада, поглотив Христа, были обмануты, Он вышел из области смерти таким, каким вошёл туда, Он восстал из гроба с такой же телесной жизнью, какой жил на земле, с той лишь разницей, что тело Его по воскресении приобрело новые свойства божественной славы, – всемогущества, всеприсутствия, оставаясь однако нашим (земным, душевным) телом, – Он, вознесшись к Отцу, вознёс на небо наше (земное, душевное) тело, буквально восседает на небесах одесную Бога Отца. Это, прибавляет проф. Тареев, „простонародное“ или, как в другом месте он выражается, „популярная метафизика воскресения“ (стр. 10 и 11). Она собственно, говорит он, не привлекает к себе нашего внимания; взгляд этот не заслуживал бы и того, чтобы говорить о нём; но в последнее время некоторыми из наших духовных и светских писателей он поставлен в литературе на более широкую основу, на которой вопрос о воскресении Христа приведён в связь с более общим вопросом об отношении современности к христианству, духа к плоти, святости к культуре. Стремясь к примирению современности с христианством и защищая святость плоти, надеются найти оправдание этого воззрения в евангельских фактах – рождества Христова, Его преображения и (особенно) воскресения“, причём „воскресение Христа понимается буквально как воскресение плоти. С этого пункта популярная метафизика воскресения и привлекает к себе внимание“ проф. Тареева (ibid).

Что касается пастырей церкви и учителей веры, а к числу последних принадлежит и сам автор статьи, – то едва ли им позволительно относиться так безучастно к существованию в церкви православной грубо-антропоморфного, иудейско-чувственного понимания истины воскресения Христова; если понимать Христово воскресение „буквально как воскресение

плоти“ есть иудейский антропоморфизм, – ересь, то на это следует обратить внимание и независимо от выводов, кем-либо делаемых неосновательно из догмата.

Там, где дело идёт о выводах из понятия о воскресении Христовом, г. Тареев указывает много цитат и приводит дословные выписки из современных богословских писателей, чтобы его не могли обвинить в переименовании чужих мыслей. К сожалению, он не сделал того же при изложении самого основания этих выводов. Ведь если основанием неправильных выводов морального характера служит „простонародная метафизика воскресения“, как изложил её проф. Тареев, то делающие такие выводы должны признавать основания этих выводов, должны разделять убеждения, иметь представления, составляющие содержание „простонародной метафизики воскресения“. Кому же это из современных писателей принадлежат понятия и представления, которые сам же г. Тареев называет простонародными? В этом изложении простонародной метафизики воскресения, неизвестно откуда взятом, неизвестно на основании чего составленном, что составляет традиционно-догматическое изложение веры в воскресение“, незыблемое г. Тареевым в его исследовании, и где начинается грубо-антропоморфное, иудейско-чувственное понимание догмата о воскресении, г. Тареев, к сожалению, не отделил. Приходится читателю его статьи самому разыскивать, чего не допускает он в общераспространённом между православными понимании воскресения, что должно быть, по его мнению, понимаемо не буквально, а духовно, что именно считает он представлением воскресения иудейско-чувственным, грубо-антропоморфным.

Неправославным, прямо ложным основанием неправославных выводов морально-этического характера признаёт проф. Тареев понимание Христова воскресения „буквально как воскресения плоти“ (стр. 11, строка 11-я сверху²⁵⁸), „чувственное понимание воскресшего тела Христова“ (15⁵). „По не ложному учению слова Божия“, говорит он, „Христос Иисус воскрес духовно“ (18¹⁶). Это несомненное учение слова Божия о воскресении Христа – будто бы только

духовном, – автор статьи указывает в словах апостола о Христе: „Он был умерщвлён по плоти (σάρκι), но ожил духом (πνεύματι“ – 1Пет.3:18). В подтверждение того же указывает автор ещё на следующие места Писания. „Апостол Павел, которому Воскресший явился“ после „других, „ныне уже“ не знал Христа по плоти, если и знал „так“ Его прежде (2Кор.5:16), для него Воскресший „Господь есть дух“ (2Кор.3:17). Так что и „прилепляющийся к Господу есть один дух с Ним“ (1Кор.6:17). Вот и всё истинно богословские, т. е. из слова Божия, из Божественного Откровения заимствуемые г. Тареевым основания того положения, что воскресение Господа плотью должно быть понимаемо не буквально, что воскрес Он только духовно. В дальнейшем уже развитии своих мыслей о духовности Христова воскресения, выводя заключение о теле воскресшего Христа из того, что говорится в Писании о наших телах по воскресении, проф. Тареев указывает на слова Писания, что „плоть и кровь не могут наследовать царствия Божия (21¹), не переступят за пределы гроба“ (22₂ и прим.). При этом он обращает наше внимание на то, что Сам Господь в Евангелии, говоря о своём воскресшем теле, не приписывает Себе „плоти и крови“, а только „плоть и кости“ (42 прим. 2-е). Насколько доказывают эти места Писания то, что хочет ими доказать г. Тареев, – рассмотрим в своём месте, а теперь продолжим изложение аргументации г. Тареева в подтверждение того положения, что Христос по воскресении не буквально имеет „плоть и кровь“ или „плоть и кости“, как говорит Он в Евангелии (Лк.24:39), а воскрес только духовно (18¹⁶) и что Его воскресшее тело не должно быть „понимаемо чувственно“ (15⁵).

Будучи „всего менее расположен вступать в состязание о словах“ (22¹⁴) и в „метафизическое исследование духовного тела“ (22¹⁶), г. Тареев своё учение о воскресении Христовом и о духовном теле, в котором воскрес Господь, построил именно на метафизическом определении взятых из Писания слов: „плоть“ – σάρξ, „тело“ – σῶμα, „Дух“ – πνεύμα и скомбинированных из этих слов понятий: „тело духовное“ и „тело душевное“.

Он говорит: „нам обетовано духовное тело, как вполне соответствующее духовной божественной жизни. Смертью и воскресением Христа снимается с человека тяжесть смертного тела (Рим.7:24). Пусть это будет не окончательное уничтожение тела, но преобразование нашего уничиженного тела сообразно славному телу Христа (Флп.3:21) и мы будем иметь вместо тела душевного тело духовное (1Кор.15:44), так что нельзя говорить о нашей абсолютной бестелесности по воскресении; но несомненно, что оно („наше воскресшее тело“) не будет иметь в себе ничего материального, если только этому слову придавать реальное значение“ (22¹⁻¹⁸).

Что такое хочет г. Тареев сказать этим прибавлением: „если только этому слову придавать реальное значение“? – Вероятно, следующее: если в воскресшем теле допускать что-либо материальное, то это не будет уже тело духовное, тогда как Писание говорит, что мы воскреснем в теле духовном; иначе сказать: наименование в Писании нашего тела, по воскресении его, телом духовным вынуждает нас утверждать, что оно не будет иметь в себе ничего материального. Но если, говоря так, мы верно поняли и выразили мысль г. Тареева, то ведь тот же самый аргумент может быть употреблён для получения обратного – совершенно противоположного заключения: В Писании наше тело, по воскресении называется телом духовным; но если этому слову придавать реальное значение, то нельзя допускать, что оно, по воскресении, не будет уже иметь в себе ничего материального; – иначе, – это не будет уже тело, а дух. Вот почему проф. Тареев и вынуждает сделать вербальную уступку: так как „мы будем иметь вместо тела душевного тело духовное“, то – признаётся он – „нельзя говорить о нашей абсолютной метафизической бестелесности по воскресении“ (22¹²). И так, – абсолютной бестелесности человека по воскресении допустить нельзя, а утверждать абсолютную нематериальность воскресшего тела возможно? Действительно, это было бы что-то похожее на „состязание о словах“. А по нашему мнению, этот + и – указывает только на то, что приём для разрешения вопроса выбран неподходящий;

надобно иным способом определять, что такое „тело духовное“, о котором говорит Писание.

Как бы то ни было, то несомненно, что проф. Тареев „утверждает нематериальность духовного тела“ (23⁵), а для этого ему понадобилось, и вопреки желания, войти в метафизическое исследование духовного тела (22¹⁵), – в исследование, – что такое плоть и что такое дух.

Он говорит: „Бог есть дух (πνεῦμα ὁ Θεός Ин.4:24), это значит, что Бог есть не что иное, как дух и что духовное в сущности божественно, только божественное может быть духовным, духовное, как предикат божественного, сильнее всего выражает его противоположность „человеческому“, низменному, уничиженному“ (18₅). „И в человеке дух не есть часть человеческой природы, а божественное начало человеческой жизни, божественное начало в человеке“ (18₈). „Божественный дух есть начало совершенно противоположное началу человеческому, душевно-личному, тому, что в священном Писании называется плотью, когда это слово употребляется в сопоставлении с духом (19₁₇). Результатом такого отождествления понятий „духовный“ и „божественный“ – „духовное в сущности божественно“; „только божественное духовно“; духовное есть предикат божественного“; как нетленность, слава, сила, так и духовность – это предикаты божественного (19⁹) – у проф. Тареева и является вывод о духовности Христа по воскресении: „Духовность воскресшего Христа есть именно божественная духовность“ (19₁₉). Но, очевидно, это результат очень ещё неопределённый и проф. Тареев продолжает выяснять духовность Христова воскресения или Христа воскресшего.

Определив различие понятий „дух“ и „плоть“, проф. Тареев разграничивает далее понятия: „плоть“ σάρξ и „тело“ σῶμα. По поводу слов воскресшего Господа о Себе Самом: „дух плоти и кости не имеют, якоже Мене видите имуща“ (Лк.24:39) г. Тареев говорит, что „плоть и кости тоже, что „тело“ (42 прим. 2) σῶμα. А одному из духовных писателей, с которыми в своей статье полемизирует, г. Тареев напоминает „справку“, что „у греческих мыслителей термин σῶμα означал реальность, сущность,

действительное объективное бытие, в отличие от представления, призрака, бытия только воображаемого“ (24₁₅). Отсюда вывод, – что должно разуметь, по последнему слову современной экзегетической науки, под словом „тело“, когда в Писании говорится о теле воскресшего Христа: „О теле воскресшего Христа“, говорит г. Тареев, „мы можем заключить по нашему грядущему воскресению, которое совершится по образу воскресения Христова и о котором категорически утверждается, что мы восстанем не в душевном, а в духовном теле. Принимая во внимание то, что выработано экзегетической наукой по данному вопросу, мы можем так определить душевное тело и духовное тело: тело (σῶμα в отличие от плоти σάρξ) обозначает взаимную *отограниченность* тварных существ, которой обуславливаются их *реальность*. Душевное тело есть материальная отограниченность условных существ, рассчитанная на их общение с материальным миром; духовное же тело есть чуждая материальности отограниченность условного существования, приспособленная к общению с духовно-божественным бытием“ (22 прим. 17). Повторим диалектический ход операций над понятиями, которым ведёт проф. Тареев своих читателей к заключению, что тело Христово по воскресении чуждо всякой материальности: Христос воскрес духовно; Он был умерщвлён по плоти, но ожил духом (1Пет.3:18) (18^{16–18}). Слова Писания о Христе, что Он, *умерицвлен убо быв плотью, ожив же духом, о немже и сущим в темнице духовом сошед проповеда*, – нельзя понимать так, как мы учили когда-то в катехизисе, будто Христос, в то время, как тело Его пребывало во гробе, душою Своею проповедал победу Свою над смертью душам людей, тоже разлучённым от тела и находившимся в состоянии отчуждения от Божественного света и блаженства. Слова Писания здесь „плоть“ и „дух“ не следует понимать как части человеческого существа, а как синонимы понятий: „Божество“ и человечество: „духовность воскресшего Христа есть именно божественная духовность“ (19_{19,18}). Тело не нужно понимать непременно как нечто материальное; у греческих мыслителей слово σῶμα – тело – есть синоним реальности; потому и слова евангелистов, когда

они говорят о теле воскресшего Господа, и противопоставляют его духу (Лк.24:37–43; Ин.28:16,20,27), не свидетельствуют о материальности этого тела: оно не по существу своему, как материальное, было видимо²⁵⁹ и осязаемо, а только казалось материальным. Тело душевное есть реальность материальная, а тело Господа по воскресении реально, но чуждо всякой материальности.

В заключение г. Тареев обращается „к анализу евангельских повествований о воскресении“, но только для того, чтобы „подтвердить“ установленный уже им взгляд на этот предмет (26₄). „С точки зрения духовности или духовной телесности воскресшего Христа“ он предлагает своим читателям „анализ (самого) факта (воскресения) по Евангельским повествованиям“ (18⁹). Анализ этот направляется к тому, чтобы показать, что в Евангельских повествованиях о воскресении нет ничего такого, что противоречило бы установленному профессором взгляду на воскресение и опровергало бы „выработанное экзегетической наукой“ „метафизическое“ понятие о духовном теле Христа воскресшего. А нам кажется, что богослову, т. е. искателю истины в слове Божиим, более свойственно было бы обратиться к исследованию Писаний (Ин.5:39), без предварительного метафизического исследования и определения искомой истины.

* * *

Сделаем опыт пересмотреть евангельские повествования о явлениях Господа по воскресении, без всякой предзанятой мысли о том, каково *должно быть* воскресшее тело Господа.

„Повествования четырёх евангелистов о воскресении Христа“, – говорит проф. Тареев, „принадлежат к числу тех евангельских сказаний, которые почти *невозможно* привести к единству в подробностях“ (28₁₁). „На основании евангельских повествований“, – говорит он в другом месте, „*невозможно* восстановить хронологической последовательности событий“ вознесения Господня и ниспослания Духа Святого на апостолов“ (43₁₁). Эта невозможность согласить между собой евангельские сказания о явлениях воскресшего Господа приводит богослова-профессора к убеждению, что существующий текст Евангелия испорчен: „В Евангелии Марка“,

– говорит он, „является неестественным переход от 8 ст. к 9 ст. XVI гл. и в этом месте текст *необходимо* признать испорченным“ (29₁₄ примеч.²⁶⁰). Сделаем опыт „сведения к единству“ евангельских сказаний о явлениях Господа по воскресении „во всех подробностях“ этих сказаний, не прибегая к излюбленной новейшей богословской наукой гипотезе о порче евангельского текста.

Западной экзегетической науке нравится предположение, что кратчайшее из четырёх Евангелий, – Евангелие от Марка, – есть будто бы самая ранняя, – по времени происхождения – редакция евангельской истории и что распространение и дополнение этой редакции известно у нас под названием Евангелия от Матфея. Нам же кажется, что непредубеждённый читатель четвероевангелия в содержании и изложении его очень много усмотрит признаков, подтверждающих предание церкви о порядке происхождения евангелий, т. е., что первым явилось Евангелие от Матфея, затем сокращение его в Евангелии Марка, потом уже некоторое восполнение, – третье из синоптических Евангелий, и наконец, уже Евангелие от Иоанна, проходящее молчанием почти всё, что известно было церкви из первых трёх Евангелий. Очень интересно, держась этого предания церковной древности, следить, как евангелисты, особенно же синоптики, восполняют – каждый сказания своего предшественника и – в чём именно отступают от написанного ранее, повторяя тоже повествование, но с большей точностью, раздельностью и определённой. В имеющихся у всех четырёх евангелистов сказаниях о явлениях воскресшего Господа особенно поучительно следить, как в том или другом сказании события, описываемые евангелистами, постепенно получали всё большую и большую точность и определённую изложения.

Евангелист Марк в своём Евангелии следует, как всем известно, повествованию евангелиста Матфея стих за стихом; он опускает целые отделы Евангелия, написанного для верующих из иудеев, – например, родословие Мессии, пророчества и прообраования из книг ветхозаветного Писания: но, как только кончается отдел, подлежащий исключению – по

особенности назначения второго евангелия, – так опять второй из евангелистов продолжает переписывать первое Евангелие стих за стихом²⁶¹. Посмотрим же, как передаёт евангелист Марк события евангельской истории от воскресения Христова до вознесения; – в чём он – как и везде в своём Евангелии – стих за стихом повторяет рассказ своего предшественника, евангелиста, и в чём находит нужным отступить от изложения евангельской истории в первом Евангелии. Эти отступления во втором из Евангелий от повествований первого будем восполнять и тем, что говорится о тех же событиях в Евангелиях от Луки и Иоанна.

Восполнения первого Евангелия последующими евангелистами начинаются с перечисления жён мироносиц, ходивших ко гробу Христову: „На рассвете первого дня недели“, – пишет евангелист Матфей, – „пришла Мария Магдалина и другая Мария посмотреть гроб“ (Мф.28:1). Кто эта другая Мария? – без сомнения, та же, о которой евангелист выше, только за 5 стихов перед тем, говорил, повествуя о положении во гроб тела Христова: „Мария Магдалина и другая Мария... сидели против гроба“ (Мф.27:61). А евангелист Марк свидетельствует, что эта „другая Мария“ была Мария Иосиева: „Мария же Магдалина и Мария Иосиева смотрели, где Его полагали“ (Мк.15:47). Евангелист Марк прибавляет, что ко гробу в первый день недели, весьма рано, кроме Марии Иосиевой или Иаковлевой²⁶², ходила ещё Саломия – мать сынов Зеведеевых. Итак, оказывается, что мироносицами были те же самые жёны из числа сопутствовавших Господу из Галилеи, которые стояли и при кресте с Матерью Божией (Мк.15:40; Мф.27:56; Ин.19:25). Евангелист Лука прибавляет, что к числу жён, в пятницу же ещё с вечера купивших ароматы, чтобы помазать тело Господа, принадлежала также Иоанна жена Хузы домоправителя Иродова²⁶³ (Лк.14:10,13:3). Евангелист Матфей, сказав, как воины, стоявшие на страже у гроба, уstraшены были явлением ангела, который „отвалил камень у дверей гроба и сидел на нём“ (Мф.28:2), с этим соединяет и рассказ о том, как жёны услышали ангельское благовестие о Христовом воскресении. Евангелист Марк, опустив сказанное о воинах и землетрясении,

замечает, что ангела жёны увидели, уже вошедши во гроб, что он сидел в правой стороне гробовой пещеры, в виде юноши в белой одежде (Мк.16:5). Евангелист Лука ещё с большей подробностью описывает ангельское явление жёнам: он говорит, что жёны, вошедши во гроб, сначала никого не видели, но, когда, не нашедши во гробе тела Господня, стояли в недоумении, тогда „вдруг предстали пред ними два мужа в одеждах блистающих“ (Лк.24:3–4) и затем передаёт те же слова ангельского благовестия, что и у евангелистов Матфея и Марка. Эти различия в повествованиях евангелистов-синоптиков находят себе объяснение в Евангелии от Иоанна, из которого усматривается, что одно из сказанного в первых трёх Евангелиях относится к жёнам-мироносицам, другое исключительно к Марии Магдалине. Так, сказанное у евангелиста Матфея, что жёны приходили „посмотреть гроб“, относится собственно к Марии Магдалине; об этом со всей подробностью повествует Иоанн Богослов (Мф.28:1. Ин.20:12), прочие же жёны шли ко гробу с ароматами (Мк.16:1–2. Лк.23:56,24:1). Один ангел явился воинам и явился вне гроба, сидящим на отваленном от гроба камне (Мф.28:2–4); Марии Магдалине явились два ангела, – сидящими в правой стороне гробной пещеры на той каменной скамье, вырубленной в стене пещеры, на которой полагались умершие (Ин.20:12. Мк.16:5). Два же ангела явились и жёнам мироносицам, но не при самом их вступлении в пещеру, а когда это потребовалось для разрешения их недоумения (Лк.24:3,4). В Евангелии от Иоанна находит себе разъяснение и разность в повествованиях прочих евангелистов о времени посещения гроба жёнами: Мария Магдалина в первый раз приходила на гроб, „когда было ещё темно“ (Ин.20:1); она же во второй раз и прочие жёны приходили уже „при восходе солнца“ (Мк.16:2). Так доселе „все подробности“ евангельских повествований о хождении жён ко гробу Господню объединяются, просто и естественно слагаясь в одно цельное повествование; но великая трудность является в соглашении сказаний о явлении жёнам Самого Господа воскресшего, а именно – сказания евангелиста Иоанна о явлении Господа Марии Магдалине и сказания евангелиста

Матфея о сретении Господа Марией Магдалиной вместе с другой Марией.

Желая согласить эти сказания, обыкновенно полагают, что Мария Магдалина вышла, чтобы идти на гроб, вместе с другими жёнами, – Марией Иаковлевой и Саломией (как у св. Марка) и с другими, – непоименованными (у ев. Луки, – кроме поименованной им Иоанны), нёсшими мира, чтобы помазать тело Господа. Предполагают затем, что она упредила прочих жён, что она первая сподобилась увидеть Господа, как свидетельствует евангелист Марк (Мк.16:9) и как описывает то подробно евангелист Иоанн (Ин.20:14–18). Предполагают, что прочие мироносицы приходили ко гробу и сподобились ангельского благовестия, пока Мария ходила к Петру и Иоанну. Предполагают, что уже после того, как и она сподобилась при гробе явления ей Самого Господа, – возвращаясь от гроба, присоединилась она к прочим жёнам, тоже возвращавшимся от гроба и вместе с ними сподобилась вторично узреть Господа. Но слишком уже очевидна невозможность, чтобы столько событий могло совершиться в промежуток времени между отправлением жён мироносиц ко гробу и возвращением их от гроба. А между тем, если только принять, что Мария пошла на гроб вместе с прочими жёнами, как говорят три первые евангелиста, то и возвращение от гроба Марии к Петру и Иоанну, и их приход на гроб и явление Господа Магдалине при гробе – необходимо признать совершившимся прежде, чем Мария догнала бежавших от гроба жён. Нельзя допустить и того, что вместе с жёнами Магдалина пошла – когда уже во второй раз шла на гроб: они шли помазать тело Господа и на пути тревожились мыслью, – кто отвалит им камень от дверей гроба, а этого не могло бы быть, если бы с ними была Мария Магдалина, уже узнавшая, что гроб пуст. Понимая всю невозможность вместить всё описанное в первых 17 стихах XX главы Евангелия Иоаннова между отправлением жён на гроб и возвращением их от гроба, преосвященный Феофан в своей „Евангельской Истории о Боге Сыне“ отступает от буквы Евангелий и исключает Марию Магдалину из числа жён, отправившихся на гроб, чтобы помазать тело Господа²⁶⁴. А также и явление Господа жёнам на

пути от гроба он относит не к Марии Магдалине и другой Марии, как повествует евангелист Матфей, а к „Марии Клеоповой и Саломии, а может быть“, – прибавляет он, – „и некоторым другим с ними“²⁶⁵. Вот здесь-то и нужно смотреть, – здесь то и поучительно проследить, как евангелисты, писавшие об этих явлениях Господа, относятся в своём изложении, каждый к тому, что сказано их предшественниками в написании евангельской истории; что именно опускают каждый из написанного ранее, – что изменяют и как что восполняют.

Евангелист Марк в первых восьми стихах XVI гл. передаёт сказанное в первых же восьми стихах XXVIII гл. евангелия от Матфея, несколько изменяя последний стих: у евангелиста Матфея он читал: „вышедши поспешно из гроба, они“ (Мария Магдалина и Мария Иосиева) „со страхом и радостью великой побежали возвестить ученикам Его“. Этот стих евангелист Марк переписывает в таком виде: „И вышедши“ (Мария Магдалина, Мария Иаковлева и Саломия), „побежали от гроба; их объял трепет и ужас, и никому ничего не сказали, потому что боялись“. Далее евангелист Марк читал у евангелиста Матфея: „Когда же они шли возвестить ученикам Его, и се, Иисус встретил их и сказал: радуйтесь! И они, приступив, ухватились за ноги Его, и поклонились Ему. Тогда говорит им Иисус: не бойтесь; пойдите, возвестите братьям Моим, чтобы шли в Галилею, и там они увидят Меня“. Так описывается у евангелиста Матфея явление Господа Марии Магдалине с другой Мариєю. Что же евангелист Марк? – дошедши до этих стихов в своей передаче евангелия Матфеева, он останавливается, вовсе ничего не говорит о явлении Господа жёнам, бежавшим от гроба, которых было не две, а три, по его сказанию (Магдалина, Мария Иаковлева и Саломия), по дополнению же у евангелиста Луки, – четыре и даже более, может быть (Иоанна и другие с ними). Вместо того, он начинает кратко перечислять явления Господа в хронологическом порядке, начав замечанием, что Марии Магдалине явился Он прежде всех, – следовательно, – не вместе с Марией Клеоповой, Саломией, Иоанной и другими. Вот внутренняя логическая связь стиха 9-го с стихом 8-м в XVI главе евангелия Марка, – связь, не усмотрев которой, проф. Тареев

утверждает, что здесь „необходимо признать текст евангелия испорченным“: „Воскресши рано в первый день недели, Иисус явился сперва Марии Магдалине. Она пошла и возвестила бывшим с Ним, плачущим и рыдающим“ (ст. 9 и 10); „она“, а не другие – подразумевается жёны, которые, как только что сказал он выше (ст. 8), „никому ничего не сказали“²⁶⁶. Жёны ничего не сказали ученикам об ангельском благовестии, пока не пришла с тем же благовестием Мария Магдалина; „но они“ (ученики), „услышав, что Он жив, и что она“ (Магдалина) „видела Его, не поверили ей“ (ст. 11-й). Тогда-то уже, вслед за Марией Магдалиной, и прочие жёны начали рассказывать, как „они были рано у гроба, и не нашли тела“ (Христовы), и о „явлении ангелов, которые говорят, что Он жив“ (Лк.24:22,23). „После сего“, продолжает евангелист Марк, „явился двум из „учеников“ на дороге, когда они шли в селение, но и им не поверили. Наконец явился самим одиннадцати“ (Мк.16:9–14), и заканчивает своё евангелие, не разграничивая последующих явлений ни от этого первого явления одиннадцати, ни от последнего, закончившегося вознесением. Евангелист Лука, писавший, как он сам говорит, по тщательном исследовании предшествовавших повествований о том, что предали бывшие с самого начала очевидцами слов и деяний Христовых (1:1–3), по всей видимости, при написании своего евангелия, имел перед собой и евангелие от Марка²⁶⁷. Однако же и он, повторив в первых восьми стихах XXIV гл. своего евангелия соответствующие первые восемь стихов главы XXVIII первого евангелия и главы XVI второго евангелия, останавливается там же, где и евангелист Марк и ничего не говорит о явлении Господа Магдалине на обратном её пути от гроба, как описано это явление в первом из евангелий. Что значит это умолчание евангелистами Марком и Лукой о том, что написано в евангелии от Матфея?

Сразу уничтожаются все затруднения в приведении к единству евангельских повествований о явлениях воскресшего Господа, – как только мы допустим, что описанное евангелистом Матфеем явление Господа Марии Магдалине вместе с другой Марией не есть особое явление, – а описание того же явления

Господня Марии Магдалине, которое со всей точностью и раздельностью изложено евангелистом Иоанном. Евангелист Матфей, по свойственной краткости и слитности изложения событий, желая сообщить, как от жён благовестниц получились первые, истинные известия о воскресении Христовом (Мф.28:1–10) и как воинами распространена была нелепая ложь, которой архиереи и старцы хотели закрыть истину воскресения (Мф.28:11–15), не делает строгого разграничения событий: как не различает он явления ангелов жёнам от явления ангела воинам, так и благовестия Марии Магдалины, что она видела Самого Господа воскресшего (Мк.16:10–11; Ин.20:18), не различает он от благовестия жён, что они слышали о воскресении от ангелов (Лк.24:10,22,23). Скажут: такое предположение есть опущение одного из явлений Господа по воскресении. Да, – опущение, – намеренное опущение. Но кто первый сделал такое опущение? – евангелист Марк, а за ним Лука; евангелист же Иоанн своим подробным описанием того, как Господь по воскресении „явился сперва Марии Магдалине“ (Мк.16:9) не оставляет и места предположению, что у второго и третьего евангелистов опущение из первого евангелия стихов 8–10 последней главы есть опущение случайное и ненамеренное. Как бы с видимым желанием исключить это явление двум Мариям на пути от гроба из числа, явлений Господа в самый день воскресения, евангелист Марк перечисляет эти явления; вот, – говорит он, – явления Господа в первый день недели, когда Он воскрес: сперва явился Он Марии Магдалине, потом двум ученикам, – на пути, потом одиннадцати, – в Иерусалиме; а евангелист Лука прибавляет: да ещё – Петру.

Что высказанное нами предположение о необходимости исключить из числа явлений воскресшего Господа явление Его жёнам, возвращавшимся от гроба, не есть дерзкое самоволие неверия, колеблющее авторитет непогрешимости и богодухновенности Евангелий – свидетель нам, как мы выше упомянули уже, такой благоговейнейший истолкователь Писаний, как преосвященный Феофан; его никто уже, без сомнения, не заподозрит и не завинит в недостатке веры; а между тем он допускает отступление от буквы Писания в одном

месте, когда этого требует буква того же Писания в другом месте: так как описание у Евангелиста Иоанна того, как Господь явился сперва одной Марии Магдалине, делает совершенно несогласимым с этим описанием повествование о том, как Господь явился Магдалине вместе с другой Марией, находящееся в Евангелии от Матфея; то преосвященный Феофан отрицает это вторичное – будто бы – видение Магдалиной воскресшего Господа. Он делает это, исключив Марию Магдалину из числа жён, сподобившихся явления Христова на пути от гроба; – делает это вопреки букве Евангелия от Матфея, где описывается явление именно Марии Магдалине, – делает это именно потому, что описание явления Марии Магдалине воскресшего Господа у евангелиста Матфея несогласимо и несовместимо с описанием того же явления у евангелиста Иоанна. Тоже самое делаем и мы. Между нашим способом соглашения этих двух евангельских сказаний и способом, какой предлагает преосвященный Феофан, – разность в том, что мы в рассказе евангелиста Матфея видим вариант того же повествования у евангелиста Иоанна; а преосв. Феофан удерживает за рассказом евангелиста Матфея значение повествования о другом событии, и для этого допускает новые отступления от буквы повествования у евангелиста Матфея, столь же произвольно дополняя число жён, встретивших Господа на пути от гроба, именами других жён мироносиц. Он как бы так рассуждает: Мария Магдалина, как повествует евангелист Иоанн, возвращалась от гроба и в первый раз и во второй – одна, а не вместе с прочими жёнами; следовательно, её должно исключить из числа жён, встретивших Господа; а так как с Марией Иаковлевой ходили на гроб Саломия, Иоанна и другие жёны, то, не взирая на то, что ни у евангелиста Матфея, ни у евангелиста Марка, ни у евангелиста Луки не говорится о явлении им Самого Господа, – напротив, говорится, что прочие жёны только слышали о воскресении Христовом от ангелов, – нужно внести имена их в повествование евангелиста Матфея. Таким-то образом не на основании буквы евангельской, а на основании догадок и заключений, из варианта оказания о явлении Господа Марии Магдалине, – явления, со всей

точностью и подробностью описанного евангелистом Иоанном, утвердилось во всеобщем веровании представление о явлении Господа жёнам мироносицам.

Но мы имеем ещё более высокий авторитет за наше предположение, – не авторитет одного, хотя бы и достоуважаемейшего истолкователя Писания, каков преосвященный Феофан. Предлагаемый нами способ соглашения сказаний евангелиста Иоанна и евангелиста Матфея о явлении Господа по воскресении своём Марии Магдалине имеет за себя авторитет и пример всей церкви православной; следуя примеру церкви, мы пришли к мысли и предлагаем исключить из числа явлений Господа по воскресении явление Его Марии Иаковлевой, Саломии, Иоанне, – а может быть, как говорит преосв. Феофан, – и другим ещё жёнам мироносицам, возвращавшимся от гроба Христова с непотребовавшимися Воскресшему ароматами. Церковью предлагаются верующим евангельские чтения о явлениях Господа по воскресении на каждой утрени или всенощном бдении, относящихся к воскресному богослужению; это есть ряд так называемых „воскресных евангелий“, которых числом одиннадцать. Когда кончается этот ряд, или, – как он в уставе называется, – „столп евангелий“, – он начинается снова чтением „первого воскресного евангелия“. Воскресные евангелия не представляют собой свод евангельских сказаний из различных евангелий, какой читается, например, на вечерни в Великий Пяток или на некоторые праздники Кресту Господню; в таких составных евангельских чтениях у одного евангелиста заимствуется одно, у другого – другое для изложения повествования о крестных страданиях Христовых; заимствованное у одного опускается уже при чтении из другого евангелия. В одиннадцати же воскресных евангелиях предлагаются по порядку все сказания евангелистов о воскресении Христовом и о явлениях Христа воскресшего, начиная с евангелия от Матфея, – первое воскресное евангелие, – потом от Марка – второе и третье воскресные евангелия, – и так далее – до последнего евангельского сказания о Воскресшем Господе у евангелиста Иоанна. И вот, в

этом ряду евангельских чтении о воскресении одно повествование оказывается опущенным; это именно – сказание евангелиста Матфея о явлении воскресшего Господа на пути Марии Магдалине с другой Марией. Повествование об этом должно было бы послужить содержанием первого воскресного евангелия, а между тем для первого воскресного евангелия из евангелиста Матфея взято церковью одно только сказание о явлении Воскресшего всем апостолам в Галилее. Спрашивается: почему опущено явление Магдалине? – наш ответ: потому, с одной стороны, что об этом явлении есть повествование более точное и определённое у евангелиста Иоанна, – а с другой стороны, – и это – главное, – потому, что повторять несколько раз в течение года, на ряду с 7-м и 8-м воскресными евангелиями о явлении Господа Марии Магдалине при гробе, сказание евангелиста Матфея о явлении ей и другой Марии на пути от гроба значило бы вызывать в верующих неразрешимые вопросы и мучительные недоумения. Церковь и постановила читать это евангелие только однажды в год, – на вечерни в Великую Субботу, в связи с повествованием о приставлении первосвященниками стражи ко гробу: „На другой день, который следует за пятницей, первосвященники...” и пр.

После этих предварительных, представлявшихся нам необходимыми соображений, приступаем к сведению воедино всех евангельских повествований о явлениях Господа по воскресении, во всех подробностях этих повествований.

По-видимому, надобно различать место пребывания Петра и Иоанна в Иерусалиме после распятия Господа и место пребывания прочих учеников: по крайней мере евангелист Иоанн, повествуя о том, что Мария Магдалина, после явления ей воскресшего Господа при гробе, поспешила исполнить повеление Господа: „иди к братьям Моим и скажи им“ о Моём, воскресении, говорит, что она „идёт и возвещает ученикам“ (Ин.20:18); когда же евангелист повествует, как Мария, после первого своего прихода на гроб, шла с горестной вестью: „унесли Господа из гроба“, то говорит, что Мария „бежит и приходит“ с этой вестью „к Симону Петру и к другому ученику, которого любил Иисус“ ((Ин.20:2), т. е. к Иоанну. Принимая

предание Церкви, что у Иоанна сына Зеведеева был свой дом в Иерусалиме, образовавшееся, быть может, на основании слов евангелия, что Иоанн от креста непосредственно взял Матерь Божию к себе (εἰς τὰ ἴδια – [Ин.19:27](#)), вероятным представляется и вполне естественным, что у Иоанна, вместе с Матерью Божией, нашёл себе приют и апостол Пётр, оплакивавший своё отречение и ещё неуверенный, быть может, как отнесутся к этому отречению прочие апостолы²⁶⁸. Там же была, вероятно, неразлучная, по церковному преданию, с Матерью Божией Мария Магдалина, а может быть – и родственница Матери Божией Мария Клеопова или Иосиева ([Ин.19:2,5](#)) и мать самого Иоанна сына Зеведеева Саломия, – одним словом, те жёны, которые с вечера приготовили ароматы, чтобы помазать тело Господа. Во всяком случае, Мария Магдалина пошла на гроб одна, гораздо раньше их, так что, даже когда и пришла на гроб, было ещё темно ([Ин.20:1](#)). Она видела, что камень взят от гроба. Зрением ли, или – быть может – осязанием убеждается, что тела Христова нет там, где его положили Иосиф с Никодимом. Тогда она бежит к Петру и Иоанну с тревожной и горестной вестью: „унесли Господа из гроба! (Теперь мы и того) не знаем, – где положили Его“. Но на пути своём к Петру и Иоанну Мария не встретила жён мироносиц, что даёт повод думать, не были ли они в другом месте, а не с Матерью Божией, Петром и Иоанном. Пётр и Иоанн, встревоженные вестью Марии Магдалины, сами побежали ко гробу; туда же пошла и Мария Магдалина. Но прежде чем пришли они трое, приходят на гроб жёны мироносицы. На пути они беспокоились, – кто отвалит им камень от дверей гроба, который, – видели они, – был так велик, что они, – две-три женщины, не в силах были бы отвалить его. Они не знали, следовательно, о новом препятствии к исполнению их намерения, – о приставленной ко гробу страже, об опечатании гробового камня. Жёны подходят и видят, что камень взят от гроба; входят во гроб и видят, что нет во гробе тела их Учителя и Господа. Они не знают, что подумать об этом, как себе это объяснить. Тогда предстали перед их взорами два блистающие белыми ризами ангела. Жёны поражены были страхом и потупили очи на землю, не вынося блистания

явившихся им ангелов; но они слышали их речи: „Что вы ищете Живого между мёртвыми – (в гробной пещере). Не ужасайтесь! (Мы знаем): вы ищете Иисуса из Назарета, – распятого. Его здесь нет. Он воскрес! Припомните, как Он ещё в Галилее говорил вам, что Сыну человеческому надлежит быть предану в руки людей – грешников, и быть распяту, и в третий день воскреснуть“. И вспомнили они слова Его. „Идите“, – продолжали ангелы, – „скажите ученикам Его и Петру, что Он встретит вас в Галилее; там Его увидите, как Он сказал вам“. И они, вышедши из гроба, побежали; но их объял трепет и ужас, и они никому ничего не сказали, – потому что боялись.

Когда мироносицы уже отошли от гроба, возвратилась на гроб Мария Магдалина и пришли Иоанн с Петром. Опять, как видно, они не встретились с бежавшими от гроба к ученикам жёнами, что неудивительно при предположении, что Пётр и Иоанн были не вместе с прочими. Но жёны бежали с радостью, чтобы скорее принести ученикам весть о воскресении, хотя соединённый с радостью страх (Мф.28:8) взял верх, и они не решились открыть свою радость при виде плачущих и рыдающих апостолов (Мк. 16:10). Иоанн и Пётр тоже бежали ко гробу, но с настроением очень далёким от трепетной радости; их влекла ко гробу только надежда, не найдут ли там какого-нибудь объяснения поразившему их известию, что тела их Учителя нет более в гробе. Иоанн прибежал первый, наклонился²⁶⁹, заглянул внутрь пещеры, убедился, что гроб пуст и стал поджидать Петра. Когда подошёл Пётр, и вошёл во гроб, он обратил внимание Иоанна на то обстоятельство, что оставшиеся во гробе пелены, которые заметил, вероятно, и Иоанн, лежат особо, и особо лежит тот небольшой плат (σουδάριον), которым обвязывались лицо и вся голова умершего (Ин.11:44). При этом замечено было Петром и Иоанном и то, что плат был сложен, – так что, по-видимому, разоблачение тела от пелен происходило без всякой торопливости; пелены при том обилии смирны и алоэ, в каком употреблены были они при погребении Спасителя, должны были плотно прильнуть к телу; не было ничего похожего на то, чтобы какая-нибудь вражеская рука срывала эти покровы, дабы обнажённое тело подвергнуть

какому-нибудь новому ещё уничтожению, – бросить его, например, туда же, – в эту мрачную долину Генном или Геенну, куда низвергались с Голгофы, вместе с крестами, тела распятых и делались там добычей тления и червей (Мк.9:44; Ис.44:24). А гроб Иосифа Аримафейского был не в дальнем расстоянии от Голгофы и Геенны (Ин.19:41–42). С таким ужасным предположением вовсе не согласовалось оставление в гробе ценной плащаницы, когда и верхнюю ризу Господа, не такую ценную как хитон (Ин.19:23,24), воины – исполнители казни делили между собой на четыре части. Но также мало согласовалось оставление в гробе сударя и плащаницы и с предположением Марии Магдалины, что тело Господа переложено было в другое место, по распоряжению самого Иосифа (Ин.20:2,15): зачем было бы сменять пелены, в которые обвито было тело самим же Иосифом? Так и не мог Пётр прийти ни к какому разрешению своего недоумения; так и возвратился от гроба с одним лишь удивлением случившемуся (Лк.24:12). Это удивление, столь удивительное теперь для нас, показывает, как далека была мысль учеников Христовых от самого простого и вполне удовлетворительного разрешения всех недоумений принятием истины, что слова Господа: „в третий день восстану“ – следовало понимать буквально, не ища в них никакого приточного значения (Мк.9:31,32,9,10). Слова эти поняли только неверовавшие им первосвященники и фарисеи (Мф.27:63).

Не понял ли теперь слова эти и не теперь ли уверовал Христову воскресению апостол и евангелист Иоанн? „Тогда“, говорит он сам о себе в своём Евангелии, – когда Пётр, вошедши во гроб, обратил внимание Иоанна на положение плащаницы и отдельно от неё лежащей, тщательно сложенной головной повязки, – тогда в пещеру гроба „вошёл и другой ученик, пришедший прежде ко гробу, и увидел, и...“ в греческом тексте стоит: ἐπίστευσεν. В Синодальном переводе на русский язык переведено: „уверовал“. Если уверовал, – то, без сомнения, уверовал воскресению. Но блаженной памяти Первосвятитель Московский Филарет находил неизменным обосновывать и доказывать такой именно перевод в настоящем месте слова ἐπίστευσεν, потому что оно с равным правом может

быть переведено и словом „поверил“. А если бы в русском переводе Евангелия стояло: „увидел и поверил“, то, естественно, в уме читателя возникал бы вопрос: чему поверил? – тому ли, что Христос воскрес, или тому, что он – Иоанн с Петром слышали от Магдалины: „унесли Господа из гроба“; теперь он сам „увидел“, что нет во гробе тела Христова и – „поверил“ предположению, что его „унесли“. „Чему поверил?“ – вопрошает митрополит Филарет, – тому ли, что перед тем возвестила Магдалина: *взяша Господа от гроба и не вем, где положиша Его!* Но чему тут было верить? Тут нет никакой сокровенной истины, а одно явное неведение²⁷⁰. Но ведь тогда только и является надобность предполагать какую-нибудь сокровенную истину, которая может быть усвояема только верой, если исходит из готового уже положения, что ἐπίστευσεν значит здесь именно „веровать“, а не просто „верить“. Итак, нет ничего несообразного в таком понимании евангелиста, что он поверил высказанному Магдалиной предположению. Нужно в контексте искать основания к такому или иному пониманию слова: ἐπίστευσεν. Перевод его словом „уверовал“ митрополит Филарет утверждает на соображении, которое сам называет только догадкой: он говорит: „догадываюсь, и думаю, по необходимости должно догадываться“, что, при виде лежащих во гробе пелен, в Иоанне необыкновенно живая любовь необыкновенным образом возбудила веру“ в воскресение. Основанием же такого именно понимания слов евангельских: „увидел и поверил“ митрополит Филарет выставляет не контекст, – ближайший или отдалённый, а параллелизм выражений: слова – *виде и верова* он сопоставляет с словами Господа, сказанными ап. Фоме: *блажени невидевшии и веровавшие*. Ужели, спрашивает он, никого тогда не было, к кому могли бы относиться эти слова? – и относит их к ап. Иоанну Богослову, который ничего не видел в гробной пещере, кроме того, что видел в ней и ап. Пётр, однако же *уверовал*. „До невероятности уничижительно было бы для... апостолов“, говорит духовный вития, „если бы не было между ними ни одного, которому бы принадлежало возвещаемое Господом преимущественное блаженство, – не видеть и веровать. Не

желаем видеть и не дерзаем вообразать вас, богоблаженные апостолы, лишёнными какого-либо блаженства верующих“ (31⁵). Видимое дело, что это – ораторский приём проповедника, а не логическая аргументация экзегета. Действительно ли слова Господа: *блажени невидевшии и веровавшие* оказались бы неприложимыми ни к кому, если бы не отнести их к сказанному о Иоанне: *виде и верова?* Жёны мироносицы уверовали воскресению прежде видения Воскресшего. Но, если и не относить к ним ублажение веровавших прежде видения, так как они не *вероу уразумели* (Евр.11:3) таинство воскресения, а *видением* ангелов приведены были к *вере* (2Кор.5:7), то и кроме них были „не видевшие“ ничего чудесного, а только слышавшие от других о воскресении и воспринявшие *веру* в воскресение *от слуха* (Рим.10:17); это ученики, которые, ещё не выдав Воскресшего, говорили видевшим уже Его Эмаусским путникам, „что Господь истинно воскрес и явился Симону“ (Лк.24:34). Итак, указываемый приснопамятным Святителем параллелизм не представляет требующегося доказательства, что сказанное о себе евангелистом Иоанном должно понимать: увидел пелены и – уверовал воскресению. Если же обратиться к контексту, то нельзя, кажется, не признать, что он благоприятствует иному пониманию: „увидел“, что гроб пуст – „и поверил“ сказанному Магдалиной: непосредственно за этими словами стоит в Евангелии: „ибо они ещё не знали из Писания, что Ему надлежало воскреснуть из мёртвых (Ин.20:9); не сказано: „не смотря на то, что не знали“, как комментирует митрополит Филарет (32²), *аще и не ведяху, но ибо*; высказывается причина неверия воскресению, при той видимости, которая должна была, казалось бы, – привести к вере. И это ближайший контекст. Не благоприятствует предположению, что Иоанн, при виде опустевшего гроба, уверовал Христову воскресению, и контекст более обширный: если бы отложенные смертные покровы напомнили Иоанну сказанное некогда Господом, „что Ему должно идти во Иерусалим, и много пострадать от старейшин и первосвященников, и быть убиту, и в третий день воскреснуть“ (Мф.16:21); то что препятствовало бы ему приобщить к своей утешительной вере и ап. Петра? Наконец,

если даже предположить, что ап. Пётр с своим „удивлением происшедшему“ оставил гроб прежде, чем вера в воскресение озарила радостью сердце Иоанна, то как бы мог Иоанн не разделить свою радость о воскресении с Марией Магдалиной, которая осталась при гробе, и „стояла и плакала?“

Прот. В. Лаврский
(Продолжение следует).

Пясковский Н., д-р Конфликты в духовной жизни современной интеллигенции ²⁷¹ // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 792–817

I.

Наше время есть время всевозможных самых пламенных, попыток решения вопросов жизни.

Современная интеллигенция в своей духовной жизни представляет изумительную картину всевозможных конфликтов и противоречий самого пёстрого калейдоскопического характера.

Разнообразие интересов в сфере высшей духовной жизни, разнообразие в постановке самых капитальнейших вопросов жизни и во взглядах на ценность этих вопросов в наше время дошло до явного извращения действительности и непонимания самых, казалось бы, элементарных истин.

Таким образом, даже колоссальное явление в области текущей литературы часто третируется, как самое заурядное явление и, обратно, мишурный блеск нового, даже слабого, но лишь бы оригинального явления принимается за подлинный блеск золота и игру неподдельного алмаза, лишь только за эту оригинальность, за то, что эта мишура кричит и производит сенсацию, хотя бы среди слепой и тупой толпы, чуждой всяких высших идейных интересов.

Мало того, современная интеллигенция часто не даёт себе ясного представления о том, что такое вопросы жизни, не этой прозаичной, материальной, жизни, полной одних только чувственных интересов, одних только мещанских принципов существования, а той духовной, высшей жизни, к которой неудержимо рвётся всякая душа человеческая, жаждущая немерцающего света истины и непреходящей правды „торжествующей духовности“ по терминологии гениального русского философа.

Для иллюстрации только что сказанного, я укажу хотя бы на ту изумительную двойственность во взглядах нашей

интеллигенции на значение философии Ницше, какая отмечена критикой в нашей литературе.

В самом деле, одни видят в сверхчеловеке, созданном фантазией Ницше, тот идеал высшей духовной жизни, до которого может доработаться, достигнуть только гений, а другие в этом сверхчеловеке видят лишь бред безумца.

Одни Ницшеанскую этику ставят выше христианства, а другие считают её выражением религии эгоизма и безжалостного варварства.

Тот аристократизм духа, который влечёт к себе человеческое сердце, переполненное кристальной прелестью христианского милосердия и беспредельной любви до самопожертвования, для Ницшеанца, презирающего все эти основы религии любви, покажется не аристократизмом, а „гнусностью“, „слабостью воли“, „дряхлостью духа“ и т. д.

Тоже самое повторяется и во взглядах современной русской интеллигенции на философию гениального Владимира Соловьева.

И этот философ является камнем преткновения для очень многих.

И в то время, как одни видят в нём явления колоссальной философской силы мышления, другие считают его лишь за блестящего стилиста, – не более.

И хотя похвалы этому титану русской мысли сыпались даже из лагеря его противников и не перестают сыпаться и по сие время, тем не менее, однако, философские умы позитивного направления не могут никак примириться с мистицизмом и метафизикой Соловьева.

От философии переходя к изящной литературе, мы опять-таки видим безграничное разнообразие в оценке современной критики таких писателей, как Горький, и даже „великий писатель земли русской“, раз только дело касается тех жизненных философских, этических и религиозных вопросов, которые поднимаются и решаются в творениях этих писателей.

Тут мы опять видим, как представители одной партии русской интеллигенции превозносят до non plus ultra этих писателей, а представители другой – не только не хвалят и не

ценят их, хотя бы за художественный блеск творчества, но даже с пеной у рта нападают на этику и религиозные взгляды этих писателей.

Мы уже не говорим о так называемой реакционной прессе, где яростные нападки на независимость и свободомыслие писателей достигают геркулесовских столбов всякого литературного приличия.

Таким образом, оценка значения и смысла вопросов жизни среди русской интеллигенции в настоящее время представляется в высшей степени разнообразной, без надлежащего единства и гармонии, столь необходимой в интересах высшей духовной жизни русского общества.

Мода в жизни, как известно, играет доминирующую роль. Она же вторгается с своей властью в область литературы, в область идейного творчества.

И, к сожалению, эта власть моды в этой области высшей идейной жизни достигает колоссальной силы.

Кто не знает, как современная интеллигенция податлива на всякую оригинальность в области литературы, хотя бы эта оригинальность не имела особенной ценности, особенного жизненного значения, и даже вовсе не затрагивала бы вопросов жизни, той пищи духовной, без которой высшая идейная и моральная жизнь немыслима.

В наше время достаточно в трёх, четырёх газетах прорекламирровать какое-нибудь имя даже начинающего писателя, как он уже становится знаменитостью и его сочинения расходятся нарасхват.

Да, реклама в наш век всесильна не только в коммерческом мире, но, к величайшему сожалению, даже в области литературы, в области высшего идейного творчества писателей.

И толпа рабски преклоняется перед модным именем, раздутым рекламой, и тем доказывает, что возможно, к величайшему сожалению, так называемое идейное рабство.

Да, там, где свобода, этот величайший дар небес, казалось бы, должна проявить всю свою силу, мы видим унижительное рабство.

И среди этого идейного рабства иногда заметны бывают то там, то здесь вспышки не той желанной идейной свободы, которая должна быть достоянием всякой благородной человеческой души, а того своеволия и литературной неопрятности, которые недостойны имени писателя.

И в этих случаях вся сила этого своеволия и литературной грязи сводится за недостатком логики к крикливому ругательству или цинизму.

И как жаль, что подобные безотрадные явления имеют место даже там, где ясно ощущаются бескорыстные стремления к исканию истины, к исканию решения самых роковых, высших вопросов жизни.

Да, даже в этих случаях логическая аргументация заменяется легкомысленной насмешкой, или циничным глумлением над лучшими стремлениями человеческой души.

К прискорбию, это недостойное имени человека глумление над святыней мы иногда замечаем под пером крупных писателей, забывающих в пафосе своего творчества о границах литературного приличия.

А между тем, искание истины, стремление к идеалам, религия должны были бы подлежать глубочайшему уважению со стороны всякого интеллигентного человека, сознающего великую силу в жизни людей всех этих высших стремлений человеческой души.

И если человек не может жить без хлеба материального, то тем более он не может жить без духовного хлеба, который и получается им при неудержимом пламенном стремлении к высшим идеалам жизни, к истине, к тем потенциалам вечного и непреходящего, откуда льётся свет жизни.

И вот кто сознаёт всю святость и чистоту этих благородных стремлений человеческой души, кто уважает человека, тот не может святотатственно касаться нечистыми руками этого святого святых всякой благородной души, тот не может глумиться даже над теми верованиями, которые рационалисту показались бы наивными и смешными.

Ведь и при всей наивности этих верований в них светится доля той истины, к которой неудержимо стремится всякий

человек, жаждущий высшей жизни своего духа.

И это тем более так, что искание истины, свойственное всем людям в той или другой степени, достигает своего величайшего напряжения у людей великого ума и сердца и через них передаётся другим, менее одарённым натурам, с не меньшей силой и не меньшей жаждой высшей идейной жизни, высших духовных наслаждений.

И подобно тому, как мы не одобрим того человека, который отнимает у жаждущего воду, так точно мы будем протестовать против всяких попыток даже гениальных писателей отнимать у людей их святыню...

И это тем более, что искание истины без надежды найти её, без надежды обладать ею, есть в высшей степени мучительное состояние человеческой души.

Это то, что в устах гениального русского хирурга и философа Пирогова именовалось „качкой между небом и землёй“.

Да, Николай Иванович во всей силе испытал в своей плодотворной жизни эту мучительную качку между небом и землёй.

Вот почему он в 38 лет принимается за чтение евангелия.

– „Мне нужен был, – говорит он, – отвлечённый, недостижимо высокий идеал веры и, принявшись за Евангелие, которое я никогда ещё сам не читывал, а мне было уже 38 лет от роду, я нашёл для себя этот идеал“.

Ещё решительнее он высказывается в следующей откровенной исповеди:

– „Смело и несмотря ни на какие исторические исследования, всякий христианин должен утверждать, что никому из смертных невозможно было додуматься и ещё менее дойти до той высоты и чистоты нравственного чувства и жизни, которые содержатся в учении Христа: нельзя не прочувствовать, что оно не от мира сего. Это не мораль, как желают представить идеал учения отвергающие Божественную натуру Учителя... Для современного – именно для современного христианина, – восклицает он, – признание Божественной природы Спасителя должно быть краеугольным камнем его веры“.

И на этом „краеугольном камне“ своей веры Пирогов остановил ту мучительную качку свою, о которой мы упомянули выше.

Он, будучи эмпириком-врачом, не пользуясь даже в малейшей степени эмпирическим методом в поисках истины, доработался, тем не менее, до понимания и жизненного усвоения самых отвлечённых, самых идеальнейших принципов своего религиозного созерцания. Мало того, Николай Иванович Пирогов беспощадно громит людское лицемерие в деле религии.

– „Подлец в моих глазах перед Богом и перед собою тот, – говорит он, – кто, отвергнув все идеалы веры и став в ряды атеизма, в беде изменяет на время свои убеждения и, всего хуже, если делает ещё это тайком, а убеждения свои разглашает открыто“.

– „Я сделался, – пишет он дальше, – искренно верующим, не утратив нисколько моих научных, мыслью и опытом приобретённых убеждений“.

Вот, м.м. г.г., как у Николая Ивановича Пирогова прекратилась мучительная качка между небом и землёй.

Конечно, позитивные умы этим мало могут удовлетвориться и скажут, что религия и вера слишком субъективные вещи, чтобы примером даже из духовной жизни философских и научных гениев можно было убедить скептиков.

Да, скажем мы, всё это верно, пока мы подходим к религиозным вопросам путём отвлечённого мышления, путём подъёма даже лучших чувств человеческой души, но не тем путём эксперимента, каким пользуется сама позитивная наука.

Но прежде чем познакомить вас, мм. гг., с этим экспериментальным путём в области религии, я, как врач, позволю себе остановить ваше благосклонное внимание на отношении между гигиеной человеческого духа и религиозно-философским мирозерцанием.

Известный английский профессор биологии и физики Генри Друммонд пишет: „вполне любить, значит вполне жить и вечно любить – тоже, что вечно жить. Поэтому вечная жизнь нераздельно соединена с любовью. Мы желаем жить вечно по

той же причине, по которой желаем пережить завтрашний день. А почему нам дорог завтрашний день? Не потому ли, что завтра нам опять хотелось бы видеть того, кто любит нас, кого и мы сами любим и с кем желали бы быть вместе. Вот единственная причина, почему мы любим жизнь – потому что мы любим и любимы сами. Человек убивает себя, когда не остаётся никого, кто бы любил его... Пока у него есть друзья, которые его любят, и которых он любит в свою очередь, до тех пор жизнь ему в радость, потому что любовь есть жизнь. И если у человека есть хоть одно привязанное к нему существо, то он ещё мирится с жизнью, когда же у него не станет и этого последнего друга, то жизнь теряет для него всякую цену и он налагает на себя руки“.

Нельзя не согласиться, что эти мысли с субъективной точки зрения близки к истине. Мало того, психиатры нам указывают, что всякая психическая болезнь начинается прежде всего с дегенерации нравственных основ психики.

Потеря любви и симпатии к близким есть уже угрожающий симптом начинающегося психоза. А известно, что самоубийства в большинстве случаев совершаются душевнобольными. Итак, мысль Друммонда оправдывается и с объективной стороны. Таким образом, то, что центр дыхания или организма, то и любовь для нравственности человека, а, следовательно, и для нормальной социальной жизни обществ. Отсюда следует, что характер человека, его, так сказать, центральная умственно-нравственная основа, определяется мерой любви.

Но любовь, мм. гг., в отношении гигиены человеческого духа, может быть рассмотрена при свете того спектра, которым, так сказать, разлагается эта колоссальная сила всякого человеческого прогресса на свои составные элементы.

В любви вы всегда найдёте элементы:

- 1) терпения,
- 2) милосердия,
- 3) великодушия,
- 4) смирения,
- 5) вежливости,
- 6) бескорыстия,
- 7) кротости,

- 8) простодушия и
- 9) искренности.

Совокупность всех этих состояний нашего духа и даёт в результате плод гигиены или здорового состояния нашей психики, а именно: радость и мир, или душевный покой, которые, в свою очередь являются основной причиной здоровья всей психофизической организации человека.

Перейдём теперь к анализу всех этих элементов любви.

Терпение выражает собой силу воли, энергию всей психофизической организации человека.

В умственной сфере терпение есть главнейшее условие всякого правильного обучения. Путь к знаниям, путь к научным истинам не иначе пролагается, как через мост терпения. Это незыблемая аксиома. Сам психический процесс внимания, каким вы достаиваете меня в настоящее время, есть не что иное по своей природе, как терпение. Напрягать внимание, значит претерпевать восприятия, впечатления как внешние, так и внутренние. Истинный учёный есть самый терпеливый человек.

В сфере чувств и эмоций терпение есть акт, регулирующий аффекты, порывы чувств, эмоций и страстей.

Оно в этой области является антагонистом и противником всякого фанатизма.

Что касается, наконец, волевой сферы психики человека, то терпение в известном смысле и есть сама воля.

На физиологическом языке это не что иное, как задерживающий центр рефлексов. Это антагонист слепых, быстротечных рефлексов.

Из всего сказанного ясно, что всякий дефект терпения есть уже паталогический элемент души.

Нетерпеливость во всех сферах психической жизни человека ведёт за собой усиление рефлексов, что неминуемо отражается не только на нервной системе, но и на системе кровообращения, и на нервно-мышечных приборах и даже на пищеварении. Нетерпеливый человек сжигает сам своё здоровье, непроизводительно расстраивая функции своего организма.

Обратимся теперь к рассмотрению нашего второго элемента любви.

Милосердие – в отличие от терпения не потенциальная, а кинетическая энергия души. Она есть деятельная любовь. Милосердие, как замечает совершенно верно наш русский психиатр, профессор Чиж, есть избыток психофизической энергии человека.

Она есть акт, превалирующий над интересами самосохранения чисто эгоистических стремлений человека. Милосердие выше сострадания, ибо сострадание есть его дериват. Милосердствовать значит отдавать свой избыток любви другим людям. Милосердствовать значит сеять любовь вокруг себя, это значит повышать и духовное и материальное благосостояние людей. Оно есть условие и причина здоровой социальной общественной жизни. В нём лежит центр счастья человечества. В нём виден тот рай политико-экономов, философов и моралистов, о котором каждый из них сладко мечтает в своей области, с своей специальной точки зрения. Милосердие есть по преимуществу жизнь сердца человеческого. В нём вся его этика и всё его нравственное, духовное благополучие и радость.

Ясно отсюда, что дегенерация этого элемента любви наносит существенный вред не только одному индивидууму, но и целому обществу людей.

Дефекты милосердия есть патология общественной жизни человека. Современная социальная борьба между капиталом и трудом есть выражение этой патологии.

Что касается далее третьего элемента любви – „великодушие“, то оно есть не что иное, как отсутствие зависти. Анализируя же зависть, мы находим, что она есть недоброжелательство к тем, кто действует в одном направлении с нами.

Зависть есть яд душевный, отравляющий любовь. Благодаря ей возможно восстановление нетерпения и злорадства. Зависть не может дать спокойного, бесстрастного состояния духа. В ней нет душевного мира и альтруистической

радости. Отсюда же ясно, что она патологически влияет даже на соматические процессы нашего организма.

Четвёртый элемент любви – „смирение“ – есть такое состояние нашей психики, когда невольно сознаёшь и чувствуешь всё своё ничтожество перед идеалом, все свои даже малейшие недостатки.

Замечательно, что все великие люди были смиренны, и это касается как гениев науки, так и гениев религии.

В самом деле, чем больше человек приобретает знаний, тем больше он сознает, что перед ним открывается целая бездна ещё неизученного, неисследованного, что его знания в сравнении с этой бездной незнания – ничто. Не даром же ещё Сократ сказал: „Я знаю только то, что ничего не знаю“.

В нравственной жизни человека ещё резче проявляется в душе чувство смирения. Чем нравственнее человек, тем он несомненно смиреннее.

Все великие подвижники нравственной жизни также сознавали своё ничтожество перед открывающейся их взору бездной добрых деяний, которых они не в состоянии были выполнить.

Никогда эгоистическое самодовольство не составляло признака великого ума и великого сердца.

Отсюда ясно, что смирение есть причина и импульс к прогрессивному развитию и ума и сердца.

В самом деле, ясное и непритворное сознание человеком своих недостатков есть наисильнейшая побудительная причина и импульс к искоренению этих недостатков, а, следовательно, к культурно-нравственному прогрессу.

В чём же заключается патология этого благороднейшего элемента любви?

Именно в гордости, в самовозношении.

Гордость есть такой яд психофизической организации, который, применяясь к фармакологическому языку, можно сравнить с синильной кислотой.

Гордость сразу убивает такое богатство духовной жизни человека, как смирение. Мало того, она может убить любовь во всех её проявлениях.

В самом деле, в области умственной жизни человека, в области знания гордость порождает фанатический догматизм, веру в абсолютную силу разума человека, не смотря на явную наивность подобной веры. В самом деле, представляя себе движение философии и науки за всё историческое существование человека, мы замечаем, что гордость в сфере философской мысли породила прежде всего рационализм, который оказался перед судом трезвой философской критики несостоятельным во всех областях человеческого знания, не исключая даже и этико-религиозной области.

Вслед за рационализмом, как роковое следствие его, является пантеизм, который точно также пал, не устояв под таранами глубокой философской критики.

Результатом пантеизма или последовательным проведением его философами явилась метафизика материализма с его слепой верой в материалистический догматизм. Для нас, врачей, несостоятельность материалистического догматизма выразилась весьма характерно в современном состоянии такой точной области знаний, как частная физиология органов чувств, которая вся целиком покоится на идеалистической философии Канта.

В самом деле, даже такой корифей физиологии и физики, как Гельмгольц, пользовался философией Канта, как эвристическим принципом.

Что же касается несостоятельности метафизики материализма в остальных областях знания, начиная с точных положительных наук и кончая гуманитарными науками и этико-религиозной областью, то всюду, на всех позициях его бывшей боевой обстановки ему нанесены смертельные удары.

Наконец, результатом метафизики материализма, как роковое его следствие, является жалкий пессимизм с его проповедью о мировой скорби и утопическими мечтами, что лучше было бы для человечества взорвать земной шар, чтобы прекратить на нём всякую жизнь. Это болезненное *taedium vitae*²⁷² пессимизма есть не что иное, как результат гордыни человеческого разума, его односторонней узкой и легкомысленной самоуверенности.

И всё это не что иное, как самобичевание, самоотравление.

В самом деле, мы видим теперь печальные и крайне прискорбные результаты пессимистической философии.

Под влиянием её человек разочаровывается в радостях жизни, в самом себе. Он ищет не жизни, а смерти...

И вот современная лихорадочная жизнь с её погоней лишь за одними бестиальными²⁷³ интересами, за одним золотым тельцом и грубо-чувственными наслаждениями, весь этот век разбитой нервной системы людей, век железа и бромистых препаратов, есть великолепная иллюстрация и демонстрация результатов гордости человека, его эгоизма и бестиальности.

В сфере чувств гордость порождает раздражительность и пониженный тонус, то, что на вульгарном языке именуется желчностью. Гордец никогда не спокоен за своё чёрствое эгоистическое „я“, за свои бестиальные интересы. Его нервная система сплошь и рядом страдает и через неё и весь организм гордеца.

Что касается воли гордеца, то её деятельность сужена до крайнего minimum'a.

Она вся направлена только на самого гордеца. Его „я“ и есть его Бог.

Теперь мы не удивляемся поразительной его правдивости ещё школьной аксиомы, что „гордость есть мать всех пороков“.

Не подвергая анализу пятого элемента любви *вежливости* или *приличия*, а также шестого элемента её – *бескорыстия*, или *служашей любви*, „не ищущей своего“, мы перейдём к седьмому элементу любви.

Кротость, мм. гг., т. е. спокойный, мягкий и тихий нрав, есть самое здоровое и нормальное состояние психики.

Поэтому патология этого элемента, или раздражительность вызывает целый комплекс аномалий, как в сфере психики человека, так и в области соматических функций его организма.

Профессор Друммонд даёт превосходную интроспективную характеристику раздражительности.

Он пишет, что „наш характер – это пробный камень любви, внешний признак пребывания её внутри нас, или

доказательство её отсутствия, в глубине нашего духовного существа.

Дурное расположение духа, это перемежающаяся лихорадка, указывающая на существование хронического внутреннего недуга. Это случайное проступание наружу гноя из глубоко сидящей опухоли, пузырёк ядовитого газа, поднимающегося с гниющего илистого дна, проявление скрытой испорченности сердца в минуту оплошности – одним словом, проблеск всевозможных некрасивых и нехристианских чувств. То, что проскальзывает из глубины сердца при таких вспышках характера, составляет совершенную противоположность терпению, дружелюбию, великодушию, вежливости, бескорыстию“.

Нам, медикам, более всего известны соматические проявления раздражительности, ибо в наш современный нервный век она именно и есть почва для всяких неврастений, неврозов и даже психозов.

Кротость, мм. гг., почти всегда сопровождается смирением. Эти элементы любви суть близнецы великой человеческой души и любвеобильного сердца и в совокупности составляют главнейшую основу гигиены духа, служа непосредственной причиной душевного мира, покоя и жизнерадостного настроения нашей души.

В умственной сфере человека эти элементы любви суть условия объективного и беспристрастного мышления, при котором весь механизм мышления с его цепкостью логических операций совершается в высшей степени правильно, плавно и спокойно. В самом деле, всякие аффекты души нарушают ведь спокойное и беспристрастное течение мыслительных актов, тогда как при душевном мире и покое нет места экспансивности или беспорядочности в области мышления. Истинное научное и поэтическое творчество имеет свой центр не в аффектах души, не в экспансивности мышления. Ведь само творчество, всё вдохновение научной, философской и поэтической мысли суть не причина, а результат необыкновенно верного и точного восприятия впечатлений, как внешнего, окружающего нас мира, так и мира нашей душевной жизни, нашего духовного я, для

чего необходима известная бесстрастность, чистота, прозрачность и спокойствие воспринимающих аппаратов нашей души.

И подобно тому, как отчётливость фотографических объективов зависит от чистоты и отчётливости негативов, от чувствительности воспринимающей световые лучи пластинки, подобно тому и наше творчество находится в тесной зависимости от чистоты, прозрачности и чувствительности нашей души, каковые только и возможны при полном душевном мире и покое.

Как волнующаяся поверхность воды не может отражать предметов, а только покойная зеркальная поверхность её, так точно и волнующаяся душа человека не может быть верным отображением действительности и жизненной правды.

Что касается сферы чувств, то самые чистые и возвышенные чувства и эмоции и даже экстазы не совместимы с аффектами и страстями, которые вовсе не свойственны кроткому и смиренному характеру. Вот почему любовь не совместима с строптивостью и раздражительностью.

Теперь несколько слов о влиянии кротости и смирения на волю человека. Здесь поразительно то, что самая сильная воля человека именно и проявляется кротким и смиренным характером. Беспристрастная история открывает нам самые блестящие страницы свои, которые богаты обильными примерами людей гениальных и с колоссальной волей, но кротких и смиренных. И все такие гении науки и религии смотрели в лицо самой смерти без малейшего содрогания.

Что касается восьмого элемента любви *„простодушия“* – то оно есть не что иное, как доверчивость и простота, свойственная чистым душам, хорошим, добрым характерам.

Простодушие очень сродно с девятым элементом любви *„искренность“* или *любви к правде*. Искренний человек *„не радуется неправде, а со-радуется истине“*.

К сожалению, в обыкновенной жизни неискренность, желание прикрыть свою духовную ногу, по-видимому, невинной ложью есть обыденное явление, а особенно среди женщин. Честолюбие и мелкое тщеславие старается

неискренностью прикрыть себя от взора правды. Казалось бы на первый взгляд это невинная болезнь, но как много, однако, человек теряет в жизни перед светом живой правды, благодаря своей неискренности.

Рассмотрев девять элементов любви, мы, казалось бы, имеем теперь возможность подступить к самому, так сказать, центру любви, к самой сути её. Не тут то было...

В самом деле, подобно тому, как изучая световые лучи, разлагая их на цвета, измеряя и вычисляя амплитуду световых волн, мы пока останавливаемся на гипотезе светового эфира и ещё слишком далеки до знаний о сущности света, так точно, изучая любовь в её более доступных элементах субъективной её стороны, мы слишком далеки, при свете нашего слабого разума, постигнуть всю её сущность и это тем более так, что объективная сторона любви едва только поддаётся некоторому анализу по методам точных наук.

Довольно того, что мы можем отождествить любовь с самой сущностью, или – вернее – причиной неведомой нам жизни.

Любовь так могуча, велика и необъятна, что для постижения её мало даже самого гениальнейшего ума. Она требует для некоторого только постижения себя всех сил человека – и разума, и чувства, и воли.

Если уж для постижения окружающего нас внешнего физического мира требуется не один только разум, но ещё и участие, известная работа внешних органов чувств: зрения, слуха, осязания, и т. д., то тем более для постижения любви, для которой необходимо требуется всё это в неизмеримо-больших размерах, да, плюс ещё, в широком смысле участие сердца человеческого и *вся его нравственная жизнь*. Вот почему я сказал, что любовь требует *всех сил* человека для своего познания. Она не вмещается в рамки одного разума, всего механизма его логических операций, она непостижима и для одного чувства, она не охватывается и одной волей, словом – она требует *всего человека* со всем его нравственным поведением, со всей его психофизической организацией. И вот тогда только возможно некоторое приближение к уяснению её

кардинальных свойств и некоторый тонкий, туманный намёк на её сущность.

Но тут уже границы внешнего знания, объективной науки и всякой философии соприкасаются с обширной областью нравственно-религиозной жизни.

Вот почему только *гении религии*, гении высоконравственной жизни могут ещё кое как считаться компетентными в некотором постижении сущности любви.

Не даром в ней они видят и ощущают начало и основание всякой жизни и всякого бытия.

Не даром и наша народная душа „в труде зачатая, в нужде рождённая, горем повитая“ видит в любви само небо и своё великое утешение. Любовь – всё.

Она есть высочайшее благо, она есть абсолютная красота и абсолютная истина...

А без истины, „без этой основы – пишет гениальный Пирогов – не существовали бы для нас и научные истины, ибо не существовало бы в нас нравственного стремления к открытию истины. Истина – абсолют, это Бог... – восклицает далее Пирогов – истина так светла, что без иллюзии лишь одно стремление к ней ослепило бы нас... Поэтому ложь сделалась неизбежной для нас при неодолимом влечении к истине“.

Таково великое смирение великого Пирогова при одном прикосновении к святому святых всякого знания.

II.

Я не буду отрицать того, что все выводы первой половины моей лекции являются результатом не столько позитивных или эмпирических положений, сколько следствием чистого умозрения и быть может даже метафизической спекуляции.

Но полагаю, что мне об этом нечего жалеть, тем более, что даже такой гениальный представитель русской философско-богословской мысли, как В. Соловьев, и тот стремился создать философскую догматику христианства. Он пытался всю суть христианства вывести диалектическим методом из понятия, или идеи об абсолютном и горячо защищал даже догмат Троичности, как одну из умозрительных истин.

Для тех же, кто питает отвращение к метафизическим полётам мысли, к чистому умозрению, кто и в богословской области знаний желал бы быть позитивистом, эмпириком и даже экспериментатором, в смысле лабораторного работника, я не без удовольствия могу сообщить, что современное направление в области богословских знаний всё больше и больше становится на твёрдую почву опыта, эмпирического метода, того, именно, какой в настоящее время господствует в области естествознания.

Множество блестящих западноевропейских учёных уже вполне оценили в области богословия этот эмпирический метод.

Вот, например, что говорит такой известный немецкий учёный, как Бахман. „Новейшее время поставило богословие в необходимость обеспечить вере её право на значение оправданием её места в религиозном знании.

В такое время, как наше, питающее непреодолимое отвращение к умозрению, мы вынуждены идти к этой цели всё более и более на пути эмпирическом“...

„Метод экспериментальный – пишет другой Женевский учёный, профессор Бувье – принят всеми в этот век наблюдения фактов, господства истории. Не без оснований считают себя обязанными этому методу громадными успехами в области наук естественных, теоретических и прикладных, и наук о человеке. Следует отметить появление этого метода и в самой важной области – факта христианского. Со времён Шлейермахера его применяли здесь, как к изучению церкви в её прошлом и в её догматическом учении, так и к изучению христианской жизни и доктрин, в которых эта последняя отразилась. В школе Неандера и Винэ мы научились рассматривать христианство, как жизнь, и, следовательно, изучать его при помощи эмпирического метода, обыкновенно применяемого к изучению жизни“.

Вы видите, мм. гг., что профессор Бувье вводит в область богословия тот же метод, который господствует в обширной области естествознания и, особенно, биологии, т. е. учения о жизни.

И в самом деле, что такое христианство, как не жизнь и притом жизнь высшего порядка, жизнь во Христе, в организме Его церкви?..

Но биолог изучает жизнь не иначе, как экспериментируя, т. е., производя наблюдения, исследования и опыты, согласно тем методам науки, которые усыновляются коллективным умом лучших представителей науки.

Точно также и изучающий христианство с одним да ещё единичным умозрением далеко не уедет, потому что без опытного изучения христианства по методам коллективного голоса церкви, где принцип повсеместного, постоянного и общего лежит в основании самой христианской истины, уразуметь и как следует постигнуть и изучить самую суть христианства невозможно.

Правда, что биолог, изучая жизнь экспериментально, пользуется только так называемым внешним опытом, т. е. только тем, что доступно внешним органам чувств экспериментатора, как то: зрению, слуху, осязанию и т. д.

Жизнь, как факт биологии, вовсе не доступна так называемому внутреннему опыту или самонаблюдению, самоиспытанию или самоощущению.

Другими словами, чтобы изучить жизнь даже самого простейшего существа, какой-либо клеточки, например, амёбы или инфузории, учёный не может перенести внутреннюю жизнь этой клеточки на себя, чтобы ощутить эту жизнь в себе, а может лишь изучать, так сказать, внешние проявления этой жизни и по ним уже на основании аналогий и умозрения делать те или другие заключения о внутренней жизни данной клеточки.

Не то мы видим при изучении христианства, как жизни высшего порядка.

В самом деле, христианство доступно не только тому внешнему опыту, которым только и может пользоваться биолог, не желающий обратиться к широкой области физиологии органов чувств, где уже за внутренним опытом признано научное значение, но ещё кроме того оно вполне доступно именно внутреннему опыту, т. е., тем экспериментам, опытам жизни, которые может проделать и испытать всякий человек, не

лишённый чувства раскаяния и сознания своей греховности, всякий, желающий искренно всем своим существом уразуметь христианство с его внутренней стороны, т. е., именно как жизнь во Христе по законам Евангелия.

Отсюда ясно, что христианство, как явление, или как жизненный факт, может быть, при его изучении, гораздо всестороннее, шире и глубже охвачено при помощи экспериментального метода, чем любое биологическое явление в области естествознания.

Если же принять во внимание то, что современные физиологи признают научное значение за внутренним опытом, который ещё так недавно позитивисты считали ненужным для изучения положительных наук, то это ставит современное богословие ещё на более точную, опытную, научную почву, чем это мы видим среди других дисциплин естественно-научного порядка.

Подобное экспериментальное научное направление современного богословия, разумеется, должно показаться странным, с одной стороны, метафизику, привыкшему иметь дело с одним умозрением, а с другой – позитивисту-естествоиспытателю, не допускавшему в области религии никаких научных методов, никаких экспериментальных данных.

А между тем именно экспериментальный метод в области христианства указан уже 2000 лет тому назад Самим Христом и при том, как со стороны внешнего опыта, так и внутреннего.

В самом деле, экспериментальное изучение христианства со стороны внешнего опыта, со стороны исторической критической оценки евангелия санкционировано с ослепительной ясностью словами Самого Христа: „исследуйте писания“.

И вот добросовестный учёный должен подойти к этому исследованию, как истый позитивист и экспериментатор, без малейшей предвзятой мысли. Он должен прежде всего изучить беспристрастно факты, а за сим уже толковать их, а не наоборот – подтасовывать, искажать факты, вычёркивать их из евангелий, лишь бы только провести своё доморощенное мирозерцание, свою излюбленную идею.

При таком изучении евангелия *беспристрастный учёный никоим образом не должен игнорировать и коллективного опыта церкви, как организованного реального явления, с которым необходимо серьёзно считаться, если желают научно подойти к христианству.*

Со стороны внутреннего опыта экспериментальный метод точно также указан Христом, предлагавшим всем желающим испытать на опыте самой жизни Его заповеди, Его этические предписания и догматическое учение, чтобы через это постигнуть, уразуметь, ощутить всю внутреннюю силу христианства, всю прелесть и красоту высшей духовной жизни, всю ту свободу и величие, которые уподобляют слабое существо человека Самому Божеству.

К сожалению, все рационалисты, вроде Штраусса, или Ренана, совершенно пренебрегали в своих работах о христианстве вышеуказанным экспериментальным методом, не говоря уже о коллективном историческом опыте церкви, о котором они совершенно забыли.

Они вовсе не „исследовали“ ни „писаний“, ни фактов христианства, доступных, с одной стороны, внешнему, а с другой, внутреннему опыту, и, именно, экспериментально по всем методам беспристрастного научного изучения.

И, напротив того, они, с заранее предвзятой мыслью, весьма бесцеремонно распоряжались историческим материалом библии противно всяким беспристрастным научным исследованиям. Вместо строго научной дисциплины и эксперимента в их работах красной нитью проходит весьма часто игривая фантазия, или каприз дилетантизма. Произвольно, без малейшего научного критицизма, преклоняясь перед непогрешностью слабого человеческого разума, сильно фантазируя и отвергая опыты коллективной жизни церкви и её живого предания, они, напр., в основание христианства и силы его быстрого распространения ставят патологическое явление: галлюцинации, которыми они с виртуозной лёгкостью мечтали объяснить факт воскресения Христова.

Но, разумеется, подобное легкомысленное отношение к фактам истории в собственной же своей слабости и

многочисленных противоречиях нашло себе заслуженный приговор.

Лёгкий фейерверк дилетантизма, иронии и насмешки там, где не доставало научной серьёзности и академического достоинства, вспыхнул быстро, ещё быстрее погас на смену яркому свету истинной науки с её методами, сильными основаниями и доводами в пользу истины.

Современные методы положительной науки с новыми исследованиями и открытиями в области психиатрии и в частности в области учения о галлюцинациях дают в руки современного историка и богослова новые основательные аргументы для разрушения предвзятых легкомысленных положений рационализма, лишённого всякой деликатности и уважения к фактам истории и опытам христианской жизни.

Отсюда же ясно, что о научном значении рационалистических фантазий не может быть и речи.

Таким образом, современные методы изучения христианства должны поставить и русскую интеллигенцию на твёрдую почву добросовестного вполне научного отношения к свету истины, чтобы разрешить вполне благоприятно острый и крайне болезненный процесс тех конфликтов в области духовной жизни, на который мы уже указали в первой половине нашей лекции.

И надо радоваться, что в среде русских учёных в настоящее время выдвигаются видные силы, проводящие экспериментальный метод и в область русского богословия.

И в этом отношении я не могу не указать на нашего русского профессора Киевского Университета доктора П. Я. Светлова.

Среди его известных своей научной ценностью трудов особенно выделяется „Курс апологетического богословия“, где экспериментальный метод проведён весьма ярко.

И нужно отдать справедливость этому новому направлению в русской богословской науке, так как оно отвечает вполне духовным запросам русского народа.

Ведь известно, что русский человек по складу своей души не питает симпатии к туманам метафизики, к полётам

отвлечённой голой мысли, а тяготеет к реальным явлениям и фактам самой жизни.

Реалист по складу своей души, он и в области религии требует скорее осязательных фактов, чем отвлечённых спекулятивных дискуссий.

Та фанатическая вера в силу человеческого разума, то идолопоклонство перед разумом человека, какие свойственны рационалистам, чужда русской душе, ищущей истину во всей её яркости не одним только ограниченным человеческим умом, не одним только разумом с его логическими операциями, но и всеми другими силами своей души.

Русский человек хочет не только думать об истине, он хочет её ощутить своим сердцем, своим чувством, чуть не осязать своими руками и видеть своими очами.

И, конечно, он этого вполне достигает, если только всей душой входит в живое общение с самой истиной при помощи вышеуказанных экспериментальных методов.

Вот почему русский человек, будучи реалистом, ищет и *реального воплощения* в жизни той святости и духовной мощи, которые превосмогают не только силу разума человека, но и все другие силы природы.

В каждом великом подвижнике, в каждом гении религии он хочет видеть истинного богатыря духа, того светоча жизни, который, отображая в себе Самого Христа, проявляет величие и силы несоизмеримые ни с каким величием и силами этого преходящего мира.

Вот и теперь, в наши дни, в это время безволия, слабости характеров, возникновения всевозможных суеверий, сект, упадка идеалов, культа декаденщины и одних узких мещанских интересов, какого-то аморфизма, в современной жизни нашей интеллигенции, в это, говорю я, смутное время, с берегов Сатиса, с этих знаменательных Саровских холмов и лесов загорелась заря и ярким светом своим залила всю Русь православную.

Смирненнейшее человеческое существо, *убогий Серафим* „проявил титанические силы“, несоизмеримые ни с каким земным могуществом.

Останки *великого земного ангела и небесного человека*, как его именует русский народ, привлекли к себе не только тьмы тем простого серого люда, но самого цвета русской интеллигенции.

Тут, у этих останков, собирались и собираются аристократы крови, происхождения, аристократы ума, аристократы политической силы.

И всё это повергается долу, забывая свою силу и величие, чтобы почтить то изумительное смирение и безграничную любовь великого старца, какие родили собой небесное величие и блеск нового титана и гения религии, нового богатыря и истинного аристократа духа.

И это неудивительно, ибо на берегах Сатиса явлены были в изобилии все те силы и знамения, которые переносят наше воображение к берегам Иордана, Геннисаретского озера, к этим заветным временам земной жизни Великого Плотника из Назарета.

У раки, у могилы, у источника Св. Серафима, среди его сирот в Дивееве, всюду проявлялись те знамения и силы, те эксперименты, которые доступны были всякому, даже врагу христианства и Церкви, желавшему видеть и осязать собственными руками проявления благодати Христовой.

Всё это были эксперименты внешнего опыта в деле изучения христианства, доступные не только скептикам, но даже детям, по своей изумительной наглядности и ослепительной яркости.

Даже врачи, доктора медицины, которые приходили к этому потоку чудес с предвзятыми идеями, желая видеть во всех случаях исцеления простой результат той исцеляющей веры Шарко, того религиозного экстаза и самовнушения, благодаря которым якобы возможно восстание и хождение истеричных больных, хромым, исцеление всевозможных нервных страданий, и те, говорю я, принуждены были силой фактов признать настоящие евангельские случаи исцеления слепорождённых, глухонемых, увечных с такого рода болезнями, которые ничего общего с истерией не имеют.

Да, самый строгий позитивист, самый придирчивый скептик имел возможность путём внешнего опыта подойти к доказательствам реального проявления благодатной Божественной силы.

Но и этого мало...

Даже тот внутренний опыт, который доступен лишь верующим или, по крайней мере, сознающим свою ограниченность и греховность людям, даже этот опыт постижения самой сути христианства мог быть, по крайней мере, предметом наблюдения скептиков.

Многие, приехавшие в Саров из-за одного только любопытства или желания посмеяться над яко бы *„наивной верой дураков“* вдруг принимали самое горячее участие в богослужениях, искренно приступали к исповеди и приобщению, проливая слёзы умиления и становясь в ряды самых убеждённых членов церкви.

Многие испытывали такие чувства, о которых они во всю свою жизнь даже не помышляли.

Та сладость и духовная радость, которые испытывались новообращёнными, не поддаются никакому описанию.

Всё это нужно самому пережить своим сердцем, всё это испытать, чтобы иметь хотя бы приблизительное представление о той благодатной силе, какая возвышала всё существо человека и беспредельно одухотворяла его.

Самое живое ощущение реального присутствия духа Серафима испытывалось здесь даже многими скептиками, которые с невыразимым восторгом повергались у останков преподобного.

Мы видели образованных евреев и буддистов, которые, к нашему изумлению, признавали у источника Серафима реальное проявление могущественного воздействия благодати. В сообщении Курской городской депутации об участии её в торжестве прославления преп. Серафима Саровского, написанном пером одного бывшего ярого врага церкви, последователя учения Толстого, между прочим, читаем: „торжество прославления угодника Божия при благоговейном, бескорыстном и добровольном стечении сотен тысяч народа

православного, собравшегося, можно сказать, со всей земли русской, было не только прославлением личности праведного старца, но и преклонением в лице его перед русским народным идеалом – идеалом святости и жизни по правде Божией. Торжество это, совершившееся при единомысленном и единосердечном теснейшем общении Царя с своим народом, под сенью церкви православной, со всей яркостью раскрывало творческую силу и жизненную правду исконных русских начал, кроющихся в самых внутренних глубинах психологии и истории русского народа и тем самым как бы указующих единственно верный и истинный путь к лучшему светлому будущему.

Отметив огромное общественное значение настоящего торжества, имеющего оказать самое широкое и благотворное влияние на общественное самосознание, депутация считает своим священным долгом засвидетельствовать перед Городской Думой о виденных ею *собственными глазами некоторых случаях исцеления слепых, хромых и расслабленных у гробницы и источника Серафима, этого поистине источника благодати, где царит такая сфера, при которой дух человеческий, как бы высвобождаясь из под законов причинной необходимости, вступает в область абсолютной свободы и господства духа над материальными силами природы.* Свидетельствуя об этих фактах, депутация *не находит слов* для передачи изведанных ею чувств при данных чудесных явлениях, сознавая, что лучшим языком для выражения этих чувств является *благоговейное молчание*. Но члены депутации не могут не выразить самой сердечной признательности Городской Думе, что она удостоила их избрания в депутацию и тем самым доставила им возможность пережить на Саровском торжестве во дни Серафима такие минуты несказанного духовного просветления, которые никогда не изгладятся из их памяти“.

Одним словом, во дни Саровских торжеств экспериментальное изучение христианства как со стороны внешнего, так и внутреннего опыта, было доступно всякому, желавшему беспристрастно, строго научным опытным путём, подойти к истине.

Но, разумеется, и в повседневной жизни никто не лишён возможности познать Христа, если только он серьёзно примет все методы церкви, при помощи которых можно опытно переживать саму жизнь во Христе.

Человек науки будет глубоко оскорблён, если новичок, изучающий данную науку, подойдёт к ней и её методам с таким недоверием, что отвергнет на первых же порах, ещё не познакомившись с наукой, все её методы, все эксперименты в историческом развитии науки.

Можно ли изучать какую-либо экспериментальную науку, например, физику, химию или биологию без того, чтобы не войти в храм науки, в эти лаборатории и кабинеты, без того, чтобы не довериться тем методам и экспериментам, какие прилагаются для изучения этих наук.

– Конечно нет, – скажет всякий здравомыслящий человек.

В данном случае скептицизм только удаляет изучающего от искомой им научной истины.

Тоже самое и при изучении христианской истины.

Церковь Христова предлагает свои храмы, своего рода лаборатории и кабинеты с своими таинствами и обрядами для экспериментального изучения христианства, потому, именно, что оно есть жизнь, хотя и высшего порядка, но подлежащая опытному методу.

Она предлагает свои методы, указанные Самим Христом, чтобы при экспериментальном приложении их к жизни практической постигнуть, понять и полюбить именно Самого Христа, а не одно только Его моральное учение в отношении человека.

Поэтому, чтобы честно подойти к христианской истине, нужно принять все эти методы, нужно считаться с коллективным религиозным опытом церкви во всей его целостности и во всей её истории и, конечно, подождать с своим болезненным скептицизмом.

Не должно оскорблять опытной науки и её методы пренебрежительным отношением к ним.

Не нужно оскорблять и христианства пренебрежительным отношением к его догматам и обрядам и тем заповедям, а также

учению Христа, без исполнения которых на опыте самой практической жизни невозможно понять и усвоить то, что именуется жизнью во Христе, Его благодатью и Духом Святым.

И всё это тем более так, что христианство не может быть исчерпано какой-либо математической формулой, или логическим силлогизмом. Оно по преимуществу доступно нравственному процессу нашего я.

Не нужно забывать при этом, что сущность христианства есть не только жизнь высшего порядка в биологическом смысле, но и исторический факт, имя которому Иисус Христос, распятый и воскресший, словом Богочеловек – Спаситель мира.

И вот Он-то, будучи не только Основателем своей религии, но и Предметом или Целью её, и является камнем преткновения и соблазном для очень многих рационалистов, желающих иметь христианство без Христа.

И, конечно, все такие рационалисты похожи на тех мнимых учёных дилетантов, которые пожелали бы изучить химию, физику или биологию вне кабинетов и лабораторий – храмов науки, лишь путём отвлечённого мышления, логически, математически, но не экспериментально.

Потому то им и трудно во Христе признать Богочеловека, что они подходят к христианской истине не тем экспериментальным путём, какой указан Христом, а своим разумением с своими логическими формулами, в которые никак не может вместиться христианство, как нравственный процесс, как чувство самого высшего возвышенного в мире, как жизнь высшего порядка и, наконец, как колоссальный исторический факт.

И, разумеется, христианство, как факт Богочеловека, слишком необъятно для узеньких рамок столь часто ошибающегося человеческого разума.

Вот почему мы видим, что даже такой художественный гений, как *„великий писатель земли русской“*, признав своё разумение христианства без Христа за истину, впал в бездну пантеизма, из которого едва ли ему удастся высвободиться, не исполнив на деле первой заповеди, им же самим признаваемой

нагорной проповеди, заповедующей противиться духу гордыни и быть нищим духом.

Без этого ему не удастся, даже с точки зрения его разума, его логики, выйти из ужасных противоречий и логических несообразностей, где, например, тварь приравнивается Творцу, а человек отождествляется самому Божеству и в то же время эта честь отнимается от Самого Христа, не желающими признать в Нём Богочеловека.

Словом, без этого восстанавливается старый пантеизм, с его всеми недостатками, приводящий человека к самообожествлению, другими словами, к языческому культу.

Вы видите из этого, м.м. г.г., какие конфликты вырастают там, где прокладывают новые пути даже гении человечества без глубокого сознания ограниченности человеческого разума.

Самая тонкая и коварнейшая из страстей человека – гордыня его разума и есть главнейшая причина этих конфликтов.

И вы видите, что даже гении не всегда бывают свободны от этой ядовитейшей человеческой страсти.

И эти конфликты, как болезненные наросты, вырастают именно при решении самых важнейших вопросов жизни, касающихся самых лучших сторон человеческого духа.

И вот при решении вопросов нравственности и религии, так тесно связанных с новыми литературными течениями и духовными запросами русской интеллигенции, – эти именно конфликты и являются острым болезненным процессом бурного брожения в умственной и нравственной жизни современных отцов и детей всех сословий интеллигентных слоёв русского народа.

А что болезненный процесс этих бурных конфликтов имеет роковое значение в воспитании наших детей, в этом не приходится сомневаться. А это уже вопрос колоссальной важности, перед которым не устоит даже самый равнодушный воспитатель.

Ясно, что тут в интересах воспитания нашей молодёжи было бы желательно устранение всяких кризисов и конфликтов

в вопросах религии и нравственности, имеющих самое существенное значение в деле воспитания молодого поколения.

Любовь к детям должна приносить в воспитательную систему и безусловную любовь к истине, к тому всеединству и гармонии, которые так необходимы в святом педагогическом деле.

Но как же осуществить это всеединство, эту гармонию в мирозерцании родителей и воспитателей в виду вышеуказанных конфликтов?

На этот вопрос уже дан ответ выше, когда мы выяснили значение современного экспериментального богословия.

В самом деле, ведь безусловная истина одна, хотя к ней могут вести различные пути.

Но и эти различные пути идут не иначе, как по ступеням, в конце концов, не одного только философского отвлечённого мышления, но и экспериментального метода, о котором я так много говорил выше.

Вот если этими строго научными путями опыта религиозной жизни честно и беспристрастно подойти к христианству, то нам кажется, что тот острый кризис конфликтов, который так волнует лучшую часть русской интеллигенции, потеряет свою силу.

Разумеется, тут выступит новый вопрос о реформе преподавания христианства в нашей школе, как низшей, так и средней, и высшей, как женской, так и мужской.

Школа обязана дать надлежащее религиозно-нравственное воспитание не в том духе ханжества, лицемерия и холодного формализма, какой, к сожалению, в настоящее время часто царит во всех наших школах, а в духе истинного христианства с его великими задачами созидания духовной свободы и прогрессивного совершенства человеческой души, с его задачами приспособлять современную жизнь к этим духовным совершенствам, а наоборот, как это мы видим на западе с его тенденцией приспособлять христианские принципы к укладу и требованиям современной бешеной, мещанской жизни, с его клерикализмом, столь противным духу истинного христианства, чистого православия с его универсальными стремлениями к высшей форме жизни и свободы.

А эта жизнь и эта свобода, рождающие собой непреходящую радость и высочайшее блаженство, не мыслимы без абсолютных Божественных потенциалов, несоизмеримых ни с какими силами человеческих дарований и разума, сосредоточенных в лучезарном явлении на нашей грешной земле Того Великого Плотника из Назарета, Который, по словам Жан Поля, будучи чистейшим среди могущественных и могущественным среди чистых,

Рукой своею прободенной

С основ своих все царства сдвинул,

Поток веков из лож их вывел

И властвует над временами,

Величием, смирением, любовью и крестом!..

И вот этот крест и эта любовь Христовы, особенно ярко, чудным аккордом засияли и наполнили сердца наши в теперешний знаменательный исторический момент горячего проявления самых святых чувств единения и желания всякой жертвы на алтарь отечества до последней капли крови каждого из нас.

Пусть же в этой блистающей нравственной красоте великой народной души жизнь наша повернёт могучим взмахом к вершинам исконных русских идеалов, когда каждому из нас в восторге пламенной любви к родине хочется от полноты сердца воскликнуть: воистину прекрасна ты в величии своём многострадальная, смиренная, могучая

Святая Русь!..

Д-р мед. *Н. Пясковский*

Боголюбов Д. Основные черты миссионерской методики // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 818–821

§ 4. Внешняя сторона миссионерских собеседований

Общепризнанная истина, что миссионерские собеседования с внешней своей стороны должны носить совершенно, мирный, христианский характер.

Вредно для дела Божия, если эти беседы принимают форму состязаний, враждебных споров.

При таких состязаниях люди стараются, обыкновенно, победить противника, унижить его.

В миссионерских беседах этого не должно быть. Здесь люди сходятся не „препираться“ между собой (2Тим.2:23). путём общих усилий, в христианском духе, они стараются найти истину Божию (Ин.8:32). Всякой сварливости и заносчивости здесь нет места.

Не должны миссионерские собеседования и по внешности носить сухой, бездушный отпечаток. Не хорошо, если эти беседы устраиваются *по строгому приказанию* гражданских властей, когда полиция сгоняет сектантов на беседы. В таких случаях они являются к миссионерам обозлёнными и способными на дерзости. Не будет тогда пользы для сектантов от миссионерских бесед...

И это вредно для дела миссии, когда православные проповедники, во время бесед, принимают на себя обязанность „власти предержащей“, – когда они строгим голосом окрикивают толпу, отдают приказания, кому-нибудь угрожают.

Нет. Миссионерские собеседования должны вестись спокойно, ровно, в духе благожелательной любви и снисходительности миссионеров к сектантам.

Нам возразят: „в иных местах без содействия полиции такие беседы не состоятся. Даже на них не заманишь сектантов; ну, а власть всё сделает“...

Ответим на это возражение русской пословицей: „невольник – не богомольник“. Кто добровольно не идёт слушать миссионера, тот и насильно приведённый *ничего* не услышит. Он ожесточит своё сердце для восприятия миссионерской

проповеди. Такого человека необходимо оставить в покое: пусть он одумается, поразмыслит о своём положении, – устыдится своего ожесточения...

С таким человеком миссионеру лучше беседовать „с глазу на глаз“, – не срамляя его, а, как брата возлюбленного, умоляя: авось Бог приведёт его в разум истинный!..

Но что делать, когда, явившись на беседу, сектанты кричат и не дают миссионеру говорить?

В таких случаях миссионер должен „просто“ замолкнуть. Пусть сектанты покричат. Народ сначала отнесётся к этому обстоятельству безразлично. Потом, как люди „хозяйственные“, они сообразят, что „время уходит даром“. Они рассудят, что миссионер „в кои то веки“ приехал к ним, а тут сектанты слушать не дают. И народ сам, без всякого возбуждения, заговорит:

– Замолчите, озорники! Ах, вы каторжные... Справы на вас нет...

И сектанты замолкнут. Они, может быть, совсем не станут беседовать, но кричать наверное не будут...

Это мы говорим по собственному опыту. И мы убеждены, что *такое* воздействие на сектантов-крикунов самое благотворное.

Во время шума сектантского, миссионер может отдохнуть, сообразиться и приготовиться к дальнейшей речи. Народ весьма ценит выдержку характера. „Обстоятельных“ и хладнокровных миссионеров он особенно любит и, когда потребуется, может постоять за них стеной. Но вот беседа течёт правильно. Сектанты „говорят“. Как должен относиться к их речам миссионер?

Как бы ни бессвязны и пусты были речи сектантские, – их необходимо выслушивать с озабоченной внимательностью. Надобно помнить, что сектант кричит о том, что чаще всего он выстрадал сердцем. И лучше всего поступит миссионер, если возражения собеседников он станет записывать *по пунктам*. Тогда от внимания его не ускользнёт никакая черта сектантская и миссионера не будут упрекать в том, что он „на многое не отвечает“.

Ответ свой сектанту миссионер должен начинать тогда, когда тот „совсем затихнет“. Так беседа протекает мирней, спокойней и бывает содержательней.

Само собой понятно, что и миссионер обязан не допускать „перебивок“ при своих ответах.

§ 5. Отношение на беседах миссионеров к приходским священникам

Ап. Павел пространно убеждал христиан в том, что в церкви Божией существует разделение благодатных дарований (1Кор. 12 гл.). Это необходимо твёрдо помнить участникам миссионерских собеседований. – Собеседования эти происходят необходимо в известном церковном приходе. „Предстоятелем“ там является священник (1Фес.5:12). С ведома и *благословения* его миссионерам необходимо вести сношения с приходскими сектантами.

Сами же беседы священники должны открывать вступительной коротенькой речью. Пастырям особенно прилично говорить о взаимном мире и любви между христианами. Проповедью об этих добродетелях, которые должны сопутствовать миссионерским беседам, – и хорошо предварять в известном приходе благовестнические труды миссионера.

Если почему-либо священник этого не хочет и не может сделать, пусть он торжественно благословит на то приезжего миссионера-мирянина. Народ увидит тогда, что миссионерская беседа, которой он является слушателем, есть *дело любви* миссионера и священника; что здесь не может быть речи об *умалении* достоинства местного священника.

По нынешним временам, к сожалению, приходится думать и о таких подробностях. В иных приходах батюшки недоверчиво относятся к приезжим миссионерам. Они боятся, как бы „эти люди“ ни подорвали их авторитета в глазах народа. И молчат даже тогда, когда сектантство растёт в данной местности.

Это – суета. Народ никогда не унизит своего батюшки перед заезжим светским миссионером. – Да и унизить нельзя. Во время обедни, напр., батюшка в ризах будет совершать святейшую службу; тогда как миссионер в это время окажется *одним из тысячи* рядовых мирян.

Если же проповедь или беседу поведёт миссионер, – ему и книги в руки. В церкви Божией не все дары сосредоточены в одних руках. – Чего ж унижительного для священника в том, что

и миссионер может проповедовать, что и „увещатели“ (Рим.12:8) действуют рядом с ним в его приходе?..

Такова воля Божия, перед которой обязаны смириться самые высокомерные люди...

Как скоро беседа с сектантами началась, – священник, без ведома миссионера, уже не должен вмешиваться в ход разговоров. Такое вмешательство положительно вредно для дела. Всё равно как, если бы автор писал сочинение, а другой человек, без согласия пишущего, стал бы вносить в сочинение *свои* мысли и *свои* соображения. Всякий священник обязан помнить, что миссионерская беседа – дело творческое. Надо, во время беседы, дать творцу её полную свободу и самостоятельность. Иначе ничего не выйдет...

Впрочем, мы не хотим сказать, что никакое сотрудничество миссионерам со стороны священников не мыслимо. Наоборот: даже желательно, чтобы батюшки помогали миссионерам.

Но для того нужны особые условия. Необходимо, чтобы о плане и сущности беседы они сговорились раньше; должно даже столкнуться об отдельных ответах на вопросы. Тогда безусловно полезно будет сотрудничество приходских священников миссионерам.

Но что положительно необходимо, так это – помощь миссионерам в вычитывании разных мест из Библии. Молокане особенно любят на беседах читать „Слово Божие“. Если миссионер, на просьбу их, сам возьмётся читать требуемые места, – он измучится, потеряет голос и впадёт в расслабление...

Вот тут-то священники братски и должны облегчать положение миссионеров. Попутно они могут толковать прочитанное, как всю 14 гл. из пр. Даниила.

В заключение речи о взаимных отношениях миссионеров и священников надобно сказать, что *соперничества* между ними никогда не должно быть. Они – со-работники в великом Доме Божиим; одни сеют Слово Божие, другие поливают посеянное своими проповедями, молитвами и священнодействиями. И потому миссионеры и священники – друзья и братья по своему назначению и общественному положению.

Где изображённый характер взаимных отношений между миссионером и священниками исчезает, – там дело Божие не может расти...

Д. Боголюбов

Гринякин Н. Новости из раскольниковьего подполья // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 822–829

(Раскольниковье „руководство беседования с миссионерами“).

„Кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему жерновный камень на шею и бросили его в море“ (Мф.18:6; Мк.9:42).

Раскол – царство косности, окаменелости. Основной его устой: „как до нас положено, так и быть тому во веки веком без прибавления или убавления и единого аза или йоты“, – это смертный приговор всякому дальнейшему развитию религиозной жизни, развитию, разумеется, не в смысле новодогматствований, но в смысле благопотребного для времени и обстоятельств церковной жизни уяснения Богооткровенных истин и в смысле „преуспеяния на лучшее“ (6 всел. соб. пр. 12) в каноническо-обрядовой области, в меру „возрастания“ христианского общества. Развитие церковной жизни в таковом смысле – „при действии в свою меру каждого члена её“ – всегдашний закон церкви – „доколе все придём в единство веры и познания Сына Божия, в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова“ (Еф.4:11–16). Определяя, „како подобает в дому Божиим жити“, древнейшая церковь, – эпохи вселенских и поместных соборов, „зная время всякой вещи“, освятило таковое развитие своим примером. А по Златоусту, „церковь никогда же стареет, но присно юнеется“. Раскольниковьё же общество – это не церковь „юнеющаяся“, а что-то в роде жены Лота, оглянувшейся назад и окаменевшей... Но таков раскол только со стороны своей догмы. Далеко не то представляет собой его действительная религиозная жизнь, – тут косности заметно менее всего: по-своему раскольники думают, изворачиваются, защищаются, нападают на „несогласных“, издают тысячи своих пропагандистских книг и брошюр и т. п. С этой стороны жизнь в расколе, можно сказать, „кишмя кишит“. И это вполне понятно: без пастыря рассеялись овцы стада; в расколе нет объединяющего авторитета, – и там

что ни „деревня – то поверье, что ни баба, то толк“. Блюдя, обрядовую йоту, „оцеживая комара“, раскол, особенно беспоповский, „поглотил верблюда“: оставив „истинное пристанище, Церковь Христову“, он раздробился чуть не на двести согласий; согласия эти взаимно проклинаятся, всё больше и больше сочиняют нелепых новодогматствований, на почве одогматизирования обряда и угрызания букв старопечатной книги, и с усердием, достойным лучшей участи, пропагандируют их путём своей подпольной литературы и даже издают „руководства“ для такой пропаганды. перед нами гектографированная в раскольничьей печатне „Беседа двух юношей и священника, или краткое руководство беседования с миссионерами о хуле имени Господня, и о истинной православной вере“; – новая книжонка в 58 л. (116 стр. in 8-ю) – цена 3 рубля (автор, год и место издания не помечены; у нас экземпляр только что вышедший из-под литографского камня).

Это „краткое руководство“ представляет собой ни более, ни менее, как указание приёмов пропаганды раскольничьего буквопоклонства. Дело представлено в лицах: в „руководстве“ сочинена беседа двух юношей между собой и со священником об имени Спасителя „Иисус“ и „Исус“. Из юношей – Гриша – „новообрядец“, мало сведущий в вопросах веры; Ваня – „старообрядец“ беспоповского толка, – искушённый в книжном деле, начётчик последней формации; „священник“ голословит и не может дать „ответа вопрошающему о своём уповании“. По своему содержанию „руководство“ распадается на три части: 1) Задушевная беседа юношей-друзей, 2) Беседа Вани со священником и 3) Заключительный разговор юношей и решение Гриши оставить православие и перейти в раскол. Насколько раскольничий пропагандист, для большей, так сказать, умиленности и убедительности картины, выведенный под видом юноши Вани, усвоил дух и приёмы последней школы пропаганды раскола, видно будет из нижеследующего.

I.

Гриша – „новообрядец“ (а не нововер!), сожалея о том, что „старообрядец“ Ваня пребывает в расколе и вне церкви должен погибнуть навеки, уговаривает его оставить старообрядчество и

присоединиться к православной церкви. Старообрядец, поблагодарив Гришу, в свою очередь говорит ему: „а я о тебе более сокрушаюсь сердцем, потому что ты не в нашей православной вере находишься, (а) в новообрядческой вере; вам невозможно получить спасение за то, что она у вас *новая* вера, начало принявши от Никона патриарха... старая вера спасительная, а новая погибельная... *мы* считаем, что те погибнут, которые ходят к вам в церковь, которой участи, Гриша, и ты не минуешь, если только не обратишься в нашу православную старообрядческую церковь“ (л. 2 об.)

Гриша оставляет речь своего друга без разбора, и только спрашивает его: „почему же в нашей церкви нельзя спастись; ведь у нас всё совершенно есть: церковь, священство и тайны, с которыми только и можно иметь надежду на спасение души, а ты говоришь, что погибнем“. Ваня только этого возражения и ждал, чтобы победоносно завитийствовать, что „много еретиков погибало и погибает с своими церквами, священством и тайнами“ (л. 3). Не так бы дело должно обстоять при равных силах... Гриша, вместо приведённого на руку раскольнику возражения, мог бы ответить прежде на его речь, примерно, в таком виде. „Правду ты, Ваня, сказал, что *старая вера* спасительная, а *новая* – погибельная; но вот эта новая вера у вас то и исповедуется: до патриарха Никона от самых первых пор веры Христовой в Церкви веровали и учили, что без священства нет и христианства (Златоуст на 14 посл. Ап. Павла, стр. 2552; Семеон Сол. гл. 77), что без таинств церковных, законными лицами совершаемых, не должно быть и надежды спасения (Б. Кат. л. 2 об. 119–122; 358, 360, 395 об.), что собрание, „без воли епископа“ действующее „церковная“, как у вас, проклято св. отцами (6 пр. Гангр. соб.), что нет церкви без епископа (Маргарит. Житие, л. 154 об.), что „идеже несть архиерея, ту не подается благодать Духа святого“ (Ник. Черногорца л. 141), и что церкви в её Богоучрежденном устройстве с 3-чинной иерархией и 7 тайнами не одолеют до второго Христова пришествия и врата адовы (Благов. Мф. зач. 67., Лк. 95, 107; Толк. Апост. л. 536 об.; В. Соборник л. 130–33; Андрей Кес. в толк. Апокал. и др.). Вот – вера *старая*. У вас же

этой веры совсем не осталось; вы завели веру *новую* – в возможность спасения без священства и без церковных таинств, которые будто бы повсюду истребил антихрист, одолев церковь Христову. Всё ваше упование держится на антихристе, им вы только и оправдываетесь: спросишь у вас, почему вы не имеете священства и таинств, вы отвечаете: антихрист так устроил; по-вашему, антихрист сильнее Христа. Христос сказал: „созижду церковь Мою и врата ада не одолеют ей“, и создал её со священством и тайнами, а по-вашему, – Христос создал такую церковь, а антихрист разрушил её и тем положил основание беспоповству; вот на каком камне-то ваше упование беспоповское – на антихристе! За такую новую веру вас предали бы анафеме и патриархи до Никона, как ужасных еретиков. Нашу же веру ты сам называешь только *новообрядческой*: ты винишь её только в обряде, по твоему, новом; не буду говорить – новый ли обряд восприняла наша церковь, или, может быть, старее „старого“; напомню тебе, Ваня, одно: если ты знаком с правилами соборов и историей древнейшей Церкви Христовой, ты должен знать, что церковная обрядность явилась не вдруг, а с течением времени все восполнялась и восполнялась *новыми* обрядами (Корч. л. 74, Книга о вере л. 136 и др.); ужели же ты станешь завинять в новообрядчестве и считать погибельною святую и непорочную церковь Христову и древнейших времен – напр., времени вселенских соборов? Убойся суда Божия за свою веру! Ты, далее, говоришь: „мы считаем, что те погибнут, которые ходят к вам (православным) в церковь“... Но ведь это только *вы* считаете; а *вы* величина небольшая, я же тебе показал от Слова Божия и св. отец, что у вас *новая* вера и, страшно сказать, вера – больше в антихриста, чем в Христа. Пойми, Ваня, и то: догматы о церкви, её неодоленности, и устройстве с 3 чинами иерархии и 7 тайнами – это заповеди Божии, они неизменяемы; а обряды – предания изменяемые; вы же „преступаете заповеди Божии ради преданий“... Как книжники и фарисеи, осуждённые Христом, „оцеживая комара, вы поглощаете верблюда“: неизменное и „потребно нужное во спасение“ (это показанные догматы-то) вы положили за изменяемое и неважное; а

изменяемое и не столь важное (это обряды-то) почли за неизменное и само по себе, а не в церкви, спасительное. Это то же у вас *новость*, которой нет основания в Божественном писании и у св. отцов. Смотрите, как бы обряды ваши, из-за которых вы приняли *новую веру*, в противление церкви и Божьему писанию, не оказались „мерзостью“ перед Богом, как „жертвы, новомесечия и субботы“ Израиля, забывшего слово Господне и закон Божий (Ис.1:1–15; Иер.6:20). Итак, *новая вера* у вас, Ваня, а не у нас, а такая вера, и по твоим словам, „погибельная“. Вот что православный Гриша мог бы пока ответить Ване старообрядцу, вместо того, чтобы выражать нужное раскольнику недоумение и просить его показать мнимые заблуждения и еретичества православной церкви (лл. 3 и 4).

Раскольник, предупредив, что „рассказывать (именно только рассказывать!) по ряду про заблуждения пастырей, что они натворили с лет патриарха Никона до сего времени, и какое внесли богомерзкое и противное учение всей Христовой церкви, не хватит и целого года“, останавливается на одном „страшном преступлении *против учения церкви Христовой*“, что они – пастыри „отреклись от имени Господа нашего Иисуса Христа, пишемого сицевым образом: „Исус Христос“, которое имя снесено с небес архангелом Гавриилом... „и наречеши имя Ему Исус“ (Ев. Мф.20–21). „И вот это сладчайшее имя Господа нашего Иисуса Христа, продолжает Ваня, пастыри Христовой церкви почитали, писали его во *всех* своих книгах, и на святых иконах, *езде* поклонялись ему и *всюду* лобзали его, потому что оно сладчайшее есть, о котором имени нам подобает спастися... (Флп.2:9–10; Деян.4:12). Но *это* сладчайшее имя пастыри ваши жестокословне охулиша и обругаша... равноухим, чудовищным, ничего незначащим, не спасительным, не исцелителем и т. п... восташа против *Самого Господа Иисуса Христа*, охулили святое имя *Его*, за что и сделались горшими еретиками“ (л. 5).

Гриша. Неужели, Ваня, у нас такое учение содержат наши пастыри?

Ваня. Истинно я тебе говорю, Гриша, что такое учение у вас в церкви *непреложно хранится наравне со святоотеческим учением*.

Гриша. Да в каких же это книгах у нас писано такое хульное учение на имя Господа Иисуса Христа?

Ваня. Во-первых, в соборной книге – „Жезл правления“, во-вторых, книге „Пращица“; в-третьих – в книге „Розыск“, в-четвёртых – в книге Никифора Астраханского; в сих книгах написана велия хула на имя Господа нашего Иисуса Христа“...

Читателю, знакомому с затронутым в „руководстве“ вопросом, очевидно, как лукавит раскольник и с какой бессовестностью смущает православного. Завинив православных пастырей в „страшном преступлении“: противлении учению церкви Христовой, отречении от спасительного имени Христа Иисус, которое будто бы писалось во всех церковных книгах, – он, сам, чувствуя слабость этой своей позиции и не давая противнику оборонительного и наступательного слова, сейчас же переходит на другую позицию – к выражениям наших полемических против раскола книг о значении слова иисус, по переводу с греческого, и относит эти выражения не к тому, к чему они, действительно, отнесены авторами тех книг, а к Самому Спасителю. Он цитирует выражения помянутых книг, и, произведя своего рода оптический обман – будто в этих книгах хулится Христос, – уверяет, что „это учение (хула на имя Спасителя) хранится“ в православной церкви „наравне с святоотеческим учением“. И православный Гриша покорно склоняет свою голову перед своим учительным собеседником, расставляя свои уши для дальнейшей его лжи. В действительной беседе раскольников с православным собеседником дело могло бы обстоять иначе.

В ответ на лукавое разглагольствие раскольника православный мог бы сказать следующее.

– Ты, Ваня, говоришь, что наши пастыри, изменив начертание имени Спасителя с „Иисус“ на „Иисус“, совершили страшное преступление *против учения Христовой церкви* и *сделались горшими еретиками*, – так скажи мне, прежде всего, на каком вселенском или поместном соборе и каким правилом св. церковь постановила писать имя Спасителя *только* так – Иисус, а не Иисус? и к какому чину еретиков отнесла она

пишущих и произносящих Сладчайшее имя Спасителя *Иисус*? На этот вопрос ни ты, ни твои единоверцы никогда ответа не дадите, так как такого учения церкви никогда не было. Далее, ты говоришь, что наши пастыри *отреклись* от спасительного имени Христа Иус. Этого никогда не было и ты говоришь это напрасно: в древнеписьменных и древнепечатных книгах, и на святых чудотворных иконах, встречается написание имени Спасителя Иус и наши пастыри почитают за священные книги эти и относятся к ним с благоговением, и эти святые иконы лобзают и поклоняются им. И ту неправду говорил ты, Ваня, будто Иус, а не Иисус, писалось в церкви Христовой во всех книгах. В старописьменных славянских книгах, начиная с 11 века, и в книгах старопечатных, кончая временем патриарха Иосифа, а также и в греческих книгах древнеписьменных с 3 века и печатных до лет п. Никона, имя Спасителя тысячи раз встречается в таком начертании: Иисус, Иисус Иисус, т. е. с двумя „и“. Почитай в выписках А. Озерского ч. II, стр. 70–141. Нашим пастырям ведомо и проповедуется ими, что *Иисус* Христос и *Иус* Христос – одно лицо Спаситель мира („Розыск“, гл. 8, стр. 23 и др.). А вот ваши расколо-начальники, действительно, *отреклись* от *Иисуса* Христа: они сочинили богохульное учение, что *Иисус* есть „*ин* бог“ антихрист, родившийся 8 годами после истинного Бога Иуса и т. п., и, действительно, восстали против Господа Иисуса Христа. По их богохульному учению, выходит, что, напр., святители и чудотворцы российские, во святых просиявшие за несколько веков до п. Никона, московский м. Алексий и др., писавшие имя Спасителя *Иисус* (см. у Озерского), веровали в „инога бога“, а не истинного Христа Спасителя. Знай, Ваня, „что святые будут судить мир“ (1Кор.6:2); и вот они-то осудят и ваших первоучителей и вас за то, что вы похулили святых чудотворцев российских, якобы они веровали во Иисуса – „инога бога“. Что касается твоего извета, или – вернее – не твоего: ты только являешься послушным старой раскольничьей лжи, а ваших расколо-учителей, будто наши пастыри хулят имя Спасителя Иус, то почитай повнимательнее те места, откуда ты вычитал эти мнимые хуления, и ты поймёшь, что никакой там хулы на

имя Господне нет: писатели помянутых тобой книг рассуждают там не об имени *Спасителя*, которое всегда для них было сладчайшим и достопокланяемым, а только о *самом слове* исус, что оно не имеет, по переводу и с еврейского языка и греческого, того значения – спаситель, исцелитель, которое должно иметь имя Христово и которое имеет слово Иисус: Иисус в переводе с греческого значит исцеляющий, исцелитель (св. Кирилл Иерусалимский, поуч. 10), а исус (ἴσος = равный и οὖς = ухо) может значить только равноухий; но что наши пастыри-писатели страшились прилагать такое значение к имени Христову, видно из того, что св. Димитрий ростовский, переведши исуса равноухим, сейчас же замечает: „но не буди нам тако нарицати Христа Спасителя“ („Розыск“ стр. 56). И церковные писатели до п. Никона, начертывая имя Спасителя сокращённо Иус, знали, что правильно, полностью, имя это должно писаться Иисус, а не учили писать только Иус, а Иисуса считать за „иного бога“, как вы это делаете. В имени Христа – Иисус они полагали число 888 ($1=10+\eta=8+\sigma=200+o=70+u=400+s=200=888$; предисловие к „Апостолу“ 1639 г. во Львове); а из „Иус“ такого числа не получится.

В пояснение сказанного добавлю тебе, Ваня, вот что: и ты, и твои наставники пишут и произносят твоё имя „Иван“, хотя и тебе и им известно, что правильно то и полностью тебя надо писать „Иоанн“; по переводу с еврейского языка „Иоанн“ значит „благодать Господня“, а „Иван“ такого значения не имеет, хотя и употребляется в сокращении и письменно и в речи; ужели же теперь ты и твои учителя будете настаивать, что надо писать только „Иван“, не имеющее смысла „Иоанна“, что „Иван“ и „Иоанн“ – два разных имени, и что если бы мы тебе сказали, что слово „иван“ бессмысленное, ты стал бы доказывать, что мы похулили „бесмысленными“ Иоанна Богослова, Иоанна Крестителя и всех святых Иоаннов? А вы, друг мой, так именно и рассуждаете, когда заходит речь об Иисусе и Иисусе.

Наконец, ты говоришь, что „хульное учение на имя Спасителя нашими пастырями непреложно хранится наравне со святоотеческим учением“; и тут ты сказал большую неправду:

наша церковь православная, вообще благословив к употреблению в борьбе с расколом книги – „Жезл правления“, „Пращицу“, „Розыск“ и др., касательно резких выражений этих книг об именуемых старых обрядах и книгах, сделала затем оговорку и „изъяснила“, что эти выражения, вызванные разными раскольничьими хулами на книги и обряды поправленные, она „признаёт принадлежащими *лично* писателям сих сочинений; сама же *не разделяет* и *не подтверждает* сих выражений („Изъяснение“ св. Синода 1886 г., учреждение „единоверия“). И так, скажи мне, какой вселенский или поместный собор постановил писать имя Спасителя только „Исус“, а пишущих „Иисус“ признал за еретиков, верующих во „иного бога“? Если ты этого не покажешь, то все твои и твоих учителей рассуждения об Иисусе и Иисусе должно будет признать страшным *новшеством*, церкви неведомым, а тех, кто его держится и проповедует приравнять к „язычникам“ и „мытарям“ (Мф.18:17).

Вот что Гриша должен бы ответить Ване на его обвинения православных пастырей в „страшном преступлении против учения Христовой церкви“ и он остался бы без ответа. Но Гриша этого не ответил; а, ошеломлённый и уstraшённый речью друга, заявил только: „ты меня, Ваня, до того расстроил, что я не знаю, что теперь делать, но я одно одумал, что нужно нам обоим сходить к священнику, и ты побеседуй с ним об этом предмете, и если он не оправдает себя в этом и останется без ответа, то я сейчас же перехожу к вам, а если священник наш оправдает это, а ты останешься без ответа, то чтобы тебе перейти к нам. Согласен что ли на это, Ваня?“ (л. 6 и об.). „Согласен, согласен, пойдём“, ответил Ваня. И друзья отправились к священнику.

Н. Гринякин

(Окончание следует).

**Из записок и дневников // Миссионерское
обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 830–865**

Гринякин Н. «Когда же люди спали, пришёл враг»...
274 С. 830–841

(Скорбный листок из миссионерского дневника).

Как могли появиться и возрасть у нас хлыстовские плевелы?

Тут прежде всего приходится вспомнить слова Христовы: «Царство небесное подобно человеку, посеявшему доброе семя на поле своём; когда же люди спали, пришёл враг его и посеял между пшеницей плевелы, и ушёл»... (Мф.13:24–25). На поле русском Небесный Сеятель посеял чистую пшеницу веры Христовой, но, когда стражи этого поля спали, пришёл отец лжи и посеял на нём вместе со многими другими плевелами и хлыстовщину.

1. Не подлежит сомнению, что хлысты, за исключением разве немногих, как, например, Ив. У-цкого²⁷⁵, открыто сознающего касательно своего упования и своих братьев в циничной фразе: «на наш век дураков хватит» (сообщ. свящ. ст. Городищенской о. Ф. Грабилиным), ищут спасения, желают знать истинно-Христову веру. Нет никакой разумной возможности предполагать, чтобы рядовая хлыстовская братия заведомо служила лжи и также заведомо на погибель себе и другим проповедовала «бесовское учение» (Тим.4:1–3). Достаточно вспомнить, что хлысты открыто заявляют, что они готовы «лучше умереть, чем оставить беседки». О чём всё это свидетельствует? О том, что душа рядового прозелита хлыстовства – душа верующая; только вера этой души направлена на ложные объекты.

2. Будучи людьми по-своему религиозными, верующими, уклонившиеся в сектантство предварительно волновались разными религиозными вопросами, отчасти родившимися путём самостоятельного религиозного мышления и естественно религиозных запросов души, а отчасти – вследствие лжеучения разных проходимцев, пропагандировавших противление св. Церкви. Религиозная потребность верующей души своевременно, кем следует, не была удовлетворена.

Религиозные запросы усомнившегося в своей вере простака получили, при его религиозном невежестве, неправильные, давно осуждённые св. Церковью, ответы. Время дало возможность таковым ответам закрепиться в определённую форму, найти в Писании мнимые для лих оправдания и породить потребность пропаганды. Так на почве религиозного невежества, предоставленного самому себе, «сумлящегося» и «испытующего» возникли еретические догмы сектантского упования.

3. Главный догмат хлыстовщины – обожествление человека, как кажется, выродился из протеста слабоверных против непонятной для них обрядности нашего церковного культа. Он казался и кажется сектантам ненужной формой, которая якобы мешает верующему войти в непосредственное общение с Богом. Причина такого отрицательного отношения к православно-литургическому культу кроется в непонятности последнего для большинства простого люда. Последний в большинстве участвует в богослужении, так сказать, только внешними чувствами: он видит действия священно-служащих, слышит слова и звон, обоняет фимиам, но внутреннего смысла видимого, слышимого и обоняемого он не ведаёт – видимое, слышимое и обоняемое за богослужением едва ли что говорит его уму и сердцу. Душевную усладу он чувствует тут только в силу привычки и поэзии, так сказать, прошлого своей религиозной жизни. Когда же подобный «неведущий» имеет гордость судить об обрядах, которых не понимает, они кажутся ему лишними, и он, естественно стремясь к Богу, стремится к религиозным собраниям понятным и, при своей духовной неопытности, попадает в хлыстовские вертепы, где поётся и читается понятное, где в собравшихся непосредственно вселяется якобы Сам Бог и где вся обрядность – скакание, верчение, вопль, свистание, бормотание несвязных слов являются будто бы действиями Духа Божия.

4. В противовес низкому по местам нравственному уровню православной паствы, а также во искупление как бы своих прежних грехов, совратившиеся в хлыстовщину, ещё в бытность свою православными, искали нравственных подвигов и больших

средств богоугождения, чем какими располагают православные христиане. «Так и ушёл бы куда-нибудь на великий подвиг, хочется непременно что-нибудь сделать, – либо пост на себя наложить, либо принять труд путешествия или вериги носить», говорил, ещё будучи православным (1897 г.), нынешний учитель хлыстовщины ст. Рассыпной, С. Р-ин. Едва ли бы С. Р-ин сделался хлыстом, будь указан ему своевременно, кем следует, надлежащий путь православного подвижничества. Но этого не было сделано и заблудившая овца, для мнимого своего спасения, бросилась в пропасть: С. Р-ин «стал ходить на хлыстовские беседки», почитая эти, самочинные сборища за душеспасительные²⁷⁶. Да и как ему было не заблудиться. В праздничный вечер станичный люд проводит время или в кабацкой болтовне, одурманивая себя табаком и водкой, или в песнях и играх с остатками языческого веселья. А Р-ин идёт на беседку, там он поёт с «братцами и сестрицами» трогательную «псалму:» «Увы, плачевно провожаю я жизнь свою на свете сём, и рай, блаженство забываю и всякие красоты в нём»!.. или какой-нибудь псалом; читает или слушает какое-нибудь назидательное житие или Слово Божие и вообще занимается богомыслием. С. Р-ин настолько любил «беседки» и настолько почёл их за святые, сравнительно с тем, что делается на улицах в праздник, что у него не хватило уже критического зрения и здравого христианского смысла, чтобы заметить все мерзости этих беседок, – всё, что творилось на них, ему огулом казалось хорошим. «Сатана принял вид ангела света» (2Кор.11:14): религиозно мятущуюся душу завлёл он в хлыстовские вертепы, прельстил её приманкой их – спасительным, по-видимому, времяпровождением праздничных и вообще свободных вечеров и завладел её способностями: ложь она стала считать за истину, маркионитскую ересь за учение апостольское, распутство – за «любовь духовную», беснование за наитие Духа Божия, – словом, диавол умертвил в ней богодарованное чутьё различия между истиной и ложью, добром и злом. Начав духом, прозелит хлыстовства кончает плотью, начинает дело заботой о спасении души, а кончает его мерзостями распутства, и затем закрепощается ими чуть не

бесповоротно... С. Р-ин вместо вериг христианского подвижничества, чего он искал раньше, воспринял диавольские оковы хлыстовской прелести и во всём дурном своего прежнего жития стал винить св. Церковь.

5. Желание подвижничества вкупе с глубоким религиозным невежеством порождают и еретическое удаление сектантов от брака. Женившись, говорят сектанты, человек, по слову Божию, становится «*одной платью*» (Мф.19:5; Быт.2:24), т. е., поясняют они, духа не имущим, а такой человек, по Писанию, пренебрегается духом Божиим (Быт.6:3); «имеющие жён должны быть как неимеющие» (1Кор.7:29), имея «спутницей сестру жену», т. е. – объясняют сектанты – живя с жёнами, как с сёстрами (1Кор.9:5).

Мы указали некоторые пункты удаления «от нас» братьев наших в область хлыстовских дебрей. Те же пункты, можно сказать, служат пунктами отправления из церковной ограды «во страну далече» и сектантов всех других типов. И тут, и там, пожалуй, 0,9 первопричины блуждания верующих – в недостатке бдительности надзора и учительности церковного пасения. Может быть, эта правда и стереотипна, но как благовременно вспомнить о ней в наши «опасные» дни, когда народ начал переносить гражданскую «волю» и на область веры и когда к нему начинает подползать с разными искушениями в преданности его Церкви и Державному её Покровителю целый легион многообразных гадов... Теперь, более чем когда-либо, наше пастырство должно воспрянуть по гласу: «*востани спяй*»! Более, чем когда-либо, стражи церковной нивы должны вспомнить теперь слова Христовы: «*встаньте, пойдём: вот приблизился предающий Меня*» (Мф.26:46).

* * *

Бодрствующий пастырь поймёт сам, что нужно сделать для отражения «врага» на всех выше показанных пунктах. Он постарается «узнать овцы своя», понаблюдит за их духовной настроенностью, «проповедовать слово, настоять вовремя и не вовремя, обличать, запрещать, увещевать... и быть бдительным во всём» (2Тим.4:2–5). С своей стороны мы отметим тут немного.

1. В апостольские и первые времена христианской Церкви богослужебные собрания верующих были для последних, помимо облагодатствования, высшей христианской школой – научения, назидания и воспитания. Они были в то же время и источником, откуда верующие черпали бодрость и вдохновение к прохождению христианской жизни. Единными устами и единым сердцем славился и исповедовался Бог, и дух единения и братства исполнял души верующих. Такого молитвенно-богослужебного единения жаждет всегда христианская душа, жаждет её, с одной стороны, как религиозно-нравственного отдохновения среди житейских треволнений, а с другой, как источника силы и энергии для дальнейшей христианской жизни. И наше православное богослужение – гармоничное сочетание величия с простотой, с его полными высокого смысла священнодействиями и обрядами, с его глубоко-содержательными молитвословиями и душу трогаящими песнопениями, сильно и способно удовлетворить такой жажде. Но где же причина того, что простак, и не видя ещё хлыстовской грязи, предпочитает православному богослужению хлыстовскую «беседку» с её бессодержательными «псалмами» и дикими проявлениями религиозно-психического расстройства, оправдываемыми «скаканием» Давида перед ковчегом? Причина этого печального явления, как сказано, в том, что для простака прозелита хлыстовства «беседка» понятнее «литургии». И думается, если бы пастырю церковному удалось с помощью Божией сделать богослужения Православной Церкви понятными для пасомых и привлечь последних к участию в них посредством общего пения, то нелепые хлыстовские беседки отошли бы в область предания и произведения религиозно-невежественных психопатов исчезли бы перед великим созданием богодухновенных устроителей Православной христианской службы, «яко исчезает дым».

2. Свои тайные самочинные сборища сектанты мотивируют желанием по-христиански провести праздничные и вообще свободные от работ вечера за чтением «писания» и пением духовных стихов. Мотив, видимо, благочестивый, и говорить что-нибудь против него в принципе нет возможности.

Полуязыческим по местам времяпровождением праздников и особенно праздничных вечеров в возлиянии бахусу со всеми его последствиями в виде ссор, драк, песен, плясок, пересудов и болтовни, естественно может и должно возмущаться христианское чувство. Враг человеческого спасения и пользуется этим обстоятельством и под благовидным предлогом привлекает слабоверных чад Церкви в вертепы отступничества. Дабы не допустить, с одной стороны, соблазняться «единому от малых» и не дать ему повода говорить или выслушивать нарекания на св. Церковь, якобы не пекущуюся о нравственном воспитании своих чад и позволяющую им язычески праздновать христианские праздники, а с другой – дабы удовлетворить религиозной потребности православных чад, желающих истово, с духовной пользой для себя, провести праздничное время, – приходские пастыри должны бы каждый праздник устраивать в своём приходе религиозные беседы, и, судя по потребности, в нескольких (двух–трёх) местах в одно время. Материалом для них может быть чтение (по русскому переводу) Слова Божия, житий святых угодников, статей церковно-исторических, миссионерских, доступных для понимания народа толкований на Слово Божие, статей по изъяснению Богослужения и т. п. Чтение на беседах может вести пастырь и сам и, с его благословения, члены причта и благонамеренные из его прихожан. Вторым элементом беседок должно бы быть общее пение духовных песнопений и молитв. Благодетельно занимая время на беседах, это пение в то же время было бы репетицией для общего пения за церковным богослужением. 2–3 часа такой беседы займут внимание посетителей её на весь праздничный вечер. По опыту знаем, что после религиозных беседок, народ и между собой долго толкует и думает по поводу слышанного на них. Сомнения и недоразумения, которые могут возникнуть на беседе, пастырь решает или тут же, или же в следующую беседу. В случае сомнений важных, в решении которых священник чувствует себя слабым, он должен обращаться к миссионеру. Такие беседы будут для православного люда и школой религиозного знания и школой нравственно-христианской дисциплины: заниматься

богомыслием и молитвенным угождением Богу (помимо общественного богослужения) он будет приучаться под законным руководством своей матери – Церкви.

3. «Один в поле не воин» – говорит народная мудрость. Приходскому пастырю одному не под силу бороться с имеющими свою организацию, свои тайные сходбища и своих пропагандистов, сектантами. Необходимо бы в виду этого организовать в приходах, особенно заражённых отступничеством, общества ревнителей св. Церкви. В состав таких обществ, во главе с местным настоятелем Церкви, должны входить члены причта, учителя церковных и других начальных школ и вообще благонамеренные из прихожан, известные местному пастырю за людей трезвых, набожных и ревностных к Церкви Божией. Общества следят за религиозным состоянием прихожан и, хотя раз в месяц, имеют совещания, на которых обсуждаются вопросы и нужды приходской миссии, приводится в известность религиозное настроение прихода и сообщаются сведения пастырям о местном отступничестве. Члены общества ревнителей Церкви явятся также деятельными помощниками местному пастырю и в устройении религиозных беседок.

4. Как было сказано выше, многие до совращения в хлыстовщину, сознавая свою греховность и желая понести за неё некое возмездие и тем несколько успокоить свою мятущуюся совесть, искали подвигов. Явление вполне естественное: грешная душа, веруя в очистительную силу благодати, действующей в церковных таинствах, стремится и сама сделать что-нибудь доброе во искупление как бы своих грехов. В этом – психологическое основание церковной епитимии. Невнимание церковного пастыря к таковой именно настроенности некоторых пасомых влечёт за собой то, что они, не получая вовремя должного руководства в своём стремлении понести такое или иное лишение, воспринять такой или иной подвиг для истребления в себе какой-нибудь греховной страсти или в некое возмездие за содеянные прегрешения, бросаются очертя голову в еретические вертепы, которые представляются прозелитам хлыстовства храмом благочестия и христианского

подвижничества. В виду сего церковным пастырям необходимо бы быть внимательными к духовной настроенности исповедующихся у них пасомых и стараться назначать им епитимии, сообразные их недугам.

* * *

Само собой понятно, что показанными перед этим рубриками далеко не исчерпывается всё содержание пастырско-миссионерского надзора. Тут дело живое и никакими рубриками его не обнять; тут требуется быть «бдительным во *всём*» (2Тим.4:5); а это *всё* в живом обществе пасомых, восходящих «в меру возраста совершенна», бесконечно разнообразно; таковыми же в силу того должны быть и пункты пастырского внимания и меры воздействия каждого доброго пастыря на «овцы *своя*». А «овцы» теперь всё дальше и больше становятся беспокойными. Один из пасомых побывал на фабрике, другой на заводе, третий служил на железной дороге, четвёртый работал в колонии; и вот один несёт в приход толстовщину, другой штунду, третий и четвёртый ещё какой-нибудь сор, пятый «своим умом дошёл» до какой-нибудь нелепости, или вычитал её где-то. Мужички толкуют о вере: один уже «блзнится» церковным обрядом, другой тем, что он неистово исполняется в церкви, третий самым церковным пастырством и т. д. Религиозный приход, словом, *живёт*. А пастырь его? А пастырь *существует* сам по себе: со своей семьёй, своими «рапортами», «ведомостями» и другими бумагами, занятый «службой», «требами», школой, хождением «по приходу» и тому подобными *повинностями* своего служения; а тут у «него ещё недостаток», неудачи сына в семинарии, неприятности в семье и т. п. Для наблюдения за религиозным состоянием прихода и его настроенностью у пастыря, за массой других дел по обрядовой и отчётной стороне службы, нет времени. Но вот, наконец, он наталкивается на своё первое настоящее дело: в приходе расплывается какое-то «еретичество» – надо принять меры. Что тут делать? Что за «еретичество», он не знает, как его и определить, – он слишком мало читал и знает о современном религиозном движении в обществе: выписывать и читать журналы у него не хватает ни средств, ни времени. Пастырь

думает: официально написать благочинному, бумага пойдёт по инстанциям до архиерея, напишешь как-нибудь неладно, обнаружишь невежество, осрамишься; ну, положим, дойдёт бумага до архиерея, – чего доброго вызовет, скажет: у тебя завелась секта, раньше этого не было, ты спишь там, почему беседы не ведёшь? Обратиться к благочинному частно? но что он сам-то может преподать руководственного по этой части? Скажет: напиши рапорт, чтобы дать делу законный ход и вызвать миссионера, – получится тоже самое; написать миссионеру? тоже – доложит владыке и возись тогда тут... поехать прямо к архиерею «предложить вящие и неудоборассудные вины», – но ведь он «в губернском городе за двенадцатью стёклами» и у него пуды бумажных «дел» и «служба» тоже, да и в какую минуту ещё подвернёшься: скажет: «оставил приход и сюда потащился, почему не написал благочинному или в консисторию», а консистория по этой части не лучше почтовой конторы; а чего стоит проехать в губернский город, да прожить там хоть неделю? Придётся пока дело так оставить: ничего не буду писать и отмечать; может быть, наклюнется где другой приход, а пока-что шепнуть разве приставу, чтоб погрозил... При виде опасности от «волка грядущего», пастырь т. обр. если не «бежит», то, по подобию страуса, прячет голову свою, и дело, действительно, остаётся «так», пока, наконец, зарево секты не обратит на себя внимание посторонних. На место религиозного пожара мчится миссионер; поработает этот своего рода пожарный, елико возможно, и, за неотложностью других нужд по тушению таких же пожаров, отправляется, далеко не dokonчив одного тушения, в другое место. А недотушенные пожары всё разгораются, тушить их надлежащим образом никто не продолжает. Кто наблюдал за религиозным состоянием епархий, подверженных опасности сектантского нашествия и уже значительно повреждённых им, тот не может не подписаться под этой картиной. Официальные отчёты в таких случаях со стереотипным – «всё обстоит благополучно» – своего рода грех против 8 заповеди.

* * *

Итак, приход со своей жизнью и со своими «учителями, избранными по прихотям и льстящими слуху» (2Тим.4:3–4), сам по себе – а пастырство с бумагами и «службой» само по себе, как две параллели; говорю о подавляющем большинстве случаев. И такая параллельность будет, надо думать, существовать до тех пор, пока и наш епископат, и приходское пастырство останутся в том положении и взаимоотношении, какие теперь существуют. Неоспоримо, что и теперь есть подвижники и среди епископов и приходских пастырей, которые и при нынешних условиях, «право правя слово истины», апостольски проходят своё поистине подвижническое служение; паства их перед ними благоговеет и слушает их каждого слова. Но это – «смотрительные случаи». Подвижников и всегда немного было. А как дело обстоит вообще-то?

По смыслу церковного учения, «епископ – глава церковного телесе», «пресвитеры» – «руки его» (55 ап. пр.); без воли епископа они ничего не совершают, – «ему бо вверены людие Господни, и он воздаёт ответ о душах их» (ап. пр. 39); а эти «людие Господни» – «ноги» в церкви. Таков образ церковного органически-тесного единства пастырей и паствы. То ли у нас теперь на самом деле? «Глава церковного телесе» (епархиальный), имея в своём ведении район, иногда превосходящий территориально любое западноевропейское государство, физически не может ведать не только о «вверенных ему людях Господних», но и о самих пастырях их, за исключением разве немногих, «знаемых архиереови». «Отчёты», как нередко – сочинения, в данном смысле игнорируем. С приходскими пастырями, которые в живом пастырском деле весьма часто нуждаются согласно с каноническими указаниями в епископском руководстве, и авторитете, он волей-неволей сносится через консисторское чистилище, которое, переводя «дух» в «букву», живое дело в грозный официальный указ, тем самым как-то мертвит церковное делание. Мысль «главы», нисходя к «рукам» и дела «рук», восходя к «главе», переходя через мёртвое море консисторских бумаг, неизбежно обумаживаются и теряют свою жизненность. А без консисторий не обойтись: в ведении

епископа тысячи церквей и пастырей, десятки монастырей, сотни школ и разных других учреждений со всеми их нуждами; и без «столов» с тысячами «входящих» и «исходящих» «отношений», «предложений» и т. д. никак, значит, нельзя. Как бы то ни было, а приходское духовенство проходит своё служение без архипастырского надзора и живого, скорого и канонически потребного руководства; по писанным же «руководствам» можно управлять только машиной, а не человеческим обществом с его бесконечным разнообразием особенностей духовного возрастания. Сам же архипастырь работает в одиночку. Областные соборы епископов, которые были ли бы хоть дважды в год (1 вс. соб. пр. 5), для обсуждения церковных нужд, совершенно забыты; а как бы они теперь нужны были и какую бы помощь оказали они центральному церковному управлению!

Что же, теперь, делают «руки»-то церковного «телесе» – пресвитеры? Да «руки», видите ли, поняли, что по пастырско-миссионерскому делу от них так много и так грозно («главой» на далёком от них расстоянии) требуется и так нехорошо их содержат и питают, что они под гнётом этой мысли почти совершенно опустились. Всего, мол, всё равно не сделать, а из-за малости особенно и хлопотать не стоит. Тепло-хладные к своему надлежащему пастырско-миссионерскому делу, пресвитеры кое-как ведут лишь обрядовую его сторону. Истинную ревность к своему долгу тут иногда не прочь обозвать выскочкой, выслужкой и при том – с нехорошей улыбкой. И, может быть, это уже старо, всё же опять повторим, что побирошнический способ содержания нашего приходского духовенства тут чуть не самый корень зла: не говоря уже о том, что он отбивает от духовного сословия и служения лучших семинаристов, он и тех-то, кто волей-неволей становится пастырем, скоро материализует и пылкому юному пастырю, с кое-какими ещё идеальными стремлениями, он скоро «даёт удила»... земли. Юный пастырь скоро начинает живо интересоваться только официальным отделом «Епархиальных ведомостей» о вакансиях и перемещениях. Он скоро решает, что уж если побираться, так побираться в серьёз, – надо метить

в богатый приход: аксиома всякого нищего, – что от побора среди богатых дохода больше. Начинается «аккуратность по службе» (во многих случаях нехорошая), внимание «благочинного» и его «отметки» и «рапорты»; не за горами и перевод в лучший (для побирошничества) приход. Ещё «аккуратность», ещё «отметки» и ещё «рапорты» и переводят в ещё лучший приход и т. д. О настоящем пастырско-миссионерском деле при этих «ещё», конечно, странно и предполагать. Для всех этих «ещё» трудятся в большинстве случаев «не ради Иисуса, а ради хлеба куса». И пастыри кочуют, как «калики перехожие». У священника N в приходе появилась секта, а свящ. N «аккуратен по службе», думает о лучшем приходе и переводится в него; в «лучшем» приходе уже существует секта, а свящ. N говорит: не при мне она началась – не моё особенно и дело до неё; в раннейший приход священника N поступает свящ. M и говорит тоже, что и свящ. N на новом месте и т. д.: всякий убегает, так сказать, от ответственности за «овцы своя», потому что они у него уж очень временные; а пастырские вольные кочевания создаются едва ли не исключительно побирошничеством. Урегулируйте и уравновесьте содержание приходских священников, хотя бы по статье земского обложения (как врачи, фельдшера и т. п.), с прибавкой за настоящее его дело вознаграждения из казённой субсидии, обезличьте, сколько возможно, приходы – в смысле лучших и худших по поборам, развяжите пастырю руки от материальных пут, сделайте для него ненужной конкуренцию из-за лучших приходов, заставьте пастыря быть ответственным до конца его службы за «овец своих», прикрепите его к приходу; приблизьте при том к нему епископа (по месту и духу): думаем, оживится и окрепнет по вере – «приход», пастырь найдёт своё настоящее дело и силён будет «внимать себе и всему стаду»; и на «действительную службу» – в великом пастырском деле – люди найдутся, – «не заграждайте только рта у вола молотящего» (1Кор.9:9).

А как поживают, наконец, теперь «ноги»-то церковные, это «людие-то Господни?» Да они начинают додумываться ходить сами по себе. Когда верхние части «церковного телесе» коснеют

в рутине, «по независящим обстоятельствам» не могут возбодрствовать, они хотят сами по себе шествовать, – благо теперь «воля». Тут-то их и путает приточный «враг».

Н. Гринякин

Феодул. Из переписки верующего интеллигента со студентом ²⁷⁷. С. 842–848

Дорогой Н.! Если я сказал, что сочувствую *некоторым* взглядам Толстого и сектантов, отсюда, мне кажется, нисколько не следует, что я разделяю *вполне* их стремления.

Обращая внимание на недостатки их вероучения, ты, как и всякий человек, горячо защищающий *свою* истину, был пристрастен к себе и несправедлив по отношению к другим. Остановимся прежде всего на твоих суждениях о церкви.

«Здесь, – говоришь ты, 2000-летний опыт, это лучший из учителей и руководителей», «плод её духа – мир, радость, любовь и проч., из неё вышли Тихон, Серафим, Феофан и т. д.»

Тут я нахожу *смешение* понятий. Когда мне приходится делать возражения против церкви, я имею в виду её *теперешнее* положение и те результаты, каких она достигает в наши дни, а вовсе не *идеальное* представление о ней, которому она соответствовала, может быть, только во времена апостолов и первых христиан. С тех пор в её строе не было того высокого одушевления и того единства, о каких можно только мечтать, и которые, можно надеяться, через несколько веков осуществятся на земле.

Кто же отрицает, что из своей среды церковь выдвигала иногда замечательных людей, в роде Григория Богослова, Иоанна Златоуста и т. под.? Мы говорим: её нынешние порядки очень дурны, она не живёт свободной жизнью, не совершенствует людей в духе Евангелия, даже *тормозит* улучшение человеческих обществ; поэтому нужно серьёзно подумать о том, в какое отношение к ней мы должны себя поставить. Ты не соглашаешься примкнуть к толстовцам и сектантам, потому что у них нет подлинного христианства, почему же с такой лёгкостью и, пожалуй, необдуманностью ты желаешь вступить в ряды церковников, которые также далеки от *истинных* стремлений? Почему, нападая резко на одних, ты не принимаешь *близко* к сердцу пороков и неурядиц других, хотя именно последние, как хранители чистоты христианского

учения, должны были бы более всего возмущать твою душу? Критикуя чужие взгляды, ты противопоставил им несуществующий порядок вещей, – и с точки зрения его легко опровергал своих противников. А между тем вопрос всё время шёл о том, как быть с *теперешней худой действительностью*, и какие средства необходимы для её исправления. Отовсюду нужно брать хорошее, кому бы оно ни принадлежало, и сторониться всего худого, если бы оно было даже и своё. Нам не зачем умалять заслуги тех, кто с нами не *вполне* согласен, а ты *совершенно* отбросил, по крайней мере в своём прошлом письме, весьма ценные указания на status quo Толстого и других. Ты говоришь, что некогда «почти все епископы и священники были ариане, и нельзя было разрывать с церковью, а надо было защищать истину». Отсюда я заключаю, что под церковью ты разумеешь совокупность известных догматов, правил, священнодействий, главенство Христа, влияние умерших святых на людей, ещё живущих на земле, – и допускаешь при этом возможность бытия такого церковного общества, где нет единства, нет духа мира и любви. Тогда становится непонятным, почему ты так вооружаешься против тех, которые, замечая в нынешней пастве Христовой всякие неурядицы, хотят их уничтожить и обновить церковные порядки. Если в давние времена была масса ариан, и отдельные православные пастыри являлись представителями *особых*, немногочисленных духовных общин, что мешает теперь, приняв *важнейшие* основания христианства и устроив союз людей, ищущих религиозной жизни на лучших началах, чем те, какими руководится наша церковь, отделиться от неё с той целью, чтобы устранить иные устарелые её навыки и обычаи и освободить её от чуждых ей задач? Конечно, может быть в силу политических условий нельзя будет образовать своего *нового* общества, но тогда необходимо тщательно обсудить, хорошо ли человеку, твёрдо держащемуся *истинного* православия, связывать свою деятельность с покорной службой государству наших церковников. Представь себе, что в ту эпоху, когда жил Василий Великий, существовало бы такое гонение на истинных христиан, что они не могли бы отправлять своих

священнодействий, – неужели для них единственным исходом было бы, напр., примкнуть к арианам или другим лжеучителям, которые поддерживались государственной властью?

Из этого следует, что в истории могут быть такие моменты, когда людям, дорожащим истиной Христовой, необходимо выйти из союза с государством и даже не принимать никакого участия в церковном обществе, которое допускает у себя всякие недостатки и неправильности. Всё, конечно, зависит здесь от того, в какой компромисс мы вступим с своей совестью, если станем членами известной церкви. При его незначительности, нам незачем отделяться от других, особенно когда связь с ними может оказать нам поддержку и представляет известные нравственные выгоды. В противном же случае нам прямо следует заявить своё несогласие с их ложными началами и обособиться в свою изолированную группу.

Неизвестно, по какой причине ты причислил меня к толстовцам, хотя я не согласен с некоторыми *главными* пунктами их учения, о чём я тебе говорил ещё при свидании нашем в Москве.

Если бы ты задал мне вопрос, чего же я хочу в конце концов, то я бы тебе ответил: было бы весьма хорошо, когда бы нам позволили устроить свою церковь с незначительным количеством обрядов, с меньшей торжественностью, с большей независимостью от государственной опеки и с большей свободой действий.

Может быть, в данный момент это одни лишь мечты, – тогда, повторяю, необходимо серьёзно подумать, в какие отношения стать к существующим порядкам, а не так *легко*, как делаешь это ты, принимать все церковное без всякого разбора.

Вообще же я требую больше сознательности и больше внимания в этом важном деле.

Некоторые замечания твои о толстовцах я считаю верными. Мир тебе!

Твой В.

Милый В.! Если ты ещё не толстовец, то во всяком случае к толстовцам ты относишься с большей симпатией, нежели к церкви, – ты, напр., даже находишь возможным сравнивать их

положение с положением гонимых православных среди властвовавших ариан и находишь возможным отделиться от церкви и соединиться с ними. Если это не толстовство, то во всяком случае нечто очень к тому близкое. Но так как я знаю твои религиозные воззрения, то мне и кажется странным подобное сближение, и я думаю, что, отделившись от церкви, ты остался бы среди них совершенно одиноким со своими мыслями о Троице, Боге, Искуплении и таинствах. Затем, как можно общению с тем обществом, с которым у тебя общие *основные* воззрения (личное Божество, искупление, освящение от Духа Святого, общение с невидимой церковью, будущая жизнь), предпочитать общение с обществом, не знающим всех этих воззрений, и лишь потому, что оно отвергает связь с государством?

В церкви есть общение в вере, в Евангелии, а там лишь общение в отрицательном отношении к государству; здесь непрерывная связь многих миллионов людей от Христа до нашего времени, – стройное и громадное тело Христово, целая жизнь с сложным и глубоким опытом, с тесным взаимодействием всех членов, живых и умерших, а там кучка пессимистов, не имеющих даже выработанного *опытом* *положительного* идеала.

Ты возражаешь, что я идеализирую церковь, что теперь она не только не хранит Духа Христова, а тормозит всякий шаг ко Христу.

Если бы это было так, то тогда действительно церковь не стоила бы гроша медного. Но в этом то ты и неправ вместе с толстовцами. Ваша односторонность – крайняя, грубая, в том и заключается, что вы, не будучи знакомы с положительным опытом и учением церкви, и не постарались испытать на себе её благотворное влияние, наткнувшись на нечто такое, чего не можете согласить с учением Христа, упёрлись в это одно и, отвергнув всякое значение церкви, провозгласили её ложность и стремитесь реформировать её.

Тут открываются две ваших ошибки: первая – вы не хотите учиться у церкви; вторая – вы больше заботитесь об исправлении других, чем о своём собственном; ваши глаза

обращены вне, а не внутрь себя. Это, конечно, отражённое действие всей общественной жизни нашего века. Что церковь может воспитывать истинных христиан и в наше время (ищущих её воспитания), на это указывает пример св. Димитрия Ростовского, св. Тихона Зад., преп. Серафима Саровского и др., живших не в начале христианства, а почти в наши дни. Встретишь ли ты такие явления у сектантов?

Ты указываешь на массу церковников, не достойных имени христиан, и спрашиваешь, как я могу предпочитать общение с ними общению с людьми, ищущими обновления церкви? Да, есть масса церковников, не достойных имени христиан, из которых я первый, но это скорее овцы беспастырные, тёмные и непросвещённые, сами сознающие свою непросвещённость, – от них грешно отшатнуться, и идеалы-то у нас одни, которые хотя и забываются часто, но в лучшие минуты всплывают. В том и задача, чтобы не отвергнуть их, а довести до полного усвоения ими идеала, до полного внутреннего обновления. А вы тем от них и отличаетесь, что не имеете смирения, – вы все мечтаете исправлять, вы видите лишь недостатки и не видите доброго. *В этом последнем и заключается коренная ложь толстовства*: не видеть в других добра и не уметь это добро вызывать к жизни и воспламенять. По духу мне невыносимо толстовство.

Ну, допустим, что вы стали бы исправлять церковь: ты потребовал бы сокращения обрядов, уменьшения торжественности (кстати, зачем это нужно?) Л. Толстой потребовал бы отменения Евхаристии, как неразумной прибавки к христианству, словом – каждый, по силе своего разума, отвергал бы то то, то иное в церкви, и все занимались бы лишь пререканиями, разбились бы на мелкие группы, в которых также не было бы согласия... Неужели всё это было бы христианской жизнью?! И произошло бы это всё единственно оттого, что каждый, вместо того, чтобы учиться у церкви, как у воспитательницы, стал бы судить её. Св. Тихон не поступал так...

В церкви, в её Евангелии, святоотеческих творениях, церковных песнопениях и молитвах неисчерпаемый материал

положительного содержания, из которого душа человека может заимствовать всё для себя необходимое: и знание истин веры, и идеал внутреннего совершенства, и средства к его достижению.

Ошибка Толстого в том и состоит, что он не пошёл этим путём, а, схватив поверхностно две–три фразы (не мысли даже) Спасителя, обратился во вне и стад косить направо и налево. Это не христианство.

Ты по духу близок к Толстому, ты именно на таком же пути теперь переживаешь решительный момент, на чём остановиться. Смотри, не промахнись!

Вопрос, мне кажется, сводится к тому, правильно ли *внешнее* направление души, или надо обратиться *внутрь* себя, а если последнее, то откуда влить в себя полноту христианского совершенства, можно ли почерпнуть её от церкви?

По-моему, *только от церкви* и можно. Согласен ли ты с тем, что лишь такая постановка вопроса для нас и важна?

Я говорил тебе раньше и теперь повторяю: поднятый толстовцами вопрос о государстве ошибочен потому, что поставлен на логической, а не на психологической почве. Не тот христианин, кто логически верен Евангелию, а тот, чья душа изобильнее благопожеланиями. И государственная жизнь имеет в виду благо, а потому церковь и благословляет её. И почему же было церкви не благословлять трона, когда он совершал освобождение крестьян. Вопрос тут, значит, не в принципе, а в частностях. Частное же осуждение незаконных правителей ублажается церковью и освящено примерами Иоанна Златоуста, м. Филиппа и др. А в принципе государство благо. С этим, надеюсь, ты согласишься.

Итак, будем обсуждать вот что: что нужно, – развитие ли своей души, или исправление внешних беспорядков? Это первый самый важный вопрос.

Второй: можно ли в церкви найти истину, способную удовлетворять нравственные запросы души, – даже не то, что можно ли, а *находим ли мы это?* Является ли церковь нашей воспитательницей?

На это должно ответить собственное сердце. И если оно ответит утвердительно, тогда, оставив до поры сомнения свои,

будем воспринимать в свою душу её положительное содержание, ожидая, что со временем и остальные сомнения рассеются под действием её света.

А если ты не чувствуешь, чтобы церковь воспитывала нас, то рассмотрим, отчего это происходит: оттого ли, что она плоха, или оттого, что мы сами недостаточно глубоко проникли в её сокровищницу.

Если тебе ясно теперь моё отношение к церкви, то ты поймёшь, почему я только за неё и держусь: я слишком много от неё получаю, чтобы мне отвергаться от неё. И я начинаю понимать и её покровительство государству, что меня очень радует, так как от этого согласия с ней и с самим собой является ещё больше внутреннего мира.

До свиданья, надеюсь – скорого! Храни тебя Господь!

Твой Н.

P. S. Ты замечаешь: как в вопросе о церкви, так и в вопросе о Евангелии (вспомни наш разговор о воззрениях Ап. Павла на брак), мы расходимся с тобой в способе отношения, – эта разница в том, что ты относишься ко всему этому, как старший к младшему, а я, как младший к старшему. Ты говоришь: «а ну-ка рассмотрим!» а я говорю: «ещё поучимся»... Ты больше смотришь вне, а я больше внутрь себя.

Сообщил Феодул

Романовский П., свящ. Мысли приходского пастыря по поводу современного неверия. С. 849–855

Меня спрашивают, – почему я не высказываюсь о господствующем в современном обществе духе неверия... Приводить доказательства в области веры – дело неблагодарное и порой бесполезное. Это всё равно, как начать бы рассказывать глухому о рапсодиях Листа или симфониях Бетховена, слепому – о дивной красоте Божия мира – о небе, солнце, звёздах, немому – о красотах членораздельной человеческой речи и т. п.

Где требуется вера, там нет места доказательствам.

Не могу не признаться в скорби, что вопрошающие + и «испытующие» – лица православные. Приходится думать только, что люди эти, отдавшись «печали, богатству и сластям житейским» (Лк.8:14), сами не замечают того, как страшный наш враг-искуситель подходит к ним и уносит из сердец их Слово Божие, чтобы они не уверовали и не спаслись (Лк.8:12). Они напоминают мне тех неразумных детей, которые обратили меч в игрушку, огонь в забаву и потешаются ими, не ведая того, что каждую секунду эти сокрушительные предметы их легкомысленного развлечения грозят их жизни. Они напоминают мне, далее, тех неразумных детей, которые получили от великого и славного отца несметное богатство, размеров которого сами не знают, в которое не стараются вникнуть и оценить по сыновнему достоинству, которым нисколько не дорожат и ни во что не ставят.

Как бы то ни было, но неверие в бытие мира духовного в том смысле, как оно понимается нашей православной церковью, слишком распространено в современном обществе...

Не верит в Бога подросток-сын, воровски избегающий обнаружения своих религиозных чувств от взора старших семьи и родителей, не верит в Бога достигший зрелости муж, прошедший ничтожную школу испытаний жизни и ступивший твёрдой ногой на поприще общественной деятельности; не верит в Бога возвеличенный славой и окружённый тщеславием,

раболепством, низкопоклонством просителей, слуг и рабов спокойный вельможа; не верят «слуги» и «рабы», привыкшие всегда с доверием и уважением относиться к слову образованного и выше себя стоящего человека... Хозяин не верит ни во что и слуга его, отчасти в угоду ему, отчасти по невежеству, поступает также. Ребёнок учится у матери: как произносить имя Божие, как изображать крест, как читать молитву и когда, как называть отца, братьев, старших и как относиться к ним; ученик учится от учителя и т. д.

Область веры в наше время сделалась также подражательной; и подражают худшему.

Вы не найдёте школьника, подростка-юноши и юноши в расцвете лет, которые бы не назвали вам лучших корифеев нашей поэзии и литературы, как, напр., Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Крылова и пр., и не процитировали бы некоторых мест из их произведений, и в тоже время они обнаружат полнейшее невежество в знании богословско-церковной литературы, и некоторые из них едва ли сумеют вам сказать: – сколько в нашей церкви было евангелистов, сколько было пророков в ветхозаветной церкви, сколько было всего апостолов; – а ведь это люди не меньше наших поэтов, – какие остались от них произведения – и о чём они писали в этих произведениях, какие истины возвещали миру, на какой пир веры приглашали мир!.. Всё это для нашего поколения «terra incognita»...

В практике моей жизни были такие случаи.

Жаркий июльский день сменялся вечерней прохладой. Солнце клонилось к западу и последние лучи его искромётным снопом отражались на спокойной поверхности Невы. Я сидел на берегу, любовался рекой и думал. Невдалеке от меня на песчаной лужайке берега резвились дети. Их было много и на беглый взгляд можно было отнести их к возрасту от 5 до 12 л. Завидев меня, некоторые из них приблизились ко мне и старались поделиться со мной своей игрой и впечатлениями.

Я люблю детей, люблю беседовать с ними.

– Что, детки, нравится вам такой приятный вечер? – обратился я к ним.

– Да, мы очень любим такую погоду, – заголосили все вдруг.
– А знаете ли, кто посылает нам такую хорошую погоду, кто посылает нам дождь, гром, снег?..

Все изумлённо уставились и замолчали.

– Боженька, – вдруг неожиданно выскакивает из ряда всех маленький и тщедушный игрок.

– Вот умник, – ласкаю его; – ты верно сказал. Ты молишься Боженьке?..

– Да, молюсь; я каждый день молюсь. Меня сестрёнка научила, – она учится в школе ещё и теперь... А тут я как-то забыл помолиться, так, мамка меня прибила и выгнала на улицу, сказала, что не даст сегодня есть, и я целый день плакал...

– А я так не молюсь совсем – вставляет другой из них, желая форснуть перед прочими и выделиться из среды их.

– Как так, ты совсем не молишься?.. – выражаю своё удивление.

– Да, не молюсь; у меня нет сестрёнки, которая бы научила меня; папа уходит на службу рано утром, ещё я сплю, а мама всё работает и работает; я встану, напьюсь чаю и иду скорее на улицу играть или бегать.

– А папа и мама у тебя молятся?

– Не знаю, – не видал я.

– А у меня так молятся, – вставляет первый, – и когда мамка начнёт молиться, так и меня тащит за шиворот, чтобы и я с ней вместе молился. Иножди щипнёт даже, чтобы шёл скорее, а иножди, – она добрая, – позовёт ласково и мы все вместе с сестрёнкой трое молимся... И лампадка тогда горит и так хорошо бывает...

Я похвалил ещё раз первого и попросил второго зайти ко мне, пообещав научить его молиться и подарить ему книжку, и, попрощавшись с весёлыми собеседниками, возвратился домой.

В какой обстановке воспитывается мой второй собеседник, и что может из него выйти, судите сами.

Другой случай.

Сиж у себя в кабинете над спешной, срочной работой. Раздаётся звонок. Мне докладывают, что кто-то хочет меня

видеть по важному делу. Прошу. Входит мужчина, на вид лет тридцати пяти, одетый в костюм среднего интеллигента, с наружным достоинством, с некоторой развязностью и заметной непринуждённостью. Садится. Спрашиваю причину появления. – Оказывается, он не может постичь тайны евхаристии, не может примирить её со своим рассудком и просит меня раскрыть ему эту тайну настолько, чтобы для него открылась возможность относиться к ней уже с осязательной верой.

Ещё аналогичный случай, имевший место в небольшом общественном собрании, по поводу местного, специального торжества.

Мужчина свыше сорока лет, живой, зоркий, видимо, ознакомившийся кое-как, как потом оказалось, с библейскими событиями и новозаветной историей, прочитавший три-четыре романа, просмотревший несколько либеральных статей и наслышавшийся об именах философов, но только об именах, служащий в какой-то канцелярии журналистом, – подходит ко мне и несёт мне жалобу на ревматизм, расплзающийся в его костях, мучающий его около десяти лет; высказывает уверенность, что это болезнь есть несомненное послание ему неба в наказание за что-то, но чего он никак не может вспомнить; вообще же не может согласить здесь правды Божией, наказующей его, скудного силами человека, так нескончаемо долго...

Где нет веры, там вечные колебания, поиски, сомнения. У представителей отрицательного направления в области веры мы это увидим. А они замечаются даже в низшем и полусреднем обществе... В самом деле, – какая может быть полнота душевной жизни там, где всё человеческое существо сосредоточилось только на одном уме, забросив остальные великие силы сердца и воли, – на уме ограниченном, коротком, ничтожном, не постигающем тайны человеческой природы, а стремящемся постичь тайну небесную...

К таким людям вполне подходят слова апостола: *«осквернился их ум и совесть»* (Тит.1:15), почему они и ищут света во тьме, истины – в пустыне, спасения – на необитаемом острове, Царства Божия – вне себя и мира. Отдавшись

рассудку, эти люди движутся аналитическим путём и не замечают совсем того, что сокровищница всех высших знаний, в особенности же – евангельской истины, лежит в сердце, а не в рассудке. *«Сердцем бо веруется в правду, усты же исповедается во спасение»* (Рим.10:10), – сказал Ап. Павел. У таких людей в том случае был бы верным проводником истины, когда бы они приобрели *«ум Христов»* (1Кор.2:16), как приобрели и имели его рыбаки-апостолы, весь мир учением своим просветившие, и все концы земли к Христу приведшие, – но этого ума ещё не видно ни в «ищущей» интеллигенции, ни в подражателях её.

Но отчего все это происходит? Где сокрыты причины, порождающие холодное, отрицательное отношение к религии?.. Где искать их?

Их нужно искать *в семье, воспитании, школе и среде*. Семья – это первая колыбель, созидаящая человека во всем его целом для дальнейшей жизни. Если она будет разумной, утверждённой на началах «Страха Божия», а не бездушной и приличной только, то и начинающаяся в ней человеческая жизнь будет проникнута такими же началами. Великий психолог и педагог Ян Амос Коменский говорит: «чем, т. е. какой жидкостью новый сосуд был наполнен в первый раз, запах её будет сохранять во все время своего существования». Так точно и душа ребёнка: чем напиталась она в первой колыбели, т. е. в семье, с тем вступает она и в жизнь дальнейшую.

Между тем у нас, в большинстве случаев, семья только выращивает ребёнка, но не даёт ему никакого христианского воспитания. Если обратимся к школе, то и там не увидим лучшего.

Наконец, среда, – эта сумма однозначных чисел, полученная от сложения различных, и друг другу подобных единиц, – сама бедна и ничтожна, чтобы обогатить нуждающегося, управить заблудшего, научить непросвещённого, осиять светом во тьме сидящего.

Что может сделать другому тот,
„Кто бредёт по житейской дороге,
В безрассветной, глубокой ночи,

Без понятия о правде, о Боге,
Как в поздней тюрьме без свечи”²⁷⁸.

И вот из такой-то среды, школы и семьи – что может получиться утешительного в смысле православной веры? Разрушение и отрицание...

Разрушать легко, отрицать ещё легче, но надо суметь дать на место разрушенного что-нибудь и положительное, причём такое, что имело бы не частный характер, касалось бы не нескольких лиц из одной избранной группы, а всех, имело бы всеобщее мировое значение. «Разрушителям» и «отрицателям» можно напомнить только слова Ап. Павла: «Если кто из вас думает быть мудрым в веке сём, то будь безумным, чтобы быть мудрым. Ибо мудрость мира сего есть безумие перед Богом, как написано: Господь знает умствования мудрецов, что они суетны» (1Кор.3:18–20); «есть человек душевный и есть человек духовный» (1Кор.15:44); и «душевный человек не приемлет, яже Духа Божия: юродство бо ему есть и не может разумети, зане духовне востязуется» (1Кор.2:14).

В заключение, полагаем, нужно знать, что область веры есть область духа, а не холодного рассудка, – смиренной покорности Творцу, преданности Его воле, беспрекословного послушания небу. «Слово премудро во ухо благопослушно» (Притч.25:12), говорит Соломон. С другой стороны, должно быть известно всем, что «в злохудожную душу не внидет премудрость» (Прем.1:4). Значит, для того, чтобы постичь разум веры, нужно быть благопослушным и иметь чистую душу, сердце и ум, так-как только «чистые сердцем Бога узрят» (Мф.5:8).

«Вера ваша, говорит апостол, не в мудрости человеческой, но в силе Божией будет» (1Кор.2:5).

Итак, «к словесем мудрых прилагай твое ухо и услыши моя словеса... Да будет ти на Господа надежда и покажет ти путь свой. Ты же напиши я себе трижды – на совет и смысл и разум, на широте сердца твоего; учу бо тя истинному словеси и разума благаго слушати, на ответы словесем истинным, предлагаемым тебе» (Притч. 22, 18–21).

«Судими же, от Господа наказуемся, да не с миром осудимся» (1Кор.11:32).

Священник *П. Романовский*

Чередников И., свящ. Изуверское крещение в «поморскую веру». С. 856–858

(Из миссионерских записок).

В моей памятной книжке записан нижеследующий факт насильственного крещения православного в «поморскую веру», имевший место ещё, что называется, на днях, – года два тому назад, т. е., уж в XX столетии. В деревне Б. Прудах, К-й епархии, проживал крестьянин Ефим. Будучи человеком православным и по рождению, и по своим убеждениям, Ефим имел жену из раскольничьей семьи, и притом грубую фанатичку.

Надо заметить, что в деревнях описываемого района, преобладающим элементом населения являются раскольники-беспоповцы «поморского» и «петовского» толков, православные находятся у них в полном загоне и пленении. Обширность и разбросанность православных приходов довершают благоприятные условия для господствования здесь раскола. В деревне Прудах православных была горстка; преобладающими были «поморцы».

Марья, жена Ефима, при всяком удобном и неудобном случае, всячески пилила мужа, – что-де погибла его душа, что он-де под антихристовой печатью и проч.

Ефим или отмалчивался, или же говорил, что церковь он не бросит и в «перекрещенники» (т. е. поморцы) не пойдёт, прибавляя к этому: «а ты (жена) как знаешь, хоть ещё пять вер меняй, благо у староверов вер-то много, хоть запруду пруди, и всякий из них только свою веру хвалит, а другие считает еретическими. Вот давно-ли-ты была по «спасову» согласию, а теперь уже вновь перекрестилась в «поморцы»!.. И Ефим оставался твёрд в своём убеждении.

Как-то Ефим заболел и слёг в постель. Марья все усилия стала употреблять, чтобы склонить его в своё заблуждение. Здесь уж и ласка пускалась в ход и угрозы посыпались на бедного больного. Вся раскольничья родня Ефимовой жены и соседи-раскольники перебивали у него, чтобы переманить его к себе. – Но Ефим был твёрд, и, когда ему стало хуже, он позвал

к себе соседа-православного и попросил его съездить за священником, чтобы «исправиться»...

Как бешеная ходила Марья, узнав о распоряжении мужа и видя свою неудачу.

Когда, на другой день, приехал священник, Марья с бранью выбежала из избы, крича, – что после такой погани, она и его – Ефима выбросит на волю, что теперь после такого еретика и антихристовой слуги и в избу-то войти будет нельзя и пр. под. Священник поисповедовал Ефима, причастил его св. Таин, дал ему пастырское наставление и пообещал ещё к нему заехать. На другой день Ефиму стало ещё хуже и у него открылась горячка. Несчастный метался по постели, стонал, но фанатичка жена и воды ему не стала подавать. – Наконец со своими единомышленными она порешила насильно перекрестить Ефима в «поморскую веру».

Условившись со стариком наставником и пригласив к себе других не менее её фанатичных раскольников, порешила она везти Ефима в соседнюю деревню, чтобы там и совершить над ним поморское крещение. Дело было в глубокую осень, стояли уже хорошие заморозки.

В глубокую полночь, когда вся деревня крепко спала, к дому Ефима подъехала телега. Это приехали за Ефимом поморцы. Завернув несчастного больного в тулуп и взвалив его на тряскую телегу, фанатики повезли Ефима в деревню наставника крестить.

Приехали прямо к реке, где и свалили Ефима, ни на минуту не приходившего в сознание, прямо на берег.

Пришёл наставник, и вся компания изуверов начали гнусить беспоповский чин крещения. Когда пришло время погружать Ефима в воду, его раздели и, подхватив под руки ручниками, поволокли его в воду... Представьте себе состояние несчастного больного, раздетого, в холодную ноябрьскую ночь, на берегу реки!..

Только лишь окунули Ефима в воду, как холодный душ сразу же возвратил ему память и несчастный закричал, но ещё не соображая, что с ним делают.

Видя, какой нежелательный для изуверов оборот приняла фанатичная затея, старик бросил свою службу и вытащил кое-как больного из реки; взвалили его опять на телегу и повезли обратно. Теперь-то лишь сообразил Ефим, что хотели с ним проделать Марья и её приспешники.

Но Марья и теперь не унималась и с бранью твердила одно: «мы хотели лишь омыть с тебя, еретика, антихристову печать и спасти твою проклятую душу».

Как только привезли Ефима домой, он сейчас же послал за своими родными православными и за соседями и рассказал им, что хотели с ним сделать раскольники; а затем попросил своих съездить за урядником.

На утро приехал урядник, и Ефим подробно при свидетелях рассказал ему, как его уговаривали и стращали к переходу в раскол и как он очнулся в холодной воде, как его тащили с бранью из воды, и что наставник говорил: «надо бы лучше утопить, душа бы пошла в рай, а то только сквернимся с еретиком»; после этих слов наставника, рассказывал больной, я ещё пуще стал кричать, боясь, как бы опять не бросили меня в воду, а бочаг²⁷⁹ был большой и если бы они опустили меня, то смерть бы моя была неминуемая».

О том, как и кто вёз Ефима из дому, он ничего не помнил, а кто стоял с Марьей на берегу реки со свечами и кто пел с наставником, он всех назвал по имени.

Урядник всё это записал и дело приняло законный ход.

Но несчастный Ефим, избежав от руки изуверов, хотевших утопить его, не избежал последствий своего невольного ноябрьского купанья. Болезнь его приняла роковой оборот – и через три дня Ефим отдал Богу душу.

Похоронили Ефима с честью по чину православной церкви и ни один из его убийц не пришёл, чтобы, хотя перед бездушным трупом, принести раскаяние за свой изуверский поступок. Носятся слухи, что и умер-то Ефим насильственной смертью, что якобы он был ночью придушен раскольниками, которые боялись, что он выздоровеет и на суде расскажет все подробности их дела. Конечно, всё это слухи, но слухи заслуживающие вероятия, после того, что было сделано

изуверами над больным Ефимом и что предлагал сделать над ним фанатичный наставник... Невольно подумаешь, сколько подобных Ефимов отправляют беспоповцы-изуверы в «рай»? Только тёмная ночь, да река – свидетели подобных деяний ревнителей не по разуму!..

На днях окружной суд наложил достойную кару на всю упомянутую компанию изуверов, приговорив их к двухмесячному заключению в тюрьме.

Священник *И. Чередников*

**Жаров И., свящ. Препод. Серафим Саровский о
двуперстниках. С. 859–862**

(В дополнение заметки „К сведению миссионеров”) ²⁸⁰.

Прославление нашей православной церковью прославленного Богом преп. Серафима, Саровского Чудотворца, и открытие его чудодейственных св. мощей для всех истинных сынов православной церкви – событие несказанно радостное и славное, так как оно убедительно говорит каждому из нас, что наша православная церковь есть именно церковь Божия, церковь Христова, что тот путь, которым она ведёт нас, есть путь верный, истинный и спасительный. Но насколько радостно и славно это всероссийское торжество прославления новоявленного угодника Божия препод. Серафима для членов православной церкви, настолько же, если ещё не больше, ненавистное и злостное чувство вселило оно в сердца заблуждающихся братьев наших раскольников. Последние, чтобы хотя несколько ослабить религиозную радость православных и успокоить своё мятущееся сердце, пускаются на всевозможные ухищрения. Так, между прочим, они, указывая нашим православным, молящимся двуперстно, на одно место из жития препод. Серафима: «старец много беседовал о силе правильного троеперстного сложения и увещевал присутствующих молить его именем всех своих родных и знакомых, во имя любви к нему, убогому Серафиму, складывать персты по обряду православной церкви; а над могилами умерших двоеперстников творить молитвы и служить панихиды о разрешении их от уз вечности» (жит. старца Серафима, Елагина, 5 изд.), говорят, что препод. Серафим признавал единственно спасительным только одно троеперстное сложение, а двуперстие якобы порицал, проклинал и молящихся двуперстно считал в загробной жизни связанными и вечного спасения лишёнными. Говоря это, раскольники стараются не только подвергнуть сомнению святость препод. Серафима и достоверность чудес от его св. мощей, но и смутить малоопытных и малосведущих

православных, молящихся двуперстно, и поколебать в них веру в препод. Серафима, как угодника и чудотворца. Но тщетное старание отступников... Препод. Серафим, научая приходящих к нему двуперстников молиться троеперстно и советуя над могилами умерших двоеперстников творить молитвы и служить панихиды о разрешении их от уз вечности, смотрел на дело как монах, коего один из главных обетов, – послушание, и под двуперстниками, надо думать, разумел, непокоряющихся церкви. Поэтому препод. Серафим, как преданнейший сын св. православной церкви, проникнутый всецело послушанием повелениям последней, как сам постоянно и неуклонно старался исполнять только то, что предписывает церковь, так научал тому же и всех приходящих к нему. Так, вот, он не только твёрдо знал, что православная церковь заповедует слагать для крестного знамения троеперстие, но и постоянно видел, что так всегда молились его родные и родственники, так молилась и вся братия Саровской пустыни; поэтому он как сам молился троеперстием, так и другим завещал молиться так же. Но препод. Серафим, молясь сам троеперстно и заповедуя тоже другим, не считал и двуперстие за грех, а тем более ересью. За это убедительно говорит то, что он не только имел у себя в кельи иконы с двуперстным изображением, но и молился на эти иконы²⁸¹. Молясь на иконы с двуперстным изображением, препод. Серафим опять показал этим своё безусловное повиновение и послушание православной церкви. Ибо, раз он видел, что православная церковь благословляет иметь иконы с двуперстным сложением и молиться на них, то без всякого сомнения и прекословия он следовал такому благословению церкви. Если же, далее, несмотря на всё это, препод. Серафим всё-таки увещевал служить по умершим православным двуперстникам панихиды о разрешении их от уз вечности, то в данном случае он смотрел на дело опять-таки с своей личной точки зрения, – именно, с точки безусловного послушания св. православной церкви. У лиц же двуперстно-молящихся не было этого полного послушания своей матери церкви Христовой; за что, по мысли преп. Серафима, они и связаны узами вечности; и такой его взгляд нисколько не потемняет его святого лика. Если

раскольники, к смущению «неможных в вере», будут упорно настаивать на своём, то упорствующим напомним наставление препод. Максима грека, который когда-то по подобному случаю говорил: «К сим же не аз, но сам блаженный Павел да отвечает, да научит их, святым Духом сице некак глаголя: *коемуждо дается явление Духа на пользу: овому бо Духом дается х слово премудрости; овому же слово разума, в том же Дусе; другому же вера тем же Духом; овому же дарование исцелений в том же Дусе\ другому же действие силам, иному же пророчество, другому же рассуждение духовом, иному же роди языков. Вся же сия действует един и той же Дух, разделяя властью коемуждо якоже хочет* (Коринф. зач. 151). От сих убо явлено, яко не всякому вкупе духовные дарования даются. А яко убо святити чудотворцы руссии, по дарованию, данному им свыше, воссияша в благоверней земли русстей богоноснии отцы, и быша, и суть, и аз исповедую и поклоняюся им, яко верным Божиим угодником; но ниже роди языком и сказание им прияша. Сего ради не достоит дивитися, аще утаися их, таковых сущих, исправление, еже ныне мною исправляемых описей. Онем убо, апостолодержательнаго ради их смиренномудрия и кротости и жития святолепнаго, дадеся дарование исцелений и чудес предивных; иному же, аще и грешен есть паче всех земнородных, даровася языком разум и сказание, и дивитися о том не подобает»... (Зри предисл. граммот. Иосифовской л. 30 об. изд. Брат. св. Петра митр. 1888 г.). Поэтому и препод. Серафиму, хотя, может быть, и смотревшему на обряд двуперстного сложения несколько иначе, чем прав. церковь, «ни едина убо, скажем словами препод. Максима грека, отсюда досада прибудет». Ибо он за свою высокую истинно-христианскую подвижническую жизнь ещё при жизни удостоился не только дара «чудес предивных», но и лицезреть, даже, Самого Господа нашего, Иисуса Христа, и, таким образом, ещё *«прежде переселения своего получил он свидетельство, что угодил Богу»* (Евр.11:5).

Не смущайтесь же, чада истинно православной церкви Христовой, злобными наветами раскольников, но возрадуйтесь о вере своей!.. Помните, что новоявленный угодник и

чудотворец Саровский преп. Серафим всегда был истинным сыном нашей св. церкви и в наставлениях своих постоянно учил приходящих к нему крепко держаться всего, что ею принято и благословлено. «Что приняла и облобызала святая церковь, так говаривал препод. Серафим, всё для сердца христианина должно быть любезно».

А вы, возлюбленные нам, по апостолу (2Фес.3:4–16), и в заблуждении своём раскольники, перестаньте сеять сомнения в святости препод. Серафима и прочих угодников Божиих, прославленных от Господа в нашей православной церкви даром «чудес предивных» и нетлением св. мощей уже после вашего уклонения в раскол. Но уразумейте и послушайте гласа Господня, Который знамениями и чудесами этих угодников Своих зовёт вас в церковь Свою, и да сподобитесь молитвенного заступления и предстательства их перед Спасителем нашим. *«Итак покайтесь и обратитесь, чтобы загладились грехи ваши»* (Деян.3:19).

Калуж. Епарх. мисс. свящ. *И. Жаров*

Троицкий С. Истина Воскресения Христова в учении наших сектантов. С. 863–865

(Пасхальная заметка миссионера).

Праздник Светлого Христова Воскресения для всех нас «праздников праздник и торжество торжеств». Воскресение Спасителя нашего делает для нас несомненною истину и нашего будущего воскрешения в обновлённом теле и для новой жизни. Уверенность в такой жизни мирит нас со всеми горестями и скорбями нашего тёмного существования и даёт силы проходить земное поприще достойно звания христианина. Поэтому так высоко-знаменателен и светел для нас праздник Св. Пасхи.

Может ли иметь такое значение Св. Пасха для наших сектантов? – Нет.

Прежде всего истина Воскресения Христова зиждется на несомненности евангельских сказаний и вообще слова Божия. Но наше сектантство рационалистического направления, отвергнув, по примеру и под влиянием западного протестантизма, авторитет и предание церкви, через это самое низвело слово Божие – откровение ума божественного в разряд обыкновенных произведений человеческих. Результатом этого низведения явилось недоверие ко всему для нашего ума непостижимому в библии и стремление подвести это непостижимое под разряд явлений естественных, приблизить его к нашему ограниченному пониманию. Отсюда наше молоканство (Уклеинского толка) отрицает, подобно докетам, действительность человеческой плоти во Христе и признаёт Его плоть призрачной, подобною архангелу Рафаилу, сопутствовавшему Товию. Эта плоть принесена Спасителем, по учению сектантов, с неба; с этой плотью Сын Божий вселился и в утробу Богоматери. Не имея действительной плоти, Христос и не умирал подобно всем людям, а умер каким-то особым образом. Следовательно, Христос в учении сектантов удалён от человека, с которым Он имеет сходного только видимым подобием плоти. В таком учении об Иисусе Христе человеку нет

никакой надежды на своё будущее воскрешение. – Молоканы-субботники удалились ещё дальше от христианской истины Воскресения Христова. Они заразились иудейскими представлениями о Мессии, отрицают Божество Иисуса Христа и, хотя отвергают еврейские понятия о Мессии, как восстановителе земного царства израильского, но в представлении лица Мессии человеком, а не Богом, в учении о тысячелетнем царстве Его на земле они приблизились к еврейству. Штундисты, по-видимому, ближе всех наших сектантов стоят к истине христианского учения о Воскресении Христовом. Но крайняя неустойчивость их учения и произвол в толковании библии, отрицание всего святого в православной церкви, соединённое с фанатическим озлоблением против неё, могут ли давать опору истине непостижимой и в авторитете церкви и евангелия находящей своё утверждение? При том эти штундисты держатся учения о безусловном предопределении, которое ведёт к мрачному воззрению на жизнь и омрачает радость о Воскресении Христовом.

Если от сектантов-рационалистов мы перейдём к нашим сектантам-мистикам, то тут найдём ещё большее извращение истины Воскресения Христова. Мистики уже совершенно ниспровергают авторитет Слова Божия и на первом месте ставят учение, точнее – бредни, своих учителей. У духоборцев эти учителя признаются лицами, в которых действует Бог Слово и сообщает им ум преестественный, а все вообще духоборы – живыми храмами Божиими, престолами и седалищами Бога, в них заключается и церковь; исторический же Христос – лучший из праведных людей, которому и иные равняться могут. У хлыстов и скопцов их учителя-пророки, богородицы, христы, боги-саваофы, словом – личности тождественные якобы с Самим Богом. А основатель секты иеговистов дошёл до полной материализации божества. Он называет себя и последователей братьями и сёстрами святым пророкам, клеветам ангелам. Может ли быть признаваема у подобного рода сектантов истина Воскресения Христова в православном смысле? Конечно нет. У духоборов – искупительная жертва Христа отрицается, страдания Его – пример страданий за истину, о воскресении Его

неизвестно, пребывание Его по Воскресении, это пребывание в роде избранных Бога Слова, но не исторического Христа. Следовательно, богочеловеческая личность Христа и действительность Его воскресения из мёртвых отвергаются. Будущая жизнь признаётся в смысле вечного существования настоящего мира, только без грешников и с одними праведниками, иначе – с людьми, воскресшими духовно. Какая будет судьба грешных людей и в каком виде будут существовать праведники, – наконец, – кто сии праведники – неизвестно. Словом, в учении духовоборов о воскресении одна тяжёлая неопределённость. Хлысты и скопцы, вместе с основателем иеговистов, капитаном Ильиным, сведя, так сказать, Бога на землю, отвергнув божество Иисуса Христа, не признают и истины Воскресения Христова, как учит евангелие. Первые (хлысты и скопцы) дошли до вульгарного и грубо чувственного представления о страшном суде, который совершит будто бы или Данила Филиппович, или Иван Тимофеевич Суслов, или Селиванов, а равно и о будущей жизни, или пресветлого града Сиона, в котором «сады, цветы, на цветах сидят птицы райские и воспевают песни архангельские». По изображению же основателя секты иеговистов в их будущем Иерусалиме:

„Рощи, зелень и сады,
Фрукты, сот мёд и плоды.
Злата, бронзы, серебра,
Драгоценностей, добра
Нам как горы навалил
И всё в братство подарил”.

Эти представления недалеки от Магометова рая.

Так удалилось наше сектантство от Христа и христианства в учении о воскресении Христовом и о будущей жизни. Нет у них нашего светлого христианского праздника Пасхи, хотя он и празднуется большинством сект. Извращение учения Христа самое грубое, и это извращение – прямой результат удаления сектантов от церкви и отрицания ими всякого авторитета и предания церковного.

С. Троицкий

**Из миссионерской полемики // Миссионерское
обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 866–876**

**Обтемнеранский А. Беседа с поморским
начётчиком Т. А. Худошиным в Верхне-Туринском
заводе Пермской губернии ²⁸². С. 866–876**

После обычной молитвы епархиальный миссионер обратился к слушателям со словами: „Братия христиане! Господь наш И. Христос, прощаясь с учениками Своими, сказал им: Аз есмь лоза истинная... Будите во Мне, и Аз в вас. Якоже розга не может плода сотворити о себе, аще не будет на лозе: тако и вы, аще во Мне не пребудите. Аз есмь лоза, вы же рождие. И иже будет во Мне, и Аз в нем, той сотворит плод мног: яко без Мене не можете творити ничесоже. Аще кто во Мне не пребудет, извержется вон, якоже розга, и изсышет“... (Ин.15:1–6). В другой раз Он же сказал: „ядый Мою плоть, и пий Мою кровь, во Мне пребывает и Аз в нем“ (Ин.6:56). Сам Бог свидетельствует, что вне общения с Ним, в которое мы вступаем в св. церкви, через святые её таинства, нет спасения. О том же Катехизис Великий говорит, что „кроме церкви Божией нигдеже нет спасения“ (л. 122), а по учению Катехизиса Малого, вне церкви нет и разрешения грехов (л. 36). По учению же бл. Августина, вне её нет плодотворной молитвы, не может быть и спасительных дел (толк. на 42 пс. л. 83). Тяжкая вина разделения с церковью не очищается даже страданиями; находящийся вне церкви не может быть мучеником (св. Киприан о единстве церкви и Злат. бес. на 14 посл. стр. 1692).

Отсюда мы видим, насколько важно нам иметь понятие о церкви Христовой. Посему-то и говорится в Б. Катехизисе: „*Знай добре церковь Божию* и претерпевай в ней до конца вся нападения. Соборища же бесовскаго блюди, зане и собрание нечестивых обыче такожде нарицатися церковию Божиею. Но ты бежи от бесовскаго вавилона, сиречь сонма злых и нечестивых людей, и примет тя Господь Бог“ (122 об.). Но „*веякому человеку* потребно есть знати *истинную*, а *несмышлёную церковь*, но единого небесного Жениха *чистую* и *нескверную* Невесту. Ибо кто не познает ея, како в ней и при ней в таковем велицем обуревании пребудет? (о вере 216 об.). Поэтому

прежде всего нам нужно установить признаки св. церкви Христовой. Слово Церковь употребляется в писании в разнообразных смыслах. По Катехизису Великому словом Церковь называется следующее (см. 120 л.): скиния (Евр. 320 зач.), святилище, храм, приход храма, дом христианина (1Кор.16:19), тело Христово (Ин.2:19), всяк православный христианин (2Кор.2:16), ещё „все вернии во всем мире, иже ныне суть, бяху и будут“; наставники церковнии (Мф.18:17) и наконец все святые в раю и на небе. А Псалмопевец называет Церковью даже общество нечестивых людей. „Возненавидел“, говорит он, „церковь лукавнующих“ (25 пс. 5 ст.). В покаянной песни до-никоновской редакции церковью называется наше грешное тело. „Церковь ношу телесную, всю осквернену“, читаем мы здесь. В настоящий же раз, наша речь о церкви святой (9 чл. Сим. В.), соборной, созданной Господом для нашего спасения. В Катехизисе Великом она определяется так: „Церковь Божия есть собрание всех верных божиих, иже непоколебимую держат едину православную веру, и в любви пребывают, облобызают же учение евангельское непоколеблемое и иже суть достойни приимати святые и божественныя совершенныя тайны, и иже суть под единою главою Господом нашим Иисусом Христом, а под правлением совершенных святых от него поставленных“ (121 л.). Значит, во святой церкви должны быть: 1) верующие, непоколебимо содержащие евангельскую веру и пребывающие в любви, 2) святые божественныя Таинства, коих должно быть семь (360 л. об.) и правление святых, поставленных от Христа, т. е. пастырей церковных. Чинов пастырства, по Благов. Евангелию, должно быть три и ни больше, ни меньше: „диаконы, очищающие оглашением учения, презвитеры, просвещающие крещением, архиереи же священныя чины поставляют и совершают, еже есть рукоположение“ (Лук. 95 зач. 206 л.). Этим трем чинам, как сказано в том же зачале, Господь сказал: куплю дейте, дондеже прииду, т. е. до 2 пришествия они должны делать порученное им дело: проповедовать учение, просвещать крещением и совершать рукоположение. Такова Церковь, созданная Христом. И в таком виде и с таковыми же признаками она должна

существовать не на время, как думают новые учителя, никем непосланные, а на веки, до второго Господня пришествия, ибо Сам Господь сказал о ней: „созижду Церковь мою и врата ада не одолеют ей“ (Мф.16:18). своё обещание Он подтвердил и по воскресении, когда, явившись ученикам и посылая их на проповедь, сказал им: „се Аз с вами есмь во вся дни до скончания века, аминь“ (Мф.28:20), а также в прощальной Своей беседе с учениками, когда сказал им: „Аз умолю Отца и иного утешителя даст вам, да будет с вами во век“ (Ин.14:16), Духа истины, его же мир не может приять» (17). Вечное существование созданной Господом церкви, а не одних мирян, подтверждает и книга о вере. „Церкви ничто же равно есть“, говорится здесь, „и никогда не стареет, выше небес взыде. Ни варвари, ни беси преодолению ей. Колицы ратоваша церковь, и ратовавший погибоша. Борима есть и не побеждается... никогда же стареет, но присно юнеет“ (л. 19 ср. гл. 8 л. 61). В Катехизисе Великом также говорится, что „закон Божия благодати прав и благ и не имать конца... благодать Божия... вечна и крепка: ниже бо человек, ниже время, ни обстояние вещей, ни сам диавол, ни смерть нашедши изгнати нас от оных возмогут“ (гл. 55 л. 250 об;). То же подтверждает и книга Кириллова. „Церковь Христова православная и вера“, говорится здесь, „всегда пребывает в соединении неизменно по вся дни до скончания века“ (93 об. ср. Благов. Еванг. Лук. зач. 107, л. 224).

Прошу теперь собеседника показать, где писано, что святая Церковь, которую Господь обещал сохранить неодоленной, может лишиться св. таинств и трёхчинной иерархии и будет управляться мирянами-наставниками?

Худошин. Добрые слушатели! Миссионер много говорил, читал он из Катехизиса, из кн. о вере, из Благовестного Евангелия, а лучше было бы для него, если бы он говорил поменьше. Вот он наговорил, а я ничего не понял. Говорил он о десяти рабах, а не знаю, кто это рабы-то. Он нашёл в 67 зачале Евангелия Матфея и попов и архиереев и диаконов, а я что-то не нахожу. Надо бы миссионеру побольше толковать, а не читать; писание-то читают и еретики, да толку-то мало. Вот я вам разъясню, о чём говорится в 67 зачале. (Читает 67 зачало

по Благов. Евангелию и каждое слово или фразу толкует, как ему вздумается). Вот видите в чём дело-то было. Здесь речь о Христе, а не об архиереях, попах, да дьяконах. Вера-то распространялась сначала в простом народе. Народ по простоте своей не знал, за кого почестъ Господа. Одни считали Его Илиёй, другие Иоанном Крестителем, третьи Иеремией. Нужно бы миссионеру всё это разъяснить. Ну да я разъясню. Апостолы-то и сами были люди необразованные, простые. Христос-то и спрашивает учеников, а за кого *они* Его почитают. Пётр исповедал Его Сыном Божиим. Господь сказал на это: „Аз же тебе глаголю, яко ты еси Петр, и на семь камени созижду церковь Мою, и врата адова не одолеют ей“. А дальше читаем: „Воздаёт Господь Петрови *мзду* велию, еже на нем создати Церковь свою, понеже бо исповеда его сына Божия Петр“. Вот видите, тут похваляют Петра за веру, а мой собеседник говорит: веруйте в архиереев, в попов, дьяконов. „Сие исповедание“... говорится далее, „основание быти хоцег верующим“. Вот оно основание-то, вот фундамент – наш исповедание. „Иного основания никто же может положити, паче лежащаго, еже есть Христос“. А миссионер попов, да дьяконов хочет сделать основанием. „Аще бо и добродетели зиждем, не имамы же основание право исповедание, ослабленно зиждем“. Пусть попы-то и святые будут, добродетельные, а не будут иметь правого исповедания, с ними не спасёшься. А с правой верой спасёшься; правой веры не одолеют и врата адова, т. е. как говорится здесь: не одолеют гонители, еретики и грехи. Вот Церковь-то мы и нашли. Прямо сказано: „есть же кождо нас Церковь, храм Божий бывая“. Значит, каждый православный христианин есть уже церковь. А если он не православный, а какой-нибудь католик, то будь он хоть с тысячей архиереев, хоть с самим папой, – погибнет. Вон у австрийских и попы есть и архиерей, а я убеждён, не скажет миссионер, что они в Церкви (и спасёт его Бог на этом!).

Читал миссионер и из Большого Катехизиса, да не полно прочитал. Я разъясню. (Читает то же, что читал и миссионер). В Катехизисе-то говорится, что и каждый христианин есть Церковь. Нужны попы, архиереи – не отказываемся и от них,

желаем их; взять-то негде живых-то, так мы с мёртвыми пребываем в общении, ибо к Церкви принадлежат по Катехизису „и вси святые в раю и на небе“ (120 об.). Мой собеседник сам сказал, что нужно быть под правлением *святых пастырей*. Где же нам взять святых-то? их нет; они в раю и на небе. Читал он, что пребывающие в церкви „достойни приимати святыя совершенныя тайны“. Да вот в том то и дело, что нужно принимать св. тайны достойно. А зубы-то подставлять нечего. На прошлой беседе я ведь говорил об этом, читал из их же книги²⁸³.

О чём же он ещё-то читал? Из кн. о вере на 216 об. читал. Нужно было всё это разъяснить, чтобы народ простой мог понять. Вверху написано об юнитах. Кто это юниты? Миссионер не разъяснил. А юниты-то – соединенцы, соединились с католиками еретиками. Это надо было разъяснить миссионеру. Жалко мне его! Тут народ простой, собрались понять, а он читает. Заметьте, я ведь писание-то толкую, а не читаю. Миссионер начитал много, мне всё приходится разъяснить. Он вёл речь к тому, что у нас невежество, что мы считаем мирян церковью, а вот не сказал: если правой веры нет, не спасёшься. Сказал бы он: есть и каждо нас Церковь, я бы сказал, что учение его православное. Вот меня останавливают, говорят будет²⁸⁴. Что ж я согласен беседовать и по часам. Теперь пусть миссионер ответит мне: когда Господь создал Церковь, то были ли в ней попы и архиереи?

Миссионер. Братия христиане! Выслушали мы собеседника и удивляемся его недобросовестности. Выписали его старообрядцы из далека – за тысячи вёрст, собрались послушать, что он от Св. Писания докажет им их право именоваться Церковью Христовой. А он говорит, что придётся, да ещё заявляет, что он пришёл Писание не читать, а толковать. Сохрани нас Бог от таких толковников! Он начал с того, что будто бы я проповедовал веру в архиереев, попов и диаконов, а не в Христа. Сохрани меня Бог от этого! Если кто слышал подобную проповедь, то пусть обличит меня сейчас же. Говорил потом Худошин, что в 67 зачале Благов. Евангелия я нашёл указание об архиереях, попах и диаконах, когда тут говорится о

Самом Христе. И это клевета! Читал я в данном случае не Мф. 67 зач., а 95 зачало Луки, где под рабами, о коих сказал Господь в этом зачале, бл. Феофилакт понимает три чина иерархии: диаконов, оглашающих учением, пресвитеров, просвещающих крещением и архиереев, в священные чины поставляющих (95 зач. л. 206). Из 67-го зачала я только привёл слова Господа: «созижду Церковь Мою и врата ада не одолеют ей» – без всяких толкований. Солгал также Худошин, сказав, будто я говорил, что достаточно быть с архиереями, попами и со св. таинствами и без правой веры. Напротив, я в начале же указал *три признака* истинной Церкви: 1) правоверующих, пребывающих в любви и облобызающих св. Евангелие, 2) семь св. таинств (Кат. Вел. 360 об.) и 3) правление пастырей церковных. Где нет, сказал я, хотя одного из этих признаков, там нет и Церкви. Это подтверждает и Феодор Студит: „Если уничтожить“, говорит он, „одно свойство в каком-нибудь естестве, то вместе по необходимости уничтожаются и все однородные свойства; а по уничтожении свойств, очевидно, уничтожаются и сами естества, которым они принадлежат. Свидетель этому священномученик Иустин, который в одном месте говорит: „ничто из существующего не остаётся тем, что оно есть, если не достанет одного и только одного из существенных свойств его“ (ч. 2 стр. 199). Видите, братия, три существенных свойства Церкви Христовой указал нам писатель Катехизиса: 1) право верующих людей, 2) три чина иерархии и 3) семь св. Тайн. В обществе поморцев нет ни трёхчинной иерархии, ни св. таинств, значит, не могут поморцы по праву и именоваться Церковью Христовой. Своими епископами Худошин считает уже умерших, но разве поморцы принимают от умерших св. таинства, а ведь мы спасаемся благодатью, получаемой в таинствах. Особенно силился Худошин, на основании Катехизиса Великого и Благов. Евангелия 67-го зач. Мф., доказать, что каждый христианин право верующий есть Церковь. „Есть и кождо нас церковь, храм Божий бывая“, восклицал он. Но Худошин забыл, что христианин бывает храмом Божиим только тогда, когда через таинство причащения становится жилищем Самого Бога. Да и не той

Церковью, о которой у нас речь, называется право-верующий. Я уже выяснил различие значений слова церковь. Христианин бывает и церковью осквернённою, как говорится об этом в покаянной песни: „Храм носяй телесный весь осквернен“. У нас же речь о Церкви, созданной Господом для нашего спасения, о Церкви святой, соборной и апостольской (9 чл. Сим. Веры), которая „не имеет скверны или порока“ (Еф.5:27). Дерзнёт ли Худошин утверждать, что его можно назвать такой Церковью? Празднословил Худошин и относительно св. Апостолов, называя их людьми простыми, крестьянами, необразованными и пр., пытаясь этим доказать, что в созданной Господом Церкви не было иерархии. Но разве, братья христиане, св. апостолы были простые люди, когда Господь вверил им управление Церковью, разве они были похожи на Худошина? Нет, кощунство – думать так. Св. Апостолы были посланники Самого Господа (Ин.20:20), люди благодатствованные Им (Ин.20:21), рукоположенные на служение Самим И. Христом на Тайной Вечери (Кат. Вел. 358 л.; Злат. т. I, стр. 330; Кир. 77 л.), хотя и получившие всю полноту благодати в день Пятидесятницы (Т. Ап. 12 л.; Сим. Сол. 88 гл.), с какового дня они начали совершать св. таинства. Значит, и в начале Церковь была с иерархией, с апостолами, в коих „сосредоточивалась вся полнота божественных дарований“... без коих „всё разрушилось бы“, кои, значит, были и епископами и пресвитерами, и диаконами, почему имена епископов, пресвитеров и диаконов и не были известны сначала (6 вс. соб. 16 пр.). Недаром св. Игнатий Богоносец говорит в послании к Филадельфийцам: „Есть радость вечная и твёрдая, наипаче тем, иже едино суть со епископом и со пресвитеры и со диаконы, *вчинёнными* волей Бога Отца *через Господа Иисуса Христа*“ (18 стр.). И в послании к Ефесеям тот же св. Отец замечает: „Потщитесь, возлюблении, повиноватися Епископу и пресвитером и диаконом, иже бо сим повинуются, слушает Христа, *учредившего их*“ (стр. 34). Долго рассказывал Худошин по поводу моего свидетельства из кн. о вере об унии и униатах и – к чести его – рассказывал исторически верно. Но к чему это? Свидетельством кн. о вере я подтвердил только свои слова, что

нам нужно выяснять понятие об истинной символической Церкви, а не рассуждать вообще о значении слова церковь, коим часто обозначается и общество нечестивых людей, и грешное тело человека. Значит, все рассуждения Худошина об унии пустое препровождение времени. Путался что-то Худошин и выясняя, каких пастырей ему нужно. То говорил, что в Катехизисе говорится о святых пастырях, хотя там идёт речь о святых, от Христа поставленных, каковым именем называются пастыри. То говорил он, что и святость пастырей и добродетели для него ничего не значат, важно только правое исповедание веры, забывая при этом слова св. апостола Иакова, что „вера без дел мертва есть“ (Иак.2:17 ср. Иак.2:14,19). Ещё раз прошу Худошина доказать, что св. Церковь может быть без пастырей законных и без св. таинств, как это – в их обществе.

О. Сушков. Много нам приходилось беседовать с разными начётчиками: и с Усовым, и с Коноваловым, и с Черчимцевым, а такого недобросовестного начётчика, как Худошин, мы ещё не встречали. Говорит неизвестно что и клеветает на миссионера на каждом шагу. Так, старообрядцы, беседовать нельзя. Миссионер согласился беседовать по совести, а Худошин беседует не так. Вот он проговорил час двадцать минут. Его разглагольствие пустое нужно ведь разбирать. (Голоса: не давайте ему долго говорить! Он лжец!). Худошин говорит, что достаточно одной веры – без церковной иерархии. Но ведь это учение лютеранское, а не православное. Его обличил уже миссионер. Я приведу ещё слова св. Златоуста из 11 нравоучения на послание Ефесеянам: „Ты говоришь, что православный, но как же ты можешь быть православным, когда у тебя в твоём обществе исчезают рукоположения. Какая польза от всего прочего, когда сего, т. е. хиротонии священства не существует, когда оно в опасности. Как за веру, так и за хиротонию нужно стоять крепко“ (Бес. на 14 посл. 1693 ст.). А в толковании на послание Тимофею тот же св. отец говорит: „Не веси ли что есть священник? Ангел Господень есть. Егда бо своя глаголет? аще нерадиши о нем, не о нем не радиши, но о рукоположившем и Бозе. Аще бо тем ничто же Бог действует, ниже баню имаши, ниже тайнам причащаешия, ниже

благословения приимаеши, убо *ни христианин еси*“ (2 т. I, пр. 2 ст. 2552). Вот как необходимо священство, а Худошин говорит, что оно ничего не значит. Без священства-то поморцы и – не христиане. Пусть же отвечает Худошин на поставленный ему миссионером вопрос.

Худошин. Мой собеседник, добрые слушатели, говорит, что все архиереи, попы, дьяконы не могут уклониться от истинной веры, а я говорю могут. Наша вера не на попах, да архиереях, а на Самом Христе. Миссионер не докажет, что они не могут уклониться. Он привёл слова Благовестного Евангелия, сказанные рабам: „куплю дейте, дондеже прииду». Но ведь слово „*дейте*“ – приказ, а приказ может и не исполниться. Этого приказа и не исполнили никонианские пастыри. На их воле было соблюсти веру или не соблюсти. Бл. Феофилакт в 11 зачале на Ев. Мф. говорит: „Аз рече зажегох свет сердца вашего и на высоте поставих светити всем, а еже не угаснути благодати сущей в вас, на вашем подвиге будет се“. От апостолов, значит, зависело сохранить или не сохранить данную им благодать. Преемники апостольские при Никоне и не сохранили данной им благодати. А в этих случаях становится мерзость запустения в Церкви. Она и стала в Церкви никонианской. А что приказы и обещания могут и не исполняться, об этом и Никон Черногорец говорит на 381 л. Здесь ясно сказано: „если недостойным явишься, ничто же пользует тя обещание мое“. Обещание Божие дано всем апостолам; всем им обещано седение да двоюнадесятих престолех, но сядет ли Иуда? Значит, люди сами виноваты. Миссионер спрашивает: где сказано, что все архиереи, попы и дьяконы могут пасть? Святой Иоанн Златоуст даёт на это ясный ответ: „Диавол, коварный изобретатель козней, надеялся, что, погубив пастырей, он легко расхитит стадо... Но запиная премудрых в коварстве их, желая показать ему (диаволу), что *не люди управляют Церковью*, но Сам Он пасёт везде верующих в Него, попустил быть этому, дабы диавол видя, что и по истреблении пастырей благочестие не уменьшается и проповеданное учение не истребляется“ (Бес. на разн. случ. ч. I, стр. 339). Вот святой отец прямо говорит, что не архиереи, попы и диаконы управляют Церковью, а Сам Бог, и

что благочестие не уменьшается и по истреблении пастырей. Где же это сказано, что пастыри не могут пасть?

Миссионер. Худошин вместо ответа сам спрашивает нас. Но я уже выяснил вам, в каком виде создана была Господом св. церковь. Она создана была с пастырями. Я указал, что ещё на Тайной вечери Христос апостолов священниками сотвори (Кат. Вел. 358 л.), хотя и не повелел (Лк.24:49) им выступать на делание до получения Св. Духа, „имущего всякой иной благодати силу“ (Бл. Ев. 300 об. Иоан.65 зач.). Он как бы вперёд предназначил св. апостолов разделить между собой служение епископское, пресвитерское и диаконское, „сосредоточив²⁸⁵ в них всю совокупность божественных дарований“. Потому-то св. апостол и говорит: „*Той (Христос) дал есть овы убо апостолы, овы же пророки, овы же благовестники, овы же пастыри и учителя к совершению святых в дело служения*“... (Еф.4:11–13). Св. Иоанн Златоуст подтверждает это. „Епископство“, говорит он, „определил Сам Христос“ (Бес. на разные случаи стр. 330 т. I). Св. Игнатий Богоносец также говорит, как я уже имел случай заметить, что епископы, пресвитеры и диаконы *вчинены* через Иисуса Христа или, как он выражается в послании к Ефесянам, *учреждены* Иисусом Христом (34 стр.). А об Иакове, брате Господнем, св. И. Златоуст говорит: „Иакова брата Господня во Иерусалимского епископа Сам Христос рукоположил“ (Беседы на посл. Коринф. 15, 7). О нём же в прологе сказано: „Иаков во Иерусалимского епископа Самим Христом освящён“ (23 окт.). Книга о вере также говорит; что „Иаков, брат Господень по плоти, первый епископ иерусалимский от Самого Христа поставлен“ (24 л.). А в кн. Кирилловой о всех апостолах замечено: Христос „из мертвых востав апостолов на се (на священство) освяти хиротониею, еже есть руковозложение“ (л. 77). Как же это вы, Худошин. говорите, что в начале не было пастырей, что апостолы были простые миряне, что Христова церковь была без пастырей? Кому верить, вам или писанию? Из писания-то мы видим, что Христос создал церковь Свою на правом исповедании Его Сыном Божиим, создал её с пастырями и с седьмью св. Тайнами. Ведь об этой церкви Он сказал: „созищу церковь Мою

и врата адова не одолеют ей“ (Мф.16:18). Св. И. Златоуст, приведя это обетование Господа, говорит²⁸⁶: «Два слова произнёс Господь: на сем камени созижду Церковь Мою и врата адова не одолеют ей. Не употребил Он длинного периода слов, не сказал: Я создал церковь, и ни цари, ни правители, ни гонители, ни палачи, ни мудрецы, ни простецы, ни витии не одолеют её, потому что неодолимо и непобедимо царство Христово, – но одним словом обозначил её могущество и простым выражением укрепил обещание: на сем камени созижду Церковь Мою и *врата адова не одолеют ей. Два слова – не простые слова, но Божию*». Это-то вот и забывает Худошин, – что ему прочитаны слова Самого Бога, коими Он обещает сохранить созданную Им церковь в её первоначальном виде неодоленной. Он, по раскольничьей привычке начётчиков, распоряжается со словами божественными, как с словами человеческими. Это только человек может обещать и не исполнить, а Бог этого не может сделать по природе Своей. Да и человека-то, не исполнившего своего обещания, мы называем бесчестным, нехорошим. Ужели дерзнём тоже помыслить и на Самого Господа! Сохрани нас, Боже, от чего-либо подобного. Худошин привёл из 11 зач. на Ев. Мф. слова: „Аз зажегох свет сердца вашего светити всем – а еже не угаснути... на вашем подвиге будет се“ и заметил при этом: „вот Бог дал апостолам благодать светить, а от них зависело сохранить этот свет; Иуда не сохранил его“. Он подтвердил свою мысль и словами из Никона Черногорца: „аще недостоин явишися, ничто же пользуетя обещание мое“. Но вот „аще“ – то „если“ он и просмотрел. И мы знаем, что условно данные Господом обещания исполнялись и не исполнялись в зависимости от соблюдения условий. А что бы безусловно данное обещание не исполнил Бог, мы этого не знаем. Напротив, мы знаем, что даже одну мысль о том, что обетование Божие, данное безусловно, может не исполниться, св. отцы называют богохульством. „Думающих так“, говорят²⁸⁷ отцы 7-го вселенского собора, „мы спросим: отчего это случилось? Вследствие ли попущения нашего Главы, или же вследствие того, что хотя Он хотел, чтобы этого не случилось, но не мог оказать нам помощи? Разве это не явное

богохульство! Если святой Павел говорит правду, называя Христа Сыном Божиим, Божией силой и премудростью, то каким образом, спрошу я, что бы то ни было из существующего могло одержать победу над непобедимой силой и премудростью Божией, даровавшей всему бытие? Понятно – если случилось это, то и всё прочее уже не избежит таких же возражений: каким образом Он может до сих пор называться всемогущим Богом, могущественным и сильным Отцом... *На каком условии Сын попустил*, чтобы церковь снова раболепно служила таким жестоким и немилосердным духам, когда Он „Сам обручил ее Себе Своею Кровию“... А ведь обетование о церкви, созданной Христом с иерархией, дано безо всяких условий. „Созижду, сказал Господь, церковь Мою и врата ада не одолеют ей“. Апостолам же, а в лице их и преемникам их епископам Господь сказал: „Се Аз с *вами* есмь во вся дни до скончания века“ (Мф.28:20). И в другой раз: „Аз умолю Отца и иного Утешителя даст вам, да *будет с вами в век*“ (Ин.14:16). Как же могут пастыри все уклониться, когда с ними будет и Сам Христос, и Дух Святой. И не под каким-нибудь условием. Об условиях Христос не говорит. Очевидно, Он предвидел будущее, почему и сказал так решительно, что сохранит церковь Свою неодоленной. А бл. Иероним говорит²⁸⁸, что обетование о церкви, созданной Христом с иерархией, дано не только не под условием, а ещё с клятвой. „Как в то время“, говорит он от лица Божия, „когда вся вселенная согрешила, после того, как совратилась вся земля с пути Господня и наведён был потоп, и со всеми виновниками грехов, все грехи были уничтожены, и человеческий род был сохранён в лице одного человека – Ноя, которому Я поклялся, что более не будет наводим потоп на землю и *обещание Моё* доселе исполнялось, и *никогда не сделается* недействительным (Быт. гл. 8 и 9): так *клянусь Церкви Моей, которую для Себя Я искупил Своею кровью*, что Я более не буду гневаться на помилованных Мною, и милость Моя не переменится ни на какой строгий укор. Ибо скорее горы, холмы поколеблются, нежели Моё определение изменится. Сообразно этому и в Евангелии говорит: небо и земля мимоидет, словеса же Моя не мимоидут (Мф.24:35). *Милость*

же *Моя*, говорит, состоит в том, чтобы завет мира, примиливший со Мной мир, был сохраняем не по заслуге тех, которым дан, но по *Моему Милосердию*“. Вот как твёрдо обетование о Церкви, даже с клятвой дано оно и не по заслугам тех, кому дано, оно даётся, а по милости Божией. Так говорит Писание. А Худошин силится затемнить смысл его. Он, не внимая разуму пишущего, читает: „Диавол, коварный изобретатель козней, надеялся, что, погубив пастырей, расхитит стадо... и по истреблении пастырей благочестие не уменьшается“... И не заметил наш собеседник, что диавол-то *только* надеялся расхитить стадо без пастыря и то в одной антиохийской церкви, откуда взяли на съедение зверям св. Игнатия. Но надежды диавола, как мы знаем, не оправдались: и антиохийская церковь, после св. Игнатия, не осталась без пастыря, ибо она была вручена Поликарпу Смирнскому, а затем Ирону (Посл. св. Игн. к Ирону л. 59). Ещё раз прошу собеседника показать, что Церковь Христова может быть подобна поморскому обществу, которое управляется не от Христа поставленными пастырями, а простыми мужиками-наставниками?

А. Обтемнеранский

(Окончание следует).

**Летопись периодической духовной и светской
печати и новые книги по вопросам веры и миссии
церкви // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10.
С. 877–896**

**Четвериков С., свящ. Несколько слов протоиерею
Светлову (в защиту статьи „Новая попытка
обновления человечества“). С. 877–885**

В январской книжке Богословского Вестника за текущий год помещена статья профессора протоиерея Павла Светлова: „Идея царства Божия в её значении для христианского мирозерцания“, заключающая в себе изложение и оценку воззрений и деятельности Н. Н. Неплюева, основателя Крестовоздвиженского Трудового Братства.

О. Светлов в своей статье, между прочим, обвиняет меня в совершенном непонимании и искажении как воззрений Неплюева, так и учения православной церкви, и причисляет меня к „искателям ересей“ во что бы то ни стало. Речь идёт о моей статье: „Новая попытка обновления человечества“, напечатанной в „Миссион. Обозрении“ за 1899–1900 г. и заключающей в себе изложение и разбор статьи Неплюева: „К лучшему будущему“, помещённой в „Неделе“ за 1899 г. Протоиерей Светлов обвиняет меня прежде всего в том, что в своих суждениях о воззрениях г. Неплюева я позволил себе ограничиться лишь знакомством с одним его сочинением „К лучшему будущему“ (Бог. Вести, янв. 1904 г., ст. 37). Это напраслина. К тому времени, когда я писал свою статью о Неплюеве, мне были хорошо известны почти все его сочинения, а именно: „Что есть истина“, „Воздвиженская школа“, „Христианская гармония духа“, „Христианское мировоззрение“, „Пятая глава Евангелия от Матфея“, „Десятая глава Евангелия от Матфея“, „Молитва Господня“, „Братские союзы в учебных заведениях“, „Торжество православия“, и мн. др. Мало того. Только что перед тем я прожил год и восемь месяцев в братстве Неплюева священником, часто виделся с ним, слышал от него самого его мнения, беседовал с его питомцами. Если же я на всё это не сделал никаких указаний в своих статьях, то лишь потому, что это не входило в мою задачу. Моей целью было разобрать воззрения Неплюева, изложенные в статьях „К лучшему будущему“, и только.

Воззрения эти высказаны были там настолько ясно и определённо, что мне не было никакой нужды проверять их его другими сочинениями.

Укорив меня в легкомысленном будто бы отношении к принятой на себя задаче, протоиерей Светлов перечисляет затем мои якобы несправедливые обвинения г. Неплюева в отступлении от чистоты православия, *старательно, однако, замазывая все те места из статей Неплюева, которые служили мне основанием для своих выводов.* Это упущение о. протоиерея я и постараюсь показать, чтобы каждый беспристрастный читатель мог ясно судить, насколько был прав или неправ я, утверждая, что воззрения Неплюева, выдаваемые им за истинное православие, не представляют собой чистого Евангельского и святоотеческого учения.

Протоиерей Светлов говорит, что я совершенно несправедливо утверждаю, будто бы по мнению Неплюева „можно быть христианином, не веруя во Христа, будто нужна только одна любовь, хотя бы и без веры“... О. протоиерей ошибается. Он слишком ослеплён симпатией к Неплюеву и не замечает его совершенно определённых суждений. Приведу подлинные слова Неплюева.

В главе „Братья по любви“ своей статьи „К лучшему будущему“ Неплюев обращается к *неверующим* с следующим *призывом к объединению.* „Обращаюсь к вам, братья по любви, не имеющие счастья верить в букву бытия живого-Бога-Любовь, в букву Христа Его, в букву откровения Его. Говорю в букву, потому что, *веруя в силу, разумность и конечное торжество любви, вы тем самым верите в дух Бога живого, живого Христа Его, в духа откровения Их; вы Божии и Христовы по духу.* Вы не верите в бытие Бога живого, тем более не верите ни в какое откровение... Вы не верите, но вы любите... Ищите же общения со всеми представителями любви!“

Не ясно ли из этих слов Неплюева, что кто верит в силу и торжество любви, тот и есть, по его мнению, христианин, хотя бы он и не верил во Христа, Сына Божия?

Но ни один православный и даже не православный *христианин* не согласится с этим, потому что *любовь не*

заменит Христа... И с христианской точки зрения основывать единение можно и должно лишь во имя Христа, а не во имя отвлечённой любви, без Него. В конце 5-й главы Неплюев пишет: *„Как между суеверием и неверием представителей злобы разница невелика; так и между верою и неверием сынов света, представителей живой любви, разница тоже очень невелика и плоды их деятельности в жизни будут неизбежно тоже однородными“*. Итак, если между верой и неверием нет различия в отношении плодов жизни, то для чего же тогда сказал Спаситель: „Без Меня не можете творить ничего“ и в другом месте: „всё возможно верующему“? Неужели и это мнение Неплюева о протоиерей признаёт православным?

В 6-й главе Неплюев спрашивает: *„Существует ли определённый плод православия, католичества, лютеранства, мусульманства или неверия“?* Каждый православный, католик и т. д., конечно, ответит на этот вопрос утвердительно и это понятно, потому что иначе нет смысла быть православным, католиком и т. д. Наверное, и протоиерей Светлов ответит на этот вопрос утвердительно, так как ему прекрасно известна жизнь в православии, в католичестве и т. д. и плоды её. Неплюев же отвечает на этот вопрос отрицательно, утверждая, что только *„любовь и злоба дают вполне определённые плоды, под каким бы религиозным или философским стягом ни стояли представители этих двух противоположных настроений“*.

Не ясно ли, что Неплюев совершенно не замечает и не ценит той благотворно-воспитательной атмосферы, которая создаётся вероисповеданием, церковностью для духовного роста христиан и потому считает совершенно безразличным для духовной жизни человека, под каким бы „религиозным или философским стягом“ он ни стоял.

В своих статьях „Новая попытка обновления человека“, после вышеприведённых мнений Неплюева, я писал: „Если мы обратимся к Евангелию, к деяниям и посланиям св. апостолов, к творениям отцов и учителей церкви, к примеру первых христиан, мы не найдём там ничего подобного тому, что проповедует г. Неплюев. И там проповедует, конечно, любовь,

но единение там утверждается не во имя любви только, без отношения к вере, а прежде всего во имя Христа, Сына Божия, сшедшего с небес нас ради человек, страдавшего и погребенного и воскресшего в третий день. Апостолы проповедовали о Распятом и Воскресшем, мученики умирали за Распятого и Воскресшего... Невозможно и представить себе, чтобы Иудей или язычник, *оставаясь с своими иудейскими и языческими верованиями*, был принят первыми христианами в единение во имя любви“.

Таким образом, Неплюев проповедует нелепость, говоря *неверующим, магометанам, буддистам* и т. д. „будем едино“, ибо мы все „дети света“, мы все „любящие“... И затеянный им, но неудавшийся „Конгресс единого человечества“ из христиан, магометан, евреев и неверующих – ясно обнаружил эту нелепость, так что и сам г. Неплюев отказался участвовать в этом конгрессе. А о. протоиерей Светлов покрывает Неплюева, и, пленённый его речами о любви, не замечает, что под ними скрывается упразднение христианства.

В вышепоименованной статье своей я писал далее: „укажем последствия, к которым приведёт замена веры в воплотившегося Сына Божия, как истинного основания для объединения людей, той отвлечённой любовью, к которой призывает Неплюев. Предлагаемое им объединение без различия веры и образа мыслей привело бы к упразднению христианской веры, ибо как может сохраниться живая вера во Христа в том обществе, которое состоит из людей всякой веры и даже совсем неверующих?

Но когда, таким образом, начнёт угасать вера, то затем неизбежно последует и угасание той самой любви, во имя которой теперь предлагают нам стать выше вероисповедных различий.

Любовь питается верой, молитвой, таинствами. Так веруем мы православные. Отнимите этот источник любви, замутится и остынет самая любовь наша, подобно тому, как засыхают листья и цветы, оторванные от корня. Наша любовь, оторванная от корня веры, погибает под напором страстей наших, которым она не в силах будет противостоять, погибнет под бременем нашей

пошлости и пошлости нас окружающей. И тогда наступит на земле такая тьма, какой не было и до пришествия Спасителя“!

Итак, сам Неплюев своими собственными словами, как мы показали, опровергает обвинение, возведённое на меня протоиереем Светловым, будто я несправедливо приписываю Неплюеву мысль, что „можно быть христианином без веры во Христа“...

Я не говорю нигде, чтобы сам Неплюев был неверующим во Христа и прот. Светлов без всякого основания утверждает, будто я причисляю его (Неплюева) к позитивистам и социалистам (если бы он привёл мои подлинные слова, это стало бы ясно всякому), но я говорю только, что проповедуемое Неплюевым „единение в любви“ без различия вер неизбежно приведёт к упразднению веры и торжеству неверия и, конечно, вопреки его собственному желанию. Вот против чего я и считал долгом предостеречь в своей статье читателей и почитателей г. Неплюева.

Далее, протоиерей Светлов видит апологию православной церкви в словах Неплюева: „всякая церковь признаёт себя хранительницей истины, правды и добра, хранительницей высочайшего идеала; в этом животворящий дух смысла и права её существования. Пока она не организует добра в жизни, пока она не предлагает верующим никакой определённой программы, она не может иметь на жизнь никакого влияния. Именно это и констатируют неверующие, называя такую веру устарелой утопией, а верующих такой верой фарисеями, лицемерами и ханжами. Поставить высоко знамя веры, доказать, что она и теперь живой светоч, способный удовлетворить умы и сердца, предлагая им заведомо высший идеал, гармонирующий любовь, разум и природу, доказать, что вера заключает в себе и самую разумную программу упорядочения жизни, организации добра – вот священная обязанность каждой церкви, если она не хочет сделаться орудием низменных, своекорыстных страстей“. В этих словах Неплюева протоиерей Светлов видит апологию церкви (Бог. Вест. стр. 25). По моему же мнению, здесь не только не заключается никакой апологии церкви, но, наоборот, слышится призыв, обращённый к церкви, стоять на высоте своего

призвания, как бы некоторый укор и даже намёк поучиться у г. Неплюева „гармонировать разум, любовь и природу“.

Немало удивило меня обвинение протоиерея Светлова по моему адресу и в том, что я „не понимаю различия между моралью личной и общественной“... Обвинение это возводится на меня по поводу того, что я до глубины души был возмущён отрицанием со стороны Неплюева заповеди Спасителя: „голодного накорми, больного посети и т. д.“. Неплюев пишет: „грех, преступление, постыдная слабость любви – отвлекаться от этого главного дела (организации трудовых братств) из-за каприза любви и жалости к отдельным людям“... „Если, делая великое дело любви (устраивая трудовые братства), вы от него отвлекаетесь на делание малых дел потому, что вид частных страданий так сильно бьёт по нервам вашим, что каприз жалости к одному (это исполнение заповеди Спасителя – каприз жалости!) заставляет вас забывать разумное дело жалости ко всему человечеству, не обманывайте себя, сознайте, что вы отняли у великого дела любви ко многим, страданий которых вы не видите, то, что отдали на прекращение страдания, которое случайно попало на глаза и ударило по нервам вашим“.

Читая с глубоким возмущением эти слова Неплюева, я ясно вижу, что он своей заповедью упраздняет заповедь Спасителя. Спаситель говорит: „голодного накорми“, а Неплюев говорит: „нет, не отнимай у человечества того, что ты даёшь отдельному человеку!“ „это – каприз жалости!“ „это – слабость нервов!“ Но почему же мне верить Неплюеву больше, чем Спасителю моему? Почему я могу знать, что из его „великого дела любви“ выйдет толк? Между тем как я наверно знаю, что если бы все исполняли простую и лёгкую заповедь Спасителя, исполняли „каприз жалости“ к одному, то не понадобилось бы и Неплюевского „великого дела любви“!

А протоиерей Светлов, видя, как я возмущаюсь тем, что Неплюев своей заповедью отменяет заповедь Спасителя, глубокомысленно, по-профессорски, замечает по моему адресу: „он не понимает различия между личной и общественной моралью“! Не завидую я, о. профессор, вашему пониманию этого различия и не желаю иметь его!

Далее, протоиерей Светлов упрекает меня за то, что, по моим словам, у Неплюева „нет учения о церкви, о первородном грехе, о воплощении Сына Божия, об искуплении, о будущем воскресении и суде, о вечном блаженстве праведников, о вечных мучениях грешников“ – и говорит, что это не так. Но, чтобы понять значение этих моих слов, нужно принять во внимание то, по какому поводу они сказаны. В третьей главе своей статьи „К лучшему будущему“ Неплюев излагает основания христианского мировоззрения. Принимая во внимание такое назначение этой главы, я в своём разборе её пишу: „однако, мы не найдём у Неплюева (очевидно в этой главе) ни учения о первородном грехе, ни учения о воплощении Сына Божия и т. д... Он выясняет только, да и то очень кратко, христианское понятие о Боге, о конечных целях бытия и о цели земной жизни человека“... Конечно, это совсем не значит, будто, по моему мнению, Неплюев отрицает первородный грех, искупление и проч. догматы христианской веры; я только отмечаю то обстоятельство, характерное для мировоззрения Неплюева, что, излагая основы христианского жизнепонимания, он остановился лишь на выяснении понятия о Боге и о цели жизни человека.

Наконец, протоиерей Светлов обвиняет меня ещё в том, что я „за учение церкви выдаю разный вздор, и за её свет собственную тьму, рисуя церковь и христианство союзниками застоя и регресса, соперничая в этом с врагами церкви“. Обвинение это высказано совершенно голословно, не подкреплено ни одной выдержкой из моей статьи и, очевидно, есть не что иное, как плод раздражения, казалось бы, совсем неуместного в серьёзной статье учёного мужа.

Н. Н. Неплюев смотрит на свою деятельность и на своё начинание, как на „зарю царства любви на земле“, на которой до сих пор царили только мрак, невежество и злоба. На многих страницах своего сочинения „К лучшему будущему“ он развивает эту мысль. В своём разборе его воззрений я отметил эту черту, которая, по моему мнению, опять-таки несовместима с чистым православно-христианским мировоззрением. В самом деле, если „заря царства любви“ на земле только теперь

занимается, то что же делала до сих пор Христова церковь и существует ли в мире какой-либо определённый плод её деятельности? С точки зрения православно-христианской – истинная жизнь на земле, жизнь любви мира и правды началась не со вчерашнего дня, а со времени земной жизни Спасителя. Вся жизнь церкви в лице её истинных членов – есть царство любви и правды. Всякое новое доброе начинание лишь примыкает к этому царству, входит, так сказать, в лучи его света и в этом-то и заключается его достоинство, сила и прочность.

Православно-христианское мировоззрение верит в силу и славу исторически-живущей церкви Христовой и никогда не согласится с тем мнением, чтобы до сих пор на земле было только царство злобы и невежества. Во всяком случае, она никогда не упустит из внимания светлого лика церкви Христовой, сияющего посреди мрака греховного.

Но почитайте страницы Неплюевских писаний – и вы нигде не найдёте этой светлой любовной веры в историческую церковь Христову. Везде только „я“, „я“ и „я“; все надежды спасения возложены на одно только Неплюевым создаваемое братство. И в этом взгляде заключается глубокая неправда Неплюевского мирозерцания и его не-церковность. При таком совершенном игнорировании Неплюевым „дела“ церкви и жизни церкви, как можно видеть в Братстве Неплюева опыт осуществления на земле царства Божия?! Царство Божие не может осуществляться вне жизни церкви, а между тем о жизни церкви, о её светлой деятельности в мире мы ни одного слова не слышим от Неплюева. Он действует так, как будто он первый из людей встретился с Евангелием, пленился Его истиной и стал осуществлять его в жизни и как будто ни до него, ни вокруг него не совершалось и не совершается великое дело освящения жизни, проникновения душ человеческих духом Евангельской истины! Так что если бы он почему-либо прекратил свою деятельность, то угас бы на земле свет любви?!

Ни один истинный православный человек не может не ревновать всем сердцем о созидании на земле царства Божия. Скажу более того – наше время есть по преимуществу время, когда вопрос об общественном созидании царства Божия стал

насушной потребностью жизни, когда от разрешения этого вопроса зависит всё благополучие общественное и государственное. В нашем отечестве вопрос этот – особенно назревший вопрос, созданный всей историей, всем складом нашей народной жизни, нашего народного характера. Но не Неплюевское братство в его настоящем виде разрешает для нас этот вопрос. Он разрешится иначе, путём возрождения церковных приходов, путём подъёма в них братского взаимообщения, но при неперменном условии живого тесного союза с церковью, в организме церкви вселенской... *Не от себя и не в своё имя* начнут действовать наши церковные приходы, *но лишь захотят жить всецело жизнью церкви*, по её духу и уставам. Вот что требуется для созидания царства Божия на земле. Неплюев слишком мудрит, заменяя простое детское подчинение духу и уставам церкви измышлением собственной организации, и даже собственных обрядов и молитв, в чём никакой надобности не имеется. И выходит, что он делает своё дело, а не дело, совершаемое церковью по завету её Спасителя и при Его постоянной помощи.

Говоря это, я не питаю к Неплюеву никакой вражды. Наоборот, его намерения и настроение часто и глубоко меня трогали. Но я не могу не чувствовать внутренней неправды его дела, я чувствовал её все год и восемь месяцев своей жизни у него в братстве, о чём говорить публично я до сих пор не хотел, пока меня не вынудил на то протоиерей Светлов.

Мало того, я уверен, что внутреннюю свою неправду чувствует и сам Неплюев, сказавший однажды в одну очень важную минуту своим воспитанникам: „чем ближе мы будем к храму, тем больше будет правды в нашей жизни“!

Глубоко веря в искренность и бескорыстность стремлений Неплюева, я не сомневаюсь в том, что Господь поможет ему освободиться от той обособленности и исключительности духа, какая в настоящее время угнетает его, поможет понять ему, что можно, удаляясь от того зла, которое царит вокруг нас, не отрекаться вместе с ним и от того добра, которое заложено в строе, духе и уставах церкви, и сродниться с ней всем сердцем! Что же касается протоиерея Светлова с его похвалами

воззрениям и делу Неплюева, то эти похвалы, основанные на недостаточном знакомстве с делом, представляются мне также опасными для правильного развития Неплюевского трудового братства, как опасны были для народа Еврейского речи тех ложных пророков, о которых Слово Божие говорит: „Господи Боже! вот, пророки говорят им: не увидите меча, и голода не будет у вас, но постоянный мир дам вам на месте сем. И сказал мне Господь: пророки пророчествуют ложное именем Моим; Я не посылал их и не давал им повеления, и не говорил им; они возвещают вам видения ложные и гадания, и пустое и мечты сердца своего“ (Иер.14:13,14).

Священник Сергий Четвериков

Бронзов А. проф. [Рец. на:]: Н. М. Соколов: „Об идеях и идеалах русской интеллигенции“. СПб. 1904 г., стр. 527. Цена 2 р. С. 885–892

Автор этой книги давно уже известен читающей публике. Изпод его пера вышло немало трудов самых разнообразных. Он зарекомендовал себя и поэтом, и публицистом, и философом, и богословом, и переводчиком труднейших иностранных произведений, и проч. Это – человек разносторонне образованный в лучшем смысле слова. Отсюда становится понятным тот интерес, с каким мы приступали к чтению только что вышедшего в свет его произведения.

Последнее задалось целью познакомить читателей с „идеями и идеалами русской интеллигенции“. Дело не из числа приятных. Требовался прямо-таки подвижник, который решился бы подробно беседовать о той интеллигенции, какая, в лице известной её части, так печально зарекомендовала себя в последнее время. И за такого подвижника мы считаем почтенного автора рассматриваемой книги, решившегося подробно обсудить указанный предмет.

В книге семь отделов или глав: 1) „о культуре и самобытности“; 2) „похороны славянофильства“; 3) „о русской национальной традиции“; 4) „о русской церковной традиции“; 5) „интеллигенция и сектантство“; 6) „интеллигенция и церковь“; и 7) „золотые сны о золотом веке“.

Обращает на себя внимание читателя оттенение автора положений в *первом* рассуждении, напр., следующих. „Христианство несовместимо с тем новым беспощадным и фанатическим культом, который заповедует своим поклонникам, что нет, не может быть и, главное, *не должно быть* другой культуры, кроме западноевропейской“. Положение бесспорно верное и настойчивое констатирование его перед лицом читателей вполне своевременное и резонно. Подобными начальными рассуждениями автор невольно располагает к себе каждого из знакомящихся с его прекрасной книгой и не потерявшего способности видеть глазами и слышать ушами.

„Поклонники европейской культуры“, говорит автор, „питают органическую ненависть к словам *самобытность* и *национальность*. Замкнутость? Какая... замкнутость? Долой замки! Пришли мы, представители европейской культуры, единственной культуры в мире, и никто не имеет права помешать нам по-своему хозяйничать здесь. *Обособленность*? От нас нельзя обособляться, потому что мы – соль земли и свет миру и потому что иначе мы вынуждены стрелять“ (превосходно!). „Исключительность? Никаких привилегий“!.. „*Национальность* и *самобытность* – гибельный укол для культуры в её хищнических“ (именно так!)... „проявлениях. И крик её адептов – только рефлекс боли, а не мысль и не доказательство“. „Если в народе“, говорит в другом месте Н. М. Соколов, „замечены семена самобытной правды, его надо беречь для будущего... Ведь именно в этом единственный источник величайшего духовного богатства для всех грядущих поколений“, между тем как „материальное богатство часто гибнет без следа“... В качестве иллюстрации своих мыслей, ссылаясь на жизнь бирманцев, автор в конце концов делает превосходное замечание: „Может быть, теперь бирманцы действительно *самый счастливый народ*. Но их счастье, по суду“ (мнимо –) „просвещённых европейцев, никуда не годится, потому что оно основано на религиозных, разумных и нравственных, а не культурных началах. Пусть же они будут несчастны, как все, или пусть их не будет вовсе“... У бирманцев „лучшее успокоение души в добрых делах... В медленных, долго зреющих думах они сохранили свою молодость, и поэтому у них *мало желаний*. А рост европейской культуры – это рост потребностей культурного человека“... Та культура может быть поистине плодотворной, которая не идёт в разрез с индивидуальными особенностями народа, а приспосабливается к ним. Иначе толку не будет, – получится один вред.

Вторая глава („Похороны славянофильства“) читается с таким же интересом, как и предыдущая. Автор имеет в виду г. Милюкова, утверждающего, что „разложение славянофильства... продолжается и... заканчивается на наших глазах“... Присматриваясь ближе к положениям оцениваемого

им учёного, Н. М. Соколов говорит, что „итоги, к каким пришёл г. Милюков, до такой степени своеобразны и неожиданны, до такой степени сокрушительны для всей его критики, если в его статье есть критика“ (что правда, то – правда!), что они „приводятся“ поэтому в рассматриваемой нами книге „целиком“... Здесь автор кропотливо и с большим успехом доказывает, что Милюков – „судия несправедливый“ – неосновательно „произносит смертный приговор над славянофильством“... „В похоронных речах“ этого учёного, по верному и остроумному замечанию Н. М-ча, „мы видим только новое издание вечно юной и глубоко поучительной сказки о том, как мыши кота хоронили. Мудрая крыса Онуфрий, осторожный, как все мудрецы, вдруг неосторожно поверил легкомысленной мышиною интеллигенции, что кот умер. Увлекаемый своим ораторским и диалектическим гением, он гордо взобрался, как на кафедру, на пузо кота и оттуда прочёл свою знаменитую надгробную речь. Он радовал своё родное подполье не столько тем, что жил Мурлыка, сколько тем, что был Мурлыка, т. е., тем, что теперь его нет. Но Мурлыка и был, и жил. И когда он, утомлённый монотонным чтением лектора, ошестившись, вскочил на ноги, лучшая часть мышиною интеллигенции бросилась по норам, чтобы подбру-поздорову унести ноги. Особенно пострадал при этом красноречивый оратор – „Онуфрий, мудрая крыса, чего, впрочем, мы“, говорит Н. М. Соколов, „отнюдь не желаем г. Милюкову“.

В следующей (*третьей*) главе речь идёт всё с тем же г. Милюковым, восклицаящим, что „старое рушится, время меняется и новая жизнь расцветает над развалинами“..., что „Россия выросла из известных форм и переросла известные традиции“ и что „отрицать это – значит закрывать глаза на действительность и отрицать законы исторического роста“ и проч. Всех ужасов г. Милюкова, пожалуй, и не перечислить. Автор рассматриваемой нами книги – истинно русский и понимающий дело человек – разоблачает положения критикуемого им учёного со свойственной ему обстоятельностью. В основе воззрений г. Милюкова лежит „нерусская“ точка зрения, вследствие чего всё в его рассуждениях получает несоответствующий истинному

положению вещей отпечаток... „Г. Милюков, по аналогии с западом, искал в русской истории – борьбы за власть, борьбы за право, борьбы за землю“... Но „к русской жизни это не подходит... И каждый... мыслитель..., которому нет нужды морочить стихийными глупостями людей стихийных и бессознательных, скажет, что культурная традиция, оторванная от традиции национальной, бред сумасшедшего. И на западе тот народ сильнее и культурнее других, у которого глубже засели национальные идеи и национальные традиции“.

„Русская церковная традиция“ – предмет *четвёртой* главы книги Н. М. Соколова – обсуждается опять в виду воззрений того же г. Милюкова и пр. И здесь, как и в других случаях, последний наговорил всяких небылиц большую кучу. Положение г. Милюкова, что „отношение интеллигентного русского человека к религии“ всегда было и остаётся „безразличным“, совершенный вздор. Эти и подобные мысли терпеливо и обстоятельно рассматриваются, и опровергаются автором настоящей книги. Рассуждения авторские симпатичны и верны по их существу. „Народ и теперь любит божественные книги“, – говорит автор, например; – „откуда взялась у него эта любовь? Если бы его не учила церковь, кто бы учил его?“ Правда... „Народная совесть и теперь бережёт несколько святых имён и ждёт только дня благословения их церковью. Они уже святы в народном сознании задолго до их канонизации. Историки русской культурной традиции отрицают эти“ и подобные им „факты. Но рано или поздно их обман обнаружится. Они начинают свою историю со вчерашнего дня, а история народа гораздо хищнее... Они думают, что Пушкины, Лермонтовы и Достоевские создавались из ничего... Светская литература лучшие свои плоды пожинает с нивы, засеянной церковью“ (это – непреложная истина!). „Церковь сеяла всегда разумное, всегда доброе и всегда вечное, ибо сеяла о имени Христа Его вечную правду. А интеллигентные культуртрегеры думают, что они строят на пустом месте..., и поэтому всему дивятся, ничего не понимают“ (вот уже именно!) „и торжествуют победы там, где работа сделана не их руками“... Нет, не г. Милюковым и не подобным им лицам толковать „о русской церковной традиции“.

„Интеллигентный фанатизм“ – плохая почва для решения этого рода вопросов. Он слишком слеп, поверхностен, пристрастен и способен забраться дальше геркулесовых столбов (минувшей осенью мы сами лично испытали на себе комичные удары со стороны „интеллигентного“, впрочем, точнее следовало бы сказать: анти-интеллигентного „фанатизма“, и знаем его)... С истинным удовольствием читаем трезвую речь Н. М. Соколова, указывающего всему своё место. В светской литературе наших дней это – дождь благотворный в жаждущей пустыне.

Не менее прочих интересна и поучительна и следующая – *пятая* – глава: „Интеллигенция и сектантство“. Читая здесь о взглядах г. Милюкова, искренно и всё более и более удивляетесь, до чего может договориться человек с подобным образом мыслей, какой открывается всюду в речах этого учёного... „Какие особенные, свои собственные религиозные идеи имеет наша интеллигенция“, спрашивает Н. М. Соколов. „Правда“, говорит он, „в её отношениях к некоторым понятиям... заметны следы религиозного отношения. Но, в виду полной неопределённости и бессодержательности этих понятий, это, во всяком случае, служение *неведомому богу*. С другой стороны, сектанты, воспринявшие в себя духа, возрождённые, чада божии и боги, полагают основы для самообожания, что свойственно и интеллигенции. Но этим цикл религиозных идей и исчерпывается. Гораздо серьёзнее, конечно, мнения и чувства, связанные с верой. Г. Милюков говорит, что и интеллигенция относилась и должна относиться к церкви безразлично“ (он говорит, разумеется, вздор). „Но мы видим“, продолжает автор, „что сектанты относились к церкви с фанатической ненавистью. Можно думать, что и здесь чувства одинаковы. Сектанты всех несектантов называли псами..., чадами Иезавели, чёрными вранами, волко-агнцами... Самочувствие интеллигенции, конечно, тоже... Многие из сектантов пробовали вознестись на небо, но не успели в своём начинании и остались на земле. Это не ново и для интеллигенции. Сектантам не по душе весь строй русской жизни. Интеллигенции – тоже“... Нет, Господь с ней – с этой русской лже-интеллигенцией и с этим сектантством! Что хуже, что нелепее, бессмысленнее, комичнее (особенно когда

речь идёт о взглядах лже-интеллигентов, высказываемых в их знаменитом печатном органе и отдельных изданиях), – трудно сказать.

„Интеллигенция и церковь“ – предмет *шестой* главы книги Н. М. Соколова... Определяя первую, автор, между прочим, остроумно говорит: „В понятие интеллигенции по необходимости входит доза обскурантизма, наука не признаёт её идей и убеждений последним словом науки“... Н. М. Соколов здесь имеет дело с г. Тернавцевым, с его рефератом. „Г. Тернавцев“, по словам автора, „собственно говорит, что интеллигенцию не возьмёшь христианскими началами“... По поводу этой мысли можно было бы много сказать как за, так и против неё... „Г. Тернавцев обвиняет священников церкви в стяжательности“. Но это, конечно, сплошное недоразумение, с одной стороны, и не – желание посмотреть на интеллигенцию в этом же отношении, с другой. „Туманный, скользкий и почти не поддающийся логическому определению призрак представил г. Тернавцев“ в своём реферате... За г. Тернавцевым рассматривается г. Минский... Но, впрочем, говорить и о нём ещё, хотя бы столь же отрывочно и кратко, как сказано у нас (2–3 слова) о г. Тернавцеве, нет надобности... „Если церковь и интеллигенция делает, как говорить г. Тернавцев, *одно и тоже дело*, или, как говорит г. Минский, обе они одинаково *не у дел*, то это значит, что церковь заменима, что рядом с ней существует другая однородная сила, что возможен и нужен выбор между двумя силами, что тот, кто не спасается в церкви, может спастись в интеллигенции и что, в сущности, церковь, раз и она *не у дел*, такая же легковесная и мнимая величина, как и интеллигенция. Старая пословица: назови мне твоих друзей, и я скажу тебе, кто ты таков... Слово *интеллигенция* за последнее время приобретает новое и определённое значение. Оно включает в себя не всё образованное общество, а только людей определённых отрицаний... Так это слово понимает г. Тернавцев“... равно как и „г. Милюков и почти все так называемые передовые умы“ (автор острит неподражаемо). „В этом смысле интеллигенция... не народна. В русской церкви – последняя твердыня и последнее убежище русской народной

веры и совести“. Господь с ней – с этой интеллигенцией! Искренно жаль всех тех, кто в последние два-три года хотел от неё добиться какого-либо толку! Скорее из камня снова потечёт вода, чем дождёмся чего-либо путного от „этой“ интеллигенции...

Последняя – седьмая глава книги Н. М. Соколова носит успокаивающее заглавие: „Золотые сны о золотом веке“. И здесь, как и раньше, почтенный автор неизменно трезв, рассудителен и обстоятелен. И эту главу читаем с неослабевающим интересом... „Все интеллигентные люди“, – читаем, напр., у автора, –... „признают... то-то и то-то, и кто не признаёт этого, тот“-де „не интеллигент“, по мнению „властителей теперешних легкомысленных дум. Это что-то в роде папского интердикта... Но эти интеллигентные анафемы будут вызывать только дружный смех“, как произносимые „от имени сомнительной научности... тенденции“... Это „притязание“ их „пустое и легкомысленное... На грозный окрик: *передовые умы говорят* обыватель не ошалеет, как прежде бывало, а спокойно скажет: ну, и пусть себе говорят; мало ли глупостей говорят передовые умы“... Правда! Умно! „Современная интеллигенция“ порвала „с государством, с церковью, с народом, с наукой и с прошлым“. Дальше идти некуда. И пусть себе она летит в уготованную ею для себя пропасть. „В основе современных протестов против государственности“, говорит автор, „лежит младенчески-легкомысленный оптимизм“... Правда!.. „Г. Тернавцев очень враждебно относится к исторической церкви и превозносит церковь мистическую“ (как и г. Милюков). Обидное непонимание ни первой, ни второй! Интеллигенция в своих отношениях к народу была несправедлива от начала и до конца, не проявив к тому „начал терпимости, гуманности, снисходительности“, не „щадя его верований, обычаев, его святых“... Стыдно нашей крикливой, шумливой, не-русской интеллигенции, слепой и бесконечно эгоистичной. Да, впрочем, какая это в сущности интеллигенция, „рознь“ между которой и „наукой с каждым годом становится всё глубже и непримиримее“? До „прошлого“ ей дела, по крайней мере, серьёзного, нет – этой фальшивой интеллигенции. её

суждения (напр., г. Милюкова) о прежних временах русской истории (напр., об Иване III, Иване IV...) просто комичны. А ещё более они таковы, напр., по вопросу о родине русского „самодержавия“ и пр. Нет, не гг. Милюковым оценивать прошлые судьбы русской истории. Но довольно! Смешна и странна наша интеллигенция. Она „всегда жила только для себя и никогда не жила для народа... Всякая идеология русской интеллигенции имеет в виду только доказать право интеллигенции на праздность, любоимение, плодородие и любоначалие. Мы – род избранный... знаем сокровенные тайны..., мы новая порода людей, в нас алмазные россыпи пророческих и мистических элементов... мы, чёрт возьми, переживаем годы кризиса и потому имеем полное право ничего не делать и за счёт народа предаваться мечтам и страстям“... „Интеллигент!.. Жизнерадостный и крайне легкомысленный пессимизм, высокомерное и надменное смирение, беспощадная гуманность, фанатическая терпимость – вот современные химеры, которые растут на этой почве“... Нужно „говорить“: не *интеллигенция*, а в тысячу раз вернее: „дух праздности, уныния, любоначалия“.

Этимися словами почтенный и талантливый автор заканчивает свою превосходную книгу, которую мы прочитали с полным удовольствием и из которой в настоящей заметке своей привели лишь несколько и, при том, отрывочных данных... Чтобы познакомить читателей „Миссионерского Обозрения“ с ней поближе, пришлось бы написать вместо нескольких настоящих страничек целую книгу. До такой степени содержателен и поучителен этот правдивый от начала до конца труд Н. М. Соколова! Видно, что автор говорит не „с ветру“, а продуманно, – видно, что он хорошо знает русский народ, русскую историю, а не по указке какого-либо, ничего не сведущего в этом, западника, – видно, что он – и русский, и православный человек, а не кривляка какой-либо, подобно пресловутым декадентам, легкомысленно считающим себя „интеллигентами“, а не душевнобольными... С сожалением расставаясь с книгой Н. М. Соколова, желаем ей широкого успеха у публики, а автору – и впредь столь же плодотворно трудиться на пользу русского народа и русской церкви...

Проф. А. Бронзов

Козицкий П. [Рец. на:]: Путь Христов. Ряд очерков, картин, рассказов и размышлений из земной жизни Господа нашего Иисуса Христа. Бесплатное приложение к журналу „Отдых Христианина». С.-Петербург. 1903 г., in 8-ю, стр. 555. С. 892–894

История земной жизни Господа Иисуса Христа всегда приковывала и приковывает к себе внимание благочестивых христиан, служила и служит предметом как для научно-богословских исследований, так и для целого ряда очерков, картин, рассказов и размышлений религиозно-нравственного, благочестивого характера. Конечно, для благоговейного христианского чувства дорого восстановить во всех подробностях земной путь жизни Спасителя, – дорого обозреть все места, которые были освящены стопами Божественного Проповедника на всём протяжении Его жизненного крестного шествия – от младенческих яслей Вифлеема до кровавой Голгофы царственного Иерусалима. Но неизмеримо ценнее для каждого христианина напечатлеть в душе своей сам образ Иисуса Христа, начертанный на священных страницах Евангелия и на несмываемых скрижалях вселенского церковного сознания, – ибо только этот живописный образ, как истинное *Солнце правды*, среди тьмы современного лже-верия, освещает нам узкие пути, ведущие в жизнь (Мф.7:14), и служит для всех чад *нового Израиля* огненным столбом, путеводящим в обетованную землю возвещённого Христом царства.

Задача рассматриваемой нами книги – заронить в сердца читателей благочестивое стремление идти путём Христовых, заповедей и с убедительною ясностью показать, что только этот путь Христов и ведёт в царство Божие. Задача, принятая составителем, весьма почтенная и выполнена вполне добросовестно. Составитель, не претендуя на самостоятельность своей книги, дал для читателей целый ряд очерков, картин и рассказов из истории земной жизни нашего Божественного Учителя и Основателя новозаветного царства Христова. Что есть лучшего в литературе по истории земной

жизни Господа нашего Иисуса Христа – всё это, в отрывках, вошло в рассматриваемую нами книгу. Составитель пользовался такими выдающимися трудами, как „Жизнь Иисуса Христа“ Фаррара, „Жизнь Иисуса“ – Дидона, „Иоанн Креститель“ – Прессансе, „Последние дни земной жизни Иисуса Христа“ Иннокентия, архиепископа Херсонского, а некоторые главы составлены по Лейтону. Кроме этого он черпал материал для своих очерков и размышлений из святоотеческих бесед Иоанна Златоустого, Василия Великого и Григория Неокесарийского и из современных проповедей Вине, Пикара, Берсье, Никанора, архиепископа Херсонского, Павла, архиепископа Казанского, протоиерея о. И. И. Сергиева (Кронштадтского) и других. При описании Палестины, он пользовался очерками В. Дорошевича: „В земле обетованной“. Потому нисколько не удивительно, что рассматриваемая нами книга „Путь Христов“ читается легко, с увлечением и большим интересом. По полноте содержания своего она обнимает во всех почти подробностях историю земной жизни Иисуса Христа; и весь материал этой обиходной книги составителем сгруппирован и разделён на три части. В 1-й части содержится описание Палестины вообще, Назарета и Вифлеема – в частности, и обозреваются события, начиная со времени рождения Иисуса Христа и оканчивая посещением двенадцатилетним Отроком Иерусалимского храма (3–91 стр.). Вторая часть обнимает период жизни Иисуса Христа со дня выступления на проповедь Иоанна Крестителя – и оканчивая воскрешением Лазаря (92–365 стр.). Третья часть посвящена остальному периоду земной жизни Господа нашего – от входа Господня в Иерусалим до вознесения Господня включительно (366–555 стр.).

Текст книги снабжён прекрасными иллюстрациями, изображающими виды Палестины, отчасти современные Христу нравы и обычаи и выдающиеся моменты земной жизни и деятельности нашего Спасителя. Многие из рисунков представляют собой снимки с картин лучших европейских и наших художников. Печать и бумага – не оставляют желать ничего лучшего.

Рассмотренная нами книга „Путь Христов“, действительно, является истинным *отдыхом христианина*; посему пожелаем ей самого широкого распространения среди читающей публики, ищущей *живой веры* (Ин.4:14) и жаждущей *да изобразится в ней Христос* (Гал.4:19).

П. Козицкий

Козицкий П. [Рец. на:]: Священник Николай Кипарисов. Пособие при ведении бесед с штундо-баптистами и молоканами. Томск. 1903 г. in. 8-ю стр. 87. Цена 50 к. С. 894–896

В настоящее время наша секто-обличительная литература, в особенности по штундо-баптизму и молоканству, более чем в достаточной степени разработана и изобилует всякими руководствами и указателями, облегчающими нелёгкий труд борьбы с сектантами для православных миссионеров. Практические деятели миссии, восполняя пробелы в существующих руководствах по обличению нашего сектантства, с своей стороны продолжают обогащать секто-обличительную литературу новыми и новыми трудами. К числу таких трудов относится и рассматриваемое нами *Пособие* свящ. Н. Кипарисова. Автор в предисловии к своей книжке сообщает небезынтересную с миссионерской точки зрения историю происхождения его труда. Книжка эта является результатом его личного миссионерского опыта. В основание настоящего труда, по словам автора, взята памятная книжка противо-сектантского миссионера, изданная в 1895 г. в г. Астрахани свящ. М. Тифловым. Так как в упомянутой книжке только обосновываются и то не всегда подробно истины православной веры, пререкаемые сектантами, сектантские же возражения оставлены без рассмотрения, – то наш автор в своём труде старается восполнить этот пробел и дать не только обстоятельное решение пререкаемых сектантами вопросов, но и предупреждение, по возможности, важнейших сектантских возражений. Ведя беседы с книжкой о. Тифлова в руках, он тут же на полях этой книжки делал многие добавления и изменения. Впоследствии, когда этих добавлений стало много, автор написал для своего личного пользования при беседах сборник; он внёс в него и некоторые свидетельства из свящ. Предания, как не бесполезные при беседах. Этот-то сборник, как результат практической деятельности автора, последний и предлагает начинающим миссионерствовать отцам и братьям. Мы нарочито

останавливаем внимание наших читателей на этом, интересном в практическом отношении, сообщении о. Кипарисова. Необинуясь, мы скажем: метод ведения бесед нашим автором – вполне рационально поставлен и заслуживает полного к себе внимания и подражания по двум обстоятельствам. Во 1-х, миссионер на практике, опытом убеждается, насколько пригодно то или другое руководство для миссионерских целей, – и во 2-х, делая во время самих бесед с сектантами отметки и добавления на полях, находящихся в его распоряжении, руководства, он практически добывает новый материал в деле разрешения того или другого пререкаемого сектантами вопроса, а вместе с тем способствует развитию дела противо-сектантской миссии.

Рассматриваемый нами труд г. Кипарисова состоит из XXIII глав. В 1-й главе – речь идёт о церкви; II–X главы трактуют о таинствах; XI гл. – посвящена вопросу о рукотворном храме; XII и XIII – об иконопочитании и почитании св. креста; XIV – о крестном знамении; XV – о поклонении Богу в духе и истине и о внешнем или обрядовом богослужении, XVI – о постах; XVII – об употреблении в пищу мяса запрещённых в законах Моисея животных; XVIII – о крестных ходах; XIX – о почитании и молитвенном призывании ангелов и святых людей; XX – о почитании святых мощей; XXI – о молитвах за умерших; XXII – о клятве и присяге; XXIII – о свящ. Предании. Из этого краткого обзора содержания книжки о. Кипарисова видно, что автор коснулся почти всех пререкаемых сектантами вопросов. Жаль только, что в распределении миссионерско-апологетического материала нет системы и строгой последовательности: автор, по-видимому, совершенно оставил без внимания эту сторону в своём труде. Так, к отделу о таинствах – отнесено и объяснение XXIII главы от Матфея. – Рядом с трактатами о постах и об употреблении в пищу мяса запрещённых законом Моисея животных (XV и XVII главы) речь ведётся и о крестных ходах (XVII гл.); рядом с вопросом о клятве и присяге (XXII гл.) стоит вопрос и о свящ. Предании (XXIII гл.). Чем автор руководился в таком бессистемном распределении материала – мы судить не берёмся. Нас больше всего поражает то обстоятельство, что

вопросу о свящ. Предании – отведено последнее место. Получается такое впечатление, что этому кардинальному вопросу из миссионерской практики – автор уделяет менее всего внимания, между тем как и сам он в некоторых отделах своего „Пособия“ приводит свидетельства из свящ. Предания, как „не бесполезные при беседах“.

Труд о. Кипарисова, как попытка привнести нечто новое и оригинальное в дело нашей миссионерской полемико-обличительной противо-сектантской литературы, заслуживает к себе внимания и одобрения со стороны тех, кому близки и дороги интересы противо-сектантской нашей миссии и нашей науки сектоведения и сектообличения.

П. Козицкий

**Хроника // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10.
С. 897–903**

Вердеревская С. Из мира инославия и из жизни заграничного сектантства

Несколько сведений о религии Тибета. – Мистерии и маски.
– Осуждение главы мормонов на каторжные работы и его бегство. – Процветание мормонства.

Тибет, в виду похода туда английской военной экспедиции, обращает на себя ныне общее внимание.

Американская газета „Brooklyn Daily Eagle“ в статье сообщает следующие, в высшей степени любопытные, сведения, касающиеся религии этой страны.

Ласса, священный город таинственного Тибета, оставался до сих пор недоступным для любопытства путешественников и любознательности учёных исследователей, но американскому музею естественных наук удалось, наконец, добыть оттуда коллекцию масок, употребляемых жрецами-ламаистами при совершении религиозных мистерий.

Эти странные, грубые маски проливают свет на таинственную религию, основанную на колдовстве и поклонении демонам, – религию, насчитывающую больше 10 милл. последователей. Ламаизм со своим сонмом демонов и разных злых духов сохранил лишь слабые следы первоначального буддизма, проникшего в Тибет из Индии в XVII столетии. Погрязшие в грубом суеверии тибетцы и другие последователи ламаизма безусловно верят всем басням жрецов и совершенно искренно участвуют в устраиваемых ими языческих церемониях.

Собрание странных масок, изображающих демонов, домовых и леших, чрезвычайно интересно потому, что впервые даёт возможность непосвящённым заглянуть в доселе неведомую область таинственных религиозных обрядов, совершаемых в Тибете и некоторых ламайских монастырях в Китае. Маски, сделанные из папье-маше и раскрашенные яркими китайскими красками, изображают животных, но так неумело и грубо, с западной точки зрения, что без объяснения трудно догадаться, что именно они изображают. Жрецы надевают эти маски при совершении таинственного

религиозного представления на новый год и в день рождения основателя ламаизма. Новогодняя мистерия совершается с особой торжественностью во всех больших монастырях, в которых живут иногда несколько тысяч монахов. Представление происходит под открытым небом, в присутствии духовных лиц, пилигримов и огромной толпы зрителей. Первая часть мистерии посвящена изгнанию из страны прошлогодних демонов и различных злых духов, что может быть достигнуто только с помощью главы всей тёмной силы. В этом действии, длящемся целый день, принимают участие сотни жрецов, замаскированных всевозможными злыми духами и чудищами, живущими на земле, в воде, в воздухе и в различных отделениях ада.

Смысл этой мистерии, изображаемой безобразными масками, заключается в том, что душа человека, при жизни и по смерти, окружена целым сонмом злобных духов, которые непрестанно стремятся вредить ей и подвергать её самым разнообразным мукам. Сам человек бессилен помочь себе, и только жрецы могут оградить его и спасти от преследований демонов. После смерти душа человека устремляется в одну из многих обителей того света, причём страшные демоны пугают её и стараются отклонить от истинного пути; если они успеют в этом, то несчастная заблудшая душа обрекается на бесконечные странствования и на бесплодные усилия отыскать назначенное ей местопребывание. Жрецы надевают во время священного представления устрашающие маски демонов и подражают их ужасным кривляниям именно для того, чтобы заблаговременно познакомить людей с наружностью и приёмами злых духов и таким образом спасти их от обольщений мучителей.

За несколько дней до начала мистерий устраивается, в виде пролога к ним, торжественное пиршество, на которое приглашается царь демонов со всей его страшной свитой. Пир, во время которого прислуживают гостям высшие жрецы, готовится в главном храме. На длинных столах расставляются пироги с мясом и рисом и вино для каждого гостя. Когда всё готово, приступают к приглашению гостей посредством битья в барабан и игры на различных трубах,

надеясь привлечь внимание демонов невероятным шумом и треском. Затем гостей просят сесть за стол и приступить к угощению. Когда предполагается, что все места уже заняты, жрецы приступают к восхвалению доброты и прекрасных качеств гостей и обращаются к ним с молитвами о даровании различных милостей в настоящем и будущем.

Мистерия разыгрывается в обширных садах дворца Далай-Ламы в Лассе. Многие тысячи зрителей, как из окрестностей, так и издалека, стекаются, чтобы посмотреть на таинственное представление.

При первом резком звуке трубы, на арену выскакивает толпа злых духов. Отвратительные, свирепого вида страшилища, рогатые, трёхглазые, украшенные человеческими черепами: одни похожие на обезьян, другие на тигров.



Человек, поглощающий демона: распорядитель мучений и истязаний.



Кусаящий враг. Властитель низших стран.



Тигр диавол.



Дама из Ахоссо носит головной убор из дорогих камней стоимостью в 10.000 ф. стерлинг.

Это демоны низшего разряда, готовящие гибель неверным тибетцам; только молитвы какого-нибудь доброго ламы могут избавить от их козней. Дьявольское сборище пускается в пляс с

диким гиканьем и воем. В это время на сцену выходит новая группа каких-то чудовищ; демоны бросаются на них, преследуют и поражают их деревянными мечами; обезумевшие от страха, несчастные жертвы бросаются во все стороны, тщетно стараясь избавиться от своих мучителей. Эта сцена изображает наказание, ожидающее всех, погрешающих против учения лам. Некоторое время демоны-победители остаются одни на арене, но вскоре на ней появляется толпа каких-то бледных теней, которые бросаются в разные стороны, как бы отыскивая дорогу, причём выражают жестами крайнее отчаяние; это несчастные души, заблудившиеся в пространстве и отыскивающие во мраке предназначенное им место. Вдруг раздаётся громкий удар в бубны и на сцене внезапно появляется владыка злых духов с огромной бычьей головой и с мечом в руке. Он весьма могуч, по знаку его, демоны в беспорядке убегают с арены.



Яко-лицый демон, содержатель низших областей.



Лама, отправляющийся на таинственную забаву или на представление в Ахассе, сидящий на яке.



Монах-лама или жрец с врагом – смертью и флагом – с маской мучителя демона.



Головной убор и серьги из дорогих камней девушки из столицы Тибета Ахасса.

Вот в общих чертах знаменитые мистерии, ради знакомства с которыми многие европейские исследователи не раз рисковали жизнью. Начиная с прошлого столетия, недоступная столица таинственного Тибета с его мистическим духовным главой – предполагаемым воплощением Будды – неудержимо

влекла к себе учёных и путешественников, которые употребляли всевозможные хитрости и уловки, чтобы проникнуть в тайны ламаизма. Один англичанин пробрался под видом монаха в буддийский монастырь и прожил там несколько лет, окружённый священниками, не раз бывавшими в Лассе и участвовавшими в тамошних религиозных церемониях. От них смелый исследователь получил много ценных сведений. В настоящее время маски, полученные в Америке, дополнили эти сведения и пролили новый свет на неизведанную доныне таинственную религию.

* * *

Французская газета „*Temps*“ сообщает от 16-го февраля, что Вилльям Юнг, внук основателя секты Мормонов, Вилльяма Юнга, осуждённый пожизненно на каторжные работы за убийство в Нью-Йорке женщины полусвета, – сделал попытку к побегу, когда его переводили из государственной тюрьмы в тюрьму Синг-Синг.

Он был так покорен и держал себя так скромно, что сторожа нашли возможным ослабить надзор за ним и избавили его от ручных кандалов. Огромная толпа собралась к прибытию его на центральную станцию. Мормон воспользовался этим, сбил с ног одного из сторожей и исчез в толпе. Его нагнали, схватили и, после упорного сопротивления с его стороны, надели на него кандалы.

Во время всего процесса, Вилльям Юнг представлялся таким подавленным и слабым, что казалось, будто жизненные силы совсем ему изменили.

* * *

Во французском журнале „*La Rcoie*“ помещена интересная статья „Мормоны воскресли“.

– Постановлением американского правительства от 10 октября 1888 г. „Церковь Святых“ последних дней была, по-видимому, обречена на неминуемую гибель. Уничтоженная *de jure*, она не могла, казалось, устоять и *de facto*, тем более, что Штат Юта, в котором Вилльям Юнг поселил 1848 г. мормонов, всё сильнее наводнялся „язычниками“, т. е. американцами и другими элементами, враждебными секте. Но на деле

оказалось, что мормонов поторопились похоронить: „Церковь Святых“ не только не усеяла своими развалинами берега Солёного Озера, но, напротив, развилась и окрепла; число её приверженцев увеличилось, колония процветает, как никогда, и если 15 лет тому назад можно было говорить об её агонии и смерти, то теперь приходится убедиться в её торжествующем воскресении.

Мормоны обязаны своим спасением, во 1-х: удачному применению на практике тех экономических и филантропических принципов, которые послужили основанием их общины и, во 2-х – самоотверженным трудам и таланту своих предводителей, отчески управляющих этой большой семьёй.

Процветание секты тем удивительнее, что оно движется единственным примером в истории коммунистических общин. Большинство таких попыток кончалось ничем, тогда как мормонство не переставало проявлять жизненную энергию. Основатели мормонства Иосиф Смит, братья Пратт, Брайам Юнг и друг. стремились осуществить на практике новые в то время идеи сенсимонизма и фурьеризма и так как они были не мечтатели, а люди с сильным характером, в большинстве случаев вышедшие из пролетариата и твёрдо решившиеся обогащаться, обогащая одновременно и всех желающих помочь их делу, – то это им и удалось.

Известно, что, будучи прекрасными организаторами, мормонские пророки обладали и воинственными наклонностями. Окружённый целой армией последователей, Иосиф Смит объявил, что земля принадлежит Святым и вознамерился присоединить к Новому Иерусалиму всю область по течению Миссури. „Язычники“ ответили с оружием в руках, И. Смит и 12 апостолов были взяты в плен, избиты и осмеяны и мормоны с позором изгнаны из богатой провинции. Святые двинулись на запад и раскинули свои палатки на берегу Солёного Озера. Но и этим их злоключения не окончились: конгресс отказался их признать и объявил преступниками всех, уличённых в многожёнстве. Тем не менее, не смотря на декреты 1882 и 1888 годов, Церковь Святых правила своей колонией, и в

1901 г. Иосиф Смит был единогласно избран её главой и представителем.

Француз Реми, посетивший мормонов в 1860 г., писал:

– Всюду царствуют порядок, тишина и цветущая промышленность. Оправдывая эмблему, увенчивающую дворец главы мормонов, весь народ непрестанно трудится, как пчёлы в улье. Земледельцы и всевозможные ремесленники работают с утра до ночи. Не найдёшь ни одного праздного человека, начиная от самого смиренного члена общества и кончая епископом и даже верховным апостолом, никто не гнушается физическим трудом.

– Тоже самое и теперь. Улей – как назвал общину её основатель – состоит из различных корпораций и соединяет выгоду личного труда с преимуществами общественной работы. Все корпорации соединены между собой общностью интересов, но каждая имеет собственное устройство, позволяющее ей самостоятельно развиваться.

Мормонские пророки всегда имели в виду опасность от чрезмерного накопления населения в одном центре, а потому время от времени большие рои отделяются от главного улья. Недавно основалась таким образом колония к северу от Вайоминга, в долине Биг-Горн. В назначенный день будущие колонисты собираются со своими телегами, плугами, скотом и домашним скарбом вокруг своего предводителя, заранее назначенного главой церкви; они пускаются в путь все вместе, останавливаются милях во ста от прежнего места жительства, сообща строят дом, прорывают канал для орошения общей земли и тотчас же создают всевозможные корпорации.

Разве это не библейская картина? и разве такое понимание социализма, столь различное от французских и немецких теорий, не может служить поучительным примером для европейских „пророков“?

С. Вердеревская

**Миссионерство, секты и раскол // Миссионерское
обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 904–915**

**Айвазов И. Тамбовское сектантство и борьба с ним.
С. 904–912**

Содержание: секты Тамбовской епархии; подробный указатель сектантских пунктов; статистика сектантства. I. *Молоканство*: 1) Тамбовский толк – его главные общины; вероучение; внутреннее разложение; отношение к православной церкви; прозелитизм; нравственная жизнь; 2) Донской толк – время его появления и современное внутреннее состояние; 3) Толстовский толк – время его появления; главные общины; их внутренний строй; богослужебный культ и вероучение: источники вероучения; учение о Боге, Иисусе Христе, Церкви, таинствах, обрядах, воскресении мёртвых и всеобщем суде.

К характеристике раскольничьих начётчиков-собеседников

В состав современного Тамбовского сектантства входят следующие секты: молоканство, штунда, жидовство, хлыстовщина и скопчество. Первые три секты, по преимуществу, рационалистические, а последние две – мистические. Той или другой сектой, а нередко и несколькими вместе заражён в большей или меньшей мере каждый из двенадцати уездов губернии. Так, молокане встречаются в уездах: Тамбовском, Моршанском, Шацком, Темниковском, Кирсановском, Борисоглебском, Усманском, Лебедянском, Липецком и Козловском; штундисты – в Тамбовском, Моршанском, Шацком, Лебедянском, Кирсановском и Борисоглебском; жидовствующие – в Тамбовском, Моршанском, Шацком, Спасском, Елатомском и Борисоглебском; хлысты – в Тамбовском, Кирсановском и Борисоглебском и, наконец, скопцы – в Козловском и Моршанском²⁸⁹. Всего сектантов в пределах епархии насчитывается с приблизительной точностью до 12,600 чел. обоего пола; в этом числе: молокан – 7,300; штундистов – 1,620; жидовствующих – 1,670, хлыстов – 1,960 и, наконец, скопцов – 50 чел. Впрочем, определить число хлыстов, хотя бы и с приблизительной точностью, нет пока возможности; но с уверенностью можно сказать, что в действительности их больше. Приведённое нами общее количество сектантов, без сомнения, возрастёт и от того, что ныне, согласно распоряжению Его Преосвященства от 5 июня 1900 г., по поводу доклада епарх. миссионера, собираются официальные сведения о сектантах и городских приходов епархии.

Перейдём теперь к характеристике Тамбовского сектантства.

I. *Молоканство.* В настоящее время Тамбовское молоканство разделяется на толки: Тамбовский, Донской и Толстовский.

Тамбовский толк – самый старый и самый многочисленный; к нему принадлежат так наз. „духовные“ молокане, или

уклеинцы. Последние имеют в епархии несколько больших центров, которые служат своего рода питомниками для многочисленных мелких молоканских пунктов, отдалённых от них нередко вёрст на 40 и более. Из таких центров заслуживают особенного внимания: Дуплятый Куст, Петровская, Абакумовка (деревни), Пановы Кусты, Донская Слобода, отчасти – Рассказово (села – Тамбов. уез.), Уварово (Борисогл. у.) и приход с. Трескина (Кирсан. у.). В центрах молокане относительно главных пунктов своего вероучения ещё верны заветам Уклеила. В решении же некоторых, по их мнению, второстепенных вопросов они нередко разногласят между собой; так, например: большинство молокан утверждает, что „второе пришествие Христа уже было, когда Он, исполняя своё обещание (Ин.14:2–3), явился Своим ученикам по воскресении своём“ (Ин.20:19–20); что „никакого воскресения мёртвых и всеобщего суда не будет; но, по смерти человека, тело его возвращается в землю, где на веки истлевает во грехе, а душа идёт к Богу, от Которого тотчас получает себе окончательное воздаяние“. Меньшинство же, наоборот, ждёт второго пришествия Христа, воскресения мёртвых и всеобщего суда... Некоторые, далее, говорят, что „рождение Христа было призрачным“; что „Христос пришёл на землю с плотью Эноха, взятого на небо; в этой плоти Он жил, в ней преобразился на горе и ею пострадал“, а в доказательство своего мнения приводят следующее соображение: „в Ветх. Завете Господь взял на небо Эноха, Моисея и Илию для того, чтобы сберечь их для Нового Завета. И вот во время Преображения Христа явились: Моисей и Илия, а Эноха не было, потому что тело его было на Христе“... Иные не признают свидетельств Апокалипсиса, считая его „апокрифическим“... Но все подобные противоречия не мешают религиозному единению уклеинцев, так как спорные вопросы признаются ими за второстепенные и не входят в круг излюбленных ими бесед о православной „видимости“, „обрядности“ или, как ещё некоторые выражаются, „формалистике“, в отрицании которой все они строго солидарны, разнясь между собой лишь в изображении средств к самозащите; в этом отношении, в погоне за новизной, они

нередко проявляют презабавную, далеко превосходящую раскольничью скрупулёзность... Но, как ни силен дух самозащиты в Тамбовских уклеинцах, однако их секта даже в указанных центрах приходит всё к большему разложению. Не имея хороших начётчиков, она держится лишь закостелым упорством стариков-молокан; напротив, молодёжь молоканская сильно охладела к своей доктрине и молитвенным собраниям и, как можно опасаться, со смертью стариков, открыто перейдёт на сторону сильных своей пропагандой, начётчиками и организаторами фарисейски-возвышенного штундо-баптизма и коварно-скрытного толстовства, которые во многих местах епархии уже поглотили ещё так недавно громкие молоканские общины. В своих отношениях к православной церкви уклеинцы не особенно злобны, а по местам даже приветливы (наприм. в дер. Абакумовке). Дух прозелитизма, хотя и присущ им и кой-где даже в большей степени (наприм.. в дер. Петровской²⁹⁰), но пропаганда ведётся почти исключительно на религиозной почве и совершенно чужда социальных тенденций. В нравственной жизни они подходят под общий уровень с православными.

„Донские“ молокане появились в трёх пунктах епархии в 1874 г., а ныне проживают только в одном селе Рыбном, Моршанск. у. Их община немногочисленна и плохо организована. Нет у них и хороших начётчиков и даже искренно преданных своей секте членов.

С конца 80-х годов истекшего столетия в среду Тамбовского молоканства стали проникать социальные идеи гр. Л. Толстого. Здесь почва для них оказалась настолько благоприятной, что вскоре явилась возможность привить Тамбовским молоканам и религиозное лжеучение графа. В настоящее время Толстовство имеет многочисленных адептов среди молокан дер. Шачи и сёл: Чернавки, Митрополья, Кривца, Новогаритова. Нащекина и Рассказова, где оно получило и чисто-местную окраску, в зависимости от понятий и жизни простого народа. Оставаясь верными молоканству в своих отрицательных воззрениях на православную Церковь, её обряды и таинства, Тамбовские толстовцы в тоже время сохраняют за собой не только название „молокан“, но и внутренний строй молоканских общин и их

богослужебный культ, с его религиозными собраниями, песнопениями и богослужебными действиями. Правда, такая верность молоканству вытекает не из внутреннего убеждения в его правоте местных главарей народного толстовства, а из той совершенно справедливой мысли последних, что, действуя до времени на почве» внешнего сходства с молоканами, можно успешнее привить им религиозно-социальные воззрения Толстого²⁹¹. Посему-то эти главари тщательно уверяют молокан в тождестве своего учения с молоканским и на беседах с православным миссионером распинаятся за молокан. Когда же разница между учением их и молокан нечаянно всплывает наружу, то на замечания по сему поводу последних они отвечают: „наше учение и есть молоканское, а вы по темноте своей не домекаете сего“!.. Между тем по догматическим и социальным воззрениям они не имеют ничего общего с молоканами Тамбовского толка.

Так, отрицая, вместе с другими сектантами *св. предание*, как источник христианского вероучения, они в тоже время бросают тень подозрения на согласие с учением Христа *св. писаний* евангелистов и апостолов. Последние, по их мнению, люди простые и многого в учении Христа не поняли, многое извратили и во многом разногласили между собой. Одни, например, по-прежнему, держались ветхозаветной обрядности, а другие отрицали всякую „формалистику“, допуская кое-что из неё лишь „ради немощи других“, так что „Новозаветное учение Христа не сохранилось апостолами в полном и неповреждённом виде“. Отсюда, по их мнению, и „в писаниях апостолов учение Христа извращено и сами писания полны взаимных противоречий. Из всех евангелистов наибольшего доверия заслуживает ев. Иоанн, так как он был *очевидцем* всего, что записал; между тем как первые три евангелиста писали свои евангелия *по преданию*“²⁹², со слов других, посему внесли в свои записи много лишнего и даже неверного. Так, наприм., неверно изложена ими „вечеря Иисуса с двенадцатью учениками“ (Мф.26:20–29; Мк.14:17–25; Лк.22:14–20), на которой было лишь простое вкушение хлеба и умовение ног ученикам, как передаёт о том сам *очевидец* этой вечери ев. Иоанн. Хотя

Ап. Павел описывает эту вечерю, согласно с повествованиями о ней первых трёх евангелистов, но это потому, что и он писал о ней *по преданию*, со слов других, не будучи сам в числе двенадцати на этой вечере. Правда, Ап. Павел говорит, что он, „от Самого Господа“ принял переданное им Коринфянам повествование о вечере Господней (1Кор.11:23), но ведь это свидетельствует сам Павел о себе, а других свидетельств о сём мы не знаем“... Сверх сего, по мнению этих сектантов, и сами писания апостолов не дошли до нас в неповреждённом виде. При таком взгляде на личность и писания св. апостолов неудивительно то вольное и крайне тенденциозное отношение к Библии, каким резко отличаются тамбовские молокане-толстовцы от прочих сектантов. „Предоставьте молоканам спасаться по ней“, указывая на Библию, говорил один из представителей этой фракции молоканства, а „нам нужно двигать народ не назад, а вперёд“!.. И действительно, этим „двигателям народа вперёд“ Библия нужна лишь постольку, поскольку она может, по-видимому, оправдать их учение в глазах тёмной и верующей в её божественный авторитет массы крестьян. Пользуясь Библией лишь как могущественным средством к пропаганде своих воззрений в среде крестьян, тамбовские молокане-толстовцы всё то, что в ней не согласуется с их взглядами и не поддаётся подтасовке, не только отрицают, но и кощунственно перифразируют и осмеивают. Наприм., сказание бытописателя о грехопадении первых людей у сектантов известно под заглавием: „как мудрый Бог дразнил первых людей райскими яблочками“; повествование о божественном полномочии Моисея и Аарона к руководительству еврейским народом в перифразе сектантов значит: „как появились власть светская и духовная – царь и попы“ и пр... – Своё же учение они черпают из разных подпольных брошюр, в роде „Хитрой механики“ (написана через „Ремингтон“ и помечена 1895 годом), из сочинений: Хельчицкого („Сеть веры“), Э. Ренана („Жизнь Иисуса“), из религиозно-публицистических романов Э. Золя („Лурд“ и др.), но, главным образом, из подпольных сочинений своего „отца-благодетеля“ – гр. Л. Толстого, которые с быстротой телеграфа откуда-то

доставляются им. Так, не успел последний роман Л. Толстого „Воскресение“ полностью появиться в печати, как уже многие главы его, особенно касающиеся учения православной церкви, напр., о таинстве причащения, и непропущенные русской цензурой, читались сектантами, а через них и православными крестьянами в рукописях... С поразительной скоростью появилась и распространилась среди них и недавно пущенная в подпольное обращение басня – „Голуби-победители“... Любят сектанты почитать книги о буддизме и „Историю религии“ Мензиса... Не забывают многие из них и прежде чтимых книг: „Победная повесть“ (по выражению православных: „лихая болезнь“), „Таинство Креста“ и др... Некоторые из местных главарей рассматриваемой фракции молоканства пускают в обращение и собственного авторства рукописные брошюры, содержащие опровержение православного учения: „о храме“, „причащении“ „призывании святых“... По словам наиболее рьяных молокан-толстовцев, „Бога, как личности и притом отдельной от мира, не существует. Бог есть любовь, рассеянная по частям в сердцах или совести людей; так что каждый человек носит в себе искру божества, а совокупная, так сказать, совесть людская вмещает в себе *всего Бога*. Вне этой совести, другого Бога не существует, или, точнее, людская совесть и есть Бог. Посему и Писание говорит: „человек создан по образу и подобию Божию“, а „Бог есть *любовь* и пребывающий в любви пребывает в *Боге* и Бог *в нём* (1Ин.4:16). В частности, эта „любовь“ должна проявляться в том, чтобы люди деятельно „любили друг друга“, напим., „напоили жаждущего, накормили алчущего, приютили странника“ и пр... Такой „любви“ и только её достаточно для спасения человека, которое состоит в жизни в Боге, или покое совести. Всякая религия, учащая об ином Боге, живущем отдельно от людей и требующем от них ещё других подвигов, есть выдумка людская для наживы; таков, напим., Библейский Бог, якобы сотворивший человека: как можно поверить сему?! Ведь если я знаю, что этот стакан разобьётся, то зачем я брошу его на пол? Также если Иегова знал, что первые люди согрешат, то зачем Он сотворил их для жизни в мире?!“. И *Христос*, по мнению сектантов, не есть Бог в

христианском смысле этого слова. Называется Он „Сыном Божиим“, как нравственно совершенный человек, вместивший в Себе и проявивший в Своей жизни высшую „любовь“ к людям. По своему же происхождению Он „простой сын Иосифа и Марии, каковым признают его Ренан и гр. Толстой“. Его смерть имеет для нас значение „не искупления от грехов, а лишь образца крепкого стояния за истину во время гонений, подражать которому научают нас Христос и Ап. Павел (Мф.20:22–23; Рим.6:3–5)“... При таком взгляде на лицо Христа неудивительно, что некоторые из упомянутых сектантов ставят нравственное учение Его „не выше учения Будды и ниже учения Л. Толстого“. Один из таких сектантов, находящийся в сношениях с Толстым, в беседе со мной, между прочим, высказал, что Христос учит: „возлюби ближнего, как самого себя“, а Толстой велит: „люби других больше, чем самого себя“, и пояснил мне это следующим примером. „Вот у меня два пирожка. Входит нищий. Я, следуя заповеди Христа, должен дать ему *один* пирожок, т. е. ровно столько, сколько оставляю себе; а, следуя повелению Толстого, я должен отдать оба пирожка, т. е. больше, чем оставляю себе, так как себе я ничего не оставляю: последний поступок, очевидно, и выше первого“...²⁹³. Признавая необходимой для спасения человека одну только „любовь к людям“, внешние проявления которой не выходят за пределы житейской морали, преследующей исключительно материальные удобства жизни, означенные сектанты отвергают не только богоучрежденность, но надобность особой *видимой Церкви с её таинствами и обрядами*. „Всё это пустая формалистика и корыстная“, говорил мне один из местных главарей толстовской фракции молоканства. Посему, все места из Св. Писания, свидетельствующие о новозаветной „видимости“, он истолковывал, как говорящие об „остатках от ветхозаветной обрядности, полностью уничтоженной Христом“. „Правда, говорил он, Сам Христос, во время Своей земной жизни, соблюдал обрядовые предписания, но это с целью „исполнить всякую правду“, т. е. выполнить весь ветхозаветный закон и тем самым отменить его навсегда, что и сделал Христос в момент Своей смерти, когда сказал: „свершилось“ т. е.,

пояснил сектант, кончился ветхий закон, как говорит о том и Ап. Павел: „кончина закона Христос“. Со смерти же Христа начался новый закон или служение Богу „в духе“, а не „видимости“. Если же Апостолы и после смерти Христа придерживались „видимости“, то это потому, что не могли сразу отрешиться от всех обрядовых предписаний своего прежнего закона; так, вопреки повелению Христа, они продолжали употреблять воду для крещения, елей для помазания, приносили кровавые жертвы и пр... Для нас же обязательно лишь чисто-духовное поклонение Богу, посему у нас крещение не водное, а „в смерть Христа“ (Рим.6:3). как крестился Сам Христос, на что и Апостолам Он указал (Мф.20:22–23); также и причащение у нас есть не ядение простых хлеба и вина, которые никогда не могут претвориться в плоть Христову, и не ядение видимой плоти Христовой, которая сама по себе, как плоть простого человека, „не пользуется ни мало“, а принятие слов или учения Иисуса – до готовности пострадать за них, по примеру Самого Христа“. Многие из молокан-толстовцев не признают также воскресения мёртвых и всеобщего суда, считая христианское учение об этих предметах корыстной выдумкой с целью запугать тёмный народ. Словом, едва ли не всё вероучение православной Церкви признаётся ими плодом корысти, на которую весьма сильно налегают представители этой партии и в беседах с миссионером, нисколько не стесняясь резкостью своих выражений. Так, наприим., один из сектантов во время публичной беседы с миссионером вычитывал из рукописной брошюры целые страницы, полные самого грубого издевательства над „жадностью ветхозаветного священства, особенно проявлявшегося в забирании им себе жертвенных частей мяса и даров“²⁹⁴, испещренные ругательствами над „бессмыслием“ православных и над стараниями гг. миссионеров „обольстить простой народ учёными словами“; в заключение он с диким пафосом прокричал: „и Ап. Павел отрицал видимые храмы и предавал поклоняющихся им анафеме, а вы (т. е. пастыри Православной Церкви) понастроили их для своей корысти“!.. Другой не менее фанатичный сектант злобно перебивал беседу миссионера словами: „да что вы нам говорите! Всё это мы

знаем, – получаете тысячи, да и проповедаете! Знаем, что и палочки у вас есть для нас, так уж лучше свяжите нас, как сотники Христа»!..

(Продолжение следует).

И. Айвазов

К характеристике раскольничьих начётчиков, как собеседников с миссионерами. С. 912–915

(Беседы с Коноваловым и непринятые им условия.)

6 января текущ. года в дер. Ташкино, Лукояновского уезда, Нижегородской губернии приехал пропагандист беспоповщинского раскола слепец Коновалов. Целью его приезда сюда было утверждение спасовцев с. Ташкина в их уповании, которое было сильно поколеблено присоединением к православной церкви бывшего их наставника Ф. А. Петрина.

Коновалову были посланы на дорогу 25 рублей, а остальные деньги из собранных раскольниками (по 2 р. 50 коп. с дому), в вознаграждение „за труды“, были вручены ему после беседы. Его согласие на приезд было получено около половины декабря и тогда же им присланы и обычные его условия беседы: говорить по 30 минут каждой стороне, и не прерывать речь говорящего в его минуты. Время для бесед он назначил 6 и 7 января. Эти условия членом отделения братства св. Креста миссионером священником о. А. К. были приняты и за его подписью были возвращены Коновалову. Около половины же декабря в здешний край приезжал епарх. миссионер Ив. Петр. Ломакин и ему было поведено о вызове Коновалова, об ответе его на вызов и о назначении бесед на 6 и 7 января. Зная близко Коновалова, миссионер и тогда уже посетовал, зачем согласились на условия пропагандиста, но дело было сделано и вернуть его обратно было уже невозможно. Коновалов приехал в Ташкино в назначенный своему защитнику им срок. В беседу вступили с ним здесь местные миссионерские силы. Беседовали 7, 8 и 9 января. На 1-й беседе был поставлен вопрос о вечности Церкви Христовой со священством. Коновалов, как известно, вечность церкви со священством отрицает на основании книги о вере, л. 29–30, где говорится, что началу Христовой Церкви соответствует и кончина её; а так как, по словам Коновалова, в начале у Христа не было священства, то не будет его и при конце, что-де сейчас и видится. И затем в 30 минут им было начитано множество мест из писания отцов

церкви, как бы в подтверждение его мыслей. По силе и возможности миссионеры разобрали ложь его основного положения, но пока они разбирали это, все 30 минут прошли, и разбирать приведённые им места из писания так и не пришлось. Когда же через ½ часа опять пришла очередь Коновалова, он, похуля прав. церковь, вновь начитал и ещё столько же разных мест и пророчеств, сбывшихся будто бы на современном духовенстве. Ясно, что разобрать все-эти места в 30 минут нет никакой возможности; у простого народа составлялось мнение, что Коновалов не опровергнут и ответа ему, по множеству мест, им приводимых, православными не дано. Такой же порядок беседы был на 2-й и на 3-й день. К счастью, сюда приехал долго ожидаемый епарх. миссионер Ломакин. Приехал он 9 января к самому началу беседы. На этот день была назначена беседа о порицаниях и мнимых ересьях православной церкви. Со стороны православных продолжал беседу Петрин, а епарх. миссионер был пока слушателем. Вот теперь-то и явлена была вся хитрость манеры раск. апологета беседовать по предложенным им условиям, по получасам и с запретом прерывать речь говорящего. Коновалов намеренно вырывал из книг места без связи с предыдущим и последующим, освещал их своими толкованиями, и такой недобросовестный и хитрый подбор продолжался полчаса. Результат из его подбора и толкований для раскола получался самый благоприятный. Православному миссионеру не хватало времени, чтобы показать ложь основного положения Коновалова, а затем дать разъяснения и по тем местам, которые он начитал. В беседу с Коноваловым вступил епарх. миссионер. Коновалов стал вычитывать опять с прежними же приёмами места из разных книг, но на первом же месте был миссионером остановлен вопросом, откуда он читает и так ли, с тем ли смыслом должно читать приведённое место? Коновалов заволновался и обратился с жалобой к народу, что вот ему не дают говорить. Раскольники зашумели, и шум продолжался минут 10. Однако миссионер настоял на своём вопросе, и сам же слепой пропагандист должен был сознаться, что место, приведённое им (из Никифора Астрах.), не ту содержит мысль, какую он хотел

провести. Таких остановок пришлось миссионеру сделать несколько и всегда с одинаковым результатом. Пришло время говорить православному миссионеру и в результате получилось бегство Коновалова. Дело в том, что Коновалову было послано 10 января письмо с новыми условиями бесед, которые читатели могут видеть из копии того письма, помещаемой ниже. Письмо Коновалов возвратил без ответа и в тот же час уехал из здешних мест. При условиях беседы, какие предложены в письме, он и всегда бежит, как убежал он от того же И. П. Ломакина и 4 января из села Кантаурова, Семеновского уезда, проведя беседу всего около 1 часа времени.

Долголетним опытом епарх. миссионер Ломакин дознал, что только такие условия беседы, какие им предложены в письме, и могут произвести благоприятное впечатление на слушателей в пользу православия в борьбе с такими апологетами раскола, как Коновалов, Усов, Мельников и проч. и на мой взгляд такая только постановка беседы и есть наиболее целесообразная. Тут не будет возможности раск. начётчикам зачитывать своего собеседника множеством отрывочно взятых мест.

Вот копия письма к Коновалову с нашими новыми условиями.

Милостивый Государь Андрей Афанасьевич!

Узнав, что вы ещё в наших краях, я прошу вас согласиться относительно места для публичной беседы с вами, и с своей стороны предлагаю, как место наиболее подходящее для беседы и центральное для местного населения, село Оброчное. Беседовать прошу пожаловать завтра, 11 января, в 2 часа пополудни, в оброчинский тёплый храм.

Пред беседами в д. Ташкине вы сами назначали условия о порядке и времени ведения их. Справедливость требует, чтобы вы теперь согласились на наши условия относительно беседы.

Условия эти следующие: 1) Избрать с общего согласия предмет беседы один какой-либо вопрос, напр., вопрос о вечности Христовой Церкви, держаться разъяснения этого вопроса до конца беседы; – 2) Не начитывать по 10 и более мест зараз, как вы это делаете обычно, а взять 2 или 3 места писания и объяснять лишь эти места, а затем дать возможность

эти же места объяснить и собеседнику, пусть сами слушатели будут судьями правоты той или иной стороны. 3) Если собеседник начнёт вычитывать слова из книг неправильно, переиначивать их или пропускать и добавлять, или не дочитывать несколько строк из указанного им места, собеседник в праве остановить читающего и указать ему на его вольную или невольную ошибку, извращающую часто весь смысл прочитанного.

Вот наиболее справедливые условия для той и другой стороны. Обычные ваши условия этой справедливости не имеют; легче накидать в полчаса десятки обвинений, нежели в эти же полчаса от двух или трёх из этих обвинений оправдаться. Это положение настолько верно, что и оспаривать его нет возможности ни той, ни другой стороне. Это прочитывание множества мест не уясняет истины – этому свидетелями были вчера все, кто искал истину, а не спора и шума. Вспомните вчерашнюю беседу об епитимиях. Вы набросали много мест из книги, будто бы обвиняющих православную Церковь; для этого 30 минут было более чем достаточно, но чтобы разобрать эти обвинения вашему оппоненту, этих же 30 минут было далеко недостаточно; едва он успел разобрать первые два из этих обвинений (и разобрал прекрасно) и начал разбор третьего, как вы заявили о праве на свои минуты. Но что всего лучше доказывает всю уродливость, выработанных вами. условий для беседы, вы начали свои тридцать минут заявлением, что вот: „Иван Петрович так и не доказал, что в господствующей церкви не нарушены соборные правила и правила св. оо. об епитимиях, а по присяге (с выпусками вами прочитанной) попы господствующей церкви действуют по регламенту Петра I-го“. А ведь о сказанном в регламенте Иван Петрович и хотел выяснить и вам и служителям, да вот вы своей претензией о своих минутах помешали. Да вам и резон был помешать: ведь вы прекрасно знаете и знали, что регламент вам и вашим хулениям на православную церковь ничуть не помощник, а обвинитель-то он большой для вас; какой же вам интерес давать возможность собеседнику лишний раз показать вашу лживость и умышленное угрызение писаний. Для вас было удобнее сделать то, что вы и

сделали: кончить с шумом беседу и заявить о неисполнении якобы с нашей стороны беседы.

Третье условие также необходимо соблюдать. На беседы мы – да хотелось бы думать и вы – ходим для искания истины. Если же истину хотят скрыть намеренно, то это выходит делом не человека, а самого дьявола, желающего всем погибели, всегда лгущего и отца всех лжецов.

Беседовать с вами будет Иван Петрович Ломакин. В случае вашего отказа от беседы с ним, копия с этого письма будет послана в редакцию „Миссионерского Обозрения“ для напечатания: пусть добрые люди видят из содержания настоящих условий, кто ищет истины и кто сеет ложь и гибель. Кажется достаточно выяснены основания, почему вы, как сами выражаетесь, известны всей России, эти основания ваши: 30-ти минутные сроки для беседы, а не ваша правота и знание слова Божия, – в последнем вам можно вполне отказать. Может быть вам последнее и обидно слышать, так вот завтра докажите, что мы в вас ошибаемся, а докажете вы это только согласием на предлагаемые вам в этом письме условия.

Священник села Оброчного, миссионер 4-го окр.,
Лукояновского уезда, *Димитрий Зефир*ов

**Корреспонденция „Миссионерского Обозрения“,
известия и заметки // Миссионерское обозрение.
1904 г. № 1–10. С. 916–923**

Из Тверской губернии. С. 916–919

(Экзамены в начальных земских школах тверской губернии).

В настоящее время, когда неблагонамеренное направление земских школ Тверской губернии раскрыто и опубликовано вслух всех, небезынтересно привести некоторые иллюстрации к данному вопросу; к числу последних можно отнести выпускные экзамены.

Пишущему эти строки, как бывшему учителю церковной школы, сроднившемуся с её характером и особенностями, с её религиозно-церковным духом, являющимся душой этой школы, – чрезвычайно резкой показалась та разница, с которой ему пришлось встретиться на экзаменах в земской школе в качестве священника-законоучителя. Экзамены эти здесь служат, сколько пришлось заметить, пробным камнем или показателем, по которому земские деятели, сообразно с полученными ими на экзамене наблюдениями, или усиливают деятельность своей пропаганды по отношению к известным школам или ослабляют её: обычно усиливалось земское воздействие в тех школах, где гг. учащие являли собой более надёжный, консервативный элемент, не проникшийся „идеями земства“, хотя бы даже из страха давления со стороны его, – и уменьшалось там, где и без специальной земской агитации учащие добровольно отдавались на служение законным и незаконным задачам земства. В справедливости настоящей мысли не приходится сомневаться после того, как официально сообщено, как некоторые „земские учителя“ были увольняемы со службы „за исповедание православной веры и за верность своему Государю“...

Некоторой иллюстрацией этого может служить следующее событие из жизни Корчевского уездного земства: летом 1903 г., на одной из сессии, последовало предложение – уволить из школ замужних учительниц. Не подумайте, чтобы земство побуждаемо было к этому какими-нибудь особенными причинами, в роде неуспешности тех школ, где ведут дело обучения замужние учительницы; нет, но исключительно потому, что между последними есть жены духовных лиц, которые,

разумеется, никогда не будут находиться в сговоре с какими-либо земскими деятелями, вместо своих надлежащих задач преследующими задачи и другие, далёкие от верности вере православной и „властям предержащим“. Только благодаря энергичной защите одного члена училищного совета, многие учительницы остались благополучно продолжать свою работу, а предложение земства было ограничено решением не принимать вновь ни в каком случае замужних учительниц.

Теперь об экзаменах в земских школах. Прежде всего – экзамены эти – событие особенной важности для всего местного населения; оно в большом количестве собирается в классную экзаменационную комнату. Немного нужно наблюдательности, чтобы отметить в толпе любопытствующих свидетелей экзамена – крестьян – две категории. Одни, уже „сбившийся“ народ и служащий до некоторой степени благодарным орудием для „земства“ в смысле проведения им в жизнь своих идей; другие – это большей частью родители оканчивающих курс детей; в них ещё живо чувство родительской заботливости – видеть в детках воплощение заветных желаний, т. е., чтобы дети их, по мере обучения, становились верующими, воспитанными, нравственными, чтобы страх Божий и повиновение отцу и матери, церкви и властям были бы основанием всей их жизни.

Последнего рода посетители экзамена, несомненно, обманулись в своих лучших ожиданиях. И как им было не обмануться, когда председатель экзаменационной комиссии, он же и председатель управы, человек, долженствующий идти во главе народного просветительного дела, открыто заявляет с папирсой в руке, что он не специалист по Закону Божию (это в объёме курса начальных школ! и человек с университетским образованием-то!) и что хорошо бы, если бы оо. законоучителя составили свою комиссию, для которой и отводилось, обыкновенно, местечко, где то в уголке обширного классного помещения... как для чего-то менее, чем второстепенного. Вместо того, чтобы выделить Закон Божий из всех остальных предметов, как предмет особой важности, вместо того, чтобы воспользоваться благодарным случаем преподать и сообщить уроки по Закону Божию не только детям, но и их родителям, из

которых многие с радостью бы послушали суждения и рассказы о предметах „божественных“, – главному предмету не находится лучшего места, чем в уголке классной комнаты, откуда не слышно для посетителей ни вопросов, ни детских ответов. Но вот и экзамен. Начавшийся процесс испытания учеников вводит слушателя в курс сведений, составляющих „насущенный хлеб“ земства. По мере того, как вы более и более заинтересовываетесь вопросами членов комиссии, вам начинает раскрываться мысль, что публичный экзамен в земской школе преследует широкие задачи, о каких вы раньше и не могли предполагать. Если вы неопытный учитель, то многое бы проиграли в мнении о себе „земского начальства“, руководясь в своём преподавании только программой, одобренной Министерством Народного Просвещения для начальных школ. Дело в том, что от учащихся требуется, чтобы они обязательно имели универсальные сведения, не исключая сведений о специально-земской организации, – по вопросам: „что такое земское собрание, о чём рассуждается на нём, из кого оно состоит и о чём заботится; далее: что такое суд, как он разделяется или какие виды суда и кто в нём заседает“. После того, как в ответ на большинство сказанных вопросов следует молчание ученика или же какой-либо несвязный набор слов, ему предлагается вопрос буквально в такой форме: „а как, голубчик, ты думаешь, тихо в суде или нет?“ Испытуемый, по аналогии со школьной дисциплиной, разумеется, отвечает: „да, тихо“. „Что же по-твоему у нас суд не гласный“, резко обрывает оторопевшего ученика председатель комиссии. Прибавьте к этому ряд вопросов: „какое государство образованнее – русское или заграничные, почему Бог рассеял евреев по всей земле“, „что такое машина, как она ходит, в чём заключается действие пара“ и т. д.; и вы увидите, какие широкие задачи предносятся уму и сердцу истых радетелей земства на почве народного просвещения. Не лишне упомянуть, для полноты впечатления, о характере отношений членов комиссии к вопросам, так или иначе соприкасающимся с областью религиозной. Напр., при разборе басни Крылова – („Волк на псарне“), где, между прочим, встречается выражение: „в минуту псарня стала адом“,

председатель комиссии достаточно поглумился над церковным понятием об аде. Потребовав от ученика объяснения выражения: „псарня стала адом“ и самого слова „ад“, экзаменатор не удовольствовался кратким ответом ученика, „что ад – место вечного мучения, где царство сатаны“, – и начал допытываться, насколько конкретно мальчик представляет себе ад, – несомненная басня для председателя комиссии. „Как же в самом деле ты думаешь, – вопрошает председатель ученика, – тихо в аду, или нет“; „я думаю, небось там такой шум и трескотня, в особенности когда грешников поджаривают“... Понятно, почему „некоторые“ ученики, а в особенности ученицы на большинство приведённых выше вопросов совсем не отвечали, и так и уходили от экзаменационного стола, оставляя на членов комиссии невыгодное для себя, а больше для учителя или учительницы, впечатление; между тем многие из них были примером прилежания, поведения и успехов.

Но вот кончился экзамен. Тщетно вы стали бы ждать трогательного прощания окончивших, хотя и не блистательно, курс детей-подростков с их, с этого момента, уже бывшими учителями, с которыми они духовно сроднились. Удивили бы вы наехавшее „начальство“ и предложением отслужить благодарственный молебен. Всего этого якобы не должно существовать.

Живой иллюстрацией впечатлений от экзамена служат отдельные сценки и обсуждения между собой родителей только что испытанных детей. „А я думала, что девочку то будут спрашивать из уроков; она, бедная, дни и ночи учила, уж вот как старалась, заботная, а на то место про машину спросили, а я, милая, её и на станцию то никогда не брала“, – говорит разочарованная крестьянка-мать другой матери. Рядом с ними стоял и дочери их, только что подвергшиеся испытанию: ни живости в глазках, ни радости нет на их детских личиках; какая-то растерянная улыбка бродит по их лицам. Тоже уныние, вероятно, наполняло и души педагогов, из которых иные привезли издалека своих учеников в экзаменический сборный пункт. Нет в школе воодушевляющего чувства, не видно его и кругом. Невольно чувствуется, что земская школа, с её

нынешними особенностями, далека от истинной захватывающей жизни и что светлый идеал русского поэта „о разумном, добром и вечном“ постепенно затемняется в ней и помрачается...

„Воспитание юношества в духе веры, преданности Престолу и Отечеству“ (Высоч. рескрипт на имя Зенгера 10 июня 1902 г.), – эти царские слова должны быть начертаны на сердце каждого русского педагога, и руководить последнего во всём его школьном деле. В противном случае всякий учитель – преступник и „горе человеку, через которого соблазн приходит“... (Мф.18:6.)

С. В. Б.

Егоров Е. Из Костромы. С. 919–921

(Лже-архиерей Иван Усов боится миссионерского света).

Подвиги австрийского лже-епископа Нижегородского и Костромского, Ивана (Иннокентия) Усова продолжают в прежнем порядке в ограждение раскольниковой лжи. Епархиальный миссионер объявляет беседу со старообрядцами за неделю до её начала, чтобы раскольники не могли иметь извинения, что «не подготовились», а дня через два является на место беседы Усов, собирает в моленной народ, строго наказывает попу и его прихожанам не вступать в беседу с миссионером, поносит при этом православную церковь и т. д. И это не один, не два раза, а постоянно. Так было с самого приезда нового миссионера в Кострому, так и теперь. В 20-х числах февраля, Усов, посетив Костромскую моленную, на Павловской улице, и моленные в окрестностях Костромы, в деревнях: Издыреве (в 8 вер.), Стрельникове (в 3 вер.) и Каримове (в 4 верстах от Костромы и в 2 вер. от архиерейской дачи). В дер. Каримово, по слухам, Усов переносит свою резиденцию. В виду этого, здесь, кроме существующей, хотя и недозволенной (как и все означенные) моленной, строится ещё одна. Новая моленная (деревянная бывшая) сейчас постройкой почти закончена; осталось только покрыть; крышу предполагают сделать железную. Моленная строится, понятно, под именем частного дома одного «зимогора» (так в Костроме называют золоторотцев, по закрытии навигации на Волге зимующих на Молочной горе, при въезде в Кострому), который и будет проживать в ней сторожем в виде хозяина дома. В Каримово Усов приезжал 26 февраля, со своей свитой, на трёх подводах. Православные жители Каримова говорят: «архиерей-то по вере сам больно мал и худ, ровно на фабрике за станом стоял, а зато какая на нём большая кабардинская шапка, да под шубой какой хороший зипун». Здесь «архиерей по вере» в кабардинской шапке и зипуне, «якоже Евсевий в воинском одеянии», особенно строго наказывал попу и начётчику, чтобы они не вступали в беседу с православным миссионером, назначенную на 29

февраля в Каримовском волостном правлении. Но миссионер всё-таки завёл с ними беседу в означенное время, хотя и в другом месте. Окончив свою проповедь в волостном правлении, он, после вечерни, вошёл в моленную и вовлёк в разговор лже-попа. Явился затем народ и начётчик (он же и староста моленной). Последний сразу попросил миссионера о выходе из моленной. Миссионер настаивал на беседе. В разговоре с миссионером поп и начётчик вынуждены были сознаться, что и ныне Дух Святой поставляет пастырей греко-российской Церкви. Миссионер и приходский православный священник обратили на это внимание старообрядцев и спросили начётчика: «и мы поставлены Духом Святым в таинстве хиротонии?» Начётчик отвечал утвердительно. Далее, не имея возможности оправдать своё упование, он заявил, что «после Пасхи владыка Иннокентий приедет с Мельниковым и даст ответ».

На беседе в Стрельникове 22 февраля старообрядцы совсем ничего не желали говорить с миссионером, по наказу Усова, хотя 20 февраля и дали ему обещание явиться на беседу с известным костромским начётчиком Михаилом Прохоровым. Сам М. Прохоров заявил теперь миссионеру, что весной Усов приедет в Кострому с Ф. Мельниковым. Этот Прохоров из числа мыслящих, довольно начитанный и не фанатик.

Любезнее каримовского «попа» оказался раскольничий «протопоп» деревни Издырева: он на беседу (7 марта) явился даже в церковь села Апраксина. Говорят, что он «владыкой» Усовым недоволен. В конце беседы, ведённой в миролюбивом тоне, «протопоп» вступил в разговор с миссионером. Вынужденный на сознание неправоты своего упования, как и поп деревни Каримова, и не зная, что ответить на вопрос, почему Дух Святой «поставлял епископов пасти Церковь Господа и Бога» в греко-российской Церкви после патр. Никона, а у старообрядцев не поставлял, – протопоп тоже заявил, что «владыка Иннокентий с Мельниковым приедут быть может на пасхе и дадут ответ». Какой это будет ответ, проживём – увидим. Пока известно только, что Усов намерен просить у костромского доброго маститого архипастыря аудиенции и только с ним одним

побеседовать, о чём он уже заявлял миссионерам в Шохне 16 ноября прошлого года. Уж не мечтает ли он поселиться в Ипатьевском монастыре?..

Елевферий Егоров

С. Ш., свящ. 25-летие миссионерской службы Евтихия Ивановича Холостова. С. 921–923

24 апреля сего года исполнилось двадцать пять лет служения в должности противораскольнического миссионера по Богоявленскому и Цимлянскому округам Донской епархии – Евтихия Ивановича Холостова.

Евтихий Иванович по происхождению казак Донской области (родился в 1848 году); родители его принадлежали к беглопоповству. С 10-летнего возраста Е. И. готовился к должности беглопоповского уставщика: обучался у разных „мастеров“ грамоте, письму, иконописанию, крюковому пению и церковному уставу, и с 16 лет, благодаря своим способностям и любви к чтению старопечатных книг, становится уже заметным начётчиком среди своих собратий, а в 23 года занимает должность уставщика в хуторе Пирожковском, Богоявленской станицы. Преданный всей душой расколу, он старается всеми мерами поддержать его: собирает соборы, где обсуждаются меры к приобретению „священства“ и устройению походной церкви, основывает для сей цели попечительство в г. Новочеркасске, ведёт диспуты с А. В. Переселковым – об антихристе, и в тоже время, зорко наблюдая за всеми явлениями в жизни раскола, отмечает их на страницах „Донской речи“.

Окружённый почётом и хорошо обеспеченный щедрыми радетелями раскола, Е. И. более и более отдавался на служение расколу, выступая уже не только в роли организатора местной беглопоповщины, но и распространителя её „упования“ среди православных. И всё это делалось не для корыстных прибытков, а из ревности и искреннего убеждения в правоте раскола. Но вот Господь послал в Донскую епархию приснопамятного о. Павла Прусского.

С нетерпением ожидал Евтихий Иванович о. Павла, в уверенности, что посрамит и обличит его на публичных беседах. Происходят беседы. Тихий, кроткий и любвеобильный о. Павел, как глубокий знаток свящ. Писания, с первых же дней поразил и

пленил в послушание истин Е. И. Холостова. Убедившись в своём заблуждении и познав, что истина – только в православной церкви, Е. И. уже не мог далее оставаться вне её спасительной ограды и 24 февраля 1879 года был присоединён к православной церкви самим о. Павлом.

Это было роковым ударом для раскола Донской области и с этого дня начинается, можно сказать, новая эра в его истории.

До сих пор раскольники относились к православным вызывающе, смотря на них, как на жалких, погибающих; православные чувствовали себя как бы подавленными, униженными, не смея „отверзать уст своих и как бы не имея во устех своих обличения“ раскольнического лжемудрования.

С приездом о. Павла и присоединением Евтихия Ивановича быстро пала гордыня раскола; православные вздохнули свободно, теперь они торжествовали, а раскол опустил голову. Многие из раскольников, зная своего начётчика Холостова, как человека честного, искреннего и. богобоязненного, последовали его примеру и в тот же день присоединилось к православию в хут. Пирожковском 18 человек, через 5 дней в ст. Николаевской 16 чел. и т. д.

Оценив по достоинству Е. И., приснопамятный о. Павел, – до дня своей кончины питавший к нему любовь, не щадил сил и времени, чтобы тогда же дать ему нужные познания и указать правила к ведению собеседований с раскольниками, а 24 апреля того же года высокопреосвященный Александр, архиеп. Донской, по ходатайству о. Павла, утвердил Е. И. в должности миссионера.

И не только один о. Павел видел в новоприсоединённом полезного члена св. Церкви, но и служивший на Дону преосвящ. Платон (в то время уже архиеп. Херсонский), узнав о присоединении Холостова прислал ему свою фотографическую карточку с такой собственноручной надписью: „Искренно радуюсь обращению раба Божия Евтихия Холостова на путь истины, мысленно благословляю его и от души желаю, да укрепит его Господь в православной вере и поможет ему подвизаться добрым подвигом во спасение своё и других

братий наших во Христе. Платон, архиепископ Херсонский, бывший Донской и Новочеркасский. Г. Одесса, 29 июня 1879 г.“.

И, действительно, Е. И. в продолжении всей своей двадцатипятилетней службы на пользу православной церкви „подвизался добрым подвигом“. Благодаря его основательным, частым и продолжительным беседам, донской раскол ослабел до неузнаваемости: не стало того фанатизма, каким проникнуты были раскольники по отношению к православным 25 лет тому назад, совершенно нет случаев уклонения православных в раскол, а присоединения из раскола в православие за это время совершались ежегодно и присоединения не единичные. Достаточно сказать, чтобы видеть насколько плодотворна была деятельность Е. И., что за 25 лет в его округе, конечно, при содействии других, во главе с епарх. миссионером о. протоиер. Николаем Кутеповым, миссионерских сил, присоединилось к православию более четырёх тысяч человек и открыто 12 единоверческих приходов. Пишущему эти строки, как служившему в Донской епархии, неоднократно приходилось совершать с Е. И. продолжительные поездки с проповедью слова Божия в разные станицы и хутора его округа и каждый раз приходилось убеждаться, что дело миссии – для Евтихия Ивановича – не должность даже, а духовная потребность, без удовлетворения которой он не может спокойно провести ни одного дня. И теперь, когда уже годы и двадцатипятилетия тяготы миссионерского служения наложили свою печать на Е. И., он проводит не менее ста бесед в год, иногда по 5–8 часов без перерыва.

Всё свободное от миссионерских поездок время Е. И. посвящал подробному и обстоятельному составлению отчётов, писал и помещал статьи по расколо-обличению почти во всех миссионерских журналах.

Архипастыри Донской епархии всегда высоко ценили св. труды Евтихия Ивановича. Он имеет благословение и благодарности с выдачей грамот от архиепископов Митрофана, Афанасия и затем от Святейшего Синода.

Такой неутомимый и полезный труженик юбиляр не забудется в истории Донской епархии.

Пожелаем же Евтихию Ивановичу ещё многие годы послужить св. Церкви в том звании, к какому его призвал Пастыреначальник и Совершитель нашего спасения Иисус Христос.

Свящ. С. Ш.

Р. С. Редакция „Мис. Обозр.“ считает долгом приветствовать достойного деятеля миссии с исполнившимся 25-летием спасительного подвига и от души пожелать доброму Евтихию Ивановичу сил и здоровья на дальнейший предстоящий подвиг во славу Божию на пользу дорогой миссии.

В. Скворцов

Письмо в редакцию. С. 923

Милостивый Государь, г. Редактор! Прочитав в журнале „Миссионерское Обозрение“ № 9, за 1903 год, где я нашёл, что, по-видимому, редакция считает Максима Ивановича Калмыкова якобы представителем старо-молоканской секты, но это грубая ошибка, если не полный вымысел, ибо Максим Иванович во многих пунктах по слову Божию расходится в мнениях с старо-молоканским толком. Я просил бы редакцию поделиться сим письмом с читателями журнала „Миссионерское Обозрение“.

С почтением *Пётр Т.*

**Отклики // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10.
С. 924–932**

Из дневника о. Иоанна Кронштадтского в обличение лжеучения гр. Льва Толстого ²⁹⁵. С. 924–928

Толстой дышит непримиримую ненавистью к церкви и её органам – священнослужителям; не признаёт их божественного права учить, священнодействовать, руководить вверенное им словесное стадо к добродетели и к Богу, – смеётся над всем, отвергает истину и спасительность их учения; не признаёт богооткровенным учение церкви; признаёт нелепое равенство всех людей, не допускает подчинённости младших старшим, подчинённых начальству, верноподданных Царю, словом – производит какую-то сутолоку и сбивчивость во всём, и отвергая всё, вместо отвергнутого, ничего не даёт, оставляя людям только разум, который так известен по своим нелепым заблуждениям через все прошедшие тысячелетия, и утверждая, что люди могут дойти до совершенства своим разумом. Вот и дошёл Толстой до абсурда, до неслыханной гордости и дерзости, отвергнув всё богооткровенное, спасительное, христианское учение и Богом основанную на земле церковь.

Толстой – неслыханная гордыня и дерзость воплощённая. Он уничижает всех пап, кардиналов, митрополитов, епископов, суперинтендентов, пасторов и священников и судит их, себя же ставит судьёй всех; обличает всех, как ложных проповедников и учителей, обманщиков, проповедующих то, во что будто бы они сами не верят, и только притворяются будто верят. Вот уж, что называется, с больной головы на здоровую. А сколько есть искренно верующих между иноверными духовными особами, не говоря о лицах православного духовенства. Отлучённый от церкви, Толстой ещё больше возненавидел её и её служителей.

* * *

Лев Толстой глумится над всем христианским человечеством, оскорбляет христиан всех веков, глумится над всеми святыми патриархами, пророками, апостолами, святителями, мучениками, преподобными и праведными, и над самой Материю Божией, чеснейшей Херувимов и славнейшей без сравнения Серафимов, над всем христианским

миросозерцанием. Лев Толстой еретик злейший и дерзостнейший из всех бывших еретиков. Всё св. Евангелие, вся православная христианская вера и церковь носят сами в себе доказательство происхождения своего от Бога, и в них самих заключается ей и аминь, — они суть дух и живот. «Не хотите ли вы отойти от Меня», спросил Господь Бог Своих учеников, когда многие из них, соблазнившись Его учением, по-видимому, несовместным с их понятиями и привычками, ушли от Него. А Пётр отвечал: «к кому нам идти. Ты имеешь глаголы жизни вечной». Так и мы, испытавши всю жизненность, всю душеспасительную сладость нашей веры и церкви, говорим с полной уверенностью, с полным убеждением сердечным: к кому мы пойдём кроме Тебя, Господи? — Ты имеешь глаголы жизни вечной. Только у Тебя источник живота, только в Твоём свете мы увидим свет, а кроме Тебя ни у кого не найдём, и, конечно, тем менее — у Льва Толстого, блуждающего в непроницаемой тьме заблуждений.

* * *

Два слова о необходимости учить детей священной истории. Учение о правой спасительной вере, о грехопадении первых людей, о растлении грехом всего человеческого рода, об искупительном деле Спасителя необходимы в самой доступной форме для всех, и особенно для детей. Первое, что нужно внушить детям — это учение о Боге-Творце и Спасителе, а этого-то и не допускает наш безбожник. Граф Толстой представляет из себя пример полного невоспитания в христианском смысле, избалованного барина ещё в младенчестве; не всем же и воспитываться на манер этого любимца судьбы, родившегося в сорочке, в знатном и богатом доме; не всем же и быть графами, с его недюжинным умом, который достоин был бы лучшей деятельности; не всем же писать и пресловутые романы «Войну и мир» и «Анну Каренину», без которых, в самом деле, человечество легко бы могло обойтись и не чувствовать в них ни малейшей потребности, а учить детей в простой, доступной форме библейской и церковной истории о Боге в Творце славимом, как о Творце мира и человека, и общем всех Промыслителе и Спасителе, о сотворении человека и всех

тварей, о грехопадении человеков и последственной порче греховной всего человеческого рода, о явлении в мир обещанного Спасителя, о Его житии, учении, чудесах, о спасительных Его за нас страданиях, искупительной смерти, воскресении Его из мёртвых – есть необходимость и общая потребность для всех христианских детей, – и от того именно, что Лев Толстой не был научен этим элементарным христианским истинам, он и вышел таким злым, рыкающим на веру и церковь Христову, львом, ищущим кого поглотить (и проглотил, к несчастью, многих). Не стань мы учить детей с нежного возраста учению веры и страху Божию, – и в них, по причине общей греховной порчи человеческого рода, разовьются и укрепятся всякие греховные инстинкты – злость, каприз, своенравие, непослушание, непокорность, зависть, гордость, леность к молитве и благочестию, холодность к Богу и церкви Божией, ложь, обман, хитрость и лукавство, плотские тайные грехи и подобные. Что же выйдет из них? Какие чада, какие отцы и матери, какие сыны отечества, подданные и слуги царя, какие заступники отечества, какие писатели, какие верноподданные чиновники и органы разных административных ведомств, какие земледельцы, какие мастеровые? Люди без страха Божия, без совести, без гражданской честности и верности, с всякими дурными наклонностями. Только вера и страх Божий держат человека на высоте его христианского и гражданского достоинства; отнимите у него веру и страх Божий и вы не увидите нигде честных самоотверженных людей, людей долга, честной службы, преданных царю и отечеству; тюрьмы наполнятся всякими преступниками, и вы приготовите падение общества и государства. Правда возвышает народ и умягчают племена грехи, говорит Премудрый.

* * *

В своей гордыни и вольнодумстве Толстой отвергает и разрушает два божественных Завета – Ветхий и Новый и все советы Божии о спасении рода человеческого пренебрёг и ни во что поставил и всё премудрое, всё благое и праведное смотрение Божие о нас презрел, как не сущее. А потому и Бог разрушит тебя до конца и память твою истребит от земли

живых... Ты говоришь, Толстой, что детям не следует преподавать закон Божий и что они не понимают будто бы дел Божиих; но они мудрее тебя, ибо сказано: «из уст младенцев и ссуших совершил еси хвалу» (Пс.8:3). Фарисеи и книжники хулили Господа, как и ты ныне, Лев Толстой, а незлобивые дети разумно и чистосердечно хвалили. Что ты на это скажешь, Толстой? Или скажешь, что это сказки, басни не больше? Да?

Из богохульных писаний графа Толстого видно, что всеспасительная христианская вера нимало не коснулась его гордого, неверующего сердца, нимало не воздействовало на него благотворно и он остался истым безбожником. «Утаил еси сия от премудрых и разумных и открыл еси то (таинство веры) младенцам».

Толстой глумится над священным Писанием Ветхого и Нового заветов, которое есть непреложная святыня для всех христианских народов, и над преподаванием его детям или простому народу, будто бы непонимающему этой истории, хотя это нелепо, а сам проповедует вздор и нелепицу и хочет, чтобы его бредни, его безбожные мысли заучивали дети и простой народ и таким образом сделались бы все безбожниками и нравственными дикарями, хуже древних и нынешних язычников, кланяющихся куску дерева, или приносящих жертвы идолам, как будто от них (идолов) зависит всё их благополучие. – Толстой самым низким образом смеётся над русским народом, желая всех привести в состояние дикости и всех отвлечь от праотческой, спасительной веры, словом, хочет всех вести за собой в ад, думая: погибать, так погибать всем, а не мне одному. Ваше сиятельство, уж лучше идите одни вашей широкой дорогой, ведущей на дно ада. Зачем же всех-то за собой вести? Ведь подобных тебе без того много, много. Широки врата, ведущие в пагубу, и многие идут ими вслед за тобой.

Толстой отвергает Ветхий завет и пророков, тогда как исполнение пророчеств на Иисусе Христе неопровержимо доказывает Его богочеловеческое достоинство и спасительность веры Христовой и насаждённой Им на земле церкви; словом – Толстой всё отвергает и Ветхий завет, и Новый завет и при ложных положениях выводит ложные заключения.

(Продолжение будет).

**Преображенский И. На чём теперь особенно
благовременно «настоять» нашей церковной
проповеди. С. 928–932**

В искреннем желании плодотворности пастырской деятельности духовенства, мы позволили бы себе предложить последнему, чтобы оно в проповеднических и литературных трудах своих уделяло возможно больше внимания православной идее, чаще и громче, сильнее и убедительнее выясняло значение церкви и не только для духовной жизни русского народа, но и для внешних судеб его. Голос духовенства о великом значении церкви в последнем отношении почти совсем замолк, его едва слышно. Мало того, ныне, как бы в подражание значительной части светской печати научного характера и публицистической, проповедующей, вместо святого начала национальности и патриотизма, пагубное начало какой-то всепримиряющей международности или «нивелирующего международничества», стала и в трудах представителей православной церкви, как устных, так и печатных, входить в моду проповедь какого-то, если так можно выразиться, нивелирующего между-христианства. Под трудами некоторых наших пастырей, нимало не задумываясь, подпишется теперь любой пастырь, да что пастырь? – подпишется любой наш сектант и даже сам гр. Л. Толстой.

Едва ли кто станет оспаривать то замечательное соотношение, которое наблюдается в судьбах идей православия и нашей национальности. Развивается и укрепляется одна, растёт пышно расцветает и другая, и, наоборот, в пренебрежении та, и эта разделяет одинаковую участь. По словам почтенного светского писателя и публициста г. Энгельгардта, ныне «в области общественных симпатий национальное русское дело явно проиграно и защищается лишь казённым, официальным порядком по обязанностям службы» («Н. Вр.». № 4982). Вот, эта, возбуждающая глубокую печаль, речь разве не приложима и вся, целиком к православно-церковному делу?

Н. А. Энгельгардт является в настоящее время громким, убеждённым, полным одушевления, вдохновлённым певцом национальной идеи. Отцы духовные, пастыри церкви, воспойте и вы песнь православной идее, облеките её в ризы, достойные её величайшего значения для русского народа, для русского государства, представьте её дорогой для русского сердца, привлечите к ней симпатии общества! Вам хорошо известно, что ныне многие образованные люди, помимо всего прочего, стыдятся и признаться, что они православные, и склоняются в своих симпатиях даже к расколу и сектантству. Неужели мы страшно преувеличим, если скажем, что для этих многих, пожалуй, тяжелее расстаться с костюмом, к которому они привыкли, чем с православной идеей?

Целые века народ русский с безграничным самоотвержением, проливая потоки своей крови, защищал православие. Дороже жизни любил, ценил и берёг он его. Но теперь под влиянием интеллигентных врагов церкви и в душе народа меркнет всегда привлекавший его образ православия. Иначе чем же и объяснить ту лёгкость и быстроту, с которыми многие и многие из простого народа оставляют православие? С симпатичным, дорогим предметом страшно тяжело расстаться и в случае крайней необходимости. Иное дело, когда привлекательность его в глазах ваших померкла, симпатии ваши к нему ослабели. Быстро и легко, как сказали мы, изменяет православию и простой народ и притом ещё измену свою облекает в кощунственную над православием форму. Посудите об этом по такому в высшей степени выразительному примеру. Один почтенный пастырь на Волыни, прослуживший 50-ть лет церкви Божией получил (дело было очень недавно) от совращённых прихожан своих мешок с иконами и при этом такой привет: *«на тобі твоих богів, а у нас тепер єсть други – Толстой та Хилков»*²⁹⁶. Итак, русские люди, целые века не щадившие жизни своей, отстаивая православие, стали ныне считать своими богами Толстого да Хилкова, т. е. самых злейших врагов православия. Грозны, страшны эти явления в народе. Они могут сопровождаться неизмеримым злом, неисчислимыми бедами и для самого государства нашего. Они

нисколько не менее грозны и страшны, чем, напр., шествие рабочих и идеализируемых иными современными литераторами босяков по улицам Твери с национальными японскими и корейскими флагами²⁹⁷. С такой же, оказывается, лёгкостью и в не менее наглой, бесстыдной форме, как и от православия, стали отказываться отщепенцы из русского народа от своей родины! Дай Бог, чтобы случай в Твери оказался единственным, исключительным.

Настоящие дни, дни тяжёлого испытания, ниспосланного дорогому нашему Отечеству Провидением, время особенно благоприятное для того, чтобы пастыри церкви возвысили свой голос за идею православия, «препоясались» и восстали против врагов её или изменнически равнодушных к ней. Не без основания, пожалуй, иные утверждают, что война наша с Японией по результатам её – одно из двух: «или наше бытие, или ужас унижения» (А. Суворин. «Н. Вр.» № 10057). Не в сознании ли этого вся Россия²⁹⁸, почти весь русский народ, по выражению одного нашего архипастыря, превратился в один дух, одно сердце, одну стену против врагов, одно молитвенное кадило за православного Царя, его воинов, отстаивающих честь, славу и само бытие дорогой отчизны нашей. Под громом войны русский народ ясно до осязательности всему миру показывает, какая «бесценная жемчужина» хранится ещё в его духе, не смотря на тот сор и хлам новых идей и стремлений, который так усердно стараются набросать в него, дух народа, враги веры и церкви, Царя и отечества. Святой долг пастырей церкви помочь русскому народу навсегда, вовеки сохранить эту бесценную жемчужину.

Каким бы неоценённым благом для нашего народа, и в гражданском, политическом отношении, было, если бы духовенство наше, сознав удобство момента для дела, приложило возможно больше усердия и труда путём проповеди и печатного слова на уяснение русскому народу превеликого для его блага значения идеи православия и церковных традиций, как прочнейшего основания его политической самостоятельности, как крепчайшего цемента, связующего его государственной организм. Неужели, при желании того, эта

задача не по плечу нашему духовенству? Неужели оно не в силах уяснить русскому народу, русскому обществу следующую, выраженную устами преподобного Серафима, непреложную, подтверждаемую всей историей нашей истину: «У нас вера православная, церковь, не имеющая никаких пороков... Сих ради добродетелей Россия будет славна и врагам страшна и непреоборима, имущая веру и благочестие в щит и в броню правду. Сих врата ада не одолеют»? Неужели такая задача духовенству не по плечу, такое дело непосильно ему? Не духовенство, а себя унизили бы мы, если бы сказали: да... Оно может выполнить эту задачу, оно в силах совершить это дело. Мы готовы думать, больше того – мы убеждены, что плод усилий духовенства, напр., здешнего, столичного, был бы ясно виден, ощутителен даже через неделю, если бы оно в следующее воскресенье во всех церквях и за всеми службами обратилось к народу с убеждённым словом, хотя бы в разъяснение вышеприведённых слов препод. Серафима: «У нас вера православная, церковь, не имеющая никакого порока» и проч.

Но, уясняя народу и обществу значение православной идеи и для блага внешнего, оно в то же время должно доказывать необходимость для православного человека определённой, ясной, так сказать, инструкции его поведения, правил внешней его жизни. Кто из нас не наблюдал, каким уважением пользуются люди, даже низшего положения, напр., солдат, кухарка, чернорабочий, с строгими правилами в жизни, и, наоборот, с каким глубоким презрением, если не явным, то в душе, относятся обыкновенно к тем, кто этих правил не имеет? Из следующих двух примеров вы хорошо поймёте, что мы хотим сказать.

В Финляндии, в г. Вильманстранде, поставлен был года три тому назад вновь сформированный драгунский полк. Храмовым праздником для этого полка Высочайше указан был праздник Рождества Христова. Наступает этот праздник, и как бы вы думали встретил его полк? Командир полка г. Г-ов (обо всём этом своевременно пропечатано было в «Финляндской Газете») назначил накануне самого праздника в 6 часов в офицерском

собрании танцевальный вечер с «чухонскими девицами»!! Вот к каким глубоко-прискорбным для православного чувства явлениям приводит отсутствие у людей правил для жизни, для внешнего поведения. И такое явление в такой стране, как Финляндия, где коренные обитатели свой праздник Р. Христова всегда встречают дома и с Библией в руках. Что же удивительного, если, быть может, по преимуществу за это финляндцы так презирают русских, обзывая их, нередко прямо в глаза, «русская свинья»?.. А вот другой пример, противоположный. Лет за десять тому назад английский наследный принц отказался быть на вечере или на балу у австрийского императора и отказался только потому, что этот вечер был накануне воскресного дня²⁹⁹. Вот у этого наследного принца была ясная инструкция поведения, и он образцово держался её. У нас таких хороших примеров, даже среди лиц, так или иначе близко стоящих к церковному делу, мало. И это жаль, бесконечно жаль!.. А соблазн от худых Примеров велик...

И. Преображенский

**Со скрижалей сердца // Миссионерское обозрение.
1904 г. № 1–10. С. 933–936**

Скворцов В. Какие книги нужнее для войск действующей армии?

Все верные сыны дорогой нашей отчизны, отложивши всякое ныне житейское попечение, охвачены одной заботой: как бы лучшей вернее облегчить то тяжкое бремя воинского, спасающего честь России, *крестоношения* нашей действующей доблестной армии и флота на Дальнем Востоке. Там не столько умирают, сколько страдают, – страдают не физически только, но и тем тяжким томлением духа, которое бывает нередко страшнее самой смерти. В пылу битвы самоотверженные воины радостно живот свой полагают на поле брани за православную веру, Царя и Отечество. Но страдальчески должны томиться духом коротающие иногда долгое время в тылу армии резервы в ожидании боя, а с ним и своей чреды – или неумолимой смерти, или тяжких болезней от ран... Томятся также лежащие долгие месяцы в лазаретах и госпиталях раненые и больные, прошедшие сквозь море крови и через сень смерти...

Об облегчении физических страданий здоровых и больных воинов действующей армии и флота, о снабжении всяким пищевым довольством с величайшей любовью заботится, можно сказать, вся Россия, – начиная с Высочайших особ, и, кончая последним нищим, отдающим на раненых и больных последнее своё достояние, собранное чуть ли не Христовым именем. Но много ли полагается заботы о доставлении войскам пищи и врачества духовного? А ведь необходимо также позаботиться и об облегчении страданий томящегося духа воинов, об утолении духовной жажды и глада, которые теперь там, наипаче же в лазаретной атмосфере, после пережитых ужасов, должны сильнее чем когда-либо сказываться и ощущаться. Здесь может облегчать томящуюся и истомлённую душу хорошая, глубоко содержательная и занимательная книга, а наипаче всего, св. Евангелие и вообще религиозное, духовное, назидательное чтение... Ни роман, ни повесть, хотя бы и самого великого романиста Толстого, не захватят сердца, не уймут душевной боли того, кто готовится к своему славному, но

страшному жребию воинствования, и сопряжённой с ним смерти, или кто Провидением вынесен живым из кровавой бани огненного крещения, кто пережил все ужасы кровавого боя, глядел в глаза самой смерти и созерцал картину, как вонзённая коса и жало смерти косили вокруг сотни жизней! Вот именно здесь и полезно, как бальзам на раны сердца, как врачество, религиозное чтение, переносящее мысль страдающего воина горе, в потустороннюю область бытия, к престолу Агнца, Распятого Страдальца Господа-Спасителя, во всемогущей руке Коего наша жизнь и смерть.

Газеты сообщали, что гр. Л. Н. Толстой тысячу коробов своих сочинений послал войскам на Дальний Восток. Несомненно, – это должны быть те его классические творения, которые составляют гордость нашей отечественной литературы, а не зловерные его «памятки», ибо иначе недостойно было бы Льва Николаевича давать камень просящим рыбы...

Общества грамотности, книжные магазины, книгоиздательские фирмы, редакции газет несомненно шлют на Дальний Восток щедрой рукой печатные произведения светской литературы, наверное, обильно снабжаются отправляющиеся на восток санитарные отряды книжками для чтения офицеров и солдат. Но, позвольте спросить, много ли посылается туда книг религиозного содержания? Частные издатели духовных книг и редакции наших журналов, по скудости своих материальных ресурсов, едва ли много усердствуют в этом святом и важном деле снабжения действующей армии духовной пищей, целительным врачевством для томящейся души и истерзанного сердца воинства?

А время жгучее, время страшное – не надо никому дремать, всем надо бодрствовать на своей страже.

Не найти другого более благоприятного времени для дел милосердой любви, для сеяния добра и правды, – и словом и делом; никогда не встретить более разрыхлённой, восприимчивой, плодотворной почвы, более возвышенного духовного настроения, более глубокого сильного религиозного подъёма чувств веры и надежды на Бога, какими полны сердца воинства действующей армии. Я знаю это ещё по переживаниям

Севастопольской компании, вот с каких пор... А кто переживёт войну, он вернётся на родину – помните, паки возрождённым, огнём очищенным. Этих-то людей надо обильно питать пищей духовной!..

Такую наставительную беседу вашему покорнейшему слуге, пришлось выслушать на днях проездом с юга, в Москве, от умудрённого духовным опытом жизни земляка, маститого старца, заштатного епископа Нафанаила.

– Много ли, напр. ваши духовные редакции ущедрили своих изданий для отсылки на Дальний Восток?

– Право не знаю: «Мисс. Обзор.» на первый раз послало тысячу экземпляров, да Общество распространения религиозного просвещения, помнится, тысячи четыре. Наверное и другие послали.

– Да ведь это всё выходит как-то случайно и является каплей в море. Имейте в виду, там библиотечных порядков некогда наблюдать, – каждую попавшую в руки солдатику и даже офицеру книжку, брошюру, листок зачитают, истреплют, поглотят без остатка в короткое время. Следовательно, сколько нужно тысяч изданий, чтобы хоть несколько удовлетворить духовной жажде читающей огромной массы томящегося от тоски и скуки воинства в течение, положим, хотя бы года? Шлите же, Бога ради, больше, как можно больше и своих и чужих изданий, но непременно религиозных, божественных, душу возвышающих, сердце успокаивающих... Сейте семя святое на увлажненной кровью ниве сердец нашего славного христоролюбивого воинства и спасибо вам скажет сердечное чтец, русский воин, скоротавший томительное время за благочестивой, успокаивающей душу книжкой. Ваша редакция – «миссионерская», когда же и служить ей Богу и народу, как не теперь печатным словом веропроповедничества? Организуйте это дело, вложите в него «душу живую», сделайте почин, – за сочувствием и содействием дело не станет... У вас, в «Мисс. Обзор.» кто-то выразил пожелание, чтобы армия и лазареты снабжены были возможно большим числом священников, между прочим, для утешения и наставления страждущих. Мысль благая. Но, там мало времени и места для бесед и

рассуждений, да «язык прильпе к гортани», когда увидишь картину не человеческих страданий, другое дело книжка, печатный листок, – ему всегда найдётся место, он вперёд овладеет вниманием даже страдальца, чем словеса ваших иереев братьев-милосердия...

Как видите, читатель, мысли умудрённого опытом долгой жизни, близко знакомого с душою страждущих воинов, нашего собеседника-старца епископа достойны запечатления «на скрижалях сердца». Надеемся, что они найдут отголосок и в ваших сердцах. У всех есть книжки, которыми можно пожертвовать, которые иных и тяготят; во многих городах открыт приём не только денег, но и книг, жертвуемых для действующей армии. Там всякая книжка, – новая ли она, старая, – будет бесконечно интересна, особенно же божественная, духовная.

Наша контора редакции, с своей стороны, считает долгом быть всегда готовой к услугам своих читателей в деле посредничества в благотворительной миссии на действующую армию и в частности в деле снабжения армии книгами религиозного содержания.

В. Скворцов

О пожертвованиях на войну через редакцию журнала «Миссионерское Обозрение». С. 936

I.

Высылая вместе с сим переводом двадцать пять руб. 28 коп., пожертвованные моими товарищами – слушателями Казанских миссионерских курсов на устройство походных церквей и приобретение священных предметов для Святыны Животворящих Христовых Таин, дабы раненые и умирающие воины действующей на Дальнем Востоке армии и флота, равно и идущие в бой под пули и ядра коварных врагов наших – японцев, могли быть приобщены своевременно и имели бы возможность излить свои душевные скорби и радости перед Богом в общественной молитве, – покорнейше прошу редакцию не отказать переслать из них 15 руб. 28 к. в Хозяйственное Управление при Святейшем Синоде на вышеуказанную потребность и 10 руб. перешлите голодающим семьям казаков Забайкальской обл., через Троице-Савскую почт. конт. священнику Усть-Каетинской церкви о. Вениамину Бельтюкову.

Слушатель курсов Пётр Карась. Марта 19 дня 1904 г. Казань, Миссионерские курсы.

II.

Прошу редакцию препроводить в Общество Красного Креста в пользу русских воинов, пострадавших в войне с Японией, три руб. от меня и семь руб. от моих прихожан крестьян с. Новоселицы, Киевского уезда.

Священ. *Евгений Внявский*

III.

Контора Редакции «Мисс. Обозрения» препроводила на Дальний Восток через С.-Петербургское Общество грамотности для войск действующей армии в марте 1.000 экзempl., а 22 апреля ещё 2.000 экз. своих религиозно-нравственных изданий, всего на сумму 200 руб.

Приложение // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10. (Приложение) С. 49–64

отступал от истинного Бога и впадал в идолопоклонство. Требовался более могучий источник Божественного света, которым могла бы быть озарена вся вселенная. И этот свет явился в мир. Сам Сын Божий, Предвечное Бог-Слово, сошёл на землю, воплотился от Девы Марии, пожил с людьми, как человек, и открыл им в Себе Самом Бога. «Видевый Мене», говорил Он, «виде Отца; ибо Отец во Мне и я во Отце. Аз и Отец едино есма» (Ин.14:9,10:30). Я совершил дело, которое Ты поручил Мне, Отче», говорил Он в Своей предсмертной молитве к Богу Отцу, «Я открыл Имя Твое человекам». И известно всем, какими чудными переменами в жизни человечества сказалось это познание им Истинного Бога во Христе Иисусе. Какой мир, спокойствие водворились тогда в душах людей, – какая любовь связала их между собой! Тогда исполнилось то, что некогда предвозвещено было Исаией пророком. «И будет», говорил он, «время, когда волк станет жить вместе с ягнёнком, и барс будет лежать вместе с козлёнком; и телёнок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их. И корова будет пастись с медведицей, и детёныши их будут лежать вместе, и лев, как вол, будет есть солому. И младенец будет играть над норой аспида, и дитя протянет руку на гнездо змея. Не будут делать зла и вреда». Почему же это? «Потому, – что» «земля будет наполнена ведением Господа, как воды наполняют море» (Ис.11:1,2,6–9).

Евангелист Лука, боговдохновенный слуга Бога Слова, так описывает наступление этого благодатного царства Истины в обществе первых христиан. «У множества уверовавших», говорит он, «было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называл своим, но всё было у них общее. И не было между ними никого нуждающегося; ибо все, которые владели землями, или домами, продавая их, приносили цену проданного, и полагали к ногам Апостолов, и каждому давалось,

в чём кто имеет нужду». Так вера в истинного Бога перерождала людей! Жадных, как волков, и хищных, как барсов и львов, она превращала в кротких и уступчивых, как ягнят и тельцов; и злых и лукавых, как змей, она делала простодушными, как детей. И христиане первых веков понимали, чему обязаны были таким обновлением своей жизни и потому высоко ценили своё сокровище веры! Собственным опытом изведав – какой многоценный бисер заключается в вере во Христа, они стремились, в силу любви, и других сделать участниками этого блаженства и ни о чём так не радели, как о распространении св. Христовой веры на земле. В помощь Апостолам они выбирали из своей среды сотрудников и других веропроповедников, снабжали их всем необходимым и с молитвами и благословениями отправляли их в новые страны, где имя Христово ещё не возвещалось людям. И царство Божие росло и крепло на земле, с каждым днём всё более и более суживая область тёмного суеверия и внося всюду свет истины, правды и любви.

Благодарение Богу. И мы с вами, братия, призваны в это благодатное царство Христа! И мы с вами удостоились познания Истинного Бога во Христе Иисусе; и нам открыты все сокровища веры, которые умягчают и уравнивают тернистый путь жизни и приводят к вечному блаженству. Положим, мы не видим среди себя проявлений того высокого духа любви, каким одушевлены были христиане первых веков и который служил видимой для всех печатью их боговедения, – но что-ж из этого? Мы должны почитать себя счастливыми уже и тем, что нам вверен талант веры. Мы можем, увлекаясь суетой мира, охлаждаться в вере, можем падать, уклоняться от истины и забывать даже Бога; – но тем не менее мы имеем возможность и встать и исправиться, потому что знаем куда идти и чем должны быть. Но горе неведущим Бога! Они в полной власти сатаны. «Аще кто не родится водою и духом, не внидет в Царствие Божие» (Ин.3:5), сказал Иисус Христос. И таковых людей, к сожалению, в настоящее время ещё гораздо более на земле, чем христиан. Даже у нас, на св. Руси, они считаются миллионами. Не говоря о Сибири, сплошь местами населённой идолопоклонниками, о

Кавказе и ново-завоёванных странах средней Азии, – занятых исключительно магометанами, – вблизи даже нас самих, в наших городах и сёлах, обитают тысячи поклонников Луны.

На нас с вами, православных христиан, лежит долг просветить их светом веры Христовой. Это историческая задача России, в этом назначение ей свыше. Бог для того и возвышает иные народы, чтобы они возвещали Его имя прочим людям, сидящим во тьме и сени смертной, служили бы верным орудием Его божественных планов, были носителями и провозвестниками Божественной истины. В этом тайна возвышения и падения царств и народов. «Да не хвалится», сказал Сам Бог, «сильный силой своею, да не хвалится богатый богатством своим. Но кто хочет хвалиться, хвались тем, что *разумеем и знает Меня*, что Я Бог действующий милостью, правосудно и верно: ибо Я сие только люблю». Худо будет, если возвеличенный Богом народ не поймёт своего назначения и в гордости могущества своего станет только есть, пить и веселиться, нисколько не помышляя о служении царству истины. Самое высшее и самое страшное наказание, каким в таком случае угрожает Бог людям, – это: «преселюсь», говорит, от вас «к другим народам. Отвергну вас от лица Моего. Развею вас, как ветер мякину» (3Езд.11:24,30,33). Так, действительно, и сметены с лица земли уже многие царства земные, которые некогда держали в страхе всю вселенную. Так отвержен до времени и избранный Богом народ Еврейский. Что же нам делать, братья, чтобы достойно служить планам божественного домостроительства и выполнять то назначение, ради которого Господь с каждым годом расширяет пределы нашего царства, отдавая под скипетр прав. державы целые страны магометан и язычников?

Мы должны возвещать имя Божие всем, подвластным Русской Державе, народам и прославлять Его перед ними своей жизнью, достойной Небесного Отца. Пусть мы не в силах сами идти с проповедью о Христе Иисусе к магометанам и язычникам; но что же из этого? У нас остаётся ещё гораздо более могучее средство, коим мы можем расположить их в пользу своей веры, чем слово, это именно – наша жизнь,

которая есть лучший учитель веры. Если, напр., язычники увидят в нас строгих исполнителей закона христианского, людей глубоко верующих, любящих Бога и хранящих уставы и заповеди св. Церкви, а также и с ближними поступающих всегда по совести и закону христианскому, – то они невольно прославят и Отца нашего Небесного, полюбят нашу веру и рано или поздно несомненно обратятся в неё (1Пет.2:11–12). Но худо будет, если ради нас, из-за нашего неверия, коварства и вероломства, злобы и ненависти, – имя Божие будет хулиться во языцех. Мы примем тогда вящее осуждение. Пусть мы не можем сами проповедовать, но своими средствами и пособиями много можем содействовать успеху Евангельской проповеди. Для ново-просвещённых требуются школы, храмы, священные и богослужебные книги, иконы, крестики, врачебные пособия и многое другое. На всё это нужны, как всем известно, средства и средства. Кто же их даст, как не мы, которые сами также просвещены святой верой другими, без всякой с нашей стороны заслуги, старания и усилия, а в некоторых случаях даже и при прямом противодействии. – Отплатим же теперь сами этот долг любви к ближним; пустим в рост вверенный нам талант веры; – дадим средства тем, кои могут и желают подвизаться в проповеди Евангельской, – беспрепятственно отдаваться делу служения Истине. – Но не забудем при этом главного, что всё, принесённое нами на святое дело, – всё это послужит к пользе нас же самих, всё это отплатится вдвое – втрое нашим детям и не только в будущей жизни, но здесь же ещё, на земле. В распространении веры Христовой, православной – сила нашего государства, наша слава, наша крепость и утверждение. Поэтому, жертвуйте на доброе дело охотно, щедро, – жертвуйте не сейчас только, но и во всякое другое время, когда вы будете при средствах и когда будете чувствовать к тому особенное расположение сердца. Ибо «доброхотна дателя любит Бог».

XI. Слово на день Сретения Господня 2-го февраля 1904 г. С. 53–56

О. Иоанна Кронштадтского.

Тогда был в Иерусалиме человек, именем Симеон. Он был муж праведный и благочестивый, чающий утешения Израилева; и Дух Святый был на нём. Ему было предсказано Духом Святым, что он не увидит смерти, доколе не увидит Христа Господня. И пришёл он по вдохновению в храм. И когда родители принесли младенца Иисуса, чтобы совершить над Ним законный обряд, он взял Его на руки, благословил Бога и сказал: ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром... Лк.2:25–38.

Сегодня церковь радостно празднует Божественное Сретение в храме праведным Симеоном предвечного плотоносного Слова, Творца веков, Господа нашего Иисуса Христа, Законодателя, исполняющего, по человеческому естеству своему, Им же установленный, закон. Так, взявший на Себя неправды и грехи мира, исполняет в точности всякую правду закона, чтобы нас научить любить и исполнять правду Божию.

Сколь блаженно человечество, удостоившееся принять в свои недра Бога Плотоносца, пришедшего на землю пожить с человеками! Казалось бы, что к встрече Его должны были бы поспешить все избранные человеки и радостно приветствовать Его пришествие. Но, что мы видим? Видим Его в смиренной простоте и одиночестве. Только неискусобрачная Мать, мнимый отец, да старец Симеон, трясущийся от старости, и простая старица, вдова Анна – и только. Даже и пречистые ангельские Силы как бы в стороне и не смеют нарушить смиренной простоты Сретаемого.

Боже мой, какое поражающее, восхищающее душу, смирение Предвечного Бога Слова, Творца видимого мира и Ангелов! Такая простота, такое смирение Бого-Младенца, Искупителя мира, должно быть для нас, падших гордостью, весьма поучительно. Отбросим высокоумие и мнение о себе;

гордость нас унизила до крайней степени; одно смирение возносит нас и даёт цену нашим талантам, Богом данным.

Но прислушайтесь к словам боговдохновенного старца – что он говорит Духом Святым? *Ныне*, говорит он, *Ты отпускаешь, Владыко, раба Твоего по слову Твоему, с миром. Слышите?* Симеон называет держащего им Младенца Владыкой живота и смерти; Ты отпускаешь меня, говорит, из этой временной жизни, в будущий нескончаемый век, к будущему бесконечному блаженству, отпускаешь с миром вождленным, *ибо видели очи мои спасение Твоё, которое ты уготовал перед лицом всех народов, свет к просвещению язычников, и славу народа Твоего Израиля.* Увидел Симеон радостно обещанного миру Спасителя; и мы все, христиане, во Христа крестившиеся, видели и видим непрестанно это спасение, уготованное перед лицом всех народов.

Мы видим, как многие народы уверовали во Христа и приняли Евангелие Его; видим, как усвоили это спасение святые из всех народов и сподобились вечной жизни; видим, что Христос есть свет к просвещению язычников, каковыми были некогда и мы, русские, сделавшиеся христианами, при св. равноапостольном Князе Владимире. Но видим и то, что свет Христов ещё не проник и не озарил многих язычников: Китайцев, Японцев, наших нынешних коварных врагов, также Индусов, магометан и многие народы. Придёт время, что воссияет и для них этот Божественный свет и, может быть, скоро; ибо Бог иногда чудесно и быстро обращает народы к свету Своего Богопознания. Дай Бог, чтобы и наши враги Японцы приняли свет веры Христовой и переменили свой вероломный нрав на честный и благородный.

Но, слушайте, что говорит вдохновенный Симеон Марии, Матери Младенца: *се, лежит сей на падение и на восстание многих в Израиле и в предмет пререканий, и Тебе Самой оружие пройдёт в душу, да откроются помышления многих сердец.* Мы видели исполнение этих пророческих предсказаний Симеона на Пресвятой Деве Марии в её безмерных скорбях и страданиях при созерцании Ею страданий на кресте Сына её и Бога; мы видели из Евангелия падение и восстание многих из

Евреев при жизни и страданиях Иисуса Христа, видели падение книжников, фарисеев, старейшин и первосвященников иудейских, Анны и Каиафы; – падение лютого Ирода, Пилата; видели восстание через Христа мытарей, блудниц, восстание Павла и Петра, верховных апостолов, и множество людей из всякого народа, через подвиги веры и мучений ради Христа, сподобившихся царствия небесного.

Пришествие на землю Христа, истинного света мира, открыло сокровенные глубины всех сердец человеческих и вызвало, с одной стороны, все благородные стремления лучших особей человеческого рода – Иоанна Предтечи, апостолов, мироносиц и прочих, а с другой стороны, вызвало наружу дикие страсти человеческие – Ирода, книжников, фарисеев, первосвященников и старейшин иудейских, апостола-предателя, умертвивших обещанного Спасителя мира, обнаруживших низость и пресмыкательство по земле их душ, недостойных видеть Свет Божий по своему самолюбию, славолобию, гордости, корыстолюбию.

И в наше время – Христос является для одних камнем преткновения и падения, как для нашего отъявленного безбожника Льва Толстого, и всех, подобных ему безбожников в России и за границей её, – и для всех отметающихся от веры и от церкви Христовой; а для других – камнем веры, надежды и твёрдости непоколебимой и источником всяких благ.

В настоящее тяжёлое время, переживаемое Россией, нам особенно нужен этот камень веры и помощи – Христос. Только на Него уповая, не постыдимся во веки Аминь.

XII. О хлыстовских молениях или радениях. С. 56–64

(Беседа против хлыстов).

Свящ. А. Советов.

«Люди возлюбили более тьму, нежели свет, потому что дела их были злы» (Ин.3:19).

Перейдём теперь к обличению хлыстовских молений или радений. Они, как известно совершаются большей частью в просторных избах сектантских лже-пророков и лже-христов; происходят они обыкновенно в ночное время и в большинстве – под великие праздники церковные. Это потому, что в предпраздничное время – как народ, так и отцы духовные, – эти стражи стада православного, ненавистные сектантам, рано отходят ко сну в виду ранней службы на утро. Сектанты же, как ночные воры, с великой осторожностью пробираются по задворкам к дому какого-либо лже-пророка, где должно происходить радение и здесь ждут пока соберутся все приглашённые «братцы и сестрицы». Каждый пришедший на радение «мирствуется», т. е. целуется со всеми ранее его пришедшими на собрание, а затем отдаёт всем общий земной поклон со словами: «мир вашему собранию». Когда соберутся все приглашённые, начинается пение распевцев, в роде: «не унывай, душе моя, уповай на Бога твоего»; или: «други милые, всплесните руками своими белыми», или: «направьте свои ножки по правой дорожке»... Если на собрании бывают новички из православных, то радений в строгом смысле не бывает, – пляски, напр., совсем опускаются, так как новички не подготовлены ещё к ним, а из песен поются только церковные, напр. – «Воскресение Христово видевше» и др. Во время радений хлысты каются в грехах своим пророкам, и те прощают их или наказывают, а иногда изобличают присутствующих в скрытых грехах и творят так называемые «чудеса». Вот образцы хлыстовских чудес. Пророк переряжает некоторых, – кого ему вздумается, – из пришедших в рваную и грязную одежду, которая имеется для сего всегда в запасе; это «чудо» означает, что переряженные много прегрели и должны, следовательно,

исправиться. А то пророк подходит, например, к женщине и неожиданно подносит ей ко рту платок со словами: «на тебе платок, заткни свой роток». Это «чудо» наглядно изображает излишнюю болтливость женщины, чего хлысты, как люди осторожные, вообще не любят и боятся. Или: пророк становится около стены или печки, распростирает крестообразно руки, закрывает глаза и стоит так в молчании час или более, а всё собрание должно с трепетом внимать этому «чуду». А оно означает, что пророк за грех их целой общины или отдельного её члена «распинается», страдает... Подобных «чудес» хлыстовские пророки и христы творят множество, но все они имеют один характер – «чудачеств» или дурачеств.

Но самое важное, что бывает на радениях хлыстов, это их кружение, беганье и пляски. Кружение бывает или одиночное, когда кружится один из сектантов перед целым собранием, или в схватку, когда кружатся двое, схватившись руками, или круговое, когда бегают толпой от стены до стены, наконец – корабельное или Давидово, когда бегают всё собрание кольцом друг за другом, схватившись руками, причём сильно топают ногами и шумят. Обычно при этом поётся такая песня:

„Дай нам, Господи, к нам Иисуса Христа,
Дай нам, сударь, Сына Божия“ и д.

Есть и другие радельные песни, в которых всё собрание приглашается «летети», т. е. кружиться и вертеться Напр.:

Ой, свет мои птицы,
Духовны сестрицы!
Позвольте молиться,
В корабль³⁰⁰ становиться.
Голубушки сестры,
Не живите просто.
Вашим душам обидно –
Идти к Богу стыдно!
Сёстры подхватили,
За богом катили;
Я вас, бог, прощаю,
Крылья отращаю,
На поле пускаю.

Летите, мои дети,
А я буду глядети!..
(Тамб. еп. вед. 1883 г. № 23).

Во время этих радений хлысты часто бьют друг друга жгутами, свитыми из полотенцев. О своих кружениях и плясках хлысты говорят, что они совершают их по примеру св. царя Давида, который также «скакаше играя» перед сенным ковчегом. Рассудим об этом.

Правда, что св. царь и пр. Давид, когда с торжеством переносил ковчег Завета Господня из дома благочестивого Аведдара в город Давидов, «скакал из всей силы перед Господом» (2Цар.6:12–23). Но в Библии замечено при этом, что жена его Мелхола, увидя Давида «скачущего и пляшущего перед Господом, уничтожила его в сердце своём», это в 1-х, а во 2-х, когда он возвратился домой, то Мелхола, после приветствия, сказала ему с укором: «как отличился сегодня царь Израилев, обнажившись перед глазами рабынь и рабов своих, как обнажается какой-нибудь пустой человек» (2Цар.6:20). Этого свидетельства св. Библии, кажется, достаточно, чтобы понять, что Давид плясал только один из народа перед ковчегом завета, ибо жена его Мелхола только его одного и укоряет в этом. Следовательно, обычая плясать в честь Господа у евреев в их богослужебном чине не было. Со стороны же царя пляска его была отступлением от общего богослужебного порядка, которое было возможно или прилично только ему одному, как царю. О всём же еврейском народе повествуется, что они (евреи) в честь Господа «играли на музыкальных инструментах» по обычаю того времени (2Цар.6:5). Следовательно, церковно-богослужебная пляска св. Давида была делом необычным и даже соблазнительным в глазах некоторых, ибо, напр., жена его Мелхола дважды укоряет его: однажды мысленно в сердце своём, а в другой раз словесно. Кроме того, о св. Давиде известно из Библии, что он никогда ещё не повторял подобной религиозной пляски в честь Господа, следовательно, этот случай был единственный в его жизни. А что было единственный раз в жизни с одним из великих царей и пророков, которым, несомненно, руководил на сей раз

сам Дух Св., того нельзя ставить в общее правило и на все времена всем верующим. Ведь и евреи плясок Давида не поставили в чин своих богослужебных собраний и Дух Св. – небесная истина не научил также св. Апостолов и всю церковь Христову пляскам – по примеру царя Давида, следовательно, они излишни, не нужны. Религиозную пляску царя и пр. Давида можно уподобить в данном случае чрезвычайному делу жертвоприношения Исаака прав. Авраамом. Жертвоприношение Исаака было делом единственным, чрезвычайным и священно-таинственным в жизни Авраама и всего еврейского народа; но если бы кто на основании примера Авраама стал утверждать, что жертвоприношение детей есть дело приятное и угодное Богу, тот несомненно высказал бы ложь и безумие. Также нужно рассуждать и о плясках Давидовых. По крайней мере свв. отцы Церкви, как то: св. мч. Киприан карф., св. Григорий Богослов, блаж. Иероним Стр. придают религиозным пляскам св. Давида священно-таинственное значение и более глубокий смысл, чем духовный восторг всякого верующего, ибо св. Давид был помазанник Божий, возлюбленный Божий и прообраз Христов. Так, св. мч. Киприан, упрекая христиан в посещении театральных зрелищ, на которых происходили греческие пляски, писал тем, которые ссылались на пляски св. Давида. «Что Давид плясал перед лицом Божиим, – это нисколько не оправдывает верных христиан, присутствующих в театре, потому что он не употреблял при этом бесстыдных телодвижений, и его пляска не была греческим сладострастным танцем. Гусли, трубы, свирели и арфы у Давида воспевали Бога, а не идола» (Твор. т. 2-й, слово «о зрелищах»).

А св. Григорий Богослов говорит, что верующие, хотя бы и восхотели так свято ходить перед Богом, как св. Давид, не могут, так как в их хождении примешалось бы нечто нечистое, и даже богопротивное. «Если тебе», говорит св. Григорий, как любителю, торжественных собраний и празднеств, нужно плясать: скажи, но не плясанием бесстыдной Иродиады, делом которой была смерть Крестителя, а скаканием Давида при поставлении на место Киота, которое, как думаю, было таинственным знаменованием быстрого и свободного

шествования перед Богом» (Слово прот. Юлиана, 2-е). Итак, по богомудрому рассуждению св. отцов, пляска Давида была, так сказать, духовным «воздеянием, воздвижением» всего его существа перед Богом, «чем он и угодил Богу более, чем жене своей» (блаж. Иероним, в толк. Еккл.).

Хлысты своим плясанием до изнеможения и телесным бичеванием подражают не св. Давиду, а тем языческим жрецам идола Ваала, которые во время принесения жертвы богу своему при св. пр. Илии «стали кричать громким голосом и кололи себя по своему обыкновению ножами и копьями, так что кровь лилась по ним; и скакали они вокруг жертвенника, который сделали (3Цар.18:26,28). Это бесполезное, хотя жестокое самоистязание жрецов языческих названо в Библии «беснованием». «Прошёл день, они всё ещё бесновались до самого времени вечернего жертвоприношения» (3Цар.18:29). Нечто иное, как беснование, составляют пляски и современных язычников-хлыстов. Своими радельными плясками подражают хлысты и тому нечестивому поколению еврейского народа, который слил себе золотого тельца во время пребывания св. Моисея на горе Синае и «сел пить и есть и восстал играть» (Исх.32:6). Сходя с горы Синае, св. пр. Моисей «услышал голос поющих... увидел тельца и пляски... и воспламенился гневом» (Исх.32:19). А пляски в честь идолов евреи позаимствовали, как религиозный обычай, у язычников-египтян, с которыми они долго жили вместе. Вот откуда ведут своё начало и религиозные пляски наших хлыстов. Св. царь и прор. Давид о богослужебном чине так заповедал в псалмах: «служите Господу со страхом и радуйтесь перед ним с трепетом, пожру Богу жертву хвалы и во имя Его призову, пойте Богу разумно» и пр. (Пс.2:11,46:7–8,107:3,97:8,91:1–4). Всякой духовной радости о Господе должен быть предел, который полагается завещанием св. апостола: «вся у вас благообразно и по чину да бывают» (1Кор.14:40). У нас православных христиан, действительно, во время служб духовных соблюдается благообразие и благочиние – как в чтении и пении на клиросах, как в служении священника и диакона в алтаре, так и в предстоянии верующих во храме.

Но с какой целью устроятся хлыстовские радения с плясками? – спросит кто-нибудь. Говорят, что для того, будто бы, чтобы увидеть бога или Христа, который является хлыстам на радениях в сиянии и окружённый ангелами. Но так ли это на самом деле? Может ли хлыстам являться во славе Христос, истинный Бог наш? Рассмотрим об этом на основании богооткровенного учения.

Из священной Библии ветхого Завета мы знаем, что праведные люди, как то: Гедеон, Маной, св. пр. Исаия, пр. Товит и др. трепетали видения Божия или Ангелов Его. «Увы мне, Владыко Господи, потому я видел ангела Господня лицом к лицу, восклицает Гедеон. Верно мы умрём, ибо видели мы Бога», – рассуждает Маной (Суд.6:22,23,13:22). «Горе мне, погиб я! ибо я человек с нечистыми устами... и глаза мои видели Царя, Господа Саваофа», – горестно взывает Исаия (Ис.6:5). Также трепетали видения Бога и Ангелов пр. Товит, пр. Иезекиль, Даниил. Как же после этого «постники – хлысты стремятся сами видеть Господа и не трепещут при явлении Его и даже имеют дерзновение вызывать его по желанию, ибо говорят православным: «идите к нам, мы покажем вам Его»? Впрочем, загадка эта отгадывается просто. Хлысты под богом, которого они видят на собраниях, понимают, вероятно, своих живых Христов, которые запросто приходят ж ним на радения, сидят у них в почётном месте, напр., под иконами, и открывают им свою волю. Но тогда какое же это явление Божие, где тут слава Божия – неприступная и неописанная? Не есть ли всё это простой самообман людей грешных и самообольщённых, которые, видя подобного себе человека-грешника, воображают однако, что это – бог, Христос, и других уверяют в том же? Конечно, из откровения Божия мы знаем, что святые люди трепетали видения Божия, так как ясно сознавали неместимость созерцания славы бесконечного существа для ограниченного и слабого человека. Сам Господь некогда сказал св. пр. Моисею: «лица Моего не можно тебе увидеть, потому что человек не может увидеть Меня и остаться в живых» (Исх.33:20). И действительно, когда Христос явился в небесной славе Своей Савлу-гонителю (впоследствии вел. Ап. Павлу), то

он, услышавши голос Божий и увидевши свет великий (как сам свидетельствовал после), упал на землю, весьма испугался, а потом тут же ослеп, так что спутники привели его в Дамаск (Деян.9:3–9,22:6–11). Даже о св. ангелах засвидетельствовано в слове Божиим, что и они не дерзают созерцать славу Божию открыто, а «крыльями закрывают лицо своё»... (Ис.6:2). Из Откровения Божия мы также знаем, под какими священно-таинственными образами благоволил являться праведным людям Господь. Св. прор. Илии при горе Хориве Господь явился «в веянии тихого ветерка» и при том так, что слышан был только голос Божий, а лица Божия св. Илия не видел и не мог увидеть, потому что это невозможно для смертного человека, ибо Господь во Своей славе, невместим и неописуем для человека (3Цар.19:8–13). Не видел лица Божия и св. пр. Моисей, когда Господь говорил с ним в огненной купине в пустыне. Допустим даже, что милосердый Господь снизошёл бы к немощи человеческой и являл бы Себя в видении им в каком либо образе, полезно ли было бы людям в смысле укрепления их веры в Бога? Вспомним, что Господь И. Христос не похвалил Апостола Фому за то, что тот сгорал благочестивым желанием видеть Его по воскресении своими очами, а похвалил тех Своих учеников, которые уверовали в воскресение без испытания (напр., св. Иоанна Богослова – Ин.20:8). Напротив, св. Апостолам, а через них и всей Церкви Своей Христос заповедал: «блаженны не видевшие и уверовавшие» (Ин.20:29). Так некогда и неверных Иудеев Христос укорял: «вы и видели Меня и не веруете» (Ин.6:35). Посему мы, христиане, не стремимся видеть Бога телесными очами и познавать Его своими чувствами, а стараемся ходить, по Апостолу, «верою, а не видением» (2Кор.5:7). Мы даже уверены, что Бога не только видеть невозможно, но и грешно об этом мечтать. «Бога не видал никто никогда» (Ин.1:18), т. е., в божественной, неописанной, неприступной славе Его, – писал св. апостол Иоанн Богослов. Некогда Христос Господь вразумил св. апостола Филиппа о видении Божиим такими словами: «сколько времени Я с вами, и ты не знаешь Меня, Филипп? Видевший Меня, видел Отца, – как же ты говоришь: покажи нам Отца?

Разве ты не веришь, что Я в Отце и Отец во Мне?» (Ин.14:8–10). Эти слова Спасителя свидетельствуют, что мы не должны стремиться видеть Бога в небесной, неизреченной славе Его. Апостолы во время Божественного преображения на горе Фаворе с трудом могли вместить созерцание даже слабого отблеска неизреченной славы Божией. Они, как известно, были в необычайном страхе и даже некотором исступлении ума, ибо не знали, что говорить (Мк.9:6). А св. Церковь так мудрствует о богоявлениях Божиих грешным людям: «Бога человеком невозможно видети, на Него же не смеют чини ангельстии взирати» (Ирм. 6, гл. 9 п.). Итак, «постники» тяжко грешат, когда легкомысленно утверждают, что будто видят Бога и морочат этим других.

Но может быть хлыстам во время радений их действительно бывают видения, но только от бесов, которые имеют великую силу на прельщение людей гордых и являются иногда в образе Христа и святых ангелов (2Кор.11:14)? В житиях святых рассказывается, что таковые видения были, напр., свмч. Киприану, преп. Исаакию и Никите печерским. Воспроизведём для душевной пользы эти благочестивые рассказы. «Князь тьмы воздушные», т. е. диавол, явился Киприану, когда он был ещё языческим жрецом. Явившийся бес имел на голове своей золотой венец, одет был в дорогие одежды, как бы царские, и имел вокруг себя множество слуг. Киприан был усердным служителем диавола, но пламенные, усердные молитвы о нём св. Иустины (впоследствии мученицы), а также познание им силы животворящего креста Христова отогнало от него бесовские полки, и он бросил идольскую веру, сделавшись ревностным христианином, св. Киприан за святость жизни своей был посвящён

**№ 3. Особое приложение к жур. „Миссионерское
Обозрение“, кн. № 7 // Миссионерское обозрение.
1904 г. № 1–10. (Приложение) С. 49–72**

Вести о Русско-японской войне.

I.

Поселянин. Война и Пасха. С. 49–52

То великое торжество жизни, – конечная победа над смертью, или, вернее, уничтожение самой смерти, какое знаменует собой праздник Пасхи, – приобретает особый смысл теперь, в наши тревожные дни, когда смерть распростёрла свои крылья над столькими молодыми жизнями, когда, провожая братьев и сыновей своих в загадочную даль Востока, остающиеся с тоской и замиранием сердца готовы видеть уже наложенную печать смерти на милых, родных, полных одушевления и жизнерадостности, лицах... И кто знает, многие ли вернутся с поля, и кто, за те минуты, до того бодрый и сильный, расстанется внезапно с жизнью!

Война и смерть; смерть и война! Как близко, неразрывно сдружились, как побратались кровавым, неизбежным, роковым братством эти два страшные явления.

Если вы, сидя одни в тишине, столь абсолютной, что у вас начинает сжиматься сердце и в ушах докучно гудит, – если в такой тишине вы всматриваетесь через многие тысячи вёрст уда, на арену этой борьбы, если в воображении вашем война оживляет множество неживлённых вещей, и вам кажется, что на всяком телеграфном столбе всей линии между Артуром и Петербургом, через всё пространство двух главнейших материков мира, раздаётся шёпот, который вы стараетесь понять, то слово, которое чаще, докучнее, неотразимее всего будет доноситься вашему воображению, будет слово «смерть»!

И, под этот унылый шёпот самого унылого слова, будут вам представляться безотрадные картины; безжизненно-распростёртые трупы молодых, только-что полных ожиданий и бодрости людей, и на лицах, на которых опошляющее время не наложило ещё отпечатка общей обыденности и духовной смерти, на лицах, где, за минуту до того, так полно отражалась вся бесконечная гамма бесконечно-разнообразных чувств молодого человеческого сердца, появилась застывшая неподвижность: какое-то удивление тому, что они увидели, когда

спустилась к ним смерть, и уже ничем, никакой адской пальбой, никакими криками призыва или победы непробудимый покой.

И когда начинаешь думать об этих жертвах войны, как тоскливо сжимается сердце. Никогда уже не насладятся они красотой жизни. Весеннее солнце, и разлив рек, первый почти, цветение трав, золотистая жатва, багряная осень и белый снег полрой зимы, чудеса искусства, сладкие песни: всё настанет своей чередой – но ничем они уж не насладятся, не заиграет уж для них румянец на щеках девушки, и не остановится на них с любовью ничей взор. Холод могилы, одиночество, забвение, исчезновение...

Но, после этой первой жгучей тоски о молодых существованиях, – что цвели ещё так недавно, тут, возле нас, среди нас, – приходят иные мысли.

Так ли уж много они потеряли с этой жизнью?

Жизнь земная – отраженье,

Полу-звук и полу-цвет.

Смерть есть к жизни приближенье,

К жизни той, где смерти нет, ³⁰¹ –

и не началось ли для них теперь бесконечно – более светлое, радостное и желанное существование, весна краше нашей, всё же бледно, изменчивой и робкой весны, прерываемой так часто дуновением холода; гармония слаще и совершеннее наших всё же скучных и недостаточных песен; полное удовлетворение той невыразимой духовной жажды, что неизбежно, неутолимо томит здесь чутких, искренних людей, всякое больное сердце.

Да, пока смерть казалась последним пунктом людского бытия, и ничто не ждало человека за её наступлением, она была величайшим и неописуемым бедствием.

Но пришло христианство, и широко распахнуло двери в новый, чудесный мир, мир духовный, и показало, что здешняя жизнь есть лишь ничтожный клочок, жалкая пародия, слабый намёк на то безбрежное и бесконечно-прекрасное существование, которое открывается душе за земной смертью человека.

«Где твоё, смерть, жало; где твоя, ад, победа!» торжествующе восклицает христианство на том пире воскресения, жизни, бессмертия, который называется Пасхой. Христианство надругалось над смертью, растоптало её, вычеркнуло, вытравило и – на месте страшного раньше призрака конечного уничтожения, поставило с блаженной, манящей улыбкой непрерываемую, нескончаемую, смелую, в светлых чаяниях вечность.

Где же твоё, смерть, жало?

И вот, когда слуха вашего достигнет весть –

О новых ужасах войны,

При каждой новой жертве боя,

когда смерть вырвет такую жертву из близких вам людей, чьё отсутствие лишит жизнь вашу света, отрады и живых красок: плачьте о себе, а не о них. Не о том думайте, что они утратили с этой жизнью, а о том громадном, что приобрели с новым видом своего бытия.

Как знать, были ли они здесь вполне счастливы; всё ли дала им жизнь, чего они желали; было ли у них довольно сил, чтобы в первые дни молодости воплотить мечты ранней юности; не страдали ли они уже сильно от разочарования в людях, от ещё более тяжкого разочарования в себе, от трагического сознания, что –

Мы жалкое смешенье праха с Божеством,

Равно и Небу чуждые, и праху³⁰².

И среди весёлого праздника жизни, ещё, быть-может, не совсем им надоевшего, не звучала ли уже им назойливо и утомительно плавная, неизбежная нота земли:

Однозвучный жизни шум.

И вот, конец всей этой ограниченности, сжатости, бледности, этим напрасным сожалениям, обманутым грёзам, неудавшимся усилиям!

Спустилась волшебница смерть – и пришло бытие, счастливее, смелее, блаженнее всяких радужных снов.

Кто знает! Если бы в страшной обстановке боя, среди всех этих взрываемых на воздух, тонущих, застреливаемых людей, можно было проникнуть в то, что переживают они в свои

последние секунды; если бы в адском грохоте сражения мы подслушали шёпот не уст, не языка их, а шёпот их души; если бы в их взоре, уже умершем для мира, мы могли подглядеть восхищение, радость, то строгое выражение серьёзности и восторга, которое есть признак величайшего упоения души; если бы они могли хоть намёком дать нам понять о том, что прозрел их дух, готовый к отлёту с земли, за приподнявшейся для них завесой потустороннего мира, – как бы мы стали завидовать им, что ещё не сейчас увидим то, что уже видели они, что не сейчас будем столь же блаженны.

Как различно толкуют одно и то же явление язычество и христианство! Когда человек будет на войне, язычество произносит своё самое сумрачное слово: «гибель», и больше ничего сказать не умеет, – христианство говорит тогда: «бессмертие», – и называет тем самым славное, отрадное и радостное, что может произнести язык человеческий. Над гробом убитого солдата христианство ставит крест с изображением распятого на нём Бога, воскресшего и воскрешающего с Собой всякого умершего человека.

Что сказать, как достаточно преклоняться перед религией, которая освободила душу человеческую от величайшей угрозы, которая сердце, полное тревоги и великой тоски об изменчивости, непрочности и неизбежной гибели всего, что дорого сердцу, наполнило великим покоем загробных упований и указало ему очертания лучезарных, неотъемлемых селений и ликующей бесконечной жизни.

Какие захватывающие дух горизонты открывает смерть!

В преображённых, идеальных формах нам возвращены будут все те, к кому мы стремились, кого любили. И все мы и будем воздвигнуты в блистании такой совершенной красоты, в какой никогда не увидит нас скучная, недостаточная, тусклая и скорбная земля. (Моск. Вед.).

Поселянин

Алеев П. Т. Вещий сон. С. 53–54

На страстной неделе член адмиралтейств-совета вице-адмирал Владимир Павлович Верховский получил из Киева посылку в несколько пудов, при письме. По вскрытии посылки в ней оказался в высокой степени художественно-исполненный образ Богоматери в дивной резной раме.

Адмирала просят оказать содействие к скорейшей отправке этого образа в порт-артурскую церковь.

Вот вкратце история этого образа.

Ровно за два месяца до открытия японцами неприязненных действий в Киевскую лавру на дальние пещеры пришёл поговеть из Бессарабской губернии старик матрос из отбывавших севастопольское сиденье.

По его рассказу, он видел во сне Богоматерь, стоявшую спиной к заливу моря. В руках Богородицы был продолговатый плат с сиреневой каёмкой, а посреди плата нерукотворенный лик Спасителя. Хитон Божией Матери был синий, а верхнее одеяние коричневое. С правой стороны над её пречистым ликом архистратиг Михаил, а с левой архангел Гавриил. Над Ней ангелы держат в облаках карту, увенчанную другой короной из двух перекрещивающихся радуг с крестом наверху. ещё выше бесплотные силы поддерживают облака, на которых Господь Саваоф с надписью по сиянию: «Да будет едино стадо и един пастырь».

Богоматерь успокоила поражённого страхом матроса и поведала ему, что вскоре откроется тяжёлая война, в начале которой на долю России выпадут многие скорби. Владычица небесная приказала изготовить образ, точно изображающий видение престарелого матроса, и отправить эту святыню в порт-артурскую церковь, обещая помощь, покровительство и победу русскому воинству тотчас по прибытии образа к указанному месту.

Сон и видение старика-севастопольца стали известны богомольцам Киево-Печерской лавры. Когда пришли первые вести о войне, десять тысяч бомогольцев по пятачку (более от

одного лица не принимали) собрали суммы, необходимые на материалы. За работу никто ничего не взял.

Образ сделан точь-в-точь по указанию матроса-ветерана: сначала зарисовали штрихами, а потом сняли фотографию.

Достоин замечания, что удостоившийся видения старик, несмотря на скрюченные от возраста и труда пальцы рук, лично очень удачно исправлял композицию рисунка.

На светлой неделе высокопреосвященный Антоний, митрополит с.-петербургский, посетил супругов Верховских, любовался художественным исполнением образа и на вопрос адмирала изъявил согласие поставить этот образ временно в Казанский собор для всенародного обозрения.

К сожалению, этот план не удалось выполнить, так как со дня на день ожидается оказия отдельной отсылки образа, гарантирующей его сохранность.

Точная копия образа масляными же красками исполнена монахинями иконописной мастерской Новодевичьего монастыря на дому у гг. Верховских, так как последние не решились до отправки святыни в Порт-Артур расстаться с нею.

На образе эмалированной вязью написано:

«Торжество Пресвятые Богородицы. В благословение и знамение торжества христолюбивому воинству Дальней России от святых обителей киевских и 10.000 богомольцев и друзей».

Ещё одна пропущенная подробность. Обе стопы Богоматери попирают обнажённые и отточенные обоюдоострые мечи.

Высота образа с рамой 2 аршина 1½ вершка, а без рамы 1¾ аршина. Ширина 1½ аршина, а без рамы 1 аршин 1½ вершка.

Дубовые и лавровые листья рамы вырезаны до иллюзии художественно верно.

Художнику очень удалось глаза Богоматери: они живые.

Через два дня образ будет отправлен адмиралом Верховским к месту назначения.

П. Т. Алеев

II.

**Действия и распоряжения правительственной
власти. С. 54–58**

Высочайшие приказы по морскому ведомству С. 54–55

1 апреля: Главный командир черноморского флота и портов Чёрного моря, вице-адмирал Скрыдлов назначается командующим флотом в Тихом океане.

Государь Император, осмотрев 16 апреля прибывшие в С.-Петербург команды крейсера I ранга «Варяг» и мореходной канонерской лодки «Кореец» изволил остаться совершенно доволен блестящим их состоянием, здоровым и бодрым видом людей, за что изъявляет Монаршее благоволение флигель-адъютанту, капитану I ранга Рудневу 1 и всем штаб и обер-офицерам; нижним же чинам Его Величество объявляет Царское спасибо за молодецкую службу.

21 апреля. Его Императорское Величество, в присутствии своём в С.-Петербурге, апреля 16 дня 1904 года, соизволил отдать следующий приказ:

В воздаяние геройского подвига, совершенного чинами мореходной канонерской лодки «Кореец» в бою при Чемульпо 27 января сего года, совместно с крейсером I ранга «Варяг», против неприятеля, значительно превосходившего их силой и числом, Государь Император соизволил пожаловать орден св. великомученика и победоносца Георгия 4 степени: старшему офицеру лодки, капитану II ранга Засухину; лейтенантам: Степанову 3 и Левитскому; мичманам: Бойсману, Бутлерову и Бирилеву; корпуса инженер-механиков флота, младшему инженер-механику Франку; младшему врачу, лекарю Меркушеву.

21 апреля, Петербург. Приказ по Морскому ведомству от 17 апреля: «Во исполнение Высочайшего повеления предписываю эскадру, ныне находящуюся в водах Дальнего Востока, именовать «первой эскадрой флота Тихого океана», изготовляющиеся же к отправлению на Дальний Восток суда сформировать в эскадру, которой присвоить наименование «Вторая эскадра флота Тихого океана».

«Генерал-адмирал Алексей».

21 апреля, Петербург. Исправляющий должность начальника Главного Морского Штаба Свиты Его Величества контр-адмирал Рожественский назначен командующим 2-й эскадрой флота Тихого океана, с оставлением в настоящей должности.

Назначаются: старший флагман 2 флотской дивизии, вице-адмирал Безобразов – командующим 1-й эскадрой флота Тихого океана; исправляющий должность начальника главного морского штаба, свиты Его Величества контр-адмирал Рожественский – командующим 2-й эскадрой флота Тихого океана, с оставлением в настоящей должности и в свите Его Величества.

Свиты Его Императорского Величества контр-адмирал Рожественский, по случаю спешного изготовления к плаванию вверенной ему 2 эскадры флота Тихого океана, с соизволения Его Императорского Величества, освобождается от занятий по главному морскому штабу.

К исполнению обязанностей начальника главного морского штаба, на время отсутствия контр-адмирала Рожественского, управляющим морским министерством предложено вступить старшему из помощников начальника главного морского штаба, контр-адмиралу Вирениусу.

Циркуляр министра иностранных дел Российским представителям за границей 16 апреля. С. 56–57

Иностранной печатью за последнее время настойчиво распространяются слухи о возникших в среде некоторых европейских правительств намерениях оказать мирное посредничество для скорейшего окончания русско-японского столкновения. Полученные телеграммы сообщают даже, будто в этом смысле уже сделаны предложения Императорскому Правительству.

Вы уполномочены самым категорическим образом опровергнуть это известие.

Россия не желала войны; ею сделано было, в пределах возможности, всё, чтобы мирным путём разрешить возникшие на Дальнем Востоке осложнения. Но после вероломного нападения Японии, вынудившего Россию взяться за оружие, никакое мирное посредничество, очевидно, не может иметь успеха.

Равным образом, Императорское Правительство не допустит и вмешательства какой бы то ни было державы в непосредственные переговоры, которые последуют между Россией и Японией по окончании военных действий для определения условий мира.

Вышеизложенное сообщается вам для сведения и руководства.

* Начавшаяся на Дальнем Востоке война пробудила среди многих народов и, в особенности, в славянских землях живейшее сочувствие к России. Из некоторых стран стали поступать усиленные ходатайства местных жителей о допущении их добровольцами в ряды русской армии борьбы с Японией. Проявления столь самоотверженного участия глубоко проникли в сердце Верховного Вождя русского народа. Выражая живейшую признательность за проявленные чувства, но памятуя при этом, что силы и жизнь каждого нужны его собственной родине, Государь Император не находит

возможным соизволить на удовлетворение ходатайств о приёме добровольцев в русские войска.

* По приказанию военного министра в главном штабе учреждён особый отдел для сбора сведений об убитых и раненых офицерах и нижних чинах в войне с Японией.

По мере поступления этих сведений, они будут публиковаться в «Русском Инвалиде». Кроме того, все данные о нижних чинах будут сообщаться местным губернаторам для объявления родственникам убитых и раненых.

Объявляя о сём, главный штаб просит, относительно нижних чинов, все запросы родных и близких направлять не в главный штаб, а по принадлежности к местным губернаторам.

23 апреля (6 мая). По словам «Daily Chronicle», японский премьер-министр граф Кацура, в беседе с видным представителем одного из христианских исповеданий, заявил, что японское правительство гарантирует своё покровительство всем вероисповеданиям; иностранным миссионерам война не угрожает никакой опасностью. Настоящая война не есть война между христианством и язычеством и религиозные вопросы не играют в ней никакой роли, так как она начата японцами с целью обеспечить своё влияние на Дальнем Востоке. Японское правительство уже предостерегало представителей буддийской религии и религии Шинто, предлагая им не смешивать религиозных вопросов с политическими; хотя образованная часть нации находила излишним само предупреждение, так как не было случаев, чтобы христианин подвергся оскорблению.

От главного управления почт и телеграфов. С. 57–58

В виду возникших в публике сомнений относительно правильности доставления адресованных в маньчжурскую армию и на тихоокеанскую эскадру писем, главное управление почт и телеграфов считает нужным разъяснить порядок отправления корреспонденции на театр военных действий.

Корреспонденция из всех мест Империи направляется в главную полевую почтовую контору в Харбин где она сортируется. Письма, адресованные в сухопутные части войск, посылаются из Харбина в ближайшие к месту их нахождения полевые почтовые учреждения и затем выдаются непосредственно адресатам или доверенным лицам. Вследствие частых передвижений войск, а равно в случаях отдалённости полевого почтового учреждения от места расположения данной войсковой части, выдача корреспонденции, пересылаемой из одной местности в другую, подвергается некоторому замедлению, почему и письма неизбежно достигают получателей не всегда аккуратно.

Корреспонденция, адресованная чинам флота, также сортируется в Харбине, и те письма, в адресе которых имеется название судна, входящего в состав Владивостокской эскадры, направляются во Владивосток, а все остальные в Порт-Артур. В обоих этих пунктах корреспонденция выдаётся во всякое время дня и вечера доверенным от судов эскадры. Для полного же обеспечения доставки корреспонденции необходимо обозначать в адресе не только наименование эскадры, но и название судна, на котором находится получатель, что даёт возможность избежать засылки в Порт-Артур писем, адресованных, без обозначения имени судна, тем лицам, которые находятся на судах, стоящих во Владивостоке.

Жалоб на неполучение корреспонденции ни от войсковых частей, ни от отдельных лиц в местные полевые учреждения не поступало.

III.

Всеподданнейшие и официальные телеграммы с театра войны. С. 58–72

(С 16 марта по 25 апреля).

16 марта. От генерал-адъютанта Куропаткина. Всеподданнейше доношу Вашему Императорскому Величеству только-что полученное донесение генерала Мищенко, посланное им 15 марта, в 10 часов вечера: три дня мелкими разъездами до Чондчжю вызывали японскую кавалерию на движение к нам, но их разъезды при встречах тотчас же поворачивали и уходили в Чондчжю. Узнав, что четыре их эскадрона стоят в 5 верстах за Чондчжю, 14 марта передвинулся к Ноосану, а 15-го с 6 сотнями в 10 час. 30 мин. дня подошли к Чондчжю. Как только наши дозоры подошли к городу, противник из-за стен открыл огонь. Быстро спешив две сотни, заняли высоту, вплоть прилегающую к городу; с 600 шагов завязался бой. В городе находились в засаде около роты пехоты и эскадрон. Наши сотни были усилены ещё тремя сотнями, взявшими японцев в перекрёстный огонь. Несмотря на это и наше командующее положение, японцы упорно держались, и только после получасового ожесточённого огня они почти прекратили огонь, попрятались по фанзам, выставив в двух местах флаги Красного Креста. Вскоре по дороге из Касана показались три эскадрона, шедшие почти карьером со стороны Касана в город; двум из них удалось вскочить в город, третий же под залпами наших сотен в беспорядке повернул назад: видно было, как валились люди и лошади. После этого ещё целый час наши сотни расстреливали японцев в городе, не давая возможности им выбраться из улицы и фанз и развить огонь. Через полтора часа после начала боя по Касапской дороге показались наступающие бегом четыре роты. Я приказал подать коноводам, и все сотни, под прикрытием одной сотни, в полном порядке шагом прошли по ложине и вытянулись за горой в походную колонну, имея впереди раненых. Разбитые эскадроны, очевидно, не были в состоянии быстро занять оставленную нами высоту, а пехота опоздала. Отряд,

охранявший сзади, покойно дошёл до Куаксана, где сделал привал на 2 часа для перевязки раненых, и в 9 часов вечера достиг Ноосана. Я полагаю, что японцы понесли значительные потери людьми и лошадьми, но, к сожалению, у нас тяжело ранено три офицера: штабс-капитан Степанов, поручик Андреев в грудь и корнет Базилевич в живот. Серьёзно ранен сотник Шильников в руку и под лопатку, но остался в строю. Казаков убито трое, ранено 12, из них пятеро тяжело. Генерал Мищенко свидетельствует об отличном поведении в бою начальников, офицеров и казаков, в особенности третьей сотни Аргунского полка, под командой подъесаула Красностанова, и о выдающейся храбрости раненых офицеров.

17 марта. Всеподданнейше доношу Вашему Императорскому Величеству: генерал Мищенко доносит от 16 марта, что, по рассказам жителей Чондчжю, в бою 15 марта у этого города японцы потеряли более 40 человек убитыми; 100 раненых отправили в Анчжю, собрав для этого 500 носильщиков-корейцев; также понесли большие потери в лошадях.

Утром 16 марта скончался раненый в бою 15-го у Чондчжю штабс-капитан Степанов.

24 марта. Генерал-майор Кашталинский доносит 23 марта, что на Ялу всё спокойно. Против Тюринчена, на острове Матуцео, охотники имели перестрелку с аванпостами японцев у Ичжу; у нас потерь нет, у японцев убитых 5, число раненых неизвестно. Склады в русском посёлке Ионампо разграблены и сожжены. В Ионампо небольшой отряд – около 300 человек японской пехоты.

30 марта. Генерал Кашталинский в ночь на 26 марта направил команды охотников на левый берег Ялу, против Ичжу. Команды охотников, при поручике Демидовиче и подпоручике Потемкине, переправились на остров Сомалинда и захватили врасплох японскую разведочную партию, человек в 50, пристававшую в это время на 3 лодках к восточному берегу острова. Дав им высадиться, охотники бросились на «ура», и почти все японцы были переколоты, перестрелены или утонули,

а лодки взорваны. У нас потерь не было. Особенно отличились унтер-офицеры: Лучкин и Сумашедов.

На другой день японский флаг в Ичжу был приспущен, а видимые ранее посты отодвинуты назад.

В ночь на 27 марта 4 охотника переправились к Ионампо на русский посёлок, где обнаружили эскадрон. Охотники, пробыв там 12 часов, были выданы корейцами и принуждены были броситься вплавь, так как их лодка стала на мель; при этом погиб ефрейтор Роман Харьков. Гнавшиеся на лодке японцы наткнулись на нашу лодку, шедшую на помощь пловцам, и были перебиты, а их лодка потоплена.

31 марта. Из Порт-Артура, от командира порта контр-адмирала Григоровича: Броненосец «Петропавловск» наскочил на мину, взорвался, опрокинулся. Наша эскадра под Золотой Горой; японская приближается.

Адмирал Макаров, по-видимому, погиб.

Великий Князь Кирилл Владимирович спасён, легко ранен.

От генерал-адъютанта Куропаткина. Генерал Кашталинский доносит: утром 30 марта в перестрелке с японцами на передовых постах убит лихой офицер 12-го полка поручик Демидович; унтер-офицер Лучкин, представленный уже за подвиги к двум наградам, и два стрелка убиты и два ранены.

1 апреля. От контр-адмир. кн. Ухтомского. 21 марта, в 10 часу, во время маневрирования эскадры на порт-артурском рейде, в виду неприятельского флота, броненосец «Петропавловск», под флагом командующего, после взрыва опрокинулся. Погибли командующий флотом и начальник штаба. Спасены: Великий Князь Кирилл Владимирович, командир Яковлев, лейтенанты: Унковский, Иениш и Дукельский; мичманы Владимир Шмидт и Шлиппе и 52 матроса. Подобраны тела капитана 2-го ранга Васильева, мичманов Акимова и Бурачка, доктора Волковича и нескольких матросов.

Из миноносцев, высланных вчера в ночную экспедицию, миноносец «Бесстрашный», за ненастной погодой, отделившись от отряда, был окружён неприятельскими миноносцами и в бою с ними погиб. Спасено 5 человек.

После гибели броненосца «Петропавловск», временно вступил в исполнение обязанности командующего флотом.

При перестроении эскадры броненосец «Победа» получил удар миной в середину правого борта. Броненосец самостоятельно вошёл в гавань. Убитых и раненых нет.

2 апреля. От наместника генерал-адъютанта Алексеева. Всеподданнейше доношу Вашему Императорскому Величеству: сего 2 апреля, с 9 часов 15 минут утра до полудня, японский флот, в составе 14 боевых судов, разделившись на 2 отряда, поочерёдно производил от Ляотешана бомбардировку крепости и города. Неприятель выпустил 185 снарядов. На бомбардировку отвечала с якорных мест перекидным огнём наша эскадра, в том числе броненосец «Победа», а также и батареи. На берегу раненых 5 нижних чинов гарнизона. На судах потерь в людях и повреждений не было. Среди китайцев на берегу убитых 7, раненых 3.

5 апреля. От генерал-адъютанта Куропаткина. Генерал Кашталинский доносит: 4 апреля, на Ялу, перемен нет. На островах наши передовые посты стоят шагов на 600 от японских, но на ночь японцы отодвигаются.

7 апреля. Генерал Кашталинский доносит: 6 апреля на Ялу спокойно. Против Голуцзы и выше японцы строят окопы. Число японских войск увеличивается и они сосредоточиваются к Ичжу, распространяясь в то же время на север вдоль Ялу. Огни японских военных судов замечены казачьими постами у бухты Чинтайзы, против деревни Поттииза, в 25-ти верстах западнее Татунгоу. Суда стоят в расстоянии до 50-ти вёрст от берега. По сведениям генерала Мищенко, японские суда замечены также у Сенчжена.

8 апреля. От наместника генерал-адъютанта Алексеева. Всеподданнейше доношу Вашему Императорскому Величеству: 29 марта эскадра в полном составе выходила по створу на 6 миль на юг в море, для производства эволюций и к вечеру вернулась в гавань.

30 марта отряд из 8-ми миноносцев выходил для осмотра островов, имея приказание, при встрече с неприятелем, его атаковать. Во время ночного перехода и сильного дождя от

отряда отделились три миноносца, из которых два пришли с рассветом в Артур, причём один из них, встретив 4 неприятельских миноносца, обошёл их мористее. Третий миноносец «Страшный», согласно показаниям нижних чинов, встретив несколько идущих японских миноносцев, принял их в темноте за свои, почему, сделав опознательный сигнал, пошёл совместно с ними, но с рассветом был узнан неприятелем. В последовавшем бою, на близком расстоянии, убиты командир капитан 2-го ранга Юрасовский, мичман Акинфиев, механик Дмитриев и большинство команды. Раненый лейтенант Малеев продолжал лично стрелять по неприятелю из пулемёта. Вышедший 31 марта на рассвете на встречу миноносцам крейсер «Баян» шёл полным ходом на выручку и около 16 миль от Артура увидел сражавшийся с 4-мя японскими миноносцами миноносец «Страшный», на котором вскоре последовал взрыв, и он затонул. Отогнав выстрелами неприятельские миноносцы, крейсер «Баян», подойдя к месту боя и спустив шлюпки, успел спасти оставшихся, к сожалению, всего 5 человек, плававших на поверхности. Спасая людей, крейсер вынужден был правым бортом вступить в бой с подходившими 6-ю японскими крейсерами. Подняв шлюпки, «Баян» пошёл в Артур, не понеся потерь или повреждений, хотя и получил много осколков снарядов. На подкрепление ему спешили «Диана» и 5 миноносцев. В это же время вышли на рейд остальные крейсера, броненосцы «Петропавловск» и «Полтава» и часть миноносцев. Остальные броненосцы выходили ещё из гавани. Построившись в кильватерную колонну, с «Баяном» головным и миноносцами на фланге, командующий флотом пошёл к месту боя «Страшного», куда вновь подошли японские миноносцы и крейсера. После короткой перестрелки, с 50-ти кабельтовых, неприятельские суда повернули в море. В 8 часов 40 мин. утра открылась эскадра японских броненосцев из 9-ти судов, почему наши суда пошли к Артуру, на рейде к ним присоединились «Победа», «Пересвет» и «Севастополь», выходивший из прохода. Эскадра затем построилась в следующий строй: «Аскольд», «Баян», «Диана», «Петропавловск», «Победа», «Новик», пять миноносцев и два минных крейсера на левом

траверсе. Подойдя к входному створу, миноносцам сигналом было приказано идти в гавань, а крейсерам вступить в кильватер. Перестроившись, «Петропавловск», находясь головным, повернул на ост и стал склоняться вправо к неприятелю. В 9 час. 43 мин. у правого борта «Петропавловска» последовал взрыв, затем второй под мостиком, более сильный, с густым высоким столбом жёлто-зелёного дыма, причём фок-мачта, труба, мостик и башня поднялись кверху. Броненосец накренился на правый борт, корма приподнялась, оголив работавший на воздухе винт, и «Петропавловск», объятый весь пламенем, не более как через 2 минуты потонул, погружившись носом. Часть людей спаслась на юте. Крейсеру «Гайдамак», находившемуся в одном кабельтове от «Петропавловска», своими шлюпками и прямо с крейсера удалось спасти Его Императорское Высочество Великого Князя Кирилла Владимировича, 2 офицеров и 47 человек команды. Подоспевшие миноносцы и шлюпки с «Полтавы» и «Аскольда» также спасали людей. Всего спасено офицеров 7, низших чинов 73. Следовавший в кильватере в 2 кабельтовых броненосец «Полтава» застопорил машину и оставался на месте гибели. По сигналу младшего флагмана контр-адмирала князя Ухтомского, остальные суда пошли ко входу, перестраиваясь в кильватер «Пересвету». При пересечении линии створа, под правым бортом броненосца «Победа» последовал взрыв миной. Броненосец накренился, но продолжал путь и вошёл в гавань, а за ним все остальные суда. Неприятель продолжал держаться в виду до 3 часов и удалился. Ночью, предшествовавшей выходу эскадры, были замечены вдали на рейде огоньки и силуэты судов, причём командующий флотом лично наблюдал до утра за всем происходившим с дежурного крейсера «Диана», стоявшего на наружном рейде на бочках, и съехал с него в 4 часа утра.

В заключение приемлю смелость всеподданнейше доложить, что, не взирая на неудачи, постигшие тихоокеанский флот, дух команды остаётся на высоте своего долга и высокомилостивые слова Вашего Императорского Величества, обращённые к морякам в тяжёлую минуту испытаний, служат

высоким утешением и поддержкой всему личному составу в его трудах, направленных к преодолению врага во славу возлюбленного Монарха и Отечества.

От генерал-адъютанта Куропаткина: Всеподданнейше доношу Вашему Императорскому Величеству, что японские офицеры Щезо-Юока и Тейока-Оки, задержанные близ станции Турчиха с тремя коробками бикфордова шнура, разводным французским ключом, динамитными патронами, инструментами для порчи дороги, полутора пудами пироксилиновых шашек, хорошими планами Монголии, Маньчжурии, Северной Кореи и записными книжками, временным военным судом в городе Харбине, 7-го апреля, признаны виновными в том, что, принадлежа к составу японской действующей против России армии и имея намерение, в целях содействия успехам этой армии, разрушить или повредить русские железнодорожные и телеграфные сооружения, они, Юока и Оки, запаслись пироксилином и иными принадлежностями для порчи вышеупомянутых сооружений, проникли тайно в пределы Маньчжурии, где и были задержаны русскими разъездами в 30-ти верстах к юго-западу от станции Турчиха китайской восточной железной дороги, одетыми в монгольские одежды, в которые они облеклись для сокрытия своей национальности и принадлежности к японской армии. За означенное деяние, согласно второй части 281 статьи воинского устава о наказаниях, Юока и Оки приговорены к лишению прав состояния и к смертной казни через повешение. Приговор этот я утвердил, но, во внимание к их офицерскому званию, согласился заменить им повешение – расстрелянием с теми же право лишениями. Просьбу осуждённых о даровании им жизни я отклонил. Приговор приведён в исполнение 3-го апреля, в 6 часов вечера.

На Ялу 6-го и 7-го апреля спокойно, перемен нет. В ночь на 6-е против мыса Товер-Гилл, западнее Кайчжоу, был замечен пароход, выславший, по-видимому, для промеров, шлюпки, скоро отошедшие назад.

9-го апреля. От наместника генерала-адъютанта Алексеева. Ряд разведок на Ялу установил, что японцы стянули

севернее Ичжу значительные силы, около дивизии, а также стали быстро стягивать войска в Ичжу, откуда корейское население выселено. Есть донесение о провозе грузов, похожих на понтоны.

Против Мабихе, на острове, нашими охотниками убиты 2 японских разведчика; один, по-видимому, офицер. На правом фланге нашими охотниками несколько дней велась смелая разведка левого берега Ялу, установившая, что войск южнее реки Помахуа немного, но японцы заняты здесь заготовкой лодок. Туда днём на трёх лодках направилась наша команда, в составе 2 офицеров и 32 нижних чинов, но была обнаружена и потеряла в перестрелке убитыми трёх стрелков; тяжело ранены штабс-капитан Змеицын и 11 стрелков, легко ранены подпоручик Пушкин и 4 стрелка. Под прикрытием огня 2 наших орудий команда отошла на наш берег.

Всеподданнейше доношу Вашему Императорскому Величеству: 9-го апреля, при постановке минного заграждения с паровых шлюпок, от преждевременного взрыва одной мины под кормой шлюпки погибли минный лейтенант Пётр Пелль и 20 нижних чинов.

12 апреля. От генерал-адъютанта Куропаткина. Генерал Засулич 11 апреля доносит: в последние дни было замечено, что в ближайших окрестностях Ичжу и у деревни Сиру, в 15 верстах выше, японцы разгружают понтоны, собирают лодки и готовят материал для моста. 10 апреля в 15 верстах ниже Сяопусихе, переправился их отряд силой до 2 рот с небольшой конной частью. Генералом Засуличем приняты меры для поддержания наших передовых застав. Неприятель в незначительных силах обнаружен также против Сяопусихе и у Пектона. В 20-ти верстах выше Сяопусихе замечены приготовления к переправе. В южном районе Ялу в течение 11 апреля было всё спокойно.

14 апреля. От наместника ген.-адют. Алексеева. Адмирал Иессен, находившийся в море с крейсерами и миноносцами, 12 апреля отделил последние в Гензан. Миноносцы взорвали на рейде японский коммерческий пароход, команда которого была

свезена на берег, после чего в тот же день возвратились к отряду.

Торг. тел. аген. из Порт-Артура, 14 апреля. Здесь всё спокойно. Сегодня на месте гибели «Петропавловска» расстреливали всплывшие японские мины. Почта из Европы прибывает сюда два раза в неделю.

Из Порт-Артура телеграфируют: Ряд опытов с нашими подводными лодками дал блестящие результаты, лодки готовы для действий против неприятеля.

В виду Гензана появились 3 русских крейсера. Население города бежало во внутренние области, захватив с собой женщин и детей, так как считали бомбардировку порта неминуемой. Но русские крейсера только произвели разведку берегов и ушли. Люди с потопленного нашими миноносками близ Гензана японского купеческого парохода «Гейомару» все спасены и свезены на берег.

14 апреля. От контр-адмирала Иессена. В Гензане 12 апреля два наши миноносца взорвали японский пароход «Гейомару», водоизмещением 500 тонн, предварительно спустив с него на берег всех людей. Того же дня, около 8 часов вечера, был взорван в море японский пароход «Наканура-мару» около 220 тонн, с которого принял людей к себе. Ночью, в 1 час 30 мин., взорван ещё японский военный транспорт «Киншию-мару», в 4.000 тонн водоизмещения, с грузом риса, других военных припасов и около 1.500 тонн угля. Транспорт вооружён четырьмя 47-миллим. пушками Гочкиса. Сдавшихся 17 офицеров, 20 нижних чинов, 85 военных носильщиков (кули) и 65 человек команды принял к себе. Оставшаяся без офицеров остальная часть десантного эшелона не только отказалась наотрез сдаться и перейти на наш крейсер, но оказала вооружённое сопротивление, а потому была потоплена вместе с транспортом.

16 апреля. От заместника генерал-адъютанта Алексеева. Ночью 15 апреля видны были неприятельские суда, которые держались в 6-мильном расстоянии от Артура.

Утром около 8 часов 10 японских крейсеров с 6 миноносцами были видны в Уссурийском заливе.

16-е и 17-е апреля. Сообщения Главного Штаба о положении дел на реке Ялу. Из телеграмм командующего маньчжурской армией генерал-адъютанта Куропаткина, полученных 18-го сего апреля, видно, что переправившиеся на правый берег реки Ялу, близ деревни Сындягоу, японцы заняли деревни Хусан и Лизавен. Генерал Засулич, имея в виду вновь занять Лизавен и высоты у Хусана, после произведённой 16-го апреля усиленной разведки занятых японцами позиций, назначил отряд под начальством генерального штаба подполковника Линда. Позиции у Лизавена и Хусана оборонял японский отряд, в составе двух батальонов 4-го гвардейского полка с горными орудиями и с небольшой частью гвардейских кавалеристов. При содействии огня нашей артиллерии от Потетинцы, наш отряд выбила, японцев с позиции, потеряв двух стрелков убитыми и 13 ранеными. Японцы оставили на позиции 10 убитых, 26 раненых; кроме того, некоторая часть раненых была унесена, а некоторые сползли по скатам к реке Ялу. Горную батарею японцы увезли.

Заняв высоты у Сындягоу, наш отряд попал под сильный огонь японской батареи, расположенной к северу от Ы-чжу. Два наши орудия обстреляли понтонный мост, который японцы вынуждены были развести. Японский отряд от Лизавена и Хусана отступил, частью к Ялу, частью на север. На позиции японцев пока найдено 10 винтовок, много патронов, амуниции и карты.

Особенно молодецки действовали охотники 10-го и 12-го полков, под командой поручика Янчиса.

16-го же апреля в 10 часов утра японский отряд силой до 1,500 пехоты с 2 орудиями начал переправу у Амбихе и Шогопудзы. У устья Амбихе находился небольшой наш отряд подполковника Гусева. Отряд этот вынужден был отойти под непрерывным огнём двух шестиорудийных японских батарей, потеряв четырёх нижних чинов ранеными и подполковника Гусева контуженным в голову и левую руку. Наши горные орудия за дальностью расстояния отвечать не могли. К отряду отправлено подкрепление с приказанием прогнать японцев за Ялу.

От генерала Мищенко получено донесение, что утром 16-го же числа с японских судов при устье реки Ялу был открыт огонь по нашим войскам, продолжавшийся 20 минут и не нанёсший никакого вреда. У Инкоу всё спокойно.

17-го апреля с 10 часов утра до 5-ти дня японцы обстреливали нашу позицию у Тюренчена с батареей левого берега, в коих ими было выставлено до 24-ти 12-сантиметровых орудий, расположенных в отлично маскированных окопах. Неприятель выпустил не менее 2.000 снарядов, но позиция у Тюренчена по-прежнему прочно занята нашими войсками.

Утром же 17-го японцы вновь перешли реку Ялу у Сындягоу и атаковали наши войска, расположенные на высотах у селения Хусана, обходя их левый фланг: Вследствие значительного превосходства сил наш отряд отошёл на позицию у селения Потетынцзы.

Наши потери на Тюренченской позиции: убит подполковник Пахалов; тяжело ранен в голову командир батареи 6-й артиллерийской бригады подполковник Малер; ранены: 6-й артиллерийской бригады полковник Местер, капитан Воробьев, штабс-капитан Сапожников, поручик Филадельфов и 2-го сапёрного батальона штабс-капитан Атрошенко.

На позиции у Хусана тяжело ранен в голову поручик 22-го полка Антропов.

Потеря в нижних чинах на обеих позициях точно ещё не определена, но по имеющимся ныне сведениям убито трое и ранено девятнадцать.

18 апреля. С 4 часов утра 18-го апреля японские полевые и 12-сантиметровые батареи открыли сильнейший огонь по Тюренченской позиции и по войскам, расположенным у Потетынцзы. Подавляющее превосходство японцев в количестве артиллерии и большие потери, понесённые от огня частями, занимавшими эти позиции, заставили генерала Засулича признать несоответственным удерживать долее Тюренченскую позицию. Войскам приказано отходить, задерживаясь на попутных позициях. Ко времени отправления генералом Засуличем телеграммы, войска от Тюренчена и

Шахедзы в полном порядке отходили на вторую позицию, а у Потетынцзы и Ченгов ещё шёл бой.

19 апреля. От командующего Маньчжурскою армией генерал-адъютанта Куропаткина на имя Его Императорского Величества:

Вследствие перерыва телеграфного сообщения, не имею донесений от генерала Засулича. По показаниям лиц, прибывших ночью из Фынхуанчена, 18 апреля, японцы, действуя с фронта подавляющей артиллерией, превосходными силами атаковали наш левый фланг, охватив его. Здесь произошло жаркое дело, в котором приняли участие 22-й и 12-й стрелковые полки. Защищаясь упорно, переходя в наступление, нанеся японцам тяжёлые потери, наши слабые силы не могли удержать позиции и отступили, оставив в руках неприятеля несколько орудий. Большая убыль людей и лошадей не позволила вывезти орудия из боя; замки вынуты. Отряд отошёл к Фынхуанчену.

Всего в распоряжении генерала Засулича в день боя было пять полков и пять батарей; из них, по полученным сведениям, полк и две батареи, находившиеся у Шахедзы, не приняли участия в бою, ибо японцы с этой стороны атаки не вели. Потери ещё не приведены в известность, но в виду упорства боя должны быть весьма значительны.

19 апреля, от генерал-лейтенанта Сахарова в Главный Штаб: Восемнадцатого апреля, к берегу, западнее Сыпьючена, не ближе шести вёрст, подходили два судна, по-видимому, миноносцы. К западу от Гайчжоу усмотрены сначала два парохода, крейсировавшие около берега до трёх часов пополудни, а затем эскадра в десять судов, удалившаяся по направлению на северо-запад. Около Инкоу судов не появлялось.

20 апреля. Согласно донесению генерала Засулича от 20 апреля, бой на Тюренченской позиции 18 апреля происходил в следующей обстановке.

В бою на указанной позиции участвовали 12-й и 22-й полки, 2-я и 3-я батареи 6-й артиллерийской бригады. Бой начался усиленным обстреливанием нашего правого фланга из батарей

с орудиями осадного калибра от Ы-чжу и полевых батарей на островах. После некоторого затишья огонь возобновился с чрезвычайной силой, против нашего левого фланга главной позиции у Тюренчена и против нашей позиции у Потетынзы. Началась и ружейная пальба пачками. Японцы двинулись в атаку через реку Эйхо. Положение защитников позиции, особенно у Потетынзы, обстреливаемой с фронта и с флангов, становилось всё затруднительнее.

Против нашей батареи у Потетынзы выставлено было 30 орудий. Наша батарея, заставив замолчать неприятельскую горную батарею, перенесла огонь на пехоту и имела мало потерь, пока не была вынуждена занять другую позицию, вследствие отхода нашей пехоты от берега.

Японцы, поражаемые нашим огнём, производили непрерывные атаки всё свежими войсками, но не решались бросаться в штыки. У переправ образовался вал из их трупов. Одновременно с атакой на Потетынзы произведена была атака и на левый фланг Тюренченской позиции, причём наши нижние окопы, обстреливавшиеся анфиладным огнём японских батарей, должны были быть оставлены. Наши резервы, несколько раз вливаясь в передовую линию, дали возможность долго держаться на позиции, но затем они слились с передовыми частями, а из главного резерва, за большим его удалением, нельзя было вовремя поддержать войска. Наши отошли с главной позиции на тыловую за Тюренченом спокойно, преследуемые лишь сильным огнём японцев, которые не решались спуститься с гребня и, встреченные нашим огнём с батарей и пулемётов, стали окапываться.

По нашей новой позиции противник открыл сильный артиллерийский огонь и стал обходить левый фланг на Чингоу. На Ляуфан-гоу выдвинуты из главного резерва два батальона 11-го полка и третья батарея 3-й артиллерийской бригады, которые заняли позицию с обстрелом на два фронта и тем дали возможность отойти нашим сильно потерпевшим передовым частям и раненым.

Обойдённому противнику с обоих флангов и тыла батальоны 11-го полка, чтобы пробиться, несколько раз с

музыкой бросались в штыки. Японцы не принимали штыкового удара и бросались назад. Впереди полка шёл полковой священник с крестом, раненый двумя пулями. Только штыковая работа дала 11-му полку возможность пробиться до прихода батальона 10-го полка, под прикрытием которого все части отошли.

Потери в 11-м и 12-м полках очень велики и пока ещё точно не выяснены. В 11-м полку убиты: командир полка полковник Лайминг и 2 батальонных командира: подполковники Дометти и Раевский; в 12-м полку убито из строя убитыми и ранеными 9 ротных командиров. 2-я и 3-я батареи 6-й бригады, потеряв большую часть лошадей и людей, не были в состоянии вывезти орудий и оставили их на позиции, предварительно приведя в негодность. По той же причине не могли быть вывезены с позиции 6-ть орудий 3-й батареи 3-й бригады и 8 пулемётов, кои приведены также в негодность. Гористая местность не позволила спасти орудий при помощи людей. В Фынхуанчен поступило в госпиталь пока 800 раненых, в том числе 14 офицеров, дальнейшая перевозка которых вполне обеспечена.

К юго-востоку от Фынхуанчена появилась японская кавалерия, но, заметив выставленные против неё две роты при двух орудиях, не осмелилась приблизиться.

До Фынхуанчена раненые доставлены с большими затруднениями нанятыми китайцами-носильщиками, на двуколках и на лошадях конных охотничьих команд, но большинство шли пешком, поддерживаемые товарищами, и в течение суток добрались до Фынхуанчена.

Генерал Засулич свидетельствует, что войска, несмотря на большие потери, нравственно остались сильными и готовыми вновь постоять за себя. Потери японцев очень тяжки; на переправах через Эйхо, на внутренней стороне Тюренченской позиции и на высоте, где занимали позицию два батальона 11-го полка, лежало трупов, по показанию участников в бою, не менее трёх-четырёх тысяч.

20 апреля. От наместника генерал-адъютанта Алексеева. Всепреданнейше доношу Вашему Высочеству об успешно отбитой в эту ночь 20 апреля новой атаке, произведённой

неприятелем на Порт-Артур с целью закрыть вход в гавань. В 1 час ночи с восточных батарей, близ берега, были обнаружены пять миноносцев, которые под огнём батарей и судов обороны отошли к югу; в 1 час. 25 мин. показался при нескольких миноносцах, первый пароход-брандер, по коему был открыт огонь с батарей и судов: через $\frac{3}{4}$ часа за сим в лучах прожекторов был усмотрен целый ряд пароходов-брандеров, направляющихся ко входу в гавань с востока и юго-востока.

«Отважный», «Гиляк», «Гремящий» и батареи берегового фронта метким непрерывным огнём отражали каждый пароход. Действием преимущественно энергичного артиллерийского огня, минами Уайтхеда с миноносцев и минных катеров, а также взрывом нескольких мин заграждения, на рейде потоплены восемь пароходов.

Сверх того, по донесению начальствующих лиц батарей и лодки «Гиляк», были уничтожены два миноносца. В начале 5 часа утра батареи и лодки прекратили огонь, стреляя изредка по миноносцам, которые держатся на горизонте. Все брандеры были вооружены скорострельной артиллерией и пулемётами, из которых неприятель действовал непрерывно. Из числа искавших спасения на шлюпках до сего времени задержаны и сняты нами с брандеров 30 человек, в том числе два смертельно раненых офицера.

Осмотр рейда и подборание людей затруднено большой зыбью.

У нас потерь не было; легко ранен один нижний чин миноносца «Боевой». При появлении первого брандера с миноносцами я, в сопровождении начальника полевого штаба генерал-лейтенанта Жилинского и фланг-капитана 1-го ранга Эбергарда, переехал на лодку «Отважный» для непосредственных распоряжений по отражению атаки брандеров, причём на укреплениях находился генерал-лейтенант Стессель, а на лодке «Гиляк» – контр-адмирал Лощинский, по должности начальника обороны рейда.

21 апреля. Генерал Кашталинский доносит: считаю долгом донести обстоятельства тяжкого, но славного боя, ведённого войсками под моим начальством с превосходными силами

японцев 18-го сего апреля у Тюренчена. Уже утром 17-го апреля японцы стали теснить мой левый фланг, занявши накануне с боя Хусанские высоты, почему мной и было приказано батальонам 22-го полка, занимавшим Хусан, отойти через Эйхо на позицию в Потетынзы. В этот же день с утра началась необычайно жестокая и продолжительная бомбардировка всей Тюренченской позиции от Ичжю. Чувствовалось, что японцы после этой бомбардировки, когда было выпущено свыше 2.000 снарядов, предпримут наступление в ночь на 18 апреля: Я получил приказание генерала Засулича принять бой, оставаясь на прежней позиции. На левом фланге моей позиции броды у Потетынзы обороняло два батальона 22-го полка и 3-я батарея 6-й бригады. Японцы начали наступление в 5 часов утра, направив на броды через Эйхо не менее дивизии пехоты, которая в колоннах, понеся огромные потери, перешла броды и атаковала позицию, обстреливаемую во фланг от Ичжю огнём 36 полевых и батареей осадных орудий. 12-й полк занял тыловую позицию под прикрытием 2-й батареи 6-й бригады и пулемётной роты, остановивши жестоким огнём наступление японцев. Около полудня я узнал, что японцы сбили батальон 22-го полка, состоящий у Чингоу, и обходят мой левый фланг. К часу дня подошли к моему левому флангу два батальона 11-го полка и батарея подполковника Муравского, выдвинутые из резерва генералом Засуличем, с приказанием держаться до отхода 9-го и 10-го полков из Шахедзы. Я указал 11-му полку занять командующую тыловую позицию с обороной на два фронта, а батарею Муравского – вернуться к резерву, 12-му же полку, 3-й батарею и пулемётам – отходить под прикрытием 11-го полка. Части арьергарда на позиции выводил начальник моего штаба. К часу дня японцы близко придвинулись к позиции 11-го полка, так что 3-я батарея не могла пройти на дорогу, обстреливаемую перекрёстным огнём, и, став на позицию в близком от японцев расстоянии, осталась на ней до конца боя, потеряв командира подполковника Муравского. С арьергардной позиции отведена первой пулемётная рота, командир которой, видя трудное положение батареи подполковника Муравского, по своей инициативе занял позицию, потерял половину личного

состава и весь конский; сделал попытку протащить пулемёты по горам на людях, расстреливаемый перекрёстным огнём. Пулемёты выпустили около 35.000 пуль. Части 12-го полка пробились и вынесли знамя; 2-я батарея 6-й бригады, попытавшись пройти к резерву по другой дороге, не могла подняться на горы с половиной конского состава и, выехав вновь на позицию, поддержала атаку 11-го полка, 11-й полк держался на позиции ещё два часа и с значительными потерями пробился в штыки через перевал, вынеся знамя; при этом погиб командир 11-го полка полковник Лайминг. Наши потери около 2.000 нижних чинов и около 40 офицеров. Потери японцев должны быть огромны.

23 апреля, от генерал-майора Флуга Военному Министру. По полученным известиям, к вечеру 21 числа против Бицзыво показалось сначала 7, а затем около 40 неприятельских транспортов. Утром 22 числа японцы начали высадку у Бицзыво и на побережье близ мыса Терминаль, поддерживая её артиллерийским огнём. В это время наблюдалось на всём фронте высадки около 60 транспортов. Наши посты отошли от берега, документы почтово-телеграфной конторы в Бицзыво вывезены, русское население покинуло город. По словам китайцев, к вечеру 22-го высадилось уже около 10 тысяч неприятельских войск, которые расположились по квартирам в китайских деревнях близ пунктов высадки. Неприятель выслал две колонны, около полка каждая, – одну в западном, другую в юго-западном, направлениях. Сего числа пассажирский поезд, следовавший из Артура, не доходя 2 вёрст до Вафандяня подвергся обстреливанию японской пехоты в числе около 100 человек, которая заняла высоту с восточной стороны дороги; в поезде находилось много пассажиров и около 200 человек больных в санитарных вагонах под флагом Красного Креста; двое больных ранены в ногу навывлет; поезд ускоренным ходом благополучно проследовал к Вафандяню. В Приморской области и Инкоу спокойно.

23 апреля, от генерала-лейтенанта Стесселя.: «Неприятель 17 и 18 апреля перешёл Ялу в больших силах, наши отошли на позиции, заранее выбранные. Вчера противник произвёл

значительную высадку в Ляодуне, южнее Бицзово, близ бухты Кин-чан. Теперь начнётся наше дело. Противник, разумеется, прервёт сообщение по железной дороге, и постарается оттеснить войска наши до Порт-Артура и обложить крепость Порт-Артур – оплот России – на Дальнем Востоке. Вы отстоите его до подхода войск, которые придут нам на выручку. Считаю долгом указать вам, что необходимо быть всегда бдительными, осмотрительными, готовыми к тому, чтобы везде встретить противника в порядке, достойном славных русских войск, и ни от каких случайностей не теряться: помните, что на войне всё бывает и что с Божией помощью мы сможем выполнить возложенную на нас трудную задачу».

Герой священник (о. Щербаковский).

Раненый, с свинцом в груди
Не в тылу, не с края,
Шёл он гордо впереди,
Кровью истекая.
Смело он в главе полка
Смерти шёл в объятья;
Крепко стиснула рука
Медное Распятые.
А кругом толпы врагов
Тесно цепь сомкнули;
Топот, свист; не слышно слов
В грохоте и гуле.
Но вперёд священник шёл
Неотступно в битву,
И слился его глагол
В тёплую молитву.
Без меча, без лат, один
Шёл с Распятые медным;
Шёл, как грозный паладин,
С символом победным.
Окружённая врагом,
Рать одушевлялась,
И стихийное, как гром,
Вдруг „ура“ раздалось.

Вновь „ура“ среди солдат
Вихрем пролетело.
Цепь прорвалась; штык, приклад
Довершают дело.
Всё смешалось! Крики! Вой!
Гул нестройный боя...
Только виден над толпой
Крест в руках героя.
21 апреля 1904 г.
О. Шиманский
(„Моск. Вед.“).

№ 8. Май. Книга 1-я

Бронзов А., проф. При каких условиях мог бы наступить „вечный мир“ между людьми? // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 937–952

(Публичная лекция в Соляном Городке – в СПб. 2 марта 1904 г.).

Давно ли умолкли громы кровопролитной англо-бурской войны, войны маленького героического народа с многочисленнейшим неприятелем, – войны, которой все мы – русские – интересовались, как борьбой правды против насилия и лжи, – как борьбой Давида с Голиафом? Ещё свежи в памяти нашей самые мелкие детали этого неравного боя... Конец его был горек для всех нас: грубая физическая сила восторжествовала над силой нравственной, духовной. Народ-герой обезличен... Голиаф победил Давида... хотя нравственная победа и осталась на стороне последнего... Но как бы там ни было, а мир, наконец, наступил. Жизнь враждовавших сторон постепенно уже стала входить и в известной степени вошла в свою спокойную колею, будничную... Однако, надолго ли, – это – снова и снова вопрос... Мы – русские, издали следившие за судьбой симпатичнейших буров и помогавшие им – одни деньгами, другие и своим личным участием в борьбе..., все – своими симпатиями... – совсем далеки были от мысли, что сравнительно скоро будет вовлечена в войну и Россия – наше великое и дорогое отечество... Наш великий Царь-миролюбец – всегда и всеми силами заботился о сохранении мира во вселенной, заботился больше, чем кто-либо другой. Все мы помним его вечные по великому их внутреннему значению слова от 12 августа 1898 г., призывавшие народ и правителей земных ко всеобщему миру... Когда в последнее время у Японии возникли некоторые, выдуманые ею, недоразумения с Россией, великий Государь-миролюбец прилагал все усилия к тому, чтоб уладить их... и даже в день разбойнического нападения пиратского народа на Порт- Артурскую эскадру мы всё ещё далеки были от мысли о войне. Но вот дикий и

некультурный островитянин, преждевременно принятый в среду цивилизованных европейских народов, предательски нанёс из-за угла удар, – нанёс народу, который всего лишь за несколько часов перед тем радушно принимал японских офицеров в том же Порт-Артуре... – и война началась. Началась она вопреки желанию и намерениям русских... Мы неизбежно должны были взяться за оружие, чтобы защитить свою собственность, своих братьев, предательски застигнутых врасплох, свою религию на Дальнем Востоке от языческого насилия... Долго ли протянется эта война, которая унесёт множество жертв, на некоторое время затормозит культурный прогресс... конечно, неизвестно никому, кроме Бога. Но чем она кончится, это, разумеется, знает всякий, хоть поверхностно знакомый с героическим русским народом, с историей великой России. В окончательной победе русского оружия так же невозможно сомневаться, как и в том, что $2 \times 2 = 4$. Русские в данном случае, как взявшиеся за оружие по необходимости, заслуживают полного сочувствия всех, не потерявших стыда и совести, людей, – всех, не разучившихся различать правой стороны от левой, – всех, имеющих глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать... Кто думает иначе, тот или чужеземный враг России, под влиянием дурных чувств говорящий заведомую ложь, или гнусный предатель, или, в лучшем случае, слепец, ничего не видящий, – безумец, ничего не понимающий. Но среди истиннорусских людей таковых лиц, конечно, *нет и быть не может*. Уроды же, какие бывают во всякой семье, в счёт, понятно, нейдут... ни в других случаях, ни в настоящем. И так, опять война! Война... за войной! Что же это такое? Ужели никогда не прекратятся эти гибельные, разорительные, эти опустошительные войны, – войны, уносящие столько молодых жизней, – войны, столь тормозящие дело истинной и мирной цивилизации? Ужели человек, не смотря на высокие преимущества, неизмеримо возвышающие его над всем неразумным миром, и впредь будет относиться к своему собрату только так, как доныне, враждебно, завистливо, лукаво? Ужели перед нами будут проходить только одни и те же по существу картины: сегодня навязанная вероломным-желтолицым дикарём война России, вчера война между

англичанами и бурами, далее – недавняя – между испанцами и американцами (всё более и более поддающимися влиянию жидовства), затем – между греками и турками (причём иные христиане сочувствовали мусульманам), ещё – между итальянцами и абиссинцами и проч., и проч.?.. Ужели у людей нет никаких достаточных средств, при помощи которых можно было бы положить раз навсегда конец такому печальному порядку вещей и установить совсем иные, человеколюбивые, отношения между народами, водворить на земле – коротко сказать – „вечный мир?“

Эти и подобные им жгучие вопросы, особенно обостряющиеся в дни возникновения тех или иных войн, уже давно и на разные лады обсуждались, иногда даже очень и очень внимательно. Перечислить всё то, что в данном случае когда-либо говорилось, конечно, было бы трудно в несколько минут. Самое огромное большинство, разумеется, высказывалось и всегда высказывается против войн и за мир, находя первые нежелательным явлением и лишь только второй – нормальным в человеческих взаимных отношениях. Некоторые единицы, однако-ж, находили и находят войны между народами явлением нормальным, необходимым вообще, иногда в тех или иных отношениях полезным. Желания, чтобы они в будущем навсегда исчезли с лица земли, подобные люди, разумеется, не высказывали и не высказывают. Кроме того, лица, стоящие всецело и только за мир и против войн, нередко пессимистическими очами смотрели и смотрят на возможность исчезновения войн в будущем и – наступления вожделенного „вечного мира“, осуществления этой мечты древнего Пифагора [о чём столь старательно и талантливо размышлял ещё великий Кант (сто лет тому назад)].

Впрочем, всё это – *слова, да размышления...* А как обстоит само *дело*, покажет небольшая, газетная хотя бы, справка. Голос русского Государя Императора, как мы уже сказали, раздался по всему миру 12 августа 1898 г. Впечатление от него, было, как и следовало ожидать, весьма внушительное. Но уже 19 ноября того же 1898 г. газета „Новое Время“ писала: „когда 12-го августа был разослан циркуляр о разоружении, вся Европа

ответила на него восторженными кликами, и тотчас возникла надежда, что, в ожидании результата (гаагской) конференции, все государства ограничатся поддержанием их вооружённых сил на положении *statu quo*. На деле же вышло, однако, совсем не то. „В вопросе о Фашоде Англия обнаружила явную враждебность всякому мирному соглашению и продолжает мобилизацию своих морских и сухопутных вооружённых сил, а Германия обратится к рейхстагу с новыми требованиями, направленными к усилению своей армии... Для того, чтобы добиться нужных ему кредитов, германское правительство ни перед какими жертвами не отступит. „И так“, заключала названная газета, „до эры мира, по-видимому, ещё далеко. Если Германия не даст примера, то прочие державы, в особенности Франция, не решатся, конечно, сделать первого шага“... (стр. 3; столб. 3-й)... Газета, как видим из хода дальнейших событий, не ошиблась в своих предсказаниях и расчётах, соображениях... Как далеко до эры „вечного мира“, мы видим теперь, конечно, ещё яснее, – после того как пережили наступившую потом (в 1899 г.) англо-бурскую войну со всеми её прелестями английского изобретения, в роде „концентрационных лагерей“, систематического сжигания и истребления бурских ферм, науськивания чернокожих дикарей на белых, пуль „дум-дум“ и проч..., после того как, далее, пережили китайскую войну 1900 г. со всеми ужасами „пекинского сидения“, со всем диким фанатизмом китайских-боксёров и т. п... после того как, наконец, разыгралась, исключительно по вине желтолицых дикарей и их тайных и явных поощрителей, настоящая русско-японская война... Да, – повторяем, – далеко, по-видимому, до эры „вечного мира“...

Постараемся, однако, разобраться во всей этой путанице и уяснить себе: „при каких“, действительно, условиях мог бы наступить на земле „вечный мир“ между отдельными людьми и целыми народами?“ Что препятствует и может препятствовать этому миру? Могут ли быть устранены эти препятствия и как, какими средствами?

Особенно важно ориентироваться во всём этом нам – христианам-последователям Того, Кто во плоти пришёл на

землю, чтобы принести погрязшим во грехе людям мир, Кто „примирил“ нас „с Богом“, Кто „учил“ „прощать оскорбления своему ближнему, благожелать ему, чем лучше всего восстанавливается нарушенный мир,“ – Кто „побуждал человека“ подавлять в себе „все страсти, нарушающие мир между людьми“, как то: зависть, гордость, своекорыстие и пр., – Кто „повелел своим апостолам распространять между всеми народами начало любви“ – этот краеугольный „догмат христианской жизни“, и, таким образом, возвещать им „мир всеобщий“... („Толков. еванг. кн. 2-я: ев. от Марка и от Луки“... *Архим. Михаила. Москва. 1871, стр. 264*)...

И так, перейдём к рассмотрению интересующего нас вопроса, важного всегда и особенно современного ныне в виду обстоятельств, переживаемых человечеством в последние годы и тем более нами – русскими – теперь...

Если прежде, чем рассматривать вопрос *по существу*, обратимся за разрешением его к чисто внешним данным, к данным, предлагаемым простою статистикой, весьма, впрочем, интересным и поучительным, то в этом источнике найдём все условия, благоприятствующие одному лишь *отрицательному* ответу на вопрос о возможности наступления когда-либо, хотя бы и в отдалённом лишь будущем, столь желанного вечного на земле мира.

В частности, из статистических вычислений (г. Блюха) известно, „что с 1496 г. до Р. Хр. и до 1861 г. по Р. Хр., т. е., на 3357 лет, приходится 3130 лет войны и только 227“ лет „мира“. Не красноречивы ли эти мёртвые цифры? Круглым счётом получается, что из 15, приблизительно, лет около 14-и проходит в непрерывной войне и лишь год с каким-то жалким плюсом проводится *относительно* мирно. Повторяем: в высшей степени характерны и поучительны эти цифровые показания! При том, не следует забывать, что эти цифры ещё не полны, что они не обнимают собой *всего* человечества, касаясь лишь сравнительно культурной, сравнительно цивилизованной его части. А будь налицо здесь цифровая полнота, весьма вероятно, что пришлось бы зачеркнуть и то исключение, тот жалкий год с каким-то плюсом. До-нельзя ясно и наглядно

цифры говорят нам об истинном настроении человечества за эти 3357 лет. Нет оснований думать, что и в более ранние эпохи, т. е., до 1496 г. до Р. Хр., дело, в общем, обстоит сколько-нибудь иначе в порабощённом греху и злу мире. Таким образом получается, что ненормальное по существу явление, каково – война, в действительности выходит как бы нормальным, как именно самое заурядное и обычное. Иначе, придётся заключить, что человечество всегда жило ненормальной жизнью, и такое заключение, пожалуй, будет совершенно справедливо... Что было до 1861 г., то же видим и „после“ него: и в последние сорок три года дело обстоит нисколько не лучше, чем раньше. Чтоб убедиться в этом, следует только припомнить „окончание кавказской войны, войну датскую, австро-германскую, германо-французскую, усмирение польского восстания, войну за объединение Италии, греческую войну с Турцией, Сербии с Болгарией“, великую „войну за освобождение Болгарии, войну в Тонкине, восстание на Кубе, японско-китайскую войну, войну в Абиссинии, троекратную – в верховьях Египта, войну северо-американскую, стычки в Трансваале, американо-испанскую“ (*Новое Время* 1898 г., 1 июня, № 7994: „Новости военной литературы“ – фельетон *А-та*), англо-бурскую, китайскую 1900 г., между мелкими американскими республиками... и нынешнюю русско-японскую... Всё войны и войны!.. Да, цифровые даты и после 1861 г., – как видим, – так же убедительно говорят, что война – обычное явление, а времена мира – сравнительно редкое, случайное.., – что народы вечно чем-то недовольны друг другом, никак не могут мирно столкнуться между собой и находят целесообразным один только грустный способ разрешения недоразумений взаимных – войну... Такого рода статистические показания, право, способны превратить даже самого ярого и убеждённого в настоящем случае оптимиста в такого же и безнадёжного пессимиста. Да иначе и быть не может, если из 15-и дней, как мы видели, *почти* 14 проходят в ссоре, драке, – причём и самое „почти“-то это тоже висит на воздухе. Единственный день мира, да и тот ещё сомнительный, является скорее всего чем-то случайным, таким же исключением, какие всегда и везде возможны, по какие

ничего не говорят против нормы и общих правил. Не мудрено, что, перед лицом столь невесёлых, однако ж, постоянных фактов, один полуанонимный современный мыслитель („А-т“), повторяя древнего, всем известного, восклицает: „ах, мир на земле и был, и остаётся очень непрочным“, „мир царствует“ – думаете где? – „только на кладбищах“ (ibid.)... следовательно, не среди „живых“ людей, которые, „пока живы“, – выходит, – не могут обойтись без кровопролитных взаимных столкновений... „Мир только на кладбищах“!.. Какая горькая, но сколь справедливая острота! Жутко и холодно, досточтимые слушатели! Невольно припоминаются здесь слова и другого русского же мыслителя (графа Толстого Л.), что пока у людей останется хоть одна капля крови в организме, они не перестанут воевать... Пророчество, видим, крайне безнадёжное, но, тем не менее, неотразимо вытекающее из фактов несомненных и поучительных... В виду имевшей открыться (теперь уже давно состоявшейся) в Гааге мирной международной конференции, мы, лично, в своё время, смотрели на будущее с большей надеждой (ср. ibid, т. е. в „Нов. Вр.“), чем с какой смотрим теперь, когда перед нами прошли войны – англо-бурская, китайская... и началась настоящая – русско-японская... Пессимизм всё более и более овладевает всяким, всматривающимся в дело, человеком!.. „Bellum omnium contra omnes“ – „война всех против всех“... (Гоббес). „Homo homini lupus est“ – „человек для человека – волк“. Невольно вспоминаете вы эти и подобные изречения.

Мы, таким образом, отчасти осветили фактическое положение дела, почти непрерывность войн. При рассмотрении этого явления невольно и сам собой возникает вопрос: *что же лежит в основе всех кровавых международных столкновений и войн?* Что есть в человеческой природе такого, что с неудержимой и даже (как говорят некоторые) будто бы „роковой“ (ср. об. этот отчасти и между прочим в ниже цитируемой нашей актовой речи) силой влечёт людей к жестоким войнам? Нельзя ли и, если можно, то как, подавить в человеке это губительное начало?

Ясный и определённый ответ на все эти вопросы находим в библейском повествовании о райском грехопадении первых людей. Пока первозданный человек жил в послушании божественной воле и исполнял Божии заповеди, всё шло хорошо: взаимные отношения между людьми, т. е., Адамом и Евой, были самые мирные, любвеобильные, – они исключали даже всякую мысль не только о кровавой, а и вообще о какой-либо между нашими прародителями вражде. Адам и Ева признавали себя *образом Божиим* (Быт.1:27,9:6...) и отсюда естественно любили друг друга, как любили и все вообще, что так или иначе напоминало им о Боге. Они ясно признавали, что природа их не различная какая-либо по существу, а тождественная (Быт.2:21.22), и здесь почерпали новый мотив ко взаимной любви, любя в этом случае – каждый – собственно себя самого, свою же плоть (ср. Быт.2:23.24. Ср. Еф.5:22–33, особ. 28)... и проч. Если б не произошло райской катастрофы, если б жизнь первозданных людей и далее текла так же нормально, как развивалась она в самом начале, то, бесспорно, райский идеальный мир, о каком мы только можем мечтать, как о чём-то далёком и вожделенном, существовал бы и во все дальнейшее время, – и люди не имели бы теперь даже и представления о чём-либо подобном войнам и прочим столь обычным, к сожалению, ныне враждебным столкновениям, столкновениям, переполняющим собой всю [прошлую (да и настоящую несколько не меньше)] историю человечества.

Мы обрисовали положение вещей, какое господствовало в раю до прародительского грехопадения... К сожалению, оно продолжалось не вечно и даже, быть может, очень недолго. Как знаем, райскому блаженству наступил затем конец. Движения эгоизма, заявившие о себе в *первых* людях, привели последних к грехопадению, к нарушению воли Божией, к преступлению против Создателя, – преступлению, за которым последовало изгнание грешников из райского жилища... Дотоле царивший внутри человека чудный мир отныне исчез. Полное равновесие сил, склонностей и желаний первозданного человека, обуславливавшее собой пленительную гармонию райской его жизни, отныне уже отошло в область одних воспоминаний, хотя

бы и сладких, уступив место внутренней дисгармонии, внутренней неустойчивости, нравственному и другому шатанию. Силы, склонности, желания человека, доселе мирно и согласно служившие ему на пути его к нравственному усовершенствованию, теперь заняли враждебное в отношении друг к другу положение. Эгоистические обнаружения, почва для которых со времени и вследствие райского грехопадения стала особенно благоприятна в человеческом я, естественно заняли здесь доминирующее положение, тесня и угнетая все склонности иного характера, лишь только эти последние так или иначе о себе заявляли... Уже на первых порах существования человеческого рода вне рая плоды эгоизма, губительные и ужасные, не замедлили сказаться как нельзя более наглядно и осязательно. Увлекаемый гнусной завистью, брат убивает своего брата – Каин Авеля. Происходит первое в человеческом роде убийство. Впервые недоброе чувство одного человека к другому выразилось столь ярко и столь ужасно. Эгоизм, которому поддался человек и который заставлял последнего думать только о себе, только о своих интересах и выгодах, заставил брата потушить в себе родственные чувства к брату, подавил в нём чувство любви, какую дотоле, особенно до грехопадения, люди питали друг к другу, заставил одного забыть, что он не имеет никаких прав на жизнь другого, не им данную... Уже по этому столь резкому проявлению эгоистических склонностей, впервые так осязательно о себе заявившему, можно было заранее судить и о дальнейших плодах, о дальнейших жертвах того же эгоизма. И действительно, – как знаем из истории человечества, рассказываемой на первых страницах священных библейских книг, – столь резкое нарушение мира между первобытными людьми затем открыло собой бесконечный ряд других всевозможных его нарушений, и – при том – обуславливавшихся всё тем же эгоизмом, который забирал человека в свои руки и деспотически им распоряжался, почти не встречая себе каких-либо серьёзных препятствий.

Потомки нечестивого Каина, отделившиеся от потомков благочестивого Сифа, враждовали с последними при всяком

удобном случае, о чём определённо сообщает нам вся история допотопного человечества. Те же самые взаимоотношения установились и между послепотопными, племенами: эгоизм во всех его видах, – в виде ли желания известных лиц захватить себе чужую собственность насильственным путём, в виде ли желания обиженного отомстить своему обидчику... и проч., – возбуждал одно враждебное столкновение между людьми за другим, причём люди гибли иногда массами, погибал не только обидчик, но иногда и обиженный: всё зависело от физической силы и ловкости враждовавших сторон. Если же велись войны и по справедливым, – с точки зрения строгой нравственности, – мотивам, напр., имевшие целью восстановить не свои, а чьи-либо чужие нарушенные права и т. под., то ведь и в этом и подобных ему случаях дело в первичном его источнике обуславливалось всё тем же эгоизмом, поправшим чужие интересы и вызвавшим естественное и справедливое желание сильного племени, народа... отстоять права племени, народа сравнительно более слабого...

Ясно, таким образом, при наличности каких условий мог бы получить смысл совершенно иной порядок вещей. Этими условиями или – точнее – *этим условием является надлежащее стеснение эгоизма, поставление любви человека к себе в должные границы, что и делается в христианстве, разрешающем человеку любить в себе только то, что напоминает образ Божий...* (см. нашу статью: „Христианское самолюбие“: Христ. Чт. 1897 г., авг.–сент.).

Уча, что *весь закон заключается в одном слове: люби ближнего твоего, как самого себя (Гал.5:14)*, христианство ясно и определённо отрицает право у исключительного, у чистого, так сказать, эгоизма, не признающего и не желающего ничего признавать, кроме себя... Человек и окружающая его среда, все его „братья“, все его „ближние“ ставятся в христианстве на одну линию, уравниваются взаимно. Их соединяет, так сказать, знак равенства ($a=b$). Не воспрещая и не думая воспрещать любви человека к самому себе, как, разумеется, вполне естественной и понятной (см. цитов. нашу статью: „Хр. самол“) христианство, в тоже время, требует от

него обнаружения *такой же точно любви и к остальным людям, кто бы они ни были. Если вы, говорит Спаситель, будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари? И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники (Мф.5:46–47)?* Интересы ближних, т. е., иначе сказать – всех людей, с какими только нам приходится когда-либо сталкиваться, должны считаться в наших глазах вполне равноценными с нашими собственными интересами. Чего желаем себе, того же должны желать и для окружающих нас людей. А в случае надобности, мы должны *положить* за наших ближних и душу, т. е., жизнь свою (Ин.15:13) (так что а, т. е., каждый из нас, не только, как сказано, =b, т. е., всякому из „ближних“ но даже b).

Указывая на *одного у всех Бога (1Тим.2:5)*, на происхождение всех *от от одной крови (Деян.17:26)*, на обладание каждого из нас *образом Божиим (Быт.1:27,9:6...)*, на искупление *всех одинаково* бесценной кровью Спасителя... [подробности по вопросу „об отношениях человека к ближним“ по „христианскому учению“ см. в *нашей* статье, посвящённой выяснению этого и помещённой в „Хр. Чт.“ за 1897 г. (ноябрь). Чит. также нашу актовую речь о „Христианской любви, как единственно-истинном принципе человеческих взаимоотношений“ („Хр. Чт.“ 1899 г., март), христианство предлагает, таким образом, мотивы, достаточно сильные для того, чтоб побудить человека-христианина к трактованию ближних – не как средств только для осуществления его личных целей, но – как целей и самих по себе, – к тому, чтобы в своём поведении преследовать не свои только личные эгоистические выгоды, но и выгоды ближних и, при том, не в меньшей степени, чем свои собственные, – короче: к такому отношению к последним, какое у нас намечено уже выше.

Всякий, *сознательно* считающий себя христианином, христианин *искренний*, чуждый лицемерия, непременно и поступает в указанном направлении. У истинного христианина, христианина не на словах только, а и на деле и прежде всего на деле, никогда не происходит сколько-нибудь грубого

столкновения его интересов с интересами окружающих. Он всегда сумеет таким или иным честным и вполне нравственным путём избежать ссор. Христианская любовь, которой такой человек проникнут весь и которой он всегда и всецело руководится, в каждом случае сумеет внести мир во все его отношения к ближним. Та нравственная (а не какая-либо дурная, столь часто ныне практикуемая) тактичность, какой истинный христианин владеет и какая вырастает у него на почве чистой христианской любви, служит для него надёжным путеводителем в его общественной жизни... *Глубокий мир и только мир единственно и возможен в отношениях между истинными христианами и ничто больше.* Это – такая же непреложная истина, каковы, напр., все математические аксиомы.

Таким образом, если бы отдельные лица прежде всего, а затем естественно и целые народы, именующие себя христианами и христианскими, всячески пытались и в самой своей жизни проводить христианские начала, высокие требования христианской любви и христианского незлобия, – если бы они всячески старались стеснять и вводить в должные границы свои эгоистические стремления и вместо последних с настойчивостью подчёркивать стремления, направленные ко благу ближних, – тогда войны и всякое вообще нарушение мира в этой среде были бы чем-то немыслимым, совершенно непонятным. И в самом деле, как были бы возможны какие-либо ссоры и вражда там, где ударившему в правую щеку обиженный подставляет другую (Мф.5:39), где зло побеждается добром (Рим.12:21), где за ближних жертвуют своей жизнью (Ин.15:13), где миротворцам обещается наименование *сынами Божиими* и проч. (Мф.5:9,5)!

При таких условиях можно было бы ожидать нарушения мира *лишь только в среде и со стороны лиц и народов нехристианских*, в своей жизни руководящихся совсем иными принципами, – до тех пор – пока дело и здесь не было бы с течением времени исправлено усиленными заботами христианских народов о христианском просвещении язычников и всех нехристиан вообще. Такое нарушение мира, предательское

и разбойничье, ныне и случилось со стороны давно исподтишка готовившихся к войне с нами желтолицых азиатов. К нарушению же мира не прочь стремиться и некоторая часть другого языческого народа – китайского. Надвигается на Европу опасность со стороны Японии и Китая, которую многие уже давно предвидели, но на которую как-то мало мы – русские – обращали внимания, по своему благодущию и доверчивости к другим... Но надвигается на Европу и новая ещё опасность, о которой пока никто или почти никто ещё не говорит, -опасность очень большая и пресерьезная. Разумею опасность уже со стороны мусульманского мира. „В жизни идеи панисламизма“, – писал один корреспондент („С. Б-ий“) 15 янв. текущего (1904 г.) года на страницах „Нового Времени“ (№ 10009, стр. 3: „С мусульманского Востока“), – „в последние годы... заметно“ особенное „движение. Идея объединения правоверных“ ныне сильно пропагандируется. „Общее соединение мусульман должно произойти в городе пророка – Мекке перед лицом священной Каабы... На рисунке“ одной „арабской мусульманской газеты“ („№ 1“) в номере от „19 декабря 1903 г. это объединение уже произошло; на отгороженной высокой стеной от взгляда, а тем более присутствия неверных, священной меккской персти перемешались в дружеских рукопожатиях триста миллионов мусульман мира; тут и турок, и перс, и афганец, и индус, и египтянин, житель Марокко и т. д.“ Европе мало знакомо мусульманство, почему она и относится к нему и концентрирующемуся в нём движению благодушно и спокойно. Голоса немногих специалистов в этой области [таким особенно в данном случае должен быть признан Н. П. Остроумов, автор книг: „Коран и прогресс“ (Ташкент, 1901–1903 г.), – „Аравия и Коран“ (Казань, 1899 г.) и мног. друг.] не доходят до ушей, которым особенно полезно было бы слышать это... Как бы там, впрочем, ни было, а ныне Япония, потом, быть может, Китай, затем – мусульманские народы – много попрепятствуют европейскому прогрессу в будущем. Европе придётся ещё с ними посчитаться... и ближайшим образом, конечно, России – этому вековечному и колоссальному „оплоту“ Европы от напоров варварских народов, не раз спасавшему последнюю и

её цивилизацию от гибели. Христианство среди этих азиатских народов и племён проповедуется уже давно, но плоды упорной проповеди, к сожалению, ещё невелики, так что и думать о проникновении христианских принципов в плоть и кровь этих идолопоклонников пока ещё совершенно невозможно. Дело только – в зародыше. А если так, то нападения язычников на христианские нации, конечно, будут повторяться в дальнейшем ещё много и много раз. Здесь естественно христианские заповеди о щеке и о непротивлении злему неприменимы и потому именно, что они не были рассчитаны на подобные случаи, – их смысл был иной, иным он и остаётся. В частности, рассмотрим, напр., настоящий случай несколько ближе. Мирно живут семья, государство, напр., русское... Враг, напр., предатель-японец, делает на него нападение, как мы сказали выше, через несколько лишь часов после того, как его офицеры пользовались широким гостеприимством у русских... – следовательно, наносит удар неожиданно, – он делает нападение с целью завладеть нашим достоянием... Ни для кого не секрет истинные японские вождения – перебраться на азиатский материк и захватить Китай, по возможности вытеснить из Азии европейцев, по крайней мере, пока из восточной, – оттеснить русских до Иркутска, а то так и далее (не даром же на японских картинках даже и в Спб-ге – „на шпице Петропавловской крепости развевается флаг японский“-же) (см. об этом в „Нов. Вр.“ от 21 февр. 1904 г.). И так, подобный враг из-за угла, как пират или ночной грабитель, напал на нас. Что оставалось нам делать? Подставлять нам своему врагу и другую щеку? Нет, такое подставление здесь ни к чему доброму и не привело бы, и Сам Спаситель такого случая, повторяю, в виду не имел, подобно тому как Он не мог давать человеку и заповеди: в том случае, когда на человека нападают, напр., тигр, волк... и отгрызают, у него руку, ногу..., подставлять им и другую руку, другую ногу... Подставляя тигру, медведю... что угодно, человек ничему зверя дикого не научит, а только без пользы для кого бы то ни было лишится своей жизни, сохранив которую иным отношением к опасности, он, наоборот, мог бы оказаться полезным не для себя только, но и для других.

Японец нынешний, китаец – в существе те же тигры, волки... Напрасно некоторые любители поговорить толкуют о культурности особенно первого, т. е., японца. Здесь можно лишь говорить в лучшем случае только о внешней дрессировке, а не проникновении истинных культурных начал в плоть и кровь японца. Поясним дело, быть может, и грубым несколько примером, за что просим у своих уважаемых слушателей извинения. Японец напоминает кухарку – деревенскую бабу, которая, живя в городе, успела перенять лишь господское платье, да господские обычаи некоторые, – быть может, ещё два–три господских слова... Такая кухарка или горничная по внешнему своему виду иногда, пожалуй, совсем сойдёт за барыню, но внутренний её мир – дик, как и прежде, и даже более дик, чем прежде, потому что к прежней неподкрашенной грубости и потому в известном смысле симпатичной привились в городе многие пороки, – к своим однопороденцам такая персона относится уже с обидной пренебрежительностью... Таковы же в сущности и японцы. Дальше внешнего лоска, дальше списывания у милых нашему русскому сердцу французов званий: граф, маркиз и пр., дальше заимствования у европейцев оружия... и вообще лишь низших плодов их культуры... они собственно и не пошли (исключения в счёт нейдут, – говорим о японской массе). Иначе они не относились бы пренебрежительно к самым элементарным даже обычаям и законам европейского международного права, к самым элементарным правилам общечеловеческой нравственности, – не хвастались бы до ребячества, не лицемерили бы до *plus ultra*... Японцы напоминают того дикаря из одной повести, который, поучившись в оксфордском университете, по возвращении домой не мог, даже и во фраке и цилиндре, воздержаться от употребления сладкого мяса белых людей, захваченных его земляками... И так, повторяем, напал на нас этот дрессированный лишь и сохранивший все привычки хитрого и лукавого дикаря островитянин, желтолицый японец... Что же нам делать? „Не противиться злу?“ Скажет так, пожалуй, иной (слащавый и не понимающий истинного смысла христианского учения) моралист... Пожертвовать всем, чем мы владеем и что

приобретено нами путём долгих и настойчивых усилий? Лица, проповедующие, что всё зло от патриотизма, – того патриотизма, который в последнее время неотразимо прорвался наружу в нашем дорогом отечестве в небывалых почти размерах, – того патриотизма, проявления которого вызывают слезу умиления у всякого, – лица те ответят: да. Они скажут: зачем защищать отечество? Не всё ли равно, кто будет вами управлять и проч.? *Вот в том-то и дело*, – скажем, – что не всё равно. Так именно и ответил ныне многомиллионный русский народ и ответил *вполне разумно*. В самом деле, почему, прежде всего, должны пропадать наши труды, благодаря которым мы приобрели известное достояние? Почему мы должны отдавать всё это врагам, отдавать потому только, что на их стороне оказалось грубое, беззастенчивое нахальство? При том, если бы дело касалось одних только нас, а и не наших близких... тогда ещё можно было бы при известной точке зрения примириться с подобным положением вещей; но на каком основании мы будем приносить в нелепую жертву азиатам окружающих нас? Возможно также, что овладевшие нами враги могут стеснить нашу религиозную свободу (разве турки из христианского храма св. Софии не устроили мечети?). Вполне возможно, что они стеснят и нашу нравственную деятельность (разве не стесняли нас нередко в своё время монголы?)... А разве всё это и подобное для нас безразлично? Разве после всего этого мы имеем для себя какое-либо оправдание, „не противясь злу“, принося ему в жертву, – при том, самую нелепую, – всё, что составляет для нас самую дорогую святыню? Никакого. Напротив, будем всецело повинны в том, что содействуем распространению зла, между тем как в нашей власти было воспрепятствовать ему и устранить вредные последствия от допускаемого нами его распространения. Виновные в попустительстве, мы *eo ipso* в соответствующей степени ответственны за совершаемое зло и в качестве как бы самих производителей его. Спокойно взирая на нападающих врагов, руководящихся в этом случае одним ненасытным своим эгоизмом, мы, таким образом, оказываемся сочувствующими эгоистам, их соучастниками... Не говорим уже о таких лицах,

которые в тяжёлую для родины минуту готовы даже сочувствовать врагам, готовы даже желать поражения своему отечеству, готовы даже „сочинять ради бессмысленного протеста поздравительные телеграммы микадо“ (см. „Нов. Вр.“ 22 февр. 1904 г., № 10046, стр. 3: „Заметки писателя“ – С. Сыромятникова)... Это – какие-то выродки, не заслуживающие, по совершенно верному замечанию одного писателя, „ничего, кроме глубокого презрения“, это – „только глупые“, жалкие люди, – и этих психопатов – разумеется, в счёт не принимаем в данном случае (ведь „в семье не без урода“)... Рассчитывать, что, видя наше „несопротивление“ их насилию, враги – язычники устыдятся и изменят затем своё с нами обращение и всё вообще своё поведение, было бы более, чем смешно, и вполне наивно. Так позволительно бы до известной степени думать, когда мы имели бы дело с христианами, знакомыми хотя бы на словах с христианскими принципами любви... Но думать так, имея дело с японцами или китайцами, считающими и русских, и всех европейцев вообще лишь за „белых чертей“ (см. № „Н. Вр.“ от 15 янв. 1904 г.), в отношении к которым всё позволительно... – или: думать так, имея дело с мусульманами, считающими святым для себя делом беспощадно убивать „гяуров“..., – было бы с нашей стороны непростительным безумием... Не говоря уже о таком своеобразном мировоззрении японцев, китайцев, мусульманского мира..., мы не должны забывать, что свойства эгоизма – этого исконного и страшного бича человечества – всем известны: чем меньше он встречает препятствий к своему проявлению, чем меньше на его пути лежит преград, тем сильнее и сильнее о себе он заявляет, тем более и более он растёт... В конце концов, при содействии нашего попустительства, эгоизм врагов наших восторжествует, воцарится деспотизм, а с ним вместе водворятся несправедливости, всякого рода притеснения..., всё, что угодно, только не мир, о котором, по-видимому, столь искренно хлопчут и заботятся противники патриотизма... Между тем совсем другая картина получается, когда люди делают серьёзную попытку, вместо этого „непротивления злу“, поставить преграду эгоистическим поползновениям нападающих

на них язычников, движимые в этом случае своим патриотическим чувством. При этом условии уже не окажется и тех печальных последствий, о которых мы говорили выше. Эгоизм врагов будет стеснён и отсюда он уже не в состоянии будет причинить человечеству столько зла и вреда, сколько он причинил бы ему, ничем не сдерживаемый и не стесняемый. Конечно, выступая с противодействием своим врагам, мы совершаем зло, зло само по себе нежелательное, но несравненно меньшее, чем то, какое наступило бы при ином, охарактеризованном нами выше, отношении к делу, при нашем попустительстве. А раз мы поставлены в необходимость (именно в необходимость, как, напр. в деле столкновения с Японией) выбирать между двояким злом – большим и меньшим, само собой понятно, на какую сторону надлежит нам склониться... Словом, если мы станем руководствоваться патриотическим чувством своим, руководствоваться всегда, тогда и самых войн будем меньше, потому что ведение их будет не так легко для наших противников и не столь безопасно, как и сколь при условии нашего и чьего бы то ни было „несопротивления злу“, и уже это одно обстоятельство заставит наших врагов призадуматься, всё взвесить, да рассчитать, прежде чем решиться объявить войну... Все, при том, отлично понимают, что дело здесь не в патриотизме, будто бы вредном уже самом по себе, и не в отсутствии его, а в *эгоизме и только в нём одном*. Этот эгоизм беспощаден и не смирят его пассивным держанием себя перед ним. Скорее можно, кажется, подобным путём смирить какого угодно дикого зверя (но и это, конечно, неосуществимое дело), чем человеческий эгоизм, *злее которого не было, нет и не будет ничего...* „Нация, которая руководилась бы в своих отношениях к другим нациям чисто симпатическими принципами“, *пока эгоизм ещё продолжал бы царить между людьми*, как он царит теперь, „погибла бы вследствие обманов и жестокости соседей“ (Сутерланд, „Происхожд. и развитие нравственного инстинкта“. СПб. 1900 г., стр. 796), каковы, напр., японцы..., китайцы и другие язычники и безбожники... (см. нашу брошюру: „О любви к отечеству, по

поводу взглядов Л. Толстого“; СПб. 1901 г.; ср. „Хр. Чт.“, 1900 г., май)...

Проф. А. Бронзов
(*Окончание следует*).

**Синайский А., свящ. Из истории борьбы и полемики
по вопросу об иконопочитании в древнее и
настоящее время ³⁰³ // Миссионерское обозрение.
1904 г. № 1–10. С. 953–962**

(По поводу отрицательного отношения к иконам со стороны современных сектантов).

Догматическая сторона вопроса об иконопочитании выяснена, с одной стороны, вселенским собором (787 г.), а с другой – в „Защитительных словах“ св. Иоанна Дамаскина (673–777 г.). Так как полемика св. отца предшествовала рассуждениям отцов собора и влияла на них своей одушевлённостью и убедительностью, то и наша речь о том и другом будет в последовательном, хронологическом порядке.

1. Вызванные указами и преследованиями христиан за иконопочитание со стороны иконоборческого правительства, защитительные слова св. Иоанна Дамаскина служат отголоском общего недовольства и ропота. Рассматривая учение об иконопочитании со всех возможных сторон и основываясь в своих суждениях на священном писании и предании церкви, св. Иоанн Дамаскин придаёт вопросу особенное значение, видя основание его в божественной любви и ревности по славе Божией, в благоговейном воспоминании о Христе, Пресвятой Богородице и святых. По мысли св. отца, догмат иконопочитания – не логический только вывод на основании изречений и мест св. Писания, а установление божественное – ясное и определённое. Хотя догмат этот не вошёл в никео-цареградский символ веры в качестве отдельного, самостоятельного члена, но он необходим, принципиально и теологически-мыслимый, как существенный признак, характерный пункт христианского учения, отличающий последнее от иудейства и ислама. Основанное на Библии и освящённое обычаем и веками, употребление икон не только не противоречит христианству, но и вполне согласно с ним, наглядно выражая основной догмат его о воплощении Бога-Слова. Если запрещалось евреям изображать Божество в каком

бы то ни было виде, то это сделано в предупреждение идолопоклонства, к чему они, как народ ещё молодой и невоспитанный, были весьма расположены, что и оправдывалось на деле, несмотря на запрещения, угрозы и наказания. Невозможно делать изображение Бога бестелесного, невидимого, не имеющего ни вида, ни очертания и вообще непостижимого, но смело можно изображать Бога, ради нас ставшего причастным и плоти, и крови; не невидимое Божество на иконах изображается, но посредством образа можно выражать плоть Божию, которая была видима. Когда невидимый, облёкшись в плоть, становится видимым, когда во образе Божий Сый, приим зрак раба, через это сделался ограниченным в качественном и количественном отношениях, тогда есть полное основание и оправдание начертывать посредством слова, красок и ваяния неизреченное Его снисхождение: рождение, крещение, преображение, крестные страдания, погребение, воскресение, вознесение на небо и т. п. Созерцая телесный вид Спасителя в искусственных изображениях, мы представляем себе, насколько возможно, славу Его Божества; посредством телесного мы приходим к созерцанию духовного. В соответствие двойственности нашей природы, человеческая природа Иисуса Христа была двойственна, состоявшая из души и тела; проявившиеся свойства последней изображаются посредством икон.

Удачно пользуясь изречениями и указаниями свящ. Писания для обоснования, уяснения и подтверждения своих соображений, св. Иоанн Дамаскин часто соединяет в одно связное целое разногласные, по-видимому, черты защищаемой церковной истины, переходя от буквального смысла к внутреннему, высшему и таинственному, и наоборот. Так, приведши слова Спасителя, обращённые к апостолам: „ваши блаженны очи, что видят, и уши ваши, что слышат“ – (Мф. 13:16–17), св. отец говорит: и мы желаем видеть и слышать (что видели и слышали апостолы, непосредственные свидетели и созерцатели Богочеловека) в такой мере, в какой возможно. Чтобы оценить значение указанного евангельского события, нужно припомнить, что означенное евангельское зачало

читается 16-го августа, в праздник „нерукотворенного образа Спасителя“.

Чтобы одухотворить и очистить иконопочитание от крайностей, доходивших до суеверия и даже идолопоклонства, св. отец указывает на церковную власть, призванную управлять обществом христиан. „Не царей дело давать законы церкви, говорит он, а церковной иерархии по заповеди Иисуса Христа (Еф.4:13–14; Гал.3:25) и апостольской; царям свойственен хороший образ государственной деятельности; церковное же устройство – дело пастырей и учителей; вмешательство царей в дело церкви – это всё равно, что разбойническое нападение; вместо направления, – разорение, соблазн и смущение“.

По мысли св. Иоанна Дамаскина, иконопочитание особенное значение имеет для людей простых и неграмотных; чем является книга для тех, которые понимают чтение и письмо, тем для неграмотных служит изображение.

Много рассеяно в „Речах“ св. отца мыслей своеобразных и оригинальных; есть не мало и таких, которые трудно поддаются изложению и принятию в качестве доводов в пользу иконопочитания; но все они обнаруживают в защитнике иконопочитания знатока свящ. Писания и святоотеческой письменности; последней он пользовался для своих целей в такой же мере, как и свящ. Писанием.

Под влиянием защитительных речей св. Дамаскина и при изменившихся благоприятных обстоятельствах состоялся вселенский собор, давший ясное и точное определение относительно употребления и почитания св. икон и успокоивший церковь после продолжительных волнений.

2. Догматическая сторона деятельности собора состояла в опровержении ошибочных и превратных мнений относительно икон и установлении правильного общецерковного взгляда на них; и то и другое изложено в актах собора совместно; строго логического порядка в изложении православных и иконоборческих мыслей, и соображений не заметно. Много повторений и общих рассуждений, прямо к рассматриваемому вопросу не относящихся. Не легко сгруппировать в одно целое

главные мысли, разбросанные в разных посланиях, мнениях, извлечениях и т. п. соборных актах.

Показавши, на основании свящ. Писания и Предания, древность, непрерывность и непререкаемость иконопочитания в христианской церкви, отцы собора всесторонне выяснили вопрос об иконах, доселе остававшийся нераскрытым в той мере и степени, в какой требовалось в виду его важности и обстоятельств времени. В опровержение первого и основного возражения против иконопочитания, приравняемого иконоборцами к идолопоклонству, члены собора единогласно и решительно, в пояснении второй заповеди десятисловия, указывали на существенное различие между языческими идолами и священными изображениями; первым, как ложным и несуществующим божествам, запрещено Богом поклоняться и к ним обращаться, а ко вторым, как употребляемым во славу Божию, повелено относиться с благоговением. Изображения того, что не существует, называются идольскими; их изобрела языческая мифическая поэзия, представляющая несуществующее как бы существующим. Иконы – изображения лиц, действительно существующих. Иконы служат нам средством для напоминания: они пробуждают и возносят наш ленивый, неискусный и грубый ум в горний мир, предметам которого мы не можем не давать имён, названий и обрядов. Христиане почитают иконы не как богов, или свойства их, как думают несведущие; не на них они возлагают надежды. Если перед христианами находится икона Господа, они говорят: „Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас“. Если икона – Божией Матери, то призывают: „Пресвятая Богородице, будь заступницей за нас перед Богом“. Если икона – святого, то обращаются к святому с прошением о помощи и покровительстве перед Богом вездесущим и всевидящим. Это совсем не то, будто бы мы называем святых богами... Думающие иначе уподобляются еретикам, а кто преследует христиан за иконы, тот хуже еретиков, потому что еретики менее бывают известны с худой стороны, чем гонители, каковы иконоборцы, заблуждения, которые и производимый соблазн ясны для всех, как день. В то время, как церкви Божии

наслаждались глубоким миром, иконоборцы возбудили распри, вражду и соблазны; в то время, как люди жестокие и дикие делаются, под влиянием христианства, кроткими, – иконоборцы из кротких делаются, под влиянием самовластия, жестокими и неукротимыми.

С того времени, как церковь христианская стала наслаждаться миром и до настоящего времени, храмы были украшаемы свят. иконами. Ещё и доныне сохранились в церквях скульптурные и живописные изображения святых. Грубые язычники, рассматривая живописную историю божественного писания, обращаются от почитания идолов и демонских истуканов к истинному свету христианства. По объяснению одного св. отца, иконы необходимы для того, чтобы те, которые не знают писания (т. е. – неграмотны), на стенах могли читать то, чего они не могут читать в книгах. Для этого церкви и украшались иконами и живописными изображениями священных событий и деяний святых, для благоговейного настроения и сердечного сокрушения и для назидания неопытных. Ужели, взирая на лик воплотившегося для нас Господа нашего Иисуса Христа и святых, и почитая их, можно сомневаться в нашем спасении? Иконы пишутся, между прочим, для воспоминания о святых, которым воздаются почтение и поклонение, как рабам Божиим, усердно молящимся и ходатайствующим за нас перед Богом. По примеру христиан, отошедших из здешнего мира, мы поклоняемся и с любовью объемлем святые и честные иконы, то есть иконы воплотившегося ради нас Бога Слова, Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа, принявшего зрак раба. Икона Его и изображение представляет образ не божества Его, нераздельно соединённого с нетленной плотью Его, невидимого и неопишущего, но мы поклоняемся образу человеческого естества Его, потому что, будучи Богом невидимым по существу, Он явился на земле, – был видим, обращался между людьми, утомлялся, чувствовал голод и жажду по закону воспринятого Им нашего естества. Итак, мы поклоняемся изображению Христа т. е., лица, которое соделалось видимым для людей, оставаясь в неслиянном единении с невидимым Его божеством, при этом мы относим честь не к веществу и краскам, но, при

виде изображения, мысленными очами возносимся к первообразу и к нему относим должную честь, зная, что честь, воздаваемая иконе, относится к первообразу... Хотя иконы произведение рук человеческих, иногда неискусных, однако же, известно, что изображения херувимов в иудейской скинии и святилище и Новом завете были сделаны руками, но им воздавалось должное почтение. Иконы заслуживают особенного уважения потому ещё, что от некоторых из них происходили чудесные действия исцеления.

Св. отцы собора, исследуя документально, на основании свящ. Писания и свящ. Предания (т. е. святоотеческой письменности) вопрос об отношении к иконам, установили истинный смысл иконопочитания. По определению св. отцов, христиане должны поклоняться иконам, или лобызать их (целовать). Оба эти слова – поклонение и целование – имеют одно и то же значение, так как, что мы целуем, то и любим, – тому и кланяемся, а что любим и чему кланяемся, то и целуем, как свидетельствует об этом человеческий обычай, соблюдаемый нами по отношению к друзьям, особенно при встречах.

Восстановивши в памяти и письменно никео-цареградский символ веры, как основной и истинный (образ веры), и исповедавши свою веру в два естества в воплотившемся Боге Слове, как основании иконопочитания, отцы собора единодушно и единогласно постановили: мы неприкосновенно сохраняем все церковные предания, утверждённые письменно или неписьменно. Одно из них заповедует делать живописные иконные изображения, так как это согласно с историей евангельской проповеди, служит подтверждением того, что Бог Слово истинно, а не призрочно вочеловечился, и служит на пользу нам; потому что такие вещи, которые взаимно друг друга объясняют, без сомнения, и доказывают друг друга. На таком основании, мы, шествующие царским путём и следующие божественному учению св. отцов и Преданию кафолической Церкви, по внушению Св. Духа, со всяким тщанием и осмотрительностью определяем, чтобы св. и честные иконы предлагались для поклонения точно так же, как и изображения

истинного и животворящего Креста, будут ли они сделаны из красок, или мозаических плиток, или из какого-либо другого вещества, только бы сделаны были приличным образом, и будут ли находиться во св. храмах, на священных сосудах и одеждах, на стенах и досках, или в домах или при дорогах, а равно будут ли эти иконы Спасителя, или Богородицы, или честных ангелов и всех святых и праведных мужей. Чем чаще при помощи икон они делаются предметом нашего созерцания, тем более взирающие на эти иконы возбуждаются к воспоминанию о самых первообразах, приобретают более любви к ним и получают более побуждений воздавать им лобызание, почитание и уклонение, но никак не то истинное служение, которое, по вере нашей, приличествует одному только божественному естеству. Они возбуждаются приносить иконам фимиам в честь их и освещать их, подобно тому, как это делают в честь изображения честного и животворящего Креста, святых ангелов и других священных приношений и как, по благочестивому стремлению, делалось это обыкновенно и в древности; потому что честь, воздаваемая иконе, относится к её первообразу и поклоняющиеся иконе поклоняются ипостаси изображённого на ней. Такое учение содержится у св. отцов, т. е. в Предании католической церкви, в которой евангелие преемственно переходило от одного отца к другому.

Те, кто осмелится думать или учить иначе и выдумывать какие-либо нововведения, или отвергать что-либо из того, что посвящено церкви, будет ли то евангелие, или изображение креста, или иконная живопись, или святые останки мученика, а равно – кто дерзает коварно выдумывать что-либо для ниспровержения церковных законных преданий и давать обыденное употребление свящ. сосудам и досточтимым предметам, – будут (если епископы или клирики) низлагаемы, или (если миряне) отлучаемы. Собор повторил также постановление о том, чтобы не изображали Иисуса Христа в виде агнца (ягнёнка).

Несмотря на решение вопроса об иконах вселенским собором, т. е. высшим судом церковным, иконоборческое движение не прекратилось; оно продолжало возникать то в

одном месте, то в другом, по разным причинам и поводам; но не повторялось с той силой, жестокостью и продолжительностью, с какими возникло первоначально в Греции. В 814 г., со стороны греческого императора Льва Армянина, была сильная попытка запретить иконопочитание, отвергнув силу определений VII-го собора; хотя она произвела не мало смущения среди христиан, но окончилась торжеством защитников иконопочитания и церкви (в 842 г.)

II.

Иной характер имела другая попытка иконоборчества, почти одновременная с указанной. Разумею „иконоборство Карла Великого“, короля франков (793 г.). Нельзя отрицать в данном случае влияния на короля франков со стороны иконоборческого направления греческих царей; влияние это могло быть, прежде всего, невольным, как бы стихийным, выходящим из стремлений к самовластию и вмешательству светской власти в дело церкви; были и другие причины местного национального и вероисповедного характера... Дело в том, что Запад, будучи вполне согласен с Востоком во взглядах на иконопочитание по существу, отличался всё-таки от него во внешнем выражении иконопочитания. Восточные христиане выражали своё почитание икон целованием их, поклонами земными и поясными; западные же христиане выражали своё почитание молитвенным обращением к иконам, без внешних знаков почитания. Несмотря на это, папы, или представители западных христиан, отнеслись к вопросу об иконопочитании с достоподобным участием и полным согласием к постановлениям вселенского собора. Но не так отнёсся к соборным определениям король Карл, не смотря на свою зависимость от Рима в церковном отношении. Есть что-то невыясненное в истории иконоборства Карла Великого. Иконоборство это было литературное, полемическое. Два, по-видимому, важных обстоятельства имели влияние на происхождение полемики против взглядов на иконы, установленных на VII-м вселенском соборе. Когда папа Адриан I получил акты вселенского собора на греческом языке, то нужно было перевести их на латинский язык; перевод был сделан, но неудачный, даже совсем плохой;

такой перевод получил и Карл, любивший окружать себя учёными людьми и сам не чуждый учёности. Нашедши при помощи учёных много несообразностей в актах, зависевших от неточностей перевода и противоречивших его личным взглядам, Карл приказал сделать возражения против определений собора об иконах. Составленные при помощи учёного Алкуина возражения стали известны под названием „книг Карловых“ – „Libri Carolini“. В это же время произошло и другое обстоятельство, повлиявшее на отношения Карла Великого к греческой церкви; это – неудачное сватовство дочери Карла за сына императрицы Ирины; по каким-то причинам, не особенно уважительным со стороны греческого двора, предполагавшийся брак был расстроен, к большому огорчению и обиде Карла. Нужно, посему, думать, что король не мог равнодушно слышать и читать о тех похвалах, какими члены собора превозносили императрицу Ирину за восстановление ею иконопочитания. Дух раздражительности, действительно, можно заметить в авторе „Libri Carolini“.

Впрочем, двух указанных обстоятельств недостаточно для объяснения происхождения названной полемики против иконопочитания и особенностей, изложенных в ней взглядов. „Что касается до сватовства между дворами византийским и гальским, говорит Вальх, то это верно, как исторический факт, но трудно допустить, чтобы из-за этого, действительно, неприятного, но всё-таки чисто домашнего случая, Карл вооружился против Ирины и собора. Приписывать такое побуждение Карлу в вопросе об иконах, значит взводить на Карла обвинение. Если бы Карл Великий был, действительно, оскорблён этим, и если бы он вздумал отмстить за оскорбление, то он привык мстить не пером, но мечом. И можно ли допустить месть со стороны Карла в виду того, что через это пришлось бы ввести в ересь не только свою семью, но епископов, монахов и всех вообще своих подданных?..“ Вальх прав, быть может, когда не считает личного оскорбления Карла достаточным побуждением к восстанию против постановлений 7-го вселенского собора, но и представленный им довод ничего не говорит в его пользу. Ужели, в самом деле, Карлу легче было

отомстить оружием, чем пером? Сомнительно. Нет спора в том, что Карл любил повоевать, но и тогда были нравственные и физические условия, ограничивавшие личный произвол. Как будто бы греческую Империю ничего не стоило наказать за оскорбление. Разве она была без прав и защиты? Итак, противодействовать собору для Карла было легче пером, чем мечом. С своей стороны, мы не считаем невозможным того, что из личного оскорбления легко перейти к прямой оппозиции, к явному противодействию тому, к чему прежде имелось доверие. Фактов для этого достаточно. Одно можно признать несомненным, что не оскорблённое только самолюбие руководило Карлом в оппозиции против Ирины. Были причины более важные. Эти причины вытекали из того представления о королевской власти, какое было в то время господствующим. „Считая себя первосвященником и монархом, Карл, по замечанию Гфрёрера³⁰⁴, силится действовать самостоятельно, как в делах политических, так и церковных. Если Карл смотрел на папу, как на своего вассала, то он не прочь был и даже стремился простереть своё влияние и на восток“. После этого можно полагать, что Карл Великий чувствовал себя не слишком великим в то время, когда состоялось определение 7-го вселенского собора не только без его совета, но без его участия и присутствия на этом соборе епископов гальской церкви. Вот, между прочим, основание, почему Карл, желая быть независимым в делах церкви, как он был самостоятельным в делах политических, решился противодействовать соборным определениям востока. Дабы показать свой авторитет и значение перед христианским миром, он созывает свой собор, такой собор, который бы имел характер, если не вселенского, то западно-римского. Этим самым должна была ослабляться гордость византийцев в отношении к германским народам. По замечанию Гфрёрера, Карл противодействием собору хотел заявить „права разума“.

К побуждениям политического характера, условливающим иконоборство Карла, присоединяются побуждения особого рода, о которых говорит автор „*Libri Carolini*“. К оппозиции против собора греческого побуждало Карла тогдашнее состояние

церкви, в лоне которой ему, Карлу, дано кормило правления. „Церковь, говорится в предисловии к сочинению об иконах, находилась и находится под влиянием врагов внутренних и внешних. Так как мы в лоне церкви, по милости Божией, держим кормило правления, то необходимо всеми силами стараться об её защите и возвышении, дабы заслужить доброе имя честных и верных слуг. Это долг не только для нас, которым в эти бурные времена вручена власть, но и для всех“. Под неблагоприятными или бурными временами разумеется состояние учения об иконах, значение и назначение которых, по взгляду Карла, извращено на двух соборах – Вифинском (754 г.) и Никейском. Итак ясно, что Карл является, по словам „Libri Carolini“, в качестве защитника церкви – побуждение благородное, достойное христианского короля, – побуждение, несогласное с приводимыми выше. Заверения ли Карла заслуживают внимания, или сомнения историков об этом, показывает отчасти сочинение, в котором, главным образом, проводится взгляд на иконы в противоположность определениям двух восточных соборов (754 и 787).

Это сочинение, как показывает самое название, приписывается Карлу Великому. Но большинство историков склоняется к той мысли, что оно написано не Карлом. Причина, почему оно приписывается Карлу, заключается в том, что оно писано было по желанию Карла, развивая и доказывая его взгляд. Неандер допускает, что Карл сам принимал участие в этом сочинении. „Не думаю, говорить Гфрёрер, чтобы сочинение это написано было Карлом, к чему у него не доставало ни времени, ни охоты, ни необходимых для этого сведений. Всего вероятнее, оно написано Алкуином³⁰⁵“. – Предположение весьма естественное. Что касается до затруднения, выставляемого на вид противниками этого предположения, то оно легко устраняется. Дело в том, что противники мнения, приписывающего сочинение Алкуину, в доказательство несостоятельности его, ссылаются на предисловие, из которого видно, что „Libri Carolini“ появились спустя три года по окончании 7-го вселенского собора, бывшего в 787 г. Следовательно, сочинение явилось в 790 г. Так как в этом году

Алкуин был послан Карлом в Англию, то он, говорят, не мог начать сочинения. Это мнение не убедительно, – сочинение могло быть написано ранее, – до отъезда Алкуина в Англию. Само посольство Алкуина в Англию имело целью распространить и, если возможно, утвердить в Англии понятие об иконах, согласное с взглядами Карла Великого. Задачу эту всего удачнее мог исполнить именно Алкуин, как человек, преданный Карлу и знаток своего дела. Впрочем, другие историки допускают участие в сочинении и некоторых иных учёных, которых около Карла было достаточно. Очень может быть, что мысли об иконах, проводимые в сочинении, были навеяны Карлу именно учёными, более склонными заявлять о правах разума, нежели короли.

Свящ. А. Синайский
(Продолжение следует).

Зверев А. К вопросу о способах обличения неправды раскольничьей // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 963–970

В „Руководстве для сельских пастырей“ (1903 г. № 24) напечатана статья иеромонаха Митрофана – под заглавием: „К вопросу о способах обличения неправды раскольничьей“. Судя по заглавию, я подумал, что статья эта даст какой-нибудь новый – более надёжный способ обличения раскола. В надежде воспользоваться таким именно „способом“ я, как занимающийся „обличением неправды раскольничьей“ посредством устных собеседований с ними, с жадностью принялся читать эту статью о. Митрофана. Но, к великому огорчению, был обманут в своих ожиданиях. Иеромонах Митрофан в означенной статье не только не даёт занимающимся устными собеседованиями с именуемыми старообрядцами нового „способа“ к их обличению и вразумлению, но даже самые собеседования-то с ними („по деревням и весям“) считает „буиими стязаниями и непотребным пустословием, помогающим преуспеянию нечестия“ (Тит.3:9; 2Тим.16:23). Прочитав такой грозный суд, огульно произнесённый о. Митрофаном на устные собеседования, производимые православными миссионерами „по деревням и весям“, я невольно подумал: как, неужели о. Митрофану неизвестны такие знаменитые и авторитетные борцы против раскола, как, например, покойный о. архимандрит Павел, до самой своей смерти признававший устные собеседования самой действительной и полезной мерой против раскола и даже преподававший к более правильному ведению таких собеседований свои мудрые, на собственном опыте дознанные советы, хотя, без сомнения, о. Павел не хуже о. Митрофана знал цитируемые последним места из посланий св. Ап. Павла?! Неужели о. Митрофану неизвестно, что сей приснопамятный старец и сам всю свою жизнь (со времени познания им истинной церкви) производил – как в городах, так равно и „по деревням и весям“, свои многоплодные собеседования, не щадя для сего ни сил, ни здоровья?! Но трудно допустить это уже потому, что

о. Митрофан пишет „о способах обличения неправды раскольнической“. Если так, если о. Митрофану известны многоплодные собеседования о. архимандрита Павла, обратившие тысячи заблудших в лоно св. Христовой Церкви, то непонятно, почему о. Митрофан вооружается против устных собеседований – вообще? Другое дело, если бы о. Митрофан вооружался против таких только собеседований, которые производятся совсем неопытными в деле обличения и вразумления именуемых старообрядцев лицами, при отсутствии в последних духа кротости и нелицемерной любви к заблуждающимся. Но чем же о. Митрофан докажет, что устные собеседования, производимые „по деревням и весям“, все и везде ведутся именно такими только лицами?

Чтобы судить – насколько полезны устные собеседования (производимые, хотя бы, „по деревням и весям“) в деле обращения старообрядцев к истинной церкви, достаточно прочесть хотя несколько простых безыскусственных рассказов „о жизни в расколе и обращении в православную церковь“ самих обратившихся. Такие рассказы в своё время во множестве печатались в журнале „Братское слово“, печатаются в „Мисс. Обозрении“. Из них видно, что авторы в „своей жизни в расколе и обращении в прав. церковь“ пришли к познанию истины или прямо благодаря устным собеседованиям, или же благодаря чтению противо-раскольнических книг, интерес к коим возбуждали опять-таки устные собеседования. Да и сами противо-раскольнические сочинения-то есть, по большей части, плод тех же устных собеседований.

Вы, о. Митрофан, устные собеседования со старообрядцами считаете „буими стязаниями“ и „непотребным пустословием“, не приведя к тому никаких доказательств, а мы – миссионеры и ревнующие о вразумлении заблудших пастыри, напротив, считаем их одним из необходимых и надёжных способов (но не „единственно надёжным“ – как напрасно вы утверждаете о миссионерах) для успешного обращения глаголемых старообрядцев в ограду св. Церкви и имеем на то, помимо сторонних свидетельств, неопровержимые фактические доказательства, извлечённые из собственного опыта.

Решительно могу утверждать и свидетельствовать, что не будь у нас устных собеседований с глаголемыми старообрядцами, – я и особенно моя неграмотная мать, а затем и всё наше семейство (семь человек) до сих пор оставались бы во тьме раскола, хулителями св. Церкви. Моя мать, например, до того враждебно была настроена против православной церкви, что когда я, по милости Божией, со-делался сыном сей церкви, то она, придя в исступление, схватила меня за волосы и таскала до тех пор, пока не устала и не повалилась на постель, выкрикивая: „Что ты, еретик, надо мной наделал?! Куда ты пошёл? Еретик ты, шепотник!“ и т. д. и т. д. Но вот Господь, не хотяй смерти грешника, привёл ей быть на беседе со старообрядцами, где она надеялась услышать от одного вожака раскола оправдание именуемой церкви старообрядцев и обвинение церкви прав. в мнимом еретичестве. Но, вместо сего, – беседа эта произвела на неё самое благотворное влияние в пользу православной церкви. Дело в том, что в её уме и сердце неотразимо запечатлелись неопровержимые доказательства, основанные на слове Божиим, что св. соборная апостольская церковь, без неё же несть спасения, без епископа и седми таинств церковных быть не может; именуемая же церковь старообрядцев сих существенных признаков истинной церкви Христовой не имеет, следовательно, не может и именоваться такой. После этой беседы она стала доверчивее относиться и к полемическим противораскольническим книгам, которые я часто читал ей. И всякий раз, когда ей потом приходилось бывать на беседах со старообрядцами (она сделалась самой усердной их посетительницей), она всегда удивлялась кротости и терпению православных миссионеров и грубой раздражительности своих начётчиков, а это последнее, конечно, подрывало её прежнее доверие к ним. Таким образом, под влиянием устных собеседований моя мать мало-помалу стала сознавать неправоту раскола и святость прав. греко-российской церкви и, наконец, с помощью Божией и сама со-делалась её дочерью. Теперь она уже не может без чувства сердечного сокрушения вспоминать своих прежних враждебных отношений к св. прав. церкви и не упускает случая, когда приходится ей

слышать от именуемых старообрядцев такие же хулы, какие прежде сама изрыгала, чтобы не сказать им что-нибудь для их вразумления. Освободившись сама из губительных сетей раскола, она и других располагает к тому же. Благодаря её совместной жизни с своей свекровью, 75-тилетней старушкой, и частным разглагольствиям с ней о вере, она и последнюю расположила последовать её примеру, несмотря на то, что старушка эта была одной из самых закоренелых раскольниц – родившеюся и воспитавшеюся в нём. Вот вам, о. Митрофан, наглядные примеры несомненной пользы устных собеседований с „изуверными вожаками раскола“, считаемых вами „буиими стязаниями“. Спросите вы, наконец, и каждого, по убеждению обратившегося в церковь раскольника: что его расположило оставить раскол и перейти в православие? – я уверен, что он вам не преминет указать на устные (как публичные, так и частные) собеседования и чтение противораскольнических книг. Как же после сего согласиться с вашим мнением, что устные беседы с глагол. старообрядцами суть „непотребное пустословие, помогающее преуспеянию нечестия“, когда мы воочию видим их плодотворность?! Но вы, в защиту своего мнения, указываете на слова св. Ап. Павла: *„Буиих же стязаний, и родословий³⁰⁶, и рвенй, и сваров законных отступай, суть-бо бесполезны и суетны“* (Тит.3:9; 2Тим.2:16,23), применяя сии слова апостола к публичным и частным беседам со старообрядцами и усиливаясь доказать, что св. апостол осуждает здесь и даже запрещает такие беседы. Почитаю долгом объяснить вам, что вы приведённые слова верховного Апостола истолковали неверно, – несогласно, как с точным смыслом их, так и с толкованием на них св. Иоанна Златоуста. Почитаю также долгом напомнить вам, что своё мысленное толкование слов свящ. Писания, несогласное святоотеческому, есть дело предосудительное – как для мирян, так, тем более, для лиц, облечённых духовным саном, каков вы, о. иеромонах! 19-е правило шестого вселенского собора говорит: „Предстоятели церкви поучают народ... аще будет исследуемо слово Писания, то не инако да изъясняют оное, разве как изложили светила и учителя церкви в своих писаниях,

и сими более удовлетворяются, нежели составлением собственных слов, дабы, при недостатке умения в сём, не уклониться от подобающего“.

Неверность вашего объяснения слов Апостола доказывается уже тем, что речь в них идёт о состязаниях, имеющих предметом своим не свящ. Писание и вообще христианское учение о вере и нравственности, а чуждые христианству учения иудеев и язычников. Иудейские и языческие состязания и участие в них христиан, а особенно лиц, облечённых священным саном, апостол, действительно, осуждает и запрещает, как бесполезные и вредные. Что св. апостол понимает здесь, действительно, состязания иудейские, а частью и языческие – философские, это доказывает сами выражения апостола: „родословия“, „свары законные“ (Тит.3:9), „басни и родословия бесконечные“ (1Тим.1:4), „философия, тщетная лесть, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христе“ (Кол.2:8) и др. Эти выражения св. апостола Златоуст объясняет так: „Что значит „родословий“? В послании к Тимофею он также упоминает об них, когда говорит: баснем и родословием бесконечным (1Тим.1:4). И там, и здесь он, вероятно, намекает на иудеев, которые, превозносясь праотцам своим Авраамом, о самих себе нерадели. Посему он и называет такие родословия бесполезными и суетными. Действительно, безумно надеяться на вещи бесполезные“ (Бес. 6-я на посл. к Титу, стр. 77–80 по изд. при С.-Петербургской Духовн. Акад. 1859 г.). В другом месте св. Златоуст говорит: „Таких состязаний отрицайся; следовательно, есть и другие состязания, например, касательно Писаний и тому подобных предметов“ (Бес. 6-я на 2-е посл. к Тимф.; стр. 81 по тому же изд.). Очевидно, Златоуст с полной ясностью отличает состязания о Писаниях и состязания о предметах, относящихся к иудейским родословиям, закону Моисееву и языческой философии.

Участие в этих последних апостол, действительно, осуждает и запрещает. О состязаниях же, имеющих предметом священное Писание и подобное ему, не произносится здесь никакого осуждения. Правда, апостол полагает некоторое

ограничение состязаниям и с еретиками, которые до того развращены, что уже не подают никакой надежды на исправление. Что же касается еретиков, не утративших ещё совести и веры слову Божию, то св. апостол даже требует их обличения и вразумления. Именно он говорит: *„Обличай со всяким повелением“* (Тит.2:15); *„Обличай их нещадно“* (Тит.1:13). Вот как рассуждает св. Златоуст о состязаниях с еретиками: *„Споров с еретиками он (апостол Павел) повелевает избегать, дабы не трудиться напрасно, без всякой пользы; ибо конец их ничтожен. Когда кто-нибудь развратился до такой степени, что никаким образом не решается переменить своего мнения; то для чего тебе трудиться напрасно, сея семя на камне“* (Бес. 6-я на посл. к Тит. стр. 78). И в другом месте. *„Апостол говорит: еретика человека, по первом и втором наказании, отрицайся. Это он говорит о человеке неисправимом, о котором известно, что он болен неизлечимо. Еда како даст им Бог покаяние в разум истины и возникнут от диавольские сети (2Тим.2:25). Смысл этих слов следующий: может быть и будет какое исправление. Слово: может быть, употребляется о предметах неизвестных в точности; следовательно, нужно отступать только от тех людей, о которых мы можем точно сказать, что они не исправятся, какие бы меры ни были употребляемы“*. Затем св. Златоуст, объясняя слова апостола: *с кротостью наказующу противныя*, продолжает: *„Видишь ли, как должно приступать к желающим научиться, и не нужно оставлять собеседования с ними прежде их убеждения“* (Бес. 6-я на 2 посл. к Тим. 2, 82–83). Из этого объяснения апостольских слов св. Златоустом видно, что не позволительны состязания только с еретиками неизлечимо-больными; с теми же из них, которые подают ещё надежду на исправление, *„не нужно оставлять собеседования прежде их убеждения“*. Впрочем, и с неисправимыми еретиками св. апостол запрещает состязания только до тех пор, пока они своим развращённым учением вредят только лично самим себе, коль же скоро они будут развращать других, то св. апостол повелевает таковым заграждать уста. Вот подлинные слова апостола: *„Суть бо мнози непокориви, суесловцы, и умом прельщени, наипаче же сущий от обрезания, ихже подобает*

уста заграждати: иже вся дома развращают, учаще, яже не подобает, скверного ради прибытка“ (Тит.1:10–11). Объясняя сии слова св. апостола, Златоуст говорит: „Для чего же апостол повелевает ему (Титу) заграждать уста противоречащим, если нужно оставить их, когда они сами делают всё на свою погибель? Здесь он повелевает не делать этого преимущественно в отношении к их пользе: ибо они не могут получить себе никакой пользы, однажды навсегда развратившись душою. Но если они станут губить других, *то нужно восстать против них, бороться с ними и опровергать их с великим мужеством.* Когда ты будешь поставлен в необходимость и увидишь, как развращаются другие, *то не молчи, но заграждай уста развратителей, заботясь о тех, которые готовы погибнуть“* (Бес. 6-я на посл. к Титу, стр. 79–80 по изд. при С.-Петербур. Духовн. Акад. 1859 г.).

На основании сего повеления св. апостола и рассуждений Златоуста, смело можем сказать, что производимые православными миссионерами беседы с именуемыми старообрядцами не только не противоречат учению св. Писания, но являются даже прямым исполнением его. Смело также можем сказать и то, что иеромонах Митрофан, взяв отрывочно слова св. апостола Павла о „буиих стязаниях“ и применив их к беседам со старообрядцами, поступил, по меньшей мере, неосмотрительно.

Устные собеседования с еретиками и раскольниками, для вразумления и обращения их к католической церкви, признавались полезными и в древней церкви. Так, отцы Карфагенского собора (IV века), для вразумления и обращения к церкви донатистов, избрали из среды себя особых лиц и поручили им вести устные собеседования с ними, „дабы несведущие не погибли в святотатственном разделении“. Вместе с сим, отцы собора поручили посланным ими, избранным лицам, как бы вместо вступления, сказать донатистам следующее: „Законно вступаем с вами в сношение, быв посланы от законного нашего собора, желая возрадоваться о вашем исправлении... Аще что от истины имети мните, не усомнитесь защищать оное: то есть, соберите ваш собор,

изберите из среды вас тех, которым подобает вверити дело оправдания вашего: да и мы возможем тожде сотворити, то есть да изберутся от нашего собора должествующие с избранными из среды вас, в известном месте и в известное время, мирно исследовати все подлежащее вопрошению, и отделяющее вас от нашего общения... дабы последуя человеческому уверению немощныя души и несведущия не погибли в святотатственном разделении“ (см. 103 прав. Карфагенск. собора, а в слав. Кормч. 93 пр.). Не есть ли это точный первообраз наших бесед с глаголемыми старообрядцами, против которых так вооружается о. Митрофан? В самом деле. Как там посылаются уполномоченные церковной властью лица, так и здесь; как там раскольники донатисты вызываются православными для защиты своих мнений и мирного исследования отделяющих их от церковного единства предметов, так равно и здесь, при беседах со старообрядцами; там для собеседований избираются особые места и назначается определённое время, точно тоже делается и у нас, и, наконец, там целью собеседований полагается спасение от гибели „в святотатственном разделении“ несведущих и немощных, точно таже самая цель и наших собеседований с глаголемыми старообрядцами.

Учитель древней церкви блаженный Августин, современник раскола донатистов, также вёл с ними борьбу – как путём обличения неправоты их верований в сочинениях, так и путём публичных собеседований с представителями и вождями этого раскола, и, несмотря на то, что собеседования эти были иногда, по причине множества слушателей, шумные, однако, блаженный Августин, впоследствии, вспоминал о них с радостью. Так, когда блаженный Августин „отправился в Цирту для посвящения новоизбранного епископа Фортуната, то на пути он имел собеседование с донатистским епископом города Тубурзика Фортунием... К месту собеседований со всего города стеклось множество народа из любопытства послушать спор двух епископов. Августин предложил Фортуну избрать писцов, которые записывали бы их прения, и Фортуний, после некоторого колебания, согласился на это. Эта запись прений

однако не состоялась. Избраны были одни писцы, но они отказались; потом избраны были другие, но и эти, начавши записи, вскоре прекратили их, по причине шума собравшейся толпы. Народ неоднократно просили наблюдать тишину, но просьбы были напрасны. Впрочем, несмотря на шум, собеседование продолжалось... Впоследствии Августин с радостью вспоминал о собеседовании с Фортунием и высказывал желание снова беседовать с ним“ („Раскол донат.“. Н. Кутепова. Казань. 1884 г., стр. 92–93, 95).

Св. Ефрем Сирин также занимался непрерывными беседами с отступниками. Вот как он сам говорит об этом в своём предсмертном завещании: „Ни днём, ни ночью во всю свою жизнь никого не злословил я, и с начала бытия своего ни с кем не ссорился. *Но непрерывно состязался с отступниками*“.

Вот как св. отцы и учителя церкви ценили устные собеседования с заблуждающимися! А о. Митрофан считает их „непотребным пустословием“! Прискорбное недоразумение, чтобы не сказать резче...

Миссионер Московской епархии А. Зверев
(Окончание следует).

Грацианский Д. Что такое „секта“ вообще и „рационалистическая“ и „мистическая“ – в частности // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 971–975

(Миссионерская справка).

В истории церкви известны три определения уклонений от вселенской церковной истины: ересь, раскол и секта.

Когда происходит отделение от церкви прежде всего на почве догматической, с искажением вероучения церковного, является ересь. Как таковые, в истории церкви известны: арианство, несторианство, монофизитство, монофелитство и другие ереси. Когда возникает отделение от церкви из-за временных, бытовых проявлений церковной жизни – административных, дисциплинарных, обрядовых – при признании правоты догматического её учения, оно носит название *раскола*. Так, назначение на кафедру нежелательного епископа, ослабление правил церковной дисциплины, изменения обряда – вызывали расколы. Когда отделение от церкви совершается по причине непонимания духа её, её внутренней, *моральной* жизни и именно во имя последней (при неправильном понимании её), оно именуется сектой. Все секты образовались из заблуждения на почве недовольства нравственным уровнем окружающей среды, все они имеют с внешней стороны характер пиэтизма, почти все грезят возвращением к христианству первых веков. История возникновения секты обычно такова: группа людей – иногда под предводительством одного – останавливается на сознании недостатков нравственного строя, или уровня окружающей их среды, – образуется община, которая, с течением времени, обособляется и кончает переработкой вероучения и в значительной мере отрицанием самого строя господствующей церкви. Такова история возникновения протестантских сект, в частности штунды. Что природа заблуждения в сектантстве заключается в неправильном понимании религиозной морали, об этом настойчиво свидетельствует тот факт, что в настоящее

время наши отечественные сектанты – всех видов – обычно объясняют своё отделение от церкви нравственными мотивами; в тоже время – они в большинстве не знают догматики ни церковной, ни своей; к внешней, обрядовой стороне церковной жизни они относятся отрицательно. Сектанты мистического типа наиболее подтверждают нравственную природу сектантского заблуждения: мотивы их отделения от церкви, которыми они оправдывают себя, – аскетические.

Первое отделение от церкви совершается на почве теоретической (почему „ересь“ означает учение), второе – на почве бытовой (термин „раскол“ означает разделение без основательных причин, по побуждениям внешним, случайным), третье – на почве моральной (слово „секта“ означает общину).

Секта, таким образом, может быть определена, как – община, отделившаяся от церкви во имя неправильного понимания её религиозно-нравственной жизни. Основание её – ложная религиозная нравственность.

„Се лежит Сей на падение и восстание многих во Израиле и в предмет пререканий“ (Лк.2:34. ср. Рим.9:33), сказал св. Симеон о Христе; св. Ап. Павел ставит „ереси“ вообще в ряду „дел плоти“, грехов (Гал.5:19–20). Начало греха с нравственной стороны – гордость (Сир.10:15–16); с психической – явление болезненное, нарушение гармонии в душевной жизни человека.

Как уклонение от вселенской церковной истины, сектантство есть явление греховное, болезненно-одностороннее.

Греховное настроение в сектантстве, его начало в существе своём – то же, что у тех, кто спрашивал учеников Христовых: „для чего Учитель ваш ест и пьёт с мытарями и грешниками?“ „зачем вы едите и пьёте с мытарями и грешниками?“ (Мф.9:11; Лк.5:30) и у тех, о ком писал св. Ап. Павел: „и не делать ли нам зло, чтобы вышло добро, как некоторые злословят нас и говорят, будто мы так учим? Праведен суд на таковых“ (Рим.3:8).

Ложность сектантской религиозной морали может быть показана лишь путём частного рассмотрения каждой из сектантских общин.

С психологической стороны сектантство характеризуется односторонним, болезненным преобладанием какой-либо стороны души в религиозно-нравственной жизни.

Что сектантство есть явление болезненное, это с внешней стороны подтверждается скоропреходящим и перемежающимся ходом истории сектантских общин: нет секты старше хотя бы половины церковной истории, и я не видел случая, когда бы сектантство обнимало собой хотя одну, но всю человеческую жизнь – безупречно, с соблюдением его же требований – от рождения до смерти; секты появляются, исчезают, то в одном, то в другом месте – по известному принципу: „если это предприятие и это дело от человеков, то оно разрушится“ (Деян,6:38)... С внутренней стороны сектантству свойственны: критические, разрушительные тенденции, религиозный индифферентизм (штунда), антиномизм и склонность к психическим заболеваниям (канадские духоборы, малеванское движение).

Как явление болезненное, сектантство – помимо свободного выбора в деле веры и нравственности – предваряется некоторыми условиями. К условиям возникновения секты в к. л. месте могут быть отнесены: отсутствие благотворно-воспитательного влияния церкви – особенно в удалённых от храма местах отчасти индивидуальная предрасположенность некоторых лиц местечка к какому-либо виду сектантства и, наконец, заражение уже существующей сектантской пропагандой. Дробления в среде самого сектантства – это естественное течение его жизни.

В систематическом изложении сведений о наших отечественных сектах, последние делятся на *рационалистические* и *мистические*.

Деление это имеет *коренную верность* – потому, что помимо сектантства, типы людей по психическому складу имеют классификацию по двум направлениям: воли и чувства; одни – рассудочно-волевого склада, другие чувствительного; первые живут волей, логикой, вторые – чувством, эстетикой (подобное деление можно находить у Фуллье). Под эти категории отчасти подходят, по нашему мнению, типы „иудея“ и „эллина“ в тексте

Ап. Павла – 1Кор.1:22–23 – и все виды неверия и уклонений от вселенской церковной истины.

Рационалист руководится логикой, заповедью, преследует точность, ясность, букву, по-видимому, строг в нравственных требованиях. Мистик живёт тайной, чувством, ощущениями.

К рационалистическим сектам относятся штундисты и молокане с их разветвлениями, к мистическим – хлысты, скопцы, молеванцы, духоборы-постники.

Штундисты и молокане по внешнему виду имеют большей частью большие, широкие лбы, глаза, смотрящие прямо, часто саркастическую складку губ. Их „кротость“, требуемая буквой Евангелия, держится в них усилиями их воли. Они заметно выделяются указанными чертами из окружающей толпы.

Сектанты рационалисты (штундисты более, нежели молокане) стараются наружно быть возможно более точными исполнителями евангельских строк. В своём учении они строго держатся принятых ими традиций и своеобразно понимаемых заповедей, „повелений“ Писания; учение их с внешней стороны ясно и определённо. В нравственной жизни они наружно строги: поступок, нарушающий заповедь, признаётся ими за таковой и там, где их жизнь не проходит незамеченной, они „отлучают“ провинившегося.

На собеседовании сектант рационалистического типа руководится неотступной логикой иудеев, требовавших от Христа „знамения“. Он не хочет понимать доказательств миссионера, руководящегося смыслом Писания, и законченную беседу начинает вновь вопросом: „где в Писании буквальное повеление о том-то?“ перед ясно выраженным доказательством от Писания он молчит; там, где он ошибся, он – хотя на словах – сознаёт ошибку. После долгих невольных уклонений от предмета беседы он твёрдо помнит намеченный им вопрос и приготовленный заранее библийский текст и при случае настойчиво возвращается к ним.

Сектанты *мистики* по первому взгляду производят впечатление тупых, хитрых и вместе с тем чувствительных, слезливых людей.

Их характеризуют: низковатые женские лбы, влажные глаза, в которых заметна причастность к нервным экстатическим состояниям. Они молчаливы, чувствительны и покорно печальны в спокойном состоянии; в возбуждённом – они сразу выглядят отчаянными фанатиками и тогда глаза их горят восторгом, или злобой. Сдерживать своё нервное возбуждение они не всегда умеют.

Текст библии, буква его, для сектанта мистика не обязателен; он смотрит на последний, как на скорлупу, за которой он видит нужное ему содержание. Учения у сектантов-мистиков почти нет, они не живут им; их религиозная жизнь – в чувстве, в состояниях болезненно-религиозного восторга. Нравственная жизнь их отличается принципиальной неустойчивостью, антиномизмом. Хлысты вначале отделения от церкви так же, как и прочие сектанты, мотивируют своё отделение низким уровнем нравственности среды и придерживаются обще-сектантской показной морали. Но, по усвоении духа секты, существо хлыста как бы раскалывается на двое: среди своих он – „пророк“, „духовный“, среди чужих же своим „внешним человеком“ он может делать, что угодно, это не помрачает его внутреннего „я“, хлыстовской святости; то, что грех для не хлыста, для него – не грех, ибо он уже спасён „духом“... Пьянство, разврат, кровосмешение, детоубийство совершаются хлыстами почти открыто и, по-видимому, с спокойной совестью. Хотя, – на публичной беседе они признают греховность подобных злодеяний и стараются выдержать нравственный тон, общий всем сектантам.

На миссионерском собеседовании хлысты или молчат, или соглашаются и благодарят „за наставление“, или принимают личину рационалистических сектантов, отвергая иконы и проч. То, другое и третье делается ими притворно.

Они могут быть вызваны на собеседование на почве чувства; они высказываются или в гневе, или в умилении. Хлыст действует по настроению, не предвидя заранее того, что он скажет и сделает. Явилось настроение, он говорит, прошло, – он замолк. Во время одной из бесед с хлыстами, когда я говорил, объясняя слушателям некоторые тексты Слова Божия,

один из сектантов резко изъявил желание сказать своё слово. Я попросил его немного подождать и, скоро, кончив речь, предложил ему высказаться. „Теперь я уже не могу говорить“, сказал он – и замолк. „Дух прошёл“, заметил кто-то в толпе слушателей, очевидно знакомый с характером сектантов. Хлысты обычно приходят на собеседование с заранее принятым намерением „молчать“. Но, вот миссионер начинает раскрывать скрываемые сектантами тайны их общины. Сектанты сердятся и не выдерживают. Опущенные до сих пор вниз тусклые глаза их, вдруг, загораются злобой. „Вы приехали учить заповедям, а говорите, укоряя нас, неправду! Вы – от сатаны!“ Сказано: „Христос вчера, днесь, той же и во веки!“ – не помня себя кричат они. Иногда сектантов вызывает на откровенность ласковость беседы. „Вот вы были без стихаря, теперь в стихаре, белый, и мы видим в вас лицо ангела... а объясните, кто был Мелхиседек, не знающий рождения, без времени?!, говорят на ласковые речи миссионера хлысты.

Хлыст намеренный лжец. „Бог-свидетель“, говорил на публичной беседе главарь одной хлыстовской общины, у которого не так давно в доме было обнаружено полицией хлыстовское собрание, „что собраний тайных, отдельных от православной церкви, именуемых хлыстовскими, у меня не было и не будет!“ „Зарежьте меня“, говорил мне расходившийся на публичной беседе штундист, а в православную церковь я не пойду!“

Изложенные – общие и немногие – данные свидетельствуют, что деление наших отечественных сект на рационалистические и мистические – не схоластическое, а действительное.

Мисс. *Д. Грацианский*

Кобрин М. Православно-русская миссия в Холмской Руси ³⁰⁷ // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 976–980

О так называемом униатском упорстве и о средствах борьбы с ним.

I. О сущности и причинах упорства

Решить вопрос о средствах борьбы с известным ненормальным явлением можно только после тщательного исследования сущности и причин этого явления. Вопрос о сущности и причинах упорства решается различно. Но необходимо сначала критически рассмотреть те мнения, какие высказываются по этому вопросу другими лицами.

Наиболее распространённым мнением по вопросу о сущности и причинах упорства является то, которое причиной последнего считает насильственное введение православия в некоторых деревнях Холмской Руси. Казацкие нагайки, гулявшие по спинам „отторгнутых насильно, а воссоединённых любовью“, вот, замечают ядовито, главная причина упорства. Сущность его составляет протест против насильственного введения православия в Холмской Руси. Но правда ли это? Нам кажется, это мнение неверно. И в самом деле, зачем и когда нужны были нагайки? История воссоединения показывает, что казацкие нагайки появились в деревнях для усмирения восставшего на защиту унии народа, появились тогда, когда народ воспротивился очищению греко-униатской обрядности от польско-латинских нововведений, следовательно, уже после обнаружения упорства. Как же казацкие нагайки могут быть признаны причиной упорства, если последнее ясно обнаружилось и существовало раньше, чем появились в деревнях казаки? Каким образом сущность упорства может составлять протест против насильственного введения православия, когда протест был заявлен раньше, чем произведены были насилия в некоторых деревнях? Обыкновенно причина бывает раньше действия. Между тем, по этому мнению, причина упорства была позже своего действия. По этому мнению, дело было так: казаки били народ, и потому он стал упорствовать. Но за что же они били его? – спросим мы. Если за упорство, то ясно, что упорство было раньше, чем появились казаки, ясно, что не упорство из-за нагаек, а нагайки из-за упорства появились в деревнях. Притом известно, что

упорство есть и в таких приходах, где нагайки совсем не были в ходу, где воссоединение совершилось мирно. Каким образом упорство этих приходов может быть протестом против насильственного введения православия, когда в этих приходах воссоединение совершалось мирно?

Не менее распространённым мнением по вопросу о сущности и причинах упорства является то, по которому основной причиной современного упорства признаётся клятва, взятая с упорствующих ушедшими за границу священниками. Действительно, многие из ополяченных униатских священников, не желая подчиняться распоряжениям Холмской греко-униатской консистории об очищении греко-униатских обрядов от польско-латинских нововведений, а также, не желая принять в 1875 году православия, уходили за границу и с своих прихожан брали клятву, что они не будут ходить в церковь. Но клятву эту нельзя считать причиной современного упорства. Насколько нам известно, клятва бралась на тридцать лет. Со времени очищения обрядности прошло уже более тридцати лет, а между тем упорство продолжает существовать и в тех приходах, в которых клятва бралась во время очищения обрядности. Кроме того, упорствуют не только старики, с которых взята клятва, но и молодое поколение, которое никому никакой клятвы не давало. Очевидно, не клятва заставляет упорствующих упорствовать.

Нередко можно услышать суждение, что причиной упорства служит экономическое давление панов-поляков. Но несостоятельность такого суждения видна уже из того, что упорство держится и в таких деревнях, где нет поляка-помещика, и притом среди таких крестьян, которые, будучи людьми состоятельными, не нуждаются ни в какой помощи со стороны поляка-помещика, а потому не могут находиться под его экономическим давлением. Особенно же сильно говорит против этого суждения следующий факт. Почти единственной поддержкой материального благосостояния бедных крестьян, окружающих Брестскую крепость, служат заработки в этой крепости. В крепости, несомненно, нет польского влияния: там хозяева всего – люди русские. И что же? Крестьяне окружающих крепость Брест деревень, питающиеся заработками в этой

крепости, упорствуют больше других, упорствуют так сильно, что в начале 1899 года некоторые священники для сокращения этого упорства предлагали ходатайствовать об издании постановления, воспрещающего крестьянам окружающих крепость Брест деревень ходить на заработки в крепость, потому что хождение на эти заработки поддерживает упорство. Экономическое давление поляков-панов можно признать в некотором смысле причиной упорства только весьма незначительного числа лиц, это именно – помещичьих батраков, да ещё безземельных крестьян, живущих заработками, которые, действительно, упорствуют и потому может быть, что не желают лишиться и хлеба, и заработка у поляка-помещика.

Высказывается очень часто мнение, что упорство держится по страху перед заправилами его. Но и это мнение не может быть признано состоятельным, потому что оно не может объяснить, почему держатся упорства сами заправилы его. Предполагать, что заправилы держатся упорства потому, что боятся панов и ксёндзов, нельзя. Заправилы хорошо сознают, что с падением барщины, паны и ксёндзы ни к чему не могут принудить их. Страх может быть причиной упорства и то только некоторых лиц в тех деревнях, где обратившиеся подвергаются преследованиям со стороны большинства закоренелых упорствующих или со стороны сплошного католического населения. Но почему держатся упорства те отдельные семьи, которые живут среди православного населения? Ведь принятие ими православия не вызовет никакого преследования. Напротив, непринятие православия, упорство их, вызывает насмешки и т. п.

Если и можно говорить о страхе, как причине упорства, то о страхе перед общественным мнением, а не перед заправилами упорства. Это собственно не страх, а ложный стыд, нежелание выделяться из общей массы. Упорствующему одному перед другим стыдно открыто сознать ложность того, что он так долго считал истинным, за что он, может быть, даже пострадал. Если даже у упорствующего и появляется сомнение в истинности упорства, у него не хватает духу порвать связь с обществом упорствующих, так как он не имеет чем оправдать свой

поступок, не имеет чем ответить на укоры, какие ему могут быть сделаны упорствующими, поэтому он и продолжает упорствовать. Но признать этот стыд и это отсутствие смелости порвать связь с обществом упорствующих основной причиной упорства нельзя, потому что, в случае такого признания, трудно будет объяснить упорство отдельных семейств, живущих среди сплошного православного населения.

Наконец, высказывается иногда мнение, что упорство держится просто привычкой. Упорствующий, говорят, свyksя с своим положением, и потому продолжает упорствовать. Конечно, привычка имеет большое значение в жизни человека. Человек часто в силу привычки не желает расстаться с известным положением, образом жизни. Но ничего подобного нельзя сказать относительно упорствующих, потому что они всеми силами стараются выйти из того положения, в котором находятся. О желании упорствующих выйти из своего теперешнего положения ясно свидетельствует живущее среди них сознание, что это положение временное, что скоро должна наступить перемена, а ещё яснее об этом говорит тот факт, что упорствующие при всяком удобном случае подают прошения о дозволении им перейти в католичество. Когда 2 июля 1898 года были Высочайше утверждены и затем обнародованы новые правила для определения веро-принадлежности бывших греко-униатов, то упорствующие в громадном числе стали подавать прошения о дозволении им перейти в католичество. Со времени обнародования новых правил по 30 сент. 1898 года подано таких прошений 663³⁰⁸.

Если же причиной упорства не может быть признано ни насильственное введение православия, ни клятвы, данные упорствующими, ни страх перед поляками-помещиками или перед заправилами упорства, ни стыд перед общественным мнением, ни привычка, наконец, то необходимо нужно признать, что причиной упорства служит польско-латинская пропаганда. Но сказать, что причиной упорства служит польско-латинская пропаганда, значит – очень мало сказать и особенно для решения вопроса о средствах борьбы с упорством. Часто повторяемое выражение: „польско-латинская пропаганда служит

причиной упорства“ есть выражение общее, неопределённое. Оно не показывает, в чём состоит эта пропаганда, что собственно составляет причину упорства – идеи ли польско-латинской пропаганды, воспринятые упорствующими и составившие убеждение их, или же агенты её. Многие считают основной причиной современного упорства присутствие среди упорствующих агентов польско-латинской пропаганды, и потому всю суть борьбы с упорством желают свести к борьбе с агентами этой пропаганды, утверждая, что, с удалением этих агентов или с изданием строгих законов по отношению к ним, падёт упорство. Для решения вопроса о средствах борьбы с упорством необходимо, следовательно, выяснить, при каком понимании выражение: „польско-латинская пропаганда служит причиной упорства“ – может быть признано правительством. При каком же понимании это выражение может быть признано правильным? Оно может быть признано правильным при том понимании его, когда причиной современного упорства оно считает не агентов польско-латинской пропаганды, а идеи её, воспринятые упорствующими и сделавшиеся их убеждением. Признавать, что причиной современного упорства служат агенты польско-латинской пропаганды и утверждать, что с удалением этих агентов или с изданием строгих законов по отношению к ним прекратится упорство, нельзя по той простой причине, что упорство существует довольно давно, что не современные агенты создали его. Конечно, современные агенты имеют значение в жизни упорства, но они не создают его: они только поддерживают то, что уже создано их предшественниками и воспринято упорствующими, и потому удаление их не уничтожит упорство в его корне.

Но раз мы признаём несомненным, что не агенты польско-латинской пропаганды, а идеи её, воспринятые упорствующими и ставшие их убеждением, служат основной причиной современного нам упорства, то само собой понятно, что прежде решения вопроса о средствах борьбы с упорством, мы должны выяснить эти идеи, для того, чтобы указать, против чего собственно должна направляться православно-русская миссионерская деятельность, что должно быть центральным

предметом её, составлять душу. Мы должны выяснить эти внедрённые в сознание упорствующих и ставшие их убеждением идеи польско-латинской пропаганды потому, что они, эти идеи, составляя основу упорства, побуждают упорствующих не верить всему тому, что говорит православно-русский миссионер, побуждают враждебно относиться ко всему православному: к православному священнику, к православной церкви, к её таинствам и обрядам, к православному учителю, – побуждают заранее, без всяких колебаний и рассуждений, признать ложным всё, что исходит с православно-русской стороны. Так как упорство есть своего рода недуг, который нужно вылечить, то мы для верного излечения этого недуга, должны узнать не только его современное положение, но и его историческое происхождение и развитие. Только узнавши суть недуга в его настоящем положении и историческом образовании, мы можем приступить к его излечению.

(Продолжение следует).

М. Кобрин

Высоцкий Н. О числе церковных таинств //
Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 981–
986

(Из миссионерских запросов).

(Чем объяснить то, что в памятниках древней христианской письменности нет прямо и определённо выраженной формулы: *таинств церковных семь*, и то, что иногда в них ясно и выразительно перечисляются только лишь некоторые из церковных таинств, а остальные обычно отсутствуют в таких перечнях?).

Несомненные исторические свидетельства убеждают нас в том, что формула седмичного числа таинств довольно позднего происхождения. Они говорят нам, что эта формула впервые явилась не ранее XII века, причём возникла сначала на Западе, и уже потом, спустя целое столетие, стала известна и на Востоке. В памятниках же древней христианской письменности мы нигде не находим прямого и определённо выраженного утверждения, что в церкви Христовой семь таинств. Правда, некоторые отцы и учителя церкви в своих творениях иногда говорят о числе таинств и даже перечисляют их, но в таких перечнях обычно упоминаются далеко не все из признаваемых теперь церковных таинств, а только некоторые.

Чем же объяснить это отсутствие в памятниках древней христианской письменности точной формулы: *таинств церковных семь* и появление её лишь в позднейшее время, а также эту встречающуюся в святоотеческих творениях неполноту перечня церковных таинств?

Неправославно мыслящие люди объясняют это тем, что в древней церкви Христовой не было всех тех семи таинств, которые признаются теперь, как необходимые для всякого верующего средства спасения. Но это объяснение неверное. В древней церкви Христовой существовали все семь церковных таинств. Доказывать это положение потребовалось бы слишком много времени. И при том эта задача блестяще уже выполнена проф. А. Л. Катанским в его труде: „Догматическое учение о

семи церковных таинствах в творениях отцов и писателей церкви до Оригена включительно“. После того, что сказано проф. Катанским в этом труде, существование всех семи церковных таинств и в древнейшие времена в церкви Христовой не должно подлежать никакому сомнению. И таким образом для объяснения поставленных вопросов должны быть приведены иные соображения. Эти иные соображения предлагает сам же проф. Катанский, хотя его рассуждения не исчерпывают всего относящегося к этому вопросу материала и должны быть дополнены другими соображениями.

По мнению проф. А. Л. Катанского, главная причина отсутствия в памятниках древней христианской письменности формулы о седмичном числе таинств и появление её лишь в позднейшее время заключается в следующем. Появление формулы: „таинств церковных семь“ означало окончание процесса раскрытия и уяснения учения о числе таинств, но этот процесс раскрытия учения о числе таинств не мог совершиться в такой сравнительно короткий период времени, каким представляется древнейшая эпоха исторической жизни христианской церкви, так как учение о таинствах вообще, как и о других догматах, было раскрываемо и формулируемо только постепенно и с трудом; этот процесс формулирования учения о таинствах закончился лишь к XII веку, когда и появляется формула седмичного числа таинств.

Кроме этой общей причины, г. Катанский в объяснение отмеченных явлений указывает ещё одну частную и специальную причину. По его мнению, у св. отцов и писателей церковных первых веков христианской эры заметно стремление рассматривать действие Духа Божия в церкви Христовой вообще, во всех различных проявлениях этого действия, а не разделять его по родам или способам. Вот почему в их творениях мы не находим, ни ясно выраженного учения об отдельных способах действия Св. Духа, каковыми способами и являются таинства христианской церкви, ни простого даже перечня их. Существование этого стремления у св. отцов и церковных писателей древнего времени обуславливалось влиянием на христианскую мысль первых

веков платоновской философии, которая более занималась созерцанием целого в вещах и их идей, нежели анализом частей и выработкой формы. Напротив, с наступлением схоластического периода, с наступлением господства философии Аристотеля, философии логических форм, приучившей умы облекать идеи в твёрдые, устойчивые формы, разграничивать понятия, классифицировать их, вводить в область мысли внешний порядок, стройность, а в способе выражения – однообразие, начинается обстоятельное, полное и систематическое раскрытие, раздельное изложение и точное формулирование учения о таинствах вообще и в частности о числе их, так что в XII веке мы уже прямо встречаем формулу: „таинств церковных семь”.

В объяснение же того, почему в творениях некоторых св. отцов и учителей церкви, у которых мы встречаем перечень таинств, число этих священнодействий ограничивается только лишь двумя или тремя первыми из существующих теперь таинств, г. Катанский указывает, что это обстоятельство обуславливалось той параллелью, которая установилась в представлении христиан первых веков, невольно для них самих и в силу естественного порядка вещей, между языческими мистериями и христианскими таинствами. Пока живо было ещё язычество, христианские учителя и писатели, при изложении вероучительной и культовой сторон христианской доктрины, невольно должны были для большего успеха иногда прилагать к различным, конечно, только внешним параллелям и соответствиям между изложенными пунктами христианского учения и вкоренившимися в сознании современных им людей языческими представлениями и образами. К этому-то приёму, очевидно, прибегали и пользовались им и те церковные писатели, у которых мы встречаем неполный перечень церковных таинств. При изложении учения о таинствах, они невольно мысленно сопоставляли их с языческими мистериями и проводили в своём уме параллель между ними. И подобно тому, как в языческих мистериях различались три ступени постепенного нравственного восхождения по пути совершенства, так в соответствие этому св. отцы и учителя

церкви и из христианских таинств брали только первые три: крещение, миропомазание и причащение, которые действительно представляют собой как бы три ступени постепенного духовного развития. Этим, очевидно, св. отцы и учителя церкви вовсе не думали исчерпать всего существовавшего в их время количества христианских таинств, а хотели только показать, что и христианству не чужды внешние средства общения с Богом, что и в нём есть нечто подобное языческим мистериям, только несравненно более возвышенное, чистое и одухотворённое, и что поэтому язычнику ненужно отвращаться от христианства с первого же раза, как от учения совершенно противоположного его религии, к нему нужно присмотреться и изучить.

Так объясняет А. Л. Катанский отсутствие в памятниках древней христианской письменности формулы о седмичном числе таинств и неполноту перечня церковных таинств, которую мы встречаем у некоторых св. отцов и церковных учителей.

Несомненно, все эти указанные Катанским причины рассматриваемых явлений очень серьёзны и очень основательны, чтобы подрывать и тем более отрицать их значение. Мы, конечно, принимаем их. Но в тоже время нам кажется, что отмеченные Катанским причины не были единственными причинами; мы думаем, что кроме них были другие обстоятельства, влиявшие на замедление формулировки учения о числе таинств и на встречающуюся в творениях некоторых св. отцов и церковных писателей неполноту перечня этих священнодействий, — обстоятельства, если не первостепенной важности, то во всяком случае заслуживающие полного внимания к себе.

Прежде всего, по нашему мнению, кроме указанных Катанским причин рассматриваемых явлений, немалую роль сыграла в этом та древне-церковная практика, которую с XVII века, по примеру Даллэя и Мейера, принято в церковно-исторической науке обозначать термином *disciplina arcana*³⁰⁹. Эта практика, возникшая в конце II века и окончательно прекратившая своё существование только лишь в VII веке, требовала, с одной стороны, умалчивать перед нехристианами

о таких предметах общественного богослужения, которые были предназначены исключительно для верующих, а с другой – преграждать всем непосвящённым в члены церкви Христовой доступ к тем частям богослужения, в которых преимущественно усматривались выражения святой христианской веры и жизни³¹⁰. А такими предметами и такими частями общественного богослужения и являлись в древней церкви св. таинства. Следовательно, они и составляли собой первый и главный предмет *disciplinae arcanae*. Мы не видим необходимости входить в подробности раскрытия этой мысли. Мысль о том, что все семь существующих теперь в христианской церкви таинств в древнейшее время христианства составляли предмет *disciplinae arcanae*, довольно обстоятельно раскрытая и в русской литературе, в частности она хорошо разъяснена в статье В. Покровского, помещённой в „*Вере и Раз.*“ за 1895 год и озаглавленной „*Disciplina arcana в древней христианской церкви*“.

Мы только сделаем тот вывод, какой несомненно следует отсюда. Из высказанной и достаточно обстоятельно обоснованной В. Покровским мысли о том, что таинства в древней христианской церкви составляли необходимый предмет *disciplinae arcanae* со всей ясностью следует важное для нас заключение, что в творениях св. отцов и церковных писателей древнего времени мы не только не найдём, но прямо даже не должны искать в них более или менее развитого учения о таинствах вообще и в частности о числе их. Раз практика, имевшая силу закона, требовала сохранять молчание относительно таинств, как предметов общественного богослужения, то, конечно, св. отцы и церковные писатели не могли быть её нарушителями и не могли открыто высказывать всего того, что они знали о таинствах.

Немаловажное значение имела также и богослужебная практика древней церкви. Все семь церковных таинств группировались в святоотеческой древности около двух таинств, как своих центров. Будучи, по существу своему, отдельными актами, они примыкали, однако, в богослужебной практике или к крещению, или к евхаристии, имели с этими двумя таинствами

весьма близкую связь или 1) *по времени*, или 2) *по цели совершения*. 1) *По времени совершения* соединялись: с крещением – миропомазание, с евхаристией – публичное покаяние, священство и брак. Миропомазание совершалось непосредственно после крещения, в том же здании, т. е. в вантистерии. Акт разрешения от грехов в покаянии, которое имело в древности характер по преимуществу публичный, совершался за литургией и состоял в преклонении колен и в возложении рук священника на головы кающихся, после чего они, вместе со всеми верными, допускались к слушанию литургии верных и к приобщению Св. Таин. Посвящение в иерархические степени, как и у нас теперь, совершалось также в непосредственной связи с литургией, так что евхаристия являлась как бы заключением таинства священства. Брак совершался в древности в связи с таинством евхаристии, к которому сочетавшиеся браком, после молитв и благословения священника, и приступали тут же, т. е. за литургией. 2) Целью и необходимым завершением (хотя и не посредственным по времени совершения) являлась евхаристия для частного покаяния и елеосвящения. Так частное покаяние, хотя и не совершалось за литургией, тем не менее получившие разрешение от грехов, в ближайший после того день, как и у нас теперь, приобщались Св. Таин. Точно также и елеопомазание больных, хотя по времени совершения и не соединялось с литургией, обыкновенно также вело к Приобщению; после елеопомазания больные напутствовались Св. Тайнами. Таинство евхаристии являлось, таким образом, завершением как частного покаяния, так и елеопомазания. Вот эта-то тесная связь с крещением и евхаристией остальных пяти таинств в литургической практике древней церкви, – связь, которую признают все учёные литургисты и которую отвергать нет достаточных оснований, – и имела немалое влияние на позднее образование догматической формулы, касающейся седмичного счисления таинств, и на неполноту перечня церковных таинств в творениях некоторых св. отцов и учителей церкви. В самом деле, богослужебная практика выдвигала на первый план два священнодействия: крещение и евхаристию.

Ставя же их на видное место, она тем самым как бы оставляла в тени, на втором плане, другие священнодействия, стоявшие с ними в тесной связи, хотя эти пять священнодействий считались весьма важными священнодействиями, выходившими из ряда простых обрядов. Это естественно создавало тот порядок вещей, по которому св. отцы и церковные писатели, говоря о таинствах, сосредоточивали всё своё внимание только лишь на двух из них, совсем умалчивая об остальных пяти.

Таковы те причины, которыми, объясняются как отсутствие в памятниках древней христианской письменности формулы о седмичном числе таинств и появление её лишь в позднейшее время, так и встречающаяся в этих памятниках неполнота перечня церковных таинств³¹¹.

Н. Высоцкий

**Из записок и дневников // Миссионерское
обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 987–1000**

Горохов В. Письма к молодёжи, ищущей смысл жизни. С. 987–993

(Посвящается моим друзьям: дорогому брату Ф. Г., А. И. Тушэ, А. И. Л. Н., Е. Р., З. И. и друг.)).

„Исторический опыт учит, что всякая материалистическая мораль, как бы чиста она в общем ни была, является по преимуществу в преобразовательные и переходные эпохи разлагающим фактором, между тем как все великие и решительные перевороты и новые формы пробиваются наружу только вместе с новыми эпическими идеями“...

Ф. А. Ланге („Ист. Матер.“).

Предисловие

Верующий человек и неверующий являются совершенными антиподами по существу своих убеждений, и то, про что верующий не может говорить без страха, неверующий легко делает предметом каламбура; между тем вера в Бога может явиться результатом настолько же последовательных убеждений, как, например, вера в экономический материализм в истории или что-нибудь в этом роде. Та и другая предоставляется свободному выбору субъекта, а склонность последнего определяет выбор. Мы берём, что нам нравится: мир явлений (объект) безразличен к этому выбору: он не отвергает и не оправдывает его, и мы правы вполне: в жизни человека (в его бытии) что может быть важнее *жизни человека* (его бытия)?

Жизнь есть круг, который объемлет собой всё, весь мир в бесчисленном ряде явлений; субъект сковывает объекта в свои цепи, потому что субъект, как вершитель переходящих явлений, выражает в себе *полное проявление бытия познаваемой объекта*. Как явление, человек подчинён и обязан согласовать себя с миром, но, *как дух, он способен стремиться к блаженству свободы и могущества*.

Но где же свобода и победа собой всего в ряде причинных ограниченных явлений? Нет её здесь, и мы вправе искать её в сфере познаваемого мира (т. е. познаваемого умом) и, найдя, стремиться к ней целиком рядом соответствующих действий.

Это письмо, заключающее краткое выражение моих убеждений, есть заявление моим неверующим друзьям и товарищам, что я не солидарен с ними по убеждениям; но, находя, что многие из них, быть может, стоящие гораздо выше меня по умственным и нравственным качествам, всё же не вышли из периода тяжёлого, безнадёжного «искания» смысла жизни, я хотел бы показать им на «Звезду», отыскать которую мне стоило многих лет умственного труда и тяжёлого жизненного опыта.

Мечтаю о счастье быть понятым.

I.

Товарищи! Вам нечего говорить о том тяжёлом историческом моменте, переживать который выпало на нашу долю. Едва ли когда-нибудь воздух был более удушлив, атмосфера более тяжела, небо более мрачно и вместе с тем сухо, чем в переживаемую нами эпоху. Что это? Предвестник ли грозы? Нет, потому что электрическая напряжённость давно истощена. Ждать ли ливня?.. Ах, если бы небо спустило хоть росу, только росу, как ожила бы природа после такой продолжительной, мертвящей засухи! Куда завели нас отцы и деды? Куда мы пришли и куда продолжаем идти по инерции до сих пор? Посмотрите, как недалеко за нами эти всевозможные, многочисленные чумы – дорога, по которой нас вели старшие по возрасту, ответственные мужи, держащие в своих устах слово мудрости, силой вещей поставившие себя в кормчие грандиозного жизненного корабля.

По самоуверенной поступи их все думали, что они ведут непременно к святой, вечной правде, но, увы, самоуверенность часто обманчива, потому что преступна: нет ничего в мире, чтобы возможно было доказать с *абсолютной достоверностью*, а тем более в суждении о будущем.

Да, поистине, мудрость века сего есть безумие перед Богом!

Чего мы желали в сущности? Счастья, истины, Царства Божия? Да, мы искали правды, которая носит в себе блаженство, смысл жизни. Блуждая взором по безграничным сферам, мы упустили из виду самих себя, мы забыли священные слова:

«Царство Божие внутри вас». Не многие вспомнили их, но, не отрывая от пустого пространства устремлённого взора, извратили их смысл, потому что не познали самих себя.

Итак, к чему же привела нас эта пустота, в которой мы искали свой идеал и, не успев найти, приготовили вывеску со словами: *правда, добро, красота* – с одной стороны, *равенство, братство и свобода* – с другой?

Товарищи! ещё каких-нибудь пять-шесть лет тому назад едва ли кто стал бы оспаривать факт распространяющегося

неверия в современном обществе. Не говоря уже про бесчисленное множество случаев отпадения от христианской веры, казалось бы, просто – без всякой внешней причины, по какой-нибудь странной прихоти праздного, невежественного лица, начавшего вдруг «крутить мозгами», неверие в буквальном смысле слова распространялось прогрессивно, ниспускаясь от самых блестящих жрецов и служителей университетской науки до фабричных рабочих, и деревенской грамотной молодёжи включительно. И если всеразрушающая в нравственном мире волна всяческого отрицания, хлынув на интеллигентное общество, в последнее время в виде Дарвинизма и Марксизма. Ницшеанства и Толстовства, оставила после себя крайне злокачественный ил, выражающийся до сего времени полным индифферентизмом к миру, жизни и к печалям и радостям себе подобных существ, то в молодом полуобразованном и необразованном поколении оно проявляется в более или менее полном игнорировании священных обязанностей человека – с одной стороны и сектантством, расколом и полной психологической аномальностью – с другой. Стоит заглянуть в какой-нибудь специальный журнал на этот счёт (напр. в «Миссионерское Обозрение»), чтобы убедиться в справедливости сказанного.

Но теперь не приходилось ли вам наблюдать несколько иное течение?..

Нет основания думать, чтобы индифферентизм явился результатом вышеупомянутых мировоззрений; он просто следствие исторической жизни народа или известного культурного возраста – того возраста, когда вдруг окажется «всё – суета сует», ничто не ново под луной, когда никакое новое умозрение не покажется удивительным и никакое изобретение или открытие неожиданным. Это не пессимизм, разочарование жизнью вообще, – это разочарование возмечтавшего о себе разума в собственных силах, разочарование человека в возможности достижения вечной правды при помощи естественных средств. Из этого обстоятельства все верующие в Бога познают, что «Жених» уже «при двери», потому что первое пришествие Спасителя мира предшествовалось подобным же

разочарованием в материальной жизни среди классического мира: мы ждём неизбежного возрождения духа современного человечества на почве, исповедуемой русским народом Христианской веры.

Возможно положительно доказать (диалектически), что не существует и не будет существовать другого мировоззрения, которое было бы способно влить жизненные силы для дальнейшего совершенствования человека, кроме христианства (см. ниже об этом). Но чтобы доказать это, надо не только знание истории философии человечества, но и некоторое призвание к философии, призвание, возвышающее человека весьма значительно над обыденным здравым смыслом – тем здравым смыслом, который, забираясь не в свою область, приводит человека к курьёзным, но весьма печальным заблуждениям. Обыденный здравый смысл эмпирик по своей природе, между тем эмпиризм считается в логике далеко не единственным критерием истины: с точки зрения здравого смысла Ньютоново тяготение, атомизм, новейшая световая теория электромагнитных колебаний и т. п., так же нелепы, как и всё сверхъестественное. Обыденный здравый смысл никогда не поймёт необходимости голубиной простоты и никогда не поднимется выше понимания обыденных истин: он только наивысшая степень развития, какую могло дать животное и потому всегда остаётся верным последнему; и было бы странным казусом, если бы он вдруг восстал против материальных благ и признал возможность чуда. И так, где обыденный здравый смысл, там эгоистическая защита индивидуализма, коммунистические и социалистические утопии, а где эти последние, там непременно только здравый смысл.

Но человек не исключительно животное, носящее некоторый интеллектуальный аппарат, нужный ему для более или менее утончённого удовлетворения чувственно-материальных потребностей, но животное, имеющее сверх того некоторый невещественный круг влечений, которого здравый смысл ни понять, ни тем более удовлетворить – не в состоянии. Нужно ли доказывать последнее положение? Нужно ли доказывать, что человек подобен семени, заключающему в себе ядро будущей

жизни, ядро, могущее возрастить многоветвистое дерево, если оно, падши в землю, сгниёт? *К сожалению*, скажете вы, доказать этого невозможно. Правда, строго-научно доказать невозможно, но не к сожалению, а к счастью, к благу нашему, – ибо разум Божий неизмерим. Были ли бы мы лучше, если бы мы знали, что человек имеет душу живую, которая будет существовать после смерти тела? Я не думаю этого, потому что знание в известном смысле лишает нас свободы: находясь под влиянием знания, мы, подобно семени, попавшему под влияние слишком большой влаги, уклонились бы от естественного развития и, не достигнув зрелости, неизбежно погибли бы. Так, зная достоверно, что существует загробная жизнь, возмещающая за поведение настоящей жизни, мы стали бы готовиться к ней не недостаточности внутренней зрелости, а страха ради, почему и отцвели бы, не успев расцвести. Знание в данном случае было бы погибельной зависимостью.

Воля человека есть ничто иное, как выражение степени внутреннего развития его души. Стимулом развития вообще в животном мире служит стремление к наилучшему сохранению собственной индивидуальности. Под лучшим разумеется всё то, что даёт некоторый плюс к интенсивности и силы жизни – с одной стороны и избежание страданий – с другой. Увеличение интенсивности и силы жизни достигается соответствующей деятельностью или функцией организма, а избежание страданий от избытка деятельности обуславливает стремление к покою. Но наслаждение: страданию – деятельность: покою – пропорция только при условии ограниченных количеств; как чрезмерная деятельность, так и чрезмерный покой дают в результате одно – страдание, т. е. разрушение, а значит и вырождение.

Взрослый человек не имеет никакой потребности к физическому труду: это показывает, что деятельность такого рода не может дать того лучшего, которого ищет человек. Умственный труд, при менее резкой затрате энергии, создаёт более интенсивную внутреннюю жизнь, но и он, как показывает история и ежедневный опыт, не даёт полного удовлетворения человеку. Как же создать высшую интенсивность жизни? Работать ли одновременно всеми членами тела и всеми

клеточками мозга? Нет: здесь одна деятельность служит отрицанием другой. Пустить ли в ход одновременно все функционирования животного организма? Нет: сомнительно, чтобы сознание воспринимало одновременно в той же обычной степени различные ощущения, – сумма восприятия не увеличивается от повышенного количества ощущений; при том же, сознание способно воспринять в один и тот же момент только одно преобладающее ощущение: так слуховые впечатления могут взять верх над вкусовыми и т. п. Как не могут уместиться в голове одновременно две разные мысли, так невозможно воспринять два различных по силе и качеству ощущения в одно и то же время. Но чего не могут дать отдельные ощущения, может быть способны дать эмоции? Мы не будем говорить про удовлетворение половой любви: всякому известно, что и удовлетворившись, оно ничего не оставляет после себя, кроме тягостного чувства неудовлетворительности. Любовь эта – даже для юного возраста обоюдоострый меч, про что достаточно нажужжали уши поэты всех времён и народов. Но вот чудная картина природы, эта манящая даль, эти восхитительные переливы умиротворяющего кроткого, синего неба; этот закат, говорящий о чём-то невыразимо родном, милом, но давно прошлом, – всё это чем-то девственно-приятным щекочет по вашему сердцу. Но минута–две, и ничего не осталось от вашего впечатления, кроме какой-то лёгкой грусти, какого-то неопределённого недовольства. Вероятно, это недовольствует ум оттого, что он не принимает никакого участия в этом приятном настроении. И здесь нет полного удовлетворения, не говоря уже про кратковременность наслаждения.

В таком случае пойдём на лучшую оперу, где возвышенность и умелость живых картин увеличивает рельефность музыкальных образов и, таким образом, посредством двух или даже трёх проводников, пытается довести внутреннюю деятельность до максимума. Но сам факт существования оперы не доказывает ли бессилие музыки дать цельное удовлетворение душе, жаждущей счастья? С точки зрения музыкального искусства опера, на мой взгляд такая же

аномалия в этой сфере, как декадентство в литературе и живописи: она результат пресыщения олуха, как декадентство – результат пресыщенного литературного вкуса. Нет, ничего не вынесете вы из оперы, ничего кроме затаённого недовольства собой и всем современным миром.

Но вот театр. Гамлет, Макбет, Отелло, Король Лир... Великие, но жалкие рабы страстей! Чем они превосходят нас, обыкновенных смертных? Силой страстей? Но это худое преимущество. Силой воли? Но это обоюдоострое орудие, которое может дать счастье только при многих других благоприятных условиях. Но может быть они имеют что другое, достойное подражания? Силу рассуждения, добродетелей?..

Нет, и театр, даже при самых лучших условиях, не может дать нам того лучшего, которое ищет душа наша, – того счастья, которое было бы полно, постоянно и прочно.

Тогда, может быть, поставленная цель окажется в состоянии принести счастье? Но что цель сама по себе, если рядом с ней не имеется в виду удовлетворения какого-либо влечения, например, желания славы и т. п.? Соблазнительна слава, но стоит ли она, вообще говоря, того труда, которым она может быть достигнута? Даже тому, кому лавры достаются особенно дёшево, как показывает опыт многих лиц, слава не даёт и сотой доли того счастья, которого жаждет человеческая душа, и слова ветхозаветного мудреца-царя остаются навсегда справедливыми: «всё – суета сует, всё – суета».

(Продолжение следует).

В. Горохов

«Меморалия». С. 994–1000

«Записки раскаявшегося толстовца».

«Исповедайтесь Господеви, яко благ, яко в век милость Его».

Глава 1. (Вместо предисловия)

Родился я в Иванове-Вознесенске, Владимирской губернии, Шуйского уезда. Очевидно, это меня обязывает к особой заботе о земляках моих, хотя, впрочем, земляки для меня все люди, ибо земля есть место общего нашего изгнания из рая сладости, юдоль покаянного плача падшего человечества.

Родился я в XIX веке в 1869 году, 8 декабря. Стало быть, с началом нового XX столетия я вступаю в четвёртый десяток своей многогоремычной жизни, которую Бог по своей Его милости, хотя и поздно, хотя и слабо, но осиял Светом Богопознания, Разумом Евангелия, надеждой благ вечных, неувядаемых. О если бы мне благодать, вверенную моему недостоинству «расточить убогим» духовно и не быть рабом «лукавым и ленивым!»

Итак, в прошлом XIX столетии я имею часть тридцатью слишком годами своей жизни, и моё возрождение от Духа Святого, рождение свыше (духовное) произошло на самой грани двух веков XIX и XX-го. В возрасте мужа вступаю я в XX-ый век, – в возрасте, когда надо сознательно и бесповоротно взять крест и идти вслед за Христом Господом по узкой стезе борьбы с грехом в себе и людях-братьях.

Имя Архангела Михаила, данное мне при святом крещении, привлекло ко мне могущественную помощь Архистратига: – только помощи Архангела Михаила могу приписать дело спасения моего от греха, заблуждений и уз вечной смерти. Если дано было мне имя Архистратига, то это ли не повод для него ограждать меня и спасать. Ангелы – бескорыстны, человеколюбивы, ревнители добрых дел и обладают чудными способностями и великой крепостью: им ли не заступиться за немощного человека. Но Богу угодно было за грехи ли мои или моих родителей, или предков, попустить мне впасть в волю

сатаны, сего жестокого тирана душ. Это произошло не по нерадению Архангела Михаила, но по моему окаянству и допущению Божию.

Как и все смертные, родился я «во гресех» и зачала меня мать «в беззакониях». Будучи от похоти мужеской зачат родителем страстным, я не мог не быть похотливым, грешным и нуждающимся в очищении и освящении уже тотчас по рождении. Это и совершенно было во святом крещении таинственной силой Всемогущего Духа Божия Утешителя.

Иванова-Вознесенска я не помню вовсе. Не помню первых лет своего младенчества и детства: как кормила меня мать своей грудью, как стал я ходить и говорить. Знаю ныне, что всё это было со мною, т. е., жизнь моя во чреве и в первые годы по исходе из чрева, но своих в то время *душевных состояний* не помню, как и никто, я думаю, из людей. Следовательно, эти годы как бы не записаны в книге жизни, в книге воспоминаний. Я существовал, но не помню, что я чувствовал или мыслил тогда. Не оттого ли это не запоминается, что нет ещё виноватости в состояниях младенцев?

В действиях, криках и лепете младенца нет ни заслуги, ни виновности. Имел ли заслугу Николай Чудотворец в том, что в младенчестве не сосал по постным дням груди матери? Это было действие Благодати Св. Духа по слову: «из уст младенец совершил еси хвалу».

Имел ли заслугу св. Иоанн Предтеча, что взыгрался во чреве матери, или преп. Сергей, что возгласил трикратно во внутренностях своей родительницы. Это было тоже действие Благодати, знаменовавшей будущие подвиги того и другого, и имевшую воссиять в их сердцах Благодать Божию.

Об Атилле, кажется, есть предание, что он родился с кровью в руках, чем знаменовалось, что он послужит в руках Божиих бичом и грозой.

Не знаю и не слыхал от родителей, были ли какие-нибудь знамения милости Божией со мною, при рождении, в первом младенчестве. Люди мало внимательны к таинственным внушениям и вещаниям Ангела-Хранителя и более склоняют ухо к суеверным внушениям духа-искусителя.

Но я помню *ужасные сновидения*, какими Бог посещал мою душу: я просыпался от этих снов в холодном поту. Мне часто снилось какое-то огненное колесо, из огромного далека ко мне приближавшееся, как точно ядро, выпущенное из жерла чудовищной пушки. Но приближалось оно медленно, грозно, как бы желая меня умертвить, разбить вдребезги, опалить, жестоко измучить и истерзать. Верую, что это были Божии предостережения и предвкусения тех огненных искушений, которые предстояли мне впереди за грехи мои и грехи моих родителей.

Глава 2

О моём знакомстве с графом Львом Николаевичем Толстым, его семьёй и последователями.

Из «Исповеди раскаявшегося толстовца», впервые появившейся в издании Святейшего Синода в 1896-ом году и в перепечатке на страницах «Миссионерского Обозрения», под иным заглавием («плоды учения графа Л. Н. Толстого»), читатель может узнать об отношениях моих к графу Толстому, как они выразились в личной переписке с ним после моего Благодатью Господней совершенного обращения из анархизма и толстовства к свету веры православной.

Но я желал бы рассказать о моих отношениях к графу в период моей принадлежности к революционерам и толстовцам. Для многих моих теперешних друзей по духу, да и для меня самого это небезынтересно.

Церковь Божия поёт: «во свете Твоём узрим свет», Господи Иисусе.

Итак, свет и мир можно правильно созерцать лишь во свете Благодати Святого Духа. Поэтому, Господи, не нам, по Имени Твоему даждь славу, осветив чудным Твоим Светом, светящим во тьме сознания, – осветив потёмки моего ужасного прошлого, чтобы мне правдиво, просто, нефальшиво, рассказать о моём знакомстве с кумиром нашего времени, и отношениях с Л. Н. Толстым, его семьёй и последователями.

Толстовские идеи коснулись души моей, насколько помню, ещё тогда, когда я был гимназистом пятого или шестого класса и жил в Москве на углу Смоленского бульвара в доме профессора

Духовского. Моё увлечение толстовством тогда выразилось в том, что я стал спать на голых досках, с горячностью рубить на дворе дрова и изрекать толстовские сентенции. Хорошо помню, что это было ещё до моего увлечения революционными теориями, терроризмом и социал-демократией. Помню, ко мне – должно быть, по чутью, заходил некий толстовец (имени коего не знаю) и нанимал меня на какие-то сапёрные землекопные работы не то в толстовской колонии, не то в своём имении. Одно помню, что моё мальчишеское самолюбие «взыграло», что меня считают заправские толстовцы малым, стоящим уже выше предрассудков и способным к чёрной работе – «копати» де не стыжуся, как оный блудный евангельский сын. Затем мой антрепренёр-толстовец скрылся с горизонта моего – помнится мне лишь, что был он одет типично, по-толстовски, то есть с претензией казаться мужичком или прасолом³¹², лишь бы не интеллигентом и не барином.

Это веяние было в то время полезно мне, ибо уже к тому времени нервы мои и здоровье были расшатаны малакией³¹³ и посещением домов терпимости, о чём бы стыдился упоминать я, если бы не хотел тем обратить внимание всех, где и в чём корень осатаиения, коему подвержена интеллигенция наша. Этот корень систематическое развращение учащейся молодёжи в домах терпимости и при посредстве малакии, сего ужасного недуга, тлящего – по выражению отца Иоанна Кронштадтского – души и тела до мозга костей, сока нервов и крови сердца. Физические труды, спанье на голых досках, идеи опрощения благотворно повлияли в то время на моё пошатнувшееся здоровье. Но это увлечение было мимолётно и сменилось увлечением революционным с отрицанием и похулением толстовщины, как «паллиатива»³¹⁴ (говоря это слово, я толком и не разумел его), самого Толстого, как пиетиста (и сего слова я не совсем понимал). Присутствие во мне духа буйного, духа нечистого сказалось уже в пятом классе гимназии, когда, за оскорбление учителя истории Марконета, я был исключён из первой, что против Храма Спасителя, классической гимназии строгим директором Иоанном Димитриевичем Лебедевым. Только слёзы матери и участие попечителя графа Капниста дали

мне возможность поступить в тот же год в шестую замоскворецкую гимназию, где я и окончил не без натуги курс, получив аттестат зрелости, хотя умственно был далеко не зрел, а нравственно пребывал в совершенном растлении, страдая крайним нервным расстройством, которое и было той почвой, которая родит в изобилии тернии и волчцы всевозможных «-измов»... Все эти «-измы» я теперь рассматриваю, как учения бесовские, как исчадия той душевной бесовской «мудрости», о которой с негодованием говорит святой Апостол. Характеристику «-измов» читатель найдёт в одной из «страничек исповеди раскаявшегося толстовца», которые печатались в «Миссионерском Обозрении» 1899 г.

По выходе из гимназии, которую я кончал со скрежетом зубовным, еле сдерживаясь от выходок непослушания и буйного духа, уже гнездившегося во мне, я поступил в Московский Университет по физико-математическому факультету на отделение естественных наук, где усердно с присущим мне жаром отдался науке и пошёл так хорошо по химии, что уже на первом курсе был допущен до занятий в химической лаборатории качественным анализом, вместе с второкурсниками, для чего надо было выдержать экзамен у профессора Марковникова. И не увлекайся я нелепейшими революционными теориями, подпольной эльпидинской литературой, яростными статьями Л. А. Т-ва (ныне православного и сотрудника консервативной газеты), из меня бы вышел, быть может, хороший химик, естествоиспытатель и – чего доброго – даже учёный профессор. Но как нельзя служить Богу и маммоне (богатству, золотому тельцу), так невозможно совместить служение науке и революции... За участие в студенческих беспорядках (коим я не сочувствовал, то есть их мотивам, а принял участие лишь по чувству ложного товарищества) меня исключили из Университета и вместе с С-вым и А-чем был приговорён к ссылке – я в Вологодскую губернию на два года, а те двое – в Сибирь. Самому строгому наказанию из всех студентов подвергся собственно один я, ибо С-ов и А-ч были сосланы на родину, в Сибирь (они были сибиряки), а я на чужбину, в Вологду. Ссылка была для меня

неприятнейшим сюрпризом, я не ожидал, что доиграюсь до этого, но пришлось – увы – прямо из Бутырской тюрьмы поехать в охранное отделение, а оттуда, выслушав приговор г. Министра, поехать прямо на вокзал и с проходным свидетельством следовать на место двухлетней ссылки. Это был тяжёлый удар для моей своевольной и свободомыслящей души.

Приехав в Вологду, и заняв номер в гостинице «Золотой Якорь», очень известной для всех ссыльных, я расплакался и разрыдался, как ребёнок, – совершенно так, как плакал, и впервые очутившись под замком, в арестном помещении Пречистенской части в марте 1890-го года. Моё знакомство с графом Толстым началось именно в Вологде в ссылке, откуда я вскоре послал Толстому свою статью по поводу «Праздника Просвещения», то есть Татьянина дня, справляемого московским студенчеством диким пьянством, буйством и горлопанством.

Ещё быв студентом, я был очень тронут и взволнован прекрасной статьёй графа Толстого о Татьянинном Дне, который мне самому удалось проводить только однажды, 12-го января 1890-го года. Из ссылки я и послал свою горячо написанную статью в защиту мыслей графа Толстого и в осуждение великого соблазна пьяного массового препровождения времени в день святой мученицы Татьяны. От графа Толстого я вскоре получил лестный для моего молодого авторского самолюбия ответ, в котором он похвалил мою статью. Письмо было только подписано рукой графа, а написано чьей-то иной рукой. Читая это письмо, я задавал по комнате козлиные прыжки, чуть не сальто-мортале – так я был восхищён, что удостоился похвалы и письма «гениального», «великого» Льва Толстого. «Умякнуша словеса их, паче елея и та суть стрелы». И вот это была первая стрела, которой был подстрелен мой ум ловцом человеков, лже-апостолом. За любезность графа я отплатил горячей к нему приверженностью, длившейся до той поры, пока Добрый Пастырь Христос Господь не уловил меня, ум мой и сердце, во мрежу святого Своего учения, хранимого в лоне и Предании Православной Церкви.

На второй год моей ссылки я познакомился в Вологде с литератором И. В. З-м, поэтом А. М. Ф-м, в то время ещё бывшим актёром, которого я смотрел на сцене и под влиянием которого, должно быть, пустился в несвойственное для меня дело драматургии, стал переделывать для сцены какой-то роман Тургенева. В то время газеты были полны известиями о страданиях голодающих крестьян, на что я реагировал сначала срамно-революционной статьёй, в которой автор дышал кровожадностью тигра, лютостью леопарда, порол дичь вполне угодную отцу лжи и всякой фальши. Когда сию статью прочёл местный бурш Ш., то пришёл в ужас и подумал, что немедленно меня повесят или на Сахалин сошлют. А я был столь великий конспиратор, что носился с этой статьёй как с торбой, и конечно бы серьёзно потерпел за неё, если бы Ш. её не истребил пламенем огня. Впоследствии та статья, которую я читал Черткову в Ржевске, как ни была революционна, но была далеко не такая шальная, как сия вологодская.

Раскаявшийся Толстовец М. А. С.

(Продолжение следует).

**Миссионерские очерки // Миссионерское обозрение.
1904 г. № 1–10. С. 1001–1012**

XIX.

Боголюбов Д. Разговор за чаем. С. 1001–1004

Нас собралось человек шесть в гостях у штундового вожака Андрея. Пили чай. Хозяин был в духе. Любезно угощал он всех баранками. Между делом припоминал различные подробности из протёкших миссионерских бесед. – Особенно его забавляла одна беседа с молоканами.

Андрей смеялся:

– Здорово ты затруднил молоканина Архипа об иконах. Читай, говоришь ему, про иконы, а про идолов молчи! Хитрый ты человек: чего он без идолов-то читать станет?..

Я сидел и слушал хозяина, понурясь. Мне грустно было. И я сказал ему:

– А знаешь, Андрей, по моему понятию все сектантские начётчики – не лучше Архипа. Все вы кричите в народе, что иконы – идолы, кумиры. Не хотите вы знать, что у народа Божия были рукотворенные святыни, посвящённые славе Божией. Почему же к ним не относите вы православных икон, а всё твердите про идолов?..

– Ах, вы головы садовые! Да разве вы не знаете, что православные веруют во Единого Бога и икон своих за *живых* богов не почитают?..

– Потому-то, к стыду своему, на беседах об иконах вы и горазды толковать только про идолов...

Андрей беспечно смеялся. Его в данное время не занимали иконы. Охотно стал он рассказывать гостям о нашем первом знакомстве.

– Слышу, – говорил он, – приехал *новый* миссионер. Увидал его: молоденький и такой неопытный. Спрашиваю:

– Святой ли ты?

Новый миссионер покраснел, застыдился и робко ответил:

– Нет, я – человек грешный.

– А ты, дед? – спрашиваю его товарища – монаха.

– И я грешник, – гудит тот.

– Куда же пойдут грешники? – задаю вопрос обоим.

Они в одну точку отвечают:

– В ад...

– Ну, говорю, ребята, утрафляйте в ад одни. Нас не приглашайте в компанию...

И Андрей залился весёлым смехом. Даже слёзы выступили из его глаз. Потом, оправившись, он продолжал.

– Я к деду и обращаюсь с таким словом: плохие наши дела, брат! Миссионер ещё молод. Он даже бородой не оброс. Бог даст, ещё покается. А нам с тобой плохо. Мы уже к земле гнёмся. Нам налаживаться в ад, – стыдно...

Гости Андрея неудержимо смеялись. Моё замешательство ещё более забавляло их. Мне было неловко. Но я скоро ободрился и сказал:

– Рассказываешь ты, Андрей, весело, но много к правде «пригоняешь» кривды. Я, точно, некогда исповедовал себя грешником. Но в каком смысле?

– Не в том, будто Христос не искуплял меня Кровью Христовой и я – *безнадёжный* грешник, «чадо гнева» (Еф.2:3). Господь совершил искупление за мои грехи (1Ин.2:2). Но, искупленный-то Кровью Христовой, могу ли я свидетельствовать о себе сам, что я чист от грехов (Притч.20:9)?

На такое самосвидетельство не даёт мне прав слово Божие. Оно учит нас через ап. Иоанна: *«если говорим, что не имеем греха, – обманываем самих себя, и истины нет в нас»* (1Ин.1:8).

Что же – оставаться ли нам спокойно в грехе?

Нет, мы умерли во Христе для греха; с Ним должны ходить уже в обновлённой, святой жизни (Рим.6:1–6). – Однако хвастаться своей святостью мы не должны, а, подвизаясь в добродетелях, обязаны повторять с мытарем: *«Боже! будь милостив ко мне грешнику»!*

По смирению именно и сокрушению все христиане должны признавать себя постоянно грешниками, чтобы спасение Христово нам даровалось, как чистый дар любви Божией (Еф.2:8)...

Мои слова настроили Андрея на серьёзный лад. Он уже задумчиво произнёс:

– Да, это наши ребята научили православных рассуждать о спасённости. До нас об этом по деревням слуху не было...

Я возразил:

– Это опять кривда. Христианство Русь святая приняла не один год. А можно ли быть христианином, особенно православным, и не знать ничего о спасении людей во Христе?..

– Так то, Андрей, не греси языком своим. Лучше расскажи нам, как ты сделался сектантом?

Андрей ответил:

– Чего об этом толковать. Дело простое: был я гро-о-мадным грешником. Мне посулили хорошие люди рай. Я и пошёл по новой дороге: кому не хочется рая?..

– Да, – задумчиво промолвил он. – Скоро ваши хватились. Миссионеров выслали. Пустили бы мы вам огонька!.. Не затушить бы его...

Я сказал:

– Мы и так опоздали по крайней мере лет на 10.

– Нет, хватились скоро. Теперь – не те времена. Строгость большая пошла. Увещать начали часто, да и судят нашего брата здорово. Потому мы осторожней стали...

Один из гостей заметил, что без судов с штундистами не обойдёшься. Слишком злобно они отвергают все порядки...

Не отвечая гостю, Андрей произнёс, смотря на меня:

– Был я, как-то, на суде в городе. Слушал эксперта. Ну, и врать же он здоров: говорил, будто мы «царя выставить хотим»!..

Я спросил:

– А почему вы за царя не молитесь?

Андрей грустно ответил:

– Царь – дело большое. Станешь о нём молиться, ещё проговоришься. У нас молитвы не записанные. Да и царя мы признаём в заблуждении...

– Это как же? – спросил я.

– А так, как в древности были языческие цари над христианами. И теперь также...

Я сказал:

– Наш Царь христианин и верует в Евангелие. Для вас разве он язычник только потому, что запрещает вам моления открытые, да не позволяет совращать православных в вашу секту...

– Об этом мы головы не ломаем, – ответил Андрей. Мы не стремимся лезть в ширь. У нас самих грешки завелись, – дело рассыхается. Хоть бы так прожить, как есть, – и то слава Богу!..

Слушатели не поверили Андрею. Разными случаями они стали доказывать, что штунды силятся распространиться...

Я заметил:

– Вот за это вас и судят, а не потому, что наш Царь – язычник...

Мы простились.

Д. Боголюбов

Попов К., свящ. В мире современного старообрядчества. С. 1005–1012

Годлевский раскол.

В Сердобском уезде, вблизи границы Пензенской губ. (4 версты) расположено с. Голяевка³¹⁵. Лежит оно на широкой равнине, «віють на него вітры буйны, вітры буйны» со всех сторон, так как бывшие когда-то дремучие леса давно повырублены и от них теперь следа не осталось. Всё кругом села расчищено, распаханно, засеяно хлебом, овсом и др. потребным для человека и скота. Вместо зелёной листвы и деревьев огромными омета́ми жёлтой соломы обложилось село и совершенно зарылось в этом дешёвом полевом добре. Солома на крыше, соломой топятся все немудрёные хаты крестьян, соломой устланы все дворы и хаты жителей, на которой спит и скот, и владелец его – человек. Находясь в глуши, вдали от трактовой дороги, село живёт тихо, монотонно идёт его жизнь. Соседнее торговое село Беково находится в 29 верстах, станция Рязан.-Уральск. жел. дор. Тамала – в 18; Кирсанов, Поим, из коих первый город в Тамбовской губ., а второй – торговый пункт – Пензенской лежат от Голяевки ещё дальше. Куда ни кинь, всё далеко, несподручно и сообщение с указанными пунктами бывает возможно лишь в сухое время. Благодаря такой захолустности села, в нём нет торговли, нет и ремёсел никаких: крестьяне всецело копаются в земле и упорным трудом добывают себе кусок «хлебушка».

Голяевка сравнительно небольшое село, хотя в ней имеется православная церковь и волостное правление. Вся волость Годлевская состоит из деревень, которые, точно лентой, окаймляют с. Голяевку и составляют с ним одну общину и живут одними и теми же интересами. Вот огромная раскольническая деревня Миткирей, там Муравьёвка и другие, с жителями которых голяевцы давным-давно перероднились и завели себе сватов, кумовьёв и т. д.

Население Годяевки – чистокровные русаки, издавна уже держатся старинки, раскольничают и блюдут свою особую чашку

для еды и питья, свой особый образ для моления перед ним. Эти 2 догмата, чашка и икона, общие у всех сект мнимого старообрядчества, тщательно блюдутся всеми ревнителями раскола: чашка, носится в кармане, а икона, после молитвы, закрывается или пеленой (занавеской), или же створкой киоты за стеклом, чтобы случайно вошедший посетитель не осквернил образа своей еретической молитвой. По понятиям старообрядцев, занавеску и стекло в киоте можно вымыть водой, и этим скверная молитва еретика может очиститься, но святой образ нельзя мыть простой водой, – его нужно вновь освящать молитвами и св. водою, а это составляет уже лишние хлопоты. Молиться же у старообрядцев прямо на образ св. иконы, без стекла и занавески, принято потому, чтобы молитва была на виду перед иконой, иначе изображённый на иконе не увидит и не услышит молящегося: молитва ударится о стекло и тут останется, не принося никакой пользы молитвеннику.

Раскол в Голяевку занесён из с. Поима, Пензенской губ. Поим – гнездо раскольничьих сект. «Во время оно», в 40-х годах прошлого столетия, с котомкой за плечами, пешочком, с подогом³¹⁶ в руке, шёл из села Пойма в Саратов раскольник, заплутался и попал в с. Голяевку. Странника приняла зажиточная семья братьев Прозоровых; они кормили его, ублажали, а последний наговорил им, что спастись «по церкви» нельзя, что в церкви этой давно уже Никон патриарх всё перевернул по-своему: ввёл новую веру, новые книги поставил для богослужения, щепотью велел всем молиться и пр. и пр. Прозоровым и др. мужикам всё это было новостью, ничего подобного доселе они ни от кого не слышали. И запало на сердце их это научение странника, да так вошло оно и крепко всосалось в плоть и кровь их, что голяевцы тут же, не выпуская его из хаты, приступили к нему вплотную и общим голосом сказали ему: «скажи же, Божий человек, – где путь Христов? Мы – тёмные люди! Научи нас, как идти по Божьему следу, да очищаться от грехов. Мы не желаем жить в бездне греховной и в ереси пребывать»... Странник паки отверз уста свои и начал пространно и пунктуально доказывать им, что истинная спасительная вера Христова находится только у одних

старообрядцев беглопоповской секты, а остальные все народы погибают и находятся в когтях дьявола. В эту, указанную им, веру братья Прозоровы и перешли, а за ними пошли и все другие слушатели странника – проходимца и братьев Прозоровых.

Событие это было так давно, что из современных старообрядцев с. Голяевки не все и знают это начало своего раскольниковства. Это и немудрено, потому что многие старики уже умерли, другие родились и выросли уже в расколе и даже расплылись по разным другим верам, считая первую менее святой и спасительной, чем та, которую они сами нашли и в которой определились.

Старший из братьев Прозоровых – Евфим деятельно старался увеличить число своих последователей: он устроил при своём доме моленную, завёл начётчиков и с помощью их пропагандировал раскол в с. Голяевке между православными. А чтобы скрыть свою преступную деятельность, так как время было тогда строгое и Евфим Прозоров мог быть преследуем за свою пропаганду со стороны полиции и местного причта, то он решил усыпить местных властей и с этой целью вошёл с ними в ближайшие отношения. Он приглашал священника и др. властей к себе в дом, всячески угощал их, помогал им деньгами и пр. и пр.; нередко Евфим и сам угощался у священника, особенно в большие праздники, например, – Рождество, Пасху, престольный день и т. п., считая это своё временное осквернение у попа необходимым для целостности и роста своего раскольниковского общества. Усыпленные таким путём местные власти молчали и смотрели на Евфима и его раскол сквозь пальцы, считали его безвредным; а раскол, благодаря секретной и энергичной деятельности Евфима, всё рос и множился с каждым годом; из Голяевки он перешёл в соседние деревни, так что в короткое время Евфим основал довольно порядочное общество раскольников, во главе которого и стал, как попечитель и руководитель оно́го. В его моленной стали уже крестить детей, совершать исповедь, сводить молодых людей на брачную жизнь, погребать умерших и пр. и пр. Требы правил выбранный Евфимом старик, что дозволяется у беглопоповцев

совершать и простецу на основании общего правила у раскольников: «нужды ради, не сущу священнику, и закону пременение бывает». Беглый священник и теперь ещё не для всех близок, а в то время и подавно его не могли видеть старообрядцы, и особенно в глухих местах. Так не оставаться же без крещения! Не жить же и молодому человеку в зрелом возрасте одиноко, без семьи, бобылём. Эти 2 тайны – крестить и брачить не терпят отлагательства, требуют своевременного их совершения, и Евфим Прозоров скоро вывел своё общество из этой нужды, поставил наставника для совершения этих треб. Касательно же исповеди, погребения умерших, то грехи кающихся писались на бумажке, передавались наставнику, последний отдавал их Евфиму, а сей, с должным приложением злата и серебра, взятого, конечно, от кающегося, отправлял (если только отправлял взятое, а бумаги не сжигал), по его словам, по местонахождению, к беглому попу, через известного в том месте купца-попечителя раскольниковского общества и моленной. Таким образом грехи кающегося проходили сквозь строй целого ряда раскольниковых заправил; но достигали ли эти «греховные записки» своей цели, ведает один Бог. Таким же путём Прозоров препровождал к попу и просьбы своих прихожан отпеть заочно умершего: он брал деньги, писал на записку имя умершего и этим дело кончалось. Ответов от попа никто не спрашивал и не интересовался тем, дошла ли лепта его к попу, и в каком количестве она дошла к нему и пр. Справедливость требует, однако, сказать, что Евфим Прозоров не был скуп на деньги, он не копил себе состояния, а всячески старался добыть и привести в Голяевку беглого попа, чтобы с его приездом окончательно покорить всю Годлевскую волость и всё население православных перетащить в свою веру; но желание его так и не осуществилось: куда он ни обращался – в Вольск, Хвалынский, Саратов, Поим, всюду преследовали его неудачи и попа не давали ему. Так Прозоров и не добился попа и голяевцы всё время жили без него.

* * *

Но вот прошёл слух, что в Австрии, в селе Белая-Криница образовалось повое истинно-древнее священство и что

ставленники этой иерархии появились уже в России и служат попами и архиереями и многие беглопоповцы приняли их, как законных архиереев и попов. Весть эта, дойдя до Голяевки, сильно всполошила Евфима Прозорова и он тотчас решил заимствовать себе из Белой Криницы священство во всех 3-х степенях церковной иерархии, чтобы Голяевка ни в чём не нуждалась и имела всё своё и к другим людям не обращалась. Он навёл справки, собрал все данные и отрядил четырёх своих сыновей, дав им денег и указание, как добраться до границы Австрии и к кому обратиться там, чтобы их секретно перевели через пограничную линию и доставили в Белую Криницу. Времена тогдашние были строгие, предприятие подобного рода могло окончиться плачевным образом, но старик Прозоров ни минуты не раздумывал и подбодрял своих детей держать себя смелее и храбрее. Он наказал одному холостому сыну получить архиерейство, другому сделаться архимандритом, а 2-м последним, как семейным, одному получить дьяконство, другому сделаться священником. Словом, старику Прозорову хотелось создать свою собственную и родную иерархию в своём селе, чтобы никому после этого не кланяться, и ни с чем не обращаться и никакой духовной нужды более не испытывать, как это было. Замыслы у старика были глубокие и основательные. Одного только боялся отец Прозоровых – это ареста детей на границе. Этим арестом уничтожилась бы вся его затея и старание обеспечить свой раскол своим вечным священством. В виду этого последнего старик Прозоров и сам хранил в глубоком секрете посылку своих детей в Австрийские пределы, и детям наказывал молчать о сём, а говорить, что они идут на заработки к одному богатому христианину и в далёкое место и на долгий срок. А чтобы придать этому вид правдоподобности старик выдумал имя и фамилию лица, название города, куда ехали якобы его сыновья, и с женатыми послал их семейства. Последние, конечно, только связали путников, во многом мешали им и стесняли путешествие их, но старик находил, что оставлять жён без мужей неудобно. У него и тут был свой взгляд: где муж, там должна быть и жена, и дети. Прозоровы отправились в путь-дорогу. Долго они не давали о

себе никаких вестей и старик не знал, где они и что с ними случилось. А между тем с ними случилось то самое, чего так боялся старик Прозоров: на границе их арестовали и этапным порядком погнали домой. И дорога, и тюрьмы так повлияли на детей старика, что все они умерли в разных острогах по дороге и в село Голяевку вернулись только 2 снохи и внуки старика. Смерть сыновей³¹⁷ и неудача предприятия сломили здоровье Евфима Прозорова, он свалился, тяжело заболел и умер, благословив сына оставшегося при нём Антона быть управителем общиной раскола.

Антон был совершенною противоположностью своему отцу. Умерший старик Евфим был кроткого характера, тихий, спокойный, рассудительный, хотя и увлекавшийся разными мечтами; радея о расколе, он тонко и хитро вёл политику и с властями, и православными, памятуя библейское изречение: «ухлеби врага твоего» и другое, апостольское: «искупующе время, яко дние лукави суть». Антон был крутой человек, с злобой и яростью относился он к православию, двоиться не умел и шёл всегда напролом. У него не было компромиссов. Православное духовенство он принимал только в праздники и в другое время не знал его и не дружил с ним. Да и в годовые праздники он принимал его не по-отцовски, из дружбы и уважения к власти, а просто потому, что так было заведено отцом его и ломать сего обычая ему не хотелось, тем более, что из этого принятия духовенства в праздники Антон извлекал ещё пользу для раскола: он нарочно подпаивал духовенство, заводил речь о старообрядческих догматах, с чем причт совершенно был незнаком и это доставляло ему и др. старообрядцам, которых он нарочно приглашал к этому случаю, велие торжество и успокоение их сердца. После такого приёма духовенства Антон обычно имел у себя приращение общества на счёт православия.

На долю Антона выпало перевести своё общество на сторону принявших австрийскую иерархию: прежнее беглопоповское учение и веру, что церковь может быть и без архиереев, с одними попами, он оставил и соединился с старообрядцами соседнего села Пяши (Засецкое тож) и пристал

к их попу Ивану Фомичу Моисееву, который до этого был немудрячим сапожником в Пяше, и который охотно променял шило и дратву на попование в среде австрийских. Своего отдельного попа Антон Прозоров не пожелал иметь, опасаясь, как бы он своим саном не затмил его положения в обществе старообрядцев и не подорвал авторитета, которым Антон весьма дорожил. Поэтому и попа Ивана Моисеева он приглашал в Голяевку только в нужных и редких случаях, таких, где не страдало его личное самолюбие, а расколу предстояло торжество и развитие: наприм., служба в праздники, где доход всецело оставался содержателю моленной, а служба попа только усиливала этот доход.

Насколько Антон был предан расколу, настолько же он отличался распушенностью своей жизни. Отец Антона вёл строгую благочестивую жизнь; никаких излишеств он не позволял себе, Антон, напротив, любил пображничать и в этом случае почваниться, поломаться над старообрядцами, выдавая себя единственной опорой их общества. Кроме этого, он был особенно склонен к женскому полу и окружил себя разными певицами, читалками, которые, между прочим, во время его кутежей, пели ему догматики и разные стихиры, и ублажали его кантами и пением ему «многая лета». К Антону вошли в доверие 2 крестьянина Михаил Марцаков и Данила Рыкшин. За это старообрядцы прозвали Антона «трёхглавым змием», а за любовь к женщинам – «махметом турецким». Триумвират этот просуществовал до смерти их. Замечательно, что Антон и Михаил умерли как-то одновременно.

По смерти Антона власть его в расколе перешла к сыну его Аникею Антонову Прозорову, который утвердился в этих правах и стал действовать самостоятельно. Его положению позавидовал сын Михаила Марцакова – Кузьма. Последний не пожелал пресмыкаться у Аникея и изображать у него роль исполнителя; он сам пожелал быть главой секты и таким же, как и Аникей. Началась ссора между Кузьмой и Аникеем, дошедшая до того, что Кузьма перестал ходить за службу и возмутил общество, наговорил ему об Аникее всякой всячины. В обществе заволновались, зашумели, произошёл раскол:

прежнее единое общество раскольников разделилось на два, – одна партия признала своим главой Кузьму Марщакова, а другая осталась верной Аникею Прозорову. Кузьма также устроил в своём доме моленную и завёл соответствующий штат служителей при ней, как мужчин, так и женщин. В селе стало 2 моленных, и 2 главы двух уже обществ.

Аникей и Кузьма оба повели жизнь довольно соблазнительную, нисколько не стесняясь людей, во главе которых они стояли. Оба они крепко пьянствовали, дрались с жёнами, которые также напивались водки, как и мужья их. Многие старообрядцы скорбели о сём, тем более, что пример главарей был заразителен для молодёжи. Прежняя суровая, внешне благочестивая жизнь стала отходить в область предания. Ввелось чаепитие с сахаром, а то и другое считалось поганым иноземным произведением язычников. От непорядочной разнузданной жизни две жены Аникея вскоре умерли, и он женился в 3 раз; овдовел и Кузьма и женился во 2-й раз. Между тем оба они правили церковную службу с кадилом и возгласами, как попы. Аникей даже крестил младенцев, отпевал покойников, освящал воду на Богоявление и пр. Старообрядцев возмущало это; они роптали на Аникея, говорили: «троеженец, а берётся за святые дела». Зазирал в этом Аникея и Кузьма Марщак, заведший при своей моленной особого наставника, который правил за него все требы. К довершению этого Кузьма и Аникей часто ссорились между собой, ругали друг друга площадными словами и не раз дрались даже церковными книгами.

Вообще непорядки были большие и народ роптал на своих главарей.

Мисс. свящ. *К. Попов*
(Окончание следует).

**Из миссионерской полемики // Миссионерское
обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 1013–1019**

Шевалеевский В., свящ. В Радуницу

(Из беседы со штундистами о молитвах за умерших).

Было тихое, ясное утро Радуницы. Солнце золотило лучами окрестности. Кой-где на небе ходили волнистые, белые облачка. В природе стояло какое-то особенно торжественное спокойствие. Зелёным ковром расстилались в отдалении поля; задумчиво стояли деревья, едва успевшие покрыться в первую зелень листвы, шептал ветерок – во всём чувствовалось неслышное дыхание молодой весны... В Красном Кутке уже окончилась обедня, и народ весь вышел на кладбище. Угрюмое кладбище словно ожило. Оно всё пестрело народом. И стар, и млад, мужчины, женщины, девушки и дети там и сям, в разнообразной пестроте нарядов, рассыпались по родным могилам. Всем хотелось помянуть отцов своих и братьев. На лицах тихое спокойствие. В тёплом воздухе ясно слышалось пение служащих. „Вечная память, вечная память, вечная память” – доносилась с кладбища священная песнь, и с нею разливались над могилами и привет, и любовь к почившим. И сколько смысла в этой священной песне!.. Вот могилы, заботливо обложенные зелёным дёрном, вот давние, с почерневшими, пошатнувшимися крестами, а вон совсем забытая, без креста, от времени сравнивавшаяся с землёй; но слова священной песни, как дыхание весеннего воздуха, одинаково несутся ко всем здесь почившим... Какой это святой и благочестивый обычай – поминовения усопших! Молясь о почивших, мы самым делом исповедуем, что и они живы перед Господом, предстоят Ему и ждут от Него последнего суда, и движимые любовью к ним, исполняя заповедь апостола „молиться друг за друга“, мы просим Бога, чтоб Он был милостив к ним и облегчил их участь. Что-то скажут нам сейчас штундисты в оправдание своего холодного и безучастного отношения к умершим?..

На дворе так тепло, что беседовать удобнее всего будет здесь же, на зелёном взгорье, под открытым небом близ

кладбища. Вот только – подождать, когда будут расходиться с кладбища, а тем временем подойдут и сектанты.

Часа через два народ стал собираться. Стали подходить и штундисты. Сперва – новенькие – женщина с мужем, жившие на заработках в Екатеринославе и там познакомившиеся с новой верой; потом – ещё трое, давнишние: средних лет худенький и испитой Харитон, совсем ещё молодой, безбородый парень Федосей и „старший брат“ Никита, нарочито прибывший из соседнего хутора поддержать своих братьев. Все трое круглый год живут в Харькове по плотнической части и соединены самыми живыми связями с тамошней штундистской общиной. Никита был мне уже знаком по беседам; мужик он несговорный, упорный; упрямая штунда нашла в нём себе достойного последователя.

Поставили столик. Штундисты стали против. Плотным кольцом окружили меня православные. Я объявил, что беседовать будем о молитвах за умерших, и для начала попросил пропеть молитву Господню. Все, как один, обнажили головы, обратились на восток и тихо, не спеша, сначала неуверенно и робко, потом дружнее и смелее, с заметным умилением и душевным подъёмом, запели – „Отче Наш“. Сектанты не принимали участия в пении молитвы Господней. Они стояли молча, неподвижно. Никита переминался с ноги на ногу, не желая показать ни малейшего смущения. Ему уже не впервой глумиться над молитвой православных. На прежних беседах он при пении молитв стоял спиной к иконам...

Разъяснив кратко смысл православного учения о молитвенном поминовении усопших, как выражении любви нашей к почившим, я обратился к собеседникам с вопросом – любят ли они своих усопших отцов и братьев?

– Любить любим, только не молимся, – кратко ответил Никита.

– В чем же показываете вы свою любовь к почившим? – спросил я. Никита на минуту задумался. Среди сектантов произошло небольшое замешательство. Более находчивым оказался Харитон. Подумав, он с уверенностью сказал:

– А вот как любим: мы вспоминаем о жизни и делах почивших, о их кончине и подражаем их вере, как написано в послании к евреям:

„поминайте наставников ваших, которые проповедовали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их“ (Евр.13:7).

– Постой, Харитон, – заметил я. Ведь так любить можно только тех, кто имели крепкую веру, т. е. людей совершенных, праведных, и в прочитанном тобой месте говорится именно о таких совершенных, святых, „наставниках“ веры. Усопших праведников можно любить через подражание вере и жизни. Но чем выражаете вы свою любовь к немощным усопшим братьям, жившим со грехами?

Штундисты опять пришли в замешательство. Я не спешил, с новым вопросом; сектанты молчали, и православные торжествующе ждали ответа. „Что ж, Никита, отвечай что-нибудь; ведь сам назвался!“ – уже приставали некоторые к Никите.

Наконец, обходя мой вопрос, Никита, сохраняя важность, сказал:

– Мы всех любим и всех жалеем; но в Слове Божием запрещено молиться за умерших.

– Где же это запрещение? Прочитай нам его. Послушаем.

– А разве не знаете? В псалме 48-м. И Никита прочитал:

„человек никак не искупит брата своего и не даст Богу выкупа за него“ (Пс.48:8).

Вот видите – разве может человек выкупить человека перед Богом?

– Подождём пока, Никита, делать вывод из прочитанного тобой места. Прежде скажи нам, где же тут запрещение, где тут написано, что не должно молиться за умерших?

– Прямо на строке не написано, отвечал Никита, но выходит по смыслу. Сказано – „не выкупит человек человека“, а стало быть молись, не молись – грехов умершего не замолишь перед Богом.

– Ты слишком тороплив в выводах своих, Никита. Чтобы лучше понять это место, надо прочитать его в связи с тем, что

написано дальше. Ты взял только один стих, а послушай, что написано ниже:

„дорога цена искупления души их, и не будет того во век, чтоб *остался кто жить навсегда и не увидел могилы...* Но Бог избавит душу мою от власти преисподней, когда примет меня“ (Пс.48:9,10,16).

Теперь нам виднее, от чего не выкупит человек человека – от могилы, от смерти, от власти преисподней. Но тут и слова нет о запрещении молитв за умерших. Да такого запрещения ты нигде и не найдёшь в Писании.

– Никита неспокойно перелистывал своё маленькое евангелие, потом громко и отдельно прочёл: „человекам положено однажды умереть, а потом суд“ (Евр.9:27). – Вот вам и молитвы! – заключил он победоносно, оглядывая своих и православных; зачем молиться, когда суд Божий над усопшим совершается тотчас же после смерти? В могиле нет прощения грехов. К раю или к аду усопший приговорён уже в первые минуты по смерти!

– В соблазн тебе Писание, – заметил я. Подумай, какую говоришь ты несообразность. Если окончательный Суд Божий, как говоришь ты, совершается над усопшим тотчас же после смерти, то зачем тогда второй суд – страшный при кончине мира? Ведь тогда он был бы не нужен. Не ясно ли отсюда, что суд по смерти, о котором ты прочитал из послания к Евреям, не есть суд последний, окончательный.

– А какой же тут суд по-вашему? – испытующе спросил Никита.

– Если хочешь знать истину, то по верованию церкви православной тут, Никита, разумеется предварительный суд Божий, частный. На нём Бог не говорит усопшему своего последнего приговора. Последнее слово Он скажет всем только при кончине мира, на втором своём страшном Судище. Небось знаешь, как суд этот описан в евангелии. Прочитаем: Мф.24:29–31; Лк.21:25. Мф.25:31–34,41,46.

– Так вот, Никита, когда будет последний Божий суд – при кончине мира. Только тогда будет поздно молиться. А пока суда

этого нет – мы надеемся на милосердие Божие и дерзновенно молимся о прощении грехов усопших.

Православные с умилением слушали евангельское изображение страшного суда; некоторые сокрушённо вздыхали. Сектанты тоже как-будто попритихли и с беспокойством посматривали на Никиту, поджидая выручки. Но Никита потерял уже уверенность. Чтобы сказать что-нибудь, он совершенно неискренно заметил:

– А нам думается, что этот суд страшный, о котором вы сейчас прочитали, будет только над живыми, кои в теле доживут до кончины мира. Про усопших же тут ничего не сказано. Над ними, думаем мы, суд уже сделан вскоре по смерти.

– Нет, Никита; суд страшный при кончине мира будет для всех – для живых и для умерших, и ты явно идёшь против Писания. Разве забыл, что писал об этом Ап. Павел:

«*всем нам должно явиться пред судилище Христово, чтобы каждому получить соответственно тому, что он делал, живя в теле, доброе или худое*» (2Кор.5:10).

Да и Христос не Сам ли ясно говорил об этом:

придёт время, говорил Он, «в которое все *находящиеся во гробах* услышат глас Сына Божия и изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло в воскресение осуждения» (Ин.5:28–29).

А вот послушай, как сказано о том в Откровении:

«увидел я – говорит Тайновидец – великий белый престол и Сидящего на нём... и увидел я *мёртвых* малых и великих, стоящих перед Богом, и книги раскрыты были и иная книга раскрыта, которая есть книга жизни, и *судимы были мёртвые* по написанному в книгах сообразно с делами своими. Тогда отдало море мёртвых бывших в нём, и смерть и ад отдали мёртвых, которые были в них; и судим был каждый по делам своим» (Откр.20:11–13).

Ещё ли не ясно отсюда, что и мёртвые восстанут на судище Христово?

Итак, не нужно смешивать суд частный и суд всеобщий; частный наступает для каждого тотчас же после смерти, а всеобщий будет только при кончине мира; частный суд не

окончательный, а только предварительный, второй же суд – последний и решительный. После второго окончательного суда нет милости, но после первого возможно облегчить участь умершего молитвенным ходатайством церкви.

Никита готовил новые возражения. – Так по-вашему – возразил он снова – прощение грехов возможно и в могиле?

– Да, возможно. Сам Спаситель дал нам в этом твёрдую уверенность. Он Сам ясно учил, что грехи прощаются не только в жизни сей, но и там, за гробом, в жизни будущей.

«Если кто скажет слово на Сына Человеческого – сказал Он однажды – простится ему, если же кто скажет на Духа Святого, не простится ему ни в сём веке, ни в будущем» (Мф.12:32).

Отсюда ясно видно, что в веке будущем, за гробом, не простится только один грех – восстания на Св. Духа, прочие же грехи все могут быть прощены по молитвам церкви за усопших, по силе неизреченной милости Божией.

– Этак вы, пожалуй, и из ада в рай всех переведёте своими молитвами, – лукаво заметил Никита.

– Не изумляйся, Никита. Господь силён вывести и из ада, кого захочет. Он „умерщвляет и оживляет, низводит в преисподнюю и возводит“ (1Цар.2:6). И те, кои умерли в покаянии и вере, и сокрушённо сознали свои грехи, могут по молитвам церкви облегчить свою участь за гробом и удостоиться райских блаженств. Только усерднее надо молиться за них.

– Ну, тогда разъясните нам притчу Спасителя о богатом и Лазаре. Вы хотите молитвами из ада в рай возводить усопших, а в притче прямо сказано, что между раем и адом пропасть великая утвердилась – и Никита прочитал сначала всю притчу, потом отдельно, с особенным ударением и повышением голоса слова Авраама к богатому:

«между нами и вами утверждена великая пропасть, так что *хотящие перейти отсюда к вам не могут*, также и оттуда к нам не переходят» (Лк.16:26).

– Видите, между раем и адом пропасть непроходная; как ни старайтесь, а вам не перейти её!

– Да, друг, мы не отрицаем, что между раем и адом утверждена великая пропасть и что „*хотящие перейти*“ эту пропасть *собственными силами*, сами не могут этого сделать. Об этом только и говорится в притче. И мы, православные, не думаем, что усопшие переходят из ада в рай собственными силами. Мы веруем, что переход этот возможен только по молитвам верующих, силой Божией, через ходатайство вселенской церкви. Велика пропасть между адом и раем, но не непроходна. Сошествием во ад, изведением из ада пленников, Господь Иисус Христос разрушил мрачные затворы ада, как бы проложил путь из ада в светлое царство Бога Отца (1Петр.3:18–19,4:6). Теперь он получил от Отца как бы „ключи от смерти“ ада (ср. Апок.1:18) и может отверзать выход из него для душ умерших по молитвам верующих. „Всё, чего ни попросите в молитве с верою, получите“, сказал Спаситель (Мф.21:22) и тем дал нам дерзновение молиться и о том, чтобы Он по благой воле своей облегчил участь умерших с покаянием.

Собеседники были крайне недовольны, что притча так ясна, между тем возразить что-либо они не имели, и были в раздумья.

– Вы всё повернёте по-своему – недовольно заметил Никита. Вольно вам толковать-то. Вот кабы прямо от Писания вы нам указали, где заповедано молиться об умерших, тогда и мы стали бы молиться.

– С Божией помощью укажу вам и прямые свидетельства за молитвы об умерших, но ведь пока мы говорим только о том, что в Слове Божием нигде не запрещено молиться об умерших, как думали вы утверждать в начале беседы. Сколько ни читали вы мест из священного писания, в них нигде нет запрещения молитв об усопших. Так где же нашли вы это запрещение? Прочитайте нам его...

– Допустим, что ясного запрещения нет, сказал Никита, – но нет и заповеди молиться. Вот если бы вы заповедь нам указали! – Да. заповедь, заповедь! читайте нам заповедь! – подхватили сектанты.

– Хорошо; перейдём теперь к указанию прямых свидетельств. Прочтём из книги Маккавейской, слушайте, что написано: в 2Мак.12:39,40,42:43,45.

Итак, благочестивый Иуда и воины молятся за умерших, „да изглажен будет содеянный грех“, посылают денежный сбор в Иерусалим на поминовение душ их – как раз делают то же, что делаем и мы православные при поминовении усопших. И писатель книги Маккавейской замечает при этом, что Иуда поступил „весьма хорошо и благочестно“ (ст. 43) и что мысль Иуды о молитве за умерших была мысль „святая и благочестивая“ (45). Всё это не ясно ли говорит нам о том, что ещё в ветхозаветной церкви обычай молиться за умерших почитался святым и благочестивым? В этом примере для верующих должна содержаться и заповедь; ибо если слово Божие обычай молиться за умерших называет святым и благочестивым, то не должно ли и нам держаться этого обычая? Сам апостол сказал: „хорошего держитесь“ (1Фес.5:21).

Никита не возражал. Вместо него возразил Федосей. – Это место, сказал он, вы прочитали из книги неканонической; мы не принимаем неканонических свидетельств.

– А кто сказал вам, Федосей, что Маккавейские книги неканонические? Где об этом написано?

Федосей был в затруднении.

– А разве я ошибся, – переспросил он, уклоняясь от вопроса.

– Не ошибся. Федосей. Книги Маккавейские действительно неканонические. Но ведь деление библейских книг на канонические и неканонические установлено только преданием православной церкви, а вы это предание отвергаете. Ведите, как вы сами себя путаете. Отвергая предание, сами пользуетесь им, когда вздумается. В делах веры так поступать – греховно.

Сектанты Неловко молчали. Православные делали на их счёт шуточные замечания.

– Нет, брат Федосей, спокойно заметил Никита Федосею, выпутываясь из затруднения, – про то не будем спорить; слово Божие всё одно, и Маккавейские книги мы также почитаем священными. Но ведь этот пример из ветхого завета. Вот кабы из нового нам указали! И Никита снова обратился ко мне.

– Хорошо; укажем и из нового. Вот апостол Иаков прямо заповедует: „*молитесь друг за друга*“ (Иак.5:16).

– Да это про живых сказано, – в несколько голосов зашумели сектанты. Вы нам об умерших читайте!

– Нет, друзья; не про одних живых сказано в заповеди апостола, а и про умерших. Ибо и они живы перед Господом; у Бога все живы (Лк.20:38); Он не есть Бог мёртвых, но живых (Лк.20:38). И как Сам Он не различает умерших от живых, но равно всех считает своими (Ср, Рим.14:8), то и мы в молитвах своих не должны забывать умерших, а равно молиться о них, как и о живых.

– Всё-таки прямо тут не заповедано молиться об умерших, – заметил Никита.

– Ты требуешь, Никита, невозможного. Ты хочешь, чтоб вся жизнь церкви в мельчайших подробностях определялась прямыми заповедями по букве. Но таких заповедей в новом завете всего наперечёт. Заповедями по букве жили только люди ветхого завета. Там на всё были заповеди, на всё – закон: „заповедь на заповедь, закон на закон” (Ис.28:10). Но мы, люди нового завета, „служители не буквы, но духа” (2Кор.3:6) и должны руководствоваться не прямыми только заповедями от строки, но более всего – духом и смыслом писаний. И большинство заповедей нового завета даны нам в не прямой и сокровенной форме, чтобы мы сами выводили их для себя из духа и смысла писаний. Буква убивает, дух животворит (2Кор.3:6).

– Да, верно – буква убивает, подтвердил Никита, и мы живём не буквой, а духом.

– Зачем же требуете вы буквы в рассуждении о молитвах за усопших? Духовным это непристойно.

Сектанты не возражали больше.

Я сделал заключение. Пением символа веры закончилась беседа. Мирно стали расходиться православные. Сектанты пошли особняком.

Свящ. В. Шевалеевский

**Летопись периодической духовной и светской
печати и новый книги по вопросам веры и миссии
церкви // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10.
С. 1020–1032**

Пахарнаев А. [Рец. на:]: Из светской журналистики за текущий год. С. 1020–1027

В светских журналах за последнее время не мало отводится места произведениям, имеющим интерес деятелей нашего внутреннего миссионерства. Наше внимание останавливают на себя с этой стороны в январской книжке Русского Вестника повесть „На пороге века“ Г. Ярота (стр. 176–243) и „О неправославных христианах в России“ Г. Красножена (стр. 79–120). Остановимся на первой.

В краткой, но полной глубокого интереса, повести „На пороге века“, автор задался целью изобразить современное положение вещей во Франции: неверие, социал-демократические воззрения рабочих на „рабочий вопрос“, жалкое положение церкви и католического духовенства среди своей паствы, падение семьи и проч., причём попутно проводит небольшой и несложный роман молодого патера, заканчивающийся, впрочем, торжеством духа над увлечением плоти. Как видите, для 67 страниц печатного текста – не мало задач; но не смотря на это и на сухость предмета подвергаемого исследованию, о существе социалистических тенденций и доктрин, назревших на пороге XX столетия, к которым – кстати сказать – автор относится с заметным осуждением, входя через посредство одного из действующих лиц повести в оценку истинных стимулов насаждения и расцвета социализма среди рабочих масс, – повесть читается не только легко, но с захватывающим интересом и достигает своей цели: прочтя её, вы выносите довольно законченное впечатление о современной жизни во Франции, или по крайней мере в той части её, которая прилегает к Пиренеям.

Фабула повести очень несложна. Перед читателем небольшая деревня Антиньян, расположенная в гористой и живописной местности близ Пиреней, с маленькой бедной церковью и небольшой фабрикой деревянных изделий. Приходским священником в этой деревушке состоит молодой патер Бенуа, только что получивший антиньянский приход,

глубоко религиозный по природе, одушевлённый наилучшими намерениями без клерикально-католической узкости, готовящийся горячо приступить к своему делу. Патер Бенуа мало ещё знает жизнь с практической её стороны: он знает пороки гордости, корысти, любострастия, в их безличной, алгебраической отвлечённости. Ему известно, что кроме этой старой, как мир, гидры пороков, современность носит в себе ещё нового ужасного дракона – безверие. Он понимает, что служение добру – нелёгкое дело, но чувство, воспитанное долгими молитвами, давало ему смелость, и он с юношеской отвогай глядел вперёд.

Управляющий фабрикой Брен имеет жену Мадлену, красивую молодую женщину, которую страшно ко всем ревнует и не без основания... так как m-me Брен поддается иногда увлечениям непозволительного характера, отстаивая, впрочем, перед мужем во что бы то ни стало свою непорочность и чистоту.

Семейная драма завершается тем, что Мадлена бросает мужа и исчезает куда-то. Между тем, рабочие фабрики, руководимые некоторыми вожаками, из числа которых особенно выдаётся итальянец Джакомо, требуют от управляющего увеличения платы и уменьшения рабочих часов; неудовольствия их постепенно переходят в волнение, а последнее разрешается, как раз в день ухода от мужа m-me Брен, поджогом фабрики и вообще открытым бунтом, причём для усмирения рабочих требуется войско!

Центральной фигурой в повести является патер Бенуа, со всеми его неудачами в пастырском служении, которое он полагал главным образом в постоянном воздействии на свою паству живым словом, живым поучением о христианских морали и добродетели. Проходит ли он в воскресный день, после совершения мессы в почти пустой церкви, мимо деревенского кафе, „этого храма новомодного культа плоти“ (стр. 237), наполненного множеством ранних посетителей, он, несмотря на насмешливое по отношению к нему настроение этой публики, завязывает разговор на свои излюбленные темы; видит ли он тринадцатилетнего сорванца Марсея, сына мэра, мучащего

пойманную птицу, он уже восклицает: „что вы делаете? как вам не стыдно мучить несчастного орлёнка?“ и, не откладывая ни минуты, идёт к школьному учителю и к отцу молодого мучителя, говорит о замеченном случае детской жестокости, об уверенности детей, что в школе нет беспристрастия (так-как в то время, когда в разговоре с сыном мэра он пригрозил последнему хорошим нагоняем учителя, он услышал из уст восьмилетнего мальчугана, товарища Марселя, замечание – в роде того, что сын мэра может считать себя свободным от каких либо школьно-воспитательных репрессий), и вообще о печальном положении родного образования, *„которое не хочет бороться с ростом очевидного народного одичания“* возникает ли среди рабочих фабрикой брожение и они требуют увеличения платы и уменьшения рабочих часов, патер Бенуа является добрым посредником между ними и управляющим... Но везде, там и здесь и в последнем случае, доброму и почтенному патеру приходится получать только резкий отпор и грубую насмешку. Наиболее характерным во всех этих столкновениях, для обрисовки современного состояния французского общества, являются те реплики, которые подаются оппонентами ревностного патера.

Так – в кафе на его замечания, что в божественных заповедях сказано: шесть дней – труду, седьмой молитве, раздаётся резкое замечание маленького брюнета итальянца Джаакомо. – Э-э! Отправляйтесь-ка лучше с. этими проповедями к счастливым; они шесть дней служат золотому тельцу, пусть уж на седьмой, для разнообразия, приходят к вам.

В старину – замечает патер – слово истины интересовало не одних счастливых...

– В старину было другое дело. Тогда и проповедники были другие... Теперь на амвоне иной раз можно видеть такого толстяка, что ему бы в пору быть в пивной за прилавком.

– Ха-ха, обрадовался Игнас. – В роде патера Гильома в Аврикуре!

– Или аббата Антонио в Приньяке!.. Или каноника Бажо! – захохотали в толпе.

– Да, – продолжал Риноберг, – и притом, вообще, все эти парчи, золото, тиары, брильянты!..

– Позвольте, друзья мои, – возразил Бенуа, преодолевая в сердце скользнувшую спазму грусти, – не надо судить по внешности. Я лично знал толстяков с более чистой, бесхитростной душой, чем у иной высохшей, быть может, от злости мумии. Что же касается до парчей и золотых риз, то ведь это дары благочестивых людей. И ничего в этом нет дурного. Разве каждый из вас не старается украсить, положим, рамку для любимого портрета?

– Так-то так, – промолвил Ригобер, – да речи-то ваши устарели. Всё-то смирение, терпение, да загробные обещания, а жизнь ставит ребром вопросы о борьбе за кусок хлеба.

А вот эпикурейский оттенок современной мысли:

В продолжение всего разговора рабочих с патером в дверях кафе стоял молодой человек Гаспар Ландри местный лесничий. Когда Бенуа отошёл от решётки, Ландри также оставил кафе и быстро догнал патера.

– Здравствуйтесь, г. аббат, – сказал он. – Вы, конечно, собираетесь миссионерствовать? Предупреждаю, вам придётся действовать в „стране неверных“. Это не старинные баски Пьера Лоти. Тут фабрика, вблизи железная дорога...

– Здравствуйтесь, господин Ландри, – ответил Бенуа. – Да, да, печальные сумерки очень сгустились в начале нового века... Не знаете ли, кто этот человек, в чёрной шляпе и с иностранным акцентом?

– Как же! Это синьор Джиакомо, – он рисовальщик на здешней фабрике... Замечательная личность. Не одну сотню фабрик он пересчитал и нигде не нашлось места, приличного его достоинствам. Он путается в рядах четвёртого сословия, хотя по духу принадлежит к пятому. Он вполне годится в председатели необутого, голодающего человечества.

– И жаждущего?

– И жаждущего, о да! ещё ни раз не удавалось наполнить до краёв этот, казалось бы, маленький, но бездонный бочонок. Во всяком случае синьор Джиокамо – капелька той волны, которая грозно надвигается на человечество.

– Господь милостив. Велики были египетские казни, а не одолели Израиля.

– Об Израиле не беспокойтесь, он не погибнет, а вот другим народам придётся, пожалуй, круто... Ну, да не в том дело. Я только хотел посоветовать вам по дружбе, оставьте бесполезные проповеднические опыты.

– Это мой долг.

– Оставьте. Вы только испортите себе жизнь.

– Разве жизнь не есть исполнение долга?

– Эх, какой вы!.. Бросьте старые прописи. Человек живёт один раз и нужно, чтобы жизнь прошла, по возможности, как праздник. Ваши благочестивые иллюзии создают только мучеников... А иногда и мучителей. Вдумайтесь в дело хорошенько. Человек влетает в жизнь и вылетает из неё. В сущности, у нас нет ни прошедшего, ни будущего. Только один миг настоящего. Какое вам дело до места кратковременного пребывания и до случайных сожителей? Ведь мы всё равно, что на железнодорожной станции. Разве не глупо, в ожидании поезда, который вот-вот умчит нас прочь, входить душой в жизнь вокзала, которого мы больше не увидим, в жизнь людей, с которыми мы больше не встретимся? Нет вам больно, извольте видеть, что начальник станции получает мало жалованья, что сидящий рядом пассажир страдает зубами, что сторож недостаточно благочестив! Вы набиваете себя неприятными впечатлениями, вы тянетесь с советами, надоедаете, мучаетесь, мучаете! Глупо!

– Но, дорогой господин Ландри, – возразил Бенуа, улыбаясь, – ваша философия может привести к ужасающей праздности и скуке.

– О, не беспокойтесь! Человеку достаточно хлопот со своей собственной персоной. Я, например, собираю мёд, как пчела, и не замечаю дня.

– И вы довольны?

– Довольнее многих.

– И не бывает у вас минут тоски?

– Ничего. У меня есть против этого средство: я пью.

– Как пьёте? – не понял патер.

– Так, пью. Пью вино, пиво, абсент, ликёры, пью всё, кроме воды. И вино действует на меня великолепно. Ещё при совместной жизни с женой, в случае супружеской размолвки, я, бывало, сейчас же беру шляпу и бегу в кафе. Возвращаюсь, нагруженный вином по уши, весёлый, совершенно забывший о ссоре. И жена довольна. Ей не нужно дуться, выдерживать роль, потому что нелепо препираться с пьяным.

– Где же ваша жена?

– Она в Бордо и, как слышал, устроилась очень недурно... Мы разошлись. После пламенной любви, наступило, как это частенько бывает, охлаждение. Всё равно, как фейерверк: сначала яркая золотая нить в полнеба, а затем, хлоп – и обгорелая палка! Многие продолжают тянуть лямку лжи, вражды, а мы пожали друг другу руки – и в разные стороны.

– Так просто?

– В жизни нужно как можно меньше мудрить. Надо иметь лёгкий дух, лёгкое сердце. Так-то, дорогой аббат. До свидания. Переходите-ка в мою веру.

В другом месте, в разговоре со школьным учителем, к которому патер Бенуа зашёл сообщить о жестокости Марселя в известном уже читателям случае с орлёнком, бедному патеру приходится выслушать целую отповедь о государственном значении предпринятых мер против „клерикализма конгрегаций и других подобных штук“; Бенуа возражает:

Франция напрасно отворачивается от религии. Религия даёт мирозерцание, которого без религии у вас нет. Конечно, науки весьма почтенны в своей сфере, но все они обрываются на полуслове, лишены высшего, объединяющего синтеза. Они молчат и осуждены на молчание своей сущностью относительно многих вопросов, которыми люди не перестанут задаваться... Ах, господин Фрюманс, вы слишком поспешили с своей эмансипацией! Вы обессилили самих себя. Вы поставили себя в необходимость давать народу разрозненные, отрывочные знания, без порядка, без системы, без той целостности, которая только и может успокоить ум и душу. Вы возбуждаете интеллективные потребности, но не удовлетворяете их. Вы выбросили на улицу глубочайшие вопросы морали и политики, и

эти вопросы, за отсутствием правильного понимания, решаются кое-как. Те стороны души, на которых вы не в силах ничего посеять, сами собой прорастают плевелами. Неужели вы не видите дурного скептицизма, который носится в воздухе и производит повальные заражения? На вас ложится грех и за социальные недуги современности. Ваши немощные „начатки образования“ дают народу вредную иллюзию просвещения. Бедняк, человек четвёртого сословия, пьянеет от ваших рубленных истин, от ваших недомолвок и обмолвок, сливающихся с науськиванием сознательных и бессознательных софистов. Он впадает в жалкое тщеславие, в грустное фанфаронство. Вы бессильны показать ему небо, и он преисполняется низменными инстинктами, завистью, озлоблением, он разражается угрозами против буржуазии, собственников, армии, правительства. – Вы не научили его отличать чёрное от белого, и он считает законными средствами действия – грабёж, поджог, убийство.

Помолчав минуту, патер продолжал:

– Ах, господин Фрюманс, едва ли было когда-нибудь время более печальное, более немощное духом!.. Нет, вы слишком поспешили отвернуться от нас! Ведь вам решительно нечем заменить наше мировоззрение. Вы ровно ничего не прибавили к евангельскому учению. Ваши теории относятся к нашему *credo*, как... копии с картин Рафаэля, сделанные рукой варвара. Даже те новейшие, разрушительные учения, которые одних ужасают, а других воспламеняют, разве они не представляют собой только вопиющие, бессмысленные извращения наших идей?.. Ну, что вы можете преподать своим ученикам о морали? Вы выдвигаете против порока и преступления кару закона? Но ведь это мораль зверинца! Вы будете говорить о нравственной гигиене, об умелом управлении потребностями? Но ведь это – плоское благоразумие, уравновешенный эгоизм. Где тут авторитетность нравственного закона? Где стимулы к великому и благородному? Ваше учение не даёт человеку власти над страстями. Тут всё, равно, что советы медицинской гигиены не объедаться, не пьянствовать, если хочешь быть здоровым и долго жить. Но если мне приятнее пьянство и дебош, чем

долгая, здоровая, пресная жизнь? Гигиенисту в таком случае остаётся только развести руками. Такова и ваша мораль... Ах, вы готовите себе ужасное будущее! Да оно уже и теперь чувствуется. Разве вы не видите вокруг себя озверения, преступности среди молодёжи, наивной жестокости, отсутствия брезгливости к злу, отсутствия ужаса к преступлению, чудовищной слабости мотивировки злодеяний? А эта убогость идеалов, плоскость общественных девизов!.. Прежде человек, готовившийся вступить в общество, старался, так сказать, оправиться, душевно почиститься, подтянуться, теперь же он ломится, как животное в разгороженный сарай, ломится, моралью растрёпанный, с уличной бранью, с легкомысленной, наглой болтовнёй. Прежде писатель скромно приносил к алтарю общего труда плоды своих дум, плоды осторожной критики настоящего и поисков лучшего. Теперь же он выкрикивает свои непродуманные слова и грошовые мысли, точно пьяница в пивной. О, Господи!

Самым интересным и наиболее приковывающим внимание, при чтении повести, является беседа патера Бенуа с управляющим фабрикою Октавом Бреном – по поводу рабочего вопроса.

Отношения между рабочими и фабрикой всё больше обострялись. В виду этого, патер решил однажды вечером пойти к управляющему и попытаться склонить его к смягчению конфликта. Несмотря на то, что Октав принял его довольно сухо, Бенуа тотчас же приступил к делу.

– „Рабочие беспокойны, господин Брен, – сказал он. – Брожение не прекращается, недовольство растёт.

– Да, мне это известно, – раздражённо ответил Октав. – Я приму свои меры. Итальянский бродяга, Джаконо, уже получил расчёт, хотя всё ещё, как мне говорили, проживает в деревне.

– Вот именно о мерах я и хотел поговорить, господин Брен... Для лечения болезни, прежде всего надо знать её причины.

– Какие же причины? – перебил Октав. – Причина тут одна – распространение зажигательных учений, стремящихся

перевернуть вверх дном всё на свете. Науськивание пролетариата на „гнилые” устои общества.

Он иронически подчеркнул слово „гнилые”.

– Нельзя не сознаться, – возразил Бенуа, – что это общество не безукоризненно. В нём, действительно, есть режущие контрасты между тяжким трудом и возмутительной праздностью, между вопиющей бедностью и бесстыдной роскошью... Нравственные принципы у нас расшатаны, сила нередко переходит в насилие, культ золотого тельца ослабляет чувство долга, чести, патриотизма. Деньги часто окружают ореолом недостойных людей и клеймят презрением хороших. Капиталисты иногда обнаруживают слишком много эгоизма, вступают в соглашения, вредные для общества, создают разные тресты...

– Ах, ты, Боже мой! – воскликнул Брен. – Я прекрасно знаю всё это. Я знаю, что наше общество перепачкано грязью всевозможного мошенничества, шалопайства, пошлости и холопства. Я знаю это и едва ли кто больше меня желал бы выбросить вон всю эту мерзость. О, нам нужна огромная беспощадная метла! Но из этого-то сознания и вытекает моя злоба к нынешним зажигательным учениям. Они мешают очистке, они создают смуту, в которой отлично укрывается всякая нечисть. Где уж там срывать маски фальшивого величия, хватать на месте преступления слишком длинные руки, бить по физиономии зазнавшуюся наглость, плевать на лукавое холопство, когда под все углы общественного здания подкладываются бомбы! Если в доме пожар, то тут уж не до того, чтобы производить ремонт, покраску, побелку, вентиляцию, дезинфекцию... Вот результат нелепых химер, которые проповедаются разными идиотами!

– Если нынешние учения – химеры, – сказал патер, – то мера борьбы с ними совершенно ясна. Нужно раскрыть их ошибочность... Почему бы вам, господин Брен, не объяснить своим рабочим, что внушения, которыми их смущают, не выдерживают здоровой критики?

– Вы очень наивны, господин аббат, – саркастически рассмеялся Октав. – Вне всякого сомнения, что от всех этих

зажигательных брошюр и прокламаций веет поразительным скудоумием. Несомненно, что они не имеют солидных опор ни в экономической, ни в какой другой науке, но неужели вы думаете, что перед нами происходит какое-то академическое искание истин? Ха, ха! Нет, господин аббат, тут не что иное, как свалка, война, осада нашей цивилизации. Это даже не борьба между общественными классами. Какие у нас классы, когда ход вещей уже давно перетряс общество, как мешок с орехами? Перед нами восстание врагов современной культуры, желающих смести её с лица земли. Здесь дело вовсе не в каких-нибудь новых научных открытиях, не в ложных или верных новых теориях. Движение стимулируется не силлогизмами или софизмами разума, а просто голодным аппетитом и награвшейся до белого каления завистью. Вы знаете *on ne souffre réclément que du bonheur des autres*³¹⁸... Я уверен, что те из нынешних вожаков, которые не безнадёжно глупы, понимают, что нельзя достигнуть равенства богатства, но они надеются, по крайней мере, добиться равенства бедности. Если не мне, так никому! Надо создать, как видите, власть, которая бы опрокинула нашу цивилизацию и наградила победителей тем, что будет отнято у побеждённых. Тимур и Чингисхан не говорили ничего другого, когда вели свои полчища. Вы понимаете всю общепонятность, а, следовательно, и силу этих кличей? На них с восторгом отзываются толпы всякого рода неудачников, число которых в наше время страшно возросло. Их становится с каждым днём больше, потому что высокая и сложная культура тяжела для лентяев и бездарностей. И неудачники плодятся повсюду, в промышленности, в торговле, в науке, искусстве, ремёслах. А тут мы сами ещё плодим искусственно неудачников своими предрассудками и школьными порядками. У нас легионы бакалавров, лицеистов, не нашедших места в жизни, а потому и недовольных. Недовольные же недоучки – худшие из недовольных. Они особенно страстно ненавидят мир, не признающий их талантов. Марат, Сен-Жюст, Робеспьер были превосходными типами такого рода непонятных полуучёных... Вы спросите, почему наши дипломники не идут на полезную работу, в промышленность, в торговлю, в ремесло? На это две

причины. Во-первых, они неспособны. Наши школы приготовили их только к лёгкому бюрократическому труду. Во-вторых, надо считаться с нашими предрассудками. Мы – демократы, но в нас живёт неизлечимое презрение к ручному труду. Самый последний чиновник бюро, какой-нибудь почтовый экспедитор считает себя выше механика или наборщика, хотя, разумеется, чтобы быть механиком или наборщиком, нужно больше ума и таланта, чем для канцелярского писания. Примите во внимание преимущество, которое у нас имеет сюртук над блузой. Ах, если бы устранить престиж пиджака и сюртука, это бы дало Франции гораздо более важную реформу, чем все конституции, которые писались за последнее столетие разными адвокатами без практики!

Октав засмеялся, поплёскивая злыми глазами, потом продолжал:

– К этой армии неудачников присоединяются ряды всякого рода неприспособленных и вырождающихся личностей, – алкоголиков, рахитиков, неврастеников, эпилептиков и так далее. Мы сберегаем, по доброте души, толпу существ, осуждённых природой на уничтожение. И вот, – истинная ирония хода дел! – за наши гуманные заботы, эти полувывлеченные, с ядом в крови, плодятся, отравляют собой общество и комплектуют силы наших врагов. Таким-то образом формируется волна; поднимающаяся над нашей цивилизацией. Какова бы не была внутренняя дряньность этой волны, от того не уменьшается опасность. Ведь и детская рука может сжечь величайшее сокровище искусства, на которое потребовался труд веков. Варвары, осаждавшие древний Рим, были менее опасны, потому что наши варвары находятся в наших стенах.... Теперь во Франции, да и во всём свете, могут быть только две партии: партия порядка и партия беспорядка, и нет для этих партий почвы для соглашения. Пока невежественные массы, поднимаемые хитрецами или психопатами, будут терроризовать общество, до тех пор немыслимы никакие меры к улучшению жизни, никакие реформы, никакие духовные обогащения. Довольно этой затянувшейся игры”.

Волнения рабочих, как было уже упомянуто, закончились поджогом фабрики. С чем боролся патер Бенуа, с тем же, при современном состоянии нашей церковно-общественной жизни, приходится иметь дело и нашим пастырям и миссионерам. И с этой стороны повесть заслуживает их полного внимания.

А. Пахарнаев

Боголюбов Д. [Рец. на:]: Снисходительное внимание! (По поводу отчёта „Прав.-Русского Слова“ о проповедническом собрании). С. 1028–1032

В апрельской книжке „Православно-русского слова“ за текущий год находим отчёт г. Ф. Думского о проповедническом собрании петербургского духовенства, бывшем 16 марта. Этот отчёт сам по себе не представляет особого интереса. Изложен он схематично и догматически сухо. Из него не видно, какими соображениями руководились петербургские пастыри, делая те или другие заключения о предмете. Во всём приходится верить г. Думскому „на слово“, который к тому же забывает, что его мнения едва ли выражают настроения собрания.

Так, – очевидно в назидание читателям, – г. Думский пишет: „благодать Божия – это есть преизобильная потенция человека, которая под влиянием учения Христа Спасителя раскрывается, оживляется и реализуется в святости и бессмертии“... (стр. 574).

Прочитав это определение, мы задумались. Первое, что бросилось нам в голову, это сознание, что на собрании никто из пастырей так не определял благодать Божию, будто она есть „преизобильная потенция человека“. Нам думается, что и не может православный священник рассуждать *так* о благодати. Это определение вносило бы в православное богословие пелагианский оттенок. Не согласовалось бы оно и с словами апостола: „когда умножился грех, стала преизобиловать благодать“ ([Рим.5:20](#)). Умножение греха в человеке одновременно предполагает в нём ведь ослабление „потенции“ к добру. Кроме того, Ап. Павел пишет в другом месте: „*вы, оправдывающие себя законом, остались без Христа, отпали от благодати*“. ([Гал.5:4](#)).

Ясно отсюда, что понятие г. Думского о благодати не точно и не совпадает оно с приведёнными апостольскими изречениями.

По поводу [Ин.4:24](#) ст. г. Думский докторально заявляет: „следовало бы отчётливо оба признака богопочтения

определять: служение в духе – жизнь христианская, а в истине – внешнее служение без ограничения именно местом и формой...“ (стр. 577). – Однако не слишком ли самоуверен г. Думский? Почему именно *так* ему представляется дело, а не иначе?..

Тем не менее для миссионеров не *убедительный* отчёт г. Думского представляет бесспорный интерес. В отчёте определённо *осуждается* „миссионерство“ за его истолкование 4 гл. Иоанна. – Это осуждение, высказанное г. Думским, могло бы нас не беспокоить; но оно произнесено в почтенном духовном журнале и связано с собранием петербургских пастырей. Так что мы почитаем долгом отозваться на отчёт г. Думского.

Г. Думский пишет: „не лишним будет обратить внимание на то, что собственно представляет миссионерство по данному вопросу“, т. е. по изъяснению беседы Христа с самарянкой.

Тон речи г. Думского, обидно снисходительный; но мы заметим, что труды миссионеров в данной области заслуживают большего внимания. – Пусть эти труды „односторонни“; однако они касаются вопроса огромного жизненного значения. На 4 гл. Иоанна опираются все сектанты – отрицатели внешне-богослужебного церковного строя. Отрицателей этих – тьма. Ими переполнен Петербург; от них стонет юг России... Г. Думскому, обходящему „море и сушу“ в обозрении проповедей в неделю о самарянке, казалось бы, без всякого высокомерия не лишним было бы поговорить о трудах миссионерских в этой области.

Но г. Думский ограничился в отчёте общими словами и, воистину, за деревьями не увидел леса!.. Он, характеризуя что „собственно сделало миссионерство“ по изъяснению 4 гл. Иоанна, пишет: „обычно оно с ревностью и внимательностью ищет изречений, похожих на „кланяться в духе истине“, как напр. „служу духом моим“ (Рим.1:9), каковое выражение, впрочем, не имеет не только близкого, но и дальнего родства с выражением Христа Спасителя“ (– стр. 578).

Мы, спросим г. Думского, плохо ли поступает „миссионерство“, когда для объяснения труднейшего места в Евангелии ищет „библейских параллелей“? Из его „отчёта“ этого

ответа прямо вывести нельзя. Между тем следует заметить, что „обычай“ миссионеров не только безгрешен, но обуславливается он существом дела. В священных книгах всё изложено кратко и прикровенно (1Пет.5:12; 2Пет.3:16). Раскрывать библейский смысл „вообще, по способу г. Думского, применённому в его отчёте, – легко, но опрометчиво. Вот пример: в 17 гл. Деяний сказано: „Бог, сотворивший мир... не в рукотворенных храмах живёт“ (Деян.17:24). Этими словами усердно пользуются сектанты и страшно злоупотребляют ими при отвержении православных храмов.

Напрасно, по рецепту г. Думского, мы старались бы вообще, „христианизировать“ их смысл (Пр-рус. Сл., апр. стр. 578). Такая „христианизация“ показалась бы им *праздной болтовнёй*. Сектанты вразумляются исключительно *библейскими параллелями*.

В данном случае чрезвычайно полезно указать сектантам на Ис.57:15, где прямо говорится, что Бог *живёт* в рукотворенном „святилище“.

На этом основании миссионеры прибегают в своих речах „обычно“ к библ. параллелям.

В частности, ничего преступного не делают они, когда сносят Ин.4:23 ст. и Рим.1:9 ст. Эти выражения, правда, не тождественны *по букве*, но совершенно совпадают по смыслу. – Господь заповедует истинным поклонникам кланяться Отцу „в духе и истине“. Как же это?

Ответ на вопрос, „миссионерство“ ищет прежде всего в Новозаветных писаниях; естественно, оно останавливается на Рим.1:9 ст.

И там этот „обычай“ миссионеров не представляется ошибочным. Служение Богу „в духе“ *не исключает* служения Ему „духом“ (Рим.1:9). Основной характер служения сохраняется в том и другом случае. Кто служит Богу „в духе“, – тот, по словам г. Думского, – необходимо достигает того, чтобы тело шло в уровень с душой (отч. стр. 578). Но этого же требует и служение Богу „духом“, т. е. плодами духа (Гал.5:22,23 ст.). При этом условии также от христианина требуется, чтобы он служил Богу *целостно* – всем существом своим, всеми своими

помышлениями. Образ такого служения Богу „духом“ и дал нам св. Павел. Для Христа он переносил всякие подвиги (1Кор.9:19–23), но, стремясь к Нему всей душой, он и молился в храме, „до исступления“ (Деян.22:17).

Как видим, способ рассуждений миссионеров понятен и ни в каком отношении не напоминает он „рыцарских доспехов“, как вышучивает нас г. Думский, стоящий в библейской экзегетике „на уровне с веком“ (Пр-рус. Сл., атр. стр. 578).

Что же читаем дальше в отчёте, – прямо мало понятное „миссионерству“: „благоговейно ли, – спрашивает г. Думский, – и достойно ли указывать на кровавый пот и молитву Гефсиманскую Христа с коленопреклонением для того только, чтобы разбить и победить „духовных христиан?“ Зачем метать лик Христов, когда и воины метали жребий только о хитоне Его“ (стр. 578)?

Эти слова Думского производят на нас впечатление жестокой передержки. Он, православный богослов, готовящийся к священству, не предполагает у миссионеров более возвышенной цели, чем „разбить и победить“ противника. Миссионеры же, научаемые словом Божиим, знают высшую задачу своей службы „вразумить и убедить“ заблуждающихся братьев (1Фес.5:14; 2Фес.3:15). Стремясь к этой цели, они и отыскивают нужные „святоподобия“ в жизни Спасителя.

Но такие искания кажутся г. Думскому „неблагоговейными“ „недостойными“ прав. христиан...

Жестокие слова! На чём же, однако, на каких *библейских* данных обосновал их наш критик?

Соответствующих свидетельств в его „отчёте“ мы не находим... Мы же заметим, что искание исканию – рознь. Одно дело – благочестивый сторож ходит в храме, ища, нет ли где пыли и сора в святом месте; другое дело – вор ищет в храме драгоценностей, чтобы украсть их...

Одно искание достохвально, другое преступно. Какого же характера теперь изыскания миссионерские в области священ. библии.

Мы ищем нужных параллелей для выяснения истины Христовой. Мы хотим быть подражателями Господу, по заповеди

Апостола (Еф.5:1; 1Кор.11:1). Вот мы с благоговением и взираем на то, как молился Христос, – как служили Богу апостолы. Мы видим, что они не отвергали наружных обрядов в молитве, – это мы и указываем сектантам...

В какой же грех впадает тут „миссионерство?“ Г. Думский пишет о „метании Лица Христова“... А нам его слова представляются *неуклюжей* риторикой – и только. Разве мы разбойнически обращаемся со Христом? Миссионеров даже сектанты никогда ещё не бранили так, как поносит их своим вычурным красноречием г. Думский...

В заключение своей вылазки против „миссионерства“ он говорит о каких-то библейских доказательствах, „идущих в уровень с веком“. Но что это за доказательства? Разве, по выражению г. Думского, стремление „христианизировать“ сектантов? – Но говорить так, значит ломиться в открытую дверь и совершенно не читать миссионерской литературы. Миссионеры всегда заботились о том, чтобы научить людей душой и телом служить Богу. Они именно постоянно твердят народу, что, если мы не будем „обуздывать“ плоти своей, душа наша бессильна будет служить Богу...

А г. Думский в „миссионерстве“ не видит ничего, кроме схоластики, – и, что всего прискорбней, свои измышления привязывает органически к рассуждениям на собрании Петербургских пастырей. Надеемся, что этот печальный случай побудит организаторов пастырских собраний в Петербурге с более строгой критикой относиться к „отчётам“ своего секретаря – г. Думского...

Д. Боголюбов

Булгаков Н. [Рец. на:]: Объяснение евангельских чтений на Рождество Христово, (Шесть вне-богослужебных бесед). Второе издание. Преподавателя Богословия в институте инженеров путей сообщения, протоиерея П. Городцева. Цена 15 коп. С.-Петербург. 1904 г. Стр. 1–59. С. 1032

В своей книге о. Городцев объясняет евангельские чтения (по славянскому тексту), описывающие следующие события Рождества Христова: а) Открытие Иосифу тайны воплощения Сына Божия (Мф.1:18–25), – б) Рождество Христово (Лк.2:1–7), в) Извещение Вифлеемских пастырей о рождении Иисуса Христа (Лк.2:8–12), – г) Ангельское славословие и поклонение пастырей родившемуся Спасителю (Лк.2:13–20), – д) Поклонение волхвов родившемуся Иисусу Христу (Мф.2:1–12), – е) Бегство Иосифа с Богомладенцем и Матерью Его в Египет. Избиение Вифлиемских младенцев. – Возвращение святого семейства (Мф.2:13–23). В начале каждой беседы напечатан славянский текст евангельского чтения (славянским шрифтом), а затем идёт беседовательное толкование каждого стиха отдельно. Библейские разъяснения сделаны прекрасным общедоступным языком и в то же время стоят на высоте научных архелогических и исторических исследований священного текста (стр. 10–12. 16, 18, 36–40, 55 и друг.). Издана книга очень тщательно в корректурном отношении: при чтении нам пришлось заметить только одну досадную опечатку (стр. 34, строка 18-я сверху); между тем цена книги совсем недорогая сравнительно с её богатым и назидательно-жизненным содержанием.

В виду всего этого весьма желательно, чтобы означенный труд о. Городцева получил возможно широкое распространение не только среди пастырей Православной Церкви, как пособие для их вне-богослужебных бесед с паствой, – но и среди простого нашего народа, как материал для доброго чтения в часы отдыха от житейских трудов.

Н. Булгаков

**Хроника // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10.
С. 1033–1048**

Миссионерство, секты и раскол

Тамбовское сектантство и борьба с ним³¹⁹

Социальные воззрения молокан-толстовцев: понятия о власти, войне, быте и просвещении крестьян; взгляд на школы, на земские повинности и земельную собственность. Нравственная жизнь. Прозелитизм секты и её покровители. Сектанты в роли сельских должностных лиц. II. *Штунда*, время его появления; первые нынешние пропагандисты; главные штундовые общины; вероучение и современный культ штунды; нравственная жизнь штундистов; прозелитизм секты и средства пропаганды. Борьба с штундой сельских и полицейских властей. III. *Жидовство*: жидовствующие толки; главные общины и их организация; религиозные воззрения секты; обряд погребения умерших, прозелитизм сектантов.

Айвазов И. Миссионерские беседы со старообрядцами в С.-Петербурге. С. 1033–1045

Из упомянутых нами книг и брошюр, как то: подпольных сочинений Л. Толстого, „Сети веры“, – Хельчицкого, „Хитрой механики“ и других в таком же роде, молокане-толстовцы усиленно черпают и свои *социальные воззрения*. Под влиянием названных чтений они привыкают оценивать жизнь человека исключительно с точки зрения её материального довольства. Не видя последнего у себя, они виновником своего бедственного положения признают существующий строй государственной, общественной, а отчасти и церковной жизни. Возникающие на этой почве суждения их, в своих последних выводах, резко запечатлены социально-коммунистическими и даже анархическими тенденциями. Так, признавая, что „все власти существуют для блага *своей* временной жизни“, они, в частности, происхождение *царской* и вообще *светской власти*, а также *и духовной* (иерархии) объясняют честолюбием и корыстолюбием правящих лиц, которые с этой именно целью закабаляют себе простой народ. Таков, по их мнению, был, между прочим, и Моисей. Последний, якобы с целью подчинить себе (власти светской), своему брату – Аарону и родственному колену. Левиину (власти духовной) многочисленный Еврейский народ, издал известные законы и облёк их божественным авторитетом. Примеру Моисея и Аарона подражают-де и современные власти, как светская, так и духовная. Первая издаёт законы, чтобы владеть народом и жить на его счёт, а вторая, также с корыстными целями, проповедует, что власти от Бога учреждены; грозит нарушителям законов этих властей бедствиями на том свете, для чего придумала воскресение мёртвых и страшный суд. „Вам бы всё *власти*, да *власти*; всё для себя, а из нашего брата не хотите и попов избирать, хоть бы и получше ваших были“! – говорил миссионеру один из сектантских начётчиков на публичной беседе. В частных беседах те же сектанты нередко поговаривают: „вон бары нам на том свете рай обещают и то не даром: свечи велят ставить, попам

платить; а себе на наши денежки здесь, на земле, рай устроили и про небесный позабыли!.. Вот и *войну и воинство* выдумали, – „христолюбивым“ называют! Будто, Христос учил и любил людей убивать?! Сказано, что мы – мужики, одно слово – тьма!.. Намедни наш брат взял у барина два двугривенных: на один ему велели чего-то купить и на другой тоже; а он по дороге и перемешал их, – так вернулся спросить: на какой двугривенный чего велено-де взять?!!“ Признавая правительство и лиц, непосредственно служащих на крестьянской ниве, – как то: народных учителей, земских докторов и пр., а также пастырей и вообще деятелей церкви – незаслуженно проживающими на счёт крестьян, они, между прочим, высказывают, что „мужик, подобно Толстовскому „работнику“ (в рассказе: „Хозяин и Работник“), скоро совсем замёрзнет, несмотря на старание своего „хозяина“ (т. е. правительства) отогреть его, в своих интересах, своим дыханием“... Посему неудивительно, что означенные сектанты крайне недоверчиво, а местами и открыто враждебно относятся ко всем мероприятиям правительства и церкви, направленным на улучшение материального быта и подъём просвещения крестьян. Так, между прочим, смотрят некоторые из них на помощь крестьянам в *голодные годы*. – „И сколько понаслали нам бары в голодные годы хлебца! – спасибо, голубчики, – скажешь, а как подумаешь, то и выходит иначе! Вот для примера, едет воз с сеном и на нём сидят два человека, а везёт пара лошадок. Сидят они и бражничают, а лошадки везут; остановят лошадок, распрягут, да на подножный корм и пустят; пощиплют бедные травушки с землицей, мутной водицы попьют, да снова везут и везут... Но вот и стали!.. – Нужно ехать дальше, а мочи нет! Нужно подкормиться, а корма на землице нет! Встали бары, да с воза и почали прутики дёргать, чтобы лошадушек подкормить; подкормили, впрегли и снова едут и едут... А не подкорми и не поехали-б!.. Вот же и барская милость нам: не нас, а себя пожалели! – ехать не на ком стало, ну и подкормили“!.. „Так вот и *школы*! – Думаешь нас жалеют, что учат? – Как бы не так!.. Знамо, учитель в школе – старшой и его все слушают, чего бы он ни говорил... Вот он учит ребят; ребята свыкают слушать его, да так и опосля школы в

других делах всё он старшой будет... Ноне видно мало стало ребят, аль скоро ребята забывают старшого, – только вот стали и больших собирать на ученье, чтобы и их, как ребят, приучить слушать старшого!.. Вот тебе и бары-благодетели!..“ Впрочем, из существующих типов школ сектанты отдают предпочтение школе земской. По их выражению, „церковные школы – это хитрые выдумки правительства, которыми оно закабаливает народ в тёмном рабстве“. В этих школах, говорил миссионеру сектант, учат „многим бесполезным пустякам. К чему, наприм., Закон Божий?!“ Между тем в земской школе, по его мнению, лучше: „там не преподают детям сектантов Закона Божия, да и вообще земцы ближе подходят к нам“³²⁰ заключил он свою речь о школах и при этом как-то многозначительно спросил миссионера: „а знаете, сколько земцев забрали в прошлом году?“...

Последним пунктом мечтаний сектанта служит то время, когда крестьяне собственным почином освободятся от *сельских повинностей* и разделят *земельную собственность* казны и богачей поровну между собой. Впрочем, этот пункт является в тоже время исходным едва ли не для всех, вышеприведённых нами социальных воззрений Тамбовских молокан-толстовцев. И справедливость требует сказать, что крайняя бедность Тамбовских крестьян слишком во-многом объясняет появление среди них подобных веяний.

Оценивая жизнь человека с материалистической точки зрения, вооружаясь против всяких авторитетов, не исключая божественного, означенные сектанты во многих местах *морально распустились* во всю ширь, проявляя поразительно-грубые аппетиты. „У меня в кармане Бог!“ – говорил один разбогатевший сектант... Пьянство, табакокурение, разврат, воровство – и даже профессиональное, торговое кулачество, поджоги, убийства – явления далеко не редкие в быту этих лже-молокан, которые, бросив заветы своей старины, становятся моральной язвой в жизни и обществе крестьян. *Религиозные собрания* молокан-толстовцев во многих местах близко походят на Петровские ассамблеи: „соберутся, попьют чайку с медком, съедят гору калачей, посплетничают, иногда повздорят между

собой, кой чего попоют, да и разбредутся... Один из лучших начётчиков этих молокан вдруг, на старости лет, прозрел и принял водное крещение от известного на юге штундо-баптиста; вскоре после этого его „бакалейные операции“, прежде сильно упавшие, значительно расширились!.. С грустью, покачивая головами, глядят старо-молokane на бывших своих собратий и сторонятся от религиозного общения с ними, усвояя им и новое имя: где – „толстовцев“, где – „безбожников“, а главных новаторов из крестьян называя почему-то: „студентами“. *Прозелинизм* этих сектантов – поразительный и крайне неразборчивый в средствах, вследствие чего недавно были приняты особые меры со стороны жандармской полиции по отношению к одному из видных молокан – пропагандистов „толстовщины“. Последние, в целях пропаганды, объезжают заражённые молоканством местности, устраивают там собрания и на них ведут беседы в духе своих воззрений³²¹. С той же целью они пускают в ход деньги³²², для добывания которых стараются, между прочим, об учреждении на молokane собраниях, по примеру штундо-баптистов, особой „кружки взаимопомощи“. Усиленно распространяются ими среди крестьян многочисленные подпольные сочинения, а также и крайне нелепые и недобросовестные сплетни, особенно про ненавистных им миссионеров... В своей деятельности они поддерживаются со стороны, а также некоторыми и из „местных интеллигентов“, которые, официально числясь православными, стараются походить на „толстовцев“ и не прочь от непрошенных тартюфских услуг миссионерам... Много поднимают в глазах крестьян престиж сектантов и выбираемые из последних сельские должностные лица; так, наприм., в октябре месяце 1899 г. для публичной беседы с миссионером, по распоряжению К-цкого сельского старосты из молокан, был привезён вёрст за семь сектантский начётчик на „обывательских лошадях“ православного крестьянина-возницы, несмотря на протест последнего против бесплатного выполнения новой для него и, кстати сказать, довольно оригинальной службы сельскому обществу!..

II. *Штунда*. Обрядовая штунда, известная в науке под именем старо-штундизма или штундо-баптизма, появилась в пределах Тамбовской епархии в 80-х годах истекшего столетия. Первыми насадителями её здесь были южнорусские штундо-баптисты, из коих Г. М-ев доселе наезжает в епархии с пропагаторскими целями, искусно прикрываясь торговыми делами. Кроме Г. М-ева, на той же пропагаторской ниве работают ныне временно посещающие епархию штундо-баптистские „проповедники“: с юга – крестьянин А. Б-сов, из Таврической еп. – некто М. В-ч, из Саратовской (с. Турки) – Ник. Ч-нин, (г. Балашов) – И. А-вич и из Воронежской (с. Пески) – „старший пресвитер“. В роли же постоянных „разъезжих проповедников“ и руководителей штундо-баптистских общин епархии подвизаются местные крестьяне: Михаил Дементьев, братья Сигитовы (из с. Липягов, Борисогл. у.), Андрей Бокин, Григорий Семилетов, Трофим Пачин (из с. Пановы-Кусты, Тамб. у.), Григорий Косолапов (из дер. Воронцовки, Шацк. у.) и братья Пентеляковы (из Чёрной Слободы, Шацк. у.). Наиболее многочисленные штундо-баптистские общины проживают по большим дорогам на север и юг от Тамбова, в уездах: Шацком (Чёрная Слобода, Новотомниково, Старотомниково с дер. Воронцовкой), Борисоглебском (с. Липяги с дер. Коршуновкой) и Тамбовском (с. Пановы-Кусты).

Полагая в основу своего вероучения последовательно проведённый принцип „оправдания только личной верой в искупительные заслуги Иисуса Христа“ и в общем оставаясь верными вероучению и богослужебному культу южно-русских штундо-баптистов, Тамбовские штундисты в настоящее время признают „необходимость в церкви Христовой трёхчинной иерархии, преемственно получающей через руковоложение особый дар священства“, причём своим „старшим пресвитерам“ усвояют названия – „архиерей“, или „епископ“ и поставляют начало своей иерархии в зависимость от церкви Римской или Английской. Кроме этого, среди Липяговских штундо-баптистов ныне происходит сильное религиозное брожение по вопросам: о праздновании субботы и втором пришествии Иисуса Христа. Вопрос о субботе возник среди них случайно. Поводом к нему

послужил переход четырёх молоканских семейств в секту жидовствующих. „Начётчик“ последней секты, прежде бывший молоканским „пресвитером“, стал „сильно зашибать“ местных штундистов, требуя указать хотя бы Новозаветную заповедь об отмене празднования Ветхозаветной субботы и замене её воскресным днём... Штундисты оказались бессильными в защите празднования воскресного дня и симпатии некоторых из них склоняются на сторону празднования субботы... По вопросу же о втором пришествии Иисуса Христа, некоторые из Липяговских штундистов утверждают, что „Христос вторично приидет для основания на земле 1000-летнего блаженного царства, в которое войдут одни „баптисты“³²³; а по истечении этой тысячи лет Он будет судить вселенную“³²⁴... Во время похорон у изголовья мёртвого они ставят сосуд с курящимся фимиамом и помазуют больного перед смертью елеем.

Нравственность Тамбовских штундистов за последние годы заметно упадает. Действительность, дающая много фактов, иногда очень наглядно и резко свидетельствующих о греховности даже главарей сектантства³²⁵, поколебала в них уверенность в своей святости и привела их к признанию за собой „некоторых нравственных недостатков и греховных наклонностей“... Отсюда ослабление в секте прежде весьма строгой дисциплины и „отлучения“ согрешивших членов от „общества святых“, в котором ныне, по словам сектантов, много „людей мирских“... Но чтобы сгладить резкое противоречие между действительным состоянием своих общин и учением о „святости“ их, Тамбовские штундисты прибегают к следующей игре слов: „мы, говорят они, оправданы кровью Христа и составляем общество святых, каждый член которого, как рождённый от Бога, не имеет в себе и не творит греха (1Ин.3:9). Если же иногда в жизни, творим проступки, то это не грехи, а простые житейские ошибки и в таких случаях мы *не грешим, а согрешаем* (1Ин.2:1)“!.. Такая казуистика, построенная на мнимо-апостольском различии слов „грех“ и „согрешение“, с целью замаскировать в глазах простого народа свои „житейские ошибки“, однако не удаётся им, потому что народ понимает, что „всякая неправда есть грех“ (1Ин.5:17) и что „рождённый от

Бога“ не только „не грешит“, но и „не согрешает“ (1Ин.3:9,5:18)!.. Посему штундисты в беседах с православным миссионером, вместо принципиального решения вопроса о своей личной „святости“, изощряются в обличении жизни православных: „попадут ли в царство небесное те, которые пляшут на свадьбах, напиваются, в чучела наряжаются“?.. – обычно спрашивают они миссионера и подобными обличениями селятся доказать неправоту самого учения церкви православной, усиленно подчёркивая в тоже время казовую чистоту жизни своих общин... К сожалению, многие крестьяне далеки от умения различать учение церкви от жизни её и поддаются коварному обольщению пропагандистов штунды. Миссионеру же, за незнанием, большей частью, фактов из жизни сектантов, приходится держаться менее понятного для крестьян принципиального решения вопроса, а иногда напоминать сектантам слова Христа: „если праведность ваша не превзойдёт праведности книжников и фарисеев, то вы не войдёте в царство небесное“, ибо и диавол, дабы уловить верующих во Христа в свою волю, принимает *вид* Ангела света и его лже-апостолы, лукавые делатели, принимают *вид* Апостолов Христовых, *вид* служителей правды“ (2Кор.11:13–15)!..

Прозелитизм Тамбовских штундистов очень силён и крайне бесцеремонен. Пропаганда ведётся не только каждым заурядным штундистом, но и особой специально разъездной миссией, в состав которой входят вышеупомянутые нами временно наезжающие в епархию „проповедники“ и местные главари секты. На обязанности тех и других лежит посещение не только штундо-баптистских и вообще сектантских пунктов епархии, но, по возможности, и православных местностей для бесед с крестьянами „об уповании“. Кроме этого, местные главари секты заведуют всеми вообще делами своих общин, причём северные от Тамбова общины находятся под главным руководством Гр. К-ова, когда-то бывшего Пашковского миссионера, и, отчасти, братьев П-овых, а в южных – подвизаются: М. Дементьев, братья Сигитовы, А. Бокин, Григорий Семилетов и, отчасти, Т. Пачин. Труд „разъездных миссионеров“, напр.: А. Б-сова, Н. Ч-на, Г. К-ова, М. Д-ева и др.,

вознаграждается определённым жалованьем, в размере от 25-ти до 30 руб. в месяц, а других пропагандистов – временными субсидиями. Источником для содержания „миссионеров“ служат „денежные сборы с братьев“, производимые ежегодно в епархии наезжими и местными „проповедниками“³²⁶. Собранные ими суммы обычно отсылаются на юг к братьям М-аевым, у которых, можно думать, хранится общая касса для взаимопомощи пропагандистам штундизма, и уже оттуда последние получают своё содержание³²⁷. Главным средством пропаганды служат молитвенные собрания, руководимые местными, а иногда и наезжими главарями штунды. Весной и летом такие собрания устраиваются по воскресным и праздничным дням, одновременно с православным богослужением, а в глубокую осень и зимой, равно как и в будни – по вечерам. Собираются штундисты, всегда открыто и вполне беспрепятственно. Их собрания посещаются православными крестьянами и особенно крестьянками. На одно из собраний Липяговских штундистов миссионер попал прямо с поезда железной дороги. Это было в полдень 24-го апреля 1899 г. Едва он подъехал к дому священника, как подошли к нему взволнованные крестьяне и просили идти с ними на собрание сектантов в доме штундиста Н-ра С-това. Миссионер пошёл и там со слов очевидцев выяснилось следующее. С 10 час. утра в дом С-това стали сходиться местные главари штундистов и с ними несколько православных, подготовляемых к переходу в штунду. За каждым, входящим в избу, дверь плотно запиралась... Когда православные крестьяне, возмущённые пропагандой и совращением своих единоверцев, были впущены в комнату собрания, то там за столом сидели: домохозяин – С-тов с женой и двумя взрослыми сыновьями, его племянник – ярый пропагандист Семён С-тов и пять православных: три крестьянина и две крестьянки, из коих одна – солдатка. Вскоре туда же прибыл и „старший пресвитер“ М. Д-ентьев. Православные, застигнутые врасплох, скрылись. Недовольный внезапным приходом миссионера, штундист М. С-тов в ответ на приветствие миссионера дерзко проговорил: „жаль, что в теперешние времена нельзя быть полным хозяином в своём

доме“!.. После миссионер призывал одну из бывших на этом собрании крестьянок; последняя на вопрос: „зачем ходит на собрания штундистов“?.. – отвечала: „я от скуки пошла посидеть к Никанору, а у него шло собрание, я и осталась там послушать, о чём говорят. Говорили же все о церковных предметах“... Не довольствуясь совращением православных путём публично устраиваемых в сектантских избах молитвенных собраний³²⁸, главари местной штунды стараются проникнуть и в избы мирно живущих православных семей. С этой целью они под разными предложениями посещают избы крестьян, особенно в отсутствие отцов семейств, и там совращают прежде всего мать семьи, как более невежественную, податливую и ценную для них союзницу, которая не замедлит потом переманить за собой своих детей и даже мужа. Прийдут „бактисты“ в избу, говорили миссионеру крестьяне с. Л-гов, прочтут из библии что-либо задушевное, а бабы наши и бух им в ноги; им же только того и надо: прослезятся, да и ну принимать от баб раскаянье во грехах... Приедешь с поля домой, а жена уже „бактистка“, воеет и причитает: „не нужен-де крест Христов, не нужны храмы, не нужны иконы“!.. Так вот всю душу воротит. Ну, сперва приберешь её, так нет – не унимается! А там смотришь и детей за собой потащила³²⁹... Пойдешь к батюшке за советом, поведаеть ему горе своё... Да что батюшка? Не может он наказать „бактистов“, не может и собраний их запретить, а убедить её дуру нельзя: она ведь неграмотная, ничего не понимает, а всё своё твердит!.. Терпишь, терпишь, да чтоб душу не мутила и сам пойдешь в „бактизм“!.. И таких жён – пропагандисток весьма много в мире Липяговских и других сектантов!.. Нередко выступают в роли совратителей своих семей и крестьяне, но в большинстве случаев из корыстных целей. Так, например, 24 апреля 1899 г. пришёл к миссионеру в с. Липягах один крестьянин П. Д-ев: „я к вам, сказал он, Бога ради помогите, выручите мне дочь мою родную! Отдал я её замуж за православного С-она; после его совратили в „бактизм“. Оно бы ничего – пусть себе, как сам знает! да вот беда: стал он жену свою, а мою дочь и деток своих в „бактизм“ перетягивать! Прийшла, бедная, ко мне и плачет: „уйду, говорит, и я в „бактизм“, – муж силой тащит! Сотник К. Б-

нов говорил ему, как перейдут твои жена и дети в „бактизм“, так прийму тебя в компанию торговать яйцами и курами“... Ну, я, грешным делом, и прибил её немного: больно уж было моему родительскому сердцу, – ведь этакой нечисти не было в моём роде!.. Так вот пойдёшь же и теперь всё твердит: „уйду, да и уйду я в бактизм, – муж тащит“! а сама всё плачет“... Дух сектантства проникает в крестьянские семьи и через крестьянскую молодёжь, особенно через молодёжь, побывавшую в солдатах или столицах. Возвратившись в село, она любит щегольнуть своим „всезнайством и показать старикам, что они-де, сидя в селе, ничего не знают, но что „в Питере все важные люди – „бактисты“ и уж давно никто не слушает православных попов и не чтит церкви православной“... Эти сельские модники – великая язва для тёмного и засидевшегося в селе мужичка и нужно удивляться тому, каким доверием на селе пользуются эти крестьянские авантюристы, люди, по народному выражению, „дошлые“!.. Трудно отцам семей бороться с такими „отщепенцами“! Так, один крестьянин с. Л-гов, некто Ф. Ф-ч, пригласил миссионера к себе в дом для вразумления своего заблудшего сына Василия. Там же собралось много посторонних крестьян. Долго миссионер беседовал с Василием. Наконец, Василий быстро вскакивает и дерзко говорит отцу: „хоть правда и за вами, а мне голову отрежьте – не пойду в православие“!.. Тот же Василий, по свидетельству его отца, пользуясь отсутствием последнего, склоняет своих сестёр в штунду, запрещая им креститься и обучая их пению сектантских стихов из „Голоса веры“ и др... И много подобных фактов в жизни особенно Липяговских крестьян. Достаточно хотя немного сблизиться с крестьянской средой, как услышишь нескончаемый ряд жалоб на внесённый сектантами в семьи разлад; услышишь стоны отца о насильственном совращении его дочери в штунду; услышишь вопли жены, побоями от мужа совращаемой в „бактизм“; услышишь вздохи и крестьянина об ушедшей всё в тот же „бактизм“ жене, уведшей за собой и детей своих!.. Ожесточённая пропаганда штунды проникает в мир крестьянских детей и другим путём. За последние годы штундистские главари устраивают в с. Л-гах особые воскресные

собрания или школы для детей. Эти школы усердно посещаются детьми сектантов и православных. Нередко в числе от 40 до 70 человек они собираются в избе штундистского „пресвитера“ М. Д-ева. В роли учителей выступают: сам „пресвитер“ и С-товы³³⁰. Главным предметом обучения служит чтение Св. Писания и толкование известных мест в духе учения штунды. Таким образом, здесь воспитывается в ненависти ко всему православному многочисленное молодое поколение крестьян, которое в своё время вступит в ожесточённую борьбу с православной церковью, так как с детства роднится с сектантскими воззрениями и крепнет в ненависти к православной церкви!.. Для успеха своей пропаганды Тамбовские штундисты не брезгают и дискредитированием православной веры и церкви в глазах крестьян. Так, при всяком удобном случае, они хулят православную веру, издеваются над церковной обрядностью и пастырями церкви и тем глубоко оскорбляют религиозное чувство крестьян. Последние, выйдя из терпения, идут с жалобами к своим пастырям, но эти сами нередко терпят оскорбления от сектантов, особенно при посещении с требами смешанных семей, и бессильны заградить уста нечестивцев; прибегать же к содействию сельских или полицейских властей почти всегда то же, что вопить в пустыни!.. И вот в душе православного крестьянина сперва кипит злоба на сектантов, потом на священников, на сельские и полицейские власти за попустительство последними порицаний... За бессильной злобой наступает равнодушие к вере и церкви, а там смотришь: православный уж и сам сектант, сперва робкий, тихий, прячущийся, но потом, ободряемый безнаказанностью проступков своих новых собраний, дерзкий и самоуверенный пропагандист!.. „Нам дорога православная вера, говорят Липяговские крестьяне, да сил-то нет терпеть: уж больно бранят её „бактисты“ и всё им сходит“!.. Иногда, впрочем, крестьяне сами расправляются с хулителями. Так, в августе 1898 года крестьянка Анна Тарасова во время огородных работ публично поносила Крест Христов и Праздник Спаса, что вызвало со стороны православных вразумление нечестивой граблями³³¹!.. В тех же целях пропаганды Тамбовские штундисты эксплуатируют

и неопределённым отношением к ним полицейских властей. Так, в январе 1899 г. Липяговские штундисты воспользовались благоприятным поворотом в отношении к ним ближайших полицейских властей и открыто заговорили о разрешении им молитвенных собраний, причём показывали многим крестьянам какой-то „Указ Государя Императора о разрешении баптистских собраний“³³²... Всё это для тёмных крестьян было равносильно признанию штунды верой правой и сильно обескураживало их, а своевременная материальная подачка им со стороны сектантов довершала переход некоторых в штунду!.. К материальной помощи Тамбовские штундисты прибегают как к одному из самых сильных средств для совращения крестьян. Так, один старик из молокан П. Я-н, между прочим, говорил: „да вот и наши (молокане) почти все ушли в баптизм. Прежде было у нас тихо, а появилась эта штунда и пошли неурядицы – да как и не быть!.. Вон бактисты занялись теперь торговлей: скупают по сёлам и станицам яйца и кур, ну и народ совращают. Денег-то у них много. Сбывают товар по близости, на завод англичанина – что ли? Он и денег даёт им на закупки. Заработки хорошие!.. А как кто захочет пристать к их торговой компании, сейчас: „иди в бактизм! – говорят. Оно, конечно, соблазн!.. И пошли наши (молокане) в бактизм. Да и окромя того, – они помогают своим деньгами и по хозяйству“³³³. Я видел у них кружку для этого, на собраниях стоит, а больше кладут всё под скатерть; есть у них и казначей особый, только обкрадывают их эти казначеи³³⁴. А в голодные годы страсть сколько хлеба и денег им наслали! – Они говорят, что в Питере есть у них такая община: в ней все знатные, да богатые, – они то и шлют“³³⁵...

Итак, организация специально-разъездной миссии, публичные молитвенные собрания и религиозные процессии, вторжение в семейную жизнь православных, воскресные „школы“ для крестьянских детей, дискредитирование православия в глазах крестьян, нелепые рассказы сельских „всезнаек“, эксплуатация поведением сельских и полицейских властей и, наконец, в различных видах материальная помощь: вот те средства, к которым прибегают Тамбовские штундисты для совращения крестьян³³⁶. И такая пропаганда штунды

ведётся тем ожесточённой и бесцеремонней, чем она более встречает себе поддержки в молчаливом созерцании её лицами, имущими власть обуздать её законом 4 июля 1894 г., особенно низшими органами полицейского и сельского правления. Впрочем, об органах сельского правления и говорить не стоит: редко вы увидите старосту или сотника трезвым, и будьте уверены, что всякая, исходящая от них, неприятность сектантам принесёт выгоду им только одним, в виде двугривенного „на чайк“ или водочку... Чины уездной полиции, особенно гг. становые пристава играют в какую-то тонкую дипломатию... Это своего рода полицейские князьки, вполне независимые и бесконтрольные в делах своего стана. Посему немудрено, что свою деятельность и деятельность подчинённых им урядников они направляют по собственному произволу и взгляду, по своему толкуя и законные меры к пресечению пропаганды сектантства среди православных.

III. *Жидовство.* Жидовствующие Тамбовской епархии разделяются на талмудистов, или Шапошников и старо-иудеев, или бесшапошников. Те и другие гнездятся главным образом в Тамбовском (с. Рассказово) и Шацком уездах (Казачья Слобода и Борки). Общины их сравнительно немногочисленны, за исключением одной – в с. Рассказове³³⁷, и плохо организованы. Пересаживая в русскую народность вероучение, мораль, надежды и чаяния коренных евреев, эта секта печально уродует русских крестьян. Сливая свою судьбу с судьбой природных евреев и воображая себя вместе с последними рассеянными пленниками, русские крестьяне-жидовствующие почти готовы отказаться от своей национальности и перенести свои симпатии на коренных евреев. От последних они усвоили и взгляд на православных, как на язычников – человеко-обожателей. Прискорбно смотреть на их молитвенные собрания, где они, одетые в традиционные еврейские „талисы“, возносят горячие молитвы³³⁸ о собрании их в Палестине, о воссоздании Иерусалима и храма, об истреблении народов, кроме евреев, и о наступлении в обетованной земле вечного царства Израиля с Мессией – царём во главе, в котором они займут первенствующие места и будут владеть всеми народами...

Интересен обряд погребения умерших у Рассказовских субботников: последние кутают мертвеца в холстину, кладут его в гроб, около него палку, а в зубы ему деревянный кол; все это с той целью, чтобы, когда явится Мессия и воскресит их, они сразу заговорили и с посохами в руках пошли в обетованную землю. Весьма утешительно, что Тамбовские жидовствующие не имеют особенной склонности к прозелитизму и почти не пользуются симпатиями православных крестьян. Их ряды и то, сравнительно редко, пополняют другие изверившиеся сектанты³³⁹.

И. Айвазов

(Окончание следует).

Гринякин Н. Миссионерские беседы со старообрядцами в С.-Петербурге ³⁴⁰. С. 1045–1048

На третьей противо-раскольничьей беседе, 11 марта о церкви Христовой в качестве со-вопросников миссионера Д. И. Боголюбова выступили К. Перетрухин с сыном. Для миссионеров, знакомых с приёмами и арсеналом корифеев австрийской болтовни – в роде Швецова, Усова, Мельникова и Перетрухина, беседа по существу нового ничего не сообщала; к тому же 2 с небольшим часа, общая продолжительность беседы, это столь короткое время, что такие говоруны, как К. Перетрухин, могут за это время только *начать* свою речь: они привыкли беседовать часов по 8–10 подряд; а за 2 часа с ними можно, так себе, только перекинуться общими фразами и ни до чего определённого не договориться. Поэтому беседа может представлять интерес разве только со внешне-технической стороны.

Изложив учение, по слову Божию и святоотеческому, о церкви Христовой, её составе (с 3 чин. иерархией и 7 тайнами), вечности и neodолённости, миссионер ставит собеседнику вопрос о том, всегда ли до скончания века должна пребывать в таковом виде церковь Христова? Перетрухин, уже значительно поседевший, слышал такой вопрос на своём расколо-апологетическом веку, вероятно, тысячу раз, и он заговорил спокойно и как по писаному: кто и никогда не видал его в качестве защитника австрийщины, мог догадаться, что он повторяет свою апологию тысячный раз; речь его текла ровно, спокойно, без одушевления и живого участия к её предмету. В целях оправдания отсутствия в раскольничьем обществе в продолжение 180 лет епископства, а значит и законного священства, и таинств, Перетрухин вычитывал из разных книг о возможности погрешить и впасть в ересь *всему* епископскому чину, что „падение иерархической лестницы началось ещё с апостолов“ (!?), которые не верили воскресению Христову (Мк.16:14). что Христово обетование о neodолённости церкви относится к самой вере, а не к людям (иерархии), которым

обетования даны Спасителем под условием, от соблюдения коего зависит и исполнение обетованного (известные выражения в толк. Феоф. Мф. 5, 95 стр. „Аз зажегах свет сердца вашего... а еже не угаснути благодати, сущей в вас, на вашем подвиге будет сие“ и Златоуста: „небо всячески будет с нами (Господь) егда себе далече творит“ толк. на 14 посл. Ап. Павла стр. 2358), что слова Златоуста: „не может бо церковь без епископа быть“ (Марг. житие 154 л. об.) относятся не ко вселенской церкви, а к частной – кафедральной константинопольской (точно часть больше целого: часть не может быть без епископа, а целое может!) и т. п. Перетрухин, как искусный лощман, хитро обходил в цитируемых им местах святоотеческих творений все подводные камни для австрийщины. Миссионерам, имевшим уже дело с Перетрухиным и его со-товарищами по ремеслу, камни эти известны. Тут у раскольничьих начётчиков что ни цитата, то ложь. И на публичных беседах миссионеру безусловно необходимо проверять каждую раскольничью ссылку, и возможно по книгам раскольников же чтобы не оставлять у слушателей недоумения хотя бы по одной, приведённой раскольником цитате. Почему большие беседы, или как говорят о них в сёлах и деревнях „заправские, настоящие“, и затягиваются иногда на полсуток без отдыха. По условиям места, времени и другим, настоящая беседа в зале общества такой длинной не могла быть.

Д. И., в кратких, но сильных словах ответил на разглагольствие Перетрухина и указав по существу на его неправость, – что якобы церковь может лишиться когда-л. до окончания века своей неотъемлемой части епископства – иерархии, настаивал, чтобы собеседник показал от писания и св. отцов, что вселенская церковь может существовать на земле без иерархии.

В беседу вступил, заменив отца, сын Перетрухина, молодой человек безусый ещё, в чистеньком чёрном сюртучке, крахмальной со стоячим воротничком сорочке с чёрным, галстуком (а это по раскольничьему – „удавлинина никониянская“, от которой будто бы ещё апостольский собор повелел удаляться!) и в пенсне, которое раскольничий пижон

поминутно поправлял. Молодой школьник австрийской апологии повторял доводы своего „родителя“ с важностью „заправского“ богослова и с развязностью и смелостью, граничащими с дерзостью. „Наизусть“ зная, что обычно и прежде всего надо отвечать миссионерам, когда они проповедуют, что все епископы православной церкви не могут впасть в ересь, – т. е. что этим они проповедуют якобы непогрешимость всех епископов, сын Перетрухина, плод, достойный древа, с этого именно и начал.

– Миссионер утверждает, что епископы не могут погрешать, заговорил он.

Д. Ив. обращает внимание слушателей, что этого он никогда не утверждал.

Слушатели шумными протестами выражают своё неудовольствие на клевету молодого начётчика. Но последний, видимо, уж значительно потерял чувство стыда: он извернулся, пояснился, – а перед толпой говорить, по-видимому, уже привык, и, ничуть не смутившись, продолжает свою речь. С особенным ударением он остановился на „неверии“ апостолов, вышеприведённых выражениях из толкований Феофилакта и Златоуста (5 гл. Мф. и – на 14 посл. стр. 2358) и на условности обетования о „неодоленности от врат адовых“, данного церковным пастырям.

Д. И., указав на то, что „неверие“ апостолов было в то время, когда они не обладали ещё полнотой ведения о Христе – и благодатью – до сошествия на них Св. Духа и что обетования Христовы церкви быть „неодоленной“, как и слова Златоуста – „не может церковь без епископа быти“, сказаны безусловно, просил показать от писания свидетельство того, чтобы после сошествия Св. Духа все апостолы и их преемники – епископы могли впасть в ересь.

Н. М. Гринякин, в недоизрасходованные очередные минуты миссионера, разъяснил перед слушателями, что австрийские начётчики в беседах на взятую тему сознательно путают понятия „греха“ и „ереси“, чтобы показать возможность впадения в ересь всех епископов, поскольку они все, мол, не безгрешны. Н. М. показал, что есть „грех нравственный“, от которого не

свободен ни один человек (1Ин.1:8) и в котором человеку нужно простить согрешающего брата „до седмижды семидесяти раз“ (Мф.18:21–22), и – „ересь“, за которую еретичествоующий отлучается от церкви после „первого и второго вразумления“ (Тит.3:10), и что согрешения епископов никак нельзя ставить в еретичество их по которому они все перестали бы быть истинно-православными епископами. Затем Н. М. разобрал ссылки Перетрухина на Феофилакта и Златоуста (вышеуказанные) и из тех же мест вычитал, что там речь идёт о „житии“ и „нравственных“ грехах, а не о ереси, в которую могут якобы впасть все епископы, после чего вся Христова церковь осталась бы без священства. В заключение г. Гринякин привёл свидетельства из раскольничьей же книги („истинность старообрядствующей иерархии“ – Швецова), что „благодать оскудевает с пресечением преемства епископского“ (как у австрийцев), прочитаны стр. „истинности“ – 71, 93, 131.

Перетрухин (отец) лишь разбавляет пустословием (от себя) свои прежние доводы. Д. И. кратко отвечает собеседнику, резюмирует беседу, делает заключение о невозможности истинно-церковного состояния без епископства, и беседа заканчивается общей молитвой.

Перетрухин, видимо, твёрдо держится веры в безнародную церковь: он относит слова обетования Христова о „неодолённости“ церковной „от врат адовых“ только к „вере“, так как, допуская возможность падения в ересь, по греховности, всех епископов, он не может затем отрицать того, что по греховности же могут и все впасть в ересь: и пресвитеры, и диаконы и миряне, а „упование“ само может висеть со своей неодолённости хоть на облаках. По блаж. Феофилакту (Благов. Мф. 67 зач.) „упование“ – „исповедание“ есть только „основание“ церкви, а не самая церковь, и по Ап. Павлу „сердцем веруется в правду, усты же исповедуется во спасение“ (Рим.10:10); ужели не понятно для Перетрухина и его собратий, что без сердца и уст, т. е. живого, верующего человека нет веры, без истинно-православных христиан нет и церкви Христовой. Да, – „предаде их Бог в неискусен ум“...

Н. Гринякин

**Корреспонденция „Миссионерского Обозрения“,
известия и заметки // Миссионерское обозрение.
1904 г. № 1–10. С. 1049–1058**

О. С Дона. С. 1049–1050

Миссионерская экскурсия воспитанников Донской духовной семинарии.

24–26 апреля с. г. воспитанники 6 класса Донской дух. семинарии в количестве 32 человек совершили первую миссионерскую экскурсию в посёлок Казинку, Ростовского округа, Донской области, для собеседований с местными штундистами, которые проживают в этом посёлке в количестве свыше 100 человек. Путь был совершён по жел. дороге и частью на лошадях и пешком (18 вёрст). Экскурсией руководил преподаватель по кафедре раскола и сект свящ. Евграф Овсянников, епархиальный миссионер Грацианский. Поезд пришёл на ст. Степную в 9 ч. вечера, а оттуда с пением пасхального канона юные путники бодро, но не без утомления, прибыли в 2 ч. ночи в Казинку, где нашли себе ночлег в здании местной церк. прих. школы. Прекрасно спевшись утром 25-го апреля, экскурсанты умирительно исполняли на литургии церковные песнопения, чем доставили глубокое религиозное утешение православным прихожанам посёлка Казинки. Во время причастного стиха воспитанник 6 кл. А. Васильев сказал поучение, в котором изложил миссионерское толкование евангельского чтения о беседе Спасителя с самарянкой. По окончании литургии о. Овсянников и мисс. Грацианский отправились к штундистам в дом молитвенных собраний. Там происходило собрание сектантов, приближавшееся уже к концу. По окончании собрания, мисс. Грацианский и о. Овсянников произнесли речи: первый выяснял вопрос о том, как следует читать и толковать священное писание, второй выяснил незаконность и неспасительность сектантских молитвенных собраний в отделении от истинной церкви Христовой. Сектанты слушали со вниманием речи миссионеров. На приглашение прийти на миссионерскую беседу, назначенную в церковной ограде, сектанты ответили полным согласием, предупредив только, что возражать они не будут, а будут только слушать. В 12 часов дня по звону в церковный колокол стали собираться в

церковную ограду православные и сектанты. До начала беседы, семинаристы вступали с сектантами в частные беседы и выясняли православным истины православного вероучения. Будущие пастыри-миссионеры разделились на группы, собрали около себя двух–трёх сектантов и обличали спокойно и толково неосновательность их учения и обвинений православной церкви. Скоро в церковной ограде на особо устроенном помосте началось собеседование. перед началом его воспитанником 6 класса Владимиром Чунихиным была произнесена речь о священном предании, как источнике вероучения, равночестном священному писанию. Собеседования по вопросу о священном предании, иконопочитании и другим вопросам продолжались около 4-х часов. Сектанты, обещавшие хранить молчание, жестоко спорили, проявив всю свою диалектику, но основательно были обличены миссионерами. Воспитанники семинарии с напряжённым вниманием следили за ходом собеседования. Несколько воспитанников вели точную запись собеседования. По окончании беседы воспитанники с наставником и миссионером посетили дом молитвенных собраний сектантов. Сектанты приняли приветливо, исполнили несколько штундовых песен, старшие из них произнесли импровизированные молитвы. Миссионеры снова обратились к сектантам с речами о необходимости единения всех в церкви Христовой. Один из воспитанников снял фотографию с комнаты молитвенных собраний сектантов со всеми её принадлежностями и группу их самих. Вечером 25-го апр. экскурсанты отправились на ст. Степную, откуда благополучно 26 апреля прибыли в г. Новочеркасск. На обратном пути экскурсанты обменивались своими впечатлениями от беседы. Поездка оказалась весьма удачной и многопользой. Свои теоретические познания по сектоведению здесь семинаристы имели возможность проверить на опыте. Нет нужды доказывать великую пользу от миссионерских экскурсий для дела пастырской приходской миссии. Там, где теоретические познания проверяются на практике, менее возможны ошибки при выступлении пастырей-миссионеров на поприще собеседований с сектантами. Если же принять во внимание, как

пагубны ошибки начинающих собеседников и полемистов, то нельзя не приветствовать подобных миссионерских экскурсий, как самого лучшего способа практического приготовления кандидатов священства к миссионерской деятельности.

О.

Козицкий П. Преосвященный Ириней, епископ Орловский и Севский. С. 1051–1056

(Некролог).

Преосвященный Ириней, как верный страж порученного ему стала, умер 10 апреля на своём посту, при исполнении служебного долга. С утра он принимал просителей и сделал даже распоряжение относительно своего служения к предстоящему воскресному дню. Во время приёма последнего просителя с ним сделалось дурно, открылась рвота и в начале второго часа, владыка отошёл в вечность: скончался он на 68 году от рождения от паралича сердца.

Жизнь и деятельность почившего владыки была настолько многосодержательна и многостороння, настолько кипуча и полна неиссякаемой энергии, что поражала всех близко стоявших к нему и знавших его. Девизом его жизни – был *труд непрерывный*, направленный к неукоснительному исполнению долга и выполнению обязанностей, возлагаемых Провидением на рамена почившего с первых дней его служебного поприща даже до последнего предсмертного вздоха. Почивший владыка на всех ступенях своего общественного служения всегда и во всём был первым работником и для всех образцом трудолюбия и исполнительности. Как высокообразованный человек, глубоко проникавший в сущность явлений окружающей жизни, почивший владыка всюду вносил в свою деятельность струю оригинальности, жизненной правдивости и практичности. За какое бы дело он ни брался, всегда он подходил к разрешению его прямо, с наиболее правильной и практической стороны. Мало этого, он всегда и везде умел, весьма кстати, потому вполне благовременно, откликнуться на запросы времени на злобу дня, и обратить внимание на самые существенные нужды данного времени и среды. Потому вполне понятно, что владыка Ириней, в должности преподавателя семинарии, ректора семинарии, редактора журналов, епархиального преосвященного, всегда и везде, оставлял в своей деятельности „след неизгладимый“. Преосвященный немало

трудился и для дела миссии. Вот почему наш журнал считает своим нравственным долгом почтить память почившего святителя.

Почивший владыка – сын священника Полтавской губернии Михаила Орды; в мире Харисим Орда. Высшее образование получил в Киевской духовной академии, где и окончил курс в 1861 году, и тогда же был назначен преподавателем в Екатеринославскую семинарию по словесности, а в 1864 году переведён в Киевскую семинарию на кафедру священного писания. Переселившись в Киев, Х. М. Орда свои силы посвящает учёным и преподавательским трудам в различных учебных заведениях. В 1877 г. рукоположен во священника, проходил должность законоучителя в епархиальном женском училище и мужской гимназии: с 1879 по 1883 г. был приходским священником при Киево-Подольской церкви Доброго Николая; в 1883 г. принимает монашество с именем Иринея и с того же 1883 по 1888 г. с редкой энергией несёт обязанности ректора Киевской духовной семинарии; в 1888 году архимандрит Ириней был хиротонисан во епископа Уманского, второго викария Киевской епархии. После четырёхлетнего епископского служения, в качестве викария Киевской епархии, преосвященный Ириней занимает ряд самостоятельных архиерейских кафедр: Могилёвскую (1892–1893 г.), Тульскую (1893–1896 г.), Подольскую (1896–1900 г.), Екатеринбургскую (1900–1902 г.) и Орловскую (1902–1904 г.).

В качестве преподавателя Х. М. Орда стяжал славу глубокого и основательного знатока священного писания, на изучение которого он употребил лучшие годы своей жизни. По отношению к питомцам он был строг и требователен; вёл дело преподавания такого трудного предмета, как священное писание, весьма живо и занимательно и умел заохотить учеников серьёзно изучать текст священных книг Ветхого и Нового Завета. Не останавливаясь на мелочах, весьма наглядно он оттенял существенное от несущественного и обладал способностью держать весь класс в напряжении. Письменным работам придавал большую цену и поощрительными

рецензиями вливал дух энергии своим питомцам при написании „сочинений“.

Свои досуги Х. М. посвящал литературным трудам, принимая живое участие во всех киевских органах. В академическом органе: „Труды Киевской Духовной Академии“ он, помимо своих сочинений, помещал библиографию иностранных богословских книг; потом он издавал и редактировал журнал „Воскресное Чтение“, в котором помещал весьма много своих статей, преимущественно по священному писанию. Х. М. Орда стяжал себе известность не только, как редактор и издатель, но и как первый составитель учебников по предмету Св. Писания Ветхого Завета. Он составил „Руководство к последовательному чтению пророческих книг Ветхого Завета“, удостоенное премии Митрополита Макария и выдержавшее множество изданий; затем „Руководство к последовательному чтению учительных книг Ветхого Завета“. Оба эти руководства введены в качестве пособия при изучении Св. Писания Ветхого Завета ученикам III и IV классов духовных семинарий. Но самым важным трудом его нужно признать составленное им „Руководственное пособие к пониманию Псалтири“, до сих пор не утратившее своей ценности и являющееся лучшим руководством при изучении Псалтири. Его же перу принадлежит первый в русской литературе разбор кощунственного произведения Ренана „Жизнь Иисуса“, а также несколько апологетических сочинений: „За веру и против неверия“, „Ложные и опасные современные мудрствования“ и „Без Христа нет истинного образования, нравственности и благосостояния“. Небезызвестен он также, как и переводчик целых сочинений с иностранных языков. Так, – он перевёл – с немецкого составленную в противовес Ренановскому сочинению книгу „Жизнь Иисуса Христа“; – с греческого „Толковую псалтирь Евфимия Зигабена“, с английского – „Мученики Колизея“ и с французского – „Пастырские послания апостола Павла“.

Наиболее плодотворным периодом учено-литературной деятельности Х. М. Орды нужно признать 1883–1888 годы – годы его ректорства в Киевской духовной семинарии. Ставши ректором семинарии, архимандрит Ириней, с свойственной ему

энергией и опытностью много поработавшего литератора, принял на себя обязанности редактора журнала „Руководство для сельских пастырей“, издающегося при семинарии. – и в самое короткое время реформировал журнал до неузнаваемости: при этом журнале стали издаваться особыми книгами „Проповеди“ и „Богословско-библиографический листок“. Архимандрит Иринеи, в качестве редактора, сам работал, не покладая рук; сумел также привлечь к участию в сотрудничестве преподавателей семинарии и профессоров академии. За время редакторства архимандрита Иринея журнал завоевал почётное место в нашей духовной журналистике, был самым жизненным и отвечающим на современные запросы органом. „Руководство для сельских пастырей“ в это время не оставляло без ответа ни одного злободневного вопроса из духовной жизни без обсуждения на своих страницах. В великую заслугу редактору нужно поставить то обстоятельство, что он сумел к участию в проповедническом отделе привлечь по преимуществу сельских пастырей, как наиболее знакомых с нуждами деревни, потому доставлявших для журнала наиболее жизненный проповеднический материал. Потому нисколько не удивительно, что число подписчиков журнала возросло больше чем впятеро, против прежнего времени.

Архимандрит Иринеи, будучи председателем Киевского епархиального училищного Совета, подал мысль об издании при Совете первого специального журнала, посвящённого разработке вопросов по церковно-школьному делу; и тогда им был основан журнал „Церковно-приходская Школа“, существующий и доныне.

Административно-педагогическая деятельность архимандрита Иринея, в качестве ректора Киевской духовной семинарии, заслуживает глубокого внимания. Будучи поборником порядка, законности и исполнительности, арх. Иринеи того же требовал и от учителей, и от лиц инспекторского надзора, и от учеников. Он был первым неустанным работником во главе вверенной ему семинарии, вникал во все нужды семинарской жизни и желал видеть в лице наставников и лиц инспекторского надзора единокрушных сотрудников в

многотрудном учебно-воспитательном деле. Его неутомимость и удивительная энергия отражалась и на всём учебно-воспитательном деле в семинарии, и как электрическая искра передавалась наставникам, а от наставников к питомцам. Начертав на своём знамени девиз: „законность, справедливость, трудолюбие и серьёзное отношение к делу“, ректор Ириней всяческими мерами, внедрял эти принципы в юные сердца своих питомцев. И в результате труды его принесли обильный плод. Киевская семинария в ректорство арх. Ириней достигла такого блестящего состояния в учебно-воспитательном отношении, что её питомцы, поступившие в число студентов Киевской духовной академии, поддерживали много лет с честью достоинство своей семинарии, а посвятившие свои силы пастырскому служению в качестве сельских приходских священников и доселе являются лучшими и добросовестнейшими „стражами стада Христова и в пастырском и церковно-школьном деле. Даже недруги архимандрита Ириней (а их у него всегда было немало) так отзываются о ректорской его деятельности: „Слова нет: „иринеевский режим был тяжёл; но мы все почти подчинялись ему; видели перед собой умного и авторитетного Начальника и первого работника; будучи человеком дела, того же требовал он и от других“.

Период епископского служения преосвященного Ириней, обнимающий собой почти 16 лет (1888–1904 г.), полон не менее кипучей и разнообразной деятельности, чем оба предыдущие периоды. В бытность свою викарием Киевской епархии (1888–1892 г.) преосвященный Ириней первый обратил серьёзное внимание на церковно-приходские школы и миссионерское дело. В Киевской епархии, начинаясь 1870 года, штунда свила себе прочное гнездо и к 1888 году сектантство распространилось по всей почти губернии, насчитывая в своих рядах немалое количество адептов. До 1889-го года противосектантская миссия в Киевской епархии была в младенческом состоянии: дело борьбы велось без всякой системы и последовательности; правильно поставленного института миссионерского не существовало, да и сведений, более или

менее достоверных, о состоянии сектантства и числе сектантов епархиальная власть не имела. Инициатива устройства правильной против-сектантской миссии в Киевской епархии всецело принадлежит преосвященному Иринею. В начале 1889 года, по предложению Владыки, были консисторией разосланы во все приходы запросные пункты для выяснения вопроса о состоянии пгундизма. Результатом этой переписки было учреждение института светских против-сектантских миссионеров для епархии из лиц с высшим богословским образованием. Первыми против-сектантскими миссионерами в 1889 году в Киевской епархии в светском звании были: преподаватель местной духовной семинарии (редактор нашего журнала), В. М. Скворцов и кандидаты богословия И. Л. Ольшевский и П. А. Козицкий. Преосвященный с особенной любовью и энергией взял на себя нелёгкое дело руководства юной тогда против-сектантской миссией.

По его указаниям миссионеры не только вели собеседования с сектантами заражённых местностей епархии, но вместе с тем и изучали штундизм, находившийся тогда в периоде формирования; они представляли преосвященному подробные рапорты о результатах своих поездок и миссионерских собеседований. Владыка чрезвычайно интересовался делом миссии; вникал во все подробности отчётов и докладов миссионеров. Многие из этих докладов появились в печати. По указаниям Преосвященного составлена была миссионером И. Л. Ольшевским первая в печати „Краткая программа для собирания сведений о штундизме и указание, как вести собеседования с сектантами“, а также весьма обстоятельное, редкое по полноте и основательности руководство для борьбы с штундизмом под заглавием: „Обличение штунды (в библейских текстах)“. Другой миссионер П. А. Козицкий составил „Несколько практических наставлений священникам для борьбы со штундизмом“. Третий – В. М. Скворцов первый начал проливать свет на штунду в публицистике, затем основал первый против-сектантский журнал „Мисс. Обзор.“ Миссионер И. И. Троицкий, заступивший место П. А. Козицкого, также составил ценный труд „Штундизм;

разбор учения его“. Учреждённый преосвященным Иринеем институт светских противо-сектантских миссионеров не только привился в Киевской епархии, благодаря своей жизненности и благовременности его учреждения, но по образцу Киевской епархии был учреждён и в других заражённых сектантством епархиях.

Вопреки ходячему взгляду на деятельность миссионеров, которая должна немедленно же выражаться в видимых результатах, т. е. в непосредственном после собеседований обращении сектантов в лоно церкви, преосвященный Ириней держался несколько иного взгляда; он всегда и везде проводил ту мысль, что „дело миссионеров насаждать истину православия, напаять же и возвращать посеянное будет Бог“. Потому он никогда не ставил вопроса миссионерам, по возвращении их из поездок в заражённые сектантством местности, „а сколько обращено вами штундистов во время вашей последней командировки“?

С конца 1892 года преосвященному Иринее, волей судеб вручается *страннический* посох и в течение 11½ лет ему суждено было побывать на пяти епископских кафедрах. Но где ни святительствовавший почивший владыка – в Могилёве ли, Туле, – Каменец-Подольске, Екатеринбурге или Орле – везде он своей неутомимой и энергичной деятельностью оставлял более чем заметный след. Во всех епархиях он преследовал всегда одну и ту же цель. Именно, Владыка с особой любовью относился к духовно-учебным заведениям, следил за правильным ходом учебно-воспитательного в них дела и вникал во все подробности жизни их, порядка и строя. Не меньше он заботился и о духовенстве; воспитывал в нём дух порядка церковности и учительности; при обозрении приходов вникал во все стороны жизни священно-церковно-служителей, интересовался их материальным положением и особенное внимание обращал на добросовестное выполнение ими пастырских обязанностей. – Предметом особого попечения почившего архипастыря была и паства; в своих многочисленных беседах он призывал паству к святой церкви, проводя ту мысль, что только в церкви Христовой, с её благодатными таинствами,

и в молитвенном общении с нею возможно спасение. Церковно-приходская школа, как естественная союзница в деле церковного учительства, была во всех епархиях любимым детищем, самым близким к сердцу почившего владыки. Особенно он обращал внимание на женские церковно-приходские школы, признавая важное значение в крестьянском быту образования жены и матери, как распространительницы народного просвещения. Не была оставлена без внимания преосвященным Иринеем и богослужебная сторона: он обращал внимание на богослужебные порядки, на истовое церковное чтение и в особенности церковное пение; вменял в обязанность духовно-учебным заведениям и церковно-приходским школам готовить хороших чтецов и певцов. Ни на одной из кафедр почившим владыкой не было забыто и миссионерское дело. Упорядочение приходской жизни с церковными её интересами – храмом, школой, братствами и церковными попечительствами входило в неприменную программу епархиальной деятельности преосвященного Ириней. Такова была деятельность почившего владыки в качестве епархиального архиерея во всех преимущественно вверяемых ему пяти епархиях. – Можно только удивляться и поражаться неистощимой энергией и многосторонностью духовных дарований преосвященного Ириней и глубоко благоговеть перед его памятью, скорбя, что смерть преждевременно вырвала его из рядов передовых архипастырей нашей отечественной церкви.

Достоин особого внимания, что почивший иерарх в бытность свою епархиальным архиереем с особой любовью относился к местным епархиальным литературным органам „к Епархиальным ведомостям“. Во всех епархиях, где Бог судил святительствовать почившему владыке, епархиальные ведомости в самое короткое время преобразовывались до неузнаваемости. Покойный владыка умел находить везде как литературных работников, так и животрепещущие, злободневные темы для местного епархиального органа. Потому-то Епархиальные ведомости всех тех епархий, где управлял преосвященный Ириней, по содержательности своей и своему руководственному направлению занимали одно из

передовых мест среди других епархиальных органов. Особенно обращали на себя внимание своей многосодержательностью и разнообразием содержания помещаемых статей Тульские, Подольские и Орловские Епархиальные ведомости, так как на этих епархиях преосвященному Иринею пришлось святительствовать дольше, чем в других епархиях.

Нельзя также не отметить и того факта, что преосвященный Ириней пользовался славой видного проповедника-писателя. На всех епископских, преемственно вверяемых ему кафедрах, он произносил и печатал немало поучений, всегда отличавшихся оригинальностью и живостью мысли, простотой и общедоступностью изложения, – к тому же полных жизненного интереса. Выдающиеся по своему интересу проповеди почившего владыки конечно известны нашим читателям, так как они часто появлялись на страницах Церковных Ведомостей, потому распространяться о них считаем излишним.

Такова была жизнь и деятельность почившего преосвященного Иринея, епископа Орловского и Севского. Мы вполне уверены, что история отведёт почётное место почившему владыке, как видному церковно-общественному деятелю, энергичному церковному администратору и высокопросвященному иерарху русской церкви конца прошлого и начала нынешнего столетия. Мы уверены, что будущий историк-биограф изобразит в своём труде во всей мощи и величии светлую, личность преосвященного Иринея, умершего на своём посту, как доблестный вождь вверенной его попечению церкви Христовой, и что труды почившего владыки, в особенности по епархиальному управлению, не пройдут бесследно в деле устройства нашей церковной жизни и по достоинству будут оценены всеми, кому дороги интересы преуспевания нашей церкви и отечества. Противо-сектантская же миссия наша навсегда сохранит благодарную память о преосвященном Иринее, и на своих скрижалях золотыми буквами впишет имя владыки, как незабвенного организатора, устроителя и печаловника великого дела борьбы с разъедающим наш церковный организм сектантством.

П. Козицкий

* * *

Присоединение к православной церкви раскольничьего монаха. – Недавно в единоверческой церкви г. Измаила, Бессарабской губернии, совершено присоединение из раскола к православной церкви бывшего глаголемого священно-инока Анатолия. 70 лет.

* * *

Переход униатов в православие. «Діло» сообщает, что все жители деревни Залучья, около Снятина (в Галиции), заявили, что они не желают более быть униатами и обратились к православному митрополиту в Черновцах, с просьбой принять их в лоно православной церкви и назначить к ним православного священника. До настоящего времени, как сообщает та же газета, они не получили от православной консистории в Черновцах никакого ответа, и потому обратились к депутату профессору Пигуляку с просьбой, чтобы он помог скорейшему осуществлению их желания. Среди высшего униатского духовенства происшествие это вызвало большое смущение, и митрополит Шептицкий готовится употребить все усилия, чтобы отговорить залучан от приведения в исполнение их намерения.

* * *

Киевские уездные миссионерские съезды. Учреждённые в Киевской епархии ещё в 1894 году, по мысли и инициативе В. М. Скворцова, уездные миссионерские съезды до сих пор продолжают широко и плодотворно развивать свою деятельность. В нынешнем году такие съезды состоятся в м. Тальном, Уманского уезда, с 31 мая по 5 июня, и в с. Кривом, Сквирского уезда, с 14 по 19 июня, при этом выработана следующая программа занятий. В первый день (31 мая), после совершения в храме „последования молебного пения об обращении заблудших, певаемого в неделю православия и во иных потребных случаях“, откроются заседания съезда обсуждением следующих вопросов:

Обозрение состояния сектантства в епархии: численный рост и внутренние изменения в разных толках штундизма, преимущественно в штундо-баптизме и малеванстве.

Обозрение средств сектантской пропаганды: проповедники, заграничные книжки и брошюры, гектографы и письма. Обозрение новостей противо-сектантской литературы. За сим будут обсуждаться 1 июня: Отношение сектантов к вопросу о церкви: её сущности, свойствам и признакам: церковь, как единство всех истинно верующих во Христа. Почему вне церкви нет спасения. Грех сектантства. Святость церкви и грешные её члены. Соборность церкви, вселенские соборы и их авторитет. Апостоличность церкви и невозможность внешнего и внутреннего перерыва в её существовании.

2 июня. Отношение сектантов к вопросу о благодати спасения. Невидимая благодать и внешние посредства и действия. Условия действительности таинств. Крещение в воде, крещение младенцев. Миропомазание: его история и необходимость. Причащение: сущность таинства и внешний его образ; кто имеет право на его совершение. Покаяние, значение устного исповедания грехов и спасительная важность получения разрешения священнического. Брак, его естественная сторона и значение благодатного церковного благословения. Елеосвящение и его место в кругу других таинств.

3 июня. Священство; канонические права и благодатный дар священства. Личная жизнь священника. Уставность этой жизни, одежда священника и т. п. Плата за требоисправления. Богослужение, требы и посты.

4 июня. Отношение сектантов к внешнему церковному богопочтению: храм, как место особого присутствия Божия и как дом молитвы. Св. крест, как знание силы христианской Св. иконы, как священные и удобопоклоняемые изображения Бога и Святых Его.

5 июня. Отношение сектантов к Св. Писанию и Святому Преданию. Буква Писания и дух его. Исторический элемент в св. Писании. Необходимость Предания по св. Писанию. Предание, как источник христианского учения и как памятник древней церкви. Книги церковные. Право церкви издавать новые чины богослужений.

16 июня. Состояние противо-сектантской миссии в епархии. Что требуется от приходского священника для охраны

православных и для борьбы с сектантством. Помощь со стороны благочиннического, окружного и епархиального миссионеров, а также со стороны высшей духовной власти. Публичные и частные миссионерские собеседования с сектантами. Отношение к миссии православных, гражданских властей, образованного общества и печати светской и духовной.

17 июня. Организация пастырской взаимопомощи для борьбы с сектантством. Пастырские миссионерские комитеты и комиссии в других епархиях. Нарождающиеся пастырские союзы в Киевской епархии. Значение этих союзов и средство их оживления: соборные служения, пастырские собрания, библиотеки, материальная взаимопомощь и проч.

18 июня. Положение вопроса о приходе, как церковной и административной единице. Разные средства оживления прихода. Близость священника к прихожанам. Кружки ревнителей православия. Братства. Церковно-приходские попечительства.

19 июня. Чтение протоколов съезда. Благодарственное Богу молебствие и закрытие съезда.

Занятия миссионерских съездов будут происходить под руководством епархиальных миссионеров: священника Саввы Потехина и Н. А. Белогородского.

* * *

Высочайшая награда. Высочайшим приказом от 6 мая № 32 производятся, за отличие, из статских в действительные статские советники: чиновник особых поручений, V класса, при Обер-Прокуроре Святейшего Синода Василий Скворцов и старший помощник наблюдателя школ церковно-приходских и грамоты ведомства православного исповедания, член учебного комитета при Святейшем Синоде Афанасий Ванчаков.

(Прав. Вестн.).

* * *

Пожертвование на духовные назидательные книги для войск действующей армии.

— В распоряжение конторы — редакции „Мисс. Обзор.“ поступило от З. В-го 50 руб. на религиозно-назидательные издания для войск действующей армии на Дальнем Востоке.

– Издатель религиозно-нравственных брошюр М. И. Макаревский прислал в контору редакции „Мис. Обзор.“ для отсылки на Дальний Восток своих изданий большое количество экземпляров.

* * *

Зловещий случай в Кронштадте. В Кронштадте, как известно, существует дом трудолюбия, учреждённый усердием о. Иоанна Кронштадтского. В названном доме отведена отдельная комната, предназначенная для о. Иоанна, где пастырь любит посидеть и отдохнуть при посещении трудолюбцев. На-днях прислуга дома обнаружила, что дверь, ведущая в комнату, была облита керосином, видимо с целью поджога, который, однако, был заблаговременно предотвращён. Случай этот вызвал в городе оживлённые толки. (Гражд.).

**Отклики // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10.
С. 1059–1062**

Из дневника о. И. Кронштадтского в обличение лжеучения гр. Толстого ³⁴¹. С. 1059–1062

Толстой отвергает начало всех вещей – Слово Бога Отца, Сына Божия, Ниже вся быша, Который есть Альфа и Омега – начало и конец (Откр.1:8).

Толстой, отрицая Личного Триипостасного Бога, всеблагого, безначального, присносушного, премудрого, праведного, святого, блаженного, всесовершенного, всемогущего, допускает только таинственное, безличное начало, давшее жизнь человеку (странно, как безличное существо дало начало личному – это абсурд Толстовский), не допуская Его правосудия, долженствующего карать дерзких хулителей Его святости и правды, напр. того же Льва Толстого, провозглашающего на весь мир, что Бог есть виновник зла.

Назначение человека – вечная жизнь с Богом и в Боге (Флп.1:23); но Бог никого не примет в сожитие с Собой, кто не покается и не оставит пристрастия ко греху; «не преселится к Нему лукавнуяй, ниже пребудут беззаконницы перед очима Его» (Пс.5:5–6) говорит Псалмопевец Давид. «Кое общение света ко тьме, правде к беззаконию» (2Кор.6:14). И как мы все грешные, то все должны покаяться и грех возненавидеть и от греха отстать, греху не работать. И чтобы отстать от греха, не работать греху, мы получили от Бога всякие силы и способы: свободную волю, природный разум, одобряющую добро совесть и осуждающую зло; особенную благодать Божию в крещении и миропомазании, в покаянии и причащении; имеем благодарованный пост; умиленное, располагающее к покаянию, богослужение; живое и действенное Слово Божие; поучения пастырей; законы гражданские, содействующие правильному течению общественной жизни. Итак, Бог никого не примет к Себе со грехом. Это мы все должны твёрдо помнить; никакого гордеца, никакого неверующего, в роде Л. Толстого или толстовцев, никого преданного зависти, блуду, невоздержанию, чревоугодию и пьянству, никакого татя, лихоимца и

корыстолюбца, никого преданного смеху, ибо сказано: «горе вам смеющимся, ибо возрыдаете и восплачете» (Лк.7:25).

Тварь не иначе может существовать и благоденствовать, как соблюдая твёрдо законы Творца. Посмотри на природу, на небо, солнце, луну и звёзды, на землю, на всю тварь, как она точно соблюдает законы Творца. Лев Толстой отверг Творца и вычеркнул из русского языка слово тварь, потому, что не признаёт, что твари суть твари, сотворённые личным разумным Началом.

Верх дерзости Толстого заключается в том, что в виду близкой смерти своей он не боится Бога и суда Его и считает себя правым, как и своих учеников, и богохульству своему не полагает никакой меры; уж хулить, так хулить до конца, уж безумствовать, так безумствовать до конца! Геройство – чисто сатанинское, да ещё и в превосходной степени, ибо и сам сатана, боится Бога и трепещет уготованных ему мучений, а ученик его превзошёл и своего учителя. – Вот финал «Войны и мира» и «Анны Карениной» и прочих писаний Льва Толстого!

Какая превознесённая гордыня! Знай нашего Льва, вышедшего из логовища Ясной Поляны и крепко рыкающего не только на всю поляну, но на весь мир. Крепкая пасть; могучие нервы. И это – на краю гроба-то! А за гробом что будет? Весь ад пробудится. Все фараоны встанут и Рефаимы проснутся; все Нероны, Калигулы, Деции, Домицианы, Юлианы, – все гонители Христа и христианства, и скажут: ай, русский Лев последних времён; ты и нас далеко превзошёл: и из христиан вышел надменнейший, и лукавнейший гонитель воспитавшей тебя Матери-Церкви. Присоединись же к нам на веки и пей чашу, которую ты себе приготовил, сгорай в огне негасимом, уготованном отцу твоему, диаволу, которому ты усердно служил.

«Всяк, падый на камень, тот сокрушится, а на немже падет, сотрет его» (Мф.21:44). Нечистая волна – Толстой – приразился дерзко к несокрушимому Камню-Христу, и разлетелся вонючими брызгами, обрызгавшими зловонной грязью всех последователей его.

Последователи Толстого все неговеющие и непричащающиеся – так называемые учёные века сего –

вольнодумцы, считающие себя за сверх-человеков. Да и сам Толстой есть гнилой плод западной вольнодумной учёности. Мир во зле лежит и лаает на Бога своего.

Ученик реального училища – неверующий вследствие зачитанности Толстым. Учитель земской школы – неверующий по причине увлечения Толстым, но желающий быть верующим. Яд учения Толстого в семьях; матери и отцы плачутся на своих детей неверующих, бросивших церковь и непокоряющихся и не почитающих родителей; девушки – курсистки неверующие и воюющие за Толстого; сотрудники либеральных газет, в роде Астраханской, ополчающиеся за Толстого и ругающие нас.

Утаил еси сия от премудрых и разумных (Толстого и подобных ему писателей) и открыл еси та младенцем. Яко тако бысть благоволение перед Тобою (Мф.11:25). Горе, иже мудры в себе самих и пред собою разумны. Не обратил ли Бог премудрость мира сего в безумие (1Кор.1:20). Ибо когда мир не уразумел своею мудростью Бога в премудрости Божией, благоизволил Бог буйством проповеди спасти верующих (1Кор.1:21).

Толстой не мог познать в своей суетной мудрости Бога в премудрости Его, но совсем оглупел, при омраченности, возомнил себя мудрым, и возгордился паче всякого, глаголемого Бога или чтилища, яко же сести ему в церкви Божией, яко Богу, показуя себя, яко Бог есть, (2Фес.2:4) ибо, отвергнув Евангелие, понуждает всех верить себе, как Богу. Поймите же его вы, интеллигенты: ведь он, прежде всего, вас самих дурачит, над вами смеётся?

«Видал ли ты человека мудрого в глазах его? На глупого больше надежды, нежели на него» (Притч.26:12). Лев Толстой, всю жизнь занимаясь исключительно светской литературой, а духовной – только критически и скептически, с предвзятыми не в пользу и не в покорение Слову Божию, а в пререkanie и хуление его, не зная настояще богослужения церковного, – впал в религиозное одичание, тупость и несмыслие относительно всего духовного, по внушению диавола, пал неверием, глумлением над всем, что носит печать церковного и божественного, над всем богослужением, таинствами,

обрядами, священными одеждами (от Бога установлены в ветхом Завете).

Так и все последующие ему в неверии в истинного Бога и в Свет Христов просвещающего всякого человека грядущего в мир интеллигенты и писатели светские впали в дикость и несмыслие духовное; ибо Бог утаивает Свою премудрость от премудрых и разумных мира сего, как недостойных, и открывает её простым верующим душам.

Господи, к кому идем? Глаголы живота вечного имаши. – Нет иного имени над небесами, данного в человецех, о Нем же подобает спастись нам... (Деян.4:12). Сей есть всех Господь. Единственный источник жизни – Господь и Церковь Его!

К кому нам идти, спрашивают современные интеллигенты? К Толстому, к Толстому пойдём, и идут к нынешнему идолу – Толстому и у него, а не у Христа, из его богохульств, хитросплетений учатся жизни, хулениям на Св. Церковь и её Спасительные Таинства. – В этом я убедился сам.

(Продолжение следует).

**Со скрижалей сердца // Миссионерское обозрение.
1904 г. № 1–10. С. 1063–1072**

Скворцов В. Из личных воспоминаний о почившем епископе Ирине-Орде

В полдень 10 апреля, во время приёма просителей, внезапно угасла жизнь одного из иерархов, самых дорогих и близких духовной журналистике и нашему просвещению: в течение четверти часа не стало епископа Орловского Иринея-Орды! Смерть застала почившего, хотя и в маститой старости – 68 лет, но бодрым, в полноте сил духа, за кипучей работой, в разгаре дум и надежд... Не выдержало, разорвалось сердце незабвенного архипастыря – сердце необычайно чуткое ко всему современному выдающемуся, всю трудовую жизнь его бившееся ускоренным, порывистым темпом, вечно кипевшее от напора колоссальной энергии, от порывов живой инициативы, от самоотверженного труда во имя долга, ради вящего торжества того дела, за которое брался почивший, которое вверялось в его надёжные руки промыслом Божиим!.. Слишком много болезненных «шоков» перенесло сердце этого замечательного трудолюбца, – тяжких ударов неумолимой судьбы, которая во всю жизнь почившего, до самого последнего издыхания бередила и нервы его, и сердце своими «перекорами». А сколько почивший архипастырь Ирине-Орда на своём веку пережил этих переколов!

Сын бедного диакона малоросса, даровитый от природы, с необычайной трудоспособностью, овладевший ещё на школьной скамье тремя иностранными языками, Харисим Михайлович Орда блестяще окончил киевскую академию, – кажется, 3 магистром.

По способностям глубокого аналитического ума, умевшего с лучом ксепсиса и неумолимой критики проникать во все щели предмета, до самых потаённых его глубин, и в то же время ума боевого, смелого в своих выводах – по настойчивости в труде, по склонности к литературной и кабинетной работе, молодой магистр должен был сделаться учёным деятелем и имел все права и надежду занять в родной академии кафедру свящ. писания, но она досталась его же товарищу, покойному С. М.

Сальскому, человеку прекрасному, стяжавшему славу легендарно честного и деятельного городского головы, но никак уж не учёного. Харисима Михайловича судьба забросила в семинарию, в екатеринославскую глушь, на кафедру словесности, оттуда ему удалось перейти на любимый предмет свящ. писания в киевскую семинарию и отдаться педагогическим и научно-литературным занятиям, но жизненная колесница пошла всё-таки уже не по своей колее, с большой тряской в ухабах и рытвинах.

Счастливо устроившись семейным очагом, Харисим Михайлович рано теряет любимую подругу жизни, оставившую на его родительское попечение 4 малышей – трёх дочерей и сына. Далёкий всегда от мысли о священстве, как подвиге тяжком и неудобноносимом, по условиям пастырского быта современного духовенства, для человека с высокоразвитым чувством собственного достоинства, Харисим Михайлович однако принял священство и сделался образцовым приходским пастырем, бескорыстным требоисправителем, прекрасным проповедником, пылким апологетом прав духовенства и горячим протестантом против пришибленного положения белого духовенства, резко подчёркивая тогда свои несимпатии к монашеству. Но перекорливая судьба устрояет так, что о. Харисим Михайлович, сделавшись ректором киевской семинарии, должен был принять и монашество, по настоянию покойного митрополита Платона, любившего уловлять во мрежу иночества даровитых людей из белого вдового духовенства. Тогда же привлечён был им к иночеству и другой выдающийся киевский вдовый протоиерей, о. Илья Экземплярский, ныне архиепископ Варшавский Иероним, товарищ и сослуживец покойного епископа Ириней Орды.

С принятием иночества, с именем Ириней, о. Орда сделался строгим к себе и другим монахом и был примерным ректором, редким администратором и воспитателем, поставившим киевскую семинарию за 7 лет службы на такую высоту во всех отношениях, что это тогда положительно образцовое учебное заведение долго и после жило «Иринеевским духом и строем»... С принятием монашества и

перекоры судьбы в жизни почившего владыки как бы ожесточились. И это понятно: теперь о. Харисим – Ириней должен был вступить в большое плавание по житейскому волнующемуся морю, где плыть по течению он неумел и не мог, по самой своей натуре и всегда плыл против течения. Самым болезненным был для самолюбия почившего ударом, кажется нам, тот, когда всюду в Киеве и всеми был провозглашён и поздравлен ректор Ириней избранником на открывшуюся тогда в Киеве викар. кафедру, но волею перекорливой судьбы её занял иной, неожиданный кандидат... А затем началось странничество Ириней по епархиям – с запада (с Могилёвской кафедры) в центр (Тула), отсюда с юг (Подолия), затем на восток (Екатеринбург) и опять в центр (Орёл). Тяжки были для сердца почившего «перекоры судьбы» в Туле и Подолии! И кто не знает, как тяжёл подвиг служебного странничества вообще, а епископского в особенности!..



Ириней, Епископ Орловский. † 10 апреля 1904 г.

Зная полную тревожностей и разочарований жизнь почившего владыки, его кипучий, деятельный характер и неутомимое трудолюбие, нужно удивляться, каким образом мог дожить до лет почтенной старости этот, всю жизнь нервно изгорававший, хилый от природы, тощий организм! Благодаря,

именно, колоссальной энергии, силе духа и твёрдой воле слабый организм покойного донёс скорбную трудовую жизнь почившего до маститой старости. А какова была сила воли у почившего, можно судить по следующим фактам: владыка с 1865 года неукоснительно строго держался своего режима в житейском обиходе, ни разу не ужинал ни у себя дома, ни в гостях, не смотря ни на какие поводы, случаи и просьбы. Во время 7-летнего ректорства в Киевской семинарии, о. Ириней ежедневно (только однажды не был 2–3 дня, по болезни ноги) являлся в корпус семинарии во время первого урока и уходил, когда начинался последний урок; время он проводил или в классах, или в кабинете ректорском за журнальными корректурами, просмотром учительских рецензий на ученических работах. В перемены являлся в сборную и вёл всегда оживлённые беседы с наставниками. Покойный никогда не брал отпусков и, прожив 30 лет в Киеве, никуда не выезжал за пределы его. Тоже и во время епископства. Во всю свою жизнь покойный ни разу не был в Петербурге. Не смотря на советы друзей поехать в столицу «себя показать и людей посмотреть», он не хотел по принципу являться сюда без дела, *sua sponte* (спонтанно), дабы не показаться перед высшим начальством унижающимся, заискивающим. Наоборот, всегда жестокословно порицал подчинённых молодых учёных монахов, когда они просили на каникулы отпуск в Петербург и советовал им проводить каникулы в обителях, известных духовной жизнью иноков.

Жизнь души и характер почившего ярко отображались в тонких чертах его энергичного, умного лица и в живых, чёрных, как уголь, глазах, блиставших, как молния, то дарящей лаской, то опаляющим гневом. Нельзя было долго смотреть на эти замечательные, быстрые, острые, насквозь, казалось, пронизывающие вас глаза, и сам владыка лишь окидывал собеседника своим взором, и, подобно м. Ианникию, покойный любил смотреть «долу», как бы в глубь души свой, при этом нервно перебирал чётки; вёл разговор всегда с экспрессией, приподнятым отрывистым тоном, как бы сердясь, избирая при этом всегда живые и занимательные темы или предметы.

Будучи человеком просвещённым в широком смысле слова, начитанным, интересующимся всем выдающимся в текущей жизни, покойный владыка был в высшей степени интересным и оригинальным собеседником.

Он вёл разговор всегда в эротиматическом тоне, – вопрошая и испытывая собеседника вопросами отрицательного характера, – противопоставляя положению противника целый ряд искусственных отрицательных инстанций, – всегда тонких, часто казуистических. исчерпывающих вопрос до конца и тогда или сам он соглашался с собеседником, или последний убеждался доводами архипастыря. Таким он был как педагог и ректор, таким остался и епископом. Каким бы специалистом в своём предмете вы ни были, как бы всесторонне не знали и не преподавали своей науки, о. ректор Ириней в классе ли, или на экзамене – бывало, выкопает такой оригинальный и углубляющий дело вопрос, который вы никак не могли предусмотреть и остаётесь безответным. Молодым преподавателям приходилось изучать свой предмет и подготавливаться к классу, как школьникам, особенно по кафедре Св. писания, которого он был знатоком прямо первоклассным среди всех наших учёных экзегетов.

Экзамен по Св. писанию при ректоре был жестоким разносом и учителю, и ученикам, но последние однако любили присутствие ректора, так как он сам никогда баллов не ставил, а предоставлял свободу наставнику. О. ректор Ириней не терпел зубрёжки, ценил способности и развитие ученика, которое сейчас же сказывалось при ответах на всегда замысловатые оригинальные вопросы о. ректора. – Занимающемуся, развитому и умному ученику, как равно и всякому собеседнику – чувствовалось с о. ректором легко и интересно, и наоборот: тупому, заплесневелому уму и несведущему, отсталому, ничем не интересующемуся человеку беседа с архиереем была мукой. Такие люди чувствовали себя в присутствии еп. Ириней подавленными и им казалось, что архиерей своими испытующими и наводящими вопросами просто над ними потешается. Вот почему покойный был неприятен большинству дам провинциального бомонда, привыкших к сплетням и

пустоте; а равно не мирились с ним и те, кто мало развить из провинциальных боляр и чиновников; прямолинейную речь владыки и порывистую манеру говорить, с его казуистическими вопрошениями, также считали за выражение неуважения к ним и, конечно, не хвалили архиерея.

Умные же, сердечные люди, которых везде мало, скоро понимали преосвященного и проникались к нему глубоким уважением. Были и другие причины, почему владыку недолюбливали многие из местных юпитеров. Будучи сыном Малороссии и проведши $\frac{2}{3}$ жизни в юго-западном крае, где местное польское дворянство не властвовало над приходским духовенством, Владыка нигде не поощрял зависимости сельского духовенства от местных самодуров, и относился с большой осмотрительностью к жалобам помещиков на приходских пастырей, которые в строгом вообще архиерее в данных случаях находили скорее защитника, чем грозного судью.

Позволим передать один, известный нам, характерный эпизод, из области отношений покойного владыки к недолюбливавшему его дворянству. Однажды является к покойному архипастырю в одной из центральных губерний, помещик, знатный барин из отставных корнетов; – рекомендуется, как ревнитель благолепия церковного и ненавистник Толстого; и тут же поветствует о своём конском заводе... В конце визита барин, как бы мимоходом, заявляет преосвященному о неприятных отношениях у него с приходским священником, который не желает, между прочим, совершать церковных служб тогда, когда барин может посещать службу. Гость бесцеремонно просит переместить неуважительного священника куда-либо в другой, хотя бы и лучший приход, так как иначе он, враг толстовства, охладет к церкви Божией... Хорошо, подайте записку, опишите ваши претензии, я назначу дознание и тогда рассмотрю, как мне поступить с священником. – Как писать? Да я в жизни ни на кого не писал доносов. Я, владыка, вас прошу сделать это так, по личной моей просьбе, поверьте, владыка, я ведь ревнитель благочестия, а этот поп охлаждает... Вот я буду в Петербурге... Владыка, молча окинув

раза два своими молниеносными глазами барина-коннозаводчика, вздохнул и начал нервно перебирать чётки, скороговоркой повторяя: Господи помилуй, Господи помилуй!.. Томительная пауза...

– Вы говорите, что у вас хороший конный завод? прерывает молчание архиерей. – Да, владыка, каждый год беру призы..., охотно, заговорил знатный барин, считая неприятный вопрос о переводе священника оконченным в свою пользу. – И конюшен у вас много? – Так точно, ваше пр-во... выпалил барин, по-военному, целый залп подробностей... – И конюхи у вас хорошие? – Как же... Даётся аттестация самая похвальная. – Сами они распоряжаются, куда и какого скакуна перевести? – Нет, Боже сохрани, они мне всегда докладывают, а я уже сам хожу, осматриваю... Это дело важное, – нужно знать, в какой конюшне, какая температура, подходящая для какой лошади... – Вот, видите, – сделав болезненно-саркастическую гримасу, – с жаром заговорил архиерей – вы лошадь без рассмотрения не доверяете перевести из одного хлева в другой верным своим людям, а хотите, чтобы архиерей вам священника убрал Бог весть куда, так здорово живёшь, без рассмотрения... И затем прочитал архи-пастырскую мораль в назидание барину, как надо православному человеку жить с пастырями церкви, как влиять на них культурным людям... Барин сконфузился, снова заговорил о своей преданности церкви, православию и о ненависти к Толстовству, но уже виноватым тоном; о жалобе и забыл. Владыка обещал приехать сам в село, или же вызвать священника... Однако барину показался архиерей «невозможным» и он часто говаривал: – «какие теперь архиереи слабые стали, а вот прежде несравненно бывали строже: настоящий архиерей должен по два попа в день глотать, а диакона на закуску вечером»... Но зато сельское приниженное духовенство благословляло всегда и везде покойного владыку, как истинного архипастыря-отца, доступного, внимательного и отзывчивого на все нужды и скорби (владыка принимал во все дни и во всякие часы дня и ночи). Везде покойного духовенство считало строгим, но справедливым, вникавшим во все стороны жизни и быта духовенства. Владыку не любили и трепетали

только лентяи, люди нечистой совести и дурной жизни, упрямые, двуличные; ко всем этим почивший был действительно строг и беспощаден. Вообще же нужно сказать, что если покойного любили не многие, то уважали все.

Покойный иерарх был прежде всего *человеком дела и долга*, ради которых он не щадил прежде всего себя самого, а затем уже был требователен и к другим, сослужащим и подчинённым, но именно во имя долга службы, ради вящего преуспевания дела, которое вверено его водительству, а никак не по лицеприятию, которого, как равно и мстительности, его правдивая и благородная душа, несмотря на нервно-гневный характер, острословный язык, была чужда. – Чувствуя нанесённую, им подчинённому в пылу мимолётного гнева обиду, покойный спешил сам же первый смягчить и изгладить в душе оскорблённого горечь этой обиды, особенно в отношении слабейшего, хотя и давал жестоко почувствовать свою силу в борьбе с упорствующими равными, вместе с тем был настойчив и не отступал он от своих принципов перед сильнейшими.

Покойный всегда во всём шёл, как передовой работник, на пользу общую, – опередить его было невозможно, – поравняться трудно, а можно лишь было подражать и уважать этого неутомимого, самоотверженного, крупного деятеля и выдающего иерарха.

Не подлежит сомнению, что большую сторону нашего духовно-кастового воспитания, укоренившегося в силу исторических условий жизни и быта духовенства, составляют слабое развитие чувства или сознания собственного достоинства, наше традиционное робкое, не редко и двоедушное «самоуничижение паче гордости» перед старшими и сильными и, наоборот, без великодушия превозношение перед меньшими, а иногда и рабское лягание слабейшего... Несмотря на то, что покойный архипастырь происходил из бедной многочисленной дьяконской семьи, он владел удивительно высокоразвитым чувством собственного достоинства и чужд был указанных традиционных недостатков сословной среды. Наоборот, слабые, и угнетённые, – как, напр., сельское духовенство и, в частности, низшие клирики, а равно и

народная паства, везде благословляли имя почившего и как пастыря, и как благочинного, и как епископа. Он был в высшей степени доступен, в объяснениях прям и непосредствен, отзывчив и участлив. Благородство натуры особенно сказывалось в щепетильном отношении покойного к денежным отчётам и расчётам. После смерти покойный оставил только 8 р. Он не терпел и строго преследовал в духовенстве вымогательство с прихожан, а в консисториях взяточничество. А как пастырь, он был в высшей степени деликатный в сношениях с прихожанами по вопросам платы, за многие требы, как, напр., таинства, по принципу совсем не брал денег; будучи в сане епископа, он везде вывел обычай платы епископу за службы. В городе Туле на деньги, которые купечество представляло в распоряжение преосвященного, всякий раз за архиерейскую службу в приходских храмах, покойный открыл в городе и поставил на ноги свыше 20 церковных школ.

Пытливый, богато одарённый ум почившего иерарха, при огромной памяти и изумительном трудолюбии, – обладал чрезвычайно разнообразными и широкими сведениями в области не только богословской, но во всех, так называемых, гуманных и философских науках, так что его можно было назвать энциклопедистом, и не было такого вопроса, кажется, о котором бы он не имел сведений. За текущей не только духовной, но и светской литературой, он следил самым тщательным образом и критическим взглядом, он следил и за иностранной литературой.

По нашему мнению, главной стихией и склонностью природных дарований этого оригинального, выдающегося церковного деятеля – была журналистика, печать и, главным образом, в этой области преобладал у него публицистический талант. Если бы судьба направила деятельность почившего в это русло, то русская пресса имела бы в своей истории второго А. С. Суворина. Покойный архипастырь любил журналистику и был в ней великим мастером. Все духовные органы, попадавшие ему под редакторство, быстро преображались и расцветали; они делались жизненными, современными, а потому и интересными, и многопользными.

Покойный имел удивительное чутьё в угадывании духовных нужд читателей и запросов данного времени. Его проникновенный изобретательный ум умел отыскивать живые темы, подбирать сотрудников, угадывать таланты, вдохновлять со-работников к литературному труду и руководить. Дав сотруднику тему, покойный о. редактор следил за положением вопроса в текущей литературе, знал источники и всем этим снабжал со-работников.

Для начинающих писателей – покойный был бесценным руководителем и учителем. К числу таких, глубоко признательных и искренно чтущих память почившего иерарха-писателя, учеников по печатному делу, принадлежит и ваш покорный слуга. В 1886 г. о. ректор Ириней своим содействием перевёл меня из глухого Каменец-Подольска в Киев, и здесь-то, под деятельным руководством почившего, мы и начали своё посильное служение церкви Божией на поприще духовной журналистики, в качестве постоянного сотрудника Руковод. для с. пастыря и Церк. школы, в тоже время участвуя в нескольких других светских и духовных периодических изданиях.

С этого времени наше духовное общение с почившим, на почве интересов литературных и миссионерских, не прекращалось до самого последнего времени? Не забудем мы руководственных указаний и советов почившего мудрого кормчего издательского дела, данных нам еп. Иринеем при начале издания «Мисс. Обзор.», как относительно программы журнала, так и его направления! С отеческой любовью и радостью всегда следил владыка за ростом нашего журнала. Оговоримся, что, на почве служебной, вашему покорному слуге более, м. б., чем другим сослуживцам покойного приходилось испивать чашу горечи от строгого и требовательного ректора, заставлявшего и меня, молодого тогда и неопытного наставника, работать, как говорится, во всю, но горечь эту всегда умеряло во мне сознание того, что требовательность эта была во имя долга службы, ради пользы учебного дела и учащегося юношества.

6 апреля я писал покойному такие строки: «возвращаясь с юга около 10–12 апреля, я хотел бы приостановиться в Орле на

несколько часов, дабы повидаться с вами, дорогой владыка, побеседовать с своим незабвенным руководителем первых моих журнально-литературных и издательских шагов, да боюсь, служебные обязанности и расклеившееся здоровье не позволят, однако, всячески потщусь»... Выехавши 12 апреля из Крыма с решительным намерением посетить старца-архипастыря, в Симферополе среди газетных телеграмм увидел лаконическое сообщение: «Орел. 10 апреля скоропостижно скончался епископ Ириней». Молитвенно пожелав почившему иерарху «Царствия Божия», – я подумал: какая неожиданность, какая тяжкая утрата для церкви и духовного просвещения! Скончался один из последних могижан – питомцев старой, строгостильной киевской богословской учёности, на веки успокоился неутомимый труженик на пользу церкви и просвещения! Человек предполагает, а Бог располагает!.. Вот вам и беседа, и свидание! Теперь уж увидимся не здесь, – «в юдоли плача и скорбей», а там, «в стране иной, идеже несть печаль и воздыхание», – которое так часто, среди даже благодушия, вырывалось из груди преосвященного Ириней, как будто её давил тяжёлый камень!..

В Орле мы теперь не остановились, но на пути слышали прискорбные разговоры орлян, как орловское городское духовенство мало выразило почтительной скорби, по поводу утраты столь выдающего архипастыря нашей церкви. Не выразилось ни скорби, ни должной оценки заслуг почившего и в епархиальных органах, а равно и в других, так много обязанных своим расцветом руководительству и заботам почившего архипастыря. Некрологи не пошли дальше сухой формулярной выписки, а «Тульские Епар. Вед.» сочли достаточным ограничиться перепечаткой заметки светской газеты... в одну страницу. *Sit transit gloria mundi!*³⁴² Сапог ещё не износили..., а уже забыли всё...

О, люди, люди, как вы неблагодарны и злонравны! Неужели перед «очима вашими» оказались незаслуживающими внимания труды целой жизни человека, оставившего вам и детям вашим сокровища, которых «ни тля не тлит, ни молие не поедает»! Ведь одни печатные просветительные, проповеднические,

журнальные и литературные труды почившего иерарха составляют огромный вклад и увековечивают имя еп. Иринея в истории нашего духовного просвещения, не говоря о других заслугах покойного, который всего себя и всю трудовую жизнь отдал долгу и делу и, как самоотверженный деятель, он умер с словами заботы не о себе, а о других: рассказывают, что в то время, когда смерть уже занесла свою косу над сердцем епископа, он спросил беседовавшего с ним священника: «а все ли мною довольны»?.. Ведь этот предсмертный вопрос в сущности был мукой всей жизни благородной души честного, делового человека, страдавшего к несчастью природной гневливостью и раздражительностью и тем невольно наживавшего врагов и недоброжелателей и слишком много через то терявшего лично для себя во всю свою жизнь!

Но люди, будучи злы, всегда больше помнят зло, чем добро и, поправ заветы Христа, воздают за добро злом! – Но Ты, Сердеведче, Всеблагий Господи, веси вся и, по великой Своей милости, сторицею воздай «в день он» своему блатому и верному рабу, сугубо приумножившему данные Тобою таланты, во славу Твою и на пользу Св. церкви, – новопреставленному епископу Иринею!

В. Скворцов

**№ 4. Особое приложение к жур. „Миссионерски
Обозрение“. кн. № 8 // Миссионерское обозрение.
1904 г. № 1–10. (Приложение) С. 73–96**

Вести о Русско-японской войне.

I.

Платонов А. Влияние Русско-Японской войны на нравственное самосознание русского гражданина
343. С. 73–86

„Золото, золото – сердце народное!“

То не сказка перед нами свершается, то не сон с его чарами видится... тут сама правда Божия чуется, то – заря новой жизни занимается.

„Ты взойди, заря!“

Снова взвился в облаках, снова полетел по поднебесью двуглавый русский хранитель, мощный красавец орёл святорусский. Захлопал он своими могучими крыльями, забил он свою боевую тревогу. Встрепенулась матушка Русь, пробудилась спавшая красавица, проснулся от тяжёлого сна богатырь-молодец. И вскочил тот богатырь на свои резвые ноги, тряхнул он своими кудрями прекрасными да плечами могучими, в миг один он в дороженьку собрался, снарядился и помчался без оглядки врага бить, супостата желтолицего колотить.

„Ты взойди, заря!“

А двуглавый орёл свою работушку не оставляет... Он вьётся по поднебесью и своими крылами тучи мрачные разгоняет, те тучи, что повисли над землёй святорусской, заслонили от ней Божией правды лучи. И увидела Русь: снова брезжит свет. И вздохнула она, как один человек, и воскликнуло от радости русское сердце:

„Ты взойди, заря!“

Чем-то новым, бодрящим, необыкновенно радостным и светлым, всего тебя захватывающим, повеяло, господа, от нашей, прежде унылой, серенькой жизни, от нашего, теперь приподнятого, настроения. Нам всем известно, что война – зло и великое бедствие в судьбах человеческой истории. Но мы знаем и то, что пути Божьего Промысла неисповедимы, как и то, что Господь и камень претворяет в воду, и из мрака воздвигает свет миру и людям. И если мы теперь ставим перед своим сознанием роковое: «быть или не быть», то не забудем и других великих слов Гамлета: «есть Божество, ведущее нас к цели»»...

Тяжелы нами переживаемые минуты... Но и под слоем этой военной тяготы уже стал пробиваться сильный росток новой жизни, и под мраком горя и слёз засияли лучи светлой, чисто юношеской радости. Военный меч оказался обоюдоострым. Одним концом он ранил прекрасное русское сердце, а другим – пробил сильную брешь в русской, злом омрачённой, душе, и шевельнул начинавшее засыпать добро русской народной совести. – Посильная обрисовка этого доброго влияния первых моментов начавшейся военной тревоги и составляет задачу настоящего, предлагаемого вашему благосклонному вниманию, реферата³⁴⁴.

I.

Смутные дни переживала Россия в последнее время перед началом войны. Точно самая мрачная свинцовая туча повисла над нашей землёй и закрыла собой яркое солнце. Воцарился мрак, легла густая тьма. Общество, по справедливому замечанию одного героя современного рассказа Вагнера, стало «бродить в потёмках», сбилось с пути, проторённого истиной всех веков, запуталось в непроходимых дебрях. И чем более мы прилагали собственных усилий, чтобы в этих потёмках найти правду жизни и счастье сердца, тем всё более и более запутывались в своих исканиях, глубже и глубже забирались в мрачную чащу, сильнее и сильнее убеждались, что поиски наши тщетны. Точно обманчивые призраки, Шекспировские ведьмы, могильные тени и привидения водили нас из стороны в сторону, направляя нас на край зияющей бездны. Порой мы слышали призывные звуки, звавшие нас к правде истинной и истине правдивой. И сквозь тучи прорывался порой яркий солнечный сноп действительного света. «Идите сюда, в эту световую полосу!» – говорил нам тоскующий о нас голос правды. «Идти к тебе, с твоей опекой над свободным умом и чувством? О, нет, нам лучше быть в дебрях, но только иметь свободу», слышала правда наш ответ. А «бесы разны», «будто листья в ноябре», продолжали «кружиться», «надрывая сердце» «визгом, хохотом и воем» своим. Нельзя, конечно, отрицать того, что и в прошлом нами делалось кое-что для созидания правды: и тогда копошился наш русский муравейник. Но думаю, что не ошибусь,

если скажу, что настоящего, бодрого, жизненного воскресения русской души не было и что на ряду с кротким ангелом неба, являвшимся взорам русского сердца и нёсшим последнему добро и мир совести, вторгался часто в народное святилище злобный демон, принимавший на себя вид ангела светлого и под видом добра нёсший нам свою злобу, свой злостный мятеж³⁴⁵. В самом деле, где же был этот подъём и это воскресение, о котором не далее, как в истекшем году, так игриво звонила и пела на разные лады наша периодическая печать? Неужели – там, где искали идеалов без Бога, неба без помощи неба, прогресса без высшей Зиждительной силы? Вспомните: ведь мы восхваляли свою интеллигентность, своё благородство, свою чуткость, своё милосердие, всё своё и своё, и так до конца, до последней частицы своего внутреннего содержания. Мы хотели, чтобы у нас было всё только своё и ничего – Божьего, ничего благодатного, подаваемого свыше от Отца света, истины, радости и здорового духовно-нравственного роста. Где же, повторяю, было наше воскресение? Неужели там, где русская совесть, сохранившая свою привязанность к вере, с отчаянием спрашивала: да можно ли спастись в наше, полное зла и порока, время?³⁴⁶ где даже такая либеральная газета, как «Россия», вместе с Амфитеатовым (известным публицистом) заявляла, что «мы не живём по Христу?»³⁴⁷, – где такой великий христианский философ, как покойный Соловьев, наблюдая современное богоотступничество, сделал такой полный страшной жизненной правды вывод: «Магистраль всемирной истории окончена, идей больше нет, христианства нет»? ³⁴⁸ Допустим, что вопрошавший христианин ставил вопрос нервно. Но откуда эта нервозность? Не выросла ли она на почве грустной и грязной действительности? Пусть и итог «России» будет больше всей совокупности отдельных номеров подмеченных ею явлений, а сумма Соловьева пусть и не совпадает с суммой слагаемых. Но разве этих номеров и слагаемых было мало? и разве они не располагали к выводам, полным ужаса и отчаяния? Не забудем, что, по русской пословице, «без Бога – ни до порога». И раз мы стали думать, что без Бога мы обойдём и перешагнём все пороги и препоны на

пути нашего культурного развития, то история наша должна была пойти и действительно пошла по наклону, а народное самосознание – к вырождению.

Вот главные штрихи на картине нашего общественного настроения и результаты психопатии, начинавшей распространяться, подобно эпидемии, в русском обществе.

Конечно, печатно и в аудиториях мы не доходили до таких цинично-откровенных и в тоже время смешных заявлений, как то, которое сделал недавно Бриссон во Франции, с развязностью французского легкомыслия громко сказавший: «я – личный враг Христа». Но частичка, и не малая, бриссоновской пошлости сидела и в нас. В самом деле, не у нас ли прежнее сознание духовной нищеты, былая слёзная мольба о помощи к Богу и Животворящему Духу были признаны немодными и были отвергнуты, как нечто недостойное человеческой природы, которая, как мы стали признавать вместе с Ницше должна отличаться активным, а точнее говоря: боевым, нахально-зверским характером? Не мы ли на место кроткого Христа начали ставить новые образцы, новых путеводителей жизни? Мы разве стеснялись говорить о банкротстве, которое в наших глазах превращалось в устаревшую практическую проделку? Не мы ли в своей злобе кричали: «долгой церкви! долгой попов!» Мы даже не стеснялись решать вопросы веры и церкви за «зелёными рюмками», как профессор Грязев и Булашев в «Исповедниках» Боборыкина; даже на страницах печати говорить: и о том, что только мы, а не церковь, понимаем смысл христианской любви и идею свободы совести, защищая с Толстым и Стаховичем разнузданных сектантов, в том числе и штундистов – этот авангард иностранной армии, мирно завоёвывающей русскую землю; и о том, что церковь, по словам СПб. Ведомостей, снова развела свои, неизвестно где ими открытые, костры для еретиков; что её догматы – это, по словам Мережковского и К°, хомуты, ярмо окаменелости, кандалы, убивающие религиозную мысль, археологические раритеты, никому и ни на что ненужные, при существовании догмата обожания нами своего эгоистического и пропитанного эстетикой разнузданности самовлюблённого «я», что небесная

благодать – это, по суду российских культуртрегеров, досужая фантазия на тему о потустороннем мире, никому неизвестном настолько, чтобы можно было проверить его существование пробой, взятой нами из зоологии, науки о животных, т. е. прикосновением нашего тельца, осязательным ощущением; что православное богослужение некрасиво, неприятно, уныло и не может выдержать сравнения с пением душу захватывающего культа Мережковского, служения сладострастному Дионису и вечно весёлому Вакху; что подвижничество – это, по решению, принятому «Русской Мыслью» и «Новым Путём», не более, как зловещий симптом нервности: лучше-де срывать цветы удовольствия: тут дело, по крайней мере, здоровьем пахнет; что церковь, – по заявлению авторов прокламаций, безобразное сборище «дармоедов» и «обирал», составивших «скоп», чтоб «морочить» людей, не смотря на всю громадность и величие церковной твердыни, на всю великость того нравственного утешения, которое несёт церковь всем труждающимся и обременённым; не смотря, далее, и на то, что у нас самих «в наших устах была фраза, в наших поступках – ложь», что мы «то потихоньку обкрадывали казну, то также втихомолку, а то и открыто громили банки, то надували своих доверителей» и т. п.³⁴⁹ Наконец мы объявили, что церковное христианство – миф, а не история, ребяческая сказка, а не жизненное учение с его точными понятиями, средневековая рухлядь, а не полезное для жизни творение Божие. А так как мысли пошлине не подлежат, пускать их без узды заманчиво, а эффекты производить ещё интереснее, то мы решили в том же направлении идти дальше и добраться до Геркулесовых столбов. Вот вам выдержка из одного современного, «хулигански» настроенного по отношению к церкви, журнала: «Христос в глубине плоти, загрязнённой грязью первородного греха, обрёл чистую воду святой плоти и крови, в которую и облёкся, преодолев отвращение к грехам нашим любовью своею... И Розанов, преодолев отвращение ради возлюбленной темы своей – святости пола, принял на лицо своё всю скопившуюся здесь вековую смрадную грязь. В этом сила его любви к спасаемому им свету»³⁵⁰. Христос и какой-то Розанов!.. Вот высшая точка нашего кощунства: мы

смешали небесное с земным, заменив последним первое, и стали верить всему и всем, только не евангелию и церкви, прислушиваться ко всему, что только говорит о религии мода: летать, подобно мотылькам, за каждым новым огоньком, сжигая на нём свою святыню, свои заветные думы и убеждения...

Но этого мало и это ещё не всё.

Областью религиозного сознания начинавшая накапливаться грязь не ограничилась. Общий историко-психологический закон, что с загрязнением религиозной мысли всегда начинает мутиться и нравственное сознание в человечестве. Действие этого закона проявлялось и в нашей жизни, и притом в крайне уродливых и зловещих формах, настолько возмутительных, что часто приходилось становиться в тупик перед мыслью о том, да за что же мы слывём интеллигентами? и откуда эти похвалы нашей интеллигентности? Ведь слово интеллигент по словопроизводству и по существу обозначает человека разумного и понимающего всё здраво. Но было ли у нас это разумение? ведь мы часто не понимали ни своей истинно человеческой природы, ни своего высшего и главного призвания; в нас не было даже той прославленной деликатности, которой мы так любили хвалиться. Говоря всякому встречному на улице: «виноват», «простите», приучившись с мужиком обращаться на «вы», мы в тоже время, притворно жалея, например, церковь во всех её злоключениях и страданиях, злорадствовали при всяком удобном случае, который хоть немного набрасывал тень на церковных деятелей, и указывая с насмешкой пальцем на церковные сферы, говорили: «да, сколько здесь любопытных картин и в бытовом и в психологическом отношениях! да, это настоящий зверинец»... забывая при этом кандидатуру своих инстинктов в это последнее, действительно, интересное учреждение, населённое и толстокожими слонами, которых ничем не пробьёшь, и дикими хищными зверями, и днём при солнечном свете ничего не видящими совами, и т. д. и т. д. Да, страшная муть осела в нашем общественно-нравственном сознании. В самом деле, что за идеалы мы проповедовали и проводили в жизнь? и что за нравственная атмосфера, которой мы дышали?

Как-то страшно порой говорить о наших современных идеалах. Когда начинаешь о них толковать печатно или в дружеской беседе, то в ответ часто получаешь такое замечание, что этих идеалов и касаться нельзя; что на них, как говорят, и пробу то нельзя отчеканить: так они будто бы высоки и недостижимы для оценки. Но как это ни страшно, попытаемся взобраться на эту высоту, снять с неё фотографическую копию и получше рассмотреть эти «сверхпробные» идеалы.

На своей фотографии я вижу прежде всего всеми отрицаемого, но вместе с тем на каждом шагу воспроизводимого в костюме модной парижской мастерской первобытного дикаря, с его свободным, непринуждённо развязным и вольным размахом в культе борьбы за существование. А вот и его сын, «пошедший дальше» своего отца, уже делающий свою блестящую карьеру; и при всей своей отвратительности и уродстве, завоевавший себе громадные симпатии. Это ницшеанский сверхчеловек, имеющий в себе столько же истинно человеческого, сколько в полном безумии и кровожадности бывает здравого ума и человеческой любви. Думается, что наше нравственно-эстетическое настроение – прекрасная копия этих двух эгоистов и мятежников, воровски к нам забравшихся и так уютно расположившихся в нашем святилище. Эти бунтари-мятежники успели уже всюду побывать. Подогреваемые эгоизмом и жаждой сильных ощущений, они всюду проникали, на всё успевали наложить свою руку, всюду оставить свои следы и печать. Прокатившись по Руси и увидев кротость русского богоносного сердца, они закричали, что всё русское плохо, грязно и некультурно. Напитавшись досыта, до мозга костей, отбросами западной цивилизации, они привезли к нам оттуда, с Запада, страшную алчность, компромисс, сделку с совестью и интриганство, так что заставили одного нашего публициста в целой статье доказывать, что без правды жить нельзя и что правда нужна и теперь³⁵¹. Проникнув на фабрики и заводы, они заставили рабочего, часто получающего большее материальное обеспечение, чем университет, кричать спьяна, что ему жить нечем, что он желает меньше трудиться и больше получать денег. Они залезли и в семью и здесь произвели свою

опустошительную работу. Они внушили отцам и матерям взгляд на семейный очаг, как на среду только чувственности и хорошее средство для лжи, обмана и лицемерия. Они заставили отцов преобразовывать детей, перевоспитывать их по новым западным образцам. Под их влиянием отцы взбунтовались против своих святых родительских прав и забот. И если Спенсер совершенно справедливо говорил об англичанах, что они гораздо более заботятся о том, чтобы откармливать свиней, нежели о нравственном воспитании детей³⁵², то, ведь, думается, его слова не менее стали приложимы и к нам. И вот вам результаты бунта отцов против своих родительских, Богом данных, обязанностей. Руки наших детей стали несравненно искуснее бегать по клавишам музыкальных инструментов, чем умело и благоговейно складываться для крестного знамения: их уста стали лучше произносить, а память знать больше романсов и опереточных арий, нежели святых молитв и песнопений; в детях наших развилась склонность к пустым словам и ярко освещённым театральным и танцевальным залам больше, нежели к безмолвной молитве при свете души умиротворяющих лучей лампы или среди торжественного освещения Святых Божиих храмов; наши дети стали отворачиваться с презрением от «фолиантов», излагающих идеи вечного спасения, и скорее наслаждаться цветами порнографического искусства и литературы; от детей мы часто стали слышать всё резче и настойчивее заявляемое: «я так хочу», и убеждаться, что они не хотят знать ни Божеского, ни родительского авторитета и уже успели созреть в той мысли, что душа дёшева, а только деньги дороги. Повторилась грустная сказка о грушах на осине. Мы вырастили груши – «сочные, большие, ну, словно золотые! на взгляд – ну, что твоя малина! Да есть нельзя. А что? да горьки, как осина». – Из семьи зараза проникла и в школу. Учащуюся молодёжь стали всё более и более в последнее время обвинять в нежелании знать здравый смысл, считаться с законами совести, правилами чести. Прочитайте наделавшую столько шума книгу Гегидзе...

Опустошительная буря коснулась и других «малых сих», простого, низшего народного класса. Решив, что пора, когда нас

били и колотили внешние враги, давно миновала; что прошло и время самооплевания, начавшегося со времени реформ Петра Великого; что парижский фрак на нас сидит хорошо; что европейскими побрякушками мы обзавелись в достаточном количестве, – мы, приняв шутовство за серьёзное дело, на некоторое время остановились на том, что нам остаётся только глядеться в зеркало и любоваться своими достоинствами. Но социальный инстинкт в нас оказался настолько сильным, что мы, самовлюблённые эгоисты, приняли на себя роль каких-то новых пророков, одержимых сильнейшим зудом пропаганды «новых» идей и «новых» начал жизни. Самооплевание мы решили заменить оплеванием народной святыни, почувствовав, что мы уже вполне развиты: что наше детство с его лозой пройдено; что юношеская неудовлетворённость собой осталась позади; что мы уже вступили в пору зрелости; что мы способны критиковать всё окружающее и показывать лицом наш товар ещё неопытному и незрелому потребителю; что наша задача вообще заключается в том, чтобы «по своему» просветить народ. А для этого мы и стали создавать за чашками кофе всевозможные проекты и просветительные теории. Самая главная наша теория гласила: наш народ – это несчастный негр из «Хижины дяди Тома» (чит. напр., «Исповедников» Боборыкина); он живёт в страшном духовном рабстве; всё содержание его души никуда негодно; поэтому надо вытравить в неё всё, чем она живёт, оставить в ней Торричеллиеву пустоту, соскоблить с неё всё её содержание, оставить чистую дощечку и расписывать по этой дощечке новые узоры, – поступить, одним словом, с народной богоносной душой точь-в-точь так, как поступил с жемчужиной крыловский петух, и затем закопать эту жемчужину в навоз лжи, порока, неверия и демонизма³⁵³.

Но куда общество, туда и печать – это зеркало общественного настроения. В самом деле, загляните в страницы той громадной книги, которая именуется громким титулом «периодической прессы» и завоевала себе положение «шестой великой державы». Посмотрите, чем здесь занимались, какими подвигами здесь прославлялись... Пустословие, трескучая фраза, разврат, а главное – богоотступничество и страшное,

бесстыдное богохульство – вот те красоты, которые всё чаще и чаще становилось возможным наблюдать, путешествуя по этой великой державе. В ней вам нередко нельзя было найти ни дисциплины воли, ни дисциплины мысли. При виде её невольно вспоминалась одна детская республика в Америке, о которой в своё время так много писали... но и там было больше любви и порядка... А здесь, в шестой могучей державе, вы могли натолкнуться и на мальчишеское забрасывание камнями несокрушимой церковной твердыни, и на целые фонтаны помоев, выливавшихся из затхлого литературного омуты на народное «святое святых». Тут появились и свои политиканы, и свои незваные «блюстители порядка», и гонители честно сказанного, правдивого слова, и целые фирмы с неистощимым запасом порнографии³⁵⁴, и циники «с начинкой»³⁵⁵, и рекламированные хулиганы, наслаждавшиеся низостью изображаемых ими явлений³⁵⁶. Здесь, говоря языком Тургенева, стало появляться столько «литературных прыщей», что становилось невольно жутко и больно за нашу загрязняющуюся литературу, всё более и более роднившуюся с той литературой «из-за угла», которая по достоинству заслужила название «подпольной». В довершение всего печать стала под ружьё, направила свой острый штык против всего, что веками и страданьем, кровью и потом создано и приобретено мученицей-Русью, и при громком «ура» создала памятник Ренану в лице журнала «Новый Путь» и его К°.

Такова была в кратких чертах деятельность застрельщиков борьбы за существование, поклонников «сверхчеловеческого», материализмом пропитанного и чувственностью сдобренного нашего эгоизма. А вот и результаты этой деятельности, этой демонической работы.

Борьба, вечная погоня за новыми и новыми средствами к победе... сколько она вытравила в нас здоровых и светлых чувств, добрых желаний и стремлений! Всюду стали широкой волной разливаться ложь, клевета и лицемерие, в корне начинавшие подтачивать наш народный организм.

„Теперь не до того, что славно, что велико,
Илоту пьяному иль буйному рабу!

Не помнящим родства родное слово дико,
Любовь – и та влечёт неравную борьбу!
О, цепи лживых слов, подделанных понятий,
Неискренности мгла, царящая вокруг!
Иуда, чужакам распродающий братии,
Увенчан лаврами, как витязь или друг”.
(Мирный труд 1904, № 1, отд. 11, стр. 49).

Вот бессмертные слова великого борца за правду, недавно почившего Величко. Вдумайтесь в них: сколько тут сквозит горькой правды о нашей жизни!..

Но и этого мало. Проникшись ложью, мы переставали уже отличать правую руку от левой, добро от зла, правду от лжи. Всё-то у нас по-спуталось, всё-то у нас по-смешалось. Вот «хлам», который мы собрали в своих «амбарах»:

То здесь валяются, то там
Куски стыда, обрывки чести...
Остатки дружбы вековой,
Лоскут отрадного раздолья,
Клочки весёлости былой,
Любовь, изъеденная молью...
Линючей совести – частица,
Продажных мнений – вороха
И слова честного – крупица.
А где-то там, в сыром углу,
Вдали на самом заднем плане,
Кусочек правды на полу
Лежит, завёрнутый в обмане”.

Не понимая себя, мы ещё менее стали понимать друг друга, всё более и более терять нравственную чуткость, доверие к людям, уважение к чужому честно сказанному слову, искренно выраженному мнению. Повторилось, – только в другом, конечно, виде, – Вавилонское столпотворение, смешение языков, за которыми не замедлил последовать и повториться общественно-нравственный разброд. «Что за люди! что за разговоры! что за жалкая болтовня!» восклицает один из героев «Исповедников» Боборыкина, и прибавляет: «везде разброд, повальное ренегатство, потакательство всякой блажи,

трусливой апатии, мистическому и декадентскому юродству»... Даже крестьянин, и тот заговорил, что настали весьма «сомнительные времена»...

Много зла натворила промчавшаяся буря, много пустых орехов посеял в нашей жизни пронёсшийся ураган, но не меньше принесли они с собой страданий и горя: много трещин они поделали в нашем народном дереве и заставили его сильно болеть. В самом деле, это «постыдное равнодушие к добру и злу»; эти громкие успехи волков в овечьей шкуре: разных Струве и авторов бесшабашных «прокламаций»; это ожесточённое упорство Крыловской героини неблагодарной, подрывавшей корни царственного дуба России; этот культ чувственности, вынесенный его жрецами на улицу, на прилавки и за витрины наших магазинов даже в наших столицах, не исключая и столицы Кавказа; это с поразительной быстротой получившее право гражданства влияние уroda-декадента, уморительную фигуру и циничные сальто-мортале которого мы стали встречать овациями и нашими распростёртыми объятиями; это возмутительное хулиганство, распространившееся «от хладных волн Невы до пламенной Колхиды»; эта безбожная борьба всех друг против друга; эти тысячи самоубийств, эти красноречивые в своей краткости предсмертные записки, оставляемые самоубийцами: «не стоит жить» – разве всё это не зловещие симптомы начинавшей одолевать нас болезни, злостного, хотя, правда, и неокончательного банкротства наших сил? О, какую великую и полную потрясающего трагизма поэму написал бы теперь Гоголь о новых «мёртвых душах»!.. Но, думалось с другой стороны, что же будет дальше? чем и когда разрешатся эти стоны? эти мучения? эта тоска жизни? это вечное недовольство? эта ужасная, убийственная эпидемия? когда же, когда, – настойчиво возникал вопрос, – вновь засияет над русской землёй яркое солнышко с его радостью и светом?..

Чувствовалось, что жить становится страшно, что так идти дальше нельзя, что спёртый воздух может нас задушить...

II.

И только вера в доброе народное сердце и сознание того, что вся эта грязь не наша, что она насильно нам навязана с Запада, что она в существе дела ненавистна нашему народу заставляли надеяться на наше светлое будущее, на то, что народ очистит покаянием свою душу; снимет с чистой струи своей жизни всю эту муть, всю эту накипь; снова грянет свою молодецкую песню, наполнит свои светлые очи весельем, душу «отрадным раздольем». В самом деле, сколько добра, какая великая совесть хранится в глубине нашего народного сознания! Посмотрите, господа, на эти умилённые толпы, наполняющие всегда наши храмы, чутко внимающие словам святой любви и правды, несущие свою последнюю лепту на дело Божие, за сотни и тысячи вёрст ходящие «святой святыне поклониться»; на эти, привлекающие громадные симпатии наши религиозные братства, так называемые христианские содружества учащейся молодёжи; на это народное милосердие, устраивающее приюты и покои для бедных, несчастных, обездоленных и обойдённых жизнью и т. д. и т. д. Невозможно и перечесть всего этого добра, исчерпать богатый родник чистых волн народной жизни: тут ведь целый океан духовной мощи, нравственной силы! Да, необъятно ты, русское сердце! Прекрасна ты, святая Русь!»! Какая ты великая по природе христианка!

И вот почему при одном взгляде на русскую душу невольно вспоминались слова поэта:

„Да, да, Россия дорогая!
Ты будешь дивною страной.
В тебе течёт, не иссякая,
Духовных сил родник живой,
Родник поросший и сокрытый,
Но в недрах чистый, как алмаз,
И будет день, когда открыто
Заблещет он, пленяя нас.
Тогда увидит мир богатства
Духовной юности твоей“.³⁵⁷

Можно ли было после этого ожидать, что наше народное самосознание на веки заснёт, даст место у себя измене и

смерти? что оно рано или поздно не заставит замолчать и прекратить свою работу засевших в русской земле хищников?..

Но, скажут, разве народ не видел, как

„Шкурой овечьей враг прикрывается,

Сеет вражду меж детей и отцов.

Хам над святыней родной издевается,

Пьёт безнаказанно русскую кровь“?³⁵⁸

Так почему же народ после этого не возмущался, не закрывал уста продажным и наглым крикунам, сеявшим смуты и обиду? Да, ответим, народ всё видел, а видя, и не мало возмущался. Но в этом и горе его было, что он был через чур терпелив и что шум мятежников и развратителей народной воли был подобен шуму великих вод, заглушал собой слово народной правды, своей наглостью заставлял содрогаться от ужаса русскую честную мысль. Горькое время переживал православный и искренний русский человек, которого за всякое слово правды, высказанное, напр., в печати, объявляли «шпионом», а его речь – «доносом». Вот вам этот страдальческий крик однако недавно почившего защитника русской души:

„Когда поруганы заветные святыни

То скотски-жадною, то злобною толпой

Средь мутных волн её тяжеле, чем в пустыне,

Идти на зов мечты тернистою тропой“³⁵⁹...

Народ бросался, но уставал вести борьбу; ослабевал в неравном поединке. И это тем более, что духовные мятежники порой торжествовали и получали ещё большую возможность издеваться над народной душой.

* * *

Но понимали ли вы, смутители русской совести, всю трагедию вашего положения? Неужели в ваших сновидениях вам грезилось ваше полное торжество? если да, то как вы были близоруки?! неужели вы не слышали, что устами поэта говорила, на время несколько приунывшая, душа русского гражданина:

„Напрасно хулители

Мнят оскорбить нас своею гордынею,

На берег вскоре мы, волн победители.
Выйдем торжественно с нашей святынею,
Верх над конечным возьмёт бесконечное,
Верю в наше святое значение
Мы же возбудим течение встречное,
Против течения“³⁶⁰.

Наше Самосознание, ведь, требовало только сильного толчка для проявления своей силы, своей мощи, своей красоты. Тот толчок и не замедлил явиться.

И стало сбываться вещее слово поэта...

Грянул сам Божеский призыв... и встрепелось сердце русского гражданина.

Япония, посягнувшая раз на то, чтобы сразить будущую главу русского организма, теперь впиалась своими «паганскими» когтями в прекрасное русское тело. Мы думали, что мы неуязвимы в своём величии и гордости, что мы и дальше будем добиваться всех жизненных успехов только своими силами. «Смирись, гордый человек»! услышали мы с неба, – молись! Зови Господню силу, святую Божию помощь! Проникнись святой правдой жизни!..

И понял все наш русский гражданин...

Поднялась русская шашка, протянулась вперёд русская десница, – осенил себя святым Божиим крестом добрый русский народ. Закрестились все, даже и те, что отвыкли молиться. Исчезла жалкая толпа с её «настроением вампира и демона» и выросла на месте той толпы стройная, великая и могучая рать, коленопреклонённая, молящаяся, с твёрдой решимостью во имя Бога и счастья родины отдать в жертву любви все свои силы, все свои сокровища. Загорелся на Руси великий костёр. И понесла к тому костру русская громада сжигать своё новое языческое идолище поганое – свой мятежный эгоизм. Жертва за жертвой, отречение за отречением... Какая дивная картина! А эта сплочённость, это единение, эта рука, протянувшаяся для примиренья, эта забытая вражда, этот быстрый рост партии порядка, общенародный взрыв патриотизма, эта серьёзность и очищающее сердце страдание вместо смеха и легкомыслия!.. Вспомнил народ, что всякая беда за неправду посылается. И

покаялось русское сердце и запело оно новую песню, песнь торжествующей любви к Богу, Царю и страдающей родине. Помолодела от той любви русская душа, засияла она своей вечной красотой, наполнившей своим ароматом затхлую атмосферу. Исчез «буревестник», услышав крик народной громады; испугался он нового дня, «одним взмахом народной воли» съёжился, «согнулся в три погибели» и полетел без оглядки в свою бездну. Не вынес он там, под тучами, напора крыльев могучего орла и исчез с расчищающейся небесной лазури. И только там, где-то вдали, глухо слышится его злобное карканье, которому внимают одни ведьмы Макбета, злые на то, что им не удалось своими льстивыми речами сгубить великий русский народ...

А двуглавый орёл свою работушку тем временем не оставляет. Он всё вьётся и вьётся по поднебесью, и своими крылами всё гонит и гонит с русского неба те тучи, что закрыли от нас Божией правды лучи. И ещё виднее становится Божий свет и ещё радостнее бьётся русское сердце, посылая привет восходящей заре.

«Золото, золото – сердце народное»!..

Грузинский епархиальный миссионер *Александр Платонов*

«Сим победиши». С. 86–88

Тюренченский сухопутный бой и последнее отражение японских брандеров у Порт-Артура дали новое свидетельство превосходства русского духа, русской стойкости перед японской дикой, безумной отвагой.

Наши борются под Тюренченом с противником вдесятеро сильнейшим, борются, как их предки времён Святославовых, но уже под знаменем Креста, этого символа христианства. Победный Крест этот сияет в руках неустрашимого пастыря, идущего с ним в атаку, в челе полка, окружённого полчищем нападающих язычников. И Крест этот, здесь, в эту навсегда памятную минуту, знаменует победу духа.

«Ляжем костьми, бо мертвые сраму не имут», говорил Святослав-язычник. *«Больше сея любви никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя»*, говорил Христос-Спаситель.

«За други своя», а не за себя самим ложимся мы костьми; так и Тюренченский отряд, несомненно, жертвовал собой, чтобы спасти товарищей. Одни части прикрывали отступление других; другие, уже окружённые, пробивались штыками, спасая знамёна и *пытаясь спасти* орудия. Вот эти-то орудия, отдать которые врагу без упорного боя считается позором, вероятно и приковали наш доблестный отряд долее, чем следовало, к позиции, а также необходимость обеспечить отступление своих.

Японцы выставили против нас какие-то особо смертоносные орудия «Аризама», которые привели, вероятно, наши лёгкие батареи в полную невозможность сняться с позиции, а местность не давала увезти их на руках. А наша доблестная пехота, – помня свой долг, помня заветы Суворова и Драгомирова: *«Сам погибай, а товарища выручай»*, – до последней возможности отстаивала свою святыню – свои пушки. Пушка в батарее – всё равно, что знамя для пехотинца, что штандарт для кавалериста. На пушке присягают новобранцы, как на знамени, и потому пушка в нашей армии – такая же святыня, как знамя. Наши войска на Тюренчене не

жалели своих жизней, своей крови, – во имя высшего идеала, во имя сохранения своих батарей, разбитых, перекалеченных могущественной осадной артиллерией врага.

И вот эти-то идеальные воины, – воистину подобные крестоносцам, – почти безнадежно бьются один против десяти, только во имя идеальной цели, – отстоять своих братьев-артиллеристов и свои орудия. Пусть этот бой неудачен, пусть велики наши потери, пусть даже бой этот стратегически неправилен, бесцелен, пусть даже жертвы наши не увенчались успехом и орудия достались противнику, – но за этим боем всегда останется его идеальное значение; над ним высоко, непобедимо будет сиять победное знамение Креста – этого *последнего резерва*, который, в руках бесстрашного пастыря, пущен был в дело и дал нашим витязям силу и крепость пробиться через вражеские полчища.

Язычники-Японцы выдвигают против нас целый арсенал дьявольских изобретений человеческого ума – орудий Антихристовых. Тут и особые подводные мины, уничтожающие целые броненосцы, тут и орудия «Аризамы», тут и брандеры, начинённые угольной пылью, нефтью и кальцием для устройства нашему флоту и Порт-Артуру гигантского пожара, вроде Чесмы; тут и лиддитные³⁶¹, удушающие и отравляющие снаряды; словом – всё, что только может изобрести техника, управляемая японской хитростью и беззастенчивостью в выборе средств.

На это мы отвечаем христианским всепрощением; – любовным попечением о пленном враге и твёрдым упованием на непобедимую силу Честного и Животворящего Креста Господня.

Пусть скептики и неверующие учитывают шансы наших и японских успехов, пусть ищут и клеймят виноватых; а мы, как и доблестные наши герои, твёрдые духом в огне испытаний, укажем лишь на сияющий в небе, – и в каждом верующем русском сердце, – *Крест*.

«Сим победиши!

(Моск. Вед.)

II.

Действия и распоряжения правительственной власти. С. 88

Командированное на театр войны духовенство.

Для удовлетворения духовных нужд больных и раненых воинов действующей на Дальнем Востоке русской армии, Св. Синодом, с начала войны до настоящего времени, командированы, сверх состоящих при воинских частях духовных лиц, военного ведомства, 4 священника и 13 иеромонахов. Из них священник московской Троицкой, в Троицком, церкви – Николай Арсеньев прикомандирован к санитарному поезду, сооружённому на средства Государыни Императрицы Александры Феодоровны, прочие: окончивший курс учения в 1903 году в с.-петербургской духовной академии священник Михаил Раевский, иеромонахи – Задне-Никифоровской пустыни, олонецкой епархии, Александр (Назимов) и Новонямецкого монастыря, кишинёвской епархии, Давид, священник с.-петербургской епархии Николай Курлов, иеромонахи из обителей калужской епархии: Лихвинского Доброго монастыря Владимир, Тихоновской пустыни Анастасий, козельской Введенской Оптиной пустыни Андриан и Варсонофий и мало-ярославецкого Николаевского монастыря Амвросий, иеромонахи Киево-Печерской Успенской лавры: Николай, Лазарь, Викентий, Вонифатий, Иларион, Амфилофий, и священник села Сюкеева, Тетюшского уезда, казанской епархии, Павел Мансуровский – командированы в распоряжение главно-уполномоченного Российского общества Красного Креста при действующей на Дальнем Востоке армии, для назначения их к санитарным отрядам и госпиталям Красного Креста. Все означенные лица, за исключением шести иеромонахов Киево-Печерской лавры, снабжены необходимыми богослужебными книгами и принадлежностями церковной утвари на счёт Св. Синода; иеромонахи же Киево-Печерской лавры получили таковые принадлежности и книги от лавры. Из названных священнослужителей содержание 14-ти лиц принято Св. Синодом на счёт состоящих в его распоряжении средств, и трое

иеромонахов командированы с содержанием от Киево-Печерской лавры. За назначением достаточного числа священнослужителей во все лазареты и госпитали при действующей на Дальнем Востоке армии, дальнейшая посылка священнослужителей приостановлена впредь до особых распоряжений.

III.

Всеподданнейшие и официальные телеграммы с театра войны. С. 89–95

24 апреля от генерала-адъютанта Куропаткина. По полученным от генерала-лейтенанта Засулича донесениям потери в делах 17 и 18 апреля под Тюренченом выражаются следующими цифрами. В деле 17 апреля ушиблен камнем в голову командующий 3-й стрелковой дивизией генерал-майор Кашталинский; смертельно ранен и умер командир 2 батареи 6 восточносибирской артиллерийской бригады подполковник Маллер; убиты: командир батальона 12 стрелкового полка подполковник Пахомов и 7 нижних чинов; ранены: командующий 6 восточносибирской артиллерийской бригадой полковник Мейстер, семь обер-офицеров и шестьдесят семь нижних чинов. В деле 18 апреля 9 и 10 стрелковые полки и батальон 24 полка, составлявшие правый флаг и часть общего резерва, принимали лишь незначительное участие, почему 9 стрелковый полк и батальон 24 полка потерь не имели, а 10 стрелковый полк, прикрывая движение при отступлении, потерял всего шесть нижних чинов. Вся тяжесть боя легла на 11 и 12 стрелковые полки, а также на 22. Вследствие крайне ожесточённого боя нашим полкам приходилось делать несколько контратак в штыки и пробиваться штыками против окружавшего их противника, силой в три дивизии, не считая резервных частей. Атакованные части имели против себя противника в пять раз сильнейшего и поддержанного весьма многочисленной артиллерией. В этом тяжёлом, но славном для 11 и 12 полков бою мы потеряли в 11 полку: убиты командир полка полковник Лайминг и командир батальона подполковник Дометти, десять обер-офицеров и двести шесть нижних чинов; ранены командир батальона подполковник Яблочкин, восемь обер-офицеров, священник отец Щербаковский, капельмейстер и триста девяносто один нижний чин. 12 стрелковый полк потерял: убиты командир батальона подполковник Урядов, девять обер-офицеров и двести шестьдесят шесть нижних чинов; ранены одиннадцать обер-офицеров и триста девяносто нижних чинов.

В 22 полку: убито восемнадцать нижних чинов, ранены четыре обер-офицера и девяносто три нижних чина. В 3 батарее 3 артиллерийской бригады убит командир батареи подполковник Муравский и двадцать четыре нижних чина; ранены три обер-офицера и шестьдесят два нижних чина. В 6 артиллерийской бригаде: во 2 батарее ранен один обер-офицер, убито и ранено тридцать восемь нижних чинов. В 3 батарее той же бригады убито восемь нижних чинов, ранены один обер-офицер и пятнадцать нижних чинов. В пулемётной роте 3 стрелковой дивизии, бывшей в составе восьмидесяти нижних чинов: убиты – один обер-офицер, шестнадцать нижних чинов, ранены – один обер-офицер, и тридцать восемь нижних чинов. Сверх того, в бою 18 апреля осталось на поле сражения неизвестно убитыми или ранеными: в 11 полку подполковник Роиевский, врач Швецов и двести восемьдесят один нижний чин; в 12 полку: два обер-офицера и двести двенадцать нижних чинов; в 22 полку сто сорок четыре нижних чина; в 3 батарее 3 бригады один обер-офицер; в двух батареях 6 бригады два обер-офицера и сорок два нижних чина. В плен, по имеющимся сведениям, никто не сдался. 18 апреля выбыло из строя лошадей: в 3 батарее 3 бригады семьдесят две; 6 бригады 2 батарее сто восемь из ста десяти, бывших на позиции; в 3 батарее сорок одна. Потери за 17 и 18 апреля в общем выразятся: убито шесть штаб-офиц., двадцать обер-офицеров и пятьсот шестьдесят четыре нижних чина; ранены два штаб-офицера, 36 обер-офиц., один священник, один капельмейстер и тысяча восемьдесят один нижний чин; осталось на поле сражения неизвестно убитыми или ранеными – один штаб-офицер, пять обер-офицеров, один врач и шестьсот семьдесят девять нижних чинов. Всего убито семьдесят штаб- и обер-офицеров и две тысячи триста двадцать четыре нижних чина. Роты 3 стрелковой дивизии были в восьмидесяти четырёх-рядном составе. Долгом своим считаю добавить, что при указанных выше потерях в батареях людьми и лошадьми, а также вследствие труднодоступной вне дорог местности увезти орудия и пулеметы действительно не было возможности. Некоторые роты в 11 и 12 полках, потеряв значительно более половины своего состава, продолжали

сражаться. 11 и 12 полки, несмотря на большие потери, под защитой выдвинутых для прикрытия отступления частей третьей стрелковой дивизии, не участвовавших в бою, были приведены в порядок; в порядке прибыли в Фынхуанчен и в ночь на 19 апреля уже принимали участие в охране нашего расположения.

Генерал Засулич 24 апреля доносит: конница и передовые части противника заняли 23 апреля Фынхуанчен. Две роты и два эскадрона японцев выдвинулись в Даляндяпузе. Наши конные части отошли к Селюджану. разъезды от Фынхуанчена доносят, что две дивизии японцев подходили 23 апреля к Фынхуанчену большой дорогой от Пьямына. Третья дивизия, двигавшаяся долиной Эйхо, заняла позицию у Куандяпуза, выставив батареи для обстреливания Фынхуанчена, в ожидании встретить там наши войска.

К Фынхуанчену японцы двигались медленно и крайне осторожно.

25 апреля от ген.-лейт. Сахарова. Японцы, заняв Фынхуанчен, остаются там, выслав разъезды по главной Ляоянской дороге и по сторонам её. Куаньдяньсян³⁶² был занят японцами с 22 апреля.

25 апреля от ген.-майора Харкевича. Корейский гарнизон в Пектоне³⁶³ в 75 солдат выдал оружие нашему разъезду и в городе было найдено до 700 пуд. провианта и фуража, заготовленного для японцев. 10 апреля другой разъезд на перевале Медальенг³⁶⁴ имел стычку с небольшим конным отрядом японцев без потерь для нас; в тот же день разъезд занял город Пектон-Тин³⁶⁵, где уничтожил значительные запасы. Третий разъезд 10 апреля в 35 верстах на юго-восток от Пектона имел стычку с небольшим японским отрядом без потерь для нас. Один наш разъезд, в 10 верстах не доходя Уйона³⁶⁶, встретил противника: до 200 корейских солдат и до 200 японских, переодетых в корейскую форму, занявших позицию на крутых высотах; после сильной перестрелки противник отошёл в Уйону. Наши потери: убит 1 и ранены 4 нижних чина и убиты 7 лошадей. 19 апреля наш разъезд, в 8 казаков, производя разведку между Синцзинтином³⁶⁷ и Цзянчаном³⁶⁸, у Чансифугоу

подвергся нападению хорошо вооружённой банды злоумышленников, по-видимому хунхузов; в перестрелке был ранен один казак, две лошади ранены и три убиты и убиты китайские переводчик и подводчик.

26 апреля. 22 апреля наш разъезд у Сяогипуза³⁶⁹ обнаружил японский отряд силой до одного полка; в перестрелке с японской заставой убит один казак; у Луанмяо разъезд был обстрелян с левого берега. 22 апреля разъезд встретил на большой дороге в Фынхуанчен, в шести верстах от Салицзайгпудзы, дозорных неприятельского разъезда, скрывшихся в горах. Кроме того, 23 апреля японские разъезды появились у Сандогоу в восьми верстах к югу от Салицзайгпудзы и в долине реки Седзыхэ. К северу от Седзехоге, по показаниям китайцев, в горах, в 20–30 верстах от Даянхэ, находятся японские отряды общей силой до трёх полков пехоты.

27 апреля от Наместника. Ночью с 26 на 27 апреля восстановлено железнодорожное сообщение с Порт-Артуром. Телеграф исправляется.

27 апреля от ген.-адъют. Куропаткина. С рассветом 28 апреля японцы начали наступление из Фынхуанчена по большой ляонской дороге. В авангарде их на Селюджан следовал полк пехоты с четырьмя орудиями и полком конницы; в Селюджане находился на заставе взвод казаков; перевал Чанзялин был занят двумя сотнями. В обход нашего правого фланга на Чанзялин наступили две японских роты, а на Селюджан – одна рота. Казаки задержались на Чанзялине до тех пор, пока стрелковые цепи противника не поднялись на перевал, угрожая нашему правому флангу; затем, удерживая неприятеля огнём, отошли сначала на перевал Вафантун, а затем к перевалу у деревни Тхумынза, где и заняли позицию. В перестрелках ранен сотник фон-Валь и убито два казака. 27 апреля Куаньдянсан очищен противником и занят нашими казаками. Произведёнными разведками выяснилось также отсутствие японцев в долине реки Цаохе на 50 вёрст к юго-западу от Саймацзы. 26 и 27 апреля биваки противника обнаружены в долине реки Унсянхе у деревни Таиндза, верстах в 25 восточнее, Сюяна и у Седзехоге, при слиянии Даянхе с

Седзыхе, 27 апреля, утром, японский отряд силой до 10 тысяч пехоты при 50–80 орудиях, преимущественно горных, собравшийся в Салидзаипудзе, выступил по направлению к Сюяну. Чантаидзы и Дагушан заняты японцами, и их разъезды 28 апреля показались верстах в 15-ти к югу от Сюяна. В районе Инкоу 28 апреля всё спокойно.

27 апреля от ген.-ад. Куропаткина. Произведёнными разведками между Саймадзы и Фынхуанченом японских войск не обнаружено. Значительная колонна японцев 25 апреля двинулась в направлении из Фынхуанчена к Хайчену. Станция Пуландян занята чинами пограничной стражи и сделанные японцами повреждения пути до станции Саншилипу исправлены. Всеми работами руководил подполковник 4-го железнодорожного батальона Спиридонов.

Этот отважный штаб-офицер вызвался доставить в Порт-Артур прибывший в Ляоян уже после высадки японцев у Бицзыво поезд с боевыми припасами. Дабы этот поезд не достался в руки японцев, был вполне подготовлен взрыв его. Самоотверженная работа чинов 4-го железнодорожного батальона увенчалась полным успехом. Около 4 часов пополудни поезд прибыл на станцию Цзинчжоу, где и был сдан генералу Фоку и немедленно под надёжным прикрытием отправлен в Порт-Артур. – Подполковник Спиридонов с паровозом возвратился в Вафандян. Японцы после высадки у Бицзыво двигаются прямой дорогой к Цзинчжоу и в ночь на 27 апреля головными частями, до двух полков пехоты, ночевали на высоте станции Саншилипу. Севернее мыса Конечного стояло около тридцати судов.

Генерал Засулич 27 апреля доносит: „Из Фынхуанчена в течение двух дней выступает на запад в направлении к Хайчену, по-видимому, гвардейская японская дивизия. По слухам, 27 апреля должен был выступить на Саймадзы японский отряд, силой около дивизии пехоты, при 40 орудиях и 1.500 конницы. Из донесений с реки Даянхэ от 24 апреля можно заключить, что японские войска собраны в трёх группах: две южных на нижнем течении Даянхэ у Хондуханя³⁷⁰ и Луанмяо³⁷¹, а северная против Хабалина³⁷² и Чибокина³⁷³. Южные группы японских

войск 24 апреля ещё не приступали к переправе через Даянхэ. От местных китайцев добывать сведения трудно; был случай, когда китаец в окрестностях Салидзайпудзы предупредил японский разъезд об устроенной ему казаками засаде, чем и спас его”.

28 апреля от ген.-майора Флуга. По имеющимся сведениям за 27 число, из Фынхуанчена одна из японских дивизий, по-видимому гвардейская, выступила по дороге на Хайчен; около дивизии пехоты при сорока орудиях и полторы тысячи конницы должны были выступить по дороге из Фынхуанчена на Самацзы. Пока обнаружен в Куаньдянь-сяне авангард, батальон пехоты и три эскадрона с горной батареей. По донесениям за 24 число, японские войска, находившиеся близ Фынхуанчена, были расположены в двух группах: первая – в одном переходе к юго-западу от Фынхуанчена, вторая – на нижнем течении Даянхэ; последняя того же числа начала переправу через эту реку. О силах неприятеля, высадившегося у Бицзыво, точных сведений ещё не имеется. Севернее мыса Терминаль наблюдались тридцать японских транспортов. В остальных районах без перемен.

30 апреля от ген.-майора Флуга. Японцы очистили Куаньдянь-сянь. На Сюян вдоль Даянхе наступает неприятельская колонна около одной дивизии. Имеются сведения, что к северу от Дагушаня также стянуты значительные силы. 28 числа японская колонна выступила из Фынхуанчена на Ляоян; в перестрелке нашей конницы с передовыми частями противника близ деревни Селючжан ранен сотник 2-го читинского полка фон-Валь и убито два казак. Корейцы сами разрушают телеграф между Кенгшеном и Сенчжином.

1 мая от наместника ген.-адъют. Алексеева полученные от контр-адмирала Витгефте сведения о положении дел в Порт-Артуре с 23 по 29 апреля. Сведения эти доставлены нарочным со станции Дашичао накануне второго перерыва неприятелем средств сообщения. Появившаяся перед Порт-Артуром 22 апреля неприятельская эскадра из броненосцев, крейсеров и миноносцев продолжает блокировать порт, не принимая против

него активных действий. Работы по исправлению броненосцев „Цесаревич” и „Ретвизан” производятся с прежней энергией весьма успешно. При производстве дальнейших работ по обследованию рейда и выхода в море на месте, где броненосец „Победа” получил повреждения от мин, найдена неприятельская мина заграждения, взорвавшаяся от захвата тралом.

1 мая. От ген.-майора Флуга. 29 апреля японский отряд, около батальона пехоты при двух эскадронах, занял Шуландян, но к вечеру отошёл от станции. Пассажирский поезд, шедший из Дальнего, должен был вернуться обратно. Железнодорожное сообщение прекратилось. В ночь на 30 апреля Пуландян освещался прожекторами с неприятельских судов и с бухты. 30 апреля японские отряды были вновь замечены в окрестностях станции Пуландян. В пяти верстах к югу от Пуландяна путь взорван японцами. Японские разъезды 29 были обнаружены в 12 верстах к востоку от Сюяна. Между Саймадзы и главной дорогой на перевалы китайцы начали нападать на наши посты летучей почты. Близ Янтая обнаружена большая шайка хунхузов. В Дападзиаце, в сорока верстах к юго-западу от Куанчензы, по сведениям пограничной стражи и миссионеров, готовится восстание китайцев, направленное против русских и христиан.

2 мая от ген.-майора Флуга. По сведениям 29 и 30 апреля, наступление противника от Фынхуанчена на Ляоян ведётся нерешительно; возможно предположить, что главные силы японцев направляются за Хайчен или Гайчжоу; другая значительная группа их собирается в районе северо-западнее Дагушаня.

В происшедших разновременных стычках с хунхузами убито 3 казака и 3 лошади, контужен один казак и 4 казака пропали без вести.

В Приморской области всё спокойно.

3 мая от ген.-адъют. Куропаткина. Около 12 часов дня к Сенючену подошли 17 пароходов, открывших стрельбу по городу, а 5 пароходов начали приставать к берегу. В час с половиной дня против мыса у деревни Гуаньцзятунь показались 3 больших парохода; в 3 часа 20 мин. противник высадился у

деревни Гуаньцзятунь и начал наступать в направлении к Гайчжоу.

27 апреля у Куаньдяньсяня наши казаки имели перестрелку с японским отрядом, до батальона и двух эскадронов, по-видимому, гвардейских; перестрелка продолжалась 1½ часа; огонь японской пехоты и конницы меткостью не отличался. Ранены один казак, убита одна и ранено семь лошадей. В дозоре два казака пропали без вести. В районе северо-восточнее Фынхуанчена японские передовые отряды 2 мая занимали: Хайгумыньцзы, в долине реки Бадао-хэ, Дзянгоу – в долине её левого притока, Шицзянуцзы и Шитоучен – в долине реки Айхэ и Куаньдяньсянь. В городе Сюяне 2 мая японцев не было. 1 мая японцы заняли станцию Пуландян отрядом в два батальона и два эскадрона. разъезды 1 и 2 мая держались не ближе 6 вёрст от станции Вафандян; движения более значительных отрядов к северу от Пуландяна 2 мая обнаружено не было. О высадке в Гайчжоу новых донесений не получено.

4 мая от ген.-лейт. Сахарова. Генерал Самсонов доносит от 11½ часов вечера 3 мая: японцы ограничились производством лишь демонстративной высадки в окрестностях Сенючена и Гайчжоу. С их судов была открыта стрельба по городу Сенючену, по нашим разъездам и по побережью. После 5½ час. японская эскадра отошла, держа курс на юго-запад, и до наступления темноты было видно на горизонте несколько её судов.

4 мая. От генерала-адъютанта Куропаткина. Передовой японский отряд, занимавший до 1 мая Синхайлинский перевал и деревню Кангяпуза, в 34 верстах на северо-запад от Фынхуанчена, отодвинулся к Селючжану. В долине левого притока реки Бадаохе, в Даянгоу, стоит небольшой японский отряд. Сюянь по-прежнему не занят японцами; их сильный разъезд стоит у Седехоге, в 25 верстах от Сюяна на юго-восток; по имеющимся сведениям, Дагушань японцами очищен и их отряды стоят у Ланмяо, 600 человек, и у Салицзайпудзы, 300 человек пехоты и конницы без орудий; остальные их силы отодвинулись в направлении к Фынхуанчену, и у Хабалина, в 16 верстах на юго-запад от Фынхуанчена, стоит отряд силой до

пяти тысяч человек. Третий день погода дождливая, дороги портятся.

5 мая. От ген. Куропаткина. К северу от Фынхуанчена в горной местности казачий отряд с 8 час. утра завязал с японским отрядом дело, продолжавшееся до 2 час. пд. Противник на протяжении 20 вёрст был последовательно оттеснён с четырёх позиций; преследование японского отряда было приостановлено у Дадяньцзы, в верстах 18 от Фынхуанчена. Потери у нас: 6 раненых казаков; лошадей убито 2 и ранено 8. 4 мая японский эскадрон оттеснил наш разъезд у Шаого, в 15 верстах от Куаньдяньсяня; разъезд наш отошёл без потерь. 2 мая к Шаллчжайпудзы подходил отряд японской пехоты силой до 2 тыс. человек, но спешно повернул обратно к Фынхуанчену.

6 мая. От ген.-лейт. Сахарова. Утром, 4 мая, передовые японские отряды, стоявшие на главной ляоянской дороге у Тхуменцзы, отступили на перевал Чанзалин, а затем очистили и Селючжан, отойдя к Фынхуанчену. В окрестностях Фынхуанчена японцы возводят полевые укрепления. Обнаружено отсутствие японского отряда, ранее занимавшего селение Ситхучиндза, в 15 верстах на северо-запад от Дагушаня, который тоже очищен японцами; их небольшие отряды стоят в Хондухане и Луанмяо, на левом берегу реки Даянхе, а также и в Салидзайпудза. Небольшие японские разъезды появляются временами в окрестностях Сюяна.

6 мая от генерала-адъютанта Куропаткина из Ляояна. 5 мая к северу от Фынхуанчена в горной местности, казачий отряд с 8 часов утра завязал с японским передовым отрядом дело, продолжавшееся до 2½ час. пополудни. Противник на протяжении 20 вёрст был последовательно оттеснён с четырёх позиций; преследование японского отряда было приостановлено у Дауяньцзы, верстах 18 на север от Фынхуанчена. Потери: у нас 6 раненых казаков; лошадей убито 2 и ранено 8.

В долине реки Цаохе до дороги на перевал Чангулин в 25 верстах на север от Фынхуанчена и в долине реки Айхе от

дороги из Саймацзы в Куаньдяньсянь до Дунцзялинцзы, вниз по реке вёрст на 20, противника не обнаружено.

4 мая выступивший из Куаньдяньсяня к Саймацзы японский эскадрон оттеснил наш разъезд у Шаого, в 15 верстах от Куаньдяньсяня; разъезд наш отошёл без потерь.

2 мая к Шаличжайпудзы подходил отряд японской пехоты силой до 2.000 человек, но спешно повернул обратно к Фынхуанчену.

3 мая селение Шаличжайпудзы было очищено японским конным отрядом.

7 мая от генерал-адъютанта Алексеева. Получено почтой в ночь на 7 мая от контр-адмирала Витгефта донесение следующего содержания: 2 мая три броненосца и три крейсера неприятеля появились утром с востока. С Ляотешаня и с Золотой горы следили за их движениями. Пройдя меридиан Артура, отряд повернул на восток и, по-видимому, начал производить какое-то перестроение, когда замечен был взрыв под третьим броненосцем, двухтрубным, типа „Фуджи“, в носовой части; броненосец остановился, накренившись на правый борт, и сел носом, выпуская много пара. Два крейсера немедленно подошли к нему, и с Золотой горы заметили, что они спускали шлюпки; затем крен стал понемногу выравниваться, и, видимо, броненосец справлялся с пробойной в это время другой броненосец, трёхтрубный типа „Шикишима“, приблизился к месту аварии и под его серединой последовал взрыв мины, затем второй, подобный взрыву броненосца „Петропавловск“. Через минуту он потонул. Третий броненосец ушёл в море, а крейсера остались у места гибели. Выслал шестнадцать миноносцев тревожить неприятеля и, если будет удобный момент, атаковать отдельные суда. Крейсер „Новик“ вышел в проход на случай поддержки миноносцев, а крейсера развели пары. В это время с моря подошли пять японских крейсеров, открывших по миноносцам огонь из всех больших пушек; миноносцы вернулись без урона. Повреждённый броненосец тем временем со своими крейсерами скрылся за горизонтом, заслонившись от преследования пришедшим отрядом. Ночью был свежий ветер, зыбь. Утром 3 мая к месту

гибели подошли три миноносца, против которых послал „Новик“; они удалились в море.

Взорвавшийся в Кербей (в бухте Кер) корабль, судя по трубам и боевому марсу на фок-мачте, которые видны в малую воду, по-видимому, крейсер. При попытке в Кербей свезти десант, по донесению с берега, три миноносца, охранявшие высадку, получили повреждения от нашей лёгкой артиллерии.

В. И. Немирович-Данченко о „книжной жажде“ войск действующей армии. С. 95–96

Читатели помнят прошлые «наши Скрижали», посвящённые вопросу о том, как необходима книга для войск армии. Теперь наши мысли находят себе яркую иллюстрацию в путевых очерках военного корреспондента «Русск. Слова», известного писателя Немировича-Данченко. Вот что он пишет о «книжной жажде» наших действующих войск.

Нельзя себе представить, до какой степени на этом долгом пути переезда из России до театра войны солдаты ценили каждую случайно попавшую к ним в теплушку книгу. На многих этапах я слышал:

– Всего надавали: и табаку, и чаю, и сахару. Даже баловство было. А вот о книжке никто не подумал. А нам книжка теперь дороже дорогого.

Переезды долгие. Запрут теплушку извне – и точно от всего мира заслонятся. В первые дни переговорают всё, смотришь, потом и не о чем! А впереди ещё, по крайней мере, месяц такой дороги. Спать день и ночь. Пухнуть от этого, а потом, смотришь, и спать нельзя. Нету сна совсем. Каждая книжка здесь вызывает общее оживление. Солдатики возбуждаются, спорят, особенно, если дело идёт о войне. Тут ведь самый живой интерес.

Один сапёрный солдат говорил: – Только бы не сказки, а что-нибудь настоящее, такое, которое бывает. Нас касающее...

Грамотных ведь теперь, несмотря на тяжёлые условия русской жизни, куда больше. Прежде солдат выучивался читать и писать, поступая на службу, – в роте; теперь он часто знает это дома, и с ним офицеру приходится уже идти далее. Книжка ему теперь уже сделалась не роскошью, а необходимостью. В самом деле, представьте себе эти бесконечные часы, дни и недели в запертых теплушках. Медленно идёт поезд, медленно громяхают колеса на рельсах. Вдруг остановится у семафора – путь занять, и отдыхает час, два, три. Из теплушки деваться некуда, говорить не о чем – всё пересказано, песни перепеты, да и надоели, – они обратились в нечто служебное, по команде.

От безотвязных дум деваться некуда, а наши издатели ничего не послали! По крайней мере, нагнав и пропустив около сотни воинских поездов, я не видел у солдат ни одной пожертвованной книги». Поскорее надо бы удовлетворить этой насущной духовной алчбе нашей доблестной действующей армии.

№ 9. Май. Книга 2-я

Сенатов В. Новейшее анти-христианство // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 1073–1079

Тогда если кто скажет вам: вот здесь Христос, или там; не верьте.

Если скажут вам: вот, Он в пустыне, не выходите; вот, Он в потаённых комнатах, не верьте (Мф.24:23,26).

I.

Евангелие характеризует последние времена не тем, что люди совсем не будут веровать во Христа, совсем не будут знать Его имени, а тем, что они будут считать Его учением свои собственные измышления, прямо и решительно противоположные Его учению.

Сообразно этому, как в перво-христианские времена чтение Евангелия означало преданность Христу, так во времена позднейшие в Евангелии будут находить опору, и видимую, и внутреннюю, в разрушительных против Христа действиях.

Углубляясь в смысл таких неизбежных, по Евангелию, явлений, уже теоретически можно предположить, что главным основанием своего уклонения от Христа люди сделают якобы Его же главнейший закон, Его учение о любви; что именно на этой почве будут происходить отпадения от веры и что на ней же оснуется окончательное замышление разрушить Христову веру, решительный план уничтожить христианство.

По высочайшему и наиболее совершенному христианскому пониманию, Богочеловек есть любовь. Следовательно, Богочеловек есть Любовь-Человек, т. е. Высшая любовь, воплотившаяся в совершенном человеке. При таком понимании, выставленные в начале статьи Евангельские слова можно передать так: „Тогда если кто скажет вам: вот здесь Любовь-Человек, или там; не верьте. Если скажут вам: вот, Любовь-Человек в пустыне, не выходите; вот, Любовь-Человек в потаённых комнатах, не верьте“.

Самая ужасная, самая последняя мировая трагедия будет заключаться в том, что люди будут искать высочайшую,

совершеннейшую любовь и не найдут её (исключая немногих), будут выдавать за любовь призраки её, воплотившие начала ей противоположные (самолюбие, гордость).

Мы не ставим вопроса о конечных судьбах мира, не вдаёмся в данном случае ни в богословие, ни в метафизику; мы желаем только обратить внимание на одно явление, замечаемое в современной религиозно-умственной жизни.

II.

Что злой дух преобразовывается иногда в светлого ангела, – об этом известно давно. Это преобразование и с точки зрения реальной и художественной – только личина. Злой дух за поклонение ему, т. е. за признание его высшей разумной силой, может дать материальные блага. „Скажи, чтобы камни сии сделались хлебами“, искушал диавол Христа. Смысл этого искушения заключается в, следующем: Христос шёл к человечеству с истинной религиозной жизнью, а диавол хотел свести Его с этого пути и советовал истинную религиозную жизнь заменить внешним устройством человечества, – вместо веры дать материальные блага, вместо деятельной страждущей любви дать блага социальные: принудительное братство и т. п.

Диавол, следовательно, не всегда представляется исключительно грубым, хищным. Он может наружно являться добрым, таким реформатором (превращающим камни в хлебы), от которого едва ли многие согласились бы отказаться, если бы эта реформа была осуществлена. В нашей литературе есть попытки представить диавола с ещё более чистыми и возвышенными мыслями и намерениями.

Демон у Лермонтова задумывает совсем переиначить себя, переродиться, сделаться тем, чем он был раньше. Он уверяет:

„Отрёкся я от старой мести,
Отрёкся я от гордых дум;
Отныне яд коварной лести,
Ничей уж не встревожит ум.
Хочу я с небом примириться,
Хочу любить, хочу молиться,
Хочу я веровать добру“.

Но это была минутная блажь: диавол хотел любить только для того, чтобы наслаждаться. И великий художник в приведённых словах подметил ту общечеловеческую черту, что мы часто принимаем за любовь наслаждение, обладание другим, и гордость. В словах „хочу любить“ выражается, в сущности, крайняя стремительность против любви; из начала святейшего, о котором трудно мечтать, она делается предметом рыночного торга: захотел – купил; захотел – полюбил; захотел – оделся; захотел – нагишом прошёлся. Тут любовь поработается крайней гордостью.

Ещё рельефнее такое сочетание противоположных начал выставлено в Дон-Жуане А. Толстого. Здесь сатана решительно стремится склеить в одно целое и добро и зло, любовь и гордость. Он гордо заявляет:

„...Господь здесь только для красы;
Он символ лишь замысловатый;
Делами ж правим мы, две равные палаты;
Точнее: как на Него посмотришь с двух сторон,
Выходит, вы да я, мы совокупно – Он.
Разрыв наш – только умозрение,
Но в самом деле мы одно;
А для пустого развлечения
Дробиться целому смешно.
Пора двух половин устроить сочетание:
Химически смешав со злобою любовь,
В итог бесстрастия сольёмся вновь
И погрузимся в самосозерцанье!“

Большой гордости, большего непризнания Бога, более глубокого богоборчества представить едва ли возможно.

III.

А. Толстой, изображая сатану в Дон-Жуане, своим несомненно художественным чутьём предугадал, что явное неверие, имевшее место в шестидесятые годы прошлого столетия, сменится скрытым отрицанием, таким направлением мысли, которое – снаружи необыкновенно высокая вера, а внутри самое глубокое неверие, решительным отрицанием

христианства, построенным как бы на началах самого христианства.

Такие же опасения прочувствовал и покойный В. С. Соловьев. В своём последнем произведении, в „Трёх разговорах“, он дал художественный тип антихриста. Антихрист Соловьева и сатана А. Толстого в сущности ничем не разнятся один от другого, по идее они одно и то же, та же самая спайка любви и гордости; антихрист является только лишь с более развитым конкретным содержанием.

Соловьев обрисовал антихриста человеком, который наружными данными правды, любви и добра объединит большую часть человечества, даст благо людям и в сфере политической, экономической и социальной, уничтожит последние проблески политической вражды, принесёт людям мир. Этим самым наружным добром, наружной любовью антихрист и возмечтает похитить достоинство Сына Божия, объявить себя таковым, признав Иисуса Христа только исторической личностью, только своим предшественником. Между Христом и антихристом, по изображению Соловьева, та разница, что Христос, проповедуя и в жизни своей проявляя нравственное добро, был исправителем человечества, антихрист же пожелает быть благодетелем; Христос разделял людей добром и злом, антихрист же объединит их благами и внутренними, и внешними, он каждому даст то, что каждому нужно; Христос учил о вечной жизни за гробом, антихрист же самую земную жизнь назовёт божественной.

Антихрист, по этому представлению, характеризуется немногими словами: он – человек, достигший необыкновенно высокого развития умственного и нравственно-социального и на этом основании объявляющий себя существом верховным, сверхчеловеком, говоря языком Ницше.

IV.

У Лермонтова, А. Толстого и В. Соловьева человеческая мысль переживает одинаковые тревожные состояния. Она ставит вопрос: высшая гордость не обнаруживается ли во внешней любви и крайнее отрицание Бога не выразится ли в наружной вере?

Насколько подобные опасения имеют реальное оправдание и нет ли в настоящей действительности свидетельств о реальном возникновении теперь указанной спайки отрицания Бога с верой и гордости с любовью?

Такой спайке может соответствовать учение о будущем человеке или, что тоже, учение о будущем пантеистическом боге.

Это учение не отрицает христианства и Христа. Но христианство понимается им, как установление мирового, исключительна земного порядка жизни, как самый широкий нравственно-социальный прогресс с братством народов, с любовью каждого ко всем и всех к каждому. Христос понимается, как родоначальник этого движения, этого социального роста, – всё равно, как такой-то считается основателем философии, такой-то механики и т. д. Это прогрессивное движение не имеет ничего общего с загробной жизнью, даже не предполагает её. Конечные цели его – нравственное самосознание человека.

Для достижения этих целей человеку рекомендуется читать евангелие и проникаться образом Христа до такой степени, чтобы ин сам, человек, в конце концов сознал себя истинным подобием Бога, превратился в сына небесного Отца. Такое превращение так же возможно, как возможен переход низших форм в высшие. „Раз за разом, – описывают это превращение, – словно под ударами резца гениального скульптора будут сглаживаться и выравниваться шероховатости, уродливости вашего характера, пока ваш собственный внутренний образ, переходя от свойства в свойство, от низшего в высшее, от высшего в ещё более лучшее, медленно и постепенно не преобразится в совершенный образ Христов³⁷⁴“.

В настоящее время на земле нет ещё Царства Божия, нет и Бога; всё это только явится. Царство Божие наступит, когда люди достигнут высшего развития, когда настанет братство народов³⁷⁵, когда „не будет более ни зла, ни ненависти, ни умирающих от истощения непомерным трудом, ни пресытившихся до скотского отупения праздных богачей“³⁷⁶.

Тогда же явится и Бог. Это – сам человек, сознавший себя богом, совершеннейшим существом³⁷⁷.

Этот прописываемый исключительно земной порядок жизни и есть, или точнее будет, то, что мы теперь называем вечной жизнью. Эта жизнь без рая, без ада, без понятия о личной загробной жизни, а просто с хорошим жилищем, с комфортом, с всеобщей любовью, с всеобщим братством, равенством.

То, что мы обыкновенно называем обновлением духом, есть не что иное, как стремление к этому сейчас прописанному устройению земной жизни; оно влечение к земной „грядущей светлой жизни“³⁷⁸ и не имеет никакого отношения к стремлению к личной загробной жизни.

То, что мы называем вечным блаженством, есть не что иное, как созерцание этого будущего устройства земной жизни, этого переворота и жизни личной и общественной, представление этой будущей человеческой жизнерадостности³⁷⁹, наступление этой жизни не имеет никакого отношения к ожиданию воскресения мёртвых и последнего суда. Понятие о такой будущей жизни естественно исключает и веру в воскресение и веру в последний суд.

Всё дело христианства решительно ограничивается воображаемым умственным и нравственным перерождением людей и всеобщим социальным переворотом человеческой жизни. Всё дело обстоит весьма просто: из настоящего человечества постепенно образуется новая порода людей, с высшим умственным и нравственным развитием, с лучшими формами жизни личной и общественной. Тогда возрастёт довольство жизнью, широкой волной оно охватит весь мир³⁸⁰, а люди будут думать о себе, что Бог в них, а они в Боге, что они – Сам Бог³⁸¹, что небо настало на земле.

Всё это воображаемое переустройство мира не следует ли так вкратце характеризовать: Бога, как мы обыкновенно об Нём мыслим, нет, но человек может и обязан воспитать в себе Бога, сделаться таковым. Для этого он должен исполнить нравственный евангельский закон и на основании этого закона пересоздать всю земную жизнь. Понятие о будущем человеке вполне совпадает с понятием о будущем пантеистическом боге.

Бог есть очень высокий в нравственном и умственном отношении человек, а такой человек есть Бог.

V.

Вдумайтесь в этот нарисованный образ будущего человека. Не правда ли, как здесь точно и удивительно просто намечена спайка крайнего неверия с полной верою, самой широкой любви с самой высокой гордостью, – любви к самому себе, Ивану и Марье, ко всему человечеству, – с гордостью не к ним, не к людям, а к Единому, бессмертному, *„Который обитает в неприступном свете, Которого никто из человеков не видел и видеть не может“* (1Тим.6:16).

Сделаем маленькое сопоставление, точнее, поставим маленький вопрос: не одно ли и то же, в сущности, представляют собой – искушитель, советующий Христу устроить земную жизнь человечества с полным довольством, а следовательно, и с полным равенством людей; демон Лермонтова, жаждущий любви во имя высшей гордости; сатана А. Толстого, мечтающий о химическом сплаве любви со злобой, Бога с собой; антихрист Соловьева, на почве любви к земному человечеству объявляющий себя высшим Христа и только лишь описанный будущий человек, исполняющий евангельские заветы и сознающий себя совершеннейшим существом, во имя своей личности, следовательно, устраняющий Единого Вечного, мыслящий об Нём постольку, поскольку и о себе? Между всеми этими лицами разница весьма незначительна, они – постепенное развитие одной и той же идеи: искушитель очень робок, общ; демон самоувереннее и детальнее; сатана горд, летает высоко, но не имеет никакого определённого плана для достижения своих замыслов; антихрист повыше и определённое, он начертал общую схему своих поступков; будущий человек действует уже по точному, детально разработанному рецепту. Всё же они мечтают о богоборчестве, стремятся устранить Единого Вечного, стать на Его место.

К слову, – сверхчеловек Ницше только с боку примыкает к этой компании: он слишком груб, наивен, слишком откровенно кровожаден. Будущий человек известной книжки „Евангелие, как

основа жизни“ тоже сверхчеловек, но он мягок, идеален, вообще с более развитой, более утончённой конструкцией.

Что представляет собой будущий человек, истинный христианин, по изображению помянутой книжки?

Сознаемся, лично мы получили такое впечатление, что истинный христианин этой книжки именно таков, каковым представлен нами будущий человек или будущий пантеистический бог.

Всматриваясь в её „совершенного христианина“, вникая в мировой процесс по её представлению, мы как-то невольно вспомнили портрет антихриста, нарисованный В. Соловьевым. Здесь, у христианина, те же черты, как и у антихриста В. Соловьева, но выведенные гуще, выпуклее, и при том не столько фантастичные, сколько правильно, математически определённые. Складывая портрет антихриста В. Соловьева и образ „истинного христианина“ (по „Евангелие, как основа жизни“) вместе, получается такое впечатление: В. Соловьев нарисовал образ исключительного, решительного врага христианства, как оный представлялся его фантазии, а „Евангелие, как основа жизни“ даёт подробный рецепт как этот тип может быть создан, в каком историческом процессе он явится, на какой ясно обозначенной почве он вырастет, по какому точно определённому масштабу может быть определено его величие. Разница тут, по нашему мнению, только та, что Соловьев называет антихристом того, кто в „Евангелии, как основе жизни“ называется истинным христианином.

В. Сенатов

Бронзов А., проф. При каких условиях мог бы наступить „вечный мир“ между людьми? ³⁸² // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 1080–1093

Непосредственно перед этим мы говорили о войнах преимущественно и ближайшим образом между христианами и языческими, вообще не христианскими народностями... разъясняли, что войны эти неизбежны и теперь, и в будущем, пока язычники не проникнутся всецело христианскими религиозно-нравственными, принципами... и что к таким войнам христианские народы, как бы миролюбиво ни были они настроены, должны быть готовы всегда, во избежание ужаснейших для себя бедствий и несчастий... Если б в своё время был отражён натиск мусульман на Константинополь, то мы не были бы свидетелями всех балканских ужасов – и теперь, и в 70-х годах XIX века и проч...

К сожалению, так печально дело обстоит не только в отношениях к христианским народам народностей нехристианских... Дело усложняется, к прискорбию, тем обстоятельством, что и среди христиан самих и христианских народов нравственные начала христианские ещё не завоевали себе исключительного и желательного господства, а сплошь и рядом исповедуются только на словах, дела же часто стоят в совершенном несоответствии с ними, являясь в большей или меньшей степени выразителями чистого эгоизма, чистых себялюбивых наклонностей и стремлений. Эгоизм сковал у значительнейшей части и так называемых христиан и христианских народов как душу, так и тело, проявляясь в гордости, надменности, безмерной склонности к чувственным удовольствиям... Отсюда и получается в наличности порядок вещей, упомянутый нами в самом начале нашей статьи. „Война между Соединёнными Штатами и Испанией“, говорил несколько лет тому назад известный астроном К. Фламарион, – „ясно доказала“ нам, что род людской и по сие время одушевлён такими же воинственными чувствами, как и во времена Дария и

Ксеркса... И это (т. е.. упомянутая война между культурными народами) „делается не из-за рабов и не из-за женщин, а из-за сахара и табака, – главное же, чтобы установить господство Нового Света над Старым. Как... не отчаяться во всём роде человеческом? Дубина, ружьё, пушка – вот вам и право... По части нравственности... мы, пожалуй, стоим ниже Платона, Перикла, Фидия и Гомера“ (а особенно, прибавили бы мы лично от себя, – стоиков – этих героев в области этической на почве язычества). „Наша раса сохранила все свои дикие, варварские инстинкты, и самое большое её удовольствие – убивать... Без сомнения, на Марсе или Венере не найти расы более грубой и неразумной, чем наша“ [„Прогресс“ (Нов. Вр. 1898 г., 11 авг. № 8065) К. Фламариона]. Так говорит знаменитый французский астроном (о ком-же?) о христианских народах. Хороша аттестация! И, что особенно прискорбно, едва ли здесь краски заметно сгущены; во всяком случае, в общем – правдивость аттестации несомненна. Когда эти горькие по адресу современных христианских народов слова вырвались из уст Фламариона, он ещё не знал о вскоре затем наступившей войне между англичанами и бурами и о всех её ужасах, о всей её дикости... Никогда, кажется, грубая сила так не издевалась над нравственным благородством, как издевались европейские островитяне над симпатичнейшей нацией! Припомните одни „концентрационные лагеря“, о которых мы уже упоминали. Зная всё это, Фламарион, быть может, выразился бы ещё сильнее, высказал бы ещё больше упреков по адресу христианских народов. После всего этого уже нечего удивляться бесчисленным нарушениям всяких прав со стороны дикарей – японцев, начиная с их разбойничьего нападения на Порт-Артур или с их пиратских отношений к „Варягу“ и „Корейцу“ в Чемульпо и т. д. и оканчивая, напр., их комедиантским „призовым судом“!..

Да, печальная картина нарисована французским астрономом! К ней, как сказано, пожалуй, можно было даже прибавить (отчасти) несколько ещё новых штрихов... Действительно, рассматривая и оценивая жизнь нынешних христиан и христианских народов, мы, к прискорбию, убеждаемся, что мало надежды на то, чтобы христианские

начала и в более или менее ближайшем будущем сделались всецело руководящими или более, или менее господствующими в их, т. е., людей-христиан, поступками. Скорее можем предположить как раз противоположное, т. е., считать это желаемое „будущее“ отдалённым от нас на совсем неопределённое время и даже дальше, быть может, чем в прежние эпохи... Над средними веками мы ещё со школьной скамьи привыкли глумиться, считать их мёртвыми, полными схоластики всякого рода, грубости и варварства... Во всём этом, бесспорно, много и много правды, за что, впрочем, особенно упрекать те времена, как мало культурные, занятые исполнением других – подготовительных задач, и нельзя. Но за то, с другой стороны, не следует забывать, что в те времена христианские народы были гораздо более наших религиозными, пытаясь провести свои христианские принципы и *в самой своей жизни*. Вспомните, напр. о великих крестовых походах, предпринятых с симпатичнейшей, идеальнейшей целью. Другое дело: чем окончились эти походы... Не это важно, – это в данном случае даже и совсем не важно. Здесь для нас единственно ценно лишь то, что такие огромные по их внутреннему значению идеи волновали тогдашние христианские народы и по мере возможности даже осуществлялись на самом деле. Те христианские народы, таким образом, были живы духовно, не представляли собой духовных трупов, у которых слово с делом расходится постоянно, – об убеждениях которых, по крайней мере, христианских, говорить серьёзно, пожалуй, слишком затруднительно подчас. Разве мыслимо что-либо подобное в наше время? Такой высокий духовный подъём? Такое поправление низменных, меркантильных, грошовых интересов наших? *Безусловно не мыслимо*. Если в средние века христианские народы, одушевляемые своими христианскими убеждениями, шли выручать Гроб Господень из рук неверных, то теперь, – к стыду современных „мнимых“ христиан, – видим что? А то, что англичане, по-видимому, христиане, – что североамериканцы, по-видимому, христиане... – что те и другие сочувствуют кому-же? Язычникам против христиан. Сочувствуют, восторгаются до упоения всякими их успехами и,

быть может, не прочь бы и помогать им, если б того не боялись... Да, – если б встали из гробов средневековые предки нынешних бриттов, то пришли бы в ужас при виде таких симпатий своих испортившихся и забывших родительские идеалы потомков... В христианской, – по крайней мере, – по имени английской стране совершаются поистине ужасные с христианской точки зрения дела! Вникните, напр., в удивительную телеграмму из Лондона, которая появилась в русских газетах 21 февраля текущего (1904) года (см., напр., „Нов. Время“: № 10045): „Архиепископ Йоркский“, читаем в ней, „не дозволил особой молитвы за успех японцев“ (стран. 2, столбец 1). Как вам покажется эта, идущая из христианской, по видимому, страны телеграмма, на первый взгляд, и невинная?! Ясно ведь, что кем-то было произведено давление на Йоркского архиепископа – примаса английской церкви – в том смысле, чтоб даже и в церквях официально произносились молитвы об успехе язычников над христианами, – молитвы – кому-же? Христианскому Богу! Ум отказывается понимать такое богохульство, перед которым бледнеют всякие богохульства другого рода. Замечательно, далее, здесь то, что архиепископ Йоркский „не дозволил“ только „особой молитвы за успех японцев“. Значит, молитва вообще за этот успех дозволена? Это несомненно, не смотря на фарисейский конец пресловутой телеграммы. Да, недоставало только дозволить и такую – „особую“ молитву... Вот уж именно „o tempora, o mores“! А мы ещё удивляемся возникновению ницшеанства и подобных ему явлений. Эти явления – лишь цветочки по сравнению с тем, о чём мы говорим. Дальше идти некуда: пришли к непроходимой бездне, упали в неё и несутся на самое дно озверевшие от кровавых бифштексов англосаксы..., ничего, кажется, не видящие перед собой, кроме „золотого тельца“ – этого „священного кумира всего людского рода“, нынешнего в особенности... „Христиане-ли“ они после этого? На такие вопросы, конечно, излишне и отвечать, – по крайней мере, в отношении *той части* английского, американского народов, которая *так именно* настроена. Хорош прогресс у христианских народов! Невольно вспоминается здесь одна дельная книга,

вышедшая несколько лет назад, автор которой фактическими, достаточно проверенными данными доказывал не без большого успеха, что „прогресс“ так называемый есть в сущности лишь „эволюция“, постепенное развитие одной „жестокости“ и что если наше, в частности, европейское поколение и гордится, по видимому, отсутствием в его крови „жестокости“, зато является в сущности лишь „бездушной, моральной деревяшкой“ (чит. *Энгельгардта „Прогресс, как эволюция жестокости“*; СПб. 1899 г.), деревяшкой, которой не тронуть никакими высокими нравственными принципами... и которая чувствует лишь удары „рубля, а не дубья“ (ibid.)...

Ясно, таким образом, что *в настоящее время нет на лицо каких-либо прочных данных, которые позволяли бы нам верить в сколько-нибудь близкое наступление всеобщего на земле мира, мира вечного.* Последний пока остаётся для нас лишь мечтой, хотя и очень сладкой. Ещё на днях (22 февраля) один писатель (г. Сыромятников) заявлял на страницах распространённой газеты („Нов. Вр.“, № 10046, „Заметки писателя“, стр. 3): „По моему глубокому убеждению“, говорил он, „времени“, когда „человечество“ совсем „избавится от войны“, „никогда не будет, пока“ оно „живёт“. „Прекращение войны было бы возможно, если бы человек был самым совершенным существом в мире, но таким он никогда не будет“. Слова этого писателя, если на них положиться, отнимают от нас и то „пока“, которое выше нами подчёркнуто. Но нам думается, что только что прочитанные слова слишком или, по крайней мере, вообще гиперболичны. Мы лично, изучив настоящий вопрос, не считаем, подобно такого рода лицам (ср. „Нов. Вр.“ от 24 июля 1898 г. № 8047: „Из дневника“. Чит. № 7994 от 1 июня 1898 г.: „Новости военной литературы“ и т. под.), вражды между людьми явлением „роковым“, неизбежным и неотвратимым, а утверждаем лишь то, что *пока христианские начала не войдут „в плоть и кровь“ людей, до тех пор не будет мира, прежде всего, внутри каждого из нас, а через это затем не будет мыслим и мир как между отдельными людьми, так и между отдельными народами и государствами: при дисгармонии внутри отдельных ячеек, она же, а не гармония,*

возможна будет и в целом их собрании, в целом улье... и ульях... Таким образом, эта „роковая“ сила войны является таковой лишь постольку, поскольку сам человек не хочет побеждать в себе своего внутреннего врага, т. е., своего ненасытного эгоизма. А явись ото хотение у огромных масс (у известного числа отдельных лиц оно всегда в наличности, красноречивым свидетелем чего служит недавняя мирная конференция в Гааге, – не говорим уже о бессмертных словах нашего Русского Государя – Императора, произнесённых Им в первый день текущего – 1904 года и опубликованных в печати), – повторяем: явись это хотение у огромных масс, тогда такой, выдуманный учёными, фатум, рок исчезнет сам собой постепенно и незаметно. И так, он не исчезает пока лишь потому, что *сами же люди в сущности не желают этого исчезновения, а не желают его они, в свою очередь, потому, что находятся ещё на низкой сравнительно ступени нравственного развития, развития в христианском смысле слова.* Здесь и ключ к разгадке вопроса, а вовсе не в предположении полезности и даже необходимости войн вообще, более или менее прямо высказываемое некоторыми, между прочим, и современными видящими в них нечто в роде средства к дезинфекции земного шара, – средства к устранению с последнего лишних элементов [всё это говорили уже стоики (чит., напр., книгу И. Невзорова о „морали стоицизма“. Казань, 1892 г., стр. 25), повторять которых как будто бы не под стать нашим современникам!] или – к пробуждению в гражданах воюющих государств патриотизма, или – приводящее человека к сознанию тленности и непрочности земного благополучия и самой физической жизни (Мортенсен; „Христ. учение о нравственности“, т. II, 1890 г. СПб., стр. 672), или полезное средство к объединению народов и племён не только внешнему, но в известной мере и внутреннему, причём некоторые прибавляют, что не будь этих войн, не будь, вследствие этого, политического объединения народов во времена земной жизни Спасителя, не так бы скоро и удобно могло распространяться и Евангелие Христово [так, к удивлению, высказывается один из крупных современных русских мыслителей, умерший в 1900 г. –

В. С. Соловьев]... Уж дальше этой... странности идти трудно, так как божественный свет Евангелия, потому что он *божественный*, распространялся бы, бесспорно, на земле и тогда, если бы подобного политического объединения и не было..., и мог бы распространиться не с меньшей лёгкостью, если бы то было угодно Богу, и при более неблагоприятных обстоятельствах. Что же касается вообще какой-либо пользы от войн вроде указываемой некоторыми и отмеченной выше, то о ней по тому уже одному следует говорить с большой осторожностью, что, с христианской, да и вообще с православной точки зрения, никогда нельзя рекомендовать зла или сознательно допускать его (*без крайней необходимости*) в расчётах получить таким путём добро. Иначе мы подпишемся под столь осмеиваемым всеми здравомыслящими людьми принципом отцов-иезуитов о цели, оправдывающей средства. Словом, раз идёт речь о войне, безнравственно и пытаться подыскивать какие-либо извиняющие её средства, – *исключая войны вынужденной, оборонительной*. Последняя – зло неизбежное, и здесь – известное её извинение... Допустим, что на мою семью нападает разбойник. Ясное дело, что я и всякий другой на моём месте станем отражать хищника, и, что бы там ни произошло, ничто и никто не упрекнут нас: ни наша собственная совесть, ни окружающие. Такие упреки по нашему адресу раздались бы всего скорее, наоборот, тогда, когда мы – сложа руки – смотрели бы, как хищник убивает наших детей, братьев... Разве приятно было русским начинать войну с желтолицым пиратам? Разве приятно нам посылать своих братьев, сыновей... на войну со всеми её ужасами? По крайней мере, со стороны русских было сделано *всё возможное*, чтобы предотвратить бедствие войны... Но раз война, тем не менее, оказалась неизбежной, – раз на нас напали, предательски, как воры, в ночной тьме ранили нас в самое сердце, – мы принуждены были защищаться. „*На начинающего Бог*“... И уж, во всяком случае не мы виноваты во всех последствиях навязанной нам борьбы... В иных же случаях, т. е., когда война не есть неизбежное дело, вызванное одной лишь необходимостью, – повторяем, – оправдывать её нельзя, и

разве лишь для курьёза только можно здесь привести следующее мнение: „великий немецкий полководец“ (Мольтке) в своё время „назвал войну“ вообще „даже необходимым элементом божественного мирового порядка“ („Этика“ Гефдинга; СПб. 1898 г., стр. 377). „Приписывать себе короткое знакомство с божественным порядком“, говорит один моралист (Гефдинг³⁸³), „это, очевидно, есть наследство, которое перешло теперь от прежних немецких философов к немецким генералам“ (ibid)...

И так, война и всякое вообще нарушение мира *ни в каком случае не желательны сами по себе*. Это – несомненно... – и напрасно иногда приравнивают войну к такой болезни, которая необходима для дальнейшей нормальной жизни организма. Подобное сравнение неуместно, потому что „эта“ болезнь, т. е., война, – мы видели, – *случайного* происхождения и не имеет связи с внутренней, истинной жизнью человечества... А если война нежелательна сама по себе, то надежнейшим средством к устранению её и подобных ей явлений, как мы сказали, служит *стеснение нашего эгоизма, нравственное самоусовершенствование человека до воспитания им в себе любви к другим людям, равной его любви к самому себе, – короче: христианское самоусовершенствование*.

Все другие средства к водворению между людьми мира, предлагаемые теми или иными моралистами, не имеют вполне существенного значения, а иногда и совсем сомнительны. Мы, конечно, не имеем ни желания, ни надобности перечислять их и говорить о каждом из них в отдельности после всего того, что сказано нами выше и что касается именно самого *существа* дела. Тем не менее не можем пройти совершенным молчанием *некоторых* из них, почему-либо обращающих на себя наше внимание.

Оставляя чисто-нравственную точку зрения в стороне, некоторые моралисты высказывают надежду, что *сам эгоизм, который, как мы сказали, послужил источником и причиной раздоров между людьми, с течением времени и приведёт ко взаимному примирению народов*. Эгоистически заботящийся о себе человек, боясь попрапия кем-либо его интересов, по этой

самой причине будто бы станет стараться о том, чтоб не возбуждать против себя чужих эгоизмов, другими словами: будет всячески заботиться о мирном отношении к окружающей среде. Он сознает, что, иначе относясь к окружающим его людям, может вызвать нерасположение их к себе и через то нарушит свой эгоистический покой... Что можно сказать об отдельном человеке, тоже можно приложить и к целым народам. – Один из видов эгоистических забот человека о себе – его стремления и деятельность „промышленного“ характера. Всякого рода промышленность в настоящее время развита среди народов в большой степени, причём желательное её течение возможно только при условии существования мира между ними, так что нарушение последнего действует на неё крайне губительно (всё это красноречиво подтвердилось, напр., результатами испанско-американской войны, англо-бурской и др.; всё это воочию подтверждается последствиями и ныне начавшейся русско-японской войны, – последствиями не для России, конечно, с её необъятными пространствами, из которых лишь самая ничтожная часть занята военными действиями, – а для Японии, поставившей „на карту“ всё своё благосостояние, торговлю и проч.): одних плодов промышленности бывает невозможно сбывать во время войны, от чего парализуется значение потраченного на их производство капитала и труда, других невозможно бывает приобрести из чужих стран... Обратите, напр., внимание на тщетные попытки Японии получить необходимый ей уголь из Кардифа или на несомненную голодовку жителей японского острова Иезо, лишённых, вследствие войны, возможности получать необходимую им рыбу от жителей русского Сахалина, или на невозможность для Японии вывозить в Россию обильно продававшиеся здесь до войны все так называемые японские изделия: японские веера, японские тонкой работы, японские часы... – изделия, во множестве обращавшиеся в пределах русских и доставлявшие немало средств продавцам... Чем сильнее в известном государстве развит дух промышленности всякого рода, тем больше лица, заинтересованные в промышленном производстве, избегают всякого рода войн.

Словом, получается, что эгоизм будто бы служит предохранительным против войн средством.

Однако, уже на первый взгляд кажется странным ожидание, что зло может быть исцелено злом-же. Зло, сложенное со злом же, может дать в сумме только зло. Затем, немислимо предположить, чтоб все эгоизмы так именно и ужились бы между собой, как это представлено выше. Ежедневные наблюдения даже над малым числом эгоизмов, напротив, красноречиво свидетельствуют, что мысль как-либо поживиться на счёт ближнего – постоянна у эгоистов и что, в силу этого, враждебные отношения между эгоистами заявляют о себе сплошь и рядом. Они и впредь, несмотря ни на что, конечно, будут заявлять о себе. Моралисты напрасно придают слишком большое значение „промышленному духу“, как средству для взаимного примирения народов, потому что пока в основе этого духа не будут лежать чисто-нравственные элементы, как моменты, проникающие собой промышленные стремления, до тех пор ненормальности в течение промышленной жизни народов будут неизбежны, а через то неизбежны же будут и такие или иные столкновения и между представителями и выразителями последних. То, конечно, правда, что „в настоящее время выработалось в теле человечества общее чувствилище“, именно „в сфере экономической“, вследствие чего „какой-нибудь промышленный кризис в Нью-Йорке чувствительно отражается сразу в Москве и Калькутте, между тем, как „всякая серьёзная и продолжительная война сопровождается величайшими экономическими потрясениями, которые, при теперешней связи частей всего земного шара, будут потрясениями *всемирными*“. То правда, что это обстоятельство является „достаточным основанием для совершенно неведомого прежним временам *страха перед войной*, который обуял ныне все образованные народы“ (В. С. Соловьев: „Оправдание Добра; СПб, 1897., стр. 532–533; 2-е изд. 1899, Москва, стр. 492)... Но, тем не менее, отсюда нет возможности заключить (как то делает, напр., В. С. Соловьев) „о близком конце войн“ [ibid., стр. 533 (1-ое изд.), стр. 493 (2-ое изд.)]. Сами факты из последних лет говорят прямо против подобных

заклучений. В этих фактах, – мы прямо убеждены, – не будет пока недостатка и впредь. Указанного рода страх, сколь бы велик ни был он, однако, не может сам по себе свидетельствовать о том, во свидетеля чего призывается, так как в человеке есть побуждения и посильнее страха. Разумею все тот же человеческий эгоизм. Весьма резкое оскорбление его обыкновенно настолько сильно отзывается в оскорблённом, что этот, ни во что считая страх потерпеть внушительный и опасный отпор от заведомо более сильного, чем он, оскорбителя, ожесточённо нападает на последнего, чтоб доставить хоть какое-либо удовлетворение своему эгоизму. Кроме того, в качестве условий, в свою очередь, также отчасти могущих парализовать собой страх, часто привходят: 1) некоторая, даже и неосновательная, надежда, но, однако, не оставляющая человека и в самые крайние минуты его жизни, надежда, что, быть может, счастье, наперекор всему, повернётся в его сторону; 2) боязнь иным отношением к своему обидчику, навлечь на себя со стороны окружающих упрёк в трусости и, наоборот, желание получить от них похвалу своей доблести, тем более сильную, чем более он рискует собой, и проч. и проч. В самом деле, что может значить страх потерпеть какие-либо экономические потери, как бы велики они ни были, по сравнению со страхом потерять человеку даже свою жизнь, напр., на дуэли, и, однако, дуэлянтов такой страх не расхолаживает, и число дуэлей вообще не уменьшается (скорее наоборот), так как эгоизм, даже и ложно понимаемый, толкает и их, и всех других на явно рискованные дела и всегда будет толкать их (всё это особенно надлежит сказать об американской дуэли, где кто-либо из дуэлянтов непременно должен умереть). Равным образом, кому же неизвестно, что даже смертные приговоры не влекут за собой, в качестве следствия, уменьшения числа тяжких преступлений, так как страх, какой хотели бы внушить этими приговорами людям, в действительности, однако, парализуется другими, более сильными, гнездящимися в человеке, условиями?.. Что можно сказать об отдельных лицах, тоже надлежит сказать и о целых народах и, при том, в ещё большей даже степени: помимо

указанных условий, здесь выступает на сцену ещё и то обстоятельство, что страх не оказывает столь сильного влияния на целый народ, какое он оказывает на отдельных людей, причём у каждого из членов народа может иметь место мысль, что опасность не коснётся его лично, а если и коснётся, то ведь „на миру и смерть красна“... Нет, страх бессилен в борьбе с трактуемым нами злом! Напр., Испания, несколько лет назад, решившись воевать с С. А. С. Штатами, разве не шла на явную гибель, которую предвидели все здравомыслящие люди? Предвидела роковой исход, конечно, и сама Испания, в лице большинства своих, не ослеплённых лживым представлением дела, граждан, на страх перед таким исходом, однако, не удержал её от опасного шага. Она понесла громаднейшие, неисчислимы потери, перешла на линию третьестепенной державы, но, по крайней мере, эгоистическое чувство её в известном смысле и степени удовлетворено, – по крайней мере, она проявила засвидетельствованное самими её врагами беспримерное мужество и отвагу, и если всё-таки не победила врага, то потому, что, по пословице, „плетью обуха не перешибёшь“... А недавний вызов по адресу Англии со стороны Трансвааля и Оранжевой республики? Не похож ли он на вызов одним человеком целой сотни, даже тысячи врагов? Где тут рассуждать о страхе!.. О японцах здесь не говорим, так как они, опьянённые дешёвыми успехами десять лет назад (в 1894–5 гг.) и подстрекаемые своими доброжелателями, по-видимому, имеют ложное представление о силах своих и – противника.

Другие моралисты, сознавая непреложность истины, что вне нравственной области невозможно искать средств для умиротворения людей, в качестве этих средств рекомендуют то третейский суд, который, предполагается, будет руководствоваться только одними нравственными мотивами, то чуждую маккиавелистического духа международную политику, то учреждение „священных союзов“ и проч.

Все такие и подобные им меры, покоясь на нравственной основе, уже по этому одному, конечно, должны быть признаны имеющими известное значение, каковое они действительно и

имеют, хотя и это, как увидим, по существу своему не безусловно, не довлеюще для своей цели.

Третейские суды возникают по желанию двух лиц или наций и проч., спорящих между собой по тому или иному поводу. Не желая прибегать к насильственному отстаиванию своих прав или потому, что грубая, внешняя сила ещё ничего не доказывает, или потому, что война, по их мнению, зло, которого надлежит избегать всячески, или по другим причинам, данные лица или нации по взаимному согласию избирают совершенно постороннего в отношении к ним суд, нисколько не заинтересованного в спорном деле, и просят его беспристрастно решить последнее, обещаясь подчиниться этому решению, каково бы оно ни было.

Если бы третейский суд всегда достигал своей цели, тогда, разумеется, нельзя было бы что-либо особенное и возразить против него. Но не говорим уже о тех случаях, когда решения третейского судьи могут быть по существу неверны и когда, следовательно, они не могут умиротворить враждующих сторон, – в данном случае обращает на себя внимание и другая ещё сторона дела: отдавая известный вопрос на решение третейского судьи, каждая сторона, как более или менее убеждённая в своей правоте, обыкновенно бывает более или менее уверена, что вопрос решится в её именно пользу. Решение, неблагоприятное для одной из них, естественно возбуждает в последней неудовольствие, тем более сильное, чем существеннее и важнее для неё было спорное дело. И нет ничего удивительного в том, если считающая себя обиженной сторона в конце концов не удовлетворится третейским решением, особенно – если чувствует себя достаточно сильной по сравнению с противной ей стороной, – и захочет решить дело войной. Один из новейших моралистов (– Гёфдинг: *„Этика или наука о нравственности“* стр. 378) в данном случае и высказывается как раз в этом именно смысле: „третейские суды между государствами“, говорит он, „теперь уже не особенная редкость, хотя вопросы, разрешаемые ими, не принадлежат к числу самых жгучих и решающих; эти последние обыкновенно предпочитается решать силой, когда уверены, что эта сила

есть“. Вот недавно также происходила война между Англией и Трансваалем (и Оранжевой республикой). Почему бы, не доводя дела до войны, было не уладить его мирно при посредстве третейского судьи? Да потому, что эгоизм англичан не позволил им этого: они знали, что третейский судья выскажется не в их пользу, а в интересах Трансвааля, как страны, поведение которой было легально; но подобный исход дела – удар их эгоизму; отсюда война, где грубая физическая сила сломила слабую соломинку. „Предъявленное“ в лондонской палате (5-го октября 1899 г., вечером) „Диллоном и Лабушером“ „требование, чтоб, во избежание дальнейшего кровопролития, сделана была попытка прибегнуть к третейскому суду на основании постановлений Гаагской конференции, – отвергнуто большинством голосов“ („Нов. Вр.“ от 7 окт. 1899 г., № 8481, стр. 1). Комментарии, надеемся, излишни. перед началом русско-японской войны, в свою очередь, носились слухи (после оправдавшиеся) о рассмотрении спорных пунктов третейским же судом. Но японцы не хотели о том и слышать и вероломно начали войну, которая, конечно, приведёт их к гибели...

Политика (международная), чуждая маккиавелистического духа, есть нечто весьма и весьма похвальное и безусловно-желательное, но в то же время – мечта, на осуществление которой надеяться не можем, – не можем особенно теперь, когда такими правами пользуется так называемый „политический или дипломатический антиномизм“, произвольно обособляющий „мораль частной жизни и общественной“, следующий (в той или другой степени и смысле) принципу: „цель“, – притом, часто понимаемая совершенно ложно, близоруко..., „освящает средства“³⁸⁴...

Так называемые „священные союзы“ между государствами весьма желательны, но, с одной стороны, история прошлого в данном случае может разочаровать многих (разумею, напр., „союз“ 1815)³⁸⁵, а с другой, заключение таких союзов возможно лишь под условием известного стеснения эгоизма заключающих его... А в этом стеснении (не призрачном, а действительном) эгоистических склонностей и стремлений и заключается весь вопрос. Впрочем, некоторая польза „подобных“ союзов всё же

несомненна: союз, например, России с Францией, хоть и не „священный“, плодотворен.

Но довольно! О других средствах, рекомендуемых кем-либо для прекращения в будущем войн, не станем уже говорить, так как эти средства *совсем сомнительны* в нравственном отношении. Например, недавно умерший (летом 1903 г.) русский учёный Филиппов мечтал об „изобретении такого убийственного средства ведения войны, при котором вести войну стало бы невозможно“. „Странно здесь то, что люди хотят добиться гуманных целей антигуманным путём... Народы хотят жить мирно, а не могут стать мирными... при данной им свободе: воевать или не воевать. И потому мечтают лишиться себя этой свободы, заставить себя отказаться от войны, став друг для друга не добрыми, а страшными, настолько страшными, чтоб уж нельзя было и подумать о войне“ (Биржев. Ведом. 1-е изд., № 83; 15 февр. 1904 г., стр. 2: *„Военно-гуманные цели“ В. Гайдебурова*). Об этом и подобных средствах говорить уже не будем, потому что *внешние меры, не нравственные, даже противо-нравственные*, никогда не принесут существенной и прочной пользы...

Мы не принадлежим к числу политиков или политиканствующих и если позволили себе сказать несколько слов по вопросам о третейском суде, чуждой макиавелистического духа политике и проч. и проч., то единственно с той целью, чтоб показать, что надлежит для уврачевания трактуемого нами зла искать не внешних только и не временных лишь средств (хотя не зачем совсем отказываться и от этих), а *главнейшим образом следует разыскивать средство внутреннему которое могло бы исцелить болезнь в её корне, в её существе*. А такое средство, – повторяем сказанное нами раньше, – одно: зло произошло от эгоизма; эгоизм и надлежит подавлять, и чем сильнее будет иметь место стеснение последнего, тем меньше и меньше придётся говорить о возникновении войн, раздоров и несогласий как между народами, так и между отдельными лицами, потому что, при наличности того условия, такие разногласия, раздоры стали бы просто-таки непонятными. И так,

надлежит заботиться с особенной настойчивостью об употреблении в дело именно данного средства. А так как сразу изменить положение вещей нельзя, то ближайшим образом надлежит христианским народам воспитывать молодые поколения в истинно-христианском духе, в духе всепрощающей любви, в духе, чуждом противного христианству эгоизма... При этом условии, по крайней мере, в будущем (хотя бы и отчасти отдалённом) последний стал бы всё более и более отступать назад, а вместо него выдвигалось бы начало противоположное, – о войнах и раздорах не пришлось бы уж так часто или даже и вообще слышать... (особенно, если б распространился свет Христов и между языческими народами), наступило бы, наконец, царство мира, „мира вечного“... Но исполнятся ли наши чаяния, или нет, определённо сказать, конечно, нельзя... Однако, как хорошо было бы, если б они исполнились и если б человечество в будущем настолько изменилось к лучшему, настолько стеснило свой эгоизм, что все дела стало бы решать единственно в духе и по руководству любви, любви христианской... „Поживём-увидим“, – если и не мы, то, быть может, увидят наши внуки, наши отдалённые потомки!..³⁸⁶

А теперь, когда *силой необходимости* мы вовлечены в войну, – употребим все свои усилия, чтоб помочь нашему дорогому отечеству – кто-чем в состоянии... Да живёт и процветает Россия – великая наша родина! Да распространит она культуру, культуру истинную, свет Христов между всеми азиатскими народами! Да здравствует и благоденствует Великий Государь наш, наш Державный Вождь, наш Отец... на счастье наше и всего человечества!..

Проф. А Бронзов

Зверев А. К вопросу о способах обличения неправды раскольничьей ³⁸⁷ // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 1094–1104

Вооружаясь против производящих устные собеседования со старообрядцами миссионеров, о. Митрофан говорит: „веро-проповедники нередко разыгрывают из своей персоны уши и очи особ, с именами коих связаны для малых человеков (?), – коих каждый может обидеть безнаказанно, – огонь и жупел неизрекаемый. Некоторые из таких беседователей корчат (?) из себя начальственных надсмотрщиков-ревизоров (вопреки обнародованным правилам 1888 г. о способе миссионерского действия) перед почтенными личностями. Таким поведением, понятно, в корне подрывается взаимодоверие. Посланцы, особенно из молодых (?) да ранних (?) самородков, начинают невольно напоминать собой упразднённых за ненадобностью церковных исполнителей (108 правило Карф. собора), надзорщиков и доносчиков, вызывая к себе справедливое негодование со стороны рядовой и обременённой делами многими священствующей братии своими деспотическими замашками и жалобами на окружное духовенство, не угодившее, чем-либо не потрафившее (?)³⁸⁸ объездчику“.

Что послужило о. Митрофану основанием для таких нареканий на православных миссионеров? Знает ли он сам непосредственно таких миссионеров, которые, якобы, „корчат из себя начальственных надсмотрщиков-ревизоров перед почтенными личностями“, занимающихся одними только „доносами, деспотическими замашками и жалобами на окружное духовенство“, или же он судит так о миссионерах на основании одних только „доносов, деспотических замашек и жалоб“ на православных миссионеров со стороны их врагов и недоброжелателей, в числе коих первое место занимают, конечно, раскольники? Всего вероятнее предположить, конечно, последнее, ибо если бы о. Митрофану были лично известны некоторые из миссионеров с теми качествами, какие он им приписывает, то несомненно достопочтенный обвинитель не

преминул бы упомянуть об этом обстоятельстве, придав тем, хотя бы некоторую, основательность своим нареканиям на „непотрафивших“ чем-то ему миссионеров.

Насколько заслуживают доверия голословные обвинения о. Митрофана на православных миссионеров в их, якобы, „доносах и жалобах на окружное духовенство“, предоставляю судить читателям и лицам, несомненно ведущим о их миссионерской деятельности. От себя же почитаю долгом сказать, что трудящиеся на пользу св. церкви, не угодившие о. Митрофану миссионеры не заслуживают его укоризненно-ругательного о них отзыва; – не заслуживают уже потому, что плодотворность их миссионерских трудов может засвидетельствовать каждый из множества оставивших раскол и перешедших в православие, у которых зарождались и усиливались сомнения в правоте раскола, в большинстве случаев, под влиянием разговоров их с миссионерами, или слушания миссионерских бесед.

Отец Митрофан, как лицо, облечённое священным саном, по своим пастырским обязанностям должен бы оказывать миссионерам сочувствие и братскую любовь, в виду достижения общей с ними цели, – более успешного действия против заблудших через вразумление их в истинах православной веры, а не обвинять миссионеров в их якобы „доносах и жалобах на окружное духовенство“. Такое ни на чём не основанное обвинение миссионеров в доносах и жалобах на окружное духовенство, действительно, должно произвести на них, как не заслуживающих ничего подобного, весьма тяжёлое и грустное впечатление, а в духовенстве породить враждебное к ним настроение и тем „в корне подорвать взаимодоверие“.

Обвинение о. Митрофана в доносах и жалобах на окружное духовенство касается, главным образом, молодых миссионеров, не получивших богословского образования, или, как называет их сам обвинитель, „молодых да ранних самородков“. Не принадлежу ли и я к этой категории? Посему считаю своим долгом объяснить о. Митрофану, что около двух лет с помощью Божией занимаюсь я миссионерской деятельностью, производя беседы со старообрядцами по разным назначенным мне сёлам и деревням, я за всё это время ни разу не был ещё у

преосвященного, не говоря уже о каких-то там доносах и жалобах на окружное духовенство, если же когда и случится быть, то уж, конечно, не с „доносами и жалобами на окружное духовенство“, а по каким либо миссионерским надобностям или по вызову самого преосвященного. Я знаю, что есть великое множество и других подобных мне миссионеров, которые в течение многих лет, если и бывали у преосвященных, то большей частью по желанию самих же преосвященных, но без всяких доносов на духовенство. Далее о. Митрофан отрицает пригодность устных собеседований на том основании, что

„книжно-мёртвое толкование истины веры и благочестия из старопечатных книг зачастую укрепляет ещё сильнее в слушателях приверженность к букве, развивает книговерие, не смягчая загрубелые сердца Евангельским учением всепрощения и любви. – При разборе мелочных мнений Священное Писание заброшено и какой-нибудь Сборник-Цветник поглощает Евангелие, становится важнее, ценнее самой Библии“.

Такие рассуждения о. Митрофана обнаруживают в нём полное незнание как с действительным производством бесед, так равно и с убеждениями именуемых старообрядцев и отношением их к излюбленным ими обрядам и книгам.

Откуда известно о. Митрофану, что на беседах со старообрядцами Свящ. Писание бывает заброшено? Напротив, слово Божие при названных беседах всегда служит главной опорой православных миссионеров, которые обыкновенно с него и начинают их. Если же на собеседованиях и употребляется иногда „какой-нибудь“ „Сборник-Цветник“, то это ведь не значит ещё, что Свящ. Писание уже заброшено. Употребление на беседах со старообрядцами какого-нибудь Сборника или, вообще, старопечатных книг бывает необходимо потому, что старообрядец не поверит никаким доводам миссионера до тех пор, пока ему не будет доказано его неправомыслие словами этих именно книг, которые он, действительно, считает иногда „важнее, ценнее самой Библии“. Притом, православный миссионер в беседе с каким-либо „приверженцем буквы“ – раскольником, особенно же, когда последний вычитывает из какого-нибудь „Сборника-Цветника“

благоприятствующее, по-видимому, его убеждению место, всегда ставит на вид собеседнику слово Божие, святоотеческие писания, и старается разъяснить, что последние должны иметь преимущество перед вычитываемым им местом из излюбленной „старой книги“. Вообще миссионеры всегда, при беседах со старообрядцами, стараются – как им, так равно и православным, внушить должное внимание к слову Божию, святоотеческим писаниям и указать на отличие их от уважаемых старообрядцами разных Соборников и Цветников. Где же тут „поглощение Евангелия какими-нибудь „Соборниками-Цветниками“? Очевидно, что о. Митрофан утверждает неправду.

Не более прав о. Митрофан и далее, когда говорит, что „голое, простое опровержение лжеучений, без положительного ознакомления прихожан с заповедями Закона Божия, бессильно само по себе предохранить малосмысленных от уклонения в старую веру“.

Здесь о. Митрофан опять обнаружил незнакомство с действительным ходом бесед со старообрядцами.

Разоблачая заблуждения именуемых старообрядцев в отчуждении их от прав. церкви, миссионеры обыкновенно разъясняют им, что спасение возможно только в единой, святой, соборной, апостольской церкви, с которой предки их произвели раскол, а посему и они, продолжающие заблуждение предков, не могут иметь надежды на спасение, ибо, по учению св. отцов и учителей церкви, греха раскола и „кровь мученическая загладить не может“. Или ещё. Опровергая лжеучение именуемых старообрядцев, что истинная церковь может, якобы, остаться без епископа и седми таинств, миссионеры доказывают им, что, утверждая так, старообрядцы показывают своё неверие Самому Христу, обещавшему, в лице апостолов, пребывать с епископами во вся дни до скончания века и сохранить церковь Свою неодоленной от всех вражеских на неё нападений.

Что же, – неужели все это есть „книжно-мёртвое толкование истин веры“, способное „укрепить в слушателях приверженность к букве“, как утверждает о. Митрофан? Не может ли, напротив, такое учение православных миссионеров не только

„предохранить малосмысленных от уклонения в старую веру“, но и самых именуемых старообрядцев заставить задуматься над своим положением в расколе? Правда, миссионерам приходится говорить на беседах и о неважных самих по себе предметах: перстосложении, аллилуиа, числе просфор и проч., но это опять-таки потому, что старообрядцы из-за этих мелкостей обвиняют православную церковь в ереси и отделяются от неё. Беседуя со старообрядцами о таких, неважных по существу, предметах, православные миссионеры всегда доказывают им, что перстосложение, число просфор, сугубое аллилуиа и другие излюбленные старообрядцами обряды не догматы веры, а только именно обряды; обряды же и в древней церкви были не одинаковы и по временам изменялись ею и приводились на лучшее, а некоторые даже и вовсе отменялись, а посему из за разности обрядов несправедливо делать разделения с церковью и тем лишать себя вечного спасения, – тем более, что употребляемые церковью обряды, из за которых глаголемые старообрядцы прерывают единение с нею, существовали и в древности, задолго до патриарха Никона. Скажите, – разве опять это „книжно-мёртвое толкование истин веры, укрепляющее в слушателях приверженность к букве?!

Глаголемые старообрядцы весьма любят хвалиться перед православными своим мнимым древле-благочестием и обвинять во мнимых ересях Греко-российскую церковь. Эта их характерная черта, не говоря уже о их наставниках, присуща каждой, умеющей по складам разбирать псалтирь, а иногда даже и совсем неграмотной, женщине. Вот почему везде, где именуемые старообрядцы живут совместно с православными, всегда можно наблюдать, что последние терпят какую-то приниженность перед старообрядцами и, как бы, чувствуют перед ними своё недостойнство, а нередко бывают даже и соращения в „старую веру“. Но это бывает только лишь там, где православные бывают неспособны дать старообрядцам разумный и основательный отпор и разоблачить их лжеучение и лицемерную набожность. А где среди православных находятся лица способные к разоблачению раскольнических мудрований,

там имеет место совершенно обратное явление, – там православные уже сами заговаривают со старообрядцами о вере, а сии последние, чувствуя своё бессилие защитить именуемую „старую веру“, принуждены, скрепя сердце, отмалчиваться или же отсылать таковых к каким-нибудь своим архизащитникам-верховодам; бывает и так, что иные из них, после частых и беспристрастных рассуждений с православными, оставляют свои заблуждения и обращаются в спасительную ограду Христовой церкви. Но такое отрадное явление среди православных только тогда и возможно, когда в данной местности производились или производятся правосл. миссионерами публичные и частные беседы, на которых слушатели обыкновенно получают правильное понятие о церкви и расколе, а где эти беседы никогда не производились и не производятся, там такое явление немыслимо. Всё это хорошо известно всякому, кто близко знаком с бытом и характером раскола и наблюдал за тем влиянием, какое производят устные собеседования – как на самих старообрядцев, так равно и на православных. Лично мне, за небольшой сравнительно период миссионерской деятельности, не раз приходилось, по окончании бесед со старообрядцами, выслушивать от православных сердечную благодарность „за разъяснение“, как они сами выражались, добавляя при этом, что теперь уже старообрядцы не могут более хвалиться перед ними своим мнимым древле-благочестием, ибо они, православные, знают теперь, что спасение возможно только в той церкви, от которой отделились старообрядцы, т. е. в Греко-Российской, православной, и что все так называемые старообрядцы, не находясь в единении с сей церковью, не могут иметь и надежды на спасение. Это ли „укрепление в слушателях (устных собеседований) приверженности к букве“?!..

Все дальнейшие порицательные разглагольствия о. Митрофана о миссионерах, а именно: обвинение их в „заваривании (своими беседами) каши“, которую они „предоставляют расхлёбывать местному клиру“, в мнимой лживости и вымысленности их отчётов, „представляемых владычному благовоззрению“ и проч. тому подобное, – есть, по

моему крайнему убеждению, одно только голословное глумление и несправедливая клевета на православных миссионеров, трудящихся во славу Св. Христовой Церкви.

„Путём хождения на собеседования, продолжает о. Митрофан, слушатели получают страсть к спорам о вере, среди некоторых возбуждается ещё и сомнение в истинности исповедуемого, содержимого учения“. Так утверждает о. Митрофан. А мы, напротив, на основании опыта утверждаем, что „путём хождения на собеседования“ православные слушатели получают истинное понятие о той церкви, к которой принадлежат, а тем самым научаются по достоинству ценить её значение и приобретают твёрдость своих убеждений в её спасительности и святости; старообрядцы же (разумею старообрядцев честных и богобоязненных, а не тех которые, потеряв совесть и страх Божий, служат расколу из расчёта) постепенно смягчают свой фанатизм и вражду к православной церкви и, с помощью Божией, оставляют свои заблуждения. Говоря о „сомнениях в истинности исповедуемого, содержимого учения“, получаемых некоторыми (очевидно православными), якобы, на беседах, о. Митрофан, вероятно, не знает, что во многих местах беседы со старообрядцами производятся при полном отсутствии (исключая приходского священника и самого миссионера) православных. Спрашивается, может ли здесь быть и речь о „сомнениях в истинности содержимого учения“, получаемых, будто, православными „путём хождения на собеседования“? Недалеко ещё то время, когда православные, жившие совместно со старообрядцами, находились в состоянии колебания между Церковью и расколом, иначе сказать, тяготели к расколу. Так, эти православные явно предпочитали двуперстное сложение троеперстному, так называемые старые обряды и книги – исправленным обрядам и книгам. На беседах миссионеров со старообрядцами эти православные иногда публично выступали защитниками старообрядцев против церкви; эти православные часто по целым годам не исповедовались и не причащались в православных церквях от православных священников, часто целыми семьями, а иногда и целыми деревнями сворачивались в раскол. Можно

назвать сотни деревень, численностью от ста до трёхсот дворов в каждой, в которых 50–60 лет назад старообрядцев было несколько домов, а впоследствии, особенно в начале 60-х годов минувшего столетия, они стали совершенно раскольническими, так что в них не оставалось ни одного православного двора. Когда же, преимущественно трудами и заботами в Бозе почившего о. архимандрита Павла, были учреждены миссионеры, то колебание православных между церковью и расколом почти повсеместно, где было учреждено миссионерство, прекратилось; православные совершенно успокоились, вполне утвердились в сердечной преданности церкви. Если бы было необходимо, то мы могли бы назвать имена этих лиц и местожительство их. Эти лица подробно могут объяснить, как они удержались в православной церкви и не совратились в раскол потому именно, что их слуха, ума и сердца коснулось слово миссионеров. Какую пользу уже принесли миссионеры за 40 или 30 л. существования своего, при том – в малом числе, при малом обеспечении, при неустройстве самого дела и многочисленных препятствиях – не только от чужих, но даже и от своих, – это можно видеть из описания миссионерской деятельности в Макарьевском и Варнавинском уездах Костромской епархии, в с. Ключах Саратовской епархии, в с. Паиме Пензенской епархии, в Оренбургской епархии, в Городце и окрестных местностях Нижегородской епархии, в Гуслице Московской епархии, в Червлённой, Прочно-Окопской и Кавказской станицах и др. весьма многих местностях. Беседы миссионеров в этих местностях привлекли десятки, сотни и даже тысячи старообрядцев к соединению со св. Церковью, в них же возникли и возникают трудами и тщанием тех же миссионеров единоверческие приходы. Для примера указываю плоды миссионерских бесед в Макарьевском уезде Костромской епархии.

„Когда приснопамятным о. архимандритом Павлом дан был толчок нашей внутренней противо-раскольнической миссии, – говорит один священник единоверческой церкви, – когда пошли из матушки Москвы во все стороны нашего отечества труженики

миссионеры, был вызван в Костромскую епархию слепец-миссионер А. Е. Шашин. Нетронутая раскольничья масса зашевелилась. И здесь Феодоровско-Сергиевское Костромское Братство открыло свои действия. Появились у нас свои миссионеры. Архипастырь наш преосвященный Виссарион, хорошо знакомый по Москве с расколом и миссией, принял под своё покровительство юную миссию. Благодаря проповеди миссионеров, тёмная раскольничья масса начала понимать, что вожаки её обманывают её, что вне св. церкви гибель, без благодатных таинств и священства нет спасения. Раскольники начали искать выхода из своего тяжёлого положения. Идти сразу в православную церковь казалось им очень страшно, по причине приверженности их к старым обрядам³⁸⁹. Явилась нужда в единоверческом храме. Главный почин в деле присоединения раскольников по Макарьевскому уезду принадлежит местному раскольничьему начётчику Ф. Н. Смирнову (ныне единоверческий священник), крестьянину деревни Боженок. Принадлежа к секте „нетовцев“, Ф. Смирнов был рьяным защитником своего упования; из деревни в деревню возили его богачи раскольники для возражения миссионерам“. После многих таких бесед с миссионерами, Феодор, наконец, пришёл к убеждению, что „беда раскольникам, что церковь права!..“ „Особенно сильно поколебал мои убеждения, говорит сам о. Феодор, миссионер И. П. Ломакин, после беседы с которым я решил бросить всё, ехать в Москву и на месте проверить по библиотекам и музеям драгоценные „выписки Адриана Озерского“... Здесь же в Москве Ф. Н. Смирнов встретился с о. протоиереем Крючковым. Беседы с последним окончательно развеяли все его сомнения. По приезде домой, где его ожидали раскольники с особым нетерпением, думая, что теперь его защита раскола будет сильней, он начал сначала с более близкими советоваться и говорить, что их положение губительно и вообще около года уговаривал он своих собратьев оставить раскол и всячески обличал его неправду. Результатом его собеседований и было то, что через год, после поездки его в Москву и бесед с о. Крючковым, несколько деревень прислали к о. Крючкову

просьбу приехать к ним для бесед, а некоторые – для присоединения их к церкви. Крючков немедленно прибыл, многих присоединил к православной церкви и произвёл несколько публичных бесед... Сильно заволновались раскольники; присоединение их наставника, а с ним нескольких деревень – начало, положенное для единоверческих храмов – их положительно ошеломило!.. Быстро началась постройка новых церквей, чаще стал навещать Макарьевский край протоиерей Крючков. Слово проповеди чаще стало слышаться здесь, поддерживая дух в новоприсоединённых и обличая неправоту раскола. В октябре месяце 1901 года храмы были готовы и освящены... Ещё не освящены были храмы, как от многих раскольничьих деревень на имя о. Крюкова стали поступать просьбы приехать побеседовать. Почти весь уезд всколыхнулся. Присоединения были массовые, – бросали раскол целыми деревнями. В следующем 1902 году устроено и освящено ещё два единоверческих храма. В том же году, преимущественно трудами о. Крюкова, воссоединились с церковью ещё несколько сот раскольников; и для них разрешено устроить четыре единоверческих храма“ („Миссионерск. Обозр.“ 1903 г. Февраль № 3, стр. 390–393).

Таковы действительные плоды трудов миссионеров. Какое же основание имеет о. Митрофан отрицать плодотворность миссионерских трудов во славу св. церкви, – с явным желанием упразднить даже и само имя миссионеров, особенно же из не получивших официального образования – „самородков?“ Но эти-то самые, нежелательные о. Митрофану, самородки – о. архимандрит Павел, Егор Антонов, о. Филарет и М. Е. Шустов (ныне игумен Преображенского Гуслицкого монастыря), о. Ксенофонт Крючков, слепец А. Е. Шашин, И. П. Ломакин, о. Феодор Смирнов и многие другие своими, поистине самоотверженными, миссионерскими трудами принесли и приносят великую и незаменимую пользу св. церкви в борьбе с расколом.

В самом деле, – не будь о. Павла, не пойдя „из матушки Москвы во все стороны нашего отечества труженики-миссионеры“, в роде – Крюкова, Шашина, Ломакина и других,

Макарьевский уезд, а равно и многие другие подобные ему уезды, несомненно, до сих пор оставались бы во тьме душепагубного раскола, тогда как теперь, благодаря беседам этих миссионеров, они все озарены светом истинного учения Христова и удостоены спасительного единения с Св. Его Церковью.

Заканчивая свою статью „о способах обличения неправды раскольнической“, о. Митрофан говорит:

„Таким образом публичные собеседования – характера полемического меч обоюдоострый, – палка о двух концах, своего рода самобичевание, где всплывают на поверхность промахи и ошибки прошлого, тёмные дела минувших дней“.

И так, по мнению о. Митрофана, публичные собеседования потому ещё, будто бы, вредны, что, благодаря им, „всплывают на поверхность промахи и ошибки прошлого, тёмные дела минувших дней“. Но что лучше, – оставить эти „промахи и ошибки прошлого“, служащие, как известно, одним из препятствий, заграждающих раскольникам вход в православную церковь, нетронутыми, или же, путём разъяснений, убедить раскольников, что сии „промахи и ошибки“, как не составляющие существа веры, не должны служить им препятствием к соединению с св. церковью? Мы не знаем, что ответил бы на этот вопрос о. Митрофан, однако думаем, что даже и он не станет утверждать, что лучше оставить эти „ошибки и промахи“ прошлого, на соблазн и гибель раскольникам, неразъяснёнными. Если так, то, значит, беседы со старообрядцами и в этом случае заслуживают не порицания, а похвалы.

Итак, напрасно о. Митрофан отрицает пригодность устных собеседований, как одного из необходимейших и полезных „способов обличения неправды раскольнической“, ибо собеседования эти приносят великую пользу не только старообрядцам, но даже и самим православным, в смысле научения их сознательно держаться православия и удержания их от соращения в раскол. Такое именно значение собеседований признано и „церковно-общественными деятелями, вверху горы стоящими“. Так, по словам отчёта

Обер-Прокурора Св. Синода К. П. Победоносцева, – „публичные собеседования весьма много содействуют к сближению раскольников с православными, приучая их к откровенности и сглаживая ту неприязнь, которая так долго служила характеристической чертой в отношениях раскольников ко всему православному. Заправители и вожаки раскола поняли, что вести за собой массу людей тёмных, при помощи одного только послабления и потворства их разнообразным прихотям, в настоящее время невозможно и что необходимо представить более или менее определённые и состоятельные основания для их верований. Ведение бесед по старопечатным книгам лишило расколо-учителей возможности распространять среди своих последователей клевету, будто православное духовенство ненавидит старые священные книги, боится и не умеет читать их и потому неспособно найти и указать истину. Собеседования приносят для самих православных ту незаменимую пользу, что воочию, так сказать, показывают им заблуждения раскола и делают их менее доступными для увлечения расколом“ (извлеч. из отчёта за 1885 г. стр. 93–94).

Так как статья о. Митрофана имеет продолжаться, то питаем надежду, что в следующих своих суждениях „о способах обличения неправды раскольнической“ о. Митрофан будет более основателен и правдив.

Мисс. А. Зверев
(Окончание следует).

**Синайский А., свящ. Из истории борьбы и полемики
по вопросу об иконопочитании в древнее и
настоящее время ³⁹⁰ // Миссионерское обозрение.
1904 г. № 1–10. С. 1105–1114**

(По поводу отрицательного отношения к иконам со стороны современных сектантов).

Специальный предмет „Libri Carolini“ составляет полемика против учения об иконах. Это учение было сформулировано на двух соборах – Вифинском и Никейском. Первый отверг иконы, как идолопоклонство; второй восстановил иконопочитание согласно св. Писанию и Преданию. Так как оба эти решения кажутся автору сочинения крайностями, как несогласные ни с Писанием, ни Преданием и ни с здравым смыслом, то он опровергает то и другое. Основания, приводимым членами соборов, автор противопоставляет свои собственные. Избегая их крайностей, автор проводит свой собственный взгляд на иконы. Иконы, по его взгляду, не заслуживают ни того, чтобы они были почитаемы, ни того, чтобы они были изгнаны из употребления. Значение их состоит в украшении храмов и напоминании о прошедших событиях. Поэтому, употребление их вовсе необязательно. Вот главная мысль сочинения „Libri Carolini“. Содержание его можно передать в следующих выводах: оба восточных собора – иконоборческий 754 г. и Никейский 787 г. несостоятельные и негодные; оба они превысили пределы справедливости, впадши в заблуждения относительно икон; почитание (adoratio) принадлежит только Богу, а не иконе, или изображению; святых людей должно только почитать (venerare); бывают случаи почитания людей, состоящие в поклоне и лобызании их, но это бывает только при приветствиях и из любви или смирения; Никейский собор очень несправедливо поступил, предав анафеме непочитающих икон; нелепо возжигать перед иконами свечи и фимиам; если считать иконы за святыню, то нехорошо ставить их для украшения дворца и дороги, как делают это греки.

Всему сочинению предшествует предисловие.

„Церковь, говорится в этом предисловии, мать нас всех, постоянно борется с врагами внешними и внутренними. Но она, при помощи Божией, одерживает победу и всегда может защищать веру. К защите церкви и её возвеличению побуждаемся особенно мы, которым, волей Божией, поручено господство и которые должны стараться защищать её (церковь) от врагов, но так, чтобы не отступать от единства с церковью тому, кто должен быть её членом. Кто не с ней, тот против неё и кто не собирает, тот расточает. Это побуждает нас сказать, что мы приступаем к делу не без некоторого опасения, поскольку имеем возможность ошибиться и заразиться соблазном вместе с слабыми. Так, необузданное честолюбие и тщеславие отуманили не только царей, но и священников, настолько, что при невнимательности к здравому учению и увещанию, – если кто будет проповедовать не то, что проповедано, будь это сам ангел, да будет анафема, – они, через нечестивые соборы, стремятся внести то, что вовсе не думали вводить ни Христос, ни апостолы. И насколько они (т. е. священники и цари честолюбивые) селятся возвысить своё достоинство, настолько они вредят себе. Когда они хотят упрочить плоды своего учения в памяти потомства, они порывают связь с церковью... Недавно был созван собор в Вифинии, на каковом соборе поступлено так неосторожно и дерзко, что решительно уничтожили употребление икон, которые введены древними в употребление как для украшения храма, так и для воспоминания о минувших священных событиях. Странное заблуждение! То, что Господь сказал об идолах, они обнесли и к иконам, не зная того, что икона, или изображение есть понятие родовое, а идол – видовое. Иное дело род, иное – вид. Эти понятия не таковы, чтобы они могли быть заменимы одно другим (*rex erri non posse – невозможно отследить*); потому что всякий почти идол есть изображение, но не всякое изображение есть идол. Тогда как иконы служат для украшения и воспоминания о прошлом, идолы ничему иному не служат, как для жалких умов, увлекаемых пустым нечестивым обрядом. Икона относится к другому, идол существует сам для себя. После этого собора был новый собор, на котором были многие члены собора

Вифинского. Хотя этот новый собор отличается от первого, однако не уступает ему в заблуждении. Если никейский собор не сходится с первым в Вифинии – в решении, то равен ему в нечестии; если он по времени последний, то не последний по преступлению. После произнесения анафемы над Вифинским собором, отвергнувшим иконы, этот постановил поклоняться иконам (*adorare imagines*). Для доказательства своих постановлений, он приводит места то из Св. Писания, то из комментариев отцов. Во всяком намёке на иконы он видит указание на поклонение им. Бессмысленно поступают как те, которые смешивают слова иметь и поклоняться (*habere et adorare*), так и те, которые отождествляют иконы и идолы (*imagines et idola*). Но есть большая разница, между тем, что имеем, и тем, как относимся к тому, что имеем. И если иконы и идолы в том сближаются между собой, что одно – род, другое – вид, то ни родом, ни видом, ни другими сближениями не могут соединяться слова иметь и поклоняться, потому, что можно поклоняться тому, чего у нас нет, чего не имеем, и наоборот: можно иметь то, что не почитаем и чему не кланяемся. Допуская поклонение иконам, собор поступает также несправедливо, как несправедливо поступил собор, отвергнувший иконы. То и другое крайность. С своей стороны, мы, на основании пророческих, евангельских и апостольских, писаний, на основании свят. отцов, которые не могли уклониться от Того, Кто есть путь, истина и жизнь, на основании этого, мы принимаем только шесть св. вселенских соборов, созданных св. и достопочтенными отцами по случаю еретиков. Принимая эти соборы, мы отвергаем все нововведения и глупые выдумки. Мы не только не принимаем, но презираем определения собора, текст которого, лишённый смысла и красноречия, до нас дошёл“. Таково предисловие к „*Libri Carolini*“. После предисловия автор переходит к частному, подробному изложению своего взгляда на иконы.

Он, прежде всего, делает различие между установившимся обычаем употребления в церкви икон и злоупотреблением относительно этого обычая. Цель и значение икон – в том, чтобы пробуждать мысли о жизни святых, не в том, однако-ж, смысле,

чтоб в этом была нужда, потому что жизнь святых должна быть присуща внутреннему религиозному сознанию, – но в том, что иконы, будучи чувственными знаками того, что присуще сознанию, служат украшением церкви. Согласно такому взгляду, порицаются иконо-почитатели, когда они утверждают, что иконы необходимы для возбуждения мыслей о делах святых. Это противно духовности христианства. Говорящие так в высшей степени заблуждаются, – они представляются с такой слабой памятью, что без помощи икон опасаются быть оторванными от служения Богу и почитания Его святых; этим они признают себя неспособными к тому, чтобы возвыситься духом над чувственным. Человеческий дух находится в таком общении с Тем, по образу Кого он создан, что может без внешнего посредства воспринимать в себя истину, которая есть Христос, поэтому было бы весьма нелепо говорить, что дух нуждается в чувственных знаках для того, чтобы не позабыть о Христе. Это свидетельствовало бы о слабости, а не о свободе духа, – свободе, как характеристическом свойстве христианской религии. Религия Христова состоит не во внешних вещах, но в духе, который возвышается до невидимого и сверхчувственного. Какая жалкая память, когда нуждается в созерцании образа для мысли о Христе, Который должен быть неразлучен от сердца верующего!.. Да, несчастна, – потому что не в силах чувствовать в себе присутствие Христа, когда не увидит Его образа на стене, или другом месте... Расположение, которое удовлетворяется одними образами, выходит не из любви сердца, не из внутренних побуждений, но от вида. Таким людям естественно опасаться того, что если они лишатся зрения, или, по какому-либо случаю, не будут иметь икон, то могут забыть о Христе, Который, однако, должен быть в их сердце. Мы, которые следуем не мёртвым буквам, но живому духу, мы, которые не плотской израиль, но духовный, презираем вещественное и уважаем невидимое. – Есть нечто бессмысленное в том, что перед иконами совершаются обряды. Если ты, стоя перед иконами, возносишь фимиам, то мы желали бы иметь на это указание в книгах божественного закона; если ставишь перед иконами свечу, мы желаем удостовериться в

этом из св. Писания. Мне скажут: вы смеётесь над теми, кто возжигает свечи перед иконами и воскуривает фимиам перед ними, между тем вы тоже самое делаете в храмах. На это я отвечу так: иное дело возжигать светильники и воскуривать фимиам в общих местах молитвы, – иное делать тоже самое перед иконой, которая не имеет глаз и ничего не видит, не имеет носа и ничего не обоняет. Иное дело – почитать построенный верующими и освящённый торжественно священниками дом величия Бога, иное дело повергаться перед сделанными живописцем иконами и целовать их. Храмы – это места, где собираются толпы народа, возносится молитва милосердому Богу, совершается жертва спасения, – где присутствуют сонмы ангелов в то время, когда приносится жертва при посредстве священников, – где звучит слово Бога, напоая пустые сердца верующих. Греки склонны придавать более значения иконопочитанию, чем исполнению обязанностей; повелено не *читать иконы*, но *избегать* зла и делать добро. учёные, как стоящие выше невежественной толпы, должны уничтожить суеверие относительно икон. Если Господь произнёс строгий приговор над теми, кто соблазнит единого от малых, то как строго должны будут ответствовать те, которые побуждают почти всю церковь к поклонению иконам. Поклонение иконам – не язычество ли это? – Да, язычество“.

Дабы более показать несостоятельность утверждённого собором учения об иконах, автор в частном изложении своего взгляда прибегает, между прочим, к следующим софистическим приёмам: „Всё, что не имеет успеха, пусто, и всё, что бесполезно, пусто, – итак, всё, что без успеха, пусто. Всё, что необязательно, бесполезно и всё, что бесполезно, не лишено пустоты; итак всё, что необязательно, пусто. Там, где нет никакой пользы, совершенная пустота. В почитании икон нет пользы, ни успеха, ни выгоды, следовательно, в почитании и поклонении иконам совершенная пустота. И для этой-то пустоты собираются и поклоняются иконам. Поистине говорят, суетная всяк ко искреннему своему“.

Подобными же приёмами доказательств автор силится отклонить от себя обвинение, взводимое на противников

почитания икон. „Бессмысленно – 1говорит он, – и достойно смеха то, что нас, противников почитания, называют пустыми на том основании, что Господь, посылая апостолов на проповедь, сказал им, чтобы они оправдали своё посольство, не страшились врагов и таким образом не уподоблялись светильнику под спудом. Обвиняющие нас видят этот свет в иконах и этим измеряют силу веры. Мы не так думаем. Если есть светильник знания, то мы полагаем его в Христе, как начале и источнике света и вместе с пребывающими в церкви измеряем веру сиянием слова и примера“.

Ошибочность иконопочитания доказывается таким образом: „Иное дело почитать заслуженного человека, иное – его образ, или изображение, которое лишено всего. Иное дело почитать человека, как образ Божий, как дело Творца; иное – почитать иконы, которые суть дело художника. Иное дело почитать человеческую природу, – природу, которая в Царе небес почитается ангелами и архангелами, и иное дело почитать то, что служит пользе не только людей, но и животных. Насколько дело Божие превосходит дело человека, действительность – вымысел, разумное – неразумное, духовное – чувственное, живое – безжизненное, настолько почитание, относящееся к живым людям, превосходит почитание икон. Так как Бог не повелел людям, чтобы они почитали иконы, то Он послал Сына Своего для людей, а не для икон. Он хотел, чтобы Его призывали люди, а не иконы. Поэтому самому Господь в евангелии не сказал: не соблазняйте одну из икон, но сказал: не соблазняйте единого от малых сих, потому что ангелы на небеси всегда видят лицо Отца небесного. И апостол увещевает нас преуспевать в добродетели, а не в почитании икон. Так как художник лучше дела, действительность – вымысла, то книга „Премудрости“ говорит: „ни один бо человек может себе подобного бога создати: смертен же сый, мертва делает руками беззаконными“ (Прем.15:17). Сам (человек) лучше их, тех, которых почитает, так как сам жил, будучи смертен, те же никогда не жили. И блаженный Августин говорит: тупоумны те, которые считают дела человека богами. Это говорится об идолах и их почитании“.

„Изучение всякого искусства – продолжает автор развивать свои мысли – требует разнообразных упражнений; живопись есть искусство, – следовательно, она требует различных упражнений. Изучающие это искусство, называемые живописцами, понимают его неодинаково – одни лучше, другие хуже; произведения одних прекрасны, других – безобразны. Само собою разумеется, что те, которые почти всю силу веры полагают в иконах и почитание их не стыдятся причислять к добрым делам, ошибаются, когда почитают одинаково как иконы красивые, так и безобразные. поскольку, если какая икона насколько прекрасна, настолько она имеет святости и добродетели, то необходимо, что икона безобразная не имеет святости и добродетели. И чем хуже икона, тем менее имеет святости, или даже вовсе лишена её. И если более хорошая икона лучше чествуется, то вследствие красоты она имеет и святость. Итак, святость её обуславливается не религиозными мотивами, а умением или деятельностью художника. Таким образом, если почитается плохая икона, то сильно заблуждаются почитатели её, когда думают поклоняться иконе, лишённой красоты. Если же одинаково почитаются как красивые, так и некрасивые иконы, то этим нарушается справедливость, которая воздаёт каждому своё (*uni cuique suum tribuit*). Ибо, когда почитают красивые иконы, то заблуждаются ненамеренно (*casu*), потому что думают, будто бы они почитают нечто святое, а когда почитают безобразные иконы, то они впадают в обман тем, что почитают безобразные иконы, которые, как безобразные, лишены святости. Итак, те и другие заблуждаются, так как, почитая Бога, как Творца всего, почитают вещи, лишённые смысла, ошибаются, когда думают, что почитанием икон воздают честь святым. Одному Богу должно поклоняться; мучеников и святых должно чествовать, но отнюдь не поклоняться им (*venerandi sint, quam adorandi*). Мы имеем на это свидетельства Иеронима, который в ответ одному еретику (Вигилианцию), говорившему, что останки мучеников должны быть почитаемы, сказал: безумный! Кто же поклоняется мученикам? Итак, если по мнению его (Иеронима) не должно поклоняться мученикам, то тем более их изображениям... Тех,

которые всю сущность христианской веры полагают в почитании икон, естественно спросить: потеряют ли бедные ущерб в своей вере, потому что они не имеют возможности приобрести иконы? Выходит, как следствие, что если бедный не имеет добрых дел, то только потому, что он не может приобрести иконы; богатый же имеет добрые заслуги потому, что он в состоянии приобрести то, что даёт ему добродетель, т. е. иконы. Так как последний получает награды не за дела свои, а за вещи (*imagines*), первый же судится за свой недостаток (материальный) (*indigentia*), а не за дела, то выходит, что поклонение иконам в христианской религии имеет излишне большое значение. Сама добродетель теряет, поэтому, в высшей степени свою силу.

Иконопочитание, явно опровергаемое со стороны разума, не подтверждается, по автору „*Libri Carolini*“, и преданием. „Правила – говорит автор – и церковные постановления пророков, апостолов и Самого Иисуса Христа завещаются нам иногда словом, иногда примером; иногда скрытно, иногда явно; иногда – через пророчества, иногда – через простые изречения. Только о почитании и поклонении одному Господу есть указание. Приверженцы почитания икон ссылаются на то, что поклонение иконам установлено апостолами. Если так, то для этого указание нужно основательное. Есть ли оно? Установил ли иконопочитание апостол Пётр, который явно удержал Корнилия от поклонения себе? Ап. Иоанн, желая поклониться ангелу, не услышал ли, чтоб он этого не делал? Не испугался ли апостол Павел, когда ликаонцы вздумали поклониться ему? Не отказался ли от этого и Варнава, бывший вместе с Павлом? Итак, когда ангелы и апостолы отказывались от поклонения им, кто будет настолько дерзок и безрассуден, чтобы поклонение иконам считать установлением апостолов“.

Что касается до ссылки иконо-почитателей на пример Авгаря, которому будто бы Спаситель послал Свой образ, то этот факт, по автору, не подтверждается исторически. „Евангелие“ – говорит автор, – есть „добрая весть“, потому что те, которые принимают его, называются сынами, божиими. Из неизреченного родника рая вытекала четвероточная река, – она незаметно распалась на четыре реки, – и, проходя около сухой

почвы, благотворно её орошала. Есть путь, ведущий к жизни, есть свет, выводящий из тьмы грехов и возводящий толпу смертных к небесам. Есть укрепление прекраснейшего города, укрепление, стать на котором весьма полезно для жизни, а выход из укрепления соединён с большой опасностью. Есть источники сомнительного свойства. В этих источниках говорится о многих замечательных делах из жизни Господа. Есть, напр., известие о том, будто Господь получил письмо от какого-то князя Авгаря и послал ему Своё. Об этих двух письмах совсем не говорится в евангелии. Настоятель Рима и другие православные мужи считают эти письма находящимися в апокрифических сказаниях, но и этого нельзя подтвердить документами. Таким образом, когда известие о письмах не подтверждается кодексом евангелий и по справедливости считается апокрифическим, между тем, на основании этого сказания, утверждено почитание икон собором, то это весьма не благоприятствует почитателям икон, в виду того обстоятельства, что неизвестно, чтобы Авгарь просил у Господа Его образ для поклонения и чтоб Сам Господь всех послал Авгарю Свой образ для поклонения. Если же те, которые свою ошибку стараются поправить тем, что эти письма – одно полученное Господом, другое посланное – не написаны в евангелии, как и многое другое, сделанное Господом, если, говорю, они ссылаются на слова ап. Иоанна: суть же и ина многа, яже не суть писана в книгах сих, – то ясно, что он говорит о чудесах, а не о письмах, о значениях, а не установлениях (*constitutiones*). Что о письмах не упоминается в евангелии, что, поэтому, они считаются апокрифическими и что в них нет ни малейшего намёка на поклонение иконам, это очевидно“.

„Иконопочитатели, говорит далее автор, сами себе противоречат, когда иконы называют святыми и священными и в то же время ставят их на местах и улицах, которые большей частью бывают нечисты. Лица, о которых речь, соединяют две вещи совершенно несовместимые. Как несовместимы между собой свет и тьма, теплота и холод, так несовместимы освящение и осквернение, чистота и грязь. Отсюда ясно, что они в высшей степени ошибаются, поставляя иконы на местах

неприличных, – иконы, которые считаются ими святыми. Будучи поставлены в таких местах, иконы лишаются той святости, какую им приписывают. Всё святое чисто, ничто чистое не – несвято, следовательно, ничто святое не нечисто. И если, по желанию поклонников икон, последние ставятся в местах непристойных, то следует, что они не чужды нечистоты, которая противоположна святости. Если так, то они никоим образом не могут считаться святыми“.

Когда таким образом поклонение иконам несогласно ни с здравым смыслом, ни св. писанием и преданием, то ложно собор, утвердивший иконопочитание, считается православным. О нём известно, что он не был созван всей церковью. Между всеми ошибками, сделанными на этом соборе, самая важная та, что он называется вселенским, тогда как он, с одной стороны, не имеет чистоты вселенской веры, с другой – его деяния не закреплены авторитетом всех церквей. Как вселенская церковь названа греческим именем – „кафолической“, так и всё, что не отступает от её единства, может назваться кафолическим. Всякое христианское учение, учреждение или предание должно быть таким, чтобы оно согласовалось с единством церкви. Этого не соблюдали еретики, составлявшие в разных местах скопища (*conventicula*), которыми они отторгали и себя и других от единства с церковью. Когда епископы двух или трёх провинций собираются вместе и когда они, руководясь каноническими правилами, постановляют учение, или догмат, то это дело кафолическое, православное, потому что не отступает от определений отцов, – и поэтому самому может быть названо вселенским, хотя оно сделано и всеми частными церквами. Дело в том, что это местное постановление не отступает от веры и предания. Эти примеры бывали часто, бывали по необходимым обстоятельствам: ибо много было частных соборов, постановления которых свято принимаются и утверждаются церковью. Когда же епископы двух или трёх областей собираются вместе и, желая постановить нечто новое, делают такие определения, которые несогласны с уставом вселенской церкви, но во многом от него отступают, то это собрание – неправославное и не может назваться вселенским.

Всё, что церковно, православно, и всё, что православно, имеет характер вселенский, всё же вселенское чуждо незаконного, нового. Итак, всё, что церковно, не имеет нечестивых нововведений. Если бы рассматриваемый собор не вводил незаконно-нового, и если бы он был согласен с древними постановлениями, то его можно бы назвать вселенским. Но так как он расходится с древними учениями, то он не может быть назван вселенским. Мы немедленно признали бы его вселенским, если бы он согласовался с вселенской церковью.

Но если в чём особенно заблудился этот собор (а он почти во всём отступил от божественных писаний), то именно в том, что женщина заправляла ходом дела и учила. Это не только несообразно с постановлениями церкви, но и с естественным порядком вещей. Нежность, слабость и нетвёрдость в убеждениях, как характеристические особенности женщины, не только не допускают её к тому, чтоб она распоряжалась мужчиной, но скорее побуждают её к подчинению авторитету мужчины. И божественными законами освящено, что некоторые обеты женщин могут быть отменяемы мужчиной, и человеческими обычаями установлено, что незамужняя женщина, хотя бы и зрелых лет, должна находиться под опекой, по причине слабости. Ибо мы знаем, что женщина, вследствие, не дозрелости, беспомощности и своего легкомыслия, обыкновенно уступает мужчине, стоит ниже его. Женщина не может быть допущена ни в собрание, ни в церковь в качестве заправительницы делом. её дело дома (*inter domesticos privatem*). Иное дело, когда женщина учит словом и примером своих домашних, иное дело, когда она участвует на церковном, или каком-либо другом публичном собрании. Если в делах домашних она желает пользы себе и своим, то на собрании она заботится о суетной похвале и удовлетворении своей прихоти“.

Свящ. А. Синайский

(Продолжение следует).

Айвазов Ив. Следует ли отбирать подписки от сектантов перед крещением их детей? //
Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 1115–1117

В № 1-м «Миссионерск. Обозрения» за текущий год автор статьи: «Следует ли крестить штундистских детей» предлагает вопрос: *«следует ли крестить приносимых православными восприемниками детей штундистов в том случае, если родители-сектанты отказываются дать установленную подписку с обязательством воспитывать крещаемого в православной вере?»* С своей стороны автор признаёт возможным двоякий ответ на поставленный вопрос: отрицательный – с юридической или формальной точки зрения и утвердительный – с точки зрения пастырско-миссионерской. Все симпатии автора на стороне последней точки зрения.

Мы вполне разделяем симпатии автора, но при этом полагаем, что утвердительный ответ на поднятый вопрос неоспорим не только с пастырско-миссионерской, но и с юридической точки зрения.

Автор ошибочно отождествляет сектантов с иноверцами и на этом основании применяет и к сектантам 28 ст. Уст. Дух. Консист., говорящую собственно о подписках иноверцев. Но сектанты – не иноверцы. Это ясно оттенено и в Уст. Дух. Конс., где раскольники и сектанты резко отличаются от иноверцев (наприм. ст. 29), и посему их отношения к православию регламентируются особыми узаконениями. Так что, если в Уст. Дух. Конс. (ст. 29) говорится, что священник может крестить малолетних детей иноверцев, разумеется, по желанию родителей – иноверцев, не иначе, как по отобрании от последних подписки о воспитании крещённых детей в православной вере, то это и должно относить только к детям иноверцев, точнее: к детям родителей иностранных христианских исповеданий (Уст. о предупр. и пресеч. прест. 1890 г. ст. 73-я), так как в той же статье этим иноверцам предоставляется возможность вступать в брак с

православными, после дачи обязательства крестить и воспитывать в православной вере детей обоюбого пола, могущих произойти от брака. А, как известно, подобным правом не могут пользоваться ни нехристиане, ни раскольники или сектанты (т. X, ч. I, ст. 33). Таким образом, в Уст. Дух. Конс. нет никакой «установленной для родителей – сектантов подписки с обязательством воспитывать крещаемых детей в православной вере». Да и по самому существу данного вопроса подобного рода подписки не могут иметь под собой законной почвы. Наше законодательство смотрит на отпавших от православной церкви не как на иноверцев или людей, совершенно чуждых Церкви, но как на её заблудших чад (91 – 10. Лециуса). Посему оно делает строгое различие и между детьми иноверцев и детьми лиц, отпавших от православия в раскол или ересь. В то время как крещение детей иноверцев допускается (до известного возраста) лишь с *согласия их родителей*, дети отпавших от православной церкви в иные христианские исповедания, в раскол или секты *обязательно* должны быть крещены и воспитываемы в православной вере (Уст. о предупр. и пресеч. прест. ст. 36, см. у Таганцева – «Уложение о наказ. угол.» стр. 220-я, прим.). В противном случае для охранения православия малолетних детей лиц, совратившихся из православия в иное христианское исповедание, в раскол или секту, принимаются особые, ясно указанные в законе меры (Уст. о предупр. и пресеч. прест. ст. 39 и 57-я; Улож. о наказ. ст. 188-я). Подобное отношение нашего законодательства к отпавшим от православной церкви вытекает из взгляда того же законодательства на отступление от православия, как на действие не только воспрещённое, но и преступное, которое никогда не может сделаться состоянием законным, а следовательно и присоединение православного к другому исповеданию, являясь действием преступным как со стороны присоединяющего, так и со стороны присоединённого, не может создать законной принадлежности последнего к сему исповеданию со всеми проистекающими от таковой принадлежности законными последствиями (91 – 9, Гримма: 91 – 10 Лециуса). Между тем иноверные родители только тогда

отвечают за невоспитание своих детей в православной вере, когда они к тому обязаны были законом, именно: во 1-х, когда они нарушили данное ими при браке с православными обязательство воспитывать могущих произойти от брака детей обоего пола в православной вере; во 2-х, когда они нарушили данную ими при добровольном крещении своих детей в православной церкви подписку и впредь воспитывать этих детей в православии и, в 3-х, когда они не воспитывают в православии усыновлённых подкидышей, коих происхождение и крещение неизвестно). При этом означенные иноверцы преследуются за упомянутые проступки по 190 ст. Улож. о нак., отнюдь не применимой, за силою 188 ст. Ул. о нак. и ст. 39 и 57-ой Уст. о пред. и пресеч. прест., к родителям-сектантам и вообще к родителям, отпавшим от православия в иные христианские исповедания, в раскол или в секту.

Из сказанного ясно, что ни в Уст. Дух. Конс., ни вообще в нашем законодательстве не только нет никаких «установленных для родителей-сектантов подписок о воспитании ими своих детей в православной вере», но и такие подписки не согласны с духом нашего законодательства, резко отличающего иноверцев от отпавших от православия. В одном только случае, отпавший от православия даёт «подписку», – это когда он сам возвращается в православную церковь, и эта «подписка» даётся им только за себя.

Если же поднятый автором вопрос решается утвердительно и с юридической точки зрения, то ясно, что если где и существует обычай брать у родителей-сектантов рассматриваемые нами «подписки», то такой обычай должен быть упразднён, как незаконный и сверх того порождающий ещё массу вполне попятных неприятностей, тормозящих дело миссии.

Ив. Айвазов

**Из записок и дневников // Миссионерское
обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 1118–1131**

Феодул. Из переписки верующего интеллигента со студентом ³⁹¹. С. 1118–1131

Дорогой Н.! До тех пор, пока мы не столкнемся с тобой относительно того, как каждый из нас смотрит на церковь, нам придётся вести много лишних споров.

Я утверждал и утверждаю, что в *настоящее* время у нас нет такого *духовного общества*, которое могло бы благотворно влиять на осуществление в жизни христианских начал. Если мы знаем выдающихся пастырей и учителей церкви, то они *нисколько* не являлись плодами её строя и порядков, бывших в известный момент истории.

В сороковых годах русский правительственный режим, в известной мере, задерживал развитие, но и тогда жили и действовали замечательные люди. Неужели их таланты и общественную деятельность нужно приписать прямому влиянию тогдашнего режима?

Как их вдохновляли идеи, не имевшие в те годы практического приложения, так служителей Христа могут поддерживать и воспитывать не *теперешние* церковные порядки и отношения, а высота и чистота самого евангельского учения, и светлый образ *некоторых* христиан. Но причём тут церковь?

Если ты скажешь, что только в ней сохраняются орудия благодатного воздействия, то лишь *отдельные* личности-пастыри явятся посредниками между нами и Богом, – и опять-таки не будет *целостного общественного* воздействия в этой (духовной) сфере на *каждого* человека.

Напрасно ты думаешь, что наши церковники сознают свою непросвещённость, и сравниваешь себя с ними. Это большая натяжка и клевета на себя. Большинство из них занято взыскиванием средств материального обеспечения себя; это большинство равнодушно ко Христу, а ты стремишься воплотить в своей жизни известный идеал.

Не знаю, зачем тебе нужно прибегать к таким неверным утверждениям. Мне не нравится именно это твоё стремление

обелить *существующую* церковь и пройти мимо её недостатков.

Напрасно также ты опять пытаешься причислить меня к толстовцам. Я опять повторяю, что некоторые *основные* положения Толстого не могут быть мною приняты, но я не могу игнорировать его указаний на современные беспорядки (хотя прекрасно понимаю, что его учение решительно не способно водворить порядка). Отрицать важность и справедливость этих указаний может только тот, кто не хочет видеть правды, раз она высказана не «своими», а «внешними».

Ты находишь, что толстовцы слишком много говорят о внешних неустройствах жизни и не обращают должного внимания на внутреннее существо человека. Пусть так, – но ведь эти общественные неустройства говорят о неустройстве внутреннем, душевном. Они – результат *настроения*, показатель *духовной неупорядоченности* нашей! Отмечать их больше чем не бесполезно; они – проверка нашей *нравственной работы*...

Что ты глубоко неправ, говоря о моем нежелании обращаться к *немногим* выдающимся представителям православия, явствует из того, что я весьма охотно и с большим интересом читаю их сочинения и нахожу, что по своему духу они выше толстовских. Твоё предположение о моём колебании и незнании, куда пойти, – к Толстому, или в церковь, совершенно ложно: теперь я никаких сомнений не нахожу в своей душе, и мой путь для меня весьма ясен. Я так же, как и ты, глубоко уверен, что прежде всего надо влить в своё сердце любовь ко Христу и очистить его от гнездящихся в нём пороков. Я убеждён, что только при личном усовершенствовании и глубоком познании себя можно благотворно влиять на других. Впрочем, я полагаю, для нас эти вещи так ясны, что о них незачем распространяться слишком много.

Нет, брат, что ни говори, ты слишком легко относишься к разным церковным неустройствам и, придумав какую-то несуществующую церковь, с точки зрения её опровергаешь разные нападки на то, что у теперешних церковников действительно плохо. Неясно для меня, как можно умалять цену обличения и даже не придавать ему никакого значения, как

делаешь это ты. Если бы я все силы употреблял на отыскивание недостатков других, очень при этом раздражался, не замечал ничего хорошего, не обращал внимания на собственные пороки и грехи, тогда ты был бы прав. Что же, по-твоему, я должен закрыть глаза и не видеть происходящего кругом меня? Наконец, осуждая худое в других, я часто тем самым признаю его и в своей жизни, так как у нас бывают одинаковые недостатки. Заботиться *только* о возрастании во Христе (в твоём смысле) можно где-нибудь на необитаемом острове... У кого мало обличения, того, значит, и не трогает совершающееся подле него зло, тот доволен, что ему предоставлена возможность благодушествовать, а об остальных у него не имеется заботы, и он спокойно смотрит на их беды... Негодовать на зло не всегда значит умять свою любовь к людям, напротив, «благодушие» сплошь и рядом свидетельствует о довольстве самим собой и равнодушии к окружающим. Среда, в которой мы живём, не безразлична в отношении развития духовной личности, – и не касаться её нельзя. Ты говорил как-то, что церковь должна быть в стороне от всех политических вопросов, что она обязана воспитывать *души*...

Но неужели ей это так же легко было делать при крепостном праве, как и без него? При государственном стеснении, как и при развитии общественной свободы? Экие вы молодцы!

Когда народ страдает от ненормальных условий, препятствующих ему даже учиться грамоте, вы – церковники молчите, или даже поддерживаете его печальное положение (вспомни отношение м. Филарета к крепостному праву), прикрывая своё равнодушие к его нуждам нежеланием касаться социальных условий его жизни, а чуть только общественное мнение побудит государство к улучшению народной участи, вы тотчас же переменяете фронт, становитесь на сторону государства и начинаете благословлять то дело, к которому прежде относились враждебно или безразлично.

Без грамотности наш народ не получит и правильного религиозного воспитания. И когда тормозится умственное развитие народа, что должно делать духовенство? Молчать?

Или его прямая обязанность настаивать на большей свободе для осуществления этой серьёзной задачи?

Любите вы чужими руками жар загребать. Сидите, сложа руки, и ждёте, пока светские люди проложат вам дорогу, освободят народ от гнетущих его условий быта и жизни...

Если бы мы жили на небе или там, где нет государства, нам незачем было бы тогда и обращать на него внимания, но теперь оно даёт нам чувствовать себя, и мы не можем относиться к нему безразлично. И как же ты, признавая, что церковь хорошо поступает, давая благословение воинам, идущим на защиту отечества, отнимаешь у неё *обязанность* поощрять, побуждать государство к предоставлению довлеющей духовной пищи народу?

Повторяю тебе ещё раз бесспорно-верное положение, на которое ты в силу своих церковнических предрассудков не хочешь обращать внимания: если церковь живёт в государстве, она волей-неволей должна считаться с его строем, который может или мешать, или содействовать её задачам.

В первом случае ей необходимо добиваться благодетельных перемен, употребляя при этом, разумеется, свойственные ей средства, а не насилие. Молчать она будет лишь тогда, когда её поставят в *совершенную* невозможность говорить, или, когда она обличением может повредить своему делу, или если она вполне равнодушна к своей цели. Поэтому иногда её молчание не только не похвально, но прямо преступно.

Я именно думаю, что наша церковь, за редкими исключениями, не указывала неправды окружающего и не способствовала нравственному подъёму нашего общества, а нередко тормозила его развитие, бывала к нему безразлична и подчас шла вперёд за *светскими преобразованиями*.

Да, брат, современное православие представляет смесь истины с весьма значительной долей формализма, и мертвенности...

Может быть, мои обличения покажутся тебе резкими, но я руководился чувством своей глубочайшей правоты и

негодованием против искажений того, что мне более всего дорого и близко.

Хотя ты и не признаёшь за собой права обличать других, но я нисколько не буду недоволен твоим противоречием самому себе и охотно выслушаю твои возражения. Мне очень хочется договориться с тобой до конца по этим вопросам и прийти, если возможно, к соглашению.

Мир тебе! Твой В.

Дорогой В! Я думаю, что нам легче было бы понять друг друга и сговориться во многом при личном свидании, в беседе «устаами к устам». Впрочем, следуя твоему призыву, я не дожидаясь желанной встречи, хочу ещё раз письменно отозваться на поставленные тобой вопросы, которые в сущности были темой и прежних писем.

Намереваясь отвечать на последнее письмо твоё, я испытываю немалое затруднение главным образом потому, что нахожу большую неясность в твоих воззрениях на основные предметы наших бесед. Ни церковные, ни мирские понятия у тебя не установлены: что такое церковь, что такое духовная жизнь, в чём цель жизни христианина, что такое государство и т. д., – всё это нисколько не выяснено тобою. Это бы ещё ничего (да в письме и трудно исчерпать все эти сложные вопросы), но беда в том, что ты употребляешь и тот же термин, напр. «церковь», не в одном и том же значении, нигде не оговаривая этой разницы. Церковь является у тебя то духовным обществом, то какой-то отвлечённостью, то она заключается как будто в отдельных лицах, немногих избранных пастырях, сообщающих благодать.

Ты тем и начинаешь своё письмо, что предлагаешь столкнуться относительно понятия «церкви», между тем сам не пытаешься выяснить и установить должным образом этого понятия, отчего и порождаются некоторые твои недоумения относительно церкви и упрёки по её адресу.

Предлагаю твоему вниманию слово о церкви столь уважаемого тобой Влад. С. Соловьева. Вот что он говорит в своих «Духовных основах жизни».

«Должное отношение между Божеством и природой в человеке, достигнутое лицом Иисуса Христа, как духовного средоточия или главы человечества, должно быть усвоено всем человечеством как телом Его.

Человечество, воссоединённое со своим божественным началом во Христе, есть *церковь* – живое тело божественного Логоса, воплощённого, т. е. исторически обособленного в богочеловеческой личности Иисуса Христа!

Это тело Христово, являющееся сперва как малый зачаток в виде немногочисленной общины первых христиан, мало-помалу растёт и развивается, чтобы в конце времён обнять собой всё человечество и всю природу в одном вселенском богочеловеческом организме, потому что и остальная природа, по словам апостола, с надеждой ожидает откровения сынов Божиих, ибо тварь покорила суете не добровольно, но по воле покорившего её в надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы сынов Божиих: ибо знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучится доныне...

Таким образом, исходя из понятия церкви, как тела Христова (не в смысле метафоры, а метафизической формулы), мы должны помнить, что это тело необходимо растёт и развивается, следовательно изменяется и совершенствуется. Будучи телом Христовым, церковь доселе ещё не есть Его прославленное, всецело обожествлённое тело. Теперешнее земное существование церкви соответствует телу Иисуса во время Его земной жизни (до воскресения), – телу хотя и являвшему в частных случаях чудесные свойства (каковые и церкви теперь присущи), но вообще телу смертному, материальному, не свободному от всех немощей и страданий плоти, – ибо все немощи и страдания человеческой природы восприняты Христом; но как во Христе всё немощное и плотское поглощено в воскресении духовного тела, так должно быть и в церкви. Его вселенском теле, когда она достигнет своей полноты. Тогда в ней всё духовное будет вполне воплощено и всё материальное вполне одухотворено. Но и теперь она, как живое тело Христово, уже обладает начатками будущей совершенной жизни.

Духовная жизнь человечества хотя есть высшая ступень сравнительно с природною жизнью, по необходимо имеет с нею некоторые общие свойства, принадлежащие *всякой* жизни. Всякая действительная определённая жизнь требует и определённой *формы*, ей соответствующей, так, напр., физическая жизнь человека не может проявиться в форме моллюска или дерева, а требует формы человеческого тела. Жизнь мы находим в живом *теле*: оно же не есть простой агрегат отдельных частей и элементов (клеточек, волокон, тканей), а представляет *известный способ сочетания* всех этих элементов, в силу которых каждый из них в определённой связи со всеми другими получает своё место и жизненное назначение. Таким образом во всяком живом теле мы различаем: 1) совокупность отдельных частей и элементов, из которых может быть составлено это тело; 2) органическую форму, образующую из них действительное тело; 3) самую деятельную силу жизни, выражающуюся во всех отправлениях и движениях частей, подчинённых единству целого. Без этой деятельной силы мы имели бы только мёртвое тело, но без образующей формы не имели бы совсем *никакого* тела.

Религиозная жизнь христианского человечества, как и всякая жизнь, требует определённой формы и находит эту форму в *церкви*. Согласно слову Божию, признавая церковь как живое тело Христово, мы различаем в ней: 1) множественность отдельных людей, из которых она слагается; 2) единую образующую форму, соединяющую их в одно целое, и 3) всеединое действие Духа Божия, которым живёт и движется это целое во взаимодействии всех частных даров и служений. Ясно, что, если церковь не может быть без людей и без Духа Божия, то точно также не может она быть и без той образующей формы, посредством которой Дух Божий действует в людях как членах одного целого, помимо их личной ограниченности. Принимающие эту всеобщую и неизменную форму божественного действия, образуемые ею во Христа или входящие в живое тело Христово, не могут своими частными и преходящими недостатками нарушать вечного достоинства церкви как целого. Даже и в физическом теле отдельные члены

его могут быть поражены и парализованы, а всё тело живёт и действует, и воздействием своей жизни может исцелить и поражённые члены. Тело необходимо умирает только тогда, когда поражены основные его части – голова и сердце. Но глава и сердце церкви, – Христос и Богородица³⁹², находятся в вечном божественном мире и поражены быть не могут.

Из порочных слагаемых не может произойти святого и непорочного целого; и если бы церковь была только собранием отдельных людей, то она не могла бы быть святой и непорочной, так как безгрешных людей на земле не существует. Но видимая церковь получает свою жизнь и силу помимо грешных людей от Самого Христа, в Котором обитает вся полнота Божества телесно, через посредство Пресвятой и Всенепорочной Девы и всей невидимой церкви Святых; поэтому наши людские несовершенства никак не могут упразднить святость церкви. А затем уже для нас, людей, принадлежащих к церкви, но не образующих её, является нравственная задача стараться о соответствии и сообразовании нашей жизни с жизнью божественной, начаток и образ коей мы получаем через священные формы видимой церкви. Это есть *цель* христианской деятельности – исполнение церкви в людях или наступление царства Божия на земле. Эту цель мы не должны принимать за действительность, ибо в действительности царство Божие на земле ещё не исполнилось, и Бог царствует более над людьми, нежели в людях»...

В той же главе, спустя две–три страницы, находится следующее место, на которое я особенно обращаю твоё внимание. Почему, – сам, надеюсь, догадаешься.

«Мы святимся святостью церкви, но церковь не оскверняется нашими грехами, ибо её святость не от нас, а от Бога через Христа, и она сама не *в* нас, хотя и *из* нас состоит (как наше тело состоит из тканей и волокон, но сущность его не в них, а в их органическом сочетании в форме одного целого). Церковь не есть только собрание людей (верующих), но прежде всего *то, что их собирает*, т. е. данная людям свыше существенная форма единения, посредством которой они могут быть причастны Божеству.

Таким образом главный религиозный вопрос в том: признаём ли мы независимое от нас и для нас нравственно-обязательное, сверхчеловеческое начало и форму божественного действия во вселенной или нет? Признание такой сверхчеловеческой формы в религии, т. е. признание церкви и подчинение ей есть с нашей стороны нравственный подвиг самоотречения, в котором мы полагаем душу свою, чтобы приобрести её. Это самоотречение, которое у людей простых, у народа есть как бы природное свойство, а для людей интеллигенции есть дело весьма трудное, но тем более для них обязательное, потому что они в своём просвещении имеют более умственных средств опознать правду, – это самоотречение подрывает сам внутренний и глубокий *корень* греха и безумия в человеке, но вся наша злая и неразумная природа сразу перерождена быть не может: для этого потребен долгий и сложный процесс во всём человечестве. Поэтому называя себя христианами и членами церкви Божией, мы не имеем притязания на нравственное совершенство и праведность, мы не думаем, что Божество уже обитает в нас, что мы уже обладаем Божеством. Такого обитания и обладания мы не приписываем, разумеется, и особым служителям церкви – священникам и епископам. Признавая в них богоучреждённых *проводников* благодатного действия Христова и *желая*, чтобы их нравственное качество соответствовало их таинственному служению, мы не связываем однако самого благодатного действия с их личной святостью, ибо знаем, что сила Божия и в немощи совершается. Нельзя смешивать проводников с проводимым, русла с потоком. И в нашем физическом теле для того, чтобы оно двигалось и действовало согласно нашей нравственной воле, необходима целая система двигательных нервов, как *проводников* нашей воли в материальный состав тела. Однако никто не думает, чтобы наша воля *обитала* в самих этих нервах, чтобы их узлы и волокна сами по себе имели нравственную природу; напротив, сами по себе эти нервы суть такие же материальные образования, как и прочее тело. Но как наше нравственное действие остаётся нравственным и при материальных проводниках, так точно действие Божие остаётся

божественным и святым и при грешных человеческих проводниках, ибо оно самостоятельно, – и только через них, а не *от* них идёт»...

Видишь, друже, как судит о сих вещах чтимый тобой Владимир Сергеевич. По его отчётливому воззрению, столь отличному от твоих неясных суждений, для участия в истинной жизни церкви необходимы три условия: 1) признавать действительное и самостоятельное существование Божественного начала в церкви и знать, в чём оно (в каких формах) состоит; 2) признавать человеческую стихию в церкви, ясно различать её от Божественной во всей церковной видимости и знать, в чём заключается их несоответствие; 3) всячески стараться об устранении (в себе и других) этого несоответствия, так чтобы всё человеческое в церкви по возможности становилось сообразно Божественному, – чтобы имя Божие всё более свяtilось в людях, чтобы царствие Божие всё шире и шире распространялось в мире и чтобы воля Божия совершалась так же на земле, как и на вебе.

Я думаю, что всё выше сказанное, если ты внимательно его выслушал, должно устранить все твои путанные (прости меня) нападки на церковь и вывести тебя из лабиринта неясностей на светлый путь разумения церковной жизни.

Я по необходимости взял лишь кое-что из прекрасной книги Владимира С-ча, но и это немного много в себе содержит такого, что проливает яркий свет на главный предмет наших бесед с тобой. Я советую тебе прочитать эту книгу с начала до конца. Уверен, что не пожалеешь, если исполнишь мой дружеский совет.

Скажу теперь несколько слов по поводу твоего замечания об отсутствии солидарности между теми, которые именуют себя православными, что подаёт тебе повод к опрометчивому заключению, что церкви теперь совсем нет на земле. Надеюсь, что рассуждения Влад. С. Соловьева достаточны, чтобы показать тебе неосновательность вывода, который ты мог сделать только вследствие недостаточного понимания сущности жизни церкви. Поэтому я не буду повторять сказанного Соловьевым, а предложу твоему вниманию некоторые

соображения (совсем не «богословские») и иллюстрации из обыденной жизни, показывающие, как члены церкви помогают друг другу, и – что это оказывается возможным только благодаря их со-принадлежности к целому, т. е. церкви.

Без сомнения, я не могу быть лично знаком с десятками миллионов людей. Но *посредственно* они связаны между собой, и я с ними связан. Проявлений этой связи множество у каждого.

Я был крещён, я получил множество указаний от родных, няньки, разных мужиков, даже «дурачка» при церкви. Все эти люди также научались друг у друга. Мой лавочник ходил в Киев и рассказал о тамошних старцах – подвижниках, а они сами учились – умственно и духовно – у других членов церкви. Мне друзья передали много полезного от Амвросия Оптинского, а он сам учился у своих старцев. А они первоначально научились в Румынии, в обители, которая возможна была только при существовании церкви. Я жил рядом со школой и научился кое-чему из примера маленьких учениц, которые ходили в церковь, когда я не ходил. Леонтьев пришёл к христианству на Афоне, а я много взял у него. Сам, получая это, я тоже кое на кого влиял и кое кому помогал. Не подлежит сомнению для меня, что у меня было в жизни общение не только с русской церковью, но и с греческой, и если бы я не находился в этом общении, то я бы не мог быть христианином. Дело не в отдельных личностях, а во всей их совокупности. Они отдельно не могли бы и возникнуть. Они все были возможны только потому, что есть всемирное общество, члены которого находятся во взаимодействии. Духовенство не составляет этого общества, но принадлежит к нему. Также и иерархия высшая. Их значение весьма велико для нашего взаимообщения. Во-первых, – через них мы имеем благодатные дары. Во-вторых, – это духовенство и иерархия дают для всех нас рамки учения и практики, вследствие которых мы – члены церкви – не иностранцы друг другу, а сразу понимаем друг друга, – и повсюду находимся в своей среде. Мы бы не в состоянии были иметь взаимообщение столь лёгкое без этих одинаковых рамок, хранимых больше всего духовенством.

Учиться у отдельных личностей (как хочешь поступить ты), преднамеренно не желая обращаться к тому *целому*, которое их только и создало – есть весьма нерассудительное поведение. Зачем же самому себя урезывать? Зачем осуждать себя на несамостоятельность? Источник сильнее и важнее этих отдельных лиц. Гораздо же благоразумнее из него черпать, а не у «добрых людей» пробавляться.

Ещё слово – другое о крепостном и всяком другом строе.

Ни один социальный строй не мешает душеспасению и не даст его. Церковь (не духовенство, а вся церковь) правильно думала и думает, что душу спасти и погубить можно везде. Быть со Христом, иметь в себе жизнь вечную можно во всех сословиях: в рабах и мытарях, и духовных чинах... Ни заработная плата, ни грамотность тут не причём. Вспомни хотя бы первые века христианства... «Не бедных ли мира избрал Бог быть богатыми верою и наследниками царствия, которое Он обещал любящим Его?» (Иак.2:5) «Посмотрите братия», читаем мы у Ап. Павла (1Кор.1:26–28), «кто вы призванные: не много из вас мудрых по плоти, не много сильных, не много благородных мира, чтобы посрамить мудрых и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное; и незнатное мира и уничиженное и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее»...

Сверх того, и с социальной точки зрения нет ни одного строя абсолютно хорошего или дурного. Он является тем или другим только по отношению к задачам и качествам тех людей, которые создают данный строй. С *культурно-исторической* (подчёркиваю это) точки зрения крепостной строй был необходим: это его оправдание на то время. Были прекрасные люди, его поддерживавшие, – и были правы. У этого строя были даже свои идеалы, которые не хуже нынешних (патриархальность, правда не «законная», а по «отеческому рассмотрению», всеобщее обеспечение в противоположность современному индивидуализму, при котором каждый «про себя» живёт, – и проч.). Когда же этот строй отжил своё время, участие церкви в его упразднении было всецело. Хомяковы, Аксаковы, Самарины, Черкасские, Семеновы – это все люди нашей церкви, да и вся Россия в большинстве принадлежала к

церкви. Большинство духовенства, несшее не меньше крестьян тяготу помещичьей власти, радовалось освобождению не меньше крестьян.

Ты в претензии, что духовенство и иерархия не требовали освобождения крестьян. Это не его, т. е. не духовенства, дело. Это дело той части церкви, которая создаёт гражданское общество. Мы – не жреческая теократия. Духовенство вполне выполняет своё назначение, если поддерживает в народе тот нравственный фонд, из которого народ делает разные политические и социальные приложения. Что касается до этой последней задачи, то люди гражданского общества в этом компетентнее духовенства.

Надеюсь, ты не усмотришь во мне симпатии к крепостничеству, если я скажу тебе, что крепостной строй не подавлял только, а и развивал. Он развил меньшинство, но *очень* высоко. Герцен говорит, что среди всех европейских знаменитостей не видел таких развитых людей, как его московская интеллигенция. Правда, большинство страдало. Но задача истории была в том, чтобы выработать хоть небольшую горсть людей, стоящих на всей высоте. Эта высота была такова, что мы теперь без сравнения ниже. Теперь развитие пошло вширь и вглубь народа, но *верх* стал сравнительно ничтожен.

Кажется, я ответил тебе на всё или, по крайней мере, на все *главные* пункты твоего письма. В заключение несколько слов *ad personam*, т. е. специально к тебе.

Я не отрицаю критики. Я очень высоко ценю, напр., IV том сочинений И. С. Аксакова, почти весь посвящённый критическому обозрению существенных сторон русской жизни, и, между прочим, тех, о которых идёт речь у нас с тобой. Но ведь есть критика и критика. Важно, чтобы она не была тем осуждением, от которого так настойчиво предостерегает нас Евангелие, и об избавлении от которого мы молимся чудной молитвой св. Ефрема Сирина: «Господи, даруй ми зрети моя прегрешения, и не осуждати брата моего»...

Я боюсь, что у тебя есть именно этот элемент осуждения, и думаю, что тебе следует больше смотреть внутрь себя, чем во вне. С этого внутрь – пребывания нужно начинать христианскую

жизнь. Иначе критика приведёт к бесплодному для других и томительному для себя критиканству, задерживающему и мертвящему духовную жизнь.

Право на критику, как и саму критику – *истинную и плодотворную* – даёт любовь. Настоящая христианская любовь, от Бога изливающаяся в наше сердце, а не из идейной настроенности вытекающая. Эта любовь не породит того благодушие и равнодушие, о которых ты говоришь, а, напротив, возбудить ревность о всякой правде, но ревность – духовную и разумную, а не «плотскую» и мало рассудительную.

Я предостерегаю тебя потому, что сам испытал горькие последствия неразумной ревности, выступающей под личиной благородного стремления искоренять окружающее зло. Не скажу, чтобы я и теперь был свободен от этой страсти, но я не хочу потворствовать ей.

Однако пора и кончить, тем более, что скоро, вероятно, увидимся и... договорим недосказанное. Свидеться очень хочу.

Прости, если чем-нибудь невольно обидел тебя.

Господь с тобой! Твой Н.

Сообщил Феодул

**Миссионерские очерки // Миссионерское обозрение.
1904 г. № 1–10. С. 1132–1152**

XX.

Боголюбов Д. На разведках. С. 1132–1135

В глухом углу Тамбовской губернии зарождаюсь сектантство. Мне поручили разузнать об обстоятельствах этого дела.

С железнодорожной станции поехал я на обывательских лошадях. Кучер попался молодой и придурковатый парень. Пока было светло, – мы не спешили и благодумствовали. Вечер стоял тёплый, весенний. Кругом тянулась зелень хлебная. Радостно было смотреть на неё. Плотным ковром покрывала она пашню; только местами «выморозки» давали знать, что зима прошла не совершенно безвредно для посевов. – Но хотелось верить в милость Божию, – и настроение духа, ровное и прекрасное, не покидано меня...

Миновали ближайшее село. Солнце опускалось за горы. Потянул свежий ветерок. Мы оделись потеплее. За разговорами время шло незаметно. Нам стали попадаться хутора. Они утопали в распускавшейся листве деревьев...

Дорога была набита всюду замечательно. Даже по межам она блестела, как «большой тракт». Это обстоятельство путало моего возницу. Не раз он правил лошадь туда, куда было не нужно. – Но, пока горел последний отблеск вечерней зари, мы не боялись заплутаться....

Совсем иначе пошло дело, когда сумрак покрыл землю. В воздухе распространился дымчатый туман. Луна не показывалась. Мой кучер стал волноваться и путаться при разъездах. Кое как добрались мы до одного хутора. – За хутором, прямо перед нами, стояли горы. По бокам – тьма непроглядная, что-то неопределённое и унылое... Куда забирать? Повернули к ближайшей избёнке. Стучим в окна.

– Хозяин, а хозяин! Выйди к нам.

Прошло несколько томительных минут ожидания. Из двери показался белый, как лунь, дед.

– Что надеть? – старчески спросил он.

– Где дорога в Т-но?

– Вот: бери назад, к спуску. Будет мостик. Прямо через него поднимайся в гору. А там вали и вали – одна дорога. Сама приведёт к низам, на столбняк...

Кучер мой соображал плохо. Попросили мы деда проводить нас до мостика. Он пошёл впереди, в длинной белой рубахе, с белыми большими волосами, как сказочный домовик. Шёл и о чём-то вслух разговаривал...

Спустились к мостику. Стали подниматься в гору. Старик всё стоял и дребезжаще кричал:

– Забирай вправо-о! А там и пошёл, так и пошёл напрямик. Никуда не верти-ись!..

Голос деда как-то сказочно раздавался в вечернем воздухе. Чудилось что-то в тургеневском стиле: вечер, тишина кругом, слабое мерцанье звёзд и этот голос седого деда, напоминавший далёкое: «антропка-а-а!»

Картина была хороша. Настроение духа могло бы быть превосходным; но кучер мой не знал местности, а потому трусил. Волновался и я...

Проехав вёрст пять, мы сбились на разъезде. Ночная тьма заметно сгустилась. Часы показывали одиннадцать, – близко к полночи. Жутко... Мы уткнулись в какие-то тущобы. Долго бродили возле их и нечаянно подъехали к какой-то деревеньке.

Люди все спали. Деревня словно вымерла. С безнадёжной грустью тащились мы по порядку... К радости своей, в одном доме заметили слабый огонёк. Робко подъехали к окнам. – Видно было, что в избе люди не спали. Бабы выделявали пряжу. Мы постучались в крайнее окно.

Быстро вышла одна женщина. Мы ей заявили, что заплутались и просимся переночевать.

Женщина не стала отговариваться и любезно согласилась приютить нас в своём доме.

Заскрипели ворота, залаяли дремавшие собаки и я скоро очутился у огонька, Разговорились. Хозяйка оказалась женщиной умной и наблюдательной. Она точно выпросила меня: кто я и по какому делу еду в Т-но?

Потом сама оживлённо заговорила про штундистов. Сектанты эти не раз «подбирались» к ним. Сбивали сына её в

секту.

– Разводят такие басни, что уму непостижимо. Говорят, что они *непременно* в рай определены, а мы в ад...

Хозяйка и спросила сектантов:

– Каким же это родом узнали вы о своей судьбе по смерти?

– Дух нам то открывает...

– А, Дух!., промолвила благочестивая женщина. Нам Тот Дух другое говорит. Он нам показывает, что кто не православный, в ад пойдёт...

Сектанты гордо заявили:

– Ошибаются православные, зло ошибаются.

А женщина в свою очередь сказала:

– По моему понятию, вы ошибаетесь...

Сектанты стояли на своём. Женщина же возбуждённое заговорила:

– Верно, вы – люди добрые – ошибаетесь. Вы приехали к нам с новой своей верой. Откуда вы её достали? Про неё не было слышно, а Христос давно умер... И выходит дивное диво: солнце светило, а зрячие люди-христиане – лучей его не видели. Так по-вашему?..

Штундисты замялись. Они не могли точно рассказать женщине, откуда взялась их вера. – Если от Христа, как про неё ничего не было слышно? А если её недавно выдумали люди, – то эта вера – не Христова, и принимать её не следует православным...

И ещё сильнее укрепились наша собеседница после разговора последнего с сектантами, что они – тёмные, заблуждающиеся люди и от них во что бы то ни стало нужно спасти сына. – Вот женщина мать и спрашивает его:

– Что, Ванюшка, царь наш – штундист, аль нет?

– Царь наш православный.

– А слуги его – разные графы да бояре – тоже штунды придерживаются?

– Нет, отвечал сын.

– Вот то-то и есть, родной! – говорит мать. Кабы вера штундовая была правая, – царь наш прежде всех взялся бы за неё. Ведь он во Христа верует. А то, мы слышим, он сокращает

штундистов. И похоже дело на то, что в штунду веруют только мужики по нашим медвежьим берлогам...

Не будь же, Ванюшка, и ты медведем. Не обижай свою мать!..

Сын молчал. Мать продолжала:

– Теперь и власти взялись за сектантов. Посылают проповедников уговаривать их...

Ванюшка перебил мать:

– Ишь, на что указываешь: проповедники ездят к нам. А много с нас взяли эти миссионеры?

– Чего, говорю, дурные, с вас возьмёшь. Вы – люди задубелые, озорники. Старших не слушаетесь, долбите своё. Но я к тому веду речь, что царь миссионерам-то не позволил бы ездить, если бы вера штундовая была правая...

– Что-ж? – закончила разговор свой хозяйка. Ванюшка, слава Богу, остепенился; перестал шлаться к штундистам. Теперь живёт чисто по православному....

Мы расположились на ночлег в доме умной и словоохотливой хозяйки. Я долго думал о том, какое важное содействие миссии православной могли бы оказать матери семейств. Ведь мать в доме – это любимая опора для детей. Перед материнской лаской тает самое зачерствелое сердце дитяти... Так какую пользу Православной церкви принесли бы матери, если бы они ополчились нравственно против сектантов... Но для того будущих матерей – девочек нужно наставить в истинах веры «богато», – нисколько не меньше мальчиков...

И я дал себе слово во всех приходах говорить батюшкам о том, чтобы они всеми разумными способами привлекали девочек в школы и там бы их особенно прочно утверждали в сознательной преданности Церкви православной.

Д. Боголюбов

Платонов А. «Армия наша имеет десятком солдат больше». С. 1136–1142

«Без Мене не можете творити ничесоже». Вот основание, почему я не хотел предавать огласке «излагаемый ниже факт. Но желание поведать славу Божию и сказать *одну из многих правд* о нашей миссии, «доныне попираемой», хотя, при помощи Божией, и совершающей великое и святое дело, заставило взять в руки перо и хартию и сказать слово о том, что мы «можем творить с Ним». В ином случае и камни вопиют. Удобно ли после этого молчание благодатной и радостной слезы христианского восторга?..

В январе сего года по делам миссии мне пришлось быть в городе N. На первых порах, правду сказать, чувствовалось как-то «не по себе». Столько было здесь жатвы и так мало было делателей. В голове проносились одна за другой самые мрачные мысли, на языке вертелись слышанные много раз слова: «наша многострадальная миссия»... Что, думалось, поделаешь с таким громадным районом, тебе вручённым и охваченным сектантским пожарищем? Ведь всюду надо побывать, всюду не только побеседовать, но и оставить след, который не был бы затоптан, а напоминал иномыслящим о твоей церкви, о твоём слове, об истине, которую ты проповедуешь от лица церкви.

И всё-таки вскоре Господь наградил меня своим утешением, дал мне Свою радость и новое доказательство того, что ни одна слеза, ни одно страдание не проходят вотще, награждаются милостью Господней, любовью Бога, всевидящего и всему воздающего сторицей.

Вот эта небесная мзда.

Местный о. благочинный, во время беседы об устройстве в городе миссии, показал мне отношение к нему командира стоящего здесь батальона. В этом отношении я прочитал, что в батальоне находится солдат, который не признаёт военного звания, не хочет принимать присяги, и, как видно, до фанатизма прочитан идеями штунды и толстовщины. Я невольно выпустил

бумагу из рук... Как, даже в нашем христолюбивом воинстве, известном своей привязанностью к вере, церкви, Царю, Отечеству, завелись изменники, люди, «не помнящие родства»? И Как, даже здесь стала водворяться «мерзость запустения»? И это – даже в то время, как язычник уже так скверно глумится над нашей народной святыней, когда уже началась война и наше «святое святых» подвергается поруганию?!

С удвоенной энергией я решил провести беседу с солдатиком и во что бы то ни стало победить его упорный отказ принимать присягу и служить делу защиты церкви и родины.

Являюсь в батальон на беседу. Приехал со мной и о. благочинный. Громадная комната быстро наполняется извещёнными ранее о предстоящей беседе солдатами. Пришёл с библией и солдат-сектант. Всматриваюсь в толпу, вижу возбуждённые лица; во взглядах целого десятка находящихся впереди солдат читаю ярко бросающийся в глаза вопрос: «посмотрим, чем дело окончится, удастся ли миссионеру сбить с позиции человека, нашедшего правду?» Остальные ждут поражения «зазнавшегося солдатюхи». Стали перед иконой, пропели «Царю небесный», «Спаси Господи, люди Твоя». Я начал беседу. Сказав вступительное слово, я спросил солдата, какие книги, находящиеся в Библии, он признаёт: только новозаветные, или и ветхозаветные?

– Точно так, слышу ответ, и Ветхий и Новый заветы.

– Скажи же мне, если так, где ты нашёл в Ветхом завете запрещение воевать?

– В Исходе, гл. 20, ст. 13, сказано: «не убивай».

Толпа вздрогнула. Все солдаты повернули в мою сторону свои взоры. Наступила гробовая тишина. Не преувеличивая действительности, говорю, что слышно было учащённое дыхание ближайших солдат. Я понял, что начинается «сражение». «Господи, помоги!» пронеслось в моем сердце, и я решил повести свою миссионерскую атаку со всей силой.

– Слышите, братцы, – сказал я, – М. говорит, что воевать запретил Сам Бог, сказав через Моисея: «не убивай». Но так-ли? М., прочитай нам начало 31 гл. книги Числ. Я нарочито дал ему самому прочитать это место для более сильного

впечатления на толпу. Сектант-солдат зачитал: «И сказал Господь Моисею, говоря: отмсти Мадиянитянам за сынов Израилевых, и после отойдешь к народу твоему. И сказал Моисей народу, говоря: вооружите из себя людей на войну, чтобы они пошли против Мадиянитян совершать мщение Господне над Мадиянитянами; по тысяче из колена, от всех колен сынов Израилевых пошлите на войну» (Числ.31:1–4). Солдат продолжал читать, пока я не остановил его на ст. 7-м: «и пошли войною на Мадиама, как повелел Господь Моисею, и убили всех мужеского пола».

К концу чтения голос солдата совершенно упал.

– Ну, что же ты теперь скажешь?

Солдаты помолчали некоторое время, но потом, ободрившись, заметил:

– Давайте говорить по Новому завету.

– Нет, ответил я, надо покончить сначала с заветом Ветхим.

Солдат опять помолчал и опять заговорил:

– Сказанное в книге Числ Господь отменил во Второзаконии, где опять предписано: «не убивай» (Втор.5:17).

Я снова ответил: прочитай, братец, 8, 11 и 12 главы, кн. Иисуса Навина. М. прочитал предложенное мной, после чего я спросил его:

– Что же ты думаешь относительно тобой прочитанного? Нет ли во всём этом противоречия? Не говорит ли Библия один раз одно, а в другом месте утверждает другое?

– Точно так.

– Нет не так. Господь есть Сама Истина, сказал я, Он не может противоречить Себе. Это только людям бывает свойственно утром говорить одно, а вечером – другое.

– Точно так.

– Ну, а если «точно так», то как же понимать заповедь Божию не убивать и повеление Того же Господа воевать?

Солдат умолк. В пространной речи мне пришлось выяснить смысл Синайской заповеди, после чего я перешёл к Новому завету, выяснил смысл слов нагорной беседы об отношении христианина к врагам (Мф.3:38,39,43,44) и затем спросил солдата:

– Не имеешь ли ещё чего сказать мне?

– Да вот, по-моему, солдаты на чужое живут: знай себе, стреляют в своё удовольствие, да денежки за это получают, пьют да едят чужое...

– Прочитай-ка, голубчик, заметил я со-вопроснику, Лк.3:14.

Солдат прочитал: «Спрашивали его ³⁹³ также и воины: а нам что делать? И сказал им: никого не обижайте, не клеветайте, и довольствуйтесь своим жалованьем».

– А всё-таки, продолжал солдатик, воины – разбойники и нечестивцы: кровь проливают.

– Неправда, сказал я; читай Деян.10:1–2,7–8 кн. Деяний Апостольских.

Солдат прочитал: «В Кесарии был некоторый муж, именем Корнилий, сотник из полка, называемого Италийским, благочестивый и боящийся Бога со всем домом своим, творивший много милостыни народу и всегда молившийся Богу... Когда Ангел, говоривший с Корнилием, отошёл, то он, призвав двоих из своих слуг и благочестивого воина из находившихся при нём, и, рассказав им всё, послал их в Иоппию».

Со-вопросник после этого перестал себя выдерживать. Он заговорил:

– Мы мечи носим. Где об них указано?

Я сейчас же ответил:

– Ты знаешь, ведь, что «Кесарево нужно воздать Кесарю», и что «всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога» (Рим.13:1), и ещё: «начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся; ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое» (Рим.13:4).

– Кашу для солдат я согласен варить, а воевать я не намерен, заметил солдат: они – разбойники... Что-ж, и мне быть разбойником?

– Будешь варить для разбойников кашу, значит, будешь поддерживать их силы для того, чтобы они разбойничали, и, значит, ты явишься соучастником их преступлений.

Толпа, оживлявшаяся с каждым новым моментом беседы, теперь совсем ободрилась. Видно было, что доверие к пропагандисту сильно подорвалось. Со-вопросник не мог этого не заметить и потому, употребив последние свои силы, громко сказал:

– Россия с Японией стали воевать: разве нельзя было здесь кончить миром? разве нельзя было их развести в разные стороны и тем окончить дело?

– Подумай, милый, о чём ты говоришь, сказал я: разве Россия с Японией две деревенские бабы, которых можно развести в разные стороны, если они начнут драться? Баб и тех трудно бывает оттащить одну от другой во время драки, как же возможно было сделать это с Россией и Японией? Или потвоему нужно было сказать последней: «ты напала на нас. Так нападай и в другой раз, мы подставляем тебе другую щеку?»

– Никак нет, ответил солдат и умолк окончательно.

Я вышел из-за стола, за которым сидел, вошёл в толпу солдат и сказал им слово о христианском всепрощении врагов, о христианском самоотвержении в деле защиты родины и дал оценку факту нападения Японии на наш флот, как явления, созданного злобой дьявола, нашедшего на земле новых для себя приспешников. Пропели молитву. Солдат-сектант незаметно скрылся, а я ещё поговорил с толпой наиболее заинтересованных солдат о причинах появления у нас разных ересей и расколов и о том, как и под каким руководством нужно читать слово Божие. При этом солдаты мне сообщили, что сектант собирает вокруг себя до десяти слушателей, читая им и объясняя Библию, причём слушатели весьма внимательно относятся к его проповеди.

После беседы о. благочинный заявил мне, что дальнейшие беседы с сектантом он проведёт сам. Я дал ему необходимые руководства и цитаты и уехал, положившись на усердие батюшки, который, как я увидел, весь был проникнут желанием поддержать и завершить миссионерское дело.

Что вышло из бесед с сектантом, каких результатов они достигли, представляю об этом говорить адресованным ко мне письменным сообщениям о. благочинного.

От 20-го марта он писал мне: «могу с радостью сообщить вам, что беседы, можно сказать, достигли цели: штундист непрестанно отказывается от своих верований. Когда вскорости после вашего отъезда я назначил вторую беседу «о присяге и клятве», то предварительно спросил его перед лицом множества солдат (числом до 300) сказать мне: убеждён ли он доказательствами г. миссионера относительно войны и важности воинского звания. Он во всеуслышание ответил буквально следующее: «да, я теперь вижу, что война, к несчастью, должна быть, а на воинское сословие нельзя смотреть так, как я раньше, смотрел, как на грех против шестой заповеди». Я тут же перекрестился, вспомнил притчу о пропавшей овце и с облегчённой грудью, и с удвоенной энергией повёл беседу, после которой он мне сказал: «у меня ум раскололся; я теперь вижу, чего ранее не видел, особенно Откр.10:5–6. Дайте мне все эти цитаты; я дома внимательно рассмотрю». перед следующей беседой я спросил его о присяге; признал и её. В казармах, по отзывам солдат, ведёт себя иначе: был ярым пропагандистом, третировал всё православное, высокоумствовал, как фарисей; теперь, после вашей первой беседы, присмирел, уже не осуждает православия, молчит и всё читает Библию. На солдат беседы производят огромное впечатление: поднялись духом, слушают с затаённым вниманием. Проведу с сектантом последнюю беседу и скажу: долготерпению конец: пусть перестает хромать на обе плесне³⁹⁴ и или присоединяется, или потребую от командира удаления его. Но удаление будет для него постыдное, а для православия почётное, так как в глазах всех его ложь и упорство очевидны».

Но удалить солдата не пришлось.

От 22-го марта получаю от о. благочинного новое сообщение: «прошу вас, – писал он, – войти вместе со мной в ту радость, которая бывает на небе об одном грешнике кающемся. Штундист явился к командиру и сказал: «очи мои открылись, и я с радостью, по убеждению, а не из страха перед вами, готов принять присягу на верность службы», а вчера, в день, назначенный для привода к присяге 250 молодых солдат, при торжественной обстановке и многолюдном собрании молился во

время молебна, выслушал моё слово перед приводом к присяге, принял оную, а подходя к св. Кресту и Евангелию истово перекрестился и сказал во всеуслышание: «клянусь! целую Крест и Евангелие Спасителя моего не ради иудейского страха, но по убеждению». После присяги командир подвёл его ко мне и сказал: «батюшка, вам мы обязаны, что армия наша имеет одним солдатом больше; по истине он ваше чадо». «Теперь, – ответил я, – не только чадо, но и брат, присный по вере и духу», и при всех поцеловал его. Момент был потрясающий. Многие плакали. И потом нужно было видеть, как сей муж, требовавший, чтобы расковались мечи на серпы и копья на орала, молодецки заломив шапку, проделывал во время маршировки разные артикулы с ружьём».

На этом и заканчиваю описание факта, давшего мне новые силы для моих дальнейших работ.

Миссионер *А. Платонов*

Грацианский Д. „Сколько вы обратили“? С. 1143–1147

«Сколько вы обратили? что же? обращаются»? Вопрос этот мне предлагали и предлагают почти все интеллигенты и простолюдины, с которыми я частно беседовал о своей миссии.

Вопрос вполне естественный.

Ранее поступления на миссионерскую службу я смотрел на сектантов, как на какой-то миф: думалось, что они «были», или есть где-либо «на границе». В особенности мифом казались хлыстовщина: возможны ли в наш век такие изуверства? Когда, будучи миссионером, я увидел сектантов лично, я изумился и меня (*errare humanum est*)³⁹⁵ постигла другая крайность; на первых порах службы мне казалось, что все, кого я ни видел, заражены, если не сектантством, то предрасположенностью к нему. «Бродил ли я вдоль улиц шумных, входил ли в многолюдный храм», мои думы были о сектантстве. Идёт ли какой-либо господин по улице, или сидит рядом со мной в вагоне железной дороги, мне думается: уж не сектант ли он? И только, когда он при виде храма творил крестное знамение, я успокаивался.

Казалось раньше, что сектантство – плод одного умственного невежества и стоит приехать к сектантам миссионеру с академическим образованием, как мгновенно сектантская толпа вся перейдёт в православие. Мне впоследствии рассказывали, как в одном местечке немец Миллер приехал к старообрядцам (которые – по принятому мнению – особенно отличаются крепостью, консервативностью своих убеждений) и в несколько бесед убедил их «бросить спасаться большими книгами» и «начать спасаться маленькими», иначе говоря, совратил их в штунду. Неужели миссионер слабей Миллера, пропагандирующего среди старообрядцев? А факт – тот, что приезжаю я на собеседование с сектантами, они задают вопросы: где сказано в Писании, что нужно совершать обедню на 5 просфорах, творить крестное знамение, чтить иконы? и т. п.: – объяснить, что – неизменно в

Церкви – «благовествование» (Гал.1:8), а обычаи и обряды подтверждаются практикой Церкви (1Кор.11:16) и раскрывают «твёрдое основание» (Лк.1:4) христианского учения, – при нравственном упорстве и невежестве сектантов (объяснить это так, чтобы Слово Божие достигло сердца их) не всегда удавалось и вот приходилось уезжать от них, по-видимому, ни с чем... Встаёт в душе вопрос: много обратили? что же? обращаются? и великая тяжкая скорбь по упорстве меньшей братии тяжёлым камнем ложится на сердце миссионера. Не лежит ли причина того, что обращаются «не все» и «не сразу» в самом миссионере? и об этом приходится размышлять.

Находятся иногда такие лица, которые говорят: «секты растут», «что делают миссионеры? Не лучше ли было, если бы их совсем не было? Пусть всяк верует, как хочет». И когда я вспоминал такие – бессмысленные и безжалостные речи, в первое время моей службы, моё сердце болезненно сжималось: мне казалось, что «секты растут» – видит Бог, – я тружусь усиленно, но епархия велика и не легко в каждую минуту иметь во внимании её болеющие сектами пункты. А я пред Богом и людьми поставлен стражем с мечом духовным на границе церковной ограды. Эта мысль даже во время отдыха держит в напряжении нервы. Порой кажется, что нет на свете службы тяжелее службы миссионерской.

Начинаю я размышлять об объективных причинах не полных и постепенных успехов своей миссии и, справляясь с наблюдениями, открываю следующее. В каждом обществе есть известный процент лиц нравственно расшатанных (могут быть они и в «царстве Его» – Мф.13:41, поскольку земная церковь есть учреждение наполовину земное, составленное из причастных греху людей – Мф.9:10. Иак.3:2). Среди них бывают такие, которые ни в чём так охотно ни проводят время, как в осуждении ближних и общественного порядка. Стоит упасть искре заразы – и перед вами – упорные сектанты! Ломать, критиковать всегда легче. Этим и объясняется успех Миллера и ему подобных. Я забыл упомянуть, что старообрядцы, соvrащённые в штунду названным немцем, ранее соvrращения усомнились в правоте своих прежних упований и искали новых.

Не одно только умственное невежество, но и нравственная развращённость поддерживает упорство сектантов.

Кстати скажу несколько слов по поводу принципа миссионерской полемики с сектантами. Poleмика эта, или вопрос о принципе её, сильно занимала меня на первых порах – особенно по отношению к секте штундо-баптистов. Названные сектанты равно ничего не имеют евангельского.

«Мы, г. миссионер, раньше были пьяницы, воры, обидчики» и пр., «а теперь мы не пьём, не воруем, не ссоримся» – так аттестовали себя предо, мной на моих первых беседах мнимоевангельские братья. Справедливость этой самоаттестации доселе не подлежит для меня никакому сомнению: штунда – это трансформация одного вида греха в другой. Св. Писание должно понимать, исследуя его, т. е. по смыслу, по духу (Ин.5:39; 2Кор.3:6); штундисты, как древние иудеи, не принявшие Христа, хотят следовать букве, которой, как те же иудеи, не понимают. Вот, напр., мы начинаем беседовать. Текст Откр.22:18 штундо-баптисты относят ко всей Библии (это – невежество; но втолковать истину здесь нелегко; «книги сей!» шумит сектант и потрясает Библией) и ставят вопрос: «где в Писании сказано рисовать икону Николая Чудотворца?» Какому принципу следовать в подобных случаях? Не так давно по поводу принципа противо-сектантской полемики высказывались на страницах «Миссионерского Обозрения» миссионеры гг. Базарянинов и Айвазов. Из обмена мнений между ними можно вывести следующее. Приспособление по отношению к способу и уровню сектантского понимания со стороны миссионера должно быть: Господь наш Иисус Христос приспособлялся, говоря притчами и открывая тайны Царствия Божия постепенно; Ап. Павел был «всем-вся» – ради спасения некоторых. По этому принципу на вышеуказанный сектантский вопрос чаще приходится отвечать вопросом: «где сказано в Писании изменять псалмы Давида?» Допускать, с другой стороны, в собеседовании натяжку это не значит ли поступаться правдой своего упования? – Упования своей веры, за которое первохристианские мученики клали свои головы на плаху. Стоит ли? Да не будет!

Я сначала полагал, что беседы с штундистами потому не всегда, видимо, кончались полным и быстрым успехом, что я не умел ещё «показать» или «доказать» им требуемое. Мне приходилось беседовать и с хлыстами. «Ну, уж этим-то я сумею показать их неправду», думал я. Представьте. Из хлыстов есть такие субъекты, что по части мнимого согласия с текстом превзойдут любого штундиста. Вы не верите, что Христос на земле во плоти? Читайте [Ин.4:3](#) – сказано «пришедшего», значит Он теперь пришёл? Это сектантское рассуждение нелепо несогласно Писанию, но в глазах своей сектантской толпы сектант кажется правым. Пережив это, я более, чем прежде, понял слова Апостола: «проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы ([1Кор.2:4](#)). В этом – единственный, правда, труднейший и сокровенный базис и принцип миссионерской полемики. Бывают случаи, когда сектант остаётся совершенно бездоказателен, безответен; он всё же упорствует. Был ещё такой случай. Я беседовал с сектантами (одна из первых моих бесед) и на их вопрос: «где сказано» то-то? сказал: «по букве в Писании этого нет, есть по смыслу». «Слышите?» сказал слушателям сектант собеседник, «сам миссионер говорить, что в Писании нет этого!». За меня заступились старики – православные, бывшие на беседе. Между прочим, в числе беседовавших со мной сектантов мне памятен был Х., видный сектант. Возвратясь домой, я поведал о своей неудаче своему более опытному сослуживцу. Добрый о. миссионер поехал на место моей неудачи и провёл несколько бесед. Спустя некоторое время, при посещении того же места, я узнал, что Х. с семьёй присоединился к Церкви; помня ожесточённость сектантов, я удивился. Приводя этот случай, я хочу сказать, что отсутствие приспособляемости в моей неудачной по неопытности – беседе не помешало обстоятельству присоединения сектанта. Из упомянутого миссионерского обмена мнений выходит, что миссионерская полемика должна «мудрость змеи» (приспособляемость) соединять с «целостью голубя» (отнюдь ни на йоту ни допускать намеренных натяжек!). Правда без натяжек на стороне Церкви. Стена, отделяющая от

неё секты (не одно теоретическое недомыслие) – нравственное упорство последних.

Говорят, «секты растут». Об этом, впрочем, предсказал ещё апостол (2Тим.2:17).

«Но твёрдое основание Божие стоит, имея печать сию: познал Господь Своих; и да отступит от неправды всякий, исповедующий имя Господа» (2Тим.2:19).

Однажды о. благочинный известил меня, что в одном пункте его благочиния имеются два штундиста, с которыми нужно бы было побеседовать. Я поехал. Штундисты исчезли по моём приезду. Я решил на этот раз побеседовать с одними православными в ограждение их от заражения сектой. Народ собрался в храме, и я стал читать Библию по вопросам – о Церкви, оправдании и освящении во Христе, крещении детей и почитании икон. Читал я ровно, спокойно. Когда я вскинул глаза от книги и посмотрел на слушателей, я увидел сотни молодых и старых лиц, слушавших слово Божие со слезами на глазах. Могучую, глубокую любовь и веру в Бога и Христа Его выражали эти лица! По мне невольно прошёл благоговейный трепет. Я не забуду той минуты; с тех пор – признаюсь – я перестал малодушествовать. Я увидел силу Духа Божия в сердце православного народа. Я понял, что секты – пигмеи, ничтожные паразиты на теле колосса.

Рост сект, где он был замечен, всегда мнимый: это не рост силы, а рост болезни, бессилия. Хлысты губят себя изуверствами; штунда – лицемерием. Кризис последней, начало её увядания, думаю, уже начались. Нет никаких причин страшиться сектантских движений (Флп.1:28), «они немного успеют» (2Тим.3:9). Да поможет Господь церковной миссии в уврачевании духовных язв сектантства, в избавлении силой Божией (1Кор.3:7) меньших братий наших от заблуждений и духовной смерти!

Мисс. Д. Грацианский

**В мире современного старообрядчества ³⁹⁶ С. 1148–
1152**

Попов К., свящ. Годлевский раскол. С. 1148–1152

1881 года крестьянин Леонтий Федоров Гордиев, позавидовав славе и чести Аникея с Кузьмой, начал проповедовать по селу Голяевке, что оба наставника их ведут еретическую жизнь, что молиться с ними не следует. Одновременно, и по уговору с Леонтием, восстал и брат его Савелий Федоров Гордеев, проживавший в деревне Миткирях, где также уставщики жили дурно, наживались на счёт крестьян и всячески безобразничали. Оба брата стали громить непорядки и произвели сильное возмущение в обществе старообрядцев. К ним пристала сестра их Устинья, косорукая девка, которая читала псалтирь по умершим. Эта девка приняла на себя такое апостольство: она ходила по домам старообрядцев и всем проповедовала, что Кузьму и Аникея, а равно и помощников их в Миткирее надо прогнать с их мест и лишить их должности. Крестьяне возмущались, но боялись идти за новыми учителями и держались пока своей моленной. Вскоре Савелий узнал, что в с. Бакурах, Сердоб. у. (60 вёрст от Голяевки), проявился какой то новый поп, который с другими старообрядцами не имеет общения и почитает их за еретиков. Савелий, потолковав с братом Леонтием, поехал в Бакуры и привёз с собой этого попа, который был неокружник и назывался Сисой Емельянов Пузырев. Савелий привёз попа Сысою сначала в Миткирей, где он начал служить по-иерейски, чего крестьяне никогда не видели, а потом стал говорить, что миткиреевцы и голяевцы пребывают в ереси и что для спасения души им необходимо перейти в секту неокружников. Попутно он разъяснил слушателям, что такое окружное послание, которого доселе никто не знал и не слышал, какая в нём ересь и пр. и этим смутил умы многих. Слово «ересь» многим крестьянам показалось страшным, а поп Сисой не жалел крепких слов и прямо говорил, что если они не выйдут из этой ереси, то все пойдут по смерти прямо в ад, к сатане с хвостом и рогами. 50 душ разом отшатнулись от общества окружников и пристали к Сисою. Из Миткирея Сисою повезли в Голяевку и здесь он начал

совершать богослужение и проповедь между окружниками и с помощью Савелия, Леонтия и девки Устиньи Гордеевых увлѣк в свою секту 150 душ от обеих моленных. Теперь и Устинья, и братья её Леонтий и Савелий смело ходили по селу и громко проповедовали по домам, что Аникей и Кузьма волки в одеждах овчих, что они ересь содержат и в погибель ведут народ. И зазывали народ послушать их службу и переходить в их спасительную веру. Великое волнение произвели они своей проповедью в селе; Аникей и Кузьма отрезвились и страшно встревожились за своё положение в расколе. При общности интересов Аникей и Кузьма решили забыть свою вражду и помирились. Тотчас собрали они свой собор и зачали успокаивать прихожан, говоря, что ничего нового они не приняли, веру свою блюдут без нарушения и посему состоят в православном благочестии. Леонтия, Савелия и сестру их криворукую Устинью они объявили «псами смердящими», – «богохульниками», а попа Сисоя лжецом и обманщиком. На другой день, пользуясь своим влиянием в селе и тем, что старшина волости был их единоверцем, они вызвали попа Сисоя в волостное правление, потребовали от него паспорт, а так как последнего не оказалось при «попе», то его арестовали, как неизвестного бродягу. Напрасно «поп» Сисой доказывал окружническим властям, что он крестьянин с. Бакур и живѣт в одном уезде с ними; ему не верили и заперли его в «холодной», арестантской, и содержали в холоде и голоде, срывая таким образом свой гнев на нём. Видя себя в таком безвыходном положении, Сисой дал слово Аникею и Кузьме, что он никогда больше не приедет в Голяевку, и просил отпустить его. Аникей и Кузьма ломались над ним и грозили препроводить его этапным порядком, как арестанта. Сильно напугался Сисой, и начал плакать, сваливая всю вину на Савелия Гордиева, говоря, что он насильно вывез его из Бакур в Голяевку. Сисоя, после долгого ареста и голода, освободили и он действительно тут же отправился в свои родные Бакуры³⁹⁷.

Появление неокружников и таких ярых врагов, какими явились братья Гордеевы, заставило Кузьму с Аникеем принять меры против их пропаганды. Они пришли к решению, что

необходимо завести своего попа и отделиться от с. Пяши, куда они обращались с своими требами, ездить туда Годлевским было далеко, а поп Иван Фомич ценил свои визиты к ним не дёшево. Явился вопрос: кого же сделать попом, чтобы он состоял в послушании у них? Кузьма и Аникей задумались над этим вопросом. Важно было для них то, как бы поп не подорвал их авторитета в народе. Думали и так, и этак и решили произвести в попы сына Кузьмы Марщакова – Ермила, которого Кузьма, по наущению своей молодой жены, мачехи Ермила, выгнал из дома, а Аникей принял, женил на своей дочери и определил работником к себе. Лучшего кандидата они и придумать не могли: сын одному, зять другому, он, кроме поповства, служил связующим звеном своих отцов, доселе враждовавших между собой коноводов раскола. Характер его они хорошо знали и посему несколько не боялись за своё будущее в расколе. Тотчас они призвали Ермила в горницу и сказали ему: «ну, Ермил, милость хотим оказать тебе. Ермил снял рваную шапку с головы и начал чесать свой затылок.

– А ты, дуралей, кланяйся и благодари нас, – сказал отец Кузьмы.

– Спаси Христос, – сказал Ермил и сделал земной поклон перед обоими отцами.

– То-то! Заботятся о тебе, дураке; на линию хотим поставить тебя, – продолжал отец.

Ермил стоял и хлопал глазами.

– Вдогад тебе, о чём мы речь ведём? – спросил Аникей зятя.

– Нету. Почём знать мне?

– В попы хотим произвести твою рожу! – сказал отец.

– Согласен што ли ты в этот чин? – спросил Аникей.

– Спаси Христос за вашу милость! – и снова бухнулся в землю.

– Ишь губа то не дура, знает, где сладко кормят, – смеялся отец над сыном.

– Только уговор Ермил: што бы рыло кверху не задирать и у нас в покорстве пребывать, – прибавил Аникей.

– Это наипервей всего, а то и на поповство не посмотрю. У меня смотри, Ермил, што бы тише воды было и своих мечтаниев в высех не пущать.

– Я, батюшка, завсегда готов смирение проявлять, – сказал Ермил.

– Так и должно; затем то мы тебя и убогагворяем, – на виду будешь у людей.

Остановив свой выбор на Ермиле, Аникей и Кузьма решили поторопиться с этим делом. Они выбрали крестьянина Ивана Николаева Прозорова депутатом общества, собрали с мира 63 рубля на проезд его с Ермилом и послали их на Черемшан³⁹⁸, к своему лже-епископу. А так как Ермил не имел чистой новой одежды, то её собрали с того же мира и обрядили ставленника. Так, Сидор Малафеев Филин дал Ермилу свою суконную поддёвку, Василиск Титов Прозоров свою шапку, третий – сапоги, четвёртый чепан³⁹⁹ и т. п. Не по росту был весь этот сборный костюм, точно на вешалке висел он на Ермиле, но отцы решили, что Ермил едет не в гости на праздник, а Богу молиться и благодать получать. За то весь костюм был новый, чистый, молитвенный, т. о, такой, в котором владельцы всех вещей ходили только за службу, в моленную, а не по гостям и по селу.

Ермил прожил на Черемшане у архиерея около месяца, за каковое время он ходил к службе и учился. За его отсутствие отцы его решили определить ему местожительство в дер. Миткирее. Так поступили они всё из той же предосторожности, чтобы поп Ермил не затмил их своим поповским авторитетом и не отодвинул их на задний план. Хотя они и хорошо знали Ермила, но у страха глаза велики, и они побоялись поселить Ермила в Голяевке, около своих моленных. А что, если он изменится в полах, проявит свою самостоятельность и, что ещё хуже, заведёт в селе свою особую от них моленную и будет служить в ней свои обедни! – думали они. Этим он сделал бы большой подрыв их службам, унизил бы их самих в глазах народа, а этого то они боялись паче всего. Пусть он лучше поживёт вдали от них, а там видно будет. Так и решили: жить Ермилу в Миткирее и кому нужно будет, пусть туда едет к нему с требой. Там и поселился Ермил, вернувшись с Черемшана

попом. В Голяевку же он приезжал только в гости, или же когда привозили его на требу, преимущественно к больному.

Мисс. свящ. К. Попов
(Окончание следует).

**Из миссионерской полемики // Миссионерское
обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 1153–1162**

Айвазов И. Беседа с «адвентистами седьмого – субботного дня», о субботе и воскресном дне ⁴⁰⁰. С. 1153–1162

Тебя, Пётр, смущает то обстоятельство, что Бог Своим перстом написал на каменных скрижалях только десять заповедей, и отсюда ты выводешь заключение, что значит только десять заповедей, как наибольшие, и нужны. Но я уже показал тебе, какие заповеди наибольшие в законе. Теперь добавлю, что Бог записал Своим перстом на скрижалях только десять заповедей не с целью показать, что эти заповеди наибольшие и что они только и нужны израильтянам, а с целью засвидетельствовать и всегда напоминать израильтянам, что на горе Хориве они вступили через Моисея в завет с *Самим Богом*, так как первые десять слов этого завета сами они лично слышали от Бога. Посему евреи, смотря на скрижали, вспоминали, что весь закон, данный им Моисеем, есть *закон Божий*, так как некогда они сами, боясь смерти, могли выслушать только десять слов Божиих, а всё остальное упросили Моисея выслушать от Бога и передать им для исполнения. И вот тог *великий страх перед Богом*, который испытали израильтяне у горы Синая, постоянно напоминался им скрижалями, и это побуждало их к исполнению всего закона Моисеева, как данного Самим Богом. Вот для чего Бог и дал Моисею скрижали с десятью словами, слышанными от Него лично всем собранием израильтян: „*чтобы страх Его был перед лицом вашим (израильтян), дабы вы не грешили... но чтобы боялись Его и соблюдали все заповеди Его во все дни*“ (Исх.20:20; Втор.5:29).

Если же у израильтян не было собственно Моисеева закона, а был только один закон – это „закон Божий“, данный им Богом через Моисея, то и речи не может быть о том, что мол из Ветхого Завета нужен только „закон Божий“, и Моисеев не нужен. Можно говорить только об одном Ветхозаветном законе – это о „законе Божиим“. Но при этом необходимо помнить, что под „законом Божиим“ Ветхозаветное Писание понимает не одно

только десятословие, а, как я уже говорил, все заповеди, все законы и все постановления, принятые Моисеем от Бога. Посему ты, Пётр, глубоко неправ, когда говоришь, что Моисеев закон тебе не нужен, а Божий нужен. Ведь Моисеева закона и нет и то, что ты приписал Моисею, – принадлежит Богу. Так что выходит, что из Божьего Ветхого Закона или Завета ты произвольно множество заповедей и постановлений выбросил, а малую часть – десятословие, принял. Ты вот сослался на кн. Второзакония (Втор.4:2,10,13), но разве там речь о строгом исполнении только десяти заповедей? Нет! Сам Моисей говорит, что он здесь разумеет все заповеди, законы и постановления, которые передаёт израильтянам, как Божии (Втор.4:1,2,5,13,14,5:1,31,6:1 и др.). Далее, ты сослался на слова Христа (Мф.5:17,18,19:17). Но в 5 главе св. Матфея Христос говорит опять-таки о всём Законе, а не только о десяти заповедях, и при том не только о законе, но и о пророках... И в 19 гл. Мф. Христос в числе заповедей, необходимых для соблюдения, указал богатому юноше-еврею и такую, какой нет в числе десяти („люби ближнего твоего, как самого себя“ – Мф.19:19, ср. Лев.19:18. Эту заповедь нельзя отождествлять с десятой заповедью), и ещё совсем новые для израильтянина, но необходимые для того, чтобы быть „совершенным“ (Мф.19:21). Вообще же на это место нельзя ссылаться, как на такое, в котором Христос перечислил якобы *все Заповеди*, необходимые для спасения, потому что здесь Христос не привёл даже всех заповедей десятословия. Но из этого странно было бы заключить, что для богатого юноши и вообще израильтянина, неупомянутые в данном месте заповеди десятословия, не были нужны. Также странно было бы думать, что и „первая и наибольшая заповедь в законе“ (Мф.22:38), о которой Христос в том же месте (Мф.19:17–19) умолчал, тоже для богатого юноши не была нужна. Необходимо судить об отношении Христа к древнему закону не по отрывкам Писания, а полностью, т. е. на основании всего Писания, и тогда мы увидим, что во время Своей земной жизни, Христос соблюдал весь закон и пророков (Мф.5:17–18). Что же касается приведённых тобой, Пётр, мест из посланий апостолов Иоанна (1Пет.5:3), и Иакова (Иак.2:8–12),

то ап. Иоанн в данном месте под „заповедями Бога“ понимает не десятословие, а, как он сам говорит: „заповеди Его (т. е. Бога Отца), чтобы мы веровали во имя Сына его Иисуса Христа и любили друг друга, как Он заповедал нам“... (1Ин.5:3 ср. 3, 22–24; ср. Ев. Ин.15:10–14). Апостол же Иаков, в приведённом тобой месте говорит о всём древнем законе Божьем, а не об одном десятословии (см. Иак.2:10,9 ст. сравн. Лев.19:15).

Из сказанного мною ясно, что если ты, Пётр, принимаешь букву десятословия на том основании, что десятословие „Закон Божий“, то принимай и весь ветхий Закон или Завет со всеми его „заповедями, постановлениями и словами“, так как всё это также „Закон Божий“. Но если ты говоришь, что не под Законом живёшь, а под благодатью Христовой и что ты умер для Закона Телом Христовым и освободился от клятвы Закона, то тогда сбрось с себя иго Ветхого Закона до последней его буквы, потому что соблюдая не только десять, но даже одно слово этого закона, ты несёшь ответственность уже против этого закона и, как неисполняющий всех его предписаний, подлежишь клятве закона (Иак.2:8–12; Гал.3:10). Вспомни, как сам великий апостол Павел, говоря о свободе христиан от всего Ветхого Закона, в то же время в частности о десятословии писал, что скрижали каменные нам теперь не нужны, так как на них были написаны смертные буквы, доставившие израильтянам лишь осуждение. Если это „служение осуждения“, или „служение смертоносным буквам“, и было славно, то лишь в своё время, пока не произошло „служение оправдания“ т. е., служение „письму Христову, написанному не чернилами, но Духом Бога Живого, не на скрижалях каменных, но на плотяных скрижалях сердца“. Перед этим новым служением прежнее даже не оказывается славным. Мы, христиане, и потому должны полностью отбросить „преходящее“ и принять „пребывающее“, т. е., Христово служение (2Кор.3:1–11). Христос же дал нам служение „не буквы“ древнего закона Божьего, но духа, как о том и было предсказано в ветхом завете Богом и Его пророками. (Втор.18:15–18; Иер.31:31–33). Посему-то мы и считаемся состоящими в Новом Завете с Богом.

– Всё это хорошо, – отвечал подавленным голосом Пётр, да только мне кажется, что Сам Христос строго исполнял букву десятословия и нам то же повелел. Об этом говорится у Ев. Матфея, – вот прочтите-ка главу 5-ю, со стиха 21-го...

– Я прочёл и затем спросил: – ну, так как же, Пётр, – Христос здесь отменяет букву десяти заповедей или сохраняет её в точности?

– Да, правду сказать, оно как будто отменяет, – с изумлением отвечал Пётр...

– Вот видишь, продолжал я, – Сам Христос говорит: древним сказано одно, а Я говорю вам другое, и это не только по отношению к десятословию, но и к многим другим заповедям древнего закона. И тот закон или те заповеди, которые Бог дал нам через Христа (Втор.18:18; Ин.3:34–35,12:49,14:24,17:8), настолько выше заповедей, данных через Моисея, насколько Христос больше Моисея. Посему Ап. Павел и говорит, что данные через Моисея скрижали, с написанными на них смертными буквами, теперь, когда мы имеем письмо Христово, даже не оказываются славными и как временные („преходящее“) должны уступить место новым и вечным заповедям Христа (2Кор.3:1–11). Как же ты, Пётр, решаешься, вопреки Писанию, вливать новое или „молодое вино“ (учение Христа) в „мехи ветхие“ (в букву каменных скрижалей), или для тебя эти мехи дороже Христовых, или ты забыл, что молодое вино не сбережешь в ветхих мехах?!..

Пётр, понутив голову, молчал. Видно было, что какая-то тёмная сила толкнула его и закалила в секте...

– А знаешь ли, Пётр, что и сам ты не исполняешь буквы десяти заповедей? – снова я спросил его.

Пётр встрепнулся и как-то нехотя сказал: „как так“?!..

– Да очень просто: ведь вы думаете, что ваши дети рождаются святыми и не отвечают за вину отцов, а во второй заповеди читаем: „Я Господь Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину, отцов до третьего и четвёртого рода“... (Исх.20:5. сравн.34:7)!.. Далее, вы отрицаете всякую клятву именем Божиим, а третья заповедь запрещает лишь напрасную клятву, когда клянутся именем Бога во лжи (Исх.20:7.

сравн, Лев.19:12)... Таким образом, не только Св. Писание свидетельствует против тебя и твоих единомышленников. но и сами вы ясно обличаете себя во лжи.

Скажи ещё, Пётр: неужели ты убеждён в том, что у вас празднуется та суббота, которую дал Бог сынам израилевым, и которую израильтяне должны были помнить, согласно повелению 4-ой заповеди десятословия?!...

– А то как-же?!.. с недоумением отвечал Пётр.

– А я думаю, что вы сочинили себе свою субботу и ложно прикрылись именем Бога. Вот давай немножечко передохнем, да и побеседуем об этом.

Теперь ты, Пётр, должен сознаться, что все приведённые тобой доселе основания в защиту празднования субботы весьма ошибочны: во первых, потому что Сам Бог не давал людям *в раю* заповеди праздновать седьмой или субботний день; во 2-х, потому что Св. Писание решительно отвергает сделанное тобой различие между „заповедями и законом“ или между „двумя законами“, на каковом различии ты пытался построить свою защиту субботы и, наконец, потому что Сам Христос, и апостолы, вопреки твоему заявлению, не только не исполняли буквы десятословия, но прямо отвергали её, как смертоносную. И сам ты своим учением по другим вопросам, о чём я уже говорил, отменяешь букву каменных скрижалей и тем обличаешь самого себя. Посему я опять спрошу тебя: на каком же основании ты всё также упорно стоишь за субботу?

Пётр востропел и, видимо удручённый, отвечал: пусть я не прав в том, что говорил доселе. Но всё же я буду праздновать субботу, потому что желаю соблюсти *прямое повеление 4-ой заповеди*: „помни день субботний, чтобы святить его“ (Исх.20:8). Я теперь привожу в защиту субботы только эту заповедь и посему прошу вас вести речь только об этой же заповеди...

Итак, Пётр, ты признал свои прежние доказательства непригодными, что похвально. Я охотно исполню и новое твоё желание и остановлюсь на разборе только этой заповеди.

Скажи, Пётр: не давал ли Бог Моисею повеления праздновать субботу раньше 4-ой заповеди десятословия?

Пестряков. Давал; вы и сами об этом намекнули, и я не спорю теперь...

Да и трудно спорить, так как в книге Исход ясно сказано, что сказал впервые Моисей именно в пустыни Син еврейскому народу: „вот, что сказал Господь: „завтра покой, святая суббота Господня... смотрите, Господь дал вам субботу... Оставайтесь каждый у себя в доме своём, никто не выходит от места своего в седьмой день. И покоился народ в седьмой день“... (Исх.16:4,5,22–30. ср. Неем.9:14.). После эта заповедь вскоре была повторена в десятословии. С этого времени „суббота Господня“, т. е. суббота, освящаемая только Господом, получает новое название: „суббота Господу Богу твоему“, т. е. суббота, посвящаемая и народом еврейским Господу Богу (ср. Исх.16:23,29,20:10). В память же чего Бог повелел еврейскому народу святить день субботний?

– Да уж вы говорите сами, а я послушаю, отвечал Пестряков.

– Мы знаем, Пётр, что, когда Сам Бог почил в день седьмой, то для Него седьмой день был днём покоя от дел творения мира (Быт.2:2,3). Но от чего почил еврейский народ и какой покой ему напоминала суббота? „А день седьмой суббота Господу Богу твоему, говорил Моисей народу... помни, что ты был рабом в земле Египетской, но Господь, Бог твой, вывел тебя оттуда рукою крепкою и мышцею высокою, потому и повелел тебе Господь, Бог твой, соблюдать день субботний“ (Втор.5:12–15.)... И так, Бог повелел еврейскому народу праздновать субботу в память избавления от Египетского рабства и суббота означала для евреев собственно покой от этого рабства (ср. Иезек. 20 гл.). Вот почему еврейский народ впервые „покоился в седьмой день“ (Исх.16:30) лишь по выходе из Египта. В то же время по словам Господа к Моисею, суббота была видимым знамением завета, заключённого между Богом и народом еврейским: „и пусть хранят сыны Израилевы субботу, празднуя субботу в роды свои, как завет вечный; это – знамение между Мной и сынами Израилевыми на веки... Я дал им субботы, чтоб они были знамением между Мной и ими (Исх.31:16–17: Иез.20:12–13)...

Но если суббота была дана только еврейскому народу („в роды свои“... между Мной и сынами Израилевыми“)... если она означала для этого народа только покой от Египетского рабства и служила знамением завета между Богом и избавленным народом, то является вопрос; для чего же нам праздновать субботу, когда мы, чуждые плотского родства с выведенным из Египетского рабства еврейским народом, ни в рабстве у Египтян не были и посему в покое (т. е. субботе) от этого рабства не нуждаемся; ни в завете, заключённом между Богом и освобождённым от рабства израильским народом, не состоим, так как вступили в „Новый Завет“ с Богом, утверждённый на лучших обетованиях и имеющий Ходатаем Христа (Евр.8:6–13)?!. На этом-то последнем основании мы особенно должны отвергнуть печать или знамение „первого“ или старого завета – субботу. Авели кто пожелает хранить это знамение, тот должен принять и весь Ветхий завет и тем отречься от Ходатая Нового Завета – Христа (Евр.3:3–6,8:6,9:15). Ведь нужно же, Пётр, признать одно из двух: или ты состоишь в *старом* завете с Богом и посему хранишь и печать этого завета – субботу, или же если считаешь себя служителем „нового завета“, то должен открыто и решительно отвергнуть знамение ветхого завета. Иначе, все твои уверения в верности „новому завету“ будут только пустыми, ничего незначащими словами, или даже маской, скрываясь под которой, ты стараешься удобнее перевести в ветхий завет и других, слабых в своём уповании. Согласись ещё и с тем, что *одна* печать или знамение без того, что оно знаменует, не имеет никакого смысла; например: какой смысл имеет обрезание без завета Бога с Авраамом, который оно знаменует? какой смысл имеет и суббота без завета Бога с выведенным из Египта еврейским народом, когда именно в знамение этого завета она и установлена?

Пестряков изумлённо посмотрел на меня и нерешительно проговорил: да ведь я не отрицаю „нового завета“, а если и храню субботу, то по заповеди...

– Но ведь я уже ясно раскрыл тебе, что в 4-ю заповедь занесена та суббота, которая была знамением *старого* завета и означала лишь покой евреев от рабства. С этим и ты

согласился, а посему пора тебе бросить упорство и прямо заявить, что для христиан, вступивших в „новый завет“ с Богом, суббота не нужна. Иначе выходит, что на словах ты стоишь за „новый завет“, а на деле держишься „ветхого“ и Моисея предпочитаешь Христу, вопреки учению Ап. Павла (Евр.8:6–13).

Субботу я брошу и как сказано в 4-ой заповеди, так и буду праздновать её *по заповеди*, с отчаянием проговорил Пестряков.

– Вот ты всё время одно твердишь и от Писания в свою пользу ничего не приводишь. Теперь нам ясно, что ты празднуешь субботу, потому что ветхий завет предпочитаешь новому. Но мы, как истинные христиане, должны ставить Христа выше Моисея и посему, приняв „новый завет“, должны отложить ветхий с его печатью – субботу. И Писание нам ясно говорит, что обетование о спасении принадлежит лишь служителям „нового завета“, а не служителем смертоносных букв, начертанных на каменных скрижалях (Евр.9:15; 2Кор.3:3–11).

– Да и откуда ты, Пётр, взял, что *празднуешь субботу по заповеди*?!

– А то как-же? Конечно, *по заповеди*, данной Богом через Моисея, – убеждённо отвечал Пестряков.

– А я думаю, что ты сочинил себе свою субботу и ложно опираешься на Моисея, посему являешься преступником не только „нового завета“, но и „ветхого“...

– Да откуда же это видно? – изумлённо спросил Пестряков.

– Видно это из того, что ты *не так* празднуешь субботу, как повелели праздновать её Моисей и пророки.

– А я думаю, что *так* и ни в чём не погрешаю против Писания.

– Сейчас посмотрим, Пётр. „Помни день субботний, говорит Писание евреям, чтобы святить его; шесть дней работай и делай в них всякие дела твои, а день седьмой – суббота Господу, Богу твоему: *не делай в оный никакого дела ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни рабыня твоя, ни (вол твой, ни осёл твой, ни всякий) скот твой, ни пришлец, который в жилищах твоих*“ (Исх.20:8–10, Иез.17:24). Завтра

покой, святая суббота Господня: что надобно печь, пекуте, и что надобно варить, варите сегодня (Исх.16:23)... Не зажигайте огня во всех жилищах ваших в день субботы (Исх.35:3)... Не собирайте дров (Числ.15:32–33)... Не продавайте и не покупайте (Неем.10:31,13:15–22); не носите нош в день субботний (Иерем.17:21–27⁴⁰¹).

Вот как проводили субботу евреи по закону Моисея и пророков, в субботу отдыхал не только еврей, но все иноплеменники, которые жили в его доме и весь скот его... А у вас, Пётр, и сами вы житейские дела делаете в субботу и работники ваши и скот ваш лишены покоя. И варите, и печёте вы в субботу, и огни зажигаете, и дрова собираете, и продаёте, и покупаете, и всякие ноши носите... Как же теперь ты хвалишься, что празднуешь субботу по Писанию?!

Пестряков возразил было, что ничего такого у них не делается в субботу, но тотчас умолк, подбавленный массой примеров, обличивших ложь его возражения.

– Где же у вас исполняется заповедь о субботе? – снова спросил я Пестрякова. Ведь, кроме указанного мною, евреи в каждую субботу и притом в храме (Втор.12:13–14 ст.) должны были приносить особые, сверх постоянных, жертвы: всесожжения, хлебные приношения и возлияния (Числ.28:9–10 ст.), а также и устраивать в каждую субботу особые священные собрания (Лев.23:2–3)!.. Где же у вас эти жертвы? Да и как вы можете приносить их, когда и самое место их приношения – храм вы отвергли? Вот и выходит, что от „нового завета“ вы отстали и к „ветхому“ не пристали, а остановились на полдороги, на распустье... Жаль только, что, будучи сами упорно слепыми, вы и других тащите на то же распустье...

Теперь нам ясно, что наши субботники сочинили себе свою субботу и тем самым осквернили субботу законную, о которой говорится в 4-ой заповеди десятословия. А всякий, кто осквернит субботу, по повелению Бога Моисею, должен быть предан смерти (Исх.31:14–15). Нам, христианам, суббота вовсе не нужна, поэтому мы и кары за её нарушение или отмены не боимся, а вот Пётр и другие субботники приняли субботу и во

всём её оскверняют, а посему они и должны все друг друга предать смерти. Вот до чего довели себя сами субботники!..

– Пусть у нас своя суббота, снова оживлённо заговорил Пестряков, пусть мы нарушили субботу законную, пусть за это нарушение мы подлежим тяжёлому наказанию; но вы то зачем не празднуете субботу законную, когда она дана Богом *на вечные времена*? Ведь в Писании ясно сказано: пусть хранят сыны Израилевы субботу, празднуя субботу в роды свои, как *завет вечный*; это – знамение между Мною и сынами Израилевыми *на веки...* (Исх.31:16–17).

– Вот прекрасно, Пётр, что ты признал свою субботу незаконной, а самочинной и согласился с тем, что всякий, кто будет праздновать выдуманную вами субботу, подлежит по заповеди Господней смерти. Следовательно, как ты, так и твои единомышленники обязательно должны бросить празднование субботы, а иначе вы явитесь сознательными противниками Господа Бога, коварно ведущими и других к гибели.

Ты спрашиваешь, почему мы не празднуем законную субботу, когда она установлена на вечные времена? На это я тебе отвечу: не разумеешь, что читаешь. Ведь в приведённом тобой месте из книги Исход ясно говорится, что суббота являлась знамением завета вечного или на веки только между Богом и *сынами Израилевыми*, которые и должны были праздновать субботу *в роды свои*. И мы видим, что Господь с *своей стороны* не нарушал завета, заключённого с освобождённым из Египетского рабства домом Израилевым и всегда готов был хранить его и знамение этого завета – субботу вечно (Иер.31:32). Но израильтяне сами нарушили этот завет (Иер.31:32) и посему Господь через пророка Иеремию возвестил непокорному народу: „вот наступают дни, когда Я заключу с домом Израиля и с домом Иуды новый завет, – *не такой завет*, какой Я заключил с отцами их в тот день, когда взял их за руку, чтобы вывести их из земли Египетской; тот завет Мой они нарушили, хотя Я оставался в союзе с ними. Но вот завет, который Я заключу с домом Израилевым *после тех дней*: вложу закон Мой во внутренность их и на сердцах их напишу его, и буду им Богом, а они будут Моим народом“ (Иер.31:31–33⁴⁰²) –

Теперь я спрашиваю тебя, Пётр, наступили ли уже обещанные Богом дни „нового завета“, или ещё царит „ветхий завет“?

– Видимо наступили, боязливо отвечал Пётр, чуя, куда ведёт его ответ...

– Да, наступили со времён Христа, как свидетельствует нам Ап. Павел (Евр.8:7–13), решительно подчеркнул я. Следовательно, нужна ли нам суббота, как „завет вечный“, нарушенный плотским Израилем и Богом отменённый? Нужно ли нам знамение ветхого завета, знамение плотское – суббота, когда Сам Бог уничтожил его вместе с старым заветом и „новый завет“ начертал на новом знамении – на внутренностях и сердце человека?

Пётр замялся и что-то тихо бормотал. Наконец, после настойчивого предложения отвечать на поставленный вопрос, заговорил: да оно, как вы поясняете, суббота в новом завете не нужна; а как *почитаешь пророков, то выходит, что и в новом завете должно праздновать субботу.*

Я просил Петра привести мне из Писания смутившие его пророчества⁴⁰³.

Пётр с усердием прочёл из кн. прор. Ис.56:1–8,58:13–14,66:22–23... Вот видите, заключил он, не только евреи, но и иноплеменники и евнухи, присоединившиеся к Господу, должны праздновать субботу и называть её „святым днём Господним“ и всегда, каждую субботу, должны поклоняться Господу. Мы, продолжал Пётр, не евреи, но потомки иноплеменников и присоединились ко Христу, а посему и должны, по заповеди пр. Исаии, каждую субботу устраивать молитвенные собрания Господу. Так у нас и делается.

– Но позволь, Пётр, возразил я. Разве пр. Исаия говорит о *новозаветных* иноплеменниках и евнухах, что ты применил его слова к себе?!

– А то как-же? – отвечал Пётр.

Прочти внимательней и ты увидишь, что пр. Исаия говорит о ветхозаветных временах. В самом деле, ведь это по ветхому завету евнух и иноплеменник, но не каждый, не могли войти в общество Господне или в среду народа израильского (сравн. Ис.56:3; Втор.23:1–8), хотя бы и уверовали в Бога и соблюдали

заповеди Его. Что здесь речь идёт о ветхозаветных временах, – видно из того, что евнухи и иноплеменники молятся в еврейском храме и приносят еврейские жертвы и всесожжения, которые по закону должны были приноситься постоянно и ещё в особом виде каждую субботу (ср. Ис.56:6–7; Числ. 28:9–10). Да, наконец, ведь это еврейская суббота состояла в полном покое от обычных дел (ср. Ис.58:13. Исх.20:10) и это в ветхом завете каждую субботу устраивали особые священные собрания и каждую субботу с особыми жертвами ходили в храм на поклонение Богу Саваофу (сравн. Ис.66:23; Числ.28:10; Лев.23:3; Втор.12:5,11,14,26–27). Значит, если пр. Исаия говорит об иноплеменниках и евнухах, твёрдо держащихся завета Господня (Ис.56:6.), то это завета *ветхого*, конец которому ещё не наступил в то время. Но теперь, когда давно уже наступили дни „нового завета“, в который Христос призвал всех людей, а не только по плоти евреев, когда для самих евреев уничтожен Богом ветхий завет с его знаменiem – субботой, как можешь ты, Пётр, возлагать на иноплеменников иго ветхого завета?!

Пётр молчал и пот обильными каплями струился по его лицу.

Ведь ты вот сослался на пр. Исаию, а там и оказалось то же, о чём я тебе говорил, т. е.: если хочешь поступать по примеру названных тобой иноплеменников, то брось свою, самочинную субботу и исполняй закон Моисея. А то ты свою волю поставил выше и заповедей ветхого завета, и повелений Ходатая Нового Завета – Христа. Но при этом помни, что в Моисее теперь нет спасения, так как, уже наступили дни „нового завета“ и только Кровью этого завета или Кровью Христа мы спасаемся (Евр. 9 и 10 гл.)...

И. Айвазов

(Окончание следует).

**Летопись периодической духовной и светской
печати и новые книги по вопросам веры и миссии
церкви // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10.
С. 1163–1173**

Гринякин Н. Тоже – „живой язык“. (По поводу „одного из откликов“ свящ. Т. Б. Ч. „Новый Путь“ № 4). С. 1163–1169

„До чего мы дожили, о, россияне“?!

В обществе и печати теперь нередко слышится призыв по адресу нашего духовенства: „восстани спяй“: везде религиозное пробуждение, жатва многа и опасность для церкви не мала, заговори со своей паствой *языком живым*, языком её понятий, чтобы твоё слово истины проникало в душу пасомого, а не посыпай на овцы своя сухим горохом никому ненужных фраз старых гомилетики других „руководств“. Призыв серьёзный и справедливый, думается. Кто не видит, что огромное большинство наших пастырей стоит вне настоящей жизни церковного стада: оно замкнулось от неё в своё официальное положение и до всего прочего, живущего и происходящего вокруг его, ему точно нет никакого дела. И вот на один из таких призывов к „восстанию“ заговорил в „Н. Пути“ (№ 4 с. г. стр. 208–211) священник Т. Б. Ч. и заговорил уж слишком „живым“ языком, чтобы на него не обратить внимания.

„Прочитал я (в книжке иером. Михаила „Новые и Старые Пути“) воззвание к „восстанию“, – пишет о. Т. Б. Ч., и *рассмеялся*... Уж очень смешно это наивное предложение к задавленнейшему из *всего сущего*, православному священнику – заговорить живым языком... Нельзя, впрочем, сказать, чтобы духовенство совсем чуждалось „живого слова“... Вот образчик „живого слова“ одного иерея к своим пасомым на Троицу (храмовой праздник):

„Ну, вот, братия, нынче у нас праздник – Троица. Что же это такое за праздник? а? Знаете ли это? Как его должно праздновать? Как он, откуда он произошёл? Не знаете? Ну, вот... то-то. Да, братия, сей праздник установлен Самим Богом. Когда Бог явился Аврааму, в виде трёх странников, то Авраам ожидал их в своей палатке; он принял их, угостил – заколол им телёнка, а Сарра, жена его, испекла пышек... Так-то, братия. Что же означает сие событие? – А вот: мы будем ходить и поздравлять

вас с праздником. Как Авраам встретил трёх странников – дорогих гостей – у своей палатки, так и вы должны встречать своего духовного отца у порога своего жилища. И нас будет трое: я, отец диакон и псаломщик. Вот и вы встречайте нас с радостью, а не с вздыханием, – не скупитесь на подавание, овсеца всыпать старайтесь, коврижку хлеба или что-нибудь, ан дело-то угодное Богу“...

После этого заключения и проповеди конец. Неправда ли, „жизненно“ и „действенно“? – ибо толпа мужиков тяжело вздохнула, услышав „практическое приложение“ проповеди о св. Троице. Бесспорно, проповедь жизненна; но вопрос: желательна ли такая проповедь и, самое главное, можно ли требовать от теперешнего священника иной проповеди“.

В смысле необходимых условий для „живой“ проповеди и живого дела нашего духовенства, о. Т. Б. Ч. ставит далее: „Чтобы духовенству жилось сносно, по-человечески; чтобы первое условие его плодотворной деятельности – свобода была „в полном смысле неограниченной“. „Свобода эта, пишет о. Ч., должна прежде всего быть при выборе деятельности каждого человека – кандидата в священники. Теперешние семинарии в настоящем виде, руководимые монахами, не должны существовать. Должна быть единая общеобразовательная школа, а после факультеты, и между ними – богословский. Далее: в жизни своей священник подчинён может быть только коллегиально – братскому правопорядку, но ни „земскому“, ни полиции, ни инспектору народных училищ, как теперь. Духовное одеяние не должно иметь места в обычное неслужебное время. Посещение театра и вообще мест общественных собраний, поездки за границу, путешествия дома, в России, не должны встречать ни малейших препятствий. Вот тогда-то, пожалуй, и можно спросить с такого священника, чтобы он заговорил живым языком... Постороннему человеку невозможно и представить, как тяжело жить священнику только среди молебнов, акафистов, панихид и обеден. Как всё это надоедает(!)“.

Вот он „живой-то язык“ „задавленнейшего из всего сущего“ православного священника о. Ч. Non multum, sed multa...

О. Ч., „прочитав воззвание к „восстанию“, рассмеялся“... А вот по прочтении его живого „отклика“ на такое воззвание, не знаешь, смеяться или плакать!

В самом деле. Отклик отца Ч. это своего рода „рыкание от воздыхания сердца“, – от пережитого и выстраданного. Печать искренности отклика невольно располагает в его пользу. Анекдот, каковых по адресу духовенства не мало, о проповеди на Троицу с „практическим приложением“ об „угодных Богу – овсеце да коврижке хлебца“, разумеется, в виду не имеем. (Не верится, чтобы наше духовенство уж совсем теперь не могло говорить *иной* лучшей проповеди! к тому же – *debes ergo potes*⁴⁰⁴). Обращаем внимание своё на то, что о. Ч. говорит всерьёз. Что наше православное духовенство живёт и действует в тяжёлой материальной обстановке, которая кладёт нередко нехорошую тень на всё его святое дело, что оно в этом случае пасынок Русской земли, это безусловно верно, как бы ни защищали, как бы ни идеализировали „поборы“ разные отцы и братья, живущие ещё в понятиях и чувствах давно прошедшего времени. Что большинство кандидатов священства от некуда деться почти роковым образом обрекается на рясофорное иго, что большинство из них прямо таки неповинно, по отсутствию свободы выбора и самоопределения, в возложении рук на пасторское „рало“, по каковой причине непризванные пастыри „зрят вспять“ – на театры, путешествия за границу и т. п. прелести мира, – это то же не подлежит сомнению; примеры под руками. Что сельский батюшка бледнеет перед медной пуговицей – „земского“ пристава, инспектора народных училищ, имея прикосновенность к этой влиятельной публике (хотя он и *не подчинён* ей) по навязанным ему непастырским делам, это тоже правда; что семинарии, руководимые молодыми монахами с немонашескими аппетитами на мирские блюда популярности, честолубия и карьеры, плохи в смысле воспитания и подготовки духовного юношества к настоящей пастырской деятельности, это тоже неоспоримо. Что же касается положительных условий, которые представляются о. Ч-му необходимыми для „живого“ пастырского слова, то они или непонятны, или нецелесообразны, или прямо-таки странны.

Будем говорить и не от „писания“ и не от канонов. Духовных отцов учить не нам. К тому же отцу Ч. всё это, может быть, также надоело, как и акафисты, молебны, панихиды и литургии! (Литургия „надоедает“ и это говорить священник!)

О. Ч. желает, „чтобы первое условие плодотворной деятельности духовенства – свобода была в *полном смысле неограниченной*“. Не поймём, – Богом, богдыханом или, наконец, анархистом желает сделать священника отец Ч. В какие же это времена и в каких же это церквях пастыри духовные с „живым словом“ располагали свободой „в полном смысле неограниченной“ раз они, как члены церковного клира, общества и государства, делали своё дело в пределах, отмежёванных им законами – Божиим, церковным и государственным, и помнили завещание апостола – „удаляться от всякого брата, поступающего *бесчинно*, а не по преданию“, которое мы приняли от апостолов (2Фес.3:6) и церкви? Впрочем, может быть, мы отстали от науки. Перейдём к другому.

О. Ч., проектируя смертный приговор „теперешним семинариям“, желает „единой общеобразовательной школы, а после неё – факультетов и между ними богословского“. Прогрессивный отец мотивов своего желания не показал; поэтому и мы на его „отклик“ откликнемся двумя–тремя словами. В протестантских обществах, где дух церковности давно исчез, где древне-церковные традиции принципиально отвергнуты, где пасторы являются не более, как светскими чиновниками, для которых благочестиво-церковное, в нашем смысле, настроение духовного пастыря во всей его жизни – ненужное человеческое предание, – там, для тех церквей, „единая общеобразовательная школа и после неё среди других факультетов – богословский“ целесообразны. Но не протестантских пасторов желает наша русская паства и её православная душа. Она желает видеть в своих духовных пастырях людей выше неё стоящих над землёй и всем земным... И если с этой стороны взглянуть на наши семинарии, то больше неизмеримо будет основания желать (если уж не в силах мы выработать свой тип духовной школы), чтобы они походили на католические коллегии, по их воспитательно-

дисциплинарной стороне, а не на протестантские факультеты, и чтобы „обофицеренные семинарские формы“ с ясными пуговицами и т. под. на будущих пастырях церковных были признаны печальным недоразумением времени... Подробности по этому предмету – „до востребования“.

Далее: в жизни своей священник подчинён может быть *только* коллегиально-братскому правопорядку“... пишет о. Ч. Фраза – ни автора, ни другого кого-либо ни к чему не обязывающая: мыслил ли в ней автор канонический уклад жизни клириков или действительную их жизнь; имел ли он в виду епископскую власть в поместной церкви (ап. пр. 39); отдавал ли ей полное её право, или ограничивал его властью „утверждать“ или „не утверждать“ „коллегиально-братский правопорядок“, – ничего пока неизвестно; поэтому и говорить нам о сём излишне.

Остановим своё внимание на последнем условии, необходимом, по о. Ч., для „живого языка“ священнику. Вот оно. „Духовное (?) одеяние не должно иметь места в обычное неслужебное время; посещение театра и вообще мест общественных собраний, поездки за границу, путешествия дома, в России, не должны встречать ни малейших препятствий. Вот тогда-то, пожалуй, и можно спросить с такого священника, чтобы он *заговорил* „живым языком“. Ещё бы, – тогда он и без спроса заговорит даже по-французски и зашаркает с ловкостью гвардейского офицера! Но такого ли оживления желают от него? Да не будет! По рясофобской логике о. Ч., можно, пожалуй, подумать, что все священники, говорящие ныне живым языком (и таковые всё-таки есть), „без малейших препятствий“ ходят в пиджаках и визитках по театрам и вообще местам общественных собраний и не раз побывали за границей... Нет, – язык их жив и без этого. Не в пиджаках, не в театрах и не за морем – источники их вдохновения, их живого слова и дела. Источник этот в благодати Божественной, „немогущая врачующей и оскудевающая восполняющей“. И если воспринявший её в хиротонии радетельно хочет быть достойным своего высокого пастырского звания, проникается своим долгом, во имя его отрекается „от себя“ и „не зрит вспять“, вникает в

духовные нужды своей паствы и всецело отдаётся им, он и в рясе сумеет заговорить живым языком со своими пасомыми, особенно сельскими, которые „увидят попа и в рогоже“, и в рясе заговорит даже лучше, чем в пиджаке: хорошие батюшки с честью носят своё „духовное одеяние“ и, если можно так выразиться, гордятся им, как внешним знаком высокого звания. Нам известны добрые пастыри с потрясающе „живым“ словом и не стесняющиеся несколько рясой. Да и причём тут ряса? Она, конечно, была бы повинна в безжизненности пастырского слова в том случае, если бы было доказано, что священник N в рясе говорил безжизненно и недействительно; перешли его рясу на три пиджака, облекли в них священника N и, о, чудо, он стал говорить в три раза живей и действенней! Но таких доказательств мы не видим. Рясу ненавидят пастыри, стыдящиеся исповедовать своё звание. В таком случае, нужно только скорбеть об их положении: не *свой* крест они взяли на себя и бесконечно тяжело для них по существу лёгкое бремя Христово. Нет у них призвания к духовному пастырству, они вздыхают о театрах, концертах, фраках, заграничах и т. п. и вовсе, конечно, не потому, чтобы всё это нужно было для их пастырского делания, об этом излишне и распространяться, а потому, что *там* именно, а не в церковно-пастырской среде, их настоящая жизненная стихия.

В самом деле, – что для пастырского „живого“ слова даст театр, даже в самой наилучшей части своего репертуара? Декламацию? Но живое пастырское слово живо будет и без неё! Типы покажет, развитие страстей, „героев времени“, трагическое сцепление обстоятельств, потрясающую драму? Но бдительный пастырь, которому открываются души пасомых, может в своём словесном стаде иметь и знать этого материала не менее великих драматургов: не в театрах изучили все глубины человеческой души, напр., Тихон задонский, епископ Феофан и древнейшие наши св. пастыри, архипастыри и подвижники, духовному опыту которых и знанию человека позавидовали бы Шекспир и Л. Н. Толстой (кстати заметить, отрицающий вообще воспитательное, нравственно-доброе значение театра); к тому же, может статься, что в то самое время, когда священник без

„малейших препятствий“ будет слушать в театре толстовскую „Власть тьмы“ и рукоплескать артистам, в его собственном приходе будут совершаться настоящие, а не театральные ужасы этой „власти“, а как справиться с ними духовному отцу, театр и не имеет целью на учить его этому. Может быть, театр возбудит энергию и дух пастыря, поднимет его „на борьбу с пороком“? Но плох тот пастырь, которого подбадривать к этому нужно театральной экспрессией мирской гадости. Кроме того, знаем из среды пастырей лиц, которые вплоть до рясы были заядлыми театрами и светскими до последней степени; стали они пастырями и что же?.. рыбы безгласные. А эта самая граница?.. Если пастырь теплохладен к своему настоящему делу, то и заграничные путешествия его ничего не прибавят к его духовному убожеству и безжизненному слову, кроме разве развихляйства и ещё большего равнодушия к своему долгу. Есть немало и таких примеров. Да и то потребно помнить, что священники, по о. Ч., должны пользоваться „неограниченной свободой в полном смысле слова“ и „не встречать ни малейших препятствий к посещению театров, путешествиям за границу и в России“; и вот, напр., у священника N, в каком-нибудь благочинии, ну хоть, положим, Задонского у., собрались, допустим, на именины соседние батюшки; разговор заходит о „Вишнёвом саде“ Чехова или о Вяльцевой; отцы увлекаются и решают, под весёлую руку, махнуть компанией в Петербург – побывать в театрах! Что ж? „свобода неограниченная в полном смысле слова“, „препятствий ни малейших“, валяй, отцы!., а приходы с их духовными нуждами – дело постороннее, – надо, мол, прежде поучиться „говорить живым языком“... Может быть, о. Ч., говоря о театрах, путешествиях и против рясы в неслужебное время, имел в виду показать, что для „живого слова“ духовенства необходимо, чтобы оно не отставало от своей паствы в светском развитии и лоске? Но и тут – суета. Это развитие и лоск! ведь „яко трава дние их“; они польстят двум–трём ни для церкви и ни для кого и ни для чего путного непригодным „интеллигентам“, и оттолкнут от стада церковного тысячи простых, верующих чад, каковых, как детей, есть царствие Божие. Позвольте, ведь, по о. Ч., для „живого языка“

пастырю потребна и „неограниченная в полном смысле свобода“ и театр, и изгнание рясы из неслужебного времени и. т. п. Но ведь и епископы, и митрополиты, как архипастыри, тоже нуждаются в „живом языке“ и, стало быть, для них должны быть те же условия для „оживлённости слова“. И вот теперь картина. В театре идёт представление, достойное внимания о. Ч.; публики набито битком; в первом ряду кресел в сюртуках, с биноклями в руках сидят: архиерей с викарным, в следующих рядах виднеются два протоиерея в визитках и тоже с биноклями; в 12 ряду шумят, делясь одним биноклем, отцы Задонского уезда, облечённые в пиджаки, хотя и с длинными волосами (о. Ч. забыл остричь духовных пастырей). Умилительная картина! Встречаясь здесь с пасомыми, отцы-театралы „живым языком“ беседуют с ними о театральных новостях и делают по ним свои назидания, а на завтра приглашают овцы своя к богослужению. В церковь к таковым пастырям ходили бы, пожалуй, десяток декадентов, настоящие же церковные люди скоро возненавидели бы „церковь лукавующих“, и „на месте святе“ скоро бы стала „мерзость запустения“.

Н. Гринякин

* * *

Либеральная непродуманность. В „С.-Петербургских Ведомостях“ от 24 марта за текущий год помещена заметка о. Quidam под заглавием: „Средневековые пережитки“. Заметка принадлежит перу какого-то священника. По крайней мере автор её сам так рекомендовался ранее.

Написана заметка бойко, возбуждённо. В ней есть и благородное негодование, и либеральные суждения, подходящие к либеральной газете.

Но нас поразили *легкомыслие и непродуманность*, положенные в основу заметки. Автор возмущается каким-то о. М., донёсшим о повенчании раскольничьим попом его прихожанки с раскольников. За такое „деяние“ венчавшего „попа“ подвергли двухмесячному тюремному заключению.

Обыкновенный читатель несомненно скажет: „естественное последствие из совершённого деяния“. И ещё: „что посеешь, то

пожнёшь“...

Но всё это не подходит под воззрения Quidam. Поступок о. М. кажется ему безобразным, – нравственно преступным.

Что же особенного сделал о. М?

Он, православный пастырь, донёс по начальству о грустном событии, совершившемся в его приходе.

Только и всего. – Сторож двора овчего сообщил поставившему его на дело, что в стаде „не всё благополучно“. При этом не от сторожа зависело поступить так, или иначе с волком духовным...

Казалось бы, отца М. не в чем упрекать. Разве поставить ему в вину зоркость и бдительность? Но всякий сторож стада обязан быть зорким.

Однако о. Quidam рассуждает иначе и винит своего православного собрата. Винит потому, что он или не знает жизни, или принадлежит к разряду небрежных и ленивых пастырей. О людях, значит, он мыслит на свой образец...

Вникнем для подтверждения сказанного, в положение православных священников. Помимо совершения богослужебных треб, они обязаны вести точную регистрацию браков, рождаемости и смертности в своих приходах. Всякую неаккуратность с этой стороны начальство преследует строго. Оно не обращает внимания ни на какие отговорки лиц, ведущих записи. Оно требует исполнения закона. Священники по долгу совести обязаны подчиняться этому требованию. – Тут-то и происходят удивительные совпадения обстоятельств!

Представьте себе такой случай. – Наступила страда деревенская. Для крестьянина всякий час – золото. Вдруг *скоропостижно* умирает член его семьи, не успев причаститься... Кажется, и подозрительного ничего нет, а для священника „думка“: ну-ка умерший „скончался“ от эпидемии какой? Ну-ка он отравился чем?..

Священник из-за понятных страхов не соглашается хоронить *скоропостижно* умершего.

Мужики умоляют батюшку „пожалеть“ их, – „освободить от прижимки“...

Батюшка стоит на своём. Стороны резко разделяются: одни люди – за батюшку, оправдываются необходимостью подчиняться закону; другие – указывают на „страду“ и на то, что им „некогда“ возиться с становым.

А тут „корреспондент“, да ещё либеральный. Не вникнув в суть дела всесторонне, он пишет в газету о мнимых притеснениях мужиков со стороны духовенства. Отцы Quidam по сему случаю льют „крокодиловы слёзы“...

Так, несомненно, сложилось „дело“, о котором говорится в С.-Пб. Ведом. от 24 марта.

Священники обязаны следить, чтобы их прихожане не уклонялись в раскол. О случаях их соversions они должны писать начальству с подробным объяснением, *как было дело?*

Случилось, что раскольничий „поп“ повенчал правосл. девушку с раскольников. Православная овца пропала. Батюшка об этом доносит. Наряжают следствие. В результате раскольничий поп под судом.

Корреспонденты плачут; но кто виноват? Батюшка ли, всё преступление которого сводится к регистрации „события“, или раскольничий поп?

Ни в каком случае – не батюшка. Он долгом совести и по требованию закона *вынужден* был сделать то, что сделал. Он не донос гнусный совершил. Он „исполнил долг службы“...

Раскольничий же поп, венчая православную, знал, что он совершает преступление. По крайней мере по смыслу нашего закона. – Если же *по своей* совести он не мог не совершить того, что совершил; то и утешаться он должен сознанием исполненного *своего* долга. Жаловаться же на правосл. священника он не в праве. И потому „достойно и праведно“, что раскольничьего попа подвергли суду по закону.

Скажут – закон строг и устарел?

Но это – уже другие речи. Тут о. М. не причём. Зачем же его доброе имя пачкает своей „литературой“ о. Quidam?

Это – не либерально и отдаёт низким ренегатством... И надобно жалеть не о том, что мы не знаем, как говорит корреспондент, полной фамилии о. М., а жаль, что о. Quidam прячется за латинские литеры. Тогда бы в лицо следовало ему

послать выражение общего негодования православно-русских пастырей...

Д. Боголюбов

* * *

Речь преосвященного Стефана, епископа Сумского, при освящении Харьковского Народного Дома, 2-го февраля 1903 года. Харьков. 1903 г. стр. 1–5.

Преосвященный Стефан внимательно следил за всеми явлениями современной церковно-общественной жизни и в своих речах даёт им своевременную и надлежащую оценку. К его архипастырскому слову небесполезно поэтому прислушиваться всем, кому дороги интересы православной веры и нашего русского отечества. Так, в прекрасно построенной речи при освящении Харьковского Народного Дома, преосвященный оратор метко и выразительно характеризует враждебные церкви и государству партии, выделившиеся в шестидесятых годах прошлого столетия из так называемой интеллигенции. Эти партии хорошо поняли, что они сами по себе, при своей сравнительной многочисленности, ничто, что вся сила заключается в народе, этом основном теле государства, и что торжество ожидает ту партию, которая успеет привлечь на свою сторону народ. Но как воспитать народ во вражде к церкви и государству? Удобное и благовидное средство к сему найдено в просвещении народа через безрелигиозные школы и читальни, тенденциозные книжки, брошюры и газеты и через устройство таких же развлечений для народа с полным пренебрежением уставов церкви, нарушением святости дней поста и праздников. Обагрив руки в крови Помазанника Божия (Царя Мученика), крайние люди из этих партий подпольною крамольной литературой и самым беззастенчивым обманом домогаются сразу сдвинуть народ с его тысячелетних застоев, с его пути мирного прогресса на путь анархии. Плоды деятельности этого сатанинского общества ужасны; достаточно вспомнить Курское иконоборческое злодеяние, страшное Павловское дело, стычки и возмущения рабочих... Но как враги церкви и государства орудием борьбы своей избрали организацию безрелигиозных школ и читален,

издание тенденциозных книг и газет, устройство для народа развлечений, отрывающих его от церковного уклада жизни; так и друзья церкви и отечества должны взяться за подобное же орудие, но направленное против материализма, безцерковности и анархии, т. е. устраивать школы с образованием, основанным на незыблемом фундаменте религии, читальни с подбором книг и периодических изданий в духе и силе евангельского откровения, издавать книги, брошюры и газеты христианского направления, а также давать народу развлечения, содействующие церкви в её воспитании в народе христианских качеств и добрых чувств, но не отрывающих его от неё и участия в её богослужениях и торжествах. Таковым задачам, по мысли правительства, должны удовлетворять создаваемые для народа так называемые Народные Дома, совмещающие в себе разнообразные просветительные и воспитательные учреждения. Эти дома вверяются в руки интеллигенции, оставшейся верной православной церкви и основным устоям нашей государственной жизни, в надежде, что дома эти со своими учреждениями явятся могучим орудием борьбы с надвигающеюся на нас мутной волной новейшего язычества и с его грозными грядущими последствиями – разложением нашего дорогого отечества, обращением его в лёгкую добычу внутренних и внешних врагов.

Таковы знаменательные мысли епископа Стефана о врагах алтаря Божия и престола царского и о том значении, какое должны иметь Народные Дома в борьбе с сатанинской кликой; и мы считаем своим долгом отметить их на страницах нашего журнала.

Н. Булгаков

**Хроника // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10.
С. 1174–1190**

Миссионерство, секты и раскол

Айвазов И. Тамбовское сектантство и борьба с ним
⁴⁰⁵. С. 1174–1181

IV. *Хлыстовщина*: главные общины хлыстов; их молитвенные собрания, борьба с хлыстами полицейских чинов; прозелитизм секты и духовные меры в борьбе с ней. V. *Скопчество*: община скопцов и их петербургские радетели. – *Современная борьба с сектантством в Тамбовской епархии*.

IV. *Хлыстовщина*. В пределах епархии секта хлыстов занимает по количеству своих последователей второе место и распространена в Тамбовском, Борисоглебском и Кирсановском уездах, где главными центрами её служат: с. Рассказово, Березовка и громкое в летописях Тамбовских „постников“ – с. Перевоз, родина Аввакума Копылова. Мы уже имели возможность описать на страницах „Миссионерского Обозрения“⁴⁰⁶: богослужебные собрания и культ Тамбовских хлыстов, их религиозные воззрения, показной и истинный взгляд на православную церковь, прозелитизм и средства пропаганды и, наконец, их нравственную жизнь. Ныне добавим, что Тамбовские „постники“ – хлысты живут привольно и воочию всех устраивают свои собрания, продолжающиеся нередко за полночь... Очевидец одного из таких собраний крестьянин с. Р-зова В. В-сов, между прочим, сообщает довольно интересные подробности. В ночь под 9-е декабря 1899 года в дом богатого крестьянина села Р-зова С. П-чкова⁴⁰⁷ собирались местные „постники“, по случаю приезда хлыстовского „бога Саваофа“. Входные ворота зорко охранялись сторожем... При появлении местного хлыста И. К-нова, „постники“ всполошились: быстро взяли они его под руки и ввели в обширный зал, где женский хор запел: «тай, тай, ритатай – отворились небеса, покатались колеса, и в ладошки, и в три ножки»... Там же приезжий „Саваоф“, седой, как лунь, старик, с огромной бородой, поднимая руки кверху, благословлял народ... Возле него стояли „Спасова икона, осмеяна, похулена“... С правой стороны „Саваофа“ и поместился И. К-нов, где также „средних лет девица восседала, как царица“⁴⁰⁸ – Среди зала стоял „трон“, а

„на троне – косорукий старец с деревянным костылём, именуемый „царём“⁴⁰⁹... Возле „трона“ – красный стол; за столом – „гражданские чины“, а у стола – два провинившихся „постника“ с слезами раскаяния на глазах... Благословив народ, „Саваоф“ обратился к собравшимся с словами: „сегодня прислан нам пакет, уведомиться про тот свет; надо, братцы, Потрудиться, в этом деле убедиться, сию тайну растворить, всё подробно объявить. Просьба от важного лица – третий год схоронил отца; он духовно нас учил, – как награду получил“?.. Тогда „постники“ стали молиться, старику в ноги валиться... Между тем „апостолы и пророки“ облачились в белые саваны и отдали такой приказ: „разберитесь всё наголо, чтоб усердие забрало“!.. И вмиг огни погасли... Все разделились на парочки и водворилась тишина⁴¹⁰... Вскоре зал снова осветился и севшие в ряд „постники“ запели: „тай, тай, ритатай, отворились небеса, покатались колеса; Сам Господь с небес явился, в храме нашем поселился; тай, тай... о, матушка царица, просияла, как зарница; по горенке ходила, Спасителя водила. Тай, тай... дух небесный на нас сходит, на путь истины наводит, – разну тайну провещает, этим церковь насыщает. Тай, тай... мы в последнюю кончину, заслужим себе по чину, – от месяца уберёмся, на облацы вознесёмся; на двенадцать тронов сядем, людей грешных судить станем. Тай, тай... все мы крепко пригварёны, в книгу снурову введёны, в ней мы кровью расписались, держать клятву обещались“!.. Вдруг в зале появилось что-то похожее на густой пар и опустилось на хлыстов⁴¹¹. Начиналось предсказанье... Вытянувшись во весь рост, „Саваоф“ прорицал: „в раю, на лоне Авраама, обитель вечно его тама. Уведомить лицо пакетом, разрешаю сим ответом“... После этого перед „троном“ косорукого „царя“ появились подсудимые. Косо глянул на них „царь“ и грозно произнёс: „вы хотели от нас отбыться, не придётся этому сбыться; вы от мира отреклися⁴¹², нашей верой завлеклись. Ведь мы тоже все говели, но причастия не ели⁴¹³. Ещё с жёнами своими спите, этим церковь вы хулите“!.. Вслед за раскаянием согрешивших „постников“ были вынуты из белой скатерти пузырьёк с вином и узелок с хлебом, означавшие „дары православных для таинства причащения“, над которыми

хлысты всячески издевались и, наконец, вынесли их на двор, где положили на стол и, при тихом печальном звоне, выстрелили в них из заряженного ружья. Возвратившись в зал, хлысты приняли благословенье от „Саваофа“ и разошлись по домам.

Выдавая себя за „православных постников“, Тамбовские хлысты тем самым успешно избегают преследования своих собраний полицейскими чинами. Вследствие этого, г. начальник губернии, по просьбе Епархиального начальства в половине 1900 г., циркулярно разъяснил полицейским чинам, что „постники“ и „хлысты“ названия тождественные и что к „постникам“ полностью применимы ныне действующие законы о хлыстах. Впрочем, должно заметить, что, не смотря на целесообразность борьбы с хлыстами на почве полицейской репрессии, надеяться на успех такой борьбы почти невозможно, так как повсюду низшие органы полиции – (становые пристава и урядники) как бы не замечают религиозных бесчинств... Между тем хлыстовщина растёт, весьма искусно пропагандируя и в чисто православных приходах⁴¹⁴... Духовные меры в борьбе с ней бессильны, вследствие её лицемерия, православного обличья и скрытности⁴¹⁵... Необходимо ввести в действие строго карательную церковную дисциплину, которая, по нашему мнению, одна в состоянии успокоить постоянно возмущаемое религиозное чувство православных крестьян и отрезвить заблудших. К сожалению, применение такой дисциплины даже с юридической стороны доселе остаётся в области проектов, а предложенная в циркулярном указе Св. Синода от 26 мая 1900 г. п. XIII-й мера на практике не достигает своей цели⁴¹⁶.

V. *Скопчество*. В Тамбовской епархии скопцы приютились частью в Моршанском (с. Атманов Угол и Правые Ламки), а частью в Козловском (с. Старогаритово) уездах. Новых адептов здесь эта секта не имеет, а Старогаритовские скопцы проживают в Петербурге у своих покровителей⁴¹⁷. Впрочем, и на селе есть один оскропленный старик, сильно сетующий о своём уродстве.

В обзоре современной борьбы с сектантами в Тамбовской епархии я не буду касаться миссионерской деятельности местного Казанско-Богородичного Братства и его Отделений, так

как таковая ежегодно публикуется им в „Тамбов. Епарх. Ведом.“ и отдельных печатных оттисках, а остановлю своё внимание, главным образом, на деятельности специального института местных миссионеров⁴¹⁸.

Деятельность епархиальных противо-сектантских миссионеров⁴¹⁹ в 1900-м году состояла преимущественно в посещении ими почти всех, заражённых сектами приходов епархии и особенно главных очагов сектантства. О своей миссионерской деятельности во время таких поездок и положении миссионерского дела в сектантских приходах они, в потребных случаях, представляли местному преосвященному в течение года особые доклады, а в конце года подробные годовичные отчёты⁴²⁰. Из отчётов епархиальных миссионеров видно, что борьба с сектантами велась ими лично, главным образом, посредством публичных бесед, которыми они старались подорвать в глазах крестьян дутый авторитет сектантских начётчиков и тем снять умственно-религиозный гнёт последних с крестьян. „Публичная защита православия, пишет миссионер, и публичное опровержение сектантского лжеучения поднимают угасающий дух ревности по православию в крестьянах, побуждают их не только к хранению православной веры, но и к защите её, а также располагают крестьян к деятелям миссий, дают последним возможность глубже проникнуть в тайники религиозной жизни народа и подготовить в его сердцах незыблемую почву для восприятия всех остальных мероприятий церкви к религиозно-нравственному просвещению своих пасомых“. Посему миссионеры и прибегали к публичным беседам, как «к первому и самому главному средству борьбы своей с сектантами, проводя, почти во всех посещаемых ими пунктах, и особенно во всех главных очагах сектантства ряд публичных бесед»⁴²¹. Вслед за публичными беседами миссионеры всегда прибегали и к частным собеседованиям с сектантами и колеблющимися – наедине или же в присутствии нескольких православных⁴²². «После публичной защиты православия, по словам миссионера, в душе ищущих истины, но заблудших зарождается склонность к православию, просыпается пытливость и возникает целый ряд вопросов, которые нередко

также разнообразны, как разнообразна религиозная психика крестьян. И вот религиозным запросам каждого в отдельности и удовлетворяют частные беседы. Посему, если цель публичной беседы повлиять на целую общину: поднять в ней массовое религиозное чувство, укрепить в ней известное религиозное мировоззрение и побудить её даже к защите его, то цель частной беседы достигнуть того же по отношению к отдельной личности, приняв во внимание её собственный религиозно-нравственный облик. При этом, успех частных бесед слишком во многом зависит от успеха бесед публичных, так как внутренняя жизнь обыденной личности находится в большой зависимости от окружающей её среды». Личным опытом миссионер убедился в том, что чем успешней проходила публичная беседа, тем больше являлось охотников к частным беседам с ним, тем откровенней шли эти беседы и тем охотней воспринималось слово миссионера. Третьим средством для борьбы с сектантством служила миссионерам *церковная проповедь*, которой они уделяли весьма много внимания, запечатлевая её апологетическим, полемическим, а в штундо-баптистских приходах преимущественно нраво-обличительным и увещательным характером. По замечанию миссионера, в штундо-баптистских сёлах, – где сектанты изощряются в обличении нравственной жизни православных, и показной «святостью» своей жизни доказывают правоту своего учения, – церковная проповедь должна носить большей частью нраво-обличительный характер, чтобы в глазах крестьян снять с православной церкви нареkanie на неё сектантов в якобы молчаливом созерцании его моральной распущенности своих пасомых. С целью на более долгое время запечатлеть в умах крестьян истины православия, миссионеры раздавали им после бесед брошюры, издаваемые с миссионерскими целями редакцией „Миссионерского Обозрения“ и местным К.-Б. братством в „Тамбов. Епарх. Летописях“. Убедившись личным опытом в громадной пользе для миссионерского дела от *сотрудничества крестьян*, миссионеры употребляли все имеющиеся у них средства к привлечению таковых к миссионерской деятельности. „К этому, пишет миссионер, меня

побуждало и то соображение, что крестьяне ближе меня знакомы с закулисной жизнью сектантов, скорее могут проникнуть в недра её и тем оказать мне ценное подспорье не только в деле изучения сектантского быта, но и в деле борьбы с сектантством и притом его же орудием, то есть крестьянской же логикой“. Такие крестьяне-миссионеры имеются в сс. Липягах. Пановых Кустах, Новогаритове, Рассказове, Борках и Новотомникове. Особенно должна быть отмечена деятельность трёх крестьян в с. Липягах⁴²³, которые, в силу местных условий, являются иногда почти единственным местным оплотом православия в борьбе последнего с многочисленной и прекрасно организованной здесь иптундовой общиной.

„Не подлежит также сомнению, пишет миссионер, что церковноприходская школа, особенно в лице своих учителей, может оказать православной внутренней миссии большие прямые услуги. К сожалению, учителя церковноприходских школ, за крайне редкими исключениями, стоят в стороне от миссионерского дела. Главная причина такой аномалии скрывается в плохой материальной обеспеченности, крайне несоответствующей их школьно-миссионерским трудам, вследствие чего они смотрят на своё школьное дело, как на временное занятие, а на миссионерские труды, как посторонние им, потому что последние и сложны, и тяжки, и в большинстве бесплатны. Посему я пользовался всеми, доступными мне средствами, к поднятию и заведению школьной миссии, так: руководил миссионерской деятельностью учителей, выразивших желание поработать на миссионерской ниве, ходатайствовал в подлежащих сферах: об улучшении материального быта церковно-школьных учителей в сектантских пунктах с целью привлечь туда лучшие силы и возможно долее задержать их там, об ассигновке сумм для вознаграждения певчих и регента, о составлении при школах специально противо-сектантских библиотек, о преобразовании некоторых школ грамоты в церковно-приходские, о назначении в эти школы отдельных и соответствующих нуждам школьной миссии учителей, о заведении при школах воскресных и праздничных чтений с

туманными картинами. Большая часть этих ходатайств удовлетворена, а некоторые ещё ждут своей очереди.

Миссионерская деятельность церковных причтов, по словам миссионеров, в большинстве случаев не отличается желательным успехом особенно среди низших членов клира. Главная причина тому кроется, как нужно думать, в сложности и многосторонности возлагаемых обязанностей на приходских священников. Из пастырей-тружеников на миссионерской ниве особенно выдаются в борьбе с рационалистическим сектантством священники сел: Новогаритова (о. Милованов), Пановых- Кустов (о. Ремизов) и Рассказова (о. Малицкий), а в борьбе с мистическим – священники сс. Перевоза (о. А. Советов) и Березовки (Борисоглебского уезда). С своей стороны миссионеры употребляли все, доступные для них, меры к поднятию церковно-приходской миссии.

Бывший Тамбовский миссионер *Иван Айвазов*

**Корреспонденция „Миссионерского Обозрения“,
известия и заметки. С. 1182–1185**

Иаков Ш-ков, свящ. Из Перми

Памяти в Бозе почившего миссионера протоиерея о Стефана Луканина.

Миссия не только Пермской епархии, но всего Уральского края понесла тяжкую утрату в лице неожиданно для всех в полном расцвете сил скончавшегося протоиерея *Стефана Александровича Луканина*, 25 лет с честью и пользой потрудившегося на тернистом миссионерском поприще. Выдающаяся личность покойного и его *многоплодная* деятельность на пользу миссии побуждает нас вспомнить почившего хотя бы в немногих словах. Покойный о. Стефан Луканин родился 20 декабря 1841 года, полное семинарское образование получил в Перми, окончив курс в 1862 году 4 студентом. По отзывам его товарищей, Луканин, учась в семинарии, отличался редким трудолюбием и любовью к церковности. Архиепископ Неофит, любивший торжественность богослужений, по рекомендации семинарского начальства, избрал Луканина канонархом архиерейского богослужения при своей домово́й церкви. Истовое чтение юного чтеца чрезвычайно нравилось глубоко религиозному владыке, который и убедил Луканина, немедля по окончании курса, принять священный сан. Первым местом пастырского его служения был Бикбардинский завод, Осинского уезда, где впоследствии о. Луканиным был основан миссионерский монастырь, известный под именем Белогорского. Наделённый от природы богатыми дарами ума и сердца, о. протоиерей постоянным трудом и глубоким вниманием к себе умел воспользоваться ими. Чтение священного писания и святоотеческих творений было любимым его занятием и при той памяти, которой он обладал, знание библии было весьма обширно и глубоко. Среди сложных занятий по приходу и школам, он находил время следить за противо-сектантской литературой. Замечательно, с какой строгой внимательностью он занимался чтением миссионерских книг: большая часть их испещрена его заметками, всегда дельными и остроумными.

Служа в Бикбарде⁴²⁴, о. Стефан открыл двухклассное училище и занимался в нём, вместе с супругой. Только крепкий организм покойного и мог вынести ту массу труда, какую нёс о. Стефан по приходу и школе. Образцовая постановка школьного дела была отмечена духовным и светским учебным начальством. Епархиальное начальство командировало о. протоиерея на съезды оо. миссионеров в Москву и Казань. Так была плодотворна деятельность о. Луканина на первом месте его пастырского служения. С переводом в село Асов, Кунгурского уезда, о. Стефан снова посвятил себя делу народного просвещения, и чтобы иметь влияние на ход учебного дела и других училищ, он был избран членом учительского совета Кунгурского уезда. Благодетель и набожность, смирение и доступность – вот его свойства, известные народному учителю того района школ, наблюдение над которыми было поручено о. Стефану. Учителя видели в нём не только начальника, но редкого по отзывчивости человека и опытного руководителя. При постоянном самонаблюдении и опытности в жизни, в нравственном характере его раскрылось свойство духовности, которая была драгоценна для имевших нужду в помощи духовной: слово его проникало в глубину духа и было отрадно и успокоительно для слушателя. Если кто знаком с историей бунта крестьян Асовской волости, Кунгурского уезда, имевшего место в начале 60-х годов, тот знает, сколько внесено добрым пастырем успокоения в брожение умов тёмной народной массы. За это трудное дело в духе пастырской кротости и любви о. Стефану была выражена епархиальным начальством глубокая благодарность. Вслед за сим он назначается миссионером Кунгурского уезда с переводом к Кунгурскому Благовещенскому собору, откуда был часто временно вызываем для публичных бесед с раскольниками в Екатеринбургское викариатство. О. Луканин, как опытный миссионер-собеседник, был настолько известен, что его вызывали для бесед с раскольниками в гг. Оренбург и Самару. Отдалённость постоянного его местожительства от епархиального города и беседы его в епархиальной часовне братства Святителя Стефана побудили о. Стефана перевестись в Пермь, где ему была предоставлена

должность епархиального миссионера и священника при церкви Успенского женского монастыря. Это время было расцветом миссионерской деятельности о. Стефана, которая будет вписана крупными штрихами на страницы истории Пермской миссии. О. Стефан привлёк в лоно православной церкви несколько главарей раскола и исходатайствовал им разные должности по епархиальному ведомству. Благодаря таким верным мероприятиям, раскол в своих центрах, как, например, в Васильевской волости, Пермского уезда, был так сильно потрясён, что целые деревни, во главе с начётчиками, примкнули к православной церкви, а раскольничьи молельни, как Евтинская и другие, были обращены в православные храмы. Но чтобы иметь прочный алтарь православной миссии и дабы преподавать пример истового церковного богослужения, о. Стефан создал миссионерский монастырь на Белой горе, Осинского уезда, во главе которого поставлен человек с твёрдыми убеждениями и редкой молитвенной настроенностью. Лицо это было обращено о. Стефаном из раскола и вполне оправдало его ожидания: весь строй Белогорского монастыря направлен и держится этим самородком, – мужем силы и правды, проповедником истины, о которых апостол говорит: „в чистоте, разуме, в долготерпении, в благодати, в любви нелицемерен, в словеси истины, в силе Божией, в оружии правды десными и шуйми... Яко скорбяще, присно же радуящееся, яко нищи, а многих богатыще, яко ничтоже имущи, но вся содержаще“. Если таков начальник иноков основанного о. Луканиным монастыря, то про основателя этой обители можно выразиться словами апостола: „всем бых вся, да всяко некия спасу“. Эта-та деятельность, эта разумная опытность в делах миссии обращали на него внимание власти епархиальной. Пермские архипастыри, при которых ему суждено было проходить первоначальное миссионерское служение, состояли в личной с ним переписке, ценили его ум, знание раскола, пользовались его опытами в деле миссии и с полным доверием утверждали разные мероприятия, клонящиеся к пользе православной церкви. Энергия почившего с делом миссии была настолько сильна, что даже враги его – у кого их нет –

вынуждены были сознать его превосходство над собой. Число почитателей его росло, и он сделался одним из популярных и авторитетных деятелей на Урале. Но видно для всякого доброделания необходимо испытание посредством скорбей: без этого никакое наше внешнее делание не будет иметь цены в очах Того, Кто один даёт цену всей деятельности своих верных рабов. О. Стефан в конце 90 годов неожиданно для себя и всех, близко знавших незаурядную личность и постоянную деятельность о. Луканина, получил от местной власти увольнение от должности епархиального миссионера, а вскоре был совсем лишён места в епархиальном городе и назначен в завод Дедюхин, Соликамского уезда. Вышедши в Перми за штат, по случаю антигигиенических условий в заводе Дедюхине, о. Стефан пользовался горячим сочувствием истинных своих друзей и безропотно нёс дни испытаний. За два года до смерти о. протоиерей снова занял почётную в епархии должность духовника родной семинарии, в которой и состоял до последних дней своей многотрудной жизни.

Умолкло живое слово о. Стефана. Он был ещё в полном расцвете своих сил и духовных дарований. Неумоимо деятельный, непрестанно заботливый, о. Стефан, каким он остался до последних дней жизни, оставил многочисленных учеников и почитателей. Похороны его собрали многочисленную публику из разных слоёв общества. Торжественное отпевание покойного о. миссионера было совершено обоими Пермскими архипастырями, почтившими его заслуги перед Пермской церковью прочувствованными речами. Независимо от сего, произнесены были речи воспитанниками семинарии и иноками основанного им монастыря.

Тяжела эта потеря для Пермской миссии, ибо она лишилась в лице о. Луканина незаменимого борца за родное православие и редкого знатока раскола. Не менее ощутительна утрата и для родной семинарии, – это был добрый пастырь, руководил духовным юношеством и словом и благоговейным священнодействованием и примером жизни своей, ум и сердце его были постоянно направлены к Богу. Молитва составляла для него и насущную потребность души. И что за молитва была у него?

Воистину она была возношением ума и сердца к Богу, деятельностью его верующей, благоговейно настроенной души, а не простым вычитыванием слов молитвы. Так в молитве он был благоговееен и сосредоточен!

Безобидно протекли многие годы трудовой и многоплодной жизни этого даровитого в высшей степени скромного человека. История пермской епархии не забудет имя о. протоиерея Стефана Луканина и отведёт ему на страницах своих заслуженное почётное место.

Священник *Иаков Ш-ков*

Воловей Ф., свящ. Из Измаила. С. 1185–1186

Предсмертное вразумление раскольницы и обращение её в православие.

В городе Измаиле, Бессарабской губернии, около 30 лет тому назад совертился из православия в раскол австрийского согласия Измаильский житель Георгий Попов и обвенчался в расколе с старообрядкой австрийского согласия Меланией Поликарповной, урожденной Мельниковой. Вскоре Попов оставил раскол, а жена его продолжала жить с ним, не разрывая связи с расколом. Дети их крещены и воспитываются в православии. Но вот раскольница Мелания Попова серьёзно заболела: до праздников Рождества Христова она болела дома, а после праздников поступила в местную городскую больницу. Через две недели болезнь её (чахотка) приняла острый характер и возбудила серьёзное опасение. Поэтому муж взял её домой и стал готовить все необходимое к погребению, предоставив ей полное право получить напутствие в жизнь вечную от Измаильского „протопопа“ австрийского согласия Трофима Чигина. Дети окружили больную свою мать Меланию и со слезами на глазах заговорили: „дорогая мама! Ты нас родила, ты нас вскормила, ты здесь на земле с нами жила, ты имеешь и умерших детей. После смерти ты не можешь быть вместе с своими умершими детьми, и дети не будут с тобой, и мы, живые, после своей смерти не будем с тобой и ты не будешь с нами. Нас и здесь и там разделяет вера, мы – православные, а ты – старообрядка, мы будем судимы по нашему закону, а ты по старообрядскому, и вместе не можем быть. Неужели ты нас не любишь и не желаешь и за гробом быть с нами?“ На такой вопль детей больная мать сказала: „дети мои милые и дорогие! Невыразимо грустно и тяжело, что я умираю и после смерти не буду с своими умершими детьми и с вами после вашей смерти; трудно мне отказаться от вас, но ещё труднее ради вас отказаться от веры своих дедов и прадедов. Но из любви к вам я буду просить Бога, чтобы Он Сам открыл мне истинную веру, в которой можно спастись, и чтобы Он

вразумил меня перед смертью, чья вера правая и спасительная – наша старообрядческая, или же православная“. После этих слов больная Мелания Попова, урождённая Мельникова, попросила своих детей пойти спать и оставить её одну, для отдыха и молитвы. О чём и как молилась больная, никому не было известно, известно только то, что на следующий день, в среду, тяжко больная Меланья попросила своего мужа пригласить для напутствия её старообрядческого протопopa Трофима Чигина. Последний не замедлил явиться в сопровождении сестёр больной, старообрядок австрийского согласия, Дарии, жены уставщика старообрядческого „кафедрального собора“ в Измаиле Феодора Фадеева, и Иулиты Куцепаловой. Протопop исполнил свой долг – преподавал больной мнимое напутствие в жизнь вечную, после чего поспешно вышел из комнаты, где была больная, и ушёл домой.

Через пять минут после сего больной дурно стало, появилась тошнота и открылись рвоты, которые продолжались около двух часов и чуть не прекратили жизнь больной и которые исторгли из больной всё, преподавшее ей раскольническим протопopом под видом „напутствия в жизнь вечную“. Сёстры больной, старообрядки Дария и Иулита, с содроганием и сокрушением сердца собрали всё, выброшенное больной, наполнили содержимым два платка и, как „святину“, отнесли своему протопopу Трофиму Чигину и рассказали ему о случившемся. Чигин не только смутился, но даже от волнения заболел и не знал, что дальше предпринять в отношении к больной.

Больная сама вывела всех, в том числе и раскольнического протопopa, из недоумительного положения. Она сказала своим домашним и своим сёстрам, старообрядкам, и другим старообрядцам, присутствовавшим в то время в доме её мужа, следующее: „я просила Бога открыть мне истину, показать мне правую веру и тем успокоить меня за гробом; Бог открыл мне после молитвы, что то причастие есть истинное Тело и Кровь Христова, которое удержится во мне, а то, которое не удержится и выброшено будет мной, не истинное Тело и не истинная Кровь Христа. Я причастилась от старообрядческого протопopa

Трофима Чигина и причастие, им преподанное, во мне не удержалось, но выброшено было посредством рвоты, как все знаете. Значит, старообрядческий протопоп и все старообрядческие попы не преподают людям пречистое Тело и Кровь Христа, Спасителя мира, и только один простой хлеб и простое вино, значит они не истинные попы. Поэтому я желаю присоединиться к православию и причаститься святых Таин от православного священника. О старообрядчестве и о попах австрийского постановления мне более не говорите“. После этих слов, весьма утешительных для домашних и громоносно поразительных для старообрядцев, больная попросила своего мужа пригласить православного священника для присоединения к православной Церкви и для напутствия в жизнь вечную. Муж, желая дать жене возможность зрело обсудить такой важный шаг, как перемена веры, не тотчас исполнил просьбу её, но на другой только день, в четверг, 13 февраля, пригласил настоятеля Измаильского Свято-Покровского собора, священника Иоанна Кириллова, соборного диакона Василия Стойнова и псаломщика Иакова Помазана для сказанной надобности.

Причт в поименованном составе, убедившись через личный спрос в искреннем желании больной оставить раскол и присоединиться к святой православной Восточно-Кафолической Церкви, приступил к совершению установленного чинопоследования, после чего совершено было над больной освящение воды. Больная, после присоединения к Святой Церкви, в присутствии следующих лиц: Анисии Бендерской, Дмитрия Кенева, жены Никиты Иванова и некоторых других, осенив себя крестным знамением, радостно возгласила: „как мне легко, как мне приятно, как будто меня помазали самыми пахучими ароматами и духами, как будто вся комната моя наполнилась несказанно ароматным воздухом! Слава и благодарение Господу Богу, меня просветившему“!

На другой день, в пятницу 14 февраля, больная в полном сознании и раскаянии из рук того же настоятеля соборной церкви, священника Иоанна Кириллова, сподобилась принять пречистое Тело и Честную Кровь Христа Спасителя – напутствие

и залог жизни вечной. После святого причащения она чувствовала себя бодро и жизнерадостно и сказала всем во всеуслышание, что теперь и смерть для неё не страшна: так ей отрадно и светло на душе. Скончалась раба Божия Мелания, как истинная дочь Церкви Христовой, 2 марта сего года, похристиански: безболезненно, мирно и непостыдно, и погребена на православном кладбище. Чин погребения совершили вполне уставно те же чины соборного причта и ни одним действием не соблазнили толпу старообрядцев, сопровождавших покойную и присутствовавших в кладбищенской церкви при отпевании. Зорко следил за совершением чина погребения уставщик Измаильского „кафедрального“ старообрядческого собора Феодор Георгиев Фадеев: он засвидетельствовал перед всеми старообрядцами, что священник Иоанн Кириллов совершил чин погребения вполне уставно.

Кишинев. епарх. мисс. свящ. *Ф. Воловей*

Дрибинцев Григ. Из Черниговской губернии. С. 1186–1188

(Похороны беглого попа Николая).

Недавно ветковская беглопоповская раскольничья паства лишилась своего духовного отца и руководителя: 30 января сего 1904 умер от водянки беглый поп Николай Добромыслов. Пагубная страсть к рюмочке свела этого несчастного иерея преждевременно в могилу. Покойный о. Николай происходил из священников Нижегородской епархии, был раньше военным и в раскол поступил лет восемь тому назад. Приехал он в Ветку по рекомендации известного ревнителя беглопоповства, нижегородского купца Бугрова, с женой и малолетней дочерью, и с того времени управлял ветковской беглопоповской паствой, делая иногда поездки и по другим местам для исправления треб у раскольников. Предаваясь пьянству и особенно предосудительному у раскольников – курению „треклятого зелья“ – табака, покойный не пользовался у беглопоповской паствы особым почётом. Похороны о. Николая происходили 1-го февраля и отличались большой торжественностью. Покойного одели в дорогие ризы; гроб был обит светло-голубой материей и украшен белым глазетом; на погребении присутствовало много раскольников-прихожан покойного, были и приезжие из других мест, узнавшие о смерти попа. Погребение совершал беглый поп Илья, духовный отец покойного, вызванный для этого по телеграфу из посада Лужков, Черниговской губ. Перед самым отпеванием в моленной произошёл скандал. Дело в том, что одновременно с Ильёй прибыл в Ветку на погребение и другой беглый поп Павел, тоже из посада Лужков. Этого Павла покойный о. Николай принимал в раскол.

Надо знать, что между Павлом и Ильёй (вернее между их руководителями: попечителями, уставщиками) происходит непримиримая вражда. Илья не признаёт Павла правильным священником на том основании, что он, Павел, по рождению беспоповец и при переходе в православие не был правильно „довершён“, т. е. над ним не был вычитан чин крещения с

погружением ступней ног в воду, как это делается у раскольников, а только совершено над ним миропомазание; таким образом, по толкованию лужковских раскольников талмудистов, Павел имеет будто бы неполное крещение. Во-вторых, Павел в безпоповстве же был женат и жил с женой не венчавшись, за что Илья считал его явным блудником. – В-третьих – Павел за своё бегство в раскол был судим своим епархиальным начальством, отбывал наказание; после чего, будучи определён на приход, снова бежал в раскол, где и был принят по 3-му чину покойным о. Николаем. В Лужках между Павлом и Ильёй существует формальное разделение, ветковцы же к обоим попам относятся с одинаковым почтением, считая того и другого правильными попами. Павел, главным образом, и ехал на похороны с той целью, чтобы доказать противной стороне, что он действительно поп правильный, так как надеялся, что ветковцы позволят ему служить совместно с Ильёй при погребении его „духовного отца“ попа Николая. Сами по себе ветковцы ничего не имели против совместного служения попов, но против этого восстал сопровождавший попу Илью лужковский уставщик Илья Комаров. Лишь только Павел, в сопровождении своего попечителя Власа Ив. Богомолова и иконописца Григория (книгочей и ритор), вошёл в моленную и обнаружил желание облачиться, – Комаров стал энергично протестовать, а поп Илья заявил, что если Павел не уйдёт, – он отказывается совершать погребение. В моленной поднялся невообразимый шум. Народ разделился на две партии: одни стояли за то, чтобы погребение было совершено двумя попами и желали допустить Павла, другие, боясь, как бы Илья на самом деле не ушёл (ибо тогда некому было бы читать над умершим разрешительную молитву), склонялись на сторону последнего. В конце концов поп Павел должен был уйти (говорят, будто бы со слезами) из моленной, и Илья один совершил погребение. После этого гроб был поднят, и торжественная процессия раскольников с пением „святый Боже“ направилась по улицам местечка к кладбищу, где Илья, вновь облачившись, прочитал над умершим разрешительную молитву и предал земле тело его.

Комаров торжествовал... Желая ещё более унижить Павла, он на другой день (Сретение Господне) после обедни остановил народ в моленной и просил ветковцев собраться к вечерни в возможно большем количестве, так как, по его словам, он имел передать нечто важное, касающееся и их. Когда ветковские заправила заметили Комарову, что они готовы и сейчас выслушать его, последний, выйдя на амвон, начал всячески поносить беглого попа Павла и доказывать его неправильность, причём укорял ветковцев в том, что они неправильно приняли его. В конце речи Комаров указал на то, что, если ветковцы не откажутся от Павла, – лужковцы могут порвать с ними общение.

Ветковцы очень основательно возражали Комарову, что если не считать миропомазание православной церкви восполняющим, беспоповское крещение, то нужно будет признать недействительным и рукоположение великороссийских попов; также основательно защищали Павла и против обвинения в любодеянии, относительно же вторичного принятия его в раскол 3-м чином, а не 2-м, как того требовали лужковцы, сказали, что иначе нельзя было и поступить, так как Павел был уже однажды принят в раскол под „миро“. О вражде вышеозначенных попов ветковцы рассуждают так, „оба-де попа правильны, а что они между собой ссорятся, это до нас не касается“. Защищали Павла также и его попечитель Влас и книгочий Григорий. Так окончились похороны беглого попа Николая.

В приемники о. Николаю ветковцы уже разыскивают другого священника. С этой целью уже послан в Нижегородскую губернию к вышеупомянутому поставщику беглых попов Бугрову ветковский уставщик Георгий Семёнович Соколов. На-днях от него получено открытое письмо, в котором он сообщает, что „садовник“ найден, но нужно повременить. В народе ходят также слухи, что ветковский попечитель раскольнической молельни получил будто бы от того же Соколова телеграмму такого содержания: „Едем с товаром!“

Мы нисколько не сомневаемся, что поездка Г. С. Соколова увенчается успехом. Опять ветковцы привезут себе беглого пастыря, подвергнут его известному чиноприятию, через что он,

по учению уважаемых старообрядцами старопечатных книг, обнажится священного сана и сделается „мирским человеком“ (Кормчая, гл. 37), а потом вручат ему свои души. Насколько подобный способ приобретения священников отвечает учению свящ. писания, пусть рассудят имеющие совесть старообрядцы!

Григорий Дрибинцев

Раскольничья архиерейская кафедра и «Аввакумовское» братство в столице. С. 1188–1189

Ревнителю древнего благочестия австрийского раскольничьего толка давно лелеяли мечту учредить в столице кафедру своего епископа. Года три назад состоялось и постановление нижегородского ярморочного собора „старообрядческих епископов“ об открытии новой „старообрядческой епископии в столице, с присвоением епископу титула „Кронштадтского“.

Но, назначением радетели австрийского раскола медлили, узнав, между прочим, о негодовании о. Иоанна Кронштадтского. Настоящий момент признан, очевидно, благоприятным и раскольничьим епископом в столице поставлен вдовый австрийского священства поп Василий, с именем Виталия. С присвоением новому лже-епископу титула уже не Кронштадтского, а Тверского и Петербургского. Кафедральная моленная назначена на Охте по Порховской улице. Содержание новому „старообрядческому архиерею“ определено частью из доходов местных раскольничьих попов, которых в столице числится пять, частью от местного раскольничьего „братства Зизания и Аввакума“, возведённых раскольниками во святые. Над учреждением братства этого работал проживавший здесь в последние годы Мельников, а также наезжавшие часто Бриллиантов и лже-епископ Иннокентий Усов.

„Братство Зизания и Аввакума“ насчитывает до 100 членов из влиятельных представителей местного старообрядчества и имеет задачей упрочивать раскол и служить связующим звеном с другими центрами раскола и распорядительным и справочным пунктом. В силу этого и столичная архиерейская кафедра имеет, по-видимому, важное в раскольничьем мире „дипломатическое“ назначение.

Братчики имеют собеседовательные собрания, на которых читаются доклады и ведутся жаркие обсуждения текущих вопросов.

Новый закон 10 мая с. г. о работе в праздничные дни. С. 1189

I. В изменение и дополнение подлежащих узаконений, Высочайше утверждённым мнением Государственного Совета, постановлено:

„Добровольное занятие работой в воскресные, праздничные и торжественные дни церковные и гражданские предоставляется усмотрению каждого, и никакая власть не должна чинить трудящимся каких-либо в сём препятствий“.

II. Исключить из статей 300 общего учреждения губернского (свод. зак. т. II, изд. 1892 г.) и 24 устава о предупреждении и пресечении преступлений (свод. зак. т. XIV, изд. 1890 г.) содержащееся в них указание на воспреещение производства в воскресные и праздничные дни публичных работ.

Мельников жив. С. 1189

Известный своим продерзостным языком апологет раскола Феодор Мельников истекшей зимой куда-то таинственно исчез. В „Нов. Вр.“ была телеграмма из Брянска, что Мельников скоропостижно скончался в гостинице, о чём было сообщено и в других газетах. Но затем слух этот был раскольниками опровергнут. Однако Мельников положительно нигде не появлялся на беседах. Говорили, что он выехал за границу с важным и таинственным поручением по книгоиздательской части. Но на днях Мельникова встретил наш корреспондент в раскольничьей обители в Черниговской губернии – „в Полосе“, резиденции Балтского австрийского архиерея. Корреспонденту показалось, что Мельников был смущён неожиданной встречей и проживает там только „инкогнито“.

Корреспондент наш заподозревает в этом безвестном и безмолвном пребывании прославленного апологета что-то загадочное. В раскольничьем же мире объясняют исчезновение с столичного горизонта Мельникова и пребывание его в Полосе якобы епитимийным злоключением. А нам думается, не готовится ли Феодор Ефимович, следуя по стопам своего друга и коллеги Усова, – постом и молитвой к новой епископской кафедре.

* * *

В Вятской епархии открыто с разрешения Св. Синода 7 новых вакансий окружных миссионеров с обеспечением из местных средств.

Обращение штундистки в православие. С. 1190

Жителям сл. Кантакузово, Валковского у., Харьковск. г., и их соседям в день анти-пасхи выпало на долю счастье присутствовать при торжественно совершенном чине присоединения к православию бывшей штундистки, Фёклы Спиридоновны Симмоненковой, крестьянки сл. Николаевки. Николаевка – старый центр валковского штундизма. Ф. Симмоненкова более шести лет пробыла вне единения с православной церковью, не исповедовалась и не принимала Св. Тайн Христовых. Её отец и мать – одни из первейших штундистов в своей деревне и отличаются особенным упорством в своём лжеучении. Из двух её братьев младший обучается в недавно открытой в Николаевке церковно-миссионерской школе; а старший, после семилетнего сильного тяготения в сторону штундизма, прошлым великим постом покаялся, публично дал обещание никогда не изменять св. церкви. Симмоненкова более полугода не решалась разойтись с отцом и матерью, деспотичными штундистами. Но добрый пример брата и ещё некоторых односельчан влил в её душу мужество и она, несмотря на все препятствия, бесповоротно решила очиститься от прежних заблуждений и навсегда войти в ограду всепрощающей матери – св. церкви православной.

Воссоединена была Симмоненкова третьим чином. Само присоединение её было совершено в промежуток между часами и литургией. В конце литургии, после „Буди имя Господне“... священник в соответственном слове поздравил воссоединённую с возвращением её на путь истины и принятием Св. Тела и Крови Христовых; в своём слове батюшка подчёркивал при этом ту мысль, что ещё большую радость доставит обращённая небесам, если безропотно перенесёт теперь все ожидающие её дома напасти, кротостью и терпением умягчит сердца своих родителей и тем самым побудит их, вслед за благоразумными сыном и дочерью, сбросить добровольно надетое ими на себя ярмо отца лжи.

По окончании литургии, перед молебном „об обращении заблудших“, священник сказал вторую речь, предназначенную для всех молящихся. В ней он указал слушателям на ободряющее значение для православного населения случаев обращения сектантов и просил своих пасомых всегда содействовать ему в великом деле миссионерствования, приведши им, как высокое побуждение к этому, слова апостола: „братья, если кто из вас уклонится от истины, и обратит кто его, пусть тот знает, что обративший грешника от ложного пути его спасёт душу от смерти и покроет множество грехов“ (Иак.5:19–20).

В пользу обращённой была собрана посильная материальная помощь. Дай, Господи, нам, в нашей тревожной жизни, побольше таких дней, дней победы над тьмой и – всеобщего отрезвления и ободрения.

**Отклики // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10.
С. 1191–1198**

Савва Потехин, свящ. Несколько христианских мыслей о предопределении Божиим

В эти дни, когда нежданная война решает судьбу двух великих народов и тысячи человеческих жизней стоят перед роковой тайной счастливого или несчастного случая, мысль христианина с особой силой ставит вопрос о судьбе человеческой и о предопределении Божиим. Различное решение этого вопроса даёт различное настроение целым народам, а в области религии сопровождается даже ересями и сектантством. Судьба!.. Нет человека, который не вкладывал бы в это загадочное слово самого жизненного смысла. Вот, среди тяжких житейских невзгод, наступает для человека полоса лучшего существования, – говорят: ему улыбнулась судьба! Упрочились благоприятные обстоятельства жизни и уже думают, что судьба благоприятствует человеку, уже говорят о ней, уже завидуют счастливой судьбе человека. Но вот счастье изменяет. То, что казалось прочным, рушится, что казалось верным, обеспеченным, оказывается построенным на песке: какая горечь утраченного счастья, сколько проклятий злодейке – судьбе!.. Одна шальная пуля на войне решает судьбу человека...

Над всей жизнью человеческой как будто висит что-то неотвратимое, неизбежное, какой-то сверхчеловеческий план, какая-то подавляющая сила... Судьба, рок, предназначение, предопределение!.. Мысль об этих господствующих над миром силах пробивается сквозь самое смутное сознание дикаря, она вносит ужас там, где душа не просвещена религией, она вызывает бессильный протест злобы и отчаяния у неверующего и только в сознании истинного христианина она освещается светом истины и оживотворяется теплотой благодати, определяя спокойное и уравновешенное течение нашей земной жизни при всех превратностях судьбы.

Судьба человечества неразрывно соединена с волей Божией. Это сущность всякой религии. Но языческий мир думал и думает, что воля Божества не различает добра и зла, что судьба человечества в руках Божества – игра Его прихоти и

произволения. Лучшее для человека – отдаться воле Божества без всякой попытки сознательного и самостоятельного усвоения этой Воли. Недаром буддизм религия «недвижного Китая», который, как загадочный Сфинкс, стоит перед Россией, эта лучшая из языческих религий, проповедует нирвану. Ничего не делай, забудься и засни, своей судьбы ты не создашь, веленья рока не переспоришь, – вот чему учит буддизм. Магометанство возвысилось над языческой религией. Оно учит о Божестве, как личности, сознающей добро и зло, но отрицает в человеке право на это сознание. Магометанин выражает, поэтому, покорность судьбе, как воле Аллаха, до полного отказа от своего собственного сознания, от своей собственной, даже доброй, воли. Там, где магометанину покажут волю Аллаха, он легко покоряется, без ропота, самой тяжелой невыносимой судьбе, но в то же время, в бессознательном преклонении перед этой волей, он доходит до полного безразличия в вопросах добра, до превышающего самое естественное человеческое представление о добре и зле изуверства и насилия.

Только богооткровенная религия уяснила для человеческого сознания истинный смысл, тяготеющий над миром судьбы, указала мотивы и основания божественного предназначения человека к той или иной жизни до и после смерти. Богооткровенное учение уясняет нашему сознанию, что мир земной и создан и держится, управляется любовью Божией к своему созданию, что тот божественный план, по которому все совершается в природе и людях, вытекает из любви Божией, и что хотя жизнь каждого человека находится в воле Божией, в воле своего Творца и Промыслителя, но Бог не имеет другого отношения к человеку, кроме любви. Всё же несчастье человеческое, всё горе людское имеет своим основанием и причиной не Бога, а зло, дьявола, злую волю человеческую. И если человеку кажется иногда, что горькая судьба его не вмещается в его разум, приходит к нему неотразимо, непреодолимо, если человеку кажется иногда, что судьба его складывается как будто вопреки благодати к нему любви Божией, как будто помимо собственной его воли и усилий, то это лишь указывает на недостаточность проникновения человеческого в

судьбы Божии, на недостаточность внимательности к своей воле, к своим поступкам. О, как уместно было бы в этом случае вспомнить слово Апостольское: «Как непостижимы судьбы Божии и неисследимы пути Его!.. Кто познал ум Господень или кто был советником Ему? (Рим.11:33–35)». Любовь, только любовь Божия движет судьбами людскими!..

Но как же понять тогда существование зла в мире, как понять то, что судьба людей неодинакова: одних счастливая, других несчастная? Для нас несомненно, что если воля Божия действует в мире, – а о чём другом говорит общечеловеческая вера в судьбу? – то это лишь благая, добрая воля... И первое действие её – призыв человека к свободному, самостоятельному исполнению воли Божией. Только свободное исполнение людьми воли Божией угодно Богу, вменяется в заслугу человеку. Бог оживляет свой призыв то обещанием награды, то угрозой суда. Свободное исполнение воли Божией воспособляется помощью Божией в знамениях и чудесах. Но никогда Бог насильственно не заставляет исполнять Свою волю. Он полагает иногда предел злой воле человека, Он направляет иногда зло к добру, Он поднял падшее человечество, Он дал ему спасение в Сыне своём, но во всех этих промыслительных действиях Своих Он не уничтожает и не подавляет свободной воли человека. Воля человека сама определяет для себя тот или иной путь жизни: добрый или злой, удобный Богу или нет. «Жизнь и смерть Я предложил тебе, – говорил некогда Господь народу еврейскому, – избери жизнь, чтобы ты жил и потомство твоё (Втор.30:19)... Огонь и воду Я предложил тебе, и на что хочешь возложи руку свою». Вот истинное объяснение той или иной судьбы народов! «Се, стою у двери и стучу, – говорит Господь каждому человеку, – и если кто услышит голос Мой и отворит дверь, Я войду к нему и буду вечерять с ним и он со Мною (Откр.3:20)». Вот истинное объяснение счастливой или несчастной судьбы каждого человека! Люди сами себе готовят судьбу свою, часто вопреки благой воле Божией, часто в забвении её, в бессознательном состоянии.

Но если язычество заблуждалось в мыслях о судьбе человеческой и отдавало её в безусловную, ничем не

руководимую волю Божества, то в нашем понятии о судьбе, а именно, что воля Божия, определяющая для человека ту или иную судьбу, обуславливается действиями и поступками человека, кроется опасность немалого заблуждения. Если судьба каждого человека, Божие определение о ней зависит от человека, то можно прийти к мысли, что Бог подчинён воле человеческой в своих решениях о людях, что Он прикрепил Себя к человеческому хотению и действию, что божественный план мировой жизни обусловлен для Бога человеческой жизнью?.. В эту именно ошибку впало ветхозаветное иудейство, когда стало думать, что Бог, избравший еврейский народ в орудие промыслительных Своих действий, навсегда отдал Себя еврейскому народу, прикрепил Себя к нему до полной невозможности иных для Бога изволений о еврейском народе. В эту именно ошибку впадает и каждый христианин, когда фарисейски думает, что Бог даёт и необходимо должен дать ему счастливую судьбу за его христианскую веру, за его добродетельную жизнь... Нет и нет! Благая воля Божия во всех своих определениях судеб людских и первое и последнее основание для Себя имеет в Себе Самой, в своей любви ко всем людям, а не вынуждается в своих определениях необходимостью сообразоваться с человеческими понятиями, с человеческими действиями. Вопреки иудейским понятиям, напр., Бог есть «Отец всех людей и иудеев, и язычников». Избрание Авраама Богом для особых Своих целей должно было привязывать детей Авраама к Богу, а не Бога к детям Авраама бесповоротно: Бог и из камней мог воздвигнуть Себе детей Авраама, как говорил Спаситель (Мф.3:9). Богу угодно было избрать Иерусалим своим городом и храм Иерусалимский своим жилищем, но не должно забывать, что Всевышний не в рукотворенных храмах живёт, как говорит пророк: небо – престол Его и земля – подножие ног Его (Деян.7:48,49). Богу приятен человеческий ответ любви на Его безмерную любовь к человеку, но, скажем словами Апостола, «кто дал наперёд Богу, чтобы Он должен был воздать» (Рим.11:35)?..

Святой апостол Павел, этот богодухновеннейший уяснитель судеб Божиих, со всей резкостью восстаёт против такого

умаляющего величие Божие понимания божественного предопределения судеб человеческих. Он напоминает евреям, что благая воля Божия об их народе имела место ещё тогда, когда и самого народа не было и когда он ещё ничего не мог сделать такого, что навсегда привязало бы, прикрепило бы к нему Бога (Рим.9:11–15).

А если так, если милость Божия к людям вытекает только из любви и воли Божией, а не обуславливается добрыми человеческими действиями, то может быть и гнев Божий не должен карать зло, может быть человек и вообще неответственен пред Богом? Человек, не властный в своём праве на милость Божию, может быть свободен и от нравственной своей ответственности пред Богом за злые свои деяния? Зачем Бог, приняв одних людей в лоно своей любви, уготовав им счастливую судьбу, зачем он предоставляет других людей действию их злой воли и следующей за сим горькой судьбе отвержения от Бога? Апостол отвечает, что эти вопросы, в которых слышится ропот и тяжба с Богом и которые так часто раздаются среди людей, не имеют никакого смысла по самому существу своему. «Ты кто человек, что споришь с Богом?» – говорит Апостол. «Изделие скажет ли сделавшему его: зачем ты меня так сделал? Не властен ли горшечник над глиной, чтобы из той же смеси сделать один сосуд для почётно́го употребления, а другой для низкого (Рим.20:21). Если добрые поступки и действия человека есть только ответ на любовь Божию, то может ли человек требовать от Бога, чтобы Он вознаградил его за этот естественный ответ на любовь Божию? Если Бог даёт благо всем любящим Его, то не волен ли Он один в своём даре? Равным образом, если в ответ на любовь Божию человек отвечает злом, то вправе ли человек ожидать для себя от Бога благой, счастливой судьбы? Не естественнее ли такому человеку ожидать, что Бог «предаст его нечистоте его злых похотений, превратному его уму творить непотребства» (Рим.1:21–22). Если Бог волен дать милость Свою кому хочет и кто на любовь Его отвечает любовью, то Он волен и отставить от Своей любви тех, кто не хочет её, кто противится ей. Для человека, как творения Божия, даже и вопроса не может быть о

том, зачем Бог предоставляет злых людей их собственной судьбе и что Он может быть неправ к сотворённому...

Но если Бог есть любовь, если Он хочет, чтобы все люди спаслись и удостоились блаженной жизни, то в тоже время Бог есть и всесовершенное ведение. Бог не может не знать, как Существо всеведущее, что на Его любовь одни люди ответят любовью же, другие – противлением и Он наперёд предназначает одних к милости Своей, других к осуждению. Он помогает одним проводить их добрую жизнь и уготовляет для них блаженные Свои обители, других Он предоставляет их злым похотениям и ожидающему их огню вечных мучений. Вот конечный смысл учения христианского о предопределении Божиим! Всё, что ни совершается в мире, наперёд предопределено Богом, совершается по воле предвечного Совета Божия. Христианин только должен знать, что если вся судьба человеческая наперёд предопределена волей Божией, то осуществление этой воли Божией в судьбе каждого человека совершается не безразлично к воле человеческой, что если одни из людей предназначаются Богом к счастливой судьбе, другие к несчастной, то это предназначение Божие, эта воля Божия, основываются на полном предвидении Божиим того, что сам человек себе уготовляет. В злой судьбе человека Бог неповинен, если даже предназначает к ней человека. Бог зла не сотворил, говорит Писание, и не творит его, а только предвидит его и попускает его. «Кого Бог предузнал, тем и предопределил быть» – добрым или злым. Вот истинно христианское, апостольское понимание Божия предопределения (Рим.8:29)! В священном писании часто говорится о предопределении грешников к осуждению, но это предопределение Божие грешных людей на осуждение и муку есть суд Божий основанный на полном, совершенном всеведении Божиим. Так и земной врач, добрый и знающий, предназначает одних из своих больных на смерть, других на выздоровление. Но если выздоровление больных много зависит от искусства врача, то смерть безнадежных больных, конечно, не во враче имеет свою причину и вину.

В своих размышлениях о предопределении Божиим, господствующем над жизнью человеческой, христианин должен одинаково воздерживаться от опасности как иудейского заблуждения, отдающего Бога в распоряжение воли человеческой, так и языческого заблуждения, считающего судьбы человеческие – игрой в руках Божества. В эту именно последнюю ошибку впали христианские общины кальвинистов и янсенистов с своим учением о безусловном, независимом от воли человеческой предопределении одних людей ко спасению, других к осуждению. В этом смысле они и толкуют различные тексты Священного Писания, придерживаясь буквы и забывая о смысле. Православная церковь отвергает это заблуждение кальвинистов, преклоняющихся перед величием Божиим до полного извращения понятия о Его существе. «Мы веруем, – говорит она устами восточных патриархов, – что всеблагий Бог предопределил к славе тех, кого избрал от вечности, а которых отвергнул, тех предал осуждению, не потому, впрочем, чтобы Он восхотел таким образом одних оправдать, а других оставить и осудить без причины... Но поскольку Он предвидел, что одни хорошо будут пользоваться своей свободной волей, а другие худо, то посему одних предопределил к славе, других осудил... Но что говорят богохульные еретики, будто Бог предопределяет или осуждает, нисколько не взирая на дела предопределяемых или осуждаемых, то это мы почитаем безумием и нечестием. Не значит ли это произносить страшную хулу на Бога?.. Мы исповедуем, что Бог справедливо предаёт осуждению тех, кто остаётся в нечестии по развращённой своей воле, но никогда, никогда не называли и не назовём виновником вечного наказания и мучений и как бы человеконенавистником Бога...»

Ещё один вопрос. Если предопределение Божие о нас основывается на предведении Божиим о наших поступках и действиях, то сама мысль о том, что Бог наперёд знает всё, что мы мыслим и делаем и, следовательно, наперёд уже определил нашу судьбу здесь, на земле, и там, за гробом, мысль эта не связывает ли нашу волю, не расслабляет ли нашу деятельность?!.. Если всё уже наперёд, в предведении, предопределено Богом, то не лучше ли ждать своего конца без

особой заботы о будущем, с спокойной мыслью о том, что чему быть, тому не миновать?! Христианину, действительно, можно спокойно жить, спокойно умереть. В самом своём христианстве, в своей вере и своих делах, он получает уверение своего избрания и своего спасения. Но это отнюдь не может ослаблять его стремления ко Христу, отсюда не может уменьшать его заботы о совершении спасения. Сознание своего избрания, своей особой высокой судьбы, предназначенной нам в нашей христианской вере должно окрылять нас любовью ко Христу, вдохновлять нас желанием на Его любовь к нам ответить всей возможной для нас любовью к Нему, заставляя нас исполнять Его волю. А большим нельзя угодить Богу, как душу свою положить за други своя!

Христиане! «Бог избрал нас во Христе Иисусе, скажем мы словами апостола Павла, – прежде создания мира, чтобы мы были святы и непорочны пред Ним в любви. Он предопределил усыновить нас себе через Иисуса Христа, по благоволению воли своей (Еф.1:4,5). «Мы должны там думать, – говоря словами того же апостола, – не потому, что уже достигли спасения или усовершеншились, но мы стремимся, не достигнем ли и мы Христа, как достиг нас Иисус Христос... Мы не почитаем себя достигшими, а только, забывая задняя, простираемся вперёд, стремимся к цели вышнего звания во Христе Иисусе (Флп.3:12–14)... Мы, христиане, спокойно и с совершенной уверенностью можем думать и чувствовать так. Если только мы верны, послушны Христу, вся жизнь наша у Бога. «Бог, говорит апостол, – производит в нас и хотение и действие по своему благоволению» (Флп.2:13).

Священник-миссионер *Савва Потехин*

**№ 5 Особое приложение к жур. „Миссионерское
Обозрение“. кн. № 9 // Миссионерское обозрение.
1904 г. № 1–10. (Приложение) С. 97–112**

Вести о Русско-японской войне.

I.

Иоанн Сергиев, прот. Война – грозный нам урок. С. 97–98

Мы живём во времена христианские, когда христианская вера распространилась по всем частям света, хотя полсвета людей и более принадлежат ещё к языческому миру. Но современные христиане, в том числе и многие из русских, стали не лучше, а хуже безбожников, по духу отрицания от истинной веры и Церкви и кощунственного к ним отношения (Толстой и толстовцы), а с тем вместе и от христианской молитвы и покаяния; заветы Христа многими попраны. Распятый Христос заповедал нам самоотвержение: *кто хочет идти за Мною, говорит Он, да отвержется себя*, от своего слепого, плотского, растленного ума, от своих безумных смертоносных страстей, *возьмёт крест свой и идёт во след Меня (Лк.9:23)*, а между тем многие из соотечественников поступили и поступают совершенно обратно – отверглись не от себя, не от плоти и мира прелюбодейного, а от Самого Христа и Евангелия, от Церкви Божией, – свой разум и свою плоть обоготворили и удовлетворение плотским, гибельным страстям возвели в догмат своего рода, или, выражаясь современным языком учёных, в *культ плоти* и её страстей, а для этого сочли дозволительными всякие средства для удовлетворения плоти и миру – растрату казённых и общественных сумм или наследственного имущества, задержку и неуплату денег работникам и поставщикам их, неуплату за забранные товары или кражу имущества церковного и частного; убийства из-за похищения; проедание и пропивание своего или чужого достояния; проживание на чужой счёт, лень к труду умственному или физическому; непокорность родителям или учащихся и подчинённых – своим начальникам, словом сказать: многие обратили к Богу свою спину, свои хребты, а не лицо своё, не сердце своё, и не веру свою, а самое дерзкое неверие; породили в себе не страх Божий, не благоговение к Богу Творцу, а безверие и бесстрашие, гордость и неблагодарность, намерение и сознание совершенной от Него зависимости и

бесчисленных к нам благодеяний Его. Вот характер поведения нашей интеллигенции и не интеллигенции.

А за такую жизнь и за такое поведение праведный Господь и Судия даёт нам грозный урок – дерзко навязанную нам войну и в ней – потери многих верных сынов России и наших многомиллионных военных судов. Ещё только начинается война, и что будет впереди – одному Богу известно: сколько будет жертв, сколько потерь. Нужно для России немедленное покаяние всех сословий; исправление нравов; отрешение от безумного безбожия: смирение и благоговение к заповедям Божиим и тщательное исполнение их: обращение искреннее к породившей и воспитавшей их матери своей Церкви святой; почтение детей к родителям и воспитывающихся к своим воспитателям; справедливость, воздержание, целомудрие, твёрдость и постоянство брачных союзов; милосердие и сострадание к обиженным и бедным. Если так поведём себя, – что подай Боже; – тогда Господь легко покорит врагов под ноги наши, как в прежние годы, прославит правое оружие наше. Не будем же сами вызывать праведный гнев Божий против нас и надеяться только на силу и мужество воинов и силу бранного оружия.

Богом сотворим силу – и Он, один Он, уничтожит врагов наших (Ис.59:14).

Протоиерей Иоанн Сергиев

II.

**Действия и распоряжения правительственной
власти. С. 98–99**

Именной Высочайший Указ правительствующему сенату

Признавая по обстоятельствам военного времени необходимым, чтобы мероприятия по морской обороне Балтийского моря были принимаемы в надлежащей согласованности, повелеваем:

1. На главного командира кронштадтского порта, сверх предусмотренных действующими постановлениями прямых обязанностей по этой должности, возложить высшее заведывание портами: Ревельским, Свеаборгским и Императора Александра III и морскими силами Балтийского моря, с присвоением ему наименования главного командира флота и портов Балтийского моря.

2. Командиров перечисленных портов подчинить главному командиру флота и портов Балтийского моря в административном и строевом отношении; по хозяйственным же операциям вверенных им портов сохранять за ними присвоенные им ныне в хозяйственном отношении права.

3. Главному командиру флота и портов Балтийского моря быть вместе с тем начальником морской обороны Балтийского моря.

Правительствующий сенат не оставит учинить к исполнению сего надлежащее распоряжение.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ“.

III.

Всеподданнейшие и официальные телеграммы с театра войны. С. 99–112

(С 30 апреля по 27 мая).

30 апреля (13 мая). Ляоян. Телеграмма военного корреспондента „Русск. Слово“. Достигнув пылавшего Вафандяна, я хотел направиться оттуда в Ляоян и затем в восточный отряд генерала Засулича. Ночь уже наступила. Зарево пожаров в горах. Изредка выстрелы. Паровозы не отходят.

Китайцы являются с жалобами на дифангуаня⁴²⁵, казнившего ещё восемь наших друзей. Перепуганные, они остаются у солдатских костров. Телеграф всю ночь работает с главной квартирой.

Утром с севера пришёл громаднейший поезд с несколькими паровозами. Нужно во чтобы то ни стало доставить его осаждённому Порт-Артуру. Предприятие по опасности необычайное, в виду слухов о новом появлении неприятеля.

Два эскадрона пограничников вышли поздно осветить местность. Платформы, блиндированные двумя рядами шпал от неприятельского огня, заняты ротой Заамурского железнодорожного батальона.

Вперёд, авангардом, высылается отдельный паровоз с боевым машинистом – подпоручиком Завадским и поручиком Экгардом фон-Роопом. Туда садятся вооружённые дорожные мастера и я.

Их цель – предвидеть опасность, сигнализировать следующему в десяти минутах поезду, прикрыть его отступление и, вызвав на себя врага, – взорваться заготовленным снарядом пироксилина.

– С Богом! – слышится команда Спиридонова.

Мы движемся.

Окутываемый дымом пожарища, уничтоженного Вафандяна, паровоз отходит.

Кругом – зеленеющая пустыня с меланхолическими сопками, синими силуэтами далёких гор, крошечными

цветущими садами китайских деревень. Изредка, в стороне, бирюза моря. Тайфун успокоился. Теперь ничто не мешает высадке японцев. Должно быть, она продолжается.

Близко бегут со скарбом, детьми и жёнами китайцы. Мы пристально осматриваем склоны гор, предательскую синеву ущелий, рвы глубокие и извилистые, где могут скрываться роты неприятеля. Вчера стреляли вон с той горы. Довольно одного удачного удара из полевого орудия, чтобы от следующего за нами громадного поезда не осталось и помина.

В Пуландяне всё тихо. Сожжённая станция стоит как могила.

Мы перегоняем наших охранителей и разведчиков-пограничников. Слишком поздно вышли они. Теперь мы одни: сами свои разведчики, сами своя защита.

Мосты целы. Взорванный японцами и исправленный Спиридоновым мост охраняется нашими солдатами. По их словам, неприятель не показывался.

Паровоз идёт быстро. Всё тихо, безлюдно.

Саншилипу занято уже войсками. Все выстроились. Услышали радостное известие: 36 солдат, накануне окружённые неприятелем, которых тщетно искал кинчжоуский отряд, сами пробились и стороной вышли.

В пыли развёртывается у моря кавалерийская часть.

– Чья?

Приостанавливаемся. В бинокли видим наших. Генерал Фок выслал свои войска встретить и охранить нас. Солдаты кричат „ура“ и мчатся навстречу с радостными лицами.

На Кинчжоуской станции – генерал Фок со штабом поздравляет с счастливым концом опасного, важного, блестящего дела.

– Теперь вы накормили досыта Артур, – говорит он. – Мы можем быть спокойны. Японцы шныряют везде, но вас проглядели.

Генерал благодарит Спиридонова, офицеров, солдат.

Отсюда поезд идёт хорошо защищённой дорогой.

Из Артура телеграммой получена горячая, восторженная благодарность. На станции отголоски далёких взрывов: рвут

молы, доки, набережные Дальнего.

Вчера встретили японский разъезд. Высадка японцев продолжается в Ханшоу у Терминаля. Китайцев гонят оттуда.

Настроение в Ляояне бодрое, уверенное, спокойное. Временные случайности не изменят рокового хода войны, лишь бы не волновалась Россия и так же светло смотрела вперёд. Теперь доставка новых войсковых частей безостановочна. Заминка прошла. Сибирские солдаты смотрят истинными богатырями, – громадная разница с солдатами из внутренних губерний.

Ляоян завален запасами. Кругом работа.

Ожидавшееся наступление неприятеля ведётся не так энергично.

Думают, что в Квантуне только демонстрация, и все силы направляются против Ляояна.

Вас. Немирович-Данченко.

7 мая от ген.-ад. *Куропаткина*. Произведёнными 6-го мая разведками выяснено, что в долине реки Седзыхэ и левого притока её Уисянхо до селения Деоютейдзгоу, в 17 верстах выше слияния рек Даянхэ и Седзыхэ противника не обнаружено. На большой дороге из Сюяна в Фынхуанчен передовой отряд японцев, числом до 300 человек, занимает селение Деопудза, в 13-ти верстах на северо-восток от слияния рек Даянхэ и Салидзайхо; на той же дороге, верстах в 8 позади, у Сяохуанка стоит японский батальон, а ещё далее, верстах в 8 к Хабалину, стянуто не менее дивизии, в том числе и гвардейской части. 6 мая в 32-х верстах на северо-восток от Салидзайпудзы и в 18 верстах по прямому направлению на юго-запад от Фынхуанчена, не доходя до д. Пыпуза казаки встретили японский отряд, силой до трёх взводов и атаковали, и преследовали его до д. Пыпуза, где были встречены японской пехотой, устроившей засаду, вовремя открытую; наши потери: ранено 2 казака, убита 1 лошадь и 2 лошади ранены. В горах между Гайчжоу и Сюянем противника не обнаружено.

7 мая от наместника ген.-ад. *Алексеева*. По сведениям, полученным от генерала Стесселя, попытка неприятеля высадиться 1-го мая в бухте Керр, нами отбита. 2-го мая

вследствие появления значительных неприятельских сил у Саншилипу, для выяснения обстановки, в этом направлении был выдвинут отряд. В происшедшем 3-го мая столкновении выяснено, что у неприятеля около двух дивизий при четырёх батареях. Неприятель, по-видимому, понёс большие потери и приостановил наступление. За 1-е и 3-е мая у нас убит один офицер; ранены: генер. Надеин легко и девять офицеров; нижних чинов убыло до 150.

8 мая от ген.-лейт. *Сахарова*. В продолжение последних дней наша конница на главной ляоянской дороге обнаружила передвижение японских отрядов на северо-восток от Фынхуанчена к Чаняицзы и далее. Всего в этом направлении прошло более полка с артиллерией. На главной Ляоянской дороге у Селюджана стоят батальон пехоты и полк конницы имея передовые части на перевале Чанзалин. В северо-западном направлении японские разъезды проникают до селения Чинчинзы, верстах в 50-ти от Фынхуанчена. Лошади японской гвардейской и армейской конницы весьма изнурены. Японский отряд, силой 2 эскадрона 3 роты, появился у селения Дзюдьяпудза в долине реки Логогухе, в 17-ти верстах на северо-восток от Салидзайпудзы, а один японский эскадрон выдвинулся из Сяохуанки по большой дороге к Салидзанпудза. Разведками установлено, что в долине реки Лягогухе и по большой фынхуанченской дороге действуют части японского гвардейского, конного полка. На нижнем течении Даянхе в Луанмяу и Татонки японцев нет. Дагушань и Ходухань заняты небольшими отрядами, не более полуроты в каждом. По показаниям китайцев, японцы свозят запасы на остров Далудао, вблизи устья реки Даянхе. Шитоучен, в долине реки Айхе, остаётся занятым японцами.

9 мая от ген.-ад. *Куропаткина*. Сего 9 мая при сборе всех войск, составляющих главные силы одного из отрядов, отслужен молебен Чудотворцу Николаю. После молебна от Имени Вашего Императорского Величества благодарил войска за самоотверженную молодецкую службу, лично передал войскам содержание депеши Вашего Величества ко мне от 7 мая. Громовым „ура“ ответили войска на провозглашённое мной

здравие и многолетие Вашему Императорскому Величеству. Затем были вызваны вперёд вновь пожалованные кавалеры знака отличия Военного Ордена и все офицеры и нижние чины полков, раненые и оставшиеся в строю: войска прошли вместе со мной церемониальным маршем мимо этих молодцов.

Наши разъезды и конные части за Фыншунлинским хребтом наблюдают войска первой японской армии, сосредоточившейся в окрестностях Фынхуанчена. Японцы прикрывают своё расположение выдвинутыми на переход по главным путям небольшими авангардами, до полка пехоты с артиллерией и конницей. На маловажных путях такая охрана уменьшается до двух рот; конница японская показывается мало. Из донесений, полученных вчерашнего числа, можно вывести заключение, что первая японская армия сосредоточилась: две дивизии в Фынхуанчене и ближайших окрестностях и одна дивизия в Хабалии, на половине пути из Сюяна в Фынхуанчен. По сведениям, Фынхуанчен укрепляется.

В стороне Фыншуйлинского хребта всё спокойно. Со стороны Сюяня доносят: 8-го мая замечено наступление японских отрядов общей силой около полка пехоты и двух полков конницы, гвардейской и армейской, от Хабалпы широким фронтом к Салидзайпудза. В ночь на 8-е мая наша сотня, возвращавшаяся от Дагушаня к Луанмяу и Хондунханя, у Снхучундза в 16 верстах на северо-запад от Дагушаня обнаружила бивуакирующий японский пехотный отряд, открывший по ней огонь. На побережье Ляодунского залива перемен нет.

10-го мая. 9-го и 10-го мая наша передовая конница обнаружила передвижение части японских сил в направлении на запад по Хайченской дороге, отделяющейся от главного льяоанского пути у селения Даляндяпуза, в 8 верстах от Фынхуанчена. 8-го мая против казачьих сотен, занявших в пешем строю позицию на высотах правого берега реки Седзыхо у селения Поутейхя, предпринял наступление японский отряд силой до шести рот и трёх эскадронов. В самом начале перестрелки японская колонна укрылась за свою пехоту, которая не решалась на переход долины, ограничившись

дальним, почти непрерывным огнём и не жалея патронов, – только незначительная часть пыталась перейти реку для обхода нашего левого фланга, но была обращена в бегство атакой, в конном строю, нашей полусотни и огнём сотни, занимавшей позицию. К вечеру японцы убрали свои цепи и отошли. Наши потери за это дело – 10 раненых казаков; потери за дело в ночь с 7-го на 8-е мая у Ситхучиндзы точно не выяснены, равно как и подробности этого дела.

11-го мая. В общем положении дел к стороне Фынхуанчена и на побережье Ляодунского залива перемен нет. Относительно положения неприятеля выяснено: у Фынхуанчена сосредоточено до сорока тысяч японских войск; у Пьямыня четыре армейских полка с 50-ю орудиями. Замечается наступление небольшими частями японских войск от Фынхуанчена к Сюяну, совершаемое весьма медленно и с большими предосторожностями. На левом берегу Даянхе часть этих войск в составе до 3.000 человек армейской и гвардейской пехоты и трёх эскадронов гвардейской конницы 9-го мая эшелонировалась на Сюянской дороге между Седяхоге и Салидзапудза. В то же время обнаружено наступление противника и от Фынхуанчена и Пьямыня к нижнему течению реки Даянхе в направлении к Луанмяю; передовые его отряды переправились на правый берег реки Даянхе, и 9-го мая одним из них силой до трёх рот и эскадрона был занят Ляолинский перевал в 14 верстах на юг от Сюяна на дагушанской дороге и соседняя деревня Уалассы и Куанхапфу. Кроме того, промежуточный отряд силой до батальона пехоты и эскадрона конницы занимал 9-го мая Пхемяо на правом берегу Даянхе на дагушанской дороге в 10 верстах от Лайдзапудза.

12-го мая. От *Наместника*. Всеподданнейше доношу Вашему Императорскому Величеству полученные мною 12-го мая донесения контр-адмирала Витгефта и Григоровича: неприятель обстреливал бухту Инченцзы канонерками. 6-го мая японцы ночью пытались заградить минами рейд Порт-Артура, причём, по наблюдениям с берега, полагают, были потоплены: пароход и два миноносца. С 5-го по 8-е мая вытравлены на рейде Порт-Артура одиннадцать неприятельских мин заграждения. Переведены в Порт-Артур из Дальнего

коммерческий пароход „Амур“, землечерпательница и паровой баркас.

От ген.-ад. *Куропаткина*. В стороне Фынхуанчена перемен нет. Наша конница доносит: японцы возводят укрепления вокруг Фынхуанчена, и там сосредоточено до 30.000 пехоты и 2.000 конницы при 36 полевых орудиях. Передовые отряды их выдвинуты вёрст на 30 на север от реки Ейхо, на участке от Фынхуанчена до устья, фронтом к Саймацзы и Куаньдяньсяню. Дальнейшего движения на север японцы от реки Ейхо не производят.

По сведениям многие лошади японской конницы изнурены и набиты.

В стороне Бицзыво и Квантунского полуострова наши разъезды к 10-му мая выяснили: передовые посты японцев занимают высоты верстах в трёх южнее станции Вафандян; за ними верстах в 4-х стоят два эскадрона армейского полка и две с половиной роты 12-го пехотного полка, охраняемые на флангах пехотными заставами человек, по сорока в каждой; далее к югу по деревням у линии железной дороги расположена пехота и конница, а к Пуландяну сосредоточен отряд из трёх родов оружия, силой в 3.000 человек с пятью орудиями.

В окрестностях Бицзыво и южнее высадка японского десанта продолжается, и оттуда войска направляются на юг к Цзинь-чжоу, выставляя заслоны на запад. По словам китайцев, 5-го мая у Цзинь-чжоу произошёл бой, в котором японцы потеряли 700 человек. Потери русских были менее значительны.

Со стороны Дагушана 10-го мая доносят: высадка японцев у Дагушана началась пять дней тому назад и, по сведениям, всего высадилось до 50.000, преимущественно пехоты, что недостаточно ещё проверено. Высадившиеся войска из Дагушана направляются к Сюяну, а также в направлении к Порт-Артуру на Чинтайцзы.

Встреча нашей третьей верхнеудинской сотни в ночь с 7-го по 8-е мая у Ситхучинцзы с японским отрядом произвела большое смятение среди японцев, открывших самую беспорядочную стрельбу по казакам, а также, вследствие темноты ночи, и по своим.

Один наш разъезд проник к Тансанчинца, где обнаружил небольшой японский отряд и наблюдал непрерывное движение к Фынхуан-чену больших японских обозов.

13 мая. От ген.-ад. *Куропаткина*. К 12-му мая произведённые разведки в стороне Фынхуанчена выяснили, что на главной Ляоянской дороге передовой японский отряд занимает перевал Тхумендза и соседнее селение Сяодяндан; в деревнях, прилегающих к Ляоянской дороге между Тхумендза и Селючжаном, расквартированы небольшие отряды; перевал Чанзалин укреплен; более значительные силы обнаружены у Селючжана и у Даляндяпуза (откуда отходит Хайченская дорога). С 3 мая было замечено передвижение японцев небольшими отрядами Даляндяпуза по Хайченской дороге. Войска эти сгруппировались в местности Чандогоу (в 14 верстах от Даляндяпуза). Перевал Синхайлин, по слухам, снова занят японцами. 7 мая наш разъезд на Хайченской дороге имел стычку с неприятельской заставой, причём ранен один казак. 11 мая разъезды удостоверили движение японских войск от Хабалина к реке Даянхэ и обнаружили на биваке три японских роты, которые открыли огонь. В южном районе Ляодунского полуострова передовые японские войска 11 мая были расположены от дер. Ченсаншилипу и Сандязы (в 14 верстах не доходя Фучжоу) к линии железной дороги в 8 верстах южнее станции Ванфандян и далее до о. Сядятун (в 17 верстах от Ванфандяна в восточном направлении) на дороге из Бидзыво в Сеньючен. В Бидзыво и у Сяохоукоувейзы происходит постоянно высадка войск и разгрузка разных запасов, причём последний пункт занят сильным гарнизоном. По требующим поверки сведениям, всего пока у Дагушана высадилось 18 тысяч японцев; также выгружены несколько больших орудий, запрягаемых каждое 18-ю лошадьми. По слухам, среди японских войск находятся и корейские солдаты. Со стороны Хабалина донесено о продолжающемся передвижении японских войск оттуда по Дагушанской дороге к Салидзайпудза. Около Хабалина находятся укрепления.

14 мая. – Утром 12 мая японский отряд силой до батальона пехоты с эскадроном предпринял наступление по главной

ляоянской дороге, но принуждён был скоро отойти обратно в Тхумендза. В долине реки Айхе японский отряд силой до батальона пехоты занимает позицию на высотах у сел. Дапу. Наши казаки были встречены сильным огнём. Перестрелка продолжалась с 10 час. до 4 час. дня, причём японская пехота пыталась охватить правый фланг казаков и отрезать путь отступления, но это не удалось.

16 мая. – 14 мая японский конный отряд, силой в 150 человек подходил вёрст на восемь с юго-востока к станции Вафангоу, но, встреченный частями пограничной стражи, скоро удалился.

13 мая к стороне Цзиньчжоу нашим разъездом была слышна сильная канонада.

17 мая. – 17-го утром получено донесение о наступлении японских войск от Куайдяньсяня к Саймацзы. Силы наступающих не выяснены.

Сообщение Главного Штаба. 16 и 17 мая в стороне Фынхуанчена спокойно. В 10 час. 30 мин. вечера, 14 мая японская пехота из Куань-дяньсяня повела наступление с фронта и обоих флангов против наших казаков, занимавших позицию у Шаого (15 вёрст северо-западнее Куань-дяньсяня). Японцы в ночной темноте открыли беглый, беспорядочный огонь. С началом боя на окрестных вершинах началась сигнализация электрическими фонарями. Казаки в спешенном строю отошли сначала к перевалу Чанлин (в 2 верстах к западу от д. Шаого), а затем к Айнямыню (в 15 верстах к западу от перевала Чанлин).

Перестрелка стихла в 2 часа ночи 15 мая, и противник за перевалом Чанлин прекратил преследование.

Утром 15 мая к Айнямыню стали приближаться передовые части японского отряда. В 9 час. утра японцы развернулись и открыли огонь сначала залпами, а потом пачками по двум сотням, занимавшим позицию впереди Айнямыня и отошедшим затем на гребень высот западнее Айнямыня. В 10 час. утра японцы развернули в боевой порядок два батальона, имея третий в резерве, а в 11 час. утра на позицию выехала батарея, открывшая огонь шрапнелью. При переходе через долину реки

японская пехота, наступавшая густыми цепями, потерпела немалый урон от огня казаков. В 11 час. 20 мин., в виду обхода японцами правого фланга казаков со стороны Даянгоу, отряд начал отходить в полном порядке к Саймацзы. Перестрелка в арьергарде стихла в 2 час. дня. У нас ранено два офицера и семь казаков.

Утром, 17 мая противник начал наступление к Саймацзы, наблюдаемый казаками. Ко времени отправления донесения японцы ещё не достигли этого пункта. 16 мая город Сюян японцами занят не был. На побережье у Инкоу, Гайчжоу и Сеньючена всё спокойно.

17 мая, около полудня, у станции железной дороги Вафангоу наша конница завязала сначала стрелковый бой с японским отрядом с силой до 8 рот и 8 эскадронов, при 4 пулемётах; с развитием боя наши сотни в конном строю лихо атаковали японский эскадрон, стоявший на левом фланге боевого порядка, и почти весь его истребили, после этого ударили на пехоту, но отошли, попав под огонь пулемётов. Наступление японской пехоты в охват нашего правого фланга было остановлено огнём нашей батареи, нанёсшей значительные потери противнику. Наши потери точно ещё не выяснены; пока определилось, что ранен корнет фон-Мейер и 21 нижний чин и выбыло 25 лошадей.

18 мая. От ген-ад. *Алексеева*. Всеподданнейше доношу Вашему Императорскому Величеству полученные мной сего числа донесения контр-адмиралов Витгефта и Григоровича по 16 мая. Найдено и взорвано на рейде много японских мин. По-видимому, японцы заменили брандеры минами заграждения, которые ставятся ими с коммерческих пароходов.

18 мая. От ген.-ад. *Куропаткина*. В стороне Фынхуанчена всё спокойно. Сюян японцами не занят. Замечается, что японские отряды начали постепенно отходить от долины реки Седзыха и Салидзайпудза в восточном направлении. 17 мая две японских роты с 30 драгунами двинулись по Дагушанской дороге на Урласы, пытаясь обойти с левого фланга нашу заставу и разъезды. Обход был своевременно обнаружен нашими дозорами. В перестрелке ранен 1 казак и убита 1

лошадь. Японский отряд, с которым наша конница имела удачное дело 17 мая, приостановился верстах в четырёх не доходя станции Вафангоу на позиции и приступил к укреплению её. Дальнейшего наступления японцев от Саймацзы к Фынсуйлинскому перевалу на дороге в Ляоян не замечается.

19 мая. От ген.-ад. Куропаткина. В стороне Фынхуанчена спокойно. Город Саймацзы, очищенный японцами, 18 мая снова занят нашими войсками. 18 мая на перевале Ляоян, в 14 верстах к югу от Сюяна, разъезды имели перестрелку с японским отрядом, сплой до двух рот с полуэскадрой; наши потери – один казак ранен. У Инкоу и у Гайчжоу без перемен.

Ляоян, 18 мая. От военного корреспондента „Русского Слова“. Четыре дня на Ляодунском полуострове. Завтра движемся к югу. Проливные дожди сменяются очаровательными весенними днями. Китайские деревни окутаны цветущими рощами. Дороги не размыты, мосты целы. Дружественное нам население всюду бережёт восстанавливаемый рельсовый путь и доставляет запасы. Фуражу коням мало. При приближении японцев крестьяне прячут женщин и разбегаются кругом. Разъезды неприятельской кавалерии не принимают боя при равенстве сил и преследуют наших только при значительном своём превосходстве и наличности пехоты. Их эскадры плохо управляют рослыми конями. Убегая, падают, оставляя лошадей. Говорят, что массы японцев двумя руслами направляются к югу – к Сюяню и Артуру – восточным берегом. Бицзыво сильно укрепляется ими. Перед ним ещё двадцать незгруженных транспортов. В Вафангоу опять третьего дня слышалась канонада с юга. От генерала Фока пока никаких известий. В Троицын день посреди пустынных гор наши боевые поезда обвиты ветвями молодых дубков. Солдаты радуются: завтра, может быть, смерть, сегодня – как дома. Больных нет. Телеграф восстанавливается. Пока только служебный. Депеши приходится посылать с нарочными в Ляоян. Полковник Спиридонов с своим железнодорожным отрядом деятельно работает рельсовыми путями. Завтра дойдёт с ними до неприятельских позиций. Большие кавалерийские части японцев показывались к востоку от Вафангоу и преследовали наших

пограничников, несущих тяжкую службу малыми постами. Солдаты радуются близости военных действий. Утомлены долгими стоянками.

Сегодня необыкновенно красивое кавалерийское дело у Вафангоу. Вчерашняя разведка полковника Кошубы и графа Армфельдта вызвала японцев на позиции между Вафангоу и Вафандяном. Они решили наказать предприимчивого, отважного пограничника и заняли горные позиции в двух верстах от нас. Ротмистр Максимов с 8 час. утра принял стрелковый бой с сильнейшим много раз противником. Задержанные им на два с половиной часа японцы упорно готовились перейти в последнее наступление, чтобы уничтожить врага, беспокоившего их тыл двадцать один день, но никак не ожидали того, что случилось. К Вафангоу подходил большой кавалерийский отряд генерала Самсонова. Уже в пяти верстах он получил известие о бое. Надо было видеть, как по его команде три эскадрона Приморского драгунского полка, охотничья команда и сотня пограничной стражи кинулись на место. Вихрем неслись стройные ряды всадников, одолевая в стремительном движении вперёд все трудные препятствия страшно пересечённой местности. Туда же по самой невозможной дороге промчалась батарея на рысях. Выйдя за станцию, наши немедленно начали общий бой с таким порывом и неистовством, с такой эффектной стройностью массовых движений, что японцы немедленно вызвали на позицию все свои силы. Четвёртая и шестая сотни 8-го Сибирского казачьего полка с гиканьем вихрем налетели на японскую кавалерию, с пиками на перевес, охватили с обоих флангов и в несколько минут буквально изрубили целый эскадрон противника, рассеяв остальные. Пики здесь были впервые в деле и наводили ужас. Были такие удары, когда смаху казак пробивал насквозь всадника и ранил лошадь. Несколько пик было оставлено за невозможностью их выдернуть. Истребляя всё на своём пути, казачья лава встретила шесть японских пулемётов и сумела из-под их адского огня уйти без больших потерь. Японцы четырьмя батальонами, по триста человек в роте, с восемью эскадронами перешли было в наступление, но тут их встретила полная

неожиданность. Наша батарея под командой штабс-капитана Иванова стала уж на позицию и после первых шрапнелей, рвавшихся слишком высоко, дала ряд удивительных выстрелов. Гора, куда густыми шеренгами наступала японская пехота, вдруг усеялась чёрными неподвижными точками. Гранаты попадали в массы противника, живо начавшего разбегаться во все стороны. К этому времени разразилась гроза. Жадная дробь пулемётов и рёв орудий сливались с ударами грома. Небо отвечало молниями на эту битву. Несколько японских кавалерийских атак удивляли отвагой. С криком „майя“, они бросались на нас, но встречали такой отпор сибирских казаков, драгун и пограничников, что рассыпались по сторонам, преследуемые нашими. В причудливой рамке синих гор вся эта долина была в эти минуты полна мрачной красоты и сурового величия. Были эпизоды, просившиеся на полотно. Такова вначале атака квартирьеров, врубившихся в массу неприятельской кавалерии, причём выдвинулся Касинов. Потом лихой выезд 48-й сотни штабс-ротмистра Доценко, остановивший решительным ударом атаку японцев. Один казак, окружённый врагами, стоя на месте, сначала пикой очистил себе место, а потом сам бросился на них. Другой, уронив пику и выпустив шашку, отнял саблю у японского офицера и его же изрубил ею. Их майор генерального штаба Гонака столкнулся с нашим стрелком, который, отразив его удар, одним взмахом отрубил голову майору. Казачья атака, неожиданно встретив неприятельские пулемёты, оказалась в трудном положении. Охотники 48-й сотни пограничников спешились, кинулись на врага и дали возможность нашим отойти без потерь. Некоторые японские офицеры, убегая, снимали сапоги для быстроты. Казаки со смехом показывали эту обувь. В одном месте, желая обмануть, японцы поставили чучела. Казаки не поддались и били по настоящим цепям врага. Особенно отличались ротмистр Голощапов, Рибасов и разжалованный Чоглоков, самоотверженно бросавшийся на врага, пока ему не были пробиты пулями обе ноги. Артиллерия стреляла так, что у генерала Самсонова несколько раз срывались восторженные одобрения. Убит у нас один солдат, другой пропал без вести, ранен корнет фон-Мейер, тяжело

ранены три нижних чина, легко – подпоручик конной артиллерии Вамдербрант и двадцать солдат. Лошадей убито 25. Урон неприятеля значительный. Японцы потеряли не менее двухсот человек. Взято нами много прекрасных японских коней. Неприателем командовал известный генерал Аккиама, некогда друг многих русских.

19 мая. От ген.-лейт. *Сахарова* в Главный штаб. По донесению начальника отряда, в деле 17 мая у Вафангоу японцы имели в резерве до трёх батальонов пехоты. Наши потери: убито три нижних чина и ранено тридцать два, лошадей убито 17 и ранено 23. Ранен сотник фон-Мейер; фамилия другого раненого офицера ещё не сообщена. Потери японцев весьма значительны. Один японский эскадрон 13 полка почти весь уничтожен в рукопашной схватке; другой же эскадрон, шедший на выручку первому, понёс большие потери от огня спешенных пограничников и охотничьей команды. У японцев отбито 19 лошадей.

20 мая. Ген.-лейт. *Жилинского*. Генерал Стессель от 15 мая донёс: 13 мая, после упорного боя, продолжавшегося два дня, я приказал вечером очищать цзиньчжоускую позицию, так как против нас было не менее трёх дивизий со ста двадцатью орудиями. Огонь противника, а главное огонь с четырёх канонерок и шести миноносцев, совершенно уничтожил наши батареи на цзиньчжоуской позиции. Находившийся на самой позиции 5-й полк держался героически. Огнём его и наших батарей и канонерки „Бобр“, стоявшей в Хунуэза, японцам нанесены громадные потери. Наша убыль до тридцати офицеров и около восьмисот нижних чинов убитыми и ранеными. Все не подбитые орудия нами взорваны и испорчены; свезти орудия позиционные во время жестокого боя, разумеется, не могло входить в расчёт, так как это нужно было бы сделать за три дня до боя. Бой тринадцатого числа начался с пяти часов утра и продолжался до восьми вечера, когда я приказал постепенно очищать позицию. Часть мин и фугасов осталась не взорванной, так как японцы обходили прямо по морю, выше пояса в воде, под прикрытием своих судов. Дух войска отличный.

21 мая. От ген.-лейт. *Жилинского*. По полученным от генерала Стесселя письменным донесениям, дополняющим его телеграммы за время до 8 мая, оказывается, что к означенному числу положение было таково: армия японцев передовыми частями дошла до горы Самсон, но ещё не решалась атаковать город Цзиньчжоу, занятый одной ротой. Неприятель занял уже полуостров Керр и посылал большие шаланды в бухту Хунуэза, которые, однако, вынуждены были удалиться, вследствие огня нашей артиллерии. Наши войска занимали позицию южнее побережья залива Хунуэза, Талиенван, станцию Наньгуаньлин, Дальний и все бухты. Эскадра противника блокировала всё побережье и обстреливала берега то одной, то другой бухты, не жалея снарядов. В ночь с 6-го на 7-е была небольшая бомбардировка Артура, причём был убит один нижний чин и две лошади и ранено четыре нижних чина. 1 мая японцы пробовали сделать высадку в бухте Керр, но были отбиты, и один неприятельский крейсер затонул. 2 мая колонны их по двум дорогам от Саншилипу и от Гоцзялина направились на юг. Японцы шли густыми колоннами и потому понесли сильные потери от артиллерийского огня. Колонна их, шедшая от Гоцзялина, попала под залпы нашей пехоты и тоже сильно пострадала. Когда неприятель развернулся, у него оказалось шесть батарей и 24 батальона. Вследствие значительного превосходства неприятеля в силах, наш отряд начал отходить, и японцы приостановили наступление. Генерал Стессель с большой похвалой отзывается о мужестве наших войск и их начальников, принимавших участие в этом деле. Утром, 4 мая наши войска заняли высоты севернее города Цзиньчжоу казаками и охотниками; одиночные неприятельские партии появлялись на горах. 5-го числа три роты японцев на западном склоне Самсона атаковали сто человек наших охотников, но были отбиты. По имевшимся сведениям, севернее Саншилину находилась вся неприятельская армия: 30.000 пехоты и 1.500 кавалерии с осадным парком. Дух наших войск превосходен. Потери наши с 1 по 8 мая – 10 офицеров и 175 нижних чинов. У пленных японцев были найдены русско-японские переводчики.

Видимо, эти части давно назначены против Артура: в словарях всё приурочено к Артуру и Дальнему.

21 мая. От ген.-лейт. *Сахарова* в Главный Штаб. 18 мая на перевале Феньшуйлин, на полпути между Цзянчаном и Саймацзы, забайкальские казаки имели дело с японцами, занявшими сильную позицию на высотах. Казаки в спешенном строю под сильным залповым и пачечным огнём⁴²⁶ атаковали противника и заставили его очистить позицию. Наши потери: убиты шесть казаков и ранены подполковник Заботкин, врач и 22 казака.

22 мая. От ген.-ад. *Куропаткина*. Согласно с полученными донесениями, подробности дела 17 мая под станцией Вафангоу представляются в следующем виде: наш конный отряд из драгун и казаков, конно-охотничьей команды и батареи, следуя от Вандзялина, около полудня 17 мая, не доходя пяти вёрст до станции Вафангоу, получил донесение, что две пограничных сотни ведут перестрелку с противником, занявшим позицию у деревни Юдзятунь. Конный отряд на рысях подошёл к Вафангоу, и на поддержку пограничников были направлены два эскадрона драгун; для охраны и разведки своего правого фланга от отряда были выделены одна сотня и охотничья команда в долину реки Фучжоу, которые, окончив свою задачу, составили правый фланг нашего расположения. Около часу пополудни противник в значительных силах начал дебютировать из Юдзятуня, с целью атаковать нашу передовую линию. Тогда две сотни сибирских казаков, перейдя железную дорогу в конном строю, атаковали передовой японский эскадрон и в рукопашной схватке почти весь его уничтожили. Встреченные засим огнём пехоты, двух спешившихся эскадронов и пулемётов, казаки, отходя лавой, навели погнавшийся за ними второй эскадрон на охотничью команду, успевшую дать восемь залпов с постоянным прицелом, и эскадрон повернул назад, понеся значительные потери. Третий японский эскадрон, следовавший уступом слева, попал под огонь спешенной пограничной сотни и тоже в беспорядке отступил. На нашем левом фланге в это время спешенные драгуны, которым по условиям местности нельзя было принять участие в деле в

конном строю, на высотах севернее Юдзятуня вели перестрелку с противником и, обнаружив обход его слева, отошли на вторую позицию, вполне обеспечив действия казаков. Около половины второго часа пополудни наша батарея стала на позицию и открыла удачное обстреливание пехоты и пулемётов противника; за это время было обнаружено движение японской пехоты к Юдзятуню, а засим около двух часов густые пехотные цепи появились на гребне возвышенностей, занятых ранее драгунами. Наши потери: тяжело ранен поручик фон-Мейер и легко подпоручик Бранд; нижних чинов убито трое, тяжело ранено девять и легко ранено 23 человека. Потери японцев значительны. Из донесения, найденного на убитом японском унтер-офицере, видно, что только один 14-й драгунский полк потерял 70 человек.

23 мая. 21 мая наши казачьи части были встречены огнём японской пехоты, занявшей укреплённую позицию на высотах у деревни Хоцзяпудза. В начале дела японцы попытались перейти в наступление через долину реки Коулендзыхо, но были остановлены метким огнём конного орудия, которое казаки успели поставить на позицию. Казаки спешились. С помощью подошедших поддержек и огнём двух орудий казаки заставили японцев бросить позицию и отступить под прикрытием сомкнутых частей, причём перестрелка продолжалась с 1 часа до 6 часов дня. Со стороны японцев в перестрелке приняли участие шесть рот, из коих четыре подошли позже на подкрепление. Окопы на позиции противника были сооружены весьма тщательно и хорошо маскированы. Наши конные орудия работали прекрасно, и огонь их способствовал главным образом успеху дела. Наши потери: убит доблестный войсковой старшина Старков, ранены легко два офицера. Казаков ранено 11 и контужено двое. Потери японцев точно не установлены, но более значительны, чем у нас.

23 мая. *От военного корреспондента „Русского Слова“.* Ляоян. Кинчжоуский бой 13 мая. Японцы отовсюду, даже из Сасебо и Нагасаки, привезли к Кинчжоу много дальнобойных орудий. Весь их флот накануне подошёл сюда же с неменьшим количеством жерл, заняв позиции к востоку и западу от этого

самого узкого места Квантуна. Даже суда, блокирующие Порт-Артур, были здесь. Войск сосредоточили сорок пять тысяч. В пять часов утра началась беспримерная канонада. Казалось, весь перешеек в огне. Шрапнели рвались тысячами. Снаряды падали повсеместно. Подступы к горам, склоны гор, линия железной дороги, рвы – засыпаны осколками. Наши орудия и пулемёты работали всё время. Неприятельская пехота под защитой своей артиллерии ходила в атаку, но отступила перед нашей, несмотря на свою малочисленность, упорно защищавшей высоты, буквально срезываемые снарядами броненосцев и крейсеров. Были укрепления начисто снесённые. Ничего подобного этому аду нельзя себе представить. Были позиции, где не оставалось сажени не поражаемой разрывами японских гранат. Солдаты в сказочной отваге кидались на противника, но отходили от истребительного огня. Значительная часть японской пехоты, желая зайти в тыл нашим, прошла за Кинчжоу по горло в воде на большом расстоянии, но не выполнила задачи, встретив хотя измученную, но решительную нашу пехоту. Живой стеной встречала она самые убийственные удары, особенно пятый полк, понесший наиболее потерь. Он умирал, не прекращая боя. Когда никто не ожидал этого, отчаянно кидался на врага. Солдаты, потеряв офицеров, сами осмысленно защищали позиции, переходя на наиболее угрожаемые места. Бой, ни на минуту не прекращавшийся в течение 15 часов, окончился в восемь часов вечера. Испортив орудия, приведя в негодность пулемёты, мы отошли к Порт-Артуру. Убитых и раненых у нас до восьмисот человек. Масса раненых не оставляла строя. Перевязанные возвращались назад, говоря: – Теперь там и калеки нужны. Хоть лёжа, да постреляем. Поможем час продержаться, и то хорошо. Потери противника громадны.

Перестрелка у Вафангоу. Сегодня разъезды отряда генерала Самсонова встретили такие же противника у Вафангоу. Была перестрелка. Трое японцев, в том числе один офицер генерального штаба, убиты. У нас потерь нет. Разведка пограничников также встретила несколько всадников противника.

Погода. Непогоды продолжаются. Ночи очень холодные.

25 мая. От *Наместника.* Согласно донесения контр-адм. Витгефта в бою на Кинчжоуской позиции правый фланг наш сильно поддержала канонерская лодка „Бобр“ с миноносцами „Бурный“ и „Бойкий“, возвратившиеся затем в Порт-Артур. Против действовавших в Кинчжоуской бухте японских лодок ночью 13 мая были посланы 10 миноносцев, из коих один разбился на камнях и затонул, команда спасена. Из бывших в Кинчжоу при морских пушках отсутствует мичман Николай Шимановский, ранены 6 матросов.

24 мая. От ген.-лейт. *Сахарова.* В стороне от Фынхуанчена перемен нет. Японский отряд, стоявший на позиции к югу от станции Вафангоу у деревни Юдзятун, в течение 22 мая очистил позиции и отошёл, преследуемый нашей конницей, к станции Вафаньдянь и далее к югу. 21 мая во время разведки в окрестностях Саймадзы по нашему тыльному отряду был открыт огонь японской пехотой, но наши движением вперёд приостановили противника; перестрелка продолжалась около полутора часов времени. Наши потери: двое убитых и шесть раненых нижних чинов.

25 мая. От ген.-адъют. *Куропаткина.* У западного побережья Ляодуна около первого часа пополудни появилась японская эскадра, сначала в составе 6-ти судов, а затем усиленная ещё 11-ю; всего составилось 6-ть судов 1-го ранга, а остальные 2-го, и 3-го и миноносцы. Эскадра крейсировала частями, обстреливая участок морского берега к западу от Тайчжоу и Сеньючена и направляя огонь на расположение наших постов и на появляющиеся разъезды. К 7-ми часам бомбардировка прекратилась, и эскадра ушла в южном направлении. Потерь и материального ущерба у нас не было. 25 мая, с 8-ми часов утра вновь появились 6 судов к югу от Гуаньцзятуна и спустили шлюпки; другие 6 судов начали обстреливать побережье у Сеньючена и сам город; высадки не было. На юге японские войска группируются на фронте в 16 верст. протяжением от Пуландяня до Тандзяфана, в долине реки Тасахо. 25 мая японский отряд силой до двух рот пехоты и эскадрона направился от Фынхуанчена на север в местность

Тафангоу и потеснил нашу казачью заставу. На помощь подоспели из Уалюнди охотники и рота. Наступление японцев, потерявших в перестрелке одного унт.-офиц. пленным и одного офицера и нескольких нижних чинов убитыми, было остановлено; у нас потерь не было. В тот же день 25 мая наши передовые посты и казачьи заставы на главной ляоянской дороге были потеснены противником, но с прибытием в начале второго часа дня поддержки японцы были принуждены отступить. В перестрелке, продолжавшейся до 7 часов вечера, у нас убит штабс-капитан Лячко и 2 нижних чина и ранено 5 нижних чинов. 25 мая наш отряд, занимавший Саймацзы, был атакован японцами, силой до одной бригады, и в виду большого превосходства сил противника медленно отошёл к Фынсуйлинскому перевалу; наши потери – ранены 2 офицера и убито, и ранено до 100 нижних чинов.

27 мая. Бомбардировка японской эскадры 26 мая побережья к западу от Сениечена и Кайджоо потери и материального ущерба не причинила, несмотря на значительное число выпущенных снарядов. У нас оказался легко раненым лазаретный служитель и попорчены 2 двуколки. 27 мая утром, на побережье спокойно, несколько неприятельских судов держатся вдали от берега. 25 мая японцы продолжали медленно наступать к Сюяну по Дагушанской и по Хынхуанченской дорогам, не дойдя передовыми отрядами вёрст на 8 с юга и востока от Сюяна. Утром 26-го числа их отряд, силой до бригады пехоты, с двумя горными батареями и 4 эскадронами, повёл наступление на Сюян. Около 11 часов японцы появились перед городом с юга, но были остановлены весьма удачным огнём нашей батареи. После этого японская пехота стала наступать и с востока по Фынхуанченской дороге. Казаки, занимавшие перевал, после двухчасового боя должны были отступить, и по перевалу открыла огонь наша батарея, не давая японцам возможности утвердиться на нём. К этому времени на юге выехала на позицию японская горная батарея, но после нескольких выстрелов приведена была к молчанию огнём нашей батареи. Второй японской горной батарее вовсе не удалось открыть огня, и она под огнём нашей батареи очистила

занятую ею позицию. С течением боя обнаружилось обходное движение нескольких батальонов японской пехоты к северо-востоку от Сюяна, угрожающее нашему пути отступления, вследствие чего казаки постепенно отошли вёрст на 8 от Сюяна, обстреливая огнём батареи с 600 сажён густую колонну противника. К 5 часам пополудни перестрелка затихла. Наши потери: ранены войсковой старшина Черемисинов и хорунжий Комаровский, оставшийся в строю; убит 1 и ранено 17 казаков. Японцы должны были понести значительные потери, так как наши снаряды весьма удачно рвались в густых колоннах противника. Начальник отряда свидетельствует об отличном мужестве в бою офицеров и нижних чинов, называя наиболее отличившимися войсковых старшин Гаврилова и Черемисинова, подъесаулов ч Семенова и Козловского, штабс-ротмистра Ржевского и хорунжего Комаровского и генерального штаба подполковника Посохова. По всем данным, казаки имели дело с частями 10-й японской дивизии. В деле 25-го мая, у Тафангоу, у нас был ранен 1 стрелок, а японцы понесли значительные потери, по показаниям местных жителей до 40 человек убитыми и ранеными. Подробности дела у Самайдзы выяснились в следующем виде: 25-го мая, в 6 часов утра, рота, бывшая в сторожевом охранении на дороге Айянамын, подверглась нападению противника. На подкрепление ей была выслана охотничья команда, а затем поднялся и весь отряд, из состава которого один батальон с горной батареей занял позицию впереди Саймадзы, а другой батальон направился вперёд. Передовая рота и охотничья команда сначала потеснили японцев, нанесли им потери, захватили ружья, снаряжение убитых, но затем наступление батальона было остановлено сильнейшим огнём противника, силы которого обнаружались до бригады пехоты с двумя батареями и тремя эскадронами. Начальник отряда приказал отступить к Фынсуйлинскому перевалу. Отряд медленно отходил в полном порядке, задерживаясь на позициях; ранены штабс-капитаны Макаров и Сыкунь и поручик Ружицкий, оставшийся в строю, нижних чинов убито и ранено около ста человек. Потери неприятеля велики. Из захваченных с убитых предметов обмундирования

обнаружено, что против отряда наступали части 12-й японской дивизии. Начальник отряда свидетельствует о спокойствии и мужестве войск и признаёт также действия летучего отряда Красного Креста выше всяких похвал.

IV.

Пожертвования на дело снабжения религиозно-нравственными книгами войск действующей армии

В распоряжение редакции „Миссионерского Обозрения“ поступили на дело снабжения действующей армии на Дальнем Востоке книгами религиозно-нравственного содержания:

1) От причта и прихожан Богородицкой церкви хутора Морозова Донской Епархии – 7 руб.

2) От монаха Геннадия на приобретение евангелий по 5 к. экз. – 5 руб. и от него же 130 брошюр и 130 листов религиозно-нравственного содержания.

3) От И. В. Преображенского 53 книжки разного содержания.

4) Независимо сего от священника Успенской церкви сл. Петропавловской Старобельского уезда, Харьковской губ., о. Николая Григорьевича поступило для отправки голодающим семьям казаков Забайкальской области – 4 руб.

№ 10. Июнь

**Терлецкий В. „Дело“ (1Кор.3:10–15) профессора
Адольфа Гармана // Миссионерское обозрение. 1904
г. № 1–10. С. 1199–1207**

„Каждый смотри, как строит. Ибо никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос. Строит ли кто на этом основании из золота, серебра, драгоценных камней, дерева, сена, соломы, каждого дело обнаружится, ибо день покажет, потому что в огне открывается, и огонь испытает дело каждого, каково оно есть. У кого дело, которое он строил, устоит, тот получит награду. А у кого дело сгорит, тот потерпит урон; впрочем, сам спасётся, но так, как бы из огня“ (1Кор.3:10–15).

I.

В зимний семестр 1899–1900 уч. года большой шум произвёл известный профессор берлинского университета Адольф Гарнак своими лекциями о „Сущности христианства“. Лекции эти читались перед студентами всех факультетов, при переполненной аудитории, и когда затем изданы были отдельной книгой, то книга эта нашла себе так много читателей, что через два, месяца потребовалось уже второе её издание. Мы не имеем в виду подробно излагать содержание и делать критический разбор означенной книги проф. Гарнака. Всё это уже сделано в прекрасном сочинении С. Л. Кулюкина „Сущность христианства проф. А. Гарнака“, появившемся в свет, как бесплатное приложение, к духовному журналу „Странник“, а также в статьях проф. А. П. Лебедева (в „Богословском Вестн.“ окт.–ноябрь 1901 г.).

Нам хотелось бы применить к сочинению проф. Гарнака, тот масштаб, который обязателен для каждого проповедника христианского учения и которым определяется достоинство и ценность проповедуемого учения. Поэтому, принимая в руководство слова св. Ап. Павла, приведённые нами в начале статьи, посмотрим, как „строит“ проф. Гарнак, на каком „основании“ он строит и какой прочностью обладает то „Дело, еже назда“ учёный профессор.

В своих лекциях о „Сущности христианства“ проф. Гарнак высказывает последнее слово протестантской теологии, которое обозначает собой (хотя профессор об этом по скромности и умалчивает) „новую ступень в истории христианской религии после реформации“. Эта „новая ступень“ состоит в таком понимании сущности христианства, по которому Личность Иисуса Христа совершенно устраняется из Евангелия. „В Евангелие, – говорит Гарнак, – как оно возведено Иисусом Христом, входит не Сын, а только один Отец“. „Евангелие есть познание Бога, как Отца“. Научив людей знать Бога-Отца и через то приведши людей к Богу, Иисус Христос, по мнению Гарнака, исполнил заповеданное Ему от Отца дело; этим задача Его и была исчерпана. Собственная Личность Иисуса Христа отходит как бы на второй план. Никакого личного отношения к Нему Его последователей не нужно, так как Он не требовал Себе никакого поклонения, а требовал только исполнения Его заповедей. „В круг Его мыслей, – говорит Гарнак, – не входило давать какое-либо „учение“ о Своей Личности и её достоинстве“. Иисус Христос не желал никакой другой веры в Свою Личность и никакого другого отношения к Ней, как только того, чтобы соблюдались заповеди Его. „Положение: „Я есмь Сын Божий“ – не включено Самим Иисусом в Его Евангелие, и кто ставит это положение наряду с другими, находящимися в Евангелии, тот прибавляет к Евангелию нечто постороннее“. В религии, по мнению Гарнака, одно только существенно и важно – личное отношение души человека к Богу. „Бог и душа, душа и её Бог – вот вся религия, и „ничто чуждое не должно Сыть помещаемо“ между Богом и душой человека. Поэтому – никакой догматики, никакой христологии, ничего „чуждого“ и „внешнего“. Христос „не входит в Евангелие“; помни только, что Бог – твой Отец, – вот и всё Евангелие.

Такова „сущность“ христианства, критически „очищенного“ проф. Гарнаком, посредством отделения „зерна“ от „скорлупы“. Таково то „евангелие в евангелии“, которое нашёл проф. Гарнак через 19 веков после Рождества Христова!

Но нетрудно заметить, что в этой „сущности“ христианства, нет ничего в собственном смысле христианского, нет даже

спасительного имени Иисуса Христа. И то „евангелие“, которое в наши дни нашёл Гарнак в „Евангелии“, вовсе не есть та радостная весть о наступлении. „лета Господня приятного“, которая раздалась в мире 19 веков тому назад. Это далеко не то „благовестие“ Христово, которое „слышали от Него и возвестили“ нам „избранные Его сосуды“ – апостолы.

Но припомним и приблизим, насколько можем, к нашему разумению великую тайну „явления Бога во плоти“, составляющую истинную „сущность“ христианства.

II.

„В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог“ (Ин. 1:1).

Когда исполнилось время, „Слово стало плотью, и обитало с нами, полное благодати и истины“ (Ин.1:14).

Слово стало плотью, для того чтобы осудить и потребить грех, живущий во плоти, чтобы приблизить и низвести к нам жизнь Божественную, и сделать нас достойными причастниками её.

„Слово жизни“ принимает плоть и возвещает нам „глаголы жизни вечной“.

„Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, Единого истинного Бога, и Посланного Тобою Иисуса. Христа“ (Ин.17:3).

„Сын Божий пришёл и дал нам свет и разум, да познаем Бога истинного, и да будем во истинном Сыне Его Иисусе Христе, сей есть истинный Бог и жизнь вечная“ (1Ин.5:20).

Но то *знание*, которое дано нам Иисусом Христом, не есть отвлечённая, сухая, теоретическая истина, воспринимаемая одним только умом. Это – полная, цельная, *живая* истина, которая захватывает всего живого человека: она просвещает ум, умиротворяет сердце и волю движет к добру. Она делается доступна и открывается нам не в поисках блуждающей мысли, тщетно усиливающейся придумать „смысл“ Евангелия и „сущность“ христианства, а непосредственно воспринимается и ощущается нами в полноте и гармонии *жизни* возрождённой христианской души. То знание Единого истинного Бога и посланного Им Иисуса Христа, которое составляет содержание

жизни вечной, есть не только *мысленное* знание, но и *реальное приобщение* этой самой жизни.

Во Христе открылась „жизнь вечная, которая была у Отца и явилась нам“ (1Ин.1:2).

„И вот снизошла к нам эта жизнь сама, – говорит бл. Августин, – и претерпела смерть нашу, и умертвила её преизбытком жизни своей, и возгремела во всеуслышание, приглашая нас возвратиться к Нему, Жизнодавцу“ (Исиов. IV кн. 12 гл.).

Знание этой жизни, или, что тоже, её реальное приобщение, стало возможно и доступно нам в Богочеловеке Иисусе Христе, в Его живой Личности, общение с которой является для нас источником новой жизни. Огонь загорается от огня, личная жизнь от личных сил.

Так от Личности Богочеловека Иисуса Христа загорается в человек огонь повои жизни во Христе.

Это Он, Иисус из Назарета, Который является грешнику, как его Спаситель, в тот момент, когда последний, изнемогая в мучительной борьбе плоти, противоборствующей духу, с воплем крепким и многими слезами взывает: „о, несчастный я человек! Кто избавит меня от сего тела смерти?“ (Рим.7:24),

Это Он, Который откликается на призыв всякой души христианской, „скорбящей же и озлобленной, милости Божией и помощи требующей“.

Это Он, Который призывает к Себе всех „труждающихся и обременённых и даёт успокоение, мир и отраду всем беспокойным, блуждающим в поисках смысла жизни умам и всем встревоженным, скорби и томлению духа в суете житейской предавшимся сердцам.

Это Он, живая вера и общение с Которым производит во всём нашем существе глубокую благодетельную перемену, возрождая нас и делая „новым творением“ во Христе.

Апостолы первые приняли „глаголы жизни вечной“, возвещённые Спасителем, и были посланы Им в мир, дабы „но слову их“ весь мир уверовал в Него (Ин.17:20,21).

Облечённые силой свыше, призванные быть „свидетелями Его даже до края земли“, они всюду „пронесли имя Его“, как

„единственное имя под небом, данное человекам, которым надлежит нам спастись“ (Деян.1:8,4:12).

Возвещая то „благовестие, которое слышали от Него“, они главным предметом своей проповеди поставляли Его Самого. „Христос Распятый“ является центром проповеди апостольской, Христос, как живая Личность в её могучем, властном, возрождающем и искупительном воздействии на грешный род человеческий.

В великий и священный день Пятидесятницы, в своей первой проповеди ап. Пётр, разъясняя собравшемуся народу чудесный, знаменательный факт сошествия Св. Духа на апостолов, говорил: „Мужи Израильские! выслушайте слова сии: Иисуса Назорея, Мужа, засвидетельствованного вам от Бога силами, и чудесами, и знамениями, которые Бог сотворил через Него среди вас, как и сами знаете, Сего, по определённом совету и предведению Божию преданного, вы взяли и, пригвоздивши руками беззаконных, убили; но Бог воскресил Его, расторгнув узы смерти, потому что ей невозможно было удержать Его... Сего Иисуса Бог воскресил из мёртвых, чему мы все свидетели. Итак, Он, быв вознесён десницей Божией и приняв от Отца обетование Св. Духа, излил то, что вы ныне видите и слышите... Покайтесь, и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов, и получите дар Святого Духа“ (Деян.2:22,24,32,33,38).

Через несколько дней после этого, когда апостолы Пётр и Иоанн исцелили, при входе в храм, человека, хромого от рождения, то весь народ, видя хромого ходящим и хвалящим Бога, в изумлении сбежался к ним в притвор, называемый Соломонов, то ап. Пётр сказал;

„Мужи Израильские! что дивитесь сему, или что смотрите на нас, как будто мы своей силой или благочестием сделали то, что он ходит? Бог Авраама, Исаака и Иакова, Бог отцов наших, прославил Сына Своего Иисуса, Которого вы предали и от Которого отреклись перед лицом Пилата, когда он полагал освободить Его. Но вы от Святого и Праведного отреклись. и просили даровать вам убийцу, а Начальника жизни убили, Сего Бог воскресил из мёртвых, чему мы свидетели. И ради веры во

имя Его, имя Его укрепило Сего, которого вы видите и знаете, и вера, которая от Него, даровала Ему исцеление сие перед всеми вами... Он есть Камень, пренебреженный вами, зиждущими, но сделавшийся главой угла, и нет ни в ком ином спасения“ (Деян.3:12–16,4:11).

Великий апостол языков Павел, посланный Христом „благовествовать не в премудрости слова, дабы не упразднить Креста Христова“, проповедовал „Христа Распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие, для самих же призванных Иудеев и Еллинов Христа, Божию силу и Божию премудрость“ (1Кор.1:23,24). Будучи в Коринфе, он „рассудил быть незнающим ничего, кроме Иисуса Христа и Сего распятого“ (1Кор.2:2). Он не желал хвалиться ничем, „разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа, Которым для меня мир распят и я для мира“ (Гал.6:14). Рождая детей своих „благовествованием во Христе“, он „болел муками рождения, доколе не изображался в них предначертанный у них перед глазами, как бы в них распятый Иисус Христос“ (Гал.3:1,4:19).

Великий апостол любви Иоанн Богослов, ученик, „которого любил Иисус“, так вещает о Том, приклонившись к груди Которого он возлежал на вечери: „в начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог... И Слово стало плотью и обитало с нами, полное благодати и истины“, „О том, что было от начала, что мы слышали, что видели своими очами, что рассматривали и осязали руки наши, о Слове жизни (ибо жизнь явилась, и мы видели и свидетельствуем и возвещаем вам сию вечную жизнь, которая была у Отца и явилась нам), о том, что мы видели и слышали, возвещаем вам, чтобы и вы имели общение с нами, а наше общение со Отцом и Сыном Его Иисусом Христом“ (1Ин.1:1–3).

Вот Тот Христос, о Котором проповедовали Его апостолы, и благовестие Которого есть „сила Божия во спасение всякому верующему“ (Рим.1:16).

III.

Но не на этом „Основании“ строит проф. Гарнак. Он пренебрегает „Камнем краеугольным, положенным во главу угла“, и утверждает, что „Христос не входит в Евангелие“.

Личность Иисуса Христа, по мнению профессора, является чем-то посторонним, лишним, „чуждым“ между Богом и душой человека. Очевидно, для профессора, привыкшего вращаться всегда в сфере тонких, но холодных умственных операций и логических построений, остался совершенно чужд и непонятен тот горячий, искренний порыв *живой сердечной веры*, который подвигнул ап. Петра воскликнуть: „Ты еси Христос, Сын Бога Живаго“ (Мф.16:16),

Непонятым и чуждым для него остаётся (как не затронувший сферы его личного опыта) и тот неиссякаемый в течение веков поток горячей, пламенной веры, который струится в сердцах верующих „и во Единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного, иже от Отца рождённого прежде всех век, Света от Света, Бога истинного от Бога истинного, рожденна, не сотворенна, единосущна Отцу, Им же вся быша“. Мало того, он даже блазнится, почитает противным своей немощной совести открыто исповедать свою веру в „нас ради человек и нашего ради спасения сшедшего с небес и воплотившагося от Духа Свята и Марии Девы, и вочеловечшася“ и объявляет это устаревшей формулой веросознания IV века, непригодной для нашего просвещённого времени.

„Сущность христианства“, критически „очищенного“ и „просеянного“ проф. Гарнаком, действительно, представляет собой „новую ступень“, но не в истории христианской религии, где по самому существу не может быть никаких „новых этапных пунктов“, ибо „Христос вчера, днесь, Той же и во веки“, а в истории западного богословского рационализма.

Рационализм, как особое направление в богословской науке, не признаёт никакого иного руководительного начала в вопросах религии, кроме одного только человеческого разума и стремится объяснить все факты христианской истории одними естественными силами и явлениями. Ни в самом начале христианской истории он встречается с Личностью Божественного Основателя христианства, Личностью неизъяснимой, непостижимой, Которая представляет Собой неразрешимую тайну для ума человеческого. Претыкаясь о сей

„Камень преткновения и соблазна“, рационализм или отрицает историческую достоверность евангельской истории, обращая её вместе с Личностью Основателя христианства в миф, или же принижает Личность Богочеловека до низкопробной пантеистической апофеозы, поставляя Иисуса Христа в ряду учителей и мудрецов земных, подобных Конфуцию, Будде, Магомету, Сократу и т. д. Но к том и другом случае вопрос не исчерпывается до конца, не решается вполне, всецело и без остатка, так чтобы в нем уже не оставалось ничего неясного и непонятного.

Личность Иисуса Христа, не укладывается в рамки и формы нашей познавательной деятельности и по вмещается в ограниченный круг нашего психического опыта. Сам А. Гарнак, принадлежащий к умеренно-рационалистическому направлению богословской школы своего учителя, проф. А. Риичля, признавая Иисуса Христа только человеком, встретил большие трудности в решении поставленного им вопроса о „собственном самосознании и самосвидетельстве Иисуса Христа“ и должен был сказать, что самосознание Иисуса Христа – „это Его тайна и никакая психология не исследует этого“.

И вот, изворотливый разум человеческий, незаконно присвоивший себе верховный авторитет в деле веры, будучи не в состоянии изъяснить дивную тайну „явления Бога во плоти“, претываясь и разбиваясь о несокрушимый камень исповедания Петрова, уклоняется в сторону и изыскивает для себя новый путь, – путь более лёгкий и удобный, на котором бы не встречалось уже никаких подводных камней, и где, подобно загадочному сфинксу, не стоял бы и не тревожил этот беспокойный, мучительный и неразгаданный вопрос: „Кто убо Сей?“ „Христос не входит в Евангелие“, – объявляет проф. Гарнак. Зачем же после этого бесплодные христологические споры? Не всё ли равно: кто Он был, был ли, или Его вовсе не было? Важно то, чему Он учил; а Он в круг тех мыслей, которые составили Его благовестие, не включил требования личного отношения к Нему, как к Сыну Божию. „Как же далеки от Его мыслей. – восклицает проф. Гарнак, – те, которые ставят раньше Евангелия „христологическое“ исповедание и говорят,

что сначала нужно правильно мыслить о Христе. а потом уже можно только приступать к Евангелию“. „Ведь Его же, – продолжает Гарнак, притчи о мытаре в храме, о женщине при кружке для сбора на храм, о блудном сыне; но все эти лица ничего не знают о „христологии“, и однако мытарь достиг оправдания через смирение“.

Так, выдвигая странное, совершенно чуждое христианскому сознанию учение, будто „Христос не входит в Евангелие“, рационализм освобождает себя от непосильной задачи разрешения одной из величайших проблем христианства, и в этом, думается, смысл той „новой ступени“ в развитии богословского рационализма на западе, которую отмечает собой появление в свет книги проф. Гарнака о „Сущности христианства“.

IV.

Таким образом, новейшее христианство, проповедуемое Гарнаком, представляет собой христианство без Христа. Гарнак совершенно отделяет учение Христа от Его личности и говорит, что важно только учение Христа, а не Его Личность. Достаточно знать и помнить не Его, а то, чему Он научил, но и то нужно переживать в своей душе и осуществлять в жизни, а не рассудочно воспринимать и мыслить.

Но разве возможно учение Христа, осуществлять без Самого Христа? Разве возможна жизнь христианская без веры и живого общения с Тем, Кто сказал: „без Мене не можете творить ничесоже“ (Ин.15:6)? Сила неотделима от действия. Как же мы будем действовать, зная и помня только учение Христа, но забыв о Нём Самом и не имея в себе силы Его Духа? Христос – „наша сила“ и „наша крепость“, Христос „жизнь наша“. Сильные Его Божественной силой, мы можем сказать вместе с апостолом: „вся могу о укрепляющем мя Иисусе Христе“ (Флп.4:13).

Представим, что Христос – забыт, нет этого Светоча, нет этого возлюбленного образа. И какой невыразимой тоской, и скорбью наполняется сердце! Весь мир делается мрачен и безотраден. Но вот Христа poznali, уверовали и полюбили Его,

духовно соединились с Ним, – и зажигается огонь и свет истинно-христианской жизни, и мир приходит и дивится!

Проповедуемое Гарнаком христианство без Христа есть в сущности замаскированное антихристианство. И легко видеть, что то „дело, которое построил“ Гарнак, не устоит в огне того испытания, какое предлагает ап. Иоанн для распознавания „Духа Божия и духа лестча“.

„Духа Божия и духа заблуждения узнавайте так: всякий дух, который исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, есть от Бога. А всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, не есть от Бога, но это дух антихриста, о котором вы слышали, что он придет, и теперь есть уже в мире“ (1Ин.4:2,3).

Проф. Гарнак „не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти“ и, признавая в Нём „величайшее и изумительнейшее явление“, соблазняется о Нём так же, как те, которые говорили: „не плотник ли Он, сын Иосифа и Марии?“

Поэтому „дело“ профессора Адольфа Гарнака „сгорит“, как построенное не на том краеугольном Камне, который есть Иисус Христос, а сфабрикованное в лаборатории протестантской теологии, где, в душной атмосфере сухого, отвлечённого рационализма, утрачивается понимание христианства, как живой реальной силы, возрождающей и преобразующей мир, а вместе с тем, следовательно, утрачивается и понимание истинной „сущности христианства“.

Владимир Терлецкий

Лаврский В., прот. Явление воскресшего Христа во уверение Своего воскресения ⁴²⁷ // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 1208–1240

(По поводу статьи проф. Тареева – „О Христовом Воскресении“. – Богослов. Вестник. Май 1903 г.).

Итак, Пётр и Иоанн возвратились от гроба к себе (Ин.20:10), вероятно, чтобы возвестить виденное ими Богоматери, а потом уже и прочим ученикам (Лк.24:24); а Мария „стояла у гроба и плакала“ (Ин.20:11). Как на гроб шла она, влекомая потребностью „посмотреть гроб“ (Мф.28:1), так и стоя у гроба, она через некоторое время ощутила потребность скорбящего сердца опять посмотреть хотя бы то „место, где лежал Господь“ (Мф.28:6). Она приникла, чтобы видеть внутренность пещеры. – и видит в правой стороне её на каменной скамье, где лежало тело Господа, двух ангелов, в белом одеянии, сидящих – одного в той стороне, где лежала глава Господа, другого – где были ноги. Должно быть, ангелы явились Магдалине не в таком ослепительно-блистающем виде, каким устрашены были перед тем мироносицы (Лк.24:5). Они не говорят Магдалине: „не бойся!“ как говорили мироносицам, – говорили и другим, сподоблявшимся ангельского видения (Мф.28:5; Лк.1:13; Суд.6:23,13:18–23). И Магдалина на вопрос ангелов: что ты плачешь? – отвечает, как будто для неё нет ничего чудного и необъяснимого в этом появлении двух белоризцев юношей там, где за несколько минут перед тем никого не было. Сознала, ли даже Магдалина, что вопрошающие её должны быть ангелы? Быть может, описываемое совершалось с быстротой, не оставлявшей времени для размышления.

Только что ответив ангелам: „унесли Господа моего, и я не знаю теперь, куда переложили Его“, – Мария уже отвращает свои взоры от ангелов и обращается назад. Чем вызвало это движение? Что отвлекло внезапно её мысли от необъяснимого появления во гробе двух юношей? Необходимо предположить какое-либо новое чувственное впечатление, – слуховое или зрительное. Пала ли на неё тень от тела Христова, когда

Господь приблизился и стал позади неё, между устьем пещеры и восходящим солнцем, или слухом ощутила Мария приближение Господа? И то, и другое не невозможно. Хотя тело воскресшего Господа было удобопрочно и не для одного такого топкого вещества, как то, которое каким-то своим состоянием, – вибрацией ли, или иным, – производит в нас ощущение света, тем не менее Воскресший видевший Его не являлся прозрачным, и не как беззвучная тень ступал, конечно, по дороге в Эммаус Спутник Луки и Клеопы. Или же явившиеся Магдалине сидящими юноши явили ей, свойственным их виду образом, своё благоговение ко Господу, представившись ей внезапно вставшими при Его приближении? Так догадывался св. Иоанн Златоуст⁴²⁸. Одно несомненно: что-то внешнее дало мыслям Марии такое новое направление, что она, ответила ангелам, не от них ищет разъяснения, – куда могло быть взято из гроба тело Господа, – а обращается назад; она „обратилась назад, и увидела Иисуса стоящего, и не узнала“ Его (Ин.20:14).

„Не узнала, что это Иисус“; „думая, что это садовник“ (Ин.20:11,15). Не сказано в евангелии, что Он явился Магдалине садовником, как фантазируют живописцы, изображающие Его с заступом в руках; сказано, что и Магдалина только подумала так; это была её догадка и – догадка, очевидно, имеющая связь с её же предположением, что тело Господа переложено куда-то по распоряжению Иосифа. Снятые с тела пелены и сударь не разубедили, следовательно, Магдалину в её первоначальном предположении. Суббота, в продолжение которой тело не могло быть нанесено, только что ещё окончилась; было ещё темно, когда Мария увидала, что гроб уже был пуст; следовательно, – должна была заключить отсюда Мария Магдалина, – переложение тела совершилось очень недавно. И вот, видя кого-то в саду Иосифа, в такой ранний час вблизи гроба, Мария и обращается к стоящему перед нею, как к человеку, которому всё это должно быть хорошо известно: „господин! если ты вынес Его, скажи мне, где ты положил Его“ (Ин.20:15). Вопрос этот был бы вполне естествен и несколько, не удивителен, если бы Мария обращалась с ним к незнакомцу, или если бы и теперь, когда она спрашивает, было ещё так же темно, как и тогда, когда

она в первый раз была у гроба; но как могло случиться, что и теперь, „при восходе солнца“ или уже по восходе солнца (Мк.16:2), Мария приняла Господа за незнакомца и потому предположила в Нём садовника?

Проф. Тареев объясняет это тем, что Господь, по воскресении своём, будто бы „не имел определённого вида, и узнавали Его только из Его слов и действий“ (Лк.24:34, 44). Объяснение своё основывает он на том, что не узнала Господа Мария Магдалина, по узнавали долго эммаусские путники и что для уверения одиннадцати в том, „что это Он Сам“ (Лк.24:39), Он указывал на такие внешние признаки, как крестные Его раны. К этому можно было бы прибавить и ещё случаи, когда еа Тивериадском озере десять апостолов тоже „сначала не узнали, что это Иисус“ (Ин.21:4). Но не забудем, что случаи неузнавания Господа по воскресении – это факт, а что Господь по воскресении своём „не имел определённого вида“, это – гипотеза, предлагаемая профессором в объяснение факта. И – прежде всего, – что может значить выражение: „не имел определённого вида“? Не мог же Господь иметь вид какой-то „неопределённый“. Конечно, слова г. Тареева, что Христос по воскресении „не имел определённого вида“, так же надобно понимать, как и то, когда говорится о ком-либо, что он „не имел определённого“ места жительства; итак, по мнению г. Тареева, Христос воскресший принимал то один, то другой вид, прежде Ему не принадлежавший? По нужна ли такая гипотеза, что Христос по воскресении принимал различные облики подобно ангелам, являвшимся людям то в виде юношей, то шестокрылых существ, то многоочитых⁴²⁹ колёс? В евангелиях нет никакого основания к допущению подобной гипотезы; нигде не сказано, что не узнававшие сначала Господа тогда узнавали Его, когда Он воспринимал Свой образ. Да нет и надобности в допущении столь невероятной гипотезы; и без неё найдут себе объяснение случаи неузнавания воскресшего Господа Его учениками. Во-первых, явление Господа одиннадцати вовсе не идёт сюда: ученики сразу узнали, кто Явившийся, и язвы Свои Он показывал не для того, чтобы ученики узнали в Нём

распятого Учителя своего, а для уверения их, что не привидение, не дух бесплотный (Лк.24:37–40)

явился им в образе погребённого и воскресшего. Что ученики сначала не узнали Господа на море Тивериадском, – объясняется отдалённостью Его от их лодки (Ин.21:8), неполным ещё, быть может, рассветом начинавшегося дня (Ин.21:3,4), туманностью морского берега в этот ранний утренний час, – во всяком случае, какими-либо причинами естественными, препятствовавшими рассмотреть – и узнать по голосу Явившегося. По каким-нибудь признакам да узнал же Его Иоанн, сообщивший ап. Петру: „это Господь!“ и Симон сразу поверил, не выражая ни сомнения, ни недоумения, как было бы, если бы Иоанн признал Господа в „ином образе“, а не в том, который все знали (Ин.21:7), Единственный случай, когда сказано, что Господь явился „иным образом“, а не так, как Марии Магдалине (Мк.16:12,11), – это явление Его двум ученикам на пути в Эммаус; но об этом явлении прямо и сказано в евангелии, что непризнание Господа Его учениками в продолжение всего пути было делом особенного Божественного действия. И к тому была особенная надобность: Господь во воскресении не являлся *ни одному* из неверующих: нужно было и в эммаусских путниках возбудить сначала веру; а когда это было достигнуто разъяснением пророчеств, тогда и „открылись у них глаза“ (Лк.24:31), но не сказано: тогда Он принял Свой образ: напротив, – выражение: „глаза их были удержаны, так что они не узнали Его“ положительно даёт понять, что особенным Божественным действием в учениках имело место такое субъективное их состояние, что известное оставалось им неизвестным, а отнюдь не объективно Господь беседовала, с ними в образе какого-либо неизвестного им человека.

С устранением же гипотезы о принятии Господом, во воскресении, различных образов, – какой дать ответ на вопрос: почему Магдалина не узнала явившегося ей Господа? Нам думается, что объяснение этому всего естественнее искать в том же состоянии крайнего возбуждения, в каком находилась Мария, и во всецелом поглощении её сознания одной мыслью, одним чувством: „унесли Господа моего и не знаю, где

положили Его!“ Под давлением этой скорби, она не обратила внимания даже на явление ангелов; что удивительного после того, что она не смотрит и не обращает внимания на облик Того, Кого принимает за садовника! „Господин! если ты вынес Его, – скажи мне, где ты положил Его, и я возьму Его“, Она не способна теперь ничего соображать, она не думает: как это она, слабая женщина, возьмёт и понесёт мёртвое тело полновозрастного мужа, и куда понесёт она своего Учителя и Господа? Возможно ли, чтобы допустили её внести в Иерусалим из загородного сада Иосифова (Евр.13:12) утром пасхального для тело Распятого?! Если об ап. Пётр при повествовании о преображении Господнем сказано, что он сам не знал, что говорил от радости (Лк.9:33), то ещё справедливее будет сказать о Марии Магдалине, что она ничего не видела, не слышала, не соображала от скорби, что „унесли Господа“ её.

„Иисус говорить ей: Мария! Она же, обратившись, говорит Ему: Учитель мой!“ (Ин.20:16). – „Обратившись“, замечает евангелист, давая тем попят, каким мимолётным, каким мало-внимательным взором окинула она стоявшего позади неё мнимого садовника, когда говорила: „господин! если ты вынес Его“... и пр. Теперь только, при воззвании столь драгоценным её сердцу голосом: „Мария!“ обратилась она всей душой своей, – обратилась и лицом к Тому, Кто зовёт её, – и, как была коленопреклонённая перед низким отверстием пещеры, когда говорила с бывшими внутри пещеры ангелами, – так и припала к стопам Учителя и ухватилась за ноги Его. Эту частность явления Господня Магдалине сообщает евангелист Матфей; хотя он и говорит при этом, что Магдалина. была вместе с другой Марией, но мы уже видели, почему повествуемое о двух нужно отнести к одной Марии Магдалине, стоявшей при гробе. Итак, приветствие Господа, передаваемое евангелистом Матфеем в его обыкновенной форме, – „радуйтесь!“ – также, как у нас – „здравствуйте!“ – евангелиста Иоанна передастся словом: „Мария!“ А сказанное дальние во множественном числе: „и они, приступив, ухватились за ноги Его и поклонились Ему“ – следует читать в числе единственном, как относящееся к одной Марии Магдалине. Тогда понятным становится и сказанное далее у

евангелиста Иоанна: „не прикасайся ко мне!“ – Почему – „не прикасайся?“ Что в этом порыве любви и радости непозволительного? Ничего непозволительного не усматривает в нём первый из евангелистов, повествуя, как Магдалина, припав к стопам Учителя (τοὺς πόδας – ступни ног, а не σιέλος – нога), ухватилась за них (ἐκράτησεν). Господь дальнейшими словами объясняет для нас, что значило это: „не прикасайся“. „Не прикасайся ко Мне, ибо Я ещё не взошёл к Отцу Моему“. Итак, вот в чём нужно искать причину („ибо“) запрещения: не прикасайся, потому что Я ещё не оставил землю, – не вознёсся на небо; хотя, действительно, скоро уже вознесусь. Значит, Мария ухватилась за ноги Спасителя почти произвольным, полу рефлексивным движением, – под влиянием мелькнувшей мысли, что вот, вот сейчас Явившийся опять исчезнет из очей её, как тень, как призрак, как видение. Не прикасайся, – не старайся удержать Меня: Я – не видение, не призрак; Я ещё с вами, на земле. „Иди (лучше) к братьям Моим и скажи им: (действительно) Я восхожу на небо – к Отцу Моему и Отцу вашему и к Богу Моему и Богу вашему“.

Едва ли могла бы Мария Магдалина так скоро оторваться от блаженного лицезрения своего воскресшего Учителя и Господа, если бы Он всё ещё оставался перед очами её; по всей вероятности, и здесь так же, как после в Эммаусе, – совершив то, что было нужно, – возжегши в сердце Магдалины веру в воскресение, Господь „стал невидим“ ей. Тогда идёт она, – и уже не к Петру и Иоанну, а в собрание всех учеников (Ин.20:18, сн. 2), куда должны были поспешить и Пётр с Иоанном по возвещении Богоматери о том, что они сами видели в пещере гроба (Лк.24:24). Магдалина возвещает, что она видела „Самого“ Господа, и о том, что (καὶ ταῦτα) Он сказал ей, т. е. что отшествие Его к Отцу уже близко, но ещё не совершилось. Но ученики, „услышав“ от Магдалины, „что Он жив и что она видела Его, – не поверили“ (Мк.16:11); по всей вероятности, они почли повествуемое Магдалиной за мечтание, вызванное в ней её скорбью и сильнейшим стремлением любящей души видеть Учителя и Господа её. Если же справедливо предположение наше о внезапном исчезновении

из очей Магдалины внезапно явившегося ей Господа, то тем более повествование Магдалины способно было возбудить в учениках мысль, что повествуемое должно отнести к области видений, а не действительности. Но, ободрённые свидетельством Марии Магдалины, и прочие жёны решились теперь сказать, как и они видели ангелов, возвестивших им о воскресении Христовом и повелевших возвестить о том ученикам. Казалось бы, это повое свидетельство должно было изменить мысли апостолов о повествуемом Магдалиной. По всей вероятности, уже после благовестия о воскресении Христовом Марией Магдалиной и жёнами мироносицами пришли Пётр и Иоанн в дом, где пребывали, остальные восемь апостолов⁴³⁰; по крайней мере, в такой именно последовательности передавали эти события ученики, шедшие в Эммаус, в своём рассказе Господу⁴³¹ (Лк.24:22–24). Однако и свидетельство апостолов Петра и Иоанна, подтвердивших, что во гробе нет уже тела Христова, сообщивших, без сомнения, ученикам своё недоумение и удивление по поводу разоблачения тела от плащаницы и сударя, – такое свидетельство, казалось бы, должно было придать полную вероятность повествуемому Магдалиной и другими жёнами; однако же и оно, по свидетельству евангелия, не возбудило ещё в апостолах веры в воскресение. Радостью о воскресении „горели сердца“ только ещё у св. жён; ученики же и видение жёнами ангелов, и явление Самого Господа Марии Магдалине продолжали объяснять себе женской болезненной мечтательностью: „и показались“ ученикам, говорит св. Лука, „слова“ жён „пустыми“, (ὡσεὶ λῆρος), повествованием, хотя и не вымышленного чего-либо и прямо ложного, (ψεῦσις, ψεῦσμα), – тем не менее чего-то совершенно чуждого действительности, и они „не поверили им“ (Лк.24:11).

Состояние духа, в каком находились апостолы после благовестия Марии Магдалины и жён мироносиц и после посещения гроба, апостолами Петром и Иоанном, живо изображается в повествовании евангелиста Луки о явлении Господа двум ученикам, шедшим в Эммаус.

„В тот же день двое“ из учеников „шли в селение, отстоящее стадий на шестьдесят от Иерусалима, называемое Эммаус“ (Лк.24:13), – расстояние около десяти вёрст по нашей мере. Один из них был Клеопа или Алфей, – по всей вероятности, отец Иакова младшего или Алфеева и муж Марии, по детям своим именуемой также в евангелии Марией Иаковлевою и Марией Иосиевой. По особенной подробности и живости повествования об этом явлении Господа в евангелии от Луки, думают, что другой из путников есть сам писатель третьего евангелия. „Когда они“ дорогой „разговаривали между собой“ о событиях страданий, смерти и погребения их Учителя и о том, что гроб оказался пустым, что в нём найдены только погребальные плащаницы, „Сам Иисус, приблизившись, пошёл с ними; но глаза их были удержаны, чтобы они не узнали Его“ (Лк.24:14–16), По особливому действию Божию, до сознания их не доходили впечатления чувств от столь знакомых им очертаний лица и стана, знакомых звуков голоса и речи, как это бывает, когда человек, в глубокой задумчивости, не видит и не слышит, кто перед ним проходит, что ему говорят, или, – ещё ближе к настоящему случаю, – как не видим и не слышим мы в сновидениях ничего, кроме того, на что, по содержанию сновидения, обращено было наше внимание.

Не узнаваемый учениками, Господь говорит; „о чём это вы рассуждаете между собою и отчего вы так печальны?“ (Лк.24:17). Клеопа говорит Ему в ответ: да разве ты только один из приходивших в Иерусалим на праздник не знаешь ничего о том, что здесь произошло на днях? Господь Своим встречным вопросом: а что такое? – заставляет их самих высказаться, как они относятся к совершившемуся. И „они“ (Лк.24:19) – оба уже, дополняя один другого и, может быть, перебивая друг друга, как это бывает при пересказе того, чем встревожено сердце рассказчиков, стали говорить Ему: разве ты не слыхал, „что было с Иисусом из Назарета, который был пророк, засвидетельствованный „от Бога“ даром великих чудес, – пророк, учение Которого оказывало властительное действие на „весь народ: как первосвященники и весь синедрион предали Его“ язычникам „для осуждения на смерть“ и язычники „распяли

Его. А мы надеялись было“, прибавляют ученики, „что Он“ не такой пророк, как другие; мы думали было, что это тот предсказанный Моисеем, Исаией и Даниилом пророк, „который должен“ был прийти, чтобы „избавить Израиля!“ (Лк.24:19–21). По вот, „уже третий день ныне, как“ и Он убит так же, как и другие пророки! Так и не сбылись наши надежды на Него! И затем ученики продолжали: „но некоторые женщины из наших изумили нас“... Они говорят: „из наших“, отличая тем себя от „всего народа“, тоже веровавшего в пророка из Назарета и надеявшегося, что это есть Мессия; себя, вместе с этими женщинами, они признают ближайшими учениками Распятого. „Некоторые женщины из нашего“ общества учеников Его „изумили нас“; ныне рано они „были у гроба и не нашли там тела Его, а пришедши, сказывали, что им явились ангелы, которые говорят, что Он жив“ (Лк.24:22,23). О явлении Самого Господа Марии Магдалине ученики почему-то умалчивают; быть может, они боялись, что Путник не станет дальше и слушать их, когда узнает, как женщины передавали о видениях – одно другого невероятнее; но, продолжая дальше свой рассказ, ученики, по-видимому, проговариваются, что кто-то видел „Самого Господа“, а не одних только ангелов: „И пошли некоторые из нас ко гробу“, говорят они, „и нашли так, как и женщины говорили; но Самого Его не видели“ (Лк.24:24). Как видно, мысль о воскресении Спасителя начинает уже проникать в сердца учеников: слова жён не представляются уже им более безусловно „пустыми речами“ (λῆρος); а, если рассказ жён о явлении им ангелов не пустая мечта, то надобно поверить и Магдалине, говорившей о явлении ей „Самого Господа“. Но „сердце“ их ещё „медлило“ раскрыться для веры; они летали, что, если Он явился Магдалине, то явится и Петру, и Иоанну, или и всем одиннадцати. В этой „медлительности сердца“ и упрекает их Воскресший: какие вы несообразительные, говорит Он, какие вы медлительные сердцем, когда нужно верой принять то, что совсем ясно предсказано в Писании! Разве не так именно, – путём страданий и смерти, – надлежало Христу войти в состояние принадлежащей Ему славы Божественной? И, начавши с книг Моисеевых, из всех исторических пророческих

книг Писания⁴³² стал объяснять им сбывшиеся теперь преобразования и пророчества о Христе (Лк.24:25–27). И облако печали, застилавшее перед ними тьмой весь мир, делавшее мрачной саму их наружность (σκιθρωποί, Лк.24:17), постепенно всё рассеивалось; и робкая надежда, что, может быть, не мечта – то, что говорили жёны и Магдалина, эта надежда постепенно разгоралась у них в сердце в несомненную уверенность; и они, – „не видевшие“ ничего чудесного, слышавшие о воскресении не от ангелов, а только от жён, теперь они уже уверовали и радостным сердцем испытывали „блаженство невидящих, но верующих“. (Ин.20:29).

Когда ученики приблизились уже к Эммаусу, а их Спутник, по-видимому, намерен был идти далее, им очень жаль были расстаться с Учителем, при объяснениях Которого у них так же горело сердце, как, бывало, когда объяснял им Писание Господь Иисус. И они просят: останься с нами: день уже склоняется к вечеру. И Он остался, и вошёл с ними в дом. У иудеев, когда кончался день, предлагалась обыкновенно вечеря, – трапеза, соответствующая нашему обеду. Когда Путник возлёт с учениками за вечерю, Ему, как Учителю, предоставлено было место первенствующего, который, по обычаю, низводил Божие благословение на трапезу, вознося благодарственную молитву ко Господу – подателю пищи, потом разламывал и раздавал хлеб сотрапезникам и предлагал из чаши вино, растворённое водой. Так было и в Эммаусе. В радости сердца готовились ученики приступить к трапезе после того трёхдневного поста, когда хлеба вожденного не вкушали они (Дан.10:3) от скорби, что отнят от них Жених Израиля (Мф.9:16), когда хлеб был для них вкусом как зола, и вино, вместо воды, растворяли они слезами (Пс.101:10); сделанный путь должен был вызывать в них теперь ощущение настоящей потребности подкрепиться пищей. И вот Господь Иисус, взяв хлеб, вознёс молитву хвалы и благодарения Богу – Отцу небесному и, разломив хлеб на части, подал ученикам⁴³³. Тогда отверзлись очи их; прекратилось то божественное действие, которое удерживало их сознание от восприятия впечатлений, воспринятых зрением и слухом: тогда и зрением, и слухом сознали они, что их Спутник, изъяснитель

Пророчеств, а теперь домовладыка за их трапезой, есть их Господь и Учитель Иисус из Назарета, Христос. Что уверило их в том? Прободенные ли гвоздями длани, преломлявшие и подававшие им хлеб. молитва ли благодарения, предшествовавшая преломлению хлеба и напомнившая им такие же благодарения и хвалы, многократно слышанные ими от Господа перед трапезой прежде? Но давно уже они слушали, что их Спутник говорит, как никто никогда не говорил другой, кроме их Учителя (Ин.7:46), и однако не узнали, кто был этот Учитель. Так и теперь, если бы не открывшийся для их сознания знакомый облик Господа, – как могли бы они признать Его в своём Домовладыке? Но – признанный – Он тотчас же стал невидим для них.

Несомненно, что Господь по вкусил с Клеопой и Лукой преломлённого для них хлеба, так как хлеб вкушали они с вином, а Господь засвидетельствовал, что по вкушении хлеба и вина на Тайной Вечери Он не будет более вкушать от плода виноградной лозы, произросшего от земли (Мф.26:29), что отселе Он будет разделять с учениками Своими только уже „новое вино“ небесной радости от исполнения Духом Святым (Еф.5:18; Рим.14:17). Ученики же, без сомнения, вкусили от хлеба, поданного им Господом с благословением но, чтобы они воспользовались приготовленной трапезой так, как намеревались, когда возлегли за неё с своим Гостем, – это более, чем сомнительно: как перед тем три дня неприемлема была для них нища от скорби, так теперь потребность тела в подкреплении пищей заглушалась в них радостью, и они, убеждавшие Спутника своего, что уже поздно идти и до ближайшей веси, „тотчас же“ (Лк.24:33) пускаются обратик») в десятивёрстный путь до Иерусалима, – путь, только что ими совершённый. Одному только удивляются они теперь: как могли они не узнать своего Учителя и Господа в этом учителе, изъяснявшем им Писание на пути! (Лк.24:32), а этого, заметим, – не могло бы быть, – они не могли бы удивляться, что Его не узнали, если бы Он сокрыл Себя, принявши на Себя иной облик, – если бы Он воспринял Свой, знакомый им вид только при преломлении хлеба.

Возвратившись к одиннадцати, Лука и Клеопа нашли их и других, „бывших с ними“ (Лк.24:33), уже подготовленными к радости о Христовом воскресении. Явление воскресшего Господа ап. Петру, ни одним из евангелистов не описанное, уверило и не видевших, что виденное Магдалиной и другими жёнами – не мечта. Чем и как приведён к вере в воскресение ап. Пётр прежде, чем Сам Воскресший явился ему, нам остаётся неизвестным. Неизвестно и то, кому прежде явился Господь: апостолу ли Истру, или Луке и Клеоне: но когда они дошли из Эммауса в Иерусалим, то ученики, оказывается, уже знали от ап. Петра о явлении ему Господа.

Когда Клеона и Лука рассказывали ученикам о том, что было на пути и как Господь открылся очам их при преломлении хлеба, Сам Господь Иисус стал среди учеников и сказал им: мир вам! Они смутились и испугались, подумав, что видят дух Господа (Лк.24:35–37), потому что двери горницы, где они находились, были закрыты из опасения Иудеев (Ин.20:19). Господь говорит им: что смущаетесь, и для чего такие мысли входят в сердца ваши! посмотрите на руки Мои и на ноги Мои, это Я сам, т. е. не дух Мой, а Я – в том самом теле, которое было распято и погребено: „осяжите Меня и рассмотрите; дух не имеет (доступных осязанию) плоти и костей, какие видите у Меня. И, сказав это, показал им руки и ноги (Лк.24:38–40; Ин.20:20) и рёбра Свои“. Тогда, убедившись, что воскресение Господа, о котором они доселе только слышали, есть, действительно, оживание душой самого тела Его, „возрадовались ученики“. Но так как „от радости“ им всё „ещё не верилось“ и они „дивились“, то Господь сказал им: есть ли у вас здесь какая пища? Они подали Ему часть печёной рыбы и сотового мёда, и Он вкусил перед ними этой пищи (Лк.24:41–43).

Подумал ли г. Тареев, что выходит из его утверждения, что явления Господа по воскресении были только видениями? (35, 15). Это значит, что воскресшее тело, как не имеющее в себе „ничего материального“, недоступно было, следовательно, в осязанию; что оно и видимо было не по существу своему, – как по самому существу видимо всё материальное, – но что

видимость воскресшего тела была, будто бы, такова же, как видимость ангела, явившегося Захарии, когда он „видение виде“ во храме (Лк.1:12,23); что реальность восставшего из гроба Тела Христова была такова же, как реальность плащаницы, ниспускавшейся с неба с четвероногими, перед очами ап. Петра в Иоппии, когда он „видение виде“ (Деян.10:17); что мёд и рыба, входившие, казалось, в уста Господа, только призрачно были Им вкушаемы. Всем этим Господь хотел уверить учеников, что Он не призрак, не дух бесплотный, невидимый, осязаемый, неспособный принять в себя что-либо материальное; то самое, в чём Господь убеждал учеников, г. Тареев отвергает: что представлял. Господь ученикам в доказательство, что Он не дух, г. Тареев считает доказательствами, не имеющими действительной силы, обманными!.. Возражая на слова Христовы; „осяжите Мя и видите, яко дух плоти и кости не имать, якоже Мене видите имуща“, г. Тареев говорит „плоть и кости“ значит „тело“. (42 прим. 2-е) а „тело“ не значит „вещество“: тело значить только „реальность“ (24 примеч. 1–15); и так как тело воскресшее, есть тело духовное, то оно – реальность, чуждая всякой материальности, это есть вещество неведущее. „Почто помышления таковая“ влагаете вы. г. Тареев, „в сердца“ православных! не лишайте их веры в действительность Христова воскресения!

Не видно, чтобы кто-нибудь из апостолов и „бывших с ними“ решился употребить предложенный Господом способ убедиться в Его телесности, – чтобы кто-нибудь простёр руку и осязал „плоть“ и под ней „кости“⁴³⁴. Вкушение перед ними Господом пищи не оставило в видевших никакого сомнения, что явившийся им был Сам Учитель их, а не призрак, не видение (см. Деян.12:15). Удалив все „смущения“ духа их и всякие сомнительные мысли (Лк.24:37,38) из сердец учеников, Господь „сказал им вторично: мир вам! как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас (Ин.20:21). Вот то, о чём Я говорил, ещё бывши с вами, что надлежит исполниться всему написанному о Мне в Законе Моисеевом, и Пророках, и Псалмах. Тогда отверз им ум к разумению Писаний“ (Лк.24:44,45). „Сказав“ им о предречённом в Писании посланничестве их, „дунул и говорит

им: примите Духа Святого: кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся“ (Ин.20:22,23). Дальнейшие слова Господа в евангелии от Луки (Лк.24:46–49), как и соответствующие им у евангелистов Марка (Мк.15:16–19) и Матфея (Мф.28:18–20), по всей видимости, должно отнести не к этому первому явлению Господа одиннадцати, а к одному из последующих (Мф.28:16) или к самому последнему, закончившемуся вознесением (Мк.16:19; Лк.24:50), к описанию которого евангелисты-синоптики переходят неприметно.

Все видевшие Господа по воскресении не имели теперь никакого сомнения, что Учитель их снова с ними, как и прежде, что пребывание Его во гробе и было то кратковременное разлучение, о котором Господь предсказывал на Тайной Вечери: „вскоре вы не увидите Меня, и опять вскоре увидите Меня, ибо Я иду к Отцу“ (Ин.16:16). Они поняли теперь, что путь к Отцу вознесением на небо должен был кончиться, а начался страданиями, смертью и трёхдневным пребыванием во гробе. Теперь ученики испытывали на себе исполнение и дальнейшего в предречении на Тайной Вечери: „Я увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше и радости вашей никто уже не отнимет у вас“ (Ин.16:22). Но не все ещё из учеников Христовых вошли тогда в радость Христова воскресения: Фома, называемый близнец не был с другими учениками, когда Господь явился им в сам день воскресения Своего; когда же после ученики говорили ему: теперь все мы сами „видели Господа“, – ап. Фома отвечал: „если я сам не увижу на руках Его ран от гвоздей, – (мало того,) если я не вложу перста моего в эти раны, – если не вложу руки моей в рёбра Его, – не поверю!“ (Ин.20:24. 25). Очевидно, это столь решительное намерение апостола самому осязать крестные раны Господа имеет прямое отношение к словам Господа, Который, показывая ученикам руки, ноги и рёбра, говорил: осяжите Меня и убедитесь, что это плоть и кости, а не дух бесплотный. Нет сомнения, ап. Фома не тому не верил, что другие апостолы видели Господа и крестные раны Его; но он не верил тому, что виденное ими было действительно „плоть и кости“. Ему казалось большим опущением, что апостолы не воспользовались позволением –

осязать раны Господа: он и говорит: нет, я так не сделаю: я не оставлю раны Его без осязания. И неудивительно, что апостолу так думалось: для него, доколе он сам не увидел Господа и не услышал от Сердцеведца: ну, давай сюда перст твой! – воскресение Христово было ещё предметом желанной веры и размышления, размышление же ставило неразрешимые вопросы вере: так, они (ученики) видели воскресшего Господа во плоти, слышали столь знакомый им голос своего Доброго Пастыря (Ин.10:3,4) видели, как Он вкушал „пред ними“ пищу; но что это за тело, – чуждое“, по-видимому, „всякой материальности“? Оно – видимо и мгновенно может делаться невидимым; оно имеет твёрдость нашей плоти и костей, так как под давлением Божественных перстов раздробляются пасхальные опресноки, – и, в то же время, таково, что каменные стены, прочные двери и запоры у дверей остаются – как были, Он „становится посреди“ заключённых. Поистине, всё это делает Воскресшего больше похожим на дух, чем на человека, плоть носящего; при видениях, если в нас возникает мысль, не подвергаемся ли мы галлюцинации зрения, мы обыкновенно осязанием пробуем удостовериться, что видимое нами не призрак. И ап. Фима говорит: доколе я осязанием не уверюсь в действительности крестных ран, доколе я не могу поверить, что Господь мой восстал из гроба в том самом Теле, в котором Он жил и страдал!

И прошло ещё семь дней, – для апостола Фомы всё ещё не наставало время радования о Христовом воскресении. А когда восьмой день приблизился уже к вечеру, ученики Христовы опять собрались в доме, где явился им Господь в день Своего воскресения... Не в доме ли это было того боголюбца, в горнице которого они вкушали с Господом последнюю вечерю перед Его страданиями? (Лк.22:10–12). В этот раз и Фома был с ними. Двери, по-прежнему, были заперты; как видно, опасения преследований от убийц Господа ещё не миновали. И опять пришёл Иисус, внезапно „стал посреди их и сказал: мир вам!“ А мир этот был нужен! Теперь уже не потому, что чудесное явление Воскресшего при запертых дверях горницы опять „смущало помышления“ апостолов, но – потому, что

продолжающееся неверие одного из них всем „видевшим Господа“ не могло не быть огорчительно до некоторой степени для прочих учеников. Господь и устраняет прежде всего это препятствие к миру. Он говорит Фоме: „подай перст твой сюда и посмотри руки Мои, подай руку твою и вложи в рёбра Мои, и не оставайся в неверии, но уверуй“. Господь готов предоставить Себя и этому новому испытанию, – осязанием, только бы не оставался и этот ученик Его в мучительном состоянии неверия и сомнения, отчуждавшем его от собрания верующих и радующихся о Господе. Но как для других учеников прежде, так и для ап. Фомы теперь достаточно было видеть и слышать Воскресшего, чтобы мгновенно рассеялась мгла сомнения: и ап. Фома как только увидал Господа, как только услышал обращённое к нему слово Учителя, – воскликнул: „Господь мой и Бог мой!“ Хотя в песнопениях церковных и говорится об осязании любопытною десницей Фомы жизноподательных рёбер Господа и об ощущении сугубого Богочеловеческого действия от этого прикосновения, но евангелие не даёт никакого основания для этих благочестивых гаданий. Не только умолчание евангелиста об осязании апостолом крестных ран Господа, но и прямые слова Господа ученику, исповедавшему Божество Его, удостоверяют, что и ап. Фома уверовал действительности воскресения, убедившись в том не осязанием, а также, как и другие – видением: „Ты поверил, потому что видел, блаженны“ же те, кому не нужно было и видеть, чтобы уверовать. Что и кому ещё говорил Господь при этом явлении, – нам не открыто.

Но прежде, чем перейти к евангельскому сказанию о явлении Господа по воскресении своём апостолам на озере Тивериадском, – явлении, которое евангелист называет третьим (Ин.21:14), не считая, очевидно, явлений Его отдельно, Магдалине, Петру, эммаусским путникам, – здесь уместно обратить внимание на замечания евангелистов о том, каким неверием встречаема была, будто бы, со стороны учеников весть о Христовом воскресении и о явлениях Воскресшего. Евангелист Марк говорит, что ученики не поверили Марии Магдалине, когда слышали от неё, что Господь жив и что сама видела Его, – что не поверили они и ученикам, возвратившимся

из Эммауса (Мк.16:11,13). Но из повествования евангелиста Луки о том, как встречена была учениками весть эммаусских путников, открывается, что сказанное св. Марком во множественном числе»: „но и им не поверили“ – следует отнести исключительно к ап. Фоме; десять же апостолов из числа одиннадцати и другие бывшие с ними ученики и ученицы (Лк.24:33,34) встретили, как известию, вестников о воскресении из Эммауса радостным: „воистину воскрес!“ К неверию же ап. Фомы следует, без сомнения, отнести и неопределённое выражение ев. Матфея: „а иные усомнились“. Хотя по ходу речи и можно было бы понимать, что евангелист говорит здесь о явлении воскресшего Господа верующим в Галилее, но в Галилее Он явился собранным вместе более, нежели пятистам братьев (1Кор.15:6), а евангелист Матфей усомнившихся указывает из числа одиннадцати, из которых, как мы знаем, никто не усомнился, кроме ап. Фомы; таким образом и у евангелиста Матфея множественное „иные“ стоит вместо единственного и объясняется краткостью изложения в последних пяти стихах его евангелия (Мф.28:16–20) всего, что у евангелистов Луки и Иоанна занимает целые главы (Лк.24:1–53; Ин. XX и XXI, – 56 стихов); оттого у ев. Матфея и представляются повествованием как бы об одном явлении, бывшем в Галилее, частности, относящиеся ко многим явлениям, начиная с первого явления одиннадцати и до явления вознесения включительно, когда ученики наклонились Вознёсшемуся (Мф.28:17; Лк.24:52). Наконец, сказанное у ев. Луки, что Господь явился одиннадцати, когда они возлежали на вечери, может относиться не иначе, как к явлению Его в восьмой день, потому что о явлении в самый день воскресения только что было сказано евангелистом в предшествующем стихе и явление „возлежавшим на вечери“, когда Господь „упрекал“ учеников „за неверие и жестокосердие, что видевшим Его воскресшего не поверили“ (ст. 14), евангелист, несомненно, отличает от предшествовавшего (ст. 13) явления: „Наконец“, говорит он, явился. А, следовательно, и упрёк в неверии и жестокосердии, о котором говорит ев. Лука, есть тот благодный упрёк Господа ап. Фоме, заключающийся в словах: „не будь

неверующим, но верующим; ты поверил (когда) увидел; блаженны и не видевшие, а уверовавшие“ (Ин.20:27,29). Таким образом, сказанное в первых двух евангелиях о неверии учеников Христову воскресению объяснение себе находит в последних двух евангелиях и относится к тому, что апостолы не признали за действительность рассказы Магдалины о явлении ей Господа и прочих жён о явлении им ангелов и что ап. Фома не верил действительности воскресения Господа во плоти; явления жёнам – апостолы дочитали видениями и призраками, явление Господа самим апостолам ап. Фома почитал явлением не Самого Воскресшего, а духа Его.

От неверия ап. Фомы действительности Христова воскресения во плоти, обращаясь к такому же неверию г. Тареева, хочется спросить нашего богослова: как смотрит он на слова Господа, которыми Сам Воскресший убеждал ученика Своего в своей телесности и по восстании из гроба. Дерзнул ли ученик осязать язвы простёртых к нему дланей Божественного Учителя и открытую перед ним рану в рёбрах Спасителя, или, в благоговейном ужасе, отступил перед испытанием, ему предложенным; во всяком случае испытание это, по уверению Самого Господа, было возможно: апостол ощутил бы перстом рану, видимую очами. Что же такое было – или было бы – это ощущение, испытанное апостолом, или только обещанное Господом апостолу? Ощущение осязания от „тела, чуждого всякой материальности?“ Ощущение ли действительности или такая же галлюцинация осязания, какие бывают галлюцинации зрения и слуха? *Обман чувств?*.. В таком случае апостол был бы обманувшийся: а кто обманувший? Кто предложивший этот обман – для того, чтобы и ап. Фому уверить, также как прочих апостолов, в том, что Он, Воскресший, не есть дух неосязаемый? Да сохранит нас Господь от такого понимания писаний!.. „Ты поверил, потому что увидел“... Если ап. Фома уверился в действительности Христова воскресения и не потому, что осязал, Воскресшего, а только „потому, что увидел“, – и видение Воскресшего так же как осязание, не могло быть галлюцинацией, не имевшей существенного отношения к „духовному телу“ Христову; оно, это самое тело, по существу

своему было видимо и осязаемо, а не казалось только видимым и осязаемым.

После двух явлений воскресшего Господа сначала десяти, потом одиннадцати апостолам в Иерусалиме, апостолы отправились в Галилею, влекомые, без сомнения, надеждой на исполнение обетования Господня: „там они увидят Меня“ (Мф.28:10). В ожидании новых повелений Господа свидетельствовать о Нём перед царями, во всех народах (Мк.13:9–11), апостолы, по-видимому, возвратились к той жизни, какую вели до призвания к апостольству. На Геннисаретском озере за ловлей рыбы мы видим Петра с Иаковом и Иоанном, жителей Вифсаиды, Нафанаила, который, по всей вероятности, есть одно лицо с Варфоломеем. т. е. сыном Фоломеевым, Фому, который теперь держится остальных десяти, быть может, из опасения, как бы и опять не лишиться явления Господня. Неизвестно, кто были ещё те двое из числа одиннадцати, не поименованные евангелистом. Не было здесь, по-видимому, Андрея, о котором не упоминает евангелист, говоря о брате его Петре, тогда как, при перечислении двенадцати, имена Андрея и Петра обыкновенно соединяются; не было, вероятно, между ловцами рыбы и Матфея, не рыболовством занимавшегося до призвания его к апостольству.

По приглашению Петра, семь апостолов отправились на ночную ловлю, но, протрудившись всю ночь, ничего не поймали. Когда уже настало утро, Господь явился им, стоя на берегу, но они не узнали Его. Господь говорит им и, судя по отдалённости лодки от берега (Ин.21:8), говорит с тем усилением голоса, какое необходимо, чтобы издали быть услышану: дети, есть ли у вас что съестное? В евангелиях ни разу не встречается, чтобы Господь обращался к ученикам с таким, почти ласкательным воззванием: παιῖδες; обыкновенно оно прилагается к малым детям, – ко взрослым же только уже как выражение особенной нежности, – например, любви отца к детям, деда ко внукам. Не узнали Господа апостолы и при этом необычном воззвании, сделанном не совсем обычным от напряжения голосом. По всей вероятности, в этом вопросе они не поняли сначала и того, что Неизвестный не от них желает и надеется получить пищи, а

печётся о них, отощавших и утомлённых трудом целой ночи. На краткий ответ апостолов: „нет!“ – Господь, как и прежде это было уже однажды, даёт ответ, открывающий в Говорящем Божественное ведение и в слове Его Божественное благословение труда: как некогда здесь же, близ Вифсаиды, при призвании к апостольству Андрея и Петра, так и теперь Господь указывает, где ожидает тружеников приуготовленная им от Господа награда их труда: на этот раз не нужно было и отплывать дальше от места лова, как тогда; „закиньте сеть по правую сторону лодки, и поймаете“, – сказал Сотворивший моря и всё движущееся в них (Пс.68:35). Ап. Пётр теперь ещё больше мог бы возразить неизвестному Советодателю, представив всю безнадёжность предлагаемого им нового опыта: „мы трудились всю ночь и ничего не поймали тут“ (Лк.5:5); но здесь уже и труда не нужно было; предлагалось только брать обещанное: „поймаете“ (ст. 6). И, когда закинули сеть, она оказалась наполнившаяся таким множеством рыб, что тянувшие её должны были пригласить на помощь других, бывших в лодке, чтобы давление тяжести на сеть сделать равномернее и чтобы сеть вследствие того не прорвалась. Иоанн, как видно, тотчас же припомнил прежний случай такого же чудесного улова, когда, сеть прорывалась от обилия добычи. „А ведь это Господь!“ – сообщил он свою догадку и другим. Заметим здесь опять всю неудобоприложимость предположения г. Тареева, что апостолы потому не узнавали Господа в явлениях Его по воскресении, что, по воскресении, Он не имел уже Своего прежнего, известного всем облика. Иоанн высказывает, как предположение, что „это Господь“, – и ни Пётр, которому прежде всего сообщил Иоанн свою догадку, ни другие, бывшие в лодке, не сомневаются, не возражают, как это было бы, если бы на берегу моря они видели кого-то, имеющего облик непохожий на их Учителя. Здесь, напротив, апостолы тотчас принимают догадку Иоанна, который прежде них разглядел вдали и узнал Господа. Так, обыкновенно, труженики моря или жители степей, зрение которых изощряется навыком, верят тому из среды своей, кто обладает наибольшей дальнзоркостью. Должно быть, и здесь неузнание Господа апостолами и признание Его

Иоанном имело какую-либо естественную причину в обстоятельствах места и времени, как мы уже говорили, но отнюдь не чудесное сокрытие Себя Господом через принятие чуждого образа. Ап. Пётр, как только услышал от Иоанна, что это Господь (не сказано, что сам увидал), – спешит прикрыть наготу свою опоясанием и бросается в море, не имея терпения ждать, пока другие осторожно, чтобы не прорывалась сеть, подведут лодку к берегу; настолько он уверен был в истинности того, что Иоанн высказал, по-видимому, только как предположение. Когда ап. Пётр вплавь достиг берега, а вслед за ним подплыли в лодке и другие апостолы, они нашли приготовленную уже для них Господом трапезу: хлеб и рыбу, – не из тех рыб, которые были только что пойманы; костёр, разведённый для печения рыбы, уже обуглился

(Ин.21:9). Откуда получилось всё это так внезапно, – в промежуток времени от вопрошения: „есть ли у вас какая пища?“ – до приглашения: „придите, позавтракайте!“ (ἄρϊστήσατε, Ин.21:12), – следовательно, пока только апостолы извлекали из моря сеть с рыбой и подводили к берегу лодку, бывшую саженьях в 15 от берега? Апостолы не смели вопрошать Господа, довольствуясь тем, что было для всех видимо; а всем было видимо и для всех несомненно, что ото Господь (Ин.21:12); Он продолжал обращаться с учениками, как будто и не оставлял их (Ин.21:13,14). Но теперь для Сына Человеческого окончились уже дни рабского служения, труда, напряжения сил, утомления; не нужно было ему теперь, как прежде, – лишь за несколько дней перед тем, – усталому и алчущему, идти искать пищи (Мк.11:13). приобретать потребное покупкой (Ин.13:29) или просьбой (VI 9), раздувать пламя Своим дыханием и т. п. – вообще быть „служащим посреди“ учеников Своих (Лк.22:27). как некогда силой Его благословения пять ячменных хлебцев и две рыбки (οψάρϊον) умножились для питания с избытком 5000 семейств, так и теперь, быть может, прибрежные, камни стали хлебами (Мф.4:3) и море само извергло на сушу потребную рыбу, как некогда Петру принесло рыбу, держащую во рту нужный статир (Мф.17:27). И огонь возгорелся так же, как тот огонь, которым горел терновый куст в

Хориве (Исх.3:2,3). Теперь это был не страждущий и изнемогающий Син Человеческий, как на горе Искушения, при источнике Иаковлеве, при бесплодной смоковнице, – Син Человеческий, Который в то время не только двоим Божественным всемогуществом, по и Своим Божественным всеведением не хотел воспользоваться для избавления Себя от воспринятого Им на Себя человеческого неможения. С „совершишася“ окончились на кресте времена вольного Его унижения; теперь – это уже в открытии Владыка всего мира, духовного и вещественного. Нужна ли Ему теперь не только пища, однажды, ради крайнего снисхождения к немощным верой ученикам, принятая Им по воскресении. Как вкушение пищи нужно было не для Него, а для видящих (хотя мы никак не можем согласиться с предположением, будто вкушение пчелиного мёда и рыбы было только обманом чувств, когда в Евангелии сказано; „и взяв, ел перед ними“). – так и одежда нужна была теперь не Воскресшему, для ограждения Его от влияний внешнего мира, а для видящих Его, чтобы Он не являлся им обнажённым. Где были прежние одежды? Разодраны на четыре части и разделены между распинателями; ценный хитон был в руках того счастливца, которому он достался по жребию. Но поля святой земли, произращавшие лён и питавшие стада овец, не могли уже теперь ничего принести Господу своему, удержавшему и по воскресении возрощенное ими тело Своё, но не имевшему уже теперь потребности для этого тела ни в чём вещественном. Тело Его, как духовное, являлось не удерживаемое стенами, не имея надобности в отвалении для него гробного камня, в отверстии заключённых дверей. По Божественному домостроительству нашего спасения, нужно было, дабы Первосвященник небесной скинии, Который, „если бы оставался на земле, то и не был бы таким священником“ (Евр.8:4), нужно было, чтобы этот Первосвященник „воссел одесную престола величества на небесах“ (Евр.8:1), „будучи всегда жив, чтобы ходатайствовать за приходящих через Него к Богу“ (Евр.7:25). Вот зачем нужно было во Христе прославленное Его человечество, – не с душой только, но и с телесностью; тело Христово и восстало „в силе и

славе нетления и духовности“ ([1Кор.15:42–44](#)). Но разве нужна была какая-либо духовная одежда, которая, подобно духовному телу, могла бы проходить сквозь заключённые двери и внезапно, как в Эммаусе, становиться невидимой? Одежда, как нужная только для видящих, и могла быть одним лишь субъективным их видением. И нет ничего невозможного, если Господь являлся видящим Его облечённым в такой же нешвенный хитон⁴³⁵, в такие же ризы, какие раздраны были распинателями. Как закончилось это явление воскресшего Господа, – в евангелии не сказано. Господь удалился от учеников, повелев следовать за Собой ап. Петру, – допустив следование за Собой и ап. Иоанна, по-видимому. Что имел изречь ещё апостолу Петру Учитель, взявший его особо от других учеников, – в евангелии не открыто нам, – так же, как не открыто и то, удалился ли Господь и от Петра, изрёкши ему то, для чего велел ему идти за Собой, или так же, как в Эммаусе, внезапно стал невидим, когда окончил слова Свои, также ничего неизвестно нам и относительно явления Господня ап. Иакову. Явление Господа ученикам на море Тивериадском евангелист называет третьим, – не считая, очевидно, как уже сказано, явлении Его отдельным лицам Магдалине, апр. Петру и эммаусским путникам в самый день воскресения. Затем в Галилее же последовало то явление в указанной Господом горе ([Мф.28:16](#)), когда поклонились Ему более 500 братии ([1Кор.15:6](#)). и уже после того – „потом“ ([1Кор.15:7](#)) явился Господь Иакову. Итак, это явление было, по-видимому, предпоследним, – предшествовало тому явлению Господа „всем апостолам“, которое закончилось вознесением Господа на небо. Явление Господа ап. Иакову, как заканчивавшее тайноводственные беседы Господа об устройении на земле царствия Божия ([Деян.1:3](#): сн. X, 40–42), по всей вероятности, не без влияния осталось на то значение в Церкви Христовой, какое, получил впоследствии ап. Иаков, не принадлежавший и к числу двенадцати, но вознесённый всеобщим уважением на высоту, равную с Петром и Иоанном ([Гал.2:6,9,1:18,19](#); [Деян.15:7–29](#)). Это и выразилось позднее в веровании церкви,

что ап. Иаков Самим Господом рукоположен был во епископа церкви Иерусалимской.

По порядку евангельских повествований о явлениях воскресшего Господа, остаётся сказать теперь о том явлении Его, которое закончилось вознесением на небо. Евангелист Иоанн ничего не говорит об этом явлении. Евангелист Лука говорит, что при этом явлении Господь вывел учеников из Иерусалима на гору Масличную или Елеонскую, что близ Иерусалима (Лк.24:50; Деян.1:12; сн. Лк. 19:29,30,37), и когда был против Вифании, благословив их и с словами благословения (Числ.6:23–27) распростёрши над ними руки, стал отдаляться от них и возноситься на небо. Это столь краткое повествование о вознесении Господа, видимое дело, имеет внутреннюю связь с подробным повествованием о том же в книге Деяний апостольских, а в книге Деяний история апостольской проповеди связывается с повелением Господа ученикам Его проповедовать, которым заканчиваются первые три евангелия. Итак, это повеление (Мф.28:18–20; Мк.16:15,18; Лк.24:47–49), несомненно, дано было при последнем явлении Господа; но ни в одном из евангелий повествование об этом явлении не разграничивается от повествования о явлениях предшествующих. Только из сопоставления этих повествований между собой и с повествованием о вознесении в книге Деяний апостольских усматривается, что предварительное дарование апостолам Духа Святого дуновением уст Христовых, сопровождавшееся отверстием ума их к разумению Писаний (Ин.20:22; Лк.24:45) и совершившееся в первый же день по воскресении (сн. Ин.20:24), имело место за 40 дней до вознесения Господня (Деян.1:2,3). Но какие именно наставления и повеления Господни, передаваемые евангелистами-синоптиками, относятся к этому последнему явлению Господню и какие – к предшествующим, нельзя определить с полной уверенностью. Исходя из того, что повеления, изложенные в книге Деяний апостольских, несомненно, относятся ко дню вознесения (Деян.1:4,5,8), к этому последнему явлению можно относить и в евангелиях слова: „Дана мне всякая власть на небе и на земле; и так,

идите, научите все народы, крестя их во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, уча их соблюдать всё, что Я заповедал вам; а Я пребуду с вами всё время до самого конца этого века“ (Мф.28:18–20). Или, как тоже самое, но в более подробных выражениях передаёт евангелист Марк, который не только от учителя своего, ап. Петра, мог слышать рассказ об этом явлении Господа, но мог и сам быть свидетелем-очевидцем последних наставлений Господа и Его вознесения, так как он был житель Иерусалима (Деян.1:12–14,12:12; Мк.16:51,52): „Идите по всему миру, проповедуйте (принесённую Мной на землю) радостную весть (о спасении) всем созданиям; кто поверит и крестится, (тот) спасётся, а кто не поверит, осудится. (Проповедь) уверовавших будет сопровождаться такими (чудесными) признаками (истинности Моего учения): именем Моим (они) будут изгонять бесов: будут говорить на языках, которых прежде не знали; змей будут брать (безвредно для себя); если что и смертоносное выпьют, – (отрава) не повредит им; будут возлагать руки на больных, – и они станут здоровыми“ (Мк.16:15–18). Евангелист Лука, сказавши, как Господь при первом же явлении по восстании своём из мёртвых уверил апостолов в Своей телесности и по воскресении. посредством вкушения перед ними пищи, передаёт, что и здесь так же, как слушателям Своим на пути в Эммаус, Господь предложил новое ещё удостоверение Своего воскресения, раскрыв перед ними весь план Божественного домостроительства, в котором Христовы страдания, смерть и воскресение являются частями этого плана. внутренне связанными, равно необходимыми „на ради человек и нашего ради спасения“: „И взяв (мёд и рыбу, Ему предложенные), ел перед ними и сказал: вот то, о чём Я говорил, ещё когда был с вами, что *надлежит* исполниться всему написанному о Мне в законе Моисеевом (в Пятикнижии), и в пророках (в книгах исторических и пророческих), и в псалмах (в Псалтири собственно и в других книгах Писания, изложенных мерной речью, зависящей от параллелизма мыслей). Присутствовавшим при этом (ст. 36) Клеопе и Луке предоставил Господь передать прочим ученикам только-что выслушанное ими на пути в Эммаус объяснение пророчеств и прообразований

того, как *надлежало* пострадать Христу и войти в славу Свою (ст. 26). „Тогда и отверз им“ Господь „ум к уразумению Писаний“ (ст. 45). Это „уразумение Писаний“ было одним из тех „дарований Духа“ (1Кор.12:7–10), которые получили апостолы, как и „силы“ чудотворения и „дарования исцелений“ (ст. 9. 28), ещё прежде облечения свыше всею сплюю Духа в день Пятидесятницы (Лк.24:49; Деян.1:4,8). Итак, у ев. Луки стихом 45 оканчивается, по-видимому, описание ещё первого явления Господня в день воскресения и, хотя последующие стихи 46–49 стоят в самой тесной связи с стихом 44⁴³⁶, тем не менее слова эти, казалось бы, нужно признать переходом (по ассоциации представлений у евангелиста) к тому, что было сказано Господом уже при последнем Его явлении: „как написано и надлежало... (ст. 44. 46) и (как надлежит ещё) проповедану быть во имя Его покаянию и прощению грехов во всех народах, начиная с Иерусалима; вы же свидетели сему; и вот я пошлю обетование Отца Моего на вас, вы же оставайтесь в городе Иерусалиме. И вывел их вон до Вифании“... и пр. Очевидно, что это есть изложение в сокращённом виде того же самого, что тот же евангелист повествует о вознесении Господнем в книге Деяний апостольских: „Он повелел им: не отлучайтесь из Иерусалима, но ждите обещанного от Отца, о чём вы слышали от Меня..., вы через несколько дней после сего будете крещены Духом Святым. Вы примете силу, когда сойдёт на вас Дух Святой, и будете Мне свидетелями в Иерусалиме, и во всей иудее и Самарии, и даже до края земли. Сказав сие, Он поднялся в глазах их“... и пр. (Деян.1:4,5,8,9). Такова история последнего явления воскресшего Господа ученикам, изложенная в первых трёх евангелиях и в книге Деяний апостольских. Посмотрим теперь, как трактует эту евангельскую историю в статье своей г. Тареев.

Он говорит: „Состояние Воскресшего от восстания из гроба до восшествия к Отцу было состоянием переходным к тому духовному, по отшествию к Отцу, существованию, когда мы уже не знаем Христа по плоти (2Кор.5:16)“ (стр. 36, 16). И ещё: „по-видимому, в переходном состоянии Воскресшего до восшествия к Отцу, в Его явлениях было нечто материально-телесное“ (стр.

42, 11). „Этот материально-телесный элемент в явлениях Воскресшего ученикам до восшествия Его к Отцу, конечно, составлял их особенность от позднейшего Его явления Савлу (Деян.9:36)“ (стр. 42, 17).

Но в то же время г. Тареев и сам, на основании сказанного в Писании (1Кор.15:4–7; ср. Деян.22:17,18. Стр. 43, 2). признаёт, что „апостол Павел своего дамасского видения не отличает от Христовых явлении ученикам до вознесения“ (42, 6). „Центральным из явлений Воскресшего было явление Его одиннадцати: тогда Он вдунул в них Духа Святого“; предшествующие явления „были все явления подготовительные“ (42, 8). Если взять эти слова в связи с предыдущими, то можно подумать, что „подготовительными явлениями“ г. Тареев называет явления, бывшие в первый день по воскресении, – Марии Магдалине, ученикам, шедшим в Эммаус (42, 1–17), присовокупив к ним и явление ап. Петру, как совершившееся, несомненно, прежде явления всем апостолам в вечер воскресения (1Кор.15:5). В таком случае „центральным явлением“ было бы именно это явление в первый же день воскресения, когда, апостолы, за исключением ап. Фомы, все были в собрании, когда с ними были и другие ученики (Лк.24:33), когда только что возвратились из Эммауса Клеопа и Лука (Лк.24:36). К этому именно явлению и евангелист Иоанн относит дарование Духа (Ин.20:22,24,26). Но... едва ли на самом деле так думает проф. Тареев. Может ли он „центральным явлением“, таким явлением, к которому все предшествовавшие были только „подготовительными“, – считать явление в первый же день по воскресении, когда, по мнению г. Тареева, Сам Господь находился ещё в первой стадии Своего „переходного состояния“ от бытия „душевного“, не вовсе ещё чуждого „материально-телесных элементов“, к чисто духовному состоянию по „восшествии к Отцу“ и при восшествии. К этому последнему явлению и относит г. Тареев дарование Духа Святого апостолам. Тогда все явления по воскресении, „в продолжение сорока дней“, когда Господь являвшийся говорил им „о царствии Божием“ (Деян.1:3). будут подготовительными к последнему, „заключительному моменту“ явлений, Его

отшествию к Отцу, без которого все они, по выражению г. Тареева., были бы „чудовищным явлением“ (43, 7–11). Г. Тареев, конечно, знает, что в евангелиях говорится точно и определённо и времени предварительного дарования Духа апостолам дуновением Воскресшего Господа; но, несколько не стесняясь буквой Писания, г. Тареев сам укладывает повествуемые в евангелиях и в книге Деяний события в такой порядок, в каком они *должны быть*, по его соображениям. Книги Деяний апостольских и повествования о сошествии Св. Духа на апостолов в день Пятидесятницы он как будто бы и не знает; обетование Господне о ниспослании Св. Духа от Отца, к Которому Воскресший для того и восходит, чтобы ниспослать Духа (Ин.14:16–18,16:7), проф. Тареев относит к тому дарованию Духа Христовым дуновением, о котором повествует евангелист Иоанн (44, 1). Но так как книга Деяний апостольских для г. Тареева как будто и по существу, а на евангельские сказания он смотрит, как на исторический материал, требующий ещё критической разработки, то и неудивительно, что для него составляет ещё вопрос, что было прежде, – вознесение или сошествие Св. Духа на апостолов; и вот как он разделяется с этим вопросом: „На основании евангельских повествований *невозможно*“, говорит он, „восстановить хронологической последовательности этих событий, так как евангелисты Марк и Лука (ср. Мф.) сообщают о вознесении Господа, но не передают о даровании ученикам Духа, а евангелист Ёашп повествует о даровании ученикам Духа, но не говорит о вознесении Воскресшего“ (43, 19). И ещё через пять строк: „Да и едва ли *возможно* установить здесь хронологические прежде и после, так как по существу отшествие Господа Иисуса, к Отцу и дарование ученикам Духа связаны неразрывно, как ещё раньше разъяснял Христос Своим ученикам (43, 11:44, 1–4⁴³⁷). А вот и прямое заявление г. Тареева, что повествуемое евангелистом Иоанном о даровании Духа апостолам оп, г. Тареев, вопреки ясному указанию евангелиста, относит не к первому явлению Господа в вечер первого дня по воскресении (Ин.20:19,22,26), а к „заключительному центральному из явлений“, к которому все другие явления „были только подготовительными“ (42, 8), – к

явлению, закончившемуся вознесением. Он говорит: „О даровании Воскресшим Духа ученикам сообщает только Иоанн (44, 13); другие евангелисты не говорят о даровании ученикам Господом Духа Его при *вознесении Его*“ (45, 5). Итак, мы не навязываем г. Тарееву ничего такого, что составляет только наши подозрения; мы лишь констатируем факт, что дарование ученикам Духа проф. Тареев относит ко дню вознесения, что он говорить о даровании Духа, на основании одного только евангелия от Иоанна, что он игнорирует слова Христовы при вознесении: „ждите обещанного от Отца: через несколько дней будете крещены. Духом Святым“ (Деян.1:4.5).

Обращая внимание на то, что евангелия вовсе не устанавливают хронологической последовательности между Христовым вознесением и дарованием Духа апостолам, следовательно, не исключают возможности утверждать, что дарование Духа совершилось „при вознесении“ (46, 6) и умалчивая о том, что откровение засвидетельствовало и в исторической новозаветной книге Деяний апостольских последовательность сошествия Св. Духа и Вознесения, многократно возвещённую откровением, как догмат (Ин.16:7; Еф.4:7–13), – проф. Тареев выражает сомнение, приложимо ли вообще какое-либо „прежде“ и „после“, когда дело идёт о даровании апостолам Духа Святого воскресшим Господом и о Его отшествии к Отцу, как называет г. Тареев Христово вознесение. „Едва ли возможно установить здесь хронологические прежде и после, так как по существу отшествие Господа Иисуса к Отцу и дарование ученикам Духа связаны неразрывно“ (43, 44). Что Значить это положение? Какой смысл имеет это „так как“? И мы веруем, что вознесение Господне и ниспослание Св. Духа на апостолов „связаны неразрывно по существу“ одно с другим; но вера наша в существенную неразрывную связь этих двух великих деяний Божественного домостроительства отнюдь не препятствует нам мыслить их преемственность и последовательность во времени. Нам приходится. самим догадываться, почему г. Тареев находит „едва ли возможным установить хронологические прежде и после относительно отшествия Христова ко Отцу и дарования

Духа ученикам Его“. Не такая ли же здесь трудность, как и в установлении „прежде и после“ между рассветом первого воскресного дня и приходом жён по гробу? Борём это только для примера. Жёны приходили, пока продолжался рассвет. Так и здесь, может быть. Дарование Духа, которое мы, простые верующие, относим и к первому дню, и ко дню пятидесятницы, проф. Тареев не считает ли чем-то продолжавшимся, каким-то своего рода процессом, закончившимся „при вознесении“, а может быть продолжавшимся и по вознесении. Несомненно, что и воскресение, и вознесение, и сошествие Св. Духа он понимает не совсем так, как простые верующие.

Воскресение Христово, по его пониманию, есть исшествие Христа из гроба, и затем постепенный переход от бытия, не чуждого материально-чувственных элементов, до состояния чистой духовности. Ведь „сеется“ (смертью) тело душевное, восстает (в воскресении) тело духовное (1Кор.15:41). Потому и признаваемое г. Тареевым „переходное состояние Воскресшего до отшествия к Отцу“ (42, 11) есть, так сказать, продолжающийся до самого вознесения процесс воскресения⁴³⁸. Вознесение он сам определяет так: „Он вознёсся от апостолов на небо, т. е. Он стал для них навеки (до второго пришествия) невидим (Деян.1:9). Он восшёл к Отцу, так что мы Его по плоти больше уже не знаем“ (43, 11). Итак, вознесение Христово или его отшествие к Отцу для г. Тареева есть только грань во времени, составляющая начало чисто-духовного бытия Христа Богочеловека. Что же такое, по представлению г. Тареева, „дарование Господом ученикам Духа Его при вознесении, о котором не говорят евангелисты синоптики“ (45, 5), но говорит, будто бы, евангелист Иоанн? (44, 13). Не есть ли это „вселение Христа верою (Еф.3:17) в сердца“ апостолов, постепенно совершившееся ко дню вознесения „подготовительными явлениями“ Воскресшего? Христос мог уже теперь оставить апостолов „до второго пришествия“ без видимого Своего руководства, так как явлениями Своими по воскресении привёл их к убеждению в „реальности Его духовной жизни, — в том, что она по своему бытию независима от материальных условий существования, что она сильнее смерти,

– что она непреходящая, вечная действительность“ (41, 9). Итак, вот она, по представлению г. Тареева, вера оправдывающая. „Вера в воскресение Христово делает для нас живой действительностью смысл Его дела и учения, делает для нас реальной Его духовную жизнь“. В этом наше оживотворение (Еф.2:5; Кол.3:1), оправдание (Рим.4:5), возрождение (1Пет.1:3,4) Христовым воскресением“ (45, 11). В даровании Духа г. Тареевым указывается только „свобода духовной жизни“, „свободная нравственная жизнь“ и „дар любви, как преимущественный дар Св. Духа“ (45,¹⁸/₁₆). Ничего другого не видит он в обетованиях о ниспослании Св. Духа и о действиях Его в том, что говорит об этом евангелист Иоанн (Ин.14:15–18,16:7,20:1–23). У других евангелистов он находит только „ценное указание ни другую сторону духовного дарования, именно на универсальность Духа Христова (Мф.28:19; Лк.24:47; Ср. 1Тим.3:10)“ – (45, 7). Да, если исполнение обетований Христовых о ниспослании Св. Духа апостолам сводить исключительно к той нравственной перемене, какая успела совершиться в них ко времени отшествия от них Христа ко Отцу, а продолжалась, без сомнения, и далее, то понятны будут непонятные иначе слова г. Тареева, что „едва ли возможно установить здесь хронологические прежде и после, так как по существу отшествие Господа Иисуса к Отцу и дарование ученикам Духа связаны неразрывно“ (43, 44).

Но откуда богословы новейшего времени берут и предлагают, как „душеполезное чтение“ читателям „православных“ духовных журналов, свои убеждения, что наше будущее воскресение не есть „восстание (ἀνάστασις, ἔξαναστασις) того самого тела, в котором душа соделала и благое, и злое при жизни своей на земле (2Кор.5:10; 1Кор.6:13,16,18), но что „человеческие души сами образуют себе свои будущие материальные тела“ (Прав. Соб. 1892 г. дек. стр. 808), или что „воскресение Господа, Его явления ученикам и вознесение на небо были единым и нераздельным актом перехода тела Христова из состояния душевного в духовное“? (Душеп. Чт. 1903 г. апр. стр. 653. См. статью проф. Тареева примеч. и стр. 23 примеч. 8). Как на подтверждение такого

мнения, указывается на то, что в этом предположении „находят свои основания такие явления в первохристианской письменности, как соединение в один день или, по крайней мере, неясное разграничение дня воскресения от вознесения и название воскресения вознесением“ (43, 4 и прим.). Но, конечно, не для объяснения только этого факта потребовалась гипотеза перехода тела Христова, по воскресении уже Его, из душевного в духовное. Мы знаем только, где искать происхождения этой гипотезы, по цитатам проф. Тареева из новейших западных комментаторов Писания⁴³⁹. Но почему для Господа потребовалось сорокадневное продолжение времени (кто признаёт, конечно, книгу Деяний апостольских, – Деян.1:3) на изменение тела Его из душевного в духовное, когда в тех, кто доживёт до второго пришествия Христова, изменение это совершится мгновенно (1Кор.15:52)? Если „переходное состояние“ было состоянием, продолжавшимся известный период времени, то, значит, г. Тареев признаёт во Христе постепенность „отрешения от элемента материально-телесного“ (42, ¹²/₁₇). На каком основании? И вот, мы опять пришли к „метафизическому учению“ проф. Тареева о „духовном теле“ Христовом. – теле, чуждом всякой материальности, но пережившем переход от материального к нематериальному.

Полемизируя с духовными писателями, утверждающими нашу материальность и по воскресении⁴⁴⁰. проф. Тареев возражает: Если загробная материальность не будет сопровождаться земной стихийностью, если „там“ не будет ни физических отправлений тела, ни физического страха (страдания?) и удовольствия, если „там“ не будет материальных ценностей (все эти „если“ г. Тареев берёт у опровергаемых им писателей), если наше тело будет одухотворено, – то, очевидно, это будет материальность духовная, не материальная, т. е. нечто такое, что лишено всякого реального значения и даже логического смысла. Каждое метафизическое понятие только в том случае не бывает пустым звуком или простой логической формулой, если оно может быть в дальнейшем или ближайшем сведено к нашему субъективному опыту. Таким образом понятие материальной жизни всецело образуется опытом нашей

материальной жизни и, если устраняются все действительные черты этого опыта, то от материальной жизни останется один пустой звук (21, 4). Таким образом, выставив положение опровергаемых им духовных писателей „пустым звуком, логической формулой, лишённой всякого реального значения и даже логического смысла“, г. Тареев делает обратное заключение, что действительный смысл и реальное значение принадлежит его формуле: духовное тело чуждо всякой материальности. Так как мы тоже принадлежим к числу „чающих воскресения мертвых“, а не только сознательного бытия в „жизни будущего века“, каким является воскресение под пером г. Тареева; так как нас, чающих воскресения мертвых, г. Тареев обвиняет в антропоморфных, грубо-иудейских воззрениях, – то мы считаем себя обязанными (1Пет.3:15) высказаться, какой смысл мы видим в словах Символа Веры: „чаю воскресения мертвых“.

По нашему представлению, дух и тело (материя, вещество, тело, – как бы мы ни называли его; пусть это будут синонимы), противоположны один другому, но противоположны не как свет и тьма, тепло и холод. Свет и тьма, тепло и холод, при своей кажущейся противоположности, в сущности отличаются друг от друга только количественно, – потому могут переходить одно в другое. – Какой у вас холод! – говорит человек, побывший в мало нагретой комнате, тогда как в ней 13°, 14° тепла, – и, наоборот, 13°, 14° холода на улице зимой называются теплом; тепло и холод – это лишь различные степени температуры; точно также светом и темнотой, называются различные степени напряжённости света. Но, как ни разрежьте вещество, хотя бы оно было реже, чем атмосфера земли на крайних своих пределах, – реже, чем вещество, составляющее конец кометного хвоста, – всё же это будет вещество, а не дух; дух не есть тончайшее вещество⁴⁴¹. Тело, вещество, материя не может быть чуждо всякой телесности, стихийности, вещественности, материальности: утверждать это – значило бы, действительно, соединять в одном мыслительном акте положение и отрицание.

Границей между понятиями „вещество“ и „дух“ служит пространственность: только математическая точка, т. е.

существующая лишь в нашем мышлении не имеет измерения, всё же существующее в действительности, если оно материально, имеет все три измерения, а, следовательно, и очертание или образ. Это мы и отрицаем в понятии „дух“; дух существует не в пространстве, а только во времени: он есть, был, будет, но вопрос: „где?“ – к нему неприложим. Второй, – и уже положительный – признак в понятиях „вещество“ и „дух“ составляет то, что вещество есть субстрат явлений, которые, как бы они ни были разнообразны, всё, однако же, не что иное, как движение; тогда как дух есть субстрат явлений сознания, – явлений ли пассивных, т. е. таких, в которых „я“ подвергаюсь действию на меня всего, что не „я“, или активных, – таких, в которых моё „я“ реагирует под влиянием возбуждений извне. Я мыслю, ощущаю, стремлюсь или желаю; головной мозг, несомненно, принимает участие во всех этих явлениях моей сознательной жизни: но все эти явления сознания принадлежал моему духу: в веществе же, в моем головном мозгу, этим явлениям сознания соответствует молекулярное движение вещества, – явление, совершающееся в пространстве. Богослов, т. е. принимающий Откровение Божественное за основу своего мировоззрения, едва ли может иначе мыслить о „духе“.

Молекулярные движения вещества, которым соответствуют в духе нашем явления сознания, – ощущения, мысли и акты воли, как составляющие жизненные явления организма, бесспорно, явления физиологические; мы не знаем, – может быть, и никогда не узнает физиология, какие именно молекулярные движения вещества соответствуют явлениям психическим, актам чувствования, желания и мышления; но только эти психофизические явления и служат предметом и содержанием нашего внутреннего опыта; что такое будет наша сознательная жизнь, когда „земная храмина“ духа „разорится“, жизнь чистого духа, – мы и представить себе не можем (и слово Божие подтверждает, что тогдашнее наше состояние недоступно сознанию настоящей жизни: 1Ин3:2; 2Кор.12:2–4). К этому времени скорее приложимо то, что говорит г. Тареев о нашем бытии по воскресении, – будто оно „не может быть сведено к

нашему субъективному опыту“ (примеч. 21, 12); действительно, мы не знаем, что это будет у нас за мышление без мозга, когда он от покоя смерти перейдёт в разложение на свои элементы. Но ведь мы, „совлекшись“ на время от этого тленного тела, „имеем вновь одеться“ (θῆλομαι ἐπενδύσασθαι) в тело духовное и бессмертное (2Кор.5:4); и у нас есть материал внутреннего опыта для составления представления о мышлении, чувствовании и желании в „жизни будущего века“, ибо это будет опять жизнь „в теле, а не вне тела“ (2Кор.12:2–4). Зачем нужно было бы воскресение тела, если бы по воскресении в этом, недоступном уж более тлению теле не начиналась снова жизнь, – сознательная? Где основание для того, чтобы утверждать, что в воскресшем теле не будут продолжаться и не могут продолжаться и те молекулярные движения мозгового вещества, которым соответствуют явления сознания? Где основание для такого догматического положения, что в воскресшем теле Бог „упразднит“ и мозг так же, как „упразднит чрево“? Зачем в воскресшем теле этот орган сознательной жизни? Зачем органы чувств, если по воскресении они обречены на бездеятельность! Нет никакого основания утверждать, что Господь, по воскресения своём, не видел уже рыбу, лежащую на угольях, о которой говорил: „придите, пообедайте“, – что Он не в самом деле смотрел, а только казался ученикам смотрящим, т. е. фиксирующим очи на известной точке в пространстве, а что на самом деле и зрение, и слух, по воскресении, заменялись теперь у Него только уже Божественным всеведением. Если же Он не казался только живущим телесной жизнью по воскресении, а действительно видел, слышал, осязал, обонял, ощущал вкус мёда и рыбы, мыслил при посредстве тела, как и мы, то нельзя утверждать, что в воскресшем Его теле не совершались уже те недоведомые нам движения вещества, которые необходимы, чтобы видеть, слышать, – вообще ощущать, мыслить, желать; и так как это – движения вещества в пространстве, то они по всей справедливости должны быть названы явлениями физиологическими. Чтобы отрицать их, нужно отрицать саму материальность воскресшего тела, т. е. признавать воскресение Христово только на словах, не

признавая его на самом деле и прикрывая отрицание словами, „лишёнными всякого реального значения и даже логического смысла“ (24, 9 примеч.), как, например, „нематериальная материальность“ (ib.) или тело, которое „не будет в себе иметь ничего материального“ (22, 5).

Итак, напрасно г. Тареев „считает наипшим приводить доказательства нематериальности духовного тела“ (24, 19 примеч.). Да на самом деле он и не считает этого излишним, а тут же, после этой „фигуры умолчания“, приводит мимоходом, в доказательство своего отрицания телесности в Христовом воскресении, филологическую справку, что слово σῶμα не всегда значит „тело“, а иногда значит только „реальность“. Мы уже и заметили на это, что такое словоупотребление даёт право лишь к такому заключению; а *может быть*, когда в Писании говорится и о воскресении Христовом, слово σῶμα не нужно понимать буквально „тело“. Но это-то и *требуется доказать*.

Прот. В. Лаврский

(Окончание следует).

Синайский А., свящ. Из истории борьбы и полемики по вопросу об иконопочитании в древнее и в настоящее время ⁴⁴² // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 1241–1251

(По поводу отрицательного отношения к иконам со стороны современных сектантов).

Итак, ясно, что взгляды, проведённые в Libri Carolini, утверждены на гальском соборе. Определение этого собора Бароний формулирует так: „лже-собор греков о почитании и поклонении иконам от епископов осуждается“ (damnatur). Дабы это определение имело действительную силу, нужно ещё утверждение от папы. С этою целью Карл Великий посылает в Рим своего приближенного Ангильберта. Неизвестно, послано ли было заключение собора или Libri Carolini. По всей вероятности, было отправлено одно заключение, потому что, как вышедшее ещё в 790 г., Libri Carolini было, без сомнения, известно папе Адриану, особенно в виду того, что между папой и Карлом были дружественные отношения. Последняя глава Libri Carolini, как сделавшаяся известной только по последним редакциям этого сочинения, кажется, есть ничто иное, как выдержка из заключения собора, отправленного папе на утверждение. „Да знает, – говорится в этой главе, – владыка апостольский и Отец наш и вы церковь римская, что по этому поводу (по вопросу об иконах) содержат письма блаженного Григория, посланные им к масилийскому епископу Серену: „Мы, – говорится там, – допускаем, если того хотят, иметь иконы святых как в церкви, так и вне её – по любви к Богу и святым Его, но мы не принуждаем поклоняться иконам, когда не хотят. Точно также мы не допускаем уничтожения икон, если бы кто и хотел этого. И мы свободно и открыто признаём мысли святейшего Григория, дабы неуклонно следовать святой, католической, Богу любезной, вселенской церкви“.

Прежде чем ответить на представленное в Рим заключение франкфуртского собора, папа Адриан должен был решить следующую дилемму: если, опираясь на дружественные

отношения к Карлу Великому, утвердить определение гальского собора, то сам папа поступит неправославно и будет таким образом противоречить своим, торжественно заявленным, убеждениям об иконах; если, напротив, решительно и открыто объявить определение гальского собора неправославным, то Карл, как виновник этого собора, становится еретиком перед всем христианским миром. Как поступил в этом случае Адриан, как он вышел из этой дилеммы, показывает

Письмо папы Адриана к блаженному королю Карлу об иконах.

„Могущественнейшему владыке и духовному сыну нашему Карлу, королю франкскому и лангобардскому и патрицию римскому, – пана Адриан.

Господь и Спаситель наш, по премудрому своему совету, благословил сойти с небес из лона Отца... Знающим евангелие известно, что, по слову Господню, забота о всей церкви и ключи царства небесного вручены святому и верховному апостолу Петру. Ему именно сказано: „любишь ли Меня, Пётр? Паси овец Моих“. Ему говорится: „вот сатана просил Меня сеять вас, как пшеницу, но Я просил за тебя, Пётр, чтоб не оскудела вера твоя, И ты, некогда обратясь, утверди братьев своих“. Ему говорится: „ты – Пётр и на этом камне Я создам церковь Мою, и врата ада не одолеют её. Я дам тебе ключи царства небесного. И то, что ты свяжешь на земле, будет связано и на небе“. Этим самым ему (Петру) вручено первенство и забота о всей церкви. И сам он передал заботу и управление церковью своим преемникам, Мы, как его наместники, твёрдо думаем, что если ваше дарованное от Бога царское величество останется так же, как и прежде, до конца жизни верным к святой католической и апостольской римской церкви и к нам, то оно не только не согрешит, но даже одержит в сём мире победы над всеми варварскими народами и получит, сверх того, небесное и вечное царство. Мы приняли, вашим величеством присланного, аббата и начальника капеллы – Энгильберта, вашего приближённого, с юных лет в вашем дворце воспитанного и участвовавшего во всех ваших советах. Как он принимается в вашем доме, так точно он принимается и здесь, с честью и расположением... Он

доставил нам капитулярий против собора, состоявшегося в Никее по случаю восстановления святых икон. Из-за любви к вам мы дали ответ на каждую главу. Не дай Бог, чтобы мы защищали каждого человека, но, держась древнего предания святой кафолической и апостольской римской церкви, прежде всего мы следуем учению наших предшественников – святых первосвященников, всеми мерами защищая предание правой веры“.

Данные папой ответы состояли в том, что Адриан без порядка выбирает места из Libri Carolini и им противопоставляет выражения отцов, не заботясь о том, соответствуют ли эти выражения делу, или нет. Действительность того предания, что Спаситель послал Авгарю Свой образ, он доказывает изречением папы Стефана и трёх патриархов. Положению автора Libri Girolini, что иконопочитание не установлено ни через учение, ни через пример апостолов, папа противопоставляет два свидетельства Дионисия Ареопагита, который, по уверению Адриана, жил во время апостолов и был их учеником. Ответ папы, которым вообще отвергается решение Карла Великого, яснее высказан в конце послания.

„Этот (в Никее) собор, – говорится там, – составлен в нашем духе. На нём восстановлено и утверждено иконопочитание. В постановлении об иконах собор согласен с мнением святого Григория. Члены этого собора сами исповедуют то (определение), что иконам они возвратили целование и почитание, не такое, каковое прилично единому Богу. Итак, мы принимаем этот собор, как седьмой и вселенский. Если бы мы его не приняли и совратились к прежней ошибке, то кто в этом случае, как не мы, будем отвечать на страшном суде за гибель стольких тысяч христианских душ“. Затем папа говорит о том, что он свято соблюдает предание древних, к чему побуждает и Карла, обещая ему, как и прежде, счастье на земле и блаженство на небе. „Да сохранит высшая благодать ваше величество невредимым“, – заключает папа своё послание.

Нельзя не заметить, что послание папы не вполне решительно и уклончиво. Эта уклончивость обуславливалась

тогдашними отношениями между папой Адрианом и Карлом Великим. С 794 г. папа Адриан был в постоянных сношениях с Карлом; во всём, что касалось до Италии, Адриан был предупредительным советником и верным союзником Карла. С своей стороны, Карл отвечал Адриану личным расположением, отнюдь не пренебрегал его советами и указаниями. Связь, установившаяся между папой и королём, продолжалась до самой смерти Адриана. Эта связь, происходившая из взаимного признания друг за другом достоинств, нужна была Адриану и Карлу для достижения личных интересов. Когда Адриан начал отыскивать по Италии так называемые патримонии, как древнее и неоспоримое достояние римской церкви, то он в этом случае мог многого ожидать от податливости Карла. Папскими расчётами на покровительство короля франков и объясняется та уклончивость и та мягкая форма, которые характеризуют послание Адриана к Карлу по возникшему спору об иконах. Как таковое, послание Адриана достигало своей цели; оно смирilo заносчивость и самонадеянность Карла, не раздражив его особенно. Карл, после этого, сделался равнодушнее к поднятому им вопросу. И это понятно: без согласия папы он не мог парализовать установившегося доверия к вселенскому собору. И само сочинение *Libri Carolini* не имели особенного влияния на общественное сознание. В практической жизни Карл Великий был таким же иконопочитателем, как и другие. Поэтому, он не может быть назван иконоборцем в таком же смысле, как Лев Исаврянин, Константин Копроним и др. Вопрос об иконах продолжался и после Карла, при его преемниках.

И нельзя сказать, чтобы иконоборство когда-либо прекратилось; со стороны административной или правительственной, т. е. в смысле преследования, оно может быть, может и не быть, но со стороны теоретической или принципиальной оно было почти непрерывно, – то ослабевая, то обнаруживаясь более или менее резко; в настоящее время продолжает усиливаться; для большего ещё усиления в будущем благоприятных условий очень много.

III.

Реформация М. Лютера, затронувшая и изменившая все стороны церковной жизни среди господствовавшего на Западе католичества, коснулась и вопроса об иконопочитании в неблагоприятном для последнего смысле, но на иной уже, несколько обновлённой почве. Уважение к иконам в протестантском мире должно было неизбежно ослабеть, в силу основных начал лютеранства, отрицавших св. Предание, как руководственный источник Божественного откровения, почитание святых, сложную католическую церковную обрядность и т. д. Если не следует почитать св. угодников Божиих, то само собою устраняется не только почитание икон, ли и употребление их в храмах: но в качестве святыни они могут находиться в церквях и домах, а в целях украшения и ознакомления со священной историей, – наравне с обыкновенными картинами. Если латинское богослужение дореформенное (до времён М. Литера, как реформатора) – признавалось некоторыми сторонниками реформации идолопоклонством, то можно судить о том, как относились тогда к иконам. Так, под влиянием учения священника У. Цвингли (род. 1484 г.) в г. Цюрихе (в Швейцарии), в 1523 г., против икон было сделано много кощунственных и святотатственных выходок; во избежание соблазна и возмущения, иконы, по распоряжению городских советов, прятали и запирали.

Причину резкого и отрицательного отношения реформации к иконам нужно усматривать, между прочим, и в злоупотреблениях иконопочтанием со стороны католического духовенства, равно как в суеверии простого народа, совпавших с началом реформы Лютера (1517–1521). По беспристрастному и авторитетному отзыву католического богослова, в Римской церкви перед появлением ереси Лютера и Кальвина не существовало никакой строгости и справедливости в церковных судах, никакого нравственного достоинства, никакого знания Священного Писания, никакого уважения к Божественному. Если таковы были пастыря, то о пастве и говорить нечего. Посему, вместо духовно-нравственной стороны христианства, развилась и утвердилась внешнеобрядовая: алчное и невежественное духовенство из грубого почитания народом св. икон и др.

священных предметов древности сделало себе прибыльный источник доходов. Так, напр., за деньги показывали простосердечному народу перья из крыла арх. Гавриила, слёзы Иисуса Христа, пролитые при гробе Лазаря, молоко Божией Матери, бороду Ноя, подковы от ослицы Валаама, волоса от Бога Саваофа, оставленные на земле во время ночной борьбы с п. Иаковом и т. п. Злоупотребления легковерием толпы заметны были особенно в Швейцарии, где два, постоянно враждовавших между собой монашеских ордена (франциск. и доминик.) старались наперерыв друг перед другом привлечь народ каждый на свою сторону, придумывали и распространяли явленные и чудотворные иконы посредством разных, часто грубых, подделок и обманов.

Против означенных злоупотреблений и против господствовавшей в Римской церкви обрядности восставали некоторые энергичные личности, сами впадавшие в крайности во время споров и борьбы с защитниками невежества и злоупотреблений. Реформатор Цвингли известен, как глава народного движения Швейцарии против церковной обрядности и, в частности, против икон. Основываясь на Свящ. Писании, как единственном источнике и критерии церковной истины, Цвингли отверг не только почитание икон, но и употребление их как в храмах, так и в домах. Чтобы ослабить и остановить опасное движение возбуждённых последователей увлекательного проповедника, сопровождавшееся истреблением и поруганием икон, решено было рассмотреть вопрос об иконопочитании в общем собрании представителей города Цюриха. Под влиянием священ. У. Цвингли, на этом собрании вопрос об иконах был решён в том отрицательном смысле, которого держатся протестанты, особенно реформаты, до настоящего времени (1523–1900). Сущность различных взглядов по данному вопросу мы представим по Гагенбаху в ясном изложении о. Гр. Остроумова⁴⁴³. Цвингли – представитель отрицательного отношения к иконам, Конрад Шмид – представитель взгляда, близкого к православному.

По взгляду К. Шмида, слово Божие учит нас поклоняться одному только Господу; если же обращаются к святым и

почитают их *вместо Христа*, то это, без сомнения, есть идолопоклонство. Эту ложную веру в святых, нужно искоренять прежде всего проповедью Божественного слова. Это должно сделать прежде, чем удалят внешние образы. Прежде чем вырвать палку, на которую опирается слабый человек, нужно дать ему другую, иначе он упадёт на землю. Положим, опорой его служит колеблющаяся трость, но оставь её в его руке, а при этом укажи ему крепкую палку; он тогда добровольно бросит колеблющуюся трость и схватит крепкую палку. Таким образом, прибавляет Шмид, оставьте слабым внешние изображения, к которым они привязаны, а прежде научите их, что в них нет ни жизни, ни святости, ни милости; при этом пусть покажут крепкую трость Христа Иисуса – единственного Утешителя и Помощника всех скорбящих, тогда они сами увидят, что не нуждаются более в образах и добровольно предадутся водительству познания Христа. Кто имеет в своём сердце истинный образ Христа, тому не повредит и внешний образ Его, если только он от него зависит. Так говорил Конрад Шмид. Ему ответил Цвингли, что если бы образа служили тростями и палками для слабых, то дай Бог. Если бы бесполезные попы и епископы проповедовали слова Божие так же ревностно, как они бросились на вещи бесполезные, тогда никогда бы не случилось, чтобы бедный народ должен был узнавать Христа от стены и картины. Нет, говорит Цвингли, между христианами нельзя терпеть злоупотребления. Мы должны слушать ясное слово Божие, которое не терпит никаких образов, а тем более золотых и серебряных, которых ценность взята от бедности.

Вот две речи, характеризующие собой все рассуждения собрания в Цюрихе, по поводу почитания икон. Первая речь – Конрада – была, с истинно-христианской точки зрения, довольно справедлива. Конрад видел громадные злоупотребления иконопочитанием и для искоренения их советовал не уничтожать икон, а через разъяснение истинного значения их довести народ до сознания, что иконы имеют значение только при непрестанном памятовании о первообразе. Напротив, Цвингли, выходя из того, что трудно ожидать от испорченного духовенства выяснительной проповеди в строго христианском

духе, а также, что слово Божие не терпит злоупотреблений иконопочитанием, когда вместо Бога почитают доски и краски, – выходя, говорим, из этих мыслей, наэлектризованный проповедник требовал решительной меры – уничтожения икон. Это несправедливое, но соответствующее наэлектризованному обществу, требование и было принято.

Рассуждая по этому поводу, авторитетный протестантский богослов Гагенбах говорит: как ни прекрасны и благонамеренны были соображения Конрада Шмида, однако они не нашли в собрании общего сочувствия... И действительно, трудно в важные времена решить, как далеко достигает цели система умеренности и как далеко приложимо то, что рекомендуется независимому уму в спокойное время и когда умы возбуждены и уже склонились на ту или другую крайность. Середина, даже самая благонамеренная, здесь всегда находится в трудном положении. Для мирного учёного закрывается ухо толпы, между тем как взоры всех устремлены на сторону одушевлённых противников, с решительной энергией стремящихся к своей цели. Действительно, взгляд Контур (Конрада) самый прекрасный и убедительный. Его снисходительность не была снисходительностью боязливо рассчитанного Еразма, но это была боязливость, которую после показал Меланхтон снисходительность христианского мудреца, который из любви ко Христу и Его миру, не из страха человеческого и светской любви к миру избегает строгости и насилия.

Из этого рассуждения Гагенбаха ясно видно, что и сами лучшие члены протестантского вероисповедания не сочувствуют несправедливому действию цюрихского собрания, по отношению к иконам. Нужно сказать, что вообще многие, хорошо образованные люди протестантского вероисповедания близки к строги православному воззрению на иконы. Возьмём, например, того же прославленного Гагенбаха. Мы уже видели, что он разделяет взгляд довольно справедливо мыслящего Конрада Шмида, а вот ещё его рассуждение по поводу почитания реликвий и креста. Мы, – говорит учёный профессор, – охотно сохраняем память о дорогих нам умерших. Нам дороги волосы их головы, платья, которые они носили, книги или вещи,

которые они постоянно употребляли. Кто может отнести это к области суеверия или смеяться над этим, как над ложной чувствительностью? Особенно наше время, которое вообще в поклонении гениям идёт гораздо дальше, когда, оно высокой ценой оплачивает памятники, воздвигаемые в честь прославленных героев, поэтов и художников, должно остерегаться осмеивать времена, когда обладанию древнехристианскими святынями прилагали особую ценность. Но здесь как было близко злоупотребление! В природе таких остатков (реликвий) лежит, что мы от жизни тех, кому они принадлежат, чувствуем как бы дыхание. Чего любящая рука часто касалась, что дорогому нам человеку ежедневно служило, то кажется нам как бы частью его, хотя это и мертво. Если фантазия безусловно предаётся этому впечатлению, то легко может случиться, что это приведёт к значительному обману чувств – реликвии станут обожать самих в себе, и, таким образом, явится злоупотребление нормальным явлением. Что от креста Христова, рассуждает далее Гагенбах, – снизошли вечная сила на весь мир – это великая нравственная истина, которую вера приняла. По ту силу креста Христова, нужно испытывать внутренне и видимый крест, который мы представляем перед глазами, в самой высшей мере может только представлять символический вызов, чтобы мы всегда и в мыслях, и в чувствах были в общении с страданиями Христа всякий раз, когда нас касаются страдания мира. Но бывает совершению иначе, когда мы приписываем этому кресту какую-то магическую силу, какое-то внешнее действие на нас без нашего содействия к тому, т. е. когда, станут злоупотреблять нормальным обнаружением религиозного чувства и почитать крест сам в себе, без отношения его к Победителю смерти и ада. Гагенбах даже прямо говорит, что до сего времени ещё окончательно не решён вопрос; что из священных предметов можно ввести в круг образных представлений. Этими словами почтенный профессор открыто заявляет своё несочувствие иконоборческим тенденциям и в принципе признаёт иконы нормальным явлением. – Это голос передового учёного протестанта.

Из приведённых рассуждений можно, между прочим, видеть то, что во взглядах на иконы в период реформации проглядывает особая точка зрения и особенный оттенок мысли, резко отличающийся от взглядов на них во времена вселенских соборов.

В то время, как отрицательный взгляд на иконопочитание утвердился и распространился в Западной Европе под влиянием реформации Лютера, у нас на Руси, почти в ту же самую знаменательную эпоху реформаторских идей и брожения, появилось еретическое направление мысли, отрицавшее, между прочим, иконопочитание с особенной настойчивостью и резкостью.

IV.

Иконоборческое направление в России возникло в 1470 г. Первым провозвестником и распространителем его считается еврей Схария; по его имени отчасти и само направление еретическое названо ересью жидовствующих, – хотя данному названию соответствовала и сущность ереси, состоявшей в отвержении христианства (отрицании воплощения и троичности Божества) и восстановлении ветхозаветного учения и ожиданий, имевших осуществиться в неопределённом будущем. Если не было воплощения Спасителя, то напрасно и изображать Его на иконах. Поэтому, последние со стороны жидовствующих подвергались резкому осуждению и осмеянию, как отжившее и нелепое идолопоклонство: они истребляли кресты и иконы, бросали их в скверные места, спали и мылись на иконах, обливали их нечистотами, писали на них неприличные предметы, навязывали кресты воронам на хвост и выражали к ним презрение неприличными словами и движениями. Появившись сначала в Новгороде и привлёкши здесь многих на свою сторону, даже лиц духовных, ересь жидовствующих перешла в Москву, где быстро распространилась между лицами высшего и даже придворного общества. Ереси сочувствовал московский митрополит Зосима. По словам Иосифа Волоцкого, еретики в Новгороде дошли в своей дерзости до того, что иконы называли болванами, подвергали их ломке, огню, бросали в мусорные ямы и т. п.

Для ослабления и прекращения ереси приняты были крайние меры наказания и увещания; под влиянием страха наказания многие раскаялись в своих заблуждениях, – одни искренне, другие лицемерно. Помимо непосредственного увещания заблуждавшихся и нетвёрдых в вере, памятником бывшей борьбы и полемики с еретиками служит сочинение архимандрита волоколамского монастыря, Иосифа (1515), известное под названием „Просветителя”, состоящее из 16 глав или слов. Часть его содержания посвящена разбору и опровержению ложного взгляда жидовствующих на иконопочитание.

Часть (гл. 5–7) „Просветителя”, посвящённая вопросу об иконопочитании, составлена на основании выписок из святоотеческих писаний, то буквально взятых, то переиначенных автором применительно к данному случаю. В своих доводах автор старается довольствоваться данными Божественного Писания и избегает человеческого рассуждения, погрешительного и немощного. Повторяя мысли св. Иоанна Дамаскина об уместности, пользе и необходимости иконопочитания и руководствуясь точкой зрения св. отца, автор „Просветителя” устанавливает и выдерживает правильный святоотеческий взгляд на употребление икон, как на священный обычай, имеющий тесную связь с догматом воплощения.

Указав на изображения херувимов в скинии и др. украшения в ветхозаветном богослужебном строе, не противоречившие духовности религии, полемист устраняет ложное мнение еретиков об иконах, как особом виде идолопоклонства. Большая разница между идолами и иконами; иконам мы поклоняемся, а идолов отвергаем, как скверную языческую выдумку; иконы – происхождения божественного, а идолы – бесовского; если бы иконы подобны были идолам, то и скиния со всеми её принадлежностями уподоблялась бы языческим капищам, но допустить, даже подумать это невозможно. Иконы и другие священные изображения христиане почитают потому, что через них совершается и преподается благодать Божия. По преданию, св. апостолы повелели евангелисту Луке, как художнику, написать икону Спасителя и Богоматери для поклонения и

прославления Их; подобно сему мы прославляем иконы и изображения св. угодников Божиих, как слуг и друзей Бога, сделавшихся нашими молитвенниками и ходатаями. Знать нужно и то, что не материал, из которого состоит икона, почитаем, а тех лиц, образ которых находится на них: от созерцания вещи видимой переносим мысли к высшим духовным предметам и лицам, – возводимся умом к Богу. Если в древнее время это было возможно и уместно, то тем более нужно признать разумным в настоящее время, при нашем веровании и исповедании воплотившегося Сына Божия, – когда силой обильно излившегося Духа Св. исцеления и чудеса совершаются не только от угодников Божиих, но даже от тени их и вещей, им принадлежащих (Деян.5:15). Почитание икон должно состоять в поклонении перед ними, целовании. Автор „Просветителя“ упоминает и об известном из предания нерукотворенном образе Спасителя, отпечатлевшемся на полотне. Нелепо, – говорит он, – думать, будто в Божественное Его существо прелгается пречистый Его образ, хотя бы нерукотворенный, потому что Божеского существа нельзя ни видеть, ни описать, ни попятить; но образ Его разумеется по человечеству, проявившийся в разных видах воплощения и пребывания Его на земле.

Посему мы должны св. иконы Пресвятые Троицы, Иисуса Христа, Богоматери и всех святых иметь на стенах и на досках, и свящ. сосудах, – готовить их должны из золота, или серебра, или другого какого-либо вещества, – должно почитать их, но не должно их обоготворять.

Вот в кратких чертах сущность рассуждений Иосифа Полоцкого, Полемика его имеет характер чисто догматический, а не церковно-исторический, т. е. в ней нет указаний и даже намёков на современное состояние и развитие русского общества, могущих содействовать к уяснению – как причин происхождения заблуждений жидовствующих, так и успеха еретиков. Виновником происхождения ереси полемист считает таинственную враждебную силу, т. е. дьявола. В дополнение к характеристике „Просветителя“ нужно отметить резкий, пренебрежительно-суровый тон полемиста, допускавшего

бранные слова, и выражения по адресу своих противников, какого недостатка не замечается в „Речах” св. И. Дамаскина, служивших для полемиста источником и образцом при составлении своего сочинения. Заметить нужно и то, что автор „Просветителя” не столько верил в силу своей аргументации в деле обличения и исправления заблуждавшихся, сколько в силу строгих мер, телесных и дисциплинарных наказаний и всяких кар, которые настойчиво и предлагал.

Свящ. А. Синайский
(Продолжение следует).

**Зверев А. К вопросу о способах обличения
неправды раскольничьей ⁴⁴⁴ // Миссионерское
обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 1252–1265**

Не успели мы окончить своей (первой) статьи, как получили следующий (26) номер „Руководства для сельских пастырей“, в коем помещено продолжение статьи о. Митрофана. Наши ожидания встретить в последующих его суждениях – „о способах обличения неправды раскольничьей“ более основательности и правдивости, к сожалению, не оправдались. О. Митрофан и теперь отрицает плодотворность трудов миссионеров, приписывая успешную деятельность в борьбе с расколом исключительно одним только местным священникам. „Миссионер же по профессии, говорит о. Митрофан, да ещё без сердечной веры, без любви, с одними умозаключениями и построениями мыслей в доказательство своего мнения, – не убедит никого“. Эти слова о. Митрофана являются прямым противоречием выше приведённым нами фактам из Макарьевского и многих других уездов, в которых, благодаря беседам миссионеров „по профессии“, „присоединения были массовые, – бросали раскол целыми деревнями“. Чему же верить, – голословным утверждениям о. Митрофана или действительным фактам плодотворности бесед и вообще деятельности миссионеров? Этот вопрос отвечает уже сам за себя.

Затем, кому естественнее всего иметь больше „сердечной любви“ к заблудшим братьям-старообрядцам, как не тем же миссионерам, которые сами, в большинстве случаев, были прежде старообрядцами и после многих душевных, а нередко даже и телесных страданий оставили раскол и вступили в спасительную ограду св. церкви, и потом уже, как бы в искупление своего прежнего коснения в расколе и вражды против церкви, посвятили себя на служение ей!?

Как эти, вышедшие из раскола, миссионеры любят св. Церковь Христову и как ревнуют они об ослаблении и уничтожении раскола, это показывают примеры почивших

миссионеров; о. архимандрита Павла, Тимофея Алексеевича Николаева (мисс. Влад. еп.) и многих других, им подобных.

Отец архимандрит Павел неустанно говорил со старообрядцами и другими сектантами и знакомил их с памятниками древности, доказывающими правоту Церкви и неправоту раскола. Давал им приют в своём, скудном средствах, монастыре и большей частью даже в своей келье в ущерб своему спокойствию и здоровью. Лиц, занимающихся миссионерством, построением единоверческих церквей и устройством единоверческих приходов, о. Павел наставлял, утверждал советами и указаниями, ободрял их, когда им встречались опасности и трудности, содействовал их просьбами перед епархиальными преосвященными и другими высокопоставленными лицами. Всем вообще о. архимандрит внушал, что Спаситель пролил Пречистую Кровь Свою на кресте и за старообрядцев и что должно, не взирая ни на какие препятствия, трудности, скорби и даже несчастия, стремиться привести их и других сектантов к соединению с Церковью, он постоянно заботился об издании книг против раскола и распространении их. Лица, писавшие противораскольнические сочинения, часто жили у него в монастыре. Он входил во все подробности издания и распространения этих книг. Лично он оставил после себя целый ряд сочинений, которые, как бессмертные творения, без сомнения, нанесли смертельный удар расколу и, с течением времени, совершенно упразднят его. Он издал и распространил сотни тысяч этих творений. Но при этом никогда не получал он денежного вознаграждения за свои творения, никакого состояния не имел и жил в великой скудости до самой своей смерти.

Что же руководило о. Павлом во всех этих действиях, как не любовь к братьям и не глубокая скорбь об их заблуждении? Что побуждало о. Павла пренебрегать в деле миссии собственным спокойствием, болезнью, опасностями и даже самой жизнью?! Припомним здесь хотя малое из поучительной для всех жизни и ревности о. Павла по обращению заблудших. В 1881 г. о. архимандрит Павел вёл беседы в посадах Сольцы Псковской губернии. Этот посад населён был федосеевцами,

число коих простиралось до 5000. Около этого посада имеется много деревень, которые также населены были федосеевцами в огромном количестве. Отец архимандрит прибыл в Сольцы, по приглашению граждан, вместе с псковским единоверческим священником о. Константином Голубевым. Беседы происходили в управе при огромном стечении народа. Присутствовали на них и участвовали в словопрении федосеевские наставники в большом числе; между ними был некто Алексей Николаев, наставник из села Сумятиц. Федосеевцы признавали его великим учителем. Он, действительно, был человек весьма начитанный и жизни постнической. В беседе с отцом Павлом он оказался совершенно безответным. О. Павел требовал, чтобы Николаев доказал правильность беспоповского учения от Евангелия, но Николаев сознался, что беспоповское учение в Евангелии не содержится. Полная безответность Алексея Николаева поразила федосеевцев. После второй беседы некоторые из федосеевцев пришли в дом единоверческого священника о. Иоанна Звездинского и сказали ему, что федосеевцы намерены на предстоящей беседе погасить лампы, обрушить скамьи и даже обрушить потолок, вообще – произвести смятение и в этом смятении убить отца Павла. Когда узнал об этом отец Павел, то сказал федосеевцам, советовавшим ему не производить беседы, что беседу он будет производить непременно, не смотря на намерения и угрозы беспоповцев предать его смерти, что, в случае смерти его, он желает быть погребённым в городе Москве. Беседа, действительно, была открыта в здании управы. Во время её федосеевцы на самом деле обрушили скамьи, на которых сидел народ, погасили лампы и произвели смятение, но устроить о. архимандрита им не удалось. Напротив, последний со спокойным и непоколебимым мужеством и неустрашимостью тут же и обличил беспоповцев за этот поступок; он говорил им, что беседует с ними мирно, от Евангелия Христова, и указывает им путь спасения, – что убиение его, коего они желали и домогались, не умалит и не уничтожит несогласия и противления их Евангелию и не сделает их правыми. Смерть для него была бы даже и радостна, потому что он умер бы за

дело Божие, во время самой проповеди Евангелия. Сотрудники о. архимандрита Павла, о. Константин Голубев и о. Иоанн Звездинский, также говорили федосеевцам, что они беседуют с ними мирно, от святого Евангелия, и вовсе не заслужили такого отношения к себе со стороны федосеевцев. Порядок на беседе был восстановлен и она окончилась полным торжеством православия и поражением федосеевской секты. Другой раз о. архимандрит Павел беседовал с федосеевцами о богомолии за царей. Федосеевцы, не найдясь, что возразить против доказательств о. Павла, пришли в ярость и решили бросить проповедника истины в реку Прут. О. Павел едва мог убедить своих со-вопросников оставить это намерение, указывая на то, что за убийство они потерпят жестокое наказание, а пользы им никакой не будет. Даже близость смертного часа не останавливала ревности о. Павла по обращению старообрядцев. Болезнь, сведшая о. архимандрита в могилу, была такого свойства, что говорить ему было трудно и даже опасно. Однако он и в это время не переставал беседовать о будущей судьбе сект старообрядческих и о православной Церкви. В самый день своей кончины, 27 апреля 1895 года, о. Павел занимался делами, относящимися к борьбе с расколом.

Укажем ещё на труды недавно почившего миссионера Владимирской епархии, Тимофея Алексеевича Николаева. Как сам прежде бывший в расколе, он горячо был предан делу обращения заблудших и для этого дела он не щадил себя. Его беседы, отличавшиеся увлекательностью и задушевностью, действовали на слушателей самым благотворным образом и, несмотря на то, что нередко происходили в душных, закоптелых избах, до тесноты набитых слушателями, в невыносимой атмосфере, они продолжались иногда по 10–12 часов без перерыва. Такие самоотверженные труды Тимофея Алексеевича приносили и плод обильный. Обращённых им к православию нужно считать не десятками, а целыми сотнями. Но и сам проповедник истины, не смотря на свою сильную, крепкую натуру, на цветущий здоровьем, могучий организм, не выдержал чрезмерного напряжения... Раз, во время беседы, у него из горла показалась кровь и, хотя Тимофей Алексеевич не придал

этому факту значения, однако он был для него роковым предзнаменованием... Он заболел горловой чахоткой, которая преждевременно и свела неутомимого труженика в могилу. Во время даже своей смертельной болезни Тимофей Алексеевич не прерывал своих миссионерских трудов, верный завету Апостола: „дондеже время имамы, да делаим благое ко всем“ (Гал.6:10).

Да не подумает кто, что мы всем сказанным хотим отрицать ту пользу в деле обращения отпадших, какую, несомненно, приносит и должно приносить приходское духовенство. Нет. Мы возражаем только против очевидной неправды о. Митрофана, утверждающего, что миссионеры не оправдывают, будто бы, возлагаемой на них многими надежды, и неспособны, будто бы, своими беседами „убедить никого“. Все миссионеры отлично сознают, что если бы миссионерской деятельностью занимался каждый приходский священник в своём приходе, действуя на него своими проповедями и беседами, то дело обращения заблудших к познанию истины было бы, без сомнения, ещё успешнее. Такое убеждение высказано ими, между прочим, на съезде противо-раскольнических миссионеров в Москве в 1887 году (см. „Бр. Слово“ за 1887 г. т. II, стр. 37–38).

Кроме плодотворных бесед со старообрядцами, православные миссионеры такую же пользу принесли и приносят делу миссии и литературными своими трудами. Вспомним опять о. архимандрита Павла и сотрудников его, написавших незаменяемые сочинения, отличающиеся простотой изложения, силой мысли и убедительностью, служащие всем занимающимся обличением и вразумлением глаголемых старообрядцев необходимейшим руководством.

Итак, в виду той великой и несомненной пользы, какую принесли и приносят миссионеры своими многоплодными трудами. следует желать только возможно большего их распространения в нашем отечестве. Следует желать также и того, чтобы местные священники, служащие в приходах, заражённых расколом, всячески содействовали трудам миссионеров своими проповедями, сердечными беседами и полезными внушениями старообрядцам оставить свои

заблуждения и с покаянием обратиться к св. Матери Церкви, а не ждали бы пока, они сами, без зова, образумятся и придут, как ныне многие делают и, как бы, в успокоение своей совести говорить, как говорит и о. Митрофан; „никто, без содействия и помощи благодатной через Господа Христа, не может прийти к Отцу Небесному (Ин.6:44), оставившему на полевой ниве расти и пшеницу, и плевелы. И Сам Христос Спаситель и ап. Павел еретика человека, по первом и втором наказании, повелевали отвращаться, как ослушника“ (Мф.18:17 и Тит.3:10).

Правда, что без благодатной помощи Самого Господа никто не может отрешиться от пагубных заблуждений и прийти к познанию истины Христовой. Но разве это значит, что заблуждающихся еретиков и раскольников, а также и других отступников не следует уже и вразумлять? Разве это значит уже, что таковых следует оставлять коснеть в своих заблуждениях, дожидаясь, пока Сам Бог, непосредственно, обратит их от заблуждения к познанию и приятию истинного учения Христова? Такое понятие будет уже противоречить всей истории христианства, начиная с самих св. апостолов, „весь мир ученьми своими просветивших“, и кончая св. отцами и учителями Церкви, не щадившими своей жизни для вразумления и просвещения заблудших словом истины. Такое понятие противоречив и учению Самого Христа Спасителя нашего, пославшего Своих учеников и апостолов „в весь мир проповедати Евангелие всем языкам, учаще их блюсти вся, елика Он им заповедал“. А посему – напрасно тогда и ссылаться, в оправдание своего нерадения о вразумлении заблудших, на слова Господа о невозможности прийти к Отцу Небесному, без содействия Его благодатной помощи, – слова Спасителя имеют совсем иной смысл, чем какой усволяет им о. Митрофан.

Обличая и вразумляя старообрядцев, миссионеры всегда успех своей миссионерской деятельности приписывают Самому Господу, просвещающему всякого человека, грядущего в мир, помня святыя слова Его: „*Без Мене не можете творити ничесоже*“. С своей же стороны миссионеры считают, однако, своим священным долгом простирать во услышание

раскольников слово истины, памятуя слова св. апостола Павла: „Како убо призовут, в Него же не вероваша? Како же уверуют, Его же не услышаша? Како же услышат без проповедующаго (Рим.10:14)? а также и слова ап. Иакова: „Братия, аще кто в вас заблудит от пути истины, и обратит кто его. да весть, яко обративый грешника, от заблуждения пути его, спасет душу от смерти, и покрывает множество грехов“ (Иак.5:19–20).

Напрасно также о. Митрофан ссылается и на то, что „Сам Христос Спаситель и Ап. Павел повелевают, по первом и втором наказании, отвращаться еретика человека, как ослушника“ (Мф.18:17 и Тит.3:10).

Выше нами уже разъяснено было, что бесполезны беседы только с *неисправимыми* или, как говорит Златоуст, „с неизлечимо-больными“ еретиками. С теми же из них, которые подают надежду на возвращение к пути истины, „не нужно оставлять собеседования прежде их убеждения“, – говорит св. Златоуст. Наши же глаголемые старообрядцы в своём целом не могут быть отнесены к неизлечимо-больным еретикам, ибо благодаря устным собеседованиям с ними православных миссионеров, многие из них, как известно, обращаются к церкви – „целыми массами, целыми деревнями“. Выше было разъяснено также, что св. апостол Павел, повелевая человека еретика, по первом и втором наказании, отвращаться, разумел только таких еретиков, которые своим нечестием вредили лично только сами себе. Коль же скоро еретики своим нечестивым учением будут увлекать в свои сети других, то святой апостол повелевает таковым „уста, заграждать“. И св. Златоуст говорит: „если они (еретики) станут губить других, то нужно восстать против них, бороться с ними и опровергать их с великим мужеством“ (Бес. 6-я на посл. к Титу, стр. 79). А вожди именуемых старообрядцев, как известно, ни о чём так не заботятся, как о распространении своих зловредных лжеучений, среди немощной братии. Что же – неужели, видя широкое распространение лжеучений, рассеиваемых всюду раскольническими вождями, следует молчать, пренебрегая спасением немощной братии, нередко удивляемой сетями этих лжеучений? Вообще о. Митрофан, сославшись на слова св.

апостола Павла: „еретика человека, по первом и втором наказании, отвращайся“ и придав им своё, не согласное с действительным их смыслом и толкованием на них Златоуста, значение, ещё раз доказал свою односторонность и узкость в понимании заключающих в себе божественную мудрость изречений священного Писания.

Приписывая успех противораскольнической миссионерской деятельности исключительно одним лишь приходским священникам, о. Митрофан говорит: „И по беспристрастному признанию членов последнего Казанского 3 Миссионерского Съезда, центр успеха противораскольнической миссии, по-прежнему, покоится на личности и деятельности приходского священника, – этого первого по званию служебному, главного и незаменимого миссионера“.

Правда, приходский священник, по своему пастырскому званию, в приходе есть первый и главный миссионер, но вопрос в том, возможно ли ожидать от приходского священника, даже самого опытного и ревностного, успешной борьбы с расколом, требующей, – в виду распространяемых всюду раскольническими вождями (особенно в последнее время) и устным и печатным путём своих лжеучений, непрерывной деятельности, непрерывного внимания, непрерывных самоотверженных трудов, когда у каждого приходского священника, кроме миссионерства, весьма много других дел: церковные службы, требы и школы, нередко даже две или три и, наконец, хозяйственные дела? Сколько же у него остаётся времени для специального ознакомления с противораскольнической полемикой и для бесед с раскольниками, продолжающихся иногда по 10–12 часов сряду?.. Притом, много ли в настоящее время приходских священников, хорошо знающих раскол и способных к успешной борьбе с ним? Их, по сознанию самого о. Митрофана, и „днём с огнём не сыщешь“. Вот поэтому-то тот же Казанский Миссионерский Съезд, который указывает о. Митрофан, признал необходимым, „чтобы миссии, как испытанные и много-полезные учреждения, действительно были учреждены во всех епархиях“. Чувствуя, как бы, и сам невозможность, „всю тяжесть борьбы с расколом

возложить исключительно на местных только священников“, в виду их неподготовленности к ней, отец Митрофан говорит далее о необходимости „перевоспитания пастырей, и пасомых. Но скажите, о. Митрофан, неужели, по-вашему, борьбу с расколом следует *отложить* до тех пор, пока „перевоспитаются пастыри и пасомые“, т. е, на целые десятки, а может быть даже и сотни лет?.. Да вот ещё вопросы: осуществимы ли ещё ваши мечты о „перевоспитании пастырей и пасомых?“ А если и так, то будет ли ещё какой-либо успех для уничтожения старообрядческих и других сект от такого „перевоспитания“? Что, если и тогда, когда, допустим, и сбудутся ваши мечты о „перевоспитании пастырей и пасомых“, вместо ожидаемой вами пользы, получится один только вред, – что тогда?..

Далее о. Митрофан противоречит уже сам себе, ибо признаёт опытными и полезными миссионерами не одних уже только приходских священников, но и не имеющих священного сана, мирян. Однако такие миссионеры, по признанию о. Митрофана, должны быть лица только богословско-образованные, прослушавшие науку обличения раскола, „ибо ко всякой деятельности прежде всего подготавливает правильно-поставленная школа“. Так ли, о. Митрофан? Вспомните, – разве плодотворная просветительная деятельность св. апостолов была следствием их „правильно поставленной школьной подготовки“? Напротив, стадо учеников Христовых состояло большей частью из смиренных, простых, неучёных людей; однако, несмотря на свою простоту и неучённость, они сумели покорить весь мир своим Божественным учением, „во всю землю изыде вещание их и в концы вселенныя глаголы их“.

И Сам Господь наш Иисус Христос, – сказано в книге высокопочтимого обер-прокурора Св. Синода К. П. Победоносцева, – „Победа, победившая мир“, не какой-либо системой или теорией создал Свою церковь, но *непреодолимым воздействием души на другую душу*. Он проповедовал самоотвержение, самопожертвование ученикам Своим и тем, кто, „оставльше вся и взявше крест свой, по Нем идоша“, – предлагал не систему учений, не кодекс законов, но Себя

Самого, являя в Себе самым делом ту истину, которая есть верховное желание души. Изо-дня в день беседовать с Учителем, слагать в душе слово Его и дело Его, питаться Его духом, очищать сердце от всех, даже самых нежных и чистых, земных привязанностей, до того, что можно сказать: „живу, и не живу, но живёт во мне Христос“, – вот какова была духовная дисциплина, которую проходили ученики Его и в пустыне, и на горе, и на берегах озера Геннисаретского, а когда на кресте явился перед ними верховный урок жертвы, смирения, себя истощающей любви, и ученики разошлись повсюду на проповедь. Словом, урок их людям был тот же самый, которым и они научены были“ (стр. 12–13).

Вот в чём состоял чудесный успех апостольской миссии, – в питании словом и духом Христовым, а не в „подготовке правильно поставленной школы“!

В этом же, без сомнения, состоит успех и противораскольнической миссии. Без питания же своей души все действующим словом Божиим, в какой бы „правильно-поставленной школе“ кто ни учился, никогда не может иметь успеха. Это бесспорная истина, против которой, думаю, не будет возражать даже и о. Митрофан. Да и можете ли вы, о, Митрофан, поручиться за проектируемую вами „правильно-поставленную школу“, что учащиеся в ней, будущие миссионеры, будут насыщать себя Словом Божиим, а не романами и тому подобными произведениями светских писателей, – каковые явления нередко встречаются и среди современных питомцев духовных школ?

Вообще, – как показывают многочисленные факты, школы не всегда оправдывают возлагаемые на них надежды. Теперь уже не тайна, что и среди питомцев современной духовной школы нередко можно встретить лиц антицерковного направления. Да и вообще-то духовная школа не всегда даёт церкви надёжных и опытных проповедников слова Божия. Отец Митрофан, например, без сомнения, есть один из получивших богословское образование в школе, – это видно уже по его учёному слогу, однако я, не учившийся ни в какой школе, никак не могу согласиться с ним в его несогласном святоотеческому,

одностороннем толковании рассмотренных выше слов св. апостола Павла, – и ничто в том не может разубедить меня ни его богословское образование, ни даже священный его сан.

Итак, школа, как бы правильно она ни была поставлена, не может быть признана единственным и главным условием успеха миссионерской деятельности, как полагает о. Митрофан.

В заключение о. Митрофан жалуется на материальную необеспеченность духовенства, видя в этом „зло, тормозящее религиозно-просветительную миссию на Руси“, – и на то, что „священнику, которому выпала несчастливая доля служить в приходе с раскольническим населением, в нужде и лихолетье приходится испытывать муки душевные и невзгоды телесные“.

Итак, по проекту о. Митрофана, для успешной деятельности против раскола необходимо особое обеспечение духовенства, а до тех пор, пока не будет дано такого обеспечения, не будет и успеха в протпво-раскольнической миссии.

К чему же, в сущности, приводят все рассуждения о. Митрофана о его „способах обличения неправды раскольнической“? Ровно ни к чему. Миссионеры не годятся, ибо они, по мнению о. Митрофана, „напоминают собой упразднённых за ненадобностью церковных исполнителей, надзорщиков и доносчиков на окружное духовенство“ и не способны, якобы, „убедить никого“, а приходские священники, хотя бы и могли быть хорошими миссионерами, да материально не обеспечены. Выходит, таким образом, что противораскольнической миссии в настоящее время вовсе не может даже и существовать, её приходится отложить до неопределённого времени, до тех пор, пока осуществляются несбыточные мечты о. Митрофана о „перевоспитании пастырей и пасомых“, о „правильно поставленной школе“, об обеспечении духовенства и проч... А дело борьбы с расколом не терпит, ревнители „древнего благочестия“, – эти волки в овчих одеждах, непрестанно грозят расхитить стадо Христово... А посему и является настоятельная нужда в людях, которые бы тщательно оберегали это стадо от их яростного нападения на него, является настоятельная нужда в миссионерах.

Итак, все усилия о. Митрофана доказать бесполезность деятельности миссионеров оказываются тщетными. Противораскольнические миссии, „как испытанные и много-полезные учреждения“, по-прежнему „настоятельно должны быть учреждаемы во всех епархиях“, а проектируемые о. Митрофаном – „перевоспитание пастырей и пасомых“, „правильно-поставленные школы“ и проч. – должны быть, без сомнения, признаны за неосуществимые и бесплодные мечты.

В № 28 „Руководства для сельских пастырей“ о. Митрофан заканчивает свою статью „о способах обличения неправды раскольнической“. Здесь о. Митрофан опять отвергает пользу бесед с глаголемыми старообрядцами, называя их „бесполезными вероисповедными спорами“. Коренным (радикальным) средством для противодействия расколу о. Митрофан считает „утверждение (приходскими пастырями) в православии и единомыслии собственных прихожан“. „Водворение мира среди верных, говорит о. Митрофан, умение удержать, не упустить в раскол прихожан – вот первая задача приходского пастыря! Надо заботиться, прежде о близких, потом уже о дальних, ибо кто о присных нерадит, тот хуже неверного по апостолу“ (1Тим.5:8). „Могучим средством для сей цели, продолжает о. Митрофан, должно быть церковное, учительство служителей Слова и устное и печатное. Общественная, литургийная, как неотъемлемая часть богослужения, проповедь и частные пастырские беседы благовременно и безвременно – будут надёжным союзником ревностному пастырю при наставлении в истинном учении православных христиан“.

Что „утверждение в православии и единомыслии прихожан и умение удержать, не упустить их в раскол“ есть одно из средств противодействия расколу – это правда, в этом можно согласиться с о. Митрофаном. Но разве отвергаемые о. Митрофаном миссионерские беседы со старообрядцами не служат той же цели? Многочисленные факты, отчасти упомянутые нами, показывают, что они не только утверждают православных чад церкви в православии и единомыслии, но и целыми массами обращают в лоно св. церкви самих заблудших братьев наших старообрядцев. Отец Митрофан говорит, что

„надо заботиться прежде о близких, потом уже о дальних, ибо кто о присных нерадит, тот хуже неверного по апостолу“. Но неужели о. Митрофану неизвестно, что беседы с глаголемыми старообрядцами прежде всего приносят незаменимую пользу именно православным, раскрывая перед ними всевозможные хитросплетения и лжеучения вождей раскола, которые всюду стараются уловить простодушных чад св. церкви в свои гибельные сети?

Священный долг пастырей церкви – заботиться о спасении „присных“ чад духовных – отнюдь не исключает забот и о находящихся во тьме и сени смертной язычниках, равно как о спасении вообще всех людей, не озарённых ещё истинным светом Евангелия Христова. Посылая Своих апостолов, а в лице их и всех пастырей церкви на проповедь, Господь наш Иисус Христос заповедал им проповедать Евангелие *всем языкам* (Мф.28:20). Первый и единый по естеству Архиерей, Господь наш Иисус Христос, подражать Которому обязаны и все пастыри св. Его церкви, желает привести к Себе не только присных, но и дальних. *И ины овцы имам, говорит Он, яже не суть от двора сего, и тые Ми подобает привести*“ (Ин.10:6). Если же пастыри св. церкви, во исполнение Господней заповеди, обязаны заботиться о спасении язычников, Проповедуя им слово Божие, то пастыри Русской прав. церкви тем более должны проявлять заботу о спасении близких им по плоти старообрядцев, предки коих принадлежали к *церкви Господа Бога, юже Он стяжа кровию Своею*. Столь дорогая цена не должна ли подвинуть не только пастырей, но и всех вообще истинных чад православной церкви к обращению на путь истины отпадших братьев наших – глаголемых старообрядцев, вразумляя их словом кротости, терпеливо выслушивая унаследованные ими от своих предков разные клеветы на непорочную невесту Христову? Воодушевляемые святой ревностью о славе св. церкви и о спасении отпадших от неё бывших чад её, глаголемых старообрядцев, православные миссионеры не жалеют для сего ни сил, ни здоровья. Они всюду ездят с словом вразумления заблудших и летом – в жар и пыль, и осенью – в дождь и грязь, и зимой – в снег и холод. Их

продолжительные беседы происходить нередко в крестьянских избах при невыносимой духоте от грязи и пота во множестве собирающихся слушателей крестьян. Благотворность этих самоотверженных миссионерских трудов давно уже засвидетельствована многочисленными примерами обращений глаголемых старообрядцев ко св. церкви. Но как ни очевидна польза миссионерских бесед со старообрядцами, миссионеры, однако, никогда не приписывали успеха миссии *исключительно* своим беседам. Напротив, они всегда сознавали и сознают, что успех миссионерской деятельности был бы гораздо больше и ощутительнее, если бы дело борьбы с расколом приняли близко к своему сердцу и все приходские батюшки, особенно тех мест, где есть раскольники. Церковная проповедь и внебогослужебные беседы приходских батюшек, раскрывая и разъясняя положительное учение веры, особенно в тех его пунктах, которые подвергаются перетолкованиям раскольников, весьма и весьма облегчили бы дело миссии. Такое желание, между прочим, и выражено было на съезде противораскольнических миссионеров в Москве 1887 года (см. «Бр. Сл.» 1887 г. т. II стр. 37). Но приписывая успех борьбы с расколом *исключительно* только „церковному учительству, проповеди и частным беседам“ приходских пастырей, о. Митрофан, очевидно, впадает в односторонность. Сам же он говорит, что „христиански просвещённый мирянин *не станет молчать* перед старовером“. А если так, то значит такой „христиански просвещённый“ мирянин“ будет *беседовать* со старообрядцем, обличая перед ним неправду раскола и доказывая истинность православной церкви. Если такие беседы со старообрядцами „христиански просвещённых мирян“ о. Митрофан не только не отвергает, но признаёт вполне естественными и необходимыми, то зачем же отвергать пользу бесед миссионеров? Да если даже и согласиться с. о. Митрофаном, что при повсеместном просвещении православных прихожан, живущих среди раскольников, миссионеры будут излишни, то и тогда о. Митрофан не прав, ибо отвергает пользу миссионерских бесед со старообрядцами *в настоящее время*, когда о всеобщем просвещении можно

только ещё разве мечтать. Если бы о. Митрофан истинно ревновал о *христианском* просвещении мирян, то ему надлежало бы не изгонять миссионеров, а всячески сочувствовать им и желать возможно большего их распространения, ибо не христианское ли просвещение преподают миссионеры своими беседами, когда насаждают в сердцах и умах своих слушателей истинное понятие о созданной Христом церкви, о совершаемых в ней богоустановленных седми тайнах, о значении священной иерархии, о различии между догматами веры и обрядами и т. под.?

„Причиной устойчивости староверия, продолжает о. Митрофан, может служить всегдашний, внешний облик примерного, показного „блаженномудрия“ ревнителей древлеправославия, доведённый в одежде, осанке и замашках до совершенства, что и влечёт незнающих Закона Божия крестьян в дебри раскола, как в болотную трясину“. Согласимся, что лицедейство, показное благочестие ревнителей древлеблагочестия или старообрядцев есть действительно одна из причин устойчивости раскола, увлекающая простодушных в гибельные его сети. Но тут-то опять и является нужда в миссионерах, которые бы посредством своих бесед со старообрядцами разоблачили это их лицемерие и раскрыли перед ними самими и перед православными слушателями весь смрад внутреннего их нечестия, и тем оградили бы от увлечения в раскол простодушных чад св. церкви, увлекающихся показной, лицемерной набожностью глаголемых старообрядцев.

Далее о. Митрофан толкует о современных внешних условиях борьбы с расколом, которые, по заключению маститого летописца (Н. И. Субботина), не только не улучшились, но достигли более печального для православия положения, ибо к покровительству старообрядцев со стороны низших представителей светской власти, вследствие „золотой политики“ раскола (подкупа), присоединилось защитничество гласного суда и либеральной печати. Так, если, по сознанию о. Митрофана, и представители низшей власти, и защитничество гласного суда, и либеральная печать, „вследствие золотой

политики“, покровительствуют и даже открыто иногда защищают раскол и тем наносят вред православной церкви, то чего можно было бы ожидать, если бы в угоду о. Митрофану устранить ещё и миссионеров, этих защитников св. церкви, которые нещадно обличают старообрядцев, других сектантов и вообще врагов церкви?! Прибавьте к этому ещё и то, что руководители старообрядческих сект, разные Швецовы, Мельниковы, Усовы и другие, не перестают рассеивать среди чистой пшеницы православного учения зловредные плевелы своих раскольнических мудрований и устным и печатным подпольным путём, – представьте себе весь ужас могущих произойти отсюда последствий! Не стали-ль бы тогда всё чаще и чаще повторяться прискорбные для православия факты тех печальных времён, когда противо-раскольническая миссия была ещё только в зародыше, а отпадения от православия в раскол были многолюдные. Итак, всё говорит за то, что, в видах ограждения чад св. церкви от увлечения различными антицерковными мудрованиями, рассеиваемыми многочисленными врагами истины Христовой, институт миссионеров среди русского народа положительно необходим. Будь поменьше врагов миссионерства, раскол, быть может, пал бы уже и даже память о нём погибла бы с шумом.

В заключение своей статьи не могу не выразить своей сердечной благодарности московскому градскому и гуслицкому миссионеру священнику о. Христофору Константиновичу Максиму за его полезные указания и руководство в этом моём скромном труде, единственной целью которого было принести посильную пользу процветанию противо-раскольнической миссии, плодотворной деятельности которой обязаны – как я и всё моё семейство, так равно и большинство обратившихся из гибельных сетей раскола в спасительную ограду св. Христовой церкви – познанием истины,

Миссионер Николо-Котловского благочиннического округа Московской епархии *А. Зверев*

**Гринякин Н. Петербургское раскольничье братство
и слово австрийского „попа“ в его собрании //
Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 1266–
1275**

В Петербурге существует кружок, именующийся братством Стефана Зизания и Аввакума Протопопа⁴⁴⁵. Братство это состоит из старообрядцев-громовцев. В нём 80 членов – людей среднего торгового и фабричного класса. Братчики по временам собираются для обсуждения религиозных нужд по защите „древнего благочестия“. На собраниях читаются разные касающиеся раскола брошюры и говорятся раскольничьи речи, как членами братства, так и приходящими. На одном из таких собраний было прочитано ниже помещённое слово. Слово принадлежит, как нам передано, запрещённому ныне австрийскому попу, мещанину г. Самары (из крестьян той же губ. и уезда, села Новый Студенец, отстоящего в 3-х верстах от станции Кинель Самаро-Златоустовской железной дороги). Он по ремеслу иконописец; старообрядческим попом состоит 30 лет, в том числе 9 лет служил на Громовском старообрядческом кладбище в Петербурге. Зовут раскольничьего попа-оратора Федот Фокеев Ерофеичев.

Слово г. Ерофеичева характерно как для состояния современного раскола вообще, так и для порядков противоканонической австрийской иерархии в частности. Вот это слово. Исправляем только орфографию.

* * *

„Аще о истине слово будет, сиречь глаголати о правде, не токмо перед святители, по и перед цари, понеже благочестия (т. е. правды) отступити – Бога отступити“. (Три челов. стр. 96).

БРАТИЯ!

Я очень доволен тем, что имею возможность присутствовать между собравшимися здесь и, пользуясь случаем, хочу побеседовать с вами о современном положении нашего старообрядческо-христианского духовенства.

Всем вам, конечно, известно, что я имею сан священника, но, находясь под запрещением, не имею права священнодействовать. Но известно ли вам, за что и при каких обстоятельствах я запрещён? Думаю, что не известно. Да, братия, даже я и сам не понимаю, за что и для какой благой цели было угодно запрещать меня, да при том же в течение одного года три раза.

Однако, братия, это троекратное на одном году запрещение моё на меня подействовало так: я убедился вполне, что надо мной, нет, не надо мной, а над моим саном, в котором я состою, просто издеваются, в угоду кому-то унижают меня, пред кем-то раболепствуют. точно бы ждут от кого какой-либо выгоды.

Это и понятно: архиерей у нас, как всякое выборное общинное лицо, не может избежать допущения вмешательства светских лиц в дела церкви; эти лица ему иногда прямо-таки могут приказывать: осуди, мол, нам, вдадыко, нашего батюшку, вот так-то и так-то. При таких обстоятельствах архиерей легко может быть прямо-таки игрушкой в руках светских лиц и исполнителем не своих убеждений, а людских приказаний, что и бывает. Братия, я это на себе испытал. Архиепископ Московский Савватий, трижды запрещая меня на одном году, был игрушкой в руках Исидора Яковлев. Богданова. Игрушкой, говорю я, был он, архиепископ Савватий, в руках Исидора Яковлевича Богданова. Как же иначе сказать? Само дело ведь доказывает; когда, напр.. померла богатая старушка из рода Громовых, Федосья Фёдоровна Барановская, дети покойной ходатайствовали за меня перед Богдановым; внимая их ходатайству, Богданов испросил мне разрешение, по телеграфу даже. Потом, через неделю вторично запретили меня и через несколько дней вторично разрешили. Потом третий раз запретили, и всё это произошло в течение не только года, но полугола! Это ли, братия, не игрушка? И так, практикующеся, как выше я сказал, вмешательство светских лиц в дела церкви – большой вред для нас: вследствие этого вмешательства духовенство наше находится в совершенном унижении, отчего развиваются раздоры и клеветы на пастырей.

Архиепископ Савватий настолько был привержен к допущению вмешательства мирян в дела церкви и потворствовал оным, что не осмелился разрешить меня без приказа Исидора Яковлевича. Я обращался к архиеп. Савватию лично, в самый тот момент, когда на него налетали, как орлы, со всей России, наши преосвященные смиренные владыки в столицу Москву и выгнали его из его квартиры с Опухтинки. Это случилось с ним, после третьего моего запрещения чрез месяц. Нашёл я его бедного, уже скрывающимся в Замоскворечье, в доме купца Димитриева. Представлен я был ему служившим при нем в этот день за обедней диаконом Харлампием. Первые мои слова были к архиепископу Савватию: за что вы, владыко, меня на одном году три раза запрещаете? Архиепископ Савватий сказал мне: «я знаю, что ты запрещён, но нет, отец, нешто я не помню, три раза. я не запрещал». Так я его и не мог уверить относительно троекратного запрещения. Из разговора я убедился, что разуверять его больше не полезно. Попросил у него прощения и благословения на священнодействия. Владыка замялся и сказал мне в ответ: поезжай и попроси у Исидора Яковлевича Богданова записочку. Когда я напомнил владыке, что за записочкой ехать из Москвы в Петербург не близко, владыка меня стал ласково уговаривать, что-де ныне это не долго на машине съездить и обратно приехать. Это ли, братия, не призыв нашим архиепископом мирян к вмешательству в управление церковными делами.

Следовательно, архиепископ Савватий совершенно не был знаком с правом и справедливостью, а потому и довёл меня, священника, до такого жалкого положения, что должен было я уступить напору сил развивающихся снизу.

За какие же это вины я долго так страдаю, когда меня то запрещали, то разрешали, по телеграфу даже? Не ясно ли подобные поступки говорят, что вины мои, вероятно, не важные, но только страшно клеветнические. За неосновательные клеветы запрещать не должно. „Духа не угашайте“, учит апост. Павел.

Вам так же, братия, известно, что после архиепископа Савватия, на московской кафедре 2 года был заместителем владыка Арсений Швецов, которому от меня потребовалась не записочка Исидора Яковлевича Богданова, как её требовал от меня архиеп. Савватий, но общественниками подписанное прошение, которое мною и было доставлено ему. Владыка Арсений Швецов, получив в защиту мою прошение Общества Петербургского и не учинив по нему ничего, в свою очередь передал его архиепископу Иоанну Карлушину, и что ж они сделали по оному прошению? Да ровно ничего! Между тем ведь прошение послано также от мира – от Общества. Братия, сии уважаемые наши архипастыри невникновением по общественному сему прошению в дело, ясно наводят нас на мысль, что и они не чужды допустительства в церковное управление мирян, что и им нужна записочка Исидора Яковлевича Богданова. Следовательно, допустительство в управление церковью мирян несомненно и ныне практикуется, и при том допускаются до этого не просто миряне, но миряне по выбору. Выбор же как раз всегда падает на богачей, которых попросту принято называть мироедами. Положим, чтоб меня допустить до служения в Петербурге, архиепископу Савватию требовался приговор, но через приговоры священники в приходы определяются только вновь поступающие. Разрешить же меня должно было собственно архиерейской властью, а не записочкой, как служившего уже священника в Петербургском Обществе. Не есть ли это неведение своей обязанности со стороны архиепископа? Правило⁴⁴⁶ гласит так: «живу сущу епископу, вместо его другой поставиться не может»; в другом месте пишется: «что епископу, то иерею надлежит»⁴⁴⁷. Меня не осудили и не выдворили никуда, и преспокойно на моё место посылают служителей, и не ставят себе в том греха. Это ли знакомство с нравом и справедливостью! «Тако желающе вас, пишет апост. Павел, благоволихом подати вам не точию благовествование Божие, но и души своя; и даже молился бы сам, отлучен быти от Христа по братии своей» (1Фес.2:7–11; Рим.9:1–3). Так должно сердечно чувствовать священнослужителю. Он должен благо ближнего ставить выше

своего собственного. Ещё: «ибо брат от брата помогаем – яко град твёрд», пишет С. Премудрый. Рассказав о вмешательстве мирян в церковное управление по собственному моему делу, я имею в виду всё современное наше духовенство. Подобных историй я от собратий моих много слышал; они, благодаря вмешательству мироедов, сделались невольными отступниками от старообрядческо-христианской церкви, вкупе с пасомыми. Братия, кому и какая польза произошла от того, что запрещено мне проповедовать и священнодействовать? Никому, кроме глупых мироедов, – моим запрещением доставлено глупое удовлетворение их прихоти, на вред душе, а вреда церкви сколько вышло? Много было разговоров дельных и не дельных в обществе, немало произошло и отступлений от старообрядческой церкви ведомых и не ведомых. Кому же за это горе? „Горе пастырям, иже погубляют и расточают овцы паствы Моея“ (Иер.23:1,2); „се Аз на пастыри, и взыщу овец Моих от рук их, рече Господь“ (Иер.34:3–10). Много примеров мне известно по всем епархиям: священники проповедуют, собирают церковь, а епископы, как только сунутся со своими распорядками, так сейчас от их безрассудных распоряжений уходят не только овцы, но и сами пастыри. Почему же это бывает? я полагаю потому, что наши владыки являются, чтобы показать свою власть, а не для того, чтоб „друг друга тяготы носить“, и тем исполнить Закон Христов.

И так, братия, из вышесказанного вытекает ясно:

1) Владыка архиепископ Савватий был игрушкой богачей и богачих; для него ничего не стоило священника, в угоду любого богача, подвергнуть издевательству и запрещению служения церкви, хотя бы это было не угодно всему обществу.

2) Для наших владык общество бедных не составляет ничего; по этой-то тактике они вот уже 7 лет на поданное в мою защиту прошение, которое было подписано некоторыми и здесь присутствующими, не обращают внимания вопреки изречению Сираха: „Праведник милует и скотов своих“. (Сир.12:10).

3) В заключение скажу вам, братия, – первые архиереи наши, имена которых я произношу с великим благоговением, не принесли столько пользы в тяжёлые никоновские времена

старообрядческо-христианской церкви, сколько ей принесли пользы современные им священники, семейные люди. Например: архиереи вращались вокруг и около высшего круга, спорили с Никоном, перетягивая всякий на свою сторону Алексея Михайловича, который приказал потом посадить их в тюрьму. Но архиереи наши допреж сего по подумали и не попеклись о том, чтобы поступить по Господню словеси: «Егда же гонят вас во граде сем, бегайте в другой» (Мф.10:23). Они не подумали, чтоб поддерживать преемство и пасти гонимую Церковь Христову. А священники, говорю я, семейные люди, с семействами и даже с приходами ушли за границы, чем и спасли церковь гонимую, поучая и наставляя христиан-старообрядцев, по пророку Малахии: «Устне иереовы сохраняют разум, и закона взыщут от уст его» (Мал.2:7), и ещё: Иеремия говорит, что пастыри по сердцу Бога те, которые пасут разумом и учением. (Иер.3:15).

Братия! Мы должны убедиться, что потворство мироедам приносит страшное зло архиерею по церковному управлению. а поэтому не будем закрывать от себя этот недостаток наших владык. Но для поддержания лучшего управления и порядка на будущее время обличим их и потребуем во имя истины, чтоб они служили на пользу и преуспевание церкви, и не обижали бы за всякие пустяки священников – семейных людей, но помогали бы им в трудных обстоятельствах, и не вносили бы своими распорядками разлада и раздора в общество. Аминь.

От редакции

Запрещённый австрийский „отец“ раскрывает перед своим „братством“ и нами язвы своего „согласия“: но, видимо, не умеет или не хочет вникнуть в их первопричину. Он – 1) сетует на вмешательство мирян в дела „церковного“ управления, 2) жалуется на несоблюдение австрийскими „владыками“ канонических правил, 3) хлопочет о своей „старообрядческо-христианской церкви“, 4) вздыхает о первых своих (раскольничьих) „архиереях“ и „священниках“ и 5) печалуеться во поводу оставления раскола его „пастырями вкупе с пасомыми“.

Думается, будь оратор на собрании „громовского братства“ основательно знаком с историей раскола и австрийской иерархии, и будь он притом искренно верующим человеком, жаждущим истины Христовой, он сам оставил бы раскольничью ложь и присоединился бы к истине православия. По всем пунктам своего печалований он обрёл бы надлежащее уврачевание и уж не обратился бы со своим словом к „церкви лукавствующих“.

1. Он сетует на вмешательство мирян в дела „церковного управления“... Но ему, надо думать, достаточно неизвестно, что и сама австрийская иерархия – дело рук *мирян*, рук человеческих, да ещё каких – мусульманских и католических! Ведь сам оратор, думаем, проповедует, что беглопоповское общество (без епископа) не составляет церкви Христовой; а австрийщина из *не-церкви* (беглопоповства) стала *церковью* (якобы), благодаря только *еретику* 2-го чина, каковым линовано считали м. Амвросия, *мусульманину* (польскому пану, принявшему ислам) Садык-паше Чайковскому, австрийскому императору (*католику*) Фердинанду, найденным хлопотами Петра Вас. Велиикодворского (инока Павла), да, пожалуй, *жидку* Рувимке, служившему переводчиком при переговорах Павла и Алимпия с сыном м. Амвросия Георгием! Литература по этому вопросу надлежаще и основательно, по раскольничьим же документам, осветила это дело⁴⁴⁸. Г. Ерофеичев должен быть ещё доволен, что в управление делами его „церкви“ не

вмешиваются хоть еретики 2 чина, мусульмане, католики, да жида, коим эта „церковь“ обязана своим существованием!..

2) Он жалуется на несоблюдение австрийскими „владыками“ канонических правил. Но... „нет худого дерева, которое приносило бы плод добрый... не собирают смокв с терновника, и не снимают винограда с кустарника“ (Лк.6:43–44). Ужели старообрядческому „иерею“ неведомо, что австрийская иерархия получила своё устройство на основании полного попрания канонических правил? Миссионерская литература об этом настолько полна и обстоятельна, что касательно противоканоничности белокриницкого священства для знающих и признающих церковные каноны не оставляет уже никакого сомнения. Бегство м. Амвросия в Белую Криницу, принятие его (уже запрещённого константинопольских патр. Анфимом III) в сущем сане вторым чином, совершенное беглым иером. Иеронимом (принявшим исправу у лужковцев), единоличное поставление себе преемника и т. д. и т. д., – всё это было посмеянием над законами церкви! Правда, инок Павел (Великодворский) писал как-то, в одной из своих заповедей, коснувшись смотрительных случаев (исповеди у лиц неосвящённых), что „поступающие чрез правил и преступающие закон не оправдятся“ (см. Субботина „История австр. свящ.“ вып. II, изд. 1899 г. стр. 281–2), но сам устроил такую противозаконную иерархию, что даже один австрийский же „архиерей“ – Аркадий Славский писал о ней так „попу“ Василию Каменскому: „вратами нынешнее время ни един святитель вниде. Врата суть *правила* обдержные... Церковь наша вся на случайных правилах, и *врат* не имать, т. е. обдержные *правила* празднуют... Рассмотрим и сам корень – Амвросия: *не вратами* (он вошёл); я однажды отцу Павлу написал об Амвросии пунктов до 14... и так отец Павел не доказал..., что творить? Обдержные нужно *оставить*, т. е. врата, а искать малую дверь где-нибудь *побочную*“⁴⁴⁹ (как, стало быть, вор, прелазяй инуде?). „Если по обдержным *правилам* рассмотреть нашу всю церковь, пишет тот же Аркадий, то едва ли что в ней останется незыблемо“⁴⁵⁰. А сколько для устройства австрийского священства употреблено было иноком Павлом и липованами

наглой лжи, подлогов, хитрости и подтасовок разных „смотнительностей и святоподобий“ в обход прямых законов церковных!?”⁴⁵¹ Если бы австрийский „отец“ знал это или не закрывал от этого глаза, ища истины свято-церковной, он едва ли охотился бы иметь дело со своими „владыками“, нарушающими „право и справедливость“: ему стало бы ясно, что они „дополняют меру отцов своих“, и думается, внял бы словам псалмопевца: „блажен муж, иже не иде на совет нечестивых и на пути грешных не ста“...

3) Оратор именует своё общество „старообрядческо-христианской церковью“. Но можно ли, приложив ко лжи ложь, получить истину и прибавить к беззаконию беззаконие, чтобы стал закон?! Беглопоповщина, как уповает и австрийский запрещённый „отец“, есть ложь и беззаконие, а не церковь Христова, а что, кроме лжи и беззакония, прибавила австрийщина к беглопоповщине, чтобы из нецеркви она стала церковью? Ничего!⁴⁵² „Аще не Господь созиждет дом, всуе трудишася зиждущии“... Об этом по отношению к австрийщине писано было слишком много, чтобы теперь ещё на этом останавливаться. Вспомним только одно, что по удалении митр. Амвросия из Белой Криницы и заточении его в Цилли (1848 г. авг. 29), инок Павел вскоре потщился собрать белокриницкий собор (3 янв. 1849 г.) для возведения преемника Амвросиева Кирилла в митрополиты (4 янв. Кирилл и был возведён в митрополиты *вторичным* (!) архиерейским рукоположением) и в качеств мотива к сему собору и его спешному делу привёл в соборном определении известные слова Златоуста „не может бо церковь без епископа быти“ (см...История блокр. свящ.“ Субботина вып. II. стр. 214). Оле, лукавства! А 180 лет без епископа церковь (беглопоповская) могла быть? Если нет, то могли ли из неё создать церковь: еретик второго чина (каким почли липоване беглого митр. Амвросия), мусульмане, католики, да. Беглопоповцы – инок Павел, Алимпий и их единомышленники? „Предаде их Бог в неискусен ум... зане любви истины не прияша“; австрийские все продолжают считать своё общество Христовой церковью!

4) Автор слова воздыхает о первых *своих* „архиереях“, „споривших“ с патр. Никоном... Но таких архиереев никогда не существовало. Раскольники напрасно считают еписк. Александра Вятского и Павла Коломенского за *своих* архиереев. Ведь им должно же быть известным, что Александр Вятский, протестовавший против книжных исправлений при п. Николе, принёс затем перед московским собором 1666 г. раскаяние, а Павел Коломенский, заявивший о своём несогласии с распоряжениями Никона о поклонах на соборе 1654 г, и выразивший то в самой своей подписи под соборным актом, до начала, собственно, раскола и не дожил, так что раскол, как раскол, т. е. после акта 13 мая Б. Московского собора 1667 г., не имел ни одного единомысленного себе епископа, и говорить раскольникам о каких-то „своих прежних“ архиереях значить говорить небылицу, а тем более – австрийским, у которых первым архиереем стал беглый митрополит Амвросий – уже в 1846 году!

Что касается оставшихся в расколе и уклонившихся в него „иереев“, то они, по суду канонов, уже не „иереи“: как „действующие без повеления и заповеди святительския“, они церковным законом уподобляются „нерукоположене действующим“ (Номок. л. 57 и об. ср. ап. пр. 39 –55 и толк.). А автор „слова“ ещё воздаёт им хвалу, как „спасителям гонимой церкви!“ „Архиереи наши, говорит он, не подумали допреж сего (чтобы спорить с Никоном и попасть затем в тюрьму) и не попеклись о том, чтобы поступить по Господню словеси: „егда же гонят вас во граде сем, *бегайте* в другой...“ (Мф.10:23). Они не подумали, чтобы поддерживать *преемство* и пасти гонимую церковь Христову...“ Думается, австрийскому оратору тут не мешало бы добавить ещё: как, мол, сделал это митр. Амвросий... он убежал (хотя... „ни единому же гонящу“) из Царьграда и устроив преемство... Но, вероятно, постеснялся добавить это в виду того, что Амвросий убежал по найму: за 500 червонцев в год для себя и прекрасное обеспечение, кроме того, для своего семейного сына, и поэтому мог привести слушателям на память другие словеса Господни: „*наёмник*, иже несть пастырь... видит волка грядуща, и оставляет овцы своя и

бегают... яко наёмник есть“ (Ин.10:12–13)... „А священники, продолжает запрещённый „отец“, с семействами и даже с приходами ушли за границы, чем и *спасли* церковь гонимую“. Тут оратор, что называется, прямо зарапортовался! Церковь, которая не имеет „иного основания паче лежащего, еже есть Иисус Христос“, которую „до скончания века“ „и врата адова не одолеют“ (Благ. ев. Мф. зач. 67 и др.), которая в существенном своём устройстве „никогда же и изменится, аще изменится и вся тварь“ (Благов. Лк. зач. – 107); эта церковь, по оратору, близка была к гибели со времени п. Никона, и не приди ей на выручку беглые попы, она *погибла* бы, – они её, видите ли, *спасли*!.. Если оратор под церковью разумел раскольничье мужичье общество с „глупыми мироедами“ во главе, то он, пожалуй, прав; но если под нею разуметь истинно-православную Христову церковь, то слова его превосходят всякие беспоповские богохульства... К тому же – если *беглые* попы и *до австрийщины спасли церковь*, то зачем беглопоповцам понадобилось после того воровать м. Амвросия из Царь-града? И какую же теперь „церковь“ *беглопоповскую* или *амвросиевскую* оратор исповедует за истинную, если, по 9 чл. Символа веры, он верует во *едину* святую соборную и апостольскую церковь? Воистину, „не ведут, что творят!“

5) Если бы Господь даровал благодать запрещённому от безблагодатных „владык“ безблагодатному „иерею“ оратору уразуметь всю тщетность построенного на песке лжи и беззакония здания австрийского священства, думается, он не стал бы печаловаться по поводу того, что из его лже-церкви уходят „пастыри вкупе с пасомыми“, а, „испытав“, но слову Божию, слову святоотеческому и по церковным канонам, „духа“ австрийщины, каким его показывает документальная история, сам последовал бы с радостью по стопам тех, кто оставил „блудные“ скитания по раскольничьим дебрям и возвратился, в „дом отца своего“ – в церковь православную. „Ей, буди буди!“

Н. Гринякин

**Из записок и дневников // Миссионерское
обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 1276–1291**

Раскаявшийся толстовец. „Меморабилия“. С. 1276–1279

Записки раскаявшегося толстовца. Глава 3 ⁴⁵³

Вообще замечательно, как умы падших сынов Адама легко усвоят всякие крайности, о коих Святые Отцы церкви ясно свидетельствуют, как о вредных и опасных, говоря буквально так: «всякая крайность от бесов»... И вот я отдал долг этому легковерию и суеверию, доходя в своих увлечениях до геркулесовых столпов, и обо мне, пожалуй, диавол сказал бы, как о том монахе, который пёк яичко на свечке: «я (то есть диавол) у него сам учусь, а куда уж мне учёного учить». На самом деле, в этом случае отец лжи по обычаю своему соврал, «ибо во истине он не стоит и несть истины в нём», по свидетельству Отца Истины Христа Спасителя. Но всё-таки у отца лжи бывают ученики более усердные и менее усердные. Не ведая того, я своей горячностью, которая впоследствии сослужила мне добрую службу при обращении моём к Богу и церкви, превзошёл многих в готовности верить на слово вракам заграничных подпольных изданий Эльпидинского производства, умея ставить точки над «і», как говорят французы.

Повторяю, испугав бурша Шрамма террористической наивнейшей статьёй, я, помнится, давал её на суд Марии Константиновне Це-вой: которую в то время уже перевели из Усть-Сысольска в Вологду. Но Це-ва не одобряла. моих кровопийственных увлечений и, кажется, как это ни странно. её влиянию я обязан тем, что не ушёл в дебри терроризма. Це-ва, известная сочинительница открытого письма к Государю Александру III. – письма, которое она, издав за границей, собственноручно распространила в СПб., за что и была арестована и сослана в Усть-Сысольск, не была сторонницей насильственных мер, и письмо её к Государю дышало более умеренными тенденциями. Не даром сама себя она сравнивала с маркизом Позой... Письмо Це-вой и личное с ней общение несколько цивилизовало меня, ибо М. К. была европейски-образованная женщина, хорошей нравственности, труженица

литературы, Написав письмо к Государю. она не пряталась, а сознательно пошла на арест и ссылку. Это в моих глазах придавало ей облик героини и мученицы, так что сердце моё было открыто для смягчающих влияний от её личности. В маленькой её квартирке собиралось всё ссыльное, опальное, поднадзорное наше общество. Приехали в Вологду ссыльный социал-демократ доктор Пётр Алексеевич Л-в, Михаил Юлианович Б-ский, товарищ Л-ва по духу и убеждениям, литератор Василий Васильевич В-в, сын известного педагога (он возвращался из Яреиска), Андрей Андреевич Х-в. Все эти люди были гораздо образованнее меня, более здоровы нервно, кроме разве адвоката К-на. приехавшего к концу моей ссылки в Вологду и увлекавшего меня своим фантастическим революционным прошлым и своей удивительной талантливостью. Вообще всё это общество скорее цивилизовало меня, чем заразило. Влияние Льва Толстого парализовалось сими ближайшими влияниями. Конечно, все эти личности относились к правительству враждебно. Но во всех была любовь к родине и русскому народу, а это были элементы здоровые, сравнительно с космополитическими и мерзейшими анархическими идеями яснополянского лже-мудреца. Л-в же являл прямо христианское самоотвержение в своих докторских трудах и пал жертвой своей любви к больным: заразившись тифом, он на моих глазах и руках, в час моего дежурства над ним, скончался.

Глава 4.

Второе, более близкое соприкосновение с графом Толстым произошло по следующему поводу, сначала заочное, а потом и личное. В Вологде на слухи о страданиях голодающих я реагировал не одной только революционной статьёй, но и другим, гораздо более полезным делом. Возникла мысль издать литературный сборник в пользу голодающих, – сборник вологодский. Павел Владим. Засодимский сочувственно откликнулся на мою мысль и согласился разделить со мной редакторство. Я проявил в этом деле такой пыл, что почти испугал Засодимского, ибо я начал строчить письма чуть не во все страны света, приглашая иностранных учёных и писателей

принять участие в «сборнике». И упование на успех доброго дела не посрамило. Когда Засодимский увидал в моих руках полученную из Америки рукопись знаменитого экономиста Генри Джорджа, полученную мною через Мак-Гахан, то убедился, что горячность не всегда бывает вредна в практических делах. Для нас, «неблагонадёжных», такой сюрприз, как статья Генри Джорджа, был очень трогателен. Пришлось писать письма ко многим знаменитостям, в том числе к Льву Толстому, Владимиру Соловьеву и другим. Вот тут-то – не помню как – граф Толстой вызвался перевести на русский язык статью Генри Джорджа. Оригинального своего Толстой в то время ничего не имел готового, но важно было его имя, которым мы и получили возможность пользоваться, имея перевод статьи Джорджа. Участие Толстого совершению помирило Засодимского с моим рвением. Удалось мне выхлопотать и средства, рублей 200 от одного из вологжан, бывшего петровца. Сборник вышел под заглавием «Помочь».

К Толстому я уже явился лично в Москве, когда в марте 1892 года истёк двухлетний срок моей ссылки. Но прежде, чем выехать из Вологды, меня чуть не замешали в новое дело, – дело Любви Едемской, которая была настоящей сестрой милосердия всех сосланных и пленённых. За месяц до окончания срока ссылки, вдруг рано утром, когда я ещё был в объятиях морфея, нагрянули ко мне жандармы, произвели обыск и повезли в жандармерию для допросов. Не успев сорваться с одной верёвочки, я попал в новую петлю. Но тут уж меня осенило некое адвокатское вдохновение. Не имея адвоката, я сам за себя постоял, и писал мои показания на допросы жандармского офицера и прокурора с такой огнепальной ревностью, задором и – можно сказать – красноречием, что, кажется, единственно поэтому вывернулся из-под новой опалы. Меня выпустили, задав лишь острастку, и я имел возможность побывать по делам литературного сборника и у Толстого, и у Владимира Соловьева в его квартире на углу Пречистенки. Соловьев дал свои стихи, а Толстой при сотрудничестве, помнится, Илии Львовича и дочерей дал мне перевод статьи Генри Джорджа. Толстой перевёл эту статью

потому, – как сказал, – что Джоржа он почитал гением и зачитывался его произведениями. Если бы Толстой имел хотя половину того уважения к произведениям евангелистов, Четвероевангелию, какое он имел к произведениям Генри Джорджа, – то, без сомнения, перевод Четвероевангелия был бы столь же точен, как перевод статьи Джорджа, пожертвованный в вологодский сборник – «Помочь». Но Толстой евангелистов даже и настолько не почитал, оттого и перевод сделан им с нелепыми искажениями смысла учения евангельского, православного.

Нечего и говорить, с каким благоговением и замиранием сердца я посетил того, кто был тогда в моих глазах настолько же велик, насколько ныне он мал и жалок. Теперь с ясным сознанием и живой верой вижу и знаю, что Толстой – богоборец и ересе-учитель. Хотя я в то время и воображал, что авторитеты для меня ничто, и что я вполне самостоятелен. но на самом деле душа, чуждая знания об Едином Истинном Боге, Создателе неба, земли, моря и всего, изыскивает себе богов мнимых и идолов. Таким-то идолом и божком века сего мимотекущего и явился Толстой для свободомыслящей интеллигенции, и был таким и для меня, пока я не познал Истинного Бессмертного Святого Бога. Как пред зверски-смелым атаманом разбойники испытывают чувство страха и почтения, так и у еретиков курится фимиам перед личностью ересе-учителя. «Similis simili gaudet»⁴⁵⁴, – по меткому выражению отца Иоанна Кронштадтского...

Раскаившийся толстовец
(Продолжение следует).

Боголюбов Д. Миссионерские очерки. С. 1280–1284

XXI.

В сборной избе.

Была зима – второй год моей миссионерской службы. Я постепенно втягивался в своё дело, но ещё не знал всех обстоятельств его. Я преувеличенно верил в покоряющую силу слова миссионерского. Я думал: нужно основательнее пронести это слово в глушь народную, – и секты растают, как воск, от лица огня...

Суровая жизнь понемногу отрезвляла меня. Она мне показала, что есть такие обстоятельства «житейские», которые властнее слова миссионерского. Эти-то обстоятельства часто безнадежно тормозят успех нашей миссии. Именно от них происходит то, что в иных местах самый способный и честный миссионер не может обратить в православие ни одного сектанта...

Проезжал я как-то по зимней дороге через знакомую сектантскую деревеньку. Направлялся я в большое молоканское село для бесед. Я торопился, но в деревне меня задержали надолго.

Баба, жена почтового ямщика, сказала мне:

– Мужиков, барин, дома нету. Им теперь не до вас – не прогневайтесь! Они на сборной. Ждут станового. Будут имущество наше описывать за недоимки.

Люди в сектантской деревне были мне немного знакомы. Я по первым впечатлениям считал их «задубелыми». Так отзывались о них и соседние батюшки.

Я решил пойти «повидаться» с знакомыми мужиками. У «сборной» толпилось много народа. Никто не обратил на меня внимания, когда я проходил в избу.

Там глазам моим представилась любопытная картина. За столом сидели «волостные»; старшина, писарь, сборщик податей. По бокам их «оценщики» – уполномоченные от деревни. Шла перекличка недоимщиков. Из толпы слышался один ответ:

– Сейчас нету. И рад бы!

– Артём Мурлычкин! выкрикивает писарь.

К столу подходит бедный мужик, в рваном полушубке и холщовой рубахе. На лице его написано тупое горе...

– За тобой значится 67 р. недоимки, заявляет писарь.

– Сейчас податься некуда! виновато говорит Мурлычкин. Хлеба нет, сено продано, Чуть кормлюсь с детьми. Вон, сдам землицы сажень по пятнадцати... Как-нибудь поплачусь...

– Думайте, старики! Ваше дело – вам и отвечать. – внушительно произнёс старшина.

– Надо уплачивать недоимки. Что-ж это будет? поддержали старшину «оценщики».

– Сколько у него копен ржи? сердито спрашивает писарь. Оставьте, что надо, дочери – девке; остальное продайте.

– Знамо, так. Обществу облегчение будет. А то – отвечай за них! заметили «оценщики».

– Так: продать рожь и отнять душу, – пишет волостной писарь.

Мурлычкин уходит.

– Григорий Недохлебов!

– Рублей пять поплачусь, отвечает тщедушный мужик.

– Эй, Григории, вытерпишь больше! Плати, что надо, – сказал староста.

– Эй Богу, не вмоготу. Хворость доняла, защищался Григорий.

– А ты погоди хворать – это первое. Второе – у тебя овцы есть, сурово прочитал ему наставление старшина.

В толпе поднимается шум. Одни сочувствуют недоимщикам, другие нет. Эти требуют «строгости». С болезнью людей они не хотят считаться: до неё ли тут, когда едет становой?..

По вызову писаря выхолит новый мужик. Он должен в подати 112 руб. Взять с него нечего. У него одна лошадёнка, которую закон запрещает отбирать...

При общем ропоте этот недоимщик прячется в толпе.

Выступает ещё «неплательщик». Это – молодой парень. Старики кричат ему:

– Чего-ж ты, горемычный, так делаешь? Только начинаешь жить и грязнишь себя. Другие жилы вытягивают, да платятся.

Платись, брат, и ты!..

– Нету. Силов нету – право слово...

– Отобрать у него душу!..

Малый с «отобранной» душой сливается с другими бездушными людьми.

Картина была тяжёлая... Писарь неестественным голосом закричал:

– Прохор Петров!

– Уплачу три с половиной рубля, испуганно говорит мужик.

– Чего крошишь? Плати целыми...

И в толпе, подавленной нуждой, слышались шутки над «голытьбой» и над ожидающей многих долей...

Старшина заметил меня в народе и пригласил сесть на лавку. Я поблагодарил и уселся.

– Павел Фокин! выкрикнул писарь.

– Сейчас лету. Кабы были, отдал бы с радостью. Нешто рублишка три припасу...

Все молчали.

– Ну, что же? грустно процедил старшина. Цифирь стоит большая. Платите, ребята!

Я спросил соседа:

– Вы, должно быть, все в недоимках?

– Почитай что так...

К избе подъехали «скупщики». Один – толстый, красный и полупьяный. Он вошёл к нам и объявил, что скоро становой будет.

– Вы его не боитесь! прибавил он. Становой – человек славный. Если за кем значится 30 руб., вынь 10; остальные он подождёт...

Скупщик похвалил и свою доброту: «пользуемся, мол, малым процентиком – и шабаш»!

Мужики ухватились за скупщика. Просили его «пожалеть» их.

Скупщик исчез на двор. Мы сидели молча. Старшина подошёл ко мне и поздоровался. Пока что, разговорились.

– Что, к сектантам едете? спросил он меня.

– Да.

Старшина странно улыбнулся:

– Вы бы занялись нашими ребятами. Народ беспечный и друг к другу холодный...

Я «вставил» своё слово:

– Кажется, ваши мужики потому и беспечны, что пещись им не о чем. Бедны они, – и огрубели...

– Это так, согласился со мной старшина. Бедность доняла народ. Из-за бедности они и темны. Вы не поверите – у нас многие ребят в школу не пускают потому, что одеться им не во что... У нас ведь по деревням – не то, что в городе. У нас мороз захватит – не продохнёшь. А у мальчишки шубёнки нет: валенок же сроду он не нашивал... Как раздетый и разутый пойдёшь в школу? И сидят ребяташки на печке. Озоруют и перенимают дурные примеры старших... Да, прибавил мой собеседник, трудно мужицким ребятам по деревням. Вы видели наших молодцов сейчас. Чему они научат детей своих?..

К нам подошёл писарь. Он немного поучился в гимназии и считал себя человеком образованным. Он с живостью подхватил наш разговор...

Потом как бы в упрёк мне сказал:

– Вы вот ездите молокан наших обращать в церковь. Смотрите лучше за своими. Разбегутся они от вас...

– В чём дело? спросил я,

– Дело простое, ответил писарь. Запомните для себя, что в числе прошедших перед вами «неплательщиков» ни одного не было молоканина... Они – люди основательные. Они умеют не допускать друг друга до срама. Богачи из них вовремя помогают беднякам, хоть и закабаливают их. Это видать наша «голытьба». И, наблюдая жизнь, делает правильное заключение: если в православии мне никто не помогает, а напротив, за всякий шаг ещё берут, – так лучше быть молоканином. Вера эта лёгкая, да и к бедноте чуткая... Вы, может быть, подумаете, что я сочиняю? Нет. Вот в этой самой деревне, через которую вы проезжаете, на прошлой неделе три мужика православных приняли молоканство...

Я заволновался; писарь же, успокаивая меня, прибавил:

· – Да, это грустно, но вы совратившихся назад не вернёте. Вы их не видели на сборной. И они не придут сюда. Богатые молokane помогли им внести заблаговременно недоимки, – и теперь они чувствуют себя счастливыми... Так-то. А вы кормите людей одними словами. Нет, вы развозите с собой денег, – улыбаясь, говорил писарь. За вамп тучи народа пойдут...

Я чувствовал себя раздавленным. Я видел *страшную* нужду людей и понимал, что устранить её в данном случае можно, действительно, только деньгами.

И мне ясно стало, почему в сектантских деревнях так бессильно слово миссионеров. Виной всему тут бедность народная, придавленность нуждой. А как мало об этом думают иные руководители наши! Посылают они нас «увещать» уклонившихся в сектантство или раскол. И надеются, что заблудившихся людей мы вернём в ограду церковную одними разговорами. Когда же этого не случается, – говорят о неспособности миссионеров к своему делу, – об их бессилии бороться с расколо-сектантскими движениями в народе.

Печальное заблуждение!..

Пора нам, *горячая пора* обставить служение миссионеров соответствующими условиями. Необходимо пробудить в православных приходах дух взаимопомощи и всяческой поддержки друг другу. Иначе труд миссионеров – и не по их вине – будет тощ, – как недостаточно, если самые знаменитые врачи, леча тифозных больных, ограничатся прикладываньем к их головам одного льда, а про лекарства забудут...

Д. Боголюбов

Айвазов Н. На разные темы. С. 1285–1289

Сектанты-переселенцы (из итогов Хабаровского съезда). – О сектантской музыке.

I.

Не раз в нашей печати говорилось о плачевном положении православия у сибирских крестьян. Приводились и причины этой аномалии, и средства к её устранению, причём высказывалось много дельного и правдивого. В последнее время необильный, но важный материал для суждения о том же вопросе даёт нам состоявшийся в прошлом году в Хабаровске съезд, созванный по инициативе и под председательством ген. Субботича для обсуждения разнообразных нужд Приморской области. Доминирующее положение на этом съезде занимали деятели местной прессы и вообще местная «интеллигенция». В данном случае нас интересует принятая съездом резолюция 1-й его секции, гласящая:

а) Сектантов нужно признать вполне соответственным условиям и нуждам края колонизационным элементом; б) селить сектантов совместно с православными, в одних селениях, против их воли, нежелательно, во избежание раздоров между односельцами на религиозной почве, что особенно замечается в Амурской области. Кроме того, поселение сектантов с православными ослабляет общество последних, создаёт затруднение при осуществлении таких вопросов, как постройка церквей, школ и больниц, к которым сектанты относятся отрицательно; в) целесообразнее селить сектантов на особых участках; г) участки, предназначенные для заселения сектантами, предоставлять для этой цели в течение пяти лет; но если, по прошествии этого срока, они не будут заселены вполне, то приселять на свободные наделы православных; д) пока отведённые для сектантов участки не заполнены, вновь приходящим сектантам ставить в обязанность, если они желают жить отдельно от православных, приселяться к образованным уже сектантами селениям, но не образовывать новые (новых?)⁴⁵⁵.

По прочтении приведённой резолюции, невольно напрашивается на мысль вопрос: что служило для съезда критерием при признании им сектантов за «*вполне*⁴⁵⁶ соответственный условиям и нуждам края колонизационный элемент»?!. Разве то, что сектанты отрицательно относятся к постройке церквей, школ и больниц, о чём говорит нам п. б резолюции!..

В этой поразительной нелепице однако ясно сказалась та точка зрения, с которой Хабаровский съезд оценивал нужды Приморского края. Всматриваясь в его резолюцию по сектантскому вопросу, нельзя не заметить в ней полного пренебрежения к интересам православной церкви в угоду разным от неё отщепенцам. В самом деле, съезд признаёт желательным и целесообразным селить сектантов не совместно с православными, в одних селениях, а на особых участках, с той целью, чтобы этим путём устранить между односельцами раздоры на религиозной почве, а также избежать и других затруднений, возникающих при осуществлении таких вопросов, как постройка церквей, школ и больниц, к которым сектанты относятся-де отрицательно...

Но, во 1-х, сектанты-переселенцы принадлежат *не к одной, а к многочисленным* сектам, посему и *между ними* раздоры на религиозной почве как были, так всегда и будут, и при том в весьма резкой форме, нередко превосходящей остроту распрей между сектантами и православными. И этих раздоров съезд не уничтожит даже и тогда, когда в своих заботах об устройстве быта сектантов отведёт для каждой секты отдельно особые участки, потому что в каждой секте толки растут по часам и сектантские общины раздираются внутренними смутами.

Во 2-х, путём селения сектантов на особых участках съезд думает избежать ещё затруднений при постройке церквей, школ и больниц, к которым сектанты относятся-де отрицательно. Без сомнения, здесь под «затруднениями» съезд понимает отказ сектантов от участия в расходах сельских обществ на означенные сооружения. Но что же, съезд полагает оставить заселённые исключительно сектантами участки без школ и больниц?! Думаем, что как бы отрицательно сектанты ни

относились к школам и больницам⁴⁵⁷, и те, и другие у них появятся. И если строители этих зданий будут следовать принципу съезда – не противиться воле сектантов и даже угождать ей, то им придётся строить означенные сооружения на казённый счёт... А в таком случае само собой падает указанное съездом «затруднение», на котором он основал необходимость селения сектантов на *особых* участках. Если же строители школ и больниц привлекут сектантов против их воли к участию в расходах на эти здания, то опять то же можно и с ещё большим успехом сделать и при *совместном* жительстве сектантов с православными.

Таким образом, из всех оснований съезда в пользу селения сектантов на *особых участках* остаётся одно – это оградить сектантов от несения расходов на сооружение православных церквей и церковных школ.

Но, во 1-х, нет смысла предоставлять в этом деле сектантам-колонистам льготы по сравнению с другими сектантами, особенно если принять во внимание важность и с государственной точки зрения церквей и церковных школ на Дальнем Востоке. Далее, съезд мог бы достигнуть своей цели другим, наименее вредным для православной церкви путём, т. е. путём простого освобождения сектантов от несения расходов на нужды Церкви, отнюдь не выделяя сектантов в особые сектантские сельские общины. Ведь если сектанты будут изолированы от православных и сплочены в самостоятельные сельские общины, освобождённые от постройки у себя церквей (так как для кого же строит в таких сёлах церкви?!), то получится неизмеримо большее, чем простое предоставление сектантам-колонистам некоторых материальных льгот!.. Тогда сектанты на *законном* основании и при том весьма тщательно будут ограждены и *от влияния* на них православной церкви, которая тем не менее признаёт их, как от неё отпавших, *своими*, хотя и заблудшими овцами и никогда не перестаёт применять к ним меры пастырского вразумления, проводником которых служат храм и школа. При полном же разобщении сектантов с православными, первые будут безвозвратно потеряны для церкви, особенно в лице своего поколения, которое уже с

детства начнёт воспитываться исключительно в сектантском духе и потеряет всякую связь с православной церковью. А такое положение вещей, если кому и желательно, так только авторам «Хитрой Механики», но отнюдь не Русскому государству, вся мощь которого создана и зиждется на православной вере.

Необходимо ещё принять во внимание, что наше законодательство, сохраняя взгляд церкви на сектантов, как на её заблудших чад, не признаёт за *отпавшими* от православия законной принадлежности их к новому исповеданию со всеми проистекающими от такой принадлежности законными последствиями. Посему отпавшие от церкви сохраняются в ведении православного духовного начальства и им повелевается воспитывать своих детей в догматах и обрядах православной церкви. А этого-то и нельзя будет достигнуть при полной изолированности сектантов от православных, проектированной Хабаровским съездом под маской радения об интересах Приморской области.

Что мы нисколько не ошибаемся в истолковании резолюции съезда по сектантскому вопросу, – подтверждается ещё и тем, что в то время как съезд нашёл нужным при поселении сектантов совместно с православными справляться о желании первых жить с последними (п. б), тот же съезд в обратном случае, т. е. при заселении свободных наделов в сектантских участках православными, прямо постановил: «*приселять*»... (п. г), отнюдь не справляясь о желании православных жить там, где подавляющая масса не желает и на проектированном съезде *законном* основании может не иметь ни православных храмов, ни православных школ!..

Такова односторонняя, точнее «либеральная» гуманность и терпимость Хабаровского съезда...

II.

В № 5-м «Миссионер. Обзор.» за текущий год в заметке: «О сектантской музыке» высказана автором совершенно справедливая мысль о большом значении сектантской религиозной музыки в деле изучения различных сект и раскрытия их души. Напрасно только автор шлёт миссионерской литературе упрек в том, что в ней эта сторона дела

«совершенно заброшена и игнорируема»!.. Напротив, миссионерская литература не раз обращала внимание на богослужебную сектантскую музыку, изучала её и привела в известность сами источники этой музыки⁴⁵⁸. Когда в 1902 г. появился в обращении у сектантов новый сборник песнопений для богослужебного употребления, под названием «Гусли», то в «Мисс. Обозр.» (№ 9, 1903 г.) не только был сделан разбор этого сборника, но и ясно было указано, откуда и начала 80-х годов истекшего столетия русские штундисты черпают себе материал для музыкального оснащения своего культа. Там же («М. Об. № 9, 1903 г. стр. 1350–1351), между прочим, сообщалось, что в Гальбштадте, Мелитопольского у., Таврической губ., в типографии И. Я. Нейфельдта. с разрешения одесской и московской светских цензур, печатаются *на русском языке* и оттуда широко распространяются среди *русских штундистов* переложённые на ноты, по циферной системе, духовные песни, издаваемые г. г. «П. Н». и «П. и Г.» под заглавием: «Хвалебные песни» и «Циферная школа для пения», в которой помещены и правила, как «посредством этой школы можно самому научиться правильно петь на четыре голоса, в течение двух месяцев»... Мы и тогда сочли необходимым обратить особенное внимание кого следует на подобный способ проведения *немецких* начал веры и убогого творчества в жизнь *русских* крестьян, и сейчас повторяем, что *данная сторона* вопроса «о сектантской религиозной музыке» требует к себе серьёзного внимания со стороны надлежащих лиц...

И. Айвазов

Православный. Киевский лжехристос. С. 1290–1291

Тогда если кто скажет вам: вот, здесь Христос, или там, – не верьте, ибо восстанут лжехристы и лжепророки... Мф.24:25.

Явился у нас в с. Соловьевке (Рад. у. Киев. губ.) лжехристос в лице местного одноглазого крестьянина Лукьяна, Пустовойта, – восстал и прельщает многих из простецов.

– Не вирьте попам, бо воны вас обманяють! – обращается одноглазый лжехристос к своим односельцам.

– Як же воны нас обманяють? – задают вопрос лжехристу его слушатели.

– О, бач! Вы ничего не знаете!..

– Да, кажы-ж, як нас попы обманяють?..

– Ну. вы кажете: Хрыстос воскрес?

– Кажемо.

– Ну, а попы цего не кажутъ...

– Як то не кажутъ?.. Брешеш ты, бісів штунд!..

– Не лайтэсь бо, да слухайте!..

– Ну?..

– Вы кажете: Хрыстос воскрес! Значить, вы признаёте, що Хрыстос воскрес, а попы ее признають, що Хрыстос воскрес, бо воны знаютъ, що вин не воскрес, а зогныв – так, як и всякий чоловік...

– Що ты верзеш, бісів ты штунд?..

– Але я вам кажу: не лайтэсь, да слухайте!.. – Попы не кажутъ: «Хрыстос воскрес», а кажутъ: *Хыстос воскресе!*.. Воскресе, значыть – *ще воскресне*... Ну, вин и воскресае в тілі того чоловіка, которого вин соби избере... От вин воскрес в тигли Кондрата Малеваного в Таращи, а як його ворогы взяли в темныцю, то Хрыстос воскрес у другим тілі...

– А в яким другим?..

– – У моим!

– То це вже ты Хрыстос?! – захохотали слушатели Лукьяна.

– Я, я Хрыстос!.. Дух Божий вселыся в мене!.. *Дух Господень на Мене; Он помазал Меня – благовествовать*

нищим... – воскликнул одноглазый лжехристос, патетически цитируя слова евангелия.

– Лукьян, не смущай других!.. Як ты сам заблудыв, то й блуды сам, а других не збывай з панталыку, не прельщай! – обратился к сектанту один из его слушателей.

– А в евангелии як сказано? Не треба талантов зарывать, а треба раздавать их и другим...

– Раздавай, раздавай, колы мы тебе за цее не вышлем! – пригрозил слушатель,

– Як громада збереця на сход, щоб мене выслать, то я згорну руки отак (лжехристос при этом сложил руки на груди, положивши одна на другую крестообразно) да й скажу: Людие мои! Чго сотворих вам? Чим я вас обидыв?..

– Да на що вы айцыхрыста слухаете? Плюйте на його, да вглкайте, бо це сам дыявол у чоловічим супостати!.. – воскликнул проходивший мимо крестьянин., и слушатели Лукьяна поспешно стали расходиться, со страхом оглядываясь, не превратился ли Лукьян в настоящего чёрта или по крайней мере не принял ли вида чёрной собаки или свиньи...

Приходский священник, узнав о совращении Лукьяна в штундистскую секту, при посещении прихожан для прочтения молитвы пред праздником Воскресения Христова, зашёл и в хату Лукьяна. На предложение священника поцеловать крест, Лукьян решительно отказался.

– Не буду я цилувать... – сказал он, отстраняя от себя крест.

– Да ведь это изображение того святого Креста, на котором за нас пролил Свою пречистую кровь Христос Сын Божий?!

– Я сам Хрыстос! – воскликнул Лукьян и начал произносить хулы на православную церковь, святые иконы и животворящий Крест Господень, обзывая священника антихристом и другими оскорбительными наименованиями, так что священнику пришлось поспешно удалиться, чтобы не выслушивать дальнейших оскорблений от нового лжехриста.

Православный

**Из миссионерской полемики // Миссионерское
обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 1292–1301**

Картушин Калин. Из беседы с толстовцем. С. 1292–1294

Поезд железной дороги на пути из Царицына. В вагоне 3 класса завязывается беседа.

– Рыбкой промышляете? – спросил, как будто для того, чтобы о чём-нибудь заговорить, молодой купчик, с жиденькой русой бородкой, в енотке⁴⁵⁹, сидевшего против него совсем рыжего мужчину средних лет, одетого в пальто на чёрном барашковом меху.

– Да, только дела-то плохие стали с рыбой; нынче этот товар так переоценили, что и продать нельзя.

– Ныне время такое, как бы вам сказать, переходное, – начинается переоценка всех ценностей: всё, чему раньше верили, теперь подвергается проверке.

Купец говорил красноречиво, некоторые из пассажиров лениво поддакивали, но нашёлся и несогласник, который потребовал доказательства, – почему ваше время нужно считать переходным? В виду такого требования, молодой оратор начал критиковать жизнь современного христианского общества, критерием же ставил он положения, взятые из сочинении Льва Толстого. И когда он сопоставлял правила толстовской морали с настоящим состоянием общественной жизни, то сравнение выходило не в пользу общества.

Купчик завоевал внимание публики, и несогласник, не сделав возражения, смолк.

– С чего бы, по вашему мнению, следовало начинать переоценку, – какие предметы более устарели? – спросил я толстовца.

Окинув меня презрительным оком, купец в енотке говорит: А вы разве не слышали, как я доказывал превосходство правил жизни, проповедуемых Львом Николаевичем, над теперешней жизнью людей, называющих себя христианами?

– Слышал, но думаю, что *правила* жизни и сама жизнь. – по природе различны, и вы сравниваете их так же основательно, как если бы кто сравнивал аршины с пудами. Правила – это

сухие формулы, всегда себе равные, а жизнь есть действие ума, воли и чувства через живой организм, причём возможны и отклонения от правил. В христианском обществе вы берёте жизнь со всеми отклонениями от правил Христовых и даже с уродствами, а у Толстого – одни бумажные правила. Дайте этим правилам пройти через 1800-летний жизненный опыт, и тогда сравнивайте колонии толстовцев с христианскими обществами. Вы сейчас говорили о морали Толстого, Но, по слову Божию и по наблюдению над жизнью людей, мы видим, что „дары различны“; у многих на первом месте вера, у иных есть мудрость или философия, а у некоторых всего по частичке. Так что же устарело?

– Лев Николаевич искренно верующий человек, глубокий мыслитель и моралист. Граф начал с того, что написал сочинение; „В чём моя вера“.

– Я не верю, что Толстой верует в Бога.

– Вот как! Почему же не верите? Граф открыто говорит о вере.

– Если Толстой искренний человек, то он ошибается, думая, что он во что-то верует. Если же он не ошибается, то, говоря о своей вере, он делает подмену понятий, – выдаёт философию на веру. По определению Ап. Павла „вера есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом“ (Евр.11:1) и возникает в сознании людей „от слышания, а слышание от слова Божия“ (Рим.10:14–17). Теперь – вопрос: каким проповедником оглашён Толстой и научен вере в безличного бога?

– Евангелием Иисуса Христа. Христос сказал так: „Видевший Меня видел Отца“ и „Я в Отце и Отец во Мне“ (Ин.14:9,10); а чем был Иисус Христос, чем должен быть всякий, следовательно, и во всяком человеке проявляется божество.

– В таком случае Христос сказал бы: „видевший человека, видел Бога“, во он сказал другое: „Никто не восходил на небо, как только сшедший с небес Сын Человеческий. Сущий на небесах“ (Ин.3:13). Вот в каком Сыне Человеческом открывается Бог Отец? Бог – не отвлечённое понятие, а живая самосознающая Личность, внимающий молитве Сына: „Отче!

прославь имя Твоё“, и отвечающий: „и прославил и ещё прославлю“ (Ин.12:28).

– Лев Николаевич подверг церковное Евангелие критическому разбору и отбросил все легендарные сказания, в том числе и рассказы о голосах с неба.

– Христос проповедовал веру в Евангелие (Мк.1:15). а Лев Толстой критикует Евангелие. Ясно, как день, что критика не есть акт веры, а продукт мышления. Толстой-критик „веры не иметь“. Ему нечего и переоценивать. Теперь посмотрим, насколько он глубокий мыслитель. Толстой написал ответ свят. Синоду, и в документе такой важности допустил грубое противоречие, на которое уже указала печать, и большую нелепость, на которую я вам укажу.

– У Льва Николаевича противоречие? У Толстого нелепость? Ни за что не поверю! Впрочем, говорите.

– В ответе Св. Синоду граф пишет: „я действительно отрёкся от церкви... и написал в завещании своим ближним, чтобы они, когда я буду умирить, не допускали ко мне церковных служителей и мёртвое моё тело убрали бы поскорее, без всяких над ним заклинаний и молитв, как убирают всякую противную и ненужную вещь, чтобы она не мешала живым“. Неприятно и читать-то эти строки Льва Николаевича: на быденном наречии, эта воля графа могла быт выражена проще, хотя бы, с позволения сказать, так: когда... и т. д., то убрать эту падаль!

Дальше, в конце ответа, Толстой пишет: „спокойно и радостно живу и спокойно и радостно приближаюсь к смерти“. Толстой радуется, предвкушая сладость бытия в состоянии „противной вещи“; не чудовищная ли это нелепость? Не извращение ли вкуса жизни? Без веры в личного Бога, без надежды на будущее блаженство, в чём можно найти разумное побуждение радоваться приближению смерти?

Послушайте, как и почему радуется истинный христианин, приближаясь к смертному исходу. „Мы благодушествуем и желаем лучше выйти из тела и водвориться у Господа“ (2Кор.5:8): „имею желание разрешиться и быть со Христом“ (Флп.1:3). „Время моего отшествия настало, теперь готовится

мне венец правды, который даст мне *Господь* праведный Судия, в день *оний*“ (2Тим.4:6–8). В сравнении с христианской радостью о воскресении и вечной жизни, толстовская радость есть демоническое злорадство, и много похоже на иудино „радуйся“!

– Лев Николаевич радуется не разложению своего тела, а, как бы вам сказать, слиянию с абсолютом и, пожалуй, освобождению своих ближних от неприятного соседства с отживающим или отжившим организмом.

– Если ваш учитель радуется потере личности на вечные веки, что равносильно полному уничтожению человека, то радость его не более разумна, как и радость о разложении трупа. Нет, милостивый государь, в таких случаях (смерти) у неверующих пробуждается зависть к христианскому героизму, и оптимизму. У истинного христианина всегда на душе светлый праздник. Как не завидовать ему? Даже Ренан, прочитав 6-й стих 19 главы Откровения Иоанна, и восхищённый изображением восторженного состояния святых в будущей жизни, пожелал принять участие в пении громо-водно-много-народного „аллилуия“. Толстому и это не доступно; „аллилуиа“ он называет колдовством. Истинным христианам нечему учиться у Толстого; ни вере, ни уму-разуму, ни нравственности; а ему следовало бы поучиться у христиан смирению.

Поезд подошёл к станции. Купец оставил вагон.

Калиник Картушин

**Обтеперанский А. Беседа с поморским
начётчиком Т. А. Худошиным в Верхне-Туринском
заводе Пермской губернии ⁴⁶⁰. С. 1295–1301**

Худошин. Добрые слушатели! Мой собеседник говорит: их архиереи и попы не могут отступить, потому что им Бог дал обетование, а я вам доказывал, что обетование-то на отступниках не исполняется. Он говорит: не исполняются условные обетования, – а вот римской церкви безо всяких условий было обещано, что „тамо до скончания века поищут учителя“ и что папы будут занимать престол св. Петра⁴⁶¹. А теперь какие там папы! какое учение! Я ведь всё это и выясняю. В Кн. о вере на 64 об. сказано, что церковь-то на вере, исповедании; не соблюли веру – куда делась церковь? Потому-то я и сказал: исповедание – церковь, ведь оно остаётся; церковь – народ верный, из коего она была создана вначале. Собеседник мой говорить о свидетельстве Златоуста, что по нему диавол только пытался, а ему нужно сказать прямо: все архиереи и попы могут пасть. Вот ему, что нужно! Да у Златоуста-то так и сказано: и по истреблении попов и архиереев благочестие не уменьшается (смеётся). А Феодор Студит в ч. 1 стр. 253 говорит: „если буду молчать когда вера в опасности, то будет вопль содомский“; церковь, по нему, может быть и из троих православных. Миссионер говорить, что без еретиков-пастырей можно быть, а без православных нельзя. Желаем и мы пастырей, надо бы нам их, да взять-то где? Что же ещё читал нам собеседник? Из Кирилловой книги читал он, что еретики жертвы и иерейства не имеют. Да ведь это не о нас говорится, а о кальвинистах. С писатель книги Кирилловой был грешный человек, нам подобный. В другом месте он сам говорит: „Сего ради толико вам мало обнажим отступников благочестия... мощно быти и без них“... (502 л.). Значит, по его-то учению, можно быть и без пастырей. Вот моё время кончилось. Посмотрим, что скажет нам наш собеседник.

О. Сушков Итак, Худошин сознался, что епископы нужны. Да как же не сознавать этого! Без епископов-то нам христианам,

и быть нельзя. Без епископа не может быть мира, а без мира-то, которым мы запечатлеваемся, как христиане, не может быть и самого христианства. В Катехизисе Великом на листе 2 об. говорится: „Откуда нарицается христианин? Ответ: нарицается православный христианин имене ради Христова, от Христа и *от хрисмы*, еиречь *от помазания* Святого мира“. Тот же писатель Катехизиса, ссылаясь на 5 послание Климента, папы римского, говорит: „без сея тайны (т. е. без помазания св. миром) никтоже совершен христианин может быти“ (376 л.). Вот ведь насколько нужны епископы, а не просто нужны. Ведь нужна и эта вот книга, да без неё мы можем и обойтись, а без епископов-то мы уже погибли: некому освящать мир, некому рукополагать пастырей, некому освящать антиминсы и проч., некому и утвердить нас в христианстве. Потому-то св. Игнатий и говорит: „Аще убо нецыи епископа нарицают (как Худошин говорит: желаем), а без него вся творят: таковым речет той, иже есть истинный и первый епископ, и един по естеству архиерей: что Мя зовете. Господи, Господи, и не творите, яже глаголю: таковии бо *недобросовестнии*, но лицемеры и прелестницы быти мне видятся“ (14 л.). Почему же не слушающие епископов недобросовестные и лицемеры? А потому, что Христос сказал св. апостолам и их наёмникам пастырям: „слушай вас Мене слушает; отменяя вас Мене отменяется“ (Лк.10:16). Значит, вы, старообрядцы, не пребывающие с епископами я не слушающие их, не слушаете Самого Христа. Не даром и защитник ваш так относится к словам божественным. Ему говорят: Сам Бог сказал епископам, пресвитерам и диаконам: „куплю дейте, дондеже прииду“. А он рассуждает: Бог-то сказал, да Он приказ дал, приказ можно и не исполнить. Да чей приказ-то, спрошу я Худошина, можно не исполнить? Это божественный-то?! И думаю, если и земной царь прикажет ему, он не дерзнёт не исполнить его приказа, а тут Сам Творец, мира приказал, Который и не может давать неисполнимых приказов. Приказал Он при сотворении мира: „да будет свет“, и мы видим свет и ныне светит. Приказал Он земле произвести траву – и она доселе производит. В Кирилловой книге на листе 77 говорится, что престало Аароново священство временное, а

востало Христово, *вечное*. Тут ведь не об еретиках-кальвинистах говорится, а ясно сказано, что *Христово* священство (а не еретическое какое-нибудь) *вечное*. Какое Христово священство, дальше разъяснено: Христос апостолов освятил, рукоположением, а апостолы освятили епископов. Зачем же затемнять Писание своими лже-толкованиями? Мало этого, чтобы такие лица, как Худошин, не испревратили Писание, в Кирилловой книге прибавлено ещё на 78 листе, что „священство... и жертва... вкупе бывают и ни едино без другого может быть“. А ведь жертва-то пребудет до 2-го пришествия. В 107 сл. св. Ефрем Сирин прямо говорит: „да убо всемошным Его повелением бывает, дондеже приидет, тако бо и глаголет: дондеже прииду“ (320 л.). Это подтверждает и св. ап. Павел (1Кор.11:26). Кто же будет теперь совершать св. таинство причащения, если кроме поморцев, простых мужиков, уже нет законных пастырей? Вот до какого безумия доводит вас, поморцы, ваша гордость! В оправдание своего нового учения, Худошин сослался на обетование, данное римской церкви в грамоте Сильвестру от царя Константина. Да ведь там обещание-то не Богом дано, а человеком, хотя и святым; да к тому же и сама грамота, на которую он, Худошин, сослался, подложная.

Худошин. Миссионер сказал, что об архиереях, попах и дьяконах он читал из 95 зачала Луки, значит в 67 зачале нет об них речи. „Созижду“ и „не одолеют врата“, значить, не к ним относится, а к верным. „Се Аз с вами есмь во вся дни до скончания века“ тоже относятся к верным христианам. Златоуст, толкуя их, говорит: „не видиши ли силы Его?.. Не с ними только будет находиться, но со всеми теми, которые после них будут веровать. Ибо апостолы не могли пребывать до скончания века“... (Бес. на Мф. 3 т. 435 ст.). О. миссионер говорит, что только тот христианин, у кого епископы да таинства есть, а бл. Феодорит утверждает, что церковь может быть и из троих православных. С писатель в Кирилловой также говорит: „мощно быти и без них“, т. е. без попов, архиереев и дьяконов можно спастись. Таинств у нас нет, говорит отец-то. Да ведь я уж приводил на прошлой беседе из Благов. Евангелия Иоанна 24

зач., что можно „не токмо по тайному причащению ясти и пити плоть и кровь владычню, но по иному образу, ибо плоть яст кто, егда по детели приходит действенное“ (106 л.). Читал я и из Камня веры, что без толку зубы-то подставлять в наше время: читал из Жезла (ваша книга-то, не откажетесь, не имеете права!), что причащение относится к посредним таинствам⁴⁶². А в Толковом апостоле прямо сказано, что иереям нужно причащаться, а мирянам можно и мысленно. Чего же ты ещё о причащении заговорил, о нём дело кончено. Нам нужно говорить о ваших попах, да архиереях, можно ли без них спастись. Я говорю – можно, а св. отцы подтверждают меня. Златоуста говорит: „лучше не от единого водиму быти, нежели от злаго“ (Евр. 3114 ст.). В Кирилловой книге тоже говорится, что лучше без владык и без попов. Святой Афанасий, толкуя слова Евангелия: аще око твое десное соблазняет... также говорит: „Шествующе прелестный и живоносный путь, око убо да извержем не чувственное, но духовное, аще убо епископ или пресвитер не добре живут, подобает изврещи их“ (Никои. Черног.). Не ясно ли учение отцов святых? Нечего бы. кажется, и разговаривать-то об этом. Стала мерзость запустения в греко-российской церкви и ни о каких попах не может быть речи. Потому-то мы и надеемся спастись одной верой правой.

О. Сушков. Договорился защитник старообрядцев! Он надеется спастись только верой. Ну, и шёл бы к протестантам, а зачем обманывать людей и называть себя православным, да ещё старообрядцем. Да разве до Никона патриарха кто-либо учил, что можно спастись только верой? Нет, братия, по Апостолу и бесы веруют и трепещут, а никто не скажет, что их веры достаточно. Вера должна быть подтверждаема делом. Велел Господь принимать св. таинства от законных пастырей, мы и должны без рассуждений исполнять слова Его, а не рассуждать, приказ или не приказ дал Он нам. На мерзость запустения, воображаемую Худошиным, нечего ссылаться: мерзость-то запустения станет там, где служба угаснет и чтение писаний не услышится, где не будут стыдиться священников Христовых, коих и во времена самого антихриста стыдиться будут (Соб, л. 121). Обращу я ваше внимание, старообрядцы

именуемые, на одно обстоятельство. Защитник, ваш нас еретиками почитает, а сам ищет себе защиты в никонианских книгах. Раз никониане еретики, так не их писанием нужно защищаться, а православным, святоотеческим. А ведь это писание обличает вас. Худошин приводил свидетельство из Жезла, где будто бы говорится, что не нужно причащаться, а я приведу вам свидетельство из Толкового Апостола: „Егда бысть опустошена последняя жертва вседневная в церкви Соломонове уставленная, о коем опустошении такожде Господь в евангелии глагола, и Даниил пророк, абие проста, и скончася царство иудейское, и храм разорись; такожде егда будет опустошена сия святая жертва, еже не в церкви Соломонове, но по всей вселенной от востоку солнца и до западу его по словесе пророческому от Господа в церкви Его повелена, тогда и мир скончается” (550 л.). Ясно сказано, что, когда будет прекращена жертва тела и крови, тогда и мир разрушится. В 24 зачале Иоанна по Благовестному Евангелию не говорится того, чтобы можно заменить св. таинство причащения добрыми делами, а только допускается и этот род жертвы, причём о таинстве причащения замечается: „несть инако живота имети себе“. Мысленное же участие мирян в причащении священников, о котором говорил Худошин, не исключает необходимости для мирян причащаться в то время, когда они достойным образом приготовят себя.

Миссионер. Братия христиане! Послушали вы и выписанного из Саратова начётчика. Ничего нового не сообщил он нам, всё время пытался доказывать, что нужно бегать злых по вере, еретиков; иногда просто пустословил, чтобы провести время, позволял себе даже издеваться над пастырями церковными; мне, как миссионеру, приписывал то, чего я и не говорил перед вами. Бог ему судья во всём этом! Но к чему лукавить, так бы и сказал в начале беседы: „такого места не писано, что все пастыри уклонятся и что можно быть без православных пастырей. Но, по моему мнению, при Никоне введены ереси, о них и поговорим“. Это было бы по совести и по-христиански. А наш собеседник вместо этого читает из Златоуста: „лучше ни от единого водиму быти, нежели от злаго“.

Не будьте, братия, со злыми по вере, но будьте с пастырями православными. „Лучше без владык и без попов“, читал он опять из книги Кирилловой, не сказав, что лучше-то опять без еретиков католиков, униатов... От них афонские старцы просили удаляться, но с боголюбивым князем Острожским Василием и с православными епископами, которым писали (10-е посл.), они умолили пребывать в общении. Читал Худошин и слова св. Афанасия о необходимости извергать недобрых пастырей, но забыл при этом сказать, что недоброго-то епископа по 12 пр. Карфагенского собора нужно извергать 12-ти епископам, а не мирянам ⁴⁶³. Мирянам же св. Златоуст в том же месте, из которого приводит свидетельство Худошин, даёт такое наставление: „Повинуйтесь наставнику вашим и покоряйтесь. Что убо, рече, егда зол будет, не повинемся ли? зол, како глаголеши? аще убо веры ради. бегай его и отрицайся... аще ли жития ради, не испытай” (Евр.3113–3114). И в другом месте: „аще и злейшии и бесчисленных зол были быша исполнени настоятели, ниже тако ученику лепо бяше преслушати“... (Гал. 1476 и дал.). Но, может быть, братия, кому-либо, покажется странным, что и у недостойных по жизни пастырей мы должны быть в послушании и принимать от них св. Тайны? Да не смущается душа ваша! Не святостью жизни пастырей спасаемся мы, а благодатью, каковую получаем от них в св. таинствах. Благодать же нимало не повреждается от жития их. Не раз, братия. повторял Худошин слова Феодора Студита, что церковь может состоять из троих православных. О. Михаил забыл сказать об этом свидетельстве. Но чтобы кто не подумал, что Худошин правильно понял слова Феодора Студита, я напому вам: мы говорим о символической церкви, которая *свята и непорочна* (Еф.5:27), а разве трое православных (если уж назвать так старообрядцев), хотя бы и с Худошиным во главе, могут сказать, что они святы и непорочны? Очевидно, Феодор Студит говорит о маленьком христианском обществе, которое может быть названо церковью, только не Соборной и Апостольской, в коей всегда были и будут семь св. таинств и раздаватели сих таинств пастыри, от Христа поставленные. Св. Киприан думающих так, как Худошин, т. е. что и трое мирян уже

составляют церковь, созданную Господом для спасения рода человеческого, называет даже *развратителями Евангелия*. „Пусть не обольщают себя“, говорит он, „некоторые словами, сказанными Господом: идеже еста два или трие собрани во имя Мое. ту есмь посреде их (Мф.18:20). Извратители Евангелия и ложные толкователи приводят эти слова... напоминая об одной части, о другой коварно умалчивают; как сами отделились от церкви, так рассекают и целость одного и того же места... *Какой же мир обещают себе враги братьев? Какие жертвы думают приносить завистники священников? Неужели, собираясь, они думают, что и Христос находится с ними, когда они собираются вне церкви Христовой. Да хотя бы таковые претерпели и смерть за исповедание имени, – пятно их не омоется и самой кровью. Неизгладимая и тяжкая вина раздора не очищается даже страданием. Не может быть мучеником, кто не находится в церкви; не может достигнуть царства, кто оставляет церковь, имеющую царствовать... Подобный им может быть умерщвлён, но увенчаться он не может. Да он и христианином называет себя так же ложно, как и диавол часто называет себя ложно Христом... Нужна правда, чтобы удостоиться благоволения у Бога Судии; надобно повиноваться Его заповедям и наставлениям, чтобы заслуги наши награждены были... Какое же соблюдает единство, какую любовь хранить тот... кто, предавшись порывам раздора, рассекает церковь разрушает веру, возмущает мир, искореняет любовь, оскверняет таинство!.. Должно отвергаться и бегать всякого, отделившегося от Церкви, яко развратися таковой и согрешает и есть самоосужден (Тит.3:10). Можно ли представить себе, что тот находится со Христом, кто действует против священников Христовых, отделяет себя от общения с его клиром и народом? Да ведь он вооружается против церкви, противодействует Божественному домостроительству, он враг алтаря, возмутитель против жертвы Христовой“ (Кипр. ч. II, 188–192). Страшно, братия поморцы, слово сие! Даже мученическая кровь не может загладить греха отделения от св. церкви, пребывающей с пастырями православными и со св. таинствами. Действующий*

против священников Христовых противодействует Божественному домостроительству, он враг алтаря, возмутитель против жертвы Христовой. Ужели и слова св. отца не убедят вас не ходить во след учителей новых, разъезжающих ныне по св. Руси и дерзостно восстающих на Церковь Христову! Я привёл вам, братия, в начале беседы слова Господа, сказанные св. Апостолам, а в лице их и преемникам их, епископам, пресвитерам и диаконам: „куплю дейте. дónдеже прииду“ т. е. до второго пришествия. Привёл я вам и обещание Господа пребыть с пастырями до скончания века (Мф.28:20; Ии.14:16; О вере 59 об.), а также слова Господа о неодоленности церкви: „созижду церковь Мою и врага адова не одолеют ей“ (Мф.16:18). Каких же нам нужно ещё свидетельств, когда Сам Бог свидетельствует, что как Он создал Свою церковь для нашего спасения с трёхчинной иерархией и семью св. таинствами, так и сохранит её в том же виде до скончания века! Слово Божие небесе и земли крепчайше, Сам Бог указал нам путь для нашего спасения, это – путь приятия св. таинств от законных, Им поставленных пастырей; путь веры, любви и добродетельной жизни. Осмотритесь, братия поморцы, этим ли путём идёте вы? Не верите ли вы Худошину более, чем Самому Христу! Воистину верите! Христос говорит о пастырях, Им поставленных: „слушая вас Мене слушает, отмечаясь вас Мене отмечается; отмечаясь же Мене, отмечается пославшаго Мя“ (Лк.10:16), и вы не верите Ему и спрашиваете у Худошина. А Худошин говорит: можно быть без архиереев, без попов, без дьяконов, – и вы верите ему. Господь говорит: „еще не снете плоти Сына Человеческого и не пиете крови Его, живота не имате в себе“, – и вы не верите Ему (Ин.6:53), а Худошин говорит: можно и добрыми делами и мысленно причащаться. – и вы верите ему. Помните, братия, страшен ответ Христовых словес и истина суть словеса Его“. Небо и земля мимоидут, а слова Господа не мимоидут: они должны исполниться. Не сомневаюсь, что и вы, поморцы, как хвалился здесь Худошин, веруете в Бога. Но веруете ли вы, братия, словам и обетованиям Божественным? (Иак.2:23). Будем же, братия, веровать не только в Бога, но и словам и обетованиям

Божественным, содержащимся во святом Евангелии, тогда и мы
обрящем себе живот вечный.

А. Обтемперанский

**Летопись периодической духовной и светской
печати и новые книги по вопросам веры и миссии
церкви // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10.
С. 1302–1304**

**Бронзов. А., проф. [Рец. на:]: „Вера и Церковь“
богословско-апологетический журнал (по поводу
истекшего „первого пятилетия его“). С. 1302**

В наше время число любителей серьезного чтения становится всё меньше и меньше. Ныне существует большой спрос, наоборот, на книги и издания самого сомнительного свойства. Крикливые авторы имеют успех, а скромные, хотя и высокоценные, стоят где-либо в уголке. Тоже случилось и с названным симпатичным журналом, „имеющим своей задачей отвечать на запросы религиозной мысли и духовной жизни современного общества в противодействие рационализму и неверию“. Журнал, который имел бы полное право на самое широкое распространение между всеми любителями Христовой истины мало обращает на себя внимания со стороны нашего общества, и об этом можно только пожалеть. А с другой стороны, энергия неутомимого, талантливое редактора, работающего ради высокого дела, заслуживает всякой похвалы. Ныне истекло уже первое пятилетие журнала „Вера и Церковь“. Оглядываясь на пройденный изданием тернистый путь, обозреватель журнала не может не видеть, что последний не свернул с правого пути ни разу, хотя за это и заслужил к себе нерасположение со стороны многих врагов Христова дела. В частности, в журнале напечатано более 40 „слов и поучений“ о. Иоанна Кронштадтского, более 120 „статей научно-богословского содержания“, отвечающих всего чаще на современные и жгучие вопросы и потому особенно ценных, более 120 „статей церковно-общественного содержания“, около 200 библиографических-отзывов (беспристрастных потому особенно пенных).

Этот ценный журнал, прекрасно себя зарекомендовавший, заслуживает всякой поддержки со стороны читателей, которая дала бы возможность досточтимому о. редактору и впредь вести дело с таким же успехом и с прежней энергией во славу православной Церкви.

Проф. А. Бронзов

**Бронзов. А., проф. [Рец. на:]: Социальное значение религиозной личности. Вышний-Волочек. Стр. 141.
Цена 50 к. С. 1303**

Это — „четвёртый выпуск“ „религиозно-философской библиотеки“, вышедший в свет неизвестно-когда: на цветной обложке стоит 1904 г., а на белой — 1903-й!.. При издании библиотеки „религиозно-философской“ такие приёмы, конечно, совсем уж неуместны: издатель как будто бы кого-то хочет сбить с толку, выдавая сравнительно старый „товар“ за самоновейший. Три первых выпуска. носили громкие заглавия: „Забывтый путь опытного Богопознания“. „Искание Бога“, „Вечная жизнь, как высшее благо“. Более неудачным из них был первый (однако, вышедший уже вторым изданием). Настоящий четвёртый выпуск состоит из семи главок: „1) Предисловие, 2) Влад. Соловьев, 3) Спенсер, 4) Достоевский, 5) Л. Тихомиров, 6) Герцен, 7) Влад. Соловьев“. Составитель этого „сборника“ (как всего лучше назвать рассматриваемую нами книжку) приспособил для своих целей отрывки из названных авторов: сначала одно из „чтений о Богочеловечестве“, принадлежащих В. Соловьеву, затем „Грядущее рабство“ Г. Спенсера, далее: О. Достоевского „Дневник Писателя за 1880 г.“, Л. Тихомирова „Борьба века“, А. Герцена „Из повести о св. Феодоре“ и В. Соловьева „Духовные основы жизни“. Воззрения этих писателей общеизвестны, и говорить о них что-либо здесь, поэтому, излишне. Если в настоящем случае о чём-либо нужно сказать два–три слова, так о том разве, насколько неизвестный составитель сборника удачно сделал выборку мест „из различных писателей, размышлявших о значении личности в обществе“... Рецензент должен сказать, что выборка эта сделана вообще нехудо (напр., до некоторой степени подходят к существу дела даже и несколько строк, приведённых из Герцена на стр. 114–115). Видно, что составитель вчитывался в этих авторов долго и внимательно. Но сама (извиняюсь за выражение!) „разнокалиберщина“ выдержек, их авторов не может понравиться читателю. Последний здесь хотел бы видеть

поменьше случайности и побольше систематичности... Впрочем, говоря всё это, не думаем унижать затеи редакции „религиозно-философской библиотеки“. Эта редакция делает вообще хорошее дело, и мы можем только пожелать ей всякого успеха.

Проф. А. Бронзов

Лисицын М., свящ. [Рец. на:]: Свящ. С. Брояковский. Сборник кратких поучений на воскресные и праздничные дни. Стр. 311. Киев 1904 г. Ц. 1 р. 25 к. с перес. 1 р. 50 к. (Выписывать можно от автора по адресу почт. конт. Попельня, Киев. г.). С. 1304

Настоящий сборник выходит в свет уже вторым изданием в исправленном и значительно дополненном виде. В нём помещено 134 поучения на воскресные и праздничные дни, расположенные в порядке гражданского года, начиная с января. План расположения бесед по-недельный, причём между неделями приблизительно ставятся и поучения на праздничные дни. На некоторые дни положено по два поучения. Темы для проповедей разнообразны и берутся прямо из жизни. В навечерие Крещения, напр., есть поучение против беспорядков при черпании св. воды, на Сретение о воцерковлении, на день св. Георгия – почему этот святой считается покровителем скота и т. п. Как в последнем, так и в других случаях проповеди оживляются передачей конкретных случаев из жизни святых. В сборнике есть немало проповедей и с миссионерским характером, напр., в неделю православия („Без правоверия спастись невозможно“), на 9-е мая („Истина нетления мощей св. угодников и необходимость почитания их“), в неделю свв. отец („Отчего происходят раздоры и нестроения в св. Церкви Православной и как их избежать“), в день св. Троицы („О троичности лиц во Едином Боге“), в день 16-го августа („О почитании св. икон“), в день Введения Пресв. Богородицы во храм „О значении храма Божия“ и др.

Есть в сборнике о. С. Б-ского несколько поучений бытовых; таковы, напр., проповеди – „Против предрассудков и суеверий“ (на 20-е июля), „Против нехристианского препровождения семейных празднеств и торжеств“ (на 29-е августа) и др.

Во всех поучениях о. Брояковского видна простая и ясная мысль и доброе христианское православное чувство. В этом отношении они приближаются к поучениям знаменитого прот. Р. Путятина. Правда, они не блещут красотами слога последнего,

не имеют в себе его ярких образов и картин, глубоких мыслей, неожиданных, но верных сопоставлений, характеризующих не только оратора-поэта, но и писатели-мыслителя; это скорее простые, душевные беседы сельского пастыря с такими же простыми и непритязательными слушателями. В этом их достоинство и значение.

Свящ. М. Лисицын

**Хроника // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10.
С. 1305–1309**

Из мира инославия и из жизни заграничного сектантства

Религия Японии в прошлом и настоящем. – Пропаганда мормонов в Лондоне.

Война России с Японией привлекла внимание всего мира к событиям на Дальнем Востоке. Иностранная печать стала усиленно заниматься страной „Восходящего Солнца“; газеты наполнены статьями о Японии и японцах вообще и в частности о *религии* этого народа, о которой европейцы имеют довольно смутное представление. Многие антиклерикальные французские газеты говорят, что японцы совершенно лишены религиозного чувства и, стало быть, они единственный народ, народ драгоценный, служащий живым примером того, что религия уж вовсе не так всемирно распространена и далеко не так необходима для государственной жизни народов, как утверждают клерикалы,

– В Японии нет никакой религии. Японцы прекрасно обходятся без неё. Японцы – сильная, быстро развивающаяся нация; следовательно, общественное и государственное развитие в религии вовсе не нуждается и т. д.

– В Японии нет религии! – возражает на это французская клерикальная газета *La Croix* (Крест), – а между тем в ней насчитывают 300.000 храмов и различных святилищ. В Японии нет религии! – а она имеет 150 тыс. священников и монахов. Все живописные местности страны посвящены какому-нибудь богу, и народ беспрерывно посещает эти местности для поклонения различным святыням. Нет дома, в котором бы не приносились жертвы на алтаре предков. В Японии нет религии! – когда на самом деле их там целых три, или даже четыре: шинтоизм, буддизм, культ предков и, может быть, ещё и конфуцианство.

Газета *La Presse* (Печать) сообщает своим читателям, что японцы делятся да шинтоистов и буддистов. Шинтоизм – это первобытная религия Японии, столь же древняя, как и нераздельная с ней история этой страны. Газета считает, что шинтоизм сводится единственно лишь к поклонению особе

императора, который даже в официальных бумагах называется не иначе, как: Сын Неба или Небесный Царь.

Немецкая. газета Linzel Volksblatt смотрит глубже на древнейшую религию японцев и приводит довольно подробно историю распространения христианства среди этого народа.

Шинтоизм – эти древний языческий культ, – говорит автор немецкой статьи, – имеющий в настоящее время 17 миллион. последователей. Во главе творения стоит верховный бог Тенка с подвластными ему небесными духами: связующим звеном между ними и человеком являются жители других планет и обоготворённые силы природы. Эти-то последние, вместе с душами предков и составляют, собственно говоря, объект культа. Таким образом главнейшие черты первобытной японской религия символический натурализм на монотеистическом основании и поклонение предкам.

В шинтоистских храмах нет уродливых идолов и страшилищ искажённого буддизма, в них нет никаких предметов поклонения кроме священного зеркала – символа богини солнца. Нет и кровавых жертв; вместо них шинтоисты приносят в свои святилища деньги, полоски цветной бумаги, душистое дерево и т. п. Обряды совершаются жрецами и жрицами в храмах, а миряне молятся веред ними и в само здание не допускаются. Внутренность святилищ украшается множеством лампад; некоторым из них теплятся и по ночам; религиозные танцы и представления входят также в состав культа.

По воззрениям шинтоистов, микадо (от японского слова Микото – Бог) происходит по прямой линии от богов и, будучи их потомком и наследником, достоин божеских почестей. Основываясь, на своём божественном происхождении, микадо предъявляли в былое время права на неограниченную, как светскую, так и духовную власть: но в 1889 г. правительство, перестроенное по европейскому конституционному образцу, издало закон о полной религиозной свободе.

В 6-м веке проник ии, Японию, через Китай и Корею, индийский буддизм, а в 7-м стало распространяться учение Конфуция, скорее нравственный кодекс, чем религия. В

настоящее время буддистов и конфуциан насчитывают в Японии в общей сложности 29 миллионов.

Как уже сообщалось в нашем журнале, история христианской церкви начинается для Японии с 1549 г. Страна „Восходящего Солнца“ была, открыта в 1542 г. португальскими моряками, выброшенными бурей на остров Киу-Сиу: несколько лет спустя св. Евангелие было впервые занесено в Японию португальскими же купцами. Святой Франциск Ксавер встретил на Малаккском полуострове японского дворянина Ангероо и в Троицын день 1548 г. окрестил его и двух его товарищей; вскоре после этого св. Франциск отплыл вместе с этими тремя новообращёнными в Японию, куда и прибыл благополучно в августе 1519 года. С этого времени христианская вера стала распространяться в Киу-Сиу и в Нипоне, приобретая последователей и покровителей даже между тамошними князьями. После смерти св. Франциска просветителя Японии. – ученики его ревностно и успешно продолжали его дело. Мужчины и женщины высших классов вступали в церковь Христову и увлекали за собой множество людей из низших классов, так что в 1580 г. в Японии было уже 250 храмов и около 200.000 христиан католиков. Для ознакомления японцев с западной культурой, с католической иерархией и, главное, с торжественной красотой богослужения в католических странах, в 1582 г. было даже отправлено посольство из знатнейших японцев-христиан в Рим, к папе Григорию XIII, который и принял прибывших издалека чад церкви с величайшей любовью.

Только в 1854 г. римская церковь основала, наконец, апостолическое наместничество в Японии. В 1859 г. японское правительство вынуждено было даровать иностранцам свободу вероисповедания и вскоре после того была освящена в Нагасаки церковь во имя 26-ти мучеников, причисленных в 1862 г. к лику святых католической церкви.

Тем не менее старые законы о преследовании христиан всё ещё оставались в силе и в 1867 г. подлилось новое гонение и 4000 христиан были сожжены живыми. Только в 1873 г. старые законы о преследовании христиан были отменены императорским указом, и католический епископ отпраздновал

торжественным богослужением прекращение 300 летних гонений (1587–1873 г.). В том же году была основана в Нагасаки первая католическая семинария и японская миссия вступила в период мирного развития.

Статистика религии в Японии даёт следующие цифры; буддистов и конфуциан – 29 миллион., шинтоистов – 17 миллион., протестантов – 86 тыс.; католиков – 58 тыс.; православных – 23 тыс.

По сведениям американской газеты Globe, число православных несколько больше, а именно 25 тыс. Эта газета говорит, что, начав свои действия в 1865 г., православная русская миссия приобретает с каждым годом всё большее значение, в особенности с тех пор, как она имеет в Токио собственный храм.

* * *

Мормоны снова обратили на себя внимание Америки, всей западной Европы и в особенности Англии. Фанатические миссионеры с берегов Солёного Озера рассеяны по всей стране; особенно усердно они действуют в Лондоне, где нанимают большие помещения для своих собраний и проповедают перед многочисленными слушателями.

Нередко перед дверьми таких собраний собираются огромные толпы народа и так шумно требуют удаления „развратителей и убийц“, что полиции приходится вмешиваться для восстановления порядка.

– Долгое время, – говорит газета Globe, – англичане знали мормонов только по карикатурам сатирических американских журналов и не уделяли им серьёзного внимания; но теперь, когда они прочно основались в Лондоне, вербуют последователей, переходя из дома в дом, и заманивая в свои сети сотни девушек низших классов, власти обязаны, наконец, вступить и рассмотреть вопрос о том, имеют ли эти господа право так поступать.

Жители Лондона, в особенности предместья Финсбери, где усиленно работают мормоны, пришли к убеждению, что деятельность Святых Последних Дней угрожает серьёзной

опасностью не только нравственности их детей, но и их собственной, и громко требуют удаления этой опасности.

К голосу печати и общественного мнения присоединился ещё и властный голос одного из известнейших английских богословов – епископа Эксетерского, также восставшего против мормонской пропаганды.

Мормоны усиленно опровергают взводимые на них обвинения и горячо отстаивают чистоту своей веры, которой, по их мнению, суждено рано или поздно покорить весь мир: но оправдания их не производят желаемого действия, тем более, что один из бывших их священников сам печатно признаётся в том, что ни в одном городе он не встречал такой ужасной распущенности нравов, как в столице мормонского царства, где он прожил 6 лет. Скрываясь под покровом религии, там царит грех и позор, – говорит этот бывший мормон.

В Америке общественное мнение возбуждено против мормонов не менее, чем в Англии. Здесь сыр-бор загорелся по поводу того, что штат Юта послал своим представителем в Вашингтонский сенат м-ра Смута, одного из мормонских 12-ти апостолов. Существенное мнение восстало против этого выбора и так настойчиво требовало удаления этого представителя, что сенат назначил по этому делу особую комиссию. Смута обвиняют в том, что, будучи по убеждению и на самом деле многоженцем, он тем самым нарушает условие, в силу которого Северо-Американский Союз согласился в 1890 г. принять территорию Юта в число штатов, а следовательно, не может войти в состав правительства и избрание его должно быть признано незаконным.

Назначенная сенатом комиссия распространила следствие за пределы личных убеждений и поступков м-ра Смута на мормонство вообще, на его вероучение, его политическое влияние, его организацию и на положение, занятое им по отношению к законам страны.

Все американцы следят с напряжённым вниманием за работой комиссии и, кажется, решились ни под каким видом не допускать м-ра Смута в народное законодательное собрание. Комиссия ещё не окончила возложенного на неё дела, но уже

высказалась в том смысле, что мормоны не исполнили принятого ими на себя в 1890 г. обязательства отказаться от многожёнства. Нынешний глава мормонской церкви, м-р Смит, состоит супругом пяти жён (с шестой он развёлся) и отцом 43-х человек детей: несмотря на это, уступая американскому общественному мнению, он издал на днях в городе Соленого Озера постановление, в силу которого полигамия отныне воспрещается и виновные в нарушении нового закона подлежат отлучению от церкви. Такое отречение от догмата многожёнства приписывается полученному свыше повелению. Новое постановление является повторением того, которое были уже издано в 1890 г. и притом тоже по непосредственному Божьему откровению. Уже одно то, что изданный закон пришлось возобновить, служит доказательством того, как мало мормоны считали его для себя обязательным. Несомненно то, что, благодаря своему богатству и организаторским способностям, мормоны год от году всё успешнее пропагандируют своё учение и тем возбуждают против себя сильнейшее негодование, как в Америке, так и в Европе.

Один из выдающихся членов канадского правительства находится в настоящее время в Лондоне; он подтверждает усиленную колонизацию и пропаганду мормонов в Канаде, а также и то, что во время своего пребывания в городе Соленого Озера он имел случай убедиться в том, что на самом деле мормоны и не думали отказываться от полигамии и что безнравственность этих людей прямо возмутительна.

Вся история о небесных откровениях, отменяющих многожёнство, ничто иное, как грубый обман, к которому мормоны прибегают, когда открытое сопротивление американским законам становится невозможным. Далее то же лицо утверждает, что город Соленого Озера – настоящий притон всевозможных пороков. Если молодые девушки не поддаются на увещания миссионеров, их увлекают силой и водворяют в доме одного из старшин. После того, как несчастная жертва гибнет нравственно и теряет своё общественное положение, ей ничего больше не остаётся, как помириться со своей печальной

участью; она поневоле делается мормонкой. Свои сообщения по этому вопросу член канадского правительства окончил словами:

– Если хотят положить предел распространению мормонства в Канаде и в самой Англии, то пусть делают это немедленно, потом будет, может быть, уже поздно.

**Миссионерство, секты и раскол // Миссионерское
обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 1310–1315**

Платонов А. Миссионерское областное собрание в г. Карсе. С. 1310–1311

18 мая сего года в г. Карсе состоялось первое областное собрание духовенства по делам миссии. На собрании присутствовали 12 священно-церковнослужителей и епархиальный миссионер, а также причт местного военного собора, изъявивший полную готовность вести противосектантские беседы с сектантами нижними чинами карсских войск.

На съезде было выяснено течение сектантской пропаганды в Закавказье, состояние сектантства в Карсской области, освещён во всех подробностях миссионерский циркуляр высокопреосвященного экзарха Грузии, решены некоторые вопросы, касающиеся способов ведения приходской миссии. Вот главные постановления, сюда относящиеся;

1) Во избежание разделения церковно-приходской деятельности между приходскими попечительствами и намеченными циркуляром кружками ревнителей православия, решено просить епархиальную власть объединить деятельность попечительства и кружков.

2) В виду того, что духовенство Карсской области состоит преимущественно из греков, не понимающих русского языка и не имеющих в своих приходах сектантов, решено просить епархиальное начальство учредить в Карсе специальные ежегодные миссионерские областные съезды духовенства приходов с сектантскими поселениями, независимо от благочиннических съездов, на коих по требованию циркуляра должны обсуждаться вопросы миссии в Грузинской епархии.

3) Просить экзарха Грузии о допущении к участию в суждениях миссионерских съездов всех ревнителей православия гор. Карса и приходов Карсской области.

4) Постепенно расширять церковно-приходские библиотеки выпиской миссионерских журналов и книг в дополнение к разосланным по приходам миссионерским библиотекам.

5) Просить епархиальное начальство ходатайствовать перед военным губернатором Карсской области о разрешении знакомить областные миссионерские съезды с теми сектантскими делами губернской канцелярии, которые не передаются на рассмотрение духовного начальства.

6) Представить к 1-му января 1905 года полные сведения о сектантах Карсской области по разосланной причтам программе и просить епархиального миссионера осенью сего года проверить деятельность всех приходских миссий и сделать новые указания для миссионерской практики.

В заключение не можем не отметить следующих отрадных явления в жизни Карсской миссии. В городе Карсе в настоящее время в противовес сектантским собраниям ведутся вне-богослужебные чтения, которые именуются „собраниями“.

На этих собраниях читается Новый Завет на русском языке и даётся толкование прочитанного. Здесь же поются всеми присутствующими церковные песнопения. Результат получается прекрасный. Православные перестали уже ходить в сектантские сборища, а сектанты начали посещать православные собрания, вызывая бессильное противодействие со стороны вожаков молокан и жидовствующих. Местный о. благочинный протоиерей Тихон Андриевский энергично взялся за дело миссии и уже поселил раскол в молоканстве с наклоном в сторону православия.

В виду развития сектантства в карсских войсках, делом миссии занялся и местный военный причт, причём беседы взялся вести псаломщик военного собора, студент духовной семинарии Соболев.

Некоторые причты составили уже полные отчёты по сектантству своих приходов в его прошлом и настоящем состоянии.

Миссионер *А. Платонов*

Коньгин Феодор. Торжество православия в Уральской области. С. 1311–1315

(Присоединение австрийского „попа“ с его паствой к православной церкви).

В Уральской области, в районе г. Илека, совершилось в минувшем мае знаменитое для православной миссии событие. Местность эту посетили владыка оренбургский Иоаким и синодальный миссионер протоиерей К. Крючков. Последний, прибыв сюда за несколько дней ранее преосвященного, назначил в Сухореченском посёлке на 8-е мая миссионерскую беседу. Место для собеседования было приспособлено на площади среди посёлка. Ко времени беседы собрались сюда сухореченцы – казаки и казачки, от мала до велика. Защищать австрийский раскол выстудил местный лже-поп Савва Сладков. и его брат Ефрем, уставщик моленной. Слушателей было множество и местных, и приезжих из соседних посёлков.

Беседовать начали о власти епископской. В начале беседы, когда о. протоиерей указал слушателям на неимение у австрийцев признаков Христовой церкви в течение 180 лет, защитники с азартом старались оправдаться. Особенно рьяно ратовал за австрийщину Ефрем Сладков. Но вскоре апологеты раскола были доведены до того, что Ефрем, вместо того, чтобы оправдываться, начал читать те же тексты из Св. Писания и творений свв. отцов, которые были читаны о. протоиереем, и подтверждать тем, что в церкви должны быть вечно три иерархических чина: „кто не с епископом, тот не в церкви, без епископа не христиане, не земледелие Христово, но семя вражье и горше неверных“. Читал он эти тексты из швецовского списка, раскольнического подпольного издания. Савва, слушая это, замолчал. Казаки, поражённые такими грозными и неожиданными обличениями их незаконного положения, обратились к Савве:

– Батюшка! что же ты молчишь? говори что-нибудь!

Савва молчал. Наконец, уступая им, заговорил:

– Что вы ко мне пристаёте? Заставляете говорить? Что же тут говорить-то? Какие это книги читают нам – святые или нет? Святые?

– Да оно святые-то святые.

– Так что же вы на меня кричите? Хотите, чтобы против святых я лгал? Помилуй, Господи, от этого. – я с ума-то ещё не сошёл, чтобы на учение св. отец восставать!

– Так что же, так и будет, что мы горше неверных и семя вражие?

– Что же вы разве, не слышите? Кто это говорит так? Миссионер что ли, или апостольский муж – Игнатий Богоносец? Чего же ещё, святому Богоносцу не будем верить?

– Как же ты нам говорил, что истина на вашей стороне?

– Говорили мы и учили так потому, что ошибались и не имели у себя тех книг, из которых нам теперь читают, и вам я не мог говорить так, как говорю теперь, потому что и многом сам недоумевал, а теперь мои недоуменные вопросы, сами слышите, разрешаются. Так вот, не надо нам восставать на св. учение, которое нам теперь проповедуют. Спрашивайте лучше каждый разрешения в своих недоумениях.

Беседа, до сих пор шумная, приняла теперь вид мирный. Казаки стали предлагать вопросы о причинах удаления раскольников от единения с греко-российской церковью. О. протоиерей все их недоумения разрешил, и вопросители вполне удовлетворились. Все из бывших здесь, за исключением 3–4 казаков, согласились, что раскол ведёт к гибели. О. протоиерей увещевал их оставить раскол и присоединиться к православию, окормляющемуся законным священством, от Христа установленным во апостолах и преемственно продолжающимся с тех пор. Казаки ответили, что подумают об этом. Но Савва, вставь, решительным тоном заявил:

– Думайте! А я за вас перед Богом больше не ответчик, – и, совершив крестное знамение, добавил: ныне оставляю раскол и присоединяюсь к православной церкви.

Что произошло после того невозможно описать. Шум, споры, брань, толки, радость, всё это смешалось и наполнило весь посёлок. На беседе некоторые из более рьяных

раскольников опять укорили Савву за то, что он якобы скрывал от них незаконность их положения и тем обманывал их. Савва, на это ответил:

– Не обманывал и я не скрывал шаткость положения австрийщины, да и вам говорил: ищите истину, и я ищу – читаю книги день и мочь. Не говорил я тебе (обращается он к попечителю моленной) этого?

– Говорил, батюшка, ответили ему.

– А говорите, – обманывал я вас. Опять, разве не говорил я вам о том, как и где достаём мы антиминсы: прихожу к бывшему моему владыке, спрашиваю: „владыко святой, антиминс мне дайте, нужен для вновь построенной у нас полотняной церкви“. – У меня, говорит, антиминса нет. Я говорю ему: „если нет у нас, владыко, антиминсов. то, значит, нет и епископов: что за епископы, которые не имеют антиминсов“. – У меля, говорит, есть антиминсы-то, только они в Москве; а туда, сам знаешь, с пустыми руками не поедешь. Оно – я, пожалуй, съездил бы, да ведь на проезд-то мне туда надо 40 р., оттуда 40, да на антиминс, гляди, отдашь 40. Может быть, добьёшься, так я того... съезжу. Я ему тогда сказал: „владыко. я приехал к тебе не покупать антиминсы и денег на то не привёз, почему буду искать антиминс у другого епископа“. Тогда он мне говорит: „поезжай теперь домой, а я как-нибудь съезжу в Москву и к празднику привезу антиминс к вам. Всё, ведь, это, вы знаете, я говорил вам. В Москву-то он не поехал и к празднику антиминса не привёз. Потом приезжает после, привозит желанный антиминс. Спрашиваем его: „владыко, где добился? В Москву ездил?“ – Нет, говорит, не поехал, – по почте выслали. „Как же, говорю, разве; антиминсы почтой пересылают? Если почтой везли его, то почтарь-то на нём, поди сидел и трубку курил, а теперь мы на нём обедню хотим служить“. Не знаете вы этого? скрывал я от вас?

– Ты не всем это сказывал, мы не все знаем.

– Не все знали, так знайте ещё теперь, что нет у нас антиминсов. Не может быть, по писанию, антиминса без мученических мощей, а где они у нас? По необходимости будет их возить почтарь.

Присоединённый недавно из австрийщины, приехавший из соседнего посёлка слепец⁴⁶⁴ тут сказал: „О,. Савва, с нами в Затонном раскольники-соседи недавно спорили о вере, а мы им и поставили на вид, что не может у них быть антимины, потому что нет мощей, и тем оставили их безответными. Потом вскоре приходит к нашим бабам раскольница и по секрету сообщает: „кума, не верь, что нет у нас мощей, не сумлевайся – целую руку добились!“ А где добились, её не спросили, может быть, опять откуда-нибудь почтарь привоз.

Савва добавил: „разве я не говорил вам, что меня возмущало то, что за все 22 года моей службы вашим пастырем, мне наши владыки мира-то не давали, а в мой пузырь лишь подливали простого масла. Какое это миро – масло маслом разбавляли“.

Долго ещё раскольники, разочаровавшиеся в своих убеждениях, вопрошали о. протоиерея по недоуменным для них вопросам. Беседа, продлилась 7 часов; кончилась в сумерках.

На другой день, 9 мая, в праздник святителя Николая, в доме Саввы, было совершено присоединение к св. церкви 26 человек; присоединилось и всё семейство Саввы. Народ опять наполнил площадь против дома Саввы. Женщины, смотря в окна, горько плакали...

Оставшиеся в закоснении брат Саввы и попечители австрийской моленной, в эту же ночь, сами разобрали полотняную свою церковь по частям, уложили вместе с этими частями „дары“ и „антиминс“ в сундуки и вывезли из моленной. Это всё проделали казаки-простецы!

Так как в Илек ожидался приезд преосвященного Иоакима, то о. протоиерей предложил Савве для большего торжества православия над расколом поехать в Илек, где над бывшим австрийским „попом“ совершит присоединение сам епископ. Так и сделали. 11 числа, во время Божественной литургии владыка Иоаким, при численном собрании народа, торжественно присоединил бывшего лже-попа Савву к св. Церкви. Во время литургии Савва, вместе с своей женой, в первый раз в жизни сподобится причаститься от владыки св. Тела и Крови Христовых.

Савва, с малолетства, отличается тихостью, религиозностью, безукоризненной нравственностью, человек хорошо начитанный, пользующийся авторитетом не только среди своих бывших прихожан, но и считающийся первым человеком в этой местности у своих бывших владык, от которых имел даже бумагу, разрешающую ему посещение Саратовской епархии для совершения там треб. Вообще он такой человек, каких среди австрийских лже-попов, немного, почему присоединение его к православию нанесло великий удар австрийцам здешнего края, тем более, что раскольники не могут теперь изрыгать клеветы, как они это привыкли делать при оставлении кем-либо раскола и присоединении к православию; не могут сказать, что Савва оставляет раскол по каким-либо житейским интересам. Имея множество прихожан во всей Илекской стан. и прилежащей сюда местности и пользуясь доходом даже с Саратовской епархии, Савва больше не захотел однако коснеть в расколе; он не меняет свои убеждения на материальные выгоды, но бескорыстно соединяется со св. церковью.

Велие торжество совершилось! Раскол австрийский, возделываемый в этой местности Швецовым и партией его питомцев, должен теперь почувствовать тщету своих усилий в отношении распространения по области новоявленной лже-иерархии.

Почувствовал это он ещё и ранее, когда в Великий пост прошедшего 1903 года о. протоиереем был проведён ряд собеседований по области и две из них в г. Илеке с нынешним лже-епископом Усовым. После того о. Андрей Куванов, бывший когда-то австрийским лже-попом, присоединил в течение года около 200 человек.

Теперь же немало будет способствовать обращению заблудших доездка преосвящ. Иоакима. Его доброе отношение к пастве и любвеобильные речи, сказанные в каждом из посещённых им приходов, истовое служение с исполнением некоторых единоверческих обрядов воочию показали раскольникам истинного преемника апостольского служения, у них не имеющегося.

Вообще, бегство Усова, присоединение бывшего авторитетного раскольнического лже-попа Саввы, посещение области преосвящ. владыкой Иоакимом, – всё это заставит раскол здешний образумиться и обратить свои взоры на заблуждение своё и своих лже-иерархов.

Теперь, по присоединении Саввы, жители Сухореченского п. составили приговор, в котором, указав на то, что Савва, служа у них 22 года *лже-священником*, был примерным человеком, постановили просить о. протоиерея Крючкова ходатайствовать перед владыкой Иоакимом о рукоположения Саввы в сан законного пастыря к ново-открывающемуся единоверческому приходу в Сухореченский посёлок. Приговор этот подписали 58 домохозяев, половина которых – раскольники (которые по форме только раскольники, а душой уже православные: не обинуясь, они приговором постановили, что в австрийщине не законные священники, а лже-священники).

В день же присоединения, по указанию о. протоиерея, казаки отвели потребное количество усадебной земли под постройку св. храма. А преосвящ. Иоаким, внимая просьбам присоединённых и желающих присоединиться сухореченцев и видя любовь и уважение их к Савве, бывшему их пастырю, дал согласие рукоположить его вскоре же во священника для сухореченского прихода.

Очевидец Феодор Коныгин

**Корреспонденция „Миссионерского Обозрения“,
известия и заметки // Миссионерское обозрение.
1904 г. № 1–10. С. 1316–1320**

Айвазов И. Из Харькова. С. 1316–1317

Наречение и хиротония бывшего миссионера архимандрита Алексия (Дородницына) во епископа Сумского.

Известный в миссионерской среде архимандрит Алексей (Дородницын), сделавший крупный вклад в литературу о штунде и много лет прислуживший в должности екатеринославского епархиального миссионера, 29 истекшего мая был наречён в гор. Харькове, а 30 мая и хиротонисан собором архипастырей во епископа сумского. Событие это имеет глубокий *миссионерский* смысл. Архимандрит Алексей является *первым* из рядовых членов братской миссионерской дружины. Знаменательны мотивы, которыми руководился харьковский архиепископ Арсений, высказывая желание иметь себе помощником именно архимандрита Алексия. Эти мотивы владыка привёл в своей глубоко содержательной речи, при вручении жезла новопосвящённому епископу сумскому Алексию. Каждое слово этой речи должно быть занесено на миссионерские скрижали.

В ней один из старейших иерархов русской церкви открыто и решительно заявил, что миссионерское дело – *„важное дело“* и при том настолько важное, что Сам владыка, при выборе себе помощника в многотрудном и весьма сложном деле управления епархией, остановил своё архипастырское внимание именно на лице, возлюбившем и изучившем *миссионерское дело*. *„Ты по преимуществу возлюбил миссионерское дело, изучил его и с успехом занимался им“*..., а эти-то *„особенно потребно ныне харьковской епархии... – вот почему и желательно было нам твоё святительское служение в харьковской епархии“*.

Какая живительная влага потекла из уст умудрённого долголетним жизненным и архипастырским опытом иерарха и как она окрыляет дух работников на миссионерской ниве!.. Точно в знойный летний день вдруг окатили холодной водой разгорячённых противников особенно епархиальной миссии... Точно жаждущим и алчущим миссионерам дали кусок хлеба и чашку студёной воды!.. А если ещё принять во внимание единомыслие харьковского владыки с собором прибывших на

хиротонии? епископов, – в среде которых был и известный своей миссионерской деятельностью в Америке, таврический архипастырь епископ Николай, – особенно подчёркнутое в прекрасной речи екатеринославского епископа Симеона, то „кусоч хлеба“ превращается в целый хлеб и „чашка воды“ в ручей!..

Вот почему день хиротонии архимандрита Алексия во епископа сумского является в то же время и днём торжества миссии и должен быть отмечен на миссионерских скрижалях. Вот почему миссия шлёт свой горячий привет новому епископу Алексию и глубокую сыновнюю признательность харьковскому владыке и собору иерархов, хиротонисавших одного из любимых членов миссионерской семьи.

В свою очередь, харьковцы, никогда не выдавшие торжества епископского наречения и хиротонии, глубоко признательны архиепископу Арсению, за устройство этого трогательного церковного торжества. Прекрасная, ораторски-произнесённая речь еп. Алексия при наречении произвела глубокое впечатление своей искренностью, задушевностью и силой.

Миссионер *Иван Айвазов*

**Речь архиепископа Арсения, при вручении жезла
новопосвящённому епископу Сумскому Алексию ⁴⁶⁵.
С. 1317–1319**

Преосвященный Алексии, возлюбленный о Господе брат!

Приветствую тебя с посвящением в сан епископа. Сугубая благодать, воспринятая тобой в великом таинстве хиротонии, да соделает тебя полезнейшим деятелем в Церкви Христиной, малая частица коей есть харьковская епархия, в которой Промыслом Божиим, Царской волей и избранием Св. Синода указано тебе высшее иерархическое служение.

Возлюбленный брат! Где действует Бог посредством таких великих орудий благодати Своей, как помазанник Божий (Государь) и собор святителей (Св. Синод), – там *благо*. Мы веруем, что твоё пришествие к нам принесёт пользу нашей пастве, а твоё посвящение в сан епископа в сём кафедральном храме, – среди паствы харьковской соделывает тебя по преимуществу *нашим*.

Где может быть более целесообразности, как не в действиях Промысла Божия?.. Сию-то целесообразность мы усматриваем в твоём назначении на служение в харьковской епархии. Для доброго успеха необходимо, чтобы сродства соответствовали целям, а *люди – делу, на которое они призываются*.

Не будем говорить об общих обязанностях архиерея и об общих свойствах, каков должен быть архиерей; а равным образом не будем говорить об общих нуждах епархии и об общих потребностях епархиального управления. Но укажем на *нечто особенное, что желательно нам получить от неба, возлюбленный брат, и что, хотя издали мы усматривали в тебе, но что особенно потребно ныне харьковской епархии*.

Обратив внимание на твоё уже многолетнее служение на разных поприщах многообразной и многообразной нивы церкви Христовой, мы усмотрели, что *ты по преимуществу возлюбил миссионерское дело*, изучил его и с успехом занимался им; вместе с этим свитым, апостольским делом неразрывно

соединено проповедание Слова Божия к при том не в отвлечённых, сухих и теоретических формах и обстановках, а в простых, живых и действенных явлениях, *лицом к лицу* – не с слушающими только, *но и вопрошающими*. А это-то, т. е. *и миссионерство, и живое и действенное проповедание слова Божия* – как раз нам особенно нужно. Теперь, возлюбленный брат, тебе понятно, *почему желательно было нам твоё святительское служение в харьковской епархии...*

Ты служил недалеко от нашей страны – на юге России, поэтому тебе известно, как распространено здесь сектантство и как много здесь сектантов разных видов. То же самое и в харьковской епархии. Есть в ней, и в немалом количестве, и штундисты, и толстовцы, и духоборы, и хлысты; есть и глаголемые старообрядцы. К исторжению сих плевел, посеянных врагами истинного учения Христова, у нас приняты и принимаются усиленные меры и действительные средства. Есть у нас миссионерство, миссионерский комитет и миссионеры; развито проповедание слова Божия, особенно противосектантское, и ещё более развивается. С этой целью учреждено в Харькове религиозно-просветительное братство Озерянской Божией Матери. Миссионерское дело с просветительным Братством подлежало ближайшему ведению твоего предшественника, моего помощника, преосвященного Стефана. И твоему, возлюбленный брат, ведению будет подлежать *это важное дело, знакомое тебе по прежнему твоему служению*.

Но в обширной харьковской епархии и в многолюдном городе Харькове много и других епархиальных дел – текущих и экстренно-приходящих: вообще много дела для архипастырей. Скажу о себе: много я работал на ниве Христовой и, благодарение Господу, ещё продолжаю трудиться с неослабной ревностью. Но лета мои достигли старости и силы начинают слабеть. Вручая тебе сей жезл, не могу не обратиться к тебе с покорной просьбой: позволь и мне иногда опереться на твой жезл. Вообще же, будем совместно в мире, любви и согласии выполнять великое и трудное дело епархиального управления.

Прими сей жезл от меня, как от руки Божией, и почни своё архипастырское служение преподаванием благословения сему

народу, с верой и любовью ожидающему одного от тебя, как своего нового архипастыря.

Мысли и чувствования новоизбранного епископа. С. 1319–1320

(Речь архим. Алексия при наречении его во епископа).

Богомудрые архипастыри и отцы.

Избранием Святейшего Правительствующего Синода и изволением Боговенчанного Самодержца. я призываюсь к великому служению святой православной церкви, – служению архиерейскому. В эти священные для меня минуты, единственные в моей жизни, когда мысль невольно останавливается на святости и высоком значении того служения, к которому ныне я призываюсь, – пред моими духовными взорами восстаёт сонм архипастырей святой православной церкви, как бы вопрошающих меня: „Друже, с чем пришёл еси? Что ты приносишь в сокровищницу церкви Христовой?“ Из православно-церковно-исторической дали восстают предо мной образы архипастырей-мучеников, обогативших своею кровью ниву Христову, – архипастырей учителей, озарявших светом учения Христова весь христианский мир. В моих личных воспоминаниях воскресают образы святителей: Димитрия, архиепископа одесского, этого тихого светильника веры, но свет которого проникал до глубины человеческих сердец; я ещё и теперь как бы ощущаю на себе пламенное дыхание ревностного по вере Христовой другого святителя одесского, архиепископа Никанора; в моём сердце ещё живо чувство скорби по недавно почившем святителе Ювеналии, архиепископе литовском, этом великом таиннике благодати и созерцателе тайных движений души, живущей в общении с Богом, душа которого была чище кристалла? в вашем лице, святители Божии, я вижу архипастырей, сильных словом и делом, богатых духовным опытом, право правящих слово истины Христовой, помощников и защитников бедных и утешителей скорбящих.

Где же мне место в сонме таких светильников церкви Христовой, не говорю в ряду их, но у ног кого-либо из них? Я и словом слаб и делами беден. Но моё смущение усугубляется,

когда я представляю козни врага рода человеческого, которые он воздвигает в наши дни против православной церкви. Неверие, подобно тонкому тлетворному воздуху, широко распространяется в нашем обществе, сотрясая глубины духа не только юношей. но и старцев; сомнение в истинах святой православной церкви, руководимое врагами её и нашего дорогого отечества, смущает простые души нашего доброго и доверчивого народа; лжеименный разум, прикрываясь тогой учёности, пытается водрузить своё знамя на месте святе.

И в такое-то время бурного дыхания духа нечиста, духа злобы Ты, Господи, поставляешь меня на свещнице архиерейского служения святой православной церкви. *Немощен, немощен аз есмь...* Но верую, Господи, что если Ты призываешь меня к сему высокому служению, то Ты же дашь мне и силы к достойному прохождению его: если, по Твоему слову, ни единый волос не падает с головы нашей без воли Отца нашего Небесного (Лк.21:18), то тем паче призвание наше к служению Твоей церкви совершается под Его благим промыслением о нас. Эта вера вдохновляет и ободряет меня. А вместе с этим и иная утешительная мысль восстаёт в моём духе: я не один буду работать на ниве Христовой – я буду работать в союзе веры и любви с сонмом архипастырей Российской церкви, я буду работать под твоим, богомудрый святитель харьковской церкви, благим смотрением – и в этом для меня новая надежда и новое ободрение. Емлюся, емлюся за края риз ваших, святители Божии, и молю вас, не о том молю, чтобы дух, иже в вас, сугуб во мне пребывал, нет: моя мерность не снесёт величия и силы духа сего; молю, как приточный бедняк: „дайте мне взаим от хлебов ваших“ (Лк.11:5). Дайте мне от сокровищницы вашего духа содействие вашей любви, вашего духовного опыта, ваших молитв. И я, ободряемый надеждой на всесильную благодать Господа моего Иисуса Христа и содействуемый вашими любовью, опытом и молитвами, с дерзновением пойду на указываемое мне служение, памятуя, что „сила Господня и в немощи совершается“ (2Кор.12:9).

Миссионерская вакансия.

В астраханской епархии состоит вакантной должность епархиального миссионера 1 участка, где есть раскольники и сектанты. Желательно лицо, окончившее курс духовной академии или семинарии, предпочтительно в духовном сане. Жалованье в год вместе с квартирными и разъездными 2.000 р. Жительство в г. Астрахани. Прошение подавать на имя преосвященнейшего Георгия, епископа астраханского и енотаевского,

Пожертвования.

1. От Свято-Троицкой женской общины Смоленской общины, Вяземского уезда, на религиозно-нравственные издания для отсылки на Дальний. Восток для войск действующей армии поступило в редакцию „Миссионерского Обозрения“ 25 руб.

2. От Протоиерея о. Антония Кудинова, Полтавск. Губ., поступило 120 названий книг для рел.-нравственного чтения воинам.

**Отклики // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10.
С. 1321–1326**

Из дневника о. Иоанна Кронштадтского в обличение лжеучения гр. Льва Толстого ⁴⁶⁶. С. 1321–1326

Если кто соблазнит единого от малых сих, то, по слову Божественного Учителя, лучше было бы для него, если бы навесили ему жернов на шею и бросили его в глубину морскую (Мф.18:6). Лев Толстой соблазнил и продолжает соблазнять десятки тысяч людей, печатая и рассылая во множестве свои богохульные писания, с целью соблазнять особенно учащуюся молодёжь, преимущественно среднего и высшего образования, и ими отравлено множество юношей и девиц! Чего же по правосудию Божию заслуживает наш русский еретик, скольких казней? А чего заслуживают и попускающие ему распространять свои гибельные брошюры и дающие ему полную волю говорить, что захочет? Многие погибли через Толстого, участвовавшие в попустительстве ему.

У тебя, Лев Толстой, пособников много для твоего гибельного учения. Во-первых, сам князь тьмы, иже есть диавол и сатана, обольщающий всю вселенную. Толстой не верит в злых духов, коих он называет чертями; а они-то его и научили и учат с юности и доселе всякому греху, всякой лжи и неправде: они-то его и научили отвергать Откровение, Бога в Троице, Христа Спасителя, Церковь, Богородицу, Святых и идти наперекор всякой истине; они-то и производят весь сумбур в его голове; они-то и научают людей всякому греху; от их-то лжи и пришёл спасти людей верующих Христос, от ада, уготованного им и их слугам; они-то и встретят Толстого по смерти, которая ждёт его с нетерпением и они-то с жадностью готовы схватить, с скрежетом зубным и с хохотом страшным Толстого и подобных ему. Слышите все христиане!

Во-вторых, пособники твои, Лев Толстой, все тебе подобные, в роде Черткова и множества русских переучек, подобных тебе и совращённых твоим бессмысленным учением. В-третьих, пособляет тебе твоя старая нечистая ветошь, унаследованная тобой от твоего отца, – я разумею те дрожки лукавые, на коих ты зачался и образовался в тип человека, то

уродливое нравственное неразвитие и та среда, в которой ты вырос; полная невоспитанность нравственная, в которой ты вырос, то безверие и та бесцерковность, в которых ты жил и своевольничал. Невозможно наследовать царствие Божие людям, неуготовавшим себя для него верою, покаянием и исправлением, добродетелью. Вспомни притчу о званых на вечерю. – «Ни один мужей тех званых вкусит Моея вечери: много званых, но мало избранных» (Мф.22:1–14).

* * *

Лев Толстой играет в сурдинку и идёт против здравого смысла человеческого, против всякого логического закона, лишь бы только излить свою желчь на Христа, на веру Христову, на церковь. Как он низок, нелеп в своих рассуждениях! Ниже этого упасть нельзя, бессмысленнее Толстого нет, кажется, никого. Прочтите беспристрастно его последнюю брошюру и убедитесь. До чего дошёл автор «Войны и мира»! Вошедши в незнакомый ему, чужой огород, он сломил себе шею с головой. Затем дошёл до сумасшествия, до абсурда! «Отвергающий Меня и не принимающий слов Моих имеет суд себе: слово, которое Я говорил, оно будет судить его в последний день» (Ин.12:48).

* * *

Хула на Духа не простится человекам. Если кто скажет слово на Сына Человеческого, простится ему, если же кто скажет на Духа Святого, не простится ему ни в сём веке, ни в будущем. Или признайте дерево хорошим и плод его хорошим; или признайте дерево худым и плод его худым; ибо дерево познаётся по плоду. Порождения ехидины, как вы можете творит добро, будучи злы. Ибо от избытка сердца говорят уста. Добрый человек из доброго сокровища выносит доброе; а злой человек из злого сокровища выносит злое. Говорю же вам, что за каждое праздное слово, какое скажут (или напечатают, напишут) люди, дадут они ответ в день суда (Мф.12:31–36). Толстой хулит христианскую веру и церковь. Но как поднимается у человека язык – хулить то, что истинно, прекрасно, жизненно, спасительно? Дерево познаётся по плодам: какие же плоды принесла, христианская вера? Самые добрые плоды, о чём свидетельствует вся истории церкви.

Светские писатели только в землю смотрят и выше земли не поднимают сердечного ока своего; но человек сотворён преимущественно для небесного, а не для земного только, и его стан и телесные очи обращены к небу. Писатели мирские слишком односторонне и не полны, – и, когда захотят говорить о предметах веры, то говорят большей частью только для того, чтобы глумиться над ними и толковать их по своему одностороннему, ошибочному разумению, как граф Толстой и подобные ему. Как возможен Толстой в наше время? как возможен такой-писатель? такой сумасброд? такой рецидивист? Как возможны такие похуления на всё Святое, чем дорожит человек больше своей жизни?

Кто же этот Толстой, который диктаторски судит всех и сам себя ставит выше общего суда, приписывая себе как бы божескую непогрешимость! Кто этот дерзко посягающий своим судом на здравый, правый, чистый смысл всего избранного, умудрённого Богом и чистой, высокой жизнью человечества и смеющийся над непреложными истинами, общедоказанными, животворными, твёрдыми, как неподвижная скала и как столп, твёрдо водружённый! Это – человек, духовно ни мало не воспитанный, пролетарий мысли и нравственной расшатанности от самой юности, как и сам он признаётся, человек совершенно несведущий в религиозных истинах, нигилист до мозга костей, не верующий ни в кого и ни во что, кроме себя самого, как русского графа, прославленного писателя; он утверждает, напр., что Россия не должна воевать ни с кем и проливать чью-либо кровь, кроме того только случая, когда разбойники нападут на него, графа Толстого, или на Ясную Поляну, – тогда правительство должно защищать Поляну силой оружия и пролить солдатскую кровь, чтобы не пролилась графская кровь на Ясной Поляне, так как она всегда имела вид и свойство ясной, а не мрачной поляны. Как вы думаете, в здравом ли уме так рассуждающий граф по фамилии Толстой! Вы не браните меня за эту иронию; я вовсе не хочу иронизировать, но слова его сами собой вызывают на то; я говорю только правду. Не потерял ли только Толстой из виду законов здравого мышления! По-видимому, так Лев Николаевич! Вы шутите однако уж

слишком над здравым общечеловеческим смыслом. Помилуйте, вы своей львиною лапой бьёте по лицу и пап, и кардиналов, пасторов, священников, и все они, но вашему, обманщики, негодяи, а вы человек праведный, искренний, якобы правду говорящий всем духовным особам, правителям, начальству. Ну, если вы умный, а не сумасшедший, то ведь вас судить надо строжайше за это ругательство над лицами уважаемыми по сану (не ваше дело судить их за дела, вы не призваны к тому): вы публично смеётесь и думаете остаться безнаказанным! Нет, этого быть не может! Вы понесёте строгое наказание – вы соблазните не единого только от малых, а все христианские народы, привыкшие по божественному праву смотреть с уважением на эти лица. Вам, по писанию, нужно бы повесить камень на шею и опустить с ним в глубину морскую, вам не должно быть места на земле.

* * *

Подумайте, сытый и беспечальный, богатый русский граф хочет у всех русских и даже у французов, итальянцев, немцев, австрийцев и даже англичан вырвать веру в Спасителя грешных, имеющего глаголы живота вечного, во Врача всего немощного верующего человечества, в незаходимое Солнце правды, в Единственного Утешителя всех скорбящих верующих. – Русский народ и всё интеллигентное множество, да и всё христианское человечество! узнайте по плодам, преподнесённым вам от Л. Толстого! Таково его учение, каков этот учитель. – Сын геенны! Не смейтесь, граф и все толстовцы, над этим страшным словом, – вы скоро насытитесь ею и погрузитесь в неё на всю (если не покаетесь) вечность; граф всех хочет вовлечь в неё, как сатана, всех лишит Того, Кто один может избавить от неё, как сказано: убойтесь Того, Кто по убиении может воврещи в дебрь огненную, ей, глаголю вам, Того убойтесь (Мф.10:28). Итак, по плодам этого безбожника, этого ругателя всего христианского человечества, вы узнаете, кто он. Это – антихрист, – это зверь, вышедший из бездны (Откр.11:7), с десятью рогами (Откр.13:1), бодущий на все четыре стороны, на все страны света, чтобы, если можно, хоть некоторых ввести в неё с собой на всю вечность. – Если бы хоть

немного вкусил граф плодов Христовой веры, он никогда бы не стал так издеваться над ней и над нами, – но он, как видно, ни на час не был истинным христианином и всегда был безбожником. Невольно даюсь я диву, как в России могла появиться эта змея, полная яда смертоносного, – подивись небо, подивитесь все Ангелы Божии и все Святые человеки, как мог русский граф сделаться сосудом сатаны и принять в себя всю полноту его, всё его отступничество от Бога, всю вражду его на Бога и на верующих в Бога.

Как древние софисты, философы обратили дар слова, долженствующего выражать истину, – обратили в игру слов, называя белое чёрным, а чёрное белым, или добродетель называя грехом, а грех добродетелью, так и Лев Толстой потерял всякое уважение к слову и к истине, и правде, и свой писательский талант обратил в игру словами, мало того – на самое дерзкое, сатанинское богохульство; да ещё и самого сатану превзошёл; ибо сатана верит в Бога и трепещет Его (Иак.2:19), – и бесы веровали в Иисуса Христа и признавали Его громко Сыном Божиим (Лк.4:34), а Толстой не верит в Сына Божия и смеётся над Евангельской истиной. Церковь непрестанно благословляет Господа, Творца, Промыслителя и Спасителя и Праведного Судию день и ночь, а Лев Толстой осмеливается в своих писаниях хулить Его, называя Его жестоким и виновником – ужасно сказать – страшных знамений в людях. – Слышите, народ православный. Это подлинные слова Толстого, я заимствовал их из его печатанных листков, издаваемых в Англии Чертковым, русским ренегатом, отщепенцем. – Скажите, не осатанел ли Л. Толстой? Книги В. и Н. Завета он считает ниже всяких сказок, называет их безнравственными сказками и безумным, безнравственным делом преподавание их детям, а себя называет великим истинным учителем. Каков же учитель безбожник, атеист и антихрист!

Как больно сердцу, когда в ваших глазах поносят святыню, которой живёшь и дышишь, утешаешься с самой юности, – поносит то, что составляет святыню для христианского человечества всех веков, за которую страдали с радостью

бесчисленные сонмы мучеников, святителей, преподобных и всех святых, вообще лучшие и благороднейшие из людей, что составляет непреложную истину, которой просвещаются, питаются и укрепляются ум и сердце и всё существо человека искренно верующего? И Лев Толстой, как свинья (извините за слово), попирает всё это своими ногами, на глазах всех христиан. – Языческие писатели Цельс и Порфирий не ругались так над христианской верой, как ругается Лев Толстой.

Яснополянский граф находится в великой прелести самообольщения, думая серьёзно, что он прав. О, как сатана ослепил его за гордость и надменность! И сколько людей через него впали в обольщение!

Как стремительно развиваются и требуют себе удовлетворения животные инстинкты у безбожников и безцерковников – толстовцев и как в них богопротивно действует ветхий человек, совлечься которого церковь учит каждого христианина; между тем они-то (безбожники) ему и последуют и исполняют его похоти! – Обрати их и вразуми их, Господи, и вложи в них свет Твой, если они способны его принять, пока тьма адская совсем не покрыла их.

Скворцов В. Со скрижалей сердца // Миссионерское обозрение. 1904 г. № 1–10. С. 1327–1342

Родные нашему сословию герои – командир „Варяга“ В. Ф. Руднев и священник о. Щербаковский. – Несколько слов о героизме в жизни рядового духовенства и о малодушии наших сословных ренегатов. – Руководительство приходских пастырей перепиской своих прихожан с их родными солдатами действующей армии.

Война родит героев. Эта испытанная веками истина находит для себя новое блистательное оправдание в нынешней жестокой, но с обеих сторон геройской битве православных русских с язычниками японцами. Война только ещё разгорается, а уже «российский пантеон бессмертных» обогатился новой галереей прославившихся на весь мир наших чудо-богатырей, удивляющих весь свесь своими высочайшими, явленными на бранных полях и водах, несравненными доблестями мощного, самоотверженного духа, стоическим терпением, христианской покорностью воле Божией. Все сословия и классы увенчаны славой своих доблестных сынов. Не отстало и наше духовное сословие. В этой новой галерее бессмертных, среди прославленных нынешней войной героев, находятся двое – родных нашему сословию, из них один «плоть от плоти нашей», другой – «отпрыск корня» нашего – духовного сословия. Оба одинаково скромные, смиренные, простые, как все истинные герои.

Один из наших родных героев стоит в «пантеоне славы» с высокоподнятым Животворящим Крестом в руке, в утомлённой одежде служителя алтаря, другой – в новом блестящем мундире флигель-адъютанта. Первый – герой Тюренчена, молодой священник 11 стрелкового полка о. Стефан Васильевич Щербаковский. А второй – герой Чемульпо – командир Варяга В. Ф. Руднев. Оба краса и гордость России, – оба радость и утешение нашей церкви, – первый, как благоговейный служитель её, второй, как глубоко верующий, преданный сын церкви.

В газетах сообщалось, что тульское дворянство с радостью приветствовало героя Чемульпо, как своего славного дворянина. С одинаковым правом и с тем же чувством радости не одно только тульское духовенство, но и вообще наше сословие должно запечатлеть на скрижалях своей истории беспримерный подвиг героя Чемульпо, молитвенно приветствуя В. Ф. Руднева, как сородича, ведущего свою родословную от тульской духовной фамилии Рудневых.

Два ближайшие родственника героя Чемульпо состоят приходскими священниками в той же Тульской губернии, а почтенный о. Михаил Руднев, священник на погибшем крейсере Варяг, явивший те же высокие доблести мужества и самоотвержения при уходе за ранеными, – родственник славного командира Варяга, флигель-адъютанта В. О. Руднева. Не из той же ли фамилии Рудневых происходил и знаменитый туляк, доблестный иерарх нашей церкви, митрополит Киевский Иоанникий Руднев?

Нас заочно познакомил, так сказать, с духовной физиономией главного героя Чемульпо бывший настоятель Корейской миссии, о. архим. Хрисанф (а ныне епископ Чебоксарский, викарий Казанский), который душой переживал, накануне катастрофы, томление духа В. Ф., посетившего Сеул и о. Хрисанфа, и затем разделял волновавшие героев Чемульпо чувства после их славного подвига, при возвращении на родину. По словам о. Хрисанфа, типической чертой В. О. Руднева является величайшая скромность и простота, глубокая вера в Бога и самоотверженная преданность воле промысла Божия.

– «А знаете, батюшка, что меня спасло? – однажды беседовал В. Ф. с о. Хрисанфом во время длинного переезда из Шанхая в Одессу. – В один момент ужасного боя около меня стояли три сигналиста. С треском разрывается где-то неприятельский снаряд и вмиг чугунные брызги осколков гранаты уложили всех трёх моих сигналистов, а я, как видите, остался жив и невредим. Разве это не чудо милости Божией! А моей охраной было вот что.

Наш герой расстегнул мундир, и я увидел на украшенной Георгием его груди икону в серебряной ризе. Оба мы в немом

благоговении перед святыней осенили себя крестным знаменiem.

– С этой иконой не расставался во всё время морской жизни мой отец моряк, – продолжал свою беседу В. Ф., – с нею он совершил все свои плавания и считался счастливым моряком. Умирая, отец передал икону мне в благословение...

Мы провели несколько минут в немом размышлении», рассказывал о. Хрисанф.

Как трогательна эта вера героя для наших немощных совестью иконоборцев!

– Да, я глубоко верую, сказал В. Ф., что здесь та сила и тайна, которая меня спасла, и мы сравнительно счастливо вышли из нашего адского положения.

О. Хр. свидетельствует, что В. Ф. не услаждался своим подвигом, он даже и не знал, и не ценил значения его; по своей врождённой скромности он прямо-таки считал, как и все герои Чемульпо, что они ничего особенного не сделали и даже совершенно искренно удивлялись, за что им со всего света вдруг посыпались выражения удивления и похвалы. Более того, и Руднев, и Беляев дорогой не только не ожидали себе тех торжеств и патриотических оаций, которыми почтила их вся Россия, во главе с Венценосным Вождём, но ещё опасалась возможности ответа и осуждения. Таково смирение подлинных великанов духа, которые, по слову Спасителя, «совершив вся повеленная, считают себя рабами неключимыми»!

Но обратим, дорогие читатели, «взоры нашего сердца» на величавый Тюрненский подвиг другого близкого нам героя-священника, о. Стефана Щербаковского.



О. Стеф. Щербаковский.

У этого священника, как и у моряка Руднева, как и у всех русских великанов, геройский подвиг находится в той же золотой оправе эпического спокойствия, удивительно уравновешенного, самоотверженного духа. Но в подвиге, о. Щ-го есть и своя характерная особенность: молодецкое дело о. Щ-го не было ни порывом той беззаветной удали и мужества,

которые присущи всему нашему воинству, не было оно и продуктом простого инстинкта самосохранения, иногда и из робкого человека делающего отчаянного вояку.

Нет! О. Щербаковский совершил своё «чудо храбрости» в смирении живой веры в Промысл Божий, объятый пламенем самоотверженной преданной любви к Царю, Отчизне и к «сим малым», – к своим духовным детям-солдатам. Не забудем, что по долгу службы о. Щербаковский мог не являться под знамёна на поле битвы.

Вы всмотритесь только поглубже в этот подвиг, и вы сами увидите в смиренном самоотверженном слуге алтаря ближайшего последователя Христа из славного сонма тех «начатков и первенцев Церкви», которых знала первохристианская история.

Самоотверженное решение О. Стефана идти в знаменную роту на поле битвы было обдуманной, пережитой решимостью принять *вольную смерть* «за други своя», и принято оно было, явно, после глубокого, мучительного переживания.

Эта завеса души героя ясно открывается из переданного корреспондентами замечательного по своей простоте и смирению рассказа о. Стефана о подвиге русского воинства 18 апреля. Этот рассказ воочию свидетельствует, что о. Щербаковский воистину пастырь великого христианского духа и силы.

– «Встал я 18 числа рано, в три чага ночи. Я знал, что бой будет отчаянный, и решил исполнить свои пастырский долг до конца, показав воинам пример самоотвержения и любви своей смертью... В 4 часа я помолился Богу, составил завещание и стал в знаменной роте...

11-й полк стоял в Тензы 18-го апреля. Затем утром его приблизили к тюренченской позиции. Батарея Муравского была вызвана на позицию. 11-й полк в резерве томился бездействием. Это было самое тяжёлое время; невольный страх закрадывался в душу... Когда я взглянул на часы, было три часа пополудни. В это время полк выстроился и под звуки полкового марша двинулся в атаку на наступавших японцев. Я надел епитрахиль, взял крест, благословил солдат и с пением

«Христос Воскресе» пошёл во главе стрелков знаменной роты. Картина была поразительная, грандиозная. Без малейшего колебания шли славные стрелки на верную смерть, в адском огне, среди рвущихся снарядов. Потом, взяв ружья на перевес, они двинулись бегом на японцев. Враг, однако, не принял атаки. Передовые японские части, разделившись, бросились в стороны, а стоявшие за ними резервы в далёком расстоянии, с большой дистанции, открыли такой убийственный огонь, что наши ряды сразу стали таять. Видя, что им не добежать до японцев, стрелки остановились и залегли. Я, остался здесь один позади опередивших меня стрелков, которые лёжа стреляли по наступавшим снова японцам. В это время всякое чувство страха исчезло. Пули и шрапнель сеяли смерть. Жужжание пуль, гудение и затем треск лопающихся снарядов не давали возможности сосредоточиться, оценить опасность положения. Чувствовалось только, что смерть кругом, что всё неизбежно и непреодолимо, хотя и эти ощущения были смутны, неопределённые. Но вот офицеры, ещё не выбывшие из строя, подняли на ноги своих стрелков, так как японцы снова приблизились. Полковой оркестр выстроился и заиграл «Боже, Царя храни». Под звуки народного гимна полк, лишившийся уже многих офицеров, с ружьями на перевес, снова двинулся в атаку. Я, перед тем опустившись на колени, встал и присоединился к полку. Тут, под звуки гимна, сигналов и командных слов, опять в рядах своих солдат, я начал более сознательно относиться к окружающему. Я сознавал и чувствовал, что надо идти с своими дальше. во что бы то ни стало. Я не заметил никакого колебания, хотя бы малейшего, среди солдат. Стрелки смотрели только на своих офицеров и слепо исполняли их приказания, как на учении. Только каждый, перед тем как двинуться в бой, *крестился*. Эту вторую молодецкую атаку я хорошо запомнил, т. е. лучше сказать, момент её начала. Потом всё смешалось. Музыка тотчас же смолкла. Кто побежал вперёд, кто упал убитым или раненым. Я почувствовал сильнейший удар в руку и в ногу и упал навзничь, потеряв сознание. Когда я очнулся, наши отступали. Издали следивший за мной церковник Перч подбежал ко мне. Когда я

открыл глаза, увидел его рыдавшим; он помог мне подняться и повёл под огнём назад. Стрелок охотничьей команды присоединился к нам и так же поддерживал меня раненого».

Далее батюшка припоминает, что налево, на высотах, показался какой-то батальон наших, как он предполагает – 9-го полка. Предположение это основано на том, что раньше, когда 11-й полк был в резерве, ближе к нему стоял девятый. Японцы сосредоточили весь свой огонь на этом батальоне и, благодаря этому, остаткам 11-го и 12-го полков явилась возможность отступить по довольно крутому подъёму горы, которую японцы ещё не успели обойти. О. Щербаковский, пройдя ещё около 2½ вёрст пешком, был перевязан и помещён в лазаретную повозку, из которой затем пересел в полковой экипаж.

О. Щербаковский находится ныне на излечении в Харбине, в лазарете Елизаветинской общины Красного Креста, состоящей под покровительством Великой Княгини Елисаветы Феодоровны. Здоровье доблестного пастыря хотя медленно, но поправляется. Вследствие большой потери крови, рана на руке, не особенно болезненная, причиняет, однако, много хлопот врачам, так как в ней образуется нагноение. Значительные страдания причиняют о. Щербаковскому шрапнельная рана в ногу и опасная контузия в бок.

Корреспондент «Нов. Дня», посетивший героя-священника, свидетельствует, что о. Щербаковский очень скромный человек: он не кичится, несмотря на молодость, своим подвигом, и всеобщее внимание и удивление, которыми он окружён, не вскружили ему голову. Офицеры и солдаты 11-го полка, видимо, любят и ценят батюшку. Он рассчитывает, что недели через 2 или 2½ поправится настолько, что будет в состоянии вернуться в свой полк. На мой вопрос, говорит корреспондент, пойдёт ли батюшка снова в атаку на японцев, он скромно отвечал, что, если это будет нужно, пойдёт. «Ведь это – обязанность», присовокупил он.

Командующий армией генерал Куропаткин, посетив лазарет, где лежит о. Щербаковский, отличил героя-священника особым вниманием: он трижды облобызал о. Стефана, обласкал, выдал 400 р. на лечение и представил его к офицерскому

Георгиевскому кресту. Вся печать наша и корреспонденты заграничной прессы отметили подвиг о. Стефана яркими штрихами⁴⁶⁷. сообщив его биографию, из которой узнаём:

Ему всего 29 лет.

Он кончил курс в семинарии в 1896 году, был сперва псаломщиком, а затем священником в с. Губовке, Александровского уезда, херсонской епархии, затем 1901 году назначен священником 19-го восточносибирского стрелкового полка, а в прошлом 1903 году переведён в 11-й восточносибирский строкный полк, который был расположен в Порт-Артуре.

Пусть военные стратеги оценивают значение подвига о. Щ-го для подъёма духа войска, для исхода тюрпченского сражения и проч. По для нас геройский подвиг о. Стефана имеет своё особое значение, как отрадное свидетельство, как знаменательный показатель того, что ещё могуч в нашем духовенстве выстраданный, выношенный веками, традиционный дух мужества, истинно христианского самоотвержения и патриотического подвижничества во имя долга службы. Чтобы ни говорили об упадке духа в современном духовенстве, о расстройстве нашей духовной школы, но вот это героизм молодого иерея, сына нашего времени, питомца теперешней школы, повелительно утверждает, что сила веры, крепость духа наших отцов и дедов в общем благополучно пронесена через все горнила жизненных невзгод и искушений, прожитых и переживаемых духовенством, и сохранена и передана, как бесценное наследие, их детям – современному поколению православных батюшек. Отрадно, что отныне всем нам дорогой о. Щ-ий – не единственный герой в нынешней войне, ибо такой могучий подъём и героизм подвижничества наблюдается и в других достойных представителях нашего духовенства, подвигающихся на театре войны. Из них некоторые, как напр. о. Алексей на Петропавловске, уже запечатлели славной смертью своей верность пастырскому и патриотическому долгу.

«Когда, действия начнутся, мой полк первым двинется на неприятеля, а с полком и я, пишет один из полковых священников в частном, помещённом в «Церк. Вестн.», письме

из Инкоу. Я уверен, что, если только жизнь моя нужна для других, Господь сохранит меня. Если же лягу костями на бранном поле, не оставьте меня в своих молитвах. Знайте тогда, что *шёл я на смерть не страшась её*, с одним желанием: своими трудами, а если нужно – и жизнью внести маленькую лепту в ту громадную жертву, которую приносит теперь русское воинство за свою родину».

В заключение автор тоги же письма говорит, обращаясь к своему адресату:

«Высылайте своих батюшек на войну. Есть же среди них люди добрые и дельные. А сколько тут доброго дела даже в мирные дни: в дни же войны его не переделаешь. Пусть едут! Люди они свободные, здоровые – стыдно им сидеть на печи в то время, когда тут у нас духовная жатва вопиет о делателях».

«Ух, как хочется после ваших добрых слов о духовенстве отдать себя меньшему брату и быть ничтожнейшим, чувствуя, что в этом вся сила Христа, Божески побеждающего мир любовью, мощной только в простоте и смирении!..» пишет в «Гражд.» ещё один сельский иерей.

Как много всё это говорит уму и сердцу поучительного и отрадного, относительно высокого настроения и самоотверженного поведения современного духовенства в нынешнюю войну. Каким духовенство было ранее, таким оно остаётся *en masse*, в своём большинстве и теперь, да иным оно не может быть, в силу своего воспитания, призвания, и служения.

Доблестные черты духа, каковы: мужество, бесстрашие, самоотвержение, терпение, твёрдость и выносливость, – в духовном сословии выношены и внедрены характером самого пастырского служения и сложившимися условиями исторического быта духовенства. Кроме пастырей-духовников никто из профессионалов, – даже врачи, так много и часто не обращаются с людскими болезнями и человеческими страданиями духа и тела, никто так близко не соприкасается с людьми в страшные и таинственные моменты жизни и смерти, никто так не видит и не изучает душу и сердце людей в их тайниках, в наготы и в такие моменты, когда человек стоит на

рубеже двух миров, в немом оцепенении перед таинственной завесой будущей жизни с роковым вопросом: «быть или не быть».

Здесь человеку некогда и некуда таиться, рядиться и прятаться от своего неверия или веры, от своих грехов и заблуждений, – туг одно пламенное и трепетное стремление совлечься ветхого человека и обновиться в очах Божиих. Вот где та жизненная школа, которая воспитывает отцов Щербаковских и Рудневых, образует и охраняет геройские черты духа и характера нашего пастырства. Вот почему не редкость для нас, бывших педагогов духовной школы, встречать доблестных пастырей из среды, казалось, совсем заурядных учеников и, наоборот, не редко прекрасные ученики по баллам и по поведению – в жизни, на приходах оказываются заурядными пастырями. Очень может быть, что Щербаковский в родной ему одесской семинарии был рядовым учеником, а на пастырском посту оказался величайшим героем.

Да, несомненно, в нашем пастырстве живёт геройский подвижнический дух, прежде всего, конечно, свыше с неба зажигаемый через хиротонию в душе ставленников, достойно принимающих и возгревающих дары благодати священства, «немогущая врачующей и оскудевающая восполняющей», с другой стороны, воспринимаемый *от земли*, из недр духа героического нашего народа, из пастырской служебной и житейской школы.

Недавно на эту тему о жизненном героизме нашего духовенства прекрасные, полные глубокой правды мысли высказал в «Гражданине» кн. Мещерский, по поводу героического подвига о. Щербаковского. Считаю долгом познакомить наших читателей с добрым словом о духовенстве нашего маститого светского писателя-публициста.

«Нас восхищают и умиляют подвиги героем в нашем войске, но не удивляют, ибо они, так сказать, в давнишних нравах нашей военной семьи, нашего народа, – так рассуждает кн. Мещерский, Не то же ли самое надо сказать о подвиге героизма, явленного смиренным полковым священником в далёкой окраине?.. Русское сердце благоговейно чтит этот

подвиг, но тоже не удивляется ему, ибо кто знает русскую жизнь не по газетам, а на деле и на месте, знает, что семья подвижников героизма в нашем духовенстве, преимущественно сельском, огромная и пропорционально не меньше самой многочисленной семьи военной.

Эта огромная военная русская семья охраняет нашу внешнюю и нашу внутреннюю безопасность. Но семья священников охраняет другую безопасность – духовную, и охраняет её, надо правду сказать, столь же верно и доблестно, как безопасность материальную охраняет наше войско. Но беда в том, что мы мало об этом думаем и слишком слабо сие признаём. Нас гонят разные ветры либерализма и реализма в бурное море бредней, сплетней, необузданных стремлений в области отвлечённой, благодаря чему русская отчизна страдает от попыток влиять на умы тех, которые от неё отрываются, и в этом скитании в беспочвенной области мы не только не замечаем, что Россия держится на духовном порядке не столько полицией, сколько семьёй тех разбросанных в деревнях подвижников долга, сельских священников, которые тихо, неслышно, с смирением, среди лишений и тягостей, суть стражи прошлого в настоящем, но даже с высокомерной и бессмысленной высоты нашего культурного самомнения на эти подвиги нашего духовенства смотрим не только с равнодушием, но подчас с презрением, находя этих пастырей народа недостаточно культурными, недостаточно похожими на польского ксёндза или лютеранского пастора.

Пусть будет так, пусть наше сельское духовенство менее культурно и неверно и менее способно к пропаганде, но зато у него есть сила, которая выше культуры, это – сила духа подвижничества, окрепшая под гнётом лишений и трудностей материальной жизни, которая священника Щербаковского, с крестом в руках ведущего войско на смерть, делает родным братом и одним из многих той семьи подвижников героизма, где священник, терпя лишения и унижения от нас, с тем же крестом в руках ведёт рать своих прихожан на борьбу с современными духовными врагами русского народа, которые злее и опаснее японцев!

И вот, когда сытые и жирные спасатели отечества, от нечего делать, сходятся в петербургских салонах толковать о русских вопросах, и едва затронув вопрос о нашем духовенстве, сейчас же изрыгают на него хулу, обвиняя одних в нетрезвости, других в невежестве, в душе загорается негодование, под влиянием которого говоришь этим Дон-Кихотам опереточного Kulturkampf'a: стыдитесь и замолчите; вы сыты, они голодны, вы обеспечены, а они нищие, вы нежитесь в вашем мишурном блеске, а их жизнь – боли и терния; и если между ними есть изнемогающие, в борьбе, есть слабеющие, то сколько на одного изнемогающего и слабеющего есть сильных духом, коих героизмом держится русская земля в борьбе с лже-учителями культуры».

Исполать⁴⁶⁸ вам, князь, скажет всякий священник за это глубоко справедливое, доброе слово в защиту нашего, то и дело оскорбляемого и унижаемого духовенства.

И на самом деле, если беспристрастно и поглубже посмотреть на сложную картину внутренних и внешних условий быта и службы нашего духовенства, то по совести нельзя не признать служения каждого пастыря подвижничеством, геройством, на которое идут только дети духовенства. Что служение и жизнь пастырства является тяжким крестоношением, об этом красноречиво может засвидетельствовать даже одна немая статистика того, сколько в рядах современного духовенства и в наших духовных школах из высших классов общества. К сожалению, такой статистики собственно духовенства – по сословиям, сколько нам известно, не существуют. А она была бы очень любопытна и поучительна.

В правящих иерархических рядах духовенства в числе представителей высших сословий можно назвать; митрополита Киевского Флавиана (из орловских дворян), покойного архиепископа Виленского Ювеналия (из рода дворян Поповцевых), Волынского епископа Антония (из рода дворян Храповицких), Смоленского еп. Петра Другова (сын архитектора), Омского еписк. Михаила Ермакова (сын моряка), Кутаисского еп. Димитрия (из рода князей Абашидзе) епископа Трифона, Московского викария (из рода князей Туркестановых),

архимандр. Андрея, начальника Казанских миссионерских курсов (из рода кн. Ухтомских). Ну, может быть, и ещё можно найти в числе высшего учёного и правящего духовенства две–три osoby из аристократии, не более. Что же касается рядовых служителей алтаря в сонме приходского духовенства, то из родовитых мы можем назвать только двух братьев, московских священников Арсеньевых (дети сенатора Арсеньева).

Вероятно, найдутся на великом пространстве» земли русской и ещё несколько служителей алтаря, если не из высших, то из интеллигентных классов общества, но утверждаем, что сравнительно с общей массой духовенства такие священники исключение. Мало идут в ряды приходского духовенства и из среды обеспеченного купеческого сословия, – среди иерархов из этого сословия мы знаем только Ярославского архиепископа Сергия (из рода московских купцов Ланиных). Но зато в последние десятилетия наблюдается заметный приток в наши духовные школы и в ряды духовенства из детей низших сословий – мещан и крестьян. Есть уже и иерархи, архимандриты и иереи из этих питомцев. Но вместе с этим приходится отметить и другое, весьма важное явление – отлив детей духовенства в светские учебные заведения и заметное стремление окончивших курс наших семинарий и академий уходить на службу в светские ведомства. За редким исключением дети архиереев, вышедших из вдовых священников, дети педагогов духовных школ, всего почти городского духовенства и многих зажиточных сельских батюшек обучаются в светских учебных заведениях, – и паче говоря, из духовного сословия отливают по семейному быту наиболее культурные, благовоспитанные силы, остаются же дети бедных сельских священников и низшего клира. Явление это в высшей степени знаменательное, – факт огромной значимости, наводящий на целый ряд глубоких размышлений. Не ясно ли отсюда, что жизнь и служба духовенства, особенно рядового, слишком тяжкое, неудобноносимое для детей привилегированных классов и изнеженных семей бремя, если служба церкви с одной стороны не привлекает к себе членов из высших и наиболее культурных слоёв русского общества, а с

другой – само духовное сословие систематически изнуряется, выделяя из себя на светскую службу свои лучшие, более культурные силы. Заслуживает внимания и ещё одно грустное явление – это то, что ваша духовная школа и среда не всегда успешно культивирует и претворяет привходящие в духовное сословие из низших некультурных слоёв молодые демократические отпрыски, как в научно-богословском, так пастырском традиционно-православном отношении. Отсюда в современном богословии и пастырстве нежелательные и крайне опасные явления декадентства.

За иллюстрациями далеко ходить не надо: примеры перед глазами у всех более или менее следящих за церковно-общественной современностью, в лице некоторых модных богословов и проповедников, которые с мещанской беззастенчивостью и мужицкой грубостью попирают в своих «живых речах», в фельетонах и других борзописаниях всё авторитетное и традиционное в богословской науке, в духовной школе и в сословии, производит всему старому разрушительную переоценку, ничего однако не создавая ценного и цельного на месте попираемых традиций.

В то время, как в католической, протестантской, англиканской церквях ряды высшего и низшего духовенства пополняются из членов высшего общества, из баронских и княжеских фамилий новыми свежими силами, прекрасно претворёнными в общем строе церковной жизни и ассимилированными с духовной средой и традициями, благодаря стройной дисциплине сильной церковной власти, православное русское духовенство давным-давно замкнулось в ведомственную касту, вследствие чего оно давно потеряло в самой сильной и влиятельной среде кровную связь, а вместе и живую опору и защиту как общецерковных, так и своих сословных интересов.

В высших слоях общества, благодарение Богу, ещё доселе огромное большинство людей верующих, набожных, так или иначе хранящих добрые прадедовские заветы благочестивой старины.

Но и в этих благорасположенных к церкви и духовенству в сферах порвалось то прежнее, простое и искреннее, взаимообщение и понимание друг друга. И эта часть чужда нашего духовенства, – внутреннюю жизнь церкви она знает лишь по катехизису, архиерея – *ex officio*, а служителя алтаря, как «попа» и требоисправителя. Великосветская чопорность с одной стороны, внешняя некультурность, робость и забитость с другой – создали «пропасть великую» и вот царит полное внешнее бытовое и житейское отчуждение, полное расхождение, непонимание друг друга между обществом и духовенством всюду – вне, так сказать, храма, треб, вне официальных моментов.

Другая огромная и тоже влиятельная часть общества, так называемая современная интеллигенция, будучи по своим идеалам и стремлениям враждебной вере и церкви, естественно не может относиться иначе, как свысока, враждебно и презрительно, к духовному сословию *in corpore*. Клерикализм – пугало, бельмо на глазу нашей либеральной интеллигенции; оппозиция всему, что исходит от церкви и духовенства – её пароль. Здесь уже обе стороны стоят в положении двух воинствующих лагерей и, конечно, духовенство, при своей робости, инертности, при корпоративной разъединённости, находится в положении осаждённых, побеждаемых.

Остаются низшие слои – народная масса. Верующий честный и чистый народ наш христоносец всегда был и есть коренная основа церкви и опора духовенства, которое искони было народным и не утратило доселе этой типической черты своего духа и быта.

Но и тут тлетворный дух времени, при посредстве пропаганды всяких «измов», не исключая и «штундизма», подкапывается под эту твердыню истинно сыновних отношении верующего народа к церкви и духовенству.

Условия материального обеспечения «путём поручного и доброхотного даяния заобы» служат главнейшей причиной отчуждения народа от церкви и духовенства. Всё это в служебной и бытовой жизнедеятельности нашего духовенства

создаст то тяжкое крестоношение, поднять которое, нести его всю трудовую жизнь, полную лишения, среди окружающей тьмы, при полном одиночестве и изолированности и с честью донести эту ношу до конца пастырского служения, во имя долга, с терпением можно только при геройском подвижническом духе нашего духовенства.

И мы глубоко убеждены, что те, которые остаются в рядах духовенства и достойно несут (недостойных пастырей у нас всё-таки – пока благодарение Богу – меньшинство, печальные только исключения) бремя пастырского служения во имя службы Богу, церкви, и отечеству, – более доблестны, сильны и почтенны своим геройским духом мужества и самоотвержения, чем свернувшие с пути священнослужения *ренегаты-поповичи*.

Да, на нас, ренегатах-поповичах, «вышедших в люди», с боя взявших определённые места на разных ступенях государственной и общественной иерархической лестницы, лежит тяжкий исторический грех перед вскормившими и вспоившими нас матерью-церковью и отцами, – духовным сословием, за наше *несыновнее* к ним отношение. Много из наших ренегатов людей достойных своего сословия, мужественных, стойких, но не мало и таких, которые, унаследовав робость отцов, являются малодушными отщепенцами от своего корня; такие, усевшись удобно и привольно за большим пирогом на жизненном пиру, стараются не выдать «своего левитства» чопорному обществу, дабы не «скомпрометировать» себя в его глазах, что-де сей не «с пономарской ли колокольни», не кутейник ли⁴⁶⁹. Если таковые «не тронь нас» наши сословные ренегаты достигают очень высоких верхов служебных, то, в газетных юбилейных панегириках, пожалуй, и вымарается «всё поповское» из их формулярных справок. Если же такие малодушные поповичи заседают в выборных общественных учреждениях, в думе, земствах, то они, дабы не быть и здесь скомпрометированными в сочувствии отжившему клерикализму и немодному консерватизму, охотно подают свой голос в пользу мнения антиклерикального лидера, подкрепив ещё последнего анекдотическими фактами из жизни отцов, и им верят, и

аплодируют за «мужество», между тем как здесь только «либеральная трусость». А если малодушный попович – молодой учёный, то он желают прослыть неотсталым, и когда в собраниях или где-либо в салоне, или в кружке «отделяют на все корки» церковь, щиплют духовенство, – то сей мудрец будет двусмысленно улыбаться, и кивать головой «се́мо и овамо»⁴⁷⁰, так чтобы и сено было цело, и либеральные козлы сыты. Когда малодушного поповича судьба заносит в хоромы аристократии, то он не прочь нарядиться в павлиньи перья, усвоить тон барина, или же чувствует себя мокрой курицей. От таких малодушных сынов ни церкви, ни духовному сословию, конечно, ни тепло, ни холодно. Надежда на них плохая, хотя они не хамы, а лишь малодушные оппортунисты.

Но вот есть ещё злокозненная категория наших поповичей – ренегатов, которые, как бурбоны, ничему не научившись в светских сферах, ничего не забыли и из тёмных сторон бурсацизма и всей душой отдаются излюбленному девизу российского крайнего либерализма, – самооплеванию и самобичеванию.

У этих наших ренегатов самооплевание выходит не только либеральным, но и фанатическим, той «комбовщиной», которая казнит без милосердия и сожаления, без стыда потрошит само лоно и грудь родившей и вскормившей их матери – церкви, с её священно-деятелями. Тип их обрисовал в Бозе почивший архиепископ Амвросий, опубликованием известной статьи «Иеронима Преображенского» (псевдоним) в журнале «Вера и Разум». Вы, читатель, конечно, помните, какой литературный и общественный скандал наделала эта статья.

«Наши Иеронимы» пока действуют в низах, – в рядах прогрессивной интеллигенции, состоят также они и на службе у жндофильствующей и архилиберальной прессы. И если бы в жизни России когда-нибудь настала благоприятная для гг. «Иеронимов» година, о! они явились бы в ограду церкви и в среду родного своего сословия «с бичами» и мётлами не хуже французского Комба. Антипатия этого сорта поповичей ко всему церковному и духовному какая-то болезненная, как бы мстящая за все те скорби и невзгоды, которыми полна жизнь их отцов и

дедов. Но причём же тут сами по себе церковь и сословие?! Вместо того, чтобы помочь духовенству, поднять его, облегчить ему крестоношение его тяжкого служебного жизненного бремени, наши ренегаты-Иеронимы – самооплеватели бессердечно, жестоко отягчают эту ношу.

Нет, долг ренегатов духовного сословия, которых оно так много всегда выделяло, а ныне и ещё более выделяет на службу обществу и государству, прийти – сознательно и принципиально на помощь родному сословию, – став посредниками между ним и теми общественными и государственными сферами, где каждому из нас выпал жребий служения. Многие из нас могут по своему положению вносить в высшие и интеллигентные классы общества правильное, честное освещение столь нам знакомых истории и быта нашего сословия, задач и значения его служения, жизненного героизма забитого и забытого духовенства. Либерализм за счёт нашего малодушия, а равно и хамское оплевание всего, что дорого и свято родному сословию, говорят лишь о вырождении лучших сословных свойств и черт в некоторой части наших ренегатов.

На самом деле какую наши выходцы из духовного сословия могли бы сослужить огромную роль в жизни церкви и духовенства! На какой только службе, в каком ведомстве нет даровитых, дельных, так или иначе влиятельных сынов духовного сословия. которое дало государству немало и великих и славных имён в истории России, начиная с блаженной памяти гр. Сперанского и продолжая Вышнеградским, ныне здравствующим гр. Сольским. Наш славный военно-начальник г.-ад. Куропаткин, на которого вся Россия ныне взирает с трепетной надеждой, также ведёт свой род из духовного сословия. А сколько вышло и выходит знаменитых представителей науки и славных деятелей просвещения из духовного сословия?

В одно время ректора во всех университетах русских были из питомцев духовных семинарий. Подумайте, сколько могли бы принести эти самые деятели добра и пользы церкви и своему родному сословию при сыновнем к ним отношении, на пути примирения интеллигенции и общества с церковью. – через

одно лишь умственное и профессиональное влияние в обществе, в науке, в печати. Сколько, например, благодетельного света мог бы прилить через «Нов. Вр.» в сумерки церковной и сословной жизни наш маститый талантливый публицист Алексей Сергеевич Суворин, которому духовное сословие тоже ведь не совсем чужое (мать А. С. дочь протоиерея)...

Мы совсем не принадлежим к числу укрывателей слабых сторон жизни духовенства и потатчиков недостойных служителей церкви; наоборот, наш девиз и пламенное стремление сердца, чтобы в церковную жизнь и в духовную сословную среду проникало как можно больше лучей благодетельного света, разгоняющего наслоившуюся тьму взаимных предрассудков и предубеждений, но в то же время света и согревающего озябших и окоченевших, одичавших среди тьмы и одиночества доблестных носителей героического духа оо. Щербаковских.

«Не стыдимся же, братия, исповедовать Распятого», и тогда наше левитство не будет нас стеснять нигде, – тогда будем сильны мы душой, благородны, мужественны и отзывчивы к нуждам Церкви и наших рясофорных подвижников отцов и братьев.

* * *

Обращаем внимание наших читателей на помещённое в отделе «Вестей о русско-японской войне» письмо священника.

В этом письме почтенный иерей даёт благой совет своим собратьям взять на себя почин и заботу в написании и пересылке писем от своих прихожан к их родным воинам, подвижающимся в действующей армии. Мысль прямо счастливая и печатаемое тут же письмо солдатика порт-артурца подтверждает всю целесообразность этого пастырского долга в отношении своих пасомых и показывает, какую душевную отраду приносят закинутым в далёкую страну вести с родины. Интересно это письмо, и как показатель, как далеко шагнула грамотность нашего народа.

В. Скворцов

Примечания

¹ - Задельная, издельная, поштучная плата – устар. тоже, что и сдельная или заработная плата, плата по мере выработки. – Редакция Азбуки веры.

² - Ножевик – разг., спорт. тот, кто занимается ножевым боем, угол. гопник-грабитель – Редакция Азбуки веры.

³ - Подкальыватель – м. Преступник, который ранит жертву острым орудием. Моск. 1901 (словарь русских народных говоров) – Редакция Азбуки веры.

⁴ - *Ex contrariis veritas cognoscitur* (лат.) – истина познаётся из противоположностей – Редакция Азбуки веры.

⁵ - Все эти деления, особенно два последних, крайне сбивчивы. Лучшее, по-нашему, – последнее, если принять его так: евангелики (или библиисты) – признающие авторитет Св. Писания, духовные – остальные.

⁶ - Не станем говорить о свободе человека в обращении с природой, благами мира и её последствиях. Оставив нравственный закон и самоуверенно стараясь свою собственную мысль и волю положить в закон внешних явлений и своих отношении к природе и своему телу, человек видимо добился многого; но в сущности загадил и иссушил здоровый, производительный, прекрасный Божий мир и сделался разбитым рабом ему через целый ряд безобразнейших плотских похотей и страстей – чревоугодия, разврата, корыстолюбия, роскоши и т. д. Возможно, что культурный прогресс от этого пошёл и быстрее, по крайней мере в начале, на первых порах (так онанизм даёт ребёнку преждевременную и кратковременную половую зрелость, иссушая организм); но за то он всегда производит и свою обратную сторону: и кто решит, что перетягивает на весах счастья – блага ли культуры или её уродливые последствия? Замечательно, что и по Библии первые изобретения, первые культурные шаги – дело Каинитов, а не Сифитов, а затем Хамитов, а не Семитов и Иафетитов. Сюда, конечно, относятся и выражения ап. Павла о суете, которой подверглась тварь

через наши грехи и о её совоздыхании и соболезовании нашему несчастному состоянию.

⁷ - В защиту безусловной терпимости против насилия власти указывают на то, что Сам Бог терпит свободу зла: вся-де мировая история, начиная со свободного и беспрепятственного сокращения змием Евы и Евой Адама, – есть сплошная Божественная терпимость. То правда, что Бог не уничтожает свободу или, что тоже, личность тотчас, как только она станет на путь зла; Он „пускает“ зло, но попущение Божие условно, и Он не оставляет зла без ограничения. В мире Им положен закон: добро есть источник жизни и блаженства, а грех – корень мучения и смерти. Этот рожон, на который может, если захочет, прать человек, но на свою погибель, это – камень, лежащий во главе угла миробытия, но, падая, разбивающий в прах сынов противления. Доколе в человеке есть ещё добро, этот закон имеет смысл педагогический, горечью наказания свидетельствуя человеку, что он свернул с истинного пути, и побуждая его вернуться с пути гибели. Со времени же полного сознательного определения личности ко злу он превращается в грозный закон кары, ввергая грешника в муки гибели. Можно повесить указанный закон до конца мировой истории. Исполнится время, и все люди окончательно определятся своей свободой: одни станут неисправимо злы, другие – неискусимо добры; между адом и раем, т. об., утвердится великая пропасть, и сатана будет связан. Оставив в покое неуживимых, могучих силой Божией, праведников, демоны и демоно-подобные люди, дотолу сплочённые в единое царство мира сего и преисподней общей борьбой против добра, теперь обратят всю свою злобу друг на друга. В этой нескончаемой адской борьбе и злобе они будут более и более истощать свои силы, мучиться, идя ко „второй смерти“ (Апок.20:14,21:8). Как праведники будут вечно возрастать, умножать в добре и блаженстве, в общении с Богом свои силы, пока не достигнут недвижимой (антиномия) полноты бытия в единстве Богу, так и грешники будут вечно умирать в муках, погашать во зле свои силы жизни, чтобы путём этого ослабления интенсивности жизни (Кант) дойти до недостижимого (таже антиномия) уничтожения, небытия. Так

мирится монизм добра с ведущей якобы к дуализму идеей вечных мучений. Грешники дойдут до небытия в том самом смысле, в каком праведники станут Богами (в образ Троицы – Иоан. 17 гл.). Тут бесконечная величина цели покрывается бесконечной длительностью процесса её достижения: имея в виду первое – можно говорить о моменте, когда „будет Бог всяческая во всех“, а имея в виду второе – можно утверждать вечность мучений, как и вечность неравенства Богу святых. Идея бесконечности есть антиномия для нашего разума. Допустить же безусловную свободу зла – это значит не понять мировую историю, как наказание и кару грешников, и допустить полный дуализм добра и зла.

⁸ - Само собою разумеется, что прежде, чем употребить власть, надо потратить много слов и прежде наказания надо постараться разоблачить заблуждение и смягчить сердце участием и любовью. Наказание должно быть актом любви к наказуемому, а кара над ним – иметь в виду спасение других от его зла.

⁹ - Учение о „перевоплощении“, всеобщее в хлыстовщине, не всеобщее в скопчестве. Прим. ред.

¹⁰ - Пусть будет позволено здесь сделать маленькую историческую справку. История новых ересей начинается с реформации. Реформационные же протестантские движения Западного Германского мира совпали с веком гуманизма, подъёма самосознания личности. И здесь, очевидно, не одно *post hoc* но и *propter hoc*. Реформация была ни чем иным, как протестом сознавшей себе цену и свои силы личности против гнёта авторитета и организации Римской церкви, доведённых, действительно, до крайности. Это было решительно то же явление в жизни церковно-религиозной, какое несколько позже имело место и в жизни социально-политической, когда личность выступила за свои права против государства, оправляясь, как и реформация, от злоупотреблений власти и недостатков организации и затем уже не останавливаясь на одном восстановлении прежде считавшегося нормальным порядка вещей, на одном искоренении злоупотреблений, но требуя существенной коренной реформы всего строя жизни, – явление,

наиболее ярким моментом которого была революция. Церковная протестантская реформа – это не что иное, как церковная революция, и в своей истории она стоила Западному миру крови ничуть не меньше, чем все революции и политические перевороты. Равенство, братство, свобода – знамя революции; то же равенство, братство, свобода, – лишь в религиозной области, – девиз реформации: здесь её историческая сила и обаятельность. Личность заявила себя совершеннолетней, полноправной, сильной и силой вырвалась из под общественной опеки – сначала Церкви, а потом и государства.

¹¹ - Так было ранее, но в настоящее время молокане Донского толка, по крайней мере в Тамб. губ., изменили своё первоначальное учение в смысле приближения к штундо-бапт. учению. Примеч. ред.

¹² - Любезно предложенный достопочтенным автором для напечатания на страницах „Мисс. Обзор.“ этот очерк представляет собой речь, произнесённую 2 ноября 1903 года на торжественном открытии варшавского общества религиозно-нравственного просвещения.

¹³ - Группируя известия первоисточников, Костомаров так описывает обращение казацкой вольницы и особенно польско-литовских отрядов не только с простыми людьми и их имуществом, но и с святынями церквей и с монашествующими: „Нападут на монастырь, вымогут у монахов деньги, пытаются огнём, заставляют самих рубить дрова, мыть бельё, варить пиво, возить тяжести, чистить лошадей; подгоняют их палками и толчками; разгулявшись вдоволь, для посмеяния паны заставляли монахов и монахинь петь срамные песни и плясать, а кто станет упрямиться, того нипочём было и убить. К соблазну благочестивых, обдирали оклады с икон в церквях, брали чаши и утварь, клали на диски мясо, загоняли скот в церкви, кормили собак в алтарях, из царских дверей устраивали себе кровати, из священнических облачений шили себе исподние платья, и теми тканями, которые были на плечах иереев Божиих, покрывали, говорит современник, себе задние части тела; играли на образах в карты или в шашки, покрывали

воздухами и пеленами лошадей, на больших местных иконах творили блудное дело с женщинами (Костомаров, „Смутное время московского государства в начале XVII столетия“, т. II, стран. 197–198, в „Историч. монограф.“ СПб., 1868 г., т. V). По рукописи Филарета (М. 1837, 48), в Московском Кремле „на царском дворе, во святых Божиих церквах, и в палатах, и по погребом все стояху Литва и немцы и все свое скаредие творяху“, так что от прежнего великолепия и убранства остались почти одни стены и новому царю Михаилу Фёдоровичу сначала негде было поселиться. Бессмысленно-жестокими неистовствами в смутную эпоху прославился особенно с своим отрядом полковник Лисовский, а варшавский сейм, подвергший унижению пленного царя Василия Шуйского, снял с этого Лисовского, за его услуги в московском походе, его прежнее бесславие (Проф. П. Н. Жукович. „Сеймовая борьба“. СПб., 1903, 70–73).

¹⁴ - Грэнвиль Огáстес Вíльям Вальдигрév, 3-й барон Рэдсток (англ. Granville Augustus William Waldegrave, 3rd Baron Radstock; 10 апреля 1833, Лондон – 8 декабря 1913, Париж) – английский религиозный деятель, протестантский миссионер, один из основателей евангельского движения в России, пэр Ирландии. – Редакция Азбуки веры.

¹⁵ - Чуйка, -и, род. мн. чук, дат. чуйкам, ж. Верхняя мужская суконная одежда в виде кафтана, распространённая в городской мещанской среде 19–20 вв. – Редакция Азбуки веры.

¹⁶ - Фриштикать или фрыштикать – (нем. fruhstucken). – устар. разг. Закусывать до обеда, завтракать, есть фриштик. – Редакция Азбуки веры.

¹⁷ - Чёрное море (с церк.-слав. – «Красное море» от др.-греч. Ἐρυθρὰ θάλασσα; в оригинале ивр. חֹדֶם-דָּלָה, ям суф – букв. «Тростниковое море») – церковнославянское словосочетание в русском Синодальном переводе Библии... В библейском описании десяти казней египетских Чёрное море локализуется по восточной границе Египта – Редакция Азбуки веры.

¹⁸ - Ныне православный священник П. С. Тидебель.

¹⁹ - eo ipso – лат. именно потому (что) – Редакция Азбуки веры.

²⁰ - Теперь уже покойник.

²¹ - ex oriente lux. (лат.) – Свет с Востока. – Редакция Азбуки веры.

²² - Семо и овамо – книжн. устар. Туда и сюда; так и этак; по ту и по другую сторону – Редакция Азбуки веры.

²³ - Пьяный хлыст – для нас новость! Ред.

²⁴ - См. № 10 «Вести. Груз. Экз.».

²⁵ - См. № 19 «Екат. еп. вед.».

²⁶ - Беспоповцы местные в насмешку уверяют, что ящик был из-под табака!

²⁷ - Об открытии см. брошюру «Открытие Христианского Содружества учащейся молодёжи. СПб. 1903», продаётся в складе Общества, Стремянная ул. 20.

²⁸ - Подробный отчёт см. в Православно-русском Слове 1903, № 20.

²⁹ - В 1902 г. в Киеве неизвестный преступник совершает серию дерзких преступлений, взволновавших общественность. Сначала была ограблена квартира врача Дорогаевского, причём злоумышленник дважды стрелял в хозяина. Затем некто забирается в квартиру прусской подданной Марии Пешке, и, застигнутый на месте преступления штабс-капитаном Верховским, стреляет в него и тяжело ранит. Наконец, при попытке украсть скакуна, дерзкий злодей убивает вахмистра Лебедева. Скакун из-за неисправной упряжи от злодея, впрочем, убежал. Подозрение в совершении всех 3 преступлений пало на Николая Кривушу. Лишь на исходе 1903 года бывший приятель Кривуши, а ныне – сыщик Александр Голлендер, задержал его на базаре при продаже краденой шубы. На допросах Кривуша применил свой излюбленный приём – притворился душевнобольным... Суд присяжных признал его виновным, и злодей Кривуша убыл на 10 лет на каторжные работы. – Редакция Азбуки веры.

³⁰ - Архимандрит (ныне Епископ) Евдоким. – «Обзор журналов». Богосл. Вестн., Окт. 1903 г., стр. 349–350.

³¹ - Буйй – глупый, несмысленный, дерзкий, безумный, неразумный; дикий ... – Редакция Азбуки веры.

³² - «Мнсс. Обзор.» кн. 1-я, стр. 56.

³³ - Екатеринославского, Верхнеднепровского, Павлоградского, Александровского, Мариупольского, Бахмутского и Новомосковского. Наибольшего развития штунда достигла в сёлах: Васильковке, Александровке (Павлоградского уезда) и Дебальцево с хутором Волчанским (Александровского уезда). В сёлах штундисты представляют из себя тесно сплочённую религиозную общину, мало поддающуюся влиянию деятелей миссии. Это явление объясняется тем, что во главе сектантских общин стоят здесь лица, фанатически преданные своим религиозным заблуждениям.

³⁴ - Кроме Киева, местами большого оживления штундизма являются следующие местности: Бородянка и Германовна – Киевского уезда, Олыпаница – Васильковского уезда, Виноград – Звенигородского, Богуслав – Каневского, Керданы – Таращанского, Топиловка и Ребедайловка – Чигиринского уезда.

³⁵ - Ещё весьма недавно клятвенное обещание произносилось в судах полностью, т. е. перечислялись все кары Божии; теперь эта форма сокращена; вторая часть клятвы только подразумевается.

³⁶ - «Мисс. Обзор.» кн. 1-я, стр. 80.

³⁷ - Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии – высший орган политической полиции Российской империи в правление Николая I и Александра II (с 1826 по 1880 годы). Занимался надзором за политически неблагонадёжными лицами и сыском. – Редакция Азбуки веры.

³⁸ - Чичероне, – [итальянское *cicerone* от латинский *Cicero* – Цицерон] – [муж. род] несклоняемое устаревшее – В прежние времена учёный, умевший объяснять всевозможные древности и редкости; теперь – переводчик, показывающий иностранцам местные достопримечательности (в рассказах о странах Зап. Европы или ирон. шутл.) – Редакция Азбуки веры.

³⁹ - Катух – муж., южн., тул., тамб. хлев для мелкой скотины, особ. для телят, свиней; телятник, свинарник. | Место в

избе под лавкой, где держат кур. | сиб. собачья конура. | тул. птичий нос, клюв? – Толковый словарь Даля. – Редакция Азбуки веры.

⁴⁰ - Р. Лист. за 1901 г., № 94.

⁴¹ - Beweis des Glaubens, 1879 г. 288.

⁴² - Пр. Никанор, по-видимому, допускал возможность таких явлений в самое первое время по смерти, – ещё до определения Божественного предназначения души умершего.

⁴³ - «Мисс. Обзор.» кн. 2-я, стр. 188.

⁴⁴ - «Мисс. Обзор.» кн. 1-я, стр. 17.

⁴⁵ - Обинуясь – деепр. (от вышедшего из употребления глаг. обиноватьсЯ). ♦ Не обинуясь. Устар. – Не задумываясь, не сомневаясь, без колебаний. – Редакция Азбуки веры.

⁴⁶ - Здесь допущена автором некоторая неточность. Духоборы не отвергают вполне св. Писания, а только не считают его, в целом и общепринятом его составе, безусловно обязательным и непогрешимым. Здесь, таким образом, та же выборка и тоже перетолкование существующего текста св. Библии, что и у гр. Л. Н. Толстого, – своё „новое Евангелие”. Прим. Ред.

⁴⁷ - Вероятно, сознавая за собой Силу постничества и молитвы, он уже воображал себя высоким подвижником и, не удовлетворяясь обычными подвигами, мечтал о каких-нибудь особенных, из ряду вон выходящих. Почему у него явилась идея именно прижечь глаза, это можно объяснить тем, что он мог соблазняться через зрение, каковым путём вторгается и в окно тихой кельи вся суета мирская; а может быть 23-х- летний молодой человек находил свои глаза красивыми и могущими быть для него источником соблазна со стороны женщин, причиной нравиться и привлекать их страстное внимание.

⁴⁸ - Нужно иметь смелость сказать, что эти психопатические состояния, кроме естественной стороны, могут иметь и сверхъестественную, и эти видения могут быть не просто субъективными галлюцинациями, а могут иметь и объективное основание в действии демонической силы, как то представляется в житиях святых. Современная наука не так уж

смело отказывает в признании действительности всего того, чего она не объяснила, что таинственно. С богословской же точки зрения надо рассуждать так: если Христос и Дух Св. вселяются в смиренного и совершенного, то почему не допустить, что сатана вселяется в демонически гордого и отец лжи маскируется в человеке, как Дух истины? Между св. апостолом Павлом и безнравственнейшим Христом хлыстов можно провести некоторую параллель в диаметрально противоположном, конечно, смысле. „С того времени, как последовало со мной умоисступление, рассказывает о себе Радаев, дух гоняет меня и водит, так что иногда, когда ем – вдруг руку у меня остановит, и во всяких вещах своей воли больше уже не имею... Сила, во мне действующая, не даёт покоя ни днём, ни ночью, водит меня туда и сюда; никогда мне не даёт эта сила ни есть, ни пить, ни идти куда мне хочется; иногда... поставит на место, и не могу сойти... Вы думаете, что я ослеп, считаете меня погибшим? Но свидетельство Божие, которое во мне, вернее вашего. Мог ли бы я не смутиться, когда всякого звания люди обещают мне ад и гибель? Почему же я стою непоколебимо? Потому что во мне – ясное и явное действие Божие... Мы и сами знаем, что иные поступки наши несходны с писанным законом; и нам тяжело и скорбно так поступать. Что же нам делать? своей воли не имеем... Сойди все ангелы с небес и скажи: ты не так живёшь, и то не послушаю“. Как похоже это на те места Писаний, где апостол говорит, что уже не он живёт, а в нём – Христос, что если и ангел с неба благовестит не то, что он, – да будет анафема, что он имеет в себе свидетельство Иисусово, могущее устоять против всех сил мира, или – как водил его во время проповеди Дух Св.? Если в ап. Павле действительно Дух истины, то в Радаеве, конечно, демон лжи, маскировавшийся в ангела света.

⁴⁹ - Опять, в этих психопатических чертах, в этих чудовищных галлюцинациях чувствуется проявление иного – демонического начала. На суде одна из бывших в связи с лжехристом женщина говорила: „Он каким-то духом опаивал меня, и вскоре после его беседок я начала тосковать, дожидалась беседок, как манны небесной. В присутствии

Семёна (лжехристос) делалась сама не своя, будто кто связывал меня... когда ондохнет на меня, я чувствовала, как в голову мне ударяло что-то как бы сверху, и в тоже время сознаю, что я ничего не могу сказать, ни шевельнуться. Собиралась было я в Киев грехи замаливать, но с дороги вернулась. В конце концов сделалась совсем больна, стала кричать по ночам, а иногда и днём. Как мне Бог помог отделаться от Семёна, я и сама не знаю"... „Да и после того, как отделалась“ продолжает проф. Ивановский, у которого мы берём этот рассказ („Секта хлыстов“. Киев, 1898 г.), „свидетельница на суде в присутствии обвиняемых лжепророков не произнесла ни слова, находясь точно под влиянием гипноза. В тоже время другая свидетельница (продолжаем по Ивановскому) рассказывала: „чувствовала я себя, как околдованная, три года промучилась, не зная покоя; а он (Ущицкий) только посмеивался и говорил: я тебя духом своим приручил, не вырвешься из моих рук“. Поистине демоническая, насильственная сила обаяния!..

⁵⁰ - По-видимому, я каррикатурю мораль сектантства. Но нет, я лишь смешиваю (и в известной мере это законно) то, что они действительно проповедуют, с тем, что они могут и должны бы говорить и часто, действительно, думают, стоя на точке зрения своих основных положений.

⁵¹ - Чтобы быть верным себе, автор и на раскол старообрядчества должен был бы посмотреть с той же точки зрения, с какой смотрит он на сектантство. Прим. Ред.

⁵² - Не мало таких, которые точно также смотрят и на раскол старообрядчества (Щапов, Андреев, Юзов, Пругавин, Костомаров и др.). Прим. Ред.

⁵³ - Такое, между прочим, мнение было высказано и подтверждено фактически в Новочеркасском миссионерском съезде местным миссионером, известным прот. Н. П. Кутеповым. Ред.

⁵⁴ - «Мисс. Обзор.» кн. 2-я, стр. 210.

⁵⁵ - Велемудрие, я, ср. Слав. – Великая мудрость. Платон по велемудрию своему был в великом у Греков уважении. –

Редакция Азбуки веры.

⁵⁶ - Вередить – несов. перех. разг. сниж. 1. Причинять боль, трогая или задевая больное место, рану; беречь. 2. Вызывать душевную боль, страдания, заставлять вновь переживать что-либо неприятное, тяжелое. Тол. словарь Ефремовой – Редакция Азбуки веры.

⁵⁷ - Ёмлить – устар. брать; собирать; забирать; взывать; ст.-слав. ѥмлѣ, имати, – Редакция Азбуки веры.

⁵⁸ - По штундо-баптистскому убеждению, замеченному мной на многих беседах, – путь в общину истинно-верующих должен совершаться так: человек сначала читает или слушает слово Божие, через что, будто бы, возрождается (вне общины), верует и потом уже вступает в общину, принимая «заветный знак союза» – крещение.

⁵⁹ - Опёк – кожа молочных телят, ещё не перешедших на растительную пищу, самая ценная из шкур крупного рогатого скота, мягкая, ровная, эластичная, обладает очень красивой мерей (рисунком на лицевой поверхности выделанной кожи) – Редакция Азбуки веры.

⁶⁰ - Улищать – устар. умолять – как начал улищать да уговаривать... – Редакция Азбуки веры.

⁶¹ - Препретельный – убедительный, увещательный (1Кор.2:4); убедительный. – Редакция Азбуки веры.

⁶² - Корибанты (др.-греч. Κορυβαντες) – название мифических предшественников жрецов Кибелы или Реи во Фригии, в диком воодушевлении, с музыкой и танцами, отправлявших служение великой матери богов. Они – сыновья Аполлона и музы Талии или сыновья Аполлона и Кори-Персефоны. По родосцам, это некие демоны – дети Афины и Гелиоса. Либо они – дети Крона, либо дети Зевса и Каллиопы, тождественные Кабирам. Либо титаны дали Рее корибантов, прибывших из Бактрианы или Колхиды, либо с Эвбеи. Овидий в «Метаморфозах» пишет, что корибанты были рождены из дождевой воды: таким образом, Уран (небо) оплодотворил Гею (землю). – Редакция Азбуки веры.

⁶³ - Сказанное в харьковском Успенском кафедральном соборе перед совершением молебствия в полночный час Нового года. «Юж. Кр.», 1904 г., № 7958.

⁶⁴ - Мысли светского человека, высказанные по поводу доклада на означенную тему на одной из религиозных бесед в С.-Петербурге. Об этих беседах наши читатели будут осведомлены в следующих книжках журнала.

⁶⁵ - Некоторые; нетвёрдые в вере, замечают, что такая цель непонятна, ибо трудно себе представить, что для того только, чтобы любить и прославлять Бога, Которого мы никогда не видели (см. 1Пет.1:7,8), мы появились на свет, – тем не менее для утверждения и объяснения себе положения, устанавливаемого катехизисом, может быть найдено – думается – не мало указаний и из примеров человеческой жизни, которые в смысле параллели могут сослужить добрую службу в этом вопросе: разве не приходится видеть по временам, что богатый и полный земного счастья человек, не имея собственных детей, усыновляет посторонних для того, чтобы сделать их причастными его достатку и счастью?.. Усыновляется бедное, неимущее дитя и сколько зачастую любви и внимания проливается на него усыновителем, которым при этом не корысть, не эгоизм руководит, а только любовь и потребность сердца любить и делиться своими радостями с теми, кого любит, кто стал близок его сердцу через усыновление. Тоже чувство было положено Всеблагим и Вселюбящим Творцом в основание воли Его о сотворении человека, который по сотворении являлся, конечно, не чуждым Творцу (не усыновление здесь могло иметь место), а законным его чадом.

⁶⁶ - „Рим“ Вильг. Вагнера, т. II, стр. 73.

⁶⁷ - „Первые дни христианства“, стр. 22.

⁶⁸ - Разбор хлыстовского учения о перевоплощении Иисуса Христа сделан, был раньше.

⁶⁹ - Подробный разбор хлыстовского учения о браке предполагается предметом особой, отдельной статьи, а здесь сделано только общее замечание.

⁷⁰ - Среди легковых извозчиков г. Тифлиса очень много молокан различных толков.

⁷¹ - Иначе и не могло быть: разве не соблазнительно и не привлекательно иметь право проповедовать, да ещё так, как каждому хочется! Здесь мы видим только повторение факта, служащего одной из причин распространения и дробления нашего сектантства на отдельные толки.

⁷² - Насколько нам известно, штундо-баптизм в гг. Тифлисе и Баку имеет своих последователей и среди армян.

⁷³ - Первый проповедник заговорил, когда я только вошёл. Не заметив меня, он опустил слова Апостола о молитве за царей (1Тим.2:2); и только увидев меня по окончании главы, заговорил по поводу 2 ст.

⁷⁴ - Соборания происходят более или менее регулярно по четвергам и субботам, начинаются в 7-м ч. вечера.

⁷⁵ - «Мисс. Обзор.» кн. 3-я, стр. 385.

⁷⁶ - По мысли г-на Меньшикова. (См. «Мисс. Обзор.» № 3).

⁷⁷ - Еванг. Мф.5:44.

⁷⁸ - 1Тим.2:1–4.

⁷⁹ - В древнейшей литургии Апостольских постановлений сказано: „Архиерей пусть говорит: Свят... ещё приносим Тебе за всех от века благоугодивших Тебе святых... мирян и всех, чьи имена Сам Ты знаешь... ещё молимся Тебе и о ненавидящих нас и гонящих нас за имя Твоё, за внешних и заблудших... и о всём мире... (См. собрание древних литургий в русск. перев. Издан. 1874 г. стр. 122, 127, 128, 129 и проч.).

⁸⁰ - Чин священ. и божествен. литургии св. Иоанна Златоустого. Молитва священника.

⁸¹ - Чин божествен. литургии св. Василия Великого. Молитва Иерея.

⁸² - Собрание древних литургий в русск. перев. Издан. 1874 г. СПб. стр. 182 и проч. Во всей полноте и неизменности апостольского предания сохраняется доньше литургия св. апостола Иакова, брата Господня по роду земному, первого епископа Иерусалимского, которая и ныне совершается на востоке. (См. Литургика или наука о богослужении. Пр.

Смолодовича, изд. 1868 г. стран. 85 и 310. Церковные Вед. 1901 г. № 26).

⁸³ - Послан. Рим.16:17–18; 1Тим.6:3–5; Тит.3:10–11.

⁸⁴ - Посл. Рим.14:8; Ев. Лк.20:38.

⁸⁵ - Триодион, изд. Киевопеч. лав. 1813 г. Субб.

Мясопустная.

⁸⁶ - И кроме означенных дней совершаются в храмах православных всеобщие поминовения усопших ещё в субботы второй, третьей и четвёртой седмиц великого поста. В эти дни церковь также руководствует к прилежнейшему молитвенному предстательству перед Богом об оставлении прегрешений представившимся человекам и о вечном их упокоении со святыми угодниками Божиими... (Смот. церковн. служ. в II, III и IV субботы четырёхдесятницы).

⁸⁷ - Церковные молитвы из „Вселенской“ панихиды, совершаемой в субботу мясопустную в память всех от века усопших человеков. Смотри „Триодион“, изд. Киевопечерской лавры 1813 года.

⁸⁸ - Заупокойное Богослужение. С. Г. Орлов. Изд. 1900 г., стр. 12. Пособие к изучению Устава Богослужения православной церкви К. Никольского. Изд. 1874 года, стр. 732. На панихиде вместо шестопсалмия читается псалом 90. Затем бывает, как на утрени, Великая ектенья, – Аллилуия, как на утрени в пост, и Благословен еси Господи; псалом 50, – Канон с малыми ектеньями; Трисвятое, – Отче наш, тропарь; – ектенья и отпуст“.

⁸⁹ - Литургика или наука о Богослужении правосл. восточной церкви. Пр. Смолодовича. Изд. 1868 г., стр. 7 и 246.

⁹⁰ - Однако, по существующим законам церковным и гражданским, православный священник может совершить таинство брака над обоими лицами неправославного вероисповедания, когда в том и соседнем месте, где совершается брак, нет священника или пастора того вероисповедания, к которому принадлежат жених и невеста. (См. Руководство для священнослужителей, изд. П. Нечаева. Изд. 1895 г., стр. 242. – Практич. излож. церковно-гражданских постановлений в руководство священнику. Пр. А Парв. Изд.

1866 года, стр. 116. – Свод. Зак. Гражд., т. X, ч. I, стр. 65, изд 1900 года).

⁹¹ - Литургика изд. Смолодовича, 1868 г., стр. 7, 306–310.

⁹² - Литургика, изд. пр. Смолодовича, 1868 г., стр. 308–309.

⁹³ - Пособие изуч. Богослужения пр. Никольского, изд. 1874 г., стр. 733.

⁹⁴ - Да; отказываются частным лицам совершать панихидные моления о близких семейных иноверцах, но в дни официальных поминовений и юбилейных торжеств в разных учреждениях они беспрепятственно совершают панихиды и по иноверцам, не различая их от православных. А если по существу веры православной было бы противозаконно совершать панихидные моления по иноверным христианам, то каким грубым произвольным нарушением правил веры являлись бы такие панихиды, например, в дни полковых праздников о всех умерших служивших в полках и иноверцах, – или же, например, перед дворянскими выборами о всех дворянах губернии, в истекшее трёхлетие умерших, между коими находятся и иноверцы... – „Виленский преосвященный запретил наши церковные панихиды по католике ген. Гурчине, а на Кавказе церковная власть разрешила их служить по тому же ген. Гурчину. А молитва за инославных уже давно стала жгучим запросом жизни, мы, православные, перероднились с инославными, имеем друзей между ними... (См. „Моск. Вед.“, 1902 г. декабрь, № 344, стр. 2: „Запросы жизни“).

⁹⁵ - Практическое руководство для священнослужителей, изд. П. Нечаева. Изд. 6-е, 1895 г., стр. 288.

⁹⁶ - Так, например: „Глубиною мудрости человеколюбно вся строяй и полезное всем подаваяй, едине Содетелю, упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего, на Тя бо упование возложи – Творца и Зиждителя и Бога нашего“. – „Во истину все суета, жизнь наша – тень и сновидение: напрасно же мятется всякий земнородный, как говорит писание: если и мир весь приобрящем, и тогда все же во гроб вселимся, где не различишь царя от нищего. И так упокой, Христе Боже, преставльшагося, ибо Ты Человеколюбец“. – „Всесвятая Богородице, во время

жизни моего не остави меня, человеческому предстательству не ввери мя, но Сама заступи и помилуй мя“. – „Со святыми упокой, Христе, душу раба Твоего, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная... – Ты Сам, Господи, один только бессмертен, сотворивший и создавший человека, а мы – земные, из земли созданы и в землю ту же опять пойдем, все человеки в нее пойдем, надгробным рыданием творя песнь: аллилуиа“...

⁹⁷ - Православное нравственное Богословие, сост. Платоном, епископом Костромским. СПб., 1867 г., стр. 223.

⁹⁸ - Послание Свят. Прав. Синода ко вселенской Патриархии. Церков. Вед. 1903 г., № 24, стр. 252 и проч.

⁹⁹ - 1Кор.14:40.

¹⁰⁰ - 1Тим.2:5.

¹⁰¹ - Православное Догматическое Богословие. Д. А. Митрополита Макария. Изд. 1857 г., том II, стр. 459.

¹⁰² - Послание Свят. Правит. Синода. Церковн. Вед. 1903 г., № 24 стр. 252.

¹⁰³ - Послание Еф.4:1–4. – Посл. Тим.2:1–4.

¹⁰⁴ - Мы считаем себя в праве не изображать конспективно этих бесед, так как это дело и в широком и в сокращённом объёме нами уже сделано. Желавшие проверить слова наши пусть возьмут труд перечитать составленные нами „Миссионерские беседы с штундо-баптистами“ и „Православный противо-сектантский катехизис“ изд. второе.

¹⁰⁵ - «Мисс. Обзор.» кн. 4-я, стр. 419.

¹⁰⁶ - При составлении своего очерка, автор пользовался главным образом следующими источниками и пособиями: 1) „Деяния всел. соборов“, изд. Каз. акад., т. VII; 2) св. И. Дамаскина. „Три защит. речи против пориц. св. икон“ в перевод. с греч. А. Бронзова; 3) „Libri Carolini“, tom. 98 Patr. curs. comp. Migne; 4) Histor. Ketzer. Walys, tom. 10–11; 5) Gesejctie d. Christ. Kires. A. Gjröur 3 Ibend.; 6) „Истор. христ. Робертсона и Герцога“ в перев. А. Лопухина, I–II т.; 7) Остроумов Гр. „Догмат. значение 7-го всел. собора“; 8) „Просветитель“ преп. Иосифа Волоколамского; 9) м. Стефана Яворского. „Камень веры“, ч. I,

изд. 1843 г.; 10) А. Доброклонского „Руковод. по истор. р. церкви“, вып. IV, изд. 1893 г.; 11) „Описание докум. и дел арх. Св. Синода“, т. II; 12) „Отчёт г. Обер-Прокурора Свят. Синода“ за последи, годы. Указывается на всё это с той целью, чтобы не повторять одного и того же несколько раз в подстрочных примечаниях.

¹⁰⁷ - Упрёк не вполне справедливый. Еп. Сергей, напр., учение о Боговоплощении полагает в основу „свидетельств св. Пис. Нов. Завета“ об иконопочитании. См. „Правосл. учение о почитании св. икон“ стр. 18 и д. Прим. ред.

¹⁰⁸ - Подозревают и ещё одну причину, – это желание Льва воспользоваться церковными сокровищами от уничтожения икон, как император делал это в других случаях, заимствуя на свои нужды деньги из церковных сбережений под предлогом податей, налогов и т. п.

¹⁰⁹ - Послания св. священной. Игнатия Богоносца. Киев. 1888.

¹¹⁰ - Св. Игнатий Богоносец жил в конце I века; апостольские правила собраны в конце II или начале III века.

¹¹¹ - Правило св. апостол 80-е.

¹¹² - 2-е прав. 1-го Всел. собора; толкование Аристина.

¹¹³ - Трёхтолк. Кормчая. Лаодик. соб., пр. 3.

¹¹⁴ - Собор, состоявшийся в Неокесарии, есть второй после Анкирского, но древнее прочих и самого первого вселенского собора, бывшего в Никее (Трёхтолк. кормч. Зонара. Вальсамон).

¹¹⁵ - Трёхтолк. Кормчая. Пр. 12-е Анкирск. соб. Зонара.

¹¹⁶ - 1-го Всел. соб. Пр. 2-е. Зонара.

¹¹⁷ - Седьмого Всел. соб. пр. 2-е.

¹¹⁸ - На Барония и Г. Кедрина неоднократно ссылается уважаемая старообрядцами книга „О Вере“, напечатанная при патр. Иосифе.

¹¹⁹ - Бароний. Лето 471; число 6-е л. 535 об.

¹²⁰ - Стефан, рожд. в 870 г.

¹²¹ - Георгий Кедрин, ч. 2-я, стр. 55. Москва, изд. 2-е.

¹²² - Там же, 68 стр. и об.

- 123 - Дебольский. Дни Богослужений прав. церкви, стр. 493.
- 124 - Георгий Кедрин, ч. II, стр. 88.
- 125 - Там же, стр. 89.
- 126 - Там же, стр. 95.
- 127 - Так же, стр. 93 об.
- 128 - Стоглав, гл. 2-я, изд. Кожанчикова.
- 129 - Там же, гл. 25-я.
- 130 - Там же, гл. 5-я, вопр. 23.
- 131 - Там же, гл. 41-я, вопр. 30.
- 132 - Там же, вопр. 26.
- 133 - Стоглав, гл. 25.
- 134 - Стоглав, гл. 27.
- 135 - Филарет патриаршествовал с 1619 по 1633 г. („Летопись“, Епнск. Арсения).
- 136 - Житие патр. Никона, издан. под редакцией В. И. Шемякина. Москва. 1896 г.
- 137 - Материалы для истории русского раскола, т. V, стр. 10.
- 138 - Материалы для истории русского раскола, т. III, стр. 51.
- 139 - Трёхтолк. Кормчая. Лаодик. соб., пр. 11-е, толкование.
- 140 - Там же, 2-го Всел. соб., пр. 2-е.
- 141 - Кожанные мешочки на лбу и левой руке с зашитыми в них словами Закона Моисея и белые шерстяные кисти на полах лапсердака. По закону Моисея кисти должны быть из разноцветных шерстяных ниток, но теперь носят белые, в знак траура по Иерусалиму. Автор.
- 142 - В отличие от раввина казённого.
- 143 - Копию этого удостоверения можно найти в Астраханской Духовной Консистории, при дознании, произведённом по этому поводу священником Евгением Незнаевым. Может быть, это дознание осталось в архиве Астрахан. Братства. Автор.
- 144 - Пользуемся случаем, чтобы сказать несколько слов о беседах с этими сектантами. Сектанты любят зачитать миссионера пророческими книгами. Раз покойному о. В.

Шапошникову прочитали целую книгу и больше не захотели беседовать. Нам однажды заявили они намерение прочесть всё Второзаконие. Чем менее, т. е. короче чтение, тем лучше. Следует прочитанное ими при помощи наводящих вопросов разобрать, уяснить смысл не только для слушателей, но и для собеседников. Надо помнить, что сектанты ссылаются и на неканонические книги, напр. Варуха и 3 книгу Ездры, и признают то и в том виде, что и в каком виде входит в русско-еврейскую библию венского издания. Следует миссионеру хорошо ознакомиться со Сборником молитв для караимов и с Сидер или молитвенником для талмудистов. Первая из этих книг издана на русском, а последняя – на русском и еврейском языках для этих сектантов. Надо знать и талмуд Переферковича. Предметами для бесед с сектантами могут быть преимущественно такие пункты: 1) Невозможность спасения в настоящее время по закону Моисея и по примеру Товита, трёх отроков в Вавилоне и Даниила; 2) Пришельцы; 3) Рассеяние евреев; 4) Собрание евреев; 5) Перемена праздников; 6) Перемена закона; 7) Перемена народа; 8) О Мессии (время Его пришествия, благословение Иаковом Иуды, видение истукана, седмины Даниила, в какой храм должен прийти Мессия, рождение от Девы, жизнь и страдания Его). Автор.

¹⁴⁵ - Слово «Израиля» в подлиннике написано еврейскими буквами. Автор.

¹⁴⁶ - По выходе из военной службы Грачев жил в с. Голодниках и нам стал лично известен. Он – природный русский, без всякой примеси, исконный солодниковский крестьянин. Автор.

¹⁴⁷ - В то время епархиальным миссионером в районе, в который входили Солодники и Светлый Яр – был я, а местным окружными миссионером – о. Михаил Орлов. Беседы, как публичные, так и домашние, были часты и не остались без влияния. Сектанты заволновались, не мало было присоединений к православию. Вот Грачев и спешит укрепить единоверцев сообщением о палестинских еврейских колониях. Автор.

¹⁴⁸ - В Закавказье в то время миссионеров не было, беседы не велись. Грачев в виду близости выхода в запас, изъявляет готовность выступить против миссионеров на родине. И выступал, хотя не удачнее своего старшего брата, Семеона. Автор

¹⁴⁹ - Если Димитрий Грачев сознаёт, что у евреев не было и нет «вождя и героя», то, значит жезл или скипетр от Иуды отошёл, и Мессия-Примиритель уже пришёл. Поздно ждать Его (Быт.49:10). К чему, в таком случае, и воззвание и Песнь? Автор.

¹⁵⁰ - В воззвании и Песни вся сила в выставленных Грачевым цитатах. Желаящие видеть полный разбор их, могут читать в № 21 Астрахан. Епарх. Ведомостей за 1892 год нашу статью «Современное Движение между субботниками». Статья тогда же вышла и отдельной брошюрой под тем же заглавием. Для характеристики обращения сектантов с пророчествами укажем на цитаты относительно конно-железной дороги от Яффы до первой еврейской колонии. Ис.35:8. И будет там большая дорога, и путь по ней назовётся путём святым: нечистый не будет ходить по нему; но он будет для них одних идущие этим путём, даже и неопытные, не заблудятся. Если здесь речь про конно-железную дорогу, то 1) разве одни жида и по-жидовски обрезанные ездят по ней, а необрезанные не могут ездить? 2) почему на ней люди ездят, а не ходят, когда пророчество говорит: будет ходить, идущие? Ис.49:11. И все горы Мои сделаю путём, и дороги мои будут подняты. Разве везде, на всех горах Палестины проведены или проводятся конно-железные дороги? Разве для этих дорог всюду поднимают путь, делают насыпи даже на горах, а не срывают горы? Ис.58:12. И застроятся потомками твоими пустыни вековые, ты восстановишь основания многих поколений, и будут называть тебя восстановителем развалин, возобновителем путей для населения. Восстанавливают старое, прежде бывшее, а разве конно-железная дорога была и раньше, до плена вавилонского или римского? Автор.

¹⁵¹ - В первый раз стада крестьянских коров и лошадей выгоняют в поле обыкновенно 23-го апреля, в день св. Георгия Победоносца.

¹⁵² - На русском языке автор благоразумно не рискнул распространять у нас своё «сочинение».

¹⁵³ - Основание этому состоянию было положено, как известно, в царствование Петра I, в виде пожалованных имений одному из предков графа, за вероломное предательство несчастного Царевича Алексея, которого Толстой доставил из-за границы в Россию, уверив его в полном прощении отца. Н.

¹⁵⁴ - Газета «Урал», а затем в «Бирж. Вед.» № 1, от 1-го января сего года.

¹⁵⁵ - Газета «Русь», № 34, от 15-го января сего года.

¹⁵⁶ - Указательный и средний пальцы правой руки он в молодости подрезал, чтобы избежать солдатчины, и они у него пригнуты к ладони. Крестное знамение он изображает тремя перстами: большим и двумя малыми, имея два перста, по Большому Катехизису, «наклонены, а не простёрты:». На последнее обстоятельство я не раз обращал внимание старообрядцев.

¹⁵⁷ - Кленовая палка $\frac{3}{4}$ арш. длины и вершка $1\frac{1}{2}$ толщины (в разрезе), в станке для установления размолота муки.

¹⁵⁸ - Дьявол.

¹⁵⁹ - 1) А. Кирилов, 2) Н. Чарушников, 3) Е. Зубарев, 4) Г. Баранцев, 5) К. Елсуков, 6) Х. Молчанов, 7) А. Павлов, 8) К. Власов, 9) С. Кудрявцев, 10) Е. Опалев, 11) Р. Кормщиков, 12) М. Кашменский, 13) Прот. С. Н. Кашменский, 14) Н. Чарушников, 15) Т. Широких, 16) З. Шубин, 17) П. Созонтов, 18) С. Ложкин, 19) М. Гоголев, 20) М. Ветлужских, 21) И. Бухарин, 22) И. Шутов.

¹⁶⁰ - Им же основано и братство святителя и чудотворца Николая.

¹⁶¹ - В это время умер мой отец. Он был совращён в раскол, но не был фанатиком раскольников. Я надеялся обратить его к православию; но, увы, меня не известили даже об его смерти и погребении; хотя мои братья – родной и двоюродные со своими семьями теперь и сами присоединились к православной церкви.

¹⁶² - „Как бы Сына Человеческого“ (Дан.7:13). Ред.

¹⁶³ - Дом освящён 17 сентября прошлого года.

¹⁶⁴ - Настоящее сообщение прислано при следующем письме к редактору. Многоуважаемый Василий Михайлович! Посылаю в Вашу уважаемую редакцию своё сообщение о чествовании священника Александра Гаевского в г. Аккермане, Бессарабской губ., которое прошу, буде возможно, напечатать. Этот случай чествования духовного лица, чествования совершенного единодушно и трогательно, нахожу весьма радостным и интересным фактом в жизни нашего города и вообще христианского общества на юге России. У нас здесь близкое общение с массой лиц других религиозных взглядов отражается на благочестии православных и на отношении их к пастырям. Вот почему такие факты, как описанное чествование и такие личности, как о. Александр Гаевский, должны быть стесняемы. Довольно часто в газетах печатают о фактах недостойных пастыря, унижающих это высокое звание; напечатайте же о случае противоположного характера... Я забыл упомянуть в статье, что торжество было так трогательно, и что многие плакали оттого, что видели своего любимого пастыря больным и знали, что здоровье своё он потерял за двенадцать лет службы в Аккермане, так как приехал он к нам молодым, здоровым и бодрым. Готовый к услугам (следует подпись автора).

¹⁶⁵ - *Amicus Plato, sed veritas amicissima* – Платон мне друг, но истина дороже (вольный перевод). – ответ Сократа на изречение его ученика Платона: Сократ – друг, но самый близкий друг – истина. Ученик Платона Аристотель несколько изменил фразу: Хотя Платон и истина мне дороги, однако священный долг велит отдать предпочтение истине. – Редакция Азбуки веры.

¹⁶⁶ - *Sine ira et studio* – без гнева и пристрастия (древнеримский историк Тацит); объективно, взвешенно, беспристрастно. – Редакция Азбуки веры.

¹⁶⁷ - Считайте: 360 вёрст 2 раза, 250 вёрст 2 раза и разъезды в сторону по 20–18 вёрст – 3 села. 70 вёрст до Хвалынска и ещё 2 села 15 и 20 и всего выходит 1383 версты. Авт.

¹⁶⁸ - Один раз ночевал вблизи села, сбившись с дороги. Грязь стояла страшная, лошади измучились и стали... Другой раз, зимней порой, свалился в овраг вместе с лошадьми. Ещё был случай, при раскате, ямщик вывалил меня из саней и уехал. Дело было ночью. Кричу – не слышит. Так и остался в поле. Иду, дошёл до деревушки с татарским населением и тут заночевал. Вышла целая история из этого, так как книги мои остались у ямщика, и он, хватившись меня, заявил полиции о пропаже пассажира. Авт.

¹⁶⁹ - Об этой раскольнической махинации я скажу отдельно и сообщу самые письма раскольников. Авт.

¹⁷⁰ - Почивший – из Костромской губернии.

¹⁷¹ - Что и выразилось в день его погребения. Богатые похороны были на счёт прихожан.

¹⁷² - О перемене взглядов Церкви на войну в IV веке см. у бар. М. А. Таубе «Христианство и организация международного мира».

¹⁷³ - Essays of the Principles of Morality and on the private and political Rights and Obligations of Makind.

¹⁷⁴ - Правосл. Обзор. 1890 г., т. II, «К вопросу о законности войны», стр. 110.

¹⁷⁵ - «Русская мысль» 1895 г. ноябрь «Война у разных народов», стр. 42.

¹⁷⁶ - Прудон. «Война и Мир» 1864 г., стр. 38.

¹⁷⁷ - Амвросий Харьковский. Полн. собр. проповедей, т. II, стр. 1

¹⁷⁸ - В. Соловьев. Полное собр. т. VII стр. 405.

¹⁷⁹ - Василий Великий. Беседы на разные материи. М. 1855 г. стр. 262.

¹⁸⁰ - Амвросий Медиол. Избранные поучительные слова. М. 1838 г. стр. 68.

¹⁸¹ - Вл. Соловьев. Полное собрание, т. VII стр. 398.

¹⁸² - Филарет московский. Полн. собр. т. V, стр. 533.

¹⁸³ - Высочайший манифест 27 января 1904.

¹⁸⁴ - Там-же.

185 - Канон в молебн. пен. против супостат., находящ. на нас. П. 1, 1.

186 - Там же п. 4, 1.

187 - Прошен. на ектен. велик. и сугуб.

188 - Канон п. 7, 3.

189 - Там же п. 7, 2.

190 - Там же п. 4, 2.

191 - Там же п. 1, 1.

192 - Там же п. 3, 3.

193 - Прошение на ектениях и молитва по сугуб. ектении.

194 - Молитва по сугуб. ект. Сравни тропарь конона.

195 - Прош. сугуб. ектении

196 - Молитва.

197 - Из прош. сугуб. ектении.

198 - Кóрпия (от латинского *carpo, carpere* – «щипать», «вырывать») – отдельные нитки из льняной или конопляной ткани, которые выщипывали из полотна вручную или специальными машинами, употр. в прошлом вместо ваты. – Редакция Азбуки веры.

199 - Речь сказана на торжественном собрании св. Владимирского Братства в неделю православия 15-го февраля.

200 - Полное собр. соч. т. IV, стр. 143.

201 - Ibid., стр. 166.

202 - Талмуд вошёл в жизнь еврейского народа, и в плоть его и в дух. Талмудический иудаизм, это религия плоти, религия, заключившая всё представление своё о Божестве в круг плотских действий зачатия и рождения. Господь, по воззрению талмудистов, положил на обрезании крайней плоти еврея знак Своего с ним интимнейшего общения, и единение еврея с Богом состоит в действиях, служащих продолжению и умножению еврейского народа. Это прекрасно обосновывает мысль о том, что еврейство в талмуде из премирной богооткровенной религии Ветхого Завета стало чисто натуралистической религией своей земной жизни. И талмудисту, после этого, даже невозможно приблизиться к пониманию христианской религии, где

невидимая благодать с неба составляет сущность религиозной жизни, где небо заключает в себе и начало и конец христианских упований.

²⁰³ - М. Лацарус. Этика иудаизма. Одесса, 1903.

²⁰⁴ - «Мисс. Обзор.», кн. 5-я, стр. 500.

²⁰⁵ - Обзор деятельности Ведомства Православного Исповедания за время царствования Императора Александра III. С.-Петербург 1901, стр. 186.

²⁰⁶ - Всеподданнейший отчёт обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по Ведомству Православного Исповедания за 1894–1895 годы, стр. 154.

²⁰⁷ - Всеподданнейший отчёт за 1896–1897 г., стр. 60.

²⁰⁸ - Всеподданнейший отчёт за 1898 г., стр. 29.

²⁰⁹ - Всеподданнейший отчёт за 1897 г., стр. 60.

²¹⁰ - Путём совращения упорство увеличилось особенно в 1897 году по случаю переписи. Как видно из Всеподданнейшего отчёта г. обер-прокурора Свят. Синода, упорство по сравнению с 1896 годом увеличилось в 1897 году на 6,000 совершенно упорствующих, на 1,348 колеблющихся. Вместе с увеличением упорства, увеличилось и число некрещённых детей более, чем на 6,000, а равно и число незаконных сожительства более *,769 пар. См. Всеподданнейший отчёт за 1896 и 1897 годы, стр. 60.

²¹¹ - В январских номерах „Холмско-Варшавского Епархиального Вестника“ за 1903 год появилась небольшая статейка о мерах борьбы с упорством. Статейка эта, сходная по содержанию с нашими чтениями, написана, как нам достоверно известно, одним из наших бывших слушателей и учеников.

²¹² - „Мисс. Обоз.“, кн. 4, стр. 431.

Отрицанием воскресения тел хлысты напоминают древних еретиков гностиков, которые тоже отрицали воскресение человеческих тел, почитая воскресением из мёртвых познание гностического учения (Сочинения св. Ириния Лионского против ересей в русском переводе стр. 256. Москва 1871 г.).

²¹⁴ - Замечание хлыстов, что обычай рукопожатия, распространённый среди православных, основан на чувстве похотливости, не верно. Этим действием выражается мир и доверие одного лица другому (1Мак.6:58; Гал.2:9).

Хлыстовские пророки и пророчицы во многом напоминают собой еретиков-гностиков первых веков жизни Церкви Христовой на земле, о которых у св. Иринея Лионского читаем следующее: „гностик Марк вероятно имел при себе какого-нибудь беса, при посредстве которого и сам представляется пророчествующим и делает пророчествующими женщин, которых почитает достойными быть участницами его благодати. Ибо он всего более имеет дело с женщинами, и при том щеголеватыми, одевающимися в багряницу, и самыми богатыми, которых часто старается увлечь, ласково говоря им: „хочу преподать тебе моей благодати, потому что Отец всего всегда видит ангела твоего перед лицом Своим. Место же твоего величества между нами: нам надобно составить одно. Прими сперва от меня и через меня благодать. У готовься, как невеста, ожидающая жениха своего, да будешь то, что я, и я буду, что ты. Водрузи в брачном чертоге твоём семя света. Прими от меня жениха, вмести его и вместишь в нём. Вот сошла благодать на тебя, отверзи уста твои и пророчествуй”. Когда же женщина ответит: „никогда я не пророчествовала и не умела пророчествовать”, тогда он во второй раз, делая какие-то призывания к поражению обманываемой, говорит ей: отверзи уста свои и говори, что бы то ни было, и – ты будешь пророчествовать”. А женщина надмившаяся и восхитившаяся от таких слов, разгорячившись душой от ожидания того, что сама будет пророчествовать, при усиленном более надлежащего сердцебиении, отваживается говорить и говорит вздор и всё, что случится, пусто и дерзко, как разгорячённая пустым ветром. И с тех пор почитает себя пророчицей и благодарит Марка, давшего ей от своей благодати, и старается отплатить ему не только даянием имущества (от чего он и собрал много стяжаний), но и телесным общением, желая во всём иметь единение с ним... Некоторые из учеников Марка занимались такими же делами и вводили в обман простоватых женщин. Они провозглашают себя совершенными, так что никто, ни даже Павел или Пётр,

или другой какой-либо из апостолов, не может сравняться с ними в величии знания... Они более всех знают и по высоте своей выше всякой силы, а потому и делают всё свободно, не имея ни в чём никакого страха” (Сочинения св. Ириней Лионского против ересей, стр. 56–58. Москва 1871 г).

²¹⁶ - Хлыстовские пророки и пророчицы отрицают все догматы православия. В настоящей статье я не касаюсь многих догматов, отвергаемых хлыстами, потому что разбор еретических мнений, относительно этих догматов сделан был мною раньше – частью в отдельных брошюрах, а частью в „Миссионерском Обозрении“.

²¹⁷ - Имя Мельникова не всем раскольникам известно, но фамилия его, Перетрухина и Усова общеизвестна. Об этой своей троице они говорят так: Перетрухин-перетрусит, Мельников-перемелет, а Усов и усы подкрутит-миссионерам.

²¹⁸ - Презэльный – самый знаменитый, самый сильный, преизобильный ... – Редакция Азбуки веры.

²¹⁹ - Ядца сущ. (греч. φαγός) – лакомка; чревоугодник, гурман; обжора ... – Редакция Азбуки веры.

²²⁰ - Бурну́с (араб. , Al'burnus, фр. Burnous) – 1) род плаща, преимущественно из белой шерстяной материи, с капюшоном: употребляется арабами, особенно бедуинами. 2) род верхнего свободного женского платья с широкими рукавами из сукна или тонкого войлока, изначально светлых тонов, орнаментированный тесьмой, шнурами и аппликациями в восточном стиле. В России бурнус впервые упоминается в 1831 году. К 1850-м годам в моду вошли чёрные бурнусы... – Редакция Азбуки веры.

²²¹ - Невегла́с – м. устар. то же, что невежда; простак; неуч ... – Редакция Азбуки веры.

²²² - На́нка, -и, ж. Сорт грубой хлопчатобумажной ткани из толстой пряжи, чаще буровато-жёлтого цвета, прежде вывозимая из китайского города Нанкина. – Редакция Азбуки веры.

²²³ - Заявление её свящ. о. Л. Кондакову от 20 октября 1900 года.

- 224 - Рапорт свящ. о. Л. Кондакова от 21 января 1901 г.
- 225 - Тоже.
- 226 - Тоже.
- 227 - Рапорт благочинного I округа о. О. Грабилина, от 15 ноября 1900 г.
- 228 - Рапорт свящ. с. Рыбкина о. Н. Сироткина, от 14 марта 1900 г.
- 229 - См. нашу статью «По дебрям сектантства». Оренб. Епарх. Вedom. 1899 г. № 20.
- 230 - Рапорт свящ. о. Н. Сироткина от 14 марта 1900 года.
- 231 - Рапорт причта Красн. церкви от 22 ноября 1900 года.
- 232 - Рапорт свящ. П. Ильинского от 20 апреля 1900 г.
- 233 - Рапорт свящ. П. Ильинского от 20 апреля 1900 г.
- 234 - «Междунар. Тракт. Общ.» представляет собой одну из двух главных миссионерских организаций адвентистов (другая – это «Международн. союз субботних школ»), управление которыми сосредоточено в Баттле-Крееке, в Северной Америке и которые имеют свои отделения: в Гамбурге, Базеле, Лондоне и России. В России они имеют и свою «печатницу Победу», где печатают на русском языке свои произведения, как, напр.: «Уроки о святилище. 1903 г.»
- 235 - По всей вероятности, это – «коль-портер» Брит. Библ. Общ., деятельно насаждавший адвентизм в Прибалтийском крае, особенно среди латышей.
- 236 - «Глитай, аож паук» – это название одной малороссийской пьесы (1883 г.) автора Марко Кропивницкого в которой пожилой ростовщик Бычок, прозванный «глитаем» (глитай – в переводе с укр. – мироед, скряга), обманом и дорогими подарками склоняет к замужеству Олёну, влюблённую в уехавшего на заработки парубка Андрея... – Редакция Азбуки веры.
- 237 - Для удобства изложения данные сектантской литературы и выражения собственно сектантов вносятся в уста одного лица П. Пестрякова.

²³⁸ - На первом основании субботники особенно настаивают, потому что второе ведёт их, как увидим ниже, в такие дебри взаимных противоречий, что они прибегают к нему лишь в самые критические минуты. Между тем, первое основание, как взятое из истории до появления закона Моисеева, сразу освобождает их от критики, по меньшей мере, двусмысленного их отношения к тому закону, на который они же опираются, потому что и речь об этом законе ими не заводится.

²³⁹ - См. ещё Римл. 7 гл.

²⁴⁰ - См. все эти доводы и в «Библейских чтениях о настоящей истине» №20: «Два Закона» и № 19: «Закон Божий».

²⁴¹ - «Мисс. Обзор.», кн. 5, стр. 563.

²⁴² - Один из ревнителей старообрядчества – старик тут не вытерпел: попросил слова и заговорил о святых отцах, установивших двуперстие, причисляя к ним и членов Стоглавого собора. Хромов поддержал его, указав на Стогл. соборе св. Гурия Казанского. Гринякин попросил у него Стоглав., чтобы показать, что на стогл. соборе был Гурий Смоленский, а не Казанский. Стоглава не оказалось. На беседе вообще была весьма ощутительна скудость старопечатных книг. У миссионера их было 4–5, а у Хромова, кажется, ни одной: он пробавлялся маленькими книжонками гражданской печати.

²⁴³ - «Мисс. Обзор.», кн. 3, 396–400.

²⁴⁴ - См. «Миссионерское Обозрение» 1904 г. № 5.

²⁴⁵ - Собр. сочинений В. А. Жуковского изд. Ефремова 1901 г. стр. 796.

²⁴⁶ - Киевск. Универс. известия 1892 г. февр. «Война, её орудия и жертвы», стр. 22.

²⁴⁷ - Собр. соч. Вл. Соловьева «Три разговора» изд. 1901 г. стр. 15.

²⁴⁸ - Иоанн Златоуст. Полн. собрание т. VII кн. I стр. 200–201.

²⁴⁹ - См. каноны посл. Василий Вел. к Амфилохию пр. 8.

²⁵⁰ - Ibidem. Афанасий Вел. к Аммону.

²⁵¹ - Ibidem. Василий Вел. пр. 13.

²⁵² - См. указатель к канонам.

²⁵³ - Соловьев. Полн. собр. т. VII стр. 413.

²⁵⁴ - Барсов. Четвероевангелие т. I стр. 457.

²⁵⁵ - Соловьев. «Три разговора» 1901 г. стр. 37.

²⁵⁶ - Иванов-Платонов. «За 20 лет священства» стр. 165.

²⁵⁷ - Post hoc, ergo propter hoc – лат. после этого, следовательно, по причине этого (логическая ошибка, заключающаяся в том, что временная последовательность событий принимается за причинную зависимость) – Редакция Азбуки веры.

²⁵⁸ - И далее в цитатах первая буква будет означать страницу, а вторая строку, – сверху или снизу (1111 – 1111).

²⁵⁹ - „Явления воскресшего Господа были собственно видениями“, говорит г. Тареев (3515).

²⁶⁰ - Вот это испорченное, по мнению г. Тареева, место Евангелия: жёны, „вышедши, побежали от гроба; их объял трепет и ужас, и никому ничего не сказали, потому что боялись (ст. 8). Воскресши (же – δε) рано в первый день недели, (Иисус) явился сперва Марии Магдалине...“ и пр. (ст. 9).

²⁶¹ - Очень неудобоприемлемо предположение, принимаемое еп. Михаилом в его книге „О Евангелиях и Евангельской истории“, будто бы тождественная последовательность повествований у евангелистов Марка и Матфея может быть объяснена частым повторением этих повествований по списку первого из Евангелий в молитвенных собраниях верующих апостольского времени; предположение будто бы евангелист Марк так прислушался к изложению Евангельской истории в Евангелии от Матфея, что ведёт самостоятельно рассказ в том же порядке – стих за стихом, не имея перед собой писанного текста, а воспроизводя его по памяти. Довольно взглянуть на текст Евангелий Марка и Матфея, – хотя бы у Гречулевича в его Четвероевангелии, – чтобы видеть всю невероятность такого предположения.

²⁶² - Мария Иосиева или Мария Иаковлева или Мария Клеопова, это – всё одно и тоже лицо: Мария, мать Иосии и Иакова, – Иакова меньшого или Алфеева (Мк.15:40) и жена

Алфея или Клеопы, так как Клеопа и Алфей – одно и тоже имя, только в различной транскрипции.

²⁶³ - Евангелист Лука, перечисляя жён-благовестниц о воскресении Христовом, не упоминает о Саломии, матери Иоанна и Иакова Зеведеевых, но говорит: „и другие с ними“ (Лк.24:1,10).

²⁶⁴ - Еванг. Ист., изд. 1899 г., стр. 277.

²⁶⁵ - Ibid.

²⁶⁶ - Некоторые комментаторы к словам: „никому ничего не сказали“ неудачно прибавляют: „на пути“; но нужно ли было говорить, что они никому ничего не сказали на пути, когда только что сказано выше, что бежали они, чтобы возвестить ученикам (ст. 7-й); да и кому кроме них, было возвещать о воскресении Иисуса Назарянина, – всеми отверженного?

²⁶⁷ - На это указывают те незначительные изменения, какие внесены им в повествование первых двух евангелий об ангельском благовестии жёнам, и о явлениях Самого воскресшего Господа. Евангелист Марк явление ангела жёнам внутри гроба различает от видения воинами ангела вне гроба, но продолжает говорить об одном ангеле, как и у евангелиста Матфея; евангелист Лука говорит, что жёнам явились два ангела, а не один; объясняет, что ароматы мироносицами куплены были с вечера; восполняет число жён-благовестниц воскресения; затем излагает подробно и обстоятельно то, что у евангелиста Марка только поименовано в кратком перечислении явлений Воскресшего, а именно о явлении двум ученикам „на дороге, когда они шли в селение“, и о явлении одиннадцати в Иерусалиме и заканчивает своё евангелие повествованием о явлении вознесения, не разграничивая его – также, как и ев. Марк, – от явлений предшествующих; вообще XXIV гл. евангелия от Луки изложена в соответствии содержанию XVI гл. евангелиста Марка. А что евангелист Лука имел перед собой не одно евангелие Марка, но и евангелие от Матфея, – свидетельствуют те места третьего евангелия, которые евангелистом Марком при написании им евангелия опущены и которые евангелист Лука берет из первого евангелия.

²⁶⁸ - Евангелист Марк, писавший своё евангелие, по церковному преданию, под ближайшим воздействием ап. Петра, который звал его своим сыном (1Пет.5:13), замечает, что ангелы, благовествуя жёнам о воскресении, не без особенной надобности, упомянули при этом об апост. Петре: „скажите ученикам Его и Петру“ (Мк.16:7): не исключайте его из среды своей.

²⁶⁹ - Ещё и в XII веке, когда на гроб Господень приходил наш русский паломник, – игумен Даниил, устье пещеры, впоследствии увеличенное, было так низко, что в неё входили сгибаясь.

²⁷⁰ - Слова и речи. Т. III, М. 1877 г., стр. 26. В статье проф. Тареева, который приводит это место, – стр. 3113.

²⁷¹ - Публичная лекция, прочитанная в Москве, в аудитории исторического музея.

²⁷² - *Taedium vitae* (лат.) – отвращение к жизни; пресыщение жизнью. – Редакция Азбуки веры.

²⁷³ - Бестиальный – ая, ое. (от лат. *bestiam* – зверь). Животный, скотский, звероподобный, похожий на зверя – Редакция Азбуки веры.

²⁷⁴ - См. «Миссионерское Обозрение» 1904 г. № 6, стр. 695.

²⁷⁵ - Стан. Городищенской, Оренбург. у.

²⁷⁶ - Рапорт свящ. ст. Рассыпной II. Ильинского от 20 апреля 1901 г.

²⁷⁷ - «Мисс. Обозр.» кн. 6-я. стр. 685.

²⁷⁸ - Некрасов Н. А. Ночь, т. I. стр. 196, изд. СПб. 1890 г.

²⁷⁹ - Бочаг – глубокое место на реке.

²⁸⁰ - «Миссион. Обозр.» янв. № 2-й 1904 г. стр. 245-я.

²⁸¹ - Келья преп. Серафима, в которой имеются иконы с двуперстным изображением, находится в Дивеевском монастыре.

²⁸² - Собеседование происходило 26-го сентября минувшего года по просьбе старообрядцев, вызвавших из Саратова Худошина на беседу и заплативших ему 300 руб. за выезд.

²⁸³ - Разумеется «Камень веры» Стефана Яворского, защищавшего православное учение, против учения лютеран.

²⁸⁴ - В начале беседы на вопрос Худошина: как будем беседовать, по сколько минут, миссионер ответил: будем беседовать по совести, не утомляя слушателей и не злоупотребляя словами. Согласились говорить по совести. Худошин ухмыльнулся и начал говорить, что придётся, злоупотребляя доверием миссионера; начал даже доказывать, что он должен распоряжаться на беседе.

²⁸⁵ - Твор. св. И. Злат. т. 3, кн. I. стр. 80.

²⁸⁶ - Твор. Св. И. Злат. т. 6. стр. 849–850, 1990 г.

²⁸⁷ - Деян. 7 вс. соб. стр. 315, Каз. 1891 г.

²⁸⁸ - Ч. 9, стр. 11. на Исаию гл. 54.

²⁸⁹ - Более подробный указатель сектантских пунктов епархии может быть представлен в виде перечня заражённых сектами сёл и деревень. При этом, во 1-х, в число молоканских пунктов войдут: с. Рассказово, Аржанка, Чернавка с д. Максимовной. Коровино, Шилово, Мптрополье, Пахотный Угол, Бокино, Козьмина Гать, Верх. Спасское. Олехино и Углянщина (дер. прих. с. Падов), Ольшанка, Дуплятчина и Коровино (дер. прих. с. Новознаменского), Александровка – Сосновка, Аннино, Верхоценье, Иановы-Кусты, Петровская, Зверьяевка и Гавриловна (дер. прих. с. Грязнуши), Б. Лозовка, Абакумовка и Лебедянь (дер. прих. с. Березовки), Михайловка, Токаревка с дер. Безукладовкой, Максимовна и Алексеевка (дер. прих. села Остроуховки), Павлодаровка с дер. Бокино, Сурава, Тронцкая Дубрава, Горелое, Донская Слобода, Чекмари, Полковые Выселки и дер. Вязовка (Тамбов. уез.), Рыбное, Давыдово, Ниж. Ярославка, Нов. Устье, Лев. Дамки, Вирятино, Грибоедово с дер. Шачей и Коноплянкой (Морш. у.), Чёрная и Казачья слободы, Ялтуново, Завидная (дер. прих. с. Желанино), Сыровель, Борки. Монастырское. Чернитоно, Кривая Лука, Новотомниково (Шацк. у.), Шокша, Теньгушево (Темник. у.) Нащекино, Пересыпк. Умет, Сергиевка с дер. Ольховкой, Вяжля, Марьянка, Курдюки, Калугино, Трескино, Каравайча, Лопатино, Инжавинье, Богданово, Ржаксенские дворики, Мордвиновка

(Кирсанов. у.), Липяги, Алешки, Новоспасское, Чикаровка, Визовая с дер. Тафинцево, Уварово, Чуевская Алабушка, Верхн. Чуево, Отхожее (Борисогл. у.), Верхняя Матренка, Лебедян. Выселки (Усман. у.), Кривец, Бормсовка (Лебедян. у.). Шехмань (Липецк. у.), Новогаритово, Никольско^о-Быстром, Самовец с дер. Павловкой (Козловск. у.); во 2-х, в число штундистских: с. Коровино. Горелое, Куксово, Донская Слобода, Полковые Выселки, Вязовка (дер.), Пановы-Кусты (Тамб. у.), Островка (Морш. у.), Чёрная и Казачья Слободы, Сыровель, Борки, дер. Сергиевка, Новотомниково, Старотомниково с дер. Воронцовкой, Пичины (Шацк. у.), Кривец (Лебед. у.), Нащекино (Кирс. у.). Липяги с дер. Коршуновкой, Чуевская Алабушка (Борисогл. у.); в 3-х, в число жидовствующих: Рассказово (Тамб. у.), Каменка (Морш. у.), Чёрная и Казачья Слободы, Ялтуново, Сыровель, Борки, д. Сергиевка (Шацк. у.), Леплейка и Богдановна (Спасск. у.), дер. Щербатовка (Елатом. у.), Липяги и Грибановка (Борис. у.): в 4-х, в число хлыстовских: Рассказово, Новознаменское с дер. Лазиновой и Матвеевкой, Верхоценье, Вязовка, Токаровка, Сатино, Росляй с дер. Кароли и Ертил, Новопавловка и Ракитино (дер. прих. с. Павлодаровкн) – (Тамб. у.), Лызовка (дер.), Каширка (дер. прих. с. Курдюки), Калугино, Трескино, Лопатино, Тропцкое-Семеновка, Ржаксен. дворики, Перевоз, Мордвиновка, Ржакса (Кирсан. у.), дер. Серединовка, Туголуково, Цибизовка, Преображенское, Уварово, Березовка, Подгорное, Моисеев. Алабушка, Чуев. Алабушка, Отхожее (Борисогл. у.) и, наконец, в 5-х, в число скопческих: Старогаритово (Козлов. у.), Атманов Угол и Правые Ламки (Морш. у.).

²⁹⁰ - К каким средствам прибегают молокане для совращения православных ясно, между прочим, из поданной крестьянином Ал. Пуховым записки, в которой он просит своего пастыря о. А. И-ва «отписать» его «в молоканство» и как на причину такой просьбы указывает: «послал меня отец, хотят меня женить на молоканке поневоле»!.. Другой парень, лет 22-х, из молокан, некто Т. М-ев за свой переход в православие, вопреки желанию своей матери, едва не был выгнан последней из дому: «более году сорочек не давала для смены!.. Да уж

отец – православный заступился»... И таких примеров можно было бы привести оч. много!..

²⁹¹ - С этой целью, напим., в дер. Шаче, где молокане резко разделились на две враждебные одна другой партии: старо-молоканскую и «иерофеевскую» (от имени одного крестьянина), сильно заражённую религиозно-социальными идеями Толстого, – на молитвенных собраниях последней партии для привлечения не только старо-молочан, но и православных поётся следующая песнь: Слава, слава в вышних Богу! Дух мой радостно воспой! Я стремлюсь к Тебе чертогу, Где жених сланчайший мой. Вот Иисусе мой сланчащий Мне на помощь прииди; Всех благ мира мне дающий, Мою душу освяти. Ты покров моя одежда, В скорби я тобой живлюсь. О, пресладкий Искупитель, Дай Свою мне благодать! «Девства» Ты моего Хранитель, Будь Ты мне Отец и Мать! Мира прелести, забавы, Прочь идите от меня! Все вы – лестные отравы, Я бегу вас, как огня. Славой вечной восхищаюсь, Суеты не лщусь земной; Ежечасно утешаюсь Твоей небесной красотой. Где святые все соборы И бесплотных лик духов Воспевает тройческий хор; Свят Господь – Бог Саваоф! Где в торжественном сиянии К Богу Мать предстоит, И на землю с состраданием И любовью глядит. Дух сердца веселится, Что Ты Бог мой и Отец; И душа туда стремится, Где скорбям моим конец. Я от мира удаляюсь, Чтоб достигнуть мне небес, И в пустыне поселяюсь, Не страшась скорбей и слез. «Повсечасно я стараюсь Мыслить только во святу»... И действительно, минорный напев песни, навевающий в связи с её содержанием молитвенную грусть на слушателя, сильно действует на весьма бедных и тёмных Шачинских крестьян, которые в изобилии посещают эти собрания.

²⁹² - Ев. Матфей признается ими за Матфия (Деян. 1:26).

²⁹³ - Жалкое недомыслие! Ведь, отдавая нищему один пирожок, я уделяю ему не всё, а лишь ½ того, что приготовил для себя и, следовательно, по морали Христа, я должен был отдать нищему оба пирожка. Как же теперь, по морали Толстого, я отдам нищему более двух пирожков, т. е. отдам то, чего у

меня нет?! Иначе: могу ли отдать за ближнего что-либо большее души и тела своих, которые храню я для себя?!

²⁹⁴ - Что, конечно, служило ясным намёком на корысть нашего духовенства!

²⁹⁵ - „Мисс. Обоз.“, кн. 6, стр. 742–746.

²⁹⁶ - См. «Мисс. Обозр.», февр. 1904 г. кн. 1. стр. 382.

²⁹⁷ - См. газ. «Заря» № 24-й. Очень жаль, что духовенство не замечает этой честной, глубоко патриотической, благоговейшей перед церковью газеты. Этот орган печати послужил бы нашему духовенству большим подспорьем в его пастырской деятельности. Мы слышали, что почтенный редактор «Зари», В. В. Ярмонкин, готов подписчикам из духовенства делать значительную уступку. На всякий случай сообщаем адрес редакции «Зари»: СПб. Кузнечный пер., д. № 2.

²⁹⁸ - Изменник нашёлся и в среде 12-ти Апостолов, Самим Иисусом Христом призванных. Неудивительно, что находятся изменники Царю и родине, или как их называют, „политические пошляки“ и в настоящее время. Эту национально и нравственно зловонную грязь мы не имеем в виду.

²⁹⁹ - См. „Странник“ за 1891 г. в феврал. кн. стр. 295.

³⁰⁰ - Т. е. начало радения.

³⁰¹ - Ратгауз.

³⁰² - Байрон, Манфред.

³⁰³ - См. «Миссионерское Обозрение» № 5, стр. 512–517.

³⁰⁴ - Август-Фридрих Гфрёрер (нем. August-Friedrich Gfrörer, 1803–1861) – немецкий историк резкокатолического направления. Гфрёрер горячо отстаивал требования папы. – Редакция Азбуки веры.

³⁰⁵ - Алкуйн (лат. Alcuinus, также Albinus; около 735–19 мая 804) – англо-саксонский учёный, богослов и поэт, один из вдохновителей Каролингского Возрождения, автор популярных богословских трактатов и учебников философии, грамматики, риторики, математики. Алкуин организовал ряд школ; главная из них была при Турском монастыре, аббатом которого он являлся. – Редакция Азбуки веры.

³⁰⁶ - Выражение апостола: „родословий“ о. Митрофан пропустил, хотя оно имеет существенное значение.

³⁰⁷ - Мисс. «Обозр.», кн. 6, стр. 633.

³⁰⁸ - Всеподдан. отчёт за 1898 г., стр. 35.

³⁰⁹ - *Disciplina arcani* [реже *disciplina arcana* лат. – тайное учение] – совр. термин, означающий правило древней Церкви не допускать присутствия некрещёных (включая оглашённых) при совершении таинств – прежде всего Крещения и Евхаристии. D. a. подразумевала запрет на разглашение чинопоследования таинств и их смысла, а также точной формулировки крещального Символа веры и молитвы «Отче наш» до перехода желающего креститься в разряд «приступающих ко просвещению» (на Западе – *competentes*). – Редакция Азбуки веры.

³¹⁰ - Мы оставляем в стороне здесь спорные вопросы о том, каков был полный объём этой практики, каковы все те предметы, которые входили в состав этой практики, а указываем в качестве предмета этой практики только то, что признано большинством исследователей.

³¹¹ - Кроме этого неполноту перечня в творениях некоторых св. отцов и учителей церкви обычно объясняют ещё тем, что эти св. отцы и учителя церкви не имели повода говорить о других таинствах, кроме тех, о которых они упоминают, или рассуждать о других таинствах не входило в их задачу и т. п. Все эти причины, несомненно, имели место и их нужно признать; но они носят на себе частный характер, о них нужно говорить при изложении учения о таинствах каждого отца в отдельности, мы же указываем лишь общие причины, а потому не останавливались на таких пунктах подробно.

³¹² - Прáсол – скупщик рыбы и мяса; ю. в. р., скупщик скота или сельскохозяйственного сырья для перепродажи; тамб., перекупщик, кулак; курск., скупщик холста, пеньки, щетины; курск., орл. (Даль), укр. – мелкий торговец преимущественно вяленой рыбой и солью; др. русск. прасоль [скупщик, барышник] – Редакция Азбуки веры.

³¹³ - Малáкия (от греч μαλακία (малакиа) – слабость, изнеженность, малодушие; μαλακός (малакос) – мягкий, изнеженный... – Отсюда глагол малакствовати, т.е. скверниться рукоблудием – Редакция Азбуки веры.

³¹⁴ - Паллиатíв (Палиатив, пальятив, от фр. palliatif и лат. pallium «паллий, покрывало, греческий плащ, верхнее платье») – не исчерпывающее, временное решение, полумера, закрывающее, как «плащ», саму проблему. – Редакция Азбуки веры.

³¹⁵ - По церковным книгам «Голяевка» – от поселения на голой земле, именуется село Александровское, но это название села мало известно в народе, и его зовут попросту «Голяевкой». Авт.

³¹⁶ - Подóг – а, м. обл. Палка, дубинка для опоры при ходьбе (Т. Ф. Ефремова); хлыст, палочка, трость подручная, для ходьбы (В. И. Даль). – Редакция Азбуки веры.

³¹⁷ - Евфим имел у себя 7 сыновей и все жили вместе, дружно. Авт.

³¹⁸ - On ne souffre réclément que du bonheur des autres. – франц мы страдаем только из-за счастья других людей – Редакция Азбуки веры.

³¹⁹ - «Мисс. Обзор». 1904 г. кн. 7 стр. 904.–

³²⁰ - Как известно, в экзаменационных комиссиях минист. нар. просвещ. для производства испытаний на право получения льготных по воинской повинности свидетельств, согласно утверждённых министром 16 нояб. 1885 г. „правил“ (§ 19, прим. а): „от испытания по Закону Божию освобождаются ученики раскольников“. На практике это правило применяется и к детям сектантов... На этом основании один инспектор народных школ сделал словесное распоряжение, чтобы „в К-ой земской школе дети сектантов освобождались от слушания уроков по Закону Божию“, так что на уроках Закона Божия там нет ни одного сектантского ребёнка. Такая льгота послужила прекрасным поводом и к тому, что сектанты перестали здесь отдавать детей и в церковно-приходскую школу. Таким образом, масса детей остаётся вне всякого воздействия церкви!.. Между тем,

возникает вопрос: всё ли равно: „освобождаются от испытания и притом в экзаменационных комиссиях“ и „освобождались от слушания уроков в учебн. году“?.. Думаем, что не только с религиозно-воспитательной, но даже и формальной стороны не всё равно!.. Не говорим уже о том, что „правила“ упоминают о „раскольниках“, а не сектантах, каковые названия с точки зрения русского закона не тождественны!..

³²¹ - Такие собрания стали устраиваться во многих пунктах вслед за посещением их миссионером...

³²² - Так, в с. К. богатый сектант Р., с целью совратить в молоканство хорошо грамотного и трезвого парня Ф., предлагает последнему в жёны свою дочь и даёт за ней богатое приданное!.. Другой богатый сектант – вдовец из дер. П. сватает дочь православного крестьянина из с. С-ц и обещает дать ей 500 руб., а её отцу лошадей и прочую удобу!.. К счастью та и другая попытки доселе не увенчиваются успехом!.. Но как трудно не соблазниться бедным крестьянам...

³²³ - «Баптисты» – обычное у простого народа название «штундо-баптистов»...

³²⁴ - Такие воззрения не служат ли плодом влияния мистич. секты адвентистов?..

³²⁵ - Так, один «старший пресвитер» соблазнил свою «духовную дочь».., другой – не раз проявлял в торговых сделках сильное корыстолюбие и плутовство, а на вопрос православных: «разве «святые» так поступают?» отвечал: «православных обманывать можно, – они те же язычники, а своих «братьев» – грешно»!.. В с. Г-ом штундисты сами возразили своему «пресвитеру»: «да наши ещё хуже православных пьют», а жена «пресвитера» с улыбочкой отвечала: «ну какие мы святые, а так только немного чище православных живём»...

³²⁶ - Так, на прим., такие сборы произвёл А. Б-сов в с. Г-лом осенью 1900 г. Каждый штундист, уходя с бесед А. Б-сова, должен был оставлять сколько-нибудь денег на столе под скатертью. После собрания А. Б. собирал деньги и отсылал их М-аеву. Такие сборы были произведены и в других общинах

епархии, как о том можно, отчасти, судить со слов штундиста на беседе в с. Г. 10 мая 1900 г., когда последний, возражая своему «пресвитеру» по поводу расточаемых им упрёков православным пастырям, между прочим, сказал: «да у нас ещё больше ихнего гребут; вон недавно до 1000 руб. потребовали с тамбовских братьев наши сборщики»!..

³²⁷ - Впрочем, в Л-ской общине содержание «старшему пресвитеру» и его помощнику производится частью на месте из общинной кружки взаимопомощи, а частью от столичных и южных радетелей.

³²⁸ - Липяговские штундисты беспрепятственно устраивают ещё и публичные религиозные процессии, как то: похороны с пением и надгробными речами...

³²⁹ - Так, наприим., мать одной семьи перешла в штунду и, несмотря на желание своего мужа – православного, доселе не даёт крестить двух детей: мальчика 2½ л. и девочку 4 л.!.. Другая крестьянка увела за собой в штунду трёх взрослых детей своих: двух мальчиков – 16-ти и 14 лет и девочку 10 лет!.. И таких примеров слишком много!..

³³⁰ - Ст. С-ов ездит для обучения детей и в стан. Михайловскую... За свой учительский труд он, по словам крестьян, получает от сектантов 90 руб. в год.

³³¹ - Интересно, что становой пристав на просьбу священников расследовать данный факт отвечал обещанием: «прогнать виновную по селу»!.. К счастью, в данном случае, что сей полицейский страж обычно отделялся одними словами от просьб служителей церкви!..

³³² - Без сомнения, этот «указ» есть одна из многочисленных печатных нотариально засвидетельствованных «копий с копий» кассационного решения Правительств. Сената от 3-го окт. 1897 г. за № 6323-м!..

³³³ - По свидетельству крестьян, штундисты совратили А. В-ва, купив последнему корову и пр...

³³⁴ - Так было в с. Липягах.

³³⁵ - Интересно, что Тамбовские штундисты благотворят лишь своим «братьям» и тем из православных, которых

надеются совратить в штунду. К другим же крестьянам, а особенно к ревнителям православия они относятся крайне враждебно. Так, напр., 12 апр. 1899 г. в 2 ч. утра в с. Л-гах горела изба дочери одного ревнителя православия, муж которой был в отлучке – на заработках. Часть села, где был пожар, заселена почти исключительно штундистами. И что-же? На призыв помочь тушить пожар откликнулось не более двух сектантов, а остальные стояли молча около своих изб, которым пожар нисколько не грозил!.. Православные в шутку говорили: «Эй, бактисты, идите тушить!.. Вы «святые» – не погорите!..

³³⁶ - В таких приблизительно чертах описывали пропаганду штундистов в своём селе и Липяговские крестьяне в поданном ими Тамбовскому преосвященному прошении от 4 мая 1899 года!..

³³⁷ - Здесь имеются оба толка, в которых насчитывается до 2/3 общего количества субботников в епархии.

³³⁸ - В употреблении у них русско-еврейские молитвенники Фирковича.

³³⁹ - Так, в феврале 1900 г. в с. Липягах открыто перешли в старо-иудейство немногим более 20 чел. обоего пола молокан. Вскоре один из них – крестьянин П. отдал дочь свою за субботника, причём венчание совершал коренной еврей из Балашова.

³⁴⁰ - См. «Мисс. Обзор.» с. г. № 6.

³⁴¹ - См. «Мисс. Обзор.», кн. 7, стр. 924.

³⁴² - *Sic transit gloria mundi* (с лат. – «Так проходит слава мирская») – крылатое выражение, представляющее собой незначительную переделку текста из книги немецкого философа-мистика Фомы Кемпийского (1379–1471) «Подражание Христу» (1427)... – Редакция Азбуки веры.

³⁴³ - Публичная речь, сказанная в г. Тифлисе, 18 марта с. г.

³⁴⁴ - Спешу оговориться. Первая часть, изображающая нравственное состояние русского общества перед началом войны гораздо длиннее второй части, трактующей о влиянии первых моментов военной тревоги на самосознание русского гражданина. Причина понятна. Автор хотел соблюсти

естественное отношение новой жизни русского общества к её
прежнему, нажитому десятками лет, состоянию.

³⁴⁵ - Ср. мою характеристику общественно-нравственного
состояния современного русского общества в моих «Очерках
современной религиозно-общественной жизни Сибири» и в
брошюре «Вокруг Маяка».

³⁴⁶ - Кормчий. 1904 г. № 4, стр. 41–43.

³⁴⁷ - 1900 г. № 395.

³⁴⁸ - Светила русской мысли. СПб. 1904 г. Пред. стр. XII.

³⁴⁹ - См. мою брошюру «Вокруг Маяка», 1902 г. стр. 36.

³⁵⁰ - Новый Путь, 1903 г., октябрь, стр. 176. – Курсив наш.

³⁵¹ - Меньшиков. Народные заступники, стр. 273 и дал.

³⁵² - Меньшиков. Критические очерки, стр. 20.

³⁵³ - Как известно, профессор Шмурло даже не постеснялся
печатно на страницах СПб. Ведомостей в 1902 г. высказать
мысль об изъятии Закона Божия из наших школьных программ.

³⁵⁴ - Напр., фирма «Книголюб».

³⁵⁵ - М. Горький.

³⁵⁶ - Андреев Л.

³⁵⁷ - Д. С. Тризна, «Князь Сокол-Белый».

³⁵⁸ - Мирный Труд, 1904 г., I, стр. VII.

³⁵⁹ - В. Л. Величко в Мир. Труде 1904, I, отд. II, 49.

³⁶⁰ - А. Толстой.

³⁶¹ - Лиддйт. (англ. Lyddite) – взрывчатое вещество,
обладающее большой разруш. силой со специф. запах. для
снаряжения артиллерийских разрывных снарядов: фугас,
шрапнель, – Редакция Азбуки веры.

³⁶² - В 70 верстах к северо-востоку от Фынхуанчена.

³⁶³ - В Корее на р. Ялу.

³⁶⁴ - В 10 верстах южнее Пектона.

³⁶⁵ - Вёрст на 20 ниже Пектона по течению р. Ялу.

³⁶⁶ - Вёрст 50 к северо-востоку от Пектона близ р. Ялу.

³⁶⁷ - 110 в. к востоку от Мукдена.

³⁶⁸ - Около 75 в. к юго-западу от Спнцзинтина.

- 369 - Верстах в 20 к северу от Дадушаня, на левом берегу р. Далиньхэ.
- 370 - На левом берегу р. Даянхэ на нижнем её течении.
- 371 - Там же.
- 372 - На дороге Фынхуанчен – Салидзайпудза в расстоянии 20 и 25 вёрст от Фынхуанчена.
- 373 - Там же.
- 374 - Свящ. Г. Петров „Евангелие, как основа жизни“, изд. 5, стр. 51.
- 375 - *ibid.*, стр. 70–71.
- 376 - *ibid.*, стр. 88.
- 377 - *ibid.*, стр. 90.
- 378 - *ibid.*, стр. 106–107.
- 379 - *ibid.*, стр. 108 и 138.
- 380 - *ibid.*, стр. 138.
- 381 - *ibid.*, стр. 88.
- 382 - См. «Мисс. Обзор.», кн. 8, стр. 937-я.
- 383 - Гёффдинг Харальд (дат. Harald Høffding) (11 марта 1843 Копенгаген – 2 июля 1931) – датский философ и теолог. – Редакция Азбуки веры.
- 384 - И. Л. Янышева «Православно-христианское учение о нравственности» (Москва, 1887 г., стр. 76–77...). Чит. у Мартенсена «Христианское учение о нравственности» (в переводе А. П. Лопухина; т. I; СПб. 1890 г., стр. 416 и след.).
- 385 - Мартенсен: т. II, стр. 678 и след.
- 386 - Ср. „Христ. чт.“ 1899 г., декабрь (нашу статью о „вечном мире“).
- 387 - См. «Мисс. Обзор.». № 8 стр.
- 388 - Как не „крепки“ эти выражения учёного иеромонаха о. Митрофана: „корчат“, „из молодых да ранние“, „потрафить“, „наддозорщики“, „доносчики“, „объездчики“ и п., но они не убедительны и мало говорят уму и сердцу в пользу сердитого на миссионеров автора. Лучше было бы, если бы о. Митрофан был смел не на словах, – а на деле, т. е. назвал бы прямо, кто эти „корчащие“ „молодые из ранних“... А то выходят одни сердитые

слова, похожие на безымянный донос на целую корпорацию. А это грешно и не для монаха только. Ред.

³⁸⁹ - Скажу здесь кстати, что во всем Макарьевском уезде мне не приходилось видеть ни одной деревни, где бы православные знаменовались троеперстно, – двуперстие поголовное.

³⁹⁰ - См. «Миссионерское Обозрение» № 8, стр. 953–962.

³⁹¹ - См. «Мисс. Обозр.» кн. 7, стр. 842.

³⁹² - Сравнение Богоматери с сердцем папистическая натяжка.

³⁹³ - Иоанна Крестителя.

³⁹⁴ - ...хромать на оба колена... (3Цар.18:21) – Редакция Азбуки веры.

³⁹⁵ - Errare humanum est, или Humanum errare est – крылатое латинское выражение, означающее «Человеку свойственно ошибаться». – Редакция Азбуки веры.

³⁹⁶ - См. «Мисс. Обозр.», № 8, стр. 1012.

³⁹⁷ - Раскольники домогаются свободы от правительства в своей рел. жизни, но её не может быть между ими самими: каждая секта будет давить другую, как и теперь это существует. Авт.

³⁹⁸ - Черемшан – пригородная местность г. Хвалынска, Саратовской губ. Она сплошь занята фруктовыми садами, принадлежащими раскольникам австрийской секты. В этих садах находятся монастыри. Здесь проживает раскольничий архиерей. Авт.

³⁹⁹ - Чепáн, -а, м. [тюрк. чапан] Обл. 1. Старинная верхняя крестьянская одежда в виде долгополого кафтана, характерная для средней полосы России. 2. Стёганный халат без пуговиц с поясом (у народов Средней Азии) (Т. Ф. Ефремова). – Редакция Азбуки веры.

⁴⁰⁰ - «Миссион. Обозр». кн. 6, стр. 701.

⁴⁰¹ - Иногда сектанты стараются все места о субботе, обличающие их лжеучение применить не к «субботе Господней», т. е. не к седьмому дню в каждой неделе, а к субботе, как

вообще к празднику (Лев.23:24–32). Но во всех таких случаях необходимо разобрать каждое место в контексте речи и снести его с другими, такими же местами и тогда ложь сектантов ясно обнаружится.

⁴⁰² - «Новый» духовный завет и заключён был с духовным Израилем, с духовными детьми Авраама, под которыми разумеются все, уверовавшие во Христа (Рим.2:28–29,4:11–17; Гал.3:7,14–29,4:22–31).

⁴⁰³ - Нижеприведённые пророчества цитируются в защиту субботы и в «Библейск. чтениях» №№ 21 и 24.

⁴⁰⁴ - «Debes ergo potes» (лат.) – «Должен – значит можешь», – Это древний лозунг римских легионеров. – Редакция Азбуки веры.

⁴⁰⁵ - См. «Мисс. Обзор.», № 8, стр. 1045.

⁴⁰⁶ - См. нашу статью: «Тамбовские постники» – «Мисс. Обзор.» 1901 г. Февр. 190–203 стр.

⁴⁰⁷ - С. П-чков известен на селе за хлыстовского «Христа» и «пророка». Его сестра – вдова М. Л-ва – за «богородицу», а дочь А-на – за «кукушку», т. к. на собраниях дыханием накатывает на «постников» Св. Духа и изображает собой «голубя», под видом которого сошёл Св. Дух на Христа. Только неизвестно, почему она называется «кукушкой», а не «голубицей»?!.. Этот С. П-чков, как и другой крестьянин Мих. М-ович, деятельно и весьма искусно пропагандируют на селе хлыстовщину. Приведу рассказ одной, заслуживающей полного доверия крестьянки Д. Т-вы. «Ведь вот и я-то грешна! говорила она мне на частной беседе... Было это не так уж давно. Муж мой М. С-ч прегорько запивал. И молила я Бога, чтобы вразумил Он меня и научил, что делать?!.. Знала я, что хлысты не пьют и тож православные и задумала перейти с мужем к ним. Как прослышали о том хлысты, так сейчас: «Д. Т-ва, иди к нам! Мы тебе и домишко поставим и деньжонок соберём и будет тебе беспечно у нас»... И стала я к ним хаживать с мужем, – три месяца ходила. Давали они мне разных книжек со стихами читать, да только М. С-ч повытаскал: кому за копейку продаст, а то и прямо на шкалик сменяет!.. Раз поздним вечером приехал к

нам С. П-чков и говорит: «собирайся, Д. Т-ва, бери и мужа своего да едем к нам на собрание: там всё узнаешь про М. С-ча – бросит ли пить»... Собрались мы и вышли. Смотрю, возле повозки стоит женщина и что-то бормочет... Я и спросила: кто она будет? А. С. П-чков говорит: «Кукушка»! И невдомёк мне было дальше расспрашивать... Посадили нас в телегу, накрыли белым покрывалом и повезли. А мой муж опять выпимши был!.. Приехали, входим в избу; ведут нас по узкой белой полоске: «тесный путь ко спасению», – говорить, а мой муженёк всё в сторону шагает: знамо, грешная душа!.. Посадили нас. Гляжу, а среди избы стоит много народа кружком, да все в белых рубахах. Вот из одной комнаты отворилась дверь и из неё поползла в круг толстая баба, встала, покрутилась, да что-то бормочет и сопит. «Это, говорят мне, богородица будет; твоего духа она кличет; как накатит он на неё, то она тебе всё предскажет». Смотрю, а «богородица» ко мне подошла и дышит на меня и что-то непонятное мне в ухо шепчет... «Слушай, говорят, а что слушай, – я и не знаю: ничего не поняла!.. А она пошла дальше и увидела моего М. С-ча: он бедный сидит и ничего уж не видит – уснул, – что-ли? Постояла она около него и видно заметила, что он выпимши, да и говорит: «почему не сказали мне, что здесь новобранец?» Услыхала я, да и подумала: какая она пророчица, коли сама ничего не знает!.. Да дождалась ещё немного и ушла: больше и не ходила к ним, а то чуть было совсем не запропала!.. А «кукушка» то-ж ходила за «богородицей», да всё дула; она, по ихнему, «высший дух» прозывается»!..

⁴⁰⁸ - К этой «царице» хлысты «прикладываются»... Она же и «богородица»...

⁴⁰⁹ - По свидетельству того же и других крестьян, от каждого, поступающего в секту хлыстов, требуется отречение от «верности своему царю земному» и клятвенное обещание служить особому у хлыстов лицу, именуемому также «царём».

⁴¹⁰ - Как всё это не похоже на ту цель собраний, которая воспевается в песни Тамбовских хлыстов: «весть от Бога» – «Господи, Тебе известно, Для чего сошлись мы здесь! Дай же нам с сердцем не лестно, Высказать все чувства здесь. Как ты в

прошлых днях недели: Всех изволил нас водить, И желаем ли на деле, В тесный путь Христов вступить? Бог, Спаситель Иисусе, Ты нас здесь благослови, Дабы в братском мы союзе, Жили в мире и любви. Дай же нам благие нравы В здешней жизни суетной, Чтоб достичь нам вечной славы, И наследовать покой».

⁴¹¹ - Иногда, по свидетельству крестьян-очевидцев, напр., Е. Т-цева, у хлыстов на собраниях в этот момент в углу, где висят образа, появляются какие-то «два ангела», якобы «предсказатели»!..

⁴¹² - Отречение от мира вытекает из следующего взгляда Тамбовских хлыстов на мир: I): «Нет правды на свете, А истина сирота. Ложь на свете заступила, Целым миром овладела: Городами и сёлами, Безобразными семьями, Худородными людьми, Неправедными судьями – С малых чин до больших: Вельможами и князьями, И попами, и царями, И бедными бесчестными, И модными богатыми, – Служат своему Мамону: А не богу Саваофу»... «Я-ж возьму вас на поруки, Слушайте мои науки: На земле вы работайте, А я с вас грех сниму, Сует мирских удаляйтесь, Гостите во моём саду»... (Из «послания пророка») II) Или: «На что день явился? На то, чтобы страдать, Светом озарился, – Чтоб плакать и рыдать! Пойду я в садочек, Сад Божий насажден; Каждый там кусточек Слезами выращен... В мире я родился, Им же не прельстился. Мир богат безмерно, Счастье в нём изменно... В нём всё то я зрел, И его презрел. После с ним простился, Здесь на век вселился»...

⁴¹³ - По свидетельству многих крестьян, хлысты, принявши в церкви святые дары, не проглатывают их, а или выплёвывают их по выходе из церкви, или же приносят их во рту домой, где сплёвывают в какой-либо сосудец, сберегая их для поруганий на своих собраниях.

⁴¹⁴ - За последнее время хлысты стали селиться – глухими небольшими деревушками. В одной из таких деревень – Кар, они перед избами построили «колодцы – журавли», причём вкопанный в землю столб представляет из себя лестницу. Во время собраний один из хлыстов взбирается на вершину столба и глядит, не едет ли кто из чужих? Такой способ охраны очень

удобен, так как за избами тянется степь. Крестьянам же они говорят, что «со столбов смотрят, нет ли пожара»!..

⁴¹⁵ - Жадно скупают хлысты всё, что, хотя отчасти обличает их, а иногда просто «стаскивают» у православных противо-хлыстовские книжки и брошюры.

⁴¹⁶ - См. нашу статью: «Тамбовские постники» – «Мисс. Обозр.» 1901 г. Февр. 198 стр. примеч.

⁴¹⁷ - Петербургские радетели Старогаритовского скопчества – это бывшие местные крестьянки, а ныне петербургские мещанки – три сестры С-ковы. Изредка они наезжают в с. С-ово, откуда увезли к себе в услужение четыре лица женск. пола, которые, по слухам, там оскоплены. По словам одного очевидца, в потайной комнате петербургской квартиры С-ковых устраиваются скопческие собрания с радениями. Одного местного крестьянина в П-бурге напоили и едва не оскопили... Там же содержит меняльную лавку и местный крестьянин Т., по словам Старогаритовцев, также скопец...

⁴¹⁸ - Краткие сведения о таковой деятельности помещаются и в годичных отчётах названного Братства.

⁴¹⁹ - В конце 1898 г. открыта в епархии и вторая должность епарх. противо-сект. миссионера.

⁴²⁰ - Всего публичных бесед в 1900 году проведено двумя епарх. противо-сект. миссионерами до 160-ти.

⁴²¹ - За последнее время начетчики сектантов, по словам миссионеров, избегают публичных бесед с ними, строя для сего различные козни и всячески стараясь не пустить на эти беседы слепых последователей своих. Между тем, православные с нетерпением ждут приезда миссионера и, за редкими исключениями, собираются на беседы в весьма большом количестве.

⁴²² - Всего частных бесед проведено в 1900 году двумя противо-сектантскими миссионерами более 250-ти.

⁴²³ - текст примечания в исходнике отсутствует. – Редакция Азбуки веры.

⁴²⁴ - Бикбарда – село в составе Куединского муниципального округа в Пермском крае. Первые упоминания о

Бикбарде в архивных документах встречаются с 1790 года. Современное наименование происходит от речки Бикбардинка (ранее Бикбарда), отмеченной в документе 1698 г. как Бекперда (Бикбирде – башкирское личное имя, закрепившееся за речкой). – Редакция Азбуки веры.

⁴²⁵ - Дифангуань (Цифаныуань) – Начальник округа, на которые делилась каждая провинция. – Редакция Азбуки веры.

⁴²⁶ - Пачечная стрельба – Воен. – Стрельба залпами, следующими один за другим с короткими интервалами ... – Редакция Азбуки веры.

⁴²⁷ - См. «Мисс. Обзор.» кн. 7, стр. 769.

⁴²⁸ - Беседы на Иоан. 7. 2. Стр. 536.

⁴²⁹ - Многоочёрный, – прил. имеющий много очей (о херувимах). Слав. Многоокий, всевидящий (οεπιτητ херувимов ср.-греч. πολυόμματων Χερουβείμ), имеющий множество глаз – Редакция Азбуки веры.

⁴³⁰ - За исключением не бывшего вместе с прочими· ап. Фомы. (См. Лк.24:33–45; Ин.20:19–24).

⁴³¹ - Если бы мы имели только повествование евангелиста Луки о явлениях Господа ученикам по воскресении, мы должны были бы думать, что ап. Пётр и ещё кто-либо из апостолов ходили на гроб уже после того, как Магдалина и другие жёны принесли весть о воскресении (Лк.24:12,11). Но подробное повествование об этом евангелиста Иоанна даёт нам объяснение, кого надобно разумеать в словах эммаусских путников у евангелиста Луки: „пошли некоторые из нас ко гробу и нашли так, как и женщины говорили“ (ст. 24), – а также и то, что Пётр и Иоанн ходили ко гробу не после того, как женщины сказали о явлении ангелов, а Магдалина о явлении ей Самого Господа, – а после того, как Мария возвратилась в первый раз от гроба, – с вестью; „унесли Господа“. Пётр и Иоанн, действительно, и „нашли, как сказала“ Мария Магдалина, т. е. нашли гроб пустым. Преосв. Феофан в своей „Истории о Боге Сыне“ берёт рассказ о путешествии ко гробу Петра и у евангелиста Иоанна (стр. 275), и у евангелиста Луки (стр. 279) и представляет дело так, что будто бы ап. Пётр ходил на гроб

дважды. Но такое предположение не соответствует повествованию евангелиста Луки; зачем было ап. Петру бежать ко гробу, когда он ничего нового относительно гроба не услышал от жён? Чему было удивляться по приходе на гроб вторично, когда ничего нового там он не увидел? Очевидно, что всё сказанное и хождении на гроб ап. Петра в евангелии от Луки относится к хождению на гроб Петра и Иоанна, описанному евангелистом Иоанном.

⁴³² - Как видно, уже и в те времена у иудеев было то же, что и ныне. – разделение Писания на три отдела: „Закон“ Пятикнижие Моисеево, „Пророки“ – книги не только пророческие в строгом смысле, но и все книги исторические, как исполненные также пророчеств и прообразований, и „Псалмы“ – тоже не те только, которые собраны в особую „Книгу хвалений – Псалтирь“, а все написанные песенной, мерной речью и у нас в катехизисе названные, начиная с книги Иова, книгами учительными. (Лк. 24:27,44).

⁴³³ - Εὐλόγησε, καὶ κλάσας ἐπέδίδου αὐτοῖς (Лк.24:30). „Благословив, преломи“ или „благодарив, преломи“ – выражения взаимно заменяющие одно другое, как имеющие одинаковое значение. Сн. Лк.22:19; Мф. 26:26; Мк.14:22; 1Кор.11:24; Деян.27:35.

⁴³⁴ - Нужно ли говорить, почему Господь, предлагая ученикам осязать Себя, говорит: „плоть и кости“, а не говорит: „плоть и кровь“? Напрасно г. Тареев хочет видеть в этом отрицание Господом Своей „материальной реальности“ по воскресении, признание за Собою тела – σῶμα. – в отличие от плоти – σὰρξ. (42 прим. сн. 22 прим.).

⁴³⁵ - Нешвенный хитон Господень – нательная одежда Христа, сотканная без единого шва, в которой Он принял крестные муки (Ин.19:23). – Редакция Азбуки веры.

⁴³⁶ - „Сказал им... Я говорил... что надлежит исполниться“... – „сказал им так написано, и так надлежало пострадать Христу“...

⁴³⁷ - Сам же г. Тареев приводит это разъяснение (Ин.14:16–18,16:7): „если не пойду (к Пославшему Меня), Утешитель не

приидёт к вам; если пойду, – пошлю Его“, – и отрицает „прежде“ и „после“.

⁴³⁸ - Что мы „вполне верно“ понимаем здесь г. Тареева, см. примечание на стр. 13 его статьи, – цитату из Душен. Чт. (43, 8).

⁴³⁹ - Komm, zu d. Ev. d. Lukas von Godet, deut, bearb. v. E. R. u. K. Wunderlich (Han. 1890), S. 608: Letzte Bibelstudien von H. G. Hoeleman (Leipz. 1885) S. 211. (36 прим.).

⁴⁴⁰ - Правосл. Соб. 1902 г. дек. 804, 808, 811. 812. Христ. Чт. 1899г. Т. CCVIII, 198–200 (23 примеч.).

⁴⁴¹ - Противоположное мнение, встречающееся и в святоотеческой древней письменности, – утверждение, что дух в собственном смысле есть один только Бог, а душа и ангелы имеют некоторую телесность, получило начало от того, что и в Священном Писании для выражения понятия „дух“ взяты из языка человеческого слова, означающие „дыхание“ и аналогичное с дыханием, – первым и последним проявлением жизни, – движение воздуха в природе. – ветер: руах, пнэума, spiritus, санскритское атма. (Быт.1:3 ветр Божий, II, 7, в ноздри его VII, 22, сл. Иов.27:3,38:4. Ин.3:8).

⁴⁴² - «Мисс. Обзор.» кн. 9-я стр. 1105

⁴⁴³ - О. Остроумов – автор цитированного сочинения о значении 7-го вселенского собора (Карлсруэ, 1884 г.).

⁴⁴⁴ - „Мисс. Обоз.“, кн. 9, стр. 1094.

⁴⁴⁵ - Стефан Зизаний известный православный полемист против латин, один из юго-западных писателей конца 16 века, автор толкования на 15 огл. сл. св. Кирилла иерус., помещённого в начале „Кирилловой книги“. Аввакум Протопоп известный расколо-учитель.

⁴⁴⁶ - Имеется в виду, вероятно, 16 пр. перво–второго собора. Ред.

⁴⁴⁷ - Не в смысле только, разумеется, равенства прав епископских и священнических. Ред.

⁴⁴⁸ - См. „Историю белокрыницкой иерархии“ Н. И. Субботина и нашу статью в „Миссионер. Обзор.“ 1902 г. Декабрь – „По поводу поездки раскольничьей депутации на восток“.

⁴⁴⁹ - „Переписка раск. деятелей“ вып. II, стр. 108–110.

⁴⁵⁰ - Письмо к Кириллу от 19 мар. 1862 г. „Переп. раск. деят.“ вып. II, стр. 149.

⁴⁵¹ - См. нашу ст. „Мисс. Обо-зр.“ дек. 1902 г. „По поводу поездки раск. деп. на восток“.

⁴⁵² - Отсылаем внимание читателей опять к истории австрийской иерархии Н. И. Субботина.

⁴⁵³ - Си. «Мисс. Обзор.», № 8, стр. 994

⁴⁵⁴ - *Similis simili gaudet*. – лат. поговорка: «похожий рад похожему»; соответствует русской пословице: «Рыбак рыбака видит издалека». – Редакция Азбуки веры.

⁴⁵⁵ - «Приднепровский Край» 16 сен. 1903 года.

⁴⁵⁶ - Курсив мой.

⁴⁵⁷ - Мы не допускаем даже мысли, чтобы сектанты относились отрицательно к больницам и всяким вообще школам. Если в данном случае они чем и отличаются от православных, так это только отрицанием церкви и церковных школ, мечтая о своих молитвенных домах и своих школах. Посему напрасно съезд слишком наивными небылицами драпирует свои тайные вожделения!..

⁴⁵⁸ - См. «Мисс. Спутн.» СПб. 1903 г. стр. 736–738. Данные, здесь помещённые, являются плодом долголетней миссионерской литературы, изучавшей сектантские богослужебные песнопения. Не раз в миссионерской литературе приводились и сами мотивы сектантских песней.

⁴⁵⁹ - Енóтка – устар., разг. Енотовая шуба. – Редакция Азбуки веры.

⁴⁶⁰ - «Мисс. Обзор.». 1904 г. кн. № 7 стр. 904.

⁴⁶¹ - Грамота Сильвестру от царя Константина подложная. О её подложности о «Критич. разбор учения беспоповц.» проф. Н. И. Ивановского (стр. 137–140, 1883 г.). В Феатроне Историческом на л. 185 говорится, что папа Пий II стыдился ссылаться на эту грамоту. О её подложности говорится и в «Истории Христианской Церкви» Робертсона т. I гл. XXXI стр. 696, С. Петербург, 1890 год., а также в Номоканоне на л. 2.

⁴⁶² - Разумеет место на 19 л. об., где говорится о случаях, могущих быть в жизни православного христианина, когда

принимать св. таинство не позволяет ему какое-либо внешнее препятствие. Мнения же о ненадобности причащения книга Жезл не разделяет.

⁴⁶³ - В письме к Драконтию св. Афанасий, убеждая его принять епископство, прямо говорит: «Что учредил Господь через Апостолов, то... непоколебимо пробивает... Если бы все имели такую же мысль, какую имеют твои советники (т. е. чтобы он отказался от епископства), то как сделался бы ты христианином без епископов? Если возымеют такую мысль те, кои будут после нас, то возможно ли стоять церкви» (Ч. 1, Стр. 394–395).

⁴⁶⁴ - Слепец этот присутствовал на беседах о. протоиерея с Усовым, бывших к г. Илеке в великий пост 1903 г., и по сознанию им тогда неправоты раскола, оставил австрийщину, а теперь с усердием борется с расколом. Обладает очень хорошей памятью и умеет пользоваться своим знанием.

⁴⁶⁵ - Произнесена в харьковском кафедральном соборе 30 мая 1904 г.

⁴⁶⁶ - „Мисс. Обоз.“, кн. 8, стр. 1059.

⁴⁶⁷ - От имени своих читателей «Гражданин» послал телеграмму на имя этого героя-священника, в уповании, что сердечный привет принесёт ему, вдали от родины и на одре болезни, маленькую хотя бы усладу. Вот текст телеграммы: «Семья читателей журнала «Гражданин» поручает мне высказать вам, что, с благоговейным умилением и гордостью за русское имя, она читала весть о подвигах героизма, вами проявленного в кровавой битве при Ялу. Приветствуем вас и молим Бога о даровании вам скорейшего исцеления и о том, чтобы ваш подвиг героизма на поле битвы послужил вдохновением и примером для героизма русского священника на воле жизненной битвы. Да хранит вас Бог». А вот текст и ответа о. Щербаковского: «Глубоко тронут; приношу сердечную благодарность вам, князь, и читателям «Гражданина» за выраженные пожелания; раны подживают, самочувствие улучшается. Священник Щербаковский».

⁴⁶⁸ - Исполать – устар. хвала, слава (в восклицательном обращении) – «Ис пола эти, деспота» – «Многая лета, господин». – Редакция Азбуки веры.

⁴⁶⁹ - Кутейник – 1) место в церкви, где стоит кутья; 2) канун каждого из двух двенадесятых православных церковных праздников: Рождества Христова и Крещения Господня; Рождественский сочельник, Крещенский сочельник; 3) день накануне пасхи, в который едят кутью; 4) церк. шуточное прозвище церковников, причётников и вообще лиц духовного происхождения, служитель культа, из колокольного звания, семинарист, (намёк на кутью при поминках). – Редакция Азбуки веры.

⁴⁷⁰ - Сёмо и овáмо – устар. шутол. книжн. образованные от местоимений сѣ – «этот» и овъ – «тот». – Туда и сюда; по ту и по другую сторону. – Редакция Азбуки веры.